

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ LXXXII.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЬ

Т О М Ъ LXXXII

1900

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1900

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ
ОКТЯБРЬ, 1900

СОДЕРЖАНІЕ.

ОКТАВРЬ, 1900 г.

	СТРАН.
I. Въ одну бѣдствій. XXIII—XXV. (Окончаніе). Н. Н. Мердеръ	5
II. Воспоминанія о быломъ. (1770—1833 гг.). Изъ семейной хроники. Часть первая. Гл. I—VIII. Е. А. Сабанъевой	49
III. Максимъ-печальникъ. Повѣсть. Вориса Корженевскаго	91
IV. Дочь Петра Великаго. V—VI. (Окончаніе). В. А. Тимирязева	118
V. Записки о крымскомъ порученіи въ 1855 году. Графа Е. Е. Комаровскаго	136
VI. Правда о «Камаринской» и «Барынѣ». (Исторія двухъ народныхъ пѣсенъ). Т. А. Мартемьянова	161
VII. Борьба съ хунхузами на Манчжурской границѣ. I—V. Н. П. Ювачева	177
VIII. Поѣздка въ Полѣсье. С. С. Гогоцкаго	207
<p>иллюстраціи: 1) Городъ Кобринъ. — 2) Мѣстечко Петриково. — 3) Городъ Мозырь. — 4) Г. Мозырь по направленію отъ Припечи. — 5) Рѣка Припечь и управленнй католическій монастырь близъ г. Мозыря.</p>	
IX. Освященіе Софійскаго собора. А. Г. Слезкинскаго	245
<p>иллюстраціи: 1) Соборная часть Кремля въ Новгородѣ. — 2) Соборъ св. Софій въ Новгородѣ. — 3) Внутренность Софійскаго собора. — 4) Корсунскія врата. — 4) Шведскія врата. — 5) Рака съ мощами св. Никиты. — 6) Обнесеніе мощей съ сѣверной стороны Входа-Іерусалимскаго собора.</p>	
X. Архивы старыхъ крестьянскихъ дѣлъ. Н. П. Дружинина	260
XI. Шарль-Женевьева Дзонъ. (Историко-біографическій очеркъ). I—III. В. А. Тимирязева	265
XII. Пятисотлѣтіе Краковскаго университета. (Посвящается С. Н. Шубинскому). Г. А. Воробьева	299
XIII. Критика и бібліографія	330

1) Н. О. Селивановъ. Монашеская республика. Письма съ Аѳона. Спб. 1900. 2.—2) А. П. Воскресенскій. Принцезы острова, ихъ прошлое и настоящее въ связи съ бытомъ древней Византіи. Въ двухъ частяхъ. Спб. 1900. 2.—3) Michał Rawicz-Witalowski. Monografia Łęczyca. Z ryzunkami. Kraków. 1900. г. **А. Воробьева**. — 4) Гельвальдъ. Исторія культуры въ трехъ томахъ. Переводъ подъ редакціей М. Филиппова. Спб. 1900. п. А—ча. — 5) Альфредъ Штеръ. Исторія революціи въ Англии. Переводъ со второго нѣмецкаго изданія Г. О. Львовича. Спб. 1900. Изданіе Л. Ф. Пантелъева. п. К—го. — 6) Bonneau. Ostatni konsul generalny rzeczy-pospolitej francuzkiej za Stanisława Augusta (1759—1805). Przez Alexandra Kraushara. Lwów. 1900. (Вонно, послѣдній генеральный консулъ французской республики времяъ Станислава-Августа (1759—1805). Ооч. Александра Краусгара. Львовъ. 1900). г. **А. Воробьева**. — 7) В. Я. Вогучарскій. Маркизь Лафайетъ. Историческій очеркъ. Москва. 1900. Изданіе магазина «Княжное Дѣло». и. н.

См. слѣд. стр.

XIV. Заграничныя историческія новости и мелочи 347

1) Археологическія раскопки на островѣ Критѣ.—2) Книги и статьи объ Италіи.—3) Воспоминанія Гросса о Наполеонѣ и русскихъ въ 1813 г.—4) Пятидесятилѣтняя годовщина смерти Бальзака.—5) Францъ Грильпарнеръ.—6) Мемуары идеалистки.—7) Смерть Андрэ-Лео.—8) Разказы очевидцевъ итальянской революціи.—8) Печальная для Франціи годовщина.

XV. Смѣсь 365

1) Торжество въ Кутузовской избѣ.—2) 250-лѣтіе чудотворной иконы Грузинской Божіей Матери.—3) Столѣтіе графа А. Г. Кушелева-Везобородко.—4) Памятникъ Александру III.—5) Памятникъ послѣднему отдыху Александра III.—6) Памятники въ Примурьѣ.—7) Коллекція сиенскихъ древностей.—8) Возстановленіе Воскресенскаго храма въ Крутицахъ.—9) Народная аудиторія попечительства о народной трезвости за 1899 г.

XVI. Некрологи 370

1) Андреевъ, Н. Ю.—2) Березинъ, В. И.—3) Борисовъ, Н. А.—4) Васильевъ, В. И.—5) Гейденъ, гр. Ѳ. Л.—6) Кавось, К. И.—7) Красновъ, Н. И.—8) Лого, Ф. П.

XVII. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ графа А. П. Бестужева-Рюмина.—2) Желанный король. Историческій романъ Переса Гальдоса. Переводъ съ испанскаго Ев. Уманецъ. Гл. XXV—XXXI. (Продолженіе).

ГРАФЪ АЛЕКСВЙ ПЕТРОВИЧЪ ВЕСТУЖЕВЪ-РЮМИНЪ.
Съ гравюры Бернигерота, сдѣланной съ портрета, писаннаго въ 1755 г. Преннеромъ.

дозв. ценз. 20 СЕНТЯБРЯ 1900 г. СПБ.

ВЪ ГОДИНУ БѢДСТВІЙ ¹⁾.

XXIII.

БЛА предупреждена, и оставалось только готовиться къ бѣгству. Къ счастью, мои спутники задержались въ рядѣ, лошади были выпряжены, и я знала, что ка ихъ не впрягутъ, и отрядъ не будетъ готовъ выступленію, у меня останется минутъ десять, крайней мѣрѣ, чтобы приготовиться къ новымъ походамъ.

Я употребила это время на то, чтобы привести въ порядокъ мой маленькій багажъ, состоявшій исключительно изъ хлѣба и мяса, которые я на всякій случай начала скапливать еще во время пребыванія на нашей послѣдней стоянкѣ. Про запасъ этотъ знали и полковникъ, и Дюфрентъ, и оба, смѣясь надъ моею предусмотрительностью и приписывая ее рассказамъ о голодѣ, претерпѣваемомъ бѣглецами изъ разоренныхъ мѣстностей, не только не мѣшали мнѣ собирать въ мѣшокъ остатки отъ ихъ обильнаго стола, которымъ я съ ними и съ прочими офицерами пользовалась, но даже сами часто бросали въ мой мѣшокъ забытые куски, со словами: «никогда не знаешь, что можетъ случиться! и кто знаетъ, можетъ, запасомъ де-Сабри и намъ придется попользоваться?»

Осмотрѣвъ мѣшокъ и потуже перевязавъ его, я положила его рядомъ съ собою, а на его мѣсто, подъ сидѣніе, сунула подушку.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXI, стр. 761.

Потомъ я вынула ладонку, висѣвшую у меня на шеѣ, и убѣдившись, что все въ ней цѣло, спрятала ее на прежнее мѣсто. Благодаря тому, что я все время находилась при полковникѣ, сокровище мое оставалось нетронутымъ, и мы со Степанидой могли считаться богатыми.

Предвидя длинное путешествіе пѣшкомъ, я переобулась и, чтобы сколько нибудь сохранить ноги отъ пузырей, обернула ихъ въ полотняную тряпку.

Едва успѣла я натянуть второй сапогъ, какъ раздалась звуки полковой музыки, и солдаты стали проходить мимо кареты. Дождь точно только этого и ждалъ, чтобъ хлынуть съ новою силой, а порывы вѣтра разносили такъ далеко звуки, что они казались точно доходящими сюда изъ невидимой и далекой страны.

Между тѣмъ смеркалось все больше и больше. Когда мои спутники влѣзли въ карету, было такъ темно, что еслибъ я положила мѣшокъ съ провизіей себѣ на колѣни, то они и тогда бы не замѣтили его. Громко разговаривая между собою о людяхъ, которымъ они производили сморть, объ обозѣ, о размѣщеніи на предстоящей стоянкѣ и объ извѣстіяхъ изъ Москвы, переданныхъ имъ людьми, имѣвшими свѣдѣнія отъ попадавшихся имъ на пути раненыхъ и бѣглецовъ, изъ которыхъ далеко не всѣхъ приводили къ высшему начальству, они заняли свои мѣста, не обращая на меня вниманія.

Впрочемъ, для большей безопасности и чтобы не выдать овладѣвшаго мною волненія голосомъ или движеніемъ, я притворилась спящей и не отвѣтила на вопросъ, предложенный мнѣ, когда мы влѣхали въ лѣсъ.

Полковникъ спросилъ у меня, рада ли я перемѣнить грубое мужицкое платье и грязный овчинный полушубокъ на болѣе нарядное и удобное платье.

— Спитъ,—замѣтилъ Дюфренъ, пригибаясь ко мнѣ такъ близко, что кончики его усовъ зацекотали мои губы.

Но тутъ не время было сердить его проявленіемъ отвращенія, и я, скрѣпя сердце, оставалась неподвижна даже и тогда, когда, пригнувшись снова къ моему лицу, онъ прижался горячими губами къ моимъ губамъ страстнымъ поцѣлуемъ.

— Оставьте его въ покоѣ,—сказалъ полковникъ, который, увидавъ, что онъ ко мнѣ пригибается, заподозрѣлъ его въ намѣреніи меня разбудить.—Этому ребенку, выросшему въ холѣ и въ восточной нѣгѣ, нашъ режимъ такъ мало подходитъ, что я часто удивляюсь его выносливости и терпѣнію. Надо ему дать хорошенько отдохнуть до нашего прихода на стоянку. Очень можетъ быть, что насъ тамъ ждутъ депеши и предписанія, на которыя придется тотчасъ же отвѣчать, и мы съ нимъ проведемъ бессонную ночь. Просто не знаю, что я безъ него бы дѣлалъ!—продолжалъ

— Это наши,—сказала Степанида.—Подойдемъ къ нимъ и просимъ, какъ ближе пройти къ Москвѣ.

Она не договорила. То, что произошло въ эту минуту, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того мѣста за деревьями, гдѣ мы остановились, не поддается описанію.

Изъ лѣса, съ противоположной стороны, выскочили французы, тоже верхомъ, и поднялась такая страшная свалка, что проживи я еще сто лѣтъ, мнѣ ея не забыть! Мы оцѣпенѣли отъ ужаса, ноги точно приросли къ землѣ, широко раскрытые глаза не закрывались и, точно повинувшись чуждой силѣ, овладѣвшей всѣмъ нашимъ существомъ, не спуская взгляда съ сражающихся, простояли мы неподвижно все время, что длился кровавый бой.

Почему не бѣжали мы въ чащу лѣса, какъ то сдѣлали наши спутники? Не знаю. Отъ ужаса мы потеряли сознание, но не настолько, чтобы не слышать криковъ, воплей и проклятій раненыхъ и не видѣть лицъ, искаженныхъ злобой и страданіемъ, крови, лившейся изъ ужасныхъ ранъ падающихъ людей и лошадей, отчаянныхъ попытокъ павшихъ и смертельно раненыхъ выстрѣлить или достать пикой тѣхъ, что были еще на ногахъ и добивали прикладами, и рубили саблями уже изувѣченныхъ враговъ.

Кто побѣдитъ, кто останется въ живыхъ, чтобъ рассказать о случившемся, даже и представить себѣ не было возможности, все смѣшалось въ одну кучу, и казалось невозможнымъ разобрать въ этой движущейся кровавой массѣ своихъ отъ чужихъ. Сколько времени это продолжалось: двѣ минуты или два часа—рѣшить было невозможно. Когда битва кончилась, и нѣсколько человѣкъ удалилось на извѣстное разстояніе, оставивъ на мѣстѣ безобразную кучу изрубленныхъ и вопящихъ тѣлъ, мы почувствовали, что состарились на много лѣтъ. Желаніе жить въ насъ совсѣмъ застыло, такъ что еслибъ въ эту минуту на насъ напали, мы бы и не подумали сопротивляться или бѣжать. Казалось, что лучше смерти ничего не осталось на свѣтѣ, и мы завидовали тѣмъ изъ изрубленныхъ въ кровавой массѣ, которые перестали шевелиться и стонать. Успокоились, значить, на вѣки и ничего подобнаго тому, что мы видѣли и что, можетъ быть, еще увидимъ, не увидятъ. Какіе счастливыцы!

А между тѣмъ, тѣ, что отошли отъ мѣста побоища, перевязывали свои раны и подкрѣплялись виномъ изъ походныхъ фляжекъ. Но, должно быть, имъ этого вина не хватало, потому что одинъ изъ нихъ, у котораго изъ головы кровь лила ручьемъ, направился къ кучѣ тѣлъ, изъ которой по временамъ раздавались стоны, и, приподнявъ одного изъ убитыхъ, началъ его обшаривать. Не найдя на немъ того, что ему было надо, онъ бросилъ его на землю, какъ ненужную вещь, и обратился къ другому, а затѣмъ къ третьему и такъ далѣе, пока всѣхъ не обшарилъ, какъ мертвыхъ, такъ и

умирающихъ, послѣ чего онъ вернулся къ товарищу, нагруженный множествомъ самыхъ разнообразныхъ предметовъ: кошелекъ, часовъ, носовыхъ платковъ и фляжекъ; послѣднія они принялись тутъ же опустошать.

Мы стояли отъ нихъ такъ близко, что могли бы слышать ихъ разговоръ, но они, точно стыдясь другъ друга, все дѣлали молча.

А, можетъ быть, это былъ не стыдъ, а просто утомленіе и забота какъ можно скорѣе подкрѣпиться, чтобъ имѣть возможность пуститься въ дальнѣйшій путь? Безпрестанно озирались они по сторонамъ, и то одинъ, то другой выходилъ на дорогу, чтобъ смотрѣть въ даль.

Когда они наконецъ ушли и скрылись въ лѣсу, шагахъ въ двухъ стахъ отъ того мѣста, гдѣ мы продолжали стоять, мы узнали, чего они опасались и поджидали: послышался топотъ лошадей все ближе и ближе, и появился отрядъ многочисленнѣе того, что лежалъ теперь изрубленный среди дороги.

Увидавъ кучу лошадей и людей, между которыми были еще живые, отрядъ ускорилъ шагъ къ роковому мѣсту. Тутъ люди соскочили съ коней и окружили несчастныхъ товарищей, распростертыхъ попережку съ сраженными врагами. Мы видѣли, какъ они пригибались къ тѣмъ, которые еще дышали, и разспрашивали ихъ, вѣроятно, потому, что одинъ изъ раненыхъ приподнялъ руку, чтобъ указать сначала по тому направленію, откуда они пришли, а потомъ въ ту сторону, куда скрылись тѣ, что спаслись отъ погрома.

Раненыхъ перенесли къ опушкѣ лѣса и положили подальше отъ дороги, чтобъ они могли умереть спокойно.

Однако, какое ужъ ихъ ждало спокойствіе! У нихъ не было даже воды, чтобъ утолить жажду при смертельномъ томленіи! Но все же это было лучше, чѣмъ подвергаться опасности быть раздавленными фурами и кавалеріей, проѣзжающими по этой дорогѣ.

Сдѣлавъ все что можно, эскадронъ пустился въ дальнѣйшій путь, а мы со Степанидой, переглянувшись и не проронивъ ни слова, вытащили изъ нашего мѣшка бутылку съ водой, все бѣлье, которое лежало тамъ же, хлѣба и, положивъ мѣшокъ съ остальнымъ нашимъ добромъ въ ямку подъ деревомъ и прикрывъ его сухими листьями, пустились бѣжать черезъ дорогу къ раненымъ.

Увы, оставалось въ живыхъ всего только пять человекъ! Когда мы подходили, солдатикъ, дававшій не дальше, какъ минутъ десять тому назадъ, свѣдѣнія о сраженіи, испускалъ духъ. Я къ нему нагнулась съ водой, которую хотѣла влить ему въ горло, но посинѣвшія его губы были стиснуты, а широко раскрытые глаза съ страннымъ спокойствіемъ пристально на меня смотрѣли. Онъ былъ мертвъ.

Долго бы я этого не поняла, еслибы его сосѣдъ, протягивая

руку къ бутылкѣ, которую я держала, не застоналъ такъ громко, что я поспѣшила поднести ее къ его губамъ. Жадно прильнулъ онъ къ ней, выпилъ нѣсколько глотковъ, откинулъ назадъ голову и тоже скончался.

Такъ тихо и просто. Ни малѣйшаго чувства, похожаго на страхъ, я не ощущала среди этихъ мертвецовъ и умирающихъ, хотѣлось только чѣмъ нибудь облегчить имъ переходъ изъ этой жизни въ другую, и хотѣлось этого такъ страстно, точно все они мнѣ родные братья.

Степанида испытывала то же самое. Я видѣла, какъ она начала было рвать принесенное бѣлье, чтобъ перевязывать раны, но вскорѣ она отказалась отъ этого намѣренія: раны были слишкомъ глубоки и смертельны, чтобъ помышлять о ихъ исцѣленіи, и она принялась, по моему примѣру, поить тѣхъ, которые терзались каждой, и, стоя надъ умирающими, шептала молитву до тѣхъ поръ, пока они не испускали духа.

Различать при этомъ своихъ отъ чужихъ намъ, разумѣется, и въ голову не приходило. Все они намъ были одинаково жалки и близки. Нѣкоторые, передъ тѣмъ какъ отойти въ вѣчность, холодѣющими губами насъ благодарили.

Вскорѣ мы замѣтили, что у насъ явилось двое товарищей въ ухаживаніи за умирающими. Оба были въ лохмотьяхъ, босые и съ сумами за плечами, оба были молоды, но одинъ казался совсѣмъ мальчикомъ. Они вѣрно завернули сюда, проходя по дорогѣ. Кто они такіе и куда идутъ, мы не спрашивали и очень обрадовались, когда одинъ изъ нихъ предложилъ принести свѣжей воды изъ ручья, по его словамъ, протекавшаго здѣсь по близости.

Не дождавшись отвѣта, онъ вырвалъ изъ моихъ рукъ бутылку (Степанида же раньше сунула ему свою въ руки) и бросился съ ними бѣжать къ ложбинѣ, въ которую спустился.

— Онъ здѣшній и все здѣшніе притоны знаетъ,—замѣтилъ его товарищъ.

— А дорогу въ Москву вы знаете?—спросила Степанида.

— Какъ не знать!

Прежде, чѣмъ продолжать допросъ, Степанида на меня взглянула, и когда я ей утвердительно кивнула, она спросила: далеко ли до Москвы?

— Да отселева верстъ десять будетъ. Если не медля пойдете, дойдете засвѣтло.

А затѣмъ, пристально на меня посмотрѣвъ, онъ прибавилъ:

— Но вамъ туда однимъ не дойти, часовые застрѣлятъ. Надо знать, какой заставой пройти.

— Мы знаемъ,—подхватилъ его товарищъ, который вернулся съ водой.

— Такъ вы насъ проводите, а мы вамъ за это заплатимъ,—ска-

зала Степанида.—У насъ тамъ съ братишкой родня осталась, хочется провѣдать.

Парни переглянулись.

— Проводить можно, пошто не проводить,—объявилъ тотъ, что былъ постарше, почесывая въ затылкѣ. И снова выразительно глянулъ на товарища: «говори, дескать, ты, я все сказалъ».

— Мы вамъ заплатимъ, у насъ есть чѣмъ,—повторила моя подруга.

— А что дашь?—спросилъ оживившись тотъ, что казался моложе.

— Да рубля не пожалѣемъ, если насъ проводите или скажет, какъ пройти.

— Словами не расскажешь, надо намъ самимъ васъ довести до мѣста...

— Рубля мало, давайте золотой,—подхватилъ его товарищъ.

Степанида скорчила изумленное лицо.—Бога вы не боитесь! Откуда намъ взять такую прорву денегъ! Золотой! Да мы золотого отродясь у себя и не видывали!

— А кто же ихъ обобралъ?—спросилъ старшій, указывая на мертвецовъ, неподвижно лежавшихъ между нами.

— Тѣ двое, что успѣли убѣжать, обирали, а потомъ эскадромъ проѣзжалъ,—объяснила Степанида.

— Эскадронъ? Ну, значить, было кому обобрать...

— Опять ѣдутъ!—вскричалъ его товарищъ, кидаясь бѣжать со всѣхъ ногъ въ лѣсъ.

— Идите съ нами, тамъ увидимъ!—закричалъ намъ другой, поспѣвая за первымъ.

— Ну, теперь держись наша ладонка! — сказала Степанида. Что будешь дѣлать, если они захотятъ насъ ограбить?

— Отдадимъ имъ все, только бы они насъ до Москвы довели!

— Эхъ, вы, какія пряткія, барышня! А кто ихъ заставитъ насъ провожать, когда мы имъ все отдадимъ? И съ чѣмъ же мы тогда сами-то останемся? Нѣтъ, ужъ по-моему, лучше однѣмъ какънибудь до мѣста добраться, чѣмъ съ такими провожатыми...

И, схвативъ меня за руку, она что есть силъ пустилась бѣжать черезъ дорогу въ лѣсъ съ противоположной стороны, въ то самое время, когда показывалась голова колонны, передъ которой ѣхаль верхомъ на красивой лошади генералъ, окруженный адъютантами, тоже верхами. Какъ и предшествующій отрядъ, завидѣвъ мертвые тѣла, лежація у опушки, они къ нимъ подѣхали. Но что произошло потомъ, мы не видѣли, торопясь уйти дальше. Во вновь появившихся мы узнали французовъ, и перспектива опять попасть въ плѣнъ намъ придала силъ бѣжать безъ оглядки такъ долги что когда мы наконецъ остановились, чтобъ перевести дыханіе, кругомъ было совершенно тихо, и передъ нами разстилалась полянка, съ хижинной пасѣчника на противоположномъ ея концѣ.

Близъ этой хижины копошилась какая-то фигура въ бѣлой рубахѣ и въ синихъ штанахъ, и сердце у насъ радостно забилося въ груди, при мысли, что мы наконецъ попали на настоящаго русскаго человѣка, который намъ даромъ укажетъ путь въ Москву.

Ожиданія наши сбылись. Пасѣчникъ, почтенный старикъ, принялъ насъ привѣтливо и рассказалъ, какимъ опасностямъ онъ подвергается, оставаясь въ такомъ близкомъ разстояніи отъ Москвы. Нѣсколько разъ приходили къ нему французы, но онъ угощалъ ихъ медомъ съ чернымъ хлѣбомъ, показывалъ имъ безъ утайки все свое жилье, и, убѣдившись, что у него, кромѣ пчелъ, ничего нѣтъ, они оставляли его въ покоѣ.

— А тутъ, недѣли полторы тому назадъ, мнѣ Господь помогъ ихняго раненаго генерала отходить. Деньковъ десять онъ у меня на пасѣтѣ прожилъ, травками да святымъ масломъ я его пользовалъ, и отдышался сердешный. Ну, они съ этихъ поръ дѣдку Пахомыча за своего почитаютъ.

На это мы возразили, что все это прекрасно, но что въ плѣнъ къ нимъ мы попасть отнюдь не желаемъ, и не можетъ ли онъ присовѣтовать, какъ бы намъ скорѣе до Москвы добраться.

Къ величайшему нашему удивленію, онъ не нашелъ ничего страннаго въ этомъ желаніи.

— Понятно, дѣвицамъ среди солдатъ не годится...

— Это мой братъ,—поспѣшила заявить Степанида, указывая на меня.

Старикъ усмѣхнулся.

— Ну, это ты, остроглазая, кому хочешь рассказывай, а Пахомыча тебѣ не провести. Да и никого вы не обманете. На паренька стоитъ только поближе посмотретьъ, сейчасъ въ немъ дѣвица окажется... Но вы меня, касатки, не опасайтесь, не вы первыи въ нонѣшнее время на всякую хитрость пускаетесь, чтобъ свой слабый полъ скрыть. Онъ, французъ-то, страсть какъ блудливъ, собака! А я вамъ вотъ что посоветую: какъ проберетесь въ Москву, скорѣе въ какомъ ни на есть женскомъ монастырѣ укройтесь. Монастыри не всѣ разорены, да и тѣ, что пострадали, навѣрное сумѣли найти пріютъ для бѣлицъ, которыхъ родные не успѣли развезти по деревнямъ да городамъ подальше отъ Москвы. Знаю я ихъ, монашекъ-то! Онѣ впросакъ не попадутъ, между ними завсегда найдутся такія мудрыя старицы, что всѣмъ орудуютъ и о прочихъ, что поглупѣе, пекутся. Вотъ вы къ такой и подбейтесь, какъ мать Секлетія въ монастырѣ на Старой Басманской, напимѣръ, ужъ эта васъ въ обиду не дастъ и съ цѣлымъ полкомъ французовъ сумѣетъ справиться!

Степанида слушала его со вниманіемъ и просила у него объясненій и указаній, но до меня рѣчь его долетала только отрывками и точно издалека. Трепеща за жизнь свою и свободу, скры-

ваясь отъ враговъ и злыхъ людей, на каждомъ шагу грозившихъ насъ ограбить, осквернить, изувѣчить и убить, натыкаясь безпрестанно на жертвы ихъ жестокости и изступленной ярости, я мало-помалу такъ ко всему притупилась, что не въ силахъ была даже вполне сознавать чувство страданія и страха, но когда мы наконецъ случайно набрали на тихое пристанище и по мѣрѣ того, какъ сознание безопасности, хотя бы на нѣсколько часовъ, стало проникать мнѣ въ душу, воспоминаніе о кровавомъ побоищѣ, котораго я была такой близкой свидѣтельницей нѣсколько часовъ тому назадъ, снова страшнымъ кошмаромъ овладѣло моимъ воображеніемъ, и снова стоны искалѣченныхъ начали раздаваться въ моихъ ушахъ такъ громко, что я ничего другого не могла слышать, а передъ глазами опять начали вставать, одно за другимъ, искаженные предсмертною мучительною агоніей лица.

И какъ тогда, когда я ничего не видѣла и не слышала, кромѣ этихъ несчастныхъ, заслонявшихъ мнѣ и солнечный свѣтъ и всѣ красоты прелестнаго осенняго утра, благоухающаго ароматомъ травъ и плодовъ, точно также и теперь воспоминаніе того, что было, не давало мнѣ останавливаться на томъ, что есть.

Возлѣ меня толковали, какъ намъ выйти цѣлыми и невредимыми изъ опасности, и гдѣ намъ дожидаться наступленія лучшихъ временъ, а мнѣ казалось, что всѣ предостереженія напрасны, что на землѣ все для меня кончено, что забыть того, что было невозможно, и что, кромѣ печали и досады, мнѣ всѣ эти заботы и хлопоты о нашемъ спасеніи ничего доставить не могутъ.

Временами я такъ далеко уходила душой отъ настоящаго, что не только не могла слѣдить за бесѣдой Степаниды со старикомъ, но даже и очнувшись отъ забытья, не въ силахъ была сообразить, гдѣ я нахожусь, и во снѣ или наяву происходитъ то, что я вижу и слышу.

Въ одно изъ такихъ пробужденій отъ безсознательнаго состоянія я поняла, что рѣчь между моей подругой и пасѣчникомъ идетъ обо мнѣ. Она вѣрно ужъ успѣла рассказать ему про то, что мы вынесли, и какихъ ужасовъ мы имѣли несчастье быть свидѣтельницами, потому что, глядя на меня съ состраданіемъ, онъ проговорилъ:

— Дай Богъ, чтобъ она все это благополучно пережила!

Я какъ-то вдругъ не только созрѣла, но я состарилась духомъ, я вѣра въ Провидѣніе, всегда жившая во мнѣ, такъ развернулась и глубоко проникла въ мои мысли и чувства, что заглушила во мнѣ всѣ остальные стремленія и способности. Ни думать о чемъ бы то ни было, ни бояться я ужъ не могла, такъ поглощена была сознаниемъ, что все дѣлается по Его волѣ и предназначанію.

Озадаченные моимъ упорнымъ молчаніемъ и страннымъ спокойствіемъ, которыя они приписывали нравственному переутомле-

лю, мнѣ предложили прилечь и отдохнуть до того времени, когда намъ снова придется пуститься въ путь. Я согласилась и прошла за перегородку, гдѣ была деревянная кровать съ грубымъ войлокомъ, на которой, вѣроятно, раньше лежалъ раненый французскій генераль, и которая теперь служила постелью хозяину хижины.

Степанида меня раздѣла, разула, и, вытягиваясь на жесткомъ, грубомъ ложѣ, я почувствовала такое блаженство, что никогда, въ самыя счастливыя минуты моей жизни, не благодарила Бога съ такимъ восторгомъ и умилениемъ, какъ въ эту минуту.

Проспала я очень долго; стемнѣло, когда я проснулась, и первою моею мыслью было вспомнить о людяхъ, испустившихъ духъ на моихъ рукахъ и которыхъ я за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ видѣла бодрыми и веселыми, а затѣмъ яростно нападавшими другъ на друга и направляющими всѣ свои силы и способности на то, чтобъ сдѣлать какъ можно больше вреда другъ другу.

Тутъ я поняла, что никогда и ничѣмъ не изгладить мнѣ это впечатлѣніе изъ моего сердца, и что это есть сѣмя, заброшенное въ мою душу Святелемъ, и что сѣмя это я не должна въ себѣ душить, а напротивъ того развивать, чтобъ оно принесло желаемый плодъ.

Пока я спала, на пасѣку приходили люди, скрывавшіеся въ лѣсной чащѣ отъ врага, выжидая удобной минуты пробраться въ городъ. Не насъ однѣхъ притягивалъ этотъ разоренный, выжженный, во власти врага, городъ! Къ нему безсознательно стремился и юродивый юноша въ одной холщевой рубашкѣ и босикомъ, а также старушка нищенка, и рябой монахъ изъ сосѣдняго монастыря, отъ котораго непріятель не оставилъ ни одного камня неоскверненнымъ издѣвательствомъ надъ нашей святыней.

Всѣ трое стремились въ Москву съ увлечениемъ первыхъ христіанъ, идущихъ на мученія и смерть.

«Ужъ умирать, такъ въ Москвѣ!»

Слова эти ими повторялись съ священнымъ восторгомъ. Видно было, что они вливаютъ имъ въ душу вѣру, упованіе, неземное блаженство! О, какъ я ихъ понимала! Развѣ и насъ не то же чувство влекло туда?

Подкрѣпляясь скуднымъ ужиномъ, приготовляемымъ пасѣчникомъ каждый вечеръ для несчастныхъ скитальцевъ, они толковали о томъ, какъ безопаснѣе пройти въ городъ, чтобъ не попасться французамъ въ плѣнъ.

— Сейчасъ вѣдь до гола раздѣнуть и заставить съ тебя же награбленное добро съ мѣста на мѣсто на себѣ таскать или ямы копать для добычи. А ужъ женскому полу и вовсе съ ними бѣда!

Степанидѣ предсказывали неминуемую гибель, если она не переодѣнется въ мужское платье, которое ей предлагалъ пасѣчникъ. Мы зашли за перегородку, я ей помогала облечься въ одежду

французскаго солдата, перепачканную кровью и грязью, какъ вдругъ въ хижину вбѣжали новые гости съ извѣстіемъ, что въ лѣсу дерутся

— Казаки нагнали отрядъ французовъ, и они другъ друга крошатъ въ темнотѣ...

— Слышите? — продолжалъ вѣстовщикъ, прислушиваясь съ выраженіемъ такого ужаса на лицѣ, что сомнѣваться въ томъ, что онъ былъ свидѣтелемъ битвы, не было никакой возможности.

— До тѣхъ поръ будутъ рубиться, пока другъ друга совсѣмъ не искалѣчатъ и не умертвятъ!—подхватилъ его товарищъ задыхающимся отъ волненія голосомъ.—Я хотѣлъ было нашимъ подсобить, да въ темнотѣ не разберешь, пожалуй, еще, храни Богъ, православнаго убьешь!

— Слышите? Слышите? Какъ вопятъ!—повторялъ между тѣмъ первый, вытягивая шею въ ту сторону, откуда раздавались вопли.

Но вопли эти звучали только въ его ушахъ, до насъ они не достигали. Да и не могли достичь, такъ какъ, судя по описанію, битва должна была происходить, по крайней мѣрѣ, за версту отсюда.

Кое-какъ переодѣвшись (мундиръ ей былъ такъ длиненъ и широкъ, что она рѣшила его не надѣвать, а накинула шинель прямо на исподнее платье и на панталоны, которые мы подрѣзали, чтобъ они не волочились по землѣ), Степанида вышла со мною изъ-за перегородки, и монахиня стала предлагать намъ пуститься въ путь немедленно, пока въ непріятельскомъ лагерѣ не узнали о происходившей сейчасъ битвѣ.

— Какъ прознаютъ да придутъ на помощь, такая поднимется по всему лѣсу облава, что намъ ихъ рукъ не миновать,—объявила она.

— Придутъ и сюда,—замѣтилъ мальчикъ, жалѣвшій, что темнота помѣшала ему умереть со своими.

— Милости просимъ, не въ первый разъ,—возразилъ на это пасѣчникъ.

— Оно такъ-то такъ, а все же лучше, чтобъ здѣсь поменьше народу нашли. Освирѣпѣвши, они теперича захотятъ за своихъ отплатить. Немало сегодня ихнихъ молодцовъ и на большой дорогѣ и въ лѣсу укокошили.

— Что жъ, я васъ не держу, идите себѣ съ Богомъ,—сказалъ хозяинъ.

И, осмотрѣвъ Степаниду въ ея новомъ одѣяніи съ ногъ до головы, онъ посоветовалъ ей повязать голову окровавленнымъ платкомъ, а сверху нахлобучить баранью шапку.

И то и другое онъ вынулъ изъ ларя подъ окномъ и подалъ ей. Затѣмъ, преподавъ намъ еще нѣсколько наставленій относительно предосторожностей, которыя мы должны были принимать, чтобъ не попасть въ плѣнъ, добрый старикъ отпустилъ насъ съ Богомъ

Отойдя шаговъ триста къ лѣсу, мы увидѣли дымъ, поднявшійся изъ трубы покинутаго нами мирнаго убѣжища. Невзирая на наступившую ужъ ночь, дымъ этотъ явственно выдѣлялся на ясномъ безоблачномъ небѣ.

— Пищу варить для гостей, готовится,—проговорилъ одинъ изъ нашихъ спутниковъ.

— Для нашихъ?—спросилъ другой.

— Кого Богъ пошлетъ!

— Всѣ Божьи люди, всѣ Господу нужны,—со вздохомъ замѣтила монахиня.

Ей не возражали, и мы съ часъ времени, по крайней мѣрѣ, молча шли за парнемъ, указывавшимъ намъ путь. Но затѣмъ наши спутники, ободренные царившей вокругъ тишиной и кажущейся безопасностью, сдѣлались смѣлѣе и начали въ полъ-голоса передавать другъ другу впечатлѣнiя, вынесенныя ими за послѣднее время. Они говорили про нужду и голодъ, претерпѣваемые непріятельскою армiею по Смоленской дорогѣ и въ окрестностяхъ Москвы.

— Безопаснѣе пройдешь съ золотомъ, чѣмъ съ ковригой хлѣба... Самъ видѣлъ, какъ двухъ бабъ прикончили, чтобъ завладѣть связкой бубликовъ, что нашли у одной. Убили ихъ обѣихъ, чтобъ онѣ крикомъ не привлекли товарищей, съ которыми пришлось бы подѣлиться добычей... Иной за ломоть сухого хлѣба радъ бы и всѣ свои червонцы и золотые часы отдать, да никто не беретъ. Озвѣрѣли люди, все жгутъ да въ воду кидаютъ. Не доставайся тучше никому, чѣмъ врагу!.. И въ Москвѣ, говорятъ, не лучше. Все, что могли найти, прiѣли и ужъ давно кониной, какъ татары нехристи, пробавляются... Какъ разбойники, ходятъ съ ножами да съ пистолетами на добычу по деревнямъ, какъ волки голодные, рыщутъ, все себѣ пища ищутъ... И бѣда тому, кто имъ въ руки попадется!

— А у нашихъ-то, говорятъ, въ лагерѣ всего много... Солдатушки пѣсни поютъ, сыты, обуты, одѣты, силъ набираются.

— Что говорить! Какъ назначилъ царь нашего дѣдушку надъ всѣми старшимъ, только тутъ и завидѣлъ народъ православный свѣтъ.

— А только зачѣмъ онъ Москву супостату уступилъ? Вотъ ты намъ что скажи, умная голова.

— Москва не Рассея,—угрюмо отвѣчала парень, видимо поставленный въ затруднительное положенiе вопросомъ монашки и отвѣчая ей слышанною изъ чужихъ устъ фразой, настоящей смыслъ которой ему былъ не вполне ясенъ.

Къ разсвѣту, никѣмъ не обезпокоенные, мы дошли до опушки лѣса и очутились такъ близко отъ Москвы, что, казалось, минутъ черезъ десять дойдемъ до нея. Но то былъ опять обманъ зрѣнiя, хотя все-таки святой городъ придвинулся къ намъ на много верстъ

ближе, противъ того мѣста, съ котораго мы смотрѣли на него вырвавшись отъ французовъ.

Была еще ночь, но звѣзды уже меркли на небѣ, и справа отъ насъ начинала бѣлѣться заря. Прежде, чѣмъ итти дальше, мы сѣли подъ дерево, чтобъ отдохнуть и держать совѣтъ, какимъ образомъ проникнуть въ городъ.

Одни совѣтовали, перекрестившись, итти прямо къ заставѣ объявивъ караульнымъ, что мы возвращаемся изъ деревни, куда ходили за съѣстными припасами, которыхъ не нашли; другіе были такого мнѣнія, что лучше проникнуть въ городъ въ обходъ и минуя часовыхъ, которые привыкли грабить возвращавшихся съ добычей, особенно русскихъ; третьи находили, что всего лучше подождать появленія мародеровъ и съ ними вмѣстѣ проникнуть въ городъ.

— Имъ только сказать, что мы знаемъ, гдѣ найти въ Москвѣ тайники съ хлѣбомъ, они насъ за это куда угодно проведутъ.

— Такъ они намъ и повѣрятъ! Держи карманъ шире!

— Вѣрятъ же другимъ.

— Все же ихъ надо чѣмъ нибудь заманить.

— Ну, и заманимъ.

— А если зачнутъ драться, мы ихъ побьемъ.

— Нѣтъ, намъ съ бабами драки избѣгать надо. Пасѣчникъ-то что говорилъ?

— Ему хорошо говорить, онъ со всѣми поладилъ.

— На обчую пользу онъ со всѣми ладить.

— Оно такъ-то такъ, а все же... Да что тутъ толковать, будемъ каждый по-своему орудовать, и кто какъ хочетъ, такъ въ Москвѣ и входитъ.

Съ этими словами, тотъ изъ нашихъ спутниковъ, который съ мальчикомъ бѣжалъ съ поля битвы въ лѣсъ, поднялся на ноги и ни на кого не оглядываясь, направился къ большой дорогѣ, бѣлѣвшей влѣво отъ того мѣста, гдѣ мы присѣли отдохнуть. Мы остались вчетверомъ: монашенка, юноша, похожій на юродиваго упорно молчавшій во время совѣщанія, задумчиво глядя въ даль, Степанида и я.

Тишина кругомъ ничѣмъ не нарушалась, но въ воздухѣ вмѣстѣ съ разсвѣтомъ начинала ощущаться тревога. Вдругъ нашъ блаженный поднялся съ мѣста, подошелъ ко мнѣ сзади, пригнулся къ самому моему уху и на отличномъ французскомъ языкѣ объявилъ, что если у меня есть деньги, мы можемъ войти въ городъ немедленно черезъ заставу, у которой часовой за червонецъ всѣхъ насъ пропуститъ.

Прежде, чѣмъ ему отвѣтить, я пристально и съ изумленіемъ на него посмотрѣла и тутъ замѣтила, что черты его лица, выма-

заннаго сажей и грязью, были правильны и благородны, а большіе синіе глаза горѣли умомъ и энергіей.

— Кто вы такой?—спросила я.

— Здѣсь не время разговаривать, я вамъ все расскажу тамъ,— отвѣчалъ онъ, указывая тонкою, загорѣлою рукой по направленію къ Москвѣ.

Его голосъ, манеры и деликатное юношеское сложеніе представляли такой контрастъ съ грубыми лохмотьями, которыми онъ былъ покрытъ, и съ запыленными, мозолистыми босыми ногами, что я опомниться не могла отъ изумленія и продолжала пристально на него смотрѣть, невзирая на то, что не могла не видѣть, какъ раздражаетъ его мое любопытство.

— Ну, что-жъ? Есть у васъ деньги? И дадите вы мнѣ золотой для часового?—спросилъ онъ отрывисто, гнѣвно сверкнувъ глазами.

— Разумѣется, дамъ,—отвѣчала я.

— Въ такомъ случаѣ вынимайте скорѣе. Я отвернусь, чтобъ вамъ не мѣшать. Мнѣ больше одного золотого не надо, и еслибъ меня не ограбили, я не сталъ бы вамъ обязываться,—прибавилъ онъ надменно, сдѣлавъ мнѣ знакъ, чтобъ я не беспокоилась насчетъ моихъ спутниковъ; онъ позаботится, чтобъ они не могли подсмотреть, какъ я буду доставать деньги.

И дѣйствительно все время, что я вынимала ладонку, висѣвшую у меня на груди, и вытаскивала изъ нея золотую монету, онъ стоялъ передо мною, загораживая меня собою отъ любопытныхъ взглядовъ, и повернулся тогда только, когда я незамѣтно сунула ему въ руку золотой.

— Ну, пойдете, я васъ проведу,—сказалъ онъ пряча червонецъ за пазуху.—Не бойтесь, со мной не пропадете,—прибавилъ онъ надменно.

— Ты это что же раньше-то, какъ сычъ, только глазами хлопалъ да помалкивалъ?—спросила у него монахиня, поднимаясь съ земли, при чемъ меня поразили ея высокій ростъ и грубый голосъ.

Должно быть, темнота мѣшала мнѣ разглядѣть ее раньше. Правда, что я все время шла рядомъ съ Степанидой, а она слѣдовала за нами съ юношей, которому я дала деньги, и который тоже предсталъ передъ нами совершенно въ другомъ видѣ, чѣмъ тогда, когда остальные спутники насъ еще не покинули.

— Много будешь знать, рано состаришься, бабушка,—отвѣчалъ этотъ послѣдній на вопросъ монахини.

Она на насъ подозрительно глянула, но мы шли, опустивъ глаза въ землю, и, успокоившись насчетъ нашего любопытства, нагнала юношу и пошла рядомъ съ нимъ, по временамъ къ нему пригибаясь, безъ сомнѣнія, съ вопросами, на которые онъ отвѣчалъ нетерпѣливымъ встряхиваніемъ головы, а иногда и угрожающимъ же-

стомъ. Но ее это не смущало, и она продолжала идти рядомъ съ нимъ и пытаться втянуть его въ разговоръ.

— Сколько вы ему дали?—спросила у меня шопотомъ моя подруга, когда мы очутились на разстояніи пяти-шести шаговъ отъ нашихъ спутниковъ.

— Червонецъ,—отвѣчала я, нисколько не удивляясь, что ей извѣстна наша тайна.

Въ томъ настроеніи, въ которомъ я находилась, ничто не могло меня изумить, и когда, замедливъ шагъ, Степанида прошептала, кивая на монахиню: «мужчина!»—меня и это открытіе не вывело изъ равнодушія.

Мужчина—такъ мужчина, не все ли намъ равно? Значить, у нихъ были причины, одному нарядиться монахиней, другому, (по всему виду, изъ образованной и благородной семьи) притворяться юродивымъ, если они такъ поступаютъ. И развѣ мы тоже не скрываемъ то, что мы есть, подъ несвойственнымъ нашему положенію и нашему полу костюмомъ?

— Не надулъ бы онъ насъ,—замѣтила Степанида, послѣ довольно продолжительнаго молчанія, въ то время, какъ спутники наши, продолжая между собою ссориться, отошли отъ насъ такъ далеко, что слышать ихъ бесѣды мы не могли и судили о ней только по ихъ движеніямъ.

— Нѣтъ, онъ насъ не обманетъ,—отвѣчала я.—Онъ отлично видѣлъ, что я съ радостью отдала бы ему и десять червонцевъ, еслибъ онъ этого потребовалъ, а онъ взялъ только одинъ. Да и вообще... Нѣтъ, нѣтъ, онъ насъ не обманетъ,—повторила я, не находя словъ, чтобъ выразить мое внутреннее убѣжденіе.

Съ этими словами я поспѣшила нагнать нашихъ спутниковъ, чтобъ не дать имъ подумать, что мы про нихъ говоримъ. И опять пошла я рядомъ съ юродивымъ юношей, а Степанида съ монахиней.

Городъ выступалъ передъ нами все ближе и ближе. При розовомъ блескѣ зари, разливавшейся по голубому безоблачному небу, отчетливо вырѣзались обгорѣлыя развалины, и то тутъ, то тамъ сверкали изрѣдка уцѣлѣвшіе кресты на еще не разрушенныхъ куполахъ.

— Вотъ что они оставили отъ Москвы!—проговорилъ, не останавливаясь и не глядя на меня мой спутникъ, котораго за невозможностью узнать его имя я буду называть тою кличкой, которую я дала ему при первомъ на него взглядѣ, «юродивымъ».

— А скоро и того не будетъ. Все сожгутъ, все разрушатъ, камня на камнѣ не оставятъ,—продолжалъ онъ сквозь злобно стиснутые зубы. И вдругъ онъ спросилъ, отрывисто и продолжая отъ меня отвертываться:—Для чего вы собственно туда стремитесь? Что вамъ тамъ надо?

Я отвѣчала, что дѣться намъ некуда, что мы растеряли всѣхъ своихъ, были въ плѣну, бѣжали и предпочитаемъ умереть съ голода и съ холода на родномъ пепелищѣ, чѣмъ опять попасть къ французамъ.

— Ну, понятно,—вымолвилъ онъ и смолкъ.

Онъ шелъ немного впереди меня, поднявъ голову. Его густые и длинные кудри развѣвались по вѣтру, тонкая бѣлая шея, которую онъ, вѣроятно, забылъ вымазать сажей и грязью вмѣстѣ съ безусымъ лицомъ, напоминала нѣжный стебель цвѣтка, въ сравненіи съ грубыми рваными тряпками, покрывавшими остальное его тѣло. Онъ казался мнѣ теперь много выше, чѣмъ прежде, подъ отрепьями его чувствовались гибкіе мускулистые члены, а походка у него была такая свободная, что я невольно завидовала легкости, съ которою онъ перепрыгивалъ рвы и ямы, которыя я должна была обходить кругомъ.

— Вотъ какъ мнѣ пригодилась привычка ходить босикомъ во всякую погоду,—сказалъ онъ, улыбаясь изумленію, съ которымъ я смотрѣла на его ноги.—Видите,—продолжалъ онъ,—къ намъ въ усадьбу ходилъ юродивый, съ которымъ я подружился и который выучилъ меня ходить босикомъ. У него была такая мазь... Онъ со мною ею подѣлился. Мой пріятель, кажется, немножко колдунъ, онъ умѣетъ предугадывать будущее... Мнѣ и талантъ его, и снадобье удивительно пригодились,—прибавилъ онъ съ усмѣшкой.

Мы подходили къ заставѣ. Мой спутникъ съ каждымъ шагомъ становился словоохотливѣе, вѣроятно, отъ радостнаго волненія.

— У васъ никого еще не убили изъ близкихъ?—спросилъ онъ, оборачивая ко мнѣ свое возбужденное лицо, съ сверкающими глазами.—Нѣтъ? Вы своихъ только растеряли? Ну, вы ихъ еще можете найти, и это счастье васъ, можетъ быть, ждетъ скоро... Можетъ быть, сегодня... Вамъ можно надѣяться, и ужъ одно это можно назвать счастьемъ... А вы представьте себѣ, чтò долженъ чувствовать человѣкъ, у котораго на глазахъ убили мать, сестеръ, маленькаго брата... И все сожгли, домъ, въ которомъ каждый уголокъ что нибудь напоминалъ...

Голосъ его оборвался отъ сдержанныхъ рыданій.

— Я это понимаю! Я сочувствую вамъ!—вскричала я.

— Нѣтъ, вы не можете ни понимать, ни сочувствовать мнѣ! Вы, можетъ быть, думаете, что я несчастливъ, и жалѣете меня? Напрасно, я счастливѣе васъ, и, можетъ быть, вы скоро узнаете почему... Если мнѣ удастся то, что я задумалъ, весь міръ про это узнаетъ, и вамъ тогда можно будетъ съ гордостью сказать: «я его знала и говорила съ нимъ! Это я дала ему червонецъ, благодаря которому онъ могъ войти въ городъ»... Но знаете что? Вы лучше этого не говорите, потому что никто вамъ не повѣритъ, скажутъ, что вы хвастаетесь... О, тогда многіе будутъ увѣрять, что знали меня, даже и такіе, которые отроду меня не видывали!

Мы были уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ заставы, у которой толпились люди съ мѣшками за плечами, и стояло нѣсколько телѣгъ съ покрытою рогожами кладью, а также съ наваленными на дно овощами, вѣроятно, вырытыми изъ огородовъ, покинутыхъ хозяевами. На одной изъ этихъ телѣгъ виднѣлось изъ-подъ рогожи человѣческое тѣло, которое шевелилось. Изъ него кровь сочилась въ такомъ изобиліи, что пока телѣга стояла, ожидая пропуска, подъ нее со дна натекла цѣлая лужа.

— За провизію-то, видно, заплатить пришлось, — замѣтилъ мнѣ мой спутникъ, кивая на эту лужу.

Но меня такъ заинтересовало то, что онъ говорилъ раньше, что я ни на что не могла обращать вниманія и, задерживая его за рукавъ, въ ту минуту, когда онъ подался впередъ къ солдату, стоявшему у заставы, я спросила:

— Что вы хотите сдѣлать въ Москвѣ?

Онъ остановился, пристально на меня посматрѣлъ, точно спрашивая себя: достойна ли я его довѣрія? И рѣшивъ, должно быть, этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ, произнесъ такъ громко, что я вздрогнула отъ ужаса:

— То, что ужъ давно кто нибудь долженъ былъ сдѣлать, — убить его! его!

Съ этими словами онъ исчезъ въ толпѣ, но, должно быть, прежде чѣмъ удалиться, успѣлъ указать на насъ одному изъ солдатъ, потому что насъ пропустили безъ задержки, и мы очутились въ Москвѣ.

Монахиня точно сквозь землю провалилась, и намъ со Степанидой пришлось вдвоемъ прокладывать себѣ путь между развалинами домовъ, по улицамъ, загроможденнымъ всевозможными предметами, мебелью, посудой, постелями, выбитыми изъ оконъ стеклами, валявшимися вмѣстѣ съ оторванными ставнями, дверями и кусками крышъ, воротъ, калитокъ и проч. и проч.

XXIV.

Москвы не было.

Это только издали казалось, что она существуетъ еще, но съ каждымъ шагомъ, которымъ мы ступали по тому, что нѣкогда было улицами и площадями, мы убѣждались, что ея уже нѣтъ.

А между тѣмъ издали мы видѣли купола и кресты на нихъ, гдѣ же все это теперь?

Среди огромнаго кладбища, на которомъ, изъ конца въ конецъ, ничто не преграждало глазу, еле-еле мерцали въ солнечномъ блескѣ кресты на Страстномъ монастырѣ, на Иванѣ Великомъ и еще кое-гдѣ.

Отыскать путь куда бы то ни было среди развалинъ казалось такъ невозможно, что на насъ напало отчаяніе. Мы ждали ужасовъ, но дѣйствительность превысила наши ожиданія. Наконецъ, мы рѣшили итти къ Ивану Великому, а ужъ оттуда пробраться къ тому мѣсту, гдѣ былъ нашъ домъ, чтобъ увидать, не уцѣлѣло ли отъ него хоть что нибудь, по чему мы могли бы узнать о судьбѣ оставленныхъ въ Москвѣ людей, а отъ нихъ о папенькѣ. Про братьевъ страшно было и вспоминать. Искать одиннадцатилѣтняго мальчика въ странѣ, наводненной непріятельскою арміею, было все равно, что надѣяться найти иголку въ кучѣ песку. А ужъ про Сережу и говорить было нечего, если ужъ въ мирное время его не могли найти...

Мы рѣшили итти къ Ивану Великому, колокольня котораго съ крестомъ, сверкавшимъ на солнцѣ, точно манила насъ къ себѣ, но привести въ исполненіе это намѣреніе оказалось много труднѣе, чѣмъ мы воображали. Сколько ни пробирались мы промежъ обломковъ, подвигались мы впередъ такъ медленно, что, казалось, все стоимъ на томъ же мѣстѣ.

Намъ попадались люди, но такіе страшные, что мы старались отъ нихъ сторониться, и на вопросы: откуда мы и кого ищемъ? мы отвѣчали молчаніемъ или такъ уклончиво, что изъ словъ нашихъ ничего нельзя было понять.

Это намъ повредило. Толпа, слѣдившая за нами и состоявшая вначалѣ изъ нѣсколькихъ бродягъ, съ наружностью каторжниковъ, съ каждымъ шагомъ увеличивалась оборванцами въ отрепьяхъ, съ изможденными лицами и сверкающими пытливыми глазами.

Городъ начиналъ пробуждаться, изъ-подъ развалинъ стали показываться солдаты. Мы инстинктивно къ нимъ подошли и старались итти дальше, держась къ нимъ какъ можно ближе.

Эта тактика оказалась самою для насъ выгодною: толпа страшныхъ оборванцевъ начала отъ насъ отставать, и мы могли продолжать нашъ путь, не опасаясь быть ограбленными или убитыми. Встрѣча съ мертвыми тѣлами и съ людьми почти голыми и босыми на каждомъ шагу утверждала насъ въ нашихъ опасеніяхъ. Съ ужасомъ спрашивали мы себя: найдемъ ли мы пристанище къ ночи? Здѣсь было несравненно страшнѣе, чѣмъ въ лѣсу.

И вдругъ солдаты повернули въ противоположную сторону отъ той, къ которой мы стремились. Что тутъ было дѣлать? Изъ-подъ развалинъ кое-гдѣ высовывались не одни мертвецы, а также и живые... И насколько эти послѣдніе казались намъ ужаснѣе первыхъ!

Машинально, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что мы дѣлаемъ, приблизились мы къ солдатамъ, и на вопрошающій взглядъ, которымъ съ ногъ до головы окинулъ меня тотъ, къ которому я очутилась всѣхъ ближе, я рѣшилась спросить по-французски, не будетъ ли онъ такъ добръ намъ указать путь въ монастырь.

— Да вотъ, тамъ былъ монастырь, за этою разрушенною оградой. Вамъ, можетъ быть, туда и надо?—объявилъ онъ, не давъ мнѣ досказать мой вопросъ.

Мы оглянулись въ ту сторону, куда онъ указывалъ, и, кромѣ нагроможденныхъ развалинъ, ничего не увидали. Тѣмъ не менѣе мы подошли ближе, въ надеждѣ найти проходъ между обломками стѣнъ, но, сколько ни искали, ничего не могли найти. Очевидно, проходъ этотъ надо было искать дальше. Но гдѣ: справа? слѣва? прямо? Позади насъ по тому пути, по которому мы сюда дошли, или въ сторонѣ отъ нея? Указаній достать было не откуда. Людей намъ попадалось на глаза все больше и больше, но они внашались намъ такъ мало довѣрія, что обращаться къ нимъ за совѣтами и въ голову не приходило. Намъ даже жутко дѣбалось, когда кто нибудь останавливался, чтобъ съ любопытствомъ на насъ посмотреть, какъ бы съ цѣлью узнать: откуда мы явились, и нельзя ли чѣмъ нибудь отъ насъ поживиться.

Отрядъ солдатъ, подъ охраной котораго мы шли нѣкоторое время, давно исчезъ у насъ изъ глазъ, и мы начали впадать въ отчаяніе, какъ вдругъ Степанида, которая не переставала всматриваться въ окружающія насъ развалины, открыла лазейку среди обломковъ, въ которую мы и поспѣшили пролѣзть. Очутились мы среди новыхъ руинъ, но между ними кое-гдѣ пробивалась трава и кое-гдѣ виднѣлись слѣды сломанныхъ кустовъ и деревьевъ. Изъ этого мы заключили, что тутъ былъ прежде садъ, и мы стали пробираться дальше, спотыкаясь объ остатки самыхъ разнообразныхъ предметовъ, между которыми, къ нашему ужасу, попадались и трупы.

Много разъ мы чуть было не проваливались въ глубокія ямы, оказывавшіяся, при ближайшемъ осмотрѣ, подвалами и погребями, отъ которыхъ двери были оторваны. Въ ямы эти мы перестали заглядывать съ тѣхъ поръ, какъ убѣдились, что онѣ полны мертвыхъ тѣлъ, безъ сомнѣнія, уже разлагающихся; отъ зловонія ихъ можно было задохнуться, и мы спѣшили дальше.

Картина опустошенія и смерти не мѣнялась, а между тѣмъ мы прошли, должно быть, очень большое пространство, солнце было высоко и насъ начиналъ мучить голодъ.

Степанида вынула изъ-за пазухи кусокъ чернаго хлѣба и два крутыхъ яйца, которыми она догадалась запастись у пасѣчника. Уничтоживъ этотъ запасъ, мы отправились дальше, сами на зная, чего мы именно ищемъ. Отъ мѣста, гдѣ, по указанію офицера, долженъ былъ находиться монастырь, мы такъ отдалились, что потеряли надежду его найти, и теперь у насъ одна была забота: не заночевать, Боже сохрани, среди этихъ развалинъ, гдѣ днемъ царила одна только смерть, но которая ночью, безъ сомнѣнія, должны были наполняться человѣческими существами, много опаснѣе и

страшнѣе волковъ и медвѣдей, заставлявшихъ насъ торопиться засвѣтло выбраться изъ лѣсовъ, по которымъ мы странствовали послѣдніе дни.

Но гдѣ найти убѣжище и защиту? Этого мы даже и представить себѣ не могли, а между тѣмъ день близился къ вечеру.

И вдругъ, путаясь въ обломкахъ мебели, заграждавшихъ намъ путь къ уцѣлѣвшему какимъ-то чудомъ крылечку, выглядывавшему среди камней обвалившейся рядомъ съ нимъ высокой стѣны, я увидала среди обломковъ знакомую вещицу и подняла ее. Это былъ выдвижной ящичекъ, должно быть, изъ маленькаго шкафчика розоваго дерева съ бронзовыми инкрустаціями, потому что тотъ же мотивъ повторялся и на планочкѣ, тоже розоваго дерева, наклеенной на переднюю стѣнку ящичка. Замочекъ былъ оторванъ, но всѣ четыре стѣнки уцѣлѣли, и я тотчасъ же узнала этотъ ящикъ—онъ принадлежалъ къ столику, подаренному папенькой нашей матери за годъ до ея смерти, и стоялъ у нея въ спальнѣ у окна. На него она ставила свою рабочую корзинку, а въ ящикѣ, который я теперь держала въ рукахъ, хранились ея ключи.

Сколько разъ посылала она меня за ключами въ этотъ столикъ!

Когда я сообщила о происхожденіи моей находки Степанидѣ, первымъ ея побужденіемъ было отнестись къ ней недовѣрчиво.

— Мало ли такихъ столиковъ было въ Москвѣ!

Но сообразивъ, безъ сомнѣнія, что лучше поддерживать во мнѣ бодрость духа, чѣмъ уничтожать ее, она поспѣшила прибавить, что вѣдь и то сказать, вещь-то заказная, какъ все, что находилось въ нашемъ домѣ, и что мы, можетъ быть, и нападѣмъ на слѣдъ старика, которому былъ порученъ надзоръ за домикомъ, гдѣ мы родились, гдѣ провели такое счастливое дѣтство, и гдѣ скончалась наша мать. Дома этого никому не продали и не сдали въ наймы, онъ оставался въ неприкосновенности, со всей обстановкой, и по временамъ папенька ѣздилъ его осматривать.

Его какимъ-то чудомъ пощадилъ и огонь. Но намъ не вдругъ удалось убѣдиться въ этомъ. Кругомъ все сгорѣло, и продрагаться сквозь развалины сосѣднихъ строеній, наполнявшихъ садъ и дворъ, оказалось очень трудно. Самъ домикъ казался ушедшимъ въ землю отъ обломковъ, цѣлыми горами нагроможденныхъ вокругъ него. Тѣмъ не менѣе мы въ него проникли, и я тотчасъ же узнала широкія сѣни, въ которыхъ дѣвушки вышивали лѣтомъ, когда на антресоляхъ было слишкомъ жарко, а также слѣдовавшія за этими сѣнями комнаты, казавшіяся очень маленькими и низкими въ сравненіи съ дѣдушкиными хоромами, но которыя намъ были такъ милы, что мы часто со слезами про нихъ вспоминали среди холодной и бездушной роскоши, въ которой мы очутились послѣ смерти нашей незабвенной маменьки. Вотъ то мѣсто, гдѣ стояла ея кровать, а тутъ диванъ, на которомъ она насъ заставляла твер-

дить уроки, а дальше окно со столикомъ, пустой ящичекъ котораго я продолжала держать въ рукахъ, какъ талисманъ, открывшій намъ двери въ родовое гнѣздо. Кромѣ стѣнъ, въ немъ ужъ ничего не оставалось, въ этомъ миломъ гнѣздѣ. Кое-гдѣ въ опустѣлыхъ комнатахъ разбитыя бутылки и черепки отъ стакановъ свидѣтельствовали о попойкахъ, происходившихъ здѣсь, благодаря запасамъ вина изъ сосѣднихъ погребовъ, безъ сомнѣнія, которое нашли нужнымъ почему-то уничтожать тутъ.

Обойдя весь домъ и не найдя въ немъ ничего, Степанида предложила мнѣ итти дальше, но я не въ силахъ была двинуться, ноги подо мной подкашивались отъ усталости, и я сѣла на полъ въ маменькиной спальнѣ, объявивъ, что хочу тутъ отдохнуть.

— Да вѣдь скоро ночь,—замѣтила Степанида, указывая на окно съ разбитыми стеклами, сквозь которое весело пронизывались лучи заходящаго солнца, теперь ужъ, увы, безпрепятственно проникавшіе сюда, не такъ, какъ въ то время, когда имъ приходилось пронизываться сквозь густую зелень высокихъ старыхъ дубовъ и липъ, теперь срубленныхъ и, безъ сомнѣнія, сожженныхъ.

— Ничего, я здѣсь не боюсь,—объявила я, не трогаясь съ мѣста.

— А какъ же кушать-то? Вѣдь у насъ ничего не осталось, надо что нибудь промыслить.

— Ступай и промыслиай, а я отсюда не тронусь,—объявила я такъ рѣшительно, что она поняла бесполезность дальнѣйшихъ представлений и совѣтовъ.

— И вамъ тутъ однѣмъ не страшно будетъ оставаться?—спросила она послѣ довольно продолжительнаго молчанія, во время котораго я такъ ушла въ свои воспоминанія, что голосъ ея непріятно рѣзанулъ меня по уху.

— Нѣтъ, я не боюсь. Иди себѣ куда хочешь, — поспѣшила я отвѣтить, обрадовавшись мысли остаться одной съ дорогими призраками прошлаго, осаждавшими меня со всѣхъ сторонъ.

Она еще что-то такое сказала и, не дождавшись отъ меня отвѣта, еще разъ отправилась обходить домъ, чтобъ убѣдиться, что онъ совсѣмъ пустъ, и что въ немъ, кромѣ голода, бояться нечего, а вернувшись объявила, что идетъ раздобыть чего нибудь намъ поѣсть.

— Можетъ, солдаты сжалятся и дадутъ чего нибудь... Оно, конечно, было бы лучше, еслибъ вы со мной пошли, я по-ихнему говорить не умѣю...

— Никуда я отсюда не пойду,—прервала я ее.

И еще разъ заглянувъ за всѣ двери, она ушла, оставивъ мнѣ свою шинель подъ тѣмъ предлогомъ, что ей въ ней тяжело и жарко.

Когда шумъ отъ ея шаговъ стихнулъ, и я убѣдилась, что осталась одна надолго, невыразимая радость наполнила мнѣ сердце, точно я достигла наконецъ давно желаемаго.

Воспользовалась я свободой дѣлать все, что мнѣ хочется, не возбуждая ничьихъ опасеній и замѣчаній. Прежде всего подбѣжала я къ окну и долго смотрѣла изъ него на то мѣсто въ саду, которое мы особенно любили выбирать для нашихъ игръ, такъ близко отъ маменькинаго окна, что мы каждую минуту могли ее видѣть и слышать ея голосъ. Простояла я тутъ, живя въ прошломъ, до тѣхъ поръ, пока солнце не опустилось въ уровень съ высокою кучей обгорѣлыхъ обломковъ, за которой не видно было мѣста, гдѣ находился домъ нашихъ сосѣдей, и тогда только, сообразивши, что наступающая ночь помѣшаетъ мнѣ побывать въ тѣхъ уголкахъ дома, которые я видѣла только мелькомъ, проходя мимо нихъ со Степанидой, я отошла отъ окна и отправилась бродить по опустѣвшимъ покоемъ.

И вдругъ я вспомнила про горенку близъ дѣвичьей, рядомъ съ кладовой, гдѣ всегда останавливалась Варвара Петровна, когда она къ намъ прїѣзжала изъ хутора.

Мы очень любили забираться въ эту горенку, чтобъ болтать съ нею въ непривычной обстановкѣ. Комната эта была такъ мала и такъ тѣсно заставлена сундуками и комодами съ бѣльемъ, что въ ней было душно, и маменька, когда въ нее входила, всегда приказывала намъ выйти и сама растворяла форточку, опасаясь, вѣроятно, что приказаніе ея не исполнять такъ скоро, какъ она этого желала.

Мнѣ захотѣлось взглянуть на эту комнатку, и, невзирая на наступленіе темноты, особенно въ узкихъ закоулкахъ, черезъ которые надо было проходить, я все-таки туда отправилась, отыскивая дорогу мѣстами ощупью, такъ какъ дверь въ концѣ коридора, выходившая въ свѣтлую комнату, была, повидимому, заперта.

Но когда я завернула въ этотъ коридоръ, мнѣ показалось, что сюда просвѣчивается изъ стѣны слабый свѣтъ.

Что отъ времени въ досчатой перегородкѣ образовались щели, въ этомъ не было ничего удивительнаго, но откуда брался свѣтъ? Въ комнатахъ, изъ которыхъ я сюда вышла, сумерки сгущались все больше и больше.

Я остановилась передъ одной изъ такихъ щелей, оцупавъ дверь, растворила ее и очутилась въ той самой горенкѣ Варвары Петровны, въ которую шла. Но она мнѣ показалась еще меньше, чѣмъ прежде, и, остановившись на порогѣ, я стала всматриваться въ предметы, загромождавшіе ее. Все знакомыя вещи: маленькій диванчикъ, обитый штофомъ изъ гостиной, круглый столъ съ инкрустаціей, на которомъ зимой горѣла лампа, одна изъ подушекъ съ большого дивана, съ вышитымъ на ней рыцаремъ въ латахъ, на голубомъ фонѣ. И множество другихъ вещей, изъ которыхъ каждая напоминала мнѣ какой нибудь эпизодъ изъ исчезнувшаго навѣки прошлаго.

Я такъ была счастлива все это видѣть, что забывала себя спрашивать: кто позаботился, точно нарочно для меня, все это собрать, и откуда исходитъ странный свѣтъ, при которомъ я это вижу? Какъ очарованная, стояла я на порогѣ, боясь малѣйшимъ движеніемъ разсѣять чудное видѣніе. Что это было видѣніе, а не дѣйствительность, въ этомъ я не сомнѣвалась, но мнѣ нисколько не было страшно. Послѣ ужасовъ дѣйствительности, которыхъ я была свидѣтельницей, призракъ изъ другого міра, во всякомъ случаѣ лучше настоящаго, ужасать меня не могли.

Долго бы простояла я неподвижно, наслаждаясь представшимъ передо мною видѣніемъ, еслибъ знакомый голосъ не назвалъ меня по имени.

— Лиза!

Нимало не удивляясь и не пугаясь, повернула я голову въ ту сторону, откуда меня звали, и увидала Сережу.

Онъ сидѣлъ на полу, возлѣ него стоялъ маменькинъ бронзовый подсвѣчникъ съ зажженною восковою свѣчей, и онъ съ ласковою улыбкой на меня смотрѣлъ широко раскрытыми счастливыми глазами. Лицо его было страшно худо, но впаляя щеки пылали, а губы, къ которымъ я прижалась своими, горѣли.

Долго просидѣли мы, обнявшись, на обрывкѣ ковра съ подушонкой, служившемъ ему постелью, съ которой онъ, увя, будучи крайне слабъ, уже не могъ подняться. Но все это я узнала потомъ, въ первую же минуту радость моя съ нимъ свидѣться была такъ велика, что я ни о чемъ не могла думать, а только смотрѣла на него и прислушивалась къ его голосу, какъ очарованная.

— Я давно тебя жду,—говорилъ онъ, не выпуская моихъ рукъ изъ своихъ горячихъ и исхудалыхъ пальцевъ и не отрывая отъ меня полного нѣжности взгляда, точно боясь меня потерять, выпустивъ меня на мгновеніе изъ виду. — Когда вы сюда вошли и стали ходить по комнатамъ, я тотчасъ же догадался, что это ты, моя сестричка. Но я боялся тебя звать, я не зналъ, съ кѣмъ ты... Но я зналъ, что ты меня отыщешь... Какъ ты долго не приходила! Зачѣмъ ты такъ долго заставляла меня ждать? У меня сдѣлался жаръ отъ нетерпѣнія и отъ страха потерять сознаніе прежде, чѣмъ ты найдешь меня... Самъ я не могу ходить, а тѣ давно бы прибѣжалъ въ залу, по которой ты прохаживалась... Каждый твой шагъ отдавался у меня въ сердцѣ такъ больно, такъ больно! Но теперь все прошло... Когда ты вошла, я бы могъ сейчасъ тебя позвать, но мнѣ было такъ пріятно на тебя смотрѣть... Ты такая смѣшная мальчикомъ!... Помнишь, какъ ты любила наряжаться въ мое платье на святкахъ, когда мы здѣсь жили съ маменькой? Помнишь? помнишь?—повторилъ онъ слабѣющимъ голосомъ, склоняя голову на мое плечо и закрывая глаза.

Тутъ только замѣтила я, какъ онъ слабъ, и мысль, что Гос-

подъ привелъ меня сюда, чтобъ онъ испустилъ послѣдній вздохъ въ моихъ объятіяхъ, острою болью пронизала мнѣ сердце.

А онъ между тѣмъ, продолжая мнѣ улыбаться побѣлѣвшими губами, шепталъ:—Видишь, какъ я много маменькиныхъ вещей спасъ отъ погрома? Все это мы притащили сюда, чтобъ отъ нихъ скрыть... Я давно тебя жду... я зналъ, что тебя непременно сюда потянетъ... Когда графчикъ прибѣжалъ сегодня утромъ мнѣ сказать, что онъ вмѣстѣ съ тобой вошелъ въ городъ... А вѣдь онъ тебя узналъ по сходству со мной... Мы его больше не увидимъ... Онъ пошелъ свершать свое великое дѣло,—продолжалъ онъ, широко раскрывая глаза и возвышая торжественно голосъ.

Опять щеки его запылали, и руки сдѣлались горячія. Можно было подумать, что онъ бредитъ, но для меня этотъ бредъ имѣлъ смыслъ, я тотчасъ же поняла, кто былъ тотъ «графчикъ», который узналъ во мнѣ его сестру и предупредилъ его о моемъ пришествіи въ Москву. Поняла я также и намекъ его на дѣло, которое онъ пошелъ вершать... Съ помощью взятаго у меня червонца, можетъ быть?

— А ты давно здѣсь?—спросила я.

— Давно. Съ тѣхъ поръ, какъ они сюда пришли... Я отъ отряда отсталъ, чтобъ опять сойтись съ цыганами, которые шли сюда грабить... Мнѣ надо было въ послѣдній разъ взглянуть на наше гнѣздо и попробовать что нибудь спасти для тебя съ Ромой... И я спасъ,—продолжалъ онъ съ возрастающимъ водушевленіемъ, приподнимаясь съ подушки и указывая исхудалой рукой на окружающіе насъ предметы.—Вотъ вы потомъ все это разберете и поблагодарите меня... Тутъ все, что вы любите, и о чемъ мы такъ часто вспоминали у дѣдушки... Потомъ ты увидишь, а теперь не до того, теперь мнѣ такъ много надо тебѣ сказать, что я боюсь не успѣть...

— Успокойся, милый, не утруждай себя,—проговорила я сквозь слезы, стараясь силой уложить его.—Я такъ счастлива, что нашла тебя! Мы ужъ теперь больше не разстанемся, я никуда отъ тебя не уйду...

— Да я-то отъ тебя уйду... Неужели ты не видишь, что я умираю?—вскричалъ онъ такъ громко, что я вздрогнула и въ первый разъ въ продолженіе послѣднихъ дней испугалась. Неужели онъ говоритъ правду? Неужели я нашла его для того только, чтобъ тотчасъ же потерять?

— Ну, что? Видишь теперь, что времени намъ терять нельзя? Это я и графчику сказалъ, когда онъ мнѣ объявилъ, что ты въ Москвѣ: «успѣла бы она только прійти, чтобъ застать меня еще въ живыхъ!» Онъ былъ въ отчаяніи, что не можетъ тебя разыскивать, чтобъ привести ко мнѣ, но ты понимаешь, что всѣмъ, кого съ нимъ увидятъ, будетъ грозить смерть... Не вы-

слушавши, не спрашивая, разорвутъ въ клочки всякаго, кого заподозрять въ сообщничествѣ съ нимъ, понимаешь? Онъ потому и разстался съ тобой, не простившись и ни слова про меня не сказавъ... А ты и сама пришла! Какъ это хорошо! Какъ хорошо! Какая ты милая, и какъ я тебя люблю!

Онъ цѣловалъ мои руки и въ промежуткахъ между поцѣлуями смотрѣлъ на меня влажными отъ восторженнаго умиленія глазами.

— Но зачѣмъ ты все думаешь о смерти? Развѣ ты боленъ? Раненъ?—спросила я, задыхаясь отъ сдержанныхъ рыданій.—Куда ты раненъ?—продолжала я, ощупывая дрожащими пальцами его изможденное тѣло.

— Ты раны у меня не найдешь, она у меня въ сердцѣ,—замѣтилъ онъ съ улыбкой.—И такъ глубоко, что самому искусному хирургу до нея не добраться. Когда они убѣдились, что меня не вылѣчишь, ну, тогда они надо мною смиловались и взяли меня съ собой сюда.... Ты ихъ не брани, Лиза, они добрые. Это они мнѣ помогли все сюда натаскать, одному мнѣ бы не сладить, я такъ слабъ, что одинъ не могъ бы даже налить себѣ воды изъ ведра, это все они....

— Про кого ты говоришь, Сережа?

Онъ нагнулся и прошепталъ мнѣ на ухо: —Цыганы! Они на меня, какъ на своего, смотрѣли... Но ты не давай имъ меня хоронить, Лиза, я русскій, православный, я хочу съ предками моими лежать... рядомъ съ дѣдушкой и съ маменькой... Монастырь не разрушенъ и, Богъ дастъ, уцѣлѣетъ... Ужъ это было бы слишкомъ ужасно, еслибъ французы и его разорили!... Я и графчику говорилъ, гдѣ я желаю, чтобы меня тамъ похоронили, и просилъ его отложить дѣло до моей смерти, но онъ увѣряетъ, что случая нельзя упускать... Ну, теперь ужъ ты объ этомъ позаботишься...

Голосъ его оборвался на полусловѣ, и съ нимъ сдѣлался страшный припадокъ. Дыханіе его стѣснилось въ груди и, точно чѣмъ-то задержанное, на нѣсколько мгновеній совсѣмъ остановилось, глаза вышли изъ орбитъ, и тѣло конвульсивно вытянулось. Я, рыдая, къ нему припала, ожидая, что онъ испуститъ духъ, но вдругъ задержанный вздохъ со свистомъ и воплемъ вырвался изъ его груди, тѣло приняло прежнее положеніе, на лицѣ выразилось неземное спокойствіе, и оно просвѣтлѣло. Онъ открылъ глаза и, съ улыбкой прошепталъ: «Скажи паненькѣ, что я прошу его меня простить», снова закрылъ ихъ и испустилъ вздохъ, на этотъ разъ послѣдній.

Я сложила ему на груди руки, оправила вокругъ него покрывавшія его тряпки, поставила къ его изголовью свѣчу, къ которой приставила одинъ изъ маменькиныхъ образковъ, сложенныхъ на окнѣ, и, опустившись на колѣни у смертнаго ложа, стала молиться.

Но это не была молитва въ общепринятомъ смыслѣ этого слова. Ни о чемъ не просила я моего Создателя, я благодарила Его за то,

что Онъ привелъ меня сюда, и отдавала всю себя въ Его святыя руки. Никогда еще не ощущала я такъ ясно близости Его присутствія и того, что мнѣ только остается итти по указанному Имъ пути, безъ страха и сомнѣнія. Вотъ когда поняла я вполне смыслъ изреченія пророка: «Господь мой со мной, кого убоюсь!».

XXV.

Я еще молилась, когда услышала шаги по опустѣлымъ покоемъ, рядомъ съ той комнатою, гдѣ я нашла брата, и, вспомнивъ, что Степанидѣ не знакомо расположеніе дома, растворила дверь въ коридоръ и позвала ее.

Она съ крикомъ радости ко мнѣ кинулась. Не найдя меня тамъ, гдѣ она меня оставила, она прежде всего подумала, что я погибла, провалилась въ какой нибудь погребъ, пытаюсь выйти, или убита бродягами, пришедшими сюда.

Ея страхъ еще усиливался отъ темноты, въ которой она меня искала. Увидавъ свѣтъ въ комнатѣ, изъ которой я къ ней вышла на всерѣчу, она остолбенѣла отъ ужаса.

— Съ кѣмъ вы это тамъ, барышня?— спросила она, понижая голосъ до шопота и боязливо косясь на полурастворенную дверь.

— Не бойся говорить громко, онъ не выдастъ,— сказала я.

Посмотрѣвъ на меня пристальнѣе, она, кажется, подумала, что я помѣшалась, и, взявъ меня за руку, просила меня слѣдовать за нею въ монастырь, который ей удалось найти, и гдѣ насъ обѣщали продержатъ, пока ихъ самихъ не выгонятъ изъ Москвы.

— Ну, ужъ тогда вмѣстѣ съ ними и побредемъ туда, куда онѣ пойдутъ... Все же лучше, чѣмъ однѣмъ промежъ злодѣевъ шататься...

Но я отвѣчала, что одна отсюда не выйду, и, наконецъ, заставила ее войти въ комнату, гдѣ лежалъ мой дорогой покойникъ.

Тутъ она все поняла, разрыдалась, упала на колѣни и стала молиться вмѣстѣ со мной, а затѣмъ объявила, что она упробитъ монахинь положить его, до поры до времени, въ ихъ склепъ.

Но у меня было другое на умѣ, мнѣ хотѣлось оставить его здѣсь до тѣхъ поръ, пока не наступитъ время, когда можно будетъ его похоронить тамъ, гдѣ онъ хотѣлъ. Во всякомъ случаѣ удалиться отъ него въ эту ночь я не могла ни за что, и, убѣдившись въ непреклонности моего намѣренія, она перестала настаивать.

— Оставайтесь здѣсь, если вы не боитесь, а я пойду ихъ предупредить о томъ, что случилось...

— Кого же мнѣ бояться?

— Залѣзтъ можетъ кто нибудь, мало ли теперь кругомъ жуликовъ шатается!

— Не думаю, чтобъ жулики сюда пришли. Ютился онъ здѣсь не одинъ и, если кто и придетъ, такъ изъ его друзей, а не чужой ктонибудь.

— Какъ хотите, вамъ лучше знать. Какъ вы хорошо сдѣлали, что не послушали меня и остались здѣсь меня ждать!

— Я сдѣлала то, что Господу Богу было угодно.

Она ушла, а я осталась одна съ дорогимъ моимъ покойникомъ. Опустившись на полъ возлѣ него и по временамъ вглядываясь въ строгое, восковое лицо съ выраженіемъ торжественнаго спокойствія въ чертахъ, я перебирала въ умѣ событія послѣдней недѣли, которыя такъ отдалили меня отъ прошлаго и отъ того, что я была прежде, что я сама себя не узнавала и съ изумленіемъ себя спрашивала: «какъ могла я судить людей и событія такъ, какъ я это дѣлала всего только двѣ недѣли тому назадъ?» О, какъ я созрѣла за эти послѣдніе пятнадцать дней! Я такъ была готова къ смерти, что съ полнымъ спокойствіемъ встала бы на встрѣчу Небесному жениху и сказала бы Ему вполне искренно: «Возьми меня, мой Спаситель, я готова!»

Степанида вернулась не одна. Монахини того монастыря, гдѣ она нашла для насъ пристанище, отпустили съ нею двухъ сестеръ и старика дьячка.

Этотъ послѣдній, пока мы обряжали Серезу на вѣчный покой, отправился съ фонаремъ отыскивать, куда его положить. Немного погодя, онъ вернулся и объявилъ, что нашелъ въ подвалѣ тайникъ со льдомъ, до котораго, повидимому, грабители не успѣли еще добраться, такъ какъ въ немъ оказалось нѣсколько бутылокъ съ виномъ.

По его мнѣнію, если опустить туда Серезу, онъ могъ спокойно пролежать тамъ до тѣхъ поръ, пока можно будетъ похоронить его по-христіански.

«Тамъ, гдѣ онъ желалъ лежать, подлѣ дѣдушки, маменьки, всѣхъ нашихъ, и послѣ того, какъ папенька его простить», подумала я, цѣлуя въ послѣдній разъ милое холодное лицо передъ тѣмъ, какъ съ нимъ разстаться навѣки.

Степанида вызвалась принести бутылки, которыя могли намъ понадобится для подарка въ монастырь, гдѣ нужда такъ велика, что скоро ужъ причащать будетъ нечѣмъ. Когда она съ ними вернулась, мы понесли тѣло въ тайникъ подвала, гдѣ съ молитвой положили его на солому, посланную на толстый слой льда.

Господь помогъ намъ все это свершить задолго до разсвѣта мы пришли въ монастырь, когда сестры еще молились въ нижней церкви, среди гробницъ похороненныхъ тутъ именитыхъ бояръ, строителей храма, а также умершихъ настоятельница обители.

Какъ сладко звучало пѣніе въ этомъ божественномъ убѣжищѣ! Расположеніемъ своимъ въ нѣдрахъ земли, убожествомъ утвари и

восторженнымъ настроеніемъ молящихся оно напоминало убѣжища древнихъ христіанъ во времена гоненій на нихъ отъ язычниковъ.

Въ первый разъ, какъ я вернулась въ Москву, молилась я Богу съ спокойною душой и благодарила Его за ниспосланныя мнѣ великія и неисчислимыя милости. Я чувствовала себя прибитою къ берегу послѣ крушенія. Пережитыя бури казались успокоившимися навсегда, и я не могла желать ничего лучше, чѣмъ то, что намъ далось.

Служили утрению, по окончаніи которой мнѣ подали свѣчу, и началась панихида по новопреставленномъ бояринѣ Сергѣѣ.

Тутъ я въ первый разъ заплакала. И что за сладкія это были слезы! Сердце отъ нихъ оживало, какъ цвѣтокъ отъ утренней росы. Никто не мѣшалъ мнѣ плакать, никто не обращался ко мнѣ со словами утѣшенія, которыя всегда такъ несносно слышать у гроба дорогого покойника, но я сознавала сочувствіе въ голосѣ каждой изъ поющихъ бѣлицъ, въ каждомъ возгласѣ священника, въ каждомъ вздохѣ молящихся за моего брата старицъ!

По окончаніи панихиды меня подвели къ игуменіи. Она обняла меня, какъ старую знакомую, и повторила то, что раньше сказала Степанидѣ, что готова подѣлиться съ нами всѣмъ, что у нихъ осталось, въ память благодареній, оказанныхъ нашими предками монастырю. Она разспрашивала меня про моего дѣда и бабу. Последнюю она еще знавала въ свѣтѣ, когда онѣ обѣ были при дворѣ. Знала она также и нашего отца, котораго съ добродушною усмѣшкой называла «безпутнымъ», но когда я упомянула про дядю, лицо ея омрачилось, и она тяжело вздохнула. Когда я сказала, что онъ, должно быть, живетъ теперь въ монастырѣ близъ Новгорода, она, не раздвигая строго сдвинутыхъ бровей, прошептала, какъ бы про себя: тамъ ему спасенія не найти.

Я была такъ возбуждена всѣмъ пережитымъ, что о снѣ и не помышляла. Меня не неволили ложиться, но Степанида ужъ спала, какъ убитая, въ чуланчикѣ подъ лѣстницей, гдѣ ей отвели уголокъ съ другими дѣвушками, пріютившимися здѣсь. Меня же игуменія помѣстила въ своей коморочкѣ, устроенной въ сторожкѣ, у входа на кладбищѣ. Пробиравься сюда надо было согнувшись въ три погибели, а мѣстами и ползкомъ, низкой галереей, прорытой подъ землей, теперь заваленной (какъ и всѣ сады и дворы въ Москвѣ) обломками разрушенныхъ сосѣднихъ строеній.

Обломковъ эти съ умысломъ не убрали, они служили надежнѣйшей защитой отъ врага.

Мнѣ рассказали, что, когда французы ворвались въ монастырь, чтобъ его ограбить, офицеръ, командовавшій стрядомъ, посоветовалъ матери казначеѣ (которая осталась въ церкви съ нѣсколькими старицами, готовясь къ неминуемой смерти, если имъ не удастся отстоять святыни, запрятанныя въ подвалы) обратиться за защи-

той къ генералу, проѣзжавшему въ эту самую минуту по улицѣ, на которую выходила монастырская ограда. Почтенная старица такъ и сдѣлала. Она съ воплемъ кинулась ему въ ноги. Онъ слѣзъ съ лошади и послѣдовалъ за нею въ монастырь. Тамъ грабежъ ужъ начался. Солдаты были разъярены и къ тому же пьяны, такъ что въ скорости унять ихъ не было никакой возможности; со многихъ образовъ ризы были уже сорваны, и побѣдители шумно бражничали въ трапезной ужиномъ, приготовленнымъ для сестеръ. Заглянувъ въ дверь, генералъ туда и не зашелъ, побоялся вѣрно, что его не послушаютъ, и не захотѣлъ передъ женщинами сражаться. Онъ только спросилъ: гдѣ ихъ настоятельница? Его повели въ то убѣжище у кладбища, гдѣ она пріютилась съ сестрами помоложе, каждую минуту ожидая лютой и неминуемой смерти.

Генералъ ее успокоилъ, сказалъ, что того, что награблено, уже не вернуть, но что дальнѣйшаго разоренія монастыря онъ постарается не допустить. Мѣсто, гдѣ спряталась игуменія съ молодыми монахинями, ему понравилось, и онъ имъ посовѣтовалъ тутъ и оставаться. Игуменія поднесла ему крестъ съ мощами, который онъ на себя тутъ же и надѣлъ, прося ее молиться за него. Назвался Адрианомъ. Его и до сихъ поръ поминаютъ, какъ спасителя монастыря.

Однако жъ, про нижнюю церковь ему не сказали. Французы такъ и не узнали, что за все время ихъ пребыванія въ Москвѣ въ ней шла служба.

Старичекъ священникъ, заранѣе отправивъ семью за городъ, тутъ же притулился. Первое время никто не зналъ, что въ нижней монастырской церкви идетъ служба, и, кромѣ сестеръ, никто на ней не присутствовалъ, но потомъ мало-помалу молва объ этомъ разнеслась между немногими православными, оставшимися въ городѣ по причинамъ, ничего общаго съ разбойничьими цѣлями не имѣющимъ, и вполне достойными называться русскими людьми, и вотъ стало у насъ появляться все больше и больше молещичиковъ.

— Есть и такіе, которые ощущаютъ каждый день потребность причащаться въ такое страшное время, когда смерть подкарауливаетъ человѣка на каждомъ шагу,—разсказывала мнѣ игуменія.— И странныя существа къ намъ иногда приходятъ за духовною помощью,—продолжала она съ улыбкой.—Вчера, на примѣръ, рано утромъ, нашли мы въ церкви юношу, такой чудной, что мы его съ перваго взгляда за юродиваго приняли, безъ шапки, босой...

— Съ бѣлокурыми кудрями, глаза голубые, въ рваномъ армякѣ, надѣтомъ прямо на сорочку?—съ живостью перебила я ее.

— Именно такъ. А ты откуда его знаешь?

— Я съ нимъ пришла въ Москву. Онъ намъ помочь черезъ заставу пройти, а потомъ скрылся у насъ изъ виду.

— Оттуда, значитъ, прямо къ намъ и прибѣжалъ. Исповѣдался, причастился. Что съ нимъ теперь случилось, Богъ его знаетъ! По всему видать, рода онъ знатнаго и воспитаніе получилъ блестящее. Со мною онъ, впрочемъ, и не притворялся, понялъ вѣрно, что меня не обманешь, и въ рогожѣ узнаю князя, не даромъ я промежъ нихъ родилась и выросла. Всѣхъ онъ нашихъ заинтересовалъ, и я такъ думаю, что мы о немъ еще услышимъ...

Разговоръ этотъ происходилъ утромъ, часовъ пять послѣ того, какъ мы сюда пришли. Насъ со Степанидой одѣли въ монашескія ряски, съ повязками бѣлицъ. Ей дали работу, шить что-то такое, а меня игуменія не отпускала отъ себя, расспрашивала про мою жизнь, про родителей, про братьевъ, про нашихъ воспитателей. Я совершенно откровенно ей рассказала все, что до меня касалось, но на ея вопросы относительно папеньки, дѣда и мачихи ограничивалась уклончивыми отвѣтами. Понявъ, что разговоръ этотъ мнѣ непріятенъ, она прервала его. Мнѣ съ нею было очень ловко, я въ ней нашла женщину одного со мною происхожденія и воспитанія, и благодарила Бога за такую покровительницу. Впослѣдствіи, узнавъ ее ближе, я стала ее уважать и любить еще больше. Такою, какою онъ была, когда судьба меня съ нею свела, я видѣла ее только въ то время, которое мы провели съ нею въ хижинкѣ кладбищенскаго сторожа, когда она собственноручно копала могилы для двухъ сестеръ, умершихъ за это время, на разстояніи трехъ дней одна отъ другой, и когда она, какъ малаго ребенка, утѣшала несчастную, которая попала въ плѣнъ къ французамъ по своей же оплошности и вернулась въ монастырь вся истерзанная, опозоренная, обезумѣвшая отъ страха и стыда!

Какъ она за нею ухаживала! Какъ утѣшала и ободряла ее! До тѣхъ поръ она съ нею возилась, пока бѣдная жертва грубаго насилія не успокоилась.

Прочія старицы были далеко не такія милостивыя, и я сама слышала, какъ онѣ втихомолку упрекали Марѳушу за то, что она не скрыла случившагося съ нею несчастья, чтобъ не обезпокоить матушку. Я увѣрена, что онѣ безъ пощады выгнали бы ее изъ монастыря, чтобъ только избавиться отъ непріятности ее жалѣть и утѣшать.

Потомъ, когда все вошло въ прежнюю колею, и, благодаря пожертвованіямъ благочестивыхъ людей, монастырь обновился и наполнился стекающими со всѣхъ сторонъ старыми и новыми обитательницами, игуменія измѣнила свое обращеніе съ сестрами и опять сдѣлалась попрежнему строга, величественна и, какъ подобаетъ особѣ, облеченной въ такой высокій санъ, не всѣмъ въ обители доступна, но никто ужъ не могъ забыть, чѣмъ она была для сестеръ, пережившихъ съ нею ужасное время непріятельскаго нашествія, и словъ нѣтъ выразить, какъ ее любили и уважали!

Я подробно рассказала ей о моей встрѣчѣ съ Сережей и про его смерть, и когда дошла до его словъ о другѣ, котораго онъ называлъ «графчикомъ», она тотчасъ же объявила, что это долженъ быть тотъ самый юноша, который наканунѣ у нихъ причащался. Онъ и имъ говорилъ, что онѣ про него услышатъ.

Увы, ожиданія его сбылись! Не дальше, какъ къ вечеру слѣдующаго дня, прибѣжала старица, ходившая каждый день въ городъ съ самыми разнообразными порученіями (и между прочимъ къ генералу, взявшему обитель подъ свое покровительство), и рассказала, что французы исполошены слѣдующимъ приключеніемъ: невзирая на запрещеніе русскимъ подходить близко къ Кремлю, у самага дворца, въ которомъ поселился императоръ французовъ, пойманъ юноша съ ножомъ, запрятымъ за сорочку. Его долго допрашивали, и онъ, можетъ быть, спасся бы, притворяясь сумасшедшимъ, или еслибъ заговорилъ по-французски, или сказалъ бы, что его подучили, и что онъ раскаивается въ своемъ поступкѣ, но онъ прямо объявилъ, что пришелъ съ намѣреніемъ убить императора, а на всѣ остальные вопросы упорно молчалъ, и его разстрѣляли.

По всѣмъ признакамъ, это былъ тотъ, котораго Сережа считалъ своимъ другомъ, и которому я дала червонецъ, передъ тѣмъ, какъ войти въ Москву.

Кто онъ былъ, мнѣ такъ и не удалось узнать во всю мою жизнь. Въ то время такъ много людей пропало безъ вѣсти, столькіе скрывали свои имена и представлялись не тѣмъ, чѣмъ они были на самомъ дѣлѣ, что ничего нѣтъ мудренаго, если близкіе этого босого и въ лохмотьяхъ «графчика», искусно разыгрывавшаго роль юродиваго, чтобъ проникнуть въ завоеванный родной городъ, служать о немъ панихиды, какъ объ убиенномъ, не подозрѣвая, какимъ именно подвигомъ добился онъ мученической смерти! А, можетъ быть, за него и молятся изъ близкихъ было некому, не даромъ говорилъ онъ мнѣ, что у него никого и ничего не осталось на землѣ!

Узнавать въ городѣ о случившемся и о томъ, къ чему надо было готовиться, ходила не одна только старица, а также и охотники изъ тѣхъ мірянъ, которые нашли пріютъ въ монастырѣ, такъ что мы знали о томъ, что терпятъ французы и на что рассчитываютъ. Какимъ именно образомъ удавалось нашимъ вѣстовщикамъ проникать къ лицамъ, близко стоявшимъ къ главному начальству и къ самому Наполеону, сказать не могу, но приносили они намъ свѣдѣнія изумительныя по подробностямъ и по вѣрности. Почти все, что они узнавали, сбывалось въ точности, такъ, напримѣръ, узнали мы о попыткѣ Бонапарта начать переговоры о мирѣ и о томъ, какъ отвергнуты были эти попытки. Узнавали мы также о побѣдахъ, одержанныхъ нашими партизанами и

ополченцами въ окрестностяхъ Москвы и въ прилегающихъ къ ней губерніяхъ, гдѣ ужъ свирѣпствовалъ среди непріятельской арміи голодъ, невзирая на то, что они овладѣвали селами и городами одинъ за другимъ. Но, въ ожиданіи ихъ появленія, жители бѣжали, истребивъ всѣ запасы или такъ хорошо ихъ припрятавъ, что пришельцы ничего не находили.

И чѣмъ бы каяться и прибѣгать къ Богу въ такой нуждѣ, Бонапартъ устраивалъ среди развалинъ святого города театральныя зрѣлища, въ которыхъ ломались актеры и актрисы въ костюмахъ, выкроенныхъ изъ награбленныхъ священническихъ ризъ!

Отъ святотатствъ, совершаемыхъ ими въ нашихъ храмахъ, мы трепетали и находили утѣшеніе только въ молитвѣ.

По временамъ, переутомленное страшными впечатлѣніями воображеніе такъ угнетало мозгъ, что способность что либо сознать и понимать притуплялась, и намъ казалось, что мы живемъ въ ужасномъ кошмарѣ, а не наяву.

Плѣненіе наше въ монастырѣ продолжалось недѣли три съ половиной. Впродолженіе всего этого времени я ни разу не вышла изъ обители, но Степанида ходила въ городъ съ тѣми, которыхъ посылали за вѣстями и съ порученіями, и видѣла обломки великолѣпнаго дѣдушкинаго дома, по которымъ даже и судить о прежнемъ его великолѣпіи было невозможно. Ей посчастливилось встрѣтить старика, жившаго въ людской на покой и не пожелавшаго покинуть Москву съ тѣми людьми, которымъ папенька предложилъ уѣхать въ деревню, подъ тѣмъ предлогомъ, что ему все равно, гдѣ ни умирать, среди французовъ или дома. Старикъ этотъ разсказалъ Степанидѣ, что тотъ загадочный челоуѣкъ, которому папенька поручилъ имущество, оставшееся въ городѣ, вывезъ все, что у насъ было драгоцѣннаго, въ Матаваевскій домъ. Замѣчательно, что онъ продолжалъ это дѣлать и тогда, когда французы явились въ Москву, и что никто ему не мѣшалъ насъ грабить.

Чѣмъ заслужилъ онъ такое снисхожденіе? Подкупомъ или предательствомъ?

И это тоже, какъ и многое другое, навсегда осталось для насъ тайною.

Одно только было несомнѣнно, это то, что родовое гнѣздо князей Б—хъ сгорѣло дотла, въ то время, какъ домъ Матаваевой остался цѣлъ и невредимъ, со всѣми сокровищами, скопленными въ немъ раньше и приумноженными тѣми, что были туда вывезены изъ нашего дома.

Что касается папеньки, больше пострадать отъ непріятельскаго нашествія, чѣмъ онъ, было трудно; онъ не только лишился обоихъ сыновей (Рому такъ и не удалось отыскать ни между ранеными, ни между убитыми), но также и всего состоянія. Домъ его, дочиста

ограбленный, сгорѣлъ дотла, а на всѣ его имѣнія было наложено запрещеніе за долги. И при этомъ главнымъ и самымъ жестокимъ заимодавцемъ явилась «проходимка», на которой онъ имѣлъ легкомысліе жениться передъ войной и которая, между прочимъ, потребовала отъ него уплаты тѣхъ денегъ которыя она пожертвовала на отечественныя нужды и за которыя получила высочайшую благодарность.

Какъ устроила она, чтобъ на все это доказать свои права, неизвѣстно, но не даромъ вела она близкое знакомство съ темными личностями, изоцрившимися въ искусствѣ кляузъ и оплетенія намѣченныхъ жертвъ въ такія сѣти, изъ которыхъ и болѣе осторожному человѣку, чѣмъ папенька, трудно было бы выпутаться.

Свидѣлась я съ нимъ вскорѣ послѣ вступленія нашихъ войскъ въ Москву.

Благодаря Степанидѣ, которая каждый день отыскивала старыхъ знакомыхъ среди развалинъ бывшаго города, папенька узналъ о моемъ убѣжищѣ и тотчасъ же ко мнѣ пріѣхалъ.

Выразить не могу, какъ я изумилась, найдя его точно такимъ, какимъ я его оставила! Такимъ же жизнерадостнымъ и беззаботнымъ красавцемъ, какимъ онъ былъ, когда снаряжалъ насъ въ путь... А между тѣмъ какихъ только страстей онъ не навидался! въ какихъ ужасахъ не принималъ самаго дѣятельнаго участія! Сколько сердечныхъ утратъ, сколько потерь и лишеній выпало на его долю въ продолженіе этихъ десяти недѣль!

И нельзя сказать, чтобъ онъ оставался холоденъ къ собственнымъ бѣдствіямъ и къ бѣдствіямъ родины, нѣтъ, онъ плакалъ, спрашивая меня про Сережу и про Рому, заставлялъ меня припоминать слова, сказанныя ими мнѣ передъ вѣчной разлукой, приставалъ съ разпросами насчетъ того, что намъ пришлось со Степанидой вынести въ продолженіе страшныхъ трехъ недѣль, при одномъ воспоминаніи о которыхъ я дрожала отъ ужаса, но изъ всего, что онъ отъ меня слышалъ, равно какъ и изъ того, что ему пришлось самому испытать, онъ бралъ только то, что поражало его артистическое воображеніе, и возбуждало его какимъ-то страннымъ, чисто внѣшнимъ интересомъ, не вникая въ сущность явленія, въ то, что запало мнѣ въ душу такъ глубоко и такъ безповоротно повліяло на мои чувства и понятія, что мнѣ даже трудно было повѣрить, что я такъ еще недавно была совсѣмъ другая.

Безпрестанно прерывалъ онъ меня разказами объ эпизодахъ, которыхъ былъ свидѣтелемъ и по комичности своей не имѣвшихъ ничего общаго съ настроеніемъ моей души. О потерѣ своего состоянія онъ говорилъ болѣе чѣмъ равнодушно, съ пренебреженіемъ, и точно восхищаясь ловкостью, съ которою его обобрали.

— Такой бестія, какъ моя супруга, во всемъ мірѣ не найти! Варжаевъ у меня спрашиваетъ: «Неужели ты съ нею опять сой-

дешься?» Я на это расхохотался. «Другъ мой, говорю, это я ужъ тебѣ предоставляю съ нею сходитья, ты не разоренть, и ей есть изъ-за чего надъ тобой постараться...». Разумѣется, досадно, что она наше имя носитъ, но вѣдь и то сказать, кромѣ меня, пострадать отъ этого некому. Мальчиковъ моихъ нѣтъ больше на свѣтѣ, а ты замужъ выйдешь.

И онъ заговорилъ про Шарля.

— Нашъ бывшій гувернеръ вѣдь цѣлъ и невредимъ остался! Только руку ему прокололи пикой при Бородинѣ, но это пустяки, даже и говорить про это не хотѣлъ, когда мы съ нимъ свидѣлись, все про васъ спрашивалъ. Я ничего не могъ ему сказать, тогда въ Москвѣ еще французъ сидѣлъ... Но про продѣлки Дарьи мнѣ ужъ тогда было извѣстно, и я ему рассказалъ, какъ она старалась насъ посорить... А какъ ловко она на меня пожертвованныя деньги свалила, слышала?

И не дожидаясь моего отвѣта, онъ продолжалъ объяснять, какъ онъ попалъ въ подставленную хитрой бестіей ловушку.

— Помнишь, какъ она сокрушалась, что ее въ общество принимать не хотятъ? Ну, я ее и надоумилъ крупнымъ пожертвованіемъ всѣмъ нашимъ сіятельнымъ и прочимъ дамамъ носъ утереть... Извини за выраженіе, голубчикъ, какъ заговорю про эту хамку, самъ дѣлаюсь хамомъ... Зубами схватилась за совѣтъ. Но ты понимаешь, что достать въ скорости большую сумму чистоганомъ, чтобъ царю на блюдѣ поднести, не такъ-то легко, такая сумма даже у нашей богачихи Орловой не всегда есть на лицо, лѣсъ за безцѣнокъ должна была продать, чтобъ пожертвованіе сдѣлать. А моя хамка нашла такого капиталиста, который ей эти деньги въ мѣшечкѣ принесъ. Кто этотъ благодѣтель, я не допытывался, конечно, всегда избѣгалъ я въ прошломъ моей благовѣрной копаться, а тѣмъ болѣе съ прежними друзьями ея и пріятелями знаться, ну, я и подмахнулъ бумажку, которую она мнѣ подсунула, подъ тѣмъ предлогомъ, что на отчужденіе такого капитала разрѣшеніе законнаго супруга требуется... И вотъ за эту подпись намъ съ тобой теперь и приходится расплачиваться не только саратовскими нашими имѣніями, но и пермскими лѣсами. Хорошо еще, что братъ вызвался раздѣлить со мной бѣду и уступить свое Радостное...

— А гдѣ же дядя будетъ жить?—спросила я.

— Ему, голубчикъ, кромѣ книгъ, письменнаго стола, да вольтеровскаго кресла, ничего не надо. Останется, вѣроятно, до конца своихъ дней у того юродиваго пріятеля, который пріютилъ его въ деревнѣ во время нашествія на Радостное. Очень ужъ ему тамъ полюбілось; ходятъ оба въ халатахъ, небритые, невытые, нечесанные, о вѣчной правдѣ толкуютъ да сочиненіями мадамъ Гюонъ и ей подобныхъ зачитываются. Мы когда нибудь съѣздимъ съ

тобой его навѣститъ. Мнѣ надо его поблагодарить за услугу, вѣдь она бы меня, пожалуй, въ тюрьму упрятала за долгъ, отъ нея станется, не даромъ дочь каторжника... Ты ея отца видѣла?—спросилъ онъ съ гримасой отвращенія.—Нѣтъ? Ну, и хорошо. Долго не могъ я избавиться отъ впечатлѣнія, которое онъ на меня произвелъ!... Клейменный, съ рваными ноздрями, бррррр!.. Морозъ подираетъ по кожѣ, какъ вспомнишь!

— Это тотъ, которому вы поручили охрану дѣдушкинаго дома?—спросила я, вспомнивъ рассказы людей про таинственного протезе проходимки.

— Онъ самый и есть! А ты почему знаешь? Увѣрила меня, что лучше всякаго укараудить! Вотъ онъ и укараудилъ! Да только не для насъ съ тобой! Ха, ха, ха! Лазутчикомъ, кажется, французамъ служилъ, когда они въ Москвѣ хозяйничали... Ну, знаешь,—продолжалъ онъ съ негодованіемъ,—когда я про все это вспомню, какъ изъ нашего дома непріятель получалъ извѣстія про нашу армію и тому подобное, такая меня беретъ злоба, что я радъ, что этого дома больше нѣтъ, право! Собственными руками, кажется, поджегъ бы его, еслибъ онъ уцѣлѣлъ, чтобъ только скорѣе про всѣ эти мерзости забыть!

И круто повернувъ разговоръ на другой предметъ, онъ сталъ дѣлать планы насчетъ будущаго, какъ онъ поступитъ на службу и будетъ существовать со мною однимъ жалованьемъ.....

Я постигла напомнить ему про нашъ хуторъ, который теперь, увы, принадлежалъ мнѣ одной, и онъ съ восторгомъ ухватился за мысль жить въ немъ по лѣтамъ, заниматься хозяйствомъ, разводить сады и тому подобное.

— Ты напиши Варварѣ Петровнѣ, пусть она приѣдетъ объ этомъ съ нами перетолковать... Право же, есть на землѣ много радостей, которыя можно имѣть и безъ денегъ.... Я всегда любилъ природу, и мнѣ кажется, что кататься на рѣкѣ въ лодкѣ, при лунѣ, да еще съ пѣсенниками, никогда не надоѣстъ... Кстати о пѣсенникахъ, представь себѣ, что лагерная жизнь на мой голосъ насколько не повліяла! А ужъ, кажется, я себя не берегъ, сколько ночей провелъ въ сырости, подъ дождемъ, промокая до костей! А кричать-то какъ приходилось, вѣдь иной разъ до хрипоты! И все ничего! Вчера у Батенковыхъ (у нихъ не только домъ, но даже и клавесинъ уцѣлѣлъ, благодаря маршалу, который у нихъ жилъ) просятъ меня по старой памяти чтонибудь спѣть... Ну, знаешь, въ первую минуту я даже струсилъ, право! Что какъ вдругъ всѣ мои ноты пропали, думаю! Однако началъ и, какъ только убѣдился, что всѣ онѣ у меня, голубушки, цѣлехоньки, отъ радости чуть не расплакался, честное слово! Мнѣ кажется, что еслибъ мнѣ поднесли на блюдѣ мое потерянное состояніе, я бы такъ не обрадовался, право!

А какъ его восхищало вниманіе, оказываемое ему его бывшими знакомыми!

— Понять не могу, за что меня такъ любятъ,—совершенно искренно сознавался онъ.—Даже и барыни наши, узнавъ, какой цѣной я поплатился за мою слабость къ проходимкѣ, положили гнѣвъ на милость и, какъ прежде, оказываютъ мнѣ всевозможное вниманіе... Насмѣшила меня Китти Толстая, говоритъ про меня, что лежачаго не бьютъ! Какъ тебѣ это нравится? И предложила мнѣ поселиться въ одной изъ комнатъ флигелька, въ которомъ они сами до поры до времени ютятся. Приглашаютъ и тебя къ нимъ перевезти, но я такъ думаю, что тебѣ лучше здѣсь оставаться, пока я изъ Петербурга не вернусь.

Тамъ ему обѣщали выхлопотать мѣсто, соотвѣтствующее его вкусамъ и способностямъ, хранителемъ какого нибудь музея или директоромъ театра. Онъ былъ тонкій знатокъ искусства и мастеръ управлять хорами и труппами актеровъ; всѣ его знали за высоко благороднаго человѣка, неподкупнаго и талантливаго.

Друзей, послѣ того, какъ онъ оказался разореннымъ нашептвѣмъ, у него явилось еще больше прежняго; къ старымъ присоединились новые, тѣ, съ которыми онъ сошелся во время похода. Не было, кажется, человѣка на свѣтѣ, который не считъ бы за удовольствіе ему помочь по возможности удобнѣе и лучше.

— Здѣсь всѣмъ хочется, чтобъ я остался жить въ Москвѣ. Да и понятно, безъ меня имъ некому будетъ устраивать праздники,—объявилъ онъ между прочимъ, весело мнѣ подмигивая.

Мнѣ было отрадно его слушать, и я не думала его прерывать. Каждымъ своимъ словомъ успокоивалъ онъ меня насчетъ своей судьбы. Не было такого несчастья или неудачи, которой удалось бы омрачить его жизнерадостность. «Всегда, во всякой обстановкѣ, онъ будетъ веселъ и будетъ находить удовольствіе срывать цвѣты жизненныхъ утѣхъ, которые растутъ исключительно для такихъ избранныхъ натуръ, какъ его», думала я.

Да, большая была для меня отрада, что онъ остался тѣмъ, чѣмъ былъ раньше, и что мнѣ не приходилось болѣть за него душой, но онъ меня утомлялъ, и я должна сознаться, что вздохнула свободнѣе, когда намъ пришли сказать, что скоро должны запереть ворота монастыря, и что постороннимъ здѣсь больше оставаться нельзя.

Прощаясь со мною, онъ сказалъ, что Шарля въ Москвѣ нѣтъ. Онъ поѣхалъ къ графу въ деревню и, вспомнивъ, что еще мало рассказалъ мнѣ о нашемъ бывшемъ гувернерѣ, сталъ распространяться о немъ, уже надѣвши шубу и шапку, въ сѣняхъ, куда я вышла его провожать.

— Славный онъ малый и такъ блестяще доказалъ свою преданность и любовь къ Россіи, что я теперь понимаю, почему

Кутузовъ съ перваго знакомства обратилъ не него вниманіе. Онъ далеко пойдетъ, его государь замѣтилъ. Да и нельзя было не замѣтить, такихъ дѣльныхъ офицеровъ у насъ, къ сожалѣнію, не много. Храбры всѣ, но толкомъ примѣнять храбрость—на это мало кто способенъ, а онъ, нашъ французикъ, именно такимъ себя показалъ... А помнишь, какъ я на него взѣлся лѣтомъ, когда онъ мнѣ надоѣдалъ письмами про васъ, а въ особенности про тебя? Ужасно беспокоила его твоя судьба! Ему все казалось, что я не сумѣю тебя уберечь отъ французовъ... И вѣдь онъ былъ правъ, я не уберечь тебя, ты попала таки къ нимъ въ плѣнъ! Но тогда, благодаря проходимкѣ, меня раздражала эта заботливость, и я помню, что обѣщала ей тебѣ это высказать, а также и ему написать, что я прошу его въ чужія дѣла не вмѣшиваться... Тебя-то я выбранилъ, ну, а ему рука не поднялась писать грубости за его къ намъ любовь. И хорошо, что я ей въ этомъ не уступилъ! Какъ вспомню теперь, на что только эта бестія меня натравляла, совѣстно дѣлается, право! Ты-то меня, дружочекъ, простишь, я знаю, но вѣдь Шарль намъ чужой, и къ тому же онъ былъ тогда въ такомъ неловкомъ положеніи, что это было бы просто подлость на него нападать. На французовъ-то у насъ вѣдь и до сихъ поръ косо смотрятъ... Но не натакихъ, какъ онъ, нѣтъ! Онъ такъ за Россію стоялъ, что даже солдаты его фамилію передѣляли, иначе какъ Сабровымъ не зовутъ!

Съ этими словами онъ еще разъ меня поцѣловалъ и, напомнивъ, чтобъ я какъ можно чаще писала ему въ Петербургъ, уѣхалъ, не давъ мнѣ произнести ни слова на то, что онъ высказалъ про Шарля, и не узнавъ, какого рода чувство питала я къ этому послѣднему.

Впрочемъ, въ то время я и сама этого не знала. Мнѣ казалось, что мѣсто мое въ монастырѣ и нигдѣ больше. Но когда я начинала говорить про это съ игуменіей, она не давала мнѣ кончить и совѣтовала не опережать событій, а ждать, чтобъ Господь указалъ мнѣ путь, по которому я должна итти.

Настаивать на своемъ я не смѣла, но въ глубинѣ сердца была убѣждена, что путь этотъ мнѣ ужъ достаточно ясно указанъ, и что ждать больше нечего.

А время, между тѣмъ, шло. Паленька загостился въ Петербургѣ и писалъ мнѣ оттуда длинныя письма, изъ которыхъ я не могла не замѣчать, что, невзирая на легкомысліе, если что нибудь его заботить, такъ это моя судьба. Въ его письмахъ попадались такія фразы: «Дѣла мои подвигаются, и если хлопоты моихъ друзей увѣнчаются успѣхомъ, у меня будетъ не только почетное, но и блестящее положеніе въ обществѣ, но признаюсь тебѣ, что это меня мало успокоиваетъ, и что утѣшить меня вполне можетъ только императрица Елисавета Алексѣевна, если она возьметъ тебя къ себѣ».

Меня очень испугали эти слова. Что онъ еще затѣваетъ, мой милый, безразсудный и увлекающійся, какъ пятнадцатилѣтній мальчикъ, папенька! Очутиться при дворѣ въ томъ угнетенномъ состояннн духа, въ которомъ я находилась,—ужаснѣе этого я ничего не могла себѣ представить!

Городъ начиналъ оправляться отъ нашествія. Воздвигались дома, приводились въ порядокъ улицы, и въ уцѣлѣвшихъ церквахъ шла служба. Начались приготовленія къ прїѣзду царской фамиліи.

Наконецъ, мы узнали, что царская семья прїѣхала, и что обѣ императрицы объѣзжаютъ монастыри.

Пожаловали онѣ и къ намъ.

Я попросила позволенія у игуменнн не выходить изъ моей кельи во время этого посѣщенія и, убѣдясь, что меня къ этому понуждаетъ не ложный стыдъ и не гордость, а просто отвращеніе къ мірской суетѣ и къ тому, чтобъ выставлать себя на показъ, равно какъ и нежеланіе возбуждать любопытство, она дала мнѣ требуемое разрѣшеніе.

Келья моя находилась въ отдаленномъ коридорѣ, тѣмъ не менѣе, когда высокія посѣтительницы пожаловали, гулъ отъ поднявшейся по всему монастырю суматохи началъ достигать и до моего убѣжища, и чтобъ не развлекаться и не допускать до себя соблазнительныхъ мыслей и представлений, я стала на молитву.

Вдругъ, слышу, бѣжитъ ко мнѣ со всѣхъ ногъ Степанида.

— Княжна, къ вамъ гости!—весело вскричала она, растворяя дверь.

— Какіе гости?

— Отгадайте!

Глаза ея такъ весело сверкали, что и у меня сердце весело забилось.

— Папенька?—спросила я.

Она покачала головой.

— Варвара Петровна?

— Нѣтъ.

Произнести третье имя, завертѣвшееся у меня въ головѣ при первыхъ ея словахъ и просившееся на языкъ, я себѣ не позволила, и, видя, что я молчу, она рѣшила меня долше не мучить.

— Да вамъ и не отгадать! Графиня Наталья Алексѣевна... Да вотъ и сами онѣ,—послѣшила она прибавить, отходя отъ двери и скрываясь за перегородку, гдѣ у меня стояла кровать.

Вошли двѣ дамы. Узнавъ мою дорогую графиню, я кинулась ее обнимать, не замѣчая въ первую минуту, что она была не одна.

— Вотъ гдѣ намъ съ тобой довелось встрѣтиться, дружочекъ мой!..

И вдругъ, опомнившись, она повернулась къ своей спутницѣ и почтительно проговорила:—Княжна Б—ая, ваше величество!

И толкнула меня впередъ.

Передо мною стояла, ласково мнѣ улыбаясь, императрица Елисавета Алексѣевна.

Я такъ растерялась, что могла только низко поклониться и стояла съ опущенными глазами, не понимая, чѣмъ заслужила я такую великую честь, что царица удостоивала навѣстить меня въ убогой моей кельѣ. Я чувствовала на себѣ ея взглядъ и, какъ всегда при каждомъ волненіи, краснѣла до ушей.

— Она очень мила,—сказала императрица по-французски и очень тихо, но слова эти долетѣли до моихъ ушей и усилили мое смущеніе.

— Я васъ давно знаю черезъ графиню, дитя мое, а послѣднее время вашъ отецъ намъ много про васъ рассказывалъ,—продолжала императрица, обращаясь ужъ ко мнѣ.

А графиня взяла меня за талью и ласково упрекнула, что я дурная хозяйка, не предложу гостямъ даже сѣсть.

Потомъ все какъ-то само собою обошлось, и, сама не понимая, какъ это случилось, я съ оживленіемъ бесѣдовала съ моими посѣтительницами, которыя съ любопытствомъ меня разспрашивали о моихъ походахъ на войнѣ. Я должна была имъ все рассказать, и про странствованія мои по лѣсамъ и по большимъ дорогамъ, мимо разоренныхъ усадебъ, городовъ и деревень, и про монастыри, въ которыхъ мы нашли пріютъ, и про о. Лаврентія, и про мать Аглаиду, и про бѣгство Ромы, и про плѣнъ у французовъ, все однимъ словомъ, даже, воодушевившись воспоминаніемъ пережитыхъ ужасовъ, я описала мою встрѣчу съ умирающимъ братомъ...

Тутъ только догадавшись по овладѣвшему мною волненію, что я, можетъ быть, поступаю безтактно, безпокою императрицу повѣствованіемъ о моихъ личныхъ страданіяхъ, я смолкла на полусловъ и бросила на графиню умоляющій взглядъ.

Но она отъ слезъ не могла произнести ни слова и только съ улыбкой мнѣ кивнула на государыню, у которой тоже слезы умиленія выступили на глаза.

— Какъ же думаешь ты теперь устроить свою судьбу? Отецъ вашъ остался на службѣ и, вѣроятно, выступитъ въ походъ за границу въ скоромъ времени; дома у тебя нѣтъ, гдѣ же бы ты желала жить?—милостиво спросила она меня.

— Если вы позволите, ваше величество, я возьму ее къ себѣ,—съ живостью опережая мой отвѣтъ, сказала графиня.

При этомъ она такъ выразительно на меня посмотрѣла, что я не позволила себѣ ей противорѣчить заявленіемъ о желаніи моемъ остаться въ монастырѣ. Да это было бы не вполне искренно; послѣднее время и по мѣрѣ того, какъ притуплялось впечатлѣніе

вынесенныхъ страданій, мысли о мірскомъ все чаще и чаще на-вертывались мнѣ на умъ. Меня ужъ совѣсть не мучила при воспо-минаніи о Шарлѣ, и вотъ сейчасъ, во время разсказа про о. Лаврен-тія, неожиданная встрѣча съ тѣмъ, котораго я въ то время иначе, какъ «милымъ своимъ», про себя не называла, воскресла передо мною съ такою силой, что мнѣ стоило труда не упомянуть и про этотъ эпизодъ въ моемъ повѣствованіи.

— Да, ей, пожалуй, первое время будетъ лучше у васъ, чѣмъ при дворѣ,—сказала императрица, не спуская съ меня внимательнаго и ласковаго взгляда.

Такимъ образомъ судьба моя была рѣшена, и черезъ нѣсколько дней графиня перевезла меня къ себѣ.

Однако, прощаясь съ игуменіей и съ сестрами, я была убѣ-ждена, что расстаюсь съ ними не навсегда, и желаніе мое посвятить себя Богу все еще жило въ моемъ сердцѣ, вмѣстѣ съ убѣжденіемъ, что въ міру мнѣ дѣлать нечего, и что я тамъ никому не нужна.

Но я въ этомъ ошибалась, какъ и во многомъ другомъ.

Пришлось мнѣ также убѣдиться и въ томъ, какъ я еще мало знаю людей и какъ заблуждаюсь въ моихъ сужденіяхъ о нихъ.

Первый человѣкъ, открывшій мнѣ глаза на этотъ счетъ, была Степанида.

Я была въ полной увѣренности, что она обрадуется послѣдо-вать за мною въ міръ, а между тѣмъ при первыхъ моихъ сло-вахъ объ этомъ она смутилась, опустила глаза и объявила, что у нея одно только желаніе—остаться въ монастырѣ.

— Да и не могу я вамъ, барышня, въ мірѣ служить,—про-должала она, не дожидаясь моихъ возраженій.—Какъ вамъ будетъ угодно, а только въ душѣ своей каждый человѣкъ воленъ, и передъ Господомъ нѣтъ рабовъ, всѣ свободны. Я свою грѣшную дупу отдала Господу Богу, и вы ужъ, пожалуйста, золотая барышня, на грѣхъ меня не смущайте.

Я стала ей говорить все, что говорятъ въ подобныхъ случаяхъ, и что, какъ я убѣдилась впоследствии, вліяетъ только на тѣ души, которыя уже надломлены сомнѣніемъ и мірскими соблазнами, по тѣмъ же, которыя созрѣли для подвига, скользятъ безслѣдно. Всѣ мои доводы ни къ чему не привели. Степанида слушала ихъ молча, упершись взглядомъ въ полъ, и тогда только улыбнулась, когда я намекнула ей на замужество и на радости семейной жизни.

— Бросьте вы про это и думать, барышня! Дѣвкѣ, опоганенной нехристями, стыдно и грѣшно даже помыслить о томъ, чтобъ стать подъ честный вѣнецъ съ православнымъ,—объявила она такъ твердо, что я не настаивала.

Разсказъ мой подошелъ къ концу. То, что произошло въ моей жизни дальше, такъ обыденно, что говорить про это не стоитъ. Скажу только, что очень скоро послѣ переселенія моего къ графинѣ я

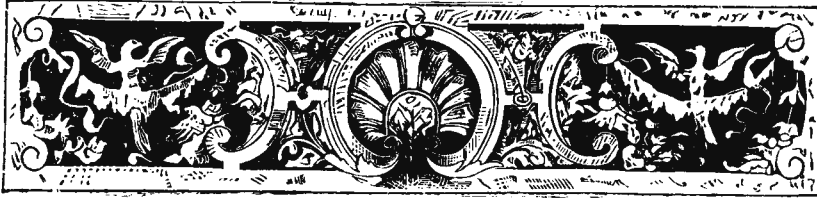
увидѣлась съ Шарлемъ, убѣдилась, что онъ любить меня такъ же, какъ и прежде и съ согласія папеньки обвѣнчалась съ нимъ, передъ выступленіемъ его въ походъ, окончившійся для него очень счастливо. Всюду отличаясь и подвергаясь всевозможнымъ опасностямъ, онъ, благодаря Бога, вернулся ко мнѣ только съ контузіей, которая стала его беспокоить нѣсколько лѣтъ спустя и въ дурную погоду. У насъ было много дѣтей, и мы долгое время жили въ маменькиномъ хуторкѣ съ нашей милой Варварой Петровной. А когда она скончалась, переѣхали во Францію, гдѣ мужу моему досталось небольшое имѣніе въ наслѣдство отъ дальняго родственника, и гдѣ онъ и скончался въ преклонныхъ лѣтахъ.

Отецъ мой женился въ третій разъ и былъ счастливѣе съ третьей женой, чѣмъ съ проходимкой, тѣмъ не менѣе до конца жизни не могъ безъ слезъ вспоминать про нашу мать и въ такія минуты, когда ему плохо приходилось отъ супруги, отличавшейся любовью къ порядку, расчетливостью и благоразуміемъ, онъ упрекалъ ее въ томъ, что она не стоитъ и мизинца его первой жены, и совѣтовалъ ей поучиться у меня терпѣнію и такту, которые я, по его словамъ, унаслѣдовала отъ матери.

Разумѣется, онъ въ этомъ ошибался, и до маменьки мнѣ всегда было далеко, но по склонности своей все преувеличивать онъ смотрѣлъ на меня сквозь призму родительской любви и прелести впечатлѣній юности. Никогда не было во мнѣ ничего особеннаго, и если я познала сама себя раньше, чѣмъ другія женщины одинаковаго со мною общественнаго положенія, то это только благодаря особенностямъ моей жизни, встрѣчамъ съ такими высоко-даровитыми личностями, какъ графиня Яръ-Червлениная, Шарль, дядя Левъ Романовичъ, подготовкѣ къ воспріятію добра, данной мнѣ нашей матерью, и событіямъ, въ круговоротъ которыхъ я попала шестнадцати лѣтъ отъ роду, когда дѣвушки мечтаютъ только о любви и объ удовольствіяхъ.

Н. Мердеръ.

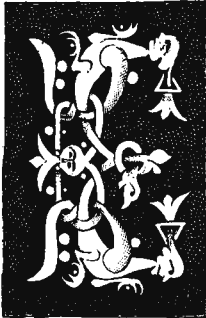

ВОСПОМИНАНІЯ О БЫЛОМЪ.

(1770—1833 г.).

Изъ семейной хроники.

КАТЕРИНА Алексѣевна Сабанѣва, рожденная Прончищева, родилась въ Калугѣ 17-го мая 1829 г. и была старшей въ семьѣ; кромѣ нея, у родителей ея было три дочери. Мать Е. А. Сабанѣвой—Варвара Петровна, рожденная кн. Оболенская, дочь князя Петра Николаевича Оболенскаго и Анны Евгеніевны, рожденной Кашкиной. Эпизоды изъ жизни этихъ фамилій—Прончищевыхъ, кн. Оболенскихъ и Кашкиныхъ, и сообщаетъ Е. А. Сабанѣва въ своихъ воспоминаніяхъ.

Все время до замужества Екатерина Алексѣевна прожила со своими родителями и сестрами въ калужской деревнѣ, совершая вмѣстѣ съ ними частыя поѣздки въ Москву и по губерніямъ Калужской и Тульской, гдѣ проживали многочисленные ихъ родственники и друзья. Это долгое пребываніе въ деревнѣ и частые переѣзды сроднили ее съ русскою сельскою жизнью и дали возможность близко познакомиться съ крестьянскимъ населеніемъ, главнымъ образомъ Тульской и Калужской губерній, и полюбить русскаго простого людина.

Въ 1853 г. Екатерина Алексѣевна Прончищева вышла замужъ за Федора Петровича Сабанѣва, который получилъ образованіе въ Одесскомъ Ришельевскомъ лицей и былъ, по отзывамъ лицъ, хорошо и близко его знавшихъ, человѣкомъ глубоко-христіанскихъ правилъ. Его служебная и общественная дѣятельность относится

главнымъ образомъ къ эпохѣ освобожденія крестьянъ. Этой реформѣ Ѳ. П. Сабанѣвъ отдалъ лучшей періодъ своей жизни и въ Калугѣ, гдѣ былъ мировымъ посредникомъ, и въ Кіевѣ; въ послѣдніе годы жизни онъ занималъ отвѣтственную должность начальника канцеляріи кіевского генералъ-губернатора. Екатерина Алексѣевна была посвящена во всѣ подробности службы мужа и такъ сжилась съ его дѣятельностью, что можно сказать, что они служили вмѣстѣ. Ѳедоръ Петровичъ былъ домосѣдъ и держался строгихъ житейскихъ правилъ: не любилъ гостей, не ходилъ ни въ клубъ, ни въ театръ; все свободное отъ службы время онъ удѣлялъ дѣтямъ, готовя съ ними уроки, читая русскихъ и иностранныхъ классиковъ и т. д. Екатерина Алексѣевна, прежде любившая общество, до самой смерти мужа вела ту же затворническую жизнь, всецѣло отдавшись воспитанію дѣтей, и только послѣ его смерти стала изрѣдка бывать у знакомыхъ и принимать у себя.

Ѳедоръ Петровичъ скончался въ Кіевѣ 25-го января 1876 г. Кончина мужа такъ глубоко поразила Екатерину Алексѣевну, что она долго и тяжело была больна, и ея семейные опасались за ея жизнь. Услыхавъ о кончинѣ своего хорошаго знакомаго, Ѳедора Петровича Сабанѣва, мой тесть Дмитрій Дмитриевичъ Благово (впослѣдствіи о. Пимень), бывший тогда рясофорнымъ монахомъ подмосковнаго Николо-Угрѣнскаго монастыря, выразилъ соболѣзнованіе его вдовѣ, которую знавалъ еще въ дни своей юности. Между ними возникла переписка, которая продолжалась до самой кончины Екатерины Алексѣевны, послѣдовавшей 29-го октября 1889 г. Мой тесть былъ знакомъ съ семействами Прончищевыхъ и князей Оболенскихъ въ Москвѣ, еще въ 40-хъ годахъ, будучи студентомъ Московскаго университета и вращаясь въ томъ же великосвѣтскомъ московскомъ обществѣ, въ которомъ протекли дѣтство и юность «Кати-розы», какъ называли въ то время въ Москвѣ Екатерину Алексѣевну Прончищеву. Оба корреспондента—монахъ, нѣкогда великосвѣтскій московскій юноша, и мать многочисленнаго семейства, скорѣвшая о потерѣ нѣжно любимаго ею мужа,—неволью въ своихъ письмахъ припоминаютъ бывшее изъ ихъ давно прошедшей московской жизни. Подъ вліяніемъ этихъ воспоминаній молодости и возникаетъ у Е. А. Сабанѣвой мысль изложить ихъ на бумагѣ. Вотъ что пишетъ она о. Пимену въ Римъ, гдѣ онъ былъ въ то время настоятелемъ русской посольской церкви, въ письмѣ изъ Кіева отъ 29-го января 1886 г.: «Ваше письмо дало моимъ мыслямъ направленіе къ воспоминаніямъ. Au fond il ne me reste de la vie que de pieux souvenirs! Это понятно. Вотъ я начала рыться въ перепискѣ моей съ матерью, съ друзьями, и нашла между прочимъ записки, составленныя давно мною: онѣ относятся къ моему дѣтству, юности и жизни у дѣда моего князя Петра Николаевича Оболенскаго, въ бывшемъ домѣ его въ Москвѣ, подъ Новинскимъ. За-

тѣмъ мнѣ пришло въ голову сгруппировать все это въ разсказѣ, и, съ помощью Божіей, за эти два мѣсяца явилась первая часть ея... ¹⁾). Это все останется моимъ внукамъ и правнукамъ. Быть можетъ, найдутъ эту рукопись впоследствии и, быть можетъ, вынесутъ изъ нея что нибудь несовсѣмъ бесполезное». Въ октябрѣ 1887 г. Екатерина Алексѣевна отправляетъ отдѣланную окончательно рукопись своихъ «Воспоминаній» о. Пимену. Послѣ этого она излагаетъ на бумагѣ семейную жизнь своей матери и свою собственную, но эта часть воспоминаній не была послана о. Пимену, и гдѣ находится въ настоящее время,—мнѣ неизвѣстно. «Я люблю мой трудъ и продолжаю его,—пишетъ она ему 30-го ноября 1887 г.—Удалось найти старыя письма, изъ нихъ нѣчто пришлось кстати. Этотъ трудъ меня занимаетъ, перо довольно послушно мысли; затѣмъ, погружаясь въ прошедшее, отдѣляешься отъ мелочей дѣйствительной жизни, легче переносишь невзгоды».

Послѣ смерти мужа Екатерина Алексѣевна прожила въ Кіевѣ почти безвыѣздно десять лѣтъ, заботясь о дѣтяхъ и внучатахъ и называя себя поэтому въ письмахъ къ архимандриту Пимену «Марою, пекущейся о мноземъ». Въ 1887 г., вслѣдствіе нездоровья младшаго сына, переселилась она въ Одессу, вмѣстѣ со старшимъ, женатымъ сыномъ. Здѣсь она скончалась 29-го октября 1889 года.

Хотя въ «Воспоминаніяхъ» Е. А. Сабанѣевой рѣчь идетъ о той порѣ, которую она лично помнить только отчасти и которая основана, главнымъ образомъ, на семейныхъ преданіяхъ и разсказахъ ея матери, но въ самомъ тонѣ повѣствованія уже ясны симпатичныя черты автора «Воспоминаній»: наблюдательный умъ, безпристрастіе, скромность, сердечная теплота, глубокая религіозность. Эти же черты нравственнаго облика Екатерины Алексѣевны еще полнѣе выражаются въ письмахъ ея къ архимандриту Пимену. Самостоятельность и критичность мысли—вогъ что особенно отличало умственныя качества Е. А. Сабанѣевой, по словамъ ея сына Ивана Ѳедоровича. «Эта самостоятельность и критичность мысли,—пишетъ онъ мнѣ,—особенно рельефно выступали въ ея отношеніяхъ къ людямъ. Воспитанная въ традиціяхъ дворянской розни людей между собою и во всѣхъ вытекающихъ отсюда предразсудкахъ, она, тѣмъ не менѣе, всѣ эти традиціи и предразсудки признавала только внѣшне, только по формѣ; внутренне же и въ своихъ дѣйствіяхъ совершенно не дѣлала различія между людьми: со всѣми сходилась, прекрасно понимала людей всѣхъ сословій, всѣхъ религій, всѣхъ національностей—и люди такъ же къ ней относились, какъ и она къ нимъ. Съ ней были одинаково откровенны, разсказывая ей о своихъ дѣлахъ семейныхъ, о своихъ нуждахъ,

¹⁾ Эта первая часть соотвѣтствуетъ тремъ первымъ главамъ первой части печатнаго текста.

заботахъ, горестяхъ и радостяхъ—и военный генералъ, и простая русская баба, и мастеровой нѣмецъ, и торгашъ-жидъ».

Издаваемые «Воспоминанія» Е. А. Сабанѣвой найдены мною въ бумагахъ покойнаго моего тестя архимандрита Пимена (скончавшагося 9-го (21-го) іюня 1897 г. въ Римѣ). Авторъ «Воспоминаній» письменно уполномочилъ о. Пимена проредактировать ихъ и сдѣлать тѣ измѣненія или дополненія, которыя онъ найдетъ нужными; на то же получилъ согласіе и я отъ сыновей Е. А. Сабанѣвой. Слогъ «Воспоминаній» столь характеренъ и образенъ, что въ немъ пришлось измѣнить лишь нѣкоторыя отдѣльныя слова и фразы, и я позволилъ себѣ сдѣлать измѣненія и дополненія главнымъ образомъ въ редакціонномъ отношеніи. Я иначе раздѣлилъ «Воспоминанія» на части и главы, такъ какъ въ началѣ эти отдѣлы были слишкомъ дробны, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и совсѣмъ не было дѣленія на главы; въ большинствѣ случаевъ сохранены названія главъ, данныя Е. А. Сабанѣвой. Кромѣ того, я измѣнилъ заглавіе «Воспоминаній» именно такъ, какъ предполагалъ это сдѣлать о. Пименъ, на что выразила ему согласіе Екатерина Алексѣевна. Для объясненія и дополненія текста я снабдилъ его нѣсколькими новыми примѣчаніями; мои примѣчанія въ печатномъ текстѣ для отличія ихъ отъ примѣчаній автора «Воспоминаній» я означаю своими инициалами Д. К., а примѣчанія Е. А. Сабанѣвой — ея инициалами.

«Воспоминанія о быломъ», написанныя живымъ литературнымъ языкомъ, чуждыя произвольныхъ воззрѣній, ярко изображаютъ бытъ и нравы провинціального русскаго дворянства второй половины XVIII и начала XIX в.в. и сообщаютъ интересные эпизоды изъ жизни высшаго московскаго дворянскаго круга первой четверти текущаго столѣтія. Этими качествами они становятся весьма цѣннымъ вкладомъ въ до сихъ поръ еще не особенно богатую литературу русскихъ мемуаровъ, во многомъ дополняя записки Болотова, Данилова, Жихарева, Бутурлина и др., являясь такимъ образомъ еще новымъ источникомъ для бытовой исторіи русской общественности.

Д. Корсаковъ.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Съ ранняго дѣтства пришлось мнѣ проѣзжать немалыя пространства по двумъ губерніямъ моего дорогаго отечества. Мои родители жили обыкновенно въ своемъ калужскомъ имѣніи, но часто принимали всей семьей путешествія то по Калужской, то по Тульской губерніи, гдѣ жили многочисленные наши родственники или добрые друзья. Бывали мы часто въ Калугѣ. Я хорошо помню Тарусу, Козельскъ, Одоевъ, Лихвинъ, Бѣлевъ, Алексинъ.

Ненарядна наша сѣверная природа: равнины, поля, рощи; очень обрадуешься хвойному лѣсу, если онъ встрѣтится на пути, и это бывало, когда приходилось путешествовать по теченію рѣки Жиздры въ Козельскомъ уѣздѣ, или же, какъ ѣзжали въ Москву, такъ подъ Серпуховомъ мы любили сосновый боръ и заливные луга; очень любовались ими.

Чѣмъ скупѣе природа на свои красоты, тѣмъ глубже впечатлѣніе, которое онѣ оставляютъ; полученныя же впечатлѣнія въ дѣтскомъ возрастѣ положительно теряютъ способность изглаживаться изъ памяти: теперь, когда я собираю для своихъ записокъ воспоминанія дѣтства, то слѣжу шагъ за шагомъ за развитіемъ моихъ чувствъ, мыслей, симпатій и антипатій, сложившихся у меня подъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній моего дѣтства. Прошли годы, протекли событія. Прошла юность съ ея волненіями, зрѣлый возрастъ съ его трудами; настала старость съ ея недугами, тоскою и утратами, а мысль, стремясь въ прошедшее, роется въ немъ, ищетъ и находитъ, какъ послѣдовательно изъ этихъ дѣтскихъ впечатлѣній сложился весь строй и порядокъ моего нравственнаго бытія.

Эти рѣки, эти рощи, эти проселочные пути, по которымъ мы ѣзжали тогда съ родителями, оставили во мнѣ столь глубокія впечатлѣнія, что изъ нихъ, какъ изъ нитей, соткалось полотно всей моей нравственной природы. Для меня ясно, что на этой почвѣ родились и выросли въ душѣ моей привязанность къ родинѣ, къ народу, къ церкви; эти нити и впечатлѣнія дѣтства дали направление всему содержанію моей жизни.

Позволю себѣ теперь дать читателю весьма краткій обзоръ Калужской губерніи. Онъ его не утомитъ, но можетъ быть кстати при чтеніи этихъ записокъ.

Калужская губернія составляла долго часть Московской и занимала всегда видное мѣсто въ нашей отечественной исторіи. Въ 1658 г. царь Алексѣй Михайловичъ приказалъ присоединить къ Калужскому посаду село Спасское, принадлежавшее прежде Романовымъ, и съ тѣхъ поръ Калуга сдѣлалась довольно значительнымъ городомъ.

Калуга лежитъ въ 168 верстахъ отъ Москвы. Она сохраняла всегда тѣсную связь съ столицей, и вслѣдствіе этого на ней отражались всѣ историческія событія, волновавшія Россію. Въ 1812 г.,

при отступленіи изъ нашего отечества наполеоновскихъ полчищъ, Кутузовъ устраивалъ артиллерійскіе парки въ пяти верстахъ отъ Калуги; знаменитая битва близъ села Таругина и сраженіе при Маломъ Ярославцѣ происходили на калужской территоріи.

Калужская губернія не можетъ считаться въ числѣ хлѣбородныхъ мѣстностей Россійской имперіи; почва тамъ глинистая; климатъ, хотя его называютъ умѣреннымъ, весьма непріятный; морозы и санный путь продолжаются около семи мѣсяцевъ въ году.

Народъ въ Калужской губерніи работящій, смѣтливый и способный. Калужскіе крестьяне являются и до сихъ поръ повсюду лучшими ремесленниками: они ходятъ далеко на промыслы, ѣздятъ на Кавказъ и въ Персію, торгуютъ тамъ капарейками, которыхъ разводятъ и выращиваютъ въ селѣ Полотняный Заводъ въ Мединскомъ уѣздѣ. Въ Одессѣ, въ гостиницахъ, часто встрѣчаешь цѣлый персоналъ дворниковъ въ красныхъ рубахахъ: это все расторопные молодцы калужане; въ Кіевѣ лучшіе печники и плотники изъ Калуги. Правда, что нужда научила калужанъ искать средствъ къ пропитанію другими путями, чѣмъ земледѣліе. «Вѣстимо,—говоритъ калужскій мужичекъ,—земелька у насъ плохая, глинка святая: глядишь, къ Аксинѣ полухлѣбниці (24-го января) у хозяйки не осталось ни синь пороху муки, чтобы замѣсить хлѣбушки: семья хоть по-міру иди!» Впрочемъ, и внутри губерніи крестьяне находили себѣ заработки. Многія мѣстности Калужской губерніи изобилуютъ чугуною рудой, и скоро тамъ возникли чугунно-литейные заводы; затѣмъ при Петрѣ I существовали уже въ Калугѣ канатныя фабрики, кожевенные заводы, сортировка щетины: значить, и тутъ крестьяне получали заплатную работу. Торговое движеніе развивалось быстро въ Калужской губерніи, и продукты промышленнаго производства начали доставляться въ Балтійскіе порты. Судоходная широкая Ока протекаетъ по Калужской губерніи; кромѣ того, рѣки Серена, Угра и Упа служатъ для сплава товаровъ въ Мценскъ и Орель. Въ Козельскомъ уѣздѣ село Сухиничи служитъ складомъ пеньки, которую везутъ туда изъ Тульской, Полтавской и Орловской губерній и затѣмъ отправляютъ ее въ сѣверные порты.

При Петрѣ I Калуга была сначала приписана къ Московской губерніи, затѣмъ, въ 1719 году, назначена провинціальнымъ городомъ Калужской провинціи. При Екатеринѣ II она сдѣлалась главнымъ городомъ Калужскаго намѣстничества и при Александрѣ I, въ 1808 году, оставлена губернскимъ городомъ.

По дѣламъ духовнымъ Калуга была сначала подчинена Крутицкой епархіи, потомъ управлялась московскимъ архіереемъ, наконецъ 1798 году создана Калужская и Боровская епархіи, и дѣла духовныя получили въ Калугѣ самостоятельное управленіе. Очень можетъ быть, что въ этомъ случаѣ вліялъ московскій митрополитъ Платонъ, желая создать непосредственную, духовную власть тамъ,

гдѣ было много раскольниковъ: они являлись въ Калужской губерніи между купцами и экономическими крестьянами.

Къ этому краткому обзору Калужской губерніи прибавлю еще, что въ ней было много святыхъ обителей подобно тому, какъ и во многихъ другихъ губерніяхъ нашего обширнаго отечества. Въ 15-ти верстахъ отъ Калуги лежитъ Тихонова пустынь (мужской монастырь); затѣмъ въ самомъ городѣ дѣвичій монастырь во имя Казанской Божіей Матери, а недалеко отъ города, въ довольно живописной мѣстности, Лаврентьева пустынь. Верстахъ въ семи отъ Калуги было въ древности городище при рѣчкѣ Калужкѣ. Впослѣдствіи на этомъ мѣстѣ, въ домѣ помѣщика, явилась чудотворная икона Калужской Божіей Матери. Тогда былъ сооруженъ храмъ, въ который и перенесли икону; въ это село, Калужку, стекается множество богомольцевъ на поклоненіе чудотворному образу. Я помню, что въ юности мы предпринимали путешествіе пѣшкомъ на Калужку; она находилась верстахъ въ 25-ти отъ имѣнія моего батюшки.

Въ дѣвичьемъ Калужскомъ монастырѣ я тоже часто бывала у тетушки моей Софьи Дмитріевны Кашкиной. Помню я ея уютную, свѣтлую келейку, опрятно убранную. Войдешь, бывало, въ ея пріемную комнату—такъ тихо кругомъ; на окнахъ бѣлыя кисейныя занавѣски, горшки жасмина и герани; коверъ своей работы передъ диваномъ, подъ круглымъ столомъ, а по обѣимъ сторонамъ его чинно стоятъ небольшія кресла. Надъ диваномъ портреты родныхъ, въ переднемъ углу комнаты Распятіе: передъ нимъ теплится лампада. Лѣтомъ, бывало, окно открыто въ небольшой палисадникъ; тетушка собственноручно сажала и поливала свои цвѣты. И какія крупныя и пестрыя маргаритки тамъ цвѣли! любуешься ими, а изъ храма, который былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ея кельи, доносятся звуки церковнаго пѣнія. Я часто гостила у этой тетушки; игуменья была тамъ добрая и кроткая мать Анжелика: я была еще ребенкомъ, и она щедро кормила меня вареньемъ и смоквами. Зато казначея, мать Аполлинарія, была высокая и плотная монахиня, строгая и суровая; я ея очень боялась.

Въ Калужской губерніи, въ Козельскомъ уѣздѣ есть еще обитель; воспоминанія о ней глубоко врѣзались въ мою память. Эта обитель носитъ названіе Оптиной пустыни. Видъ этого монастыря производилъ на меня особое впечатлѣніе, хотя мѣстность не поражаетъ исключительною живописностью; я всегда находила особую прелесть въ простотѣ его ландшафта.

Монастырь расположенъ на берегу рѣки Жиздры, въ сосновой рощѣ. Когда вы къ нему подѣзжаете, то онъ является постепенно вашему взору изъ-за темной хвойной зелени, точно эти сосны берегутъ его подъ своею сѣнью отъ любопытныхъ взоровъ грѣшныхъ людей. Рѣка Жиздра огибаетъ одну сторону обители, затѣмъ, обратясь отъ нея въ другомъ направленіи, продолжаетъ свое теченіе по широкимъ полямъ и лугамъ и теряется на горизонтѣ передъ вашими глазами.

Усердіе мірянъ къ этой обители имѣло издавна большое значеніе въ Калужской губерніи; туда ѣздили дворянскія семьи говѣть, и многіе имѣли духовниковъ между иноками. При монастырѣ была гостиница для посѣтителей. Народъ несъ туда свою лепту; всякій искалъ тамъ поддержку для упованій и борьбы на пути земной жизни. Я помню тамъ старца схимника Леонида, мы ходили въ его келью испрашивать его благословеніе.

Затѣмъ прошло много лѣтъ. Я жила въ Кіевѣ, гдѣ столько святыни; эти впечатлѣнія дѣтства и юности исчезли изъ моей памяти. Но лѣтъ семь тому назадъ читала я романъ талантливаго нашего писателя Достоевскаго «Братья Карамазовы», и на страницахъ его я встрѣтила описаніе одного монастыря. Это описаніе невольнo перенесло мои воспоминанія въ ту святую обитель. Въ лицѣ старца Зосимы, мнѣ казалось, я видѣла одного изъ схимниковъ; рассказъ о немъ у Достоевскаго вышелъ вѣренъ и характеренъ. Затѣмъ авторъ мастерски указалъ на ту связь, которая существуетъ въ нашемъ отечествѣ между всѣми сословіями и церковью; могучая кисть Достоевскаго бросила яркія краски на эту сторону русской жизни: передъ вами является ясно картина народныхъ вѣрованій, глубоко прочувствованная авторомъ. Скажу, однако, что страницы, которыя касаются кончины Зосимы, смутили меня смѣлымъ анализомъ положеній. Я осталась недовольна, будто уязвлена душой. Какой-то голосъ говорилъ мнѣ: «не то, не то!»

1883-й годъ я прожила на Кавказѣ. Я умилилась передъ величіемъ его природы, созерцала его цвѣтуція долины, могучіе бурливые потоки, снѣжныя вершины его горъ и забыла миловидные ландшафты моей родины, забыла нашу широкую Оку съ ея отлогими берегами. Но разъ какъ-то въ Кутаисѣ попалась мнѣ въ библіотекѣ майская книжка «Русскаго Вѣстника», кажется, за 1883 годъ. На ея страницахъ я прочла біографію Зедергольма. Я знавала его въ Москвѣ въ 40-хъ годахъ, онъ былъ сынъ важнаго по сану духовнаго лица при лютеранской миссіи въ Москвѣ. Въ то время молодой Зедергольмъ былъ студентомъ Московскаго университета, съ типомъ лица остзейскихъ нѣмцевъ, воспитанный въ патриархальной средѣ нѣмецкаго порядка. Зедергольмъ успѣшно окончилъ курсъ на филологическомъ факультетѣ въ Москвѣ, былъ посланъ за границу отъ университета — передъ нимъ открывалась блестящая карьера. И этотъ Зедергольмъ бросаетъ ее, удаляется въ Оптину пустынь и произноситъ тамъ иноческіе обѣты. Онъ и въ кельѣ трудился надъ греческими манускриптами, но болѣзнь прекратила вскорѣ нить его жизни. Что побудило этого лютеранина, этого ученаго сороковыхъ годовъ, удалиться въ ту святую обитель?

Тогда опять я вспомнила Оптину пустынь и мои молитвы тамъ передъ престоломъ Божиимъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

П Р О Н Ч И Щ Е В Ы.

I.

Село Богимово.

Въ Тарусскомъ уѣздѣ рѣка Ока служитъ естественною границей двухъ губерній: Тульской и Калужской. По теченію Оки есть мѣста очень живописныя; то ея крутой берегъ покрытъ лѣсомъ, то онъ плоскій и отлогій, такъ что въ маѣ мѣсяцѣ онъ представляетъ картину цвѣтущихъ заливныхъ луговъ, а въ іюнѣ богатыхъ покосовъ.

Но поселки по Окѣ отодвигались далеко отъ русла рѣки, вѣроятно, вслѣдствіе ея широкаго разлива въ весеннее время, и помѣщичьи усадьбы были рѣдки надъ Окою; развѣ-развѣ появлялись онѣ на ея кручахъ, гдѣ рѣка во время разлива не могла приносить вреда: эти усадьбы были самыя живописныя. Я помню таковую въ Тарусскомъ уѣздѣ—сельцо Колосово¹⁾ Чертковыхъ: оно поражало своимъ мѣстоположеніемъ. Но усадьба эта была не очень старинная; архитектура барскаго дома могла быть отнесена къ характеру построекъ временъ императора Александра I, балконъ представлялъ ротонду съ колоннадой подъ куполомъ. Сидимъ мы, бывало, лѣтомъ на этомъ балконѣ послѣ поздняго обѣда (у Чертковыхъ обѣдывали по-англійски, часовъ въ шесть) и любуемся Окой. Она разлилась широко внизу густого парка, а противоположный берегъ рѣки представляетъ равнину зеленыхъ луговъ; вдали на горизонтѣ, освѣщенный закатомъ солнца, въ розовомъ свѣтѣ его послѣднихъ лучей, является, какъ на ладонѣ, хорошенькій уѣздный городокъ Алексинъ Тульской губерніи. Этотъ городокъ, съ грунпной строеній и церковей на полугорѣ, давалъ жизнь и особую прелесть ландшафту. Но я бы-

¹⁾ Сельцо Колосово въ 1830-хъ годахъ принадлежало Александру Дмитріевичу Черткову. Въ Москвѣ было два Черткова, оба Александра и оба Дмитріевичи. Тарусскаго помѣщика Александра Дмитріевича называли денежнымъ, ибо у него былъ домъ въ Денежномъ переулкѣ въ Москвѣ. Онъ былъ женатъ на княжнѣ Софьѣ Павловнѣ Мещерской. Другой Александръ Дмитріевичъ Чертковъ былъ московскимъ предводителемъ дворянства и былъ женатъ на графинѣ Чернышевой.

вала въ Колосовѣ въ 1839 году и помню его во всемъ блескѣ за-тѣй, вывезенныхъ тогда подъ впечатлѣніемъ недавней поѣздки Чертковыхъ за границу; древнія же усадьбы въ нашемъ Тарусскомъ уѣздѣ строились скорѣе внутри уѣзда, по берегамъ рѣкъ, менѣе значительныхъ, чѣмъ судоходная Ока. Такова была рѣка Мышинга въ Тарусскомъ уѣздѣ—она впадаетъ въ Оку, противъ самаго Алексина; въ этой мѣстности оказалась желѣзная руда, и вскорѣ на этой незначительной рѣкѣ возникъ чугунно-литейный заводъ ¹⁾.

Вверхъ по Мышингѣ являются крестьянскіе поселки, деревушки: параллельно ея теченію проходилъ когда-то большой трактъ Калужской казенной дороги. Мышинга — не широкая рѣка; то она вьется между лугами, то одинъ изъ ея береговъ вздувается горками, которыя покрыты хвойнымъ лѣсомъ, иногда осинникомъ или березникомъ. Природа тутъ довольно миловидна; у самаго русла рѣки растетъ ивнякъ съ его блѣдною, голубоватою зеленью, дальше группируются ольхи съ ихъ темною листвою; между букетами этихъ деревьевъ являются лужки и болотца, изъ которыхъ поднимаются часто стада дикихъ утокъ и куропатокъ. Дичи много въ этой мѣстности. Мышинга—прелюбезная рѣчка; она имѣетъ способность служить обитателямъ ея береговъ, сообразуясь послушно съ ихъ требованіями: такъ, надъ ея русломъ является плотина, задерживающая ея воды въ глубокой прудъ, надъ которымъ работаетъ чугунно-литейный заводъ, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ, по ея берегамъ лѣплятся крестьянскія избушки, и она течетъ, скромно журча по камешкамъ, такая мелкая и ничтожная, что надъ ней царятъ крестьянскіе ребятишки, которые съ самой весны ставятъ верши и ловятъ раковъ въ ея такъ называемыхъ бучилахъ.

Въ 1770-хъ годахъ, въ царствованіе императрицы Екатерины II, по теченію Мышинги было расположено село Богимово, Тарбеево тожъ. Крестьянскій поселокъ съ ветхими избушками и плетневыми огородами тянулся вдоль теченія рѣки по обоимъ ея берегамъ, изъ которыхъ одинъ подымался, постепенно возвышаясь, и терялся на горизонтѣ, представляя съ одной стороны едва замѣтную полоску лѣса и равнину полей, а другой берегъ былъ гористый, въ овражкахъ, вершинкахъ и осиновою рощей, изъ-за которой виднѣлся деревянный барскій домъ съ садомъ. Недалеко отъ барской усадьбы, на полугорѣ, стояла ветхая деревянная церковь съ кладбищемъ; немного ниже домикъ священника съ крыльцомъ, избы причетниковъ... Проселочная дорога вьется по горѣ мимо этихъ построекъ, крутая, глинистая, съ глубокими колеями и рытвинами по обѣимъ ея сторонамъ: она теряется на горизонтѣ.

¹⁾ Въ 1830-хъ годахъ Мышингскій чугунно-литейный заводъ принадлежалъ князю Бибарсову. Е. С.

Картина этого сельскаго вида имѣла всегда что-то грустное; эта ветхая деревянная церковь, съ крышей, поросшей мохомъ, кладбище съ оградой, въ которой, тамъ и сямъ, не досчитывалось всѣхъ продольныхъ переборовъ; какъ-то угрюмо и непривѣтно было въ этомъ мѣстѣ. Даже народъ богимовскій отличался тою же угрюмостью и въ особенности приниженностью: пройдите по деревнѣ, окликнете кого изъ мужиковъ,—они неохотно будутъ съ вами гуторить, точно они глуховаты, не то глуховаты, недовѣрчивы и упрямы.

Барская усадьба съ довольно большимъ деревяннымъ домомъ, смотреть не то убого, не то бѣдно, не то таинственно. Замкнутость всюду какая-то, точно въ монастырѣ.

Село Богимово принадлежало въ то время Ionъ Кононовичу Прончищеву; онъ былъ разбитъ параличемъ и впадалъ почти въ дѣтство.

Изъ родословной Прончищевыхъ мы видимъ, что этотъ родъ далъ двѣ вѣтви дворянскихъ фамилій: Потресовыхъ и Прончищевыхъ. Не думаю, впрочемъ, чтобы онѣ восходили слишкомъ далеко своею древностью, или чтобы онѣ вышли изъ Орды; однако при Петрѣ Великомъ одинъ изъ предковъ Прончищевыхъ былъ во главѣ экспедиціи, посланной царемъ въ Сибирь для изслѣдованія устьевъ рѣки Лены, другой былъ отправленъ посломъ къ одному изъ иностранныхъ дворовъ. Теперь этотъ родъ угасъ: послѣднимъ изъ рода Прончищевыхъ былъ мой отецъ Алексѣй Владимировичъ Прончищевъ ¹⁾.

¹⁾ Въ дополненіи къ свѣдѣніямъ о Прончищевыхъ, сообщаемымъ Е. А. Сабанѣевой, считаемъ небезынтереснымъ прибавить слѣдующія данныя на основаніи «Русской родословной книги», составленной княземъ А. В. Лобановымъ-Ростовскимъ (см. 2-е изданіе, Спб., 1895 г., т. II, стр. 136—139), и другихъ источниковъ. Предокъ Прончищевыхъ по ихъ родословной былъ Иванъ Васильевичъ Прончище, выѣхавшій изъ Польши на службу къ московскому великому князю Иоанну III, въ 1488 году; но это семейное преданіе не можетъ быть почтено достовернымъ, такъ какъ сыновья Ивана Васильевича Прончищева являются въ службѣ уже у внука Иоанна III, царя Иоанна Васильевича IV, въ 60-хъ и 70-хъ годахъ XVI вѣка, т.-е. черезъ 80—90 лѣтъ по выѣздѣ ихъ отца изъ Польши. Среди служилыхъ людей московскаго государя нѣкоторые изъ Прончищевыхъ стали занимать болѣе или менѣе видныя должности лишь съ начала XVII в., а именно съ царствованія Михаила Ѳеодоровича. Такъ, Осипъ Яковлевичъ Прончищевъ въ 1618 г. посланъ къ шведскому королю Густаву-Адольфу для утвержденія Столбовскаго мирнаго договора, а въ 1625 г. былъ посломъ къ крымскому хану. Его потомство выдвигается на служебномъ и преимущественно дипломатическомъ поприщѣ при преемникахъ царя Михаила Ѳеодоровича въ теченіе всего XVII вѣка. Сынъ Осипа Яковлевича, Аванасій Осиповичъ, въ 1632 г. ѣздилъ посломъ къ турецкому султану, а при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ 1654 г., получилъ чинъ думнаго дворянина; онъ † 30 декабря 1660 г. О немъ см. «Акты Московскаго государства», изданные императорскою академіей наукъ, подъ редакціей профессора Н. А. Попова, т. I, Спб., 1895 г., стр. 378, 379, 535, 573. Сынъ Аванасія Ивановича Прончищева, Иванъ Аванасьевичъ, былъ посломъ

Добрые люди рассказывали, будто этотъ владѣлецъ села Богимова былъ въ свое время человѣкъ разумный и добрый, что прежде жилось хорошо въ его семьѣ, что если богатства не было, то и недостатковъ не терпѣлось. Мелкопомѣстнымъ помѣщикомъ его назвать было нельзя, ибо въ Богимовѣ числилось за нимъ ревизскихъ 100 душъ; земли было при имѣніи достаточно, такъ что можно было жить и не тужить. Оно въ сущности и было такъ, но дѣло въ томъ, что Иона Кононовичъ потерялъ нѣжно любимую имъ супругу, отъ которой у него остался сынъ Алеша еще въ колыбели; тогда, ради этого ребенка, онъ призвалъ къ себѣ на жительство сестру свою, Мавру Кононовну, пожилую и степенную дѣвицу; она имѣла и свое маленькое имѣньице, однако, поставивъ тамъ надъ хозяйствомъ смѣтливаго мужичка старосту, рѣшилась переѣхать къ братцу въ Богимово. И вотъ съ той поры въ Богимовѣ жизнь потекла пасмурно, все вокругъ стало глядѣть сентябремъ; таковъ ужъ былъ нравъ у Мавры Кононовны. Надо, конечно, отдать ей полную справедливость въ томъ, что порядокъ въ домѣ она умѣла содержать и нравы блюсти самымъ строгимъ образомъ, но у нея все выходило рѣзко, докучливо, и все окрашивалось мрачными красками. И при ея управленіи тяжело жилось въ Богимовѣ, особенно, когда хозяинъ послѣ параличнаго удара сталъ жить со всѣмъ дѣтскою жизнію.

Къ племяннику своему Алешѣ Мавра Кононовна относилась всегда строго; когда онъ подросъ, она взяла дѣячка для обученія его грамотѣ, была весьма довольна его успѣхами, ибо мальчикъ былъ очень смышленный и бойкій: даже ради преуспѣянія въ наукахъ Мавра Кононовна пригласила ему въ товарищи Прошу Крюкова, крестника Ионы Кононовича, сына одного изъ ближайшихъ богимовскихъ сосѣдей. Такъ вотъ и шло образованіе въ тѣ времена, и большаго не требовалось, особенно въ провинціяхъ. Еслибы отецъ Алеши былъ здоровъ, то, можетъ быть, иначе устроилось бы его жизненное поприще; но при властолюбивой тетушкѣ племянникъ росъ, сознавая надъ собою ея полнѣйшій авторитетъ, да и пока не мечтавъ еще ни о какой карьерѣ.

Мавра Кононовна была пресолидная и пресновательная особа. По гостямъ ѣздить не любила; развѣ только въ годъ два ѣздила она на Калужку или въ село Боръ на поклоненіе чудо-

въ Швеціи въ 1660 году, затѣмъ служилъ въ разныхъ приказахъ, участвовалъ въ 1682 г. на Земскомъ соборѣ, уничтожившемъ мѣстничество, и дошелъ до чина окольниковаго. Два его сына были стольниками; старшій изъ нихъ Петръ Ивановичъ († 1700 г.) при царевнѣ Софьѣ получилъ также чинъ думнаго дворянина, а меньшой, Михаилъ Ивановичъ († 1702 г.), служилъ стольникомъ при царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ и царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ. Прончищевы XVIII в. спускаются въ ряды заурядныхъ офицеровъ реформированной Петромъ Великимъ арміи и не идутъ по службѣ выше чина премьеръ-майора. Д. Е.

творнымъ иконамъ: положительно всѣ сосѣди забыли дорогу въ село Богимово, съ тѣхъ поръ, какъ она тамъ поселилась.

Напримѣръ, хотя бы священникъ села Богимова, отецъ Данилъ, который, при покойной супругѣ помѣщика, часто заходилъ въ барскіе хоромы, являлся теперь къ Маврѣ Кононовнѣ только по дѣламъ церкви. Надо сказать, что сельскѣе духовенство было всегда въ большой зависимости отъ помѣщиковъ, которые имѣли всѣ средства помогать священнику и причту, входя въ ихъ домашнія нужды, или же оставаться къ нимъ равнодушными. Мавра Кононовна ходила въ церковь, не пропуская ни одной заутрени, прикасалась губами къ рукѣ священника, получая отъ него благословеніе, но она не была склонна видѣть въ немъ человѣка или ближняго. Попъ возбуждалъ въ ней даже чувство недовѣрія и враждебности, соединяясь въ ея воображеніи со всѣмъ духовнымъ сословіемъ, къ которому дворянство относилось всегда свысока. Нерѣдко въ обществѣ слышались тогда такія мнѣнія: «если и хорошій священникъ, а все же кутейническое отродье; а у кутейника глаза завидующіе, а руки загребущія». И Мавра Кононовна была убѣжденій той среды, въ которой родилась и жила. По природѣ своей она была эгоистична и неспособна смягчаться передъ нуждами ближняго, между тѣмъ какъ ея собственные интересы выступали въ жизни всегда на первый планъ. Чужая бѣда слабо касалась ея сердца, и если кто спотыкнется на жизненномъ пути, она рѣзко говорила: «по дѣломъ вору и мука». Пользуясь сама отличнымъ здоровьемъ, она не сочувствовала ничьимъ страданіямъ и презирала страждущихъ. Она очень долго сохранила свѣжесть и физическую красоту; можно сказать, что она была классически хороша собой и даже въ старости имѣла длинную густую косу, въ которой не было ни единого сѣдого волоса. Странно, что при такомъ запасѣ здоровья и силъ душевное ея настроеніе носило мрачный характеръ: все покрывалось въ ея глазахъ неудачей и тяжелыми предчувствіями. Она была убѣждена, что какой-то злой рокъ тяготѣетъ надъ домомъ и родомъ Прончищевыхъ. Предвидѣнія не то пожара, не то крушенія никогда не оставляли ея воображенія.

Она всегда жаловалась, все берегла на черный день: въ Богимовѣ будто никогда не было праздника, а все подъ рядъ будни. Домашняя провізія была у Мавры Кононовны раздѣлена на возрасты и, достигши, по ея понятію, зрѣлости, являлась на столъ часто несвѣжею. Зорко наблюдалась подъ счетомъ всякая тряпка; кладовыя и амбары запирались собственноручно самою барышней (такъ называли въ домѣ Мавру Кононовну), и она носила всегда въ большомъ бархатномъ ридикюлѣ связку ключей, которой никогда никому не довѣряла.

Несвѣтлое и нерадостное было дѣтство Алексѣя въ домѣ отца,

при такой тетушкѣ: немудрено, что нравомъ онъ сдѣлался тоже недовѣрчивъ, упрямъ, даже хитеръ. Власть тетки была слишкомъ сильна, чтобы возможна была съ нею борьба; но не разъ въ дѣтствѣ Алеша съ Прошей забирались черезъ окно въ ея кладовую и похищали тамъ орѣхи, яблоки и пряники. Послѣ и доставалось же имъ за это, но «съ злой собаки хоть шерсти клокъ». Поучить дѣтей Мавра Кононовна розгами, да и спокойна на нѣсколько мѣсяцевъ; въ тѣ времена не задавались наблюденіями за дѣтскими впечатлѣніями или анализомъ дѣтскихъ характеровъ; тогда не говорили о развитіи дѣтей, но главнымъ принципомъ было держать ихъ въ черномъ тѣлѣ. Несмотря на все это, Алексѣй выросъ и превратился въ статнаго, красиваго юношу и наружностью походилъ на тетку. Черты его лица были правильны; темные волосы откидывались назадъ, густо обрамляя высокій лобъ; каріе глаза были красивы, но брови надъ ними имѣли способность дрогнуть иной разъ гнѣвомъ и страстью. Ему пошелъ уже семнадцатый годъ. Русскую грамоту онъ хорошо усвоилъ и писалъ куда красивѣе своего учителя, богимовскаго дьячка, бойко читалъ, даже любилъ заниматься книжками. Мавра Кононовна, вообще недовольная всѣмъ и всѣми, была однако удовлетворена степенью племянника, находила, что его образованіе совершенно соотвѣтствуетъ его дворянскому достоинству, и рѣшила даже, что скоро придется записать юношу на службу царскую: чего ему дома баклуши бить? Обстоятельства, на которыя она всегда жаловалась, сложились, однако, совершенно согласно съ ея желаніемъ, и даже гораздо скорѣе, чѣмъ могла предполагать Мавра Кононовна.

II.

Сельцо Даньково.

Сельцо Даньково было въ трехъ верстахъ отъ Богимова и принадлежало Крюкову. Родъ Крюковыхъ весьма древній. Они вышли изъ Большой Орды и вели свой родъ отъ Салахоміра Мирославича, принявшаго при крещеніи имя Іоанна. Салахоміръ Мирославичъ выѣхалъ къ великому князю Олегу Рязанскому и женился впоследствии на его сестрѣ Анастасіи. Крюковымъ принадлежалъ когда-то городъ Ростиславъ¹⁾. Минувъ то мѣсто, гдѣ по горѣ, мимо Богимовской церкви, вьется крутая проселочная дорога, пойдутъ поля по обѣ стороны ея, и мѣстность дѣлается совершенно ровная,

¹⁾ См. «Родосл. книгу» князя П. В. Долгорукова, т. II, стр. 113. Отъ одного родоначальника съ Крюковыми происходятъ Апраксины, Вердеревскіе и Хитрово. О Крюковыхъ см. замѣтку Вл. Михайловича «Старая жалованная грамота», Истор. Вѣстн., 1883 г., кн. 5, и «Энциклоп. слов.» Брокгауза, кн. 32. Д. К.

вы проѣдете съ версту, будетъ поворотъ налѣво, сверните тогда на эту боковую дорогу, проѣзжайте еще съ версту, и вы доѣхали до сельца Данькова.

Въ лѣтнее время Даньково имѣло видъ особенно привлекательный въ своей скромной деревенской простотѣ. Когда вы къ нему подѣзжаете, по правую сторону дороги явится передъ вашими глазами большая сажалка, или прудъ, обнесенный валомъ; ивовыя деревья идутъ въ два ряда по этому валу и образуютъ аллею, которая огибаетъ этотъ искусственный прудъ съ одной стороны, съ другой же стороны ивовая аллея начинается рѣдѣть, деревья стоятъ уже въ одинъ рядъ, склоняются ниже надъ водою, и берегъ безъ насыпи естественно подымается до ея уровня; по этому берегу раскиданы въ беспорядкѣ крестьянскія избушки съ огородами; стоятъ тамъ и сямъ плетневыя клетушки и амбарчики.

Садъ тянулся по лѣвую сторону дороги, густой и тѣнистый; онъ былъ обнесенъ хорошимъ плетнемъ, обрытъ канавой, заросшей травой, а подъ плетнемъ густой каймой росъ мелколистный, низкій крыжовникъ, и зрѣли на солнцѣ его красныя ягоды. Деревянная крыша и бѣлыя трубы барскаго дома едва виднѣлись изъ-за яблонь, вишенъ, калины и черемухи; тамъ, гдѣ кончался плетень сада, начинался невысокій заборъ барскаго двора съ хозяйственными постройками. Домикъ былъ небольшой, одной стороною онъ точно прятался въ густой садъ, передній же фасадъ, съ каменнымъ бѣлымъ фундаментомъ и крылечкомъ, глядѣлъ весело во дворъ, большой и просторный. Строенія группировались въ немъ не тѣсно между собой, тамъ и сямъ росли ивы, березки и елочки, усадьба была не богатая, но уютная и веселая.

У Крюковыхъ было единственное дѣтище, сынъ Проша, въ которомъ они души не чаяли; отецъ неустанно работалъ ради Проши, и денно, и ночью, не брезгая ни сохой, ни бороной, ни заступомъ. При числящихся при сельцѣ Даньковѣ 30-ти ревизскихъ крестьянскихъ душахъ, полевая работа у него шли успѣшно, всѣмъ жилось въ Даньковѣ хорошо и привольно. Сосѣди завидовали этой мелкопомѣстной семьѣ.

У Даньковскаго барина мужички забыли, что они крѣпостные и рабы; ни крику, ни расправы не было въ этомъ уголкѣ Тарусскаго уѣзда. Помѣщикъ управлялся со своимъ народомъ какими-то, ему одному присущими, приемами и средствами. Народъ этотъ копошился возлѣ него, точно муравьи въ муравейникѣ. Въ этомъ маленькомъ Даньковскомъ государствѣ было тоже министерство; оно состояло изъ двухъ лицъ: Логина и Савишны. Первый былъ и садовникомъ, и кучеромъ, и сторожемъ, вторая же была въ довѣрїи у барыни, и на ней лежали всѣ должности по женскому хозяйству: она ходила, что называется, въ ключахъ, затѣмъ, когда Крюковымъ Богъ даровалъ наслѣдника, Савишна усердно

приняла его на свои руки и вынянчила его съ великимъ стараніемъ и даже успѣхомъ. Сынъ этотъ былъ крестникомъ Іоны Кононовича Прончищева и хотя былъ гораздо моложе Алексѣя, но сдѣлался почти единственнымъ его товарищемъ дѣтства и юности. Они учились вмѣстѣ грамотѣ у Богимовскаго дьячка, вмѣстѣ ходили сначала по роцамъ, по грибы и по ягоды, затѣмъ вмѣстѣ стали ходить съ ружьемъ по болотамъ за дичью или удить рыбу въ бучилахъ.

Характеръ даньковскихъ помѣщиковъ до того располагалъ къ довѣрію, что Мавра Кононовна даже благоволила къ нимъ и являлась иногда въ Даньково, хотя рѣдкою, но тѣмъ не менѣе желанною гостей. И Крюковы ко всѣмъ относились съ равнымъ привѣтомъ и радушіемъ; въ Даньковѣ для каждаго посѣтителя изыскивалось и находилось угощеніе или угожденіе. Въ сажалкѣ у нихъ водились крупные караси и налимы; кто постится по средамъ и пятницамъ, даньковская барыня непременно при отъѣздѣ того гостя велитъ всунуть въ экипажъ ведро съ рыбой, либо яблоковъ моченыхъ въ узелокъ завяжетъ на дорогу, либо орѣховъ каленыхъ,—добрые и привѣтные были даньковскіе помѣщики!..

Но не суждено имъ было порадоваться долго на единственнаго сына Прошу: ему было 15-ть лѣтъ всего, когда онъ лишился обоихъ родителей и остался на попеченіи Логина и Савишны.

Этими двумя существами все продолжало вестись въ Даньковѣ прежнимъ порядкомъ, и, видно, эти порядки имѣли твердую почву, ибо все шло по прежнему масштабу, какъ заведенные часы, и жизнь вовсе не измѣнялась вокругъ молодого наслѣдника и хозяина Данькова.

Проша Крюковъ былъ въ то время высокій, неуклюжій, бѣлокурый юноша, съ полнымъ румянымъ лицомъ; губы его часто складывались въ дѣтскую наивную улыбку, кудри упрямо набѣгали на лобъ, насовывались близко надъ бровями, няня Савишна всякій день собственноручно расчесывала эти кудри и за обѣдомъ подвязывала салфетку большому дитяти, чтобъ неравно не облился.

Няня Савишна была высокая, сухопарая старуха, изъ - подъ сѣдыхъ густыхъ бровей ея глядѣли огромные сѣрые глаза. Она ходила всегда въ синемъ затрапезномъ сарафанѣ, въ бѣлой кацавейкѣ съ узкими рукавами и повязывала голову темнымъ платкомъ по-старушечьи, степенно и аккуратно, такъ что сѣдые волосы развѣ на вискахъ иной разъ выбивались изъ-подъ него.

И жилъ молодой Крюковъ въ своемъ родовомъ гнѣздѣ весьма счастливо. Онъ часто ѣзжалъ въ донотопныхъ дѣдовскихъ дрожечкахъ къ сосѣднимъ помѣщикамъ, со всѣми дружилъ, со всѣми охотился; онъ былъ любимъ въ околоткѣ и мало заботился о будущемъ. Въ Богимовѣ онъ тоже бывалъ ежедневно; молодые Пронгищевъ и Крюковъ видались каждый день, и вотъ мы заглянемъ въ Даньково въ одно іюньское утро.

Это было въ Петровки. Полдень. Въ воздухѣ никакого движенія, на небѣ ни одного облачка. Все тихо вокругъ Даньковской усадьбы.

Въ этотъ день мужички начали косить, едва только заря занялась. Работа шла живо; быстро обкосили лужокъ, что подь барскимъ садомъ, поспѣли и на свою работу на лугъ, что позади ихъ огородовъ подь рощей. Къ полудню деревня точно заснула, все отдыхали, прикурнувъ по клѣтямъ, либо гдѣ нибудь въ холодкѣ.

Въ воздухѣ было душно, на барскомъ дворѣ никого изъ прислуги не было видно, тишина всюду невозмутимая.

Передъ окнами кухни, на веревкѣ, протянутой отъ длиннаго шеста къ черемухѣ, сушилось бѣлье на солнцѣ; подлѣ сруба колодца валялось опрокинутое ведро, стояло корыто, и стадо утокъ, опустивъ носы въ его грязную воду, мутило ее, изрѣдка покрякивая. Насѣдка съ цыплятами врылась въ пыльную ямку и мигала глазами отъ яркихъ лучей полуденнаго солнца, сѣрая овчарка нашла тѣнь подь навѣсомъ амбара и вытянулась точно мертвая, свѣсивъ голову между перильцами. Въ домѣ окна были открыты, ситцевыя занавѣски задернуты и не колыхались.

Вдругъ, со стороны сада, по верхушкамъ деревьевъ пробѣжалъ легкій порывъ вѣтра; онъ точно взъерошилъ макушки черемухи и калины, въ то же время занавѣски въ окнахъ шевельнулись въ одну сторону, хлопнуло гдѣ-то плохо затворенное окно, бѣлье заколыхалось на веревкѣ, и вдали послышался глухой раскатъ грома. Сѣрая облака помчались по небу, заслонили солнце, и крупныя капли дождя забили въ тактъ по деревянной крышѣ дома.

На крыльцѣ барскаго дома показались два юноши, хозяинъ Прохоръ Крюковъ и гость его, Алексѣй Прончищевъ. Проша сталъ на верхней ступенькѣ крыльца подь навѣсомъ, охвативъ одною рукой его деревянный столбикъ; онъ подался однимъ плечемъ впередъ, протянулъ руку и, какъ шаловливый ребенокъ, получалъ съ удовольствіемъ подавшія на нее съ крыши струи воды. Глаза его внимательно слѣдили за облаками, которыя то быстро неслись по небу, то замазывали его сѣрою, какъ дымъ, массой. Дождь изъ крупнаго превратился въ мелкій и частый, онъ обѣщалъ разойтись, громъ только въ дали погромыхивалъ. Гроза прошла видно стороной, захвативъ Даньково только крылышкомъ.

Алексѣй постоялъ на крыльцѣ, поглядѣлъ на небо и присѣлъ на лавку.

— Гроза пошла дальше,—говорилъ онъ,—а небо замазывается, сулитъ непогоду. Сѣно твое, Проша, въ рядахъ лежитъ, это плохо, у насъ на широкомъ лугу вчера его скопнили—оно вѣрнѣе.

— Что и говорить,—отвѣчалъ Проша и сѣлъ на лавку подлѣ гостя.—Оно если и разведритъ, если и высохнетъ, а все того цвѣта уже не будетъ. Досада! У меня-то, куда ни шло, лужекъ

подъ садомъ самый маленькій, копенъ десять тамъ больше не станеть, а вотъ мужики нынче весь свой лугъ повалили. Не въ пору этотъ дождь.

Молодые люди сидѣли на крыльцѣ, бесѣдовали, не обращая большаго вниманія на дождь, который, то усиливался, то опять прекращался. Имъ было такъ хорошо въ это июньское утро тутъ на крылечкѣ. Воздухъ освѣжился послѣ грозы, травка во дворѣ свѣжая, зеленая, деревья стоятъ подъ дождемъ, точно радуются влагѣ, точно ихъ умываетъ этотъ благотворный небесный благодѣтель!... Няня Савишна приходила не разъ на крылечко, она любила поглядѣть на молодыхъ господъ. Отворитъ тихонько дверь, высунетъ изъ-за нея голову и вновь скроется въ хоромы. Она обѣдъ варила: надо все изготовить и накормить дѣтушекъ.

Разговоръ между молодыми людьми перешелъ скоро съ покоса на будущую ярмарку въ Алексинѣ. Она долженствовала быть на самый Петровъ день. Имъ обоимъ очень хотѣлось туда съѣздить: по городу походить, коней поторговать, людей посмотреть и себя показать.

— Такъ какъ же это, Алеша?—говорилъ Проша,—такъ таки мы и не катнемъ на Петровъ день въ Алексинъ? такъ таки и потащитъ насъ тетка въ Никольское къ обѣднѣ, чтобъ тамъ потомъ съ ней горшки да черепки покупать—не плоше, какъ въ прошломъ году?

— Вѣрно такъ, не плоше прошлаго года,—отвѣчалъ Алексѣй.— Дѣло мое совсѣмъ не выгораетъ съ тетужкой. Все шло хорошо, она обѣщала денегъ мнѣ дать и коней на ярмарку, а тутъ опять заупрямилась. Будь батюшка, родитель мой, въ своемъ разумѣ, не то бы было, а съ ней одинъ только срамъ. Чего она глядитъ? одно чужое посмѣшество, того и гляди, нашъ приходъ упразднить. Али ты думаешь, братецъ ты мой, у тетки денегъ нѣтъ,—я про то знаю, что это неправда. То-то, что у бабы волосъ дологъ, да умъ коротокъ. Она теперь чѣмъ мучится, какъ не этими нашими церковными дѣлами,—я все знаю. На счетъ тѣхъ дѣлъ долго глухо было: какъ вчера, такъ и сегодня, такъ и завтра, все постарому. Теперь же, видно, ожидаютъ движенія въ дѣлахъ. Въ Москвѣ Платонъ митрополитомъ, будутъ перемѣны, попъ говорилъ, что намъ въ Калугу архіерея дадутъ.

— Такъ намъ-то что до этого,—возразилъ Проша, глядя на Алексѣя простодушными глазами.—По мнѣ хоть десять архіереевъ назначай! Они, попы, сами по себѣ, а мы, дворяне, сами по себѣ.

— Чудакъ ты, братецъ!—говорилъ смѣясь Алексѣй,—пойми ты, что попъ нашъ пришелъ къ тетужкѣ, доложилъ, что дескать ожидаетъ благочиннаго къ намъ въ Богимово; и тотъ попъ въ камилавкѣ, значить, и у насъ будетъ въ домѣ—теткѣ хлопоты да расходы. Раскошеливайся, Мавра Кононовна, тащи изъ чулка пол-

тину, а то и весь рубль, ставь тому попу угощенье! Вотъ съ той поры, какъ попъ приходилъ, тетка словно белены объѣлась!— всякаго оборветъ. Парашку побила намедни. Вчера я съ утра изъ дому ушелъ; на деревнѣ болтался, подъ закатъ солнца съ дѣвками въ сосенникъ за грибами уходилъ, только и думалось, какъ бы время убить. Вечеромъ это я, однако, приступился къ ней: «тетушка,—говорю,—какъ же это насчетъ ярмарки? Пожалуйте лошадокъ, вы изволили обѣщать». Не тутъ-то было, и не поминай!—разсердилась, накричала, наотрѣзь отказала. — Отложи, — говорить,—всякое попеченіе о той ярмаркѣ, не тѣ времена, чтобъ по ярмаркамъ кататься, денегъ у меня нѣтъ. Нешто ты не слыхаль—благочинный будетъ у насъ, надо его угостить. Того и гляди, съ сумой пойдешь! Сиди лучше на печи, да не бей посуды.

— Оно вотъ что! такъ-то! — вскричалъ Проша. — Попробуй теперь Мавра Кононовна повезти насъ въ Никольское на Петровъ день вмѣсто Алексина,—увидитъ она, что Прохоръ Крюковъ не то, что ея Алеша. Я, братецъ ты мой, коли на то пошло, посуду въ свои дрожки возьму, какъ и въ прошломъ году—помнишь?—я тогда въ сохранности доставилъ. А теперь семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ! Всю посуду перебью, одни черепки доставлю въ Богимово!

Молодые люди при такомъ благомъ настроеніи насолить теткѣ покатались оба со смѣху.

Въ эту минуту въ воротахъ показался верховой на сѣрой худой кобылкѣ: то былъ Ираклій, богимовскій кучеръ. Онъ рысцей подѣхалъ къ крыльцу, увидалъ молодыхъ господъ, соскочилъ съ лошади, взялъ ее подъ уздцы, снялъ картузь и подошелъ близко къ крыльцу, кланяясь господамъ въ поясъ. Ираклій былъ низенькій, лысый старичекъ, онъ переминался долго съ ноги на ногу, вперивъ глаза въ упоръ на молодыхъ господъ, и наконецъ вымолвилъ старческимъ, дребезжащимъ голосомъ.

— Домой пожалуй, свѣтъ ты нашъ Алексѣй Юнычъ! Родитель твой преставился. Барышня за тобой шлетъ!

При этихъ словахъ оба юноши встали, подошли на самый край крыльца, ближе къ кучеру. Лице, казалось, не замеръ въ воздухѣ послѣдній звукъ ихъ веселаго смѣха, а какой-то голосъ произнесъ слова печали, которую вдругъ не можетъ обнять ихъ воображеніе.

Тутъ вбѣжала на крыльцо старуха няня, она стала между молодыми людьми, оттолкнула слегка своего Прошу назадъ и, близко нагнувшись къ кучеру: «Чего лѣзешь, Ираклій, прямо къ дѣтямъ?—вскричала она.—Дуралей! Долженъ помнить ко мнѣ черезъ садъ съ чернаго крыльца пройти. Что тебѣ надо?»

— Перекрестись, Катерина Савишна!—отвѣчалъ Ираклій:—нешто я самовольно господъ безопокою, на то есть воля барская,

чтобъ меня за барчукомъ посылать; на то есть воля Божія, чтобъ старый баринъ нашъ приказалъ долго жить.

Алексѣй перекрестился во всю грудь, глубоко вздохнулъ и прислонился къ столбику крылечка. Проша залился слезами, бросился къ нянѣ на шею, обнялъ старуху своими длинными руками, онъ рыдалъ и приговаривалъ: крестенькій мой, родный ты мой! и ты Богу понадобился!

Дождь въ это время какъ нарочно усилился. Ираклій отыскалъ Логина, запрягли дрожки, подкатили къ крыльцу, и черезъ четверть часа оба юноши ѣхали по дорогѣ изъ Данькова въ Богимово. Ираклій сопровождалъ ихъ верхомъ на своей сѣрой кобылкѣ.

III.

Пора на службу царскую!

Иона Кононовичъ лежалъ уже на столѣ, одѣтый и убранный, въ ожиданіи долженствующихъ произойти надъ нимъ обрядовыхъ дѣйствій отпѣванія, панихидъ и погребенія, когда сынъ его прибылъ въ Богимово.

Алексѣй съ Прошей вступили въ столовую, гдѣ лежалъ покойникъ, которому уже ничего не нужно было въ этой земной жизни. Между тѣмъ движеніе вокругъ него носило характеръ какихъ-то хлопотливыхъ, мятежныхъ заботъ; это всегда такъ бываетъ: тѣ, которые остаются жить, точно усложняютъ свою дѣятельность подъ вліяніемъ великой тайны смерти и небытія.

Что касается Мавры Кононовны, то она была, такъ сказать, въ своемъ элементѣ, какъ рыба въ водѣ: она являлась по свойству своего нрава жрицей печали и слезъ. Ея высокая фигура скользила, какъ тѣнь, вокругъ покойника, она отдавала такія точныя приказанія, группировала все такъ прилично въ виду настоящихъ обстоятельствъ.

— Что бы я сталъ безъ нея дѣлать?—мелькнуло въ головѣ Алексѣя, когда онъ, ставъ на колѣни подлѣ покойника, творилъ крестясь молитву, устремивъ глаза въ уголъ комнаты, гдѣ лампада теплилась передъ иконами въ старинномъ кіотѣ. Проша молился подлѣ него и плакалъ, всхлипывая.

День склонялся къ вечеру, ненастье потушило быстрѣе обыкновеннаго послѣдніе лучи свѣта; въ домѣ закрыли ставни. Изъ церкви принесли паникадилы, покровъ изъ золотой парчи. Зажженные свѣчи ярко освѣтили ее; бѣлымъ облакомъ казалась кисея, накинутая на лице покойника.

Домочадцы сгруппировались въ одномъ углу комнаты, настало глубокое молчаніе, торжественная тишина. Вошелъ священникъ, облачился. Была первая панихида.

Наступила ночь. Проша гдѣ-то уснулъ на диванѣ не раздѣваясь; Алексѣй долго читалъ псалтырь надъ покойникомъ, затѣмъ, почувствовавъ сильную усталость, передалъ книгу дьячку и сѣлъ на стулъ подлѣ буфетнаго шкафа, плотно прислонясь къ нему: онъ скоро глубоко заснулъ. И снился ему покойный отецъ живымъ, какимъ помнилъ онъ его въ дѣтствѣ, добрымъ и ласковымъ, и снилась ему тетка съ пучкомъ розогъ, и будто свистали эти гибкіе прутья надъ его головой. Потомъ няня спрятала его къ себѣ подъ фартукъ, а фартукъ въ дырахъ, и тетка хлещетъ его жидкими розгами. Затѣмъ явилось ему свѣтлое видѣніе: не то облако, превратившееся въ звѣзду, не то звѣзда, принявшая форму розоваго облака.

Тутъ гроза, молнія, громъ, ливень и какой-то лугъ—лѣсъ!... и вдругъ онъ во снѣ сознаетъ, что этотъ лугъ—ихъ широкій лугъ, на которомъ такъ кстати скопнили сѣно подъ непогоду, а лѣсъ—ихъ Богимовскій лѣсъ, именуемый Потресово, лѣсъ, что близъ болота за широкимъ лугомъ. И Алексѣй подошелъ къ одной изъ копенъ сѣна на томъ лугу и засунулъ въ нее руку по локоть, чтобы испробовать, насколько сѣно отсырѣло отъ дождя; глядитъ Алексѣй, а на той копнѣ сидитъ старичекъ съ сѣденькой бородкой, маленькій, чудной такой, глазки у того старичка бѣгаютъ, а въ рукѣ держитъ онъ палочку или шестокъ, да указываетъ на Потресово и на болото. Тогда глаза Алексѣя слѣдятъ за движеніемъ палочки въ ту сторону, куда указываетъ старичекъ; затѣмъ изъ копны, не то отъ старичка, слышенъ голосъ и слова: «ищи кладъ». Алексѣева рука, засунутая въ копну, показалась ему въ эту минуту тяжелая и точно горячая до боли. Онъ выдернулъ руку изъ копны, желая ее освободить, и проснулся. Когда Алексѣй опомнился отъ сна, было уже утро. Дневной свѣтъ ложился длинными и бѣловатыми полосами, скользя по полу сквозь щели старыхъ ставней. Огонь отъ свѣчей и лампадъ мерцалъ голубоватымъ пламенемъ; въ комнатѣ слышался сильный голосъ пономаря, смѣнившаго подъ утро дьячка для чтенія псалтыря. Алексѣй всталъ и только тогда замѣтилъ тетку на колѣняхъ передъ кіотомъ: она стояла на молитвѣ.

Крестясь во всю грудь, долго оставалась Мавра Кононовна прильнувшей къ холодному полу, когда била поклоны; упорно вперяла она свой жесткій взоръ въ темные лики святыхъ въ кіотѣ, когда подыавшись, или, лучше сказать, оторвавшись отъ полу, подымала высоко голову и читала въ полголоса молитвы, обращая свои прошенія къ Господу за упокой души вновь преставленнаго боярина Юны.

Почему бы, кажется, не умилиться Алексѣю, не стать тутъ же на колѣни подлѣ сестры его покойнаго родителя и не присоединить своихъ молитвъ къ ея молитвамъ? Но въ его душѣ возстало

чувство, совсѣмъ не похожее на умиленье. Онъ взглянулъ на покойнаго отца; сердце его сжалось, крупныя слезы покатались по щекамъ, и затѣмъ въ эту горькую минуту онъ созналъ, что дорогой покойникъ будетъ недвижимо лежать тутъ, пока его не предадутъ землѣ, а тетушка сейчасъ встанетъ, будетъ ходить и двигаться, шумѣть связкой ключей отъ шкафовъ и амбаровъ и отдавать приказанія своимъ неприятнымъ голосомъ. Пучекъ розогъ въ ея рукахъ явился тоже въ этотъ мигъ передъ душевными очами юноши, и недоброе чувство шевельнулось въ его сердцѣ противъ тетки.

— Впрочемъ!—мелькнуло у него въ головѣ,—наши съ ней пути въ домѣ измѣняются: я теперь здѣсь хозяинъ.

Мавра Кононовна въ это время встала, ставни отворились, дневной свѣтъ озарилъ комнату; вошла стряпуха и ключница, и въ домѣ началось движеніе. Предстояло немало хлопотъ въ виду похоронъ. Эта печальная церемонія совершилась на другой день послѣ того утра, когда Алексѣй созналъ себя хозяиномъ въ Богимовѣ.

Немногіе изъ сосѣднихъ помѣщиковъ явились отдать послѣдній долгъ покойнику. Его жизнь за послѣднія десять лѣтъ текла подъ вліяніемъ паралича, поддерживать связи и знакомства онъ не могъ, Мавра Кононовна не любила сообщаться съ людьми, а Алексѣй былъ еще такъ молодъ.

Изъ почетныхъ сосѣдей пріѣхалъ, однако, А. С. Раевскій, который пользовался уваженіемъ и авторитетомъ между дворянами Тарусскаго уѣзда; онъ почтилъ своимъ присутствіемъ поминальный обѣдъ, а когда при отъѣздѣ молодой хозяинъ вышелъ проводить почетнаго гостя на крыльцо, то онъ потрепалъ его по плечу и сказалъ ему ласково: «Пора тебѣ, Алеша, на службу царскую. Чего будешь здѣсь сидѣть въ Богимовѣ да голубей гонять?»—прибавилъ онъ, когда сидѣлъ уже въ коляскѣ.

Несомнѣнно, что эти слова стариннаго знакомаго отца указали Алексѣю путь-дорожку изъ роднаго гнѣзда. Онъ рѣшилъ немедля поступить на службу.

Съ теткой Алексѣй помирился, вмѣсто того чтобы разойтись съ ней, какъ можно было бы ожидать послѣ впечатлѣній, рассказанныхъ выше. Хитрый и великій эгоистъ въ душѣ, юноша скоро расчелъ всю выгоду для него въ ея заботахъ о домѣ и по хозяйству въ его отсутствіи. Мавра Кононовна было вздумала укладывать свои сундуки. Она пожелала сдѣлать племяннику сцену отреченія отъ прежней власти, но Алексѣю доложили о ея движеніяхъ и намѣреніяхъ (добрые люди изъ прислуги, желавшіе снять расположеніе молодого хозяина), такъ что онъ былъ приготовленъ во всеоружіи, когда тетка разъ утромъ вошла въ кабинетъ покойника, гдѣ племянникъ сидѣлъ у окна, слѣдя за полетомъ галокъ во дворѣ. Тетка сѣла подлѣ него.

— Слушай, свѣтикъ ты мой,—заговорила Мавра Кононовна, опутивъ глаза долу,—мнѣ сиротѣ пора убираться восвояси, я уѣзжаю въ мою Калиновку.—Она глубоко вздохнула, и слезы ручьемъ потекли по ея щекамъ; при этомъ она очень ловко потянула снурочки своего бархатнаго чернаго ридикюля, который лежалъ у нея на колѣняхъ, и вынула изъ него носовой платокъ, затѣмъ начала громко сморкаться и отирать слезы одною рукой, другою же, взявъ ридикюль за одинъ изъ его кончиковъ, опрокинула изъ него на окно связку ключей, прямо передъ Алексѣемъ.—Возьми, прими отъ меня, батюшка, ключи во свое владѣніе и распоряженіе, я всегда была тебѣ радѣтельница. А коли наше не въ ладъ, то мы со своимъ и назадъ.

— Это, тетушка, какъ вамъ угодно будетъ,—отвѣчалъ спокойно Алексѣй:—только вы извольте обождать отъѣздомъ до моего возвращенія. Я ѣду завтра утромъ въ Тарусу. Лошадей не будетъ вашей милости. Не прогнѣвайтесь, у меня дѣло срѣзное, я поступаю на службу, и мнѣ кое-какія бумаги надо выправить.

— Какъ? что?—говорила удивленная тетка:—на службу, куда?

— Пора, тетушка, я рѣшилъ это вскорѣ послѣ кончины батюшки. Васъ же смѣю просить не оставлять теперь моего сиротскаго пепелища. Вы извольте обидѣть меня, коль скоро удалитесь изъ Богимова. Я ничѣмъ отъ васъ того не заслужилъ.

Тѣмъ только разговоромъ и кончилась эта сцена между теткой и племянникомъ. Въ тѣ времена кратче разыгрывались роли на жизненной сценѣ; не требовалось на то ни остроумія, ни измышлений, или же какихъ анализовъ тѣхъ или другихъ чувствъ. Кромѣ того, въ данномъ случаѣ, и тетка, и племянникъ стояли тверже всего на почвѣ своихъ личныхъ, эгоистичныхъ интересовъ: Маврѣ Кононовнѣ вовсе не хотѣлось уѣзжать изъ дома покойнаго брата, къ которому привыкла, Алексѣй же, съ своей стороны, смекалъ, что ему вовсе не выгодно раздражать тетку. У нея, онъ это зналъ, водились деньги а въ полку онъ могли ему пригодиться. На другой же день онъ въ самомъ дѣлѣ съѣздили въ Тарусу, устроилъ тамъ свои дѣла, затѣмъ простился съ роднымъ гнѣздомъ и съ тетушкой и уѣхалъ изъ Богимова. Онъ скоро поступилъ на службу въ военное вѣдомство.

IV.

У сильнаго всегда безсильный виновать.

Я покидаю теперь почти что апокрифическій разсказъ о моихъ предкахъ Прончищевыхъ и перейду прямо къ нашей семейной хроникѣ въ томъ порядкѣ, какъ она является мнѣ, частью по разсказамъ моей матери, бабушки и другихъ лицъ, съ которыми я жила въ дѣтствѣ.

Прежде, однако, необходимо сказать, кто я, и какая связь существуетъ между мною и тѣмъ рассказомъ, точно такъ же, какъ и между деревнями, селами и дѣйствующими лицами, съ которыми я познакомлю въ немъ читателя.

Я родилась въ Калугѣ въ 1829 г., мая 17 дня. Меня назвали Екатериной въ честь бабушки, родной тетки моего отца. На седьмой день послѣ моего рожденія я была крещена. Воспріемниками при святомъ таинствѣ крещенія были записаны дѣдъ мой, князь Петръ Николаевичъ Оболенскій, отецъ моей матушки, и тетушка ея, фрейлина Александра Евгеніевна Кашкина. При купели же стояли дѣйствительными воспріемниками бывшій въ то время калужскій губернаторъ, князь Александръ Петровичъ Оболенскій, и тетушка моего отца, Екатерина Алексѣевна Прончищева. Родитель мой ¹⁾ былъ помѣщикъ Калужской губерніи Тарусскаго уѣзда и владѣлецъ села Богимова, гдѣ родился и жилъ почти безвыѣздно. Въ виду же появленія на свѣтъ перваго ребенка, онъ нанялъ въ Калугѣ очень покойный и большой домъ купчихи Хохловой, перевезъ туда мою матушку, чтобъ не подвергнуть ея опасности родовъ въ деревнѣ. Когда же кончилось шесть недѣль послѣ появленія моего на свѣтъ Божій, родители мои уѣхали вновь въ Богимово, которое было въ 40 верстахъ отъ Калуги.

Къ первымъ воспоминаніямъ дѣтства я должна непременно отнести портретъ моего прадѣда Алексѣя Іоновича Прончищева. Портретъ этотъ висѣлъ въ гостиной надъ диваномъ между другими фамильными портретами въ домѣ бабушки Екатерины Алексѣевны Прончищевой ²⁾ въ ея Слѣшиловкѣ ³⁾, куда мы ѣздили ежедневно съ моей матушкой съ тѣхъ поръ, какъ я начала себя помнить. Прадѣдъ на этомъ портретѣ изображенъ въ мундирѣ секундъ-майора Екатерининскихъ временъ. Прическа его напоминаетъ времена, когда начали бросать пудру и только что оставили ношеніе косы. Надъ лбомъ волоса взбиты и слегка напудрены, затѣмъ падаютъ длинно по плечамъ. Лобъ у прадѣда высокій, глаза каріе, брови слегка сдвинуты надъ переносьемъ, линія носа правильная и породистая, углы рта, нагнутые немного внизъ, придаютъ лицу выраженіе не то презрительное, не то самоувѣренное, затѣмъ прекрасный цвѣтъ лица великорусскихъ брюнетовъ. Судя по портрету, прадѣдъ, вѣроятно, былъ красивъ. Если бабушка замѣтитъ, что я гляжу на портретъ, то всегда бывало скажетъ:

¹⁾ Алексѣй Владимировичъ Прончищевъ былъ внукъ Алексѣя Іоновича. Въ 1820 годахъ онъ былъ владѣльцемъ села Богимова и единственнымъ представителемъ рода Прончищевыхъ. Е. С.

²⁾ Екатерина Алексѣевна Прончищева, моя крестная мать и родная тетка моего отца, была дочь прадѣда Алексѣя Іоновича. Е. С.

³⁾ Сельцо Слѣшиловка принадлежало Екатеринѣ Алексѣевнѣ Прончищевой. Оно лежало въ 3-хъ верстахъ отъ имѣнія моего отца, с. Богимова. Е. С.

— Батюшка въ свое время былъ красавецъ.

Но матушка моя не раздѣляла этого мнѣнія съ бабушкой, хотя при ней его не высказывала, я это замѣтила впоследствии. Разъ даже матушка заявила, что, слава Богу, этого красавца нѣтъ болѣе въ живыхъ. Понятно, не въ присутствіи бабушки, и это крайне меня удивило.

Затѣмъ я стала замѣчать, что воспоминанія о прадѣдушкѣ принимались всѣми особенно странно въ нашемъ домѣ: люди говорили о покойномъ, понижая всегда голосъ, точно они боялись, что онъ съ того свѣта услышитъ ихъ. Когда же я вошла въ возрастъ самосознанія и стала спрашивать матушку объ этомъ, то удостовѣрилась въ ея къ нему нерасположеніи. Основаніемъ къ тому былъ характеръ покойнаго: жесткій, неукротимый и деспотическій. Я была тогда такимъ еще ребенкомъ, что эти чувства негодованія противъ прадѣды пугали меня, но дорогая моя матушка была сама тогда очень молода и спѣшила, такъ сказать, внушать дѣтямъ своимъ сочувствіе къ добру и отвращать ихъ отъ зла. Эти чувства весьма понятны, въ особенности же при жизни въ деревнѣ, гдѣ я и сестры мои воспитывались при родителяхъ и были окружены крѣпостными людьми, хорошо помнившими дѣдовскія дѣянія. Матушка, вступая въ домъ своего супруга, послѣ своего замужества завела совсѣмъ новые порядки въ домѣ, многое смягчила и насъ, конечно воспитала въ своемъ духѣ относительно крѣпостныхъ людей.

Много рассказывала матушка о горькой жизни въ Богимовѣ при прадѣдушкѣ, она говорила, что тогда была въ домѣ—бионовщина! Невозможно все подробно рассказывать, но мнѣ пришлось найти въ одной книгѣ, напечатанной еще въ 1833 году и озаглавленной: «Послѣдній годъ правленія герцога Бирона», изображеніе характера этого временщика. Этотъ очеркъ до того сходенъ съ представленіемъ моей матери о прадѣдѣ, что я осмѣливаюсь дать его здѣсь, переписавъ дословно.

«Онъ былъ весьма честолюбивъ и, пользуясь неограниченнымъ довѣріемъ государыни, не имѣлъ недостатка въ льстецахъ и угодливыхъ поклонникахъ; его вспыльчивость доходила иной разъ до крайности, и тогда не щадилъ онъ никого и нимало не затруднялся въ выборѣ выраженій, которыя были весьма грубы и дерзки; онъ не умѣлъ и не хотѣлъ таить своихъ чувствованій ни пріязни, ни ненависти; былъ щедръ, какъ на похвалы и награды, такъ на порицанія и наказанія; будучи же переменчивъ въ своей благосклонности, отнималъ оную у своего любимца почти безо всякой побудительной причины, вдругъ дѣлался изъ покровителя врагомъ и только въ ненависти своей былъ постояненъ, никогда не забывая нанесенной ему обиды. Въ продолженіе своего благорасположенія къ кому либо обращался съ нимъ откровенно и бывалъ вопреки при-

родной молчаливости своей даже излишне говорливъ; но о чемъ почиталъ за нужное умалчивать, того никакъ нельзя было у него вывѣдать. Предубѣжденіе къ кому нибудь сильно на него дѣйствовало, и трудно было убѣдить его мыслить хорошо о томъ чловѣкѣ, о которомъ онъ по слухамъ составилъ себѣ худое понятіе. Будучи корыстолюбивъ, любилъ, однако, пышность. Онъ былъ степенъ и недуренъ лицомъ, но не умѣлъ нравиться въ обществѣ и не имѣлъ той ловкости, которая есть отличительное качество людей знатныхъ фамилій, съ малолѣтства къ тому пріобвыкшихъ, качество, неподражаемое въ неизсчитанныхъ его отгѣнкахъ тонкой вѣжливости и обязательной предупредительности, весьма рѣдко достигаемое тѣми, коихъ судьба возводитъ на сію степень изъ низшаго класса общества. Впрочемъ Биронъ не имѣлъ недостатка въ способностяхъ, но разумъ его былъ весьма мало образованъ науками»¹⁾.

Правда, Биронъ былъ временщикъ, между тѣмъ какъ Алексѣй Ионовичъ былъ помѣщикъ Тарусскаго уѣзда, но власть его въ маленькомъ углу этого уѣзда была такъ же сильна на его поприщѣ, какъ и власть Бирона.

Алексѣй Ионовичъ былъ женатъ на дѣвицѣ Бахметевой²⁾, за которой взялъ крупное приданое, и вслѣдствіе этого изъ небогатаго помѣщика превратился въ своемъ уѣздѣ въ крупнаго землевладельца. Своею ловкостью и, вѣроятно, умою на службѣ тоже онъ достигъ почтеннаго положенія и, оставя ее въ чинѣ секундъ-майора, игралъ немаловажную роль въ дворянскомъ обществѣ Тарусскаго уѣзда. Въ льстецахъ онъ тоже не имѣлъ вокругъ себя недостатка, и если сопоставить всѣ эти обстоятельства его жизни, передъ читателемъ можетъ оправдаться мое личное о томъ впечатлѣніе и воззрѣніе.

V.

Жена А. І. Прончищева и воспоминанія о немъ П. А. Крюкова.

Перейдемъ теперь къ прабабушкѣ Глафирѣ Михайловнѣ, супругѣ Алексѣя Ионовича. Съ тѣхъ поръ, какъ помню себя съ ранняго дѣтства, надъ ней носился ореолъ святости и благоговѣйнаго ува-

¹⁾ Отдѣльное изданіе романа «Послѣдній годъ правленія Бирона», вышедшее въ 1833 г., о которомъ упоминаетъ Е. А. Сабанѣва, мнѣ неизвѣстно; но отрывокъ изъ этого романа помѣщенъ въ журналѣ «Телескопъ», издававшемся въ Москвѣ Н. И. Надеждинымъ въ 30-хъ годахъ. Отрывокъ находится въ XI книгѣ «Телескопа» за 1832 г., стр. 309—346. Авторъ романа пользуется записками современниковъ: Манштейна, князя Я. П. Шаховскаго, лэди Рондо и др., на которыя у него имѣются цитаты. Характеристика герцога Э. І. Бирона, приводимая Е. Л. Сабанѣвой, находится во II-й главѣ отрывка. Д. К.

²⁾ Алексѣй Ионовичъ р. 1751 г.; въ военной службѣ дослужился до секундъ-майора; выйдя въ отставку, былъ тарусскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. (Родосл. кн. А. В. Лобанова-Ростовскаго, изданіе 2-е, т. II, стр. 139).

женія къ ея памяти въ моей душѣ и воображеніи. Она была изъ тѣхъ кроткихъ и чистыхъ созданій, съ которыхъ не можетъ взыскать самый строгій судья. Знаю, что между ею и супругомъ ея произошла какая-то драма, но я не желаю помѣщать ее на страницахъ этихъ записокъ. Слышала я, что прадѣдушка сильно оскорбилъ свою супругу, затѣмъ Богъ взыскалъ ее тяжкою болѣзнью, и она лишилась разсудка. Но упомянутое ея было тихое; она жила въ домѣ мужа въ отдѣльныхъ покояхъ, изъ которыхъ нигде не выходила. У нея былъ свой штатъ прислуги, и она была, какъ дитя: ничего для себя не требовала, почти ни съ кѣмъ не говорила. Единственнымъ ея занятіемъ было вязанье кошелекковъ изъ тончайшихъ нитокъ; послѣ ея кончины осталось безсчетное количество такихъ экземпляровъ мѣшечковъ, вывязанныхъ безцѣльно, но весьма изящно и искусно. Въ домѣ ее почитали за юродивую о Христѣ; въ понятіи домочадцевъ она была отмѣчена, какъ взысканная отъ Бога и служащая Его Святой Волѣ своими страданіями. Супругъ, при всемъ своемъ деспотизмѣ, долженъ былъ подчиниться удаленію изъ ея присутствія; въ ней, всегда тихой въ своемъ упомянутомъ, его появленіе возбуждало страхъ, смѣшанный съ порывами гнѣва. Онъ избѣгалъ показываться ей на глаза, однако разъ навсегда было имъ приказано, чтобы барыню покоили. Въ 1812 году передъ Бородинскою битвою прадѣдъ съ семьей собрался выѣхать изъ имѣнія въ Вологду. Французы были въ 10-ти верстахъ отъ Богимова. Когда все было готово къ отъѣзду, Алексѣй Іоновичъ приказалъ нести барыню въ приготовленную для нея карету, но она кричала и не соглашалась покинуть своей комнаты. Дочери уговаривали ее, но она легла въ постель, завернулась одѣялами, врылась въ подушки. Супругъ тогда вошелъ въ ея комнату, бросился передъ нею на колѣни и говорилъ:

— Глафирушка, ты погибнешь, кто защититъ тебя отъ врага?

Она скинула съ головы одѣяло, взглянула на него и говоритъ:

— Вотъ моя защита,—при этомъ она указала на икону Василя Великаго, которою ее благословляли при замужествѣ. Затѣмъ Глафира Михайловна вновь закуталась одѣялами и подушками, обратясь лицомъ къ стѣнѣ. Такъ и должны были оставить ее въ Богимовѣ, тогда какъ вся семья уѣхала въ вологодское имѣніе. Это рассказывалъ мнѣ мой батюшка, передавая мнѣ икону Василя Великаго, съ которою я никогда не расстаюсь. Я въ то время была уже замужемъ.

Въ Богимовѣ, говоритъ преданіе, стекла въ домѣ были выбиты отъ пушечной пальбы во время тарутинской битвы. Приходили тоже мародеры, забрали много съѣстнаго, но барыни не тронули; она осталась совершенно спокойна. Трудно, однако, вѣрить, чтобы стекла въ домѣ были выбиты, ибо Тарутино было отъ нашего имѣнія верстахъ въ 70-ти. Этотъ рассказъ я записала со словъ

старой Пелагеи, сѣнной дѣвушки прабабушки моей,—она по старости лѣтъ иногда завиралась. Пелагея эта жила долго у насъ въ домѣ безъ всякой опредѣленной должности. Помню только, что во время грозы Пелагея брала всегда изъ кіоты икону св. Николая Чудотворца, зажигала восковую свѣчу и обходила нѣсколько разъ вокругъ дома съ иконой и зажженною свѣчей, творя молитву. Мы всегда думали, что и Пелагея особенно угодна Богу. Она была кривая, и вотъ, будучи еще ребенкомъ, бывало спросишь ее:

— Пелагеюшка, отчего у тебя глазокъ кривой?

— Это, сударыня, барышня,—отвѣчаетъ она,—прадѣдушка вашъ Алексѣй Ионовичъ изволили выколоть.

Была еще у насъ юродивенькая въ Богимовѣ. Эту, говорили, прадѣдушка чѣмъ-то напугалъ. Звали ее Дарьей Ильиничной. Вѣроятно, она тоже была очень стара, но до чего стройна и пряма! Коричневый кафтанъ суконный такъ ловко сидѣлъ на ней. Она была очень высокаго роста; небольшая головка ея всегда слегка склонена, однимъ словомъ вся фигура ея была живописна. Она подвязана подъ бороду бѣлымъ платкомъ, спущеннымъ низко надъ глазами, улыбка на лицѣ какая-то дѣтская, одѣта чисто, и коса заплетена. И какая же она была работящая! Ежедневно ходила она за водой за двѣ версты по нѣсколько разъ въ день въ сосѣднюю рощу, гдѣ былъ ключъ отличной студеной воды. Едва проснешься бывало, глянешь въ окно, а Дарья идетъ уже съ коромысломъ на плечѣ и двумя ведерками,—это она принесла воды изъ рощи на самоваръ къ чаю. Матушка скажетъ ей:

— Дарья Ильинична, ты стала слаба, небось стара; зачѣмъ тебѣ воду таскать? Вѣдь все равно взять ее намъ изъ Золотилки.

— Незамай!—отвѣчаетъ она.—Богъ труды любитъ.

И отвѣчаетъ такъ странно, безъ всякой интонаціи въ голосѣ, безъ всякаго выраженія. И глядишь,—идетъ снова въ рощу маленькою тропинкой, которую протоптала до овражка, гдѣ былъ тотъ колодезь.

Былъ тоже юродивый у насъ въ Богимовѣ, звали его Алексѣй Ивановичъ, тотъ былъ бурный, иногда сердитый; то бранится, то читаетъ молитвы. И лѣто, и зиму ходилъ босой, несмотря ни на какіе морозы, и всегда въ длинной бѣлой рубашкѣ. Онъ тоже поминалъ часто прабабушку въ молитвахъ, называя ее святою.

Въ Богимовѣ не было сада при Алексѣѣ Ионовичѣ. Онъ былъ врагъ всего, что можетъ быть любезно для взора, зато усадебныя строенія были капитальныя: они были вытянуты, точно казармы, и представляли собой массу прочнаго домашняго кирпича, который, казалось, и въ огнѣ не горѣлъ и въ водѣ не тонулъ. Строитель не увлекался стилемъ или же украшеніями, а главною его цѣлью была солидность и прочность построекъ.

Большой двухъэтажный домъ въ 25 комнатъ, съ такими же

флигелями, конный и скотный дворъ, все это стояло лѣтъ тридцать небѣленнымъ; прадѣдъ говорилъ, что строенію надо дать выстояться. Отецъ мой къ свадьбѣ рѣшился выбѣлить усадебныя постройки, домъ внутри оштукатурилъ, затѣмъ завелъ сады, разбивъ передъ домомъ правильныя аллеи, которыя засадилъ липами. Былъ у насъ почтенный старичекъ сосѣдъ, Прохоръ Алексѣевичъ Крюковъ, современникъ прадѣда, знавшій отца моего съ пеленокъ, любившій его, кажется, больше своихъ родныхъ чадъ и читавшій всегда ему мораль. Сидимъ мы бывало въ Богимовѣ за рукодѣлемъ въ батюшкиномъ кабинетѣ вокругъ стола, батюшка курить изъ пѣнковой трубки, сидя въ дѣдовскихъ креслахъ, а противъ него на маленькомъ диванчикѣ сидитъ старичекъ Крюковъ въ длинномъ, коричневомъ, старомодномъ сюртукѣ, въ парикѣ; онъ нюхаетъ табакъ изъ черной лукутинской табакерки съ ландшафтикомъ и ведетъ непремѣнно рѣчь, восхваляя прежніе порядки и порицая текущіе. Прохоръ Алексѣевичъ былъ недоволенъ, что батюшка обсадилъ усадьбу липовыми аллеями, и называлъ эти липы смородиной.

— А спрашивается,—говорилъ онъ батюшкѣ,—что тебѣ даетъ эта смородина? При дѣдушкѣ твоемъ, два аршина отступя отъ дому,—сейчасъ и поле. Сидитъ бывало передъ окошечкомъ да копны считаетъ въ уборку; у него, шалишь, ничего не стянуть, ниже единого снопика. Усердный былъ къ своему добру; оттого и нажилъ.

— Все бренно и все тлѣнно,—отвѣчаетъ батюшка.— Смѣйтесь пока надъ моей смородиной, почтеннѣйшій Прохоръ Алексѣевичъ, а когда выростутъ липы, увидите, какая это роскошь будетъ.

— Роскошь, роскошь! Задалъ бы тебѣ дѣдушка за эту роскошь: липы-то и въ роцѣ растутъ, продавать ихъ не будешь, а хлѣба въ закромахъ у тебя не прибыло. Хозяинъ ты Алеша!—нечего и говорить.

— Не вамъ бы говорить, Прохоръ Алексѣевичъ, а не мнѣ бы слушать. У васъ въ Даньковѣ развѣ садъ-то плохой, а я у дѣдушки никогда яблочка не видывалъ. Да что поминать прежніе порядки!.. были, да, слава Богу, прошли.

— Нѣтъ, свѣтикъ мой, дѣдушкины порядки не такіе, чтобъ прошли. Онъ какого ума-то былъ?—не нашего съ тобой! Не прошли дѣдушкины порядки, когда онъ тебѣ такое сокровище, какъ Богимово оставилъ. Вѣдь усадьба-то у тебя настоящій городъ!—бѣлокаменная, да и только. Погляди ты только на строеніе.

— Я вотъ что только, Прохоръ Алексѣевичъ, не могу понять въ дѣдушкѣ: зачѣмъ онъ усадьбу перенесъ на эту сторону рѣки? Зачѣмъ онъ ее тамъ на горѣ не оставилъ, гдѣ была прежняя старая усадьба и церковь? Какая тамъ живописная мѣстность, какой бы паркъ можно было тамъ разбить, да и чего бы я тамъ не соорудилъ!

— Ну! ужъ это его капризъ былъ. Оно вотъ какъ было это дѣло. Вѣдь кирпичный-то сарай былъ выстроенъ на той сторонѣ рѣки, позади старой усадьбы; кому бы въ голову пришло, чтобъ твоему дѣдушкѣ пришла такая фантазія: матеріалъ былъ уже готовъ — вотъ-вотъ, только воздвигаай постройки. Не тутъ-то было! Приѣзжаю это я въ Богимово, пора была осенняя (съ именинъ изъ Жукова заѣхалъ). Дрожки свои я домой отпустилъ, чтобъ не держать человѣка на дождѣ; слякоть такая да изморозь! Думаю, пойдутъ у насъ тары да бары, да сладкіе разговоры,—засижусь долго. Вотъ разлетаюсь я къ твоему дѣдушкѣ, а онъ сидитъ накупившись: значить не въ духѣ. У него были такіе мрачные дни. Ничего себѣ; я свой человѣкъ: взялъ трубочку, закурилъ, похаживаю по комнатѣ. Смотрю въ окно, дождь такъ и хлещетъ въ стекла, въ трубахъ вѣтеръ гудитъ. Вдругъ это вижу я: одна, двѣ, три, т.-е. телѣга за телѣгой съ лошаденками крестьянскими, одна за другой, по горѣ-то тянутся, грязь, скользь—телѣги вязнутъ колесами по ступицу, мужички погоняютъ своихъ кляченокъ, понукаютъ, помахиваютъ кнутиками, сами лаптями глину мѣсятъ, небось онучи у нихъ на ногахъ мокрыя, и какъ есть вся тутъ Богимовская барщина. Что за притча, думаю, какія такія тутъ работы производятся? Спросить не смѣю: коли не въ духѣ Алексѣй Іоновичъ,—непремѣнно оборветъ. Сталъ я передъ окномъ, гляжу—ажъ руками развелъ! Должно, я долго стоялъ: какъ трубку приложилъ опять къ губамъ, она не курится. И покажись это самое смѣшно твоему дѣдушкѣ,—какъ захохочетъ онъ да и говоритъ: что, Проша, обжегся? — шутникъ тоже былъ, да и надо мною любилъ кашу варить. Затѣмъ подошелъ онъ ко мнѣ, глядитъ тоже въ окно, да и говоритъ, показывая на обозъ: Видалъ ты, Прохоръ, такіе виды? Это, братецъ ты мой, доложу тебѣ, кирпичъ у меня теперь возятъ съ этого берега на мельницу на ту сторону; на той сторонѣ буду строить усадьбу, а не на этой. Понялъ?

— Такъ говорю, Алеша, значить, не перечь моему ндраву — такъ, что ли?

— Такъ, такъ,—говоритъ онъ и развеселился, и пошли мы съ нимъ закусить въ столовую.

— Такъ тоже рылъ онъ съ полгода кладъ, приснившійся ему во снѣ; тоже держалъ всю барщину надъ этой бесполезной работой около полугода. Ничего, конечно, не нашель, а народу много заморилъ надъ нею.

VI.

Дѣти Алексѣя Іоновича Прончищева.

У Алексѣя Іоновича было три дочери: Евдокія, Софья и Екатерина, и единственный сынъ, Владимиръ. Про послѣдняго семейное преданіе говоритъ, что онъ былъ нелюбимъ отцомъ и находился

въ полку гдѣ-то въ Остзейскомъ краѣ. Наружностью онъ походилъ на мать, былъ бѣлокуръ въ Бахметевыхъ, по характеру тоже былъ кротокъ и застѣнчивъ¹⁾.

Меньшая дочь прадѣда, Екатерина, жила всегда при отцѣ и посвятила всю свою жизнь попеченію о больной матери. Пути ея жизни были тернисты, исполнены борьбы и истинно христіанскихъ подвиговъ. За нее сватался въ молодости нѣкто Балкъ, человѣкъ умный и достойный; онъ ей нравился, но она отказала ему, пожертвовавъ своимъ чувствомъ долгу. Она не рѣшилась оставить больную мать на попеченіе прислуги. Екатерина Алексѣевна по уму была замѣчательна, но нравъ имѣла очень вспыльчивый; у нея тоже были мрачные дни, въ которые все вокругъ нея говорили, что барышня не въ духѣ. Когда же сойдетъ съ нея тотъ мракъ, она точно перерождалась и была умна, увлекательна и любезна. Я съ дѣтства знала ее и очень боялась, но между тѣмъ нѣжно была къ ней привязана и въ послѣдствіи, когда стала себя сознавать, глубоко ее уважала.

Батюшка мой не помнилъ своихъ родителей, отецъ его скончался прежде, чѣмъ сынъ увидалъ свѣтъ Божій, мать же вскорѣ— послѣ его рожденія, поручивъ сына Екатеринѣ Алексѣевнѣ, сестрѣ своего покойнаго супруга. Такимъ образомъ бабушка Екатерина Алексѣевна воспитала моего отца и заступила ему мѣсто матери. Понятно, что у насъ въ семьѣ она пользовалась большимъ авторитетомъ и считалась главою. Она жила въ Богимовѣ до женитьбы моего отца, послѣ же переѣхала въ свое имѣніе, село Спѣшиловку. Очень часто то она у насъ гостила, то мы съ матушкой проживемъ у нея недѣлю или двѣ. Когда бабушка бывала у насъ, то матушка уступала ей мѣсто хозяйки въ домѣ и окружала ее всевозможнымъ почетомъ и уваженіемъ. Мы все очень любили ее, и она была къ намъ очень милостива.

Воспоминанія о бабушкѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ связаны для меня съ самыми дорогими воспоминаніями моего дѣтства и, кромѣ того, съ нравственнымъ катехизисомъ, который указала мнѣ матушка на пути жизни. Съ бабушкой не легко было ладить при ея живомъ и вспыльчивомъ нравѣ, и матушкѣ приходилось часто терпѣть отъ нея незаслуженные упреки. Бабушка была мастерица дѣлать сцены, а съ батюшкой она умѣла ссориться и мириться по нѣскольку разъ въ день; милая моя дорогая мать была часто между двухъ огней и съ великимъ терпѣніемъ, тактомъ и кротостью мирила обѣ стороны, проливая отъ себя такую струю свѣта, которой никакой мракъ не могъ противиться. Привыкшая къ мирному очагу своей родной семьи, какъ пугалась она сначала волненій той

¹⁾ Владимиръ Алексѣевичъ Прончицевъ, род. 1780, † 1815 г. (Родосл. кн. А. В. Лобанова-Ростовскаго, изд. 2-е, т. II, стр. 139). Д. К.

среды, въ которую попала въ домъ супруга. Надо удивляться, съ какимъ мужествомъ она боролась съ враждебными ей нравственными стихіями и какъ успѣшно восторжествовала надъ ними. Бабушка въ послѣдствіи отвыкла отъ мысли, чтобъ матушка могла чѣмъ нибудь противъ нея провиниться или даже ошибаться, и отношенія между этими двумя женщинами были полны такого довѣрія другъ къ другу, что обѣ слились въ одну душу и дѣйствовали въ одномъ смыслѣ на пользу семьи и дѣтей.

Екатерина Алексѣевна Прончищева была строительницей новаго храма въ селѣ Богимовѣ, Онъ выстроенъ частью иждивеніемъ прадеда Алексѣя Ивановича, частью ея. Когда Богимовскую усадьбу перенесли на другой берегъ Мышинги, то попросили дозволенія и церковь строить на противоположномъ берегу вмѣсто старой деревянной церкви. Это стоило бабушкѣ немало хлопотъ. Она съ великимъ усердіемъ занималась этимъ великимъ дѣломъ, очень удачно окончила его, посвятивъ на него нѣсколько лѣтъ своей жизни. Новая Богимовская церковь была окончена въ царствованіе императора Николая I. Главный придѣлъ былъ во имя Успенія Божіей Матери; у насъ этотъ день въ семьѣ было два праздника—храмовой и рожденіе моей матери 15 августа.

Храмъ Богимовскій былъ хорошей архитектуры, въ немъ было много соразмѣрности, окна тоже давали хорошее освѣщеніе, что въ старинныхъ сельскихъ церквахъ рѣдко встрѣчалось; живопись была прекрасная, всѣмъ нравилась наша церковь, и сосѣди охотно ее посѣщали. Она стояла недалеко отъ нашей усадьбы на дорогѣ въ бабушкино имѣніе. Отъ дому почти до самой церкви была широкая липовая аллея.

Былъ великій постъ на исходѣ—кажется, вербная недѣля; бабушка прислала сказать, что будетъ къ намъ, ибо желаетъ поговорить. Сейчасъ же приказано было приготовить для нея комнаты. Для насъ, дѣтей, ея пребываніе въ домѣ соединялось съ вакаціей, потому что матушка, которая сама давала намъ уроки, при бабушкѣ не имѣла времени нами заниматься. Я была старшая въ семьѣ, а мнѣ было въ то время лѣтъ семь.

Бабушку сопровождалъ всегда большой штатъ прислуги; ѣздила она въ четырехмѣстной каретѣ въ шесть лошадей съ выносными, фореиторомъ и двумя лакеями на запяткахъ. Въ каретѣ масса подушекъ; кромѣ бабушки, сидѣли въ ней ея компаньонка, горничная Лена и двѣ собачки Мирза и Журикъ. И вотъ мы ожидаемъ бабушку. Какъ только ея экипажъ покажется по дорогѣ мимо церкви, такъ буфетчикъ Сергѣй Николаевичъ войдетъ въ батюшкинъ кабинетъ, остановится въ дверяхъ и возвѣститъ, что барышня къ намъ жалуется,—мы къ окнамъ. Карета въѣхала въ ворота большого двора, и мы бѣжимъ встрѣчать въ переднюю нашу дорогую гостью. Дверь отворяется, входитъ бабушка, укутанная въ шубу, въ боль-

шомъ атласномъ капорѣ фіолетоваго цвѣта; ее ведутъ подъ руки, и Лена разстегиваетъ на ходу ея шубу, а лакей принимаетъ ее на свои руки; бабушка садится на диванъ, и съ нея снимаютъ теплые, бѣлые, лохматые сапоги, осоюзенные бѣлымъ сафьяномъ. Мы должны все время смирно стоять; затѣмъ бабушка проходитъ въ батюшкинъ кабинетъ, гдѣ ее усаживаютъ на диванъ. Мы, между тѣмъ, приняли отъ лакея ея двухъ собачекъ и несемъ ихъ на рукахъ за бабушкой, что составляетъ для насъ большое удовольствіе; но мы отнюдь не должны при этомъ забывать, что съ бабушкой слѣдуетъ поздороваться, а этого никакъ нельзя сдѣлать, пока она не сниметъ капора и безчисленнаго множества платковъ и косыночекъ, которые на нее накутаны. Мы стоимъ противъ нея и ожидаемъ. Наконецъ снятъ послѣдній шарфикъ, и бабушка осталась въ однихъ волосахъ. Тогда ей было лѣтъ подъ семьдесятъ, а въ ея темнорусыхъ косахъ, которыя она носила, закладывая ихъ подѣтски, вокругъ головы, не было еще сѣдыхъ волосъ. Эти глянцевитые, темные волосы гладко лежали надъ ея невысокимъ лбомъ и немного вились надъ висками. Говорили, что она была очень хороша въ молодости, высока и стройна. Глаза у нея были каріе, очертаніе лица мягкое, черты тоже мягкія, носъ породистый, прямой, безъ горбинки, а ноздри имѣли способность раздуваться подъ вліяніемъ душевнаго волненія; выраженіе ея лица такъ часто измѣнялось, и довольно полныя губы раздувались въ гнѣвъ, выражая такъ откровенно, что она сердится. За то при улыбка углы ея рта подымались вверхъ особенно пріятно, придавая ея лицу сдержанно-лукавое выраженіе. Игра ея лица производила на меня всегда глубокое впечатлѣніе, такъ вотъ и догадаешься: чего она хочетъ, и что ей нравится, и что ей не по нутру. Я замѣтила, что скрывать свои чувства она не умѣла, да, кажется, и не могла, оттого и была часто рѣзка. Если ей приходилось принять *une mine de circonstance*, хотя бы, напримѣръ, въ гостинной, то выходило очень смѣшно. Подчиняться модѣ или этикету она никогда не могла, всегда утрировала оборки своихъ чепцевъ, цвѣта матерій на платьяхъ и вообще мало обращала вниманія на впечатлѣніе, которое производила на другихъ.

Но пора вернуться къ моему повѣствованію. Итакъ, когда послѣдній шарфикъ снятъ, то Лена уноситъ всѣ атрибуты зимняго кутанья и подаетъ бабушкѣ чепецъ именно съ преширокой оборкой и бридами изъ газовыхъ лентъ. Когда онъ уже на головѣ у бабушки, мы чинно подходили къ ней къ рукѣ. Въ это время показывается няня въ дверяхъ кабинета; она несетъ на серебряномъ подносѣ весь чайный приборъ и ставитъ его на круглый столъ противъ бабушки, которая послѣ самаго краткаго путешествія любила кушать чай.

Бабушка Екатерина Алексѣевна была большая рукодѣльница; изъ ея рукъ выходили замѣчательно изящныя работы. Она много вышивала для нашего храма. Помню по серебряному глазету воздухи, которые обновили на храмовой нашъ праздникъ. По картѣ золотомъ она вышивала безъ очковъ до глубокой старости. По поводу вязанья шерстями я слышала отъ нея слѣдующія воспоминанія изъ ея молодости.

— Теперь, — говорила она, — берлинская и англійская шерсть такая обыкновенная вещь, ею хоть прудъ пруди, въ мое же время она была рѣдкостью. Ее употребляли только большія барыни; въ высшихъ сферахъ общества было доступно вышивать ковры. У насъ же въ деревнѣ и понятія о томъ не имѣли. Я смолоду была охотница до работъ, но шерсти купить и подумать не смѣла; батюшка такъ бы прогнѣвался, еслибъ я осмѣлилась заикнуться о покупкѣ такого цѣннаго товара. У насъ вѣдь все было домашнее; шерстяные чулки мы носили, конечно, изъ домашней шерсти, не говоря ужъ о бѣльѣ—все изъ домашняго холста. И столовое бѣлье то же самое. У насъ то все матушкины ярославскіе мужички привозили—это входило въ ихъ оброкъ. Но и въ Богимовѣ отлично пряли и ткали; мы съ сестрами носили по буднямъ платья изъ домашней холстинки, по воскресеньямъ только ситцевыя. Я была меньшая изъ сестръ, и мнѣ первое бѣлое канифосовое платье сшили, когда я была взрослой дѣвицей лѣтъ 18-ти. Такъ вотъ насчетъ шерсти я стала рассказывать. Гостила я одно время у Кашкиныхъ въ Прыскахъ (изъ Оптиной ¹⁾ пустыни къ нимъ заѣзжала) и видѣла у ихъ гувернантки прелестную подушку, вышитую берлинскою шерстью; узоръ-то я перерисовала, и канвы мнѣ подарили: за малымъ дѣло оставалось—нѣтъ у меня шерсти. Какъ тутъ быть? Тогда добрые Кондыревы ²⁾ вошли въ мое положенье; у нихъ были шленскія овцы, такъ они велѣли начесать шерсти изъ душекъ (это та шерсть, что на груди и подъ шеей у овецъ, такъ называется); эту шерсть вымыли и привезли мнѣ. У насъ Пелагея хорошо и ровно пряла, и вышла мягкая, довольно хорошая шерсть, но бѣлая вся, а узоръ безъ тѣней вышивать нельзя. Что же бы вы думали? — я сама покрасила шерсть, и вышло очень недурно, затѣмъ я вышила коверъ. Когда нибудь я вамъ его покажу.

Еще по поводу своей страсти къ цвѣтамъ бабушка рассказывала слѣдующее. «Это была всегда такая оказія, моя страсть къ цвѣтамъ, — говорила она, — бывало, только въ людяхъ и полюбуешься ими, дома же и подумать не смѣй посадить цвѣточковъ; ни смородины, ни малины у насъ не было. Батюшка ничего такого терпѣть

¹⁾ Оптина пустынь—монастырь въ трехъ верстахъ отъ Козельска.
Е. С.

²⁾ Кондыревы, сосѣди и большіе друзья Екатерины Алексѣевны Прончищевой.
Е. С.

не могъ, называлъ все это пустяковиной. Развѣ что подсолнечникъ на огородѣ допускался, бузина гдѣ-то подлѣ кухни разрослась, и ту велѣлъ вырубить. Когда, однако, послѣ кончины брата батюшка заболѣлъ, и все хозяйство перешло на мои руки, то и пришелъ ко мнѣ разъ приказчикъ, да и говорить: «Осмѣлюся доложить вашей милости, подъ скотнымъ дворомъ мѣстечко пустоуетъ, а земля хорошая, не благоволите ли ее мнѣ подъ огородъ пожаловать: мы съ женой сами ее обрабатываемъ, горошку да бобковъ насадимъ». Я подумала, подумала, да и позволила и велѣла то мѣстечко плетнемъ забрать. Да и сама стала тамъ садить; то смородины, то малинки, цвѣтовъ развела, розы были, левкой, только души нѣтъ, бывало, боинься, какъ бы батюшка не свѣдалъ!»

Такимъ образомъ текла жизнь бабушки въ родительскомъ домѣ, всегда подъ страхомъ, всегда въ тревогѣ между больною матерью и деспотомъ отцемъ. Повѣрятъ ли тоже, что она не только цвѣты сажала потихоньку отъ своего родителя, но и французскому языку втайнѣ отъ него выучилась, и говорила на этомъ языкѣ не очень чисто, но поддерживать разговоръ могла. Много читала и много себя образовала. Екатерина Алексѣевна была замѣчательная женщина по уму и по способностямъ, характеръ же ея и душевныя силы приобрѣтали особое мужество въ этой борьбѣ съ дикими предрассудками и тяжелыми семейными драмами.

Прадѣдъ не допускалъ мысли о воспитаніи дѣтей; въ тѣ времена чада должны были удерживаться въ черномъ тѣлѣ въ домѣ родителей, и онъ за порокъ считалъ, чтобъ русскія дворянки, его дочери, учились иностраннымъ языкамъ.

— Мои дочери не пойдутъ въ гувернантки,—говорилъ Алексѣй Ионовичъ.—Онѣ не безприданницы; придетъ время, повезу ихъ въ Москву, найдутся женихи для нихъ.

Вотъ какъ прадѣдъ возилъ дочерей въ Москву, людей посмотреть и себя показать.

Это было въ началѣ царствованія императора Павла Петровича. Было слышно, что дворъ будетъ въ Москвѣ, значить будутъ празднества. Бѣлокаменная всегда ликуетъ, когда монархъ почититъ ее своимъ присутствіемъ. Алексѣй Ионовичъ нанялъ домъ въ Москвѣ на три мѣсяца и зимнимъ путемъ поѣхалъ съ двумя старшими дочерьми, Евдокіей и Софьей, въ столицу. Расчетъ былъ вѣрный. Государь былъ въ Москвѣ, и едва успѣли спить на Кузнецкомъ мосту бальныя платья для калужскихъ барышень, дѣвицъ Прончищевыхъ, какъ зимній сезонъ открылся баломъ, который монархъ почтилъ своимъ присутствіемъ. Это былъ первый выѣздъ дѣвицъ Прончищевыхъ, но какъ далеки онѣ были отъ мысли, что онъ будетъ и послѣдній. Дня три спустя послѣ этого бала, Алексѣй Ионовичъ приказалъ дочерямъ свечера укладываться и собираться въ

дорогу. На утро подвезли подъ крыльцо просторный деревенскій возокъ, и богимовскій властелинъ увезъ дочерей восвояси.

Домашніе удивились этому быстрому возвращенію изъ столицы, сосѣди еще болѣе; пошли разные толки, но прадѣдъ отмалчивался, и никто не узналъ причины этой внезапной перемѣны въ его предположеніяхъ. Наѣмъ дома въ Москвѣ такъ ни къ чему и не повелъ. Видно, не всегда можно стремиться къ своей цѣли безпрепятственно. Бабушка, которая рассказывала объ этомъ моей матушкѣ, объясняла быстрое возвращеніе прадѣда изъ столицы страхомъ его за старшую дочь, которая своей красотой обратила на себя вниманіе государя, такъ что на другой день послѣ бала было сдѣлано изъ дворца освѣдомленіе о чинѣ отца калужской красавицы.

— Батюшка, — говорила бабушка, — не желать фавора для сестры при дворѣ и скорѣе увезъ ее въ деревню. Матушка моя видѣла эту тетку моего отца, когда она была ужъ не молода, но и тогда она еще сохраняла слѣды замѣчательной красоты.

По возвращеніи изъ Москвы прадѣдъ, будто осердясь за неудачную поѣздку, поспѣшилъ найти дочерямъ жениховъ въ деревнѣ. Старшую, красавицу Евдокію, выдалъ замужъ за князя Якова Алексѣевича Несвицкаго, человѣка богатаго, но мало подходящаго ей по лѣтамъ: ей было 17, а супругу ея подъ семьдесятъ ¹⁾. Вторая дочь, Софья, была выдана за Арбузова. Алексѣй Ионовичъ наградилъ дочерей хорошимъ приданымъ.

VII.

Скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ, я скажу, кто ты.

Чтобы лучше выяснитъ предъ читателемъ характеръ бабушки Екатерины Алексѣевны, считаю полезнымъ дать ему понятіе о ея друзьяхъ. Она являлась до сихъ поръ въ своей семьѣ передъ его глазами, какъ дочь деревенскаго сквайра, т.-е. помѣщика 1770 годовъ; посредствомъ же ея друзей я надѣюсь дать болѣе обширное понятіе о ея мѣстѣ и значеніи въ обществѣ.

Я живо помню прекрасный портретъ у бабушки, которымъ она очень дорожила. Это былъ поясной портретъ, писанный на полотнѣ масляными красками въ Италіи. Лице какъ живое, а соболю

¹⁾ Книзьи Несвицкіе, бывшіе удѣльные князьи города Несвижа, въ настоящее время удѣднаго города Минской губерніи, происходятъ, по всей вѣроятности, отъ древнихъ мѣстныхъ литовскихъ «кунигасовъ», но не дома Гедимина. Предокъ ихъ, князь Василій Несвижскій, выѣхалъ изъ Литвы на службу московскаго государя въ 1508 г. (см. Руммель и Голубцовъ: «Родословный сборникъ», т. II, стр. 166).
Д. К.

и пунцовый бархатъ коцевейки, накинутаю на плеча старушки, которая на немъ изображена, хочется погладить рукой, такъ мастерски они вышли на полотнѣ подъ кистью художника. То не былъ портретъ, напоминающій молодую пору жизни, но передъ вашими глазами является умное лице старушки съ тѣмъ пытливымъ взоромъ, который будто приглашаетъ не горячиться, глядя на суеты міра сего; улыбка на устахъ, немного лукавая по-женски, и выраженіе этого лица возбуждаютъ въ васъ желаніе познакомиться съ тою, которую вы видите тутъ на полотнѣ. Оборка тюлевого чепца, бриды и бантикъ изъ газовыхъ лентъ, вышивка гладью на батистовомъ бѣломъ шарфѣ, который пышно лежитъ вокругъ шеи надъ большимъ собольимъ воротникомъ коцевейки,—всѣ эти детали превосходно исполнены; то былъ портретъ Прасковьи Юрьевны Кологривовой.

Бабушка Екатерина Алексѣевна часто ѣздила гостить въ Жарки, калужское имѣнье Кологривовыхъ, въ 12-ти верстахъ отъ нашего Богимова. Между нею и Прасковьей Юрьевной велась давняя и тѣсная дружба. Прасковья Юрьевна Кологривова была въ первомъ бракѣ за княземъ Ѳедоромъ Сергѣевичемъ Гагаринымъ, который былъ убитъ во время варшавскаго возмущенія въ 1795 году. Княгиня Прасковья Юрьевна удивила въ то время своимъ мужествомъ; вѣсть, что супругъ ея убитъ, достигла до нея ночью; не медля ни минуты, княгиня, взявъ съ собою нѣсколько солдатъ съ фонарями, отправилась на мѣсто кровавой драмы и отыскала трупъ князя между убитыми. Въ эту минуту ее арестовали, и она такъ же, какъ и многія другія русскія дамы въ то время, находилась нѣсколько дней подъ стражей и въ заключеніи.

При жизни перваго своего супруга, по положенію и богатству, Прасковья Юрьевна принадлежала къ высшему кругу петербургскаго общества; въ молодости она бывала при дворѣ императрицы Екатерины и пользовалась тамъ общимъ уваженіемъ. Она была хорошо образована, очень умна и держала себя всегда очень самостоятельно, не увлекаясь скептическимъ направленіемъ, которое преобладало тогда въ обществѣ. При дворѣ ее называли ханжей, тѣмъ не менѣе уважали за благочестіе и скромность. Про нее рассказывали слѣдующее. Однажды (не могу утверждать, чтобъ это было во дворцѣ, однако, говорятъ, въ присутствіи императрицы Екатерины) Потемкинъ сидѣлъ въ обществѣ на вечерѣ подлѣ княгини Прасковьи Юрьевны; въ разговорѣ съ нею осмѣлился сказать молодой и прекрасной княгинѣ Гагариной какую-то двусмысленность. Недолго думая, княгиня подняла руку и дала ему очень громкую пощечину. Это тогда надѣлало много шума при дворѣ.

Послѣ смерти перваго супруга княгиня Гагарина осталась вдовою съ большою семьей на рукахъ и съ крупнымъ, но разстроеннымъ состояніемъ; она тяжело переживала потерю мужа, желала

уединенія отъ мірскихъ суеть, но, имѣя много дочерей, должна была для нихъ поддерживать свѣтскія и придворныя связи. Тогда на пути ея жизни встрѣтился человѣкъ, который принялъ въ ней и ея дѣлахъ большое участіе: это былъ Петръ Алексѣевичъ Кологривовъ. Онъ помогъ распутать какой-то процессъ по имѣнію покойнаго князя Гагарина, затѣмъ, нѣсколько лѣтъ спустя сдѣлался вторымъ супругомъ княгини Прасковьи Юрьевны, которая умѣла оцѣнить его здравый умъ и доброе сердце.

Старшія дочери ¹⁾ ея были тогда уже замужемъ и неблагосклонно смотрѣли на отчима; несмотря на это, между стариками супругами Кологривовыми была полна гармонія. Они часто жили въ ихъ калужскомъ имѣніи, Жаркахъ. Прасковья Юрьевна говорила, что тамъ она отдыхаетъ отъ столичнаго шума; Кологривовы въ Жаркахъ почти никого не принимали, кромѣ людей самыхъ близкихъ, въ числѣ которыхъ была и бабушка моя, Екатерина Алексѣевна Прончищева.

Дружба Прасковьи Юрьевны имѣла большое значеніе для бабушки; она отдыхала тамъ въ домѣ этой большой барыни (*grande dame*) отъ тяжелой жизни въ домѣ отца. Нравы въ домѣ Кологривовыхъ были очищены отъ сора помѣщицѣй, безотрадной, будничной жизни въ Богимовѣ. Въмѣсто расправы съ крѣпостными, у Кологривовыхъ она встрѣчала заботу о рабахъ, понеченіе о нихъ. И эти лучи свѣта очищали ея душу отъ предразсудковъ, среди которыхъ она провела свое дѣтство и юность, а уваженіе и дружба Прасковьи Юрьевны поддерживали ея мужество на пути ея самоотверженной жизни. Я помню какъ любила бабушка рассказывать о благочестивой жизни у Кологривовыхъ, о привычкахъ, вкусахъ и миѣніяхъ Прасковьи Юрьевны. По возвращеніи изъ Жарокъ, бабушка привозила домой изящные канвовые узоры, выкройки, рецепты для вареній, пирожныхъ; это радовало ее и вносило движеніе въ ея одинокую жизнь въ старости; ранѣе же ей было еще болѣе потребности въ нравственной поддержкѣ, которую она получала отъ дружбы съ Кологривовой.

Григорій Ильичъ Раевскій приходился двоюроднымъ братомъ бабушкѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ (кажется, по Бахметевымъ). Я хорошо его помню. Онъ сохранилъ въ своей виѣшности и манерахъ формы и приемы дворянина временъ императора Павла Петровича. Рѣчь его была цвѣтиста, онъ отличался утонченною вѣжливостью, нѣкоторою сентиментальностью тогдашняго романтизма. Онъ ни за что не хотѣлъ слѣдовать новѣйшимъ модамъ, но одѣвался по послѣдней модѣ своей юности. Сюртуки его были очень длинные, жабо и манжеты большихъ размѣровъ и ослѣпительной бѣлизны.

¹⁾ Одна была замужемъ за княземъ Четвертинскимъ, другая за княземъ Вяземскимъ, и остальные ея дочери сдѣлали блестящія партіи. Е. С.

Рѣдко можно было встрѣтить такого изящно-красиваго старца, каковъ былъ Раевскій; матушка моя очень его любила и была расположена думать, что въ его жизни долженъ былъ произойти какой нибудь романъ. И когда впоследствии она приобрѣла полное довѣріе бабушки, та довѣрила ей слѣдующее сказаніе о Григорѣ Ильичѣ. Какъ близкій родственникъ, онъ былъ вхожъ къ нимъ въ домъ, часто бывалъ и гостилъ въ Богимовѣ. Затѣмъ онъ страстно влюбился въ старшую ея сестру, Евдокію Алексѣвну, но въ тѣ времена мысли о бракѣ между такими близкими родственниками и быть не могло. Тутъ совершилась неудачная поѣздка въ Москву прадѣда съ дочерьми, быстрое возвращеніе, и сейчасъ же послѣ этого двѣ свадьбы: Евдокія Алексѣвна сдѣлалась княгинею Несвицкой. Съ великимъ прискорбіемъ и борьбой вынесъ Григорій Ильичъ потерю любимой дѣвушки; онъ уѣзжалъ тогда куда-то на долгое время и не возвращался въ ихъ семью, пока не пережилъ остраго періода своего горя, затѣмъ долженъ былъ покориться дѣйствительности, и княгиня, которая была женщина суетная и тщеславная, не оцѣнила его страданій. Но Екатерина Алексѣвна очень сочувствовала Григорію Ильичу, вела съ нимъ постоянную переписку, и между ними установилась самая тѣсная дружба, продлившаяся до конца ихъ жизни.

Княгиня Несвицкая была любимой дочерью Алексѣя Іоновича. Бабушка говаривала всегда, что прадѣдъ никогда не перечилъ Дуношкѣ, только бы съ ней не разставаться. Князь Несвицкій былъ очень богатый человекъ и имѣлъ большія вотчины въ Калужской же губерніи, но рѣдко ѣздилъ въ свои имѣнія, а постоянно гостилъ у тестя въ Богимовѣ съ многочисленнымъ своимъ семействомъ.

По рассказамъ бабушки, да и по семейнымъ преданіямъ, ясно видно, что она несла ношу всѣхъ жизненныхъ тягостей въ своей семьѣ. Княгиня Несвицкая наряжалась, ѣздила по гостямъ, а Екатерина Алексѣвна вела хозяйство и занималась воспитаніемъ дѣтей сестры Несвицкой, которыхъ было восемь человекъ, затѣмъ она же воспитала моего отца и осиротѣвшую племянницу Арбузову (дочь сестры ея Софьи Алексѣвны), которая рано лишилась матери. Князь и княгиня Несвицкіе скончались тоже весьма скоро одинъ за другимъ, и ихъ семья тогда уже не разставалась съ Екатериной Алексѣвной; она же и вывозила племянницъ въ Москвѣ, живя въ домѣ Несвицкихъ зимою на Прѣсенскихъ прудахъ, и въ эту пору жизни Григорій Ильичъ много помогалъ ей въ ея заботахъ. Онъ не имѣлъ своей семьи, былъ человекъ богатый и независимый, его воздержная, скромная жизнь давала ему права на полное уваженіе въ обществѣ; для осиротѣвшей семьи Несвицкихъ онъ сдѣлался другомъ и руководителемъ. У нихъ въ семьѣ его всѣ любили и почитали: безъ совѣта дядюшки Григорія Ильича

ничего серьезнаго не предпринималось. Мой батюшка, который воспитывался въ Несвицкими въ домѣ прадѣда, любилъ и уважалъ Григорья Ильича, какъ роднаго отца.

VIII.

Ромео и Юлія въ селѣ Богимовѣ.

У батюшки моего было бюро изъ карельской березы очень хорошей работы. Оно стояло въ его кабинетѣ подлѣ большого вольтеровскаго кресла прадѣда. Ключъ отъ ящичковъ этого бюро былъ очень оригинальной формы, съ сердечкомъ въ верхней части, тяжелый и гладко отшлифованный. Когда отпираешь ящикъ стола, то замокъ издаетъ дискантовый, металлическій звукъ весьма пріятный. Я съ раннихъ лѣтъ пользовалась довѣріемъ моего отца и была дѣвочкой лѣтъ десяти, когда онъ довѣрялъ мнѣ этотъ ключъ, и я знала, гдѣ лежатъ его бумаги, портфели, деньги и нѣкоторыя цѣнныя вещи: кольца, дѣдовскія табакерки, часы. Батюшка мой былъ очень брезгливъ, имѣлъ много причудъ и предразсудковъ, и я одна въ домѣ умѣла ему угождать. Напримѣръ, если онъ довѣрялъ кому нибудь ключъ отъ своего стола, то требовалъ, чтобъ оный возвращали ему изъ рукъ въ руки. Боже упаси положить ключъ на столъ противъ него!—это его сильно раздражало, ибо есть примѣта, что ключъ, не возвращенный хозяину изъ рукъ въ руки, предвѣщаетъ ссору въ домѣ. Точно также опрокинутая солонка заставляла блѣднѣть моего отца, и сколько разъ эти солонки летали у насъ со стола—лѣтомъ въ окно, зимою въ форточку, какъ бы для того, чтобы разрушить силу предвѣщанія; тринадцати человѣкъ у насъ за столъ никогда не садилось.

Батюшка мой былъ нервный, какъ женщина, и страдалъ всегда припадками меланхоліи, скуки, тоски какой-то. Матушка моя, которая была напротивъ очень живая и дѣятельная, порицала эти припадки, и батюшка призывалъ меня часто къ себѣ въ такія тяжелыя минуты и заставлялъ меня болтать съ нимъ: это его развлекало. Въ домѣ говорили, что я его любимица и сходна съ нимъ какъ характеромъ, такъ и наружностью. Бабушка тоже говаривала моему отцу про меня: «Катя—точно твоя покойная мать, Алеша, вылитая Юлія Ивановна!» Я очень поздно начала помнить, чтобы въ семьѣ поминали о родителяхъ батюшки. Впрочемъ, именно въ этомъ бюро, вмѣстѣ съ портфелемъ, гдѣ хранилась его дворянская грамота, лежалъ небольшой пакетъ, на который я долго не обращала большого вниманія, но однажды батюшка показалъ мнѣ, что лежало въ этомъ пакетѣ, сказавъ: «Вотъ работа моей матушки—единственное, оставшееся мнѣ о ней воспоминаніе». Работа эта

была такая изящная и художественная, что послѣ я никогда въ жизни не встрѣчала ничего подобнаго. То былъ кisetъ для табаку изъ бѣлаго атласа, по сторонамъ котораго были вышиты волосами въ тѣнь два наивные ландшафта: одинъ представлялъ хижину въ лѣсу, ручей, мостикъ, другой—аллею сада. На полянкѣ мавзолей въ видѣ колонны. Перспективность ландшафта доказывала въ исполнительницѣ работы знакомство съ живописью, вообще эта работа была тонкая, требующая большого терпѣнія и искусства.

Засимъ вотъ романъ моего дѣдушки, Владимира Алексѣевича Прончицева, который мнѣ рассказывала моя матушка гораздо позднѣе, когда я была уже большой дѣвицей. Владимиръ Алексѣевичъ служилъ долго въ военной службѣ въ Остзейскомъ краѣ, и полкъ его стоялъ въ Ревелѣ. Онъ былъ моложе своихъ сестеръ, былъ отцемъ не любимъ, и о немъ въ семьѣ мало заботились. Въ Ревелѣ молодой Прончицевъ полюбилъ молодую дѣвушку по фамиліи Борнеманъ ¹⁾ и женился на ней: ей было тогда 16 лѣтъ. Въ бракъ этотъ Владимиръ Алексѣевичъ вступилъ, не спрося на то дозволенія у родителей. Затѣмъ молодая чета пріѣхала въ Богимово; они бросились къ ногамъ Алексѣя Іоновича, умоляя о прощеніи, и просили ихъ благословить. Но не таковъ былъ прадѣдъ, чтобы прощать: ему было свойственно порицать и наказывать. Онъ прогналъ сына и невѣстку съ глазъ долой и повелѣлъ молодымъ занять избу на скотномъ дворѣ для ихъ помѣщенія.

Мать моей бабушки, Юліи Ивановны, пріѣхала съ молодыми въ Богимово; можно себѣ вообразить положеніе этихъ двухъ остзейскихъ нѣмокъ, не знавшихъ ни слова по-русски и вступившихъ такъ неосторожно въ семью прадѣда.

Бабушка Екатерина Алексѣевна рассказывала, какъ трогательна и прелестна была молоденькая супруга ея брата, какъ хорошо воспитана, кротка и наивна. Бабушка сердечно къ ней привязалась и старалась чѣмъ могла смягчить горькую участь молодыхъ людей въ домѣ ихъ гнѣвнаго родителя.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ такой тяжелой драмы въ семьѣ, и срокъ отпуска изъ полка моего дѣда кончался, а отецъ не снималъ опалы съ сына, не слушая просьбъ родныхъ, которые все старались смягчить его гнѣвъ. Такъ и уѣхалъ Владимиръ Алексѣевичъ въ полкъ, поручивъ жену бабушкѣ. Взять же ее съ собой онъ не рѣшился, ибо она была въ тягости и очень слаба здоровьемъ.

Екатерина Алексѣевна со слезами рассказывала моей матушкѣ

¹⁾ И впоследствии была съ моими родителями въ Ревелѣ, и тамъ мы нашли родственниковъ моей покойной бабушки Юліи Ивановны. То были все люди почтенные и образованные и были въ родствѣ съ Лидерсами, фамилія которыхъ является часто на страницахъ нашей отечественной исторіи. Е. С.

объ этомъ печальномъ времени ея жизни. «Здоровье невѣстки послѣ отъѣзда брата дѣлалось все хуже и хуже», говорила она, «приближалось время родовъ, а бабушка ничего не хотѣла слушать о невѣсткѣ. Такъ прошло еще нѣсколько времени, какъ вдругъ бабушкѣ подали съ почты письмо изъ Ревеля. Полковой командиръ брата извѣщалъ бабушку, что сынъ его, Владимиръ Алексѣевичъ Прончищевъ, не доѣхавъ даже до Ревеля, заболѣлъ тифомъ въ Варшавѣ, гдѣ и скончался въ варшавскомъ военномъ госпиталѣ. Это извѣстіе сильно поразило бабушку, онъ тогда смягчился къ невѣсткѣ, приказалъ сей же часъ отвести ей покой въ домъ, принялъ ее съ почетомъ, даже нѣжностью. Бѣдняжка вскорѣ послѣ кончины любимаго мужа разрѣшилась отъ бремени сыномъ. Алеша,—продолжала бабушка,—родился такимъ слабымъ ребенкомъ, но въ рубашечкѣ, и я ее храню до сихъ поръ.

«Послѣ родовъ Юлія Ивановна начала пуще чахнуть, слабѣла не по днямъ, а по часамъ. Каково скорбно было ея матери видѣть дочь въ такомъ положеніи!

«Бабушка пожелалъ, чтобы брата похоронили въ Богимовѣ, и сдѣлалъ для того нужныя распоряженія. Тогда Юлія Ивановна начала сильно томиться и все ожидала, когда привезутъ тѣло покойника, она просила не разлучать ея съ мужемъ въ могилѣ, пожелала перейти въ лоно нашей церкви, и таинство присоединенія къ православію успѣли надъ ней совершить. Желаніе ея лечь въ одну могилу съ мужемъ исполнилось: она скончалась, когда показался на горѣ мимо нашей старой церкви гробъ съ останками ея супруга. И такъ ихъ и отпѣвали вмѣстѣ и положили въ одну могилу въ нашемъ семейномъ склепѣ. Алешу она поручила мнѣ и своей матери».

Вотъ какая тяжелая драма встрѣтила появленіе моего отца на свѣтъ Божій! Преданіе говоритъ, что прадѣдъ смягчился послѣ потери сына и невѣстки. Передъ колыбелью внука онъ плакалъ и молил Бога простить ему его жестокосердіе. Къ внуку тоже сильно привязался. Насколько Алексѣй Іоновичъ былъ равнодушенъ къ сыну, настолько баловалъ онъ внука и воспитывалъ его, какъ единственнаго наслѣдника Богимова, да и другихъ его вотчинъ.

Е. А. Сабанѣва.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

МАКСИМЪ-ПЕЧАЛЬНИКЪ.

Повѣсть.

I.

ОРОШО бродитъ по лѣсу въ жаркій юльскій полдень, когда солнце палитъ немилосердно, а горячій, удушливый воздухъ тяжелою недвижною пеленой виситъ надъ полями... Какою-то особенною, чарующею свѣжестью вѣетъ тогда подъ зеленымъ навѣсомъ стараго вѣкового бора. Раскинувшись на огромномъ пространствѣ, хмурою ратью безмолвно застыли деревья. Стройними рядами толпятся могучія сосны, задумчивыя ели... Желтобурые стволы лѣсныхъ великановъ, тронутые яркими бликами солнечныхъ лучей, кажутся вычеканенными изъ червоиного золота. Мягкій насть осыпавшейся хвои, испещренный пятнами тѣней и свѣта, стелется подъ ногами роскошнымъ ковромъ, какъ будто затканый вязью прихотливаго рисунка. Плотно сомкнутыя вершины только на окраинѣ бора высятся густыми мохнатыми шапками, и когда глядишь на нихъ издали, словно полчище исполиновъ таинственно дремлетъ въ очарованномъ снѣ.

Жутко становится среди этихъ безконечныхъ колоннъ-деревьевъ, почти лишенныхъ сучьевъ вплоть до курчавой вершины. Тамъ, въ вышинѣ, протянулись жилистыя, цѣбкія вѣтки, простирая надъ головой темно-зеленый зонгъ густой хвои. Въ смолистомъ

пряномъ воздухѣ не дрогнетъ ни звука. Подъ ногами не хрустнетъ валежникъ, не зашуршитъ трава, не слышно даже собственныхъ шаговъ по мягкому насту прошлогодней хвои, усыпанной мелкими побурѣвшими шишками. Птицы не оживляютъ его суровой тишины своимъ жизнерадостнымъ гомономъ, а въ разрѣзныхъ, ярко-зеленыхъ вѣерахъ папоротника, пробившихся мѣстами среди узловатыхъ корней, не трещатъ кузнечики, не гудятъ шмель и пчела, и только изрѣдка, мѣрно махая крыльями, беззвучно промелькнетъ надъ ними желтая бабочка. Но она кажется чуждою, случайною на фонѣ общей картины. Въ жаркій полдень старый боръ замираетъ, какъ будто въ истомѣ, сливаясь въ одинъ неохватный шатеръ своими тяжелыми, какъ броня, непроницаемыми вершинами.

Но тамъ, гдѣ, рѣдѣя все болѣе и болѣе, кудрявыя елочки да мелкая сосна разбѣгаются по неширокому рогу и растутъ уже вперемѣшку съ нарядными кустами калины, вѣчно вздрагивающей осины и плотныхъ коренастыхъ дубковъ,—тамъ въ перелѣсѣ уже вѣетъ жизнью... Слышится птичій крикъ, едва схватываемый ухомъ шелестъ травы, стрекотаніе невидимыхъ насѣкомыхъ. Журча, прихотливо извиваясь среди безчисленныхъ кустовъ ивы, ольхи и черемухи, говорливо бѣжитъ лѣсной ручей, теряясь на опушкѣ, гдѣ растутъ раскидистые вязы, подлѣ старыхъ дуплистыхъ березъ. За ними уже плотною стѣной пушится зеленый орѣшникъ, привѣтно шумитъ веселое чернолѣсье.

Пестрый, колеблющійся навѣсъ опустилъ надъ узкими просѣками тонкія переплетающіяся вѣтви деревьевъ. Кругомъ зелень липъ, ольхи да осины отгѣняетъ узорчатую листву нарядныхъ кленовъ и рябины. Безконечнымъ полутемнымъ коридоромъ кажутся эти просѣки, слабо освѣщенныя сверху невидимыми потоками солнечнаго свѣта. Огнистые лучи жаркаго полдня, дробясь на тонкія нити, съ трудомъ пробиваются сквозь зеленые своды; но они не въ силахъ побороть царящаго подъ ними прохладнаго сумрака. По глинистой заросшей дорогѣ легли двѣ глубокія колеи, выбитыя въ мягкомъ, всегда влажномъ грунту, кованными колесами телѣгъ да росходней ¹⁾. Непрерывною стѣной, обступая съ обѣихъ сторонъ лѣсной проселокъ, тѣснятся къ нему деревья. Они стоятъ въ глубокомъ раздумьѣ, чутко насторожась и къ чему-то прислушиваясь. Но едва тронетъ ихъ легкій вѣтерокъ, какъ старыя липы, развѣсистые дубы и окружающій ихъ подсѣдъ молоднякъ—стройные побѣги кленовъ, осинъ и березокъ, вслѣдъ за нарядными кустами всѣхъ цвѣтовъ и отгѣнковъ, вдругъ поднимутъ торопливый говоръ... Тревожнымъ шелестомъ листвы чернолѣсье начнетъ что-то таинственно шептать своему сосѣду—безстрастному вѣсковому бору.

¹⁾ Росходнями называются четырехколесныя раздвигающіяся дроги, на которыхъ вывозятъ бревна изъ лѣса.

Но онъ хмурясь, молча слушаетъ этотъ лепетъ говорливыхъ лѣсовъ, какъ будто ему дѣла нѣтъ до охватившей ихъ неожиданной тревоги...

Послѣ долгихъ блужданій по безконечнымъ зеленымъ коридорамъ обширной лѣсной площади, составляющей сердцевину того огромнаго треугольника, что залегъ между Варнавинымъ, Котельничемъ и Уржумомъ ¹⁾, какъ-то разъ охотясь на границѣ Вятскаго края, я вышелъ совершенно неожиданно на лѣсную поляну и въ недоумѣніи остановился. Почти круглая, она напоминала заброшенную арену древняго ристалища и вся поросла высокою сочною травой, кустами жимолости и волчьихъ ягодъ. По срединѣ зеленой луговины поднимался одинокій бугоръ, песчаный и оголенный, на которомъ приютилось тощее деревцо, осина, трепетавшая при каждомъ дуновеніи вѣтра. Какая-то особенная тишина царила на этой полянѣ, печальной, затерянной въ лѣсной чащѣ, какъ никому не нужная забытая могила. Даже шумный говоръ чернолѣся, подступая къ ней, какъ будто замиралъ, сдерживаемый послѣдними рядами деревьевъ. Небольшой клочекъ голубого неба, очерченный волнистою линіей зеленыхъ вершинъ, казался куполообразнымъ и необыкновенно высокимъ. По временамъ бѣлыя облака, ярко освѣщенныя невидимыми лучами солнца, медленно скользили надъ тихою поляною, заглядывая съ высоты въ глубину этого зеленого колодца.

Я узналъ наконецъ, куда забрелъ, и еще разъ съ любопытствомъ оглянулся. Мѣстность эта у окрестныхъ крестьянъ была извѣстна подъ названіемъ «Стародумовской заѣвки». То былъ старый «заповѣдный» боръ, принадлежавшій богатому старообрядцу, купцу Стародумову, о которомъ мнѣ приходилось слышать немало разсказовъ. Заповѣдный лѣсъ тянулся на десятки верстъ «цѣлиной», какихъ уже немного сохранилось даже здѣсь, въ этомъ лѣсномъ урочищѣ Россіи. Самыя невѣроятныя розсканіи, несомнѣнно, остатки старинныхъ повѣрій, ходятъ о немъ въ народѣ.

II.

Спутникъ моихъ экскурсіи, охотникъ Ерема, парень совершенно отбившійся отъ рукъ, «непутевый лодарь», какимъ его аттестовала мнѣ родная деревня, лѣнтяй и «ругатель», словомъ субъектъ, пользующійся самою незавидною репутаціей въ околоткѣ, охотясь однажды со мной въ этихъ мѣстахъ, вдругъ присмирѣлъ до неузнаваемости. Бойкій, вздорный разговоръ его, «частуха», смолкъ. Вся фигура моего охотника приняла видъ сосредоточенный, почти

¹⁾ Уѣздные города Костромской и Вятской губерній.

угрюмый. Развинченная жестикюляція исчезла; Ерема сталъ необыкновенно сдержанъ, тихъ и избѣгалъ сквернословія.

— Проклятущее мѣсто! — проговорилъ онъ, понизивъ голосъ, когда я поинтересовался узнать причину его непривычнаго благонаравія.

— И занесла насъ нелегкая сила! — ворчалъ онъ себѣ подъ носъ. — Наважденіе! Какъ есть лѣшій глаза отвелъ!.. Надо убираться скорѣе, подобру, поздорову...—настаивалъ онъ съ дрожью въ голосъ.—Какая ужъ тутъ охота? Какъ разъ либо себя, либо васъ устрѣлишь!.. Здѣсь къ ночи страховъ не оберешься, особливо осенью...

— Экій ты трусъ, хуже всякой бабы!..

— Очень мнѣ надо съ колдунами якшаться! — обидѣлся мой охотникъ.—Тутъ недалече пасѣка есть... Въ самомъ глухомъ мѣстѣ поставлена... На нее попади — живымъ не выйдешь! Стародумовскаго пасѣчника, такъ видать, что вы не знавали? Православныхъ онъ не терпитъ—такой проклятуцій раскольникъ! Разомъ на тебя либо одурь, либо хворобу наплетъ,—тогда и погибай, какъ собака. Не одна знахарка не отчитаетъ.

И рѣшительнымъ жестомъ надвинувъ картузъ на самые глаза, Еремка объявилъ мнѣ, что «уйдетъ отселева безъ оглядки». Не зная мѣстности и не желая заблудиться, мнѣ ничего не оставалось тогда, какъ шагать за нимъ, а парень, обыкновенно вялый и медлительный на ходу, на этотъ разъ улепетывалъ съ таинственной поляны, какъ заяцъ на угонкахъ. Только выбравшись на опушку, къ зеленому перелѣску у стараго бора, онъ остановился и тотчасъ же сѣлъ на землю отдуваясь.

— Ну, и угораздило насъ, чортъ побери! — проговорилъ Ерема злобно и съ прежнею самоувѣренностью.—Будь ты не ладенъ, анаеема! Трижды проклять Стародумовскій бортникъ ¹⁾!

— Да кого и за что ты ругаешь?—удивлялся я.

— Я знаю, кого ругаю!—отвѣчалъ онъ дерзко.—Кто рой отводитъ? Кто пчелу завораживаетъ на обильный взятокъ? У-у! проклятуцій старикъ! — И Ерема погрозилъ кулакомъ въ сторону лѣса.—Весь «шатуцій рой» отъ башкиръ отвелъ да къ себѣ на пасѣку приманилъ ворожбою.

— Что за вздоръ!—пробовалъ я убѣждать Еремѣя.—Пчела любить уходить и идетъ къ тому, кто старательно за ней ходитъ.

— Знаемъ ужъ, знаемъ!—твердилъ парень:—«бортевая»-то пчела дикая, поди? Ее изъ лѣсной-то «борти» ²⁾ ничѣмъ не выкуришь,

¹⁾ Бортникъ—другими словами пчеловодъ-пасѣчникъ.

²⁾ Борть—лѣсной улей, ставится высоко на деревьяхъ, чтобы предохранить пчелу и медъ отъ медвѣдя.

а къ колдуну-то она сама идетъ, только колодки успѣвай ставить.

Я усмѣхнулся, что страшно взорвало Еремѣя.

— Что смѣтеть-то?—проговорилъ онъ дерзко.—Стану я врать? Всю деревню спросите, отчего Максима-то ни медвѣдь не деретъ, никакой звѣрь лѣсной не трогаетъ? Сказываютъ, на пасѣкѣ-то у него наговорная пчела есть: своихъ не жалитъ, а чужого до смерти закусаетъ. Нешто это возможно безъ колдовства? А вы смѣтеть!

Вернувшись со мной на деревню, Еремка всполошилъ тамъ всѣхъ бабъ, объявивъ имъ, что я завелъ его на Стародумовскую пасѣку, не хотѣлъ оттуда уходить, да еще не вѣрю «страхамъ» этого проклятаго мѣста. Бабы не только поддержали Еремѣя, но даже превзошли его, описывая мнѣ такіе ужасы, что кругомъ стоялъ отъ аханья и вздоховъ. Даже староста Ефимъ Полосухинъ, мужикъ степенный и не глупый, и тотъ въ разговорѣ со мной на ту же тему высказался неодобрительно объ этихъ старообрядческихъ лѣсахъ, въ которыхъ не сдобровать православному человѣку.

— Это вѣрно я вамъ, баринъ, говорю!—гудѣлъ Ефимъ басомъ.— И до Максимки-то пасѣчника тѣ мѣста «проклятыми» еще у нашихъ стариковъ почитались, а не то что... Анъ по ихнему-то, у сталовѣровъ, лѣса-то тѣ самые «заповѣдными» прозваны. Такъ выходитъ—зарокъ на нихъ положенъ, потому что добра тамъ немало схоронено. Старики-то сказывали, еще въ давнишніе годы по тѣмъ мѣстамъ много разнаго народа укрывалось, а какъ вольница объявилась на Волгѣ-то, на низовьяхъ, страсть что тогда по лѣсамъ народу отъ разбойниковъ пряталось. Вѣстимо, всякому своего добра жаль. Въ ту пору немало и денегъ въ кубышкахъ да въ чугункахъ водилось—ихъ по лѣсамъ и закапывали.

И помолчавъ староста добавилъ:

— Дѣдъ-то мой, Спиридонъчъ, царство ему небесное, не разъ копать ходилъ, да все по-пустому. Потомъ, какъ сталовѣры въ тѣхъ лѣсахъ скитовъ своихъ настроили, такъ еще больше, сказываютъ, по яругамъ денегъ зарывать стали... «Банки»-то теперешней тогда еще не было; ну, и прятали гдѣ понадежище отъ лихихъ людей... А чтобъ не скрали, страшный зарокъ на то положенъ, и мѣсто выходитъ такое, что крещеному человѣку не то, что тамъ жить, а ночи-то переночевать невозможно!

— Да почему же?—спросилъ я Ефима, пытливо взглядываясь въ его открытое, умное лицо, на которомъ застыло теперь выраженіе какого-то паническаго страха.

Ефимъ провелъ рукою по темной окладистой бородѣ, разгладилъ усы и произнесъ съ разстановкой:

— Вотъ какое дѣло было у насъ, сами теперь разсудите. Когда въ старину разбойнички-то по всей Волгѣ-матушкѣ куролесили,—сказываютъ, много народу они въ полонъ брали. По Ветлугѣ, по

Вяткѣ да по Камѣ, слышь, у нихъ городцы были. И въ таи городцы немало народу свозили, знамо, больше изъ богатѣевъ, а потомъ за нихъ выкупъ брали. Кого, слышь, не выкупали, тѣхъ по лѣсамъ избивали да въ одну яму тамъ и сваливали. Сказываютъ старики-то, что больше тысячи душъ по нашимъ мѣстамъ загублено. А какъ вольницѣ-то конецъ пришелъ, кто въ живѣ изъ разбойничковъ оставался, пробовали послѣ того таи самые клады доставать... Тутъ-то мученическая кровь и возопіяла. Такъ выходитъ, что загубленныя души чужое добро, серебро да золото отъ людей завидущихъ стерегутъ. Дѣдушка упокойникъ, царство ему небесное, послѣ тѣхъ кладовъ-то, что искалъ, двѣ недѣли, какъ листъ, трясся... «Стонъ, визгъ», сказывалъ, «вой да плачь по лѣсу-то ходуномъ ходитъ. А ужъ какъ, говоритъ, полночь-то ударила, тутъ со мной то приключилось, что и сказать не могу. Сынамъ, внукамъ и правнукамъ зарокъ кладу въ ту заповѣдную засѣку не заглядывать». А старикъ-то былъ коренастый, да здоровенный и по характеру сурьезный.

— Ну, а другіе изъ односельчанъ, — полюбопытствовалъ я, — пробовали тѣ клады искать?

— Не разъ бывало!—отвѣтилъ Ефимъ и помолчавъ добавилъ:— обнокновенному человѣку достать ихъ невозможно. Ума надо рѣшиться, отъ Бога свою отказать. Былъ у насъ тутъ молодчикъ одинъ. Годовъ двадцать тому назадъ не больше, такъ съ нимъ такая бѣда приключилась, что и не выговоришь. Изъ нашихъ мѣстовъ мужичекъ—Панкратомъ звали. Задумалъ онъ кладъ этотъ самый достать и крестъ съ себя снялъ, и въ церковь ходить пересталъ—значить, какъ есть обезумѣлъ. Наконецъ, подъ Ивановъ-то день заступъ взялъ и съ вечеру, никому не сказавшись, на ту самую поляну пошелъ, гдѣ Еремка-то съ вами проклажался. Только бабѣ своей проговорился, куда идетъ, да пригрозилъ, чтобы молчала. Извѣстно, клады-то ночью даются... Пошелъ, да и сгинулъ. Ждали его сутки, братецъ ты мой, двое, на третѣи—отъ всей деревни повалили смотрѣть, что онъ тамъ дѣлаетъ. Пришли—анъ Панкратъ-то на суку виситъ... Синій такой да страшный... Глаза выпучилъ и зубы оскалилъ. Удавился, братецъ ты мой, на своемъ же кушакѣ удавился. Запримѣтилъ ли ты на той полянѣ, ровно бугорокъ насыпанъ? На самомъ этомъ мѣстѣ Панкратъ аршина два глубиной яму вырылъ и заступъ въ ней съ армякомъ оставилъ. Батка нашъ, о. Еринархъ, еще былъ въ живѣ, такъ на погостѣ его хоронить не велѣлъ. На той самой полянѣ, въ собственной его ямѣ, Панкрата-то и схоронили. Надъ нимъ и бугоръ понасыпанъ, и деревцо кто-то воткнулъ въ ту могилу. Прижилось, вишь — не вянетъ и не растеть, а годовъ ему, сказываютъ, очень много...

— Странно, — говорю я, — пошелъ человѣкъ кладъ копать и вдругъ повѣсился?

— Вотъ старики-то и толковали, что быдто видѣніе ему какое-то было. Вѣстимо, душъ-то тамъ «неприкаенныхъ»¹⁾ много... Съ той поры на поляну да въ лѣсъ у насъ никто ни ногой. Развѣ что Еремка околѣлый итти согласится, а порядочный мужикъ завсегда тѣ мѣста обѣгаетъ.

— Да при чемъ же тутъ стародумовскій пасѣчникъ?—спрашиваю я Ефима.

— А развѣ крещеный человѣкъ на такомъ мѣстѣ жить согласится?—недоумѣваетъ Полосухинъ.—Мало того, еще отъ добрыхъ людей хоронится. Къ намъ ему словно и ходу нѣтъ. На мужиковъ-то волкомъ глядитъ, а бабы тѣ лучше и не попадайся! Во какъ не любить, не дай Богъ! Женскій полъ «проклятущими» обзываетъ... А человѣкъ еще не старый; живетъ одинъ, и при немъ парнишка. Чудной такой! Всю пасѣку, баятъ, лошадиными черепами изукрасилъ.

— Это зачѣмъ же?

— А песъ его знаетъ!.. На вотятскій манеръ норовить—потому у нихъ завсегда такъ. Мало ли у насъ скотины за зиму-то волки передерутъ? Полонъ лѣсъ черепами, да еще въ лѣтошнемъ году падежъ былъ... Ну, а по-ихнему коневый черепъ отъ сглазу улья бережетъ... Оно все быть можетъ, а только глядѣтъ, ровно какъ жуть беретъ!..

— Да ты развѣ видѣлъ?—допытываюсь я у Ефима. Онъ сперва молчитъ и переминается, но потомъ говоритъ, какъ бы нехотя:

— Былъ я у него на пасѣкѣ-то, года три тому будетъ. Неподалече она отъ той поляны. Просѣкъ-то тамъ видимо-невидимо, того гляди, заплутаешь.

— Ну, какъ же тебя принялъ Максимычъ?—поинтересовался я.

— Да кто его разберетъ! Сумнительный онъ какой-то. Сталовѣры-то его «благодатнымъ старцемъ» считаютъ. Упечальникомъ прозвали... Къ нимъ-то онъ быдто ласковъ. Лѣчитъ травой, по листовкѣ отчитываетъ—у кого болѣсть съ глазу... Съ нашими-то больше молчить, ну, его и не взлюбили. Особливо бабы: колдунъ, вишь, да знахарь—скотину и людей портить.

— Глуности это, Ефимъ, и тебѣ, какъ старостѣ, такимъ пустякамъ вѣрить не слѣдовало бы.

— Да развѣ съ бабами-то сообразишь?—оправдывался Полосухинъ.—Опять тоже мѣръ... Не взлюбили его; больно много о себѣ понимаетъ, а мое дѣло—сторона... Развѣ я міру указчикъ? Хоша я и староста, а противъ стариковъ да бабъ не пойдешь: поѣдомъ съѣдятъ на деревнѣ. И опять скажу—хорошему человѣку никогда въ тѣхъ мѣстахъ не ужиться...

¹⁾ «Неприкаенными» народъ называетъ души людей, погибшихъ насильственной смертью.

III.

Очутившись теперь на таинственной полянѣ, я съ особеннымъ любопытствомъ оглядѣлъ луговину, на которой въ осеннія ночи, по убѣжденію окрестныхъ крестьянъ, поднимались изъ земли мертвецы, загорались блуждающіе огни, стонъ стоялъ и прочіе ужасы... А по сосѣдству, почти рядомъ, мирно жилъ какой-то странный человѣкъ, любовно занимаясь своимъ дѣломъ. Водилъ пчелу, ставилъ борти, лѣчилъ темный людъ, не обращая вниманія ни на ихъ розсказы, запугиванья и разные страхи, ни на явное къ нему нерасположеніе сосѣдей.

Личность Максима, по прозвищу печальника, меня сильно интересовала. Въ первый разъ я услышалъ о немъ на ярмаркѣ въ Яранскѣ, гдѣ его хвалили за отмѣнные меды и вошину, за добросовѣстный вѣсъ, чистоту и радѣніе къ вѣрѣ.

— Серьезный старикъ и въ древлемъ благочестіи непреклоненъ,—такъ мнѣ аттестовалъ его мѣстный богатый скупщикъ Горностаевъ. — Будете въ тѣхъ мѣстахъ, на пасѣкѣ-то побывайте! Жить-то его прямо затворническая. Все со пчелой, день деньской во трудахъ; каждое дѣло у него спорко идетъ по молитвѣ... Вездѣ чистота: на пасѣкѣ, въ лѣсу; изъ избы-то, кажись бы, не вышель. Одинъ духъ чего стоитъ! И книгъ божественныхъ много: одно слово—ревнитель! Каждый годъ я къ нему за медами ѣзжу и за всегда дня три прогощу. Какъ заведетъ онъ бесѣду о «житейскомъ», такъ бы, кажись, безъ конца его слушалъ. Рѣдкостный человѣкъ — усладительный!..

Хотя Горностаевъ и самъ былъ старообрядецъ давняго покою и явно тяготѣлъ къ старинкѣ, но его отзывъ о Максимѣ Печальникѣ заинтриговалъ меня неволью. Горностаевъ, какъ мнѣ казалось, чего-то не договаривалъ.

Сидя теперь на полянѣ и вспоминая все слышанное о Максимѣ отъ старообрядцевъ и его ближайшихъ сосѣдей-крестьянъ, я не могъ уяснить себѣ этой разноголосицы мнѣній объ одномъ и томъ же человѣкѣ. Чѣмъ вызваны это благоговѣніе и любовь рядомъ съ порицаніемъ и ненавистью? Что собственно заставило Максимыча уйти отъ людей, укрыться въ лѣсахъ, жить одиночкой, посвятивъ себя дѣлу, не дающему ни исключительныхъ барышей, ни особеннаго интереса? Какую тайну унесъ онъ «отъ міра» въ лѣсную глушь изъ своей никѣмъ не разгаданной жизни?

Солнце близилось къ полдню. Его отвѣсные лучи, падая на поляну, заливали деревья и травы яркимъ ослѣпительнымъ свѣтомъ. Я лежалъ на травѣ, наблюдая, какъ бѣжали надо мной облака въ голубой синевѣ неба. Недвижныя деревья, столпившись вокругъ поляны, о чемъ-то шептались.

Я прислушивался къ этому лепету зеленой листвы, какъ вдругъ откуда-то изъ далека, изъ лѣсной чащи, до меня донеслась тихая пѣсня... Звонкій, какъ будто дѣтскій, голосъ тянулъ на распѣвъ отдѣльные слова, но ихъ трудно было слышать. Мнѣ показалось, что ея протяжный напѣвъ подражаетъ грустному церковному канону.

Голосъ звучалъ все чище, все явственнѣе, и скоро я могъ разобрать слова страннаго, удивившаго меня напѣва:

... Ой лѣса, лѣса кудрявые,
 Вы милѣй отца мнѣ, матери;
 Луговинушки зеленыя —
 Помилѣе красна-золота;
 Вы, раздольица широкия,
 Помилѣй мнѣ чиста серебра,
 На родной моей сторонущѣ,
 Во прекрасной во пустынюшкѣ...

Едва замерли послѣднія слова, какъ въ лѣсу, на опушкѣ, показался мальчикъ въ бѣлой холщевой рубашкѣ съ длинными рукавами, въ такихъ же штаникахъ, босой и безъ шапки. Миловидное загорѣлое лицо мальчугана обрамляли русые кудри; большіе голубые глаза глядѣли не по-дѣтски серіозно. Онъ держалъ въ одной рукѣ корзиночку, полную грибовъ, а въ другой тонкій стебель какой-то травы. Беззаботно шагая по привычнымъ мѣстамъ, ребенокъ тихо произнесъ: «а вотъ и полянка!» Но въ эту минуту взглядъ его упалъ на меня, мальчуганъ вздрогнулъ и видимо растерялся.

Я подозвалъ его къ себѣ; онъ подошелъ неспѣша, тихою, робкою походкой. Съ первой же минуты я имъ залюбовался. На видъ ему было лѣтъ десять-двѣнадцать не болѣе.

— Далеко-ль до Стародумовской пасѣнки? — спросилъ я мальчугана.

— Ни, недалеча.

— А ты самъ-то откуда?

— Я — Максимовъ.

— Значить, съ дѣдомъ на пасѣнкѣ живешь?

Мальчуганъ посмотрѣлъ на меня вопросительно и вдругъ опустил голову, какъ будто застыдившись.

— Онъ мнѣ ни дѣдъ, онъ мнѣ дядько!

— Вотъ какъ! — проговорилъ я, поднимаясь съ травы и вскидывая ружье, отъ котораго мальчикъ попятился со страхомъ.

— Да ты не бойся, оно не стрѣляетъ.

Ребенокъ молча вздохнулъ и какъ-то печально улыбнулся.

— Проведи-ка ты меня къ дядькѣ... Можно?

— Почему не можно? — отозвался мальчикъ. и тотчасъ же по-

корно запагаль къ той самой тропѣ, которая привела его на лѣсную поляну.

Я двинулся за нимъ слѣдомъ.

Мальчуганъ шелъ спокойнымъ, ровнымъ шагомъ, изрѣдка на меня оглядываясь. Кузовокъ съ грибами висѣлъ у него на рукѣ. Свѣтлые, какъ ленъ, волосы густыми прядями спускались на лобъ и, падая на глаза, постоянно мѣшали ему видѣть. Онъ неторопливо отводил ихъ загорѣлою рукой, и въ этомъ движеніи, какъ и во всей манерѣ держаться, невольно чувствовалась какая-то особенная сдержанность, не соответствующая возрасту, какъ будто у мальчугана уже было въ жизни свое затаенное горе, своя невысказанная печаль.

Лѣсная тропа бѣжала среди вѣковыхъ деревьевъ, то теряясь въ кустахъ, то огибая полусгнившіе пни. Лѣсъ кругомъ стоялъ хмурый и молчаливый; чаща его съ каждымъ шагомъ впередъ становилась все глуше и глуше.

— Что-жъ ты не поешь? — спросилъ я мальчугана.

— Не хотца! — отвѣчалъ онъ, встрепенувшись.

Наконецъ предъ нами показался просвѣтъ; деревья вокругъ порѣдѣли. Еще издали я почувствовалъ ароматный запахъ гречи, и до моего слуха донеслось плавно-однообразное жужжаніе пчелъ. Всѣхъ лѣсъ гудѣлъ ихъ торжественнымъ звономъ.

Мы вышли на открытую луговину, и я увидѣлъ плотно сколоченную избу, обнесенную высокимъ тыномъ. Надъ воротцами съ навѣсомъ прибитъ былъ осмиконечный крестъ; тяжелая калитка съ кольцомъ была наглухо приперта.

— Какъ тебя звать-то? — спросилъ я мальчугана.

— Тимушкой, — отвѣчалъ онъ шепотомъ и тотчасъ же постучался въ ворота, проговоривъ громко и на распѣвъ:

— Слава Тебѣ, Исусе, во вѣки вѣковъ!

— Аминь! — отвѣчалъ изнутри двора мужской голосъ.

Калитка распахнулась, и я очутился на Стародумовской пасѣкѣ.

IV.

Внутри деревянной ограды, сколоченной изъ крѣпкихъ можжевельныхъ кольевъ, вершка по два въ отрубѣ, плотно переплетенныхъ ивнякомъ и лозой, какъ это принято на Украинѣ, мнѣ прежде всего бросилась въ глаза чистенькая избушка подъ опрятною щенною крышей. Она красиво выдѣлялась среди зелени вѣковыхъ березъ.

Два оконца по фасаду избы глядѣли на пасѣку, а сбоку виднѣлась дверь, выходящая на крыльцо, осѣненное такимъ же щепнымъ навѣсомъ. Вѣтви березъ, подъ которыми избушка какъ будто пря-

талась отъ дождя и зноя, нависли надъ закоптѣлою трубой, а въ томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно проходилъ дымъ, листва на нихъ пожелтѣла, осыпалась, оголивъ полусасохшіе сучья.

Прямо передъ избушкой, шаговъ на десять отъ нея, стояли въ одиночку мачтовые сосны и ели, а подъ ними правильными рядами тѣснились многочисленные ульи. Ихъ было больше двухсотъ и всѣ разнаго фасона. Обыкновенныя «душлянки», «колодки», «бездонки», сдѣланныя изъ толстаго дерева, почти въ сажень вышины, были прикрыты берестой, на которой сверху лежалъ большой лошадиный черепъ. Ярко-бѣлые, вымытые дождемъ, эти черепа дѣйствительно придавали пасѣкѣ какой-то таинственный, фантастическій видъ и замѣняли камни, которые обыкновенно кладутъ на бересту, чтобы ея не срывало вѣтромъ.

Но дальше, въ глубинѣ поляны, почти на противоположной опушкѣ лѣса виднѣлось съ десятка два новыхъ, такъ называемыхъ «рамочныхъ» ульевъ. Опрятные домики вятскаго образца, съ дверцей сбоку и легкой съ полочкой, тонули въ зелени на низенькихъ стойкахъ. Издали новая пасѣка казалась поселкомъ липутовъ, среди котораго старыя колодки съ ворохомъ бересты и лошадиными черепами представлялись какими-то чудищами изъ породы лѣсныхъ гномовъ.

На всемъ пространствѣ между деревьями мягко зеленѣла трава, пышно разростались ярко пунцовыя головки мака. Среди нихъ пушились бѣлая и розовая кашка, душистый чеберъ, медовка и цвѣты донника, видимо, сѣяныя травы, съ которыхъ такъ любитъ пчела брать свой «взятокъ». Тутъ же цвѣли и лиловые колокольчики, и львиный зѣвъ, и блѣдно-голубыя звѣзды цикорія— все сѣмена, занесенныя изъ лѣса вѣтромъ. Пасѣка своимъ противоположнымъ краемъ примыкала къ небольшому квадрату «вырубки», распаханной подъ поле. На немъ густо и пышно разрослась гречиха, сѣянная для пчелъ, какъ медоносное растеніе.

Между избушкой и первыми рядами ульевъ, въ сторонѣ подъ тыномъ, на правильныхъ грядкахъ росли капуста, морковь, виднѣлась зелень рѣдьки и бураковъ, батва картофеля и рѣпы. А надъ ними тянулись къ солнцу толстые стебли подсолнечника своими ярко-оранжевыми дисками и разноцвѣтныя мальвы.

На пасѣкѣ и вокругъ избушки стоялъ веселый гомонъ. Суетливая пчела носилась въ воздухѣ, вилась у летокъ ульевъ, кружилась надъ цвѣтами, то садясь на нихъ, то снова подымаясь, и все время звеня, какъ будто вся эта масса «трудолюбивыхъ летуний» была настроена въ гармоничный унисонъ. Я стоялъ, какъ очарованный, прислушиваясь къ тихой мелодіи звуковъ, которыми полны были пасѣка и окружающій ее лѣсъ и весело улыбавшаяся мнѣ избушка. Я не могъ оторваться отъ плавной методичной работы пчелы и чувствовалъ невольно, что ея летъ и жужжаніе,

придавая лѣсной полянѣ какую-то особенную торжественность, отражаются и на мнѣ самомъ необычнымъ, сосредоточеннымъ настроеніемъ. Кажется, все бы стоялъ да слушалъ, какъ гудятъ почти невидимые рои, какъ задумчиво вторить имъ зеленый лѣсъ своимъ плавнымъ ласкающимъ шепотомъ...

— Все дано на потребу, по Божьему соизволенію, милъ человѣкъ!—послышался мнѣ вдругъ чей-то пѣвучій голосъ.

Я быстро обернулся и увидалъ передъ собой пожилого мужчину, высокаго и сухощаваго. Одѣтъ онъ былъ въ черный, длинный не то полукафтанъ, не то полуподрясникъ, подпоясанный узкимъ ремешкомъ. Голову прикрыла темная потертая скуфейка.

Меня поразило его лицо, желтое, сухое, почти безъ кровинки. Сѣрые глаза пасѣчника свѣтились умомъ, и я сразу почувствовалъ на себѣ ихъ пытливый, пронизывающій взглядъ. Передо мной стоялъ тотъ самый «печальникъ Максимычъ», о которомъ съ такою любовью, почти съ благоговѣніемъ, говорилъ мнѣ въ Яранскѣ скупщикъ Горностаевъ.

Пасѣчникъ дѣйствительно показался мнѣ задумчивымъ и печальнымъ. Когда я вошелъ, онъ, видимо, работалъ у тына и остался у меня за спиной. Зайнтересованный пасѣжкой, ея своеобразною жизнью, я не замѣтилъ Максимыча, но онъ видимо угадалъ, почувствовалъ охватившее меня настроеніе. Фраза, произнесенная имъ, сказанная совершенно незнакомому человѣку, была отвѣтомъ на мои собственныя думы.

— Да, все дано человѣку на потребу!—подумалось и мнѣ:—только не всѣмъ онъ умѣетъ и хочетъ пользоваться!—добавилъ я уже вслухъ.

По лицу Максимыча скользнула грустная улыбка. Онъ пристально взглянулъ на меня, покачалъ головой и сразу смутилъ своимъ неожиданнымъ вопросомъ.

— На жизнь мою странную, никому непонятную, посмотрѣть желаніе пришло, милъ человѣкъ, такъ ли? Что, молъ, за скрытникъ такой, чего онъ по лѣсамъ-то сидитъ? Чего отъ людей хоронится? Не равно спастись задумалъ?—Онъ подавилъ въ себѣ вздохъ.

— А не колдунъ ли, знахаръ лихой, людей ненавистникъ? Не мудреное дѣло! Все можетъ быть въ этой юдоли грѣха и скверны.

Печальное лицо Максимыча то хмурилось, то улыбалось. Взглядъ его строгихъ пронизательныхъ глазъ казался мнѣ то испытующимъ, то равнодушнымъ. Мнѣ сдѣлалось какъ-то неловко, не по себѣ... Какъ будто я ворвался въ чужой домъ, нарушилъ своимъ неожиданнымъ приходомъ процессъ сложной созерцательной жизни стоявшаго передо мной человѣка.

Продолжая глядѣть на меня, Максимычъ, казалось, уловилъ во мнѣ и это новое ощущеніе. Онъ глубоко вздохнулъ и, протя-

нувъ мнѣ руку, пожалъ мою и тихо увлекъ за собой, проговоривъ:

— Ну, да это дѣло не наше. Гостя Богъ посылаетъ. Видимъ съ миромъ въ мою келью.

— А гдѣ же Тимушка?—спросилъ я, чтобы замаскировать мое смущеніе.

— Отрокъ-то у меня хозяйственный! — добродушно отозвался Максимычъ.— Поди, ужъ за сковородкой побѣгъ... Непремѣнно грибы свои станеть жарить. Очень до нихъ онъ охочъ.

Мы поднялись на крылечко и вошли въ прохладныя сѣнца.

— Сирота онъ у меня, Тимонъ-то,—проговорилъ пасѣчникъ тихо.— Божій отрокъ, утѣшеніе мое и надежда.

Максимычъ распахнулъ дверь, и я переступилъ черезъ порогъ свѣтлой уютной избы, поразившей меня своей чистотой и убранствомъ.

Вдоль гладко выструганныхъ стѣнъ чинно стояли выскобленные липовыя скамьи, столъ у окна и большая дубовая божница съ цѣлымъ рядомъ иконъ стариннаго письма; предъ ними теплилась крохотная лампада. Справа, въ углу, виднѣлась русская печь съ кафельной лежанкой, а надъ ней высокія полати, съ затѣйливою рѣзьбой, видимо работы любителя. Подъ полатами другая дверь вела въ большую рубленную подклѣтъ, которая поставлена была сзади избы, куда осенью пасѣчники обыкновенно убираютъ ульи и пчель для перезимовки.

Никакихъ картинъ ни свѣтскаго, ни религіознаго содержанія не было видно нигдѣ по стѣнамъ. Только на полочкѣ, между двухъ оконъ, стояло съ десятокъ толстыхъ старинныхъ книгъ въ кожаномъ переплетѣ съ застѣжками. Уже по одному фасону, отъ котораго вѣяло стариной, я угадалъ въ нихъ любимую литературу старообрядчины: знаменитыя «Прологи» и «Цвѣтники», «Житія Святыхъ», «Псалтырь» да «Часовникъ».

Несмотря на растворенное окно, въ избѣ Максимыча почти не было мухъ, благодаря душистому запаху, которымъ полна была вся горница. Подъ полатами и частью на потолокъ сплошными рядами висѣли пучки пахучихъ цѣлебныхъ травъ, испускавшихъ густой пряный ароматъ. Отъ него у меня съ непривычки начинала кружиться голова, въ особенности отъ запаха полынки и мяты. Хозяинъ предложилъ мнѣ отдохнуть, обѣщаясь тѣмъ временемъ наставить самоварчикъ и побаловаться медкомъ съ свѣжими огурцами (дѣло было въ началѣ августа). Признаюсь, что меня удивило такое обращеніе старообрядца со мной, несомнѣннымъ еретикомъ никоньяниномъ...

— Только объ единомъ смиренно прошу,—сказалъ мнѣ Максимычъ, выходя въ сѣни,— не обезсудьте: куревомъ горницы моей не поганяте!

Узнавъ же, что я не курю, старикъ повеселѣлъ и какъ будто обрадовался. Не прошло и получаса, какъ на столѣ передъ окошкомъ появился пузатый самоваръ, полубѣлый папушникъ, а на рѣзномъ липовымъ блюдѣ—ароматный сотовый медъ съ зелеными огурцами. Тима, какъ звалъ мальчугана Максимычъ, видимо завѣдывалъ хозяйствомъ. Онъ накрылъ столъ чистою цвѣтною скатертью, съ пестрымъ затканымъ узоромъ по краямъ, и, разставляя «дядьково» угощенье, тутъ же поставилъ и свои любимые жареные грибы, на которые поглядывалъ съ нескрываемымъ вожделѣніемъ. Огурцы и медъ ему видимо надоѣли.

Пасѣчникъ внесъ самоваръ, досталъ изъ липоваго погребца двѣ чашки съ тремя блюдцами и стаканъ, вынулъ уморительный чайникъ съ синими разводами, жестяную сахарницу и липовую кубышку съ чаемъ.

— Все дары друзей-благодѣтелей,—проговорилъ Максимычъ, подавая мнѣ стаканъ, а себѣ съ мальцемъ наливая въ чашки.— Побалуемся и мы чайкомъ-то для ради гостя-странника. Такъ по обличью-то судя, хоша и ружье съ вами, а странникомъ вы мнѣ спервоначалу же показались. Правильна ли, милъ человекъ, моя догадка?

— Всѣ мы здѣсь странники, Максимычъ,—отвѣтилъ я улыбаясь.

— Справедливо ваше слово,—проговорилъ онъ задумчиво, и выраженіе лица его сдѣлалось сосредоточеннымъ. Мнѣ невольно вспомнилось, что толковали о немъ въ народѣ: «печальникъ, какъ есть. Все о чемъ-то онъ тужить, ровно горе какое въ себѣ таить. Залегла, видно, думушка скорбная, и лико-то у него безъ улыбки».

— Славныя чашки,—похвалилъ я пасѣчнику посуду,—старинныя... Теперь этого фасона ужъ нѣтъ, давно дѣлать перестали. Откуда онѣ у васъ?

— Мелочь-то эту пріятель одинъ мнѣ поставляетъ, торгуетъ онъ медомъ. Всякій разъ, какъ у меня гостить, безпремѣнно всего понатащить. Такой тароватый.

— Не Горностаевъ ли?—поинтересовался я.

— Онъ самый будетъ... Алексѣй Трофимычъ. А вы какъ его знать изволите?

Я подробно разсказалъ о моей встрѣчѣ съ Горностаевымъ на ярмаркѣ въ Яранскѣ, о томъ, какъ онъ рекомендовалъ мнѣ навѣстить стародумовскую пасѣку, и мы скоро разговорились съ Максимычемъ на самыя задушевыя темы. Старикъ оживился и сталъ разговорчивъ.

V.

— Такъ я разумѣю, вамъ отдохнуть бы не мѣшало,—говорилъ мнѣ Максимычъ, допивая третью чашку и поднимаясь съ лавки.— Пожалуйте-ка въ боковушку. Тамъ воздухъ вольный, нары у меня чистыя. Постелю вамъ для мягкости войлочекъ, да и вздремните съ Богомъ!

Пока я укладывался, старикъ распахнулъ въ пристройкѣ окно, постоялъ передъ нимъ, и, расправивъ ладонями густыя пряди волосъ, въ которыхъ замѣтно просвѣчивала уже сѣдина, пристально поглядѣлъ на меня, и вдругъ проговорилъ съ глубокимъ вздохомъ:

— Да, всѣ мы здѣсь странники, милъ человѣкъ. Правильны ваши словеса; да мало кто о томъ помнитъ. Труденъ путь-отъ земной, охъ, какъ труденъ!.. Великій соблазнъ одолѣлъ человѣковъ! Любостяжаніе, лихоимство, зависть, гордыня, злоба, коварство, непотребное дѣйство! И нѣтъ имъ спасенія отъ грѣховъ во тьмѣ, ихъ обуявшей!

Кроткіе глаза старика-пасѣчника вспыхнули вдругъ гнѣвнымъ огнемъ, но только на минуту. Снова въ нихъ теплилась скорбь; пасѣчникъ грустно поникъ головою.

— Всѣ мы грѣшныя, Максимычъ,—проговорилъ я испытующе,— но вѣдь есть среди насъ и избранные. Неужели никто не спасется?

— Миръ во злѣ лежитъ!—отвѣтилъ онъ спокойно.—Горе тьмѣ, кто творитъ великій соблазнъ! Не замолить того грѣха даже избраннымъ...

— Такъ что же ждетъ людей,—спросилъ я,—если нѣтъ надежды на спасеніе?

Старикъ вдругъ обернулся ко мнѣ, и лицо его, залитое яркою полосой солнечнаго свѣта, проникавшаго въ окно боковушки, показалось мнѣ еще болѣе блѣднымъ и болѣзненнымъ.

— Казнь ждетъ людей за скверну міра сего! Великая казнь!—воскликнулъ онъ страстно, и сѣрые глаза его опять загорѣлись какимъ-то лихорадочнымъ блескомъ.

Я пожалъ плечами и отвернулся. Съ минуту длилось молчаніе.

— Ты не вѣришь?—послышался мнѣ его дрогнувшій голосъ.— Оглянись кругомъ на свѣтъ Божій! Лютою казнью платятъ люди здѣсь за грѣхи свои. Не за гробомъ, а здѣсь воздается коемуждо по дѣламъ его!

— Гдѣ же тогда милосердіе? Значитъ, не искупленъ великій грѣхъ человѣческой?

— Мнѣ отомщеніе — азъ воздамъ,—отзывается Максимычъ въ какомъ-то грозномъ вдохновеніи. Онъ стоитъ посреди боковушки, поднявъ къ потолку сухую костлявую руку.— Или ты не знаешь завѣтъ Божій? «Кто отгоргнется отъ Мене въ родѣ семъ прелюбо-

дѣйномъ и грѣшномъ, и устыдится Меня, того устыжусь и Я передъ лицомъ Отца Моего Небеснаго». Силенъ сталъ князь міра сего. Не даромъ съѣтъ онъ свою богопротивную ересь.

— Зло было и ранѣе,— говорю я. Но Максимычъ тотчасъ же добавляетъ:

— Но было и добро, благодать древяго благочестія! А теперь, посмотри, гибнетъ міръ подъ пятой Антихристовой. Оскудѣла въ насъ вѣра, изсякла любовь, и нѣтъ надежды въ грядущемъ.

Я слушаю эту рѣчь страстную, порывистую, и мнѣ чудится въ этомъ гнѣвѣ Максима-печальника глубокая затаенная скорбь, съ трудомъ удерживаемыя слезы.

— Какъ такъ жить-то безъ Бога, безъ совѣсти?— недоумѣваетъ онъ, тихо почти беззвучно шагая по горницѣ изъ угла въ уголъ.— Посмотри на дѣянія нечестивыхъ. Поднялъ братъ на брата руку свою—родители на дѣтей, сынъ на отца, дочь на мать свою, и всѣ другъ на друга... Велика злоба суетнаго міра, и врагъ людской все страшиѣ козни свои измышляетъ.

Максимычъ набожно скрестилъ руки, какъ будто на молитву. Онъ остановился у окна и, прижавъ лбомъ къ стеклу верхней рамы, произнесъ полушепотомъ:

— Боже великій и праведный! Кого возлюбихъ сердцемъ чистымъ? Предъ кѣмъ смирилъ гордыню свою смиреніемъ великимъ? Поборохъ гнѣвъ кротостью и незлобіемъ, суетумудріе — простотой, обиду враговъ моихъ—радостью униженія во имя Христово?

Я слушаю эту исповѣдь чужого человѣка и чувствую, что во мнѣ совершается какой-то странный психологическій процессъ. Неизъяснимый трепетъ все сильнѣе охватываетъ меня: невольно передается вдохновенная возбужденность печальника. Въ голосѣ его слышится то грусть, то отчаяніе, и меня незамѣтно охватываетъ жгучая тоска, не поддающаяся самоанализу.

Въ боковушѣ темно и душно. О снѣ не можетъ быть и рѣчи, и я тревожно ворочаюсь на мягкомъ войлокѣ.

— Что есть жизнь?—вопрошаетъ между тѣмъ Максимычъ. Руки его дрожатъ, весь онъ охваченъ волненіемъ. Вопросъ его относится не то ко мнѣ, не то представляетъ результатъ его собственнаго размышленія.

— Жизнь есть страданіе,— говорю я тихо:— неустанная борьба человѣка за существованіе.

— Ахъ, нѣтъ, жизнь есть радость неизреченная! — отзывается онъ тотчасъ же.— Или не знаешь, что сказалъ Господь: «Азъ пришелъ въ міръ, дабы имѣли жизнь и имѣли съ избыткомъ».

— Почему же ведется борьба за насущный кусокъ хлѣба?

Пасѣчникъ оборачивается и глядитъ на меня печально.

— Жизнь есть подвигъ по завѣту Христову,— произноситъ онъ спокойно.— «Придите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обреме-

ненные, и Азъ упокою вы. Возьмите иго Мое на себя и научитесь, яко Азъ есмь кротокъ и смиренъ сердцемъ, и обряцете покой душамъ вашимъ!» Вамъ должно быть это извѣстно.

— Такъ, Максимычъ, но тяжелъ крестъ земныхъ испытаній.

— Ахъ, нѣтъ, не тяжелъ, говоритъ Господь: «Иго Мое благо и бремя Мое легко есть».

Я чувствую, что не въ силахъ лежать, и приподнявшись сажусь на нарахъ. Эта странная бесѣда съ едва знакомымъ человекомъ поднимаетъ во мнѣ рядъ наболѣвшихъ, мучительныхъ вопросовъ. Максимычъ, быть можетъ, бессознательно затрогиваетъ тѣ жгучія темы, которыя давно ужъ составляютъ большое мѣсто нашего такъ называемаго интеллигентнаго общества.

Въ тоскливыхъ сумеркахъ конца вѣка, въ хаосѣ его декаденщины, самоотрицанія, лихорадочныхъ поисковъ «новыхъ путей», здраваго смысла жизни, извѣрившись во всемъ и во всѣхъ, мы тщетно ищемъ твердыхъ устоевъ, на которыхъ могли бы создать болѣе радостное осмысленное существованіе. Религія давно стала для насъ мертвымъ культомъ. Ея заповѣди добра, ея чуткая совѣсть—устарѣлымъ предрасудкомъ. Мы говоримъ даже не смущаясь, что «то сердце не научится любить, которое устало ненавидѣть»... И, задыхаясь среди этой ненависти, мы потеряли способность не только любви, но даже состраданія.

VI.

— Вотъ она, жизнь-то. Взгляни на нее, милъ человѣкъ,—говорить мнѣ печальникъ, и лицо его озаряется кроткою, ясною улыбкой. Онъ остановился у раствореннаго окна и рукою показываетъ мнѣ на веселую пасѣку, на зелень лѣсовъ, на голубой, ярко залитый лучами солнца, край неба.

— Вотъ гляди. Передъ тобой Божій міръ съ его красотою, съ его радостнымъ трудомъ, какъ заповѣдалъ Господь праотцу нашему Адаму. Трудолюбіе нѣсть любостыжаніе. Слышишь, какъ пчелка жужжитъ? Это пѣсню-хвалу поетъ Божья летунья. Святъ чистый трудъ... Возьми хоть къ примѣру улей. Отъ зари до зари работаютъ неустанно пчелы, сносятъ медъ, копятъ воскъ на чужую потребу, строятъ соты надиво, разносятъ цвѣточную пыль, цвѣтики размножаютъ... собираютъ клей да воду, кормятъ маткиныхъ «дѣтокъ».

— Но и среди нихъ есть трутни,—напоминаю я Максимычу.

— Вѣрно, милъ человѣкъ, какъ и въ людской жизни... Только у пчелъ ждетъ ихъ жестокая казнь, чай и самъ знаешь?

— Казнь?—машинально повторяю я, глядя въ окошко.

— Ну, а какъ же? — отзывается старикъ. — И всего вѣку-то

трутною пять недѣль дано. Затѣмъ убиваютъ ихъ сами же труженицы пчелы. Таково-то устроена жизнь у тварей безсловесныхъ. А что человѣкъ творить? О чемъ ревнуетъ? Собратьевъ своихъ тружениковъ поѣдомъ ѣсть, а бесполезныхъ трутней размножаетъ. Всю тяготу земную на слабыхъ да сирыхъ сложить норовить; весь свой вѣкъ трутнемъ прожить силушки напрягаетъ. Оттого и соблазнъ великій пошелъ по землѣ. Отъ него и скорбь наша и страданіе...

— Въ мірѣ быть—скорбнымъ быть!—говорю я, пристально глядя въ лицо пасѣчника.

— Егда не избылъ грѣха покаяніемъ, — отзывается Максимычъ.

— Такъ ли, печальникъ?

Я встаю съ нарѣ и вплотную подхожу къ старику. Онъ глядитъ на меня съ смущеніемъ, блѣдный и взволнованный, и вдругъ, глубоко вздохнувъ, тяжело опускается на нарѣ. Я стою передъ нимъ и слѣжу, какъ зрачки его глазъ расширяются все больше и больше, какъ въ нихъ проскальзываетъ выраженіе тоски и ужаса.

— Ты меня испытываешь?—произноситъ онъ глухимъ, подавленнымъ голосомъ и вдругъ добавляетъ съ мучительною догадкой.— Люди, слышь, разное болтаютъ. Коварствомъ и злобой дышать уста; строго судъ нашъ надъ ближнимъ. Охъ, какъ строго. Но людской судъ—не Божій.

Я гляжу съ изумленіемъ на пасѣчника.

— Но развѣ кто осудилъ тебя, Максимычъ?

— Тяжела скорбная тайна моей одинокой жизни, но во имя Христово не постыжусь покаяться во грѣхѣ моемъ предъ людьми,— добавляетъ онъ уже спокойно и сосредоточенно.

— Если знать захотѣлъ,—такъ и быть, слушай. Охъ, охъ, охъ! Великъ грѣхъ нашей человѣческой гордыни,—вздыхаетъ старикъ, а я сажусь на нарѣ, идущія вокругъ стѣнъ боковухи, и, прислонившись головою къ оконному косяку, гляжу на него пристально. Весь охваченный воспоминаніями, Максимычъ едва ли меня замѣчаетъ. Онъ скрестилъ руки на груди и понурился.

— Такъ,—говоритъ онъ,—давно это было, прошло и быльемъ поросло... Былъ я молодецъ и неразуменъ, жилъ въ богатой семьѣ при отцѣ да матери. Кудри русые въ кольца вились, изъ себя былъ, сказывали, молодецъ не послѣднимъ... Тѣсенъ казался мнѣ Божій міръ, и подвига въ немъ подходящаго для меня не было.

— Померъ родной батюшка, одинъ я остался со старушкой матерью. Жить бы намъ вдвоемъ да вѣкъ коротать, труждаючись за сохой-кормилицей. Анъ нѣтъ—врагъ-то силенъ. Потянуло меня на чужую работу, на легкій трудъ—торговать въ приказчики...

— Обучился я грамотѣ, въ конторщики поналъ, жилъ въ городкѣ у купца и, съ разнымъ людомъ якшаясь, немало на нихъ лютовалъ. То-то врагъ силенъ въ заблужденіяхъ. Отець-то съ матерью

по старинѣ жили, держались древяго благочестія, а я съ никоньянами хороводы водилъ да подъ пятою антихристовой душу тѣшилъ. И тогда спослалъ мнѣ Господь свое первое испытаніе.

Максимъ тяжело перевелъ духъ, вытеръ рукавомъ лобъ, на которомъ выступили крупныя капли пота. Я слушалъ старика, и мнѣ казалось, что этотъ человѣкъ переживаетъ теперь сызнова какую-то тяжелую драму своей неразгаданной жизни.

— Былъ я сытъ и одѣтъ, и обуть, не терпѣлъ ни голоду, ни холоду, а какъ сталъ передо мною хозяинъ-купецъ съ утра до ночи на счетахъ капиталы свои подсчитывать, да подъ вечеръ огребать серебро да бумажки изъ выручки, — великое нашло на меня тогда искушеніе. Ночи не сплю, голова горитъ, ползуть душки одна за другой нечестивыя... Вижу, корысть во мнѣ разгорается, глазъ на чужое добро завидующимъ сталъ, а бѣсъ наушаетъ на всякое... Похудалъ, кашлемъ проняло, извелся весь. Надумать не могу, какъ бы мнѣ въ большіе капиталы выйти. Охъ, великъ мой грѣхъ передъ Тобою, Господи! — простоналъ Максимычъ и, тяжело ступая, прошелся по горницѣ.

Отъ волненія блѣдное лицо его покрылось пятнами.

— Плѣнилъ меня князь міра сего на страшное дѣло: на грабежъ чужихъ денегъ, на пагубу души человѣческой. Дѣло задумано. Порѣшилъ я, на ярмонку ѣдучи, хозяина-купца гдѣ нибудь въ глухомъ мѣстѣ прикончить, капиталомъ его завладѣть и скрыться... То-то несмышленный былъ и не вѣдалъ того, что загубленная душа день и ночь вопіетъ къ Богу о мщеніи.

Максимъ вздохнулъ и покачалъ головой.

— Слушай, слушай, милъ человѣкъ, скорбь души моей лютую. Осуждай меня для ради спасенія моего. Надлежитъ намъ очищать себя покаяніемъ.

Чистосердечная повѣсть Максимыча, его грозное самобичующее обличеніе дѣйствовали на меня подавляюще. Человѣкъ каялся передо мною, передъ чужаниномъ, какъ будто на духу, твердо вѣря, что его грѣхъ, грѣхъ одного только помысла, будетъ искупленъ такимъ признаніемъ.

— Но сжалился надо мной Господь, — продолжалъ Максимычъ, — за молитвы родителей, видно. За сутки, какъ намъ на ярмарку ѣхать, приснился мнѣ старичекъ отецъ, пригрозилъ проклятіемъ и повелѣлъ изъ житейскаго омута бѣжать безъ оглядки. Проснулся я, весь, какъ листъ, дрожу: руки, ноги трясутся, въ головѣ ровно молотомъ стучить. Собралъ пожитки свои, на икону помолился и, ни съ кѣмъ не простившись, ночью тайкомъ ушелъ и побрелъ восвоеси.

— А въ дому, какъ пришелъ, вижу — мать больная лежитъ и тяжкою скорбью объята: чуяло, видно, сердце материнское великую смуту сыновьей души и за грѣхъ его мучилось. Покаялся я передъ ней во всемъ и твердый зарокъ далъ передъ Господомъ тогда же:

не радѣть къ богатству, не питать любви къ лихвѣ и деньгамъ. Такъ възыскалъ меня Господь своимъ первымъ испытаніемъ. И съ той поры князь міра сего оною прелестью въ сѣти свои меня не улавливалъ.

Старикъ поднялся съ нарѣ, прошелся по боковушѣ, заглянулъ въ дверь избы, нѣтъ ли тамъ Тимушки, и, притворивъ ее снова, заговорилъ торопливо.

— Но судилъ мнѣ Господь новое испытаніе на стезѣ суетнаго міра. Занялся я чтеніемъ книгъ Божественныхъ, и объяла меня жажда необоримая поревновать истинной Христовой вѣрѣ. Потянуло меня на Ветлугу, на Корженецъ, къ столпамъ древяго благочестія. Тамъ приняли меня ласково, и какъ я грамотѣ былъ обученъ, начетчики скоро во все тайности сокровенныя посвятили меня. Умилительно вспомнить, какъ радѣлъ я старой вѣрѣ, упивался «цвѣтниками», «прологами». Воспріять хотѣлъ Божественной благодати, а князь міра сего готовилъ мнѣ въ тѣ поры свой второй соблазнъ: ослѣпилъ умъ мой гордыней, мудрованіемъ и жаждой славы у челоуѣковъ. Пять годовъ прожилъ я подъ Вяткой и самъ въ старообрядствѣ удостоился стать начетчикомъ. Похваляли меня столпы благочестія, умилялись рѣчию моею отъ писанія, и сталъ я скоро замѣчать за собой великое къ людямъ озлобленіе.

— Распалились умъ и сердце во мнѣ гнѣвомъ неукротимымъ на ересь никоньянскую. Возглашалъ я тогда гоненіе на церковь, обличалъ ближняго, Антихристомъ плѣннаго, и возвысилъ я гласъ надъ толпой, простирая карающую десницу. Возгордихся, вознесся надъ людьми, и изсякло во мнѣ состраданіе, милосердіе и любовь... А я почиталъ себя сильнымъ, и старцы людскіе уподобляли меня Стефану Ревнителю.

Горькая усмѣшка скривила губы Максимыча. Сѣдые волосы прилипли прядями къ мокрому лбу. Онъ разстегнулъ свой длинный подрясникъ, лихорадочно растирая грудь дрожащей рукой.

— Вникни, милъ челоуѣкъ, — продолжалъ онъ тихо, — въ тотъ второй соблазнъ суемудрія горделиваго. Пути дьявольскія — паутины тончайшія: оборвать ихъ силъ у челоуѣка не хватитъ. Снова възыскалъ меня Господь своей милостью и благодатью.

— Въ тѣ поры старушка моя скончалась. Не успѣлъ я ее схронить, какъ случилось у насъ съ городскимъ архіереемъ столкновеніе изъ-за вѣры. Большое волненіе пошло, и вызвалъ онъ старообрядцевъ на словесное ратоборство. Три священника на собесѣдованіе записались, а меня старики, какъ мудрѣйшаго изъ начетчиковъ, на тотъ споръ отъ себя выставили. И горѣлъ я сразиться съ нечестьемъ никоньянъ и посрамить ихъ рвеніемъ своей гордыни. Но судилъ Господь иначе.

Печальникъ взглянулъ на меня глазами, полными слезъ, и, отведя падашіе на лобъ волосы, продолжалъ свою исповѣдь.

VII.

— Въ ночь подъ великое наше соревнованіе приснился мнѣ сонъ непонятный. Вижу, мать моя по горницѣ ходить, а вокругъ нея съ мечами огненными стоитъ воинство небесное. Въ горницѣ той врата, словно въ алтарь ведутъ, изъ чистаго золота кованы, драгоценными камнями изусыпаны. А изъ тѣхъ вратъ струить свѣтъ лучезарный, слышится пѣніе ангельское, отъ котораго пришелъ я въ страхъ и трепетъ. Вижу, мать моя къ тѣмъ дверямъ рвется, но архангелъ съ мечомъ пламеннымъ путь ей къ нимъ преграждаетъ. Обернулась ко мнѣ матушка, ухватила руками за сѣдую голову, глядитъ на меня съ укоромъ, а сама горько плачетъ, рѣкой разливается...

— Страхъ объялъ меня, ужасъ неизреченный, и вдругъ слышу голосъ будто изъ вратъ: «Савле, Савле, что Мя гониши?» Испугался я, похолодѣлъ весь и сталъ молить Господа, да проститъ мнѣ гордыню, меня обуявшую. И молился я жарко и плакалъ во снѣ, а старушка, мать моя, улыбалась, а съ ней вмѣстѣ все воинство небесное... Услышала, видно, молитву мою Господь. Отстранился отъ дверей тѣхъ грозный архангелъ; подошли къ старушкѣ два отрока въ ризахъ блистающихъ: имя имъ Милосердіе и Любовь. И отверзлись предъ ней тогда врата блаженства недосягаемаго, а я проснулся въ трепетѣ радостномъ.

Максимичь умолкъ и задумался. Я наблюдалъ его лицо. Спокойное, одухотворенное подъемомъ глубокихъ религіозныхъ чувствъ, и мнѣ показалось, что съ него исчезли теперь и скорбь и печаль, а грустные глаза блестѣли радостью, свѣтились какою-то безграничною любовью.

— Да, милъ человѣкъ, такъ позналъ я обуявшую меня темноту суемудрія. Но лукавства врага рода человѣческаго повлекли меня на стезю новаго испытанія. Покинулъ я Вятку, проклинаемый столпами древяго благочестія, упрекавшими меня въ соблазнѣ дьявольскомъ, и пошелъ искать счастья по свѣту, жить въ мірскихъ людяхъ.

— Привелъ Богъ пріютиться въ Яранскѣ, въ городкѣ, у купца Стародумова. Годовъ тому много ужъ будетъ, поди, лѣтъ пятнадцать, али больше... теперь ужъ не помню. Взялъ онъ меня къ себѣ въ приказчики, а старикъ-то былъ проницательный. Подержалъ при себѣ годъ, другой, пришла по душѣ ему моя смышленость. Тоже слышалъ онъ раньше про разныя мои обстоятельства и говоритъ мнѣ подъ конецъ: «человѣкъ ты молодой (а мнѣ тогда подъ тридцать было), надо тебѣ свою судьбу испытать. Поставлю я тебя на особое дѣло: будешь торговать у меня на отчетѣ. Поѣзжай въ городъ Варнавинъ».

— Такъ и сталъ я торговцемъ. Велъ стародумовскій торгъ дегтярный, смоляной да кожевенный. Торговалъ и рыбой, и медомъ у хозяина тысячника—были у Стародумова и озера свои, и пасъки. Опять прельстила меня мірская жизнь съ ея суетой, полюбились торговые обороты. Хотя до денегъ въ то время я и не былъ охочъ, да льстилось мнѣ за купца ходить. На отчетѣ приказчикъ—самъ себѣ голова, и велъ я себя по-купечески. Году не прожилъ я въ Варнавинѣ, какъ послалъ мнѣ Господь свое третье испытаніе. И понынѣ не знаю я, милъ челоуѣкъ, что горше на землѣ: богатство, людская ли слава-гордыня, или житейская любовь отъ плоти?

Максимиычъ посмотрѣлъ на меня вопросительно и помолчавъ проговорилъ съ усмѣшкой:

— Полюбилась мнѣ словно на грѣхъ одна русская дѣвушка, а вѣры великороссійской. Каково это было мнѣ, истовому старобрядцу? Ласковая, привѣтная была; звали ея Матрешей. Такъ приглянулась мнѣ, что безъ нея свѣтъ Божій не милъ. Что будешь дѣлать? Не ворожкой взяла, а изъ себя красотою: видная, краснощекая, брови соболиныя, глаза жгучіе да бѣдовыя... Зазнобила сердце смѣхомъ бойкимъ да женскимъ лукавствомъ. Теперь-то и вспомнить чудно, а тогда... ну, да бѣсъ свое дѣло знаетъ.

— Миловались мы съ годъ, а потомъ сталъ я у старика Стародума проситься въ отпускъ. Порѣшили мы съ Матрешей законъ совершить, по-хорошему. Посмѣялся на меня хозяинъ, Иванъ Трофимычъ, не сталъ ни совѣтовать, ни отговаривать, а только по-стариковски замѣтилъ: «ну, что-жъ, давай Богъ! Своей судьбы не избудешь!» На ту пору въ наши мѣста бѣглый попъ пріѣзжалъ: у него и повѣнчались. Пожилъ я годъ, другой, пошелъ третій—не посылаетъ намъ Богъ ребеночка. Что думаю за притча такая? Стала меня кручина брать, а Матрешкѣ и горя мало. «Очень нужно, говоритъ, этого добра! Маята съ ними!» А сама, гляжу, годъ отъ году ко мнѣ холоднѣе. Намекаютъ сосѣди, что сталъ вишь съ Матрешкой акцизный любезничать; малый выпить не промахъ. Ничего такого я за ней не замѣчалъ. Акцизный-то этотъ изъ себя—плюнуть жалъ: кудластый да рыжій, развѣ что на господской линіи...

— Полныхъ трехъ лѣтъ не исполнилось—не узналъ я моей Матрешки. А въ ту пору, по веснѣ, пришлось мнѣ по хозяйскимъ дѣламъ внизъ по Ветлугѣ слыть. Хорошо. Воротился я чрезъ недѣлю въ Варнавинъ—хватъ, бабы моей нѣтъ дома. Туда-сюда, по сосѣдямъ: говорятъ, сбѣжала, почти вслѣдъ за мной уѣхала... Въ горницѣ-то у меня подъ постелью сундукъ стоялъ. Хранилось въ немъ двѣ тысячи цѣлковыхъ родительскаго капитала. Таи деньги про черный день мнѣ мать сберегла. Хватился я пачпортъ искать, отперъ сундукъ—нѣтъ моихъ денегъ. Сфукнула ихъ Матренушка, знать, подборнымъ ключомъ отперла, да и была такова...

— Бросился я по городу разспрашивать, тревогу поднять. Ры-

жаго-то бѣса акцизнаго безъ меня въ другой уѣздъ перевели. Вижу, подстроено у нихъ было ловко. Облютоблъ я какъ есть, да и махнулъ за ними въ Уржумъ по горячему слѣду. Заявляю властямъ, а они на меня смѣются. Матрешка, Бога не стыдятся, такъ показала, что дескать отъ побоевъ моихъ ушла, отъ страху, что я убить ее надумалъ. «Кто съ такимъ, молъ, лиходѣемъ уживется?».

— Свѣта не взвидѣлъ я, милъ человѣкъ, отъ такой клеветы, отъ обиды-напраслины. Акцизной-то бѣсъ въ дому заперся, словно воръ, не выходитъ и меня къ себѣ не пускаетъ. Бился я, бился, бросался и туда и сюда, пока исправникъ совсѣмъ меня не доѣхалъ: «да какая же, говоритъ, она тебѣ жена, если ты съ ней въ церкви не вѣнчанъ?» А самъ смѣется. «По старинкѣ живешь, самокрутку сыгралъ? Ну, теперь на себя и плачься!» Такъ и уѣхалъ я ни съ чѣмъ изъ Уржума. И какъ меня Богъ домой донесъ — ничего не помню. Въ лѣсу-то одинъ наплакался я въ волю, и въ злобѣ моей тогда жъ порѣшилъ прикончить обоихъ злодѣевъ...

Максимиычъ тяжело поднялся съ мѣста и шатаясь подошелъ къ окну, блѣдный, съ выраженіемъ угрюмой тоски на осунувшемся лицѣ. Голова и руки его нервно вздрагивали. Онъ испуганно высунулся въ окно, чутко насторожась и прислушиваясь, какъ будто ждалъ какой-то напасти.

Но за стѣнами избушки, гдѣ волновались людскія страсти, гдѣ накопились людское горе и обида, вставали тяжелымъ кошмаромъ пережитыя страданія человѣка, — въ природѣ, въ мирно дремавшемъ лѣсу было разлито какое-то стихійное спокойствіе. День уже догоралъ; солнце склонялось къ закату. Свѣжестью тянуло изъ зеленого бора, сильнѣе пахли трава и цвѣты. Гомонъ суетливой пчелы замѣтно стихалъ надъ пасѣкой...

Максимиычъ полною грудью потянулъ въ себя воздухъ, смолистый и влажный, и мнѣ показалось, что, высунувшись въ окно, онъ хотѣлъ скрыть душившія его слезы.

Въ боковушѣ наступила тягостная тишина. Невольно становилось жутко отъ сознанія, сколько можетъ выстрадать одинъ человѣкъ въ своей незамѣтной жизни, среди миллионѣвъ такихъ же, какъ онъ существъ, иногда даже не подозрѣвающихъ близкой гибели своего собрата.

VIII.

Наконецъ Максимиычъ продолжалъ, какъ будто припоминая:

— Остался я одинъ, какъ перстъ, да спасибо хозяину — поддержалъ онъ меня тогда. Пошли ему Богъ царство небесное! Повинился я старику во всѣхъ моихъ помыслахъ, ничего не утаилъ И о томъ, что задумалъ жену-лиходѣйку убить съ полюбовникомъ, и что ножъ уже купилъ — вотъ до чего довела меня суета мірская! А онъ меня ласково обнялъ, вздохнулъ да вдругъ говорить:

«истор. вѣстн.», октябрь, 1900 г., т. LXXXII.

8

— Ахъ, Максимычъ, мало ли тебя Господь вразумлялъ и теперь вразумляетъ! Вѣрь, никому не избыть своей судьбины. Что ты надумалъ—смерть накликать? Развѣ это возможно? Великъ этотъ грѣхъ! Да она, смерть-то, можетъ быть, сама у нихъ за плечами стоять! Давнымъ давно своего часа дожидается и безъ твоей помощи! Окстись! Вспомни покойныхъ родителей!

— Загубила, говорю, она даромъ мою жизнь, проклятушья!

— Не проклинай, говоритъ, никого. Проклятiе — грѣхъ не малый. И безъ него не избыть ей горя неминучаго! И не ей одной, а имъ обоимъ.

А меня трясеть злора, ровно въ лихоманкѣ. Самъ не помню, что хозяину говорю:

— Да за что же я такой зародился несчастный? Неужели подлецамъ однимъ въ міру жить хорошо? Гдѣ же Божеская-то справедливость?

Испугался Стародумовъ, крестъ на меня наложилъ, да такъ сталъ уговаривать:

— Что ты, Максимычъ, Господа гнѣвишь? Откуда ты жизнь-то чужую знаешь? Можетъ, иному хуже твоей судьба задалась, да онъ смиряясь по грѣхамъ своимъ терпитъ. Озлобился ты, самъ вижу. Вотъ тебѣ мой стариковскій совѣтъ—уйти отъ людей, покудова гнѣвъ свой не обуздаешь. И такъ тебя Господь тогда вразумитъ, наставитъ, что вспоманешь слова мои лаской. Скажешь спасибо, а если въ живѣ не буду,—за грѣшную душу мою помолишься.

Пасѣчникъ поднялъ голову и осѣнилъ себя широкимъ раскольничьимъ крестомъ. Губы его тихо прошептали имя Стародумова. И сидѣлъ неподвижно; дума проходила за думой, а на душѣ становилось радостно и свѣтло, какъ будто все, что говорилъ Максимычъ, я пережилъ самъ и выстрадалъ съ нимъ вмѣстѣ.

— Такъ и ушелъ я отъ людей, милъ человѣкъ,—продолжалъ старикъ тихо.—Ушелъ къ Стародумову на любимую пасѣку. Еще мальчикомъ до страсти я пчелъ любилъ, а теперь-то на пасѣкѣ, ровно въ Божьемъ раю, тихой жизнь мнѣ показалась. Эту самую избу тому много годовъ покойникъ хозяинъ для меня поставилъ. Боквушку, подклѣтъ тоже, оградилъ пасѣку тыномъ. «Вотъ, говоритъ, Максимычъ, тебѣ усадьба. Живи съ Богомъ!»

— Не понялъ я тогда этихъ словъ, а теперь и тебѣ скажу, милъ человѣкъ, какъ сказалъ мнѣ когда-то покойникъ хозяинъ: «съ Богомъ живи!» Съ нимъ весь соблазнъ въ міру ли, въ скиту ли одолѣешь. Да еще грѣхъ свой, какой ни на ѣсть, исцѣли печалью. А ежели силушки Богъ пошлетъ,—избѣгай бабъ да дѣвокъ.

Замѣтивъ мою улыбку, Максимычъ добавилъ серьезно:

— У меня на пасѣку имъ и ходу нѣтъ. Да и пчела бабьяго духу не терпитъ: рѣдкимъ изъ нихъ доведется за ульемъ ходить;

не любить ихъ Божья летунья. Дохнетъ, болѣетъ пчела, потому что грѣховная баба завсегда разведетъ свою нечисть. Хоть и трудно человѣку одному прожить, все же легче безъ бабы. Есть съ кѣмъ и безъ нея свой досугъ раздѣлить—было бы дѣло по душѣ, трудъ пріятенъ. А какъ со мной вышло—прослушай.

— Году не прожилъ я, стали со всѣхъ сторонъ слухи доходить, что совсѣмъ моя Матрешка отъ рукъ отбилась. Что ни на есть послѣдней «шатущей бабой» сдѣлалась. А акцизный-то денежки у нея отобралъ, пропильт, да подъ конецъ выгналъ; сказывали—еще съ ребенкомъ. Какъ со мной-то жила, дѣтей не было, а потомъ, вишь, Господь для нея же послалъ испытаніе. Много ли она тамъ съ нимъ возжалась—не знаю, только ужъ послѣ никакихъ о ней вѣстей не было.

— По завѣту старика хозяина (а онъ черезъ два года померъ) я у молодыхъ Стародумовыхъ навсегда въ пасѣчникахъ остался—такъ-то. Теперь долженъ я передъ тобой, милъ человѣкъ, сознаться въ одномъ грѣхѣ, о которомъ раньше не думалъ. Сталъ я жить здѣсь, равно, какъ въ пустынѣ, Господа хваля и воспѣвая. Людей избѣгалъ, отъ всѣхъ сторонился и на пасѣку къ себѣ никого ни ногой. Хлопочу день деньской, вожусь съ пчелами, мастерю улы, ровно кротъ въ своей норѣ роюсь. Забылъ про весь Божій свѣтъ и такъ думалъ, что впрямь отъ врага міра сего укрылся. А Господь-то человѣковъ по своимъ путямъ ведетъ, для насъ незримымъ.

— Такъ-то годовъ пять я топтался одинъ одинокій; только и людей видалъ, что когда приказчикъ наѣдетъ, аль скупщикъ осенью за медами. Посыгѣлъ, раздобрѣлъ на хозяйскихъ хлѣбахъ безъ заботы, обложился съ лица, а все мнѣ покоя нѣтъ, ровно сосеть что подъ сердцемъ. И нашло на меня раздумье—не замолилъ, видно, я печалью да скорбью грѣховъ моей жизни? И пчела-то у меня будто не веселая и выводковъ мало, а матка мретъ—нѣтъ на пасѣкѣ ладу! Такъ, говорю, пять годовъ выжилъ, время не малое. Вотъ прослушай, какое со мной дивное дѣло приключилось.

Старикъ Максимычъ подсѣлъ ко мнѣ рядомъ и, свѣсивъ руки съ колѣнъ, произнесъ полушепотомъ, улыбаясь своей прежней радостной улыбкой:

— Тому будетъ лѣтъ восемь, а какъ сейчасъ помню. Тоже осень была на дворѣ. Какъ-то разъ сиюю это я подъ вечеръ, ковыряюсь у тына—новую бортъ обряжалъ. Солнце-то почти закатилось, сумерки по лѣсу шли... Вдругъ слышу—стучить что-то въ бору, сразу не разобрать, ровно кто на телѣгѣ къ воротцамъ подѣхалъ. Дивлюсь я: кому быть въ такую-то пору? Только слышу, кто-то стукнулъ въ калитку ровно посошкомъ. Отворилъ я съ молитвой, да такъ и отступилъ въ страхѣ. Стоитъ передо мною стара-старушка, сѣдая, платкомъ голову укрыла, лица-то и не ра-

зобратъ, и мальчика годовъ четырехъ за руку передъ собой дер-
жить. Стоитъ, на меня воззрившись, а сама черезъ порогъ не пе-
реступаетъ. Положилъ я на себя крестное знаменіе. Такъ думаль—
наважденіе, а самъ спрашиваю:

— Что тебѣ, старица, надо?

— Прими, отвѣчаетъ, младенца на воспитаніе.

— А зачѣмъ, говорю, развѣ онъ «найденышъ»?

— Не «найденышъ», и твой, да не твой. Такова ужъ его си-
ротская доля. А сама на меня грозно смотритъ.

— Матреша твоя, говоритъ, долго жить приказала; а рыжій
платунъ-то, акцизный, давно съ кругу спился, и сама я, какъ и
ты, мужемъ брошена, а вскормила вишь Тимушку, сколько силъ
моихъ было. Матреша-то у меня померла, у меня и младенца оста-
вила.

— Опустилъ я голову, стою въ раздумьѣ.

— Слышь, говоритъ, печальникъ, приголубь ребенка-то, да
смотри, не прогнѣви Бога!

Такъ меня холодомъ и проняло.

— Неповинно дитя за родительскія прегрѣшенія... Попечалуйся
за людей, Максимъ, поусердствуй, все у Господа зачтется.

Поклонилась мнѣ, отошла, сѣла въ телѣгу да уѣхала прями-
ками, словно и не было ея вовсе. Стою я не живъ, не мертвъ на
своей пасѣнкѣ, а у воротецъ глядитъ на меня мальчикъ, да такъ-
то жалостливо да робко, что мочи моей не стало. Все забылъ я
въ ту пору, подошелъ, взялъ его на руки, да какъ внесъ къ себѣ
въ избу, такъ и разрыдался... Пять годовъ слезы ни одной не
было, милъ человѣкъ, а то вотъ какъ вдругъ разыскалъ меня Царь
Небесный.

Пасѣчникъ глубоко вздохнулъ. Лицо его дышало спокойною
радостью, хотя въ голосѣ слышалась еще грусть, но она говорила
о минувшемъ, пережитомъ, совершившемся переломѣ цѣлаго міро-
созерцанія человѣка, который позналъ теперь новую жизнь, сумѣлъ
отыскать въ ней для себя и цѣль и новое призваніе.

IX.

— И зажилъ я съ той поры радостно съ моей печалью!—про-
говорилъ Максимычъ.—Приобыкъ къ мальченку-то, къ Тимѣ, не
натѣшусь, на него глядя. Тогда же послалъ мнѣ Господь во всѣхъ
дѣлахъ моихъ—поспѣшеніе. Рой за роємъ ко мнѣ идетъ, самъ не
знаю откуда. Не успѣешь «борть» по лѣсу ставить, такъ и роятся.
Да и своихъ-то пчелъ не узнаешь—«пройгру»¹⁾ ведутъ день за

¹⁾ «Пройгра» первый вылетъ молодыхъ пчелъ на восьмой день послѣ выхода
изъ ячейки. Новые рои на большихъ пасѣнкахъ даютъ пройгру въ такомъ коли-
чествѣ, что иногда не хватаетъ запасныхъ ульевъ.

днемъ, диву дался я. Шестъ новыхъ домовъ сразу поставилъ. Вѣтеръ травъ да цвѣтовъ понанесъ, деревья растутъ, распушились—нигдѣ сухостоя не сыщешь. Стародумовцы съ той поры и еще ласковѣ со мной стали, не въ примѣръ прочимъ. Отъ пасѣки доходить пошелъ втрое. Надумалъ я сѣять гречиху; вощину отливать сталъ самъ, центробѣжку купилъ, развелъ медоносныя травы.

— Во всемъ мнѣ теперь мальчуганъ помогаетъ. Съ его легкой руки отъ «доброхотовъ» отбою нѣтъ: кто за медомъ идетъ, кто вощину торгуетъ, а кто полѣчиться травой. И радостно мнѣ на душѣ стало. Живу для ради моего Тимушки. Такъ-то, милъ человѣкъ. Ну, теперь пойдѣмъ на пасѣку, на вольный воздухъ! Не обезсудъ за бесѣду!

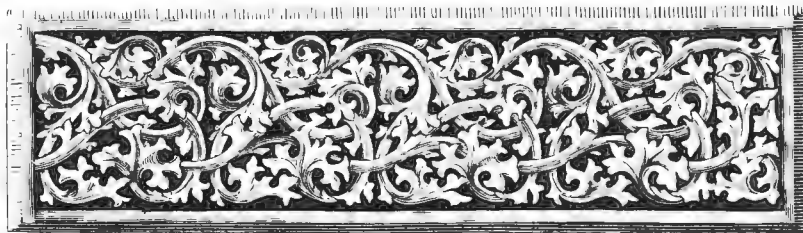
Максимиычъ ласково меня обнялъ и вышелъ изъ душевной боковуши. Я пошелъ за нимъ слѣдомъ. Старикъ вынесъ изъ избы скамью, и мы усѣлись на нее подлѣ крыльечка.

Давно уже свечерѣло. Ночныя тѣни сгущались по лѣсу. Въ темной просѣкѣ, подъ зеленымъ навѣсомъ царилъ мягкій сумракъ. Солнце сѣло за край зубчатыхъ вершинъ стараго бора. Отъ земли потянуло ароматомъ травъ и цвѣтовъ, въ воздухѣ чувствовалась какая-то особенно бодрящая прохлада. Огромная пасѣка будто дремала, затихалъ ея торжественный гомонъ. Только сосны да ели еще трепетали, будто вздрагивая высокими макушками. Суета пчелъ давно прекратилась, вокругъ стояла поразительная тишина... Издали, со стороны гречи, доносились до насъ тихія трели самодѣльной дудочки, и она насвистывала что-то протяжно и грустно. Это игралъ Тимонъ. Старикъ чутко прислушивался къ этимъ отрывистымъ звукамъ и улыбался довольною, счастливою улыбкою.

Я взглянулъ на потемнѣвшее небо: въ голубой его полосѣ, надъ лѣсомъ и надъ поляной протянулся блѣднымъ туманомъ млечный путь... Вокругъ него, какъ будто толпясь и торопливо мигая, разгорались одна за другой и яркій «Драконъ» и Большая и Малая «Медвѣдицы». Звѣзды глядѣли на затихавшую землю, на темную, недвижно застывшую громаду лѣсовъ, на избушку и пасѣку, и мнѣ казалось, что онѣ разгораются въ высотѣ все ярче и ярче, эти голубыя и зеленыя лампы...

А здѣсь, внизу, я чувствовалъ, какъ теплилась «душа» человѣка, такая же чистая и лучезарная, какъ яркій Юпитеръ или Сиріусъ, неожиданно зажегшій надъ нами свой огнистый свѣточъ!

Борисъ Корженевскій.

ДОЧЬ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ¹⁾.

V.

ОДЪ 1756 ознаменовался важнѣйшимъ дипломатическимъ переворотомъ XVIII столѣтія. До тѣхъ поръ традиціонная международная политика основывалась на соперничествѣ Бурбоновъ и Габсбурговъ, причинявшемъ всѣ европейскія войны, начиная отъ эпохи Ришелье. Но послѣдняя изъ этихъ войнъ за наслѣдство австрійскаго престола кончилась пораженіемъ Австріи, ослабленіемъ могущества Франціи и увеличеніемъ до такой степени значенія молодой Прусской монархіи, что она стала опасною не менѣе для Франціи, чѣмъ для Австріи. Политикой послѣдней теперь руководилъ новый выдающійся дипломатъ, Кауницъ, который впервые обратилъ на себя вниманіе на Ахенскомъ конгрессѣ. Онъ задумалъ съ цѣлью противодѣйствія Фридриху новую систему союзовъ, именно соглашеніе между Франціей, Австріей и Россіей. Но пока канцлеръ Кауницъ и австрійскій посолъ въ Парижѣ, графъ Стармбергъ, постепенно добивались измѣненія вѣковыхъ дипломатическихъ предразсудковъ въ Версалѣ, Фридрихъ, какъ всегда, рѣшилъ предупредить своихъ враговъ. Въ особенности онъ опасался Россіи и говорилъ: «это ужасная держава, черезъ полстолѣтія заставитъ дрожать всю Европу», и видѣлъ для себя единственное спасеніе въ союзѣ съ Англіей. Поэтому въ то самое время, какъ Россія и

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXI. стр. 825.

Англія торговались о новомъ субсидномъ трактатѣ, и Австрія ловила въ свои сѣти Людовика XV съ помощію всесильной фаворитки, маркизы Помпадуръ, онъ неожиданно подписалъ въ Вестминстерѣ съ Англіей трактатъ, извѣстный подъ названіемъ «германской нейтральной конвенціи», по которой обѣ контрактующія державы согласились соединить свои военныя силы, съ цѣлью противодѣйствовать вступленію въ Германію или проходу черезъ нее чужестранной арміи по какому бы то ни было поводу.

Французское правительство сочло эту болѣе чѣмъ странную выходку за дипломатическую измѣну, но, не рѣшаясь на разрывъ, послало въ Берлинъ, прежде чѣмъ Вестминстерскій трактатъ былъ ратификованъ, герцога Нивернуа для возобновленія союза съ Пруссіей, срокъ котораго истекалъ. Однако Фридрихъ цинично признался, что онъ измѣнилъ вѣрному, старому другу, свалилъ всю вину на свой страхъ къ Россіи и увѣрялъ, что имѣетъ самыя мирныя намѣренія. Тогда Версальскій дворъ пришелъ въ ярость, и 2-го мая 1756 года былъ заключенъ союзъ между Франціей и Австріей, къ которому приложена секретная конвенція о раздѣлѣ Пруссіи, между Австріей, Россіей, Швеціей и Саксоніей. Если Францію напугалъ Вестминстерскій трактатъ, то Англія была еще болѣе поражена Версальскимъ, хотя только совершенное ослѣпленіе своими эгоистичными интересами могло уничтожить въ ней сознаніе, что Силезія была не менѣе важна для Австріи, чѣмъ Ганноверъ для Англіи. «Вообще, справедливо замѣчаетъ Бэнтъ, нельзя не сказать, что циничное нахальство тогдашней англійской политики не дѣлаетъ большой чести государственнымъ людямъ и дипломатамъ этой страны. Ея посланникъ въ Вѣнѣ, Кэтъ, даже позволилъ себѣ заявить Маріи-Терезіи, что Версальскій договоръ былъ нарушеніемъ существовавшихъ трактатовъ между Англіей и Австріей, на что императрица-королева отвѣчала со своимъ обычнымъ остроуміемъ: «Великобританія первая нарушила старую систему союзовъ Вестминстерскимъ трактатомъ. Я и король прусскій не можемъ итти рука въ руку, и я не могу участвовать ни въ какомъ союзѣ, который онъ заключилъ. Я боюсь только двухъ враговъ, турокъ и пруссаковъ, но добрыя отношенія, существующія теперь между двумя императрицами, обезпечиваютъ меня отъ нападенія моихъ могучихъ враговъ». «Этотъ намекъ на Елисавету былъ очень характеристиченъ. Никто тогда въ Европѣ не подозрѣвалъ, что въ Петербургѣ австрійское вліяніе было сильнѣе англійскаго, и въ этомъ отношеніи обманулся даже хитрый, всезнающій Фридрихъ. Съ того времени и въ теченіе послѣдующихъ семи лѣтъ Петербургъ сдѣлался центромъ политической дѣятельности Европы».

Вестминстерскій договоръ, какъ громовымъ ударомъ, поразилъ русскій дворъ и въ особенности Бестужева. Хотя Вильямсъ увѣрялъ, что этотъ трактатъ только имѣлъ цѣлью помѣшать общему

нападенію Франціи и Пруссіи на Германію, и что онъ нисколько не противодѣйствуетъ русскому союзу, но всѣ софизмы этого легкомысленнаго, самонадѣяннаго дипломата не могли ослѣпить опытнаго старика, какъ вводили въ заблужденіе англійское министерство ложныя извѣстія Вильямса о томъ, что Россія останется всегда и во что бы то ни стало союзникомъ Англии. Бестужевъ понималъ, что измѣна этой державы ставила его въ безвыходное положеніе. Онъ ясно сознавалъ, что поколеблена политика всей его жизни, и предвидѣлъ свое паденіе, а слѣдовательно возвышеніе враговъ, съ Воронцовымъ во главѣ. Императрица никогда не питала къ нему личнаго расположенія, но поддерживала его изъ уваженія къ полезной для Россіи, долговременной дѣятельности, а теперь онъ не оправдалъ ея довѣрія. Онъ постоянно утверждалъ, что Англія никогда не соединится съ Пруссіей и Франція съ Австріей, а теперь одно уже совершилось, а другое было не далеко. Мало того, любимое дѣтище его рукъ, союзъ съ Англійей, который онъ провелъ помимо желанія Елисаветы и всѣхъ своихъ товарищей по управленію, оказалось бесполезнымъ и ни на что не нужнымъ. Послѣ столь долгой и славной политической дѣятельности онъ становился предметомъ общихъ насмѣшекъ и презрительнаго издѣвательства. Такого униженія онъ никогда не ожидалъ, и о такомъ торжествѣ не мечтали его противники, въ особенности Воронцовъ, которому теперь было не трудно свергнуть канцлера.

Но, несмотря на свое отчаянное положеніе, Бестужевъ не хотѣлъ отказать отъ власти и признать себя побѣжденнымъ. Несмотря на все его самолюбіе, благо Россіи было для него дороже, и, считая свою политику попрежнему наиболѣе для нея выгодной, онъ хотѣлъ сохранить въ своихъ рукахъ веденіе иностранныхъ дѣлъ, чтобы въ случаѣ необходимости сдѣлать вынужденныя измѣненія въ этой политикѣ, но осторожно и разумно. Боясь главнымъ образомъ, чтобы враги не дѣйствовали противъ него тайно, наговаривая императрицѣ, канцлеръ придумалъ учредить постоянныя собранія изъ высшихъ государственныхъ сановниковъ подъ предсѣдательствомъ императрицы для обсужденія государственныхъ вопросовъ. Такимъ образомъ онъ имѣлъ бы возможность при Елисаветѣ оспаривать мнѣнія своихъ враговъ, нападать на нихъ врасплохъ, уничтожать ихъ своими побѣдоносными аргументами и, не давъ одуматься императрицѣ, вырывать тутъ же ея рѣшенія. Но счастье окончательно отвернулось отъ своего любимца, и придуманная имъ комбинація сдѣлалась орудіемъ противъ него. Такъ въ первомъ засѣданіи новаго совѣта, названнаго конференціей, было рѣшено согласиться съ Австріей для общаго нападенія на Фридриха и принять мѣры къ склоненію Франціи также къ войнѣ съ Пруссіей. Мало того, австрійскій посланникъ былъ приглашенъ въ конференцію, и ему объявлено о мо-

биллизаци и увеличеніи русской арміи, а также о томъ, что русскій дворъ готовъ во всякое время присоединиться къ союзу Австріи съ Франціей, если таковой будетъ заключенъ. Что касается до военныхъ дѣйствій противъ Фридриха и усиленія союза съ Австріей, то одно и другое было лишь продолженіемъ политики Бестужева, а потому онъ всячески содѣйствовалъ примѣненію этой части резолюціи, но ему претила мысль о возобновленіи дипломатическихъ сношеній съ Франціей, а тѣмъ болѣе о союзѣ съ ней. Онъ такъ ненавидѣлъ Францію и находилъ всякія сношенія съ нею столь вредными для Россіи, что не хотѣлъ признать неизбежной логики совершившихся событій, всячески тормозилъ дѣло о сближеніи съ Франціей и видѣлъ въ немъ лишь случайную прихоть фаворита Шувалова. «Какое несчастіе,—говорилъ онъ Вильямсу, съ которымъ все-таки продолжалъ дружескія отношенія,—что у насъ теперь молодой фаворитъ, который умѣетъ говорить по-французски, любить французовъ съ ихъ модами и будетъ радъ, когда сюда пріѣдетъ французскій посланникъ съ многочисленною свитой». Поэтому политика Бестужева, по замѣчанію Бэна, «съ этой минуты и до его паденія отличалась обструкціоннымъ и въ сущности вреднымъ для Россіи направленіемъ».

Рядомъ съ этою политикой канцлера, офиціально сохранявшаго свою власть, стала быстро развиваться другая политика—Воронцова, лично внушаемая Елисаветой и обусловливаемая обстоятельствами. Она основывалась на союзѣ съ Австріей и Франціей противъ Фридриха. Несмотря на долговременный разрывъ съ Франціей, императрица никогда не переставала чувствовать слабость къ Людовику XV и при первомъ удобномъ случаѣ заявила желаніе возобновить съ его дворомъ офиціальныя дипломатическія сношенія. Если вѣрится Ла-Мессельеру, то сначала она выразила свои чувства по этому предмету одному молодому французскому живописцу Сансуа, который рисовалъ ея портретъ, а затѣмъ тайныя сношенія съ Версальскимъ дворомъ были ведены черезъ жившихъ въ Петербургѣ французскаго купца Мишеля и г-жу Каравакъ. Наконецъ въ 1755 году былъ присланъ въ Петербургъ французскій тайный агентъ Дугласъ, который вступилъ въ переговоры съ Воронцовымъ. Все это дѣлалось въ тайнѣ отъ канцлера, но въ слѣдующемъ году послѣ заключенія Англійей Вестминстерскаго трактата тотъ же Дугласъ былъ принятъ офиціально въ качествѣ французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ при русскомъ дворѣ, а въ Парижъ посланъ Бехтѣевъ, свой человекъ въ домѣ Воронцова. Въ результатъ Россія присоединилась къ Версальскому трактату, и заключенъ былъ тройной франко-австрійско-русскій союзъ. Всѣ усилія Бестужева и Вильямса противодѣйствовать этому важному дипломатическому событію не удалось, хотя они даже подбили великаго князя Петра Теодоровича высказаться въ конференціи противъ сближенія съ

Франціей, но, по словамъ Вильямса, императрица сказала племяннику: «Что сдѣлано, то сдѣлано по моему приказанію, и я не хочу, чтобы объ этомъ разсуждали»; а великій князь отвѣчалъ: «въ такомъ случаѣ мнѣ остается только молчать и повиноваться».

Такимъ образомъ въ русской политикѣ произошла коренная перемѣна: французскій посланникъ Л'Опиталь явился въ Петербургъ, а братъ канцлера Михаилъ Бестужевъ назначенъ русскимъ посланникомъ въ Парижъ. Если этотъ любопытный эпизодъ царствованія Елисаветы разсказанъ здѣсь такъ кратко, то потому, что онъ подробно изложенъ въ печатающемся на страницахъ «Историческаго Вѣстника» очеркѣ: «Шарль-Женевьевна Дэонъ»¹⁾, и чтобы не повторяться, о немъ упомянуто лишь для полноты рисуемой картины дипломатической жизни при Елисаветѣ.

Сама императрица была очень довольна блестящимъ великолѣпіемъ французскаго посольства, и Л'Опиталь тотчасъ сдѣлался *persona gratissima* въ Петербургѣ. Однако, по мѣткому выраженію Бехтѣева, «онъ былъ богатымъ, пріятнымъ, но не знающимъ человѣкомъ и, отличаясь храбростью воина и блескомъ царедворца, не обладалъ большимъ умомъ, а главное очень легкомысленно и поверхностно относился къ людямъ и обстоятельствамъ, что побуждало его постоянно вводить въ заблужденіе свой дворъ». По словамъ Бэна, онъ придавалъ своимъ депешамъ такой невѣрный и ненадежный характеръ, какой рѣдко можно встрѣтить въ дипломатическихъ документахъ. Онъ умѣлъ пускать пыль въ глаза и удивлялъ даже славившіяся роскошью петербургскій дворъ своими великолѣпными празднествами и банкетами. Онъ принималъ самымъ радушнымъ образомъ почти каждый день въ своемъ громадномъ пышномъ домѣ на одномъ изъ петербургскихъ каналовъ, который былъ прозванъ остряками въ виду того, что тамъ прежде жилъ представитель Англии: «*Pas de Calais*». Вообще французскій посланникъ такъ бросалъ деньгами, что версальскій кабинетъ жаловался на его расточительность, и самъ Людовикъ XV писалъ Терсье: «Л'Опиталь стоитъ очень дорого въ Петербургѣ, и было бы желательно вызвать его оттуда, но затрудненіе въ томъ, кѣмъ его замѣнить». Дѣйствительно, по словамъ Рамбо, «онъ не жалѣлъ денегъ и содержалъ блестящую свиту въ 80 человѣкъ, въ числѣ которыхъ находилось немало аристократовъ, какъ графъ Фужьеръ, маркизъ Бермонъ, баронъ Л'Опиталь и т. д. «Одно путешествіе его въ Петербургъ стоило 150.000 ливровъ. Впослѣдствіи, уже вернувшись во Францію, Л'Опиталь писалъ Дэону: «Я былъ бы совершенно счастливъ, еслибы у меня не было долговъ. Меня обвиняютъ, что я слишкомъ много бросалъ денегъ во время моего посольства, но деньги вѣдь были сѣмена, которыя я сѣялъ, чтобы

¹⁾ Въ этой же книжкѣ «Истор. Вѣстн.»

собрать жатву, и, благодаря этому, мы повели на Одеръ сто тысячъ русскихъ, которые одержали четыре побѣды. Несмотря на это, меня почти грубо упрекають за то, что я швырялъ деньги въ окно, но, по крайней мѣрѣ, никто не скажетъ, что я собиралъ выброшенные деньги для своего обогащенія».

Хотя депеши Л'Опиталья не вполне заслуживаютъ довѣрія, и въ нихъ часто встрѣчаются ошибочныя свѣдѣнія, такъ, напримѣръ, вступленіе на престолъ Елисаветы отнесено къ царствованію Анны Іоанновны, а Екатеринѣ приписано громадное вліяніе при дворѣ въ послѣдніе годы при Елисаветѣ, чего на самомъ дѣлѣ не было, но въ нихъ иногда встрѣчаются любопытныя подробности и характерныя черты русской придворной жизни. «Я хорошо знаю,—говоритъ онъ между прочимъ,—сильныя и слабыя стороны этого двора, но я не могу измѣнить формъ правленія и характеровъ лицъ, вліяющихъ на дѣла. Необходимо смотрѣть на эту державу самостоятельно, не сравнивая ни съ нашимъ ни съ вѣнскимъ дворами; она вышла изъ азіатскаго хаоса только при Петрѣ I, который оставилъ послѣ смерти свой престолъ мало обезпеченнымъ и едва освободившимся отъ мрака невѣжества. Укоренившіяся дурныя стороны здѣшняго правленія только увеличиваются, а не уменьшаются. Россія велика по своимъ размѣрамъ, но слаба по своимъ силамъ. Однако она можетъ быть намъ полезна, и было бы опасно имѣть ее врагомъ въ настоящихъ обстоятельствахъ. Сохранимъ ея союзъ, но будемъ сознавать его силу и слабость. Главныя затрудненія заключаются въ характерѣ императрицы, въ невѣжествѣ ея министровъ и въ неспособности ея генераловъ. Русскій солдатъ храбръ и мужественъ, но у него нѣтъ ни дисциплины, ни порядка, ни начальниковъ». Объ Елисаветѣ Л'Опиталь отзывается, какъ «о пятидесяти-лѣтней женщинѣ, которая думаетъ болѣе о томъ, чтобы нравиться, чѣмъ управлять государствомъ, и которую скорѣе огорчаетъ находка новой морщины на своемъ лицѣ, чѣмъ пораженіе ея арміи». «Она,—прибавляетъ Л'Опиталь,—всячески старается, благодаря искусственнымъ мѣрамъ, сохранить свою увидяющую красоту. Она посвящаетъ на это безконечно много времени, и можно до нея имѣть доступъ только, когда внѣшность и туалетъ вполне одобрены зеркаломъ и окружающими ее женщинами. Появляясь публично, ея величество всегда поражаетъ своею видною наружностью и роскошнымъ костюмомъ. Пудра, громадныя фіжмы, драгоценная діадема и вообще всѣ роскошныя подробности ея туалета рельефно выдѣляютъ ея благородную осанку и естественную прелесть чертъ ея лица. Съ улыбкой на устахъ она переходитъ отъ группы къ группѣ и обращается ко всѣмъ, въ особенности къ женщинамъ, съ тѣмъ любезнымъ добродушіемъ, которое составляетъ основу ея характера».

Вмѣстѣ съ тѣмъ французскій посланникъ замѣчаетъ, что, «воспи-

танная въ лѣни и преданная удовольствіямъ, императрица была очень набожна и строго соблюдала всѣ посты», а что касается до нравственныхъ ея качествъ, то онъ, главнымъ образомъ, указываетъ на слабость воли и нерѣшительность. Этими качествами онъ объясняетъ разстройство ея здоровья за послѣдніе годы, такъ какъ, достигнувъ критической эпохи, она то предавалась порывамъ аскетизма, то лихорадочно бросалась въ водоворотъ удовольствій, то окружала себя докторами, то не слушала ихъ предписаній и вела самую беспорядочную жизнь: ужинала въ полночь, при чемъ пила много пива и нѣсколько рюмокъ венгерскаго вина, а ложилась спать въ 4 часа утра. Здоровье Елисаветы было такимъ важнымъ факторомъ въ тогдашнемъ политическомъ положеніи, что, когда она стала часто кашлять, задыхаться и харкать кровью, а ноги у нея начали пухнуть, то Л'Опиталь выписалъ изъ Парижа королевскаго доктора Пуассонье, которому онъ думалъ придать роль Лестока такъ же, какъ самъ хотѣлъ разыгрывать роль Шетарди. Хотя ни та ни другая цѣль не удалась, но все-таки Л'Опиталь и Пуассонье пользовались милостями Елисаветы и, если вѣрить денесеніямъ того и другого, то она оказывала имъ большое довѣріе, выражая передъ ними свои взгляды на людей и событія. Такимъ образомъ Пуассонье передаетъ разговоръ свой съ императрицей за обѣдомъ въ ея малыхъ апартаментахъ о королѣ прусскомъ, котораго она будто бы намѣревалась «вернуть къ мирнымъ, человѣчнымъ чувствамъ и обратить въ христіанство». По словамъ же Л'Опиталья, она называла при немъ Фридриха тираномъ, котораго надо общими силами уничтожить, а всѣ его бесѣды съ императрицей о русско-французскомъ союзѣ оканчивались постоянно обоюдными заявленіями, что всякій добрый французъ долженъ быть добрымъ русскимъ, а всякій добрый русскій долженъ быть добрымъ французомъ. Пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургѣ, Пуассонье убѣдился, что у Елисаветы нѣтъ никакого органическаго разстройства, и что при ея сильномъ организмѣ она можетъ долго прожить подъ условіемъ правильной жизни, а такъ какъ онъ не могъ къ этому принудить ее, то добросовѣстно уѣхалъ въ Парижъ. Что же касается до Л'Опиталья, то онъ оставался въ Петербургѣ четыре года и отчасти по болѣзни, а отчасти обиженный тѣмъ, что ему прислали въ помощь болѣе молодого дипломата, барона Бретеля, въ качествѣ полномочнаго министра, онъ въ 1761 году покинулъ Россію.

Прямымъ послѣдствіемъ франко-русско-австрійскаго союза была Семилѣтняя война, которую Фридрихъ неожиданно началъ, чтобы, согласно его собственному выраженію, «предупредить враговъ и не сдѣлаться ихъ жертвой». Пока онъ такимъ образомъ наводнилъ своими войсками Саксонію, взявъ въ плѣнъ всю саксонскую армію и разбилъ австрійцевъ при Лозовицѣ, русская армія медленно двигалась къ прусской границѣ подъ начальствомъ стараго, богатаго,

лѣниваго, добродушнаго фельдмаршала Апраксина, котораго въ Петербургѣ всѣ звали «мирнымъ фельдмаршаломъ». Онъ былъ болѣе царедворцемъ, чѣмъ полководцемъ, и, находясь въ хорошихъ отношеніяхъ со всѣми партіями, хотѣлъ всѣмъ угодить и никому не сдѣлать непріятности, а поэтому медлилъ, медлилъ и медлилъ, несмотря на приказанія о быстромъ движеніи впередъ со стороны конференціи министровъ и на убѣдительныя письма въ томъ же духѣ отъ Бестужева. Послѣдній, хотя былъ противъ франко-австрійскаго союза, но считалъ необходимымъ въ виду его заключенія дѣйствовать какъ можно энергичнѣе противъ Фридриха, своего вѣчнаго противника. Къ тому же онъ боялся, чтобы его враги, зная дружбу съ нимъ Апраксина, не приписали канцлеру медленности похода. Поэтому онъ убѣдилъ и великую княгиню Екатерину написать также Апраксину, чтобы онъ поторопился. Но, несмотря на все, только въ іюнѣ 1757 года русская армія вступила въ Пруссію и 29 августа одержала побѣду при Гросс-Эгерсдорфѣ надъ пруссаками подъ начальствомъ генерала Левальда. По мѣткому выраженію Болотова, «эта битва была выиграна мужествомъ солдатъ и милостью Божіею, но не искусствомъ полководцевъ». Этотъ фактъ вполне подтвердился тѣмъ, что Апраксинъ не воспользовался своей побѣдой и отступилъ со всей своей арміей прежде на Тильзитъ, а затѣмъ на Мемель. Хотя онъ объяснял свое странное поведеніе тѣмъ, что войска были изнурены и не могли оставаться въ странѣ безъ всякаго продовольствія, а собранный имъ военный совѣтъ оправдалъ его дѣйствія, но въ Петербургѣ всѣ, начиная съ императрицы, пришли въ негодованіе, и когда Апраксинъ все-таки на тѣхъ же основаніяхъ не исполнилъ посланныхъ ему двухъ указовъ о немедленномъ движеніи впередъ, то онъ былъ отрѣшенъ отъ должности главнокомандующаго и отданъ подъ военный судъ.

Побѣда подъ Гросс-Эгерсдорфомъ и послѣдовавшее за нею отступленіе русскихъ войскъ привели къ важнымъ результатамъ въ европейской политикѣ и въ придворной жизни Россіи. «Если такъ продолжится всю зиму, то я погибъ»,— писалъ Фридрихъ послѣ пораженія арміи Левальда, и дѣйствительно за этимъ онъ самъ былъ разбитъ австрійцами при Колинѣ, а французы взяли въ плѣнъ англо-ганноверскую армію. Еще одинъ ударъ, и Пруссія была бы совершенно уничтожена. Но въ эту критическую минуту Апраксинъ отступилъ, и Фридрихъ былъ спасенъ. Съ быстротою молніи онъ ударилъ на своихъ остальныхъ враговъ и разѣялъ ихъ, сначала французовъ при Росбахѣ, а затѣмъ австрійцевъ при Лейтенѣ. Между тѣмъ при русскомъ дворѣ отголоски побѣды и отступления русскихъ войскъ ознаменовались не менѣе значительными событіями. 19-го сентября 1755 года Елисавета пошла пѣшкомъ изъ царскосельскаго дворца въ сосѣднюю приходскую церковь къ обѣднѣ,

но не успѣла начаться служба, какъ она почувствовала себя дурно и отправилась домой. По дорогѣ съ нею сдѣлался припадокъ, и она упала безъ чувствъ на траву. Ея не сопровождалъ никто изъ свиты, и толпа почтительно окружила ее, не смѣя подойти. Наконецъ какой-то смѣльчакъ покрылъ ея лицо бѣлымъ платкомъ и послалъ за докторами и носилками, потому что Елисавета была тучная женщина и падая ушиблась. Какъ только подоспѣли придворные, то императрицу подняли и снесли во дворецъ, гдѣ ее привели въ чувство только черезъ два часа. Но она никого не узнавала, и едва можно было понять ея несвязную рѣчь. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней она находилась какъ бы въ летаргическомъ положеніи, и хотя потомъ, благодаря своему сильному организму, оправилась, но ея здоровье уже никогда не было прежнимъ. Она вдругъ постарѣла, стала бояться смерти и изъ опасенія, чтобы катастрофа не повторилась, стала рѣдко появляться при дворѣ. Графъ Воронцовъ въ своей «Notice sur ma vie» приписываетъ этотъ роковой припадокъ «истерическому разстройству, произведенному чрезмѣрною чувствительностью вслѣдствіе сильно поразившихъ ее тяжелыхъ потерь, которыя понесла русская армія при Гроссѣ-Эгерсдорфѣ». Однако, кромѣ этой причины, надо указать, по словамъ докторовъ, и на отсутствіе благоразумной діеты. Во всякомъ случаѣ болѣзнь императрицы имѣла значительное вліяніе на послѣдующія событія ея царствованія и если не прямо, то косвенно вызвала паденіе Бестужева.

Въ послѣдніе два года, по картинному выраженію Бэна, «политическая судьба канцлера висѣла на волоскѣ, оборвать который не рѣшался никто изъ многочисленныхъ его враговъ». Но вліяніе Бестужева вполне стусевалось, и тяжелымъ униженіемъ было для него подписать союзъ съ Франціей, а также видѣть въ Петербургѣ французскаго посланника въ качествѣ *persona grata* при дворѣ. Если же война съ Фридрихомъ и была имъ подготовлена, то она состоялась совершенно не въ тѣхъ условіяхъ, какъ онъ хотѣлъ. Однако, онъ все-таки держался за призракъ власти, надѣясь, что какое нибудь счастливое обстоятельство вернетъ ему и сущность ея. Впрочемъ, какъ искусный игрокъ, Бестужевъ сохранилъ значительный козырь, и этимъ козыремъ была Екатерина. Съ начала появленія великой княгини въ Россіи Бестужевъ не сочувствовалъ ей, такъ какъ она была выбрана въ невѣсты наслѣдника помимо его, и ея мать сдѣлалась его заклятымъ врагомъ; поэтому онъ обращался съ нею, какъ со школьницей, которую надо держать строго, и не только написалъ для ея двора строгую инструкцію, но всячески притѣснялъ ее. Однако, когда его звѣзда начала меркнуть, то онъ сталъ искать въ ней опору противъ Шуваловыхъ и Воронцовыхъ, а такъ какъ они были одинаково ея врагами, то Екатерина охотно протянула ему руку. Изъ противниковъ они сдѣлались со-

юзяниками. Это было тѣмъ понятнѣе, что Бестужевъ съ ужасомъ думалъ, какъ всѣ патріотичные и дальнорюкіе русскіе, что будетъ съ ихъ родиной, когда вступитъ на престолъ капризный, невѣняемый, великій князь Петръ Ѳеодоровичъ, который ненавидѣлъ Россію, называя ее всегда «проклятою», а себя «государственнымъ арестантомъ», оставался въ Россіи мелкимъ нѣмецкимъ принцемъ, благоговѣлъ передъ Фридрихомъ II, жаждалъ служить подъ его начальствомъ и всячески отталкивалъ отъ себя своихъ будущихъ подданныхъ. Напротивъ, блестящая, умная, образованная Екатерина всѣми средствами привлекала къ себѣ общую любовь и подавала самыя свѣтлыя надежды.

Неудивительно, что Бестужевъ видѣлъ въ ней единственнаго достойнаго замѣстителя Елисаветы на русскомъ престолѣ, а въ виду болѣзненнаго состоянія императрицы за послѣднее время можно было всегда опасаться ея смерти. Онъ даже написалъ проектъ манифеста, въ которомъ Екатерина провозглашалась участницей въ правленіи вмѣстѣ съ ея мужемъ-императоромъ. При этомъ, конечно, власть канцлера становилась неограниченною, и ему должны были подчиняться три коллегіи: иностранная, военная и адмиралтейская. Сначала Бестужевъ велъ переговоры съ Екатериной черезъ ея перваго фаворита Салтыкова, а затѣмъ черезъ втораго фаворита графа Понятовскаго, который былъ секретаремъ англійскаго посланника въ Петербургѣ, Вильямса. Послѣдній также примкнулъ къ этому тайному соглашенію, и, по циничному замѣчанію Л'Опиталя, «при маломъ дворѣ стало господствовать тріо изъ негодяя, сумасшедшаго и фата». Вильямсъ давалъ даже деньги Екатеринѣ для подготовленія государственнаго переворота, именно 10.000 фунтовъ стерлинговъ, и она была съ нимъ откровеннѣе, чѣмъ съ Бестужевымъ, такъ что прямо говорила ему: «или умру, или буду царствовать». Но Вильямсъ слишкомъ торопился, а главное требовалъ, чтобы Екатерина и Бестужевъ не допустили въ Петербургъ французскаго посланника, а когда это событіе совершилось, то Вильямсъ больной, разочарованный сталъ обвинять ихъ въ неблагодарности. Считаю, что онъ не можетъ болѣе оказать никакой пользы своему королю въ Петербургѣ, гдѣ потерялъ всякое вліяніе и получилъ кличку «шпіона Фридриха», онъ написалъ просьбу въ Лондонъ о своемъ отозваніи. Дѣйствительно его замѣнили бывшимъ посланникомъ въ Вѣнѣ Кэтомъ. Такимъ образомъ пресловутое тріо обратилось въ дуэтъ; а когда Понятовскій былъ удаленъ изъ Петербурга, то канцлеръ на просьбы Екатерины вернуть его отвѣчалъ: — Если не прійдетъ, то можете меня называть не Бестужевымъ, а злодѣемъ.

Дѣйствительно блестящій, красивый полякъ вернулся представителемъ польско-саксонскаго двора, и впоследствии Бестужевъ удержалъ его на этомъ постѣ, несмотря на желаніе императрицы, чтобы онъ былъ отозванъ.

Но если Екатерина могла быть полезною Бестужеву въ будущемъ, то въ настоящемъ сношеніи съ нею только давали врагамъ новое оружіе противъ него; а число этихъ враговъ увеличилось за послѣднее время посланниками французскимъ Л'Опиталемъ и австрійскимъ Эстергази, который со времени заключенія франко-австро-русскаго союза сталъ энергично дѣйствовать противъ канцлера, представлявшаго лишь преграду для дальнѣйшаго осуществленія плановъ новаго дипломатическаго свѣтила въ Европѣ, Кауница. Такимъ образомъ Шуваловъ и Воронцовъ, Л'Опиталь и Эстергази дружно интриговали противъ официальнаго главы русской дипломатіи, всячески возстановляли противъ него императрицу и даже побудили великаго князя Петра Ѳеодоровича жаловаться на него теткѣ за политическія интриги съ Екатериной. Но при всемъ своемъ несочувствіи къ славнѣйшему ея сподвижнику, Елисавета колебалась принять противъ него крутыя мѣры. Если вѣрить Л'Опиталю, то между ней и Эстергази произошелъ по этому предмету очень характеристичный разговоръ. Выслушавъ краснорѣчивые нападки австрійскаго посла на канцлера, она будто бы сказала:

— Я знаю, что онъ злой и дурной слуга; я его не терплю, и онъ можетъ только причинять вредъ.

— Такъ вашему величеству не слѣдуетъ оставлять его во главѣ государственныхъ дѣлъ!—воскликнулъ Эстергази.

— Но что же мнѣ дѣлать съ нимъ?—отвѣчала императрица, и австріецъ возразилъ:

— Дайте ему пенсію въ сто тысячъ рублей, и вы все-таки выиграете сто процентовъ.

Какъ бы то ни было, Бестужевъ держался у власти до болѣзни императрицы, сильно разстроившей ея нервы, и отдачи подъ судъ Апраксина. Тутъ наступила удобная минута для его враговъ, и они воспользовались ею, чтобы подкопаться подъ канцлера. Они начали распространять слухъ, что Бестужевъ побудилъ своего друга, «мирнаго фельдмаршала», къ злополучному отступленію, съ цѣлью, чтобы имѣть подъ рукою армію для совершенія государственнаго переворота, въ случаѣ смерти императрицы. Въ этомъ обвиненіи не было и тѣни основанія, хотя многіе историки проводили впослѣдствіи этотъ взглядъ. Въ сущности, отступленіе было рѣшено не лично Апраксинымъ, а военнымъ совѣтомъ за двѣ недѣли до болѣзни императрицы, и если можно допустить предположеніе, что прежняя медленность Апраксина объяснялась желаніемъ угодить пруссофильскимъ стремленіямъ наслѣдника престола, то винить въ этомъ Бестужева невысказано. Онъ даже прямо писалъ Апраксину: «Я крайне сожалѣю, что армія подъ командой вашего превосходительства, почти во все лѣто недостатокъ въ провіантѣ имѣя, наконецъ, хотя побѣду одержала, однако же при-

нуждена, будучи побѣдительницей, ретироваться. Я собственному вашему превосходительству глубокому проицанію предаю, какое отъ того произойти можетъ безславіе, какъ арміи, такъ и вашему превосходительству, особливо же когда вы непріятельскія земли совѣмъ оставите». Когда же Апраксина отдали подъ судъ, то Бестужевъ болѣе всѣхъ напалъ на него, тогда какъ Петръ Шуваловъ изъ кожи лѣзъ, чтобы его защитить. Съ своей стороны Апраксинъ, содержащійся въ Нарвѣ и допрошенный Александромъ Шуваловымъ, ничего не показалъ противъ Бестужева и Екатерины, а если и представилъ три письма послѣдней, то въ нихъ не было ничего, компрометирующаго ее.

Такимъ образомъ время шло, и не отыскивалось уликъ противъ канцлера, но иностранные его враги, Л'Опиталь и Эстергази, силились во что бы то ни стало его погубить, тѣмъ болѣе, что они желали покончить съ нимъ до прибытія въ Петербургъ новаго энергичнаго его союзника, англійскаго посланника Кигга. Съ этою цѣлью Л'Опиталь объявилъ Воронцову, что если онъ въ двѣ недѣли не добьется ареста Бестужева и не замѣнитъ его въ качествѣ канцлера, то посланникъ по приказанію своего двора прекратитъ всякія съ нимъ отношенія и будетъ вести дѣло уже съ однимъ канцлеромъ. Задѣтый за живое, слабохарактерный Воронцовъ, не рѣшавшійся до тѣхъ поръ по добродушію погубить своего прежняго друга, теперь вмѣстѣ съ Иваномъ Шуваловымъ представилъ императрицѣ крайнюю необходимость арестовать Бестужева, такъ какъ иначе нельзя было выяснитъ падавшихъ на него подозрѣній. При этомъ они ловко задѣли самолюбіе Елисаветы, указавъ на то, что въ Европѣ канцлеру приписываютъ болѣе значенія, чѣмъ ей самой, и, что въ послѣднее время онъ сталъ дѣйствовать противъ ея воли, какъ, напримѣръ, въ дѣлѣ Понятовскаго. Раздраженная и нервно разстроенная, Елисавета наконецъ согласилась, и 14 февраля 1758 года Бестужевъ былъ арестованъ. При этомъ его враги дѣйствовали такъ цинично, что фельдмаршалъ Бутурлинъ сказалъ Екатеринѣ на слѣдующій день: «Бестужевъ арестованъ, а теперь мы ищемъ причину, за что его арестовали».

Четырнадцать мѣсяцевъ искали этой причины и не могли найти ея, хотя слѣдственная комиссія, рассматривавшая его дѣло, состояла изъ заклятыхъ его враговъ: Александра Шувалова, Трубецкого и Бутурлина. Несмотря на всѣ усилія, противъ него не найдено было никакихъ уликъ, а онъ самъ не призналъ себя ни въ чемъ виноватымъ подъ присягою и съ принятіемъ Св. Тайнъ въ присутствіи слѣдственной комиссіи. Елисавета этимъ удовольствовалась, и хотя онъ былъ приговоренъ къ смертной казни за клеветы, произнесенныя противъ императрицы, подстрекательства противъ нея великаго князя и великой княгини, неисполненіе императорскихъ указовъ, участіе въ отступленіи Апраксина и злоупотребле-

ніе властью, но она только сослала его въ Можайское помѣстье, которое онъ прозвалъ по этому случаю Горетовымъ. Конечно, немало содѣйствовали такому окончанію дѣла смерть Апраксина, умершаго во время суда отъ апоплексическаго удара, и примиреніе Елисаветы съ Екатериной.

Это примиреніе сопровождалось характеристичною сценой, которая напоминаетъ такую же сцену между Елисаветой и Анной Леопольдовной, съ тѣмъ различіемъ, что первая играла роль послѣдней, какъ и подобало ей на закатѣ дней. Подробно описанная самою Екатериной въ ея мемуарахъ, она рельефно выставляетъ доброту тогдашней императрицы и смѣлое мужество будущей. Происходила она ночью въ спальнѣ Елисаветы, большой комнатѣ съ тремя окнами. Между двумя изъ нихъ стоялъ туалетный столъ съ золотыми принадлежностями, и въ одной изъ чашекъ виднѣлись три письма Екатерины къ Апраксину. Императрица въ великолѣпномъ халатѣ ходила взадъ и впередъ тихими шагами. Въ сторонѣ спокойно семенилъ ногами великій князь. Еще присутствовали Шуваловы: Александръ и Иванъ, послѣдній, полускрытый ширмою. Екатерина быстро окинула взглядомъ театръ дѣйствій и мгновенно рѣшила, какъ ей поступить. Заливаясь слезами, она бросилась къ ногамъ императрицы и не хотѣла встать, несмотря на ея просьбы.—«Отпустите меня къ моимъ родителямъ»,—промолвила, рыдая, великая княгиня.—«Какъ я васъ отпущу»,—отвѣчала Елисавета:—«развѣ вы забыли, что вы мать, или вы не думаете о своихъ дѣтяхъ?»—«Мои дѣти въ вашихъ рукахъ»,—произнесла Екатерина, у которой, кромѣ Павла, родилась въ 1757 году дочь Анна, жившая только одинъ годъ:—и лучшаго я не могу ничего имъ желать». Эти слова тронули Елисавету, она заплакала и настояла, чтобы Екатерина встала. «Богъ свидѣтель»,—сказала императрица,—«какъ я горевала, когда вы по прибытіи въ Россію заболѣли и были при смерти. Еслибы я не любила васъ, какъ своего ребенка, то не стала бы такъ ухаживать за вами. Но»,—прибавила она, ближе подходя къ Екатеринѣ:—«вы слишкомъ много думаете о себѣ; вы полагаете, что вы умнѣ всѣхъ. Вы вмѣшиваетесь въ государственныя дѣла, которыя до васъ не касаются. Я никогда не посмѣла бы въ царствованіе Анны поступать такъ, какъ вы поступаете въ мое царствованіе. Зачѣмъ вы посылали приказанія фельдмаршалу Апраксину?»—«Я посылала приказанія, ваше величество?»—отвѣчала Екатерина:—«такая мысль никогда не приходила мнѣ въ голову».—«Какъ»,—воскликнула Елисавета, гнѣвно топая ногой и указывая на туалетный столъ:—«вы отпираетесь, тогда какъ ваши письма смотрятъ вамъ прямо въ глаза, а вамъ было запрещено писать».—«По несчастію, это правда, я ослушалась вашего величества и смиренно прошу у васъ прощенія. Но мои письма здѣсь, и вы можете убѣдиться, что я никогда не посылала ему приказа-

ній. Въ одномъ изъ нихъ я просто говорила, чтобы онъ скорѣе исполнилъ приказаніе вашего величества, а два другія только поздравленіе съ новымъ годомъ и съ рожденіемъ сына». — «Но зачѣмъ вы ему писали?» — настаивала Елисавета. — «Затѣмъ, что любила его». — «Бестужевъ говоритъ, что было еще много другихъ писемъ». — «Если Бестужевъ это говоритъ, то онъ лжетъ», — произнесла смѣло Екатерина. — «Хорошо, если онъ оклеветалъ васъ, то я подвергну его пыткамъ». — «Вы можете сдѣлать все, что вашему величеству будетъ угодно, но я утверждаю, что писала Апраксину только три письма». Императрица ничего не отвѣчала, а продолжала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. До тѣхъ поръ великій князь молча наслаждался униженіемъ своей жены, но тутъ онъ сталъ оскорбительно ей выговаривать, и у нихъ произошла перебранка. Однако императрица шепнула на ухо племяннику, чтобы онъ не строилъ дурака. По природѣ справедливая, она совершенно смягчилась. Очевидно слова и обращеніе Екатерины благопріятно подѣйствовали на нее. Наконецъ она подошла къ ней и сказала въ полголоса. — «Я многое еще имѣю вамъ сказать, но не хочу васъ болѣе ссорить. Къ тому же очень поздно (было три часа утра), и вы устали». Ея нѣжный тонъ тронулъ Екатерину, и по ея словамъ она сердечно отвѣчала: «Я не знаю, что и говорить, хотя желала бы вамъ открыть всю свою душу». Слезы потекли изъ глазъ Елисаветы, и Екатерина поняла, что снискала прощеніе. Въ послѣдующемъ между ними свиданіи, подробности котораго неизвѣстны, примиреніе, повидимому, было окончательно утверждено, хотя «между ними уже никогда не существовало прежняго взаимнаго довѣрія».

Такимъ образомъ Екатерина отдѣлалась однимъ страхомъ, и пострадалъ, кромѣ Апраксина, только Бестужевъ. Не лишне прибавить нѣсколько словъ о дальнѣйшей судьбѣ этого великаго русскаго дипломата. Онъ съ большимъ достоинствомъ перенесъ свою опалу и во время нея занимался своимъ любимымъ искусствомъ, чеканкой медалей, а также написалъ книгу, которая потомъ была переведена на нѣсколько европейскихъ языковъ: «Избранныя изъ святаго писанія изреченія въ утѣшеніе всякаго неповинно претерпѣвающаго христіанина». Вступленіе на престомъ Петра III не отразилось благотѣльно на Бестужевѣ, такъ какъ новый императоръ говорилъ: «Я подозрѣваю этого человѣка въ тайныхъ переговорахъ съ моей женой, какъ это было уже разъ обнаружено. Въ этомъ подозрѣніи меня подкрѣпляетъ то, что покойная тетюшка на смертномъ одрѣ говорила мнѣ весьма серіозно объ опасности, какую представляло бы возвращеніе его изъ ссылки». Но Екатерина, сдѣлавшись императрицей, поступила со старикомъ иначе и не только вернула его ко двору и возвратила ему прежніе чины, переименовавъ его въ генераль-фельдмаршала, но обнародовала

лично написанный ею манифестъ, въ которомъ говорилось, что она изъ любви и почтенія къ Елисаветѣ и по долгу справедливости считаетъ необходимымъ исправить ошибку покойной императрицы и оправдать Бестужева въ взведенныхъ на него преступленіяхъ. Кромѣ того, маститый государственный дѣятель былъ назначенъ первымъ императорскимъ совѣтникомъ и первымъ членомъ вновь созданнаго при дворѣ императорскаго совѣта. Но если Бестужевъ игралъ роль перваго лица при дворѣ, то онъ не могъ вернуть себѣ прежняго вліянія. Къ тому же его ученикъ и преемникъ, Панинъ, не хотѣлъ терпѣть его вмѣшательства въ иностранныя дѣла, и онъ былъ совершенно устраненъ отъ нихъ послѣ того, какъ сталъ противодействовать Екатеринѣ и Панину, защищая права саксонскаго дома на польскій престолъ. Это, однако, не помѣшало императрицѣ осыпать его милостями до самой его смерти въ 1768 году, а въ благодарность за это онъ два раза предлагалъ сенату поднести ей титулъ «матери отечества» и составилъ прошеніе о бракѣ императрицы съ Григоріемъ Орловымъ, хотя то и другое было отклонено.

VI.

Конечно, послѣ паденія Бестужева канцлеромъ сдѣлался Воронцовъ, а мѣсто вице-канцлера было никѣмъ не занято. Но въ сущности робкій, слабохарактерный, нерѣшительный Воронцовъ оставался попрежнему помощникомъ канцлера, а канцлеромъ послѣ Бестужева и до конца царствованія Елисаветы была она сама. При этомъ она выказала неожиданную дѣятельность и такую твердость, благодаря которой была только поддержана отъ распадѣнія анти-прусская лига. Ея союзники, Австрія и Франція, думали только о себѣ и, заключая между собою новыя соглашенія, сообщали Россіи только официальную ихъ часть, а самыя главныя статьи о территориальныхъ приобрѣтеніяхъ сохраняли въ тайнѣ. Такъ Кауницъ и новый французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Шуазель, поступили съ Версальскимъ договоромъ 1758 года, къ которому присоединился и петербургскій кабинетъ въ 1760 году. Но въ этомъ случаѣ Елисавета послѣдовала примѣру своихъ союзниковъ и заставила Австрію заключить съ нею тайное условіе, по которому Россія послѣ мира должна была бы получить восточную Пруссію. Она сама объявила Эстергази, что будетъ продолжать войну, пока не дождется выгоднаго для себя и своихъ союзниковъ мира, а затѣмъ прибавила: «Я не скоро рѣшаюсь на что нибудь, но если уже на что нибудь рѣшилась, то не измѣню своего рѣшенія. Я буду вести войну, даже еслибы была вынуждена продать половину своихъ платьевъ и брильянтовъ». Но вмѣстѣ съ тѣмъ она

не довольствовалась словесными обѣщаніями Эстергази насчетъ присоединенія къ Россіи восточной Пруссіи и настаивала на внесеніи этого условія въ новый союзный трактатъ. Вѣнскій дворъ не зналъ, что дѣлать, такъ какъ ему было хорошо извѣстно, что Франція никогда на это не согласится. Послѣ долгихъ пререканій Эстергази былъ вынужденъ пойти на сдѣлку: 1-го апрѣля 1760 года были заключены новый союзный трактатъ и отдѣльно особая конвенція насчетъ восточной Пруссіи. Но, узнавъ объ этомъ, Людовикъ XV, вся политика котораго, по его собственному признанію въ инструкціи новому посланнику въ Петербургѣ, Бретелю, заключалась въ удаленіи насколько возможно Россіи отъ европейскихъ дѣлъ, категорично отказался признать эту конвенцію. Тогда Марія-Терезія вычеркнула въ конвенціи означенную статью и замѣнила ее общимъ выраженіемъ, что Россія получитъ какое нибудь вознагражденіе, но въ тайное добавленіе къ конвенціи, никогда не сообщенное Людовику, эта статья снова внесена цѣликомъ. Въ такомъ видѣ и ратификованъ новый союзный договоръ.

Между тѣмъ война продолжалась между Россіей и Пруссіей, имѣя все тотъ же странный характеръ. Преемникъ Апраксина, графъ Ферморъ, опытный, добросовѣстный генералъ, оказался подобнымъ же медлителемъ, какъ его предшественникъ. Удержавъ за собою поле битвы въ нерѣшительномъ, но кровопролитномъ сраженіи при Цорндорфѣ, онъ снова отступилъ за Вислу, несмотря на завоеваніе восточной Пруссіи, которую Елисавета обратила въ русскую провинцію. Тогда Фермора смѣнилъ старый графъ Салтыковъ, который никогда не бывалъ на войнѣ, и «этой сущей курицѣ», какъ его называетъ Болотовъ, удалось нанести самому Фридриху полное пораженіе при Кунерсдорфѣ. «Только чудо можетъ меня спасти», говорилъ прусскій король послѣ данной ему, по его собственному выраженію, «встряски медвѣдями Священной Римской имперіи». И это чудо совершили съ одной стороны неспособность русскаго главнокомандующаго и безпорядки, царствовавшіе въ русской арміи, а съ другой — бездѣятельность Австріи. Пошли попрежнему медленность и отступленія. Наконецъ, явился четвертый главнокомандующій во главѣ русской арміи, фельдмаршалъ Бутурлинъ, престарѣлый сподвижникъ Петра, и если онъ ретировался не менѣе своихъ предшественниковъ, то подчиненные ему генералы Чернышевъ и Румянцевъ взяли Берлинъ и Кольбергъ. Снова Фридрихъ былъ припертъ къ стѣнѣ. Всѣ его военные источники изсякли; даже Англіи надобно было бесполезно бросать деньги, выдавая ему субсидію. Его энергичныя усилія заключить миръ со всѣми союзниками или нѣкоторыми изъ нихъ не увѣнчались успѣхомъ; также не удался его планъ отторгнуть Россію отъ союзниковъ, благодаря подкупу Шуваловыхъ, изъ которыхъ Ивану онъ предлагалъ миллионъ таллеровъ, а Петру 400.000 ефимковъ; однимъ

словомъ, по его собственному выраженію, «русскимъ оставалось только сдѣлать одинъ шагъ и добить его». Теперь и чудо не могло его спасти. Въ полномъ отчаяніи онъ писалъ Финкенштейну 2-го января 1762 года: «Теперь надо думать, чтобы сохранить моему наслѣднику тѣ остатки моихъ владѣній, которые можно переговорами вырвать изъ когтей жадныхъ враговъ. Повѣрьте, что еслибъ былъ хоть лучъ надежды возстановить государство въ прежнемъ его видѣ какою бы то ни было цѣною, то я такъ не говорилъ бы. Но я убѣжденъ, что это невозможно физически и нравственно». Въ этихъ мрачныхъ отчаянныхъ словахъ Фридриха ясно проглядывала рѣшимость покончить съ собою. Но въ то время, когда онъ писалъ эти слова, уже совершилось то чудо, возможности котораго онъ не допускалъ, и спустя двѣ недѣли, получивъ неожиданно извѣстіе изъ Петербурга, онъ воскликнулъ: «Небо прояснилось». Исчезъ его упорный противникъ, энергично поддерживавшій союзъ противъ него: умерла Елисавета. Съ циничною радостью отнесся онъ къ этому событію и 23-го января написалъ Кнейпгаузену—«*morta la bestia, morto il veneno*».

Впродолженіе 1761 года русская императрица медленно умирала. Съ зимы она не выходила изъ дворца и, лежа съ опухшими ногами на постелѣ, слѣшала доклады и диктовала депеши. Только по временамъ, когда ей становилось немного лучше, она приказывала снести себя въ комнаты Алексѣя Разумовскаго или Ивана Шувалова, гдѣ она, повидимому, принимала участіе въ веселой болтовнѣ и въ роскошномъ ужинѣ, но эти усилія сопровождались болѣзненными припадками, которые все умножались, благодаря несоблюденію необходимой діеты и безпокойнымъ заботамъ. Положеніе дѣлъ въ Россіи было очень тревожное, хотя соперникъ Елисаветы находился еще въ худшемъ положеніи. Союзники, въ особенности Людовикъ XV, жаждали заключить миръ, и русскому правительству стоило большихъ усилій, чтобы побудить ихъ рѣшиться еще на послѣднюю кампанію противъ погибавшаго Фридриха. Но эти плоды ея дипломатическихъ трудовъ могли быть уничтожены неспособностью главнокомандующаго Бутурлина, котораго, однако, нечѣмъ было замѣнить. Наконецъ, государственные финансы находились въ такомъ разстройствѣ, что нечѣмъ было достроить Зимній дворецъ, куда императрицѣ очень хотѣлось переѣхать, хоть на послѣднее время своей жизни. Но всего болѣе тревожили Елисавету мрачныя мысли о томъ, что будетъ послѣ ея смерти. Она знала, что ея наслѣдникъ не былъ способенъ царствовать и, вступивъ на престолъ, измѣнить политику всего ея царствованія, прежде чѣмъ тѣло императрицы успѣетъ похолодѣть, Екатеринѣ же она не довѣряла и боялась ея.

Единственное утѣшеніе больной, снѣдаемой печалью Елисаветѣ доставлялъ маленькій Павелъ, котораго она очень любила и котораго, говорятъ, мечтала возвести на престолъ помимо его ро-

дителей. Если вѣрить Бретелю, то за нѣсколько дней до ея смерти ей неожиданно сдѣлалось лучше, и, пользуясь отсутствіемъ великаго князя и великой княгини, она приказала перенести себя вмѣстѣ съ ребенкомъ въ придворный театръ и велѣла представить русскую пьесу, но при поднятіи занавѣса она нашла, что слишкомъ мало зрителей, и велѣла пустить солдатъ. Взявъ маленькаго Павла на колѣни, она подозвала солдатъ и стала имъ представлять ребенка. Бретель говорить, что достаточно было не только одного слова, но даже жеста императрицы, чтобы солдаты, среди которыхъ находились старики, участвовавшіе въ ея возведеніи на престолъ, провозгласили тутъ же наслѣдникомъ престола великаго князя Павла. Но Елисавета на это не рѣшилась и удовольствовалась тѣмъ, что сдѣлала первый шагъ для задуманнаго государственнаго переворота, который, однако, ей никогда не удалось произвести.

Несмотря на физическія страданія и нравственныя заботы, умирающая Елисавета сохраняла болѣе энергіи, чѣмъ всѣ окружающія ея лица, и она продолжала дѣятельно заниматься дѣлами до половины декабря, тогда какъ ея главные совѣтники при мысли объ ея смерти приходили въ уныніе и отчаяніе. Самый умный изъ нихъ, Петръ Шуваловъ, дѣйствительно умиралъ и пережилъ ее только на нѣсколько дней; а самый рѣшительный, генераль-прокуроръ князь Шаховской, просился въ отставку подъ предлогомъ чрезмѣрнаго обремененія дѣлами, и о томъ же просилъ Воронцовъ, увѣряя, что онъ сильно боленъ. Въ сущности же онъ чувствовалъ, что ему не по силамъ вырванное имъ изъ могучихъ рукъ Бестужева наслѣдіе, и нѣ зналъ, что дѣлать. Хотя онъ говорилъ Бретелю: «сколько бы хорошаго можно было сдѣлать для блага Россіи, еслибъ императрица захотѣла», но когда она послала за нимъ незадолго до своей смерти, чтобы передать послѣднюю свою волю, то онъ не пошелъ къ ней подъ предлогомъ все той же болѣзни.

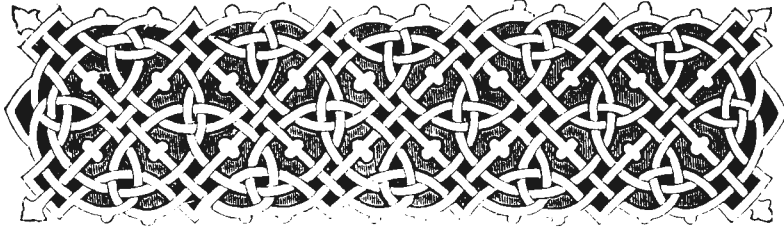
Этотъ поступокъ былъ тѣмъ непростительнѣе, что онъ былъ другомъ и товарищемъ ея дѣтства. Зато оба брата Разумовскихъ, не думая ни о чемъ, не боясь ничего, не отходили ни на минуту отъ нея до послѣдняго ея дыханія.

22-го декабря Елисаветѣ сдѣлалось хуже, и доктора признали, что ея положеніе опасно. На слѣдующій день она приобщилась Св. Тайнъ, а 25-го, въ день Рождества, въ четвертомъ часу по полудни широко отворились двери изъ императорской спальни въ сосѣднюю залу, гдѣ толпились высшіе сановники и придворные. На порогѣ показался старый сенаторъ, князь Никита Юрьевичъ Трубецкой, и пискливымъ, старческимъ голосомъ произнесъ:

— Ея императорское величество, государыня императрица Елисавета Петровна, изволила въ Бозѣ опочить.

В. Тимирязевъ.

ЗАПИСКИ О КРЫМСКОМЪ ПОРУЧЕНИИ ВЪ 1855 ГОДУ.

О ВСЕ ВРЕМЯ осады Севастополя множество вещей и денегъ жертвовалось частными лицами въ пользу его защитниковъ. Приношенія со всѣхъ концовъ Россіи стекались въ штабъ Крымской арміи и раздавались по назначенію, деньги большею частью непосредственно штабомъ, а вещи учрежденнымъ для этого главнокомандующимъ въ Симферополѣ «комитетомъ для раздачи пособій больнымъ и раненымъ воинскимъ чинамъ». Съ тою же цѣлью великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи, послѣ Инкерманскаго сраженія оставили въ штабѣ до 17-ти тысячъ рублей серебромъ, а государь императоръ въ разное время присылалъ флигель-адъютантовъ съ особенными суммами.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1855 года государынѣ императрицѣ Маріи Александровнѣ угодно было сосредоточить частныя пожертвованія подъ свое высокое покровительство, а распредѣленіе на мѣстѣ поручить одному довѣренному лицу.

Въ собственной конторѣ ея величества былъ немедленно открытъ сборъ пожертвованныхъ вещей и денегъ, о чемъ тогда же было объявлено во всѣхъ газетахъ, а для распредѣленія избранъ государыней графъ Михаилъ Михайловичъ Віельгорскій-Матюшкинъ. Помощниками къ нему были назначены графъ Владимиръ Дмитріевичъ Остенъ-Сакенъ ¹⁾ и я ²⁾.

¹⁾ Сынъ гр. Дмитрія Ероосевича Остенъ-Сакена, генералъ-адъютанта и начальника одесскаго гарнизона во время крымской войны.

²⁾ Авторъ записокъ былъ родной племянникъ сестры гр. Віельгорскаго, А. П. Веневитиновой.

Инструкція, данная императрицей, предоставляла графу полную свободу во всемъ дѣйствовать согласно своему собственному усмотрѣнію. Донесенія свои онъ долженъ былъ представлять непосредственно ея величеству, и по мѣрѣ возможности ихъ предполагалось печатать во всѣхъ подробностяхъ для извѣщенія жертвователей о пользѣ и употребленіи ихъ жертвованій.

Въ Петербургѣ докладъ о дѣлахъ по раздачѣ пособій и переписка съ гр. Віельгорскимъ были возложены императрицей на оберъ-гофмейстера В. Д. Олсуфьева. Графъ Михаилъ Михайловичъ отказался отъ всякаго офіціального наименованія и отъ казенной печати. Частный характеръ порученія, постоянно охраняемый имъ, много способствовалъ успѣху ввѣреннаго ему дѣла, особенно тѣмъ, что, какъ частныя лица, мы всѣ пользовались полною свободой отношеній съ офіціальными властями на всѣхъ ступеняхъ административной іерархіи.

На первый случай графу Віельгорскому вручены были собранныя по подпискѣ 50 тысячъ рублей, и въ то же время отправлено въ его распоряженіе въ Симферополь множество медикаментовъ, бѣлья, перевязочныхъ матеріаловъ и прочихъ госпитальныхъ припасовъ. Все это было отправлено въ двухъ огромныхъ придворныхъ фургонахъ.

Мы выѣхали изъ Петербурга всѣ вмѣстѣ 8-го мая, и пріѣхали въ Симферополь графъ Віельгорскій 15-го, а Сакенъ и я 17-го мая ¹⁾.

Познакомившись на другой же день своего пріѣзда съ директоромъ госпиталей крымской арміи, генераль-майоромъ И. И. Остроградскимъ, и съ предсѣдателемъ комитета «для раздачи пособій», В. М. Княжевичемъ, гр. Віельгорскій 18-го числа отправился вмѣстѣ съ Остенъ-Сакеномъ въ главную квартиру, которая тогда находилась на Инкерманскихъ высотахъ, въ 4-хъ верстахъ отъ Севастополя, а мнѣ поручилъ объѣзжать симферопольскіе госпитали вмѣстѣ съ флигель-адъютантомъ, полковникомъ Волковымъ ²⁾, который раздавалъ тогда раненымъ такъ называемыя наградныя деньги. Съ самаго начала войны Симферополь по своему географическому положенію сдѣлался центромъ военной администраціи, госпиталей и складовъ. Окрестности, которыя были бы довольно живописны, еслибы не были опалены солнцемъ и почти совершенно лишены растительности, были покрыты биваками, вагенбургомъ погонцевъ и извозчиковъ. Мѣстами по степи возвышались ряды пирамидъ въ нѣсколько сажень вышиной, представляющихъ издали вершинами отдаленной цѣпи горъ.

Городъ раздѣляется на русскій и татарскій (Ахмечеть). Широкая

¹⁾ Извѣстно, что великодушная мысль покойной императрицы была разработана и осуществлена внѣ всякихъ бюрократическихъ формъ, всего въ нѣсколько дней.

²⁾ Впоследствии генераль-адъютантомъ.

улицы и по недостатку лѣса исключительно каменные зданія придають русской части красивый и опрятный видъ. Въ татарскомъ городѣ улицы узки и кривы, низенькіе дома выстроены окнами на дворъ, и, исключая базара, движенія почти нѣтъ. Пять, шесть минаретовъ и кое-гдѣ пирамидальные тополи дорисовываютъ восточную фізіономію города.

Въ Симферополѣ осѣдлаго пришлаго русскаго населенія нѣтъ. Изъ жителей средняго сословія близость военныхъ дѣйствій удалила въ то время всѣхъ, кто имѣлъ на то средства; остались татары, жида и мелкіе торговцы, большею частью греки. Тѣмъ не менѣе народонаселеніе города утроилось противъ обыкновеннаго отъ военныхъ и принадлежащихъ къ арміи; постоянныхъ жителей въ Симферополѣ до 13 тысячъ, въ маѣ же однихъ раненыхъ было столько же, занимавшихъ 50 домовъ и въ томъ числѣ всѣ казенныя зданія. Нельзя было сдѣлать ста шаговъ, не увидѣвъ въ открытыя отъ жары окна госпитальныхъ халатовъ. Во многихъ госпиталяхъ тѣснота и духота доходили до того, что прохожимъ снаружи былъ ощутителенъ тяжелый запахъ ранъ. По улицамъ безпрестанно тянулись транспорты съ ранеными, команды слабосильныхъ и выздоравливающихъ; нерѣдко съ разныхъ сторонъ разомъ слышалась печальная музыка военныхъ похоронъ. По временамъ, когда вѣтеръ дулъ съ той стороны, перекатами долеталъ громъ севастопольской канонады, и грустно было для прїѣзжаго это первое впечатлѣніе грознаго боя, среди всего того, что такъ ярко объясняло ему значеніе этого отдаленнаго гула... Въ главной квартирѣ гр. Вїельгорскій передалъ князю Горчакову собственноручное письмо государыни императрицы, вслѣдствіе чего главнокомандующій отдалъ приказъ по арміи о новомъ знакѣ высочайшей заботливости о войскѣ. Графъ осмотрѣлъ перевязочные пункты и госпитали въ Севастополѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ и познакомился со многими замѣчательными лицами, какъ-то: А. П. Стаховичъ и академикомъ Пироговымъ.

Александра Петровна была тогда начальницею сестеръ милосердія Крестовоздвиженской общины, состоящей подъ завѣдываніемъ великой княгини Елены Павловны. Великій хирургъ и ученый Николай Ивановичъ Пироговъ находился въ Севастополѣ безъ особеннаго офиціальнаго званія, но его научное достоинство, благородный и твердый характеръ давали ему огромный вѣсъ въ госпитальномъ мірѣ. Его непримиримая и, можетъ быть, слишкомъ пылкая вражда съ злоупотребленіями надѣлала ему много враговъ и довела до того, что по окончаніи кампаніи онъ вышелъ совершенно въ отставку. При немъ находились постоянно нѣсколько врачей, изъ которыхъ Д. Тарасовъ былъ медикомъ Крестовоздвиженской общины, а докторъ Беккеръ впоследствии состоялъ въ нашей миссіи.

По возвращеніи Віельгорскаго изъ Севастополя, Симферополь былъ признанъ имъ самымъ удобнымъ центромъ нашей дѣятельности. Сакенъ оставленъ былъ въ Севастополь для раздачи пособій.

Во время дунайской кампаніи офицеры получали содержаніе по заграничному положенію, которое сравнительно съ обыкновеннымъ гораздо значительнѣе. Переходя въ Крымъ, войска лишились этого пособія на томъ основаніи, что находились въ предѣлахъ Россіи, несмотря на то, что Крымъ даже въ обыкновенное время бѣднѣе дунайскихъ княжествъ, а въ то время былъ совершенно разоренъ пребываніемъ враждующихъ войскъ и прекращеніемъ сообщеній. Дороговизна на самые необходимые предметы доходила до самыхъ невѣроятныхъ размѣровъ, и наши офицеры были доведены до совершенной, общей нищеты. На другой же день пріѣзда гр. Віельгорскаго изъ Севастополя небольшая пріемная нашей общей квартиры была наполнена ранеными и больными офицерами и юнкерами, одинаково просящими о денежномъ пособіи. Не только въ пріемной, но просители толпились въ сѣняхъ и на крыльцѣ.

До нашего пріѣзда, какъ я уже сказалъ, раздавались раненымъ деньги изъ разныхъ источниковъ; посредство штаба давало этимъ раздачамъ казенный видъ. Были приняты постоянные размѣры пособія: за отрѣзанную руку столько-то, за ногу—столько-то, за тяжелую рану и за легкую—столько-то.

Та же система раздачи практиковалась и относительно штабъ и оберъ-офицеровъ. Пріѣзжавшіе флигель-адъютанты съ суммами отъ государя императора должны были сообразоваться съ принятымъ по отношенію пособія порядкомъ.

Не такъ понималъ это дѣло графъ Михайль Михайловичъ. По его мнѣнію, никакіе постоянные размѣры не удовлетворяли главному условію безотлагательнаго пособія — соразмѣряться съ нуждой каждаго, избѣгая противоположныхъ крайностей; для этого нужно было вникать въ положеніе всякаго просителя, внимательно допрашивая и выслушивая его, тѣмъ болѣе, что никакихъ свѣдѣній или отзывовъ начальства мы не имѣли и въ это смутное время не могли бы имѣть. При такихъ данныхъ, при такомъ количествѣ просителей, раздача пособій дѣлалась трудомъ значительнымъ, а препятствія увеличивались по мѣрѣ добросовѣстности исполненія. На первомъ же шагѣ мы встрѣтили подлогъ и обманъ.

Размашистый русскій характеръ рѣдко вмѣщаетъ точность въ денежномъ отношеніи. У насъ любятъ болѣе или менѣе поживиться даровою копейкой, въ особенности казенною, и склонны вообще, даже невзначай покривить душой въ собственную пользу. Люди же несомнѣнно честные допускаютъ нерѣдко произволъ и злоупотребленія по недомыслію или просто лѣни...

Подобныя явленія болѣзненно потрясали нервный организмъ Віельгорскаго, человѣка въ высшей степени добросовѣстнаго и дѣ-

ятельнаго. А такія явленія часто, къ несчастью, повторялись, и не говоря уже о проискахъ, рѣдкій день проходилъ безъ какого нибудь случая, похожаго на мошенничество. Борьба съ волнованными его чувствами доводила бѣднаго графа Михаила Михайловича до изнеможенія, и онъ часто отчаивался въ возможности удовлетворительно исполнить ввѣренное ему порученіе.

Къ раздачѣ денежныхъ пособій нижнимъ чинамъ не было возможности приступить. Раненыхъ было огромное, но совершенно неопредѣленное количество, отъ 40—60 тысячъ человекъ, размѣщенныхъ по всеѣмъ госпиталямъ Крыма и Южной Россіи. При безпрестанномъ перемѣщеніи ихъ тысячами, а иногда цѣлыми госпиталями, изъ одной мѣстности въ другую, никакія официальные данныя, никакой расчетъ не могъ указать, даже приблизительно, суммы, нужной для сколько нибудь равномерной раздачи имъ пособій. Впослѣдствіи, вынужденные необходимостію, мы приняли за правило выдавать пособія только тѣмъ нижнимъ чинамъ, которые при выздоровленіи выходили изъ госпиталей изувѣченными, въ особенности лишенными какого нибудь члена.

Графъ Віельгорскій находилъ, что полезнѣе выдавать такимъ людямъ болѣе значительныя суммы (отъ 40—100 рублей), съ которыми они могли бы безбѣдно возвращаться на родину, нежели растрчивать пожертвованныя деньги на мелкія выдачи по 3 и по 5 рублей легко раненымъ или вылѣченнымъ солдатамъ, возвращавшимся во фронтъ. Въ штабѣ было обратное, и большею частью раздача производилась слѣдующимъ образомъ: полки представляли списки нижнимъ чинамъ, оставшимся, въ строю, несмотря на рану или контузію, или возвратившимся въ оный послѣ первой перевязки, и, считая выдачу имъ по 3, по 5 и по 10 рублей, получали эти деньги изъ пожертвованныхъ суммъ, которыя, такимъ образомъ, быстро расходились, сливаясь съ общими казенными расходами по полкамъ, съ тою разницею, что для нихъ не существовало и не могло существовать никакой правильной отчетности, такъ какъ, при ежедневныхъ потеряхъ отъ бомбардировки и перестрѣлокъ и безпрестанномъ передвиженіи войскъ дробными частями, въ самыхъ полкахъ счетъ даже убитыхъ могъ быть только приблизительно. Несмотря на явное неудобство, штабъ практиковалъ принятый имъ способъ раздачи. Изъ этого возникла переписка графа Віельгорскаго съ дежурнымъ генераломъ въ Петербургѣ, В. Д. Олсуфьева съ военнымъ министерствомъ, которая длилась до августа мѣсяца, но наконецъ, благодаря государынѣ императрицѣ, кончилась въ пользу нашего мнѣнія.

Тѣмъ менѣе рѣшился графъ Віельгорскій приступить къ этому вопросу до его окончательнаго разъясненія, что въ это время флигель-адъютантъ полковникъ Волковъ раздавалъ по госпиталямъ Крыма и Южной Россіи 25 тысячъ рублей, присланныхъ на этотъ

предметъ государемъ императоромъ, что позволяло отложить задачу пособій изъ пожертвованныхъ суммъ.

Другой предметъ требовалъ болѣе настоятельнаго, самаго серьезнаго вниманія. Безпрестанный приливъ раненыхъ въ Симферополь заставлялъ отправлять массу отъ 300 до 800 человѣкъ и болѣе ежедневно въ Перекопъ, Екатеринославль и Херсонъ. Ихъ перевозили большею частью на обыкновенныхъ извозчичьихъ подводахъ, по пяти и шести человѣкъ на каждой, безъ всякой крыши и подстилки. Свѣжія раны отъ зноя гноятся, и въ нихъ нерѣдко заводятся черви, особенно если ихъ не довольно часто промываютъ и перевязываютъ. Можно себѣ представить, какія страданія ожидали раненыхъ въ безводныхъ степяхъ, безъ защиты отъ палящаго солнца въ продолженіе 10—15 сутокъ.

По пріѣздѣ своемъ въ Крымъ, графъ Віельгорскій обратилъ на это вниманіе директора госпиталей, но всѣ старанія генерала Остроградскаго оказались напрасными; видя невозможность помочь этому путемъ казенныхъ средствъ, графъ Михайлъ Михайловичъ, несмотря на значительные расходы, принялъ устилку и крышку транспортных подводъ на счетъ пожертвованныхъ суммъ.

Быстро прошли первые десять дней нашего пребыванія въ Крыму. Я воспользовался случаемъ выпроситься у Віельгорскаго въ Севастополь.

II.

Я пріѣхалъ на Инкерманскія высоты 27-го мая; лишь наканунѣ были взяты редуты: Камчатскій, Волынскій и Селенгинскій.

Помню, что осенью 1854 года вѣсть о несчастномъ дѣлѣ подъ Инкерманомъ дошла въ Петербургъ и въ первое время поддерживалась въ высшихъ кругахъ чуть ли не въ видѣ побѣды, а передъ тѣмъ несчастное сраженіе подъ Альмой исчезло въ глазахъ петербургской публики въ блескъ знаменитаго марша князя Меншикова на Бахчи-Сарай. Когда я уѣзжалъ изъ Петербурга, общее мнѣніе, поддерживаемое официальными донесеніями, возгласами журналовъ, а въ особенности героическими анекдотами, ребячески смѣло вѣрило въ успѣхъ защиты Севастополя. Очень грустно было разочароваться...

Правда, наши войска умирали безропотно и спокойно ожидали гибельной очереди, но непріятельскія работы со всякимъ днемъ ближе и ближе тѣснили городъ; ихъ безчисленные снаряды, по выраженію солдатъ, «били, какъ въ ступѣ», и постоянныя неудачи разрушали послѣднія надежды. Взятіе редутовъ давало рѣшительный оборотъ дѣлу, угрожая сообщенію черезъ бухту.

Въ главной квартирѣ я нашель много знакомыхъ и, между прочимъ, барона А. Мейендорфа ¹⁾, съ которымъ въ то же утро отпра-

¹⁾ Давнишній другъ автора записокъ.

вился верхомъ на Сѣверную, а оттуда въ плюпокъ на Николаевскую батарею, гдѣ мнѣ хотѣлось повидать графа Дмитрія Егоровича Сакена и его сына, моего товарища.

Александръ Мейендорфъ въ короткое время составилъ себѣ въ арміи отличную репутацію храбраго и дѣльнаго офицера генеральнаго штаба; мнѣніе его между товарищами имѣло вѣсь не по лѣтамъ и не по чину. Онъ видимо былъ огорченъ и озлобленъ. Дорогой я ему это замѣтилъ.

— Comment voulez vous, que le caractère ne se gâte pas, quand on voit laisser prendre le plus beau port du monde!—отвѣтилъ онъ, указывая вдали на взятые редуты...

Съ батареи № 4, у которой была переправа, открывался чудный видъ. Направо, по высокому берегу Сѣверной, тянулся рядъ укрѣпленій, между которыми великаномъ возвышался гранитный фортъ Константинъ, еще правѣе море и непріятельскій флотъ. По бухтѣ, на равныхъ разстояніяхъ одинъ отъ другого стояли военные корабли и фрегаты, между ними ходили пароходы и множество катеровъ и шлюпокъ всѣхъ размѣровъ. На другой сторонѣ, по изгибамъ берега, раскидывался красивый городъ, а за нимъ зеленѣющая линія земляныхъ работъ обозначала бастионы, ей соотвѣтствовала на самомъ краю горизонта такая же линія непріятеля. На лѣвой сторонѣ города, на большой возвышенности, начался Малаховъ курганъ. Вдоль укрѣпленій клубился дымъ. Оттуда гремѣли выстрѣлы и взрывы. По временамъ въ воздухѣ слышался завывающій визгъ несущихся снарядовъ, и являлись внезапно и быстро исчезали бѣлые облака отъ бомбъ, лопавшихся на воздухѣ. И на Николаевской батарее, гдѣ тогда помѣщался штабъ начальника гарнизона, я нашелъ много петербургскихъ знакомыхъ. Меня повели на вышку, откуда были видны всѣ окрестности, и въ подзорную трубу ясно можно было различить движеніе непріятельскихъ работъ.

Оттуда я зашелъ на перевязочный пунктъ, въ зданіи Дворянскаго собранія. Въ бальной танцевальной залѣ лежали рядами раненые, ожидая очереди; ихъ безпрестанно приносили на носилкахъ и послѣ перевязки выносили въ другія залы или на берегъ. Около нихъ суетились доктора и сестры милосердія. Среди комнаты стоялъ операционный столъ, около котораго въ мѣдномъ тазѣ складывались члены и помертвѣлые лоскуты тѣла; мѣстами кровь стояла лужами. Тутъ нашелъ я доктора Пирогова. Познакомившись съ нимъ, я просилъ его указать мнѣ, чѣмъ я могъ быть полезнымъ. Со своею живостью онъ мнѣ тотчасъ же объяснилъ, что на сѣверной сторонѣ въ тотъ день долженъ былъ быть устроенъ госпитальный лагерь, въ которомъ представлялась крайняя необходимость, но что онъ имѣетъ свѣдѣнія, что лагерь еще не готовъ, почему и предложилъ мнѣ отправиться на Сѣверную и содѣйство-

вать устройству лагеря. Чувствуя себя совершеннымъ новичкомъ въ этомъ дѣлѣ, я зашелъ за Сакеномъ, и мы вмѣстѣ отправились на Сѣверную.

Съ южной стороны перевозили раненыхъ пароходы и баркасы. Съ берега въ лагерь (около версты) ихъ должны были доставлять на носилкахъ, которыхъ такъ же, какъ и носильщиковъ, было слишкомъ мало; большая часть, не дождавшись очереди, плелась кое-какъ, опираясь на ружье или другъ на друга; многіе падали на дорогѣ, и некому было ихъ поднять. Все это дѣлалось какъ бы само собой, и при этомъ не было видно никакого начальства.

Въ лагерь большая часть палатокъ лежала еще не разбитыми, остальные были совершенно полны; раненые безпрестанно прибывали съ берега, но, не находя другого мѣста, носильщики ихъ складывали около палатокъ. Такимъ образомъ подъ палящимъ южнымъ солнцемъ, на голой землѣ, лежало до полуторы тысячи человѣкъ, большая часть съ утра, а было уже около шести часовъ вечера! Мы прошли весь лагерь, или, лучше сказать, то мѣсто, гдѣ онъ долженъ былъ бы быть, шагая черезъ раненыхъ, которые лежали поперекъ дороги, и не находя ни одного доктора, ни даже фельдшера. Со всѣхъ сторонъ раздавались стоны. Принимая насъ за докторовъ, больные умоляли насъ ихъ перевязать или дать имъ воды.

Послѣ многихъ поисковъ мы нашли спящаго госпитальнаго служителя, съ помощью котораго въ одной палаткѣ нашли трехъ или четырехъ спящихъ докторовъ.

Доктора оправдывались тѣмъ, что палатки не всѣ были поставлены, и перевязывать безъ воды невозможно, а воды не было, что лежало на отвѣтственности смотрителя, но и смотритель, котораго наконецъ отыскивали гдѣ-то въ окрестностяхъ, оказался не виноватымъ, потому что у него, кромѣ лагеря, было много и не менѣе важнаго дѣла въ другихъ госпиталяхъ на Сѣверной, также ему подвѣдомственныхъ, и, кромѣ того, въ его распоряженіи находилось слишкомъ мало людей и лошадей для работы и т. д.

Пока Сакенъ съ ними толковалъ, я отправился къ А. П. Стаховичъ, которая тогда жила въ морскомъ госпиталѣ на Сѣверной, просить еѣ послать въ лагерь сестѣръ. При этомъ случаѣ я съ ней познакомился; пока мы разговаривали, что-то визгнуло очень близко отъ окна и ударило о землю такъ, что сотрясеніе было чувствительно въ комнатѣ¹⁾.

— Что такое?—спросилъ я невольно.

— Ничего, ядро,—отвѣчала она спокойно и продолжала разговоръ.

Только на другой день, и то благодаря твердости Сакена, убѣ-

¹⁾ Англичане стрѣляли и по госпиталямъ.

дившаго дежурнаго генерала и генералъ-штабъ-доктора прїѣхать лично посмотрѣть, въ какомъ состояніи находятся раненые, лагерь былъ приведенъ въ лучший видъ. Вечеромъ я зашелъ на батарею № 4 за моей лошадыю и оттуда отправился въ главную квартиру.

Къ ночи бомбардировка усилилась, потому что съ обѣихъ сторонъ пользовались темнотою для работъ.

Съ Сѣверной было видно линію огня кругомъ всего города. Въ видѣ огненныхъ точекъ подымались съ разныхъ сторонъ бомбы, медленно перекрещивая одна другую, мѣстами вспыхивали бѣглые огоньки ружейныхъ перестрѣлокъ. Съ такъ называемыхъ литерныхъ батарей, позади которыхъ я проѣзжалъ, гремѣлъ выстрѣлъ за выстрѣломъ, и послѣ всякаго слышалось завываніе вылетавашаго снаряда.

28-го мая было заключено перемиріе на нѣсколько часовъ для уборки тѣлъ убитыхъ 26-го числа. Я воспользовался этимъ случаемъ видѣть Малаховъ курганъ и непріятеля.

На Корабельной близость кургана обозначалась разрушеніемъ. Отъ строеній оставались однѣ развалины: ядра, осколки, ямы отъ взрыва бомбъ встрѣчались чаще. Самый курганъ представился мнѣ въ видѣ собранія валовъ, траверсовъ и рововъ, между которыми я чуть не заблудился. Посреди возвышалась избитая полуразрушенная башня. На половинѣ высоты вала на земляныхъ банкеткахъ стояли орудія огромнаго размѣра; кругомъ и по разнымъ угламъ бастиона, пользуясь нѣсколькими часами отдыха, спали закопченные порохомъ и испачканные землею матросы и пѣхотные солдаты. На всякомъ шагу буквально валялись непріятельскіе снаряды; я замѣтилъ одно мѣсто, гдѣ штукъ сорокъ ядеръ лежало одно возлѣ другого въ видѣ мостовой.

Внѣшній видъ бастиона былъ изрытъ, ровъ былъ засыпанъ на четверть высоты; изъ-подъ осыпавшейся земли были видны нѣсколько труповъ французскихъ солдатъ, попытавшихся третьяго дня штурмовать Малаховъ. Говорятъ, что, разгоряченная взятіемъ Камчатскаго кургана, одна колонна бросилась безъ приказанія на штурмъ кургана.

Судя по количеству труповъ передъ курганомъ и во рву, потери ихъ были значительны. Меня поразилъ видъ одного изъ убитыхъ французовъ; онъ лежалъ въ одномъ изъ углубленій склона кургана; на лицѣ его было выраженіе рѣшимости, которая шла къ его длиннымъ чернымъ усамъ и густой роялькѣ; лѣвая бровь была разсѣчена, рана перевязана гастухомъ, а сверхъ галстуха набекрень надѣто его красное кепи, возлѣ него лежало ружье. Онъ имѣлъ присутствіе духа лечь въ углубленіе, спиною къ кургану такъ, что выемка нѣсколько защищала его отъ нашихъ выстрѣловъ; видно было, что, перевязавъ рану и сдѣлавъ такимъ образомъ все зависящее отъ него для спасенія жизни, онъ съ твердостью предался судьбѣ...

Въ балкѣ, отдѣляющей курганъ отъ взятыхъ непріателемъ редутовъ, стояли наша и французская цѣпь въ 20 шагахъ одна отъ другой. Пространство между ними считалась нейтральною полосой. Трупы приносили съ обѣихъ сторонъ на скрещенныхъ ружьяхъ и ими обмѣнивались. Тутъ расхаживало множество офицеровъ и солдатъ обѣихъ армій, безъ малѣйшаго признака вражды. Французы принарядились для насъ, большая часть была въ полной формѣ. Наши офицеры старались, кто могъ, удивить французовъ своею непринужденною свѣтскостью и знаніемъ французскаго языка. Вообще перемиріе не представляло печальнаго зрѣлища, котораго можно бы было отъ него ожидать, имѣя въ виду причинившую его уборку убитыхъ. Видно было, что съ обѣихъ сторонъ рады были роздыху боя.

На другой день я возвратился въ Симферополь. Въ мое отсутствіе графъ Віельгорскій объѣхалъ всѣ офицерскіе госпитали, объявляя о порученіи, данномъ ему государыней императрицей. Вслѣдствіе того кругъ его дѣятельности значительно расширился. Многіе офицеры, которые не могли вставать съ постели или не хотѣли беспокоить его лично, обрацались къ нему письменно; многіе изъ нихъ, кромѣ денежныхъ пособій или отказываясь отъ оныхъ, просили его ходатайства о разныхъ милостяхъ, какъ-то: о помѣщеніи дѣтей въ учебныя заведенія, пособіяхъ родителямъ и т. п. Частые разѣзды по госпиталямъ сдѣлались необходимыми для знакомства съ просителями, тѣмъ болѣе, что мы скоро убѣдились, что не тѣ, которые ежедневно толпились въ нашей пріемной, наиболѣе заслуживали участія.

Наши занятія незамѣтно усложнялись; Віельгорскій писалъ Сакену въ Севастополь, дабы вызвать его въ Симферополь, и въ то же время, пользуясь предварительнымъ разрѣшеніемъ императрицы, просилъ ея величество назначить ему еще двухъ помощниковъ.

Въ началѣ іюня случилось обстоятельство, заставившее графа Михаила Михайловича выйти изъ круга его прямого порученія и имѣвшее значительное вліяніе на его будущую дѣятельность.

На дорогѣ изъ Севастополя въ Симферополь Сакенъ видѣлъ транспортъ раненыхъ въ самомъ отчаянномъ положеніи.

Нужно замѣтить, что для сопровожденія всякаго транспорта назначаются одинъ или нѣсколько докторовъ, подвижная аптека и нѣсколько фельдшеровъ. Для общаго же завѣдыванія всего назначается по наряду строевой офицеръ.

Въ такомъ порядкѣ триста подводъ выступили съ Сѣверной стороны. За сорокъ верстъ, завѣдывающій офицеръ, только что произведенный прапорщикъ, получилъ отъ военно-госпитальнаго начальства предложеніе принять подъ свое вѣдѣніе еще триста подводъ, выступившихъ нѣсколькими часами позже. Молодой

офицеръ растерялся, всѣ его распоряженія не удались; предоставленные самимъ себѣ извозчики отстали другъ отъ друга, разбрелись по всей дорогѣ, останавливаясь тамъ, гдѣ имъ казалось удобнѣе кормить лошадей, тѣмъ болѣе, что, кромѣ разоренныхъ татарскихъ ауловъ, постоянныхъ приваловъ въ этой мѣстности не имѣется; кончилось тѣмъ, что большая часть больныхъ остались не кормленными и не перевязанными въ теченіе двухъ съ половиной сутокъ.

Въ тотъ же день Сакенъ случайно нашелъ въ трактирѣ въ сторонѣ отъ дороги пять человекъ докторовъ, состоящихъ при этихъ двухъ транспортахъ, между которыми былъ д-ръ Р., главный хирургъ арміи. Они спокойно завтракали и отдыхали, предоставивъ судьбѣ вѣрренныхъ имъ раненыхъ.

Легко себѣ представить, въ какомъ положеніи прибыли въ Симферополь эти несчастные, буквально сгнившіе на солнцѣ, безъ пищи, безъ воды, безъ малѣйшаго медицинскаго пособія; болѣе чѣмъ большая часть были со свѣжими ампутированными членами и даже не могли двигаться безъ посторонней помощи.

Между ними было 13 человекъ раненыхъ французовъ. Французы менѣе терпѣливы и болтливѣе нашихъ солдатъ. Яркими красками описывали они свои страданія. «*Ce ne sont pas de chrétiens qui nous ont menés*»,—говорили они Віельгорскому. Жалобы ихъ оправдались самымъ печальнымъ образомъ: всѣ тринадцать умерли одинъ за другимъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней...

Графъ Віельгорскій счелъ своимъ долгомъ довести это до свѣдѣнія главнокомандующаго и написалъ частное краснорѣчивое письмо начальнику штаба, генералу Коцебу.

На другой день къ намъ прискакалъ флигель-адъютантъ, князь А. Барятинскій ¹⁾, съ порученіемъ произвести слѣдствіе. «*Faites une enquête terrible*»,—сказалъ ему при отправленіи князь Горчаковъ, и Барятинскій горячо принялся за дѣло, но не успѣлъ онъ собрать первыхъ свѣдѣній, какъ получилъ отъ дежурнаго генерала именемъ главнокомандующаго приказаніе прекратить слѣдствіе, потому что дежурный генералъ принимаетъ дальнѣйшее производство онаго на себя...

Дѣло кончилось ничѣмъ. Одинъ изъ докторовъ, но не старшій, былъ нѣсколько дней подъ арестомъ.

Около этого времени пришло повелѣніе отъ государыни отправить одного изъ насъ въ Одессу для раздачи пособій возвращаемымъ туда плѣннымъ. Гр. Віельгорскій послалъ туда Сакена, у котораго въ Одессѣ было семейство.

¹⁾ Князь Анатолій Ивановичъ, впоследствии командиръ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и генералъ-адъютантъ.

III.

Въ половинѣ іюля прїѣхали въ Симферополь два новые помощника графа Вїельгорскаго, графъ Константинъ Ивановичъ Паленъ и Александръ Осиповичъ Таборовскій; послѣдній привезъ съ собой изъ Петербурга придворный фургоны съ госпитальными вещами.

Михаилъ Михайловичъ передалъ Палену завѣдываніе нашей кассой, которая по развитію расходовъ отъ 25—30 тысячъ въ мѣсяцъ требовала уже спеціальнаго занятія; въ его же вѣдѣніе поступила сумма, присланная отъ баварскаго уполномоченнаго, графа Брѣе, въ пользу французскихъ плѣнныхъ въ Россіи. Изъ этой суммы покупались нами табакъ, трубки и разныя мелочи для французскихъ рядовыхъ; многіе плѣнные офицеры брали изъ нея въ займы съ уплатою изъ жалованья.

Въ маѣ мѣсяцѣ большую часть вещей, отправленныхъ вмѣстѣ съ нимъ изъ Петербурга, Михаилъ Михайловичъ передалъ въ учрежденный главнокомандующимъ «комитетъ для пособія раненымъ», о которомъ я уже говорилъ выше, но скоро замѣтилъ, что пожертвованныя вещи, проходя черезъ комитетъ, не приносили раненымъ той пользы, которую можно было отъ этого ожидать, а поэтому вещи, привезенныя Таборовскимъ изъ Петербурга, оставилъ въ своемъ непосредственномъ вѣдѣніи.

Опытомъ дознано, что устройство комитетовъ не всегда удобно для распорядительной власти. Несмотря на полную доброжелательность всѣхъ членовъ этого комитета, недостатокъ былъ ощутительнѣе, чѣмъ когда либо, въ дѣлѣ безотлагательнаго пособія при безпрестанно измѣняющихся случайностяхъ войны. И это являлось тѣмъ болѣе, что сложность требуемой закономъ переписки и отчетности, удаляя отъ прямого участія въ дѣлахъ самихъ членовъ, сосредоточивала всю дѣятельность въ рукахъ дѣлопроизводителя, мелкаго чиновника казенной палаты.

Въ продолженіе всего своего существованія комитетъ собирался не болѣе двухъ-трехъ разъ и расходился, едва успѣвъ подписать отчеты, вѣдомости и журналы, заготовленные дѣлопроизводителемъ.

Съ самаго своего прїѣзда Михаилъ Михайловичъ, по предложенію главнокомандующаго, вступилъ въ члены этого комитета, а впоследствии принялъ званіе и его предсѣдателя. Такимъ образомъ, деньги и вещи (того и другого, впрочемъ, было немного) слились съ нашими средствами, и комитетъ фактически упразднился, тѣмъ болѣе, что онъ уже утратилъ свое значеніе съ тѣхъ поръ, какъ пожертвованія сосредоточивались подъ распоряженіемъ Вїельгорскаго. Не знаю, озаботился ли кто даже его официально закрыть.

Несмотря на то, что между этимъ комитетомъ и порученіемъ

графа Вѣльгорскаго было, какъ видно, мало общаго, дѣятельность того и другого нерѣдко смѣшивалась даже въ публикаціяхъ собственной канцеляріи ея величества.

Убѣдившись еще раньше въ бесполезности содѣйствія комитета, Михайлъ Михайловичъ изъ вещей, привезенныхъ Табаровскимъ, образовалъ особенный складъ, который быстро увеличился, благодаря заботамъ государыни императрицы. Цѣлые обозы госпитальныхъ вещей и значительныя подкрѣпленія нашей кассѣ дали графу Вѣльгорскому возможность расширить кругъ своихъ дѣйствій. Собственно ему казалось, что, соображаясь съ цѣлью его порученія, давать раненымъ и больнымъ защитникамъ Севастополя только нѣкоторый излишекъ, какъ, напримѣръ, вино, водку, пиво, чай, сахаръ, разные прохладительныя напитки, лучшее бѣлье, отборныя медикаменты и тому подобное, справедливо предполагая, что все необходимое даетъ или должна давать имъ казна; но, къ несчастію, самыя необходимыя, самыя законныя нужды больныхъ были такъ недостаточно удовлетворены, что жертвованными суммами должны были безпрестанно замѣняться казенныя. Нами были куплены значительныя запасы ждановской жидкости, костылей, вина, водки и множество другихъ самыхъ разнообразныхъ предметовъ. Бѣлье, перевязочныя средства, медикаменты нашего склада въ огромныхъ цифрахъ пополняли самыя существенныя недостатки казны. Наблюденіе за употребленіями всѣхъ этихъ вещей заставило насъ мало-помалу входить во всѣ подробности госпитальнаго управленія, при чемъ столкновенія съ его начальствомъ были неизбѣжны.

Вся госпитальная армія состояла подъ управленіемъ директора. Независимо отъ него, медицинская часть подлежитъ вѣдомству генераль-штабъ-доктора арміи, комиссаріатская—мѣстной комиссаріатской комиссіи, провіантская—генераль-интенданта. По этимъ тремъ главнымъ отраслямъ госпитальнаго управленія, вмѣшательство соотвѣтствующихъ департаментовъ военнаго министерства еще болѣе усложняетъ дѣла.

Кромѣ того, госпитали подчинены дежурному генералу, какъ главному начальнику администраціи арміи. Эта запутанность управленія, а слѣдовательно и отвѣтственности равняется часто отсутствію всякаго управленія и повторяется на всѣхъ ступеняхъ административной лѣстницы.

Директоръ, генераль-майоръ Остроградскій, прослужилъ всю свою жизнь въ артиллерійскомъ строѣ. Привычка военной дисциплины не позволяла ему приобрести независимость мнѣнія, твердость характера и знаніе администраціи, которыя однѣ могли дать ему личный вѣсъ на этомъ мѣстѣ. Всякій изъ насъ былъ свидѣтелемъ его неутомимой дѣятельности. Вставая въ 5 часовъ утра, почтенный и добрый генераль цѣлый день объѣзжалъ госпитали и часто не успѣвалъ даже обѣдать до 10 и 11 часовъ вечера. Но напрасны

были его труды и разъѣзды. Словесныя и письменныя его приказанія и угрозы не имѣли замѣтнаго дѣйствія на подчиненныхъ, которые, большею частью, глубокимъ знаніемъ формальности вполнѣ постигли тайну законнаго неисполненія закона.

Служба по разнымъ отраслямъ военной администраціи въ то же время и ремесло и наука, то и другое недоступно непосвященному; время дало всѣмъ служащимъ единство людей, мыслящихъ одинаково и взаимно посвящающихъ и поддерживающихъ другъ друга. Люди цѣнятся тамъ по способности и чувству товарищества, мѣста по возможной цифрѣ дохода, самая служба считается «дѣломъ коммерческимъ». Государственные расходы, проходящіе черезъ руки этой администраціи, можно раздѣлить такъ: $\frac{1}{3}$ въ пользу чиновниковъ, вторая треть на прикрытіе кражи первой трети благовидными предлогами и только остальная въ пользу дѣла. Этому расчету легко повѣрить только тотъ, кто видѣлъ роскошь этихъ господъ даже при крымской дороговизнѣ.

Измученный борьбой съ подчиненными, Остроградскій обращался къ своему начальству, но штабъ, привыкшій получать и читать хладнокровно самыя отчаянныя донесенія, держалъ бумаги директора подъ сукномъ по цѣлымъ мѣсяцамъ или заводилъ уклончивую переписку, не давая положительнаго рѣшенія. Только въ одномъ случаѣ Остроградскій получалъ быстро отвѣтъ, когда этотъ отвѣтъ содержалъ рѣзкій отказъ, нерѣдко съ прозрачнымъ намекомъ впредь изъ-за подобныхъ пустяковъ не беспокоить начальства, а эти пустяки были часто жизненными вопросами для тысячи людей...

Въ такомъ случаѣ, не имѣя никакихъ суммъ въ своемъ свободномъ распоряженіи и стѣсненный со всѣхъ сторонъ «законною отвѣтственностью», чего онъ боялся, какъ огня, Остроградскій обращался къ Віельгорскому, который вполнѣ цѣнилъ добросовѣстность его бесполезныхъ усилій и всѣми силами старался ему помогать деньгами и своимъ неофиціальнымъ вліяніемъ.

Когда такого рода расходы требовали значительной суммы, Михайль Михайловичъ нерѣдко требовалъ возврата изъ казны затраченныхъ денегъ, такъ какъ, по его мнѣнію, добровольно жертвуемые всей Россіей суммы въ пользу раненыхъ воиновъ не должны были безвозмездно пополнять недостатки, происшедшіе отъ злоупотребленій, и такимъ путемъ какъ бы поощрять и укрывать виновныхъ. Обо всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ графъ Віельгорскій доносилъ ея величеству.

Главнокомандующій и начальникъ штаба были съ нимъ въ наилучшихъ отношеніяхъ, уважали его добросовѣстность и всегда по возможности исполняли его просьбы, хотя многія распоряженія штаба кончались въ родѣ уже рассказаннаго мною слѣдствія князя Барятинскаго; но военное министерство, конечно, не было довольно

направленіемъ, которое онъ далъ своему порученію. Вотъ, по крайней мѣрѣ, выписка слово въ слово изъ инструкціи, которую военный министръ князь Долгорукій предлагалъ въ іюлѣ мѣсяцѣ ея величеству дать графу Віельгорскому.

«Сообщать всѣ изустные рассказы, слышанные въ госпиталяхъ и на перевязочныхъ пунктахъ, о мужествѣ отдѣльныхъ лицъ, терпѣніи, съ которымъ они переносятъ страданія, и желаніи храбрыхъ стать въ ряды своихъ товарищей.

«Упомяная въ своихъ донесеніяхъ о вниманіи сердобольныхъ сестеръ къ раненымъ, сообщать ихъ письма, изустные рассказы и пр. Вообще же въ своихъ донесеніяхъ руководствоваться донесеніями статскаго совѣтника Мансурова, которому былъ порученъ морскимъ вѣдомствомъ надзоръ за морскими госпиталями въ Крыму».

Страсть военного министерства къ героическимъ анекдотамъ и къ слезливой восторженности, какъ видно, не находила себѣ пищи въ донесеніяхъ графа Віельгорскаго, состоявшихъ изъ цифръ и положительныхъ фактовъ и единственною красотой которыхъ была ясность и достовѣрность.

Несмотря на удобопонятный намекъ военного министерства, Віельгорскій ничего не измѣнилъ въ принятомъ имъ направленіи; въ томъ, впрочемъ, поддерживали его собственноручныя письма императрицы.

Скоро случай заставилъ Віельгорскаго высказаться опредѣленнѣе.

Въ концѣ іюля онъ получилъ секретное извѣщеніе отъ начальника штаба о предполагаемой атакѣ Фёдухиныхъ горъ и вмѣстѣ съ тѣмъ бумагу отъ дежурнаго генерала, который, объясняя недостатокъ казенныхъ средствъ, просилъ его прислать на будущій перевязочный пунктъ на 5 тысячъ человекъ перевязочныхъ припасовъ. Этотъ значительный расходъ ослабилъ очень чувствительно нашъ складъ, но, тѣмъ не менѣе, Віельгорскій немедленно распорядился объ удовлетвореніи просьбы дежурнаго генерала; подводы съ требуемыми вещами были отправлены нами въ тотъ же день, но вмѣстѣ съ тѣмъ графъ Віельгорскій самъ пріѣхалъ въ главную квартиру и словесно объяснилъ генералу Коцебу свой взглядъ на пополненіе казенныхъ недостатковъ жертвованными вещами. Главнокомандующій и начальникъ штаба вполне одобрили его мнѣніе, и черезъ часъ дежурный генералъ пришелъ самъ въ нашу палатку и объяснилъ Віельгорскому, что въ казенныхъ средствахъ недостатка нѣтъ, напротивъ, что всякаго рода припасовъ заготовлено болѣе, чѣмъ нужно, и что его требованіе было слѣдствіемъ недоразумѣнія. Поэтому жертвованныя вещи были немедленно возвращены въ нашъ складъ.

Съ тѣхъ поръ мы стали замѣчать, что главная администрація стала избѣгать нашего пособія и скрывать отъ насъ свой недостатокъ. Намъ оставалось только входить самимъ во всѣ нужды гос-

питалей и при случаѣ предлагать свое содѣйствіе, не дожидаясь, чтобы госпитальное начальство къ намъ обращалось. Такъ мы и поступали до конца нашей комиссіи, и это сдѣлалось даже однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ способовъ нашего вліянія на благосостояніе больныхъ.

Главнокомандующій просилъ Виельгорскаго остаться при штабѣ на время сраженія для наблюденія за устройствомъ перевязочныхъ пунктовъ. Дежурный генералъ сообщилъ намъ по этому случаю свои распоряженія, и Виельгорскій нашелъ ихъ совершенно удовлетворительными; при немъ въ эти три дня находились Паленъ и я, вслѣдствіе чего мы и были свидѣтелями сраженія 4-го августа.

Отбитіе штурма 6-го юня, кромѣ потери непріятели, не принесло существенной пользы. Осадныя работы росли со всякимъ днемъ, бомбардировка становилась убійственнѣе. Цѣль атаки Оедохинныхъ горъ была угрожать осадной линіи съ фланга. Не считая себя въ правѣ входить въ высшія военныя соображенія, я могу только сказать, что ни въ штабѣ, ни въ арміи никто не вѣрилъ въ успѣхъ; несмотря на это, не думаю, чтобы кто нибудь провелъ спокойно ночь передъ сраженіемъ изъ тѣхъ, по крайней мѣрѣ, которые должны были въ немъ участвовать, не отъ мысли отъ предстоящей опасности, конечно, потому что всѣ военные всякій день подвергались на бастіонахъ несравненно болѣе опасности, чѣмъ та, которая могла предстоять имъ въ открытомъ полѣ, но всѣхъ волновала невольная надежда сильнѣе всѣхъ соображеній.

Задолго до разсвѣта весь штабъ уже былъ на ногахъ. На зарѣ главнокомандующій съ свитою, въ которой находился и я, сталъ спускаться съ Мекензіевой горы, гдѣ провелъ ночь, въ долину рѣчки Черной, перегоняя войска, которыя съ разныхъ сторонъ шли занимать предназначенныя имъ позиціи. Передъ восходомъ солнца сталъ падать густой туманъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что непріятель зналъ о предстоящей атакѣ, такъ какъ дней за десять объ этомъ толковали уже жидаы по всему Крыму; несмотря на это, туманъ былъ такъ великъ, что непріятельскіе аванпосты, слыша стукъ нашей артиллеріи, не могли опредѣлить причины, и вахмистръ передового кавалерійскаго пикета африканскихъ егерей, выѣхавъ впередъ нѣсколько шаговъ, чтобы разсмотрѣть причину этого шума, наткнулся на нашу артиллерійскую прислугу и былъ взятъ въ плѣнъ.

Первый натискъ нашихъ былъ удаченъ. Въ продолженіе сраженія мимо меня провели французскаго офицера, взятаго на передовой линіи, и я спросилъ у него, въ какомъ положеніи онъ оставилъ дѣло; съ французами въ такихъ случаяхъ у насъ проходило всякое враждебное чувство: «*Vos soldats avançaient comme le diable, nous n'avons pas pu leur résister*»,—отвѣчалъ онъ:—«*pourtant l'affaire sera chaude, car nos reserves vont arriver*».

Такъ называемыя Оедюхины горы составляютъ сплошной кряжъ возвышеній на лѣвомъ берегу рѣки Черной. Отъ рѣки подъемъ крутъ и во многихъ мѣстахъ почти отвѣсенъ; отъ верхняго края, едва замѣтно съ противоположной рѣки, поднимается обширная плоскость.

На правомъ берегу рѣки волнообразная долина, шириною въ полторы или двѣ версты, которая постепенно примыкаетъ къ ряду небольшихъ холмовъ и съ одной стороны оканчивается у подножія Мекензіевой горы; съ этой горы идетъ дорога въ Балаклаву, переходитъ Черную рѣчку по каменному мосту и поднимается на Оедюхины горы по небольшой лоцинѣ.

На время сраженія князь Горчаковъ назначилъ себѣ мѣсто на одномъ изъ нижнихъ отроговъ Мекензіевой горы, но при первыхъ выстрѣлахъ онъ спустился въ долину и, проскакавъ версты полторы, остановился на пригоркѣ, посреди поля сраженія.

Канонада была въ полномъ разгарѣ, дымъ, смѣшиваясь съ туманомъ, плоскими облаками разстилался надъ долиной; едва можно было различить фигуры артиллеристовъ на батарее, которая стояла немного правѣе впереди насъ, на самомъ холмѣ, и ближайшія войска у подошвы его. Налѣво шла жаркая перестрѣлка; начинали отдѣляться раненые, поодиночкѣ выходя изъ дыма. Но вдали, надъ туманомъ, въ полномъ блескѣ солнца, ясно видны были мѣловыя крутизны Оедюхиныхъ горъ, покрытыхъ французами; а ниже по дорогѣ, которая вела вверхъ, чернѣли колонны нашихъ, уже перешедшихъ рѣку. Они стояли неподвижно, какъ бы чего-то ожидая.

Главнокомандующій сѣлъ на траву, весь штабъ сошелъ съ лошадей. Князь Горчаковъ разсылалъ своихъ ординарцевъ торопить резервы. Черезъ нѣсколько времени прискакалъ адъютантъ съ донесеніемъ.

— Что такое?—спрашивали его жадно со всѣхъ сторонъ.

— Рядъ убить, Веймарнъ убить, одесскій полкъ уничтоженъ, ведутъ вторую атаку.

Съ лѣваго фланга пріѣхалъ генералъ Липранди; переговоривъ съ княземъ, онъ сейчасъ же поѣхалъ назадъ.

— Я свое дѣло сдѣлалъ,—сказалъ онъ кому-то, кажется, генералу Вревскому.

Вдругъ издали долетѣло громкое ура», колонна у подъема на Оедюхиныхъ горахъ двинулась, и отъ нея отдѣлилась влѣво густая толпа, которая поднялась по крутизнамъ, выстроилась и пошла вверхъ по откосу. Французы быстро отступили, горячо отстрѣливаясь. Не прошло и пяти минутъ, какъ вдали показались неприятельскіе резервы. Французы остановились, сформировались въ колонну и стали наступать почти полукругомъ. Подъ убійственнымъ огнемъ непріятели наши не побѣжали, но смѣшавшись посыпались по крутизнѣ внизъ; французы добѣжали до края, и чаще

самаго частаго барабаннаго боя задрезжалъ по нимъ ружейный огонь, сопровождаемый картечью со всѣхъ непріятельскихъ батарей. Все скрылось въ дыму.

Главнокомандующій спросилъ лошадь, послалъ часть свиты къ войскамъ, спускавшимся съ крутизны; остальнымъ, окружающимъ его, запретилъ ѣхать съ собою, а самъ въ сопровожденіи генераловъ Коцебу и Вревскаго и очень немногихъ личныхъ ординарцевъ поскакалъ въ самый огонь... Въ штабъ были увѣрены, что онъ искалъ смерти. Тутъ былъ убитъ генераль Вревскій.

Вслѣдъ за отбитіемъ высотъ канонада, постоянно ослабѣвая, продолжалась до 3-хъ часовъ по полудни. Непріятель не рѣшался наступать далѣе. Мы потеряли въ этомъ дѣлѣ до 9.000 человекъ убитыхъ и раненыхъ, въ томъ числѣ 342 офицера и 9 генераловъ, изъ которыхъ 3 были убиты. Тѣло корпуснаго командира Реада было поднято и погребено французами. По словамъ французскаго офицера, попавшіе въ плѣнъ наши офицеры (около 40 человекъ) всѣ безъ исключенія были тяжело ранены.

Грустенъ былъ видъ поля сраженія. Глядя на тѣла массы убитыхъ и тысячи раненыхъ, которыхъ провезли мимо, было почти совѣстно сознавать свое собственное благополучіе. До послѣдняго солдата всякій понималъ, что съ неудачнымъ сраженіемъ рухнула послѣдняя надежда отстоять городъ, и что дальнѣйшая защита будетъ лишь дѣломъ непрерывнаго кровопролитія. Главнокомандующій, возвратившійся невредимымъ, несмотря на то, что обскакалъ все поле сраженія, подъ самымъ близкимъ огнемъ французскихъ стрѣлковъ, плакалъ въ своей палаткѣ...

Трогательны были сцены, происходившія на перевязочномъ пунктѣ. Между прочими туда собирались мало-помалу всѣ раненые одесскаго полка, т. е. почти всѣ офицеры и множество солдатъ, которые со слезами прощались со своимъ умирающимъ командиромъ полковникомъ Скудери, прострѣленнымъ тремя пулями. Изъ огня его вынесли люди его полка, сами раненые.

Несмотря на всѣ старанія графа Віельгорскаго, по обыкновенію было немало недостатка отъ нераспорядительности администраціи, а вслѣдствіе этого много и лишнихъ страданій для раненыхъ.

Особенно былъ чувствителенъ недостатокъ воды, хотя, казалось, еще наканунѣ Михаилъ Михайловичъ убѣдилъ дежурнаго генерала принять нужныя мѣры.

На этомъ перевязочномъ пунктѣ отличались ревностію сестра Крестовоздвиженской общины Марія Петровна Городинская и іеромонахъ докторъ Анастасій.

Отецъ Анастасій, уже бывши монахомъ, по собственному желанію и съ согласія духовнаго начальства, слушалъ курсъ медицины въ Московскомъ университетѣ, и въ этомъ званіи состоялъ въ Троицко-Сергіевской лаврѣ. Московскій митрополитъ Филаретъ

пригласилъ его въ концѣ юля въ Крымъ для пособія раненымъ въ качествѣ доктора и священника. Императрицѣ угодно было поручить его особенному попеченію графа Вельгорскаго, по ходатайству котораго въ августѣ ему было ввѣрено два госпиталя въ Симферополѣ, и онъ съ этихъ поръ сдѣлался какъ бы членомъ нашей комиссіи.

Михаилъ Михайловичъ и Паленъ остались въ главной квартирѣ еще нѣсколько дней, собирая прошенія и раздавая пособия, а мнѣ пришлось на другой же день сраженія ѣхать въ Симферополь, гдѣ Таборовскій оставался одинъ цѣлую недѣлю и едва успѣвалъ вести наши разнообразныя занятія.

IV.

Съ 5-го августа непріятель усилилъ бомбардировку Севастополя. Его работы тѣснили городъ на самомъ близкомъ разстояніи, число орудій увеличивалось съ каждымъ днемъ, и наши потери доходили иногда до 2.000 человекъ въ день и даже болѣе.

Мнѣ пришлось въ послѣдній разъ быть въ Севастополѣ во второй половинѣ августа, за нѣсколько дней до штурма. Дымъ густыми бѣлыми клубами опоясывалъ городъ и покрывалъ его сизой атмосферой. Гулъ орудій стоялъ въ воздухѣ, и визгъ ядеръ безъ промежутковъ слышался со всѣхъ сторонъ. Бѣлыя облачка отъ лопающихся бомбъ и высокіе столбы брызгъ, взлетавшіе по бухтѣ отъ падающихъ въ воду ядеръ, указывали на страшное количество снарядовъ, выпускаемыхъ непріателемъ.

Въ бухтѣ движенія почти не было, только пароходы и баркасы нагружались ранеными на пристаняхъ и немедленно перевозили ихъ на другую сторону. По недавно выстроенному мосту, постройка котораго свидѣтельствовала о послѣднемъ подвигѣ защиты Севастополя, проходили только команды и отдѣльныя военныя лица; жителей въ городѣ уже не было, исключая нѣсколькихъ матросскихъ женъ, которыхъ нельзя было заставить до конца покинуть дома и мужей.

Съ Сѣверной уже перевели госпитали по причинѣ множества долетавшихъ туда снарядовъ.

Всѣ дѣйствительно участвовавшіе въ защитѣ до невѣроятности приглядѣлись къ опасности и съ какою-то безчувственностью ожидали конца; это, впрочемъ, не мѣшало имъ дѣйствовать, какъ будто еще могла быть какая нибудь надежда, хотя, конечно, они были далеки отъ нелѣпой восторженности, которою бредилъ Петербургъ...

Одинъ офицеръ, съ которымъ я ѣхалъ въ шлюпкѣ, очень просто доказывалъ мнѣ, что въ случаѣ штурма гибель неизбѣжна на той батарее, на которой онъ находился; его предположенія оправ-

дались 26-го августа, но самъ онъ, впрочемъ, отдѣлался пулей въ плечо.

Число раненыхъ въ Симферополѣ, несмотря на ежедневную отправку, возрастало до 14 и 15 тысячъ. Самой сильной администраціи было бы трудно бороться противъ обстоятельствъ. Жаль было смотрѣть на напрасные труды генерала Остроградскаго. Графъ Вельгорскій, какъ и всѣ мы, работалъ съ утра до ночи и часто ѣздилъ въ главную квартиру совѣтоваться съ главнокомандующимъ. Въ одно изъ отсутствій Михайла Михайловича Паленъ и я остались въ Симферополѣ.

Вдругъ распространился въ городѣ страшный слухъ о взятіи Малахова кургана; несмотря на лихорадочное ожиданіе, въ которомъ мы провели весь августъ мѣсяцъ, всѣхъ глубоко поразила эта вѣсть. Въ ту же ночь курьеромъ проѣхалъ въ Петербургъ князь Барятинскій, котораго я успѣлъ разспросить, и между прочимъ узналъ, что Александръ Мейендорфъ былъ смертельно раненъ. Съ разсвѣтомъ я отправился на Инкерманъ, чтобы проститься съ Мейендорфомъ и въ послѣдній разъ взглянуть на нашъ Севастополь.

Мейендорфа я не засталъ въ живыхъ. Говоря о немъ, я не могу не рассказать случая, бывшаго съ нимъ въ сраженіи на Черной рѣчкѣ. Въ самомъ разгарѣ дѣла онъ наскочилъ на рядового, у котораго оторвало ядромъ обѣ ноги, несчастный закричалъ ему о помощи. Мейендорфъ посадилъ его на свою лошадь и подъ уздцы довелъ до перевязочнаго пункта. Это происходило подъ сильною картечью, сопровождавшею наше отступленіе, и въ такія минуты малѣйшее замедленіе удесятеряетъ опасность. Самъ Мейендорфъ никогда объ этомъ не упоминалъ, и лишь послѣ его смерти я объ этомъ узналъ отъ очевидцевъ.

Поклонившись тѣлу стараго друга, которое стояло въ походной церкви, я поѣхалъ верхомъ вдоль Сѣверной.

Часто любовался я картиной бухты и города, но никогда не забуду мрачнаго величія ея въ этотъ день; начинало смеркаться, надъ поверхностью воды кое-гдѣ торчали снасти затопленныхъ нами кораблей, печальные остатки славнаго Черноморскаго флота; на другой сторонѣ городъ догоралъ съ одного конца до другого, мѣстами всныхивали небольшие взрывы отъ залежавшихся бомбъ; многія зданія, еще наканунѣ весело глядѣвшія въ воду, превратились въ груды мусора, такъ что глазу трудно было опредѣлить ихъ прежнее мѣсто.

У берега Сѣверной разгружались пароходы, ихъ рѣшено было затопить на другой день. Всѣ встрѣчныя лица поражали своимъ печальнымъ выраженіемъ. «Севастополь взять»,—грустно отдалось во всякомъ русскомъ сердцѣ, еще грустнѣе было смотрѣть на его развалины...

Таборовскому случилось быть свидѣтелемъ одного изъ самыхъ

интересныхъ дѣйствій этой драмы. Въ самое утро штурма, когда еще не было признаковъ немедленной атаки, онъ поѣхалъ на батарею № 18 на Сѣверной посмотрѣть оттуда на южную сторону, которая съ высокаго берега была видна, какъ на ладони. Эта батарея была, кромѣ того, самымъ удобнымъ мѣстомъ для зрителя, такъ какъ непріятель, занятый перестрѣлкой съ бастионами, рѣдко отвѣчалъ на огонь Сѣверной.

Пока Таборовскій завтракалъ съ офицерами батареи, на телеграфѣ неожиданно выкинули красный флагъ, сигналъ штурма. Всѣ бросились къ орудіямъ. Непріятель въ ихъ глазахъ густыми колоннами выступалъ изъ своихъ траншей и быстро подвигался къ Малахову кургану, находящемуся на другой сторонѣ бухты, прямо противъ батареи № 18. Началась бѣшенная канонада. Въ то же время непріятельскія батареи, отъ которыхъ штурмующія колонны замаскировали бастионы, обратили весь свой огонь на Сѣверную, снаряды посыпались на батарею № 18.

Не прошло десяти минутъ, какъ въ дыму на Малаховомъ курганѣ показалось трехцвѣтное знамя, широкій морской флагъ; нѣсколько секундъ знамя колебалось, какъ будто переходя изъ рукъ въ руки въ отчаянномъ бою, потомъ стало неподвижно. Малаховъ былъ взятъ. Со слезами на глазахъ командиръ 18-го номера обратилъ огонь своихъ орудій на курганъ. Таборовскому едва не пришлось дорого поплатиться за это зрѣлище. Командиру батареи оторвало обѣ ноги, второму офицеру распоролло грудь, третій былъ убитъ наповаль, а изъ 68-ми человѣкъ команды осталось всего 5 человѣкъ. Оказалось, что Таборовскій самъ долженъ былъ посылать къ начальнику отдѣленія за подкрѣпленіями, но, несмотря на это, онъ до конца штурма оставался на батареѣ, ободряя, какъ могъ, нашихъ солдатъ.

Штурмъ продолжался часовъ до пяти по полудни, на всѣхъ другихъ пунктахъ онъ былъ блистательно отбитъ. Въ теченіе цѣлаго дня всѣ усилія выбить непріятели изъ занятой имъ позиціи оказались напрасны. Къ вечеру рѣшено было отступленіе, потому что огонь непріятели съ Малахова кургана приходился бы въ тылъ нашимъ укрѣпленіямъ.

Отступленіе на Сѣверную останется въ исторіи, вѣроятно, лучшимъ эпизодомъ крымской войны. Съ сумерекъ войска начали переходить мостъ; сначала прошли резервы, потомъ прикрытія съ бастионовъ, оставляя только одну треть артиллерійской прислуги, которая, перебѣгая отъ одного орудія къ другому, не давала непріятелю замѣтить ослабленіе нашего огня. Несмотря на тѣсноту по мосту отъ войскъ, артиллеріи и клади, отступленіе совершилось благополучно въ теченіе ночи. Очищенные бастионы, по мѣрѣ удаленія войскъ, взрывались нарочно для того оставленными охотниками. Къ утру выступилъ весь гарнизонъ, послѣднимъ въ арріер-

гардѣ шель баталіонъ Одесскаго полка и дружина Курскаго ополченія, подъ начальствомъ майора Сарачинскаго. Послѣднимъ перѣхалъ мостъ графъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ. Французы всю ночь стояли въ ружьѣ, боясь отчаянной атаки. Взрывы бастіоновъ были такъ сильны, что за двѣнадцать верстъ, въ лагерѣ Бельбекѣ, посуда прыгала на столѣ. Непріятель стрѣлялъ очень слабо и не нанесъ намъ никакого вреда. Мостъ развели около 8-ми часовъ утра.

Первые дни послѣ отступленія на Сѣверную сторону прошли съ обѣихъ сторонъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Французы не вступали въ городъ, какъ бы не вѣря своей удачѣ и не понимая сразу ея послѣдствія; наши солдаты впали въ совершенно унылое состояніе, вполне естественное послѣ напряженнаго упорства послѣднихъ дней защиты. Общее мнѣніе штаба и арміи заключалось въ томъ, что непріятель общей атакой можетъ насъ принудить оставить Крымъ или же вылазкою съ сѣвера отрѣзать намъ сообщеніе съ Россіей. Страшно было подумать, что́ станется тогда съ нашими тридцатью тысячами раненыхъ.

Мнѣніе графа Віельгорскаго было, въ случаѣ отступленія, не трогать госпиталей съ мѣста и довѣрить ихъ великодушію французовъ; онъ предложилъ главнокомандующему въ этомъ случаѣ остаться въ Симферополѣ съ офиціальнымъ письмомъ князя Горчакова къ генералу Пелисье и принять на себя главное завѣдываніе госпиталями въ это трудное время. Предложеніе это было принято съ благодарностью княземъ Горчаковымъ и начальникомъ штаба. Впрочемъ, и это было далеко не безопасно. Татары, которые безпрестанно волновались, возмутились бы непремѣнно, какъ только бы наша армія оставила Крымъ, и легко могли бы перерѣзать все русское, раньше чѣмъ французское начальство успѣло бы принять дѣйствительныя мѣры.

Сентябрь прошелъ въ передвиженіяхъ непріятельскихъ войскъ на разныхъ пунктахъ нашей линіи. Всякій разъ у насъ готовились къ отчаянному бою, французы отступали, и дѣло кончалось незначительными перестрѣлками.

Государь императоръ пріѣхалъ въ Николаевъ. Мы не знали, будетъ ли онъ въ Крыму, и мнѣ самому пришлось слышать отъ простыхъ солдатъ: «если ужъ царь не хочетъ пріѣхать къ намъ, значитъ, французы насъ скоро погонять вонъ». Большое счастье для Россіи, что непріятель не воспользовался тогда своимъ положеніемъ.

Въ послѣднихъ числахъ сентября государь потребовалъ Віельгорскаго въ Николаевъ, обошелся съ нимъ очень милостиво и черезъ два дня отпустилъ его обратно дѣйствовать совершенно по своему усмотрѣнію. вмѣстѣ съ Михаиломъ Михайловичемъ въ Симферополь пріѣхалъ и Сакенъ, который въ то время кончилъ свое порученіе въ Одессѣ.

Двѣ недѣли послѣ этого самъ государь пріѣхалъ въ Крымъ; его присутствіе и трогательное изъявленіе благодарности защитникамъ Севастополя сразу ободрили войска. Приходъ гренадерскаго корпуса далъ надежду отразить нападеніе непріятеля и удержать за нами Крымъ.

По отношенію нашей комиссіи пребываніе его величества въ Симферополѣ имѣло самое благотворное вліяніе.

Явные признаки довѣрія и милости императора къ Віельгорскому дали Михаилу Михайловичу окончательный перевѣсъ надъ его недоброжелателями. Его стали бояться, и никто, по крайней мѣрѣ, не смѣлъ открыто поддерживать тѣ злоупотребленія, которыя онъ осуждалъ. Вскорѣ обстоятельства расширили кругъ нашей дѣятельности. Въ началѣ ноября открылись гибельныя послѣдствія осени, къ которымъ не успѣли или не думали готовиться, несмотря на тяжкій опытъ прошедшаго года. Распутица почти совершенно прекратила сообщенія, ненастье же и порча продуктовъ, гніющихъ подъ открытымъ небомъ, повлекли за собой лихорадки и скорбутъ. Больныхъ привозили сотнями изъ полковъ безъ теплой одежды, нерѣдко съ отмороженными членами. Вывозить ихъ внутрь Россіи стало невозможно, а тѣснога, дошедшая до того, что приходилось трехъ человѣкъ класть на одну койку, развила въ госпиталяхъ всевозможныя формы заболѣванія тифомъ. Число больныхъ въ Симферополѣ возросло до 17 тысячъ, смертность быстро поднялась до 120 и 150 человѣкъ въ день. Много находилось дѣла для графа Віельгорскаго; но, работая неустанно для пособія тѣмъ страдальцамъ, которые находились подъ рукой, онъ не упускалъ изъ вида высшей пользы, къ которой могло служить ему довѣріе самого государя.

Стараясь истреблять мелочныя злоупотребленія, которыя своею повторяемостію составляли цѣлое бѣдствіе для отдѣльныхъ лицъ, онъ на всякомъ шагѣ встрѣчалъ общіе корни и доходилъ до высшихъ ложныхъ началъ, съ которыми должно было бороться, прежде чѣмъ истреблять въ частности ихъ гибельныя послѣдствія. Государь императоръ въ бытность свою въ Крыму разрѣшилъ графу Віельгорскому ѣхать на мѣсяць отдохнуть въ Петербургъ, и онъ много надѣялся, что на досугѣ успѣетъ лично и подробно изложить свои соображенія его величеству. Для продолженія нашихъ занятій онъ намѣревался оставить въ Симферополѣ Палена и Таборовскаго, я долженъ былъ ѣхать съ нимъ въ Петербургъ, а Сакенъ въ Одессу для попеченія о возвращаемыхъ изъ плѣна.

10-го ноября Михаилъ Михайловичъ заболѣлъ лихорадкой. Онъ не берегся, продолжалъ выѣзжать и заниматься дѣлами, пока не слегъ въ постель, не будучи уже въ состояніи держать въ рукѣ пера; отъ слабости 22-го числа онъ скончался.

Мы, одни его помощники, зная его характеръ, способности и тѣ средства, которыя счастливая случайность дала ему въ руки, одни мы можемъ оцѣнить эту потерю для общей пользы. Нашлись, однако, люди, которые злорадствовали по случаю его кончины: ихъ ненависть лучшее доказательство его достоинствъ. Послѣднее слово его выражало заботливость о больныхъ. «Есть ли тому шубка?»— спросилъ онъ у меня передъ предсмертнымъ безпамятствомъ. По приказанію доктора, я долженъ былъ его успокоить обманомъ...

Въ отвѣтъ на телеграмму, которою мы донесли государынѣ императрицѣ о смерти графа Вельгорскаго, ея величеству угодно было приказать намъ продолжать наши занятія.

Самая случайность дѣла требовала между нами старшаго, а на этотъ счетъ мы приказаній не имѣли. Не считаясь между собой служебнымъ старшинствомъ по порученію, вся сила котораго была въ его неофициальности, Сакенъ, Таборовскій и я, мы единогласно выбрали старшимъ графа Константина Палена. Стараясь по возможности свято исполнять желаніе покойнаго, мы рѣшили, что Паленъ и Таборовскій останутся въ Симферополь, Сакенъ отправится въ Одессу, а я, котораго покойный графъ хотѣлъ взять съ собой въ Петербургъ, повезу туда его тѣло...

Около двухъ недѣль прошло въ необходимыхъ приготовленіяхъ, и я выѣхалъ 11-го декабря. На станціи подъ Курскомъ я встрѣтилъ двухъ моихъ университетскихъ товарищей, графа Анатолія Ѳедоровича Палена и Александра Васильевича Крейтона; отъ нихъ я узналъ, что они ѣдутъ въ Симферополь замѣнить меня и Константина Палена, которому императрица, имѣя въ виду его разстроенное здоровье, приказала вернуться въ Петербургъ. Оба казались веселы и съ юношескимъ восторгомъ готовились къ обязанностямъ, на которыя добровольно вызвались.

Десять дней спустя моего пріѣзда въ Петербургъ, пріѣхалъ туда изъ Симферополя Константинъ Паленъ.

Въ то время, какъ онъ являлся императрицѣ, вышелъ государь императоръ. Отвѣчая на ихъ вопросы, Паленъ откровенно изложилъ имъ состояніе госпиталей, по возможности придерживаясь мнѣнія Вельгорскаго. Съ осени особенно тяготѣлъ на больныхъ недостатокъ главныхъ лѣкарствъ. Государь въ тотъ же день передалъ все слышанное военному министру князю Долгорукому.

Паленъ привезъ съ собой въ доказательство своихъ словъ образчики разныхъ лѣкарствъ и официальные отказы казенныхъ аптекъ выдавать нѣкоторыя другія, а также предписаніе госпиталянаго начальства ординаторамъ не употреблять ихъ въ лѣченіе.

Между этими лѣкарствами находился между прочимъ хининъ, какъ извѣстно, единственное средство противъ господствующихъ тогда въ Крыму лихорадокъ.

Было наряжено слѣдствіе, которое поручено адъютанту военнаго министра М. М. Толстому; къ нему былъ прикомандированъ со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ членъ медицинскаго совѣта, статскій совѣтникъ Яновскій, докторъ Беккерсъ и ученый аптекарь. Кромѣ прямого слѣдствія надъ аптеками, Толстому было поручено дознаніе о злоупотребленіяхъ по другимъ частямъ высшаго управленія въ Крыму и на югѣ Россіи.

Графъ Е. Е. Комаровскій.

ПРАВДА О „КАМАРИНСКОЙ“ И „БАРЫНЬ“.

(Исторія двухъ народныхъ пѣсень).

«КАМАРИНСКАЯ», и «Барыня», несомнѣнно, популярнѣйшія наши народныя плясовыя пѣсни; на Руси онѣ всякому отлично извѣстны, по крайней мѣрѣ, хоть по имени. Вѣрнѣе, впрочемъ, это не просто пѣсни, но скорѣе нѣчто въ родѣ пѣсень безъ словъ, безъ текста. Обѣ онѣ положены на музыку, при чемъ «Камаринскою» воспользовался даже для своей оркестровой фантазіи того же имени самъ великій Глинка, вниманію котораго она въ значительной степени обязана теперешнею міровою славой; обѣ на Руси почти повсемѣстно распѣваются. Вообще, извѣстность ихъ необычайно громкая. Несмотря, однако-жъ, на это, у насъ едва ли найдется хотя одна живая душа, знающая подлинный текстъ этихъ пѣсень, кромѣ развѣ нѣсколькихъ (въ «Камаринской», напримѣръ, всего лишь 4—5, не больше) совершенно уже затасканныхъ куплетовъ ¹⁾.

¹⁾ Есть еще литературныя «подражанія» нашимъ пѣснямъ: «Камаринской» — въ «Касьянѣ-именинникѣ», кажется, г. Трофолова, и «Барынь» — въ чувствительной соименной ей пѣсенкѣ, которая у г. Соболевскаго, въ его «Великорусскихъ народныхъ пѣсняхъ» (IV, стр. 455), приводится по пѣсеннику 1819 г. Но сходство съ «подлинниками» тутъ очень отдаленное; достаточно указать хотя бы только на то, что въ «Касьянѣ-именинникѣ» обѣ основномъ мотивѣ «Камаринской» — столкновѣніи главнаго персонажа съ «барыней», нѣтъ и поминна, въ «печатной» же «Барынь» герой — офицеръ, котораго она «чаемъ-кофіемъ пошла, къ нѣжну сердцу прижимала», — чтобъ видѣть отсюда, какъ далеко духъ этихъ искусственныхъ и несвободныхъ отъ сентиментализма издѣлій отъ простоты и героизма нашихъ народныхъ пѣсень.

Мало того: и среди рядовой, и среди ученой нашей публики до послѣдняго времени не замѣчалось даже никакого интереса къ нимъ съ этой именно стороны. Всѣ цѣнили и цѣнятъ въ нихъ, главнымъ образомъ, музыкальный—живой, разгульно-удалый мотивъ, напѣвъ, который въ обѣихъ нашихъ пѣсняхъ, преимущественно же въ «Камаринской», ярко отражая въ себѣ нѣкоторыя особенности русскаго духа, русскаго жизни, за это свое качество сдѣлался такъ милъ и дорогъ русскому народу, какъ никакой другой. Что же касается словеснаго «содержанія», то ему тутъ очевидно никогда не придавалось большой важности, такъ что оно, можно сказать, заранѣе было обречено на гибель, на забвеніе. И забвеніе это, какъ мы видѣли, во многомъ уже совершилось, стало фактомъ. Случилось это тѣмъ легче, что въ настоящей народной редакціи и «Камаринская», и «Барыня», по своему черезчуръ откровенному тексту, цѣликомъ рѣшительно непригодны для публичнаго вокальнаго исполненія; такимъ образомъ, пѣсни эти никогда не могли получить того широкаго распространенія въ народѣ, которое одно только и въ состояніи спасти устную литературу отъ безслѣднаго исчезновенія,— и должны были погибнуть.

Все дѣло здѣсь, слѣдовательно, въ органическомъ порокѣ самаго пѣсеннаго текста. Онъ—истинная первопричина обиднаго невниманія къ этому тексту всей публики, не исключая и ученой, главный виновникъ того, что въ концѣ концовъ пѣсни наши оказались какъ бы совсѣмъ почти безъ словъ; подъ его же вліяніемъ и у простой публики, и у нашихъ ученыхъ народовѣдовъ сложилось твердое убѣжденіе въ томъ, что искать въ текстѣ этихъ пѣсенъ что либо интресное—совершенно бесполезно, такъ какъ, кромѣ прямолинейной скандальности, ничего въ нихъ нѣтъ, да и быть не можетъ. Это—общее мнѣніе, чуть ли не единогласный приговоръ.

Правильность такого приговора, однако, по-нашему, не только сомнительна, но не выдерживаетъ теперь даже снисходительной критики. Пѣсни наши, безспорно, обѣ грѣшатъ противъ приличій, слишкомъ, пожалуй, грѣшатъ. Но зато предположеніе объ отсутствіи въ нихъ всякаго другого, помимо, такъ сказать, неприличнаго, интереса намъ представляется лишь сплошнымъ недоразумѣніемъ, плодомъ поверхностныхъ сужденій; напротивъ, если при-смотримъ къ дѣлу нѣсколько повнимательнѣе, повдумчивѣе, этотъ «другой интересъ», и, при томъ, очень крупный, немедленно же называется, говорить самъ о себѣ.

На самомъ дѣлѣ, «Камаринская» и «Барыня»—это далеко не скандальная только хроника; думать иначе, основываясь на ихъ ближайшемъ отрывочномъ смыслѣ, какъ это дѣлалось и дѣлается еще, значитъ судить относторонне, сознательно стараться, по народному выраженію, «изъ-за лѣса не видѣть деревъ». Въ сущности, скандальность здѣсь—только частность, имѣющая свои причины въ

правахъ и времени ¹⁾, пѣсни же наши, прежде всего, любопытный листочекъ изъ русской исторіи, народная стихотворная лѣтопись, и непремѣнно лѣтопись, правдивая хроника, лишь слегка приукрашенная для поэтическихъ цѣлей. И потому онѣ почти до послѣдняго времени совершенно напрасно игнорировались нашими фольклористами ²⁾.

Выводъ нашъ основывается на соображеніяхъ историко-филологическаго свойства; дойти, однакожъ, до него намъ удалось не сразу, но лишь послѣ ряда соответствующихъ изысканій. Работа эта происходила преимущественно въ предѣлахъ слѣдующихъ, давно уже привлекавшихъ наше вниманіе къ себѣ, вопросовъ: 1) историческія ли, въ широкомъ смыслѣ слова, личности героевъ обѣихъ названныхъ пѣсенъ? 2) если историческія, то кто онѣ, откуда родомъ, гдѣ и когда подвизались? 3) наконецъ, какія историческія событія воспѣваются въ этихъ пѣсняхъ, а также когда и гдѣ онѣ впервые могли увидѣть свѣтъ, и кто авторъ ихъ?

Результатами этихъ-то работъ мы и намѣрены подѣлиться здѣсь съ нашими читателями.

Пѣсенные герои «Камаринской» и «Барыни» на дѣлѣ оказались совершенно историческими; родина ихъ — старинная московская южная украинка, приблизительно теперешній Орловскій край.

Раньше, однако, чѣмъ развивать и обосновывать эти и другіе наши тезисы, необходимо познакомить читателя съ текстомъ нашихъ пѣсенъ, а также совершить небольшую экскурсію въ область чистой исторіи; пѣсенный текстъ въ связи съ документальною историческою справкой облегчитъ нашу доказательную задачу, сдѣлаетъ наши аргументы очевиднѣе и убѣдительнѣе.

Но тутъ безъ маленькой оговорки тоже нельзя обойтись. Мы должны заявить, что весь текстъ нашихъ пѣсенъ и намъ неизвѣстенъ, это — первое. Затѣмъ, и изъ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи отрывковъ въ печати можетъ быть дано далеко не все, но лишь меньшая часть; и это не по нашей, конечно, винѣ: камень преткновенія здѣсь — все тотъ же пѣсенный порокъ, антицензурная нескромность. Намъ поневолѣ приходится ограничиться здѣсь только тѣмъ, что «годно» для печати въ цензурномъ отношеніи.

Вотъ эти «неопаальные» куплеты.

¹⁾ Русскій народъ еще во времена Олеарія, путешествовавшаго по Россіи въ XVII в., любилъ не совѣзмъ пристойныя пѣсни и сказки; а «Камаринская» и «Барыня» созданы раньше, когда народъ нашъ былъ еще менѣе разборчивъ въ этомъ отношеніи.

²⁾ Относительно «Камаринской» первое сообщеніе въ печати было наше, напечатанное лишь въ 1896 г. въ одной провинціальной газетѣ («Орловскій Вѣстникъ», № 257, фельетонъ); по условіямъ газетной работы, да еще для подцензурнаго областного изданія, оно, однако, невольно вышло тогда очень краткимъ.

I. «Камаринская».

Ахъ р...кинъ сынъ,
 Воръ—камаринскій мужикъ.
 Онъ не хочетъ, не желаетъ
 Своей барыни служить.

* * *
 Снявъ (кафтанъ) по улицѣ бѣжить,
 Онъ бѣжить-бѣжить

 Его судорга подергиваетъ.

* * *
 Онъ бѣжить-бѣжить,
 Да спотыкается,
 Самъ надъ барынею, надъ сударынею
 Потѣшается.

* * *
 Охъ, ты, барыня, ты, Марковна,
 У тебя ли... (сердце) бархатно,
 У меня же.. шелковое,
 поцелкиваетъ.

II. «Барыня».

Барыня-барыня, сударыня барыня! ¹⁾

Какъ у нашей ли барыни,
 Какъ у нашей бравой ли...

* * *
 Такъ за то жъ ей больше чести,
 Что по всѣмъ разноситъ вѣсти:
 Сколько яблочъ въ чьемъ саду,
 Сколько праздникоу въ году;

* * *
 Сколько ты холстовъ напяла,
 Сколько эта прогуляла;
 Кто къ обѣднѣ не ходилъ,
 Кто по пятницамъ грѣшилъ;

* * *
 Кто съ своей женой въ раздорѣ,
 А кому отъ тещи горе;
 Домовой гдѣ черезчуръ
 Не взлюбилъ хохлатыхъ куръ.

* * *
 Смолоду она гуляла,
 Всѣмъ на свѣтѣ промышляла...

* * *
 Какъ на барынь-ль солопъ,
 (Вредитъ) барынь холопъ,
 На барынь-ль чепчикъ--
 нѣмчикъ.

* * *

¹⁾ Припѣвъ повторяется послѣ каждаго куплета. Вообще изобилуетъ вариантами.

Къ нашей барынь косой
 Приласкался дѣдь Сысой...
 * * *

 Ой, барыня, первернись,
 Сударыня, первернись,
 Ой, ей-Богу, первернись,
 Сдѣлай милость—не срамись.
 * * *
 Дулась-дулась...,
 Первернулаась...

 * * *
 Она всякому
 Съ интересомъ пристаеть,
 Ея жъ главный интересъ
 Идетъ съ правдою въ разрѣзъ...
 * * *
 Барыня-барыня, сударыня-барыня!..

А теперь обратимся уже къ исторіи предполагаемой родины пѣсенныхъ персонажей Орловскаго края.

Нынѣшняя Орловщина еще во времена литовскаго господства здѣсь (XIV—XV в.), какъ страна порубежная, называлась Украиной; то же имя, съ добавленіемъ впоследствии прежепогибшей, ненадежной, сохранялось за ней и при московскомъ владычествѣ въ XVI—XVII ст., до воссоединенія Малороссіи съ Русью Московскою. Въ эту послѣднюю эпоху видное мѣсто занимала здѣсь Камарницкая (она же Камарницкая или Камаринская) волость, составлявшая собственно часть Сѣверщины—сѣверной Украины, хотя строгаго дѣленія Орловщины на Сѣверскую и просто Украину тогда въ сущности не дѣлалось; въ то время она обнимала довольно обширную площадь съ городами: теперешними—Сѣвскомъ, Дмитровскомъ и Дмитріевомъ, Курскомъ и бывшимъ Радогощью, что нынѣ Сѣвское село.

На исторической аренѣ Камарницкая волость съ такимъ именемъ ¹⁾ впервые выступаетъ во второй половинѣ XVI в.; въ теченіе же всего

¹⁾ О происхожденіи этого имени есть нѣсколько гипотезъ. Такъ г. Пясецкій, орловскій историкъ, думаетъ, что оно образовалось отъ рѣчки Марицы, при которой стоитъ Сѣвскъ, бывший нѣкогда «камаринскою столицею» (честь эту оспариваетъ у него сосѣдь его Дмитровскъ, уничтоженный, по преданію, за смутныя крамолы камаринцевъ и получившій свое имя едва ли не отъ самого «названнаго Дмитрія»); по мнѣнію того же автора, и самъ Сѣвскъ въ старину, по этой рѣчкѣ, назывался, будто бы, Комарскомъ, напримѣръ, въ дарственной самозванца Мвишкю (Орл. Епар. Вѣд., 1871 г., № 21). Другіе же полагаютъ, что Камарницкая значитъ дворцовая, отъ камора, и волость наша названа такъ потому, что она еще со временъ царя Ѳедора Ивановича состояла въ вѣдѣніи дворцоваго приказа—царской каморы. Но намъ кажется, что всѣ эти догадки неосновательны. Причина имени совершенно иная. Въ XVI вѣкѣ волость наша кишѣла камарниками, и имя, вѣроятно, она и обязана своимъ названіемъ. Подъ камарниками

описываемаго нами времени (XVI—XVII ст.) до прекращенія смуты на Руси судьбы этой волости, чреватая многими важными событиями, были весьма благопріятны для появленія въ этомъ краѣ той забубенной головушки, мужика-сорванца, который, усвоивъ себѣ волостную кличку, увѣковѣчился загѣмъ вмѣстѣ съ нею въ самой знаменитой народной пѣснѣ.

Камаринщина, доставшаяся Москвѣ отъ Литвы лишь въ 1503 г. (по мирному договору это г. Радогощъ съ волостями, отданный потомъ въ удѣлъ рыльскому князю Василю Шемячичу), съ тѣхъ поръ до конца своей украинской исторіи представляла собою одинъ изъ опаснѣйшихъ уголковъ Украины; ей частенько случалось испытывать на себѣ и опустошительныя вторженія литовцевъ и поляковъ, долго, хотя и тщетно, стремившихся оттянуть ее у москалей обратно со всею Сѣвскою землей, и губительныя татарскіе набѣги. Камаринцамъ той эпохи, поэтому, жилось вообще не сладко; ихъ нерѣдко то грабили, то полонили, то прямо истребляли «огнемъ и мечемъ». При такихъ же условіяхъ о какомъ либо прогресѣ камаринскаго населенія въ количественномъ или качественномъ отношеніи не могло быть, разумѣется, и рѣчи. И въ самомъ дѣлѣ тогдашніе камаринскіе обитатели вели полудикій образъ жизни, славились «жестокостью» своихъ нравовъ, и при томъ долгое время были очень малочисленны. Малочисленность эта сильнѣе всего въ свое время смущала покой Москвы, озабоченной укрѣпленіемъ своей южной границы, откуда ей самой постоянно угрожали и крымцы и поляки. Потребность въ такомъ укрѣпленіи въ особенности сдѣлалась настоятельною послѣ завоеванія Казани, чрезвычайно обострившаго московскія отношенія съ крымскою ордой. Для безопасности московскихъ владѣній надо было, во что бы то ни стало, спѣшно заселять пустынную Украину, строить здѣсь крѣпкіе города. И Москва, наконецъ, энергично принялась за эту работу. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный первый наиболѣе рѣшительно вступаетъ на этотъ путь; украинскіе города Волховъ, Орель, да и возстановленіе Ельца, а также Сѣвска въ Камаринской землѣ—все это дѣло его царствованія. По волѣ Грознаго же, въ нашу Украину усиленно направляются изъ старинныхъ московскихъ земель колонисты, годные къ ратному дѣлу, способные защищать ее отъ враговъ. При этомъ, однако, на нравственные качества новоселовъ приходилось смотрѣть болѣе чѣмъ снисходительно. Украинѣ нужны были, прежде всего, молодцы, полные удали и отваги, воинственные

въ актахъ «Литовской метрики» извѣстны были въ составѣ горожанъ и сельчанъ бобыли, люди убогіе, не имѣвшіе своихъ домовъ, жившіе въ чужихъ избахъ и каморахъ. Появленіе этого слова въ южной Орловщинѣ нисколько не удивительно, въ виду тогдашняго сосѣдства ея и постоянного общенія съ польско-литовскими землями. Камаринская, такимъ образомъ, значить край бездомовниковъ, бродягъ, какииъ эта волость и была въ свое время.

и предприимчивые; «достоинства» же эти такъ рѣдко уживаются вмѣстѣ съ благонавіемъ, съ образцовымъ поведеніемъ, что нѣкоторая уступчивость относительно послѣдняго являлась здѣсь рѣшительно неизбѣжною. На практикѣ же уступки шли тутъ нерѣдко гораздо дальше еще. Нетребовательность, напримѣръ, самого Грознаго на этотъ счетъ доходила до того, что имъ, не говоря уже о мелкихъ злодѣяхъ, даже преступникамъ, осужденнымъ на смерть, разрѣшалось спасаться бѣгствомъ въ украинскіе города; мѣстнымъ воеводамъ строго настрого наказывалось не тревожить этихъ бѣглецовъ, не вспоминать имъ «старыхъ грѣховъ». Въ то же время наша Украина играетъ также и позднѣйшую роль Сибири: обращается въ мѣсто ссылки, куда преступники отправлялись въ наказаніе на житье и на службу. О такомъ сибирскомъ назначеніи Камаринщины имѣется опредѣленное указаніе въ одномъ историческомъ памятникѣ, царскомъ приговорѣ «съ бояры» отъ 12 марта 1582 г.; тамъ прямо сказано: «а которой въ жалобницѣ или въ судѣ лжетъ и составить ябеду, ино того казнити торговою казнью, да написать въ казаки въ украинные города Сѣвскъ и Курскъ» (Акт. ист., I, 271.) Такимъ образомъ, и разбойнику, и ябеднику, и лжецу открывался тогда свободный путь въ Украину, гдѣ прошлое поселенцевъ нисколько не вредило ихъ карьерѣ, охотно предавалось забвенію, по пословицѣ: «быль—молодцу не укоръ».

Вотъ какова была колонизаціонная система Грознаго; той же политики держался и ближайшій преемникъ его дѣлъ Борисъ Годуновъ. Отъ практическаго примѣненія этой системы меньше всего, конечно, могли выиграть украинскіе нравы; съ приливомъ въ край завѣдомо преступнаго люда, они, напротивъ, неизбѣжно должны были все больше и больше портиться. И портились, разумѣется. Въ особенности на этотъ счетъ не посчастливилось нашей Камаринщинѣ. Какъ на легендарнаго Макара, на нее тутъ предпочтительно всѣ шишки валились. Страдала она въ этомъ отношеніи вообще, за компанію, но еще больше въ частности, отдѣльно. Такъ, кромѣ поврежденія нравовъ, произведеннаго здѣсь наравнѣ съ другими украинскими мѣстами «снисходительностью» Грознаго, на долю ея выпало еще цѣлыхъ два крупныхъ чрезвычайныхъ случая «порчи». Это — послѣдствія введенія на Руси крѣпостнаго права (около 1592 г.), а также страшнаго голода, постигнаго Русскую землю въ 1601—1603 г.г.; по странному капризу судьбы, и то, и другое наиболѣе пагубно отразилось именно на камаринскихъ нравахъ. Закрѣпощеніе крестьянства, сильно взбудораживъ его въ коренныхъ московскихъ областяхъ, дало первый въ нашей исторіи мощный толчокъ эмиграціонному движенію крестьянъ на окраины; кто только не мирился съ упраздненіемъ «Юрьева дня», съ вѣчною кабалой, а такихъ строптивцевъ оказывалось тогда не мало,—тѣ, отстаивая свою свободу, укрывались теперь въ вольные

края, на просторъ. Изъ всѣхъ, однако жъ, подобныхъ краевъ наши вольники бѣгуны вначалѣ больше всего возлюбили Камаринскую волость. И это недаромъ, но по двумъ серьезнымъ причинамъ. Во-первыхъ, волость эта, будучи расположена сравнительно недалеко отъ родовыхъ пепелищъ эмигрантовъ, благодаря именно этой близости, была имъ очень сподручна; во-вторыхъ же, крѣпостное право въ то время фактически здѣсь почти совершенно отсутствовало, быть можетъ, потому, что съ одной стороны Камаринщина считалась дворцовымъ владѣніемъ, а съ другой не находилось, вѣроятно, и смѣльчаковъ, желающихъ владѣть «душами» тамошнихъ буйныхъ головорѣзовъ. Все это въ совокупности не могло, конечно, не служить прекрасной приманкой для людей, бѣжавшихъ отъ крѣпостного гнета, и они, поэтому, въ изобиліи устремлялись сюда. Голодъ еще больше усиливаетъ это движеніе и доводитъ его до неслыханныхъ раньше размѣровъ; отъ «бѣдности», оттого, что «стало кормиться не мочно», въ Камаринщину со всѣхъ сторонъ хлынули теперь толпы голодныхъ крестьянъ и холоповъ; на этотъ разъ ихъ привлекали сюда уже не столько соблазнительныя вѣсти о камаринскомъ привольномъ житьѣ бытѣ, сколько слухи о прекрасномъ урожаѣ, дѣйствительно собранномъ тогда здѣсь.

Такимъ образомъ, наша еще недавно малонаселенная волость въ какой-нибудь десятокъ лѣтъ (1592—1603) обратилась въ кишѣщую народомъ землю. Людъ этотъ представлялъ собою, однако, пеструю смѣсь «племенъ, нарѣчій, состояній», въ которомъ явно преобладалъ «злодѣйскій элементъ», проникнутый однимъ началомъ—призваніемъ къ «разбойному дѣлу», готовностью «подъ дорогою стоять, зипуны-шубы снимать».

Неугомонная, ни съ кѣмъ не ладившая пестрота эта шумѣла и бурлила, какъ черный потокъ въ половодье. Вскорѣ на поверхности ея образовывается грозная накипь—разбойничьи ватаги, предъ которыми трепещутъ мирные обыватели не только въ Украинѣ, но даже подъ самой Москвою. Во главѣ этихъ «станичниковъ» выступаетъ затѣмъ знаменитый въ нашей исторіи атаманъ Хлопко-Косолапъ. При Косолапѣ дѣла у нашихъ «станичниковъ» пошли уже такъ успѣшно, что царь Борисъ вынужденъ былъ вести съ ними нешуточную войну; и, при томъ, нельзя сказать, чтобы она была особенно удачна для царя. Большая царская рать, правда, нанесла разбойникамъ сильное пораженіе подъ Москвою, но пользы отъ этой побѣды получилось очень немного. Разбитые «станичники» бѣжали въ Украину, откуда они и вышли съ Косолапомъ; здѣсь, по царскому указу, ихъ ловили и, по выраженію одной разбойничьей пѣсни, допрашивали наскоро: «кто съ кѣмъ воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ», а затѣмъ немедленно жаловали «среди поля хоромами высокими—двумя столбами съ перекладиной», т.-е. попросту отпращивали на висѣлицу. Казни эти, однако, только под-

ливали масла въ огонь, только усиливали противогодуновское украинское направлѣніе, такъ какъ украинцы чуть ли не поголовно промышляли тогда разбоями; мѣстное «броженіе» умовъ ими только обострялось, такъ что наканунѣ смуты достаточно было небольшой искры, чтобъ возмутить всю Украину, вызвать здѣсь возстаніе. И вдругъ—вмѣсто ничтожной искры—цѣлый, можно сказать, пылающій костеръ—самозванщина; «искушеніе» это было, понятно, очень велико, и Украина не устояла и «прельстилась».

Лишь только мелькнула здѣсь вѣсть о царевичѣ—украинцы, эти простые люди, «мужики-севрюки», тотчасъ же насторожили уши, словно инстинктивно предчувствуя наступленіе на ихъ улицѣ праздника; чутко и жадно внимаютъ они «вражьему письму», разбрасывавшемуся «литовскими лазутчиками» въ Украинѣ «и въ городахъ, и на посадѣхъ, и на дорогахъ»—съ коварною цѣлью посѣять на Руси раздоры, усобицу, «кровоизлитіе всчати»; въ особенности среди камаринцевъ успѣшно дѣйствовали эти крамольныя грамоты.

Появленіе перваго самозванца «лично» въ Сѣверщинѣ даетъ уже окончательную побѣду «воровскому» теченію въ Украинѣ; враждебные годуновской Москвѣ севрюки, первые недолго размышляя, «забывъ Бога и души свои», быстро начали «приставать къ вору», переходить на сторону самозванца. Камаринцы тутъ нисколько, конечно, не отставали отъ своей «крамольной братіи», они умудрились даже очутиться впереди другихъ своихъ орловскихъ земляковъ.

Извѣстно, что теперешней Орловщиной вообще въ смуту было обнаружено рѣдкое легкомысліе—«шатость», за что нашей грѣховодницѣ немало достается даже въ народныхъ присловьяхъ¹⁾. Камаринцамъ, однако жъ, изъ всѣхъ тогдашнихъ орловскихъ обитателей по справедливости слѣдуетъ присудить пальму первенства въ этомъ отношеніи; въ Орловщинѣ они, безспорно, передовые смутьяны, «заводчики воровства», раньше всѣхъ связавшіе свою судьбу съ самозванцами. Такъ, когда первенецъ-самозванецъ—Отрепьевъ, нерѣшительно и робко еще подвизался въ пограничной Сѣверщинѣ, они уже безповоротно рѣшаютъ династическій вопросъ въ его пользу; осенью 1604 г. оба камаринскіе воеводы, «сидѣвшіе» въ Сѣвскѣ, были схвачены ими и отправлены къ претенденту при торжественномъ посольствѣ, которому поручалось также объявить ему подданство «отъ Камарицкой земли».

Камаринщина, пресеріозно занятая въ началѣ XVII в. династическимъ споромъ,—картина, съ перваго взгляда, странная, даже

¹⁾ Отъ «воровской» смутной эпохи нѣкоторые орловскіе города унаслѣдовали слѣдующіе неслестныя аттестаціи; Орель да Кромы—первые воры; Карачевъ имъ въ придачу. Елецъ—всѣмъ ворами отецъ. Ливны—всѣмъ ворами дивны. Дмитровцы (камаринцы)—старымъ ворами не выдавцы. Брянцы—куролесы (они сами Брянскъ сожгли).

комическая; камаринцы и династическая политика — вещи, повидимому, рѣшительно несовмѣстимы, взаимно другъ друга исключаютъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на все это, камаринское политиканство того времени — фактъ несомнѣнный, и въ смутѣ оно играло видную роль, оказавъ крупныя услуги обоимъ Лжедмитріямъ.

Отрепьеву, какъ уже сказано, камаринцы передались еще въ самомъ началѣ его претендентской дѣятельности на Руси. Немного позже онъ со своею ратью уже спокойно гоститъ въ ихъ богатой «хлѣбомъ и медомъ» и всякими продуктами волости, отдыхая послѣ неудачной осады Новгородсѣверской крѣпости; камаринцы при этомъ радушно принимаютъ и чествуютъ своего «высокаго гостя» въ собственной столицѣ — Сѣвскѣ. Не оставляютъ они также его и въ болѣе скорбныя для него минуты, — именно послѣ пораженія рати самозванца московскими войсками при Добрыничахъ, недалеко отъ Сѣвска, когда претендентъ, полный отчаянія, въ страхѣ поспѣшно ускакалъ чрезъ Рыльскъ въ свой вѣрный Путивль. Часть камаринцевъ послѣдовала сюда за нимъ и здѣсь, въ Путивлѣ, утѣшала и ободряла его въ горѣ; и не даромъ потрудились эти утѣшители: вмѣстѣ съ другими замѣшанными въ крамолѣ русскими имъ удалось таки совершенно успокоить, а главное «удержать» навсего духомъ самозванца, намѣревавашагося было совѣмъ уже бѣжать обратно въ Польшу. Вотъ каковы были непосредственныя услуги камаринцевъ первому Лжедмитрію.

Дорогонько, однако жъ, пришлось имъ поплатиться за такое «увлеченіе» воромъ», за службу и радѣніе ему.

Московскіе воеводы, прекрасно понимавшіе значеніе камаринской «измѣны», страшно ненавидѣли этихъ крамольниковъ и нетерпѣливо ждали случая, чтобъ примѣрно наказать ихъ. Послѣ добрынической битвы, отдавшей беззащитную Камаринщину во власть москвитянъ, не стало дѣло и за случаемъ. Москвитяне немедленно же принялись пользоваться имъ и произвели жестокою расправу надъ камаринцами. Послѣдніе, безъ различія пола и возраста, обречены были на варварскія казни; ихъ сажали на колъ, вѣшали за ноги и разстрѣливали изъ луковъ и пицалей, младенцевъ же — жарили на сковородахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, безпощадно истреблялось и камаринское достояніе, преданное огню и грабежу. Въ порывѣ гнѣва, и самъ претендентъ былъ забытъ москвичами, оставленъ безъ преслѣдованія. Только потомъ они, спохватившись, бросились за нимъ въ погоню, но было уже поздно. Московская рать, не достигнувъ самозванца, вернулась назадъ въ Камаринщину, гдѣ, — такъ сильно было раздраженіе москвичей противъ камаринцевъ! — снова предалась «жестокостямъ» надъ туземцами, стала свирѣпствовать надъ ними...

Отъ такихъ ужасовъ въ выигрышѣ, впрочемъ, былъ только одинъ самозванецъ. Доведа чуть ли не до «бѣлаго каленія» ста-

рияное недоброжелательство камаринцевъ къ Годунову, они въ то же время необычайно упрочили преданность ихъ Отрепьеву,— тѣмъ болѣе, что никакого иного выбора тутъ имъ больше и не оставалось.

Въ концѣ концовъ камаринская «вѣрность» этому претенденту на шапку Мономаха сдѣлалась почти непоколебимою и пережила даже на нѣсколько лѣтъ его самого. Когда Отрепьева уже «не стало» на Москвѣ, камаринцы все еще продолжали усердно «прямить» ему, подвизаться во имя его. Московской вѣсти о гибели этого мнимаго сына Грознаго они, подобно всѣмъ «прежепогибшимъ» украинцамъ, рѣшительно не хотѣли вѣрить, считая ее «обманомъ», «выдумкой»; зато слухъ о новомъ чудесномъ спасеніи его отъ «крамольничьихъ рукъ», быстро облетѣвшій Украину, былъ восторженно привѣтствуемъ ими.

Таково было тогдашнее камаринское настроеніе. Обусловливалось оно, впрочемъ, не одною только безпредѣльною вѣрой камаринцевъ въ «подлинность» самозванца и въ легендарныя сказанія о томъ, что онъ опять счастливо спасся отъ покушеній измѣнниковъ въ Москвѣ. Несомнѣнно, дѣло не обошлось здѣсь и безъ иныхъ чисто житейскихъ практическихъ соображеній, навѣянныхъ на камаринцевъ заботами о самосохраненіи, объ избавленіи себя отъ лишннихъ «бѣдъ и напастей». Отвернись они отъ самозванщины— бродившіе въ Украинѣ поляки легко могли бы покарать ихъ за эту «измѣну». А защититъ некому: Москва далеко, да отъ нея и нельзя было ожидать чего либо хорошаго для себя,—такъ запутались и осложнились ихъ взаимные счеты... Волей-неволей приходилось, слѣдовательно, держаться «цариковъ» и стоять за нихъ, въ надеждѣ, авось случайности войны сами собой улучшатъ участь камаринщины, выручатъ ее изъ бѣды...

Но какъ бы тамъ ни было, только предпріятіе во имя новаго претендента «Тушинскаго вора» находить себѣ первую точку опоры тоже въ Камаринщинѣ. Здѣсь же начинается свое «крамольное поприще» и предтеча тушинца, знаменитый холопъ Болотниковъ, съ легкой руки путивльскаго воеводы, князя Шаховскаго. Съ небольшимъ отрядомъ войска, который далъ ему «для почину» этотъ преданный «вору» воевода, онъ вскорѣ переходитъ изъ путивльскихъ въ камаринскіе предѣлы и здѣсь открываетъ надежное средство увеличить свою дружину и воскресить смуту на Украинѣ.

Еще Пушкинъ, протестуя въ «Борисѣ Годуновѣ» противъ крѣпостнаго права, дѣлаетъ, по поводу установленія его, устами князя Шуйскаго слѣдующее исторически вѣрное замѣчаніе:

А легче ли (отъ крѣпостничества) народу? Спроси его.
 Попробуй самозванецъ имъ послушить
 Старинный Юрьевъ день,
 Такъ и поведетъ потѣха.

Отрепьевъ, однако, достигаетъ цѣли, не прибѣгая къ этому сильному средству. Менѣе же разборчивый Болотниковъ не только не пренебрегаетъ этимъ средствомъ, но даже идетъ гораздо дальше, не останавливаясь на одномъ «Юрьевъ днѣ». Стремясь обезпечить себѣ успѣхъ навѣрняка, онъ не скупится на «посулы» и, обращаясь къ «своимъ» — къ украинской «черни», обѣщаетъ ей подѣ знаменами Димитрія не одну лишь волю, но также богатство, господство и почести, объявляя въ то же время, къ великому ужасу своихъ привилегированныхъ современниковъ, беспощадную войну существующему «строю». И послѣдствія вполне оправдали этотъ тонкій расчетъ. На кличъ Болотникова, этого воровского «вождя», отовсюду стали спѣшно «слетаться» обычные украинскіе герои — разбойники и воры, бѣглые холопы и крестьяне; мѣстами же къ нимъ присоединялись еще казаки, стрѣльцы, посадскіе, даже нѣкоторыя «помѣщики». А загѣмъ началась уже и «потѣха»; возобновилось хватаніе и «заточеніе» воеводъ, не хотѣвшихъ дѣйствовать заодно съ Болотниковымъ; крестьяне же и холопы, кромѣ того, усердно занялись еще разграбленіемъ и истребленіемъ украинскіхъ помѣщиковъ, а также и горожанъ, при чемъ по коварному болотниковскому наставленію мужчины убивались, а беззащитныя женщины, особенно «барыни» и «барышни», принуждались выходить за самихъ грабителей замужъ, предавались «позору». Словомъ, поднялось «великое смятеніе», обстоятельно описанное въ грамотѣ царя Василія Шуйскаго пермскому воеводѣ, князю Вяземскому, отъ 9-го декабря 1606 года, въ которой, между прочимъ, относительно расправы украинскіхъ мятежниковъ-воровъ надъ привилегированными классами прямо говорится, что воры эти, руководимые «воровскими головами» — Болотниковымъ, Пашковымъ и др., «и дворянъ, и дѣтей боярскихъ, и гостей, и торговыхъ всякихъ посадскихъ людей побивали, и женъ и дочерей ихъ на блудъ имали»... На украинскіхъ помѣщиковъ все это навело такой страхъ, что многіе, побросавъ свои помѣстья, по словамъ той же грамоты, «разбѣжались», ушли въ Москву...

Но довольно чистой исторіи, для нашей цѣли больше ея не требуется.

Теперь можно уже приступить къ сравненіямъ исторіи съ нашими пѣснями, а также къ выводамъ, частичнымъ и окончательнымъ; къ этому мы и переходимъ.

Первое мѣсто здѣсь «Камаринской».

Намъ кажется, что стоитъ только сопоставить досмутный періодъ въ нашей «справкѣ» съ дошедшими до насъ отрывками этой пѣсни, и предъ нами на историческомъ фонѣ рельефно выступятъ пѣсенные образы — Камаринскій и Барыня, невольно напрашивающіеся на сравненіе съ своими историческими тезками, съ камаринцемъ изъ-подъ Сѣвска и съ его барыней.

Въ самомъ дѣлѣ, между тѣмъ и другимъ тутъ оказывается очень много сходства.

Пѣсенная «барыня» это, несомнѣнно, историческая помѣщица времянь закрѣпощенія, когда вольнолюбивые «смерды» не захотѣли ей вѣчно «служить», стали отъ нея уходить на окраины.

Что же касается главнаго персонажа «камаринскаго», то его двойникъ сразу бросается въ глаза въ лицѣ историческаго камаринца.

Оба они, очевидно, «одного поля ягоды» и, начиная съ имени, чуть ли не до мелочей похожи другъ на друга.

Пѣсенный герой называется, напримѣръ, Камаринскимъ, или Камарицкимъ; историческій тоже—по Камаринской волости, кличка которой долгое время носилась обитателями этой волости даже не безъ гордости.

Далѣе, пѣсенный отчаянный забулдыга, врагъ приличій, «воръ-мужикъ», озорникъ, которому все «трынь-трава», даже само море только по колѣна, не больше; не лучше и историческій: присѣвскіе камаринцы XVI—XVII вѣковъ были всѣ «мужики-севрюки» и страшные озорники-забудыги, «ворами же» ихъ честила Москва за ихъ разбойничество, а главное за «радѣніе» ворами-самозванцамъ, за мятежи и крамолы.

Пѣсенный, видимо, враждуетъ съ помѣщицъей властью, не хочетъ, какъ сказано въ пѣснѣ, «своей барынѣ служить». То же случилось и съ историческимъ; послѣ уничтоженія «Юрьева дня» онъ, какъ это видно изъ нашей «справки», также «завороваль» и отказался повиноваться «барынѣ», вообще возмутился.

Пѣсенный, наконецъ, неукротимый вольникъ, натура очень подвижная, готовая въ любую минуту «снятаться» съ якоря и удалиться; не поладивъ съ «барыней», побѣжденный въ неравной борьбѣ съ нею, онъ, недолго думая, «бѣжить» отъ этой Марковны съ душой «бархатной». Тѣмъ же качествомъ въ избыткѣ былъ надѣленъ и историческій камаринецъ, который, разсорясь при новыхъ порядкахъ, при крѣпостномъ правѣ, съ «помѣщицъей властью», тоже ушелъ отъ этой власти на волю, въ украинскую Камаринщину.

Вотъ сколько тутъ существенно общаго между обоими камаринцами, историческимъ и пѣсеннымъ; все это, полагаемъ, даетъ намъ право отождествить ихъ обоихъ, считать за одно лицо.

Теперь о «Барынѣ». Но тутъ прежде всего небольшая оговорка: мы не признаемъ эту пѣсню самостоятельной, особою. И по языку, и по сюжету, это, по-нашему, продолженіе «Камаринской», вторая часть «Камариады». Дѣйствующія лица въ нихъ одни и тѣ же: «Барыня» и ея неразлучный спутникъ «Камаринскій»; послѣдній, правда, здѣсь не называется прямо по имени, но въ анонимномъ незнакомцѣ; въ обидчикѣ героини, по его приемамъ и хваткамъ,

совсѣмъ не трудно узнать классическаго соперника «барыни», бѣгуна - камаринца, воспѣтаго въ «Камаринской». Только вотъ обстановка здѣсь уже совершенно иная. Въ «Камаринской» барыня въ апогеѣ своей власти, своего величія, главный же персонажъ, несмотря на весь свой задоръ, сильно удрученъ, принужденъ отступать, даже «бѣжать». Въ «Барынѣ» же роли эти круто мѣняются. Здѣсь она уже не властная и гордая, какъ раньше, но безсильная, преданная на насмѣшки и «поруганіе» своему врагу; «господиномъ» же положенія является нашъ старый знакомецъ, воръ-мужикъ; пользуясь минутой, онъ щедро осыпаетъ теперь свою соперницу всякими оскорбленіями, съ постояннымъ притомъ напоминаніемъ, что она не мужичка, не холопка, но «барыня», «сударыня-барыня», у которой, однако жъ, почему-то всегда «главный интересъ идетъ съ правдою вразрѣзъ...».

Сдѣлавъ это неизбѣжное отступленіе, возвращаемся къ сравненіямъ.

Историческіе двойники персонажей «Барыни»—это бѣдная барыня-украинка и мятежный камаринецъ изъ времеръ тушинщины, изъ эпохи болотниковскихъ «злодѣйствъ» въ Украинѣ, когда побѣдоносный камаринецъ этотъ отдалъ самому себѣ на «поруганіе» украинскихъ помѣщичьихъ женъ и дочерей; какъ и по пѣснѣ, исторически ликовалъ тогда воръ-мужикъ, барыня же жестоко страдала, что и воспроизведено въ нашей пѣснѣ въ лицахъ...

Очередь теперь за отвѣтами на другіе поставленные нами себѣ частные вопросы и за окончательными итогами.

На основаніи всего сказаннаго выше историческое значеніе нашихъ пѣсенъ, думается, можно считать уже безспорнымъ, прочно обоснованнымъ; это—первое.

Событія, о которыхъ повѣствуется въ этихъ пѣсняхъ, очевидно, взяты большею частью изъ украинской жизни колонизаціонно-смутной эпохи; въ «Камаринской» воспѣваются раздоры «рабовъ» съ господами вслѣдъ за введеніемъ на Руси крѣпостнаго права, а въ «Барынѣ» подвиги камаринцевъ и ея собственный мартирологъ послѣ смерти Лжедмитрія I, при Болотниковѣ.

Герои наши, повидимому, земляки, быть можетъ, даже близкіе сосѣди. Родина, или, вѣрнѣе, вторая родина, Камаринскаго, старинная Камаринская (Камарницкая или Камарицкая) волость, существовавшая еще въ XVIII вѣкѣ около Сѣвска, нынѣ города Орловской губерніи, порубежнаго съ Малороссіей; родина Барыни, второй части нашей «поэмы» (въ первой — въ собственно «Камаринской», она могла быть и не украинскаго), тоже, скорѣе всего, нынѣшняя Орловщина, и, во всякомъ случаѣ, южная московская Украина конца XVI столѣтія. Оба эти героя—лица собирательныя, сословные типы своего времени и своей территоріи; жили и подвизались они, такимъ образомъ, въ эпоху крупнаго историческаго

перелома на Руси, въ періодъ, примѣрно, отъ второй половины XVI до конца первой XVII в., ознаменовавшагося у насъ важными сословными и династическими переворотами. Вопросъ о сословности ихъ едва ли уже можетъ возбуждать какія либо сомнѣнія; ясный и правдивый отвѣтъ на это дается какъ исторіей, такъ и пѣснями, гдѣ герой именуется мужикомъ, а героиня—барыней, какъ это было и въ дѣйствительности.

Вся «Камаріада»,—и въ этомъ, по-нашему, ея основной историческій интересъ,—въ сущности, замѣчательнѣйшій «поэтический» отголосокъ династическо-сословной драмы, разыгравшейся въ «Московскомъ царствѣ» на рубежѣ XVI—XVII ст.; по своему же характеру, это — типичная частица той безшабашно-удалой русской народной поэзіи, которая, какъ и всѣ, впрочемъ, пѣсни нашего народа, при всей своей шумности и размахистости, не свободна, однако жъ, отъ обычной тоски, заглушаемой здѣсь по временамъ лишь буйными порывами разгула да отчаянной ироніей надъ собственнымъ безысходнымъ положеніемъ. Быть можетъ, нѣкогда поэма эта была даже «гимномъ» неунывающихъ камаринцевъ, ихъ «національною» пѣсней...

Въ заключеніе, послѣднее сказанье—о творцѣ «Камаріады», объ авторѣ этой поэмы. «Гомера» этого мы склонны искать тоже въ Украинѣ, даже въ Камаринщинѣ. И—это по слѣдующимъ соображеніямъ.

Въ «Камаріадѣ», въ обѣихъ частяхъ ея, симпатіи автора, несомнѣнно, всецѣло на сторонѣ героя; это — его любимое дѣтище. Пѣснотворецъ нашъ, правда, не скупится на рѣзкіе, даже на ругательные эпитеты по адресу своего любимца, но это нисколько не колеблетъ только что высказаннаго нами мнѣнія; по-камарински, такая «брань»—не обида, но задушевно-дружеское поощреніе, особый видъ народной ласки, — слѣдовательно, она лишь подтверждаетъ нашу мысль о расположеніи автора къ своему герою.

Совсѣмъ иначе уже творецъ «Камаріады» ведетъ себя относительно героини, этой «барыни-сударыни»; въ поэмѣ она неизмѣнно выводится въ наиболѣе неприглядныхъ роляхъ, вообще больше, такъ сказать, для посрамленія, для насмѣшекъ, чѣмъ для прославленія. Такимъ образомъ у нашего автора собственно двѣ мѣрки: одна—«симпатичная», для героя, а другая—«презрительно-насмѣшливая», для героини.

А отсюда—логическій выводъ, что пѣвецъ «Камаріады»—лицо не «постороннее», но, что наиболѣе правдоподобно, близко заинтересованное тутъ въ дѣлѣ, украинскій народный Барковъ, думающій по-камарински, стало быть, самъ — камаринецъ; живое же участіе, принимаемое имъ въ судьбѣ своихъ героевъ, говоритъ въ пользу того, что онъ былъ современникомъ послѣднихъ, свидѣтелемъ воспѣтыхъ имъ событій. Весьма возможно даже, что это—коллек-

тивъ, какъ и его герои,—цѣлый камаринскій народъ, изобразившій въ «Камаріадѣ», не безъ сильнаго, по русскому обычаю, отгѣнка грубоватой ироніи, собственныя радости и печали, приключенія и подвиги въ одну изъ знаменательнѣйшихъ эпохъ русской исторіи.

Вотъ и все, что мы нашли не лишнимъ повѣдать читателю о загадочной личности автора «Камаріады».

Намъ, однако, чего добраго, возразить на это, что полудикаго и далеко не всегда даже трезваго камаринца XVI—XVII в. рискованно подозрѣвать въ авторствѣ, да еще въ гѣснотворческомъ, немислимомъ безъ соотвѣтствующей, хотя бы и скромной, подготовки, которой у камаринца, несмотря на все его разностороннее «досужество», взятыя не откуда было. Но такое возраженіе будетъ неосновательно; противъ него громко протестуетъ вся наша поэма. «Камаріадѣ» чужды, вѣдь, особая тонкость или ученость; этимъ она ничуть не грѣшитъ. Напротивъ, языкъ и даже форма этой поэмы—настоящіе камаринскіе, непритязательные и вольные; въ каждомъ стихѣ, въ каждомъ оборотѣ рѣчи тутъ такъ и слышится самъ неподобный авторъ, этотъ политиканъ и баянъ, во всей своей старинной «камаринской наготѣ», устраняющей всякія колебанія насчетъ его личности. Онъ — камаринецъ, землякъ своихъ героевъ, и лучшей, чѣмъ Камаринщина, родины для него не подыскать.

Т. А. Мартемьяновъ.

БОРЬБА СЪ ХУНХУЗАМИ НА МАНЧЖУРСКОЙ ГРАНИЦѢ.

УСТЫННЫЯ границы нашего Приамурскаго края съ Манчжуріей всегда привлекали къ себѣ толпы китайскихъ разбойниковъ, извѣстныхъ подъ названіемъ хунхузовъ. Во все время постройки Манчжурской желѣзной дороги борьба съ ними русскихъ войскъ велась почти непрерывно. Сооруженіе Уссурійской дороги, проходившей исключительно въ предѣлахъ Россіи, въ этомъ отношеніи находилось въ болѣе счастливыхъ условіяхъ, но и она время отъ времени подвергалась по мѣстамъ дерзкому нападенію хунхузовъ.

Лѣтомъ 1896 г., въ самое горячее время постройки сѣверной половины Уссурійской дороги, на рѣкѣ Уссури появилось сразу нѣсколько шаекъ китайскихъ разбойниковъ. Для охраны нашихъ границъ немедленно были высланы на рѣку Уссури охотничьи команды. Почти одновременно и китайское правительство для преслѣдованія хунхузовъ отправило большой отрядъ войскъ подъ начальствомъ генерала Джао-мяна.

Какъ разъ въ районѣ дѣйствія соединенныхъ войскъ двухъ имперій противъ ватагъ хунхузовъ я плавалъ командиромъ казеннаго парохода на рѣкѣ Уссури, и волей-неволей мнѣ приходилось интересоваться ходомъ борьбы съ ними. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ я тогда же дѣлалъ небольшія замѣтки объ этой своеобразной хунхузской войнѣ, изъ которыхъ и составилъ настоящій очеркъ. Теперь, когда событія послѣдняго времени въ сѣверо-восточномъ углу Китая привлекаютъ къ себѣ взоры всего міра, и мятежники Небесной имперіи, объявивъ войну европейцамъ, появились и

на строящейся линіи Манчжурской дороги подъ новымъ названіемъ боксеровъ, я полагаю своевременнымъ подѣлиться съ читающей публикой своими впечатлѣніями, вынесенными изъ плаванія по границамъ Китая. Кромѣ моихъ личныхъ наблюденій, въ предлагаемомъ очеркѣ переданы непосредственные рассказы офицеровъ, солдатъ и казаковъ, участвовавшихъ въ преслѣдованіи хунхузовъ. Для провѣрки ихъ я воспользовался сообщеніемъ одного изъ героевъ хунхузіады 1896 года, поручика В. Т. Михайлова, сдѣланнымъ имъ въ военномъ собраніи г. Хабаровска.

Описываемая малоизвѣстная манчжурская граница интересна всѣми сторонами своей жизни, а потому, рассказывая о хунхузахъ, я попутно коснулся описанія природы новаго края, жизни казаковъ и инородцевъ, условій плаванія по р. Уссури и другихъ предметовъ, характеризующихъ особенность страны лютыхъ тигровъ, надоедливыхъ комаровъ и дерзкихъ хунхузовъ—этихъ длиннокосыхъ авантюристовъ Дальняго Востока.

I.

Новая станція Иманъ.—Ея значеніе въ жизни края.—Кипучая дѣятельность на Иманѣ.—Назначеніе меня командиромъ парохода.—Опасенія помощника.—Уссури въ половодье.—Казачьи станицы.

На всемъ протяженіи линіи Уссурійской желѣзной дороги отъ Владивостока до Хабаровска не было въ 1896 году такого оживленнаго мѣста, какъ Иманъ. Вотъ, пожалуй, единственная станція, которая создавалась не по волѣ инженеровъ, не по распоряженію начальства, а сама собою, вопреки всѣмъ математическимъ расчетамъ строителей дороги.

Взгляните на любую карту желѣзныхъ дорогъ при календаряхъ послѣднихъ лѣтъ, вы увидите черную полоску, соединяющую два конечныхъ пункта Уссурійской дороги—Владивостокъ и Хабаровскъ, а посрединѣ между ними указана только одна станція съ надписью—Графская. На самомъ же дѣлѣ мы можемъ проѣхать всѣ слишкомъ 700 верстъ дороги и нигдѣ не встрѣтимъ никакого намека на станцію «Графская».

Такъ человекъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ.

Человекъ полагалъ сдѣлать конечнымъ пунктомъ южной половины дороги станцію «Муравьевъ-Амурскій» и связать ее съ ближайшей станицей на р. Уссури—«Графской». Соорудили множество домовъ для желѣзнодорожныхъ служащихъ, паровозное депо, контору и другія постройки, приличныя большой станціи. Но сама жизнь перебралась на 9 верстъ далѣе къ сѣверу, на рѣку Иманъ. Волей-

неволей человѣкъ долженъ былъ покориться непредвидѣннымъ обстоятельствамъ и построить черезъ девять верстъ новую станцію.

Одна почта долго упорствовала и не хотѣла признавать сразу народившійся центръ кипучей дѣятельности, но и она въ концѣ концовъ уступила и въ 1896 г. открыла на Иманѣ телеграфную станцію, а въ настоящее время и почтовую.

Въ чемъ же секретъ такого быстрого возрастанія Имана?

Пока строилась сѣверная половина Уссурийской желѣзной дороги, Иманъ сталъ связующимъ звеномъ южной ея половины и судходной рѣки Усури. Всѣ грузы изъ Владивостока стали ити черезъ Иманъ по Усури на Амуръ.

Раньше, города Хабаровскъ, Благовѣщенскъ и всѣ селенія на Амурѣ получали грузы съ моря черезъ городъ Николаевскъ, а теперь всѣ потянулись къ Владивостоку. Забайкальская желѣзная дорога тоже обратилась къ посредству Имана. Сѣверная Уссурийская дорога сдѣлала Иманъ своимъ базисомъ постройки и соорудила здѣсь большіе склады. Военное вѣдомство, при передвиженіи массы войскъ, лошадей, оружія и провизіи тоже оперлось на Иманъ. Однимъ словомъ, сложная современная жизнь обширнаго Пріамурскаго края вся обратилась къ Иману, какъ къ посреднику съ Владивостокомъ, Россіей и заграницей.

Иманъ, едва поспѣвая удовлетворить своихъ нетерпѣливыхъ кліентовъ, казалось, росъ не по днямъ, а по часамъ. Еще три года тому назадъ можно было встрѣтить кое-гдѣ только юрты ороченъ; а теперь весь лѣвый берегъ рѣки, начиная отъ линіи желѣзной дороги верстъ на пять внизъ по теченію, занятъ всевозможными постройками, пристанями, верфями, казармами, мастерскими, складами и другими сооруженіями.

За нѣсколько верстъ отъ Имана слышенъ прежде всего непрерывный грохотъ клѣпальщиковъ: это собираютъ желѣзные пароходы, доставленные сюда въ листахъ. Далѣе вы слышите крики манзъ, подъ команду русскихъ конторщиковъ нагружающихъ баржи рельсами, паровозами, вагонами или мѣшками, бочками, ящиками. Въ мастерскихъ идетъ дружная работа кузнецовъ, слесарей, столяровъ. Тутъ же непрестанно день и ночь громыкаютъ на подѣздныхъ путяхъ товарные и пассажирскіе поѣзда. На самой рѣкѣ стоитъ шумъ и гамъ съ пароходовъ, баржъ, лодокъ и цѣлой флотиліи манзовскихъ шаландъ. Направо, вверхъ по рѣкѣ, вы натываетесь на шумный китайскій кварталъ съ его тѣсными, грязными жилищами, до половины врытыми въ землю. Еще далѣе землянки китайскихъ чернорабочихъ. А у гигантскаго деревяннаго моста черезъ рѣку новый рядъ мастерскихъ, жилыхъ домовъ, землянокъ и новый шумъ клѣпальщиковъ. Но въ этомъ хаосѣ доминирующимъ звукомъ днемъ и ночью слышится постоянный гулъ отъ работы машинъ при кесонахъ желѣзнодорожнаго моста.

Куда, ни оглянешься, всюду лежатъ бревна, камни, бочки, рельсы, мостовыя части и др. Среди этого вороха матеріаловъ снуютъ манзы ¹⁾, русскіе, японцы, гольды, корейцы.

У всѣхъ вопросъ во времени. Всѣ спѣшатъ окончить свое дѣло къ сроку. Торопятся съ мостомъ, торопятся съ пароходами, торопятся и съ отправкою грузовъ... Скорѣй! Скорѣй!—вотъ девизъ жизни Имана. Быстро онъ выросъ, быстро и живетъ.

Вотъ въ эту-то рабочую горячку попалъ и я.

Въ апрѣлѣ 1896 года меня назначили командиромъ еще строящагося казеннаго парохода Уссурийской желѣзной дороги. Къ открытію навигаціи надо было его вооружить, окрасить, спустить на воду, сдѣлать запасы, собрать команду, обучить ее и начать кампанію.

На все это въ моемъ распоряженіи было только двѣ недѣли.

Я бросался во всѣ концы, ища нужныхъ людей и матеріаловъ, потому что съ появленіемъ множества казенныхъ и частныхъ пароходовъ явилась по всему Амурскому бассейну страшная потребность въ лоцманахъ, въ матросахъ, въ судовыхъ предметахъ. А въ магазинахъ Владивостока уже въ апрѣлѣ нельзя было найти бухты нужнаго троса.

Въ одну изъ горячихъ минутъ вооруженія парохода, подходитъ ко мнѣ мой помощникъ и спрашиваетъ меня, написалъ ли я требованіе на оружіе.

— Хорошо было бы имѣть на пароходѣ съ десяточекъ берданокъ или револьверовъ.

Я посмотрѣлъ на него, не шутитъ ли онъ. Нѣтъ, лицо серьезное.

— Это зачѣмъ?—спрашиваю его.

— По Уссури много шляется хунхузовъ. Вы слышали, какъ они позапрошлый годъ напали на «Муравьевъ-Амурскій»?

Мнѣ непонятны были опасенія моего помощника, сильнаго, коренастаго человѣка, который одинъ легко справился бы съ пятью манзами. Надо предполагать большую дерзость со стороны хунхузовъ, чтобы ожидать ихъ нападенія на длинный двухмачтовый пароходъ, имѣвшій видъ небольшого военнаго судна. И не слышно было, чтобы уссурийскій пароходъ когда либо подвергался нападенію хунхузовъ. Въ прошлогоднюю навигацію ни одинъ изъ пароходныхъ командировъ мнѣ не высказывалъ никакихъ опасеній относительно китайскихъ разбойниковъ. Правда, незадолго до этого разговора (5 апрѣля 1896 года) хунхузы напали на одну манзовскую деревню въ долинѣ рѣки Мурени (притокъ Уссури съ лѣвой стороны), но это было на китайской сторонѣ, довольно далеко отъ района нашего плаванія, и при томъ китайцамъ посчастливилось

¹⁾ Русскіе во Владивостокѣ китайцевъ, манчжуровъ и всѣхъ носящихъ косу и китайскій костюмъ зовутъ манзами.

перестрѣлять всю банду въ 15 человѣкъ, такъ что объ этомъ происшествіи особенно и не разговаривали.

Въ хлопотахъ по организаціи новаго дѣла я забылъ свой разговоръ съ помощникомъ и вообще не думалъ о хунхузахъ. До нихъ ли тутъ, когда уже вскрылись рѣки, и 17 апрѣля я долженъ былъ сдѣлать свой первый рейсъ.

Началась кипучая дѣятельность.

Мнѣ поручили непременно въ одну навигацію подвести на всю линію 8-го участка Уссурийской желѣзной дороги рельсы, скрѣпленія ихъ и подвижной составъ, чтобы можно было осенью по проложенному пути перевезти части кессоннаго моста къ рѣкѣ Хорь. Остановиться мнѣ на половинѣ этой задачи было нельзя, иначе всѣ подготовительныя работы по устройству кессоновъ могутъ быть разрушены съ новымъ половодьемъ. Въ моемъ распоряженіи было восемь деревянныхъ баржъ, на которыхъ собственно и перевозились желѣзнодорожные грузы и китайскіе рабочіе изъ Имана въ г. Хабаровскъ или на пристань Щебенчихи, близъ станицы Венюковой.

Плаваніе по Уссури было для меня ново. Немногочисленные лодманы всѣ были разобраны. Оставалось мнѣ самому непрерывными промѣрами изучать фарватеръ рѣки и наносить его на карту.

Раньше мнѣ случилось только одинъ разъ проѣзжать на почтово-пассажирскомъ пароходѣ по рѣкѣ Уссури до города Хабаровска и обратно на Иманъ. Это было осенью 1895 года. Тогда стояла дождливая погода и сильное половодье. Вся картина Уссури была затянута однообразною сѣрою пеленою, и не было видно дальнихъ горъ на горизонтѣ. Мѣстами рѣка разливалась въ широкія озера, и потому не вездѣ можно было различить очертанія береговъ. Низкіе острова были затоплены. Одни деревья на нихъ кое-гдѣ торчали надъ водою. Только тамъ, гдѣ горы ¹⁾ приближаются къ самому руслу рѣки, картина нѣсколько скрашивалась видомъ густого лѣса и зелеными холмами съ крутыми откосами.

Чрезвычайно извилистая рѣка Уссури сохраняетъ общее направленіе теченія съ юга на сѣверъ. Если при устьѣ Нора рѣка дѣлаетъ замѣтный уголъ и отбрасывается на сѣверо-востокъ, то черезъ 80 верстъ отъ впаденія другого притока Хора рѣка Уссури опять принимаетъ прежнее направленіе на сѣверъ.

Собственно заселенъ правый или русскій берегъ Уссури, и на протяженіи 380 верстъ отъ Имана до Хабаровска встрѣчается десятка два казачьихъ станицъ. На лѣвой же китайской сторонѣ наберется не болѣе пяти деревушекъ, со смѣшаннымъ населеніемъ изъ гольдовъ и манзъ. Иногда можно встрѣтить отдѣльно стоящую фанзу (китайскій домъ), но чаще пустую. Страшная эпидемія 1894

¹⁾ Напримѣръ, около станицъ Нижне-Михайловской, Зарубина, Васильевской Видной и др.

года опустошила по берегамъ Уссури особенно гольдскія деревушки. Указываютъ на нѣкоторые брошенные дома, гдѣ гольды вымерли всѣ поголовно. Но и отъ нѣкоторыхъ русскихъ станицъ остались двѣ-три избы. Обыкновенно разливы рѣки гонягъ казаковъ съ низкихъ мѣстъ на болѣе высокія. Осенью 1895 года я самъ видѣлъ, какъ наводненіе въ станицѣ Старо-Шестнадцатой выгнало всѣхъ жителей на крыши, а ужъ въ слѣдующемъ году эта станица опустѣла. Точно также переселились казаки Кедровой станицы, Пѣшковой и другихъ.

II.

Китайцы Уссурійскаго края.— Ихъ наплывъ въ послѣдніе годы.— Немного изъ исторіи хунгузовъ.— Примѣры ихъ нападенія.— Тревога жителей рѣки Уссури.— Появленіе хунгузовъ на Амурѣ.— Нападеніе на китайскую контору.— Назначеніе Джао-мяна начальникомъ отряда.— Преслѣдованіе хунгузовъ.

На границѣ двухъ большихъ имперій, въ окрестностяхъ рѣки Уссури, китайцы представляютъ изъ себя сбродъ разныхъ искаателей легкой и скорой наживы. Охотники за пантами ¹⁾ и сободемъ, скупщики пушнины, искатели золота и цѣлебнаго корня женьшеня—всѣ эти китайскіе авантюристы преимущественно изъ ссыльныхъ и бѣглыхъ преступниковъ. Обширный пустынный край съ трудно проходимыми горами и лѣсами, изрѣзанный множествомъ рѣкъ съ озерами и болотами, служитъ отличнымъ убѣжищемъ для выходцевъ изъ Китая. Особенно послѣ неудачной войны съ японцами сюда явилось много бѣглыхъ китайскихъ солдатъ. Но самое главное—это постройка желѣзной дороги, которая привлекла въ Уссурійскій край толпы чернорабочаго люда изъ Китая, Кореи и Японіи. Китайцы изъ Шанъ-дунской провинціи цѣлыми массами пріѣзжали во Владивостокъ на морскихъ пароходахъ. Такъ въ 1893 году, когда происходила постройка южной половины Уссурійской желѣзной дороги, въ Приморскую область прибыло 17.351 китайцевъ и 3.119 корейцевъ. Въ слѣдующіе годы число корейцевъ колебалось отъ двухъ до трехъ тысячъ въ годъ, а китайцевъ пріѣзжало около тринадцати тысячъ. Однако опытъ перваго же года показалъ, что китайскій работникъ много уступаетъ русскому, и вотъ почему нужно было обратиться къ нашимъ солдатамъ и ссыльно-каторжнымъ. Если еще держались китайцы и были преобладающимъ элементомъ, то исключительно какъ дешевые и невыскаательные работники.

¹⁾ Панты—молодые олени рога, изъ которыхъ китайцы готовятъ дорогое лѣкарство.

Но, кромѣ рабочихъ манзъ, по всей линіи дороги отъ Владивостока до Хабаровска встрѣчалось немало празднопатающихъ китайскихъ подданныхъ. Преобладаніе синихъ костюмовъ и длинныхъ косъ среди уличной толпы городовъ и селъ обыкновенно поражало вновь прѣзжаго человѣка въ Уссурійскій край. Вся мелкая торговля находилась попреимуществу въ рукахъ китайцевъ. Портные, столяры и другіе ремесленники были китайцы. Повара, лакеи, дворники—также китайцы. Явилось опасеніе, не завоюютъ ли китайцы напѣ край мирнымъ образомъ. И вотъ въ виду наплыва сыновъ Небесной имперіи была придумана особая мѣра—взимать съ нихъ небольшой сборъ въ пользу казны¹⁾. Но и это не остановило нашествія манзъ и каулей въ Приморскую область. Еще кроткіе каули-корейцы, являясь къ намъ, не только на лѣтніе заработки, но иногда и на постоянное жительство съ женами, дѣтьми, со всѣмъ своимъ хозяйствомъ, представляютъ надежный и мирный элементъ для заселенія края. Безпокойные же, пронырливые и только съ виду флегматичные манзы, въ силу закона своей страны, не имѣютъ права переѣзжать границу съ женщинами, и они волею-неволею обрекаются на бездомное бродяжничество. Холостая жизнь манзъ разнуздываетъ ихъ страсти. На первомъ планѣ — куреніе опиума, у другихъ—азартныя игры въ кости или въ карты. Первые, придя въ жалкое болѣзненное состояніе, скитаются, какъ нищіе, несчастные люди; вторые, если посчастливится, занимаются торговлею, а съ проигрышемъ—идутъ на воровство и грабежъ. Неудивительно, что въ послѣдніе годы съ приливомъ такой массы китайцевъ снова появились правильно организованная шайки разбойниковъ, или хунхузовъ²⁾.

Съ занятіемъ береговъ рѣки Усури русскими въ 1859 году, естественно развилась скрытая вражда къ нимъ прежнихъ владѣльцевъ края, китайцевъ, которые привыкли возмутительно хозяйничать среди гольдовъ, ороченъ, тазовъ, и другихъ смиренныхъ инородцевъ страны, обирая ихъ запасы мѣховъ и рыбы, а теперь должны сами подчиняться новымъ хозяевамъ и ихъ незнакомымъ порядкамъ.

Недовольство росло. Появились отряды разбойниковъ хунхузовъ. При поддержкѣ осѣдлыхъ манзъ, они грабили русскихъ, корейцевъ и инородцевъ. Въ разныхъ мѣстахъ происходили небольшія стычки. Нужна была только искра, чтобы вспыхнулъ боль-

¹⁾ Высочайше утвержденное, 17 мая 1888 г., мнѣніе государственнаго совѣта.

²⁾ Слово хунхузъ переводятъ «красная борода». Но что общаго имѣетъ рыжая борода съ бритымъ китайскимъ разбойникомъ — неизвѣстно. Это названіе имѣло бы понятный смыслъ на Кавказѣ, гдѣ нѣкоторые разбойничьи дагестанскія племена красятъ свои бороды въ красный цвѣтъ. Они тоже въ своемъ родѣ хунхузы для станицъ кавказскихъ казаковъ.

шой пожаръ мщенія ненавистнымъ врагамъ. Онъ и вспыхнулъ въ 1868 году.

Это такъ случилось.

Лѣтомъ 1867 года разнесся слухъ, что на островѣ Аскольдѣ открыты золотыя россыпи. Манзы толпами поспѣшили на островъ, но русскіе оттуда ихъ прогнали. Въ теченіе зимы въ ближайшемъ къ южной границѣ китайскомъ городѣ Хунъ-Чунѣ манзы готовились къ новому походу на островъ Аскольдъ. Въ апрѣлѣ 1868 г. ихъ явилось туда болѣе 500 человекъ. Русскія войска опять прогнали ихъ съ острова. Тогда разъяренные китайцы высадились около деревни Шкотовой и прошли по направленію къ селу Никольскому, убивая и грабя все встрѣчающееся на пути. Вотъ тутъ впервые русскіе узнали всю ярость хунхузовъ. Пощады не было никому. Были разграблены и сожжены два поста и три деревни, въ томъ числѣ села Никольское и Шкотово.

Къ хунхузамъ пристали новыя толпы бродягъ. Они собирались подъ знаменами въ полки по тысячѣ человекъ. Русскіе также соединили свои отряды, разрозненные по всей странѣ, и послѣ ряда кровопролитныхъ стычекъ съ хунхузами разсѣяли ихъ полчища.

Манзы испытали силу русскихъ и смирились, а послѣдніе узнали нерасположеніе къ себѣ манзъ и болѣе не довѣряли имъ.

Разъединенные съ русскими религіей, языкомъ и обычаями, китайцы Уссурійскаго края долго еще считали себя подданными Небесной имперіи, хотя въ то же время свободно пользовались землею, строили фанзы ¹⁾ и заводили хозяйство.

Для характеристики отношеній китайцевъ къ русскимъ можно указать и въ наше время на 16.000 человекъ осѣдлаго китайскаго населенія на русской территоріи за рѣкой Зеей. Они признають себя подданными богдыхана, а занимаемую ими землю считаютъ китайскою, несмотря на то, что тутъ же расположены посты казаковъ, которыхъ они терпятъ съ нескрываемымъ неудовольствіемъ ²⁾.

Мѣры, принятыя русскими въ 1868 году, были такъ серіозны, что хунхузы долго не осмѣливались нападать на русскихъ, довольствуясь беззащитными каулями, кроткими гольдами и другими инородцами. Только съ постройкой желѣзной дороги, когда массы китайцевъ передвинулись ближе къ русскимъ населеніямъ на берегу Усури, появились со всѣхъ сторонъ жалобы на манзъ. Стали опять поговаривать о хунхузахъ. Наконецъ опасенія были настолько основательны, что одинъ изъ начальниковъ участка Уссурійской дороги изъ станицы Красноярской (близъ Имана) 20 іюля 1893 г. доносилъ во Владивостокъ въ такихъ выраженіяхъ:

«Послѣдніе дни было нѣсколько случаевъ очень тревожнаго

¹⁾ Фанза—китайскій домъ.

²⁾ См. «Пріамурскія Вѣдомости», 1896 г., № 143.

проявленія наглости и своеволія китайцевъ. Они открыто грозятъ нападеніемъ и грабежомъ. Въ виду ихъ многочисленности казаки и русскіе въ паникѣ. Настоятельнѣйше нужна самая неотложная помощь. Медлить опасно».

Вскорѣ угрозы стали фактомъ. Условія мѣстности чрезвычайно благоприятствовали хунхузамъ. Они могли неожиданно появиться изъ-за пограничной рѣки Усури, ограбить ту или другую станицу и также скоро исчезнуть опять за границу въ пустынные лѣса и горы.

Ночью, 6 сентября 1894 года, хунхузы напали на большую желѣзнодорожную станцію «Муравьевъ-Амурскій». Жители были застигнуты врасплохъ. Съ дикими криками разбойники бросились грабить магазинъ извѣстной на Востокѣ фирмы Кунста и Альберса. Въ первый моментъ всѣ опѣшили, но затѣмъ казаки и желѣзнодорожные жандармы смѣло напали на дерзкихъ грабителей. Послѣ непродолжительной перестрѣлки хунхузы отступили.

Это событіе надѣлало въ свое время много шума. Немедленно были посланы отряды солдатъ, разставлены караулы по берегамъ Усури и сдѣланъ обыскъ среди рабочихъ манзъ.

Край успокоился. На Иманъ перевели цѣлый баталіонъ солдатъ (8-й восточно-сибирскій), и о хунхузахъ понемногу стали забывать. Въ это время съ открытіемъ станціи на рѣкѣ Иманѣ явилось то оживленіе края, та кипучая дѣятельность, о которой я говорилъ выше въ первой главѣ. Сами хунхузы поняли, что здѣсь не мѣсто для грабежа. Иманъ можетъ служить только очагомъ шаекъ разбойниковъ. Сюда стекаются манзы со всѣхъ сторонъ за сотни верстъ, потому что здѣсь легко можно наняться въ рабочіе на линію желѣзной дороги; можно найти спеціальныя игорныя дома, китайскіе кабаки съ сулей и ханьшиномъ ¹⁾ и съ отдѣленіями для курильщиковъ опиума. Здѣсь же происходитъ купля и продажа дозволеннаго и недозволеннаго товара, а главное—составляются партіи на крупныя работы, на поиски женышеня или для тайной работы золота въ горахъ ²⁾.

Насколько удобно было хунхузамъ играть и кутить въ китайскомъ кварталѣ Имана, настолько надо было имъ оберегать это мѣсто отъ вмѣшательства русскаго начальства. Предводители хунхузовъ отлично это понимали и перенесли свои дѣйствія съ юга на сѣверъ, въ глухія мѣста Амура и Усури.

¹⁾ Суля и ханьшинъ — виды прѣпкой противной на вкусъ водки манзовскаго производства. Первая—гонится изъ китайскаго проса или гаоляна, а вторая—изъ ячменя.

(«Пріамурскія Вѣдомости», 1896 г., № 134).

²⁾ Въ 60-ти верстахъ отъ устья рѣки Имана, въ гористой мѣстности, называемой Сопки, найдены росыпы золота. Недавно мѣстная полиція захватила двухъ манзъ съ двухпудовымъ ящикомъ золота, пробравшихся оттуда на китайскую сторону.

Въ своемъ краткомъ пересказѣ исторіи хунхузовъ Уссурийскаго края я подошелъ къ тому моменту, откуда начинается собственно хунхузіада 1896 года, разыгравшаяся на берегахъ Уссури. Такъ какъ я намѣренъ вести разсказъ въ хронологическомъ порядкѣ, то помяну сначала о появленіи хунхузовъ на границѣ Амурской области.

Китайская сторона Амура отъ рѣки Аргуни до Уссури заселена преимущественно въ мѣстахъ расположенія золотыхъ приисковъ. Каждый приискъ имѣетъ на ближайшемъ берегу Амура пристань и контору, извѣстную у русскихъ подъ названіемъ резиденціи, потому что тамъ обыкновенно живетъ китайскій чиновникъ. Такая приисковая контора была на рѣкѣ Джаимъ близъ казачьей станицы Радде. Въ ней находились большіе запасы пищи, водки и разныхъ матеріаловъ.

Въ первыхъ числахъ іюля 1896 года партія хунхузовъ въ числѣ 120 человекъ на лодкахъ спустилась по рѣкѣ Сунгари (сосѣдка рѣки Уссури) и вышла погулять на Амуръ. Не доходя восьми верстъ до вышесказанной резиденціи, хунхузы пристали къ китайскому берегу и расположились лагеремъ. Это не укрылось отъ приисковыхъ китайцевъ, и они поняли намѣреніе хунхузовъ напасть на ихъ контору. Защищаться нечѣмъ; обратиться за помощью къ китайскимъ солдатамъ—далеко. По старой памяти послали въ русскую станицу Радде, гдѣ стояли казаки Амурскаго полка, горячую просьбу защитить ихъ отъ разбойниковъ.

Всю ночь на 11 іюля китайцы караулили и ждали нападенія. Хитрые хунхузы черезъ своихъ лазутчиковъ знали это и не трогались съ мѣста. Ночь прошла спокойно, и на разсвѣтѣ утомленные китайцы заснули. Вдругъ съ криками и выстрѣлами бросились хунхузы на спящихъ и въ одну минуту овладѣли конторою. Былъ полный просторъ для грабежа складовъ. Ликующіе разбойники живо нагрузили четыре лодки будою, хлѣбомъ, ханьшиномъ и тронулись внизъ по теченію. Но не обошлась имъ даромъ эта побѣда. Въ противоположной станицѣ разбуженные выстрѣлами казаки выскочили съ винтовками на берегъ и стали издали осыпать хунхузовъ пулями. Разбойники не отстрѣливались, а поналегли на весла, чтобы скорѣе уйти внѣ выстрѣловъ. Говорятъ, они потеряли многихъ товарищей, прежде чѣмъ успѣли скрыться изъ грядъ казаковъ.

Вѣсть о появленіи хунхузовъ облетѣла весь Амуръ. Немедленно были выставлены сторожевые отряды въ станицѣ Радде и въ окрестностяхъ ея изъ охотничьихъ командъ отъ 2-го, 3-го и 4-го линейныхъ баталіоновъ и 40 человекъ отъ Амурскаго казачьяго полка.

Съ своей стороны и китайское начальство отправило въ догонку хунхузовъ отрядъ войскъ въ 400 человекъ подъ начальствомъ ге-

нерала Джао-мяна (или Чжао-мяна), главноуправляющаго Хей-лундзянскими золотыми приисками на рѣкѣ Желтугѣ.

Хунхузы скрылись въ многочисленныхъ протокахъ при впаденіи Усури въ Амуръ и нѣкоторое время довольствовались награбленною провизіею, ожидая, когда утомятся солдаты въ безплодныхъ поискахъ. Но генераль Джао-мянъ оказался настойчивымъ человѣкомъ, не отступающимъ отъ разъ намѣченной цѣли. Онъ нанялъ у товарищества Амурскаго пароходства извѣстный уже въ исторіи Пріамурскаго края пароходъ «Ингода», тотъ самый, на которомъ совершилъ свое путешествіе по Амурскому бассейну нынѣ царствующій Государь Императоръ въ 1891 г. Но такъ какъ этотъ пароходъ не могъ вмѣстить все войско генерала Джао-мяна, то были взяты на буксиръ еще двѣ китайскихъ шаланды. Эта флотилія двинулась къ устью Усури на поиски хунхузовъ. Но мы пока оставимъ генерала Джао-мяна съ его синимъ войскомъ и обратимся къ событіямъ, въ это время происходившимъ на рѣкѣ Усури, на среднемъ ея теченіи.

III.

Усури лѣтнимъ днемъ.—Положеніе станицы Васильевской.—Появленіе хунхузовъ.—Манзовскія лавки.—Захватъ казаковъ хунхузами.—Расправа съ корейцами.—Тревога Покровской станицы.—Переговоры съ хунхузами.—Освобожденіе казаковъ.—Бесѣда съ казакомъ Овчинниковымъ.

21 іюля я медленно подымался вверхъ по рѣкѣ Усури изъ Щепенчихи. На буксирѣ парохода тянулось нѣсколько тяжелыхъ деревянныхъ баржъ. Ихъ нужно было мнѣ доставить къ желѣзнодорожной пристани на Иманѣ.

Бѣлый утренній туманъ давно уже сошелъ съ рѣки. Солнце начинало замѣтно припекать. Мостикъ, рубки, палуба — все густо усѣяно желтоватыми оводами. Приходится постоянно отмахиваться отъ нихъ рукою. Этотъ дневной бичъ человѣка и скота какъ бы являлся на смѣну ночного—комаровъ и мошекъ. Только сильный вѣтеръ и дождь сгоняють съ парохода этихъ непрошенныхъ гостей.

Немного жарко. Казалось бы, теперь все должно отдохнуть и спрятаться въ тѣни. Сами листья деревьевъ неподвижно висятъ и какъ бы просятъ на отдыхъ... Но взглянешь изъ-подъ тента наверхъ и почти всегда найдешь на голубомъ небѣ высоко парящихъ коршуновъ, а въ густой зелени на берегу виднѣются медленно пошевеливающіяся бѣловатая пятна: это цапли, скрывшіяся отъ полуденнаго солнца въ тѣни тальника.

Широкая рѣка съ постоянными изгибами и частыми островами открываетъ множество красивыхъ видовъ. Каждый день и каждую

ночь бороздишь ея воды, ежедневно засматриваешься на ея берега и никогда не устаешь любоваться ея разнообразными картинами. Только петронутая природа можетъ быть всегда такъ нова, прекрасна и интересна. Какъ хороши, напримѣръ, луга со множествомъ яркихъ цвѣтовъ! Піоны, лютики, фіалки — все это намъ, русскимъ, хорошо извѣстно; но мы никогда въ Россіи не встрѣтимъ, какъ здѣсь, такого обилія оранжевыхъ и красноватыхъ лилій и другихъ красивыхъ цвѣтовъ, присущихъ мѣстной флорѣ.

Въ третьемъ часу дня мы поровнялись со станицей Васильевской при впаденіи рѣки Бикинъ въ Усури. Въ этомъ мѣстѣ китайскій берегъ низкій, поросшій кустами, а русскій—съ высокими горами, поворачивающими вдоль Бикина. Станица прячется за стрѣлку, образуемую двумя большими рѣками. Отсюда, вверхъ по Усури, русскій берегъ тоже ровный, низкій и густо заросшій, какъ и китайскій, и тянется такъ почти безъ перемѣны верстъ на семь до слѣдующей Покровской станицы.

Я любилъ итти въ этомъ мѣстѣ, потому что здѣсь рѣка свободна отъ перекатовъ, и фарватеръ не вызывалъ моего усиленнаго вниманія. По краю праваго берега встрѣчаешь проходящихъ казаковъ, манзъ и гольдовъ. Иногда пронесется табунъ лошадей. На противоположной сторонѣ видны рыбаки. Взадъ и впередъ плывутъ по рѣкѣ то казацкія лодки, то манзовскія шаланды или оморочки ¹⁾ гольдовъ. Особенно красивы издали двухмачтовые шаланды при низовомъ вѣтрѣ, когда онѣ распускаютъ свои большіе парусы и плавно несутся навстрѣчу водѣ. Въ хорошую погоду на ихъ палубѣ почти всегда можно увидѣть множество манзъ, одѣтыхъ въ свой традиціонный сѣрый костюмъ, съ грязными повязками на головахъ. На приподнятой кормѣ обыкновенно стоитъ съ трубкой въ зубахъ рулевой. Зачастую онъ же и лоцманъ и шкиперъ. Остальные — кто работаетъ большимъ тяжелымъ весломъ, кто подтягиваетъ пискливую снасть. Лица и руки у всѣхъ темныя отъ загара.

Мы прошли мимо двухъ такихъ шаландъ, биткомъ набитыхъ манзами. Эти китайскія суда такъ часто встрѣчаются, что ни я и никто изъ моей команды не обратили на нихъ особеннаго вниманія. Потомъ мы узнали: въ шаландахъ были хунхузы.

Зачѣмъ они здѣсь? Откуда взялись? Не хотятъ ли они попасть на русскую сторону? Пока никто ничего не знаетъ. Они плывутъ тихонько вверхъ по Усури и пристають къ берегу по мѣрѣ надобности.

¹⁾ Оморочка—чрезвычайно легкая лодка, сдѣланная изъ тонкихъ вѣрпкихъ палокъ, обшитыхъ берестю. При ширинѣ не болѣе одного аршина, она достигаетъ двухъ-трехъ сажень длины. Носъ и корма задраны кверху. Гребутъ или однимъ большимъ весломъ, съ короткою, но широкою лопастью, или двумя маленькими лопаточками. Встрѣчалъ я оморочки и изъ тонкихъ досокъ. Гольды ловко и легко управляютъ ими на быстрыхъ притокахъ Усури.

Въ станицу Васильевскую хунхузы отправили двухъ человекъ за покупками. Въ каждомъ поселкѣ Уссурійскаго края есть манзавскія лавки съ русско-китайскимъ товаромъ. Въ нихъ непременно найдешь манчжурскій табакъ, грубыя китайскія чашки и деревянныя палочки для буды и проса, курительныя желтыя свѣчи, на подобіе нашихъ церковныхъ, пороховыя хлопушки и шутихи—необходимая забава китайцевъ въ праздники, башмаки на толстыхъ бумажныхъ подошвахъ и многіе другіе товары сыновъ Небесной имперіи.

Казакі обратили вниманіе на большія закупки китайцевъ, но не допытывались, кто они.

Въ 20-ти верстахъ отъ Васильевской въ это время строилась желѣзная дорога, и въ станицу часто наѣзжали русскіе и китайскіе подрядчики, а потому казаки привыкли видѣть у себя постороннихъ людей; къ тому же и переходъ черезъ границу былъ совершенно свободенъ.

Хунхузы, обошедши всѣ китайскія лавочки, беспрепятственно удалились изъ селенія.

На другой день въ сосѣдней Покровской станицѣ замѣтили, какъ двѣ большія шаланды съ манзами пристали къ противоположному берегу рѣки, гдѣ раскинулась небольшая гольдская деревня.

Одинъ покровскій казакъ вздумалъ сейчасъ же ѣхать къ нимъ за покупками. Не знаю, чего онъ хотѣлъ на этотъ разъ найти у манзъ, но очень часто казаки покупаютъ на китайскомъ берегу противную сулю или ханьшинъ. Они жадно набрасываются на китайскую водку, потому что она крѣпче и много дешевле русской. Съ казакомъ на лодкѣ отправились нѣсколько корейцевъ и китаецъ.

Только что они вышли на берегъ, какъ ихъ окружили манзы, связали и посадили въ амбаръ.

Черезъ нѣкоторое время подходитъ другая лодка изъ Покровской станицы. Въ ней сидѣли казакъ, женщина и мальчикъ. Вѣроятно, эти тоже польстились на какіе нибудь китайскіе товары.

Манзы и ихъ схватили. Казака связали и посадили въ амбаръ къ прежде арестованнымъ.

Вскорѣ началась расправа. Корейцевъ выволокли за волосы на дворъ и убили. Вытащили еще связаннаго китайца. Арестованные казаки поняли, что они попали въ руки хунхузовъ, и съ ужасомъ ожидали своей очереди.

Въ это время на китайской же сторонѣ, недалеко отъ гольдской деревни, косилъ сѣно покровскій казакъ съ своимъ сыномъ. Въ пустынномъ краѣ по ту сторону рѣки Усури такъ много удобной земли, что казаки совершенно свободно пользуются любымъ незанятымъ клочкомъ земли для пашни или сѣнокоса. Вообще казаки мирно уживаются съ осѣдлымъ китайскимъ населеніемъ. Съ своей стороны они предоставляютъ гольдамъ и манзамъ осенью и зимой

свободно охотиться въ русскихъ горахъ, а лѣтомъ—искать корня жень-шеня.

Стояла хорошая погода, и казакъ торопился убрать сѣно. Вдругъ онъ слышитъ отчаянные крики и выстрѣлы. «Что такое?»—недоумѣваетъ казакъ.

— Поди-ка, сбѣгай въ деревню,—обращается онъ къ сыну:— что у нихъ тамъ дѣлается?

Мальчикъ побѣжалъ. Осторожно раздвигая кусты, онъ пробрался къ самой деревнѣ. Его глазамъ представилась ужасная картина расправы. Блѣдный, трясаясь отъ страха, мальчикъ съ волненіемъ сообщилъ отцу:

— Манзы бьютъ гольдовъ и корейцевъ!

Казакъ сообразилъ, что это, должно быть, хунхузы, и немедленно отправился на своей лодкѣ домой. Его рассказъ всполошилъ всю станицу. Такъ какъ была рабочая пора, то всѣ мужчины разбрелись въ разныя стороны косить сѣно. Дома оставались старики, нѣсколько женщинъ и маленькія дѣти.

Ночь провели въ станицѣ въ страшной тревогѣ. Отгѣхавшіе казаки въ гольдскую деревню все еще не возвращались. Всѣхъ пугала мысль, что и съ ними также поступили, какъ съ корейцами.

Между тѣмъ арестованные казаки сидѣли въ амбарѣ и томительно ждали своего конца. Но вотъ вваливаются толпой манзы и нѣсколько освобождаютъ казакамъ связанныя руки, затѣмъ приносятъ обѣдъ и предлагаютъ имъ ѣсть. Казаки обрадовались: явилась надежда на освобожденіе. «Не хотятъ ли они насъ освободить за выкупъ?»—подумали плѣнники.

На утро станичный атаманъ Кудрявцевъ рѣшилъ самъ отправиться въ лодкѣ съ двумя казаками къ хунхузамъ. Они нарядились въ форменное платье. Сколько было народу въ станицѣ, весь вышелъ на берегъ и съ замираніемъ сердца слѣдилъ за лодкой.

Казаки подгѣхали на почтительное разстояніе къ гольдской деревнѣ и остановились. Показались на китайскомъ берегу манзы.

— Можно подгѣхать?—спрашиваютъ казаки.

— Можно,—отвѣчаютъ манзы.

— А бить не будете?

— Нѣтъ, не будемъ.

Казаки подгѣхали.

— Затѣмъ вы держите у себя нашихъ казаковъ?

— Мы казаковъ не держимъ. У насъ есть связанные русскіе люди, но это бродяги.

— Нѣтъ, это наши покровскіе казаки.

— У казаковъ шапки, какъ у васъ, съ желтымъ околышемъ, а у этихъ бродягъ черныя шапки.

Ссылка на форменныя шапки съ желтымъ околышемъ—дипломатическая уловка. Въ Уссурійскомъ краѣ манзы отлично знаютъ,

что казаки надѣваютъ форму во время службы и при официальныхъ представленіяхъ. Дома же, въ лѣсу, на рѣкѣ и на полѣ, льготные казаки работаютъ въ обыкновенныхъ крестьянскихъ костюмахъ. Иногда, правда, встрѣтишь желтый околышъ на шапкѣ или желтый лампасъ на шароварахъ, но это значитъ, что казакъ донашиваетъ свою старую форменную одежду.

Переговоры затянулись. Станичный атаманъ настаиваетъ, что арестованные люди—казаки ихъ станицы.

— Хорошо, дайте намъ расписку, что это ваши казаки, тогда мы можемъ ихъ отпустить.

— Да вы-то сами кто такіе?

— Китайскіе солдаты! Мы посланы сюда ловить хунхузовъ.

Наглая ложь сильно возмутила казаковъ, но ради освобожденія товарищей они показали видъ, что вѣрятъ имъ.

Одинъ изъ мангъ важно усѣлся и написалъ тушью что-то по-китайски. Атаманъ подписалъ. Къ нему тотчасъ привели арестованныхъ.

Радуюсь, что такъ дешево отдѣлались, казаки поспѣшили домой.

Сомнѣнія не было: это хунхузы! Иначе зачѣмъ китайскимъ войскамъ грабить и убивать корейцевъ и гольдовъ, какъ они сдѣлали? А о томъ, что на Амурѣ дѣйствительно китайское войско преслѣдуетъ хунхузовъ, казаки еще не знали.

Атаманъ Кудрявцевъ сейчасъ же послалъ казака въ сосѣднюю станицу Васильевскую съ извѣстіемъ о появленіи хунхузовъ. Васильевскіе казаки дали знать козловскимъ, козловскіе—лончаковскимъ и т. д. до Хабаровска.

Поднялся общій крикъ по всей рѣкѣ Усури: хунхузы! опять хунхузы! Установили особые караулы. Особенно безпокоилась Васильевская станица: тамъ вспомнили, какъ въ воскресенье явились богатые китайцы за покупками, и еще больше боялись: не выглядѣтъ ли станицу приходили сюда хунхузы?

Когда я вскорѣ присталъ къ станицѣ Васильевской, тамъ только и говорили, что о хунхузахъ.

— Гдѣ же они теперь?—спрашиваю старѣйшаго казака, Кузьму Ивановича Овчинникова.

— Прошли! Всю ночь мы караулили. Сегодня утромъ на разсвѣтѣ густой туманъ былъ. Въ туманѣ-то и прошли мимо насъ на двухъ шаландахъ. Теперь, поди, они на Норѣ будутъ, если гдѣ нибудь не остановились раньше.

— Побаивались?

— Какъ же не бояться! Рабочая пора въ самомъ разгарѣ. Всѣ на покосѣ. Остался только старый да малый. Вотъ взять хоть бы и у меня: сынъ Василій плаваетъ у васъ на пароходѣ, другой на покосѣ за нѣсколько верстъ по Бикину. Одинъ я, старикъ, съ бабами остался дома. А хунхузы народъ дерзкій! Слышали, небось,

какъ они напали на «Муравьевъ-Амурскій»? Долго ли до грѣха? Придутъ ночью, запалятъ станицу... Что тутъ подѣлаешь?!

— Да хунхузы ли это?

— Какъ же не хунхузы,—поспѣшно возразилъ старикъ, нѣсколько обидѣвшись, — когда они убили четырехъ корейцевъ и ограбили гольдовъ! Гольдовъ они всегда грабятъ. Отберутъ у нихъ всѣ ружья и порохъ. Но зато и гольды охотнѣе всего нанимаются ловить хунхузовъ. У нихъ давнишняя вражда! Насмотрѣлся я за тридцать-то лѣтъ. Когда мы пришли изъ-за Байкаля, тутъ вѣдь ничего еще не было. Вотъ тогда-то пришлось намъ смотрѣть въ оба. Съ гольдами всегда жили согласно. Честный и спокойный народъ: не украдетъ и не обманетъ. Съ китайцами держались осторожнѣе, но, слава Богу, нашу станицу и вообще на Уссури хунхузы не такъ обижали. А вотъ по Суйфуну, около села Никольскаго и ближе къ границѣ у Камня-Рыболова, что тамъ-то было!

И старикъ принялся рассказывать о набѣгахъ хунхузовъ въ первые годы занятія края русскими. Онъ очень любилъ вспоминать, какъ переселились казаки изъ-за Байкаля на Уссури, съ какими приключеніями они передвигались по Амуру, какія столкновенія имѣли съ манзами, какъ боролись съ дикою природою, какое было здѣсь обиліе звѣря и рыбы. Кузьма Ивановичъ самъ увлекался своими повѣствованіями и чувствовалъ себя въ это время героемъ, особенно когда онъ вспоминалъ свою борьбу съ тигромъ или удачную охоту на оленей. Его голосъ звучалъ громко и рѣзко, а глаза загорались юношескимъ блескомъ.

Мнѣ нравилось бесѣдовать съ этимъ удивительнымъ старикомъ, который, несмотря на свои восемь десятковъ лѣтъ, смѣло пускается на маленькой лодченкѣ по Уссури въ свѣжую погоду.

— Часто и теперь, — рассказываетъ его сынъ, служившій у меня на пароходѣ,—возьметъ онъ меня съ собой въ лодку, поставитъ парусъ, а самъ сядетъ съ весломъ на корму и править. Волна подыметъ страшная, вѣтеръ такъ и рветъ... Сидишь въ лодкѣ ни живъ, ни мертвъ, а отецъ только изрѣдка покрикиваетъ на меня и твердо, твердо править весломъ. И Боже сохрани послушаться!

Замѣчательно, сыновья у Кузьмы Ивановича тоже сѣдые старики, но слушаются и боятся его, какъ малыя дѣти.

IV.

Хунхузы близъ Щепенчи. — Ожиданіе венюковскихъ казаковъ. — Аресты хунхузовъ. — Приѣздъ русскихъ войскъ. — Погоня за хунхузами — Нападеніе на фанзу. — Рядъ стычекъ съ хунхузами. — Солнечное затменіе. — Возвращеніе русскихъ войскъ въ ст. Венюкову. — Осмотръ разбойничьяго притона. — Китайскія лѣкарства. — Напрасная тревога.

Въ іюль 1896 года, вода была сильно на прибыли. Даже самыя малыя протоки, обыкновенно пересыхающія лѣтомъ, стали доступны для манзовскихъ шаландъ. Хунхузы свободно прошли въ сторонѣ отъ главнаго фарватера, укрываясь по пути многочисленными островами, и остановились у китайскаго берега, въ пяти верстахъ отъ Венюковской станицы.

Здѣсь одиноко стояла фанза, хорошо скрытая за деревьями. Давно она служила китайцамъ отличнымъ разбойничьимъ притономъ, и теперь хунхузы расположились въ ней, какъ дома.

Между тѣмъ въ сосѣдней Венюковской станицѣ, какъ и въ другихъ, извѣстіе о хунхузахъ поставило на ноги всѣхъ способныхъ носить оружіе. Есть и здѣсь много стариковъ, которые помнятъ еще прежнія схватки казаковъ съ хунхузами. Венюковцы на себя мало надѣялись и ждали помощи изъ Хабаровска.

Венюкова, одна изъ большихъ станицъ Усури, имѣетъ церковь, школу и почтово-телеграфную контору. Проходящая въ трехъ верстахъ желѣзная дорога, устроивъ здѣсь свою пристань, придала новый характеръ жизни венюковскимъ казакамъ. Кромѣ рыбнаго и пушнаго промысла, кромѣ земледѣлія и извоза, они стали заниматься еще поставкою шпаль и строевого лѣса подрядчикамъ дороги.

Здѣсь, какъ и въ другихъ уссурійскихъ станицахъ, разгулъ и пьянство казаковъ бросаются въ глаза; но Венюково имѣетъ одну особенность: въ ней нѣтъ кабака. Одинъ изъ усердныхъ изслѣдователей края, Михаилъ Ивановичъ Венюковъ, по имени котораго названа станица, завѣщалъ казакамъ значительное пособіе на школу при условіи, если они не будутъ имѣть у себя кабака. Завѣтъ этотъ до сихъ поръ венюковцы соблюдаютъ ненарушимо; но это не мѣшаетъ имъ имѣть водку въ каждой избѣ и быть пьянымъ, когда вздумается.

Венюковскіе казаки зорко слѣдили за рѣкой днемъ и ночью. По ихъ расчету хунхузамъ давно бы надо спуститься внизъ по рѣкѣ мимо станицы, если только они намѣрены идти къ устью Усури, а ихъ все еще нѣтъ. Очевидно, хунхузы хотятъ пограбить селенія въ средней части Усури. Это еще болѣе смущало венюковцевъ.

Хорошая погода измѣнилась. Проливные дожди стали чередоваться съ сильными вѣтрами. Вода еще выше поднялась въ рѣкѣ

и залила низкіе берега. Наступило 26-е іюля. Хунхузы рѣшили дѣйствовать. Они не подозрѣвали, что всѣ станицы встревожены и ждутъ ихъ появленія. Ребячески увлекаясь своей продѣлкой съ покровскими казаками, они надумали послать лодку въ Венюково за покупками, а, можетъ быть, высмотрѣть станицу и узнать, не говорятъ ли о нихъ.

Три хунхуза отважно пристали къ станицѣ въ лодкѣ, вышли на берегъ и направились къ лавкѣ. Тотчасъ ихъ окружають казаки.

— Ваша хунхуза есть?

— Нѣтъ, наша солдата. Наша купи мало-мало буды ¹⁾.

Ихъ безъ дальнѣйшихъ разговоровъ связали и посадили въ избу.

Спустя нѣкоторое время, подходитъ другая лодка съ хунхузами. Казаки и имъ дали пристать и выйти на берегъ, а затѣмъ арестовали. Тутъ повторилась та же исторія, что и въ гольдской деревнѣ 22-го іюля, съ тою только разницею: тамъ вязали хунхузы казаковъ, а здѣсь казаки хунхузовъ.

Наконецъ, на выручку хунхузамъ поѣхали помощникъ атамана Зау-щенъ и писарь Ян-до-линъ, тотъ самый, который писалъ расписку покровскимъ казакамъ. Связали и ихъ. При обыскѣ нашли у Ян-до-лина и расписку Кудрявцева. Казаки особенно были довольны этой находкой. Она ихъ радовала, какъ знамя, возвращенное изъ непріятельскаго плѣна.

Хунхузы стали грозиться, что сожгутъ стоги накопшеннаго сѣна въ лугахъ, нападуть на самую станицу и разграбятъ ее. Но казаки уже получили извѣстіе: изъ Хабаровска вышелъ пароходъ и везетъ охотничью команду отъ 10-го восточно-сибирскаго линейнаго баталіона, въ числѣ 25 человекъ, подъ начальствомъ поручика В. Т. Михайлова.

Дня черезъ два этотъ отрядъ присоединился къ казакамъ и поступилъ подъ общее командованіе подьесаула А. Г. Савицкаго.

Развѣдчики донесли ему, что хунхузы на восьми лодкахъ ушли вверхъ по Уссури.

Рѣшено было немедленно итти за ними въ погоню на пароходѣ «Адмиралъ Чихачевъ». Поровнявшись съ фанзою, гдѣ останавливались хунхузы, русскіе замѣтили въ кустахъ шаланды. Офицеры съ семью нижними чинами тотчасъ же съѣхали на берегъ.

Вдругъ они натыкаются на четырехъ манзъ. Двое изъ нихъ были съ ружьями.

— А!.. хунхузы здѣсь! Не ушли еще!

¹⁾ Сибиряки подмѣтили нѣкоторыя общія черты въ различныхъ нарѣчіяхъ инородцевъ и изъ нихъ составили особый сибирскій жаргонъ. Желая скорѣе быть понятыми ими, они измѣнили составъ русской рѣчи сообразно законамъ инородческихъ языковъ. Напримѣръ, всѣ личные мѣстоименія замѣняются притяжательными, а для глаголовъ употребляется чаще всего одна форма повелительнаго наклоненія.

Раздался выстрѣлъ. Это былъ условленный знакъ для вызова всей команды съ парохода на берегъ. Манзы немедленно были связаны.

Офицеры бросились далѣе къ фанзѣ. Китайцы, проводивъ вчера половину своихъ товарищей, засѣли играть въ карты. Полагаясь на своихъ сторожей, они безопасно расположились въ фанзѣ и затянули свою игру до самаго утра. И даже при звукѣ выстрѣла хунхузы не сразу прекратили игру. Только при крикахъ: пришли русскіе! поднялся страшный переполохъ: всѣ бросились вонъ изъ фанзы, оставивъ въ ней карты, деньги, котомки, чашки и прочій скарбъ.

Солдаты успѣли захватить человѣкъ съ десять китайцевъ и тотчасъ связали ихъ.

Офицеры недоумѣвали: хунхузы вчера уплыли по Уссури. Кто же это? И сколько здѣсь человѣкъ?

Стали осматривать мѣсто вокругъ фанзы. Кругомъ подымалась густая зелень, за которою ничего нельзя было разглядѣть. Поручикъ Михайловъ взлѣзъ на крышу. Но и оттуда ничего не разсмотрѣлъ.

Только что вышли солдаты изъ фанзы, какъ посыпались на нихъ пули. Сомнѣнія не было: здѣсь хунхузы! Они засѣли въ дубовую рощу и, хорошо скрываясь въ зелени, открыли учащенный огонь. Завязалась перестрѣлка. Пули хунхузовъ залетали и на пароходъ.

Половина русскаго отряда съ поручикомъ Михайловымъ пошла въ обходъ китайцамъ и попала въ болото. Нѣкоторые увязли по грудь. Положеніе солдатъ становилось все хуже и хуже. Къ счастью китайцы стрѣляли очень дурно. Вѣроятно, взволнованные неожиданнымъ нападеніемъ, они плохо цѣбились и старались выпустить побольше пуль только числомъ.

Еслибы хунхузы продержались дольше, то русскіе, имѣя всего на-всего по 30 патроновъ на человѣка, скоро вынуждены бы были прекратить пальбу. Но эти разбойники, какъ замѣчено, не умѣютъ долго и стойко держаться: какъ только падаетъ одинъ изъ нихъ,— всѣ остальные бѣгутъ. Такъ и теперь: два хунхуза пали, и вся шайка обратилась въ бѣгство. Можетъ быть, къ этому побудило ихъ и явленіе новаго отряда добровольцевъ и пассажировъ парохода подъ начальствомъ подполковника Валуева.

Болотистая мѣстность, заросшая высокою травою и густымъ кустарникомъ, мѣшала русскимъ преслѣдовать хунхузовъ, тѣмъ не менѣе они настойчиво шли по слѣдамъ разбойниковъ. Вдругъ солдаты натыкаются на дымящійся костеръ, свѣжій конскій пометъ и другіе признаки недавней стоянки хунхузовъ.

Раньше у преслѣдуемыхъ хунхузовъ лошадей не было; очевидно, здѣсь имъ встрѣтился другой отрядъ,—подумали русскіе.

Предположеніе оправдалось. Здѣсь были тѣ самые хунхузы, ко-

торые вчера ушли на восьми лодкахъ. При нихъ были два атамана на лошадяхъ. Одинъ въ бѣлой, другой въ голубой одеждѣ. Теперь обѣ партіи хунхузовъ соединились вмѣстѣ и побѣжали дальше. Умышленно ли, чтобы остановить русскихъ, или нечаянно, по незнанію мѣстности, они забрались въ зыбкое болото. Лошади атамановъ вязли и не могли итти. Пришлось ихъ бросить.

И русскіе и китайцы страшно истомились, перемокли, перепачкались. Наступилъ полдень. Преслѣдованіе продолжалось безъ передышки. Наконецъ хунхузы рѣшились остановиться и приготовились встрѣтить русскихъ огнемъ. Перестрѣлка завязалась на полчаса, пока не былъ убитъ одинъ хунхузъ, послѣ чего опять всѣ они пустились въ бѣгство.

Вѣроятно, хунхузы истомились въ конецъ, потому что черезъ шесть часовъ бѣгства снова попытались остановить русскихъ. Они выбрали хорошую позицію въ лѣсу, притаились и выжидали выхода русскихъ на поляну, саженъ въ сто длиною.

Только что патруль отряда вмѣстѣ съ подьесауломъ Савицкимъ показался изъ кустовъ, какъ хунхузы открыли учащенную пальбу. Солдаты немедленно залегли въ кусты; но одинъ изъ нихъ, будучи на болѣе открытомъ мѣстѣ, не успѣлъ скоро спрятаться, и вражья пуля поразила его прямо въ сердце.

Хунхузы были совершенно скрыты густымъ лѣсомъ и на этотъ разъ стойко держались. Поручикъ Михайловъ, не видя подьесаула Савицкаго, полагалъ, что онъ въ плѣну, и собирался броситься въ атаку на его выручку, но тутъ услышалъ голосъ товарища, и по его приказанію сталъ стрѣлять залпами.

Какъ разъ въ это время случилось солнечное затменіе, знаменательное явленіе для сыновъ Небесной имперіи.

Рѣзкой темноты не было, но люди, даже не ожидавшіе затменія, невольно обратили вниманіе на ослабленіе свѣта и красноватый тонъ его. На суевѣрныхъ китайцевъ, считающихъ свое время и праздники по лунѣ, это явленіе въ моментъ новолунія, совпавшее съ битвою, произвело бы сильное впечатлѣніе, но въ пылу сраженія за густымъ ружейнымъ дымомъ они, вѣроятно, не замѣтили ослабленія свѣта и продолжали безостановочно стрѣлять въ сторону русскихъ. Изъ нѣсколькихъ тысячъ безтолковыхъ выстрѣловъ, не считая раньше убитаго въ патруль Терентія Лапина, только одинъ былъ до нѣкоторой степени удаченъ: пуля попала прямо въ дуло винтовки солдата; русскимъ же удалось убить двухъ хунхузовъ.

У солдатъ оставалось не болѣе пяти патроновъ на человѣка, а казаки разстрѣляли свои всѣ, даже и тѣ, что забрали у убитыхъ хунхузовъ. Рѣшено было прекратить преслѣдованіе. Да и пора. Было шесть часовъ вечера, слѣдовательно, двѣнадцать часовъ, какъ они преслѣдуютъ хунхузовъ.

Куда итти? Возвращаться назадъ по своимъ слѣдамъ, — очень далеко. Къ тому же, всѣ страшно устали. Выбрали кратчайшую дорогу на берегъ Уссури.

Только въ 11 часовъ ночи, послѣ семнадцати-часового перехода, оборванные, измученные, голодные, они добрались до гольдской фанзы въ пяти верстахъ отъ станціи Кедровой, а отсюда водой добрались до дома.

Жители станицы Венюковой, особенно оставленные семьи казаковъ, съ нетерпѣніемъ ждали возвращенія ушедшаго войска. Понятно, съ какою тревогою и болью въ душѣ женщины и дѣти еще вчера провожали своихъ родныхъ. Онѣ все время издали слѣдили за пароходомъ, пока онъ не остановился противъ перваго венюковского острова. Вскорѣ послышались выстрѣлы, а съ ними вся станица огласилась воплями. Священникъ, о. Савва Мичуринъ, приказалъ благословить къ обѣднѣ. Весь народъ потянулся въ церковь. Рыданіе женщинъ не прекращалось во все время службы. Отецъ Савва уговаривалъ казаковъ успокоиться, быть мужественными и надѣяться, что Господь поможетъ отразить врага. По окончаніи молебна народъ вышелъ изъ храма съ отчаяннымъ рѣшеніемъ—сжечь самимъ свою станицу, но не отдавать ея на разграбленіе хунхузамъ. Видя пароходъ стоящимъ на одномъ мѣстѣ, нѣкоторые изъ венюковцевъ предполагали, что на немъ испорчена машина отъ хунхузскихъ выстрѣловъ, и потому онъ не можетъ двинуться. Другіе прямо говорили, что китайцы разбили русскихъ. Догадкамъ не было конца. Въ два часа дня, истомившись ожиданіемъ, казаки послали лодку къ пароходу и вечеромъ узнали событія только первой схватки съ хунхузами. Затѣмъ прошла цѣлая ночь въ неизвѣстности.

Утромъ радость станицы съ возвращеніемъ русскаго войска была помрачена при видѣ убитаго рядового Терентія Лапина. Эта первая очевидная жертва борьбы съ хунхузами всѣхъ глубоко возмутила, но и самый видъ вернувшихся казаковъ вызывалъ слезы родственниковъ. Приведу выдержку изъ письма венюковского священника.

«...Тяжело вспоминать грустную картину возвращенія воиновъ. Лица блѣдныя и усталыя отъ бессонной ночи и голода. Одежда вся въ дырахъ, пробитыхъ вѣтвями деревьевъ, и перемазана сажей обгорѣлыхъ пней. Ноги у многихъ голыя, ободранныя. Въ довершеніе всего, мертвое тѣло убитаго...»

На другой день солдаты опять отправились къ фанзѣ, гдѣ была первая стычка. Тамъ нашли еще одного убитаго китайца. Но что за истерзанный видъ его тѣла! На щекахъ и на рукахъ грубо были вырѣзаны куски тѣла. Это навѣрно продѣлки хунхузовъ!—подумали солдаты.—Но зачѣмъ такъ издѣваться надъ своимъ же братомъ-китайцемъ?

Потомъ имъ объяснили. Для скорѣйшаго заживленія своихъ ранъ, китайцы прикладываютъ куски тѣла, взятые съ убитаго человека. Вѣроятно, послѣ битвы оставшіе раненые хунхузы лѣчили себя такимъ образомъ.

Кстати сказать, у китайцевъ своеобразныя лѣкарства. Помимо всеисцѣляющаго корня жень-шеня, большое значеніе, особенно у хунхузовъ, имѣютъ части тигра, или ламазы, какъ они называютъ этого ужаснаго звѣря Уссурійскаго края. Отъ жира тигра, по ихъ увѣренію, скоро заживаютъ раны, а его желчь придаетъ много храбрости. Для послѣдней цѣли даютъ еще и кости тигра, истертая въ порошокъ. Даже когти ламазы имѣютъ особое значеніе, и ихъ носятъ, какъ амулеты. Вѣрятъ и инородцы, что надо поѣсть его мяса, чтобы пріобрѣсть тигриную храбрость.

Солдаты еще наткнулись на повѣшеннаго старика-китайца,— вѣроятно, дѣло тоже хунхузскихъ рукъ.

Такія возмутительныя картины заставили русскихъ сжечь фанзу, такъ сказать, уничтожить всякіе слѣды гнуснаго разбойничьяго гнѣва.

Казаки станицы все еще были въ тревогѣ. Они ожидали мести хунхузовъ. Ихъ беспокоилъ, между прочимъ, недостатокъ въ патронахъ, да и вообще у нихъ было мало оружія. Они понимали, что борьба съ хунхузами еще не окончена.

Среди дня, 31-го іюля, вдругъ загудѣлъ набатъ. Всѣ жители въ страхѣ выскочили изъ домовъ съ оружіемъ въ рукахъ. Заплакали женщины, закричали дѣти... Народъ сбѣжался на церковную площадь. Не только мужчины, но и женщины и дѣти прибѣжали съ вилами, съ топорами, съ дубинами на защиту станицы. И опять спички были на первомъ планѣ, чтобы поджечь свои дома на случай нападенія хунхузовъ. Опять пришлось выступить впередъ отцу Саввѣ и успокоивать народъ. Онъ просилъ своихъ венюковцевъ не отчаиваться, потому что хунхузы теперь сами напуганы. Но въ чемъ же дѣло? Оказывается, прибѣжалъ съ поля казакъ Олсуфьевъ съ своею женою и въ страшномъ волненіи объявилъ подтесаулу Савицкому о появленіи великаго множества хунхузовъ за Венюковскимъ утесомъ, ниже по рѣкѣ, въ пяти верстахъ отъ станицы. Немедленно солдаты и казаки полетѣли на лодкахъ внизъ по теченію рѣки... и ничего не нашли. Должно быть, у страха глаза велики.

V.

Амурская протока.—Новая уловка хунхузовъ.—Сраженіе въ Осиновомъ заливѣ.—Гольды.—Селеніе Норъ.—Посѣщеніе фанзы.—На пароходѣ по Уссури.—Ночь на рѣкѣ.—Разсказъ о стычкѣ 28-го іюля.—Положеніе хунхузовъ среди манзь.—Инспекція китайскихъ рабочихъ.—Комары.

Въ концѣ іюля мѣсяца генералъ Джао-мянъ далъ знать русскимъ въ Хабаровскѣ, что хунхузы чрезъ Амурскую протоку скоро войдутъ въ Уссури. Начальникъ Приамурскаго края распорядился немедленно выслать отрядъ въ 30 человекъ отъ 10-го восточно-сибирскаго линейнаго баталіона подъ начальствомъ поручика Я—ча въ станицу Казакевичеву, въ 40 верстахъ отъ Хабаровска, гдѣ выходитъ въ рѣку Уссури такъ называемая Амурская протока. Начинается же она въ полсотнѣ верстъ выше Хабаровска, на правой сторонѣ Амура, и отсѣкаетъ значительный кусокъ земли между этими рѣками. Этотъ низкій удлиненный островъ, изрѣзанный множествомъ другихъ малыхъ протоковъ, представляетъ изъ себя собраніе пустынныхъ острововъ, густо заросшихъ зеленью. Въ концѣ іюля все это было залито водою. Только кроны деревьевъ торчали надъ нею, какъ кусты. Это громадное водное пространство служило отличнымъ убѣжищемъ для хунхузовъ. Отсюда можно было удобно дѣлать разбойничьи набѣды въ Амуръ и въ Уссури. Генералъ Джао-мянъ старательно обыскалъ этотъ воровской уголокъ и заставилъ хунхузовъ искать другого притона.

Поручику Я—чу недолго пришлось ждать хунхузовъ у Амурской протоки. 29-го іюля они показались на большой двухмачтовой шаландѣ.

— Стой! Стой!

Остановились. Шаланда наполнена вооруженными китайцами.

— Вы хунхузы?

— Нѣтъ, мы — китайское войско. Мы посланы въ догонку за хунхузами, которые ограбили караванъ золота на рѣкѣ Желтугѣ. Они должны были пройти по этой протокѣ въ Уссури. Не видѣли ли вы ихъ?

— Мы тоже посланы перехватить ихъ здѣсь, да, видно, опоздали.

Офицеръ повѣрилъ хунхузамъ, потому что часть китайскаго войска Джао-мяна по костюму почти ничѣмъ не отличалась отъ обыкновенныхъ гражданъ Небесной имперіи въ синихъ рубахахъ и штанахъ.

Нѣкоторые изъ догадливыхъ солдатъ высказали свои сомнѣнія. Потребовали документы. Хунхузы подали какія-то бумажки, написанныя по-китайски, но провѣрить ихъ некому.

— Нѣтъ, вы хунхузы!— настаиваютъ русскіе.

— Если не вѣрите, то вотъ мы готовы вамъ выдать свое оружіе.

Такая покорность окончательно сбила съ толку русскихъ. Въ высшей степени было бы неприятно арестовать на границѣ двухъ имперій китайскихъ солдатъ и тѣмъ нарушить, пожалуй, добрыя отношенія къ намъ сосѣдей. Офицеръ приказалъ пропустить шаланду.

Хунхузы не теряли времени и поспѣшили скрыться изъ глазъ страшныхъ воиновъ.

Генералъ Джао-мянъ, оставивъ на Амурѣ часть своего войска, шель на пароходѣ «Ингода» по слѣдамъ хунхузовъ. У него оставался еще значительный отрядъ въ 240 человекъ, когда онъ вошелъ въ Амурскую протоку.

Страшно были огорчены русскіе, узнавъ отъ Джао-мяна о своей ошибкѣ. Они горѣли желаніемъ загладить свою вину и вмѣстѣ съ китайскимъ отрядомъ отправились въ погоню за хунхузами.

На другой день, 30-го іюля, соединенное русско-китайское войско настигло разбойниковъ въ Осиновомъ заливѣ и немедленно напало на нихъ.

Хунхузы отстрѣливались.

Благодаря новой оплошности, на этотъ разъ со стороны китайцевъ, хунхузы вторично успѣли скрыться. Они оставили шаланду и весь, награбленный товаръ и бросились по направленію рѣки Бѣлой (притокъ Уссури съ лѣвой стороны, впадающій въ нее нѣсколько выше станицы Невельской). Наступившая темная ночь съ проливнымъ дождемъ помѣшала преслѣдовать хунхузовъ, и русскій отрядъ вернулся назадъ.

Гольды—коренные туземцы на рѣкѣ Уссури, разбросались по ея берегамъ и нѣкоторымъ ея притокамъ небольшими деревеньками въ двѣ, три избы. Главнымъ образомъ они занимаются рыбнымъ промысломъ и звѣроловствомъ. У нихъ есть также хлѣбныя поля съ грядями (по китайскому способу) ячменя и проса. Разводятъ еще картофель и табакъ. Они держатъ собакъ для зимней упряжи, а потому при гольдскихъ фанзахъ всегда находятся амбары на высокихъ столбахъ съ запасомъ сушеной рыбы. Кроткіе и малочисленные гольды много терпятъ неприятностей отъ хунхузовъ. Иногда случается имъ лишиться не только запасовъ пищи, но и всего оружія.

На Бѣлой рѣкѣ кое-гдѣ тоже находились гольдскія фанзы. Бѣжавшіе хунхузы изъ Осиноваго залива обобрали эти фанзы, запаслись провизіей, сѣли въ отобранныя у гольдовъ лодки и поплыли на Норъ—самое любимое мѣсто хунхузовъ.

Почти на полдорогѣ между Иманомъ и Хабаровскомъ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Уссури, упираясь въ Норскія горы, дѣлаетъ уголъ, впадаетъ съ китайской стороны довольно значительная рѣка Норъ (или Нортъ, какъ иногда называютъ ее въ Уссурій-

скомъ краѣ). Она вытекаетъ изъ хребта Кентей-Алинъ и служитъ для китайцевъ-бродягъ естественнымъ путемъ изъ глубинъ Манчжури къ берегамъ Уссури. Отдѣленная отъ бассейна рѣки Сунгари и отъ главнаго города области Сань-Сина высокими горами, рѣка Норъ протекаетъ въ пустынной мѣстности, въ сторонѣ отъ полицейскаго надзора. Эта изолированность долины Нора привлекаетъ сюда шайки хунхузовъ. Они отлично уживаются съ немногими осѣдлыми манзами, построившими свои фанзы въ 4—5 мѣстахъ по теченію рѣки. Въ сущности эти фанзы служатъ притономъ для хунхузовъ, гдѣ они спускаютъ награбленные товары хозяевамъ фанзъ, играютъ въ карты и пьянствуютъ. Очень часто при фанзѣ имѣется заводъ для сули и ханьшиша.

При устьѣ Нора раскинулась деревня того же названія. Въ моемъ плаваніи по Уссури мнѣ не одинъ разъ случалось останавливаться противъ этой деревни. Первый разъ я съ нею познакомился вечеромъ 25 апрѣля. Была тихая и ясная погода. Я съѣхалъ на берегъ съ инженеромъ Д-мъ. Съ нами было нѣсколько человѣкъ команды для покупки провизіи.

Обыкновенно мрачные и грубые, на этотъ разъ здѣшніе манзы встрѣтили насъ очень любезно и приглашали зайти въ ихъ фанзы. Въ одной изъ нихъ какъ разъ шло приготовленіе вечерней пищи. Предлагали и намъ попробовать китайской лапши, но, кажется, никто не рѣшился прикоснуться къ ихъ кушаньямъ: очень ужъ грязна обстановка ихъ стола! Въ котлѣ, вмazanномъ въ печь, варилась буда. Отъ печи труба шла вдоль стѣнъ фанзы, образуя теплыя нары, и выходила наружу въ выдолбленный стволъ дерева.

Перегородки дѣлили фанзу на нѣсколько комнатъ. Въ одной изъ нихъ сидѣла кучка манзъ съ трубками въ рукахъ вокругъ переноснаго очага, гдѣ тлѣлись засыпанные золою угли, и грѣлась вода въ чайникѣ. Одинъ изъ нихъ, масленно улыбаясь, обратился къ намъ съ предложеніемъ сули. Я подумалъ: должно быть, онъ самъ хватилъ не одну чашечку этой скверной водки.

Въ фанзѣ было душно и дымно и пахло какимъ-то затхлымъ запахомъ. Мы вышли на чистый воздухъ.

Мнѣ нравится въ гольдскихъ и манзовскихъ деревушкахъ обиліе зелени. (Въ русскихъ станицахъ наоборотъ почти всѣ кусты и деревья вырубаются). Неприглядныя фанзы съ соломенными крышами скрашиваются окружающими липами, ильмами, ивами, черемухами и другими деревьями. Нѣкоторыя деревушки на китайской сторонѣ, благодаря красивой зелени, издали представляютъ изъ себя очень милыя картинки.

Мы вошли въ одинъ большой огороженный дворъ, куда выходилъ фасадъ фанзы съ окнами во всю стѣну, заклеенными промасленною бумагою. Манзы показывали намъ, что по ихъ сообра-

женіямъ могло интересоваться насъ. Нѣкоторые притащили хлопущекъ и шутихъ. Хлопушки съ трескомъ разрывались къ общему удовольствію манзъ, а шутихи прыгали на аршинъ, на два отъ земли, постоянно шипя и разсыпая снопы искръ, пока окончательно не разрывались съ громкимъ выстрѣломъ. Эта незамысловатая забава очень нравится китайцамъ: вѣроятно, шутихи напоминаютъ имъ ихъ мифологическаго дракона.

За ихъ радушіе и любезность мы старались платить взаимнымъ вниманіемъ. Намъ не приходило на мысль подозрѣвать здѣсь притонъ хунхузозъ, и мы спокойно обошли всю деревню, покупая свѣжую рыбу и овощи для парохода. Попадались симпатичные, тихіе гольды. Хотя они носятъ косу и манзовскій синій костюмъ, ихъ сразу отличаешь отъ гололобыхъ китайцевъ: совѣтъ другой складъ лица и лбы не бритые. Когда мы подали монету бѣдной гольдячкѣ, насъ довѣрчиво окружили ея черноволосыя дѣти и сопровождали все время по деревнѣ.

Мое вниманіе обратили на себя высокіе прочные заборы. Мнѣ шепнули тогда, что здѣсь готовятъ сулю и ханьшинъ, и тутъ же происходитъ тайная продажа водки, опиума и другихъ запрещенныхъ товаровъ. Это извѣстіе заставило меня поскорѣе увести своихъ матросовъ на пароходъ, чтобы они не успѣли запасть контрабанднымъ путемъ дешевой китайской водкой.

Положеніе деревни было самое благопріятное для разбойничьяго гнѣзда. Противоположный низкій берегъ не заселенъ. Широкая рѣка далеко открывается въ обѣ стороны и вверхъ и внизъ, такъ что можно слѣдить за движеніемъ судовъ на Уссури на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ. Сама деревня, скрытая зеленью въ углу рѣки, издали едва замѣтна на фонѣ темнаго хребта, который простирается къ рѣкѣ Сунгари по западному направленію. Близъ Уссури этотъ хребетъ развѣтвляется на десять или болѣе параллельныхъ хребтовъ меньшаго размѣра. Съ одной стороны ихъ течетъ рѣка Норъ, а съ другой—берегъ начало р. Бѣлая, которая тоже приводитъ сюда хунхузозъ, какъ мы видимъ, съ пустынныхъ береговъ Амурской протоки.

Вскорѣ послѣ схватки русскихъ съ хунхузами близъ станицы Венюковой, поздно вечеромъ мы проходили мимо деревни Норъ. Я стою на мостикѣ и безпокойно посматриваю на небо, удастся ли мнѣ итти всю ночь, или придется стать на якорь. Въ безлунную ночь еще можно итти по Уссури, если видны звѣзды, но въ дождь волей-неволей надо бросать якорь въ воду.

На палубѣ парохода группы матросовъ очень оживленно разговариваютъ. Такъ какъ въ Уссурійскомъ краѣ русскими и китайцами овладѣла манія скорого обогащенія, то чаще всего у нихъ ведутся бесѣды или о томъ, какъ хорошо бы послѣдовать примѣру такого-то охотника, который въ короткое время сдѣлался облада-

тѣлемъ нѣсколькихъ тысячъ, или пойти въ тайгу на раскопки золота, или заняться продажей рыбы, или содержать кабакъ, гостиницу и т. п. На этотъ разъ мои матросы, громко и горячо оспаривая другъ друга, смотрѣли на деревню Норъ. По энергичному выраженію лица младшаго машиниста и по его порывистымъ размахамъ рукъ я догадался, что рѣчь идетъ о хунхузахъ.

Подымается ко мнѣ мой помощникъ.

— Какъ вы полагаете, гдѣ теперь могутъ быть хунхузы?— спрашиваетъ онъ меня.

— А, и вы о хунхузахъ? Если ихъ нѣтъ здѣсь, на Норѣ, то у нихъ было время пробраться и дальше нашей Щебенчихи. Теперь они, можетъ быть, на Амурѣ.

— А что намъ дѣлать, если хунхузы вздумаютъ напасть на нашъ пароходъ? Вѣдь у насъ нѣтъ ни одного ружья...

Я не допускалъ мысли о нападеніи хунхузовъ на пароходъ, но, чтобы лишь что нибудь отвѣтить помощнику, сказалъ:

— Богъ дастъ, не нападутъ: побоятся. А въ случаѣ нападенія, буксиръ долой и съ полного хода будемъ таранить ихъ лодки. Теперь вода большая, есть гдѣ развернуться!

— Хорошо. Но они могутъ стрѣлять съ берега,— настаиваетъ помощникъ.

— Да, конечно, могутъ. Но что имъ за расчетъ стрѣлять въ проходящее судно? Зачѣмъ имъ безпричинно раздражать русскихъ и выдавать себя? Повѣрьте, если они гдѣ нибудь будутъ плыть мимо насъ, то навѣрное спрячутся за островъ и притаятся.

Я приказалъ усилить надзоръ ночью, когда мы станемъ на якорь.

Небо стало застилаться облаками. Сквозь ночную мглу чуть-чуть виднѣются берега. Сплошной лѣсъ по сторонамъ представляется темными стѣнами и обманчиво скрадываетъ разстояніе до нихъ. Идешь больше по памяти и по соображенію. Шелеститъ легкій вѣтерокъ. Ни одного звука онъ не приноситъ извнѣ на пароходъ. Какъ будто все спитъ кругомъ. Иногда только промелькнетъ свѣтящійся жучекъ, какъ золотая искорка, и безслѣдно скроется въ ночной тьмѣ. Въ другое время мѣрные удары колесъ парохода усыпили бы своимъ непрерывнымъ однообразіемъ, но тутъ мнѣ не до сна: забота пройти благополучно всѣ перекаты рѣки и изгибы береговъ заставляетъ напрягать свое зрѣніе. Вотъ безшумно промелькнулъ темный силуэтъ острова. Смотришь на часы и считаешь минуты до поворота...

Во второмъ часу ночи прибыли въ Щебенчиху. Несмотря на поздній часъ, на пароходъ пришли служащіе на желѣзной дорогѣ и стали рассказывать о недавно случившихся событіяхъ по содѣйствию съ Щебенчихой.

— Отсюда было слышно, какъ стрѣляли... Богъ помогъ, а то

плохо бы пришлось нашимъ: патроновъ нѣтъ, завязли въ болото; а хунхузы жарятъ да жарятъ изъ-за кустовъ. Должно быть, наши винтовки ихъ очень напугали: онъ спрячется за стволъ дерева, а пуля и дерево насквозь проходить... А какъ мы-то боялись! И теперь по ночамъ не спимъ. Думаемъ, а вдругъ внезапно нападуть на насъ! И не такъ съ рѣвки ожидаемъ, какъ съ желѣзной дороги. Говорятъ, много хунхузовъ укрывается по всей линіи постройки дороги. Они живутъ въ баракахъ между китайскими работниками, пьютъ, ѣдятъ и курятъ на ихъ счетъ и, кромѣ того, берутъ еще дань съ нихъ.

— Отчего же манзы не выдадутъ хунхузовъ русскому начальству?

— Боятся мщенія. Они выдадутъ хунхуза, а другіе непременно отомстятъ за товарища ¹⁾. У нихъ правило такое... Были уже примѣры! Не разъ случалось, какъ выданный китайскимъ властямъ хунхузъ снова возвращался въ Уссурійскій край и первымъ дѣломъ мстилъ тому, кто его предалъ. Въ Китаѣ они подкупаютъ чиновниковъ, или ихъ тамъ берутъ товарищи на поруки. И до чего нахальны, я вамъ скажу, хунхузы со своими соотечественниками! Случилось одному русскому заночевать на охотѣ. Въ грязную и душную фанзу не хотѣлось ему заходить, а тѣмъ болѣе лежать вмѣстѣ въ одной комнатѣ съ вонючими манзами. Была теплая погода, и онъ прилежъ на травѣ около фанзы. Среди ночи слышитъ переполохъ у китайцевъ. Онъ вскочилъ на ноги, пробилъ пальцемъ бумагу въ окнѣ и видитъ непонятную картину: посреди растрепанныхъ со сна манзъ расхаживаютъ, задравши головы, двое съ ружьями. Они что-то повелительно выкрикиваютъ и размахиваютъ руками. Русскій тихонько пробрался къ двери и спрашиваетъ ближайшаго манзу: «Что такое?»—«Хунхузы!»—съ трепетомъ отвѣчаетъ тотъ.—«Вотъ нахальство,—подумалъ русскій:—ихъ болѣе десяти человекъ и боятся двухъ разбойниковъ!» Онъ быстро подскочилъ къ нимъ и, ни слова не говоря, трахъ, трахъ кулакомъ по лицу того и другого... Мигомъ исчезли!

— Виноватъ, я вернусь къ прежнему вопросу. Неужели инженеры и подрядчики не знаютъ, кого нанимаютъ на работы?

— А какъ ихъ узнать-то? Пробовали требовать китайскіе паспорта, но у хунхузовъ они оказываются исправнѣе другихъ. Приѣзжалъ специально командированный изъ Хабаровска чиновникъ особыхъ порученій, съ цѣлью установить инспекцію надъ китайскими рабочими, да не знаю, достигъ ли онъ какихъ результатовъ.

¹⁾ 1 июля 1898 года было дерзкое нападеніе хунхузовъ близъ Владивостока. Вскорѣ прибыла команда изъ сосѣдняго баталіона. Но манзы предупредили хунхузовъ и дали имъ возможность во-время уплыть. Когда же солдаты хотѣли ихъ догнать на лодкѣ, манзы не дали имъ весель. (См. «Владивостокъ» 1898 г., № 27).

Предлагали ввести въ употребленіе фотографіи... Но, правду сказать, въ такое горячее время постройки дороги всѣ эти нововведенія неудобны и непрактичны. Помилуйте, я сегодня утромъ нанялъ рабочихъ, а вечеромъ рассчиталъ, такъ гдѣ же мнѣ тутъ возиться съ паспортами и фотографіями! Да возьмемъ и мѣсячныхъ работниковъ. Я нанимаю ихъ у подрядчика-манзы счетомъ. Счетомъ ежедневно и принимаю. А тѣ ли они, которые приходили въ первый день, или другіе—гдѣ тутъ усмотришь! Да я навѣрно знаю, они постоянно мѣняются. Бывало спросишь: «А гдѣ такой-то?»—«Боленъ!» Вотъ и весь отвѣтъ. А для счета на его мѣстѣ стоитъ уже другой. Зайдите въ рабочее время въ баракъ: всегда вы найдете тамъ манзу. Кто онъ такой? Большой ли? Хунхузъ ли? Кто его разберетъ? И повѣрьте,—продолжалъ мой собесѣдникъ,—вотъ такіе рабочіе проиграются въ карты, опиума и сули купить не на что, кормить комаровъ и мошку своимъ тѣломъ въ канавѣ не хочется и идутъ шляться на ту сторону къ хунхузамъ. Тамъ надоѣсть—опять къ намъ, на дорогу. Посмотрите, сколько тутъ шлющагося народу!.. Однако я заболтался. Пора спать ложиться, да и вамъ покой дать. Теперь не такъ страшно заснуть съ прибытіемъ парохода: побоятся его хунхузы! Вы, вѣроятно, очень устали съ дороги,—вамъ тоже надо отдохнуть.

— Да, съ разсвѣтомъ, часа въ четыре, надо будетъ сняться и подойти къ дровамъ, а послѣ нагрузки опять на Иманъ.

— Вотъ видите... Спокойной ночи! Полѣзу-ка я на свою вышку.

— На какую вышку?

— А вотъ тамъ на верху дерева. Отлично устроился среди вѣтвей, по-индѣйски! Это я отъ комаровъ да отъ мошки. Они такъ высоко не забираются. Пожалуй, и хунхузы не такъ-то скоро найдутъ меня тамъ...—со смѣхомъ закончилъ онъ свою бесѣду.

Здѣсь насчитываютъ два вида мелкихъ черныхъ мошекъ и два, три сорта комаровъ. Эта кровожадная армія своимъ назойливымъ нападеніемъ можетъ довести до отчаяннаго бѣшенства, какъ крыловскаго льва. Рассказываютъ, одинъ офицеръ (или чиновникъ—не помню), желая заснуть, долго возился съ комарами; цѣлыя кучи ихъ назойливо надоѣдали ему своимъ пискомъ и болѣзненными укулами. Онъ выкуривалъ дерзкихъ кровопійцъ дымомъ, билъ ихъ по стѣнамъ комнаты полотенцемъ, самъ кутался въ простыню; но все это не помогало: комары облѣпляли простыню и черезъ нее немилосердно жалили офицера. Наконецъ тотъ не выдержалъ, припелъ въ неистовство, схватилъ револьверъ и выбѣжалъ вонъ изъ дома. Только не договаривали, въ кого онъ хотѣлъ стрѣлять—въ себя или комаровъ. Я допускаю возможность такого раздраженія. Надо тамъ пожить, чтобы имѣть понятіе объ этихъ въ своемъ родѣ воздушныхъ хунхузахъ. У меня на паро-

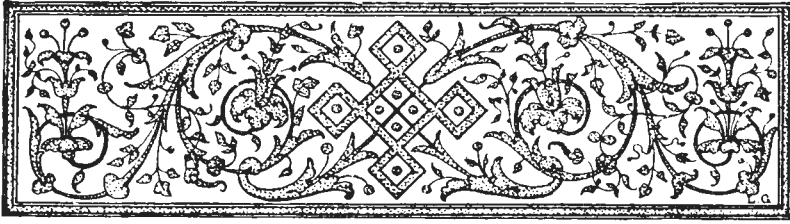
ходѣ во всѣхъ окнахъ были вставлены частыя металлическія сѣтки, но это насъ не спасало отъ комаровъ. Довольно одного раза войти въ каюту, чтобы вмѣстѣ съ тобою ворвалась въ пріотворенную дверь цѣлая толпа непрошенныхъ гостей. Мой китаецъ-слуга предпочиталъ на всю ночь скрываться отъ нихъ въ небольшомъ бортовомъ шкафикѣ, гдѣ ему было душно и тѣсно. Манзы тоже прячутся въ небольшія палатки изъ бумажной матеріи, если имъ случится ночевать въ лѣсу. Ряды этихъ бѣлыхъ палаточекъ издали напоминаютъ гробы. Бродячіе орочены, живя въ березовыхъ шалашахъ, спасаются отъ комаровъ дымомъ своихъ очаговъ, на которыхъ непрестанно тлѣетъ уголь. Корейцы же съ этою цѣлью прикрѣпляютъ выше глазъ на желѣзномъ кольцѣ кусокъ дымящагося трута.

Припоминаю одинъ эпизодъ изъ моего плаванія, какъ комары отрезвили пьянаго матроса. Приготовился я сняться съ вечера, какъ приходятъ ко мнѣ и докладываютъ, что баржи будутъ нагружены не раньше утра. Чтобы не дать командѣ застись въ дорогу водкой, я поспѣшилъ отойти отъ пристани Имана и на ночь стать на другой сторонѣ рѣки у самой отмели пустыннаго болотистаго берега. Но у одного матроса нашлась раньше припасенная бутылка водки. Онъ ее выпилъ и въ пьяномъ видѣ сталъ проситься на берегъ. Моему помощнику надоѣло возиться съ буянномъ, и онъ предложилъ ему итти на станцію Иманъ кругомъ черезъ мостъ, верстъ 7—8. Пьяному вѣдь море по колѣно! Матросъ соскочилъ на отмель и побрелъ по водѣ на берегъ. Тотчасъ на него напала туча комаровъ. Не обращая на нихъ вниманія, онъ храбро подвигался все дальше и дальше. Но комары такъ усердно продолжали его жалить, и лицо, и шею, и руки, что онъ, наконецъ, не выдержалъ и пустился бѣгомъ назадъ на пороходъ. Въ вечернемъ полумракѣ мы вскорѣ услышали его отчаянные вопли о помощи.

И. Ювачевъ.

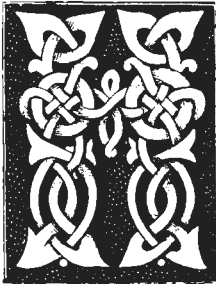
(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПОЪЗДКА ВЪ ПОЛЪСЬЕ.

I.

А СТАНЦИИ Брестъ я пересѣлъ въ поѣздъ Полѣской Бресто-Брянской желѣзной дороги. Здѣсь обстановка сразу измѣнилась. На Варшавской и Бресто-Граевской дорогахъ вагоны въ поѣздахъ были биткомъ набиты; поѣзда мчались исправно; мѣстность по сторонамъ была веселая, зеленая, холмистая; на станціяхъ царило оживленіе, было много чистой публики. Здѣсь же въ вагонахъ было пусто: въ вагонѣ, въ который я попалъ, кромѣ меня, было только два пассажира—мѣстный акцизный чиновникъ и желѣзнодорожный служащій; сидѣли мы вдали другъ отъ друга, раздѣленные спинками дивановъ и сѣтками для вещей; поѣздъ шелъ черепашимъ шагомъ, и мѣстность становилась все непривѣтливѣе, ровнѣе и пустыннѣе и меньше разнообразилась зеленью; все хуже становилась почва, то покрытая жиденькими всходами, то уныло пустовавшая «подъ паромъ»; показывались уже и болотца, поросшія жесткой травкой, и первая же за Брестомъ станція, хотя и встрѣчная для двухъ дорогъ, оказалась грязноватой, сараеобразной и безлюдной. Словомъ, все какъ будто сговорилось нагонять тоску. Я было прилегъ, думалъ вздремнуть, но въ вагонѣ пыльно, сукно на диванѣ нечисто—непріятно лежать. Слѣдующая станція была Кобринъ, уѣздный городъ Гродненской губерніи. Я вспомнилъ, что Кобринъ когда-то былъ имѣніемъ

Суворова, и обратился къ акцизному чиновнику, какъ мѣстному жителю, съ разспросами, не сохранилось ли тамъ какихъ нибудь слѣдовъ пребыванія знаменитаго полководца.

— Какъ же,—сказалъ онъ,—есть усадьба Суворова, есть построенный имъ домъ. А если хотите,—улыбнулся онъ,—вотъ и еще слѣды пребыванія Суворова: прежде Кобринъ былъ укрѣпленный городъ, были каменные укрѣпленія, теперь же ихъ и званія нѣтъ, говорятъ, Суворовъ велѣлъ ихъ срыть.

Я захотѣлъ посмотрѣть эту суворовскую усадьбу и суворовскій домъ и рѣшилъ остановиться въ Кобринѣ.

Быль девятый часъ утра, а слѣдующій поѣздъ шелъ изъ Кобрина поздно вечеромъ; значить, времени на все было достаточно. Такъ я и сдѣлалъ. Черезъ полчаса извозчикъ еврей, въ развѣвавшемся по вѣтру грязномъ пиджакѣ, бойко управлявшій своею галопировавшей во весь духъ лошадей, стремительно ввозилъ меня въ городъ Кобринъ. Впрочемъ нужно отдать честь моему возницѣ: дрожки у него были новыя и на порядочныхъ рессорахъ. Мы ухарски подкатили къ гостиницѣ «Грандъ-Отель» — небольшому деревянному дому съ крылечкомъ, и услужливый мишуристъ, только что торчавшій на вокзалѣ и вдругъ появившійся теперь откуда-то, точно съ неба упалъ, уже торопливо тащилъ на крыльцо мои вещи.

Ни мишуристъ, ни его хозяева не знали суворовскаго дома. Я разсудилъ за лучшее отправиться къ одному изъ мѣстныхъ священниковъ, зная, что священники всегда лучше другихъ знаютъ мѣстную старину. Соборнаго священника, къ которому меня привелъ мишуристъ, не было дома—уѣхалъ за городъ. Я уже хотѣлъ направиться къ другому батюшкѣ, но неожиданно объявился чичероне. На крыльцѣ сосѣдняго дома сидѣлъ мальчикъ лѣтъ пятнадцати. Онъ подошелъ ко мнѣ и предупредительно спросилъ, кого я ищу, что мнѣ нужно, и, узнавъ, въ чемъ дѣло, вызвался проводить меня къ суворовскую усадьбу и къ суворовскому дому. Мальчикъ оказался неглупымъ, толковымъ, кончилъ мѣстное городское училище. Я не отвергъ его услугъ, и мы пошли.

Намъ пришлось пройти весь городъ изъ конца въ конецъ. Прогулка была не изъ пріятныхъ. Приходилось шагать все время по камнямъ мостовой, потому что въ городѣ всѣ почти улицы и базарная площадь вымощены, но тротуаровъ нѣтъ, по солнцепеку, между рядовъ скверныхъ, деревянныхъ домишекъ (каменныхъ построекъ въ городѣ очень мало).

— Вотъ это Суворовская улица,—сказалъ мнѣ провожатый, когда, пройдя базарную площадь, мы вступили въ довольно широкую и сравнительно чистую улицу.—А вотъ и суворовскій домъ,—продолжалъ онъ черезъ нѣсколько минутъ ходьбы, останавливаясь передъ большимъ деревяннымъ, сѣрымъ одноэтажнымъ домомъ, однимъ изъ послѣднихъ въ этой улицѣ, которою въ этомъ концѣ

Городъ Кобринъ.

оканчивался городъ:—этогь домъ построилъ Суворовъ, онъ и жилъ въ немъ.

Домъ дѣйствительно былъ старый, хотя еще крѣпкій. Но дѣйствительно ли его построилъ Суворовъ, дѣйствительно ли жилъ онъ здѣсь—Богъ вѣсть. Впрочемъ, что домъ могъ простоять сто и болѣе лѣтъ, это неудивительно: деревянные дома сохраняются и по двѣсти лѣтъ, какъ можно видѣть въ старыхъ помѣщичьихъ усадьбахъ.

— Это вѣрно; такъ всѣ у насъ говорятъ,—прибавилъ проводникъ, очевидно заподозрѣвъ меня въ недобвѣрии къ его словамъ.— А вотъ тутъ, скоро за городомъ, будетъ Суворовская губернія ¹⁾),—продолжалъ онъ, когда мы снова тронулись въ путь.

Мы вышли за городъ и пошли по дорогѣ, обсаженной тополями, и скоро черезъ одностворчатыя, кое-какъ сколоченныя ворота, которыя нужно было приподнять, чтобы отворить, вошли въ Суворовскую усадьбу. Это былъ небольшой паркъ, совсѣмъ запущенный, весь поросшій травой; тутъ же былъ небольшой владѣльчeskій домикъ. Хороши тутъ были только старыя липы, навѣрно, видѣвшія Суворова, да такой же старый запущенный прудъ, подходившій къ самому домику въ полутьмѣ густой чащи кустовъ. Мы прошли нѣсколько шаговъ и уже вышли въ поле; паркъ кончился, и пошли поле, засѣянное овсомъ, болото и какой-то протокъ, не то ручей, не то канава, который давалъ воду пруду. Поле, засѣянное овсомъ, было топкое, болотистое. Не много дальше направо видна была другая усадьба.

— Это вторая губернія,—объяснилъ мнѣ провожатый:—губернія Косцюшки; есть еще третья и четвертая...

— Вотъ тебѣ разъ,—невольно вырвалось у меня,—какъ нарочно: Суворовъ, а рядомъ съ нимъ Косцюшко.

— Да,—одобрительно усмѣхнулся онъ; но тотчасъ добавилъ, обнаруживая недюжинныя познанія въ исторіи:—вѣдь Косцюшку разбилъ не Суворовъ, а Ферзенъ; это было въ 1794 году.

— Да нѣтъ ли у васъ въ городѣ еще чего нибудь суворовскаго?—допытывался я, не совсѣмъ довольный результатами поисковъ.

Оказалось—рѣшительно ничего.

Мой юный провожатый не напрасно заподозрѣлъ меня въ недобвѣрчивости. Разставившись съ нимъ, я рѣшилъ провѣрить его показанія. До поѣзда было еще далеко, и я свелъ въ городѣ кое-какія подходящія знакомства. Оказалось, что онъ былъ правъ. Во-первыхъ, всѣ держались того мнѣнія, что домъ построенъ Суворовымъ, и что усадьба была дѣйствительно Суворовская, и, во-

¹⁾ Губерніей въ Гродненской губерніи называютъ усадьбу или домъ, въ которыхъ сосредоточивается управленіе имѣніемъ.

вторыхъ, что ничего суворовскаго ни въ городѣ, ни около нѣтъ. Раньше была еще церковь, построенная Суворовымъ, но сгорѣла, и на мѣсто ея построена нынѣшняя Николаевская.

— Знаете,—объяснили мнѣ,—постройки тутъ все деревянныя, бывали нерѣдко пожары, да еще въ двѣнадцатомъ году тутъ французы проходили, подъ самымъ городомъ и сраженіе было съ ними,—понятно, могло исчезнуть все. Городъ этотъ вообще историческій: существовалъ еще въ XII вѣкѣ; построенъ русскими князьями, принадлежалъ къ Кіевскому княжеству, потомъ имѣлъ своихъ удѣльныхъ князей; строили они тутъ церкви, монастыри, замки... И вотъ что же теперь осталось? Ровно ничего. До французовъ, еще въ началѣ прошлаго столѣтія, шведы тутъ все ходили,—должно быть, все это тогда и разрушено. А укрѣпленія, что Суворовъ снесъ, это конфедераты поставили незадолго до Суворова.

II.

Я выѣхалъ изъ Кобрина около полуночи. Благодаря лунѣ и безоблачному небу, можно было составить себѣ довольно ясное представленіе о мѣстности, по которой мы проѣзжали. Подъѣзжая съ слѣдующей станціи Днѣпровско-Бугской, мы переѣхали Днѣпровско-Бугскій каналъ. На немъ нѣсколько шлюзовъ, и когда шлюзы заперты, вода кажется неподвижною. Такъ и теперь, въ ровныхъ, какъ по линейкѣ, дернистыхъ берегахъ, вода неширокой лентой неподвижно блестѣла подъ луной. Неподалеку виднѣлось мѣстечко Городецъ, извѣстное въ лѣтописи и существовавшее уже въ XII столѣтіи.

Днѣпровско-Бугскій каналъ, какъ извѣстно, соединяетъ Балтійское море съ Чернымъ, связывая притокъ Западнаго Буга, Муховець, съ притокомъ Припети, Пиною; Западный Бугъ,—притокъ Вислы, которая впадаетъ въ Балтійское море у Данцига; Припеть—притокъ Днѣпра. Такимъ образомъ, сѣвъ въ лодку въ Екатеринославль, Кременчугъ, Кіевъ, можно безъ пересадки въѣхать въ Балтійское море. Теперь, съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, Днѣпровско-Бугская система значительно утратила свое значеніе. На всемъ своемъ протяженіи она служитъ теперь преимущественно для сплава лѣса, но и то больше весною, такъ какъ рѣка Муховець узкая и мелководная. Но лѣсной матеріалъ отправляется уже преимущественно по желѣзной дорогѣ. Лѣсъ сплавляется главнымъ образомъ изъ Минской губерніи или внизъ къ Кіеву по Припети и Днѣпру (тутъ доставка легкая, потому что сплавъ прямой и свободный) или вверхъ по Припети, Пинѣ, по каналу и потомъ по рѣкамъ за границу. Здѣсь доставка сложнѣе. Вверхъ по Припети тащитъ плоты буксирный пароходъ. Припеть широка и плоты

широкіе; но каналъ узокъ, и передъ входомъ въ него плоты пере-вязываются въ узкіе и до водораздѣла ихъ тянутъ бичевой (тянутъ или люди или лошади), дальше же идетъ сплавъ по теченію. Такъ иногда доставляются и барки съ хлѣбомъ съ юга. Рабочіе на плотахъ исключительно крестьяне Минской губерніи, Пинскаго, Мозырскаго и Рѣчицкаго уѣздовъ, и Гродненской изъ восточной части Кобринскаго уѣзда, такъ что въ этихъ уѣздахъ нерѣдко можно видѣть крестьянъ, побывавшихъ за границей, въ Данцигѣ или Гданскѣ, какъ они называютъ этотъ городъ по-славянски. Но поѣздки за границу нисколько не вліяютъ на нихъ въ лучшую сторону. Говорятъ, что изъ этихъ путешественниковъ за границу молодежь всѣ свои заработки обыкновенно дорогой же и пропиваетъ и возвращается домой ни съ чѣмъ; въ лучшемъ случаѣ одинъ, другой принесетъ изъ Данцига скрипку или цвѣтной шейный платокъ. Мнѣ передавали разсказъ одного такого полѣщучка¹⁾ о его заграничныхъ впечатлѣніяхъ. Путника угощали въ корчмѣ, куда онъ направлялся прямо съ дороги, не заходя домой. Разсказъ былъ очень не сложный и дополнялся междометіями «ага», «эгэ». Онъ сравнивалъ нашу жизнь и заграничную.—У насъ, говорилъ онъ, «Иванъ», у нихъ «Іоганъ»; у насъ «водка» у нихъ «шнапсъ»; у насъ, когда, зайдя въ лавку, невзначай что нибудь стащишь, кричатъ: «держи вора!» а у нихъ говорятъ: «керль, комъ геръ». Вотъ и вся разница. Въ остальномъ и тамъ и здѣсь все одинаково.

Какія тоскливыя мѣста потянулись дальше. Безконечная, ровная, топкая низменность, усѣянная кочками; нельзя разобрать, что это: пахатное поле или неудобная земля; но видно, что почва болотистая, потому что по обѣ стороны полотна желѣзной дороги тянутся канавки для стока воды, и на днѣ ихъ блеститъ вода, а въ воздухѣ стоитъ мгла отъ испареній. Луна сквозь туманъ свѣтитъ тускло, и небо кажется поблекшимъ, грязноватымъ. Прежде здѣсь были лѣса. Это уже полѣсье. Тутъ продолжалась та необозримая лѣсная чаща, что, начинаясь недалеко отъ Кіева, «отъ поль кіевскихъ», какъ выражались въ старыхъ актахъ, т.-е. отъ полей кіевскихъ, и простираясь затѣмъ на сѣверъ и западъ, и пересѣкая Припеть съ ея многочисленными притоками, и охватывая на западъ значительную часть Волынской губерніи, достигала существующей и нынѣ Бѣловѣжской пущи и затѣмъ продолжалась дальше. Изъ этой мѣстности удобно сплавать лѣсъ, и поэтому здѣсь прежде всего и вырублены лѣса.

— Дальше, начиная недалеко отъ Пинска,—сообщилъ мнѣ сидѣвшій со мною въ вагонѣ господинъ,—будетъ уже много лѣсовъ; тамъ почти непрерывно пойдутъ уже лѣсистыя мѣста. Но можно

¹⁾ Полѣщучками называютъ полѣскихъ крестьянъ, а затѣмъ и всѣхъ вообще уроженцевъ Полѣсья.

почти навѣрное сказать: гдѣ хорошій старый лѣсъ—это лѣсъ казенный. Частновладѣльческіе лѣса или вырублены или вырубаются.

Господинъ этотъ ѣхалъ въ мѣстечко Иваново, и мнѣ вспомнились свѣдѣнія о жителяхъ этого мѣстечка, которыя я слышалъ въ Кобринѣ.

— Да,—подтвердилъ и онъ,—ивановцы совсѣмъ особенный народъ, совсѣмъ не похожи на окружающее населеніе, точно островъ среди моря прочаго населенія. Народъ все видный, рослый, красивый. И привычки, образъ жизни особенные. Къ хлѣбопашеству не склонны. Вы слышали о ихъ занятіи? Всѣ они лаборы, какъ тутъ называютъ, т.-е. занимаются сборомъ пожертвованій на церкви, монастыри; большую часть жизни проводятъ въ странствованіяхъ по бѣлу свѣту; покупаютъ крестиковъ, иконъ и, переходя изъ села въ село, распродаютъ ихъ между сельскимъ населеніемъ. И хорошіе заработки приносятъ. Пожертвованія, которыя они при этомъ собираютъ, умѣя искусно дѣйствовать на религіозныя чувства населенія, конечно, тоже не всѣ идутъ на ту цѣль, для которой собираются. У мировыхъ судей и слѣдователей нерѣдко бываютъ дѣла о нихъ по обвиненію въ выманиваніи денегъ подъ видомъ приношеній на церковь, при чемъ обнаруживается, какъ ловко умѣетъ ивановецъ вселять въ своихъ кліентовъ увѣренность, что данное ему пожертвованіе заслужитъ молитвы всѣхъ кіевскихъ угодниковъ.

За Кобриномъ, въ восточной части уѣзда, вмѣстѣ съ природой измѣняется и населеніе. Здѣсь живутъ уже польщуки—болотные люди, неопрятные, чумазые; инстинкты у нихъ стадные; говоръ близокъ къ малорусскому. Въ западной части народъ опрятный, все больше голубоглазые блондины, говоръ мягкій, часто пѣвучій и ближе къ русскому литературному; въ наклонностяхъ болѣе гражданственности.

Путь мой по желѣзной дорогѣ кончался на станціи Лахво, въ Мозырскомъ уѣздѣ. Дальше мнѣ нужно было ѣхать на лошадахъ въ сторону верстъ двадцать пять, въ глубь Польшья, въ мѣстечко Давыдь-Городокъ. Благодаря посланной мною съ дороги телеграммѣ, лошади уже ждали меня у станціи, когда подошелъ нашъ поѣздъ, и я прямо съ поѣзда пересѣлъ въ телѣгу. Солнце только что вставало. Послѣ ночного пребыванія въ душномъ пыльномъ вагонѣ было пріятно прокатиться подъ легкимъ утреннимъ вѣтеркомъ, освѣжающимъ и бодрящимъ, какъ купанье въ прохладной водѣ въ знойный день. Утро выдалось прекрасное, воздухъ чистый. Но свѣжестью, влагой охватывало болыне, чѣмъ слѣдуетъ. Это не была только свѣжесть утренней росы, скоропроходящая, исчезающая, едва солнышко пригрѣетъ; это сказывалась сырость болотистой мѣстности; болотъ еще не было видно, и мы пока ѣхали по твердой почвѣ, а между тѣмъ близость воды, не рѣки или озера,

а воды подпочвенной, замѣтно чувствовалась. И я сразу почувствовалъ странное ощущеніе, какъ будто стоишь, движешься не на твердой почвѣ, что вотъ-вотъ почва можетъ провалиться и очутишься въ водѣ. Это ощущеніе не покидало меня въ теченіе всего почти моего пребыванія въ Полѣсьѣ.

Мы переправились благополучно паромомъ черезъ Припеть. Дальше ѣхали все больше болотистыми мѣстами.

— Это теперь здѣсь такъ легко проѣхать, — объяснилъ мнѣ ямщикъ:—весной во время разливовъ, осенью, какъ дожди пойдутъ, тоже зимою въ большія оттепели, здѣсь совсѣмъ проѣзда нѣтъ; а черезъ Припеть зимою иногда опасно ѣхать, потому ледъ тутъ не крѣпко держится, проваливаются часто.

Это общее свойство полѣсскихъ рѣкъ. Болотная вода сравнительно теплая; мѣстами вода въ рѣкахъ совсѣмъ не замерзаетъ, мѣстами замерзаетъ непрочно и съ полыньями; а гдѣ и замерзаетъ, какъ слѣдуетъ, достаточно нѣсколькихъ теплыхъ дней, чтобы тамъ, гдѣ недавно была непроницаемая ледяная поверхность, образовалась рыхлая масса; непрочность покрова не всегда можно замѣтить. Оттого здѣсь не рѣдки случаи гибели въ водѣ, особенно на Припети, которая мѣстами отличается значительной шириной.

Помню, въ дѣтствѣ я видѣлъ рисунокъ, если не ошибаюсь, Микѣшина, изображающій сцену во время рекрутскаго набора въ мѣстечкѣ сѣверо-западнаго края. Жалкая обстановка. Въ одномъ мѣстѣ скучились и людское жилье и хлѣва, да и людское жилье въ такомъ видѣ, что не отличишь сразу отъ хлѣва: безобразныя, кое-какъ сколоченныя изъ неровно торчащихъ бревенъ, постройки и такія же изгороди около нихъ; вездѣ грязь, мусоръ, черепки разбитой посуды; свиньи разгуливаютъ свободно, разрывая мордами кучи мусора; стоитъ жидъ съ длиннѣйшими пейсами, въ неуклюжемъ картузѣ, оборванномъ балахонѣ и истоптанныхъ туфляхъ; между концами балахона и туфлями исподніе панталоны и грязные чулки; поодаль жидовка въ обдерганной юбкѣ и затасканномъ платкѣ, такая же грязная, какъ и вся прочая обстановка; тутъ же гдѣ-то, кажется, въ окнѣ, видна фигура должностнаго лица въ форменной одеждѣ съ фізіономіей Держиморды. Изъ дверей стремительно, радостно вырывается, очевидно забракованный, молодой скверно сложенный парень, совершенно голый, и мчится черезъ улицу мимо жида, жидовки и свиней. Такъ, или приблизительно такъ, было изображено на этомъ рисункѣ. Въ такомъ видѣ представлялись мнѣ и мѣстечки Полѣсья. Оказалось, что я ошибся. Мѣстечки Полѣсья, по крайней мѣрѣ, большинство, далеко не такъ безобразны и совсѣмъ не имѣютъ такого безотрадно-захудалаго и грязнаго вида. Есть между ними и очень большія, съ почти десяти-тысячнымъ населеніемъ, и очень маленькія; и тѣ и другія расположены обыкновенно при рѣкѣ; и въ тѣхъ и въ другихъ между

Містечко Петриково.

бѣдными лачугами попадаются очень хорошія постройки; есть зелень, сады; нѣкоторыя имѣютъ даже совсѣмъ уютный видъ, такъ что пожить здѣсь временно вовсе не было бы наказаніемъ. Свиной, правда, вездѣ достаточно и довольно безобразныхъ; но, говорятъ, мясо ихъ очень вкусно и предпочитается мясу іоркширскихъ.

Давыдъ-Городокъ, въ которомъ я теперь очутился, очень большое мѣстечко и, хотя застроено довольно скученно, раскинулось на значительномъ пространствѣ. Внѣшній видъ мѣстечка бойкій, жизненный, чему много способствуетъ рѣка Горынь, по обѣ стороны которой расположено мѣстечко. Вдоль обоихъ береговъ рѣки, на протяженіи мѣстечка, тянутся ряды лодокъ и барокъ; здѣсь снуютъ люди, и на мосту черезъ рѣку постоянное движеніе. Въ Давыдъ-Городкѣ стоятъ барки и другія рѣчныя суда, хотя, преимущественно, дѣломъ этимъ занимаются жители другого мѣстечка—Петрикова, расположеннаго ниже, на Припети. Горынь не походитъ на другія рѣки Полѣся; особенность ея заключается въ томъ, что это единственная рѣка въ Полѣсьѣ, не напоминающая собою присутствія болотъ. Всѣ полѣскія рѣки отличаются мрачнымъ, темнымъ цвѣтомъ воды и не разстаются съ своимъ мрачнымъ видомъ даже въ самые лучезарные солнечные дни; темный цвѣтъ воды объясняютъ присутствіемъ желѣза и іода. Вода же Горыни свѣтлая съ бѣлизною, какъ будто протекаетъ по известковой почвѣ, измельченныя частицы которой постоянно увлекаетъ съ собой. Оттого видъ ея веселый сравнительно съ другими рѣками Полѣся. Горынь, рѣка сплавная, а около Давыдъ-Городка и судоходна (судоходна до 33 верстъ). Это одинъ изъ самыхъ большихъ притоковъ Припети; истоки ея въ Кременецкомъ уѣздѣ Волынской губерніи замѣчательны еще тѣмъ, что здѣсь водится стерлядь; впрочемъ, въ послѣднее время уловъ ея становится меньше.

Жители Давыдъ-Городка, мѣщане-христиане (о евреяхъ не говорю — у тѣхъ одинъ типъ), тоже отличаются своеобразиемъ, рѣзко отличающою ихъ отъ общей массы полѣскаго населенія какъ по внѣшнему виду, такъ и по характеру. По внѣшнему виду народъ здѣсь рослый, статный. Одѣваются совсѣмъ не похоже на другихъ: мужчины носятъ синіе кафтаны, женщины—черные расшитые корсажи, на головахъ у нихъ точно чалмы, такъ онѣ повязываютъ платки; по внѣшности производятъ пріятное впечатлѣніе, хотя грязны, неряшливы, какъ полѣщуки. Давыдгородцы народъ дѣятельный, предприимчивый; многіе служатъ атаманами на баркахъ, матросами на пароходахъ, а многіе ведутъ торговлю преимущественно въ привислинскихъ губерніяхъ. Стремленіе къ грамотности, ученію, большое. Въ школѣ 300 учениковъ, и, говорятъ, еслибы построили другую школу, набралось бы столько же.

На Полѣсьѣ есть и еще нѣсколько большихъ мѣстечекъ, населеніе которыхъ рѣзко отличается отъ окружающаго населенія.

Очевидно, что это были поселки какого-то другого племени, не того, къ которому принадлежало прочее населеніе. Полѣщукки потомки дреговичей; жители Давыдь-Городка, говорятъ, потомки ятвяговъ. Когда основанъ Давыдь-Городокъ, неизвѣстно; но названіе (по старымъ грамотамъ Городокъ Давыдовъ) очевидно дано ему во времена русскихъ князей. Но отъ тѣхъ временъ здѣсь не сохранилось преданій. Мѣстные преданія не идутъ дальше временъ королевы Боны и преимущественно сосредоточиваются на этихъ временахъ. Королева Бона была жена польскаго короля Сигизмунда I и мать Сигизмунда Августа. Здѣсь были ея обширныя имѣнія. Поссорившись съ сыномъ послѣ его женитьбы вопреки ея волѣ на Варварѣ Радзивиллѣ, она прежде, чѣмъ покинуть Польшу, удалилась въ свои полѣсскія имѣнія и проживала въ Давыдь-Городкѣ, гдѣ для нея былъ построенъ замокъ; онъ былъ деревянный, и поэтому отъ него наружныхъ слѣдовъ не сохранилось; находился онъ тамъ, гдѣ теперь церковь; во время работъ по церкви, когда лили колоколь, въ землѣ были обнаружены: колодець, деревянная стѣна и конюшни. Въ лѣсу около Давыдь-Городка указываютъ возвышенность—слѣды какой-то постройки временъ Боны, а также курганъ, гдѣ она будто бы велѣла закопать своихъ медвѣжатниковъ, разсердившись на нихъ за какую-то провинность. Что историческія воспоминанія давидгородцевъ преимущественно заняты королевой Боной, объясняется и тѣмъ еще, что она подарила здѣсь много земель своимъ служилымъ людямъ, закрѣпляя эти даренія грамотами, привилегіями, а затѣмъ и всѣ, владѣвшіе имѣніями по праву, данному прежними князьями русскими, Ярославичами и Олельковичами, обращались къ ней за подтвержденіемъ своихъ правъ, на что опять получали отъ нея грамоты¹⁾. Въ 1507 году въ Давыдь-Городкѣ было двѣ церкви: одна соборная, во имя св. великомученика Димитрія, другая во имя св. Аѳанасія; городъ былъ окруженъ стѣною; надъ городскими воротами былъ поставленъ образъ св. Аѳанасія.

Въ 1793 году, по воссоединеніи края съ Россіей и учрежденіи Минской губерніи, Давыдь-Городокъ былъ временно сдѣланъ уѣзднымъ городомъ; затѣмъ обращенъ въ мѣстечко.

Около Давыдь-Городка лѣса сравнительно еще хорошо сохранились. Здѣсь много всякаго звѣря и дичи. Особенно много водится вокругъ по рѣкѣ и болотамъ дикихъ утокъ; ихъ такъ много, что охота на нихъ даже не представляетъ никакого интереса. Давыдь-Городокъ—родовое имѣніе князей Радзивилловъ. Нынѣшній владѣлецъ—германскій подданный, генералъ прусской службы.

¹⁾ Всѣ эти грамоты, относящіяся къ началу XVI столѣтія, изданы Виленскою археографическою комиссіею въ 1867 году. Это перепечатка «Актowej книги», содержащей въ себѣ привилегіи, данныя дворянамъ и священникамъ Пинскаго повѣта, составленной въ 1554 году.

III.

Изъ Давыдь-Городка мнѣ нужно было ѣхать внизъ по Припети сначала въ мѣстечко Петриковъ, потомъ въ уѣздный городъ Мозырь. По Припети ежедневно вверхъ и внизъ ходятъ пароходы, поддерживающіе сообщеніе между Кіевомъ и Пинскомъ; отъ Давыдь-Городка до Припети и обратно ходитъ по Горыни маленькій пароходикъ, занимающійся подвозомъ пассажировъ къ этимъ пароходамъ и потомъ обратнымъ доставленіемъ пассажировъ въ Давыдь-Городокъ. Пароходы, которые ходятъ по Припети, принадлежатъ обществу пароходства по Днѣпру и его притокамъ; этотъ же пароходикъ принадлежитъ частному лицу, никакого отношенія къ обществу не имѣющему. На этомъ пароходикѣ я и выѣхалъ рано утромъ, покончивъ свои дѣла въ Давыдь-Городкѣ.

Кромѣ меня и лица, сопровождавшаго меня до Припети, пассажировъ не было. Когда я выразилъ удивленіе, какъ можетъ существовать пароходикъ при такомъ незначительномъ спросѣ на сообщеніе съ Давыдь-Городкомъ, мнѣ объяснили, что это исключительный случай, что на пароходѣ нѣтъ пассажировъ, потому что въ этотъ день приходился праздникъ, что вообще пароходикъ отлично работаетъ. Дѣло въ томъ, что въ Давыдь-Городкѣ помѣщается камера мирового судьи, народъ же здѣсь ужасно любитъ судиться, такъ что однихъ путешествующихъ на судъ достаточно для прибыльнаго существованія парохода. Мы около часа ѣхали свѣтлыми водами Горыни, при чемъ обогнали два, три плота, длинныхъ, предлинныхъ и узкихъ, извивавшихся подъ берегомъ; одинъ плотъ своимъ изогнувшимся хвостомъ даже преградилъ намъ путь, и мы простояли нѣсколько минутъ, пока путь очистился. Наконецъ, миновавъ маленькую пристань нашего пароходика, мы причалили къ пристани на Припечи.

Парохода не пришлось долго ждать. Въ каютѣ перваго класса, къ спуску въ которую не такъ-то легко было пробраться черезъ палубу промежъ мужиковъ, евреевъ, ящиковъ, тюковъ и веревокъ, былъ одинъ пассажиръ. Онъ пилъ чай; я приступилъ къ тому же. Мы съ нимъ познакомились. Оказалось—мѣстный помѣщикъ, русскій, старой извѣстной фамиліи; возвращается изъ Пинска къ себѣ въ имѣніе. Разговорились о томъ, о семъ (пароходъ уже отвалилъ); собесѣдникъ мой оказался словоохотливымъ.

— Ёду съ вами пароходомъ до Петрикова,—объяснилъ онъ на мой вопросъ, далеко ли ему ѣхать,—а потомъ 45 верстъ лошадыми на сѣверъ, въ самую глушь, въ самыя болота..., то-есть, самыя-то существенныя болота,—поправился онъ, замѣтивъ, что я хочу возразить,—къ югу отъ Припети, въ сторону Волынской губерніи. Въ этой сторонѣ—онъ указалъ на правый берегъ—такія болота,

что и заглядывать странно; какъ тамъ только люди живутъ! Лѣтомъ иначе, какъ въ лодкѣ, не проѣдете, а весною всякое сообщеніе прерывается. Не знаю, басня это или истина, но говорятъ, какъ-то не такъ давно тамъ, въ этихъ болотахъ, была обнаружена деревня, о существованіи которой никому не было извѣстно, и жители которой были убѣждены, что теперь царствуетъ Екатерина II¹⁾. Можетъ, это и басня, но вѣрно, что есть тамъ такія деревни, жители которыхъ, крестьяне, не проникали дальше верстъ 20 кругомъ; сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ поддерживалось черезъ мѣстнаго жидка. Этотъ Мовша или Лейба властвуетъ надъ ними неограниченно; все въ его рукахъ; ему вѣрятъ, какъ оракулу...

— Скажите, а тамъ идетъ осушка болотъ?—перебилъ я.—Вѣдь у васъ давно идутъ работы по осушкѣ?

— Какъ же, работы идутъ; уже достаточно и осушено. Но изъ частныхъ земель значительное большинство еще остается въ перво-бытномъ положеніи. Не дешево оно и стоитъ, вѣдь владѣлецъ долженъ участвовать въ расходахъ по осушкѣ. При томъ многіе еще не увѣрены въ результатахъ, выжидаютъ, присматриваются. Но, конечно, дѣло пойдетъ впередъ... Результаты?.. Да вотъ не дальше какъ вчера въ Пинскѣ мнѣ рассказывалъ управляющій одного большого имѣнія. Было тамъ одно большое болото, особенно неприятное, въ такомъ мѣстѣ расположено, какъ бѣльмо на глазу; ну, кое-гдѣ уголочками только косили, рублей тридцать въ годъ выручали—вздоръ... Управляющій и задумалъ предпринять осушку. Денегъ нужно. Владѣлецъ не соглашается, думаетъ—брошенные деньги. Тотъ туда-сюда, ѣздилъ, просилъ тамъ кого-то уговорить владѣльца; наконецъ, уговорили. И что вы думаете? Въ прошломъ году кончили работы, — въ этомъ году уже крестьяне разобрали бывшее болото за триста рублей — и отличное сѣно! А въ будущемъ году вдвое больше будетъ. Вотъ вамъ результатъ!

— Впрочемъ,—продолжалъ онъ, немного помолчавъ,—лучшее сѣно именно и будетъ первое время послѣ осушки, потому что теперь почва сильно удобрена осѣвшимъ болотнымъ иломъ и другими осадками; затѣмъ удобреніе будетъ наноситься во время разливовъ по осушительнымъ канавамъ. А послѣ, когда вездѣ пройдетъ осушеніе, разливовъ не будетъ или будутъ самые ничтожные... Вообще въ отдаленномъ будущемъ картина сильно измѣнится; края рѣкъ обратятся въ сѣнокосы, сѣнокосъ въ пахоть; рѣчки, если не обмелѣютъ совсѣмъ, во всякомъ случаѣ станутъ маловоднѣе; нѣкоторыя рѣчки совсѣмъ исчезнутъ, а лѣса... ихъ и теперь не осталось уже

¹⁾ Свѣдѣніе это было отчасти вѣрно: въ Минской и Могилевской губерніяхъ послѣ освобожденія крестьянъ были обнаружены въ лѣсахъ поселки, дотолѣ неизвѣстные; поселки эти были созданы крестьянами, бѣжавшими отъ чрезмѣрнаго произвола крѣпостниковъ.

и десятой доли того, что было... Тогда о Полтвсьѣ останется одно только воспоминаніе...

Я завелъ рѣчь о положеніи имѣній, хозяйства. Это, оказалось, было его большимъ мѣстомъ. Дѣла его по имѣнію были незавидны. Имѣніе состояло преимущественно изъ сѣнокосовъ и лѣса; но сѣно было плохое, а лѣса значительно тронуты, благодаря сплавной рѣчкѣ. Видно было, хотя онъ и не высказывалъ этого прямо, что его сильно угнетало положеніе его имѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его собственное матеріальное положеніе.

— Неужели нѣтъ такой статьи, которую можно бы пустить въ ходъ?—спросилъ я.—А, можетъ быть, желѣзная руда...

— Желѣзная руда!—подхватилъ онъ.—Нѣтъ! Я, какъ только попалъ сюда, думалъ было объ этомъ, да не стоитъ шкурка выдѣлки. Попадалась она кое-гдѣ по берегамъ рѣкъ, дѣйствительно, и теперь еще, пожалуй, есть, но въ самомъ незначительномъ количествѣ. Разрабатывали ее—я еще засталъ—самымъ примитивнымъ хозяйственнымъ способомъ, преимущественно безземельные люди, чиновники, арендаторы, но теперь уже забросили. Винокуренный заводъ—вотъ это поправило бы дѣло... да,—замаялся онъ,—средства нужны, къ тому же пути сообщенія отъ меня плохія. Подумываю вотъ приняться за осушку болотъ.

— Словомъ выходитъ, что, пока что, живете вы тутъ, какъ жилось во времена Туровскаго княжества: рубите лѣсъ на свои нужды, косите сѣно, кое-какъ хлѣбъ собираете, охотитесь на звѣрей да рыбу ловите.

Онъ улыбнулся.

— Разница въ томъ,—сказалъ онъ,—что въ тѣ времена потребности были въ сто разъ меньше... Вотъ народъ у насъ, крестьяне, я думаю, еслибъ воскресъ Святополкъ Окаянный или Владиміръ Мономахъ и очутились бы между ними,—никогда не догадались бы, что прошло нѣсколько столѣтій: должно быть, и одѣвались они тогда такъ же и ѣздили на такихъ же лошадяхъ и телѣгахъ... Знаете, у насъ пожилые крестьяне носятъ какія-то особенныя шапки, черныя, остроконечныя, отороченныя внизу мѣхомъ,—какъ увижу я эти шапки, мнѣ кажется, что такія шапки носило племя Черные Клобуки, которое отъ того должно быть такъ и называли. Водки только тогда не было. Но Руси было веселіе пить, какъ и теперь; другіе напитки пили—медъ, брагу... И все то же безразличное отношеніе къ будущему и ко всему окружающему... Земля и выпивка—и больше ничего не требуется. Крестьяне здѣсь хорошо надѣлены землею и недостатка по своимъ потребностямъ не испытываютъ. Какъ прежде зарывали деньги въ землю, прятали въ дупла деревьевъ, въ стѣны домовъ, такъ и теперь... и въ будущемъ будутъ находить клады изъ монетъ нашихъ временъ. Теперь здѣсь нерѣдко наталкиваются на зарытыя въ землю монеты... Какъ теперь

Городъ Мозырь.

еще наши крестьяне обращаются съ деньгами, видно изъ того, что, напримѣръ, недавно одна баба заявила о кражѣ у нея ста рублей, и, знаете, гдѣ они у нея хранились? Въ стогѣ сѣна. Теперь заведено благое учрежденіе—сберегательныя кассы при почтовыхъ отдѣленіяхъ. Но пройдетъ еще немало времени, пока полѣщучки свыкнутся съ ними. Недовѣрчиво относятся; все имъ кажется, что деньги, внесенныя въ сберегательную кассу, пойдутъ въ казну на войско. Нѣкоторые, болѣе рѣшительные, пустились на испытанія: внесутъ деньги въ кассу и черезъ нѣсколько времени приходятъ и требуютъ обратно; какъ увидѣли, что возвращаютъ, стали относиться довѣрчивѣе...

Много еще говорилъ мой собесѣдникъ преимущественно о разныхъ мѣстныхъ злобахъ дня: о положеніи землевладѣнія, о возможности введенія земства, земскихъ начальниковъ, о результатахъ состоявшагося введенія казенной продажи вина. Введеніе земства, по его мнѣнію, было бы невыгодно для землевладѣльцевъ, потому что тогда налоги на имѣнія выросли бы вдвое; что касается казенной продажи питей, то пьянство теперь уменьшается, но народъ скучаетъ по кабацѣ, который былъ для него мѣстомъ сборища, клубомъ; учреждаемыя теперь чайныя если восполнять этотъ пробѣлъ, то развѣ въ очень отдаленномъ будущемъ. Тайная же продажа питей все-таки есть и будетъ. Въ заключеніе онъ снова возвратился къ положенію землевладѣнія. Въ минскомъ Полѣсѣ, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ Минской губерніи, были огромныя имѣнія князя Витгенштейна, теперь распродаваемыя разнымъ лицамъ. По мнѣнію моего собесѣдника, имѣнія эти слѣдовало приобрѣсти правительству и затѣмъ раздавать ихъ на выкупъ: во-первыхъ, малоземельнымъ крестьянамъ (здѣсь такихъ мало, но въ другихъ мѣстностяхъ Минской губерніи многіе переселяются въ Сибирь) и безземельнымъ бывшимъ чиншевикамъ и арендаторамъ, за которыми не признано права выкупа земель, состоявшихъ въ ихъ пользованіи; во-вторыхъ, лицамъ, служащимъ въ этомъ краѣ отъ правительства. (Можно для этой цѣли приобрѣтать въ казну и другія имѣнія, но другихъ такихъ большихъ имѣній нѣтъ). Раздачи земель чиновникамъ практиковались во времена Муравьева; тогда результаты оказались неудачными. Теперь дѣло пошло бы иначе, потому что теперь составъ служащихъ, особенно въ нѣкоторыхъ вѣдомствахъ, неизмѣримо выше. Въ случаѣ введенія земства, какъ много значили бы такіе землевладѣльцы. Теперь большая часть имѣній покупается разными аферистами.

Когда темы разговоровъ изсякли, и въ каютѣ стало душно, мы отправились наверхъ, на капитанскую вышку. Въ третьемъ классѣ на палубѣ (палуба была крытая со множествомъ отверстій въ видѣ оконъ) было биткомъ набито; больше всего было евреевъ, затѣмъ мужики-полѣщучки, наконецъ, нѣсколько неопредѣленнаго

вида людей, очевидно мелкіе арендаторы, прислуга, рабочіе; размѣстились кто на лавкахъ, кто на полу, кто на кладѣ; одни спали, другіе попивали чай, третьи разговаривали не громко, четвертые такъ сидѣли. Бойчѣ держали себя люди неопредѣленнаго вида и два, три еврея; въ общемъ же было тихо; ни громкаго говора, ни смѣха, ни гармоника. Полѣщуконъ совѣмъ не было слышно. Нѣкоторые изъ нихъ спали, другіе (большинство) размѣстились у отверстія надъ машиной, и, несмотря на пылавшій изъ отверстія жаръ, терпѣливо и молча упорно наблюдали за однообразной, равномерной работой рычага. Разговоронъ между ними я не слышалъ. Два старичка, сравнительно почему-то чистенько одѣтые, въ новенькихъ лаптяхъ, въ когда-то очевидно бѣлыхъ косынкахъ на шеѣ сидѣли въ сторонѣ на лавкѣ и переговаривались отрывисто о чемъ-то, не глядя другъ на друга, и предобродушно ухмылялись въ свои жиденькія сѣдыя бородки: должно быть, занимавшимъ ихъ предметомъ была горѣлка, какъ воспоминаніе, или предвкушеніе будущаго, или мечты о томъ, какъ было бы пріятно теперь подбодриться стаканчикомъ, другимъ. Былъ на палубѣ еще старикъ-полѣщукъ, но совѣмъ замухрышка, какъ будто прямо изъ болота вылѣзъ. Изъ молодыхъ ни одинъ не отличался ни представительною, ни опрятною внѣшностью.

Спутнику моему захотѣлось вздремнуть, и онъ ушелъ въ каюту. Я остался одинъ. Я сидѣлъ и глядѣлъ на рѣку, между тѣмъ какъ пароходъ быстро подвигался по теченію, равномерно погромыхивая своею машиной и колесами. Невеселыя были кругомъ мѣста. Я сидѣлъ уже около часа, и кругомъ все одно и то же. Вода, заросли, деревья. Пустынно и безлюдно. Ни жилья, ни человѣка, ни даже птицы. Вода вездѣ. Мы плывемъ точно какимъ-то безбрежнымъ болотомъ, поросшимъ лозою и ольхой; широкая полоса воды, по которой мы подвигаемся, это какъ будто расчищенный отъ зарослей въ болотѣ путь для нашего парохода. Обступающія насъ съ обѣихъ сторонъ деревья торчатъ изъ воды; между стволами ихъ около русла блеститъ вода, и дальше промежъ вѣтвей тоже блеститъ вода; гдѣ деревья разступаются, образуя пустое пространство, тамъ тоже вода. Земли не видно. Вода эта не свѣтлая, не голубая, а отдаетъ темнымъ блескомъ стали; должно быть, перегнившіе на днѣ листья еще болѣе усиливаютъ здѣсь темный цвѣтъ воды. Подымается какое-то безнадежное чувство при взглядѣ на эту картину; точно мы заѣхали куда-то на край свѣта, куда не проникалъ еще человѣкъ, откуда долго, долго еще не выбраться намъ на свѣтъ Божій. И какъ-то легче становится на душѣ, когда вдругъ кое-гдѣ изъ воды показывается берегъ зеленымъ лугомъ, покрытымъ пнями вырубленнаго лѣса или песчанымъ бугромъ; взоры тянутся къ нему, точно это какая нибудь живописная скала. Разъ только на берегу показался человѣкъ-полѣщукъ; онъ съ топоромъ и что-то

возился, угловато склонившись и растопыривъ неуклюжія ноги, промежъ отростковъ срубленной березы. Разъ еще показалось маленькое стадо коровъ. Но что это за коровы: малорослыя, коротенькія, величиною съ хорошаго теленка, и поджарыя; около, между кустами, промелькнула грязная свитка полѣщюка. А жилья все-таки не видно. Дальше стало еще глуше. Еслибъ не пароходъ да слѣды вырубленныхъ лѣсовъ, ничто не говорило бы о томъ культурномъ времени, въ которомъ мы живемъ. Какъ было пятьсотъ лѣтъ назадъ, такъ остается и теперь. Очевидно, вся надежда на осушку болотъ. Я сошелъ въ каюту, по примѣру своего спутника, залегъ спать и просилъ разбудить себя, когда мы будемъ приближаться къ Турову. Было очень любопытно увидѣть это мѣстечко— нѣкогда стольный городъ удѣльнаго княжества.

Около Турова стало чуть-чуть веселѣе. Тутъ изъ воды обнаружилась твердая почва, правда, низменная, какъ мель. На берегу, противоположномъ Турову, немного выше по теченію, столпилась кучка полѣщюковъ и между ними евреи; у берега торчало нѣсколько безобразныхъ челноковъ, сдѣланныхъ изъ выдолбленныхъ и выгнутыхъ стволовъ дерева. Бздить въ нихъ— особое искусство; они ужасно шатки; при малѣйшемъ неосторожномъ наклонѣ можно свести близкое знакомство съ подводнымъ царствомъ. Вотъ одинъ полѣщюкъ взобрался въ лодку и поплылъ къ противоположному берегу. Самъ онъ неуклюжій, невзрачный; издали это комъ грязи, а не человѣкъ; лицо, шапка, борода, свитка все сбилось въ одинъ грязно-сѣрый комъ; а лодкой своей управляетъ ловко; сидитъ на самомъ кончикѣ кормовой части и точно сросся съ лодкой; только знай себѣ помахиваетъ своимъ весломъ-лопатою, и лодка стремглавъ летитъ къ берегу. За нимъ поплылъ другой, потомъ третій. Вѣроятно, это было приготовленіе къ рыбной ловлѣ. Издали я не могъ разглядѣть; они были не въ томъ руслѣ рѣки, по которому мы держали путь.

IV.

Оказалось, что пароходъ нашъ простоитъ около Турова съ полчаса, и что времени этого было совершенно достаточно для осмотра мѣстечка. Я вышелъ на берегъ со своимъ случайнымъ спутникомъ. Разочарованіе мое было полнѣйшее. Туровъ оказался, не въ примѣръ Давыдъ-Городку, самымъ сквернымъ еврейскимъ мѣстечкомъ, которое къ тому же весною на половину заливается водою. Ничто не напоминаетъ о прошломъ, о томъ, что это былъ когда-то стольный городъ удѣльнаго княжества. *Sic transit gloria mundi*. Впрочемъ, Туровъ имѣетъ свои древности, которыя, однако, сразу не бросаются въ глаза и притомъ не кажутся дѣломъ рукъ чело-вѣческихъ; ихъ двѣ: во-первыхъ, насыпная гора, во-вторыхъ,

Г. Мозырь по направлению отъ Прилети.

копанный ровъ, окаймляющій Туровъ съ южной и восточной стороны. Я выразился,—насыпная «гора», потому что такъ выразились указавшіе мнѣ эту «гору»; на самомъ дѣлѣ это совсѣмъ не гора, а жалкая, отлогая возвышенность, которая гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ осталась бы совсѣмъ не замѣченной. Возвышенность эта опоясана двумя рѣчками. Вѣроятно, въ свое время ее насыпали съ двумя цѣлями: во-первыхъ, съ цѣлью военной, оборонительной, во-вторыхъ, съ цѣлью имѣть убѣжище во время разливовъ рѣкъ, потому что кругомъ, куда ни глянетъ глазъ, низменно и сыро до отвращенія. Недалеко отъ Турова есть мѣстечки, названія которыхъ напоминаютъ объ отдаленномъ прошломъ. Есть урочище Городецъ, при которомъ, говорятъ, были видны валы и остатки каменныхъ воротъ; есть село Сторожовцы, очевидно, нѣкогда поселеніе передовой стражи для обороны Турова; есть деревня Дворецъ, роща Княжескія дубравы. Станнымъ кажется, когда глядишь на это жалкое мѣстечко Туровъ, залегшее въ самой неприглядной мѣстности, что здѣсь нѣкогда былъ въ своемъ родѣ политическій центръ, изъ-за котораго даже одно время князья воевали. Дѣло однако жъ объясняется просто. Туровъ лежалъ на пути, связывающемъ Кіевъ съ Волынью, Галиціей и позднѣе Литвою. Путь этотъ—впадающая въ Днѣпръ Припеть и ея притоки. Онъ служилъ для разныхъ цѣлей, торговыхъ, военныхъ и прочихъ. Какъ путь торговый, это былъ особенно путь соляной. Въ древности соль доставлялась въ Кіевъ изъ двухъ мѣстъ—изъ Крыма и изъ сѣверной Галиціи; изъ Галиціи путь былъ водный по Припети и Днѣпру. Есть притокъ Припети, Стырь, берущій начало въ Галиціи, изъ отроговъ Карпатскихъ горъ. Очевидно, по Стыри и происходило сообщеніе изъ Галиціи до Припети. Стырь большая рѣка, протекаетъ больше 450 верстъ; судоходна теперь только на протяженіи 58 верстъ; зато сплавъ производится отъ верховьевъ; но, во-первыхъ, въ древности она могла быть полноводнѣе, а, во-вторыхъ, въ тѣ времена довольствовались большими лодками-дубами, для которыхъ не нуженъ фарватеръ судоходный въ нынѣшнемъ смыслѣ ¹⁾. Въ Пинскѣ и Туровѣ были сплавочные пункты галицкой соли. Естественно, что кіевскимъ князьямъ было важно сохранить этотъ путь въ своемъ обладаніи. Поэтому Туровъ, начиная отъ св. Владимира, присоединившаго его къ своимъ владѣніямъ, не былъ самостоятельнымъ княжествомъ, но входилъ въ составъ Кіевского. Кіевскіе князья то сами непосредственно владѣли Туровомъ, правя имъ черезъ посадниковъ, то сажали здѣсь

¹⁾ Можетъ быть, въ древности этотъ водный путь имѣлъ какія нибудь развѣтвленія, которыя теперь не существуютъ. Такъ, напр., не такъ давно на одномъ лугу, отдаленномъ отъ рѣки, подъ верхнимъ слоемъ почвы нашли днище старой барки.

своихъ сыновей въ качествѣ своихъ намѣстниковъ или совладѣльцевъ. Только въ половинѣ XII в. при князѣ Юріи Ярославовичѣ Туровъ сталъ столицей самостоятельнаго княжества. Это было лучшее время Турова. Въ это время въ немъ жилъ и подвизался знаменитый проповѣдникъ св. Кирилль, епископъ туровскій, который здѣсь и родился. Тогда въ Туровѣ было два монастыря, въ одномъ изъ которыхъ и принялъ монашество св. Кирилль. Къ тому же времени относятся и указанныя выше укрѣпленія Турова. Дебри и болота не спасли, однако-жь, Туровъ отъ татарскаго погрома. Онъ былъ разоренъ татарами и съ того времени теряется въ лѣтописи. Главнымъ городомъ области становится Пинскъ, меньше пострадавшій отъ нашествія татаръ, и князья ея называются въ лѣтописи большею частью уже только пинскими, а не туровскими, или туровскими и пинскими, какъ прежде. Однако, епископская каѳедра осталась въ Туровѣ. Еще во второй половинѣ XII в. здѣсь былъ православный епископъ, а съ начала XVII в. и до воссоединенія униі съ православіемъ тутъ была униатская епископская каѳедра.

Кромѣ положенія своего по берегамъ воднаго пути, мѣстность, въ которой возникъ Туровъ, обладала еще однимъ привлекательнымъ условіемъ: это обиліе всякаго звѣря и дичи, дѣлавшее туровскія земли лучшимъ мѣстомъ для охоты, особенно на тура, водившагося преимущественно въ лѣсахъ минскаго Полѣсья. Такъ правившій здѣсь варяжскій князь Туръ, о которомъ говоритъ лѣтопись, впервые упоминая о Туровѣ (подъ 980 г.), очевидно засѣлъ въ этомъ мѣстѣ, привлеченный богатымъ звѣринымъ промысломъ. Изъ лѣтописи извѣстно, что сюда пріѣзжалъ Владимиръ Мономахъ съ своимъ отцемъ на охоту «на всякаго звѣря», а особенно на тура. И теперь еще Полѣсье привлекаетъ охотниковъ, которые съѣзжаются сюда съ разныхъ концовъ.

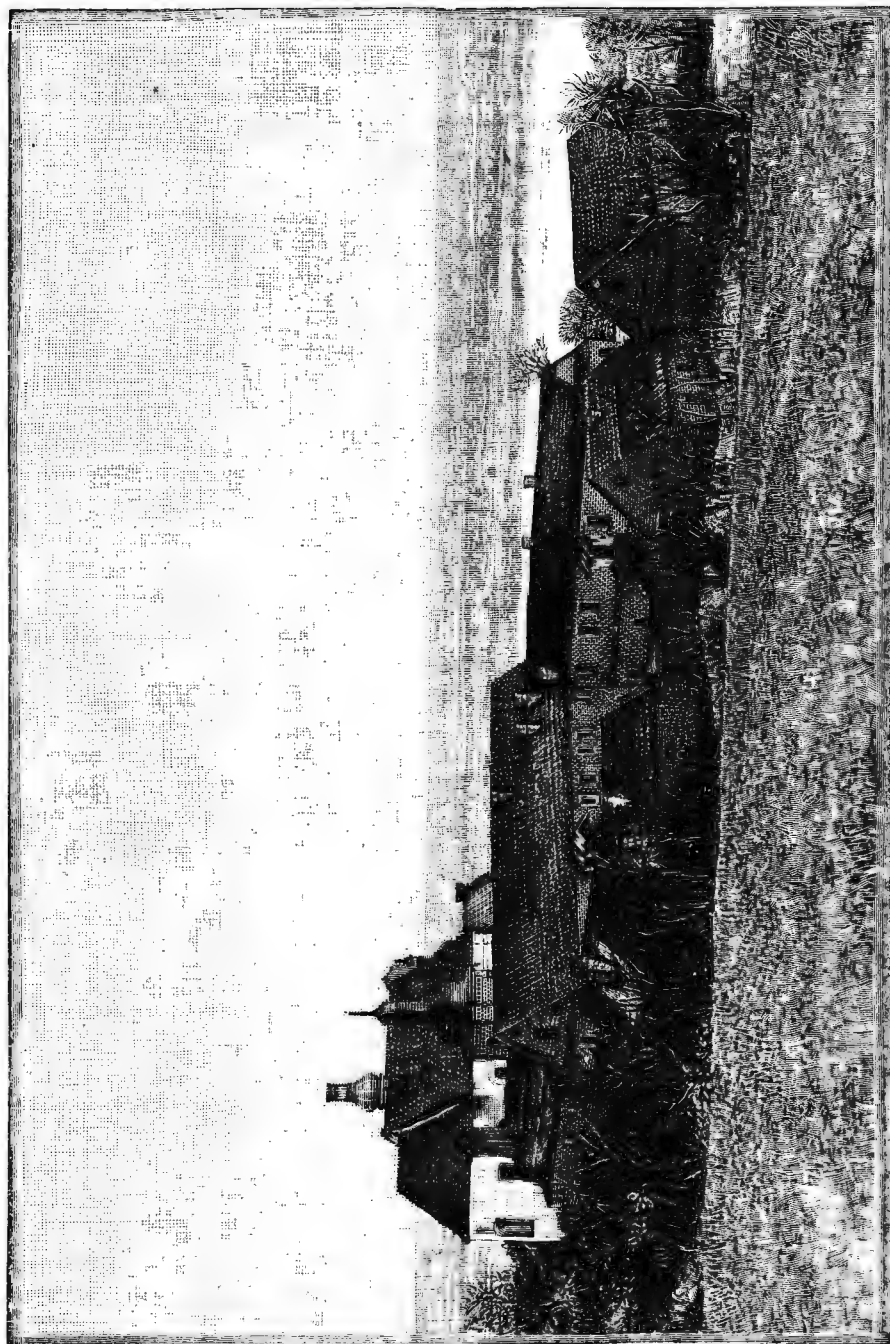
Видъ Турова направилъ наши мысли въ глубь вѣковъ. И тѣмъ легче было перенестись въ отдаленное прошлое, что окружающая мѣстность, по отсутствію вокругъ слѣдовъ культуры, осталась такою же, какою была въ тѣ времена, когда св. Владимиръ приходилъ сюда воевать съ варяжскимъ княземъ Туромъ. Къ тому же еще на пароходѣ мы неожиданно услышали упоминаніе про бога грома и молніи — Перуна. Вниманіе наше обратила на себя одна старушка; мы разговорились съ нею. Она сѣла въ Туровѣ, куда ѣздила навѣстить сына, заболѣвшаго во время работы по сплаву и лежавшаго въ больницѣ, и первый разъ въ жизни на старости совершала путешествіе на пароходѣ. Между прочимъ она сказала, что мужа у нея уже нѣтъ.—А что съ нимъ?—спросили мы.—Перунъ убилъ,—отвѣчала она довольно равнодушно. Это означало, что мужа ея убило грозою. Странно было слышать такое выраженіе, потому что, какъ извѣстно, прошло уже больше 900 лѣтъ съ

тѣхъ поръ, какъ св. Владимиръ утопилъ Перуна въ Днѣпрѣ. Неужели у этой женщины осталось представление о Перунѣ, какъ о божествѣ, или она этимъ именемъ называла только грозу? Женщина эта впрочемъ была, какъ оказалось, изъ очень глухой, даже для этихъ мѣстъ, деревни, и не изъ-подъ Турова, а поближе къ Мозырю.

Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ берегъ немного поднялся некрасивымъ песчанымъ откосомъ, пароходъ нашъ остановился заpastись дровами, и здѣсь я могъ насмотрѣться на полѣщуконъ. На берегу около сложенныхъ дровъ насъ ждала толпа парней и дѣвокъ, которые стали таскать дрова на пароходъ; похаживали тутъ же и полѣщуконъ постарше. Я бывалъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи и позволяю себѣ съ увѣренностью сказать, что между русскими людьми нѣтъ народа невзрачнѣе полѣщуконъ. Вы смотрите на нихъ, и не на чемъ глазу остановиться: все смѣшивается въ грязно-сѣромъ однообразномъ тонѣ. И мужчины и женщины некрасивые, неопрятные; лица грубыя или красноватыя или безцвѣтныя; на дѣвкахъ рубахи, юбки и платочки на головахъ все какого-то неопредѣленнаго грязноватаго цвѣта; яркихъ цвѣтовъ не видно; юбки подоткнуты довольно высоко, и изъ-подъ нихъ выступаютъ худыя, закорузлыя отъ запекшейся грязи ноги. Мужчины въ грязно-сѣрыхъ свиткахъ, у шеи грязные ворота рубахъ; большинство въ лаптяхъ, нѣкоторые въ неуклюжихъ сапогахъ, въ которыхъ можетъ ходить только полѣщукъ, равнодушно бултыхая ими въ болотѣ. Одного, стоявшаго безучастно поодаль, я принялъ сначала за пенъ высоко-срубленнаго дерева; точъ въ точъ корявый пенъ, поросшій гдѣ мхомъ, гдѣ липаями. Когда онъ, медленно приблизившись, неуклюже остановился, распустивъ по землѣ кнутовище своей пуги ¹⁾, и бессмысленно уставился на пароходъ, глядя на него, то казалось, что онъ вылѣзъ изъ болота, и обдерганные концы грязной, болотнаго цвѣта, свитки казались прилипшимъ болотнымъ иломъ и травой. И все время, пока я былъ на Полѣсьѣ, полѣщукъ всегда представлялся мнѣ какимъ-то болотнымъ существомъ, вылѣзающимъ или только что вылѣзшимъ на вольный воздухъ изъ болота. А издали я нерѣдко принималъ полѣщуконъ за пенъ дерева и наоборотъ. Какъ многія насѣкомыя и нѣкоторыя птицы и животныя окрашиваются подъ цвѣтъ окружающей природы, такъ и полѣщукъ оформился и выцвѣтился сообразно обстановкѣ, въ которой родился и живетъ. Онъ—лѣсное и болотное существо.

Солнце закатилось, когда мы снова тронулись въ путь. Скоро взошла луна. Когда погасли послѣдніе отблески солнца на западѣ, я снова поднялся на вышку поглядѣть на Припеть при лунномъ освѣщеніи. Рѣка была все та же; тѣ же безконечныя, низменныя

¹⁾ Пуга—кнутъ.

Рѣка Припеть и упраздненный католическій монастырь близъ г. Мозыря.

чащи зарослей и деревьевъ по обѣ стороны, и промежъ нихъ тамъ и здѣсь просвѣчиваетъ вода; то же отсутствіе хоть самыхъ незначительныхъ неровностей, та же пустынность, отсутствіе жилья и человѣка и то же ощущеніе отчужденности отъ всего міра.

Наконецъ, слава Богу, одинъ берегъ, лѣвый, сталъ подниматься изъ воды, и стало исчезать гнетущее впечатлѣніе затерянности среди болотъ. А вотъ и жилье и присутствіе человѣка. Показались какія-то строенія между группами сосенъ, а потомъ даже помѣщичья усадьба: окна высокаго дома въ саду свѣтились огнями. И отсюда уже до самаго Петрикова лѣвый берегъ былъ виденъ надъ водою. Въ Петриковѣ берегъ еще выше поднялся и въ одномъ мѣстѣ, при туманномъ лунномъ освѣщеніи, выдѣлялся точно утесомъ. Рѣка подъ мѣстечкомъ широко раздалась направо, образуя нѣсколько рукавовъ. Между высокимъ берегомъ и рѣкою—низменныя пространства въ родѣ отмелей, и на этихъ пространствахъ видны груды строительнаго матеріала и строящіяся суда; на высокомъ берегу тамъ и здѣсь на большомъ разстояніи свѣтились въ окнахъ огни. Среди рѣки отдыхалъ буксирный пароходъ съ пятью барками въ хвостѣ. Пароходная пристань, несмотря на поздній часъ, была биткомъ набита всякимъ народомъ, такъ что съ трудомъ можно было протолкаться. Видно было, что мы очутились у очень бойкаго мѣстечка, которое оттянуло къ себѣ всю жизнь значительнаго пространства Полѣсья.

Здѣсь я пробылъ нѣсколько дней, то уѣзжая, то возвращаясь въ Петриковъ. Кругомъ, несмотря на кажущуюся возвышенность мѣстности, оказалось множество болотъ; видѣлъ я также много истребленнаго и истребляемаго лѣса. Петриковъ — мѣстечко еще болѣе своеобразное, чѣмъ Давыдъ-Городокъ, и у петриковцевъ свой особенный самобытный обликъ. Въ части Полѣсья, орошаемой Припетью, слава о Петриковѣ положительно гремитъ, а жители Петрикова гордятся своимъ Петриковымъ, какъ парижане Парижемъ. Кто бы могъ подумать, что въ глуши Полѣсья есть мѣстечко, видъ котораго напоминаетъ о магометанскомъ востокѣ.

Между тѣмъ, таковъ именно Петриковъ. Дѣло въ томъ, что въ Петриковѣ значительное большинство домовъ устроены безъ оконъ на улицу, по магометанскому обычаю. Это дѣйствительно и есть остатокъ магометанскихъ обычаевъ. Петриковъ принадлежитъ графамъ Ходкевичамъ, которые пригласили къ себѣ для обороны татарскіе отряды.

Татары поселились въ Петриковѣ и завели обычай строить такъ дома, обычай, сохранившійся и понынѣ. Аборигены Петрикова — ятвяги, и основанъ Петриковъ, какъ гласитъ преданіе, ятвяжскимъ княземъ, принявшимъ въ крещеніи имя Петра. Потомки ятвяговъ смѣшались съ татарами, и вышелъ особый народъ — петриковцы. — А петриковецъ! Да, онъ петриковецъ! — можете вы

нерѣдко слышать въ этихъ частяхъ Полѣсья, и произносится это съ особеннымъ выраженіемъ, дескать, еслибы вы сразу сказали, что человекъ этотъ петриковецъ, такъ мы сразу знали бы, какъ объ немъ думать. Петриковецъ—это бойкій пройдоха. Онъ и предприимчивъ, и рѣшительнъ, и съ сознаніемъ своего достоинства. Онъ и суда строить, и рыболовствомъ занимается, и въ торговые предіріятія пускается, и служить, какъ и давидгородецъ, атаманомъ на плотахъ и баркахъ и рулевымъ на пароходахъ; и права свои петриковецъ сознаетъ и отстаиваетъ, и скандалы производитъ, и доносы и клеветы въ ходъ пускаетъ. Мирового судью петриковцы заваливаютъ дѣлами, съ духовенствомъ своимъ вѣчно воюютъ, находя, что оно должно быть у нихъ въ полномъ подчиненіи. И если кто нибудь, состоя въ томъ или иномъ сколько нибудь замѣтномъ общественномъ положеніи, не понравится петриковцамъ, они будутъ его изводить всѣми возможными способами. Много петриковцевъ есть въ Кіевѣ; тамъ они, преимущественно, лавочники. А многіе изъ нихъ и получше пошли, получили высшее образованіе и служатъ на разныхъ поприщахъ.

Слѣды татарщины сохранились еще въ фамиліяхъ петриковцевъ: встрѣчаются фамиліи «Мурза», «Курда» и т. п. Однако жъ петриковцы фанатически-религіозны и во время гоненій со стороны католиковъ были вмѣстѣ съ давидгородцами лучшимъ оплотомъ православія. У нихъ прекрасная церковь, большая, каменная; такихъ церквей во многихъ городахъ нѣтъ; была и другая, но сгорѣла незадолго до моего пріѣзда отъ удара молніи. Рассказываютъ, что когда церковь загорѣлась, большинство петриковцевъ настойчиво утверждало, что, когда загорится церковь отъ молніи, можно заливать огонь только молокомъ, и пока ихъ убѣдили, что можно тушить и водой, церковь сгорѣла. Это—злая насмѣшка надъ суевѣріемъ петриковцевъ.

V.

Но довольно о Петриковѣ и петриковцахъ. Я опять на пароходѣ и опять поѣду внизъ по Припети. Здѣсь уже не повторяется та унылая картина, что была раньше. Лѣвый берегъ все время возвышенный (конечно, сравнительно; о горахъ не можетъ быть и рѣчи), и замѣтны признаки обитаемости. На разсвѣтѣ мы проѣхали мимо мѣстечка Скрыгалова, расположеннаго на правомъ берегу. Это историческое мѣсто. Здѣсь четыреста лѣтъ назадъ (въ 1497 г.) умерщвленъ крымскими татарами, шайки которыхъ бродили тогда въ этихъ мѣстахъ, кіевскій митрополитъ Макарій. Здѣсь тогда пролегаль путь изъ Кіева въ Вильну. Митрополитъ возвращался въ Кіевъ изъ Вильны, гдѣ въ 1425 г. въ Пречистенскомъ соборѣ встрѣчалъ невѣсту великаго князя литовскаго Александра, Елену

Ивановну, дочь Іоанна III. Остановившись по дорогѣ въ Скрыгаловкѣ, онъ служилъ обѣдню въ церкви, когда нагрянули враги.

Еще было время укрыться, и всѣ разбѣжались и попрятались. Но митрополитъ пожелалъ встрѣтить враговъ въ церкви, и тутъ былъ ими обезглавленъ. Тѣло его въ лодкѣ отвезено скрыгаловцами въ Кіевъ и положено было въ Софійскомъ соборѣ, гдѣ и нынѣ нетлѣнно почиваетъ. Жители Скрыгалова производятъ названіе своего мѣстечка отъ этого событія, отъ словъ «скрыли голову», и, конечно, ошибаются, потому что поселеніе ихъ называлось такъ и до этого событія. Скрыгаловъ тоже очень древнее поселеніе и вслѣдствіе своего положенія на указанномъ большомъ водномъ пути въ свое время, вѣроятно, тоже было бойкимъ мѣстомъ. Здѣсь находятъ множество старыхъ монетъ. Около Скрыгалова есть большое городище съ остатками каменныхъ построекъ и множествомъ кургановъ.

Въ этомъ мѣстѣ правый берегъ уже выше лѣваго и настолько высокъ, что когда паруходъ стоитъ у берега, верхній край берега изъ каюты не виденъ. Подъ Мозыремъ лѣвый берегъ отлогій, правый очень высокъ. Къ Мозырю мы подѣхали часовъ въ 6 утра. Издали городокъ очень красивъ; кажется живописно расположеннымъ на высокихъ горахъ среди зелени. Но вблизи впечатлѣніе мѣняется. Это жалкій городишка съ безобразной, грязной набережной, по которой съ трудомъ можно пробраться въ городъ и на которую оборотились задами печистые дворы съ некрасивыми постройками. Вдоль берега длинный рядъ неуклюжихъ барокъ и дубовъ. Горы или голыя песчано-глинистыя, или подалеже покрытыя мелкимъ кустарникомъ; зелени мало. Расположенъ городъ узкой линіей вдоль берега, затѣмъ во рвахъ, образованныхъ стоками воды, и только отчасти по возвышенностямъ. Это собственно даже не возвышенности, потому что дальше, въ сторону, противоположную рѣкѣ, пониженія почвы нѣтъ. Если смотрѣть съ рѣки, кажется, будто бы всѣ эти дома и домишки, кое-какъ расположившіяся вдоль неровныхъ улицъ, напоромъ вѣтра или стоками воды сдвинуты сверху и, попавъ на склоны возвышенностей или дальше въ яму, кое-какъ приткнулись по этимъ склонамъ или разсыпались въ ямѣ въ разныхъ направленіяхъ.

Въ Мозырѣ я пробылъ нѣкоторое время. Городишко, какъ сказано, не казистый; хотя Мозырь существуетъ уже очень давно (въ лѣтописи упоминается въ XII столѣтіи; былъ подъ властью кіевскихъ князей) и всегда именовался городомъ, но ничѣмъ замѣтнымъ не далъ себя знать¹⁾. Уѣзднымъ городомъ сдѣланъ при

¹⁾ На мѣстѣ нынѣшняго Мозыря существовалъ, повидному, городъ уже въ II-мъ вѣкѣ по Р. Х. См. Ю. Кулаковскій: Карта Европейской Россіи по Птоломею, Кіевъ. 1899 г.

учрежденіи Минской губерніи. Тѣмъ не менѣе и Мозырь имѣеть свое значеніе. Вся эта мѣстность, то-есть вся та часть Полѣсья, которая вошла въ составъ Минской губерніи, обнаруживаетъ явное тяготѣніе къ Кіеву. Такъ идетъ изстари. Причины тому какъ географическія, такъ и историческія, хотя послѣднія собственно вытекаютъ изъ первыхъ, потому что не будь эта мѣстность расположена по созданному самою природою удобному пути къ Кіеву, не было бы непрерывнаго, несмотря на все превратности судьбы, общенія ея съ Кіевомъ. Однимъ изъ туровскихъ князей была построена въ Кіевѣ церковь (Турова божница), которая затѣмъ поддерживалась туровцами; туровцы имѣли въ Кіевѣ свое подворье, многіе туровскіе князья были похоронены въ Кіевѣ, жители Скрыгалова отвезли тѣло митрополита Макарія въ Кіевъ; основаніе кіевской академіи связано съ именемъ жены мозырскаго маршалка Елисаветы Гулевичъ (въ замужествѣ Ложа), пожертвовавшей въ 1615 году свою землю и домъ въ Кіевѣ подъ монастырь и школу, выросшую послѣ въ академію; въ Мозырскомъ уѣздѣ были владѣнія кіевскихъ монастырей (Лавры, Выдубецкаго). Въ прологѣ о Кириллѣ Туровскомъ о Туровѣ сказано: «Туровъ, еже близъ Кіева», хотя и теперь при пароходномъ сообщеніи отъ Турова до Кіева почти полтора сутокъ ѣзды. Такъ продолжается и теперь. Кіевъ для жителей всей этой мѣстности, начиная отъ Пинска, свой городъ. Пинскъ до проведенія полѣсскихъ желѣзныхъ дорогъ тяготѣлъ исключительно къ Кіеву. Чѣмъ ниже по Припети, тѣмъ сильнѣе это тяготѣніе. Губернскій городъ Минскъ—только оффиціальнй центръ. Особенно же это сказывается въ Мозырѣ, послѣднемъ изъ болѣе крупныхъ населенныхъ пунктовъ по Припети въ сторону Кіева. Мозырь, несмотря на свое болѣе чѣмъ трехсотверстное разстояніе отъ Кіева, кажется пригородомъ Кіева. Это, такъ сказать, преддверіе къ Кіеву для минскаго Полѣсья. Обстоятельство это имѣеть очень существенное значеніе. Всегда центромъ, къ которому тяготѣеть извѣстная мѣстность, дается направленіе всей этой мѣстности. Кіевъ—колыбель русскаго православія и русскій историческій центръ. А такъ какъ Мозырь преимущественно поддерживаетъ связь съ Кіевомъ, и черезъ Мозырь преимущественно поддерживается вліяніе Кіева на эту мѣстность, отсюда слѣдуетъ, что, еслибы явилось желаніе порвать связь этой мѣстности съ Кіевомъ, обратитъ стремленія ея въ другую сторону, уничтожить вліяніе Кіева, то нужно бы начинать съ Мозыря. Еслибы удалось за Мозыремъ устроить такую преграду, которая прервала бы доступъ отсюда къ Кіеву, то вся мѣстность, начиная отъ Мозыря, выше по Припети, получила бы тяготѣніе въ другую сторону и приняла бы другой обликъ. При нынѣшнемъ положеніи вещей это, можетъ быть, не имѣло бы особенно разительнаго значенія, но во времена прошедшія, когда населеніе всюду

въ Западномъ краѣ проникалось чуждымъ вліяніемъ, забывая свое прошлое, такой оборотъ дѣла значилъ бы много. Дѣятели католичества прекрасно это понимали. И вотъ почему, тогда какъ на всемъ протяженіи отъ Пинска до Мозыря не было ни одного католическаго монастыря, въ Мозырѣ ихъ было цѣлыхъ три: одинъ въ самомъ городѣ (теперь это православный соборъ), два другіе за городомъ верстахъ въ двухъ по теченію Припети, одинъ мужской, другой въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него женскій; въ корпусѣ перваго теперь сачичная фабрика, второй обращенъ въ православную церковь. Монастырями этими хотѣли оттѣснить всю эту область отъ Кіева, а съ другой стороны и провести отсюда католичество дальше въ сторону Кіева.

Сохранились еще въ Мозырѣ, около костела, старинныя болѣе чѣмъ столѣтнія деревянныя зданія бывшаго училища. Зданія эти и теперь еще служатъ свою службу, хотя все больше и больше осѣдаютъ въ землю; въ нихъ квартиры учителей существующей нынѣ въ Мозырѣ мужской прогимназіи.

Хотя Мозырь ютится около берега, настолько возвышеннаго, что съ другого берега, когда открывается видъ на городъ, кажется, что приближаешься къ какой-то горной странѣ, здѣсь имѣются въ наличности всѣ прелести болотной области. Та же сырость, то же ощущеніе непрочности почвы, на которой вы стоите, то же блѣдное неглубокое небо, тотъ же темный болотистый цвѣтъ воды; чуть зайдетъ солнце, отъ рѣки подымается пронизывающая сырость. На противоположномъ низменномъ берегу сначала зеленые луга—заливные сѣнокосы, дальше пески, еще дальше лѣсъ; почва подъ этимъ лѣсомъ расположена почти незамѣтнымъ для глазъ наклономъ къ рѣкѣ на протяженіи верстъ десяти и только тамъ, гдѣ проложено полотно желѣзной дороги, верстахъ въ 12 отъ Мозыря, уже въ Рѣчицкомъ уѣздѣ переходитъ въ ровную поверхность, такъ что въ сущности это очень широкая ложбина, на днѣ которой течетъ Припеть, а на склонѣ приотился городъ Мозырь. Зеленый берегъ, окаймляющій Припеть слѣва, испещренъ протоками, заливами и множествомъ небольшихъ болотъ. Отсюда преимущественно и тянетъ вечеромъ сыростью. Но мозырцы, какъ и слѣдуетъ, не унываютъ. Вечеромъ рѣка противъ города пестрѣетъ лодками; нѣтъ-нѣтъ послышится пѣсня, звуки гармоники. Часто по вечерамъ устраиваются пикники на тотъ берегъ, иногда съ музыкой; въ туманѣ болотныхъ испареній до глубокой ночи сіяютъ костры, раздается пѣсня, слышатся всплески и стукъ веселья... А когда все вдругъ стихаетъ, то это значитъ, что забрасываютъ сѣть. Послѣ улова костры ярче вспыхиваютъ: варятъ уху. Эти катанья въ лодкахъ, пикники, ловля рыбы—кіевскій обычай, перенесенный сюда.

Мозырь былъ послѣднимъ пунктомъ моихъ остановокъ въ По-

лѣсъ; дальше я ѣхалъ уже безостановочно до Кіева. Ниже Мозыря правый берегъ Припети еще долго возвышенный, поросшій кустарникомъ и кудрявыми деревьями. Лѣвый низменный, но не сводится «на нѣтъ», какъ было выше до Турова. Верстахъ въ 20 отъ Мозыря, на лѣвомъ берегу, въ отдаленіи отъ рѣки, появляется возвышенность. Подъ ней расположено небольшое мѣстечко Юревичи—старинное поселеніе (здѣсь пароходъ останавливается). Мѣстечко не видно съ рѣки, но на горѣ красиво высится колокольня церкви. Это тоже бывшій католическій монастырь, очень предусмотрительно помѣщенный здѣсь. Изъ Юревичъ расходятся дороги въ разныя стороны Рѣчицкаго уѣзда, начинающаяся здѣсь возвышенность направляется на востокъ къ Днѣпру; тамъ и здѣсь разбросано множество кургановъ—слѣды казацкихъ войнъ; по возвышенности идетъ дорога въ м. Брагинъ, о которомъ лѣтопись упоминаетъ нѣсколько разъ, какъ о дѣтищѣ великихъ князей кіевскихъ; дальше дорога развѣтвляется на мѣстечки: Лоевъ и Любечъ (последніе уже Черниговской губерніи на лѣвомъ берегу Днѣпра); первое извѣстно изъ исторіи казацкихъ войнъ; второе—хорошо извѣстный по лѣтописямъ древній русскій городъ и родина св. Антонія, основателя Кіево-Печерской лавры.

Еще двѣ, три остановки, чтобы забрать съ берега обдерганнаго мужиченка или жидка съ грязнымъ узломъ, и возвышенности исчезли, и опять тотъ же видъ, которымъ приходилось любоваться до Турова. Разница та, что здѣсь рѣка шире, и деревья и заросли, которыми тамъ и здѣсь поросъ берегъ, часто невидимый изъ воды, шире разступаются въ обѣ стороны. Сколько здѣсь воды! Куда ни глянешь, вездѣ она пробивается, заливами, протоками, озерами, болотами; самая земля, что тяжелыми комьями залегла между протоками, тучно насыщена ею; а травка, что покрываетъ землю, мелкая, блѣдная, хотя и сочная; сѣнокосы дальше, гдѣ земля шире распростерлась надъ водою; съ парохода ихъ не видно. Припеть отсюда стала описывать такіе зигзаги, что пароходу приходилось принимать самыя разнообразныя положенія, и рулевое колесо непрестанно работало; то и дѣло носъ поворачивался въ ту сторону, куда только что глядѣла корма, и наоборотъ. Итакъ, съ нѣкоторыми перерывами, продолжалось до самой границы Кіевской губерніи.

Мы выѣхали изъ Мозыря раннимъ утромъ. Утро было прохладное, вѣтреное; пассажиры попрятались, и я долго оставался одинъ на верхней площадкѣ въ обществѣ только рулевого и иногда появлявшагося капитана; изрѣдка еще появлялись какіе-то жидки, но, пожившись на вѣтрѣ въ своихъ легонькихъ одежонкахъ, сейчасъ спускались обратно. Но вотъ вѣтеръ поутихъ, въ воздухѣ потенлѣло, и я сидѣлъ уже въ кампаніи.

Изъ каюты второго класса появились два пассажира—священ-

никъ и полковникъ въ отставкѣ съ Георгіемъ въ петлицѣ, и усѣлись возлѣ меня, потомъ еще два—евреи изъ «полуцибулизированныхъ», и усѣлись напротивъ.

— А позвольте васъ спросить, куда вы изволите ѣхать?—заговорилъ со мною батюшка.

Получивъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, онъ задалъ мнѣ ихъ еще нѣсколько: откуда я самъ, чѣмъ занимаюсь, зачѣмъ заѣзжалъ въ эти края, нравятся ли мнѣ здѣсь?

— Да,—согласился онъ на мой послѣдній отвѣтъ,—болотъ у насъ много, это дѣйствительно, и климатъ сырой, это точно; но теперь болота осушаются и довольно успѣшно. Да мы, мѣстные уроженцы, и не боимся болотъ; доктора вотъ говорятъ все насчетъ малярін, да что-то какъ будто и не замѣчается этой малярін. Живутъ у насъ люди подолгу; стариковъ глубокихъ у насъ много; это я могу засвидѣтельствовать, какъ мѣстный сельскій уроженецъ и житель. Да. А сырость, влага даже, можно сказать, пользу приносить: климатъ мягкій и неурожаевъ не бываетъ—всегда середина, золотая середина. А Припеть, вы изволили говорить насчетъ Припети,—ну, конечно, Припеть не Волга, не Днѣпръ (хоть наша Припеть и кормитъ вашъ Днѣпръ), ну, тѣмъ болѣе не Рейнъ, а поѣхали бы вы по нашей Припети такъ въ началѣ мая—соловьевъ тутъ, что тутъ соловьевъ—гибель! вотъ по всѣмъ этимъ зарослямъ, кустамъ такъ и заливаются; концертъ, настоящій концертъ; такъ пароходъ подъ это пѣнье соловьиное все время и подвигается. Да, нашъ край вообще, можно сказать, соловьиный край... А еще сколько здѣсь ландышей ранней весною! Какъ спадетъ вода, всѣ эти луга покрываются ландышами... Приятные это цвѣточки. Ландыши—это знаменіе оживленія природы...

— Да, точно,—согласился онъ на мое замѣчаніе:—наслаждаться только этимъ некому: пустынно и безлюдно. Только въ Мозырѣ Божій даръ не пропадаетъ даромъ: люди понимающіе есть... Да, такъ вы въ нашихъ краяхъ въ первый разъ,—перемѣнилъ онъ тонъ:—а вотъ они,—мотнулъ онъ головою на полковника,—и здѣшній и не здѣшній; сами они полтавскій, у нихъ хуторъ въ Полтавской губерніи, но и у насъ въ Минской губерніи тоже имѣннице у нихъ есть, но ужъ это благопріобрѣтено, не такъ давно, когда они тутъ съ полкомъ стояли, баталіоннымъ командиромъ были.

— Ну, въ Мозырѣ вашемъ я и раньше побывалъ—еще въ 1854 году, во время крымской кампаніи,—подхватилъ полковникъ,—черезъ Мозыръ тогда шелъ почтовый трактъ изъ Петербурга на югъ, это былъ кратчайшій путь между Петербургомъ и Одессой. Я тогда только что былъ произведенъ въ офицеры и попалъ прямо въ Севастополь; тогда я черезъ Мозыръ и ѣхалъ изъ Петербурга.

Полковникъ и батюшка представляли собою двѣ противополож-

ности. Батюшка былъ высокаго роста, худощавый, держался прямо, осанисто, говорилъ протяжно, баритономъ; полковникъ—приземистый, съ брюшкою, говорилъ голосомъ, напомнимъ бабій, скороговоркой и не совсѣмъ складно, запинаясь. И безъ батюшкинаго поясненія можно было бы догадаться, что онъ изъ полтавскихъ хуторянъ. Это говорило и произношеніе его, и тембръ его голоса, и весь его обликъ. Полковникъ, оказалось, уже пятнадцать лѣтъ былъ въ отставкѣ и за эти пятнадцать лѣтъ успѣлъ окончательно уйти въ благодушную хуторскую жизнь. Многочисленныя сѣрыя пятна, испещрившія его форменный походный скюртукъ на груди и животѣ, свидѣтельствовали, что полковникъ былъ большой любитель варениковъ и галушекъ, которые притомъ кушалъ не особенно опрятно. Полковникъ любилъ поговорить. На наши вопросы онъ рассказалъ намъ про Севастополь, потомъ перешелъ къ послѣдней турецкой войнѣ, въ которой участвовалъ и получилъ Георгія; но конькомъ его была Болгарія; о чемъ бы ни говорилось, нѣтъ-нѣтъ да и вспомнить про Болгарію. Но предметомъ его воспоминаній были не военные дѣйствія, а бытовая сторона, которая почему-то особенно приковала къ себѣ его вниманіе. Несмотря на это, или, лучше сказать, именно поэтому, видно было, что полковникъ на войнѣ былъ молодецъ вояка; извѣстно, что истые герои не любятъ похваляться своими подвигами.

Теперь мы нерѣдко обгоняли большія барки, тяжело нагруженные дровами, а навстрѣчу попадались тяжело пыхтѣвшіе буксирные пароходы, тащившіе или такія же барки, но не съ дровами, а съ хлѣбомъ или съ солью, или плоты, связанные изъ длинныхъ бревенъ. Полковникъ и батюшка каждый разъ съ любопытствомъ останавливали свое вниманіе на этихъ баркахъ и плотяхъ. Зашла рѣчь о лѣсномъ промыслѣ.

— А что вашъ минскій лѣсокъ?—спросилъ батюшка полковника,—не продали еще?

— Нѣтъ, не продали. Даютъ семь тысячъ, а я хочу восемь. Да ничего, пусть еще постоитъ. Мнѣ не къ спѣху.

Оказалось, что у полковника въ его имѣніи въ Минской губерніи есть хорошій сосновый лѣсокъ (не помню, сколько именно десятинъ) при славной рѣкѣ. Сосны семивершковые.

— А вы какъ считаете...—продолжалъ батюшка:—какъ измѣреніе дѣлали: у земли семь вершковъ?

— Нѣтъ, — объяснилъ полковникъ, — измѣряли до вышины средняго человѣческаго роста, моего роста. И сосны все крѣпкія, здоровыя...

Полковникъ поднялся съ мѣста, остановился у перилъ и, выпятивъ брюхо и заложивъ руки назадъ, сталъ разсматривать нагруженную дровами барку, мимо которой мы въ это время проходили. Тутъ настало время и двумъ сидѣвшимъ противъ насъ евре-

ямъ сдѣлаться дѣйствующими лицами. До этого времени они сидѣли спокойно на скамейкѣ противъ насъ, погруженные во что-то свое, изрѣдка переговаривались между собою и вскользь только поглядывали на насъ. Но тутъ вдругъ они замѣтно заволновались, особенно одинъ; онъ значительно сказалъ что-то другому, тотъ что-то отвѣтилъ ему; первый, бросивъ на него значительный взглядъ, быстро и рѣшительно всталъ и подошелъ къ полковнику.

— Вы продаете лѣсъ... — скороговоркой заговорилъ онъ къ нему, — я покупаю вашу лѣсъ... Хотите задатокъ?..

И онъ сунулъ руку въ карманъ своего сѣраго пиджака за бумажникомъ. Это было такъ неожиданно, что полковникъ совершенно по-дѣтски растерялся. Онъ смущенно посмотрѣлъ на меня, на батюшку, какъ бы инстинктивно ища у насъ помощи.

— Задатокъ! Какой задатокъ! — и смущенно и сердито вскричалъ онъ, не найдя въ насъ этой помощи. Къ еврею онъ даже не обернулся и не взглянулъ ни разу на него, а глядѣлъ въ землю. — А палокъ не хочешь! Гм... задатокъ... Палками тебя!..

И на полныхъ губахъ полковника расплылась смущенная улыбка, точно онъ хотѣлъ загладить этой улыбкой суровость своей рѣчи. Но еврей нашелся. Онъ сдѣлалъ видъ, какъ будто это совѣтъ не онъ говорилъ полковнику, какъ будто то, что сказалъ полковникъ, относилось вовсе не къ нему. Полуотвернувшись отъ насъ и что-то чуть-чуть гнусливо напѣвая про себя, онъ безсмысленно уставился своими свинными глазками въ прыгавшее по волнамъ около парохода полѣно, оставляя полковника горячиться сколько ему угодно, а насъ думать обо всемъ этомъ неожиданномъ происшествіи, что намъ угодно. Потомъ, не глядя ни на кого, подошелъ къ своему товарищу, что-то сказалъ ему, и оба спустились внизъ, провожаемые лукавыми улыбками обоихъ стоявшихъ у руля матросовъ.

Батюшка первый прервалъ молчаніе.

— Это — агентъ минской лѣсопромышленной фирмы, — объяснилъ онъ въ сторону исчезнувшихъ евреевъ. — Ихъ тутъ немало рыщетъ. Лѣсовъ теперь стало мало для продажи; много уже вырублено, много продано и вырубается, ну, и лѣсоохранительный комитетъ теперь наблюдаетъ. Вотъ ихъ и рассылаютъ искать, нѣтъ ли гдѣ еще лѣсочковъ. И находятъ. Ну, конечно, ихъ дѣло — небольшие лѣса. Большіе лѣса и безъ нихъ обнаружались бы. Мой двоюродный братъ такъ вотъ недавно свой лѣсъ продалъ. Въ поѣздѣ гдѣ-то около Минска въ вагонѣ разговорился съ пассажиромъ про свой лѣсъ. Тутъ же и агентъ въ родѣ вотъ этого ѣхалъ. Впутался въ разговоръ. Узнавъ, гдѣ лѣсъ, поѣхалъ, осмотрѣлъ, и продажа состоялась.

День выдался хорошій, тихій; солнце припекало; по нашей просьбѣ принесли и растянули парусинный навѣсъ, и мы оста-

лись наверху на цѣлый день; тутъ и пообедали. Полковникъ и батюшка ѣхали тоже въ Кіевъ. Подъ вечеръ дѣлали остановку у большого мѣстечка Чернобыля, расположеннаго на возвышеніи, въ зелени. Это уже Кіевская губернія. Названіе мѣстечка произошло вслѣдствіе положенія его на границѣ поселенія малорусскаго и бѣлорусскаго племени; малоруссы носятъ темное одѣяніе (свитки и шапки), бѣлоруссы бѣлое; отсюда по малорусскому произношенію чернобиль—Чернобыль. Скоро за Чернобылемъ Припеть впадаетъ въ Днѣпръ. Припеть больше всѣхъ другихъ притоковъ даетъ воды Днѣпру; принявъ въ себя Припеть, Днѣпръ сразу становится шире, полноводиѣе. Вода въ Днѣпрѣ свѣтлая и въ ясный день переливается легкими серебристо-голубыми блестками; вода Припети катитъ тяжелымъ темнымъ потокомъ. Но, выѣхавъ изъ устья Припети, вы не можете сразу замѣтить, что Припеть кончилась, и начался Днѣпръ, потому что вода Припети, вливаясь тяжелымъ потокомъ въ Днѣпръ, еще нѣсколько времени течетъ самостоятельнымъ потокомъ промежъ водъ Днѣпра, отгѣсняя ихъ къ берегамъ, пока наконецъ не растворяется въ нихъ.

— Вотъ и конецъ нашему Полѣсью,—сказалъ батюшка.—Тутъ еще тоже Полѣсье,—указалъ онъ на возвышенный правый берегъ Днѣпра,—кіевское Полѣсье; да ужъ тутъ иначе (бывалъ я и здѣсь не разъ): и болотъ тѣхъ нѣтъ и населеніе гуще, да и народъ не тотъ... Я вотъ похвалилъ вамъ нашу сторону, а надо сознаться, по сравненію съ другими все-таки жалкая сторона. Развѣ въ будущемъ что выйдеть, вотъ какъ болота повысушатъ.

Батюшка сказалъ это откровенно и съ тоской. И я согласился съ нимъ, потому что и у меня отъ Полѣсья осталось тоскливое впечатлѣніе.

Полѣсье огромнымъ болотомъ залегло среди болѣе или менѣе бойкихъ окружающихъ его земель и во всемъ отстало отъ окружающаго. Еще не такъ давно, лѣтъ пятнадцать назадъ, минское Полѣсье было совсѣмъ заброшенною, забытою стороною. Всякій открещивался отъ него; ѣхать селиться здѣсь казалось наказаніемъ. Имѣнія, лѣса предлагались за дешевую цѣну, но покупателей находилось мало; что толку, говорили, въ лѣсѣ, когда продавать его некому, а то и добраться часто нельзя до него по болотамъ; на лугахъ сѣна сколько угодно, а тоже сбывать некуда; а имѣнія большей частью только и состоятъ изъ лѣсовъ, болотъ и сѣнокошаровъ. И лѣса стояли среди болотъ не тронутые. И всякаго звѣря въ нихъ было видимо-невидимо. Медвѣди, лоси, дикіе кабаны, дикія козы, барсуки, рысь, куница, россомаха, горностаи, лисица жили да поживали тутъ, какъ въ первобытныя времена. Въ рѣкахъ и озерахъ въ изобиліи водился бобръ. Лѣса было еще достаточно въ другихъ мѣстахъ поближе къ центрамъ, и топоръ и пила рѣдко звучали здѣсь. Съ проведеніемъ полѣсскихъ желѣзныхъ дорогъ, въ на-

чалъ восьмидесятихъ годовъ, Полѣсье стало терять свой первобытный обликъ. Къ этому же времени лѣсныя богатства въ болѣе населенныхъ мѣстахъ были исчерпаны, а для желѣзной дороги требовалось много лѣсу, и лѣсопромышленники обратили свои взоры на минское Полѣсье. Нахлынули и покупатели имѣній, стало усиливаться русское землевладѣніе ¹⁾. Эти новые собственники ограничивались тѣмъ, что, купивъ дешево имѣніе, продавали значительную часть лѣса и сбывали имѣніе съ большимъ барышемъ другимъ лицамъ, которыя поступали въ свою очередь такъ же; только въ ближайшіе годы обнаруживается нѣкоторое стремленіе землевладѣльцевъ болѣе прочно водвориться здѣсь. Но пока вы видите здѣсь крайне незначительное число имѣній, въ которыхъ ведется правильное, опредѣленное хозяйство. Собственники довольствуются тѣмъ, что вырубаятъ остающіеся еще лѣса въ размѣрахъ, разрѣшенныхъ лѣсоохранительнымъ комитетомъ, и отдаютъ земли изъ-подъ лѣса (посѣвки, какъ здѣсь называютъ), гдѣ посуше, подъ распашку крестьянамъ и безземельнымъ мѣщанамъ и шляхтѣ. Слабую сторону здѣшняго землевладѣнія составляютъ крестьянскіе лѣсные сервитуты (какъ и вездѣ въ Сѣверо-Западномъ краѣ): по выкупнымъ актамъ крестьяне получили право пастбы скота по помѣщичьимъ лѣсамъ. Имѣнія здѣсь все большія; есть имѣнія больше 200 тысячъ десятинъ; имѣніе въ тысячу десятинъ считается со сѣмъ маленькимъ. Это и понятно, потому что нерѣдко половина всей земли болото. Доходность имѣній слабая. Я видѣлъ одно большое имѣніе, которое совсѣмъ дохода не приноситъ, только окупаетъ свое содержаніе. Но владѣлецъ, не такъ давно пріобрѣтшій его, не хочетъ продавать: надѣется на доходы въ будущемъ, но какіе, этого мнѣ не успѣли объяснить. У крестьянъ земли тоже сравнительно много, надѣлы большіе, но земля плохая, и обрабатываютъ они ее кое-какъ; оттого имъ все мало земли а отсюда вѣчныя съ ихъ стороны земельныя притязанія. Здѣсь вы не увидите тучныхъ нивъ; рожь подымается не высоко, не гнется подъ тяжестью налитыхъ колосьевъ. За то, какъ справедливо замѣтилъ батюшка, благодаря обилію влаги, здѣсь ни бываетъ и неурожаевъ, всегда для себя хватаетъ. Между крестьянами ужасно развиты самовольныя лѣсныя порубки; сколько ни заводи лѣсной стражи, нельзя уберечься. У нихъ установился взглядъ на лѣсъ, какъ на имущество безхозяйное, которымъ всякій воленъ пользоваться, сколько ему угодно. Это отъ того, что прежде, когда лѣса было великое множество, и спроса на него не было, лѣсовладѣльцы не проявляли особенной заботливости для сохраненія отдѣльныхъ деревьевъ; если тамъ и здѣсь крестьяне

¹⁾ Начало возстановленію здѣсь русскаго землевладѣнія положено при Екатеринѣ II; но, сколько маѣ извѣстно, только одно имѣніе удержалось за потомками собственниковъ Екатерининскихъ временъ.

рубили на свои надобности, это было не важно и не замѣчалось; затѣмъ, когда ухватились за лѣса, когда лѣса составили замѣтную цѣнность и стали все уменьшаться, отношеніе къ нимъ владѣльцевъ измѣнилось, а крестьяне стоятъ на прежнемъ, помнятъ старину. И тутъ тоже постоянные споры и несогласія. Села и деревни въ минскомъ Полѣсьѣ очень непригляднаго вида; это ряды скудно поставленныхъ, кое-какъ сколоченныхъ бревенчатыхъ построекъ; крыши на нихъ бревенчатые и домовыя трубы тоже изъ дерева сложены; рѣдко, рѣдко гдѣ торчитъ зеленое деревцо; издали это точно груды наваленныхъ дровъ, почернѣвшихъ отъ времени; кажется, подожги спичкой одно такое бревно, и огонь такъ и пойдетъ гулять. Особенно непригляденъ видъ этихъ деревень въ грязное дождливое время. Скота у крестьянъ много. Но я нигдѣ не видѣлъ такого жалкаго скота.

Въ городахъ и мѣстечкахъ мѣщане-христіане занимаются огородничествомъ и рыболовствомъ. Почва для развитія огородовъ удобная, особенно въ Мозырѣ; а между тѣмъ ведется огородничество крайне небрежно; это даже не есть здѣсь промыселъ; сѣютъ, какъ сѣяли предки, не заботясь ни объ усовершенствованіи, ни о выгодѣ, и оттого вездѣ въ продажѣ встрѣчаются овощи изъ Кіева. Рыбу неводами не ловятъ; ловятъ небольшими сѣтями; преимущественно же употребляются вентера. Зимой на Припети часто случаются придухи (недостатокъ въ водѣ, необходимаго для жизни рыбъ, воздуха влѣдствіе сильнаго обмерзанія); тогда рыба бросается въ устья ручьевъ съ родниковою водою, и тутъ ее во множествѣ вылавливаютъ часто просто руками. Кромѣ Припети, этой кормилицы Полѣсья, рѣчекъ множество; нѣтъ почти мѣстности, гдѣ можно было бы обойтись безъ передвиженія по водѣ; а судостроительство между тѣмъ нисколько не совершенствуется: все тѣ же долбленные челноки и неуклюжіе дубы, которые служили средствомъ передвиженія и тысячу лѣтъ назадъ. Все здѣсь дѣлается кое-какъ, безъ всякаго желанія итти впередъ, даже, повидимому, безъ пониманія, что есть возможность итти впередъ, лишь бы какъ нибудь прожить. Спросите полѣщучка, болѣе бывалаго, отчего у нихъ все въ такомъ жалкомъ видѣ. — «А что жъ, — отвѣтитъ онъ безнадежно: — Полѣсье...», т. е. нужно понимать, что здѣсь ничего лучшаго и ожидать нельзя, обижены мы дескать Богомъ. Существуетъ анекдотъ, что какъ-то однажды императоръ Николай I (по другой версіи императрица Екатерина II) смотрѣлъ какой-то полкъ и спрашивалъ по-очереди солдатъ, откуда кто родомъ; одинъ, другой, третій бойко отвѣчали: кто владимирскій, кто ярославецъ и пр., наконецъ, дошла очередь до одного съ понурымъ видомъ. «А ты откуда?» — спрашиваетъ его государь. — «Не можемъ похвалиться, — жалобно отвѣчалъ тотъ, — пинчукъ, изъ-подъ Пинска». Отношеніе полѣщучка къ своей судьбѣ представляется въ такомъ видѣ: «природа

насъ обидѣла,—точно говорятъ они,—болота ужасъ, земля плохая, сообщеніе тяжелое, лѣсъ, а войти въ него—въ болотѣ застрянешь, и комары заѣдятъ, зелено, да зелень блѣдная, однообразная, воздухъ сырой, даже солнце свѣтитъ намъ не такъ, какъ другимъ; ну, и что же намъ еще стараться; пусть другіе, къ кому природа отнеслась благосклоннѣе, суетятся и корыстничаютъ, и на здоровье, а мы и такъ проживемъ, Богъ съ нимъ!»

Теперь Полѣсье представляетъ странный видъ и, можетъ быть, еще болѣе печальный, чѣмъ прежде. Прежде это была одна глушь, непроглядная глушь, безконечный лѣсъ въ безконечныхъ болотахъ. Теперь отъ лѣсовъ не осталось и десятой доли: торчатъ голые пни, осиротѣло зеленѣютъ молодыя деревца, точно сокрушаясь, бережетъ ли ихъ кто для выроста, да лоза и камышь развиваются на просторѣ. Обѣзжая Полѣсье, вы вдругъ слышите то тамъ, то здѣсь шумъ фабричныхъ колесъ, пыхтѣнье пара, изъ большой трубы валить дымъ. «Вотъ и Полѣсье вызвано къ жизни»,—думаете вы. Но утѣшительнаго здѣсь мало, потому что это всего только паровыя лѣсопильни, которыя просуществуютъ до тѣхъ поръ, пока для нихъ хватитъ вырубленнаго лѣса. Не станетъ лѣса, исчезнетъ и этотъ шумъ колесъ и пыхтѣнье пара. Лѣсъ, конечно, исчезнетъ, а чѣмъ онъ будетъ замѣненъ, и надъ чѣмъ тогда будутъ стучать колесѣ и пыхтѣть паръ,—вопросъ нерѣшенный. Кромѣ лѣса, есть еще много сѣнокосовъ и есть два-три сѣнопрессовальныхъ завода, но на этомъ благополучія края не построишь. Выходитъ положеніе такое: лѣса мы вырубали, нужно теперь прискаты чтонибудь другое, что подняло бы Полѣсье, дало бы ему цѣну; а что такое это другое, никто придумать не можетъ. И приходится повторить слова батюшки: «вотъ какъ осушать болота, можетъ, чтонибудь и выйдетъ». А все-таки для Полѣсья самое подходящее было бы лѣсное хозяйство: при правильномъ лѣсномъ хозяйствѣ лѣса сохранились бы до скончанія міра, и доходность была бы выше, чѣмъ отъ всякаго другого промысла. Притомъ и для крестьянъ лѣсной промыселъ служить подспорьемъ; если молодежь и прокучиваетъ свои лѣсные заработки, то семейные хозяева изъ нихъ выплачиваютъ повинности, потому что земля часто даетъ средства только на свой прокормъ.

Къ чести нѣкоторыхъ, очень немногихъ владѣльцевъ нужно сказать, что они еще берегутъ свои лѣса. Частные лѣса сохранились больше на правомъ берегу Припети, за Туровомъ, гдѣ непроходимыя болота. Но преимущественно сохранившіеся лѣса—это казенные. Въ нихъ еще живетъ и прежній звѣрь, и любители охоты могутъ тутъ хорошо провести время. Но бобръ уже рѣдкость, и приходится принимать мѣры для сохраненія его.

Пока я размышлялъ о судьбахъ Полѣсья, подъ мѣрный грохотъ парохода, солнце зашло. Спутники мои покинули меня и засѣли или

залегли въ своей каютѣ. Я тоже сошелъ въ каюту. Въ небольшой каютѣ перваго класса, гдѣ я помѣщался, было свободно; кромѣ меня, былъ только одинъ пассажиръ—почтенный старикъ еврей съ окладистою сѣдою бородой, какъ оказалось, лѣсопромышленникъ. Ему что-то было не по себѣ; онъ то ложился, то вставалъ и все охалъ и кряхтѣлъ. Я съ нимъ заговорилъ. Оказалось, что надъ нимъ стряслись двѣ бѣды: во-первыхъ, жена, съ которою онъ жилъ неразлучно сорокъ пять лѣтъ, больна и лежитъ въ Кіевѣ въ клиникѣ, во-вторыхъ, неудачныя лѣсныя операціи: продалъ лѣсъ въ кредитъ, и покупатель обанкрутился, а по другому лѣсу возникъ споръ съ владѣльцемъ и—процессъ: «ахъ, какой процессъ! Адвокаты сколько стоять, адвокаты! Тяжело теперь стало съ лѣснымъ дѣломъ, ухъ, какъ тяжело!» Я постарался, сколько могъ, утѣшить его и, должно быть, успѣлъ въ этомъ, такъ какъ старикъ заговорилъ бодрѣе и даже вдругъ вызвался оказать мнѣ услугу.

— Ну, хотите,—сказалъ онъ,—я вамъ устрою: съ пятью рублями въ карманѣ вы купите стотысячное имѣніе; только лѣсъ отъ васъ отойдетъ на срубъ.

Пароходъ нашъ опаздывалъ, и когда, въ началѣ двѣнадцатаго, мы подошли къ Межигорью, къ намъ вышелъ капитанъ и спросилъ насъ: не будемъ ли мы имѣть что нибудь противъ того, чтобы заночевать подъ Межигорьемъ, такъ какъ иначе придемъ въ Кіевъ въ два часа ночи. Я ничего не имѣлъ противъ. Еврей спѣшилъ повидать жену, но все равно, въ два часа ночи въ клинику не пустятъ. И мы, прислонившись бортомъ къ высокому правому берегу Днѣпра, пробыли здѣсь до четырехъ часовъ утра.

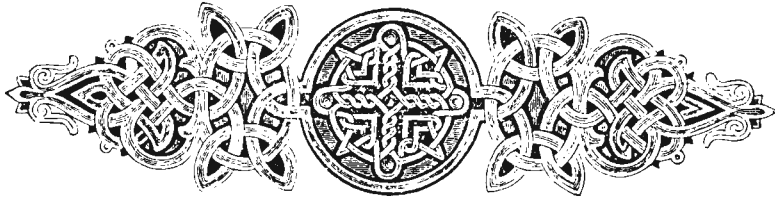
Межигорье—это Межигорскій монастырь. Нынѣшній монастырь построенъ недавно. Но здѣсь былъ монастырь, какъ гласитъ преданіе, еще при св. Владимирѣ. Монастырь называется Межигорскимъ, потому что расположенъ между горами. Въ полумракѣ звѣздной ночи надъ густой чащей деревьевъ темными силуэтами высились куполы монастырской церкви, и на нихъ тускло отсвѣчивали золотые кресты; съ трехъ сторонъ обступая церковь, высоко поднимались горы: у подножія ихъ густые, развѣсистые кусты расплзлись до края берега, и ихъ длинныя вѣтки почти стучатся въ окна каютъ нашего парохода. Тамъ у монастыря полная тишина, ни звука, точно все замерло. И отъ этихъ горъ, отъ этой чащи деревьевъ и кустовъ вѣетъ ароматнымъ тепломъ; сырости ни малѣйшей. Какая разница—здѣсь и у береговъ Припети. На пароходѣ было много народа; но тутъ у порога монастыря все прісмирѣло; не было обыкновеннаго при приставаніи парохода къ берегу движенія; нѣсколько легкихъ всплесковъ воды, когда бросили якорь и прикрѣпляли пароходъ къ берегу; короткій разговоръ матроса съ человѣкомъ, поджидавшимъ на берегу въ кустахъ прибытія парохода, быстрые

шаги по трапу,—и на пароходѣ водворилась тишина, какъ и въ монастырѣ.

Когда я проснулся, было свѣтло, и пароходъ шелъ уже полнымъ ходомъ. Мы шли возлѣ высокаго праваго берега, казавшагося изъ каюты стѣной. Я вышелъ наверхъ. Мы проходили въ это время мимо Вышгорода. Потомъ вдругъ высокая стѣна оборвалась, и горы повернули въ сторону, направо. Передъ нами былъ широкій просторъ, и вдали, въ синеватой дымкѣ показался Кіевъ. По мѣрѣ нашего приближенія, городъ все больше выяснялся передъ нами на высокихъ горахъ, сіяя золотыми главами церквей. Поворотъ, другой, и красавецъ городъ предсталъ передъ нами во всей своей красѣ. Подъ безоблачнымъ голубымъ небомъ и ласковыми лучами утренняго солнца, надъ роскошной синевой Днѣпра все—и дома, и колокольни, и ослѣнительно сіявшіе на послѣднихъ купола, и кресты, и изумрудная листва тополей, и зеленые склоны высокихъ горъ—все отчетливо блистало яркою утреннею свѣжестью. Городъ точно умылся и принарядился, пробудившись отъ сна. Едва ли есть на Руси видъ красивѣе вида Кіева отъ Днѣпра. Нижний Новгородъ представляетъ нѣчто сходное. Но красота Кіева и величественнѣе, и роскошнѣе, и веселѣе, жизненнѣе.

С. Гогоцкій.

ОСВЯЩЕНИЕ СОФІЙСКАГО СОБОРА.

ОВГОРОДЪ праздновалъ 12 и 13 августа освященіе своей замѣчательной свитыи, собора св. Софін, послѣ реставраціи его, которую семь лѣтъ назадъ взялъ на себя и не легко довелъ до конца извѣстный возобновитель церковной родной старины, архіепископъ Оеогностъ, нынѣ назначенный митрополитомъ кіевскимъ и галицкимъ.

Софійскій соборъ—одинъ изъ тѣхъ древнѣйшихъ свѣтильничковъ, откуда впервые сталъ распространяться по Руси свѣтъ вѣры Христовой. Лѣтописи говорятъ, что храмъ св. Софін возникъ не сразу.

Еще до него здѣсь была церковь во имя Іоакима и Анны. Ее построилъ первый новгородскій епископъ Іоакимъ, прибывшій изъ Корсуни въ 989 году. Въ тотъ же годъ, неподалеку, Іоакимъ соорудилъ изъ дуба другую церковь, подъ именемъ соборной Софійской, которая въ 1045 году сгорѣла. Есть нѣкоторое основаніе предполагать, что дубовый соборъ стоялъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь памятникъ тысячелѣтія Россіи, ибо, когда вырывали для бута глубокой ровъ, то попадались громаднѣйшей толщины столбы, чрезвычайно крѣпкіе, словно закаленные, очевидно цѣлые вѣка пробывшіе въ землѣ и служившіе устоями для какого либо солиднаго зданія. Пожаръ побудилъ тогдашняго новгородскаго князя Владимира Ярославича заложить каменный соборъ, рядомъ съ іоакимовскою церковью, которая впоследствии была обращена въ придѣлъ. Для выведенія стѣнъ были приглашены цареградскіе мастера. Стилъ взять константинопольскаго храма и отчасти кіево-софійскаго. Стѣны расписывали иконные писцы тоже изъ Цареграда, при чемъ

преданіе гласить, что Спасителя въ главномъ куполѣ трижды писали съ благословляющею рукою, но она на другой день разжигалась. Наконецъ, отъ образа былъ голосъ: «Писари, писари, о писари! не пишите Мя благословящею рукою, напишите Мя съ сжатою рукою. Азь бо въ сей рупцѣ Моей сей Великій Новградъ держу, а когда сія рука Моя распространится, тогда будетъ граду сему окончаніе». Въ лѣтописяхъ упоминаются также и мозаичныя работы, но онѣ сохранились только въ главномъ алтарѣ, вокругъ горняго мѣста. Мозаика изъ стеклоподобныхъ плиточекъ желтаго, коричневаго, зеленаго и другихъ цвѣтовъ, въ видѣ крестиковъ, полукруговъ и оконъ; современна ли она основанію собора,— сказать трудно, но во всякомъ случаѣ ее можно отнести къ произведеніямъ византійскихъ художниковъ. Семь лѣтъ строили соборъ, и въ 1052 году епископъ Лука Жидята освятилъ его. По поводу окончанія собора лѣтописецъ пишетъ: устроиша вельми прекрасну и превелику (церковь).

Отъ сѣдой старины стоитъ св. Софія, поэтому понятно, сколько она пережила разныхъ событій, политическихъ, общественныхъ, церковно-религіозныхъ. Имѣя тесовую крышу и подъ металломъ куполовъ дерево, соборъ неоднократно горѣлъ, въ общемъ ветшалъ, а при нашествіи вражыхъ силъ не разъ былъ разоряемъ и ограбляемъ.

Изъ пожаровъ болѣе опустошительныхъ слѣдуетъ отмѣтить пожаръ, бывшій въ 1340 году, когда не успѣли вынести всѣхъ иконъ, и другой чрезъ 28 лѣтъ, истребившій деревянное устройство храма и владычній дворъ. Въ меньшей степени было нѣсколько пожаровъ: горѣли купола, верхнія части собора и проч.

Первымъ разорителемъ св. Софіи былъ князь полоцкій Всеславъ; онъ похитилъ церковную утварь, паникадила, колокола. Въ XV и XVI вѣкахъ были взяты въ Москву корсунскія иконы, ризы, священныя сосуды, но иныя изъ иконъ, впрочемъ, возвращены назадъ. Гнусныя опустошенія дѣлали шведы. Такъ, генераль Деллагарди похитилъ древніе, обложенные серебромъ гробы святыхъ Владимира и Анны ¹⁾. Къ счастью, бѣды отъ шведовъ были для Новгорода и св. Софіи послѣдними.

Несмотря на это, новгородцы, готовые лечь за св. Софію костью, воздвигали соборъ изъ пепла и непріятельскихъ разрушеній. Много разъ онъ перестраивался заново, реставрировался и расширялся путемъ пристройки боковыхъ придѣловъ. Извнѣ соборъ ремонтировался часто, мѣняя крыши, купола, штукатурку, но возобновлялся и украшался внутренно рѣже. Вновь были расписаны стѣны въ 1108 году, затѣмъ, спустя слишкомъ 300 лѣтъ, устроенъ новый иконостасъ и написаны иконы. Послѣ еще около четырехъ сто-

¹⁾ Н. М. Карамзинъ: Исторія государства Россійскаго, т. II.

Соборная часть кремля въ Новгородѣ.

лѣтій, за небольшими реставраціями, стѣнная иконопись вновь передѣлана, а въ началѣ истекающаго вѣка (1829—1837 гг.) иконы въ иконостасахъ и фрески настѣнныя снова возобновлены. Этою реставраціею руководилъ митрополитъ Серафимъ, а работами завѣдывалъ юрьевскій архимандритъ Фотій, какъ человѣкъ, выказавшій себя знатокомъ по благоустройству Юрьевского монастыря. Много перенесъ тогда хлопотъ Фотій по реставраціи собора; не разъ онъ жаловался въ письмахъ къ графинѣ Орловой-Чесменской, что на него возложена громадная обуза, что онъ считаетъ дни, когда все это кончится. И наконецъ послѣдовали нынѣшняя архитектурная передѣлка снаружи и внутри, новая живопись, орнаментация, позлащеніе, чистка, поправка.

Я сказалъ, что въ теченіе многолѣтней своей жизни Софійскій соборъ обогащался придѣлами. Въ настоящее время ихъ шесть. Самымъ древнимъ считается придѣлъ Рождества Богородицы, построенный въ 1180 году, и самымъ позднѣйшимъ—въ честь усѣкновенія главы Іоанна Предтечи.

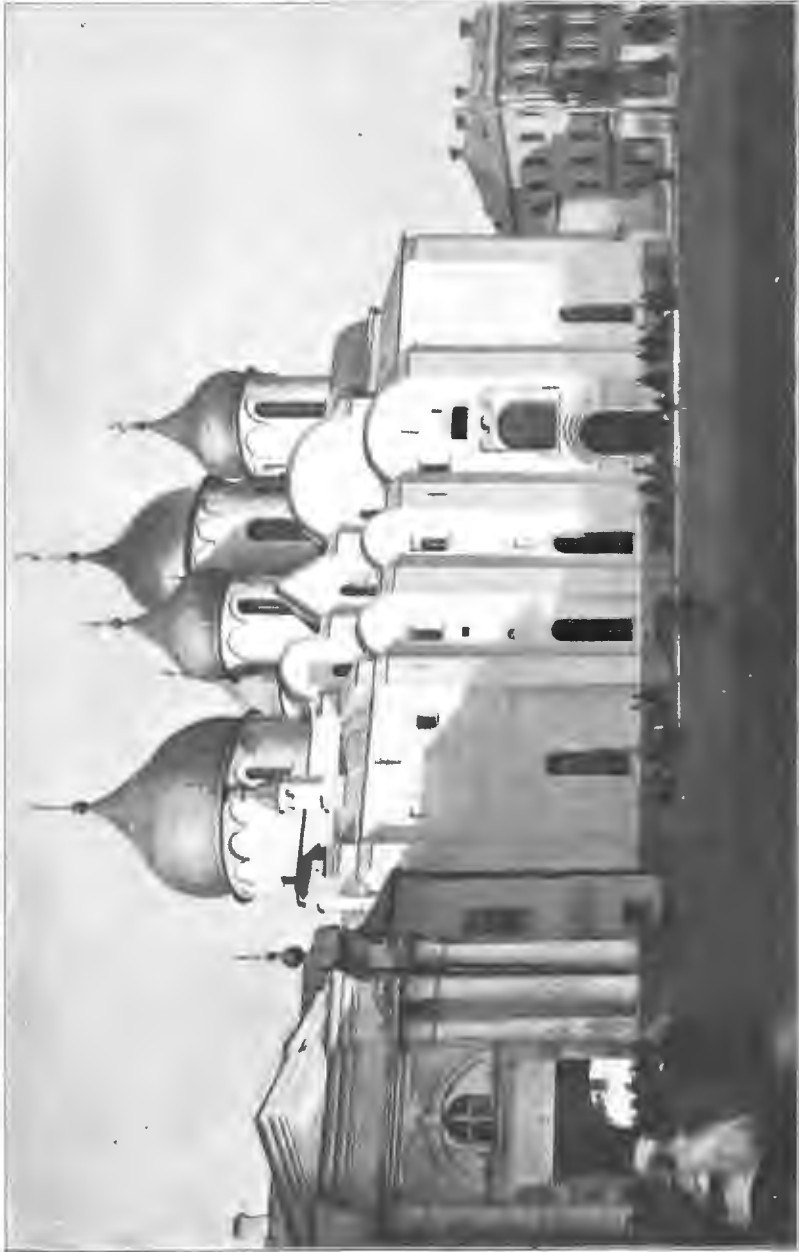
Но интересно, осталось ли у св. Софіи что нибудь неприкосновенное, что нибудь въ томъ видѣ, въ какомъ было при князѣ Владимирѣ? Стѣны, только голыя стѣны, сложенные изъ дикаго камня ¹⁾. По крайней мѣрѣ, и это отраднo, потому что соборъ не измѣнилъ крестоваго вида, въ какомъ онъ былъ заложенъ основателемъ.

Есть сказаніе, что въ отдаленныя времена св. Софія была великолѣпна, наводила религіозный трепетъ. Теперь войдите, хорошенько разсмотрите, и вы найдете также много драгоценнаго, торжественнаго, святаго.

Громадныя колонны, расписанныя орнаментами, поддерживаютъ своды. Поднявъ голову, вы увидите въ главномъ куполѣ чудотворное изображеніе Христа со сжатою рукою. Паникадила ярко блестятъ серебромъ; иконостасъ залитъ золотомъ. Въ алтарѣ мозаичныя стѣны, полъ устланъ роскошнымъ ковромъ, поднесеннымъ въ даръ ко дню освященія монахинями. Предъ царскими вратами виситъ двухсотпудовая люстра, дающая электрической свѣтъ. У колоннъ двѣ небольшія, но изящныя хоругви, пожертвованныя мѣстными гражданами. Тутъ же два трона—царскій и патріаршій, сплошь позолоченные, съ конусообразными навѣсами. На стѣнахъ иконопись: сотвореніе міра, грѣхопаденіе человѣка, патріархи, святители, великомученики. Въ нишахъ шесть ракъ съ мощами почивающихъ поверхъ земли угодниковъ: св. княгини Анны (рожд. Ингегерда, дочь шведскаго короля Олава ²⁾), сына ея св. князя

¹⁾ Отъ основанія, по словамъ археологовъ, остались еще не тронутыми извнѣ фрески надъ Корсунскими вратами: св. Троица, св. Софія «премудрости Божіей» и нерукотвореннаго образа Спасителя.

²⁾ Н. М. Карамзина: Исторія государства Россійскаго, т. II.

Соборъ св. Софіи въ Іовгороді.

Владимира, св. князя Мстислава, св. Никиты, епископа новгородскаго, св. князя Феодора Ярославича и св. Иоанна, архіепископа новгородскаго, бывшаго священникомъ приходской церкви св. Власія, что на Сѣнной площади. Въ пещерѣ возлѣ раки Иоанна покоятся подъ спудомъ мощи брата его Григорія.

Съ южной, сѣверной и западной стороны входы и при нихъ паперти. Южная называется златою и полуденною, а часть ея Мартиріевскою, несомнѣнно, потому, что въ ней, между прочимъ, погребенъ преосвященный Мартирій, который отстраивалъ эту паперть и отдѣлилъ ее отъ главнаго храма. Здѣсь покоятся подъ спудомъ мощи епископа корсунянина Іоакима и святителей: Луки Жидята, Аркадія, Антонія и Симеона и митрополита Аѳонія. По надписямъ значатся погребенными: князья Мстиславъ Ростиславичъ и Василиій Мстиславичъ, а также семь святителей, изъ которыхъ особенно извѣстны архіепископъ Теофанъ Прокоповичъ и митрополитъ Дмитрій Сѣменовъ.

Въ сѣверной или богословской паперти находятся усыпальницы вышеупомянутыхъ угодниковъ Иоанна и Григорія.

Западная паперть, подъ названіемъ корсунской, замѣчательна корсунскими иконами и вратами съ аллегорическими изображеніями. Обѣ половинки вратъ темной мѣди, массивныя, фигуры на нихъ выпуклыя, четкія, рѣзкія.

Въ корсунской паперти опочиваютъ подъ спудомъ мощи св. Василия Калевы и погребены святители новгородскіе: шесть архіепископовъ и три митрополита. Кромѣ указанныхъ лицъ, въ разныхъ концахъ собора, какъ видно изъ лѣтописей и надписей, нашли себѣ вѣчный покой посадники и разные бояре. Среди послѣднихъ погребенъ сынъ Михаила Катырева — Иванъ, женатый на Татьянѣ Романовой, родной сестрѣ царя Михаила Феодоровича.

Направо, изъ южной паперти въ придѣлъ Богородице-Рождественской ведутъ такъ называемыя шведскія врата свѣтлой мѣди, безъ всякихъ животныхъ и людскихъ фигуръ, но съ выпуклыми рамами, по которымъ вырѣзаны замысловатые орнаменты. Въ срединѣ кресты, также выпуклые. Нижній конецъ ихъ раздвигается и расходится дугами, на подобіе якоря.

Нѣкоторые знатоки софійскихъ древностей утверждаютъ, что разныя описанія св. Софіи корсунскія и шведскія врата смѣшиваютъ между собою, что въ южной паперти именно корсунскія врата, а въ западной—шведскія. На тѣхъ вратахъ, доказываютъ они, которыя висятъ въ южной паперти, есть кресты, наконецъ, работа этихъ вратъ въ то время по тонкости и искусству свойственна была только корсунскимъ мастерамъ. На западныхъ вратахъ кресты отсутствуютъ; врата сплошь покрыты фигурами всадниковъ, пѣшихъ воиновъ, встрѣчаются негреческіе города, короли, неизвѣстные въ Греціи. Такое заблужденіе будто бы пошло съ тѣхъ

Внутренность Софійскаго собора.

поръ, какъ архимандритъ Макаріи напечаталъ два тома о новгородскихъ церковныхъ древностяхъ. Онъ зналъ, что въ Софійскомъ соборѣ есть корсунскія врата, но ошибочно указалъ на шведскія. Позднѣйшіе авторы въ описаніи св. Софіи брали источники у Макарія и также впадали въ ошибку.

На сводахъ папертей съ трехъ сторонъ храма лежатъ хоры, попрежнему полаты, гдѣ въ 1066 году найденъ былъ престольный крестъ, оставленный грабителемъ Всеславомъ полоцкимъ. На хоры

Корсунскія врата.

ведетъ круглая лѣстница. Въ стѣнѣ по лѣстницѣ имѣются древнія тайныя кладовыя, куда отъ враговъ складывались соборныя драгоценности и замуравливались. Тамъ же отведены помѣщенія для ризницы и библіотеки. Прежде хоры служили мѣстомъ для склада порченныхъ вещей, старыхъ гробницъ, а теперь они заново отдѣланы и доступны для богомольцевъ. Каждую службу съ хоръ несется стройное пѣніе, по резонансу пріятное, мягкое.

Въ ризницѣ хранится много древнихъ крестовъ, набедренниковъ, евангелій, сосудовъ, облачений, митръ, клобуковъ, посоховъ,

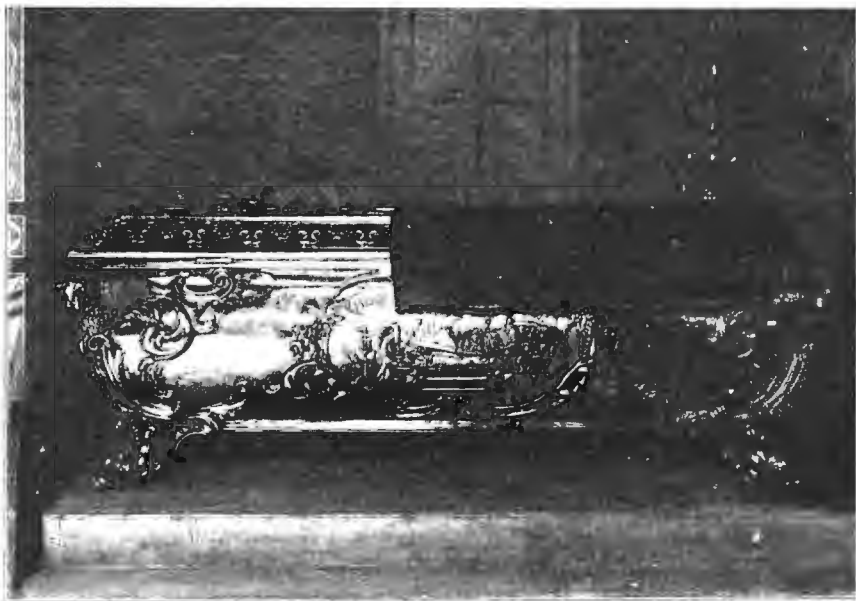
начиная съ XI и кончая XVIII вѣкомъ. Сохраняются кадильница патріарха Никона, чаша, облаченіе, густо унизанное жемчугомъ, и даже изображеніе его самого, написанное въ родѣ портрета во весь ростъ. Есть сосуды, употребившіеся св. архіепископомъ Іоанномъ, его нетлѣнный, простой, коричневаго цвѣта омофоръ, въ которомъ онъ лежалъ около трехсотъ лѣтъ въ землѣ. Интересно плащаница

Шведскія врата.

этого святого съ прежней гробницы, вытканная довольно искусно въ тѣнь императрицею Елисаветою Петровною. Митры большею частью малоцѣнныя, безъ особенныхъ украшеній, преимущественно носимыя скромными, набожными и строгой жизни святителями. Изъ посоховъ также нѣтъ особенныхъ и цѣнныхъ, но есть знаменитая трость Іоанна Грознаго, простая съ обыкновеннымъ набалдашникомъ, именуемая «долбней», которою онъ долбилъ новгородцевъ за

непокорность князеству Московскому. Кресты есть очень древніе, даже съ основанія собора, что доказываетъ ихъ массивность, работа и общій археологическій характеръ. Въ общемъ, ризница чрезвычайно интересна не только въ обзорѣвательномъ отношеніи, но и съ научной стороны. Предметы отлично сохранены, симметрично разставлены, обозначены ярлычками, жаль только, что проводникомъ по ризницѣ является сторожъ, который невѣжественно пускается объяснять тотъ или иной предметъ, ложно отдавая его эпоху, неправильно приписывая знаменитостямъ, дабы произвести на посѣтителя вящее впечатлѣніе. Этимъ, конечно, сторожъ-

Рака съ мощами св. Никиты.

историкъ вводитъ въ заблужденіе обзорѣвателей, не сильныхъ въ нашей древней церковно-политической исторіи.

Рядомъ съ измѣненіемъ архитектурной, живописной или, такъ сказать, нѣмой жизни собора многое измѣнилось и въ священнѣхъ обрядахъ, а иные такъ и вовсе отмѣнены. Я укажу на отмѣненные изъ болѣе оригинальныхъ. Когда праздновалось 1-е сентября, новый годъ, предъ литургіей выходилъ крестный ходъ на рѣку, и совершалось погруженіе креста. Послѣ владыка отиралъ губкой св. иконы и провозглашалъ многолѣтіе царю, воеводамъ и боярамъ.

Въ XV вѣкѣ практиковался въ соборѣ обрядъ поминовенія усопшихъ царей, князей, святителей. Отъ государева двора отпу-

Облесение мошей съ сѣверной стороны Входо-Иерусалимскаго собора.

скалось два ведра меду для кутьи. Въ этотъ день съѣзжалось все сосѣднее духовенство, служило панихиды и дѣлило кутью.

Въ недѣлю вай совершалась церемонія входа Господня въ Иерусалимъ. Предъ литургіей въ Софійскій соборъ являлся ясельничій, кланялся архіерею и говорилъ: «благослови, владыко, ося привести ко уготованному мѣсту». Получивъ благословеніе, ясельничій шелъ къ западнымъ дверямъ, гдѣ былъ осель, а за нимъ крестный ходъ и духовенство. Владыка садился на осла и ѣхалъ во Вхо-Иерусалимскій соборъ, ведомый подъ уздцы боярами. Тамъ читались ектенія и евангеліе. Затѣмъ процессія выходила, огибала оба собора и входила въ храмъ св. Софіи.

Интересный обрядъ происходилъ съ халдейскою печью. Около Рождества, въ воскресенье, на утрени, среди храма ставилась деревянная печь. Во время пѣнія ирмосовъ о сожженіи трехъ отроковъ вводили въ печь трехъ поющихъ мальчиковъ изъ архіерейскаго хора и оставляли тамъ до окончанія пѣнія.

Я ничего не сказалъ о Вхо-Иерусалимскомъ соборѣ, гдѣ во время реставраціи помѣщались раки съ св. мощами, и вокругъ котораго прежде всего онѣ обносились. На этомъ мѣстѣ въ XIV вѣкѣ была построена небольшая церковь Іоанна Златоуста, расписанная греческимъ иконописцемъ Исаіей. Настоящій же одноглавый храмъ воздвигнутъ въ XVIII вѣкѣ стараніями и заботами архіепископа Дмитрія Сѣченова, при чемъ строительный матеріалъ былъ взятъ отъ прежней церкви и отъ трехъ другихъ, близъ собора находившихся.

При соборахъ колокольня, которая извѣстна лишь съ XV вѣка. Она построена въ готическомъ стилѣ, продолговатая, какъ стѣна. На колокольнѣ висятъ 18 колоколовъ. Одинъ изъ нихъ, какъ говоритъ преданіе, перелить изъ того колокола, которому Іоаннъ Грозный приказалъ отрубить уши. Это было въ то время, когда Грозный усмирялъ непокорныхъ новгородцевъ. Онъ въѣзжалъ въ Кремль, въ это время ударили въ колоколъ, и конь подъ царемъ взбѣсился. За это и была присуждена Грознымъ казнь колоколу.

Врядъ ли кто изъ новгородскихъ старожилонъ ясно и осмысленно помнитъ предыдущую реставрацію. Поэтому современному населенію впервые приходилось видѣть св. Софію послѣ реставраціи. Отсюда понятно, съ какимъ трепетнымъ чувствомъ ожидалъ народъ, когда откроются двери храма. Каждый слухъ объ освященіи волновалъ мѣстные умы и порождалъ немало предположеній насчетъ того, какая будетъ торжественность, сколько соберется народа, приѣдутъ ли высочайшія особы, высокопоставленные лица. Конечно, чѣмъ дальше заходила реставрація, тѣмъ напряженнѣе становилось общество, разыгрывалась народная фантазія, придумывались разныя небылицы. Въ печати появлялись сообщенія изъ Новгорода о томъ, что археологическая сторона со-

бора искажена, даже уничтожена, что реставраторъ, академикъ В. В. Сусловъ, живописецъ г. Сафоновъ, позолотчикъ А. Жессель и др.—люди сами себѣ на умѣ, затыгиваютъ работы съ предвзятой цѣлью. Въ одной большой газетѣ я читалъ на передовомъ мѣстѣ статью, гдѣ заѣзжіи журналисты порицалъ реставрацію, обзывать живописца суздальскимъ богомазомъ, архитектора чуть ли не плотникомъ. Иные пускали въ дешевыя газеты очень смѣлыя замѣтки, что будто бы паровое отопленіе разрушить соборъ, вѣками неотоплявшійся, что отнятые съ южной стороны контрфорсы ослабятъ стойкость храма, и какая-то стѣна дала уже трещину, на которую реставраторы наклеиваютъ бумажки, дабы узнать степень ея расширения. Но все это, къ счастью, было вздоромъ. Реставрацію св. Софійи кончили, по крайней мѣрѣ, до готовности освященія, и соборная администрація заблаговременно извѣстила православный людъ о предстоящихъ торжествахъ въ Новгородѣ.

Наступили и дни торжествъ.

Еще за недѣлю пароходы и поѣзда желѣзной дороги стали подвозить богомольцевъ,—болѣе интеллигентный классъ; крестьяне же шли пѣшкомъ по большимъ и малымъ дорогамъ, неся съ собою узелки. Предъ торжествомъ, гдѣ нибудь въ сторонкѣ, они снимали запыленную будничную окриту, развязывали узелки и одѣвались въ праздничное платье. Сильна вѣра православная. Отъ поклоненія св. мощамъ нашего крестьянина ничто не можетъ удержать—ни домашнія дѣла, ни полевые работы, ни тяжелые переходы.

Наканунѣ, всѣ гостиницы, меблированныя комнаты, постоянныя дворы были полны уже пріѣзжаго народа. Запоздалые напрасно разѣзжали по городу и отыскивали помѣщеніе; для входа на соборныя хоры было установлено двѣсти билетовъ, но ихъ соборная администрація давно раздала своимъ знакомымъ. Въ зданіяхъ, мимо которыхъ должна была пройти процессія съ мощами, крестнымъ ходомъ и духовенствомъ, всѣ окна были заблаговременно заняты.

Вокругъ реставрированнаго собора толпился народъ, заглядывая съ любопытствомъ въ окна, но тамъ все еще шло мытье и чистка. Дѣлались электрическіе провода для внутренняго освѣщенія храма, кое-гдѣ поправлялась мостовая, сгребался мусоръ.

День перенесенія мощей былъ ясный, знойный. Народъ съ раняго утра сталъ запружать площадь въ кремль. Группы людей лѣпились по валикамъ, угламъ, у зданій, но соборъ обрамляла густая, плотная толпа. Въ 9 часовъ были принесены чудотворныя иконы Знаменія Божіей Матери и Николая Чудотворца, и началась литургія. Долго и торжественно совершало службу многочисленное духовенство, во главѣ съ архіепископомъ Теогиномъ, поражая глазъ богатыми ризами изъ краснаго бархата съ золотыми крестами. Соборъ, конечно, былъ переполненъ молящимися; какъ говорится, негдѣ было яблоку упасть, а тысячи не попавшихъ въ

храмъ томительно и стоически ожидали великаго момента обнесенія св. мощей, такого момента, который бываетъ, пожалуй, вѣками.

Кончилась литургія. Пропѣли тропари переносимымъ угодникамъ, на колокольнѣ ударили во все колокола.

Внутри Входа-Іерусалимскаго собора стали устанавливать на носилки раки съ мощами. Уличная толпа сдвинулась еще плотнѣе, и въ сторонѣ не оставалось уже ни единого человѣка.

Путь, предназначенный для шествія процессіи, оцѣпили войска, образовавшія собою коридоръ, по которому тянулась лента преклоненныхъ, трепетныхъ людей, жаждавшихъ подойти подъ угодниковъ. Сначала вышли хоругви, иконы, пѣвчіе, потомъ показалась рака съ мощами святого благовѣрнаго князя Владимира, строителя собора, за ней вторая рака св. Никиты, третья—архіепископа новгородскаго Іоанна, четвертая—св. княгини Анны, пятая—св. князя Мстислава и шестая—св. князя Феодора Ярославича. Все раки установились по прямой линіи, и шествіе началось вдоль южной стороны Входа-Іерусалимскаго собора. Каждую раку, кромѣ бѣлыхъ и монашествующихъ іереевъ, несло 18 человѣкъ хоругвеносцевъ. Надо ли говорить, что море головъ обнажилось, и море рукъ положило усердное крестное знаменіе. Картина была трогательная, величественная. Яркіе лучи солнца ослѣпительно отражались на серебрянѣ и золотѣ ракъ; духовенство, залитое золотомъ, чинно шло впереди и пѣло молебны св. угодникамъ. Во время шествія многіе падали на колѣни, творили вслухъ молитвы и не могли удержаться отъ слезъ умиленія. Обогнувъ алтарь, процессія остановилась. Было пропѣто: «Молите Бога о насъ...», и прокимень: «Честна предъ Господомъ». Затѣмъ слѣдовало чтеніе Евангелія общаго святителямъ, осѣненіе крестомъ и окропленіе. Потомъ процессія направилась по сѣверной сторонѣ собора и, завернувъ въ ограду реставрированнаго собора, снова остановилась у алтаря, гдѣ было совершено тоже молебствіе. Вокругъ Софійскаго собора процессія шла до Корсунскихъ вратъ, чрезъ которыя и были внесены раки на вѣковыя ихъ мѣста.

Предполагалось, что обнесеніе будетъ происходить въ теченіе не менѣе пяти часовъ, но на самомъ дѣлѣ оно совершилось, сверхъ ожиданія, въ 35—40 минутъ. Этому много способствовали лица, которыя слишкомъ ограничили доступъ народа подходить подъ мощи. Такимъ образомъ торжество кончилось скоро, зато тысячи людей остались безъ исполненія религіознаго обычая, а вѣдь ради него они пришли и пріѣхали издалека, томились и пеклись подъ знойными лучами.

Весь день въ городѣ стояло какое-то необычайное праздничное движеніе.

Слѣдующій день вдругъ измѣнился къ худшему; утро было пасмурное, даже накрапывалъ дождь. Но, несмотря на это, кремль

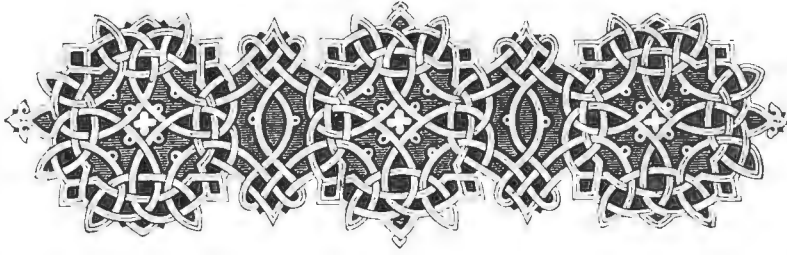
наполнился не меньшимъ числомъ народа. Въ этотъ день исполнялся чинъ освященія собора. По совершеніи водоосвященія, изъ собора вышелъ крестный ходъ. Духовенство было въ прежнемъ блестящемъ облаченіи. Крестный ходъ направился вокругъ храма. Архіепископъ Теоностъ несъ на головѣ частицы св. мощей, а его викарій Арсеній кропилъ стѣны св. водой. Послѣ освященія началась литургія въ обоихъ соборахъ, въ виду значительнаго скопленія народа. Изъ пріѣзжихъ на богослуженіи присутствовали, между прочимъ, оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода К. П. Побѣдоносцевъ съ товарищемъ В. К. Саблеромъ, прибывшіе въ тотъ же день на пароходѣ «Ильмень» и привезшіе владыкѣ бѣлый клобукъ и высочайшій рескриптъ о бытій ему митрополитомъ кіевскимъ и галицкимъ.

Преосвященный Теоностъ впервые служилъ на освященіи въ санѣ митрополита, впервые вышелъ въ бѣломъ клобукѣ изъ храма, съ умиленнымъ видомъ благословляя народъ.

Торжества закончились обѣдами отъ владыки и старосты собора г. Садовникова. На обѣдахъ присутствовали пріѣзжіе гости и лица, принимавшія участіе въ реставраціи собора и его освященіи.

А. Г. Слезкинскій.

АРХИВЫ СТАРЫХЪ КРЕСТЬЯНСКИХЪ ДѢЛЪ.

I.

АРХИВЫ старыхъ дѣлъ, относящихся до крестьянскаго сословія, не могутъ быть многочисленны и полны. На это есть нѣсколько причинъ. Среди бывшихъ государственныхъ крестьянъ образованію и сохраненію подобныхъ архивовъ не благоприятствовало отсутствіе правильнаго мѣстнаго управленія ихъ дѣлами. Послѣднее получило удовлетворительную постановку только съ реформою 1838—1839 гг., явившеюся по проектамъ графа П. Д. Киселева, и то ненадолго, впредь до замѣны въ 1866 году весьма несовершеннымъ управленіемъ, общимъ съ крестьянами бывшими помѣщичьими. Нечего говорить объ архивахъ старыхъ дѣлъ бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Они жили внѣ закона; судъ, расправа и управленіе среди нихъ были упрощены до послѣдней степени, исключавшей необходимость въ какомъ либо дѣлопроизводствѣ; никакой преемственности въ правилахъ управленія не существовало. Нѣкоторыя исключенія могли представлять лишь большія помѣщичьи имѣнія, долго сохранявшіяся во владѣніи одного и того же дворянскаго рода. Въ болѣе благоприятномъ положеніи могли находиться матеріалы для исторіи крестьянскаго сословія среди бывшихъ крестьянъ государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ имѣній. Но до сихъ поръ это ни въ чемъ не обнаружилось на дѣлѣ. Богатые архивы старыхъ дѣлъ, быть можетъ, и

имѣются понынѣ въ вѣдѣніи удѣльнаго управленія; но они остаются подѣ спудомъ, недоступными, неподвергающимися разработкѣ. Исторія быта упомянутого разряда крестьянъ и представляется, поэтому, весьма мало освѣщенной. Положеніе дѣлъ въ этомъ отношеніи находитъ себѣ извѣстное объясненіе и характеристику въ томъ, что даже изданный въ свое время въ тридцатыхъ годахъ истекающаго столѣтія «Сводъ удѣльныхъ постановленій» остался необнародованнымъ во всеобщее свѣдѣніе, сохранялся въ тайнѣ и не получилъ оцѣнки въ литературѣ.

При такихъ условіяхъ, немногіе сохранившіеся архивы старыхъ крестьянскихъ дѣлъ получаютъ особый интересъ и значеніе. По тому же самому они требуютъ особо тщательной охраны, въ интересахъ исторіи крестьянскаго дѣла, обширное поле которой, безъ сомнѣнія, дождетъ достаточнаго числа такихъ работниковъ, какимъ является въ настоящее время В. И. Семевскій.

Съ этой точки зрѣнія заслуживали бы особаго вниманія архивы старыхъ дѣлъ въ волостяхъ Срѣтенской, Чудинской и Никольской Рыбинскаго уѣзда, Ярославской губерніи. Но по недостатку вниманія теперь приходится говорить уже только объ архивахъ, сохранившихся въ волостяхъ Срѣтенской и Никольской. Архивъ Чудиновской волости погибъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ во время пожара. Этотъ же случай именно заставляетъ особо дорожить цѣлостью архивовъ двухъ другихъ волостей, тѣмъ болѣе, что и этимъ архивамъ угрожала уже опасность. Года два тому назадъ чуть не сгорѣлъ Срѣтенскій архивъ, а въ маѣ текущаго года едва не произошелъ пожаръ въ помѣщеніи Никольскаго волостного правленія, при которомъ архивъ могъ бы сгорѣть прежде всего.

Посмотримъ, что же это за архивы, и въ какомъ порядкѣ они хранились и находятся въ настоящее время.

II.

Крестьяне Чудинской, Срѣтенской и Никольской волостей Рыбинскаго уѣзда—бывшіе «свободные хлѣбопашцы», выкупившіеся на волю въ тридцатыхъ годахъ истекающаго столѣтія. Въ числѣ почти трехъ тысячъ душъ они составляли одно большое имѣніе графа Алексѣя Григорьевича Орлова-Чесменскаго, перешедшее отъ него къ дочери Аннѣ Алексѣевнѣ, отъ которой они именно и выкупились на волю¹⁾. Есть, далѣе, основаніе полагать, что еще и ра-

¹⁾ Въ «вѣдомости о крестьянахъ, уволенныхъ по договору съ помѣщиками и вступившихъ по разнымъ другимъ случаямъ въ званіе государственныхъ крестьянъ, водворенныхъ на собственныхъ земляхъ», приложенной къ историко-статистическому очерку В. Вешнякова «Крестьяне-собственники» (СПб., 1858 г.), значатся слѣдующія указанія, именно относящіяся къ упомянутымъ волостямъ: «1832 г., декабря 30, камеръ-фрейлины графини Орловой-Чесменской, Ярослав-

нѣе второй половины прошлаго столѣтія крестьяне упоминаемыхъ волостей принадлежали крупнымъ помѣщикамъ, поддерживавшимъ среди нихъ нѣкоторое благоустройство. Такимъ образомъ, еще отъ временъ вотчиннаго управленія имѣлись до недавняго времени во всѣхъ этихъ волостяхъ особыя каменные помѣщенія для старыхъ дѣлъ. Отсюда же можно полагать, что и дѣла эти относились ко времени, предшествовавшему второй половинѣ XVIII вѣка. Нахожденіе бывшихъ «свободныхъ хлѣбопашцевъ» въ вѣдѣніи министерства государственныхъ имуществъ съ начала сороковыхъ годовъ до конца шестидесятыхъ могло, затѣмъ, лишь содѣйствовать правильному пополненію и поддержанію архивовъ. За это время въ нихъ могли скопиться весьма многочисленныя и интересныя дѣла, производившіяся въ тѣхъ стройныхъ учрежденіяхъ крестьянскаго самоуправленія, которыя были созданы по проектамъ незабвеннаго поборника крестьянскаго вопроса, графа П. Д. Киселева. Наконецъ, съ конца шестидесятыхъ годовъ архивы пополнялись данными, отосящимися до дѣлъ, производившихся въ новыхъ учрежденіяхъ, образованныхъ среди бывшихъ государственныхъ крестьянъ по общему положенію о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости.

Такимъ образомъ, въ архивахъ Срѣтенской, Чудиновской и Никольской волостей содержались данныя, относившіяся къ довольно длинному періоду времени и къ различнымъ видамъ управленія. Понятно, что они имѣли бы огромный интересъ.

Но, какъ уже сказано, архивъ Чудиновской волости сгорѣлъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ. По злой ироніи судьбы здѣсь сохранилось лишь каменное помѣщеніе, сдаваемое въ настоящее время мѣстному лавочнику для храненія товара... Дѣла сгорѣли, однако, не въ этомъ помѣщеніи. Къ характеристикѣ того разстройства, въ которое пришло крестьянское дѣло подъ вліяніемъ реакціи, наступившей послѣ освободительной реформы, и недостатковъ мѣстнаго управленія,—складочнымъ мѣстомъ для чудиновскаго лавочника помѣщеніе это служило уже въ то время, когда случился пожаръ, и огню не подверглось. Старыя дѣла были къ этому времени зачѣмъ-то перенесены въ деревянный домъ, въ которомъ помѣщалось волостное правленіе, и въ которомъ именно произошелъ пожаръ, и сгорѣли вмѣстѣ съ текущими дѣлами...

Года три тому назадъ мнѣ случилось видѣть архивъ Срѣтенской волости, при посѣщеніи мѣстнаго волостнаго суда. Часть архива старыхъ дѣлъ хранилась тогда въ присутственной комнатѣ волостнаго правленія, часть въ богадѣльнѣ, имѣющейся при правленіи,

ской губерніи, Рыбинскаго уѣзда, 1130 душъ, съ платою 432.000 руб.; 1833 г., января 13.737 душъ, съ платою 298.800 руб.; 1833 г., іюня 2.790 душъ, съ платою единовременно 316.000 руб.» (стр. 98—99).

и часть въ коридорѣ правленія... Всѣ дѣла помѣщались въ особыхъ закрытыхъ шкафахъ. Пожаровъ до этого времени не случилось. Всѣ бумаги могли бы, поэтому, оставаться цѣлыми. Но, какъ пришлось слышать, нѣкоторая часть дѣлъ была взята бывшимъ (нынѣ покойнымъ) рыбинскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, княземъ А. Н. Ухтомскимъ, и часть—бывшимъ земскимъ начальникомъ 3-го участка Рыбинскаго уѣзда, Ѳ. А. Бычковымъ,—и въ то время, когда мнѣ пришлось посѣтить Срѣтенское волостное правленіе, дѣла эти не были еще возвращены. Далѣе, во время пожара, происшедшаго года два назадъ въ помѣщеніи Срѣтенскаго волостного правленія, дѣла были спасены.

Въ особомъ ларцѣ, подъ стекломъ, хранились, между прочимъ, въ Срѣтенскомъ волостномъ правленіи документы, относящіеся до выхода мѣстныхъ крестьянъ въ званіе «свободныхъ хлѣбопашцевъ». По словамъ же лица, исправлявшаго должность волостного старшины при посѣщеніи мною Срѣтенскаго правленія, въ этихъ документахъ имѣются указанія на то, что въ устройствѣ этого дѣла принималъ большое участіе графъ П. Д. Киселевъ. Подтвержденіемъ же этого указанія на то широкое участіе, которое Киселевъ принималъ во всѣхъ освободительныхъ мѣропріятіяхъ, государственныхъ и частныхъ дѣлахъ этого рода, въ царствованіе императора Николая Павловича, служили висѣвшіе въ правленіи портретъ, написанный масляными красками, и литографія, изображавшіе этого поборника крестьянской свободы. Портретъ былъ весьма невысокаго достоинства по техникѣ исполненія. Это была, повидимому, копія какого либо подлиннаго портрета, непохожая на оригиналъ. Литографія же, какъ видно было изъ подписи на оборотной сторонѣ, оказалась преподнесенною въ 1860 году оспопрививателемъ Ведерниковымъ «ревностному и усердному рачителю и сподвижнику по оспопрививанію, волостному головѣ Матюшкину». Литографія эта была очень хорошей работы, и на ней значились подписи: «Lith-ie par E. Chevalier. Impr. par C. Pohl»¹⁾.

Что касается, далѣе, архива старыхъ дѣлъ Никольской волости, то, по собраннымъ мной свѣдѣніямъ, онъ перемѣщался нѣсколько разъ и пострадалъ вслѣдствіе небрежнаго храненія. Въ свое время для него имѣлось особое каменное помѣщеніе. Но впослѣдствіи, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, когда въ селѣ Никольскомъ строилась каменная богадѣльня на капиталъ, завѣщанный мѣстнымъ крестьяниномъ и с.-петербургскимъ купцомъ И. С. Латынинымъ,—помѣщеніе это было сломано, и для архива устроено было особое отдѣленіе въ

¹⁾ Существованіе этого снимка Киселева, повидимому, осталось неизвѣстнымъ биографу графа А. П. Заблоцкому-Десятовскому. Онъ вовсе не упоминаетъ о немъ въ своемъ трудѣ «Графъ Киселевъ и его время». Между упоминаемымъ снимкомъ и снимками, приложенными къ этому труду, оказывается и нѣкоторое несходство.

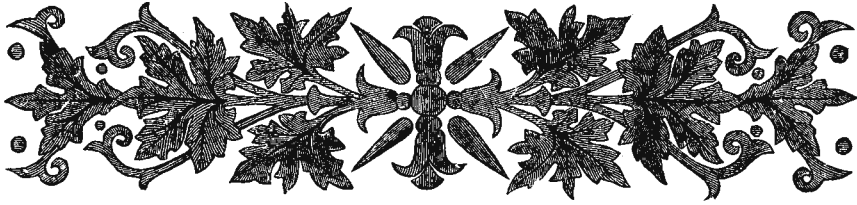
подвальномъ этажѣ зданія богадѣльни. Но здѣсь дѣла стали страдать отъ сырости помѣщенія. Тогда ихъ перемѣстили на чердакъ волостного правленія. Въ свою очередь, здѣсь они едва ли были безопасны отъ злой воли лицъ, имѣвшихъ доступъ на чердакъ, — помѣщеніе открытое. Бумаги могли итти на «цыгарки». Слѣдующимъ помѣщеніемъ для архива служили полки въ одной изъ присутственныхъ комнатъ правленія. Здѣсь мнѣ случилось видѣть архивъ нѣсколько разъ при посѣщеніи для изученія на мѣстѣ юридическаго быта крестьянъ, волостного суда и сельскихъ сходовъ Никольскаго общества. Дѣла оказывались связанными въ пачки по годамъ. На ярлычкахъ, прикрѣпленныхъ къ пачкамъ, значились, между прочимъ, и первые года XVIII вѣка. На тѣхъ же полкахъ, поверхъ пачекъ съ архивными дѣлами, случалось видѣть несданное до сихъ поръ юридически въ архивъ орудіе униженія личности крестьянина — розги... Въ такомъ видѣ цѣлость дѣлъ была мало обезпечена. Тутъ они еще легче могли быть употребляемы на «цыгарки». Вѣроятно, архивъ нѣсколько и пострадалъ при такомъ способѣ его храненія. Наконецъ, года четыре тому назадъ, открытыя полки были замѣнены закрытыми шкафами, въ которые бумаги и были заперты. Несомнѣнно, что при такомъ храненіи—архивъ цѣлѣе. Но отъ пожара онъ вовсе не находится въ безопасности.

При такихъ условіяхъ остается пожелать, чтобы Ярославская губернская ученая архивная комиссія разъяснила крестьянамъ Никольской и Срѣтенской волостей важное значеніе имѣющихся у нихъ архивовъ и приняла мѣры къ ихъ сохраненію и правильной разработкѣ. Можно, кажется, съ достаточнымъ основаніемъ считать, что архивы эти принадлежатъ къ числу очень рѣдкихъ, являются, быть можетъ, даже единственными въ своемъ родѣ въ Россіи, и потому драгоцѣнны. Было бы чрезвычайно грустно, еслибы окончательно погибли и эти два послѣдніе архива старыхъ дѣлъ бывшихъ «свободныхъ хлѣбопашцевъ». Для послѣднихъ они имѣютъ кстати весьма важное значеніе уже въ виду неопредѣленности существующаго среди нихъ землевладѣнія, требующаго именно архивныхъ данныхъ и изысканій для своего выясненія¹⁾.

Н. П. Дружининъ.

¹⁾ См. мою статью «Бывшіе свободные хлѣбопашцы», напечатанную въ №№ 11 и 12 журнала «Жизнь» за 1898 г.

ШАРЛЬ ЖЕНЕВЬЕВА ДЭОНЪ.

(Историко-біографическій очеркъ).

ЕЖДУ многочисленными авантюристами XVIII вѣка игралъ выдающуюся роль французскій дипломатъ и кавалеръ ордена св. Людовика, Шарль Дэонъ, болѣе извѣстный подъ именемъ кавалера Дэона. Въ первую половину своей жизни онъ славился, какъ храбрый драгунскій офицеръ, ловкій дипломатическій агентъ, секретарь посольства въ Россіи и министръ-резидентъ въ Англіи, а во второй—онъ неожиданно призналъ себя женщиной, надѣлъ по приказанію своего правительства женскій костюмъ и носилъ его до смерти въ Англіи, гдѣ всѣ принимали его за старую дѣву.

Кто же онъ былъ въ сущности, мужчина или женщина? Вопросъ этотъ очень интересовалъ его современниковъ; англичане держали большія пари за то или другое рѣшеніе таинственной загадки, а французы, создавъ цѣлую литературу по этому вопросу, пришли къ убѣжденію, что «нечего терять усилій на поднятіе непроницаемой завѣсы», какъ говорится въ «Biographie Universelle», Мишо. Даже Екатерина II послѣ того, какъ видѣнный ею въ Петербургѣ молодой дипломатъ преобразился подъ старость въ женщину, забрасывала Гримма вопросами: «Зачѣмъ эта дѣвица переодѣвалась мужчиной? Какъ она поступила въ военную службу? Какъ узнали, что она дѣвица? Отчего ей велѣли надѣть женское платье? Зачѣмъ ей запретили носить ту одежду, которая для нея была удобнѣе?»¹⁾.

¹⁾ Сборникъ И. Р. И. О. Письма Екатерины II къ Гримму. № 48, 10 янвря 1778.

Наконецъ тайна была открыта, и общее любопытство удовлетворено. Послѣ смерти Дэона медицинскимъ освидѣтельствомъ удостовѣрено, что дѣвица-дипломатъ была мужчиной. Современники успокоились: наступилъ конецъ продолжительнымъ толкамъ и горячимъ спорамъ. Но послѣдующія поколѣнія этимъ неудовольствовались, и на очередь виднулись другіе вопросы, возбуждавшіе не меньшій интересъ, именно, одѣвался ли Дэонъ въ Россіи женщиной, почему подъ старость онъ призналъ себя представительницей прекраснаго пола, а французское правительство обязало его носить женское платье, котораго онъ и не снималъ до смерти, хотя долго жилъ въ Англіи, вдали отъ когтей французскаго правительства?

Конечно, первый вопросъ наиболѣе любопытенъ для насъ, русскихъ, и легенда о походахъ молодого французскаго авантюриста въ женскомъ платьѣ при дворѣ Елисаветы до настоящаго времени принималась на вѣру тѣми немногими русскими писателями, которые упоминаютъ о Дэонѣ. Насколько намъ извѣстно, въ русской литературѣ существуетъ только два біографическихъ очерка этой любопытной личности, именно В. Зотова ¹⁾ и Е. Карновича ²⁾, которые повторяютъ со словъ французскихъ авторовъ легенду съ переодѣваніемъ, хотя и относятся съ сомнѣніемъ къ нѣкоторымъ ея сенсационнымъ подробностямъ. Даже Соловьевъ, какъ бы поддерживаетъ этотъ взглядъ въ тѣхъ немногихъ словахъ, которыя онъ говоритъ о Дэонѣ: почтенный историкъ довольствуется тѣмъ, что приводитъ извѣстіе о возвращеніи Бецкаго изъ-за границы «со знаменитымъ кавалеромъ Эономъ, способнымъ играть то мужскую, то женскую роль» ³⁾. Къ сожалѣнію, Соловьевъ не указываетъ, на чемъ онъ основываетъ это оригинальное мнѣніе о пріѣздѣ Дэона въ Россію съ Бецкимъ, тогда какъ достовѣрно извѣстно, что онъ прибылъ позже въ качествѣ тайнаго французскаго агента, а затѣмъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ, какъ секретарь посольства. Наконецъ, въ примѣчаніи къ указанному выше письму Екатерины издатель ея переписки съ Гриммомъ, Як. Гротъ, говоритъ: «Извѣстный *chevalier d'Еон*, пріѣхавшій въ Россію въ 1755 году съ французскимъ агентомъ Дугласомъ, носилъ по приказанію Людовика XV женское платье» ⁴⁾. При этомъ Гротъ ссылается на Карновича и не обращаетъ никакого вниманія на то, что сама Екатерина въ письмѣ къ тому же Гримму, помѣщенномъ въ томъ же сборникѣ черезъ нѣсколько страницъ, говоритъ по поводу раз-

¹⁾ «Кавалеръ Дэонъ и его пребываніе въ Петербургѣ», В. Зотова. «Русская Старина», 1874 г., т. X.

²⁾ «Замѣчательныя и загадочныя личности XVIII столѣтія», Е. Карновича. Петербургъ. 1893.

³⁾ «Исторія Россіи» С. Соловьева, кн. 5-я, 24-й томъ, ст. 933.

⁴⁾ Сборникъ И. Р. И. О. Томъ 23-й, стр. 75-я.

сказа, что Дэонъ былъ лектрисой у Елисаветы: «Никогда у императрицы Елисаветы не было лектрисы, и она не знала кавалера или дѣвицу Дэонъ иначе, какъ я; а я видѣла его только, какъ политическаго мальчика на побѣгушкахъ (*galopin politique*) у маркиза Л'Опиталья и у барона Бретеля» ¹⁾.

Эти слова Екатерины, повидимому, единственный дошедшій до насъ отзывъ русскихъ современниковъ о Дэонѣ, и о немъ даже не упоминается ни въ одномъ нашемъ историческомъ документѣ или источникѣ того времени, кромѣ «Архива князя Воронцова», гдѣ приводится и письмо къ нему Терсье ²⁾. Что же касается до печатающейся въ Сборникѣ Р. И. Об. переписки англійскихъ и французскихъ пословъ XVIII столѣтія, то она еще не доведена до той эпохи, когда Дэонъ былъ въ Петербургѣ.

Если мы перейдемъ къ иностраннымъ матеріаламъ о жизни Дэона, какъ относительно его пребыванія въ Россіи, такъ и о метаморфозѣ его изъ мужчины въ женщину, то прежде всего насъ поразитъ противоположность свѣдѣній и пристрастіе отзывовъ. Одни авторы, какъ Гальярдэ ³⁾ и Бутарикъ ⁴⁾ поддерживаютъ легенду о дѣвицѣ-дипломатѣ, а другіе, въ томъ числѣ Брольи ⁵⁾ и Вандаль ⁶⁾, а въ особенности Бергольцъ ⁷⁾, опровергаютъ ее, какъ фантастическую сказку. Точно также Брольи и Ломени ⁸⁾ намѣренно чернятъ его во всемъ, что касается второй половины его жизни, а Тельферъ ⁹⁾ и Гальярдэ обѣляютъ его во что бы то ни стало. Уже мы не говоримъ о множествѣ сочиненій, появившихся во Франціи въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтій, съ цѣлью только эксплуатировать любопытство публики: это не болѣе, не менѣе, какъ сенсационныя фантазіи, переполненныя скандальными анекдотами безъ всякаго основанія и смысла. Наконецъ, даже многочисленнымъ книгамъ и брошюрамъ, которыя написаны самимъ Дэономъ въ послѣднюю эпоху его жизни, или внушены имъ, нельзя вполне вѣрить, и къ нимъ слѣдуетъ относиться съ самою строгою критикою, такъ какъ даже тѣ изъ нихъ, которые представляютъ любопытные документы и письма, именно памфлетъ Дэона «Письма, воспоминанія и переговоры кавалера Дэона» ¹⁰⁾ и «Жизнь полити-

¹⁾ Сборникъ И. Р. И. О., т. 23, стр. 86.

²⁾ Архивъ К. Воронцова, т. 7, стр. 509.

³⁾ *Memoires sur la chevalière D'Eon*, par F. Gaillardet. Paris.

⁴⁾ *Correspondance secrète de Louis XV*, par M. Boutaric. 2 vol. Paris. 1866.

⁵⁾ *Secret du roi*, par le duc de Broglie. 2 vol. Paris. 1880.

⁶⁾ *Louis XV et Elisabeth de Russie*, par A. Vandal. Paris. 1882.

⁷⁾ *Napoleon I, auteur du testament de Pierre le Grand*, par G. Berkholtz. Bruxelles 1863.

⁸⁾ *Beaumarchais et son temps*, par L. De Lomeni. Paris.

⁹⁾ *The strange career of the chevalier d'Eon de Beaumon*, by B. Telfer. London.

¹⁰⁾ *Lettres, memoires et negociations particulières du chevalier D'Eon*. Londres. 1764.

ческая, военная и частная дѣвицы Дэонъ»¹⁾, составленная при содѣйствіи Дэона, Де-Фортелемъ, отличаются пристраціемъ, предвзятыми взглядами, чрезмѣрнымъ хвастовствомъ и намѣренною подтасовкой фактовъ. Однако, и въ этихъ сочиненіяхъ не говорится ни слова о томъ, чтобы Дэонъ ходилъ въ женскомъ платьѣ въ Россіи, также какъ объ этомъ не упоминаетъ въ своихъ запискахъ и де-ла-Мессальеръ, состоявшій вмѣстѣ съ Дэономъ при маркизѣ Л'Опиталѣ во время его посольства въ Россіи²⁾.

Эта легенда и исторія о томъ, что будто бы Дэонъ вывезъ изъ Россіи пресловутое завѣщаніе Петра Великаго, что основательно опровергнуто Бергольцемъ, всего подробнѣ развиты въ книгѣ Гальярдэ. Хотя она считается до сихъ поръ во Франціи главнымъ авторитетомъ по всему, что касается Дэона, и послужила источникомъ для этюдовъ Зотова и Карновича, но авторъ ея такъ пристрастенъ, такъ фантастиченъ и прибѣгаетъ къ такимъ романическимъ извращеніямъ правды, что можно пользоваться приводимыми имъ не только фактами, но и документами, лишь съ строгою провѣркой. Самая исторія его труда подрываетъ всякое довѣріе къ нему. Дѣло въ томъ, что Гальярдэ, второклассный драматургъ, прославился своимъ процессомъ относительно принадлежности ему пьесы «*La tour de Nesle*», которую написалъ Дюма отецъ при его сотрудничествѣ, и, вѣроятно, подъ влияніемъ этого гениальнаго искажателя исторической правды, написалъ «Мемуары о кавалерѣ Дэонѣ», гдѣ далъ широкій просторъ самымъ безмысленнымъ небылицамъ и скандальнымъ фантазіямъ. Когда же другой писатель и журналистъ, Луи Журданъ, безцеремонно переписалъ стряпню, назвавъ ее: «Гермафродитъ», то Гальярдэ уличилъ его въ контрафакціи, цинично сознался въ своихъ вымыслахъ и напечаталъ свою книгу вторымъ изданіемъ, гдѣ будто бы строго придерживался одного документальнаго историческаго матеріала, почерпнутаго имъ въ бумагахъ Дэона и въ дипломатическихъ архивахъ. Однако, и тутъ онъ не могъ обойтись безъ фантазіи и пристрастія, такъ что снова подвелъ солиднаго писателя, повѣрившаго ему на слово, именно, Карновича, который, указывая на то, что Зотовъ руководствовался первымъ изданіемъ книги Гальярдэ, хотя и сомнѣвался въ слишкомъ сенсационныхъ его анекдотахъ, самъ повторяетъ за Гальярдэ, согласно второму будто бы строго историческому изданію его труда, что Дэонъ находился въ Россіи въ 1755 году въ женскомъ платьѣ, тогда какъ онъ былъ въ Россіи позднѣе и не въ женскомъ платьѣ.

¹⁾ *La vie militaire, politique et privée de mademoiselle Charles, Geneviève, Louis Auguste, Andrée, Timothé d'Eon de Beaumont, par M. de-la-Fortelle. Paris. 1879.*

²⁾ *Voyage à S.-Petersbourg, un nouveau memoire sur la Russie, par M. de-la-Messalière. Paris. 1803.*

При такомъ состояніи Дэоновской литературы, несмотря на всю ея обширность, необходимо было для полнаго и основательнаго выясненія всѣхъ фазисовъ въ жизни любопытнаго авантюриста, преимущественно его приключеній въ Россіи и Англии, добросовѣстное изученіе не только печатнаго матеріала, но и рукописнаго. По счастью, этотъ послѣдній имѣлся въ изобиліи, какъ въ архивѣ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ и въ Британскомъ музеѣ, такъ въ частной коллекціи англичанина Кристи и въ публичной библиотекѣ города Тоннера, гдѣ родился Дэонъ. Въ одномъ послѣднемъ хранилищѣ находится до 10.000 различныхъ Дэоновскихъ бумагъ, которыя въ большомъ безпорядкѣ, но, повидимому, скоро подвергнутся строгой классификаціи, такъ какъ одна изъ представительницъ семьи Дэонъ пожертвовала особый домъ для образованія въ немъ Дэоновскаго музея. За просмотръ всего этого богатаго матеріала взялся одинъ скромный англійскій писатель, извѣстный своими переводами романовъ Зола, Эрнестъ Вицетелли. Плодомъ такой обширной работы является изданная нѣсколько лѣтъ тому назадъ книга, подъ заглавіемъ: «Вѣрная исторія кавалера Дэона, его приключеній и метаморфозъ во Франціи, Россіи и Англии»¹⁾. Это до сихъ поръ единственный серьезный, добросовѣстный и безпристрастный сводъ всѣхъ сохранившихся свѣдѣній о таинственной личности авантюриста, который провелъ половину своей жизни мужчиной, а половину — женщиной. Относясь со строгою критикою ко всему, что было до сихъ поръ напечатано о своемъ героѣ, и подвергнувъ трезвой оцѣнкѣ просмотрѣнный имъ рукописный матеріалъ, Вицетелли взвѣсилъ всѣ факты, сравнилъ всѣ отзывы и составилъ не только вѣрную, документальную и безпристрастную, но и читающуюся съ интересомъ любого романа, біографію Дэона. Пользуясь ею, мы стараемся представить читателямъ полное и справедливое понятіе о томъ, чѣмъ былъ и чѣмъ не былъ Дэонъ, хотя, конечно, для ббльшей достовѣрности провѣримъ и дополнимъ самого Вицетелли относительно того, что онъ говоритъ о возстановленіи сношеній между петербургскимъ и версальскимъ дворами, какъ русскими историками, преимущественно исторіей Соловьева и архивомъ князя Воронцова, такъ и иностранными книгами, вышедшими послѣ появленія его труда, именно дипломатическою исторіей Семилѣтней войны, Р. Вадингтона²⁾, прекраснымъ этюдомъ русской дипломатіи и петербургскаго двора при Елисаветѣ, Р. Нисбета Бэна³⁾, и описаніемъ

¹⁾ The true story of the Chevalier D'Eon, his experiences and his metamorphoses in France, Russia, Germany and England, told with the aid of state and secret papers by Ernest Alfred Vizetelly. London. 1895.

²⁾ La guerre de sept ans. Histoire diplomatique et militaire. Les debuts. Par Rf Waddington. Paris. 1899.

³⁾ The daughter of Peter the Great, a history of Russian diplomacy and of the Russian court under the empress Elisabeth Petrovna, by R. Nisbet Bain. Westminster. 1899.

английскою парламентскою историческою комиссіею рукописей Е. Годжинса, гдѣ оказалась груда бумагъ, документовъ, писемъ и портретовъ Дэона ¹⁾. Наконецъ, при составленіи этого очерка имѣлись въ виду книга Вандаля, хотя, по справедливому замѣчанію Бэна, она нѣмного устарѣла, и ея авторъ слишкомъ полагается на депеши Л'Опиталья, далеко не внушающаго по своему легкомыслию полного довѣрія, брошюра Бергольца и сборникъ инструкцій, данныхъ французскимъ посланникамъ въ Россіи, съ примѣчаніями Рамбо ²⁾.

I.

Въ Тоннерѣ, маленькомъ городкѣ нижней Бургундіи, близъ желѣзнодорожной станціи возвышается довольно красивый, небольшой, одноэтажный домъ въ 7 окошекъ, съ высокою аспидною крышей. Въ прошедшемъ столѣтіи этотъ домъ составлялъ родовое жилище семьи Дэонъ, принадлежавшей къ мелкому дворянству. По происхожденію бретонцы, Дэоны очень гордились, что въ половинѣ XII вѣка одинъ изъ ихъ предковъ, пламенный мистикъ, выдавалъ себя за сына Божія, и въ сопровожденіи многочисленныхъ учениковъ предпринялъ пилигримство по всей Франціи. Въ Реймсѣ его арестовали и судили на соборѣ, созванномъ папой Евгеніемъ III. Хотя его ученіе было признано еретическимъ, но онъ самъ, какъ страдающій душевною болѣзнью, былъ подвергнутъ пожизненному заключенію въ тюрьмѣ, гдѣ вскорѣ и умеръ. Нѣкоторые изъ его учениковъ были сожжены на кострѣ, а родственники бѣжали въ Бургундію, не входившую тогда въ составъ Франціи, и поселились въ Тоннерѣ, окрестности котораго уже тогда славились бѣлымъ бургундскимъ виномъ Шабли.

Мало-помалу потомки мистическаго проповѣдника проложили себѣ дорогу въ армію и въ мѣстный провинціальный парламентъ. Одинъ изъ Дэоновъ въ XIV вѣкѣ сопровождалъ въ Англію французскую принцессу Маргариту, которая вышла замужъ за англійскаго короля Эдуарда I, и поступивъ въ ряды англійскаго рыцарства, находился впослѣдствіи представителемъ въ Римѣ своего новаго отечества. Другой Дэонъ, почувствовавъ въ себѣ религіозный энтузіазмъ своего предка, сдѣлался схимникомъ и вблизи Тоннера основалъ монашескую обитель. Дэоны составили себѣ имя такъ же, какъ адвокаты и совѣтники парламента, а въ началѣ XVIII вѣка Луи Дэонъ де-Бомонъ, по имени принадлежавшаго ему помѣстья, былъ мэромъ въ Тоннерѣ и королевскимъ совѣтникомъ въ париж-

¹⁾ Historical manuscripts comission. The Manuscripts of J. Eliot Hodgkins. London. 1899.

²⁾ Recueil des instructions, données aux ambassadeurs et ministres de France, Russie. Tome second. Paris. 1890.

скомъ парламентѣ. Онъ былъ женатъ на Франсуазѣ де-Шарантонъ, принадлежавшей также къ сѣмѣ мелкаго дворянства. У нихъ было трое дѣтей, и младшій родился 5 октября 1728 года. Ему дали при крещеніи нѣсколько именъ, по тогдашнему обычаю, и первыми изъ нихъ было мужское имя Шарль и женское — Женевьева. Этому ребенку было суждено сдѣлаться пресловутымъ кавалеромъ Дэономъ, который, играя роль то мужчины, то женщины, составлялъ одну изъ загадочныхъ личностей XVIII столѣтія.

Хотя у католиковъ часто даются мужчинамъ между нѣсколькими именами и женскія, но когда подъ конецъ своей жизни Дэонъ началъ выдавать себя за женщину, то многіе видѣли въ данномъ ему при крещеніи имени Женевьевы какъ бы подтвержденіе того, что онъ принадлежалъ къ прекрасному полу. Даже онъ самъ тогда рассказывалъ, что мать посвятила его четырехъ лѣтъ Богородицѣ и водила до 7-ми лѣтъ въ женскомъ платьѣ, почему будто бы его всѣ принимали за дѣвочку. Но во всемъ этомъ нѣтъ ни тѣни правды, и въ Тоннерѣ, бывшемъ тогда немногочисленнымъ городѣ, а слѣдовательно, знавшемъ все, что дѣлалось въ домашней жизни его обитателей, никто не подтвердилъ впоследствии этой метаморфозы мальчика въ дѣвочку, и обратно. Напротивъ, аббатъ Марсенэ, которому отдали на воспитаніе маленькаго Шарля на восьмомъ году его жизни, рассказывалъ впоследствии, что онъ не разъ сѣкъ его розгами, и потому не можетъ вѣрить, чтобы онъ превратился изъ мужчины въ женщину.

Дальнѣйшее воспитаніе Шарль получилъ въ Парижѣ, прежде въ частной школѣ Тернье, а затѣмъ въ коллегіи Мазарини. Занимался онъ очень хорошо и блестяще окончилъ курсъ, получивъ степень доктора гражданскаго и каноническаго права. Затѣмъ онъ сталъ исполнять обязанность адвоката при парижскомъ парламентѣ, и вскорѣ получилъ мѣсто секретаря при парижскомъ интендантѣ, Бертье Де-Савиньи. Тутъ онъ набрался многихъ полезныхъ свѣдѣній относительно финансовыхъ, экономическихъ и земледѣльческихъ вопросовъ, которыя примѣнилъ къ дѣлу въ напечатанной имъ въ 1753 году небольшой книжкѣ: «Финансовое положеніе Франціи при Людовикѣ XIV и регентствѣ». Молодой, съ хорошими связями, благодаря тремъ дядямъ, занимавшимъ значительныя государственныя должности, и получивъ въ наслѣдство отъ отца 15.000 ливровъ ежегоднаго дохода, Дэонъ могъ жить весело въ тогдашнемъ кутильномъ, развратномъ Парижѣ. Но, хотя онъ съ удовольствіемъ посѣщалъ общество, остроумно болталъ, смѣялся и эхотно пилъ, но онъ велъ замѣчательно нравственную жизнь и старательно избѣгалъ куртизанокъ и вертеповъ разврата. Любимымъ его препровожденіемъ времени было фехтованіе, и онъ достигъ въ этомъ искусствѣ такого совершенства, что, несмотря на свой малый ростъ, худощавую фигуру и женственное лицо, былъ избранъ старшиной одного изъ парижскихъ фехтовальныхъ залъ.

Хотя вскорѣ послѣ смерти отца, Дэонъ потерялъ, благодаря какимъ-то несчастнымъ обстоятельствамъ, свое состояніе, однако онъ не унывалъ и добился, кромѣ своего секретарскаго мѣста, еще должности цензора по исторіи и беллетристичѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ продолжалъ самъ заниматься литературой и написалъ эпитафію въ стихахъ на латинскомъ языкѣ на кончину графа Онса (*Ons-en-Vrau*), извѣстнаго ученаго по механикѣ, котораго очень уважалъ Петръ Великій. Такими же латинскими стихами онъ воспѣлъ преждевременную смерть прелестной герцогини Пантьевръ и напечаталъ въ журналѣ Фрерона «*Année litteraire*» очеркъ жизни и трудовъ аббата Дю-Френуа. Такимъ образомъ молодой Дэонъ на 25 году своей жизни занималъ двѣ видныя должности, былъ поэтомъ и авторомъ «прекрасной книжки о французскихъ финансахъ», по выраженію Фрерона, и, благодаря семейнымъ связямъ, имѣлъ доступъ во многіе аристократическіе дома Парижа. Такъ онъ былъ своимъ человѣкомъ у маршала Бель-Иля, у герцога Пантьевра и аббата Берни, а наконецъ сталъ появляться и въ салонахъ принца Конти. Все это доказываетъ, по справедливому замѣчанію Вицетелли, что Дэонъ въ началѣ своей карьеры не былъ тѣмъ авантюристомъ, какимъ онъ сдѣлался впоследствии, благодаря страннымъ обстоятельствамъ, побудившимъ его выступить на дипломатическую арену и легко вскружившимъ его голову.

Конечно, эти обстоятельства не имѣли ничего общаго со сложившимися о немъ фантастическими легендами, но онѣ все-таки были достаточно необыкновенными, чтобы раздуть самолюбіе молодого человѣка и натолкнуть его на скользкій путь политическихъ интригъ, что, какъ извѣстно, въ концѣ концовъ и погубило его. Неожиданное событіе, измѣнившее всю его жизнь, состояло въ томъ, что скромнаго цензора и интендантскаго секретаря послали въ Петербургъ, какъ тайнаго политическаго агента. Легенды рассказываютъ это и безъ того необыкновенное, романическое событіе въ самомъ фантастическомъ, сенсационномъ и даже скандальномъ свѣтѣ. Такъ рассказываютъ, что Дэонъ отправился однажды съ графиней Рошфоръ, съ которою онъ былъ въ связи, на придворный маскарадъ въ женскомъ платьѣ и плѣнилъ Людовика XV, который сталъ ухаживать за нимъ, но, убѣдившись въ своей ошибкѣ, не разсердился, а рѣшилъ по совѣту маркизы Помпадуръ воспользоваться женскою внѣшностью Дэона для дипломатической цѣли. Въ это время стоялъ на очереди вопросъ о возобновленіи политическихъ сношеній съ Россіей, которыя были прерваны уже нѣсколько лѣтъ, и французское правительство нашло наиболѣе удобнымъ поручить это трудное, щекотливое дѣло Дэону, переодѣтому въ женское платье, такъ какъ посланный уже однажды французскій тайный агентъ Вилькруасанъ былъ схваченъ и заточенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Въ товарищи

къ этому переодѣтому импровизованому дипломату дали шотландскаго авантюриста Дугласа, который въ качествѣ англійскаго туриста могъ проникнуть въ Россію, не возбудивъ никакого подозрѣнія. Эта странная парочка пустилась въ путь въ 1755 году, и Дэона выдавали за племянницу Дугласа, дѣвицу Лію де-Бомонъ. Въ Петербургѣ шотландцу не повезло, благодаря враждебнымъ дѣйствіямъ англійскаго посланника Вильямса, который заподозрѣлъ въ немъ шпіона, и съ помощью канцлера Бестужева настоялъ на его удаленіи оттуда. Но онъ оставилъ въ русской столицѣ Дэона, и послѣдній въ своемъ маскарадномъ костюмѣ пробрался во дворецъ черезъ посредство вице-канцлера Воронцова, благоволившаго къ Франціи.

Дальнѣйшее развитіе легенды о пребываніи Ліи де-Бомонъ въ Петербургѣ становится все чудовищнѣе и безобразнѣе. Эта дѣвица будто бы сдѣлалась лектрисой императрицы, поселилась во дворцѣ въ комнатѣ одной изъ фрейлинъ, племянницы Воронцова, впоследствии знаменитой княгиня Дашковой, и наконецъ послѣ длиннаго ряда скандальныхъ похожденій создалась Елисаветѣ, что она мужчина, присланный Людовикомъ XV къ ней съ тайнымъ письмомъ. Императрица очень смѣялась этой продѣлкѣ, говорила, что она очень походитъ на «ея любезнаго брата», и отвѣчала, что не только согласна возстановить дипломатическія сношенія съ Франціей, но и вступить съ нею въ союзъ, для заключенія котораго просила прислать уполномоченнаго представителя. Торжествующій Дэонъ отвезъ это письмо въ Версаль и на слѣдующій годъ вернулся въ Петербургъ съ Дугласомъ уже открыто и официально. Дугласъ теперь былъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, а Дэонъ его секретаремъ, при чемъ его выдали за брата Ліи де Бомонъ, очень похожаго на нее.

Тутъ конецъ легенды, въ которой отъ перваго слова до послѣдняго нѣтъ и тѣни правды, хотя ей долго вѣрили на западѣ и въ Россіи. Даже до сихъ поръ находятся адепты этой вѣры среди серіозныхъ историковъ, какъ, напримѣръ, Джонъ Корди-Джефферсонъ, который, описывая въ докладѣ англійской парламентской комиссіи историческихъ рукописей бумаги Дэона, находящіяся въ частной коллекціи Годжкинса, говоритъ: «Дэонъ надѣвалъ женское платье, исполняя въ Россіи дипломатическія порученія Людовика XV». Справедливо замѣчаетъ Бэнъ въ своей книгѣ «Дочь Петра Великаго»: «таинственныя и романтичныя похожденія Дэона въ его псевдо-первой поѣздкѣ въ Петербургъ вполне признаны апокрифическими, но подобныя легенды такъ медленно умираютъ, что даже въ настоящее время первое мнѣніе о пребываніи въ Петербургѣ этого ловкаго авантюриста въ костюмѣ придворной фрейлины принимается на вѣру любителями чудеснаго».

Переходя къ трезвымъ историческимъ фактамъ посѣщенія Рос-

си Дэономъ, что для насъ всего интереснѣе, во всей его полной перипетіями жизни, мы видимъ прежде всего, что Дугласть, а не Дэонъ посылался въ 1755 году въ Россію тайнымъ агентомъ, и онъ ѣздилъ туда одинъ, а лишь въ слѣдующемъ году, во второе его посѣщеніе Петербурга, Дэонъ находился при немъ въ качествѣ секретаря, а потому всѣ рассказы о приключеніяхъ дѣвицы-мужчины при дворѣ Елисаветы являются вымышленными. Но прежде чѣмъ доказать ложность этой мифической легенды, необходимо кратко указать на тѣ политическія обстоятельства, которыя вызвали появленіе въ Петербургѣ Дугласа съ Дэономъ, и о которыхъ подробно говорится въ помѣщенномъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника» очеркѣ: «Дочь Петра Великаго».

Восемь лѣтъ продолжался полный дипломатическій разрывъ между Франціей и Россіей, такъ что версальскій дворъ даже не зналъ достовѣрно, что дѣлается въ Петербургѣ, а только отъ времени до времени получалъ свѣдѣнія о русскихъ дѣлахъ чрезъ французженку г-жу Каравакъ, служившую при русскомъ дворѣ, и французскаго коммерсанта Мишеля, жившаго въ Петербургѣ и часто ѣздившаго по дѣламъ въ Парижъ. Неожиданно въ 1753 году этотъ Мишель явился въ Версаль и заявилъ министру иностранныхъ дѣлъ, что онъ имѣетъ сообщить тайное порученіе отъ императрицы Елисаветы, которая находила, что пора забыть прошлое и возобновить дружескія отношенія между обѣими странами. По всей вѣроятности, это порученіе Мишель получилъ чрезъ г-жу Каравакъ, но французское правительство не нашло нужнымъ обратить вниманіе на эти авансы со стороны русской императрицы, хотя о порученіи Мишеля говорится въ инструкціи, данной впоследствии посланнику Лопиталю ¹⁾. Тамъ же упоминается, что подобныя частныя сообщенія были получены еще нѣсколько разъ, и въ нихъ постоянно говорилось о добрыхъ чувствахъ Елисаветы къ французскому королю. По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ французскими авторами, именно Вандалемъ, Бутарикомъ и Рамбо ²⁾, версальскій кабинетъ, спустя годъ, пожалѣлъ, что не обратилъ должнаго вниманія на эти извѣстія изъ Россіи, и послалъ туда тайнаго агента Валькруасана, но Соловьевъ доказалъ ссылкой на дѣла тайной канцеляріи, что неудачная поѣздка Валькруасана въ Россію была не въ 1754 году, а въ 1756. Поэтому мы и скажемъ о ней въ своемъ мѣстѣ. Хотя Вицетелли повторяетъ французское извѣстіе о Валькруасанѣ, но онъ очевидно не зналъ о томъ, что говорить по этому предмету Соловьевъ, и добросовѣстно прибавляетъ: «во французскихъ архивахъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ о посылкѣ въ Россію Валькруасана, а, быть можетъ, въ Россіи существуютъ документальныя о ней свѣдѣнія».

¹⁾ Recueil des instructions. Russie. 2 tome, p. 34.

²⁾ Ibid., p. 5.

Между тѣмъ подготовлялся неожиданный переворотъ въ европейской политикѣ, извѣстный подъ названіемъ переменъ союзовъ. Хотя въ 1755 году Европа попрежнему дѣлилась на два лагеря, и съ одной стороны стояли Франція, Пруссія, Испанія, Италія, Швеція, Польша и Турція, а съ другой Австрія, Англія, Россія и Голландія, но уже замѣчались симптомы новой совершенно противоположной группировки государствъ. Причиной этого государственнаго переворота были съ одной стороны двуличность Англии и Пруссіи, которыя тайными переговорами между собой возбуждали сомнѣнія ихъ союзниковъ, Россіи и Франціи, а съ другой ненависть всемогущей фаворитки Людовика XV, маркизы Помпадуръ, къ Фридриху II, котораго она поклялась стереть въ порошокъ за то, что онъ издѣвался надъ нею, называя ее Котильономъ II, и хитрая политика австрійскаго перваго министра Кауница, рѣшившагося уничтожить своего соперника Фридриха II заключеніемъ союза съ Франціей и Россіей. Пока созрѣвалъ этотъ сложный переворотъ въ международной политикѣ, каждая европейская держава принимала свои мѣры, чтобы не быть застигнутою врасплохъ угрожавшей всѣмъ бурей. Соглашенія, союзы, интриги носились въ воздухѣ.

Съ нѣкоторыхъ поръ Людовикъ XV устроилъ помимо министерства иностранныхъ дѣлъ тайныя дипломатическія сношенія съ европейскими дворами черезъ специальныхъ агентовъ, во главѣ которыхъ стоялъ въ Парижѣ его родственникъ, принцъ Конти. Этотъ принцъ Конти работалъ не только на короля, но и на себя, добиваясь различныхъ самолюбивыхъ цѣлей. Онъ то хотѣлъ сдѣлаться королемъ польскимъ, то жениться на великой княжнѣ, а потомъ императрицѣ Елисаветѣ, то наконецъ получить Курляндское герцогство и начальство надъ русскимъ войскомъ въ войнѣ противъ Пруссіи. Его сватовство къ Елисаветѣ въ 1741 году до вступленія ея на престолъ велось чрезъ особаго тайнаго агента, Авена, и упомянутую уже госпожу Каравакъ, которая передала великой княжнѣ предложеніе принца и сообщила ей отрицательный отвѣтъ, основанный на томъ, что она желаетъ сохранить свою независимость. Но Конти не унывалъ и, спустя четыре года, просилъ тогдашняго французскаго посланника Далліона навести справки объ императрицѣ. Эти справки оказались такого характера, что Конти навсегда отказался отъ надежды жениться на ней, а потому тѣмъ пламеннѣе сталъ мечтать о какомъ нибудь престолѣ, даже курляндскомъ. Къ этому-то принцу Конти обратился Людовикъ XV въ 1755 г. съ просьбой найти ему подходящаго человѣка, чтобы послать въ Петербургъ съ цѣлью подготовить почву для возобновленія дипломатическихъ сношеній съ Россіей, и Конти съ удовольствіемъ взялся за это дѣло, конечно, разсчитывая поручить тайному агенту и устройство своихъ дѣлишекъ.

Зная, что англійское вліяніе въ Петербургѣ всемогущее, и что канцлеръ Бестужевъ зорко слѣдитъ за всѣмъ, что можетъ принести вредъ этому вліянію, Конти нашель, что всего удобнѣе послать въ Россію иностранца, который не обратилъ бы на себя такого вниманія, какъ французъ. Подходящій иностранецъ нашель въ лицѣ наставника сыновей парижскаго интенданта Бертъе-де-Савиньи. Онъ былъ шотландецъ Маккэнзи и самъ назвалъ себя, чтобы внушить большій интересъ къ своей особѣ, кавалеромъ Дугласомъ. Онъ еще рассказывалъ все съ тою же цѣлью, что служилъ въ арміи претендента Стюарта и послѣ пораженія послѣдняго искалъ спасенія во Франціи. Въ сущности же онъ былъ іезуитомъ, который вышелъ изъ ордена, но сохранилъ сношенія съ нимъ и находился шпиономъ сначала на службѣ Голландскаго правительства, а потомъ принца Вальдекскаго. Наконецъ, онъ случайно очутился въ Парижѣ и, сдѣлавшись наставникомъ дѣтей Савиньи, сталъ разыгрывать роль одного изъ тѣхъ якобитскихъ изгнанниковъ, которые были тогда очень популярны во Франціи. Ловкій, хитрый, изворотливый, Дугласъ вскорѣ попалъ въ аристократическое общество и проложилъ себѣ дорогу въ салоны принца Конти, который остановилъ на немъ свой выборъ, когда рѣчь зашла о посылкѣ въ Россію тайнаго, дипломатическаго агента.

• Въ домѣ того же Савиньи отыскался и товарищъ Дугласу по его походамъ въ Россіи, секретарь хозяина, молодой Дэонъ, съ которымъ Дугласъ былъ, очевидно, хорошо знакомъ. Первый вопросъ, который возбуждается по поводу этого тайнаго посольства двухъ друзей, относится къ тому, когда оно состоялось. Что самъ Дугласъ посѣтилъ Петербургъ въ первый разъ въ 1755 году, въ этомъ нѣтъ никакихъ сомнѣній, и мы видѣли, что къ этому же году мифическая легенда приурочиваетъ походы Дэона въ женскомъ платьѣ при русскомъ дворѣ. Но еслибы дѣйствительно Дэонъ сопровождалъ Дугласа въ его первой поѣздкѣ въ Россію, то объ этомъ сохранился бы какой нибудь слѣдъ въ официальныхъ и тайныхъ депешахъ. Но рѣшительно ни въ одномъ напечатанномъ или рукописномъ документѣ, хранящемся въ архивахъ, не упоминается объ этомъ фактѣ. Напротивъ, какъ указываютъ Вандаль и Вицетелли, о пребываніи Дэона въ Россіи въ 1756 году имѣется много указаній въ различныхъ документахъ, и сохранились его собственные письма и депеши, въ которыхъ не только не говорится ни разу объ его предыдущей поѣздкѣ, но встрѣчаются жалобы на полное незнаніе русскихъ обычаевъ и мелочныя описанія петербургскаго двора, ясно доказывающія, что онъ никогда прежде не бывалъ въ Россіи. Впрочемъ, онъ и самъ въ письмѣ къ герцогу Пралену въ 1764 году говоритъ, что поѣхалъ въ Россію впервые въ 1756 г., а если въ своихъ послѣдующихъ жалобахъ на несправедливость къ нему французскихъ министровъ онъ упоминаетъ,

что судьба натолкнула его на дипломатическую карьеру въ 1755 г., то это совершенно вѣрно, такъ какъ Дугласъ, вернувшись въ концѣ 1755 г. изъ Петербурга, вошелъ съ нимъ въ соглашеніе о поѣздкѣ въ Россію въ началѣ слѣдующаго года. Только среди своихъ лондонскихъ интригъ и неудачъ, окончившихся женскою метаморфозой, Дэонъ началъ увѣрять, что онъ былъ въ Петербургѣ въ 1755 году. Но тогда, по словамъ извѣстнаго Гораса Вальполя, «у него голова ходила кругомъ», и нельзя довѣрять его словамъ. Къ тому же, существуетъ депеша изъ Петербурга Дугласа къ министру иностранныхъ дѣлъ Руде, хотя и помѣченная только 1756-мъ годомъ безъ означенія мѣсяца и числа, въ которой прямо говорится: «Я очень доволенъ прибытіемъ Дэона; я давно знаю его умъ, энергію и трудолюбіе. Онъ будетъ очень полезенъ мнѣ и королевской службѣ. Къ тому же онъ ведетъ себя осторожно и благоразумно. Я представилъ его вчера вечеромъ вице-канцлеру графу Воронцову, который принялъ его очень любезно и учтиво. Повидимому, онъ ему очень понравился».

Изъ этого письма ясно видно, что въ то время, когда Дэонъ прибылъ въ Петербургъ въ 1756 году, онъ впервые поступилъ на службу короля и не былъ прежде съ Дугласомъ въ Петербургѣ, такъ какъ иначе онъ не относился бы къ нему, какъ къ новичку, и не знакомилъ бы его съ Воронцовымъ. Наконецъ, въ Дэоновскихъ бумагахъ, хранящихся въ коллекціи рукописей Эллиота Годжкинса, находится паспортъ Дэона, подписанный Людовикомъ XV отъ 21 мая 1756 года и которымъ Дэонъ пользовался въ первую свою поѣздку въ Петербургъ. Въ той же коллекціи имѣются и другіе паспорта, которыми пользовался Дэонъ во время своего пребыванія въ Россіи, въ числѣ ихъ 8 русскихъ, относящихся до 1757—1760 годовъ, а также французскій паспортъ, подписанный Людовикомъ XV и касающійся второй поѣздки Дэона въ Петербургъ въ 1757 году, но нѣтъ и слѣда паспорта 1755 года. Необходимо еще замѣтить, что если Мессальеръ въ своей книгѣ упоминаетъ о томъ, что Дугласъ, отправляясь въ Россію въ 1755 году, остановился въ Ангальтѣ и выписалъ туда своего друга Дэона, то это извѣстіе ничѣмъ не подтверждено. Вицетелли полагаетъ, что онъ только ошибся годомъ, а дѣйствительно въ 1756 году Дугласъ ждалъ въ Ангальтѣ Дэона и вмѣстѣ съ нимъ отправился далѣе, но и это несправедливо, такъ какъ Рамбо напечаталъ въ «Recueil des instructions» письмо секретаря принца Конти, Мопэна, къ Дугласу отъ 7 іюня 1756 года, въ которомъ говорится: «наконецъ Дэонъ де-Бомонъ освободился отъ всѣхъ своихъ заботъ и отправляется дѣлить съ вами ваши труды. Онъ присоединяется къ вамъ съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что знаетъ вашу дружбу къ нему, расположеніе министра и добрыя пожеланія нашего общаго друга Терсье, который оказывается его родственникомъ». Что дѣй-

ствительно Терсье былъ родственникомъ Дэона, не подтверждается никакими другими свѣдѣніями, но если это вѣрно, то назначеніе Дэона секретаремъ Дугласа становится еще болѣе понятнымъ, такъ какъ Терсье, старшій чиновникъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, былъ посредникомъ между принцемъ Конти и Людовикомъ XV по дѣламъ тайной дипломатической переписки.

Такимъ образомъ вполне достовѣрно, что Дэонъ не сопровождалъ Дугласа въ первую его поѣздку въ Петербургъ, а слѣдовательно фактически не былъ героемъ приписываемыхъ ему мистическихъ походовъ. Но для большей ясности укажемъ на приводимыя Эрнестомъ Вицетелли безспорныя доказательства безобразной несоответственности съ фактами сложившейся легенды. Такъ эта легенда увѣряетъ, что Дэонъ въ женскомъ платьѣ жилъ во дворцѣ въ одной комнатѣ съ флейлиной Воронцовой, впоследствии княгиней Дашковой, но ей въ 1755 году было 11 лѣтъ, она никогда не состояла фрейлиной, и если дѣйствительно Дэонъ зналъ ее въ Петербургѣ, то лишь послѣ ея замужества въ 1759 году. Такъ какъ ей тогда было только 15 лѣтъ, то замѣчаніе Л'Опиталя въ письмѣ къ Дэону, на которое всегда ссылаются сторонники легенды, что «Дэонъ зналъ Дашкову въ ранней молодости и пичкалъ ее съ Дугласомъ романами», нисколько не противорѣчитъ правдѣ и не служитъ подтвержденіемъ легендѣ. Что же касается до утвержденія самого Дэона о разказахъ Дашковой впоследствии въ Лондонѣ насчетъ его походовъ въ Петербургъ въ женскомъ платьѣ, то въ мемуарахъ Дашковой не упоминается о подобныхъ разказахъ. Къ тому же, трудно повѣрить, чтобы Дашкова, жившая въ Лондонѣ, по ея словамъ, очень скромно, выдавая только съ англичанкой Морганъ и женой русскаго посланника, графа Мусина-Пушкина разносила бы по свѣтскимъ гостинымъ скандальныя разказы о петербургскихъ походахъ Дэона.

Относительно же мистической Ли де-Бомонъ, лектрисы императрицы, можно замѣтить, что, кромѣ неподтвержденія этого мифа ни однимъ свидѣтельствомъ современниковъ, онъ окончательно опровергается приведенными уже словами Екатерины, которыя по неизвѣстной причинѣ еще не указывались ни однимъ изъ русскихъ или иностранныхъ писателей, говорившихъ о Дэонѣ. Наконецъ, чтобы покончить съ этимъ вопросомъ, укажемъ здѣсь на подложность пресловутаго письма Людовика XV къ Дэону, которое начинается словами: «Вы служили мнѣ полезно, какъ въ женскомъ платьѣ, такъ и въ томъ, которое носите теперь». Этотъ документъ, который, повидимому, долженъ былъ разрѣшить вопросъ въ пользу легенды, имѣется только въ копіи въ Дэоновскихъ рукописяхъ, хранящихся въ архивѣ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, а подлинникъ не разысканъ нигдѣ ни во французскихъ архивахъ, ни въ тоннерской библиотекѣ, ни въ коллекціяхъ рукописей Годж-

кикса, а потому можетъ быть смѣло признанъ подложнымъ, тѣмъ болѣе, что защитникъ его подлинности, Тельферъ, ссылается на очень ненадежный авторитетъ г-жи Кампанъ, которая будто бы слышала, какъ Дэонъ повторялъ наизусть ея отцу содержаніе этого документа, что, даже если и справедливо, не можетъ служить подтвержденіемъ подлинности письма. Поэтому, какъ герцогъ Брольи, такъ и Вицетелли вполне основательно признають, что это письмо короля, рѣзко противорѣчащее другимъ безспорнымъ письмамъ Людовика XV къ Терсье, было поддѣлано самимъ Дэономъ въ эпоху его женской метаморфозы.

Очистивъ такимъ образомъ почву отъ легендарныхъ фантазій, мы можемъ теперь перейти къ фактическому разсказу о дѣйствительныхъ походахъ Дугласа и Дэона въ Россіи.

II.

Избранный въ тайные агенты для возобновленія дипломатическихъ сношеній съ Россіей, Дугласъ получилъ при выѣздѣ изъ Парижа подробную инструкцію, продиктованную принцемъ Конти, но отчасти извѣстную и министру иностранныхъ дѣлъ Рулье, который одобрилъ, какъ посылку тайнаго агента, такъ и выборъ Дугласа. Въ этой инструкціи, единственномъ документѣ, сохранившемся о первой поѣздкѣ въ Россію Дугласа, говорится, что онъ не долженъ вступить въ переговоры съ русскимъ дворомъ, но только удостовѣриться въ финансовомъ, коммерческомъ и военномъ положеніи Русской имперіи, а также собрать точныя свѣдѣнія объ интригахъ англійскаго посланника Вильямса, о вліяніи канцлера Бестужева и вице-канцлера Воронцова, а равно о взглядахъ царицы на Австрію, Англію, Польшу, Швецію и Турцію. Кроме того, ему поручено было разузнать, какія чувства питала императрица къ Франціи, и почему ея министры мѣшаютъ ей возстановить прежнюю переписку съ Людовикомъ XV; наконецъ, онъ долженъ былъ, выдавая себя за любознательнаго туриста, собрать всѣ свѣдѣнія, какія только могли интересоваться французскаго короля, и составить обо всемъ записку, которую отправить во Францію только по выѣздѣ изъ Россіи, или чрезъ посредство шведскаго посланника, который былъ преданъ французскимъ интересамъ. По почтѣ онъ могъ писать лишь въ рѣдкихъ, особенно важныхъ случаяхъ, и то условнымъ языкомъ.

Эта инструкція, въ концѣ которой изложенъ подробный маршрутъ Дугласа, съ цѣлью не возбудить подозрѣнія, была написана микроскопическими буквами и вложена въ фальшивое дно черепаховой табакерки. Тамъ же находилась и записка объ аллегорическомъ способѣ выраженія, которой долженъ былъ руководство-

аться Дугласъ въ своихъ письмахъ, адресованныхъ различнымъ частнымъ лицамъ. Обязательный для него условный языкъ былъ очень оригиналенъ. Предполагалось, что Дугласъ былъ торговцемъ мѣхами, и вся его переписка должна была относиться къ этой торговлѣ. Подъ черной лисицей разумѣлся Вильямсъ, и если его переговоры о посылкѣ русской арміи въ Гановерь увѣнчались бы успѣхомъ, то Дугласъ долженъ былъ написать: «Черная лисица повысилась въ цѣнѣ». Слова: «горностай въ спросѣ», означали, что русская партія беретъ верхъ при дворѣ, а «цѣна соболей падаетъ» — что канцлеръ Бестужевъ теряетъ свою силу. Напротивъ выраженіе: «соболя въ той же цѣнѣ», обнаруживало, что его могущество продолжается. Австрія называлась «волчьей шкурой», а русскіе солдаты, посылавшіеся на помощь Англии, носили названіе «бѣличьихъ шкурокъ», при чемъ 10 этихъ шкурокъ означали 30.000 солдатъ, а 20 равнялись 60.000. Еслибы Дугласъ нашелъ, что ему бесполезно оставаться въ Петербургѣ, то ему слѣдовало написать, что русскій климатъ вреденъ его здоровью, а въ случаѣ необходимости вызвать его въ Парижъ ему просто написали бы, что «куплена во Франціи муфта, и нечего ее покупать въ Россіи».

Запасшись всѣми этими инструкціями, Дугласъ пустился въ дорогу, но, какъ было уговорено, онъ выбралъ путь самый длинный. Въ качествѣ англійскаго туриста онъ прежде всего отправился въ Вѣну, а потомъ въ Богемію, Саксонію и Силезію, гдѣ осматрѣлъ различныя копи; затѣмъ онъ посѣтилъ Польшу, гдѣ оставался довольно долго, и оттуда проѣхалъ въ Данцигъ, съ цѣлью пробраться въ Швецію, но тамъ неожиданно перемѣнилъ свой путь и прямо направился въ Петербургъ, куда и прибылъ благополучно 4 октября. О пребываніи Дугласа въ Петербургѣ извѣстно очень мало. По словамъ Соловьева, о немъ упоминаетъ только англійскій посланникъ Вильямсъ въ своей депешѣ отъ 7 октября и то въ слѣдующихъ словахъ: «Когда пріѣхалъ сюда какой-то господинъ Дугласъ изъ Парижа, то одержимый подозрительностью австрійскій посланникъ спросилъ его: «Чего онъ хочетъ въ Россіи?» и тотъ отвѣчалъ: «Я пріѣхалъ по совѣту врачей, чтобы пользоваться благодѣяніями холоднаго климата»¹⁾. Но Вицетелли на основаніи документовъ англійскаго архива рассказываетъ совершенно иначе о походѣ Дугласа въ Петербургъ. Повидимому, Дугласъ по прибытіи въ русскую столицу отправился прямо въ англійское посольство, заявилъ, что онъ англійскій подданный, родственникъ лорда Мортонна, и просилъ, чтобы сэръ Чарльсъ Ганбюри Вильямсъ представилъ его ко двору. Но Вильямсъ заподозрѣлъ его тождественность и отказалъ ему въ просьбѣ. Тогда Дугласъ обратился съ той же просьбой къ шведскому посланнику, который

¹⁾ «Исторія Россіи», Соловьева. V книга, XXIV томъ, гл. I, стр. 938—939.

сочувственно относился къ Франціи. Однако и тутъ онъ потерѣлъ неудачу, такъ какъ, прежде чѣмъ исполнить его желаніе, шведскій посланникъ спросилъ у Вильямса, не будетъ ли онъ имѣть что либо противъ представленія ко двору шотландца. Конечно, англичанинъ протестовалъ противъ подобнаго вмѣшательства въ дѣла англійскаго подданнаго, и въ результатѣ Дугласъ, видя невозможность такъ или иначе проникнуть ко двору, уѣхалъ изъ Петербурга и вернулся во Францію, гнѣвно жалуясь по дорогѣ всеѣмъ и каждому на дурное обращеніе съ нимъ Вильямса.

Существуетъ еще третій вариантъ о дипломатической дѣятельности Дугласа въ Петербургѣ, и этотъ вариантъ основанъ на документахъ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, которые хотя не напечатаны, но рассмотрѣны Эрнестомъ Вицетелли, и его выводъ изъ нихъ совершенно соотвѣтствуетъ тому, что говоритъ объ этомъ предметѣ Рамбо. Въ Петербургѣ былъ у Дугласа прекрасный и энергичный помощникъ въ лицѣ негодяга Мишеля, о которомъ уже было говорено. Этотъ Мишель находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ вице-канцлеромъ Воронцовымъ, который склонялся въ пользу Франціи. Обратясь къ его посредству, Дугласъ легко проникъ къ Воронцову и хотя послѣдній не могъ представить его императрицѣ, но переговорилъ съ нею относительно возобновленія дипломатическихъ сношеній съ Франціей. Черезъ нѣсколько дней онъ сообщилъ письменно удовлетворительный отвѣтъ. Императрица заявила, что готова сочувственно встрѣтить всякаго представителя французскаго короля, который привезетъ съ собою достаточное полномочіе, чтобы заключить трактатъ о союзѣ между обоими государствами. Съ этимъ драгоценнымъ документомъ въ карманѣ вернулся Дугласъ въ Парижъ въ декабрѣ мѣсяцѣ; но не даромъ онъ былъ іезуитъ и, одержавъ побѣду надъ ловкимъ англійскимъ посломъ, нарочно жаловался на его дурное обращеніе, чтобы скрыть цѣль и успѣхъ своей поѣздки.

Вслѣдствіе ли этого удачнаго результата первой поѣздки Дугласа въ Россію, или по другой какой причинѣ, но въ началѣ 1756 года былъ посланъ туда же другой тайный французскій агентъ, Валькруасанъ. Мы уже говорили, что посылка Валькруасана неправильно относится французскими извѣстіями къ 1754 году, но до сихъ поръ въ сущности не извѣстно, кѣмъ и для чего она была задумана. Во всякомъ случаѣ, былъ ли посланъ Валькруасанъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, или принцемъ Конти, но это предпріятіе окончилось очень печально. Онъ былъ схваченъ въ Ригѣ въ февралѣ 1756 года, и изъ дѣла тайной канцеляріи, по словамъ Соловьева, видно, что онъ былъ очень неловкимъ шпиономъ. Онъ увѣрялъ, что явился въ Россію съ цѣлью разузнать, что тамъ дѣлается, кто пользуется наибольшей милостью императрицы, и кто склоненъ къ Франціи, но что онъ не привезъ ника-

кихъ писемъ, кромѣ одного, отъ министра иностранныхъ дѣлъ Рулье къ Ивану Ивановичу Шувалову, которое сжегъ вмѣстѣ съ другими своими бумагами. Недовольствуясь такими компрометирующими показаніями, Валькруасанъ предложилъ написать французскому министру, что петербургскій кабинетъ желаетъ прекратить существовавшія между обоими государствами несогласія, вслѣдствіе чего, по его словамъ, немедленно будетъ присланъ въ Петербургъ французскій посланникъ. По заключенію Воронцова и Петра Шувалова, что «сей французъ прямой и небезопасный шпіонъ», онъ былъ заточенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, откуда выпущенъ только въ слѣдующемъ году по просьбѣ французскаго правительства и уже послѣ возстановленія дипломатическихъ сношеній между петербургскимъ и версальскимъ кабинетами ¹⁾).

Спустя два мѣсяца послѣ ареста неудачнаго французскаго агента, произошла 10 апрѣля 1757 года въ кабинетѣ вице-канцлера Воронцова совершенно иная сцена. Вторично явившійся въ Петербургъ Дугласъ заявилъ чрезъ Мишеля желаніе, чтобы Воронцовъ его немедленно принялъ, и тотъ на это согласился. Добившись такого страннаго, поспѣшнаго, вечерняго свиданія, Дугласъ подалъ вице-канцлеру письмо отъ французскаго министра Рулье, который благодарилъ его за порученіе отыскать библіотекаря и прислать образцы бургундскаго вина.

— Что это значить!—воскликнулъ съ удивленіемъ Воронцовъ.— Какой библіотекарь? какое вино?

На это Дугласъ спокойно отвѣчалъ.

— Библіотекарь это я, а вина—это лица, которыя должны быть посланы съ обѣихъ сторонъ для возстановленія дипломатическихъ сношеній.

— Кажется, можно было бы и прямо объ этомъ написать,—замѣтилъ Воронцовъ, не очень довольный разыгранною передъ нимъ комедіей, но все-таки онъ обѣщалъ доложить обо всемъ императрицѣ, потребовавъ, однако, чтобы Дугласъ изложилъ на бумагѣ предложенія французскаго двора.

Это желаніе Воронцова было исполнено и въ представленной запискѣ Дугласъ изложилъ, что ему было поручено увѣрить, что когда императрица рѣшится назначить своего посланника во Францію, то и король немедленно пришлетъ своего представителя въ Россію одинаковаго происхожденія и званія.

Прямымъ слѣдствіемъ разыграншейся у вице-консула характеристичной сцены, описанной Соловьевымъ по Раумеру ²⁾, было представленіе императрицѣ Дугласа въ качествѣ шотландскаго дворянина,

¹⁾ «Исторія Россіи», Соловьева, книга 5, томъ 24, глава I-я, ст. 237.

²⁾ Исторія Россіи, Соловьева, 5 книга, томъ 24, глава 1, ст. 336. — Beiträge zur neueren Geschichte, von Raumer, II.

находящагося на французской службѣ, а затѣмъ Воронцовъ вручилъ ему письменный отвѣтъ на его записку. Въ этомъ официальномъ отвѣтѣ говорилось, что ея величество очень рада возстановить доброе согласіе и тѣсную дружбу между обоими дворами, для чего согласна на взаимное назначеніе посланниковъ. Но такъ какъ это назначеніе не могло быть совершено быстро, то императрица находила нужнымъ, чтобы Дугласъ получилъ немедленно званіе повѣреннаго въ дѣлахъ, и съ своей стороны рѣшилась послать въ Парижъ надворнаго совѣтника Бехтѣва въ томъ же качествѣ. Дугласъ снова прибѣгнулъ къ помощи ревностнаго, расторопнаго Мишеля, у котораго онъ уже успѣлъ занять 10.000 ливровъ, такъ какъ французское правительство недостаточно его снабдило фондами, и этотъ любитель-куррьеръ съ удовольствіемъ поскакалъ въ Парижъ. Въ этой поѣздкѣ его сопровождала г-жа Каравакъ, и, по замѣчанію Вицетелли, быть можетъ, ей дано было отъ императрицы какое нибудь тайное порученіе къ Людовику XV. Во всякомъ случаѣ не лишено остроумія предположеніе новѣйшаго біографа Дэона, что постоянное вмѣшательство въ дѣло возстановленія дипломатическихъ сношеній между Россіей и Франціей француженки, состоявшей при императрицѣ Елисаветѣ, могло служить однимъ изъ мотивовъ къ появленію на свѣтъ легенды о Лии де-Бомонъ.

Пока Мишель ѣздилъ за вѣрительными грамотами, Дугласъ пользовался въ Петербургѣ уваженіемъ и велъ переговоры съ Воронцовымъ, какъ уполномоченный короля, хотя и не вполне аккредитованный. Въ то время къ нему пріѣхалъ Дэонъ, и оба друга работали съ большою энергіей для осуществленія порученнаго имъ дѣла, которое силою обстоятельствъ приняло неожиданно широкіе размѣры. Дѣйствительно, въ началѣ 1756 года стало осуществляться подготовлявшееся измѣненіе европейскихъ союзовъ. Первый шагъ на встрѣчу своимъ врагамъ сдѣлалъ, какъ всегда, Фридрихъ II. Онъ неожиданно заключилъ съ Англіей оборонительный и наступательный союзъ. Это событіе, какъ громъ, поразило ничего не подозревавшіе кабинеты версальскій и петербургскій, изъ которыхъ послѣдній только что заключилъ съ Англіей новый союзъ, обязывавшій за крупную субсидію поставить вспомогательную армію въ 55.000 человекъ. Въ виду такой измѣны своихъ союзниковъ, Франція и Россія рѣшили отомстить имъ образованіемъ тройной австро-русско-французской лиги. Прежде всего въ Версалѣ былъ заключенъ союзъ между Австріей и Франціей, благодаря дружнымъ стараніямъ Кауница и маркизы Помпадуръ, а затѣмъ начались переговоры о присоединеніи къ версальскому трактату Россіи. Эти переговоры велись въ Петербургѣ Дугласомъ и Дэономъ подъ руководствомъ австрійскаго посла, князя Эстергази, а въ Парижѣ Бехтѣвымъ, «домашнимъ человѣкомъ у вице-канцлера Воронцова», по выраженію Соловьева, также подъ высшимъ наблюденіемъ австрійскаго

посла графа Штарнберга. Конечно, при такомъ новомъ направленіи русской политики пошатнулось всемогущество канцлера Бестужева, друга Англій и ненавистника Франціи, но, не находя возможнымъ противостоять императрицѣ и ведя переговоры съ Франціей и Австріей о тройственномъ союзѣ, онъ тайно всячески ихъ тормозилъ. Даже Месельеръ рассказываетъ легенду о томъ, что Бестужевъ подослалъ убійцу къ Дугласу и Дэону, жившихъ въ домѣ Мишеля. Однако дѣло обошлось однимъ страхомъ, хотя ночью было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ въ окна ихъ комнаты.

Несмотря на всѣ преграды и затрудненія, которыя еще усиливались интригами Вильямса, сближеніе Франціи и Россіи быстро шло впередъ. 4 сентября 1756 года, было получено утвержденіе Дугласа повѣреннымъ въ дѣлахъ, а Деона секретаремъ. Немедленно послѣ этого первый вручилъ императрицѣ свои вѣрительныя грамоты, а послѣдній былъ принятъ ко двору. Елисавета прямо объявила Дугласу, какъ онъ сообщаетъ въ своей депешѣ къ Рулье отъ 26 сентября: «Я не хочу для единенія съ королемъ никакихъ посредниковъ. Я отъ него требую только правды, прямоты и полной взаимности относительно всего, что будетъ уговорено между нами». Однако такимъ посредникомъ былъ Эстергази, и онъ едва не испортилъ всего дѣла. Дугласу и Дэону было предписано во всемъ руководствоваться совѣтами Эстергази и ничего безъ него не дѣлать. Поэтому ихъ положеніе было очень затруднительное, тѣмъ болѣе, что Эстергази торопилъ во что бы то ни стало заключеніе трактата и настаивалъ на томъ, чтобы были приняты всѣ требованія Россіи, а французскимъ уполномоченнымъ было извѣстно, что ихъ правительство ни за что не согласится оказать въ случаѣ надобности помощи Россіи противъ Польши и Турціи, чего желала Елисавета. Наконецъ, когда Фридрихъ неожиданно началъ Семилѣтнюю войну и занялъ Саксонію, то Дугласъ и Дэонъ, видя необходимость скорѣе кончить дѣло, согласились на подписъ франко-русскаго союза съ включеніемъ тайной статьи, по которой Франція обязывалась въ случаѣ войны Россіи съ Турціей оказать ей помощь субсидіей.

Дэонъ такъ гордился заключеніемъ этого трактата, что хотѣлъ самъ отвезти его въ Парижъ, но Дугласъ предпочелъ снова употребить на это дѣло Мишеля, и Дэонъ, какъ видно изъ его письма къ Терсье, согласился, что «было вполне справедливо поручить отвезти этотъ памятникъ французскаго дипломатическаго торжества Мишелю, выказавшему столько разъ свой горячій патриотизмъ». Но Дэонъ ошибся, называя работу свою и своего товарища торжествомъ французской дипломатіи, и очень хорошо сдѣлалъ, что не поѣхалъ въ Парижъ. Людовикъ XV пришелъ въ ярость отъ тайной статьи трактата и въ письмѣ къ Терсье называетъ иронически ее «прекрасною бумагой, подписать которую

имѣлъ глупость Дугласъ». Онъ ратификовалъ весь трактатъ, кромѣ этой статьи, и въ такомъ видѣ Мишель отвезъ его обратно въ Петербургъ съ депешей Рулье, который осуждалъ поступокъ Дугласа и выражалъ все неудовольствіе короля. Но Штарнбергъ, котораго французскій министръ обвинялъ въ подстрекательствѣ Эстергази къ прямому обману Дугласа увѣреніемъ, что французское правительство согласно на тайную статью, уладилъ все дѣло, посоветовавъ Людовику написать русской императрицѣ собственноручное письмо. Король такъ и сдѣлалъ и въ очень любезномъ письмѣ просилъ Елисавету оказать ему дружбу и помочь выйти изъ затруднительнаго положенія, въ которое его поставило недоразумѣніе. Это письмо подѣйствовало на Елисавету, которая издавна питала слабость къ Людовику XV, и она согласилась вычеркнуть изъ трактата злополучную тайную статью¹⁾. Если вѣрить Дэону, то онъ еще болѣе письма Людовика повліялъ своимъ краснорѣчіемъ на подобный результатъ. Онъ увѣряетъ, что выдержалъ гнѣвный споръ съ Бестужевымъ въ присутствіи императрицы и фаворита Шувалова, при чемъ его аргументы нанесли поражение канцлеру, не хотѣвшему ратификовать трактата безъ тайной статьи, и убѣдили Елисавету сдѣлать уступку.

Какъ бы то ни было, франко-русскій союзъ былъ ратификованъ, и съ этой ратификаціей Дэонъ поѣхалъ въ Парижъ. Кромѣ трактата, составлявшаго въ новой его формѣ дѣйствительную побѣду французской дипломатіи, хотя одержанную самимъ королемъ и Штарнбергомъ, а не представителями Франціи въ Петербургѣ, Дэонъ везъ еще порученіе Воронцова къ принцу Конти. Въ дѣлѣ, результатъ котораго было это порученіе, Дэонъ дѣйствительно принялъ живое участіе. Конти черезъ Терсье и съ согласія короля поручилъ Дугласу хлопотать у императрицы о назначеніи его герцогомъ курляндскимъ и главнокомандующимъ русской арміей, которая должна была принять участіе въ Семилѣтней войнѣ

Получивъ предписаніе Терсье дѣйствовать какъ можно осторожнѣе во всемъ, что касается принца Конти, и желая снять съ себя тяжелую отвѣтственность, Дугласъ всецѣло поручилъ это дѣло Дэону. Послѣдній взялся за него съ большой энергіей и съ помощью Воронцова, который очень благоволилъ къ нему, добился удовлетворительнаго результата. Передъ отъѣздомъ своимъ въ Парижъ Воронцовъ объявилъ ему, что Елисавета согласна сдѣлать принца Конти курляндскимъ герцогомъ и главнокомандующимъ русскою арміей, если только Людовикъ XV это одобритъ. Поэтому Дэону было поручено повидать Конти въ Парижѣ и сообщить о согласіи императрицы. Еще онъ везъ съ собою письма Елисаветы къ Маріи-Терезіи и Людовику XV, а также русскій планъ воен-

¹⁾ La guerre de sept ans, par Richard Waddington, p. 121—123.

ныхъ дѣйствій и 50.000 золотыхъ, которые ему вручилъ Шуваловъ для передачи отъ имени Елисаветы Вольтеру съ порученіемъ написать исторію Петра Великаго. Наконецъ, ему на словахъ было поручено Елисаветой увѣрить вѣнскій и версальскій дворы въ томъ, что субсидный трактатъ съ Великобританіей не имѣлъ никакого значенія, а 80.000 русскихъ солдатъ, стоящихъ въ Лифляндіи и Курляндіи, будутъ впредь дѣйствовать совмѣстно съ арміями Франціи и Австріи.

По всей вѣроятности, Дэонъ, кромѣ денегъ, отвезъ Вольтеру и копии нѣкоторыхъ историческихъ документовъ, списанныхъ имъ въ Петербургѣ, какъ матеріалъ для исторіи Петра Великаго; по крайней мѣрѣ, Вицетелли увѣряетъ, что въ архивѣ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ и въ тоннерской библіотекѣ находятся слѣды этихъ документовъ. Нѣкоторые изъ нихъ, по видимому, были представлены Людовику XV и его министрамъ. По словамъ самого Дэона въ послѣдующую эпоху, когда онъ постоянно препирался съ французскими министрами, въ числѣ этихъ бумагъ находилось изложеніе проектовъ Петра Великаго о преобладаніи Россіи въ Европѣ, на которые никто не обратилъ вниманія при ихъ представленіи Дэономъ въ 1757 году. Дэонъ горько жаловался, двадцать лѣтъ спустя, на равнодушіе, оказанное версальскими министрами къ обнаруженному имъ плану Петра Великаго, приведенному затѣмъ отчасти въ исполненіе раздѣломъ Польши, при чемъ указывалъ, что отъ этого произошли роковыя послѣдствія для интересовъ Франціи. Дѣйствительно, въ инструкціи, данной барону Бретелю при назначеніи его посланникомъ въ Россію въ 1760 году, встрѣчается какъ бы намекъ на этотъ планъ Петра Великаго, именно въ словахъ: «уже давно петербургскій дворъ имѣетъ опредѣленный политическій планъ, отъ котораго онъ не удаляется, но который приводитъ въ исполненіе по мѣрѣ возможности»¹⁾. Но, конечно, отъ этого еще далеко до пресловутаго завѣщанія Петра Великаго, которое, по мнѣнію любителей легендъ, впервые найдено Дэономъ въ петергофскомъ дворцѣ, и копія котораго, сохранившаяся въ его бумагахъ, обнародована только въ пресловутой брошюрѣ, напечатанной по приказанію Наполеона передъ походомъ 1812 года подъ заглавіемъ: «Развитіе русскаго могущества отъ его возникновенія до начала XIX столѣтія».

Какъ всѣ легенды о Дэонѣ обязаны главнымъ образомъ своимъ происхожденіемъ Гальярдѣ, такъ и мифъ о находкѣ имъ завѣщанія Петра Великаго пущенъ въ ходъ означеннымъ фантастичнымъ писателемъ. Но онъ не удовольствовался тѣмъ, что привелъ этотъ документъ подъ названіемъ «Планъ о преобладаніи Рос-

¹⁾ Recueil des instructions. Russie. Tome II, page 132.

сиа въ Европѣ ¹⁾), оставленный Петромъ Великимъ его наслѣдникамъ и находящійся въ архивахъ Петергофскаго дворца» въ двухъ изданіяхъ своей книги, романическомъ и псевдо-историческомъ, а еще напечаталъ объ этомъ статью въ «Figaro» 16 октября 1876 г. Эта статья своимъ серіознымъ будто бы документальнымъ характеромъ привела въ сомнѣніе многихъ, между прочимъ англійскаго публициста Дальгузи Росса, который въ статьѣ, помѣщенной въ «Gentlemen's magazine», говоритъ, что Гальярдэ, повидимому, опровергъ существовавшее до тѣхъ поръ предположеніе, что этотъ документъ поддѣланъ по приказанію Наполеона. Даже Вицетелли называетъ эту теорію странною, но «не вполне невозможной», и приводитъ въ приложеніи къ своей книгѣ подробное изложеніе статьи Росса. Но, повидимому, ни тому ни другому не извѣстно, что Шницлеръ ²⁾), Берхгольцъ и анонимный авторъ брошюры «Авторы завѣщанія Петра Великаго» ³⁾ уже давно, по мѣткому выраженію Рамбо, доказали апокрифическій характеръ этого завѣщанія, его фабрикацію Лезюромъ по приказанію Наполеона и неправильную подтасовку этого документа съ цѣлью приписать его находку въ измѣненномъ видѣ Дэону въ какихъ-то никогда не существовавшихъ политическихъ архивахъ Петергофскаго дворца. Съ наибольшою подробностью и основательностью этотъ вопросъ изложенъ въ брошюрѣ Берхгольца, и, конечно, означенный эпизодъ пора уже предать забвенію вмѣстѣ со всѣми другими легендами о Дэонѣ.

Чтобы совершенно покончить съ легендарнымъ элементомъ дѣятельности Дэона въ Россіи, скажемъ два слова еще объ одной темной сторонѣ его перваго пребыванія въ Петербургѣ. Въ депешѣ Дугласа къ Рулье, говорящей о прибытіи Дэона въ Петербургъ, и отрывокъ изъ которой уже приведенъ, имѣются неясныя и вполне не объясненныя до сихъ поръ слова: «Послѣ долгихъ размышленій Воронцевъ полагаетъ, что лучше не исполнить прежняго намѣренія насчетъ Дэона (le premier plan de sa destination) по особымъ причинамъ, извѣстнымъ императрицѣ и о которыхъ я буду имѣть честь говорить впослѣдствіи подробно, такъ что, я надѣюсь, вы оправдаете мои дѣйствія». Любители легендъ селятся видѣть въ этихъ словахъ намекъ на переодѣваніе Дэона, но мы уже доказали всю бессмысленность мифа, относительно пребыванія Дэона въ женскомъ платьѣ въ Петербургѣ въ 1755 году, а прибѣгать къ такой маскарадной уловкѣ въ 1756 году, когда Дэонъ открыто былъ секретаремъ повѣреннаго въ дѣлахъ, Дугласа, даже не было никакого основанія. Поэтому за невозможностью фактически по-

¹⁾ «Gentleman's magazine», vol. CCXI, № 1754.

²⁾ La mission de l'empereur Alexandre II et le général Rostoftsof, par M. Schnitzler. Paris. 1860.

³⁾ Les auteurs du testament de Pierre le Grand. Paris. 1872.

яснить смутный намекъ Дугласа, такъ какъ обѣщанной имъ депеши съ подробнымъ истолкованіемъ этого намека нигдѣ не напечатано, приходится прибѣгнуть къ однимъ, болѣе или менѣе правдоподобнымъ, предположеніямъ о первоначальномъ предназначеніи Дэона въ Россіи. Такихъ предположеній два: въ мемуарахъ г-жи Кампанъ говорится, что Дэонъ былъ чтецомъ у императрицы Елисаветы, а въ мемуарахъ Башомона рассказывается, что Дэона послали въ первый разъ въ Петербургъ въ качествѣ фехтовальнаго учителя къ великому князю Петру съ цѣлью вкрасться въ довѣріе наслѣдника престола и подготовить возстановленіе дипломатическихъ сношеній между Франціей и Россіей.

Хотя то и другое извѣстіе совершенно неосновательно, и нѣтъ никакихъ доказательствъ, подтверждающихъ, чтобы Дэонъ былъ чтецомъ императрицы, или фехтовальнымъ учителемъ великаго князя, но Вицетелли полагаетъ, что дѣйствительно могъ существовать планъ о назначеніи Дэона чтецомъ къ императрицѣ, что могло бы ему дать возможность сдѣлаться полезнымъ своему правительству шпиономъ. Эта гипотеза кажется ему тѣмъ болѣе правдоподобною, что самъ Дугласъ явился къ Воронцову въ качествѣ бібліотекаря, а отъ бібліотекаря до чтеца только одинъ шагъ. Съ другой стороны Берхгольцъ склоняется въ пользу того, что первоначально французское правительство хотѣло представить Дэона великому князю въ качествѣ фехтовальнаго учителя, но отказалось отъ этого намѣренія, когда было удостовѣрено, по наведеннымъ справкамъ, что наслѣдникъ престола самый ярый приверженецъ Англіи и Пруссіи, а слѣдовательно врагъ Франціи, а потому черезъ него нельзя было вести никакихъ французскихъ интригъ. Какъ бы то ни было, но какой-то таинственный планъ насчетъ дѣятельности Дэона въ Россіи первоначально существовалъ во французскомъ министерствѣ, или у принца Конти, но затѣмъ по выяснившимся политическимъ обстоятельствамъ оставленъ безъ исполненія. Самъ Дэонъ въ письмѣ къ герцогу Пралену отъ 3 іюня 1763 года, которое напечатано въ книгѣ Тельфера, упоминаетъ объ этомъ обстоятельствѣ, но также въ очень смутныхъ выраженіяхъ. Именно онъ говоритъ, что французское правительство имѣло намѣреніе воспользоваться его услугами въ Россіи въ 1756 году «непріятнымъ для него образомъ, но потомъ въ виду политическихъ обстоятельствъ отъ этого отказалось». Подъ непріятнымъ порученіемъ, конечно, Дэонъ могъ разумѣть назначеніе его шпиономъ въ качествѣ чтеца, или учителя фехтованія, а тѣмъ болѣе подпольная дѣятельность могла ему казаться унизительною въ іюнѣ 1763 года, когда онъ былъ въ апогеѣ своей славы и находился французскимъ министромъ-резидентомъ въ Лондонѣ, послѣ блестящей жизни въ Петербургѣ, гдѣ онъ пользовался милостями императрицы, дружбой Воронцова и успѣхомъ въ свѣтскомъ обществѣ.

Дѣйствительно, уѣзжая изъ Петербурга послѣ годичнаго тамъ

пребыванія, Дэонъ могъ быть совершенно доволенъ. Онъ исполнилъ свои обязанности къ общему удовольствію, и если Дугласъ писалъ Рулье, что онъ заслужилъ уваженіе даже враждебнаго Франціи Бестужева, то это было совершенно справедливо, такъ какъ секретарь послѣдняго, Волковъ, передалъ ему для врученія Бехтѣеву въ Парижѣ депешу отъ канцлера, который признавалъ въ ней ревность, выказанную Дэономъ въ дѣлѣ заключенія русско-французскаго трактата. Что касается Воронцова, то онъ выказывалъ къ молодому дипломату самыя дружескія чувства, а свѣтское общество Петербурга относилось къ нему очень сочувственно. Онъ былъ популяренъ въ мужскихъ кружкахъ, такъ какъ охотно шилъ, остроумно разговаривалъ и ловко фехтовалъ; среди женщинъ онъ возбуждалъ симпатичное любопытство своею граціозною, женственною наружностью и необыкновенно нравственною жизнью, что было рѣдкостью при распущенномъ дворѣ Елисаветы. Сама императрица, повидимому, не обращала на него особаго вниманія и только за нѣсколько дней до его отъѣзда спросила у Воронцова, когда отправляется секретарь Дугласа. Затѣмъ она приказала, чтобы ему выдали отъ ея имени триста дукатовъ на дорогу, что Бестужевъ лично исполнилъ самымъ учтивымъ, любезнымъ образомъ. Этотъ подарокъ былъ особенно дорогъ Дэону, который въ то время былъ богатъ однѣми надеждами, а потому онъ отзывается о немъ въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ въ своемъ письмѣ изъ Риги.

«Сидя въ экипажѣ, — писалъ онъ, — я предавался пріятнымъ мечтамъ и говорилъ самъ себѣ: съ тѣхъ поръ, какъ я на свѣтѣ, я всегда жилъ на свой счетъ и никогда не получалъ денегъ ни отъ министровъ, ни отъ вельможъ. Какъ лестно мнѣ имѣть теперь возможность написать въ своемъ завѣщаніи: моя философія заставляла меня избѣгать тѣ случаи, когда можно было добыть денегъ, но мой добрый геній доставилъ мнѣ возможность познакомиться и полюбить кавалера Дугласа, который меня перенесъ въ новый міръ, гдѣ я забылъ старый, и гдѣ по своей должности я получилъ съ благодарностью подарокъ отъ русской императрицы. Я смотрю на настоящую эпоху, какъ на лучшую въ моей жизни, и если меня заставляютъ жениться, то я передамъ моему потомству память о ней. Но одно слово «потомство» пугаетъ меня и нарушаетъ мои философскія мечты, такъ какъ я слишкомъ презираю жизнь, чтобы даровать ее другому. Конечно, въ моей литературной карьерѣ я найду тысячу случаевъ воспѣть добродѣтели, величіе и великодушіе ея величества, а мои похвалы, какъ основанныя не на личномъ интересѣ, будутъ справедливы и заслужать довѣріе у потомства» ¹⁾.

¹⁾ Louis XV et Elisabeth de Russie, par A. Vandal, p. 304.

Въ виду войны Франціи и Австріи съ Пруссіей Дэонъ долженъ былъ отправиться въ Парижъ не прямымъ путемъ черезъ Берлинъ, а черезъ Польшу, Вѣну и Страсбургъ. По дорогѣ онъ встрѣтилъ медленно пробравшагося въ Петербургъ прѣстарѣлаго аристократа, маркиза Л'Опиталья, назначеннаго туда посланникомъ, такъ какъ русскій посланникъ въ Парижѣ, графъ Михайлъ Бестужевъ-Рюминъ, братъ канцлера, уже прибылъ къ своему назначенію. Конечно, юный дипломатъ сообщилъ, какъ Л'Опиталю, такъ и его многочисленной, блестящей свитѣ много интереснаго о той невѣдомой странѣ, куда они направлялись. Вѣну засталъ Дэонъ въ самомъ мрачномъ, отчаянномъ настроеніи, такъ какъ только что была получена вѣсть о пораженіи австрійской арміи подъ Прагой. Остальное свое путешествіе юный секретарь посольства совершилъ съ неизмовѣрною быстротой, благодаря чему его экипажъ былъ опрокинутъ не далеко отъ Страсбурга, и онъ сломалъ себѣ ногу. Несмотря на это, онъ продолжалъ свой путь и 10 іюня прибылъ въ Версаль. Тамъ его приняли самымъ радушнымъ образомъ. Военный министръ, маршалъ Бель-Иль, написалъ ему любезное письмо, въ которомъ освѣдомлялся о его здоровьѣ и въ концѣ прибавилъ: «Вы, конечно, не забыли, что я любилъ вашего отца». Самъ король послалъ больному придворнаго доктора и золотую табакерку съ его портретомъ, пожаловалъ его въ поручики драгунскаго полка и наградилъ значительною суммой денегъ изъ собственной шкатулки.

Насколько имя Дэона тогда было извѣстно въ Европѣ, доказываетъ слѣдующимъ извѣстіемъ, напечатаннымъ въ «Утрехтской газетѣ» въ № XLII, 1757 года: «Изъ Петербурга отправленъ по важнымъ дѣламъ въ Вѣну и Версаль Эонъ де-Бомонъ, который помогалъ полномочному министру Франціи въ Россіи, Дугласу во время веденія имъ переговоровъ съ этимъ дворомъ. Императрица удостоила этого секретаря пожалованіемъ пятисотъ дукатовъ, которые ему вручилъ при самомъ его отъѣздѣ великій канцлеръ графъ Бестужевъ»¹⁾.

III.

Оправившись отъ своего несчастнаго случая, Дэонъ рѣшился прежде всего исполнить порученіе, данное ему императрицей къ принцу Конти, но для этого ему надо было добиться разрѣшенія короля. Съ этою цѣлью онъ отправился къ Терсье, но тамъ узналъ, что во время его отсутствія отношенія между Конти и королемъ совершенно измѣнились. При началѣ Семилѣтней войны Конти

¹⁾ Napoleon I, auteur du testament de Pierre le Grand, par Berkholtz, page 41.

просиль, чтобы его назначили главнокомандующимъ рейнской арміи, но въ этомъ ему было отказано, благодаря проискамъ маркизы Помпадуръ, которая ненавидѣла Конти за то, что онъ одинъ изъ всѣхъ принцевъ крови не хотѣлъ преклониться передъ гордою фавориткой. Главнокомандующимъ назначили ея креатуру, принца Субиза, и Конти такъ обидѣлся, что пересталъ бывать при дворѣ. Сначала Людовикъ не обращалъ на это вниманія и говорилъ: «Я полагаю, что имѣю право назначать кого хочу, и если принцъ дуется, то это его дѣло». Но потомъ онъ приказалъ отобрать у Конти тайную переписку съ Россіей и велѣлъ Терсье никогда больше не говорить съ нимъ о Конти. Такимъ образомъ Дэонъ попалъ въ очень неловкую минуту, и когда Терсье доложилъ объ этомъ, то король отвѣчалъ съ замѣтнымъ неудовольствіемъ: «Если Дэонъ имѣетъ порученіе отъ Воронцова къ принцу Конти, то ему надо повидаться съ принцемъ, но пусть онъ вамъ сообщитъ точный отвѣтъ принца». Въ этомъ письмѣ Людовика XV, приведенномъ въ книгѣ Бутарика и провѣренномъ Эрнестомъ Вицетелли по хранящемуся въ парижскомъ національномъ архивѣ подлиннику, впервые фамилія Дэона написана д'Эонъ. Почему Людовикъ прибавилъ къ фамиліи молодого дипломата аристократическое де, неизвѣстно, но съ тѣхъ поръ министры Терсье и другія официальные лица стали, подражая королю, писать д'Эонъ. Конечно, мы будемъ попрежнему называть Шарля Дэона его родою фамиліей.

Получивъ королевское разрѣшеніе, Дэонъ отправился къ Конти и передалъ ему свое порученіе. Затѣмъ между Конти и королемъ возникли безконечные переговоры чрезъ Терсье насчетъ предложенія русской императрицы. Конечно, Конти желалъ воспользоваться этимъ предложеніемъ, но маркиза Помпадуръ всячески противодѣйствовала ему, и король постоянно откладывалъ разрѣшеніе этого вопроса. Наконецъ, онъ написалъ Терсье: «Когда я нравственно увѣрюсь, что русская императрица дѣйствительно намѣрена назначить принца Конти главнокомандующимъ русской арміей и дать ему Курляндію, то я не откажу въ своемъ разрѣшеніи, но до тѣхъ поръ я не намѣренъ ничего предпринять по этому вопросу, изъ боязни сдѣлать фальшивый шагъ и причинить болѣе вреда, чѣмъ пользы». Такимъ образомъ Конти былъ обязанъ вручить Дэону письмо къ Воронцову въ самыхъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, чѣмъ Людовикъ остался доволенъ и написалъ Терсье: «отъ этого письма нечего убавить, но къ нему нечего и прибавить».

Между тѣмъ въ Парижѣ была получена просьба маркиза Л'Опиталя, уже достигшаго Петербурга, о присылкѣ ему Дэона, въ качествѣ перваго секретаря, такъ какъ за отъѣздомъ Дугласа во французскомъ посольствѣ не было никого, кто бы зналъ русскія дѣла. Новый министръ иностранныхъ дѣлъ, аббатъ Берни,

ставленникъ маркизы Помпадуръ, поддержалъ это назначеніе, и король на него согласился. Такимъ образомъ молодой дипломатъ получалъ значительное повышеніе по службѣ, но этого было мало, и ему поручили вести тайную переписку съ королемъ, помимо Л'Опиталья, который объ этомъ ничего не зналъ. До тѣхъ поръ эту переписку велъ Дугласъ, и Дэонъ былъ тѣмъ охотнѣе выбранъ въ его преемники, что онъ уже зналъ о тайной перепискѣ, помогая въ ней Дугласу. «Я согласенъ, чтобы Дэонъ получилъ шифръ,— писалъ Людовикъ Терсье,— но онъ не долженъ никому говорить объ этой высокой тайнѣ». Означенный шифръ былъ вложенъ въ двойной переплетъ книги Монтескье «Духъ законовъ», и съ тѣхъ поръ въ этомъ тайномъ хранилищѣ онъ держалъ секретную переписку между королемъ и Терсье съ одной стороны, а Елисаветой и Воронцовымъ—съ другой.

Съ драгоценною книжкой и письмомъ Конти Дэонъ снова отправился въ Петербургъ, но въ Страсбургѣ онъ получилъ приказаніе отъ Конти подождать новыхъ депешъ. Пять дней промедлилъ Дэонъ и наконецъ получилъ письмо, въ которомъ Конти извѣщалъ, что надѣется уговорить короля согласиться на его немедленное назначеніе главнокомандующимъ русскою арміей, а потому Дэонъ получить въ Петербургѣ отъ него второе письмо съ окончательнымъ отвѣтомъ. Для бѣльшей осторожности этотъ отвѣтъ будетъ изложенъ въ иносказательной формѣ. Если въ письмѣ будетъ сказано: «дѣйствуйте согласно инструкціямъ», то онъ долженъ былъ не передавать Воронцову письмо Конти, а прямо объявить, что принцъ по разрѣшенію короля согласенъ на оба предложенія императрицы. Если же напротивъ въ письмѣ будетъ сказано: «ничего не дѣлайте», то это означало, что король не далъ своего согласія, и слѣдовало прекратить всякіе переговоры по этому вопросу. Конечно, достигнувъ Петербурга, Дэонъ прежде всего справился, не было ли для него какого нибудь письма, но такового не оказалось, и оно никогда не пришло. Потомъ выяснилось, что Конти не могъ побороть равнодушія Людовика XV и ожесточенной вражды маркизы Помпадуръ, а вышелъ наконецъ изъ терпѣнія и отказался отъ веденія тайной переписки короля, которая нѣсколько времени оставалась въ рукахъ Терсье, а потомъ перешла въ руки графа Брولي.

Новый начальникъ Дэона, маркизъ Л'Опиталь, старый, легкомысленный, развратный, праздный аристократъ, очень обрадовался прїѣзду Дэона и взвалилъ на него всю работу. Самъ же онъ только пользовался разнообразными удовольствіями придворной жизни, и даже его депеши бѣльшею частью писались Дэономъ, что, однако, не дѣлаетъ ему чести, такъ какъ онѣ отличаются очень поверхностнымъ и далеко не основательнымъ тономъ. Если Л'Опиталь такъ довѣрчиво относился къ своему молодому помощнику, то онъ ру-

ководствовался не только личнымъ къ нему сочувствіемъ, которое Дэонъ сумѣлъ возбудить въ немъ еще при встрѣчѣ ихъ на дорогѣ, когда первый ѣхалъ въ Петербургъ, а послѣдній въ Парижъ, но и письмомъ аббата Берни, въ которомъ говорилось: «Я посылаю вамъ, любезный посланникъ, нашего милаго, маленькаго Дэона, которымъ, я надѣюсь, вы будете очень довольны. Вся его будущность находится въ его рукахъ и въ вашихъ».

Такимъ образомъ молодому секретарю приходилось играть роль посланника и въ очень критическую минуту. Хотя послѣ заключенія союза съ Австріей и Франціей англійскій посланникъ Вильямсъ рѣшилъ, что ему нечего болѣе дѣлать въ Петербургѣ и покинулъ свой постъ, но его замѣнилъ не менѣе ловкій, но болѣе сдержанный преемникъ, Робертъ Кэтъ. Борьба между французскимъ и англійскимъ вліяніемъ поэтому продолжалась, и попрежнему за французовъ стояли императрица, Воронцовъ и Шуваловъ со своими родственниками, а за англичанъ Бестужевъ и малый дворъ, т. е. Екатерина и Петръ. Эта борьба была тѣмъ ожесточеннѣе, что главными факторами были съ одной стороны частые болѣзненные припадки императрицы, а съ другой—война съ Пруссіей. Когда императрицѣ было худо, то англійскія акціи поднимались, а съ выздоровленіемъ Елисаветы поднимали голову Л'Опиталь и Дэонъ. Наконецъ счастье имъ повезло, и главный ихъ противникъ Бестужевъ подвергся опалѣ, а великимъ канцлеромъ сдѣлался вмѣсто него ихъ другъ, графъ Воронцовъ.

Франція торжествовала, и Л'Опиталь игралъ первую роль въ Петербургѣ, а Дэонъ тайно руководилъ имъ и велъ теперь на свободѣ безъ всякой боязни Бестужева секретную переписку между императрицей и Людовикомъ XV, благодаря вывезенному имъ изъ Парижа въ книгѣ Монтескье шифру. Императрица и король сами не писали другъ другу, а первая диктовала Воронцову, или его секретарю Олсуфьеву, все, что хотѣла сообщить своему любезному брату, а любезный братъ сообщалъ свой отвѣтъ Терсье. Посредствующимъ же между ними звеномъ былъ Дэонъ. Но при этомъ нельзя не замѣтить, что какъ ни хорошо была сохранена тайна этой переписки, но она была отчасти извѣстна тѣмъ, отъ которыхъ всего нужнѣе было ее скрыть, именно Англии, платившей, по словамъ Кэта, секретарю Воронцова, Олсуфьеву, постоянную пенсію за выдачу государственныхъ тайнъ. Впрочемъ, эта секретная переписка не заключала въ себѣ ничего важнаго и велась болѣе для забавы Людовика XV. Боясь компрометировать себя и старалась узнать тайны другихъ, не выдавая своихъ, Людовикъ не говорилъ въ этихъ шифрованныхъ частныхъ письмахъ о серьезныхъ политическихъ вопросахъ, и то же дѣлала Елисавета. Такимъ образомъ переписка между ними отличалась совершенно буржуазною интимностью. Такъ Елисавета жаловалась своему любезному

брату на ея болѣзнь, и Людовикъ прислалъ ей въ Петербургъ своего придворнаго доктора Пуасонье. Нѣкоторыя ея желанія, однако, не исполнялись. Напримѣръ, она просила прислать ей въ Петербургъ первыхъ артистовъ театра французской комедіи Лекёна и Клэронъ, но получила отказъ на томъ основаніи, что «хотя эти артисты были королевскіе, но вмѣстѣ и національные, а потому лишать Парижъ его первыхъ артистовъ было невозможно». Точно также король отказалъ въ просьбѣ Елисаветѣ о займѣ 5 милліоновъ, по причинѣ разстройства французскихъ финансовъ, и въ высказанномъ ею желаніи, чтобы онъ вмѣстѣ съ нею крестилъ сына Екатерины, Павла, подъ предлогомъ, что онъ, какъ католикъ, не можетъ крестить православнаго ребенка. Этотъ религіозный мотивъ отказа, который оскорбилъ Елисавету, болѣе чѣмъ страненъ, со стороны такого циничнаго и развратнаго человѣка, какъ Людовикъ XV.

Мало-помалу Дэонъ не только сталъ вполне руководить французскимъ посольствомъ, но вкрался въ такое довѣріе къ императрицѣ и канцлеру, что ему предложили перейти на русскую службу. Но онъ рѣшительно, хотя въ любезныхъ выраженіяхъ, отказался отъ лестнаго предложенія, говоря, что никогда не будетъ служить никому, кромѣ французскаго короля. Въ секретномъ же письмѣ къ Терсье онъ высказался въ болѣе грубой формѣ: «Съ тѣхъ поръ, какъ я въ Россіи,— писалъ онъ,— я поставилъ себѣ за правило всегда стоять спиною къ Сибири и ни за что не покину службу Франціи, ради какихъ бы то ни было императоровъ или императрицъ. Я предпочту жить изо дня въ день во Франціи, чѣмъ получать сто тысячъ ливровъ и находиться постоянно въ страхѣ, и подъ игомъ». Конечно, выраженіе этихъ чувствъ понравилось въ Версалѣ, и Берни отвѣчалъ: «Маркизь Л'Опиталь увѣдомить васъ, что вашъ отказъ отъ поступленія на русскую службу одобренъ, и вашъ мотивъ къ подобному отказу найденъ правильнымъ. Продолжайте служить его величеству съ тѣмъ же рвеніемъ, какъ до сихъ поръ, и я всегда съ особымъ удовольствіемъ буду обращать милостивое вниманіе короля на ваши заслуги, труды и способности».

Въ концѣ 1758 года, въ французскомъ дипломатическомъ мірѣ произошла большая перемѣна, и благоволившіе къ Дэону Берни и Терсье лишились своихъ официальныхъ должностей, при чемъ первый былъ замѣненъ герцогомъ Шуазелемъ. Но хотя Терсье и былъ удаленъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ, такъ какъ Шуазель подозрѣвалъ существованіе тайной дипломатіи, которую велъ Терсье, и король не могъ этому помѣшать, однако онъ сохранилъ въ рукахъ Терсье секретныя сношенія съ сѣверными государствами. Такимъ образомъ, болѣе чѣмъ когда разнились тайная и явная французская политика. Шуазель открыто предписывалъ

Л'Опиталю подстрекать Елисавету явиться въ качествѣ посредника для заключенія общаго мира, а самъ Людовикъ тайно выражалъ Дэону свое желаніе, чтобы русское посредничество не состоялось изъ боязни чрезмѣрнаго усиленія Россіи. Молодому секретарю было не трудно убѣдить стараго посланника, слѣбно ему повиновавшагося, въ необходимости дѣйствовать самостоятельно въ интересахъ короля, не обращая вниманія на его министровъ. Шуазель положительно не понималъ страннаго поведенія Л'Опиталю, упорно не исполнявшаго его приказаній, и не желая его смѣнить, такъ какъ Людовикъ и Елисавета были очень довольны представительнымъ старикомъ, онъ придумалъ ловкую комбинацію. Л'Опиталь останется на своемъ мѣстѣ, а ему пошлютъ въ помощники блестящаго, красиваго двадцати-семи-лѣтняго, барона Бретеля, котораго французскій министръ даже прочилъ въ фавориты Екатеринѣ.

Узнавъ объ этомъ планѣ, Дэонъ понялъ, что его царство кончится, и, не желая довольствоваться ролью простаго секретаря, просилъ отозвать его во Францію, подъ предлогомъ болѣзни глазъ. Но его отъѣздъ изъ Петербурга противорѣчилъ тайной дипломатіи Людовика XV, и Брولي, теперь завѣдывавшій ею вмѣстѣ съ Терсье, съ своей стороны, повелъ контрминистру противъ Шуазеля. Догадавшись, что Бретеля хотятъ сдѣлать орудіемъ официальной политики подъ маской Л'Опиталю и освободить послѣдняго отъ вліянія Дэона, они побудили Людовика XV принять Бретеля въ число тайныхъ дипломатическихъ агентовъ и дать ему въ помощники все того же ловкаго и опытнаго Дэона. Съ этою цѣлью была написана Бретелю секретная инструкція, въ которой король указывалъ на услуги Дэона, удержавшаго своими благоразумными совѣтами Л'Опиталю отъ исполненія политики Шуазеля, и совѣтовалъ пользоваться его содѣйствіемъ, какъ по тайной перепискѣ, такъ и для знакомства со всѣми получаемыми и отправляемыми Л'Опиталемъ депешами. Мало того, самъ король написалъ Дэону секретное письмо, которое такъ характеристично выясняетъ тайную политику Людовика и такъ ярко отгѣняетъ двойную дипломатическую дѣятельность Дэона въ Петербургѣ, что мы приведемъ его цѣликомъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно напечатано въ книгѣ Бутарика и въ исторіи дипломатіи Флассана ¹⁾.

«Господинъ Дэонъ, по особымъ причинамъ, а также по моему довѣрію къ ревности и талантамъ барона Бретеля, моего уполномоченнаго министра при русской императрицѣ, побудили меня сообщить ему ту переписку, которую я велъ съ Россіей безъ вѣдома моего министра иностранныхъ дѣлъ и посланника. Онъ также знаетъ, что вы были посвящены въ эту тайну съ цѣлью содѣйствовать этой перепискѣ и сообщать мнѣ прямо то, что

¹⁾ Histoire de la diplomatie, par Flassan, vol. 6, p. 190.

вы считали нужнымъ довести до моего свѣдѣнія. Точность, съ которою вы исполняли свои обязанности, насколько это возможно въ виду вашего положенія и отдаленности того мѣста, гдѣ вы находитесь,—убѣждаетъ меня, что вы представите новыя доказательства вашего усердія во время пребыванія барона Бретеля при петербургскомъ дворѣ. Я увѣдомилъ его о моемъ намѣреніи оставить васъ при немъ въ качествѣ секретаря, исключительно для этой тайной переписки. Вы будете получать по три тысячи ливровъ жалованья отъ министра иностранныхъ дѣлъ, и я вамъ прибавлю, начиная съ этого года, еще двѣсти дукатовъ, въ доказательство того, что я доволенъ вашими прежними услугами и рассчитываю на ихъ продолженіе. Вы дадите барону Бретелю всѣ свѣдѣнія, собранныя вами относительно характера русской императрицы, ея министровъ и всѣхъ служащихъ ея правительству, при чемъ вы будете одинаково избѣгать пристрастія и предвзятыхъ взглядовъ. Вы прибавите къ этому ваши мнѣнія о веденіи настоящей войны и о томъ, что могло бы увеличить ея успѣхъ или смѣшать ей. Все это вы изложите въ запискѣ, которую отдадите ему и шифрованную копию съ которой пришлете мнѣ, при первой оказіи. Наконецъ, вы доведете до его свѣдѣнія обо всемъ, касающемся прошедшаго или будущаго, что можетъ быть полезно моимъ интересамъ. Вы, однако, прежде чѣмъ сообщать ему все это, пождите, чтобы онъ передалъ вамъ свои тайныя инструкціи. Вы снимите копию и скажите ему свое мнѣніе относительно лучшаго и успѣшнѣйшаго способа ихъ привести въ исполненіе. Этими инструкціями вы должны руководствоваться относительно всего, что вы ему скажете о прошедшемъ и будущемъ. То довѣріе, которое я оказываю барону Бретелю, подтверждаетъ мое убѣжденіе, что онъ исполнитъ мои приказанія съ усердіемъ и замѣчательною способностью. Однако, несмотря на всю искренность его добрыхъ намѣреній, въ которыхъ я вовсе не сомнѣваюсь, онъ можетъ иногда ошибаться въ выборѣ средствъ для осуществленія цѣли моихъ тайныхъ инструкцій, а потому вы въ подобныхъ случаяхъ изложите ему съ должнымъ уваженіемъ свой взглядъ».

«Рукою короля: Одобрено. 7 марта 1760».

Въ виду всего этого, Дзонъ долженъ былъ остаться въ Петербургѣ. Въ апрѣлѣ 1760 года прибылъ туда баронъ Бретель въ качествѣ уполномоченнаго министра съ цѣлью содѣйствія маркизу Л'Опиталю, который остался чрезвычайнымъ посломъ. Сначала эти три представителя двойной французской политики, официальной и тайной, дѣйствовали дружно и успѣшно, хотя съ первыхъ дней оказалось, что Бретель, привезя съ собой въ Россію молодую жену, вовсе не намѣренъ былъ исполнить хитраго плана Шуазеля. Но лѣтомъ Дзонъ серьезно занемогъ, и докторъ Пуасонъ посовѣтовалъ

ему немедленно вернуться на родину. Л'Опиталь и Бретель неохотно его отпустили, а императрица, которой онъ откланялся въ Петергофѣ, подарила ему на память табакерку съ ея брилльянтовымъ шифромъ. Хотя и больному, но ему было поручено отвезти въ Парижъ ратификацію новаго союзнаго франко-русскаго трактата, заключеннаго въ декабрѣ 1758 года. Конечно, маркизъ Л'Опиталь выставилъ въ своей депешѣ герцогу Шуазелю всѣ оказанныя Франціи услуги Дэономъ, который, по его словамъ, немало содѣйствовалъ возстановленію союза между обѣими странами.

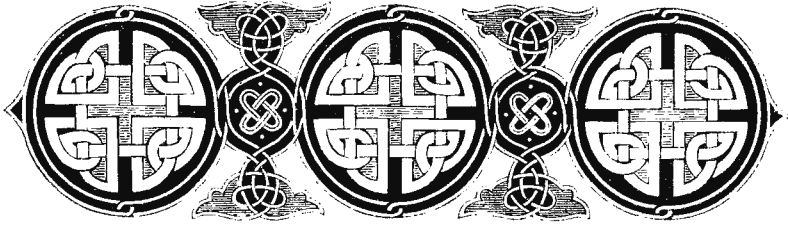
Такимъ образомъ, въ августѣ 1760 года Дэонъ окончательно и навсегда повернулъ свою спину къ Сибири.

Закончимъ этотъ, набросанный бѣглыми чертами абрисъ первой и для насъ самой интересной фазы жизни Дэона отзывами о немъ двухъ близко знавшихъ его въ Россіи лицъ. Великій канцлеръ, графъ А. Бестужевъ-Рюминъ, узнавъ о возвращеніи въ Петербургъ Дэона въ 1757 году, сказалъ Л'Опиталю: «этотъ молодой человекъ опасный субъектъ, и я увижу его снова съ неудовольствіемъ, такъ какъ онъ способенъ возмутить всю имперію». Напротивъ, другой великій канцлеръ, графъ Воронцовъ, писалъ Дэону въ 1763 году, когда онъ былъ назначенъ полномочнымъ министромъ въ Англію: «Князь Одоевскій передалъ мнѣ письмо, которое вы изволили мнѣ написать; я увидѣлъ въ немъ съ удовольствіемъ доказательство вашей памяти и привязанности, на которыя, признаюсь, я всегда рассчитывалъ. Примите, милостивый государь, мои поздравленія по случаю того, что ваше министерство, какъ мнѣ извѣстно, отдавало и отдаетъ въ различныхъ случаяхъ справедливость вашимъ талантамъ, въ чемъ я также искренно участвовалъ, а теперь остаюсь вашимъ преданнымъ слугою».

В. Тимирязевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПЯТИСОТЛѢТІЕ КРАКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

(Посвящается С. Н. Шубинскому).

КРАСНОЕ лѣтнее раннее утро 23-го мая 1900 года я встрѣтилъ въ вагонѣ почтоваго поѣзда Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги, который несъ меня «на всѣхъ парахъ» къ австрійской границѣ, въ направленіи Кракова. Поля, черезъ которыя летитъ поѣздъ, залиты солнцемъ. Небо безоблачно. Вокругъ ни малѣйшаго вѣтерка. Вообще день обѣщаетъ быть очень жаркимъ. То и дѣло мелькаютъ станціи, а около нихъ цѣлыя фабричныя города: вотъ Прушковъ, Руда-Гузовская,—въ окрестностяхъ которой родился Шопенъ,—съ грандіозною Жирардовскою мануфактурою, Скерневицы, гдѣ 3-го сентября 1884 года происходило свиданіе трехъ императоровъ, и рѣшались судьбы Европы. Передъ станцію Колюшки въ поѣздѣ замѣтно увеличивается еврейскій элементъ. Это въ большинствѣ случаевъ лодзинскіе промышленники, бывшіе «по дѣламъ» въ окрестныхъ городахъ и теперь ѣдущіе обратно въ польскій Манчестеръ, куда, какъ извѣстно, ведетъ отъ Колюшекъ особый подъѣздной путь. Въ 10 часу поѣздъ подошелъ къ Петрокову (Piotrkow). Городъ хорошо видно изъ оконъ вагона, и нельзя сказать, чтобы наружною своею онъ производилъ особенно благопріятное впечатлѣніе, даже въ лѣтнюю пору, на фонѣ обильной зелени. Послѣ непродолжительной остановки движемся далѣе. Теперь уже на нашемъ пути фабрики и заводы попадаютъ чаще, и наружный видъ ихъ еще грандіознѣе. Дымъ и копотъ,

если можно такъ выразиться, стоять въ воздухѣ. Показывается Ченстохово. Вдали бѣлѣтъ, освѣщаемая лучами полуденнаго солнца, высокая колокольня знаменитаго монастыря. Сидяще въ купѣ можно крестятся. Встрѣчается «рабочій поѣздъ» съ богомольцами, возвращающимися изъ Ченстохова съ «отпуста». Женщины-крестьянки преобладаютъ.

Panno pokorna, łagodna sicha,
Daj niech pokojem kraj nasz oddycha,
Niech się niezgoda w nas nie rozwija,
Poroń nas od wojny. Zdrowaś Marya...¹⁾—

долетаетъ до нашего слуха гармоническое пѣніе паломниковъ, невольно заставляя вдуматься въ глубокой смыслъ прошенія, обращеннаго къ усердной Заступницѣ рода христіанскаго. Благія—тысячу разъ благія—пожеланія! Пожеланія обязательныя для каждаго, кто бы онъ ни былъ, если онъ только желаетъ добра краю. Вѣдь гдѣ, по народному присловію, «тишь и гладь», тамъ «и Божья благодать». Поѣздъ уже давно снова несется впередъ, а монастырская колокольня все еще передъ нашими глазами, и долго еще мы ее видимъ господствующею надъ окрестностью. Близится граница. Мы все глубже и глубже втягиваемся въ горнозаводскій районъ. Послѣ станціи Замбковице попадаютъ на встрѣчу поѣзда, состояще изъ одиѣхъ лишь платформъ, нагруженныхъ каменнымъ углемъ. Всѣ они тянутся къ Варшавѣ, этому въ своемъ родѣ ненасытному Молоху. На станціяхъ постоянно видите рослыхъ, загорѣлыхъ, сплошь покрытыхъ каменноугольною пылью, штейгеровъ изъ ближайшихъ рудниковъ. Растительность здѣсь такая же чахлая и такъ же, какъ и люди, покрыта густою черною пылью. Въ третьемъ часу нашъ поѣздъ останавливается передъ Границкимъ дебаркадеромъ. Вещей у пассажировъ не осматриваютъ, и всѣ формальности ограничиваются лишь предъявленіемъ паспортовъ жандармскимъ чинамъ. Поэтому и той суматохи и кутерьмы, которая ожидаетъ бѣдныхъ путешественниковъ при ихъ возвращеніи изъ-за границы, когда стая разныхъ таможенныхъ чиновъ, съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, набрасывается на ваши вещи, розыскивая «контрабанду», — здѣсь на этотъ разъ не было. Мы только прождали около получаса австрійскаго поѣзда. Вагоны въ Австріи на второразрядныхъ желѣзнодорожныхъ линіяхъ меньше нашихъ, въ большинствѣ случаевъ старой системы, и потому устроены далеко не комфортабельно. Поѣздная прислуга уже отъ самой границы—австрійская. Черезъ какихъ нибудь 10 минутъ поѣздъ переѣзжаетъ черезъ рѣку Бѣлую Пржемшу, и вотъ уже

¹⁾ О кроткая, смиренная и покорная Дѣва, ниспосли, чтобы страна наша пребывала въ мирѣ, чтобы несогласія среди насъ не распространялись; избавь насъ отъ войны; радуйся, Марія!

мы въ предѣлахъ Австріи. Еще пятнадцать минутъ, и первая австрійская станція—таможня Щаково. Пассажиры забираютъ свои пожитки и несутъ въ ревизіонный таможенный залъ. Австрійскіе таможенные чиновники—люди довольно деликатные: вещей вашихъ не перерываютъ, ограничиваясь только вопросомъ относительно табаку, папиросъ, картъ и календарей (послѣдніе безусловно не пропускаются въ Австрію). Защитники нашихъ отечественныхъ таможенныхъ порядковъ быть можетъ, возразятъ на это, что, дескать, Австрія можетъ быть спокойна въ отношеніи ввоза въ ея предѣлы контрабанды изъ Россіи, такъ какъ въ промышленномъ отношеніи она оставила послѣднюю далеко за собою. Положимъ, это такъ, но почему же Германія, которая во многихъ отношеніяхъ имѣетъ основаніе бояться конкуренціи съ Австріей, не мучитъ туристовъ, переѣзжающихъ ея границу изъ Австріи, «розысками» и «обысками». Я переѣзжалъ австро-германскую границу въ Боденбахѣ, направляясь изъ Праги-чешской въ Дрезденъ, и весь осмотръ моего багажа ограничился запросомъ, вошедшаго въ купе, саксонскаго таможеннаго чиновника: нѣтъ ли у меня предметовъ (онъ перечислилъ какихъ), подлежащихъ въ Германіи оплатѣ пошлиною. Отъ Щакова до Кракова не болѣе двухъ съ половиною часовъ ѣзды, считая въ томъ числѣ и довольно продолжительную остановку въ Тржебинѣ, гдѣ часть вагоновъ нашего поѣзда отцѣпили и присоединили къ поѣзду, отходившему въ Вѣну. Отъ самой нашей границы начинаются пески. Природа—бѣдная. Мѣстность—низменная. За Щаковомъ она мало-помалу переходитъ въ гористую, а послѣ Тржебиня уже дѣлается даже очень красивою. Пески исчезаютъ. Показываются высокія горы, покрытыя густымъ лѣсомъ, поэтическія долины, словомъ, пейзажъ мѣняется и мѣняется къ лучшему. Вонъ, направо, вдали, на крутой горѣ—развалины Тенчинскаго замка... А вонъ, дальше, на скалѣ, надъ обрывомъ грандіозный крестъ отчетливо вырисовывается на безоблачномъ небѣ. На томъ мѣстѣ нѣкогда стоялъ монастырь бенедиктиновъ... Но вотъ и Краковъ... «Краковъ!!»—провозглашаютъ въ одинъ голосъ мои товарищи по вагону—болѣзненнаго вида ксѣндзъ, ѣдущій на воды, и цвѣтущій молодой человѣкъ, возвращающійся на родину—отбывать воинскую повинность, и бросаются къ окнамъ. Волненіе, которое вдругъ охватило ихъ при видѣ этого «польскаго Рима», «польской Москвы», «польской Мекки»—назовите, какъ хотите—для каждаго, мнѣ кажется, должно быть понятно. Вотъ—городъ, съ именемъ котораго связано столько славнаго и великаго въ польской исторіи, городъ, полный воспоминаній объ этомъ славномъ, городъ, гдѣ чуть не каждая пядь земли говоритъ такъ много уму и сердцу поляка. А надо знать, что поляки большіе патріоты и превосходно знаютъ исторію. Политическія несчастія заставили ихъ погрузиться въ изученіе своего прошлаго и полюбить свою

родину. Вдохновенный пѣвецъ ея печалей дошелъ даже до созданія особаго культа—Польши, искупительницы человѣчества...

Открывается понемногу панорама города. Вотъ, направо, вдаль «Копецъ Костюшки»—высокій холмъ, насыпанный жителями Кракова въ память своего народнаго героя ¹⁾). Немного лѣвѣе его, въ котловинѣ, образуемой холмами, среди зелени, раскинулся Краковъ. Яркіе лучи, клонящагося къ западу, солнца заливаютъ городъ, и только съ большимъ усиленіемъ можно разсмотрѣть нѣкоторыя изъ наиболѣе крупныхъ зданій.

— Вонъ, прямо,—указываетъ рукою молодой человѣкъ,—тѣ двѣ башни, одна пониже другой, костѣль Богоматери, называемый Маріацкимъ.

— А тамъ дальше,—продолжаетъ онъ,—высокая башня, это ратуша...

— А это, сюда поближе, бѣлый костѣль съ двумя башнями—костѣль на Скалкѣ (на Skalce), въ которомъ, знаете, гробы за служенныхъ...

У самага полотна дороги мелькаютъ опрятныя, каменные зданія казармъ... Поѣздъ дѣлаетъ поворотъ и останавливается подъ крышею дебаркадера... Краковъ... На перронѣ масса народу: одни встрѣчаютъ, другіе провожаютъ своихъ родныхъ или знакомыхъ. Немало, конечно, было и любопытныхъ, пришедшихъ поглазѣть на подѣзжавшихъ со всѣхъ концовъ міра гостей на юбилей мѣстнаго университета. Воспользовавшись любезнымъ, чисто польскимъ, гостепріимствомъ своихъ добрыхъ знакомыхъ, я получилъ полную возможность и присутствовать при всѣхъ моментахъ юбилейнаго торжества и ознакомиться съ Краковомъ и его историческими памятниками въ мельчайшихъ подробностяхъ.

Празднованіе 500-лѣтняго юбилея Краковскаго университета началось на слѣдующій день вечернимъ раутомъ въ Сукенницахъ, устроеннымъ городскимъ управленіемъ, съ цѣлью дать возможность пріѣзжимъ гостямъ познакомиться другъ съ другомъ.

Подъ именемъ Сукенницъ извѣстно довольно обширное, каменное зданіе оригинальной архитектуры посреди площади, называемой «Краковскимъ рынкомъ». Строилось оно, можно сказать, вѣками. Въ тысяча двѣсти пятьдесятъ седьмомъ году, Болеславъ Стыдливый построилъ на этомъ мѣстѣ деревянныя лавки для продажи сукна (самегае руппогит). Казимиръ Великій пристроилъ къ нимъ помѣщеніе для ворсовки сукна (рарпирасорія, по-польски *postrzygalnie*). При Владиславѣ-Ягеллѣ зодчіе Мартинъ Линдонтольде и

¹⁾ На вершинѣ «Копца» поставленъ памятникъ—камень подъ желѣзною сѣнью, съ надписью «Kościuszce». Съ «Копца» отгрывается прелестный видъ на Краковъ и далѣе—въ ясную погоду видны Ойцовъ и Татры. Въ стратегическомъ отношеніи «Копецъ Костюшки» играетъ роль форта.

Jasoldus соединили оба эти зданія вмѣстѣ, придавъ имъ готическій стиль и приподнявъ нѣсколько стѣны существующаго нынѣ средняго пассажа. Во второй половинѣ XVI столѣтія итальянцы Панграцци и Джіовани - Марія Падовано передѣляли своды въ пассажѣ, а придворный архитекторъ І. Франкенштейнъ пристроилъ со стороны Братской улицы и отъ улицы св. Яна крыльца въ стилѣ renaissance, съ лѣстницами, ведущими во второй этажъ зданія. Гораздо позднѣе достроены павильоны—«Syndykówka» со стороны Славковской улицы и «Langerówka»—со стороны Шевской улицы. Въ началѣ XIX столѣтія Сукенницы пришли въ упадокъ, и немалыхъ трудовъ стоило президентамъ Кракова Дитлю († 1878 г.) и Зыбликевичу († 1887 г.) возстановить ихъ. Тотъ видъ, въ какомъ мы находимъ Сукенницы въ настоящее время, имъ приданъ въ 1879 году архитекторомъ Т. Прилинскимъ, который сумѣлъ примѣнить современныя требованія строительнаго искусства безъ всякаго ущерба для памятника древности, такъ что измѣненія и добавленія, допущенныя имъ, не только не нарушили архитектуры историческаго зданія, но еще придали ему болѣе красоты и изящества. Любопытны нѣкоторыя архитектурныя детали. Напримѣръ—капители нѣкоторыхъ столбовъ внѣшней средней части зданія, образующей сквозной проходъ, работы Гадомскаго и Липинскаго, исполненныя по рисункамъ Матейки и изображающія на одной сторонѣ головки женщинъ, а на другой мужчинъ, въ уборахъ XVI, XVII и XVIII столѣтія. Въ общемъ Сукенницы представляютъ собою продолговатое зданіе. Средину его внизу занимаетъ пассажъ. Здѣсь на ларяхъ производится мелочной торгъ разными товарами. Пассажъ освѣщается окнами и газовыми жирандолями. Стѣны его украшены гербами областей и городовъ, нѣкогда составлявшихъ собственность польскаго государства, а также мѣстными цеховыми эмблемами. Въ прежнее время здѣсь устраивались вечера и балы въ нѣкоторыхъ случаяхъ (напримѣръ, для приѣма князя Іосифа Понятовскаго въ 1809 году). Во второмъ этажѣ, въ обширныхъ и высокихъ залахъ, помѣщаются національный музей (Muzeum narodowe) и постоянная выставка общества друзей изящныхъ искусствъ (towarzystwo przyjaciół sztuk pięknych).

Вотъ, въ этихъ-то именно залахъ, украшенныхъ высокохудожественными произведеніями Матейки («Битва подъ Рацлавицами», «Грюнвальденскій бой», «Hołd pruski»), Семирадскаго и другихъ мастеровъ кисти, убранныхъ растеніями и залитыхъ тысячами огней, и состоялся рауть 24-го мая (ст. ст.). Гостей встрѣчали президентъ города Кракова г. Фридлейнъ съ супругою вице-президента. Стеченіе публики, хотя и избранной, было настолько велико, что въ огромныхъ залахъ можно было двигаться только съ великимъ трудомъ. Здѣсь находились: представители аристократіи и власти гражданской, военной и духовной (князь Евстаѳій Сангушко, быв-

шій намѣстникъ Галиціи съ супругою, урожденною графинею Замойскою, графъ К. Нигра—итальянскій посоль при вѣнскомъ дворѣ, графъ Пининскій, теперешній галиційскій намѣстникъ, графъ Бадени, маршалъ Галиціи, министры Билинскій и Дунаевскій, генераль Альбори—комендантъ Кракова, прелать Ходковскій и другіе), науки, искусства и литературы (Генрикъ Сенкевичъ съ миловидною дочкою, члены академіи, профессора университета и иностранные делегаты). Раутъ окончился около полуночи ужиномъ—à la fourchette, накрытымъ въ залахъ художественной выставки.

Ночь была замѣчательно теплая, и мы съ удовольствіемъ погуляли по площади, вокругъ великолѣбно иллюминированныхъ Суkenницъ. Это—историческая площадь. Вонъ, налѣво домъ, второй отъ угла Флоріанской улицы, гдѣ жилъ Костюшко, прямо наискось, на углу Сѣнной улицы, домъ, который Казимиръ Великій подарилъ Эстеркѣ, увлеченный красивою еврейкою. Тутъ же, неподалеку, старое зданіе со сводами и гербами—это домъ знатнаго краковскаго мѣщанина въ XIV столѣтіи — Николая Вержинка, въ которомъ послѣдній не разъ угощалъ императоровъ и королей... Одинъ изъ такихъ пріемовъ обезсмертилъ Матейко своею кистью («Пиръ у Вержинка»)¹⁾. На углу улицы св. Анны дворецъ графовъ Потоцкихъ или, по мѣстному прозвищу, «подъ баранами»—XV столѣтія, извѣстный пребываніемъ въ немъ саксонскаго короля Фридерика-Августа, дальше—дворцы Водзицкихъ (уголъ Шевской улицы), князей Любомирскихъ и др. Многія изъ этихъ зданій прежде имѣли по 5—6 этажей. На той же площади находятся два памятника: монументъ Мицкевичу и плита въ память Костюшки. Памятникъ Мицкевичу, произведеніе Владислава Ригера, стоитъ между Суkenницами и Сѣнною улицею. Поэтъ представленъ во весь ростъ, съ открытою головою, задрапированнымъ въ плащъ, съ книгою въ правой рукѣ. По бокамъ пьедестала группы, изображающія: народъ (женщина держитъ скрижаль съ надписью: «онъ любилъ народъ», у ногъ ея орелъ), поэзію, патриотизмъ и просвѣщеніе (фигура наиболѣе слабая). На пьедесталѣ, спереди, надпись:

Adamowi
Mickiewiczowi
naród.

Плита въ память Костюшки помѣщена въ мостовой наискосокъ Шевской улицы. Плита каменная, съ надписью:

¹⁾ Желаящихъ ближе познакомиться съ личностью Николая Вержинка отсылаемъ къ II тому Szkie'овъ historyczny'хъ Шайнохи и къ сочиненію Татомира «Mieszczanie krakowski z XIV w.» (Lwów, 1861).

Na tem miejscu
Tadeusz
Kościuszko
przysięgał
narodowi
w dniu 24 marca
1794 z.

Тутъ же неподалеку, сбоку Сукенницъ, возвышастся готическая башня бывшей ратуши, съ орнаментами XIV—XV вѣковъ. Существующій на ней куполь въ стилѣ барокко—произведение XVIII столѣтія. Теперь здѣсь вверху городская химическая лабораторія, а внизу, въ пристройкѣ (1880 г.),—гауптвахта.

Черезъ дорогу—очень маленькій костелъ св. Войцеха, сооруженіе XVII столѣтія на мѣстѣ существовавшаго здѣсь съ незапамятныхъ временъ храма, слѣды котораго, хотя въ незначительной степени, впрочемъ, сохранились (часть стѣны изъ тесаннаго камня, окошечко въ романскомъ стилѣ). На углу площади и Николаевской улицы (ul. Mikołajska) возвышается грандіозный Маріацкій костелъ. Замѣчательны двѣ его башни, изъ которыхъ наиболѣе высокая (turris exsudarium) имѣетъ 81 метръ высоты ¹⁾. Ея высота породила поговорку: «высокъ, какъ Маріацкая колокольня» ²⁾. Существуетъ легенда, будто башни Маріацкаго костела строили два брата, и младшій выстроилъ болѣе высокую, чѣмъ старшій. Послѣдній изъ зависти зарѣзалъ брата. Въ память этого, до сихъ поръ, въ аркѣ средняго прохода Сукенницъ, со стороны костела, направо, виситъ на цѣпи длинный ножъ. Исторически извѣстно, что теперешній Маріацкій костелъ воздвигнуть въ XIV ст., что алтарную его часть (presbyterium) построилъ на свои средства извѣстный Николай Вержинекъ, а навъ (основная часть зданія) сооружены на пожертвованія разныхъ лицъ. Едва ли надо говорить, что за свое многовѣковое существованіе Маріацкій костелъ претерпѣлъ немало разныхъ перестроекъ и передѣлокъ. Послѣдній ремонтъ его, при чемъ восстановлены, уничтоженныя раньше, архитектурныя его детали,—произведенъ 10 лѣтъ тому назадъ. Къ этому времени, между прочимъ, относится роспись костельныхъ стѣнъ (арабески) по рисункамъ Яна Матейки, украшеніе двухъ изъ пяти гигантскихъ оконъ presbyterium'а живописью ³⁾. Въ настоящее время Маріацкій костелъ является однимъ изъ величественныхъ и совершеннѣйшихъ образцовъ польской церковной

¹⁾ Почти столько же, сколько Notre Dame въ Парижѣ.

²⁾ «Wyżoki jak Maryaska wieża».

³⁾ На одномъ изъ оконъ апофеозъ Ченстоховской Божіей Матери—пожертвованіе гр. А. Потоцкаго, а на другомъ апофеозъ Остробрамской Божіей Матери—даръ И. Милевскаго.

готической архитектуры. Въ костелѣ 32 алтаря, украшенные мраморомъ, серебромъ, высокою цѣнності образами—кисти Долябелли, Стаховича, Луки Орловскаго, Смугловича, Яна-Суэса изъ Кульмбаха, драгоценнымъ деревомъ и тканями. Главный алтарь—деревянный, рѣзной, работы славнаго Вита Ствоша. Это—огромный триптикъ, въ средней части котораго представлено Успеніе Богоматери, а въ боковыхъ—разные моменты изъ земной жизни Спасителя. Произведеніе Ствоша относится къ 1477—1490 гг., т. е. къ тому времени, когда о Рафаэлѣ, Микель-Анджело и Дюрерѣ не было еще и слышно, а между тѣмъ твореніе польскаго рѣзчика соединяетъ въ себѣ высокія качества этихъ мастеровъ и вслѣдствіе того приобретаетъ еще большую цѣнность. Костелъ изобилуетъ великолѣпными памятниками ¹⁾ и обладаетъ богатѣйшею ризницею. Здѣсь кстати будетъ сказать еще объ одной особенноти Маріацкаго костела, о гейналахъ (hejnaly), или пѣсняхъ, исполняемыхъ на башнѣ костела каждый часъ, на духовыхъ инструментахъ. Гейналы несомнѣнно продуктъ среднихъ вѣковъ. Названіе свое они получили, какъ надо полагать, отъ первыхъ словъ: «hej pam hej», которыми начинается большая часть польскихъ народныхъ «колендъ». Въ мотивахъ маріацкихъ гейналовъ, несмотря на всю ихъ простоту, есть однако что-то таинственное, поэтическое, что до извѣстной степени, конечно, объясняется и мастерскимъ ихъ исполненіемъ.

Въ четвергъ 25 мая, согласно, составленному ранѣе, церемониалу, въ Маріацкомъ костелѣ было отправлено торжественное богослуженіе. Къ 7^{1/2} час. утра приглашенныя къ участию въ торжествѣ университета лица собрались передъ его новымъ зданіемъ ²⁾. Отсюда собравшіеся двинулись, въ 8 час., въ строгомъ порядкѣ, группами къ Маріацкому костелу. Шествіе открывали представители иностранныхъ и иногородныхъ университетовъ и ученыхъ

¹⁾ Фамилій Монтеллуни, Целлари, Соломоновъ, Бонеровъ, Леополиты, Христофора Кохановскаго, Церазина, Мартина Лѣснівольскаго, Яна Матейки (работы К. Годенскаго) и др. На вѣшной стѣнѣ костела помѣщенъ въ 1883 году, по случаю двухсотъ-лѣтняго юбилея освобожденія Яномъ Собѣскимъ отъ турокъ Вѣны, бронзовый барельефъ работы Е. Веліонскаго, изображающій Собѣскаго подъ Вѣною.

²⁾ Новое зданіе университета, или такъ называемый Collegium novum, построено въ 1883—1887 гг. Феликсомъ Ксенжарскимъ, въ готическомъ стилѣ, позади зданія стараго университета и библиотеки Ягеллонской, на Plan t'achъ.

Здѣсь кстати будетъ сказать два слова о Plan t'achъ, или Plan tascja'хъ, прѣвосходныхъ садахъ, разбитыхъ, по мысли Флоріана Страшевскаго, на мѣстѣ бывшихъ укрѣпленій Кракова, изъ которыхъ остались двѣ-три башни и въ томъ числѣ Флоріанскія ворота. Краковъ вообще можетъ гордиться общественными садами. Кромѣ Plan tasc'ий, въ городѣ есть сады: «стрѣлецкій», ботаническій, «краковскій» и д-ра Юрдана (предназначенный для дѣтскихъ игръ), о которомъ скажемъ подробнѣе ниже.

учрежденій. Многіе изъ нихъ были въ оригинальныхъ средневѣковыхъ тогахъ и беретахъ. Особенное вниманіе обращали на себя: г. Л. Пелисье, делегатъ университета въ Монпелье (Франція), красавецъ мужчина въ желтой тогѣ и такой же шапочкѣ, Р. Морфиль—представитель университета въ Оксфордѣ (Англія), почтенный старецъ съ длинною сѣдою бородою, въ ярко-красной мантии, и г. Фухсъ, ректоръ Берлинскаго университета, въ малиновой мантии, верхъ которой расшитъ золотомъ, а также венгерскіе делегаты въ своихъ національныхъ одеждахъ. За ними слѣдовали почетные доктора и президентъ города Кракова съ городскимъ совѣтомъ. Далѣе шель, въ предшествіи педелей со скипетрами въ рукахъ, ректоръ Ягеллонскаго университета (*rector magnificus*), графъ Станиславъ Тарновскій, въ тогѣ цвѣта *bordeau*, съ горностаевымъ воротникомъ, съ золотою цѣпью на шеѣ, окруженный университетскимъ сенатомъ и профессорами—тоже въ тогахъ. По обѣ стороны ректора и «университета» шествовали городскіе цехи, съ развѣвающимися хоругвями. Ректора сопровождали двое старшинъ цеха мясниковъ, со своими эмблемами—длинными ножами, обвитыми цвѣтами—древняя привилегія краковскихъ мясниковъ. Одинъ изъ старшинъ того жѣ цеха несъ впереди объемистую книгу «цеховыхъ привилеевъ» ¹⁾. Студенты замыкали шествіе. Улицы, по которымъ оно слѣдовало,—*Planty*, св. Анны и рынокъ убраны флагами и гирляндами цвѣтовъ. На рынкѣ цѣлый рядъ мачтъ съ флагами, соединенныхъ между собою гирляндами и украшенныхъ гербами города Кракова, университета и основателей послѣдняго. На панеляхъ—шпалерами воспитанники гимназій и школъ, со своими оркестрами, а за ними толпы народа. Балконы, окна, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и крыши домовъ заняты публикою. Не столько простое любопытство, сколько давно уже установившаяся связь между обществомъ и университетомъ привлекла ее сюда. Сознаніемъ важности и значенія торжества проникнуты даже эти малыши-школьники, стоящіе на тротуарахъ. Сейчасъ видно, что здѣсь еще вѣрятъ въ науку и воспитываютъ въ этой вѣрѣ подрастающее поколѣніе... Порядокъ всюду образцовый, хотя не видно ни полицейскихъ, которые бы выравнивали публику, ни конныхъ жандармовъ, которые бы ее расталкивали крупами своихъ лошадей Тишина, среди которой двигается грандіозная процессія, нарушается тушами ученическихъ оркестровъ да гейналами, отъ времени до времени несущимися съ вершины Маріацкой башни. Въ 9 час. процессія достигла костела. Богослуженіе совершалъ епископъ краковскій, кн. Пузына. Пѣлъ студенческій хоръ, артисти-

¹⁾ Въ числѣ привилеевъ этого цеха есть одинъ, относящійся ко временамъ Владислава Ягеллы, въ силу котораго ни одинъ еврей не можетъ принадлежать къ цеху мясниковъ города Кракова.

чески исполнившій объдню Бортоломея Пенкеля 1661 года. По окончаніи богослуженія было прочитано папское breve, на имя графа Станислава Тарновскаго, заключавшее въ себѣ, во-первыхъ, благодарность Льва XIII ректору и университетскому сенату за принесенное ими выраженіе чувствъ преданности и почтенія и, во-вторыхъ, его апостольское имъ благословеніе.

Изъ Маріадскаго костела процессія двинулась въ прежнемъ порядкѣ и по тѣмъ же улицамъ, направляясь въ костелъ св. Анны, гдѣ предстояло главное торжество—актъ юбилейный. На рынкѣ къ нашей процессіи примкнула другая, состоявшая изъ мѣстныхъ жителей. Противъ Шевской улицы шествіе остановилось. Здѣсь возвышалась небольшая трибуна, которую заняла часть присутствовавшихъ. Остальные размѣстились вокругъ нея. Подъ звуки музыки началось шествіе горожанъ и крестьянъ. Тутъ были крестьяне и крестьянки въ своихъ народныхъ костюмахъ, пѣшіе и верхами, ученики городскихъ и сельскихъ школъ, ветераны, горцы, представители евреевъ. Всѣ они, проходя мимо трибуны, низко кланялись въ сторону ректора. Послѣдній отвѣчалъ тоже поклонами, снимая свой беретъ. Затѣмъ былъ прочитанъ адресъ горожанъ Ягеллонскому университету. Послѣ этого первая процессія, подъ звуки музыки, потянулась къ костелу св. Анны, а вторая, увеличиваясь все болѣе и болѣе въ своемъ объемѣ, направилась на Вавель.

Костелъ св. Анны всегда считался костеломъ университетскимъ. Зданіе его, въ которомъ происходилъ актъ, построено въ началѣ XVIII ст., на средства университета и на пожертвованія его воспитанника Яна Собѣскаго. Оно не велико, но изящно. Ко дню юбилея его богато разукрасили внутри гобеленами и коврами, взятыми изъ костельныхъ ризницъ, музеевъ и дворцовъ частныхъ лицъ. Закрыли ими совершенно алтари, построили трибуны, и такимъ образомъ получился великолѣпный залъ. На возвышеніи, тамъ, гдѣ главный алтарь, возсѣлъ ректоръ съ сенатомъ, сзади—профессора Краковскаго и Львовскаго университетовъ, напротивъ, направо и налево духовные, военные и гражданскіе сановники, иностранные делегаты и приглашенные гости.

Хоръ студентовъ исполнилъ гимнъ св. Войцеха «Boga Rodzico».

Ученое собраніе открылъ рѣчью ректоръ университета, гр. Станиславъ Тарновскій. Началъ онъ по-польски, а кончилъ по-латыни. Ораторъ подчеркнул, что за пять вѣковъ своего существованія Краковскій университетъ никогда, ни на минуту не измѣнилъ «ни Богу и Его церкви, ни отчизнѣ, ни своей собственной чести». Обращаясь къ его исторіи, гр. Тарновскій указалъ, что время славы университета совпало со временемъ славы цѣлаго государства. «Черезъ 10 лѣтъ послѣ вторичнаго открытія этой школы—несравненная, незабвенная побѣда... въ головѣ кружится отъ столькихъ по-

хвалѣ. Одинъ король погибаетъ геройскою смертію въ защитѣ креста отъ полумѣсяца, другой—своими сыновьями обсаживаетъ со-сѣдніе троны. Никакого насилія, никакого принужденія, никакого пролитія крови... И все растетъ, цвѣтетъ, бьетъ ключемъ въ школѣ, въ городѣ, въ государствѣ. Длugoшъ пишетъ исторію, Коперникъ учится на нашихъ лавкахъ, Ствошъ вырѣзываетъ свой алтарь, школа полна учениками, городъ богачами, промышленниками, счастливыми, страна храбрыми и отважными, по монастырямъ молятся пять блаженныхъ (*blogosławionych*), а тутъ, у насъ, въ этой самой школѣ Янъ Кантіи (*Cantius*) ¹⁾ готовится своею благочестивою жизнію къ воспріятію вѣчной славы святыхъ и избранныхъ».

O święć się wieku—воскликаетъ ораторъ—
 święć się wieku złoty,
 Tym smutnym, którzy stracili tak wiele,
 A których jeszcze rocznica tęsknoty
 Pełna, w pozgonne ubiera wesele ²⁾.

«Было время, когда Краковскій университетъ, какъ наиболѣе придвинутый къ восточной Европѣ, оставался единственнымъ источникомъ, гдѣ соединялись лучи свѣта, идущіе отъ востока и съ запада, единственнымъ каналомъ, путемъ коего достигало знаніе отъ счастливыхъ и прежде посвященныхъ къ юнымъ и къ наукѣ еще неопытнымъ. Но вотъ такихъ источниковъ свѣта стало все больше и больше. Тѣмъ не менѣе не измѣнилась ни сущность, ни сознаніе нашего призванія и обязанности». Въ заключеніе графъ Тарновскій указалъ собранію на постоянное милостивое отношеніе къ университету императора Франца-Иосифа, «монарха, который своимъ великимъ сердцемъ угадываетъ нужды, уважаетъ права, понимаетъ чувства разныхъ народовъ, его скипетру подвластныхъ», монарха, который столько сдѣлалъ добра для университета, сколько со времени первыхъ его основателей никто ему не сдѣлалъ. Поэтому онъ, ректоръ, провозглашаетъ: «Franciscus Iosephus, Augustissimus Imperator vivat!» Всѣ присутствовавшіе встали и трижды прокричали *vivat*, а музыка сыграла народный гимнъ.

Послѣ графа Тарновскаго сказалъ превосходную рѣчь, по-латыни, министръ народнаго просвѣщенія, г. Гартель, закончивъ ее возгласомъ: «*vivat, floreat, crescat alma mater Iagellonica!*»

Затѣмъ послѣдовало принесеніе делегатами иностранныхъ университетовъ поздравленій и врученіе адресовъ и подарковъ. Секре-

¹⁾ Янъ Кантіи, род. въ 1397 г. Съ 1413 по 1417 г. учился въ краковской академіи, получилъ послѣдовательно степени магистра и доктора богословія. Преподавалъ богословіе въ той же академіи; принялъ духовный санъ; путешествовалъ въ Іерусалимъ и въ Римъ; скончался въ 1473 г. Погребенъ въ костелѣ св. Анны. Канонизованъ въ 1767 году.

²⁾ Будь благословенъ и процвѣтай, золотой вѣкъ, для тѣхъ опечаленныхъ, которые утратили такъ много, но которые (тѣмъ не менѣе) въ годовщину, полную грусти, облакаются въ брачныя одежды.

тарь университета читаль по-латыни, въ алфавитномъ порядкѣ, названіе страны и университета. Тогда на эстраду, гдѣ возсѣдалъ ректоръ, выходили подлежащіе делегаты. Начали съ Америки. Говорили; отъ имени университетовъ въ Бальтиморѣ, Буффало и Чикаго профессоръ Даніэль Гильманъ, президентъ «университета Гопкинса» въ Бальтиморѣ, отъ имени университетовъ англійскихъ (Кембриджъ, Оксфордъ, Лондонъ) и шотландскихъ (Эдинбургъ и Глазговъ), проф. Монрое (Кембриджъ) и Фергусонъ (Эдинбургъ), отъ университета въ Монпелье (Франція) — проф. г. Пелисье, отъ нѣмецкихъ (Берлинъ, Гейдельбергъ, Мюнхенъ, Бреславль) — проф. Сухау, отъ швейцарскихъ (Женева, Лозанна, Фрибургъ) — проф. Лясковскій, отъ итальянскихъ гр. Нигра и проф. Цибульскій. Появленіе на эстрадѣ русскихъ делегатовъ — проф. А. В. Прахова (университетъ С.-Петербургскій) и проф. г. С. Пржибытека (императорская военно-медицинская академія въ С.-Петербургѣ) было встрѣчено долго несмолкавшими аплодисментами. Адресы Петербургскаго университета и медицинской академіи были на латинскомъ языкѣ. Далѣе слѣдовали депутаціи: отъ университетовъ — Финляндія (Гельсингфорсъ — проф. Микколя), Швеціи, Норвегіи (Упсала, Лундъ, Христианія), Даніи (Копенгагенъ), Венгріи (Будапештъ, Колошваръ), австрійскихъ, нѣмецкихъ (Вѣна, Прага) и славянскихъ (Львовъ, Прага), отъ города Кракова (президентъ г. Фридлейнъ), отъ чешкой академіи наукъ (д-ра Ранда), отъ Львовскаго Ставропигійскаго института (маститый профессоръ И. И. Шараневичъ — по-русински), отъ общества имени Шевченки во Львовѣ (проф. Колесса), отъ бывшихъ профессоровъ и учениковъ Варшавской главной школы (Генрикъ Сенкевичъ, появленіе котораго на эстрадѣ вызвало грандіозную овацію: всѣ поднялись со своихъ мѣстъ, аплодировали, махали шляпами и платками и около пяти минутъ не давали ему слова сказать), отъ бывшихъ студентовъ Дерптскаго университета (баронъ Мантейфель, при чемъ поднесъ университету превосходную ректорскую цѣпь), отъ Вильны — подарокъ — артистически исполненный деканскій скипетръ, отъ учебныхъ обществъ Познани и Торна — ректорскій перстень прекрасной работы; отъ обществъ — врачей Вильны, Варшавы и Люблина, педагоговъ царства Польскаго, техниковъ городовъ Варшавы и Кракова, сельскихъ хозяевъ, любителей исторіи города Кракова, издателей медицинскихъ сочиненій, юридическо-экономическаго и нумизматическаго — слѣдовали адреса, которые публика встрѣчала громомъ аплодисментовъ.

Графъ Андрей Потоцкій благодарилъ университетъ отъ имени получившихъ въ немъ докторскую степень. Лоренцо Медичи, — припомнилъ, между прочимъ, ораторъ, — обновляя въ 1472 году университетъ въ Пизѣ, выразилъ желаніе, чтобы этотъ университетъ былъ не только разсадникомъ просвѣщенія, но и «solacium veteris

amissae libertatis». Ягелло не предполагалъ, что его созданію выпадетъ та же роль: «не могъ и предвидѣть несчастій, которыя насъ постигли, и ошибокъ, которыя мы натворили...». «Пускай же наша alma mater остается для насъ не только утѣхою, но, распространяя свѣтъ знанія, поддерживая неустанно священный Зничъ народнаго чувства, указываетъ намъ истинный путь, идя которымъ мы могли бы заслужить право на лучшее будущее».

Затѣмъ наступило врученіе дипломовъ honoris causa. Краковскій университетъ по случаю своего юбилея присудилъ почетный докторскій дипломъ 69 лицамъ, оказавшимъ несомнѣнныя заслуги наукѣ и обществу. Дипломы вручали деканы факультетовъ. Изъ русскихъ ученыхъ степень доктора получили: г. Б. Чичеринъ, бывший профессоръ Московскаго университета, и московскій городской голова кн. Голицынъ (доктора правъ), г. Н. Склифасовскій, бывший профессоръ Московскаго университета (доктора медицины), г. Никодимъ Кондаковъ, бывший профессоръ университета въ С.-Петербургѣ, и А. Н. Пыпинъ (оба степени докторовъ философіи). Провозглашеніе г. Г. Сенкевича докторомъ философіи вызвало шумную овацію по адресу знаменитаго писателя.

Но вотъ выступаетъ депутація студентовъ Ягеллонскаго университета, и слушатель философіи г. Викентій Сикора подноситъ юбилейный сборникъ трудовъ воспитанниковъ университета.

Въ заключеніе благодарилъ ректоръ по-латыни и по-польски за адреса и подарки. «Все это,—прибавилъ графъ Тарновскій,—будетъ напоминать этотъ день и ваше присутствіе, напоминать, что мы честно прожили пять вѣковъ, что такъ же мы станемъ жить и дальше».

Въ 2 часа актъ окончился, и гости поспѣшно стали расходиться.

Тѣмъ временемъ процессія горожанъ побывала на Вавелѣ и возложила вѣнки на гробницы основателей университета.

Краковскій Вавель — то же, что московскій Кремль, что пражскій Градчинъ. Иными словами—это національная Святая-Святыихъ. Расположенъ онъ на горѣ, господствующей надъ городомъ. Здѣсь находятся бывший королевскій замокъ и кафедральный костель. Исторія Вавеля тѣсно связана съ исторіею Кракова. А потому и его начало, какъ и начало Кракова, теряется въ глубинѣ вѣковъ. По преданію, записанному у Длугоша и Кромера, строителемъ первоначальнаго замка на Вавелѣ былъ Кракъ или Кракусъ, умертвившій на этомъ мѣстѣ дракона, который пожиралъ людей и животныхъ. Болѣе положительныя свѣдѣнія о Вавелѣ встрѣчаемъ, начиная съ X—XI вѣка, когда здѣсь былъ заложенъ костель¹⁾. Въ 1265 г.

¹⁾ По Длугошу (II, 95) въ 996 г., а по Богуфалу при Владиславѣ Германѣ (1081—1102 гг.).

Болеславъ Стыдливый застроилъ всю гору зданіями¹⁾, а между 1300 и 1305 гг. Вацлавъ, король чешскій и польскій, обвелъ ее стѣнами съ башнями²⁾. Но пожаръ 1306 года уничтожилъ все. Епископъ Нанкеръ отстроилъ костель между 1320—1350 годами. Казимиръ Великій (1335—1370 гг.) возстановилъ замокъ въ каменномъ видѣ³⁾. Владиславъ Ягелло надстроилъ (1393 г.) стѣны⁴⁾. Казимиръ Ягеллончикъ (1470 г.) увеличилъ число башенъ. Пожаръ 1500 года опустошилъ замокъ. Сигизмундъ I въ 1512 году началъ его возобновлять, и едва лишь были окончены работы, какъ пожаръ (1536 г.) все истребилъ. Въ слѣдующемъ году замокъ отстроили итальянскіе зодчіе. Послѣ того южная часть замка выгорала дважды — въ 1540 и 1595 гг. При Сигизмундѣ III и Владиславѣ IV были сдѣланы нѣкоторыя исправленія. Шведы два раза — въ 1655 и въ 1702 гг., опустошали вавельскій замокъ. Въ періодъ времени между 1658—1692 и 1726—1787 гг. были дѣлаемы попытки реставрировать замокъ, но не были доведены до конца. Наступило XIX столѣтіе. Сенатъ вольнаго города Кракова собирався возстановить замокъ, но въ 1846 году австрійцы заняли Краковъ и королевскій замокъ обратили въ казармы. Въ 1880 году императоръ австрійскій Францъ-Иосифъ при посѣщеніи Кракова выразилъ желаніе возвратить замку на Вавелѣ его прежнее назначеніе — королевской резиденціи. На слѣдующій же годъ архитекторы г.г. Прилинскій и Одрживольскій занялись изслѣдованіями и изготовленіемъ плановъ капитальной реставраціи замка; вмѣстѣ съ тѣмъ сеймъ возбудилъ ходатайство объ освобожденіи Вавеля отъ войскъ. Австрійское правительство выразило на это согласіе, подъ условіемъ постройки для войскъ казарменныхъ помѣщеній въ другомъ мѣстѣ. На эту цѣль городская сберегательная касса (Kasa oszczędności m. Krakowa) ассигновала 800.000 коронъ (1 кор. = 38 коп.). Мнѣ показывали огромный плацъ, vis-à-vis городского кладбища, уже приобрѣтенный для этой цѣли. Нечего и говорить, что вавельскій замокъ въ настоящемъ своемъ видѣ мало похожъ на свой первообразъ. Сохранился еще болѣе или менѣе внутренній дворъ, гдѣ происходили турниры и разныя церемоніи. Дворъ имѣетъ форму неправильнаго четырехугольника, образуемаго трехъэтажнымъ зданіемъ, съ галлереями во всѣхъ этажахъ. Галлереи перваго и втораго ярусовъ и крыша надъ галлереею третьяго яруса въ настоящее время поддерживаются арками. Обращаясь къ старымъ планамъ и видамъ королевскаго замка, находимъ, что только галлереи первыхъ двухъ ярусовъ поддерживались арками, при чемъ

¹⁾ Нарушевичъ, V, 116.

²⁾ Мѣховита, 197.

³⁾ Ib., 232.

⁴⁾ Вѣльскій, 239.

колонны послѣднихъ лишь въ послѣдствіи значительно утолщены. Догадываются, что утолщеніе ихъ было сдѣлано нарочно, чтобы предупредить возможность разрушенія зданія. Что же касается крыши надъ галлереею третьяго этажа, то ее, по старымъ планамъ, поддерживали высокія стройныя колонны. При предстоящей перестройкѣ предполагается все это возстановить въ первоначальномъ видѣ. Равнымъ образомъ предстоитъ возстановить прежнія окна и заложить множество, пробитыхъ съ нарушеніемъ архитектурнаго стиля, окошекъ и дверей. Внутренній планъ зданія, разумѣется, теперь тоже нарушенъ. Здѣсь помѣщаются: военная гауптвахта, цейхгаузы и нѣсколько баталіоновъ пѣхоты. Въ относительной неприкосновенности остались такъ называемая серебряная зала и спальня королевы Ядвиги, въ башнѣ, изъ оконъ которой открывается чудный видъ на Краковъ. Въ нѣкоторыхъ помѣщеніяхъ сохранились также королевскіе гербы... Словомъ, въ настоящее время замокъ производитъ грустное впечатлѣніе. Но когда его отдѣлаютъ и возстановятъ въ первоначальномъ видѣ, Европа пріобрѣтетъ лишній памятникъ, который съ удовольствіемъ станутъ осматривать туристы. Реставрацію замка предполагаютъ начать послѣ капитальнаго ремонта кафедральнаго костела, который производится въ настоящее время и года черезъ два, по всему вѣроятію, будетъ оконченъ. Ремонтъ костела на Вавелѣ начатъ десять лѣтъ тому назадъ, по инициативѣ кардинала А. Дунаевского, и производится подъ руководствомъ профессора Одрживольскаго. Израсходовано до сихъ поръ 350.305 гульд. 89 кор., и еще остается въ наличности 29.160 гульд. Сумма эта собрана путемъ пожертвованій различныхъ учреждений, города и правительства (даютъ ежегодную субсидію) и частныхъ лицъ. Кафедральный костель на Вавелѣ представляетъ громаднѣйшій интересъ для историка и любителя искусства. Въ девятнадцати его каплицахъ почиваютъ короли, епископы и знаменитые люди. Ихъ гробницы и памятники изъ мрамора и бронзы, совершенныя произведенія искусства, возбуждаютъ удивленіе и уваженіе, какъ своимъ великолѣпіемъ, такъ и своею величественностью. Назовемъ нѣкоторыя, наиболѣе выдающіяся, каплицы. Среди храма стоитъ каплица св. Станислава. Это—сѣнь, въ стилѣ итальянскаго ренессанса. На четырехъ колоннахъ, изъ мрамора и бронзы, покоится вызолоченный куполь. На капителяхъ колоннъ и по сторонамъ купола — статуи святыхъ. Подъ сѣнью, посрединѣ, поддерживаемая четырьмя фигурами ангеловъ изъ серебра — серебряная рака съ костями св. Станислава. Каплица фундаціи епископа краковскаго Мартина Шишковскаго, 1624 года, а рака изготовлена въ Гданскѣ (Данцигѣ), иждивеніемъ епископа Петра Гембицкаго († 1657 г.). Великолѣпна въ полномъ смыслѣ слова каплица Сигизмундовская (*Zygmuntowska*), такъ названная по имени своего основателя — Сигизмунда I. Построена

итальянскими зодчими подъ руководствомъ флорентійца Бартомея Береччи († 1536 г.). Въ 1891—1894 гг. возобновлена архитекторомъ г. Одрживольскимъ на средства сберегательной кассы города Кракова. Здѣсь находятся надгробія Сигизмунда I, Сигизмунда-Августа и Анны, дочери Сигизмунда I, супруги Баторія. Изображенія ихъ изъ красного мрамора, натуральной величины, рѣзца Санти Гучи, отличаются рѣдкимъ сходствомъ. Замѣчательна каплица св. Креста (Świętokrzyska), построенная Казимиромъ Ягеллончикомъ и Елисаветою австрійскою. Стѣны ея расписаны священными изображениями въ византійскомъ стилѣ, съ подписями подъ ними славянскою вязью. Въ каплицѣ этой помѣщаются гробницы короля Владислава-Ягелло, кенотафій Казимира Ягеллончика, совершеннѣйшее произведеніе Вита Ствоша, два триптиха XV столѣтія и громоздкій, довольно безвкусный, мраморный памятникъ, въ стилѣ госсоса, епископа краковскаго Каетана Солтыка. Интересенъ на этомъ памятникѣ барельефъ, представляющій ту сцену, когда Солтыка отвозятъ въ каретѣ въ ссылку¹⁾.

Костель обладаетъ богатѣйшею ризницею, заключающею въ себѣ обширное собраніе крестовъ, сосудовъ, митръ, священническихъ облачений,—предметовъ, имѣющихъ цѣнность не только художественную, но подчасъ и историческую.

Подъ костеломъ въ его skleпахъ погребены почти всѣ члены фамилій Пястовъ отъ Локетка, Ягеллоновъ, Вазовъ, выборные короли (królowie elekcyjni), кромѣ Владислава I Германа, сына его Болеслава III Кривоустаго, Августа III и Станислава Понятовскаго. Наконецъ, здѣсь же погребены Юс. Понятовскій, Костюшко и Мицкевичъ (въ особомъ склепѣ). За исключеніемъ простаго мѣднаго гроба Августа II, всѣ остальные отличаются художественными достоинствами.

На одной изъ трехъ башенъ костела, именуемой «Сигизмундовскою», помѣщается колоколь «Сигизмундъ» (1520 г.), одинъ изъ самыхъ большихъ въ Польшѣ.

Вечеромъ 25-го мая въ городскомъ театрѣ состоялся торжественный спектакль, данный исключительно для участниковъ въ юбилейномъ торжествѣ. Къ 9 часамъ великолѣпный зрительный залъ новаго театра (строитель архитекторъ г. Янъ Завейскій) былъ уже полонъ публикою. Заняты всѣ мѣста отъ галлерей до ложъ и креселъ. Мужчины во фракахъ, дамы въ изящныхъ туалетахъ.

¹⁾ Каетанъ-Игнатій Солтыкъ, съ 1758 года епископъ краковскій, игралъ важную роль при дворѣ Августа III, вмѣстѣ съ всеильнымъ министромъ Брюлемъ и маршаломъ Мнишкомъ составлялъ извѣстную «придворную троицу», впоследствии одинъ изъ видныхъ противниковъ стремленій Екатерины II относительно Польши, за что и поплатился ссылкой въ Калугу, гдѣ прожилъ 4 года (1769—1772 гг.). Умеръ въ Краковѣ въ 1788 г.

Четверть десятого, когда замерли послѣдніе звуки мастерски исполненной оркестромъ величественной увертюры, поднялся занавѣсъ (кисти Генрика Семирадскаго), и началось представление «Gloria tibi alma mater». Это новое произведеніе извѣстной поэтессы-варшавянки Деотимы (г-жи Ядвиги Луцевской). Я читалъ его раньше въ изложеніи Kurjer'a Warszawsk'ago и признаюсь, что въ печати оно производитъ болѣе впечатлѣнія, нежели на сценѣ, быть можетъ, отчасти потому, что влѣдствіе сценическихъ условій его пришлось значительно урѣзать.

Дѣйствіе происходитъ въ королевскомъ замкѣ на Вавелѣ, въ комнатѣ покойной королевы Ядвиги, 22-го іюля 1400 г., въ день возстановленія академіи или университета. Владиславъ Ягелло въ бесѣдѣ съ приближеннымъ Яськомъ, изъ Тенчина, предается воспоминаніямъ о покойной супругѣ, положившей столько заботъ о возобновленіи академіи. Послѣ горячей молитвы король засыпаетъ и видитъ во снѣ Ядвигу и перваго основателя университета—Казимира Великаго. Они одобряютъ намѣреніе Владислава. Ядвига, по совѣту короля Казимира, чтобы убѣдить Ягелла въ пользѣ открываемой имъ школы, беретъ изъ шкатулки, которую держитъ въ рукахъ, горсть драгоцѣнныхъ камней и бросаетъ предъ собою. И вотъ является цѣлый рядъ святыхъ, богослововъ, поэтовъ, государственныхъ мужей, ученыхъ, вышедшихъ изъ Краковской академіи, начиная отъ св. Яна Кантіа и кончая Гуго Коллонтаемъ ¹⁾. Потрясенный до глубины души видѣніемъ, король долго не можетъ прійти въ себя. Ясько изъ Тенчина докладываетъ, что академія уже въ сборѣ и его ожидаетъ. Декорація мѣняется. Aula академическая. Хоръ собравшихся поетъ:

Przed Najwyższym chyłmy czoło,
Dał nam przeżyć chwilę wielką ²⁾.

Хоръ ангеловъ:

A ty kwitnij, zacna szkoła,
Dusz łaknących karmicielko! ³⁾

Оба хора вмѣстѣ:

Niech wychodzą z twego łona
Prorok, mędrzec i bohater,
Płodna córko Jagiellona.
Gloria tibi, alma mater! ⁴⁾

¹⁾ Коллонтай (р. 1750 г., ум. 1812), знаменитый писатель и государственный человекъ, воспитанникъ Краковской академіи (1764—1770), памятенъ въ ея исторіи тѣмъ, что, по порученію воспитательной комиссіи (Комп. Edukacyjna), преобразовалъ (1777—1782) академію по образцу западноевропейскихъ университетовъ.

²⁾ Склонимъ чело предъ Всевышнимъ, онъ далъ намъ пережить великую минуту.

³⁾ А ты процвѣтай, почтенная школа, питательница жаждущихъ душъ.

⁴⁾ Пускай же выходятъ изъ твоего лона пророки, мудрецы и герои, плодотворная дочь Ягеллона, Gloria tibi alma mater!

Розовый свѣтъ заливаеъ всю сцену, маріацкій гейналь слышится въ отдаленіи. Занавѣсь тихо опускается. За «Gloria tibi...» слѣдовалъ довольно длинный діалогъ между студентомъ ягеллонской эпохи и современнымъ. Діалогъ—сочиненіе г. К. М. Гурскаго и хотя написанъ прекрасными стихами, но, какъ кажется, не произвелъ на публику особеннаго впечатлѣнія: настолько она была утомлена пережитыми впечатлѣніями дня, такъ что слѣдовавшая затѣмъ «Odręwa posłów greckich» Кохановскаго, разыгранная любителями, правду сказать, довольно вяло, шла въ театрѣ уже на половину пустомъ. Я вышелъ изъ театра безъ четверти въ часъ, спектакль еще продолжался. Зданіе театра и прилегающія къ нему улицы были великолѣпно иллюминированы. Вчужѣ радовалось сердце, видя единеніе между горожанами и храмомъ высшей науки. Когда-то мы этого дождемся?—думалось мнѣ...

На другой день, утромъ, послѣдовало открытіе памятника Копернику, какъ ученику Краковской академіи. Поэтому и памятникъ великому астроному поставленъ на дворѣ зданія Collegium majus, нынѣ занимаемаго Ягеллонской бібліотекою.

Collegium majus—одно изъ сохранившихся до нашего времени старѣйшихъ университетскихъ зданій въ Краковѣ. Вопросъ о томъ, гдѣ именно помѣщался Ягеллонскій университетъ первоначально, остается открытымъ до сихъ поръ, да едва ли и разрѣшится когда либо... Дѣло въ томъ, что средневѣковые университеты, преподаваніе въ которыхъ сводилось къ изученію грамматики классическихъ языковъ, логики, элементарныхъ началъ математики, теоріи музыки, къ выработкѣ стилиа и рѣчи, не встрѣчали надобности въ особыхъ помѣщеніяхъ. Преподаваніе происходило или въ частныхъ домахъ или чаще въ квартирахъ профессоровъ. Ягелло, возстановляя Казимировскую школу, взялъ за образецъ для ея устройства Парижскій университетъ. Организация послѣдняго носила характеръ коллегіальный. Общество преподавателей составляло корпорацію. Подчиняясь извѣстнымъ порядкамъ, они вели образъ жизни, мало отличавшійся отъ монашескаго. Достигнуть этого было тѣмъ лучше, что профессорами (магистратами, докторами, бакалаврами) бывали обыкновенно духовныя лица. Содержались такія коллегіи исключительно на пожертвованія. Отсюда число членовъ коллегіи зависѣло отъ средствъ, какими она располагала. Такъ было и въ Краковѣ. При Казимирѣ Великомъ основанная имъ школа не имѣла опредѣленнаго помѣщенія ¹⁾. Преподаваніе шло то въ замкѣ, то въ приходской школѣ Богоматери, въ мѣстности

¹⁾ Предположеніе, будто бы Казимиръ Великій помѣстилъ основанную имъ главную школу на Баволѣ (позднѣ Казимержѣ), какъ не имѣющее для себя прочныхъ основаній, должно быть оставлено историческою наукою.

нынѣшняго Малаго рынка. По смерти Казимира школа стала приходитъ въ упадокъ. Преемникъ его Людовикъ Венгерскій, какъ чужеземецъ, мало ею интересовался. Реставрація школы началась при дочери Людовика, Ядвига. Королева Ядвига исходатайствовала (1397) у папы Бонифація IX разрѣшеніе на преподаваніе въ главной школѣ богословія, а умирая (1399) отказала школѣ часть своихъ драгоценностей. И вотъ на эти-то средства Владиславъ Ягелло, задумавъ довести до конца начатое покойною его супругою дѣло, купилъ въ тогдашнемъ еврейскомъ кварталѣ, на улицѣ Жидовской, нынѣ св. Анны, каменный домъ, въ которомъ и помѣстилъ открытую 22-го іюля 1400 г. академію. Зданіе это впоследствии получило названіе Collegium majus. Черезъ три года, когда число слушателей и профессоровъ увеличилось, купленъ на Гродской улицѣ, противъ костела св. Петра, домъ нѣкоего Сендзивоя, и въ немъ открытъ Collegium juridicum. Въ 1449 г. часть профессоровъ была выдѣлена изъ Collegium majus и поселена во вновь приобрѣтенномъ около него (сзади) зданіи, получившемъ названіе Collegium minus. Всѣ три зданія сохранились до нашего времени, хотя съ болѣе или менѣе значительными измѣненіями. Изъ нихъ только Collegium majus, по мнѣнію историковъ Ягеллонскаго университета,—единственный свидѣтель начатковъ воскрешеннаго Ягеллою университета, мѣсто, гдѣ училъ и жилъ св. Янъ Кантій, гдѣ учился Коперникъ и многіе другіе, впоследствии прославившіеся дѣятели. Отсюда и установилось за нимъ еще и другое названіе: Collegium Jagellonicum.

Въ настоящее время въ этомъ зданіи помѣщается Ягеллонская бібліотека, богатое собраніе книгъ и рукописей. Бібліотека заключаетъ въ себѣ до 270.000 томовъ, 1.700 атласовъ и картъ, 10.000 монетъ и свыше 5.000 рукописей. Въ числѣ многихъ рукописныхъ сборниковъ останавливаютъ на себѣ вниманіе книга автографовъ разныхъ историческихъ лицъ, посѣщавшихъ академію, въ томъ числѣ Марины Мнишекъ, рукописная «книга Твардовскаго»—объемистый фоліантъ, нѣчто въ родѣ средневѣковой энциклопедіи, вышедшая изъ-подъ пера «Павла изъ Праги», между 1413—1471 гг., преданіе почему-то связало ее съ личностью Твардовскаго, и Album'ы studio-sorum—списки учениковъ отъ временъ Ягеллы до нашей эпохи. Въ одномъ изъ нихъ, подъ 1492 г., значится «Nicolaus Nicolai de Thorunia solvit totum»¹⁾. Любопытны глобусъ и астрольбія XV вѣка—даръ Мартина Былицы изъ Олькуша. Въ разныхъ залахъ разставлены модели памятника Мицкевичу для города Кракова. Еще обращаютъ на себя вниманіе, разумѣется, какъ куріозъ, помѣщенные въ нѣсколькихъ залахъ аншлаги съ русскою надписью, по большей части самымъ крупнымъ шрифтомъ: «здѣсь по-польски

¹⁾ То-есть: «Николай, сынъ Николая, изъ Торунны заплатилъ полностью».

говорить воспрещается». «Запрещенія» эти,—плодъ доморощенной «политики» разныхъ, усердныхъ не по разуму, исправниковъ и тому подобныхъ администраторовъ,—къ сожалѣнью, «имѣвшія еще мѣсто» въ 1887—1889 гг., доставлены сюда, на память потомству, изъ Литвы... Большинство залъ сохранило свой старый готическій стиль. Особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи зала, носящая имя Томаша Обедзинскаго, бывшаго профессора, который въ 1517 году сдѣлалъ значительное пожертвованіе на расширеніе и украшеніе Collegium majus. Превосходенъ внутренній дворъ зданія съ его галлерейми, переходами и аркадами.

На этомъ-то дворѣ и поставленъ памятникъ тому, котораго «polskie wydało plemię», который «wstrzymał słońce wzruszył ziemię». На гранитномъ постаментѣ возвышается четырехугольный пьедесталъ изъ сѣраго мрамора, съ колоннами на углахъ. Вокругъ нижней части пьедестала устроены небольшіе бассейны для воды. Выше, съ четырехъ сторовъ пьедестала—надписи на мраморныхъ доскахъ. На одной сторонѣ:

Memoriae
Nicolai
Copernici
de Torunia
qui a. d. 1491
in studio Cracov:
intitulatus
celeberrimus,
hujus scholae
exstitit alumnus.

На другой:

Natus
Thoruniae
a. d. 1473

—
obiit
Frauenburgi
a. d. 1543.

На третьей:

... extra
processit longe
flammanitia moenico
mundi,
atque omne immensum
peregravit mente
animoque.

И на четвертой:

De revolutionibus
orbium
coelestium
a. d. 1543.

На пьедесталѣ статуя Коперника изъ бронзы работы Киприана Годабскаго, творца памятника Мицкевичу въ Варшавѣ. Великій астрономъ представленъ въ одеждѣ студента Ягеллонскаго университета, въ рукахъ у него глобусъ. По сторонамъ статуи, на четырехъ углахъ, положены ядра, обвитыя золотымъ лавромъ (символь неувядающей славы). У ногъ Коперника—вѣтвь плюща, что означаетъ постоянную, сердечную связь, которая соединяла его съ академію.

Памятникъ возникъ, насколько намъ извѣстно, по мысли профессора Маріана Соколовскаго, на тѣ средства, которыя были назначены на картины изъ исторіи университета кисти Матейки, для украшенія Collegium minus, но которыя не были изготовлены за смертію художника.

Къ 12 часамъ дворъ бібліотеки былъ заполненъ приглашенными. Яркое солнце обливало своими лучами группы собравшихся. Тутъ были и профессора университета въ своихъ тогахъ и беретахъ и представители иностранныхъ ученыхъ учреждений — одни въ тогахъ, другіе во фракахъ, дамы въ свѣтлыхъ туалетахъ, мелькали военные и гражданскіе мундиры. На каеэдру, поставленную протівъ памятника и украшенную ярко-красною матерію, вошелъ графъ Пининскій, въ мундирѣ, произнесъ рѣчь о живучести Краковскаго университета, о величіи Коперника и передалъ университету памятникъ. Завѣса упала, и очамъ присутствовавшихъ предстала фигура славнаго астронома-славянина. Хоръ студентовъ пропѣлъ кантату (слова М. Свержинскаго, музыка Л. Свержинскаго). Профессоръ Моравскій сказалъ по-латыни длинную рѣчь: говорилъ о значеніи цивилизаціи, вспомнилъ о той эпохѣ въ исторіи университета, когда учился Коперникъ, и очертилъ широкими штрихами исторію зданія и быта университета. Затѣмъ послѣдовало открытіе на стѣнахъ зданія, на галлерей 2-го яруса, двухъ таблицъ, изъ которыхъ одна—даръ университету города Кракова, а другая—даръ академіи художествъ, при чемъ говорили президентъ города и профессоръ К. Гурскій. Ректоръ благодарилъ городъ въ лицѣ президента, академію художествъ и г. Годабскаго. Подъ звуки полонеза изъ оперы «Hrabina», пропѣтаго хоромъ студентовъ, публика начала расходиться.

Въ тотъ же день австрійское правительство устроило для гостей поѣздку въ Величку для осмотра знаменитыхъ соляныхъ копей.

Число приглашенныхъ было ограничено 100 особами.

Къ 3 часамъ участники поѣздки (при чемъ было немало дамъ, такъ какъ многіе изъ иностранныхъ делегатовъ пріѣхали съ женами и дочерьми) собрались въ Collegium novum, предъ зданіемъ котораго ихъ уже ожидали четырехмѣстныхъ ландо.

Величка, небольшой городокъ съ шеститысячнымъ населеніемъ, расположена въ 14 километрахъ отъ Кракова въ юго-востоку. Соединяется съ Краковомъ желѣзною дорогою. Издавна пользуется громкою извѣстностію, благодаря своимъ солянымъ копамъ. Уже при Казимирѣ Великомъ Величка была значительнымъ городомъ. Двукратно ее опустошали шведы (при Янѣ-Казимирѣ и при Августѣ II), но она всякій разъ возставала изъ-подъ развалинъ. Когда именно здѣсь начали добывать соль, неизвѣстно. Легенда рассказываетъ, что, когда Болеславъ Стыдливый въ 1239 г. обручился съ Кунегундою, дочерью венгерскаго короля Бѣлы IV, венгерская княжна выразила горячее желаніе, чтобы будущая ея родина, терпѣвшая постоянно недостатокъ въ соли, была одарена послѣднею природою. Кунегунда молилась объ этомъ Богу, и Онъ услышалъ ея молитву. Находясь въ Будѣ, княжна Кунегунда бросила въ колодець обручальное кольцо. Будучи послѣ въ Краковѣ и Величкѣ, велѣла тамъ копать колодець, въ немъ нашли соль, а въ ней то самое кольцо. Но извѣстно, что Величскія соляныя копи существовали еще гораздо раньше; только татары въ 1241 и 1260 гг. разсѣяли населеніе въ окрестностяхъ Кракова, и работы по добыванію соли прекратились. Возобновили ихъ Болеславъ Стыдливый и святая Кунегунда. Начиная съ XIV столѣтія, въ копахъ находимъ уже правильно организованную администрацію. Въ 1510 г. въ копахъ произошелъ сильный пожаръ, отъ поджога одного изъ рабочихъ, стоившій жизни нѣсколькихъ человѣкъ. Въ 1644 г. возникъ снова пожаръ отъ вспыхнувшаго сѣна и продолжался цѣлый годъ. Въ 1869 г. копи едва не были залиты водою, и только благодаря чрезвычайнымъ усиліямъ, удалось отстоять значительную ихъ часть. Соляныя копи Велички представляютъ собою рядъ подземныхъ галлерей, расположенныхъ ярусами одна надъ другою. Такихъ ярусовъ существуетъ пять, но для обозрѣнія публики въ настоящее время открыты только три. По мѣстамъ галлерей пересѣкаютъ другъ друга, образуютъ высочайшія залы и грандіозныя каплицы... Такъ, въ первомъ этажѣ есть каплица святого Антонія, вся изъ соли. И алтарь, и статуи святыхъ, и колонны, и каѳедры—все артистически высѣчено изъ соляныхъ глыбъ; въ шахтѣ «Górsko»—статуя Августа II, натуральной величины, изъ одного куска прозрачной соли... Въ этомъ же этажѣ предназначенная для танцевъ зала «Letów», въ которой полъ досчатый, а галлерей для оркестра и колонны, подпирающія залу, высѣчены изъ соляныхъ кристалловъ. На глубинѣ 86 сажень находится озеро, называемое «Przykos», имѣющее 3 сажени глубины. Черезъ него перевозятъ на паромѣ. Въ нѣкоторой части сѣти подземныхъ галлерей проходитъ конножелѣзная дорога для передвиженія добытой соли. Въ третьемъ этажѣ вокзалъ ея — имени графа Голуховскаго, и при немъ ресторанъ. Спускъ въ копи совершается при помощи подъемныхъ машинъ

изъ зданія, называемаго «Szyb arcyksięcia Rudolfa». Всѣ спускающіеся надѣваютъ на себя особые бѣлые плащи съ капюшономъ, чтобы предохранить свою одежду отъ соляной влаги. Видъ людей, облеченныхъ въ бѣлые костюмы, двигающихся по безконечнымъ подземнымъ коридорамъ, наполняющихъ ярко иллюминированныя грандіозныя залы и каплицы, переходящихъ при бенгальскомъ освѣщеніи по мостикамъ черезъ подземныя пропасти, переправляющихся затѣмъ черезъ озеро—представляетъ собою поразительную, волшебную картину, какъ бы выхваченную изъ Дантова «Ада». Въ память 500-лѣтняго юбилея Краковскаго университета и съ цѣлію увѣковѣченія посѣщенія прибывшими на юбилей гостями соляныхъ копей Велички, въ шахтѣ «Drozdowice», въ присутствіи ихъ, 26 мая (18 іюня) открыта мраморная доска съ надписью:

Q. F. F. F. Q. S.
 In Honorem
 Inclitissimae Litterarum Universitatis
 Jagellonicae
 Et vetustate Et Meritis Venerabilis
 Cum
 Post Centum Lustra Splendide Pecata
 Inter Omnium Gentium Vota Faustissima
 Sextum Clavem Secularem Figeret
 Monumentum Hoc
 Praesentibus Permultis Collegiorum Legatis
 Aliisque Viris Excellentissimis
 Lapidı Incisum Est
 A. D. VI. Idus Iunias A. M. C. M.

Послѣ этого намъ, всѣмъ присутствовавшимъ, были розданы книжки «Kopalnie soli w Wieliczce» ¹⁾, послѣднее официальное изданіе галиційской дирекціи финансовъ, и было любезно предложено подкрѣпить свои силы въ ресторанѣ на «вокзалѣ графа Голуховскаго». При этомъ, конечно, не обошлось безъ рѣчей. Затѣмъ, снова шествіе по безконечнымъ иллюминированнымъ коридорамъ и, наконецъ, подъемъ на свѣтъ Божій. У подъѣзда Szyb'a Rudolfa рас-

¹⁾ Заимствуемъ изъ этой книжки нѣкоторыя статистическія данныя. Въ 1899 году поступило въ продажу соли: идущей во всеобщее употребленіе 285.940 к., фабричной 469.030 к., идущей въ пищу скоту 55.800 к.,—всего 810.770 к.

Въ копяхъ занимаются: чиновниковъ техникумовъ 15, надзирателей 44, рабочихъ 1.272.

Надзиратели получаютъ жалованья отъ 800 до 1.600 коронъ въ годъ, не считая 0/0 прибавокъ, одежды, квартиры съ отопленіемъ и отпускаемаго безплатно «депутата» соли. Ежедневный заработокъ рабочаго колеблется между 3 кор. 9 геллера (1 гелл.=4 к.) и 1 кор. 83 гелл. Въ Величкѣ существуетъ особая школа для подготовленія надзирателей въ копяхъ. Въ 1898—1899 г. въ ней всѣхъ учениковъ было 18.

положилось множество торговцевъ, продававшихъ вещицы изъ кристаллизованной соли: кресты и крестики, якоря, національные орлы, сердца, изображенія какихъ-то животныхъ. Конечно, каждый изъ насъ постарался запастись такой паменткой.

Въ половинѣ 9-го мы вернулись въ Краковъ.

26-е мая (ст. стилия) собственно было послѣднимъ днемъ официальныхъ юбилейныхъ празднествъ, почему и большинство присутствовавшихъ на нихъ официальныхъ депутатовъ на другой же день покинули Краковъ. Остались изъ иностранцевъ лишь тѣ, для кого Краковъ представляетъ историко-научный интересъ, чтобы теперь, на свободѣ, познакомиться съ его историческими памятниками и научными сокровищами. Краковъ принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ городовъ въ Европѣ. Десять вѣковъ оставило на немъ свои слѣды. И хотя каждая новая эпоха уничтожала и затирала работу вѣковъ минувшихъ, иногда даже со слѣпою ненавистью, но все же еще осталось въ Краковѣ много цѣнныхъ памятниковъ старины, настолько цѣнныхъ, что они кладутъ на старую столицу Польши выразительную печать древности. Удачно въ этомъ отношеніи сравниваютъ Краковъ съ Нюрнбергомъ, такъ же, какъ, благодаря громадному количеству костѣловъ и господствующему въ немъ строгому религіозному настроенію, называютъ его «*cragva Roma*». Знакомство съ историческими памятниками Кракова много облегчила «выставка памятниковъ ягеллонской эпохи», открытая въ зданіи монастыря о. францискановъ. Инициаторомъ ея былъ извѣстный археологъ, профессоръ Владиславъ Луцкевичъ, умершій чуть ли не наканунѣ университетскаго юбилея, а устройтелемъ консерваторъ (*kustos*) народнаго музея г. Т. Нечуя-Земенцкій. Здѣсь собраны портреты королей, ихъ родственниковъ и мужей государственныхъ, принадлежавшіе имъ предметы, вещи, ими подаренныя разнымъ учрежденіямъ и лицамъ, картины, гравюры и образа XV и XVI вѣковъ, священныя облаченія, скульптурныя произведенія изъ дерева и камня, живопись на стеклѣ (*vitrage*), посуда — серебряная, мѣдная, оловянная и т. п., мебель, музыкальные и астрономическіе инструменты, оружіе, медали и монеты, документы, автографы, книги въ старинныхъ переплетахъ, наконецъ, фотографіи и рисунки тѣхъ предметовъ, которые почему либо не могли быть доставлены на выставку. Бѣольшая часть экспонатовъ заимствована изъ кафедральнаго костѣла на Вавелѣ, изъ нѣкоторыхъ другихъ краковскихъ костѣловъ, изъ университета, народнаго музея, музея Оссолинскихъ во Львовѣ, изъ коллекцій цеха серебряниковъ и частныхъ собраній.

Не менѣе выставки интересенъ и самый монастырскій костѣлъ, одинъ изъ древнѣйшихъ въ Краковѣ. Построенъ около 1250 года Болеславомъ Стыдливымъ въ стилѣ, составляющемъ переходъ отъ

романскаго къ готическому, въ формѣ равносторонняго креста, съ башнею посерединѣ. Башня въ послѣдствіи упала, а костѣль пере-дѣлывали нѣсколько разъ. Отъ временъ Болеслава сохранился фа-садъ со стороны Братской улицы. Въ костѣлѣ заслуживаетъ вни-манія роспись стѣнъ, напоминающая собою такую же роспись въ Маріацкомъ костѣлѣ, и живопись грандіозныхъ оконъ по сторонамъ главнаго алтаря, исполненная во вкусѣ модернистовъ, по рисун-камъ г. Выснянскаго ¹⁾. Въ костѣлѣ погребены: самъ Болеславъ Стыдливый и св. Саломея, сестра его. Въ сакристіи этого костѣла, въ XV столѣтіи, умерщвленъ чернью Андрей Тенчинскій. Въ мо-настырской трапезѣ королева Ядвига въ 1385 году встрѣтилась съ Вильгельмомъ Габсбургскимъ и уже готова была отдать свою руку и сердце нѣмецкому принцу, но этого не случилось: любовь къ родинѣ взяла перевѣсъ надъ личными симпатіями королевы. Не этимъ ли отчасти объясняется громадная популярность Ядвиги въ польскомъ народѣ?.. Противъ костѣла францискановъ, черезъ улицу, другой замѣчательный костѣль—о. о. доминикановъ. Построенъ въ XIII столѣтіи на мѣстѣ стараго, деревяннаго. Сгорѣлъ въ 1850 году, во время страшнаго пожара, испепелившаго половину Кракова. Послѣ того отстроенъ доминиканами въ прежнемъ видѣ. Изъ древнихъ памятниковъ до сихъ поръ уцѣлѣли: надгробная плита съ изображеніемъ Лешка Чернаго († 1289) и превосходный бронзовый памятникъ-барельефъ Филиппа Каллимаха (1437 † 1496), наставника сыновей Казимира Ягеллончика, личнаго секретаря и совѣтника короля Яна Ольбрахта, государственнаго человѣка, меч-тавшаго о созданіи въ Польшѣ неограниченной монархіи, какую въ его время создали во Франціи Людовикъ XI и въ Англии Генрихъ VIII.

Направляясь отъ костѣла доминикановъ влѣво, улицами Грод-ской и продолженіемъ ея—Страдомской, достигнемъ одного изъ лю-бопытнѣйшихъ историческихъ уголковъ стараго Кракова— пред-мѣстья Казимержа (Kazimierz) ²⁾. Казимиръ Великій, о которомъ сложилась въ польскомъ народѣ поговорка, что онъ «засталъ Польшу деревянной, а оставилъ каменной», первый обратилъ осо-

¹⁾ Изображенія стихій, облюбованныхъ св. Францискомъ.

²⁾ На пути, между прочимъ, встрѣчаемъ два замѣчательные костѣла: св. Петра (о. о. іезуитовъ) и св. Андрея (францискановъ). Первый изъ упомянутыхъ костѣловъ сооруженъ Сигизмундомъ III, по плану іезуитскаго костѣла въ Римѣ и видимо отличался своимъ великолѣпіемъ и богатствомъ, о чемъ напоминаетъ сохранившійся до нашего времени прекрасный фасадъ зданія и нѣсколько картинъ религіознаго содержанія, работы Чеховича. Въ этомъ костѣлѣ погребенъ знаменитый Петръ Скарга († 1612 г.). Другой костѣль св. Андрея, замѣчательно древній, относится къ XII столѣтію. Его крѣпкія стѣны, изъ тесаннаго камня, выдержали въ 1241 г. нападеніе монголовъ. Съ теченіемъ времени, благодаря пристройкамъ, первоначальный стиль зданія измѣнился, хотя немного.

бенное вниманіе на лѣвый берегъ старой Вислы ¹⁾, противъ Вавеля, гдѣ въ то время находилось село Ваволь (Wawól), принадлежавшее краковскому кафедральному капитулу, и началъ его застраивать. Полагаютъ, что въ данномъ случаѣ король руководствовался политическими соображеніями. Дѣло въ томъ, что съ половины XIII столѣтія, когда на правый берегъ рѣки, подъ охрану Вавеля, перенесся и пунктъ тяжести города, начали тамъ селиться и нѣмцы-колонисты. Какъ противовѣсь чуждому и политически ненадежному элементу, Казимиръ и вздумалъ воскресить старый Краковъ, по лѣвому берегу Вислы, который къ тому времени пришелъ въ плачевное состояніе. Казимиръ строитъ тутъ величественные костѣлы и основываетъ монастыри. Евреи, которые были въ Краковѣ и раньше, при немъ получаютъ право селиться безпрепятственно. Памятникомъ строительной дѣятельности здѣсь Казимира Великаго остаются до сихъ поръ великолѣпные костѣлы св. Екатерины и Тѣла Божія, ратуша, еврейская божница и остатки стѣнъ.

Костѣлъ св. Екатерины, построенный на личныя средства Казимира Великаго и на пожертвованія разныхъ частныхъ лицъ, освященъ въ 1376 году. Представляетъ собою одинъ изъ наиболѣе совершенныхъ образцовъ готическаго искусства въ Польшѣ. Имя архитектора не дошло до насъ. Г. Авм. Грабовскій ²⁾ полагаетъ, что имъ могъ быть Петръ Арлеръ, строитель кафедральнаго костѣла св. Вита въ Прагѣ, на Градчинѣ. Костѣлъ св. Екатерины неоднократно разрушали пожары (1363, 1556, 1604) и землетрясенія (1444, 1786), такъ что въ концѣ XVIII столѣтія его пришлось закрыть. Съ 1796 по 1809 годъ въ зданіи помѣщался военный магазинъ. Въ 50-хъ годахъ XIX столѣтія монахи-августіане усердно занимались реставраціею костѣла. Вполнѣ сохранился порталъ со стороны южной навъ ³⁾, двойной — для паперти и костѣла фундаціи кардинала Збигнева Олесницкаго, монастырскіе переходы (krużganki) ⁴⁾ и сакристія. Сохранились еще: главный алтарь, въ стилѣ barocco, 1630 года, огромный, въ стилѣ renaissance, стѣнной памятникъ Лаврентія Спытка Иордана ⁵⁾, нѣсколько древнихъ об-

¹⁾ Говоримъ «старой», потому, что въ настоящее время этого притока Вислы уже не существуетъ: въ этомъ мѣстѣ рѣка настолько обмелѣла, что ее, въ концѣ концовъ, признали необходимымъ засыпать.

²⁾ «Kraków i jego okolice», изд. 5-е, 381.

³⁾ Костѣлъ св. Екатерины имѣетъ три навъ и длинную алтарную часть (presbyterium), что служитъ характеристическою чертою краковскихъ костѣловъ XIV столѣтія.

⁴⁾ Въ концѣ XIV вѣка жила въ монастырѣ королева Ядвига.

⁵⁾ Лав. Спытекъ Иорданъ, съ 1565 г. каштелянъ краковскій, совершилъ нѣсколько военныхъ походовъ. Въ 1550 г. на взятія въ долгъ деньги собралъ войско и нанесъ рѣшительное пораженіе татарамъ и молдаванамъ, вторгнувшимся въ Украину († въ 1568 г.). Въ криптахъ костѣла похоронено нѣсколько истори-

разовъ (триптикъ нѣмецкой школы конца XV столѣтія, иллюстрирующей исторію св. Яна Ялмужника ¹⁾) и образъ Божіей Матери Утѣшенія, писанный въ 1463 году, по заказу блаженнаго Исая Бонера, бывшаго преоромъ этого монастыря) и предметовъ въ ризницѣ (гобелены полов. XV ст.).

Костѣль Тѣла Божія началъ строить Казимиръ Великій, а оконченъ онъ въ XV столѣтіи ²⁾. Отличается прекраснымъ готическимъ цитомъ съ гербами Ягеллоновъ и высокою башнею, перестроенною въ половинѣ XVI вѣка. Главный алтарь деревянный, вызолоченный въ стилѣ renaissance, сооруженъ въ 1634 году. Въ костѣль и въ ризницѣ есть нѣсколько замѣчательныхъ образовъ («Всѣхъ Святыхъ» — кисти Яна изъ Ниссы, Божіей Матери — въ каплицѣ трехъ царей, очень древній, высоко-художественной работы, тоже Божіей Матери, приписываемый кисти св. Луки. и др.). На стеклахъ нѣсколькихъ, громадной вышины, оконъ осталась, какъ и въ костѣль св. Екатерины, средневѣковая живопись. Въ костѣль погребены блаженный Станиславъ Казимерчикъ ³⁾, Вареоломей Береччи, строитель «Сигизмундовской каплицы» на Вавелѣ, о которомъ мы упоминали выше, и Августинъ Котвичъ, коронный хорунжій, умершій въ 1550 году. Во время нападенія шведовъ на Краковъ въ 1655 году король Густавъ-Адольфъ помѣстилъ въ этомъ костѣль свою главную квартиру и отсюда руководилъ осадю города.

Казимиръ Великій, заложивъ въ 1335 году новый городъ, получившій впоследствии его имя, даровалъ ему «магдебургское право» и сдѣлалъ его независимымъ отъ Кракова. Такимъ образомъ здѣсь возникъ особый магистратъ, или ратуша, зданіе которой сохранилось до сихъ поръ. Теперь въ немъ помѣщается городская школа. Для евреевъ, которымъ Казимиръ предоставилъ большія льготы, разсчитывая на ихъ помощь въ развитіи торговли, была построена каменная божница, существующая на углу улицъ Іосифа и Широкой. Зданіе сооружено въ готическомъ стилѣ, со сводомъ, опирающимся на двухъ столбахъ. Около 1570 года ее

ческихъ лицъ, въ томъ числѣ ес. Мартинъ Барычка, который, по порученію епископа Водзанты, укорялъ короля Казимира за дурное поведеніе и за это былъ, по повелѣнію того же короля, утопленъ въ Вислѣ въ 1349 г.

¹⁾ Т. е. св. Іоанна Милостиваго, патріарха александрійскаго (VII в.).

²⁾ Поводомъ къ построенію костѣла Божія Тѣла послужило, по словамъ легенды, слѣдующее обстоятельство. Какіе-то святотатцы украли изъ (нынѣ не существующаго уже) костѣла Всѣхъ Святыхъ чашу со св. Дарами и когда убѣдились, что она не золотая, — бросили въ прудъ на Баволѣ. Надъ прудомъ стало появляться сіяніе, и когда нашли чашу, король Казимиръ приказалъ построить на этомъ мѣстѣ храмъ.

³⁾ С. Казимерчикъ, мѣстный уроженецъ (1433 г.), былъ профессоромъ св. Писанія въ Краковской академіи и монахомъ общины св. Августина «каюняковъ Латеранскихъ». Прославился своими проповѣдями. Скончался въ 1489 г.

перестроилъ Маттїя Гучи изъ Флоренці, поставивъ колонны въ стилѣ renaissance и придавъ зданію аттикъ. Въ божищѣ замѣчательнень алтарь въ стилѣ renaissance XVI столѣтія для храненія Торы и нѣкоторые, очень цѣнные, изъ предметовъ утвари ¹⁾).

Въ сѣверо-западной части того же Казимержа, почти на берегу Вислы, которая, кстати сказать, подъ Краковомъ далеко не имѣетъ своего обычнаго, величественнаго вида, находится одинъ изъ древнѣйшихъ краковскихъ костѣловъ, не исключая кафедральнаго и Маріацкаго, — костѣль св. Михаила, съ монастыремъ о. о. паулиновъ (на Скалкѣ). На мѣстѣ, гдѣ теперь возвышается великолѣпный храмъ въ стилѣ barocco, въ XI столѣтіи стоялъ небольшой круглый костѣль. Въ этомъ-то костѣлѣ погибъ въ 1079 году, отъ руки короля Болеслава II, св. Станиславъ Щепановскій, епископъ краковскій. На алтарѣ, носящемъ имя епископа-мученика (боковой налѣво, послѣдній къ главному алтарю), до сихъ поръ показываютъ кусокъ дерева, остатокъ стараго алтарнаго помоста, со слѣдами крови святителя. Въ костѣль ведетъ двухсторонняя, каменная лѣстница, при чемъ на каждой ея ступени начертано имя жертвователя, участвовавшаго своими средствами въ ея сооруженіи. Подъ костѣломъ, въ криптѣ, гробы заслуженныхъ — новый краковскій пантеонъ. Здѣсь до сихъ поръ помѣщены гробницы: Длугоша, Т. Ленартовича, В. Поля, И. I. Крашевскаго и А. Асныка. Посѣтитель ищетъ глазами гробницу Матейко и... не находитъ. Великій маэстро кисти, по желанію родственниковъ, похороненъ на городскомъ кладбищѣ ²⁾). На монастырскомъ дворѣ находится, огражденный балюстрадаю, прудъ св. Станислава, съ его статуею по срединѣ, куда, по преданію, было брошено тѣло епископа. Сзади пруда, не въ далекомъ отъ него разстояніи, видны остатки старыхъ стѣнъ, построенныхъ Казимиромъ Великимъ. На возвратномъ пути со Скалки остановимъ вниманіе читателя еще на двухъ костѣлахъ, подъ самымъ Вавелемъ. Одинъ изъ нихъ — во имя св. Идзи, фундація короля Владислава Германа, къ сожалѣнію, носитъ на себѣ слѣды разныхъ позднѣйшихъ эпохъ и стилей. Любопытны развѣшанные въ главной навѣ образа краковской цеховой школы XV столѣтія, иллюстриующіе страданія Спасителя, и сѣдалища (stalle) по сторонамъ главнаго алтаря, изъ разноцвѣтнаго мрамора. Другой костѣль — бернардиновъ, въ стилѣ barocco, XVII столѣтія, славится образами

¹⁾ Кромѣ этой божищы, въ Краковѣ существуетъ еще другая — тоже очень старая — называемая «божищею Исаака», въ стилѣ barocco, построенная въ 1644 г.

²⁾ Надъ могилою Матейки возвышается памятникъ, въ видѣ часовни. Одна изъ краковскихъ улицъ названа его именемъ, затѣмъ, какъ мы уже упоминали, въ костѣлѣ Богоматери поставленъ ему памятникъ. Но самымъ лучшимъ памятникомъ остается музей его имени въ принадлежавшемъ ему (а теперь прибрѣтенномъ городомъ) домѣ на Флоріанской улицѣ, гдѣ собраны оставшіеся послѣ него вещи, рисунки, этюды и модели.

бернардина Франца Лексицкаго († 1688 г.). Изъ нихъ заслуживаетъ особеннаго вниманія танецъ смерти. Художникъ заимствовалъ идею картины у Гольбейна, но въ исполненіи ея остался оригинальнымъ. Смерть танцуетъ съ представителями всѣхъ сословій современной художнику Польши, начиная отъ нищаго и кончая королемъ, одѣтыми въ костюмы того времени. У Лексицкаго въ послѣдствіи явилось немало подражателей. Говоря о краковскихъ костѣлахъ, какъ о выдающихся историческихъ памятникахъ искусства, мы не вправѣ обойти молчаніемъ еще слѣдующихъ изъ нихъ.

Позади костѣла Богоматери, или Маріацкаго, существуетъ съ начала XV столѣтія небольшой костѣлъ св. Варвары, бывшая часовня на кладбищѣ, существовавшая при Маріацкомъ костѣлѣ съ такъ называемымъ «огруйцемъ», пристроеннымъ къ фронту около 1500 года ¹⁾. Костѣлъ св. Флоріана на Клепажѣ, основанный въ 1184 году и заново отстроенный въ XVII столѣтіи послѣ шведскихъ войнъ. Настоятелями этого костела бывали обыкновенно профессора академіи. Здѣсь временно ставили тѣла королей до торжественнаго ихъ погребенія. Въ боковой каплицѣ прекрасный триптикъ св. Іоанна Крестителя, приписываемый Виту Ствошу. Костѣлъ кармелитовъ Посѣщенія Божіей Матери, построенный, по свидѣтельству Длугоша, Владиславомъ Ягелло и его супругою Ядвигою. Сгорѣлъ во время шведской осады и отстроенъ въ 1673 году. Здѣсь замѣчательна крестильница 1425 года. На вѣшной стѣнѣ храма, на камнѣ, слѣдъ, который легенда называетъ «стопой» столь популярной въ народѣ «королевы Ядвиги». Костѣлъ св. Креста, подлѣ театра, въ готическомъ стилѣ съ колокольнею и сводами, опирающимися на одну колонну, стоящую посерединѣ храма. Построенъ въ XIV столѣтіи на мѣстѣ существовавшего тутъ же костѣла съ XII вѣка. Недавно капитально отремонтированъ по инициативѣ г. Ф. Сленка, директора городской сберегательной кассы, архитекторомъ г. Т. Стрыенскимъ, при чемъ была восстановлена прежняя рѣдкая роспись стѣнъ (разныя эмблемы, въ родѣ миниатюръ). При костѣлѣ—богатая ризница. Костѣлъ св. Николая на улицѣ Коперника, состоящій съ 1400 года подъ патронатомъ академіи. За время своего существованія перетерпѣлъ немало. Сохранились только готическіе косяки у дверей, ведущихъ въ сакристію, да нѣкоторыя изъ сокровищъ въ ризницѣ.

Но не одними историческими памятниками богатъ Краковъ, богатъ онъ и научными сокровищами. Послѣдніе, разумеется,

¹⁾ Ogrójec — вертоградъ, пластическое изображеніе сцены моленія Іисуса Христа о чашѣ въ Геосиманскомъ саду. На сосѣднемъ съ костѣломъ св. Варвары домѣ есть «огруйецъ» изъ камня прекрасной работы, каковое обстоятельство и дало поводъ приписывать его Виту Ствошу.

составляютъ собственность, по преимуществу, разныхъ ученыхъ учреждений. Во главѣ ихъ стоитъ академія наукъ (*Akademia Umiejętności*), образованная въ 1873 году, по указу императора Франца-Иосифа, изъ существовавшего съ 1815 года «Краковскаго научнаго общества». При академіи находятся: библіотека, состоящая болѣе чѣмъ изъ 40.000 томовъ, и богатые собранія антропологическое, археологическое и комиссіи фізіографической.

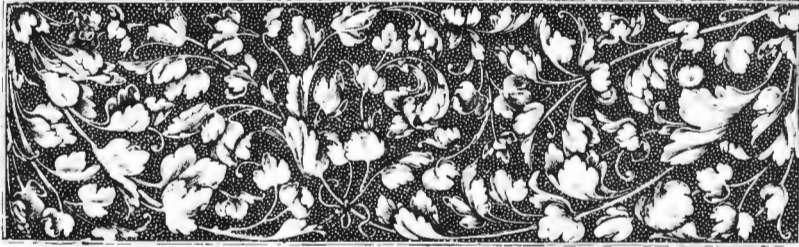
О библіотекѣ университетской, или Ягеллонской, мы уже упоминали. Но, кромѣ сосредоточенныхъ въ университетской библіотекѣ книжныхъ сокровищъ, заслуживаютъ вниманія состоящія при университетѣ вспомогательныя учрежденія. Таковы: превосходныя университетскія клиники (хирургическая, глазная и др.), ботаническій садъ съ его оранжереями (галлерейя пальмъ), ботаническимъ музеемъ и препаровочною для анатоміи и фізіологіи растений и астрономическая обсерваторія (въ томъ же саду), устроенная Я. Снядецкимъ, въ исходѣ XVIII столѣтія, съ хорошою библіотекою и коллекціею приборовъ, а также превосходная археологическая коллекція (*Gabinet historii sztuki*), собранная при университетѣ профессоромъ Мар. Соколовскимъ, заключающая въ себѣ слѣпки съ греческихъ и римскихъ древностей, снимки съ архитектурныхъ памятниковъ христіанской эпохи на Западѣ, древности ископаемыя, египетскія (муміи), картины, предметы роскоши позднѣйшей эпохи (табакерки, женскія украшенія и т. п.). Далѣе слѣдуетъ школа изящныхъ искусствъ, недавно преобразованная въ академію художествъ, высшая промышленная школа, приготовляющая архитекторовъ, техникувъ-механикувъ и химиковъ, замѣнившая существовавшій до 1877 года Техническій институтъ. Техническо-промышленный музей, возникшій въ 1868 году на пожертвованія А. Баранецкаго, а въ настоящее время составляющій собственность города. Помѣщается въ зданіи францисканскаго монастыря. Заключаетъ въ себѣ свыше 35.000 образцовъ произведеній мѣстныхъ и иностранныхъ, модели, земледѣльческія орудія, машины, коллекцію этнографическую, рисунки, географическія карты, фотографіи и т. п. При музеѣ высшіе женскіе курсы, съ 5 отдѣленіями: естественныхъ наукъ, историко-литературнымъ, изящныхъ искусствъ, торговымъ и хозяйственнымъ (*gospodarscy*—подготавливаетъ практичныхъ хозяекъ). О народномъ музеѣ и музеѣ Матейки («Домъ Матейки») мы уже говорили. Богатѣйшими сокровищами владѣетъ музей князей Чарторыскихъ. Основаніе ему положила княгиня Изабелла Чарторыская, въ Пулавахъ (нынѣ Новая Александрія, Люблинской губерніи). Послѣ 1831 года коллекціи музея перенесены частью въ Парижъ, частью въ Сенявы, частью въ Курникъ. Наконецъ, между 1876 и 1880 годами ихъ перевезли въ Краковъ, помѣстили въ зданіи маленькаго по-піарскаго монастыря и въ смежномъ зданіи бывшаго городского арсенала, усту-

пленномъ городомъ. Затѣмъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, помѣщеніе музея расширили: купили находившійся напротивъ домъ и соединили его со старыми помѣщеніями. Музей, которымъ завѣдуетъ въ настоящее время извѣстный ученый, профессоръ Маріанъ Соколовскій, слагается изъ двухъ главныхъ отдѣловъ: собранія предметовъ искусства и библіотеки, включая въ то число и рукописи. Въ первый отдѣлъ входятъ: древности ископаемыя—египетскія, греческія, римскія, славянскія, японскія (фигурки божковъ), разные сувениры и вещи, принадлежавшія историческимъ лицамъ: вѣера королевы Маріи Лещинской и подарокъ императрицы французской Евгени княгинѣ Чарторыской, свадебное платье королевы Маріи-Луизы Гонзаго (совершенный гобелень), жупанъ Стефана Чарнецкаго, сорочка и сабля Костюпки. Въ одной изъ залъ бережно сохраняется огромная московская хоругвь, потерянная Дмитріемъ Шуйскимъ въ несчастной битвѣ 24 іюня 1610 года подъ Клушинымъ. Хоругвь бархатная, малиноваго цвѣта, съ вытканными на ней золотомъ и серебромъ изображеніями святыхъ,—вполнѣ художественное произведеніе. Въ составъ второго отдѣла, кромѣ богатѣйшей библіотеки, входятъ: миниатюры, ткани, керамика, предметы вооруженія, медали, монеты и картинная галерея. Въ послѣдней, между прочимъ, находятся: «портретъ молодого человѣка» Рафаэля, нѣсколько картинъ Леонарда-да-Винчи, рѣдкій пейзажъ Рембрандта, неоконченная картина Матейки—печальной памяти «1863 годъ», со всѣми его ужасами... Для любителей нумизматики огромный интересъ долженъ представлять музей графовъ Чапскихъ, помѣщающійся на Вольской улицѣ, въ домѣ графини Чапской, съ надписью на фронтонѣ: «Monumentis Patriae naufragio evertis». Здѣсь собраны громадныя коллекціи монетъ и медалей, оставшіяся послѣ покойнаго знаменитаго нумизмата графа Э. Гутенъ-Чапскаго, библіотека, старинное оружіе, пояса, ордена и т. п. Завѣдываетъ музеемъ молодой талантливый ученый, докторъ Феликсъ Копера, бывший въ Россіи въ ученыхъ командировкахъ. Въ заключеніе не можемъ не упомянуть о паркѣ имени доктора Иордана, какъ имѣющемъ огромное воспитательное значеніе для краковской молодежи. Паркъ возникъ на мѣстѣ бывшей въ 1887 году промышленной выставки. Докторъ Иорданъ устроилъ на свой счетъ разнообразныя игры и гимнастическія приспособленія для дѣтей обоюго пола. Дѣти занимаются играми подѣ наблюдениемъ особыхъ, нанимаемыхъ имъ, руководителей. А для того, чтобы подростающее поколѣніе имѣло передъ своими глазами примѣры гражданской доблести, въ паркѣ разставлены въ разныхъ мѣстахъ бюсты королей, полководцевъ, ученыхъ. Паркъ Иордана, насколько мы могли убѣдиться, пользуется большою популярностью даже за предѣлами Австріи.

Заканчивая историческій очеркъ краковскихъ достопримѣчательностей, не можемъ не выразить удовольствія, что того духа, который съ легкимъ сердцемъ истреблялъ превосходнѣйшія произведенія строительнаго искусства въ угоду новому вкусу или новымъ потребностямъ, не существуетъ у современныхъ краковскихъ зодчихъ. Напротивъ, они съ достойнымъ уваженіемъ вниманіемъ разыскиваютъ мельчайшіе остатки древняго искусства и архитектуры и не впадаютъ ни въ бездушный шаблонъ, ни въ болѣзненный модернизмъ.

Г. А. Воробьевъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Н. Ѳ. Селивановъ. Монашеская республика. Письма съ Аѳона. Спб. 1900.

ВЕСНОЮ настоящаго года г. Селивановъ совершилъ поѣздки на Аѳонъ съ цѣлью «ознакомиться воочию съ положеніемъ монашества на Аѳонѣ и съ остатками византійской живописи въ монастыряхъ и поклониться его святынямъ» (стр. 11). Результаты этого знакомства сообщены имъ въ настоящей брошюрѣ, изложенной въ формѣ писемъ (VIII), большая часть коихъ (VII), въ нѣсколько сокращенномъ видѣ, была напечатана раньше въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Въ брошюрѣ разсказывается исторія аѳонскаго монашества вообще и каждаго изъ святогорскихъ монастырей въ отдѣльности, описывается современная иноческая жизнь на Святой Горѣ, характеризуются главные виды формы подвижничества, уясняется значеніе Аѳона въ исторіи православно-христіанской церкви, разсматривается аѳонская живопись въ ея исторіи и современномъ состояніи и т. п. Вообще г. Селивановъ передаетъ въ указанной брошюрѣ «свои личныя впечатлѣнія» объ аѳонскомъ монашествѣ, «какъ они отпечатались въ его сознаніи» (стр. 55) во время путешествія.

По нашему мнѣнію, нѣкоторыя изъ впечатлѣній, коими г. Селивановъ дѣлится въ настоящей брошюрѣ съ своими читателями, «отпечатались» въ его сознаніи невѣрно и ошибочно, а нѣкоторыя сужденія и доказательства, кои создались у него на основаніи этихъ впечатлѣній, односторонни, необъдѣланны и несправедливы.

Начнемъ съ перваго письма (стр. 3—11), имѣющаго видъ предисловія ко всей брошюрѣ почтеннаго паломника. Здѣсь авторъ, прежде всего, опредѣляетъ

значеніе Аѳона, который, по всему, есть, во-первыхъ, очагъ православнаго благочестія и, во-вторыхъ, — хранитель образцовъ византійскаго искусства (стр. 3). По нашему мнѣнію, г. Селивановъ неполно указываетъ значеніе св. Горы Аѳонской. Именно, онъ ничего не говоритъ о просвѣтительныхъ заслугахъ аѳонскихъ монастырей и монаховъ. А между тѣмъ въ исторіи греко-восточной церкви Аѳонъ и тѣмъ замѣчательнъ, что всегда служилъ приютомъ науки и просвѣщенія. Здѣсь существовала духовная школа, да и теперь есть одна, — монахи съ большою любовью занимались наукою, преимущественно богословскою, съ рѣдкимъ усердіемъ переписывали рукописи самаго разнообразнаго содержанія и тщательно составляли библіотеки, которыя и теперь привлекаютъ на Аѳонъ ученыхъ самаго разнообразнаго направленія. Какъ очагъ учености и просвѣщенія, Аѳонъ имѣлъ громадное культурное вліяніе въ византійскую эпоху: отсюда свѣтъ науки и знанія распространялся во всѣ предѣлы обширной Византійской имперіи чрезъ посредство аѳонскихъ иноковъ, составленныхъ ими литературныхъ произведеній и переписанныхъ рукописей. Но не только Византія, но и другія сосѣднія государства — Грузія, Болгарія, Сербія и Россія, подпали культурному вліянію Аѳона чрезъ посредство монастырей Иверскаго, Хиландарскаго, Зографскаго и св. Пантелеймона, которые снабжали ихъ рукописными аѳонскими сокровищами. Вообще, не отмѣтитъ культурныхъ заслугъ Аѳона, какъ это дѣлаетъ г. Селивановъ, — пробѣлъ не малый въ опредѣленіи его значенія, тѣмъ болѣе, что и теперь аѳонскія книгохранилища считаются богатѣйшими и важнѣйшими по обилію и разнообразію содержащихся здѣсь рукописей.

Далѣе г. Селивановъ перечисляетъ русскую и иностранную литературу объ Аѳонѣ и кратко характеризуетъ ее (стр. 4—5). И здѣсь почтенный путешественникъ допускаетъ немало пробѣловъ. Онъ указываетъ сочиненія, большею частію, второстепенныя и давно уже потерявшія почти всякое значеніе, и не знаетъ сочиненій новѣйшихъ, вполнѣ научныхъ и весьма цѣнныхъ для исторіи Аѳона. Такъ, изъ всей аѳонской энциклопедіи нашего знаменитаго византолога-путешественника, епископа Порфирія Успенскаго, г. Селивановъ знаетъ только какой-то его трудъ «о памятникахъ аѳонской письменности» (?!), но не имѣетъ представленія о канитальнѣйшей «Исторіи Аѳона» въ трехъ частяхъ (Кіевъ, 1877), о «Первомъ» и «Второмъ путешествіи въ аѳонскіе монастыри и скиты» (въ шести томахъ) и о многихъ журнальныхъ его статьяхъ, — которыя, въ своей совокупности, должны служить настольными книгами для всякаго, кто желаетъ ознакомиться съ достовѣрной исторіей аѳонскаго монашества. Не знаетъ г. Селивановъ и книги Соколова «Состояніе монашества въ византійской церкви въ IX—XII вѣкахъ» (Казань, 1894), гдѣ исторіи Аѳона посвящена цѣлая, довольно обширная глава. Нечего и говорить, что г. Селивановъ не ознакомился и съ двумя прекрасными сочиненіями объ Аѳонѣ иностранныхъ авторовъ, а именно: *Μανουήλ Γεδεών*, 'Ο Ἅθως (Константинополь, 1885) и Ph. Meyer, «Die Hauptturkunden für Geschichte der Athosklöster» (Leipzig, 1894). Весьма жаль, что г. Селивановъ лишенъ быть возможности прочитать указанныя сочиненія, вполнѣ научныя, серьезныя и важныя, въ коихъ исторія Аѳона изложена вполнѣ достовѣрно, на основаніи подлинныхъ

документовъ и историческихъ свидѣтельствъ византійскихъ писателей. Тогда ему не пришлось бы обращаться къ сочиненіямъ сомнительной цѣнности, каковы труды Мелентія, Пареенія, Анисимова и другихъ, и онъ былъ бы избавленъ отъ весьма многихъ ошибокъ, которыя теперь встрѣчаются въ его брошюрѣ.

Въ концѣ перваго письма г. Селивановъ ведетъ рѣчь «о значеніи и характерѣ православнаго монашества». Но, пользуясь трудами невысокой богословской цѣнности и не имѣя возможности, за недостаткомъ соответствующей научной подготовки, выработать по этому вопросу строго-опредѣленный взглядъ, онъ сводитъ сущность монашества къ отчужденію отъ міра, посту и непрестанной молитвѣ (стр. 11). Въ этомъ опредѣленіи указаны только формы обнаруженія аскетической настроенности, но собственно сущность монашества, его особенности и идеалы не уяснены. Православное монашество есть ревность и сила пребывать въ дѣятельномъ, путемъ постничества, дѣвства и отшельничества, общеніи съ Богомъ, по вѣрѣ во Христа, при помощи благодати Божіей, для усвоенія себѣ истинно-христіанской настроенности, какъ равно ко спасенію; евангельскій идеаль—быть въ единеніи съ Богомъ—въ монашествѣ истолковывается болѣе всего со стороны его духовности и божественности, при чемъ матеріальныя, земныя интересы совсѣмъ отодвигаются на задній планъ. Вотъ въ чемъ состоитъ, по нашему разумѣнію, сущность православнаго монашества, какъ она раскрыта въ твореніяхъ отцовъ христіанской церкви.

Во второмъ письмѣ (стр. 12—21) г. Селивановъ описываетъ свой путь отъ Петербурга до Константинополя и пребываніе въ этомъ послѣднемъ. На стр. 18 онъ, между прочимъ, говоритъ о константинопольской мечети Кахрие-Джами, замѣчая, что это — «древній монастырь Кора, созданіе котораго относится ко II—III вѣку». Конечно, здѣсь разумѣется монастырь Хора (ἡ Χώρα), основаніе коего никакъ нельзя относить ко II—III вѣку, такъ какъ Константинополь сдѣлался столицей государства и вмѣстѣ центромъ религіозной жизни лишь въ IV вѣкѣ, при Константинѣ Великомъ, да и монашество стало распространяться въ городахъ и селахъ лишь послѣ того, какъ христіанство при этомъ императорѣ было объявлено господствующей религіей.

Въ третьемъ письмѣ (стр. 22—32) рѣчь идетъ объ Аѳонѣ. Въ разсказѣ о возникновеніи и судьбѣ аѳонскаго монашества (стр. 27—28) г. Селивановъ допускаетъ немало ошибокъ. Такъ, онъ не отмѣтилъ весьма крупнаго факта въ первоначальной исторіи Аѳона, именно того, что въ 676 году византійскій императоръ Константинъ Пагонатъ отдалъ Аѳонъ монахамъ для обитанія. Преподобный Аѳанасій Аѳонскій, котораго г. Селивановъ несправедливо называетъ «Великимъ», построилъ свою лавру не въ 961 году, какъ полагаетъ нашъ авторъ, но позднѣе, — въ 963—964 годахъ, при содѣйствіи императора Никифора Фоки. Императоръ Василій Македонянинъ царствовалъ не въ XI вѣкѣ, а въ IX (867—886 г.). Число аѳонскихъ монастырей простиралось въ X—XIV вѣкахъ, по словамъ г. Селиванова, до 150; между тѣмъ въ аѳонскомъ уставѣ 1046 года ихъ насчитывается 180, а римскій папа Иннокентій III въ одномъ изъ своихъ писемъ отъ 1214 года, говоритъ, что св. Гора была покрыта тремя стами монастырей. Г. Селивановъ слишкомъ поверхностно понимаетъ

иконоборческое движеніе, когда говорить, что «главнымъ основаніемъ для иконоборства послужило желаніе ослабить монашеское вліяніе»: иконоборство глубже и шире захватывало церковно-общественную жизнь Византіи.

Письмо четвертое (стр. 32—43) описываетъ современное устройство на Аѳонѣ монастырей штатныхъ и общежительныхъ, положеніе келій, калитвъ и пещеръ и т. д., авторъ обнаруживаетъ здѣсь знакомство съ современнымъ бытомъ аѳонскихъ монаховъ.

Письмо пятое (стр. 43—61) начинается изложеніемъ исторіи русскаго на Аѳонѣ монастыря. И здѣсь допущены нѣкоторые пробѣлы. Г. Селивановъ начинаетъ разсказъ о пребываніи русскихъ монаховъ на Аѳонѣ съ 1169 года. Между тѣмъ, положительно извѣстно, что русскіе около 1043 года уже имѣли на Аѳонѣ свой особый, съ правами самостоятельности монастырекъ, который былъ извѣстенъ подъ именемъ «Богородицы Ксилургу», съ придаточнымъ названіемъ монастыря руссовъ, съ храмомъ во имя Успенія Богородицы. Во времени императора Алексѣя I Комнина (1081—1118 г.), на Аѳонѣ было уже значительное число русскихъ подвижниковъ. Слаба историческая часть и въ разсказѣ о монастырѣ Дохиарскомъ.

Но довольно: мы не скоро окончили бы отмѣчать ошибки и пробѣлы въ брошюрѣ г. Селиванова, а между тѣмъ наша замѣтка и безъ того разрослась. Скажемъ лишь въ заключеніе, что г. Селивановъ, готовясь къ поѣздкѣ на Аѳонъ, познакомился съ его исторіей при помощи весьма слабой, въ научномъ отношеніи, литературы, и поэтому привнесъ въ свои письма немало ошибочныхъ свѣдѣній. Что касается его личныхъ впечатлѣній, то они немного отличаются по своему содержанію отъ впечатлѣній многихъ другихъ случайныхъ путешественниковъ на св. Гору изъ среды нашихъ соотечественниковъ. Поэтому, желающіе ознакомиться съ современнымъ состояніемъ монашества на Аѳонѣ немного бы потеряли, еслибы г. Селивановъ ограничился передачей своихъ впечатлѣній только на столбцахъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей».

Σ.

А. П. Воскресенскій. Принцезы острова, ихъ прошлое и настоящее въ связи съ бытомъ древней Византіи. Въ двухъ частяхъ. Спб. 1900.

Книга г. Воскресенскаго начинается ex abrupto: безъ всякаго предисловія или введенія, авторъ прямо пишетъ—«Часть первая. Византія» и, ничто же сумняся, ведетъ рѣчь о Константинополѣ въ до-христіанскую эпоху, потомъ въ первые вѣка христіанства и т. д. Странная, чтобы не сказать болѣе, манера писательства, избочающая въ авторѣ дурную школу. Авторъ, безспорно, выбралъ для историческаго обслѣдованія прекрасную тему, тѣмъ болѣе, что въ нашей литературѣ о Принцевыхъ островахъ почти ничего нѣтъ. Въ иностранной литературѣ можно указать нѣсколько прекрасныхъ сочиненій, въ коихъ изложена и византійская эпоха въ исторіи этихъ острововъ, и современное ихъ состояніе. Таковъ, напримѣръ, трудъ французскаго ученаго Шлюмберже. Но извѣстенъ ли этотъ трудъ г. Воскресенскому, какъ нашъ авторъ

имъ пользовался, да и чѣмъ вообще пользовался при составленіи своихъ очерковъ,—изъ книги его не видно, хотя читателю знать это очень важно,—дабы правильно судить о достоинствѣ книги. Здѣсь мы встрѣтили ссылки лишь на три труда: г. Ремезова «Возмущеніе въ Византіи въ VI вѣкѣ», П. В. Безобразова «Черты византійскихъ нравовъ и культуры» и Альфреда Рамбо «Исторія Византіи X вѣка»; послѣдняя книга существуетъ только во французскомъ оригиналѣ, но г. Воскресенскій цитируетъ ее а равно и другія, бывшія у него подъ руками, сочиненія глухо, безъ указанія года изданія и страницъ: непозволительный литературный приемъ! Впрочемъ, небрежность г. Воскресенскаго простирается до того, что онъ не помѣстилъ въ концѣ или въ началѣ своей книги даже простого оглавленія... Однако, посмотримся, что даетъ въ ней г. Воскресенскій.

Книга дѣлится на двѣ части. Первая часть озаглавляется—«Византія». Сказавши въ самомъ началѣ этой части, что Принцезы острова, числомъ девять, лежатъ въ Мраморномъ морѣ, нынѣ принадлежатъ Турціи, а прежде были греческимъ владѣніемъ, авторъ продолжаетъ: «Такъ какъ исторія этихъ острововъ находится въ непосредственной связи (еще бы!) съ исторіей великолѣпной (?) Византіи и главнымъ образомъ съ исторіей столицы ея Константинополь (sic), то мы, прежде чѣмъ приступить къ описанію ихъ, считаемъ нелишнимъ (почему же?) познакомить нашего читателя и съ колыбелью (?) православія—городомъ царя Константина, или, какъ онъ справедливо назывался (да и теперь, прибавимъ мы, называется — въ титулѣ константиновскаго патріарха), «Новымъ Римомъ» (стр. 3). Въ силу столь глубокомысленныхъ логическихъ соображеній, г. Воскресенскій всю первую часть своей книги (страницы 3—77) посвящаетъ «колыбели православія—Новому Риму». Въ этой части десять главъ. И о чемъ только не пишетъ здѣсь г. Воскресенскій? Первая глава (стр. 3—8) озаглавляется: «Древняя Византія». Тутъ рѣчь идетъ о Византіи—Константинополѣ въ дохристіанскую эпоху и въ первые вѣка христіанства. Во второй главѣ (стр. 8—17) описываются «Обломки языческаго міра», а проще сказать—языческій Римъ. Эту главу авторъ опять начинаетъ такъ: «Прежде, чѣмъ говорить о Принцевыхъ островахъ(,) мы считаемъ необходимымъ (?) познакомить нашихъ читателей съ тѣми причинами и положеніемъ дѣлъ, которыя создали Византію, разбивъ окончательно древній языческій міръ, его культуру, его вѣрованія и создавъ, вмѣсто прежняго стройнаго цѣлаго, нѣчто уродливое (?) такое же расшатанное, какъ и языческій Римъ въ свое послѣднее время, но опирающееся, однако, на такую великую почву, какъ христіанство» (да вѣдь оно, представляя «великую почву», все-таки создало, по автору, нѣчто уродливое и расшатанное?). Въ томъ же родѣ авторъ пишетъ и дальше, расходясь постоянно и съ логикой, и съ исторіей, и съ правилами стилистики. Въ третьей главѣ (стр. 17—26) описывается Новый Римъ, т. е. Константинополь, въ четвертой (стр. 26—32)—св. Софія, пятая глава (стр. 32—36) носитъ названіе: «Зданіе на пескѣ»; такимъ зданіемъ г. Воскресенскій называетъ Константинополь за разнообразныя пороки, существовавшіе въ средѣ народа и византійскаго двора. По сообщенію нашего автора, Константинополь «во внутренней—такъ сказать духовной сторонѣ своей мало

чѣмъ уступалъ своему первообразу», т. е. языческому Риму (стр. 32). Наговоривъ затѣмъ всякаго вздору о нравахъ и жизни константинопольскаго населенія, г. Воскресенскій съ алломбомъ замѣчаетъ: «Ясно (?) изъ всего сказаннаго, что только что возникнувъ при Константинѣ, раздѣлившись съ Римомъ при Галеріѣ, она (Византійская имперія) начала клониться къ упадку, какъ клонится и всегда близко къ упадку всякое зданіе, построенное на пескѣ. Византія, какъ вся страна, какъ все государство, какъ вся восточная имперія и олицетворявшій (?) ее въ одномъ себѣ Константинополь,—была именно такимъ зданіемъ» (стр. 36). Расписавшись въ этихъ словахъ въ полномъ своемъ невѣжествѣ по части византиновѣдѣнія, г. Воскресенскій продолжаетъ и дальше изображать нравы и обычаи византійцевъ, благо ему попалась подходящая книга г. Безобразова — «Черты византійскихъ нравовъ и культуры». Слѣдующія четыре главы: VI — «За пышной декорацией», VII — «Еще о недугахъ Новаго Рима», VIII — «Женщина Новаго Рима» и IX — «Значеніе женщины въ Византіи» (стр. 36—64), и представляютъ рядъ буквальныхъ выписокъ изъ книги г. Безобразова. Наконецъ, десятая глава (стр. 64—77) содержитъ въ себѣ «Картинки изъ жизни Византіи», заимствованныя изъ очерковъ г. Ремезова.

Такимъ образомъ, вся первая часть книги г. Воскресенскаго не имѣетъ внутренней логической связи съ главными предметами его повѣствованія — о Принцевыхъ островахъ и является совершенно лишней, — тѣмъ болѣе, что пять главъ изъ десяти, находящихся въ этой части, буквально заимствованы изъ изданій, вполне доступныхъ русской публикѣ, а остальные пять главъ представляютъ ученическое упражненіе по вопросу, который уже разработанъ въ многочисленной русской литературѣ и правильнѣе, и полнѣе, и грамотнѣе, чѣмъ у г. Воскресенскаго.

Во второй части (стр. 78—228) рѣчь идетъ о Принцевыхъ островахъ. Эта часть состоитъ изъ пятнадцати главъ. Въ нихъ описываются Принцевы острова въ современномъ положеніи, въ частности — Прота, Антигона, Халки, Принкино, Оксія и Плати, изображается ихъ судьба въ византійскую эпоху, когда эти острова служили очагомъ монашеской жизни и были покрыты многочисленными монастырями, когда они были свидѣтелями и политическихъ переворотовъ въ государствѣ, и церковныхъ споровъ, и непріятельскихъ набѣговъ на Византію, и разнообразныхъ культурныхъ перемѣнъ, которыя переживалъ богатый природными дарованіями и эллиническимъ наслѣдіемъ византійскій народъ; нерѣдко эти острова служили мѣстомъ ссылки различныхъ политическихъ дѣятелей, впавшихъ въ немилость при дворѣ, даже лицъ царской фамиліи и патріарховъ. Въ настоящее время эти острова служатъ дачною мѣстностью богатаго константинопольскаго населенія. На островѣ Халки существуетъ единственная въ константинопольскомъ патріархатѣ богословская школа, находящаяся въ монастырѣ св. Троицы, постройка котораго приписывается знаменитому патріарху IX вѣка Фотію, и служащая главнымъ разсадникомъ высшаго духовенства на Востокѣ. Кромѣ того, здѣсь существуетъ коммерческое училище.

Вторая часть книги г. Воскресенскаго написана интересно и складно, съ пониманіемъ быта Византіи и ея исторіи. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ сейчасъ подъ руками нѣкоторыхъ иностранныхъ сочиненій, чтобы правильно оцѣнить степень самостоятельности г. Воскресенскаго въ составленіи второй половины его книги.

Σ.

**Michał Rawicz-Witanowski. Monografia Leczycy. Z rysunkami.
Kraków. 1900.**

Авторъ разбираемой книги — не новичекъ въ исторической литературѣ. Его перу принадлежатъ нѣсколько очень интересныхъ монографій и этюдовъ, вышедшихъ въ свѣтъ за послѣднее десятилѣтіе. Таковы, на примѣръ, «Historya miast i mieszczan w krajach dawnego Państwa Polskiego» (Познань, 1890), составленная на основаніи матеріаловъ, собранныхъ покойнымъ В. Мацѣиовскимъ, «Lud wsi Stradomia pod Częstochowna» (Краковъ, 1893), — этнографическій очеркъ, изданный Краковскою академіею наукъ, «Grobowiec ostatniego z Zawiszów Czarnych» (Краковъ, 1893) и другіе. Ленчица (нынѣ уѣздный городъ Калишской губерніи), исторіи которой г. Витановскій посвятилъ свой послѣдній трудъ, принадлежитъ къ числу старѣйшихъ польскихъ городовъ и при томъ городовъ богатыхъ исторіею. Впервые на страницахъ исторіи имя Ленчицы встрѣчается подъ 1108 годомъ, когда Болеславъ Кривоустый воевалъ съ братомъ своимъ Збигневомъ. Болеславъ занялъ тогда Ленчицу, которая скоро затѣмъ стала играть важную роль въ политической жизни страны, какъ мѣсто княжескихъ съѣздовъ и духовныхъ синодовъ. Первый такой съѣздъ происходилъ въ 1180 году. Въ Ленчицу съѣхались князья: Болеславъ—вrocławскій, Лешекъ—мазовецкій и Оттонъ—познанскій съ многочисленными свѣтскими и духовными сановниками для санкціи постановленій и договоровъ, вызванныхъ современными нуждами. При раздѣлѣ монархіи Пястовъ между сыновьями Казимира Справедливаго Ленчица досталась Конраду. Сыновья Конрада Казимиръ и Земовитъ отнимаютъ ее другъ у друга. Лешекъ Черный, Казимиръ, наконецъ, Владиславъ Локетекъ княжатъ одинъ послѣ другого. Со временъ послѣдняго Ленчица вошла въ составъ коронныхъ земель. Казимиръ Великій отстроилъ замокъ и окружилъ городъ каменными стѣнами. Онъ же подарилъ ленчицкую землю своему внуку — князю щегинскому Казимиру (1370), но Людовикъ венгерскій взялъ ее въ обмѣнъ на землю добрижинскую. Въ 1400 году Владиславъ Ягелло даровалъ Ленчицѣ хелминское право. Тевтонскіе рыцари, во второй половинѣ XIV и въ началѣ XV вѣковъ, неоднократно опустошали городъ. При Казимирѣ Ягеллончикѣ, въ 1418 году, здѣсь, на съѣздѣ, утвержденъ извѣстный ленчицкій статутъ. Здѣсь же Казимиръ принялъ двѣ депутаціи — въ 1454 г. отъ городовъ и земель прусскихъ, принявшихъ польское подданство, и въ 1474 г. баварскихъ пословъ, просившихъ руку королевы Ядвиги для князя Юрія. Начиная съ XVII вѣка какъ значеніе, такъ и благосостояніе Ленчицы начинаютъ падать. Съѣзды политическіе и духовные прекращаются, такъ какъ очагъ политической жизни страны переносится сначала въ Малую Польшу, потомъ въ Варшаву. Въ 1655 году городъ заняли

шведы. Въ слѣдующемъ году, послѣ 11-дневной осады, ихъ выгнали поляки, при чемъ перерѣзали еврейское населеніе за его, будто бы, симпатіи къ шведамъ и за то, что евреи бросали камнями въ поляковъ, шедшихъ на штурмъ. Въ 1724 году ленчицкіе евреи получили привилегію на торговлю разными товарами и съ тѣхъ поръ забрали послѣднюю въ свои руки. Въ 1794 году пожаръ испепелилъ Ленчицу. Прусское правительство возстановило замокъ и стѣны и устроило шанцы. Австрійское войско, въ 1809 г., разрушило укрѣпленія. Осталась отъ нихъ лишь башня съ частію стѣны. Да и та уничтожена въ 1834 году чуть ли не на половину, благодаря стараніямъ «лакомаго на строительный матеріалъ» бургомистра («Słownik geograficzny Król. Polskiego» Хлѣбовскаго, 650).

Описаніе Ленчицы авторъ раздѣлил на три части. Первая, обнимающая собою четырнадцать главъ, заключаетъ въ себѣ исторію города отъ первыхъ о немъ упоминаній хроникъ до настоящаго времени. Во второй описываются историческіе памятники Ленчицы, а въ третьей—дополнительной—сообщаются свѣдѣнія о ленчицкомъ воеводствѣ, о каштелянахъ и старостахъ ленчицкихъ, объ учебныхъ заведеніяхъ, о торговлѣ и промышленности и въ заключеніе приводится мѣстная легенда «о дьяволѣ Борутѣ». Кромѣ первой части—исторической, содержаніе которой нами изложено выше, наибольшій интересъ представляетъ собою вторая часть—описаніе историческихъ памятниковъ Ленчицы. Здѣсь читатели находятъ подробныя, съ большимъ знаніемъ дѣла написанныя, монографіи знаменитаго tum'a подъ Ленчицею (въ 1½ верстахъ отъ нея)—костела, если не самаго древняго въ Польшѣ, то, во всякомъ случаѣ, принадлежащаго къ числу древнѣйшихъ въ краѣ¹⁾, приходскаго костела (faga), построеннаго въ XIII вѣкѣ, княжескаго замка, монастыря бернардиновъ и нѣсколькихъ—въ настоящее время уже не существующихъ—монастырей и костеловъ. Описанія г. Витановскаго не сухой перечень фактовъ и предметовъ, напротивъ, онъ умѣетъ заинтересовать читателя удачными выдержками изъ документовъ. Такъ, напримѣръ, рассказывая исторію ленчицкаго монастыря бернардиновъ, г. Витановскій приводитъ выдержку изъ дѣла объ умерщвленіи въ 1639 году евреями города Ленчицы христіанскаго ребенка съ цѣлю добытія крови. Дѣло это, очевидно, отголосокъ средневѣковыхъ обвиненій противъ евреевъ,—довольно интересно. 15-го апрѣля 1639 года въ деревнѣ Комашнице, у крестьянина помѣщицы Екатерины Каржницкой, Матеуша Михаловскаго, въ то время, когда послѣдній работалъ въ полѣ, украли двухлѣтняго мальчика, по имени Франциска. Похитителемъ, какъ оказалось послѣ, былъ нищій-бродяга Томашъ. Его подговорили ленчицкіе евреи, за полтора золотыхъ, достать христіанскаго ребенка. Подговорщики ожидали Томаша съ жертвою въ ближайшемъ лѣсу. Здѣсь они умертвили ребенка, нанеся ему, какъ обнаружилось на слѣдствіи, до ста ранъ желѣзнымъ оружіемъ и затѣмъ бросили тѣло въ заросль. Только 3-го мая случайно нашли его дворовые люди изъ Кома-

¹⁾ Построеніе костела въ Тумѣ преданіе относитъ ко временамъ введенія христіанства въ Польшу—967 г. Во всякомъ случаѣ тумскій костелъ памятникъ церковной архитектуры конца XI или начала XII вѣковъ. Г. В.

пищъ и доставили родителямъ. Послѣдніе отнесли тѣло въ костель «канониковъ регулярныхъ». Здѣсь, послѣ торжественнаго отпѣванія, 6-го мая, Франциска похоронили въ монастырскомъ склепѣ. Убийцы были схвачены и преданы суду. Люблинскій трибуналъ приговорилъ евреевъ Маера и Лазаря изъ Сobotы, а также и нищаго Томаша, къ смертной казни. Ихъ четверговали. Куски ихъ тѣлъ, воткнутые на колья и разставленные при дорогахъ, долго еще пугали прохожихъ.

Но этимъ дѣло еще не кончилось. Монастырскія власти заказали живописцу образъ, представляющій сцену мученій ребенка. Образъ этотъ помѣстили на фронтовой стѣнѣ монастырскаго костела, на виду у всѣхъ проходящихъ. Конечно, онъ мозолилъ глаза евреямъ и послѣдніе изыскивали всевозможныя средства, чтобы убрать ненавистную для нихъ картину. До 1825 г. шла ожесточенная борьба между бернардинами и евреями изъ-за образа. Евреи пересилили. 30-го марта 1825 года полиція сняла образъ и отвезла въ Варшаву (стр. 140). Образъ этотъ въ настоящее время сохраняется въ сакристїи монастырскаго костела подлѣ гробницы ребенка-мученика (138).

Легенда о дьяволѣ Боротѣ (187—191) дополняетъ рассказъ автора о ленчицкомъ замкѣ (111—116). Борута — любопытный типъ, созданнаго народною фантазією, мѣстнаго Мефистофеля, шляхтича въ душѣ, гуляки и драчуна, который если и дѣлаетъ гадости крещеному, то прежде всего «не своему брату» шляхтичу и дѣлаетъ ихъ не для того, чтобы человѣку причинить вредъ, а чтобы посмѣяться надъ нимъ. Впрочемъ, попытка Боруты свалить тумскій костель, въ чемъ обвиняетъ его народная легенда, останется вѣчнымъ несмыслимымъ пятномъ на репутаціи шляхетскаго чорта¹⁾. Народъ вѣритъ, что вотъ уже пятый вѣкъ, какъ Борута поселился въ подземельяхъ ленчицкаго замка и стережетъ скрытыя въ нихъ богатства.

«Монографія Ленчицы» издана тщательно и украшена 9 рисунками, которые, къ сожалѣнію, по своимъ качествамъ (за малыми исключеніями), не соответствуютъ тексту.

Г. А. Воробьевъ.

Гелльвальдъ. Исторія культуры. Въ трехъ томахъ. Переводъ подъ редакціей М. Филиппова. Спб. 1900.

Гелльвальдъ, умершій нѣсколько лѣтъ тому назадъ, бывший одно время редакторомъ журнала «Ausland», принадлежитъ, подобно Линнергу, къ ученымъ, изслѣдовавшимъ исторію культуры въ органической связи съ народо-вѣдѣніемъ. Онъ принадлежитъ къ сторонникамъ дарвинизма, приверженцамъ эволюціонной теорїи, безъ которой современное естествознаніе не можетъ обойтись.

Русское изданіе книги Гелльвальда представляетъ переработку послѣдняго нѣмецкаго изданія съ нѣкоторыми сокращеніями «излишняго балласта», но за то и дополненіемъ болѣе существенныхъ главъ.

¹⁾ Не напоминаетъ ли это покушеніе Боруты на тумскій костель борьбу Прометей съ Зевсомъ? Г. В.

Первый томъ содержитъ въ себѣ исторію первобытной культуры и древнихъ восточныхъ цивилизацій. Прежде чѣмъ изложить исторію первобытнаго состоянія человѣчества, въ книгѣ дается нѣсколько общихъ опредѣленій, служащихъ какъ бы руководящей нитью главной цѣли изслѣдованія. А цѣль эта заключается въ томъ, чтобы доказать, что исторія человеческой культуры, какъ и естественная исторія, есть просто исторія развитія, что человѣчество, хотя и косвеннымъ путемъ, всегда слѣдуетъ всѣмъ естественнымъ законамъ, въ ихъ совокупности, что исторія есть связанная цѣпь причинъ и слѣдствій, соединенныхъ между собою великимъ, господствующимъ, какъ въ природѣ, такъ и въ обществѣ, принципомъ причинности. Разматривая социальный законъ развитія, авторъ указываетъ, насколько онъ согласуется съ биологическимъ ученіемъ, доказывая это цѣлымъ рядомъ совершенно механическихъ аналогій, и смѣшивая научный объективизмъ съ индифферентизмомъ. По мнѣнію автора, природа и культура, сохраненіе и поступательныя движенія, прошедшее и будущее должны идти рука объ руку, а не отрицать и уничтожать другъ друга взаимно. Если кто проникнется этимъ взглядомъ, рассуждаетъ онъ, тотъ откажется отъ всякой страстности и партійности, одинаково отнесется спокойно, какъ къ политическимъ и социальнымъ бурямъ, такъ и къ борьбѣ между природными стихіями. Въ событіяхъ и потрясеніяхъ, въ политической и социальной жизни онъ увидитъ господство вѣчнаго, необходимаго и неизмѣнимаго закона природы, зародышъ новой жизни. Тогда «онъ все пойметъ и поэтому все проститъ». Нѣсколько туманное рассужденіе идетъ дальше о нравственномъ и естественномъ законѣ, гдѣ указывается на трудность провести различіе между естественнымъ и нравственнымъ закономъ.

Общій ходъ культурнаго развитія приведетъ автора этой главы (изданіе Гельвальда составлено при участіи нѣсколькихъ профессоровъ), извѣстнаго ученаго Генне-амъ-Рина, къ нѣкоторымъ обобщеніямъ, называемымъ имъ «железнымъ закономъ культуры». Сами по себѣ эти обобщенія не новы. Такъ, онъ указываетъ, что удаленныя отъ открытаго моря слишкомъ холодныя или очень жаркія части земной поверхности обречены на низкую культуру, мало благоприятную прогрессу, и наоборотъ, приморскія страны съ умѣреннымъ климатомъ создаютъ быстро прогрессирующую культуру. Традиционно относитъ авторъ дикарей къ этнографіи, а не къ исторіи культуры. Предковъ нынѣшнихъ культурныхъ народовъ онъ помѣщаетъ на первой ступени, доисторической. Слѣдующую ступень занимаютъ вѣ европейскіе культурные народы въ древности, т. е. народы востока. На третьей ступени онъ помѣщаетъ грековъ и римлянъ. Размѣщая дальше европейскіе народы въ ихъ постепенномъ ходѣ развитія, авторъ старается доказать, что съ развитіемъ культуры отдѣльные народы смыкаются другъ къ другу, и что въ далекомъ будущемъ всѣ культуры сольются, образуя всемірный союзъ государствъ; что человѣчество идетъ на встрѣчу возрастающей ассимиляціи, постепенному сліянію и полному упраздненію всѣхъ расовыхъ и національныхъ особенностей. Очень пріятная мечта, но доводы автора въ пользу ея осуществленія крайне слабы.

Иного взгляда держится авторъ слѣдующей статьи о географическомъ размѣщеніи культуры и первыхъ началахъ культуры. Въ противоположность Рину,

профессоръ Бюхнеръ придаетъ очень большое значеніе расовымъ различіямъ. Это неудобство для читателя—отсутствіе единства взглядовъ, является обычнымъ, къ сожалѣнію, недостаткомъ такого рода изданій, гдѣ авторы противоположныхъ направленій помѣщаютъ рядомъ свои статьи.

Въ русскомъ изданіи помѣщена весьма удачная глава о ледниковой эпохѣ, принадлежащая извѣстному геологу Бельше. Въ подлинникѣ этой статьи нѣтъ, а для настоящаго изданія она очень подходит. Почти половина перваго тома занята исторіей первобытной культуры. Далѣе идетъ, хорошо составленная докторомъ Шеферомъ, помощникомъ директора египетскаго отдѣла берлинскаго этнографическаго музея, исторія Египта, затѣмъ исторія древняго Китая, Индіи, Персовъ, Вавилоніи и Ассиріи, а такъ же израильскаго народа и Финикій. Составленные курсы, небольшіе по объему, даютъ достаточное знакомство съ исторіей востока.

Второй томъ посвященъ античной культурѣ. Исторія Греціи составлена профессоромъ Гольмомъ, а исторія Рима написана профессоромъ Зольтау, съ прибавленіемъ статьи въ русскомъ изданіи объ эллино-римской философіи. Здѣсь особенно хорошо изложены страницы о римской имперіи, удачно написана картина правовъ Рима въ началѣ императорской эпохи, и хорошо обрисована распространявшаяся по всемъ провинціямъ романизация. Въ главѣ о развитіи римскаго государства и христіанствѣ довольно хорошо представленъ постепенный ростъ христіанства въ Римской имперіи. Историкъ обратилъ въ этой главѣ особенное вниманіе на одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ исторіи быта христіанъ первыхъ вѣковъ нашей эры въ предѣлахъ Римской имперіи,—вопросъ о катакомбахъ, вызвавшій появленіе нѣсколькихъ замѣчательныхъ изслѣдованій. Профессоръ Зольтау опирается въ своемъ изложеніи на мнѣніе итальянскаго ученаго Росси, впервые поставившаго вопросъ изученія катакомбъ на научное основаніе и предпринявшаго капитальное изданіе своихъ изслѣдованій. Вообще справедливо, замѣчаетъ Зольтау, что римскія катакомбы являются не только трогательнымъ свидѣтельствомъ стойкости христіанъ въ дѣлахъ вѣры, но, «что бы тамъ ни говорили, онѣ являются свидѣтельствомъ въ пользу извѣстной гуманности и терпимости античнаго міра». Такъ же энергично опровергаетъ онъ мнѣніе, нерѣдко встрѣчающееся даже и теперь у историковъ искусства, а особенно у богослововъ, будто христіанство въ первые вѣка было враждебно искусству. Онъ доказываетъ рядомъ примѣровъ, что произведенія христіанъ въ области искусства нисколько не уступали произведеніямъ язычниковъ, что христіанское искусство процвѣтало и пришло въ упадокъ вмѣстѣ съ языческимъ искусствомъ.

Вотъ только въ вопросѣ о причинахъ паденія западно-римской имперіи историкъ мало отгѣнилъ значеніе экономическаго фактора въ этомъ процессѣ. Не находимъ такъ же оцѣнки дѣятельности Константина Великаго, его религіозной политики, административной организаціи, такъ же мало выяснены послѣдствія введенной Діоклетіаномъ правительственной системы и продолженной Константиномъ, а вѣдь весь общественный строй четвертаго вѣка держался, въ сущности, этой правительственной системы. Жаль, что нѣтъ характеристики императора Юліана, такъ какъ происшедшій поворотъ въ его царство-

ваніє къ возрожденію язычества представляетъ изъ себя одно изъ интереснѣйшихъ событій религіозной исторіи четвертаго вѣка.

Третій томъ распадается на два отдѣла: культуру среднихъ вѣковъ и новаго времени. Первая статья перваго отдѣла представляетъ собою небольшой эскизъ д-ра Конради средневѣковой культуры Азіи, которую онъ характеризуетъ, какъ стремленіе объединить различныя народности, населяющія Азію, въ одно цѣлое—въ одну азіатскую культурную единицу, а такъ же, какъ стремленіе соединить азіатскую культуру съ культурой Средиземнаго моря. Слѣдующая статья даетъ очеркъ исторіи культуры ислама до начала XVI-го столѣтія, гдѣ авторъ, разсматривая исторію ислама среднихъ вѣковъ, старается провести мысль о способности ислама къ внутренней реформѣ, о стремленіи его къ одухотворенію и идеализаціи. Глава о германцахъ доисторическаго времени разсматриваетъ государство и хозяйство древнѣйшихъ германцевъ, судопроизводство, общество, жизнь и нравы германцевъ и римское вліяніе до великаго переселенія народовъ, а затѣмъ идетъ очеркъ франкскаго государства Меровинговъ. Послѣ статей объ Англіи и Карлѣ Великомъ изложена сущность феодализма въ очеркѣ «Народы и государства въ средніе вѣка», гдѣ описывается внѣшняя сторона феодализма. Этимъ и заканчивается средневѣковая культура. Уже изъ одного перечня видно, какъ односторонне понимаютъ издатели культуру среднихъ вѣковъ. Въ изданіи вовсе не затронута основа средневѣковой культуры—папство и католическая церковь. Если говорить о феодализмѣ, наложившемъ отпечатокъ на всю соціально-политическую исторію Западной Европы и лежавшемъ въ основѣ всей ея соціальной организаціи, то необходимо было дать хоть общій очеркъ значенія католицизма, вліяніемъ котораго только и можно объяснить духовную культуру среднихъ вѣковъ. Новая исторія характеризуется временемъ упадка и разложенія католико-феодальной системы, поэтому нѣсколько неожиданными являются слѣдующія статьи, въ которыхъ разсматривается культура новаго времени.

Второй отдѣлъ начинается прекрасной статьей знатока гуманизма Гейгера «Возрожденіе и реформація». Слабѣе изложенъ у него итальянскій гуманизмъ, чѣмъ нѣмецкій, а начало возрожденія онъ ищетъ въ паденіи Константинополя, какъ бы забывая о значеніи Петрарки. Въ опредѣленіи Гейгеромъ гуманизма видно сильное вліяніе Буркхарта. Глава о нѣмецкомъ гуманизмѣ, написанная имъ же, довольно суха и переполнена множествомъ именъ, среди которыхъ мало отведено мѣста знаменитымъ гуманистамъ Рейхлину, Эразму и Гуттену. Другая статья, разсматривающая развитіе абсолютизма въ Европѣ, принадлежитъ Филиппсону. Въ ней авторъ выясняетъ возникновеніе абсолютизма и указываетъ на отличительныя его особенности при Людовикѣ XIV. Онъ указываетъ, главнымъ образомъ, на установленіе постоянныхъ армій и на развитіе бюрократіи, но не отмѣчаетъ отношенія между королевскою властью и церковью. Это отношеніе было различнымъ въ странахъ протестантскихъ и странахъ католическихъ. Далѣе, имъ не охарактеризована борьба королей съ политической стороною феодализма и сохраненіе ими за дворянами соціальныхъ привилегій.

Заканчивается глава характеристикой экономическаго развитія Европы,

въ частно ти меркантильной и фізіократической системъ, характеристикой очень блѣдной, и въ особености не достаточной для выясненія ученія фізіократовъ. Въ концѣ книги приложены очень скверные рисунки, а все изданіе не привлекаетъ своей внѣшностью.

П. А—чь.

Альфредъ Штернъ. Исторія революціи въ Англии. Переводъ со второго нѣмецкаго изданія Г. Ѳ. Львовича. Спб. 1900. Изданіе Л. Ф. Пантелѣва.

Англійская революція противъ абсолютизма Стюартовъ, происшедшая за полтора вѣка до великой французской революціи, имѣетъ нѣсколькихъ своихъ блестящихъ историковъ, а въ послѣднее время нѣкоторыя сочиненія по исторіи англійской революціи переведены и у насъ: таковы сочиненія Гардинера и Бернштейна. Особенно важное значеніе имѣетъ переводъ замѣчательной книги Бернштейна «Общественное движеніе въ Англии XVII вѣка», гдѣ изображена соціальная исторія англійской революціи. Вышедшая недавно по-русски книга по исторіи революціи принадлежитъ перу цюрихскаго профессора исторіи Штерна, достаточно хорошо извѣстнаго своими біографическими трудами о Мильтонѣ и о Мирабо, а также книгой о прусскихъ преобразованіяхъ, и въ особености «Исторіей Европы въ XIX вѣкѣ». Въ извѣстномъ историческомъ изданіи Онкена, Штернъ взялъ на себя написать исторію англійской революціи. Вышедшее въ Берлинѣ въ 1881 году, его сочиненіе представляетъ собою сжатую, но блестящую, хотя и не полную исторію этого замѣчательнаго момента въ жизни Англии. «Англійская революція—по мнѣнію историка—должна занять во всеобщей исторіи менѣе важное мѣсто, чѣмъ французская. Не взволновалъ столь же глубоко англійскаго народа, не произвелъ такого потрясенія соціальныхъ установленій, какъ это случилось во Франціи, она не вторглась также въ жизнь остальныхъ государствъ и не вызвала перемѣнъ въ политическомъ и общественномъ строѣ нашей части свѣта». Стремленія англійской революціи, по мнѣнію автора, были прежде всего политическія и церковныя. Такая точка зрѣнія страдаетъ односторонностью, такъ какъ въ исторіи англійской республики, кромѣ религіознаго и политическаго антагонизма, существовалъ еще соціальный антагонизмъ, игравшій очень крупную роль во всѣхъ этихъ событіяхъ. Еще Гизо въ своей исторіи англійской революціи указалъ на то, что подъ борьбой политическихъ и религіозныхъ партій «скрывалась общественная борьба—борьба различныхъ народовъ за вліяніе и власть»... «Въ одномъ изъ первыхъ парламентовъ», говоритъ онъ, «въ царствованіе Карла I, съ удивленіемъ замѣчено было, что палата депутатовъ втрое богаче палаты лордовъ. Высшая аристократія уже не имѣла и не доставляла престолу, который она продолжала окружать, прежняго перевѣса въ націи». Слѣдовательно, среди другихъ важнѣйшихъ причинъ соціальнаго движенія въ Англии середины XVII вѣка большое значеніе играетъ быстрый ростъ общественныхъ классовъ въ палатѣ общинъ, давшій, благодаря революціи, торжество демократіи надъ аристократіей.

Но для Штерна вопросъ социальный не такъ важенъ, и онъ обходитъ его въ своемъ изложеніи. Чтобы выяснитъ «корни революціи», Штернъ останавливается на значеніи англійской революціи. Все сочиненіе Штерна распадается на четыре книги. Въ первой книгѣ идетъ изложеніе событій отъ вступленія на престолъ Карла I до начала междоусобной войны, вторая книга заканчивается казнью Карла I, третья — содержитъ въ себѣ исторію республики до учрежденія протектората и четвертая излагаетъ исторію протектората до реставраціи Стюартовъ. Штернъ опирается на новѣйшую литературу по исторіи англійской революціи. Въ немногихъ словахъ, но очень удачно рисуетъ онъ портретъ Карла I, описываетъ первые парламенты при немъ и рассказываетъ о разрывѣ между королемъ и парламентомъ. Отдѣльная глава посвящена абсолютизму въ церкви и государствѣ. Здѣсь историкъ съ обычной талантливостью, сжато, рассказываетъ о финансахъ, звѣздной палатѣ, о корабельной подати и знаменитомъ процессѣ Гембдена. Извѣстно, что настроеніе англійской націи сильно измѣнилось послѣ дѣла Гембдена, и ко времени открытія долгаго парламента выросла громадная брошюрная литература, въ которой разивалась политическая программа враждебной королю партіи. Штернъ, къ сожалѣнію, не касается этой оппозиціонной литературы и въ дальнѣйшемъ изложеніи очень слабо характеризуетъ политическія идеи Пима. Вторая книга излагаетъ наиболѣе запутанный вопросъ въ исторіи англійской революціи—образованіе въ долгомъ парламентѣ партій. Но Штернъ лишь слегка касается религиозныхъ отношеній въ Англии того времени и не удѣляетъ должнаго вниманія исторіи индепендентства, а это повело къ тому, что въ его сочиненіи вовсе не выясненъ составъ политическихъ партій того времени. Онъ не касается того существеннаго вопроса, какъ движеніе индепендентовъ постепенно приняло демократическій характеръ, и какъ принципы индепендентства окрасили собою литературу и политику того времени.

Блестящую характеристику Кромвеля мы находимъ въ этой же книгѣ. Остальныя двѣ книги даютъ вышнюю исторію англійской революціи. Такъ, историкъ очень добросовѣстно рассказываетъ о войнѣ съ ирландцами и шотландцами, объ отношеніи разныхъ государствъ въ англійской республикѣ, излагаетъ внутреннюю политику Кромвеля, отношенія при немъ къ Испаніи и Франціи и т. п. Читатель не найдетъ въ этомъ изложеніи новаго освѣщенія извѣстныхъ уже фактовъ, но не найдетъ онъ также характеристики левеллеровъ. Авторъ не знакомитъ читателя съ интереснѣйшею личностью того времени, Джономъ Лилберномъ, нападавшимъ чуть ли не на всѣ установленныя власти. Крайне любопытно это движеніе левеллеровъ съ ихъ политическими и національными требованіями, съ ихъ протестами противъ огораживанія полей, манифестами и прокламаціями: эта сторона англійской революціи Штерномъ не затронута, но русскій читатель можетъ обратиться къ названной нами книгѣ Бернштейна, удачно дополняющей сочиненіе Штерна. Переводъ «Исторіи» Штерна очень хорошъ.

П. К.—ій.

Bonneau. Ostatni konsul generalny rzeszy-pospolitej francuzkiej za Stanislawu Augusta (1759—1805). Przez Alexandra Kraushara. Lwów. 1900. (Вонно, послѣдній генеральный консулъ французской республики временъ Станислава Августа (1759—1805). Соч. Александра Краусгара. Львовъ. 1900.

Жанъ-Александръ-Ивъ (Yves) Бонно — замѣчательная личность конца XVIII вѣка. Будучи французскимъ гражданиномъ и дипломатическимъ агентомъ французской республики при дворѣ польскаго короля Станислава-Августа, онъ, въ 1793 году, по требованію русскаго правительства, былъ арестованъ въ Варшавѣ, разлученъ съ семействомъ, высланъ въ Россію и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость. Причина такихъ злоключеній Бонно кроется въ его profession de foi.

Политическія убѣжденія Бонно оригинальны.

Насколько можно судить по его перепискѣ, изданной въ книжкѣ, заглавіе которой приведено выше. Бонно былъ завзятымъ якобинцемъ. А извѣстно, что въ концѣ XVIII вѣка, послѣ казни Людовика XVI въ Парижѣ и воцаренія терроризма во Франціи, страшная ненависть ко всему, что только имѣло съ якобинизмомъ хотя бы самую отдаленную связь, господствовала противъ французовъ въ цѣлой Европѣ. Делегатъ «Комитета общественной безопасности», гражданинъ П. Парандье, 9-го марта 1893 года, доноситъ министру иностранныхъ дѣлъ Лебрюну объ изданномъ императрицею Екатериною указѣ противъ французовъ, проживавшихъ въ русскомъ государствѣ. Духовенству поручалось отобрать отъ нихъ присягу на вѣрность престолу, французскимъ эмигрантамъ вмѣнялось въ обязанность отречься отъ правъ французскихъ гражданъ и поклясться въ ненависти и мщеніи убійцамъ Людовика XVI, «законнаго монарха Франціи». Не подлежитъ сомнѣнію, что Бонно былъ также извѣстенъ петербургскому двору въ качествѣ автора проекта возстановленія Польши и, слѣдовательно, противника современной ему польской политики правительства Екатерины II. Какъ авторъ помянутаго проекта, Бонно оставилъ яркій слѣдъ въ польской исторіи. Онъ мечталъ о воскрешеніи или возстановленіи Польши, не въ полномъ уже объемѣ ея границъ XV—XVI вѣковъ, а хотя бы въ части земель, захваченныхъ сосѣдами по третьему ея раздѣлу. Эту мысль Бонно давно уже делѣялъ и особенно подробно развилъ въ меморіалѣ, составленномъ имъ по порученію консула Бонапарте и представленномъ послѣднему 15-го ноября 1799 года. Необходимость возстановленія Польши, по мнѣнію Бонно, вызывается, во-1-хъ, тѣмъ, что съ «исключеніемъ ея изъ ряда народовъ» нарушено политическое равновѣсіе въ Европѣ; во-2-хъ, Европа и въ частности Франція нуждаются въ созданіи «со стороны Россіи такого оплота, котораго бы сія послѣдняя не въ состояніи была преодолѣть» (87). Автора проекта вообще пугаетъ «все болѣе и болѣе увеличивающееся» могущество Россіи, «не знающей границъ для своихъ честолюбивыхъ плановъ», стремящейся преодолѣть «всѣ стояція на пути преграды ея планамъ и подчинить своему господству остальную Европу» (82). Достигнуть осуществленія проектируемаго Бонно плана, по его мнѣнію, можно было бы путемъ переговоровъ съ тремя державами, подѣ-

лившими между собою Польшу. Австрія, отъ которой Бонно беретъ Галицію и Лодомерию, въ виду понесенныхъ ею поражений, жалѣть ихъ не будетъ. Прусскій дворъ охотно согласится на уступку бывшихъ польскихъ земель до самой Варты, лишь бы имѣть защиту отъ опасности, которая угрожаетъ ему со стороны Россіи. Что же касается послѣдней, то и она, надѣется Бонно, не будетъ противорѣчить тому, чтобы уступить провинціи бывшей Рѣчи Посполитой, лежація по лѣвому берегу Днѣстра. Въ случаѣ же какихъ либо съ ея стороны протестовъ, авторъ проекта рекомендуетъ заключеніе союза—съ одной стороны между Швеціею и Даніею, а съ другой съ Турціею. «50 тысячъ турокъ, внезапно вступившихъ въ предѣлы Крыма, безъ сомнѣнія, обезпечать намъ побѣду и вовлекутъ Россію въ безвыходное положеніе» (95).

Возстановленную такимъ образомъ Польшу, Бонно предполагаетъ соединить съ Саксоніею, курфирстъ которой будетъ польскимъ королемъ, и отдать новое соединенное государство подъ нѣмецкій протекторатъ.

Такова сущность проекта Бонно.

Справедливую оцѣнку его сдѣлать авторъ разсматриваемой книжки. «Уже самая идея включить остатки имѣющей воскреснуть Рѣчи Посполитой въ составъ нѣмецкой имперіи, хотя бы подъ протекторатомъ Саксоніи, доказываетъ, какъ мало, даже при лучшихъ побужденіяхъ, звалъ Бонно польскую исторію и условія народнаго быта» (98).

Проектъ Бонно не имѣлъ никакого практическаго значенія. Умерла Екатерина, и отношенія Франціи къ Россіи—при ея преемникѣ—измѣнились къ лучшему. Павелъ выгналъ изъ Митавы Бурбоновъ, а изъ Россіи французскихъ эмигрантовъ. Франція же въ благодарность за это обязалась положить предѣлъ у себя, дома, агитаціи польскихъ эмигрантовъ.

Бонно отсидѣлъ въ Петропавловской крѣпости четыре года. Его выпустили на свободу при Павлѣ. Онъ выѣхалъ за границу и поселился въ Парижѣ, гдѣ снова поступилъ на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Отсюда онъ подавалъ, въ 1802 году, прошеніе императору Александру I о возвратѣ ему потерь, понесенныхъ вслѣдствіе внезапнаго лишенія свободы. Но получилъ ли что нибудь—неизвѣстно.

Бонно умеръ въ Парижѣ, въ мартѣ 1805 года.

Книжка очень интересная. Жаль, что встрѣчается много опечатокъ (даже въ датахъ),—явленіе весьма рѣдкое въ заграничныхъ изданіяхъ.

Г. А. Воробьевъ.

В. Я. Вогучарскій. Маркизь Лафайетъ. Историческій очеркъ. Москва 1900. Изданіе магазина „Книжное Дѣло“.

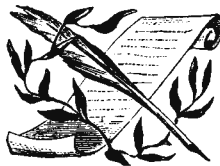
Однимъ изъ замѣчательныхъ людей французской исторіи конца прошлаго вѣка и первой половины нынѣшняго былъ маркизь Лафайетъ. Его біографъ Барду говоритъ, что «исторія его жизни есть исторія происхожденія новой Франціи». Дѣствительно, бурная и продолжительная жизнь Лафайета вызываетъ къ себѣ глубокій интересъ. «Лафайета привыкли представлять себѣ не иначе, какъ генераломъ національной гвардіи, съ трехцвѣтной кокардой на

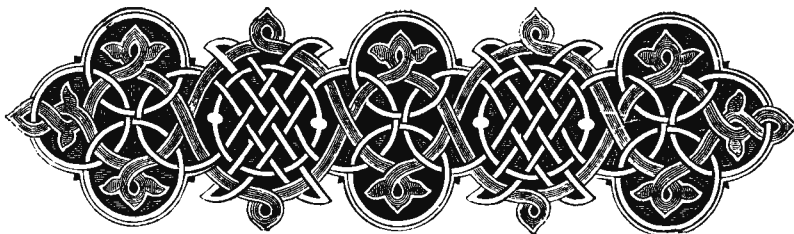
шляпѣ и всѣми прочими атрибутами революціонной эпохи, но Лафайетъ, какъ человѣкъ, какъ лучший представитель совершенно особаго типа французскихъ синьеровъ конца XVIII вѣка, какъ восхитительный собесѣдникъ, какъ великодушное сердце, какъ патриархъ «дней былыхъ», невольно заставляющій всѣхъ любить себя, съ кѣмъ только сталкивала его судьба, неужели съ этихъ сторонъ онъ не заслуживаетъ вниманія?» Такими словами опредѣляетъ свое отношеніе къ Лафайету г. Богучарскій. И нужно отдать справедливость біографу, что его прекрасная книга написана блестяще, одушевленно, вся проникнута любовью къ знаменитому дѣятелю трехъ революцій.

Для характеристики Лафайета авторъ нерѣдко пользуется его письмами къ разнымъ лицамъ. Мы совершенно раздѣляемъ важность этого приѣма и слова того нашего писателя, которыя авторъ приводитъ въ одномъ изъ своихъ примѣчаній: «письма больше, чѣмъ воспоминанія—на нихъ запеклась кровь событій. Это само прошедшее, задержанное и негнѣное». Авторомъ приведены письма Лафайета изъ Лондона, послѣ того, какъ онъ уѣхалъ въ Америку, вопреки желанію отца, и прекрасныя письма съ корабля «Викторіи», написанныя Лафайетомъ своей женѣ. Раненый въ сраженіи близъ Филадельфіи, онъ женѣ пишетъ о своей ранѣ въ самомъ шутовскомъ тонѣ, называя ее царшиной. Не менѣе интересны и другія, приводимыя г. Богучарскимъ письма, на примѣръ, письма Вашингтона. Но авторъ не ограничивается изображеніемъ міросозерцанія и душевныхъ свойствъ Лафайета. Очень живо, хотя и кратко, онъ рассказываетъ и о ходѣ событій, въ которыхъ выросли слава и популярность Лафайета, объ учредительномъ собраніи, якобинцахъ, наполеоновскомъ времени, приводя нерѣдко цѣликомъ лучшія рѣчи Лафайета. Авторъ вовсе не скрашиваетъ нѣкоторыхъ сторонъ характера Лафайета, указываетъ на его недалковидность, на политическую непредусмотрительность, но личность Лафайета, глубоко искренняго, открытаго и честнаго, пламеннаго энтузіаста, беззавѣтно преданнаго своимъ принципамъ, которымъ онъ никогда не измѣнялъ,—ярко и сильно выступаетъ въ книгѣ г. Богучарскаго. «Онъ и его друзья», говоритъ авторъ, «были типичными залогоми класса, шедшаго на смѣну того, къ которому они принадлежали по рожденію». Это былъ классъ, несущій «знамя будущаго».

Единственная на рускомъ языкѣ біографія Лафайета, написанная г. Богучарскимъ, займетъ, вѣроятно, подобающее мѣсто въ нашей историко-біографической литературѣ.

К. Н.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ раскопки на островѣ Критѣ. Англійскія газеты переполнены статьями о недавнихъ археологическихъ раскопкахъ, произведенныхъ англичаниномъ Артуромъ Эвансомъ на островѣ Критѣ. Онѣ имѣютъ значительное историческое значеніе и заслуживаютъ большого вниманія. Какъ извѣстно, Критъ былъ однимъ изъ центровъ первобытной цивилизаціи, и въ немъ находились легендарное царство Миноса, великаго законодателя, а также сто городовъ, о которыхъ упоминаетъ Гомеръ. Греческая мифологія считаетъ его даже мѣстороженіемъ Зевса и мѣстонахожденіемъ Дедала, отца архитектуры и пластическихъ искусствъ. Между доисторическими городами Крита первое мѣсто занималъ Кносъ, столица Миноса, а потому неудивительно, что вниманіе археологовъ давно обращено на эту мѣстность. Извѣстный Шлиманъ не разъ выражалъ желаніе произвести тамъ обширныя работы, а Стильманъ приступилъ къ небольшимъ раскопкамъ, но до сихъ поръ турецкое правительство мѣшало ученымъ изслѣдованіямъ, и какъ только установилось на Критѣ новое правительство, то англичанинъ Эвансъ, съ помощью двухъ учениковъ англійской школы въ Аѣнахъ, Гогарта и Макэнзи, приступилъ къ обширнымъ раскопкамъ, которыя дали блестящіе результаты, едва ли не болѣе важныя, чѣмъ работы Шлимана. Подобно Аѣнамъ, Мегарѣ, Коринѣу и другимъ городамъ, игравшимъ роль въ исторіи морского могущества Греціи, Кносъ находился въ нѣкоторомъ разстояніи отъ моря. Акрополь, или укрѣпленный дворецъ, который теперь впервые открытъ, находится въ четырехъ миляхъ отъ Кандіи, бывшей въ древности подъ именемъ Гераклея портомъ Кноса. Самый дворецъ возвышается на берегу ручья и окруженъ амфитеатромъ горъ, на которыхъ, повидимому, расположенъ

быль древній городъ. Значительная часть дворца теперь уже совершенно открыта. Входъ въ него изъ внутренняго двора, вымощеннаго камнемъ и украшеннаго двумя колоннами, черезъ большія стѣны, снабженныя каменными скамьями, посѣтитель проникаетъ въ очень интересную залу, которую можно назвать залой царскаго совѣта. Направо у стѣны помѣщается гипсовый тронъ, самый древнѣйшій въ Европѣ, имѣющій болѣе двухъ тысячъ лѣтъ. Сидѣніе у него низкое, а спинка высокая, искусно изваянная, со слѣдами красокъ. Съ одной стороны трона тянутся по стѣнѣ каменные скамьи, а съ другой—находится большое углубленіе въ полу, уложенное плитами и окруженное высокими перилами, къ которымъ также прислонены каменные скамьи. Эта впадина очевидно служила бассейномъ, но не видно въ ней истока для воды. Стѣны этой залы хорошо сохранились, и онѣ украшены фресками, изображающими пейзажи, ручьи и цвѣтущія растенія. По обѣ стороны двери, ведущей въ небольшую сосѣднюю комнату, изваяны фигуры грифѣвъ, сидящихъ на корзинкахъ и, повидимому, высиживающихъ яйца. Въ юго-восточной сторонѣ дворца встрѣчается другой мощный дворъ большаго размѣра, и, вѣроятно, на него выходилъ главный портикъ зданія. Внутри дворца ведетъ длинный коридоръ, на стѣнахъ котораго тянется рядъ фресокъ, представляющихъ фигуры мужчинъ и женщинъ въ богатыхъ костюмахъ, но по несчастью сохранилась только нижняя часть отъ многихъ изъ этихъ фигуръ. Съ лѣвой стороны центральная фигура представляетъ женщину съ болѣе широкимъ платьемъ, чѣмъ у другихъ. Это, повидимому, царица. Въ одной изъ комнатъ сѣверо-западнаго угла дворца виднѣются остатки фресокъ совершенно оригинальнаго, миниатюрнаго стиля. Онѣ представляютъ группы молодыхъ женщинъ, изящно одѣтыхъ и, повидимому, занятыхъ оживленнымъ разговоромъ. Но всего интереснѣе граціозная фигура молодого чело-вѣка или молодой дѣвушки, такъ какъ трудно опредѣлить ея полъ. Она держитъ высоко надъ головой маленькую вазу и, повидимому, участвуетъ въ какомъ нибудь шествіи, или жертвоприношеніи. Колоритъ фрески чрезвычайно свѣжъ, а контуры ясно обведены. Эта живая красивая фигура производитъ поразительное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что она вызвана на свѣтъ послѣ трехъ-тысячелѣтняго сна. Въ той же сторонѣ дворца расположены царскія кладовыя; ихъ всего двѣнадцать, и къ нимъ ведетъ длинный коридоръ. Въ большей части этихъ кладовыхъ находятся громадныя кувшины для масла, вышиною въ 5 футовъ; нѣкоторыя изъ нихъ богато украшены и снабжены маленькими ручками, въ которыя продѣвались веревки или ремни. Но изъ всѣхъ сдѣланныхъ находокъ наиболѣе важно открытіе доисторическихъ критскихъ писемъ, благодаря чему, наконецъ, разрѣшается спорный вопросъ о существованіи писемъ въ Микенскую эпоху. Уже прежде предполагали, по найденнымъ на различныхъ предметахъ знакамъ, что доисторическіе критяне имѣли правильную систему письма, но теперь найдено многочисленное число глиняныхъ дощечекъ съ надписями. Ихъ болѣе тысячи штукъ и онѣ, по всей вѣроятности, представляютъ царскій архивъ. Нѣкоторыя изъ нихъ иллюстрированы изображениями колесницъ и лошадиныхъ головъ. Кромѣ того, найдено нѣсколько такихъ же глиняныхъ дощечекъ съ надписями не линейными, а іероглифическими, поэтому надо предположить, что въ Гомеровскую эпоху на

Критъ существовали двѣ системы письменъ. Невозможно указать на всѣ любопытные предметы, найденные во время раскопокъ Эвансомъ и его товарищемъ, но они напали на многіе слѣды каменнаго вѣка, что доказываетъ существованіе въ той же мѣстности еще болѣе древняго города. Но, быть можетъ, самая замѣчательная изъ всѣхъ этихъ находокъ сдѣлана въ послѣдніе дни работъ: именно найдена фигура быка изъ крашенаго гипса, удивительно художественной и реальной работы. Несомнѣнно голова этого животного, прекрасно сохраненная, составляетъ такой образецъ ваянія Микенской эпохи, какого еще свѣтъ не видалъ. Нѣкоторые археологи полагаютъ, что это изображеніе знаменитаго быка, на которомъ Европа прибыла на Критъ. Въ настоящее время эти любопытныя раскопки приостановлены по случаю неблагоприятнаго времени года, но въ будущемъ году онѣ возобновятся съ новою энергіей, и ученый міръ ждетъ отъ нихъ важныхъ открытій, для изученія не только доисторической и классической эпохъ, но и періода введенія христіанства на Критъ, гдѣ, какъ извѣстно, проповѣдывалъ апостоль Титъ.

— Книги и статьи объ Италіи. 15-го іюня настоящаго года Флоренція праздновала шестивѣковой юбилей вступленія Данте въ должность пріора, и по этому случаю Исидоръ Дель-Лунго помѣстилъ въ первой іюльской книжкѣ «Nuova Antologia» ¹⁾ любопытный очеркъ этого историческаго событія. Дворецъ народа во Флоренціи только что былъ отстроенъ, и отцы республики помѣстились въ немъ не болѣе полутора года, когда Данте былъ избранъ однимъ изъ пріоровъ искусствъ, 15-го іюня 1300 года. Эти пріоры искусствъ, избираемые въ числѣ шести, служили представителями главнѣйшихъ художественныхъ и ремесленныхъ корпорацій города, раздѣленнаго на шесть кварталовъ по закону 1282 года. Но, выбирая себѣ вождей, Флоренція не желала, чтобы они злоупотребляли своею властью, а потому ихъ избирали только на два мѣсяца. Они сами назначали гонфалоньера, а особый нотаріусъ излагалъ по латини протоколы ихъ засѣданій. Данте былъ избранъ кварталомъ воротъ св. Петра и былъ представителемъ корпорацій медиковъ и аптекарей, къ которой онъ принадлежалъ, хотя не исполнялъ обязанности ни той, ни другой профессіи. Его политическое положеніе было очень своеобразно, такъ какъ, принадлежа по своей семьѣ Алліери къ аристократической партіи Гвельфовъ, находившейся тогда въ изгнаніи, онъ примкнулъ къ народной партіи Гибеллиновъ и, отставъ отъ своихъ, записался въ одну изъ корпорацій, чтобы принять участіе въ управленіи городской общиной. Протоколы засѣданія пріоровъ составляютъ значительную коллекцію, по несчастію не сохранившуюся вполнѣ, и въ числѣ недостающихъ томовъ именно находятся тѣ, которые относятся къ эпохѣ пріората Данте. Поэтому нѣтъ возможности прослѣдить всю политическую дѣятельность великаго поэта въ продолженіе тѣхъ двухъ мѣсяцевъ, когда онъ былъ пріоромъ. Но сохранился отъ этой эпохи любопытный документъ. Это заявленіе, сдѣланное нотаріусомъ Данте и его пяти товарищамъ о томъ, что не было еще исполнено постановленіе предыдущаго совѣта пріоровъ о на-

¹⁾ Dante et sestocentenario di suopriorato, di Isidoro del-Lungo. Nuova Antologia 1. luglio. 1900.

казаніи трехъ флорентійскихъ банкировъ, принадлежавшихъ къ партіи Гвельфовъ: Квинтовалло, Герарди и Сэсто, за бѣгство изъ города и другія противозаконныя дѣйствія штрафомъ въ двѣ тысячи ливровъ и лишеніемъ языка. Къ сожалѣнію, неизвѣстно, какое мнѣніе высказалъ Данте по поводу такого наказанія, хотя въ то время уголовныя кары были вообще суровыя. Спустя два года, народная партія во Флоренціи потерѣла поражение отъ Гвельфовъ и интригъ паны Бонифація VIII, вслѣдствіе чего Данте былъ вынужденъ провести въ изгнаніи всю свою послѣдующую жизнь.

Въ августовскомъ номерѣ «Deutsche Revue» помѣщена интересная статья графа Генсбреха объ отношеніяхъ, которыя существовали въ прошедшемъ между папствомъ и колдовствомъ. Оказывается, что паны всячески преслѣдовали колдуновъ и колдуній, создали противъ этихъ исчадіи ада инквизицію и составили съ помощью доминиканцевъ и іезуитовъ два кодекса уголовного судопроизводства для дѣлъ о лицахъ, одержимыхъ бѣсами. Первый изъ этихъ кодексовъ назывался «Молотъ Колдуній», и послѣдній «Disquisitiones magicæ», и съ помощью ихъ были сожжены тысячи лицъ обоего пола. Въ одномъ Страсбургскомъ епископствѣ въ теченіе двадцати лѣтъ погибли на кострахъ болѣе пяти тысячъ колдуній, а въ Бамбергскомъ епископствѣ въ періодъ пяти лѣтъ сожжено семь тысячъ бѣдныхъ женщинъ, будто бы изблеченныхъ въ колдовствѣ, при общемъ населеніи въ сто тысячъ человекъ обоего пола. Приведа эти ужасающія статистическія цифры, авторъ замѣчаетъ: «паны въ продолженіе многихъ вѣковъ стояли во главѣ системы крови и огня, которая причинила болѣе вреда цивилизаціи и стоила болѣе жертвъ, чѣмъ любая война. При этомъ не надо забывать, что всѣ подобные ужасы и преступленія совершались во имя Бога Милосердія, во имя Господа Исуса Христа. Конечно, упрекаютъ и протестантство, что оно руководствовалось той же системой, но дѣлающіе этотъ упрекъ забываютъ, что протестантство являлось лишь продолжателемъ католицизма, и что за долго до Лютера инквизиторы приговаривали къ смерти и жгли колдуній.

Недавно вышли два новые основательные нѣмецкіе труда по исторіи итальянской литературы. Въ первомъ профессоръ Бертольдъ Визе и Эразмо Перкопо ¹⁾ представляютъ краткій, но обстоятельный очеркъ всей итальянской литературы отъ древнихъ временъ до настоящихъ дней; при чемъ нѣмецкій профессоръ взялъ себѣ эпоху до 1500 года, а итальянецъ послѣдующія четыре столѣтія. Ихъ книга снабжена многочисленными иллюстраціями, портретами и факсимиле съ древнихъ рукописей. Вообще это очень полезная справочная книга. Второй трудъ напечатанъ въ Берлинѣ, но написанъ вѣнскимъ профессоромъ Ландау и заключаетъ въ себѣ подробную монографію исторіи итальянской литературы въ XVIII столѣтіи ²⁾. Хотя эту эпоху нельзя считать золотымъ вѣкомъ въ литературномъ отношеніи, но къ ней принадлежали такіе крупныя писатели, какъ Альфьери, Гольдони, Парини, Беккарія и Муратори.

¹⁾ Geschichte der italienischen Litteratur, von B. Wise und E. Perkopo.—Leipzig. 1900.

²⁾ Geschichte der italienischen Litteratur im achtzehnten Jahrhundert, von M. Landau. Berlin. 1900.

Кромѣ того, Ландау доказываетъ, что итальянская литература XVIII вѣка главнымъ образомъ отличалась здоровымъ смысломъ, и тогдашнія условія печати были такъ неблагопріятны, что надо удивляться, какъ могли авторы что либо писать. Напримѣръ, въ Ломбардіи Верри жаловался, что духовенство печатало какіе угодно нападки на императорскую власть, а всё возраженія были запрещены. Въ Римѣ все зависѣло отъ настроенія папы, такъ какъ папскій престолъ занимали люди самые противоположные: Бенедиктъ XIII, думавшій только о созданіи новыхъ святыхъ, Бенедиктъ XIV, покровительствовавшій наукѣ и литературѣ, и знаменитый Ганганелли, заботившійся только о государственныхъ дѣлахъ. Въ Неаполѣ въ 1778 году была открыта академія, но такъ какъ ея предсѣдателемъ обязательно былъ королевскій камергеръ, то очевидно она не могла процвѣтать. Немного ранѣе былъ сожжѣнъ въ Палермо еретикъ. Но при всѣхъ этихъ остаткахъ мрачнаго прошедшаго XVIII вѣка ознаменовался въ Италіи, какъ и въ другихъ странахъ, умственнымъ движеніемъ. Нѣкоторые изъ теорій, развиваемыхъ тогдашними итальянскими писателями, кажутся совершенно современными. Венеціанскій патеръ Джіамаріо Ортезъ, клерикалъ до мозга костей, защищалъ принципъ восьми-часоваго рабочаго дня, указывалъ опасность чрезмѣрнаго населенія и проповѣдывалъ многіе радикальные взгляды настоящаго вѣка. Піетро Верри, финансистъ и политико-экономистъ, предупредилъ на сто лѣтъ Кобдена и развивалъ манчестерскую систему. Извѣстный историкъ Муратори проповѣдывалъ въ эпоху всеобщаго веселія и разврата, что высшее счастье заключается въ нравственномъ спокойствіи и здоровьѣ, доказывалъ вмѣстѣ съ Данте, что короли были обязаны обезпечить то и другое своимъ подданнымъ, отстаивалъ свободу продажи земли, протестовалъ противъ хлѣбныхъ пошлинъ и въ эстетикѣ шелъ далѣе современныхъ философовъ, доказывая, что невозможно опредѣлить разъ навсегда эстетическіе законы, которые сами собой развиваются. Характеристики всѣхъ этихъ замѣчательныхъ, хотя не гениальныхъ писателей составляютъ отличительную черту книги Ландау, которая читается съ большимъ интересомъ.

— Воспоминанія Гросса о Наполеонѣ и русскихъ въ 1813 г. Нѣмецъ Гроссъ въ качествѣ члена Лейпцигскаго муниципалитета видѣлъ Наполеона въ 1813 г. послѣ Люценской битвы, потомъ въ Дрезденѣ и, наконецъ, въ своемъ родномъ городѣ въ памятные дни лейпцигской битвы. Онъ подробно записалъ три разговора съ императоромъ въ своемъ дневникѣ, который теперь изданъ французскимъ капитаномъ Велиномъ ¹⁾. Первый изъ нихъ произошелъ поздно вечеромъ въ люценскомъ замкѣ, гдѣ Наполеонъ провелъ ночь послѣ побѣды, хотя цѣлый день польскій генералъ Сокольниковскій водилъ Гросса и его двухъ товарищей по полю битвы, отыскивая Наполеона, и на жалобы нѣмцевъ, что ихъ могли убить ядра и пули, онъ хладнокровно замѣчалъ: «Ничего, умереть можно только одинъ разъ». Наконецъ ихъ встрѣтилъ секретарь императора, Делоргъ-Идевилъ, и объявилъ, что напрасно ихъ мучилъ полякъ, такъ какъ Наполеонъ никогда не даетъ аудіенцій на полѣ битвы. По его совѣту нѣмцы дождались въ люценскомъ почтовомъ домѣ, пока ихъ потребовали въ

¹⁾ Souvenirs inedités sur Napoleon, d'après le journal du sénateur Gross. Paris. 1900.

замокъ. Тамъ ихъ ввели въ небольшую комнату, гдѣ въ углу стояла походная кровать Наполеона, крытая зеленымъ шелковымъ одѣяломъ, а посрединѣ за круглымъ столомъ сидѣлъ самъ императоръ и маршалы Сультъ и Ней. Они только что отобѣдали, и Наполеонъ по своему обыкновению пилъ кофе съ блюдечка. Войдя въ комнату и поклонившись императору, одинъ изъ товарищей Гросса по муниципалитету, Дюфуръ, прекрасно говорившій по-французски, хотѣлъ произнести маленькую рѣчь, но Наполеонъ предупредилъ его: «Я васъ уже видалъ, какъ васъ зовутъ?». «Дюфуръ, ваше величество», отвѣтилъ делегатъ. «А васъ какъ зовутъ?» спросилъ Наполеонъ, обращаясь къ Гроссу, и получилъ въ отвѣтъ: «Гроссъ, докторъ правъ и членъ магистрата». «А, у васъ университетъ не важный. Вы кто?» продолжалъ Наполеонъ, взглянувъ на третьяго делегата Лейцига. Тотъ отвѣчалъ: «Фреге, купецъ и членъ магистрата». — «А почему сахаръ въ Лейцигѣ?» — спросилъ императоръ. «100 талеровъ бочка», отвѣчалъ Фреге, нѣсколько озадаченный этимъ неожиданнымъ вопросомъ. Наполеонъ замолчалъ. Прошло нѣсколько минутъ, и Ней счелъ нужнымъ сказать: «Какая славная побѣда, ваше величество». — «Да, она уничтожила много надеждъ», отвѣчалъ Наполеонъ и, обратясь къ делегатамъ, сталъ упрекать Лейцигъ за оказанную помощь въ вербовкѣ волонтеровъ для корпуса Лютцова. Гроссъ отвѣчалъ, что городъ тутъ былъ не при чемъ, и лишь нѣсколько неблагоразумныхъ юношей поступило волонтерами въ прусскую армію. Затѣмъ Наполеонъ задалъ нѣсколько вопросовъ о положеніи союзниковъ и, получивъ въ отвѣтъ, что делегатамъ не было ничего извѣстно объ этомъ, отпустилъ ихъ со словами: «Озаботьтесь о поддержаніи порядка въ городѣ и обезпеченіи продовольствія моей арміи. Мы очень голодны». Второй разговоръ съ Наполеономъ лейцигской депутаціи, въ составѣ Гросса, Дюфура и трехъ представителей купечества, состоялся спустя два мѣсяца въ Дрезденѣ. Императоръ гнѣвно напустился на городское управленіе, которое позволяло жителямъ оскорблять его и солдатъ, что было, но его словамъ, болѣе чѣмъ глупо. Гроссъ старался его увѣрить, что все это несправедливо, и напротивъ лейцигцы принимаютъ французовъ очень радушно. Но Наполеонъ продолжалъ кричать: «Ваша полиція спитъ. Вы ничего не дѣлаете въ магистратѣ. Городомъ управляетъ четыреста, или пятьсотъ крикуновъ, и вы позволяете имъ дѣлать все, что имъ угодно. Ихъ слѣдовало бы арестовать и сослать на каторгу. Еслибы вы подвергли ихъ хоть какому нибудь наказанію, то я не сказалъ бы вамъ ни слова, но видя, что вы терпите такіе скандалы и не принимаете никакихъ мѣръ къ ихъ пресѣченію, я приказалъ объявить городъ на военномъ положеніи. Неужели вы хотите своими глупостями вынудить меня сжечь вашъ городъ для примѣра всей Германіи. Я съ сожалѣніемъ это сдѣлаю, но сдѣлаю. Лучше примите мѣры». Тогда делегаты и саксонскій генералъ Герцдорфъ, присутствовавшій по приказанію Наполеона при этомъ приѣмѣ, объяснили императору, что въ Лейцигѣ было три юрисдикціи: городская, судебная и университетская, а такъ какъ безпорядки производились большею частью студентами, то городъ не могъ ничего съ ними сдѣлать. Но Наполеонъ не хотѣлъ слушать никакихъ аргументовъ. «У васъ нѣтъ никакой энергіи, и нѣтъ порядочной полиціи», продолжалъ онъ, «вы люди хорошіе. Всѣ нѣмцы — добрый на-

родъ. Но вашъ университетъ находится въ томъ же положеніи, въ какомъ былъ парижскій при Карлѣ V. Университетскія привилегіи должны исчезнуть у васъ и во всей рейнской федераціи. Вашъ городъ компрометируется пятьюстами негодяями. Пусть магистратъ подвергнетъ наказанію нѣсколькихъ бунцовъ, и порядокъ возстановится. Сколько васъ всѣхъ въ магистратѣ?» «Тридцать», отвѣчалъ Гроссъ. «Остальные члены мирно занимаются своей торговлей, но вы ихъ представители и отвѣтите мнѣ за все. Я васъ разстрѣляю, если порядокъ не возстановится. Я буду считать васъ и ваши семейства ответственными за спокойствіе города, пока вы не учредите муниципальной стражи подъ начальствомъ хорошаго саксонскаго офицера. Какъ только это будетъ устроено, я отмѣню военное положеніе и не оставлю у васъ много войска. Я не хочу оглашать города сверхъ силъ, но желаю, чтобъ онъ былъ спокоенъ, и чтобъ порядочные, состоятельные и воспитанные люди удерживали негодяевъ отъ скандальныхъ выходовъ. Если вы полагаете, что много 2.000 человекъ муниципальной стражи, то я согласенъ уменьшить и до 1.200. Главное же, пусть мирные граждане не вмѣшиваются въ политику, или открыто вступаютъ въ борьбу за свои убѣжденія». Одинъ изъ делегатовъ замѣтилъ, что въ больницахъ, состоявшихъ подъ его завѣдываніемъ, очень хорошо и гуманно обращались съ французами. «Знаю, знаю», воскликнулъ Наполеонъ, «но вѣдь вамъ это предписываетъ религія. Мнѣ извѣстно, что многіе ваши сограждане приносятъ хлѣбъ и фрукты раненымъ французамъ. Это очень хорошо. Вообще жители Лейпцига добрые люди, и я люблю вашъ городъ потому, что онъ торгуетъ лонскими шелковыми матеріями. Поэтому я не требую съ васъ контрибуціи и освободилъ редактора вашей газеты, когда его арестовали. Онъ, говорятъ, хорошій человекъ. Помните, что пруссаки мои враги по приказанію ихъ короля, а вашъ король мой союзникъ, и если вы пойдете противъ меня, то будете мятежниками. Но я надѣюсь, что все устроится благополучно, и честные люди возьмутъ верхъ надъ негодяями. Прощайте, постарайтесь устроить хорошую полицію». «Однако, ваше величество», началъ одинъ изъ делегатовъ, но Наполеонъ молча махнулъ рукой, и аудіенція кончилась. Спустя нѣсколько дней, Наполеонъ посѣтилъ Лейпцигъ и принялъ городскихъ представителей съ бургомистромъ Германомъ во главѣ. На этотъ разъ хотя Гроссъ и входилъ въ составъ депутаціи, но ему не удалось говорить съ императоромъ. Зато онъ слышалъ и записалъ очень характерный разговоръ Наполеона съ торговцемъ шерстью, Келеромъ. На вопросъ императора о положеніи шерстяного рынка, Келеръ отвѣчалъ, что торговля саксонской шерстью была въ большемъ упадкѣ, такъ какъ, въ силу запрещенія императора, прекращенъ былъ вывозъ во всѣ страны, кромѣ Франціи, куда требовалось очень мало. Разспросивъ о всѣхъ сортахъ шерсти и о цѣнахъ на нихъ, о различіи шерсти саксонской и французской, о количествѣ прежняго и тогдашняго вывоза, Наполеонъ сказалъ: «Такъ вы полагаете, что еслибы вывозъ сталъ свободенъ, то цѣны повысились бы?» «Непремѣнно», отвѣчалъ Келеръ, «потому что за границей очень нуждаются въ саксонской шерсти. Точно также, еслибы намъ дозволили вывозить и другія наши произведенія, то наша страна быстро разбогатѣла бы». «Развѣ союзники пропускаютъ какіе нибудь товары?» спросилъ Наполеонъ послѣ ми-

нутнаго размышленія. «Они не воспрещаютъ ничего», возразилъ Келеръ. «Въ такомъ случаѣ я не вижу причины, почему бы не разрѣшить вывоза изъ Саксоніи произведеній ея почвы и мануфактуръ. Я напишу объ этомъ герцогу Невпательскому, и онъ сдѣлаетъ надлежащія распоряженія». Сказавъ это, императоръ молча поклонился въ знакъ того, что аудіенція кончилась, но профессоръ Клодіусъ громко сказалъ: «Однако, ваше величество...». Но императоръ его перебилъ словами: «Однако, все кончено». Затѣмъ онъ повернулся и вышелъ изъ комнаты. Кромѣ приведенныхъ разговоровъ съ Наполеономъ въ отрывкахъ изъ дневника Гросса, напечатанныхъ Велиномъ, находится нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній о пребываніи императора Александра и русскихъ войскъ въ Лейпцигѣ въ 1813—1814 годахъ. Александру онъ также, какъ Наполеону, представлялся въ качествѣ городского делегата и впервые увидѣлъ его при вступленіи русскихъ войскъ въ городъ, послѣ сраженія 19-го октября 1813 года. Благодаря общей сумятицѣ, Гроссъ не успѣлъ встрѣтить императора у городскихъ воротъ и такъ запыхался, что едва могъ вымолвить нѣсколько словъ. «Мое положеніе было очень критическое», рассказываетъ онъ, «но императоръ обошелся со мною очень любезно и объявилъ, что приметъ меня и другихъ членовъ муниципальнаго совѣта въ отведенной ему квартирѣ. Тутъ онъ замѣтилъ, что я не обратилъ никакого вниманія на ѣхавшаго рядомъ съ нимъ офицера въ простенькой шинели и въ фуражкѣ. Онъ нагнулся ко мнѣ и вполголоса промолвилъ: «Это прусскій король». Я тотчасъ подошелъ къ королю и съ низкимъ поклономъ просилъ его оказать покровительство городу и его жителямъ. Онъ отвѣчалъ очень милостиво, что увѣренъ въ хорошемъ приѣмѣ, который окажетъ городъ его войскамъ, и сдѣлаетъ все, что можетъ для Лейпцига». Хотя Гроссъ тогда болѣе не видалъ Александра, но онъ отзывается о немъ и его дѣйствіяхъ относительно Лейпцига очень сочувственно. Въ особенности онъ съ благодарностью вспоминаетъ, что императоръ приказалъ не допускать въ городъ казаковъ и другихъ иррегулярныхъ войскъ, чѣмъ спасъ Лейпцигъ отъ грабежа. «Поэтому», замѣчаетъ авторъ, «онъ имѣлъ полное право сказать, приказывая лейпцигскому муниципальному совѣту представить сукна на 10.000 солдатскихъ шинелей для арміи Беннигсена: «мы пожалѣли городъ Лейпцигъ и сохранили его отъ огня и грабежа, значить онъ не долженъ имѣть ничего противъ означенной реквизиціи». По словамъ Гросса, русское управленіе Лейпцигомъ началось съ назначенія графа Шувалова губернаторомъ, но черезъ два дня его замѣнилъ князь Рѣнинъ въ качествѣ генераль-губернатора всей Саксоніи, а комендантомъ Лейпцига сдѣлался полковникъ Прендель. Этому послѣдняго Гроссъ очень хвалитъ, особенно въ сравненіи съ другими русскими комендантами саксонскихъ городовъ. Онъ, повидимому, хотя и не забывалъ себя, но былъ добродушенъ и справедливъ, и не очень прижималъ нѣмцевъ. Съ своей стороны и Прендель былъ очень доволенъ своимъ пребываніемъ въ Лейпцигѣ, и когда въ 1814 году прусскія войска замѣнили русскія въ Саксоніи, то онъ, прощаясь съ муниципалитетомъ, сказалъ: «Я искренно признаю, что городъ Лейпцигъ сдѣлалъ меня человѣкомъ». При проѣздѣ черезъ Лейпцигъ императора Александра въ 1814 году, Гроссъ снова представлялся ему съ другими представителями города, но императоръ

торопился и очень мало съ ними разговаривать. Всего характеристичнѣе на этомъ пріемѣ были слова Рѣппина, который представилъ императору барона Рейхенбаха, говоря: «Это мужъ самой красивой женщины въ Лейпцигѣ!»

— Пятидесятилѣтняя годовщина смерти Бальзака. Въ концѣ августа литературный Парижъ праздновалъ переходъ Бальзака въ общее достояніе, т. е. пріобрѣтеніе всѣми издателями права печатать сочиненія знаменитаго романиста даромъ и безъ разрѣшенія его наслѣдниковъ, въ виду окончанія существующаго во Франціи полувѣкового права литературной собственности. Пятидесятилѣтіе послѣ смерти творца «Человѣческой комедіи» ознаменовалось открытіемъ мраморной доски на домѣ, въ которомъ онъ жилъ, въ улицѣ, уже ранѣе получившей его имя, торжественнымъ собраніемъ его поклонниковъ, носящихъ прозвище «бальзакистовъ», обозрѣніемъ ими коллекціи предметовъ, принадлежавшихъ отцу реального романа и теперь составляющихъ собственность баронессы Ротшильдъ, паломничествомъ въ виллу Жарди, въ Виль-д'Аврэ, гдѣ онъ провелъ самые счастливые дни своей жизни, появленіемъ нѣсколькихъ новыхъ, дешевыхъ изданій его сочиненій и безконечными статьями о немъ въ газетахъ и журналахъ. Очень характеренъ приводимый хроникерами отзывъ о Бальзакѣ caricaturиста Гаварни, который на вопросъ: «Какое Бальзакъ въ разговорѣ?»—отвѣчалъ лаконически:—«Глупъ!».—«Въ какомъ смыслѣ!»—воскликнулъ съ изумленіемъ его собесѣдникъ.—«Въ обыкновенномъ»,—отвѣчалъ Гаварни.—Онъ уменъ только съ перомъ въ рукахъ, но и то ему очень трудно принятыя за работу. Сначала онъ набросаетъ на бумагу въ полномъ безпорядкѣ отдѣльныя фразы, слова, выраженія, а затѣмъ, войдя въ азартъ, уже быстро нишетъ страницу за страницей, часто работая цѣлую ночь напролетъ». Лучшій знатокъ всего, что касается до Бальзака, и владѣлецъ многочисленныхъ его рукописей, извѣстный библиографъ, виконтъ Снельберкъ де-Лавенжуль, началъ печатать въ «Revue Bleue» любопытную исторію происхожденія романа Бальзака «Поселяне», при чемъ онъ приводитъ подлинныя его письма и варианты нѣкоторыхъ главъ романа. Не задолго до юбилея окончился къ полному торжеству этого добродушнаго и трудолюбиваго изслѣдователя жизни и сочиненій великаго романиста скандалъ, поднятый американкой, миссъ Вормслей, переводчицей и пламенной поклонницей Бальзака ¹⁾. Напечатавъ переводъ писемъ Бальзака къ графинѣ Ганской, его будущей женѣ, она въ гнѣвномъ предисловіи заступилась за честь своего героя и обвинила французскаго издателя этихъ писемъ Леви и Лавенжуля, который доставилъ ихъ рукописные подлинники, въ поддѣлкѣ нѣкоторыхъ изъ писемъ, именномъ тѣхъ, которыя набрасываютъ тѣнь на Бальзака и его русскую корреспондентку. Собственно говоря, она не представила никакихъ доказательствъ, а лишь голословно утверждала, что Бальзакъ не могъ такъ безнравственно относиться къ женщинамъ, какъ обнаруживаютъ эти письма, и что такая великосвѣтская, образованная дама, какъ графиня Ганская, не въ состояніи была написать любимому человѣку, даже въ пылу ревности: «Убирайся къ

¹⁾ L. Honoré de Balzac, translated by Katherine Prescott Wormsley. Letters to madame Hanska. Boston. 1900.

ногамъ твоей маркизы». Единственнымъ аргументомъ, имѣвшимъ хотъ какую нибудь тѣнь основанія, было утвержденье, что объявленныя ею подложными письма—именно тѣ, которыя всегда считались сгорѣвшими въ Москвѣ, и вдругъ они оказались на лицо безъ всякаго объясненія, откуда они взялись. Англійская литературная газета «Academy» вступила въ полемику съ американской переводчицей, доказывая всю неосновательность ея обвиненій съ цѣлью обфлить своего героя, изъ котораго она давно старается сдѣлать идеально-нравственное совершенство, для чего безъ всякой церемоніи очищала его сочиненія въ своемъ переводѣ отъ всего, что она считала противнымъ его доброй славѣ, а главное, неприличнымъ для чтенія американскихъ дѣвицъ. Наконецъ и Лавенжюль откликнулся и напечаталъ въ той же «Academy»¹⁾ письмо на французскомъ языкѣ, въ которомъ ясно опровергнуто всѣ клеветы слишкомъ усердной поклонницы автора «Физиологіи брака», которая, несмотря на всѣ передѣлки, рѣшительно не годится для чтенія молодымъ дѣвушкамъ, хотя бы американкамъ. Дѣло въ томъ, что всѣ письма Бальзака, называемыя подложными, находятся у Лавенжюля въ подлинникѣ, не подлежащемъ никакому сомнѣнію, а извѣстіе о сожженіи ихъ въ Москвѣ было сообщено газетамъ неизвѣстно по какой причинѣ вдовой Бальзака, которая въ напечатанныхъ ею письмахъ мужа дозволила себѣ сдѣлать немало измѣненій изъ личныхъ видовъ. Такимъ образомъ весь шумъ былъ поднятъ изъ-за пустяковъ, и миссъ Вормслей оказалась согласно французской пословицѣ «болѣе роялисткой, чѣмъ король».

— Францъ Грильпарцеръ. Изученіе иностранныхъ литературъ очень распространено во Франціи въ настоящее время, и одинъ иностранный писатель за другимъ подвергается основательному изслѣдованію. Долго мода была на Ибсена, Толстого и Нитцше, а теперь пришла очередь извѣстнаго австрійскаго драматурга, Грильпарцера, античная трагедія котораго «Сафо» до сихъ поръ держится въ репертуарѣ всѣхъ европейскихъ театровъ. Ерардъ напечаталъ обстоятельную, документальную монографію о немъ подъ заглавіемъ «Театръ въ Австріи: Францъ Грильпарцеръ»²⁾, а Генри Лихтенбергеръ помѣстилъ блестящій этюдъ на основаніи этого труда въ «Revue Encyclopedique»³⁾. По мѣткому выраженію остроумнаго публициста, Грильпарцеръ производитъ въ настоящее время двойное впечатлѣніе, и не знаешь, сочувствовать ли его поэтическому таланту и печальной жизни, или поднять на смѣхъ его нелѣпное филистерство; его странная сложная фигура представляетъ любопытную психологическую задачу. Не разрѣшая ее вполне на нѣсколькихъ страницахъ, Лихтенбергеръ однако рисуетъ крупными штрихами главныя черты жизни и литературной дѣятельности своего героя, чтобы оказать помощь для правильнаго сужденія о немъ. Съ перваго взгляда его жизнь мелкаго чиновника, психондрика и филистера кажется далеко не привлекательной. Отъ 1813 до

¹⁾ Academy.—May-june. 1900.

²⁾ Le theatre en Autriche: Franz Grilparzer, par M. Ehrard. Paris. 1900.

³⁾ Franz Grilparzer, par H. Lichtenberger. — Revue Encyclopedique. 8 sept. 1900.

1856 г. онъ занималъ скромную должность въ вѣдомствѣ государственныхъ имуществъ Нижней Австріи и самъ нарисовалъ забавный свой портретъ въ чиновникѣ Фиксельмюльнерѣ, который пишетъ стихи на архивныхъ документахъ, ненавидитъ свою фамилію, чѣмъ дѣйствительно отличался Грильпарцеръ, и сомнѣвается въ своемъ поэтическомъ призваніи. Его повышение по службѣ шло очень медленно, такъ какъ онъ въ реакціонную эпоху Меттерниха не умѣлъ совершенно скрыть своего вольтерьянства, и его стихи о римской «Самро Vassino», въ которыхъ онъ требовалъ снятіе креста, водруженнаго среди развалинъ Колизея, едва не вызвали его отставки, но во всякомъ случаѣ подвергли его опалѣ. Однако за исключеніемъ вольтерьянскаго отгѣнка онъ выражалъ самыя корректныя мнѣнія. Примѣрный патриотъ, онъ любилъ свою родину, былъ преданъ Габсбургской династіи, которую не разъ превозносилъ въ своихъ пьесахъ, и вообще отличался умѣренностью, аккуратностью и культомъ къ порядку, традиціямъ, рутинѣ. Онъ возставалъ противъ всякой мысли о протестѣ, проповѣдывалъ необходимость подчиненія существующей системѣ, признавалъ событія 1848 г. «мерзостью запустѣнія», требовалъ, чтобъ народныя массы были укрощены, отрицалъ право генія нарушать спокойствіе святой рутинны и даже въ музыкѣ считалъ Бетховена смѣльчакомъ, а Вагнера опаснымъ еретикомъ. Повидимому, такой филпстеръ долженъ былъ кататься, какъ сыръ въ маслѣ, на службѣ реакціонной, рутинной Австріи, но все-таки онъ ухитрился быть недовольнымъ своей судьбой, смотрѣлъ трагически на служебныя неудачи и приходилъ въ ужасъ отъ цензурныхъ преслѣдованій, капризовъ публики и нападковъ критики; а когда не было причинъ нервничать и быть несчастнымъ, то онъ самъ создавалъ ихъ, благодаря своему болѣзненному самолюбію. Напримѣръ, любезно принятый въ Веймарѣ въ 1826 г. самимъ Гете, который обошелся съ нимъ, какъ съ другомъ и даже преемникомъ своей славы, Грильпарцеръ, боясь не оказаться достойнымъ той высоты, на которую поставилъ его великій поэтъ, и вызвать лишь его состраданье, бѣжалъ изъ Веймара, не явившись на вечеръ устроенный въ его честь авторомъ «Фауста» и даже не предупредивъ его объ этомъ, что, конечно, разсердило Гете. Еще печальнѣе исторія любви Грильпарцера къ Катеринѣ Фрейлихъ. Влюбившись въ эту красивую, молодую дѣвушку, онъ всю жизнь носился съ своей любовью, терзая себя и ее; то онъ желалъ на ней жениться и называлъ ее своей невѣстой, то бралъ свое слово назадъ, то снова возвращался къ ней въ качествѣ друга. Невозможно себѣ представить ничего грустнѣе его старости. Уволенный въ отставку въ 1856 г., онъ велъ одинокую, мрачную жизнь въ скромной квартирѣ въ Вѣнѣ. Недовольный собою и всѣми за непризнание его таланта, онъ бросилъ театръ, такъ какъ публика освистала одну изъ его комедій, углубился въ себя и посвятилъ свой талантъ всецѣло составленію злобныхъ эниграмъ на своихъ враговъ. Даже слава, осѣнившая закатъ его жизни, не доставила ему радости, и восторженныя демонстраціи въ честь его восьмидесятилѣтняго дня рожденія въ 1871 г. вызвали у него только грустное восклицанье: «Поздно». Какъ бы окончательно сраженный этимъ позднимъ апофеозомъ, онъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, умеръ на рукахъ своей семидесятилѣтней невѣсты. Но если Грильпарцеръ во многомъ самъ виноватъ, что его жизнь сложилась такъ печально,

то нельзя исключительно его винить въ этомъ. Его ипохондрія объясняется физиологическими причинами. Его мать страдала истерическими припадками и убила себя въ порывѣ мистическаго изступленія; одинъ его братъ наложилъ на себя руку семнадцати лѣтъ, а другой былъ авантюристомъ и обнаруживалъ симптомы сумасшествія. Наконецъ изъ двухъ дѣтей второго брата одинъ зарѣзался, а другой велъ развратную, преступную жизнь. Такимъ образомъ надъ головой Грильпарцера висѣла роковая наслѣдственность, и его блестящій талантъ подрывался невропатіей, которая и привела его къ ипохондріи и пессимизму. Лихтенбергеръ очень остроумно замѣчаетъ, что авторъ «Сафо», быть можетъ, искалъ инстинктивно въ филистерствѣ средство предохраненія отъ грозившей ему невропатіи и, еслибъ онъ свободно предался той идеальной жизни, которая была сродна его гению поэта и художника, то онъ, по всей вѣроятности, кончилъ бы сумасшествіемъ какъ Ленау и Нитцше. «Грильпарцеръ, продолжаетъ французскій публицистъ, сказалъ себѣ: ты будешь филистеромъ», и былъ филистеромъ всю свою жизнь. Доведенный до пессимизма физиологическими причинами, онъ пришелъ къ другому его виду, чѣмъ знаменитые пессимисты его времени Шопенгауеръ, Нитцше, Ибсенъ, но все-таки онъ былъ несомнѣнно пессимистомъ. Инстинктивно спасая себя отъ сумасшествія тѣмъ, что онъ не давалъ хода своему гению, Грильпарцеръ всю жизнь проповѣдывалъ роковое одиночество гѣнія и господство въ жизни мирной, золотой посредственности». Эта нота проходитъ по всѣмъ его драмамъ, античнымъ, историческимъ, фантастичнымъ и символическимъ, начиная отъ самой его популярной пьесы «Сафо» до послѣдней и наиболѣе возвышенной «Любуша». Всѣ его герои и героини гибнутъ, предаваясь своему гению или своей волѣ. «Горе, проноситъ Сафо, тому, кто дозволяетъ тѣни суетной славы и самолюбія увлечь себя изъ своей среды». Эта идея составляетъ всю философію Грильпарцера и ея развитіемъ служатъ страданія Сафо, погибшей ради своей любви къ Фатону; Меден, кончающей хуже чѣмъ смертью отъ любви къ Назону; Геры, умирающей вмѣстѣ съ любимымъ ею Леандромъ, потому что она измѣнила своему обѣту дѣвственности, короля Кастильскаго, Альфонса, едва не погубившаго себя и свою страну отъ любви къ красавицѣ еврейкѣ, и, наконецъ, проповѣдницы Любуши, находящей смерть въ любви, хотя законной и счастливой, мощнаго Примислава». Въ послѣдней своей пьесѣ авторъ, однако, придаетъ менѣе мрачный оттѣнокъ своему пессимистическому взгляду на загадку человѣческой жизни. Чистѣйшая и благороднѣйшая изъ его героинь Любуша, унаслѣдовавъ послѣ отца чешскій престолъ, основываетъ государство, въ которомъ народъ соединенъ съ своимъ государемъ узами братства, равенства и довѣрія. Созданная ею общественная жизнь зиждется на любви, а не на правѣ и законѣ. Она всего болѣе ненавидитъ слово «право» и говоритъ: «Развѣ ты имѣешь право требовать, чтобъ твое поле дало урожай? Развѣ ты живешь, потому что ты имѣешь право жить? Я всюду вижу на землѣ дары природы, а вы, черви земли, говорите мнѣ о своемъ правѣ». Но попытка основать общество на одномъ законѣ природы и любви не удастся, и народъ требуетъ правъ. Тогда Любуша выходитъ замужъ за любимаго ею Примислава, который стремится покорить природу знаніемъ, подчинить народъ закону и замѣнить сельскую жизнь на лонѣ

природы созданиёмъ городовъ, центровъ цивилизаціи. Любуша, хотя очень любить мужа и совершенно счастлива, не можетъ измѣнить своему культу одной любви, одной природы. Она благословляетъ мужа и народъ весь на новую жизнь и умираетъ, но, покидая свѣтъ, она не проклинаетъ новую жизнь и новую цивилизацію, а предсказываетъ, что въ будущемъ настанетъ зоря иной, лучшей жизни, не основанной исключительно на природѣ и любви, или на правѣ и знаніи, а на синтезѣ той и другой жизни. Такимъ образомъ послѣднимъ словомъ пессимизма Гримальпарцера является слово надежды, что золотой вѣкъ впереди, а не назадъ, что настанетъ время, когда человѣкъ путемъ цивилизаціи вернется къ природѣ и путемъ знанія къ любви.

— Мемуары идеалистки. Подъ этимъ заглавіемъ только что появились воспоминанія Мальвиды фонъ-Мейзенбургъ ¹⁾, служація въ одно и то же время автобіографіей замѣчательной женщины нашего времени и исторіей революціонныхъ идей отъ 1848 по 1862 г. Дочь Филиппа Ривалье, барона фонъ-Мейзенбурга, потомка французскихъ гугенотовъ, поселившихся въ Германіи, сдѣлавшагося совѣтникомъ, даже другомъ Гессенъ-Касельскаго курфюрста, Вильгельма I, Мальвида родилась въ аристократической средѣ и была воспитана при дворѣ, а прославилась тѣмъ, что была другомъ Мадзини и второй матерью дочери Герцена. Въ ранней юности она предавалась всецѣло религіозному энтузіазму, но отличалась свѣтлымъ критическимъ умомъ и здравой логикой, мирившимися съ пламеннымъ энтузіазмомъ; она мало-помалу создала себѣ философскую систему. Въ это время она влюбилась въ сына пастора, Теодора Альтгауза, и подъ вліяніемъ этой любви совершенно освободилась отъ мистическихъ стремленій и аристократическихъ предрасудковъ. Но, достигнувъ подобной нравственной независимости, она рѣшила порвать навсегда всѣ узы съ своей средой и семействомъ. «Я сказала себѣ, говоритъ она: что когда авторитетъ семьи становится смертнымъ приговоромъ надъ личной самостоятельностью и подчиняетъ свободную мысль и независимую совѣсть нестерпимому игу, то надо отъ него освободиться, какъ бы это дорого ни стоило. Мыслить свободно и жить согласно своимъ принципамъ—первое право и первая обязанность человѣка. Я сознавала, что не буду болѣе уважать себя, если не выкажу мужества и не покину всего прошлаго во имя моихъ принциповъ. Когда же я рѣшилась такъ поступить, то уже думала только о средствахъ осуществить эту рѣшимость». Мальвида вступила въ коллегію, основанную въ Гамбургѣ группой революціонеровъ, а когда это учрежденіе было закрыто, то она переселилась въ Лондонъ, гдѣ прожила десять лѣтъ отъ 1852 г. до 1862 г. Воспоминанія объ этой эпохѣ составляютъ самую интересную часть «Мемуаровъ идеалистки». Тогда въ Лондонѣ сосредоточены были республиканцы всей Европы съ Ледрю-Роленомъ и Луи Вланомъ, Мадзини, Саффи и Орсини, Кинкелемъ и Карломъ Шурцельмъ, Кошутомъ и Пульскимъ, Герценомъ и Огаревымъ во главѣ. Г-жа Мейзенбургъ, близко знавшая ихъ всѣхъ, особенно Мадзини и Герцена, воскрешаетъ передъ читателями ихъ грандіозныя фигуры. Наиболѣе любопытны и многочисленны сообщаемыя ею свѣдѣнія о двухъ послѣднихъ; фигуры величественнаго,

¹⁾ Memoires d'une idealiste, par Malwida de Meisenbug.—2 vol. Paris. 1900.

фанатичнаго, а потому малочеловѣчнаго итальянца и добраго, благороднаго, гуманнаго Герцена рельефно выдѣляются на страницахъ этой глубокоинтересной книги.

— Смерть Андрэ-Лео. Лѣтомъ настоящаго года умерла въ Парижѣ извѣстная въ свое время романистка Леони Тансэ, писавшая подъ псевдонимомъ Андрэ Лео. Хотя ея смерть прошла не замѣченной въ литературномъ мѣрѣ, но покойная заслуживаетъ во всякомъ случаѣ доброй памяти. Дочь морскаго офицера, Леони Бэра родилась въ Лузиньянѣ, небольшомъ городѣ вьенскаго департамента въ 1829 году, и послѣ декабрьскаго переворота вышла замужъ за парижскаго журналиста Шансэ, который бѣжалъ въ Швейцарію и былъ профессоромъ въ Лозанѣ. Нѣсколько лѣтъ она жила съ мужемъ въ этомъ городѣ, а затѣмъ переселились въ Женеву, гдѣ онъ сдѣлался редакторомъ газеты «*Esperance*». Послѣ амнистіи 1859 года они оба вернулись въ Парижъ, а черезъ четыре года Шансэ умеръ. Тогда, оставшись съ двумя дѣтьми, г-жа Шансэ начала писать романы для прокормленія своей семьи. Первый изъ нихъ «Скандалный бракъ» былъ подписанъ ею псевдонимомъ Андрэ-Лео, т. е. именами ея двухъ дѣтей. Нравственный подъемъ высказанныхъ въ этомъ романѣ идей и живое колоритное изложеніе доставили ея первому произведенію значительный успѣхъ. Въ послѣдніе дни декабрьской имперіи она приняла живое участіе въ революціонномъ движеніи, а во время осады Парижа она произносила энергичныя рѣчи въ клубахъ, требуя социальныхъ реформъ и предоставленія женщинамъ равныхъ правъ съ мужчинами. Послѣ событія 18-го марта 1871 года она приняла сторону коммуны и основала вмѣстѣ съ г-жей Жюкларъ газету «*La Sociale*», въ которой энергично нападала на жестокую политику Версальскаго правительства. Въ маѣ она подписала вмѣстѣ съ Бенуа Маломомъ воззваніе къ поселянамъ, а послѣ того, какъ версальское правительство задушило коммуну потоками крови, г-жа Шансэ была арестована, но скорѣй была освобождена. Она удалилась въ Швейцарію и тамъ жила нѣсколько лѣтъ. 26-го сентября 1891 года на Лозанскомъ конгрессѣ она произнесла энергичную рѣчь, въ которой старалась защитить коммуну отъ сыпавшихся на нее клеветъ. «Если признавать, сказала она, между прочимъ, что коммунa и виновна въ казни заложниковъ, то на ея совѣсти будетъ 64 жертвы, а версальское правительство перестрѣляло 20.000 несчастныхъ и сослало въ каторгу 40.000». Возвратясь въ Парижъ, она продолжала писать романы, но мало-помалу вышла изъ моды и умерла въ большой бѣдности. Лучшими ея произведеніями считаются «Скандалный бракъ», «Старая дѣва», «Алина-Али», «Идеалы въ деревнѣ» и «Желаніе Маринеты». Почти всѣ ея романы переведены на русскій языкъ и пользовались въ шестидесятыхъ годахъ большимъ успѣхомъ какъ по своему либеральному направленію, такъ и по живому интересу разсказа.

— Разсказы очевидцевъ іюльской революціи. Графъ Флери даетъ въ «*Revue bleue*»¹⁾ выдержки изъ частной переписки двухъ англійскихъ дамъ, Агнесы и Маріи Берри, которыя во время одного изъ обычныхъ своихъ лѣтнихъ

¹⁾ C-te Fleury. La révolution de 1830—«*Revue bleue*», 1 sept. 1900.

пребываній въ окрестностяхъ Парижа оказались свидѣтельницами іюльской революціи. Находясь въ Сень-Жерменѣ, онѣ сами видѣли, конечно, очень немного, но зато до нихъ доходило много любопытныхъ разсказовъ лицъ, воочію видѣвшихъ уличныя сцены конца іюля 1830 года, и много писемъ очевидцевъ революціи сохранилось вмѣстѣ съ ихъ письмами. Находясь въ частыхъ сношеніяхъ съ британскимъ посланникомъ лордомъ Стюартомъ и часто видя и другихъ выдающихся лицъ изъ политическаго міра Парижа, обѣ сестры имѣли возможность знакомиться и съ закулисной стороною событій. Въ перенискѣ разныхъ лицъ съ обѣими Берри и въ дневникѣ ихъ самихъ много любопытныхъ мелкихъ чертъ для характеристики буржуазной революціи 1830 года. Еще подъ 22-мъ іюля сестры заносятъ въ свой дневникъ тревожные признаки и высказываютъ предположеніе, что армія, навѣрное, въ случаѣ смуты будетъ заодно съ народомъ. Въ теченіе слѣдующихъ дней изъ нѣсколькихъ писемъ обѣ миссъ Берри имѣли возможность узнать о первыхъ уличныхъ волненіяхъ. 28-го іюля докторъ Кэнъ, переписывавшійся съ ними, сообщаетъ имъ о характерной встрѣчѣ войскъ съ народомъ. Два линейныхъ баталіона были выстроены на rue de la Paix въ боевомъ порядкѣ. Докторъ, спрятавшійся въ подворотню, видѣлъ, какъ надвигается народная масса, и съ минуты на минуту ждалъ, что будетъ скомандовано стрѣлять. Команда эта, наконецъ, раздалась, но вмѣсто ожидавшагося грома выстрѣловъ и криковъ раненыхъ послышался лишь глухой звукъ отъ удара прикладовъ о землю: солдаты отказались стрѣлять и приставили ружья снова къ ногамъ. Офицеръ, командовавшій ими, ругался и упрашивалъ ихъ, но ничего не помогло. Вызваны были другіе баталіоны на смѣну, но результатъ былъ тотъ же. При такомъ настроеніи солдатъ успѣхъ народа былъ обезпеченъ. Болѣе энергична была лишь королевская гвардія. Но тутъ выступили на видъ другія затрудненія. Одинъ изъ полковъ стоялъ въ Тюильери и Елисейскихъ поляхъ и готовъ былъ стойко защищать свое мѣсто; но солдаты изнемогали отъ страшной жары, отъ голода и жажды, а между тѣмъ заготовленныхъ запасовъ не было, а народъ ничего не желалъ имъ давать. Солдаты продѣвали свои руки сквозь рѣшетку Тюильери со стороны улицы Риволи и, показывая деньги, просили хлѣба и воды. Однако, лишь послѣ полудня эскадронъ гвардейскихъ уланъ смогъ доставить къ нимъ въ садъ фуражъ съ провизіею. Выяснившаяся негодность войскъ заставила убрать войска изъ Парижа и направить ихъ въ Сэнъ-Клу. Въ этотъ же день обѣ миссъ Берри, желая узнать подробнѣе, что дѣлается въ Парижѣ, послали своего слугу Манюэля съ письмами къ своимъ парижскимъ друзьямъ. Выйдя рано утромъ изъ Сень-Жермена, Манюэль вернулся обратно лишь къ ночи. Въ теченіе утра до Сэнъ-Жермена доносился громъ пушекъ и ружей. Воображеніе рисовало разные ужасы. Вернувшійся изъ города слуга принесъ кое-какія новости. Весь городъ былъ уже въ рукахъ народа. Національная гвардія собралась въ полномъ составѣ и немедленно же перешла на сторону народа; соединенныя толпы вооруженнаго народа вмѣстѣ съ національною гвардіею напали на королевскихъ гвардейцевъ, кирасировъ и артиллерію и заставили ихъ отступитъ къ Булонскому лѣсу и Сэнъ-Клу. Манюэль видѣлъ на улицѣ убитыхъ и раненыхъ и все ужасы мятежа въ большомъ городѣ; лавки были

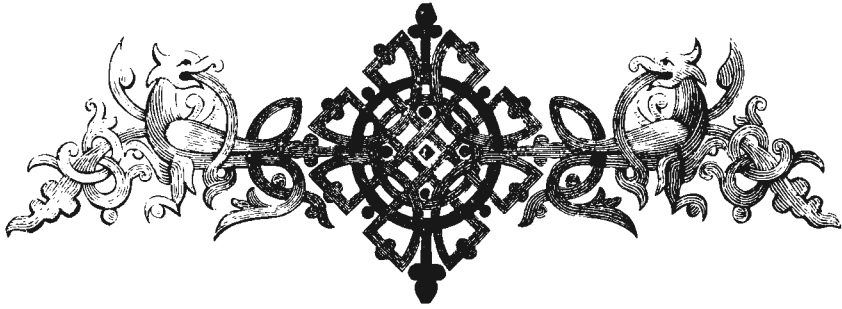
закрыты, вездѣ господствовало величайшее возбужденіе, но нигдѣ не видно было сценъ грабежа или личной мести. Такъ какъ существовало еще опасеніе, какъ бы новыя войска не были направлены въ Парижъ, то баррикады еще загоразживали улицы и свободныхъ проходовъ не было. Надъ государственными зданіями и даже надъ церквами вездѣ развѣвалось трехцвѣтное знамя. Если частнаго имущества и домовъ лицъ, занимавшихъ при Карлѣ X высокое положеніе, и не трогали, зато въ Тюильерійскомъ дворцѣ происходилъ разгромъ. Онъ былъ наполненъ чернью изъ предмѣстій. Женщины изъ престолярства щеголяли по заламъ его въ шляпахъ придворныхъ дамъ и въ орденскихъ лентахъ. Впрочемъ, миссъ Берри признаютъ, что это было единственною изъ сценъ въ іюль 1830 года, которая напоминала о временахъ первой революціи. Въ теченіе слѣдующихъ дней наблюдалось уже постепенное успокоеніе народа. 1-го августа обѣ англичанки отважились даже предпринять прогулку по Парижу въ каретѣ. Интересно даваемое ими описаніе внѣшности Парижа послѣ революціи. Баррикады изъ тачекъ, полныхъ камней, на мосту Нельи были уже удалены. Кое-гдѣ лежали стволы срубленныхъ на бульварахъ деревьевъ, которыя также служили баррикадами. Стволы еще не были убраны, а для того, чтобы дать проходъ каретамъ, обрублены были только вѣтви. Камни тротуаровъ, служившіе для постройки стѣнъ поперекъ улицъ, были разбросаны по бокамъ улицъ. Особенно печаленъ былъ видъ бульваровъ, гдѣ большая часть деревьевъ лежала на землѣ. Несмотря на эти признаки бурныхъ дней, общая картина города была совершенно мирная, и трудно было догадаться о тѣхъ сценахъ, которыя происходили на улицахъ его всего за четыре дня до этого. Во время продолжительной прогулки своей обѣ англичанки не имѣли случая пожаловаться ни на какую непріятность или неудовольствіе, доставленное имъ народомъ на улицахъ. Въ теченіе августа обѣимъ миссъ Берри пришлось быть нѣсколько разъ свидѣтельницами того громаднаго восторга, съ которымъ въ эти дни встрѣчали новаго «короля французовъ» Луи-Филиппа. Особенно памятна имъ показалась сцена восторговъ публики 27-го августа въ театрѣ, гдѣ многочисленная семья новаго короля возсѣдала въ четырехъ рядомъ расположенныхъ ложахъ, перегородки которыхъ были сняты. Ложа бывшаго короля, чтобы указать на побѣду народа, была наполнена солдатами національной гвардіи.

— Печальная для Франціи годовщина. Отмѣна въ нынѣшнемъ году Седанскихъ торжествъ въ Германіи не могла все-таки совершенно изгладить памяти объ этой печальной для Франціи годовщинѣ. Въ французскихъ журналахъ находимъ рядъ статей о седанской катастрофѣ и о дѣйствительныхъ и предполагаемыхъ виновникахъ ея. Особенно выдается среди другихъ составленная на основаніи неизданныхъ документовъ статья неизвѣстнаго автора въ «Correspondant». Авторъ горячій сторонникъ генерала Дюкро, который, по его мнѣнію, могъ бы спасти армію Наполеона III, еслибы ему было поручено главное начальство. Рядъ писемъ, приводимыхъ въ статьѣ, доказываютъ съ неопровержимостью, что Дюкро съ самаго начала считалъ походъ черезъ сѣверъ на выручку Меца вещь совершенно неисполнимою. Онъ понималъ неудобства положенія Седана и предугадывалъ, что движенія германской арміи имѣли цѣлью отрѣзать линію отступленія къ Парижу. Поэтому лишь неохотно

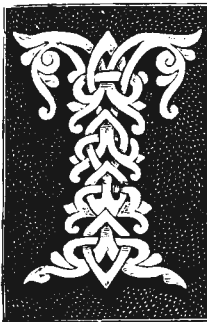
и скрѣпя сердце онъ исполнилъ 31-го августа приказаніе маршала Макъ-Магона о движеніи къ Седану. Здѣсь 1-го сентября рано утромъ завязалась битва, при чемъ съ самаго начала французы находились въ невыгодномъ положеніи. Обезкураженный предыдущими неудачами, маршалъ не пользовался уже необходимою ясностью духа. Онъ расположилъ войска полукругомъ вокругъ Седана, артиллерія котораго такимъ образомъ лишена была возможности дѣйствовать. Окрестныя высоты, весьма опасныя въ смыслѣ удобства для обстрѣливанія Седана, были оставлены незащищенными. При такихъ условіяхъ пришлось вести бой съ превосходными силами нѣмцевъ. Битва еще не успѣла принять рѣшительнаго оборота, на нѣкоторыхъ мѣстахъ французы успѣшно тѣснили противниковъ, какъ вдругъ Макъ Магонъ былъ раненъ и лишенъ возможности дальше руководить боемъ. Это случилось около шести часовъ утра. Маршалъ послалъ за Дюкро и велѣлъ ему принять на себя начальство. Теперь Дюкро имѣлъ возможность выполнить свои намѣренія. Онъ немедленно набросалъ общій планъ отступленія и велѣлъ его довести до свѣдѣнія всѣхъ корпусныхъ командировъ. Движеніе и отступленіе началось, хотя нѣкоторые изъ генераловъ и находили его напраснымъ, такъ какъ войска бились еще хорошо. Очень возможно, что начатое своевременно, съ ранняго утра, движеніе Дюкро освободило бы французскую армію изъ тисковъ, которыми съ обѣихъ сторонъ собирались захватить ее нѣмцы. Тогда для защиты Парижа была бы спасена армія не менѣе, чѣмъ въ шестьдесятъ тысячъ человѣкъ. Но Дюкро не было суждено выполнить движеніе. Въ 8 часовъ утра, всего черезъ 1¹/₂ часа послѣ того, какъ приказаніе Макъ-Магона о передачѣ начальства ему было передано, ему была доставлена записка генерала Вимифена, командира пятаго корпуса. Вимифенъ сообщалъ ему, что у него имѣется письмо военнаго министра, которымъ ему, Вимифену, передается командованіе въ случаѣ выбытія Макъ-Магона изъ строя. Какъ оказалось, Вимифенъ имѣлъ это письмо еще съ утра, но не показалъ его во время Макъ-Магону, такъ что тотъ не зналъ, что Дюкро нельзя было предоставить начальство. Вимифенъ сразу отмѣнилъ всѣ распоряженія объ отступленіи. Тщетно Дюкро доказывалъ ему, что армія упускаетъ драгоцѣнное время, необходимое для отступленія. «Намъ нужно не отступленіе, а побѣда», отвѣчалъ Вимифенъ. «Сегодня же вечеромъ», отвѣчалъ Дюкро, «мы будемъ очень счастливы, если намъ удастся хоть отступить». Ему, однако, оставалось лишь повиноваться. Вимифенъ серьезно вѣрилъ въ побѣду и, при выраженіи Наполеономъ III безпокойства, самоувѣренно отвѣчалъ ему: «Вы увидите, ваше величество, какъ я черезъ два часа сброшу непріятели въ Маасъ». Однако, вмѣсто того, чтобы оказаться сброшеннымъ въ рѣку, непріятель черезъ немного часовъ усиленнаго боя захватилъ единственный мостъ на линіи отступленія французской арміи и окружилъ Седанъ желѣзнымъ кольцомъ. Дѣлались геройскія усилія, чтобы пробить это кольцо. Постоянныя атаки французской кавалеріи подъ начальствомъ генераловъ Салиньяка и Галлифэ вызвали, какъ говорятъ, у самого короля Вильгельма крикъ изумленія: «О эти храбрецы-французы!» Однако, все было напрасно. Безнадежность боя сказывалась все болѣе и болѣе. Французская армія буквально осыпалась выстрѣлами

1) «Un dououreux anniversaire» — «Correspondant», 25 août. 1900.

изъ германскихъ орудій, превосходившихъ французскія своими боевыми качествами. Французская артиллерія была буквально разбита: орудія валялись съ лафетовъ, не хватало прислуги. Началось бѣгство, сначала небольшими группами, затѣмъ безпорядочными толпами. Стараясь остановить бѣглецовъ, Дюкро со своимъ ординарцемъ доѣхалъ до стѣнъ цитадели. Ординарецъ обратилъ его вниманіе на развѣвавшійся бѣлый флагъ. Дюкро предположилъ сначала, что это флагъ Краснаго Креста, на которомъ крестъ смытъ дождемъ. Оказалось, однако, что, дѣйствительно, былъ поднятъ парламентарскій флагъ: Наполеонъ III хотѣлъ положить конецъ бесполезной бои. Въ Седанѣ на улицахъ лежали убитые, умирающіе и раненые. Сотни бѣглецовъ искали здѣсь спасенія отъ снарядовъ. Деморализація была общая. Солдаты оставляли порученные имъ посты и бѣжали, какъ только начальство ихъ покидало изъ вида. На тѣсныхъ улицахъ Седана среди массы оборванныхъ, бросившихъ ружья солдатъ, среди повозокъ, пушекъ, телѣгъ, невозможно было двигаться. Со всѣхъ окрестныхъ высотъ не менѣе четырехъ сотъ нѣмецкихъ пушекъ безостановочно обстрѣливали всю эту массу. Насилу Дюкро добрался до Наполеона III. Императоръ, находившійся въ помѣщеніи префектуры, принялъ его со словами: «Я сильно жалѣю, что военный министръ назначилъ Вимифена. Только отступление могло бы насъ спасти. На ваши совѣты я слишкомъ мало обращалъ вниманія!» Послѣ нѣкотораго молчанія императоръ продолжалъ: «Я поднялъ бѣлый флагъ. Я надѣюсь добиться свиданія съ прусскимъ королемъ и выговорить арміи почетныя условія». Дюкро отвѣчалъ, что не надѣется на великодушіе побѣдителей; единственное спасеніе въ ночной вылазкѣ. Наполеонъ III не соглашался, указывая на страшную деморализацію войска. Тѣмъ временемъ канонада продолжалась. Гулъ ея былъ такъ силенъ, что ее слышала армія принца Фридриха-Карла, осаждавшая Мецъ. Ядра падали вездѣ; они разрывались среди лазаретныхъ повозокъ, убивали женщинъ и дѣтей, раскидывали повсюду ключья окровавленныхъ тѣлъ. Императоръ снова повторилъ Дюкро, что ждать уже нечего, и велѣлъ ему писать записку о сдачѣ. Дюкро написалъ записку, но подписать ее отказался, говоря, что не онъ, а Вимифенъ начальствовалъ арміею и довелъ ее до несчастія. Позвали Вимифена. Между обоими генералами въ присутствіи императора произошелъ рѣзкій обмѣнъ взаимныхъ обвиненій. Императоръ и окружающіе его наконецъ вмѣшались, и рѣшено было, что Вимифенъ, какъ начальникъ разбитой арміи, самъ отправится въ германскій лагерь условливаться о капитуляціи. 2-го сентября утромъ корпусные командиры и дивизіонные начальники узнали объ условіяхъ сдачи. Защищаться въ Седанѣ было невозможно уже потому, что съѣстныхъ припасовъ тамъ имѣлось только на одинъ день. Вылазка была бы безнадежна. Поэтому единогласно принята была капитуляція. Въ результатѣ, армія, численностью въ восемьдесятъ три тысячи человекъ, принуждена была объявить себя военноплѣнной. Этой катастрофой, обусловленной стеченіемъ ряда случайностей, рѣшена была участь всей кампаніи. Болѣе всего потрясенъ былъ катастрофою генераль Дюкро, единственный изъ генераловъ Наполеона III, въ силахъ котораго было бы предотвратить или хоть ослабить страшный громъ арміи.

С М Ъ С Ъ.

ОРЖЕСТВО въ Кутузовской избѣ. 1 сентября общество хоругвеносцевъ кафедральнаго Христа Спасителя собора, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, праздновало въ Кутузовской избѣ, на Поклонной горѣ, за Дорогомиловскою заставою, годовищину знаменитаго военнаго совѣта, имѣвшаго мѣсто въ этой избѣ 1 сентября 1812 года, когда было рѣшено отдать Москву безъ боя. Въ храмѣ Покрова Пресвятыя Богородицы, чѣмъ на Филяхъ, преосвященнымъ Парөеніемъ, епископомъ Можайскимъ, соборнѣ при протодіаконѣ С. И. Смирновѣ и Чудовскомъ хорѣ, была совершена торжественная литургія, которой предшествовала нанихида по императорахъ Александрѣ I, Николаѣ I, Александрѣ II, Александрѣ III, по фельдмаршалѣ князѣ Михаилѣ Иларіоновичѣ Голенищевѣ-Кутузовѣ-Смоленскомъ и по всѣхъ войнахъ, павшихъ въ Отечественную войну. По окончаніи литургіи былъ совершенъ крестный ходъ въ Кутузовскую избу, которая была украшена національными флагами, а главная комната, гдѣ помѣщаются портреты и бюсты государя императора, государынь императрицъ и фельдмаршала Кутузова, роскошно убрана гирляндами изъ живыхъ цвѣтовъ и зелени. Въ лѣвомъ углу этой комнаты помѣщалась модель съ памятника, поставленнаго знаменитому фельдмаршалу Фридрихомъ-Вильгельмомъ III въ германскомъ городѣ Юнгъ-Бунцлау, гдѣ Михаилъ Иларіоновичъ скончался въ 1813 году. По прибытіи крестнаго хода, преосвященный Парөеній отслужилъ соборнѣ молебствіе съ водоосвященіемъ и возгласеніемъ установленнаго многолѣтія.

250-лѣтіе чудотворной иконы Грузинской Божіей Матери. 22 августа исполнилось 250-лѣтіе празднованія чудотворной иконы Божіей Матери Гру-

зинской. Это празднованіе было установлено митрополитомъ новгородскимъ Никономъ послѣ разслѣдованія, произведеннаго по его распоряженію о чудесахъ, совершившихся отъ Грузинской иконы Богоматери. Чудотворная Грузинская икона Божіей Матери была принесена въ Россію изъ Персіи. Персидскій шахъ Аббасъ, покоривъ Грузію въ 1622 году, отправилъ нѣкоторыя св. иконы въ Персію. Въ то время по торговымъ дѣламъ находились въ Персіи русскіе купцы, у которыхъ вывезенные изъ Грузіи священные предметы находили выгодный сбытъ. Икона Пресвятой Богородицы Одигитрии была приобрѣтена у перса приказчикомъ ярославскаго купца Лыткина, Стефаномъ Лазаревымъ, и вручена своему хозяину. Послѣдній принесъ чудотворную икону въ Черногорскій (внослѣдствіи названъ Красногорскимъ) на рѣкѣ Пинегѣ монастырь (Двинской области), который тогда только-что началъ устраиваться. Послѣ принесенія чудотворной иконы въ 1650 году, Красногорскій монастырь приобрѣтаетъ извѣстность и значеніе для православной Руси, и съ этого времени устанавливается празднованіе иконѣ. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича и по его повелѣнію въ 1653 году чтимая икона Грузинской Божіей Матери была благоговѣнно отправляема въ Сибирь и во внутренніе города Россіи, въ томъ числѣ и въ Москву. Въ Москвѣ пребываніе святыни было ознаменовано чудеснымъ исцѣленіемъ одного больного; съ иконы былъ произведенъ точный снимокъ, отъ котораго также послѣдовали исцѣленія. Чудотворный образъ былъ поставленъ тогда въ храмъ, чтѣ на Неглинѣ, у мельницъ; въ настоящее время онъ находится въ Троицкой церкви близъ Варварскихъ воротъ. Кромѣ того, чудотворный образъ Грузинской Богоматери имѣется въ Раиѣской пустыни (недалеко отъ Казани).

Столѣтіе графа А. Г. Куселева-Безбородко. 4 сентября текущаго года исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія извѣстнаго мецената графа Александра Григорьевича Куселева-Безбородко. Онъ родился 4 сентября 1800 года, воспитывался въ благородномъ пансіонѣ Царскосельскаго лицея, получилъ степенъ «доктора этико-политическихъ наукъ» въ Московскомъ университетѣ (1816 г.), служилъ по министерствамъ иностранныхъ дѣлъ и финансовъ, а подъ конецъ жизни состоялъ государственнымъ контролеромъ, до дня своей смерти въ Москвѣ—6 апрѣля 1855 году. Не столько своею служебною дѣятельностью, сколько заботливымъ «покровительствомъ благому просвѣщенію» покойный графъ оставилъ по себѣ добрую память: благодаря его старанію и поддержкѣ, въ сентябрѣ 1825 года открылся Нѣжинскій лицей. Такимъ образомъ, одновременно со столѣтіемъ рожденія графа А. Г. Куселева-Безбородко, исполняется 75 лѣтъ со дня возникновенія въ Нѣжинѣ высшаго учебнаго заведенія, нынѣ называемаго «Нѣжинскимъ историко-филологическимъ институтомъ».

Памятникъ Александру III. На мѣстѣ постройки памятника въ Москвѣ императору Александру III дѣятельно ведется, по словамъ «Моск. Вѣд.», земляныя работы. Въ нынѣшній строительный періодъ предполагается, если позволитъ погода, вынуть землю до материка и сдѣлать бутъ, для чего уже готовится прекрасный путиловскій плитнякъ. По расчетамъ строителя придется углубиться въ землю на четыре и даже, можетъ быть, на пять сажень. Какъ извѣстно, на площади, занятой храмомъ Христа Спасителя и скверомъ

вокругъ него, нѣкогда былъ расположенъ Алексѣевскій монастырь. Поэтому не удивительно, что при земляныхъ работахъ, нынѣ производимыхъ для постройки памятника, оказались каменные стѣны со сводами, мостовая, надгробные камни и много человѣческихъ костей. За короткое сравнительно время было вырыто до пяти ящичковъ костей, которыя будутъ отвезены на кладбище для преданія землѣ. На глубинѣ сажени были найдены большія продолговатыя надгробныя каменные плиты, изъ которыхъ одну удалось вынуть почти въ цѣломъ видѣ. По отзыву специалистовъ, плиты обработаны въ византійскомъ стилѣ и представляютъ большой интересъ. На цѣлой плитѣ превосходно сохранилась надпись, исполненная славянскою вязью. Разборка бастиона быстро подвигается впередъ, при чемъ получаемый камень бережно складывается, такъ какъ онъ снова понадобится при устройствѣ спусковъ отъ памятника къ набережной. Съ площадки передъ монументомъ будутъ устроены двѣ лѣстницы, идущія полукругомъ, при чемъ на спускѣ будетъ устроена вторая площадка, на которую будутъ вести ступени съ лѣстницъ. Третью эспланаду предъ памятникомъ составитъ уже набережная широкая улица.

Памятникъ послѣднему отдыху Александра III. Въ управленіе юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ доставлена гипсовая модель орла, сидящаго съ распростертыми крыльями, распущеннымъ хвостомъ и съ головой наклоненной внизъ. Длина модели по крыльямъ около 5 аршинъ. Съ модели будетъ снятъ фотографическій снимокъ и отправленъ для утвержденія въ Петербургъ въ управленіе казенныхъ желѣзныхъ дорогъ. Послѣ того орель, по словамъ кievскихъ газетъ, будетъ отлитъ изъ бронзы и поставленъ на колонну, сооруженную у моста черезъ рѣку Тетеревъ, въ ознаменованіе извѣстнаго событія. Въ срединѣ сентября 1894 года проѣзжалъ изъ Спалы въ Крымъ по бердичевскому отдѣленію юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ въ бозѣ почившій государь императоръ Александръ III. Чувствуя себя нездоровымъ и утомленнымъ длиннымъ переѣздомъ, онъ выразилъ желаніе остановиться въ дорогѣ и отдохнуть. Царскій поѣздъ остановленъ былъ у рѣки Тетерева. Когда поѣздъ былъ остановленъ, государь императоръ съ августѣйшей семьей вышелъ изъ вагона прямо на берегъ рѣки и сидѣлъ на камнѣ около часа. Когда государь отдохнулъ, августѣйшая семья сѣла въ вагонъ и поѣздъ двинулся дальше. Въ 1895 году среди служащихъ управленія юго-западныхъ дорогъ, какъ извѣстно, возникла мысль собрать деньги и соорудить на нихъ памятникъ въ память пребыванія на берегу Тетерева государя. Памятникъ будетъ состоять изъ четырехгранной колонны, на верху которой будетъ сидѣть орель. Колонна будетъ поставлена на широкое основаніе, къ которому будутъ итти четыре мраморныхъ ступеньки. Вокругъ памятника будутъ поставлены гранитные столбики, которые будутъ поддерживать чугунную цѣпь. Поставленъ памятникъ будетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ сидѣла августѣйшая семья.

Памятники въ Приамурьѣ. Въ приказѣ по войскамъ Приамурскаго военного округа объявлено: «При постройкѣ Усурійской желѣзной дороги войска округа принимали самое дѣятельное участіе въ работахъ. На постройку дороги было командировано отъ войскъ 17.720 человѣкъ. Для увѣковѣченія участія войскъ въ дѣлѣ сооруженія дороги, приамурскій генералъ-губернаторъ вошелъ

съ ходатайствомъ о разрѣшеніи поставить памятники-obeliski при желѣзно-дорожныхъ вокзалахъ въ Хабаровскѣ и Никольскѣ-Усурійскомъ, украшенные двухглавымъ орломъ, съ мѣдными досками, съ соответствующею надписью слѣдующаго содержанія: «Войска Приамурскаго военнаго округа, будучи призваны къ сооруженію этого пути, значительную часть его исполнили своимъ трудомъ. Да свидѣтельствуеть этотъ памятникъ, что воины Россіи, стояще грознымъ, оплотомъ на отдаленнѣйшемъ рубежѣ имперіи, одинаково умѣютъ служить отечеству какъ оружіемъ, такъ и лопатой и топоромъ. Слава русскому солдату». На всеподданнѣйшемъ докладѣ ходатайства о постановкѣ памятниковъ, Государю Императору благоугодно было Собственноручно начертать: «Вполнѣ согласенъ».

Коллекція скинскихъ древностей. В. Н. и В. И. Ханенко изъявили желаніе принести въ даръ кіевскому музею древностей и искусствъ принадлежащую имъ богатѣйшую коллекцію древностей, относящихся главнымъ образомъ къ такъ называемой греко-скинской эпохѣ. Изъ всѣхъ коллекцій скинскихъ древностей эта коллекція является самой обширной и самой богатой. Въ собраніе В. Н. и В. И. Ханенко входятъ древности лѣвобережныя (главнымъ образомъ роменскаго района), добытыя во время систематическихъ многочисленныхъ раскопокъ С. А. Мазараки, и правобережныя, явившіяся результатомъ совмѣстныхъ расконокъ В. И. Ханенко и В. В. Хвойко. Эта же богатая коллекція послужила главнымъ матеріаломъ для капитальнаго изслѣдованія В. И. Ханенко о придиѣпровскихъ древностяхъ. Недавно, какъ мы уже сообщали, кіевскому музею принесена въ даръ предсѣдателемъ императорской археологической комиссіи графомъ А. А. Бобринскимъ принадлежащая ему богатѣйшая археологическая коллекція. Если присоединить къ этимъ собраніямъ поступившую уже въ музей коллекцію покойнаго Зноско-Боровскаго и многочисленные дары императорской археологической комиссіи, а также собственныя древности кіевского общества древностей и искусствъ, то окажется, что въ близкомъ будущемъ кіевскій музей будетъ обладать богатѣйшимъ во всей Европѣ собраніемъ древностей, относящихся къ такъ называемой скинской эпохѣ. Всѣ эти древности будутъ расположены въ строгой системѣ въ главной залѣ нижняго этажа зданія музея. Зала эта будетъ представлять собой отдѣлъ скинскихъ древностей и древностей, относящихся къ эпохѣ переселенія народовъ.

Возстановленіе Воскресенскаго храма въ Крутицахъ. Дѣлу о возстановленіи древняго Воскресенскаго храма въ Крутицкихъ казармахъ данъ надлежащій ходъ. Образована для этой цѣли особая комиссія, въ которую отъ духовнаго вѣдомства назначенъ ректоръ московской духовной семинаріи архимандритъ Трифонъ, отъ военнаго вѣдомства—генераль-майоръ Коссовичъ, подполковникъ Калиновскій и архитекторъ Адамовичъ; кромѣ того, въ комиссію входятъ представители императорскаго археологическаго общества.

Народная аудиторія попечительства о народной трезвости за 1899 г. Псковскимъ попечительствомъ о народной трезвости открыта при домѣ трудолюбія аудиторія для народныхъ чтеній съ туманными картинами. При ней состоитъ особая комиссія, принявшая на себя веденіе чтеній, изъ 30-ти лицъ:

двухъ инспекторовъ народныхъ училищъ, 19-ти преподавателей различныхъ учебныхъ заведеній и 9-ти духовныхъ лицъ. Всего за прошлый 1899 г. въ аудиторіи состоялось 45 чтеній. За годъ аудиторію посѣтило 18.418 чел. (7.165 мужч., 6.606 женщ. и 4.647 дѣтей), что составляетъ въ среднемъ 409 человекъ на одно чтеніе. На многихъ чтеніяхъ присутствовало болѣе 500 чел., а такъ какъ помѣщеніе аудиторіи рассчитано всего на 350 чел., то она была всегда переполнена. Въ виду множества желающихъ, въ аудиторію публика допускается по билетамъ, а такъ какъ раздать билеты всѣмъ желающимъ нѣтъ возможности, то при началѣ чтенія у входа остается обыкновенно толпа людей, которые ожидаютъ перерыва чтенія, надѣясь занять мѣста уходящихъ. Въ виду большого наплыва публики, дѣти безъ взрослыхъ родственниковъ въ аудиторію не допускаются. Поэтому многіе изъ нихъ пускаются на хитрости: подыскиваютъ на улицѣ взрослога человѣка, который бы взялъ ихъ съ собою, или перелѣзаютъ черезъ заборъ и проникаютъ въ аудиторію чернымъ ходомъ. Выдача билетовъ начинается за часъ до начала чтенія, а за полчаса обыкновенно прекращается по недостатку билетовъ. Обычный контингентъ слушателей составляютъ: крестьяне, рабочіе, прислуга, приказчики и низшіе служащіе различныхъ учрежденій. На чтеніяхъ въ перерывахъ хоромъ нѣвѣщихъ исполнялись различныя музыкальныя пьесы: на религіозныхъ—духовнаго характера, а на остальныхъ—свѣтскія. Игралъ также и оркестръ балалаечниковъ, доставлявшій большое удовольствіе публикѣ. За годъ въ аудиторіи изъ почетныхъ посѣтителей были: 28-го мая—сенаторъ баронъ Икскуль фонъ-Гильденбрандтъ; 15-го сентября—членъ совѣта по дѣламъ казенной продажи бумагъ, д. с. с. А. Шумахеръ, и 3 раза мѣстный преосвященный Антонинъ. Попечительство о народной трезвости располагаетъ складомъ чтеній и картинъ на сумму 2.173 р. 16 к. Всѣхъ картинъ въ складѣ 2.866, а чтеній 248; изъ нихъ религіозно-нравственнаго содержанія 61, историческаго 38, литературнаго 107, географическаго 20 и естественно-историческаго и медицинскаго 22 чтенія.

Н Е К Р О Л О Г И.

АНДРЕЕВЪ, Н. Ю. Въ началѣ сентября скончался докторъ медицины Николай Юстиновичъ Андреевъ. Покойный родился въ 1855 г., образование получилъ въ императорской медико-хирургической академіи. Въ 1878 году онъ окончилъ курсъ лѣкаремъ съ отличіемъ, однимъ изъ первыхъ по списку, съ правомъ не держать экзаменовъ на степень доктора медицины. Поступивъ въ клинику профессора Горвица, гдѣ состоялъ помощникомъ ассистента и завѣдывающимъ родильнымъ покоемъ, покойный Н. Ю. Андреевъ защитилъ въ 1880 г. диссертацию на степень доктора медицины и занялъ въ слѣдующемъ году мѣсто ассистента въ Маринскомъ родильномъ домѣ, а въ 1883 г. перешелъ на службу въ вѣдомство военно-учебныхъ заведеній и съ 1886 г. состоялъ по день кончины младшимъ врачомъ Пажескаго корпуса. Занимая помимо указанныхъ еще цѣлый рядъ должностей врача въ нѣсколькихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, на Николаевской желѣзной дорогѣ и проч., покойный Н. Ю. Андреевъ не переставалъ работать на научномъ поприщѣ. Съ 1897 г. онъ занимался въ клиникѣ профессора Лебедева и въ 1890 г. былъ удостоенъ конференціей императорской военно-медицинской академіи званія приватъ-доцента академіи по акушерству и гинекологіи къ клиникѣ. Съ тѣхъ поръ и до послѣдняго времени онъ читалъ студентамъ 4-го курса на амбулаторныхъ больныхъ въ клиникѣ профессора Лебедева лекціи по практической гинекологической пропедевтикѣ. На ряду съ занятіями въ клиникѣ и чтеніемъ лекцій студентамъ академіи, покойный Н. Ю. Андреевъ печаталъ свои изслѣдованія какъ отдѣльными изданиями, такъ и въ медицинскихъ журналахъ. Глубокое знаніе дѣла, вдумчивый умъ и истинно человѣческое отношеніе къ больнымъ доставляли покойному Н. Ю. Андрееву, какъ врачу-практику, широкую извѣстность. Отличаясь въ высшей степени общи-

тельнымъ характеромъ, покойный располагалъ къ себѣ всякаго, кто имѣлъ случай ближе съ нимъ познакомиться. Больные скоро дѣлались его друзьями, находя въ немъ не только помощь въ физическихъ недугахъ, но и нравственную поддержку въ душевныхъ страданіяхъ.

† **Березинъ, В. И.** 2-го августа скончался инженеръ Владимиръ Ильичъ Березинъ, прославившій себя въ инженерномъ мѣрѣ постройкою самыхъ большихъ желѣзнодорожныхъ мостовъ въ Россіи.

В. И. родился въ 1841 г. и образование получилъ въ Орловскомъ кадетскомъ корпусѣ; затѣмъ кончилъ курсъ въ Николаевской инженерной академіи. Какъ лучший изъ окончившихъ, онъ былъ оставленъ при академіи для подготовки къ занятію кафедры строительной механики и въ 1867 г. былъ назначенъ преподавателемъ этого предмета. Вскорѣ Березинъ былъ командированъ къ А. Е. Струве въ Кіевъ на постройку желѣзнодорожнаго моста черезъ Днѣпръ. По окончаніи этого замѣчательнаго сооруженія съ отверстіемъ въ 500 сажень, В. И. Березинъ не вернулся въ академію, такъ какъ Струве, взявъ на себя постройку большого моста черезъ р. Днѣпръ у Кременчуга, предложилъ покойному быть организаторомъ и полнымъ распорядителемъ работъ по постройкѣ новаго моста въ 450 саж. Успѣшное и срочное (съ 1871 по 1874 гг.) выполнение постройки Кременчугскаго моста обратило вниманіе министерства путей сообщенія на молодого талантливаго строителя, и въ 1875 г. В. И. Березину поручается министерствомъ постройка самаго большого желѣзнодорожнаго моста — Александровскаго черезъ Волгу у Самары (отверстіе моста въ 650 саж. и цѣна всей постройки простиралась до 9.000.000 руб.). Въ 1880 г. постройка была успѣшно окончена. Но столь продолжительная и важная работа, требующая полной свободы, заставила В. И. Березина совѣтъ оставить инженерную академію.

Въ 1881 г. В. И. назначается строителемъ новаго большого моста на Екатерининской желѣзной дорогѣ черезъ р. Днѣпръ у Екатеринослава (отверстіе моста 585 саж., и стоимость была исчислена по смѣтѣ въ 4.000.000 руб.). И этотъ мостъ былъ оконченъ въ срокъ въ 1884 г., при чемъ работы были произведены не только безукоризненно въ техническомъ отношеніи, но и дешевле на 1 миллионъ противъ смѣты.

За эту постройку В. И. награжденъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго советника. Въ 1885 г. онъ оставилъ службу въ министерствѣ, однако его строительная дѣятельность не прекратилась, а наоборотъ развилась еще болѣе. Въ качествѣ частнаго предпринимателя онъ продолжалъ энергично работать въ этой области до самой своей смерти.

† **Борисовъ, Н. А.** Въ Царскомъ Селѣ скончался 27-го августа драматургъ Николай Александровичъ Борисовъ. Перу покойнаго принадлежитъ нѣсколько пьесъ («За что?», «Кумиръ», «Притча во языцѣхъ», «Увядающій ландышъ»); изъ нихъ наибольшимъ успѣхомъ пользовались «Биронъ», выдержавшій нѣсколько представленій на сценѣ Александринскаго театра, и «Слѣдователь», поставленный въ первый разъ на сценѣ театра литературно-артистическаго кружка. Покойный старательно обрабатывалъ свои пьесы. Заимствуя сюжетъ для «Бирона» изъ русской исторіи, онъ хорошо изучилъ эпоху царствованія

¹/₂24*

Анны Юанновны. Н. А. родился въ Рославлѣ, Смоленской губерніи. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ служилъ по дворянскимъ выборамъ и былъ мировымъ судьей. Умеръ онъ на 51-мъ году отъ роду, оставивъ по себѣ память скромнаго и хорошаго человѣка.

† **Васильевъ, В. И.** 24-го августа скончался артистъ русской оперы, Владимиръ Ивановичъ Васильевъ I. Родился покойный въ 1828 году въ гор. Нарвѣ. Онъ сынъ мѣстнаго протоіерея Кириллова. При поступленіи въ духовное Александроневское училище В. И. перемѣнилъ свою фамилію на настоящую. По окончаніи курса въ училищѣ онъ поступилъ въ синодскую канцелярію и одновременно пѣлъ въ почтамтскомъ церковномъ хорѣ. Случайно слышавшее его одно изъ высокопоставленныхъ лицъ было поражено его голосомъ, и благодаря ему В. И. началъ заниматься у итальянскаго преподавателя Гаэтано Казелла, затѣмъ перешелъ къ профессору Фредерико Риччи и по окончаніи занятій въ училищѣ императорскихъ театровъ былъ отправленъ въ Триестъ къ брату своего профессора Луиджи Риччи, извѣстному композитору, для окончательнаго усовершенствованія. Въ Триестѣ же онъ въ первый разъ выступилъ на сценѣ. Вскорѣ покойный былъ приглашенъ на петербургскую императорскую сцену, гдѣ, кромѣ Петрова и Гумбина, некому было исполнять басовыя партіи. В. И. сразу занялъ выдающееся положеніе въ оперѣ. Въ виду того, что спектаклямъ русской оперы отводилось мало дней въ недѣлю, Васильевъ участвовалъ также и въ итальянской оперѣ, блиставшей въ то время составомъ своихъ артистовъ. Послѣ реорганизациі русской оперы В. И. проявлялъ кипучую дѣятельность, рѣдкая опера шла безъ его участія, всѣхъ ролей онъ исполнялъ болѣе 130. Въ 1880 году онъ выступилъ въ спектаклѣ итальянской оперы, исполнилъ свою коронную роль Сусанина и имѣлъ громадный успѣхъ. Оставивъ сцену, онъ не прерывалъ своей связи съ нею, онъ былъ однимъ изъ основателей судо-сберегательной кассы при императорскихъ театрахъ и до самаго послѣдняго времени принималъ въ ней самое горячее участіе. Лѣтъ десять, двѣнадцать назадъ Васильевъ явился инициаторомъ частной оперы, устроенной имъ въ клубѣ на Петербургской сторонѣ, при чемъ онъ самъ былъ главнымъ распорядителемъ. Оперные спектакли ставились очень хорошо. Сцену оставилъ окончательно покойный сравнительно не такъ давно,—еще лѣтъ девять тому назадъ онъ гастролировалъ съ успѣхомъ въ Казани, буквально поражая слушателей свѣжестью, несмотря на преклонныя лѣта, своего голоса. В. И. былъ замѣчательно остроумный человѣкъ и прекрасный собесѣдникъ. Много его остротъ сдѣлались ходячими. Въ лицѣ покойнаго русская опера потеряла свидѣтеля и участника ея блестящаго періода, когда въ труппѣ ея состояли такіе пѣвцы, какъ Никольскій, Леонова, Лавровская, Коммисаржевскій, Мельниковъ, Орловъ, обладавшіе рѣдкими голосами.

† **Гейденъ, гр. Ф. Л.** 18-го августа въ Царскомъ Селѣ скончался одинъ изъ видныхъ государственныхъ дѣятелей, графъ Фѣдоръ Логиновичъ Гейденъ.

Отецъ графа, русскій адмиралъ, перешедшій на службу Россіи изъ голландскаго флота, опредѣлилъ его въ Пажескій его величества корпусъ. Покойный кончилъ курсъ въ 1840 году по первому разряду и 19-лѣтнимъ юношей, произведенный въ прапорщики, началъ военную службу въ л.-гв. Пре-

ображенскомъ полку. Получивъ въ 1845 году назначеніе состоять при главнокомандующемъ отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ, онъ съ горячностью молодости принялъ видное участіе во многихъ бояхъ и стычкахъ съ горцами, находясь всегда въ составѣ передовыхъ отрядовъ.

Въ первый же годъ своего пребыванія на Кавказѣ, онъ участвовалъ въ дѣлѣ при отгѣсненіи горцевъ отъ аула Шаугаль-Берды въ страшномъ ружейномъ огнѣ и былъ раненъ пулею въ правое предплечье на вылетъ. Черезъ пять дней онъ уже поправился и вновь принялъ участіе въ бояхъ. Сопровождая главнокомандующаго въ его поѣздкѣ по Кавказу, покойный участвовалъ въ 1846 г. въ 14 дѣлахъ, въ слѣдующемъ же году въ 43 дѣлахъ, проявляя замѣчательное самоотверженіе и распорядительность. При аулѣ Салты ему пришлось приводить въ оборонительное положеніе стѣну аула и устраивать ложементъ и двѣ батареи подъ градомъ непріятельскихъ пуль. Одна изъ нихъ ранила покойнаго въ животъ на вылетъ.

Переведенный затѣмъ въ Петербургъ и причисленный къ генеральному штабу, графъ Ѳ. Л. былъ назначенъ флигель-адъютантомъ. Вскорѣ онъ отпирался на театръ военныхъ дѣйствій въ Венгрію. За боевыя заслуги въ венгерской кампаніи покойный былъ произведенъ въ полковники и награжденъ орденомъ св. Владимира 3-й ст. съ мечами. На его долю выпало между прочимъ доставленіе ключей отъ крѣпости Арада австрійскому императору. Съ этого времени слѣдуетъ быстрое повышеніе графа по службѣ. Послѣдовательно онъ занималъ разнообразныя отвѣтственныя должности. Во время крымской кампаніи графъ Гейденъ уже исполнялъ обязанности начальника штаба, сперва перваго армейскаго, потомъ балтійскаго корпусовъ и участвовалъ въ охранѣ Прибалтійскаго побережья отъ соединеннаго англо-французскаго флота. Въ 1855 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры, съ назначеніемъ въ свиту его величества, съ 1856 г. по 1861 г. былъ начальникомъ штабовъ перваго армейскаго и отдѣльнаго гренадерскаго корпусовъ, затѣмъ председательствовалъ въ особомъ комитетѣ по составленію новыхъ правилъ о пересылкѣ арестантовъ въ Сибирь и состоялъ дежурнымъ генераломъ главнаго штаба его величества.

Въ послѣдней должности графъ Ѳ. Л. дѣлается помощникомъ графа Д. А. Милютина и, съ момента своего назначенія въ 1866 г. начальникомъ главнаго штаба, — его правой рукой. Будучи начальникомъ штаба въ теченіе 15 лѣтъ, графъ Гейденъ принималъ участіе почти во всѣхъ преобразованіяхъ по военному вѣдомству. Особенно памятна его энергичная полезная дѣятельность при разработкѣ законоположеній о всеобщей воинской повинности, а также его труды по мобилизаціи, устройству и пополненію русской арміи во время послѣдней русско-турецкой войны. Уставъ о всеобщей воинской повинности составленъ подъ его ближайшимъ руководствомъ и послужилъ началомъ новой организациі нашей арміи. Раньше онъ участвовалъ въ пересмотрѣ рекрутскаго устава и проекта положенія о воинской дисциплинѣ, а также въ обсужденіи вопроса о преобразованіи военно-учебныхъ заведеній. Въ качествѣ начальника штаба покойный председательствовалъ въ самыхъ разнообразныхъ комитетахъ и комиссіяхъ. Во время русско-турецкой войны графъ былъ

членомъ особой комиссіи, учрежденной на время отсутствія императора Александра II изъ столицы.

Въ 1881 году императоръ Александръ III выказалъ графу особое довѣріе, назначивъ его на отвѣтственный постъ финляндскаго генераль-губернатора и командующаго войсками финляндскаго военнаго округа. Одновременно онъ былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта. Финляндскимъ генераль-губернаторомъ покойный былъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ и въ этотъ періодъ съ большимъ тактомъ принималъ мѣры къ поднятію въ странѣ престижа русской власти и Россіи. Онъ энергично заботился объ удовлетвореніи мѣстныхъ нуждъ и развитіи благосостоянія края по всѣмъ отраслямъ экономической жизни. Между прочимъ финляндскія войска были приведены имъ въ порядокъ и значительно усилены.

За продолжительную и плодотворную службу графъ Гейденъ имѣлъ всѣ высшія награды до портретовъ императоровъ Александра III и Николая II съ бриллиантовыми украшеніями на Андреевскихъ лентахъ включительно.

Умеръ онъ 79 лѣтъ отъ роду.

† **Кавось, К. И.** 26-го августа во Франкфуртѣ-на-Майнѣ скончался журналистъ Камилль Ивановичъ Кавось.

Покойный происходилъ изъ итальянской семьи. Дѣдъ его, Катерино Кавось, извѣстный въ свое время композиторъ, которому русская опера отчасти обязана своимъ существованіемъ, переселился въ Россію въ концѣ царствованія Павла Петровича. Отецъ его, И. К. Кавось былъ главнымъ режиссеромъ итальянской оперы. Родился К. И. въ 1843 г. въ Петербургѣ, учился сперва въ Petersschule, потомъ въ с.-петербургской первой гимназій, а въ 1861 г. поступилъ въ с.-петербургскій университетъ, но вслѣдствіе тогдашнихъ безпорядковъ вынужденъ былъ оставить его. К. И. уѣхалъ тогда въ Италію, поступилъ въ моденскую военную школу, откуда былъ выпущенъ офицеромъ въ 1864 году. Весною 1866 г. ему пришлось промѣнять свѣтскую и беззаботную жизнь въ Миланѣ и Туринѣ на жизнь боевую. Благодаря знанію имъ иностранныхъ языковъ, онъ въ маѣ того года получилъ назначеніе состоять ординарцемъ при королевской главной квартирѣ. 24-го іюня 1866 года онъ уже былъ крещенъ огнемъ. Его командировали съ порученіемъ главной квартиры къ 1-й гренадерской дивизіи. Затѣмъ онъ участвовалъ въ нѣсколькихъ дѣлахъ, а по заключеніи мира получилъ продолжительный отпускъ, которымъ воспользовался, чтобы побывать въ Петербургѣ. По возвращеніи въ Италію онъ поступилъ въ «Высшую школу войны» (академія генеральнаго штаба) и по окончаніи курса въ ней былъ назначенъ бригаднымъ адъютантомъ, а потомъ переведенъ въ Римъ въ главный штабъ. Вскорѣ однако онъ вышелъ въ отставку, покинулъ Римъ и вернулся въ Петербургъ. Сперва онъ давалъ уроки итальянскаго языка, но однажды написалъ статью о министерскомъ кризисѣ въ Италіи, и она-то положила начало его журнальной дѣятельности. Профессоръ Чебышевъ-Дмитріевъ, завѣдывавшій редакціей «Нов. Вр.» (изд. г. Трубникова), пригласилъ его переводчикомъ и съ тѣхъ поръ, съ половины 70-хъ годовъ, онъ посвятилъ себя газетной работѣ по иностранной политикѣ и отличался образцовой аккуратностью.

Кромѣ постоянного сотрудничества въ «Нов. Вр.», покойный состоялъ переводчикомъ «Россійскаго телеграфнаго агентства». Ежедневная обязательная и спѣшная работа довела его до переутомленія. Незадолго передъ смертью покойный почувствовалъ себя дурно и немедленно врачами былъ отправленъ за границу, но оттуда ему уже не суждено было вернуться. Въ кругу своихъ товарищей К. И. оставилъ наилучшія воспоминанія.

† **Красновъ, Н. И.** Въ началѣ сентября скончался въ Таганрогѣ отставной генералъ-лейтенантъ Николай Ивановичъ Красновъ.

Покойный хорошо извѣстенъ въ военной и общей литературѣ, какъ одинъ изъ лучшихъ изслѣдователей исторіи казачества. Ему принадлежитъ рядъ обстоятельныхъ трудовъ, изъ которыхъ сочиненіе, подъ заглавіемъ: «Терскіе казаки», награждено императорскою академіей наукъ золотой медалью. Изъ другихъ его произведеній назовемъ: «Историческіе очерки Дона», «Прошлое и настоящее донскихъ казаковъ», «Донское войско, какъ главный членъ казачьей семьи», «Народонаселеніе и территория казачьихъ войскъ» и друг. Какъ военный писатель, онъ оставилъ послѣ себя пѣлый рядъ весьма цѣнныхъ монографій, относящихся къ военному устройству казачьихъ войскъ, содержащихъ свѣдѣнія объ экономическомъ ихъ состояніи и т. п., печатавшихся въ «Военномъ Сборникѣ». Между прочимъ покойный былъ проповѣдникомъ необходимости создать особый казачій флотъ, и мысль объ этомъ проводилъ въ цѣломъ рядѣ статей и публичныхъ чтеній.

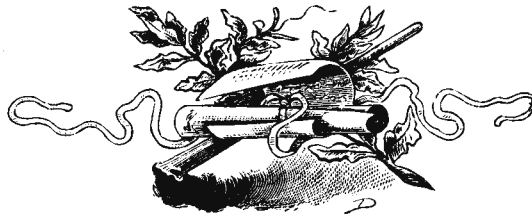
Н. И. не былъ чуждъ и беллетристики: онъ написалъ нѣсколько повѣстей изъ донской исторіи и сотрудничалъ во многихъ столичныхъ и донскихъ періодическихъ изданіяхъ въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ.

Покойный родился 17-го января 1833 года, образованіе получилъ въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, затѣмъ кончилъ курсъ въ Николаевской академіи генеральнаго штаба по первому разряду. Начавъ службу въ л.-гв. Донскомъ казачьемъ полку, онъ во время Крымской кампаніи участвовалъ въ оборонѣ Таганрога и во взятіи непріятельской канонерской лодки «Джосперъ». За участіе въ усмиреніи польскаго мятежа онъ получилъ орденъ св. Анны 3-й ст. съ мечами. По окончаніи курса въ академіи Н. И. состоялъ для порученій при главномъ управленіи генеральнымъ штабомъ и былъ помощникомъ начальника отдѣленія этого управленія; затѣмъ служилъ въ управленіи иррегулярныхъ войскъ, нынѣ управленіе казачьихъ войскъ, будучи съ 1867 г. по 1882 г. начальникомъ межевого отдѣленія управленія и состоя одновременно съ 1878 г. членомъ комитета иррегулярныхъ войскъ. Произведенный въ генералъ-майоры въ 1880 г., покойный былъ членомъ комитета казачьихъ войскъ отъ войска Донского.

Въ 1892 году онъ вышелъ въ отставку и поселился въ области войска Донского, принимая близкое участіе въ мѣстныхъ дѣлахъ въ качествѣ почетнаго мирового судьи. Особенно памятна его дѣятельность въ неурожайные годы, когда онъ являлся однимъ изъ первыхъ, приходившихъ на помощь страдавшему отъ недорода мѣстному населенію.

† **Лего, Ф. И.** Въ Варшавѣ скоропостижно скончался 11-го сентября сенаторъ, присутствовавшій въ V департаментѣ правительствующаго сената,

тайн. сов. Ѳедоръ Петровичъ Лего. Покойный родился въ 1833 году, образование получилъ въ императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія, въ которомъ кончилъ курсъ съ золотой медалью. Начавъ службу въ сенатѣ, онъ вскорѣ перевелся на должность стряпчаго полицейскихъ дѣлъ адмиралтейской части въ Петербургѣ и затѣмъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій при с.-петербургскомъ военномъ генераль-губернаторѣ. Командированный въ 1865 году въ Варшаву для занятій въ юридической комиссиі, онъ въ слѣдующемъ году переведенъ въ Собственную Его Величества канцелярію по дѣламъ царства Польскаго, участвовалъ въ качествѣ председателя слѣдственной комиссиі въ разборѣ нѣсколькихъ мѣстныхъ дѣлъ и въ качествѣ члена въ особой комиссиі по пересмотру перевода сборника дѣйствовавшихъ въ губерніяхъ царства Польскаго гражданскихъ законовъ. Въ сенатѣ покойный служилъ съ 1873 г., когда былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ V департамента сената. Назначенный въ 1876 году сенаторомъ, онъ присутствовалъ послѣдовательно въ уголовномъ кассационномъ департаментѣ, въ особомъ присутствіи для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ и въ V департаментѣ. Между прочимъ Ѳ. П. принялъ участіе въ комитетѣ для начертанія проекта новаго уложенія о наказаніяхъ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библиографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческія матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель **А. С. Суворинъ**.

Редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ
НОЯБРЬ, 1900

СОДЕРЖАНИЕ.

НОЯВРЬ, 1900 г.

	СТРАН.
I. Домна ректорша. Повѣсть изъ былого времени. (Посвящая памяти друга-учителя М. М. Куклина). I—VIII. А. В. Круглова	379
II. Воспоминанія о быломъ. (1770—1833 гг.). Изъ семейной хроники. Князя Оболенскіе и ихъ родственники. IX—XIII. (Продолженіе). Е. А. Сабанѣвой	414
III. Въ бурю. Повѣсть изъ XVII вѣка. I—X. Н. Н. Алексѣева-Кунгурцева	437
IV. Воспоминанія I—III. В. П. Одинцова	481
V. Павелъ Менезій, его дипломатическая и военная служба при московскомъ дворѣ и предполагаемое наставничество при Петрѣ Великомъ. I—III. Н. В. Чарыкова	510
<p style="text-align: center;">Иллюстраціи: 1) А. С. Матвѣевъ.—2) Усадьба Менезіевъ Морикутеръ, въ Шотландіи.—3) Дворецъ Да-Мосто, гдѣ жилъ Менезій въ Венеціи.—4) Замокъ герцога въ д'Эсте и Лукреціи Борджіа, гдѣ жилъ Менезій въ Феррарѣ.</p>	
VI. Борьба съ хунхузами на Манчжурской границѣ. VI—X. (Окончаніе). И. П. Ювачева	538
VII. Въ Туркменской степи. (Изъ записокъ черноморскаго офицера). I—II. С. А. Гунаропуло	565
VIII. Какъ селились старообрядцы на Усѣ. А. С. Шерстобитова	584
IX. Ломжа. Г. А. Воробьева	600
<p style="text-align: center;">Иллюстраціи: 1) Общій видъ города Ломжи. — 2) Приходскій костель въ Ломжѣ.—3) Внутренній видъ приходскаго костела въ Ломжѣ.—4) Памятникъ Героніма и Анны Модлиловскихъ въ приходскомъ костелѣ въ Ломжѣ.</p>	
X. Международный женскій конгрессъ въ Парижѣ. Е. А. Чебышевой-Дмитріевой	618
XI. Замѣчательный арабскій литературно-историческій памятникъ о Россіи XVII вѣка. И. С—ва	637
XII. Шарль-Женевьева Дзонъ. (Историко-біографическій очеркъ). IV—VII. (Окончаніе). В. А. Тимирязева	658
<p style="text-align: center;">Иллюстраціи: 1) Кавалеръ Дзонъ.—2) Сцена фехтованія въ Карльонгаузѣ.—3) Судъ матронъ надъ кавалеромъ Дзономъ.</p>	
XIII. Критика и библиографія	692

1) Извѣстія Русскаго археологическаго института въ Константинополѣ. V. Одесса. 1900. С.—2) Сборникъ учено-литературнаго общества при императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ. Томъ III. Юрьевъ. 1900. Д. 3.—3) Хрущовъ, И. П. Вѣсды о древней русской литературѣ. (Общество ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III). Спб. 1900. П. щ—ва.—4) И. Энгельманъ. Исторія крѣпостного права въ Россіи. Пер. съ нѣмецкаго В. Щерба подъ редакціей А. Кизеветтера. М. 1900. Ещ.—5) «Македонскій вопросъ» на почвѣ его исторіи, этнографіи и политики. Юванъ П. Рогановичъ. Казань. 1900. А. л—ага.

СОДЕРЖАНИЕ ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ВТОРОГО ТОМА.

(ОКТАБРЬ, НОЯБРЬ и ДЕКАБРЬ 1900 года).

	СТРАН.
Въ годину бѣдствій. XXIII—XXV. (Окончаніе). Н. И. Мердеръ	5
Воспоминанія о быломъ. (1770—1833 гг.). Изъ семейной хроники. Е. А. Сабанѣвой	49, 414. 809
Максимъ-печальникъ. Повѣсть. Бориса Корженевского	91
Дочь Петра Великаго. V—VI. (Окончаніе). В. А. Тимирязева	118
Заниски о крымскомъ порученіи въ 1855 году. Графа Е. Е. Комаровскаго	136
Правда о «Камаринской» и «Барынѣ». (Исторія двухъ народныхъ пѣсенъ). Т. А. Мартемьянова	161
Борьба съ хунхузами на Манчжурской границѣ И. П. Ювачева	177, 538
Поѣздка въ Полѣсье. С. С. Гогоцкаго	207
<i>Иллюстраціи:</i> 1) Городъ Кобринъ.—2) Мѣстечко Петриково. — 3) Городъ Мозырь.—4) Г. Мозырь по направленію отъ Припети.—5) Рѣка Припеть и упраздненный католическій монастырь близъ г. Мозыря.	
Освященіе Софійскаго собора. А. Г. Слезкинскаго	245
<i>Иллюстраціи:</i> 1) Соборная часть кремля въ Новгородѣ.—2) Соборъ св. Софїи въ Новгородѣ. — 3) Внутренность Софійскаго собора. — 4) Корсунскія врата.—5) Шведскія врата.—6) Рака съ мощами св. Никиты.—7) Обнесеніе мощей съ сѣверной стороны Входа-Іерусалимскаго собора.	
Архивы старыхъ крестьянскихъ дѣлъ. Н. П. Дружинина	260
Шарль-Женевьева Дзонъ. (Историко-библіографическій очеркъ). В. А. Тимирязева	266, 658
<i>Иллюстраціи:</i> 1) Кавалеръ Дзонъ. — 2) Сцена фехтованія въ Карльтонгаузѣ.—3) Судъ матронъ надъ кавалеромъ Дзономъ.	
Пятисотлѣтіе Краковскаго университета. (Посвящается С. Н. Шубинскому). Г. А. Воробьева	299
Домна-ректорша. Повѣсть изъ былого времени. (Посвящаю памяти друга-учителя М. М. Куклина). А. В. Круглова	379, 771
Въ бурю. Повѣсть изъ XVII вѣка. Н. Н. Алексѣева-Кунгурцева	437, 897
Воспоминанія В. П. Одинцова	481, 872
Павель Менезій, его дипломатическая и военная служба при московскомъ дворѣ и предполагаемое наставничество при Петрѣ Великомъ. Н. В. Чарыкова	510, 935
<i>Иллюстраціи:</i> 1) А. С. Матвѣевъ.—2) Усадьба Менезіевъ Марикутеръ, въ Шотландіи.—3) Дворецъ Да-Мосто, гдѣ жилъ Менезій въ Венеціи.—4) Замокъ герцоговъ д'Эсте и Лукреціи Борджиа, гдѣ жилъ Менезій въ Феррарѣ.—5) Портретъ и подпись папы Климента X.—6) Пріемъ посланника у папы въ XVII вѣкѣ.—7) Расписка Менезіа на англійскомъ языкѣ, 21-го іюля 1676 года.	

Въ Туркменской степи. (Изъ записокъ черноморскаго офицера). С. А. Гунарупуло	565, 1033
Какъ селились старообрядцы на Усѣ. А. С. Шерстобитова	584
Ломжа. Г. А. Воробьева	600
иллюстраціи: 1) Общій видъ города Ломжи.—2) Приходскій костель въ Ломжѣ.—3) Внутренній видъ приходскаго костела въ Ломжѣ.—4) Памятникъ Геронима и Анны Модлишевскихъ въ приходскомъ костелѣ въ Ломжѣ.	
Международный женскій конгрессъ въ Парижѣ. Е. А. Чебышевой-Дмитріевой	618
Замѣчательный арабскій литературно-историческій памятникъ о Россіи XVII вѣка. И. С—ва	637
Гроза. (Изъ недавняго прошлаго). М. Е. Ермолиной	857
Воспоминанія П. А. Палкова. Барона Б. А. Фитингофа-Шеля	969
Къ воспоминаніямъ объ Е. П. Гребенкѣ. А. С—скаго	1011
иллюстрація: Могила Е. П. Гребенки.	
Одинъ изъ «отцовъ-командировъ» былыхъ временъ. С. Л. Ширяева	1021
Памятникъ русскаго монарха польскому королю въ Варшавѣ. Г. А. Воробьева	1051
* иллюстраціи: 1) Костель Преображенія Господня въ Варшавѣ.—2) Памятникъ Собѣскому въ костелѣ Преображенія Господня въ Варшавѣ.	
По Хевсуріи. (Отрывокъ изъ путешествія). И. Т. Бѣляева	1057
иллюстраціи: 1) Мехевскій аулъ Каркучъ и гора Казбекъ.—2) Хевсуры по дорогѣ во Владикавказъ.—3) Хевсуры изъ Джуты.—4) Хевсурскій аулъ Амга на верхней Ассѣ.—5) Саклы въ Горбани.—6) Хевсуры изъ Горбани въ праздничномъ нарядѣ.—7) Хевсуръ изъ Горбани въ боевыхъ доспѣхахъ.—8) Причтъ Ахельской церкви.—9) Хевсуръ изъ Ахели.—10) На берегу Шпавской Арагвы.—11) Церковь селенія Атраны.	
Иностранцы о Россіи. Воспоминанія графа Де-Ла-Ферроннэ. В. Т.	1094
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ	330, 692, 1121

1) Н. Ѳ. Селивановъ. Монашеская республика. Письма съ Аюна. Спб. 1900. 2. — 2) А. П. Воскресенскій. Принцезы острова, ихъ прошлое и настоящее въ связи съ бытомъ древней Византіи. Въ двухъ частяхъ. Спб. 1900. 2. — 3) Michał Rawicz-Witanowski. Monografia Łęczycy. Z rysunkami. Kraków. 1900. г. **А. Воробьева**. — 4) Гелльвальдъ. Исторія культуры въ трехъ томахъ. Переводъ подъ редакціей М. Филиппова. Спб. 1900. п. а—ча. — 5) Альфредъ Штернь. Исторія революціи въ Англіи. Переводъ со втораго нѣмецкаго изданія Г. Ѳ. Львовича. Спб. 1900. Изданіе Л. Ф. Пандельева. п. на—го.—6) Bonneau. Ostatni konsul generalny rzeszy-pospolitej francuzkiej za Stanisława Augusta (1759—1805). Przez Alexandra Kraushara. Lwów. 1900. (Вонно, послѣдній генеральный консулъ французской республики временъ Станислава-Августа (1759—1805). Соч. Александра Краусгара. Львовъ. 1900). г. **А. Воробьева**. — 7) В. Я. Богучарскій. Маркизъ Лафайетъ. Историческій очеркъ. Москва. 1900. Изданіе магазина «Книжное Дѣло». к. н.—8) Извѣстія Русскаго археологическаго института въ Константинополѣ. V. Одесса. 1900. 2. — 9) Сборникъ учено-литературнаго общества при императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ. Томъ III. Юрьевъ. 1900. д. 3.—10) Хрущовъ, И. П. Вездѣ о древней русской литературѣ. (Общество ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III). Спб. 1900. п. щ—ва.—11) И. Энгельманъ. Исторія крѣпостного права въ Россіи. Пер. съ нѣмецкаго В. Шерба подъ редакціей А. Кизветтера. М. 1900. Ещ.—12) «Македонскій вопросъ» на почвѣ его исторіи, этнографіи и политики. Юванъ П. Рогановичъ. Казань. 1900. а. л—ага.—13) Walerj Przyborowski. Historja szesciu mie-

siecy. Usteb dziejów 1862 roku. Petersburg, 1901. х—вича.—14) Монтеске. О духѣ законовъ. Переводъ съ французскаго подъ редакціей А. Г. Горнфельда, со вступительной статьей М. М. Ковалевскаго. Изданіе Л. Ф. Пантелъева. Спб. 1900. п. н — аго. — 15) Платформа, ея возникновеніе и развитіе. (Исторія публичныхъ митинговъ въ Англіи). Сочиненіе Генри Джефсона. Переводъ съ англійскаго Н. Н. Мордвиной, подъ редакціей профессора В. Θ. Дерюжинскаго. Спб. 1900. н. п. А—ча.—16) К. Каутскій. Аграрный вопросъ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей Д. Протопопова. Харьковъ. 1900. Ещ. — 17) А. Grenzstein. Herrenkirche oder Volkskirche? Eine estnische Stimme im baltischen Chor. (Господская или народная церковь? Эстонскій голосъ въ балтійскомъ хорѣ). Jurjev. 1899. Проф. М. Красноженъ. Эстонцы и нѣмцы въ Прибалтійскомъ краѣ. По поводу книги. А. Grenzstein'a: «Herrenkirche od'r Volkskirche?» Юрьевъ. 1900. д. з.—18) А. И. Фаресовъ. Въ одиночномъ заключеніи. Спб. 1900. А. Догановича.—19) М. Сперанскій. Гаданія по псалтири. (Изъ исторіи отреченныхъ книгъ). Спб. 1899. н. — 20) Г. Гефдингъ. Исторія новейшей философіи. Изданіе редакціи журнала «Образованіе». Спб. 1900. п. щ. — 21) Профессоръ М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Обзоръ исторіи русскаго права. Изд. 3-е. Съ дополненіями. Изд. Оглоблина. 1900. щ—а.—22) Лѣтопись историко-филологическаго общества при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ. VIII. Византійско-славянское отдѣленіе (бывшее византійское). V. Одесса. 1900. Σ.—23) Лэддъ, Дж. Т. Очеркъ элементарной психологіи. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1900. пщ.—24) Древности. Труды Императорскаго Московскаго археологическаго общества, изданные подъ редакціей В. К. Трутовскаго. Томъ XVII. Съ 1 таблицей и 7 рисунками въ текстѣ. Москва. 1900. л. м. — 25) Лѣтопись церковныхъ событій и гражданскихъ, поясняющихъ церковныя, отъ Рождества Христова до 1898 г. Епископа Арсенія. Изданіе третье, исправленное и дополненное. Спб. 1900. Z. — 26) Бумаги, относящіяся до отечественной войны 1812 года, собранныя и изданныя П. И. Шуваловымъ. Часть пятая. Москва. 1900. с. ш.—27) Извѣстія общества любителей изученія Кубанской области. Выпускъ II. Подъ редакціей В. Сысоева и А. Дьячкова-Тарасова. Екатеринбургъ. 1900. м. л.—28) Собраніе Б. И. и В. Н. Хащенко. Кіевъ. 1899 — 1900. А. С. — 29) Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе Кавказскаго учебнаго округа. Выпускъ XXVII. Тифлисъ. 1900. А. Хах—ова.—30) Θ. К. Сахаровъ. Литература исторіи и обличенія русскаго раскола. 3 выпуска. Тамбовъ—Спб. 1887—1900. А. В. С. — 31) Историческій очеркъ кавказскихъ войнъ отъ ихъ начала до присоединенія Грузіи. Подъ редакціей генераль-майора Потто. Изданіе военно-историческаго отдѣла при штабѣ Кавказскаго военнаго округа. Тифлисъ. 1899. А. Хаханова. — 32) Сочиненія Т. Н. Грановскаго. Четвертое изданіе. Москва. 1900. п. н.—33) Инсаровъ. Современная Франція. Исторія Третьей республики. Изданіе Т-ва «Знаніе». Спб. 1900. Е. щ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ и МЕЛОЧИ . . 347, 719, 1135

1) Археологическія раскопки на островѣ Критѣ.—2) Книги и статьи объ Италіи.—3) Воспоминанія Гросса о Наполеонѣ и русскихъ въ 1813 г.—4) Пятидесятилѣтняя годовщина смерти Вальзака.—5) Францъ Грильпарцеръ.—6) Мемуары идеалистки.—7) Смерть Андрэ-Лео.—8) Рассказы очевидцевъ іюльской революціи.—9) Печальная для Франціи годовщина.—10) Родина Будды.—11) Лекціи о византійской исторіи.—12) Мишель Л'опиталь.—13) Маги и колдуны при Людовикѣ XIV.—14) Отецъ англійскаго романа.—15) Новые труды по исторіи Сѣверо-Американскихъ штатовъ.—16) Велікобританскія дамы во время революціи и имперіи.—17) Конецъ дневника Башкирцевой.—18) Афганистанскій эмиръ Абдурахманъ.—19) Столѣтіе годовщины дня рожденія Мольтке.—20) Графъ Вальдерзэ во время франко-прусской войны.—21) Евангеліе отъ египтян.—22) Одинъ изъ героевъ реформаціи.—23) Четырехсотлѣтній юбилей Бенвенуто Челлини.—24) Окончаніе новой біографіи Кромвеля.—25) Судъ надъ мертвецями.—26) Военныя масонскія ложи во Франціи и Англіи.—27) Приемная дочь Наполеона.—28) Одинъ изъ авантюристовъ XIX столѣтія.—29) Глава социаль-демократовъ въ Германіи.—30) Смерть Макса Мюллера.—31) Табакъ и его исторія въ Европѣ.—32) Новая книга о королевѣ Маріи Лещинской.—33) Переписка философа Канта.—34) Новое сочиненіе Фредерика Массона о Наполеонѣ.—35) Книга лорда Розбери о Наполеонѣ.

СМЪСЪ 365, 746, 1164

1) Торжество въ Кутузовской избѣ. — 2) 250-лѣтіе чудотворной иконы Грузинской Вожией Матери. — 3) Столѣтіе графа А. Г. Куселева-Везбородко. — 4) Памятникъ Александру III. — 5) Памятникъ послѣдному отдыху Александра III. — 6) Памятники въ Примурьѣ. — 7) Коллекція скинскихъ древностей. — 8) Возстановленіе Воскресенскаго храма въ Крутицахъ. — 9) Народная аудиторія попечительства о народной трезвости за 1899 г. — 10) Возобновленіе Мстиславова храма. — 11) Присужденіе Уваровскихъ премій. — 12) Общество любителей россійской словесности. — 13) Библиологическое общество. — 14) Казанское общество археологіи, исторіи и этнографіи. — 15) Новый документъ о подвигѣ Ивана Сусанина. — 16) Музей св. Владимірскаго братства во Владимірь-Волынскомъ. — 17) Историческій музей. — 18) Третьяковская галлерей. — 19) Библиографическая находка. — 20) Археологическія находки и открытія. — 21) Семидесятипятилѣтіе со дня смерти графа М. А. Милорадовича. — 22) Памятникъ Пушкину въ Парскомъ Сельѣ. — 23) Келья св. Филиппа. — 24) Памятникъ русскому первопечатнику Ивану Федорову. — 25) Къ открытію Румянцевскаго музея. — 26) Библиотека А. С. Пушкина. — 27) Французское пожертвованіе въ Историческій музей. — 28) Археологическое общество въ С.-Петербургѣ. — 29) Археологическое общество въ Москвѣ. — 30) Археологическая комисія въ Москвѣ. — 31) Казанское общество археологіи, исторіи и этнографіи при университетѣ. — 32) Общество любителей россійской словесности. — 33) Русское библиографическое общество. — 34) Русское библиологическое общество. — 35) Русское общество дѣателей печатнаго дѣла. — 36) Къ XII-му археологическому съѣзду. — 37) Географическое общество. — 38) Общество любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. — 39) Антропологическое общество.

НЕКРОЛОГИ 370, 761, 1193

1) Андреевъ, Н. Ю. — 2) Березинъ, В. И. — 3) Борисовъ, Н. А. — 4) Васильевъ, В. И. — 5) Гейденъ, гр. Ф. Л. — 6) Кавось, К. И. — 7) Красновъ, Н. И. — 8) Лого, Ф. П. — 9) Вильдерлингъ, П. А. — 10) Васильевъ, М. Н. — 11) Епископъ Виссаріонъ. — 12) Котляръ, Е. И. — 13) Крупинъ, С. Ф. — 14) Сапожниковъ, Д. И. — 15) Томишко, А. О. — 16) Удмѣевъ, князь. — 17) Шукаревъ, А. Н. — 18) Вагинъ, В. П. — 19) Вербловскій, Г. Л. — 20) Грюнбергъ, Ю. О. — 21) Семеновъ, И. П. — 22) Хвостовъ, А. Н. — 23) Якубовъ, К. И.

ЗАМЪТКИ и ПОПРАВКИ 767, 1197

1) Къ статьѣ проф. Н. П. Загоскина, А. В. Смирнова. — 2) Замѣтка для «Энциклопедическаго словаря Вроггауза и Ефрона». Н. П. Альбицнаго. 3) Къ вопросу о константинопольской библиотекѣ послѣднихъ византийскихъ императоровъ и московской библиотекѣ царской. В. К—го.

ВОЗЗВАНІЕ 1200

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

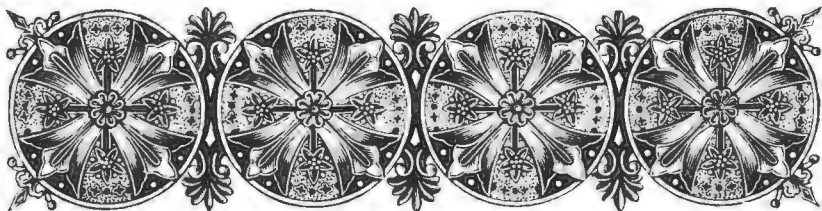
ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портреты: графа А. П. Бестужева-Рюмина, Шарля Женевиэвы Дюна и Е. П. Гребенки. — 2) Желанный король. Историческій романъ Переса Гальдоса. Переводъ съ испанскаго **Ен. Уманецъ**. Гл. XXV—XXXIX. (Окончаніе). — 3) Указатель личнымъ именъ, упоминаемыхъ въ чetyрехъ томахъ «Историческаго Вѣстника» 1900 года, и указатель гравюръ, помѣщенныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за то же время.

ШАРЛЬ-ЖЕНЕВЬЕВА Д'ЕОНЪ

ДОВ. ЦЕНЗ. 20 ОКТЯБРЯ 1900 Г. СПБ.

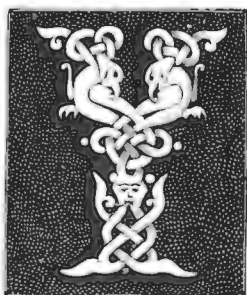

ДОМНА-РЕКТОРША.

Повѣсть изъ былого времени.

(Посвящаю памяти друга-учителя М. М. Куклина).

I.

ВОРОТЪ стараго, покосившагося домика, который пріютился на углу Подлѣсья п Калашниковскаго переулка, на концѣ губернскаго города Сонска, остановилась кибитка съ рогожнымъ верхомъ. Пѣгая лошаденка, вся включенная и мокрая отъ дождя, была такая маленькая, что вызвала удивленіе бабы, вышедшей изъ калитки дома.

— Вотъ такъ коняга! — воскликнула она, поправляя на коромыслѣ ведро.

Сидѣвшій на облучкѣ сѣдой мужикъ, въ армякѣ п шляпѣ-котелкѣ, отогнулъ воротникъ армяка и обратился къ бабѣ:

— А что, этотъ домъ-то Домны, семинарской матки?

— Этотъ... откуда пріѣхалъ-то?

— Отъ Миколы изъ Девятидеревенщины.

— Батюшки мои! Изъ такой дали и на этакой конягѣ!

Баба покачала головой и пошла по направленію къ сполью, позвякивая дужками ведеръ. Мужикъ слѣзъ съ облучка, повѣсилъ кнутъ на ободокъ сидѣнья и промолвилъ, обращаясь, очевидно, къ сидѣвшимъ въ кибиткѣ:

— Не спитѣ?

— Не спимъ,—послышался дѣтскій голосъ, и въ тотъ же мигъ изъ-подъ фартука кибитки показалась курчавая черная голова.

— Ну, такъ обождите... а я разыщу Домну, да и обскажу ей все...

Дворъ былъ заваленъ щепками и кирпичами. У низенькаго крыльца стояла на двухъ кирпичахъ опрокинутая кадушка. Мужикъ почесалъ затылокъ, посмотрѣлъ въ окно, выходящее на крыльцо, и подергалъ нерѣшительно за ручку двери.

Прошло нѣсколько минутъ; никто не отзывался.

Мужикъ опять заглянулъ въ окно и постучалъ въ дверь кулакомъ.

— Кто тутъ? Кого надо? — раздался изъ сѣней тонкій женскій голосъ.

— Домну бы, стало...

Щелкнула задвижка и дверь пріотворилась.

— А зачѣмъ?

— Да вотъ ребятъ привезъ.

Мужикъ увидѣлъ передъ собой сѣдую старуху съ лицомъ, похожимъ на печеное яблоко, на которомъ, какъ двѣ свѣтлыя точки, блестѣли каріе глаза, и выдавался широкій славянскій носъ.

— Чьи?—спросила старуха, оглядывая мужика.

— Отъ Миколы изъ Девятидеревенщины.

— Дьякона, что ли?

— Нѣ! Одинъ-то пономаря сынъ... а другой племянъ жены евоной, сирота круглый. Самъ-то боленъ, такъ меня просилъ доставить.

— Ко мнѣ велѣно везти?

— Къ тебѣ... На домъ твой и указали... Спроси де семинарскую матку, покажутъ... Вотъ тутъ письмо къ тебѣ есть...

— Ну, ладно!.. Гдѣ-жъ ребята?

— А въ кибиткѣ.

— Пусть идутъ сюда. Назяблись, поди, въ такую погоду. Ужъ и осень нынче Богъ послалъ: задождило, и конца дождю нѣтъ.

— Это вѣрно,—согласился мужикъ.

— Веди ихъ сюда, — повторила Домна: — самоваръ еще не потухъ, живо подогрѣю. Лошадь на дворъ поставь, подъ навѣсъ, и самъ иди въ кухню, тамъ крыльцо другое есть... Гдѣ ночевали?

— Въ Семенковѣ.

— Не близко... Какъ не озябнуть!

Домна захлопнула дверь и заперла ее на задвижку. Мужикъ отправился къ своимъ сѣдокамъ,

II.

Изъ кибитки вылѣзли два мальчугана: одинъ плотный курчавый брюнетъ съ румянымъ лицомъ, съ бойкими черными глазами, а другой тщедушный, малокровный блондинъ, лицо котораго, усѣянное веснушками, выражало полную апатію. Брюнетъ былъ одѣтъ въ длинное пальто изъ грубаго сукна; костюмъ блондина походилъ не то на подрясникъ послушника, не то на крестьянскій балахонъ. Брюнетъ схватилъ мѣшочекъ и побѣжалъ къ калиткѣ. Блондинъ медленно послѣдовалъ за нимъ, неуклюже ступая сапогами, которыя были, очевидно, велики для его ногъ.

На дворѣ мальчиковъ догнала баба съ ведрами.

— За мной, кавалеры!—смѣясь промолвила она и чуть не оплеснула брюнета водой.

— Эй, ты!.. чего обливаешь!—крикнулъ мальчикъ.

— Ахъ, виновата, бурсацкое благородіе! Вотъ сюда идите, — добавила баба, указывая на низенькую дверь, а сама направилась къ банѣ.

Въ сѣняхъ было совсѣмъ темно. Брюнетъ началъ шарить рукой, ощупалъ дверную скобку и потянулъ на себя дверь. Пахнуло тепломъ и обдало запахомъ горячаго ржаного хлѣба. Мальчики вошли въ кухню, которая очень походила на деревенскую избу. У входныхъ дверей надъ головой тянулись полати; около двухъ стѣнъ шли широкія лавки, огибая глаголемъ столъ, съ котораго мѣстами желтая краска уже стерлась. Русская печь занимала большую часть кухни.

У печки, нагнувшись надъ самоваромъ и шевеля желѣзнымъ прутомъ уголья въ трубѣ, стояла женщина въ шугаѣ и въ черномъ платкѣ на головѣ. Когда женщина выпрямилась, мальчики увидали передъ собой старуху средняго роста, сутуловатую, изъ «кряжистыхъ», какъ говорятъ деревенскіе.

— Ну, кажитесь, какіе вы будете, — промолвила старуха ласково, и эта ласка не только прозвучала въ голосѣ, но и промелькнула въ острыхъ карихъ глазахъ, устремленныхъ на вошедшихъ. — Это ты сирота-то? — спросила она, обращаясь къ блондину.

— Онъ, онъ! — поспѣшно отвѣтилъ за родственника брюнетъ.

— Видать... ишь какой!.. А какъ зовутъ?

— Его Васей, а меня Колей! — опять произнесъ брюнетъ.

Старуха грустно посмотрѣла на Васю, вздохнула и промолвила, внимательно оглядывая брюнета.

— А ты сынъ понамаря?

— Да.

— Маменькинъ любимецъ, навѣрное?

Мальчикъ разсмѣялся.

— Меня всѣ любятъ! — отвѣтилъ онъ.

— Боекъ, боекъ! Какимъ-то на науку окажешься.

Домна опять вздохнула и добавила:

— Озябли, поди?

— Поозябли, — сказалъ Коля.

— Полѣзайте на полати да грѣйтесь! Я вотъ самоваръ поставлю... напьетесь, закусите... небось и проголодались?

— Мы въ Семенковѣ поѣли рогулекъ.

— Ну, что это... давно и протрясли все дорогой!

Коля взглянулъ на товарища. Тотъ разсматривалъ картину, висѣвшую на стѣнѣ въ переднемъ углу, рядомъ съ иконой Спасителя.

— Да мы, бабушка, и такъ согрѣмся, — сказалъ Коля: — попьемъ чайку, и тепло будетъ... Мы не очень озябли.

— Рѣчистый ты, парень, — промолвила Домна: — на слово остеръ... кабы на науку также.

— Я на все понятливый.

— Ну, и слава Богу. Раздѣвайтесь да садитесь на лавку... Я сейчасъ...

Она принялась раздувать самоваръ.

Вошла баба, а вслѣдъ за ней и мужикъ, привезшій мальчиковъ. Онъ помолился на икону и поздоровался съ хозяйкой.

— А вотъ тебѣ и письмо отъ Парасковьи Митревны, читай, что тамъ есть, — проговорилъ онъ, подавая Домнѣ неуклюжій конвертъ изъ толстой сѣрой бумаги.

— Плохи глаза стали, не больно разбираю писанное, — произнесла Домна, пряча письмо въ сундукъ, стоявшій подъ лавкой. — Вотъ придетъ Викентій, прочитаетъ, — добавила она.

Баба между тѣмъ собрала посуду и поставила на столъ шумѣвшій самоваръ.

— Вотъ и ладно, Марѳа, — одобрила хозяйка: — возьми-ка чайницу съ полки да завари чаю... Вы чего тамъ-то, — обратилась она къ мальчикамъ, сидѣвшимъ поодаль: — двигайтесь къ столу... Васенька, почто ты такой? Или тебя загнали больно? Подвигайся, милага.

Старуха подошла къ блондину и погладила его по головѣ.

— Онъ страсть какой смиренный, — замѣтилъ мужикъ, снимая армякъ.

— Видно, боится ученья-то, — сказала Марѳа. — Училище не своя изба.

— У него и нѣтъ своей избы: круглый сирота, — промолвила Домна.

— Вотъ оно что, то-то смиренъ. Не сладко, стало, живется... А я думала, ученья боится.

— Гдѣ сладко! — произнесъ мужикъ: — Митревна и къ своимъ строга, а тутъ тѣмъ болѣ.

— Ну, къ своимъ, должно быть, не очень строга, — возразила Домна: — смотри, какой боевой парень.

— Извѣстно, свои ближе къ сердцу... А только Колюху и не загоняешь, такой уродился: голыми руками его не бери.

Мужикъ разсмѣялся.

Принявъ его слова за похвалу, Коля съ горделивой улыбкой посмотрѣлъ на Домну и Марѳу.

— Бойкіе всегда впередъ идутъ, — сказала послѣдняя.

— Когда какъ, — возразила Домна: — всякихъ я перевидала за свою жизнь, много ихняго брата у меня перебывало. Другой боекъ, да не на ученѣе... что проку. Не далеко взяты: жили у меня два свояка Братановскіе: старшаго Вадимомъ звали, а младшаго Герасимомъ. Вадимъ колесомъ вертѣлся, всѣми верховодилъ, его только и слышать. А кончилъ предпослѣднимъ, еле-еле потомъ въ діаконы выбрался, да въ нихъ и застрялъ. А Герасимъ смиренный, тихій, все, бывало, книжку читаетъ, либо въ церковь идетъ... Товарищи его и обижали, и выпучивали... онъ и не сердился. Всплкнетъ только... А кончилъ первымъ, въ академію на казенный счетъ услали. И тамъ шель на виду, принялъ монашество, да вскорѣ послѣ окончанія и архимандритомъ сталъ.

— Вотъ оно! Угадай-ка тутъ, какъ у Бога положено, — произнесъ мужикъ. — Шутка ли: архимандритъ! Ну, Васюкъ, не печалься: и тебя, можетъ, Богъ взыщетъ опослѣ!

Коля засмѣялся.

— Что смѣешься? — остановилъ его мужикъ. — Не просмѣйся, дружокъ!

— Васька—архимандритъ! Умора!

— Это теперь Васька. А тогда будетъ отецъ Василій, ваше высокопреподобіе! И руку у него поцѣлуешь.

— Поцѣловаль — дожидайся! — съ неудовольствіемъ воскликнулъ Коля.

Онъ презрительно посмотрѣлъ на родственника и добавилъ:

— Васькѣ и попомъ-то не быть!

— Почему такъ?

— Да онъ тупица... читать еле умѣетъ. Гляди, его и въ училище-то не примутъ.

Вася покраснѣлъ.

— А ты не обижай напрасно, — промолвила Домна: — не бахвалься, все отъ Господа. Захочетъ, да взыщетъ сироту и одаритъ его способностью на всякую науку. Вадимъ тоже потѣшался надъ Герасимомъ, а что вышло? Былъ Вадимъ у него въ монастырѣ, такъ привелось подь благословеніе подходить и руку цѣловать. Бывало, за уши таскалъ его, а теперь и ручку лобызай... Самъ мнѣ рассказывалъ.

— А-а!—протянулъ мужикъ.—Ну, и что же, какъ тотъ принялъ?
— Совсѣмъ святая душа. Принялъ ласково, по-родственному: обнялъ, расцѣловались... денегъ на дорогу далъ и письмо къ нашему архіерею съ просьбой за свояка.

— Вотъ какъ!

— Да, да! Только самъ же Вадимъ все и испортилъ.

— Какъ же это?

— А вотъ такъ. Архіерей прочиталъ письмо отъ Гераси (теперь-то онъ уже Галактіономъ прозывается) и хотѣлъ Вадима въ священство возвести. А тотъ возьми да и напейся.

— Вотъ тебѣ разъ!

— Да это еще что, — продолжала Домна. — Напейся... Кто бы доносить сталъ! А онъ скандалъ устроилъ: чуть не поль-бороды попу своему вытаскалъ. «Я самъ скоро попомъ буду!» кричить. А вотъ тебѣ и попъ: взамѣсто священства, да на три мѣсяца въ монастырь на черныя работы и угодилъ.

— Славно!—произнесъ мужикъ:—впередъ наука, не бахвалься загодя!

Онъ разлилъ осторожно на блюдечко чай и, подувъ на него, закончилъ философски:

— Пришло было счастье, да братъ не умѣлъ, на себя и пеняй. Пожи и тому-то неприятно?

— Какая ужъ пріятность! Онъ Вадиму письмо послалъ, какъ обо всемъ освѣдомился. Кротко, по-дружески, а прочелъ наставленіе. Хорошій человѣкъ! Возвысился, а не загордился. Что я? И меня старуху не забылъ. Кланяться велѣлъ; поминаю, говорить, ее, молюсь постоянно. Красенькую даже присылалъ. Это, говорить, ей на варенье. «Помню, что любить она варенье». Вотъ какой человѣкъ!

Домна прослезилась.

— Хорошій человѣкъ, коль не возгордился, — подтвердилъ мужикъ, потягивая чай съ блюдечка, которое онъ держалъ на растопыренныхъ пальцахъ правой руки.—А то вѣдь какъ: чуть пошелъ въ гору — и носъ задралъ!

Мальчики пили прямо изъ чашекъ, накрошивъ въ чай корокъ ржаного хлѣба. Николай «уписывалъ за обѣ щеки» вкусный хлѣбъ, приливая въ чай топленого молока. Вася ѣлъ лѣниво.

— Ты что же мало ѣшь?—спросила его Домна.

— Не хочется, — впервые промолвилъ Вася.

— Онъ малоѣшка, — сказалъ Коля и сейчасъ же добавилъ: — а гдѣ же мы будемъ жить, бабушка? Въ куфнѣ? А спать на полатахъ?

— Гдѣ придется, тамъ и будете, — отвѣтилъ за Домну мужикъ: — ишь какой—гдѣ жить? думаешь, у Домны вы одни? Народу достаточно. Такъ вѣдь я говорю, хозяйюшка?

— Пока восьмеро ребятъ, да богословъ живетъ, — неспѣшно произнесла она.

— Навезутъ еще.

— А не знаю какъ, надо полагать, что навезутъ, а то и мѣняютъ квартиры. Тебѣ куда бы хотѣлось: въ горницы?—съ усмѣшкой спросила Домна, обращаясь къ брюнету.

— По мнѣ все равно. Было бы тепло да сытно, — отвѣтилъ мальчикъ.

— Ну, и парень! — покачавъ головой, проговорила старуха. — За словомъ въ карманъ не полѣзетъ. Стойко Вадимъ Братановскій. Не дай Богъ только тебѣ его судьбу.

Отворилась дверь, и въ кухню вошелъ высокій молодой человекъ въ пальто и съ зонтомъ въ рукахъ.

— А, Викентьюшка! — порывисто и съ тревогою въ голосѣ воскликнула Домна. — Ну, что парнишки? Сдали ли все?

— Приняты. Отвѣчали добропорядочно. Смотритель даже сказалъ Пармену: «Да ты, видно, профессоромъ будешь, братъ», и при этомъ засмѣялся.

Тонъ, которымъ было произнесено это, ясно показывалъ, что молодой человекъ искренно радовался принятію мальчиковъ въ духовное училище.

— Ну, слава Богу, — сказала Домна и перекрестилась. — У меня вся душенька изболѣла за нихъ: а какъ да поворотъ, думаю; вотъ такъ горе родительскому сердцу! Люди бѣдные... Ну, слава Богу, если все благополучно.

— Родственники, должно? — спросилъ мужикъ.

— Какіе родственники! Обыкновенные нахлѣбники.

— Такъ тебѣ что же скорбѣть?

— Да развѣ только своихъ можно жалѣть? — укоризненно промолвила Домна. — Я, милый, такъ къ ихнему брату привыкла, что будто и свои всѣ.

Она обратилась къ молодому человеку:

— Чаю хочешь, Викентьюшка?

— Выпью. Да и поѣсть бы не худо.

— Ступай въ горницу, раздѣвайся, а я тебѣ картошки горячей достану. Марша! Подогрѣй-ка самоваръ. Или тебѣ надо баню топить? Ну, иди, я сама все справлю.

Домна поднялась съ лавки и хотѣла итти къ печкѣ, но остановилась среди кухни и крикнула:

— Викентьюшка! А гдѣ жъ ребята?

Вошелъ Викентій, переодѣвшійся въ казinetовый пиджакъ.

— Гдѣ ребята-то, говорю? — повторила Домна. — Болтаю, а о нихъ и не спрошу. Вотъ безтолковая стала!

— Къ Рѣзухину пошли. Радостью подѣлиться съ землякомъ захотѣлось. А это кто? новички тоже? — освѣдомился богословъ.

— Новички. Вотъ прочти-ка письмо: о чемъ это пишутъ насчетъ ихъ? Ко мнѣ ставятъ.

III.

Домна не походила на тѣхъ обыкновенныхъ хозяекъ, которыя брали семинаристовъ на хлѣба. Тѣ держали нахлѣбниковъ исключительно ради наживы и держали человѣкъ трехъ, четырехъ, много пять. У Домны число нахлѣбниковъ достигало до пятнадцати и двадцати, почему ея квартиру и прозвали бурсой. Такъ и говорили: «онъ живетъ въ Домниной бурсѣ». Шутя и Домну называли «ректоршей». Въ городѣ не было человѣка, который не слыхалъ бы о Домнѣ-ректоршѣ. Она пользовалась въ Сонскѣ популярностью, особенно среди духовенства.

Отецъ Стефанъ, въ приходѣ котораго жила Домна, не бралъ ничего съ нея, когда приходилъ съ крестомъ въ праздники.

— Не надо, не надо, ректорша,—говорилъ онъ и клалъ обратно на столъ двугривенный, врученный ему Домной.

Это было особенно знаменательно: о Стефанѣ торговался изъ-за пятакъ и ворчалъ, когда ему платили мало за молебны.

— Домнѣ особое уваженіе,—говорилъ дьяконъ той же церкви.— Да и не мудрено. Сколько нашего брата черезъ ея бурсу прошло! Спроси у одного, у другого попа, глядишь: ея нахлѣбникъ.

— Это вѣрно,—подтверждалъ старикъ причетникъ.—Ей нечего бояться: если каждый попъ, который изъ ея постояльцевъ, да по одной панихидѣ отслужить, то ей всѣ грѣхи простятся.

Однако, не мѣшаетъ познакомиться съ прошлымъ Домны и представить читателямъ ея, такъ сказать, *curriculum vitae*.

По происхожденію она мѣщанка и въ молодости славилась голосомъ, богатымъ модуляціями. Она такъ хорошо пѣла «Лучинушку», «Не бѣлы снѣги» и «Среди долины ровныя», что пятидесятилѣтній купецъ Бовыкинъ приходилъ въ умиленіе, плакалъ и дѣлалъ предложеніе Домнѣ.

— Домнушка, будь мнѣ женой, озолочу!—говорилъ онъ растроганнымъ голосомъ.

Дѣвушка смѣялась и отвѣчала:

— Пѣсни одно дѣло, Савелій Карповичъ, а замужество—другая статья.

— Да вѣдь пойдешь замужъ? — возражалъ купецъ... Такъ чѣмъ за голоднаго выходить, который еще бить тебя будетъ, выходи за меня лучше... Беречь, холить буду, ни въ чемъ перечить не стану.

— А я, можетъ быть, и замужъ не пойду!—отвѣчала Домна.— Зачѣмъ итти-то? Въ дѣвушкахъ поко да веселюсь, а тогда забота да воля чужая.

— Ой, пѣвунья, лукавишь: ёкнетъ сердце и у тебя, вѣрь мнѣ. Да и сама знаешь это... Лукавишь только. Гляди: будешь ли такъ счастлива?

Предсказанія Бовыкина сбылись: сердце у Домны дѣйствительно «ёкнуло», когда она встрѣтилась съ красивымъ богословомъ, Павломъ Неклюдовымъ. Богослову также понравилась красивая «пѣвунья». Очарованный ея голосомъ, онъ цѣлую недѣлю ходилъ самъ не свой. Онъ искалъ встрѣчи съ дѣвушкой и однажды на вечеринкѣ признался въ любви.

— Вы не подумайте чегонибудь... неприличнаго,—застѣнчиво промолвилъ семинаристъ.—Я... касательно предложенія: кончу, и если вы согласны...

— Вамъ не позволятъ жениться на мнѣ,—перебила дѣвушка,— я не духовнаго званія. Вамъ дадутъ невѣсту съ мѣстомъ.

— Зачѣмъ мнѣ съ мѣстомъ? У меня батюшка старъ, я его мѣсто займу. Сестеръ у меня нѣтъ.

— Отецъ вашъ не захочетъ мѣщанки.

— А я мѣста не возьму! Въ гражданскую службу поступлю.

— Противъ желанія отца итти не хорошо.

— Да онъ не будетъ препятствовать. Только скажите вы мнѣ!

— А вотъ когда рожь — тогда и мѣра,—отвѣтила дѣвушка уклончиво.

Неклюдовъ все-таки понялъ, что его чувство не отвергнуто.

Съ этого вечера Домна стала часто задумываться. Поетъ, шутитъ,—и вдругъ задумается, а на глазахъ слезы навернутся.

Она любила Неклюдова, но не вѣрила въ возможность счастья. Старики не согласятся на свадьбу, а у сына не хватитъ твердости итти противъ ихъ воли. Да это и невозможно. Не чужому же отдавать мѣсто, разсуждала сама съ собой Домна. И чѣмъ ближе подходило лѣто, тѣмъ болѣе тревожилась дѣвушка. Въ июлѣ Неклюдовъ кончилъ курсъ и уѣхалъ на родину за двѣсти верстъ. Прощаясь Неклюдовъ обѣщался писать часто и снова заявилъ, что онъ настоитъ на своемъ. Дѣвушка ничего не сказала на это. Она проплакала всю ночь. На сердцѣ было тяжело, словно угадывало оно, что счастье не бываетъ. Между тѣмъ прошелъ августъ, минулъ сентябрь, а Неклюдовъ не писалъ ни строчки. Домна замѣтно измѣнилась. Веселость ея пропала, она разлюбила пѣсни, а если иногда и пѣла по чьейнибудь неотступной просьбѣ, то пѣла неохотно, вяло, безъ прежняго огня, который передавался и слушателямъ.

— Что это ты поешь-то не по-старому, словно поневолѣ,—замѣтила ей какъ-то мать.

— Разонравились мнѣ пѣсни, маменька!

— Что такъ?

— Не весело на сердцѣ.

И, не выдержавъ, дѣвушка вдругъ заплакала.

— Домна, да что съ тобой? Ты скрываешь что-то! Отъ матери нельзя скрывать. Говори лучше! — встревоженно промолвила старуха.

Она знала, что дочь гуляла съ Неклюдовымъ, раза три онъ былъ у нихъ. Старуха испугалась, увидѣвъ слезы дочери. «Ужели грѣхъ случился. Сохрани Господи!».

Она пристала къ дочери.

— Говори, Домна, ужли спуталась?

— Маменька! Что вы говорите? — промолвила дѣвушка сквозь слезы.—Развѣ я...

Она не могла кончить, рыданія душили ее.

— Такъ чего же плачешь? — уже спокойнѣе произнесла мать, хотя въ ея голосѣ еще слышалось нѣкоторое недовѣріе.—Коль не такое горе, такъ и плакать нечего.

Въ воскресенье въ срединѣ октября дѣвушка пошла въ соборъ къ обѣднѣ. Послѣ службы, когда она шла домой, ее догналъ семинаристъ, пріятель Неклюдова, и подаль ей письмо.

Она быстро спрятала конвертъ въ карманъ и сказала:

— Развѣ самъ онъ не пріѣдетъ?

— Собирается. У него отецъ умеръ...

У Домны замерло сердце.

— Онъ на мѣсто отца поступаетъ,—докончилъ семинаристъ.

— «А кого же беретъ?»—хотѣлось крикнуть Домнѣ, но она не могла выговорить ни слова.

Письмо Неклюдова нанесло страшный ударъ любящему сердцу дѣвушки. Всѣ надежды были разбиты. Неклюдовъ не устоялъ передъ просьбой матери и женился на дочери священника сосѣдняго села. Въ Сонскѣ ему нужно было пріѣхать для посвященія. Онъ просилъ прощенія у дѣвушки, сознавался въ своемъ безволии, не оправдывалъ и не щадилъ себя. Въ его словахъ слышалась искренность, онъ самъ страдалъ, это было ясно для Домны. Она жалѣла его, потому что любила, а не только увлекалась, какъ красивымъ мужчиной, но въ то же время въ ея сердцѣ закипало горькое, злобное чувство на Неклюдова за его малодушіе. «А говорилъ, что любить, хвасталъ твердостью». И опять ей становилось жаль его. Она забывала себя, думала о немъ и невольно задавала себѣ вопросъ: «да любить онъ ту-то, или нѣтъ? Какъ же безъ любви жить будетъ?». Она перечитывала письмо и все болѣе и болѣе убѣждалась, что онъ ту не любитъ, а только подчиняется матери. Ей становилось больно, страшно за него и въ то же время какъ бы легче, отраднѣе. Онъ не любитъ ту, потому что любить ее. «Ахъ, Павелъ, Павелъ!»—шептала она и плакала, страдая за него и себя. Она ничего не сказала матери, но черезъ недѣлю объявила, что ѣдетъ гостить къ теткѣ въ Тверь.

— Съ чего вдругъ? На-ка: звала тетка, звала, не ѣхала, а тутъ вдругъ надумала.

— Давно я хотѣла, маменька.

— И врешь все! Эхъ, Домна, скрываешь ты что-то отъ меня!

— Ничего не скрываю, отстаньте Бога ради!

Она уѣхала и вернулась въ Сонскъ черезъ пять лѣтъ, получивъ извѣстіе о тяжелой болѣзни матери.

За эти пять лѣтъ Домна сильно измѣнилась. Она похудѣла, поблекла, и изъ веселой дѣвушки превратилась въ «монашенку», какъ прозвали ее старые знакомые. И они были правы. Одѣтая во все черное, повязанная чернымъ платкомъ, она выглядѣла настоящей черничкой. Ею она стала и по духу. Она прожила въ Твери пять лѣтъ, но гостила у тетки очень недолго. Она посѣщала монастыри, читала по покойникамъ, была сидѣлкой въ больницахъ. Она пріѣхала въ Тверь безъ опредѣленной цѣли, словно бѣжала отъ чего-то. Но въ Твери, подъ вліяніемъ размысленій и бесѣдъ съ однимъ монахомъ, она круто перемѣнила образъ жизни и превратилась въ «монашенку». Теткѣ это не нравилось. Она хотѣла выдать Домну замужъ.

— Чего ты такъ-то одѣлась?—говорила она.—Уже если пошла на спасеніе, такъ иди въ монастырь, лучше будетъ. Я и вкладъ дамъ.

Но Домна не согласилась. Старый монахъ указалъ ей другой путь, который, по его словамъ, «труднѣе, но пользителнѣе». Она и пошла этимъ путемъ, не жалѣя себя, какъ бы съ радостью убивая въ себѣ всѣ порывы и запросы молодости.

Домна пріѣхала въ Сонскъ уже послѣ смерти матери, которая въ послѣдніе годы держала на хлѣбахъ учениковъ духовнаго училища и семинаріи. Домна застала въ квартирѣ матери трехъ школьниковъ и «философа», то-есть семинариста философскаго класса. Этотъ философъ приходился родственникомъ Неклюдову, которому недолго пришлось священствовать: онъ простудился на святкахъ, разбѣзжая со «славой», схватилъ воспаление легкихъ и умеръ.

Домна оставила у себя школьниковъ, а семинаристу отказала. Дѣвушкѣ ея лѣтъ нельзя было держать взрослыхъ нахлѣбниковъ. Въ городѣ сейчасъ же пошли бы слухи, отъ которыхъ могла пострадать ея репутація. Несмотря на свои молодые годы, Домна повела жизнь «незамужницы». Она носила черныя платья, избѣгала всякихъ развлеченій, но зато ежедневно ходила въ церковь. Она попрежнему любила пѣть, но теперь пѣла только «духовное».

Она шила бѣлье, плела кружева. Эти работы при даровой квартирѣ и съ прибавкой денегъ, получаемыхъ съ нахлѣбниковъ, давали ей возможность существовать безбѣдно. Требованія были невелики, да и сонская жизнь въ тѣ годы отличалась дешевой.

IV.

Ласковость молодой хозяйки, ея заботливое отношеніе къ своимъ квартирантамъ сдѣлались скоро извѣстны, и число жильцовъ быстро увеличилось. Всѣмъ хотѣлось именно къ ней помѣстить своихъ дѣтей. Родителямъ нравилось не только хорошее отношеніе Домны къ нахлѣбникамъ, но и ея степенность, ея рѣдкій образъ жизни.

— Что за дѣвушка!—говорили о ней всѣ:—еще молодая, а какая обстоятельная, строгая и богобоязненная! У нея худого не услышишь и не увидишь.

И повезли къ ней семинаристовъ.

— Домна Никитишна, возьми моего-то,—просили ее.

— Да куда я помѣщу-то! И то много,—говорила Домна.

— Помѣстишь какъ нибудь. Что ему надо, не князь какой... Было бы гдѣ выпастся, а ужъ оно такъ-то спокойно для насъ, если у тебя. Въ другомъ мѣстѣ избалуется, озорства насмотрится и словъ непристойныхъ наслушается, а ты, что невѣста Христова, только доброму наставишь... Возьми, Бога ради!

Домна брала. О платѣ она не любила разсуждать.

— Положеніе извѣстное, какъ у всѣхъ,—заявляла она.—А если трудно, ну, что можете! Будете довольны—не обидите.

— Голубушка, Домна Никитишна! Да мы хоть прибавить рады, возьми только! Сердце наше успокой,—говорили родители, не стѣснявшіеся платежомъ.

— Мы рады, родная, да вотъ какъ только средства позволять,—со вздохомъ произносили отцы, обремененные большими семьями.

Съ такихъ Домна и не требовала. Не доплатятъ, не довезутъ чего изъ провизіи, она и слова не скажетъ.

— Мы ужъ потомъ какъ нибудь поисправимся, Домна Никитишна.

— Ладно, ладно, чего тутъ,—спѣшила она прекратить неприятный разговоръ.

Изъ нея постепенно вырабатывалась «семинарская матка». Стала она извѣстна у начальства, которое знало все черезъ «старшихъ», провѣрившихъ учениковъ на частныхъ квартирахъ. Всѣ отзывы были благопріятны для Домны. Приходя невзначай, «старшіе» заставали у нея порядокъ, учениковъ за книгою или за приличными играми. Пищею всѣ были довольны; обращеніе, не только ласковое, но и прямо родственное, не могло укрыться отъ наблюдательныхъ взоровъ «старшихъ». Стоило только взглянуть на школьниковъ, чтобы понять, что имъ живется хорошо и тепло. Училищное начальство начало и съ своей стороны рекомендовать родителямъ ставить мальчиковъ къ Домнѣ.

— Надежная хозяйка, — говорилъ ректоръ. — У нея порядка, пожалуй, больше, чѣмъ въ нашей бурсѣ.

Чѣмъ старше становилась Домна, тѣмъ степеннѣе она дѣлалась и тѣмъ болѣе проявляла заботы о жильцахъ. Затѣмъ она уже вся ушла въ эти заботы и жила только ими. Она перестала шить бѣлье и почти бросила плетение кружевъ: только у немногихъ постоянныхъ заказчиковъ она еще брала иногда кружевную работу, но всегда съ большой неохотой, послѣ долгихъ усиленныхъ просьбъ. Ей было некогда: число квартирантовъ настолько увеличилось, что она иногда говорила въ шутку: «Ну, ребята, скоро кому нибудь изъ васъ на шесткѣ спать придется».

Къ сорока годамъ изъ Домны сформировалась та «ректорша», бурса которой была извѣстна не только всему городу, но о которой знали и въ далекихъ уѣздахъ. Теперь Домна рѣшилась взять на хлѣба двухъ взрослыхъ семинаристовъ. Она уже могла не бояться сплетенъ. Отъ нихъ избавляли ее не только годы, но и та прочная репутація, которою она пользовалась въ городѣ. Никакой сплетнѣ насчетъ «ректорши» не дали бы вѣры. Взрослые квартиранты были полезны Домнѣ: они помогали справляться съ разнохарактерной толпой школьниковъ.

— Расшумятся, и не усмиришь, — признавалась Домна: — какъ мало-то ихъ было, туда-сюда. А теперь вонъ ихъ сколько! Крикнешь на нихъ, а другой и слушать не хочетъ. Что тутъ дѣлать! Жаловаться — жаль. А при взрослыхъ лучше: ихъ ребята побаиваются. Трусятъ, что старшимъ скажутъ, ну, и угомонятся. А только, — спѣшила прибавить она, — моихъ ребятъ хаять нельзя, не баловники, не пакостники и меня любятъ. Извѣстно — дѣти, да и мальчишки притомъ. Какъ же не пошалить!

Домнѣ было выгодно держать нахлѣбниковъ, но эта выгода съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе у Домны отходила на послѣдній планъ. Она брала, сколько могли дать, а съ иныхъ и вовсе ничего не брала. Сироты пользовались ея особенной любовью.

Случалось такъ: у семинариста плохи дѣла, онъ идетъ къ Домнѣ и живетъ въ ея бурсѣ. Получить урокъ, поправятся денежные средства, и онъ уходитъ, нанимаетъ себѣ гдѣ нибудь отдѣльную комнату. Домна не сердилась.

— Понятно дѣло. Въ этомъ гамѣ со всѣми вмѣстѣ не такъ удобно, — говорила она, — если недостатокъ есть, чего же себя маять!

Но вотъ семинаристъ опять лишился заработка, помощи изъ дома и «повисалъ на воздухѣ», по его собственному выраженію. Онъ снова шелъ къ Домнѣ.

— Домна Никитишна, примешь меня въ бурсу? — спрашивалъ онъ.

Если было мѣсто, она принимала. Не было мѣста — говорила съ улыбкой:

— Нѣтъ, братъ, всѣ ваканціи заняты.

— А если сверхъ комплекта, Домна Никитишна?

— Да у меня, милый мой, и то сверхъ всякаго комплекта. Приткнуться негдѣ тебѣ, прямо сказать.

Въ такомъ случаѣ приходилось семинаристу искать новую квартиру. Но если являлась какая нибудь возможность «приткнуться», юноша попадалъ въ Домнину бурсу. Впрочемъ, отказывая въ помѣщеніи, Домна никогда не отказывала въ столѣ.

— Жить-то негдѣ, а обѣдать ходи, — говорила она, — на твою долю будетъ... сочтемся потомъ.

Разъ былъ такой случай. Привезла дьячиха мальчика сироту. У Домны вся бурса переполнена.

— Матушка, да куда я его возьму! — всплеснувъ руками, промолвила Домна. — На шестокъ что ли его посадить? — добавила она, употребляя свое любимое выраженіе.

— Да что же я-то буду съ нимъ дѣлать! — чуть не плача, проговорила дьячиха. — Знаешь наши достатки. Ты-то подождешь, добрая у насъ, а другіе не стануть ждать. Имъ вынь, положи, что уговорено. На улицѣ что ли его бросить?

— А въ казну?

— Не берутъ. Все переполнено.

— Ужъ я и не знаю, — промолвила Домна, качая головой. — Извѣстно, не на улицѣ оставлять, да куда дѣтъ-то, вотъ исторія.

Она задумалась.

— Погоди, вотъ что развѣ... Спать-то онъ можетъ на печкѣ, какъ нибудь потѣсняется... ну, а гдѣ учить уроки станеть?

— Да на той же печкѣ. Дай ему огарочекъ, вотъ и ладно.

— Развѣ ужъ такъ. И то бѣда: на печкѣ вплотную спать. Ахъ, Господи, Господи!

Домна взяла сироту. Постояльцы подняли ропотъ:

— Да куда-жъ его! на печкѣ и такъ тѣсно. Въ два этажа что ли спать?

— Ну, ладно, уснете, какъ ни есть, — возразила Домна, — куда же его? Сами въ теплѣ, а о другихъ и заботушки нѣтъ. А еще въ попы готовитесь!

Все уладилось, хотя на печкѣ на первыхъ порахъ происходила возня, и часто раздавался визгъ.

— Чего вы тамъ, несуразные? — крикнетъ на нихъ Домна. — Спать надо, а они визжать, словно котята!

— Да Ванька задавилъ меня!

— Не ври, не ври, ты самъ меня задавилъ, тараканъ запечный!

«Тараканомъ запечнымъ» прозвали мальчика за то, что онъ и уроки училъ по вечерамъ на печкѣ, зажигая огарокъ сальной свѣчи.

Кончивши семинарію и ставши дьякономъ, онъ старался всячески отблагодарить Домну: привозилъ ей то рѣпы, то картофелю, то соленья.

— А ужъ насчетъ поминовенія, Домна Никитишна,—говорилъ онъ,—такъ будь безъ сомнѣнія, каждую обѣдню поминую. Никогда не забуду, что ты меня тогда, какъ котенка брошеннаго, приютила.

— Ну, ладно, будетъ тебѣ акаѳистъ-то читать. Сдѣлала, что могла, чего тутъ,—возражала Домна, уже состарившаяся и походившая на бабушку.

— И сына моего къ тебѣ поставлю,—добавлялъ дьяконъ.

— Господи! — произносила Домна, улыбаясь, — да что, ты думаешь: два вѣка я буду жить, что ли?

— Поживешь еще! за тебя сколько молитвенниковъ! Богъ-то слышитъ!

— Всему срокъ, родной. А за пожеланіе и за память—спасибо.

Съ теченіемъ времени Домна становилась строже и частенько распекала своихъ жильцовъ, не допуская ничего, что ей казалось «неладнымъ».

— Коли у меня живешь, такъ живи, какъ слѣдуетъ,—говорила она.—А то и съ Богомъ! Стану я за тебя дурную славу принимать! Я твоимъ родителямъ за тебя слово дала, значить, и держать его должна.

Ея требованія почти всегда исполнялись, потому что жить у нея было хорошо, и никому не хотѣлось уходить.

Но разъ ей пришлось вынести оскорбленіе или, какъ она говорила, «поруганіе» отъ своего нахлѣбника.

Въ Домниной бурсѣ поселился семинаристъ Прокашевъ. Онъ любилъ кутнуть, а у Домны пить не позволялось.

— И курево-то ваше противно, да это ужъ куда ни шло, а такого безобразія, чтобы пить водку, ни за что не допущу,—объявляла она.

Несмотря на такое запрещеніе, Прокашевъ принесъ домой штофикъ. Домна увидѣла.

— Слушай, Максимъ,—сказала она «начальнически»,—развѣ я тебѣ не говорила, чтобы у меня водкой не пахло? И ты этой моды не заводи. Говорю тебѣ во второй и въ послѣдній разъ.

— Что такъ? — шутливо возразилъ жилецъ, — всѣ пьютъ, не исключая и отцевъ преподобныхъ. Не святѣй же ихъ намъ быть!

Шутливый тонъ не понравился «ректоршѣ».

— Ты языкъ-то, милый мой, укроти,—сухо промолвила она,—я не люблю такихъ разговоровъ. Нечего ссылаться тебѣ на другихъ. Я у себя хозяйка. Не нравится—не живи. А хочешь оставаться—живи по моему порядку.

Прокашевъ водки больше не приносилъ. Но однажды, напившись гдѣ-то, онъ сѣлъ у воюотъ и началъ задирать прохожихъ. Домнѣ донесли объ этомъ маленькіе квартиранты. Она сейчасъ же вышла на улицу.

— Ты тутъ что буйнишь?—накинулась она на семинариста.—
Зачѣмъ здѣсь сѣлъ?

— А вотъ хочу сидѣть! Тебѣ что?

— А то, что срамно. Себя конфузишь и меня безславишь. Иди
домой, ложись спать.

— Ты скажи мнѣ...

— Иди, иди, потомъ поговоримъ!

— Не пойду! Что ты мнѣ за начальство? Не въ самомъ ли
дѣлѣ «ректоршей» себя воображаешь? Кто ты? Баба, да и не баба,
а дѣвка старая.

Домна перемѣнилась въ лицѣ.

— Это ты меня-то такъ поносишь? За все добро мое? Спасибо,
спасибо!

У нея слезы показались на глазахъ — настолько обидѣли ее
слова жильца. Она ушла.

Семинаристъ захотѣлъ ей въ слѣдъ.

Когда, спустя полчаса, Прокашевъ попробовалъ вернуться до-
мой, Домна не пустила его.

— Отопри, а то стекла разобью!—кричалъ онъ.

Вѣроятно, онъ исполнилъ бы свою угрозу, но въ эту минуту
случайно подошли два товарища и увели его къ себѣ.

На другой день, проспавшись, Прокашевъ почувствовалъ свою
вину.

— Скверно, братцы, — сказалъ онъ товарищамъ, у которыхъ
ночевалъ.—Зря изругалъ ректоршу. Сунуло ее подвернуться. Какъ
выпью—меня не тронь. Навѣрно, старушенція осерчала.

— Ступай съ повинной,—посоветовали товарищи.

Онъ пошелъ.

Домна его простила, но объявила, что держать больше не будетъ.

— Ну, вотъ, мало ли что случается... Говорю, прости! — сму-
щенно произнесъ Прокашевъ.—Пьянъ былъ. Что съ пьянаго взять?

— Да я и не сержусь,—сказала Домна,—поруганіе твое я тебѣ
прощаю. А держать не могу. Всѣ знаютъ, какіе у меня порядки.
А тутъ на-ка: Домнинъ жилецъ, да что дѣлаетъ!

— Что тебѣ... Не подчиненные же мы твои? Не начальство ты,
въ самомъ дѣлѣ!—проговорилъ Прокашевъ, начиная снова раздра-
жаться.—Мы сами по себѣ, а ты сама по себѣ.

— Ты такъ думаешь, а я иначе. Еслибы ректору пожало-
ваться, ой, ой, какъ бы тебѣ напѣло! Да я не пойду. Только смотри:
нарвешься — погубишь себя! — съ сожалѣніемъ закончила Домна.

Такъ и не удалось Прокашеву уговорить ее.

Смирныхъ и хорошихъ жильцовъ она любила, заботилась о нихъ,
какъ мать, и всегда интересовалась ихъ послѣдующей судьбою.
Если она получала о нихъ добрыя извѣстія, то радовалась и съ
гордостью замѣчала:

— Вотъ какъ мой-то! Слава Богу!

Особенно нѣжную память сохранила она о сироткѣ Герасѣ, который сдѣлался архимандритомъ.

— Такихъ-то, равныхъ ему, у меня больше и не было!—говорила она постоянно.

V.

Пробило пять часовъ.

Домна уже не спала, словно ожидая боя часовъ. Она всегда вставала въ это время даже и лѣтомъ, когда не было нахлѣбниковъ. Она жила по заведенному порядку: въ одни и тѣ же часы обѣдала, пила чай, ужинала и ложилась спать. Только крайняя необходимость заставляла ее измѣнять строгій режимъ жизни.

— Я ужъ такъ привыкла,—говорила она,—въ неположенный часъ и ѣсть не могу.

Надѣвши войлочные туфли, Домна накинула на себя «загрязное» платье и пошла умываться въ кухню. Здѣсь, вблизи печки, висѣлъ большой мѣдный рукомойникъ, изъ котораго умывалась Домна и вся ея бурса.

Всѣ еще спали. Храпъ доносился изъ комнаты, ближайшей къ кухнѣ, изъ коридора и съ полатей. При входѣ въ кухню, Домна перекрестилась на икону и подошла къ умывальнику. Она достала съ полочки мыло и плеснула на руки воды изъ рукомойника. Тутъ только она замѣтила, что рукомойникъ не чистъ.

— Ахъ, эта Марѳа!—проворчала старуха.—Славная дѣвка, работающая, а какая безпамятная. И что за народъ нынче... Совсѣмъ безъ головы.

Съ печки соскочилъ черный котъ и мяукая началъ вертѣться около ногъ Домны.

На полатяхъ зашевелились. Кто-то чихнулъ.

— Вставайте, если не спите,—промолвила Домна.—Чего валяться.

— Рано еще. Поди, шести нѣтъ.

— Чего тутъ «нѣтъ»... бодрѣ будешь. Это ты чихаешь, Парментъ?

— Вавило.

— А все отъ неслушанья. Говорила вчера, что послѣ чая не бѣгай.

— Это не отъ того, а въ носъ что-то попало,—зѣвая отозвался Вавило и засмѣялся.

— Тараканъ что ли залѣзъ тебѣ въ носъ,—сказала Домна, уже утираясь ручникомъ.—Выдумаетъ тоже. Вставайте, нечего прохлаждаться. Лучше урокъ подтвердите, да и воды изъ колодца надо принести.

Послышались зѣванія и въ коридорѣ.

Домна пошла обратно къ себѣ, кинувъ на ходу къ спавшимъ въ коридорѣ:

— И вы вставайте, если проснулись.

Нахлѣбники зашевелились.

Домна вошла въ свою комнату, небольшую, но чисто прибранную и уютную. Въ полутьмѣ ярко горѣла лампадка, бросающая свѣтъ на иконы въ кіотѣ и стоявшія по сторонамъ его. И эта лампадка, и кіотъ со множествомъ образовъ въ окладахъ, и вербы, заткнутыя за кіотъ, и груда книгъ на полочкѣхъ подъ кіотомъ, и столикъ, похожій на аналой,—все это вмѣстѣ придавало комнатѣ характеръ кельи. Вѣяло миромъ, святой отрадой, и въ душѣ невольно пробуждалось религиозное настроеніе. Лицо Домны совсѣмъ преобразилось, когда она опустила на колѣни и начала молиться. Съ него исчезла озабоченность, черты его размягчились, и все оно какъ бы просвѣтлѣло. Старуха не правила выполняла, а вся ушла въ молитву, забывая окружающее. Ея уста шептали слова, а глаза, вперенные въ кіотъ, увлажнились слезами.

«И всѣхъ, всѣхъ сохрани, помилуй и прости!»—промолвила Домна вслухъ и медленно поднялась съ колѣнъ.

Она приблизилась къ углу, посмотрѣла на лампадку и произнесла въ полголоса:

— И хорошее же масло у Соковикова: поправлять не надо, долго прогорить.

Она еще разъ перекрестилась и вышла изъ комнаты, плотно захлопнувъ дверь.

Теперь въ кухнѣ уже не было такъ пустынно. Пришла Марea и носила дрова; Вавило умывался, а Парменъ стоялъ около него и дожидался очереди. Двое мальчиковъ сидѣли на лавкѣ и о чемъ-то спорили. Котъ важно возсѣдалъ вблизи нихъ и привѣтливо мурлыкалъ, щуря зеленые глаза.

Домна поздоровалась съ Марeей,—которая служила «находомъ», а не жила у нея постоянно,—и сейчасъ же остановила спорившихъ:

— О чемъ вы? Глазъ еще хорошо не процарапали, а уже заспорили. О чемъ Сергѣй?

— Денисъ сгузаль, — промолвилъ весноватый, широколицый мальчикъ, крутя двумя пальцами свой непокорный вихорь.

— Ну, ну?—допытывалась Домна.

— Обѣщаль мнѣ отдать яблокъ, а не отдаетъ.

— Ахъ, вы, глупые! Нашли, что дѣлать. Объ яблокахъ ли теперь думать? Умывайтесь скорѣе, молитесь Богу, да уроки твердите. До чего сами не дошли, у Викентія спросите.

— Онъ намъ съ вечера объяснилъ.

— А это и еще лучше. Теперь подтвердите. Что же Климъ? Спитъ все?

— Встаетъ. У него что-то голова болитъ. Горитъ...

Домна начала уже ставить самоваръ, но при послѣднихъ словахъ положила на столъ самоварную крышку и промолвила тревожно:

— Да что такое съ нимъ? Ну-ка, я посмотрю.

Она направилась въ коридоръ, гдѣ на примосткахъ лежалъ первоклассникъ Климушка, завернувшись плотно въ одѣяло.

— Климушка, а Климушка?—кликнула Домна.—Спишь? Чего ты такъ-то закутался? Тепло вѣдь.

— Меня трясетъ,—отвѣтилъ Климушка, не раскрываясь.

— Сказать надо, чего же молчишь. Боленъ, такъ и въ училище нельзя идти.

Она дотронулась до его лба: онъ былъ горячій; провела рукой по спинѣ—кожа горячая и сухая.

— Э, парень, да ты, должно, простудился! Нечего и вставать, лежи. Я вотъ тебѣ горчишникъ потомъ сдѣлаю да огуречнымъ рассоломъ напою, а то на ночь-то малиной напою да уксусомъ натру... Никто, какъ Богъ! Все-то вы такъ: говоришь, беречься надо, а вы и въ дождь и въ вѣтеръ, съ поту и на дворъ.

— А намъ все не почемъ, Домна Никитишна, мы бурсаки!—произнесъ какъ бы съ нѣкоторою гордостью высокій юноша, котораго всѣ звали Иваномъ Огненнымъ за его волоса огненнаго цвѣта.

Иванъ, а за нимъ еще два нахлѣбника шли изъ своей комнаты въ кухню умываться.

— Ладно, ладно, бурсаки!—сказала Домна:—развѣ бурсаки заговоренные? Бойчитесь, пока здоровы, а тамъ и хлопочи съ вами. Впору только со здоровыми управиться, а тутъ еще возись,—ворчала Домна, идя въ кухню въ слѣдъ за жильцами.

— Отлежится, что ему сдѣлается,—проговорилъ Иванъ: — это онъ рѣпы обожрался. Чуть не два десятка съѣлъ... Вотъ и доняло.

Онъ захохоталъ; захохотали и другіе, находившіеся въ кухнѣ. Марфа раздувала самоваръ.

Спустя полчаса, самоваръ стоялъ уже на столѣ и весело шумѣлъ, какъ бы привѣтствуя юную компанію, собравшуюся на завтракъ. Всѣ лавки были заняты.

По утру жильцамъ Домна давала чай и черный хлѣбъ съ масломъ и картофель, который всѣ любили ѣсть съ огурцами. Въ постные дни Домна пекла для жильцовъ опекиши изъ ржаной муки, смазывая ихъ коноплянымъ масломъ. Изъ-за этихъ опекишей (по воскресеньямъ на скоромномъ маслѣ) ребята готовы были чуть не драться.

Викентій всталъ всѣхъ позже и явился въ кухню, когда уже нѣкоторые нахлѣбники наѣлись и напились чаю.

— Заспался, Викентьюшка,—замѣтила Домна:—плохой примѣръ подаешь мелкотѣ.

— Въ такую дождливую погоду невольно спится, — отвѣтилъ семинаристъ.

Онъ занялъ обычное мѣсто за столомъ на краю лавки.

— Климъ заболѣлъ, вотъ грѣхъ-то,—объявила Домна, подавая семинаристу стаканъ чая.

— Что съ нимъ?—освѣдомился Викентій.

Онъ густо намазалъ на хлѣбъ масла и добавилъ:

— Серіозно развѣ?

— Горитъ весь. Вотъ ребята говорятъ, что объѣлся рѣпой. Жадны они до нея, точно невидаль какая. Я думаю, Викентьюшка, не пускать его въ училище.

— Извѣстно, не пускать,—одобрилъ Викентій.—Надо только сообщить, что боленъ...

— Это само собой,—согласилась Домна.—Ну, всё что ли сыты?—обратилась она къ нахлѣбникамъ.—Вася, сытъ ли ты? Озаботилъ меня Климъ, и не посмотрѣла я, а тебя, чего добраго, и обидятъ, ты за себя не заступись.

— Да онъ цѣлый ломоть съѣлъ!—воскликнулъ Коля.—Для него и этого много.

— Ты самъ ѣшь, а другихъ не оговаривай,—строго замѣтила Домна:—съѣлъ, и слава Богу. Какой ты, право, Колоха, ершистый!

— Колька ершистый! Ершъ Ершовичъ! — смѣясь воскликнули товарищи, сидѣвшіе вблизи.

— А вы и рады подхватить,—остановила ихъ Домна.—Охъ, ужъ вы мнѣ! Ну, поѣли если, молитесь Богу, да собирайтесь въ училище. Что, Викентьюшка,—опять обратилась старуха къ семинаристу:—объяснилъ ты Сергѣю съ Денисомъ, чего они не понимали?

— Объяснилъ. А огурцы славные, — похвалилъ Викентій и взялъ съ тарелки новый огурецъ.

— А я не ѣлъ огурчиковъ-то,—сказалъ Коля.

— Ужъ ты прозѣваешь, жди.

— Ей Богу, Домна Никитишна, не ѣлъ.

— Ухъ, глупый, еще божится. Ну, возьми, если такъ. Чего же не ѣлъ во время? Послѣ чаю, да огурецъ!

— Все равно.

Мальчикъ смѣясь запихалъ весь огурецъ въ ротъ и вышелъ изъ кухни.

— Подавишься!—крикнулъ ему вслѣдъ Парменъ.

Кухня начала пустѣть. Одинъ за другимъ нахлѣбники уходили въ училище. Послѣднимъ ушелъ Викентій, который послѣ чая долго причесывался передъ зеркаломъ. Викентій слылъ щеголемъ. Онъ дѣйствительно занимался собой, особенно съ тѣхъ поръ, какъ началъ бывать у дьякона мѣстой церкви, у котораго была дочь, хорошенькая брюнеточка, съ бойкими лукавыми глазками.

Такъ или почти такъ проходило каждое утро въ Домниной бурсѣ.

Отпуская въ училище, Домна осматривала нахлѣбниковъ, заботясь о томъ, чтобы они не ушли «кое-какъ».

— А то потомъ достанется имъ тамъ; гляди да гляди за ними, у самихъ и думушки о себѣ нѣтъ.

Викентію она потому оказывала особенное вниманіе, что онъ былъ полезенъ для мальчиковъ: объяснялъ уроки, помогалъ рѣшать задачи, писать сочиненія и провѣрялъ, все ли они выучили.

— Парень славный,—говорила про него Домна:—не гуляка, не пьяница и къ мальчикамъ добръ. Ну, и я его отличаю: и въ платѣ спущу, и кусокъ хорошенькій припасу ему.

Когда Викентій сталъ частенько бывать у дьякона и, видимо, увлекся его дочерью, Домна замѣтила жильцу:

— Ты вотъ что, милый мой: не поскользись, гляди, да и дѣвущку не загуби.

— Что вы, Домна Никитишна,—промолвилъ юноша, краснѣя.

— То-то. Да ты вотъ что, добрый мой: если нѣтъ у тебя прямой цѣли, и не увѣренъ еще ты въ томъ, что выйдетъ дѣло хорошее, лучше не затягивай узла. А то развязать не развяжешь, рубить придется.

Она тяжело вздохнула, какъ бы припоминая свое прошлое.

— Я такъ, Домна Никитишна... Просто скуки ради. Она такая бойкая да веселая.

— Смотри тоже, чтобы и тебѣ не влетѣло. Захороводить, забересть твое сердце, да потомъ и въ смѣшки. И такъ бываетъ. Вонъ одинъ хорошій парень, перворазрядникъ, да чуть съ горя не спился... Захороводила, а потомъ и на смѣхъ подняла.

VI.

Проводивъ жильцовъ, Домна и Марѳа принимались за стирпню и уборку по дому. Работы было всегда много. Надо и обѣдъ приготовить, и комнаты убрать, и зашить кое-что изъ одежды жильцовъ. Стряпала всегда Домна, а Марѳа ей только помогала. Къ двѣнадцати часамъ обыкновенно все главное уже было сдѣлано, и поосвободившись обѣ женщины пили полуденный чай, а чаще всего кофе.

— Ну, все теперь почти готово, можно и отдохнуть,—говорила Домна и обращалась къ Марѳѣ:—что, Марѳуша, поставила самоваръ?

Та отвѣчала обыкновенно стереотипной фразой:

— Кипитъ уже.

— Вотъ и чудесно. Попьемъ-ка чайку, а то, можетъ, кофейку лучше?

Чаще всего отъ Марѳы получался отвѣтъ:

— Да ужъ, извѣстно, кофейку-то пріятнѣе.

— Ну, что же. Давай кофейку.

Иногда Домна прямо заявляла, что будетъ пить чай. Тогда

Марѳа уже не выражала протеста. Впрочемъ Домна изрѣдка замѣчала:

— Да ты пей, коли хочешь, кофея, а мнѣ что-то сегодня не хочется.

Марѳа не желала «отдѣляться» и пила также чай.

За чаемъ или кофе обѣ женщины любили поговорить. Говорила болѣе Марѳа. Она сообщала новости, при чемъ дѣлала свои заключенія. При этомъ между нею и Домною происходили нерѣдко пренія, которыя, однако, не имѣли характера ссоры. Марѳа была скоро на выводы, и если они касались чьего нибудь добраго имени, а тѣмъ болѣе репутаціи дѣвушки, то Домна немедленно обрывала работницу.

— А ты, баба, погоди такъ-то говорить. Знаешь: честь дѣвушки дѣло великое. Къ дѣвушкѣ всякая пылинка пристанетъ.

— Да вѣдь это всѣмъ? извѣстно, Домна Никитишна.

— Ну, кому тамъ всѣмъ. И какъ извѣстно? Вотъ одна, стойно тебя, скажетъ, другая подхватитъ, третья разнесетъ, и вышла правда, да какая это правда? Сплошная выдумка!

Марѳа стояла на своемъ.

— Всѣ говорятъ,—повторяла она.

— Да мало ли злыхъ завистливыхъ людей, бабонька? У тебя вотъ сестра молоденькая... Дѣвчонка своя растетъ... Прикинь къ себѣ... Какъ материнскому-то сердцу?

— Какъ поведешь себя, то и получишь. Если моя Манька такъ-то... Да я ей голову оторву!—воскликнула Марѳа.

— Полно, полно,—спокойно останавливала ее Домна:—Богу молись, а загодя не хвались. Знала я одну чиновницу. Всѣхъ бывало на язычекъ: такая, сякая. «Ой, говорю, Софья Васильевна, поудержись, у самой дочь на возрастѣ». «Елена? Да я ее задушу, если она что нибудь такое». А вотъ и наказаль Богъ. Замужъ-то не вышла, а трое дѣтей, бабушка нянчится съ ними.

Эту исторію Домна передавала Марѳѣ нѣсколько разъ, потому ли что забывала, или отъ того, что считала ее чрезвычайно поучительной.

Марѳа соглашалась, что, «конечно, всяко случается, иной разъ чѣмъ похвалишься, тѣмъ и подавишься, а все же»...

Но она уже слабѣе настаивала на «правдѣ» и даже иногда шла на такую уступку:

— А и то можетъ быть, Домна Никитишна, что все и враки. Злыхъ языковъ мало ли.

Марѳа не была злой, она только любила посудачить и показать, что она все знаетъ.

Иногда за чаемъ между хозяйкой и работницей происходили разговоры на возвышенныя религіозныя темы. Начиналось обыкновенно съ того, что Марѳа сознавалась по поводу чьего нибудь: «всѣ мы грѣшныя, и трудно прожить безъ грѣха». Домна подхва-

тивала эту фразу и начинала развивать свою мысль о томъ, что надо молиться, да просить у Бога крѣпость и наблюдать за собою, за каждымъ словомъ наблюдать.

— Слова-то, Мароуша, дѣло за собой ведутъ. Отъ худыхъ словъ въ человѣкѣ душа грязнится. Слабѣетъ онъ и сподручнѣе нечистому сманить его на всякій грѣхъ дѣломъ.

— Это вѣрно,—соглашалась Мароа, вздыхая:—да и какъ убежешься... нешто мы святые?

— А что же святые,—возражала Домна:—многіе святые грѣшниками сперва были, да еще какими. Вотъ къ примѣру...

И она рассказывала какое нибудь подходящее «житіе», которыхъ она знала много, такъ какъ постоянно вечеромъ читала Четью Минею. Конечно, Домна иногда и смѣшивала, приписывая дѣянія одного святого—другому, но вѣдь не Мароа могла замѣтить это. Она внимательно слушала рассказъ, сокрушенно вздыхала и удивлялась, какъ это подвижники могли выносить такія мученія.

По временамъ за чаемъ Мароа и Домна дѣлились просто воспоминаніями, говорили о житейскихъ дѣлахъ.

Сегодня послѣ второй чашки кофе Мароа замѣтила Домнѣ:

— А что это, я погляжу, вы не стали семинаристовъ держать, а все больше мелкоту берете? Хлопотъ-то съ ними не меньше.

— Такъ-то такъ, да и большіе—маята. Стали больно вольны. Все «такъ хочу», да «мое дѣло». Прежде лучше были. Теперь заносчивы. Гуляютъ до полночи, дымятъ, того и гляди, водки нанесутъ, и слова не скажи. Викентій вотъ скромный, да много ли такихъ? Вспомни-ка Бориса Богомолова. Не тронь его. А попроси ребятамъ показать что, такъ онъ тебѣ сейчасъ: «есть у меня время! Что я за учитель для нихъ!» Что въ такомъ проку? Стара я становлюсь, Мароуша: и память слабѣетъ, да и здоровье не то. Пожалуй, и то много бы ихъ, ребятъ-то... Да жаль, ну, и привычка. Помаюсь, пока Богъ грѣхамъ терпитъ, а тамъ увижу, что и какъ! Пойду-ка, сниму горчишники съ Клима. Напоила его рассоломъ огуречнымъ, полегчаетъ, можетъ.

Она встала, помолилась и пошлелась въ коридоръ, гдѣ лежалъ больной нахлѣбникъ.

VII.

Домна была занята починкой пиджака. Она что-то говорила, думая вслухъ, какъ многіе старые люди.

— Къ вамъ Варвара Ниловна пришла,—доложила Мароа, появляясь въ дверяхъ спальни.

— Пусть идетъ сюда. Съ работой мнѣ итти въ кухню не сподручно.

Варвара Ниловна, низенькая старушка, ровесница Домны, тяжело дыша, медленной походкой вошла въ комнату.

— Здравствуй, Домна Никитишна,—проговорила она и закашлялась.

— Здравствуй, здравствуй! Что съ тобой? Никакъ нездорова?—промовила Домна.—Садись сюда вотъ. Я бы вышла на кухню, да вотъ работишка...

— Для нахлѣбниковъ, чать?

— Кому же больше? Не заказная же,—съ улыбкой отвѣтила Домна:—какая я портниха. Куда ихъ дѣть... Рвутъ, ну, а отдавать все—денегъ не хватитъ. Вотъ и починая... Что скажешь хорошаго-то?

— Ахъ, голубушка! Гдѣ ужъ нынче хорошее! Какъ и живу, двигаюсь, не знаю сама.

— Да что съ тобой?

Домна пристально взглянула на гостью.

— Нездоровится, да и прочія дѣла хуже худого. На свѣтъ бы Божій не глядѣла.

Въ голосѣ Варвары Ниловны послышались слезы.

— Да что такое? Катя какъ?

— И не спрашивай: отвѣчать стыдно!

— Да что такое случилось?

Домна оставила работу.

— Изъ-за нея и разболѣлась, разстроилась вся. Хоть въ гробъ ложись, да и только. Избаловалась Катерина, отъ рукъ отбилась... Что хошь, то и дѣлай съ ней.

— Какъ же такъ? Ты бы ее пристрожила.

— А плевать ей на все! Я и пригрозила было, такъ она мнѣ: «Ты мнѣ не мать, а тетка». «Да я, или не я тебя воспитала?» спрашиваю. «Кто тебя выкормилъ, выпоилъ сироту брошенную?»

— И что же она?

— Да что, если стыдъ потеряла... «Не умерла бы, говорить, и безъ тебя. Нашлись бы добрые люди». Слышишь, какъ отвѣчаетъ. Легко мнѣ это слушать-то? Кровью сердце обольется, а что подѣлаешь?

— Да что это съ ней сдѣлалось? Была дѣвушка ничего,—недоумѣвающе проговорила Домна.

— Дѣвка была не охаять, вѣрно. А все подруженька, Танька Головухина... Ахъ, голубушка, и сказать тяжело, да ужъ тебѣ-то все скажу: ты праведница, никому не пойдешь болтать.

Варвара Ниловна тяжело вздохнула и докончила сквозь слезы:

Вѣдь съ Володькой Пискуновымъ связалась. Что у тебя-то жилъ, помнишь?

— Да что ты!—съ ужасомъ воскликнула Домна.

— Вотъ тебѣ Христось, не вру. Да и я ли стану на нее врать! Мнѣ и говорить-то тяжело.

Она вздохнула.

— Вотъ негодяй!—сказала Домна.—Я его не любила и маленькимъ. А потомъ сталъ выражаться, франтиль.

— Какъ бы у тебя-то остался жить, все не то бы было,—промолвила гостя.

— Ну, родная, кто худъ, тотъ такимъ и останется,—возразила Домна.—Вѣдь всякіе и у меня. Правда, на другого дѣйствуетъ, какъ уговаривать начнешь, а другому хоть коль на головѣ теши, все едино. Да я такихъ и не держу. Ахъ, Господи, Господи! Экое горе-то!

— Ужъ такое горе, что хуже и быть не можетъ.

— А ты погоди убиваться-то. Можетъ, ничего и нѣтъ. Мало ли нонѣ гуляютъ. Развѣ ужъ она потеряла себя?

— Да кто-жъ это знаетъ? А только всѣ вечера съ нимъ да съ нимъ. Долго ли потерять? Пойдетъ дурная слава. И не было, да скажутъ—было. Ужъ какая она будетъ замужница?

— Что говорить,—сокрушенно согласилась Домна.

Она вздохнула и задумалась о чемъ-то.

— Ну, никто, какъ Богъ,—проговорила она.—Можетъ быть, и не случилось никакого грѣха. А ты пригрози: не буду де держать тебя. Вотъ и все.

— Охъ, мать моя! Я и то ей какъ-то сказала это.

— Ну?

— Такъ она расхохоталась, да и отвѣчаетъ: «Большая бѣда! Да я и безъ тебя проживу». Я осерчала и хотѣла ее за косу поймать. Такъ ты думаешь что? Она возьми, да ударь меня по рукѣ. Тетку-то свою родную? Что же это такое!

Варвара Ниловна всхлипнула.

— Ну, дѣвка!

Домна покачала головой.

— А вотъ что, Варварушка,—сказала она, помолчавъ:—годи! Я ее поусовѣщу. Приду какъ нибудь вечеркомъ, да и поговорю съ ней.

— Ты бы Володьку-то усовѣстила. Онъ хошь и баламутникъ, а не совсѣмъ потерянный. Сердце-то у него есть. Знамо дѣло—красивъ. Катька права. Ну, что-жъ съ него и спрашивать, когда дѣвки сами за нимъ бѣгаютъ? А вотъ бы ты ему и сказала.

— И съ нимъ поговорю,—промолвила Домна.—Я и ему пригрожу. Пусть женится, коль любить Катерину. Онъ вѣдь черезъ годъ кончаетъ, въ попы не собирается, на свѣтскую службу ладить выйти. Чего-жъ ему не жениться на Катеринѣ?

— Не женится онъ,—проговорила Варвара Ниловна.—Такою ли ему дадутъ! Катерина безприданница. Какая ему она жена! Не годится она, не по немъ.

— Ну, что ты!—остановила Домна.—Зачѣмъ обижать дѣвушку? Посбилась немножко, съ кѣмъ не случается. Нонче не то, что въ

наше время: всѣ хотятъ свободы да воли, ни въ чемъ не смѣй стѣснять. Погоди, вотъ я поговорю съ ней.

Въ кухнѣ послышался говоръ нѣсколькихъ голосовъ.

— Батюшки мои! Никакъ ребята изъ училища вернулись!—спохватилась Домна.

Она посмотрѣла на часы.

— Да и время. Эхъ, день-то бѣжить... Пострапаешь, поуберешься и пошить не успѣешь, глядишь, и три часа.

Она встала.

— Такъ я зайду уже къ тебѣ,—сказала она.—Не отчаивайся. Можетъ, Богъ все и къ доброму устроить. Оставайся обѣдать.

— Нѣтъ, нѣтъ, пора! Сейчасъ Катерина съ работой пошла, вернется, а дверь залпета.

Онѣ простились.

Марѳа разставила приборы, и нѣкоторые школьники сидѣли уже за столомъ, когда Домна вошла въ кухню.

Старуха сразу обратила вниманіе на Васю, сидѣвшаго съ заплаканнымъ лицомъ.

— О чемъ это ты?—спросила Домна, подходя къ мальчику.— Урока не зналъ; что ли?

Мальчикъ молчалъ.

— Его вздули сейчасъ,—сказалъ Коля со смѣхомъ:—оттого и реветъ.

— Кто-жъ это его?

Домна обвела взглядомъ всѣхъ жильцовъ.

— Не мы, не мы,—отвѣтили нѣсколько голосовъ сразу.

— Это Ржаницынъ да Монастыревъ его отколотили,—опять промолвилъ Коля.

— За что?

— А не ябедничай... Вотъ за что.

— Ябедниковъ и не такъ еще бьютъ. Теперь ему шабашъ: все будутъ дуть!—добавилъ Коля, какъ бы радуясь.

— А вотъ я посмотрю, какъ будутъ,—рѣшительно сказала Домна:—передайте отъ меня этимъ драчунамъ, что если они... да и кто бы другой тамъ, обидятъ Василю,—безпремѣнно пожалуюсь начальству, и имъ не сдобровать.

— А онъ не ябедничай.

— Что такое онъ надѣлалъ? Ну, говорите.

— Въ него Ржаницынъ чернильницей запустилъ и залилъ чернилами весь полъ. Приходитъ смотритель и спрашиваетъ: кто это сдѣлалъ? Всѣ молчатъ. Обращается смотритель къ Василю: говори, кто? Онъ и сказалъ. Ржаницына на колѣнки поставили на весь день. Ну, а Васюку зато потомъ и вздули.

— Такъ вѣдь онъ же не виноватъ,—сказала Домна.—Онъ сказалъ правду.

— Не выдавай товарищей.

— Ишь моду взяли: покрывай всяких безпутниковъ и на себѣ выноси! Молодцы!

— Всегда такъ: ябедниковъ не терпятъ.

— Знаю я это «всегда», и глупо, и не хорошо. Учатся лгать съ дѣтства. Какая мерзость! То-то изъ васъ хорошіе попы выйдутъ. А я вотъ что говорю: Васю не трогать. Кто тронетъ—сейчасъ пожалуюсь.

— Что-жъ, намъ охранять его, что ли?—сказала Коля.—Мы не стражи его, а онъ не Бова-королевичъ.

Другіе школьники захохотали.

— Ну, я тамъ не знаю какъ, а только не обижать. Да ты не больно-то бойчись, миляга. Я такихъ не люблю. Ужъ если ты за родственника не вступился, такъ какой же ты послѣ этого человѣкъ!

— Вотъ еще! Стану я за Ваську побои принимать! Какъ же!.. Молчалъ бы, ничего бы и не было.

— А еслибы его наказали?—спросила Домна.

— Такъ что-жъ! И вынеси! Зато бы тогда никто не тронулъ, потому настоящій товарищъ. А теперь ябедникъ. Такъ всѣ и будутъ звать ябедникомъ.

— Да только не вы,—сказала строго Домна.—Если услышу, кто изъ васъ назоветъ его такъ, сейчасъ вытурю вонъ. Такъ и знайте. У меня чтобъ этого не было. Что за срамъ! Сколько васъ, вмѣстѣ всѣ живете, а не заступитесь.

— Бова-королевичъ!—проговорилъ кто-то въ углу.

— Ладно, понравилось дурацкое слово. Не Бова-королевичъ, а смирный, слабый товарищъ, такъ и вы должны заступаться. За ближняго заступаться и Богъ велитъ. Не знаете этого?

— Знаемъ.

— Такъ чего же такъ! Еслибы вы хорошіе-то были, такъ и тѣхъ-то бы сорванцовъ усовѣстили: «лгать, молъ, грѣхъ, не слѣдуетъ». Ахъ, ребята, ребята! Къ такому высокому сану готовитесь, а какъ себя ведете! Что удивительнаго, что и потомъ изъ васъ такіе плохіе попы выходятъ!

Она покачала головой и опять обратилась къ Васѣ:

— Садись же, обѣдай. Не бойся, теперь никто не тронетъ.

Она подвела его къ столу и велѣла Марей налить отдѣльную чашку щей.

Подали кашу.

— Опять каша!—воскликнулъ Коля.—А я думалъ, сегодня картошка со снятками.

— Ышь, что даютъ,—отозвалась Домна.—Въ другомъ мѣстѣ и каши такой не поѣлъ бы. Снятки! Снятки теперь кусаются! Да и давно ли они были?

Домна сѣла за столъ и стала ѣсть щи. И вдругъ она спохватилась:

— А что же Сергѣя-то нѣтъ? А?

— Онъ безъ обѣда оставлень,—отвѣтилъ Пармень.

— За что же это? Вѣдь онъ урокъ зналъ, Викентій его спрашивалъ.

— А онъ языкъ показалъ старшòму. Вотъ его и наказали. Еще выпоротъ хотѣли, да смотритель простилъ.

— Ну, вотъ. Посиди голодомъ.

— Придетъ, наѣстся.

— А если я не дамъ еще? Не шали. Вотъ вы всѣ: такихъ озорниковъ любите, это товарищи, а хорошихъ скромныхъ, какъ Вася, не терпите; не по вамъ они. Непутевые вы. Ну, да жизнь научитъ васъ...

И она опять принялась хлебать щи.

VIII.

Домна спѣшила управиться со стряпней, а Марѳа съ уборкой комнатъ.

Было воскресенье, а по воскресеньямъ и по праздникамъ дневной распорядокъ въ Домниной бурсѣ нѣсколько водоизмѣнялся. Сама Домна ходила къ ранней обѣдѣ, а ребята къ поздней. По возвращеніи хозяйки домой, всѣ нахлѣбники были уже на ногахъ. Каждый надѣвалъ одежду получше, праздничную, которую заботливая старуха не позволяла трепать «походя» и держала у себя подъ замкомъ.

— Нешто можно одну и ту же таскать?—говорила она.—Въ будни засусолишь всю, что же въ праздникъ Господень надѣнешь? Въ чемъ въ храмъ пойдешь?

Тѣмъ, которые вообще не умѣли беречь платье, она не разъ грозила:

— Гляди у меня, и въ праздникъ не дамъ носить. Сходишь въ церкву и стащу съ тебя. Носи простую, коль этакой неряха.

У Домны уже былъ такой порядокъ: по воскреснымъ днямъ и по праздникамъ до обѣдни чая и завтрака не полагалось.

— Это что же такое: до обѣдни да напихать брюхо... Тогда и молиться не захочется, ко сну будетъ клонить. Ты сперва помолись, а потомъ ѣшь и пей.

— И натошакъ-то плохо молиться, все о пищѣ думается,—возражали новички.

— Ладно, не врите,—говорила Домна.—Не поѣвши легче молиться. Больше душа къ Богу стремится; не глупѣе были святые подвижники, а развѣ они поѣвши молились-то? И что это за ба-

ловство! Нельзя потерпѣть! Всего хотимъ отъ Господа получить, а для него и потерпѣть не можемъ.

Она была непреклонна въ своихъ воззрѣніяхъ и никому не давала поблажки. Сама она ходила къ ранней обѣднѣ, но завтракала и пила чай только послѣ поздней, вмѣстѣ со всѣми.

Въ эти дни ей приходилось особенно хлопотать «по кухнѣ». Она знала, что ребята вернутся голодные, и къ одиннадцати часамъ были уже готовы горячіе опекиши, пироги или рогульки. Да и всю стряпню къ этому времени она старалась прикончить. Рѣдко случалось, чтобы она замѣшкалась.

Сегодня Домна управилась раньше обыкновеннаго. Она постлала на столъ новую скатерть, поставила пироги, собрала тарелки, чашки и пошла пріодѣться. Марѳа уже дометала коридоръ.

— Нешто уже все справили?—спросила она у старухи.

— Все! Ну, и буженина же нынче будетъ! Обѣдятся мои ребята.

— Они буженину любятъ,—сказала работница.

— На-ка, губа-то не дура. Кто не любитъ такого кушанья?

Она еще продолжала разсуждать, какъ въ сѣняхъ послышалось топанье нѣсколькихъ ногъ, и раздался стукъ въ двери.

— Вотъ и отъ обѣдни пришли. Что такъ рано?

Марѳа пошла въ кухню, чтобы отпереть дверь. Вошли Коля и Сергѣй.

— Это вы что же раньше-то всѣхъ? Или не достояли?—крикнула имъ изъ коридора Домна.

— Мы только ко кресту не прикладывались.

— Это почему же?

— Отоцали безмѣрно,—проговорилъ Сергѣй, передразнивая Викенгія, любившаго употреблять такія выраженія, какъ «безмѣрно», «добропорядочно», «невмѣстительно» и такъ далѣе.

— Не умерли бы,—сказала Домна.—Долго ли приложиться? Стояли всю обѣдню, да отъ креста и убѣжали. Непутные вы.

— Я сказалъ Вавилѣ, онъ за меня приложится,—отозвался Коля.

— Не мели,—строго остановила Домна.— Что еще выдумалъ! Вотъ за такія слова возьму, да и не дамъ ничего.

Николай уже подошелъ къ столу, и приподнялъ полотенце, которыми были прикрыты капустники и опекиши.

— Хорошо пахнетъ, вкусно...—прошепталъ Коля и хотѣлъ стянуть одинъ пирожекъ, но Сергѣй остановилъ его.

— Не бери, узнаетъ...

— Считала что ли?

Но въ эту минуту дверь отворилась, и въ кухню вошелъ Викенгій. Коля отскочилъ отъ стола. Семинаристъ прошелъ въ свою комнату, Коля сдѣлалъ ему «носъ» и захохоталъ.

Скоро собрались остальные нахлѣбники. Завтракъ прошелъ въ большомъ оживленіи. Даже Вася принялъ участіе въ разговорѣ и сообщилъ Домнѣ, что «сегодня Петровичъ читалъ славно Апостола».

— А отъ кого?—спросила Домна.

Вася отвѣтилъ.

— А Евангеліе? Ну-ка, Николай, скажи,—обратилась она къ мальчику, уплетавшему капустникъ.

— Отъ Марка,—быстро отвѣтилъ мальчикъ.

Всѣ засмѣялись.

— И совралъ,—сказала Домна.—Отъ Луки. Внимательно же ты слушалъ!

— А мнѣ такъ послышалось,—отвѣтилъ безъ всякаго смущенія Коля.— Да и то сказать. Дьякону сто лѣтъ, и что онъ читаетъ, ничего не разберешь.

И онъ началъ передразнивать чтеніе дьякона.

— Будетъ,—остановила Домна.—Тебя только на это и хватаетъ, чтобы всѣхъ на смѣхъ подымать. На себя оглянись. Надъ кѣмъ смѣешься? Онъ тебѣ въ дѣды годится. Вѣдь вотъ другіе-то разобрали же. Вася, ты все слышалъ?

— Все,—отвѣтилъ онъ.

— Вотъ видишь. А тебѣ бы смѣяться.

Коля доѣлъ пирогъ и, отхлебывая чай, вдругъ промолвилъ:

— А знаете, Домна Никитишна, какой случай былъ у насъ въ деревнѣ? Давно только это было. Разказать?

— Ну, что тамъ еще? Что нибудь непутное опять?

— Нѣтъ, правда. Разказать?

— Ну, говори.

— Задумалъ священникъ купить новое Евангеліе. Ну, обратился къ прихожанамъ, чтобы, значить, купить въ складчину. Стали записывать на бумагу: отъ такого столько-то, отъ другого столько-то, набрали денегъ и купили Евангеліе... хорошее. Сталъ попъ въ первое воскресенье читать и говорить: «Отъ Луки святаго Евангелія чтеніе». На другой праздникъ опять отъ Луки чтенія. Крестьяне закричали: «отчего все отъ Луки? Вѣдь не только твой Лука покупалъ Евангеліе (а у попа сына Лукой звали). Мы всѣ склады-вались. Читай: Евангеліе отъ всѣхъ, а не отъ Луки». Убѣждалъ попъ, убѣждалъ, не слушаютъ. Ну, попъ и говоритъ: «отъ всѣхъ святаго Евангелія чтеніе».

— Завралъ, завралъ опять,—проговорила Домна:—ужь я говорила, что непутное, такъ и вышло. Развѣ ты хорошее что нибудь выдумаешь?

— Да я не выдумывалъ, это мнѣ сказывали.

— А ты не вѣрь всякому вздору.

Школьники смѣялись.

— Ужли это правда, Колька?—спросилъ его сосѣдь.

— Фельдшеръ рассказывалъ. Былъ въ гостяхъ у отца и рассказывалъ.

Послѣ завтрака бурса опустѣла. Дома остались только Вася, Вуколь да Пармень съ Вавилой. Остальные отправились погулять или въ гости къ товарищамъ.

— Смотрите,—объявила Домна:—чтобы ровно къ тремъ быть дома. Кто опоздаетъ, тотъ и воду хлебаетъ.

Школьники по опыту знали, что это не пустая угроза.

— Еще бы не прійти,—крикнулъ Коля, затворяя дверь.—Я уже узналъ, что буженина будетъ.

Вавила и Пармень, купившіе надняхъ въ складчину краски, остались дома, чтобы разрисовывать картинки. Вася и Вуколь, оба смиренные и мало подвижные, вообще рѣдко ходили куда нибудь. Вася любилъ сидѣть и мечтать, а Вуколь—читать книжки. За любовь къ чтенію его даже прозвали «книжникомъ». Домна насильно посылала ихъ промяться и подышать свѣжимъ воздухомъ.

— Нельзя все дома сидѣть, такъ и заболѣть недолго. Какъ можно?—говорила она.

— Мнѣ не хочется,—отнѣкивался Вася.

— Я лучше книжку почитаю,—заявлялъ Вуколь.

— Книжка хорошее дѣло, а и гулять надо. Ну, почитай, а потомъ и погуляй!

Когда всѣ нахлѣбники ушли, Домна позвала къ себѣ Васю и Вукола.

Они уже знали—зачѣмъ. Каждый праздникъ и воскресенье она звала ихъ къ себѣ для чтенія «Житія святыхъ». Вуколь читалъ бойко, «съ чувствомъ», по выраженію Домны, и она любила его слушать. На чтеніи иногда присутствовали другіе нахлѣбники, но это случалось рѣдко: мальчики предпочитали чтенію прогулку и игры. Они не всегда всѣ расходились, какъ сегодня, а часто оставались дома, такъ какъ многіе были большіе охотники поиграть въ карты, Домна не любила этого.

— Ужъ лучше гулять, чѣмъ въ карты-то играть, — говорила она.—Что за занятіе!

— Да мы вѣдь не на деньги, Домна Никитишна, — замѣчалъ кто нибудь.

— Еще бы въ деньги! Такъ бы я вамъ и дозволила. А все равно: пристраститесь сызмальства въ карты, потомъ и въ деньги будете играть.

— А мой тятка всегда играетъ, — заявилъ какъ-то Коля.—И попъ, и старшина, и всѣ играютъ.

— И ничего нѣтъ тутъ хорошаго,—возразила Домна.—Попу и не пристало, по сану не хорошо, да и соблазнъ другимъ. Замѣсто

того, чтобы книги священные читать, либо добру другихъ настаивать, а они въ карты... Все привычка...

Долго играть въ карты Домна не давала. Придетъ и разгонитъ всѣхъ.

— Будетъ, будетъ! Ступайте лучше гулять, пользительнѣе это.

Когда Вуколь и Вася пришли въ комнату Домны, Четья-Миней была уже раскрыта и лежала на столѣ.

— Ну-ка, Вуколь, почитай,—сказала старуха.—А мы съ Васей послушаемъ; да кликни-ка и тѣхъ. Успѣютъ еще потомъ, нарисуются.

Пришелъ и Вавила съ Парменомъ.

Вуколь читалъ, словно начетчикъ. При этомъ онъ становился какъ бы старше своихъ лѣтъ. Лицо принимало вдумчивое выраженіе, голосъ звучалъ «трогательно», какъ говорила всегда Домна.

Вуколь кончилъ одно житіе. Старуха вздохнула и промолвила:

— Вотъ, милые мои, какъ прежде-то вѣру блюли, да Христу служили! Не то, что мы. А отчего все? Какъ вы думаете?

Вася вздохнулъ. Пармень отвѣтилъ: «не знаю». Вавила только пошевелилъ губами и ничего не сказалъ. Но Вуколь глубокомысленно произнесъ:

— Ближе къ Христу были.

— Ну, такъ что же? — спросила Домна.—Развѣ мы далеко отъ Него, если служимъ ему?

— Да вѣдь мы Его не видали, а тѣ видѣли. Ну, потому...

Больше онъ ничего не могъ разъяснить, но Домна поняла его и сказала:

— Это ты хорошо объяснилъ, Вуколь. Да только вотъ что: вѣдь вѣра-то тѣмъ и важна, что не видя человѣкъ вѣритъ, вѣдь такъ и церковь учить. Вотъ что, миляги, вы въ пастыри готовитесь, такъ и надо это всегда помнить. Вѣдь не все равно, что въ попы итти, или въ почталіоны. Вѣдь попъ долженъ быть для всѣхъ примѣромъ.

— А мой отецъ всегда говоритъ,—замѣтилъ Пармень,—что въ почталіонахъ лучше, чѣмъ въ дьячкахъ.

— Не суразно говорить твой отецъ,—сказала Домна.—Конечно, дьячокъ—не пошъ, а и его служба на пользу церкви.

— А доходовъ мало.

— Не въ деньгахъ дѣло, другъ мой.

И она стала, какъ и всегда это дѣлала послѣ чтенія, говорить мальчикамъ о томъ, для чего человѣкъ живетъ на землѣ, въ чемъ состоитъ главная его обязанность. Она всегда подолгу останавливалась на любви къ ближнему, на дѣлахъ милосердія. Она хотѣла рассказывать о Филаретѣ Милостивомъ, но Вавила перебилъ ее:

— Мы вѣдь ужъ это знаемъ, вы рассказывали намъ, Домна Никитишна.

— Знаете, такъ и ладно. Мало только знать, надо и подражать. Вавила улыбнулся.

— И все раздать нищимъ?

— Зачѣмъ все! Сколько можешь, помогай. Вѣдь не все въ деньгахъ помощь. Словомъ добрымъ помощи, заступись за обиженнаго. Вотъ увидишь—товарищъ нуждается въ чемъ, и помощи. Урока не понимаетъ—растолкуй.

Вуколь прочелъ еще житіе, и Домна отпустила ребятъ.

— Идите, погуляйте. Еще до обѣда больше часа. А я схожу по неотложному дѣлу.

Этихъ неотложныхъ дѣлъ у Домны всегда было много.

Вчера она, на примѣръ, была у Пискунова и долго разговаривала съ нимъ, стараясь образумить его. Добрый, но жившій, какъ и многіе, безъ оглядки, Владимиръ въ видѣ развлеченія завелъ интрижку съ племянницей Варвары Ниловны... Но «совѣсть у него не пропала»—Варвара Ниловна была права. Онъ смутился при первыхъ словахъ Домны и не сталъ оправдываться.

— Грѣшенъ, Домна Никитишна, грѣшенъ...—проговорилъ онъ съ виноватой улыбкой: — да вѣдь красива она! Ну, ей Богу же, красива!

— Да и ты парень красивый, что говорить,—согласилась Домна.— Васъ пара. Вотъ и женись.

Владимиръ захоталъ.

— Эхъ, сказали тоже, мать ректорша! Да ни у меня, ни у нея ни копейки! Я вѣдь въ попы не пойду. А на свѣтской службѣ сначала жалованье маленькое.

— Стало быть, ты не думаешь на Катеринѣ жениться?

— И въ мысляхъ не было.

— А дѣвушку погубилъ?

— Мать ректорша! Христось съ вами! Да никакой погибели нѣтъ! Вы думаете, и не Богъ вѣсть что. Я просто гуляю да языкъ чешу. Какъ предъ Богомъ скажу. Ничего худого. Какъ была Катерина Петровна—весталкой, такъ и осталась, если только... гм! до меня ктонибудь другой не лишилъ ее этого званія.

Домна нахмурилась.

— Этакій у тебя языкъ-то не ладный, — сказала она.—Вѣдь знаешь, что я старая дѣвица, а что говоришь. Ну, да Богъ съ тобой! Хорошо, что по душѣ ты лучше, чѣмъ по языку. Такъ вотъ что: коль не женишься, такъ и оставь.

— Не я одинъ. Все равно будетъ путаться.

— До другихъ тебѣ дѣла нѣтъ.

Домна добила отъ Владимира обѣщанія, что онъ Катерину оставитъ и больше съ ней гулять не будетъ.

Пришла Домна домой, а тамъ еще письмо ждало отъ одной дѣячихи, у которой было два сына, жившіе у Домниной пріятель-

ницы. Дьячиха эта задолжала, и хозяйка гнала ребятъ съ квартиры. Дьячиха писала Домнѣ: «возьми ихъ къ себѣ, или упроси Марью Кирилловну подождать»...

Вотъ къ этой-то Марьѣ Кирилловнѣ и отправилась теперь Домна. Но она встрѣтила пріятельницу на дорогѣ.

— Куда Богъ несетъ?

— Да къ тебѣ, Марья Кирилловна съ прошеніемъ,—шутя промолвила Домна.

— Что это ты говоришь? И понять тебя не могу.

— Да за парнишекъ хлопотать. У тебя вѣдь живутъ сыновья Дымковской дьячихи?

— У меня. Да я держать не хочу: не платятъ. У самой недостатки, а тутъ еще ихъ держи даромъ.

— Зачѣмъ даромъ? Потерпи, мать моя, все отдадутъ...

— Знаю я тоже духовныхъ: обѣщаютъ, обѣщаютъ, да на томъ и полно.

— Бѣдные вѣдь они! Еще онъ-то и пьетъ къ тому же. А ты вотъ что: коли ей не вѣришь, такъ мнѣ повѣрь—я поручусь.

— Да возьми ихъ къ себѣ.

— Куда мнѣ! Стара я, и этихъ много... Думаю, мать моя, что скоро и порѣшу съ бурсой.

— Что такъ?

— Хворать стала. Пора ректоршѣ на покой, пенсію не выслужила, а въ отставку подавай. Такъ вотъ что, голубушка, сдѣлаешь ты мнѣ довѣріе, али нѣтъ?

— Ужъ и не знаю, какъ право... Деньги-то нужны... Хоть бы она три-то рубля послала...

— Ну, не безпокойся: эти деньги я тебѣ заплачу, а тамъ погоди.

— Да ужъ нечего дѣлать—для тебя подожду. Экая ты хлопотунья за всѣхъ! Не станетъ тебя—что слезъ прольется.

— Ну!—промолвила Домна, махнувъ рукой.—Найдутся добрые люди. Такъ спасибо, родная. Напишу, успокою старуху. Прощай!

Пріятельницы расцѣловались. Домна, счастливая и довольная, возвращалась домой. Уже вблизи дома ей попалась Катя съ узломъ въ рукахъ. Дѣвушка хотѣла пробѣжать мимо, но Домна остановила ее:

— Погоди-ка, красавица. У меня до тебя словечко есть.

— Что тамъ такое?—недовольнымъ тономъ спросила дѣвушка, но все-таки остановилась.

Лицо ея выражало не только нетерпѣніе, но и задоръ.

— Куда торопишься-то? Или по важному дѣлу? —спросила Домна, подходя къ дѣвушкѣ.

— Что вамъ надо? Говорите скорѣе безъ жалкихъ антимоній,—сказала Катерина.

— Ну, и рѣзка же ты на языкъ,—замѣтила Домна:—что бритвой рѣжешь.

— А вамъ бы лампадочнымъ масломъ всякое слово смазать. Вы съ моей тетушкой помѣшались на этомъ.

— Ой, дѣвушка, не говори такъ. А скажи-ка лучше мнѣ, на чемъ ты-то помѣшалась?

— Я ни на чемъ не помѣшалась. Что вы тамъ еще выдумываете? Видно, тетушка моя вамъ порядкомъ насплетничала, а вы и уши развѣсили, святая душа.

Каждое слово Катерины звучало обидой для Домны, но она сдержалась и проговорила спокойно:

— Какія тутъ, милая, сплетни, когда сущая правда! Я вѣдь для пользы же твоей хлопочу.

— А кто васъ объ этомъ проситъ! — рѣзко воскликнула дѣвушка.—Возитесь съ вашими бурсаками, и этого довольно съ васъ. Я вѣдь понимаю, куда вы гнете,— уже съ видимой злобой добавила Катерина:—вы насчетъ Володьки?

— Что и отвѣчать, коли сама признаешься.

— Ну, такъ вотъ вамъ что я скажу,—тѣмъ же злобнымъ тономъ крикнула дѣвушка:—знай сверчокъ свой шестокъ. Вы мнѣ не мать и не тетка. Плевать я хотѣла на такихъ-то, какъ вы. Вспомните лучше старину, какъ сами съ Неклюдовымъ гуляли. Думаете, я не знаю? Тетка же мнѣ все и рассказала. Можетъ, еще и не то было. Ха! ха! ха!.. Теперь-то вы праведница.

Домну, какъ обухомъ, ударили эти рѣзкія слова Катерины. Старуха сразу не могла ничего отвѣтить. Катерина пошла, но, отойдя нѣсколько шаговъ, остановилась и крикнула:

— Можетъ, вы и у Володьки были? И его усовѣщивали? Тетка мнѣ что-то говорила. Можетъ быть, его и проняли ваши слова. Не очень-то онъ и нуженъ. Плевать я на него хотѣла тоже. Много такихъ-то: только помани.

Она громко захохотала и быстро пошла впередъ. Она была уже далеко, когда Домна опомнилась, собралась съ мыслями.

— Ну, дѣвка!—проговорила она вслухъ.—Изругала ни за что, ни про что. Тотъ и мужчина, да слова худого не сказалъ, а это дѣвушка. Напрасно я и къ Владимиру ходила. Вѣрно: не съ нимъ, такъ съ другимъ она все равно спутается.

Она вздохнула и поплелась домой. Встрѣча съ Катериной испортила Домнѣ все ея хорошее настроеніе.

А. В. Кругловъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНИЯ О БЫЛОМЪ ¹⁾.

(1770—1833 гг.).

Изъ семейной хроники.

КНЯЗЬЯ ОБОЛЕНСКІЕ И ИХЪ РОДСТВЕННИКИ.

IX.

Дѣдушка.

БДУШКУ, отца моей матушки, князя Петра Николаевича Оболенскаго, я начала помнить съ 1833 года; ему было тогда болѣе семидесяти лѣтъ.

Въ 1833 году, мои родители, Алексѣй Владимировичъ и Варвара Петровна Прончищевы, ѣздили за границу и меня брали съ собой, какъ старшую изъ нашей семьи, а мнѣ было четыре года. Это путешествіе на воды въ Германію было предпринято ради тетушки моей, княжны Натальи Петровны Оболенской. Она была тогда дѣвица лѣтъ 23-хъ, очень болѣзненна, и мы провели съ ней зиму въ Дрезденѣ, весну и лѣто въ Карлсбадѣ и Франценсбадѣ. Лѣченіе водами ей помогло, и мы въ началѣ ноября вернулись въ Москву прямо въ домъ дѣдушки.

Я помню довольно ясно этотъ нашъ прїѣздъ въ Москву. Мы сидѣли въ большой четверомѣстной каретѣ, съ тетушкой, съ матуш-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXII, стр. 49.

кой и няней, ѣхали долго по улицамъ; ктонибудь изъ сидѣвшихъ въ каретѣ непременно называлъ, по какой улицѣ мы ѣдемъ, или же всѣ вдругъ ихъ называли, церкви тоже самое,—и всѣ крестились, и мнѣ велѣли креститься. На концѣ мы повернули въ большой дворъ, и карета наша подкатилась къ крыльцу большого двухъэтажнаго дома. Дверцы кареты открылись, меня первую передали кому-то на руки и понесли по лѣстницѣ; помню много лицъ въ передней; затѣмъ большую, высокую комнату и опять много лицъ; меня поставили на стулъ, и няня меня придерживаетъ, ноги у меня слабы отъ дороги, и я едва стою. Однако я вижу въ этой большой комнатѣ впереди всѣхъ старика съ бѣлой какъ лунь головой, онъ принимаетъ въ свои объятія моихъ родителей, тетку; меня къ нему подносятъ, онъ цѣлуетъ меня въ голову; затѣмъ отъ него мы переходимъ всѣ въ объятія высокой худой дамы въ чепцѣ съ широкой оборкой и съ буклями. Позади старичка стоитъ полная женщина въ кокошникѣ и красномъ сарафанѣ, у нея на рукахъ двѣ маленькія дѣвочки. Всѣ, кто въ этой комнатѣ, цѣлуются и обнимаются, потомъ исчезаютъ въ боковую дверь. Тогда няня несетъ меня сначала по коридору, затѣмъ опять по лѣстницѣ; за нами идетъ женщина въ кокошникѣ съ дѣвочками на рукахъ, наконецъ, мы опять въ свѣтлой большой комнатѣ съ тремя дѣтскими кроватками. Меня сажаютъ на диванъ, гдѣ и дѣвочки очутились подлѣ меня съ женщиной въ сарафанѣ: дѣвочки были мои сестры, которыхъ оставили у дѣдушки, пока мы были за границей, а женщина—наша добрая кормилица Агаея, которая выкормила моихъ обѣихъ сестеръ. Она плакала отъ радости, что господа вернулись домой.

Мы прогостили на этотъ разъ недолго въ Москвѣ и уѣхали въ наше калужское имѣніе, но въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ часто ѣздили въ Москву и гостили у дорогого моего дѣда.

Я хорошо помню этотъ домъ ¹⁾ дѣдушки, большой, въ два этажа, между улицей и домомъ дворъ, позади дома садъ съ аллеей изъ акацій по обѣимъ его сторонамъ. Домъ раздѣлялся большой столовой на двѣ половины: одна половина называлась князевой, другая—фрейлинской. Точно также люди въ домѣ, то-есть лакеи, кучера, повара и горничные, равно какъ лошади, экипажи, носили названіе княжескихъ и фрейлинскихъ; это оттого, что тетушка моей матушки, фрейлина Александра Евгеньевна Кашкина, жила въ домѣ дѣда и была тамъ полной хозяйкой. Дѣдушка былъ вдовъ, и эта сестра его жены воспитала всю его семью, замѣнила его дѣтямъ ихъ покойную мать: въ домѣ дѣда бабушка фрейлина пользовалась большимъ почетомъ, и въ Москвѣ всѣ ее уважали, и она

¹⁾ Домъ князя Петра Николаевича Оболенскаго былъ въ Москвѣ подъ Новинскимъ въ приходѣ Покрова въ Кудринѣ. Е. С.

занимала по своему званію фрейлины весьма видное положеніе.

Александра Евгеньевна Кашкина (родилась 21-го мая 1773 года, † 7-го января 1847 года) была сестра княгини Анны Евгеньевны Оболенской (родившейся 2-го октября 1778, † 11-го июня 1810 года), покойной супруги моего дѣда. Обѣ онѣ были дочери генераль-аншефа Евгенія Петровича Кашкина, который при императрицѣ Екатеринѣ II былъ намѣстникомъ въ Тулѣ. Александра Евгеньевна была фрейлиной императрицы Маріи Ѳеодоровны ¹⁾.

На бабушкиной половинѣ былъ всегда парадъ; въ ея распоряженіи была лучшая часть дома, у нея всегда были посѣтители. Дѣдушка же имѣлъ свои небольшіе покои, надъ которыми былъ устроенъ антресоль для дѣтей. Свѣтской жизни князь дѣдушка не любилъ, онъ въ міру велъ совершенно иноческую жизнь, соблюдалъ посты и никогда не появлялся ни на какихъ общественныхъ гуляньяхъ или въ театрахъ. Въ клубъ онъ никогда не ѣздилъ, въ карты не игралъ, ложился почивать очень рано и также рано вставалъ; всякій день гулялъ пѣшкомъ, выѣзжалъ къ обѣднѣ и послѣ дѣлалъ визиты роднымъ или самымъ близкимъ знакомымъ, въ которыхъ принималъ участіе. Дѣдушка кушалъ всегда на своей половинѣ въ своей маленькой гостиной, семья же—въ столовой и во главѣ стола бабушка фрейлина, когда она здорова. Я очень помню этотъ большой столъ, за который не садилось мене 15 и даже до 20 человекъ, когда мы гащивали у дѣдушки. Подлѣ бабушки всегда сидѣли почетные гости, дяди, тетки, мои родители, затѣмъ одна бѣдная вдова съ дочерью, живущія всегда въ домѣ, Лизанька-сиротка, которую бабушка взяла на свое попеченіе, и мы, внуки, между ними въ концѣ стола.

Когда скушаютъ жаркое, передъ пирожнымъ, дверь изъ маленькой гостиной отворяется, и появляется дѣдушка. Какъ сейчасъ, его вижу: онъ былъ средняго роста, хорошо сложенъ, не худъ, очень бодрый и прямой. Волосы бѣлые, точно серебряные, довольно длинные, зачесанные назадъ надъ высокимъ лбомъ, лицо гладко выбритое, и старческій румянецъ на щекахъ жилками. Черты лица мелкія, профиль легкій, но не классическій, большіе глаза подъ

¹⁾ Евгений Петровичъ Кашкинъ (родился 12-го января 1737 года, † 21 октября 1796 года), 27-ми лѣтъ отъ роду, будучи уже подполковникомъ, отличился производствомъ слѣдствія по дѣлу Мировича, чѣмъ составилъ себѣ дальнѣйшую служебную карьеру. При открытіи намѣстничества въ царствованіе Екатерины II, былъ послѣдовательно намѣстникомъ пермскимъ и тобольскимъ (1780 — 1788 гг.), ярославскимъ и вологодскимъ (1788 — 1793 г.г.) и наконецъ тульскимъ и калужскимъ (1793 — 1796 гг.). О немъ см. въ статьѣ П. Н. Петрова, «Русская Старина», 1882 года, т. XXXV, стр. 1 — 34, и сообщеніе г. Бибикова, *ibid.*, с. 35—40. Его портреты тамъ же и въ альбомѣ «Русскіе дѣятели въ портретахъ, гравированныхъ Сѣряковымъ», изд. «Русской Старины».

Д. К.

бѣлыми бровями свѣтятся кротостью. Улыбка рѣдкая на этомъ лицѣ, но искренняя, и въ мысль не могло никогда прійти, что она перейдетъ въ насмѣшку. Дѣдушка за столомъ появлялся всегда въ синемъ фракѣ съ свѣтлыми пуговицами, камзолъ или жилетъ бѣлый пикеевый, очень низко опущенный за талью, бѣлый высокій батистовый галстукъ, на шеѣ орденскій крестъ (не помню св. Анны или св. Владимира). Дѣдушка прежде всего подойдетъ къ концу стола, гдѣ сидитъ бабушка, и тамъ поговоритъ со всѣми, затѣмъ обходитъ весь столъ, всякому скажетъ доброе слово. Съ нами любилъ иной разъ шутить слѣдующимъ образомъ: у него подъ полой фрака спрятана салфетка съ предварительно завязаннымъ на одномъ ея концѣ узелкомъ, онъ подойдетъ, бывало, сзади стула, спроситъ что нибудь, чтобы занять вниманіе, а пока ему отвѣчаешь, онъ невзначай возьметъ салфетку за узелокъ изъ-подъ фрака и кончикомъ пощекочетъ прямо въ ухо. Обернешься и не понимаешь, въ чемъ дѣло, а онъ старается сохранить серьезное лицо, но кончается всегда смѣхомъ, и онъ остается доволенъ. Онъ, дорогой, всегда былъ нами доволенъ, а мы—имъ.

Кромѣ родныхъ и самыхъ близкихъ, князь рѣдко кого принималъ, всѣ почетные гости стремились на фрейлинскую половину; но мы, его внуки,—мы царили въ его кабинетѣ. Наши родители утромъ еще почиваютъ, а мы съ няней сходимъ внизъ съ антресолей и въ коридорѣ противъ князевой спальни спрашиваемъ его стараго лакея Максима ¹⁾: «можно ли войти?». Если дѣдушка умылся и уже Богу помолился, то насъ впускаютъ къ нему.

Дѣдушка сидитъ въ пестромъ бухарскомъ халатѣ въ вольтеровскихъ креслахъ съ высокой спинкой и заводитъ часы, коихъ безчисленное множество наставлено передъ нимъ на столѣ. Поздороваемся мы съ нимъ и сейчасъ же требуемъ, чтобы часы съ кукушкой куковали,—и часы кукуютъ, и затѣмъ табакерка съ музыкой играетъ для насъ. По угламъ его кабинета стоятъ этажерки со стеклами, на полкахъ масса фарфора: чашки, игрушки, куклы, собаки и разные звѣрки. Помню фарфороваго монаха въ рясахъ и клобукѣ, который несетъ на спинѣ снопъ соломы, откуда торчитъ женская головка; помню качающихся китайскихъ мандаринчиковъ: дѣдушка ставилъ ихъ противъ насъ, и они должны были намъ кланяться; затѣмъ щелкушка,—безобразный старикъ, точеный изъ дерева, долженъ былъ грызть намъ орѣхи. Можно себя представить, какъ намъ весело было у дѣдушки!

Онъ тоже часто дарилъ намъ игрушки, чашки, на которыхъ золотыми буквами было написано: Катенька, кушай и помни,

¹⁾ Этотъ Максимъ ходилъ всегда въ длинномъ коричневомъ сюртукѣ съ косякомъ въ кошелькѣ на затылкѣ, и вся личная прислуга князя, его старики, носили косы.

или Анята, или Юленька (онъ на фабрикахъ нарочно заказывалъ эти чашки съ именами своихъ внуковъ и внучекъ). Дѣдушка пользовался такимъ нашимъ довѣремъ, что куклы наши должны были поочередно спать въ его шкапахъ, а игрушечныя кареты ставились въ его гостиной подъ диванъ, какъ въ каретный сарай. Матушка рассказывала, что въ дѣтствѣ онъ ихъ такъ любилъ и баловалъ, что они бѣгали къ папенькѣ выплакивать горе, если гувернантка ихъ наказывала.

Пока на фрейлинской половинѣ въ гардеробной у тетушки кроили для старшихъ сестеръ бальныя платья, у князя въ кабинетѣ няня Денисовна кроила для его младшихъ дѣтей платьица и рубашечки. Онъ вникалъ во все подробности ихъ дѣтскихъ нуждъ и потребностей, какъ самая заботливая мать; вообще его жизнь принадлежала всецѣло его семейнымъ обязанностямъ. Матушка говорила, что онъ ихъ иногда и пожурить за шалость, но дѣти относились къ отцу довѣрчиво, ничего отъ него не скрывали, и между ними была всегда полная гармонія. Матушка моя была нѣжно привязана къ своему отцу и сохраняла въ теченіе всей своей жизни неизгладимое воспоминаніе о его кротости, любвеобилии и мудрости, не суетной, а именно той мудрости нравственной, на которой лежить благодать Божія.

Князь Петръ Николаевичъ Оболенскій былъ два раза женатъ. Первая его супруга, княгиня Александра Фаддеевна, была урожденная Тютчева. Дѣти отъ нея—Николай и Марія. Князь Николай Петровичъ Оболенскій былъ женатъ на княгинѣ Натальѣ Дмитріевнѣ Волконской. Княжна Марія Петровна была замужемъ за Сергѣемъ Борисовичемъ Леонтьевымъ. Отъ второй супруги, Анны Евгеньевны, урожденной Кашкиной († 1810 г.), у князя Петра Николаевича осталось 8 человѣкъ дѣтей. Изъ нихъ старшіе были: Евгенийъ, Константинъ, Екатерина, Александра. Меньшія дѣти—Варвара, Наталья, Дмитрій, Сергѣй. Евгенийъ былъ декабристъ, Константинъ былъ женатъ на Авдотѣ Матвѣевнѣ Чепчуговой. Она воспитывалась въ одномъ изъ петербургскихъ институтовъ, была очень богата, перешла въ католичество и умерла въ Италіи въ католическомъ монастырѣ. Дмитрій женатъ на А. Т. Ефремовой, Сергѣй—на А. Анд. Бочкаревой; Варвара замужемъ за Влад. Алексѣев. Прончищевымъ, моя матушка. Впослѣдствіи она была начальницей малолѣтняго отдѣленія оберъ-офицерскихъ сиротъ въ Москвѣ и служила 35 лѣтъ въ вѣдомствѣ императрицы Маріи († 16 іюня 1888 г.). Екатерина—за А. В. Протасьевымъ, Александра—за А. И. Михаловскимъ, Наталья—за тайн. сов. княземъ А. П. Оболенскимъ, попечителемъ Московскаго университета (1817—1825) и затѣмъ сенаторомъ, служившимъ въ московскихъ департаментахъ сената, и почетнымъ опекуномъ Московскаго воспитательнаго дома.

Овдовѣвъ въ другой разъ, дѣдушка князь П. Н. Оболенскій

остался съ весьма большой семьей на рукахъ. Тогда именно его свояченица и переѣхала на житье въ его домъ. Очень можетъ быть, что ихъ вкусы и характеры были различны, но между тѣмъ они жили другъ съ другомъ въ духѣ мира и доброжелательства: князь относился къ свояченицѣ съ утонченной вѣжливостью (*courtoisie*), оберегалъ ея интересы пуще своихъ въ его домѣ. Онъ умѣлъ мирить всѣ споры и недоразумѣнія кротостью и терпѣніемъ: и чада, и домочадцы жили привольно въ его домѣ, и его управленіе семьей было истинно мудрое, ибо оно не чувствовалось управляемыми.

Не слѣдуетъ, однако думать, чтобы князь былъ просто добрякъ, который довольствовался бы тѣмъ только, чтобъ не притѣснять окружающихъ, нѣтъ! — въ немъ были нравственныя силы выше уровня обыкновенныхъ человѣческихъ добродѣтелей, а главной и выдающейся чертой его характера была искренность, которой онъ руководился на пути своей жизни. Надо тоже удивляться, съ какой простотой и смиреніемъ велъ онъ иноческую и цѣломудренную жизнь посреди суетнаго московскаго общества.

У него въ домѣ не было никакихъ вельможныхъ затѣй, все было просто и патріархально; и дышалось легко, и настроеніе было любовное и веселое. У Оболенскихъ всякій встрѣчалъ привѣтъ; вечеровъ и обѣдовъ не давали, а принимали всѣхъ, что называется, запросто; семья была большая, родныхъ много, было всегда шумно и весело безъ официальныхъ приглашеній. Несмотря на отсутствіе блеска въ домѣ Оболенскихъ, въ Москвѣ всѣ любили князя Петра Николаевича: онъ пользовался даже особымъ довѣріемъ въ обществѣ. Мягкость его характера привлекала къ нему, а искренность чувствовалась глубоко, хотя, можетъ быть, и безотчетно: всякій приходилъ къ нему за совѣтомъ, дѣлилъ съ нимъ радость или горе. Для князя не существовала пословица: «чужую бѣду руками разведу, а къ своей и ума не приложу»; онъ горячо принималъ къ сердцу невзгуду ближняго, будь то бѣда вельможи, или вдовы бѣдной сосѣдки — для каждаго былъ откликъ въ его любвеобильной душѣ. И много добрыхъ дѣлъ оставилъ онъ послѣ себя въ памяти людей. Расскажу одно изъ такихъ дѣлъ его.

Х.

О л е н ь к а.

На Руси много было мелкопомѣстныхъ дворянъ, положеніе которыхъ представляло весьма горькую участь; ихъ быть мало отличался отъ крестьянскаго, жили они часто въ избахъ, со своими же крѣпостными мужичками, и пахали, и сѣяли, и убирали сами съ полей свой хлѣбушко. Хорошо, если судьба сталкивала этихъ

бѣдняковъ съ сосѣдними зажиточными помѣщиками; иной разъ примуть въ нихъ участіе, разсуютъ дѣтей по училищамъ, или опредѣляютъ сына въ полкъ на свой счетъ, или дочери сошьютъ приданое.

Близъ уѣзднаго городка Корчевы жила семья Бочкаревыхъ. которая принадлежала къ числу мелкопомѣстныхъ дворянъ-бѣдняковъ. Пока живъ былъ отецъ, они могли кормиться, жили въ домикѣ на своей земелькѣ, съ чадами и крѣпостными домоладцами, даже старшую дочь, Уленьку, выдали за чиновника въ городъ Корчеву; но послѣ смерти мужа вдова его не справилась съ полевыми работами и переѣхала съ дѣтьми къ замужней дочери въ городъ. Зять былъ писцомъ въ какомъ-то уѣздномъ правленіи, велико ли было его жалованье, и много ли онъ могъ заработать!.. Участъ бѣдной вдовы съ дѣтьми въ его домѣ далеко не улучшилась, и много они бѣдовали!

Не знаю, какими судьбами дѣду моему пришлось познакомиться съ этой семьей, онъ принялъ въ ней участіе, опредѣлилъ мальчиковъ, помогъ и деньгами, и бѣдная вдова, Екатерина Михайловна Бочкарева, оправилась, воспрянула духомъ. Она была простая и набожная женщина, но весьма терпѣливая на пути скорбей и житейскихъ невзгодъ, тѣмъ болѣе неожиданная помощь показалась ей чѣмъ-то необыкновеннымъ, чудотворнымъ, и съ тѣхъ поръ она стала относиться къ моему дѣду, какъ къ чему-то высшему, сверхъестественному, и всегда говорила, что она вымолила у Бога князя благодѣтеля. Подъ такимъ впечатлѣніемъ она долго жила, и такое настроеніе души сохраняла всегда при воспоминаніи о благодѣяніяхъ князя; но когда однажды пришло изъ Москвы къ ней въ Корчеву письмо его руки, въ которомъ князь извѣщалъ ее, что вторая дочь ея, десятилѣтняя Ольга, была по его просьбѣ зачислена въ институтъ, тогда бѣдная женщина совсѣмъ потеряла голову. Князь, кромѣ того, приглашалъ Екатерину Михайловну остановиться въ Москвѣ въ его домѣ, такъ какъ Оленьку надлежало сейчасъ же везти въ Москву для баллотировки. Бѣдная женщина послѣ этого письма ходила, какъ въ чаду; могла ли она когданибудь вообразить, что ея Оленька получитъ воспитаніе не плоше княженъ, будетъ говорить по-французски, да и, кромѣ того, какъ ей хорошо будетъ жить въ институтѣ: перестанетъ она голодать, какъ это часто случается съ ними въ семьѣ небогатой дочери. И вѣдь у нея, кромѣ Оленьки, еще двѣ младшія дѣвочки! — все же легче будетъ, когда Оленька будетъ пристроена, и откуда снисходить на нее такія милости Божіи?—и она крестилась, и молилась, и смѣшивала благодѣтеля князя со всѣми святыми и со всѣми силами небесными.

Когда Екатерина Михайловна сказала зятю, что Оленька принята въ институтъ, и дала ему прочесть письмо князя, то онъ по-

пробовалъ толковать ей о баллотировкѣ, говорилъ, что Оленька зачислена только, а еще не принята въ институтъ—она даже рассердилась на него. Тутъ пошли сборы, потомъ отъѣздъ, и Екатерина Михайловна какъ разъ въ пору привезла дочь въ Москву и онѣ прибыли благополучно въ домъ князя подѣ Новинскимъ. Ихъ пріѣздъ былъ встрѣченъ, какъ самое обыкновенное обстоятельство; столько нуждающихся вдовъ и сиротъ находили пріютъ въ домѣ князя; ихъ помѣстили на антресоляхъ въ половинѣ княженъ.

На другой день утромъ послѣ своего пріѣзда, Екатерина Михайловна явилась съ дочерью въ кабинетъ къ князю, бросилась ему въ ноги и начала усердно благодарить, что онъ устроилъ ея Ольгу. Князь былъ озадаченъ пылкостью ея чувствъ, понялъ сей же часъ, что бѣдная женщина не понимаетъ сути дѣла, старался растолковать ей значеніе баллотировки, просилъ ее сдержать преждевременный восторгъ, пока все не объяснится окончательно, но, увы! она не способна была понять, въ чемъ тутъ дѣло. Князь призадумался и отпустилъ ее отъ себя со словами: «Молитесь, голубушка, по вѣрѣ и дастся вамъ». И въ самомъ дѣлѣ много молилась Екатерина Михайловна по пріѣздѣ въ Москву: ходила всякій день къ Иверской, служила по монастырямъ молебны.

А какое это тяжелое время было для Оленьки!.. она далеко не раздѣляла восторговъ матери, была точно равнодушна и даже враждебна относительно переменъ своей судьбы. Это была худая, блѣдная, бѣлокурая дѣвочка, заморенная нуждой, дикая и застѣнчивая; ей страшно было въ этомъ большомъ домѣ, и все чужія лица, и что такое совершается надъ ея головой? Она ясно ничего не сознавала, но какое-то тяжелое предчувствіе сжимало ей сердце.

Насталъ наконецъ день баллотировки. Оленьку одѣли въ платьице одной изъ княженъ, къ крыльцу была подана княжеская карета, вся семья Оболенскихъ провожаетъ ихъ до передней, съ пожеланіями счастья Оленькѣ. Вотъ онѣ сошли съ парадной лѣстницы, ступили на крыльцо, Екатерина Михайловна, крестясь и читая громко молитву, взлѣзаетъ въ карету, Оленька за ней—и поѣхали.

Князь стоялъ у окна своей маленькой гостиной и смотрѣлъ вслѣдъ удалявшемуся экипажу, потомъ нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ, глубоко вздохнулъ, сѣлъ на диванъ и задумался; на его добромъ лицѣ выразалось волненіе и безпокойство.

Не одинъ князь, а вся его семья принимала горячо къ сердцу помѣщеніе Ольги въ институтъ; всѣ собрались въ столовой, и княжны, и дѣти, и тетюшка фрейлина, и почтенная гувернантка, м-те Стадлеръ. Всѣ волновались, всѣ переживали длинный часъ ожиданія, и всѣ думали о томъ, какъ это все устроится, и повернется ли рогъ судьбы благопріятно для этихъ двухъ существъ. Дѣлались разныя предположенія. Но именно человекъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ; бѣдная Екатерина Михайловна! каково

ей было, когда ея Оленька вынула пустой билетъ?—тутъ она вдругъ поняла, что такое баллотировка; какая это была страшная минута для нея!.. въ пухъ и прахъ разлетѣлись ея мечты для Оленьки. Гдѣ та заря новой жизни, свѣтъ которой такъ мгновенно вспыхнулъ и погасъ надъ головой ея ребенка? и теперь что же ее ожидаетъ?.. повезетъ она ее опять въ Корчеву качать ребятишекъ старшей сестры, коровъ доить; и опять лишній ротъ кормить, который, казалось, сбывался съ рукъ и давалъ мѣсто другимъ голодающимъ. Горько ей было!.. ея отчаянію не было границъ, ноги подкашивались, рука не слушалась, когда она хотѣла осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ, молитва замирала на устахъ.

Въ домѣ князя всѣ были огорчены неудачей баллотировки, утѣшали какъ могли Екатерину Михайловну, уговаривали ее погостить подолбе въ Москвѣ, пока она оправится отъ нанесеннаго ей злой судьбой удара; но рано или поздно ей надо было думать о возвращеніи въ Корчеву.

Однажды утромъ, передъ самымъ ея отъѣздомъ, когда княжны сошли внизъ здороваться съ папенькой, а она сидѣла на антресоляхъ, прибѣгаетъ Ionка, князевъ казачекъ, и говоритъ ей: «Пожалуйте съ барышней къ князю; ихъ сіятельство васъ спрашиваютъ». Сошла внизъ Екатерина Михайловна, Оленька идетъ за матерью, вступаютъ онѣ въ кабинетъ: князь сидитъ въ вольтеровскихъ креслахъ, княжны сидятъ подлѣ него.

— Вотъ, моя голубушка Екатерина Михайловна, что я придумалъ,—говоритъ князь,—вы отправляйтесь съ Богомъ въ вашу Корчеву, а Оленьку оставьте у насъ, пусть ее учится съ моими дѣвочками—человѣкомъ будетъ. Поди сюда, умница.

Оленька подошла къ нему, и князь погладилъ ее по головкѣ.

Съ легкимъ сердцемъ уѣхала вдова въ Корчеву послѣ этого утра. Оленька осталась съ тѣхъ поръ до своего замужества у князя, нашла въ немъ второго отца, воспитывалась вмѣстѣ съ моей матерью и ея меньшей сестрой; онѣ любили ее, какъ родную сестру.

Ольга Андреевна Бочкарева вышла замужъ за профессора Ивана Семеновича Веселовскаго ¹⁾, который имѣлъ собственный домъ въ

¹⁾ Веселовскій, Иванъ Семеновичъ (р. 1795 г.; годъ кончины его намъ неизвѣстенъ), родомъ изъ бѣдныхъ дворянъ Могилевской губ. (отецъ его служилъ секретаремъ въ Могилевскомъ магистратѣ), воспитывался въ Могилевѣ—сперва въ духовной семинаріи, а потомъ въ гимназіи. Въ 1813—1816 г.г. студентъ Московскаго университета, въ которомъ окончилъ курсъ кандидатомъ физико-математическихъ наукъ; въ 1823 г. докторъ медицины. Преподавалъ физику на медицинскомъ факультетѣ Московскаго университета съ 1825 г. и былъ адъюнкты-профессоромъ Московскаго отдѣленія медико-хирургической академіи. Первые ученые промоціи Веселовскаго совпадаютъ со временемъ попечительства въ Московскомъ университетѣ кн. Александра Петровича Оболенскаго (1817—1825 г.г.), женатаго на младшей дочери князя Петра Николаевича Оболенскаго, княжнѣ

Старо-Конюшенной. Говорили, что онъ былъ масонъ. Онъ былъ ученый и добрый человѣкъ. Въ домъ Оболенскихъ онъ былъ представленъ баснописцемъ Зиловымъ, супруга котораго находилась въ родствѣ съ Оболенскими или Кашкиными.

ХІ.

Бабушка.

Бабушку Александру Евгеньевну Кашкину, тетушку моей матери, я стала помнить въ то же время, какъ и дѣда.

Насъ водили тоже въ дѣтствѣ съ нею здороваться. Она сидитъ въ своей угольной на диванѣ такъ прямо, хотя вокругъ нея много подушекъ, вышитыхъ и шерстями, и шелкомъ, и бисеромъ.

Угольная комната довольно большая и четырехъ-угольная: она меблирована просто, и мебель обита ситцемъ съ узоромъ *à grands gamages* ¹⁾. Передъ диваномъ большой овальный столъ краснаго дерева, и по его сторонамъ стоятъ чинно кресла въ два ряда; передъ дверью, которая ведетъ въ бабушкину спальню, стоятъ ширмы изъ чернаго дерева, въ верхней части ширмъ стекла, на которыхъ нарисованы китайскія фигуры и бесѣдки. По угламъ комнаты этажерки съ фарфоромъ и разными вещицами; у окна большая клѣтка и подставка съ пестомъ для ея бѣлаго какаду; онъ всегда тутъ сидитъ съ своимъ желтымъ хохолкомъ и чернымъ носомъ. На окнахъ маленькія ширмочки съ малиновыми стеклами, которыя бросаютъ розовый свѣтъ на всѣ предметы и лица; въ комнатѣ не очень свѣтло отъ большихъ зеленыхъ драпри.

Итакъ бабушка сидитъ очень прямо на диванѣ, подлѣ нея на подушкѣ спитъ Амишка, ея любимый бѣлый шпицъ, презлой: нагнешься здороваться къ рукѣ бабушки, а онъ рычитъ. Фиделька, ея бѣлая болонка, лежитъ свернувшись на круглой скамеечкѣ у ногъ своей госпожи.

Бабушка всегда въ туалетѣ, платье шелковое, больше все стального цвѣта, или очень темное, на плеча накинута коцевейка бархатная съ мѣховой опушкой—она всегда зябла и была очень слабаго здоровья. Чепецъ на бабушкѣ тюлевый, оборка умѣренная, бантъ изъ газовыхъ цвѣтныхъ лентъ на своемъ мѣстѣ надъ оборкой, одинъ кончикъ падаетъ непремѣнно за оборку, другой едва ея касается, фальшивыя букли глянцеовито группируются на вискахъ

Натальѣ Петровнѣ. Съ 1835 г. до конца жизни И. С. Веселовскій состоялъ ординарнымъ профессоромъ физики въ Московскомъ университетѣ.—См. Біогр. словарь профессоровъ Моск. университета (М., 1855 г.), т. I, с. 163—165.

Д. К.

¹⁾ Крупными разводами.

мелкими невисячими буклями, бриды газовыхъ лентъ отъ чепца пущены свободно и не завязаны.

Лице у бабушки не то важное, не то строгое, выраженіе немного вопросительное, носъ очень длинный, черты лица рѣзки, брови очень черны и тонки. Она всегда румянилась, и подлѣ нея на кругломъ столѣ стояла коробочка съ пудрой, она часто пудрилась и потомъ утирала пудру батистовымъ платкомъ или шкуркой изъ пузыря, которую для нея всегда дома выдѣлывали.

Намъ очень скучно у бабушки; она дѣлаетъ свои замѣчанія, на кого кто похожъ. Она любила Анночку, мою сестру, говорила, что она въ Кашкиныхъ. Мы всегда выжидали, когда вниманіе бабушки перейдетъ отъ насъ на другой предметъ, и это немедленно случалось; ктонибудь пріѣдетъ, войдутъ гости, мы низко присѣдаемъ и сейчасъ же удаляемся въ гардеробную къ фрейлинскимъ дѣвушкамъ, такъ звали Авдотью и Настасью, двухъ старшихъ горничныхъ бабушки.

Гардеробная была большая, свѣтлая комната съ горшками герани, бальзаминовъ и жасмина по окнамъ, съ бѣлыми занавѣсками; по стѣнамъ стоятъ высокіе шкафы, на шкафахъ картонки, корзины, болваны для чепцовъ. Посреди комнаты большой круглый столъ со всѣми швейными принадлежностями, тутъ и подушечки съ булавками, старыя бомбоньерки съ разноцвѣтнымъ шелкомъ, непременно тоже картинки модъ и обрѣзки ситца, коленкора, шелковыхъ матерій, лентъ и кружевъ. Эти лоскутья именно и привлекали насъ въ гардеробную.

Пока няня болтаетъ съ Дуняшей и Настей, мы роемся въ этихъ шелковыхъ тряпкахъ и глядимъ картинку модъ; затѣмъ насъ щедро надѣляютъ этими лоскутьями для нашихъ куколъ; наберешь эти сокровища въ фартучекъ и удаляешься уже коридоромъ восвоеси съ сердцемъ исполненнымъ блаженной радости. И какими онѣ намъ казались добрыми, эти щедрыя благодѣтельницы!.. Мы въ особенности любили Дуняшу: точно она какая нибудь предобрая классная дама: вѣроятно, наше дѣтское воображеніе производило ее такъ нелѣпо въ этотъ чинъ потому, что она носила всегда коричневое шерстяное платье съ пелериной и бѣлый отложной воротничекъ и рукавчики, точно институтскій мундиръ. Она не носила чепцовъ, сзади жидкая коса заплетена и разложена корзиной подъ высокой гребень, спереди на вискахъ волосы кольцеобразно придерживаются тоже двумя боковыми гребеночками; невысокая, худая, съ подвижнымъ, немного хитрымъ выраженіемъ лица. Она была тоже отличная актриса въ своемъ родѣ, проникнутая важностью своего амплуа, приближеннаго и довѣреннаго лица ея превосходительства фрейлины Кашкиной: она жила съ бабушкой въ Петербургѣ во дворцѣ, когда бабушка была при дворѣ. Настасья была высокая, полная, степенная, ходила въ ситцевомъ платьѣ и въ

черномъ фартукѣ, носила шелковыя косынки на головѣ, щеголевато умѣла ихъ повязывать; лице у нея было доброе, глаза внимательныя и смѣющіяся, она дѣлала все не спѣша, а между тѣмъ работа спорилась у нея подъ руками.

Самая тѣсная дружба связывала Дуняшу съ Настей, ни тѣни соперничества и полная гармонія на пути общей дѣятельности и своихъ обязанностей относительно ихъ госпожи: привязанность ихъ къ фрейлинѣ была безгранична. Онѣ обѣ остались сиротками, съ ранняго дѣтства не имѣли ни семьи, ни родныхъ, и это способствовало слянію ихъ личныхъ интересовъ съ интересами ихъ господъ. Онѣ всегда говорили другъ другу вы, и остальные люди въ домѣ говорили имъ тоже вы, когда къ нимъ обращались, и онѣ пользовались въ домѣ нѣкоторымъ авторитетомъ и почетомъ.

Теперь оставляю мои младенческія воспоминанія о бабушкѣ и буду рассказывать о ней больше со словъ моей матери.

«Тетушка замѣнила намъ мать,—говорила моя матушка,—папенька умѣлъ цѣнить ея о насъ попеченія, и мы любили ее и старались окружать ее полнымъ уваженіемъ. Надо было угождать ей: она была строга насчетъ этикета. Я и сестра Катенька, мы были очень живы и вѣтрены, и намъ иногда отъ нея доставалось. Наташа была ея любимицей, она вела себя степенно и благоразумно и обладала большой находчивостью во всѣхъ свѣтскихъ положеніяхъ—это было у нея врожденное.

«Тетушка была совершенная *grande dame*, имѣя тотъ тактъ, который облегчаетъ свѣтскія обязанности, но основаніемъ этого такта не была одна только сухая привычка къ этикету; напротивъ того, она вносила въ свѣтскія отношенія большое количество снисходительности къ ближнему, полное отсутствіе эгоистическихъ движеній и великую заботу о тѣхъ, кто ее окружалъ. И добрая она была для нуждающихся, ея кошелекъ всегда былъ открытъ для друзей, всегда рада была она помочь, утѣшить подаркомъ больную, развлечь страждущаго. Она сильно увлеклась на этомъ пути, и житейская мудрость ей была всегда непонятна. Въ денежныхъ дѣлахъ она была слишкомъ довѣрчива; папенька старался оберегать ее отъ ошибокъ въ этомъ отношеніи, но всегда бесплодно: она осталась легкомысленна въ этомъ смыслѣ до конца дней своихъ и очень разстроила свое состояніе.

«Она была искренно и всецѣло привязана къ императрицѣ Маріи и ея августѣйшей семьѣ. Живя у насъ въ Москвѣ, она сердцемъ и мыслями была въ Петербургѣ. Тетушка помнила императоровъ Александра I и Николая I еще великими князьми; она особенно нѣжно любила ихъ августѣйшую сестру, Александру Павловну, которая, вѣроятно, отвѣчала ей тоже своимъ милостивымъ вниманіемъ и расположеніемъ. Эта великая княжна, когда прощалась съ тетушкой, подарила ей свой портретъ на память; мы всегда видѣли его

въ тетушкиномъ кабинетѣ надъ ея письменнымъ столомъ и любовались этой красавицей. Судьба Александры Павловны представляла цѣль какихъ-то недоразумѣній по поводу искательства ея руки многими державными женихами. Она выдавалась красотой изъ всѣхъ своихъ сестеръ, говорили, что императрица Екатерина желала выдать ее за Густава-Адольфа, короля шведскаго, но это не состоялось, затѣмъ явился принцъ Дармштадтскій искателемъ ея руки. Тогда послѣдовала поѣздка великой княжны Александры Павловны за границу, и тетушка была въ свитѣ ея высочества въ качествѣ фрейлины, но и это сватовство не повело къ свадьбѣ. Наконецъ великая княжна Александра Павловна вступила въ супружество съ Палатиномъ Венгерскимъ и скончалась въ молодыхъ лѣтахъ въ 1801 г. Этотъ годъ былъ тяжелымъ годомъ для ея царственной матери, которая перенесла много утратъ въ теченіе его. Тетушка пережила всѣ эти горести подлѣ своей государыни, будучи близкой къ тогдашнимъ событіямъ.

«Тетушка вспоминала часто Гатчину и то, какъ милостива и мало требовательна была императрица Марія относительно ихъ служебныхъ при ней обязанностей. Она говорила, что онѣ, т. е. фрейлины, при ея дворѣ боялись только одной изъ ея статсъ-дамъ. Вотъ разсказъ изъ жизни ихъ въ Гатчинѣ въ молодости тетушки.

«Это было лѣтомъ, дворъ жилъ въ Гатчинѣ. Фрейлинамъ былъ отведенъ для помѣщенія павильонъ въ саду. Мы жили тамъ подъ надзоромъ одной весьма почтенной и строгой статсъ-дамы. Она была уже преклонныхъ лѣтъ и требовала отъ насъ, чтобы мы очень рано ложились спать; это очень насъ стѣсняло, прелестные июньскіе вечера мы должны были проводить въ комнатахъ. Разъ какъ-то, вечеромъ, она по обыкновенію выразила намъ надежду, что мы ляжемъ спать, слѣдуя ея примѣру: она въ это время раздѣвалась и ложилась въ постель. Что дѣлать! намъ слѣдовало бы послушаться, но мы были молоды, намъ такъ хотѣлось подышать вечернимъ воздухомъ въ прелестномъ саду Гатчинскаго дворца. Прождавъ нѣсколько времени, пока старушка перестанетъ кашлять, и убѣдившись, что она спитъ, мы накинули на голову косынки и тихо гурьбой вышли изъ павильона. Мы надѣялись погулять по аллеямъ и вернуться такъ же тихо, какъ ушли; она и подозрѣвать не будетъ нашего отсутствія.

«Мы гуляли съ полъ-часа, когда съ нами случайно встрѣтились великіе князья; мы остановились и разговаривали съ ихъ высочествами недалеко отъ павильона. Вдругъ оттуда раздался вопль, крикъ—звали на помощь!.. всѣмъ пришло въ голову, что павильонъ горитъ. Мы бросаемся туда, и великіе князья съ нами. Когда мы вбѣжали въ павильонъ, то сейчасъ увидели, что наши опасенія насчетъ пожара неосновательны—ни дыма, ни запаха гари, но крикъ продолжался, и кричала наша почтенная старушка. Мы вопли въ

ея комнату; она стояла по срединѣ въ ночномъ костюмѣ, съ испуганнымъ лицомъ и указывала на свой ночной чепецъ, который лежалъ на полу. Женская прислуга сбѣжалась на ея крикъ, стояла не менѣе ея испуганная, и никто не осмѣливался коснуться чепца. Тогда одинъ изъ великихъ князей поднялъ этотъ чепецъ, и что-жъ бы вы думали?—въ его широкихъ оборкахъ запуталась и билась огромная летучая мышь—это она надѣлала всю тревогу. Окно въ комнатѣ, гдѣ спала статсъ-дама, оставалось открытымъ, лампада горѣла передъ образомъ, летучая мышь влетѣла на ея свѣтъ и упала прямо на голову спавшей; она проснулась и, съ просонья не отдавая себѣ отчета, въ чемъ дѣло, могла только сорвать съ головы чепецъ, бросить и начать кричать».

Въ Москвѣ фрейлина Кашкина пользовалась общимъ уваженіемъ, и ея покровительство въ свѣтѣ имѣло большое значеніе для ея племянницъ Оболенскихъ. Она сначала вывозила двухъ старшихъ дочерей князя Петра Николаевича, затѣмъ, когда онѣ вышли замужъ, она опять появилась въ высшемъ кругу московскаго общества съ двумя меньшими княжнами, Варварой и Натальей.

ХП.

Братья Кашкины: сенаторъ Николай Евгеніевичъ и генераль-майоръ Дмитрій Евгеніевичъ.

Много родовитыхъ магнатовъ жило еще въ Москвѣ въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія. Русское вельможество внушало еще тогда всѣмъ и каждому какое-то обаяніе, которое исчезло совершенно въ наши дни. Обществомъ руководили аристократы съ громкими именами своихъ предковъ: Голицыны, Долгорукіе, Апраксины, Шепелевы, Шереметевы—вотъ какія имена стояли въ то время въ челѣ московскихъ дворянскихъ круговъ.

Домъ сенатора Николая Евгеніевича Кашкина, гдѣ бывало высшее общество Москвы, славился въ тѣ времена радушіемъ его хозяйки Анны Гавриловны и умѣньемъ хозяина веселить общество, сохраняя въ своемъ домѣ полный порядокъ этикета и утонченнаго тона придворныхъ сферъ.

Николай Евгеніевичъ Кашкинъ, родной братъ фрейлины А. Е. Кашкиной, принадлежалъ къ интеллигенціи екатерининскихъ временъ¹⁾. Нельзя сомнѣваться, что люди того времени по образова-

¹⁾ У генераль-аншефа Евг. Петр. Кашкина (см. выше примѣчаніе на стр. 416) было два сына: Николай и Дмитрій, и девять дочерей. Николай Евгеніевичъ Кашкинъ (р. 1768 † 1827 г.), бригадиръ, потомъ тайный совѣтникъ и сенаторъ, женатъ на Аннѣ Гавр. Бахметевой (р. 1776 † 1825 г.). Его братъ, Дмитрій Евгеніевичъ (р. 1770 † 1843 г.), еще подъ знаменами Суворова командовалъ егерскимъ пол-

нію далеко опередили своихъ предковъ, но между тѣмъ сохранили много деспотическихъ инстинктовъ и, пропитавшись цинизмомъ Вольтера, были весьма сухи сердцемъ и не совѣтъ удобны въ семейной жизни.

Николай Евгеніевичъ Кашкинъ былъ человѣкъ весьма гордый и надменный, всѣ способности своего ума и сердца онъ, казалось, употребилъ на то, чтобъ поддерживать блестящимъ образомъ свое свѣтское положеніе, свое имя и достоинство пресловутаго рода Кашкиныхъ. Предки ихъ, три брата, выѣхали въ 1473 году къ великому князю Іоанну Васильевичу III изъ Рима; будучи греческими (византійскими) дворянами, они носили фамилію Кашкини (?). Потомки ихъ служили государямъ московскимъ стольниками и воеводами ¹⁾.

Николай Евгеніевичъ Кашкинъ игралъ въ Москвѣ очень удачно роль просвѣщеннаго магната, умѣлъ окружить себя обаяніемъ вельможи, и его домъ въ Москвѣ уступалъ немногимъ другимъ домамъ въ этомъ отношеніи. У него были балы, литературные вечера, музыкальныя утра, *chagrades en action* и живыя картины, въ которыхъ принимали участіе княжны Щербатовы и Урусовы, красавицы самаго высшаго круга. У него была отличная библіотека, и вся обстановка его дома отличалась вкусомъ почтеннаго стариннаго барскаго покроя.

Художники, поэты, литераторы, знаменитые актеры могли всегда надѣяться на его покровительство. Но блескъ ума Николая Евгеніевича и умѣнье играть роль магната не могли бы упрочить за домомъ Кашкиныхъ того почтеннаго положенія, которымъ онъ пользовался въ московскомъ обществѣ; душою этого пріятнаго настроенія въ ихъ домѣ была хозяйка его Анна Гавриловна, сунруга се-

комъ, затѣмъ генераль-майоръ въ отставкѣ. Первая его жена, Елиз. Ив. Воейкова, была зарѣзана на дорогѣ изъ Тобольска. (См. «Родосл. книгу», сост. кн. А. В. Лобановымъ-Ростовскимъ, изд. 2-е, т. I, с. 258—259). Д. К.

¹⁾ По семейному преданію, Кашкины выѣхали къ великому князю Іоанну III въ свитѣ царевны Софіи Ѳеодоровны Палеологъ, но по именамъ своимъ Аталыкъ, Армаметъ и Корбуша, они происхожденія несомнѣнно татарскаго, а не греческаго. Одинъ изъ потомковъ Корбуши, дѣйствительный родоначальникъ Кашкиныхъ, имѣлъ прозваніе Кошка, вслѣдствіе чего первоначальное фамиліальное ихъ прозвище было Кошкины, уже впоследствии передѣланное въ Кашкиныхъ. Греческое ихъ происхожденіе очевидно принадлежитъ къ позднѣйшимъ генеалогическимъ фальсификаціямъ родоначальниковъ, столь распространеннымъ среди служилыхъ людей Московскаго государства въ XVII в., особенно же въ исходѣ этого вѣка, при составленіи «Вархатной книги». Прохожденіе службы Кашкиныхъ до начала XVII в. неизвѣстно. Лишь со времени царя Михаила Ѳеодоровича являются они въ скромныхъ военныхъ должностяхъ осаднаго и стрѣлецкаго «головы» и къ исходу XVII в. достигаютъ чина стольника. «Возвышеніе» Кашкиныхъ начинается съ Петра Великаго путемъ военной службы и обученія. (См. «Родословн. книгу», сост. кн. А. В. Лобановымъ-Ростовскимъ, 2-е изд., т. I, с. 254—259). Д. К.

натора. На ея долю выпала не только трудная задача смягчать пустоту и декоративность нрава ея супруга и умалять его надменность, но и умѣнье одушевлять и осчастливить своими качествами все, что ее окружало. Въ ней именно лежала та сила, которая всѣхъ привлекала въ ихъ домъ. Она была очень дружна съ своей золовкой фрейлиной, дѣда моего она почитала и цѣнила по его достоинствамъ; между этими двумя семьями, Кашкиныхъ и Оболенскихъ, отношенія были вполнѣ родственныя и близкія.

Семейная жизнь Анны Гавриловны была тяжела, тутъ ея пути не всегда были усыпаны розами. Ея супругъ не ладилъ съ ихъ сыномъ, къ дочери былъ равнодушенъ¹⁾. Она должна была переносить много борьбы и страданій у своего домашняго очага и твердо и терпѣливо несла свой крестъ. Эта женщина была вполнѣ достойна того уваженія и любви, которыми пользовалась въ московскомъ обществѣ.

Дмитрія Евгеньевича Кашкина, брата сенатора Николая Евгеньевича и бабушки фрейлины Александры Евгеньевны, я очень хорошо помню въ моемъ дѣтствѣ, т.-е. въ 1837—1838 годахъ. Онъ бывалъ часто въ домѣ дѣдушки князя Петра Николаевича Оболенскаго.

Служебная карьера обоихъ братьевъ Кашкиныхъ устроилась блестящимъ образомъ подъ вліяніемъ высокаго положенія ихъ отца генераль-аншефа Кашкина, который былъ намѣстникомъ въ Тулѣ, при императрицѣ Екатеринѣ II. Оба брата были очень богаты, но Николай Евгеньевичъ оставался на службѣ до конца своей жизни, тогда какъ младшій братъ его, Дмитрій Евгеньевичъ, женатый на

¹⁾ Сергѣй Николаевичъ Кашкинъ (р. 17 апр. 1799 † 7 ноября 1868 г.) былъ единственный сынъ сенатора; онъ служилъ въ 1820-хъ годахъ въ Петербургѣ въ л.-гв. Павловскомъ полку. Впослѣдствіи былъ женатъ на Екатеринѣ Ивановнѣ Миллеръ (р. 1 мая 1806 † 18 окт. 1879 г.).—Единственная дочь сенатора, Варвара Николаевна (р. 1810 † 1839 г.), была замужемъ за Алдр. Алдр. Грессеромъ, адъютантомъ великаго князя Михаила Павловича. Е. С.

Эти свѣдѣнія считаемъ небезынтереснымъ дополнить еще слѣдующимъ. Сергѣй Николаевичъ Кашкинъ по своему родству и близости съ княземъ Евгениемъ Петровичемъ Оболенскимъ, замѣшаннымъ въ дѣлѣ 14-го декабря 1825 г. (о чемъ рѣчь въ «Воспоминаніяхъ Е. А. Сабанѣевой» будетъ ниже), былъ также заподозрѣвъ въ принадлежности къ заговору, исключенъ изъ гвардіи, сосланъ въ Архангельскъ, а оттуда въ свое родовое имѣніе, с. Нижніе Прыски, Козельскаго уѣзда, Калужской губ.—Его сынъ Николай Сергѣевичъ Кашкинъ (род. 2-го мая 1829 г.), окончивъ въ 1847 г. курсъ въ Александровскомъ лицейѣ, былъ замѣшанъ въ такъ называемое «дѣло Петрашевскаго» и сосланъ въ 1848 г. на Кавказъ рядовымъ съ лишеніемъ дворянскаго достоинства. Послѣ амнистіи въ 1856 г. служилъ по выборамъ дворянства и земства въ Козельскомъ уѣздѣ, занимая должности уѣзднаго предводителя дворянства, мирового посредника и председателя съѣзда мировыхъ судей; затѣмъ занималъ должность члена и товарища председателя Калужскаго окружнаго суда (см. «Родословную книгу», составленную княземъ А. В. Лобановымъ-Ростовскимъ, 2-е изд., т. II, стр. 259).

Д. К.

Воейковой, вышелъ въ отставку, достигнувъ чина генераль-майора, и жилъ въ своемъ богатомъ тульскомъ имѣніи, с. Бурмосовѣ. Тамъ онъ потѣшалъ весь уѣздъ разными праздниками, барскими затѣями и потѣхами. Въ его имѣніи былъ театръ, гдѣ крѣпостные актеры разыгрывали комедіи и мелодрамы его сочиненія; онъ самъ даже игралъ роли олимпійскихъ боговъ на сценѣ своего домашняго театра. Уѣздное общество щедро воскуривало ему еиміамъ подѣ влияніемъ его обѣдовъ и угощеній, а онъ такимъ образомъ проживалъ свое крупное состояніе.

Онъ былъ хорошо образованъ, зналъ очень хорошо иностранные языки, былъ знакомъ съ иностранной литературой; у него въ его деревенскомъ домѣ была отличная библіотека, и я помню, что всѣ удивлялись его отличной памяти, онъ безошибочно читалъ на память цѣлыя сцены изъ трагедій Вольтера, Корнеля и Расина, зналъ наизусть всю вольтеровскую Генріаду. Но опять таки этотъ запасъ познаній не освѣщаль въ немъ ничего человѣческаго или отраднаго для души. Самообожаніе и надменность перешли у него всякія границы; въ семьѣ его почитали за человѣка ненормальнаго и говорили, что онъ помѣшанный.

Я помню дѣдушку Дмитрія Евгеньевича Кашкина, когда онъ подѣ Новинскимъ въ домѣ дѣдушки князя Петра Николаевича Оболенскаго угощаль насъ своимъ музыкальнымъ талантомъ. Онъ привозилъ съ собою имъ самимъ выдуманный инструментъ, что-то въ родѣ гигантской гитары; онъ давалъ ей названіе димитары по созвучію съ его именемъ.

Дмитрій Евгеньевичъ собиралъ вокругъ себя всѣхъ, кто жилъ въ домѣ, и давалъ концертъ на этомъ диковинномъ инструментѣ. Трудно себѣ представить старика въ генеральскомъ мундирѣ, при орденахъ, съ лентой черезъ плечо, сидящаго среди залы и играющаго на этой нелѣпой димитарѣ піесы своего сочиненія. То были диковинные аккорды и звуки!.. онъ, бѣдный, не понималъ комизма своего положенія и даже не сознавалъ, что публика, какъ только замѣтитъ, что онъ увлекся игрой, такъ сейчасъ же удаляется потихоньку изъ залы. Оставались его слушателями только дѣти, нянюшки и старушки-приживалки. Когда мы были дѣтьми, то оставались до конца этихъ концертовъ, даже любили эти представленія съ дѣдушкой, музыкантомъ генераломъ.

XIII.

Madame Стадлеръ и Леонтьевы.

Почтенную воспитательницу моей матери, madame Stadler, лучше всего обрисуютъ тѣ рассказы, которые моя матушка часто въ дѣтствѣ про нее мнѣ передавала; она и насъ старалась пріучать

къ труду и независимости отъ внѣшняго міра, т.-е. не любила ба-ловать насъ въ смыслѣ зависимости отъ горничныхъ и ихъ услугъ.

Рано утромъ мы просыпались подъ звукъ голоса m-me Stadler, которая кликала Парашу (горничную); затѣмъ говорила: «*Enfants, levez-vous!*» Какъ не хотѣлось иной разъ покидать постель!—однако надо вставать, одѣваться; въ $\frac{1}{2}$ 8-го мы пьемъ чай, въ 8 часовъ сидимъ за уроками. Monsieur Stadler занимается съ нашими братьями, Митей и Сережей; они были моложе насъ и едва читали по складамъ.

Madame Stadler очень строга, взыскательна, даже рѣзка. Бѣдная сестра Наташа!—она была болѣзненна, и ей трудно было учиться, Оленька была очень дика сначала, и у нея была плохая память, я же училась бойко и легко. M-me Stadler поручала мнѣ часто повторять уроки съ сестрой или Оленькой; это развило во мнѣ на всю жизнь способность заниматься успѣшно и охотно съ дѣтьми, а для ученицъ моихъ было очень полезно: мы всѣ сдѣлали скоро быстрые успѣхи.

Обыкновенно гувернантки любятъ принимать участіе въ свѣтской и суетной жизни своихъ патроновъ, но m-me Stadler, напротивъ того, избѣгала гостиной и неохотно отпускала насъ на фрейлинскую половину. Она говорила: «*Je n'aime pas quand les enfants baguenaudent*». По ея мнѣнію, дѣти должны имѣть вокругъ себя спокойную атмосферу и не мѣшаться съ большими. Она не любитъ водить насъ въ Александровскій садъ или на Тверской бульваръ. «Тамъ дѣти выставляются на показъ», говорила она, «въ нихъ возбуждается тщеславіе—это совсѣмъ лишнее. *Je suis bonne marcheuse!* идемъ лучше подальше отъ городского шума». И мы, весной или осенью, въ хорошую погоду, ходили съ ней или подъ Дѣвичье поле или даже на Ваганьковское кладбище. Тамъ мы могли бѣгать, сколько хотѣли, намъ позволяли снимать шляпы, тамъ мы были свободны отъ городскихъ требованій. Лѣтомъ мы жили въ Рождественѣ¹⁾, и тамъ жизнь текла для насъ очень правильно: уроки, прогулки въ лѣсъ и поля—это отлично было для нашего здоровья.

Мои старшія сестры были очень болѣзненны; онѣ были уже большія дѣвцы и выѣзжали въ свѣтъ, когда m-me Stadler поступила въ нашъ домъ, такъ что она не могла имѣть на нихъ вліянія, но она основательно говорила, что ихъ слабому здоровью была отчасти причиной многочисленная прислуга, которая окружала ихъ въ дѣтствѣ. Мои старшія сестры не умѣли сами обуваться, пили утренній чай въ постеляхъ и прежде второго часа не выходили

¹⁾ Село Рождествено въ 1820-хъ годахъ принадлежало князю Петр. Ник. Оболенскому. Это подмосковное село находится въ 17 верстахъ отъ села Воскресенскаго, близъ котораго стоитъ монастырь, именуемый Новый Іерусалимъ, Е. С.

изъ своихъ комнатъ. И какіе дикіе предрасудки были имъ привиты мамушками и нянюшками!—ворожба, гаданья, боязнь дурного глаза—все это сильно разстроило ихъ нервы. Сестра Катенька¹⁾ отрѣшилась вполне отъ этихъ нелѣпостей по разуму; она была такая умная и образованная дѣвушка, но слѣды впечатлѣній дѣтства остались на ней: у нея бывали истерики, она боялась грома, пауковъ и лягушекъ.

Дорогая сестра Сашенька²⁾, та никогда не могла выйти изъ сферы гаданій, толкованія сновъ и разныхъ предчувствій. Она была съ дѣтства очень слабого здоровья: ее такъ берегли и нѣжили. Она вела всегда очень праздную жизнь; я ее, право, иначе и не помню, какъ или въ бальномъ платьѣ такой прелестной съ ея классической красотой, или же въ постели. Понятно, что ея страсть,—гадать, мечтать и предчувствовать,—была потребностью для того, чтобы сокращать время. Мы все ее очень любили. М-me Stadler, какъ только вошла въ нашъ домъ, потребовала удаленія отъ насъ лишней прислуги и оставила при насъ нашу старую няню Денисовну, за которой зорко слѣдила, чтобы она оставила насъ въ покоѣ отъ лишнихъ попеченій. Конечно, дѣло обошлось не безъ борьбы; но я ей весьма благодарна за ту пользу, которую приносятъ хорошія привычки: я могу всегда обойтись безъ горничной.

Еще одна черта въ характерѣ m-me Stadler была мнѣ всегда сочувственна—это ея прямота и правдивость. Она была тверда въ своихъ убѣжденіяхъ, никогда никому не льстила и къ себѣ тоже была строга. Приведу для примѣра слѣдующее.

Когда мы подросли и перешли въ возрастъ сознанія того, что вокругъ насъ дѣлается, то стали замѣчать между супругами Стадлерами частыя ссоры, не разъ слышали между ними не совѣмъ миролюбивые разговоры. Послѣ всякой такой сцены мы видѣли, что m-me Stadler огорчена, но она была такъ добросовѣстна, что признавалась намъ, какъ сильно порицала себя за то, что при насъ не умѣла сдержать своего раздраженія и гнѣва, и кончала свою исповѣдь словами: «Mes enfants, faites ce que je dis, mais ne faites pas ce que je fais».

M-me Stadler долго прожила у насъ въ домѣ, до той поры, когда мы кончили наше воспитаніе. Разстаться съ нею было для насъ истиннымъ горемъ.

Княжна Екатерина Николаевна Оболенская, сестра дѣдушки, князя Петра Николаевича, была милая, добрѣйшая старушка. Она жила въ Москвѣ своимъ домомъ, часто кушала у брата, и онъ аккуратно ее навѣщаль. Дѣдушка окружалъ ее лаской и внима-

¹⁾ Княжна Екатерина Петровна Оболенская была замужемъ за Андр. Вас. Протасовымъ.

²⁾ Княжна Александра Петровна Оболенская была замужемъ за А. И. Михайловскимъ.

ніемъ и помогаль ей по управленію ея имѣніемъ. Она была его единственная сестра незамужняя и осталась до конца дней своихъ совершенной институткой. Она была воспитанницей Смольнаго монастыря 1-го выпуска. Вотъ что матушка про нее рассказывала. «Разъ какъ-то стояла я у окна нашего московскаго дома со стороны сада. Былъ великолѣпный майскій вечеръ, сирень въ саду начинала цвѣсти, аллея акацій по одной сторонѣ сада, густая уже отъ свѣжихъ листьевъ, бросала отъ себя длинную тѣнь, а на полянкѣ, что противъ оконъ, яблони были въ полномъ цвѣту. Луна взошла, ярко свѣтила на небѣ и серебрила своимъ матовымъ отблескомъ эти цвѣтушія деревья. Я залюбовалась и задумалась. Я была одна въ комнатѣ; вдругъ кто-то тронулъ меня легонько за плечо. Я даже вздрогнула. Гляжу!.. стоитъ подлѣ меня наша добрая старушечка, тетушка княжна Екатерина Николаевна.

— «Варенька,—говорить она,—отойди отъ окна, милый другъ, не гляди на луну.

— «Отчего же, тетушка? Посмотрите, какъ хорошъ вечеръ!

— «Не годится, мой другъ, дѣвицѣ глядѣть на луну: подумаютъ, что ты влюблена.

«Я никакъ не могла понять это отношеніе луны къ состоянію влюбленности, но поцѣловала у тетушки руку и обѣщала не глядѣть на луну».

Тетушку Марью Петровну Леонтьеву, сестру моей матушки, я очень хорошо помню. Въ семьѣ дѣда она и супругъ ея Сергѣй Борисовичъ пользовались большимъ уваженіемъ. Марья Петровна была гораздо старше моей матери, она была старшая дочь моего дѣда отъ первой его супруги. Она была замѣчательная женщина по уму и образованію.

Имѣніе Леонтьевыхъ, сельцо Корытня ¹⁾, было недалеко отъ имѣнія моего батюшки, и мы часто тамъ гостили.

Марья Петровна Леонтьева была маленькая, худенькая женщина уже пожилая. Туалетъ ея отличался квакерскою простотой, отсутствіемъ всякой моды или тщеславія. Въ будни она сидитъ всегда за пальцами въ ситцевомъ капотѣ; бѣлоснѣжный воротничекъ вокругъ шеи, бѣлые рукавчики акуратно отложены надъ кистями ея маленькихъ ручекъ, которыя такъ ловко вышиваютъ гладью по батисту самые изящные узоры съ рѣшетками или насыпью. Вообще всѣ ея работы были чисто художественныя произведенія. На головѣ она всегда носила черный тафтяный сборничекъ, очень плотно придерживающій гладко зачесанные сѣдые волосы на вискахъ. Лицо у нея маленькое, черты неправильныя, глаза какіе-то лучистые, но часто строгіе, выраженіе лица всегда внимательное и заботливое. Къ ней лучше всего можно было приложить пословицу: малъ золотникъ, да дорогъ.

¹⁾ Калужской губерніи вѣрстахъ въ 20-ти отъ Тарутина.

Супругъ ея, Сергѣй Борисовичъ Леонтьевъ, былъ высокій плотный мужчина; его характерная большая голова съ высокимъ лбомъ бросалась въ глаза крупными, неправильными чертами лица; выраженіе флегматической серіозности этого лица скрывало съ перваго взгляда добродушіе его фізіономіи, которое замѣчалось только впоследствии. Онъ имѣлъ недостатокъ—быть разсѣяннымъ; но когда обнаруживались его ошибки въ этомъ смыслѣ, онъ такъ искренно смѣялся самъ надъ собою, что присутствующіе чувствовали себя ближе къ нему, и онъ привлекалъ этимъ къ себѣ сочувствіе. Онъ выигрывалъ при ближайшемъ съ нимъ знакомствѣ; отсутствіе мелкихъ движеній самолюбія, простота его обращенія утверждали за нимъ полное довѣріе и уваженіе при дальнѣйшихъ съ нимъ отношеніяхъ.

Леонтьевы съ самаго начала ихъ женитьбы жили въ этомъ имѣніи своемъ, сельцѣ Корытнѣ. Сосѣди считали ихъ большими чудаками, потому что ни мужъ ни жена въ карты не играли, избѣгали праздниковъ, именинъ, частаго сосѣдскаго сообщенія не любили, хотя со всѣми были знакомы, не то, чтобы чуждались людей. Сергѣя Борисовича осуждали за то, что онъ перебаловалъ свою дворню, отпустилъ много мужиковъ на оброкъ; дескать не справится и разстроитъ имѣніе. Нѣкоторые прибавляли, что удивляться тутъ нечему, потому что Леонтьевъ пороку не выдумаетъ. Но дѣло было въ томъ, что онъ именно ничего не выдумывалъ и дѣйствовалъ въ жизни, руководясь своими внутренними убѣжденіями, не совсѣмъ согласными съ житейской мудростью.

Онъ не имѣлъ въ виду, отпуская мужиковъ на оброкъ, опережать свое время съ тенденціями либерализма, а дать льготы мужику было ему просто сочувственно.

Сергѣй Борисовичъ не увлекался тоже желаніемъ копить, собирать, приобрѣтать, а жили они, и мужъ и жена, душа въ душу между собой, смирнехонько въ своемъ уголкѣ, прославляя имя Божіе и стараясь служить чему-то высшему, чѣмъ браннымъ и тлѣннымъ сокровищамъ міра сего. И правда, что крѣпостные у нихъ въ домѣ жили привольно, точно такъ же, какъ у князя дѣдушки. У Леонтьевыхъ въ семьѣ была тишь, да гладь, да Божья благодать. Трудно себѣ представить, какъ жили Леонтьевы въ 1820-хъ годахъ въ ихъ калужскомъ имѣніи Корытнѣ. Несомнѣнно, что они не сходились съ сосѣдями; на нихъ былъ особенный отпечатокъ мирной жизни и душевнаго спокойствія. Они тоже неусыпно трудились въ кругу ихъ домашняго обихода, и ихъ домъ былъ точно улей, въ которомъ работа кипѣла съ ранняго утра. Марья Петровна была отличная хозяйка, хотя она, правда, не вносила по этому предмету той щепетильной возни въ смыслѣ провѣрки провизіи и т. д., столь излюбленной барынями, но у нея въ домѣ все шло ровно, точно въ тактъ. Ни у кого не пекли такого вкус-

наго домашняго печенія къ чаю, какъ у нея: что за вкусныя булочки и заварные крендельки, и какъ нарядно и опрятно лежали эти булочки и крендельки на большомъ подносѣ, когда экономка Наталья, съ ея степеннымъ лицомъ, ставила этотъ подносъ въ столовой на столъ каждое утро передъ барыней, которая всегда сама разливала чай. Семья собиралась вокругъ этого стола, и было столько гармоніи и патриархальной простоты въ этомъ домѣ. Дѣтей у Леонтьевыхъ было очень много, и ихъ воспитаніе составляло цѣль жизни ихъ родителей.

Какъ свободна была тетушка Марья Петровна отъ увлеченій французскими и чужеземными вообще гувернерами и гувернантками для своихъ дѣтей! Какъ осторожно выбирала воспитателей!— правда, что, владѣя тремя иностранными языками, она часто сама занималась уроками со своими дѣтьми. Я знаю, что одна гувернантка, жившая въ ихъ домѣ, говорила, что у нихъ она отвыкла справляться съ словарями, потому что хозяйка дома была сама живой лексиконъ.

И какъ мало были сходны понятія Леонтьевыхъ о воспитаніи дѣтей съ понятіями, преобладавшими тогда въ дворянскихъ семьяхъ. Двадцатые года ознаменовались у насъ побѣдками нашихъ дворянъ за границу, увлеченіемъ французскими модами и гувернерскимъ воспитаніемъ, которое надѣлало столько вреда. Мало было тогда удивляться слѣпотѣ родителей, должно было негодовать за это гнусное направленіе. Кому только не довѣряли тогда русскихъ дѣтей, лишь бы нашелся иностранецъ!

Какой позоръ для Россіи!... и сколько вреда надѣлали въ нашемъ отечествѣ эти бродяги, оставшіеся на нашей территоріи отъ наполеоновскихъ полчищъ.

Ничего подобнаго такому направленію у Леонтьевыхъ не было, да и быть не могло. Марья Петровна, отлично знакомая съ иностранной литературой, не искала тамъ, однако, авторитетовъ, читала также творенія нашихъ отцевъ церкви и умѣла извлекать изъ нихъ болѣе для себя свѣта и пользы. И она воспитала дѣтей своихъ въ духѣ нашей православной церкви безъ педантства или ханжества, но съ теплымъ упованіемъ на милосердіе Божіе. Несмотря на свою ученость, она была проста, смиренна, исполнена какого-то особеннаго благодушія. Несмотря на свое слабое здоровье, она всегда постилась, согласно правиламъ нашей церкви; сама она кушала великимъ постомъ щи съ грибами безъ масла, для гостей у нея былъ скоромный обѣдъ, и она имъ радушно угощала; вообще порицать ближняго она не любила, и всякій находилъ въ ней участіе и самую снисходительную оцѣнку.

Ея отношеніе къ простому люду было трогательное; деревенскія бабы несли въ Корытню въ барскіе хоромы своихъ больныхъ; она собственноручно обмывала раны, купала золотушныхъ дѣтей.

Она ввела оспoprививаніе между своими крестьянами и сама умѣла производить эту операцію безъ помощи фельдшера.

Какіе тоже цвѣты росли въ рабаткахъ передъ балкономъ Корытинскаго дома, взлелѣянные рукою хозяйки или ея дочери Сашеньки ¹⁾! Садъ у Леонтьевыхъ былъ густой и тѣнистый, безъ претензій на иностранныя затѣи. Ихъ Корытня не отличалась тоже живописностью мѣстоположенія, рощи даже были далеко отъ усадьбы. Когда намъ надоѣдало гулять въ саду, то мы отправлялись вдоль Калужскаго большого тракта; тамъ по обѣимъ сторонамъ его возвышаются курганы, оставшіеся, говорятъ, отъ нашествія монголовъ. По этимъ курганамъ мы собирали спѣлую землянику и клубнику и приносили домой; въ Корытнѣ столько варили всегда варенья! Помнится мнѣ, что тамъ въ домѣ лѣтомъ пахло мятой и малиной. Помнится тоже, что въ угольной комнатѣ на бѣлыхъ простыняхъ сушились листья розы или березовой почки и смородины.

Е. А. Сабанѣва.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ Моя двоюродная сестра, Александра Сергѣевна Леонтьева, была впоследствии замужемъ за княземъ Павломъ Петровичемъ Вадбольскимъ. Е. С.

ВЪ БУРЮ.

Повѣсть изъ XVII вѣка.

I.

А ПОЛДЕНЬ. День ясный, теплый, настоящій весенній.

Иванъ Марковичъ забрался на вышку отцовскаго дома—думалъ, такъ, отъ нечего дѣлать, на минутку, а вотъ уже добрыхъ полчаса стоитъ тамъ, любясь открывшимся оттуда видомъ. Ивану Марковичу едва ли есть двадцать лѣтъ. На лицѣ не примѣтно и признаковъ усомъ и бороды; есть что-то дѣтски-наивное въ полуулыбкѣ пухлыхъ губъ, дѣтски-мечтательное во взглядѣ голубыхъ глазъ. Головѣ жарко подъ мѣховою шапкою-мурмолкою¹⁾; онъ нѣсколько сдвинулъ ее на затылокъ, открылъ умный, бѣлый, нѣсколько сжатый съ боковъ, выпуклый въ серединѣ лобъ. Вѣтеръ слегка шевелитъ прядь волнистыхъ бѣлокурыхъ волосъ.

Вышка, башня-смотрѣльня тожь, прилѣпившаяся къ краю крыши, невелика—вдоль и поперекъ всего нѣсколько шаговъ; солнце всю пронизываетъ ее. Только въ одномъ углу кусочекъ тѣни. Тамъ онъ и примостился. Для всякаго другого этого уголка было бы мало, для него же—просторъ: недаромъ его отецъ, Маркъ Григорьевичъ

¹⁾ Невысокая шапка съ плоскою тульей, съ которой спадала кисть. Мурмолка часто украшалась на боку запаной съ драгоценнымъ камнемъ.

Грековъ - Богатый, говоритъ въ веселую минуту: «Велю-ка я, Ванька, вшить въ своемъ кафтанѣ карманъ чуть-чуть побольше всегдашняго и буду тебя въ него прятать: умѣстишься! развѣ ноги тебѣ придется калачикомъ свернуть; только вотъ горбъ твой, пожалуй, помѣшаетъ».

Онъ—горбунъ. Горбъ такъ великъ, что еслибы удалось его выпрямить, Иванъ Марковичъ сразу превратился бы въ человѣка высокаго роста. Пьяная нянька уронила его въ дѣтствѣ; ее высѣкли до полусмерти, но этимъ дѣла не поправили: онъ остался уродомъ.

Это уродство испортило всю его жизнь, но онъ свыкся со своимъ несчастьемъ и пересталъ имъ тяготиться. У него не было пріятелей по той простой причинѣ, что онъ, весь исковерканный, согнутый въ три погибели, не былъ подѣ парю сильнымъ и стройнымъ сверстникамъ и сознавалъ, что его фигура рядомъ съ ними должна выглядѣть еще болѣе смѣшною и жалкой; зато у него было много друзей: боярская челядь на него чуть не молилась—не было болѣе горячаго заступника за нихъ передъ крутымъ и тяжелымъ на руку Маркомъ Григорьевичемъ; мало того, къ нему сходились изъ окрестныхъ деревень и отъ сосѣдей вотчинниковъ всѣ обездоленные, всѣ нуждающіеся въ помощи, и онъ помогалъ имъ чѣмъ могъ и какъ могъ. Это все были его друзья. Онъ находилъ друзей даже среди животныхъ. Зимомъ онъ поднималъ на дворѣ полузамерзшую ворону съ перебитымъ крыломъ, надъ которою потѣшались дворовые мальчишки; отогрѣлъ, залѣчилъ рану, выкормилъ; выздоровѣвшая птица привязалась къ нему больше иного человѣка и стала неразлучна съ нимъ. Бывало, выйдетъ онъ изъ дома—ворона сидитъ у него на плечѣ; потомъ полетаетъ, перекликнется съ подругами и снова вернется къ нему. Былъ у него и еще одинъ неизмѣнный спутникъ: огромный, лохматый песъ на трехъ ногахъ, котораго онъ тоже подобралъ гдѣ-то окровавленнаго у забора и выходилъ.

Были у него и иного рода друзья: книги, которыя онъ, Богъ вѣсть откуда, добывалъ, и природа, которая казалась ему тою же книгой, только живою. Въ зимнюю пору онъ цѣлыми часами смотрѣлъ сквозь слюдяное окно на звѣзды, и какая-то невидимая связь устанавливалась между душою горбуна и трепетной блѣдной звѣздой, затерявшейся въ безконечномъ пространствѣ. Какъ-то въ одной изъ книжекъ, случайно попавшей къ нему, онъ встрѣтилъ стихи.

Это были зачатки русскаго стихосложенія, силлабическія вирши, занесенныя на Русь Симеономъ Полоцкимъ. Какъ онѣ ни были слабы, все же это была мѣрная рѣчь; вирши произвели глубокое впечатлѣніе на Ивана Марковича; чѣмъ-то новымъ повѣяло на него, и невѣдомыя прежде струны задрожали въ душѣ. Онъ

долго бродилъ по каморкѣ, въ дальней отъ свѣтлицы части дома, гдѣ пряталъ отъ зоркаго отцовскаго глаза подъ ворохомъ рухляди принадлежности чтенія и письма вмѣстѣ съ огаркомъ свѣчи, и то перечитывалъ, то повторялъ на память нехитрыя вирши:

Франційскъ именемъ первый кроль Франційскій бяше,
Сей яко писанія и мудрость любяше
(Ея же родители его не любяху,
Но подобіемъ варваръ въ простотѣ живяху),
Абѣ честныхъ дѣти писаній взыскаша,
Кралеvesку любленію тако угождаша...

Нѣсколько времени спустя, онъ самъ попробовалъ слагать вирши. Попытка удалась, и завѣтная тетрадка была всегда при немъ, запрятанная на впалой груди.

Онъ ревниво охранялъ тайну своего виршепенанія; объ этомъ знали только двое: его братъ Андрей да сестра Марія.

Иванъ Марковичъ оперся на перила вышки длинными, худощавыми руками и смотрѣлъ въ даль. Онъ разстегнулъ тегиляй¹⁾; влажный, теплый вѣтеръ обвѣвалъ его грудь, прикрытую только рубахой изъ простой «пестряди»²⁾. Со сдвинутой на затылокъ и упершейся въ горбъ старой, порыжѣлой мурмошкой, значительно большей его головы, съ слегка шевелящимися полами тегиляя, съ разведенными въ стороны длинными руками и тонкими ногами, онъ производилъ впечатлѣніе крупнаго, чернаго жука съ желтою головою, слабо помахивающего крыльями, или большого паука, цѣпляющагося лапками за перила. Лохматый, черный пестъ лежалъ возлѣ его ногъ, свернувшись клубкомъ; его другъ-ворона то съ громкимъ карканьемъ описывала круги вокругъ башенки, то садилась на ея крышу.

— Благодать! — думалъ Иванъ Марковичъ. — Тепло. Вѣтеръ и тотъ словно ласкаетъ. А воздухъ-то! будто самъ грудь приподнимаетъ. Именно, благораствореніе воздухъвъ. Ишь, небо—бездна голубая; близко и далеко. Такъ и тянетъ къ себѣ. Прыгнуть бы прямо вонъ на то облако. Чуть примѣтно оно бѣлѣется и нити серебристыя пустило, будто пухъ. Поплыть бы на немъ и на землю глядѣть. Оттуда, чай, вся она, что на ладони. А вѣдь тогда бы, пожалуй, тоска по землѣ взяла. Такъ вотъ и всегда человѣкъ — къ небу стремится, а о землѣ думаетъ. Не оттого ли и мегутся человѣчки? Жизнь—что рѣка. Берега—небо и земля.

— Ваня! — окликнули его со двора.

Онъ взглянулъ на дворъ и увидѣлъ своего брата Андрея, дѣлавшаго ему знаки. Андрей, повидимому, только что вернулся от-

¹⁾ Узкій кафтанъ съ короткими рукавами, застегивавшійся на пуговицахъ, снабженный стоячимъ воротникомъ.

²⁾ Холстина, тканая изъ разноцвѣтныхъ нитокъ.

куда-то; онъ держалъ за поводъ осѣдланнаго взмыленнаго коня. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него тяжело сползаль съ мухростой заморенной клячки Яшка—холопъ, находящійся въ распоряженіи Андрея Марковича.

— Что?—спросилъ съ вышки Иванъ Марковичъ.

— Спустись, голубчикъ. Дѣло до тебя есть,—отвѣтилъ Андрей; отдавъ поводья Якову и что-го шепнувъ ему, направился къ дому.

Иванъ Марковичъ помедлилъ немного и сталъ спускаться.

Усадьба Грекова-Богатаго состояла изъ трехъ разныхъ размѣровъ прямоугольниковъ, обнесенныхъ каждый особымъ заборомъ. Средній изъ нихъ, средній и по обширности, былъ занятъ боярскимъ дворомъ. Здѣсь высились хоромы, съ прилѣпившейся къ нимъ баней, далѣе, въ нѣсколькихъ саженьяхъ, поварня, людскія избы, конюшни; съ боярскаго двора вела низенькая калитка на житный дворъ, обнесенный крѣпкимъ частоколомъ; съ другой стороны прилегалъ самый большой изъ четырехъугольниковъ—садъ съ огородомъ. Садъ былъ ягодный и фруктовый; расчищенныхъ аллей въ немъ не существовало; посрединѣ протягивалась дорожка, прямая, какъ лѣсная просѣка, а съ нея сбѣгали и змѣбились между кустами тропки, полузаросшія въ лѣтнюю пору травой. За садомъ тянулся огородъ, ничѣмъ отъ него не отдѣленный. И садъ и огородъ еще были подъ снѣгомъ. Зима была снѣжная, и низкіе кустарники стояли сплошь засыпанными; только подъ дыханіемъ круто наступившей оттепели мѣстами выдвинулись изъ-подъ снѣга тонкіе, темные стебли, съ свѣтлыми каплями на узлахъ, да вокругъ деревьевъ снѣгъ опалъ воронкой.

Боярскій домъ, построенный еще дѣдомъ нынѣшняго владѣльца, одноэтажный, но довольно высоко поднятый отъ земли на подклѣткахъ, былъ изъ толстыхъ сосновыхъ бревенъ, не обшитъ тесомъ и даже не окрашенъ. Бревна посѣрѣли отъ времени. Одинъ бокъ дома, тотъ, гдѣ находилось крыльцо, съ котораго сѣни прорѣзали все строеніе насквозь, нѣсколько вросъ въ землю, и хоромы покосились, но это не мѣшало боярину быть твердо увѣреннымъ въ крѣпости своего жилища, и всѣ его заботы о своихъ палатахъ ограничивались лишь тѣмъ, что онъ время отъ времени исправлялъ гонтовую, выведенную въ захмылъ, крышу, да слюдяныя съ переплетами окна обвелъ пестро расписанной рѣзбой и такого же размалеваннаго конька посадилъ на макушку вышки.

Въ ближайшей къ воротамъ части хоромъ находилась горница—комната для приѣма гостей. Къ ней вели особыя сѣни съ высокимъ, украшеннымъ рѣзбою и расписаннымъ крыльцомъ. Изъ этихъ сѣней былъ ходъ и на вышку, которая приходилась надъ горницей.

Братья встрѣтились у дверей горницы.

— Что тебѣ, Андрюша?—спросилъ Иванъ.

- Просить тебя хочу... Отецъ спитъ?
- Спать.
- Сядемъ въ горницѣ. Я тебѣ расскажу.

Горница была обширная комната въ три окна; подволока ¹⁾ была окрашена въ синій цвѣтъ, по которому разсыпались золоченныя звѣзды; въ центрѣ блестѣло золотое солнце, среди звѣздъ прятался рогъ луны. На стѣнахъ доморощенный живописецъ изобразилъ библейскія сцены, не жалѣя красокъ.

Тутъ былъ и очень маленькій Давидъ съ огромной отрубленной головой Голиаѳа, изъ которой бѣжала цѣлая рѣка крови, и царь Соломонъ и пророки. Вдоль стѣнъ — лавки съ красными, расшитыми въ клѣтку пестрыми шелками полавочниками. На полу ковры, домашней вышивки. Въ переднемъ углу — божница, вся заставленная иконами въ богатыхъ окладахъ, и неугасимая серебряная, съ позолотой, тонкой чеканки лампада передъ ней. Въ этомъ же углу, подъ божницей, дубовый столъ. У стѣны, гдѣ входная дверь, примостилась печь съ лежанкою; изразцы ея пестро расписаны. Близъ печи — большой поставецъ съ домашнею утварью, тою, впрочемъ, которая предназначалась для гостей; въ немъ кубки, чарки, братины всякихъ формъ и величинъ: тутъ есть и серебряныя, кольцомъ свернувшіеся драконы, и золоченныя рыбы и диковинныя животныя, есть золоченныя съ финифтью и чеканенныя цвѣтами; есть съ надписью по ободу, въ родѣ: «чарка добра человѣка, пить изъ нее на здравіе хвали Бога и моля про государево многолѣтнее тво здравіе»; есть съ изображеніемъ барса и финифтяною надписью: «не злиси, смирися, человѣче, желаешь славы земныя, зато не наслѣдишь небесныя», или съ лаконическимъ совѣтомъ: «зри і смотри і люби і не проси і»; тутъ же въ поставцѣ серебряныя «тарели», такіе же подносы; рядомъ съ ними два серебряныхъ шандала въ видѣ пѣтуховъ съ опущенными крыльями и съ человѣческими лицами, монгольскаго типа, съ тонкой золоченой чеканкой перьевъ вдоль горла и шеи.

Въ простѣнкахъ объемистыя укладки съ выпуклыми крышками, обитыя желѣзными полосами. Входная дверь обита алою тканью; длинныя рѣзные петли и скоба блестятъ, какъ серебро.

Войдя въ горницу, Иванъ помолился на иконы и осторожно присѣлъ на край лавки. Братъ его тоже сѣлъ, но тотчасъ же поднялся и сталъ ходить. Андрей былъ года на два старше Ивана. Высокій ростомъ, съ могучею грудью, широкими крутыми плечами и ширококостными, обросшими какъ мохомъ, чуть не до пальцевъ, руками, способностью свертывать въ трубку мѣдныя гривны и безъ особеннаго усилія разгибать подковы, онъ смотрѣлъ богатыремъ. На мощной шеѣ сидѣла черноволосая голова съ круглымъ

¹⁾ Потолокъ.

затылкомъ и широкимъ, сръзаннымъ къ макушкѣ лбомъ. Братья были схожи лицомъ, только у старшаго черты были крупнѣе. У него, какъ и у Ивана, былъ немножко толстый, «русскій» носъ, большіе голубые глаза. Разная была окраска волосъ: старшій—брюнетъ, и темные усы уже тѣнились надъ нѣсколько толстоватыми губами, младшій—блондинъ; разные были лбы и разное выраженіе лицъ. Было что-то возвышенное въ профилѣ исхудалаго лица Ивана, и о думѣ говорила морщинка, набѣгавшая надъ бровями. У Андрея—круглое, бѣлое лицо, румяныя щеки; что-то неувѣренное выражалось въ его взглядѣ—казалось, онъ всегда немножко робѣлъ; добродушная, точно нѣсколько стыдливая улыбка часто набѣгала на губы.

Прохаживаясь, Андрей съ легкимъ смущеніемъ поглядывалъ на брата и медилъ. Наконецъ, Иванъ не вытерпѣлъ и спросилъ:

— Что же ты, Андрюша?

— Видишь ли, дѣло такое. Ты того... Ты не осуди... Ты, вѣдь, святой, можно сказать.

— Что ты выдумалъ! И зачѣмъ это говоришь?

— Ты, вѣдь, еще, что голубъ, чистъ, а я грѣшникъ, блудникъ... А только, Ваня, это дѣло житейское...

Иванъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на брата. Тотъ помолчалъ, побѣгалъ глазами по стѣнамъ, взъерошилъ волосы и продолжалъ рѣшительно:

— Про Авдотью Филипповну слыхалъ? Про стольничиху?..

— Конечно. Ея вотчина верстахъ въ пяти отсюда.

— Да. У ней дочь есть, тоже Авдотья, или, лучше сказать, Дунечка.

— Дочку не знаю.

— Дѣвочка ничего. Грудь—во, и косица до колѣнъ. Грамотная—у того же попа Семена училась, какъ и мы съ тобой.

— Ты и это знаешь?—усмѣхаясь, сказалъ Иванъ.

— Попъ Семень говорилъ какъ-то... Мать у Дунечки—просто ножъ вострый. Понимаешь, я и въ церкви свѣчи у нихъ брать ставить, и почтеніе всякое выказывать, и въ домъ разъ къ ней, будто ненарокомъ, заглянулъ—ничего не беретъ! Стоитъ стѣна-стѣной передъ дочкой и смотритъ волкомъ. Потомъ даже прямо сказала: «ты бы, парень, поменьше похаживалъ мимо нашихъ воротъ, а то какъ бы, грѣхомъ, тебя моя челядь не обидѣла». Челяди ея я не испугался: всего-то у ней полтора человѣка: кривой старикъ Архипка да мальчишка какой-то... Авдотья Филипповна вѣдь бѣдна страсть. Дунечкѣ не разъ самой и за водой бѣгать приходится. Не въ теремѣ заперта, а хуже чѣмъ за десятью няньками: ступить по своей волѣ не смѣетъ—всюду материнскій глазъ. Поглядываетъ Дунечка на меня не сердито, а только что жъ ей подѣлать супротивъ матери? Сейчасъ съ Яшкой смотрѣлъ я издали

съ горки. Вижу Дуняша по двору мелькнула. У меня такъ сердце и зарвалось—кажется, вотъ и прыгнулъ бы къ ней во дворъ.

Иванъ слегка улынулся, потомъ лицо его стало серьезнымъ, и морщинка прорѣзалась на лбу глубже. Передъ нимъ было новое явленіе, и онъ старался постичь его. Онъ, горбунъ, отдѣленный своимъ уродствомъ, какъ стѣною, отъ мірскихъ удовольствій, мечтатель и поэтъ, жившій въ своемъ особомъ міркѣ—міркѣ грезъ—столкнулся съ могучимъ проявленіемъ до сихъ поръ чуждой ему жизни. Онъ, еще ни разу не взглянувшій на женщину съ вожделѣніемъ, видѣлъ, какъ вспыхивало лицо Андрея, какъ что-то загоралось въ его глазахъ, когда этотъ полный силъ богатырь упоминалъ о Дунечкѣ. Онъ спрашивалъ себя, что это за невѣдомое, грозное и страшно могучее «нѣчто», покоряющее человѣка, зажигающее его кровь, заставляющее вспыхивать его глаза не то радостнымъ, не то дикимъ огнемъ, обращающее богатыря въ слабаго ребенка.

Андрей говорилъ что-то и вдругъ замолкъ и съ удивленіемъ глядѣлъ на брата. Иванъ сидѣлъ блѣдный, какъ полотно, и съ тоскою смотрѣлъ передъ собою.

— Ваня! Ты меня не слушаешь!—воскликнулъ Андрей.

Горбунъ вздрогнулъ и провелъ рукой по лицу.

— Да... Нѣтъ... О чемъ, бишь, ты?—спросилъ онъ, потомъ, поймавъ удивленный взглядъ брата, добавилъ, улыбаясь:—Задумался я.

Андрей снова началъ говорить:

— Видишь ли, я надумалъ кое-что... Дуняша, какъ сказывалъ я, по двору часто ходитъ одна, потомъ—она грамотная... Такъ вотъ вѣсточку бы ей послать.

— Совѣтовать не могу. Тебѣ лучше знать.

— Да я не о томъ. Тебя Богъ грамотой просвѣтилъ, а я, ты самъ знаешь, какой горе грамотей. Еще читать кое-что маракую, а ужъ написать пары словъ не могу. Такъ вотъ я и хочу просить тебя—напиши для меня вѣсточку.

Иванъ промычалъ что-то и покачалъ головой, но Андрей такъ жалобно-просительно смотрѣлъ на него, что онъ поднялся съ лавки и сказалъ:

— Пойдемъ въ мою каморку. Напишу.

Каморка, куда пришли братья, служила складочнымъ мѣстомъ для всякаго рода рухляди; такъ какъ она была далеко отъ отцовскихъ покоевъ и рѣдко посѣщалась, то Иванъ облюбовалъ ее для занятій. Изъ-подъ вороха старыхъ овчинъ онъ досталъ ларчикъ и, открывъ, вынулъ изъ него перо, свинцовую чернильницу и узкую полоску бумаги. Захлопнувъ ларецъ и разложивъ все это на его крышкѣ, онъ усѣлся передъ нимъ на полъ и взялъ перо.

— Ну, что же писать ей велишь?—спросилъ онъ брата.

— Напиши ты ей, что, дескать, свѣтъ-Дуняша, сохнетъ по тебѣ молодецъ, особливо потому, что матушка твоя больно лиха,—какъ-то нараспѣвъ выговаривалъ Андрей.

— Улучила бы ты, свѣтъ-Дуняша, времечко, да прибѣжала бы завтра, какъ твоя матушка спать послѣ обѣда ляжетъ, къ старой липѣ, что растетъ за вашимъ огородомъ. Тебя тамъ поджидать буду, а есть у меня до тебя важнѣйшее дѣло... Приди, свѣтъ, не заставь засохнуть съ тоски меня. А парень я добрый, не обидчикъ, и зовутъ меня Андреемъ Грековымъ-Богатымъ.

— Я, чай, такъ ладно будетъ, Ванюша?

Иванъ пожалъ плечами и медленно сталъ выводить на бумагѣ букву за буквой, снабжая прописныя замысловатыми крючками и росчерками.

Черезъ четверть часа грамотка была готова. Андрей, еще не давъ хорошенько высохнуть черниламъ, схватилъ ее, наскоро поблагодарилъ брата и выбѣжалъ изъ каморки. Иванъ улынулся, потомъ тяжело вздохнулъ и началъ убирать въ ларецъ принадлежности письма.

— Ваня, ты здѣсь?—спросилъ за дверью женскій голосъ.

— Здѣсь. Войди, Маня,—отвѣтилъ Иванъ.

Вошла дѣвушка, лѣтъ семнадцати, сестра Ивана и Андрея. Средняго роста, стройная и темноволосая. У нея было нѣсколько блѣдное лицо съ легкимъ румянцемъ, правильный профиль, большіе сѣрые, словно немного печальные глаза. Глаза она унаслѣдовала отъ матери, умершей еще въ молодыхъ лѣтахъ отъ жестокаго обращенія съ нею мужа, какъ ходили слухи. Было что-то твердое въ очертаніи ея подбородка; миловидное лицо дѣвушки казалось бы почти суровымъ, еслибы его не смягчала часто набѣгавшая на губы тихая улыбка.

— Позаняться, вѣрно, хочешь, Манюша?—спросилъ Иванъ.

— Да. Пока батюшка спитъ.

— Что же почитаемъ или напишемъ?

— Сперва почитаемъ, а потомъ и напишемъ. Я, чай, батюшка еще не скоро поднимется—времени хватить.

— Все я боюсь, какъ бы онъ не свѣдалъ, что ты грамотѣ обучилась—осерчаетъ страсть,—говорилъ Иванъ, доставая изъ ларца книгу въ кожаномъ переплетѣ. Потомъ раскрылъ книгу и добавилъ:

— Ну, почитаемъ. Прошлый разъ мы здѣсь остановились, кажется?

— Да, — отвѣтила боярышня и начала читать съ указаннаго мѣста.

Она читала бѣгло, и Ивану почти не приходилось ее поправлять.

II.

Выбѣжавъ изъ дома съ грамоткой въ рукѣ, Андрей вскочилъ на коня и, кинувъ Яшкѣ:

— Ъдемъ!—поскакалъ къ воротамъ.

Яшка вскарабкался на свою кляченку и замолотилъ ее кнута по крупу. Какъ ни надрывалась лошаденка, когда холопъ выбрался за ворота, Андрей былъ уже далеко впереди.

Вскорѣ, впрочемъ, молодому боярину пришлось сдержать коня, такъ какъ дорога представляла изъ себя мѣсиво, въ которомъ ноги лошади вязли чуть не до колѣнъ. Яшка его нагналъ.

— Яшка!

— Ну?

— Мы, слышь, сзади усадьбы подѣдемъ.

— Сзади—такъ сзади.

— Видишь эту грамотку?

— Ну, вижу.

— Ты отдашь ее боярышнѣ Дуняшѣ. Да не попадись, дуракъ.

— Гмм!.. Попастся!—отвѣтилъ холопъ такимъ тономъ, какъ будто это было нѣчто невозможное.

Яшка вообще былъ очень высокаго мнѣнія о себѣ. Стоило по-смотрѣть, какимъ хватомъ сидѣлъ онъ на своей заморенной кляченкѣ. Онъ воображалъ себя въ это время красавцемъ-богатыремъ, а на самомъ дѣлѣ наружность его была такова, что встрѣчныя бабы, которымъ онъ не упускалъ случая игриво подмигнуть, презрительно отворачивались, бормоча:

— Ишь, туда же!

Онъ былъ тщедушень, рыжеволосъ, имѣлъ крохотный, вздернутый; красный носъ и косилъ на правый глазъ. Косоглазіе въ связи съ изрядною трусоватостью Яшки послужило поводомъ его товарищамъ-холопамъ дать ему прозвище: Заяцъ. Самъ Яшка, когда его спрашивали о причинѣ подобнаго прозвища, объяснялъ это такъ:

— А вишь, братецъ ты мой, я бѣгать гораздъ. Съ иной лошадыю поспорю. Отъ Бога даръ мнѣ такой. Такъ вотъ за это самое...

Иногда, если онъ видѣлъ, что слушатель челоуѣкъ легковѣрный, онъ дѣлалъ варіаціи, рассказывая, что будто бы однажды онъ, по боярскому приказу, обогналъ зайца, котораго не могла догнать ни одна собака, чѣмъ и заслужилъ прозвище.

Большимъ умомъ Яшка не отличался, хотя воображалъ, что онъ — ума палата, но былъ надѣленъ изрядною долей хитрости. Кромѣ того, онъ былъ страшно хвастливъ и умѣлъ врать безсовѣстно.

Путь до усадьбы прошелъ безъ всякихъ приключеній. Прежде чѣмъ приступить къ дѣлу, бояринъ съ холопомъ произвели рекогносцировку: съ холмика заглянули на дворъ стольничихи. Дворъ казался совершенно пустымъ. Андрей поморщился.

— Дуняши-то не видать,—сказалъ онъ.

Боярышня оказалась легка на поминѣ. Дверь сѣней отворилась и выпустила на крыльцо дѣвушку въ красномъ платкѣ на головѣ и потертой тѣлорѣбѣ.

— Она!—воскликнулъ бояринъ.—Повертывай, Яшка, вонъ туда, къ огороду.

Они обогнули усадьбу, состоявшую всего изъ нѣсколькихъ покосившихся домишекъ, крытыхъ соломой, и подѣхали къ огороду. Со двора ихъ здѣсь нельзя было замѣтить. Андрей сунулъ въ руку Яшкѣ грамотку и повторилъ прежній совѣтъ: не попасться. Яшка въ отвѣтъ опять самоувѣренно гмыкнулъ, безъ труда перебрался черезъ плохонькій частоколъ огорода и зашагалъ чуть не по колѣно въ снѣгу. Онъ направился къ кустамъ и вскорѣ скрылся за ними; Андрей видѣлъ, какъ вскорѣ голова холопа мелькнула уже далеко отъ него, вблизи воротъ.

— Только бы Дуня не ушла,—подумалъ молодой бояринъ. Потомъ посмотрѣлъ на старую липу, росшую у частокола; съ вѣтвей дерева грузно падали свѣтлыя капли.

— Ишь, что слезы,—подумалъ Андрей.—Завтра тутъ съ Дуней свидимся. А какъ не придеть? Не придеть—ну, и шутъ съ ней. Другую отыщемъ...

Его размышленія были прерваны криками, неспимися со двора. Визжали женскіе голоса, а среди нихъ можно было слышать голосъ Яшки, испуганно кричавшаго:

— Не замай!

Голоса быстро приближались. Вскорѣ не изъ огорода, а изъ-за угла въ сторонѣ воротъ показался Яшка. За нимъ вдогонку бѣжала кривая баба съ ухватомъ въ рукѣ, за ней развалисто бѣжалъ старикъ Архипка, а въ арьергардѣ спѣшила, тяжело дыша, красная, какъ вареный ракъ, сама Авдотья Филипповна. Она размахивала кулаками и визгливо выкрикивала: «ужо! ужо!». Баба съ ухватомъ пронзительно сыпала ругательствами, какъ горохъ съ рѣшета. Андрей поскакалъ прочь отъ огорода. Ему было и смѣшно и досадно. Яшка, быстро вскарабкавшійся на своего конягу, нещадно билъ его и руками и ногами.

— Что, дуракъ, попался? — сказалъ Андрей, сдерживая коня, когда они удалились на достаточное разстояніе отъ усадьбы, и оборачиваясь къ Яшкѣ.

— Попался? И самъ ты попался бы, вотъ что,—угрюмо отвѣтилъ Заяць.

— Ой ли?

- Да ужъ что!.. Всему причина кошка.
- Кошка?
- Ну, да. У самага двора мнѣ попалась. Черная, большущая — одно слово, вѣдьма. Какъ я увидѣлъ ее, такъ и смекнулъ, что не быть добру. Такъ оно и вышло.
- Дуракъ ты, Яшка. А грамотку ты отдалъ?
- Отдалъ. Шапку снялъ вѣжливенько, какъ надо, и говорю: тебѣ, боярышня, отъ Андрей Маркыча. А тутъ вдругъ кривая чертовка эта выглянула да какъ завизжитъ. Я, конечно, давай Богъ ноги. Тутъ всё и высыпали.
- Что это у тебя рожа сажей перепачкана?
- Гдѣ?—дѣлая невинное лицо, спросилъ Заяцъ.
- Да вонъ вся щека.
- Яшка потеръ ладонью щеку, посмотрѣлъ на ладонь и сказалъ:
- Да сажка. Гдѣ это мнѣ помогло?
- Не юли, Яшка!—со смѣхомъ вскричалъ бояринъ:—это тебя кривая баба ухватомъ смазала.
- Глаза Яшки безпокойно забѣгали.
- Ну, вотъ, выдумаешь, бояринъ!.. Дамся я бабѣ...
- Ладно, ладно. Мѣтка поставлена. Эхъ, ты, горе-богатырь! А вотъ какъ мы эту кашу съ тобой расхлебывать еще будемъ, подумай. А каша заварится. Авдотья Филипповна такъ этого не спуститъ...
- Андрей Марковичъ не ошибся.
- На другое утро, едва бояринъ Маркъ Григорьевичъ успѣлъ подняться съ постели, ему доложили, что отъ сосѣдки, отъ столыничихи Авдотьи Филипповны, прибылъ слуга съ грамоткой къ нему, къ боярину, и настоятельно требуетъ свиданія съ нимъ.
- Грамотку взять и гнать его въ шею! — было первымъ рѣшеніемъ Марка Григорьевича.
- Ему доложили, что уже пробовали сдѣлать это, но старикъ-слуга и грамотки не даетъ и со двора не уходитъ; на всё увѣщанія и тычки бормочетъ одно:
- Хоть до смерти убейте, а ни грамотки не отдамъ, ни со двора не уйду. Приказано въ собственныя руки отдать боярину, на томъ приказѣ и сдѣлаю.
- Волей-неволей, пришлось Грекову-Богатому выйти на крыльцо къ посланному.
- Грековъ-Богатый былъ плотный мужчина лѣтъ около пятидесяти. Онъ имѣлъ красноватое лицо, чуть не до самыхъ глазъ обросшее щетинистою темною бородой съ сильно замѣтной просѣдью, низкій лобъ, неровныя, косматыя брови, нависавшія надъ тусклыми, лукавыми глазами. Сказывалось что-то воловьи-упрямое въ наклонѣ его головы, въ этомъ лѣбѣ, на который низко, клиномъ, сбѣгали, топорщась, темные волосы, что-то жесткое проглядывало въ уголкахъ толстыхъ губъ.

При появленіи Марка Григорьевича на крыльцѣ, посланецъ стольничихи, тотъ самый старикъ Архипка, который вмѣстѣ съ Авдотьей Филипповной и кривой бабой преслѣдовалъ наканунѣ Яшку Зайца, опустился на колѣни и стукнулъ лбомъ о снѣгъ.

— Что тебѣ, старый хрѣнъ?—спросилъ бояринъ.

Архипка, маленькій старикашка, сѣдой, морщинистый и беззубый, еще разъ отвѣсилъ поклонъ и зашамкалъ:

— Боярыня къ тебѣ послала... Боярыня Авдотья Филипповна... Грамотку тебѣ приказала передать въ собственныя ручки... На сына твоего, на Андрюшку, жалуется.

— На Андрюшку?..

— Ась, бояринъ милостивый?

— На Андюшку, говорю?

— На него. Дочку, боярышню Дуняшу, онъ изобидѣлъ.

— Вотъ какъ!

— Ась? Изобидѣлъ. Грамотку съ холопомъ прислалъ ей. А она умная дѣвица, грамотѣ обучена...

— Дура твоя боярыня, что дочку грамотѣ обучала. На что дѣвкѣ грамота? Для баловства. Ну, давай грамотку-го.

— Изволь, милостивецъ.

Архипка поднялся и подалъ Марку Григорьевичу листокъ бумаги. Бояринъ поглядѣлъ на бумагу, но читать не сталъ, по той простой причинѣ, что не умѣлъ читать.

— Ну, отправляйся восвойси,—приказалъ онъ Архипкѣ.

— А отвѣтъ какой, бояринъ? Безъ отвѣта не приказано. Ужь будь милостивъ...

Старикъ просительно глядѣлъ на него, усиленно мигая красноватыми вѣками.

— Отвѣтъ? Эй! гоните этого стараго дурака въ шею! — крикнулъ онъ, удаляясь съ крыльца.

Архипку мигомъ вытолкали за ворота. Вернувшись въ домъ, Маркъ Григорьевичъ велѣлъ позвать къ себѣ Ивана. Когда тотъ явился, отецъ подалъ ему грамотку стольничихи и приказалъ:

— Читай!

Письмо было недлинно:

«Про твоего сына озорства, про Андрюшкины, пишу. Потому не водится у честныхъ людей, чтобы молодыхъ дѣвокъ съ пути сбивать. А онъ дочкѣ моей, Дунькѣ, чрезъ холопа грамотку прислалъ, что дескать выди къ старой липѣ, и я тамъ буду. Дунька дѣвка грамотная и мнѣ послушная, не укрыла отъ меня такого его озорства и плакала слезами горячими, что осоромилъ ее твой сынишка Андрюшка. И ты, Маркъ Григорьевичъ, ему не потакай, а накажи его, Андрюшку, примѣрно, либо сватовъ засылай. Холопа, передатчика Андрюшкина, безъ пощады прибей. А я хоть и вдова бѣдная, но коли что, и до царя дойду, соромить себя съ дочерью не дамся. Стольничиха Авдотья Чижъ».

Выслушавъ грамотку, бояринъ разсмѣялся.

— Ловкая баба! Это она хочеть свою Дуньку за Андриюшку моего выдать, да не знаетъ, какъ подѣхать. Ну, это она высоко мѣтитъ—мы получше невѣсту найдемъ,—сказалъ онъ:—а Андрей надо пробрать. Позови его.

Андрей уже зналъ о приходѣ Архипки съ грамоткой и ждалъ бѣды. Онъ запрятался въ ту самую каморку, гдѣ наканунѣ Иванъ заготовлялъ письмо къ Дуняшѣ, и клялъ на чемъ свѣтъ стоитъ Яшку. Когда Иванъ позвалъ его къ отцу, онъ спросилъ брата:

— А что, очень сердить отецъ?

— Не очень, а только пробрать собирался.

— Помяни царя Давида и всю кротость его, — шепталъ струсившій богатырь, отправляясь съ братомъ къ отцу.

Маркъ Григорьевичъ встрѣтилъ его съ усмѣшкой.

— Ты что это, Андриюшка, дѣвокъ смутьянишь? Жалобы на тебя пишутъ...

— Я, батюшка...

— Подойди ко мнѣ.

Андрей подошелъ.

— Ближе.

Сынъ пододвинулся.

— Наклони голову. Ниже, ниже...

И вдругъ, не вставая съ лавки, схватилъ его за волосы.

— Не за то треплю тебя, что дѣвку смущалъ, а за то, что попался,—приговаривалъ Маркъ Григорьевичъ, мотая изъ стороны въ сторону голову сына.

Богатырь стоялъ съ покорностью теленка, и лицо его выражало только робость.

— Кто грамотку писалъ? — спросилъ отецъ, выпустивъ, наконецъ, чупрынъ сына.

— Грамотку? гмм...—замялся Андрей, смущенно поглядывая на Ивана.

— Я писалъ грамотку, батюшка,—сказалъ горбунъ.

— Ты?! — воскликнулъ Маркъ Григорьевичъ и затрясся отъ смѣха.

— Ну, Божій человекъ! Ну, убоженькій! — повторялъ онъ. — Туда же!.. Ха-ха-ха!

Иванъ стоялъ весь красный.

— Ужь не ты ли... ха-ха!.. и грамотку отвозилъ, да тебя за холопа приняли? Ась? ха-ха!

— Яшка отдалъ грамотку,—проговорилъ Андрей.

— Позвать Яшку,—приказалъ бояринъ, все еще не переставъ смѣяться.

— Ну, удружилъ, Иванъ, потѣшилъ отца, вѣкъ не забуду,—промолвилъ онъ потомъ, обращаясь къ горбуну:—а только за эту

потѣху не мѣшало бы горбъ у тебя поправить, да ужъ больно жидокъ ты, и бить-то въ тебѣ нечего.

Пришелъ Яшка.

Бояринъ принялъ суровый видъ.

— Ты отдавалъ грамотку Дунькѣ, дочкѣ стольничихи?

— Я. Не потаюсь, какъ передъ Богомъ, я.

— И попался съ нею?

Яшка виновато опустилъ глаза.

— Грѣхъ попуталъ... Кошка черная и баба съ хватомъ...

— Ладно, ладно. Эй, Ѳомичъ!

Ѳомичъ, старикъ-ключникъ, выросъ какъ изъ земли.

— Выпороть его хорошенько, — приказалъ бояринъ, указывая на Яшку.

— Да за что же, бояринъ? — взмолился Заяць: — вѣдь, я все по правдѣ...

— Вотъ за эту самую правду.

— Какъ есть по совѣсти...

— Вотъ за совѣсть-то.

Яшка хлопнулъ себя по бедрамъ руками въ недоумѣніи, стукнулъ лбомъ объ полъ, отвѣсивая поклонъ, и удалился въ сопровожденіи Ѳомича.

— Ну, а вамъ мой сказъ такой, — обратился по его уходѣ бояринъ къ сыновьямъ: — зажири вы, шатаясь безъ дѣла, и съ жира ѳеситесь. Надо васъ за дѣло посадить. Ждите моего рѣшенья.

Съ тѣмъ ихъ и отпустилъ.

Прошло около недѣли. Ничего особеннаго въ эти дни не произошло, но въ домѣ чувствовалось необыденное настроеніе. Повидимому, къ чему-то готовились. Почему-то былъ вынутъ весь запасъ платья Андрея и Ивана, тщательно пересмотрѣны, кое-что подновлено, кое-что вновь сшито. Ключникъ Ѳомичъ участливо поглядывалъ по временамъ на Ивана и вздыхалъ. Однажды, самъ бояринъ съ Ѳомичемъ пересмотрѣлъ лошадей, отдѣлилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и долго спорилъ со старымъ ключникомъ объ ихъ силѣ и выносливости. Въ воскресенье вечеромъ Маркъ Григорьевичъ послалъ за попомъ Гаврилой. Попъ Гаврила былъ священникъ стараго закала; онъ съ большимъ порицаніемъ относился къ новшествамъ Никона, не одобрялъ новыхъ церковныхъ книгъ, хотя принялъ ихъ, по приказу изъ Москвы, опасаясь гнѣва властей предрержащихъ; продолжалъ креститься двуперстнымъ крестомъ. Маркъ Григорьевичъ былъ въ большой дружбѣ съ попомъ Гаврилой; бояринъ, подобно попу, былъ ярымъ противникомъ всякаго рода новшествъ, и это ихъ сблизило. Пригласивъ къ себѣ попа, бояринъ долго бесѣдовалъ съ нимъ наединѣ. Андрей, котораго разбирало любопытство, приложилъ ухо къ двери комнаты, гдѣ сидѣли они. Въ чемъ дѣло, онъ разобрать не могъ; до него только

долетали слова: «Москва», «Астрахань». Кажется, что попъ сѣтоваль, что въ Москвѣ вѣра стала пестра. Отецъ что-то отвѣчалъ, упоминая Ивана. Явственно донеслась до Андрея фраза попа: «самъ царь вирши пишеть, вотъ до чего!» и заговорилъ шепотомъ.

Потомъ бояринъ приказалъ принести чернилъ, бумаги и вполголоса сталъ что-то диктовать попу.

Андрей недоумѣвалъ. Онъ попытался расспрашивать Ивана, тотъ зналъ не больше его. Они могли только объ одномъ догадываться, что дѣло, вѣроятно, шло о нихъ.

Ихъ недоумѣніе разрѣшилось въ тотъ же вечеръ. Проводивъ попа, отецъ позвалъ ихъ.

— Вотъ вамъ, — сказалъ онъ, вручая каждому по пакету, запечатанному восковою печатью. — Смотрите, не потеряйте. Вторникъ день легкій — во вторникъ въ путь. Ты, Андрей, въ Астрахань, ты, Ваня, — въ Москву: тебя тамъ приспособятъ въ какомъ нибудь приказѣ, благо, ты грамотей и убогъ. Ну, а Андрюшка пригодится къ ратному дѣлу. Отправлю васъ — выдамъ Марью замужъ. Пора. Старъ дѣлаюсь, отдыхъ нуженъ. За вами скоро ужъ и не усмотрѣть... Во вторникъ отецъ Гаврила отслужитъ напутственный молебенъ, и я васъ благословлю и по иконѣ дамъ. Выросли, слава Богу, надо васъ къ дѣлу приспособлять. Работайте, а я вамъ тутъ невѣсть подыщу... Собирайте за время пожитки, чтобы не забыть чего. Ты, Иванъ, поѣдешь съ Ѳомичемъ, да холопишекъ дамъ четверыхъ... Яшку тебѣ же дамъ...

Поймавъ удивленный взглядъ Андрея, онъ пояснилъ:

— Если пустить Яшку съ Андреемъ, они опять что нибудь учинятъ. Столько же холоповъ даю и тебѣ, Андрей, и старика Клима. Коней съ вами будетъ по пяти: три въ запряжку, два подъ верхъ... Ну, вотъ и все... Чего ты, Иванъ? — спросилъ онъ, замѣтивъ, что тотъ что-то хочетъ сказать.

— Подождать бы, батюшка, немного. Теперь распутица весенняя начинается. Какъ ѣхать?

— Ничего, кони вывезутъ. Можете не спѣша ѣхать, гдѣ и пообождать, если надо. Рѣшено — такъ и конецъ, — отрѣзалъ Маркъ Григорьевичъ. Потомъ отпустилъ ихъ словами:

— Ну, идите съ Богомъ.

Сыновья поклонились и молча вышли.

На пакетахъ дрожащимъ старческимъ почеркомъ было выведено: у Ивана: «въ стольный градъ Москву. Артамону Сергѣевичу Матвѣеву»; у Андрея: «астраханскому наибольшему воеводѣ боярину князю Ивану Семеновичу Прозоровскому».

— Что, Ваня, радъ? — спросилъ брата Андрей. Въ голосѣ его слышалась радость. Иванъ быстро взглянулъ на него.

— Ты-то, я вижу, доволенъ, — замѣтилъ онъ брату.

— А что жъ, Ваня, и здѣсь-то? Тамъ-то вольный человѣкъ.

— А Дуня?

— Ну, добра!—презрительно отвѣтилъ Андрей.

— Нѣтъ, я не радъ,—задумчиво сказалъ горбунъ.

— Жаль домъ родной покидать... Ну, это, конечно.

— Да... Да и такъ какъ-то... не знаю...

Онъ самъ себѣ не хотѣлъ сознаться, что ему было страшно. Его пугалъ этотъ далекій, еще неизвѣстный міръ. Онъ не зналъ міра, и уже не вѣрилъ ему. Ему жаль было своего одиночества, своей тѣсной каморки съ завѣтнымъ ларчикомъ, своихъ тихихъ радостей. Онъ смутно предчувствовалъ, что уже не тѣмъ вернется въ отчий домъ, какимъ покидаетъ его.

Братья сообщили сестрѣ о предстоящемъ имъ скоромъ отъѣздѣ. Она удивилась, опечалилась. Когда они, передавая свою бесѣду съ отцомъ, упомянули о его намѣреніи выдать ее вскорѣ замужъ, по лицу дѣвушки скользнуло выраженіе испуга.

III.

Полная растопель. На дорогахъ вмѣсто снѣга какая-то бурая капица; въ каждомъ овражкѣ — зажора. Возки растянулись. Въ первомъ возкѣ сидитъ Иванъ Марковичъ съ Ѳомичемъ. Старикъ не спокоенъ. Онъ то, приподнявшись, вглядывается въ даль, то начинаетъ что-то шарить на днѣ санокъ, то оборачивается назадъ и машетъ руками, грозитъ и покрикиваетъ:

— Эй, вы! полно рта-то разѣвать! Я васъ ужо!

— Будетъ тебѣ, Ѳомичъ. Ну, чего тамъ? Доберемся—насъ не гонять,—сказалъ Иванъ Марковичъ.

— Доберемся!—ворчитъ старикъ.—Въ такую пору каждый часъ дорогъ. Что больше помедлимъ, то хуже будетъ. Забылъ, какъ мы намедни три дня, три ночи на постояломъ провели и ни шагу со двора ступить не смѣли? Рѣки вскрываются, на поляхъ—что озера, а ты—доберемся! И то скоро другая недѣля, какъ мы въ пути.

— Такъ что же? Поспѣемъ.

Ѳомичъ только досадливо дернулъ плечами. Помолчалъ, потомъ проговорилъ:

— Одному только дивлюсь, какъ это тебя Маркъ Григорьевичъ въ такое время въ путь снарядилъ. Диви бы Андрея... Тому что!—тотъ богатырь, ему все ни по чемъ. А то и тебя, убогонькаго. Вѣдь, говорилъ я ему: бояринъ, теперь ни проходу, ни проѣзду нѣтъ. Анъ, по-своему!..

— Стало быть, такъ надо было, Ѳомичъ,—отвѣтилъ Иванъ Марковичъ.

Онъ каждый день слышалъ подобныя сѣтованья стараго ключника и каждый день отвѣчалъ ему одною и тою же фразою. Ста-

рикъ, вѣроятно, не преминулъ бы возразить, еслибы его вниманіе не было отвлечено. Дѣло въ томъ, что Ѳомичъ съ бояриномъ только что успѣли выбраться изъ довольно крутого оврага, въ который теперь предстояло спуститься отставшимъ возкамъ съ поклажей.

— Легче, легче! — надрываясь кричалъ, перегнувшись черезъ задокъ саней, Ѳомичъ.—Право держи, лѣпшій! Пра... Ле-егче!.. Чортъ!

На днѣ оврага что-то затрещало, загремѣло; слышались возгласы, перебранка. Ѳомичъ, какъ мячикъ, выпрыгнулъ изъ саней и катышкомъ покатился по скату оврага. Иванъ Марковичъ обернулся. Усталая лошадь лежала, полузавязнувъ въ рыхломъ снѣгу; рядомъ съ ея бокомъ торчалъ острый конецъ переломанной оглобли; узелки, ларчики попадали съ воза и чернѣли на снѣгу; съ большого сундука соскочила, расколовшись, крышка, и самъ онъ треснулъ во всю длину. Изъ него выглядывала икона, подаренная отцомъ предъ отъѣздомъ, край богатаго праздничнаго кафтана, новая соболья шапка. Холопы суетились вокругъ этого развала; между ними метался, кричалъ и размахивалъ руками Ѳомичъ.

Иванъ Марковичъ невольно усмѣхнулся, взглянувъ на старика, повидимому, взволнованнаго до послѣдней степени.

— Вотъ она, жизнь людская,—пришло въ его голову сравненіе:—копшатся, ползаютъ по грязи, хлопочутъ, будто не вѣсть о чемъ... Муравьи! Подберутъ хламъ и довольны, точно и свершили все, что требовалось, точно за этимъ и родились, чтобы покопшиться въ грязи да поднять обломокъ оглобли да разбитый сундукъ...

И какъ-то сами собой глаза его обернулись къ небу. Его такъ и потянула къ себѣ свѣтлая, голубая пропасть. Легкая грусть защемила сердце.

— И зачѣмъ манить,—думалъ онъ:—если нельзя попасть туда? Дивенъ Божій чертогъ! Свѣту-то, свѣту-то въ немъ! А у насъ грязная яма да хлопоты, да суетня надъ разбитымъ сундучкомъ. Дѣла сколько и то сказать! Э! Да, можетъ быть, и довольно этого съ насъ, съ муравьевъ?

Когда Ѳомичъ вернулся къ санямъ, онъ нашель Ивана Марковича полулежащимъ, съ закинутой головой, съ глазами, устремленными къ небу. Онъ недовольно покосился на него и подумалъ:

— Ишь, тоже полоумъ! Тутъ добра чуть не погибло на много сотенъ, а онъ въ небо смотритъ да воронъ считаетъ.

Старикъ такъ былъ раздосадованъ безпечностью горбуна, что на вопросъ его: ну, что? все уладилъ? вмѣсто свойственнаго ему пространнаго разсужденія, сухо отвѣтилъ:

— Кое-какъ справили.

Тронулись къ пути. Обозъ тянулся въ такомъ порядкѣ: впереди ѣхалъ Ѳомичъ съ бояриномъ, за ними слѣдовалъ возокъ съ поклажей, за этимъ—второй возокъ, тотъ самый, съ которымъ прои-

зошла катастрофа. Одинъ конный холопъ ѣхалъ впереди, другой замыкалъ шествіе. Быть замыкающимъ выпало на долю Яшки Зайца. Онъ сидѣлъ на своей неизмѣнной заморенной кобылкѣ, на рогожѣ вмѣсто сѣдла. Ноги его висѣли, какъ плети, и болтались въ тактъ ходу лошади. Яшка имѣлъ очень сумрачный видъ.

Шапчонку онъ нахлобучилъ чуть не на брови, голову опустилъ:

— Ну, жизнь!—тяжело вздыхая, думалъ онъ:—ни тебѣ покоя, ни тебѣ утѣхи. День деньской впроголодь, на ночлегѣ—чуть вздремнуть уснѣешь. Водки, кажись, и вкусъ забылъ. Н-ну! И на кой лядъ ѣду я въ Москву? Что мнѣ тамъ дѣлать? Тоска одна. Кабы съ Андреемъ Маркычемъ еще—ну, тогда бы иное дѣло, а то вѣдь съ Иваномъ Маркычемъ. А Иванъ Маркычъ—что монахъ. Опять же и этотъ хрычъ Ѳомичъ съ нимъ—вѣдь мнѣ старикашка покоя не дастъ. Бѣда! Пропадать совсѣмъ приходится.

Онъ поднялъ голову и посмотрѣлъ на возки и на дорогу. На его обязанности лежало наблюдение за тѣмъ, чтобы чего нибудь не обронить случайно съ возковъ и не оставить на дорогѣ, онъ же долженъ былъ замѣтить, если какой нибудь возокъ развязался, и скарбъ грозить паденіемъ.

Взглянувъ на ближайшій къ нему возокъ, Заяцъ замѣтилъ, что съ расколотаго сундука поломанная крышка сдвинулась, и какая-то вещь готовится выпасть. Онъ хотѣлъ уже крикнуть возчику объ этомъ, какъ вещь уже выкатилась на дорогу. Возчикъ продолжалъ ѣхать, ничего не замѣтивъ.

— Ладно. Подниму и утру носъ Ѳомичу: онъ другимъ всякое лыко въ строку, а самъ эвось, какъ укладываетъ боярское добро,—рѣшилъ Яшка и, поравнявшись съ вещью, спрыгнулъ съ коня, поднялъ ее и снова забрался на спину кляченки. Никто и не видѣлъ, какъ онъ подобралъ потерю. Вещь оказалась новой собольей шапкой Ивана Марковича.

— Ишь, шапочка-то!—разсуждалъ самъ съ собою Яшка, отряхивая шапку отъ приставшей къ ней грязи.—Мѣхъ-то, мѣхъ-то! Поди, сколько деньжищъ за такую отдать надо. Вотъ она, жизнь-то: у меня полушки за душой нѣтъ, а у боярина сотенныя шапки изъ сундуковъ лѣзутъ вонъ. Обида! Эхъ, Боженька! совсѣмъ рабъ твой Яшка, бѣдняга парень. Хоть Ты бы оглянулся на него. Ужъ такъ-то горько, что будь пара-другая алтынъ въ карманѣ, вдрызгъ бы я напился. Поѣхать отдать, что-ль, шапку Ѳомичу? Аль погодить?

Холопъ повертѣлъ еще шапку въ рукахъ, потомъ внимательно оглянулся по сторонамъ и, вытаращивъ глаза на чуть видную ему спину Ѳомича, поспѣшно спряталъ шапку за пазуху. Вѣроятно, кобылка Зайца очень устала, что разстояніе между возками и нею стало быстро увеличиваться.

Когда часа черезъ два путники прибыли къ постоялому двору,

Яшки между ними не было. Его кликали, искали поблизости двора, но не могли ни дозваться, ни найти.

Въ это же время верстахъ въ десяти отъ мѣста остановки Ивана Марковича и его челядинцевъ, въ толпѣ подвыпившихъ мужиковъ, подлѣ кружала-кабака—плясалъ сильно пьяный косою мужиченко. Шапчонка его была лихо заломлена, на лицѣ застыла безмысленно-самодовольная улыбка.

— Вотъ, я!.. Ишь, я!.. Э-эхъ, знай нашихъ!.. выкрикивалъ онъ, выкидывая ногами замысловатыя колѣнца.

— Душа-парень!—говорили мужики.

Плясунъ вдругъ остановился.

— Идемъ! Угощай!—крикнулъ онъ, направляясь къ дверямъ кружала.

Толпа повалила за нимъ.

Душа-парень былъ Яшка Заяцъ, пропивавшій соболью шапку.

До поздней ночи продолжалось угощенье, прерываемое пляской и пѣньемъ. Среди угощавшихся Яшка нашель «друга», къ которому начетверенькахъ отправился ночевать.

На другой день гульба продолжалась, на третій шапка была окончательно пропита, на четвертый участь шапки раздѣлила заморенная Яшкина кобылка...

Гулялъ Яшка болѣе недѣли. Когда у него уже ничего не осталось, кромѣ изодраннаго до невозможности армяка да штановъ изъ крашенины, «другъ» вытолкалъ его въ шею изъ своей избы.

Очутившись безъ пристанища, Яшка послалъ крѣпкое ругательство по адресу «друга», выдернулъ хворостину изъ ближайшаго плетня и бодро зашлепалъ по грязи стоптанными лаптями, держа путь къ усадьбѣ Грекова-Богатаго.

Маркъ Григорьевичъ былъ немало удивленъ, когда ему доложили, что Яшка вернулся.

— Ты зачѣмъ здѣсь?—спросилъ Яшку бояринъ.

Заяцъ бухнулъ ему въ ноги и проговорилъ:

— Иванъ Марковичъ здоровъ и твоей милости приказалъ кланяться. Отпустилъ онъ меня...

— Отпустилъ?

— Да. И вышло тутъ дѣло, бояринъ, а-ахъ, какое!

— Почему же это онъ тебя отпустилъ?

— По добротѣ своей. Жалостное у него сердце извѣстно. А какъ онъ видитъ, что я все грущу да плачу...

— Ты грустилъ и плакалъ?

— Да. Тоска меня брала. Потому тутъ у меня могилка матери и отцова... Опять же и родной стороны было жаль. Онъ и говорить: поѣзжай-ка ты, Ишенька, домой; я и безъ тебя доѣду, а тебя, вижу, говоритъ, тоска съѣдаетъ. Точно, говорю, потому, могилки...

Тутъ Яшка громко всхлипнулъ.

— Ну?

— Ну, и отпустилъ. Оомичъ было на дыбы, одначе Иванъ Маркычъ его не послушалъ. Еще четыре алтына подарилъ на харчи... Тутъ-то дѣло и вышло аховское.

— Что это ты весь въ грязи?

— Грязь по дорогамъ—во, выше колѣнъ.

— Да развѣ ты пѣшью? А кобылка гдѣ?

— Пропала. Ограбили меня на пути.

— А!

— Почитай все до нитки обобрали.

— То-то ты рванью такой. Значить, и зипунишка, который тебѣ былъ для Москвы сшить?

— И его.

— Гмм... Ишь, синячище какой у тебя подъ глазомъ.

— А это я отъ душегубовъ оборонялся. Нешто можно такъ все отдать? Мы тоже Бога помнимъ.

— Голосъ у тебя сталъ, что въ трубу дуешь.

— Застудилъ въ пути глотку, бояринъ.

— Чего это у тебя такъ рожу раздуло?

— Можегъ, отъ голодухи это я опухъ. Христовымъ именемъ брель.

— Такъ. Надо тебя, братъ, выпоротъ хорошенько.

— За что же?

— Чтѣбъ не повадно было боярское добро пропивать. Ахъ, ты, пьяница окаанный! Рожа безстыжая! Эй! всыпать ему!

И Яшкѣ всыпали да такъ, что онъ уже два часа спустя послѣ экзекуціи покрывалъ и почесывался.

— Нѣтъ, ты вотъ что мнѣ скажи, милый человѣкъ,—обратился онъ послѣ порки къ одному изъ холопей:— какъ быть намъ съ боярами. Правду скажешь—порють, соврешь—порють пуще.

— Захотѣлъ ты отъ господъ! Они рады нашего брата до смерти убить.

— Точно что.

— Придетъ ужѣ и на нашей улицѣ праздникъ.

— Какъ, то-ись?

— Нѣтъ, это я такъ про себя...

И собесѣдникъ, мужикъ угрюмаго вида, отошелъ отъ Зайца.

Яковъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ ему во слѣдъ и подумалъ:

— Что онъ такое брешеть?

IV.

Ивану Марковичу разыскать въ Москвѣ Артамона Сергѣевича Матвѣева было нетрудно: его зналъ тамъ чуть не каждый. Причиною такой извѣстности было то, во-первыхъ, что Матвѣевъ, хотя

и не родовитый человекъ и даже не имѣвшій еще боярскаго сана, былъ другомъ царя Алексѣя Михайловича, который звалъ его «своимъ Сергѣичемъ», пересылался дружескими письмами и нерѣдко запросто ѣзжалъ къ нему въ домъ, во-вторыхъ, Матвѣева знали многіе, какъ начальника Малороссійскаго приказа.

Артамонъ Сергѣевичъ благообразный, пожилой мужчина, встрѣтилъ Ивана Марковича привѣтливо и, пробѣжавъ письмо Марка Григорьевича, обнялъ и облобызалъ горбуна.

— Зналъ, зналъ твоего батюшку. Еще мальчишками пріятелями были. И потомъ встрѣчались... Крутенекъ онъ нравомъ сталъ и новыхъ порядковъ не любитъ, а только другъ добрый. Будь у меня въ домѣ, какъ родной.

Ивана Марковича поразила обстановка дома Матвѣева — она рѣзко отличалась отъ обычнаго убранства боярскихъ покоевъ. Не было ни лавокъ, ни расписанныхъ библейскимъ письмомъ стѣнъ, ни поставцевъ. Стѣны были обиты темнымъ сукномъ, вдоль нихъ были разставлены кресла и стулья нѣмецкой работы, такой же нѣмецкой работы рѣзной, большой шкалъ со стеклами былъ биткомъ набитъ книгами и рукописями, на стѣнахъ — картины, въ простѣнкахъ — зеркала. Только многочисленныя иконы въ углу, съ теплившейся передъ ними лампадой, и столъ подъ ними — дубовый, украшенный рѣзбою въ русскомъ вкусѣ, свидѣтельствовали, что въ этомъ онѣмечившемся уголку живутъ православные, русскіе люди.

Едва гость и хозяинъ успѣли усесться въ кресла, какъ въ комнату вошла высокая, красивая дѣвушка, одѣтая въ простой сарафанъ изъ «дабы»¹⁾. Увидѣвъ незнакомое лицо, она не смутилась и не убѣжала, какъ сдѣлала бы на ея мѣстѣ въ другомъ домѣ всякая ея сверстница, а спокойно поклонилась горбуну.

— Вотъ, Наташа, моего стараго пріятеля сыночекъ, Иванъ Марковичъ или проще Ваня, — сказалъ Артамонъ Сергѣевичъ, потомъ добавилъ: — распорядись-ка, Наташа, чтобъ намъ чайку подали. Ты, Ваня, пивалъ ли когда чай?

— Не знаю даже, что это такое.

— Травка такая. Изъ дальнихъ земель ее везутъ. Попробуешь — понравится.

Между тѣмъ, дѣвушка вышла.

— Я думаю, ты удивляешься, какъ это моя воспитанница — Наташа мнѣ, вѣдь, не дочь — такъ къ незнакомымъ людямъ на глаза лѣзетъ? — спросилъ, усмѣхаясь, Матвѣевъ.

Иванъ Марковичъ замялся: Артамонъ Сергѣевичъ угадалъ его мысли.

— Такъ, вѣдь? — продолжалъ Матвѣевъ. — По-новому мы жить

¹⁾ Бумажная матерія.

начинаемъ, братецъ. На Руси женщина не то раба, не то не чело-
вѣкъ вовсе. У ней, вишь, волосъ дологъ, да умъ коротокъ, гово-
рятъ. А я думаю, что это неправда, и такой же она чело-
вѣкъ, какъ и мы съ тобой. Чего же ее взаперти держать? У насъ на
Руси все одна отповѣдь: такъ у отцовъ-дѣдовъ важивалось. Да
если плохое важивалось, такъ отвыкать надо. Опять же и то —
прежде было время, а теперь другое. Прежде думали, что и гра-
мота не нужна, а пока мы сидѣли не учеными по-дѣдовски-то;
нѣмцы и другіе заморскіе люди всякія науки произошли, и насъ
за дураковъ считаютъ. Смотрѣть намъ надо, не какъ дѣды живали,
а какъ люди за моремъ живутъ, и у нихъ учиться. Да, да, пора
намъ учиться.

— Ученье — свѣтъ, что говорить, — промолвилъ Иванъ Мар-
ковичъ.

— Именно, свѣтъ. И не лучше-ль при свѣтѣ ходить, чѣмъ впотъ-
махъ бродить? Дѣдовское, дѣдовское! Храни его, если хорошее,
никто не велитъ бросать, а что худое — замѣни новымъ. Пора—
полоса пришла. У насъ, что ни шагъ,—грѣхъ. Книги исправили—
грѣхъ... Иноки Соловецкіе до сихъ поръ бунтуютъ, книгъ не
пріемлютъ... Пѣніе ввели единоголасное—грѣхъ... Да все, все грѣхъ.
Зеркала повѣсить нельзя — согрѣшишь. Ты думаешь, отчего я
зеркальцы развѣсилъ? Любоваться мнѣ на себя такъ охота? Да
вовсе же нѣтъ! Не зеркала нужны, а нужно показать, что новые
порядки у меня въ домѣ, что со своимъ стародавнимъ уставомъ
пустъ не суются, что ничего грѣховнаго нѣтъ стекло на стѣну
повѣсить...

Артамонъ Сергѣевичъ говорилъ волнуясь. Онъ, видимо, выска-
зывалъ то, что давно накипѣло на его сердцѣ. Гость слушалъ его
сначала съ изумленіемъ, потомъ усиленно-внимательно. Новыя были
это рѣчи для Ивана Марковича, новымъ и вѣяло на него отъ нихъ.
Онъ тоже волновался. Эта ломка всего стараго, которой требовалъ
Матвѣевъ, вѣками сложившагося, пугала его. Жутко было расста-
ваться со всѣмъ тѣмъ, что съ дѣтства привыкъ считать святымъ
и ненарушимымъ. Чело-вѣкъ, котораго онъ видитъ въ первый разъ,
рѣшительно заявляетъ, что все это яко бы святое и ненаруши-
мое—вздоръ, и что путь къ свѣту лежитъ черезъ ниспроверженіе
завѣтнаго, дѣдовскаго. А, между тѣмъ, онъ сознавалъ, что въ сло-
вахъ Матвѣева много правды, что дѣйствительно тьмой объята
Русь, что тамъ, за моремъ, въ иноземцинѣ, и жить умѣютъ иначе
и дѣлать все умѣютъ лучше... Что ни заморская вещь — то дико-
вина. Не даромъ же прямо говорятъ: «чудо заморское»...

Вошелъ слуга съ подносомъ, а слѣдомъ за нимъ Наташа.

— Прошу чая откушать,— сказала она Ивану Марковичу.

Гость и хозяинъ пересѣли къ столу. Грековъ-Богатый хлебнулъ
горячей, ароматной, подслащенной жидкости.

— Ну, что? — спросилъ его Матвѣевъ.

— Очень вкусно.

— Новое питье... Скоро на Руси все старое новымъ смѣнится, благодаря нашему царю-батюшкѣ Алексѣю Михайловичу.

Конечно, Артамонъ Сергѣевичъ нѣсколько ошибался: не мягкому и добродушному царю Алексѣю было совершить гигантскую работу преобразованія, на которую едва хватило мощи и энергии у его великаго сына, но онъ былъ правъ въ томъ, что конецъ старыхъ порядковъ близокъ; еще Петръ Великій не родился, и его мать, Наталья Кирилловна Нарышкина, или Наташа, какъ звалъ свою воспитанницу Матвѣевъ, еще не расплела на двѣ, какъ подобаеть замужней женщинѣ, своей дѣвичьей косы и не покинула хоромъ своего воспитателя для покоевъ своего царственного мужа царя Алексѣя Михайловича, но уже началась подготовительная работа къ грядущимъ преобразованіямъ, уже все настоятельнѣе и чаще раздавались голоса въ осужденіе старыхъ порядковъ, и самымъ громкимъ изъ этихъ голосовъ былъ едва ли не голосъ Артамона Сергѣевича.

Наталья Кирилловна, подобно Матвѣеву и гостю, сѣла къ столу и взяла кружку чая.

Артамонъ Сергѣевичъ началъ разспрашивать Ивана Марковича объ отцѣ, братѣ, о его занятіяхъ въ деревнѣ. Горбуна сперва смущало присутствіе Нарышкиной, но вскорѣ онъ овладѣлъ собой и неспѣшна сталъ рассказывать объ отцѣ съ братомъ, о себѣ, о своихъ книгахъ, о занятіяхъ съ сестрой.

По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, лицо Артамона Сергѣевича свѣтлѣло. Когда горбунъ замолчалъ, Матвѣевъ всгаль и обнялъ его.

— Ты добрый, славный парень. Богъ просвѣтилъ твой разумъ, взамѣнъ тѣлесной красоты. А это лучше... Еслибы всѣ парни у насъ были такіе, не тѣ бы порядки повелись на Руси, — сказалъ Матвѣевъ.

Потомъ онъ подвелъ молодого боярина къ шкапу съ книгами и, раскрывъ его, продолжалъ:

— Вотъ тебѣ всѣ мои книги. Бери, какую хочешь. Вотъ ариеметика, сирѣчь цифирная счетная мудрость, вотъ геометрія, сирѣчь наука, какъ измѣрить все, что на землѣ находится, вотъ географія—описаніе странъ заморскихъ... Да тутъ много разныхъ. Есть и сказанія и вирши... Выбирай себѣ по вкусу. Тутъ же стоятъ чернила; вотъ перья, бумага... Читай, пиши на свободѣ. А соскучишься—съ Наташей поговори. Она у меня ученая!—шутливо добавилъ онъ.

— Иванъ Марковичъ подумаетъ, что и правда, — улыбаясь замѣтила дѣвушка.

— Правда и есть. Да что такое за Иванъ Марковичъ и Наталья Кирилловна—зовите попросту другъ дружку: Ваня да Наташа.

Батюшка твой, Ваня, просилъ меня взять тебя къ себѣ въ приказъ. Это я могу. А только спѣшить не зачѣмъ. Прежде поживи въ Москвѣ да попривыкни... Жены сейчасъ дома нѣтъ. Она тебя, какъ родного полюбитъ. Пока отдыхай. Тебѣ, чай, ужъ и комната приготовлена.

V.

Прошло около мѣсяца со времени прїѣзда Ивана Марковича въ Москву. Онъ до сихъ поръ еще не ходилъ въ приказъ. Ежедневно, раннимъ утромъ, онъ, въ сопровожденіи Ѳомича, отправлялся бродить по Москвѣ. Москва того времени немногимъ уступала по обширности современной; число домовъ было, конечно, значительно меньше, да и дома эти, въ громадномъ большинствѣ деревянные, были невелики, но зато почти къ каждому изъ нихъ прилегалo большое пространство земли, занятое садомъ, огородомъ, службами, бывали мѣста засѣянные, и, такимъ образомъ, среди города встрѣчались поля. Еслибы взглянуть на Москву того времени съ птичьего полета, то глазамъ представилась бы обширная, волнистая поверхность, перерѣзанная узкими стальными лентами рѣчекъ и покрытая разной величины зелеными и темными пятнами, среди которыхъ сѣрѣли тысячи тесовыхъ, гонтовыхъ, даже соломенныхъ крышъ, змѣнились зубцы Кремлевскихъ стѣнъ, гордо возносили къ небу золоченыя главы соборы Ивановскій и Архангельскій, много ниже ихъ завивалъ свои пестрые купола Василиій Блаженный, и сверкали маковками множество городскихъ и монастырскихъ церквей. Для Ивана Марковича было что посмотреть въ Москвѣ. Обыкновенно, къ полудню, нѣсколько утомленный, онъ возвращался въ домъ Матвѣева, и всякій разъ съ удовольствіемъ думалъ о томъ, какъ жена Артамона Матвѣевича съ добродушной улыбкой спросить:

— Что усталъ, паренекъ? Экъ, не лѣнь тебѣ бродить каждый день!—Какъ привѣтливо кивнетъ ему головкой Наташа. Потомъ вкусный обѣдъ, чтеніе вмѣсто отдыха, а послѣ, какъ стемнѣетъ, бесѣда съ Наташей въ затихшемъ домѣ, озаренномъ трепетнымъ пламенемъ нагорѣвшихъ свѣчъ. Онъ читалъ съ жадностью и толковалъ о прочитанномъ съ Натальей Кирилловной. Иванъ Марковичъ успѣлъ очень сдружиться съ Нарышкиной. Съ нею всякая тема была интересна, можетъ быть, благодаря тому, что молодой человѣкъ болѣе прислушивался къ звуку ея голоса, чѣмъ вдумывался въ смыслъ произносимыхъ ею словъ, и съ бѣльшимъ вниманіемъ слѣдилъ за выраженіемъ ея лица, чѣмъ за ея рѣчью. Однажды онъ, глядя на ея лицо, подумалъ:

— Эхъ, узнать бы, что она обо мнѣ думаетъ!—Онъ тутъ же самъ на себя подивился, что подобная мысль пришла ему въ голову.

Не разъ онъ замѣчалъ также, что съ нимъ дѣлается что-то странное, когда случайно его рука коснется ея. Какъ-то въ такой моментъ онъ взглянулъ на себя въ зеркало и удивился выраженію своего лица: оно живо напомнило ему выраженіе лица его брата Андрея, когда тотъ говорилъ о Дувяшѣ. Ложась спать въ эту ночь, Иванъ Марковичъ помолился жарче и дольше обыкновеннаго; это не помѣшало увидѣть ему во снѣ Наташу, будто бы нѣжно его цѣловавшую.

Изрѣдка къ Матвѣеву наѣзжали гости. Собирались не для того, чтобы попить и поѣсть, а «для разговоровъ». Нарышкина и хозяйка дома не прятались отъ гостей, оставались для бесѣды. Тутъ-то пришлось увидѣть Ивану Марковичу чуть ли не всѣхъ передовыхъ людей того времени. Особое вниманіе его привлекали «новые» люди, не родовитые, какъ и самъ Матвѣевъ, но ближайшіе слуги царя: Ординъ-Нащокинъ, Ртищевъ. Первый не совсѣмъ нравился ему своею самоувѣренностью, заносчивостью и кичливостью, передъ вторымъ—тихимъ ласковымъ человѣкомъ—онъ благоговѣлъ немногимъ меньше, чѣмъ передъ Симеономъ Полоцкимъ, который также заглядывалъ къ Матвѣеву: этотъ высокій, худощавый, серьезный монахъ казался ему чуть ли не воплощеніемъ всѣхъ добродѣтелей.

«Разговоры», которые велись въ домѣ Матвѣева, мало того, что научали Ивана Марковича больше иной книги, еще давали возможность узнавать о всѣхъ важныхъ событіяхъ, происходящихъ въ государствѣ; изъ нихъ онъ узналъ, напримѣръ, о той народной бурѣ, которая поднималась на востокѣ Руси—о бунтѣ Степана Разина.

Довелось Ивану Марковичу побывать и въ домѣ человѣка иного закала, чѣмъ Матвѣевъ. Одинъ бояринъ пригласилъ его къ себѣ на именинный пиръ. Горбунъ пошелъ, и послѣ чуть не каляся.

Въ горницѣ, живо напомнившей ему отцовскую, только гораздо меньшихъ размѣровъ и убранную бѣднѣе, набилось человѣкъ до тридцати гостей. Вслѣдствіе многолюдства было трудно дышать, кромѣ того, сильно пахло деревяннымъ масломъ, которымъ гости позаботились намазать себѣ головы, нѣкоторые до такой степени, что масло стекало съ волосъ на воротникъ. Всѣ чинно сидѣли вдоль стѣнъ, по лавкамъ, держа на колѣняхъ руки съ растопыренными пальцами, чтобы похвастать своими перстнями, и сосредоточенно смотрѣли передъ собой. Наряды пестрѣли золотыми и серебряными травами и разводами по всякому полю; тутъ были и фѣязи ¹⁾ изъ объяри ²⁾, и терлики ³⁾ изъ золотого бархата, и пар-

¹⁾ Длинная комнатная одежда, безъ перехвата и воротника, съ длинными разрѣзанными и закинутыми назадъ рукавами.

²⁾ Объяръ—шелковая тонкая ткань, травчатая или струйчатая.

³⁾ Терликъ родъ фѣязи, съ перехватомъ и петлями и съ болѣе короткими, чѣмъ у послѣдней, рукавами.

чевые кафтаны, съ сплошь унизаннымъ жемчугомъ и драгоценными камнями козыремъ ¹⁾, и аксамитныя ²⁾ чуги ³⁾, и алтабасныя ⁴⁾ тегилiai. У многихъ роскошная одежда была плохо сшита: кто задыхался въ узкомъ воротѣ и сидѣлъ съ побагровѣвшимъ лицомъ, у кого ферязъ чуть не сползала съ плечь.

Большинство гостей молчало и искоса оглядывало наряды другъ друга. Хозяинъ вяло перекидывался кое съ кѣмъ отрывистыми фразами.

Всѣ оживились, когда раздалось долгожданное приглашеніе:

— Гости дорогіе! прошу хлѣба-соли откушать.

Подавалось сразу по нѣсколько яствъ. Хозяинъ, казалось, хотѣлъ закормить гостей. Подавались пироги съ бараниной, пироги кислые съ сыромъ, «куря» въ кальѣ, курия въ лапшѣ, курия въ щахъ, пироги «съ яйцы», жареные жаворонки, жареный гусь, потрохъ гусиный, жареный поросенокъ, жареные караси, щука паровая, стерлядь паровая, щучья голова, сырники, пирогъ съ рыбой и еще, и еще...

Сѣли за столъ въ полдень, досидѣли до сумерекъ, а обѣдъ еще былъ въ половинѣ. Каждого блюда надо было непременно отвѣдать, чтобы не обидѣть хозяина. На все количество гостей было не болѣе десятка вилокъ; гости безъ стѣсненія ѣли руками; «тарѣлей» на всѣхъ не хватило—по-двое, по-трое ѣли изъ одной тарелки, при томъ на той же самой и мясо и рыбу. Многія кушанья были приготовлены на такомъ прогорклomъ маслѣ, что въ горлѣ першило. Пили безъ передышки, все вперемѣшку: зелено вино, меды, наливки, брагу, романею ⁵⁾. По мѣрѣ того, какъ гости хмелѣли, въ комнатѣ становилось шумнѣе. Послышались непристойныя шутки, пьяный хохотъ. Вскорѣ стоялъ дымъ коромысломъ. Никто никого не слушалъ, и каждый старался перекричать другого. А чарки, кубки, братины все продолжали мелькать...

Хозяинъ, сильно охмелѣлый, заплетающимся языкомъ непрерывно повторялъ одно и то же:

— Дорогіе гости!..

Нѣкоторые изъ «дорогихъ гостей» скатились со скамей подъ столъ и тамъ захрапѣли.

Въ концѣ обѣда уже никто ничего не ѣлъ, но пить продолжали.

Хозяинъ усиленно началъ клевать носомъ въ столъ, но вдругъ встрепенулся и крикнулъ:

¹⁾ Стоячій воротникъ.

²⁾ Плотная, золотистая ткань съ золотымъ и серебрянымъ шитьемъ.

³⁾ Чуга—узкій кафтанъ, безъ воротника, застегивавшійся пуговицами.

⁴⁾ Алтабасъ, отъ арабскаго: ель-дыбачъ, ткань по серебряной и шелковой землѣ.

⁵⁾ Бургонское.

— Бабъ!

Вскорѣ въ комнату вошли двѣ женщины; у каждой былъ подносъ въ рукахъ, на которомъ красовался узкогорлый мѣдный кувшинъ съ наливкою и серебряная чара. Первая изъ нихъ, низкорослая, сильно набѣленная, нарумяненная, съ покрашенными бровями, точно придавленная непомѣрно большой, налѣзавшей на уши кикой, червчатого, вишневаго цвѣта атласа, съ изумрудной запаной и жемчужными поднизями, одѣтая въ вишневый же бархатный сарафанъ, перехваченный шитымъ золотомъ поясомъ съ яхонтами, была жена хозяина дома; вторая, стройная, тонкая, какъ вѣтка, была старшая дочь его. На ней былъ голубой кокошникъ съ жемчугомъ, такого же цвѣта сарафанъ съ унизаннымъ жемчугомъ поясомъ, съ котораго спадали двѣ золотыя кисти; жемчужная нить перевивала бѣлокурую косу. Она, подобно матери, была сильно нарумянена, но блѣдность проступала сквозь румяна; и большіе, голубые глаза смотрѣли робко и испуганно. Войдя, женщины низко поклонились и остановились у порога.

— Попотчуйте дорогихъ гостей!—приказалъ хозяинъ.

Боярыня и боярышня молча направились одна вправо, другая—влѣво. Поочередно подходили онѣ къ гостямъ, наливали чарку и подносили гостю, кланаясь въ поясъ и говоря:

— Не обидь—выкушай.

Гость поднимался, если это позволяли его ослабѣвшія ноги, просилъ угощавшую «пригубить» чарочку, и, когда она отхлебывала глотокъ, залпомъ выпивалъ чару и, отеревъ рукавомъ усы, троекратно цѣловался съ угощавшей. Иванъ Марковичъ видѣлъ, какъ выраженіе отвращенія скользило по лицу боярышни всякій разъ, когда пьяный гость обращался къ ней съ поцѣлуями, но она не отстранялась и покорно подставляла свои пухлыя губы.

— Рабыни!—подумалъ горбунъ.

И передъ нимъ мелькнулъ стройный обликъ Нарышкиной, съ немного горделиво откинутой прекрасной головкой, съ задумчивыми глазами, съ властной дугою бровей... Онъ вновь взглянулъ на боярышню — безмолвную, покорную, приниженную — и опять подумалъ:

— Бѣдныя, бѣдныя рабыни!

Обнесши всѣхъ гостей, женщины остановились и молча устали на хозяина.

Тотъ махнулъ рукой и крикнулъ:

— Убирайтесь!

Боярыня съ боярышней низко поклонились и вышли.

По удаленіи женщинъ, хозяинъ, повидимому, счелъ всѣ свои обязанности въ отношеніи къ гостямъ исполненными. Онъ ткнулъ носомъ въ столъ и захрапѣлъ. Начался полиѣйшій сумбуръ. Кто-то хриплымъ голосомъ пѣлъ, кто-то неистово взвизгивалъ. Между нѣ-

которыми завязалась перебранка. Одинъ, сильно хмельный, сосредоточенно угрюмо вонзалъ ножъ въ столъ и вынималъ его. Можно было опасаться, что онъ съ такимъ же видомъ всадитъ ножъ вмѣсто стола въ бокъ сосѣда.

Свѣчи догорали, чадя... Было невыносимо душно и жарко. Иванъ Марковичъ пилъ очень мало, но ѣсть пришлось не меньше другихъ; онъ чувствовалъ страшную тяжесть въ желудкѣ, отъ жары и духоты ломило виски, отъ долгаго сидѣнья ныло тѣло. Онъ поднялся, отыскалъ шапку и направился къ выходу.

— Эй, горбатый! — крикнулъ ему вслѣдъ гость, игравшій ножомъ. — Куда? Подожди, когда всѣ пойдутъ. Нето я тебѣ горбъ твой срѣжу!

Онъ со свирѣпымъ видомъ погрозилъ Ивану Марковичу ножомъ и сдѣлалъ попытку встать, но ноги не повиновались.

Грековъ-Богатый торопливо вышелъ.

— Нѣтъ,—думалъ онъ, укладываясь, по возвращеніи домой, спать:—не такъ бы устроилъ я свой домъ... Это безобразіе одно. У меня бы жена не сидѣла взаперти, и пооекъ не было бы... Собирались бы, какъ къ Артамону Сергѣевичу, для разговоровъ... Тихая бесѣда, нехитрое угощенье, привѣтливая, молодая жена... А что еслибъ мнѣ жениться?

Послѣднюю фразу онъ вымолвилъ вслухъ.

Раздѣвавшій его Оомичъ принялъ это за обращеніе къ нему и сказалъ:

— А что жъ коли батюшка благословитъ, такъ честнымъ пиркомъ да и за свадебку...

— Ты такъ думаешь?—задумчиво спросилъ молодой бояринъ.

Въ эту ночь онъ долго не могъ заснуть, воображеніе рисовало ему картины счастливой жизни съ женой. Жена представлялась ему неизмѣнно въ образѣ Наташи.

На другой день онъ въ виршахъ изложилъ свои думы о будущей семейной жизни.

Еще за нѣсколько дней передъ этимъ онъ, бесѣдуя съ Нарышкиной, проговорился, что напишетъ вирши.

Она удивилась и взяла съ него слово, что если онъ напишетъ вирши, то покажетъ ей ихъ.

Набросавъ стихами свои думы, онъ взялъ листокъ и пошелъ къ Натальѣ Кирилловнѣ. Онъ засталъ ее одну въ комнатѣ. Она что-то шила, опустивъ голову, и не замѣчала тихо подошедшаго Ивана Марковича. Онъ молча смотрѣлъ на нее нѣкоторое время. Она сидѣла къ нему бокомъ. Онъ видѣлъ строгій профиль, бровь, чуть-чуть, будто удивленно, приподнятую къ вискамъ, тѣнь длинныхъ рѣсницъ, красивый разрѣзъ губъ; нижняя губа выступала нѣсколько дальше верхней, а надъ той пушилась чуть примѣтная

дымка... Странная нѣжность наполняла сердце горбуна, когда онъ глядѣлъ на Наташу.

Дѣвушка почувствовала на себѣ взглядъ, подняла голову и, слегка испугавшись, вскрикнула.

— Испугаль? Прости. А я вирши принесъ...—сказалъ Иванъ Марковичъ и съ удивленіемъ замѣтилъ, что онъ начинаетъ волноваться.

— А! Дай-ка сюда.

Молодой человекъ подалъ листокъ. Рука его дрожала.

— Длинные вирши. Когда это ты успѣлъ?

— Сегодня,—отвѣтилъ горбунъ и самъ не узналъ своего голоса.

Нарышкина взглянула на него.

— Что это ты такой блѣдный?

— Я? Нѣтъ!—пробормоталъ Иванъ Марковичъ, а у самого даже губы побѣлѣли.

Нарышкина начала читать. Грековъ-Богатый слѣдилъ за выраженіемъ ея лица. Онъ видѣлъ, какъ по мѣрѣ чтенія лицо дѣвушки принимало не то выраженіе изумленія, не то недоумѣнія.

— Ахъ, зачѣмъ я принесъ!—мучительно пронеслось у него въ головѣ.

Онъ провелъ рукою по лицу. Пальцы были холодны, какъ ледъ, а лобъ горѣлъ.

Нарышкина дочитала и молча подала ему листокъ, покачивая головой.

— Что?—спросилъ онъ съ замираніемъ сердца.

— Не ожидала я.

— Чего?

— Такихъ виршей отъ тебя. Что это тебѣ вздумалось о жизни съ женой писать?

— Еслибъ женился, такъ жизнь устроилъ...—пробормоталъ горбунъ съ смущеніемъ.

— Ты хочешь жениться? Да развѣ можно!—воскликнула она съ удивленіемъ и даже всплеснула руками.

Иванъ Марковичъ дрогнулъ и покраснѣлъ до корней волосъ. Замѣтивъ его разстроенный видъ, она спохватилась и смутилась въ свою очередь.

— Хотя... да... конечно... забормотала она, ниже склоняясь къ работѣ.

— Нѣтъ... Ты правду сказала... Какой я буду мужъ...—сдавленнымъ голосомъ проговорилъ Иванъ Марковичъ и почти убѣжалъ въ свою комнату.

— Какъ я могъ думать о женитьбѣ! я! я! горбатый, уродъ!—думалъ Иванъ Марковичъ, въ волненіи прохаживаясь по своей комнатѣ.—Она права, права, конечно...

Но все существо его было наполнено чувствомъ горькой обиды,

чувствомъ негодованія на природу, взростившую его такимъ полу-человѣкомъ. Слезы подступали къ горлу...

Между нимъ и Наташей, казалось ему, вдругъ прорылась бездонная пропасть.

VI.

Быль какой-то небольшой праздникъ.

Артамонъ Сергѣевичъ, не ѣздившій въ этотъ день въ приказъ, только что воротился съ женою отъ обѣдни изъ ближайшей церкви. Вся семья Матвѣева была въ сборѣ. Собирались обѣдать.

Вдругъ въ комнату торопливо вѣжалъ слуга и доложилъ:

— Царь-государь жалуется!

Артамонъ Сергѣевичъ кинулся къ крыльцу встрѣчать высокаго гостя.

Вскорѣ въ комнату вошелъ нѣсколько перевалистой походкой красивый, бѣлый и румяный, тучный мужчина лѣтъ сорока, темно-волосый съ такою же длинною и широкою, нѣсколько волнистою бородой—царь Алексѣй Михайловичъ.

Артамонъ Сергѣевичъ и другой бояринъ слегка поддерживали его подъ локти. Нѣсколько бояръ шли слѣдомъ.

Царь, замѣтивъ, что Грековъ-Богатый хочетъ, по обычаю, поклониться ему земно, сдѣлалъ знакъ рукой и сказалъ:

— Не надо.

Потомъ тяжело опустился въ кресло. При своей тучности онъ немного запыхался отъ ходьбы до горницы по длиннымъ сѣнямъ и нѣкоторое время молча переводилъ духъ, съ улыбкой кивая хозяйкѣ дома и Нарышкиной.

— А я былъ тутъ въ церковкѣ недалеко... Дай, думаю, зайду къ Сергѣичу,—заговорилъ царь.

Матвѣевъ низко поклонился и сказалъ:

— Взыскалъ ты меня, холопа своего, не по заслугамъ.

— Полно, полно. Хозяюшка, здорова-ль?

— Богъ грѣхамъ терпитъ.

— Ну, слава Богу. Это кто у тебя?—спросилъ Алексѣй Михайловичъ Матвѣева, указывая на Грекова-Богатаго.

Артамонъ Сергѣевичъ сдѣлалъ Ивану Марковичу знакъ, чтобы онъ подошелъ, и проговорилъ:

— Боярина Марка Григорьевича Грекова-Богатаго сынъ. Иваномъ звать.

Иванъ Марковичъ подошелъ, опять хотѣлъ земно поклониться царю и опять былъ имъ остановленъ.

— Помню отца твоего. Нравный человѣкъ, а только честный. Зато я его хоть и отпустилъ отъ себя да пожаловалъ и вотчиной и боярствомъ. Ты одинъ пріѣхалъ?

— Одинъ.

— Въ приказъ ко мнѣ хочеть поступать съ твоего дозволенія,— вставилъ слово Артамонъ Сергѣевичъ.

— Что жъ, пусть поступаетъ. Поработай, паренекъ. Въ иной-то службѣ тебѣ гдѣ жъ служить бѣдному. Вишь, какъ тебя... Давно это съ тобой?

— Пяти лѣтъ нянька уронила.

— Смертью казнить мало такихъ нянекъ. Что она изъ тебя сдѣлала!

— Зато Господь его разумомъ просвѣтилъ, царь-государь,—опять вмѣшался въ разговоръ Матвѣевъ:— къ ученію рвеніе у него великое, и многое онъ уже превзошелъ. И душа у него ангельская— тихъ, кротокъ, добръ.

— Вотъ это хорошо. Тѣло—что?—Тлѣнъ. Былъ бы разумъ да душа чистая... Не горюй, паренекъ, о своемъ убожествѣ... Да и какой ты убогій, если отъ Бога просвѣщенъ? Убоги тѣ, у кого тѣло красиво, да души и разума нѣтъ настоящихъ... Трудись, служи вѣрой-правдой, а я тебя не забуду,—закончилъ царь, положивъ на голову горбуна свою полную, бѣлую руку.

Иванъ Марковичъ поймалъ ее и почти съ благоговѣніемъ поцѣловалъ.

Ласковымъ наклоненіемъ головы отпустивъ Ивана Марковича, царь съ улыбкой поманилъ къ себѣ Нарышкину.

Та подошла, вся зардѣвшись. Никогда еще Грековъ-Богатый не видалъ ее такою красивою, какъ въ этотъ мигъ.

— Все пригоже становишься, Наташа, — промолвилъ Алексѣй Михайловичъ, обдавая дѣвушку горячимъ взглядомъ.—И умница ты, и учена, и Бога помнишь... Да лучше тебя дѣвицы нѣтъ на Москвѣ, право!

Наташа все больше краснѣла и смущенно улыбалась.

— Найдется и куда получше,—сказалъ кто-то за спиной царя тихо, но такъ, что было слышно.

Царь очень добрый, но и очень вспыльчивый, вспыхнулъ и обернулся. Позади кресла стоялъ высокій, красивый, роскошно одѣтый бояринъ, съ надменнымъ лицомъ и дерзкимъ взглядомъ — одинъ изъ Милославскихъ, какъ послѣ узналъ Иванъ Марковичъ, царскихъ родственниковъ по первой женѣ.

— Ты это что?—гнѣвно крикнулъ царь:— заносишься не въ мѣру, страдникъ! Держи языкъ за зубами, а то какъ бы костыль мой не погулялъ по твоей спинѣ!

И Алексѣй Михайловичъ застучалъ о полъ посохомъ, которымъ онъ дѣйствительно нерѣдко собственноручно расправлялся съ провинившимися приближенными.

Царь повернулся на креслѣ попрежнему и нѣсколько минутъ сидѣлъ молча, съ разстроеннымъ лицомъ.

Наталья Кирилловна тихо отошла отъ него.

— Ужъ и такъ дѣла не веселятъ. Радъ, что немножко на душѣ полегчало, такъ тутъ эти страдники досаждаютъ. Слышалъ, Сергѣичъ, вѣдь ужъ окаянный Разинъ Царицынъ взялъ?..

Иванъ Марковичъ тихо ахнулъ: вотчина его отца находилась невдалекѣ отъ Царицына.

Разговоръ принялъ дѣловой характеръ. Царь рассказывалъ о своихъ печаляхъ, не то жалуясь, не то совѣтуясь.

Во время разговора Иванъ Марковичъ случайно взглянулъ на стоящую поодаль Наталью Кирилловну и былъ удивленъ выраженіемъ ея лица. Оно было точно озарено внутреннимъ свѣтомъ; глаза, устремленные на царя, сіяли.

Сердце горбуна тоскливо сжалось.

— Хоть бы разъ такъ на меня взглянула, какъ теперь смотреть,—подумалъ онъ.—Не для меня такая честь... Что жъ, царь вдовъ, можетъ быть, Наташа будетъ царицей.

Онъ не чувствовалъ ни озлобленія, ни зависти, но жгучее чувство обиды опять охватило его. Онъ понялъ, что прорывшаяся пропасть между нимъ и Нарышкиной стала еще шире.

На другой день Иванъ Марковичъ отправился съ Матвѣевымъ въ приказъ. Нѣсколько недѣль онъ работалъ горячо, старался вложить душу въ свое дѣло. Потомъ остылъ — «бумажное дѣло», какъ онъ говорилъ, перестало его интересовать. Въ немъ начался переломъ. Онъ сталъ читать меньше, думать—больше. Что-то жгло его душу, что-то требовало иной работы, иного дѣла. Временами его охватывала какая-то жажда страданій, жажда жертвы собой. Его тянуло къ подвижничеству.

— Господи! что сдѣлать, чтобы заслужить милость Твою!—молился онъ.

Онъ молился теперь цѣлыми часами, до изнеможенія. Какъ-то разъ утромъ Ѳомичъ, войдя къ нему въ комнату, нашелъ его безъ чувствъ передъ образомъ. Старикъ долго его потомъ упрасивалъ не изводить себя и даже пожаловался на него Артамону Сергѣевичу. Матвѣевъ посовѣтовалъ Ивану Марковичу молиться въ мѣру. Горбунъ почтительно его выслушалъ и сталъ молиться еще усиленнѣе.

Недѣли проходили за недѣлями, а Иванъ Марковичъ все томился, все искалъ чего-то для души и не находилъ.

Однажды ему приснился сѣдовласый старецъ съ такимъ лицомъ, какъ рисуютъ угодниковъ. Старецъ благословилъ его и промолвилъ:

— Чадо! иди въ мѣръ и носи любовь!

— Знаменіе свыше!—рѣшилъ, проснувшись, горбунъ.

Но тутъ новыя волненія. Какъ итти въ мѣръ, какъ нести любовь? Онъ молился и ждалъ, что и это ему откроется свыше. От-

кровеніе не наступало. Горбунъ усиленно размышлялъ. Мало-помалу, онъ приходилъ къ заключенію, что еслибы ему удалось обратиться къ Богу великаго, нераскаяннаго грѣшника, то это было бы исполненіемъ завѣта старца.

Но гдѣ найти такого грѣшника? Онъ искалъ его между колодниками и не нашелъ. Правда, большинство изъ нихъ были очень порочными людьми, но ихъ нельзя было считать великими и нераскаянными грѣшниками; почти всѣ изъ нихъ и каялись въ своихъ преступленіяхъ и сознавали вину свою передъ Богомъ.

Какъ-то при немъ зашелъ разговоръ о Стенькѣ Разинѣ, о его неистовствахъ, о такихъ его жестокостяхъ, при одной мысли о которыхъ кровь холодѣла въ жилахъ.

— Это дьяволъ, а не человѣкъ! — въ негодованіи вскричалъ Артамонъ Сергѣевичъ.

— Вотъ онъ! — радостно подумалъ Иванъ Марковичъ. — Вотъ онъ величайшій грѣшникъ, — Стенька Разинъ!

Нѣсколько дней послѣ этого горбунъ ходилъ съ задумчивымъ и просвѣтленнымъ лицомъ; молился цѣлыми ночами. Исхудалъ, поблѣднѣлъ, глаза его странно свѣтились.

— Гдѣ теперь Разинъ? — спросилъ какъ-то онъ Матвѣва.

— Былъ въ Астрахани, пошелъ обратно къ Царицыну, взялъ Самару, Саратовъ, идетъ, кажется, на Симбирскъ. Прогнѣвался на насъ Господь! — со вздохомъ отвѣтилъ Артамонъ Сергѣевичъ.

Черезъ день послѣ этого горбунъ сталъ спрашивать Матвѣва о пути изъ Москвы къ Симбирску.

— Да на что тебѣ?

— Такъ, знать хочется.

Артамонъ Сергѣевичъ похвалилъ его любознательность.

Въ началѣ августа, ночью, Иванъ Марковичъ исчезъ изъ дома Матвѣва. На столѣ въ его комнатѣ нашли записку такого содержания:

«Не ищите. Иду на великое дѣло. Подвигомъ добрымъ я подвизаюсь. За пріютъ и хлѣбъ-соль спасибо».

VII.

Была половина мая. Вечерѣло. Марія Марковна распахнула окно и сѣла, облокотясь на подоконникъ.

Солнце уже зашло, но гряды легкихъ облаковъ еще алѣли высоко-высоко въ потемнѣвшей синевѣ неба. Отъ Волги тянуло сыростью. Теплыя струи еще чувствовались въ остывающемъ воздухѣ.

Дворъ опустѣлъ. Прошла баба со скотнаго двора, скрививъ на бокъ туловище подъ тяжестью бадьи съ молокомъ, прошелъ изъ боярскихъ хоромъ къ холопей избѣ старикъ Титъ, замѣнившій

уѣхавшаго Ѳомича... Издали доносились мѣрные, глухіе звуки бубенца, какіе привязываютъ на шею коровамъ; проблеялъ баранъ, началъ второй разъ и оборвалъ хрипло...

Вѣяло чѣмъ-то соннымъ, умирающимъ...

— Тоска!—подумала боярышня.

Ее охватило чувство сиротливости, одиночества. Это чувство уже не разъ приходилось ей испытывать со времени отъѣзда братьевъ. Въ особенности давало себя знать отсутствіе Ивана Марковича—ея друга и наставника. Объ Андреѣ она не такъ скучала: этотъ слабовольный, увлекающійся богатырь никогда не имѣлъ на нее большого вліянія. Наоборотъ, она даже относилась къ нему нѣсколько свысока, чувствуя свое нравственное и умственное превосходство надъ нимъ. Прошло немного болѣе мѣсяца со дня разлуки съ братьями, но эти нѣсколько десятковъ дней показались ей за годъ. Въ этомъ играла роль не одна разлука съ братьями. На душѣ ея было неспокойно. Она испытывала нѣчто подобное состоянію человѣка, который знаетъ, что его ждетъ неминуемая опасность. Этою опасностью для боярышни Маріи Марковны былъ предстоящій бракъ. Отецъ обмолвился сыновьямъ, что хочетъ выдать дочь замужъ. Боярышня понимала, что это не пустыя слова. Отецъ не любилъ кидать словъ на вѣтеръ. Повидимому, онъ даже собирался привести свое намѣреніе въ исполненіе скорѣе, чѣмъ она предполагала. Вокругъ нея шли какія-то скрытыя, но дѣятельныя приготовленія. Почему шла такая чистка и переборка въ кладовыхъ вещей, давно уже не видѣвшихъ Божьяго свѣта? Почему отецъ вздумалъ ей шить новую, дорогую шубу, несмотря на то, что время шло къ лѣту, да и прежняя ея шубка была вовсе не дурна? Недаромъ это! А эти ласковыя женщины, Богъ вѣсть откуда взявшіяся, то и дѣло наѣзжавшія въ усадьбу? Кто онѣ, какъ не свахи? Зачѣмъ пріѣзжалъ пировать къ ея отцу толстый, краснолицый бояринъ, съ сѣрою бородой и гнилыми зубами? Зачѣмъ ее вызвали въ горницу поднести ему чару вина, и зачѣмъ онъ такъ скверно хихикалъ и такъ странно смотрѣлъ на нее, прося «пригубить винца»? Очень возможно, что это женихъ—женихъ во вкусѣ отца: богатъ, родовитъ...

При мысли, что этотъ откормленный уродъ можетъ стать ея мужемъ, ее всякій разъ охватывала дрожь отвращенія. И всякій же разъ въ ея воображеніи возставало лицо другого человѣка—молодое, строгое, съ властными бровями, съ горячими темными глазами: лицо «ея Миши». Такъ и тянетъ ее къ себѣ это лицо, и сердце обдается теплою волною. Она знаетъ, что онъ «ея», какъ она «его». Встрѣчи были коротки, но на нихъ много было сказано. Ни онъ, ни она не клялись, но оба знали, что ихъ «да», какъ въ Евангеліи, дѣйствительно «да» и стѣдитъ больше клятвъ...

Тихо скрипнула дверь. Боярышня оглянулась. Передъ нею стояла старуха Федосья.

— Что, няня?

У старухи какое-то странное, сосредоточенное выраженіе лица, глаза влажны.

— Батюшка тебя кличетъ... О-охъ, касаточка ты моя! — отвѣтила старуха и нервно обняла свою питомицу костлявыми руками. — Скажетъ онъ тебѣ, должно, сейчасъ...

— Что?

— Иди, иди, голубка. Ждетъ батюшка. Не осерчалъ бы...

Такъ она и не добилась ничего отъ няньки.

Когда боярышня вошла въ горницу, гдѣ ждалъ ее отецъ, лицо ея было спокойно, только блѣднѣе обыкновеннаго, да всегда лежавшее на немъ выраженіе энергіи стало рѣзче.

— Чего ты копалась-то? — хмуро сказалъ ей отецъ: — али не знаешь, что у меня, если приказано прійти, такъ на крыльяхъ лети?

— Я и то, батюшка...

— Ладно, ладно. Какъ ты только будешь справляться съ хозяйствомъ, когда замужъ выйдешь? Рохлей ты уродилась, Машка. А замужъ тебѣ пора...

— Развѣ ужъ пора? — сказала боярышня и поблѣднѣла сильнѣе.

— Пора, говорю...

Бояринъ сидѣлъ, положивъ руку на столъ и барабана по немъ пальцами. Маша стояла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, немного наклонивъ голову и скрестивъ на груди руки.

— Да, да, пора. Вишь, грудь-то у тебя выперло, хе-хе...

Маша смущенно улыбулась.

— Жениха я тебѣ нашель.

Боярышня быстро взглянула на отца и опять потупилась.

— Хорошаго рода, богатъ и не вѣтрогонъ, — продолжалъ бояринъ. — Будешь жить съ нимъ, какъ у Христа за пазухой. Черезъ недѣлю обвѣнчаемъ... Что же ты молчишь?

Марія Марковна подняла голову и уставилась на отца. Было замѣтно, что она дрожитъ.

— Не хочу я за него замужъ, — проговорила она, еле шевеля поблѣвшими губами.

Отецъ сперва удивленно вскинулъ бровями, потомъ нахмурился.

— Что такое? Не хочешь за него итти?

— Да.

— Это еще что? Да кто тебя спроситъ? И говорить-то тебѣ не надо было... Если и сказалъ, такъ по добротѣ, — промолвилъ бояринъ и запыхтѣлъ, злясь. — Отецъ я тебѣ или нѣтъ? — продолжалъ онъ, повышая голосъ: — Какъ же ты смѣешь мнѣ перечить? Какъ такая блажь тебѣ въ голову пришла? Да я тебя... Я...

Онъ уже кричалъ.

Боярышня молча стояла передъ нимъ.

— Чего столбомъ стоишь? Отвѣчай, дурица, если отецъ тебя спрашиваетъ!

— Не милъ онъ мнѣ... Не хочу за немилаго... — пробормотала дѣвушка и понурилась, нервно затеребила складки сарафана и тихо заплакала.

— Вотъ что!—протянулъ отецъ.—Ишь, какія рѣчи! Тебѣ бы за миленькаго... За кого же ты хотѣла бы, неумная?

Послѣднія слова онъ произнесъ такъ спокойно, что въ сердцѣ Маши блеснула надежда.

— За Михаила Егорыча...—прошептала она.

— За Павлушкина?

— Да.

— За этого страдника, за нищаго безъ роду, безъ племени?! Полоумная!—крикнулъ бояринъ, багровѣя.—Слушай, дѣвка,—продолжалъ онъ,—ты у меня не дури, я изъ тебя дурь-то выбью. Какъ сказано, такъ и быть. А теперь брысь съ глазъ, пока я тебя не побилъ!.. И то руки чешутся... А того страдника я тоже приму по-свойски, пусть только онъ носъ ко мнѣ покажетъ. Ну, проваливай!

Дѣвушка плача вышла изъ комнаты.

Михаилъ Егоровичъ не замедлилъ прїѣздомъ въ усадьбу Грекова-Богатаго.

VIII.

Павлушкина мало кто не зналъ во всей округѣ. Онъ не былъ родовитъ, не былъ и богатъ—скорѣе его можно было назвать бѣднякомъ: его усадебка была очень мала, и земли имѣлъ онъ немного. Словомъ, онъ былъ, что называется, маленькій человекъ. Но про него говорили: «мала птичка, да коготокъ востеръ». Онъ ни передъ кѣмъ не гнулъ шеи и не ломалъ шалки, а передъ нимъ ломали очень многіе. Онъ ни къ кому не ѣздилъ на поклонъ и никому не давалъ спуску. Усадебка была маленькая, но чистенькая, хорошенькая, какъ игрушечка, ни одинъ клочекъ его обширныхъ владѣній не пустовалъ, не поросталъ бурьяномъ, холопей было немного, но зато всѣ работники, какъ на подборъ: если кому надобенъ былъ хорошій плотникъ, столяръ, рѣзчикъ—ѣхали къ Павлушкину, понадобится золотильщикъ или богомазъ—найдется у него и такой; челядинцевъ у него было всего десятка полтора, но зато все народъ такой, на который можно было положиться; все это были люди испытанной вѣрности и готовые идти и въ огонь и въ воду за своимъ господиномъ. Небольшой ростомъ, но плечистый, съ нѣсколькими скуластымъ, но красивымъ лицомъ, черноусый, чернобровый, съ умными «огневыми» глазами, Михаилъ

Егоровичъ не остался бы незамѣченнымъ и въ тысячной толпѣ. Было въ немъ что-то такое, что заставляло каждаго въ его присутствіи подтягиваться и настораживаться; въ немъ чувствовалась сила. Очень оригинально завязалось знакомство Михаила Егоровича съ Грековымъ-Богатымъ.

Маркъ Григорьевичъ славился своею гордостью и крутостью нрава. Онъ обходился жестоко не только со своими холопами, но и съ окрестными вотчинниками, которыхъ онъ, кичась своимъ богатствомъ и вліяніемъ, въ грошъ не ставилъ, называлъ мелко-той, шушерой и обходился съ ними презрительно и надменно. Къ нему ѣздили на поклонъ, при встрѣчахъ униженно кланялись. Попробуй не съѣздить — Маркъ Григорьевичъ найдетъ случай до-нять гордеца: либо найдетъ на его поля со своими холопами и въ лоскъ уложить наливающуюся рожь, либо учинить что нибудь и того хуже; попробуй не поклониться — нагайка боярина какъ разъ пройдетъ по фізіономіи дерзкаго, а нѣтъ — придется отвѣдать тяжелыхъ кулаковъ его холопей. Бывали случаи, что онъ кое-кого изъ сосѣдей, изъ мелкихъ людишекъ, вспарывалъ на конюшнѣ.

Павлушкинъ всего года три назадъ поселился бокъ-о-бокъ съ вотчиной Грекова-Богатаго и сразу же впалъ въ немилость Марка Григорьевича: онъ не поѣхалъ на поклонъ къ боярину. Грековъ-Богатый ждалъ его пріѣзда очень долго.

— Быть того не можетъ, чтобы не пріѣхалъ!.. Всѣ ѣздятъ, — думалъ онъ.

По мѣрѣ того, какъ мѣсяцъ проходилъ за мѣсяцемъ, а Михаилъ Егоровичъ не пріѣзжалъ, желчь накоплялась въ сердцѣ гордаго боярина.

— Пріѣдетъ — ужъ покажу же я себя ему! Приму такъ, что останется доволенъ, — думалъ онъ съ раздраженіемъ.

Но Павлушкинъ все не показывался въ усадьбѣ.

Теперь самолюбіе Марка Григорьевича было уже не въ шутку задѣто. Ему становилось неловко передъ сосѣдями. Кое-кто изъ нихъ спрашивалъ:

— А что этотъ-то, Павлушкинъ, побывалъ, чай, у тебя? Какъ онъ тебѣ показался?

— Не былъ еще, — хмурясь, буркалъ бояринъ.

— Не былъ? Да что ты?! — съ какимъ-то ужасомъ вскрикивалъ гость, но по глазамъ собесѣдника Маркъ Григорьевичъ видѣлъ, что онъ въ душѣ очень радъ этой «порухѣ» самолюбію зазнавагося богача.

Прошелъ годъ, и Грековъ-Богатый понялъ, что Михаилъ Егоровичъ такъ-таки и не пріѣдетъ къ нему.

Когда при немъ упоминали имя непочтительнаго сосѣда, лицо его темнѣло отъ злобы.

— Постой же, вражій сынъ, я тебя дойму! — рѣшилъ онъ.

Вскорѣ послѣ этого Михаилъ Егоровичъ, однажды, поутру напелъ лучшее свое поле потоптаннымъ до того, что колосья были буквально смѣшаны съ землею. Зато въ ночь послѣ этого Марку Григорьевичу донесли, что неизвѣстно кѣмъ подожжены и горять сѣнные сараи, гдѣ было нѣсколько тысячъ пудовъ свѣжаго сѣна.

И Павлушкинъ и Грековъ-Богатый оба одинаково догадались, кто виновникъ ихъ бѣдствій.

— Ничего, ничего,—шепталъ въ ночь пожара блѣдный отъ бѣшенства Маркъ Григорьевичъ:—у меня карманъ толстый, я-то выдержу, а вотъ каково-то тебѣ придется, страдникъ!.. Я-жъ тебѣ учиню!

Однако, «учинять» не пришлось, такъ какъ произошло обстоятельство, разомъ все измѣнившее.

Однажды Маркъ Григорьевичъ ѣхалъ верхомъ одинъ по межѣ, отдѣляющей его владѣнія отъ владѣній Павлушкина, и лицомъ къ лицу столкнулся со своимъ врагомъ. Михаилъ Егоровичъ шелъ въ сопровожденіи двухъ холоповъ. Грековъ-Богатый посмотрѣлъ на него и насунился. Павлушкинъ взглянулъ на боярина и усмѣхнулся—ему очень смѣшнымъ показалось чванно-надутое лицо гордаго сосѣда—и хотѣлъ пройти мимо. Быть можетъ, Маркъ Григорьевичъ мирно пропустилъ бы его, еслибы не замѣтилъ насмѣшливой улыбки. Эта улыбка привела его въ бѣшенство.

— Шапку... шапку долой, холопъ!—крикнулъ онъ, задыхаясь, налетая съ поднятою нагайкой на Павлушкина.

Тотъ отскочилъ въ сторону, чтобы не быть раздавленнымъ конемъ, и поблѣднѣлъ.

— Если я холопъ, такъ только государевъ,—сказалъ онъ, гордо поднявъ голову.

— Вотъ я тебя!

И Грековъ-Богатый опустилъ нагайку, но Михаилъ Егоровичъ увернулся.

— Не тронь, бояринъ! Зазнался не въ мѣру! Смотри!—сердито закричалъ Павлушкинъ.

— Я тебя, холопа, на конюшнѣ выпоротъ велю!

— Меня?! А! такъ!.. Ей! стащите его съ коня!—приказалъ Михаилъ Егоровичъ.

Холопы мигомъ исполнили его приказъ.

— Скрутите ему руки да наломайте лозы.

Маркъ Григорьевичъ не успѣлъ опомниться, какъ уже лежалъ на землѣ связаннымъ. Онъ ругался, плевался, но никто не обращалъ на это вниманія. Притащили прутьевъ.

— Выпороть его!—приказалъ Павлушкинъ.

Гибкіе прутья засвистѣли въ воздухъ, и пришлось гордому боярину извѣдать «холопью муку».

— Не за обиду мнѣ порю тебя, а за спесь твою!—приговаривалъ Михаилъ Егоровичъ во время экзекуціи.

Когда, по его мнѣнію, надменный сосѣдъ былъ наказанъ достаточно, онъ приказалъ его развязать.

Маркъ Григорьевичъ поднялся съ земли, пыхтя, и нѣкоторое время стоялъ въ какомъ-то остоленнѣи. Потомъ ударилъ себя руками по бедрамъ и пробормоталъ, покачивая головою:

— Н-ну, дѣла!

На лицѣ его выражалось крайнее изумленіе.

— Ай, братъ, и хватъ же ты!—промолвилъ онъ, круто повернувшись къ Павлушкину.— Меня, Грекова-Богатаго, выпоролъ! Н-ну, однимъ словомъ!.. молодчина. Бросимъ свары... Пріѣзжай завтра на пирогъ.

— А вы у меня,—продолжалъ онъ, уже взобравшись на коня и грозя нагайкой холопямъ,—ни живому, ни мертвому ни гу-гу. Узнаю—со свѣта живу. Такъ, слышь, завтра жду.

Стегнулъ коня и ускакалъ.

На другой день Михаилъ Егоровичъ пріѣхалъ къ нему въ гости. Маркъ Григорьевичъ угостилъ его на славу; и съ этихъ поръ прежніе враги стали друзьями, и Павлушкинъ сталъ часто ѣзжать въ усадьбу Грекова-Богатаго. Влекли его туда не бесѣды съ бояриномъ, а глазки Маши. Онъ случайно увидалъ ее, и она сразу ему приглянулась. И дальнѣйшія встрѣчи были случайны и мимолетны, но это не помѣшало молодымъ людямъ понять, что ихъ жизни сплелись въ одну, и что только вмѣстѣ они могутъ познать счастье. Иногда у Михаила Егоровича мелькало опасеніе за будущее; онъ далеко не былъ увѣренъ, что богачъ-бояринъ выдастъ свою дочь за него, хутороднаго бѣдняка, но старался отогнать отъ себя печальныя мысли и хотѣлъ надѣяться. Когда же и надѣяться, какъ не тогда, когда любишь?

ХІ.

Михаилъ Егоровичъ пріѣхалъ въ усадьбу Грекова-Богатаго на другой день послѣ разговора Марка Григорьевича съ дочерью.

По заведенному обыкновенію, кинувъ поводья коня на руки подоспѣвшему холопу и спросивъ, дома ли бояринъ, онъ направился прямо въ домъ, не приказывая извѣстить боярина о своемъ пріѣздѣ.

Хозяинъ, недавно поднявшійся отъ послѣобѣденнаго сна, сидѣлъ встрепанный и полуодѣтый и потягивалъ квасокъ. При входѣ Павлушкина, онъ мелькомъ взглянулъ на него и, не поднявшись съ лавки, не кивнувъ головой, равнодушно продолжалъ прихлебывать изъ кружки.

Михаилъ Егоровичъ былъ нѣсколько озадаченъ такимъ холоднымъ пріемомъ.

— Здравствуй, Маркъ Григорьевичъ!—сказаль онъ съ напускною развязностью.

— Здравствуй. Что скажешь? — промолвилъ Грековъ-Богатый, не измѣняя своего положенія.

— Да что скажу? Плохо дѣло.

Онъ стоялъ передъ бояриномъ, и тотъ не просилъ его садиться.

— Плохо? То-есть какъ?

— Воровской казакъ Степанъ Разинъ мутить народъ. Холопи смутьянятъ.

— А! У тебя что-ль?

— Нѣту. Мои холопи вѣрные, а у другихъ.

— То-то. А я думаю: у него полтора человѣка и холоповъ-то всего, и онъ такъ печалится... хе-хе! — насмѣшливо проговорилъ Маркъ Григорьевичъ.

Павлушкинъ вспыхнулъ.

— Теперь у кого больше холоповъ, такъ тому и хуже.

— Одначе, все-жъ люди на богатство зарятся. Къ примѣру, скажи по совѣсти, ты на Машкино приданое не зарисься?

— Я?

— Да. А только, братъ, высоко ты мѣтишь, не длл тебя она приготовлена. Знай, сверчокъ, свой шестокъ.

Михайлъ Егоровичъ измѣнился въ лицѣ.

— Подумай, что ты говоришь!—воскликнулъ онъ.

— Говорю, что слѣдуетъ. И мой сказъ тебѣ: учини-ка ты поворотъ отъ воротъ. Я тебя не держу: мнѣ по дѣламъ въ поле нужно.

Михайлъ Егоровичъ поспѣшно направился къ двери, проговоривъ:

— Прощай, бояринъ!

— Прощай, миленькій. Ступай съ Богомъ,—отвѣтилъ Грековъ-Богатый.

Павлушкинъ выбѣжалъ изъ комнаты, едва сдерживая гнѣвъ. Въ сѣняхъ онъ столкнулся съ Машей. Она была блѣдна, глаза заплаканы.

— Отецъ обидѣлъ?.. Да?.. Но я... Милый!.. Соколикъ! — прошептала она.

Молодой человѣкъ близко наклонился къ ней и прошепталъ:

— Будь въ пятницу, въ полночь, за садомъ... Будешь?

— Буду!

— Я зналъ!.. Приѣду на тройкѣ... Укатимъ...

Черезъ мгновеніе онъ, красный, возбужденный, въ карьеръ несся со двора.

Х.

Якова опять наказали. За послѣднее время на него пришла несчастная полоса. Не проходило дня, чтобы такъ или иначе не пострадала его шкура. Какъ ни былъ онъ привыченъ къ побоямъ, однако и ему становилось не втерпежъ. Онъ даже съ лица замѣтно спалъ.

— Что, братъ, опять?— съ соболѣзнованіемъ сказалъ Якову, приводившему въ порядокъ свой туалетъ послѣ экзекуціи, тотъ самый холопъ, который однажды поразилъ Якова странными рѣчами.

Холопа этого звали Филиппомъ, а прозвище его было Головачъ. Это былъ длинный, худощавый мужикъ, лѣтъ подь сорокъ, жидкобородый, густоволосый и вѣчно угрюмый.

— Бѣда просто!— съ тяжелымъ вздохомъ отвѣтилъ ему Яшка.

— Вотъ они, господскіе-то хлѣба!

— Горьки, братецъ.

— Кровь нашу пьютъ бояре. Изводники они наши. Всѣхъ бы перевѣшать.

Въ голосѣ Филиппа слышалась глубокая ненависть.

Яшка взглянулъ на него и вздрогнулъ: такъ злобно горѣли впавшіе глаза Головача.

— Ты, кажись, до сихъ поръ, Филька, Аграфены своей не забылъ?

— Какъ забыть! Развѣ можно? День и ночь думаю объ отместкѣ волку-боярину. Душа горитъ, Яшка! Ну, да теперь скоро раздѣлаюсь. Пришла пора. Про Степана Тимоеевича слыхалъ?

— Какъ не слыхать? Всѣ холопы толкуютъ. Сказываютъ, скоро у Царицына будетъ.

— Не будетъ, а ужъ есть.

— Развѣ?

— Да. Вся наша сторона теперь поднимается. Прилетѣлъ соколъ бить воронъ, заступникъ нашъ отъ неправды боярской.

— Лютъ онъ, говорятъ.

— Лютъ для бояръ да подьячихъ. Для нашего брата—отецъ родной.

Потомъ Головачъ подвинулся ближе къ Зайцу и заговорилъ тише:

— Жаль мнѣ тебя, Яшка. Что за жизнь твоя горемычная: тычки, пинки, и ни слова добраго...

Яшка пригорюнился и тяжело вздохнулъ.

— Чего ждать-то тебѣ, окромя новыхъ побоевъ? А парень ты хорошій, можно сказать, золотой парень. Не такъ бы тебѣ жить надо.

Яшка горделиво приподнялъ голову. Слова Фильки были для него, что елей на сердце.

— Кабы былъ ты у батюшки атамана Степана Тимоѣевича, то-то бы онъ взыскалъ тебя! Была бы у тебя лошадка, что огонь, одѣлъ бы онъ тебя въ алый шелковый кафтанъ, на боку сабелька бы побрякивала...

Яшка слушалъ, жмурясь, какъ котъ, отъ удовольствія.

— Ъхалъ бы ты, этакъ, руки въ боки, на красныхъ дѣвочъ соколомъ поглядывалъ... Шапочка съ алымъ донышкомъ набекрень сдвинута... Э-эхъ! знай напихъ! Ыдетъ казакъ богатырь, воинъ Степана Тимоѣевича. Всякъ передъ тобой шапку ломаетъ...

— Эхъ, кабы! Эхъ, кабы! Чего, Филька, сердце травмишь?—пробормоталъ Заяцъ.

— Дуракъ! Все будетъ это у тебя, если сиднемъ сидѣть не станешь. Махай-ка къ Степану Тимоѣевичу.

— Боязно. А какъ бояринъ узнаетъ?

Филька презрительно посмотрѣлъ на него.

— Бояринъ? Да мы его въ бараній рогъ согнемъ! Слушай въ оба: въ ночь сегодня мы—десятокъ холопишекъ и я—бѣжимъ къ батюшкѣ атаману. Хочешь съ нами?

— Да я бы...

— Ты не вилай, а говори правду.

Заяцъ волнуясь обдумывалъ.

— И въ самомъ дѣлѣ шапка съ алымъ дномъ у меня будетъ?—вдругъ онъ спросилъ Фильку.

— Дура голова! десять шапокъ добудешь!

— Эхъ-ма! пропади все! Иду!—вскричалъ Яшка, красный и вспотѣвшій, точно сейчасъ изъ бани.

— Дѣло. Смотри, не проболтайся.

— Ну, вотъ.

Они разошлись. Яшка весь этотъ день ходилъ, какъ въ чадѣ; будущее рисовалось ему въ самыхъ обольстительныхъ краскахъ; наиболѣе отчетливо выступала гигантская шапка съ алымъ верхомъ, съ котораго ниспадала золотая кисть, величиною чуть не съ голову самого Заяца.

На другой день, рано утромъ, Титъ, заступившій мѣсто Оомича, дрожащій и блѣдный, валялся въ ногахъ Марка Григорьевича.

— Бѣда, бояринъ! Охъ, головы мнѣ не снести!

— Что такое?

— Двѣнадцать холоповъ ударились въ бѣга.

— Что жъ ты смотрѣлъ, старый песь? Разыскать ихъ!

— Гдѣ разыщешь!... О-охъ! Посылалъ гонцовъ во всѣ стороны: какъ въ землю провалились. Вѣстимо, къ этому Стенькѣ проклятому убѣжали, чтобъ его разорвало. Вся округа въ смуть... И остатніе холопи волкомъ смотрять...

— Вотъ я ихъ!.. Дурь-то выбью. Кто убѣгъ?

— Яшка Заяцъ, да Филька Головачъ, да...

И ключникъ сталъ перечислять бѣглецовъ.

При имени Фильки бояринъ поблѣднѣлъ и насупился.

Титъ ожидалъ жестокой расправы надъ собой, но вмѣсто этого бояринъ только сказалъ ему:

— Ступай, да смотри теперь въ оба.

Потомъ вскорѣ вышелъ самъ на крыльцо и, велѣвъ созвать оставшихся холоповъ, сдѣлалъ имъ такое внушеніе:

— Вы что это смутьянить вздумали? Видно, поркутъ мало? Вести себя у меня тихо, смирно: теперь всякое лыко въ строку зачту и... зап-по-ррю васъ, воровъ!—гаркнулъ онъ въ заключеніе и топнулъ ногой.

На слѣдующій день убѣжали еще пятеро, потомъ семеро, тамъ трое. И такъ пошло всякій день. Да и остающіеся холопы были не надежны; они, по выраженію Тита, только и смотрѣли за ворота. Дворня Грекова-Богатаго уменьшалась не по днямъ, а по часамъ; около усадьбы похаживали какіе-то подозрительные люди. Маркъ Григорьевичъ все усиливалъ наказанія, но ничто не помогало; онъ начиналъ себя чувствовать неспокойно. Къ довершенію всего, пришла вѣсть, что Царицынъ сдался Стенькѣ.

Однажды Титъ тайкомъ доложилъ своему господину, что видѣлъ невдалекѣ отъ усадьбы Фильку Головача; онъ былъ верхомъ на конѣ и въ казацкой шпакѣ.

Вслушавъ это, Маркъ Григорьевичъ перекрестился и пробормоталъ:

— Кажись, придется животы свои слагать!

Онъ имѣлъ большія основанія опасаться Фильки. Какъ и вездѣ, здѣсь была замѣшана женщина. Женщина эта звалась Аграфеной.

За Маркомъ Григорьевичемъ водился грѣшокъ, или, вѣрнѣе, великій грѣхъ: онъ имѣлъ слабость къ прекрасному полу. Воздержный и на пищу и на напитки, онъ не зналъ мѣры въ стремленіи къ чувственнымъ удовольствіямъ. Всѣ, кто были помоложе и покрасивѣе изъ дочерей и женъ его крѣпостныхъ, побывали въ его объятіяхъ. Бывало, ѣдетъ онъ по деревнѣ, а передъ нимъ бѣжитъ холопъ, передавая по избамъ приказъ, чтобы всѣ дѣвки и молодыя бабы высыпали на улицу. И онѣ выскакивали изъ избъ и, стоя у воротъ, краснѣя или блѣднѣя, кланялись ему въ поясъ. Онъ вглядывался въ ихъ лица и, время отъ времени, указывалъ пальцемъ на одну-другую изъ нихъ и бормоталъ сквозь зубы своимъ челядинцамъ:

— Сегодня эту ко мнѣ!

— Тьфу, песь! Срамникъ безстыжій!—переговаривались между собою старики и старухи въ то время, какъ удостоенныя «боярской милостью» женщины рыдали навзрыдъ.

Однажды онъ такою своею «милостью» удостоилъ Аграфену. Это была стройная, чернобровая, блѣлолицая дѣвушка, дочь зажиточнаго мужика, невѣста Филиппа Головача. На зовъ боярскій она не явилась и была притащена къ нему силкомъ, когда Филиппъ бился, связанный, въ клѣтѣ, рыча отъ бѣшенства. Неузнаваемой вернулась въ свою деревню Аграфена послѣ ночи, проведенной въ боярскомъ домѣ. Взялая, съ потухшимъ взглядомъ, съ потемнѣвшимъ лицомъ, она казалась тѣнью прежней, еще наканунѣ полной силъ цвѣтущей дѣвушки.

Черезъ недѣлю она утопилась въ Волгѣ.

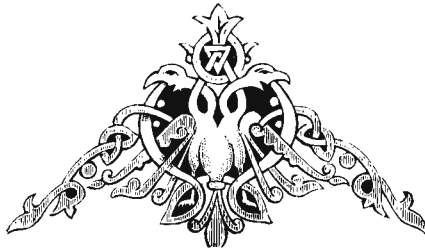
Филька за то, что онъ «изрыгалъ хулу» на боярина и грозился ему, былъ жестоко высѣченъ. Послѣ этого Головачъ замолкъ, но не разъ Марку Григорьевичу не по себѣ становилось отъ его тяжелаго взгляда: неугасимая ненависть читалась въ немъ.

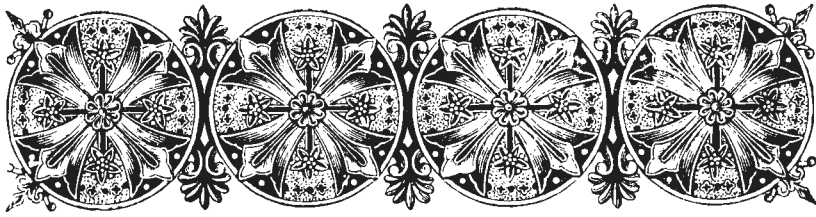
— Что волкомъ смотришь?—не разъ говаривалъ ему бояринъ.

Филька униженно кланялся и молчалъ, а глаза его еще ярче загорались.

Н. Алексѣевъ-Кунгурцевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

ВОСПОМИНАНІЯ В. П. ОДИНЦОВА.

I.

ТЕЦЬ мой, ветеранъ Отечественной войны, въ 1814 г. вышелъ въ отставку, женился на дочери вологодскаго губернатора, Елисаветѣ Ивановнѣ Винтеръ, и поселился въ своемъ имѣніи Кадниковскаго уѣзда, гдѣ я и родился въ 1824 году. Въ 1828 году мои родители переѣхали въ Петербургъ. Холерный годъ оставилъ во мнѣ неизгладимое впечатлѣніе; помню, мы жили въ Шестилавночней улицѣ (нынѣ Надеждинская) въ двухъэтажномъ домѣ, на верху, а подъ нами жило семейство Рындиныхъ, тоже вологжанъ, съ которыми мы были въ дружескихъ отношеніяхъ. Покойный отецъ мой былъ ужасно мнителенъ и соблюдалъ строжайшую діету. Матушка напротивъ не думала о холерѣ, кушала все, но тайкомъ отъ отца; матушка очень любила пирожки съ капустою, но дома ихъ не смѣли дѣлать, а дѣлали у Рындиныхъ и на веревочкѣ, которую матушка опускала изъ окна, пирожки подымались на верхъ. По всѣмъ комнатамъ въ углахъ висѣла пенька, намоченная въ дегтѣ, а что на улицахъ происходило, вспомнить страшно. Въ то лѣто были въ модѣ сѣрые цилиндры, и послѣдователи этой моды подвергались часто страшнымъ непріятностямъ, а иногда платились жизнью, особенно если народъ видѣлъ при этомъ въ рукахъ у денди флакончики, которые тогда всѣ носили съ «уксусомъ трехъ разбойниковъ», какъ тогда называли, предохранявшимъ якобы отъ зараженія холерою. Шли мы съ отцомъ по

Васильевскому острову къ дѣду по матери, какъ увидѣли толпу, окружавшую господина въ сѣрой шляпѣ и кричавшую неистово: «Полякъ, полякъ, это онъ холеру пуцаетъ!» и съ этимъ все содержимое въ флаконѣ, который онъ имѣлъ, опрокинули въ ротъ несчастнаго, повалили и били нещадно. Отецъ сталъ было урезонивать, но толпа такъ была разъярена, что опасно было оставаться,—мы пошли своей дорогой, и дальнѣйшая участь несчастнаго осталась для насъ неизвѣстной. Дома, въ которыхъ кто либо заболѣвалъ, сейчасъ оцѣпляли войсками, по городу разѣзжали фургоны, въ которые пихали больныхъ больше, чѣмъ экипажъ могъ вмѣстить; однимъ словомъ, было что-то мрачное, производившее на меня, семилѣтняго ребенка, удручающее впечатлѣніе. Въ 1834 году меня отдали во 2-ю гимназію (тогда на весь Петербургъ было только двѣ гимназіи), гдѣ я былъ пенсіонеромъ, то-есть жилъ въ гимназіи и только на праздники ходилъ домой. Одновременно съ опредѣленіемъ меня въ гимназію, отецъ подалъ прошеніе о зачисленіи меня кандидатомъ въ морской корпусъ, о чемъ я мечталъ съ той минуты, какъ сталъ помнить себя; не даромъ я родился въ годъ наводненія! Гимназія наша находилась тамъ же, гдѣ она и теперь находится, директоромъ ея былъ Павелъ Алексѣевичъ Шипиловъ, тоже вологжанинъ, старый знакомый моего отца, а инспекторомъ—Постельсъ. Было двѣ смѣны гувернеровъ, нѣмцы и французы, дежурили они по очереди, на ихъ обязанности лежало наблюденіе, чтобы мы въ рекреационное время не говорили между собою иначе, какъ на языкѣ той національности, къ которой принадлежалъ дежурный, смотрѣть, чтобы сидѣли прилично за обѣдомъ, не клали локтей на столъ, держали бы вилку, какъ слѣдуетъ, не ѣли съ ножа,—и вообще должны были стараться привить намъ хорошія манеры, которыя оставались потомъ на всю жизнь. Болѣе другихъ объ этомъ заботился м-г Gosset, худенькій и очень юркій старичекъ, который, когда разсердится бывало, сейчасъ начинаетъ распекалъ ломанымъ русскимъ языкомъ: «Ви думай, ви большой человекъ, вамъ сэ возможно; нѣтъ, вопреци того вамъ не сэ возможно», и все въ этомъ родѣ. Помню, какъ будто это было вчера, что постомъ, когда воспитанники говѣли, говѣлъ и директоръ, передъ исповѣдью являлся онъ въ рекреационный залъ и, кланяясь намъ въ ноги, просилъ у насъ прощенія, что нисколько не мѣшало ему черезъ нѣсколько дней высѣчь меня за то, что я обозвалъ гувернера-нѣмца булочникомъ. Въ 1836 году отецъ мой назначенъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій по политической части къ минскому губернатору.

Нанята была, насколько я помню, большая фура, въ которую погрузили весь домашній скарбъ и посадили насъ всѣхъ, то-есть отца, мать и меня съ братомъ и крѣпостную горничную Аванаску. Описывать наше путешествіе, или, правильнѣе, передвиженіе,

а равно и самое пребываніе въ Минскѣ не буду, потому что не случилось ничего такого, что оставило бы во мнѣ впечатлѣніе. Помню, что подготовлялъ меня къ корпусу ксендзъ Мисевичъ, находившійся подъ надзоромъ полиціи и взятый моимъ отцомъ на поруки. Зимой 1838—1839 года пріѣхалъ въ Минскъ большой чиновникъ что-то ревизовать, въ то время я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, какія существовали министерства, но теперь соображаю, что это былъ чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ, фамилія его Сусскій. Въ это же время морской корпусъ опубликовалъ списокъ лицъ, поступившихъ въ комплектъ, въ этомъ списокѣ была и моя фамилія. Описывать восторгъ мой нѣтъ словъ, и я покоя не давалъ моему отцу вопросами, скоро ли мы ѣдемъ. Въ теперешнее время посадили бы молодца въ вагонъ, и дѣлу конецъ, но въ то время не такъ легко было. Одною 14-тилѣтняго мальчугана отпустить нельзя, долго шли переговоры, кому со мной ѣхать, отцу или матушкѣ, но и тутъ судьба мнѣ покровительствовала; этотъ самый ревизоръ предложилъ моему отцу отпустить меня съ нимъ, чему мы всѣ очень обрадовались, и въ февралѣ, кажется, 1839 года отправились въ путь. Ыхали мы въ дормезѣ, поставленномъ на полозья, безостановочно, и я чувствовалъ себя великолѣпно, потому что спать можно было, какъ въ постели.

Въ Вильнѣ былъ отдыхъ, остановились мы въ гостиницѣ Миллера, находившейся противъ теперешней Европейской гостиницы, въ домѣ, принадлежавшемъ впослѣдствіи помѣщику Виленской губерніи Шишко. Здѣсь я долженъ разсказать эпизодъ, оставившій во мнѣ глубокое и въ то же время тяжелое впечатлѣніе. Надо сказать, что въ описываемое мною время, хотя мятежъ былъ и подавленъ, но среди поляковъ все еще было броженіе, и аресты продолжались. Еще бывши въ Минскѣ, я часто слышалъ о томъ, что разыскиваютъ очень опаснаго эмиссара Канарскаго. Каково же было мое удивленіе, когда, проснувшись утромъ и замѣтивъ необычное движеніе на улицѣ, я выскочилъ и тутъ увидѣлъ массу народа, стремящуюся по одному направленію; по обѣ стороны тротуара стояли всевозможные экипажи, полные народа, даже на декахъ каретъ сидѣли женщины. Тутъ узналъ я, что будутъ разстрѣливать Канарскаго; само собою разумѣется, что я пошелъ за толпой, которая вскорѣ замерла, какъ одинъ человѣкъ; слышны были только всхлипыванія.

Это приближался эскортъ, сопровождавшій Канарскаго; впереди ѣхали верховые жандармы; за ними въ саняхъ ѣхалъ Канарскій въ енотовой шубѣ и синей вязаной изъ шерсти шапочкѣ съ кисточкою; рядомъ съ нимъ сидѣлъ ксендзъ, а сзади опять конвой. При гробовой тишинѣ слышались возгласы: «пане Канарскій!» и летѣли со всѣхъ сторонъ цвѣты, а Канарскій съ улыбкою кивалъ направо и налево головою. Наконецъ, слѣдуя за толпой, я

очутился на Погулянкѣ, мѣстѣ казни, видѣлъ, какъ привязали Канарскаго къ столбу, какъ надѣли ему колпакъ, закрывшій глаза, слышалъ залпъ; затѣмъ у меня помутилось въ глазахъ, и я нѣсколько секундъ былъ въ безсознательномъ состояннн, которое продолжалось недолго, и я, влекомый толпою, очутился противъ гостиницы, гдѣ мы остановились. Войдя въ номеръ, я былъ встрѣченъ упреками моего спутника, который, не видя меня, очень беспокоился.

Въ мартѣ прїѣхали мы въ Петербургъ, и меня сдали на руки теткѣ моей по отцу, Марьѣ Ивановнѣ Левашовой, которой и поручено было опредѣлить меня въ корпусъ, что въ тогдашнее время не представляло никакихъ затрудненій, такъ какъ конкуренцій не было, а мальчика, поступившаго въ комплектъ, экзаменовали для того, чтобы знать, въ какой классъ посадить.

Директоромъ корпуса въ то время былъ Иванъ Ѳеодоровичъ Крузенштернъ, а инспекторомъ классовъ почтенный Маркъ Филипповичъ Горковенко, называвшій почему-то меня чуть не до самаго выпуска не Одинцовымъ, а Баскаковымъ. Проэкзаменовавъ и оставшись довольны моими познаніями, меня одѣли въ казенное платье и посадили въ старшій кадетскій классъ. Новичкамъ обыкновенно въ первое время плохо приходится отъ преслѣдованія товарищей, но мнѣ удалось избавиться отъ этого и сразу выйти изъ разряда новичковъ. Случилось это слѣдующимъ образомъ. Строились кадеты во фронтъ, чтобы итти къ обѣду; по тогдашней формѣ воротники у куртокъ должны были быть застегнуты на все четыре крючка, чего я не сдѣлалъ. Унтеръ-офицеръ, стоявшій передъ фронтомъ, спросилъ меня грубымъ голосомъ: «отчего у тебя воротникъ не застегнутъ?». Замѣтивъ, что у него воротникъ также не застегнутъ, я отвѣтилъ ему такимъ же вопросомъ; тогда унтеръ-офицеръ началъ на меня кричать и ударилъ меня, я отвѣтилъ тѣмъ же; за такую дерзость на меня напали другіе унтеръ-офицеры и отколотили порядочно, но зато я сразу сталъ молодцомъ въ глазахъ товарищей и пользовался уваженіемъ.

Затѣмъ жизнь потекла обычнымъ порядкомъ. Утромъ въ шесть часовъ насъ будили барабаннымъ боемъ; умывшись и одѣвшись, мы становились во фронтъ; держурный офицеръ осматривалъ, чисты ли у насъ руки и уши, затѣмъ ктонибудь изъ кадетъ читалъ молитву, послѣ чего дневальный солдатъ раздавалъ намъ по полубѣлой булкѣ, и затѣмъ все отправлялись въ находившуюся рядомъ съ ретирадомъ умывалку, гдѣ стояли чаны съ сбитнемъ; каждый получалъ свою порцію — полную кружку, и на ходу ее выпивалъ. Какъ видите, насъ же нѣжили. Въ восемь часовъ шли въ классы, гдѣ оставались до двѣнадцати, съ двѣнадцати до часу было фронтное ученіе, потомъ обѣдъ и съ трехъ до шести опять въ классѣ. Въ шесть часовъ намъ раздавали опять по такой же булкѣ, какъ

и утромъ, но уже безъ сбитня; до восьми часовъ кто готовилъ уроки, кто игралъ, а въ восемь часовъ шли къ ужину, за которымъ давали два раза въ недѣлю ячменную кашу, прозванную нами кашей со шпорами, потому что вслѣдствіе дурной отдѣлки крупы она царапала въ горлѣ. Вообще пищей насъ не баловали, хотя надо сказать правду, провизія была всегда свѣжая. По субботамъ приходилъ за мной теткинъ лакей и уводилъ меня изъ корпуса; безъ провожатыхъ тогда не отпускали изъ корпуса; мало того, кадетъ и по улицамъ безъ провожатаго ходить не смѣлъ, и отъ этого выходили иногда пресмѣшныя вещи; такъ, очень часто родители, не имѣющіе мужской прислуги, присылали горничную, обязанную сопровождать кадета, ростомъ вдвое больше своей провожатой. По воскресеньямъ изъ всѣхъ корпусовъ по одному или по два человѣка возили во дворецъ играть съ великими князьями Николаемъ, Михаиломъ и Константиномъ, и я часто удостоивался этой чести. Во дворцѣ мы обѣдали съ великими князьями за обѣдомъ намъ давали конфеты и превкусный медъ; я такого меду никогда послѣ нигдѣ не пилъ, сколько ни искалъ. Послѣ обѣда начинались игры, возня поднималась страшная; иногда во время игръ появлялся государь Николай Павловичъ съ цесаревичемъ, и тогда начинались игры въ солдаты. Государь становился барабанщикомъ, наслѣдникъ начальникомъ караула, а мы всѣ, вооружившись ружьями, бывшими всегда наготовѣ, изображали солдатъ. Послѣ маршировки по залѣ подъ бой барабана (покойный государь, какъ извѣстно, отлично билъ въ барабанъ) вступали якобы въ карауль на устроенную въ залѣ гауптвахту; бывало и такъ, что государь, выйдя къ намъ, начиналъ съ нами возиться, и кончалось всегда тѣмъ, что мы его повалимъ, а онъ, голубчикъ, просить пощады, тогда какъ довольно было одного взмаха его руки, чтобы мы разлетѣлись въ разные стороны. Государь Николай Павловичъ пріѣзжалъ иногда въ корпусъ, и мы ожидали его каждый день съ нетерпѣніемъ, такъ какъ, если государь оставался всѣмъ доволенъ, то воспитанниковъ отпускали на три дня по домамъ. Однако, разъ его величество пріѣхалъ къ намъ въ дурномъ расположеніи духа, все ему не нравилось, распекъ, начиная съ директора, всѣхъ и уходя сказать: «Кадеты не умѣютъ говорить, надо учить говорить», и съ этими словами уѣхалъ изъ корпуса. Начальство растерялось, начали придумывать, какимъ способомъ учить кадетъ говорить, и остановились на мысли учить кадетъ декламации, для чего приглашенъ былъ артистъ императорскихъ театровъ, Петръ Андреевичъ Каратыгинъ, который нашелъ болѣе цѣлесообразнымъ устраивать спектакли. Помню, напримѣръ, играли «Ревизора», и я послѣдовательно игралъ въ немъ роли Маріи Антоновны и Анны Андреевны. Въ день спектакля моя мать привозила нужный костюмъ, а дядьки затягивали на мнѣ корсетъ точь-въ-точь, какъ хомутъ на лошади. Ставили

также французскія пьесы, и режиссировалъ ихъ учитель французскаго языка, m-g Bonnet, словомъ, дѣло спектаклей пошло очень хорошо, и въ слѣдующій свой приѣздъ государь остался нами очень доволенъ. Лѣтомъ отправлялись въ плаваніе по Маркизовой лужѣ на эскадрѣ, состоявшей изъ четырехъ плоскодонныхъ фрегатовъ, каждая рота на своемъ суднѣ.

Всѣ судовыя работы, исполняемыя на военныхъ судахъ матросами, производились кадетами, кромѣ черныхъ работъ, какъ мытье палубы и прочее. По воскресеньямъ насъ спускали на берегъ въ Петергофъ, и съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали мы этого дня! Надо сказать, что у кадетъ было благоговѣйное обожаніе покойной великой княжны Александры Николаевны (младшей дочери покойнаго государя Николая Павловича и выданной впослѣдствіи замужъ за принца гессенъ-кассельскаго). Какъ только спустятъ бывало на берегъ, мы бѣжимъ опретью ко дворцу и становимся у подъѣзда, ожидая выхода великихъ княженъ Маріи, Ольги и Александры, которыя съ обворожительно-ласковой улыбкой отвѣчали на наше привѣтствіе, а великая княжна Александра Николаевна раздавала каждый разъ намъ по конфеткѣ, которую мы берегли, какъ зѣницу ока. Долго сохранялись эти конфетки къ особомъ ящикѣ у моей покойной матери, и только не задолго до ея кончины, въ семидесятыхъ годахъ, я, проѣздомъ черезъ Москву, былъ у нея и, вспоминая прошлое, вспомнилъ и о ящикѣ, но, увы, его не оказалось; куда онъ дѣвался, кому понадобился, осталось неизвѣстнымъ.

Въ 1841 году, я перешелъ въ младшій гардемаринскій классъ, и съ этого времени лѣтомъ начиналась серьезная служба, насъ назначали на военные суда практической эскадры, младшихъ гардемариновъ на одно, а старшихъ на другое судно. Первое военное судно, на которое я попалъ, былъ фрегатъ «Екатерина»; командовалъ имъ баронъ Петръ Карловичъ Розень. Описывать пребываніе на фрегатѣ не представляетъ интереса: каждый день то парусное ученіе, то артиллерійское, рѣшали астрономическія задачи, и такъ изо дня въ день. Заходили обыкновенно въ Ревель и Гельсингфорсъ.

По окончаніи кампаніи начинались переводные экзамены. Здѣсь долженъ разсказать, какъ производились въ то время экзамены. Каждый учитель раздѣлялъ свой предметъ на извѣстное число билетовъ и поручалъ гардемаринамъ самимъ сдѣлать билеты; вотъ мы и раздѣлимъ общее число билетовъ на четыре части и готовимъ каждый четвертую часть всего числа билетовъ; каждая четверть билетовъ имѣла свой знакъ, такъ, напримѣръ, на картонъ, на задней сторонѣ билета, наклеивалась зеленая бумага, а подъ нее посыпался песокъ; другой сортъ билетовъ былъ такого же цвѣта, но по краямъ оставался бѣленькій кантикъ, замѣтный только

для насъ и т. д.; воспитанникъ, вызванный, подходитъ къ столу, на которомъ разбросаны билеты, выбираетъ одинъ изъ тѣхъ, которые онъ знаетъ, и, конечно, отвѣчаетъ прекрасно, хотя надо сказать, что и при такомъ облегченномъ способѣ нѣкоторые проваливались; такъ одинъ мой товарищъ перемѣнилъ нѣсколько билетовъ и ни на одинъ не могъ отвѣтить; тогда экзаменовавшій спросилъ: «Что вы знаете изъ исторіи всѣхъ временъ?» Мой пріятель многозначительно крикнулъ и отвѣтилъ: «царствованіе Петра I». Но когда онъ началъ свой разсказъ со словъ: «когда Петръ I умеръ», то понятно, что всѣ разсмѣялись и не узнали отъ экзаменовавшагося, что же было при жизни великаго монарха. Такимъ образомъ проходили экзамены по всѣмъ предметамъ, кромѣ Закона Божія, гдѣ никакихъ билетовъ не было, а батюшка самъ задавалъ вопросы.

Съ переходомъ въ старшій гардемаринскій классъ начинались по понедѣльникамъ практическія занятія по корабельной архитектурѣ. Въ большой залѣ стоялъ остовъ корабля, весь разборный, и одинъ выпускъ гардемариновъ собиралъ, а другой разбиралъ его по всѣмъ правиламъ архитектуры. Всѣ части этого судна были полированные, болты и гвозди шлифованные. Въ этотъ классъ пріѣзжалъ каждый разъ покойный великій князь Константинъ Николаевичъ, въ сопровожденіи воспитателя своего, адмирала Литке. Однажды, за урокомъ я поссорился съ великимъ княземъ изъ-за молота, которымъ каждый изъ насъ хотѣлъ завладѣть; дѣло дошло чуть не до драки, но Ф. П. Литке предупредилъ столкновеніе; онъ отнял у насъ предметъ ссоры и, передавъ молотъ третьему лицу, прочиталъ нотацію, въ которой главнѣйшимъ образомъ досталось его высочеству. Обстоятельство это великій князь напомнилъ мнѣ, когда я послѣ Крымской кампаніи, уже отставнымъ, представлялся его высочеству.

6-го ноября, въ день Павла Исповѣдника, бываетъ корпусный праздникъ. Къ этому дню воспитанники готовятся чуть не за мѣсяцъ, каждый старается получить отъ родителей или родственниковъ побольше денегъ, чтобы достойнымъ образомъ отпраздновать этотъ день. За нѣсколько дней до праздника вся рота раздѣлялась на группы въ 5—10 чел. болѣе дружныхъ между собою, и такія группы условливались «держатъ вмѣстѣ» (техническое выраженіе), то-есть дѣлали складчину и закупали провизію, а все, что должно было вариться и жариться, заказывалось дядькамъ. Въ этотъ день считалось неприличнымъ ѣсть чтонибудь казенное, и ходили къ обѣду и ужину въ столовую для проформы. Еще наканунѣ изъ каждой группы выбирался одинъ, на обязанности котораго лежало занять въ умывальникѣ мѣсто для своей группы, и несчастный долженъ былъ всю ночь караулить, чтобы ктонибудь не занялъ мѣста. Въ самый день 6-го ноября всѣ отправлялись къ обѣднѣ, на которой

присутствовало все начальство. Послѣ обѣдни возвращались по своимъ ротамъ, и шла кантушка, то-есть кутежь, начиналось съ шоколада, чая и кофе, затѣмъ слѣдовали пироги со всевозможными начинками и, наконецъ, гусь. За казеннымъ обѣдомъ тоже подавался гусь, но его никто не ѣлъ. Послѣ обѣда опять шоколадъ и разныя лакомства, словомъ, ѣда цѣлый день, а вечеромъ былъ балъ, не имѣющій ничего похожего на балы, даваемые нынѣ Морскимъ корпусомъ. Тогда на балъ приглашались только родители кадетъ и семейства корпусныхъ офицеровъ; огромная зала освѣщалась люстрою съ восковыми свѣчами, а въ амбразурахъ оконъ стояли мѣдные чаны съ клюквеннымъ питьемъ, которое разливали корпусные дядьки въ бѣлыхъ фартукахъ. Затѣмъ, какъ гостямъ, такъ и кадетамъ подавали крымскія яблоки. Танцевали съ родственницами, а болѣе между собою, и въ 10 часовъ все кончалось. Мнѣ не пришлось быть ни на одномъ изъ вынѣшнихъ баловъ, но, судя по рассказамъ, они посѣщаются избраннымъ петербургскимъ обществомъ и членами царской фамиліи, чрезвычайно оживлены и считаются лучшими изъ баловъ этого рода.

Заканчивая воспоминанія изъ школьнаго періода моей жизни, не могу не сопоставить взгляда на одинъ и тотъ же предметъ педагоговъ сороковыхъ годовъ съ нынѣшними. То, что въ сороковыхъ годахъ было чуть не преступленіемъ, въ настоящее время санкціонируется начальствомъ заведенія. Я помню, какъ не задолго до производства въ офицеры пріѣхалъ въ корпусъ лейбъ-гусарскій поручикъ Потаповъ (впослѣдствіи виленскій генералъ-губернаторъ) навѣстить товарища моего, князя Оболенскаго, сестры котораго онъ былъ женихомъ, и далъ намъ только что появившихся тогда въ Петербургѣ папирозъ. Проводивши гостя, мы посѣщали, конечно, попробовать новое курево; насъ накрыли и чуть не оставили отъ выпуска, но, слава Богу, кончилось тѣмъ, что отсидѣли нѣсколько дней въ карцерѣ. Теперь куреніе не только не преслѣдуется, но въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ существуютъ даже курильныя комнаты.

II.

Произведенный въ 1844 году въ мичманы въ 16-й флотскій экипажъ, я отправился въ Кронштадтъ, гдѣ былъ назначенъ на только что построенный тогда въ Голландіи пароходъ-фрегатъ «Храбрый», командиромъ котораго былъ Павелъ Васильевичъ Соловцовъ, а старшимъ офицеромъ Владиславъ Ивановичъ Слизенъ. Какъ тотъ, такъ и другой приняли меня очень ласково, а Слизенъ даже предложилъ мнѣ поселиться у него, пока не найду квартиры, чѣмъ я и воспользовался. У насъ часто собиралось большое общество офицеровъ, въ числѣ которыхъ были лица, составившія

себѣ впослѣдствіи имя въ исторіи русскаго флота, какъ, напри- мѣръ, капитанъ-лейтенантъ Алексѣй Ивановичъ Бутаковъ (братъ Григорія Ивановича, командовавшаго въ Крымскую войну парохо- домъ «Владимиръ»), Петръ Васильевичъ Козакевичъ, Геннадій Ива- новичъ Невельской и другіе. Съ Невельскимъ мы, мичмана-школь- ники, продѣлывали всевозможныя шалости; такъ, напри- мѣръ, въ тогдашнее время курили трубки, и Невельской, говорившій всегда съ жаромъ, не выпускалъ ея изо рта; мы, бывало, набьемъ трубки всякой дрянью, а онъ въ пылу разговора ничего не замѣчалъ и продолжалъ курить. Затѣмъ я вскорѣ познакомился съ покойнымъ лейтенантомъ Боголюбовымъ (впослѣдствіи знаменитымъ марини- стомъ), начало артистической карьеры котораго весьма интересно. Алексѣй Петровичъ Боголюбовъ въ описываемое время былъ адъю- тантомъ у начальника дивизіи адмирала Дурасова, жилъ онъ въ офицерскомъ флигелѣ, съ товарищемъ своимъ (нынѣ тоже покой- нымъ) Леонтіемъ Леонтевичемъ Эйлеромъ, и былъ у нихъ ден- щикъ Крутовъ. Однажды Боголюбовъ написалъ картину малень- кихъ размѣровъ, изображавшую итальянскую ночь; тутъ были и луна, и гондола, и въ гондолѣ итальяночка; картину эту онъ свезъ въ Петербургъ и отдалъ на комиссію въ Гостиный дворъ, по Па- жеской линіи, въ лавку Кузина, торговавшаго фаянсовою и стек- ляною посудой, а также картинами арзамасскаго происхожденія. Ночка очень понравилась и была куплена; тогда Боголюбовъ по- лучилъ заказъ на нѣсколько ночекъ разныхъ величинъ стоимостью отъ 10 до 25 рублей и пріѣхалъ въ Кронштадтъ съ кучей рамокъ, съ натянутымъ холстомъ, на задней сторонѣ которыхъ написана была цѣна будущихъ картинъ. Я былъ однажды свидѣтелемъ, какъ Боголюбовъ, проснувшись утромъ, зоветъ Крутова; тотъ является и стоитъ въ вопросительной позѣ. «Подай ночку»,—приказываетъ Боголюбовъ.—«Въ какую цѣну, ваше благородіе?»—спрашиваетъ Крутовъ. Боголюбовъ назначаетъ цѣну, и тогда передъ нимъ ста- вился мольбертъ, и начиналось малеваніе. Написавъ нѣсколько картинъ, Боголюбовъ везетъ ихъ въ Петербургъ къ тому же Кузину, у котораго ихъ мигомъ раскупали. На часть выручен- ныхъ денегъ Боголюбовъ закупитъ разныхъ вещей; остальные прокутитъ и возвращается въ Кронштадтъ безъ копейки, но опять съ массою полотень, и повторялось это въ теченіе зимы нѣсколько разъ. Исторію Боголюбовскихъ ночекъ воскресило въ моей памяти слѣдующее обстоятельство. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ встрѣ- тилъ я на Невскомъ проспектѣ Александра Алексѣевича Зеленаго, бывшаго тогда министромъ государственныхъ имуществъ, и меня заинтересовала синя ленточка, обмотанная у А. А. около пальца; оказалось, что это—мѣрка рамки, которая нужна была ему, и ко- торой онъ не могъ нигдѣ найти; я посоветовалъ пойти въ Гости- ный дворъ, гдѣ мы и попали прямо въ лавку Кузина. Пока при-

казчикъ подбиралъ рамку, хозяинъ, старикъ, долго смотрѣвшій на Зеленаго, обратился къ нему съ вопросомъ: «Вы, никакъ, будете Александръ Алексѣевичъ Зеленый?» и на утвердительный отвѣтъ послѣдняго старикъ напомнилъ, какъ бывало онъ приходилъ съ Боголюбовымъ въ лавку: «Тогда офицеры были, а теперь, на, поди, и меня старика не забывали, заглядывали въ лавку, когда прїѣзжали изъ Парижа».

Возвращаюсь къ моему житію въ Кронштадтѣ. Имущество мое въ то время состояло изъ полной мичманской обмундировки и, какъ непремѣнная принадлежность порядочнаго офицера тогдашняго времени, у меня была шинель съ воротникомъ и лапканами камчатскаго бобра; былъ также туалетный несессеръ съ серебрянымъ приборомъ, находившійся болѣею частью «въ мытьѣ» (т.-е. въ закладѣ), и сто рублей ассигнаціями денегъ. Пятьдесятъ лѣтъ назадъ это были большія деньги, особенно для меня, не имѣвшаго до того въ рукахъ болѣе пятирублевой ассигнаціи, которую ежемѣсячно, пока былъ въ корпусѣ, получалъ отъ отца. Эти сто рублей казались мнѣ такимъ богатствомъ, что я мечталъ даже держать лошадей, но не зналъ, что лучше, пару ли вятокъ завести, или одного рысака, и обратился за совѣтомъ къ одному изъ товарищей, ну, и вышутили же меня—проходу не было изъ-за этихъ вятокъ! Ненадолго, однако, хватило этихъ ста рублей. Я поѣхалъ въ Петербургъ и попалъ на великосвѣтскій базаръ въ дворянскомъ собраніи (тогда аллегри и базары только-что входили въ моду). Войдя въ залъ, я увидѣлъ между прочими двухъ дамъ (которыя уже въ могилѣ): одна продавала пирожки, а у другой, рядомъ стоявшей, на столикѣ были ягоды и фрукты; я подошелъ къ столику съ пирожками, съѣлъ одинъ и преважно, вынувъ изъ кошелька бѣленькую бумажку (25 руб. ассигн.), подаль ее продавщицѣ, которая обратилась къ сосѣдкѣ со словами: «Rendez à monsieur?» Каково же было мое удивленіе, когда мнѣ, вмѣсто сдачи, начали отсчитывать вишни, которыхъ я, конечно, не взялъ и, отойдя отъ стола, слышалъ, какъ надо мною подсмѣивались. Много смѣялись и дома, когда я разсказалъ отцу объ этомъ эпизодѣ. Въ Кронштадтѣ я скоро познакомился со всѣмъ обществомъ, благодаря А. И. Бутакову, принявшему меня подъ свое покровительство. Главнымъ командиромъ Балтійскаго флота и порта въ то время былъ Ѳаддей Ѳаддеевичъ Беллинсгаузенъ, въ семействѣ котораго я тоже былъ принятъ. У адмирала часто устраивались домашніе спектакли, въ которыхъ я всегда участвовалъ, разъ въ недѣлю танцевали, и вообще жилось очень весело. Все было просто; о теперешней роскоши и понятія не имѣли: угощеніе было очень незатѣйливое; ужиновъ не было, а когда всѣ бывало займутъ мѣста для мазурки, то обносили на подносахъ бутерброды и бульонъ, и то это только у адмирала, да еще въ домахъ двухъ, трехъ. Посѣ-

щеніе хорошаго общества не помѣшало мнѣ, однако, попасть въ среду отчаянныхъ кутилъ; мѣсяца три кружился я, отбившись отъ дома (я въ то время жилъ уже на своей квартирѣ), ночеваль у того изъ товарищей, гдѣ заставала ночь, и денщикъ разыскиваль меня, чтобы принести мнѣ чистое бѣлье; не одинъ разъ случалось заночевывать на биліардѣ въ гостиницѣ Недоновскаго; а бывало и такъ, что у компаніи денегъ нѣтъ, кредита въ гостиницѣ тоже нѣтъ, а выпить надо; вотъ мы всей компаніей ночью отправляемся къ винному погребу Уланова и становимся у окна, гдѣ, мы знали, спитъ приказчикъ, и задаемъ серенаду, а морозъ трескучій; поемъ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, приказчикъ, выйдя изъ терпѣнія, не подастъ черезъ форточку бутылку какого нибудь зелья со словами: «отстаньте, окаянны!» Такая жизнь продолжалась, какъ я выше сказалъ, три мѣсяца, но инстинктъ порядочнаго восторжествоваль. Случилось, что, заночевавъ у одного изъ членовъ компаніи, я проснулся, когда никого уже не было—кто въ караулѣ, кто на дежурствѣ; утро было морозное, солнце блестѣло въ окнахъ, а кругомъ меня слѣды безпутно проведеннаго вечера: пустыя бутылки, вездѣ разсыпанная зола отъ трубокъ, осьмушка Жуковскаго табаку, огарокъ сальной свѣчки, вставленный въ бутылку. Все это показалось мнѣ такъ гадко, что я опрометью побѣжалъ домой, и затѣмъ компанія уже не досчитывалась одного члена. Я возвратился въ порядочное общество, считавшее меня погибшимъ, и жизнь потекла обычнымъ порядкомъ; лѣтомъ въ плаваніи на пароходѣ, а по окончаніи компаніи втягивались въ гавань, гдѣ пароходъ разгружался, офицеры списывались на берегъ, и начинались зимнія занятія, заключавшіяся въ маршировкѣ въ три пріема по манежу и содержаніи карауловъ. Однажды, стоя въ караулѣ, въ западной оборонительной полубашнѣ, гдѣ содержались арестанты, въ 12 часовъ дня явился въ караульную комнату кокъ, т.-е. поваръ, тоже изъ арестантовъ, въ сопровожденіи караульнаго унтеръ-офицера и принесъ пробу обѣда; я хлебнулъ ложку щей и отпустилъ обонихъ. Вслѣдъ затѣмъ денщикъ принесъ мнѣ мой обѣдъ, я поѣлъ и, снявши киверъ (что, кстати сказать, считалось преступленіемъ), сидя задремаль. Вдругъ какъ бы отъ кошмара я проснулся и, увидѣвъ передъ собою того же повара съ ножомъ въ рукахъ, ужасно растерялся и спросилъ: «что тебѣ надо?» на что въ отвѣтъ получилъ: «хотѣлъ убить, да жалко стало, больно молоды».—«За что же ты хотѣлъ меня убить?»—спросилъ я; онъ отвѣтилъ, что за офицера скорѣе бы въ Сибирь попалъ, гдѣ, какъ видно, жилось недурно. Надо сказать, что сдѣлался я морякомъ по призванію; ни отецъ и никто изъ родныхъ не служилъ во флотѣ; мало того, я не видѣлъ ни одного корабля, а еще восьмилѣтнимъ мальчикомъ бредилъ ими. Понятно, что кронштадтская жизнь не могла мнѣ нравиться, я и выхлопоталъ себѣ назначеніе на яхту князя Мен-

шикова (бывшаго тогда морскимъ министромъ), люгеръ «Петергофъ», рассчитывая зимовать въ Петербургъ и избавиться такимъ образомъ отъ ненавистой мнѣ фронтозой службы. Зимой 1845—1846 года отецъ повезъ меня въ Вологду,—какъ же не показать роднымъ такое сокровище? Въ тѣ времена способы передвиженія были ужасные; чего только не приходилось съ собой брать. Замораживали щи въ горшкахъ, напекали и жарили всякой всячины, потому что на почтовыхъ станціяхъ, кромѣ самовара, ничего нельзя было получить. Сколько дней мы ѣхали изъ Петербурга, я не помню, знаю только, что очень длинна показалась мнѣ дорога; на большинствѣ станцій приходилось сидѣть за неимѣніемъ лошадей, а на одной станціи сидѣли даже очень долго, потому что оставалась тройка пѣгихъ, а на пѣгихъ отецъ никогда не ѣздилъ; мало того, что самъ не ѣздилъ, но самымъ серьезнымъ образомъ упрекалъ станціоннаго смотрителя за то, что онъ держитъ пѣгихъ лошадей, утверждая, что ни одинъ порядочный человѣкъ не ѣздитъ на пѣгихъ. Одну станцію ѣхали на одной лошади, ямщикомъ была баба, и, несмотря на это, ѣхали прекрасно. Въ концѣ концовъ, добрались мы до Вологды и остановились у моего двоюроднаго брата В. В. Одинцова, человѣка умнаго, талантливаго, но совершенно беззубнаго. Когда-то онъ былъ блестящимъ юнкеромъ старой школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ, потомъ за разныя проказы былъ разжалованъ въ солдаты, промоталъ огромное состояніе и въ описываемое мною время служилъ уѣзднымъ лѣсничимъ. Положеніе, казалось бы, не важное, а между тѣмъ домъ В. В. былъ первымъ въ городѣ по гостепріимству. Приѣдетъ ли флигель-адъютантъ для набора рекрутъ въ гвардію, В. В. устраиваетъ медвѣжью охоту, послѣ охоты обѣдъ въ честь побѣдителя медвѣдя, которымъ всегда почему-то бывалъ пріѣзжій гость. Женатъ онъ былъ не такъ, какъ обыкновенно женятся—онъ выигралъ жену въ карты, и вотъ какъ это случилось. Рота полка, въ которой находился В. В., расположена была въ Тверской губерніи, въ имѣніи помѣщика Е., большого игрока. Въ одинъ прекрасный день, или, вѣрнѣе, въ одну ночь, В. В. проигралъ Е. большую сумму, заплатить которую, особенно разомъ, было трудно. Е. это зналъ и предложилъ В. В. жениться на его дочери, а проигранныя деньги взять въ приданое; сказано—сдѣлано, и В. В. женился. Надо же человѣку счастье, жена его оказалась прелестнѣйшимъ существомъ. Главою въ домѣ была тетка моя, Прасковья Ивановна, старшая сестра моего отца, дѣвица лѣтъ шестидесяти, воспитанница Смольнаго монастыря, кроткая, безъ ханжества богомольная, всѣми любимая и уважаемая. Никогда мы не сажались за столъ, пока тетюшка не придетъ. Утромъ и вечеромъ въ чайное время всѣ собирались вокругъ стола, и она разливала чай. Однажды, послѣ ужина вся компанія пѣла (пѣла и тетюшка) и между прочимъ охотничью

пѣсню, которая такъ понравилась всѣмъ, что ее повторили нѣсколько разъ; затѣмъ всѣ разошлись, пожелавъ другъ другу покойной ночи. На другое утро всѣ собирались къ чаю и ждали выхода тетюшки, но она не являлась; мы начали беспокоиться, не случилось ли чего со старушкою, спрашивали ея горничную, та объявила, что Прасковья Ивановна давно встала, только Богу еще не молились; подождали еще, какъ вдругъ пришла горничная и передала приказаніе тетюшки не дожидаться. Отпили чай, тетюшка не выходила, завтракали тоже безъ нея; только къ обѣду вышла она изъ своей комнаты; блѣдность ея насъ испугала, и мы всѣ обступили ее съ разспросами; оказалось, что она не могла помолиться Богу. «Только что подыму», говоритъ, «руку, чтобы перекреститься, какъ въ голову лѣзетъ вчерашняя охотничья пѣсня». Жаль было смотрѣть на старушку, сообщавшую намъ свою боль. Былъ у меня въ Вологдѣ дядя Николай Ивановичъ, старшій братъ моего отца, очень добрый и совершенно обезличенный своей супругой Екатериною Ивановною, или просто Катюшъ, какъ называли ее всѣ родные. Дѣтьми ихъ Господь не благословилъ, зато у нихъ были собачки, умѣвшія танцевать подъ музыку, и я, какъ теперь, вижу дядю съ гитарой, на голубой лентѣ черезъ плечо, онъ играетъ, а собачка передъ нимъ вертится на заднихъ лапкахъ; въ этомъ занятіи проходила большая часть дня. Пробовалъ онъ одно время служить, и гдѣ же? въ интендантствѣ, а кто не знаетъ, что такое было интендантство 50 лѣтъ назадъ; но недолго онъ служилъ: какъ человѣкъ безусловно честный, дядя былъ помѣхою, и его такъ опутали, что онъ поплатился частью своего состоянія и вышелъ въ отставку. Жилось мнѣ въ Вологдѣ очень весело; каждый день танцы, до которыхъ я былъ большой охотникъ, и долженъ сказать безъ хвастовства, танцевалъ очень хорошо, да иначе и быть не могло, такъ какъ мнѣ пришлось побывать въ школѣ такихъ знаменитостей, какъ Дютакъ, Эбергардъ и Гольцъ. Кавалерами на балахъ были офицеры батальона внутренней стражи, большею частью выслужившіеся изъ солдатъ, и соперничать со мною не могли; былъ у меня впрочемъ одинъ соперникъ, пробиреръ, фамилію его не помню, но и его я оставилъ за флагомъ, и какъ немного для этого было нужно! Тогда только что появилась въ Петербургѣ полькамазурка; я ее танцевалъ и даже привезъ съ собою ноты; понятно, что, благодаря такимъ высокимъ хореграфическимъ познаніямъ, я выросъ въ глазахъ барышенъ, и онѣ наперерывъ ухаживали за мною, желая научиться новому танцу; однимъ словомъ, я былъ вездѣ желанный гость, на всѣхъ балахъ дирижировалъ; въ тѣ же рѣдкіе дни, когда не было баловъ, ѣздили на огонекъ ряжеными и доѣздили до того, что я простудился, схватилъ горячку и пролежалъ цѣлый мѣсяцъ въ постели. Поправившись отъ болѣзни и получивъ разрѣшеніе доктора, мы стали собираться въ обратный

путь. Въ день, назначенный для отъезда, при сборѣ всѣхъ родныхъ и многихъ знакомыхъ, отслужили молебень и, напутствуемые благими пожеланіями, усѣлись въ возокъ; я чувствовалъ себя еще слабымъ и спалъ почти всю дорогу. Пріѣхавъ, явился по начальству. Со вскрытіемъ Невы люгеръ началъ вооружаться и вышелъ на рейдъ, то-есть всталъ на якорь передъ окнами дома, на Англійской набережной, гдѣ жилъ князь Меншиковъ. Въ это время нужно было отправлять въ подарокъ неаполитанскому королю Фердинанду копію группъ работы барона Клодта, которыя стоятъ у насъ на Аничковомъ мосту. Для этого снаряжался транспортъ «Або», командиромъ назначенъ былъ капитанъ 1-го ранга Нордманъ. Въ прежнее время заграничныя плаванія были весьма рѣдки, а потому понятно, какъ всѣ хлопотали, чтобы попасть въ число счастливицевъ.

Протекціи у меня не было, и приходилось хлопотать о себѣ самому. Надо сказать, что команда на транспортѣ была отъ 10-го экипажа, въ которомъ я служилъ; и вотъ, вообразивъ, что имѣю какія-то права, я облекся въ форму, съѣхалъ съ люгера, нѣсколько разъ прошелся мимо дома князя Меншикова, наконецъ, вооружившись храбростью, вошелъ, поднялся по лѣстницѣ и очутился въ приемномъ залѣ, гдѣ нашелъ уже множество офицеровъ, которые, хотя и скрывали другъ отъ друга причину посѣщенія приемной министра, но я былъ увѣренъ, что всѣ пришли за тѣмъ же, за чѣмъ и я, что и не замедлило подтвердиться. Въ числѣ офицеровъ былъ и покойный Боголюбовъ, о которомъ я уже говорилъ выше. Вотъ вышелъ изъ кабинета князь; сдѣлавъ общій поклонъ, началъ подходить къ каждому, и всѣмъ былъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: «Не могу, любезный, уже всѣ назначены». Вторымъ съ лѣваго фланга стоялъ командиръ одного судна, котораго князь особенно привѣтливо, съ милой улыбкой спросилъ: «Что скажешь?» и получилъ отвѣтъ: «Пришелъ засвидѣтельствовать почтеніе». Когда князь, поблагодаривъ его, обратился къ послѣднему, который былъ не кто иной, какъ Боголюбовъ, онъ на вопросъ князя: «что скажешь?» расшаркался и сказалъ, что ему болѣе ничего не остается, какъ засвидѣтельствовать нижайшее почтеніе. Князю очень понравилась выходка, и онъ выразилъ сожалѣніе, что Боголюбовъ ранѣе не пришелъ. Потерпѣвъ такимъ образомъ неудачу, я отправился разочарованнымъ на люгеръ. Затѣмъ я проплавалъ два лѣта въ Финляндскихъ шхерахъ, сперва подъ командою Сколкова, а потомъ подъ командою М. А. Бутакова, а зимою утрамбовывалъ Невскій проспектъ, и, не получивъ такимъ образомъ удовлетворенія моей страсти къ морю, я рѣшился хлопотать о переводѣ меня въ Черноморскій флотъ, что и состоялось въ мартѣ 1848 года, съ назначеніемъ въ 41-й экипажъ. Въ Петербургѣ я бывалъ въ домѣ Оеодора Тимоеевича фанъ-деръ-Флита; сестра его, Екатерина Тимоеевна, была за мужемъ за незабвеннымъ Михаиломъ Петровичемъ

Лазаревымъ, къ которому Ѳеодоръ Тимоѳеевичъ далъ мнѣ рекомендательное письмо. Переѣхать изъ Петербурга въ Николаевъ въ то время было не такъ легко, какъ теперь. Желѣзныхъ дорогъ не было, а ходили до Москвы мальпосты, то-есть общественныя почтовые кареты, съ кондукторомъ, который нещадно трубилъ при встрѣчахъ и приближеніи къ станціи. Въ послѣднихъ числахъ апрѣля снарядили меня въ путь, взяли мнѣ мѣсто внутри кареты, дали на дорогу нѣсколько рублей мелкими, а остальные деньги матушка зашила въ ладонку, которую надѣла мнѣ на шею; деньги эти назначались для дальнѣйшаго слѣдованія изъ Москвы; затѣмъ отслуженъ былъ напутственный молебень, и всѣ мы, то-есть отецъ, мать и я, поѣхали къ почтамту, откуда отправлялись почтовые кареты. Отецъ строго-настрого приказалъ мнѣ, пріѣхавши въ Москву, явиться прямо къ старому его товарищу по Пажескому корпусу, Николаю Ивановичу Панаеву, который долженъ былъ найти для меня попутчика до Николаева. Карета была подана при трубномъ звукѣ кондуктора, я занялъ свое мѣсто, напутствуемый родительскимъ благословеніемъ, затѣмъ тронулись въ путь. По дорогѣ были богатые станціонные дома, съ роскошными буфетами тамъ, гдѣ по росписанію приходилось завтракать или обѣдать; помню, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали пріѣзда въ Торжокъ, славившійся котлетами Пожарскаго; мнѣ же станція эта памятна тѣмъ, что я долженъ былъ сдѣлать починъ деньгамъ, зашитымъ въ ладонку, такъ какъ данныхъ мнѣ на дорогу до Москвы не хватило, благодаря тому, что поѣхавшій со мною уланскій офицеръ угощалъ меня шампанскимъ, и я долженъ былъ отвѣчать. Наконецъ, на четвертые сутки, 1-го мая, пріѣхали мы въ Москву. Взваливъ на извозчика чемоданъ, я велѣлъ везти себя въ гостиницу съ тѣмъ, чтобы, оставивши тамъ вещи и обмывшись отъ дорожной пыли, поѣхать отыскивать Панаева. Но человекъ предполагаетъ, а судьба располагаетъ. У подъѣзда гостиницы встрѣтилъ двухъ товарищей моряковъ и одного, пріѣхавшаго закладывать свое Тамбовское имѣніе, отставного гусарскаго юнкера, съ которымъ меня тутъ познакомили (фамилію не помню). Вся эта компанія уговорила меня съ ними обѣдать и потомъ ѣхать въ Сокольники, гдѣ 1-го мая бываетъ большое гуляніе. Сказано—сдѣлано. Пообѣдали, порядочно выпили, сѣли въ двѣ коляски, запряженные тройкой съ бубенчиками и другими атрибутами троечной запряжки, тронулись въ путь. Вся дорога запружена была экипажами всевозможныхъ фасоновъ до колибера включительно (колиберъ — это дрожки, какъ бывали петербургскія гитары, на которыхъ ѣздили до появленія пролетокъ). Оба эти инструмента были весьма не покойны, особенно колиберъ. Описывать гуляніе я не могу, а почему?—читатель увидитъ изъ дальнѣйшаго разсказа. Помню, что, выйдя изъ экипажей, мы направились къ одной изъ множества раскинутыхъ палатокъ; та, въ

которую мы вошли, состояла изъ трехъ отдѣленій, въ серединѣ буфетъ, рядомъ съ буфетомъ пѣлъ хоръ цыганъ, а съ другой стороны былъ какой-то фокусникъ. Дирижировалъ нами нашъ отставной юнкеръ, который, какъ оказалось, былъ цыганистъ и много промоталъ на цыганъ денегъ. Приказали подать себѣ чаю, порѣшивъ между собою не ходить къ цыганамъ, но и тутъ судьба рѣшаетъ не такъ, какъ предполагалось. Не прошло десяти минутъ, какъ въ палатку пришло нѣсколько цыганокъ и, увидавъ юнкера, стараго знакомаго, стали упрашивать насъ зайти къ нимъ; недолго пришлось имъ уговаривать насъ. Не успѣлъ я опомниться, какъ очутились въ сосѣднемъ отдѣленіи палатки, среди сильно уже подгулявшей компаніи молодыхъ купчиковъ, которые, познакомившись съ нами, стали насъ угощать. Отказываться не было возможности, и мы очень скоро сравнялись съ остальной компаніей. Началось пѣніе, пляски, неизбѣжное величаніе, во время котораго идетъ хорошенькая цыганка съ тарелкой, и каждый изъ присутствующихъ кладетъ свою лепту; тотъ же, котораго величаютъ, долженъ быть щедрѣе; величаютъ и меня, и я до того увлекся, что понемногу выложилъ на тарелку все, что было въ ладонкѣ; не знаю, что было далѣе, но проснулся я на другое утро въ гостиницѣ безъ гроша и съ больной головой. Что дѣлать, какъ добыть денегъ, чтобы ѣхать далѣе? Отправился по данному мнѣ адресу къ Панаеву, который, узнавши, что я уже сутки въ Москвѣ, пожурилъ меня, что не пріѣхалъ прямо къ нему; а когда я объяснилъ ему мое положеніе, онъ безъ церемоніи выругалъ меня и заставилъ писать отцу, во всемъ повиниться и просить выслать Николаю Ивановичу сто рублей, которые онъ мнѣ далъ для дальнѣйшаго слѣдованія. Затѣмъ повезъ меня въ винный погребъ Смирнова, и, судя по адресу на этикетѣ теперешней знаменитой смирновки, тотъ Смирновъ долженъ былъ быть отецъ или даже дѣдъ теперешняго Смирнова. Поздоровавшись съ хозяиномъ, благодѣтель мой повелъ такую рѣчь:

— Нужно мнѣ отправить съ попутчикомъ вотъ этого молодца въ Николаевъ. Къ тебѣ привозятъ караимы крымскія вина и фрукты; вотъ это былъ бы отличный попутчикъ, а то одного этого молодца нельзя отпустить.

Хозяинъ вызвался съ превеликимъ удовольствіемъ послать мальчишку за караимомъ, который не замедлил явиться и, узнавъ, въ чемъ дѣло, выразилъ готовность сопровождать меня; условлено было собраться завтра къ извѣстному сроку въ лавкѣ. На другой день въ назначенный часъ я пріѣхалъ съ чемоданомъ, попутчикъ мой уже ожидалъ меня; тотчасъ послали малаго за лошадьми, затѣмъ стали вѣшать мой чемоданъ и на вопросъ мой: зачѣмъ это нужно?—мнѣ объяснили, что въ торговомъ мірѣ ужъ такъ ведется, что когда ѣдутъ съ попутчикомъ, то вѣшаютъ багажъ для того,

чтобы узнать, сколько кому платить за дорогу, а если багажъ у обоихъ окажется одинаковаго вѣса, то ставятъ на вѣсы самихъ ѣдущихъ. Въ описываемое мною время существовало правило, что до 15-го мая одного проѣзжаго везти на парѣ, а двоихъ, или, какъ тогда писалось въ подорожныхъ, съ будущимъ—на тройкѣ, и такъ какъ мой багажъ оказался тяжелѣе, то мнѣ пришлось платить прогоны за пару, а караимъ приплачивалъ за третью. Экипажъ, въ которомъ мы должны были ѣхать, былъ не что иное, какъ телѣга, въ задней части которой дѣлался веревочный переплетъ, долженствовавшій замѣнять рессоры. Телѣга на каждой станціи мѣнялась, вещи перекладывались, отчего, вѣроятно, и получилось названіе перекладной. Попутчикъ мой оказался очень милымъ человѣкомъ, относился ко мнѣ съ отеческой заботливостью; на станціяхъ, гдѣ перемѣняли лошадей, старался устроить мнѣ сидѣніе поудобнѣе, мало того, если видѣлъ, что, проѣхавши двѣ ночи, я уставалъ, останавливался для ночевки, а это со стороны коммерческаго человѣка, для котораго время деньги, очень много. Во всю дорогу жара была нестерпимая, и я на каждой станціи умывался, отчего у меня кожа на лицѣ потрескалась, и я пріѣхалъ въ Николаевъ пѣгимъ.

III.

Когда фізіогномія моя пришла въ приличный видъ, я, облекшись въ форму, отправился представляться начальству. Михаилъ Петровичъ Лазаревъ ¹⁾ принялъ меня очень благосклонно и пригласилъ къ обѣду. Когда я въ назначенный часъ пришелъ, адмиралъ представилъ меня супругѣ своей, Екатеринѣ Тимоооевнѣ, которой я и передалъ данное мнѣ ея братомъ въ Петербургѣ письмо. 50 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а я и теперь вспоминаю ея ласковый взглядъ и простоту въ обращеніи, заставившіе меня забыть, что нахожусь на чужбинѣ вдали отъ близкихъ сердцу. На другое утро я получилъ приказъ явиться на бригъ «Аргонавтъ», отправлявшійся въ Севастополь. Изъ короткаго пребыванія въ Николаевѣ у меня не осталось никакихъ воспоминаній, кромѣ развѣ того, что для расплаты въ гостиницѣ я долженъ былъ заложить какому-то музыканту-жиду часы, такъ какъ изъ ста рублей, данныхъ мнѣ въ Москвѣ Панаевымъ, осталось очень мало. На седьмой день по выходѣ изъ Николаева мы бросили якорь на севастопольскомъ рейдѣ,—опять мундиръ и представленіе начальству, распорядившемся оставить меня на томъ же бригѣ «Аргонавтъ», долженствовавшемъ стоять на рейдѣ для посылокъ съ депешами. Командиромъ брига былъ капитанъ-лейтенантъ Петръ Ивановичъ Бара-

¹⁾ Главный командиръ Черноморскаго флота и портовъ.

новскій, милѣйшій человѣкъ; я и теперь вспоминаю службу подъ его начальствомъ. Во время стоянки на рейдѣ производились ученія: парусныя, артиллерійскія, а вечеромъ всѣ съѣзжали на берегъ, за исключеніемъ, разумѣется, вахтеннаго. Въ Севастополѣ я встрѣтилъ товарищей, черезъ которыхъ очень скоро познакомился со всѣмъ обществомъ. Въ то время былъ тамъ домъ военнаго инженера С., построившаго, если не ошибаюсь, злополучную Малахову башню. Семейство состояло изъ мужа и жены, жили они открыто, каждый день народу бывало, какъ говорится, нетолченая труба. Хозяйка была очень хороша собой, слегка кокетка, и въ нее поголовно всѣ отъ стараго до малаго были влюблены. Сколько дуэлей было между поклонниками! Одинъ самъ застрѣлился, не встрѣчая взаимности. Мужъ дѣлалъ совершенно незаслуженныя сцены ревности. Я не принадлежалъ къ числу обожателей хозяйки и потому былъ въ большой съ ней дружбѣ и повѣреннымъ всѣхъ ея радостей и печалей. Жизнь въ Севастополѣ была довольно однообразна; днемъ всѣ, кромѣ обязанныхъ службой, сидѣли съ закрытыми окнами и спущенными жалюзи, а какъ только жаръ свалить, такъ и начинаютъ всѣ выползать, какъ тараканы изъ щелей. Всѣ сходятся на Графской пристани, начинаются разговоры о томъ, какъ такое-то судно вошло на рейдъ, какъ на другомъ, во время ученія, скоро поставлены и убраны паруса, и все въ этомъ родѣ; даже дамы, какъ принадлежащія большею частью къ семьямъ моряковъ, тоже принимали участіе въ разговорахъ, и замѣчанія ихъ на тотъ или другой маневръ были очень часто дѣльныя. Бывало, покажется на горизонтѣ судно, идущее въ Севастополь, всѣ, несмотря на жару, высыпаютъ, направляются къ тому пункту, съ котораго лучше видно, и начинаются суды и пересуды, каждый дѣлаетъ какое нибудь замѣчаніе, оспариваемое другимъ. Былъ въ Севастополѣ комендантомъ генералъ Аполлонъ Васильевичъ Галафеевъ, старый кавказецъ, вдовецъ, и у него была дочь (нынѣ умершая), которую онъ хотѣлъ веселить, поэтому жилъ открыто, задавалъ обѣды и устраивалъ пикники; хотѣлъ быть строгимъ съ молодежью, но это никогда ему не удавалось, потому что онъ по натурѣ былъ очень добрый человѣкъ. Не могу при этомъ не рассказать случая, бывшаго со мною. У А. В. назначенъ былъ обѣдъ, на который и я былъ приглашенъ. Въ тотъ же день должно было быть представленіе въ циркѣ, и вольтижеры для рекламы разѣзжались въ костюмахъ. Когда они проѣзжали мимо Морского собранія, гдѣ я игралъ на бильярдѣ, я подержалъ съ товарищами пари, что вскочу en stoipe къ наѣздницѣ и проѣду мимо дома коменданта. Сказано — сдѣлано, не успѣли опомниться, какъ я уже сидѣлъ на лошади въ граціозной позѣ, держась за талию наѣздницы. Комендантъ, разумѣется, посадилъ меня на гауптвахту, находившуюся внизу комендантскаго дома, но обѣдъ весь прислалъ. Была въ Севастополѣ итальянская

опера, въ составѣ которой былъ basso profundo (фамиліи не помню), очень любившій выпить; и чего только молодежь, состоявшая, какъ и вообще все общество, изъ моряковъ, съ нимъ не продѣлывала. Возвращался я однажды поздно ночью домой, вдругъ вижу толпу молодежи, окружившую водовозную бочку, а на бочкѣ верхомъ нашъ бастъ, распѣвающій арію, эхо которой въ ночной тишинѣ далеко отдавалось. Такъ проходило время, пока мы стояли на рейдѣ; ни съ какими депешами никуда насъ не посылали, а въ сентябрѣ бригау было приказано войти въ составъ эскадры, отправлявшейся въ крейсерство къ восточнымъ берегамъ Чернаго моря, населеннымъ большею частью немирными племенами, и цѣль крейсерства заключалась въ томъ, чтобы не допускать привоза изъ Турціи черкесамъ оружія и соли. Эскадра состояла изъ фрегата, на которомъ сидѣлъ флагманъ, и нѣсколькихъ мелкихъ судовъ. Флагманское судно стояло обыкновенно въ Новороссійскѣ и только для практики команды и офицеровъ время отъ времени выходило въ море; остальные же суда крейсировали, заходя только изрѣдка въ нѣкоторыя укрѣпленія налиться прѣсной водой и заpastись провизіей. На всемъ протяженіи отъ Анапы до Поти были тогда укрѣпленія въ недалекомъ другъ отъ друга разстояніи, но самыя значительныя изъ нихъ были Новороссійскъ и Сухумъ-Кале. Вся линія была раздѣлена на три отдѣла, и начальники отдѣловъ жили въ Новороссійскѣ, Геллендчикѣ и Сухумъ-Кале, а начальникъ всей береговой линіи имѣлъ главную квартиру въ Керчи. Тѣ, которые были въ теперешнемъ Сухумѣ, не могутъ, конечно, составить себѣ понятіе о Сухумѣ описываемаго времени, да и самъ я, спустя пятьдесятъ лѣтъ, не могу нарисовать его картины. Помню, что это было не то деревня, не то городъ съ рядомъ духановъ ¹⁾ и нѣсколькими убогими домами; но что было хорошо, такъ это садъ, обнесенный плетнемъ, покрытымъ ползучими розами всѣхъ цвѣтовъ. Гарнизонъ расположенъ былъ на возвышенности, имѣвшей видъ трапеціи; такъ и говорили: «я пойду на трапецію, завтра балъ на трапеціи». Кстати о балѣ. Мнѣ довелось быть на одномъ изъ нихъ; зала была безъ драпировокъ и имѣла видъ сарая, по стѣнамъ стояли стулья и такъ близко одинъ къ другому, что если взять одинъ стулъ, то подымешь цѣлый рядъ; освѣщалась зала свѣчами, воткнутыми въ бра, сдѣланныя изъ штыковъ. Танцевали подъ шарманку, къ которой такъ привыкли, что однажды на вечеринкѣ у кого-то изъ начальства, гдѣ въ числѣ гостей былъ полковникъ путей сообщенія, который, сѣвъ за клавиорды, отлично заигралъ вальсъ, всѣ слушали съ удовольствіемъ, но когда онъ спросилъ, отчего не танцуютъ, то ему отвѣ-

¹⁾ Черкесскія лавки, въ которыхъ отъ бакалейныхъ товаровъ до дегтя включительно все можно было найти.

тили, что подъ шарманку привычнѣе. А какъ отправлялись горожанки на балъ? пѣшкомъ итти—далеко, извозчиковъ не было, а запрягалась черкесская арба парой буйволовъ, и дамы, по три, по четыре влѣзали въ этотъ незатѣйливый экипажъ, а чтобы не измять туалета, ѣхали стоя, взаимно поддерживая другъ друга. Несмотря на незатѣйливость этихъ «полубаликовъ», какъ мы ихъ называли, было очень весело. Но просвѣщеніе быстрыми шагами идетъ впередъ, и когда я опять былъ въ Сухумѣ въ 1851 году, то были и люстра, и драпировки, зеркала, въ гостиной стояла мягкая мебель, полъ былъ навощенъ и танцовали подъ оркестръ. Въ этомъ плаваніи было много для меня новаго, такъ, напримѣръ, разразившаяся въ концѣ ноября гроза съ ливнемъ, при чемъ ночь была темна настолько, что въ двухъ шагахъ ничего нельзя было видѣть. Такія ночи бываютъ только на югѣ, и ихъ называютъ воробьиными, при этомъ тепло, какъ среди лѣта. Электричества въ воздухѣ такъ много было, что, когда дождь прекратился, то на желѣзныхъ концахъ рей ¹⁾ появились огоньки, перебѣгавшіе съ одного конца на другой—чрезвычайно красивое явленіе, и называлось оно «Касторъ и Поллуксъ». А то какъ-то, въ декабрѣ, въ Сухумѣ былъ такой случай, что съ утра хлопьями повалилъ снѣгъ и покрылъ весь плетенъ съ розами кругомъ сада; но къ полдню снѣговья тучи разошлись, появилось солнце, снѣгъ растаялъ, и розы явились во всей красѣ. Такъ плавали мы до конца января 1849 года, когда пришла намъ смѣна, и мы отправились въ Севастополь, гдѣ бросили якорь 6-го февраля. Бригъ вошелъ въ гавань, всѣхъ офицеровъ списали на берегъ, и я поселился въ гостиницѣ Юганна. Недолго пришлось мнѣ отдыхать. Въ началѣ апрѣля я былъ назначенъ на корветъ «Калипсо», отправлявшійся въ заграничное плаваніе. Въ то время изъ Чернаго моря ежегодно отправлялись два судна, одно въ Константинополь, а другое въ Пирей, въ распоряженіе нашихъ посланниковъ на тотъ конецъ, чтобы въ случаѣ какого нибудь политическаго осложненія, посланникъ имѣлъ возможность выѣхать. Командиромъ корвета назначенъ былъ адъютантъ адмирала Лазарева, Григорій Александровичъ Вевель-фонъ-Кригеръ, старшимъ офицеромъ былъ лейтенантъ Павелъ Александровичъ Перелешинъ, впоследствии герой Синопа и Севастополя, генералъ-адъютантъ и полный адмиралъ. Затѣмъ были еще лейтенантъ Николай Карловичъ Вейсъ, мичманъ баронъ Вильгельмъ Рейнгольдовичъ фонъ-Дистерло, или, какъ матросы его называли, «Василій Романовичъ Выстрѣловъ»; наконецъ—лейтенантъ фонъ-Барановъ и вашъ покорный слуга. Вейсъ уже умеръ, Дистерло, командуя клиперомъ послѣ крымской войны, взлетѣлъ на воздухъ,

¹⁾ Это прикрѣпленное къ мачтѣ поперечное дерево, къ которому прикрѣпляются паруса.

а фонъ-Барановъ вышелъ рано въ отставку, и что съ нимъ стало, мнѣ не извѣстно. Дружно у насъ закипѣла работа по изготовленію корвета къ плаванію, и 29-го апрѣля мы уже снялись съ якоря для слѣдованія въ Пирей. По дорогѣ зашли въ Константинополь; описывать красоты его я не стану, какъ потому, что объ этомъ было много писано, такъ и потому, что я пишу то, что произвело на меня болѣе или менѣе впечатлѣніе и сохранилось въ памяти,—въ Константинополѣ же мы были ровно столько времени, сколько нужно было для осмотра собора св. Софіи и европейской части города. Затѣмъ снялись съ якоря и пошли къ мѣсту назначенія въ Пирей, куда и прибыли безъ всякихъ приключеній. Первое время пребыванія въ Греціи посвящено было осмотру Пареемона, Акрополиса и другихъ достопримѣчательностей, рекомендуемыхъ путеводителемъ, но все у меня—профана въ археологіи—осталось какъ-то въ туманѣ; даже самый городъ Аѣны, и о немъ не имѣю теперь представленія. Королемъ Греціи былъ сынъ баварскаго короля Людовика I, Оттонъ I, женатый на принцессѣ Амаліи изъ Ольденбургскаго дома, отсутствовавшей въ то время изъ Греціи. Дворъ и посольство жили въ Кефиссіи (дачное мѣсто около Аѣны). Капитанъ познакомилъ меня съ членами нашего и другихъ посольствъ, и я часто ѣздилъ въ Кефиссію. Помню одинъ вечеръ у нашего повѣреннаго въ дѣлахъ, Персіани, гдѣ присутствовалъ король; дача не отличалась просторомъ, а потому приемъ былъ въ саду, гдѣ поставлена была палатка и въ ней фортепіано. Король очень любилъ музыку въ противность королевѣ, не переносившей никакой музыки, кромѣ бальной. На этомъ вечерѣ находилась родственница нашего перваго секретаря, Николая Ивановича Бухарина, m-me Исленьева, которая пѣла великолѣпно; я тоже позволялъ себѣ иногда пѣть, но никогда не рѣшился бы пѣть послѣ такой пѣвицы и въ особенности въ присутствіи короля; однако меня заставили, и мы пропѣли дуэтъ, бывший тогда въ модѣ: «На зарѣ ты ее не буди». Когда мы кончили, король очень благодарилъ насъ и, обратясь ко мнѣ, спросилъ: «De quelle province êtes-vous?» а когда я назвалъ Вологду, то его величество сказалъ: «C'est non loin de Viatka, où il y a de petits chevaux,—oh, mais vous êtes hyperboreen». Такимъ образомъ, мы узнали, что король былъ силенъ въ географіи Россіи. Посѣщая часто общество, я кончилъ тѣмъ, что влюбился, на бѣду, въ замужнюю женщину, и по мѣрѣ того, какъ чувство росло, я глупѣлъ. Бѣду, бывало, въ домъ съ твердой рѣшимостью объясниться, но лишь переступилъ порогъ, — куда и храбрость дѣвалась. Сяду бывало у окна (квартира была au rez-de-chaussée, и нижнія стекла были покрашены) и начинаю колупать краску, а хозяйка мнѣ: «Вы, Владимиръ Платоновичъ, мнѣ всѣ окна испортили»,—такъ и обдасть холодной водой.

Такъ шли дни за днями, не представляя ничего выдающагося;

изрѣдка выходили въ море для практики команды, а съ наступленіемъ зимнихъ мѣсяцевъ начались балы при дворѣ, и были они двухъ родовъ—малые и большіе; на первые приглашались только дипломатическій корпусъ и лица, принадлежавшія къ обществу. Король на этихъ балахъ являлся или во фракѣ, или въ военномъ мундирѣ баварской формы. На большіе же балы приглашались жители острововъ, всѣ въ національныхъ костюмахъ, и тогда король являлся въ албанскомъ костюмѣ. Описывать прелесть этихъ баловъ я не берусь, скажу только, что никакой европейскій костюмированный балъ не можетъ сравниться по разнообразію и богатству костюмовъ съ описываемыми балами. Не могу не рассказать здѣсь случая, бывшаго со мною на одномъ изъ этихъ баловъ. Была какая-то фигура котильона; подходит ко мнѣ адъютантъ короля и объявляетъ, что ея величество желаетъ со мной танцевать. Я подхожу, отвѣшиваю поклонъ и увлекаю королеву въ вихрѣ вальса (тогда танцевали *valse à deux temps*, весьма утомительный), дѣлаю туръ, дѣлаю другой, — а зала огромная, — чувствую, что начинаю задыхаться, а между тѣмъ не могу сказать королевѣ «merci» и посадить, долженъ ожидать, чтобы она сказала «довольно». Положеніе критическое; наконецъ, на третьемъ турѣ, чувствуя, что еще шагъ, и я полечу вмѣстѣ съ дамой, рѣшился сказать: «*Pardon, Votre Majesté, je n'en peux plus*», и остановился; тогда къ королевѣ подошелъ ея кавалеръ и отвелъ на мѣсто, а я, шатаясь, какъ пьяный, пошелъ къ своей дамѣ. Я былъ въ отчаяніи, увѣренный, что меня болѣе никогда не пригласятъ на балъ; каково же было мое удивленіе, когда въ тотъ же вечеръ королева проявила актъ необыкновенной доброты, выбравъ меня въ мазуркѣ, которую танцовали при дворѣ, и которую королева очень любила. Съ мазуркой у меня связано воспоминаніе о бывшемъ тогда французскомъ посланникѣ Тувенелѣ, игравшемъ впоследствии большую роль во Франціи, какъ министръ иностранныхъ дѣлъ. Я его засталъ еще холостымъ, и у него часто собиралась молодежь, но вскорѣ онъ уѣхалъ въ Парижъ, откуда возвратился женатымъ. По этикету двора, король долженъ былъ почему-то танцевать мазурку съ *madame* Тувенель; во Франціи танецъ этотъ не былъ знакомъ, по крайней мѣрѣ, въ то время, и мнѣ пришлось, по просьбѣ мужа, быть учителемъ хорошенькой посланницы. Не знаю, на чьей сторонѣ была вина, но успѣхъ былъ неблестящій. Вскорѣ случилось обстоятельство, положившее конецъ нашимъ выѣздамъ. Капитанъ получилъ изъ Россіи извѣстіе, что молодая жена его въ родахъ умерла, оставивъ сына на рукахъ старшей сестры своей. Понятно, что, сочувствуя горю капитана, котораго очень любили, мы прекратили всякія увеселенія и уговорили капитана итти въ плаваніе, что онъ и сдѣлалъ. Получивъ разрѣшеніе нашего повѣреннаго въ дѣлахъ, мы снялись къ якоря и направились въ Неаполь. Шли все противнымъ вѣтромъ, при-

ходило лавировать (корветъ былъ парусный); у Матапана насъ порядочно потрепало, но затѣмъ мы добрались до цѣли нашего плаванія и бросили якорь на Неаполитанскомъ рейдѣ. Помню, что это было вечеромъ, видны были огни въ городѣ, музыка во всѣхъ концахъ, все это ужасно манило туда, но ѣхать на берегъ нельзя было, нужно было соблюсти какія-то карантинныя правила. На другой день, рано утромъ, приѣхалъ морской офицеръ итальянецъ съ приглашеніемъ перейти съ корветомъ за моль, чѣмъ мы воспользовались и стали у арсенала. Затѣмъ свободные отъ службы, въ томъ числѣ и я, отправились осматривать городъ. Едва мы успѣли выйти изъ шлюпки, какъ къ намъ подошелъ господинъ, очень прилично одѣтый, и на чистѣйшемъ русскомъ языкѣ предложилъ быть нашимъ «чичероне», чему мы очень обрадовались и отдались въ его распоряженіе. Сейчасъ же была нанята коляска, и ну насъ, рабовъ Божіихъ, таскать по городу. Прежде всего насъ подвезли ко дворцу и показали тѣ самыя группы работы барона Клодта, которыя два года передъ тѣмъ были присланы въ подарокъ королю на возбуждавшемъ столько зависти транспортѣ «Або». Потомъ повезли насъ въ музей, гдѣ мы видѣли знаменитую Венеру Капитолійскую, потомъ еще что-то осмотрѣли и затѣмъ обѣдъ въ европейской гостиницѣ. Вечеромъ были въ С. Карлоскомъ театрѣ, гдѣ въ тотъ день шелъ «Севильскій цирюльникъ», и дебютировали Маріо и Дебассини, пѣвшіе въ 1853 или 1854 году въ Петербургѣ. Не знаю, какъ теперь, но въ описываемое время артисты начинали карьеру съ театра С. Карлосъ, гдѣ въ первомъ ряду сидѣли съ партитурами въ рукахъ знатоки, слѣдившіе за каждой ноткой, и Боже сохрани пѣвцу прибавить какую нибудь фіоритурку—освищуть. Это было что-то въ родѣ экзамена, затѣмъ артистъ пѣлъ въ Миланѣ, послѣ чего уже могъ ѣздить по Европѣ. Послѣ спектакля мы ужинали, а къ ночи на корветѣ, и такъ нѣсколько дней подъ рядъ. Видѣли Геркуланумъ и Помпею, карабкались на Везувій, осмотрѣли всѣ гроты, и Лазурный, и Собачій, и бани Нерона, однимъ словомъ, все, что было указано въ Guide de voyageur à Naples. Во все время нашего странствованія по городу насъ интриговалъ нашъ «чичероне», и на вопросъ, гдѣ онъ научился такъ хорошо говорить по-русски, онъ разсказалъ: лѣтъ 10 передъ тѣмъ онъ былъ крѣпостной и приѣхалъ съ своимъ бариномъ въ Неаполь, который нашему «чичероне» очень понравился, и рѣшивъ, что лучше быть свободнымъ гражданиномъ, нежели жить въ неволѣ, онъ отказался сопровождать своего барина въ Россію, женился на итальянкѣ, имѣетъ дѣтей и живетъ средствами, доставляемыми ему его профессіей. Это впрочемъ не единственный случай временъ крѣпостного права, такъ, напримѣръ, большинство лодочниковъ въ Пиреѣ было изъ бѣглыхъ матросовъ. Въ описываемое время я не думалъ, что буду когда нибудь писать свои воспоминанія и потому ничего не запи-

сываль, а теперь наклонѣ дней, спустя полстолѣтіе, весьма трудно возстановить въ памяти бывшее, все кажется, какъ въ туманѣ. Помню, наприимѣръ, что мы ѣздили въ дилижансѣ въ Римъ; станціи, гдѣ мѣняли лошадей, были грязны и пропитаны чесночнымъ запахомъ; помню, что проѣзжали какое-то болотистое мѣсто, и кондукторъ предупреждалъ пассажировъ не спать, чтобы не получить лихорадки. Жили мы въ гостиницѣ, былъ у насъ также проводникъ, обязавшійся показать все, что нужно, и дѣйствительно много мы ѣздили, но изъ всего видѣннаго у меня остался въ памяти только соборъ св. Петра, который, видѣвши разъ, трудно забыть. Нашъ Казанскій соборъ ужасно напоминаетъ его въ миниатюрѣ; лазали мы подъ самый куполь, гдѣ рукою императора Николая I были написаны годъ и число, въ которые онъ былъ въ соборѣ. Вписали и мы свои фамилии. Въ то время Италия охвачена была революціею, и для защиты папы отъ грозившей ему опасности Римъ занятъ былъ французскими войсками, папа же между тѣмъ скрылся въ Чивита-Веккіа, чтобы въ каждую минуту имѣть возможность спастись на кораблѣ. Такимъ образомъ я былъ въ Римѣ и папы не видалъ, но зато видѣлъ его въ Неаполѣ, во вторичный приходъ корвета въ слѣдующемъ году. По возвращеніи нашемъ изъ Рима, корветъ снялся съ якоря для слѣдованія въ Бейрутъ. Сколько времени употребили на этотъ переходъ, я не помню, но лишь только бросили якорь, капитанъ и П. А. Перелешинъ отправились въ Іерусалимъ, а намъ, оставшимся съ Вейсомъ во главѣ, приказано было перейти къ извѣстному времени въ Яффу.

Пока стояли въ Бейрутѣ, публика, что называется, валомъ валила на корветъ; масса была поляковъ - эмигрантовъ возстанія 1830 года; всѣ они пережились тамъ и занимались шелководствомъ; со многими я познакомился, видѣлъ ихъ домашній бытъ; повидимому, имъ жилось хорошо, тѣмъ не менѣе они тянули вѣчную пѣсню о гибели ойчизны. У нихъ я познакомился съ женою доктора всѣхъ карантинныхъ въ Сиріи, прелестной французенкой; ей было лѣтъ 18, а мужу подъ 70; ревнивъ онъ былъ страшно, ни на минуту не оставлялъ комнату, въ которой мы сидѣли, вслѣдствіе чего было ужасно скучно. Поляки устроили какъ-то для меня охоту, на которую пригласили и французенку. Къ вечеру вѣтеръ началъ крѣпчать и къ ночи настолько усилился, что товарищи, съѣхавшіе на берегъ, не могли пріѣхать на корветъ, а когда къ утру стало стихать, они возвратились, но не успѣли еще пристать къ корвету, какъ я, одѣтый во все бѣлое, уже спускался съ другого борта въ шлюпку. Я никогда не былъ охотникомъ и иринялъ приглашеніе только ради французенки, очень меня заинтересовавшей. Но судьба была ко мнѣ безжалостна. Чтобы попасть на сборный пунктъ, надо было пристать къ отлогому берегу, у котораго былъ довольно сильный прибой, и надо было ло-

вить моментъ, когда волна отхлынетъ. Все шло хорошо, вдругъ меня окатило волной и въ то же время толчкомъ, происшедшимъ оттого, что шлюпка въѣхала на берегъ, меня повалило, и я выпачкался весь въ песокъ. Оставалось подобру-поздорову ѣхать на корветъ, гдѣ товарищи порядочно потрунили надо мной. Этимъ эпизодомъ и кончилось наше пребываніе въ Бейрутѣ. Въ тотъ же день снялись съ якоря и пришли въ Яффу, какъ разъ къ возвращенію нашихъ богомольцевъ. Стали и мы собираться, явился проводникъ, и мы, въ сопровожденіи нѣсколькихъ человекъ-матросовъ, отправились верхами. Переѣздъ этотъ теперь кажется мнѣ сномъ; помнится, однако, что по дорогѣ были апельсиныя деревья, по которымъ матросики охотились. Къ вечеру пріѣхали въ Рамле, гдѣ и ночевали, а утромъ въ вербную субботу въѣхали въ Іерусалимъ. Не помню, встрѣтилъ ли ктонибудь насъ, знаю только, что мы очутились въ патриаршемъ монастырѣ, гдѣ отводятся квартиры почетнымъ лицамъ, вѣрнѣе лицамъ, отъ которыхъ можно ожидать болѣе щедрого вклада. Встрѣтили насъ упитанные монахи, сообщившіе черезъ переводчика, что сейчасъ придетъ монахъ Прокопій, объѣхавшій чуть не весь свѣтъ, говорящій на всѣхъ языкахъ, и покажетъ намъ все; а тѣмъ временемъ монахи вымыли намъ ноги. Скоро явился и Прокопій въ сопровожденіи двухъ служекъ и повелъ насъ въ храмъ; служки шли впереди съ зажженными свѣчами и что-то пѣли. Я ѣхалъ въ Іерусалимъ, преисполненный религіознаго чувства, но оно съ первыхъ же шаговъ было оскорблено. Едва вступили мы въ храмъ—средоточіе всѣхъ святыхъ—какъ увидѣли на лѣвой сторонѣ отъ входа эстраду, покрытую коврами, и на ней турки и греческіе монахи пили кофе, курили кальяны и трубки. При высказанномъ мною Прокопію негодованіи на неуваженіе святыхъ, онъ даже не понялъ, что могло меня такъ оскорбить, находя это совершенно естественнымъ. Зловоніе въ храмѣ было страшное, объяснялось это тѣмъ, что часы, назначенные для христіанскаго богослуженія, не совпадали съ временемъ открытія мечетей, ключи же отъ храма у паши, поэтому въ самомъ храмѣ были кельи для монаховъ съ кухнями и остальными принадлежностями жилья. Кромѣ того, къ празднику Пасхи стекается такая масса богомольцевъ, что въ монастыряхъ не хватаетъ мѣста, и они съ грудными дѣтьми располагались въ самомъ храмѣ, гдѣ спали и ѣли, и тутъ же являлись продавцы апельсиновъ и проч., однимъ словомъ, храмъ принималъ видъ рынка. Когда Прокопій повелъ насъ по храму, мнѣ невольно вспомнился раешникъ подъ балаганами, рассказывавшій, какъ Дибичъ Забалканскій проходитъ горы Эриванскія; точно такимъ же тономъ и Прокопій, подведя насъ къ Голгоѣ, проговорилъ: «Вотъ гора Голгоѣа, гдѣ Спаситель былъ распятъ, святое мѣсто, поклонимся», и все въ этомъ родѣ. Осмотрѣвши весь храмъ и помолившись у

Гроба Господня, мы вернулись въ келью, гдѣ насъ ожидалъ обѣдъ, состоявшій изъ развареннаго съ лукомъ риса, облитого оливковымъ масломъ,—харчъ, какъ видите, незатѣйливый, но надо было съ этимъ мириться. Въ понедѣльникъ на страстной недѣлѣ вся масса поклонниковъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ двинулась къ Иордану; шествіе открывали турецкіе солдаты, а за ними уже пилигримы, кто на лошадяхъ, кто на ослахъ, цѣлыми семьями ѣхали на верблюдахъ, были пѣшеходы. Шествіе такъ растянулось, что голова подходила уже къ Иерихону, когда хвостъ еще былъ въ Иерусалимѣ. Въ числѣ пилигримовъ были два англичанина и итальянскій импровизаторъ, съ которыми мы сговорились нанять проводниковъ-бедуиновъ, и когда поклонники пойдутъ обратно, то отдѣлится отъ нихъ, чтобы поѣхать на Мертвое море, въ Виелеемъ и въ монастырь св. Саввы. Надо сказать, что еще въ вербное воскресенье въ Иерихонъ отправился обозъ съ палатками для почетныхъ богомольцевъ, такъ что, когда мы къ вечеру добрались до Иерихона, палатки уже были раскинуты, и въ одной изъ нихъ мы и помѣстились; большинство же поклонниковъ расположилось бивуаками въ полѣ. Видъ Иерихонскаго поля представлялъ великолѣпное зрѣлище—вся масса пилигримовъ всевозможныхъ національностей раскинулась группами по всему полю, и все это освѣщалось луной. Изъ Иерихона двинулись съ такимъ расчетомъ, чтобы прійти къ Иордану съ разсвѣтомъ. Во время перехода изъ Иерусалима насъ забавлялъ итальянецъ — онъ боялся ѣхать верхомъ и сидѣлъ или правильнѣе лежалъ на лошади, обнявши ее за шею, а два бедуина вели лошадь подъ уздцы. Выкупавшись въ Иорданѣ, мы отдѣлились и поѣхали на Мертвое море. Тутъ пришло мнѣ желаніе убѣдиться, дѣйствительно ли вода въ немъ такъ плотна, какъ рассказывали, и, несмотря на убѣжденія товарищей, я раздѣлся и вошелъ въ море, но не успѣлъ опомниться, какъ почувствовалъ такой зудъ по всему тѣлу, что можно было дойти до бѣшенства, а тутъ еще солнце печетъ; дѣлать нечего, вернулись опять на Иорданъ. Выкупавшись вторично, мы отправились въ Виелеемъ, оттуда на Елеонскую гору, а затѣмъ въ монастырь св. Саввы, гдѣ со мною случился слѣдующій эпизодъ. Путешествуя все время подъ палящимъ солнцемъ, мы испытывали страшную жажду; весь запасъ воды былъ выпитъ, апельсины и лимоны высосаны; дошли до того, что, подѣхавъ къ цистернѣ, сняли съ провожатыхъ бедуиновъ грязныя ихъ рубахи, связали ихъ и спустили однимъ концомъ въ цистерну, а потомъ мокрымъ концомъ вытирали себѣ во рту. Наконецъ, изнуренные жаромъ и жаждою, мы подѣхали къ монастырю и только что вошли въ калитку, какъ насъ встрѣтилъ старичекъ-монахъ, который, узнавъ наши фамиліи, спросилъ, не сынъ ли я Платона Ивановича Одинцова, и на утвердительный мой отвѣтъ рассказалъ, какъ онъ былъ въ Кост-

ромъ свидѣтелемъ продажи съ аукціона имѣнія моего отца; когда я попросилъ дать мнѣ напитокъ, онъ сказалъ, что вода не хороша, а принесетъ монастырскаго винца. И дѣйствительно очень скоро принесъ небольшой графинчикъ, весь запотѣлый отъ холоднаго вина; я выпилъ залпомъ два стакана, тотчасъ же совершенно ошьянѣлъ и проспалъ чуть не 24 часа. Разбудили меня потому, что надо было отправляться въ обратный путь въ Іерусалимъ, такъ что я видѣлъ только стѣны монастыря. Въ среду вечеромъ исповѣдывался, а въ четвергъ пріобщился Св. Тайнъ, и на этомъ кончаю воспоминанія о Іерусалимѣ, такъ какъ то, что происходило въ храмѣ въ пятницу, субботу и воскресенье, слишкомъ болѣзненно отзывается въ сердцѣ, и лучше молчать. Изъ Іерусалима мы тѣмъ же путемъ пріѣхали въ Яффу, гдѣ ожидалъ насъ корветъ; въ Яффѣ же сѣлъ къ намъ на корветъ адмиралъ Путятинъ и два англичанина, братья Пальмеръ, изъ нихъ старшій братъ былъ извѣстный дѣятель и поборникъ объединенія православія съ англиканской церковью. Много взяли мы съ собой богомольцевъ изъ простого класса, помню, между прочимъ, отставного солдатака, садившагося всякій день на одномъ и томъ же мѣстѣ и читавшаго что-то, а двѣ старушки слушали его чтеніе. Разъ какъ-то Перелешинъ спросилъ его, что онъ читаетъ.

— Не знаю, батюшка, все про Господа Бога пишутъ, — отвѣчалъ онъ, и когда мы взяли его книжку, совершенно засаленную, она оказалась безъ начала и конца, а между тѣмъ впродолженіе всего перехода онъ постоянно ее читалъ.

Придя въ Пирей, высадили англичанъ и богомольцевъ на берегъ. Затѣмъ все вошло въ обычную колею. Отъ времени до времени выходили въ море для стрѣльбы въ цѣль, производились парусныя ученія, и такъ все шло до осени, когда въ одинъ прекрасный день появилась въ виду Пирея англійская эскадра внушительныхъ размѣровъ какъ по качеству, такъ и по количеству судовъ. Съ адмиральскаго корабля сейчасъ же отправленъ былъ въ Аѳины посланецъ; начальникомъ эскадры былъ адмиралъ Паркеръ. Къ вечеру мы узнали, что Англія требовала отъ греческаго правительства удовлетворенія по дѣлу Пацифико, а что такое это за дѣло, мы не имѣли ни малѣйшаго понятія и только на другой день узнали, что нѣсколько времени передъ тѣмъ былъ въ Греціи англійскимъ консуломъ нѣкій Пацифико, еврей; у грековъ же было—можетъ, и теперь есть—повѣрье, что въ пасхальную ночь надо сжечь соломеннаго жида. Вотъ кучка грековъ сдѣлали изъ соломы чучело, поставили его передъ домомъ Пацифико и зажгли; при этомъ пришли въ такой азартъ, что разбили у консула окна и нанесли матеріальный ущербъ, за который англійское правительство и требовало вознагражденія. Надо полагать, однако, что претензія была не справедлива, такъ какъ русскій и французскій послы про-

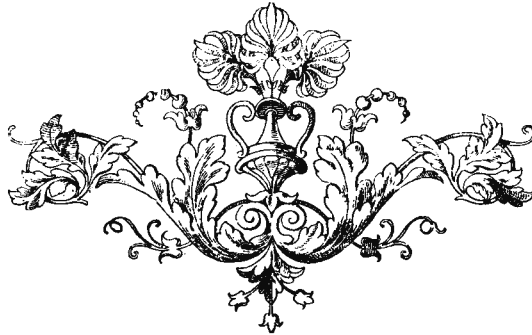
тестовали, что не помѣшало англичанамъ держать въ блокадѣ греческіе берега, и такимъ образомъ лишить правительство возможности сносятся съ островами, такъ какъ у грековъ былъ единственный пароходъ—яхта короля, но и тотъ не могъ выйти изъ Пирея. При этомъ произошелъ слѣдующій эпизодъ. Обѣдалъ я у нашего секретаря посольства Н. И. Бухарина; когда встали изъ-за стола, супруга его готовила кофе, а я тутушкалъ на рукахъ маленькаго ихъ сынишку. Вдругъ мы услышали какое-то галдѣнье, все болѣе и болѣе приближавшееся. Николай Ивановичъ объяснилъ это тѣмъ, что населеніе, признательное русскому и французскому посламъ, за заявленный ими протестъ, дѣлаетъ овацію у дома французскаго посольства. Не успѣлъ онъ это сказать, какъ толпа уже подходила къ нашему крыльцу. Тогда Бухаринъ, боясь, чтобы м-ме Персіани, которая была больна, не испугалась неожиданнаго крика, побѣжалъ въ домъ нашего посольства. Я тоже хотѣлъ отправиться, но пока передалъ ребенка и отыскалъ фуражку, я, выйдя на улицу, очутился уже окруженнымъ толпой, довольно недружелюбно отнесшейся ко мнѣ, принявъ меня, сколько я могъ понять, за англійскаго моряка; но когда я имъ сказалъ: «охи англесика—руссика», толпа меня подхватила, начала качать и съ крикомъ: «зито капитаніе руссика», понесла до дома нашего посольства, гдѣ я и укрылся. Толпа же продолжала неистовствовать до тѣхъ поръ, пока посоль не вышелъ на балконъ и не сказалъ нѣсколько словъ благодарности.

Однажды капитанъ зоветъ Перелешина въ каюту и говоритъ, что ночью пріѣдетъ пассажиръ, чтобы шлюпку не окликали и сейчасъ же пригласили пріѣхавшаго въ каюту. Не помню, въ какомъ часу, но очень поздно ночью, подходит шлюпка съ двумя пассажирами; одинъ изъ нихъ маленькаго роста, очень живой господинъ, былъ главнокомандующій греческими войсками, извѣстный дѣятель двадцатыхъ годовъ войны за независимость Греціи, Цавелло, а другой его адъютантъ. Съ разсвѣтомъ мы должны были сняться съ якоря, чтобы перевезти Цавелло въ Навплию, гдѣ собраны были главныя силы грековъ. Зима была суровая, даже со снѣгомъ; вѣтеръ дулъ свѣжій, противный, но намъ помогъ англійскій пароходъ «Бульдогъ», приславшій шлюпку съ кабельтовомъ, на которомъ мы подтянулись на вѣтеръ и вышли въ море. Странная случайность. Сами же англичане помогли въ этомъ случаѣ, а еслибъ они чтонибудь подозрѣвали, то, вѣроятно, и намъ пришлось бы плохо, и неизвѣстно, чѣмъ бы все кончилось. Съ того времени прошло полвѣка, а я и теперь, вспоминая это обстоятельство, благодарю Бога за благополучный исходъ. Чѣмъ кончились переговоры Паркера съ греческимъ правительствомъ, не знаю, помню только, что эскадра ушла, а вскорѣ и мы отправились въ Россію. Не могу не разказать здѣсь, какъ матросики толкуютъ

политику. На всякомъ суднѣ въ то время былъ клубъ: это—мѣсто, гдѣ послѣ спуска флага оставался въ жилой палубѣ единственный фонарь, у котораго стоялъ часовой, наблюдавшій за склянками, то-есть песочными часами. У этого-то фонаря и собирались матросики, показывали другъ другу покупки, сдѣланныя на берегу, и пускались въ политику. Каюта моя была близко, и вотъ что услышалъ я по поводу прихода англійской эскадры: «Прежде, значить, грекъ былъ подъ туркой, и житье его было, извѣстно, плохое, потому басурмане дѣлали греку всякое, значить, притѣсненіе. Жалко стало русскому царю грека, вотъ онъ и сговорился съ французскимъ и англійскимъ царемъ: давай, говоритъ, братцы, выручимъ грека изъ-подъ турка, посадимъ надъ нимъ короля, сдѣлаемъ складчину и дадимъ денегъ на разживу, только чуръ—одному безъ другого денегъ съ грека не требовать. А англичанинъ, значить, не выдержалъ слова, и сталъ требовать денегъ».

В. П. Одинцовъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПАВЕЛЪ МЕНЕЗІЙ.

ЕГО ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ И ВОЕННАЯ СЛУЖБА ПРИ МОСКОВСКОМЪ ДВОРѢ И ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАСТАВНИЧЕСТВО ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

Ъ ЧИСЛѢ рукописей Ватиканскаго архива, доступъ къ которому открытъ для всѣхъ, благодаря просвѣщенному почину папы Льва XIII, хранится цѣлый рядъ документовъ, касающихся пребыванія въ Римѣ нѣкоего Павла Менезія, посланнаго царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1672 году къ папѣ Клименту X для переговоровъ о союзѣ противъ турокъ.

Заинтересовавшись личностью этого слишкомъ мало извѣстнаго русскаго дѣятеля, мы постарались собрать свѣдѣнія о Менезіи, имѣющіяся въ печатныхъ русскихъ и заграничныхъ изданіяхъ, а также въ архивахъ Рима, Венеціи, Вѣны, Эдинбурга и Абердина и въ русскихъ архивахъ министерствъ иностранныхъ дѣлъ и юстиціи въ Москвѣ и военномъ—въ Петербургѣ.

Трудъ нашъ, отрывочный и не полный, принялъ гораздо большіе размѣры, чѣмъ было первоначально предположено и, печатая его отдѣльной книгой, мы позволимъ себѣ представить здѣсь, въ формѣ біографическаго очерка, только краткій обзоръ главнѣйшихъ фактовъ изъ жизни Менезія, въ связи съ политическими событіями его времени.

Н. Чарыковъ.

Римъ,
29-го мая 1900.

I.

23-го іюля 1567 года, на тридцать четвертомъ году царствованія Іоанна Грознаго, шотландская королева Марія Стюартъ отреклась отъ престола въ пользу своего малолѣтняго сына Якова, предоставивъ регентство графу Муррѣ.

Трудно казалось бы ожидать, чтобы между этимъ событіемъ и интересами Россіи существовало какое либо соотношеніе. Однако, изслѣдуя жизнь Павла Менезія, который былъ родомъ шотландецъ, исторію его семейства и судьбу нѣкоторыхъ его соотечественниковъ, служившихъ въ Россіи, нельзя не замѣтить, что рѣшительная побѣда протестантства надъ католицизмомъ и демократическаго начала надъ монархическимъ, ознаменованная въ Шотландіи удаленіемъ отъ власти Маріи Стюартъ, не прошла безслѣдно и для нашего отечества.

Побѣда эта вызвала жестокое гоненіе на католиковъ и роялистовъ, которые, подъ названіемъ «кавалеровъ», составляли цвѣтъ шотландской аристократіи и, при господствованшемъ до Карла II въ Великобританіи средневѣковомъ строѣ, составляли, въ качествѣ начальниковъ ленныхъ дружинъ, корпусъ офицеровъ королевскаго войска. Когда же реформація перешла въ революцію и попытки вооруженной борьбы въ защиту Маріи Стюартъ, и впоследствии Карла I и II окончились неудачей, для «кавалеровъ» нашелся только одинъ исходъ: покинуть отечество.

Издавна храбрые, бережливые, честные и смысленные (саппу) шотландскіе дворяне, въ особенности младшіе сыновья владѣльцевъ майоратныхъ имѣній, привыкли «искать счастья» за границей, поступая на службу государей континентальной Европы. Къ тому же, пока на европейскомъ материкѣ не выработалось, по мѣрѣ централизаціи государственной власти, національное постоянное войско, служба по найму въ иностранныхъ арміяхъ не только отдѣльных лицъ, но и цѣлыхъ инородныхъ отрядовъ считалась повсюду обычнымъ, почетнымъ и прибыльнымъ занятіемъ.

Въ XIV вѣкѣ шотландскіе выходцы образовали знаменитую «лейбъ-гвардію» французскихъ королей, описанную Вальтеръ-Скоттомъ въ романѣ «Квэнтинъ Дурвардъ». Великій шотландскій романистъ характеризуетъ тутъ слѣдующимъ образомъ своихъ соотечественниковъ-эмигрантовъ: «Народъ бѣдный, но вѣрный и храбрый, шотландцы, благодаря своей многочисленности, легко наполняли собою убывающіе ряды воиновъ; и поэтому ни одна страна Европы не поставляла столько отважныхъ искателей счастья, какъ Шотландія. Общее всѣмъ шотландскимъ дворянамъ притязаніе на знатность происхожденія давало имъ право стоять ближе къ особѣ

государя, чѣмъ стояли представители другихъ войскъ, а ихъ относительная малочисленность мѣшала имъ стать мятежниками и изъ слугъ превратиться въ господъ».

Упомянутое выше гоненіе на католиковъ усилило эту эмиграцію, съ выгодой для тѣхъ государствъ, въ которыя направлялись шотландскіе выходцы. Въ XVII вѣкѣ многіе достойнѣйшіе, образованные и родовитые шотландцы появляются не только во Франціи, но и въ Голландіи, Германіи, Швеціи, Польшѣ и, наконецъ, въ Россіи.

У насъ польза отъ привлеченія на службу иноземныхъ военныхъ людей была признана уже Іоанномъ III.

Бракъ, заключенный имъ въ 1472 году, при участіи папы Сикста IV, съ Софіей, племянницей Константина Палеолога, послѣдняго византійскаго императора, содѣйствовалъ появленію въ Москвѣ итальянцевъ, за которыми послѣдовали другіе «нѣмцы». Такъ называли тогда всѣхъ вообще западно-европейцевъ, въ отличіе отъ славянъ и грековъ, которые у насъ жили и служили, не считаясь чужими. Были ли въ томъ числѣ шотландцы, мы не знаемъ. Одинъ шотландецъ, несомнѣнно, посѣтилъ Москву при Іоаннѣ III, именно Давидъ Коккеръ, посланникъ датскаго короля.

При Іоаннѣ Грозномъ прибыла въ Россію отрасль знаменитой шотландской герцогской фамиліи Гамильтонъ, одинъ изъ членовъ которой убилъ въ 1570 году упомянутаго выше соперника Маріи Стюартъ и гонителя католиковъ, регента, графа Мурра.

Гамильтоны служили въ русскихъ войскахъ и при царскомъ дворѣ. Извѣстна трагическая судьба фрейлины Гамильтонъ въ эпоху Петра Великаго. При Алексѣѣ Михайловичѣ, Евдокія Григорьевна Гамильтонъ была замужемъ за ближнимъ бояриномъ и царскимъ любимцемъ Артемономъ Сергѣевичемъ Матвѣевымъ, снимокъ съ портрета котораго мы прилагаемъ, а родной дядя царицы Натальи Кирилловны, матери Петра Великаго, Ѳеодоръ Полуэктовичъ Нарышкинъ, былъ тоже женатъ на шотландкѣ, Евдокіи Петровнѣ Гамильтонъ, племянницѣ Евдокіи Григорьевны.

Послѣ Гамильтоновъ въ Россію выѣхали еще многіе шотландцы: Гильбертъ, Дунбаръ, Карръ, Шавъ (вѣроятно, Shaw), Астонъ, Лесли, Кроуфордъ, Куперъ, Грагамъ, Чамберсъ, Шарпъ, Брюсъ и другіе. Изъ нихъ приобрѣли у насъ особую извѣстность трое: генераль-аншефъ, Петръ Ивановичъ (Patrick) Гордонъ (1635 — 1699), какъ другъ и сотрудникъ Петра Великаго, прапорщикъ Юрій (Георгій) Лермонтъ (George Leirmont), какъ предокъ поэта Лермонтова, и Павелъ Григоріевичъ Менезій, съ біографіей котораго намъ предстоитъ ознакомиться.

Отмѣтимъ здѣсь любопытное совпаденіе. Эти три шотландскихъ дворянина встрѣтились въ XVII вѣкѣ на службѣ русскаго царя въ то именно время, когда Россія, подъ знаменемъ объединявшаго ее самодержавія, боролась за свое самобытное существованіе и

самостоятельное развитіе. За шесть вѣковъ предъ тѣмъ предки Гордона, Лермонтова и Мenezія были соратниками шотландскаго короля Малькольма III, при борьбѣ его противъ узурпатора Макбета. Послѣ побѣды Малькольма, они получили въ награду, въ Шотландіи, вотчины. Храпя воспоминаніе о вѣрности своихъ предковъ-легитимистовъ законному королю, наши шотландцы могли черпать въ своихъ семейныхъ сказаніяхъ убѣжденія и чувства, вполне соответствовавшія преданіямъ и духу своего второго отечества.

Впрочемъ, значительный наплывъ шотландцевъ въ Россію наступилъ только съ началомъ XVII вѣка. Ранѣе, съ самаго открытія между Россіей и Великобританіей сообщенія черезъ Архангельскъ (1553 г.), въ Москву стали пріѣзжать преимущественно не шотландцы, а англичане, вѣроятно, отчасти потому, что среди послѣднихъ было въ то время больше «научныхъ, ремесленныхъ, надобныхъ людей», чѣмъ среди первыхъ.

Но изъ Англіи Іоаннъ Грозный выписывалъ скорѣе произведенія промышленности и технику, чѣмъ строевыхъ офицеровъ. Исключеніе, можетъ быть, составлялъ инженеръ Локкъ, который изготовлялъ для царя военныя орудія, а также возводилъ постройки.

Военными инструкторами были при Грозномъ, главнымъ образомъ, ливонцы, которыхъ онъ захватилъ въ плѣнъ въ первый, успѣшнѣйшій періодъ войны съ Ливонскимъ орденомъ (1558—1561). Со всѣми плѣнными, взятыми во время этой компаніи, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, царь обошелся ласково. Онъ ими дорожилъ, такъ какъ его западные сосѣди, поляки, ливонцы и шведы всячески затрудняли доступъ въ Москву нужныхъ ему офицеровъ и мастеровъ. Первыхъ онъ зачислилъ къ себѣ на службу. Мастерамъ онъ предоставилъ работу на казну и частныхъ лицъ, благодаря чему они могли добывать себѣ пропитаніе. Всѣмъ военноплѣннымъ Грозный даровалъ свободу, подъ условіемъ не выѣзжать изъ Московскаго государства, и поселилъ ихъ въ разстояніи одной англійской мили отъ Москвы, на рѣкѣ Яузѣ, въ слободѣ, получившей названіе «Нѣмецкой». Мало того, Іоаннъ Грозный, на полтора вѣка раньше Петра Великаго, по временамъ пировалъ со своими плѣнниками, въ въ которыхъ видѣлъ «учителей».

Рафаэль Барберини, дядя папы Урбана VIII (1623—1644), пріѣхавшій въ Москву по торговымъ дѣламъ и обласканный Грознымъ, былъ на обѣдѣ въ Кремлѣ, въ ноябрѣ 1564 года съ нѣкоторыми иностранными посланниками. Царь указалъ ему мѣсто, и раньше, чѣмъ дать знакъ боярамъ садиться, посадилъ рядомъ съ Барберини, по его словамъ, до «20 нѣмецкихъ дворянъ, которые находятся нынѣ въ службѣ у него, бывъ нѣкогда его врагами; всѣ они знатнаго рода и хорошаго имени, взяты были въ плѣнъ во время ливонской войны, и съ тѣхъ поръ не могутъ уже выѣхать изъ Московіи; но имъ отпускается

хорошее содержаніе, чтобы могли имѣть у себя и слугъ, и лошадей, и такимъ образомъ, живутъ они тамъ службой¹⁾».

Невольно вспоминаются строфы «Полтавы»:

Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.

Въ Нѣмецкой слободѣ проживали иноземцы различныхъ вѣроисповѣданій: московское правительство проявляло въ этомъ отношеніи вѣротерпимость, чуждую большинству тогдашнихъ западно-европейскихъ государствъ. Русская точка зрѣнія на этотъ предметъ выражена вполне ясно въ рѣчи, обращенной отъ имени Іоанна Грознаго бояриномъ Никитой Романовичемъ 21-го февраля 1852 г. къ папскому посланнику Антонію Поссевину. Бояринъ сказалъ, что венеціанскимъ и цесарскимъ купцамъ дозволено будетъ имѣть съ собою священниковъ, «только имъ ученія своего русскимъ людямъ не плодити и костеловъ имъ въ нашемъ государствѣ не ставити, кой же въ своей вѣрѣ да пребываетъ, а въ нашемъ государствѣ много разныхъ вѣръ, и мы у нихъ воли не отнимаемъ, живутъ всѣ по своей волѣ, какъ кто хочетъ, а церковей еще по ся время некоторые вѣры въ нашемъ государствѣ не ставливали».

Другими словами, русское правительство тогда, какъ и теперь, допускало свободное проживание на своей территоріи иновѣрцевъ, запрещая имъ лишь прозелитизмъ среди православныхъ. Уже при Іоаннѣ Грозномъ, впрочемъ, протестантамъ было разрѣшено построить въ Москвѣ кирку. Въ 1601 году въ Нѣмецкой слободѣ имѣлась лютеранская церковь, въ которой былъ погребень, съ большою торжественностью и въ присутствіи русскихъ бояръ, дворянъ и дьяковъ, датскій герцогъ Іоаннъ. Въ 1672 году въ Москвѣ были три лютеранскія церкви, двѣ реформатскія, одна голландская и одна англійская. Замѣтимъ, что въ протестантской Швеціи не было дозволено въ XVII вѣкѣ строить православныхъ церковей. При заключеніи Кардисскаго мирнаго договора въ 1661 году намъ только удалось выговорить сохраненіе въ Ревелѣ изстари существовавшей тамъ русской церкви.

Безъ сомнѣнія, опытъ Флорентійскаго собора и усилія католиковъ по распространенію уніи въ западно-русскихъ областяхъ обязывали московское правительство къ большей осторожности при допущеніи въ Россію постройки римско-католическихъ церковей, чѣмъ протестантскихъ. Тѣмъ не менѣе въ концѣ XVII вѣка въ

¹⁾ Сказанія иностранцевъ о Россіи, въ XVI и XVII вѣкахъ. Переводъ съ рукописи. В. Любичъ-Романовича. Санктпетербургъ. 1842. Путешествіе въ Московію Рафаэля Барберини въ 1565 году, съ итальянскаго. Стр. 29.

Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ.

Начальникъ посольскаго приказа.

Съ портрета масляными красками въ собраніи графа С. Д. Шереметева.

Москвѣ появляются сначала домовая и затѣмъ деревянная и каменная католическія церкви. Въ 1686 году посоль императора Леопольда I Курцъ писалъ изъ Москвы: «отцы свободно и открыто совершаютъ службу въ весьма благоприличномъ домѣ; кромѣ того, могутъ открыто обучать дѣтей въ школахъ... Въ Кіевѣ 50 католиковъ, и они заявили о своей готовности собирать ежегодно по 200 флориновъ на поддержаніе отцовъ. Все пойдетъ далѣе согласно желанію, лишь бы только отцы никоимъ образомъ не мѣшались въ государственныя дѣла и не дерзали вести корреспонденціи внѣ Москвы».

Единственнымъ, извѣстнымъ намъ, отступленіемъ отъ изложеннаго выше начала вѣротерпимости является распоряженіе, сдѣланное московскимъ правительствомъ по случаю предпринятаго въ 1630 году найма въ разныхъ иностранныхъ государствахъ въ російскую службу офицеровъ и ратныхъ людей.

Въ означенномъ году было повелѣно не вербовать ни французовъ, ни католиковъ.

Эту мѣру надлежитъ, однако, приписать, какъ намъ кажется, чисто политическимъ и временнымъ мотивамъ. Войско набиралось тогда исключительно для похода противъ католической Польши, съ цѣлью отвоевать у нея Смоленскъ и другіе западно-русскіе города. Вербовка должна была происходить въ протестантскихъ земляхъ: Швеціи, Даніи, Любекѣ, Гамбургѣ, Голштиніи, Нидерландахъ, а также въ Англіи и Шотландіи, при содѣйствіи Густава-Адольфа, который только что (1630 г.) сталъ во главѣ германскихъ протестантовъ и объявилъ войну императору и католической лигѣ. Допустить католиковъ въ войско, которое должно было состоять, главнымъ образомъ, изъ протестантовъ, значило бы ослабить его нравственно и внести въ него нежелательный элементъ внутренней вражды и раздора. Что же касается Франціи, то она въ то время преслѣдовала протестантовъ у себя дома, а посоль Людовика XIII-го Де-І'э Курмененъ, бывшій въ Москвѣ въ 1623 году, произвелъ на наше правительство вообще весьма неблагоприятное впечатлѣніе.

Несмотря на эту предосторожность, надежды, возлагавшіяся на иноземные полки, не оправдались. Находясь въ отрядѣ боярина Шеина подъ Смоленскомъ, иностранцы перессорились между собой и разбѣжались.

Миръ былъ заключенъ въ 1634 г. въ Поляновѣ. Смоленскъ и Сѣверская область остались за Польшей. Но король Владиславъ отказался отъ московскаго престола и призналъ за московскимъ великимъ княземъ титулъ «царя».

Иноземные полки были распущены, и рѣшено было впредь призывать на русскую службу только «начальныхъ людей», солдатъ же набирать изъ вольныхъ русскихъ людей.

Такимъ образомъ, въ Московскомъ государствѣ появились съ 1633 года регулярныя русскіе полки, организованныя по западно-европейскому образцу, конныя и пѣшіе. Для обученія ихъ требовалось постоянно большое число инструкторовъ, въ особенности послѣ 1654 г., когда снова началась война съ Польшей. Эта потребность удовлетворялась усиленнымъ наймомъ иностранныхъ офицеровъ, которыхъ стали опять принимать на русскую службу безъ различія исповѣданія и національности. Такимъ образомъ снова открылся доступъ въ Россію католикамъ, эмигрантамъ изъ Шотландіи. Въ числѣ послѣднихъ былъ Павелъ Менезій, къ біографіи котораго теперь переходимъ.

II.

Выше было упомянуто, что въ спискѣ соратниковъ шотландскаго короля Малькольма III-го, жившаго въ XI вѣкѣ, встрѣчается рядомъ съ именами Лермонта и Гордона также имя Менезія ¹⁾.

Имя это принадлежитъ древнему, богатому и знатному шотландскому роду (clan), раздѣлившемуся на нѣсколько вѣтвей и имѣющему до сихъ поръ представителей въ Шотландіи и Англіи ²⁾.

Менезіи состояли въ родствѣ со многими аристократическими семействами Шотландіи, въ томъ числѣ съ Гамильтонами и Гордонами, а въ 1571 году породнились съ королевскимъ домомъ Стюартовъ. Баронъ Джемсъ Менезій былъ, по словамъ Маріи Стюартъ, ея «самымъ вѣрнымъ другомъ» (traist friend); сохранилось извѣстіе, что королева дважды посѣтила его замокъ.

Хотя нѣкоторыя отрасли рода Менезіевъ перешли въ протестантство, другія остались непоколебимо вѣрными римско-католической вѣрѣ и дому Стюартъ.

Къ числу послѣднихъ относятся отрасли Менезіевъ: Бальгуни (Balgowny) и Питфодельсъ (Pitfodels).

Павелъ Менезій происходилъ изъ фамиліи бароновъ ³⁾ Питфодельсъ, получившихъ этотъ титулъ въ XVI в. вмѣстѣ съ имѣніемъ

¹⁾ Орфографія этого имени, какъ по-англійски: Menzies, Menghes, Meneses и пр., такъ и по-русски: Миниюсъ, Менезіюсъ, Менезіусъ и пр., крайне разнообразна, при чемъ въ архивныхъ документахъ встрѣчается нерѣдко и латинская форма этого имени: Menesius. Мы остановились на формѣ Менезій, какъ на болѣе сродной духу русскаго языка и примѣнимой одинаково къ русскимъ и шотландскимъ членамъ названной семьи. Этой формѣ отдаетъ предпочтеніе профессоръ Шмурло въ отчетѣ о своихъ занятіяхъ въ римскихъ и венеціанскихъ архивахъ.

²⁾ Одинъ изъ нихъ, проживающій въ г. Глазго, издалъ въ 1895 г. обширную историческую монографію о родѣ Менезіевъ и весьма обязательно сообщилъ намъ много свѣдѣній по этому предмету. О Павлѣ Менезіи въ Шотландіи извѣстно только, что онъ служилъ въ русскомъ войскѣ.

³⁾ Eques auratus, Laird.

Питфодельсь близъ г. Абердина. Этой отрасли Менезіевъ, отличавшейся богатствомъ, принадлежали равнымъ образомъ значительныя имѣнія Мэрикутеръ (Maryculter) и Блерзъ (Blairs), также въ окрестностяхъ города Абердина, гдѣ Менезіи пользовались большимъ почетомъ и изъ поколѣнія въ поколѣніе занимали подолгу главенствующее положеніе, въ должности городского головы (Provost). Благосостоянію Питфодельской вѣтви Менезіевъ были нанесены тяжкіе удары во время упомянутыхъ выше войнъ и смутъ, сопровождавшихъ введеніе реформаціи и паденіе Стюартовъ.

Когда Карль I призвалъ для своей защиты въ 1639 году «кавалеровъ», Гильбертъ Менезій изъ Питфодельса явился въ королевскій лагерь со своимъ старшимъ сыномъ. Карль пожаловалъ ему рыцарское, а по русскому переводу того времени «княжеское» достоинство. Но партія революціонеровъ-ковенантеровъ взяла верхъ, и сэръ Гильбертъ Менезій былъ принужденъ бѣжать съ семьей во Францію и Фландрію.

Семья сэра Гильберта состояла изъ жены, рожденной графини Сутерландъ (Sutherland), нѣсколькихъ дочерей и четырехъ сыновей, младшій изъ которыхъ Павелъ родился въ 1637 году, вѣроятно, въ усадьбѣ Мэрикутеръ, изображенной на прилагаемомъ рисункѣ.

Въ изгнаніи, сэръ Гильбертъ Менезій и его жена заботились о воспитаніи своихъ дѣтей. Дочери были помѣщены «въ школу», т. е. въ одинъ изъ французскихъ монастырей, а сыновья Вильямъ и Павелъ были опредѣлены 20 іюня 1647 года въ шотландскую іезуитскую коллегію въ городѣ Дуэ, во Фландріи, какъ это явствуетъ изъ записей подъ означеннымъ числомъ въ упомянутомъ журналѣ коллегіи.

Здѣсь Павелъ Менезій прекрасно учился и пробылъ пять лѣтъ, въ теченіе которыхъ на его семью обрушился рядъ новыхъ несчастій.

Его мать и одинъ изъ братьевъ погибли около береговъ Франціи во время бури, спасаясь изъ Абердина. Старшій братъ былъ убитъ 20-ти лѣтъ, въ 1650 году въ Шотландіи, во время неудачной попытки герцога Монтрозъ поднять возстаніе въ пользу Карла II. Враги окружили молодого Менезія, который былъ знаменосцемъ экспедиціи, и нѣсколько разъ предлагали сдаться. Но, отвѣтивъ отказомъ, онъ палъ, защищая королевское знамя. Въ довершеніе бѣды, имѣнія сэра Гильберта Менезія были конфискованы Кромвелемъ.

Кончина послѣдняго 2 сентября 1658 года дала возможность семьѣ Менезія вернуться на родину. При реставраціи Карла II сэръ Гильбертъ получилъ обратно свои вотчины. Но онѣ были разорены, и Павелъ, которому шелъ тогда 22 годъ, будучи младшимъ, не надѣленнымъ сыномъ (послѣ смерти старшаго, права наследника перешли ко второму Вильгельму), оказался вынужденнымъ позаботиться о своей будущности.

Усадьба Менезіевъ Мэрикутеръ, въ Шотландіи,
предполагаемое мѣсто рожденія Павла Менезія.

Съ фотографіи, снятой въ 1890 г.

Военныя преданія семьи Менезія указывали ему путь къ этому: подобно многимъ поколѣніямъ шотландскихъ дворянъ, Павелъ сталъ искать счастья въ военной службѣ, на материкѣ Европы.

Сначала Менезій направился въ Польшу, гдѣ въ то время уже служилъ то въ шведскихъ, то въ польскихъ войскахъ упомянутый выше родственникъ его Гордонъ, повышаясь въ чинахъ и богатѣя.

Но служба въ войскѣ короля Яна Казимира не понравилась Менезію. Ею тяготился и Гордонъ, и русскому посланнику Замятъ Леонтьеву, прибывшему въ Варшаву весной 1661 года, оказалось не труднымъ уговорить обоихъ перейти въ русскую службу.

Французскій путешественникъ и дипломатъ Невиль, посвятившій лично знакомому ему Менезію нѣсколько любопытныхъ и важныхъ для его біографіи страницъ ¹⁾, предполагаетъ тутъ романическую подкладку. Павелъ будто бы убилъ на дуэли одного польскаго полковника, съ женой котораго онъ былъ очень близокъ, и затѣмъ, убѣжавъ, попался русскимъ. Самъ Менезій не любилъ распространяться о своей службѣ въ Польшѣ, и мы не знаемъ, случилось ли съ нимъ такое приключеніе. У Гордона же были чисто служебныя и политическіе мотивы, побудившіе его покинуть Польшу. На его глазахъ польское правительство, вмѣсто того, чтобы использовать побѣду надъ русскими подъ Чудновымъ 1660 года, оказалось обезсиленнымъ «конфедераціей», т. е. вооруженнымъ возстаніемъ своей же арміи, не получавшей жалованья. Вмѣстѣ съ тѣмъ, возраставшее своеволие шляхты и законодательная немоць сейма, вслѣдствіе упрочившагося съ 1652 г. начала *liberum veto* («не позволяемъ»), вносили въ управленіе страной гибельную для нея анархію. Умный шотландецъ видимо понялъ, что будущность на сторонѣ малоподвижной и малоученой, но настойчивой, дисциплированной и самодержавной Москвы.

Менезій и Гордонъ выѣхали изъ Варшавы 26 іюня 1661 года, снабженные русскими паспортами, вмѣстѣ съ шотландскимъ полковникомъ Кроуфордомъ, взятымъ въ плѣнъ подъ Чудновымъ и возвращавшимся въ Россію. Въ томъ же году было вызвано изъ-за границы, въ качествѣ инструкторовъ, 97 начальныхъ людей, отъ полковниковъ до прапорщиковъ, и около 300 человекъ капрановъ и рейтаровъ.

Прибывъ въ Москву 2 сентября, Менезій и его спутники помѣстились въ Нѣмецкой слободѣ и чрезъ три дня были допущены къ цѣлованію руки царя Алексѣя Михайловича въ селѣ Коломенскомъ.

¹⁾ Relation curieuse et nouvelle de la Moscovie. Paris. 1698. Невиль (de la Neuville) познакомился съ Менезіемъ въ Смоленскѣ въ іюль 1689 г. по пути въ Москву, куда онъ ѣхалъ подъ видомъ посланника польскаго короля, но съ секретнымъ порученіемъ отъ Людовика XIV.

7 сентября бояринъ Илья Даниловичъ Милославскій, тестъ царя, начальствовавшій тогда надъ иноземнымъ приказомъ, гдѣ вѣдались служилые иноземцы, присутствовалъ на испытаніи вновь прибывшихъ офицеровъ въ умѣннй обращаться съ разнаго рода оружіемъ, на Чертольѣ.

Наконецъ, 9 сентября офицеры эти были зачислены въ службу, при чемъ Павелъ Менезій былъ принятъ съ чиномъ капитана, а Гордонъ съ чиномъ майора, въ пѣхотный полкъ упомянутого выше соотечественника ихъ, Данила Кроуфорда.

Павлу Менезію вмѣстѣ съ Гордономъ пришлось на первыхъ же порахъ участвовать со своимъ полкомъ въ усмирѣніи извѣстнаго мятежа, который вспыхнулъ въ Москвѣ 25 іюля 1662 года противъ боярина Морозова, изъ-за выпуска обезцѣненныхъ мѣдныхъ денегъ. По этому случаю всѣ иностранные и русскіе офицеры, въ томъ числѣ и Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, будущій начальникъ посольскаго приказа, командовавшій полкомъ стрѣльцовъ, получили награду.

Въ томъ же году въ Москвѣ узнали о возмущеніи среди башкиръ, и полку Кроуфорда было приказано отправиться на низовья Камы.

Кроуфорду, Гордону и Менезію не хотѣлось идти въ такой дальній походъ противъ «столь неблагогоднаго врага». Имъ удалось устроить дѣло такъ, что всѣ трое остались въ Москвѣ, а полкъ выступилъ подъ командой подполковника, котораго назначили его командиромъ. Гордона произвели на открывшуюся вакансію въ подполковники, а Менезій, безъ сомнѣнія, при содѣйствіи Гордона вступилъ, какъ старшій капитанъ, въ исправленіе обязанностей майора и пользованіе матеріальными выгодами, связанными съ этимъ повышеніемъ.

Повышеніе это пришлось Менезію въ особенности кстати потому, что Павелъ осенью того же 1662 года, подобно Гордону и большинству иноземныхъ офицеровъ, женился на одной изъ иностранокъ Нѣмецкой слободы, вѣроятно, католичкѣ, имя и фамилія которой не извѣстны. Московское правительство одобряло и поощряло вступленіе въ бракъ иноземныхъ начальныхъ людей, видя въ этомъ средство удерживать ихъ въ Россіи. Но браки между иновѣрцами и православными у насъ въ тѣ времена безусловно не допускались. Черезъ годъ у Менезія родился сынъ Томасъ.

Въ началѣ 1663 г. Менезій и Гордонъ хлопотали, но неудачно, объ отправленіи въ Персію, въ свитѣ боярина Ѳ. А. Милославскаго, назначеннаго туда посланникомъ.

Въ это время война съ Польшей, начавшаяся въ 1654 г., близилась къ концу. Осенью 1664 года было приступлено къ переговорамъ подъ Смоленскомъ, приведшимъ въ 1667 г. къ знаменитому Андрусовскому перемирію. Въ то же время русскія войска

были сосредоточены въ Смоленскѣ, вѣроятно, по поводу этихъ переговоровъ, а также для поддержки кандидатуры царя Алексѣя Михайловича или одного изъ его сыновей на польскій престолъ, становившійся вакантнымъ вслѣдствіе рѣшенія короля Яна-Казимира отъ него отречься. Уже въ 1656 г., при посредничествѣ императора Фердинанда III, между Россіей и Польшей были заключены конвенціи объ избраніи царя Алексѣя Михайловича на престолъ Польши и великаго княжества Литовскаго. Однако, ни русская кандидатура, которой противился папа, ни кандидатура бывшей шведской королевы Христины, поддерживаемая римской куріей, ни французскія кандидатуры князя Нейбургскаго и герцога д'Энгиенъ, ни австрійская герцога Карла Лотарингскаго, не удалась, и въ 1669 году въ польскіе короли былъ избранъ слабый и потому удобный польскому дворянству Михаилъ Вишневецкій.

Въ числѣ русскихъ войскъ, усилившихъ гарнизонъ Смоленска, былъ пѣхотный полкъ Кроуфорда, въ которомъ служилъ Менезій, и полкъ стрѣльцовъ, которымъ командовалъ сослуживецъ, другъ и свойственникъ А. С. Матвѣева, стрѣлецкій голова, Кирилль Полуэктовичъ Нарышкинъ. Въ Смоленскѣ отецъ будущей царицы и Менезій провели вмѣстѣ около четырехъ лѣтъ, сблизились и подружились. Эти отношенія облегчались, безъ сомнѣнія, обоюднымъ родствомъ съ Гамильтонами, отсутствіемъ въ семьѣ Нарышкиныхъ предубѣжденія противъ иностранцевъ и той «нервной живостью и бойкостью ума», которыя, по выраженію профессора Ключевскаго, «были фамилными, наслѣдственными чертами» семьи этой. Дружба съ Нарышкинами повліяла очень благопріятнымъ образомъ на судьбу Менезія.

Въ 1667 г., при управленіи посольскимъ приказомъ Ордина-Нащокина, Менезій былъ командированъ въ Швецію для найма горнорабочихъ, а четыре года спустя, онъ получилъ отпускъ въ Шотландію, по случаю кончины отца.

Прибывъ въ Абердинъ, Менезій былъ принятъ тамъ въ число гражданъ этого города, согласно почетному обычаю своей семьи. Тамъ же Менезію привелось 17-го февраля 1672 года подтвердить своею подписью въ нотаріальной книгѣ г. Абердина, вмѣстѣ съ лордомъ Генрихомъ Гордономъ, служившимъ въ польскихъ войскахъ подъ Чудновымъ, наслѣдственные права старшаго сына убитаго на русской службѣ у Чуднова подполковника Томаса Менезія.

Этотъ родственникъ Павла принадлежалъ къ упомянутой выше отрасли Бальгуни рода Менезіевъ и уже въ 1654 году выѣхалъ въ Москву съ рекомендательной грамотой отъ шведской королевы Христины, въ войскахъ которой отъ передъ тѣмъ служилъ. Его сынъ, Яганъ-Людовикъ, хотя и былъ утвержденъ въ правахъ наслѣдства, остался навсегда въ Россіи, принявъ православіе и умеръ въ чинѣ подполковника въ 1691 году. Его вдова вышла замужъ 14-го де-

кабря 1697 года въ Москвѣ за капитана Рикемана. Въ означенной нотаріальной записи Павелъ Менезій упомянуть, какъ «законный сынъ покойнаго сэръ Гильберта Менезія изъ Питфодельса и одинъ изъ майоровъ въ войскахъ императора Россіи».

Менезій былъ задержанъ на родинѣ войной, предпринятой Людовикомъ XIV въ началѣ лѣта 1672 года, въ союзѣ съ англійскимъ королемъ, противъ Голландіи.

Павлу, ознако, удалось пробраться на гамбургскомъ военномъ кораблѣ въ Данію и вернуться оттуда, черезъ Ригу, въ Смоленскъ. Не успѣлъ онъ пріѣхать, какъ черезъ Матвѣева, друга Нарышкиныхъ, назначеннаго за годъ передъ тѣмъ, 22-го февраля 1671 года, на мѣсто Ордина-Нащокина начальникомъ посольскаго приказа, Менезій былъ вызванъ экстренно въ Москву 27-го іюля 1672 года, при чемъ ему было повелѣно ѣхать «на почтовыхъ», днемъ и ночью, не останавливаясь. По пріѣздѣ, его разспросили въ посольскомъ приказѣ о политическомъ положеніи посѣщенныхъ имъ государствъ, о ходѣ войны на Рейнѣ и о наступленіи, начатомъ султаномъ противъ Польши. Отвѣты Менезія, сохранившіеся въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, были обстоятельны, умны и интересны и послужили, надо думать, поводомъ къ возложенію на Павла, осенью того же 1672 года, дипломатической миссіи въ Берлинъ, Дрезденъ, Вѣну, Венецію и Римъ.

III.

Дипломатическая миссія Менезія, одновременно съ которымъ были отправлены: переводчикъ посольскаго приказа Виніусъ въ Парижъ, Лондонъ и Мадридъ, и дьякъ того же приказа Украинцевъ въ Голландію, Данію и Швецію, была выраженіемъ новаго фазиса, въ который вступила въ это время русская внѣшняя политика. Въ самый годъ рожденія Петра Великаго царь Алексѣй Михайловичъ началъ дипломатическую и военную кампанію, являющуюся первымъ актомъ новаго періода той драмы, эпилогъ которой еще впереди, и которая извѣстна въ исторіи подъ названіемъ Восточнаго вопроса.

Не вдаваясь въ подробности, можно охарактеризовать политическое положеніе, обусловившее миссію Менезія, слѣдующимъ образомъ.

Органическій ростъ Русскаго государства, задержанный на пути къ Балтійскому побережью Столбовскимъ договоромъ 1617 года съ Швеціей и на Литовскомъ рубежѣ Поляновскимъ трактатомъ 1634 года съ Польшей, принялъ, затѣмъ, новое направленіе—на югъ, въ сторону наименьшаго сопротивленія, къ Азовскому морю и въ Малороссію. Послѣдняя была присоединена въ 1654 году, но,

чтобы удержать ее, московскому правительству пришлось снова предпринять войну съ Польшей. Начатая взятіемъ Смоленска и затѣмъ Вильны, Ковна и Гродна, война эта привела было Польское королевство къ гибели, въ виду одновременнаго нападенія на него шведовъ и курфюрста Бранденбургскаго.

Польшу спасло столкновение Россіи съ Швеціей изъ-за обладанія польской частью Балтійскаго побережья.

Русскіе осадили занятую шведами Ригу, взяли у нихъ Юрьевъ (Дерптъ) и двинулись на Кексгольмъ и Орѣшекъ (будущій Петровскій Шлиссельбургъ), основанный въ 1320 году новгородцами и отошедшій отъ насъ къ Швеціи только въ 1617 году.

Однако, Людовикъ XIV пришелъ на помощь этой своей традиціонной союзницѣ, возбудивъ, сообщая съ Англіей и Голландіей, посредничество, приведшее къ миру Швеціи съ Польшей, въ Оливѣ, въ 1660 году.

Заключеніе мира другъ съ другомъ дало возможность обоимъ названнымъ государствамъ стать болѣе требовательными относительно Москвы. Въ силу Оливскаго договора, между прочимъ, курфюрстъ Бранденбургскій высвободился изъ вассальной зависимости отъ польскаго короля: Пруссія, бывшая до того леннымъ владѣніемъ польской короны, стала отнынѣ независимой собственностью курфюрста Бранденбургскаго.

Тѣмъ временемъ, русскія войска принуждены были снять осаду съ Риги и Орѣшка, и въ Москвѣ вступили въ борьбу два политическихъ теченія.

Ординъ-Нащокинъ настаивалъ на продолженіи войны со Швеціей, хотя бы пришлось для этого пожертвовать Малороссіей. «Я стою за Ливонію, — писалъ Нащокинъ царю въ 1660 году. — Съ польскимъ королемъ миръ гораздо надобенъ, нужнѣе шведскаго... а не уступивши черкасъ (Западной украины), съ польскимъ королемъ миру не сыскать». При этомъ практичный и дальновидный ревнитель сближенія съ Западомъ настаивалъ особенно на экономическомъ значеніи для Россіи свободнаго доступа къ Балтійскому морю. Алексѣй Михайловичъ вполне сознавалъ значеніе это и въ инструкціи Нащокину еще въ 1659 году писалъ о необходимости вытребовать у шведовъ хотя бы Ивангородъ «для корабельной пристани».

Представителемъ другого теченія былъ А. С. Матвѣевъ. Принимавъ лично дѣятельное участіе въ присоединеніи Малороссіи, онъ желалъ сближенія съ Швеціей, хотя бы пришлось для этого поступиться Балтійскимъ побережьемъ, такъ какъ, обезпеченная съ сѣверо-запада, Россія могла бы успѣшнѣе бороться за удержаніе Смоленска и Кіева и за обладаніе русскимъ югомъ. Изъ нѣкоторыхъ документовъ Стокгольмскаго архива видно, что Матвѣевъ старался въ 1669 году, черезъ полковника Николая фонъ-Шта-

дена, подорвать вліяніе Нащокина на царя именно на почвѣ нашихъ отношеній къ Швеціи.

Второе теченіе взяло верхъ. Съ Швеціей былъ заключенъ, также при участіи Франціи, невыгодный для насъ вѣчный миръ въ Кардисѣ въ 1661 году, подтвердившій, въ общемъ, Столбовскій договоръ 1617 года и наше удаленіе отъ Балтійскаго моря, а всѣ русскія силы были обращены на продолженіе войны съ Польшей изъ-за Смоленска, Кіева и Малороссіи.

Сравнивая теперъ эти двѣ политики, можно думать, что правъ былъ Нащокинъ, а не Матвѣевъ.

Еслибы мы въ 1660 году открыли для себя на берегу Балтійскаго моря «окно въ Европу», Петру Великому не пришлось бы «прорубать» его полвѣка спустя.

Свободное общеніе съ Западомъ, необходимое для нашего дальнѣйшаго государственнаго существованія, начавшись ранѣе, могло бы развиться спокойнѣе и нормальнѣе, безъ тѣхъ страшныхъ потрясеній, которыми сопровождался этотъ процессъ «прорубанія». На Балтійскомъ берегу возникла бы цвѣтущая русская гавань, но едва ли новая столица русскаго государства.

Экономическое, техническое и научное усиленіе, которое явилось бы результатомъ этого общенія, дало бы намъ возможность со временемъ возвратитъ отъ органически ослабѣвавшей Польши всѣ отнятыя ею русскія области и обезпечитъ, главнымъ образомъ отъ крымскихъ татаръ, экономическое благосостояніе и военную безопасность русскаго юга.

Отрѣзанные отъ Балтійскаго моря, мы оказались лишенными того источника силы, обойтись безъ котораго намъ было крайне трудно. Понадобилось гигантское усиліе Петра, чтобы разрѣшить, внѣ ихъ нормальной послѣдовательности, обѣ задачи—балтійскую и южно-русскую.

Это усиліе обошлось Россіи очень дорого и увѣнчалось успѣхомъ лишь отчасти. Балтійское побережье осталось за нами, притянувъ, однако, къ себѣ надолго слишкомъ много русской жизненной силы. Но владѣніе Черноморскимъ берегомъ, необходимое для экономическаго процвѣтанія нашего юга, было достигнуто только при Екатеринѣ II, а задача обезпеченія безопасности нашей южной окраины остается до сихъ поръ неразрѣшенной.

Какъ бы то ни было, въ 1667 году русско-польская война, длившаяся уже 13 лѣтъ, обезсиливала обѣ стороны, не приводя къ рѣшительному результату. Ей положило конецъ появленіе на русскомъ и польскомъ политическомъ горизонтѣ новаго грознаго противника: турецкаго султана.

Въ теченіе двухъ вѣковъ, слѣдовавшихъ за взятіемъ Константинополя, турки продолжали наступленіе въ Европу, завоевывая острова Архипелага и упрочивая свое господство на берегу Адриатическаго моря, а также въ Венгріи, Молдавіи и Валахіи.

Въ половинѣ XVII вѣка очередь дошла до Подоли, входившей въ составъ Польскаго королевства, и до Малороссіи, изъ-за которой боролись Москва и Польша.

Поводомъ къ распространенію на Малороссію притязаній Порты послужили происки тѣхъ казаковъ, которые надѣялись найти въ покровительствѣ султана оплотъ противъ захвата со стороны Польши и Москвы. Турція, подчинивъ себѣ уже въ 1475 г. Крымскій полуостровъ, была не прочь овладѣть и Малороссіей.

Ни Польша, ни Москва не признали возможнымъ предоставить эту область султану. Мира другъ съ другомъ онѣ заключить не могли. Ихъ вѣковой споръ еще не былъ доведенъ до конца. Но въ январѣ 1667 года было подписано между ними въ Андрусовѣ перемиріе на 13½ лѣтъ, оставлявшее русскимъ Смоленскъ и Сѣверскую область и, только на два года, Кіевъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ между королемъ и царемъ былъ установленъ оборонительный союзъ противъ крымцевъ и турокъ, обязывавшій обоимъ государей давать общими силами отпоръ басурманамъ и препятствовать, чтобы Украина не отошла къ послѣднимъ. Было договорено также, въ случаѣ нападенія турокъ или крымцевъ, извѣстить объ этомъ великихъ государей христіанскихъ и обратиться къ нимъ за помощью.

Неохотно согласилось московское правительство даже на оборонительный союзъ противъ Турціи, такъ какъ война съ ней не соотвѣтствовала ни духовнымъ, ни матеріальнымъ его интересамъ. Въ чемъ заключались интересы эти?

Не подлежитъ сомнѣнію, что русскіе поняли и были въ состояніи хорошо оцѣнить великій историческій переворотъ, произведенный завоеваніемъ турками Константинополя. Идея, что съ тѣхъ поръ Москва стала третьимъ Римомъ, не была ни призракомъ, ни заблужденіемъ. Она выражала сознание перенесенія на Москву извѣстныхъ духовныхъ и политическихъ задачъ, составлявшихъ наслѣдіе погибшихъ перваго, античнаго, и второго, византійскаго, Рима.

Сознаніе это было поддерживаемо и развиваемо среди русскаго народа и московскаго правительства изъ двухъ источниковъ.

Съ одной стороны, православное духовенство бывшей Византійской имперіи очень рано усвоило себѣ мысль, что на московскихъ государей перешла функція охраненія православія, присвоенная до того византійскимъ императорамъ.

Соотвѣтственно этому убѣжденію, восточные патріархи, митрополиты и монастыри начали прилагать къ московскимъ великимъ князьямъ титулъ византійскихъ императоровъ и воздавать тѣ же формальныя почести, называя великаго князя царемъ и государемъ всѣмъ православнымъ христіанамъ, вторымъ Константиномъ и поборникомъ божественныхъ церквей. Наиболѣе яркимъ выраженіемъ этого взгляда является извѣстная грамота вселенскаго патріарха 1561 года, утверждающая санъ царя за великимъ княземъ

Иоанномъ IV, въ силу его происхожденія отъ византійской царицы Анны, сестры императора Василя Багрянороднаго, и отъ великаго князя Владимира Всеволодовича Мономаха.

Съ другой стороны, съ Запада, отъ папы, императора Священной Римской имперіи, отъ венеціанскаго сената, шли въ Москву лестныя и заманчивыя предложенія и воззванія по поводу константинопольскаго наслѣдства.

Уже въ 1473 г. синьорія Венеціи сообщаетъ Ивану III, что Восточная имперія «за прекращеніемъ императорскаго рода въ мужскомъ колѣнѣ должна принадлежать вашему высочеству въ силу вашего благополучнѣйшаго брака» съ Софіей Палеологъ.

Въ 1519 году посоль магистра прусскаго, Дитрихъ Шомбергъ, передалъ въ Москвѣ весьма важное порученіе папскаго посла о заключеніи перемирія съ христіанскими государями противъ турокъ, «занеже турецкой вотчину великаго князя держить». Великому князю вѣрно было сообщить, что если онъ хочетъ «за свою вотчину константинопольскую стоять, и онъ имѣеть нынѣ пригоденъ путь, да и помочь, что ни за сто лѣтъ отъ сѣхъ мѣсть наслѣдники константинопольскіе не имѣли».

Грозному подобныя же представленія дѣлались не только агентами римской курии, но и вѣнскимъ правительствомъ. Цесарскіе послы Кобенцель и Принцъ обѣщали ему въ 1576 г., что съ помощью Божіею и изволеніемъ царскія милости и святаго папы римскаго, при помощи всѣхъ христіанскихъ государей турки будутъ изгнаны до Азій, чтобъ «все царство греческое на восходѣ солнца къ твоему величеству пришло, ажебъ такъ ваша пресвѣтлость за востоднаго (восточнаго) цесаря... отъ всего христіанства на вѣки былъ честенъ и славенъ».

Въ 1582 году, Антоній Посевинъ, убѣждая царя признать Флорентійскую унію, подкрѣплялъ свои доводы между прочимъ ссылкой на то, что Иванъ Васильевичъ тогда будетъ не только на прародительской вотчинѣ на Кіевѣ, «но и въ царствующемъ градѣ (Царьградѣ) государемъ будетъ, а папа и цесарь, и всѣ государи великіе о томъ будутъ стараться».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, не одинъ разъ въ теченіе XVI вѣка наши западные друзья пытались соблазнить московское правительство не только константинопольскимъ наслѣдствомъ, но и королевскимъ титуломъ. Цѣлью же всѣхъ этихъ попытокъ было присоединеніе Москвы къ западно-европейскимъ правительствамъ, боровшимся противъ турокъ, и подчиненіе русской церкви папѣ.

Какъ отнеслись московскіе государи къ этимъ двоякимъ внушеніямъ? Какъ перерабатывались въ сознаніи русскаго народа, въ самомъ третьемъ Римѣ, государственныя традиціи перваго Рима и церковныя заботы второго?

Вопросы важныя и интересныя, такъ какъ до настоящаго вре-

мени не законченъ культурно-историческій процессъ, начавшійся въ Москвѣ послѣ паденія Константинополя, и не разрѣшена еще политическая задача, поставленная міру этимъ событіемъ, и такъ какъ, параллельно съ означеннымъ процессомъ, складывались въ Москвѣ основанія русской національной, внутренней и вѣшной политики.

Мы позволимъ себѣ коснуться этого капитальнаго вопроса лишь, насколько это необходимо для выясненія направленія вѣшной политики московскаго правительства въ эпоху Андрусовскаго перемирія. Замѣтимъ только, что эта эпоха дѣлится пополамъ тѣ четыре съ половиною вѣка, которые прошли съ паденія Константинополя до нашихъ дней, и заслуживаетъ особеннаго вниманія, знаменуя прискорбный для нашихъ интересовъ переломъ въ отношеніяхъ нашихъ къ Турціи.

Представленія православныхъ восточныхъ церквей о духовномъ преемствѣ русскихъ государей отъ византійскихъ императоровъ вполне отвѣчали тенденціямъ московскаго правительства. Многимъ изъ упомянутыхъ церквей московскіе государи посылаютъ щедрыя пособія, а иногда выдаютъ жалованныя грамоты, по которымъ принимаютъ на себя званіе кормителей и ктиторовъ церквей и монастырей. Равнымъ образомъ, Іоаннъ III послѣ брака съ Софіей перенялъ гербъ послѣдняго византійскаго императора, а Іоаннъ IV исходатайствовалъ у константинопольскаго патріарха упомянутую выше грамоту о царскомъ титулѣ.

Совершенно иначе отнеслись московскіе правители къ западно-католическимъ предложеніямъ о реальномъ наслѣдствѣ константинопольскихъ царей.

Этимъ предложеніямъ московскіе государи противопоставили политику, которая, будучи осуществляема послѣдовательно въ теченіе болѣе двухъ вѣковъ, пріобрѣтаетъ значеніе политической системы.

Іоаннъ III, несмотря на бракъ съ Софіей, отклонилъ въ 1486 году «за дальностью разстоянія» предложенія польскаго короля Казимира воевать сообща противъ Турціи. Напротивъ, этотъ великій князь положилъ начало въ 1492 году дружественнымъ дипломатическимъ сношеніямъ съ султаномъ и воспользовался вассаломъ Турціи, крымскимъ ханомъ, для разрушенія Золотой орды и окончательнаго сверженія татарскаго ига.

Іоаннъ Грозный отвѣтилъ отказомъ на предложенія Поссевина быть государемъ въ Царьградѣ и не согласился на проекты испанскаго короля Филиппа II, который старался въ 1555 году вооружить его противъ султана. Въ то же время, однако, царь высказывалъ константинопольскому патріарху и аеонскимъ монахамъ желаніе освобожденія и избавленія ихъ «отъ томительства богохульныхъ». вмѣстѣ съ тѣмъ, Іоаннъ IV сумѣлъ завоевать Казань и Астрахань безъ серьезнаго столкновенія съ Турціей.

Борисъ Годуновъ упрекалъ въ 1601 году англійскую королеву Елисавету за оказаніе султану помощи противъ императора и со-вѣтовала ей «радѣти бѣ и промышляти о томъ, чтобы всемъ великимъ государемъ крестьянскимъ межъ себя быти въ любви и въ ссылкѣ и въ крѣпкой дружбѣ и стояти бѣ на басурманъ за одинъ, чтобъ крестьянская рука высилась, а бесерманская—низилась». Но самъ Годуновъ не имѣлъ въ виду воевать съ Турціей и поручилъ своему посланнику Микулину только собирать въ Лондонѣ свѣдѣнія о ходѣ тогдашнихъ военныхъ дѣйствій.

Михаилъ Федоровичъ отказался въ 1642 году принять отъ донскихъ казаковъ взятый ими Азовъ, не желая «разрывать съ турецкимъ царемъ», и видѣлъ въ Турціи противовѣсъ Польшѣ.

Алексѣй Михайловичъ не изъявилъ готовности начать войну съ турками, когда въ 1655 году венеціанскій посолье явился въ Москву просить объ этомъ. Наконецъ, союзъ, заключенный между Россіей и Польшей противъ султана въ Андрусовѣ и Москвѣ въ 1667—1670 гг., былъ только оборонительный и имѣлъ ограниченную цѣль—не допустить перехода подъ власть Турціи исконно русской области, Малороссіи. вмѣстѣ съ тѣмъ, при Романовыхъ, какъ при Рюриковичахъ, продолжались тѣсныя сношенія между Москвой и восточными патріархами и церквами и оказаніе послѣднимъ благодѣтельной поддержки съ русской стороны.

Безъ сомнѣнія, въ этой политической системѣ выражается просвѣщенная осторожность московскихъ правителей, сосредоточенность власти, единство, правильность, непрерывность въ распоряженіяхъ, которыми объясняются устойчивость и успѣхи Московскаго государства среди жестокихъ бѣдъ и всяческихъ затрудненій.

Нельзя, однако, не видѣть въ этой политикѣ, какъ намъ кажется, проявленія и другой важной черты, которая характеризуетъ отношеніе московскаго правительства къ такъ называемому Восточному вопросу.

Въ Западной Европѣ, соотвѣтственно преданіямъ античнаго Рима, понимали византійское наслѣдство реально: предлагали царямъ завладѣть имъ, какъ завладѣли древніе римляне Греціей и латинскіе крестоносцы Іерусалимомъ и Константинополемъ.

У насъ, въ московскій періодъ, смотрѣли на это наслѣдство болѣе духовно. Московскіе государи видѣли въ немъ для себя обязанность оборонять православіе, а не право владѣть Константинополемъ, и желали свободы для христіанскихъ подданныхъ султана, но не подчиненія ихъ Московскому государству.

Очерченные нами интересы московскаго правительства дѣлали для него, очевидно, нежелательной войну съ султаномъ.

Для осуществленія нашихъ культурныхъ задачъ среди его христіанскихъ подданныхъ были достаточны мирныя средства. При поддержаніи съ султаномъ дружественныхъ отношеній, общеніе

русской церкви съ восточными происходило непрерывно и беспрепятственно, пособія и покровительство православнымъ патріархамъ и монастырямъ могли быть оказываемы изъ Москвы свободно, и пока въ Турціи сохранялся первоначальный полу-феодальный строй, широкое самоуправленіе, предоставленное тамъ каждой церковной общинѣ, обезпечивало въ мирное время не только ея религіозныя, но отчасти и экономическія нужды.

Дома, въ Россіи, были другія задачи, вызывавшія необходимость вооруженной борьбы: сверженіе татарскаго ига, движеніе за Уралъ, воссоединеніе западно и южно-русскихъ областей, приобрѣтеніе гавани на Балтійскомъ морѣ и, какъ было упомянуто выше, обезпеченіе благосостоянія и безопасности русскаго юга.

Ни одна изъ этихъ задачъ не требовала отъ насъ войны съ Турціей. Даже на нашемъ югѣ намъ мѣшала, до эпохи Андрусовскаго мира, главнымъ образомъ, не Турція, а разбойничья Крымская орда.

Понятно, въ виду вышеизложеннаго, настойчивое нежеланіе московскаго правительства втянуться, изъ-за союза съ Польшей, въ вооруженное столкновеніе съ Турціей. Подтверждая андрусовскія постановленія съ преемникомъ короля Яна-Казимира, Михаиломъ Вишневецкимъ, царь совѣтовалъ королю, еще 14-го сентября 1670 года, обойтись дружески съ турецкимъ и крымскимъ дворами и не начинать противъ нихъ военныхъ дѣйствій.

Самъ султанъ пресѣкъ наши колебанія. Сосредоточивъ въ Добруджѣ войско, которое передъ тѣмъ, въ 1669 году, отняло у венеціанцевъ городъ Кандію, и усиливъ войско это отрядомъ изъ Малой Азіи, Магометъ IV перешелъ черезъ Дунай 1-го (11-го) іюля 1672 года во главѣ 100-тысячной арміи, вторгнулся сообща съ крымскимъ ханомъ въ Подолію и Галицію, подтвердилъ силой свои притязанія на Малороссію и тѣмъ вынудилъ насъ къ войнѣ съ нимъ.

Совѣтники Магомета IV единогласно уговаривали его не предпринимать этого черезчуръ дальняго похода, словно предугадывая, какой рядъ бѣдствій султанъ накликаетъ на Турцію, заставивъ Москву обнажить противъ нея оружіе.

Дѣйствительно, въ теченіе второй двухвѣковой половины упомянутаго періода, первоначальная политическая система Московскаго государства въ отношеніи Турціи постепенно затемняется западными вліяніями, и Россія ведетъ противъ Турціи 11 войнъ, всегда выгодныхъ для Западной Европы, малоприбыльныхъ для себя и почти смертельныхъ для Турціи.

Нападеніе султана составило *casus foederis* ¹⁾, предусмотрѣнный упомянутыми выше русско-польскими соглашеніями.

¹⁾ Обстоятельство, при которомъ договоръ подлежитъ исполненію.

30-го сентября 1672 года, была получена въ Москвѣ грамота польскаго короля о взятіи турками 17-го (27-го) августа Каменца-Подольскаго. Паденіе этой крѣпости открыло султану путь не только ко Львову и Варшавѣ, но и къ Чигирину, столицѣ Западной Украйны, и къ Кіеву.

Катастрофа не застала московскаго правительства врасплохъ.

Уже въ іюнѣ того же года имъ были приняты мѣры военной предосторожности со стороны Запорожья, а въ октябрѣ донскіе казаки съ калмыками начали довольно успѣшно оперировать противъ Азова. Еслибы удалось взять Азовъ, казакамъ предписывалось прочно засѣсть и держаться въ этой крѣпости.

Съ неменьшей рѣшительностью приступило московское правительство къ исполненію обязательства обратиться, въ виду нападенія турокъ, къ западно-европейскимъ государствомъ.

Оно распредѣлило всѣ европейскіе дворы, съ которыми надлежало снестись, между поименованными выше Менезіемъ, Украинцевымъ и Виніусомъ, которые должны были передать соотвѣтственнымъ правительствамъ тождественныя царскія грамоты отъ 11-го октября 1672 года. Цѣлью этого обращенія было выясненіе готовности западно-европейскихъ правительствъ оказать Польшѣ и Россіи военную помощь противъ Турціи и созваніе, по-нынѣшнему, европейскаго конгресса, для заключенія договора касательно совмѣстныхъ дѣйствій противъ султана.

Сношенія съ западными дворами были не въ диковину московскому правительству. Уже со времени Іоанна III московскіе государи обмѣнивались посольствами съ ближними и дальними своими «братьями». Въ 1648 году, при заключеніи Вестфальскаго мира, положившаго основаніе современному международному строю, имя московскаго великаго князя является въ числѣ союзниковъ и участниковъ «*foederati et adhaerentes*», включенныхъ въ общее замиреніе со стороны Швеціи. О счастливыхъ и горестныхъ событіяхъ въ царской семьѣ, о войнѣ и мирѣ, о торговлѣ, о выѣздѣ въ Москву офицеровъ, ученыхъ и ремесленниковъ, посылались и получались все чаще и чаще грамоты и посольства. Число и значеніе послѣднихъ въ XVII вѣкѣ легко объясняются важностью, которую имѣло для Европы появленіе на ея сѣверо-востокѣ сплоченнаго крѣпкаго, самобытнаго, разроставагося государства, уступавагося по цифрѣ населенія всего на 3 милліона Франціи—самой могущественной державѣ того времени ¹⁾.

Только съ папскимъ дворомъ не бывало у насъ давно сношеній, въ виду чего вопросъ, посылать ли царскую грамоту въ Римъ

¹⁾ Между 1696 и 1699 годами населеніе Франціи равнялось 19.094.146 человекъ. Levasseur. La population de la France avant 1789. Paris. 1892. Въ Россіи около 1672 года было не менѣе 16 милліоновъ жителей. П. Миллюковъ. Очерки по исторіи русской культуры. С.-Петербургъ. 1900. Часть I. Стр. 27.

къ папѣ, былъ предметомъ особаго доклада А. С. Матвѣева, 4-го октября 1672 года, въ селѣ Преображенскомъ, «въ то время, какъ у великаго государя было съ бояры сидѣніе».

Мотивы, приведенные Матвѣевымъ въ пользу сообщенія вышеизложеннаго царскаго обращенія и папѣ, заслуживаютъ полнаго вниманія.

Во-первыхъ, Матвѣевъ докладывалъ прецедентъ: ссылки съ папою были блаженныя памяти у великаго государя царя и великаго князя Иоанна Васильевича, всея Россіи самодержца, въ 1580 г. При этомъ было доложено, какъ тогда титуловали другъ друга въ грамотахъ царь и папа.

Далѣе, Матвѣевъ заявлялъ, что папа «будетъ радъ» присылкѣ государя о наступленіи султана на Польшу и о помощи противъ него, что папа «окрестныхъ государей для помощи противъ салтана турскаго подвигнетъ», и, наконецъ, что «не послушать его окрестнымъ государемъ будетъ не мочно».

Докладъ былъ одобренъ, и Менезію была дана грамота къ папѣ Клименту X такого же содержанія, какъ и къ другимъ государямъ.

Нравственное воздѣйствіе папы, имѣвшееся въ виду русскимъ правительствомъ, являлось въ особенности цѣннымъ для устраненія одного препятствія, которое могло помѣшать и, дѣйствительно, помѣшало осуществленію русскаго проекта. Это препятствіе было указано въ царскихъ грамотахъ и заключалось въ войнѣ, которую, какъ мы упомянули выше, Людовикъ XIV только что началъ противъ Голландіи.

Сама по себѣ, борьба на Рейнѣ не затрогивала русскихъ интересовъ, и потому осторожное и практичное московское правительство охотно отнеслось бы къ ней, какъ и къ прежнимъ войнамъ Людовика XIV, безучастно.

Но нападеніе султана вызвало необходимость для спасенія Польши и Малороссіи собрать воедино все христіанскія силы. Вслѣдствіе этого царь счелъ своевременнымъ и возможнымъ преподать французскому и англійскому королямъ и голландскимъ штатамъ совѣтъ мира и просить папу и прочихъ правителей содѣйствовать прекращенію усобицы и соединенію всехъ христіанскихъ силъ противъ общаго всемъ врага. Московское правительство оцѣнивало вполне вѣрно значеніе войны Людовика XIV съ Голландіей для нашихъ интересовъ въ Турціи: теперь извѣстно, что султанъ началъ походъ за Дунай только послѣ полученія, въ первыхъ числахъ іюня 1672 года, официальнаго извѣстія изъ Франціи объ открытіи военныхъ дѣйствій на Рейнѣ.

Венеціанскій посолъ въ Константинополь доносилъ по этому поводу: «турки радуются предпріятію Франціи и еще болѣе тому, что все христіанство подняло оружіе, дабы уничтожить само себя».

Послѣдовавшія событія доказали всю основательность русскихъ

Дворецъ Да-Мосто, гдѣ жилъ Менезіи въ Венеціи.
Съ фотографіи, снятой въ 1899 г.

желаній и опасеній. Людовикъ XIV не внялъ совѣту царя и папы. Онъ, въ надеждѣ поработить Европу, втянулъ за собою всѣхъ нашихъ сосѣдей въ войну, которая въ теченіе почти 30 лѣтъ отражалась неблагопріятно на ходѣ нашей борьбы съ Турціей и оказалась въ результатѣ пагубной для самой Франціи.

Кромѣ дипломатическаго порученія, на Менезія было возложено другое. Именно, ему было приказано, будучи за границей, «сыскавъ, приговорить великаго государя въ службу дву человекъ трубачей самыхъ добрыхъ, которые бѣ въ ученѣ свидѣтельствованы, на высокой трубѣ танцы трубить, да рудознатныхъ мастеровъ самыхъ добрыхъ, которые знаютъ золотую и серебряную руду, и плавильщиковъ человекъ дву или трехъ, или четырехъ».

Трубачи предназначались, вѣроятно, для театральныхъ представленій, которыя были введены при царскомъ дворѣ Матвѣевымъ, и на одномъ изъ которыхъ, 17-го октября 1672 года, въ селѣ Преображенскомъ, какъ кажется, присутствовалъ Менезій. Тутъ онъ пригласилъ ѣхать съ собою, въ качествѣ частнаго секретаря и курьера, извѣстнаго Рингубера.

Этотъ саксонскій медикъ, о которомъ о. П. Пирлингъ издалъ крайне интересную монографію ¹⁾, былъ ловокъ, вкрадчивъ, одаренъ острымъ умомъ и пылкимъ воображеніемъ и по окончаніи посольства Менезія присвоилъ себѣ самостоятельную дипломатическую миссію, бросающую, какъ мы увидимъ ниже, весьма любопытный свѣтъ на преобразовательные планы царя Алексѣя Михайловича.

Менезій выѣхалъ изъ Москвы 20-го октября 1672 года и слѣдовалъ на Новгородъ, Псковъ, Ригу, Митаву, гдѣ онъ представился курляндскому герцогу Якову, и Кенигсбергъ до Берлина, вмѣстѣ съ Виніусомъ. Во Псковѣ Павлу было дано, по его словамъ, «для малолюдства» двое стрѣльцовъ. Вся свита Менезія состояла изъ подьячаго Михаила Тарасова, упомянутаго выше Рингубера и еще 12 человекъ, число, по тогдашнему обычаю, не большое, но соответствовавшее его рангу не «посланника», а лишь «посланнаго», каковымъ себя официально называлъ Менезій.

Въ Берлинѣ Павелъ не засталъ курфюрста, который находился при войскахъ, отступавшихъ передъ французами. Менезій былъ принятъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ въ лагерѣ, при городѣ Билефельдѣ 6-го февраля 1673 года. Великій курфюрстъ (1620—1688) высказалъ полное сочувствіе желанію царя, но указалъ на невозможность для себя оказать Польшѣ дальнѣйшую вооруженную помощь противъ турокъ, пока не окончится война съ Франціей и Англіей, и просилъ царя о посредничествѣ съ послѣдними, «учинить» имъ «доброчаемое увѣщеваніе, дабы они вскорѣ покой (миръ съ нимъ) учинили».

¹⁾ Saxe et Moscou. Un médecin diplomate. Laurent Rinhuber de Reintufer. Paris. 1893.

Замокъ герцоговъ д'Эсте и Лукреціи Борджіа, гдѣ жилъ Менезій въ Феррарѣ.

Съ фотографіи, снятой въ 1899 г.

Въ Дрезденѣ курфюрстъ саксонскій, принявшій Менезія съ ышимъ почетомъ, «наивышѣе наказу»¹⁾, выразилъ также со- ствѣе предложенію московскаго правительства, но, какъ всегда, тавилъ свое рѣшеніе въ зависимость отъ образа дѣйствій импе- ора. Въ вѣнскомъ государственномъ архивѣ хранится неиздан- (переписка по этому предмету курфюрста и императора Леопольда. Въ Вѣнѣ Менезій былъ задержанъ около шести недѣль, но дставился императору только разъ, 15-го (25-го) апрѣля, такъ

¹⁾ То-есть, съ соблюденіемъ еще болѣе торжественнаго церемоніала, чѣмъ ѣ, который былъ установленъ «наказомъ» — инструкціей Менезія.

какъ отказался отъ прощальной аудіенціи, въ виду несогласія Леопольда I на нѣкоторыя требованія наши, касавшіяся церемоніала. О политическихъ дѣлахъ Менезій велъ переговоры съ вице-канцлеромъ, графомъ Кенигсэкъ, которому онъ написалъ три письма по-латыни очень изящнымъ слогомъ.

Изъ сохранившихся въ вѣнскомъ архивѣ документовъ видно, что имперское правительство отнеслось, вполне ошибочно, съ крайнимъ недовѣріемъ къ новой русской политикѣ. Оно опасалось, что намѣреніе московскаго правительства заступиться за Польшу и воевать впервые съ султаномъ — не искренно. При этомъ императоръ, войска котораго оперировали на Рейнѣ въ союзѣ съ Бранденбургомъ и Голландіей, но который былъ въ то же время связанъ съ Людовикомъ XIV секретнымъ договоромъ 20-го января 1668 года о раздѣлѣ испанскихъ владѣній, боялся усложнить еще болѣе свое положеніе, разорвавъ съ Турціей перемиріе, заключенное въ 1664 году на 20 лѣтъ. Поэтому въ Вѣнѣ былъ данъ на царскую грамоту дружественный, но уклончивый отвѣтъ.

Венеціанское правительство также выразило Менезію только платоническое сочувствіе. Сенатъ выслушалъ царское посланіе очень внимательно, но не выказалъ расположенія возобновить военныя дѣйствія съ турками. Въ 1672 году, Венеція, утомленная 25-лѣтней неудачной войной съ султаномъ, окончившейся утратой города Кандіи, не рѣшалась нарушить подписаннаго съ Турціей въ 1669 году мира.

Въ Венеціи, какъ и всюду, русскій посланный и его свита содержались на счетъ мѣстнаго правительства. Для Менезія было отведено помѣщеніе во дворцѣ Да-Мосто, гдѣ находилась гостиница Leon Bianco, на Большомъ каналѣ. Тамъ, въ 1668 году жилъ русскій дипломатъ Келдерманъ, а впоследствии гостили австрійскій императоръ Іосифъ II и великій князь Павелъ Петровичъ, когда онъ путешествовалъ съ супругой подъ именемъ «Графа Сѣвернаго». Мы прилагаемъ здѣсь видъ этого дворца.

На прощаніе Менезію была подарена золотая цѣпь, съ «гербомъ виницейскимъ», то-есть медалью.

Цѣпь эта составляла принадлежность стариннаго венеціанскаго «Ордена св. Марка», знаки котораго дожъ и сенатъ жаловали своимъ подданнымъ, а иногда и иностранцамъ, въ особенности дипломатамъ¹⁾. Экземпляръ — очень рѣдкій — этого ордена можно видѣть въ муниципальномъ музеѣ, въ Венеціи.

Венеціанскія суда доставили наше посольство до границы папской области, на южный берегъ рѣки По, близъ города Феррары.

Въ Феррарскомъ герцогствѣ, составлявшемъ ленное владѣніе папъ, господствовалъ съ XIII вѣка знаменитый родъ Д'Эстэ. По

¹⁾ Ricciotti Bratti. I Cavalieri di S. Marco. Venezia. 1898.

смерти герцога Альфонса II, женатаго на Лукреціи Борджіа и не оставившаго прямого потомства, папа Климентъ VIII подчинилъ Феррару, при содѣйствіи французскаго короля Генриха IV, непосредственному своему управленію. Молодой и привлекательный племянникъ папы, кардиналъ Петръ Алдобрандини, убѣдилъ вдову герцога уступить Феррару папѣ въ 1598 году, безъ войны. Съ тѣхъ поръ тамъ пребывалъ папскій губернаторъ-легатъ, каковымъ былъ въ 1672 году кардиналъ Сигизмундъ Киджи.

Послѣдній принялъ Менезіа съ большимъ почетомъ и помѣстилъ его сначала у себя въ замкѣ герцоговъ Д'Эстэ. Замокъ этотъ существуетъ до сихъ поръ и изображенъ на прилагаемомъ фотографическомъ снимкѣ.

Но здѣсь для посольства могло быть отведено только шесть комнатъ. Между тѣмъ, по этикету, Менезій потребовалъ для себя «особый дворъ». Согласно желанію Павла, его перевели со свитой въ одинъ изъ городскихъ монастырей.

Въ Феррарѣ Менезій, уже болѣвшій лихорадкой въ Венеціанской области, снова захворалъ и вслѣдствіе этого прожилъ больше мѣсяца. Средства, полученныя почти за годъ передъ тѣмъ въ Москвѣ, истощились, и Менезію пришлось, чтобы уплатить доктору и распорядиться на случай смерти, продать венеціанскую цѣпь за 120 червонныхъ золотыхъ. Наконецъ, 23-го іюля 1673 года Менезій выѣхалъ изъ Феррары и черезъ Равенну, Лоретто, гдѣ онъ поклонился дому Богородицы, Толентино и Терни, прибылъ 8-го (18-го) августа въ Римъ. Въ XVII вѣкѣ разница между старымъ стилемъ и новымъ составляла, какъ извѣстно, десять дней.

Во время слѣдованія черезъ Церковную область, папскіе губернаторы, по словамъ венеціанскаго посла при св. Престолѣ, «великолѣпно принимали» Менезіа (*l'hanno splendidamente trattato*).

Н. В. Чарыковъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

БОРЬБА СЪ ХУНХУЗАМИ НА МАНЧЖУРСКОЙ ГРАНИЦѢ ¹⁾.

VI.

Прибытіе норыхъ войскъ въ станицу Венюкову. — Казнь Зау-щена. — Проводы Джао-мяна въ Венюковѣ. — Его осторожность въ судѣ. — Буря. — Походъ казаковъ противъ хунхузовъ. — Разграбленіе лагеря. — Осмотръ китайцевъ въ станицахъ. — Предсмертная рѣчь Ян-долина. — Полеженіе китайскихъ рабочихъ.

ГЕНЕРАЛЪ Джао-мянъ все ближе и ближе подвигался со своимъ войскомъ къ станицѣ Венюковой. Сюда же стягивались и русскія войска. Съ Хора прибыли двадцать стрѣлковъ, а съ Имана, 2-го августа, пароходъ привезъ двѣ команды по 40 человекъ въ каждой изъ 8-го восточно-сибирскаго линейнаго баталіона. Одна — подъ начальствомъ поручика Любимова, другая — съ подпоручикомъ Ивашиненко. Всѣ части русскаго войска поступили подъ общее распоряженіе войскового старшины Ивана Котова. Смотръ этому войску сдѣлалъ 4-го августа самъ начальникъ края, С. М. Духовской. Онъ только что вернулся изъ Европейской Россіи и по дорогѣ въ Хабаровскъ посѣтилъ станицу Венюково. Вслѣдъ за нимъ сюда прибыло и китайское войско на пароходѣ «Ингода».

На общемъ совѣтѣ русскихъ офицеровъ съ генераломъ Джао-мяномъ былъ выработанъ планъ дальнѣйшей кампаніи противъ хунхузовъ. Рѣшено было преслѣдовать соединенными силами разбойниковъ на Норѣ и во всѣхъ пунктахъ, гдѣ они покажутся, и осмотрѣть паспорта всѣхъ китайцевъ, проживающихъ по Уссури.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», . LXXXII, стр. 177.

Теперь соединенное русско-китайское войско, считая и казаковъ, представляло въ Венюковѣ грозную силу для хунхузовъ въ 400 человекъ. Венюковцы успокоились и восторженно привѣтствовали китайскаго генерала. Джао-мянъ ко всѣмъ былъ очень внимателенъ и очаровалъ офицеровъ своею изысканною любезностью. Ему переданы были захваченные хунхузы. Изъ нихъ четверо тутъ же были допрошены генераломъ. Ловкими вопросами онъ скоро заставилъ ихъ сознаться и приговорилъ всѣхъ четырехъ къ смертной казни. Одного изъ нихъ, Зау-щена, рѣшили сейчасъ же казнить близъ станицы, а остальныхъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ хунхузы наиболѣе проявили себя дерзкимъ насиліемъ.

Зау-щенъ — рослый, коренастый китаецъ. Хорошо говоря по-русски, онъ служилъ три года у одного генерала въ Хабаровскѣ и имѣлъ отъ него одобрителный аттестатъ. Въ послѣднее время Зау-щенъ сдѣлался помощникомъ атамана хунхузовъ.

Казнили несчастнаго сами китайцы по обычаю своей страны отсѣченіемъ головы. Къ мѣсту казни собрались войска и жители станицы. Страшный процессъ отрубанія головы произвелъ на всѣхъ крайне непріятное впечатлѣніе. Многіе безъ содроганія не могутъ вспомнить этой ужасной картины. Хунхузу, очевидно, хотѣлось еще пожить на этомъ свѣтѣ. Онъ не вытягивалъ шеи, какъ это обыкновенно дѣлаютъ, чтобы при первомъ же ударѣ палача сразу отлетѣла голова, какъ подсѣченный кочанъ капусты. Напротивъ, онъ все время сжималъ ее и самъ весь ежился.

Палачъ размахнулся и сильно ударилъ мечемъ по шеѣ. Онъ сдѣлалъ рану, но головы не отрубилъ. Палачъ ударилъ второй разъ,—голова все еще держалась. Только съ третьимъ ударомъ голова отдѣлилась отъ туловища, и полился потокъ крови.

Нѣкоторые изъ русскихъ возмущены были открытою казнью, которая у насъ въ Россіи запрещена въ послѣднее время. И вообще венюковцамъ непріятно было видѣть, какъ ихъ земля обагрилась кровью иноплеменнаго преступника. Вѣдь могъ бы генераль Джао-мянъ казнить хунхуза на своей сторонѣ въ присутствіи русскихъ войскъ, а не при всей станицѣ, при женщинахъ и дѣтяхъ.

Относительно остальныхъ 14-ти хунхузовъ генераль Джао-мянъ не далъ окончательнаго приговора, желая удостовѣриться въ ихъ виновности по опросѣ китайскихъ солдатъ, остававшихся около станицы Козакевичевой.

Генераль Джао-мянъ поблагодарилъ русское войско за его молодецкую побѣду и далъ раненому рядовому Вешкурцеву 100 рублей награды, а семьѣ убитаго Лапина назначилъ 200 рублей. Своимъ внимательнымъ обращеніемъ и любезностью онъ обворожилъ всѣхъ русскихъ. Его окружили солдаты и казаки со своими семьями и шумно съ криками «ура» проводили до парохода «Ингода».

Интересно поведеніе генерала Джао-мяна относительно аресто-

ванныхъ хунхузозъ. Нѣкоторые изъ русскихъ, особенно одинъ горячій офицеръ, настаивали расправиться съ ними въ 24 часа. Обыкновенно вѣжливый и предупредительный, на этотъ разъ китайскій генералъ наотрѣзъ отказался отъ такого скорого суда.

— Если вы желаете, я могу вамъ возвратить захваченныхъ хунхузозъ, и вы дѣлайте съ ними, что найдете нужнымъ. Только меня ужъ устранили отъ всякаго участія. Но такъ какъ вы хотите, чтобы предалъ ихъ казни я, то позвольте мнѣ самому сперва основательно разслѣдовать дѣло и выяснитъ виновность каждаго хунхуза.

Такимъ поведеніемъ онъ еще больше расположилъ къ себѣ русскихъ, и они стали съ уваженіемъ относиться къ нему, какъ къ справедливому и талантливому человѣку. Своими допросами, говорить, онъ всегда доводилъ обвиняемаго до признанія.

Русское войско не сразу двинулось изъ Венюковой станицы. Почему оно медлило,—съ положительностью трудно сказать. Давали слишкомъ много разныхъ объясненій. Одни говорили, что генералу Джао-мяну не желательно, чтобы русскія войска заходили въ глубь китайскаго материка, другіе находили причины въ разногласіи вождей... Были и инныя объясненія, между прочимъ ссылались и на проливные дожди, и на ожиданіе провіанта изъ Хабаровска, и проч.

Въ ночь на 7-е августа разразилась страшная буря. Волна поднялась на Уссури, какъ на морѣ. Большія деревья выворачивались изъ земли съ корнемъ, а кустарникъ стлался, какъ трава. Надъ рѣкой образовалась какъ бы пелена изъ воды отъ верхушекъ волнъ, сорванныхъ яростнымъ вѣтромъ. Замѣчательно, что въ то же время было ясное небо, и температура доходила до 36°.

Эта буря была слѣдствіемъ тайфуна, проходившаго на 150 миль южнѣ Владивостока. Она произвела ужасныя бѣдствія въ Уссурійскомъ краѣ, особенно въ долинѣ рѣки Суйфуна. Залиты были села Никольское, Раздольное, Полтавское, смыто было много домовъ, скота, хлѣба и сѣна, испорчены были телеграфъ, полотно желѣзной дороги, мосты, а главное—погибло много людей.

Въ этотъ памятный день, когда разбушевалась стихія, начальникъ Козловскаго участка, сотникъ Александръ Токмаковъ, узнаетъ, что напротивъ станицы Васильевской расположилась лагеремъ большая партія хунхузозъ. Онъ немедленно собралъ 40 человѣкъ льготныхъ казаковъ изъ станицъ Лончаковой, Козловской и Васильевской и двинулся съ ними по указаніямъ развѣдчиковъ къ палаткамъ хунхузозъ. Казаки хотѣли захватить ихъ врасплохъ спящими, но неудобопроходимая мѣстность помѣшала имъ явиться ночью. Только на разсвѣтѣ они подкрались къ палаткамъ, хорошо замаскированнымъ зеленою кустовъ. Ихъ выдали струйки дыма очаговъ, вырытыхъ прямо въ глинистой землѣ. Русскіе подошли какъ

разъ во время смѣны часовыхъ. Не выждавъ времени, нѣкоторые казаки погорячились и открыли пальбу. Хунхузы проснулись, бросились къ оружію и полуодѣтые и босые стали отстрѣливаться. Русскіе кинулись на ура. Хунхузы не выдержали молодецкаго натиска и бросились бѣжать, оставивъ все свое богатство въ добычу казакамъ. Въ палаткахъ нашли много провизіи и оружія.

Станицы обрадовались, что этотъ походъ обошелся безъ жертвъ: ни одна казацкая семья не осиротѣла, даже никто не былъ раненъ. Въ этомъ случаѣ надо отдать справедливость сотнику Токмакову, который берегъ людей и заботился, чтобы изъ-за шальной пули разбойника не погибъ казакъ-семьянинъ.

Прежде чѣмъ отправиться въ походъ противъ хунхузозъ, сотникъ Токмаковъ по телеграфу далъ знать объ этомъ въ Венюково. Тогда генераль Джао-мянъ распорядился оставить небольшой отрядъ китайцевъ на Норѣ, а съ остальными немедленно поплылъ вверхъ по рѣкѣ Уссури къ станицѣ Васильевской.

По дорогѣ, зайдя въ Лончакову, генераль арестовалъ двухъ приказчиковъ-китайцевъ, отпускаяшихъ товаръ хунхузамъ. Долго они стояли на колѣняхъ предъ генераломъ, но тотъ остался немолчимъ.

Въ слѣдующей станицѣ Козловской, узнавъ, что сотникъ Токмаковъ со своими казаками самъ отлично справился съ хунхузами, генераль Джао-мянъ рѣшилъ продолжать свой осмотръ станицъ.

Въ Васильевской онъ осмотрѣлъ паспорты китайцевъ и лавочныя записи, а въ Покровской приказалъ поставить арестованнаго хунхуза Ян-долина на очную ставку съ атаманомъ станицы. Последний призналъ въ Янъ-долинѣ того самаго хунхуза, который взялъ отъ него расписку въ гольдской деревнѣ 23-го іюля. Ян-долинъ и самъ признался, что онъ хунхузъ, и просилъ поскорѣе казнить его. Сначала видъ этого худощаваго китайца былъ ужасенъ: онъ корчился и представлялся умирающимъ человѣкомъ. Когда же назначена была ему казнь, онъ вдругъ оживился и сталъ разговаривать.

На этотъ разъ русскихъ станичныхъ жителей избавили отъ тяжелаго зрѣлища и повезли Ян-долина на китайскую сторону въ гольдскую деревню, гдѣ хунхузы арестовали казаковъ, грабили гольдовъ и убили корейцевъ.

Предъ казнью Ян-долину дали водки и закусокъ. Онъ хорошо поѣлъ и выпилъ и принялся окружающимъ солдатамъ и манзамъ рассказывать о своей жизни, полной интересныхъ приключеній. Весь его рассказъ былъ восхваленіемъ хунхузской жизни. Вотъ что переводчикъ гольдъ передалъ поручику Михайлову.

«Ян-долину только 28 лѣтъ. Ему не посчастливилось, и онъ долженъ сегодня умереть. Онъ объ этомъ не жалѣетъ, такъ какъ

десять лѣтъ пожилъ хорошо: всегда имѣлъ деньги, хорошо одѣвался и загубилъ на своей жизни около 70 человекъ. Теперь семьдесятъ первымъ умретъ онъ».

Эта предсмертная автобіографія въ разныхъ редакціяхъ прошла по всей рѣкѣ Уссури. Но всегда въ ней особенно подчеркивалось:

«Какъ хорошо жить хунхузамъ: денегъ всегда много; въ карты играешь—не боишься, что проиграешься; ханьшины пьешь сколько хочешь; опиумъ куришь, когда пожелаешь; бабушку¹⁾ тоже имѣешь» и т. д.

Часа два Ян-долинъ восхвалялъ хунхузскую жизнь. Затѣмъ поклонился въ ноги Джао-мяну, поправилъ свои чулки и башмаки и пошелъ къ мѣсту казни.

Казнь происходила по извѣстному китайскому порядку. Хунхузъ сталъ на колѣни и вытянулъ шею. Палачъ взмахнулъ мечемъ и сразу съ одного маха отрубилъ ему голову. Окружающіе его пять человекъ солдатъ въ этотъ моментъ сдѣлали по выстрѣлу вверхъ. Сейчасъ же тѣло зарыли въ землю, а голову повѣсили на дерево на устрашеніе китайскихъ подданныхъ.

Ни объ одной казни хунхузовъ такъ много не говорили между собою манзы-работчіе на линіи желѣзной дороги, какъ о казни Ян-долина. Очевидно своею рѣчью о прелестяхъ хунхузской жизни онъ сдѣлалъ сильное впечатлѣніе. И на самомъ дѣлѣ какой контрастъ съ хунхузскою жинью неприглядная жизнь рабочаго китайца! Рано утромъ его грубо вытолкнулъ на линію, гдѣ онъ методично копается цѣлый день въ липкой землѣ. Частые дожди дѣлаютъ невылазную грязь. Самъ онъ весь оборванъ и перепачканъ. А комаръ и мошка ни на минуту не даютъ покоя. Его столъ изо дня въ день чашка, другая буды. Спитъ онъ въ тѣсномъ баракѣ среди невѣроятной духоты и табачнаго дыма. Полное отсутствіе женщинъ. Получаетъ гроши, да и тѣ снесетъ въ лавочку подрядчику за табакъ и др. мелкія покупки, на которыя наложены такія высокія цѣны, что заработанныя деньги черезъ лавочку опять идутъ въ руки подрядчика.

Разсказываютъ про одного изъ подрядчиковъ Уссурійской дороги, какъ онъ разсчитывается съ манзами въ концѣ рабочаго сезона.

— Ну, А-фо, тебѣ остается дополучить за работу восемь рублей, а по лавочной книжкѣ числится за тобою пятнадцать рублей сорокъ копеекъ, такъ что ты долженъ мнѣ семь рублей сорокъ копеекъ. Такъ?

Китаецъ молчитъ и тупо смотритъ на подрядчика.

¹⁾ Бабушками манзы называютъ женщинъ вообще. Въ Уссурійскомъ краѣ имъ случается жениться на ороченкахъ, гольдячкахъ или корейкахъ.

— Что же мнѣ съ тобою дѣлать?

Китаецъ невозмутимо молчитъ.

— Ну, вотъ что, А-фо, эти деньги ты отработаешь въ будущемъ году. Я тебѣ повѣрю. Слышишь? Шанго ¹⁾?

— Шанго, шанго!—спѣшитъ согласиться китаецъ.—Моя нѣту денегъ на дорогу...

— На дорогу? Ну, вотъ тебѣ десять рублей. Только ты и ихъ отработаешь въ будущемъ году.

Китаецъ благодарить и уходитъ сіяющій.

— Какой хорошій человѣкъ,—разсказываетъ онъ потомъ про подрядчика:—и въ долгъ повѣрилъ, и денегъ далъ на дорогу!

При такомъ расчетѣ подрядчикъ не въ убыткѣ, и китаецъ остается доволенъ имъ. Но иной, особенно изъ мелкихъ подрядчиковъ, не такъ тонко обходится съ манзою, а просто не додастъ ему условленной платы и грубо прогонитъ вонъ. О недоплатѣ подрядчиками заработанныхъ денегъ часто поступали жалобы къ начальству желѣзной дороги.

Большинство манзъ уѣзжаетъ на зиму въ Китай, но немало ихъ остается и въ Уссурійскомъ краѣ, и здѣсь они кое-какъ пробиваются на поденныхъ работахъ, а иногда и милостынею.

Эти несчастные манзы, ведя полускотовскую жизнь въ мокрой тайгѣ, какія имѣютъ радости жизни? Какія у нихъ радужныя мечты? Куда направлены ихъ умъ и сердце? Что они видятъ въ будущемъ?... Неудивительно, если манзы увлекаются разсказомъ Ян-долина. Имъ рисуется жизнь, полная разныхъ удовольствій и приключеній, полная своего рода геройской борьбы и драмы, а иногда—разгула. И не одному китаецу западаетъ на сердце мысль—бросить эту мертвящую жизнь на желѣзной дорогѣ и итти къ хунхузамъ. Хотя годъ, да пожить интересно! А не понравится—можно снова вернуться на работы въ тайгу, гдѣ онъ опять поищетъ случая напиться сѣли, накуриться опиума, забыться, обезумѣть... Только прирожденная манзамъ апатія до нѣкоторой степени удерживаетъ ихъ бѣжать въ шайку разбойниковъ, но если бы они имѣли хоть какойнибудь «смыслъ жизни», они и не подумали бы хунхузить.

¹⁾ Шанго—хорошо.

VII.

Походъ русскихъ на китайской территоріи.—Уссури вечеромъ.—Прибытіе Джао-мяна въ Щебенчиху.—Трубные звуки.—Китайское воинство.—Джао-мянь начальникъ.—Плѣнные хунхузы.—Въ погонѣ за хунхузами.—Новый походъ на китайской сторонѣ.—Пораженіе хунхузовъ.—Раненый китаецъ.

Изъ станицы Покровской русской отрядъ 10-го августа двинулся по направленію къ Нору на соединеніе съ китайскимъ войскомъ, вышедшимъ изъ Козловской. Отрядъ при себѣ имѣлъ двухъ лошадей, навьюченныхъ провіантомъ на пять дней, и двухъ проводниковъ изъ гольдовъ. Предстояло итти по пустыннымъ мѣстамъ низменной китайской территоріи, залитой наводненіемъ рѣки Уссури. Во все время трехдневнаго перехода дождь почти не переставалъ. Небольшія пересыхающія протоки превратились въ рѣчки. Ихъ перешивали или вплавь, или на срубленныхъ деревьяхъ. Переходъ былъ очень тяжелый. Проводники-гольды два раза сбивались съ дороги. Офицеры сами выбирали направленіе по компасу и картѣ. Полагали, что разсѣянные хунхузы могли находиться теперь только въ этомъ районѣ за рѣкой Уссури, но на всемъ пути не встрѣтили ни человѣка, ни звѣря. Только изрѣдка пролетитъ надъ головами голенастая цапля, или со свистомъ вырвутся кулички изъ осоки. Мокрая пустыня истомила путниковъ, и они очень обрадовались, когда 12-го августа въ 10 часовъ утра услышали въ лѣсу звуки трубы. Это былъ условленный сигналъ китайскаго отряда, чтобы ихъ не приняли за хунхузовъ. Русскіе сигналисты отвѣтили имъ, и только тогда оба отряда соединились вмѣстѣ и вышли къ деревнѣ Норъ, гдѣ ихъ поджидалъ генераль Джао-мянь на пароходѣ «Ингода», вернувшійся изъ станицы Покровской.

Въ этотъ день, 12-го августа, я вышелъ изъ Имана съ тремя баржами на буксирѣ. У меня на пароходѣ былъ докторъ Т., командированный генераль-губернаторомъ для изслѣдованія эпидеміи въ поселкѣ Медвѣжьемъ. Мы шли внизъ по теченію въ Щебенчиху. Среди дня бушевала гроза, но въ общемъ погода была хорошая. Меня задержала немного возня съ баржей. Пришлось остановиться, исправить на ней помпы и выкачать изъ нея воду пароходнымъ рукавомъ.

Чудный вечеръ вызвалъ всѣхъ на палубу. Мы любовались зелеными берегами рѣки и разсматривали породы деревьевъ. Вѣдь это здѣсь можно видѣть «сѣверную ель, обвитую виноградомъ». И только здѣсь рядомъ съ кедромъ высятся грецкій орѣшникъ и пробковое дерево! Разные виды ивъ и березъ, осины, ильмы, вязы, липы, ясени, дубы, яблони и черемухи попеременно или отдѣльными кучами образуютъ красивыя рощи, гдѣ одинаково

прогуливаются и медвѣдь, и тигръ, и соболь. Это причудливое сочетаніе сѣверной фауны и флоры съ южной всегда поражало ученыхъ путешественниковъ.

Большая вода позволяла проходить около самаго берега. Низкіе острова, покрытые тальникомъ, едва выдѣляются надъ водою верхушками кустовъ. Только тѣ, которые повыше, гордо возвышаются ивами и черемухой среди сплошной таволги. Солнце уже опустилось за горы, и долины наполнились темными полосами тѣни. Картина рѣки стала еще красивѣе. Мы не сходимъ съ палубы и тихо разговариваемъ. Вдругъ раздался странный звукъ шлепанья по водѣ. Я бросился на носъ парохода и увидѣлъ большую рыбу, на половину высунувшуюся. Она дѣлала отчаянныя усилія выпрыгнуть изъ воды, но что-то ее удерживало за хвостъ. Пока мы проходили мимо ея, она описывала большіе круги, не погружаясь въ воду.

— Что это значитъ?—спрашиваю своего рулевого гольда.

— Это ее за хвостъ хватилъ бѣлуга. Вотъ она и бьется, чтобы вырваться изъ зубовъ большой рыбы.

Было полнолуніе. Красноватый шаръ луны сталъ вылѣзать изъ-за деревьевъ, и одновременно потянулась бѣловатая пелена тумана надъ рѣкою. Къ полночи онъ настолько сгустился, что надо было стать на якорь недалеко отъ гольдской деревни, гдѣ показались хунхузы 22-го іюля. Черезъ полчаса ночной вѣтерокъ нѣсколько разогналъ туманъ и далъ намъ снова сняться съ якоря и поплыть внизъ по теченію.

Утромъ мы прибыли къ желѣзнодорожной пристани въ Щebenчихѣ. Ошвартовавъ баржи, я далъ командѣ отдыхъ. Былъ теплый ясный день. На рѣкѣ полное затишье. Такъ все мирно, спокойно. Докторъ Т. сидѣлъ со мною за столомъ въ каютѣ-компаніи и рассказывалъ о своемъ путешествіи по Индіи. Вдругъ раздаются странные неслыханные звуки трубы. Мы вышли на палубу. Предъ нами открылась оригинальная картина. Прямо къ нашему берегу среднимъ ходомъ мѣрно идетъ пароходъ «Ингода», а за нимъ на буксирѣ двѣ шаланды съ высокими мачтами. На всѣхъ трехъ судахъ множество народу. На мостикѣ парохода, кромѣ командира, стоятъ три офицера; между ними выдѣляется одинъ изъ офицеровъ ярко-зеленою рубахой и зеленой фуражкой, т. е. въ костюмѣ охотничьей команды. На палубѣ китайцы и русскіе. На первой шаландѣ тѣнятся китайскіе солдаты. Одѣты они, какъ и всѣ манзы, въ синія рубахи, въ синіе штаны съ черными наколѣнниками, или арамузами, только на головѣ какая-то темная повязка неопредѣленнаго цвѣта. У нѣкоторыхъ въ рукахъ ружья. На носу шаланды стоятъ два китайскихъ горниста и трубятъ въ длинныя прямыя трубы. Они вытянули ихъ впередъ и на подобіе архангеловъ возвѣщаютъ пришествіе страшнаго суда генерала Небесной имперіи. Эги слыш-

комъ двухаршинныя трубы издають только три ноты (до-соль-до), но въ ихъ сочетаніи есть что-то заунывное и въ то же время страшное.

Говорятъ, что этотъ мотивъ китайцы извлекають изъ своихъ длинныхъ трубъ передъ казнью. Воображаю, какъ испугались и попрятались манзы на берегу Щебенчихи! Вѣроятно, не у одного китайца прошелъ морозъ по кожѣ при этихъ звукахъ: страшный генераль ихъ пріѣхалъ чинить судъ и расправу. Онъ казнилъ уже двухъ хунхузовъ въ станицахъ Венюковой и Покровской; не пріѣхалъ ли онъ и сюда за тѣмъ же?

На второй шаландѣ стояли русскіе солдаты. Между ними торчали ружья со штыками. У нѣкоторыхъ солдатъ зеленыя рубахи и шапки подъ цвѣтъ травы, чтобы лучше скрываться въ кустахъ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ.

Мы поѣхали на пароходъ «Ингода», какъ только присталъ онъ къ берегу. Биткомъ набить! Кромѣ пароходной прислуги, тутъ и русскіе солдаты, и китайскіе, и офицеры, и плѣнные хунхузы. Я сначала поинтересовался китайскимъ войскомъ. Большинство въ обыкновенныхъ манзовскихъ костюмахъ, но встрѣчаются и въ синихъ юбкахъ съ красною обшивкою. На нѣкоторыхъ еще свѣжи нагрудные знаки—надписи изъ кумача, нашитые на рубаху, но чаще встрѣчаются истрепанные и замаранные, такъ что не отличишь отъ порванной заплата. Многіе вооружены винчестерами. Въ поясахъ патроны.

Одни назвали мнѣ солдатъ, принадлежащихъ къ разряду люиновъ, или войскъ зеленого знамени, другіе же указывали на солдатъ изъ разряда ю-новъ, лучшаго китайскаго войска. Всѣ они служатъ по вольному найму и получаютъ около 8 рублей въ мѣсяць. Офицеры производятся изъ нижнихъ чиновъ. Ихъ жалованье около 24 рублей въ мѣсяць. Злоупотребленія въ китайскихъ войскахъ часты. Солдаты не всегда получаютъ назначенное жалованье. Въ мирное время военачальники не держатъ полного числа войска, положеннаго по штату, удерживая отпускаемыя суммы денегъ за собою. Праздность китайскихъ солдатъ на службѣ возвращаетъ ихъ, и они по выходѣ въ отставку охотно идутъ бродяжничать и хунхузить.

Генераль Джао-мянъ держалъ себя очень строго съ подчиненными. За малѣйшій поступокъ нижнихъ чиновъ приказывалъ наказывать ихъ палками, впрочемъ и офицеры не могли себя считать свободными отъ этого наказанія. Съ гражданскими чиновниками Джао-мянъ былъ болѣе вѣжливъ. Это отношеніе генерала къ своимъ подчиненнымъ отражалось и на солдатахъ. Они оказывали вѣжливое вниманіе къ своимъ гражданскимъ чиновникамъ и пренебрегали офицерами.

Съ русскими Джао-мянъ былъ крайне любезенъ, предупреди-

теленъ и вѣжливъ до приторности. Напримѣръ, онъ не сѣдился, пока русскій офицеръ стоялъ на ногахъ и не догадается первый сѣсть на стулъ.

Насъ болѣе всего интересовали пойманные хунхузы, и мы попросили позволенія осмотрѣть ихъ. Оказывается, они и не были запрятаны гдѣ нибудь въ трюмъ парохода. Просто на палубѣ между кожухами гребныхъ колесъ усадили ихъ рядами. Такъ вотъ они, страшные хунхузы! Съ виду обыкновенные манзы: иные спятъ, иные спокойно покуриваютъ свои трубочки. На ногахъ желѣзные кандалы. Лопатки рукъ стянуты назадъ веревкою, и конецъ ея идетъ кверху подъ мостикъ, гдѣ онъ привязанъ къ желѣзному кольцу-рыму. Только одинъ старый китаецъ, тоже связанный, стоитъ на ногахъ. Это, говорятъ, купецъ, поставщикъ хунхузовъ.

Я внимательно всматриваюсь въ ихъ лица и стараюсь прочесть на нихъ тревожное состояніе передъ ожидаемою смертью; но они совершенно спокойно смотрятъ на меня, время отъ времени флегматично затягиваясь дымомъ.

На пароходѣ страшная толкотня и обычная грязь при такомъ многолюдѣ. Насъ обступили офицеры и отвѣчали на наши разспросы. Но тутъ вскорѣ произошло какое-то движеніе, и намъ объявили, что пароходъ сейчасъ снимается и уходитъ внизъ по рѣкѣ. Мы не разспрашивали: куда уходитъ? зачѣмъ? Можетъ быть, Джао-мянъ умышленно скрываетъ свои движенія отъ мѣстныхъ китайскихъ жителей, чтобы они не могли предупредить хунхузовъ.

Не успѣли мы съѣхать на берегъ, какъ «Ингода» быстро снялся и полнымъ ходомъ понесся внизъ по теченію со своими шаландами.

Многіе манзы на берегу вздохнули облегченно... Куда-то теперь пошелъ пароходъ? Гдѣ-то будетъ трубить синее воинство Небесной имперіи?

Оказывается, генераль Джао-мянъ получилъ извѣстіе изъ станицы Козакевичевой о новомъ появленіи хунхузовъ въ Амурской протоцѣ, которые ограбили шаланду съ мукой близъ фанзы Сеюнь.

Хунхузы живучи, какъ многоголовая гидра. Покажутся они въ одномъ мѣстѣ,—солдаты бросятся туда, разсѣютъ ихъ, а они въ это время подымаютъ уже другую голову гдѣ нибудь версть за полторасти или двѣсти. Солдаты немедленно бросаются на новое мѣсто, а хунхузы подымаются въ третьемъ. И нельзя уловить прямой связи между разрозненными бандами. Оставалось только размѣстить по всей рѣкѣ сторожевые отряды, съ назначеніемъ каждому особеннаго района для охраны. Такъ и сдѣлалъ генераль Джао-мянъ. На Норѣ былъ уже китайскій отрядъ. Рѣшено теперь оставить въ Венюковѣ команду подпоручика Ивашиненко, потому что пойманные хунхузы признались: у нихъ было намѣреніе собраться всѣмъ отдѣльнымъ партіямъ вмѣстѣ, внезапно напасть ночью на

Венюкову, сжечь ее и разграбить. Остальныя русскія команды отправились съ Джао-мяномъ въ ст. Козакевичеву, куда прибыли въ самый день праздника Успенія Божіей Матери 15-го августа. Несмотря на сильный вѣтеръ и крупное волненіе на рѣкѣ, отряды войскъ отважно переправились на китайскую сторону и тотчасъ двинулись въ походъ. Русскіе прошли до Амурскихъ горъ противъ поселка Забѣлова, а потомъ, повернувъ на востокъ, до Бѣлой рѣчки. Далѣе двигаться было невозможно: вся мѣстность была залита водою. 17-го августа войсковою старшина Котовъ приказалъ подпоручику Михайлову взять въ проводники извѣстнаго уссурійскаго охотника, казака Соснина, и вдвоемъ отправиться верхами на развѣдки.

Ночью, 18 августа, они вернулись, не замѣтивъ здѣсь, въ залитой равнинѣ, покрытой тростникомъ, осокой и ситовникомъ, ни малѣйшаго признака присутствія людей.

Послѣ утомительныхъ, но безплодныхъ поисковъ въ этой пустынѣ со множествомъ протоковъ, большихъ и малыхъ озеръ, 19 августа отрядъ повернулъ обратно въ ст. Козакевичеву, куда прибылъ на другой день вечеромъ.

Этотъ походъ русскимъ даромъ не обошелся: вѣроятно, отъ сильнаго переутомленія проводникъ Соснинъ 21 августа скоропостижно умеръ.

Пока русскіе искали хунхузовъ около Амурской протоки, китайскому отряду на Норѣ донесли о новой шайкѣ хунхузовъ на сулевоу (водочномъ) заводѣ, въ 80 верстахъ вверхъ по Нору.

Въ ночь на 25 августа китайскіе солдаты съ трехъ сторонъ окружили заводъ и открыли огонь. Хунхузы, отстрѣливаясь, бросились въ лѣсъ. Ихъ энергично преслѣдовали и захватили въ плѣнъ 8 человекъ и множество оружія, преимущественно—берданокъ.

Эта удачная побѣда вскружила головы китайцамъ, хотя обошлась она имъ не даромъ: двое были опасно ранены, а одинъ убитъ наповаль. Хунхузовъ же было убито 19 человекъ. Попались въ плѣнъ атаманъ шайки и его помощники. Имъ солдаты перебили ноги и надѣли колодки.

При первомъ извѣстіи о хунхузахъ на Норѣ русскій отрядъ изъ ст. Козакевичевой немедленно отправился къ устью этой рѣки. 26 августа, русскіе выступили въ походъ вверхъ по Нору, но было уже поздно: на встрѣчу плыли по рѣкѣ китайскія войска съ плѣнными хунхузами.

На другой день подъѣзжаетъ къ Щепенчихѣ лодка. Въ ней раненый китаецъ въ сопровожденіи русскаго солдата.

У китаецъ въ послѣдней схваткѣ на Норѣ пуля пробила оба колѣна. Отъ сильной боли и большой потери крови раненый находился въ безсознательномъ состояніи. Его отправили сюда, потому что въ трехъ верстахъ отъ пристани находилась желѣзнодоро-

рожная больница. Я распорядился положить больного на вагонетку и сейчас же отправилъ его по рельсовому пути въ больницу къ врачу Вас. Андр. Мыльцеву. Одна нога была въ ужасномъ видѣ, и ее немедленно пришлось отнять. Хотѣли отнять и другую ногу, но боялись, что больной при большой потерѣ крови не выдержитъ второй операціи.

Китаецъ, придя въ себя, горько заплакалъ и сталъ жаловаться, зачѣмъ у него отняли ногу.

— Надо и другую отнять, иначе ты умрешь, — отвѣтилъ ему врачъ.

— Нѣтъ, лучше я умру; но только не отнимайте у меня ноги!

Вообще китайцы по какому-то вѣрованію предпочитаютъ скорѣе умереть, чѣмъ быть увѣчными.

VIII.

Захватъ атамана хунхузовъ.—Охрана русской границы.—Осмотръ селеній.—Наемъ гольдговъ.—Преслѣдованіе манъ.—Осмотръ иманскихъ рабочихъ.—Наказаніе бамбуками офицера.—Военные посты по Уссури.—Пріѣздъ С. М. Духовского въ Венюкову.—Осмотръ китайцевъ въ Хабаровскѣ.

Генераль Джао-мянъ шумно праздновалъ съ китайцами свою побѣду надъ хунхузами. Свои восторги онъ выражалъ открыто и хвалился передъ русскими офицерами, что и его войско способно побѣдить хунхузовъ. Больше же всего радовалъ китайцевъ захватъ знаменитаго хунхузскаго атамана. Это былъ не молодой, но еще бра- вый, бойкій и даже веселый мужчина. Онъ, какъ большинство хунхузскихъ атамановъ, прекрасно говорилъ по-русски. Такъ какъ зимой тяжело шлѣться по снѣжнымъ пустынямъ въ горахъ и лѣ- сахъ, то онъ распускалъ свою шайку по городамъ и селеніямъ Амурскаго бассейна, а самъ уходилъ въ Айгунъ, гдѣ поступалъ на сцену актеромъ. Такимъ образомъ онъ благополучно хунхузилъ вотъ уже 30 лѣтъ. Участвовалъ въ знаменитой рѣзнѣ села Николь- скаго въ 1868 году.

Эта побѣда китайцевъ, по числу убитыхъ и плѣнныхъ хунху- зовъ, превышающая побѣду русскихъ 28 іюля, подлила масла въ огонь соревнованія двухъ разноплеменныхъ войскъ. Стали подозрѣ- вать, что Джао-мянъ умышленно не допускалъ русскихъ въ глубь Китая, чтобы ему одному пожинать лавры побѣды.

Начальникъ русскихъ войскъ, войсковой старшина И. Котовъ, распорядился поставить посты по всему китайскому берегу, начи- ная отъ станицы Козловской, вверхъ до Нижне-Никольской на про- тяженіи болѣе 40 верстъ. Этою мѣрою онъ рассчитывалъ не допу- стить остаткамъ разбитыхъ хунхузовъ пробраться на русскую сто-

рону. Кому-то показалось, что хунхузы послѣ сраженія 25 августа бросились бѣжать къ рѣкѣ Уссеури. На самомъ же дѣлѣ они ушли въ глубины Манчжуріи и скрылись безслѣдно. Русскіе простояли на границѣ дней восемь, напрасно ожидая появленія непріятеля.

Джао-мянъ еще продолжалъ осмотръ селеній и отдѣльныхъ фанзъ. Его пароходъ «Ингода», постоянно переходя съ одного берега на другой, нагналъ страха всѣмъ прибрежнымъ манзамъ. По всей линіи желѣзной дороги были пущены китайскіе сыщики. Теперь было трудно укрываться хунхузамъ на русской сторонѣ. Но этого мало, Джао-мянъ нанялъ гольдовъ—старинныхъ враговъ хунхузовъ. Ихъ вооружили винтовками и назначили по сто рублей награды за голову каждаго хунхуза. Гольды бросили свою рыбную ловлю и охотно шли на новый промыселъ.

Началась отвратительная охота на людей на китайской сторонѣ. Хватали чуть не каждаго встрѣчнаго манзу, связывали ему руки и приводили къ генералу Джао-мянъ, который набралъ такимъ образомъ разныхъ бродягъ нѣсколько десятковъ человѣкъ.

Мнѣ приходилось встрѣчать по берегу рѣки гольдовъ, важно выступающихъ попарно со своими винтовками на плечахъ и съ трубками въ зубахъ. Каждый изъ нихъ высматривалъ героемъ. На разспросъ они охотно отвѣчали, но съ сознаниемъ собственнаго достоинства. Въ ихъ разсказахъ всегда они были храбрыми, какъ тигры, а хунхузы—трусливыми, какъ зайцы. Но этимъ самохвальнымъ разсказамъ, конечно, не очень вѣришь.

Встрѣчалъ также вооруженныхъ гольдовъ цѣлыми партіями въ лодкѣ. Я сначала не зналъ, въ чемъ дѣло, и принималъ ихъ самихъ за хунхузовъ, но, приблизясь къ нимъ, узнавалъ гольдовъ по ихъ войлочнымъ шапкамъ съ отогнутыми полями вверхъ. Среди нихъ случалось видѣть и женщинъ съ большими сережками въ ушахъ. Онѣ обыкновенно сидѣли за веслами.

Жалко было видѣть этихъ туземцевъ не за своимъ дѣломъ. Какъ разъ теперь начался ходъ кэты—главной рыбы инородцевъ, которой они дѣлаютъ себѣ запасы на всю зиму. Хотя вялятъ кэту и для себя, и для собакъ женщины, но ловятъ ее мужчины; слѣдовательно, уходить въ сентябрѣ мѣсяцѣ отъ рыбалки на преслѣдованіе хунхузовъ значитъ оставить семью и собакъ безъ запаса вяленой рыбы.

Энергичное выискиваніе хунхузовъ одновременно въ разныхъ мѣстахъ наконецъ заставило ихъ скрыться подалеже отъ береговъ Уссеури. Напуганы были не только хунхузы, но и контрабандисты и всѣ манзы, живущіе въ отдѣльныхъ фанзахъ, разбросанныхъ вдоль рѣки.

Одно приближеніе парохода «Ингода» вызывало паническій страхъ во всѣхъ даже легальныхъ китайцахъ. Вѣдь тутъ такъ легко заподозрѣть, если не въ фактическомъ участіи въ шайкѣ

хунхузовъ, то въ сообщничествѣ съ ними тѣмъ или другимъ образомъ, на примѣръ, въ передачѣ имъ провизіи, извѣстій о движеніи войскъ, въ перепродажѣ награбленныхъ ими вещей и пр. Нѣкоторые манзы, должно быть, чувствуя на своей совѣсти прошлые грѣшки, бросали свои фанзы и убѣгали въ города. Поручику Михайлову назначили стоять со своею командою на посту по ту сторону рѣки, противъ станицы Васильевской, на сулевоу заводѣ. Видно, что здѣсь велось обширное хозяйство, было много построекъ, большой огородъ, но ни одной живой души. Все брошено, всѣ разбѣжались.

Войска стояли на постахъ еще около Нижне-Никольской близъ Козакевичевой и на Норѣ. Большихъ столкновеній съ хунхузами больше не было. Вся дѣятельность солдатъ ограничилась опросомъ проходящихъ и проѣзжающихъ манзъ.

Казаки страницъ тоже не оставляли въ покоѣ одинокихъ манзъ. Было немало злоупотребленій. Вотъ, на примѣръ, мнѣ передали такую картинку:

Встрѣчаютъ казаки одиноко бредущаго манзу.

— Эй, ходя, стой!

Остановился.

— Твоя кто есть? Хунхуза?

— Нѣтъ, моя ходи Иманъ.

— Врешь! Твоя хунхуза: чики—чики твоя голова...

И начинаютъ тузить бѣднаго манзу.

Это обыкновенная исторія, но бываетъ хуже.

Одинъ разъ застали казаковъ около убитаго манзы.

— Зачѣмъ же вы его убили? — спрашиваетъ ихъ случайно проѣзжающій господинъ.

— Да онъ бродяга—хунхузъ!

— А вы почему знаете?

Молчать.

— Вѣдь вы могли убить невиннаго манзу.

— Все равно одна собака, ваше благородіе!

Правда, такой расправы это единичной случай, о которомъ я слышалъ, и его передавали мнѣ, не указывая ни мѣста, ни именъ лицъ. Но и одинъ такой фактъ показываетъ, какой антагонизмъ между русскими и китайцами проявился съ хунхузской войной. Мы дальше увидимъ аналогичные поступки и со стороны китайскихъ солдатъ по отношенію къ казакамъ.

5-го сентября приказано поручику Михайлову со своею командою выступить на Иманъ для осмотра китайскихъ рабочихъ.

Разнообразныя работы на кессонномъ мосту и на пароходныхъ пристаняхъ станицы Иманъ собрали сюда тысячи рабочаго люда. Кругомъ селенія и вдоль полотна желѣзной дороги, отъ станицы до моста, повсюду разбросаны низкіе бараки, тѣсно набитые манзами.

А около пароходной верфи, на берегу протоки, есть китайская слободка въ нѣсколько улицъ изъ небольшихъ кругомъ плотно огражденных домовъ. Русскіе въ шутку называютъ это мѣсто Чифу, по имени китайскаго большого округа, откуда много прїѣзжаетъ народа на заработки во Владивостокъ. Въ этомъ манзовскомъ притонѣ ежедневно происходитъ азартная игра въ карты и кости, пьянство и куреніе опиума. Мои пароходные слуги-китайцы (бойки или бои, какъ здѣсь принято ихъ называть по-англійски) не разъ проигрывались въ этомъ вертепѣ до копейки. Но это еще ничего! Они иногда возвращались избитыми до такой степени, что надо было прибѣгать къ доктору и везти въ больницу. Уходили туда и мои рулевые голды курить опиумъ и тоже пропадали по недѣлямъ.

На Иманѣ всегда можно было найти безбилетныхъ китайцевъ, и, какъ я раньше ¹⁾ говорилъ, хунхузы составляли здѣсь шайки и вырабатывали планы своихъ разбойничьихъ походовъ. Объ этомъ отлично зналъ Джао-мянъ и готовился сдѣлать внезапное нападеніе. Чтобы не произвести преждевременной тревоги между иманскими манзами, онъ отдалъ строгій приказъ: не сходить съ парохода ни одному китайцу ни подъ какимъ видомъ. Но лишь только пароходъ «Ингода» присталъ къ берегу Имана, какъ одинъ изъ главныхъ офицеровъ синяго воинства, исполнявшій должность казначея, сошелъ на берегъ. Генераль Джао-мянъ страшно вспылить, велѣлъ схватить его и наказать бамбуками.

Тутъ же, при русскихъ офицерахъ, связали ему руки назадъ, положили его на животъ, человекъ шесть китайцевъ схватили его, кто за плечи, кто за ноги, а палачъ изо всей силы сталъ бить бамбуковою палкою по икрамъ.

Страшно было видѣть взлеты этой широкой, выкрашенной въ коричневую краску палки, но еще ужаснѣе было слышать удары ея по человѣческому тѣлу при раздирающихъ крикахъ офицера-казначея. Это отвратительное наказаніе въ продолженіе кампаніи 1896 года практиковалось не одинъ разъ, свидѣтельствуя о жестокости и отсталости китайцевъ. И можетъ ли поддерживаться дисциплина и уваженіе солдатъ къ своимъ офицерамъ, которыхъ иногда приходится имъ придерживать при наказаніи палками?

Ночью, 6-го сентября, были посланы въ манзовскую слободку шесть китайскихъ сыщиковъ изъ купцовъ и сдѣлана внезапная облава. Арестовали шесть хунхузовъ. Ихъ связали русскіе солдаты и доставили генералу Джао-мяну.

Послѣ осмотра иманскихъ китайцевъ команду поручика Михайлова послали въ станицу Венюкову, а подпоручика Ивашиненка — въ Васильевскую для охраны казачьяго населенія. Они ежедневно

¹⁾ Глава II.

выставляли ночные караулы и раза три въ недѣлю отправлялись на развѣдки на китайскою сторону. Команду поручика Любимова отпустили въ свой баталіонъ.

Со своей китайской стороны генераль Джао-мянъ выставилъ посты на Норѣ и противъ ст. Нижне-Никольской. Кромѣ того, гольдамъ, жившимъ небольшими группами въ двѣ-три семьи, онъ приказалъ скучиться въ маленькія деревни. Напримѣръ, изъ мѣстечка Ха-луй (на половинѣ пути между станицами Козловской и Лончаковой) гольды переселились въ деревню напротивъ ст. Покровской.

Сдѣлавши эти распоряженія, Джао-мянъ сталъ подвигаться къ г. Хабаровску, прощаясь по дорогѣ съ русскими селеніями.

Въ Козакевичевой станицѣ произошло второе свиданіе начальника края С. М. Духовскаго съ Джао-мяномъ, послѣ котораго генераль-губернаторъ опять посѣтилъ станицу Венюкову и объявилъ солдатамъ охотничьей команды о царской наградѣ наиболѣе отличившимся въ схваткѣ съ хунхузами 28 іюля. Были пожалованы на Георгіевской лентѣ серебряныя медали съ надписью «за храбрость» для ношенія на груди четверемъ человѣкамъ, а именно: младшему унтеръ-офицеру Алексѣю Балину, ефрейтору Евстаѣю Пирожкову, рядовому Діомиду Вешкурцеву (раненому въ ногу) и Андрею Курятникову, пристрѣлившему хунхуза, когда тотъ цѣлилъ въ подъ-есаула Савицкаго.

Потомъ С. М. Духовской съ настоятелемъ храма, о. Саввою Мичуринымъ, прошелъ къ могилѣ рядового Терентія Лапина. По-земному этого храбреца наградить уже нельзя, и Сергѣй Михайловичъ молитвенно склонился передъ могилою на колѣни. Этотъ видъ сѣдого старца, преклонившагося къ землѣ, это вниманіе генераль-губернатора къ простому рядовому всѣхъ глубоко растрогало.

Генералу Джао-мяну и въ Хабаровскѣ дано было разрѣшеніе сдѣлать внезапный осмотръ китайцевъ.

Моментъ для нечаяннаго нападенія выбранъ былъ самый удобный. 9-го сентября (полнолуніе въ осеннее равноденствіе) у китайцевъ былъ большой праздникъ (второй послѣ новаго года, который бываетъ въ январское новолуніе, или въ первый день бѣлаго мѣсяца, какъ говорятъ китайцы). Въ просторѣчьи этотъ осенній праздникъ называется арбузнымъ, потому что къ этому времени поспѣваютъ арбузы, дыни, виноградъ и др. плоды. Послѣ гулянки съ водкой и пивомъ китайцы усѣлись на всю ночь за карты. Вотъ тутъ-то ихъ и арестовали.

Изъ шести захваченныхъ подозрительныхъ лицъ одного признали хунхузомъ. Безбилетныхъ же найдено свыше 900 человѣкъ. Почти при каждомъ обыскѣ въ Хабаровскѣ находятъ сотни безбилетныхъ китайцевъ.

Въ 1896 г. считали болѣе 28.000 китайскихъ подданныхъ, живущихъ осѣдло въ Пріамурскомъ краѣ. Кромѣ нихъ, край навод-

ненъ пришлыми рабочими манзами, какъ въ большихъ городахъ и селеніяхъ, такъ и на золотыхъ приискахъ и по всей линіи желѣзной дороги. Почти вся мелкая торговля въ рукахъ китайцевъ. Манзы стали необходимою рабочею силою. Безъ нихъ былъ бы застой въ здѣшней жизни. Домашняя прислуга, мастеровые, черно-работчіе, купцы—все китайцы! Я уже говорилъ выше, что пріамурскому генераль-губернатору предоставлено право обложить китайскихъ подданныхъ, проживающихъ въ предѣлахъ Россійской имперіи, особымъ сборомъ при выдачѣ русскихъ билетовъ на жительство. Было установлено на первое время взимать по 5 рублей съ билета на одинъ годъ, но въ случаѣ надобности размѣръ этого сбора можетъ быть увеличенъ. Конечно, многіе китайцы уклоняются отъ этого сбора, и русской полиціи въ массѣ однообразно одѣтыхъ иностранцевъ трудно услѣдить новое безбилетное лицо, а потому поголовные обыски всегда и обличаютъ такое множество нелегальныхъ лицъ, хотя, надо замѣтить, бывають злоупотребленія и со стороны русскихъ по захоластнымъ мѣстамъ.

Среди массы безбилетныхъ китайцевъ въ Хабаровскѣ легко укрываться хунхузамъ. Случается, что городская полиція найдетъ хунхуза и выдастъ его китайскимъ властямъ, но черезъ нѣкоторое время онъ опять появляется въ этомъ городѣ. Напримѣръ, одинъ ловкій хуцхузъ, тотъ самый, который въ ночь съ 5 на 6 августа ¹⁾ убѣжалъ изъ-подъ ареста, два раза былъ высылаемъ русской полиціей въ г. Айгунъ, но всякій разъ онъ возвращался оттуда подъ новымъ именемъ. Теперь его поймали въ третій разъ и снова передадутъ китайскимъ властямъ. И вѣроятно, еще не одинъ разъ придется ловить его русской полиціи въ Хабаровскѣ, который, какъ магнитъ, тянетъ къ себѣ хунхузовъ.

IX.

Прощальный обѣдъ Джао-мяна.—Его отъѣздъ въ Китай.—Ходъ рыбы кэты и ея ловля.—Снятіе наблюдательныхъ постовъ.—Общія жалобы на китайскихъ солдатъ.—Примѣры ихъ насилія.—Уссури осенью.—Рыбная ловля.

Послѣ погрома среди хабаровскихъ китайцевъ въ ночь на 10-е сентября генераль Джао-мянь считалъ свою миссію оконченною: шайки хунхузовъ разогнаны, китайцы по берегу Уссури осмотрѣны, и спокойствіе на границѣ двухъ имперій до нѣкоторой степени восстановлено. Искренно радуясь удачному окончанію дѣлъ, Джао-мянь рѣшилъ отпраздновать день 10-го сентября вмѣстѣ со всѣми русскими, принимавшими участіе въ преслѣдованіи хунхузовъ.

¹⁾ Разсказъ ведется про 1896 годъ.

Всѣ они были приглашены въ гостиницу «Лондонъ», гдѣ за обѣдомъ Джао-мянъ горячо расхваливалъ русскую администрацію и выражалъ свое удовольствіе видѣть у себя въ гостяхъ нѣкоторыхъ ея представителей.

Передъ своимъ отъѣздомъ изъ Хабаровска, генераль Джао-мянъ сдѣлалъ прощальный визитъ помощнику генераль-губернатора Н. Ив. Гродекову. Обсуждались дальнѣйшія мѣропріятія для искорененія хунхузовъ. Джао-мянъ обѣщался выслать еще одинъ отрядъ китайскихъ войскъ на Уссури. По его просьбѣ ему дано было десять берданокъ.

На другой день генераль Джао-мянъ простился съ представителями Хабаровска и на пароходѣ «Ингода» уѣхалъ домой.

Изъ числа пойманныхъ 80 хунхузовъ болѣе тридцати были закованы въ ножные и ручные кандалы. Они были посажены подъ строгій караулъ на шаланду при пароходѣ «Ингода». Конечно, многимъ изъ нихъ грозила смерть... Одно время видѣли на деревьяхъ развѣшенныя головы казненныхъ на большое разстояніе по китайскому берегу Амура.

Съ отъѣздомъ генерала Джао-мяна хунхузская война окончилась. Оно и кстати. Осенняя ловля рыбы была въ полномъ разгарѣ. Всѣ мужчины казачьихъ станицъ и даже дѣти разошлись по рыбалкамъ. Ежегодный осенній ходъ кѣты продолжается немного болѣе двухъ недѣль, и въ это время жители всѣхъ рѣкъ Охотскаго моря запасаются рыбою на весь годъ. Гольды, гиляки и др. инородцы Пріамурскаго края ловятъ эту рыбу трезубцами или крючками, прикрѣпленными къ шесту. Когда рыбакъ зацѣпитъ рыбу, крючекъ соскакиваетъ съ шеста и остается на бичевкѣ. Казаки обыкновенно ловятъ рыбу неводомъ. Иной разъ попадается въ сѣтъ до 600 штукъ. Но старики замѣчаютъ, что теперь рыбы замѣтно меньше, чѣмъ въ первые годы ихъ поселенія на Уссури.

Интересно, эта красная мясомъ рыба изъ рода *Salmo* въ августѣ лѣзетъ изъ моря въ устья большихъ рѣкъ, проходитъ громадныя разстоянія, пробирается въ притоки (напримѣръ, Уссури достигаетъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ) и все лѣзетъ впередъ и впередъ противъ теченія. И только въ верховьяхъ рѣкъ она освобождается отъ икры, сильно выбившись въ дальней и трудной дорогѣ. Къ этому времени видъ ея мѣняется до неузнаваемости. Пойманная въ устьѣ рѣки кѣта имѣетъ красное жирное мясо, свѣтло-серебряную чешую, маленькую красивую головку, а въ верховьяхъ она теряетъ окраску мяса, на бокахъ появляются сѣрыя пятна, голова кажется вытянутою, зубы принимаютъ оскаленный видъ, и вкусомъ она значительно уступаетъ низовой рыбѣ. Никто не видѣлъ обратнаго хода кѣты въ море. Полагаютъ, что она вся издыхаетъ, выбившись изъ силъ въ верховьяхъ рѣкъ. Вѣрно это замѣчаніе или нѣтъ—не знаю; но это правда: берега нѣкоторыхъ быстрыхъ рѣкъ

усыяны издохшею кэтою, которая собираетъ къ себѣ медвѣдей, орловъ, воронъ и другихъ охотниковъ до рыбы.

Когда спускаешься съ пароходомъ внизъ по теченію, то встрѣчая рыба непрестанно ударяется въ стальной корпусъ парохода, производя сильный шумъ въ носовыхъ каютахъ. Потомъ привыкаешь къ этой музыкѣ, но первое время возбуждало большое недоумѣніе и даже опасеніе въ пассажирахъ, не натыкается ли на что нибудь пароходъ. Часто попадались рыбы подъ лопасти гребныхъ колесъ и вылетали изъ-подъ нихъ оглушенными. Иногда казаки прицѣпляютъ лодку къ кормѣ парохода и подбираютъ эту рыбу.

Повидимому, рѣка Уссури была очищена отъ хунхузозъ. Но на смѣну ихъ явилось разбойничье господство китайскихъ солдатъ. Они занимали нѣсколько постовъ на китайскомъ берегу, и главный изъ нихъ былъ на Норѣ. Окликая мимо проходящія лодки, солдаты стрѣляли по нимъ, если почему либо онѣ казались имъ подозрительными. Со всѣхъ станицъ посыпались въ Хабаровскъ жалобы, что китайскіе солдаты не пропускаютъ мимо своего наблюдательнаго поста ни одной шаланды, ни одной лодки, чтобы они не похозяйничали по-своему. Еще не успѣлъ уѣхать генералъ Джаомянь изъ Хабаровска, какъ его солдаты дважды стрѣляли по казакамъ, проѣзжавшимъ съ сѣномъ.

27-го сентября, плыла баржа съ камнемъ для желѣзной дороги. Китайскіе солдаты открыли огонь по ней и ранили одного манзу. Прислуга баржи, не желая отдать своего скарба въ распоряженіе новымъ разбойникамъ, навалилась на весла и скрылась отъ ихъ выстрѣловъ. Баржа дошла до своего назначенія, Кристани Щебенчихи, гдѣ и принятъ былъ раненый манза въ желѣзнодорожную больницу. Но несчастный страдалецъ не поправился и вскорѣ умеръ.

Для чего же китайскіе солдаты стрѣляютъ въ проходящія лодки? Развѣ они не видятъ русскихъ казаковъ или не могутъ отличить рабочую баржу съ камнемъ отъ хунхузской шаланды? Развѣ можно подозрѣвать хунхузозъ въ мирныхъ рабочихъ, рыбакахъ, земледѣльцахъ? Конечно, нѣтъ. И не хунхузозъ они ищутъ. Это ясно видно изъ слѣдующаго эпизода.

Бдетъ съ Имана китаецъ-подрядчикъ въ станицу Венюкову съ двумя работниками. Въ лодкѣ были только что купленные товары для желѣзнодорожныхъ рабочихъ. Когда онъ проходилъ мимо Нора, вдругъ выстрѣлъ, другой, третій... Пули пробили бортъ лодки. Китайскіе солдаты кричатъ, чтобы лодка пристала къ деревнѣ. Испуганный подрядчикъ немедленно повернулъ къ берегу. Только что лодка коснулась земли, вскакиваютъ въ нее вооруженные солдаты и арестовываютъ подрядчика и его работниковъ.

Осмотрѣвши лодку, солдаты начали допросъ:

— Вы—хунхузы?

— Нѣтъ, мы мирные люди. Веземъ провизію для рабочихъ на желѣзную дорогу.

— Врете!—и съ бранью начали бить ихъ.

Бѣдный подрядчикъ продолжалъ увѣрять солдатъ, что онъ не хунхузъ, и показываетъ русскій билетъ.

— Какъ ты смѣешь проѣзжать мимо Нора, не поклонившись нойону? Развѣ не знаешь, что нойонъ владѣтель всей рѣки Усури, и никто не имѣетъ права ни проѣзжать, ни проходить мимо, не спросивъ на то его разрѣшенія?

Такая дикая мысль, конечно, не придетъ въ голову никакому манзѣ; и подрядчикъ понялъ, что надо отдѣлаться отъ нихъ поскорѣе подаркомъ. Къ счастью, подтѣхалъ въ это время самъ нойонъ—китайскій чиновникъ, завѣдывающій этимъ постомъ. Онъ милостиво принялъ подарки отъ избитаго подрядчика и приказалъ отпустить его.

А солдаты между тѣмъ самовольно взяли, сколько хотѣли, товаровъ изъ лодки и на жалобы подрядчика отвѣчали новыми угрозами.

Подобныя исторіи повторялись изо дня въ день. Терпѣли все: и подданные Небесной имперіи и русскіе казаки. Особенно пострадали безотвѣтные гольды: у нихъ взяты послѣдніе запасы рыбы. Ихъ наемная служба въ октябрѣ мѣсяцѣ то же прекратилась: шляющихся хунхузовъ трудно было найти, а главное—съ отъѣздомъ Джао-мяна не отъ кого теперь получать обѣщанную награду.

Поплатилась страхомъ и команда одной большой русской шланды, принадлежащей желѣзнодорожному подрядчику. Въ нихъ тоже стрѣляли китайскіе солдаты съ берега, но они, укрываясь за мѣшками муки и риса, продолжали править внизъ по теченію и успѣшно скрылись¹⁾.

До сихъ поръ наши казаки по всей уссурійской границѣ безпрепятственно пользовались незанятыми землями на лѣвомъ берегу рѣки Усури. Тамъ они пахали и косили сѣно. Помню я, какъ одна казачка, пришедшая съ Дона и попавшая съ своей семьей по распоряженію начальства въ станицу Нижне-Михайловскую, плакалась мнѣ на здѣшнія условія жизни и между прочимъ указывала, что даже пахать приходится на той сторонѣ рѣки; каждый разъ надо перевозить туда скотъ и плугъ. Но она не знала еще тогда, что и земля-то не казацкая и даже не русская, а чужая китайская.

Сосѣдніе китайскіе подданные—и манзы и гольды—обыкновенно не дѣлали казакамъ никакой обиды. Въ свою очередь и китайцы свободно переходили на русскую сторону и охотились за пантами и соболемъ.

¹⁾ О такихъ возмутительныхъ продѣлкахъ китайскихъ солдатъ не одинъ разъ писалось въ свое время въ «Пріамурскихъ Вѣдомостяхъ» (№№ 145, 147, 153, 155 и др. 1896 г.).

Китайскіе солдаты при устьѣ Нора п этотъ порядокъ измѣнили. Они стали запрещать нашимъ казакамъ косить сѣно на ихъ сторонѣ, собирать медь дикихъ плечъ и охотиться въ норскихъ горахъ.

Общее неудовольствіе росло противъ китайскихъ солдатъ, пока не прекратилась навигація по рѣкѣ Уссури. Манзы или, кажется, гольды говорили, что діаволы, вышедшіе изъ убитыхъ хунхузозъ, поселились въ китайскихъ солдатахъ. Это мнѣніе основано на повѣрѣи инородцевъ въ Уссурійскомъ краѣ, что если нечистый духъ выходитъ изъ человѣка, то онъ сейчасъ же ищетъ мѣста въ комънибудь другомъ. На этомъ же основаніи къ опасно больному приводятъ свинью и молятъ Бога, чтобы Онъ переселилъ въ нее нечистаго духа изъ больного.

Лѣто 1896 года выдѣлялось своимъ поведеньемъ. Даже весь сентябрь держалась большая вода и на Амурѣ, и на Уссури, и на Иманѣ. Но всему бываетъ конецъ. Въ началѣ октября вода замѣтно стала спадать. Особенно сильно она упала на Иманѣ противъ вѣтки желѣзной дороги. Съ трудомъ и съ большою осторожностью снимались пароходы съ баржами, пробираясь между отмелями и карчами. Приближался конецъ здѣшней навигаціи. Берега давно приняли осенній желтый видъ. Ночью ложится на землю иней, а на разсвѣтѣ бѣлый туманъ въ утреннемъ морозѣ густо затягиваетъ рѣку. Надо вооружиться теплой шубой и мѣховыми сапогами, чтобы проплыть по рѣкѣ до Хабаровска. Не разъ уже выпадала крупа при сильномъ холодномъ вѣтрѣ. Кое-гдѣ высокія горы подергивались снѣгомъ. Гусей уже рѣдко встрѣишь. Еще въ половинѣ сентября они тянулись на югъ большими вереницами. И утокъ замѣтно меньше. Онѣ стадами собираются на песчаныхъ отмеляхъ и готовятся къ отлету. Цапли, какъ береговые сторожа, среди пожелтѣвшихъ кустовъ еще бѣлѣются своими длинными шеями, но и онѣ начинаютъ группироваться; должно быть, скоро покинуть родные берега. Зато черныя вороны на землѣ и черныя бакланы на водѣ появились въ большемъ числѣ, чѣмъ лѣтомъ. Кромѣ нихъ, часто можно видѣть ширококрылыхъ орловъ съ бѣлыми короткими хвостами. Напряженно растягивая сильныя крылья и сверкая на солнцѣ своими клювами, они попарно высоко парятъ въ холодномъ осеннемъ воздухѣ. Теперь за каждымъ рейсомъ встрѣчаешь нѣсколько паръ орлановъ бѣлохвостовъ на берегахъ Уссури. Ихъ сюда привлекаетъ лежащая на отмеляхъ уснувшая рыба. Я любилъ слѣдить за этими красивыми царями пернатата царства. Но какъ они много терпятъ отъ своихъ мелкихъ подданныхъ! Не только черныя вороны, но и маленькія пичужки съ крикомъ преслѣдуютъ ихъ на лету и хватаютъ за перья. Бѣдные орлы въ положеніи травленныхъ немного успокоиваются, если сядутъ спиной къ дереву. Только и чувствуютъ они свободу, когда подымутся надъ злымъ міромъ въ заоблачныя выси.

Встрѣчаешь также въ это время года дикихъ козъ, переплывающихъ съ русскаго берега на китайскій. Весной онѣ идутъ въ наши горы дѣтей выводить, а на зиму уходятъ къ китайцамъ. Изящныя головки ихъ съ красивыми глазами пугливо озираются, когда нагоняешь на водѣ пароходомъ; а выйдутъ онѣ на берегъ — непременно остановятся, любопытно взглянуть на дымящее и шумящее чудовище и черезъ минуту, какъ сѣрые зайцы, запрыгаютъ среди кустовъ.

Не умерла жизнь и въ самой водѣ. Напротивъ она еще болѣе оживилась съ ходомъ кѣты. Хотя казаки кое-гдѣ кончаютъ свою рыбалку, но рыба еще идетъ. Еще 2-го октября я любовался, какъ она разсыпалась въ стороны отъ носа быстро шедшаго парохода внизъ по теченію. Многія граціозно выскакивали изъ воды, а инныя выбрасывались изъ-подъ колесъ вверхъ брюхомъ.

Днемъ и ночью, русскіе, китайцы и всѣ инородцы работаютъ на рыбалкахъ. Какъ въ маѣ было пріятно плыть по рѣкѣ при благоуханіи цвѣтущихъ черемухъ, какъ въ іюнѣ, особенно ночью, съ наслажденіемъ вдыхаешь запахъ липоваго цвѣта, такъ теперь затыкаешь носъ отъ вони вяленой рыбы и гніющихъ отбросовъ, гдѣ ловятъ и готовятъ рыбу. Еще издали усматриваешь днемъ длинныя вереницы развѣшанной рыбы и яркочерныя мѣшочки крупной икры кѣты, а ночью узнаешь рыбалки по кострамъ на берегу и по чернымъ силуэтамъ казаковъ.

Нѣсколько раньше, когда была еще теплая вода, можно было встрѣтить темною ночью яркіе движущіеся огни на самой водѣ. Только подойдя къ нимъ, различаешь казаковъ, бродящихъ по поясу въ водѣ. Они съ огнемъ ищутъ сонную рыбу и бьютъ ее остроугою. Но самый обыкновенный здѣсь ловъ рыбы крючками, часто навязанными къ толстой веревкѣ. Къ одному изъ концовъ снасти, укрѣпленныхъ на днѣ рѣки кольями, привязывается поплавокъ-обрубокъ жерди аршина въ два. Рыба, проходя мимо крючковъ, задѣваетъ за нихъ и удерживается на снасти.

Кстати сказать о рыбной ловлѣ. Уссури, соединяя Амуръ съ большимъ озеромъ Ханкою, очень богата разнообразною рыбою; громадныя бѣлуги, жирныя осетры, многочисленныя сазаны и много другихъ породъ рыбъ даютъ богатую ловлю круглый годъ. Даже въ началѣ зимы изъ глубокихъ и тихихъ заводей рѣки за одинъ разъ сътыю вытаскиваютъ по нѣсколько сотъ штукъ крупныхъ сазановъ. Соболь, тигръ, олень съ каждымъ годомъ уменьшаются, но Уссури своею рыбою еще долго будетъ кормить казаковъ и инородцевъ.

X.

Нападеніе хунхузозъ на шаланды.—Конецъ навигаці.—Замерзаніе рѣки.—Иманскій кордонъ.—Китайскія устрашенія.—Кумирня.—Куреніе опиума и пьянство.—Казнь хунхузозъ на Иманѣ.

Какъ бы послѣднимъ отголоскомъ хунхузской войны было нападеніе китайскихъ разбойниковъ близъ устья рѣки Сунгари (притокъ Амура съ правой стороны) на двѣ китайскихъ шаланды. Первую хунхузы остановили и взяли изъ нея все, что нашли нужнымъ. Вторая шаланда проходила мимо хунхузозъ, нѣсколько часовъ спустя послѣ первой, съ товаромъ для Имана. На ней была храбрая команда съ дюжиною скорострѣльныхъ ружей, и она рѣшилась сопротивляться.

Хунхузы, привыкшіе съ первымъ окрикомъ нагонять на экипажъ манзовскихъ лодокъ панической страхъ, потребовали остановиться. Рулевой немедленно исполнилъ ихъ приказаніе и спустилъ парусъ. Разбойники радостно поплыли къ ней, предвкушая получить хорошую добычу, какъ вдругъ залпъ, другой, третій, четвертый... Хунхузы такъ были поражены неожиданнымъ отпоромъ, что не отвѣтили ни однимъ выстрѣломъ. Человѣкъ 15 изъ нихъ были убиты или ранены. Оставшіеся на берегу хунхузы въ бессильной ярости провожали криками и угрозами смѣлую шаланду, которая благополучно достигла Хабаровска.

Этотъ случай не вызвалъ особенной тревоги въ амурскихъ станицахъ, такъ какъ, во-первыхъ, китайцы шаланды сами дали хорошій отпоръ хунхузамъ, а, во-вторыхъ, близился конецъ навигаціи. Теперь рѣдко можно видѣть плывущую шаланду, лодку или оморочку гольцовъ. Прекратили свои рейсы нѣкоторые пароходы и плавающие магазины (походныя лавки на судахъ—мѣстный обычай).

Въ этомъ году первая шуга (плавающій ледъ передъ замерзаніемъ рѣки) въ Уссури показалась 25 октября. Обыкновенно же она показывается нѣсколько раньше. Такое замедленіе можно объяснить рядомъ бурныхъ погодъ вперемежку съ теплыми днями. Въ первыхъ числахъ октября почти каждую ночь былъ небольшой морозъ, а ночью съ 11-го на 12-е октября выпалъ первый довольно густой снѣгъ. Все обѣщало скорое замерзаніе рѣки, но 13 и 14 октября разразилась сильная буря, а за нею оттепель. Нѣкоторыя остановившіяся на зимовку суда снова двинулись въ путь. Нашъ знакомый пароходъ «Ингода», недавно освободившійся отъ службы китайскому генералу, тоже подымался по Уссури на Иманъ съ помощникомъ приамурскаго генераль-губернатора Н. И. Гроцековымъ. Въ этотъ день повалилъ густой снѣгъ и придавъ берегамъ рѣки зимнюю картину. Морозы по ночамъ становились все сильнѣе и сильнѣе. Со дня на день ожидали появленія шуги,

но 21 октября барометръ сталъ быстро падать, а 23 разразилась сильная буря отъ сѣвера. Она опять задержала образование льда. Однако время свое беретъ, и 25 октября, когда я со своимъ пароходомъ подымался на Иманъ, показались первыя забереги—полосы льда у китайскаго берега, нѣсколько выше Щепенчихи. Къ ночи мы подошли къ Бирѣ и стали на якорь, выжидая приѣмщиковъ груза.

Быль свѣжій западный вѣтеръ. Небо пасмурно. Льду нигдѣ не замѣтно. Вдругъ въ три часа ночи я просыпаюсь отъ страннаго шуршанія вдоль борта парохода. Выскакиваю на палубу: пуга идетъ! Температура воздуха—7°С. Надо было уходить. Черезъ два часа были въ Лончаковой. Тамъ сплошная пуга во всю ширину рѣки. У меня на буксирѣ была деревянная баржа. Пришлось ее оставить въ Лончаковой на зимовку, а самому спѣшить далѣе среди плавающего льда.

Пуга образуется сначала на Хорѣ, Норѣ, Бикинѣ, Иманѣ и другихъ рѣченкахъ Уссурийскаго бассейна, а потомъ выходитъ на Усури и тамъ смерзается въ небольшія площадки, которыя округляются отъ взаимнаго тренія. Раньше всего онѣ останавливаются на мелкихъ перекатахъ (напримѣръ, ниже Васильевской) и перегораживаютъ всю рѣку; тогда слѣдующей шугѣ нѣтъ прохода, и отъ нея образуется большая площадь сплошнаго льда. Вотъ почему всегда такъ быстро замерзаетъ рѣка Усури.

26-е октября, память св. Дмитрія Солунскаго, называется по мѣстному выраженію днемъ Дмитрія рѣкостава. Въ самомъ дѣлѣ въ этомъ году рѣкоставъ оправдалъ свое названіе.

Одновременно образовался ледъ и на Амурѣ. Только быстрый Хоръ еще долго не могъ успокоиться въ своемъ устьѣ и цѣлый мѣсяцъ задерживалъ зимнюю дорогу по Усури.

Эту зиму я провелъ на Иманѣ въ семи верстахъ отъ главнаго населеннаго пункта на китайской сторонѣ, называемаго Иманскимъ кордономъ. Въ немъ постоянно живетъ нойонъ—единственный представитель китайской администраціи на всемъ протяженіи рѣки Усури (упоминаемый раньше нойонъ на Норѣ былъ только временно назначенъ для наблюденія за хунхузами).

Пограничный иманскій кордонъ протянулся вдоль Усури, какъ разъ напротивъ устья рѣки Имана, на склонѣ невысокихъ горъ, оканчивающихся скалистыми обрывами. Этотъ кордонъ есть соединеніе двухъ деревень, китайской и гольдской. Послѣдняя была сильно опустошена эпидеміей два года тому назадъ.

Еще въ началѣ лѣта 1896 г. мнѣ случилось въ большой компаніи посѣтить это селеніе и разсматривать китайскую кумирню и жилище нойона. Первое, что бросилось въ глаза передъ входомъ во дворъ нойона, были толстыя коричневые палки. Онѣ выставлены, какъ объяснили намъ китайцы, для всегдашняго напоминанія о власти и о наказаніи за преступленія. Вообще китайская админи-

страція любить грозить и устрашать народъ. Эти выставляемые бамбуки для наказанія, вывѣшенныя отрубленныя головы преступниковъ, зловѣщія надписи на голыхъ скалахъ (такія надписи имѣются и на Иманскомъ кордонѣ)—все это выставляется для вящаго устрашенія. Даже въ кумирнѣ, куда насъ повелъ любезный нойонъ, по преимуществу были боги устрашенія съ безобразными и изуродованными лицами. Однако всѣ эти внѣшнія запугиванія и застращиванія не производятъ надлежащаго вліянія на китайцевъ. Они присмотрѣлись къ намъ, какъ вороны къ пугалу, и привыкли къ постоянному напоминанію о наказаніи и смерти. Чувства ихъ притупились. Вотъ почему они съ такимъ поражающимъ европейцевъ равнодушіемъ подставляютъ свои шеи подъ сѣкиры палачей. Зачѣмъ, напримѣръ, китайцы взяли, какъ гербъ, изображеніе страшнаго чудовища—дракона и выставляютъ его на своихъ знаменахъ? Или зачѣмъ передъ входомъ въ ихъ храмъ аллея изъ копій и шестовъ украшена разнообразнымъ оружіемъ и символическими знаками? Навѣрно наши дамы съ большимъ содроганіемъ входили въ кумирню, чѣмъ сопровождавшіе насъ китайцы въ шапкахъ и съ трубками въ зубахъ.

Дверь въ кумирню была заперта. Прибѣжалъ старикъ-китаецъ и по приказанію нойона сталъ отпирать замокъ. Судя по количеству кругомъ насѣвшей пыли и по тому, какъ онъ долго возился съ замкомъ, можно предположить, что здѣсь рѣдко открывается этотъ храмъ идоловъ. Это видно еще и изъ того, съ какимъ любопытствомъ стали заглядывать нѣкоторые изъ китайцевъ въ окна храма. Довольно обширная кумирня наполнена множествомъ идоловъ разной величины и разныхъ цвѣтовъ. Но куда ни взглянешь— всюду невообразимые слои пыли и грязи.

Изъ кумирни мы прошли въ китайскій кабакъ. Въ первой самой большой комнатѣ сидѣли за столиками манзы и попивали изъ очень маленькихъ чашечекъ подогрѣтую сулю. Говорятъ, подогрѣтая китайская водка до нѣкоторой степени теряетъ свой чрезвычайно противный запахъ. Во второй комнатѣ меньшихъ размѣровъ разставлены нары съ тростниковыми циновками и съ грязными ватными кофтами, на которыхъ валялись курильщики опиума. Одинъ уже уснулъ. Другой еще посасывалъ толстую и длинную трость. На концѣ ея насажена маленькая трубочка, гдѣ тлѣлась горошинка опиума. Время отъ времени онъ подносилъ трубку къ небольшой лампочкѣ, специально приспособленной для этого куренія. Воздухъ пропитанъ неприятымъ специфическимъ запахомъ отъ сжигаемаго одуряющаго зелья. Тошій китаецъ съ желтовато-сѣрымъ оттѣнкомъ цвѣта кожи, съ отвратительно слюнявымъ ртомъ, взглянулъ на насъ, идиотски улыбнулся и, неприлично раскинувшись на циновкѣ, продолжалъ съ какимъ-то особеннымъ храпомъ посасывать отраву изъ своей трубки.

Не только китайцы, но и гольды пристрастились къ опиуму. У меня на пароходѣ было два гольда. Одинъ изъ нихъ, Пауде Юкамикъ, изъ хорошо извѣстной на Уссури фамиліи Юкамиковъ, обучался въ русской школѣ. Оба они страдали насморками, глаза ихъ постоянно слезились, и они часто жаловались на разстройство пищеваренія и на общее недомоганіе организма. У меня была походная аптека; но всѣ мои усилія помочь имъ ни къ чему не вели. Наконецъ, они признались, что привыкли курить опиумъ; и если долго не курятъ, чувствуютъ себя больными. Они и рады были бы бросить куреніе, но не могутъ. Пробоваль я давать имъ по нѣскольکو капель тинктуры опія, чтобы заглушить ихъ жажду куренія, но и это мало помогало.

Мы не могли долго пробыть въ тяжеломъ воздухѣ китайскаго кабака на Иманскомъ кордонѣ и послѣшили выйти на улицу. Насъ обступили манзы съ предложеніемъ купить у нихъ рыбы, а нойонъ ихъ выразилъ желаніе проводить своихъ гостей до станицы Иманъ.

Къ вечеру вся моя команда на пароходѣ и на баржахъ была пьяна. Оказалось, пока мы осматривали китайскую кумирню, матросы накинудись на дешевую сулю и, несмотря на ея противный вкусъ и запахъ, всѣ перепились. Этотъ случай научилъ меня порѣже приставать къ китайскимъ деревнямъ, чтобы не вводить въ соблазнъ команду дешевкою, но хитрые манзы всегда умѣли обойти мою бдительность и снабдить своимъ ядомъ не только матросовъ, но и обоихъ машинистовъ.

Страшное пьянство среди русскаго рабочаго люда и казаковъ царить по всему амурскому бассейну. Въ этой явѣ видятъ главное зло, тормозящее развитіе края. Оттого въ станицахъ рѣдко у кого можно найти хорошее хозяйство при громадныхъ заработкахъ на линіи желѣзной дороги (по тысячѣ рублей и больше въ годъ, по свидѣтельству лончаковскаго станичнаго атамана). Нѣкоторымъ пароходовладѣльцамъ надоѣла возня съ постоянно пьяною русскою командою, и они выписали японцевъ. То же самое сдѣлали нѣкоторые подрядчики. Можетъ быть, малопроизводительные манзы держатся въ услуженіи предпочтительнѣе русскихъ за ихъ сравнительную трезвость. И я самъ въ силу этого обстоятельства смѣнилъ своихъ пьяницъ казаковъ-рулевыхъ и предпочелъ имъ курильщиковъ опиума—гольдъ.

Когда установилась дорога на рѣкѣ по льду, пришло извѣстіе, что 14-го января на китайскомъ кордонѣ будетъ совершена казнь сразу нѣсколькихъ хунхузовъ. Нѣкоторые офицеры 8-го баталіона и представители пароходныхъ обществъ отправились смотрѣть на это страшное зрѣлище.

Связанныхъ хунхузовъ съ деревянными колодками на ногахъ привели на ледъ и всѣхъ подрядъ поставили на колѣни. Тутъ про-

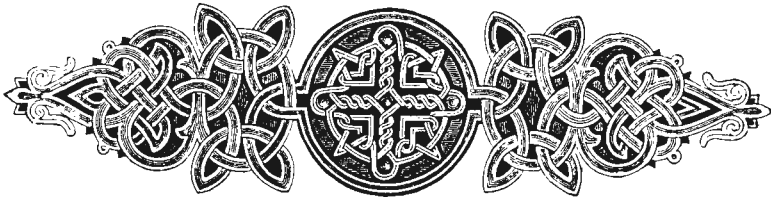
изошло то же самое, о чемъ я уже говорилъ раньше. Тѣ же вытянутыя шеи, тѣ же ужасные взмахи сѣкиры, также отлетали головы отъ туловища, какъ подрубленные кочни капусты. Только еще ярче каждая капля брызнувшей крови выдѣлялась на бѣломъ коврѣ снѣга.

Всѣ съ страшнымъ волненіемъ рассказывали подробности казни. Одинъ замѣтилъ движеніе глазъ въ отрубленной головѣ... Другой обратилъ вниманіе на... но оставимъ воспоминанія этихъ ужасовъ. Иные слабонервные люди не могли взглянуть и на фотографію, снятую съ труповъ послѣ казни.

Ватаги китайскихъ бродягъ въ большомъ числѣ еще шатаются и теперь въ пустынномъ краѣ между рѣками Сунгари и Уссури. Въ этомъ очеркѣ мы видѣли, что казаки понемногу уже пользуются лѣвымъ берегомъ Уссури. Еще три года тому назадъ въ Хабаровскѣ проектировали занять китайскую равнину въ низовьяхъ этой рѣки подъ пашню, такъ какъ недалеко то будущее, когда тамъ появятся русскія села, а съ ними волей-неволей должна отодвинуться граница хунхузскихъ шатаній далѣе къ западу.

И. Ювачевъ.

ВЪ ТУРКМЕНСКОЙ СТЕПИ.

(Изъ записокъ черноморскаго офицера).

I.

Назначение въ каспійскую флотилію.—Прибытіе въ Баку и представленіе адмиралу Давыдову.—Встрѣча съ Скобелевымъ.—Отплытіе въ Красноводскъ.—Армянинъ Хаджибадовъ.—Плаваніе на шхунѣ «Персіянинъ», порча машины, помощь туркменъ и Кадыръ-ханъ.—Посѣщеніе острова.—Туркменскій аулъ и туркменки.—Всеобщее угощеніе.—Ужасное порученіе Кадыръ-хана.—Трагическая исторія туркменки Саалы.—Помощь изъ Красноводска.

В 1870 ГОДУ послѣ почти трехлѣтняго сидѣнія на берегу, вслѣдствіе крайней малочисленности состава черноморскаго флота, я охотно принялъ предложеніе морскаго штаба: отправиться въ каспійскую флотилію, въ которой, по случаю прибытія отряда нашихъ войскъ въ 1869 году на юго-восточный берегъ Каспійскаго моря для рекогносцировки по Туркменской степи, потребовалось усиленное движеніе военныхъ судовъ. Въ началѣ іюня 1870 г. я отправился по назначенію.

Прибывъ въ Баку, я на другой же день явился къ командиру порта, контръ-адмиралу Давыдову. Портъ со всѣми сооруженіями и зданіемъ для каспійскаго экипажа находится на Баиловомъ мысѣ, почти въ трехъ верстахъ отъ города; дорога проходитъ по берегу самаго залива. Выслушавъ мою просьбу назначить меня на какое нибудь судно, адмиралъ, приблизительно около 60-ти лѣтъ, небольшого роста, весьма подвижный, добродушный, съ еще довольно свѣжимъ, озареннымъ радушной улыбкой лицомъ, обѣщалъ въ

тотъ же день подписать приказъ о назначеніи меня на шхуну «Персіянннъ», стоявшую тогда на посту въ Краснодарскѣ. Предложивъ мнѣ сѣсть и полюбопытствовать узнать отъ меня кое-какія свѣдѣнія объ остаткахъ черноморскаго флота, онъ подошелъ къ окну и указалъ на строящуюся близъ зданія порта церковь, возникавшую по его инициативѣ и о благолѣпіи которой онъ неустанно заботился въ продолженіе всего времени пребывания своего въ Баку. Адмиралъ, продолжая улыбаться и замѣтно волнуясь, сказалъ мнѣ: «Вотъ это мое дѣтище, еще годокъ, и церковь готова, а уѣду изъ Баку, можетъ быть, меня ктонибудь и вспомнить». Церковь дѣйствительно въ 1871 году была готова, и я былъ счастливъ, что могъ оказать услугу глубоко уважаемому адмиралу, пославъ въ томъ же году въ «Всемирную Иллюстрацію» фотографическій снимокъ церкви, съ подробнымъ ея описаніемъ. Какъ снимокъ, такъ и текстъ, были помѣщены въ «Иллюстраціи», за что адмиралъ меня сердечно поблагодарилъ.

Возвратившись въ городъ, я отправился пообѣдать въ общественное собраніе. Въ прилегающемъ къ нему тѣнистомъ садикѣ находился павильонъ, выстроенный въ персидскомъ вкусѣ; въ немъ я нашелъ небольшое незнакомое мнѣ общество: одни читали, другіе закусывали. Невольно мое вниманіе обратилъ на себя молодой ротмистръ гродненскаго гусарскаго полка, сидѣвшій за отдѣльнымъ столомъ; помѣстившись отъ него въ нѣсколькихъ шагахъ, я не могъ удержаться, чтобы при всякомъ удобномъ случаѣ не взглянуть на его гибкую, стройную, полную очарованія, фигуру; все, начиная съ его тонкаго съ гордымъ выраженіемъ лица и благородной осанки, обнаруживало, что онъ принадлежалъ къ высшему обществу. Онъ уже кончалъ свою трапезу, по временамъ поднося къ своимъ красивымъ тонкимъ губамъ, обрамленнымъ шелковистыми русыми усами, бокаль съ шампанскимъ. Что за притча?—думалъ я,—какъ попалъ въ это захоlustье блестящій гвардеецъ, и, уже склонялся къ тому, чтобы подойти къ нему и познакомиться, какъ вдругъ, къ большому моему удовольствію, ротмистръ всталъ и самъ подошелъ ко мнѣ.

— Позвольте представиться, ротмистръ Скобелевъ,—сказалъ онъ.

— Лейтенантъ Г.,—отрекомендовался я.

— Вы, вѣроятно, недавно здѣсь? Развѣзжая на военныхъ судахъ, я уже познакомился со многими изъ моряковъ, но васъ я не встрѣчалъ.

Побесѣдовавъ о томъ, о семъ, онъ между прочимъ сказалъ, что я, вѣроятно, не буду сожалѣть, что пріѣхалъ въ Каспій, такъ какъ мнѣ въ настоящее время предстоитъ увидѣть много интереснаго.

— Вотъ побывайте на юго-восточномъ берегу, гдѣ находится нашъ отрядъ, мы готовимся итти на рекогносцировку. Я завѣды-

ваю въ отрядѣ конницей, которая состоитъ исключительно изъ казаковъ: что это за молодцы! и какое удовольствіе доставляетъ мнѣ управлять ими! — воодушевляясь и какъ-то радостно сверкая глазами, сказалъ Скобелевъ. — Я убѣжденъ, что они неподкупно рабски преданы мнѣ и избѣгаютъ подать мнѣ какой либо поводъ къ неудовольствію; они видятъ, что я близко къ своему сердцу принимаю все, что касается ихъ повседневныхъ нуждъ; стараюсь предотвратить малѣйшее, что можетъ отравить и безъ того ихъ невеселую, слишкомъ уже монотонную жизнь, этимъ же самымъ я облегчаю себѣ рѣшеніе моей дисциплинарной задачи. Мои казаки ведутъ себя безукоризненно: за все время моего командованія ими мнѣ пришлось двоихъ изъ нихъ только поставить не въ очередь на часы. Въ одну изъ рекогносцировокъ, возлѣ колодца Алатепе, уже поздно вечеромъ, — уставивъ на меня глаза, какъ бы вызывая съ моей стороны особенное вниманіе, продолжалъ Скобелевъ, — мы наткнулись на враждебный намъ туркменскій аулъ; кто только могъ изъ его жителей, всѣ скрылись въ степи, остались изъ нихъ одни немощные да дряхлые; для казаковъ было полное раздолье; при другихъ обстоятельствахъ, имѣя на это возможность, они бы не задумались навьючить своихъ лошадей всякимъ оставшимся въ сакляхъ скарбомъ; но они этого не сдѣлали, боясь оскорбить своего старшаго есаула, какъ они меня называютъ. Мы расположились на бивакахъ, возлѣ опустѣвшаго аула; на другой день рано утромъ къ намъ явились уполномоченные отъ туркменъ, покинувшихъ свой аулъ, съ изъявленіемъ покорности и съ благодарностью за ненарушимость ихъ пожитковъ. Наши солдатики, хотя и не подвергаются въ лагерѣ никакимъ лишеніямъ въ повседневной жизни, во снѣ и наяву видятъ Хиву, горять нетерпѣніемъ выступить въ походъ, и дѣйствительно эта инертность въ движеніи тяжело отзывается на ихъ моральномъ состояніи.

Скобелевъ при этомъ какъ-то особенно оживился, глаза его сверкали, говорилъ онъ горячо и видимо былъ самъ весь охваченъ обаятельною мечтой: поскорѣе ворваться съ своими, подвластными и души въ немъ не чаявшими, казаками въ Хиву.

— Милости просимъ къ намъ, въ Ташеръ-Ватъ-Кала, — продолжалъ онъ, — путь отъ Михайловскаго залива безопасенъ; къ тому же, поѣдете съ оказіей, эскортированные нашими молодцами казаками. Вы будете у насъ дорогимъ гостемъ; я васъ тамъ познакомлю съ одною интересною личностью, съ Атамуратъ-ханомъ, жаждущимъ попасть въ Хиву. Скрывшись отъ преслѣдованія хивинскаго хана и узнавъ, что русскія войска готовятся итти въ Хиву, онъ прибылъ въ прошломъ мѣсяцѣ, то-есть въ маѣ, въ Красноводскъ, явился къ начальнику отряда и предложилъ ему свои услуги, поклявшись Аллахомъ служить ему вѣрно и прося лишь объ одномъ: въ случаѣ, если русскіе возьмутъ Хиву, возвратить ему хоть часть

его конфискованнаго имущества. Ко мнѣ Атамуратъ, повидимому, чувствуетъ особенную симпатію,—улыбаясь, прибавилъ Скобелевъ.— Впрочемъ отчасти я и самъ тому причиной; какъ-то я сдѣлалъ неосторожность: видя по выраженію его лица охватившее его чувство тоски и тронувшись его безысходнымъ горемъ, чтобы утѣшить его, я пообѣщала по взятіи Хивы возвратить ему его имущество.

Скобелевъ спѣшилъ на пароходъ, отходящій въ Красноводскъ въ этотъ день въ 3½ часа. Наша бесѣда должна была прекратиться.

— До свиданія,—сказалъ онъ,—надѣюсь увидѣться съ вами; совѣтую пріѣхать въ Ташеръ-Ватъ-Кала; пожалуйста, не стѣсняйтесь и остановитесь у меня въ кибиткѣ.

Скобелева я больше не встрѣчала; по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, онъ въ самомъ скоромъ времени оставилъ отрядъ, въ которомъ, командуя кавалеріей, вмѣстѣ съ тѣмъ состоялъ по особымъ порученіямъ при начальникѣ отряда.

Послѣ шестидневнаго пребыванія въ Баку, я отправился въ Красноводскъ. Отъ Баку до Красноводска около 200 миль. Пароходъ общества «Кавказъ и Меркурій», снявшись въ 6-ть часовъ утра, прибылъ въ Красноводскъ на другой день къ 3 часамъ по полудни. Войско, т. е. красноводскій отрядъ, въ это время уже былъ перевезенъ на судахъ, а часть его перешла сухимъ путемъ на юго-западъ отъ Красноводска, къ оконечности Михайловскаго залива ¹⁾. Для охраны Красноводска оставленъ былъ одинъ баталіонъ. Трудно вообразить себѣ что нибудь печальнѣе, безотраднѣе мѣста, какимъ представился мнѣ Красноводскъ. Обнаженный скалистый берегъ, а у подножія одной изъ скалъ нѣсколько деревянныхъ построекъ и землянокъ, двѣ казармы, три лавченки и небольшая деревянная церковь. При этомъ вѣчно угрюмыя, точно озлобленныя на удручающе дѣйствовавшее на нихъ суровое однообразіе жизни, лица офицеровъ и команды. При случаѣ, каждый изъ нихъ выражалъ нетерпѣливое желаніе какимъ нибудь способомъ избавиться отъ этого гнетущаго его состоянія. Единственнымъ развлеченіемъ офицерства было собираться въ бакалейной лавкѣ армянина Хаджибалова, который, пользуясь этимъ, торговалъ на-славу; при лавкѣ онъ имѣлъ отдѣльную комнату, гдѣ уже съ утра собирались любители выпить и поиграть въ картишки. Совершенное же отсутствіе женскаго элемента и отрѣзанность отъ родины, такъ какъ пароходъ изъ Баку приходилъ всего одинъ разъ въ недѣлю и привозилъ кое-какія свѣдѣнія о томъ, что творится въ внѣшнемъ мірѣ, еще болѣе наводили тоску.

Шкуна «Персіянинъ» всецѣло была назначена для нуждъ отряда,

¹⁾ Въ 37 миляхъ на юго-западъ отъ Красноводска начинается заливъ, протяженіе котораго еще 40 миль.

но по мелководію Михайловскаго залива грузъ уже по всему его протяженію перевозился на баржахъ, буксируемыхъ военными паровыми барказами. Шкуна, прибуксировавъ баржи до острова Рау, у входа въ Михайловскій заливъ, должна была передавать баржи для буксировки по немъ паровому барказу.

Однажды во время буксированія баржи съ провіантомъ и другими необходимыми для отряда матеріалами, ушедшаго съ нами парового барказа, близъ острова Рау, испортилась машина; положеніе было чрезвычайно затруднительное; отрядъ могъ пострадать отъ недостатка провизіи. Мы вынуждены были обратиться къ помощи нашихъ, находящихся къ намъ въ мирныхъ отношеніяхъ, сосѣдей туркменъ. Въ 9-ти миляхъ отъ насъ, къ сѣверу-востоку, находился островъ «Челекенъ», населенный туркменами. Такъ какъ шкуна не прекращала паровъ, то мы немедленно направились къ этому острову и, подойдя къ нему на довольно близкое разстояніе, сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ изъ орудій. Черезъ часъ къ намъ подошла туркменская лодка съ 12-ю человекѣми туркменъ, большая часть которыхъ были старшины. Когда они поднялись на шкуну, между ними особенное вниманіе наше обратилъ на себя одинъ старикъ, средняго роста, коренастый, съ большими, сѣрыми, привѣтливо глядѣвшими глазами; богатый костюмъ его рѣзко выдѣлялся отъ прочихъ. Онъ былъ одѣтъ въ суконный халатъ голубого цвѣта, опоясанный дорогимъ поясомъ, щегольскіе сапоги и высокая конусообразная изъ черныхъ смушекъ папахѣ дополняла его костюмъ. При появленіи этой личности на палубѣ послышались радостныя привѣтственныя восклицанія: «Кадыръ-ханъ! Кадыръ-ханъ!»; то и дѣло раздавались эти слова на шкунѣ. Калитанъ обнялъ его и поцѣловался съ нимъ. Кадыръ-ханъ назвалъ по фамиліи нѣсколько офицеровъ и, казалось, былъ очень доволенъ неожиданной встрѣчей съ своими старыми знакомыми. Онъ довольно хорошо говорилъ по-русски. Семидесятилѣтній старецъ, еще съ горящими въ глубокихъ впадинахъ глазами, умный, храбрый и честный Кадыръ-ханъ завоевалъ себѣ уваженіе туркменъ и сдѣлался настолько популяренъ, что изъ самыхъ отдаленныхъ ауловъ туркмены пріѣзжали къ нему на островъ и безапелляціонно отдавали себя на его судъ. Онъ служилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ ханомъ на Астрабадской морской станціи. Обладая большею частью острова Челекена, имѣя громадную стада овецъ и лошадей, богатый Кадыръ-ханъ, только изъ одной дружбы къ русскимъ, пріѣхалъ на станцію и сдѣлался посредникомъ между станціей и своими соотечественниками. Гордый старшина туркменъ, скоро усвоивъ себѣ нашъ образъ жизни и привычки, не пожелалъ себя стѣснять ни въ чемъ; онъ не щадилъ денегъ, роскошно обставилъ свою саклю и зажилъ на станціи, какъ истый баринъ, угощая своихъ друзей русскихъ; къ нему привозились изъ Россіи самыя дорогія вина,

лучшія блюда въ персидскомъ вкусѣ можно было оцѣнить только у Кадыръ-хана. Но веселая и разгульная жизнь не мѣшала ему добросовѣстно заниматься своимъ дѣломъ, для котораго онъ былъ призванъ на станцію. Имѣя вѣрныхъ лазутчиковъ, онъ зналъ, когда и въ какомъ мѣстѣ туркмены выходили на своихъ кулазахъ дѣлать набѣги, и сейчасъ же давалъ знать начальнику станціи. Вліятельный Кадыръ-ханъ всегда находилъ возможность наказать виновныхъ и возвратить ими награбленное, а плѣнные персы возвращались иногда даже изъ Хивы и Бухары. За свою полезную службу на станціи Кадыръ-ханъ удостоился получить отъ государя императора Александра II въ подарокъ богатый кинжалъ, усыпанный дорогими камнями. Около 10 лѣтъ онъ былъ ханомъ на станціи, но по разстроенному здоровью оставилъ свой постъ и уѣхалъ доживать послѣдніе годы на Челекенъ.

На палубѣ у насъ былъ приготовленъ завтракъ; мы просили Кадыръ-хана и другихъ старшинъ раздѣлить нашу трапезу, въ продолженіе которой переговоры наши о дѣлѣ окончились вполне удачно; намъ обѣщали 20 туркменскихъ лодокъ, годныхъ для перевозки провіанта. Болѣе всѣхъ за столомъ говорилъ Кадыръ-ханъ. Онъ съ удовольствіемъ вспоминалъ свою жизнь на станціи и при этомъ пропивалъ вино; проглотивъ его нѣсколько рюмокъ, онъ сдѣлался преселымъ собесѣдникомъ. Шкуна должна была ожидать обѣщанныхъ лодокъ до слѣдующаго дня. Намъ хотѣлось воспользоваться этимъ временемъ и побывать на Челекенѣ. Къ общей нашей радости, Кадыръ-ханъ просилъ насъ посѣтить его жилище. Принявшихъ его предложеніе оказалось нѣсколько человекъ. Черезъ 20 минутъ мы были уже на берегу. Тамъ, въ ожиданіи старшинъ, стояли нѣсколько прекрасныхъ туркменскихъ лошадей. Старшины сѣли на лошадей своихъ вожатыхъ, а намъ предложили своихъ. Такъ какъ я болѣе другихъ занимался Кадыръ-ханомъ, то онъ мнѣ отдалъ свою лошадь; обдѣланная въ серебро уздечка, подушка сѣдла, покрытая малиновымъ бархатомъ, на богатомъ вышитомъ чепракѣ, разноцвѣтныя ленты, вплетенныя въ длинную гриву, — все это вполне шло къ этому благородному и граціозному животному. Конь этотъ быстро понесъ меня по направленію къ аулу, песчаные бугры мелькали передо мной, и я не успѣлъ опомниться, какъ онъ почти уткнулся въ кибитку. Появленіе мое очень удивило туркменъ, а влѣдъ за мной прибыли и мои товарищи съ сопровождавшими ихъ старшинами.

Вѣсть о нашемъ прибытіи быстро разнеслась по сосѣднимъ ауламъ; толпа любопытныхъ постоянно прибывала. Кадыръ-ханъ пригласилъ насъ въ свою кибитку; внутри она была обтянута «паласами» ¹⁾, полъ былъ устланъ кошмами, а возлѣ стѣнъ стояло

¹⁾ Туркменскіе ковры.

нѣсколько тахтъ ¹⁾, на которыхъ лежали цилиндрическія подушки. Мы съ большимъ удовольствіемъ размѣстились на этихъ удобныхъ диванахъ и были очень довольны, что могли на время скрыться отъ утомительной жары. Войлокъ, прикрывающій нижнюю часть кибитки, былъ приподнятъ, и воздухъ свободно врывается внутрь. Пока Кадыръ-ханъ хлопоталъ объ угощеніи своихъ гостей, толпа туркменъ со всѣхъ сторонъ осаждала кибитку, а старшины свободно входили въ нее и, привѣтствуя насъ, садились на полъ. Черезъ нѣсколько минутъ принесли самоваръ. Нѣкоторые изъ моихъ товарищей подтрунивали, что не мѣшало бы Кадыръ-хану пригласить хорошенькую туркменку разливать чай; не успѣли остальные выразить одобреніе такой прекрасной мысли, какъ въ кибитку вошли двѣ женщины: одна изъ нихъ была жена Кадыръ-хана, другая—его племянница, очень миловидная дѣвушка, лѣтъ 18-ти. Лица этихъ женщинъ были открыты, и онѣ очень привѣтливо съ нами раскланялись. Молодая дѣвушка была въ красивомъ, оригинальномъ костюмѣ: въ шелковой голубого цвѣта рубахѣ, съ широкими складками на груди, въ розовомъ шелковомъ бешметѣ (родъ гусарскаго доломана) и такого же цвѣта широкихъ шароварахъ; ноги ея были обуты въ кожаныя туфли на высокихъ каблукахъ. Посрединѣ кибитки онѣ разостлали разноцвѣтную скатерть, и молодая хозяйка очень искусно исполняла свою обязанность, разливая чай. Она собрала съ тахтъ нѣсколько подушекъ, положила ихъ на полъ и по туркменскому кодексу приличій пригласила насъ занять мѣста. Мы были убѣждены, что женщины эти не понимаютъ по-русски, а потому позволяли себѣ вслухъ восхвалять красоту молодой дѣвушки; но мнѣ показалось, что она поняла нашъ разговоръ, черные глаза ея быстро опустились внизъ, а щеки покрылись яркимъ румянцемъ. Я спросилъ, какъ ее зовутъ.—Саала,—отвѣтила она. Съ большимъ трудомъ мы могли объясняться съ ней; хотя трудно, но можно было понять изъ ея разговора, что она дѣвочкой жила съ Кадыръ-ханомъ на Астрабадской станціи и выучилась тамъ немного говорить по-русски. Вскорѣ явился и самъ Кадыръ-ханъ; за нимъ нѣсколько туркменъ несли въ деревянныхъ мискахъ пловъ, кибавъ, кислое молоко и нѣсколько бутылокъ вина. Мы просили Кадыръ-хана, чтобы онъ съ своими домочадцами и старшинами также принялъ участіе въ общей трапезѣ. Какъ видно, Кадыръ-ханъ въ присутствіи своихъ соотечественниковъ не хотѣлъ совершенно измѣнить своихъ обычаевъ; видимо только ради насъ появилась одна надломленная ложка, которая переходила по очереди въ наши руки, туркмены же ѣли руками. Чтобы не обидѣть хозяина, мы не должны были отказываться ни отъ одного изъ національныхъ блюдъ, которыя, не имѣя при томъ ни-

¹⁾ Родъ низенькаго диванчика безъ спинки.

какого аппетита, испробовали не безъ нѣкоторой брезгливости, глядя на тщательное облизываніе туркменами своихъ пальцевъ. Къ счастью, насъ выручилъ неожиданный случай и далъ намъ возможность, не обижая хозяина, отказаться отъ тяжелаго для насъ туркменскаго хлѣбосоляства.

На дворѣ, у самой кибитки, мы услышали необыкновенный шумъ. Выйдя, я увидѣлъ какого-то туркмена безъ папахи, съ разстроеннымъ лицомъ, который видимо желалъ пробраться сквозь толпу въ кибитку. Онъ обратился ко мнѣ съ умоляющимъ лицомъ и, дѣлая отчаянные жесты, что-то говорилъ; оказалось, что лошадь задѣла копытомъ по головѣ его сына, и онъ просилъ доктора оказать ему помощь (туркмены знаютъ, что на военномъ суднѣ есть докторъ). Мы, конечно, тотчасъ же распорядились послать шлюпку на шхуну за докторомъ, а сами отправились къ мѣсту происшествія. Подавъ раненому первоначальную помощь, мы велѣли перенести его въ кибитку. Скоро пріѣхалъ докторъ и перевязалъ рану. Ребенокъ почувствовалъ облегченіе и началъ говорить. Нужно было видѣть при этомъ радость его матери, которая со слезами на глазахъ бросилась къ намъ и цѣловала наши платья.

Присутствіе наше въ аулѣ видимо доставляло большое удовольствіе туркменамъ, они не оставляли насъ ни на минуту и слѣдили за каждымъ нашимъ движеніемъ. Когда мы входили въ нѣкоторыя кибитки; то находили тамъ только женщинъ и дѣтей; женщины смотрѣли на насъ и посмѣивались; очень немногія при появленіи нашемъ закрывали слегка свои лица. Туркменскія женщины очень трудолюбивы и оказываютъ большую помощь своимъ мужьямъ. Болѣе всего онѣ занимаются выдѣлываніемъ паласовъ и кошмъ, которые въ значительномъ количествѣ расходятся по Кавказу и отвозятся даже на ярмарку въ Нижній Новгородъ. Въ одной кибиткѣ мы застали за работой 10 дѣвушекъ; это была въ небольшомъ видѣ своего рода фабрика: 4 изъ нихъ пряли шерсть, а остальные выдѣлывали паласы; когда мы вошли, онѣ съ любопытствомъ осматривали насъ и, перешептываясь между собой, спокойно продолжали работать. Туркменскія женщины пользуются гораздо большею свободой, чѣмъ женщины другихъ восточныхъ народовъ. Туркмены почти не придерживаются полигаміи, рѣдко кто изъ нихъ имѣетъ двухъ женъ, и поэтому ихъ женщины и въ семьѣ пользуются болѣе солиднымъ положеніемъ. Туркмену бросить свою жену и жениться на другой безъ серіозной причины вовсе не легко; но невѣрной женѣ, а также ея любовнику, большею частью угрожаетъ смерть.

Кадыръ-ханъ не желалъ насъ скоро выпустить изъ своего аула, онъ просилъ насъ опять зайти къ нему, чтобы выпить кахетинскаго вина. Онъ пилъ за здоровье каждаго изъ насъ и въ концѣ концовъ такъ развеселился, что велѣлъ принести трех-

ведерный бурдюкъ вина и отдалъ его туркменамъ; при этомъ мы отъ души хохотали, смотря на происходившія передъ нами довольно комическія сцены: туркмены пили вино прямо изъ бурдюка и вырывали его другъ у друга, и если ктонибудь изъ нихъ долго держалъ во рту трубочку, которая была вставлена въ бурдюкъ, то его сейчасъ же со всѣхъ сторонъ толкали, начиналась драка, бурдюкъ переходилъ въ слѣдующія руки, и опять повторялась та же исторія.

Когда мы собирались уже отправиться на шхуну, Кадыръ-ханъ подошелъ ко мнѣ и просилъ переговорить съ нимъ, для чего и повелъ меня въ другую кибитку, стоявшую въ нѣсколькихъ шагахъ; стѣны ея увѣшаны были дорогими ружьями, пашками и кинжалами. Когда мы съ нимъ заняли мѣста, Кадыръ-ханъ, прежде чѣмъ начать говорить, нѣсколько секундъ, мрачно насушивъ свои густыя сѣдые брови, пристально на меня смотрѣлъ и глубоко вздохнулъ; онъ прошепталъ нѣсколько словъ, упоминая Аллаха. Я весь превратился въ слухъ, ожидая, что скажетъ мнѣ Кадыръ-ханъ послѣ такого страннаго вступленія.

— Когда я былъ у тебя на шхунѣ,—началъ онъ,—ты сказала, что поѣдешь въ Ташеръ-Ватъ-Кала.

— Да,—отвѣтилъ я,—и, вѣроятно, поѣду очень скоро.

— У полковника Столѣтова,—продолжалъ Кадыръ-ханъ,—служить ханъ Дундуръ ¹⁾.

Я замѣтилъ, что, произнося имя Дундура, Кадыръ-ханъ задрожалъ, и лицо его даже сдѣлалось непріятно отъ выраженія гнѣва и злости.

— Это мой злѣйшій врагъ; когда я его убью, тогда только Аллахъ прѣститъ мнѣ, и я умру спокойно. Я убилъ бы самъ Дундура, но полковникъ его любитъ и разоритъ мой аулъ; скажи своимъ солдатамъ, пусть они его убьютъ; я тебѣ дамъ за это много золота,—и какъ будто для того, чтобы сильнѣе подѣйствовать на меня, онъ досталъ изъ сундука жестяную коробку, наполненную червонцами.

— Вотъ здѣсь,—сказалъ онъ,—1.000 червонцевъ, я тебѣ ихъ отдамъ, только привези мнѣ голову Дундура.

Когда же я ему объяснилъ, что мнѣ нельзя исполнить его просьбу, Кадыръ-ханъ глубоко вздохнулъ, и слезы потекли по его выражавшему полное отчаяніе лицу. Прощаясь съ Кадыръ-ханомъ, я поблагодарилъ его за радушный пріемъ и пожелалъ ему имѣть голову Дундура.

Войдя въ кибитку, въ которой оставилъ своихъ товарищей, я уже не засталъ ихъ здѣсь. Саала сидѣла на тахтѣ; въ эту минуту

¹⁾ Дундуръ служилъ въ отрядѣ полковника Столѣтова и былъ посредникомъ для переговоровъ съ туркменами.

я очень пожалѣлъ, что не зналъ туркменскаго языка и не могъ побесѣдовать съ этою очень привлекательною дѣвушкой.

— Ты уже ѣдешь на Аширь¹⁾,—съ трудомъ проговорила она, когда я, привставъ, взялъ съ тахты свою фуражку.

Какъ видно, Саала хорошо помнила Ашираде. Я, сколько могъ, старался понимать ея разговоръ и удовлетворять ея любопытству. Она очень желала снова возвратиться на станцію и пожить между русскими.

— Русскій хорошъ,—нѣсколько разъ повторяла она.

Туркменки не славятся красотой, лица ихъ напоминаютъ татарокъ. Саала же своимъ миловиднымъ, смуглымъ личикомъ похожа была скорѣе на цыганку. Когда я ей сказала, что Кадыръ-ханъ опять поѣдетъ на станцію и возьметъ ее съ собою, черные глаза ея заблестали отъ удовольствія; вѣроятно, она повѣрила мнѣ, потому что лицо ея засіяло, и она захопала руками. Оправивъ выбившуюся изъ-за уха прядь волосъ, она какъ будто для того, чтобы отблагодарить меня, сняла висѣвшую на гвоздѣ стальную пластинку, на которой были натянуты нѣсколько струнъ, и, ударяя по нимъ своими пальцами, извлекла изъ нихъ тихіе, мелодическіе, полные гармоніи звуки.

— Ты хорошая, Саала,—сказалъ я.

— Для Саала туркмень не хорошъ,—отвѣтила она.

Вошелъ Кадыръ-ханъ и нѣжно поцѣловалъ ее въ лобъ; при этомъ у меня невольно явилась мысль, не отца ли Саалы убилъ Дундуръ; я спросилъ объ этомъ у Кадыръ-чана, и предположеніе мое оправдалось. Кадыръ-ханъ дышащимъ ненавистью и злобой голосомъ началъ свой разговоръ; онъ говорилъ медленно, съ разстановкой, точно припоминая послѣдовательно всѣ минуты ужаснаго событія. Оказалось, что Дундуръ хотѣлъ взять себѣ Саалу въ жены, но она его не любила, и отецъ не хотѣлъ отдать ему свою дочь, хотя Дундуръ и предлагалъ большой калымъ²⁾. Когда же Дундуръ потерялъ надежду на добровольное соглашеніе, то, воспользовавшись темною ночью, хотѣлъ украсть Саалу, ворвался въ кибитку брата Кадыръ-хана и убилъ его. Саалу отняли отъ похитителей на берегу, когда уже ее хотѣли бросить въ лодку; схватили также одного изъ разбойниковъ и накормили имъ собакъ, но самъ Дундуръ ускользнулъ.

При имени Дундура Саала вздрогнула, оставивъ на меня свои большіе черные глаза; замѣтный испугъ выразился на ея прежде спокойномъ личикѣ. Кадыръ-ханъ сейчасъ же перемѣнилъ разговоръ.

Когда мы сѣли на лошадей, я увидѣлъ стоявшую возлѣ

¹⁾ Такъ называлась Астрабадская морская станція.

²⁾ Выкупъ.

кибитки стройную красивую фигуру Саалы. Вѣтеръ развѣвалъ граціозно наброшенный на ея плечи доломанъ и прихотливо игралъ распущенными волосами ея длинной косы. Подъѣхавъ къ ней, я подалъ ей руку.

— Прощай, пріѣзжай къ намъ,—сказала она.

Все, начиная съ природы, было грубо, дико, ничто не гармонировало съ этимъ изящнымъ существомъ, въ задумчивомъ взглядѣ котораго какъ бы выражалось желаніе лучшей обстановки, лучшей жизни.

Уже поздно мы возвратились на шкуну. На другой день, съ помощью туркменскихъ лодокъ, отрядъ былъ избавленъ отъ угрожавшей ему крайности. Когда мы возвратились черезъ три дня изъ Красноводска съ исправленнымъ баркасомъ, то почти весь грузъ съ баржи былъ перевезенъ въ Михайловскій заливъ.

II.

Капитанъ Малама.—Поѣздка въ Туркменскую степь.—Ночь въ укрѣпленіи Мула-Кари.—Лагерь въ оазисѣ Ташеръ-Ватъ-Кала (крѣпость для невѣрныхъ женъ).—Закупка верблюдовъ.—Жадность и обманы хана Дундура.—Опасность отъ тигра и помощь Дундура.—Атамуратъ-ханъ.—Полковникъ Маркозовъ и его «рекогносцировка» къ Хивѣ.—Довѣріе къ русскимъ со стороны туркменскихъ племенъ.—Обратная поѣздка изъ степи.—Встрѣчи въ степи.—Песчаный буранъ и потеря дороги.—Возвращеніе въ Михайловскій заливъ.

Изъ Красноводска съ нами прибылъ, чтобы отправиться въ Ташеръ-Ватъ-Кала, начальникъ штаба при отрядѣ, капитанъ генеральнаго штаба Малама¹⁾, который, узнавъ, что я желаю побывать въ штабъ-квартирѣ, предложилъ мнѣ воспользоваться удобнымъ случаемъ съѣздить съ нимъ въ туркменскія степи. Въ 11 часовъ утра, исправивъ поврежденія машины въ баркасѣ, мы отправились на немъ и къ 5 часамъ по полудни прибыли въ глубину Михайловскаго залива, гдѣ былъ расположенъ первый эшелонъ отряда. Здѣсь стояло около ста верблюдовъ, которые навьючивались перевезеннымъ грузомъ для отправленія въ Мула-Кари и Ташеръ-Ватъ-Кала. Когда мы оставили Михайловскій заливъ, солнце уже было близко къ закату. Дорога сначала, версты три, пролежала по берегу залива; потомъ мы поднялись по небольшой, отлогой возвышенности, чтобы углубиться въ степь. Съ этого мѣста Михайловскій заливъ похожъ былъ на нѣсколько рѣченковъ, вслѣдствіе безчисленнаго множества находящихся на немъ островковъ. Чѣмъ далѣе мы углублялись въ степь, тѣмъ все уже и уже казались

¹⁾ Въ настоящее время генералъ-лейтенантъ, наказный атаманъ Кубанской области.

сзади насъ блестящія водяныя полосы и, наконецъ, совсѣмъ исчезли въ сплошной массѣ раскинувшихся на большомъ пространствѣ островковъ. Впереди насъ открылась громадная, необъятная степь, которая скоро охватила насъ своею однообразною мертвящею пустотой. Лошади вязли въ глубокомъ пескѣ, непрерывно огибая бугры и слѣдуя по пятамъ за передовымъ вожатымъ туркменомъ, который съ полною самоувѣренностью молчаливо буксировалъ насъ въ этомъ необозримомъ песчаномъ морѣ. Наступила ночь. Нельзя представить себѣ ничего безотраднѣе впечатлѣнія, навѣваемаго этою глухою мѣстностью: ни малѣйшихъ признаковъ жизни, никакого живого существа; кругомъ тишина, только песчаные бугры безпрестанно мелькали передъ нашими глазами. Молча подвигались мы впередъ, старательно вглядываясь въ даль. Порою появлявшійся кустикъ изсохшаго бурьяна пугалъ лошадей, онѣ фыркали, бросались въ сторону; невольно чувствовалась какая-то нервная дрожь, глаза быстро и подозрительно перебѣгали по всѣмъ направленіямъ, какъ будто отыскивая причину такого неприятнаго ощущенія. Уже пять часовъ мы были въ дорогѣ, и по нашему расчету до Мула-Кари осталось не болѣе 4-хъ верстъ. Лошади уже не такъ вязли въ пескѣ. Наконецъ, мы выбрались на совершенно ровную, гладкую равнину. Лошади, почувствовавъ облегченіе, участили шагъ. Мы соединились въ одну группу, пріободрились какъ-то особенно, и молодцы казаки затынули пѣсенку: эта звонкая, удалая пѣсня въ этой дикой и безмолвной пустынѣ ласкала слухъ.

— Наконецъ добрались!—сказалъ Малама.

Въ небольшой лощинѣ замелькали огни, просвѣчивающіе изъ прозрачныхъ палатокъ наружу. Мы спустились въ лощину, огни исчезли, показался редуть, на которомъ двигались взадъ и впередъ силуэты часовыхъ.

— Кто идетъ?—послышался голосъ.

Мы обмѣнялись паролемъ и въѣхали въ укрѣпленіе. Воинскій начальникъ, штабсъ-капитанъ Якубовскій, пригласилъ меня и Маламу въ свою кибитку. На другой день утромъ мы продолжали свой путь. Укрѣпленіе Мула-Кари расположено было на срединѣ пути между Михайловскимъ заливомъ и Ташеръ-Ватъ-Кала. Намъ оставалось проѣхать еще 23 версты. Путь этотъ не представлялъ неудобствъ нашей предшествовавшей поѣздки. Около десяти верстъ мы ѣхали по довольно твердому грунту, потомъ, хотя дорога наша измѣнилась немного къ худшему, но все-таки не было тѣхъ ужасныхъ глубокихъ песковъ, изъ которыхъ съ трудомъ могли выбираться лошади. Самымъ замѣтнымъ и вѣрнымъ маякомъ мѣста, къ которому мы двигались, была гора Большой Балханъ, недалеко отъ западнаго подножія южной оконечности которой былъ разбитъ лагерь. Ташеръ-Ватъ-Кала расположенъ въ балкѣ и открылся передъ нами въ разстояніи одной версты. Я былъ немало удивленъ,

увидѣвъ въ самомъ лагерѣ густую зеленую рощу, рѣзко выдѣляющуюся на желтомъ фонѣ песчаной степи. Возлѣ лагеря насъ встрѣтило почти все офицерство, обрадованное въ ожиданіи полученія новостей, писемъ или посылокъ. Трудно было въ этой мѣстности найти болѣе выгодныя условія для расположенія лагеря. Нѣкоторые офицеры выстроили себѣ своими средствами небольшіе каменные домики; каждая рота имѣла свою пекарню и общую, довольно удобную баню. Надъ небольшимъ ущельемъ, тянувшимся вдоль лагеря, на протяженіи ста сажень, стояло полуразрушенное четырехугольное каменное строеніе до 60 фут. длины и до 40 фут. ширины; къ какому времени оно принадлежало, трудно опредѣлить. По преданіямъ, оставшимся у туркменъ, внутри этихъ глухихъ стѣнъ когда-то, въ отдаленное время, томились невѣрныя туркменскія жены. Самое названіе этого строенія Ташеръ-Ватъ-Кала, что означаетъ каменная женская крѣпость, дѣлало нѣсколько правдоподобнымъ такое преданіе. Отрядъ не щадилъ этой археологической древности; стѣны быстро уничтожались для болѣе существенныхъ построекъ. Одно изъ самыхъ главныхъ удобствъ, которымъ пользовались войска, была прекрасная ключевая вода; она пробивалась въ ущельѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ и образовывала небольшой ручеекъ; тутъ же около ущелья вырытъ былъ бассейнъ, который служилъ купальней, но я замѣтилъ, что не все охотно купались въ этой водѣ, такъ какъ въ ней обитало много цѣвковъ.

Начальникъ отряда, полковникъ генеральнаго штаба Столѣтовъ, употреблялъ все зависящія отъ него мѣры, чтобы поддержать дружественныя отношенія съ туркменами, и своею корректною политикой съ ними дѣйствительно склонилъ ихъ на свою сторону, приобрѣлъ безусловно себѣ довѣріе туркменъ, входившихъ въ какое либо соприкосновеніе съ отрядомъ. Туркмены эти, по первому требованію, если только было для нихъ возможно, доставляли верблюдовъ, служили хорошими проводниками, сами, по своему желанію, нанимались работниками и оказывались честными и трудолюбивыми людьми. Они нерѣдко, безъ всякаго съ нашей стороны надзора, отвозили на верблюдахъ доставляемый на судахъ провіантъ и все тяжести отряда къ мѣсту пребыванія войскъ. Въ Ташеръ-Ватъ-Кала существовали особые склады, изъ которыхъ выдавались за самую ничтожную плату, а нѣкоторымъ бѣднымъ туркменамъ и даромъ, крупа, мука, масло, сахаръ и чай. Кромѣ того, всякія оказанныя съ ихъ стороны услуги щедро оплачивались; но эти же самые туркмены, впоследствии, какъ читатель увидитъ ниже, чуть не искрошили своего благодѣтеля, и только одной слѣпой случайности былъ обязанъ полковникъ Столѣтовъ, что избѣжалъ ихъ фанатической мести.

Главная забота отряда состояла въ томъ, чтобы приобрести какъ можно болѣе верблюдовъ. Покупкой ихъ исключительно за-

нимался ханъ Дундуръ, который состоялъ при начальникѣ отряда. Ни одинъ туркменъ не производилъ на меня такого непріятнаго впечатлѣнія, какъ эта личность: высокій, тощій, съ апатичною физиономіей, онъ походилъ скорѣе на киргиза, чѣмъ на туркмена: много хитрости и лукавства скрывалось въ его вѣчно исподлобья смотрящихъ глазахъ. Его не любили всѣ въ отрядѣ, исключая начальника отряда, который, вѣроятно, усматривая во вліяніи этого хана на туркменовъ нѣкоторую выгоду для отряда, довѣрялся ему; еслибъ онъ могъ предвидѣть, чѣмъ отплатить ему Дундуръ за такое довѣріе, то, безъ сомнѣнія, онъ бы тогда же его повѣсилъ. На другой день нашего пріѣзда капитанъ Малама велѣлъ позвать къ себѣ въ кибитку Дундура, чтобы отдать ему краны ¹⁾ для покупки верблюдовъ; ханъ вошелъ и едва кивнулъ намъ головой; во взглядахъ и движеніяхъ его проглядывало нахальство; видно было, что онъ сознавалъ свою силу, конечно, истекавшую изъ расположенія къ нему начальника отряда. Капитанъ Малама показалъ ему на холщевый мѣшокъ, наполненный кранами; опредѣливъ сумму, онъ предложилъ Дундуръ провѣрить самому; тотъ высыпалъ краны на кровать Маламы, началъ быстро считать ихъ, непрерывно произнося какіе-то гортанные звуки.

Верблюды каждый день пригонялись туркменами по нѣсколько десятковъ. Какъ-то ханъ пришелъ объявить, что купилъ 15 верблюдовъ и заплатилъ за cadaго по 450 крановъ; такая высокая цѣна изумила насъ. Мы пошли посмотрѣть на это пріобрѣтеніе и немало были удивлены, увидѣвъ тощихъ и хилыхъ верблюдовъ. Такой крайне возмутительный поступокъ заставилъ Маламу приказать хану взять обратно деньги у туркменъ. Кромѣ того, что Дундуръ получалъ довольно большое жалованье, ему дѣлали богатые подарки, и онъ пользовался съѣстными продуктами. Дундуръ вообще простиралъ свою цѣпкую руку ко всему и не просилъ, а требовалъ все, что ему было нужно; въ случаѣ же отказа онъ грозилъ оставить лагерь. Я самъ присутствовалъ при томъ, какъ онъ приходилъ или присылалъ своихъ слугъ къ капитану Маламѣ требовать нѣсколько головъ сахару и фунтовъ чая, подъ предлогомъ, что къ нему пріѣхали гости, которыхъ онъ долженъ одарить и сдѣлать достойный его сана пріемъ. Дундуръ, какъ видно, задался мыслію, какъ можно больше нажитья, и удачно достигалъ своей цѣли до послѣдняго момента. Замѣтивъ же, что его плутни начали обнаруживаться, онъ успѣшилъ скрыться изъ лагеря.

Однажды вечеромъ мнѣ случилось остаться одному въ кибиткѣ; въ ожиданіи Маламы я читалъ газету. Было около десяти часовъ; въ лагерь наступила тишина; вдругъ я увидѣлъ просовывающуюся въ дверцахъ кибитки, согнувшуюся въ дугу фигуру Дун-

¹⁾ Стоимость крана—30 коп. Нашихъ бумажныхъ денегъ туркмены не брали.

дура; я почувствовалъ непріятное ощущеніе въ родѣ того, какое чувствуется при приближеніи отвратительной гадины, ослабившееся, когда вслѣдъ за нимъ вошелъ толмачъ. Я сказалъ переводчику, чтобы онъ спросилъ Дундура, «не понадобитсяъ ли ему голова сахара». Дундуръ по выраженію моего лица замѣтилъ насмѣлку въ моемъ вопросѣ и отвѣтилъ, что у меня онъ ничего не желаетъ просить, и уже собирался уйти, когда я попросилъ его и толмача остаться на нѣсколько минутъ, говоря, что капитанъ скоро придетъ. Я спросилъ Дундура, знаетъ ли онъ Кадыръ-хана. Мнѣ не случилось еще видѣть такого устремленнаго на меня, выражавшаго гнѣвъ, взгляда; казалось, зрачки его глазъ хотѣли выскочить, такъ пристально обмѣривалъ онъ меня съ головы до ногъ. Мнѣ кажется, что еслибъ онъ могъ безнаказанно меня убить, то не задумался бы вонзить въ меня свой кинжалъ, рукоятку котораго уже обхватила его дрожащая рука. «Ты былъ на Челекенѣ?»—спросилъ онъ меня черезъ переводчика. Не говоря ни слова о моей бесѣдѣ съ Кадыръ-ханомъ, я сталъ хвалить красоту Саалы, совѣтовалъ ему побывать на Челекенѣ и далъ ему замѣтить, что бывший врагъ его уже не питаетъ къ нему прежней вражды. Этотъ грубый, жестокий, необузданный дикарь чуть не со слезами на глазахъ просилъ меня рассказать ему, что я знаю о предметѣ его страсти. Но къ большому моему удовольствію и видимо къ немалой досадѣ Дундура, поморщившагося при необходимости прервать нашу бесѣду, въ кибитку вошелъ Малама... Что было дороже для Дундура—нѣсколько фунтовъ табаку, который онъ выпросилъ у капитана, или рассказъ мой о Саалѣ? Вѣроятно, послѣднее. Уходя и прощаясь со мною, онъ въ первый разъ приложилъ ко лбу ладонь.

Дундуръ, вѣроятно, по его соображеніямъ находилъ, что я могу оказать ему нѣкоторую помощь въ его любовныхъ дѣлахъ. Я имѣлъ несомнѣнныя доказательства убѣдиться въ томъ, что я пока ему нуженъ, а иначе онъ совершенно хладнокровно отнесся бы къ тому, что однажды моя жизнь находилась въ опасности. Капитанъ Малама приобрѣлъ маленькаго тигренка, ему была вырыта возлѣ самой кибитки яма, 2-хъ сажень въ діаметрѣ и аршинъ глубины, гдѣ тигренокъ и проживалъ привязанный на цѣпи. Въ мое присутствіе въ Ташеръ-Ватъ-Кала, тигренку этому было уже три мѣсяца, и когда кто близко приближался къ его берлогу, онъ уже рычалъ, скаля при этомъ зубы. Какъ-то, выходя изъ кибитки, я совершенно потерялъ изъ виду опаснаго сосѣда; оступившись я полетѣлъ въ ничѣмъ не загороженную яму; я услышалъ въ эту минуту неистовое рычаніе звѣря; но, вѣроятно, ошеломленный въ первую минуту, онъ далъ возможность подбѣжавшему въ это время Дундурѣ помочь мнѣ выскочить изъ ямы. Тигренка этого въ скоромъ времени по отъѣздѣ моемъ изъ лагеря застрѣлили.

Насколько была антипатична личность Дундура, настолько же внушала къ себѣ довѣріе и возбуждала общую симпатію въ отрядѣ другая личность: это Атамуратъ-ханъ, не имѣвшій въ отрядѣ особеннаго значенія и пока не игравшій никакой роли.

Находясь подъ впечатлѣніемъ моего разговора въ Баку со Скобелевымъ, обрисовавшимъ его съ прекрасной стороны, я просилъ Маламу пригласить Атамурата напиться съ нами чая. Малама послалъ за нимъ своего переводчика. Атамуратъ не заставилъ долго себя ожидать; черезъ четверть часа онъ вошелъ къ намъ въ кибитку, сопровождаемый посланнымъ. Это былъ высокаго роста старикъ лѣтъ за 60, съ длинной сѣдой бородой и сѣдыми навислыми, на глубоко запрятанные, темносѣрые глаза, бровями, съ крупными, но довольно симпатичными чертами задумчиваго лица. Атамуратъ, поклонившись намъ и, по приглашенію Маламы, усѣвшись на разостланный на полу кибитки коверъ, взялъ своими жирными загорѣвшими руками изъ рукъ капитана поднесенную ему чашку чая. По его разговору можно было заключить, что онъ сильно былъ огорченъ отъѣздомъ Скобелева, на котораго возлагалъ большія надежды; упоминая объ немъ, онъ постоянно вздыхалъ, и при этомъ рѣсницы его учащенно мигали. Какъ бы ничего не зная о постигшей его участи, я черезъ переводчика спросилъ Атамурата, что заставило его покинуть Хиву. «Хивинскимъ ханомъ, моимъ двоюроднымъ братомъ,—сказалъ онъ,—недовольны, онъ грабитъ народъ, и тотъ у него правъ, кто больше ему даетъ денегъ; кромѣ того, онъ жестокій, отрубить голову человѣку ему все равно, что убить собаку; меня же любили въ Хивѣ. Хану донесли, что многіе хотятъ, чтобы я его смѣнилъ; узнавъ объ этомъ, онъ хотѣлъ казнить меня. Я все бросилъ: мои кибитки, мой скоть, овецъ, верблюдовъ, и съ своимъ семействомъ, на одной арбѣ, съ однимъ туркменомъ, который знаетъ русскихъ и хвалилъ ихъ, пріѣхалъ сюда. Можетъ быть, Аллахъ поможетъ мнѣ, и я доживу свои послѣдніе дни на родинѣ». Многое описывалъ мнѣ мрачными красками старикъ Атамуратъ, но, чтобы не утомлять читателя, я ограничусь только слѣдующимъ его рассказомъ. Атамуратъ-ханъ не оставлялъ отряда до послѣдней критической минуты. Когда въ 1871 году отрядъ, подъ предводительствомъ полковника генеральнаго штаба Маркозова, смѣнившаго полковника Столѣтова, предпринялъ движеніе по направленію къ Хивѣ, Атамуратъ-ханъ не вѣрилъ, когда ему говорили, что отрядъ не пойдетъ въ Хиву; ему казалось, что русскіе обманываютъ его; чѣмъ дальше подвигался отрядъ, тѣмъ болѣе укрѣплялась его увѣренность, что наконецъ онъ придетъ на свою родину, и русское войско возвратитъ ему его собственность. Когда же онъ увидѣлъ, что отрядъ, дойдя до Сорока-мышь (мѣстность въ ста верстахъ отъ Хивы), возвращается обратно, то слезы покати-

лись по морщинистому лицу старца. «Аллахъ! Аллахъ!—проговорилъ онъ:—зачѣмъ не идешь въ Хиву?»—обратился онъ къ начальнику отряда со словами, въ которыхъ звучали искреннія ноты:—«не бойся, головою своею ручаюсь, что Хива твоя!» Но такой рѣшительный шагъ не входилъ еще тогда въ наши планы.

На другой день рано утромъ я оставилъ лагерь. Попутчиками моими были нѣсколько офицеровъ, одни ѣхали въ отпускъ, другіе въ Баку по дѣламъ отряда. Конвой состоялъ изъ десяти человекъ казаковъ. Скорымъ шагомъ подвигались мы впередъ; никому и въ голову не приходило, чтобы намъ могла предстоять на пути хоть малѣйшая опасность, такъ привыкли всѣ къ тишинѣ, не нарушавшейся еще ни однимъ непріятельскимъ выстрѣломъ, ни однимъ гикомъ, этимъ пронзительнымъ горловымъ звукомъ туркменъ, бросающихся на врага. Это спокойствіе происходило отъ того, что когда войска наши прибыли на юговосточный берегъ Каспійскаго моря, и вѣсть объ этомъ быстро разнеслась по всей Туркменіи, то, не говоря уже о прибрежныхъ туркменахъ племени іомудовъ, изъявившихъ полную готовность служить нашимъ интересамъ, и съ которыми мы находились въ самыхъ миролюбивыхъ отношеніяхъ, чему, конечно, много способствовала наша морская Астрабадская станція, и другія племена, какъ-то: гоклоны, атабайцы, текинцы, чаудары и проч., хотя и не были намъ покорны, но относились къ намъ болѣе миролюбиво, чѣмъ къ другимъ пограничнымъ странамъ. Уже изъ рассказовъ своихъ единовѣрцевъ іомудовъ, благосостояніе которыхъ такъ замѣтно улучшалось, они постоянно убѣждались, что ни Персія, ни Бухара, ни Хива не могутъ имъ внушить такого довѣрія, какъ Россія. Въ сношеніяхъ съ ними они встрѣчали только обманъ, грабежъ, кулачное право, и, не имѣя возможности открыто протестовать противъ несправедливости, туркмены замѣтно склонялись въ нашу сторону и видимо искали болѣе тѣснаго сближенія съ нами. Столѣтовъ, несмотря на неудачный выборъ хана, поставилъ себя, въ первое время, въ самыя дружескія отношенія къ туркменамъ; онъ настолько изучилъ ихъ языкъ, что могъ объясняться съ ними безъ переводчика, и это давало ему возможность ближе знакомиться съ ними и изучать ихъ нравы и обычаи. Щедро вознаграждая ихъ за услуги и оказывая имъ разностороннюю помощь, онъ тѣмъ улучшалъ ихъ бытъ. Молва о томъ, что русскіе не грабятъ, не жгутъ ихъ ауловъ, а напротивъ платятъ имъ деньги, кормятъ ихъ, облегчала всю Туркменію. Уполномоченные многихъ племенъ пріѣзжали въ лагерь съ миролюбивымъ настроеніемъ и, выслушавъ отъ своихъ единовѣрцевъ и видя собственными глазами ихъ привольность житья-бытья, увозили съ собой эти утѣшительныя для нихъ вѣсти. Часто присутствуя при раздачѣ имъ провизіи въ лагерь, я видѣлъ, съ какою

радостью наполняли они свои хорджуны ¹⁾ мукою, крупкою, масломъ, сахаромъ, чаемъ и самодовольно, съ осторожностью уносили драгоценную ношу. Всѣ эти прекрасныя мѣры сильно расположили туркменъ въ нашу пользу. Вотъ почему тогда такъ безопасны были пути сообщенія между нашими постами.

Часа четыре мы уже были въ пути, безъ малѣйшаго приключенія. А ужъ какъ хотѣлось бы казакамъ хоть немного поразмяться, помѣряться своими силами и выпустить залежавшіяся, Богъ знаетъ съ какого времени, въ ихъ карабинахъ пули. «Глядь, братцы, что за оказія!»—закричалъ урядникъ, и всѣ остановились въ недоумѣннн, увидѣвъ передъ собой на горизонтѣ цѣлое облако пыли, которое какъ будто тащила за собой черная, замѣтно движущаяся лента. Черезъ нѣсколько минутъ стало ясно, что это верховые. «Вотъ, братцы, будетъ работа»,—раздавались голоса. Но было бы безразсудно бросаться на толпу, которую приблизительно мы опредѣляли человекъ въ полтораста. Насъ удивляло, что отрядъ этотъ, видя нашу малочисленность, не нападаетъ на насъ, а, перерѣзавъ намъ путь подъ прямымъ угломъ, удалялся къ восточной оконечности Балхана.

Когда мы пріѣхали въ Мула-Кари, то оказалось, что воинскій начальникъ, штабсъ-капитанъ Якубовскій, отправился съ казаками въ погоню за туркменами. Два туркмена, рода Теке, отправляясь изъ Красноводска въ Хиву, выѣхали изъ форта вмѣстѣ съ однимъ маркизантомъ армяниномъ, направлявшимся въ Ташеръ-Ватъ-Кала. Въ дорогѣ они уговаривали его ѣхать вмѣстѣ съ ними въ Хиву, увѣряя, что онъ съ большой выгодой можетъ продать тамъ свои товары. Когда же армянинъ рѣшительно отказался отъ такого предложенія, то туркмены, доѣхавъ съ нимъ до мѣста, откуда они должны были слѣдовать по различнымъ направленіямъ, отняли у него верблюдовъ и товаръ. Армянинъ, возвратясь въ Мула-Кари, обратился къ штабсъ-капитану Якубовскому, прося его о помощи.

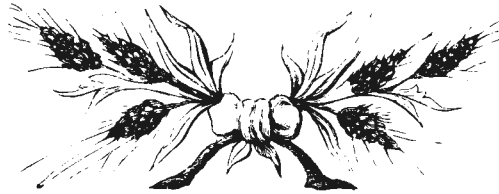
Въ 2 часа по полудни мы оставили Мула-Кари, чтобы продолжать нашъ путь. Проѣхавъ версты три, мы встрѣтили легкій восточный вѣтеръ, который постепенно усиливался, а въ разстояніи около десяти верстъ отъ Мула-Кари превратился въ яростную бурю, которая волнуетъ и потрясаетъ пустыню, какъ море. Ни солнца, ни неба не видать было больше, настала почти ночная тьма, дышать было нечѣмъ. Песокъ, поднимавшійся столбами, наполнялъ всю атмосферу. Песочные холмы казались волнами моря, катившимися съ востока на западъ и каждую секунду готовящимися поглотить насъ. Съ болѣзненнымъ біеніемъ сердца считали мы каждую минуту, приближавшую насъ къ Михайловскому заливу. А что если мы сбились съ дороги?—каждый не-

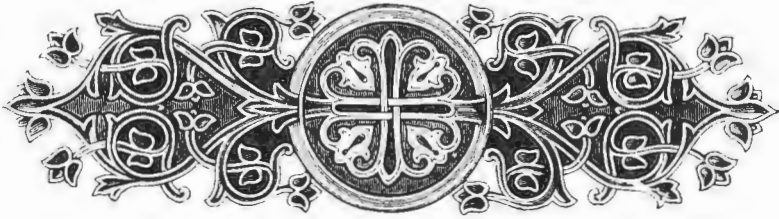
¹⁾ Родъ мѣшка.

вольно задавалъ себѣ этотъ вопросъ; и хотя проводникъ увѣрялъ насъ, что мы уже близко къ Михайловску, но мы какъ будто боялись вѣрить такому благополучному исходу. Нѣсколько разъ мы заставляли его повторять эти утѣшительныя для насъ слова. И какая радость овладѣла нами, когда мы увидѣли Михайловскій заливъ!

С. Гунаропуло.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КАКЪ СЕЛИЛИСЬ СТАРООБРЯДЦЫ НА УСѢ.

РЕДЛАГАЕМЫЙ мною очеркъ представляет собою передачу изустнаго разсказа одного изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ заселеніи долины р. Уса, притока Енисея,—крестьянина старообрядца Степана Павловича Черноусова. Мое знакомство съ С. П. Черноусовымъ произошло слѣдующимъ образомъ. Какъ-то однажды въ бесѣдѣ съ старообрядцами—священникомъ о. Теофилактомъ и священникомъ о. Георгіемъ Шарыповымъ, у насъ зашла рѣчь объ Усинскомъ краѣ и живущихъ тамъ старообрядцахъ. Въ разговорѣ объ этомъ я между прочимъ выразилъ желаніе познакомиться съ исторіей заселенія Усинскаго края старообрядцами отъ людей, такъ или иначе близко стоявшихъ къ этому дѣлу и достаточно о немъ освѣдомленныхъ. На это мнѣ собесѣдники отвѣтили, что это сдѣлать не трудно, что недалеко отъ Томска, въ д. Писанкѣ¹⁾, проживаетъ

¹⁾ Эта деревня получила свое названіе отъ рѣчки Писаной, на которой она расположена. Рѣчка же, въ свою очередь, называется такъ по слѣдующему обстоятельству. На возвышенномъ берегу р. Томи, въ которую впадаетъ Писаная, невдалекѣ отъ впаденія послѣдней, рельефно выдается впередъ большой гладкій камень, часть котораго, около 2 квадр. сажень, испещрена разнаго рода изображеніями, сдѣланными, вѣроятно, еще доисторическими обитателями этихъ мѣстъ. На камнѣ, по словамъ очевидцевъ, начертаны изображенія людей, разнаго рода звѣрей, птицъ и другихъ иногда совершенно фантастическихъ животныхъ. По словамъ тѣхъ же очевидцевъ, часть этихъ изображеній уже значительно утратила свою первоначальную отчетливость. Съ теченіемъ времени такая же опасность угрожаетъ и другимъ изображеніямъ: во время весеннихъ ледоходовъ вода въ Томи подымается до самаго камня, и движеніе льда каждый разъ оказываетъ свое разрушительное дѣйствіе на изображенія. Я не знаю, извѣстны ли эти изображенія мѣстнымъ археологамъ, но во всякомъ случаѣ слѣдовало бы обратить должное вниманіе на этотъ доисторическій памятникъ. Авт.

крестьянинъ-старообрядецъ С. П. Черноусовъ, который игралъ одну изъ главныхъ ролей въ движеніи старообрядцевъ на Усь и который, несомнѣнно, охотно подѣлится со мной своими воспоминаніями. При этомъ собесѣдники предупреждали меня, что С. П. Черноусовъ достигъ уже преклонныхъ лѣтъ, и потому свиданіемъ съ нимъ слѣдуетъ торопиться. Я тогда же рѣшилъ отправиться къ нему при первомъ удобномъ случаѣ въ сопровожденіи рекомендованнаго мнѣ о. Георгіемъ спутника—томскаго старообрядца Я. И. Тимошеева. Но судьба оказалась настолько благожелательной моимъ намѣреніямъ, что мнѣ не пришлось ѣхать къ С. П. Черноусову, что было сопряжено для меня со многими значительными неудобствами. Черезъ нѣсколько дней послѣ разговора съ о. Теофилактомъ и о. Георгіемъ Я. И. Тимошеевъ извѣстилъ меня, что С. П. Черноусовъ самъ прибылъ въ Томскъ и гостить у него, какъ бывшаго близкаго сосѣда по житью въ Чулымской тайгѣ. Я, разумеется, въ тотъ же день постарался увидѣться съ интереснымъ старцемъ и послушать его разсказовъ.

Степанъ Павловичъ дѣйствительно оказался почтеннымъ старцемъ: ему въ настоящее время уже около 75 лѣтъ, хотя при первомъ взглядѣ вы этихъ годовъ ему не дали бы. Густые, длинные желтоватаго цвѣта волосы на головѣ, окладистая большая борода, здоровый, даже нѣсколько румяный цвѣтъ лица, довольно крѣпкое тѣлосложеніе, осанистый средній ростъ вводятъ васъ при первомъ впечатлѣніи въ заблужденіе относительно лѣтъ С. П. Черноусова. И только при болѣе внимательномъ разсматриваніи, замѣтивъ потухающій блескъ мутнѣющихъ глазъ, нѣкоторую нетвердость въ тѣлодвиженіяхъ и частыя уклоненія отъ прямой темы въ рѣчахъ, вы убѣждаетесь, что человекъ дѣйствительно переживаетъ преклонный старческій возрастъ со всеми его органическими и психическими особенностями. Но въ общемъ Степанъ Павловичъ представляетъ собою замѣчательно цѣльный, симпатичный типъ,—типъ человека деревни, «деревенскаго Авраама». Его осанистая, представительная фигура, убѣленная сѣдинами, добродушное довѣрчивое выраженіе лица, какая-то особенная привлекательность въ обращеніи, простота и естественность во всемъ, основанная на глубокомъ сознаніи собственнаго достоинства, невольно заставляли любоваться этимъ человекомъ. Я долго сожалѣлъ, что не имѣлъ возможности запечатлѣть этого симпатичнаго представителя отживающаго типа деревни на бромъ-желатинной пластинкѣ. И я не первый разъ встрѣчаю такихъ замѣчательно типичныхъ субъектовъ среди старообрядцевъ Томской губерніи.

— Охота тебѣ послушать, какъ мы Усь заселяли!?—обратился ко мнѣ Степанъ Павловичъ послѣ перваго привѣтствія и знакомства.—Сказывалъ мнѣ Яковъ Ивановичъ, что больно ты любопытствуешь на счетъ этого. Что же, послушай. Разскажу, что знаю.

Много мы горя хлебнули, сколько хлопотъ да и слезъ, пожалуй, у насъ было! Къ пню, вѣдь, заѣхали. Ни одного тамъ русскаго человѣка допрежь насъ не было. Только и жили одни китайцы. Сойотами еще ихъ зовутъ, а мы все больше ихъ китайцами величали, потому стать-то у нихъ чисто, какъ у китайцевъ же. Ничего, народъ смиренный... Обиды никакой мы отъ нихъ не видали, шибко большой-то. Ну, да и то сказать, какая обида можетъ быть: земли тамъ эвона сколь, на всѣхъ хватало. Не знаю, какъ теперь тамъ живутъ. Нынче тамъ нашихъ-то христіанъ (т.-е. старообрядцевъ) званія, почитай, говорятъ, не осталось: всѣ разошлись, а на ихъ мѣсто великороссейскіе приселились.

— Да нынче ужъ вездѣ такъ пошло. Вотъ и у насъ тоже...

— Вѣрно, и здѣсь то же самое. Гдѣ, значить, по тайгѣ были наши займки, вездѣ теперь поселки строятся. Сколько изъ Рассеи этого народу претъ,—страсть! Скоро отъ нашей тайги только пни одни останутся. Имъ все ни по чемъ. Помнишь, Яковъ Ивановичъ, колочекъ около Х—вской-то пасѣки,—какой тутъ малинникъ знатный былъ! Сколько мы каждое лѣто ягодъ набирали! А нынче ничего тутъ нѣтъ: весь малинникъ новоселы повыкосили: «намъ, говорятъ, ягода не нужна, намъ траву надо». Да мало ея, травы-то, по тайгѣ-то? Отойти къ другому мѣсту, да и коси сколь хошь. Все вотъ такъ испакосятъ. И имъ житья не будетъ, да и намъ не дадутъ. Такой ужъ народъ поперешный,—чего съ ними подѣлаешь!.. Вотъ тоже и обитель-то (старообрядческую) хотѣли зорить, все изъ-за нихъ же. Да еще оставили, видно, пока... Что Господь дастъ!..

— А вы, Степанъ Павловичъ, объ Усѣ-то слышали что нибудь, прежде чѣмъ туда ѣхать?—прервалъ эти жалобы, обычныя въ рѣчахъ старожиловъ, Яковъ Ивановичъ.

— Какъ не слышали. Слыхъ-то давно доходилъ до насъ о тамошнихъ-то мѣстахъ. Только много горя все-таки хватили мы тамъ. Да вотъ слушайте, начну вамъ съ краю...

И началъ.

До переселенія въ Усинскій край Степанъ Павловичъ со многими другими товарищами по предпріятію жилъ въ деревнѣ Карасукской, Кобырдакской волости, Тюкалинскаго округа, Тобольской губерніи. Здѣсь, «на старинѣ», онъ имѣлъ хорошій домъ, вель обширное хозяйство и вообще считался однимъ изъ зажиточныхъ крестьянъ своей деревни. Предки его были исконные старообрядцы, бѣжавшіе въ Сибирь изъ Россіи, по гоненіямъ за вѣру. Самъ Степанъ Павловичъ хотя и не грамотный, но такъ же крѣпко былъ привязанъ къ старымъ обрядамъ и вмѣстѣ съ другими болѣлъ душой за невозможность сбродно и не таясь держаться старой вѣры и выполнять всѣ ея требованія. Такое душевное настроеніе было общимъ для тогдашнихъ сибирскихъ старообрядцевъ. Гоненія со стороны земскихъ и духовныхъ властей, необходимость постоянно

таиться въ исполненіи требованій вѣры, прекратившаяся возможность «окормляться бѣгствующимъ священствомъ» и вообще отсутствіе вѣроисповѣдной свободы и всякаго рода утѣшенія, принимаемая за вѣру, сильно волновали сибирское старообрядчество. Въ концѣ же пятидесятихъ и началѣ шестидесятихъ годовъ, когда въ Сибирь стало направляться переселенческое движеніе, и многія потаенныя до того мѣста, которыми безраздѣльно владѣли одни старообрядцы, начали заселяться пришельцами изъ Россіи—послѣдователями господствующей церкви, старообрядцамъ стало совѣмъ «утѣснительно», и многіе изъ нихъ,—тѣ, которымъ такая утѣснительность «сдѣлалась не въ моготу»,—рѣшили искать новыхъ мѣстъ, гдѣ было болѣе свободно и гдѣ можно было бы устроить свою жизнь сообразно со всѣми требованіями «древляго благочестія». Такими мѣстами, естественно, были глухіе углы сравнительно еще мало заселенной Восточной Сибири: туда и стремились недовольные *statu quo* западно-сибирскіе старообрядцы.

Къ числу недовольныхъ современнымъ положеніемъ дѣль принадлежалъ и Степанъ Павловичъ, и онъ примкнулъ къ народившемуся тогда движенію въ пустынные мѣста. Партія старообрядцевъ, въ которой отправился Степанъ Павловичъ, состояла изъ жителей не только Сибири—Тобольской и Томской губерній, но и Урала. Здѣсь были представители и Пермскаго и Уфимскаго старообрядчества. Партія эта составила путемъ предварительныхъ, довольно продолжительныхъ письменныхъ сношеній. Маршрутъ партіи былъ направленъ въ Минусинскій округъ Енисейской губерніи, издавна славившійся плодородіемъ своей почвы и вообще всякими угодьями для землевладѣльца, и въ частности въ Усинскій край, рисовавшійся представленію старообрядцевъ наиболѣе отвѣчающимъ ихъ желаніямъ по своей пустынности. Хотя объ Усѣ переселенцы въ то время уже и были слышаны отъ своихъ минусинскихъ одновѣрцевъ, тѣмъ не менѣе представленіе ихъ о немъ было очень смутно и неопредѣленно.

Прежде чѣмъ отправиться въ путешествіе, переселенцы всѣ запаслись увольнительными приговорами отъ своихъ обществъ для поселенія на «новыхъ мѣстахъ», какія ими будутъ найдены. Распродавъ свое имущество и простившись съ родиной и земляками, отправились переселенцы въ путь и вмѣстѣ съ ними и Степанъ Павловичъ съ своею женою. Дѣтей у Степана Павловича въ то время не было, между тѣмъ религиозное чувство его было настолько приподнято, что онъ серіозно задумывалъ оставить «міръ» и жену, убѣдивъ ее послѣдовать своему примѣру, и, если новое мѣсто будетъ благоприятствовать тому, начать жизнь иноческую, подвижническую. Съ этой мыслью онъ отправился въ путь, съ этой же мыслью онъ селился на новомъ мѣстѣ.

Переселенцы двинулись съ своихъ мѣсть въ началѣ лѣта 1863 года, а прибыли въ Минусинскій округъ въ концѣ августа того же года. Привалъ былъ сдѣланъ въ деревнѣ Салбѣ, гдѣ партія и рѣшила провести зиму. Здѣсь, въ этой деревнѣ, наши переселенцы въ первый разъ получили объ Усинскомъ краѣ болѣе точныя и опредѣленныя извѣстія. Дѣло въ томъ, что хотя русская колонизація въ то время еще совсѣмъ не касалась Усинскаго края, и въ немъ не было еще ни одного русскаго поселка, но мѣстные «промышленные и торговые люди» вели уже тамъ значительныя торговыя дѣла и имѣли рыбныя ловли. Торговля, по преимуществу мѣновая на продукты мѣстныхъ скотоводовъ, производилась отчасти съ туземными обитателями, урянхайцами или сойотами, отчасти съ пограничными китайскими инородцами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти промышленные люди имѣли даже свои дома или заимки, изъ которыхъ производили рыбную ловлю и вели торгъ съ инородцами. Въ числѣ такихъ торговцевъ былъ между прочимъ одинъ мѣстный обыватель, нѣкто Макаръ Степановичъ Казанцевъ, который и сообщилъ переселенцамъ первыя детальныя свѣдѣнія объ Усинскомъ краѣ и даже вызвался провести ихъ туда. Наши переселенцы, выслушавъ, рассказы Казанцева, нашли, что ничего лучшаго имъ и искать болѣе не надо, и тогда же рѣшили, пользуясь его предложеніемъ, поселиться на рѣкѣ Усѣ. Съ этою цѣлью они тотчасъ же возбудили соотвѣтствующее ходатайство предъ мѣстными властями. Къ партіи пришельцевъ присоединилось къ этому времени еще значительное количество мѣстныхъ старообрядцевъ, также изъявившихъ желаніе переселиться на Усѣ. Для ходатайства предъ губернскими властями всей группой переселенцевъ было выбрано три ходока—С. П. Черноусовъ, Андрей Семеновичъ Шмаковъ и Лаврентій Ѳедоровичъ Ведерниковъ; первый изъ нихъ былъ представителемъ приходной партіи, а послѣдніе двое — мѣстныхъ крестьянъ. Эти три ходока 10 сентября 1863 г. отправились по Енисею на лодкѣ въ Красноярскъ, гдѣ и подали въ мѣстную казенную палату отъ своихъ довѣрителей въ количествѣ около 100 душъ прошеніе о дозволеніи имъ поселиться въ долину рѣки Уса. Прошеніе ихъ приняли, а самимъ велѣли вернуться въ свое мѣсто и ждать тамъ резолюціи палаты. Въ срединѣ октября казенная палата чрезъ мѣстную полицію увѣдомила переселенцевъ, что къ поселенію ихъ на рѣкѣ Усѣ съ ея стороны не имѣется препятствій. Но тутъ случилось одно обстоятельство, которое заставило ходоковъ еще разъ съѣздить въ Красноярскъ. Дѣло въ томъ, что прошеніе было подано ими отъ лица только тѣхъ, кто имѣлъ увольнительные приговоры отъ своихъ обществъ на поселеніе въ новыхъ мѣстахъ, между тѣмъ, пока разсматривалось это прошеніе въ казенной палатѣ, къ партіи примкнуло еще значительное количество лицъ, также пожелавшихъ поселиться на Усѣ, но не имѣвшихъ увольни-

тельныхъ приговоровъ и снабженныхъ только одними паспортами. Для исходатайствованія разрѣшенія на поселеніе въ Усинскомъ краѣ и этимъ лицамъ партія снова отправила Степана Павловича и Шмакова въ Красноярскъ. Здѣсь, въ казенной палатѣ, ходоки случайно встрѣтились съ губернаторомъ, который, подробно разспросивъ ихъ объ обстоятельствахъ дѣла, отпустилъ ихъ домой, обнадеживъ дозволеніемъ поселиться на Усѣ и неимѣвшимъ увольнительныхъ приговоровъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора съ губернаторомъ ходоковъ дѣйствительно вызываютъ въ Минусинскъ къ исправнику для выслушанія резолюціи на второе прошеніе. Выслушавъ «бумагу» казенной палаты, разрѣшающую селиться на Усѣ всѣмъ желающимъ, хотя они и не имѣли бы увольнительныхъ приговоровъ, и подаривъ исправнику (вѣроятно, за чтеніе бумаги) 10 рублей, наши ходоки отправились домой, въ Салбу, чтобы начать приготовленія къ переселенію.

Въ началѣ января 1864 г. Казанцевъ отправлялся съ товарами на рѣку Усѣ, въ свою займку. Пользуясь этимъ случаемъ и сдѣланнымъ ранѣе предложеніемъ Казанцева провести переселенцевъ до Уса, партія выбрала изъ своей среды 30 человекъ ходоковъ, въ число которыхъ опять попалъ Степанъ Павловичъ, для осмотра и присканія подходящаго мѣста для поселенія. Отправляясь въ путь, ходоки по совѣту Казанцева, запаслись топорами и ломами, необходимыми для расчистки дороги. Поѣхали верхами. Ъхали сначала около 300 верстъ по рѣкѣ Енисею, по льду, до устья рѣки Уса, а затѣмъ еще около 100 верстъ по Усу до того мѣста, гдѣ была торговая изба Казанцева. Весь этотъ путь былъ сопряженъ съ большими препятствіями и неудобствами. Ледъ покрывалъ Енисей не сплошной ровной поверхностью, а сшибаемый низовымъ вѣтромъ замерзалъ въ видѣ торосовъ, громадныхъ обрывистыхъ непроходимыхъ утесовъ, которые притомъ довольно часто чередовались съ большими полыньями, чуть-чуть подернувшими тонкимъ слоемъ льда. Большихъ трудовъ стоило нашимъ путникамъ преодолевать эти препятствія. Тороса приходилось разбивать топорами и ломами, прежде чѣмъ перебираться черезъ нихъ; въ полыньяхъ, незамѣтныхъ для глаза,—принимать неожиданныя холодныя ванны. Въ одной такой полыньѣ путники чуть-чуть было не утопили нѣсколькихъ лошадей, и только скорая помощь и указанія опытнаго въ такихъ случаяхъ Казанцева спасли ихъ отъ потопленія. Отъ избы Казанцева ходоки еще отѣхали нѣсколько десятковъ верстъ вверхъ по Усу, гдѣ, по словамъ Казанцева, было болѣе удобное мѣсто для поселенія. Мѣсто это дѣйствительно понравилось ходокамъ, и они, рѣшивъ обосноваться на немъ, вернулись тѣмъ же путемъ въ Салбу.

Въ февралѣ того же 1864 года, чтобы поспѣть на мѣсто до начала весеннихъ полевыхъ работъ, вся партія переселенцевъ, въ

количествѣ около 250 подводъ и около 100 семей, подъ главнымъ водителемъ С. П. Черноусова, отправилась на новыя мѣста. Такъ какъ путь предстоялъ довольно продолжительный и по мѣстности большею частью пустынной, то всѣ заранее запаслись въ достаточномъ количествѣ печенымъ хлѣбомъ, крупами, нѣкоторыми овощами и прочей провизіей. Большое количество подводъ, значительно превышающее число переселяющихся семей, объясняется тѣмъ, что всѣ переселенцы запаслись на первое лѣто житья въ новомъ мѣстѣ мукой, крупами, овощами, сѣномъ, овсомъ и другими жизненными припасами. Степанъ Павловичъ везъ, на примѣръ, съ собой до 400 пудовъ муки. Несмотря на всѣ эти запасы, многимъ переселенцамъ, какъ увидимъ ниже, пришлось однако испытать всѣ бѣдствія голода въ пустынной мѣстности.

Вездѣ по встрѣчавшимся на пути деревнямъ и селамъ ѣхали новоселы благополучно, только въ самой послѣдней деревнѣ, Означенной, за которой уже начиналась тайга, случился небольшой казусъ, который нѣсколько задержалъ ихъ. Причиной этой задержки была чрезмѣрная осторожность старосты деревни Означенной. Дѣло въ томъ, что когда староста увидѣлъ въѣзжающій въ деревню громадный обозъ переселенцевъ, въ его головѣ невольно возникъ тревожный вопросъ, куда передвигается такая масса народа. Когда же онъ узналъ, что эти люди идутъ на Усть для поселенія тамъ, то къ первому вопросу присоединился другой, еще болѣе тревожный, — съ разрѣшенія ли начальства совершается это переселеніе, и онъ остановилъ обозъ, объявивъ, что далѣе онъ не пуститъ его до тѣхъ поръ, пока ему не будетъ представлено надлежащее разрѣшеніе. Напрасно переселенцы и пріотставшій немного главный вожакъ ихъ Черноусовъ, прибывшій въ деревню только на другой день утромъ, старались убѣдить старосту, что ничего противозаконнаго въ ихъ переселеніи нѣтъ, что оно совершается съ разрѣшенія губернатора и казенной палаты, что ихъ не останавливало волостное правленіе, мимо котораго они проходили, и которое во всякомъ случаѣ не пропустило бы ихъ, еслибы имѣло къ тому какія либо основанія, — староста твердо оставался при своемъ мнѣніи, требуя отъ переселенцевъ «бумаги» отъ начальства для пропуска на Усть. Положеніе было не изъ пріятныхъ: приходилось оставаться и ждать нѣсколько дней, пока не будетъ добыта требуемая старостой бумага. Между тѣмъ время было дорого, каждый лишній день въ дорогѣ утомлялъ путниковъ и истощалъ запасы провизіи, и безъ того у многихъ не особенно достаточные. Выходъ изъ этого положенія придумалъ Степанъ Павловичъ. Созвавъ деревенскихъ стариковъ, онъ въ ихъ присутствіи поставилъ старостѣ такой ультиматумъ: онъ, Черноусовъ, немедленно отправляется въ Минусинскъ къ исправнику за «бумагой», но съ тѣмъ условіемъ, что если этой бумаги онъ не достанетъ, то-есть, если переселеніе совершается незаконно,

безъ разрѣшенія начальства, то содержаніе людей и скота за все время своей поѣздки онъ принимаетъ за свой счетъ; если же требуемую старостой бумагу онъ привезетъ, то стоимость этого содержанія тогда уже долженъ принять на свою отвѣтственность староста. Такое рѣшительное заявленіе Степана Павловича принять на свой счетъ содержаніе болѣе 200 подводъ и цѣлой сотни семей въ теченіе нѣсколькихъ дней подѣйствовало на стариковъ самымъ убѣдительнымъ образомъ, и они стали доказывать старостѣ, что во всякомъ случаѣ онъ, Черноусовъ, не могъ бы взять на себя такого огромнаго обязательства, еслибы не имѣлъ за собою самыхъ положительныхъ основаній, и что въ самомъ дѣлѣ не можетъ же переселяться такая масса народа такъ себѣ, очертя голову, безъ всякаго разрѣшенія начальства. Эти убѣжденія стариковъ и ультиматумъ Черноусова подѣйствовали на старосту успокоительнымъ образомъ и онъ не сталъ болѣе задерживать переселенцевъ. Но послѣдніе, какъ бы то ни было, все-таки потеряли вслѣдствіе этихъ недоразумѣній цѣлый день.

Путешествіе отъ деревни Означенной по совершенному бездорожью и по пустынной мѣстности сопровождалось, разумѣется, многими лишениями. Проводить ночи приходилось подъ открытымъ небомъ на свѣгу у горѣвшихъ цѣлую ночь костровъ. Особенныя бѣдствія выпадали на долю тѣхъ семей, гдѣ были дѣти: ихъ завертывали съ головы до ногъ въ шубы и въ такомъ видѣ укладывали въ кибитки изъ кошмъ и холста, почти не вытаскивая оттуда. Однако какъ-никакъ до мѣста добрались всѣ въ полномъ здоровьѣ. Дорожныя лишенія никакихъ особенныхъ неблагоприятныхъ послѣдствій не имѣли. По прибытіи на мѣсто, тотчасъ же принялись за постройку домовъ. Кругомъ лѣсу было вдоволь, и потому переселенцы въ большинствѣ стали съ перваго же раза строить себѣ довольно помѣстительные дома въ нѣсколько комнатъ. С. П. Черноусовъ, на-примѣръ, сталъ строить себѣ домъ, который состоялъ изъ «горницы», чистой половины, и избы, то-есть кухни, которая вмѣстѣ съ тѣмъ была, какъ обыкновенно у крестьянъ, и столовой и спальней. Въ чистой же половинѣ, горницѣ, принимались только гости и совершались богомоленья на праздникахъ. Такъ обосновались старообрядцы на Усѣ, построивъ здѣсь двѣ—неподалеку одна отъ другой деревни—Верхъ-Усинскую и Нижне-Усинскую.

Въ то время, какъ производилась постройка, новоселовъ посѣтили сойоты, прослышавшіе уже о своихъ новыхъ сосѣдяхъ. Въ общемъ туземцы остались не особенно довольны такимъ сосѣдствомъ, по крайней мѣрѣ, на первое время, и стали оспаривать у старообрядцевъ право на житѣ въ Усинскомъ краѣ. Продолжая, вѣроятно, считать земли по Усу все еще китайскими, они говорили новоселамъ: «Зачѣмъ здѣсь селитесь!? Не ваша здѣсь земля. Вашему царю богдыханъ Амуръ подарилъ, а объ Усѣ только слово

было. Нельзя вамъ здѣсь жить: это—наша земля». Но такія рѣчи сойотовъ не производили ровно никакого впечатлѣнія на переселенцевъ. На всѣ протесты туземцевъ они твердили одно, что селиться здѣсь имъ разрѣшила казенная палата, и что даже самъ исправникъ противъ этого ничего не имѣетъ. Такъ и уѣхали сойоты ни съ чѣмъ. Впрочемъ они скоро примирились съ совершившимся фактомъ и затѣмъ завязали оживленныя сношенія съ своими новыми сосѣдями.

Послѣ постройки домовъ старообрядцы принялись за пашню: подняли цѣлину, засѣяли ее и стали ждать урожая. Хотя всходы хлѣбовъ и подавали надежды на хорошій урожай, но прежде чѣмъ новоселы дождались его, многимъ изъ нихъ пришлось перенести мучительныя бѣдствія форменной голодовки. Дѣло въ томъ, что очень многимъ семьямъ привезеннаго изъ Минусы хлѣба хватило только до конца мая, а нѣкоторымъ даже только до Пасхи, въ началѣ же юня почти у всѣхъ уже его не было. Пришлось голодать и питаться вмѣсто хлѣба разнаго рода суррогатами. Кромѣ травъ и кореньевъ, употребляли въ пищу сосновые и березовыя гнилушки, которыя предварительно тщательно просушивались и затѣмъ перемалывались въ муку. Изъ этой муки, съ добавленіемъ микроскопической дозы хлѣбной, стряпали хлѣбы и ѣли. Что это были за хлѣбы, и какъ ими питались старообрядцы-новоселы, забравшіеся въ глухую пустыню, можно себѣ представить на основаніи хотя бы тѣхъ же недавно пережитыхъ населеніемъ нѣкоторыхъ губерній голодовокъ. Болѣе зажиточные переселенцы, привезшіе съ собою хлѣба въ избыткѣ, разумѣется, не отказывали въ помощи своимъ бѣдствующимъ одновѣрцамъ: одни давали займы, другіе просто благотворили нуждающимся. Такъ, на примѣръ, Степанъ Павловичъ рассказываетъ про свою жену, что во время переживания населеніемъ самыхъ острыхъ страданій отъ голода она почти каждый вечеръ выставяла за ворота по мѣшку съ мукой. Ночью нуждающіеся приходили и брали, кому сколько было надо. Голодъ кончился только тогда, когда созрѣлъ хлѣбъ на поляхъ, и когда началась его уборка. Итакъ первый годъ жизни на новомъ мѣстѣ остался глубоко памятнымъ для старообрядцевъ-переселенцевъ.

Въ первый же годъ жизни старообрядцевъ въ Усинскомъ краѣ къ нимъ стали понемногу прибывать отовсюду, и изъ Сибири и изъ Россіи, разнаго рода «взыскующіе» вѣроисповѣдной свободы и бѣжавшіе отъ утѣсненій на родинѣ одновѣрцы. Большинство этихъ новыхъ пришельцевъ не имѣло не только увольнительныхъ приговоровъ отъ своихъ прежнихъ обществъ, но даже и обычныхъ паспортовъ. Были среди нихъ даже люди, уклонявшіеся отъ суда и наказанія, но тоже за проступки «противъ вѣры». Всѣ они просили усинцевъ принять ихъ въ свое общество. Но такъ какъ принимать такихъ лицъ, не имѣющихъ никакихъ установленныхъ ви-

довъ о личности, было не только рискованно, но и прямо невозможно, то усинцы обратились къ восточно-сибирскому генералъ-губернатору съ ходатайствомъ о разрѣшеніи имъ этого вопроса въ утвердительномъ смыслѣ. Ходатайство усинцевъ, вѣроятно, въ видахъ успѣшной колонизаціи края, было уважено: имъ было разрѣшено принять въ свое общество всѣхъ пожелавшихъ къ нимъ причислиться безпаспортныхъ пришельцевъ. Принимали и записывали ихъ такъ, кто какъ назывался. Если, на примѣръ, называлъ себя такой пришелецъ Иваномъ Петровичемъ, его и записывали: «Иванъ Петровичъ Петровъ». Всего принято было такихъ новоселовъ человѣкъ до 60, и среди нихъ, между прочимъ, нѣкто Иванъ Аѳанасьевичъ, пришедшій вмѣстѣ съ главной партией, въ движеніи которой на Усѣ онъ былъ главнымъ вдохновителемъ, какъ руководитель религиозно-нравственной жизни старообрядцевъ-поселенцевъ. Съ именемъ этого Ивана Аѳанасьевича между прочимъ связано первое криминальное дѣло на Усѣ.

Человѣкъ очень грамотный по-старообрядчески и въ разнаго рода писаніяхъ отеческихъ и древлеписьменныхъ довольно начитанный, Иванъ Аѳанасьевичъ имѣлъ большой учительско-религиозный авторитетъ въ усинскомъ населеніи. Исполняя роль наставника и руководителя въ церковно-религиозной жизни колоніи, Иванъ Аѳанасьевичъ извлекалъ, разумѣется, изъ этого немалыя матеріальныя выгоды для себя и ревниво оберегалъ свой авторитетъ отъ покушенія на его твердость и высоту, тѣмъ болѣе, что, какъ надо полагать, въ дѣйствительности личныя качества его не вполне соответствовали этой высотѣ. Это видно изъ того, что одинъ изъ усинцевъ, зная за Иваномъ Аѳанасьевичемъ нѣкоторыя слабыя стороны, неоднократно заиралъ ему въ нихъ. Въ чемъ заключались эти слабости Ивана Аѳанасьевича, и какъ именно заиралъ ему этотъ усинецъ, Степанъ Павловичъ не сообщилъ. На мои старанія выяснить это темное мѣсто онъ отвѣчалъ только однимъ, что Ивана Аѳанасьевича «врагъ попуталъ». Но какъ бы то ни было, эти заиранія сдѣлались настолько частыми и чувствительными для авторитета Ивана Аѳанасьевича, что онъ рѣшился на самое крайнее средство, или, по выраженію Степана Павловича, окончательно «въ лапы ко врагу впутался». Подговоривъ трехъ своихъ ближайшихъ клеветовъ, наиболѣе преданныхъ, и выбравъ удобный случай при рубкѣ лѣса въ одномъ глухомъ горномъ углу, онъ съ помощью подговоренныхъ самымъ злодѣйскимъ образомъ расправился съ ничего неподозрѣвавшимъ несчастнымъ «зазирателемъ». Хотя трупъ убитаго и былъ спрятанъ въ самомъ потаенномъ мѣстѣ, и самъ убитый былъ объявленъ просто пропавшимъ безъ вѣсти, однако со смертью зазирателя авторитетъ Ивана Аѳанасьевича не только не укрѣпился, напротивъ очень скоро сошелъ совсѣмъ на нѣтъ. Заиранія убитаго не остались безплодными, не-

довольныхъ Иваномъ Аванасьевичемъ было уже много и, между прочимъ, въ числѣ ихъ Степанъ Павловичъ, и они сразу же заподозрѣли его виновникомъ исчезновенія зазирателя. Объ этомъ обстоятельстве было сообщено ими надлежащей власти, и когда прибылъ слѣдователь и сталъ производить дознаніе, то соучастники убійства, мучимые совѣстью, принесли полное сознаніе. Однако слѣдствіе тянулось долго, и какъ будто слѣдователь, котораго Степанъ Павловичъ называетъ «его сіятельствомъ», намѣренно его затягивалъ, не допрашивая главнаго виновника ¹⁾). Наружнымъ мотивомъ къ этому затягиванію служило то, что трупа убитаго на томъ мѣстѣ, которое было указано сознавшимися, не было найдено, по предположенію же Степана Павловича главное значеніе тутъ играли тѣ 17 червонцевъ, которые были вымѣнены слѣдователемъ у Ивана Аванасьевича за какіе-то не особенно цѣнные подарки отъ сойотовъ. Но какъ бы то ни было, въ виду явныхъ уликъ противъ Ивана Аванасьевича, дѣла нельзя было тянуть до безконечности. На допросѣ Иванъ Аванасьевичъ сознался въ приписываемомъ ему преступленіи, указавъ перепрятанный имъ трупъ убитаго, и слѣдователь долженъ былъ его арестовать. Скованный по рукамъ и ногамъ желѣзными кандалами, бывшій наставникъ вмѣстѣ со своими клеветами былъ прикованъ къ плоту и отправленъ въ Минусинскую тюрьму. Послѣ этого событія, взволновавшаго старообрядческую колонію, жизнь ея потекла обычнымъ порядкомъ, тихо и мирно.

Черезъ два-три года послѣ этого печальнаго происшествія, тихая жизнь колоніи была взволнована другимъ болѣе значительнымъ событіемъ, но уже совсѣмъ иного характера. Это была попытка отыскать въ Китаѣ издревле скрывавшееся тамъ общество «христіанъ», окормлявшееся священствомъ дониконовскаго поставленія. Среди русскихъ старообрядцевъ издавна уже существуетъ убѣжденіе, что здѣсь-то за морями и горами, «въ восточной сторонѣ», существуетъ Нипонское царство, въ которомъ нерушимо и невредимо содержится дониконовская вѣра со всеми ея благочестивыми особенностями и обрядами. Туда, въ это царство, по рассказамъ старыхъ людей, бѣжали при Никоновѣ гоненіи многіе христіане, оставшіеся вѣрными древлеотеческому благочестію вмѣстѣ съ попами и епископами. И теперь тамъ, при полной свободѣ, совершается богослуженіе по древнимъ ненарушеннымъ Никоновскимъ исправленіемъ обрядамъ въ многочисленныхъ сіяющихъ благолѣпіемъ церквахъ съ крестами и краснымъ звономъ колокольнымъ.

¹⁾ Вѣроятно, это былъ тотъ авантюристъ, по выраженію г. А. В. Адрианова (см. «Вост. Обзор.» 1882 г., № 14), князь Апокидзе, который былъ командированъ отъ иркутскаго генералъ-губернатора въ Усинскій край для разбора недоразумѣній, возникшихъ между русскими купцами и китайскими инородцами.

Убѣжденіе это было одно время настолько сильно среди старообрядцевъ, что неоднократно ими были дѣлаемы попытки къ отысканію этого счастливаго Нипонскаго царства, но всякій разъ въ самомъ же началѣ оканчивались полнымъ фіаско. Наряду съ этимъ полу-фантастическимъ Нипонскимъ царствомъ, содержащимъ нерушимо древлеотеческую вѣру, среди старообрядцевъ, особенно сибирскихъ, съ 1840-хъ годовъ распространилось мнѣніе, что гдѣ-то въ Китайской землѣ существуетъ такъ называемое «Бѣловодье», гдѣ также держится нерушимо «древле-православная» вѣра. Распространилось это мнѣніе среди старообрядцевъ по слѣдующему случаю. Лѣтъ 50 тому назадъ въ одной изъ газетъ было напечатано извѣстіе о русскомъ поселеніи въ Китаѣ. Нечаянно открылъ его одинъ армянинъ, искавшій своего должника татарина. Въ долгихъ поискахъ своего кредитора (?) армянинъ и доѣхалъ до русскаго поселенія (невдалекѣ отъ г. Хатона), попасть въ него онъ не могъ за отсутствіемъ переправы, но видѣлъ русскую церковь и слышалъ звонъ колоколовъ. Вода въ рѣкѣ, за которой стояло русское селеніе, была бѣлаго цвѣта, отсюда у бухтарминцевъ и названіе этой таинственной мѣстности «Бѣловодье». Объ этомъ Бѣловодѣ бухтарминцы узнали или случайно изъ газетъ, чрезъ начальство или духовенство, или всего вѣрнѣе отъ того же армянина, такъ какъ дорога изъ Китая идетъ и чрезъ Бухтарминскій край. Для старовѣра-бухтарминца, искателя истинной вѣры, этого извѣстія было достаточно, чтобы зародить въ немъ убѣжденіе, что въ этомъ поселеніи, удаленномъ отъ всякаго никоніанскаго вліянія, должна сохраниться старая неиспорченная новшествами вѣра ¹⁾. Такое важное для старообрядцевъ извѣстіе, разумѣется, не прошло безслѣдно. Одинъ бухтарминскій старообрядецъ, крестьянинъ Хрисанъ Бобровъ, три раза предпринималъ путешествіе въ Китай для розысковъ Бѣловодья. Въ первый разъ, «въ точности неизвѣстно въ какомъ году выступила въ Китай подъ водительствомъ Боброва партія въ 27 семей. Пока шли по плодороднымъ мѣстамъ, пока взятые изъ дома запасы не истощились, все обстояло благополучно; но, наконецъ, пришлось итти по степи Гоби, и вотъ старовѣрамъ, разборчивымъ до мелочности въ пищѣ, пришлось ѣсть конину, даже кожу. Многіе погибли отъ голода и жажды. Въ концѣ концовъ рѣшили раздѣлиться на двѣ партіи—одна отправилась искать дорогу, другая воду. Одна изъ партій погибла безслѣдно, а другая съ Бобровымъ воротилась. Но такая неудачная экспедиція не отбила желанія у энергичнаго Боброва отыскать Бѣловодье» ²⁾. Организуя вторую экспедицію, Бобровъ, уже наученный опытомъ, заручился на этотъ разъ

¹⁾ «Сибирь» 1898 г., № 5. «Исканіе Бѣловодья крестьянами Бухтарминскаго края».

²⁾ Ibidem.

проводникомъ киргизомъ; но въ силу какихъ-то недоразумѣній экспедиція разсталась съ проводникомъ и, пространствовавъ долгое время по Китаю, она опять не нашла Бѣловодья, а добралась до китайской провинціи «Турпани» (вѣроятно, Турфанъ), откуда чрезъ нѣсколько лѣтъ была выдворена на родину китайскими властями. Въ 1889 г. тотъ же неутомимый Бобровъ организовалъ 3-ю экспедицію. Она вызвана была слухами, что пресловутое Бѣловодье находится въ верховьяхъ р. Енисея въ китайскихъ предѣлахъ, и что тамъ не только сохранилась старая вѣра, но есть даже полная іерархія. Но эта послѣдняя экспедиція также потерпѣла фіаско: «отрядъ казаковъ воротилъ съ дороги злополучныхъ искателей древлей вѣры и іерархіи» ¹⁾.

Эти же самые слухи о нахожденіи Бѣловодья въ верховьяхъ Енисея, вѣроятно, вызвали и въ усинцахъ попытки къ отысканію счастливаго края. Организаторомъ этихъ поисковъ здѣсь явился нашъ знакомый С. П. Черноусовъ. Выправивъ себѣ и тремъ своимъ товарищамъ по полугодовому заграничному паспорту, въ 1869 году, т.-е. ровно на 20 лѣтъ ранѣе третьей экспедиціи Боброва, около среды мая («за двѣ недѣли до Троицы»), Степанъ Павловичъ отправился въ китайскія земли на поиски «русскихъ людей, окормляющихся священствомъ дониконовскаго ставленія». Надо, однако, замѣтить, что самъ Степанъ Павловичъ при разсказѣ не называлъ разыскиваемого имъ мѣста жительства русскихъ людей въ Китаѣ Бѣловодьемъ, а просто «русскими людьми», «русской рѣчью», но изъ сопоставленія его разсказа съ приведенной замѣткой о Бѣловодѣ можно понять, что имъ разыскивалось именно оно. «Напрасно говорятъ, добавлялъ, напримѣръ, онъ, что гдѣ-то въ верховьяхъ Енисея живутъ русскіе люди,—самъ все выходилъ,—нигдѣ ихъ нѣтъ тамъ и не было». Отправившись путешественники верхами, взявъ съ собою достаточный запасъ провизіи и незначительное количество товара, разнаго рода мелочи, имѣющей сбытъ среди китайскихъ инородцевъ. Послѣдній имъ нуженъ былъ потому, что они маскировали истинную цѣль своего путешествія и ѣхали въ Китай подъ видомъ торговцевъ, а отчасти— и для подарковъ инородцамъ въ случаѣ нужды.

Переваливъ границу съ Китаемъ, путешественники сначала направились къ востоку и, не доѣзжая 4 «станковъ» до Кяхты, повернули къ юго-западу, по направленію къ г. Улясутаю, но до послѣдняго они также не доѣхали 3 «станковъ» и сначала отвернули отъ него къ западу, а затѣмъ взяли на сѣверо-западъ, по направленію къ Усу. Въ срединѣ сентября, «недѣли за двѣ до Покрова», путники вернулись домой, сдѣлавъ всего болѣе 2 тысячъ верстъ и не найдя нигдѣ ни русскихъ людей, ни русской

¹⁾ Ibid.

рѣчи. Путники не нашли того, чего искали, тѣмъ не менѣе убѣжденіе въ томъ, что гдѣ-то «въ восточной сторонѣ» обрѣтается русскій народъ, содержащій дониконовскую вѣру, не только не пошатнулось отъ этого неудачнаго путешествія, наоборотъ, еще болѣе укрѣпилось, а у Степана Павловича остается въ силѣ и до настоящаго времени. Причиной этому послужило слѣдующее обстоятельство. На пути отъ Улясутая на путешественниковъ напала, между прочимъ, разбойничья шайка въ числѣ 8 человѣкъ (вѣроятно, нѣчто въ роду хунхузовъ) и отняла у нихъ значительную часть товара. Мѣстность эта вообще не отличалась спокойствіемъ и безопасностью, проживавшіе тутъ инородцы были очень склонны къ разбою и грабежамъ. Къ счастью для нашихъ путешественниковъ, вскорѣ послѣ нападенія разбойниковъ, они случайно повстрѣчались съ мѣстнымъ китайскимъ амбанемъ, которому тотчасъ же и пожаловались на свое несчастіе, прося защитить ихъ отъ повторенія подобныхъ непріятностей. Амбанъ вошелъ въ ихъ положеніе и въ огражденіе отъ разбойниковъ далъ имъ провожатаго съ приказомъ къ мѣстному зайсану снабжать ихъ проводниками до тѣхъ поръ, пока они не минуютъ неблагополучный мѣстности. Зайсанъ, къ которому привелъ ихъ провожатый амбаня, оказался очень почтеннымъ человѣкомъ и не менѣе того проникательнымъ. Онъ весьма ласково принялъ путешественниковъ и своимъ отношеніемъ къ нимъ сразу же внушилъ къ себѣ ихъ довѣріе. Послѣ того какъ зайсанъ поближе познакомился съ своими гостями, онъ поставилъ имъ ребромъ вопросъ, зачѣмъ они ѣздятъ и чего ищутъ. «Я вижу, что не торговать вы ѣздите по нашей землѣ, а чего-то ищете. На купцовъ вы вовсе не походите, не то у васъ на умѣ». Путешественники должны были открыть ему всю правду. Мало этого, Степанъ Павловичъ даже просилъ его указать имъ, гдѣ живутъ въ Китаѣ русскіе люди, и довести до нихъ и предлагалъ за это 50 серебряныхъ рублей и рублей на 50 товару. Но зайсанъ отказался наотрѣзъ исполнить ихъ просьбы. Онъ категорически заявилъ, что по близости нигдѣ нѣтъ русскихъ людей на Китайской землѣ и онъ никогда не слыхалъ до прихода ихъ самихъ русской рѣчи. «Я бы, конечно,—говорилъ зайсанъ,—могъ взять ваши подарки и довести васъ до перваго ущелья съ тѣмъ, чтобы здѣсь оставить васъ на произволъ судьбы, а самъ бы скрылся, но я не хочу этого дѣлать».—«Въ Китаѣ нѣтъ русскихъ людей,—добавлялъ зайсанъ,—но старые люди сказывали, что гдѣ-то въ Индѣйской землѣ, на островахъ, они видали ихъ. Острова эти находятся далѣе за Пекиномъ («это китайскій Питеръ»,—пояснилъ Степанъ Павловичъ), верстахъ въ 50 отъ берега. Русскіе люди живутъ на нихъ уже около 200 лѣтъ. Пришли они съ вашей земли. Много ихъ тамъ, у нихъ и попы есть, и церкви съ колоколами, и молятся они крестомъ, вотъ такъ же, какъ и вы. Напрасно вы повернули отъ

Кяхты на Улясутай. Вамъ бы надо было итти отъ Кяхты на Ургу, а отъ Урги на Пекинъ, тамъ бы уже и до острововъ добрались. Это ничего, что паспорта у васъ только на полгода, тамъ по этимъ паспортамъ можно бы жить хоть 10 лѣтъ. А здѣсь нигдѣ нѣтъ русскихъ людей».

Эти слова зайсана заставили пожалѣть нашихъ путешественниковъ, что они ранѣе не встрѣтились съ нимъ и не пошли на Ургу. Они тогда же рѣшили отправиться на будущее лѣто по указанному зайсаномъ пути, но сдѣлать этого по какимъ-то причинамъ не удалось. Такъ наши путешественники и остались лишь при одномъ убѣжденіи, что дониконовская древле-православная церковь несомнѣнно существуетъ на землѣ непрерывно, «отъ лѣтъ Никона, патріарха», гдѣ-то на морскихъ островахъ въ Индійскомъ царствѣ.

Интересенъ между прочимъ одинъ эпизодъ изъ описаннаго путешествія, хорошо характеризующій старообрядцевъ. Однажды путешественникамъ пришлось переночевать въ юртѣ, гдѣ готовлялись къ камланію надъ больнымъ. Когда приглашенный для этой цѣли камъ (шаманъ) взялся за свои инструменты и сталъ выкрикивать заклинанія для призыва духовъ, то одинъ изъ путешественниковъ, въ видахъ посрамленія діавола, къ которому, по его мнѣнію, обращался камъ, тайкомъ отъ всѣхъ обошелъ три раза вокругъ юрты, прочитывая каждый разъ «воскресную молитву». Напрасно шаманъ изнурялъ себя выкрикиваніями, кривляніями и изступленной пляской, напрасно онъ съ ожесточеніемъ билъ въ свой бубень, напрасно нѣсколько разъ брызгалъ на священннй огонь жидкостью, приготовленною изъ молока (вѣроятно, аракой—виномъ изъ молока), духи не являлись и не вселялись въ него, т. е. онъ не впадалъ въ обморокъ. Наконецъ, истощивъ всѣ свои силы и терпѣніе, камъ долженъ былъ сознаться, что духи не идутъ на его призывы потому, что боятся Бога русскихъ. Старообрядцы были немало поражены такимъ заявленіемъ кама и въ свою очередь съ торжествомъ сообщили ему, что однимъ изъ нихъ дѣйствительно были приняты мѣры къ недопущенію въ юрту діавола. Однако такое доказанное фактически превосходство «русскаго Бога» не остановило и не вразумило кама: онъ только отложилъ свои призывы духовъ до ухода путешественниковъ, послѣ котораго они, вѣроятно, снова приобрѣли свою дѣйствительную силу.

Послѣ этого путешествія С. П. Черноусовъ недолго оставался въ Усинскомъ краѣ. Въ началѣ 1870-хъ годовъ онъ переселился въ Томскую (Чулымскую) тайгу, гдѣ еще перемѣнилъ нѣсколько мѣстъ жительства. Теперь, по его словамъ, онъ уже живетъ на девятомъ мѣстѣ. Вслѣдъ за нимъ оставили Усь и нѣкоторые другіе старообрядцы, а на мѣсто ихъ стали уже селиться послѣдова-

тели господствующей церкви, которые постепенно начали приобрѣтать преобладающее значеніе въ краѣ. Уже въ началѣ 1880-хъ годовъ тамъ была построена православная церковь и учрежденъ приходъ, открытый съ миссіонерскими цѣлями. Миссіонерскія задачи прихода выполняются, кажется, не безъ успѣха. По крайней мѣрѣ, какъ видно изъ отчета миссіонерской дѣятельности въ Енисейской епархіи за 1888 г., приведеннаго въ извлеченіи въ мѣстныхъ «Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» за 1889 г. (№ 10), въ концѣ 1880-хъ годовъ было нѣсколько случаевъ присоединенія старообрядцевъ къ православію и вообще, выражаясь обычнымъ языкомъ епархіальныхъ органовъ, «прежній фанатизмъ усенскихъ раскольниковъ и ненависть ихъ къ православію значительно ослабѣваютъ» (*ibidem*).

Ал. Шерстобитовъ.

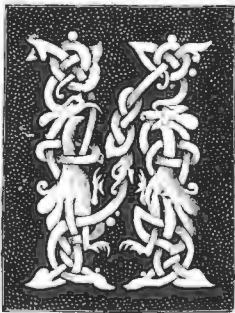

ЛОМЖА.

I.

Положеніе города.—Наревъ.—Древность Ломжи.—Прозвѣтаніе ея въ XV—XVI ст.—Бѣдствія.—Ломжа въ прошломъ и въ текущемъ столѣтіяхъ.—Что для нея желательно въ настоящемъ?

МЯ ЛОМЖИ достаточно извѣстно у насъ въ Россіи¹⁾. Этимъ она обязана своему географическому положенію. Черезъ городъ проходитъ шоссе казенный трактъ, составляющій часть шоссе изъ Петербурга въ Варшаву. Когда-то трактомъ этимъ пользовались всѣ, проѣзжавшіе изъ сѣверной столицы въ столицу Польши и дальше—за границу. Въ настоящее время онъ потерялъ свое значеніе, и если не заброшенъ, то во всякомъ случаѣ забытъ. Варшава соединена съ Петербургомъ рельсовымъ путемъ, а въ 14-ти неполныхъ верстахъ отъ Ломжи прошла линія Принаревской желѣзной дороги, станція которой «Червонный Боръ» служитъ связующимъ звеномъ съ городомъ.

¹⁾ Тѣмъ не менѣе сколько нибудь основательныхъ ея монографій на русскомъ языкѣ, за исключеніемъ помѣщенной въ «Памятной книжкѣ Ломжинской губерніи» на 1834 г., мы не встрѣчали. Помянутая монографія основана главнымъ, образомъ на соч. Леона Ржечнѣвскаго «Dawna i teraźniejsza Łomża» (Варшава 1861). Въ польской литературѣ, кромѣ этого сочиненія, написаннаго скорѣе дилетантомъ, нежели серьезнымъ изслѣдователемъ, другихъ монографій, посвященныхъ специально Ломжѣ, не существуетъ. За то имѣются цѣнные описанія ея и матеріалы для ея исторіи у М. Балнискаго и Т. Липинскаго въ «Starożytna Polska» (изд. Ф. Мартыновскаго, Варшава, 1885, т. I), въ «Słownikъ geograficzny» ономъ,

Ломжа раскинулась на террасах лѣваго, очень возвышеннаго, берега рѣки Нарева. Теченіе послѣдняго здѣсь довольно причудливо: не доходя до города, Нарева прорѣзываетъ, излучиваясь, обширную болотистую долину, поровнявшись съ городомъ, круто поворачиваетъ на сѣверъ, къ деревнѣ Пѣнтницѣ, расположенной vis-à-vis Ломжи и служащей какъ бы ея предмѣстьемъ, а отсюда направляется на западъ, теряясь за подгороднимъ Едначевскимъ лѣсомъ. Видъ изъ Пѣнтницы на Ломжу чудесный: не уступаетъ прелестнымъ панорамамъ Варшавы и Плоцка съ Вислы. Да и по древности своей Ломжа чуть ли не ровесница тому и другому городу. На сохранявшейся долгое время въ фанномъ костѣлѣ доскѣ значилось, что «ecclesia lomzensis erecta in Stara Lomza ¹⁾ circa annum 1000, crescente fide in Mazovia» ²⁾, а въ pendant къ этому въ Хроникѣ Спангеберга читаемъ, что продолжатель миссіонерской дѣятельности апостола пруссовъ, св. Войцѣха, современникъ короля Болеслава Храбраго († 1025 г.), монахъ-бенедиктинецъ Брунонь, прибылъ въ Ломжу и основалъ здѣсь храмъ во имя св. Лаврентія. Но фактическая исторія Ломжи, какъ города, начинается съ XV столѣтія. Въ 1418 году, Янъ, князь мазовецкій на Варшавѣ, далъ городу въ самой Ломжѣ привилегію «jurisdictionis». Съ тѣхъ поръ привилегіи посыпались на Ломжу. До начала настоящаго столѣтія ихъ насчитывается до двадцати пяти ³⁾. Благодаря имъ,

т. V, въ «Bibliot. Warszawsk.» за 1861 г., т. I (школы), въ Tygodnik'ъ Ilustrowan'омъ за 1866 и 1870 гг.

Происхожденіе названія «Ломжа» объясняютъ такимъ образомъ. Первобытное поселеніе на мѣстѣ нынѣшняго города окружено было дѣвственными лѣсами, въ которыхъ находилось множество буреломныхъ колодь и пней, называемыхъ на мѣстномъ нарѣчій домами. Такъ какъ эти «ломы», при тогдашнемъ отсутствіи удобныхъ дорогъ, препятствовали сообщенію съ мѣстностью настоящей Ломжи, то прибыть сюда значило пробраться черезъ эти лѣсныя преграды (prze-dostać się za łomą), почему мѣстность эта и названа была первоначально за-ломъ. Со временемъ второй слогъ этого названія, влѣдствіе народной этимологизаціи, очутился на первомъ мѣстѣ, предлогъ же за на концѣ слова, отчего названіе это превратилось въ слово Ломза. Такъ до сихъ поръ городъ называется на мѣстномъ — чисто мазурскомъ — нарѣчій. Впослѣдствіи, въ силу требованій и свойства литературнаго польскаго языка, послѣдній слогъ за измѣнился въ жа, и городъ сталъ называться Ломжею. («Пам. кн. Ломж. губ.» на 1894 г., 89—90).

¹⁾ Stara Lomza—подъ этимъ именемъ извѣстна теперь деревня въ 3½ вер. отъ города. Многие изъ польскихъ историковъ ищутъ первоначальнаго положенія Ломжи именно тамъ, основываясь, между прочимъ, на приведенной надписи. Много въ данномъ вопросѣ есть pro и contra. Какъ бы то ни было, будемъ ли считать «Старую Ломжу» за часть Ломжи современной, или просто за поселеніе, старѣйшее города,—фактъ остается фактомъ, что городъ Ломжа существовалъ уже въ XI столѣтіи.

²⁾ Доска эта помѣщалась позади главнаго алтаря. Ее видѣлъ авторъ соч. «Dawna i teraźn. Łomża» (11). 20-ть лѣтъ тому назадъ ее, за ветхостью, сняли (?).

³⁾ Наиболѣе выдающіяся слѣдующія: 1513 г. Анна, княжна мазовецкая, освободила жителей отъ податей на 14 лѣтъ; 1531 — Сигизмундъ I разрѣшилъ

городъ началъ быстро развиваться и въ XV — XVI ст. достигъ особеннаго процвѣтанія. По свидѣтельству Лаврентія Суровецкаго ¹⁾, въ Ломжѣ тогда насчитывалось однихъ, обложенныхъ податью, домовъ 540, а жителей нѣсколько десятковъ тысячъ. Кроме рѣ и Свѣнцицкій причисляютъ Ломжу, вмѣстѣ съ Варшавою и Плоцкомъ, къ красивѣйшимъ городамъ Мазовіи, а Старовольскій и Стрыйковскій въ восторгѣ отъ ея построекъ ²⁾. Люстраціи XVI в. упоминаютъ о многихъ прекрасныхъ общественныхъ и частныхъ зданіяхъ города, къ сожалѣнію, не сохранившихся до настоящаго времени. Попадавшіеся въ началѣ текущаго столѣтія въ окружающихъ Ломжу поляхъ остатки фундаментовъ, сводовъ и мостовыхъ служатъ явнымъ доказательствомъ обширности города. Въ Ломжѣ было шесть костѣловъ. Жители ея вели значительную торговлю съ пруссами, Литвою, Крулевцемъ (Кенигсбергъ), Гданскомъ (Данцигъ) и др. торговыми пунктами Европы. Не ощущалось также недостатка въ мастерскихъ разнаго рода и въ ремесленникахъ, хотя евреевъ, составляющихъ въ настоящее время значительный процентъ не только ремесленнаго класса, но всего городского населенія ³⁾, въ городѣ совсѣмъ не было ⁴⁾. Не удивительно, что при такихъ условіяхъ Ломжа сдѣлалась излюбленнымъ мѣстопребываніемъ своихъ владыкъ сначала (XV в.) князей мазовецкихъ ⁵⁾, а позднѣе (XVI ст.) королей польскихъ ⁶⁾. Сигизмундъ-Августъ часто останавливался въ ней, проѣзжая въ Литву и обратно. По смерти Сигизмунда сестра его, Анна Ягеллонка, нѣкоторое время проживала здѣсь ⁷⁾. Мѣстное преданіе говоритъ, что, будто бы, и королева Бона часто пріѣзжала въ Ломжу на охоту и якобы даже

ломжанамъ судиться исключительно у своего войта; 1556 — Сигизмундъ-Августъ далъ городу привилегію на три ярмарки; въ слѣдующемъ году, по случаю большаго пожара, освободилъ жителей на 8 лѣтъ отъ податей; по его же повелѣнію (дата неизвѣстна), евреямъ нельзя было оставаться въ Ломжѣ долѣе 48 часовъ; 1581 — Стефанъ Баторій разрѣшилъ свободную ловлю рыбы въ Наревѣ; 1658 — королева Марія-Людвика, супруга Яна-Казимира, разрѣшила рубить въ Новогродской пуцѣ лѣсъ для постройки домовъ и мостовъ.

¹⁾ «O upadku przemysłu i miast w Polsce», Варшава, 1810, 182.

²⁾ Въ сборн. Kolofa «Historiarum Poloniae scriptorum... coll. magna», Варшава, 1761.

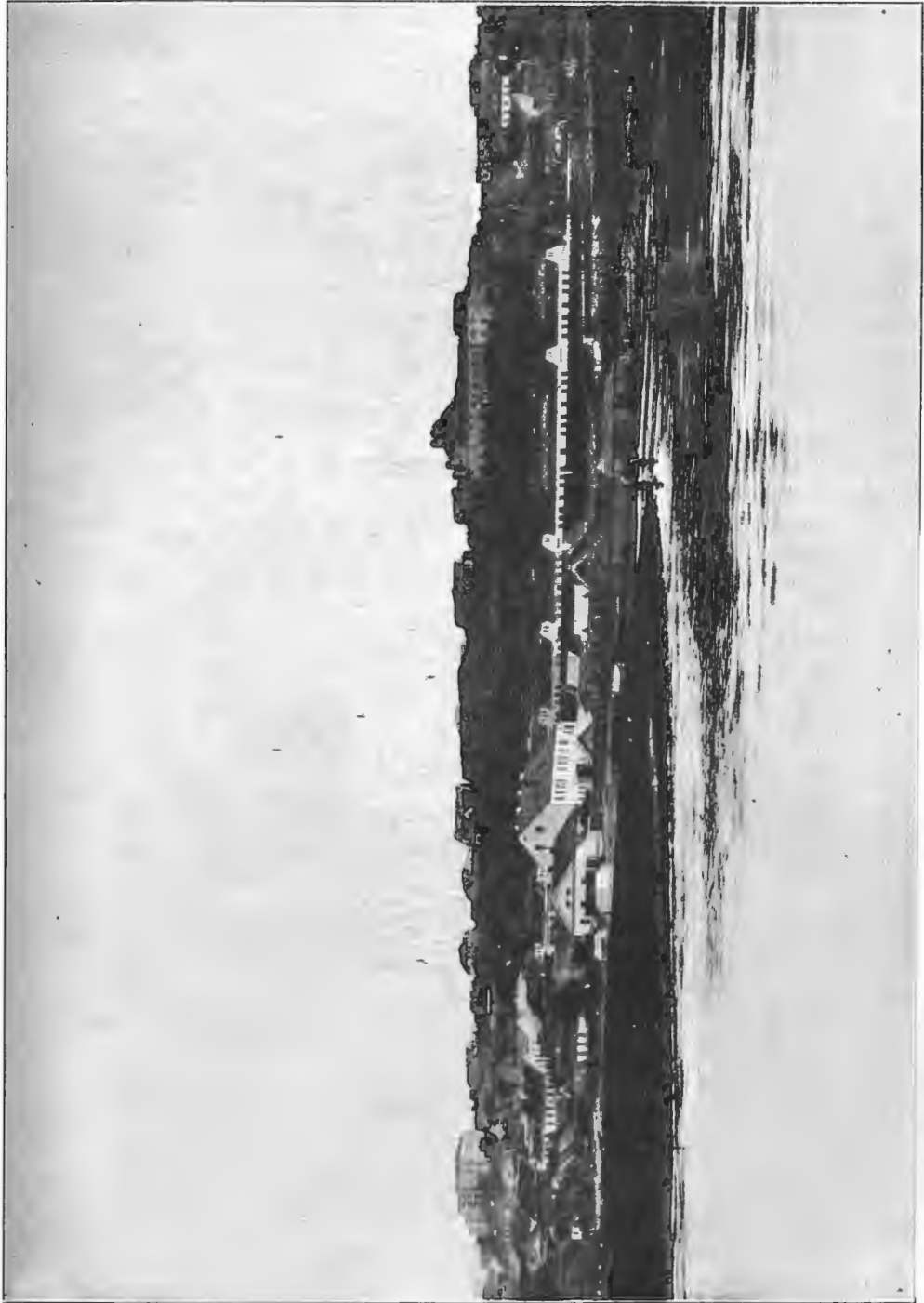
³⁾ По послѣднимъ статистическимъ даннымъ, въ Ломжѣ на 23.323 д. христіанскаго населенія приходится 11.703 еврея, и вся торговля и промышленность находятся въ рукахъ ихъ.

⁴⁾ Евреямъ, какъ мы упомянули выше, было запрещено селиться въ Ломжѣ. Только, въ первой четверти XIX ст. запрещеніе это сначала нѣсколько ослабили, а послѣ и совершенно отмѣнили.

⁵⁾ «Termini ducales Lomzae celebrati de a. 1421», III. Въ этомъ же убѣждаютъ многія привилегіи ихъ, данныя въ Ломжѣ.

⁶⁾ Ломжу, вмѣстѣ съ Мазовією, присоединилъ къ Польскому королевству Сигизмундъ I, въ 1528 г., по прекращеніи (1526) рода князей мазовецкихъ.

⁷⁾ Отсюда она писала кардиналу Гозію 16 и 28 ноября 1572 г. (письма эти у Амв. Грабовскаго — «Starożytności historyczne polskie, czyli pisma i pamiętniki dościsłej dawniej Polski, listy królów i znakomitych mężów» (Краковъ, 1840).

Общій видъ города Ломжи.

жила въ собственномъ замкѣ, около Старой Ломжи, на горѣ, по сіе время именующейся въ народѣ горою королевы Боны.

Благоденствіе города, однако, продолжалось недолго. Различныя несчастія, постигшія Польшу въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ, отразились и на Ломжѣ. Не разъ ее жгли татары, бунтовщики крестьяне и казаки и шведы ¹⁾ (1595, 1604, 1650, 1711, 1733, 1736), заливалъ Наревъ (1600, 1631), опустошали пожары (1538, 1618, 1658) и эпидеміи (1624, 1625, 1630, 1650, 1652). И вотъ силою судебъ въ исходѣ минувшаго столѣтія Ломжа обращается въ незначительный городишка съ тысячею душъ населенія и сотнею лачугъ. Напрасно прусское правительство, которому досталась Ломжа послѣ третьяго раздѣла Польши, въ 1795 г., предоставляло горожанамъ субсидіи на постройку каменныхъ домовъ, въ размѣрѣ $\frac{1}{3}$ части смѣтной суммы, охотниковъ строиться не находилось совсѣмъ. По Тильзитскому договору Ломжа вошла въ составъ образованнаго Наполеономъ I Варшавскаго герцогства и стала главнымъ городомъ Августовскаго департамента (1807 г.). Послѣ присоединенія на Вѣнскомъ конгрессѣ къ Россіи бѣльшей части земель Варшавскаго герцогства подъ именемъ царства Польскаго, Ломжа сдѣлана главнымъ городомъ Августовскаго воеводства (1815). Черезъ три года воеводская комиссія была перенесена въ Сувалки, — Ломжа стала уѣзднымъ городомъ и оставалась такимъ 49 лѣтъ. Въ 1867 г. учреждена Ломжинская губернія, и съ тѣхъ поръ начинается новая эра въ исторіи города. Ломжа съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе застраивается ²⁾ и общается со временемъ стать красивымъ каменнымъ и благоустроеннымъ губернскимъ городомъ ³⁾. А пока ей не достааетъ: подѣздного желѣзнодорожнаго пути, хорошихъ мостовыхъ, тротуаровъ, освѣщенія,

¹⁾ Нѣсколько шведскихъ ядеръ и до сихъ поръ можно видѣть въ стѣнѣ приходскаго костѣла.

²⁾ Кромѣ многочисленныхъ частныхъ домовъ, нерѣдко довольно красивой архитектуры, возникшихъ сравнительно въ послѣднее время, обращаютъ на себя вниманіе: православная соборная церковь во имя св. Троицы (освящена въ 1877 г.), больница св. Духа (постр. въ 1884—1886), артиллерійскія казармы, казенный винный складъ, тюрьма, выстроенная въ 1891—1892 гг., по плану акад. архитектуры Ф. К. Новицкаго, стѣящая до полумилліона рублей и, по своему устройству, занимающая первое мѣсто послѣ петербургской (на Выборгской сторонѣ) тюрьмы, а также прекрасное зданіе мужской гимназіи (еще не оконченное постройкою), общающееся бытъ украшеніемъ города.

³⁾ Мѣстный польскій печатный органъ находитъ въ Ломжѣ задатки сдѣлаться въ будущемъ даже торговымъ городомъ. «Ломжа—лишь «Echa Płockie i Łomżyńskie»—обладаетъ всѣми данными, чтобы промышленность ея развилась въ будущемъ: близость рѣки, огромныя залежи торфа, наконецъ, удобства сообщенія съ губерніями царства и имперіи, все это предвѣщаетъ нашему городу прекрасную будущность» (№ 78-й, 1898 г.).

водопровода, канализации, удовлетворительных общественных бань...¹⁾; окружающая городъ болота своими испарениями отравляютъ воздухъ и служатъ источникомъ не прекращающихся болѣзней...²⁾.

II.

Приходскій костелъ.—Исторія его постройки.—Архитектурныя особенности его.—Описание.—Памятники старость Трошинскаго и Косаковского.—Каплица фамилии Модлишовскихъ и ихъ саркофаги.—«Памятныя таблицы».—Портреты.—Ризница и библиотека.—Историческій домъ.—Посѣщенія Ломжи коронованными особами.

Послѣ столькихъ бѣдствій, пережитыхъ Ломжею, трудно, конечно, было бы ожидать встрѣтить въ ней обиліе историческихъ памятниковъ.

Древнѣйшее зданіе въ городѣ—приходскій католическій костелъ (faga), во имя св. Михаила.

Выше, говоря о началѣ Ломжи, мы цитировали надпись на хранившейся въ этомъ костелѣ доскѣ, изъ которой видно, что христіанскій храмъ въ Ломжѣ существовалъ уже въ началѣ XI столѣтія.

Если даже допустить, что дата, приведенная въ помянутой надписи, относится къ костелу св. Лаврентія (Św. Wawrzyńca) въ Старой Ломжѣ, то и въ такомъ случаѣ слѣдуетъ признать, что настоящая ломжинская фара очень древняго происхожденія, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ. Въ этомъ убѣждаетъ насъ архитектура костельной звонницы. Затѣмъ, изъ акта «эрекціи» (учрежденія) костела видно, что современное presbyterium (передняя часть храма, гдѣ главный алтарь) первоначально было каплицею мазовецкихъ князей, что послѣдніе изъ нихъ — Янушъ и Станиславъ съ матерью Анною, задумали свою каплицу обратить въ фару и начали дѣлать къ ней пристройки. Смерть помѣшала имъ окончить задуманное. Завершилъ постройку, между 1520—1526 гг., мѣстный настоятель, каноникъ плоцкій и варшавскій Янъ-Войславскій (Jan na Wielkim Wojsławiu Wojsławski), а епископъ плоцкій Андрей Носковскій освятилъ зданіе. Съ тѣхъ поръ долгое время здѣсь должность настоятеля занимали епископы и каноники плоцкіе, варшавскіе и львовскіе³⁾. Въ концѣ XVII столѣтія костелъ

¹⁾ Въ эпоху процвѣтанія Ломжи въ ней были и бани и водопроводы. Остатки послѣднихъ, по словамъ старожиловъ, можно было видѣть еще въ 40-хъ годахъ нашего столѣтія.

²⁾ Замѣчаніе Длугоша, будто въ Наревѣ и смежныхъ съ нимъ болотахъ не могутъ жить ужи и разные гады, вполне справедливо.

³⁾ Съ 1552 г. до 1865 г. при ломжинскомъ костелѣ состояло трое мансіонаровъ (mansjonarzy). Въ распоряженіи каждаго изъ нихъ было до 3 влукъ (45 дес.) земли, доходами съ которыхъ они содержались. Одинъ изъ мансіонаровъ считался старшимъ, съ правами настоятеля и назывался препозитомъ (praepositus).

очень пострадалъ отъ пожара и былъ отремонтированъ въ 1696 г. Затѣмъ, его ремонтировали въ 1752, 1844 и 1893—1894 гг., и надо сказать, что ремонтировали умно—безъ нарушенія характеристическихъ чертъ постройки ¹⁾).

Костелъ св. Михаила построенъ въ такъ называемомъ готическомъ привислянскомъ стилѣ, изъ краснаго кирпича, съ добавленіемъ особаго рода кирпичей для архитектурныхъ украшеній. По своей обширности (вмѣщаетъ въ себѣ до 3.000 человѣкъ) и красотѣ онъ занимаетъ видное мѣсто среди зданій подобнаго рода ²⁾. Его замысловатые, но въ то же время легкіе и изящные готическіе своды представляютъ собою большую рѣдкость и невольно возбуждаютъ удивленіе.

Въ настоящее время въ костелѣ одиннадцать алтарей и двѣ часовни или каплицы. Главный алтарь — въ честь Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, со статуей св. Михаила,—въ стилѣ Возрожденія, не многимъ моложе костела. По правой сторонѣ его—гробница Николая Трошинскаго, старосты ломжинскаго, умершаго 8 декабря 1575 г.

Налѣво—саркофагъ изъ темнаго мрамора, изображающій, спящаго вѣчнымъ сномъ, вооруженнаго рыцаря, съ гербомъ и стоящими по бокамъ двумя ангелами, изъ бѣлаго мрамора ³⁾. Тутъ поживаетъ прахъ Никодима Коссаковскаго, умершаго въ 1611 г.

Обширная стихотворная эпитафія, во вкусѣ Скарги, заключаетъ въ себѣ данныя для характеристики и біографіи государственнаго мужа ⁴⁾, который въ продолженіе 32 лѣтъ отправлялъ посольства

¹⁾ Въ 1884 г. къ костелу, съ южной стороны, была пристроена новая сакристія (ризница).

²⁾ Длина его достигаетъ 25 саж., ширина почти 12 и высота (внутри) около 9 сажень.

³⁾ Памятникъ обновленъ гр. Стан. Коссаковскимъ въ 1859 г.

⁴⁾ Напечатана нами въ «Echa'хъ Płock. i Lomżyńsk.» 1898 г., № 61. Нелишнимъ считаемъ привести ее здѣсь.

«Pytasz, czyje tu kości ten kamień przykrywa,
 Nikodem Kossakowski pokoju zażywa.
 Wiek młodi strawiwszy z muzami wdzięcznemi,
 Przez lat trzydzieści i trzy dwory królewskimi
 Bawił się, z wielką cnotą poselstwa sprawując
 Od króley y oyczni (?) wiari dotrzymując
 Na seymie i sześćset jedenastego
 Roku w ziemię oddaje, co jest śmiertelnego.
 Lomżyńskie i Ostrowskie starostwo ponosił
 Sprawiedliwość z ludzkością kozdy jego głosił.
 Temu zona załosna ten grób postawiła,
 Zaczna Wolewicowna płacem napoiła.
 Nie zmarłeś, ale zyjiesz w przeznacznych dzieteczkach
 W synu i w córkach jednakże w rajskich kwiateczkach.
 Posthumus prawda syn twoy naśladowca
 Dom trzyma córka jedna druga bohomodca,
 Żyj tedy w niebie czekay tam twego potomku
 A nas przed Bogiem domieść wiecznego ratunku».

Приходскій костелъ въ Ломжѣ.

къ разнымъ дворамъ, былъ старостою ломжинскимъ и островскимъ, «справедливость и гуманность котораго была известна всемъ и каждому».

Въ боковой каплицѣ Божіей Матери обращаютъ на себя вниманіе алтарь прекрасной рѣзной работы, образъ Богоматери съ чертами портрета и пять гробницъ фамиліи Модлишовскихъ.

Всю стѣну каплицы противъ входа въ нее занимаютъ двѣ гробницы, одна надъ другою. Вверху—Андрея Модлишовскаго, старосты ломжинскаго и кольненскаго, внизу его жены Елизаветы. Обѣ изъ мѣстнаго камня песчаника (piaskowiec) и по старому польскому обычаю—изображать на памятникахъ мужчину непременно въ военныхъ доспѣхахъ—быть можетъ, въ знакъ рыцарскаго характера народа, а женщину—въ монашескомъ одѣяннѣ, въ знакъ глубокой религіозности польскихъ женщинъ,—представляютъ фигуры, во весь ростъ, уснувшихъ рыцаря и монахини.

Надъ гробницею Андрея Модлишовскаго, на мраморной доскѣ, помѣщается слѣдующая надпись:

«*Andreas Dunin-Modliszowski vetustae familiae Duninorum vir de Grajow, Lomzensis Colnensisque capitaneus, Hieronimi Modliszowski Castellanei Malogostensis filius, in exteris nationibus ab anno aetatis suae X ingenuis artibus excultus, deinde in aula Maximiliani II Romani Imperatoris versatus, in Poloniam reversus Serenissimae Annae Jagelloniae Reginae Poloniae tam domi, quam foris officia sua feliciter praestitit, ejusque opera a Stephano Poloniae rege potentissimo Capitaneus Lomzensis Colnensisque factus humanae sortis memor, hoc sacellum Deo optimo maximo refecit et exornavit pietatis ergo, tumulum vero in eo sibi et conjugii suae carissimae vivens adhuc posuit anno domini 1589 aetatis suae XXXV supervivens annis... decessit* ¹⁾».

Ниже гробницы латинскіе стихи, а еще ниже, на саркофагѣ Елизаветы Модлишовской читаемъ:

«*Elisabethae Modliszowska Debinae filiae Stanislai Debieński Capit. Checzenen. nepti Valentini Debieński Castellani Cracoviensis etc. matre Ciolkowa ex Laska Palatini Siradiensis filia in ginaecio Serenissimae Annae Jagelloniae Reginae Poloniae educatae, et ab ea in*

¹⁾ То-есть: «Андрей Дуинъ-Модлишовскій изъ древней фамиліи Дуиновъ, изъ Граева, ломжинскій и кольненскій староста, сынъ Іеронима Модлишовскаго, каштеляна малогоскаго, за границею, съ 10 лѣтъ своей жизни обучавшійся изящнымъ искусствамъ, затѣмъ, проживавшій при дворѣ Максимилиана II, цесаря римскаго, когда воротился въ Польшу, всепресвѣтлѣйшей Аннѣ Ягеллонкѣ, королевѣ польской, въ краѣ и за границею служба, обязанности свои исполнялъ добросовѣстно и, благодаря ея старанію, Ст. Баторіемъ, могущественнѣйшимъ королемъ польскимъ, назначенный старостою ломжинскимъ и кольненскимъ, памятуя о судьбѣ человѣческой, часовню эту, въ хвалу Бога Всеблагаго Всесвятого, обновилъ и украсилъ благочестія ради; памятникъ же въ ней себѣ и дражайшей супругѣ еще при жизни поставилъ, лѣта Господня 1589, житія своего 35. Проживши лѣтъ... умеръ».

matrimonium locatae, Andreas Dunin Modliszowski Capitaneus Lomzensis, Conjugi suae carissimae viventi posuit an. do. MDLXXXIX aetatis suae XXIX, supervivens annis... decessit»¹⁾.

Напротивъ алтаря, направо отъ входа въ каплицу, находятся тоже два вмѣстѣ, похожіе на описанные выше, памятника, съ надписями.

«Hieronimus Dunin Modliszowski de Grajow²⁾ Andrea(e)... Tribuni Radomien(sis) et Friderici Cardinalis Thesaurarii filius... integritate... annis juvenilib(us) militiae exactis ad Obertinum vero Seretumque praesidens, re bene administrata strenuitatus (strenuitate?) generalia (generaliter?) insignis dignus judicatus, qui postea primatum regni Poloniae et procerum aulas gubernaret, Divo deinde Sigismundo I Regi Poloniae et Bonae Sphortiae Reginae offa sua cum laude summa probavit. A rege Augusto tandem Capitaneus Lomzensis Colnensisque factus, postea Succamerarius Plocensis, demum Castellanus Malogostensis et a republica in Prussiam ac Pomeraniam missus negotia demandata bona fide tractans et in commitiis Lublinsibus referens, illinc aeger reversus, magno omum bon moerore et desiderio pius, clemens, humanus, Lomzensis findator concionatoris, non multo post Lomzae aetatis suae LIII, die XII Febr. anno dom. MDLXVII vita excessit»³⁾.

Ниже—другой саркофагъ:

«Annae Modliszowski de Nakwaski Castell. Malogost. Lomzen. Hieronimi Nakwaski Tribuni Ciechanoviensis filiae Andreas Dunin

¹⁾ «Елизаветѣ Модлишовой изъ Дембля, дочери Станислава Дембенскаго, старосты Хенцинскаго, внучкѣ Валентія Дембенскаго, каштеляна краковскаго и т. д., по матери—Цолковнѣ—изъ Ласка, воеводы Сѣрадскаго дочери, на женской половинѣ всепресвѣтѣйшей Анны Ягеллонки, королевы польской, воспитанной и ею же замужъ выданной,—Андрей Дунинъ Модлишовскій, староста ломжинскій, супругъ своей дражайшей при жизни еще поставилъ, л. Г. 1589, возраста же ея 29 лѣтъ; проживши лѣтъ... умерла».

²⁾ Въ этой надписи время частію сгладило совершенно нѣсколько словъ, частію сдѣлало ихъ неразборчивыми.

³⁾ «Иеронимъ Дунинъ-Модлишовскій изъ Граева, ... Андрей... «войскаго» (такъ называлось должностное лицо, которому поручалось наблюдение за спокойствіемъ страны во время всеобщаго ополченія) радомскаго и полскарбіи Фредерика кардинала сынъ... безупречностію... юные годы проведя въ войскѣ подъ Обертыномъ и при Серетѣ, въ чинѣ офицера, сражаясь, отличившись и проявивши всюду мужество, былъ признанъ потомъ способнымъ исполнять обязанности маршалка при дворахъ магнатовъ и вельможъ королевства Польскаго, потомъ, блаженной памяти Сигизмунду I, королю польскому, и Бонѣ Сфорцѣ, королевы, съ величайшею похвалою служилъ; наконецъ, королемъ Августомъ—старостою ломжинскимъ и кольненскимъ назначенный, потомъ—подкоморіемъ плоцкимъ, напоследокъ каштеляномъ малогостскимъ и Рѣчью Посполитою въ Пруссію и Померанію отправленный, порученная дѣла добросовѣстно завершая и на люблинскомъ сеймѣ присутствуя, оттуда вернувшись больнымъ, къ великой всѣхъ добрыхъ грусти и печали, набожный, милостивый, гуманный... вскорѣ потомъ, въ Ломжѣ, на 53 г. жизни, февраля 12 дня, л. Г. 1567 разстался съ этимъ свѣтомъ».

Modli: Cap. Lomz. matri suae carissimae viventi posuit a. d. MDXCI aetatis ejus LIII; supervivens annis... decessit» ¹⁾).

По лѣвой сторонѣ входа—памятникъ сына Андрея Модлишовскаго—Яна.

Надпись гласитъ;

«Tumulis Ioannis filioli generosi Andreae Dunin Modliszowski Lomzensis Colnensisque Capit. anno Domini MDLXXXVIII. Maii XIII mortui» ²⁾).

Кромѣ перечисленныхъ памятниковъ, въ колоннахъ средней части храма вставлено нѣсколько мраморныхъ надгробныхъ и памятныхъ таблицъ, съ не столь громкими именами и при томъ позднѣйшаго происхожденія ³⁾).

На тѣхъ же самыхъ колоннахъ развѣшаны небольшія, шестиугольной формы, доски изъ листового желѣза, съ писанными на нихъ масляными красками портретами какихъ-то мужчинъ и женщинъ ⁴⁾).

На портретахъ мужчинъ—въ верху гербъ, нѣсколько буквъ—инициаловъ имени, фамиліи и должности изображеннаго лица. На женскихъ портретахъ—въ верху или гербъ, или изображение Божьей Матери, окруженной облаками ⁵⁾).

Живопись очень не дурна, но сильно выцвѣла. Мужчины изображены съ усами, съ подстриженными головами, въ польскихъ кунтушахъ, женщины—въ костюмахъ XVI—XVII ст. Изображенія эти, по всему вѣроятію, портреты погребенныхъ въ костелѣ или на большомъ при немъ кладбищѣ лицъ изъ среды окрестнаго служилаго дворянства.

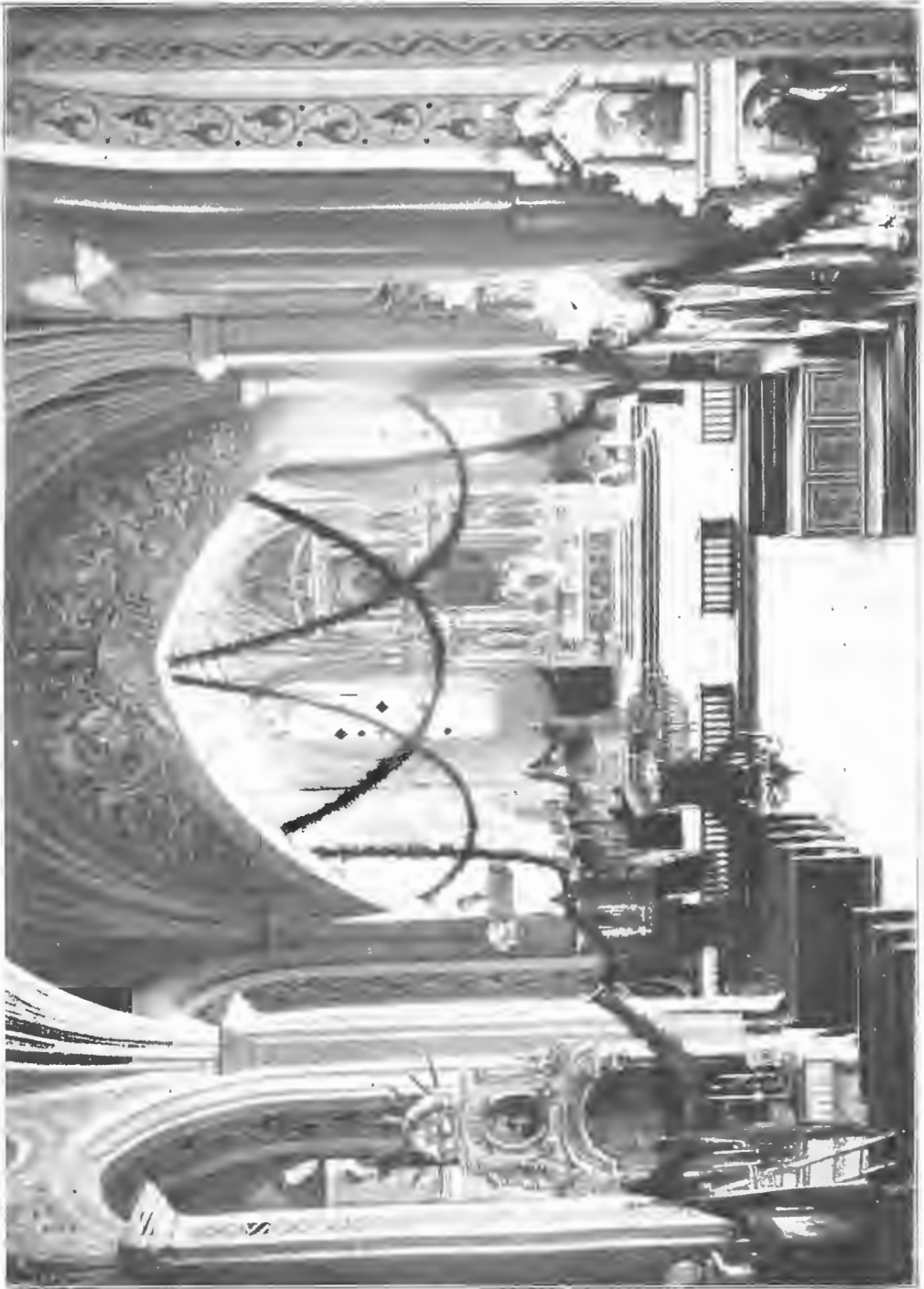
¹⁾ «Аннѣ Модлишовской, урожд. Накваской, каштеляна малогоскаго, ломжинскаго Иеронима Накваскаго, «войскаго» цехановскаго дочери, Андрей Дуиниъ-Модлишовской своей дражайшей матери при жизни еще ея поставилъ, л. Г. 1591, возраста ея 54 л.: проживши... лѣтъ умерла».

²⁾ «Гробъ Яна—сынка благороднаго Андрея Дуинна-Модлишовскаго, ломжинскаго и кольненскаго старосты, л. Г. 1588, мал 13 умершаго».

³⁾ А именно: кс. Андрея Волицкаго, настоятеля изъ Пентницы, † 1733, Мечковской, † 1797, Мих. Марковича, † 1835, Констанціи Росцишевской, † 1839, Раймунда и Иос. Апель, † 1848, Франциски Пясецкой, † 1855 и др.

⁴⁾ Всехъ досокъ 10. До реставраціи 1844 г. онѣ висѣли надъ presbyterium'омъ.

⁵⁾ На нѣкоторыхъ изъ досокъ надписи и даты стерлись совсѣмъ. На двухъ можно еще рассмотреть даты смерти: на одной—1605 г. и на другой—1609 г. На одной виденъ крестъ Христовъ со стоящими подъ нимъ св. женачи и надписью: «Sławetna P. Katarzyna Spytkiewiczowa, Sławetnego P. Marcina Spytkiewicza, Burmistrza Komżyńskiego, małżonka. Panu Bogu ducha oddała r. 1678 d. 25 Grudnia. Lat jej było 40 i na wtóry. Panie Boze Wszzechmogący, przyjm duszę jej do chwały swojej świętej». На другой—поясной портретъ женщины и надпись: «Tu odpoczywa Apollonia, małżonka p. Adama Duchowskiego, która żyjąc przez lat 27 w małżeństwie, skończyła wiek swój aetatis suae 41, a. d. 1677, 20 Maja». Затѣмъ, на одной доскѣ видно поясное изображение мужчины, со слѣдующею надписью: «Jacobus Strykowski Sacrae regiae majest. et Illustrimi Ioannis in Słupów Szembek supremi Cancellarii Regni secretarius a. d. 1730, die 23 Martii mortuus, hic in ecclesia Lomzensi requiescit».

Внутренній видъ приходскаго костела въ Ломжѣ.

Костельная ризница и библіотека не заключаютъ въ себѣ ничего, заслуживающаго вниманія въ историко-археологическомъ и библіографическомъ отношеніяхъ, за исключеніемъ развѣ портрета кононика Матвѣя Волицкаго († 1741), да списка настоятелей, начинающаго съ 1518 г. и до настоящаго времени.

При костѣлѣ имѣется старыи, каменный, двухъэтажный домъ для настоятеля.

Здѣсь останавливался шведскій король Карлъ XII, но ничего, что бы напоминало объ немъ, въ домѣ не сохранилось. Старожилы передавали мнѣ, что, въ началѣ текущаго столѣтія, въ этомъ домѣ помѣщалась мѣстная масонская ложа, къ составу которой принадлежали лучшіе представители ломжинскаго общества того времени (преподаватели 6-ти-классной воеводской школы Трусколявскій и Маевскій, помѣщики Кисельницкіе, ксендзъ-настоятель изъ Замброва, впоследствии митрополитъ варшавскій, Станиславъ-Генрикъ Хороманскій, † 1838 г., и другіе), что долгое, затѣмъ, время историческій домъ оставался въ заброшенномъ, полуразрушенномъ видѣ. Только когда перешелъ отъ казны въ руки приходскаго духовенства (1834 г.), послѣднее отремонтировало его и привело въ настоящій, вполне благоприличный видъ.

Кромѣ Карла XII, въ позднѣйшее время, посѣщали Ломжу: Наполеонъ I, Николай I и Александръ II.

Наполеонъ былъ въ Ломжѣ въ 1812 г., на возвратномъ пути изъ Москвы, проѣздомъ, на нѣсколько часовъ ¹⁾; останавливался на почтовомъ дворѣ (нынѣ не существующемъ, въ мѣстности около фарнаго костела). Императоръ Николай I проѣзжалъ черезъ Ломжу въ 1824 г. (еще до вступленія своего на престолъ), 1837, 1848 и 1850 гг. ²⁾. Останавливался одинъ разъ на Ржондовой ул., въ домѣ подъ № 52 (нынѣ г. Ю. Блюмовича) ³⁾, другой разъ — въ зданіи уѣзднаго управленія, или на почтовой станціи (нынѣ зданіе почты). Рассказываютъ, что въ одинъ изъ пріѣздовъ императора съ нимъ едва не произошло несчастнаго случая. Когда царскій экипажъ спускался по Капуцинской улицѣ, подлѣ ограды мужского монастыря, къ Нареву, лошади понесли, а спускъ въ этомъ мѣстѣ очень крутой, и только какому-то прохожему-храбрецу удалось задержать ихъ. Тогда же, по рассказамъ старожиловъ, императоръ приказалъ проложить другую, болѣе удобную для спуска къ рѣкѣ, улицу—теперешній «Сѣздъ».

¹⁾ Н. К. Шилдеръ. «Наполеонъ въ Ломжѣ въ 1812 г.» («Историч. Вѣстн.» 1897 г.); «Памятн. кн. Ломж. губ. на 1898 г.».

²⁾ «Проѣзды имп. Николая I черезъ Ломжу» («Памятн. кн. Ломжинск. губ. на 1897 г.», 356—362).

³⁾ На лицевой стѣнѣ дома г. Блюмовича до настоящаго времени сохранилась четырехугольная дощечка, въ формѣ трапеціи, съ надписью «1824», а надъ нею овальная металлическая таблица, обвитая лавровыми вѣтвями, съ короною и надписью «52».

Памятникъ Геронима и Анны Модлицовскихъ въ приходскомъ костелѣ въ Ломжѣ.

III.

Бывшій іезуитскій костёлъ.—Его исторія.—Костёлъ капуцинскаго монастыря.—Замѣчательные въ немъ памятники.—Епископъ Веніаминъ-капуцинъ.—Утварь.—Что ожидаетъ монастырь.—Могилы Ф. Бернатовича и Я. Ваги на городскомъ кладбищѣ.—Состояніе ихъ.

Лютеранская кирка на Ржондовой улицѣ, по своей грандіозности и архитектурѣ, занимаетъ первое мѣсто послѣ приходскаго католическаго костёла.

Нынѣшняя кирка—тоже бывшій римско-католическій костёлъ сначала іезуитовъ, а потомъ піаровъ. Построенъ между 1730—1732 гг. великимъ короннымъ канцлеромъ Яномъ Шембекомъ на мѣстѣ ветхаго стараго костёла, поставленнаго іезуитами за сто слишкомъ лѣтъ передъ тѣмъ ¹⁾. По смерти Шембека, согласно его завѣщанію, жена его Евва, въ 1754 г., выстроила при костёлѣ обширное каменное зданіе для іезуитскаго коллегіума. Въ 1774 г. костёлъ и коллегіумъ перешли къ ордену піаровъ. По оставленіи послѣдними Ломжи (1807 г.) въ зданіяхъ бывшаго коллегіума помѣщалась городская школа, подъ разными наименованіями ²⁾, а въ костёлѣ до 1850 г. отправлялись богослуженія для школьной молодежи. Съ каждымъ годомъ онъ сталъ приходить все болѣе и болѣе въ упадокъ, пока, наконецъ, перешелъ въ собственность евангелическаго прихода. Въ недавнее еще время фронтонъ костёла украшали двѣ высокія башни, но, лѣтъ 20 назадъ, ихъ, по причинѣ якобы ветхости (?) разобрали... Тѣмъ не менѣе и теперь зданіе имѣетъ очень внушительный видъ. Внутри памятниковъ никакихъ не осталось: всюду однѣ голыя општукатуренныя стѣны...

Неподалеку отъ кирки, при улицѣ «Крживо-коло», на крутомъ обрывѣ, помѣстился монастырь капуциновъ. Послѣдніе появились въ Ломжѣ въ 1763 г. Строителемъ (fundatorem) костёла и монастыря былъ каноникъ плочкій, ксендзъ Іосифъ Тржаска. Онъ приобрѣлъ мѣсто, на которомъ помѣщалась съ начала XVII столѣтія, пришедшая въ упадокъ, деревянная обитель бенедиктинокъ ³⁾,

¹⁾ Въ 1609 г. Янъ Хоцишевскій, каноникъ плочкій и варшавскій и настоятель (proboszcz) ломжинскій, пригласилъ въ Ломжу изъ Пултуска, для проповѣдничества, іезуитовъ. Они, спустя 20 лѣтъ, построили на добровольныя пожертванія деревянный коллегіумъ съ костёломъ.

²⁾ Съ 1807—1811 г.—элементарная, съ 1811—1817—3-хъ-классная (средняя), съ 1817—1833—6-ти-классная воеводская, съ 1833—1841 г.—гимназія 8-ми-классная, съ 1841—1851—гимназія 7-ми-классная, преобразованная въ 1851 г. въ 5-ти-классную уѣздную филологическую школу. Теперь (1899 г.) здѣсь помѣщается мужская гимназія.

³⁾ Послѣдняя возродилась на другомъ мѣстѣ въ 1860—1862 гг., въ каменномъ видѣ, и существуетъ, въ концѣ Дворной улицы, до настоящаго времени.

на собранныя пожертвованія построилъ теперешній монастырь и костёлъ и отдалъ его капуцинамъ.

Монастырскій храмъ освященъ въ 1798 г. плоцкимъ епископомъ Онуфриемъ Шембекомъ ¹⁾). Направо отъ входа помѣщена мраморная доска въ память графа Флоріана Тышкевича, хорунжаго лейбъ-гвардіи, умершаго въ 1831 г., въ окрестностяхъ Ломжи.

По правой сторонѣ главнаго алтаря находится мраморный памятникъ маршала Леопольда Станишевскаго, со слѣдующею надписью:

Bądź wola Twoja!

* * *

Tu, w grobie przodków, spoczywają zwłoki ś. p.
 Leopolda Staniszewskiego,
 Marszałka, podwakońc posła
 i sędziego Pokoju ziemi Łomżyńskiej.
 Urodzony r. 1785, połowę wieku swego
 z zaufaniem współobywateli
 Ich zasługom poświęcił.
 Umarł dnia 5 Grudnia r. 1843
 Z prawdziwym żalem krewnych,
 Przyjaciół, domowników i ubogich,
 Których był bratem w Chrystusie.
 Głęboką datknięty boleścią jedyny syn
 Położył ojcu ten smutnej pamiątki kamień.

Tobie, o Boże, ufał zmarły za życia.
 Panie, bądź miłościw grzesznój duszy jego ²⁾).

Въ криптахъ костельныхъ погребенъ епископъ подляскій Веніаминъ Петръ-Павель Шиманскій (р. 1793 г., † въ Ломжѣ въ 1868 г.), вышедшій изъ капуцинскаго ордена, авторъ исторіи монашескихъ орденовъ ³⁾).

¹⁾ Въ 1859 г. къ костѣлу, съ восточной стороны, пристроена часовня, а въ 1860 г. передъ нимъ воздвигнута статуя Богоматери.

²⁾ «Буди воля Твоя!» Здѣсь, во гробѣ предковъ, почиваютъ бранные останки св. памяти Леопольда Станишевскаго, маршала, бывшаго дважды посломъ и мировымъ судьей Ломжинской земли. Рожденный въ 1785 г., облеченный довѣріемъ согражданъ, посвятилъ имъ половину своей жизни. Умеръ декабря 5 дня 1843 г. къ истинному прискорбію родныхъ, друзей, домашнихъ и бѣдныхъ, конхъ былъ братомъ во Христѣ. Проникнутый глубокою скорбью, единственный сынъ положилъ отцу этотъ печальной памяти камень. На Тебя, Боже, уповалъ при жизни умершій. Буди, Господи, милостивъ къ грѣшной душѣ его!»

³⁾ «Rys historyczny zgrupadzeń zakonnych obojęd płci, wraz z rycerskiemi zakonami i orderami państw». Три тома. Варш. 1848—1849.

Въ костѣлѣ заслуживаетъ вниманія большой, обложенный серебромъ, съ вызолоченными краями, крестъ изъ іезуитскаго костѣла въ Полоцкѣ, подаренный правительствомъ епископу Веніамину (въ бытность его провинціаломъ ордена капуциновъ), а симъ послѣднимъ пожертвованный ломжинскому капуцинскому монастырю.

Монастырь, какъ упомянуто выше, расположенъ на верху горы, по которой спускается террасами садъ. Изъ оконъ келій открывается великолѣпный видъ на извивающійся у подножія Ломжи Наревъ, а также на противоположную сторону его и дальніе поля и луга. Пять монаховъ—вотъ и вся монастырская братія, тихо доживаютъ свой вѣкъ, съ грустнымъ сознаніемъ, что они здѣсь послѣдніе, и что на смѣну имъ никто уже не явится...¹⁾

На городскомъ кладбищѣ похоронены: извѣстный авторъ «*Pojaty*», романистъ Феликсъ Бернатовичъ, и знаменитый ботаникъ Яковъ Вага.

Бернатовичъ родился въ деревнѣ Опушата, нынѣ Сувалкской губерніи, въ 1783 году, учился въ Кременцѣ и Вильнѣ; впоследствии занималъ мѣсто личнаго секретаря у князя Адама Чарторыйскаго въ Пулавахъ. На литературной аренѣ дебютировалъ переводами съ французскаго языка, потомъ написалъ нѣсколько драматическихъ произведеній, изъ которыхъ «*Bezżenies w kłopotach*» (въ 3-хъ актахъ) признается лучшимъ. Затѣмъ, перешелъ къ романамъ и издалъ: «*Nierozsądne śluby*»; *listy dwójga kochanków na brzegach Wisły mieszkających*»²⁾ и др. Въ 1826 году появилась его «*Pojata, córka Lezdejki, albo Litwini w XIV w.*»—историческій романъ въ 4-хъ томахъ, во вкусѣ Вальтеръ-Скотта, сдѣлавшій имя автора сразу извѣстнымъ³⁾. Черезъ два года вышелъ другой, тоже историческій романъ—«*Nałęcz*»⁴⁾. Въ 1834 году выпустилъ въ свѣтъ «*Powieści z podań ludu i obyczajów krajowych*». Съ 1832 года Бернатовичъ руководилъ изданіемъ *Dziennik'a Powszechnego*. Умеръ въ Ломжѣ въ 1836 году. За нѣсколько времени до смерти лишился разсудка, вслѣдствіе несчастной любви.

Надъ могилою его возвышается скромный памятникъ съ надписью:

¹⁾ Въ немногихъ еще существующихъ въ Польшѣ и на Литвѣ католическихъ монастыряхъ—новиціатахъ, за единичными исключеніями, не допускаются, и монастыри закрываются по мѣрѣ вымиранія братіи.

²⁾ 2 т., Варшава, 1820.

³⁾ Выдержалъ нѣсколько изданій (2-е 1829 г., въ Пулавахъ, 3-е 1839 г. въ Вильнѣ) и переведенъ на языкъ русскій («*Поята, дочь Лиздейки, или литовцы въ XIV столѣтіи*», 4 т., Спб., 1842 г.), французскій и нѣмецкій.

⁴⁾ «*Nałęcz, roman z dziejów Polski*», 2 т., Варшава, 1828 г.; 2-е изданіе, Львовъ, 1848 г.; въ переводѣ на нѣмецкій языкъ: Лейпцигъ, 1834 г.

Tu spoczywają zwłoki
Feliksa
Barnatowicza
autora Pojaty,
zmarłego w dniu 7 Września 1836 r.,
w 58 roku życia doczesnego,
któremu brat ten kanień
położył.

Яковъ Вага, братъ знаменитаго энтомолога Антона Ваги и родственникъ извѣстнаго историка Теодора Ваги († 1801 г.), родился въ деревнѣ Грабово, въ 1800 году. Высшее образованіе получилъ въ Варшавскомъ университетѣ, который и окончилъ со степенью магистра философіи. Съ 1824 года по 1862 годъ былъ преподавателемъ въ Варшавѣ, Радомѣ и Щучинѣ, наконецъ, инспекторомъ пятиклассной школы въ Ломжѣ. Желая изучить до мельчайшихъ подробностей польскую флору, Вага прошелъ пѣшкомъ Августовскую (теперь Сувалкскую и Ломжинскую), Плоцкую, Радомскую и Люблинскую губерніи. Плодомъ этого изученія былъ капитальный его трудъ «Flora polska» (3 тома, Варшава, 1847—1848 гг.)¹⁾. Вага умеръ въ 1872 году²⁾.

Вопреки увѣренію журнала «Biesiada literacka»³⁾, будто надгробные памятники Бернатовича и Ваги обновлены въ послѣднее время какою-то, оставшеюся неизвѣстною, благотворительницею, состояніе ихъ, особенно памятника Ваги, оставляетъ желать многого...

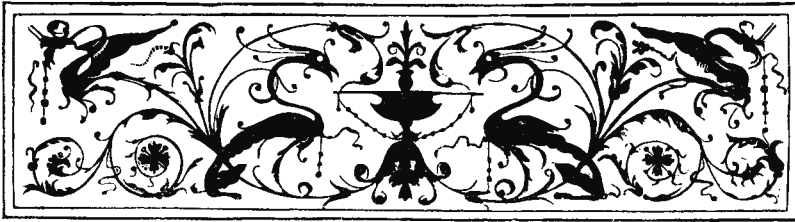
Г. А. Воробьевъ.

¹⁾ Имъ изданы также переводы сочиненій К. Фламмаріона («Wielość światów zamieszkanych», Варшава, 1869 г.) и Фигье («Historja roślin», Варшава, 1872 г.).

²⁾ Подробная біографія его въ Tygodnik'ѣ Ilustrowan'омъ, т. IX, 189—190.

³⁾ № 42-й 1898 г. Тамъ же виды обохъ памятниковъ.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖЕНСКИЙ КОНГРЕССЪ ВЪ ПАРИЖѢ.

ПЕРВЫЙ во Франціи женскій конгрессъ, *congrès des oeuvres et institutions féminines* былъ созданъ въ Парижѣ въ 1889 г. по инициативѣ извѣстной поборницы женскихъ правъ, Эмили де-Морсье (*de Morsier*) и при содѣйствіи знаменитаго писателя и общественнаго дѣятеля Жюльа Симона. Торжественно празднуя столѣтнюю годовщину признанія правъ чело-вѣка, французы признали и за женщинами право поднять вопросъ о женскомъ безправіи.

Французскія женщины выступили очень тихо, скромно, стараясь поменьше шумѣть, но зато прочно поставить свое дѣло и приобрѣсти возможно больше союзниковъ и единомышленниковъ. Внѣшне былъ очень неблестящъ этотъ первый женскій конгрессъ; засѣданія его происходили въ тѣсномъ помѣщеніи меріи VI округа, были сравнительно очень немногочисленны. Но результаты конгресса были неожиданно велики и плодотворны: онъ объединилъ женскія силы, окрылил ихъ надеждой на успѣхъ и лучшее будущее и упрочилъ навсегда успѣхъ феминизма во Франціи. Многіе мужчины и женщины, относившіеся съ недоувѣріемъ и насмѣшкой къ женскому движенію, стали убѣжденными феминистами, побывавъ на конгрессѣ.

Такъ было, на примѣръ, съ Маргаритой Дюранъ. Она пришла на засѣданіе конгресса, чтобы позабавиться и посмѣяться; но съ тѣхъ поръ она стала предана дѣлу феминизма больше и сильнѣе многихъ; она издаетъ феминистскій журналъ «*La Fronde*», въ

которомъ весь персоналъ,—начиная редакторомъ и кончая типографщицами, исключительно женскій.

Немудрено, что первый конгрессъ остался навсегда въ воспоминаніи французской женщины окруженный ореоломъ и какимъ-то особеннымъ обаяніемъ.

Второй конгрессъ состоялся нынче въ іюнь 5-го (18-го) — 10-го (23-го) іюня; онъ былъ гораздо блестящѣе и многочислѣе перваго; кругъ затронутыхъ вопросовъ былъ значительно шире; правительство предоставило для засѣданій его залы дворца конгрессовъ на выставкѣ; городское управление Парижа дало субсидію (5 тысячъ франковъ).

Конгрессъ открылся въ большой залѣ Palais des congrès 5-го (18-го) іюня въ 2 часа дня. Почетными предсѣдательницами были избраны г-жа Жюль Симонъ и Изабелла Божело. Предсѣдательницей конгресса была избрана Сара Моно, а цѣлый сонмъ выдающихся женщинъ явился на эстрадѣ въ лицѣ распорядительнаго комитета. Всѣ европейскія государства имѣли на конгрессѣ своихъ представительницъ; на третій день къ ихъ блестящему синклиту присоединилась предсѣдательница національнаго женскаго совѣта Соединенныхъ Штатовъ. Конгрессъ долженъ былъ привѣтствовать отъ имени правительства Леонъ Буржуа, по болѣзни его замѣнилъ Л. Мабильо (Mabilleau), директоръ музея социологіи. Краткой, красивой рѣчью онъ выразилъ свое сочувствіе женскому движенію, въ которомъ все дышитъ мудрой осторожностью и благо-разумной умѣренностью. Затѣмъ было избрано бюро конгресса и предсѣдательницы 5 секцій, въ которыхъ должна была происходить вся серьезная работа конгресса: I секція—благотворительность и économie sociale; II секція—законодательство и мораль; III секція—воспитаніе и образованіе общественное и индивидуальное; IV секція—трудъ; V секція—искусство, литература, наука ¹⁾.

Послѣ выборовъ предсѣдательница въ своей вступительной рѣчи охарактеризовала задачу и цѣли конгресса.

Задача конгресса заключается въ томъ, чтобы показать, что создано, существуетъ и развивается, благодаря женскому труду и женской инициативѣ съ одной стороны, а съ другой—обсудить проекты преобразованій наиболѣе нужныхъ и желательныхъ въ областяхъ экономической и политической. Свои требованія рѣшено предъявлять спокойно, осторожно, стараясь не выступать изъ предѣловъ возможнаго и достижимаго; главное достигнуто уже: общество признало женское движеніе за важное и серьезное социальное явленіе и не можетъ съ нимъ не считаться; въ ожиданіи полной побѣды, руководительницы женскаго движенія должны вмѣнить себѣ

¹⁾ Г-жи Henri Malet, L'Abbadie d'Arrast, Kergomard, Sainte-Croix и графиня Мапреау.

въ обязанность неустанно напоминать женщинамъ, что ихъ права и человѣческое достоинство неразрывно связаны, что интересы мужчинъ и женщинъ, хотя и различны, но не исключаютъ взаимно другъ друга, не находятся въ антагонизмъ, но связаны тѣсно; женское движеніе можетъ привести къ пагубнымъ послѣдствіямъ, если не приметъ основнымъ своимъ принципомъ упроченіе семейныхъ основъ. Конгрессы должны служить дѣлу прогресса, мира, единенія, трибуна ихъ должна быть открыта для мужчинъ и для женщинъ, для всѣхъ, кто воодушевленъ духомъ справедливости и преданности дѣлу; различіе политическихъ и религіозныхъ убѣжденій не имѣетъ значенія (однако партійность и рѣзкая полемика не допускаются).

Въ распорядительномъ комитетѣ работали объ руку двѣ враждебныя партіи—буржуазная и социалистическая; благоразуміе и уступчивость обѣихъ сторонъ позволили работѣ совершиться дружно; конгрессъ былъ открытъ во время и прошелъ съ успѣхомъ. Отличительной чертой парижскаго конгресса было дѣятельное участіе въ немъ мужчинъ, извѣстныхъ своей общественной дѣятельностью и прогрессивными стремленіями (членъ института и бывшій депутатъ Фредерикъ Пасси, адвокаты-писатели Marc Réville и Jacques Bonzon, Jules Alix и другіе).

Число докладовъ, представленныхъ въ бюро конгресса, было очень велико, свыше 250. Прочитаны были не всѣ за отсутствіемъ многихъ докладчицъ. Занятія конгресса происходили два раза въ день; утромъ отъ 9—12 часовъ, въ секціяхъ; отъ 2 до 5 часовъ по полудни въ общихъ собраніяхъ. Членамъ конгресса было предложено записаться въ одну изъ 5 секцій, посѣщать же можно было всѣ пять вполнѣ свободно. Секціи засѣдали одновременно въ отдѣльныхъ залахъ; здѣсь было прочитано большинство докладовъ, здѣсь же обсуждались и рѣшались, такъ сказать, вчернѣ тѣ проекты реформъ въ сферахъ экономической, политической и бытовой, которые на общихъ собраніяхъ вызывали цѣлую бурю.

Наибольшее число докладовъ выпало на долю первой секціи (изъ 250—80, въ томъ числѣ 20 иностранныхъ, изъ нихъ 9 русскихъ).

Какъ французскіе, такъ и иностранные доклады о благотворительныхъ учрежденіяхъ носили чисто академическій характеръ и изображали интересную, но мертвую рамку, въ которую была вставлена оживленная картина преній, когда рѣчь заходила о расширеніи правъ французской женщины въ духѣ прогресса и справедливости. И надо было видѣть, какое страстное вниманіе, какое одушевленіе овладѣвало залой; когда же докладъ не затрогивалъ этихъ жгучихъ вопросовъ, тысячная аудиторія скучала, шепталась, утомленно тосковала; этому способствовала сильная жара и плохая акустика зала.

Благотворительность стала издавна отраслью общественной дѣятельности, куда женщинѣ данъ болѣе или менѣе широкой доступъ. Подъ вліяніемъ перваго женскаго конгресса 1889 года, эта дѣятельность развилась чрезвычайно сильно; много тысячъ женщинъ работаютъ на поприщѣ благотворительности. Кромѣ яслей, пріютовъ, родильныхъ домовъ, сиротскихъ домовъ и т. п. учреждений, которыя стали обычными во всѣхъ европейскихъ государствахъ, французженки организовали нѣсколько благотворительныхъ обществъ новаго, иногда очень оригинальнаго вида. Приведемъ на выдержку нѣкоторыя изъ нихъ.

1) Морскія амбулаторіи союза французскихъ женщинъ для оказанія помощи пострадавшимъ въ морскихъ бояхъ. Въ апрѣлѣ 1900 года морской министръ Ланессанъ поручилъ союзу оборудовать два пловучихъ госпиталя, на 300 человекъ каждый, одинъ въ Гаврѣ, другой въ Марсели. Союзу довѣрено устройство рѣчныхъ пловучихъ госпиталей, въ военное время, на баркахъ и пассажирскихъ пароходахъ.

2) Союзъ французскихъ женщинъ для оказанія помощи отставнымъ солдатамъ и морякамъ. Когда служаки эти, слабые, больные, искалѣченные являются на родину изъ колоній, союзъ оказываетъ имъ помощь; доставляетъ кровь, одежду, пищу, иногда (очень рѣдко) денежные пособія. Союзъ находится въ сношеніи съ другими благотворительными обществами, куда часто и направляетъ своихъ клиентовъ; здоровыхъ лицъ союзъ снабжаетъ одеждой, а занятія доставляетъ имъ другое общество, *La maison du soldat*; выздоравливающихъ союзъ отправляетъ на попеченіе и полное содержаніе въ госпитали филантропическаго общества; слабосильные, нуждающіеся въ хорошемъ питаніи, направляются въ общество *Hospitalité du travail*, гдѣ втеченіе 20 дней они получаютъ полное содержаніе отъ союза женщинъ. Союзъ имѣетъ свои отдѣленія въ провинціальныхъ городахъ.

3) Солнечные лучи. Члены этого общества поставили себѣ задачей являться съ утѣшеніемъ, помощью къ бѣднымъ, больнымъ или одинокимъ людямъ, внося съ собой всюду, подобно солнечнымъ лучамъ, свѣтъ, тепло и радость. Они посылаютъ въ больницу цвѣты, раздаютъ книги, сладости, платье, бѣлье, услаждаютъ одиночество разговоромъ, чтеніемъ, пѣніемъ и т. п.

4) Общество вспомошествованія отбывшимъ наказаніе въ Сентъ-Лазарѣ (женская тюрьма) имѣетъ двойную задачу: 1) предохранить женщину отъ тюрьмы или паденія и 2) оказывать поддержку матеріально и нравственно тѣмъ, кто отбылъ срокъ заключенія въ тюрьмѣ. Общество имѣетъ пріюты для бездомныхъ женщинъ, для дѣтей, чьи матери потеряли мѣсто, пріютъ для брошенныхъ дѣвочекъ; помощь деньгами оказываютъ очень рѣдко; главнымъ образомъ помогаютъ доставленіемъ пріюта, пищи, одежды; доставляютъ

мѣста, занятія, словомъ всѣми способами стараются вернуть погибающую къ честной трудовой жизни. Члены общества имѣютъ право посѣщать заключенныхъ, чтобы познакомиться съ ними и придумать заблаговременно наилучшій способъ облегчить ихъ участь; многихъ изъ отбывшихъ срокъ заключенія общество отправляетъ въ другіе города, гдѣ имъ легче приобрести и симпатію, и уваженіе. Означенное общество пользуется большой популярностью, благодаря своей полезной дѣятельности; предсѣдательница его и учредительница Изабелла Божело была избрана почетной предсѣдательницей конгресса.

5. La Samaritaine, общество, основанное въ 1891 году въ Лионѣ, имѣетъ задачей оказывать матеріальную и нравственную помощь дѣвушкамъ-матерямъ, которыя пострадали въ первый разъ и подають надежду на исправленіе. Во время беременности и родовъ общество даетъ имъ пріютъ, а по выздоровленіи принимаетъ на себя заботу о томъ, чтобы благопріятно устроить ихъ судьбу: способствовать примиренію съ семьей или выходу замужъ за отца ребенка, или доставить заработокъ.

6. Общество приданого (l'oeuvre du trousseau) основано при женской школѣ въ февралѣ 1899 года и имѣетъ уже много подражателей; имѣетъ цѣлью поддерживать любовь къ семейному очагу и дать своимъ членамъ возможность сшить себѣ приданое. Надъ приданнымъ работаютъ члены общества (бывшія и настоящія ученицы школы) по пятницамъ между 3 и 5 часами дня. Шитье приданого разрѣшается тѣмъ ученицамъ младшихъ классовъ, которыя получили высшую отмѣтку за свои урочныя занятія по рукодѣлію. Членскій взносъ дѣлается помѣсячно; пожертвованныя вещи поступаютъ въ складъ общества, точно въ сберегательную кассу учрежденія.

7) Братскій союзъ женщинъ-приказчицъ основанъ въ 1890 году; выдаетъ членамъ своимъ безпроцентныя ссуды, имѣетъ похоронную кассу, убѣжище для лицъ, потерявшихъ мѣсто, пріютъ для осиротѣвшихъ дѣтей и двѣ загородныя виллы для слабыхъ здоровьемъ или для выздоравливающихъ членовъ общества.

8) Домъ трудолюбія Amicitia открытъ въ 1898 году съ основнымъ капиталомъ въ 560 франковъ. Учредители его предполагали доставлять безъ посредничества работу бѣднымъ женщинамъ изъ большихъ магазиновъ. Попытка оказалось неудачной; магазины установили слишкомъ низкую плату за трудъ (напримѣръ, за прометку 360 петель — всего 60 сантимовъ), при томъ же приходилось терять много времени, чтобы брать и снова относить заказы. Дѣло пошло лучше съ самостоятельными заказами. Работы бываетъ ежемѣсячно на 2.000 франковъ; многія женщины зарабатываютъ до 4 франковъ въ день. Мечта общества завести собственный магазинъ, который могъ бы конкурировать съ большими

торговыми домами и выдавать работницамъ въ концѣ года извѣстный процентъ съ чистой прибыли.

9) Бесплатныя школы сидѣлокъ въ Парижѣ, Бордо, Нимѣ, Монпелье, Бельвю. Первая изъ нихъ была устроена въ 1890 году въ Бордо. Ученіе продолжается 2 мѣсяца; слушательницы занимаются практически въ 8 клиникахъ и по окончаніи курса получаютъ дипломъ. Во главѣ курсовъ директриса, которая также читаетъ лекціи. Результаты получаются превосходные.

10) Адельфія—женское общество, имѣющее цѣлью оказывать помощь и поддержку трудящимся женщинамъ и развивать въ нихъ духъ товарищества и солидарности. Основано въ 1894 году; доставляетъ мѣста, занятія; число членовъ 600 и раздѣляются на 7 группъ: 1) учительницы, 2) компаньонки, 3) преподавательницы музыки и пѣнія, 4) врачи, 5) дантистки, 6) стенографистки, 7) художницы. Общество устраиваетъ выставку и дважды въ годъ продажу работъ своихъ членовъ. При обществѣ есть библіотека; модели и орудія производства выдаются бесплатно нуждающимся членамъ; ежемѣсячно бываетъ конкурсъ писательницъ; устраиваются музыкальные вечера и утра; оказывается медицинская помощь бесплатно; члены вмѣняютъ себѣ въ обязанность посѣщать одинокихъ и больныхъ своихъ сочленовъ.

Этими десятью примѣрами далеко не исчерпаны типы благотворительныхъ учрежденій; каждый годъ появляются все новыя и новыя общества, имѣющія цѣлью прійти на помощь тому или другому виду нужды и несчастія.

Организація трудовой помощи, на началахъ справедливости, очень занимаетъ благожелателей женщинъ бѣднаго класса. Вопросъ о характерѣ и направленіи трудовой помощи былъ предметомъ горячихъ дебатовъ на общемъ собраніи конгресса.

Встрѣтились два различныхъ мнѣнія; они были выслушаны, подвергнуты обсужденію, и конгрессъ пришелъ къ слѣдующимъ постановленіямъ:

1) Трудовая помощь, будучи однимъ изъ видовъ благотворительности, доставляетъ не заработокъ, но матеріальную помощь взамѣнъ временнаго труда.

2) Трудовая помощь имѣетъ въ виду оказать нравственную поддержку и вернуть опекаемаго къ честной, трудовой жизни.

3) Дома трудолюбія должны быть многочисленны, но съ ограниченнымъ числомъ призрѣваемыхъ, чтобы дать возможность завѣдующимъ познакомиться съ характеромъ и способностями своихъ клиентовъ, пребываніе которыхъ въ домахъ трудолюбія должно быть срокомъ не менѣе 2 недѣль.

4) Мастерскія домовъ трудолюбія должны быть всѣмъ доступны.

5) Главной задачей обществъ трудовой помощи должно быть: давать убѣжище и пищу, а денежную помощь оказывать возможно рѣже, только тѣмъ лицамъ, у кого есть на рукахъ семья.

6) Желательно, чтобы всѣ существующія во Франці общества трудовой помощи вошли въ сношенія другъ съ другомъ, чтобы они составили родъ синдиката, имѣющаго задачей уничтожить безработицу и превратить тунеядцевъ въ исправныхъ работниковъ.

Жалкая участь женщины рабочаго класса, которая лишается заработка во время родовъ, была предметомъ особаго доклада и обсуждалась въ общемъ собраніи конгресса. Сдѣланы были слѣдующія постановленія.

1) Парламентъ долженъ издать законъ, обеспечивающій родильницамъ мѣсячный отдыхъ. 2) Онѣ сохраняютъ содержаніе, а расходы на доктора и аптеку имъ возмѣщаются. 3) Общество взаимопомощи и пенсіонныя кассы должны оказывать помощь родильницамъ во время ихъ болѣзненнаго состоянія. 4) Если открыты для дѣтей всѣхъ нуждающихся женщинъ; при приемѣ строго соблюдается очередь. Относительно этого четвертаго пункта мнѣнія раздѣлились: одни изъ членовъ конгресса (меньшинство) находили, что въ ясли надо принимать дѣтей тѣхъ женщинъ, которыя за свое трудолюбіе и нравственность достойны поддержки. Это мнѣніе встрѣтило горячій и очень краснорѣчивый протестъ большинства: приемъ въ ясли не долженъ быть преміей за добродѣтель матери, тѣмъ болѣе, что тутъ страдаетъ ребенокъ; чѣмъ мать его нерадивѣе и хуже, тѣмъ онъ несчастнѣе; нельзя сдѣлать ребенка отвѣтственнымъ за пороки матери.

Вопросъ о роли женщины въ борьбѣ съ алкоголизмомъ былъ предметомъ занятій первой секціи. Однимъ изъ худшихъ золъ общественнаго строя во Франці является съ каждымъ годомъ все возрастающее пьянство. Число обществъ, выступившихъ на борьбу съ алкоголизмомъ, довольно значительно, но до нынѣшняго года не было специально женскаго общества такого рода, между тѣмъ какъ въ Америкѣ, Англии, Швеціи, Швейцаріи, Голландіи существуетъ много женскихъ обществъ антиалкогольныхъ, играющихъ видную и полезную роль. Главною докладчицею по этому вопросу была на конгрессѣ г-жа Легренъ (Legrain), предсѣдательница союза французскихъ женщинъ для насажденія трезвости (*L'Union française des femmes pour la tempérance*) и редакторъ органа этого союза.

Союзъ французскихъ женщинъ возникъ 10 апрѣля 1899 года, его задача—распространять всѣми законными способами (лекціи, книги, столовыя, пріюты для алкоголиковъ и т. п.) принципы трезвости. Дѣйствительными членами могутъ быть даже малолѣтніе съ разрѣшенія родителей или опекуновъ. Дѣйствительные члены даютъ письменно обѣщаніе совершенно отказаться отъ употребленія спиртныхъ напитковъ; исключеніе допускается лишь по предписанію врача или по церковному обряду. Члены-сотрудники даютъ обѣщаніе частичнаго воздержанія. Союзъ состоитъ изъ неопредѣленнаго и неограниченнаго числа учреждений, пользующихся авто-

номіей. Союзъ французскихъ женщинъ входитъ въ составъ всемірнаго союза женщинъ для борьбы съ алкоголизмомъ, принимаетъ дѣятельное участіе въ его трудахъ, сохраняя при томъ полную самостоятельность и свой національный характеръ; онъ вноситъ въ центральную кассу всемірнаго союза $\frac{1}{20}$ своихъ членскихъ взносовъ. Общія собранія союза французскихъ женщинъ происходятъ ежемѣсячно въ Парижѣ; кромѣ обсужденія дѣловыхъ вопросовъ, здѣсь бывають чтенія докладовъ, лекціи. Союзъ имѣетъ свой печатный органъ Источникъ (La Source). Дѣятельность членовъ союза распадается на три отрасли: 1) устройство столовыхъ трезвости; 2) борьба съ алкоголизмомъ у дѣтей и при помощи дѣтей; 3) попеченіе объ алкоголикахъ и ихъ семьяхъ.

За короткое время существованія союза, имъ устроена столовая и одно замѣчательное учрежденіе: Le patronage familial des buveurs et de leur famille (покровительство алкоголикамъ и ихъ семьямъ); члены патронажа поставили себѣ крайне трудную, но высокоблаготворную, цѣль содѣйствовать нравственному и общественному возрожденію пьяницъ, изгнать алкоголь изъ-подъ семейнаго крова, насаждать трезвость, миръ и тишину въ семьяхъ алкоголиковъ и оказывать помощь тѣмъ изъ нихъ, кто потерялъ мѣсто или заработокъ, вслѣдствіе своей несчастной слабости къ вину. Борьба съ алкоголизмомъ — великое общественное дѣло, долгъ патриотизма, прекрасная школа жизни для женщинъ и дѣвушекъ зажиточныхъ слоевъ общества и наилучшая почва для сближенія сословій, о которомъ такъ много пишутъ и говорятъ, о которомъ, какъ мы увидимъ ниже, шла рѣчь и на конгрессѣ: этому вопросу было посвящено нѣсколько докладовъ.

Патронажъ Легрена существуетъ немного болѣе полугода и за этотъ короткій промежутокъ времени успѣлъ принести немало пользы. Группа дамъ подъ руководствомъ г-жи Легренъ посѣщаетъ семьи алкоголиковъ, утѣшаетъ женъ, занимается съ дѣтьми, изощряется въ изобрѣтеніи способовъ улучшить матеріальное и нравственное положеніе алкоголиковъ и предупредить возможность ихъ возврата къ пьянству. Нѣсколько разъ въ годъ члены патронажа устраиваютъ въ ресторанѣ Синей звѣзды (основанномъ союзомъ французскихъ женщинъ для борьбы съ пьянствомъ) музыкально-литературныя утра для опекаемыхъ и ихъ близкихъ. Комитетъ патронажа выдаетъ деньги на проѣздъ и на наемъ замѣстителей для тѣхъ, кто иначе не могъ бы отлучиться. Программа собранія разсылается заранее всѣмъ приглашеннымъ. Собраніе открывается гимномъ трезвости; послѣ музыкально-литературнаго отдѣленія д-ръ Легренъ (извѣстный психіатръ, предсѣдатель антиалкогольнаго конгресса въ Парижѣ въ 1899 году) произноситъ горячую рѣчь противъ пьянства; собраніе заканчивается трапезой безъ спиртныхъ напитковъ; на прощаніе всѣмъ присутствующимъ раздаются цвѣты

громднаго букета, украшающаго столъ. На первоначальное обезвѣденіе и на поддержаніе столовой Синея звѣзды баронъ Ротшильдъ пожертвовалъ 250 тысячъ франковъ.

Выслушавъ доклады г-жи Легренъ и трехъ другихъ докладчицъ, общее собраніе конгресса вотировало слѣдующія пять пожеланій:

1) Въ виду того, что алкоголь главный разрушитель семейныхъ узъ, женщины, хранительницы семейнаго очага во всѣхъ слояхъ общества, должны объединиться для борьбы со своимъ врагомъ.

2) Необходимо предупреждать возможность возврата къ пьянству; въ виду этого необходимо, чтобы правительство организовало особыя учрежденія, гдѣ алкоголики находили бы себѣ пріютъ до тѣхъ поръ, пока укрѣпится ихъ воля и здоровье.

3) Всѣ столовыя для рабочихъ должны быть основаны на принципѣ полной трезвости.

4) Потребовать отъ правительства ограниченія числа мѣстъ продажи спиртныхъ напитковъ.

5) Потребовать строгой регламентаціи для торговли спиртомъ.

Пожеланія эти были единогласно и единодушно приняты общимъ собраніемъ конгресса.

Вопросъ о сближеніи сословій былъ поднятъ на конгрессѣ и интересно изложенъ въ докладѣ г-жи Дюгаръ (Dugard). Перечисливъ всѣ признаки сильно обострившейся за послѣднее время вражды сословій, докладчица высказала пожеланіе, чтобы женщины взяли на себя тяжкую, но великую задачу умиротворенія этой вражды. Какими же способами? Прежде него насаждать у себя въ семьѣ чувство искренняго равенства и благожелательства соотвѣтствующимъ обращеніемъ съ прислугой и съ посѣтителеми, къ какому бы классу они ни принадлежали; упрощать свой образъ жизни, ибо роскошь возбуждаетъ въ бѣднякахъ чувство зависти и ненависти; принимать участіе въ различныхъ обществахъ благотворительнаго характера, способствующихъ сближенію сословій, каковы, напримѣръ: союзъ женщинъ для борьбы съ алкоголизмомъ, или національный союзъ христіанскихъ обществъ молодыхъ дѣвушекъ, или общество покровительства землякамъ и т. п.

Національный союзъ христіанскихъ обществъ молодыхъ дѣвушекъ во Франціи имѣетъ цѣлью объединить вѣрующихъ дѣвушекъ, принявшихъ твердое рѣшеніе бороться противъ невѣрія, безнравственности и желающихъ создать родъ семьи, гдѣ одинокія молодыя дѣвушки всѣхъ сословій могли бы найти себѣ сестеръ, друзей. Союзъ состоитъ изъ 350 обществъ съ 7.000 членовъ, имѣетъ свои столовыя, клубы съ воскресными собраніями, курсы, пенсіонную кассу. Кромѣ того, его задачей является улучшеніе положенія женщинъ на Мадагаскарѣ.

Что касается обществъ покровительства землякамъ, то на конгрессѣ мы познакомились съ дѣятельностью одного изъ нихъ (oeuvre

des dames limousines et creusoises), имѣющаго цѣлью оказывать нравственную и матеріальную поддержку уроженцамъ Лимузена, проживающимъ въ Парижѣ. Группа изъ 110 дамъ взяла на себя трудъ посѣщать семейства своихъ земляковъ, поддерживать съ ними постоянныя сношенія, помогать деньгами и совѣтомъ. Трѣмъ сестрамъ милосердія порученъ уходъ за больными. Шестъ разъ въ годъ комитетъ общества устраиваетъ для рабочихъ и ихъ семействъ празднества съ мѣстнымъ характеромъ; при этомъ пользуются случаемъ показать землякамъ свое дружеское участіе; нѣсколько молодыхъ людей (jeunesse limousine) съ высшимъ образованіемъ дежурятъ поочередно въ канцеляріи общества, куда земляки могутъ обращаться за совѣтомъ. Дѣятельность этого общества признаютъ за интересный и трогательный опытъ сближенія сословій.

Вопросъ объ измѣненіи режима исправительныхъ заведеній былъ заключительнымъ въ программѣ занятой первой секціи.

Исправительныя заведенія во Франціи раздѣляются на правительственныя и частныя. Общее число содержимыхъ здѣсь простирается до 6.000 (5.000 мальчиковъ и 1.000 дѣвочекъ). Режимъ этихъ заведеній въ высшей степени неудовлетворителенъ; особенно плохи правительственныя заведенія; въ нихъ очень часты случаи одиночнаго или коллективнаго неповиновенія, побѣги, заболѣваемость, рецидивизмъ. Коренная причина этихъ недостатковъ лежитъ въ томъ, что населеніе этихъ заведеній слишкомъ густо, до 300 дѣтей, дѣтей порочныхъ, недисциплинированныхъ, которыхъ нельзя держать такой массой при плохомъ надзорѣ. Съ дѣтьми пускаютъ въ ходъ только однѣ репрессивныя мѣры; отношенія управляемыхъ къ начальству отдаленныя и официальныя; воспитательный элементъ не играетъ никакой роли; режимъ чисто тюремный, а между тѣмъ преступныхъ слѣдуетъ перевоспитывать, а не наказывать; дѣтская преступность очень часто болѣзненное явленіе или послѣдствіе слабости воли, дурнаго воспитанія, дурнаго примѣра родителей. Разумное воздѣйствіе воспитателя, уходъ врача и нѣжность женскаго обращенія для нихъ гораздо нужнѣе, чѣмъ строгость тюремнаго сторожа. Исправительныя заведенія находятся въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ, но ихъ слѣдовало бы преобразовать въ воспитательныя заведенія особаго рода и передать въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія. Каждое такое заведеніе должно было бы имѣть не болѣе 100 пенсіонеровъ; отъ персонала исправительныхъ заведеній необходимо требовать и особой подготовкы, и призванія, а не набирать его съ борка да съ сосенки, какъ это дѣлается теперь. Необходимо усилить женское вліяніе, которое благотворно дѣйствуетъ на дѣтей. Замѣчено, что въ тѣхъ частныхъ исправительныхъ заведеніяхъ, гдѣ и воспитательная и хозяйственная часть поручены женщинамъ, результаты получаются превосходныя.

Относительно женщинъ, отбывающихъ наказаніе въ тюрьмахъ, конгрессъ выразилъ пожеланіе, чтобы онѣ находились всегда подъ женскимъ надзоромъ, и чтобы въ тюремныхъ больницахъ были сидѣлки, а медицинскій уходъ былъ порученъ женщинамъ-врачамъ.

Доклады второй секціи,—законодательство и нравственность,— были распределены на шесть группъ: 1) отмѣна репрессивныхъ мѣръ противъ женщинъ въ вопросѣ нравственности; 2) преслѣдованіе закономъ разврата; 3) отвѣтственность мужчинъ относительно женщинъ и ребенка внѣ брака; 4) имущественныя права замужней женщины; 5) права отца и матери относительно законныхъ дѣтей, и 6) опека: а) равныя права отца и матери при опекѣ законныхъ дѣтей. б) право женщины на участіе въ опекѣ и въ семейныхъ совѣтахъ.

Относительно проституціи были высказаны два различныхъ взгляда. Представителемъ одного явилась г-жа Биберъ-Бѣмъ, нѣмецкая делегатка; она требовала, чтобы государство преслѣдовало проституцію, такъ какъ проституція — общественное зло, а дѣло правительства бороться съ соціальными недугами. Французскіе представители аболіціонистскихъ взглядовъ стояли очень твердо на противоположной точкѣ зрѣнія. Особенно замѣчательны были доклады А. де-Морсье (сына Эмили де-Морсье, по чьей инициативѣ былъ созванъ первый женскій конгрессъ) и извѣстнаго Ива Гюйо. Де-Морсье говорилъ, что во имя свободы и человѣческаго достоинства регламентація проституціи въ какой бы то ни было формѣ не можетъ быть терпима; безнравственны ли или нравственны отношенія мужчины и женщины — это дѣло ихъ индивидуальнаго сознанія и не подлежитъ оцѣнкѣ третьяго лица; полиція нравовъ дѣйствуетъ всегда незаконно и нарушаетъ основныя права гражданъ; подчиненіе женщины въ бракѣ на основаніи существующихъ законовъ есть замаскированная форма регламентаціи нравовъ; забота объ охраненіи общественнаго здоровья не можетъ считаться законнымъ основаніемъ, чтобы создавать касту отверженныхъ и преслѣдовать одну только женщину, не подвергая отвѣтственности и мужчину. Пострадавшій можетъ требовать возмѣщенія проторей и убытковъ по суду на основаніи общихъ гражданскихъ законовъ, и нѣтъ надобности въ особыхъ полицейскихъ правилахъ относительно проституткокъ.

Особенно блестящъ по своему остроумію и смѣлости былъ докладъ на ту же тему Ива Гюйо. Онъ указалъ, что полиція нравовъ дѣйствуетъ на основаніи не дѣйствующихъ законовъ, а какихъ-то архаическихъ указовъ 1684, 1713 и 1778 гг. Медицинскій осмотръ проституткокъ полиція позволяетъ себѣ, опираясь на законоположеніе, гласящее о томъ, что она должна печься о санитарномъ благосостояніи города, принимая мѣры противъ эпидемій, эпизоотій, осматривая заболѣвшихъ животныхъ и

убивая ихъ. Особенно возмутительными должны быть признаны ночныя облавы, когда нерѣдко попадаются лица ни въ чемъ неповинныя. Проституція—порокъ, но не преступленіе, и преслѣдовать ее слѣдуетъ лишь въ томъ случаѣ, когда является нарушеніе общественной тишины и спокойствія. Подвергать проститутку заключенію незаконно, а заносить въ списки малолѣтнихъ и незаконно, и безнравственно, потому что является поощреніемъ разврата. Рѣзко критикуя проекты сенаторовъ Трарьё и Беранже, которые оправдывали регламентацію проституціи заботой объ охраненіи народнаго здравія, Ивъ Гюйо находить, что общественное здоровье не является достаточнымъ основаніемъ, чтобы узаконить презрѣніе къ правамъ человѣческой личности. Въ цивилизованныхъ странахъ половыя отношенія перестаютъ мало-помалу играть первую роль: у мужчинъ и женщинъ слишкомъ много заботъ другого рода; для государства же гораздо болѣе опасны, чѣмъ проституція, другія причины разложенія и паденія нравовъ, а именно: несправедливость экономическихъ и политическихъ отношеній и всякаго рода протекціонизма. Требовать регламентаціи проституціи это значитъ требовать охраны сильного и образованнаго большинства отъ соблазна слабаго меньшинства и, не задумываясь, создавать касту паріевъ. Это образованное и сильное большинство желаетъ, чтобы объ его комфортѣ заботились правительство, полиція, врачи, совершая самую вопіющую изъ несправедливостей. Всего возмутительнѣе то, что мужчина, соблазняющій малолѣтнихъ, ненаказуемъ, а женщина, увлекающая мужчину зрѣлыхъ лѣтъ, подвергается взысканію. Въ заключеніе Ивъ Гюйо сказалъ: «законъ одинъ для всѣхъ; проституція не можетъ существовать безъ взаимнаго соглашенія мужчины и женщины: проститутка не преступница и не должна быть объектомъ особой регламентаціи. Если женщина ведетъ себя развратно въ публичномъ мѣстѣ, она подвергается ответственности на основаніи общихъ законовъ». И, ссылаясь на основныя положенія деклараціи правъ человѣка, онъ прибавляетъ: «всѣ граждане равны передъ закономъ; что не воспрещено закономъ, то не можетъ быть воспрещено по произволу. И карающій законъ, и охраняющій—одинъ для всѣхъ. Никто не можетъ быть арестованъ, обвиненъ и подвергнутъ заключенію не на основаніи закона. Исполнители незаконныхъ приказаній подлежатъ наказанію».

Г-жа Рогнон (предсѣдательница конгресса женскихъ правъ) патетично замѣтила, что бѣдность заставляетъ женщину торговать своимъ тѣломъ, что не продавщица, а покупатель достоинъ презрѣнія, и что честныя женщины должны не презирать, а сожалѣть своихъ погибшихъ сестеръ.

Послѣ долгихъ, страстныхъ и шумныхъ дебатовъ общее собраніе конгресса вотировало слѣдующія постановленія:

- 1) Проституція не преступленіе и не подлежитъ преслѣдованію.

2) Государство должно ограничиться охраной малолѣтнихъ обоого пола и преслѣдовать проступки на основаніи общихъ гражданскихъ законовъ.

3) Женщина не должна быть подвергаема медицинскому осмотру подѣ предлогомъ охраненія общественнаго здравія.

Доклады адвоката Жака Бонзона (Jacques Bonzon) и m-He Chauvin (первая во Франціи женщина-адвокатъ) были посвящены выясненію вопроса объ отвѣтственности отца относительно женщины и ея ребенка внѣ брака. Оказывается, что число незаконныхъ дѣтей во Франціи все увеличивается и составляетъ $\frac{1}{10}$ всѣхъ рожденій или 70 тысячъ дѣтей въ годъ. Изъ нихъ бываютъ признаны отцами до 20 тысячъ, а остальные пятьдесятъ тысячъ остаются на рукахъ покинутыхъ матерей. Статья 340 закона запрещаетъ la recherche de la paternité; чтобы вопреки этой 340 статьѣ примѣнять статью 1382 о гражданской отвѣтственности отца, необходимо доказать, что со стороны отца былъ обманъ, насиліе; при обыкновенныхъ незаконныхъ связяхъ эта статья непримѣнима, и женщины сильно страдаютъ отъ несправедливаго порядка вещей. Измѣненія можно достигнуть двумя путями: или допустить la recherche de la paternité или сдѣлать обязательнымъ, чтобы отецъ давалъ содержаніе и воспитаніе своимъ незаконнымъ дѣтямъ. La recherche de la paternité—не въ духѣ французовъ и на практикѣ вещь часто неисполнимая; денежная помощь для женщины, имѣющей ребенка, всего нужнѣе. Если мужчина имѣетъ право не считать себя обязаннымъ относительно женщины, которая отдалась ему добровольно, то относительно ребенка, невинно страдающаго, онъ имѣетъ несомнѣнныя обязательства. Послѣ бурныхъ и шумныхъ дебатовъ конгрессомъ были приняты слѣдующія пожеланія, признанныя многими членами конгресса мало либеральными и слишкомъ проникнутыми узко буржуазнымъ духомъ:

1. La recherche de la paternité (съ вытекающими отсюда правами гражданскими и имущественными) запрещено.

2. Мать незаконнаго ребенка имѣетъ право втеченіе шести мѣсяцевъ послѣ рожденія его требовать отъ отца содержанія ребенка до совершеннолѣтія его или до смерти. Требованіе это по суду не ведетъ за собой никакихъ иныхъ отношеній, кромѣ денежныхъ.

3. Требованія, основанныя на ложныхъ показаніяхъ, караются на основаніи 400 статьи закона (заключеніе въ тюрьмѣ отъ 1 до 5 лѣтъ; штрафъ отъ 50 до 3 тысячъ франковъ).

4. Мать имѣетъ право требовать денежнаго вознагражденія, чтобы покрыть растраты по содержанію себя и ребенка втеченіе первыхъ шести мѣсяцевъ по разрѣшеніи отъ бремени. Если отецъ женатъ, то денежная помощь незаконному ребенку должна ити изъ его личныхъ средствъ, а не изъ общихъ средствъ съ женой. Онъ обязанъ дать воспитаніе ребенку, соотвѣтственное положенію матери.

Многіе члены конгресса выразили желаніе, чтобы устроены были кассы материнства, куда дѣвушки-матери могли бы обращаться за помощью, чтобы избѣжать обращенія къ человѣку, который имѣлъ низость бросить ихъ съ ребенкомъ и часто способенъ возвести на истицу самыя грязныя и несправедливыя обвиненія, лишь бы снять съ себя всякую отвѣтственность.

Относительно права опеки французская женщина приравнена закономъ къ малолѣтнимъ, безумнымъ и находящимся подъ судомъ, т. е. къ лицамъ безправнымъ. По 319 статьѣ закона мужъ, умирая, можетъ назначать надъ своей женой опеку, безъ разрѣшенія коей она будетъ лишена права распоряжаться судьбой своихъ дѣтей.

Общее собраніе конгресса рѣшило требовать отмѣны этой статьи и дарованія женщинѣ голоса въ семейныхъ совѣтахъ и права быть опекуницей.

Вопросъ о правахъ отца и матери на дѣтей вызвалъ долгіе и оживленные дебаты. Немудрено: рѣшеніе его задѣвало всѣхъ матерей за живое. Постановленія конгресса были сформулированы такъ:

1. Отецъ и мать (неразведенные) имѣютъ равныя права надъ личностью и имуществомъ дѣтей. 2. Въ случаѣ серіознаго разногласія они обращаются къ мировому судѣ; судья старается примирить родителей; въ случаѣ неуспѣшности, онъ произноситъ свой приговоръ втеченіе недѣли; этотъ приговоръ можетъ быть кассированъ председателемъ суда (последняя инстанція) не позже двухъ недѣль. 3. Въ случаѣ подсудности, расточительности, безнравственности одной изъ сторонъ, всѣ переходятъ къ сторонѣ достойной. 4. Въ случаѣ развода или разлуки супруговъ всѣ права надъ дѣтьми принадлежатъ тому изъ супруговъ, которому дѣти присуждены.

Имущественныя права, или, лучше сказать, имущественное безправіе французской женщины—самое больное мѣсто женскаго вопроса во Франціи. Французское законодательство относительно брака представляетъ сплошную сѣть несправедливости и отсталости самой возмутительной; замужняя французка (если только въ брачномъ контрактѣ не установлена раздѣльность имущества) не имѣетъ права собственности: ея состояніе и даже ея заработокъ принадлежатъ мужу, и онъ воленъ распоряжаться ими по своему благоусмотрѣнію. Это особенно тягостно для женщинъ рабочаго класса, которыя не заключаютъ брачныхъ контрактовъ, и у которыхъ мужья-пьяницы по законному праву отбираютъ и пропиваютъ заработокъ.

Конгрессъ призналъ необходимыми коренныя измѣненія, и его постановленія были выражены въ 4 пунктахъ:

1) Частныя лица имѣютъ право устраивать свои денежные дѣла при вступленіи въ бракъ, какъ имъ угодно, подъ условіемъ не нарушать общественнаго порядка и нравственности.

2) Неправоспособность замужней женщины уничтожается.

3) Замужняя женщина имѣетъ право распоряжаться своимъ состояніемъ и своимъ заработкомъ.

4) Каковы бы ни были условия брачнаго договора, женщина сохраняет право на свой заработокъ, и ея сбереженія не становятся общимъ достояніемъ.

Доклады 3-ей секціи—педагогической—были посвящены обсужденію слѣдующихъ шести вопросовъ: 1) сильныя и слабыя стороны одинаковаго воспитанія для мужчинъ и для женщинъ; 2) о воспитаніи, приуроченномъ къ жизненнымъ условіямъ; 3) о значеніи обществъ и союзовъ въ воспитаніи женщины; 4) о значеніи женщины въ воспитаніи мальчиковъ; 5) о подготовкѣ къ преподавательской дѣятельности; 6) о роли женщины въ администраціи, инспекціи и преподаваніи въ учебныхъ заведеніяхъ высшихъ, среднихъ и низшихъ. Слѣдующія пожеланія были вотированы конгрессомъ.

Воспитаніе должно быть одинаково для мужчинъ и для женщинъ. Слѣдуетъ расширить сферу женскаго вліянія при воспитаніи мальчиковъ; всего цѣлесообразнѣе было бы отдать въ женскія руки все начальное образованіе; женщинѣ слѣдуетъ предоставить самое широкое участіе въ преподаваніи, въ инспекціи и администраціи учебныхъ заведеній, не говоря уже о женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ ей должна быть предоставлена главная роль. Совмѣстное обученіе дѣвочекъ и мальчиковъ желательно на всѣхъ ступеняхъ обученія (исключеніе составляютъ закрытыя заведенія). Преподаваніе гигиены должно быть введено въ нормальныхъ школахъ и въ начальныхъ; для ученицъ начальной школы полезны практическія занятія въ ясляхъ.

Самая оживленная работа происходила въ 4 секціи, секціи труда. Ни въ одной секціи не происходило такихъ горячихъ преній, какъ здѣсь на утреннихъ засѣданіяхъ; перенесенныя на общее собраніе, они и здѣсь ярко и горячо пламенѣли. Пять главныхъ вопросовъ дебатировались въ 4 секціи: 1) свобода женскаго труда; 2) экономическія причины, обезцѣнивающія женскій трудъ; 3) способы поощрять женскій трудъ въ семьѣ; 4) кооперативныя производительныя общества; 5) сельскохозяйственное образованіе женщинъ (школы сельскаго хозяйства и садоводства).

Положеніе французской работницы безконечно трудно; иголкой нельзя заработать болѣе 2 франковъ въ день: монастыри и тюрьмы съ ихъ даровыми работницами все болѣе и болѣе обезцѣниваютъ женскій трудъ; мужчины-рабочіе всѣми способами преслѣдуютъ своихъ конкурентокъ; они требуютъ отъ своихъ хозяевъ, чтобы женщинъ не принимали въ мастерскихъ; многіе синдикаты поставили правиломъ для своихъ членовъ не пользоваться женскимъ трудомъ. Законодательство, ограничивъ число часовъ женскаго труда и запретивъ ночную работу, вырвало изъ рукъ женщинъ одно изъ наилучшихъ занятій: типографскую работу. Мужскому труду нѣтъ ограниченій, онъ свободенъ; тѣмъ труднѣе женщинѣ

конкурировать съ мужчиной. А между тѣмъ жить нужно! Насколько эти якобы охранительныя постановленія невыгодны для женщинъ, видно изъ слѣдующаго примѣра: одна изъ громаднѣйшихъ типографій Парижа (*des Arts et Métiers*) держала у себя до 200 женщинъ; со вступленіемъ въ силу закона 1892 года, штрафующаго хозяевъ, допускающихъ ночную работу женщинъ, эта типографія для нихъ закрылась. Издательница «Фронды» (гдѣ исключительно работаютъ женщины), Маргарита Дюранъ, платитъ штрафъ за штрафомъ и усиленно хлопочетъ объ отмѣнѣ закона 1892 года. Фредерикъ Пасса (*membre de l'Institut*, бывший депутатъ) высказался за полную свободу женскаго труда и за необходимость одинаковой платы за одинаковый трудъ для мужчинъ и для женщинъ. Въ виду труднаго положенія женщинъ-работницъ, конгрессъ выражалъ желаніе, чтобы всѣ условія были устранены, обезцѣнивающія и стѣсняющія женскій трудъ. Женщины должны сплотиться, объединиться и вести упорную, энергическую борьбу за экономическое освобожденіе женщинъ. Однимъ изъ лучшихъ способовъ борьбы признано устройство синдикатовъ. Они возникаютъ теперь во Франціи повсемѣстно. Въ Парижѣ ихъ два: 1) синдикатъ портнихъ, бѣлошвеекъ, шляпницъ и корсетницъ; 2) синдикатъ цвѣточницъ (выдѣлывающихъ цвѣты, перья и листья). Привожу *in extenso* уставъ перваго синдиката, познакомиться съ которымъ очень интересно: онъ прекрасно характеризуетъ практическую жилку французовъ и одушевляющій ихъ духъ равенства и справедливости.

§ 2. Синдикатъ имѣетъ цѣлью: а) доставлять работу своимъ членамъ; б) установить правильную цѣну за трудъ; в) добиваться сокращенія числа рабочихъ часовъ; г) приобрести право свободно обсуждать положеніе работницъ и поддерживать всѣми способами ихъ законныя требованія во всемъ, что касается ихъ нравственныхъ и профессиональныхъ интересовъ.

§ 3. Синдикатъ не можетъ прекратить своего существованія, число его членовъ неограниченно.

§ 4. Члены синдиката обязаны строго исполнять законы и правила, имѣющіе въ виду охрану малолѣтнихъ ученицъ и гигиену мастерскихъ.

§ 5. Сдѣлавшись хозяйкой заведенія или мастерской, членъ синдиката выбываетъ изъ числа членовъ.

§ 6. Всѣ члены синдиката равны: званія почетнаго члена не существуетъ.

§ 7. Чтобы стать членомъ синдиката, надо подписать уставъ, сообщить свое имя, фамилію, адресъ и вносить членскій взносъ ежемесячно отъ 25 до 50 сантимовъ.

§ 8. Каждый желающій имѣть право всегда выйти изъ членовъ синдиката, но внесенныя имъ деньги поступаютъ въ кассу синдиката и не возвращаются.

§ 10. Синдикатомъ управляетъ совѣтъ изъ 11 членовъ, избираемыхъ общимъ собраніемъ. Совѣтъ избираетъ изъ своей среды секретаря и помощника секретаря, казначея и помощника казначея. Предсѣдательницы не избираютъ; предсѣдательствуютъ поочередно члены совѣта.

§ 11. Ревизіонная комиссія изъ 3 членовъ провѣряетъ и контролируетъ кассовыя книги. Всѣ эти должности безплатны.

§ 13. Синдикатъ имѣетъ бюро и ведетъ запись лицамъ, желающимъ поступить въ члены синдиката, а также спроса и предложенія труда.

§ 15. Не сдѣлавшая взносовъ въ теченіе 6 мѣсяцевъ исключается изъ членовъ синдиката.

§ 16. Казначей хранить всѣ денежныя суммы и помѣщаетъ ихъ въ банкъ; при всѣхъ денежныхъ операціяхъ присутствуютъ, кромѣ казначея, два члена совѣта.

§ 17. Капиталъ синдиката заключается въ бумагахъ, гарантированныхъ государствомъ.

§ 18. Шеремѣщеніе капиталовъ дѣлается съ согласія общаго собранія, на которомъ присутствуетъ не менѣе половины членовъ.

§ 19. Казначею и секретарю выдается на руки 50 франковъ на непредвидѣнные расходы.

§ 20. Общее собраніе созывается 4 раза въ годъ, избираетъ ревизіонную комиссію, которая даетъ отчетъ о своей дѣятельности слѣдующему собранію.

§ 21. Статьи настоящаго устава могутъ быть измѣнены и дополнены. Всѣ предложенія по этому поводу представляются въ совѣтъ, который и передаетъ ихъ на обсужденіе общаго собранія.

При синдикатѣ устроены курсы кройки.

Послѣднимъ вопросомъ 4 секціи было сельскохозяйственное образованіе женщинъ. Его важность и необходимость были убѣдительно, ярко, интересно изложены во многихъ докладахъ, и общее собраніе конгресса единодушно признало его значеніе и настоятельную неотложность.

Доклады пятой секціи были посвящены выясненію роли женщины въ искусствѣ, литературѣ и наукѣ за послѣднее пятидесятилѣтіе.

Во Франціи женщина сдѣлала громадныя завоеванія въ области декоративнаго искусства. Наилучшимъ свидѣтельствомъ тому служилъ *le Palais de la Femme* на выставкѣ. Извѣстная писательница *Th. Bentzon* (г-жа *Charles Blanc*) въ мастерски составленномъ

рефератъ обрисовала успѣхи французенокъ въ литературѣ и журналистикѣ. Д-ръ математики Доротея Клумпке, состоящая при парижской обсерваторіи, констатировала успѣхи европейскихъ и въ частности французскихъ женщинъ въ области отвлеченныхъ наукъ. Д-ръ медицины г-жа Пиллисть-Эдвардсъ набросала картину успѣховъ женщины въ медицинѣ.

Въ пятой секціи были подняты вопросы о реформѣ женскаго костюма и о способахъ научить женщинъ всѣхъ классовъ общества гигиеническому обиходу въ семьѣ.

Докладъ о реформѣ женскаго костюма былъ прочитанъ нѣмой, г-жей Похгаммеръ, и не нашелъ сочувствія. За то въ цѣлыхъ пяти пунктахъ конгрессъ выразилъ свое желаніе, чтобы гигиена личная и общественная получила широкое право гражданства.

1. Знакомство съ гигиеной семьи и ребенка должно входить обязательно въ программы женскаго образованія какъ низшаго, такъ и средняго. 2. При экзаменахъ на полученіе различныхъ дипломовъ должны требовать знанія гигиены въ установленномъ извѣстной программой размѣрѣ. 3. На курсахъ для взрослыхъ дѣвушекъ гигиенѣ должно быть отведено значительное мѣсто. 4. Повсемѣстно должны быть организованы просвѣтительными обществами и лигами курсы гигиены для взрослыхъ женщинъ (отъ 18 лѣтъ). 5. Слѣдуетъ немедленно сформировать особый комитетъ, который занялся бы проведениемъ въ жизнь намѣченныхъ нововведеній.

По предложенію г-жи Vincent, представительницы 100 рабочихъ обществъ, конгрессъ выразилъ пожеланіе, чтобы городскія управленія устраивали повсемѣстно бесплатныя бани для рабочихъ. Г-жѣ Vincent принадлежало еще одно интересное предложеніе о даровой раздачѣ земли, сѣмянъ и орудій бѣднымъ семействамъ. Рабочіе сады были устроены впервые въ 1890 году около Седана по инициативѣ г-жи Hervien. Общество возстановленія семьи (La reconstitution de la famille) приобрѣло 2 участка земли и роздало ихъ 74 семействамъ (360 человекъ). Многіе города Франці послѣдовали примѣру Седана и во многихъ мѣстахъ возникли образцовые сады и огороды. Предложенія г-жи Vincent были приняты конгрессомъ очень сочувственно.

Настоящій отчетъ о парижскомъ женскомъ конгрессѣ касается только положенія, правъ и желаній французской женщины. Очень многого добились француженки, очень многого имъ еще остается добиться; надо надѣяться, что коренныя измѣненія ихъ юридическаго и экономическаго положенія не заставятъ себя долго ждать. Все говоритъ въ пользу этого: и общественный строй Франці, и практическій, дѣятельный характеръ французовъ, и ихъ страстное желаніе быть непременно передовой націей. Кто видѣлъ француженку на конгрессѣ, тотъ не станетъ утверждать, что она

легкомысленна и пуста. Такія женщины, какъ Марія Поньонъ, Маргарита Дюранъ, Пегаръ, Кергомаръ, де-Сентъ-Круа, Шованъ (Chauvin) и многія другія (а ихъ очень много!), вызывали въ присутствующихъ чувства самаго искренняго восхищенія своею дѣловитостью, краснорѣчіемъ, искренностью убѣжденія и той громадной работой, которую онѣ совершили въ какія нибудь 15—20 лѣтъ въ пользу женскаго движенія во Франціи ¹⁾.

Е. Чебышева-Дмитріева.

¹⁾ Считаю не лишнимъ привести перечень докладовъ русскихъ женщинъ.

I секція: 1) Шуйской — общество попеченія о гувернанткахъ. 2) Нечаевой — общество попеченія о молодыхъ дѣвицахъ въ С.-Петербургѣ. 3) Евангелическое общество попеченія о молодыхъ дѣвицахъ въ С.-Петербургѣ. 4) А. Философовой — благотворительность въ Россіи за полвѣка; 5) Штейнъ — благотворительность въ Москвѣ; 6) трудовая помощь въ Москвѣ; 7) профессора Духовскаго — объ исправительныхъ заведеніяхъ; 8) Митрофановой — благотворительность въ Варшавѣ.

III секція: доклады г-жъ Стоюниной, Штойнъ, Шрамченко, Нечаевой, Тарновской и Дюкрѣ о женскомъ среднемъ и высшемъ образованіи въ Россіи; докладъ учительницъ городскихъ начальныхъ училищъ С.-Петербурга.

IV секція: докладъ г-жи Долговой о сельскохозяйственномъ образованіи женщинъ въ Россіи.

V секція: доклады г-жи Юнгъ (урожд. графини Толстой) о русской женщинѣ въ искусствѣ, Тидебель — о значеніи русской женщины въ музыкѣ.

Чебышевой-Дмитріевой — о русской женщинѣ въ литературѣ и журналистикѣ.

Архангельской — женщины-врачи въ земствѣ; отчетъ медицинскаго института для женщинъ въ С.-Петербургѣ; Марковой — женщины массажистки.

Д-ра Зальцъ — женщины дантистки и фельдшерицы.

Павловой и Каченовской: женщины естествоиспытательницы въ Россіи.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЙ АРАБСКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ПАМЯТНИКЪ О РОССИИ XVII ВѢКА.

В НАСТОЯЩЕМЪ году вышло въ свѣтъ въ русскомъ переводѣ «Путешествіе антиохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка», описанное его сыномъ, архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ. Переводъ исполненъ извѣстнымъ знатокомъ Востока Г. А. Муркосомъ по арабской рукописи этого произведенія, принадлежащей Московскому главному архиву министерства иностранныхъ дѣлъ. На страницахъ «Историческаго Вѣстника» (май 1897 года, апрѣль и сентябрь 1898 г., февраль 1899 г.) своевременно помѣщались краткія библиографическія сообщенія о первыхъ четырехъ выпускахъ указанного изданія г. Муркоса. Въ виду весьма важнаго и разносторонняго научнаго значенія вновь опубликованнаго въ русскомъ переводѣ иностраннаго произведенія, особенно же въ виду высокой цѣнности историческихъ его свѣдѣній о Россіи XVII вѣка, не лишнимъ представляется еще разъ обратиться къ этому замѣчательному арабскому литературному памятнику въ его цѣломъ составѣ и уяснить особенности и достоинства его содержанія.

Антиохійскій патріархъ Макарій, вступившій на патріаршій престолъ въ 1647 году, дважды пріѣзжалъ въ Россію въ царствованіе Алексѣя Михайловича: первый разъ для сбора пожертвованій на нужды бѣднаго и обремененнаго долгами антиохійскаго престола, а во второй — для суда надъ русскимъ патріархомъ Никономъ, по приглашенію царя. Во время перваго путешествія, продолжавшагося три года (1654—1656), Макарія сопровождалъ въ Россію его

родной сынъ, архидіаконъ Павелъ Алеппскій, человѣкъ весьма любознательный и начитанный, съ довольно серіознымъ образованіемъ.

По просьбѣ одного изъ своихъ дамасскихъ друзей, Павелъ составилъ подробное и весьма цѣнное описаніе путешествія своего отца по Россіи. Замѣчательное произведеніе арабскаго писателя сохранилось до нашего времени въ четырехъ арабскихъ спискахъ, одинъ изъ коихъ принадлежитъ королевской бібліотекѣ въ Лондонѣ, а три находятся въ русскихъ книгохранилищахъ: одинъ въ Москвѣ, въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, и два въ Петербургѣ—въ учебномъ отдѣленіи при азіатскомъ департаментѣ и въ Императорской Публичной бібліотекѣ, въ находящемся здѣсь собраніи рукописей знаменитаго русскаго византолога-путешественника, епископа Порфирія Успенскаго. Лондонская рукопись «Путешествія» патріарха Макарія была уже предметомъ изученія со стороны члена королевскаго азіатскаго общества Великобританіи и Ирландіи, Бальфура, который въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія издалъ ее въ англійскомъ переводѣ. Переводъ Бальфура не вездѣ точенъ и неполонъ: какъ иновѣрецъ, Бальфуръ затруднялся переводомъ нерѣдкихъ въ арабскомъ оригиналѣ описаній церкви и церковныхъ богослуженій въ Россіи и по большей части опустилъ ихъ. Тѣмъ не менѣе англійское изданіе «Путешествія» патріарха Макарія, сдѣланное Бальфуромъ, оставалось, до выхода въ свѣтъ труда г. Муркоса, единственнымъ источникомъ, по которому лица, не знающія арабскаго языка, могли ознакомиться съ замѣчательнымъ произведеніемъ Павла Алеппскаго. Англійскимъ переводомъ Бальфура и пользовались нѣкоторые русскіе ученые (С. М. Соловьевъ, Костомаровъ, митрополитъ Макарій и нѣкоторые другіе), по тѣмъ или инымъ побужденіямъ имѣвшіе поводъ обращаться къ запискамъ Павла Алеппскаго.

Г. Муркосъ, давно оцѣнившій весьма важное научное значеніе «Путешествія» патріарха Макарія, изъ коего онъ въ разное время опубликовалъ въ русскомъ переводѣ нѣсколько отрывковъ, возымѣлъ намѣреніе издать арабскій оригиналъ этого любопытнаго произведенія въ полномъ видѣ, въ точномъ русскомъ переводѣ.

«Путешествіе» патріарха Макарія начинается краткимъ введеніемъ, въ которомъ Павелъ Алеппскій сообщаетъ свѣдѣнія о себѣ и своемъ замѣчательномъ отцѣ, объясняетъ обстоятельства происхожденія и характеръ своего литературнаго труда и указываетъ причины, вслѣдствіе коихъ патріархъ Макарій предпринялъ путешествіе въ Россію. «Занявъ антиохійскій патріаршій престолъ, Макарій, какъ пишетъ его сынъ, все время непрестанно занимался устройствомъ церковныхъ дѣлъ, держа бразды правленія съ твердой разсудительностью и непреклонной рѣшимостью, пока рука Провидѣнія не направила его къ посѣщенію отдаленныхъ странъ, селеній

и острововъ, не съ цѣлью ихъ осмотра и прогулки или въ качествѣ гостя, но по нуждѣ, по причинѣ трудныхъ и стѣсненныхъ обстоятельствъ. Поѣхалъ онъ противъ воли, не по собственному хотѣнію, а потому, что долги, тяготѣвшіе надъ антиохійскимъ престоломъ отъ прежнихъ временъ, удвоились, возросли отъ прибавленія большихъ процентовъ. Паства его престола была не въ состояніи уплатить этихъ большихъ долговъ. Тогда онъ впалъ въ раздумье и, удрученный горемъ при видѣ такой бѣды, скорбѣлъ душею, ища избавленія отъ этой горькой неволи, но не нашелъ иного средства, никакой помощи съ чьей либо стороны, ни иного способа, какъ, подобравъ полы съ ногъ старанія, сѣсть на коня трудовъ и усилій. Онъ вознамѣрился направиться по славной и трудной дорогѣ, итти по тягостнымъ тропамъ къ оазисамъ съ пріятной водой и къ великимъ полноводнымъ морямъ, т. е. къ обладателямъ высокихъ совершенствъ и драгоценныхъ качествъ, прибѣжищу просящихъ и покрову умоляющихъ, къ могущественнымъ и побѣдоноснымъ царямъ, къ благочестивымъ князьямъ и правителямъ, славнымъ своей истинной религіей и правою вѣрой (да продлитъ Богъ ихъ могущество, да увѣковѣчитъ ихъ владычество, да укрѣпитъ ихъ бытіе и да утвердитъ навсегда ихъ созвѣздіе на высокомъ небосклонѣ!), дабы испросить отъ обильныхъ ихъ щедротъ и милостей того, чѣмъ бы онъ могъ уплатить свои долги, и что помогло бы ему поддержать свою вѣру» (выпускъ I, стр. 2). Говоря о своей литературной работѣ, Павелъ такъ опредѣляетъ ея значеніе: «да получить отъ нея христіане обильную пользу, когда услышатъ о благородныхъ обычаяхъ истинно-вѣрующихъ, объ ихъ постоянствѣ и безграничной тредности въ богопочтаніи, о строгомъ соблюденіи ими установленныхъ постовъ и церковныхъ службъ, объ ихъ замѣчательной набожности, объ ихъ искренней вѣрѣ и доброй нравственности, о чистотѣ ихъ намѣреній, сокровенныхъ мыслей и тайныхъ помысловъ. Все это мы опишемъ, разъясняя и истолковывая то, чему были очевидцами... что подтвердилось въ нашихъ глазахъ въ продолженіе путешествія и пребыванія нашего въ разныхъ странахъ до возвращенія на родину» (I, 3). Вслѣдъ за этимъ Павелъ приступаетъ къ описанію обстоятельствъ отправленія и путешествія его отца, «день за день, какъ онъ говоритъ, безъ исключенія, за все время его отсутствія» изъ предѣловъ антиохійскаго патріархата.

9-го іюля 1652 года, патріархъ Макарій выѣхалъ изъ города Алеппо въ Константинополь. Путь лежалъ чрезъ Антиохію, Конію и Бруссу, малоазійскіе города. 20-го октября того же года, Макарій прибылъ въ Константинополь. Пребываніе въ столицѣ Турецкой имперіи продолжалось болѣе двухъ мѣсяцевъ. Оно дало возможность любознательному и образованному Павлу Алеппскому ознакомиться съ достопримѣчательностями Константинополя и вник-

нуть въ нѣкоторыя церковныя дѣла константинопольскаго патріархата. Въ своемъ трудѣ онъ оставилъ намъ описаніе святой Софіи, Гишподрома, храма Живоноснаго Источника, патріаршей церкви и другихъ памятниковъ Константинополя, а равно сообщаетъ свѣдѣнія о современномъ константинопольскомъ патріархѣ Паисіи, описываетъ помѣстный соборъ, состоявшійся съ цѣлью отлученія отъ церкви одного изъ незаконныхъ претендентовъ на константинопольскій патріаршій престолъ — тырновскаго митрополита Кирилла. Изъ Константинополя Макарій отправился по Черному морю въ Молдавію. Путники сошли съ корабля на пристань Кюстендже и чрезъ городъ Мачинъ, 17-го января 1653 года, пріѣхали въ молдавскій городъ Галаць, находящійся на Дунаѣ, а отсюда— въ столицу Молдавіи Яссы. Молдавскій господарь Василій Лупулъ весьма любезно принялъ антиохійскаго патріарха и оказалъ ему щедрое матеріальное содѣйствіе. Но восточные путешественники не могли въ полнотѣ воспользоваться милостями великодушнаго властителя Молдавіи, потому что ихъ пребываніе въ странѣ совпадало съ мятежнымъ возстаніемъ противъ господара, поднятымъ воеводою Стефаномъ; во время междоусобной войны погибъ ратникъ Василя, Тимошей Хмельницкій, сынъ гетмана Богдана Хмельницкаго, самъ господарь потерялъ власть, богатства и многочисленнаго войско, страна же его была опустошена. Павелъ Алеппскій обстоятельно описываетъ паденіе Василя Лупула и всѣ подробности этого интереснѣйшаго въ исторіи Молдавіи событія, являясь, въ этомъ случаѣ, единственнымъ, по словамъ Костомарова, источникомъ для ознакомленія съ современными отношеніями Молдавіи къ Малороссіи.

Кромѣ того, во второй книгѣ «Путешествія», посвященной Молдавіи, (I, 44—112), читатель найдетъ свѣдѣнія о жизни и бытѣ молдаванъ, ихъ религіозности, о мѣстныхъ церквахъ и монастыряхъ, которые авторъ имѣлъ возможность осмотрѣть во время восьмимѣсячнаго пребыванія въ Молдавіи. Подобныя же свѣдѣнія въ изобиліи помѣщены и въ третьей книгѣ «Путешествія», описывающей пребываніе патріарха Макарія въ Валахіи, куда онъ проѣхалъ изъ Молдавіи 22-го ноября 1653 года (I, 113—154). Валашскій господарь Матвѣй далъ патріарху Макарію незначительную милостыню, потому что «подъ конецъ своей жизни онъ сдѣлался большимъ скрягою, возымѣлъ къ туркамъ и татарамъ чрезвычайную любовь, расточивъ на нихъ все свое богатство, возненавидѣлъ священниковъ, монаховъ и игуменовъ, кои являлись къ нему за милостыней, которую онъ назначилъ имъ въ началѣ своего правленія, и отпускалъ ихъ обманутыми къ своимъ ожиданіямъ» (I, 136). Во время пребыванія патріарха Макарія въ городѣ Тырговиштѣ, господарь Матвѣй скончался; Павелъ Алеппскій пространно описы-

ваетъ обстоятельства кончины Матвѣя, его погребеніе и чинъ поставленія новаго господаря Константина.

22-го мая 1654 года, Макарій и его спутники выѣхали изъ Валахія и черезъ Молдавію направились въ земли казаковъ (Малороссію). Когда патріархъ переправился черезъ рѣку Днѣстръ, «на встрѣчу ему вышли тысячи народа въ несмѣтномъ множествѣ: то были жители города Рашкова. Въ числѣ встрѣчавшихъ были: семь священниковъ въ фелоняхъ съ крестами, ибо въ городѣ семь церквей, затѣмъ дьяконы съ хоругвями и свѣчами, потомъ сотникъ, т. е. начальникъ крѣпости и города, войсковою начальникъ, войско и пѣвчіе, которые, какъ бы изъ однихъ устъ, пѣли стихиры приятнымъ напѣвомъ. Всѣ пали ницъ передъ патріархомъ и стояли на колѣняхъ до тѣхъ поръ, пока не ввели его въ церковь. Въ городѣ никого не оставалось, даже малыхъ дѣтей» (III, 1—2). Послѣ этой торжественной встрѣчи, патріархъ приглашенъ былъ къ совершенію богослуженія въ одномъ изъ храмовъ Рашкова. «Тутъ-то впервые мы вступили, пишетъ Павелъ Алеппскій, въ топи и боренія, и настало для насъ время пота и труда, ибо во всѣхъ казацкихъ церквахъ до земли московитовъ вовсе нѣтъ стасидіевъ (сидѣній), даже для архіереевъ. Представъ себѣ, читатель: они стоятъ отъ начала службы до конца неподвижно, какъ камни, безпрестанно кладя земные поклоны, и всѣ вмѣстѣ, какъ бы изъ однихъ устъ, поютъ молитвы; и всего удивительнѣе, что во всемъ этомъ принимаютъ участіе и маленькія дѣти. Усердіе ихъ къ вѣрѣ приводило насъ въ изумленіе. О Боже, Боже! какъ долго тянутся ихъ молитвы, пѣніе и литургія» (II, 2).

«Во всей землѣ казаковъ, сообщаетъ далѣе Павелъ, мы замѣтили, возбуждавшую наше удивленіе, прекрасную черту: всѣ они, за исключеніемъ немногихъ, даже большинство ихъ женъ и дочерей, умѣютъ читать и знаютъ порядокъ церковныхъ службъ и церковные напѣвы; кромѣ того, священники обучаютъ сиротъ и не оставляютъ ихъ шататься по улицамъ невѣждами» (II, 2). Изъ Рашкова съ десятью казаками, назначенными въ качествѣ провожатыхъ, патріархъ отправился въ Дмитрашевку. И здѣсь почетному гостю была оказана жителями торжественная встрѣча, описывая которую Павелъ говоритъ, что въ мѣстномъ «благословенномъ народѣ онъ замѣтилъ набожность, богобоязненность и благочестіе, приводящія умъ въ изумленіе» (II, 4). По поводу упоминанія въ церковныхъ молитвахъ казаковъ имени московскаго царя Алексѣя, Павелъ рассказываетъ о подчиненіи Малороссіи царю, видя причину этого событія въ измѣнѣ татаръ гетману Богдану Хмельницкому, который прежде воевалъ съ ними противъ поляковъ, а также повѣствуетъ о войнѣ казаковъ съ поляками, народомъ гордымъ, высокоумнымъ и клятвопреступнымъ (II, 9). Дальнѣйшій путь восточныхъ паломниковъ лежалъ черезъ селенія и го-

рода Горячковку, Жабокричь, Соболевку, Яновъ, Умань, Маньковку, Богуславъ, Триполье, Васильковъ и другіе до Кіева. Описывая этотъ путь, Павелъ говоритъ о нравахъ и обычаяхъ жителей, ихъ многолюдствѣ, укрѣпленіяхъ, о церквахъ и церковныхъ службахъ, объ отношеніяхъ казаковъ къ евреямъ и армянамъ, о природѣ страны, ея естественныхъ богатствахъ, о благосостояніи жителей и т. п. «О какая эта благословенная страна!—пишетъ между прочимъ Павелъ:—не успѣешь пройти разстояніе, равное разстоянію между Алешо и ханомъ Туманъ (три часа пути), какъ встрѣтишь по дорогѣ десять, весемь или пять селеній. Такъ на большихъ дорогахъ, а что справа и слѣва отъ нихъ, то безсчетно» (II, 18). «Всякій базаръ и мѣстечко въ землѣ казаковъ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ (II, 15), обилуютъ жителями, особенно маленькими дѣтьми. Каждый городъ имѣетъ, можетъ быть, до 40—50 и болѣе тысячъ душъ, но дѣти многочисленнѣе травы и всѣ умѣютъ читать, даже сироты». О набожности казаковъ Павелъ такъ рассказываетъ: «При упоминаніи Богородицы всѣ дѣлаютъ земные поклоны, имѣя голову обнаженною, даже священники; ты, читатель, могъ бы видѣть ихъ стоящими въ церкви недвижимо, подобно камнямъ, мы много страдали отъ усталости, но съ ихъ стороны мы видѣли чрезвычайную набожность, богобоязненность и смиреніе. Они являлись толпами, слѣша другъ предъ другомъ, чтобы получить благословеніе и приложиться ко кресту изъ рукъ нашего владыки патріарха. Когда мы проѣзжали по дорогамъ, то они, видя поднятый на шесть крестъ, хотя бы были заняты въ это время жатвою, обращались лицомъ къ востоку, съ женами и дѣтьми, и творили крестное знаменіе» и т. д. (II, 23).

Въ городѣ Богуславѣ патріархъ Макарій имѣлъ свиданіе съ гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ. «Онъ, пишетъ Павелъ о гетманѣ, подѣхалъ съ военной свитой, среди которой никто не могъ бы его узнать: всѣ были въ красивой одеждѣ и съ дорогимъ оружіемъ, а онъ былъ одѣтъ въ простое, короткое платье и носилъ мало цѣнное оружіе. Увидѣвъ нашего патріарха издали, онъ сошелъ съ коня, что сдѣлали и другіе, бывшіе съ нимъ, подошелъ къ нему, поклонился и, дважды поцѣловавъ край его одѣянія, приложился ко кресту и облобызалъ его правую руку, а нашъ владыка патріархъ поцѣловалъ его въ голову. Гдѣ глаза ваши, господари Молдавіи и и Валахи? Гдѣ ваше величіе и высокоомѣріе? Каждый изъ васъ ниже любого изъ полковниковъ, его подчиненныхъ. Господь по правосудію и справедливости осыпалъ его дарами и надѣлилъ счастьемъ въ мѣрѣ, недостижимой царямъ. Онъ тотчасъ взялъ подъ руку нашего владыку патріарха и пошелъ съ нимъ шагъ за шагомъ, пока не ввелъ его внутрь крѣпости, при чемъ плакалъ. Они сѣли за столъ и вмѣстѣ съ ними полковники. О читатель! ты могъ бы быть свидѣтелемъ разумности его рѣчей, его кротости, покорности,

смиренія и слезъ, ибо онъ былъ весьма радъ нашему владыкѣ патріарху, чрезвычайно его полюбилъ и говорилъ: «благодарю Бога, удостоившаго меня предъ смертію свиданіемъ съ твоею святостію». Онъ много разговаривалъ съ нимъ о разныхъ предметахъ, и все, о чемъ просилъ его нашъ патріархъ, онъ покорно исполнилъ» (II, 33). «Этотъ Хмельницкій, пишетъ далѣе Павелъ, мужъ преклонныхъ лѣтъ, но въ изобиліи надѣленъ дарами счастья: безхитростный, спокойный, молчаливый, не отстраняющійся отъ людей, всѣми дѣлами занимается лично, умѣренъ въ ѣдѣ, питьѣ и одеждѣ, подражалъ въ образѣ жизни великому изъ царей, Василию Македонянину, какъ о немъ повѣствуетъ исторія... Какой контрастъ, Хмельницкій, между твоимъ громкимъ именемъ и дѣяніями и твоимъ внѣшнимъ видомъ! По истинѣ, Богъ съ тобою, который поставилъ тебя, чтобы избавить свой избранный народъ отъ рабства языкамъ, какъ древле Моисей избавилъ израильтянъ отъ порабощенія Фараону; тотъ потопилъ египтянъ въ Красномъ морѣ, а ты уничтожалъ и истребилъ ляховъ, кои сквернѣе египтянъ, своимъ острымъ мечемъ. Хвала Богу, совершившему черезъ тебя всѣ эти великія дѣла» (II, 34). Патріархъ поднесъ гетману подарки изъ произведеній востока (мвро, мускусное мыло, ладанъ, абрикосы, коверъ и т. д.), а взамѣнъ получилъ деньги и письмо во всѣ попутные города на даровое пользованіе содержаніемъ, лошадьми и повозками. Встрѣча съ казацкимъ гетманомъ и пребываніе въ его лагерѣ дали возможность Павлу ознакомиться съ устройствомъ казацкаго войска и его бытомъ и сообщить объ этомъ своимъ читателямъ, при чемъ онъ замѣчаетъ, что свѣдѣнія о Хмельницкомъ и казакахъ, которыя переданы въ его сочиненіи подробно, старательно и въ точномъ изложеніи, послѣ многихъ разспросовъ и провѣрокъ, онъ собралъ съ трудомъ и утомленіемъ, удостовѣряясь въ ихъ правдивости. «Сколько ночей я просиживалъ надъ записываніемъ, не заботясь объ отдыхѣ!»—воскликаетъ Павелъ (II, 36).

26 іюня 1654 года, патріархъ Макарій прибылъ въ городъ Кіевъ. Восточные паломники были поражены, увидѣвъ величіе и богатство мѣстныхъ святынь. Любознательный Павелъ тщательно собралъ свѣдѣнія о достопримѣчательностяхъ матери русскихъ городовъ и въ своей книгѣ оставилъ весьма подробное и цѣнное описаніе Печерскаго монастыря съ его великою церковью, ближними и дальними пещерами, Св. Софіи съ ея колоколомъ, Златоверхо-Михайловскаго, Братскаго и Вознесенскаго монастырей и самаго города Кіева (II, 42—80).

Изъ Кіева арабскіе паломники держали путь до Коломны и совершили его чрезъ Прилуки, Путивль, Сѣвскъ, Калугу и Каширу. Въ Прилукахъ обратили на себя вниманіе Павла крѣпость, дворецъ Вишневецкаго, Густынскій Троицкій монастырь, которые обстоятельно имъ и описаны. Рассказывая о своемъ пребываніи въ селѣ

Корыбутовѣ, близъ Путивля, Павелъ между прочимъ замѣчаетъ: «знай, что во всей странѣ казаковъ, въ каждомъ городѣ и въ каждой деревнѣ, выстроены для ихъ бѣдняковъ и сиротъ дома, при концѣ мостовъ или внутри города, служащіе имъ убѣжищемъ; на нихъ снаружи множество образовъ. Кто къ нимъ заходитъ, даетъ имъ милостыню, ибо въ этой странѣ казаковъ бѣдныхъ такъ много, что одинъ Всевышній Богъ знаетъ ихъ: это, большею частью, осиротѣвшія дѣти, нагія, при взглядѣ на которыхъ разрывается самое жестокое сердце. Всякій разъ, какъ мы подходили къ нимъ, они собирались вокругъ насъ тысячами за милостыней. Нашъ владыка патріархъ много сострадалъ имъ» (II, 94). Въ Путивлѣ патріарху опять была устроена торжественная встрѣча и даже богатые подарки отъ воеводы, вельможъ и духовенства. Воевода, явившись къ патріарху, сначала въ молчаніи сотворилъ крестное знаменіе и поклонился иконамъ... затѣмъ онъ приблизился къ нашему владыкѣ патріарху, чтобы тотъ благословилъ его московскимъ благословеніемъ, поклонился ему до земли два раза и сдѣлалъ поклонъ присутствующимъ во всѣ четыре стороны, а потомъ началъ рѣчь; онъ насилу согласился сѣсть по приглашенію нашего владыки патріарха, и всякій разъ, какъ нашъ владыка обращался къ нему чрезъ переводчика, онъ вставалъ и, давъ отвѣтъ, садился (II, 104). Павелъ, по обыкновенію, описываетъ крѣпость и городъ, говоритъ о мѣстныхъ церквахъ и монастыряхъ, описываетъ одежду русскихъ священниковъ и монаховъ, отмѣчаетъ набожность русскихъ и сообщаетъ о восточныхъ путешественникахъ, проѣзжавшихъ нѣкогда чрезъ Путивль въ Московскую землю съ тою же цѣлью, которая имѣлась въ виду патріархомъ Макаріемъ, каковы аркадійскій (въ Сиріи) митрополитъ Іеремія, архіепископъ кипрскій и охридскій, и сербскій митрополитъ Гавріиль.

24-го іюля 1654 года, патріархъ Макарій выѣхалъ изъ Путивля въ землю московитовъ, кои, какъ освѣдомленъ былъ Павелъ, «извѣстны своимъ знаніемъ, мудростью, проникательностью, ловкостью, смѣтливостью и глубокомысленными вопросами, которые ставятъ втупикъ ученыхъ и заставляютъ ихъ краснѣть» (II, 119).

«Все казацкое войско въ полномъ парадѣ съ высшими служивыми людьми воеводы шло впереди (путешественниковъ) на большое разстояніе отъ города, пока не остановилъ ихъ владыка патріархъ, тогда они всѣ подошли, приложились ко кресту и къ его правой рукѣ и вернулись домой, а приставъ двинулся впереди» (119). Въ землѣ Московской первымъ городомъ, въ который прибыли путешественники, былъ Сѣвскъ, гдѣ они встрѣтили хорошій приемъ отъ воеводы. Павелъ описываетъ эту крѣпость и ея церкви. Рассказывая о своемъ дальнѣйшемъ пути, онъ говоритъ о земледѣльческихъ орудіяхъ, употреблявшихся у русскихъ, о посѣвахъ, гумнахъ и скирдахъ, о здѣшнихъ лѣсахъ и подѣлкахъ изъ липы, о

жилищахъ крестьянъ, ихъ одеждѣ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, и т. п. Въ Калугѣ мѣстный воевода очаровалъ паломниковъ своимъ вниманіемъ. По этому поводу Павелъ такъ характеризуетъ русскихъ воеводъ: «Знай, что воеводы въ этой странѣ люди ученые, законовѣды, философы, логично рассуждающіе, любятъ тонкіе вопросы, глубокомысленные споры. Они пріобрѣтаютъ знанія отъ наставниковъ, къ нимъ пріѣзжающихъ, отъ патріарховъ и архіереевъ, коихъ они обыкновенно спрашиваютъ и, когда тѣ отвѣтятъ на ихъ вопросы, подчиняются; если кто изъ нихъ воспрещаетъ имъ что либо, то воздерживаются отъ этого, не упорствуютъ, но стремятся увеличить свои знанія, ибо мы видѣли у каждаго изъ нихъ тысячи большихъ книгъ, кои они охотно и много читаютъ днемъ и ночью. Они не имѣютъ пристрастія къ вину и веселью. У воеводъ кіевскихъ мы видѣли цѣлые воза книгъ, но что Кіевъ въ сравненіи съ Москвою? Все это происходитъ отъ ихъ любви къ знанію; они знаютъ по нядямъ даже нашу страну и ея исторію» (II, 136—137).

17-го августа 1654 года, патріархъ Макарій прибылъ со своими спутниками въ городъ Коломну. Навстрѣчу имъ вышелъ мѣстный воевода съ почетными горожанами, священниками и народомъ. Паломники были помѣщены въ кельяхъ бывшаго здѣшняго епископа Павла. Ихъ пребываніе здѣсь продолжалось до 2-го февраля 1655 года, такъ какъ царь Алексѣй Михайловичъ въ это время находился при осадѣ Смоленска. Продолжительная жизнь въ Коломнѣ дала возможность Павлу Алеппскому составить обстоятельное описаніе этого города, его церкви, архіерейскаго дома, епископской канцеляріи (приказа), ознакомиться съ положеніемъ коломенской епархіи и съ судьбою ея епископа Павла и сдѣлать другія наблюденія разнаго рода. Онъ описываетъ крестный ходъ, совершенный при участіи патріарха Макарія по случаю моровой язвы, указываетъ особенности церковныхъ службъ, характеризуетъ ихъ религіозность, говоритъ о духовенствѣ, церковномъ пѣніи, мощахъ, кандидатахъ на священническія должности и т. п. А вотъ какъ Павелъ описываетъ моровую язву, распространившуюся на Руси: «Сильная моровая язва, перейдя изъ города Москвы, распространилась вокругъ нея на дальнее разстояніе, при чемъ многія области обезлюдѣли. Она появилась въ здѣшнемъ городѣ (Коломнѣ) и окрестныхъ деревняхъ. То было нѣчто ужасающее, ибо являлась не просто моровою язвою, но внезапною смертію. Стоитъ, бывало, человѣкъ и вдругъ моментально падаетъ мертвымъ, или ѣдетъ верхомъ или въ повозкѣ и валится навзничъ бездыханнымъ, тотчасъ вздувается, какъ пузырь, чернѣетъ и принимаетъ непріятный видъ. Лошади бродили по полямъ безъ хозяевъ, а люди мертвые лежали въ повозкахъ, и некому было ихъ хоронить. Воевода предъ этимъ послалъ было загородить дороги, дабы воспрепятствовать

людямъ входить въ городъ, опасаясь, чтобы ктонибудь не занесъ заразы, но это оказалось невозможнымъ... Московиты не знали моровой язвы издавна, и теперь, когда она появилась среди нихъ, они были сбиты съ толку и впали въ сильное уныніе... Проникая въ какой либо домъ, язва очищала его совершенно, такъ что никого въ немъ не оставалось. Собаки и свиньи бродили по домамъ, такъ что некому было ихъ выгнать и запереть двери. Городъ, прежде кишѣвшій народомъ, теперь обезлюдѣлъ. Деревни несомнѣнно тоже опустѣли, равно вымерли и монахи въ монастыряхъ. То было положеніе, достойное слезъ и рыданія... Но русскій народъ—истинно христіанскій и чрезвычайно набоженъ, ибо какъ только ктонибудь, мужчина или женщина, заболѣетъ, то посвящаетъ себя Богу—приглашаетъ священниковъ, исповѣдуются, приобщается и принимаетъ монашество; это дѣлали не только старцы, но и юноши и молодыя женщины, все же свое богатство и имущество отказывали на монастыри, церкви и бѣднымъ. Хуже всего и величайшимъ гнѣвомъ Божиимъ была смерть большинства священниковъ, вслѣдствіе чего многіе умирали безъ исповѣди и пріятія Св. Тайнъ. Потомъ бѣдствіе стало еще тяжелѣе и сильнѣе, и смертность чрезвычайно увеличилась. Некому было хоронить. Въ одну яму клали по нѣскольку человѣкъ другъ на друга, а привозили ихъ въ повозкахъ мальчики, сидя верхомъ на лошади, одни безъ своихъ семейныхъ и родственниковъ и сваливали ихъ въ могилу въ одеждѣ» (II, 169—171). Народное бѣдствіе привело въ большой страхъ восточныхъ паломниковъ, которые постоянно трепетали за свою жизнь, но къ своей радости остались невредимы. Рассказывая о пребываніи въ Коломиѣ, Павелъ повѣствуетъ также о походѣ царя для завоеванія Смоленска, о численности его войска и обстоятельствахъ паденія города, описываетъ рождественскіе праздники, богослуженіе на Крещеніе, посѣщеніе патріарха рязанскимъ архіепископомъ Михаиломъ, тульскіе желѣзные заводы, о которыхъ ему сообщилъ одинъ священникъ изъ Тулы, и т. п. Наконецъ послѣ многихъ просьбъ и продолжительнаго ожиданія, зависѣвшихъ отъ тревожныхъ событій времени, патріархъ Макарій получилъ разрѣшеніе пріѣхать въ Москву. За нимъ были присланы царскія сани; въ сопровожденіи двухъ драгомановъ, 2-го февраля 1655 года, Макарій уже былъ въ Москвѣ.

По пріѣздѣ въ Москву, патріархъ Макарій помѣстился въ монастырѣ свв. Аванасія и Кирилла въ Кремлѣ и получалъ содержаніе отъ царскаго двора. 3-го февраля, въ Москву возвратился патріархъ Никонъ, уѣхавшій отсюда съ царскою семьей еще въ августѣ, по случаю моровой язвы. 10-го февраля, бояре и войско приготовились къ встрѣчѣ царя Алексѣя Михайловича, возвращавшагося изъ похода подъ Смоленскъ и ночевавшаго въ пригородномъ монастырѣ Андрея Стратилата. Здѣсь царь слушалъ моле-

бенъ. «По выходѣ его изъ монастыря,—пишетъ Павелъ,—загремѣли всѣ колокола. Тогда вышелъ патріархъ въ облаченіи и митрѣ, подерживаемый и окруженный дьяконами, предъ нимъ священники въ облаченіяхъ несли хоругви, крестъ и многочисленныя иконы; позади него шли архіепископъ рязанскій и четыре архимандрита въ облаченіяхъ и митрахъ; тутъ были всѣ городскіе священники, одинъ изъ діаконовъ несъ подлѣ него крестъ на блюдѣ. Всѣ двинулись и встрѣтили царя у Земляного вала... Городскіе торговцы, купцы и ремесленники вышли для встрѣчи царя съ подарками: съ хлѣбомъ, по ихъ обычаю, съ посеребренными и позолоченными иконами, съ сороками соболей и позолоченными чашами. Показались въ шествіи государственныя чины и войско. Порядокъ былъ удивительный: всѣ, какъ пѣшіе, такъ и конные, двигались въ три ряда въ честь Св. Троицы. Всѣ знамена были новыя, сдѣланныя царемъ предъ отправленіемъ въ походъ. Эти чудесныя, огромныя знамена приводятъ въ удивленіе зрителя своею красотой, исполненіемъ изображеній на нихъ и позолотой... Насъ поражали и одежда и стройный порядокъ ратниковъ, которые равными рядами шли вслѣдъ за своимъ знаменемъ. Всѣ они, какъ только увидятъ икону надъ дверями церкви или монастыря, или крестъ, снимали свои колпаки, оборачивались къ ней и молились, несмотря на ужасный холодъ, бывшій въ тотъ день. Сотники съ сѣкирами въ рукахъ также шли подлѣ знамени. Такимъ образомъ они продолжали двигаться почти до вечера. При появленіи царя, всѣ они стали въ рядъ съ двухъ сторонъ отъ дворца до Земляного вала города; при этомъ всѣ колокола въ городѣ гремѣли, такъ что земля сотрясалась. Но вотъ вступили въ Кремль государственныя сановники; заѣмъ показались царскія, заводскія лошади, числомъ 24, на поводу съ сѣдлами, украшенными золотомъ и драгоцѣнными камнями, царскія сани, обитыя алымъ сукномъ, съ покрывалами, расшитыми золотомъ, а также кареты со стеклянными дверцами, украшенныя серебромъ и золотомъ. Появились толпами стрѣльцы съ метлами, выметавшіе снѣгъ передъ царемъ. Тогда вступилъ въ Кремль благополучный царь, одѣтый въ царское одѣяніе изъ алаго бархата, обложенное по подолу, воротнику и обшлагамъ, золотомъ и драгоцѣнными камнями, со шнурами на груди, какъ обычно бываетъ на ихъ платьяхъ. Онъ шелъ пѣшкомъ съ непокрытою головою; рядомъ—патріархъ, бесѣдуя съ нимъ. Впереди и позади него несли иконы и хоругви; не было ни музыки, ни барабановъ, ни флейтъ, ни роговъ, ни иного подобнаго, какъ въ обычаѣ у господарей Молдавіи и Валахіи, но пѣли пѣвчіе. А всего замѣчательнѣе было вотъ что: подойдя къ нашему монастырю, царь обернулся къ обители монахинь, что въ честь Божественнаго Вознесенія, гдѣ находятся гробницы всѣхъ князей; игуменья съ монахинями въ это время стояла въ ожиданіи; царь на снѣгу положилъ три земныхъ по-

клона предъ иконами, что надъ монастырскими воротами, и сдѣлалъ поклонъ головой монахинямъ, кои отвѣчали ему тѣмъ же и поднесли икону Вознесенія и большой черный хлѣбъ, который несли двое; онъ его поцѣловалъ и пошелъ съ патріархомъ въ великую церковь, гдѣ отслушалъ вечерню, послѣ чего поднялся въ свой дворецъ» (III, 4—5). Жители Москвы, безъ различія званія, очень радовались возвращенію царя, но онъ, когда узналъ о бѣдствіяхъ, причиненныхъ городу моровою язвою, сильно опечалился и горько заплакалъ. Весьма были рады пріѣзду царя и восточные паломники. Къ нимъ, чрезъ нѣсколько дней по возвращеніи царя, явился одинъ изъ придворныхъ и переписалъ всѣ подарки, привезенные ими царю и его семьѣ. Въ понедѣльникъ, 12-го февраля, могущественный царь благоволилъ имѣть свиданіе съ патріархомъ Макаріемъ. Онъ прислалъ къ нему рано утромъ царскія сани, убранныя дорогими коврами, а также трехъ сановниковъ, которые, поддерживая патріарха подъ руки, посадили его въ сани, поѣзду предшествовали длиннымъ рядомъ стрѣльцы, несшіе подарки; стрѣльцы стояли и вдоль всего пути патріарха. Близъ церкви Благовѣщенія патріархъ вышелъ изъ саней и, имѣя посохъ въ правой рукѣ, былъ проведенъ по лѣстницѣ въ галлерей этой церкви. Здѣсь его встрѣтили три сановника, поклонились ему, взяли подъ руки и повели далѣе; у дверей пріемной палаты патріарха опять встрѣтили бояре и ввели во дворецъ. «Тутъ вышли ему навстрѣчу всѣ бояре, министры и приближенные царя. Привратники у дверей взяли его посохъ. Когда онъ вошелъ и приблизился къ высокому трону царя, то, обратившись къ иконѣ, которая надъ нимъ находилась, пропѣлъ «Достойно есть» едва слышнымъ голосомъ, какъ учили его драгоманы, сдѣлалъ поклонъ передъ ней и затѣмъ поклонился царю, который, сойдя съ трона, встрѣтилъ его съ непокрытою головою, и поклонился ему до земли. Когда онъ всталъ, нашъ владыка патріархъ благословилъ его помосковски, на чело, грудь и плечи и поцѣловалъ его, по обычаю, въ плечо; царь же поцѣловалъ владыку въ голову и облобызалъ его правую руку. Оба продолжали стоять. Царь спросилъ его чрезъ переводчика: «хвала Богу за благополучный твой пріѣздъ, какъ ты себя чувствуешь? какъ ты совершилъ иуть? какъ твое здоровье?» Нашъ владыка патріархъ, какъ подобаетъ, радостно пожелалъ ему отъ Бога многихъ благъ, и царь пригласилъ его сѣсть. Владыка сѣлъ близъ трона на кресло. Царь же взошелъ и сѣлъ на тронъ и началъ бесѣду черезъ переводчика, спрашивая о томъ и о другомъ» (III, 17). Въ бесѣдѣ съ патріархомъ царь, между прочимъ, сказалъ: «о батюшка! ради тебя я прибылъ, чтобы свидѣться съ тобой и получить твое благословеніе, ибо давно уже слышалъ о твоёмъ пріѣздѣ ко мнѣ и сильно желалъ лицезрѣть тебя. Я знаю твою святость и прошу тебя всегда зывать къ Богу и молиться за меня». Патріархъ отвѣчалъ: «я человекъ грѣшный,

но Богъ да дастъ тебѣ по сердцу твоему и по вѣрѣ твоей да исполнить всѣ твои надежды, да даруетъ тебѣ побѣду, какъ даровалъ ее великому Константину, и да сдѣлаетъ имя твое, вмѣсто императоръ, монархъ, какъ именуется онъ, да надѣлитъ тебя наследствомъ его престола вѣвѣкъ!». Услышавъ эти слова, царь чрезвычайно возрадовался и, поклонившись патриарху, поцѣловалъ его десницу вторично (19). Когда поднесены были царю патриаршіе подарки, онъ, осмотрѣвъ ихъ, поблагодарилъ патриарха и поклонился ему. Патриархъ отвѣтилъ на это поклономъ и сказалъ: «не взыщи на насъ, славный государь! страна наша очень далека, и уже три года, какъ мы выѣхали изъ нашего престола. Твое царство велико: прими это малое за большое». Услышавъ, что патриархъ въ отсутствіи три года, царь сильно изумился и началъ много утѣшать его и хвалить подарки, сказавши: «по истинѣ, они въ моихъ глазахъ стѣяютъ многихъ сокровищъ» (III, 20). Наконецъ, драгоманъ сдѣлалъ знакъ патриарху; онъ поднялся, помолился на икону, поклонился царю, который также сдѣлалъ ему поклонъ и попрощался съ нимъ. Послѣ того какъ онъ благословилъ царя вторично, этотъ взялъ его подъ руки и проводилъ почти до дверей, гдѣ и простился съ нимъ, а сановникамъ приказалъ проводить гостя за выходную дверь, каковой почетъ привелъ всѣхъ въ изумленіе (21). Когда Макарій приблизился къ первой лѣстницѣ патриаршихъ палатъ, его встрѣтили архимандриты, посланные патриархомъ Никономъ, и провели его къ патриарху. При входѣ во внѣшнюю часть палатъ, навстрѣчу Макарію вышелъ патриархъ Никонъ, одѣтый въ мантию изъ зеленаго, рытаго, узорчатаго бархата, со скривляями изъ краснаго бархата, на коихъ въ срединѣ изображеніе херувима изъ золота и жемчуга... На головѣ его былъ бѣлый клубокъ изъ камки, верхушка котораго имѣла видъ золотого купола съ крестомъ изъ жемчуга и драгоцѣнныхъ камней. Надъ его глазами было изображеніе херувима съ жемчугомъ... Въ правой рукѣ онъ держалъ посохъ. Онъ встрѣтилъ Макарія съ великимъ почетомъ, сказавъ: «отецъ святой, блаженнѣйшій владыка киръ Макарій, патриархъ великаго града Антиохіи!.. Твоя святость уподобляется Господу Христу, а я подобенъ Закхею, который, будучи малъ ростомъ и домогаясь увидѣть Христа, взлѣзъ на сикомору, чтобы видѣть Его; такъ и я, грѣшный, вышелъ теперь, чтобы лицезрѣть твою святость». Затѣмъ онъ облобызался съ Макаріемъ и повелъ его внутрь своихъ палатъ, весь полъ которыхъ былъ устланъ большими коврами. Оба они подошли, по обычаю, къ иконостасу, пропѣли «Достойно есть», сдѣлали земной поклонъ и поклонились другъ другу. Затѣмъ, патриархъ Никонъ снялъ свой клубокъ и просилъ Макарія благословить его. Съ трудомъ, послѣ многихъ отказовъ, онъ благословилъ его, и они сѣли бесѣдовать чрезъ драгомана (III, 23). Во время бесѣды двухъ патриарховъ,

царь прислалъ одного изъ своихъ придворныхъ пригласить обоихъ къ царскому столу. Павелъ, присутствовавшій также на обѣдѣ, обстоятельно описываетъ его. Восточнаго автора особенно поразили монастырскій обычай читать во время царскаго обѣда житія святыхъ. «Какіе это порядки, коихъ мы были очевидцами! — патетически онъ восклицаетъ по этому поводу, — и какой это благословенный день, въ который мы лицезрѣли сего святѣйшаго царя, своимъ образомъ жизни и смиреніемъ превзошедшаго подвижниковъ! О благополучный царь! Что это ты совершилъ сегодня и совершаешь всегда? Монахъ ты или подвижникъ? Сказать ли, изъ уваженія къ патріархамъ ты не велѣлъ подавать за своимъ столомъ мясныхъ блюдъ на этой недѣлѣ предъ мясопустомъ? Что это совершилъ ты, чего не дѣлаютъ и въ монастыряхъ? Чтець читаетъ изъ Патерика, пѣвчіе время отъ времени поютъ предъ тобою. Богъ Всевышній да хранить твое царство и твои дни! Да покорить подъ ноги твои враговъ твоихъ за это смиреніе и прекрасное имя, которое ты приобрѣлъ въ своей жизни! Какое сравненіе съ трапезой (господарей) Василія и Матвѣя, кои не стѣяютъ быть твоими слугами, — трапезой съ барабанами, флейтами, бубнами, рожками, пѣснями турокъ! Какое сравненіе съ ихъ обычаемъ сидѣть на переднемъ мѣстѣ на высокомъ креслѣ, а патріарха сажать ниже направо отъ себя! За правосудіе и справедливость Богъ даровалъ тебѣ царство и приумножилъ, ибо, куда бы ты ни пошелъ, побѣда идетъ предъ тобою и твоими воинами»... (III, 27). Обѣдъ продолжался до полуночи, а затѣмъ царь съ боярами и патріархомъ Никономъ отправился въ соборъ, гдѣ слушалъ вечерню и утреню, и только на зарѣ вышли. «Какая твердость и какая выносливость! — говоритъ по этому поводу Павелъ, — наши умы были поражены изумленіемъ при видѣ такихъ порядковъ, отъ которыхъ посѣдѣли бы и младенцы» (29). Чрезъ нѣсколько дней царь прислалъ Макарію подарки: три сорока соболей высшаго и низшаго достоинства, большой серебряный кубокъ, бархата фіолетоваго, бархата синяго и еще узорчатаго, два куска фіолетоваго атласа и такой же камки и двѣсти рублей. Патріархъ разослалъ подарки боярамъ и жилъ въ Москвѣ въ ожиданіи скорой и щедрой милостыни царя на уплату долговъ по антиохійской каюедрѣ, принимая участіе въ различныхъ богослуженіяхъ.

Но вотъ распространился слухъ о новомъ и близкомъ отъѣздѣ царя на войну съ ляхами, крайне огорчившій восточныхъ пришельцевъ. Въ день отъѣзда царя, послѣ литургіи, совершенной двумя патріархами, Макарій обратился къ Алексѣю Михайловичу съ просьбою отпустить его въ Сирію, но царь отвѣтилъ ему: «нѣтъ, отецъ мой, прошу тебя остаться здѣсь и молиться за меня, прося, чтобы Богъ даровалъ мнѣ побѣду надъ врагомъ, дабы я поскорѣе возвратился, занялся твоими дѣлами и надѣлилъ тебя, какъ тебѣ

приличествуетъ; ты пробылъ столько времени въ чужихъ странахъ, пробудь и въ моей столько же, дабы она освятилась твоимъ присутствіемъ, ибо твоими молитвами и своимъ мечемъ я буду побѣдителемъ надъ врагами моими». Послѣ этого царь, взявши Макарія за руку, подвелъ его къ патріарху Никону и сказалъ: «вотъ мой намѣстникъ; я поручаю тебя ему; чего желаешь, проси у него» (III, 143). Предъ самымъ отъѣздомъ царя оба патріарха благословили его, а Никонъ произнесъ рѣчь, при чемъ царь стоялъ, сложивъ руки крестомъ и опустивъ голову, смиренно и безмолвно, какъ бѣднякъ и рабъ предъ своимъ господиномъ. «Какое это великое чудо мы видѣли!—вослицаетъ опять Павелъ,—царь стоитъ съ непокрытой головой, а патріархъ въ митрѣ. О люди! тотъ стоялъ, сложивъ руки крестомъ, а этотъ съ жаромъ ораторствовалъ и жестикулировалъ предъ нимъ; тотъ—съ опущенной головой, въ молчаніи, а этотъ, проповѣдуя, склонялъ къ нему свою голову въ митрѣ; у того голосъ пониженный и тихій, а у этого—толстый и громкій; тотъ—какъ будто невольникъ, а этотъ—словно господинъ. Что это за чрезвычайное смиреніе!» (III, 145).

Во время пребыванія въ Москвѣ любознательный и трудолюбивый Павелъ Алеппскій хорошо ознакомился съ современною политическою, церковно-общественною и бытовою жизнію русскаго народа и въ своей книгѣ оставилъ намъ разнообразныя и интересныя о ней свѣдѣнія. Такъ онъ рассказываетъ здѣсь о вторженіи въ началѣ 1655 года въ Украину поляковъ и о подвигѣ Хмельницкаго (III, 6), о численности и составѣ русскаго войска во время второго похода царя противъ поляковъ, о союзѣ царя со шведами (III, 146—150); объ отношеніи русскаго правительства къ крымскимъ татарамъ (III, 153), излагаетъ исторію завоеванія Сибири при царѣ Іоаннѣ Грозномъ (III, 58), говоритъ объ отношеніи Россіи къ Грузіи и вообще къ иностранцамъ и иновѣрцамъ (III, 81), о положеніи и значеніи бояръ (III, 158) и т. д. А вотъ какъ Павелъ описываетъ порядокъ управленія на Руси въ отсутствіе царя: «Предъ своимъ отъѣздомъ царь поставилъ на мѣсто себя полномочнаго намѣстника и нѣсколько министровъ. Изъ нихъ на каждого возложено одно дѣло; высшее же рѣшеніе принадлежитъ намѣстнику. Наблюдателемъ надъ всѣми онъ поставилъ патріарха: ни одно дѣло важное или незначительное не дѣлается иначе, какъ съ его совѣта и по докладу ему министрами каждое утро. Обыкновенно, ежедневно, рано поутру, министры являлись въ приказъ для разсмотрѣнія со всевозможною тщательностію, какъ государственныхъ дѣлъ, такъ и народныхъ. Всѣ министры, собравшись въ приказъ, оставались тамъ, пока не прозвонитъ колоколъ патріарха: обыкновенно дверь у патріарха всегда бываетъ заперта, отъ одной службы до другой, и охраняется привратниками, пока не прозвонятъ колокола; тогда патріархъ выходитъ во внѣшній приказъ.

Бояре стояли у его дверей на сильномъ холодѣ, пока патріархъ не приказывалъ ихъ впустить... При входѣ ихъ, онъ оборачивался къ иконамъ, читалъ про себя: «Достойно есть», при чемъ всѣ они дѣлали земной поклонъ и оставались съ непокрытою головою до самаго ухода. Каждый изъ нихъ, приблизившись, кланялся ему до земли, подходилъ подъ благословеніе и въ заключеніе вторично дѣлалъ земной поклонъ. Патріархъ разговаривалъ съ ними стоя, при чемъ они докладывали ему всѣ текущія дѣла, на кои онъ давалъ отвѣтъ, приказывалъ имъ, что должно дѣлать. Какъ намъ случалось видѣть, государственные вельможи вообще не чувствуютъ особеннаго страха предъ царемъ и не боятся его, а навѣрно патріарха больше боятся. Предшественники патріарха Никона никогда не занимались государственными дѣлами, но этотъ патріархъ, благодаря своему проницательному, острому уму и знаніямъ, искусенъ во всѣхъ отрасляхъ дѣлъ духовныхъ, государственныхъ и мірскихъ. По окончаніи приема, патріархъ опять обращивался къ иконамъ, пѣлъ вторично «Достойно есть», благословлялъ бояръ и отпускалъ ихъ. Затѣмъ шелъ впереди ихъ въ церковь. При входѣ и выходѣ многіе подавали ему челобитныя, ибо никто не можетъ видѣть патріарха въ его кельяхъ, за исключеніемъ бояръ поутру. Но подъ его кельями есть семь приказовъ, въ коихъ засѣдаютъ семь судей со многими писцами» (III, 158—159).

Въ сочиненіи Павла также содержится описаніе Москвы и ея достопримѣчательностей: Успенскаго, Архангельскаго и Благовѣщенскаго соборовъ, Ивановской и другихъ кремлевскихъ колоколенъ (III, 97), Саввина монастыря близъ Москвы (IV, 120), рассказывается объ отливкѣ колокола въ 12.000 пудовъ (III, 109). Но больше всего Павла интересовала церковно-религіозная жизнь русскихъ, и въ его сочиненіи встрѣчаются многочисленныя описанія церковныхъ службъ и разныхъ религіозныхъ процессій, а также свѣдѣнія о набожности и благочестіи русскихъ, о соблюденіи ими праздниковъ, о преданности православной вѣрѣ, о положеніи духовенства и отношеніи къ нему патріарха Никона, о монастыряхъ и монахахъ, о власти епархіальныхъ архіереевъ и т. п. Напримѣръ, Павелъ такъ описываетъ соблюденіе русскими великаго поста: «съ ранняго утра чистаго понедѣльника до среды, въ теченіе трехъ дней, не бываетъ у нихъ ни купли, ни продажи, не открываютъ никакихъ лавокъ, ни масляныхъ, ни въ особенности такихъ, гдѣ продаются съѣстные припасы. По обычаю, царь и царица постятся эти три дня, усердно посѣщая службы въ церквахъ днемъ и ночью, предаваясь молитвенному бдѣнію, совершая поклоны и соблюдая строгое воздержаніе. Наконецъ, отстоявъ обѣдню въ среду, царь разговѣлся сладкимъ компотомъ, при чемъ послалъ его и для раздачи всѣмъ своимъ вельможамъ. Затѣмъ онъ опять постился отъ этой ночи до поздняго утра субботы, когда отстоялъ обѣдню, при-

общился св. Тайнъ, вкусилъ антидоръ и затѣмъ позавтракалъ. Во всю эту недѣлю никто не видитъ его лица, развѣ только случится важное событіе въ государствѣ. Такъ же поступаютъ, въ теченіе этой недѣли, и всѣ вельможи, неукоснительно посѣщая службы въ своихъ церквахъ днемъ и ночью. Равно и всѣ жители въ теченіе ея не производятъ ни купли, ни продажи, но неопустительно присутствуютъ за богослуженіемъ въ своихъ приходскихъ церквахъ. Царскіе ратники обошли питейные дома, гдѣ продаютъ вино, водку и прочіе опьяняющіе напитки, и всѣ ихъ запечатали, и они оставались запечатанными до истеченія пасхальной среды. Горе тому, кого встрѣчали пьянымъ и съ сосудомъ хмельнаго напитка въ рукахъ. Его обнажали въ этотъ сильный холодъ и скручивали ему руки за спиной; палачъ шелъ позади него, провозглашая совершенное имъ преступленіе, и стегалъ его по плечамъ и спинѣ длинной плетью изъ сырыхъ бычачьихъ жилъ: какъ только она коснется тѣла, тотчасъ же брызнетъ кровь. Въ такомъ положеніи водятъ человѣка по городу и затѣмъ сажаютъ въ тюрьму на известное время, пока онъ не отбудетъ положеннаго срока. Особенно строгій надзоръ бываетъ за жителями въ теченіе первой недѣли поста, по средамъ и пятницамъ на страстной недѣлѣ и въ первые четыре дня Пасхи, чтобы люди не пьянствовали, а то ихъ стегаютъ безъ всякаго милосердія и жалости» (III, 121—122).

Въ іюнѣ 1655 года, патріархъ Макарій ѣздилъ на богомолье въ Троице-Сергіевъ монастырь. Это дало возможность его сыну Павлу составить описаніе знаменитой обители, въ коемъ рѣчь идетъ о церкви Св. Троицы, монастырскихъ постройкахъ, святомъ колодезѣ и прочемъ, а также излагается исторія преподобнаго Сергія (IV, 23—37).

Въ августѣ того же года, по предложенію Никона, патріархъ Макарій путешествовалъ въ Новгородъ. По дорогѣ онъ заѣзжалъ въ Иверскій Валдайскій монастырь для его освященія. Этотъ монастырь обстоятельно описанъ Павломъ (IV, 61). Въ его сочиненіи разсказывается также исторія Новгорода, описываются Софійскій соборъ, монастыри — Антоніевъ, Сырковъ, Хутынский, Варламіевъ, Святодуховъ и Юрьевъ, и характеризуется власть новгородскаго митрополита (IV, 67—85).

10-го декабря, царь Алексѣй Михайловичъ возвратился изъ польскаго похода. По обычаю ему была устроена торжественная встрѣча. Патріархъ Макарій крайне обрадовался возвращенію царя и сталъ просить у него разрѣшенія уѣхать домой. Въ мартѣ 1656 г. ему былъ назначенъ прощальный приѣмъ у царя. Въ назначенный день за патріархомъ были присланы царемъ сани, и онъ въ сопровожденіи стольника отправился во дворецъ. Когда онъ явился въ царскую палату, царь сошелъ съ трона и встрѣтилъ святителя; онъ, пропѣвъ предъ иконами «Достойно есть», помолился на нихъ,

поклонился царю, благословилъ его и присѣлъ на малое время. «Тогда выступилъ бояринъ и произнесъ титулъ царя, при чемъ патріархъ всталъ, продолжалъ: «Жалуетъ твоей святости и твоему апостольскому престолу сію милость, а именно—пятьдесятъ сороковъ соболей, стоимостью въ 3.000 динаріевъ» (рублей), и поднесъ ему ихъ. Затѣмъ царь сказалъ ему: «Отецъ мой! прошу твою святость, блаженнѣйшій, принять это, какъ Христосъ принялъ двѣ лепты вдовицы, и не взыскать съ меня»... Потомъ царь много плакалъ и сказалъ съ глубокимъ вздохомъ: «Отецъ мой, разставаніе съ тобою убиваетъ меня, ибо ты мой отецъ, а я твой сынъ». И много бесѣдовалъ съ нимъ. Патріархъ также плакалъ, видя такое его смиреніе, благочестіе и любовь, и всѣ присутствовавшіе тутъ, глядя на это, тоже плакали. Потомъ царь подозвалъ всѣхъ своихъ вельможъ, и они сдѣлали земной поклонъ патріарху. Царь просилъ его прочесть большую молитву надъ боярами и надъ нимъ, наклонилъ голову, и патріархъ исполнилъ его желаніе. Затѣмъ, взявъ его подъ руку, царь вышелъ съ нимъ за наружную дверь палаты, при этомъ онъ много плакалъ и просилъ его благословить трижды три раза и облобызать въ уста лобзаніемъ Христа. Патріархъ такъ и сдѣлалъ. При прощаніи онъ подалъ царю четыре челобитныя относительно иконъ, уплаты долга и т. п. и наконецъ уѣхалъ, исполненный радости и благодарности (IV, 155—156). Послѣ этого приѣма патріархъ получилъ отъ царя еще пять грамотъ касательно приѣзда въ Россію для сбора пожертвованій на нужды антиохійской церкви. Въ концѣ марта Макарій выѣхалъ изъ Москвы.

Но восточные путники не успѣли еще доѣхать до Путивля, какъ къ нимъ прибылъ гонецъ съ письмомъ отъ царя, просившаго ихъ возвратиться въ Москву, въ виду весьма важныхъ, тайныхъ церковныхъ дѣлъ, кои были: вопросъ о крещеніи ляховъ, дѣло молдаванскаго митрополита и отлученіе отъ церкви еретика-протопопа (IV, 175). Съ большою неохотою паломники поѣхали обратно въ Москву, такъ какъ сильно стремились на родину, давно ими оставленную. Но пребываніе ихъ въ Москвѣ было непродолжительно. Послѣ пасхи царь отправился на войну съ Швеціею, а 2-го мая выѣхалъ изъ Москвы патріархъ Макарій, получивъ отъ царя небольшую новую милостыню. Вторичное пребываніе Павла въ Москвѣ дало ему возможность сообщить нѣсколько новыхъ свѣдѣній о царѣ и мѣстной церковно-общественной жизни. Обратный путь восточныхъ путешественниковъ былъ совершенъ черезъ Малороссію, съ остановкою въ Кіевѣ, Молдавію и Валахію, Чернымъ моремъ и Малую Азію до Сиріи. Въ апрѣлѣ 1657 года Макарій былъ уже въ Алеппо. Обстоятельства обратнаго пути Макарія весьма полно описаны Павломъ въ трехъ послѣднихъ книгахъ (XII — XV) его сочиненія (выпускъ V, въ переводѣ г. Муркоса).

Въ настоящей статьѣ замѣчательный арабскій литературно-историческій памятникъ изложенъ нами въ самыхъ общихъ чертахъ. Извлеченныя изъ него немногія подлинныя сообщенія должны дать читателю представленіе о томъ, какимъ прекраснымъ литературнымъ языкомъ писалъ малоизвѣстный у насъ Павелъ Алеппскій, одинъ изъ представителей совсѣмъ у насъ неизвѣстной арабской литературы XVII вѣка. Эти извлечения свидѣтельствуютъ, что на арабскомъ и греческомъ Востокъ еще въ XVII вѣкѣ литература не стояла такъ низко, какъ у насъ обычно думаютъ, даже относительно современнаго Востока. Павелъ Алеппскій былъ очень умный, начитанный и просвѣщенный писатель, прекрасно усвоившій себѣ лучшіе приемы современной восточной письменности и сохранившій намъ въ своемъ трудѣ прекрасный образецъ арабскаго слога, живого и яснаго, полного метафоръ и сравненій, созданныхъ творческою силою пылкой восточной фантазіи, но подъ контролемъ тщательно дисциплинированнаго ума. Что касается содержанія труда Павла, то оно весьма богато и разнообразно. Весьма любознательный и образованный авторъ касается въ своихъ запискахъ всего, что могъ видѣть и слышать во время своего продолжительнаго путешествія вмѣстѣ съ отцомъ: онъ описываетъ здѣсь страны, въ коихъ пребывалъ, нравы и обычаи жителей, селенія и города, замѣчательныя зданія, преимущественно церкви и монастыри, торжественныя богослуженія, въ коихъ участвовалъ вмѣстѣ съ отцомъ, приемы и пиры при дворахъ, политическія событія, свидѣтелями которыхъ онъ былъ или о которыхъ узнавалъ отъ другихъ, характеризуетъ политическихъ и церковныхъ дѣятелей, съ которыми встрѣчался его отецъ-патріархъ. Большая часть сочиненія Павла Алеппскаго занята описаніемъ долговременнаго пребыванія его съ отцемъ въ Россіи, куда восточные путники пріѣхали въ цвѣтущую пору царствованія Алексѣя Михайловича, и содержитъ разсказы о современныхъ политическихъ и церковно-общественныхъ событіяхъ. По полнотѣ и разнообразію содержащихся здѣсь свѣдѣній, это одинъ изъ самыхъ лучшихъ и цѣнныхъ письменныхъ памятниковъ о церковно-общественной и политической жизни середины XVII вѣка и во многихъ отношеніяхъ превосходитъ записки тогдашнихъ западно-европейскихъ путешественниковъ. Последніе являлись въ Россію по большей части въ качествѣ пословъ на короткое время и по необходимости ограничивали свои наблюденія одною внѣшнею стороною гражданскаго быта. Какъ иновѣрцы, они съ предубѣжденіемъ смотрѣли на богослуженіе и уставы нашей церкви, не понимали сущности ея обрядовыхъ дѣйствій и относились къ нимъ иронически. Съ другой стороны, и московскій дворъ очень недовѣрчиво относился къ иноземнымъ посламъ; за ними устанавливался правильный, постоянный надзоръ, какъ за людьми подозрительными и опасными, ихъ лишали возможности вступать

въ непосредственныя отношенія съ народомъ, а бояре и дворъ всегда являлись предъ ними въ торжественной и пышной обстановкѣ, такъ что европейцы во время пребыванія въ Россіи дѣлали свои наблюденія случайно, безъ системы, видѣли дворъ лишь въ праздничномъ уборѣ, но будничная, повседневная жизнь царя и бояръ, а тѣмъ болѣе простого народа, оставалась для нихъ скрытою и недоступною. Въ иномъ положеніи находился Павелъ Алеппскій. Патріархъ прибылъ въ Россію при царѣ, отличавшемся необыкновенною набожностью, глубокимъ уваженіемъ къ духовенству. Русскій патріархъ, приступившій къ устройству церковныхъ дѣлъ и нуждавшійся въ авторитетномъ содѣйствіи патріарха антиохійскаго, принялъ Макарія почтительно и радушно. Макарій, кромѣ того, что занималъ высокій церковно-іерархическій постъ, оказался хорошимъ человекомъ и понравился какъ царю, такъ и патріарху, посему его сынъ Павелъ могъ знать не только то, что самъ видѣлъ и слышалъ, но и многое изъ того, о чемъ Макарій бесѣдовалъ съ царемъ и русскимъ патріархомъ наединѣ. Какъ лицо духовное, Павелъ имѣлъ возможность всюду свободно ходить и ѣздить; о многомъ онъ узнавалъ и отъ прѣѣзжихъ грековъ, на языкѣ коихъ онъ свободно говорилъ; какъ православный, онъ живо интересовался русскими богослуженіями и церковными обрядами, которые онъ имѣлъ случай хорошо узнать, участвуя въ качествѣ архидіакона патріарха во многихъ изъ нихъ; и надо видѣть, съ какимъ умиленіемъ и даже изумленіемъ Павелъ постоянно говоритъ о глубокой набожности русскихъ, о необыкновенномъ терпѣніи ихъ въ отстаиваніи продолжительныхъ церковныхъ службъ, которыя доводили не привыкшихъ къ нимъ восточныхъ гостей до полного изнуренія.

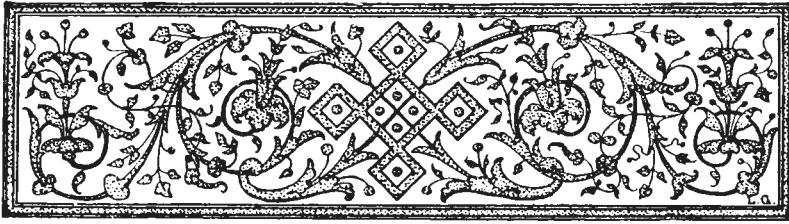
Въ виду столь крупныхъ достоинствъ сочиненія Павла Алеппскаго, пригоднаго для русскаго историка и бытописателя, для археолога, иконографа, литургиста, канониста и пр., приходится удивляться, почему оно до послѣдняго времени оставалось почти неизвѣстнымъ среди русскихъ ученыхъ. Вѣроятною причиною этого явленія нужно считать предубѣжденіе противъ восточнаго писателя, и при томъ духовнаго лица, обиліе описаній церковей и церковныхъ службъ въ этомъ громадномъ трудѣ, казавшихся для многихъ неинтересными и скучными, и масса куріозовъ и несообразностей, допущенныхъ въ англійскомъ переводѣ Бальфура, по которому до послѣдняго времени только и знали о Павлѣ Алеппскомъ.

Тѣмъ большая заслуга предъ русскою наукой и публикой выпадаетъ на долю г. Муркоса, который прекрасно понялъ весьма важное значеніе сочиненія Павла Алеппскаго и опубликовалъ его въ полномъ русскомъ переводѣ. Этотъ переводъ исполненъ образцово, съ тонкою передачей различныхъ оттѣнковъ арабской рѣчи,

въ совершенствѣ извѣстной нашему ученому. Переводъ предваренъ предисловіемъ, снабженъ двумя приложеніями, въ одномъ изъ коихъ описывается арабская рукопись путешествія патріарха Макарія въ Россію, а въ другомъ помѣщенъ каталогъ антиохійскихъ патріарховъ, составленный Павломъ, а также—указателемъ собственныхъ именъ, портретомъ патріарха Макарія, снимкомъ послѣдней страницы рукописи и маршрутной картой, составленіе коихъ стоило автору большого труда. Словомъ, изданіе г. Муркоса представляется прекраснымъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Въ предисловіи г. Муркосъ, между прочимъ, говоритъ, что на этотъ свой трудъ смотритъ, какъ на дань благодарности къ воспитавшей его Россіи и на выраженіе идеаловъ, вынесенныхъ имъ изъ дѣтства (стр. VI). Рѣдкій и чрезвычайно удачный способъ выраженія признательности, достойный подражанія и для другихъ сыновъ востока, арабскаго и греческаго, связанныхъ съ Россіей и русскими тѣми или иными нравственными узами. Впрочемъ, г. Муркосъ, и до изданія въ русскомъ переводѣ сочиненія Павла Алеппскаго, уже достаточно отблагодарилъ «воспитавшую его Россію», какъ это видно изъ хронологическаго списка другихъ его печатныхъ работъ (вып. V, стр. IX — X), большая часть коихъ посвящена церковно-политическимъ вопросамъ на Востокѣ и отношеніямъ его къ Россіи. Но мы полагаемъ, что г. Муркосъ и самъ имѣетъ немалое право на благодарность со стороны насъ, русскихъ, какъ за прежніе свои труды, особенно настоящій, такъ и за приготавливаемое имъ новое изданіе сочиненія Павла Алеппскаго вмѣстѣ съ арабскимъ текстомъ. Конечно, это послѣднее изданіе будетъ носить научный характеръ и снабжено комментаріями разнаго рода реальнымъ, хронологическимъ, филологическимъ. Было бы весьма желательно, чтобы г. Муркосъ въ этомъ своемъ трудѣ обратилъ возможно большее вниманіе и на исторію антиохійскаго патріархата, о которомъ у насъ существуютъ весьма скудныя свѣдѣнія, и представилъ бы въ немъ картину жизни и быта родного ему народа въ XVII вѣкѣ въ томъ научномъ освѣщеніи, къ которому уже учили насъ русскіе ученые византисты и арабисты—Васильевскій, Успенскій, баронъ Розенъ и другіе.

И. С—въ.

ШАРЛЬ-ЖЕНЕВЬЕВА ДЭОНЪ ¹⁾.

Историко-биографическій очеркъ.

IV.

ДЭОНЪ вернулся во второй разъ изъ Петербурга въ Парижъ еще съ большимъ торжествомъ, чѣмъ въ первый. Хотя онъ не привезъ, какъ прежде, ратификацію франко-русскаго договора, но уже представлялъ собою теперь не юнаго секретаря посольства, а энергичнаго, успѣшнаго руководителя въ Россіи двойной дипломатіи Людовика XV, официальной и тайной. О значеніи его въ первомъ отношеніи лучше всего свидѣлствуютъ слова Воронцова, сказанныя ему на прощанье: «Я очень сожалѣю, что вы уѣзжаете, хотя вашъ первый пріѣздъ съ Дугласомъ стоилъ моей государынѣ 200.000 людей и 15.000.000 рублей». На это Дэонъ отвѣчалъ: «Я съ вами согласенъ, но вы должны признать, что ваша государыня и ея министръ приобрѣли вѣчную славу». Что касается до полнаго довѣрія короля, которымъ Дэонъ пользовался въ Россіи, наиболѣе краснорѣчиво подтверждаетъ депеша Терсье къ Дэону отъ 11 сентября 1758 года: «Его величество оставляетъ вамъ на волю дѣлать то, что должно. Онъ мнѣ объявилъ: «я думаю, что надо поступить по благоусмотрѣнію Дэона,

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXII, стр. 266.

разсудить ли онъ ваше письмо графу Воронцову отдать или нѣтъ, и слѣдовательно послать ему оба экземпляра тѣхъ писемъ, дабы онъ въ состояннн былъ сдѣлать то, что, по мнѣнню своему, за сходное съ благоразуміемъ найдетъ» ¹⁾).

Наконецъ важность услугъ, оказанныхъ Франціи и королю Дэономъ, можно вывести изъ того, что въ 1762 году, при отъѣздѣ Бретеля изъ Петербурга послѣ смерти императрицы Елисаветы, хотѣли туда послать Дэона въ качествѣ министра-резидента. Это подтверждается письмомъ Людовика къ Терсье отъ 1-го іюня, въ которомъ говорится: «Шуазель мнѣ сказалъ, что предложить послать въ Петербургъ Дэона послѣ возвращенія Бретеля». Если же этотъ планъ не осуществился, то лишь потому, что Бретель заявилъ желаніе вернуться въ Петербургъ по восшествіи на престолъ Екатерины II, и Людовикъ писалъ тому же Терсье: «Значитъ, отъѣздъ Дэона отложенъ». Это послѣднее выраженіе «отложенъ» очень знаменательно, такъ какъ прямо указываетъ, что Дэонъ въ глазахъ короля остался кандидатомъ на этотъ высокій дипломатическій постъ. Не лишне прибавить, что для его утѣшенія въ потерѣ значительнаго содержанія король пожаловалъ ему 3.000 ливровъ. Однако друзья Дэона не сожалѣли о томъ, что ему не удалось быть посланникомъ въ Россіи, и Лопиталь, остававшійся съ нимъ всегда въ дружескихъ отношеніяхъ, писалъ ему: «Я, по правдѣ сказать, предпочитаю, мой милый драгунчикъ, чтобы васъ послали въ другую страну, такъ какъ говорятъ, что второе путешествіе въ Россію опасно (*scabreux*)». Здѣсь кстати замѣтить, что всѣ многочисленные письма Лопиталья къ Дэону отличаются очень дружескимъ, интимнымъ, шуточнымъ и даже скабрёзнымъ характеромъ. Такъ онъ постоянно смѣется надъ излишней нравственностью Дэона и совѣтуетъ ему сдѣлаться настоящимъ мужчиной. Даже существуетъ письмо, въ которомъ Лопиталь шутя называетъ его: «милая моя, моя красавица Бомонъ»; это подало поводъ сторонникамъ легенды о женскомъ переодѣваннн Дэона въ Россіи видѣть въ этой шутокъ доказательство ихъ нелѣпой теоріи.

Повидимому, и самъ Дэонъ не хотѣлъ вернуться къ русскому двору, гдѣ, какъ онъ самъ выражается, его болѣе всего поразила царица, окруженная блестящей плеядой фрейлинъ, похожихъ на нимфъ и достойныхъ удивленія для иностранца. Онъ въ эту эпоху своей жизни мечталъ только о военныхъ подвигахъ. Прибывъ въ Парижъ, онъ занемогъ оспой, но какъ только оправился отъ нея, то просилъ позволенія короля отправиться на войну. Людовикъ принялъ его очень любезно, пожаловалъ ему чинъ капитана и пенсію въ двѣ тысячи ливровъ, а относительно отправки его въ армію писалъ графу Брольи: «Я не думалъ, чтобы намъ теперь былъ ну-

¹⁾ Архивъ князя Воронцова, томъ VII, стр. 510.

женъ Дэонъ, и вы можете его взять въ адъютанты, тѣмъ болѣе, что намъ будетъ извѣстно, гдѣ его найти въ случаѣ необходимости». Этотъ графъ Брольи былъ тотъ самый дипломатъ, который велъ тайную переписку короля и теперь, отправившись на войну вмѣстѣ со своимъ братомъ фельдмаршаломъ, продолжалъ заниматься тѣмъ же дѣломъ. Такимъ образомъ и на полѣ брани, въ качествѣ драгунскаго офицера, Дэонъ не прекращалъ, какъ адъютантъ генерала Брольи, своей секретной дипломатической дѣятельности.

О военныхъ подвигахъ Дэона извѣстно очень мало. Онъ, повидимому, въ первый разъ увидѣлъ непріятельскій огонь въ стычкѣ маршала Брольи съ прусскимъ генераломъ Шпоркеномъ, близъ Касселя, а затѣмъ принялъ участіе въ неудачной для французовъ битвѣ при Виллинггаузенѣ, гдѣ пруссаки ихъ разбили по причинѣ того, что главнокомандующій второй французской арміи, герцогъ Субизъ, не поддержалъ во время Брольи. 10 августа 1761 года Дэону было поручено отвезти черезъ рѣку Везеръ 100.000 ружейныхъ зарядовъ и передать генералу Герши. Это дѣло было опасное, такъ какъ приходилось дѣйствовать подъ непріятельскимъ огнемъ. Благополучно перебравшись чрезъ рѣку и найдя генерала Герши, Дэонъ передалъ ему письменный приказъ маршала Брольи о распредѣленіи по пѣхотнымъ полкамъ привезенныхъ снарядовъ. Но Герши почему-то отказался отъ этого и сказалъ, что Дэонъ можетъ отдать снаряды въ артиллерійскій паркъ, находившійся гдѣ-то по близости. Между ними произошло горячее столкновение, и Дэонъ вынужденъ былъ самъ исполнить приказаніе Брольи и раздать по полкамъ снаряды, находясь все время подъ непріятельскимъ огнемъ. Эта ссора съ Герши имѣла роковыя послѣдствія, такъ какъ Дэонъ былъ съ нимъ въ отдаленномъ родствѣ и, снова встрѣтившись уже на дипломатическомъ поприщѣ, постарался выместить на немъ свою злобу, что отразилось самымъ несчастнымъ образомъ на всей его карьерѣ. Въ битвѣ при Ультропѣ Дэонъ былъ слегка раненъ въ голову и руку, а при Остервикѣ онъ участвовалъ въ блестящей атакѣ драгунъ противъ прусской пѣхоты. Вскорѣ послѣ этого французская армія заняла зимнія квартиры, и Дэонъ вернулся въ Парижъ съ обоими Брольи, которые подверглись опалѣ въ виду интригъ герцога Субиза и его покровительницы, маркизы Помпадуръ.

Хотя Дэонъ пламенно поддерживалъ своихъ начальниковъ, громко доказывая, что въ пораженіи подъ Виллинггаузеномъ были виновны не они, а Субизъ, но онъ не пострадалъ отъ разразившейся надъ ними грозы и уже собирался снова на войну, какъ неожиданно былъ назначенъ первымъ секретаремъ къ герцогу Нивернэ, который отправился посланникомъ въ Лондонъ для заключенія мира. Тутъ начинается новая эпоха дипломатической дѣятельности Дэона, и сначала все шло, какъ нельзя лучше. Новый начальникъ оказался столь же любезнымъ и довѣрчивымъ, какъ маркизъ Лопиталь,

а потому Дэонъ, какъ и въ Россіи, сталъ руководить всеми дѣлами посольства. Герцогъ Нивернэ, правнукъ кардинала Мазарини, былъ замѣчательнымъ человѣкомъ и физически и умственно. Маленькаго роста и удивительно сухощавый, онъ былъ прозванъ дипломатическимъ сильфомъ, но это не мѣшало ему быть въ то же время самымъ умнымъ, утонченнымъ и тактичнымъ дипломатомъ во Франціи. По словамъ Дэона, онъ умѣлъ соединять удивительную способность къ серіознымъ дѣламъ, которыя онъ сразу обнималъ до мелочей, со страстью къ удовольствіямъ въ свободное время. Такимъ образомъ онъ вмѣстѣ былъ замѣчательнымъ дипломатомъ и веселымъ свѣтскимъ человѣкомъ, писавшимъ стихи, ухаживавшимъ за свѣтскими красавицами и даже танцовавшимъ минуэтъ, несмотря на свою старость.

Этотъ веселый, миниатюрный посланникъ и его маленькій, женственный на взглядъ секретарь быстро обдѣлали порученное имъ дѣло. Они начали съ того, что ослѣпили Англію своимъ безумнымъ бросаніемъ денегъ, и еще не достигнувъ Лондона, герцогъ заплатилъ за ужинъ и ночь, проведенную въ городѣ Кантербюри, 44 фунта стерлинговъ, тогда какъ, по выраженію англійскаго романиста того времени, Смоллета, ихъ настоящій расходъ не превышалъ 44 шиллинговъ. Но веселый герцогъ зналъ, что онъ дѣлалъ, и сами англичане, между прочимъ лордъ Камденъ и знаменитый сатирикъ Юніусъ, открыто утверждали, что англійскій первый министр лордъ Бьютъ, герцогъ Бэдфордъ, англійскій посланникъ въ Парижѣ, и нѣкоторые другіе государственные люди Англіи были подкуплены представителемъ Франціи и его секретаремъ. Со своимъ обычнымъ безпристрастіемъ Вицетелли не опровергаетъ того факта, что дѣйствительно тогдашнее торійское министерство продало интересы Англіи за крупную взятку, но зато замѣчаетъ, что вообще дипломатія, основанная на взяткахъ и лжи, не можетъ считаться честнымъ дѣломъ. При этомъ онъ рассказываетъ со словъ самого Дэона одну продѣлку этого молодого, ловкаго дипломата, которою онъ, повидимому, очень гордился. Переговоры были окончены быстро, и заключенъ мирный трактатъ; но въ немъ въ послѣднюю минуту понадобились какія-то измѣненія, и для этого товарищъ англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, Робертъ Вудъ, явился къ герцогу Нивернэ. Онъ имѣлъ неосторожность сказать, что въ портфель, который находился при немъ, лежатъ депеши министра къ англійскому посланнику въ Парижѣ. Французамъ было очень важно знать содержаніе этихъ депешъ, и пока герцогъ угощалъ завтракомъ Вуда и наливалъ ему вино стаканъ за стаканомъ, Дэонъ незамѣтно стянулъ его портфель, вынулъ оттуда депеши, списалъ ихъ и немедленно отправилъ копию въ Парижъ. Такимъ образомъ во французскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ знали заранѣе, въ чемъ будутъ заключаться требованія англійскаго посла, и приняли мѣры, чтобы ихъ отпарировать.

Впрочемъ Дэонъ оказалъ своему правительству во время этихъ переговоровъ и другую услугу, болѣе достойную настоящаго дипломата. Воспользовавшись тѣмъ, что англичане почему-то не придавали значенія вопросу о Ньюфаундлендскихъ рыбныхъ промыслахъ, онъ ловко настоялъ на утвержденіи статьи утрехтскаго мира по этому предмету и тѣмъ обезпечилъ французскимъ рыбакамъ тѣ привилегіи, которыя составляютъ до сихъ поръ спорный международный вопросъ. Какъ бы то ни было, а трактатъ былъ заключенъ, и англичане такъ довѣряли Дэону, что поручили ему отвезти въ Парижъ ратификацію договора, хотя это противорѣчило всѣмъ дипломатическимъ правиламъ и обычаямъ. Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы подобный фактъ былъ возможенъ, когда ему писалъ объ этомъ Нивернэ. При врученіи же ему Дэономъ въ Парижѣ ратификаціи, онъ пришелъ въ такой восторгъ, что назвалъ его единственнымъ въ своемъ родѣ дипломатомъ и выдалъ ему въ награду 3000 ливровъ. Къ этому Людовикъ XV прибавилъ еще 6.000 ливровъ изъ королевской шкапулки, обѣщаніе постояннаго жалованья въ 3.000 и орденъ св. Людовика. Гальярдэ увѣряетъ, что король поцѣловалъ Дэона и сказалъ: «Онъ всегда приноситъ мнѣ счастье». Но такъ какъ этотъ фактъ ничѣмъ не подтвержденъ, то его слѣдуетъ отнести къ тому легендарному элементу, которымъ такъ богата жизнь Дэона. Во всякомъ случаѣ довѣріе, оказанное ему англійскимъ министерствомъ и объясняемое Эрнестомъ Вицетелли необходимостью для Дэона получить въ Версали деньги, причитавшіяся лорду Бьюту и К^о, имѣло результатомъ превращеніе Дэона въ кавалера Дэона, какъ уже потомъ всѣ его называли.

Въ Парижѣ и въ Версали Дэона носили на рукахъ. Дворъ и аристократія наперерывъ ласкали молодого дипломата. Мало того, онъ пользовался большимъ успѣхомъ и въ литературныхъ кружкахъ, такъ какъ еще во время своего пребыванія въ Петербургѣ была напечатана его книга «Налоги въ древности и во Франціи», которая мало-помалу прославила его имя, хотя нашлись критики, приписывавшіе этотъ серьезный финансовый трудъ его отцу. Наконецъ, по обычаю того времени, онъ добился отъ короля приказа о томъ, чтобы его не беспокоили въ продолженіе полугода кредиторы, у которыхъ онъ занялъ 10.000 ливровъ на первую свою поѣздку въ Россію. Неудивительно, что Дэонъ при подобныхъ благоприятныхъ обстоятельствахъ веселился въ Парижѣ, какъ никогда, и даже завелъ интригу съ графиней Рошфоръ, но, конечно, платоническую. Въ этомъ ручается съ одной стороны его холодная натура, дававшая поводъ Лопиталю постоянно смѣяться надъ нимъ и даже упрекать его въ «физическомъ недостаткѣ», а съ другой то обстоятельство, что графиня Рошфоръ, урожденная Бланка, была тогда 47-лѣтней вдовой, годившейся почти въ матери кавалеру

ордена св. Людовика. Только уродливый старикъ Нивернэ могъ пылать къ ней страстью, писать стихи въ ея честь и впоследствии, овдовѣвъ, жениться на ней, когда ей было 66 лѣтъ.

Однако Дэону пришлось веселиться въ Парижѣ лишь нѣсколько недѣль. Нивернэ писалъ ему одно письмо за другимъ, нетерпѣливо требуя его возвращенія въ Лондонъ и увѣряя, что онъ такъ же безъ ума отъ него, какъ всѣ парижскія дамы, въ томъ числѣ его жена, дочь и графиня Рошфоръ. Въ сущности онъ не столько вызывалъ своего секретаря изъ любви къ нему, сколько изъ желанія самому вырваться поскорѣе изъ Лондона, гдѣ онъ не могъ ужиться съ тамошнимъ климатомъ и англійской пищей. Министръ Праленъ хотѣлъ назначить на его мѣсто посланникомъ ихъ общаго друга, графа Герши, котораго надо было пристроить по тремъ причинамъ: во-первыхъ, онъ находился въ стѣсненныхъ финансовыхъ обстоятельствахъ, во-вторыхъ, ему покровительствовала маркиза Помпадуръ, которой онъ подавалъ туфли, и, въ-третьихъ, Праленъ былъ любовникомъ его жены. Но, по словамъ самого Пралена, было одно обстоятельство противъ этого назначенія: Герши не умѣлъ писать, и министръ боялся его депешъ, какъ огня, тѣмъ болѣе, что его не любили при дворѣ и въ министерствѣ. Чтобы уладить это дѣло, Нивернэ совѣтовалъ приставить къ новому посланнику Дэона въ видѣ дядьки, а такъ какъ послѣдній не хотѣлъ оставаться при Герши, съ которымъ онъ былъ во враждебныхъ отношеніяхъ со времени ихъ ссоры на войнѣ, то, по словамъ Нивернэ, слѣдовало его сдѣлать министромъ-резидентомъ до пріѣзда Герши въ Лондонъ, что польстило бы его самолюбію и дало бы возможность ему потомъ перейти посланникомъ куда угодно, хоть въ Петербургъ, «къ которому онъ всегда питалъ слабость». Но Праленъ, несмотря на свою прежнюю дружбу къ Дэону и любезный пріемъ въ Парижѣ, не былъ расположенъ къ такому разрѣшенію задачи. Онъ подозрѣвалъ, что Дэонъ поддерживалъ тайную переписку съ Брولي, его яримъ врагомъ, и, чтобы убѣдиться въ этомъ, разставилъ ловушку, въ которую и попался ловкій дипломатъ, несмотря на всю свою хитрость. Однажды, среди веселой бесѣды, онъ спросилъ у Дэона его мнѣніе насчетъ спорной Виллинггаузенской битвы, и послѣдній, ничего не подозрѣвая, сталъ пламенно защищать своего прежняго начальника Брولي и всячески доказывать виновность герцога Субиза, пріятеля Пралена и ставленника маркизы Помпадуръ. Когда Дэонъ простился съ Праленомъ, то за нимъ слѣдовалъ присутствовавшій при этомъ разговорѣ Сень-Фуа, который замѣнилъ Терсье въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, и сказалъ ему: «Любезный другъ, вы никогда не сдѣлаете карьеры въ этой странѣ; уѣзжайте поскорѣе въ Англію».

Дэонъ послушался этого совѣта и отправился въ Лондонъ. Казалось, что онъ своей неосторожностью испортилъ улыбающуюся

ему блестящую будущность, такъ какъ Праленъ, ненавидя братьевъ Брольи, ничего не хотѣлъ сдѣлать для ихъ приверженца, и ему пришлось вернуться простымъ секретаремъ къ Нивернэ. Но послѣдній такъ жаждалъ скорѣе покинуть холодную, неастрономическую Англiю, что упросилъ министра назначить Дэона повѣреннымъ въ дѣлахъ, а самъ, какъ «настоящій политическiй сильфъ», полетѣлъ въ родную, солнцемъ залитую Францiю.

Для Дэона началась самая счастливая эпоха его жизни, которой, однако, суждено было продолжаться недолго. Какъ представитель Францiи, онъ былъ теперь *persona grata* при англiйскомъ дворѣ и въ аристократическомъ обществѣ. Георгъ III и королева Шарлотта принимали его очень любезно, и онъ часто имѣлъ у нихъ аудiенци: у перваго по серiознымъ политическимъ дѣламъ, а у послѣдней для передачи ей отъ Людовика XV привѣтствiй и подарковъ. Кромѣ того, ему приходилось представлять королевской четѣ знатныхъ французовъ и француженокъ, которые наводнили Лондонъ послѣ заключенiя мира. Среди этихъ парижскихъ гостей были знаменитыя звѣзды версальскаго общества: принцесса Бовэ, жена маршала Мирпуа и графиня Буфлёръ-Рувероль, а также извѣстные литераторы и ученые, между прочимъ историкъ Дюкло и академики: Ла-Кондаминъ, Ле-Камюсъ и Лаландъ. Но какъ всѣ фазы въ жизни Дэона имѣютъ свою легенду, такъ и объ этихъ цвѣтущихъ дняхъ его дипломатической карьеры сложилась мифическая исторiя. Гальярдэ въ первомъ изданiи своей пресловутой книги рассказалъ цѣлый романъ о любви англiйской королевы Шарлотты къ Дэону, и хотя, 30 лѣтъ спустя, во второмъ изданiи, такъ называемомъ историческомъ, онъ призналъ похождения своего героя вымышленными, но все-таки утверждалъ, что между Дэономъ и королевой происходили какiя-то таинственныя ночныя свиданiя, что будто бы доказывалось записками, хранящимися въ Тонерской библиотекѣ, и которыя были снабжены подписью какого-то Кокреля и англiйской королевской печатью. Вицетелли просмотрѣлъ эти записки и впервые напечаталъ ихъ въ своемъ биографическомъ трудѣ. Ихъ всего четыре, и онѣ писаны на французскомъ языкѣ церемонiймейстеромъ англiйскаго двора, Кокрелемъ. Двѣ записки содержатъ приглашенiе на королевскiй приемъ, послѣ котораго должна была произойти аудiенцiя у короля, остальные двѣ дѣйствительно относятся до королевы, но это также приглашенiе на аудiенцiю ея величества прежде или послѣ куртага. Въ послѣдней запискѣ прибавлено, что Кокрель зайдетъ за кавалеромъ Дэономъ въ часъ съ четвертью дня. Вотъ и все. Только у сотрудника автора Монте-Кристо могло хватить смѣлости основать на этихъ официальныхъ запискахъ романическую исторiю о ночныхъ свиданiяхъ.

Впрочемъ въ то время Дэону было не до любовныхъ интригъ, еслибы даже онъ имѣлъ къ нимъ слабость, въ чемъ, какъ извѣстно,

его нельзя упрекнуть. Онъ тогда всецѣло посвящалъ себя двойной дипломатической игрѣ. Официально Дэонъ всячески старался отдалить уговоренное по трактату срытіе Дюнкирхенскихъ укрѣпленій, что казалось очень оскорбительнымъ для Людовика XV, и дѣйствительно его представителю въ Англии удалось отложить это неизбежное униженіе на пять мѣсяцевъ. Однако Людовикъ этимъ не удовольствовался, и, чтобы отомстить англичанамъ за столь дерзкое оскорбленіе Франціи, онъ рѣшился, по предложенію графа Брольи,

Кавалеръ Дэонъ.
(Съ портрета того времени).

который, несмотря на свою официальную опалу, остался «карман-нымъ визиремъ», т. е. руководителемъ тайной дипломатіи,—составить планъ завоеванія Англии. Дѣло объ этомъ тайномъ нарушеніи только что заключеннаго мира было поручено съ одной стороны Брольи и Терсье, а съ другой Дэону. Самъ Людовикъ XV писалъ послѣднему отъ 3 іюня 1763 года: «что онъ получитъ приказанія чрезъ графа Брольи и Терсье насчетъ производства рекогносцировокъ въ Англии, какъ на берегахъ, такъ и внутри страны». Дэонъ долженъ былъ исполнить эти приказанія, какъ бы они даны

были лично королемъ, и хранить самую глубокую тайну въ этомъ дѣлѣ, не говоря никому ни слова, даже французскимъ министрамъ. «Онъ получить особый шифръ,—прибавлялось въ этомъ письмѣ,—для веденія переписки по означенному предмету, руководствуясь тѣми адресами, которые онъ получить отъ графа Брولي и Терсье. Въ этихъ шифрованныхъ депешахъ онъ будетъ сообщать всѣ собранныя имъ свѣдѣнія о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ Англіи относительно Россіи, Польши, Германіи и сѣверной Европы, а также обо всемъ, что можетъ касаться моихъ интересовъ, которымъ, я знаю, онъ ревностно преданъ». Хотя этотъ характерный документъ впервые напечатанъ Гальярдэ, но онъ провѣренъ въ архивѣ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ не только Бутарикомъ, но и Эрнестомъ Вицетелли, а потому его подлинность не подлежитъ сомнѣнію.

Дэонъ съ удовольствіемъ взялся за довѣренное ему дѣло, тѣмъ болѣе, что изслѣдованіе береговъ Англіи было поручено его родственнику, маркизу Ла-Розьеръ, пользовавшемуся репутаціей храбраго драгунскаго офицера и искуснаго инженера. Онъ прибылъ въ концѣ мая мѣсяца въ Лондонъ и приступилъ къ выбору наиболѣе подходящаго мѣста для высадки французскихъ войскъ, а также ближайшаго пути оттуда въ Лондонъ. Такъ какъ его могли во всякое время заподозрѣть въ шпіонствѣ и арестовать, то онъ оставлялъ всѣ компрометирующія его бумаги у Дэона, который пользовался неприкосновенностью посольскаго помѣщенія. Но даже эту предосторожность Брولي считалъ недостаточной, такъ какъ будущій посланникъ Герши, не посвященный въ тайну, могъ случайно ее открыть, или съ Дэономъ могло произойти какое нибудь случайное несчастіе. Поэтому по совѣту послѣдняго былъ вызванъ въ Лондонъ его другой родственникъ, 28-лѣтній офицеръ, Шарль Дэонъ де-Мулуазъ, и ему поручено караулить секретныя бумаги и спрятать ихъ, какъ только явилась бы опасность попасть въ руки Герши. Наконецъ для болѣе безопасности Дэонъ предложилъ, чтобы даже въ шифрованныхъ депешахъ никто не назывался своимъ именемъ, а особыми прозвищами. На это король согласился, и такимъ образомъ въ секретной перепискѣ о предполагавшемся завоеваніи Англіи Людовикъ XIV назывался адвокатомъ, Терсье—прокуроромъ, графъ Брولي—ассесоромъ, Дюранъ, бывшій посланникъ въ Польшѣ и будущій представитель Франціи въ Россіи, а тогда архивариусъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и одинъ изъ тайныхъ дипломатическихъ агентовъ Людовика XV—«осторожнымъ», герцогъ Нивернэ—«сладкимъ», герцогъ Праленъ—«горькимъ», Дэонъ—«смѣлымъ», герцогъ Шуазель—«краснымъ львомъ», графъ Герши—«новичкомъ» или «бараномъ».

Пока Дэонъ, съ одной стороны, любезничалъ, улыбался, ѣлъ, пилъ и веселился при дворѣ и въ аристократическихъ кружкахъ

а съ другой—тайно подкапывался подъ имъ же заключенный миръ, судьба готовила ему неожиданное, но уже послѣднее торжество. Невиль, назначенный англійскимъ министромъ-резидентомъ во Францію, не былъ принятъ королемъ, такъ какъ по французскому этикету только посланники могли лично передавать королю свои личныя кредитивныя грамоты. Англійское министерство подняло изъ-за этого шумъ, ссылаясь на то, что Георгъ III принялъ Дэона и взялъ у него кредитивныя грамоты, тогда какъ онъ также не былъ посланникомъ. Завязалась длинная переписка, и дѣло кончилось тѣмъ, что Дэонъ и Невиль получили оба званіе уполномоченнаго министра.

Теперь молодой 35-лѣтній дипломатъ находился въ апогеѣ своей славы, но ему вскорѣ пришлось убѣдиться на опытѣ, что Тарпейская скала находится рядомъ съ Капитоліемъ.

V.

«Дэонъ написалъ нѣсколько писемъ очень странныхъ; вѣроятно назначеніе его полномочнымъ министромъ вскружило ему голову. Вслѣдствіе этого Праленъ предложилъ мнѣ вызвать его сюда, чтобы можно было увидѣть, въ чемъ дѣло. Примите мѣры насчетъ хранимой имъ тайны и чтобы онъ, если сумасшедшій, не открылъ ея».

Вотъ что писалъ Людовикъ XV 11-го октября 1763 года къ Терсье, и эти подлинныя слова короля составляютъ переломъ въ жизни Дэона. До этого письма все ему везло, и онъ быстро шелъ въ гору, но тутъ счастье отвернулось отъ него, и онъ низвергнулся съ достигнутой имъ высоты въ бездну неудачъ, скандаловъ, мелочныхъ интригъ, процессовъ, преириательствъ, обмановъ, постыдныхъ сдѣлокъ, переодѣваній, всяческаго униженія, позора и нищеты.

Людовикъ былъ правъ, и трудно объяснить иначе, какъ его предположеніемъ, болѣе чѣмъ странную переписку Дэона со своими начальниками, Герши и Праленомъ, въ краткую эпоху его господства въ лондонскомъ посольствѣ. Весь сыръ боръ загорѣлся изъ-за денежныхъ дѣлъ. Герцогъ Нивернэ жилъ въ Лондонѣ очень широко, бросалъ деньги безъ счета и уѣхалъ не расплатившись. Слѣдуя по его стопамъ, Дэонъ существовалъ также расточительно, а не получая еще жалованья въ качествѣ полномочнаго министра и сумъ на посольскіе расходы, которые за прошедшее время были всѣ взяты герцогомъ Нивернэ, а за будущее причитались графу Герши, онъ естественно вынужденъ былъ дѣлать долги на счетъ посольства. Когда же кредиторы начали его тѣснить, то онъ сталъ все упорнѣе требовать уплаты, но Праленъ, Герши и Нивернэ сваливали другъ на друга обязанность его удовлетворить. При этомъ Герши выказалъ такую скупость, къ которой не привыкъ

Дэонъ, имѣвшій до тѣхъ поръ дѣло со щедрыми до глупости аристократами, а Праленъ въ такихъ рѣзкихъ выраженіяхъ поддерживалъ своего друга, что молодой посланникъ наконецъ вышелъ изъ себя и, считая себя необходимымъ для короля, въ виду имѣвшейся у него въ рукахъ государственной тайны, вышелъ изъ терпѣнія. Онъ сталъ писать такія грубыя, дерзкія письма, что герцогъ Праленъ просилъ его не забывать того, откуда онъ вышелъ, а Герши напомнилъ ему, что онъ попалъ въ посланники совершенно случайно. При этомъ они предложили ему недостойную сдѣлку, чтобы выйти изъ денежнаго затрудненія: именно обратиться къ королю съ просьбою уплатить его долги, а когда получатся деньги, то отдать ихъ Герши на поправленіе посольскихъ дѣлъ. Дэонъ сначала согласился, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы Герши далъ ему нотаріальную расписку, которую онъ представить въ парламентъ, но когда придуманная имъ ловушка не удалась, то онъ написалъ обоимъ начальникамъ такія письма, которыя выходили изъ всѣхъ границъ приличія.

Письмо къ министру кончалось словами: «Вы просите меня не забывать, откуда я вышелъ, но я сдѣланъ посланникомъ потому, что былъ дворяниномъ, офицеромъ и секретаремъ посольства. Первый пунктъ, откуда я вышелъ, даетъ право на подобный постъ, второй подкрѣпляетъ это право необходимой твердостью характера, а третій составляетъ школу, въ которой, какъ вы сами, герцогъ, признавали, я окончилъ курсъ достойнымъ образомъ. Поэтому неудивительно, что я изъ учениковъ попалъ въ мастера. Но, впрочемъ, откуда бы я ни вышелъ, королю, моему повелителю, было угодно назначить меня своимъ представителемъ, и я долженъ все забыть, а помнить только то, до чего я дошелъ. Вы сами, герцогъ, лучше всего мнѣ объ этомъ напомнили». Что касается до графа Герши, то письмо къ нему Деона было въ высшей степени скандальнымъ и дышало въ каждомъ словѣ убійственнымъ сарказмомъ. Онъ прямо говорилъ, что если онъ и получилъ мѣсто посланника благодаря случаю, то другіе получаютъ его, благодаря позору. Далѣе онъ прибавлялъ: «человѣка можно сравнивать съ другими людьми, и на этотъ счетъ существуетъ много поговорокъ; такъ, говорятъ, онъ глупъ, какъ сотня, золъ, какъ четверо, и скупъ, какъ десятеро. Это единственная мѣрка, которой можно оцѣнивать людей, развѣ только есть люди, которыхъ оцѣниваютъ женщинами. Что касается, графъ, вашихъ расходовъ въ Лондонѣ, то вамъ придется платить за устраиваемыя подъ окнами серенады, иначе вамъ зададутъ кошачій концертъ и окончатъ его пляскою рогоносцевъ. Я, по счастью, холостой, но, какъ вы раздѣляетесь съ такимъ скандаломъ, это ваше дѣло».

Конечно, эти письма были доведены до свѣдѣнія короля, и неудивительно, что онъ заподозрѣлъ въ сумасшествіи чиновника,

который такъ писалъ своимъ начальникамъ въ XVIII вѣкѣ, когда подчиненные были униженными сикофантами своихъ принцепаловъ. Терсье немедленно написалъ Дэону, умоляя его быть осторожнымъ, а Брولي пришелъ въ ужасъ, что такому вспыльчивому и нервному человѣку была вручена важная государственная тайна, а потому боясь, чтобы Дэонъ при личномъ свиданіи съ Герши не сдѣлалъ еще большаго скандала, что повело бы къ секвестру его бумагъ, онъ приказалъ ему всѣ секретные документы удалить изъ посольства. Дэонъ повиновался и не только спряталъ всѣ важныя бумаги, относящіяся до тайной переписки съ королемъ, въ квартирѣ, занимаемой его двоюроднымъ братомъ Дэономъ де-Мулуазъ, но и самъ туда перебрался, какъ только пріѣхалъ въ Лондонъ графъ Герши. Дэонъ увѣряетъ въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ, брошюрахъ и рукописныхъ матеріалахъ къ его біографіи, что за нѣсколько дней до этого пріѣзда онъ получилъ собственноручное письмо отъ Людовика XV отъ 4 октября, и какъ онъ, такъ Гальярдэ и Бутарикъ, приводятъ цѣликомъ это письмо, при чемъ послѣдній удостовѣряетъ, что подлинникъ его находится во французскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Въ этомъ пресловутомъ письмѣ говорится: «Вы служили мнѣ такъ же полезно въ женскомъ платьѣ, какъ въ томъ, которое теперь носите. Надѣньте снова этотъ костюмъ и скройтесь въ лондонскомъ Сити. Предупреждаю васъ, что король сегодня подписалъ, но только своимъ штампомъ, а не рукою, приказъ о вашемъ возвращеніи во Францію; но я вамъ приказываю остаться въ Англии со всѣми бумагами и ждать моихъ дальнѣйшихъ приказаній. Вы не безопасны въ своей резиденціи, а здѣсь вы встрѣтите могущественныхъ враговъ».

Подлинника этого письма не существуетъ ни въ одномъ архивѣ, ни въ Тоннерской бібліотекѣ, ни въ коллекціи дэоновскихъ бумагъ Годжкинса, а тотъ документъ, на который ссылается Бутарикъ, хотя и дѣйствительно хранится во французскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, то это лишь копія, написанная Дэономъ и заимствованная изъ его бумагъ. Такимъ образомъ Брولي въ своей книгѣ «Секретъ короля» и Вицетелли вполнѣ правы, называя это письмо подложнымъ. Они оба совершенно основательно предполагаютъ, что этотъ подлогъ совершенъ впоследствии, когда Дэону надо было съ одной стороны объяснить неисполненіе официальнаго приказанія своего правительства вернуться въ Парижъ, а съ другой—доказать, что онъ носилъ въ Россіи женское платье. Къ тому же это письмо Людовика совершенно неправдоподобно, уже не говоря о томъ, что Людовикъ не могъ писать о переодѣваніи, котораго никогда фактически не было, и которое прямо противорѣчитъ приведенному подлиннику письма короля къ Терсье. Въ этомъ письмѣ, написанномъ недѣлю спустя послѣ пресловутаго посланія,

онъ прямо высказываетъ, что ждетъ Дэона въ Парижъ, а обманывать его довѣренное лицо Терсье и скрывать, что онъ приказалъ Дэону остаться въ Лондонѣ, да еще въ женскомъ платьѣ, не было никакого основанія. Къ тому же, еслибы Дэонъ дѣйствительно получилъ такой приказъ короля, то, конечно, исполнилъ бы его, а онъ не маскировался и не скрылся, и встрѣтилъ Герши лицомъ къ лицу.

Въ половинѣ октября графъ Герши пріѣхалъ въ Лондонъ и остановился не въ посольствѣ, а у своего пріятеля лорда Голланда. Дэонъ тотчасъ явился къ нему, и у нихъ произошла неприличная, скандальная ссора. На слѣдующій же день Герши передалъ ему отзывныя грамоты и инструкцію герцога Пралена, который предписывалъ, чтобы онъ немедленно представилъ эти грамоты Георгу III, а затѣмъ покинулъ Лондонъ, не теряя ни минуты времени, прибылъ въ Парижъ и дожидался его приказаній, не являясь ко двору. Такой развязки своихъ пререканій съ министромъ и посланникомъ, конечно, Дэонъ не ожидалъ, и рассчитывалъ ли онъ на то, что побоятся прибѣгнуть противъ него къ крайнимъ мѣрамъ въ виду того, что онъ хранилъ государственную тайну, или по какой другой причинѣ, но онъ рѣшился на смѣлый шагъ. Онъ отказался исполнить предписаніе министра о представленіи отзывныхъ грамотъ и отдалъ Герши только часть обычнаго посольскаго архива, а удержалъ не только тайную переписку съ королемъ и Брولي, что онъ былъ обязанъ сдѣлать, но и массу официальныхъ документовъ, на что онъ не имѣлъ никакого права. Естественно, Герши гнѣвно настаивалъ на возвращеніи неправильно удержанныхъ бумагъ, но Дэонъ отвѣчалъ, что онъ не отдастъ ихъ иначе, какъ по личному приказанію короля. Ихъ отношенія еще болѣе обострились, и оба представителя Франціи, старый и новый, были на ногахъ въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій изъ Парижа.

Самъ Дэонъ и за нимъ Гальярдэ рассказываютъ, что это дѣло еще усложнялось открытіемъ маркизой Помпадуръ и герцогомъ Праленомъ тайной переписки Людовика и Брولي съ Дэономъ. Въ ихъ сочиненіяхъ даже напечатано письмо, будто бы полученное Дэономъ отъ Терсье еще отъ 10-го іюня, въ которомъ послѣдній сообщаетъ, что маркиза Помпадуръ, давно подозрѣвавшая тайную дипломатическую переписку короля, однажды, ночью, во время его сна, вытащила изъ кармана короля ключъ отъ шкапулки, въ которой онъ хранилъ эту переписку, и, взявъ находившіеся въ ней документы, сообщила о своей находкѣ Пралену. Но, хотя Бутарикъ наивно заимствуетъ это письмо у Гальярдэ, оно нигдѣ не хранится въ подлинникѣ и, конечно, также относится къ подложнымъ документамъ, составленнымъ впоследствии Дэономъ. Впрочемъ и безъ этой новой легенды, маркиза Помпадуръ и Праленъ могли достаточно убѣдиться въ своихъ подозрѣніяхъ насчетъ тай-

ной переписки Брольи съ Дэономъ изъ свидѣтельства объ этомъ секретаря графа Герши, Монжа, который прежде служилъ у принца Канти и зналъ о тайныхъ сношеніяхъ между Брольи и Дэономъ. Основываясь на этомъ, Герши и было поручено во что бы то ни

Сцена фехтованія въ Карльтонгаузѣ.

(Съ рисунка того времени).

стало овладѣть всѣми бумагами Дэона, такъ какъ фаворитка и министръ гораздо болѣе желали погубить Брольи, чѣмъ Дэона, который не былъ для нихъ опасенъ.

Между тѣмъ, оба соперника поддерживали приличіе въ своихъ внѣшнихъ сношеніяхъ, и Дэонъ не только являлся постоянно въ

посольство, но часто обѣдалъ тамъ подѣ предлогомъ, что онъ остается полномочнымъ министромъ, пока не вручить отзывныхъ грамотъ, которыхъ онъ не считалъ законными, такъ какъ онѣ были подписаны штампомъ короля, а не его рукою, а также въ нихъ не было прописано, что Дэонъ кавалеръ ордена св. Людовика и драгунскій капитанъ. Но обстоятельства сами наталкивали Дэона на новые скандалы. Со времени приѣзда Герши стала появляться въ посольствѣ какая-то подозрительная личность, по имени Трейсакъ де-Вержи, который выдавалъ себя за друга посланника, хотя послѣдній не признавалъ этого факта, но по неизвѣстнымъ причинамъ принималъ его. Дэонъ какъ-то съ нимъ поспорилъ, а когда тотъ назвалъ его невоспитаннымъ человѣкомъ и намекнулъ, что онъ не знаетъ, какая судьба его ждетъ во Франціи, то Дэонъ рѣшился вызвать его на дуэль, о чемъ заявилъ публично на обѣдѣ у министра иностранныхъ дѣлъ, лорда Галифакса. При этомъ произошла очень странная сцена, которую можно объяснить только тѣмъ, что Дэонъ, хозяинъ и всѣ гости, вѣроятно, находились не въ трезвомъ состояніи, какъ обыкновенно бывало въ то время на званыхъ обѣдахъ. Началось съ того, что лордъ Галифаксъ просилъ Дэона отказаться отъ дуэли и другіе два министра присоединились къ его просьбѣ, но Дэонъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ. Тогда лордъ Галифаксъ потребовалъ гвардейскихъ солдатъ, которые явились въ залу съ ружьями. Дэонъ долго упорствовалъ, не испуганный даже угрозой ареста, но наконецъ выдалъ Галифаксу письменное обязательство не драться на дуэли и не оскорблять Вержи. Эта исторія надѣлала много шума въ Лондонѣ, и Горастъ Вальполь писалъ лорду Гертфорду въ Парижъ: «Бѣдный Дэонъ, повидимому, рехнулся отъ той чести, которая доставила ему участіе въ заключеніи мира, и когда ему на обѣдѣ у лорда Галифакса сказали, что вызовомъ на дуэль онъ нарушаетъ миръ и спокойствіе, то онъ вообразилъ, что дѣло идетъ о нарушеніи мира между обѣими странами». Впрочемъ, на слѣдующій день Дэонъ немного поправилъ свои дѣла, и когда къ нему явился за объясненіями Вержи, то онъ пригрозилъ ему двумя пистолетами и заставилъ въ свою очередь подписать обязательство не показываться болѣе во французскомъ посольствѣ, пока онъ не представитъ ручательства за свою личность какихъ нибудь высокопоставленныхъ лицъ въ Парижѣ или Версалѣ.

Спустя два дня, случился новый скандалъ. На обѣдѣ въ посольствѣ Дэонъ вдругъ почувствовалъ себя дурно и едва достигъ своего дома, гдѣ заснулъ мертвымъ сномъ. Проснувшись въ полдень, онъ сталъ всѣхъ увѣрять, что его хотѣли опоить опиумомъ, чтобы безчувственного схватить и отвезти въ Парижъ. Хотя Герши явился къ нему съ двумя адъютантами и любезно извинялся въ случившемся, говоря, что его секретарю Манэну также сдѣлалось

дурно послѣ обѣда, и что онъ уже приказалъ буфетчику лучше наблюдать за винами и кухней, но все-таки Дэонъ остался убѣжденнымъ въ своихъ подозрѣніяхъ и впоследствии писалъ объ этомъ Людовику XV и Терсье. Точно также онъ заподозрѣлъ, что слесарь, исправлявшій въ его квартирѣ замокъ, былъ подкупленъ для снятія воскового слѣпка съ замочной скважины для поддѣлки ключа. Его опасенія достигли апогея, когда въ тотъ же домъ переехалъ Манэнь, и въ его каминѣ начали слышаться странные звуки, которые, какъ потомъ оказалось, производилъ подкупленный трубочистъ. Этотъ куріозный пассажъ Дэонъ объяснялъ желаніемъ Герши напугать его стукомъ духовъ съ цѣлю выдать его за сумасшедшаго, когда онъ станетъ жаловаться на сверхъестественный стукъ, котораго никто въ домѣ не слышалъ. Все это вмѣстѣ такъ его напугало, что онъ собралъ всѣ свои вещи и перебрался къ своему родственнику Ла-Розьеру, жившему на Золотомъ Скверѣ.

Наконецъ, странное поведеніе Дэона и его явное неисполненіе королевскаго приказанія привело къ результату, котораго онъ вовсе не ожидалъ. Герцогъ Праленъ представилъ королю о необходимости потребовать отъ англійскаго правительства выдачи Дэона, какъ государственнаго преступника, и Людовикъ долженъ былъ на это согласиться изъ опасенія, чтобы его не заподозрѣли въ сообщничествѣ съ Дэономъ, но по своему обычному двоедушію написалъ два письма: къ Герши и къ Дэону. Въ первомъ онъ просилъ посланника удержать у себя бумаги, которыя найдутся у Дэона, и лично передать ему при первомъ пріѣздѣ во Францію; а послѣднее заключалось въ слѣдующихъ знаменательныхъ словахъ: «Предупреждаю васъ, что я сегодня подписалъ своимъ штампомъ требованіе о вашей выдачѣ; оно послано Герши и будетъ представлено имъ министерству его величества, короля англійскаго. При этомъ отправлены въ Лондонъ полицейскіе агенты, чтобы васъ арестовать. Если вы не можете сами спастись, то спасите ваши бумаги. Не довѣряйтесь секретарю Герши и вашему другу Манэну; онъ вамъ измѣняетъ». Это достовѣрное подлинное письмо, написанное и подписанное собственноручно Людовикомъ, хранится во французскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Вицетелли основательно предполагаетъ, что Дэонъ воспользовался этимъ документомъ, помѣченнымъ 4-мъ ноября, чтобы составить свое пресловутое подложное письмо короля отъ 4-го октября.

Однако, врагамъ не удалось овладѣть личностью Дэона, и англійское правительство отвѣчало французскому, что «согласно закону страны не возможно разрѣшить арестъ кавалера Дэона или захватъ его бумагъ». Тогда Герши придумалъ тайно схватить Дэона съ помощью французскихъ полицейскихъ агентовъ и отвезти во Францію на ожидавшемъ ихъ, въ Гревсендѣ, кораблѣ. Но онъ заперся въ своей квартирѣ и не только превратилъ ее въ укрѣ-

пленный фортъ, но даже подвелъ подъ нее мину, чтобы въ случаѣ крайности взорвать себя на воздухъ вмѣстѣ съ хранившимися у него бумагами. По его словамъ, онъ имѣлъ для самозащиты 8 пистолетовъ, 2 ружья, 8 сабель и нѣсколько дезертировъ своего стараго драгунскаго полка, которыхъ онъ подобралъ въ Лондонѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Дэонъ послалъ королю съ Ла-Розьеромъ часть тайныхъ бумагъ, хотя самыя важныя оставилъ у себя. Вѣроятно, Людовикъ оскорбился на Дэона за разочарованіе, причиненное ему этой присылкой, и согласился на еще болѣе рѣшительный шагъ противъ челоуѣка, явно ослушавшагося своего правительства. Въ «Лондонской газетѣ» появилось официальное объявленіе, что его величество Георгъ III запретилъ кавалеру Дэону являться ко двору, а французское правительство формально лишило его дипломатическаго званія, признало государственнымъ преступникомъ и наложило секвестръ на неуплаченное ему жалованье. Казалось, что французское правительство сожгло корабли, и гибель Дэона неизбежна. Но на этотъ разъ Людовикъ, какъ всегда, официально преслѣдуя Дэона, тайно протянулъ ему руку изъ боязни открытія компрометирующей его тайны. Онъ написалъ Терсье отъ 30-го декабря 1763 года: «Дэонъ не сумасшедшій, но очень самолюбивъ и удивительно страненъ; поэтому, я думаю, надо все предоставить времени, а его поддержать кое-какими деньгами. Пусть онъ остается въ своемъ безопасномъ убѣжищѣ и главное, чтобы онъ не дѣлалъ новыхъ выходовъ. Поэтому пошлите ему 200 дукатовъ». Посылая эти деньги, Терсье, однако, писалъ, что «акціи Дэона стоятъ очень низко на версальской биржѣ».

Но бывшій посланникъ не унимался, потерявъ все: и положеніе въ свѣтѣ, и дипломатическую карьеру, и средства къ жизни, онъ рѣшился доказать, на что способенъ затравленный звѣрь. Въ сущности, онъ взялся за грязное ремесло шантажиста, но мы уже видѣли, что и дипломатія не чистое дѣло. У него въ рукахъ были средства сдѣлать громадный скандалъ и возбудить войну между двумя странами. Что же ему мѣшало воспользоваться хранимой тайной для мести и наживы? Карьера дипломата двоедушной школы Людовика XV научила его иезуитскому правилу, что цѣль оправдываетъ средства. Ему надо было жить, а онъ привыкъ жить хорошо, въ лучшемъ обществѣ. Первымъ его шагомъ на пути шантажа было изданіе въ Лондонѣ въ началѣ 1764 года большого тома подъ заглавіемъ: «Письма, мемуары и переговоры кавалера Дэона». Эта книга представляла жестокий отвѣтъ на газетныя нападки со стороны Герши чрезъ подкупленныхъ имъ писакъ Вержи и Гудара. Дэонъ не только вылилъ на Герши цѣлый ушатъ грязи и доказалъ, что онъ совсѣмъ не умѣетъ писать и вполне не способенъ на исполненіе обязанностей посланника, но напечаталъ свои оскорбительныя письма Шралену и Герши, послужившія поводомъ

къ его отозванію, а также длинный рядъ документовъ, разоблачающихъ министерскія тайны и частную переписку Нивернэ, Пралена и другихъ. Наконецъ имъ приведены официальные свидѣтельства, письма и депеши, выставляющія его собственныя достоинства и заслуги. Конечно, подобная книга произвела громаднѣйшій скандалъ въ Лондонѣ и Версалѣ, тѣмъ болѣе, что авторъ грозилъ выпустить второй томъ своихъ разоблаченій.

Въ Англіи еще продолжалось движеніе, возбужденное слухами о подкупѣ Франціей лорда Бьюта и многихъ другихъ лицъ при заключеніи мира, а потому встревоженное общественное мнѣніе послѣ изданія книги Дэона стало подозрѣвать, что скрываемыя имъ документы относятся до этихъ позорныхъ сдѣлокъ. Неудивительно, что оппозиція предложила ему за его бумаги 20.000 фунтовъ стерлинговъ, а потомъ и 40.000. 23-го марта 1764 года, онъ писалъ Терсье: «Вожаки оппозиціи предложили мнѣ, сколько я хочу денегъ за выдачу бумагъ и писемъ. Вы можете себѣ представить, какъ мнѣ былъ бы противенъ такой поступокъ, и, однако, если меня всѣ покинутъ, то что же мнѣ дѣлать? Если меня окончательно бросятъ, и до Пасхи я не получу обѣщанія, подписаннаго королемъ или графомъ Брולי, что меня вполнѣ удовлетворятъ за все зло, сдѣланное мнѣ графомъ Герши; то я потеряю всякую надежду. Это я вамъ объявляю формально: заставивъ меня перейти на сторону англійскаго короля, вы должны ждать, что вскорѣ возобновится война. Она неизбежна». Спустя четыре дня, Дэонъ отправилъ Терсье второе письмо, въ которомъ выставилъ новыя угрозы для короля и правительства. Онъ сообщалъ о томъ, что англійскіе министры совѣщались о мѣрахъ для его ареста и выдачи Франціи, а оппозиція ежедневно справлялась объ его безопасности, угрожая въ случаѣ насилія надъ нимъ поднять народъ и разграбить французское посольство. «Если король меня не выручитъ, и я буду арестованъ,—такъ оканчивалось это письмо,—то я не стану болѣе считать себя обязаннымъ хранить тайны и найду себя вынужденнымъ, въ случаѣ крайности, оправдать свое поведеніе».

Уже книга Дэона всполошила Людовика XV, но дальнѣйшія его угрозы навели на него панику. Онъ теперь ясно видѣлъ, что съ такимъ человекомъ нельзя шутить, и по совѣту Брולי былъ отправленъ въ Лондонъ его секретарь Норъ для мирнаго устройства дѣлъ, но въ то же время Праленъ послалъ съ своей стороны агента съ цѣлью схватить Дэона и привезти въ Парижъ живымъ или мертвымъ. Поэтому ясно было, что примиреніе съ Дэономъ могло состояться только тайное, а на официальное возстановленіе его дипломатической карьеры ему нечего было надѣяться. Хотя недавно передъ тѣмъ умерла маркиза Помпадуръ, и братья Брולי вернулись ко двору, но Праленъ оставался въ силѣ, и попрежнему за его спиной дѣйствовали хитрый, ловкій Шуазель, его двоюродный братъ Но,

повидимому, Дэонъ того не подозрѣвалъ и писалъ пламенные письма къ Шуазелю, жалуясь на Пралена; онъ получалъ очень любезные отвѣты съ приглашеніемъ вернуться во Францію и обѣщаніемъ хорошаго мѣста въ арміи, тогда какъ въ сущности Шуазель только думалъ помочь Пралену отомстить его врагу и посадить его въ Бастилію.

Дэонъ принялъ съ восторгомъ Нора, полагая, что наступило его торжество, но когда оказалось, что ему предлагали возратить всѣ бумаги за сумму денегъ, даже не опредѣленную, а о восстановленіи его дипломатической карьеры даже не было разговора, то онъ прямо объявилъ, что не вернетъ бумагъ, пока Герши останется посланникомъ, тѣмъ болѣе, что эти бумаги были ему необходимы для процесса, который началъ противъ него Герши по обвиненію въ клеветѣ на страницахъ его книги. Такимъ образомъ, переговоры были прекращены, и Людовикъ на время принялъ нейтральное положеніе, предоставивъ Герши преслѣдовать на судѣ Дэона, который, по словамъ короля, «былъ сумасшедшій и способенъ на все». Поэтому Людовикъ не принялъ совѣта Брольи о приказаніи Герши прекратить дѣло. Оно пошло своимъ порядкомъ, и присяжные вынесли обвинительный приговоръ, но судья, лордъ Мансфельдъ, не могъ присудить Дэона къ установленному наказанію, такъ какъ онъ не явился на судъ. Кромѣ суда, Дэонъ опасался, что враги тайно схватятъ его и отвезутъ въ Парижъ, а потому нѣсколько времени онъ ходилъ по Лондонскимъ улицамъ, вооруженный съ ногъ до головы, такъ что Вальполь писалъ о немъ: «Вѣдный сумасшедшій, онъ кажется бѣглецомъ изъ Бедлама». Въ эти тревожные для него дни Дэонъ прибѣгалъ за совѣтомъ ко всѣмъ извѣстнѣйшимъ государственнымъ людямъ Англій, въ томъ числѣ и къ Бьюту, Тэмплию и къ старшему Питу, но только послѣдній отвѣтилъ ему, и то въ самыхъ дипломатическихъ выраженіяхъ. Онъ заявлялъ, что въ такихъ деликатныхъ обстоятельствахъ онъ могъ только выразить сожалѣніе о положеніи Дэона, относительно котораго онъ не считалъ возможнымъ высказать своего мнѣнія. Наконецъ Дэонъ исчезъ изъ своей квартиры, и въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль никто не зналъ, гдѣ онъ находился, такъ что многіе въ Лондонѣ предполагали, что его враги успѣли или его убить, или тайкомъ увести во Францію.

Въ сущности, Дэонъ спокойно жилъ въ найденномъ убѣжищѣ у старой француженки, по имени Дюфуръ, которая занималась всякими темными дѣлами, и для болѣе безопасности даже носилъ женское платье, что потомъ подало поводъ ко многимъ толкамъ, окончившимся превращеніемъ бывшаго дипломата въ женщину. Тутъ отыскалъ его Вержи, который прежде писалъ для Герши памфлеты противъ него, а теперь, въ виду отказа посланника платить ему болѣе денегъ, сталъ обвинять его въ намѣреніи отра-

вить Дэона, а также въ подкупѣ его для убійства того же ненавистнаго человѣка. Конечно, Дэонъ съ удовольствіемъ воспользовался этимъ новымъ орудіемъ въ своей борьбѣ съ врагомъ. Прежде всего онъ вызвалъ Герши на дуэль, находя, что онъ не могъ иначе смьть съ себя пятна по обвиненію его въ покушеніи на жизнь

Судъ матронъ надъ кавалеромъ Дэономъ.
(Карикатура того времени).

офицера. Но посланникъ отвѣчалъ, что генераль не можетъ драться съ офицеромъ, а тѣмъ болѣе съ учителемъ фехтованія. Тогда онъ написалъ цѣлый рядъ писемъ Шуазелю, маршалу Брольи и его брату съ приложеніемъ копии съ показанія Вержи. Но никто ему не отвѣчалъ, кромѣ графа Брольи, который заявлялъ, что онъ

впредь не будетъ доводить до свѣдѣнія короля все, что касается до ссоръ Дэона съ Герши, такъ какъ это очень непріятно королю. Потерпѣвъ фіаско въ попыткѣ тайно погубить своего врага, Дэонъ наконецъ отвѣчалъ на процессъ процессомъ. Онъ прямо обвинилъ графа Герши въ попыткѣ отравить его и подкупить Вержи на его убійство.

Присяжные, дѣйствуя въ качествѣ обвинительной камеры, привлекли французскаго посланника къ отвѣтственности въ убійствѣ. Но онъ самъ и французское правительство предъявили вопросъ о неподсудности англійскимъ судамъ иностраннаго посланника. Дѣло было переведено въ судъ королевской скамьи, и правительство согласилось прекратить производство этого скандальнаго дѣла, какъ неожиданно генералъ-атторней, сэръ Флетчеръ Нортонъ, отказался поддержать подобное предложеніе правительства. Онъ дѣйствовалъ такимъ образомъ, вѣроятно, не столько изъ уваженія къ закону, сколько изъ боязни общественнаго мнѣнія, которое было сильно возбуждено противъ графа Герши, въ особенности послѣ бѣгства его дворецкаго, заподозрѣннаго въ попыткѣ отравить Дэона, по приказанію посланника. Какъ бы то ни было, дѣлу не дали дальнѣйшаго хода, и самъ Дэонъ болѣе не возбуждалъ его, считая достаточнымъ приговоръ присяжныхъ, предавшихъ суду его врага. На этомъ основаніи онъ впослѣдствіи всегда увѣрялъ, что виновность Герши доказана судомъ. Впрочемъ, вскорѣ послѣ этого у него была отнята возможность судиться въ Англии, такъ какъ въ виду его отказа явиться на судъ лорда Мансфельда, по обвиненію его графомъ Герши въ клеветѣ, онъ былъ объявленъ рѣшеніемъ подлежащаго суда внѣ закона. Что же касается до Герши, то ему оставаться въ Лондонѣ болѣе было не возможно. Разъяренная толпа, видѣвшая въ Дэонѣ жертву деспотическаго правительства, разбила стекла въ посольскомъ домѣ и едва не растерзала на улицѣ самого посланника, который спасся, только выдавъ себя за секретаря. Онъ поспѣшно уѣхалъ во Францію, и если еще вернулся въ Англию, то не надолго и уже оставилъ въ покоѣ Дэона. Въ іюнѣ 1766 г. Герши былъ замѣненъ въ качествѣ посланника Дюраномъ, и, спустя годъ, онъ умеръ въ Парижѣ.

VI.

Со времени процесса Дэона и Герши вновь произошла перемѣна въ отношеніяхъ короля и Брольи къ Дэону. Въ Версали было рѣшено, что опасно выводить изъ терпѣнія такого рѣшительнаго человѣка, какъ Дэонъ, и снова начаты переговоры съ нимъ. При этомъ, графъ Брольи предложилъ самъ поѣхать въ Лондонъ и забрать у него всѣ бумаги, въ замѣнъ чего ему будетъ назначена пенсія въ 12.000 ливровъ. Въ обезпеченіе же уплаты этой пенсіи

Брольи соглашался заключить закладную на свои помѣстья. Это странное условіе можно было объяснить только тѣмъ, что Брольи болѣе Людовика опасался разоблаченій Дэона, зная очень хорошо, что въ случаѣ катастрофы король его выдастъ, откажется отъ своего соучастія, и онъ попадетъ съ Бастилію. Но Дэонъ увидавъ, что за нимъ начинаютъ ухаживать, сталъ ломаться и потребовалъ, чтобы закладная была сдѣлана на помѣстья не только графа Брольи, но и его жены, которая была гораздо богаче. Это обстоятельство затянуло дѣло, но когда въ Англію былъ назначенъ посланникомъ Дюранъ, который уже давно принималъ участіе въ тайной дипломатической перепискѣ Людовика, даже въ проектѣ о завоеваніи Англіи, то путешествіе въ Лондонъ Брольи явилось излишнимъ. Дюрану было поручено заключить сдѣлку съ Дэономъ.

Они уже давно находились въ дружескихъ отношеніяхъ и быстро привели къ окончанію столь долго длившееся, затруднительное дѣло. Дэонъ вручилъ посланнику подлинное письмо короля отъ 3-го іюня 1763 года насчетъ пресловутаго завоеванія Англіи, и оказалось, что оно въ запечатанномъ пергаментномъ конвертѣ было вложено въ выдолбленный кирпичъ и замазано цементомъ, а самый кирпичъ вдѣланъ въ стѣну погреба для вина при квартирѣ Дэона. Взамѣнъ этого Дэонъ получилъ отъ Дюрана подлинное обязательство Людовика XV о выдачѣ ему пенсіи въ 12.000 ливровъ, до тѣхъ поръ, пока онъ не получитъ официального мѣста съ бѣльшимъ жалованіемъ. Хотя этотъ документъ былъ подписанъ королемъ, но для бѣльшей важности онъ былъ снабженъ свидѣтельствомъ Дюрана въ томъ, что онъ былъ дѣйствительно написанъ королемъ и врученъ ему для передачи.

Другія бумаги и въ числѣ ихъ письма Брольи, полученіе которыхъ всего болѣе интересовало послѣдняго, остались преспокойно у Дэона. Когда же потомъ возбуждался вопросъ объ ихъ выдачѣ, то отъ него получался одинъ отвѣтъ, что это зависитъ отъ заключенія закладной на имѣніе графини Брольи въ обезпеченіе пенсіи. На этомъ дѣло и останавливалось. Хотя, чтобы успокоить Дэона и удержать его отъ дальнѣйшихъ скандальныхъ выходокъ, король и Брольи поручили ему продолжать свою тайную переписку съ ними за подписью: «Вильямъ Вольфъ», но въ его письмахъ, по видимому, не заключалось ничего важнаго въ политическомъ отношеніи, и ему не довѣрялись уже никакія государственныя тайны. Большею частью онъ сообщалъ парламентскія и придворныя новости, напримѣръ, рассказывалъ, что Питтъ «величайшій шарлатанъ», всегда ссылаясь на свою подагру, когда онъ не хотѣлъ появляться въ парламентѣ, что король Георгъ III имѣлъ долговъ на полмилліона фунтовъ стерлинговъ, издержанныхъ имъ на покупку головъ въ палатахъ, что у него не было во дворцѣ никакихъ запасовъ, и онъ посылалъ каждый разъ, когда хотѣлъ заварить нуншъ,

за шестью бутылками вина и одной—рома, что лордъ Бьютъ, любимецъ короля, былъ хитрый, негодный и тайный приверженецъ Стюартовъ.

Повидимому, эти сплетни и самъ Дэонъ стали мало-помалу надѣдать королю, который уже получилъ обратно наиболѣе компрометирующій его документъ, и въ письмахъ къ Бролли онъ упоминаетъ о немъ въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ. Такъ, когда Дэонъ въ 1767 году сообщилъ, какъ очень важное извѣстіе, слухъ, что Англія посылаетъ экспедицію въ Мексику и Перу, Людовикъ отозвался слѣдующимъ образомъ: «Вы знаете, что Дэонъ сумасшедшій и можетъ быть опасенъ. Я терпѣть не могу сумасшедшихъ и не хочу болѣе видѣть его писемъ; вы можете ихъ держать у себя. Во всякомъ случаѣ то, что ему обѣщано, надо исполнить, но больше ему нечего ждать». Наконецъ, спустя годъ, Дэонъ написалъ, что знаменитый Вильксъ и англійскіе либералы готовы свергнуть ганноверскую династію, а потому предлагалъ королю чрезъ его посредство принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Тогда Людовикъ, которому Бролли нашелъ нужнымъ послать эту депешу, вернулъ ее съ надписью: «Дэона больше не употреблять ни на что».

Такимъ образомъ Дэона оставили въ покоѣ съ его секретными бумагами, и этотъ нѣкогда блестящій дипломатъ, превратившійся, благодаря обстоятельствамъ и неразборчивости средствъ къ достиженію своихъ цѣлей, въ авантюриста и шантажиста, провелъ спокойно нѣсколько лѣтъ въ Англіи. Большую часть времени онъ жилъ въ Лондонѣ, а остальное проводилъ въ помѣстьѣ своего пріятеля, лорда Феррерса, извѣстнаго математика и астронома. Вѣроятно, дружба съ этимъ ученымъ, которому онъ для бѣльшаго спокойствія повѣрилъ храненіе своихъ секретныхъ бумагъ, побудила его исключительно заниматься литературой, и онъ, говорятъ, работалъ по 15 часовъ въ день. Главнымъ образомъ онъ писалъ различные труды по политическимъ, административнымъ и финансовымъ вопросамъ, которые изданы въ Лондонѣ въ 1774 году въ тринадцати томахъ, подъ заглавіемъ «*Les loisirs du chevalier D'Eon*». Хотя эти сочиненія Дэона не отличались серіознымъ значеніемъ или литературнымъ талантомъ, но онъ умѣлъ придать всякому самому сухому предмету занимательный характеръ. Точно также онъ былъ очень пріятнымъ собесѣдникомъ и испещрялъ свою живую рѣчь интересными анекдотами или остроумными замѣчаніями. Поэтому въ англійскомъ высшемъ обществѣ онъ пользовался большою популярностью, и многія представительницы прекраснаго пола интересовались имъ такъ, что не прочь были бы выйти за него замужъ, еслибы онъ не отличался въ Лондонѣ такъ же, какъ въ Парижѣ и Петербургѣ, холоднымъ равнодушіемъ къ женщинамъ.

Однако, Деону не было суждено долго жить спокойно, и, быть можетъ, онъ самъ питалъ страсть къ тому, чтобы всѣ такъ или

иначе обращали на него вниманіе. Мало-помалу въ Лондонѣ сталъ распространяться слухъ, что онъ не мужчина, а женщина, а потому не ухаживаетъ за прекраснымъ поломъ и не хочетъ жениться. Эти слухи поддерживались его женственнымъ видомъ, голубыми нѣжными глазами, мелкими чертами лица и бѣлизной кожи. Хотя онъ всегда ходилъ въ офицерскомъ драгунскомъ мундирѣ, но г-жа Дюфуръ, у которой онъ одно время жилъ, старательно распространяла слухи, что онъ носилъ женское платье, скрываясь у нея во время самой горячей эпохи преслѣдованій Герши. Наконецъ, въ одномъ изъ памфлетовъ, написанныхъ противъ него Гударомъ, по приказанію того же Герши, выражено сомнѣніе въ томъ, что онъ мужчина. Это сомнѣніе раздѣляли многіе кутилы, которые никакъ не могли понять, чтобы въ то развратное время можно было вести такую нравственную жизнь, какою отличался Дэонъ. Кромѣ того, рассказывали, что посѣтившая около того времени Лондонъ княгиня Дашкова сообщила о женскихъ похожденияхъ Дэона въ Петербургѣ. Ранѣе уже было говорено о невѣроятности подобныхъ рассказовъ Дашковой, но, быть можетъ, на заданные ей вопросы она упоминала, что и въ Петербургѣ Дэонъ жилъ, какъ красная дѣвица, а изъ ея словъ составила сплетня о томъ, что онъ дѣйствительно женщина.

Какъ бы то ни было, толки въ гостиныхъ и клубахъ о женскомъ полѣ Дэона стали усиливаться, и съ 1770 года начали даже держать значительныя пари за то, что онъ мужчина или женщина. Онъ самъ выражалъ сильное негодованіе по поводу этихъ толковъ, а въ особенности противъ спекуляціи насчетъ его пола, и собственноручно избилъ палкою двухъ или трехъ спекуляторовъ. Но пари не прекращались, и лица, державшія ихъ, составили планъ тайно овладѣть Дэономъ и подвергнуть его медицинскому осмотру. Въ надеждѣ прекратить эту манію, онъ скрылся изъ Лондона на нѣсколько недѣль въ Шотландію, но когда вернулся, то она свирѣпствовала еще съ большею силой. Тогда онъ явился въ судъ и подъ присягой показалъ, что онъ не имѣетъ ничего общаго съ этими спекуляторами и никогда не согласится подвергнуться медицинскому осмотру для доказательства своего пола. Это заявленіе только подлило масла въ огонь. Еслибы онъ подъ присягой показалъ, что онъ мужчина или женщина, то, вѣроятно, пари прекратились бы, но его уклоненіе прямо удостовѣрить тотъ или другой фактъ поддерживало общее сомнѣніе и усиливало игру. Вицетелли вполне правильно замѣчаетъ, что въ виду развившейся въ Дэонѣ склонности обращать на себя всеобщее вниманіе онъ, быть можетъ, находилъ удовольствіе въ томъ, что всѣ интересовались имъ отъ одного конца Лондона до другого, а потому не предпринималъ мѣръ для прекращенія этой исторіи, льстившей его само-

любю, хотя ему предлагали большія суммы денегъ для обнаруженія истины.

Дѣло дошло до того, что новый французскій посланникъ въ Лондонѣ, замѣнившій Дюрана, графъ Дю-Шателэ, открыто выражалъ мнѣнiе, что Дэонъ женщина, и Людовикъ XV говоритъ съ удивленiемъ въ своемъ письмѣ къ генералу Монэ отъ 28-го октября 1770 года: «Слыхали вы, что Дю-Шателэ убѣжденъ въ томъ, что Дэонъ женщина?» Два года спустя, секретарь графа Брольи, Друэ, ѣздилъ въ Лондонъ съ отрицательнымъ отвѣтомъ короля на просьбу Дэона о разрѣшенiи ему поступить на службу польскаго короля и вернулся оттуда, вполне убѣжденный, что Дэонъ дѣйствительно женщина. Вицетелли свидѣтельствуегъ, что въ архивѣ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ существуетъ письмо Брольи къ Людовику XV, въ которомъ онъ приводитъ многія подробности, узнаанныя отъ Друэ, но которыя, по словамъ англійскаго писателя, не могутъ быть напечатаны. Во всякомъ случаѣ Брольи былъ очень удивленъ этимъ извѣстiемъ, такъ какъ за годъ передъ тѣмъ Дэонъ писалъ ему по поводу тревожившихъ его лондонскихъ пари, что онъ дѣйствительно мужчина, но очень безстрастнаго характера, почему его друзья по наивности, а враги по злобѣ, увѣряють, что онъ женщина.

Въ факомъ положенiи находился Дэонъ, когда неожиданно въ началѣ 1774 года умеръ Людовикъ XV. Новый король получилъ отъ Брольи откровенный отчетъ о тайной дипломатiи своего дѣда и, отказавшись отъ дальнѣйшаго ея веденiя, приказалъ уволить съ пенсiями всѣхъ тайныхъ дипломатическихъ агентовъ. Это дѣло устроилось очень быстро и къ общему удовольствию. Только Дэонъ представилъ непредвидѣнныя затрудненiя. Къ нему былъ посланъ капитанъ, маркизь Прюнево, съ предложенiемъ отъ Брольи аккуратно платить ему пенсiю въ 12.000 ливровъ и возвратитъ ему офицерскiй чинъ, подъ условiемъ, что онъ выдастъ всѣ имѣющiеся у него документы и обяжется прекратить всякiя пререканiя съ Герши и Праленомъ, а также избѣгать тѣхъ мѣстностей, гдѣ онъ можетъ встрѣтиться со вдовой графа Герши и его дѣтьми. Но Дэонъ вообразилъ, что открывается новое поле для шантажа, и представилъ самыя чрезмѣрныя требованiя. Прежде всего онъ хотѣлъ, чтобы всѣ взведенныя имъ обвиненiя на Герши и Пралена были разсмотрѣны съ цѣлью доказать его правоту. Потомъ онъ настаивалъ на возвращенiи ему хоть на время титула полномочнаго министра. Наконецъ, онъ предъявилъ чисто аптекарскiй счетъ на понесенныя имъ убытки въ 13.933 фунтовъ стерлинговъ. Въ числѣ этихъ фантастическихъ убытковъ стояли, напримѣръ, 600 фунтовъ стерлинговъ за то, что онъ получилъ на эту сумму меньше дохода со своего виноградника въ Тоннерѣ, благодаря долговременному насильственному его отсутствию оттуда. Конечно, Прюнево послѣ че-

тырехмѣсячныхъ переговоровъ вернулся во Францію безъ всякаго успѣха.

Спустя короткое время, явился новый представитель французскаго правительства въ лицѣ капитана Помереля, который въ послѣдствіи при Наполеонѣ I былъ начальникомъ французской печати. Онъ былъ тогда бѣднымъ человѣкомъ и узнавъ, что Дэонъ женщина, сдѣлалъ ей предложеніе, въ надеждѣ раздѣлить съ нею тѣ деньги, которыя ей въ концѣ концовъ заплатитъ правительство. Но и онъ потерпѣлъ фіаско, какъ въ своемъ брачномъ планѣ, такъ и въ сдѣлкѣ съ Дэономъ, который только сбавилъ свои финансовыя требованія до 10.000 фунтовъ стерлинговъ. Наконецъ, на сцену явился знаменитый Бомарше, который въ одно и то же время былъ гениальнымъ авторомъ «Свадьбы Фигаро» и самымъ искуснымъ, ни передъ чѣмъ не останавливающимся интриганомъ. Разыгранная Бомарше и Дэономъ комедія такъ и просилась подъ перо перваго изъ нихъ.

Пьеръ Каронъ де-Бомарше, прошедшій черезъ огонь и воду и послѣдовательно испробовавшій ремесла часовщика, купца, драматурга и тайнаго агента, прославился устройствомъ для французскаго правительства нѣсколькихъ скандальныхъ дѣлъ по тайной покупкѣ въ Лондонѣ пасквилей у ихъ авторовъ. Поэтому, когда онъ вызвался устроить дѣло съ Дэономъ, котораго онъ зналъ въ прежнія свои посѣщенія Англіи, то Брольи охотно на это согласился. Эти два ловкача повели дѣло съ явной цѣлью обмануть и обойти другъ друга. Первый шагъ сдѣлалъ Дэонъ, признавшись Бомарше, что онъ дѣйствительно женщина и до безумія влюбленъ въ него. Польщенный этимъ, авторъ «Свадьбы Фигаро» растаялъ, искренно повѣрилъ баснѣ и, быстро вернувшись въ Версаль, уговорилъ новаго министра иностранныхъ дѣлъ Вержена выдать ему 6.000 фунтовъ стерлинговъ на окончаніе дѣла. Согласившись на это, Верженъ, однако, поставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы Дэонъ впредь ходилъ въ женскомъ платьѣ. Такимъ образомъ достигалась двойная цѣль: во-первыхъ, сдѣлавшись женщиной, Дэонъ уже не могъ требовать своего возвращенія на дипломатическое поприще, а, во-вторыхъ, этотъ же фактъ прекращалъ всякую опасность дуэли между нимъ и сыномъ графа Герши, который клялся отомстить врагу своего отца. Дэонъ увидѣлъ, что попался въ разставленную имъ же самимъ западню, но уже было поздно отступать, и онъ могъ въ этомъ случаѣ ничего не получить отъ французскаго правительства, такъ какъ за смертью Людовика XV продаваемая имъ тайна уже не имѣла столь грознаго характера. Дѣлать было нечего, пришлось согласиться на переодѣваніе. Но зато онъ рѣшился дорого продать свои мужскія права.

Бомарше, хотя и имѣлъ деньги въ карманѣ, но ужасно торговался на счетъ финансовой стороны сдѣлки, и, чтобы его уломать,

Дэонъ сочинилъ, что его другъ, лордъ Феррерсъ, держитъ у себя секретныя бумаги въ видѣ обезпеченія за должныя ему Дэономъ 5.333 фунтовъ стерлинговъ, а въ доказательство онъ представилъ ключъ отъ желѣзнаго сундука, гдѣ хранились бумаги. Бомарше вторично поддался обману, и на этотъ разъ Дэонъ, повидямому, торжествовалъ уже вполне. Они отправились къ лорду Феррерсу въ деревню, и тотъ, предупрежденный Дэономъ, который, въ сущности, ничего ему не былъ долженъ, призналъ заемъ. Получивъ отъ Бомарше 4.625 фунтовъ стерлинговъ и вексель на остальные деньги, лордъ Феррерсъ написалъ приказъ къ управляющему своего городского дома о выдачѣ желѣзнаго сундука. Но Бомарше, желая обмануть съ своей стороны Дэона, тайно взялъ этотъ сундукъ и посѣпилъ въ Версаль. Однако тамъ Верженъ приказалъ ему сдѣлать инвентарь бумагамъ при Дэонѣ, и ему пришлось вернуться въ Лондонъ, гдѣ къ его величайшему ужасу оказалось, что въ сундукѣ не было болѣе важныхъ документовъ, именно относящихся до секретной переписки съ графомъ Брولي. Конечно, Дэонъ весело при этомъ хохоталъ и увѣрялъ, что напрасно Бомарше отчаивается, такъ какъ и найденныя бумаги стоятъ гораздо дороже. Наконецъ, Дэонъ сознался, что болѣе драгоцѣнные документы у него хранятся въ другомъ мѣстѣ. Онъ повелъ Бомарше въ свою квартиру, поднялъ половицу въ спальнѣ и вынулъ пять бумажныхъ картонокъ съ надписями: «Секретныя бумаги, подлежащія возвращенію только королю». Затѣмъ онъ открылъ ихъ и составилъ списокъ находившимся тамъ документамъ, а Бомарше помѣтилъ каждый изъ нихъ своей надписью. Но все-таки Дэонъ не выдалъ своего сокровища раньше подписи ими обоими формальнаго договора.

Этотъ договоръ былъ очень старательно составленъ и подписанъ 4-го ноября 1775 года. Въ многочисленныхъ его статьяхъ говорилось, что Дэонъ женщина, что онъ обязанъ всегда носить женское платье, что онъ выдалъ всѣ находящіяся у него секретныя бумаги, и что обязывается не продолжать скандаловъ по поводу дѣла Герши, а съ другой стороны онъ за все это получалъ свободный пропускъ во Францію, и его пенсія въ 11.000 ливровъ превращалась въ капиталъ, съ котораго онъ ежегодно получалъ доходъ въ означенной суммѣ. Кромѣ того, Бомарше обязывался выхлопотать у французскаго правительства уплату долговъ, сдѣланныхъ Дэономъ на службѣ короля, и уплатить ему еще 2.000 ливровъ на женскую экипировку, съ тѣмъ, что весь его мужской гардеробъ и оружіе, за исключеніемъ драгунскаго офицерскаго мундира съ каской, саблей, пистолетомъ и мушкетомъ, остающіеся ему на память, будутъ проданы въ пользу королевской казны. При этомъ знаменательно, что Дэонъ включилъ въ этотъ документъ выраженіе: «женскій полъ дѣвицы Дэонъ доказанъ свидѣте-

лями, докторами, акушерками и законными документами», а также «дѣвица Дэонъ уже носила женское платье въ извѣстныхъ покойному королю случаяхъ». Но Бомарше вычеркнулъ обѣ фразы: первую потому, что она не соответствовала формѣ, хотя онъ вполнѣ былъ увѣренъ въ ея справедливости, а вторую въ виду его сомнѣнія въ правильности этого утвержденія. Наконецъ, Дэонъ еще требовалъ разрѣшенія носить на женскомъ платьѣ орденъ св. Людовика, но Бомарше заявилъ, что это обстоятельство надо было представить на рѣшеніе короля.

Забравъ этотъ актъ и секретныя бумаги, Бомарше снова отправился въ Версаль, гдѣ и добился утвержденія королемъ заключенной сдѣлки, но въ видѣ самостоятельныхъ королевскихъ приказовъ, помѣченныхъ заднимъ числомъ, именно 25-го августа 1775 г., въ доказательство того, что король оказывалъ милость Дэону внѣ всякихъ условій. Этими приказами дозволялось Дэону вернуться во Францію и носить на женскомъ платьѣ орденъ св. Людовика, но исключительно въ провинціи, а также назначалась ему ежегодная рента въ 12.000 ливровъ, и предписывалось ему тотчасъ надѣть женское платье и никогда его не снимать. Повидимому, дѣло было кончено, и Бомарше торжествовалъ. Но оказалось, что съ Дэономъ было справиться не легко. При пересмотрѣ въ Версалѣ возвращенныхъ имъ бумагъ найдено было, что нѣкоторыхъ не достаеетъ, и въ отвѣтъ на письмо Бомарше объ этомъ Дэонъ цинично заявилъ, что дѣйствительно онъ задержалъ эти документы, какъ орудіе для борьбы, если французское правительство станетъ снова его преслѣдовать. Вслѣдствіе этого у нихъ завязалась неприятная переписка, хотя Дэонъ пересыпалъ свои письма увѣреніями въ любви, и Бомарше такъ вѣрилъ этой любви, что въ Парижѣ ждали ихъ свадьбы со дня на день.

Наконецъ Бомарше еще разъ поскакалъ въ Лондонъ, чтобы окончательно уладить дѣло и, главнымъ образомъ, получить значительный барышъ отъ участія въ англійскихъ пари, которыя еще усилились, такъ что за женскій полъ Дэона давали уже семь противъ четырехъ. Но ихъ встрѣча окончилась полною ссорой. Съ одной стороны Дэонъ требовалъ, чтобы покончили финансовые расчеты, какъ общалъ Бомарше, а съ другой—отказался отъ медицинскаго свидѣтельства, за что Бомарше предлагалъ ему 8.000 золотыхъ, въ надеждѣ сорвать гораздо большій кушъ съ лицъ, державшихъ пари. Конечно, этотъ отказъ объяснялся не честностью Дэона, а тѣмъ простымъ обстоятельствомъ, что въ случаѣ освидѣтельствованія онъ оказался бы мужчиной, и сдѣлка съ французскимъ правительствомъ потеряла бы свою законную силу. Не зная этой причины, Бомарше вышелъ изъ себя, а Дэонъ публично послалъ его къ чорту и порвалъ всякія отношенія съ нимъ. Затѣмъ они стали злобно переписываться и всячески мстить другъ другу. Бомарше побудилъ авантюриста Мо-

ранда, который шантажировалъ своими памфлетами, напечатать злобную сатиру на Дэона, а Дэонъ публично уличилъ Бомарше въ желаніи обмошенничать лицъ, державшихъ пари относительно пола Дэона, а вмѣстѣ съ тѣмъ написалъ Вержену и другимъ знатнымъ лицамъ во Франці самыя жестокия обличенія «милаго, но скупого Карона», которому, по его словамъ, слѣдовало бы называться не Beaumarchais, а Bonmarché ¹⁾).

Снова прошли мѣсяцы, и Дэонъ продолжалъ тщетно вести переговоры уже письменно съ Верженомъ, который настаивалъ на исполненіи договора, подъ угрозой прекращенія ренты. Дѣлать было нечего, приходилось надѣть ненавистное и имъ же самимъ себѣ навязанное женское платье. 6-го августа 1777 года онъ впервые появился въ лондонскихъ гостиныхъ въ нарядномъ женскомъ костюмѣ съ брильянтовымъ головнымъ уборомъ. На слѣдующій день Дэонъ задалъ прощальный банкетъ своимъ пріятелямъ, а 13-го августа выѣхалъ изъ Лондона въ дормезѣ, запряженномъ четверкою, но снова въ костюмѣ драгунскаго офицера. Эта новая выходка и напечатанное имъ въ лондонскихъ газетахъ заявленіе, что онъ сожалѣетъ о скандалахъ, возбужденныхъ лицами, державшими пари насчетъ его пола, что онъ никогда не принималъ участія въ этихъ скандалахъ и что никогда не подвергнетъ себя медицинскому осмотру,—произвели новый скандалъ, тѣмъ болѣе, что заявленіе было снова подписано: «Кавалеръ Дэонъ». Такимъ образомъ, англичане, за отѣздомъ Дэона, остались въ невѣдѣніи, кто же онъ именно: мужчина или женщина, а потому пари продолжались попрежнему, и возбужденные въ судахъ иски оставались безъ удовлетворенія, такъ какъ судьи считали недостаточнымъ имѣвшіяся доказательства принадлежности Дэона къ женскому полу.

Какъ бы то ни было, Дэонъ уѣхалъ изъ Англій, благополучно устроивъ дѣла со своими кредиторами, которые долго не хотѣли его отпускать. Заключивъ сдѣлку съ Бомарше, онъ надѣялся раздѣлаться съ кредиторами тѣми деньгами, которыя находились у лорда Феррерса, но когда онъ потребовалъ эти деньги, то получилъ лишь 1.625 фунтовъ стерлинговъ, а остальные 3.000 лордъ Феррерсъ потерялъ въ неудачной спекуляціи. Конечно, онъ выдалъ Дэону вексель на означенную сумму, но все-таки обманъ Дэономъ Бомарше не увѣнчался въ концѣ концовъ успѣхомъ. Ему пришлось отдать своимъ кредиторамъ не только имѣвшіяся у него деньги, но и вексель лорда Феррерса подъ закладъ и свой погребъ съ хорошими винами для продажи.

¹⁾ Это не переводимый каламбуръ, такъ какъ первое слово означаетъ прекрасный рынокъ, а второе—дешевый рынокъ.

VII.

Съ прїѣзда Дэона во Францію начинается новая эпоха въ его жизни, и въ продолженіе 8-ми лѣтъ, проведенныхъ имъ на родинѣ, блестящій кавалеръ Дэонъ ступшевывается, и его мѣсто занимаетъ скромная кавалерша Дэонъ. Правда, къ Вержену онъ явился въ офицерскомъ драгунскомъ мундирѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что у него не было женскаго платья, а когда министръ приказалъ ему во что бы то ни стало одѣться женщиной, то Марія-Антуанетта, узнавъ объ этомъ, велѣла своей портнихѣ, г-жѣ Бертенъ, сдѣлать для кавалерши Дэонъ такое приданое, какого хватило бы на четырехъ дѣвицъ, выходящихъ изъ сенъ-сирскаго училища. Затѣмъ Дэонъ еще въ военномъ мундирѣ съѣздилъ къ своей старухѣ-матери въ Тоннеръ, гдѣ весь городъ устроилъ въ честь его праздникъ, и, наконецъ, онъ превратился уже навсегда въ женщину.

Появленіе Дэона въ женскомъ платьѣ въ Парижѣ и Версали произвело большой эффектъ, и толпы любопытныхъ слѣдовали всюду за нимъ. Хотя онъ увѣряетъ, что представлялся ко двору, но нѣтъ никакихъ доказательствъ, что это представленіе состоялось, и оно тѣмъ менѣе вѣроятно, что въ то время, къ которому онъ относитъ это событіе, двора не было въ Версалѣ. Достоверно одно, что Марія-Антуанетта приказала Вержену представить ей Дэона, но въ послѣднюю минуту передъ аудіенціей Вержень сказалъ ей что-то, заставившее ее, по словамъ г-жи Кампанъ, отказаться отъ удовлетворенія своего любопытства. Что именно сказалъ Вержень, — неизвѣстно: одни полагаютъ, что онъ обличилъ Дэона въ обманномъ присвоеніи себѣ женскаго пола, а другіе, — и это гораздо вѣроятнѣе, — что онъ разсказалъ ей скандальную исторію съ Герши и намекнулъ на сумасшествіе «кавалера-амфибіи», какъ его называли тогда всѣ въ Парижѣ. Точно также ничѣмъ не доказано представленіе Дэона Людовику XVI, хотя объ этомъ говорилъ тогда весь Версаль, утверждая, что король обошелся съ нимъ очень любезно, а онъ представилъ королю недостававшіе документы изъ тайной переписки Людовика XV.

Во всякомъ случаѣ, Дэонъ, проживъ нѣсколько времени въ Версалѣ у Женэ, старшаго чиновника министерства иностранныхъ дѣлъ, котораго онъ зналъ въ лучшіе дни своей жизни, поселился въ одномъ изъ предмѣстій Версаля, Маломъ Монтрелѣ, гдѣ велъ самую скромную жизнь. Однако, онъ все-таки не хотѣлъ забыть прошедшее и сталъ писать безконечныя письма и печатать памфлеты противъ Бомарше, обвиняя его въ присвоеніи тѣхъ денегъ, которыя правительство выдало ему для передачи Дэону. Сначала Бомарше отвѣчалъ также рѣзко и упрекалъ Дэона въ неблагодарности, а затѣмъ напечаталъ выданное ему Верженомъ свидѣ-

тельство о томъ, что онъ въ этомъ дѣлѣ велъ себя безупречно, не взялъ даже ни гроша въ уплату своихъ личныхъ расходовъ по дѣлу Дэона и представилъ не только полный отчетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, но и въ оставшихся у него деньгахъ. Но Дэонъ все не унимался, и наконецъ Верженъ обѣщалъ Бомарше принять рѣшительныя мѣры, что онъ, вѣроятно, и сдѣлалъ, такъ какъ въ февралѣ 1778 года эта неприличная полемика неожиданно прекратилась.

Въ это самое время въ Парижъ пріѣхалъ Вольтеръ послѣ долгого изгнанія и сдѣлался, какъ извѣстно, предметомъ самыхъ восторженныхъ овацій. Въ предыдущемъ году онъ писалъ одному изъ своихъ пріятелей, что рѣшительно не понимаетъ «всей исторіи съ Дэономъ, ни его самого, ни Людовика XV, ни тогдашняго министерства, ни теперешняго», а потому, узнавъ о пребываніи кавалера-амфибіи въ Версалѣ, онъ естественно заявилъ желаніе видѣть его. Это свиданіе состоялось 12-го марта, и въ мемуарахъ Башомона говорится: «Эта знаменитая женщина, посѣтившая нашего патріарха, возбудила не менѣе любопытства, чѣмъ онъ самъ. Всѣ слуги въ домѣ собрались, чтобы взглянуть на нее. Однако она какъ будто стыдилась, прятала свой носъ въ муфту и смотрѣла исподлобья. Ея визитъ былъ очень краткій». Самъ Вольтеръ на другой день писалъ графу Аржанталю: «Это славная загадка для исторіи. Какая нибудь академія докажетъ совершенную подлинность ея женскаго пола, и Дэонъ будетъ Орлеанской дѣвой, спасшейся съ костра».

Дѣйствительно, кавалерша, Дэонъ только и жаждала, чтобы сдѣлаться новой Жанной Д'Аркъ. Какъ только война между Англіей и Франціей возобновилась ради освобожденія Америки, Дэонъ заявилъ желаніе принять въ ней участіе, а маршалъ Бролья согласился взять его въ свой штабъ, если только министерство позволитъ ему носить драгунскій мундиръ. Но этого разрѣшенія не послѣдовало. Онъ, однако, не успокоился, и когда въ Брестѣ собрался флотъ подъ начальствомъ графа Орвилье, съ цѣлью сдѣлать высадку на англійскіе берега, то Дэонъ представилъ просьбу о принятіи его волонтеромъ. Но и въ этомъ ему отказали. Наконецъ, узнавъ о смерти лорда Феррерса, онъ хотѣлъ поѣхать въ Лондонъ для устройства своихъ дѣлъ, и тутъ министерство не выдало ему паспорта. Тогда Дэонъ пришелъ въ отчаяніе и, бросивъ ненавистный ему женскій костюмъ, снова надѣлъ офицерскій мундиръ. Ему пришлось за это очень дорого поплатиться, и онъ просидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Дижонской крѣпости.

Выпущенный на свободу Дэонъ вернулся въ Парижъ въ маѣ 1779 года и снова сдѣлался предметомъ уличнаго любопытства, тѣмъ болѣе, что онъ никакъ не могъ привыкнуть къ своей новой одеждѣ и постоянно позволялъ себѣ самыя

странныя выходки. Такъ, одинъ современный англичанинъ, помѣстившій разсказъ о своемъ посѣщеніи въ то время Парижа въ «Gentleman's magazine», разсказываетъ характерный о немъ анекдотъ. Однажды въ гостиниѣ какая-то дама спросила Дэона: «Если я не ошибаюсь, когда вы были мужчиной, то у васъ была красивая нога»? На это Дэонъ, быстро приподнявъ свои юбки, отвѣчалъ: «Чортъ возьми, вотъ она, если это васъ интересуесть». По словамъ туриста, кавалерша Дэонъ отличалась красивымъ бюстомъ, приятнымъ голосомъ, бѣлизною лица и странной деревенской манерой кланяться, быстро сгибаая колѣни.

Служить предметомъ любопытства зѣвакъ надоѣло кавалершѣ Дэонъ, и, посѣтивъ нѣсколько монастырей, она и тамъ не ужилась. Въ концѣ концовъ, бывшему драгунскому офицеру показалось, что лучше всего искать убѣжища на родинѣ, и онъ поселился въ Тоннерѣ, гдѣ и прожилъ спокойно около пяти лѣтъ. Повидимому, земляки Дэона не поддались обману и продолжали его считать мужчиной, тѣмъ болѣе, что онъ каждый день приходилъ бриться къ мѣстному брадобрею, по имени Букэну, который еще былъ живъ въ 1836 году и охотно разсказывалъ о томъ, какъ кавалеръ Дэонъ посѣщалъ его и по временамъ просилъ заложить его золотую табакерку съ портретомъ Людовика XV.

Послѣ заключенія мира между Франціей и Великобританіей, Дэону разрѣшили отправиться въ Англію, и въ концѣ 1785 года онъ вернулся въ Лондонъ, откуда уже не выѣзжалъ до своей смерти, за исключеніемъ краткихъ поѣздокъ по англійскимъ провинціальнымъ городамъ. Хотя онъ постоянно жаловался во Франціи на женскую одежду, но, очутившись въ Англии, онъ остался ей вѣренъ, вѣроятно, изъ боязни, чтобы французское правительство не прекратило ему пенсіи. Конечно, первымъ его дѣломъ было привести въ порядокъ свои дѣла съ лордомъ Феррерсомъ. Но его должникъ умеръ, а его братъ, новый лордъ, постоянно отсрочивалъ ему платежъ и наконецъ совершенно отказался отъ него. Но его сынъ, лордъ Тамвортъ, оказался болѣе добросовѣстнымъ и даже далъ средства Дэону, чтобы начать процессъ, который и былъ имъ выигранъ. Но вскорѣ и этотъ лордъ Феррерсъ умеръ, а его сынъ, наслѣдовавъ отцу, совершенно перемѣнился и не хотѣлъ ничего знать о старыхъ долгахъ. У Дэона же не было средствъ возобновить процессъ, стоящій въ Англии дорого, и такимъ образомъ эти деньги пропали. Его обманъ въ концѣ концовъ не принесъ ему никакой пользы.

Около этого времени Дэона видѣлъ въ англійскомъ обществѣ Вальполь и увѣряетъ, что онъ въ женскомъ платьѣ казался очень «вульгарнымъ и слишкомъ шумнымъ», а также не носилъ ни перчатокъ, ни муфты, «что было не прилично». Въ 1787 году былъ въ Лондонѣ знаменитый кавалеръ Сенъ-Жоржъ, одинъ изъ

лучшихъ бойцовъ на рапирахъ своего времени. Принцъ Уэльскій устроилъ въ Карльтонгаузѣ сеансъ фехтованія, на которомъ Сень-Жоржъ долженъ былъ показать свое искусство. Дэонъ присутствовалъ при этомъ и былъ избранъ вмѣстѣ съ его пріятелемъ Анджело въ судьи, но онъ такъ увлекся зрѣлищемъ, что предложилъ помѣриться силами съ знаменитымъ бойцомъ. «Хотя кавалерша Дэонъ, говорилось на другой день въ одной лондонской газетѣ, была въ платьѣ и двухъ юбкахъ, но она не только отпарировала всѣ удары своего опаснаго соперника, но дотронулась до него своей рапирой». Выказанное Дэономъ необыкновенное искусство въ фехтованіи возбудило вниманіе всего Лондона, тѣмъ болѣе, что ему уже минуло тогда 59 лѣтъ, а Сень-Жоржъ былъ молодой, здоровенный мулатъ и славился во всемъ свѣтѣ своей ловкостью, поэтому, когда онъ явился вторично на фехтовальномъ праздникѣ, устроенномъ принцемъ Уэльскимъ въ королевскомъ театрѣ, то вся зала была переполнена избранной публикой, восторженно рукоплескавшей кавалершѣ, которая на этотъ разъ была одѣта Минервой или Іоанной Д'Аркъ, въ латахъ и каскѣ съ перьями. Вскорѣ оказалось, что кавалерша была также искуснымъ игрокомъ въ шахматы, и въ лондонскомъ шахматномъ клубѣ играла партію съ ловкимъ Филидоромъ, обыгрывавшимъ Жанъ-Жака Руссо и Дидеро. Чѣмъ кончился этотъ поединокъ, не извѣстно, но онъ происходилъ публично, и съ зрителей брали за входъ по 5 шиллинговъ.

Однако, положеніе Дэона становилось критическимъ, въ виду неполученія денегъ съ лорда Феррерса и усилившихся требованій кредиторовъ, но пріятели съ принцемъ Уэльскимъ во главѣ открыли въ его пользу подписку, которая дала 465 фунтовъ стерлинговъ, а устроители тогдашнихъ свѣтскихъ баловъ и праздниковъ въ Рanela дали ему бенефисъ. Благодаря этой помощи, Дэонъ кое-какъ существовалъ до 1792 года, когда большая часть его драгоценныхъ вещей была продана за долги. Около этого времени, благодаря революціи во Франціи, онъ пересталъ получать свою пенсію и сталъ существовать, только благодаря содѣйствію друзей и публичнымъ сеансамъ фехтованія. Эти сеансы устраивались не только имъ въ театрахъ, клубахъ и частныхъ домахъ Лондона, но и въ провинціальныхъ городахъ, какъ, напримѣръ, въ Бирмингамѣ, Оксфордѣ, Саутгемптонѣ и т. д. Однако, онъ все-таки не унывалъ, несмотря на свое печальное положеніе, и, гордо называя себя гражданкой Женевьевой, Дэонъ два раза предлагалъ французской республикѣ свои услуги въ качествѣ волонтера. Повидимому, его предложеніе было принято сочувственно, но онъ не могъ отправиться во Францію за неимѣніемъ средствъ и въ виду препятствій со стороны кредиторовъ.

Наконецъ, въ 1796 году, въ одномъ фехтовальномъ сеансѣ рапира соперника Дэона, сломавшись, вонзилась въ его правую руку

и нанесла такую тяжелую рану, что онъ нѣсколько мѣсяцевъ пролежалъ въ постелѣ, и когда оправился, то все-таки не могъ владѣть ею. Послѣдующіе годы были проведены имъ среди нищеты и болѣзненныхъ припадковъ. Кое-когда ему помогали старые приятели, и между прочимъ герцогъ Квинсберри платилъ ему ежегодную пенсію въ 500 фунтовъ стерлинговъ. Все это время онъ продолжалъ носить женское платье, такъ какъ, еслибы онъ признался въ своемъ обманѣ, то окончательно оттолкнулъ бы отъ себя послѣднюю помощь. Къ счастью бѣднаго больного, за нимъ ухаживала замѣчательная своей добротой француженка, г-жа Коль, у которой онъ жилъ на квартирѣ. По ея словамъ, вся его жизнь теперь заключалась «въ снѣ, ѣдѣ, питѣ, молитвѣ и женскихъ рукодѣліяхъ». Такимъ образомъ, онъ печально влачилъ свою нѣкогда блестящую жизнь до 10-го мая 1810 года, когда онъ спокойно умеръ 82-хъ лѣтъ, изъ которыхъ 48 онъ считался мужчиной, а 34—женщиной.

Послѣ его смерти весь Лондонъ и всѣ его знакомые, а наиболѣе всѣхъ добрая г-жа Коль, пришли въ изумленіе. Медицинскимъ вскрытіемъ было удостовѣрено въ присутствіи не только докторовъ, но и многихъ знатныхъ лицъ, что покойникъ былъ дѣйствительно мужчиной, и что всѣ его органы находились въ полномъ порядкѣ. Этотъ актъ, засвидѣтельствованный французскимъ консуломъ, барономъ Сегье, не подлежитъ сомнѣнію. Тѣло Дэона было похоронено при лондонской церкви св. Панкратія, и хотя его могила исчезла со многими другими 25 лѣтъ тому назадъ, при проведеніи полотна средне-англійской желѣзной дороги, но его имя видѣется на общемъ памятникѣ, поставленномъ въ честь всѣхъ, когда-то похороненныхъ въ этой мѣстности.

«Наша задача окончена»,—говоритъ Вицетелли въ заключеніе своего интереснаго труда, который, по всей вѣроятности, останется окончательной біографіей Дэона. Вполнѣ исчерпавъ всѣ имѣющіеся матеріалы и удовлетворительно разрѣшивъ всѣ вопросы, возбуждаемые жизнью одного изъ самыхъ характерныхъ авантюристовъ XVIII вѣка, она даетъ возможность наконецъ сдать въ архивъ эту, по словамъ Вольтера, «славную загадку исторіи», какъ уже не представляющую ничего таинственнаго и неразгаданнаго.

В. Тимирязевъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Извѣстія Русскаго археологическаго института въ Константинополѣ. V. Одесса. 1900.

ПЯТЫЙ томъ «Извѣстій», издаваемыхъ русскимъ ученымъ учрежденіемъ въ Константинополѣ, подъ редакціей его директора Ѳ. П. Успенскаго, заключаетъ въ себѣ три ученые работы.

На первомъ мѣстѣ здѣсь находится статья профессора Ѳ. П. Успенскаго подъ заглавіемъ: «Мнѣнія и постановленія константинопольскихъ помѣстныхъ соборовъ XI и XII вѣковъ о раздачѣ церковныхъ имуществъ (харистикаріи)» (стр. 1—48). Здѣсь рѣчь идетъ о существовавшемъ въ Византіи обычаѣ раздавать монастырскія и церковныя земли въ аренду свѣтскимъ лицамъ на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, съ цѣлю извлеченія изъ нихъ большихъ выгодъ, безъ приложенія личнаго труда. Такая система хозяйственнаго управленія возникла съ конца X вѣка и называлась харистикарною, а лица, получавшія въ аренду монастырскія и церковныя земли, получили имя харистикаріевъ. Развившись для удовлетворенія хозяйственныхъ потребностей церкви и вполне соотвѣтствуя ея нуждамъ въ дѣлѣ хозяйственнаго управленія, харистикаратъ съ теченіемъ времени оказался вреднымъ для интересовъ церкви, потому что харистикаріи старались возможно болѣе эксплуатировать монастыри, церкви и ихъ владѣнія въ свою пользу, поселялись въ монастыряхъ со своими семьями и слугами, устраивали здѣсь иррешества, получали власть надъ игуменомъ монастыря, управляли по своему желанію дѣлами монастырей и постепенно приводили ихъ въ полное разореніе. Въ виду этого, церковная власть, не имѣя собственныхъ средствъ для борьбы съ положеніемъ дѣла, созданнымъ обычаемъ и практикой, въ первой половинѣ

XI вѣка стала искать помощи у свѣтскаго правительства. Однако свѣтская власть не противодѣйствовала развитію харистикарной системы и даже оказывала ей поддержку, потому что въ XI вѣкѣ она пришла къ мысли искать въ пожалованіи монастырскихъ и церковныхъ земель служилымъ людямъ средства для удовлетворенія самыхъ настоятельныхъ потребностей государства. Въ византологической наукѣ давно обслѣдованъ вопросъ о харистикарной системѣ въ управленіи церковными имуществами, на основаніи нѣкоторыхъ литературно-историческихъ данныхъ. Но Ѳ. И. Успенскому удалось открыть новые матеріалы относительно этого предмета, найденные имъ въ греческой рукописи XIII вѣка № 100 Охридской митрополіи и содержаще въ себѣ постановленія константинопольскихъ соборовъ 1071, 1107 и 1163 годовъ. Постановленія состоялись по поводу жалобъ на злоупотребленія харистикаріевъ, возбужденныхъ предъ константинопольскою патріархіей митрополитами—кизическимъ Константиномъ, ираклійскимъ Михаиломъ и аѳонскимъ Никитою. Эти постановленія не уничтожили совершенно харистикарной системы, но лишь урегулировали отношенія между монастырями и церквами съ одной стороны и арендаторами ихъ земель съ другой. Ѳ. И. Успенскій въ своей статьѣ представилъ въ греческомъ подлинникѣ и русскомъ переводѣ шесть новыхъ документовъ, далъ обстоятельный анализъ ихъ содержанія и выяснилъ ихъ значеніе. Статья важна не только для исторіи византійскихъ монастырей, но и для характеристики землевладѣнія въ Византіи.

Вторая работа принадлежит молодому ученому А. А. Васильеву и заключается въ себѣ греческій текстъ житія Филарета Милостиваго, жившаго въ VIII столѣтіи (стр. 49—86). Житіе заимствовано изъ греческой рукописи отъ XII вѣка, находящейся подъ № 1510 въ Парижской Національной библиотекѣ. Текстъ житія предваренъ предисловіемъ, въ которомъ изложено его содержаніе, и сдѣланы нѣкоторыя историческія замѣчанія.

На третьемъ мѣстѣ въ разсматриваемомъ томѣ «Извѣстій» находится обширное изслѣдованіе М. Г. Попруженка подъ заглавіемъ: «Синодикъ царя Бориса» (стр. 1—175+55). Этотъ синодикъ давно признанъ памятникомъ славянской старины, замѣчательнымъ въ разныхъ отношеніяхъ, въ частности— историческомъ. Онъ сохранился до нашего времени въ двухъ спискахъ, одинъ изъ которыхъ находится въ болгарской народной библиотекѣ въ Софіи (№ 55), а другой— въ частномъ владѣніи профессора М. С. Дринова. Г. Попруженко воспользовался для своей работы фотографическимъ снимкомъ Софійскаго списка памятника, предоставленнымъ въ его распоряженіе Ѳ. И. Успенскимъ. Его трудъ состоитъ изъ введенія, самаго изслѣдованія о Синодикѣ и приложеній.

Во введеніи (стр. I—XV) даются общія свѣдѣнія о «Синодикѣ царя Бориса», излагается содержаніе сборника № 55 народной библиотеки въ Софіи, и указывается его значеніе для изученія дѣятельности терновскаго патріарха Еввимія.

Изслѣдованіе состоитъ изъ трехъ главъ. Въ первой главѣ (стр. 1—62) содержатся замѣчанія о языкѣ софійскаго списка Синодика, опредѣляется отношеніе списковъ этого памятника— софійскаго и профессора Дринова—

между собою и къ текстамъ русскому и сербскому, говорится о способахъ и приемахъ перевода Синодика и указывается лексикальный составъ языка этого памятника. Во второй главѣ (стр. 63—118) содержатся замѣчанія о составѣ статей Синодика и опредѣляется значеніе его, какъ памятника литературной дѣятельности въ Болгаріи въ XIII—XIV вѣкахъ. Въ главѣ третьей (стр. 117—171) синодикъ разсматривается въ качествѣ источника для изученія внутренней жизни Болгаріи, а также опредѣляется его значеніе для изученія Богомилской ереси. Въ заключеніе изслѣдованія (стр. 171—175) г. Попруженко такъ опредѣляетъ значеніе Синодика царя Бориса. Болгарія рано выступила на путь культурной жизни среди балканскихъ славянъ и быстро заявила свою самостоятельность въ области духовной жизни. Но ея просвѣтительная дѣятельность выразилась прежде всего въ воспріятіи болгарскимъ народомъ различныхъ рационалистическихъ ученій, первоначально возникшихъ въ Византіи, и въ самостоятельной переработкѣ этихъ ученій. Къ началу XIII вѣка Болгарія уже явилась страной, духовная жизнь коей оказывала вліяніе даже на болѣе культурный западъ. Къ этому времени въ ней вполне ясно опредѣлились разногласія между представителями церкви, которые стремились неизмѣнно господствовать надъ всеми проявленіями духа народнаго и самимъ народомъ, который сталъ скептически относиться къ церковной іерархіи и ея дѣятельности. Свѣтская власть стояла на сторонѣ духовенства. Вслѣдствіе этого и явилась для церкви необходимость официально признать людьми вредными и опасными представителей противныхъ партій, при чемъ оказалось удобнымъ выступить противъ нихъ съ обвиненіями преимущественно въ проступкахъ противъ церкви, какъ хранительницы чистоты православія. Результатомъ такой борьбы и явился Синодикъ царя Бориса, который въ силу этого отразилъ въ себѣ главнѣйшіе моменты рационалистической жизни Болгаріи въ XIII—XIV вѣкахъ и борьбы съ нею со стороны православной церкви. Въ этомъ и заключается значеніе памятника, какъ источника для изученія внутренней жизни Болгаріи указанного времени. Синодикъ весьма важенъ и съ чисто литературной стороны, такъ какъ даетъ возможность судить о состояніи письменности въ Болгаріи въ такое время, отъ котораго сохранилось мало цѣльныхъ памятниковъ, и свидѣтельствуетъ о способности болгарскихъ писцовъ XIII—XIV вѣковъ съ успѣхомъ заниматься переводами сложныхъ греческихъ памятниковъ и умѣло дѣлать лѣтописныя записи и компіляціи.

Въ приложеніи къ изслѣдованію г. Попруженка (стр. 1—55) помѣщены три статьи славянскихъ текстовъ, имѣющихъ отношеніе къ Синодику царя Бориса.

Изслѣдованіе г. Попруженка посвящено предмету весьма важному въ разныхъ отношеніяхъ. Но, не касаясь спеціально-филологической стороны въ работѣ нашего автора,—языка Синодика, взаимоотношенія его текста въ разныхъ спискахъ, происхожденія составляющихъ его статей и т. п., должно замѣтить, что г. Попруженко нѣсколько преувеличиваетъ значеніе Синодика для изученія Богомилскаго еретическаго движенія. Г. Попруженко полагаетъ, что Синодикъ, представляя для изученія богомилства официальные данныя, занимаетъ первенствующее мѣсто въ ряду другихъ источниковъ, дающихъ мате-

ріалы для раскрытія богомильства, и содержитъ въ себѣ и историческія указанія объ ереси, и догматическія, и касающіяся внѣшней стороны въ жизни еретиковъ. Намъ кажется, что авторъ несправедливо превозноситъ Синодикъ, въ ущербъ «Паноплии» византійскаго писателя Евѣимія Зигабена и «Бесѣды на богомиловъ» Косьмы Пресвитера. Правда, Евѣимій говоритъ только о богомильскомъ движеніи въ Византійской имперіи въ царствованіе Алексѣя I Комнина и не упоминаетъ о болгарскихъ богомилахъ, но и Синодикъ лишь просто упоминаетъ о появленіи въ Болгаріи ереси богомиловъ при царѣ Петрѣ, заимствуя свои свѣдѣнія у Косьмы, и о Василии врачѣ, заимствуя это у Зигабена. Съ другой стороны, Косьма Пресвитеръ въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ словъ излагаетъ и догматическія положенія богомиловъ, не уступающія по своему значенію такимъ же положеніямъ Синодика. Поэтому болѣе правильнымъ нужно признать тотъ взглядъ, что всѣ указанные источники содержатъ въ себѣ матеріалы для исторіи ереси догматическихъ воззрѣній еретиковъ и внѣшняго ихъ поведенія, съ тѣмъ лишь различіемъ, что Синодикъ, заключающій въ себѣ опредѣленія Тырновскаго собора, отличается краткостью своихъ свидѣтельствъ и уступаетъ въ богатствѣ данныхъ другимъ источникамъ, каковы сочиненія Евѣимія Зигабена и Косьмы Пресвитера. Σ.

Сборникъ учено-литературнаго общества при императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ. Томъ III. Юрьевъ. 1900.

Названный «Сборникъ» есть не что иное, какъ періодическій (выходитъ однажды въ годъ) литературный органъ ученаго общества въ Юрьевѣ. Настоящій, третій томъ представляетъ собою плоды трудовъ этого молодого общества за третій годъ его существованія. Официальная часть «Сборника» и знакомитъ насъ съ состояніемъ общества за этотъ годъ и съ его—нельзя сказать, чтобы очень плодотворною—научною дѣятельностію. Общество состоитъ изъ 70 членовъ, что для такого маленькаго города, каковъ Юрьевъ, немало. Въ теченіе года въ засѣданіяхъ общества было прочитано членами его восемь докладовъ, да еще въ особой секціи общества—въ педагогическомъ отдѣленіи (имѣющемъ и особый составъ членовъ—64 человекъ), было прочитано шесть докладовъ.

Въ неофициальной части «Сборника» напечатаны нѣкоторые изъ этихъ докладовъ, именно: 1) профессора А. С. Будиловича—«Нѣсколько данныхъ и сообщеній объ успѣхахъ русскаго языка въ Юрьевскомъ (бывшемъ Дерптскомъ) университетѣ въ истекающемъ столѣтіи»; 2) того же автора «Памяти Н. А. Лавровскаго» (съ портретомъ Н. А. Лавровскаго); 3) Н. И. Иванова—«Педагогическіе труды Н. А. Лавровскаго»; 4) И. С. Продана—«О памяти въ связи съ современными психологическими теоріями и изслѣдованіями» и 5) профессора М. Е. Красножена—«Отношеніе русской церковной и государственной власти къ иноврѣщамъ».

Исторія Юрьевскаго (бывшаго Дерптскаго) университета еще, какъ извѣстно, не написана. Многіе документы, касающіеся этой исторіи, лежатъ еще погребенныя.

банными въ архивахъ. На основаніи главнымъ образомъ такихъ архивныхъ данныхъ (актовъ университетскаго архива) и составлена «рѣчь» А. С. Будиловича «объ успѣхахъ русскаго языка въ Юрьевскомъ университетѣ». Автора, извѣстнаго ученаго филолога и ректора Юрьевскаго университета, нельзя не назвать компетентнымъ въ данномъ вопросѣ. Его статья рисуетъ передъ нами много очень характерныхъ сторонъ въ исторіи Дерптскаго университета. До послѣдняго времени, до конца 80-хъ годовъ, въ Дерптскомъ университетѣ господствовало замѣчательное «невѣжество по русскому языку». Такими именно словами докладывалъ въ совѣтъ университета профессоръ Нейманъ въ 1819 году, иллюстрируя подробнѣе свою мысль такимъ образомъ: «изъ десяти студентовъ врядъ ли найдется одинъ, хотя бы посредственно лишь знающій русскій языкъ, а основательное съ нимъ знакомство врядъ ли окажется у одного изъ 20 студентовъ». По словамъ самого автора доклада, до послѣдняго времени въ средѣ нашихъ врачей, юристовъ, учителей, названіе «*dogratensis*» было почти синонимомъ невѣжды въ русскомъ языкѣ... Профессора въ этомъ отношеніи мало уступали студентамъ. Въ 1812-мъ году министръ народнаго просвѣщенія, графъ Разумовскій, предписывалъ совѣту Дерптскаго университета «сноситься съ нимъ на болѣе правильномъ русскомъ языкѣ». Даже изъ среды профессоровъ русской исторіи и географіи нѣкоторые совсѣмъ не знали русскаго языка (напримѣръ, бывшій здѣсь профессоромъ саксонскій географъ, Гаспари). Характеренъ также и тотъ фактъ, что съ самаго основанія университета вплоть до 1870 года (т.-е. въ теченіе 68 лѣтъ) Дерптскимъ университетомъ ниразу не была присуждена степенъ кандидата русской словесности. Въ 1870 году цѣлая коллегія дерптскихъ профессоровъ дважды пыталась подать государю императору прошеніе, гдѣ между прочимъ писала: «университетъ только тогда можетъ успѣшно и съ истинною преданностію къ дѣлу выполнять свое высокое назначеніе, когда всѣ органы управленія его будутъ, сообразно съ уставомъ, избираемы исключительно только изъ числа профессоровъ, когда имъ даровано будетъ право сноситься, въ дѣлахъ университета, между собою и съ своимъ непосредственнымъ начальствомъ на томъ языкѣ, на которомъ единственно они привыкли думать и давать истинное и прямое выраженіе своимъ мыслямъ».

Тому же автору, А. С. Будиловичу, принадлежитъ и другая напечатанная въ «Сборникѣ» «рѣчь» — «Памяти Н. А. Лавровскаго». Здѣсь довольно всесторонне разсматривается вся многообразная дѣятельность покойнаго попечителя и отчасти его славянофильскія убѣжденія, — главнымъ образомъ на основаніи личнаго знакомства: докладчикъ былъ сослуживцемъ Н. А. Лавровскаго въ теченіе почти 25 лѣтъ. Дальше, Н. И. Ивановъ разсматриваетъ подробнѣе одну сторону дѣятельности покойнаго педагога, администратора и ученаго филолога, именно «педагогическіе труды Н. А. Лавровскаго», при чемъ попутно также сообщаетъ нѣсколько воспоминаній о покойномъ.

Обширный «критическій этюдъ» П. С. Продана «О памяти въ связи съ современными психологическими теоріями и изслѣдованіями» напечатанъ еще не весь. Въ напечатанной части излагаются различныя теоріи памяти, какъ древнихъ, такъ и новыхъ мыслителей.

Статья профессора М. Е. Красножена «Отношеніе русской церковной и государственной власти къ иновѣрцамъ» пространно доказываетъ ту мысль, что православная русская церковь всегда видѣла въ иновѣрцахъ своихъ ближнихъ и съ самаго ранняго времени относилась къ нимъ съ замѣчательною вѣротерпимостію. Когда на Западѣ господствуютъ ожесточенныя религіозныя войны, мрачныя ауто-да-фе и варооломеевскія ночи, на Руси даже Іоаннъ Грозный является въ высшей степени вѣротерпимымъ (напримѣръ, въ своемъ отношеніи къ покореннымъ жителямъ Дарита въ 1558 году). Нѣкоторое исключеніе представляетъ отношеніе московской Руси къ католикамъ, но оно вызвано было тѣми гоненіями за православную вѣру, какимъ подвергались православные, подпавшіе подъ власть Литвы и Польши. Д. З.

Хрущовъ, И. П. Бесѣды о древней русской литературѣ. (Общество ревнителей русской историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III). Спб. 1900.

Въ предисловіи къ этому труду можно найти подробныя и любопытныя свѣдѣнія и о книгѣ и объ ея авторѣ. Беремъ существенное. Книга — не учебникъ. «Бесѣды» вызваны желаніемъ небольшого кружка образованныхъ лицъ ознакомиться съ исторіей отечественной литературы. Онѣ были изданы въ 1872 году въ приложеніи къ журналу «Семейные вечера, старшій возрастъ» и были распространены въ оттискахъ. Въ ученыхъ статьяхъ были ссылки на нихъ, были благосклонные отзывы. Несмотря на это, авторъ не рѣшался переиздать, ибо онъ придавалъ большее значеніе университетскому курсу. Въ 1897 году покойный академикъ К. Н. Вестужевъ-Рюминъ (у автора были съ нимъ сношенія по поводу изданія сочиненій Щербатова) напомнилъ о «Бесѣдахъ» и убѣждалъ издать ихъ вновь. Авторъ задумалъ пересмотрѣть «Бесѣды», но служба отнимала у него все время, и только теперь, когда онъ получилъ въ удѣлъ свободное отъ служебныхъ занятій время, онъ выпустилъ свой трудъ. Онъ заявляетъ, что книга переработана и дополнена, но самый планъ и большею частью содержаніе остались неприкосновенными. Затѣмъ авторъ сообщаетъ читателю объ отдѣлахъ своей книги и указываетъ на тѣ прелести, которыя предлагаетъ ему каждый изъ отдѣловъ. Когда читатель познакомится съ первымъ отдѣломъ, передъ нимъ «раскроются источники древняго русскаго просвѣщенія въ ихъ значеніи, а частью и въ красотѣ ихъ художественной формы». Въ четвертомъ отдѣлѣ читателя поразитъ «образныя живыя характеристики». Для специалистовъ авторъ «Бесѣдъ» бросаетъ замѣчаніе, что передъ нимъ былъ раскрытъ матеріалъ ученыхъ изданій источниковъ (неужели нужно ставить себѣ въ заслугу знакомство съ источниками?) и наиболѣе замѣтныхъ трудовъ изслѣдователей. Болѣе всего почерпнулъ авторъ изъ «Очерковъ» Ѳ. П. Буслаева, «Исторіи древней литературы» А. Н. Пыпина и «Исторіи Россіи» С. М. Соловьева. Ссылки на ученые статьи, а также на свои собственные изслѣдованія авторъ не дѣлаетъ: ссылки не цѣлесообразны въ популярной книгѣ. Между прочимъ, авторъ надѣется, что его книга послужитъ облегче-

ніемъ и при обязательныхъ занятіяхъ учащихся старшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній.

Обратимся къ самой книгѣ. На 330 страницахъ въ 16-ую долю листа авторъ знакомитъ читателя съ литературой до монгольскаго періода, дѣлаетъ обзоръ литературы средняго періода, переходитъ затѣмъ къ народной устной словесности и заканчиваетъ отдѣломъ, который названъ имъ «отъ стараго къ новому» и касается повѣсти о Горѣ-Злочастѣ, сочиненій Крижанича, Котошихина и т. д. Методъ разбора памятниковъ—не сложенъ. Авторъ передаетъ содержаніе частью своими словами, частью словами подлинника и вставляетъ въ перерывахъ восклицанія о достоинствѣ разбираемаго произведенія и эпитеты по адресу его творца. Слова: «знаменитый, драгоценный, свѣжій, искренній, простой и безыскусственный, теплый, истинно поэтический», разсыяны по всей книгѣ г. Хруцова. Во всей литературѣ не нашлось ни одного памятника, о которомъ авторъ не сказалъ бы ни одного изъ этихъ самыхъ словъ. Та оцѣнка, которую даетъ онъ древне-русскимъ произведеніямъ, воскрешаетъ предъ читателемъ годы ученія, учебники Галахова или Порфирьева, не прибавляя почти ничего новаго. Лука Жидята отличается простотой и безыскусственностью, а Кирилль Туровскій—поэтичностью и искусственностью; лѣтописецъ изображается по Пушкину и т. д. Правда, что авторъ «Бесѣдъ» иногда отмѣчаетъ произведенія, которыя не дошли еще до школъ. Читатель труда г. Хруцова переходитъ отъ одного памятника къ другому и убѣждается, какъ все въ нашей древней литературѣ было тихо, гладко и хорошо. «Тихъ да гладъ да Божья благодать»—вотъ впечатлѣніе о ростѣ древней русской литературы по книгѣ г. Хруцова. Одностороннее впечатлѣніе! Г. Хруцовъ оставилъ въ сторонѣ не только нѣкоторые отдѣльные памятники, но цѣлые отдѣлы нашей литературы. О крупнѣйшемъ памятникѣ—Толковой Псалѣ—въ «Бесѣдахъ» ни слова, открытая недавно и важная для нашей словесности поученія Климента Смоляничча, «Слово о погибели земли Русской» даже не упоминаются г. Хруцовымъ. О путешествіяхъ паломниковъ и ихъ писаніяхъ въ книгѣ г. Хруцова — почти два слова, о переводной литературѣ—то же. А эти два источника нашего просвѣщенія—значительны и важны. Кромѣ нѣсколькихъ фразъ, вы ничего не найдете у г. Хруцова объ отреченной литературѣ, старой и многочисленной, распространенной и дававшей окраску почти всей нашей словесности. Вообще «Бесѣды» г. Хруцова ведутся не о той древней литературѣ, которая была въ дѣйствительности, а о той, которую учатъ въ школахъ. Въдъ если обратить вниманіе на то, что дѣйствительно читалось нашими предками, то мы должны сознаться, что объемы этой литературы не совпадаютъ съ объемами школьной литературы. Читались и поученія, и лѣтописи, и сказанія, но больше читались разные апокрифы и о крестномъ древѣ, и о Соломонѣ и Китоврасѣ и т. д. Ужъ если эти отреченныя статьи попадаются въ толстыхъ поповскихъ сборникахъ наряду съ произведеніями отеческой литературы, то можно думать, какъ читались онѣ народомъ? Да, по книгѣ г. Хруцова не составишь понятія о томъ, что читали предки, что они знали. Г. Хруцовъ совершенно не останавливается на тѣхъ произведеніяхъ, откуда наши предки черпали свое просвѣщеніе: Шестодневахъ, Ин-

дикопловахъ, Физиологахъ и. т. п., очень мало говоритъ о литературѣ сборниковъ. И Толковая Палея, Палея — это капитальнѣйшее произведе- ние нашей литературы — оставляется г. Хрущовымъ въ сторонѣ! Ничтожны замѣчанія г. Хрущова о Житіяхъ, объ ихъ отношеніи къ нашей исторіи, о традиціи и содержаніи. Не разъяснено мѣстное значеніе житій и историче- скихъ повѣстей.

Книга г. Хрущова не даетъ общаго представленія о развитіи русской ли- тературы, о литературныхъ вліяніяхъ. Новѣйшіе труды и изслѣдованія, освѣ- щающія много въ этой древней литературѣ, измѣняющія во многомъ предста- вленія 70-хъ годовъ о нашей старинѣ, не отразились въ «Бесѣдахъ». По мнѣнію автора, специалисты усмотрятъ, что предъ нимъ былъ раскрытъ матеріалъ уче- ныхъ изданій источниковъ и наиболѣе замѣтныхъ трудовъ изслѣдователей. Быть можетъ, мы рискуемъ навлечь на себя упреки со стороны автора въ диллетант- ствѣ, но мы не замѣтили того, что предъ г. Хрущовымъ открытъ матеріалъ новѣйшихъ трудовъ изслѣдователей. Или, быть можетъ, мы расходимся съ ав- торомъ «Бесѣдъ» въ опредѣленіи «наиболѣе замѣтныхъ трудовъ». Наконецъ, мы рѣшаемся утверждать, что «Исторія древней литературы» А. Н. Пыпина могла бы помочь г. Хрущову сильно измѣнить и дополнить свою книгу.

П. Щ—въ.

И. Энгельманъ. Исторія крѣпостнаго права въ Россіи. Пер. съ нѣмецкаго В. Щерба подъ редакціей А. Кизеветтера. М. 1900.

Научная разработка исторіи крестьянства въ Россіи принадлежит все- дѣло второй половинѣ оканчивающагося вѣка. Интересъ къ прошлому этого класса развивался и росъ параллельно интересу къ его настоящему. Условія нашей общественной жизни предопредѣляли выборъ историческихъ темъ и вліяли на ту или иную постановку вопросовъ. Три существенныхъ момента, главнымъ образомъ въ связи съ современными теченіями мысли, привлекали вниманіе изслѣдователей исторіи русскаго крестьянства и служили, да еще и теперь служатъ, предметомъ оживленной полемики. Начальный бытъ (община), прикрѣпленіе крестьянъ и начала крестьянской реформы... около этихъ мо- ментовъ группируются спеціальныя изслѣдованія. За эти полвѣка русская наука дала немало выдающихся трудовъ въ этой области: достаточно назвать статьи И. Д. Бѣляева, В. Н. Чичерина, Н. И. Костомарова и М. П. Погодина, В. О. Ключевского, В. И. Сергѣевича, Д. А. Дьяконова, И. Энгельмана и другія. Несмотря на то, что труды названныхъ лицъ далеко подвинули наши знанія о прошломъ крестьянства, нужно сказать, что многое въ этой исторіи остается неяснымъ и спорнымъ. Таковъ, напримѣръ, кардинальный вопросъ о прикрѣ- пленіи крестьянъ,—процессъ, уясненіе котораго идетъ со временъ спора Н. И. Костомарова и М. П. Погодина и до сихъ поръ дѣлится изслѣдователей на два ла- геря. Понятно, что при такомъ положеніи дѣль связаная и цѣльная исторія кре- стьянства на Руси еще ждетъ своего времени. Возможны только болѣе или менѣе совершенныя попытки. Исторія крестьянъ, какъ она выясняется при современ- номъ положеніи науки, кратко и сжато изложена въ солидной статьѣ И. Н.

Милокова, помѣщенной въ 32 полутомѣ «Энциклопедическаго словаря» Брокгауза и Ефрона.

Профессору Дерптскаго университета И. Энгельману принадлежит единственный центральный трудъ по исторіи крѣпостнаго права въ Россіи. Его изслѣдованіе «Die Leibeigenschaft in Russland» вышло на нѣмецкомъ языкѣ еще въ 1884 году. Г. Энгельманъ слѣдитъ за развитіемъ крѣпостнаго права во все время его существованія. Послѣ краткаго очерка положенія крестьянъ до конца XVI столѣтія онъ переходитъ къ прикрѣпленію крестьянъ. Въ свое время взгляды профессора Энгельмана были шагомъ впередъ въ наукѣ: онъ доказывалъ, что закрѣпощеніе крестьянъ было не столько результатомъ законодательныхъ мѣръ, сколько «случайнымъ и косвеннымъ слѣдствіемъ фискально-полицейскихъ мѣръ, направленныхъ къ огражденію интересовъ казны и введенныхъ указомъ 1597 года». IV глава книги г. Энгельмана посвящена развитію крѣпостнаго права при Петрѣ Великомъ и его преемникахъ; въ V-й разсматривается система крѣпостнаго права, сложившаяся при Екатеринѣ II; въ VI и VII главахъ идетъ рѣчь объ отношеніи общества и правительства къ крѣпостному праву при Александрѣ I и Николаѣ I; затѣмъ обстоятельно разсматривается исторія отаѣны этого права при Александрѣ II (стр. 200—404).

Книга профессора Энгельмана—необходимое пособіе для изученія исторической жизни русскихъ крестьянъ. Написана она очень дѣльно, серьезно и живо. Тѣ недостатки, на которые можно указать, вытекаютъ изъ двухъ обстоятельствъ: первое—то, что книга появилась въ 1884 году, второе—то, что авторъ слишкомъ много вниманія обращаетъ на юридическую сторону дѣла, оставляя почти въ сторонѣ факторыэкономическій и политическій. Съ 1884 года появилось немало трудовъ, значительно дополняющихъ знанія о крестьянахъ и многое выясняющихъ въ ихъ исторіи. Труды В. П. Семева освѣтили отношеніе общества и литературы къ крестьянамъ въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка; появились изслѣдованія о екатерининскихъ комиссіяхъ. Наконецъ, вопросъ о закрѣпленіи крестьянъ получилъ дальнѣйшее развитіе. Работы В. О. Ключевскаго и М. А. Дьяконова выяснили процессъ закрѣпощенія крестьянъ, и въ настоящее время приведенный выше взглядъ профессора Энгельмана требуетъ измѣненій: если отрицательная сторона этого взгляда (закрѣпощеніе не есть результатъ законодательныхъ мѣръ) остается вѣрной, то положительная требуетъ значительнаго расширенія. В. О. Ключевскій и М. А. Дьяконовъ указали на выдающееся значеніе экономическаго фактора въ прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ. Несмотря на то, что ихъ мнѣнія не пользуются пока всеобщимъ признаніемъ, взглядъ, приписывающій закрѣпощеніе правительственнымъ актамъ, нужно считать упрямденнымъ.

Нужно имѣть въ виду, что книга г. Энгельмана появилась въ 1884 году и нуждается въ добавленіяхъ. Редакторъ русскаго перевода г. Кизеветтеръ дѣлаетъ необходимыя указанія на измѣненія въ позднѣйшей литературѣ. Переводъ вѣренъ подлиннику и литературенъ. Ещ.

«Македонскій вопросъ» на почвѣ его исторіи, этнографіи и политики. Іованъ П. Рогановичъ. Казань. 1900.

Есть такіа загадочныя картинки, на которыхъ надо отыскать голову; ищешь ее, гдѣ бы ей быть слѣдовало, а находишь совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Такъ же загадочно происхожденіе книги Рогановича. Судя по заглавію и заявленію самого автора на 54 страницѣ, мы ожидали безпристрастнаго и честнаго освѣщенія македонскаго вопроса, но жестоко ошиблись. Рогановичъ очень слабъ въ исторіи (ср. его ошибки на 8, 12, 15 и пр. пр.), невѣжда въ этнографіи (причисляетъ, напримѣръ, албанцевъ къ сербской народности 35 стр. и др.) и до крайности наивенъ въ политикѣ (напримѣръ, проектъ союза Турціи съ Черногоріей противъ другихъ балканскихъ государствъ или, если это не удастся, разгромъ Турціи сербами и пр.). Зато силенъ Рогановичъ въ инсинуаціяхъ (на Милокова 25 стр., болгарь 48, новыхъ сербовъ 74 стр. и пр.), до неприличія хвастливомъ паеосѣ («кто въ силахъ стать на пути Россіи, 130-ти-милліонному государству, да еще союзному съ Франціей?—и далѣе въ томъ же духѣ) и искательствѣ передъ сильными міра сего. Помѣщенная имъ въ концѣ книги автобіографія (новый видъ личной рекламы, введенный гг. Гончевичами, Драгановыми и К^о) и особенно письма къ брату и отвѣтъ послѣдняго (75—80 стр.) ясно показываютъ, къ кому «подольщается» г. Рогановичъ и чего ищетъ. Славу и успѣхи Черногоріи авторъ объясняетъ «не столько ея историческимъ прошлымъ, сколько царствующей династіей, особенно же великимъ умомъ ея настоящаго доблестнаго государя, великаго князя Николая I Петровичъ-Нѣгоша VII, этого заботливаго, украшеннаго сѣдинами народнаго отца, гениальнаго человѣка, поэта, мудраго политика и храбраго полководца» (27 стр.). Этому князю авторъ присуждаетъ Македонію (26 стр. и мн. др.), ожидая согласія русской политики и даже, можетъ быть, Турціи (71 стр.). За подобное содѣйствіе возстановленію «1300-лѣтнихъ (!) сербскихъ правъ Черногоріи на Македонію» (71 стр.) Рогановичъ согласился бы, вѣроятно, принять «столь любимую имъ должность управляющаго народными школами въ Цетини» (75 стр.). Вотъ ради чего написана брошюра Рогановича. Печально, но таково свойство спорныхъ вопросовъ, въ родѣ македонскаго, что къ нимъ всегда примазываются разные Хлестаковы и съ чистой совѣстью ловятъ рыбу въ мутной водѣ.

А. Л.—ій.

Walery Przyborowski. Historja szęściu miesięcy. Ustęp dziejów 1862 roku. Petersburg. 1901.

Г. Приборовекій предпринялъ описаніе событій 1862 г. съ намѣреніемъ исполнить гражданскій долгъ предъ новѣйшимъ поколѣніемъ, дать этому послѣднему матеріалъ для правильнаго взгляда на всю исторію послѣдняго возстанія. Нѣсколько непривычное впечатлѣніе получается при чтеніи очерка г. Приборовекаго: онъ говоритъ тономъ прокурора, довольно рѣзко осуждаетъ повстанческую агитацію и всю вообще затѣю возстанія считаетъ неосмысленной. Такія рѣчи въ устахъ поляка—писателя—вещь довольно новая. При этомъ авторъ не ограничивается изреченіемъ теоретическаго приговора надъ этою

эпохой, но старается вывести отсюда и извѣстный практическій урокъ. Исторія 1861—1863 гг. свидѣтельствуетъ, что народъ, имѣвшій въ своихъ рукахъ для успѣшнаго развитія своихъ природныхъ силъ почти все, что онъ могъ имѣть при данныхъ условіяхъ, утратилъ все и даже поколебалъ основы своего быта въ погонѣ за призракомъ, созданнымъ длиннымъ періодомъ политическихъ несчастій. Горсть людей, не воспитанныхъ къ политической дѣятельности ни вѣкомъ, ни опытомъ, взяла въ свои руки руководство ковчегомъ народнымъ и повела его такъ, что онъ былъ разбитъ вдребезги. Отсюда г. Пржиборовскій дѣлаетъ наставительный выводъ, что принципъ *liberum conscripto* привелъ поляковъ къ страшнымъ несчастіямъ, слѣды которыхъ народъ и доселѣ тяжело чувствуетъ на себѣ, что общественная политика должна быть ведена открыто, на виду у всѣхъ, что въ жизни народа, какъ и въ жизни отдѣльнаго человѣка, минуты счастья выпадаютъ очень рѣдко, что хорошій плодъ добывается тяжелымъ, мозольнымъ трудомъ изо дня въ день.

Эта точка зрѣнія, установленная авторомъ на первыхъ же страницахъ изслѣдованія, показываетъ, что мы имѣемъ дѣло отнюдь не съ апологіей тогдашнихъ дѣятелей и ихъ неопытности. И дѣйствительно авторъ мало кого щадитъ. Прежде всего сильно достается маркизу Веленюльскому, всѣ мѣры котораго, предпринятыя къ успокоенію края и подавленію революціоннаго волненія, авторъ считаетъ неудачными и въ корнѣ ошибочными. Затѣмъ на всемъ протяженіи книги г. Пржиборовскій самымъ безопаднымъ образомъ хлещетъ руководителей повстанческой агитаціи, выставляя ихъ недоучившимися юношами, не считавшимися ни съ чѣмъ, кромѣ личныхъ увлеченій. Попутно авторъ дѣлаетъ нѣсколько ядовитыхъ замѣчаній по адресу тогдашней полиціи, не сумѣвшей сладить съ организаціей мятежа и вообще игравшей въ тогданемъ водоворотѣ жалкую и смѣшную роль. Даже такой кумиръ, какъ Мѣрславскій, не избѣгнулъ общей участи—и того авторъ не церемонился сбросить съ пьедестала, обвиняя въ томъ, что онъ личное самолюбіе и даже тщеславіе ставилъ выше интересовъ общественныхъ. Партію «бѣлыхъ» г. Пржиборовскій упрекаетъ въ апатіи, бездѣйствіи и слабости, партію же красныхъ—въ слишкомъ большомъ рвеніи, въ стремленіи итти напроломъ, мало считаясь съ настоящимъ и вовсе не заглядывая въ будущее. Словомъ, всѣмъ вынесенъ обвинительный приговоръ даже безъ оговорки о снисхожденіи.

Съ фактической стороны работа г. Пржиборовскаго очень интересна. Воспоминанія русскихъ, которымъ пришлось служить тогда въ Польшѣ, имѣютъ тотъ неизбѣжный недостатокъ, что въ нихъ больше говорится о подавленіи возстанія, чѣмъ объ организаціи его. Между тѣмъ послѣдняя-то болѣе всего и интересна. Г. Пржиборовскій вводитъ читателя въ ту лабораторію, гдѣ подготавливалось возстаніе, показываетъ всѣ пружины, приводившія его въ дѣйствіе, знакомитъ со всѣми личностями, работавшими надъ его созданіемъ и выполненіемъ. Такъ, въ первой главѣ очень подробно разсказана вся исторія покушенія на великаго князя Константина Николаевича, приведены теперь забытые отзывы объ этомъ покушеніи заграничной польской прессы (считавшей покушеніе дѣломъ русской полиціи, устроеннымъ съ цѣлью отвлечь августѣйшаго намѣстника отъ примирительной политики), содержится много инте-

ресныхъ свѣдѣній о попыткѣ Велепольскаго устранить партію красныхъ со сцены дѣйствій и прочее. Вторая глава излагаетъ исторію двукратнаго покушенія на маркиза Велепольскаго и попытку великаго князя Константина Николаевича привлечь къ правительству партію бѣлыхъ черезъ графа Замойскаго. Наибольшій интересъ имѣетъ третья глава, заключающая въ себѣ описаніе дѣятельности центральнаго народнаго комитета, бывшаго главнѣйшимъ ядромъ подготовлявшагося возстанія. Тутъ даются характеристики вождей агитациі, излагаются изданные комитетомъ декреты, манифесты и воззванія, описывается обстановка первыхъ тайныхъ убійствъ, организація возстанія въ провинціяхъ Привислннѣ, въ зарубежной Польшѣ, въ Литвѣ и Украинѣ, участіе католическаго духовенства въ подготовкѣ возстанія и прочее. Наконецъ послѣдняя глава описываетъ открытіе варшавской главной школы и всю исторію злосчастнаго проекта Велепольскаго о рекрутскомъ наборѣ, послужившаго поводомъ къ вооруженному возстанію.

Изъ бѣглаго перечня предметовъ и событій, которыхъ коснулся г. Пржиборовскій, видно, что книжка его содержитъ довольно богатый матеріалъ для исторіи этой эпохи, къ сожалѣнію — только матеріалъ, сырой и необработанный. Плана и системы авторъ не установилъ; повидимому, у него было намѣреніе держаться хронологическаго порядка событій, но этотъ порядокъ сплошь и рядомъ нарушается. Разсказъ ведется очень живо, драматизмъ событій переданъ авторомъ съ яркостью и энергіей слова. Жаль только, что авторъ очень нерѣдко распыляется въ потокъ пояснительныхъ разсужденій, однообразно повторяющихъ то, что было сказано въ началѣ книжки. Такимъ образомъ у г. Пржиборовскаго съ довольно правильною послѣдовательностью чередуются интересныя страницы со скучными и вялыми. Вотъ мелкнула ярко нарисованная сценка, какъ восемьдесятъ ксендзовъ, собравшись въ уединенное село, держать совѣщаніе о содѣйствіи народному комитету; а потомъ слѣдуетъ скучная страница, заполненная разсужденіями о томъ, какъ понимать сіе должно. Опять глаза читателя оживляются, слѣдя за разсказомъ о совѣщаніи важнѣйшихъ дѣятелей организаціи возстанія по вопросу о томъ, слѣдуетъ ли поднять знамя одновременно съ рекрутскимъ наборомъ, или обождать, пока дѣло окрѣпнетъ; но авторъ держится принципа — хорошенькаго понемножку, и начинаетъ плести скучную канитель на тему: развѣ вы не видите, что изъ этого ничего хорошаго не могло выйти? Книжка отъ этого, конечно, очень выиграла въ своемъ объемѣ, но столько же потеряла въ своей внутренней цѣнности.

Если авторъ намѣренъ продолжать описаніе дальнѣйшихъ событій возстанія, то онъ гораздо лучше сдѣлаетъ, сосредоточивши вниманіе на фактической сторонѣ и не утруждая читателя болтливыми комментаріями по поводу такихъ явленій, которыя сами за себя говорятъ очень краснорѣчиво.

Х — вичъ.

Монтескье. О духѣ законовъ. Переводъ съ французскаго подъ редакціей А. Г. Горнфельда, со вступительной статьей М. М. Ковалевскаго. Изданіе Л. Ф. Пантелѣва. Спб. 1900.

«Духъ законовъ» Монтескье появился въ Женевѣ въ ноябрѣ 1748 года и сдѣлался во Франціи настольной книгой. Въ этомъ сочиненіи, по выраженію Вольтера, Монтескье вновь напелтъ и возвратилъ человѣческому роду потерянные имъ документы. Для императрицы Екатерины II сочиненіе Монтескье было ея «молитвенникомъ».

По-русски «*Esprit des lois*» былъ переведенъ въ началѣ нашего вѣка подъ названіемъ «Разумъ законовъ». Въ 1862 году было выпущено второе изданіе «Разума», представляющее далеко не литературный переводъ и давно уже распроданное. Появившійся недавно новый переводъ сочиненія Монтескье въ изданіи г. Пантелѣва, по счету третьемъ русскомъ изданіи, даетъ русскому читателю полную возможность ознакомиться въ превосходномъ переводѣ съ этимъ классическимъ сочиненіемъ.

Переводу предпослано большое предисловіе профессора Ковалевскаго, въ которомъ выяснены особенность и значеніе труда Монтескье. Въ этомъ трудѣ можно видѣть не только политическій трактатъ, но и замѣчательное ученое изслѣдованіе. «Неувядающая слава» сочиненія Монтескье заключается въ цѣломъ рядѣ глубокихъ истинъ, открывшихся читателямъ XVIII вѣка. Профессоръ Ковалевскій опредѣляетъ въ нѣсколькихъ словахъ наиболѣе яркія положенія труда Монтескье. «Духъ законовъ», говоритъ онъ, «былъ первымъ серьезнымъ призывомъ къ возстановленію утраченной системы самоуправленія сословій въ обновленной формѣ англійскаго конституціонализма; онъ раскрылъ глаза на преимущества представительнаго образа правленія, солидарнаго и отвѣтственнаго министерства; онъ указалъ на тотъ путь, какимъ правосудіе можетъ быть ограждено отъ вторженія политики; ему европейскія общества обязаны въ значительной мѣрѣ установленіемъ въ своей средѣ суда присяжныхъ и состязательнаго процесса. Равенство людей передъ закономъ и судомъ, бесполезность и вредъ суровыхъ наказаній, необходимость отмѣнить пытку, какъ ненужную жестокость, нимало не ведущую къ раскрытію истины, призывъ къ упраздненію крѣпостничества, рабства и питающаго его торга неграми, совѣтъ братскаго общенія между народами и государствами въ мирное время и возможнаго сокращенія неизбѣжныхъ бѣдствій войны, раскрытіе той тѣсной зависимости, въ которой завоевательная политика стоитъ съ подавленіемъ народной свободы, а податныя изыятія и хозяйственныя монополіи двухъ высшихъ сословій съ безправіемъ снизу и произволомъ сверху».

Таковы важнѣйшія истины, которыя нашли читатели XVIII вѣка въ книгѣ Монтескье. Профессоръ Ковалевскій говоритъ, что одно лишь описаніе «потоковъ подражаній», вызванныхъ выходомъ въ свѣтъ «Духа законовъ», наполнило бы собою цѣлыя томы. Въ дальнѣйшемъ изложеніи М. М. Ковалевскій разсматриваетъ основы ученія Монтескье.

Въ сущности, предисловіе профессора Ковалевскаго, столь значительное по объему, — въ немъ заключается 91 стр., — не ново по содержанію, такъ какъ

повторяетъ, въ значительной части, извѣстную уже русскому читателю главу изъ его труда «О происхожденіи современной демократіи». Въ новомъ изданіи перваго тома этого сочиненія есть интересная глава о родоначальникахъ революціонной доктрины, гдѣ авторъ изложилъ генезисъ основныхъ экономическихъ и политическихъ воззрѣній Монтескье, пользуясь въ особенности недавно появившимся дневникомъ Монтескье. Здѣсь профессоръ Ковалевскій указываетъ, какъ Монтескье содѣйствовалъ своимъ консерватизмомъ и своею критикою французскихъ порядковъ развитію революціонной доктрины. Для Монтескье Франція XVIII вѣка была «вымирающей готической монархіей».

Въ своемъ предисловіи профессоръ Ковалевскій не только даетъ читателю руководящую нить при изученіи капитальнаго сочиненія Монтескье, но и выясняетъ также, что политическія воззрѣнія Монтескье складывались постепенно, подъ влияніемъ чтеній, путешествій, наблюденій. Сопоставляя мысли Вико и Монтескье, двухъ родоначальниковъ социологии въ XVIII вѣкѣ, профессоръ Ковалевскій рѣшительно высказывается противъ всякихъ обвиненій Монтескье въ простомъ заимствованіи. Изучаемые писатели, говоритъ онъ, лишь «будили его мысль или давали ей извѣстное направленіе». Онъ указываетъ на большое значеніе дневника Монтескье. Этотъ дневникъ не предназначался къ изданію, а потому въ немъ много можно найти сокровенныхъ мыслей автора.

Прежде чѣмъ дать обстоятельную характеристику труда Монтескье, профессоръ Ковалевскій знакомитъ читателя съ общимъ планомъ труда Монтескье и показываетъ связь между отдѣльными главами и параграфами. Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ биографовъ Монтескье Сорель (его книжка переведена на русскій языкъ) очень остроумно говоритъ о планѣ и композиціи «Духа законовъ». Онъ указываетъ на то, какъ въ Монтескье былъ требователенъ не только мыслитель, но и художникъ, котораго беспокоила литературная отдѣлка работы. Фразы Монтескье отличаются тою же отрывочностью, «раскрашенностью», какъ его главы и книги, онъ бросаетъ легкіе штрихи. И все это потому онъ стремится въ своемъ сочиненіи къ полному порядку, къ безконечному разнообразію въ оборотахъ, что онъ хочетъ «дать возможность читателю отдохнуть отъ однообразія пути и тяжести багажа». «Онъ хорошо знаетъ «свѣтскихъ людей, для которыхъ пишетъ, ихъ нетерпѣливую любознательность, несистематичность ихъ чтеній, страхъ, который они чувствуютъ передъ усталостью, ихъ желаніе скорѣе добраться до цѣли, ихъ постоянную готовность прервать чтеніе и вѣчную разсѣянность. Отсюда эти главы, въ трехъ строкахъ устанавливающія великую задачу»... «Онъ прерываетъ самого себя, обращается къ читателю, извиняется, такъ сказать, въ томъ, что такъ долго задерживаетъ его, и умоляетъ слѣдовать за нимъ».

Профессоръ Ковалевскій выясняетъ, какое значеніе въ глазахъ Монтескье имѣетъ государственный строй, которымъ онъ пытается объяснить не только гражданскіе и экономическіе порядки отдѣльныхъ націй, но также ихъ психическія особенности. Разсужденія профессора Ковалевскаго о значеніи для Монтескье государственнаго строя и народнаго духа особенно интересны и цѣнны потому, что другіе комментаторы книги Монтескье не останавливаются на этомъ.

Теорію Монтескье о раздѣленіи властей профессоръ Ковалевскій сводитъ къ раздѣленію суверенитета, въ чемъ и заключается особенность этой теоріи, въ сравненіи съ ученіями средневѣковыхъ публицистовъ. «Теорія Монтескье», говоритъ онъ, «примыкаетъ въ этомъ отношеніи прямо къ ученію политиковъ древности и итальянскаго возрожденія о смѣшанныхъ формахъ государственнаго устройства, соединяющихъ въ себѣ преимущества аристократіи, демократіи и монархіи».

Вся вторая половина предисловія профессора Ковалевскаго посвящена выясненію экономическихъ воззрѣній Монтескье. Послѣднія, по мнѣнію автора, сложились, главнымъ образомъ, подъ влияніемъ знакомства съ Меломомъ, представителемъ теоріи торговаго баланса во Франціи. До сихъ поръ еще взгляды Монтескье на вопросы экономической политики не нашли себѣ серіозной оцѣнки въ трудахъ историковъ, хотя взгляды его въ этой области очень мало самостоятельны.

Къ прекрасно сдѣланному переводу сочиненія Монтескье и примѣчаній автора въ русскомъ изданіи прибавлены подстрочныя, очень умѣстныя объясненія и разъясненія. Книга Монтескье не малая: въ переводѣ она занимаетъ около 50 печатныхъ листовъ вмѣстѣ съ предисловіемъ, но цѣна для средняго читателя—4 рубля—слишкомъ высока, а ему-то какъ-разъ и нуженъ переводъ.

П. К—й.

Платформа, ея возникновеніе и развитіе. (Исторія публичныхъ митинговъ въ Англіи). Сочиненіе Генри Джефсона. Переводъ съ англійскаго Н. Н. Мордвиной, подъ редакціей профессора В. Ѳ. Дерюжинскаго. Спб. 1900.

Сочиненіе Джефсона «The platform: its rise and progress» вышло въ Лондонѣ въ 1892 г. и представляетъ собою единственный и въ то же время замѣчательный трудъ по исторіи публичныхъ митинговъ въ Англіи. Сочиненіе это основано на изученіи документовъ и заключается въ себѣ богатѣйшій матеріалъ для знакомства съ исторіей такого крупнаго и удивительнаго политическаго органа въ Англіи, какъ «платформа». Историкъ ея видитъ въ ней попытку прививки къ древней конституціи Англіи демократическаго правленія. Платформа, какъ доказываетъ Джефсонъ, сравнивая ея значеніе съ печатью и парламентомъ, — есть попытка англійскаго народа «поставить и разрѣшить, по крайней мѣрѣ, для себя великую задачу народнаго управленія».

Опредѣляя слово «платформа», Джефсонъ указываетъ на то, что въ это понятіе входитъ вообще всякая политическая рѣчь, произнесенная въ публичномъ собраніи, за исключеніемъ рѣчей съ церковной кафедры или на судѣ. Сюда онъ относитъ и рѣчи, произносимыя на публичныхъ обѣдахъ и банкетахъ, а также и публичныя лекціи на политическія темы. Впервые слово «платформа» появилось въ 1820 г. для обозначенія мѣста, съ котораго ораторы говорили на митингахъ свои рѣчи. Но авторъ обозначаетъ этимъ словомъ и выраженія общественнаго мнѣнія внѣ парламента, наблюдаемыя имъ въ XVIII вѣкѣ и вполне соответствующія тому, что теперь называется «платформой».

Исследование Джефсона состоит из двух томов. На русском языке, пока, переведен первый том. Он состоит из двух частей: первая заключает в себя историю возникновения платформы и ее деятельности до первого подавления ее (1760—1802 г.), вторая — историю платформы от первого ее подавления до освобождения (1802—1825 г.). В главе о возникновении платформы Джефсон указывает на то, какую важную роль играет в настоящее время платформа, не существовавшая еще в конце семнадцатого века. Полтора столетия тому назад управление Англии находилось в руках короля, палаты лордов и палаты общин. Через несколько времени к этим трем политическим учреждениям прибавилось народившееся четвертое — печать, и в последнее время возник новый институт — платформа. Значение этого института и влияние его на управление — огромное, «безграничное», как говорит Джефсон. В настоящее время «платформа есть та присущая английскому государственному строю особенность, которая отличает его от всех форм правления, какие только изобретал ум человека в прошлом, а равно и от тех, которые существуют во всех цивилизованных странах Европы в настоящее время». Сильным толчком к развитию платформы послужило религиозное движение в половине прошлого века, когда на многочисленных митингах произносились страстные речи Уэслем и Уайтфильдом. Собрания на открытом воздухе принимали колоссальные размеры, а ученики и последователи этих двух проповедников положили начало организации разных обществ и ассоциаций для того, чтобы придать систему и стройность движению. Так народ был подготовлен религиозным движением к политическому, вызвавшему в середине XVIII века к жизни политическую платформу.

Разсмотрев зачатки платформы при Георге III, Джефсон описывает дальше первое крупное движение при посредстве платформы на выборах 1774 г. В раннем периоде истории платформы он отмечает два вида ее: «платформа, как средство выражения народом своих чувств и мнений», и другой вид — платформа, которою пользовались вожди политических партий для общения с народом или для обучения его: это — платформа дидактическая. Громадную роль сыграла платформа в экономическом движении восьмидесятих годов прошлого столетия. Прогрессивное развитие платформы продолжалось непрерывно до событий французской революции, которая в начале не произвела большого впечатления на общественное мнение в Англии, но скоро вызвала и здесь сильное движение. Оно распространилось на Шотландию, где впервые в это время тоже появилась платформа. Весьма любопытна глава о гонениях на платформу со стороны правительства, о биллях против мятежных собраний, свободы слова и лекций. Но уже трудно было остановить рост платформы, наступательное движение которой принимало характер какой-то неизбежности.

Поэтому, несмотря на все репрессивные меры, платформа возрождается в начале нынешнего века. Выборы 1806—1807 годов, в связи с другими событиями, снова выдвинули публичные митинги и «платформу», пока снова не возобновились репрессивные законодательные меры, парализовавшие на время (в 1817 г.) платформу. Рассказав в 9-й главе II части о вторичном подавлении платформы и роли платформы на общих выборах 1818 г.,

Джефсонъ переходитъ къ описанію третьяго подавленія платформы (11 глава) и заканчиваетъ главою объ успѣхахъ и торжествѣ платформы. Побѣда осталась за народомъ, юридическое положеніе платформы упрочено.

Въ краткой замѣткѣ трудно передать содержаніе богатаго изслѣдованія Джефсона. Его трудъ переполненъ интереснѣйшими цитатами, выдержками изъ рѣчей, актовъ. Авторъ не ограничивается блестящимъ анализомъ документовъ, но приводитъ цѣликомъ наиболѣе характерныя мѣста.

Редакція профессора Дерюжинскаго сдѣлала переводъ этого сочиненія образцовымъ, издана книга отлично.

К. П. А—тъ.

К. Каутскій. Аграрный вопросъ. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціею Д. Протопопова. Харьковъ. 1900.

Аграрный вопросъ въ послѣдніе годы почти пересталъ привлекать вниманіе изслѣдователей, такъ какъ наиболѣе прогрессивныя научныя и практическія силы были отвлечены жизненнымъ потокомъ въ другую сторону. Но теперь картина мѣняется. «Ростъ демократіи и земледѣльческій кризисъ сдѣлали этотъ вопросъ однимъ изъ важнѣйшихъ практическихъ вопросовъ, съ которыми намъ приходится имѣть дѣло», говоритъ Каутскій въ предисловіи къ своей книгѣ. И та партія, однимъ изъ наиболѣе видныхъ представителей которой является Каутскій, отозвалась на новые запросы жизни въ дебатахъ, имѣвшихъ мѣсто на франкфуртскомъ и бременскомъ партийтагахъ. Эти дебаты воскресили аграрный вопросъ и послужили поводомъ къ появленію разсматриваемаго изслѣдованія, посвященнаго анализу тѣхъ теченій, которыя должны опредѣлить дальнѣйшее направленіе сельско-хозяйственной жизни. Появленіе книги Каутскаго вызвало жестокою сельскую войну, конецъ которой теряется въ сумракѣ будущаго. Но при всѣхъ разногласіяхъ никто не станетъ отрицать значенія новаго изслѣдованія.

Обыкновенно, при изслѣдованіи хода развитія сельскаго хозяйства, видятъ центръ тяжести вопроса въ отношеніи между мелкимъ и крупнымъ производствомъ по площади земли. При этомъ одна сторона рисуетъ яркими красками преимущества мелкой собственности и статистическими данными доказываетъ ея процвѣтаніе и жизнеспособность; другая указываетъ на тѣ невыгоды, которыя сопряжены съ раздробленіемъ владѣній, а также статистически пыгается доказать исчезновеніе мелкаго хозяйства. Каутскій не примыкаетъ вполне ни къ тому, ни къ другому взгляду. По его мнѣнію, суть вопроса вовсе не заключается въ тѣхъ или другихъ размѣрахъ владѣній. Наконецъ, аграрный вопросъ вовсе не можетъ быть выдѣленъ изъ совокупности жизненнаго развитія: «Общество людей есть организмъ, не животный и не растительный, а своеобразный, но все-таки организмъ, а не простой агрегатъ индивидуумовъ, и въ качествѣ организма оно должно быть организовано по единому плану. Абсурдно думать, что въ обществѣ одна часть можетъ развиваться въ одномъ направленіи, а другая столь же важная—въ противоположномъ». Эволюція сельскаго хозяйства совершается не только по присущимъ ей законамъ, но и въ зависимости и подъ непосредственнымъ вліяніемъ промышленной эволюціи. Такимъ образомъ даль-

нѣйшій ходъ развитія сельскаго хозяйства обусловленъ совокушностью всей современной дѣйствительности. Такова основная точка зрѣнія Каутскаго, съ изложенія которой онъ начинаетъ свое изслѣдованіе. вмѣстѣ съ тѣмъ, сознавая, что хаотическій наборъ различныхъ явленій современной сельско-хозяйственной жизни не можетъ дать достаточныхъ основаній для выработки опредѣленной программы аграрной политики, авторъ посвящаетъ много времени и вниманія разсмотрѣнію теоретическихъ вопросовъ аграрной дѣйствительности. Книга начинается блестящей, написанной съ тѣмъ яркимъ популяризаторскимъ талантомъ, который отличаетъ всѣ произведенія Каутскаго, характеристикой современнаго покоящагося на капиталистическихъ противорѣчій общества. Затѣмъ авторъ даетъ бѣглый очеркъ историческаго развитія сельскаго хозяйства, какъ общественной формы производства, и переходитъ къ выясненію тѣхъ законовъ, которыми опредѣляется капиталистическій характеръ современнаго хозяйства. Эта часть изслѣдованія представляетъ изложеніе взглядовъ Маркса на цѣнность, прибыль, дифференціальную и абсолютную земельную ренту и представляетъ превосходную ихъ популяризацию. За теоретическимъ разсмотрѣніемъ современнаго сельско-хозяйственнаго производства Каутскій переходитъ къ анализу современнаго положенія сельскаго хозяйства. Въ яркихъ, быть можетъ, нѣсколько сгущенныхъ краскахъ авторъ описываетъ «варварство» мелкаго собственника и интенсивную производительность крупнаго хозяйства. Въ общемъ итогъ, принимая во вниманіе заокеанскую конкуренцію и индустриализацию сельскаго хозяйства, Каутскій приходитъ къ тому выводу, что капитализмъ овладѣваетъ сельскимъ хозяйствомъ и вызываетъ тамъ тѣ же явленія, какія онъ вызываетъ и въ промышленности, по основѣ съ тѣми измѣненіями, которыя обуславливаются особенной природой сельскаго хозяйства. Эти особенности выражаются въ томъ, что концентрація капитала не можетъ быть отождествляема съ концентраціей земельной площади. Поэтому въ то время, какъ концентрація промышленнаго капитала совершается явно и непрерывно, концентрація земельной собственности идетъ очень медленнымъ и своеобразнымъ путемъ. «Объ исчезновеніи и совершенномъ вытѣсненіи въ современномъ обществѣ мелкаго землевладѣнія крупнымъ не можетъ быть и рѣчи». Наоборотъ, поскольку можно уловить тенденціи современнаго хозяйства, созданіе мелкихъ владѣній является необходимымъ условіемъ процвѣтанія крупныхъ и среднихъ имѣній, такъ какъ прикованный своимъ микроскопическимъ участкомъ къ мѣсту, но необезпеченный имъ, крестьянинъ представляетъ вѣрную и настоящую рабочую силу для крупныхъ владѣльцевъ. При извѣстномъ минимумѣ земельного владѣнія мелкое и крупное хозяйство перестаютъ конкурировать другъ съ другомъ и, напротивъ, обуславливаютъ его, какъ капиталистъ и пролетарій. Изъ этого слѣдуетъ, что самостоятельное и мелкое сельско-хозяйственное производство въ современномъ экономическомъ развитіи постепенно теряютъ свои основы и переходятъ въ тѣснѣйшую зависимость отъ капитала. Земельная собственность, слѣдовательно, порождаетъ тѣ же отношенія капиталиста и пролетарія, какъ и собственность промышленная, т.-е. вызываетъ ту же борьбу двухъ классовъ, разрѣшеніе которой кроется въ общественной правильно организованной производительной дѣятельности всего общественнаго организма.

Таковы въ общихъ чертахъ взгляды Каутскаго. Знакомый съ предметомъ читатель видитъ, гдѣ по существу они почти не отличаются отъ ортодоксальныхъ воззрѣній, но пытаются сблизить эти воззрѣнія и дѣйствительность. Не входя въ подробный разборъ мыслей Каутскаго, мы не можемъ не указать на книгу Гертца, посвященную подробной критикѣ положеній Каутскаго. Изъ столкновенія ихъ частью противоположныхъ взглядовъ можно во всякомъ случаѣ вывести одно заключеніе. Время рѣшить аграрный вопросъ на основаніи точныхъ статистическихъ матеріаловъ еще не настало; можно дѣлать лишь болѣе или менѣе вѣроятныя гипотезы, и въ этомъ смыслѣ схема, данная Каутскимъ, представляется намъ въ значительной степени близкой къ дѣйствительности.

Ещ.

A. Grenzstein. Herrenkirche oder Volkskirche? Eine estnische Stimme im baltischen Chor. (Господская или народная церковь? Эстонскій голосъ въ балтійскомъ хорѣ). Jurjew. 1899.

Проф. М. Красноженъ. Эстонцы и нѣмцы въ Прибалтійскомъ краѣ. По поводу книги A. Grenzstein'a: «Herrenkirche oder Volkskirche?» Юрьевъ. 1900.

Исторія коренныхъ жителей нашего Прибалтійскаго края, финскихъ племенъ—эстовъ и латышей, переполнена столь мрачными картинами, что можно даже удивляться тому, какимъ образомъ эти народности не только сохранили свою національную физіономію, но даже развили главнымъ образомъ въ теченіе послѣдняго столѣтія довольно высокую національную культуру. Многочисленныя, даже безчисленныя, войны, театромъ которыхъ были современныя остзейскія губерніи, главною своею тяжестью ложились именно на эти народности, какъ на низшій и бѣднѣйшій классъ населенія. «Войны, пожары, голодъ, моровое повѣтріе, — говоритъ Гренцштейнъ, — часто почти совсѣмъ уничтожали нашъ бѣдный народъ», — и добавляетъ, что виновниками этихъ бѣдствій были по большей части «господа страны», т.-е. нѣмцы. Въ своей домашней жизни эсты и латыши, по слову поэта, «простерты въ пыли, лобзали рыцарскую шпору» (Θ. Тютчевъ), терпѣли тяжелое «нѣмецкое иго». Иго это, пишетъ Гренцштейнъ, «было тяжелѣе для эстовъ, чѣмъ для Россіи иго монгольское»... Не удивительно, что эсты и латыши не питаютъ теперь особенныхъ симпатій къ своимъ бывшимъ угнетателямъ. Между этими народностями съ одной стороны и нѣмцами съ другой замѣчается антагонизмъ, несмотря на то, что, по замѣчанію проф. Красножена, «нѣмцы въ послѣднее время все чаще и чаще стараются заявлять свои симпатіи къ эстонскому народу».

Антагонизмъ этотъ особенно ярко сказывается въ области церковныхъ вопросовъ, гдѣ еще и до сихъ поръ нѣмцы продолжаютъ играть роль «господъ». Вопросамъ балтійской евангелическо-лютеранской церкви и посвящены обѣ книги, заглавія которыхъ мы выписали; одна изъ нихъ принадлежитъ перу редактора одной эстонской газеты, А. Гренцштейна, другая—маленькая брошюра—русскому профессору М. Красножену.

Нѣмцы составляютъ 2—3% сельскаго населенія современныхъ остзейскихъ губерній, между тѣмъ число пасторовъ-проповѣдниковъ изъ среды нѣм-

цевъ въ Лифляндской губерніи составляетъ болѣе 10⁰/. И это не зависитъ отъ недостатка пасторовъ, вышедшихъ изъ среды народа: богословскій факультетъ Юрьевскаго университета выпускаетъ ежегодно очень значительное число богослововъ изъ эстовъ и латышей. Исторіи извѣстно немало случаевъ, когда эсты и латыши оказывали открытыя сопротивленія при введѣ въ ихъ приходы новыхъ пасторовъ, избранныхъ «патронами». И еще всего два года тому назадъ мы встрѣчаемъ нѣсколько такихъ случаевъ въ эстонскихъ приходахъ Лифляндской губерніи, при чемъ мѣстная евангелическо-лютеранская консисторія увидѣла было въ этомъ систематически организованную агитацію, но на дѣлѣ ничего подобнаго не оказалось.

«Мнѣ жаль народа» (mich jammert des Volkes), говоритъ Гренцштейнъ въ началѣ своего труда, и эта жалость сквозитъ въ каждой строкѣ его книги, очень богатой горячими и прочувствованными страницами. Балтійская евангелическо-лютеранская церковь представляетъ собою въ настоящее время въ полномъ смыслѣ «господскую церковь».

Излагая тотъ историческій путь, который привелъ къ существующему порядку, авторъ рельефно рисуетъ передъ нами прошлыя судьбы страны и, въ частности, прошлое здѣшняго духовенства.

Въ теченіе семи вѣковъ духовенство шло здѣсь рука объ руку съ дворянствомъ противъ народа. Нѣмецкіе пасторы и теперь еще носятъ наименованіе «церковныхъ господъ» (Kirchenherr) и являются очень часто крупными землевладѣльцами. Объ отношеніи ихъ къ народу одинъ латышъ писалъ въ 1880 году слѣдующимъ образомъ: «Нѣтъ такой страны, которая давала бы такой примѣръ высокомѣрія духовенства, какъ мое бѣдное отечество... Гдѣ пастырѣ смотритъ съ явнымъ презрѣніемъ на свою паству? Гдѣ соединяется онъ съ дворянствомъ, чтобы ее притѣснять? — Это привилегія Лифляндіи»... Для восстановленія нормальныхъ отношеній между духовенствомъ и народомъ, по мнѣнію Гренцштейна, необходимо, чтобы управленіе евангелическо-лютеранской церковью не сосредоточивалось въ однихъ рукахъ нѣмцевъ, а было раздѣлено между тремя народностями — эстами, нѣмцами и латышами, чтобы у каждаго изъ этихъ народовъ существовала своя богословская академія для подготовленія пасторовъ, и чтобы избраніе пасторовъ предоставлено было членамъ общины, а право патроната уничтожено.

Маленькая брошюра юрьевскаго профессора, М. Красножена, даетъ краткую характеристику книги Гренцштейна и приводитъ изъ нея нѣкоторыя выдержки. Въ заключеніе авторъ выражаетъ желаніе, чтобы книга Гренцштейна была переведена на русскій языкъ. Мы вполне присоединяемся къ такому пожеланію.

Д. З.

А. И. Фаресовъ. Въ одиночномъ заключеніи. Спб. 1900.

Жизнь заключенныхъ и отверженныхъ полна такой безконечной скорби, предѣлы этой юдоли печали такъ безгранично обширны, что сколько бы ни писали о ней, кажется, никогда не исчерпаютъ ея. Поэтому и книжка г. Фаресова представляетъ свой интересъ, несмотря на массу уже написаннаго въ этомъ

родъ и болѣе сильнаго, и болѣе яркаго. Казалось бы, что можно сказать послѣ Достоевскаго, Мельшина, Миротлюбова, Линева и мн. др., тѣмъ болѣе, что г. Фаресовъ касается района весьма ограниченнаго: нѣкоторыхъ мѣстъ заключенія въ предѣлахъ лишь Европейской Россіи? Но г. Фаресовъ, какъ бы избѣгая соперничества, задался совсѣмъ иной цѣлью. Онъ не касается толпы, внѣшнихъ порядковъ, не рисуетъ типовъ преступниковъ, какъ, на примѣръ, Линева, словомъ избѣгаетъ описанія массы и всего того, что уже использовано другими болѣе или менѣе полно и всесторонне. Онъ касается только одиночнаго заключенія, и его записки выдѣляются главнымъ образомъ психологическимъ содержаніемъ. Авторъ ярко изображаетъ индивидуальное состояніе человѣка, брошеннаго въ одиночное заключеніе, показываетъ то, какъ это заключеніе отзывается на психикѣ преступника.

Платоническій романъ автора съ малороссіянкою на совершенно фантастической почвѣ, который многимъ, вѣроятно, останется непонятнымъ, представляетъ собою глубокій интересъ, какъ лишняя черта психологіи заключенныхъ.

Мы ограничиваемся этими немногими словами о запискахъ г. Фаресова потому что онѣ знакомы читателямъ «Историческаго Вѣстника», въ которомъ онѣ были напечатаны.

А. Догановичъ.

М. Сперанскій. Гаданія по псалтири. (Изъ исторіи отреченныхъ книгъ). Спб. 1899.

Человѣческому роду присуще узнавать будущее путемъ гаданія; Востокъ и Западъ гадали и гадаютъ; славяне, въ томъ числѣ и русскіе, гадаютъ всевозможными способами. Къ числу этихъ способовъ принадлежитъ и гаданіе по псалтири, которое до сихъ поръ, какъ отмѣтилъ И. П. Сахаровъ въ «Сказаніяхъ русскаго народа» (I, 62—63), принадлежитъ вмѣстѣ и сельской и городской жизни. Люди боятся гаданій этого рода, страшась ихъ сбивчивости; но при всемъ томъ ворожба эта производится явно, съ совершеніемъ какихъ-то молитвъ. Этимъ занимаются по большей части домашніе люди, старушки... Приступая къ ворожбѣ, берутъ онѣ ключъ, пишутъ записочки, требуютъ псалтирь. Записочки вкладываются въ псалтирь, ключъ винтовымъ концомъ вкладываютъ также въ псалтирь, а круговой конецъ связываютъ веревочкой съ псалтиремъ. Потомъ заставляютъ посторонняго человѣка держать на указательномъ пальцѣ ключъ съ псалтиремъ. Послѣ этого ворожея тайно читаетъ какой-то псаломъ. Если въ это время завернется псалтирь, то это означаетъ хорошій признакъ, и гаданіе бываетъ удовлетворительное. Если же псалтирь не вертится, то это худой признакъ, гаданіе, не обещающее ничего хорошаго. Въ «Словарѣ русскихъ суевѣрій» (Спб., 1782 г.) подъ словомъ «ворожба» читаемъ: «ворожатъ о пропажѣ рѣшетомъ и псалтирю, вѣшая ихъ на веревочку, и когда при упоминеніи имени чьего псалтирь или рѣшето повернется, то признаютъ того за дѣйствительнаго вора и дѣлаютъ ему истязанія».

Гаданіямъ по псалтири посвящена монографія проф. М. Сперанскаго; на 168 страницахъ авторъ силится объяснить эти гаданія по псалтири, но, къ сожалѣнію, это ему не удалось. Невольно приходится удивляться, когда авторъ

ставитъ положеніе, что «поздняя гадательная псалтирь тѣснѣе связана съ низшей народной литературой, нежели съ высшей книжной: это сказалось въ способѣ пользованія памятниками книжными, главнымъ образомъ св. писаніемъ». Но изданные въ «приложеніи» тексты не доказываютъ какого-то особеннаго пользованія св. писаніемъ (стр. 1 — 98). Авторъ безъ всякаго основанія утверждаетъ, что такъ называемая имъ особая «гадательная книжка» вмѣстѣ съ гадательными приписками старой гадательной псалтири вошли въ составъ «спеціально гадательнаго текста» (стр. 147). Тутъ мы встрѣчаемъ отсутствіе научнаго метода и преобладаніе произвольныхъ заключеній; онъ, напримѣръ, не обинуясь, настаиваетъ (стр. 113), что «гадательная книжка», какъ составная часть «гадательной псалтири», по характеру стояла близко къ устной народной литературѣ и къ памятникамъ популярнымъ, письменнымъ; иначе она принадлежала къ числу книгъ чтенія среднихъ и низшихъ классовъ (по чему?), была сама до извѣстной степени книжкой народной, какъ и самое гаданіе, пользовавшееся въ позднее время симпатіей преимущественно неграмотной и полуграмотной массы». Но вѣдь «гадательная книжка» возникла не въ «позднее время», а ранѣе «гадательной псалтири»; въ древности всѣ слои общества гадали, какъ гадаютъ и нынѣ многіе изъ высшихъ классовъ.

Странно также, что авторъ, трактуя о «гадательной псалтири», бросаетъ тѣнь на христіанство, говоря, что «само христіанство, разносимое по всей варварской Европѣ, далеко уже не представляло даже въ раннія эпохи своего распространенія безусловно чистаго отъ примѣсей ученія» (предисловіе). Изданные въ «Приложеніи» тексты слѣдовало бы пополнить; напримѣръ, сравн. «Гадальныя приписки на псалтири XVI вѣка», изданныя Яцимирскимъ во 2-й книгѣ «Изв. Отд. Русск. яз. и Слов.» 1899 г., и «Отрывки гадательной книги по списку XVI в.» (ibid., стр. 429).

Вообще слѣдовало бы больше поработать надъ этой темой и уяснить связь между славянскими гадательными книгами и соответствующими книгами у византійцевъ, романцевъ, германцевъ и друг.; а то не видно сравнительнаго изученія подобныхъ гадательныхъ книгъ даже всѣхъ славянскихъ. Скороснѣлость этой работы доказывается и приложенными къ ней дополненіями и поправками, довольно таки значительными.

К.

Г. Гефдингъ. Исторія новѣйшей философіи. Изданіе редакціи журнала „Образованіе“. Спб. 1900.

Имя копенгагенскаго профессора Гефдинга хорошо извѣстно русской читающей публикѣ. Его «Очерки психологіи, основанной на опытѣ» выдержали три русскихъ изданія и справедливо считаются однимъ изъ лучшихъ учебниковъ по психологіи. Профессоръ Гефдингъ обладаетъ способностью выдвигать на первый планъ существеннѣйшія черты предмета, нищетъ скато и ясно, серьезно и дѣльно популяризируетъ самые сложные вопросы. За границей проф. Гефдингъ давно пользуется славой образцоваго излагателя философскихъ системъ. Онъ всегда сумѣетъ передать философскую теорію или

систему не только вѣрно и сжато, взявъ существенное, но ясно и понятно. Поэтому очень высоко цѣнятся его капитальный трудъ «Исторія новой философіи», которую усиленно рекомендуютъ всѣмъ ищущимъ основательнаго и солиднаго знакомства съ философіей. Общія взгляды проф. Геффдинга на философію, на исторію философіи, какъ науку, придаютъ еще большее значеніе его труду. Въ своей книгѣ онъ не изолируетъ философскихъ системъ и не ограничивается изложеніемъ системъ и ихъ спеціальной философской эволюціи. Онъ беретъ философію въ ея культурно-историческомъ значеніи и въ ея отношеніи къ жизни. Поэтому онъ съ большимъ вниманіемъ останавливается на роли личности въ философіи, всегда старается выяснитъ, какъ отразилась въ системѣ и сама личность ея творца и условія жизни. Успѣхи и эволюція философскихъ теорій тѣсно связаны съ развитіемъ естественныхъ наукъ, и проф. Геффдингъ всегда отмѣчаетъ связи философіи съ естествознаніемъ и ихъ вліяніе другъ на друга. Наконецъ, вся исторія философіи совершается въ извѣстныхъ культурно-историческихъ рамкахъ, и проф. Геффдингъ старается обрисовать ихъ. «Какая бы судьба ни была суждена», говоритъ проф. Геффдингъ, «философіи, ея исторія едва ли когда либо перестанетъ представлять двойной интересъ, съ одной стороны—потому, что мы имѣемъ въ философскихъ идеяхъ симптомы, указывающіе, въ какомъ направленіи идетъ духовное развитіе эпохи, съ другой стороны—потому, что мы имѣемъ въ нихъ также попытки разрѣшить великія проблемы, которыя имѣютъ свои корни какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ отношеніи человѣка къ бытію, членомъ котораго онъ является».

«Исторія новой философіи» обнимаетъ періодъ съ конца эпохи Возрожденія до нашихъ дней. Первый томъ доводитъ изложеніе до Канта, второй — до нашихъ дней. Переводчики перевели только второй томъ, въ виду его большаго интереса для русскихъ читателей». Съ этимъ можно согласиться. Въ русской литературѣ нѣтъ сочиненія, которое бы подробно и основательно знакомило съ философскими идеями XIX вѣка. Правда, на русскомъ языкѣ есть «Исторія новой философіи» Ибервега-Гейнце, но эта книга, давая очень сжатый очеркъ системъ и рисуя лишь схематически ходъ философскаго развитія, врядъ ли пригодна для цѣлей основательнаго и подробнаго знакомства съ исторіей философіи. Поэтому переводъ второго тома труда Геффдинга восполняетъ значительный пробѣлъ въ нашей историко-философской литературѣ.

Геффдингъ вводитъ въ философію XIX вѣка изложеніе системы Канта. Изложеніе философіи Канта, данное здѣсь, считается однимъ изъ лучшихъ. Даже спеціальныя работы о Кантѣ отсылаютъ читателя къ труду Геффдинга. Дальнѣйшее развитіе философіи проф. Геффдингъ видитъ въ развѣтвленіи ея на философію романтизма и позитивизма. Во 2-й книгѣ онъ разсматриваетъ романтическую философію съ двухъ сторонъ: какъ идеалистическое ученіе о развитіи и какъ пессимистическое міросозерцаніе. Въ первомъ отдѣлѣ находятъ мѣсто Фихте, Шеллингъ, Гегель и Шлейермахеръ; во второмъ—Артуръ Шопенгауэръ. Третій отдѣлъ посвященъ судьбамъ критической философіи въ эпоху романтизма: Фрицу, Гербарту и Бенеке. Разсмотрѣвъ въ четвертомъ отдѣлѣ переходъ изъ романтическаго «умозрѣнія» въ позитивную «вѣру»—Штрауса и Фейербаха, Геффдингъ переходитъ къ позитивизму, изложенію котораго по-

священа третья книга. Въ ней проф. Геффдингъ излагаетъ подготовку французскаго позитивизма и систему Конта; англійскій позитивизмъ въ лицѣ Д. С. Милля и эволюціонную философію Дарвина и Спенсера. Въ четвертой книгѣ разсказывается исторія философіи въ Германіи 1850 — 1880 г.г.): Робертъ Майеръ, матеріализмъ идеалистической системы на реалистической подкладкѣ (Лютце, Фехнеръ, Гартманъ), критицизмъ и позитивизмъ въ лицѣ Ланге и Дюринга. Вотъ содержаніе разбираемой книги. Переводъ сдѣланъ добросовѣстно.

П. Щ.

Профессоръ М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Обзоръ исторіи русскаго права. Изд. 3-е Съ дополненіями. Изд. Оглоблина. 1900.

Въ ряду немногочисленныхъ цѣльныхъ и законченныхъ изложеній исторіи русскаго права труду кievскаго профессора М. Ф. Владимірскаго-Буданова принадлежатъ видное мѣсто. М. Ф. Владимірскій-Будановъ — давній и дѣятельный изслѣдователь нашей правовой исторіи. Немало спорныхъ вопросовъ этой исторіи подвергались тщательному обслѣдованію въ отдѣльныхъ монографіяхъ и статьяхъ кievскаго профессора; при изученіи русской исторіи нерѣдко приходится считаться съ теоріями, имъ выдвинутыми; всегда заслуживаютъ вниманія его возраженія и полемика иногда съ очень распространенными въ наукѣ мнѣніями. Наконецъ ему же принадлежитъ цѣнная, прекрасно составленная и комментированная «Хрестоматія по исторіи русскаго права» — незамѣнимое пособие при изученіи исторіи права.

При изданіи «Обзора» авторъ преслѣдовалъ главнымъ образомъ педагогическія цѣли, его книга представляетъ стройный университетскій курсъ. Интересною особенностью курса является отдѣленіе исторіи уголовнаго и гражданскаго права отъ исторіи государственнаго права. Авторъ объясняетъ эту особенность тѣмъ, что «два этихъ сюжета не могутъ быть преподаны студентамъ 1-го курса и должны составлять отдѣльный предметъ для слушателей, болѣе подготовленныхъ». Едва ли можно съ этимъ согласиться; правда, благодаря этому, наука имѣетъ два солидныхъ спеціальныхъ обзора исторіи гражданскаго и уголовнаго права. Въ литературѣ указывалось на нѣсколько искусственный планъ книги, на излишнюю схематизацію. Это указаніе имѣетъ основанія. Стремленіе удовлетворить педагогическимъ цѣлямъ, безъ сомнѣнія является ближайшимъ мотивомъ архитектурной постройки, возведенной профессоромъ М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ, исторія государственнаго права дѣлится на три періода: земскій, московскій и имперскій. Каждый изъ этихъ періодовъ представляетъ 5 отдѣловъ: территория, населеніе, власть, управление, законодательство. Каждый изъ этихъ отдѣловъ имѣетъ свои дѣленія и подраздѣленія. Понятно, что развитіе права не укладывается въ эти рамки, но если это приходится дѣлать въ силу необходимости, «останавливая вниманіе учащагося на существенныхъ отгѣнкахъ мысли или фазисахъ явленій», то врядъ ли это можно назвать удачнымъ педагогическимъ приѣмомъ: въ деталяхъ учащійся, въ особенности неподготовленный студентъ перваго курса, едва ли разберется и едва ли получитъ цѣльное представленіе объ эволюціи правовыхъ отношеній.

Помимо педагогическаго, книга профессора Владимірскаго-Буданова имѣть научное значеніе. Къ ней обратится не только тотъ, кто имѣть въ виду познакомиться и изучить исторію русскаго права; въ ней найдетъ много интереснаго и изслѣдователь. Авторъ сбивается часто съ чисто педагогическаго пути и жертвуетъ педагогическими выгодами въ пользу научныхъ. И за это его, конечно, никто не станетъ обвинять. Полемикъ отведено немало мѣста въ книгѣ г. Владимірскаго-Буданова. Она выходитъ уже третьимъ изданіемъ, и ни одно изъ нихъ не печаталось безъ перемѣны; авторъ рассчитывался въ каждомъ изъ нихъ съ накопившимися новыми взглядами. Онъ самъ перечисляетъ тѣ вопросы, по поводу которыхъ онъ дѣлаетъ существенныя возраженія на мнѣнія другихъ ученыхъ: очень длинный перечень. Нѣкоторыя изъ возраженій г. Владимірскаго-Буданова наносятъ существенный ущербъ опровергаемымъ взглядамъ: таковъ, напримѣръ, вопросъ о боярской думѣ; но есть и такія, которыя, идя въ разрѣзъ съ распространенными въ наукѣ взглядами, врядъ ли въ состояніи поколебать ихъ. Таковъ старый вопросъ объ основаніяхъ прикрѣпленія крестьянъ, о значеніи верховнаго тайнаго совѣта.

Во всякомъ случаѣ «Обзоръ исторіи русскаго права» является солиднымъ пособіемъ при изученіи этой науки и надежной справочной книгой по всей ея исторіи. Не лишнимъ явился бы указатель къ этой книгѣ, въ теперешнемъ изданіи отсутствующій.

Щ—ъ.

Лѣтопись историко-филологическаго общества при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ. VIII. Византійско-славянское отдѣленіе (бывшее византійское). V. Одесса. 1900.

Историко-филологическое общество при Новороссійскомъ университетѣ издавна выдѣлило изъ своей среды византійское отдѣленіе, которое время отъ времени знакомитъ русскую публику съ учеными своими трудами, въ видѣ «Лѣтописи». Въ настоящемъ году византійское отдѣленіе, вѣдавшее лишь область византологіи, было преобразовано въ византійско-славянское, расширивъ задачу своихъ ученыхъ занятій и въ сторону славяновѣдѣнія. Вышедшій теперь новый (пятый) томъ «Лѣтописи» отдѣленія содержитъ въ себѣ десять различныхъ статей, относящихся по своему содержанию къ области византологіи и славистики.

На первомъ мѣстѣ здѣсь находится статья В. М. Гуссова подъ заглавіемъ: «Къ вопросу о редакціяхъ Моленія Данила Заточника» (стр. 1—34). Авторъ статьи приходитъ къ слѣдующимъ заключительнымъ выводамъ. Моленіе имѣетъ историческую основу, возникло въ первой половинѣ XIII вѣка (1213—12³⁸/₄₂ годы) и принадлежатъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, къ памятникамъ ростовско-суздальской литературы; первоначальной редакціей «Моленія» слѣдуетъ считать ту, которая содержится въ спискахъ Ундольскаго и Чудовскомъ; она выработана авторомъ самостоятельно; другіе списки «Моленія» представляютъ чисто литературную передѣлку первой редакціи и появились значительно позже XIII столѣтія, вѣроятно, въ Новгородѣ.

Вторая статья, подъ заглавіемъ—«Къ вопросу о Синодикѣ царя Бориса» (стр. 35—136), принадлежитъ профессору П. А. Лаврову и представляетъ

рядъ критическихъ замѣчаній на изслѣдованіе г. Попруженка «Синодикъ царя Бориса» (Одесса, 1900).

Далѣе (№ III) слѣдуетъ статья Г. П. Бѣльченка, рассматривающая «Поученіе блаженнаго Теодосія, игумена Печерскаго, о казняхъ Божіихъ» (стр. 137—162). Авторъ полагаетъ, что всѣ три редакціи этого поученія—лѣтописная, Теодосіева и Фотіева — восходятъ къ одному первоисточнику—не дошедшей до насъ первой славянскои редакціи, переработкѣ Златоуструевскаго «Слова о ведрѣ и о казняхъ Божіихъ». Вопросъ о принадлежности поученія Теодосію остается пока открытымъ, такъ какъ оно только въ «Торжественникѣ» XV вѣка приписывается препод. Теодосію. Впрочемъ, источникъ поученія—Симеоновскій Златоуструй—не пріятствуетъ считать авторомъ его Теодосіа. Что касается редакціи поученія въ «Торжественникѣ», то она подверглась здѣсь значительной позднѣйшей переработкѣ. Первая половина поученія по «Торжественнику» имѣетъ древнѣйшую свою редакцію въ «Лѣтописи» (подъ 6575 г.), а вторая половина, состоящая изъ отрывочныхъ наставленій о благоговѣнномъ стояніи въ церкви, о воздержаніи отъ грабежа и пьянства, заимствована изъ разныхъ древнихъ поученій. Наконецъ, русскій митрополитъ Фотій (XV вѣка), въ бесѣдѣ коего на недѣлю мясопустную есть размышленіе о казняхъ Божіихъ, заимствовалъ, по мнѣнію автора, свое поученіе не изъ греческихъ источниковъ, но изъ славянскихъ рукописей.

Слѣдующая (№ IV) работа, подъ заглавіемъ «Археологія на XI археологическомъ съѣздѣ» (стр. 163—178), заключаетъ въ себѣ обзоръ рефератовъ по археологіи, читанныхъ на съѣздѣ въ Кіевѣ; статья написана г. И. А. Линиченкомъ.

На пятомъ мѣстѣ находится статья проф. В. М. Истрина подъ заглавіемъ: «Къ вопросу о славяно-русскихъ редакціяхъ Первовеангелія Іакова» (стр. 179—226). Здѣсь доказывается, что апокрифъ «Первовеангеліе Іакова» существовалъ въ двухъ переводахъ на славянскій языкъ, а не въ одномъ, какъ полагаетъ ученый Ягичъ; переводъ сдѣланъ съ греческаго оригинала.

Слѣдующая (VI) статья принадлежитъ С. Г. Вилинскому и сообщаетъ о «Византійско-славянскихъ сказаніяхъ о созданіи храма Святой Софіи Царьградской» (стр. 227—336). Здѣсь подробно описываются и обозрѣваются въ отношеніи содержанія списки «Сказанія» греческіе, юго-славянскіе и русскіе, указывается ихъ взаимоотношеніе, и приводятся въ полномъ видѣ тексты нѣкоторыхъ изъ нихъ. Первоначальною редакціею «Сказанія» нужно считать текстъ Анонима, напечатанный впервые Бандури и относящійся къ XII вѣку.

Далѣе, С. Д. Пападимитріу пишетъ «Объ авторѣ дидактическаго стихотворенія Σέαυλας» (стр. 337—366). Вопреки нѣмецкому ученому І. Шмитту, г. Пападимитріу полагаетъ, что авторомъ этого стихотворенія не можетъ быть сынъ византійскаго императора Іоанна Комнина — Алексѣй, скончавшійся въ 1142 году; но кто именно написалъ это произведеніе, на этотъ вопросъ трудно отвѣтить, въ виду отсутствія для этого достаточныхъ данныхъ.

Восьмая статья, подъ заглавіемъ — «Врачевальныя молитвы. Къ матеріаламъ и изслѣдованіямъ по исторіи рукописнаго русскаго Треника» (страницы 367—514), написана профессоромъ А. И. Алмазовымъ и представляетъ обстоятельное изслѣдованіе о происхожденіи и исторической судьбѣ вра-

чевальныхъ молитвъ, которыя читались въ случаяхъ той или иной болѣзни, съ цѣлью исцѣленія отъ нея. Здѣсь рѣчь идетъ о молитвахъ общаго назначенія, т. е. предназначенныхъ къ моленію объ исцѣленіи вообще больного, и о молитвахъ, приспособленныхъ къ церковному врачеванію какой либо специальной, определенной болѣзни, напимѣръ, отъ болѣзни головы, глазъ, зубовъ, рукъ и ногъ и т. д. Въ статьѣ представленъ въ прекрасной обработкѣ обширный рукописный матеріалъ указанного рода, заимствованный изъ библиотекъ Востока и Запада.

Въ слѣдующей (IX) статьѣ, написанной Е. Н. Щепкинымъ, содержатся «Краткія извѣстія о Лжедимитріи I» (стр. 515—526), заимствованныя авторомъ изъ архивнаго матеріала, хранящагося въ Венеціи, Вѣнѣ, Данцигѣ, Кенигсбергѣ и Москвѣ (въ архивѣ министерства юстиціи). Извѣстія приводятся въ видѣ выдержекъ изъ иностранныхъ документовъ и представляютъ сырой матеріалъ, еще требующій научной обработки.

Наконецъ, послѣдняя (X) статья принадлежитъ греческому ученому, состоящему приватъ-доцентомъ С.-Петербургскаго университета, А. И. Пападопуло-Керамевсу, и сообщаетъ о вновь открытомъ имъ гимнѣ въ честь Богородицы, составленномъ знаменитымъ константинопольскимъ патріархомъ IX вѣка Фотіемъ (стр. 527—538). Гимнъ найденъ въ греческой рукописи XIV вѣка, принадлежащей Императорской Публичной библиотекѣ въ С.-Петербургѣ (№ 548).

Такимъ образомъ, статьи, находящіяся въ пятомъ томѣ «Лѣтописи» византійско-славянскаго отдѣленія при Новороссійскомъ университетѣ, большею частью касаются происхожденія различныхъ памятниковъ славянской и византійской литературы, сообщаютъ новые матеріалы изъ этой области и даютъ то или иное научное ихъ освѣщеніе. Характеръ и подборъ статей вполне соответствуютъ задачѣ ученаго учрежденія—разрабатывать источники византологіи и славяновѣдѣнія, раскрывать и освѣщать культурныя связи славянскаго міра съ Византіей.

Σ.

Лэддъ, Дж. Т. Очеркъ элементарной психологіи. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1900.

Американскому профессору Лэдду принадлежитъ цѣлый рядъ сочиненій и учебниковъ по психологіи. По своимъ взглядамъ онъ примыкаетъ къ той сектѣ американскихъ психологовъ, которые находятся подъ сильнымъ вліяніемъ англійскихъ эмпирическихъ ученій и новѣйшаго германскаго направленія. Она преимущественно разрабатываетъ психологію съ экспериментальной точки зрѣнія. Книжка Лэдда, переведенная теперь по-русски, посвящена началамъ психологіи и написана съ цѣлью популяризовать современныя научныя данныя въ средѣ самой большой публики. Книжка эта, представляющая лишь изложенныя въ популярной формѣ выводы изъ многочисленныхъ психологическихъ сочиненій автора, стоитъ на высотѣ современныхъ научныхъ требованій. Написана она очень просто и въ сжатыхъ чертахъ знакомитъ со всеми явленіями душевной жизни. Людямъ, ищущимъ первоначальныхъ свѣдѣній по психологіи и не имѣющимъ досуга изучать большія сочиненія, можно рекомендовать учебничекъ проф. Лэдда, недурно переведенный по-русски.

Щц.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

Родина Будды.—Лекціи о византийской исторіи.—Мишель Л'Опиталь.—Маги и колдуны при Людовикѣ XIV.—Отець англійскаго романа.—Новые труды по исторіи Сѣверо-Американскихъ штатовъ.—Великосвѣтскія дамы во время революціи и имперіи.—Конецъ дневника Башкирцевой.—Афганистанскій эмиръ Абдурахманъ.—Столѣтіе годовщины дня рожденія Мольтке.—Графъ Вальдерзэ во время франко прусской войны.

ОДИНА Будды. Ученый консерваторъ извѣстнаго парижскаго музея Гимэ, А. де-Миллуэ, помѣстилъ въ предпоследнемъ сентябрьскомъ номерѣ «Revue epuscopédique» ¹⁾ любопытный очеркъ открытія въ послѣдніе годы родины Будды, города Капилавасту. Кромѣ знаменитаго Иліона, ни одинъ изъ исчезнувшихъ городовъ на свѣтѣ не разыскивался такъ долго и такъ усердно, какъ эта святыня буддистовъ. Тѣмъ труднѣе было достигъ цѣли, что въ буддистскихъ книгахъ говорится очень смутно объ этомъ важномъ для нихъ городѣ. Онѣ распространяются въ цвѣтистыхъ, но рутинныхъ выраженіяхъ, невольно возбуждающихъ сомнѣніе, о громадномъ его объемѣ, о невѣроятномъ количествѣ населенія и о великолѣпномъ богатствѣ его дворцовъ, но относительно географическаго положенія Капилавасту упоминается только, что онъ находится у подножія Гималая, въ неопредѣленной территоріи Казаловъ, на берегу рѣки, называемой различно, то Раги-Рати (Гангъ или одинъ изъ его притоковъ), то Рогани, Рогита или Рogaка. Описаніе паломничества Асоки за двѣсти семьдесятъ лѣтъ до Р. Хр. къ священнымъ мѣстамъ буддизма не представляетъ никакихъ точныхъ свѣдѣній о тѣхъ мѣстностяхъ,

¹⁾ Revue archeologique: «Decouverte de Capilavastou», par L. de Milloué.

которыя онъ посѣтилъ, и гдѣ воздвигъ памятники въ видѣ колоннъ. Въ сущности единственныя полезныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ встрѣчаются въ описаніяхъ пилигримствъ двухъ китайцевъ, посѣтившихъ Индію въ V и VI вѣкахъ послѣ Р. Хр. Оба они, Фа-Хіэнъ и Хяуэнъ-Тцангъ, направились изъ Краvasti въ Капилавасту, хотя различными дорогами, но по одному юго-западному направленію, и упоминаютъ объ одномъ и томъ же разстояніи около 135 километровъ. По дорогѣ они видѣли садъ Лумбини, гдѣ родился Сакіа-Муни, и ступы, или курганы, подъ которыми покоились его предшественники Кракучанда и Канака-Муни. Съ тѣхъ поръ надъ этой мѣстностью пронесли время, людское забвеніе, браминская реакція и мусульманское завоеваніе. Только въ настоящемъ вѣкѣ англійскій генералъ Куннингамъ заявилъ, что онъ нашелъ Краvasti въ Сахетъ-Махетѣ, въ Удскомъ королевствѣ, а Капилавасту — прежде въ селеніи Нагаръ-Кастѣ, гдѣ не оказалось никакихъ развалинъ, а потомъ въ селеніи Буилѣ у подножія Непальскихъ горъ, въ 135 километрахъ къ сѣверу отъ Бенареса. Тутъ оказались многочисленныя развалины, и его помощникъ Карлейль сталъ упорно доказывать, что въ нихъ найдены всѣ памятники, упомянутыя въ буддійскихъ сочиненіяхъ и китайскими пилигриммами. Эти свѣдѣнія были приняты за непреложные факты многочисленными археологами, но нашлись ученые, въ томъ числѣ и докторъ Фьюреръ, которые доказали, что найденная Капилавасту находилась только въ воображеніи Карлейля, а настоящую колыбель Будды надо искать болѣе къ сѣверу и ближе къ Гималаю. Другіе же ученые, въ виду этой неудачи англійскихъ археологовъ, стали склоняться въ пользу той теоріи, которая считаетъ Будду солнечнымъ мѣомъ, а Капилавасту плодомъ воображенія буддистскихъ писателей. Между тѣмъ въ 1895 году распространился слухъ, что одинъ англійскій чиновникъ въ Непалѣ нашелъ обломокъ колонны въ стилѣ колоннъ Асоки въ Нигливі среди лѣсистой и болотистой мѣстности между послѣдними отрогами Гималая и сѣверной границей Индіи. Директоръ археолого-топографической комиссіи Сѣверо-западныхъ провинцій и Уда докторъ Фьюреръ тотчасъ посѣтилъ на мѣсто и дѣйствительно призналъ въ обломкѣ колонны остатокъ одной изъ колоннъ, упоминаемыхъ китайскими пилигриммами. Въ этомъ фактѣ нельзя было сомнѣваться, такъ какъ на обломкѣ находилась надпись: «Царь Піадази (Асока) любимецъ боговъ, четырнадцать лѣтъ послѣ своего вѣнчанія на царство, вторично увеличилъ ступу Будды—Канакамуни, а двадцать лѣтъ послѣ своего вѣнчанія на царство онъ явился сюда лично поклониться и воздвигъ эту каменную колонну». По словамъ китайскихъ пилигриммовъ, въ девяти километрахъ къ западу или къ сѣверо-западу отъ ступы Канакамуни находилась Капилавасту, а потому Фьюреръ хотѣлъ въ этомъ направленіи повести раскопки зимою 1896—1897 года послѣ подробнаго изслѣдованія ступы Канакамуни, но въ виду свирѣпствовавшего тогда голода въ этой мѣстности ему пришлось временно отказаться отъ своего плана, и онъ присоединился къ высшему непальскому сановнику, подъ руководствомъ котораго производились раскопки въ селеніи Падерія на разстояніи двадцати одного километра къ юго-востоку отъ Нигливы. Тамъ по счастливой случайности онъ увидаль подлѣ своей палатки торчавшую изъ земли колонну съ надписями пилигриммовъ, одна изъ которыхъ

относился къ 700 году нашей эры. Онъ немедленно произвелъ раскопки и обнаружилъ прекрасный цилиндрическій монолитъ. На немъ виолнѣ сохранилась надпись Асоки: «Царь Пиадази, любимецъ боговъ, двадцать лѣтъ послѣ вѣлчанія на царство былъ здѣсь лично для поклоненія и сказалъ: «здѣсь родился Будда Сакіа-Муни. И онъ приказалъ сдѣлать каменную колонну съ лошадейю наверху и оставить ее тутъ, а такъ какъ Будда родился здѣсь, то селеніе Лумбини (Мумбини) освобождено отъ всякихъ налоговъ и осыпано богатствами». Благодаря случайной удачѣ, Фьюреръ нашелъ мѣстность, гдѣ находился садъ Лумбини и колыбель Сакіа-Муни. Въ этомъ не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія, и даже нельзя было подозрѣвать, чтобы колонна была перенесена съ другого мѣста, такъ какъ она возвышалась на своемъ нетронutomъ первобытномъ каменномъ фундаментѣ, засыпанномъ на четыре метра землею. Имѣя такіе два базиса для раскопокъ, какъ Ниглива и Лумбини, Фьюреру не трудно было найти Капилавасту, что ему и удалось въ декабрѣ 1896 года среди почти непроходимаго лѣса въ двадцати девяти километрахъ къ сѣверо-западу отъ Лумбини. Что найденныя развалины большого города, выстроеннаго изъ кирпичей и окруженнаго стѣной, между рѣками Жамуаръ-Мади (Рогани) на востокъ и Бангака (вѣроятно, Багерати) на западѣ, были дѣйствительно Капилавасту, доказали дальнѣйшія раскопки. Постепенно найдены въ Готивѣ, отстоящей на 13^{1/2} километровъ отъ южныхъ воротъ Капилавасту, двѣ ступы Кракучанды съ колонной Асоки, близъ восточныхъ воротъ развалины храма бога Сивы, который, согласно легендѣ, сошелъ съ своего мѣста и преклонился передъ малолѣтнимъ Буддой, когда его внесли въ храмъ, спустя нѣсколько дней послѣ рожденія, и къ сѣверо-востоку отъ города поле брани, на которомъ армія Вирудаки, царя Козалы, побѣдила Сакіевъ не задолго до смерти Будды. На этомъ полѣ брани найдены тысячи маленькихъ четырехугольныхъ кирпичныхъ кургановъ, расположенныхъ симметричными рядами вокругъ большого кургана. Этотъ большой курганъ и семнадцать маленькихъ раскопаны, и въ нихъ найдены урны съ обуглившимися костями и съ именами покойниковъ на крышкахъ урнъ. Похороненный подъ большой ступой назывался Маханаманъ, и Фьюреръ полагаетъ, что этотъ Маханаманъ былъ преемникомъ отца Будды, Судаданы, на престолѣ Капилавасту. Но другіе индійскіе источники, приводимые англійскими учеными, свидѣтельствуютъ, что Маханаманъ былъ не царемъ, а первымъ министромъ при отцѣ Будды. Наконецъ, въ январѣ 1898 года, одинъ изъ помощниковъ Фьюрера, Пенне, нашелъ въ Пишрано-Алигарѣ, селеніи, находящемся въ полутора километрахъ отъ Невальской границы, большой полукруглый курганъ, надъ которымъ въ склепѣ оказалась гробница изъ бѣлаго песчаника. Въ этой гробницѣ хранились одна урна изъ горнаго хрустала и пять урнъ изъ талька съ перламутровымъ блескомъ, которыя были наполнены золотыми звѣздочками и листочками, золотыми изображеніями матери Будды, жемчугами, кораллами, топазами, рубинами, аметистами и другими драгоценными каменьями. Между этими урнами видѣлись остатки ящика изъ сандалнаго дерева съ обуглившимися костями. На одной изъ тальковыхъ урнъ красовалась надпись болѣе старинная, чѣмъ надписи Асоки: «Эта гробница съ остатками всеблаженнаго Будды составляетъ

даръ Сакіевъ: Сукити и его братьевъ, сестеръ, дѣтей и женъ». Такимъ образомъ, очевидно, были найдены тѣ останки Сакіа-Муни, которые достались его родственникамъ послѣ раздѣла этихъ останковъ вслѣдъ за сожженіемъ тѣла Будды въ Кусинагари. Всѣ эти открытія, сдѣланныя въ теченіе трехлѣтнихъ раскопокъ, имѣютъ громадное историческое значеніе, но Фьюреръ этимъ не довольствовался и хотѣлъ въ 1898—1899 годахъ не только разрыть всю мѣстность, подѣ которой находились развалины Капилавасту, но также отыскать Кусинагари, гдѣ Сакіа-Муни предавался нирванѣ, но, по несчастію для него и для археологіи, онъ лишился своего официальнаго мѣста и не могъ закончить своихъ замѣчательныхъ археологическихъ трудовъ.

— Лекціи профессора Ш. Дилиа о византійской исторіи. Въ парижскомъ университетѣ недавно открылась новая кафедра византійской исторіи, и занимающій ее профессоръ Шарль Диль, о трудахъ котораго по византійской исторіи уже было говорено, напечаталъ надняхъ свою вступительную лекцію ¹⁾, а также помѣстилъ въ «Revue encyclopedique» одну изъ послѣдующихъ лекцій, имѣющую предметомъ византійское общество ²⁾. Главной цѣлью своего курса почтенный профессоръ поставилъ возстановленіе добраго имени Византійской имперіи и византійской эпохи. «Бывають дурно звучація слова, — говоритъ онъ, — и въ числѣ ихъ самую дурную славу имѣютъ слова: византійскій, византійская, византійское и т. д. Напримѣръ, когда въ парламентѣ происходятъ пустыя, бесполезныя пренія, то газеты называютъ ихъ византійскими. Если пресловутый протоколъ, то-есть правила официальнаго этикета, доходитъ до нелѣпности, то его укоряютъ въ византійскихъ церемоніяхъ. Лучшіе умы подѣ словомъ византинизмъ представляютъ себѣ безконечныя бессмысленныя споры о какойнибудь пустой формальности. Тѣмъ называлъ византійцевъ «народомъ формальныхъ богослововъ и идиотскихъ болтуновъ», а вообще большая часть изъ насъ представляетъ себѣ Византію страной, которая болѣе заботилась о церемоніяхъ и формахъ, чѣмъ о насущныхъ потребностяхъ жизни. Конечно, она не могла заслужить такой дурной славы безпричинно, но ея недостатки и слабости могутъ быть объяснены очень разумными аргументами, оправдывающими ее въ значительной степени. Несомнѣнно, Византія любила придворныя революціи, государственныя перевороты и военные мятежи, но она въ этомъ походила только на Римъ во времена цезарей. Она страстно любила зрѣлища въ циркахъ, но и въ этомъ она нисколько не отличалась отъ императорскаго Рима, и при томъ ей скорѣе, чѣмъ Риму, надобли эти опасныя зрѣлища. Она отличалась, несмотря на культурную мѣстность, жестокими и варварскими правами; но въ этомъ отношеніи она была истинной представительницей среднихъ вѣковъ, и даже большинство сосѣднихъ современныхъ народовъ превосходили ее въ жестокости и варварствѣ. Наконецъ она любила до безумія богословскіе споры, въ которыхъ одинаково компрометировала интересы государства и церкви, но въ сущности подѣ бого-

¹⁾ Introduction. L'histoire de Byzance: leçon d'ouverture de l'histoire byzantine, par C. Diehl. Paris. 1900.

²⁾ La société byzantine, par C. Diehl. «Revue encyclopedique», 1 septembre 1900.

словскими преніями византійцевъ скрывались политическія стремленія. Вообще о Византіи нельзя судить огуломъ, и притомъ или съ точки зрѣнія современныхъ идей, или сравнивая ее съ Римомъ и Греціей. Не надо разсматривать, какъ средневѣковое государство, поставленное на крайней границѣ между Европой и варварской Азіей. Судя о ней такимъ образомъ, мы получимъ совершенно иное мнѣніе, чѣмъ до сихъ поръ». Посвятивъ свой первый курсъ эпохѣ Юстиніана и Феодоры, Диль въ одной изъ первыхъ лекцій представилъ мастерскую характеристику византійскаго общества. По его словамъ, не легко набросать краткую, но точную картину византійскаго общества. Съ V столѣтія, когда оно возникло, и до XV столѣтія, когда оно исчезло, это общество существовало тысячу лѣтъ и въ теченіе этого времени подвергалось многимъ страннымъ измѣненіямъ. Поэтому въ общей картинѣ, чтобы не смѣшать различныхъ эпохъ и противоположныхъ условій жизни, можно только указать на главные, такъ сказать, постоянныя черты византійскаго общества, при чемъ все-таки необходимо указывать на постепенную эволюцію византійскаго общества. Находясь на границѣ Азіи и Европы и подъ открытымъ вліяніемъ какъ персидскаго и арабскаго востока, такъ и сѣверныхъ варваровъ, это общество отличалось въ корнѣ космополитизмомъ. Въ немъ смѣшивались элементы славянскій, еракійскій, итальянскій, армянскій, кавказскій и арабскій. По временамъ нѣкоторые изъ этихъ элементовъ, какъ, напримѣръ, славянскій и армянскій, брали перевѣсъ. Но такова была сила византійской цивилизаціи, что она рано или поздно ассимилировала и подчиняла себѣ все эти различные элементы. Византія, по словамъ Раббо, принимая въ свой составъ необтесанныхъ, дикихъ чужестранцевъ превращала ихъ подъ вліяніемъ своей цивилизаціи въ культурныхъ людей: въ писателей, ученыхъ, богослововъ и ловкихъ администраторовъ. Эллинизмъ постоянно, кромѣ краткой эпохи Юстиніана, поддерживалъ свое господство въ имперіи и вмѣстѣ съ христіанствомъ придавалъ единство византійскому обществу. Несмотря, однако, на это единство, общество въ Константинополѣ, утонченное, блестящее, культурное, вертѣвшееся вокругъ трехъ центровъ: святой Софіи съ ея богословами, императорскаго дворца съ его интригами и цирка съ его разнузданными страстями,—отличалось во многомъ отъ провинціального общества болѣе грубаго и матеріальнаго, но зато болѣе энергичнаго и работающаго. Въ своемъ очеркѣ византійскаго общества Диль прежде всего разсматриваетъ его составныя части, или категоріи, а затѣмъ опредѣляетъ главные вкусы, или стремленія этого общества. По его словамъ, первую категорію составляла церковь, игравшая громадную роль въ государствѣ, въ которомъ интересы церковныя и политическія были тѣсно связаны. Хотя патріархъ константинопольскій назначался и смѣнялся императоромъ, но по своему вліянію онъ былъ почти папой восточной церкви, особенно когда патріархомъ былъ геніальный человекъ, въ родѣ Фотія, или энергичный дѣятель, какъ Михаилъ Церулярій. Значительную силу придавали византійской церкви ея митрополиты, архіепископы и епископы, немовѣрное богатство церквей и въ особенности монастыри, которые были очень распространены и пользовались громаднымъ вліяніемъ, благодаря ихъ богатству и учености монаховъ, однако, по словамъ Никифора Фоки, не отличавшихся вообще евангельскими добродѣ-

телями, а думавшихъ только объ увеличеніи своихъ земныхъ благъ. Вторую категорию византійскаго общества составляла аристократія и ея представители; какъ въ императорскомъ Римѣ, они занимали всѣ высшія должности по военной и гражданской службѣ. Эти архонты, пользовавшіеся многими привилегіями и владѣвшіе громадными помѣстьями, окружали въ столицѣ императора и были его совѣтниками, а въ провинціи они отличались чисто феодальной властью. До крестовыхъ походовъ внутренняя жизнь столичной византійской аристократіи служила отголоскомъ римскихъ традицій съ прибавкой восточной роскоши, которая доходила до неимовѣрныхъ размѣровъ. Хотя крестовые походы не уменьшили этой поразительной роскоши, но придали ей новую форму. Византійскіе дома въ XIV вѣкѣ уже не имѣли ничего античнаго, а скорѣе напоминали восточныя жилища; одежда становится проще, а остроконечный головной уборъ, украшенный мѣхомъ, сдѣлался характеристичной чертой. Что касается до жизни аристократовъ, то она отличалась блескомъ и удовольствіями, среди которыхъ главную роль играли церковные праздники, охота и циркъ. Женщины, повидимому, были затворницами, но многія изъ нихъ отличались высокой культурой и значительной энергіей, что при ихъ извѣстной безнравственности дозволяло имъ играть видную роль въ византійской исторіи. Воспитаніе высшаго класса было очень старательное и основывалось главнымъ образомъ на знаніи священныхъ книгъ и на изученіи классической древности. Школы правовѣдѣнія въ Константинополѣ и Беритѣ (Бейрутъ) славились во всемъ свѣтѣ. Изъ Византіи въ XI вѣкѣ распространилось возрожденіе платонки, и въ эпоху Палеологовъ тамъ возникъ гуманизмъ. Въ провинціяхъ аристократія имѣла совершенно иное значеніе. Хотя феодализмъ на востокѣ не былъ такъ строго организованъ, какъ на западѣ, но крестоносцы легко признали въ византійскихъ архонтахъ европейскихъ бароновъ. Могущественныя семьи Фоковъ, Комненовъ, Палеологовъ и другихъ играли первенствующую роль въ государствѣ. Что касается до средняго класса, то, занимаясь торговлей и промышленностью, онъ доставлялъ Византіи въ средніе вѣка славу, могущество и богатство. Купцы, промышленники и ремесленники составляли строго опредѣленныя замкнутыя корпораціи, такъ какъ Константинополь былъ тогда раемъ монополіи, привилегій и протекціонизма. Кромѣ столицы, главными промышленными центрами были Тиръ, Беритъ, Оивы, Коринѣ и Фессалоника. Находясь на перепутьѣ между востокомъ и западомъ, Константинополь служилъ складочнымъ мѣстомъ для товаровъ Азіи, Африки, Испаніи, Италіи, Германіи и Россіи. Византійскій коммерческій флотъ до XI вѣка господствовалъ на Средиземномъ морѣ, и только послѣ крестовыхъ походовъ какъ этотъ флотъ, такъ и вообще торговля въ Византійской имперіи стали быстро клониться къ упадку, благодаря энергичной конкуренціи Венеціи, Генуи, Пизы и другихъ итальянскихъ городовъ. Четвертая категория византійскаго общества, собственно народъ раздѣлялся на городской бѣдный классъ и на поселянъ. Первый состоялъ изъ праздныхъ, ничего не дѣлавшихъ пролетаріевъ, которые получали отъ императоровъ удовлетвореніе своихъ двухъ потребностей: хлѣба и цирка. Отъ времени до времени они возбуждали могучія возстанія, а съ XII вѣка начинаются попытки въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ, именно

на Корфу и въ Фессалоникѣ, создать политическую общину; что касается до поселянъ, то они дѣлились на свободныхъ земледѣльцевъ, составлявшихъ сельскія общины, и на людей, прикрѣпленныхъ къ землѣ, которую они должны воздѣлывать для своихъ господъ. Положеніе послѣднихъ было такъ печально, что западные крестоносцы признали въ нихъ французскихъ вилановъ. Еще хуже было положеніе рабовъ, которые состояли изъ плѣнныхъ и добровольныхъ невольниковъ, хотя съ XII вѣка императоры старались смягчить ихъ долю и облегчить способы ихъ освобожденія. Переходя отъ внутренняго строя византійскаго общества къ его стремленіямъ, Диль находитъ, что главными центрами этихъ стремленій были съ одной стороны церковь съ ея богословскими распрями, а съ другой циркъ съ его страстями. «Но, — прибавляетъ онъ, — какую бы важную роль ни играли въ Византіи церковь и циркъ, все-таки она знала и другія болѣе важныя, болѣе серіозныя задачи: вопросъ социальный, выразившійся борьбой между сильными и слабыми, что повело въ концѣ концовъ къ образованію грозной феодальной аристократіи; вопросъ аграрный, ознаменованный учрежденіемъ круиной собственности, которая уничтожила средній классъ и разорила всю страну; наконецъ, вопросъ экономическій, поставленный такъ, благодаря привилегіямъ, монополіямъ и протекціонизму, что промышленность и торговля за недостаткомъ свободы были погублены болѣе могущественными соперниками. Эти вопросы въ сущности составляли основу византійской жизни, и пока императоры умѣли оградить страну отъ губельныхъ послѣдствій ея социального, аграрнаго и экономическаго положенія, то византійское общество процвѣтало, кичась своей цивилизаціей, умственной культурной и артистическимъ вкусомъ, чему у нея училась остальная Европа. Но когда императоры оказались безпомощными къ разрѣшенію этихъ великихъ задачъ, то имперія разстроена, разоренная, неспособная къ самозащитѣ стала медленно разрушаться, и византійское общество въ XIII, XIV и XV вѣкахъ представляло лишь призракъ своего славнаго прошедшаго.

— Мишель Л'Опиталь. Одинъ за другимъ всѣ замѣчательные историческіе дѣятели Франціи съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго дня подвергаются подробному, основательному изученію молодыми французскими историками, которые вообще отличаются добросовѣстной, преимущественно архивной, разработкой поставленной себѣ задачи. Теперь пришла очередь Мишеля Л'Опиталья, канцлера и перваго министра Карла IX. Надняхъ вышелъ второй томъ обширной монографіи Дюпре-Лазала ¹⁾, который подробно и обстоятельно по новымъ даннымъ разсматриваетъ жизнь Л'Опиталья до его назначенія канцлеромъ, а въ одномъ изъ весеннихъ засѣданій академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ Фурнье де-Флэ представилъ блестящій рефератъ о политикѣ Л'Опиталья, который помѣщенъ, хотя въ очень сокращенномъ видѣ, въ первомъ октябрьскомъ номерѣ «Revue encyclopedique» ²⁾. Мишель Л'Опиталь родился въ

¹⁾ Michel de L'Hospital, avant son elevation au poste de chancelier de France, par P. Dupré Lasale. Paris. 1895—1900. 2 vol.

²⁾ Michel de L'Hospital et sa politique, par Fournier de Flaix. — «Revue encyclopedique», 6 octobre 1900.

Овернѣ въ 1507 году и былъ сыномъ доктора конетабля Бурбонскаго, котораго онъ сопровождалъ въ Италію, когда тотъ измѣнилъ Франціи. Въ то время юный Мишель былъ студентомъ Тулузскаго университета, и его немедленно арестовали, но вскорѣ освободили. Не имѣя никакихъ средствъ продолжать свои университетскія занятія, такъ какъ все имущество отца было конфисковано, онъ послѣдовалъ за кардиналомъ Граммономъ въ Испанію, а затѣмъ, когда послѣдній былъ назначенъ французскимъ посланникомъ въ Римъ, то онъ поѣхалъ къ отцу въ Миланъ. Явился онъ туда во время борьбы конетабля Бурбонскаго съ Францискомъ I, и когда послѣдній осадилъ городъ, то отецъ заставилъ юношу бѣжать, передѣтымъ погонщикомъ муловъ, въ Падую, гдѣ онъ шесть лѣтъ слушалъ лекціи въ тамошнемъ университетѣ, который считался тогда первымъ въ Европѣ. Новому біографу Л'Опиталю Дюпре-Лазалю удалось найти еще невѣдомые документы, которые подтверждаютъ, что его герой въ теченіе года былъ профессоромъ и занималъ одну изъ кафедръ, что, конечно, было большою честью для молодого человѣка, такъ какъ падуанскіе юристы считались въ XVI вѣкѣ лучшими въ свѣтѣ. Въ 1533 году свиданіе папы Климента VII съ Карломъ V въ Болоньѣ послужило причиною, хотя и косвенной, къ возвращенію Л'Опиталю во Францію. Его отецъ оказалъ значительную помощь кардиналу Граммону въ удержаніи папы отъ союза съ Испаніей, и въ благодарность за это Граммонъ выхлопоталъ у Франциска I амнистію для отца и сына, но отецъ не посмѣлъ вернуться на родину, хотя конетабль Бурбонскій уже умеръ, и Мишель одинъ перебрался въ Парижъ. Въ теченіе трехъ лѣтъ онъ занимался адвокатурой и выказалъ такія замѣчательныя юридическія познанія, что былъ назначенъ совѣтникомъ парижскаго парламента, а въ 1537 году женился на дочери одного изъ высшихъ судебныхъ сановниковъ, Жана Морэна. Несмотря на многія громкія судебная дѣла, въ которыхъ онъ предсѣдательствовалъ, и на ревностную борьбу, которую онъ велъ противъ злоупотребленій по судебной части, между прочимъ взяточничества судей, Л'Опиталь долго не подвигался въ своей юридической карьерѣ и утѣшалъ себя писаніемъ латинскихъ стиховъ. Только когда умеръ Францискъ I, онъ сталъ быстро возвышаться. Прежде всего онъ отправился въ качествѣ французскаго посланника въ Болонью къ переведенному туда Трентскому собору, а затѣмъ онъ находился попечителемъ при юной принцессѣ Аннѣ д'Эте, вышедшей замужъ за герцога Франсуа Гиза. По возвращеніи во Францію онъ былъ назначенъ при королѣ Генрихѣ II предсѣдателемъ контрольной палаты и въ этомъ качествѣ выказалъ не только всю глубину своихъ юридическихъ знаній, но и замѣчательное гражданское мужество. Онъ продолжалъ энергично искоренять злоупотребленія, набрасывавшія тѣнь на правосудіе, неустанно слѣдилъ за правильностью сбора податей, сокращалъ на сколько возможно неправильные и безумные административные расходы, ставилъ предѣлы хищенію придворныхъ и даже возставалъ противъ расточительности короля относительно его фаворитокъ. Благодаря своей борьбѣ съ сарданапальской роскошью двора, Л'Опиталь подвергся наконецъ полу-опалѣ при Францискѣ II, но по вступленіи на престолъ Карла IX онъ былъ назначенъ канцлеромъ и первымъ министромъ. На этомъ заканчивается монографія Дюпре-Лазалю, и онъ, къ

сожалѣнію, разстается со своимъ героемъ въ самую важную эпоху его жизни. Только очень кратко онъ отзывается объ его политикѣ во время управленія имъ Франціей и относится къ ней несочувственно, находя, что онъ въ своей вѣротерпимости шель слишкомъ далеко и забывалъ о національныхъ интересахъ своей родины, которые будто бы страдали, благодаря его покровительству гугенотамъ. Совершенно иначе и вполне справедливо отнесся къ министерской дѣятельности Л'Опиталья Фурнье-де-Флэ. Но прежде чѣмъ привести его замѣчательную характеристику Л'Опиталья, какъ правителя Франціи, упомянемъ въ двухъ словахъ о послѣдующихъ фактахъ его жизни. Сдѣлавшись канцлеромъ и первымъ министромъ, Л'Опиталь прежде всего воспротивился учрежденію во Франціи инквизиціи, чего добивались могущественные тогда Гизы, но хотя ему удалось на этомъ настоять, Гизы не унимались и, арестовавъ принца Кондэ, потребовали, чтобы былъ постановленъ противъ него смертный приговоръ. Судъ униженно повиновался, но Л'Опиталь отказался подписать смертный приговоръ заявивъ: «Я сумѣю умереть, но никогда себя не опозорю». Находя себѣ поддержку въ матери короля, Екатеринѣ Медичи, которая готова была на все, чтобы только насолить Гизамъ, Л'Опиталь тогда приступилъ не только къ установленію вѣротерпимости въ странѣ, раздираемой религіозными междоусобіями, но и къ введенію нѣкоторыхъ другихъ полезныхъ реформъ. Для этого онъ созвалъ генеральные штаты въ 1560 и 1561 году, но видя, что парламентъ не одобряетъ его реформаторской дѣятельности, а главнымъ образомъ подготовленныхъ имъ эдиктовъ о вѣротерпимости, онъ прибѣгнулъ къ старинному обычаю французской монархіи, къ такъ называемому *lit de justice*. Это было парламентское засѣданіе, въ которомъ участвовалъ король, и тогда парламентъ долженъ былъ принимать всѣ представленные королемъ эдикты, не обсуждая ихъ. Такимъ же путемъ онъ провелъ необходимую мѣру объ отобраніи части церковныхъ богатствъ для пополненія оскудѣвшей государственной казны, но, конечно, все это возбудило противъ него дворъ, церковь и парламентъ. Произошли еще болѣе ужасныя междоусобія, чѣмъ прежде, и Л'Опиталь, не измѣняя своей гуманной политики, вздумалъ отправить короля и его мать на театръ междоусобій, надѣясь, что ужасныя кровавыя зрѣлища произведутъ на нихъ благотворное дѣйствіе. Но оказалось противное: клерикальный фанатизмъ запылалъ болѣе прежняго въ ихъ сердцахъ, и, благодаря вліянію окружавшихъ его лицъ, Карль IX рѣшилъ отдѣлаться отъ канцлера. Узнавъ объ этомъ, Л'Опиталь самъ подалъ въ отставку и удалился въ свой замокъ Винье. Это было въ 1568 году, и вскорѣ послѣ того разразилась роковая Варолюмеевская ночь, которая такъ поразила гуманнаго Л'Опиталья, что старикъ занемогъ и, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, умеръ съ горя, что его политика не удалась, а произошло именно то, отъ чего онъ хотѣлъ снасти Францію. Вотъ что говоритъ объ этой политикѣ и о причинахъ ея неудачи Фурнье-де-Флэ: «Получивъ власть съ помощью замѣчательныхъ юристовъ, какъ Бодэнъ и Форъ, популярныхъ писателей, какъ Раблэ, Монтэнъ и Амю, вліятельныхъ прелатовъ, какъ кардиналы Лотарингскій и Бэллэ, наконецъ выдающихся принцессъ, какъ трехъ Маргаритъ, Л'Опиталь остался, какъ они, всегда вѣренъ идеямъ эпохи Возрожденія. Среди кровавой религіозной борьбы онъ стоялъ за свободу, реформы и миръ, какъ

внутренний, такъ и вѣншій; отличаясь искренностью и независимостью, онъ хотѣлъ въ виду злоупотребленій, компрометировавшихъ монархію, ограничить ея права. Онъ два раза созывалъ генеральныя штаты, и они, въ особенности Орлеанскіе, осуществили его надежду. Онъ провелъ важныя реформы относительно свободы совѣсти, полиціи, нотаріальной части, гигиены и помощи бѣднымъ. Поэтому невольно спрашиваешь себя, отчего потерпѣлъ неудачу такой великій государственный человѣкъ, поддержанный выдающимися лицами и общественнымъ мнѣніемъ. Тройная причина, политическая, экономическая и религіозная, начала съ XVI вѣка увлекать французскую монархію къ окончательной гибели. Въ политическомъ отношеніи дѣйствовали роковымъ образомъ на учрежденія средневѣковой Франціи традиціи Римской имперіи. Въ порядкѣ экономическомъ денежный переворотъ вліялъ въ ущербъ аристократическихъ поземельныхъ владѣльцевъ и въ пользу средняго сословія, пріобрѣтавшаго все болѣе и болѣе силы, благодаря своему трудолюбію и сбереженіямъ. Въ религіозной сферѣ происходила смертельная борьба между двумя движеніями — реформы и католичества; первое поддерживалось военной аристократіей, а второе среднимъ классомъ, который такимъ образомъ присоединялся къ королевской власти. Л'Опиталь предвидѣлъ, что въ результатѣ получится революція 1789 года, и въ этомъ отношеніи онъ былъ гораздо выше Сюли, Кольбера и Тюрго, которые старались, но безуспѣшно осуществить нѣкоторыя реформы. Дѣйствительно, хотя Л'Опиталю не удалось довести до конца своихъ реформъ, но онъ служитъ ему вѣчной славой, такъ какъ составляютъ абрисъ современныхъ конституцій, основанныхъ на свободѣ и равенствѣ».

— Маги и колдуны при Людовикѣ XIV ¹⁾. Морисъ Рюдель въ «Revue bleue» даетъ очеркъ суевѣрія въ эпоху Людовика XIV. При «королѣ солнцѣ», какъ видно изъ этого очерка, въ столицѣ Франціи процвѣтала и черная магія, и культъ сатаны, и всякія другія, еще болѣе странныя и мерзостныя суевѣрія. 27-го іюля 1677 года, въ исповѣдальнѣ у іезуитовъ на улицѣ С.-Антуанъ, удалось обнаружить проектъ отравленія короля и дофина. 5-го декабря Ла-Рейни, лейтенантъ полиціи, арестовалъ бывшаго офицера Луи де-Вананса и его любовницу. Въ бумагахъ, захваченныхъ у этихъ лицъ, обнаружилось обширное сообщество алхимиковъ, фальшивыхъ монетчиковъ и маговъ, въ рядахъ которыхъ находились священники, офицеры, банкиры, свѣтскія дамы и люди всевозможныхъ званій и состояній. На слѣдующій годъ поиски полиціи повели къ еще новымъ находкамъ, а 4-го января 1679 года Ла-Рейни удалось арестовать колдунью Марію Боссъ съ ея дочерью и двумя сыновьями рано утромъ «въ постели, гдѣ они всѣ вмѣстѣ помѣщались». Немного позже арестована была Катерина Дезе, жена ювелира Антуана Монвуазенъ, прозванная «Буазеншею», одна изъ величайшихъ преступницъ, когда либо видѣнныхъ въ свѣтѣ. Всѣ арестованные принадлежали къ тому же кругу, были знакомы другъ съ другомъ, но центромъ, собиравшимъ ихъ, была Буазенша. Луи де-Ванансъ былъ специалистомъ по призыванію сатаны, Буазенша же имѣла цѣлый рядъ специальностей, но болѣе всего занималась отравленіями. По доста-

¹⁾ Mariel Ruedel, «Magie, sorcellerie et satanisme — «Revue bleue», 6 octobre 1900.

влению отравъ она имѣла очень много кліентовъ, оплачивавшихъ ея «труды» иногда громадными суммами; за каждый случай она получала до 50 тысячъ франковъ. Резиденціею Вуазенши былъ Вильневъ-сюръ-Гравуа, между стѣнами и кварталомъ Сентъ-Дени. Здѣсь у нея былъ домъ и садъ, гдѣ почти круглый годъ, изо дня въ день, шло шумное веселье. Окруженная толпою поклонниковъ, она въ понойкахъ прокучивала то, что ей доставляли ея кліенты и клиентки. Главною показною стороною ея искусства были гаданіе по картамъ и хиромантія. Предсказанія свои она изрекала, одѣтая въ роскошную мантию фантастическаго покроя, стоившую около семидесяти пяти тысячъ франковъ. Однако не всѣ кліенты удовлетворялись этимъ слишкомъ уже обычнымъ видомъ колдовства. Приходилось для болѣе требовательныхъ заклинать сатану и служить «черную мессу». Эту кощунственную службу совершала старый, кривой священникъ, аббатъ Гибуръ, постоянный помощникъ Вуазенши во всѣхъ ея предпріятіяхъ. Для совершенія обряда онъ являлся въ полномъ священническомъ облаченіи. Та особа, для кого месса читалась, помѣщалась совершенно голая на столѣ передъ алтаремъ, въ рукахъ она должна была держать горящія свѣчи, чаша ставилась ей на животъ. На каждой мессѣ аббатъ длинною иглою закалывалъ младенца, и кровь этой жертвы собиралась въ чашу, гдѣ ее смѣшивали съ разными волшебными препаратами. Чтобы месса имѣла дѣйствіе, ее совершали до трехъ разъ подъ рядъ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ полиціею, Вуазенша и аббатъ Гибуръ для своихъ мерзостныхъ церемоній зарѣзали болѣе 2.500 младенцевъ. На судѣ передъ знаменитою *Chambre ardente* Вуазенша была уличена во всѣхъ совершавшихся ею кощунственныхъ дѣйствіяхъ и вмѣстѣ съ нѣсколькими изъ своихъ помощниковъ сожжена живою на Гревской площади въ 1680 году. Разслѣдованія о приверженцахъ магіи не прекратились съ ея смертію. Палата, вѣдавшая преступленія противъ религіи, нашла болѣе четырехсотъ человекъ, виновныхъ въ занятіяхъ черною магіею и другими подобными матеріями. При этомъ слѣдователи натолкнулись на неожиданное открытіе. Оказалось, что Вуазенша и ея помощники въ числѣ своихъ кліентовъ насчитывали и знаменитую, одно время всевластную фаворитку мадамъ де-Монтеспанъ. Оказалось, что въ 1672 году, когда король повидимому, ускользалъ отъ чаръ фаворитки, эта послѣдняя обратилась за помощію къ Вуазеншѣ. Аббатъ Гибуръ, по ея просьбѣ, прочиталъ на ней черную мессу, и мадамъ де-Монтеспанъ сразу увѣровала въ силы колдуньи: король къ ней вернулся. Но король не долго оказывалъ свое расположеніе фавориткѣ. Вскорѣ она была оставлена совѣмъ, и тогда она рѣшилась при помощи Вуазенши отравить короля вмѣстѣ съ его новой любовницею *in-De* де-Фонтанжъ. Колдуньѣ обѣщано было за это полтора милліона франковъ. Этотъ секретъ выплылъ наружу вмѣстѣ со всѣми другими тайнами Вуазенши. Король былъ глубоко опечаленъ, узнавъ о замыслахъ бывшей своей возлюбленной. Не желая громкаго скандала, онъ собственноручно сжегъ дѣла, компрометировавшія мать узаконенныхъ имъ побочныхъ дѣтей. Скомпрометированность мадамъ де-Монтеспанъ спасла много головъ. Между обвинявшимися находились и Олимпія Манчини, первая любовь короля, герцогиня Бульонская, виконтесса де-Полиньякъ и многія другія. Всѣ онѣ избѣгли наказаній, въ то время какъ нѣсколько

представителей и представительницъ буржуазныхъ семей, пытавшихъ также свое счастье у Вуазенши, были казнены. Въ 1682 году приказъ парламента объ изгнаніи маговъ изъ Франціи и болѣе строгой регламентаціи продажи ядовитыхъ веществъ явился послѣднимъ отголоскомъ громкаго дѣла Вуазенши.

— Отецъ англійскаго романа. Хотя романы Ричардсона въ настоящее время мало читаются въ виду ихъ скучной сентиментальности, дидактическаго характера и эпистолярной формы, но отъ него нельзя отнять славы создателя романа, который послѣ него приобрѣлъ громадное значеніе, какъ въ англійской, такъ и въ обще-европейской литературѣ. Поэтому очень странно, что при обилии біографій англійскихъ писателей, имѣющихъ гораздо меньшее значеніе, чѣмъ авторъ «Клариссы Гарлоэ», никто еще не написалъ полнаго и обстоятельнаго жизнеописанія Ричардсона. Конечно, существуютъ его краткія біографіи въ различныхъ изданіяхъ его сочиненій и руководствахъ къ англійской литературѣ, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательнъ біографическій очеркъ Анны Барбо, приложенный къ напечатанной ею перепискѣ знаменитаго романиста. Неудивительно, что англійская критика встрѣтила съ большимъ сочувствіемъ появленіе недавно вышедшаго труда Клары Томсонъ: «Самуэль Ричардсонъ, біографическое и критическое изслѣдованіе»¹⁾. Но, къ величайшему ея разочарованію, оказывается, что біографія Ричардсона занимаетъ всего четверть книги, и хотя представляетъ добросовѣстный сводъ всего, что извѣстно о Ричардсонѣ, но не можетъ быть названа образцовой біографіей, такъ какъ съ одной стороны не исчерпая весь имѣющійся матеріалъ о Ричардсонѣ, напримѣръ, его громадная переписка, хранящаяся въ южно-кенсингтонской бібліотекѣ, изъ которой напечатаны лишь избранныя письма; а съ другой стороны монографія миссъ Томсонъ не представляетъ ея героя живымъ человекомъ и не знакомитъ читателя съ той средой, въ которой онъ жилъ и дѣйствовалъ. Большая же часть ея книги посвящена критической оцѣнкѣ произведеній Ричардсона, которая не отличается ничѣмъ замѣчательнымъ и совершенно излишня, такъ какъ въ англійской литературѣ существуютъ прекрасныя критическія о немъ этюды Лесли Стивэна, А. Биреля, М. Ланга, Г. Трэля и Г. Генлея. Все-таки пока не явится настоящая и вполне удовлетворительная біографія Ричардсона, трудъ миссъ Томсонъ будетъ имѣть значеніе, какъ наиболѣе полный до сихъ поръ сборникъ біографическихъ фактовъ объ отцѣ англійскаго романа. При этомъ нельзя не отдать справедливости автору, что онъ исправилъ нѣкоторыя неточности прежнихъ его біографовъ и дополнилъ собранныя ими свѣдѣнія архивными справками, хотя не всегда убѣдительными. Напримѣръ, большинство біографовъ считаютъ, что Самуэль Ричардсонъ, родившійся въ 1689 году и сынъ столяра, не получилъ никакого образованія, кромѣ какъ въ провинціальной школѣ, но Ли Гунтъ, самъ воспитанникъ извѣстной школы Больницы Христа въ Лондонѣ, увѣрялъ, что Ричардсонъ учился въ этой школѣ, но въ томъ ея классѣ, гдѣ преподавали только грамотѣ и ариметикѣ. Миссъ Том-

¹⁾ Samuel Richardson: Biographical and Critical Study. By Clara Thomson. London. 1900.

сонъ провѣрила всѣ списки учениковъ этой школы и не нашла въ нихъ имени Ричардсона, но критикъ *Athenaeum'a* находить, что эта справка не можетъ быть принята за опроверженіе факта, приводимаго Гунтомъ, который былъ очень добросовѣстнымъ и пунктуальнымъ писателемъ, ничего не говорившимъ безъ основанія. Зато новый биографъ Ричардсона впервые нашелъ въ церковныхъ архивахъ подлинное доказательство, что ея герой былъ женатъ на дочери типографа Джона Вильде, у котораго онъ началъ свою жизненную дѣятельность ученикомъ, и что до сихъ поръ не было вполне доказано. Конечно, эта свадьба состоялась только послѣ того, какъ Ричардсонъ, научившись вполне своему ремеслу и проведя нѣсколько лѣтъ метранпажемъ у Вильде, самъ завелъ свою типографію. Послѣ смерти первой жены онъ женился на второй и имѣлъ отъ нея шестеро дѣтей. Дѣла его шли очень успѣшно; онъ добился выгоднаго мѣста печатника протоколовъ палаты общинъ, былъ старшиной бумажнаго цеха и купилъ въ началѣ 1760 года патентъ на званіе королевскаго печатника, но въ томъ же году умеръ на семьдесятъ первомъ году жизни. Самой характеристичной и замѣчательной чертой его жизни было то обстоятельство, что онъ началъ писать свои романы уже пятидесяти лѣтъ отъ роду. Ихъ, какъ извѣстно, всего три: «Шамела», «Кларисса Гарлоэ» и «Сэръ Чарльзъ Грандиссонъ». Успѣхъ этихъ романовъ, составлявшихъ совершенную новизну не только въ англійской, но и во всѣхъ другихъ литературахъ, такъ какъ до тѣхъ поръ еще не существовало романа изъ простой ежедневной жизни, былъ громадный. Оригинальность и умѣніе выводить на сцену живыхъ людей составляютъ главное достоинство произведеній Ричардсона, въ особенности лучшаго изъ нихъ «Клариссы Гарлоэ». Герой его, Ловеласъ, по словамъ одного изъ современныхъ англійскихъ критиковъ, одинъ изъ тѣхъ немногихъ литературныхъ типовъ, которые сдѣлались нарицательнымъ именемъ. При этомъ нельзя не замѣтить, что Ловеласъ имѣетъ еще ту особенность, что онъ единственный романическій оболститель, который дѣйствительно оболстителенъ. Какъ человекъ, Ричардсонъ отличался безупречной нравственностью и былъ образцовымъ семьяниномъ; если въ чемъ его можно упрекнуть, то лишь въ чрезмѣрной надменности въ послѣдніе годы его жизни, когда женщины, даже великосвѣтскія, плѣбнныя его романами, избаловали его и превратили въ какого-то моднаго свѣтскаго духовника.

— Новые труды по исторіи Сѣверо-Американскихъ штатовъ. Вышло нѣсколько любопытныхъ изслѣдованій различныхъ фазъ и эпизодовъ американской исторіи. Директоръ Гаверфордской коллегіи въ Пенсильваніи, профессоръ Шарплесъ, выпустилъ второй и послѣдній томъ «Исторіи квакерскаго управленія Пенсильваніей» ¹⁾. Первый томъ, вышедшій два года тому назадъ, посвященъ разсказу о большемъ или меньшемъ успѣхѣ въ продолженіе семидесяти пяти лѣтъ попытки знаменитаго квакера, Вильяма Пенна установить государство на принципахъ мира, вѣротеримости, демократіи и сочувствія къ туземнымъ расамъ, а во второмъ томѣ разсказана печальная эпопея конечной неудачи этого опыта. Хотя настоящая книга неотличается большими ли-

¹⁾ A history of quaker government in Pennsylvania, by I. Sharpless. 2 vol. Philadelphia. 1900.

тературными достоинствами, но представляет основательный и добросовѣстный трудъ въ духѣ новѣйшей исторической школы; при этомъ въ особенности интересны новыя свѣдѣнія о миротворной дѣятельности квакеровъ относительно индѣйцевъ, съ которыми остальные колонисты вели жестокую борьбу. Несмотря на многія затрудненія, встрѣченныя основателемъ этой образцовой колоніи отъ метрополіи и самихъ колонистовъ, Пенсильванія процвѣтала много лѣтъ, а его дѣти и внучата получили громадныя богатства, несмотря на то, что онъ самъ дошелъ до банкротства и нищеты. Что же касается до процвѣтанія Пенсильванія, то она, хотя самая молодая изъ прибрежныхъ колоній въ Сѣверной Америкѣ, сдѣлалась наиболѣе богатой и счастливой. Благодаря царившей въ ней вѣротерпимости, явились туда изъ Европы многочисленныя нѣмецкіе колонисты. Филадельфія съ 25.000 жителями была величайшимъ городомъ въ новомъ свѣтѣ, и хотя квакеры составляли уже меньшинство всего населенія, но ихъ всѣ уважали, и они попрежнему составляли большинство въ мѣстномъ законодательномъ собраніи. Все шло благополучно до 1756 года, когда англійское правительство, желая вести войну съ индѣйцами и зная, что квакеры на это не согласятся, задумали лишить ихъ мѣсть въ законодательномъ собраніи. Узнавъ объ этомъ, квакерскіе депутаты сами подали въ отставку и замѣнили себя другими колонистами, сочувствовавшими ихъ политикѣ, такъ что еще двадцать лѣтъ, если не прямо, то косвенно квакеры царили въ своей колоніи. Но борьба за независимость поставила ихъ въ самое странное положеніе. Они всегда находились во главѣ всякаго либеральнаго движенія и упорно отстаивали свою свободу отъ притѣсненій англійскаго правительства, но признавали только пассивное сопротивленіе и конституціонную агитацію, упорно возставая противъ всякаго насилія. Велѣдствіе этого американскія колоніи раздѣлились на два лагеря. Пенсильванія съ Джономъ Диккенсономъ во главѣ попробовала бороться со всѣми другими колоніями, которыхъ побуждалъ къ войнѣ съ Англіей главнымъ образомъ Франклинъ. Конечно, въ результатъ этого неравнаго боя получилось уничтоженіе квакерства въ качествѣ правительственной власти, и республиканская партія стала господствовать въ колоніи Пэна.

Отношенія между Англіей и Америкой послѣ отторженія послѣдней отъ своей метрополіи не составляли до сихъ поръ предмета особой исторической монографіи, и теперь впервые посвятилъ этому вопросу особый трудъ Эдуардъ Смитъ ¹⁾. Хотя онъ основанъ на многочисленныхъ матеріалахъ, старательно подобранныхъ въ литературахъ обѣихъ странъ, но авторъ, какъ англичанинъ, высказываетъ пристрастные взгляды и обвиняетъ американцевъ въ упорной враждѣ къ своей старой родинѣ, забывая, что и англичане относились къ своимъ побѣдителямъ не очень дружелюбно. Наиболѣе интересны тѣ главы книги, которыя относятся до эпохи, послѣдовавшей тотчасъ послѣ признанія независимости тринадцати колоній. Первый американскій посланникъ въ Лондонѣ, Джонъ Адамсъ, былъ принятъ очень учтиво королемъ и аристократіей, но онъ прямо заявляетъ, что въ глазахъ каждаго англичанина можно было подмѣтить сознаніе стыда и виновности въ отношеніи

¹⁾ England and America after independence. By E. Smith. London. 1900.

американцевъ. Присоединившійся къ нему въ 1786 году Джеферсонъ писалъ къ одному изъ своихъ друзей: «Вся нація насъ ненавидитъ съ министрами во главѣ, а всѣхъ болѣе питаетъ къ намъ ненависть самъ король. Они въ этомъ нахально сознаются, хотя согласны, что торговля съ Америкой для нихъ очень важна». Такимъ образомъ установился съ самаго начала антагонизмъ между Англійей и Соединенными Штатами, тѣмъ болѣе, что американцы надѣялись сохранить свои прежнія привелегіи по торговлѣ, а англичане стали обращаться съ ними, какъ съ чужестранцами. Этотъ антагонизмъ особенно рѣзко выражался въ критическія эпохи, которыя были пережиты въ XIX вѣкѣ обѣими странами. Такъ во время возстанія въ Индіи американцы открыто сочувствовали возставшимъ и обвиняли даже въ дипломатическихъ документахъ англійское правительство въ жестокости, нетерпимости и хищеніи относительно Индіи, а съ другой стороны англичане не менѣе открыто выражали свои симпатіи къ югу, когда произошла въ Соединенныхъ Штатахъ борьба за освобожденіе невольниковъ.

Однимъ изъ главныхъ дѣятелей этой борьбы съвера съ югомъ былъ государственный секретарь, т. е. министръ иностранныхъ дѣлъ при Линкольнѣ, Вильямъ Сьюардъ, первая подробная біографія котораго вышла надняхъ. Авторъ ея, Фредерикъ Банкрофтъ, представляетъ живую и безпристрастную характеристику Сьюарда, который хотя не былъ великимъ политическимъ дѣятелемъ, но какъ ловкій, практическій государственный человѣкъ, оказалъ большія услуги республиканской партіи и былъ очень полезнымъ помощникомъ Линкольна. Его отецъ былъ состоятельнымъ человѣкомъ, но онъ, какъ большинство американцевъ, началъ жизнь самостоятельно и, поссорившись съ отцемъ, который не хотѣлъ дать ему денегъ на приличную одежду, вышелъ изъ Нью-Йоркской коллегіи, въ которой онъ воспитывался, и цѣлый годъ былъ учителемъ въ сельской школѣ. Потомъ, по просьбѣ матери и сестры, онъ помирился съ отцемъ и, окончивъ свое воспитаніе, поступилъ въ адвокаты. Очень рано онъ выступилъ на политическую арену и 29 лѣтъ былъ уже секретаремъ отъ Нью-Йоркаго штата. Одинъ изъ видныхъ представителей республиканской партіи, онъ честно, упорно противодѣйствовалъ рабству, хотя, по безпристрастному замѣчанію его біографа, онъ не во всѣхъ вопросахъ обнаруживалъ ту же честность и возставалъ противъ «системы поживы», т. е. замѣны всѣхъ чиновниковъ лицами той партіи, которая провела въ президенты своего кандидата, пока находился въ оппозиціи, а какъ только пріобрѣталъ власть, то энергично примѣнялъ эту самую систему. Судьбѣ было угодно, чтобы въ тотъ день, когда былъ убитъ Линкольнъ, совершилось звѣрское нападеніе на Сьюарда, голова котораго была изранена ударами ножа. Къ общему удивленію, онъ, однако, оправился и прожилъ еще 7 лѣтъ ¹⁾.

— Великосвѣтскія дамы во время революціи и имперіи. Подъ этимъ заглавіемъ напечатано собраніе историческихъ очерковъ графа Флери, редактора журнала «Le carnet historique et litteraire». Всѣ они первоначально были помѣщены въ различныхъ французскихъ журналахъ, и о самомъ обшир-

¹⁾ The life of William H. Seward. By T. Bancroft, 2 v. New-York, 1900.

номъ изъ нихъ «Г-жа де-ла-Валетъ» было уже говорено въ прошедшемъ году въ «Мелочахъ». Графъ Флери въ послѣднее время сдѣлался специалистомъ по характеристикѣ выдающихся женщинъ во Франціи, и, напечатавъ уже галерею портретовъ мелкихъ фаворитокъ Людовика XV, онъ въ настоящей книгѣ рассказываетъ любопытныя подробности о мало извѣстныхъ, но интересныхъ великосвѣтскихъ дамахъ во время революціи и имперіи ¹⁾. Какъ истый французъ, онъ помнитъ пословицу «à tous seigneurs tout honneur» и начинаетъ свою галерею историческихъ портретовъ съ тетокъ Людовика XVI, принцессъ Аделаиды и Викторіи. Послѣ смерти своего отца Людовика XV онѣ не играли при дворѣ никакой роли, но историки того времени связываютъ ихъ имена съ ненавистью къ Мари-Антуанетѣ и съ бѣгствомъ изъ Франціи въ самомъ началѣ эмиграціи. Ненавидѣли онѣ молодую королеву за ея легкомысленную веселую жизнь, такъ какъ сами разыгрывали подъ старость роль пуританокъ, хотя обѣ одной изъ нихъ, именно Аделаидѣ, ходили скандальные слухи. Графа Нарбона, военнаго министра въ послѣдніе дни царствованія Людовика XVI и адъютанта Наполеона, называли ея сыномъ отъ своего отца Людовика XV или отъ его отца герцога Нарбона. Первое предположеніе ничѣмъ не подтверждено, кромѣ случайнаго сходства съ Людовикомъ XV, по словамъ Ламартина; а вторая гипотеза невѣроятна, такъ какъ мать Нарбона была другомъ принцессы Аделаиды и находилась при ея дворѣ. Что же касается до принцессы Викторіи, то это была старая дѣва съ безупречной репутаціей, и неудивительно, что поведеніе Мари-Антуанеты ее глубоко возмущало. Обѣ сестры жили въ замкѣ Бельвю, близъ Парижа, и вели очень скромную, почти отшельническую жизнь, кромѣ немногихъ случаевъ, когда онѣ принимали съ королевскимъ великолѣпіемъ иностранныхъ гостей, какъ, напримѣръ, императора Юсифа II и графа Сѣвернаго съ женою, т. е. великаго князя Павла Петровича и великую княгиню Марію Феодоровну, которые путешествовали по Европѣ подъ этимъ именемъ. Хотя изъ ненависти къ королевѣ принцесса Аделаида заступалась за парижанъ, оскорблявшихъ ее въ маѣ 1789 года, и на восклицаніе Мари-Антуанеты: «презрѣнные французы!» отвѣчала: «вы хотѣли сказать: презирающіе французы!»—но когда пламя революціи стало разгораться, то она вмѣстѣ съ сестрой и придворными дамами тайно, подъ эскортомъ графа Нарбона, уѣхала за границу. Однако въ одномъ провинціальномъ городѣ ихъ задержали, и Нарбонъ вернулся въ Парижъ, гдѣ съ помощью Мирабо ему удалось провести въ Национальномъ Собраніи постановленіе, что не существуетъ никакого закона, воспрещавшаго принцессамъ ѣхать за границу. Поэтому, несмотря на шумъ, поднятый въ парижскихъ клубахъ, онѣ продолжали свой путь и благополучно достигли Рима, гдѣ папа и вся аристократія устроили имъ торжественный приемъ. Шесть лѣтъ онѣ спокойно прожили въ вѣчномъ городѣ, и до нихъ только издали долетали вѣсти о роковыхъ событіяхъ революціи. Наконецъ въ Римѣ народъ сталъ волноваться, и онѣ уѣхали въ Неаполь, гдѣ поселились въ окрестномъ замкѣ Казертѣ. Еще провели онѣ три мирные года въ этомъ роскош-

¹⁾ Les grandes dames pendant la révolution et sous l'empire, par le comte Fleury. Paris, 1900.

номъ жилищѣ, но въ концѣ, 1799 года французы овладѣли Неаполитанскимъ королевствомъ, и послѣ бѣгства короля пустились въ путь и принцессы. Кое-какъ онѣ добрались до Барри и оттуда на маленькомъ суднѣ отплыли въ Бриндизи, гдѣ ихъ ожидалъ русскій адмиралъ Ушаковъ съ эскадрой. Но онѣ такъ долго замѣшались, что онѣ ушелъ въ Корфу, полагая, что принцессы отгѣнили свою поѣздку. Имъ пришлось тутъ дожидаться нѣсколько дней на своемъ утломъ суденушкѣ, пока получитъ отвѣтъ отъ Ушакова, къ которому посланъ былъ гонецъ, такъ какъ онѣ боялись остановиться въ городѣ, куда каждую минуту могли нагрянуть французы. Эти печальные дни, однако, ознаменовались романическимъ эпизодомъ. Къ нимъ явился смѣлый молодой авантюристъ, корсиканецъ, Корбара, который выдавалъ себя за настѣднаго принца Неаполитанскаго, и объяснилъ принцессамъ, что онѣ прибѣгнуть къ этому обману, чтобъ набрать партизановъ королю и поднять окрестную мѣстность. Онѣ повѣрили ему и открыто признали его своимъ племянникомъ. Дѣйствительно Корбарѣ удалось поднять три провинціи на защиту короля. Наконецъ, 5 марта 1800 года, пришелъ въ Бриндизи русскій фрегатъ и отвезъ ихъ въ Корфу, но по дорогѣ имъ пришлось претерпѣть сильную бурю. Адмиралъ Ушаковъ торжественно встрѣтилъ ихъ при входѣ фрегата въ портъ, и онѣ были помѣщены въ епископальномъ дворцѣ. Но принцессамъ не удалось отдохнуть; Викторія серьезно занемогла, и имъ пришлось отправиться въ Триестъ, гдѣ больная могла найти хорошую медицинскую помощь. Этому городу было суждено сдѣлаться послѣднимъ мѣстопробываніемъ дочерей Людовика XV. 8-го іюня скончалась Викторія, а спустя полгода послѣдовала за нею въ могилу и Аделаида. Однако бѣдныя скитальницы не успокоились и въ гробу. По восшествіи на престолъ Людовика XVIII, онѣ послали фрегатъ за ихъ бранными останками, но когда они достигли Бордо, то уже Бурбоны были снова въ изгнаніи, а Наполеонъ торжественно вступилъ въ Парижъ. Городскія власти отнесли почтительно къ этимъ останкамъ, и они спокойно дождались къ Бордо окончательнаго утвержденія на престолъ Людовика XVIII, а затѣмъ были торжественно погребены въ королевской усыпальницѣ, въ Сень-Дени. Рядомъ съ дочерьми короля Флери рисуетъ портретъ графини Кюстинъ, похождения которой во время террора были очень любопытны. Дочь графини Сабранъ, извѣстной своимъ романомъ съ пресловутымъ кавалеромъ де-Буфлеромъ, она вышла замужъ очень рано за молодого офицера, графа Кюстина. Нѣсколько лѣтъ они были счастливы, но затѣмъ мужъ сталъ исключительно заниматься политическими дѣлами, былъ членомъ генеральныхъ штатовъ и горячо защищалъ новыя идеи. Несмотря на то, что ему было только 24 года, Кюстина послали въ январѣ 1792 года конституціонные министры Людовика XVI съ очень страннымъ порученіемъ къ герцогу Брауншвейгскому, который тогда пользовался громадною популярностью искуснаго полководца во всей Европѣ. Ему предлагали отказаться отъ командованія союзной арміей противъ Франціи и напротивъ сдѣлаться главнокомандующимъ французскими войсками. Какъ куріозно ни было это порученье, но молодой Кюстинъ едва не исполнилъ его, и герцогъ Брауншвейгскій уже сталъ склоняться въ пользу предлагаемаго ему плана, какъ

вдругъ политическое положеніе измѣнилось: Пруссія присоединилась къ Австріи, и герцогъ вступилъ во Францію во главѣ союзныхъ войскъ, а Кюстинъ отправился въ рейнскую армію, которой командовалъ его отецъ, генераль Кюстинъ. Имъ обоимъ не повезло; прежде отецъ, а потомъ сынъ были преданы суду, какъ измѣнники. Хотя ихъ измѣна не была ничѣмъ доказана, но они сдѣлались оба жертвами террора и покончили свою жизнь подъ гильотиной. Во время ихъ тюремнаго заключенія и суда графиня Кюстинъ выказала замѣчательное геройство. Она всячески старалась спасти тестя и мужа отъ смерти, постоянно ихъ посѣщала въ тюремной кельѣ и устроила бѣгство мужа, который, однако, въ послѣднюю минуту отказался отъ этого, зная, что жена и молодая дочь начальника тюрьмы, принимавшая участіе въ этомъ бѣгствѣ, рисковали жизнью. Хотя бѣгство и не удалось, но все же ея смѣлая хлопота въ пользу двухъ подсудимыхъ сдѣлала графиню подозрительной въ глазахъ комитета общественной безопасности, и она была арестована. Въ одной тюрьмѣ съ нею содержались генераль Богарне и его жена Жозефина, будущая императрица. Графиня Кюстинъ подружилась съ ними, и даже существуетъ легенда, что Богарне влюбился въ нее къ отчаянію Жозефины, которая тогда была, повидимому, очень привязана къ мужу. Когда прекратился терроръ, и пережившіе его заключенные были освобождены, въ томъ числѣ Жозефина, мужъ которой ранѣе былъ казненъ, о графинѣ Кюстинъ забыли неизвѣстно по какой причинѣ, и она еще два мѣсяца томилась въ тюрьмѣ, пока преданная горничная не добила ея освобожденія. Послѣдующая ея жизнь замѣчательна только тѣмъ, что она была одной изъ эгерій Шатобриана, который, однако, недолго отвѣчалъ на ея пламенную любовь и скоро замѣнилъ ее другими поклонницами. Въ 1826 году она умерла въ Швейцаріи 56 лѣтъ, но сохранивъ свою красоту въ замѣчательной степени. Сынъ ея, маркизь Астольфъ Кюстинъ, былъ пресловутый авторъ пасквиля противъ Россіи «*La Russie en 1839 г.*». Остальные три очерка Флери касаются Верденскихъ дѣвственницъ, женщинъ въ арміи и развода въ эпоху директоріи. Такъ называемыя Верденскія дѣвственницы представляютъ одну изъ романическихъ легендъ революціи. 5-го февраля 11-го года республики были приговорены къ гильотинѣ революціоннымъ трибуналомъ тридцать пять подсудимыхъ, въ томъ числѣ семь пожилыхъ замужнихъ дамъ и пять молодыхъ дѣвушекъ отъ 22 до 26 лѣтъ отъ рода, за то что онѣ побудили начальство Вердена сдать на капитуляцію пруссакамъ и выразили радость при вступленіи послѣднихъ въ городъ. Вотъ голый фактъ, но современники, поэты, историки придали ему видъ фантастической легенды. Рюфъ въ своихъ мемуарахъ говоритъ о четырнадцати дѣвственницахъ, сраженныхъ гильотиной среди расцвѣта ихъ юности и красоты. Делиль и Викторъ Гюго въ его роялистскую эпоху воспѣли этихъ героинь и даже обвинили Фукье-Тенвиля въ намѣреніи ихъ оболыстить; Ламартинъ въ своей «Исторіи Жирондистовъ» рассказываетъ, что Верденскія дѣвственницы, изъ которыхъ самой старшей было 18 лѣтъ, преданы смерти за преступленія ихъ отцевъ и на эшафотѣ всѣ въ бѣлыхъ платьяхъ казались лиліями и вызывали слезы у палачей. Даже такіе степенные историки, какъ Поль Мера въ книгѣ «*Verdun en 1792*» и Кювилье-Флери въ статьѣ, помѣщенной въ *Journal des Debats*, позволяютъ себѣ уклоняться отъ правды:

первый увѣряетъ, что изъ 17 дѣвушекъ, поднесшихъ конфеты прусскому королю въ Верденѣ, 16 казнено, а послѣдній написалъ пламенную апологію во всякомъ случаѣ измѣны и непатріотическаго поступка пресловутыхъ героинь. Графъ Флери добросовѣстно изучилъ по архивнымъ даннымъ этотъ интересный эпизодъ революціи и приходитъ къ слѣдующимъ достовѣрнымъ заключеніямъ. Роялисты Вердена сдали свой городъ прусской арміи, и, чтобъ не участвовать въ этой измѣнѣ отечеству, благородный комендантъ Боренэръ наложилъ на себя руку, а нѣсколько Верденскихъ дамъ по инициативѣ баронесы Лалансъ отправились въ непріятельскій лагерь съ своими дочерьми, племянницами и т. д., чтобъ поднести цвѣты и конфеты прусскому королю. Насколько даже пруссаки считали этотъ поступокъ неблаговиднымъ, доказываетъ, что король принялъ депутацію очень холодно и отказался отъ подарковъ. Поѣтому естественно, что какъ только Верденъ былъ взятъ обратно французами, то комендантъ де-Нуайонъ и офицеры, подписавшіе капитуляцію, жандармы и чиновники, оставшіеся на прусской службѣ, пять патеровъ и нѣсколько гражданъ, стоявшихъ за сдачу города, наконецъ четырнадцать женщинъ, привѣтствовавшихъ прусскаго короля, были преданы суду революціоннаго трибунала. Хотя Шово-Лагардъ очень краснорѣчиво защищалъ всѣхъ 37 подсудимыхъ на томъ основаніи, что они не измѣнили своей родинѣ, такъ какъ не правильно, но искренно считали пруссаковъ не врагами, а защитниками ихъ короля, остались на прусской службѣ и привѣтствовали прусскаго короля съ цѣлю спасти городъ отъ грабежа, но при тогдашнихъ обстоятельствахъ могла быть рѣчь только объ освобожденіи 7 молодыхъ дѣвушекъ, которыя были взяты съ собой матронами безъ ихъ согласія во время посѣщенія непріятельскаго лагеря. Даже суровый обвинитель Фукъ-Тенвиль прямо вель къ этому и старался вырвать у нихъ сознаніе, что ихъ насильно увлекли въ измѣну, но онѣ благородно отказались выдать своихъ матерей, тетокъ и т. д. Такимъ образомъ тридцать пять подсудимыхъ были казнены, а двѣ семнадцатилѣтнія дѣвушки приговорены къ 20-лѣтнему тюремному заключенію, которое впослѣдствіи отиѣнено. Одна изъ нихъ, Барбъ Генри, вышла замужъ за полковника Мелье и оставила любопытные мемуары, которые еще не напечатаны, но Кювилье-Флери приводитъ отрывки изъ нихъ. Въ очеркѣ, посвященномъ женщинамъ на полѣ брани во время революціи и имперіи, графъ Флери не сообщаетъ ничего новаго, а кратко упоминаетъ о героиняхъ Вандей: маркизѣ Ла-Рошефуко, графинѣ Брюкѣ, г-жѣ д'Ельбэ, г-жѣ де-Сапи и т. д.; о знаменитыхъ дѣвицахъ-драгунахъ сестрахъ де-Фернигъ, которыя покрыли себя славою при Жеманнѣ и Вальми, о женѣ гусарскаго офицера де-Солонна, которая слѣдовала за мужемъ на полѣ брани въ офицерскомъ мундирѣ, и о нѣкоторыхъ другихъ женщинахъ, принимавшихъ участіе въ войнѣ. Нѣсколько подробнѣе онъ отзывается о женахъ героевъ, которыя слѣдовали за мужьями въ походахъ, но сами не ходили въ огонь. Наполеонъ, вообще не любившій женщинъ въ арміи, написалъ Жозефину во время своей итальянской кампаніи 1796 г., но въ виду ея легкомысленнаго поведенія болѣе никогда не бралъ ея въ свои походы. Жены маршаловъ Ланна, Сульта, Нея и Жюно являлись къ своимъ мужьямъ, когда они помѣщались на зимнія квартиры, а герцогиня Реджіо, узнавъ о серьезной

ранѣ своего мужа маршала Удино (герцога Реджіо), поскакала въ Россію, отыскала его въ Вильнѣ и отвезла въ Кенигсбергъ, претерпѣвъ по дорогѣ тысячи опасностей. Изъ женъ генераловъ слѣдовали на войну за своими мужьями: г-жа Тибо, которая такъ надоѣла всѣмъ своими капризами, что мужъ отослалъ ее изъ Испаніи; графиня Вердье, которая продѣлала съ мужемъ всю египетскую кампанію, въ качествѣ адъютанта, и въ Испаніи прославилась уходомъ за ранеными на полѣ брани, и г-жа Лассаль, разведенная жена Бертье, съ которой блестящій гусарь прижилъ трехъ сыновей до женитьбы. Что касается до этюда о послѣдствіяхъ развода во время директоріи, то посвященные ему страницы въ книгѣ графа Флери наименѣе интересны. Авторъ, врагъ развода, рисуетъ въ самыхъ черныхъ краскахъ результаты свободы развода, установленной въ 1792 г., и, по его словамъ, тогда бракъ сдѣлался «торгомъ человѣческаго мяса», женились на мѣсяць или на недѣлю, а иногда на всѣхъ женщинахъ семьи поочередно, такъ одинъ парижанинъ прежде женился на одной сестрѣ, потомъ на другой и наконецъ на ихъ матери. Въ первые три мѣсяца послѣ проведенія этой законодательной реформы въ Парижѣ было 562 развода и 1785 браковъ, т.-е. одинъ разводъ на три брака, цифра, не слыханная въ лѣтописяхъ человѣческаго рода. Во время имперіи разводъ былъ уничтоженъ и восстановленъ только третьей республикой въ 1884 г.

— Конецъ дневника Башкирцевой. Англійскій журналъ «Gentlewoman» и французскій *Revue des Revues* напечатали послѣдніе отрывки изъ дневника Маріи Башкирцевой, которые обнимаютъ время отъ 30 января до 6-го іюля 1884 года и оканчиваются за три мѣсяца до ея преждевременной смерти ¹⁾. Какъ и прежде напечатанные отрывки, конецъ дневника отличается обычными достоинствами и недостатками, именно съ одной стороны ея живой отзывчивостью и отголосками ея талантливой, художественной натуры, а съ другой болѣзненной самонадѣянностью, патологическимъ самообожаніемъ, капризной нервною, вѣчной жаждой рисоваться и разнузданнымъ психопатствомъ. Приводимъ нѣсколько самыхъ характеристичныхъ ея фразъ:—«Графъ Ц. меня принимаетъ за серьезное существо, что меня удивляетъ. Какъ я дерзка къ самой себѣ!»—«Я художникъ въ полномъ значеніи этого слова, а всякій художникъ поэтъ или мечтатель!»—«Я когда-то давно видѣла сонъ: надо мною сіяли пять очень блестящихъ звѣздъ. Я заставила ихъ упасть, только смотря на нихъ. Но когда я протянула руку къ пятой, то она оказалась изъ серебряной бумаги, а небо картоннымъ, такъ что я должна была отцарапать ее ногтемъ. Этотъ сонъ ничего не значитъ, но я пишу о немъ только потому, что мнѣ удобно писать, и я засну за дневникомъ».—«Я была въ оперѣ и слышала «Продіаду», Массенэ. Музыка великолѣпная, новая, грандіозная, гармоническая. Массенэ великій артистъ; это Вагнеръ, французскій, гармоничный. Онъ жаждетъ воздуха, и его оперы дышатъ музыкальной атмосферой, въ которой движутся его дѣйствующія лица и мелодіи».—«Я ѣздила въ оперу съ госпожой Ж. Г., которая нашла, что я очень хороша, прелестно одѣта (въ черномъ бархатномъ корсетѣ), классически декольтирована, отлично причесана, и что у меня плечи,

¹⁾ Journal inedit de Marie Bashkirtsoff.—Bevue des Revues, 1900 1 septembre.

въ которыхъ сказывается раса. Только-то». — «Еслибъ Христосъ пришелъ вторично на землю, то Онъ не узналъ бы своего ученія въ католицизмѣ и... Что это ты, милое дитя, начинаешь вмѣшиваться въ богословіе! Ступай спать». — «Можно было бы развить очень глубокомысленный тезисъ о таинственныхъ узахъ, связывающихъ героевъ и художественныя произведенія со всѣми, кто думаетъ, потому что солнце, океанъ, воздухъ и красоты природы принадлежать всѣмъ. Эта фраза неясна, но если есть на свѣтѣ люди, которые думаютъ такъ же, какъ я, то они поймутъ меня; другіе этого никогда не поймутъ, хотя бы имъ сталъ объяснять тезисъ ясный, практическій, логичный, убѣдительный Клемансо; очень восторгаюсь этимъ ораторомъ; у него нѣтъ пыла, но онъ доходитъ до такого эффекта силой, вѣрностью и точностью выражений». — «Я очень несчастна, что больна. Я завтра буду талантливой, и вотъ у меня нѣтъ здоровья. Просто хочь плачь». — «Буду въ оперу, дають «Лучію». Это музыка божественная; она никогда не состарится, такъ какъ она не модная, выражаетъ только любовь, ненависть, страданія. Эти чувства вѣчны, и въ сущности нѣтъ, кромѣ нихъ. Миѣ скажутъ, что это мелодрама, а миѣ какое дѣло; я хочу, чтобъ мое сердце было тронуто, а положительно въ драматическихъ мѣстахъ «Лучіи» я потрясена. А какъ поетъ Гаярэ! Это — сама жизнь. Для выраженія искреннихъ чувствъ необходима только естественность; все остальное: искусство, ловкость, опытность — ничто. Шекспиръ это понять, потому онъ великъ, что онъ не англичанинъ, не аристократъ, не плебей, не представитель той или другой эпохи, а вѣченъ и вѣренъ, какъ ненависть, горе, любовь». — «Я проснулась въ одно прекрасное утро съ желаніемъ, чтобъ оцѣнили тѣ красивыя фразы, которыя я умѣю написать и, отыскивая хорошаго цѣнителя, напала на Мопасана. Онъ нравится миѣ болѣе всѣхъ молодыхъ. Хотя онъ отвѣчалъ миѣ три раза, я начинаю сожалѣть, что выбрала не Зола, а его адъютанта, который очень талантливъ. Но гдѣ человекъ, котораго я могла бы совершенно обожать! Виктору Гюго 82 года. Бальзакъ умеръ. Дюма — сыну 60 лѣтъ, и однако я обожала его восторженно. Однако я только и думаю, что о моихъ отвѣтахъ Мопасану. Литература всецѣло овладѣваетъ мною. Исчезайте, Дюма, Зола, всѣ. Я иду». — «Я схожу съ ума отъ жажды писать. Развѣ я могу писать? Но меня толкаетъ на писательство какая-то невѣдомая сила и уже давно. Еще въ 1875 году я начала романъ, никогда не оконченный, а потомъ я писала и стихи и прозу. Теперь уже миѣ кажется, что всѣ схваченныя на лету впечатлѣнія и мысли хотять воплотиться. У меня въ головѣ сюжеты десяти книгъ. Я не знаю, съ чего начать, а когда принимаюсь за писанье, то останавливаюсь на двѣнадцатой страницѣ. Но смѣюсь надъ своими притязаніями. Вотъ смѣшно было бы, еслибъ я стала писать. Я говорю себѣ — нѣтъ; я смѣюсь надъ собою, потому что я боюсь показаться нелѣпой, а страшно подмываетъ меня писать. Это просто тихое сумасшествіе. Я такъ серіозно думаю о писательствѣ, что даже не смѣю себѣ сознаться. Вѣдь на все не хватило бы цѣлой жизни, а особенно моей. Братъся за все, ничего не оставь послѣ себя. Боже мой! Я надѣюсь, что оставляю нѣчто. На меня нападаетъ такой страхъ, что я готова вѣрнуть даже католическимъ патерамъ». — «Выставленная мною картина (въ салонѣ) пахнетъ стариной. Что бы миѣ сочинить новаго въ искус-

ствѣ? Но къ чему и хлопотать, если не пронесешься по міру, какъ метеоръ. Имѣть только талантъ не стоить. А потомъ? Умереть, потому что во всякомъ случаѣ надо умереть. А жизнь скучная, мрачная, ужасная. Что со мной будетъ? Что дѣлать? Куда идти? Зачѣмъ жить? Чтобы быть счастливой? Но какъ? Я уже устала, прежде чѣмъ сдѣлала что нибудь. Я въ воображеніи все пыталась, и все мнѣ надоѣло. Я мечтала о такихъ высотахъ, что съ ними никогда не сравнить дѣйствительности. Такъ что же? Пройдутъ два дня, случится какая нибудь глупость, которая пережѣнитъ направленіе моихъ идей, а тамъ начнется сызнова старое и наконецъ смерть». — «Бастьянъ Лепажъ говоритъ, что я только фанфаронка смѣлости, а въ сущности меня пугаетъ каждое грубое слово». — «Право, мнѣ совѣстно хорошо говорить о себѣ, но надо же мнѣ защищать себя (за ея картину не выдали медали). Я чувствую себя вполнѣ безпристрастной; я въ одно и то же время актеръ и зритель; я зритель, сузу о себѣ, какъ объ актерѣ. Моя картина въ сравненіи съ произведеніями мастеровъ нехороша, но рядомъ съ тѣми, которыя получили медали... О Боже мой!» — «Теперь вовсе не время умирать. Хвалебныя статьи появляются въ модныхъ французскихъ и англійскихъ газетахъ. О моемъ платѣ или прическѣ à la Pehuché въ русскомъ посольствѣ пишутъ во всѣхъ газетахъ. Пятьдесятъ органовъ печати говорятъ о моемъ салонѣ и моихъ произведеніяхъ. Я начинаю имѣть талантъ и чувствую, что я уйду». — «Мы все знаемъ, что умремъ и все-таки у насъ хватаетъ смѣлости жить. Не страхъ ли прекращенія жизни заставляетъ людей оставить что нибудь послѣ себя? Да, всякій, сознающій неизбежность конца, боится и стремится пережить себя въ чемъ нибудь. Этотъ инстинктъ доказываетъ, что существуетъ, или, по крайней мѣрѣ, что мы желаемъ безсмертія. О, кончить все! Исчезнуть! Другіе замѣнятъ насъ. Еще недавно я хотѣла умереть, потому что мнѣ никогда не быть такимъ художникомъ, какъ Микель Анджело». Печатаніе конца дневника Башкирцевой снова обратило вниманіе европейской прессы на эту русскую художницу, и во многихъ газетахъ появились статьи о ней. Парижскій корреспондентъ новой еженедѣльной англійской газеты «Oplooks», подписывающійся псевдонимомъ Адриенны, рассказываетъ любопытный анекдотъ о Башкирцевой, которую онъ называетъ «дерзкой вострушкой». Однажды Адриенна была въ гостяхъ на дачѣ у известнаго парижанина, и тамъ же находились Бастіанъ-Лепажъ и Марія Башкирцева, въ которую былъ влюбленъ художникъ. Сначала бѣлокурая красавица благодушно царилла, и все преклонялись передъ нею. Но когда Лепажъ подефль къ Адриеннѣ и ея пріятельницѣ и сталъ разспрашивать у нихъ о Венеціи, откуда онъ только что вернулся, то Башкирцева, какъ разъяренная тигрица, набросилась на Лепажу, выхватила изъ-подъ него стулъ и злобно сказала: «Неужели у васъ нѣтъ лучшаго занятія, какъ терять время на болтовню со старухами?» Лепажъ вскочилъ и покраснѣвъ отвѣтилъ: «У меня дѣйствительно нѣтъ лучшаго занятія, какъ разговаривать съ этими дамами». На глазахъ у капризной красавицы показались слезы, и сконфуженный художникъ послѣдовалъ за нею, безперемѣнно бросивъ своихъ дамъ, изъ которыхъ старшей едва минуло тридцать лѣтъ.

— Афганистанскій эмиръ Абдурахманъ и его автобіографія. Глава государства, служащаго буферомъ между русскими и англійскими владѣніями въ Азіи, написалъ свою автобіографію, и ея англійскій переводъ вскорѣ появится, но уже теперь помѣщена одна глава въ первой октябрьской книжкѣ новаго лондонскаго журнала «Monthly Magazine» подъ заглавіемъ: «Подробности о моей ежедневной жизни» ¹⁾. Нѣсколько ранѣе въ августовскомъ номерѣ «Forum» ²⁾ появилась статья перваго министра и друга Абдурахмана, султана Магомета-хана, о внутреннемъ положеніи современнаго Афганистана. Такимъ образомъ самъ эмиръ и его первый помощникъ рисуютъ намъ картину политическаго состоянія своей страны и частной жизни ея главы. По словамъ министра, Абдурахманъ, вступивъ на престолъ въ 1880 году, засталъ свою родину яблокомъ раздора между сосѣдями съ обѣихъ сторонъ англичанами и русскими. Прежде всего онъ поставилъ себѣ задачей укрѣпить свои границы и присоединить къ своимъ владѣніямъ новыя провинціи: Герать, Кандагаръ, Газарахъ, Іатъ и Кафиристанъ. Въ настоящее время, если вѣрить официальному автору, его родина совершенно независима, и ни одно европейское государство не имѣетъ права вмѣшиваться въ его внутреннія или вѣшнія дѣла. Находясь во главѣ государства-буфера между Россіей и Англійей, эмиръ намѣренъ пользоваться своимъ выгоднымъ положеніемъ и сохранить свою самостоятельность, а, чтобы предупредить беспорядки, могущіе возникнуть послѣ его смерти, онъ уже при жизни уступилъ часть своей власти старшему сыну Хабибуллѣ-хану, повиновавшемуся которому заранѣе привыкають афганцы. Магометъ-ханъ увѣряетъ, что въ послѣднія двадцать лѣтъ Афганистанъ достигъ удивительнаго развитія. Страна стала мирной, благоустроенной, и туристы могутъ въ ней путешествовать такъ же спокойно, какъ въ Швейцаріи. Промышленность сдѣлала гигантскіе шаги впередъ, и афганскій народъ, оставаясь по-прежнему храбрымъ, сдѣлался работящимъ и экономнымъ. Положеніе женщины очень улучшилось, и она стала равной мужчинѣ. Рабство почти уничтожено; торговля рабами воспрещена, и хотя высшее сословіе еще владѣетъ рабами, но обязано обходиться съ ними справедливо и великодушно. Завоевавъ страну Кафиристанъ въ 1895 г., Абдурахманъ выкупилъ всѣхъ невольниковъ, взятыхъ его воинами, и отпустилъ ихъ на свободу. Даже нѣкоторые его министры выбираются изъ рабовъ и, напримѣръ, бывшіе: министръ юстиціи Назиръ-Суфаръ-ханъ, главнокомандующій арміей Паркохани-ханъ и министръ финансовъ Іанъ-Магометъ-ханъ оставались рабами до своей смерти. Что касается до напечатаннаго отрывка изъ автобіографіи Абдурахмана, то она производитъ довольно странное впечатлѣніе. Это добродушная пустая болтовня, и въ ней можно почерпнуть очень мало фактовъ или данныхъ насчетъ жизни и характера эмира. Главнымъ образомъ онъ настаиваетъ на своемъ неустанномъ трудолюбіи, которое, по его словамъ, представляетъ рѣзкій контрастъ съ обычной

¹⁾ Details of my daily life, by the amir of Afghanistan. Monthly Review. October 1900.

²⁾ The present condition of Afghanistan, by Mahomed-Khan. «Forum». 1900. August.

праздностью восточныхъ повелителей. «Я такъ постоянно,—говорить онъ,—занятъ мыслями объ улучшеніи положенія моего государства и благоденствіи моихъ подданныхъ, что часто не вижу передъ собою окружающихъ меня лицъ. Нерѣдко забываю среди своихъ занятій обѣдъ и спрашиваю: обѣдалъ ли я сегодня? Цѣлыя ночи напролетъ я читаю и пишу, такъ что утро застаётъ меня за работой. Доктора говорятъ, что эта непрерывная дѣятельность причиняетъ всё мои болѣзни, но я отвѣчаю имъ: любовь и логика никогда не могутъ согласоваться между собою. Когда даже я боленъ и не могу встать съ постели, то я все-таки продолжаю разсматривать и писать правительственныя бумаги, такъ какъ, не имѣя возможности владѣть руками или ногами, я могу все-таки приказывать». Абдурахманъ ложится спать очень поздно, въ 5 часовъ, и то онъ не тотчасъ засыпаетъ, а ему читаютъ какія нибудь книги, пока онъ заснетъ. Даже во время его сна придворный сказочникъ рассказываетъ сказки, такъ какъ, по его увѣренію, мѣрный голосъ сказочника дѣйствуетъ очень успокоительно на его уставшіе нервы и умъ. Встаетъ онъ въ два или три часа дня и послѣ завтрака тотчасъ принимается за работу со своими секретарями. Затѣмъ онъ принимаетъ всѣхъ, которые имѣютъ до него дѣло, безъ всякаго различія, начиная отъ министра до водовоза или уличнаго торговца. Кто же хочетъ письменно сообщить что нибудь, то можетъ написать бумагу и запечатать ее въ конвертъ, съ надписью «открыть одному эмиру». Тогда этотъ конвертъ вскрывается лично Абдурахманомъ, и онъ самъ собственноручно отвѣчаетъ на него. Эмиръ убѣжденъ, что Аллахъ создалъ его для постоянной работы, а не для удовольствія, и потому видится со своими женами и семьей только три раза въ годъ. Прежде, когда онъ былъ помоложе, онъ видался съ ними по два раза въ недѣлю. Его жены сами имѣютъ право посѣщать его десять или двѣнадцать разъ въ году на нѣсколько часовъ. Абдурахманъ подробно описываетъ свои дворцы, украшенные персидскими и гератскими коврами, картинами, цвѣтами и пѣвчими птицами. Они устроены такъ, что въ нихъ можно жить и зимой и лѣтомъ. Впрочемъ, весной, лѣтомъ и осенью онъ проводитъ по нѣскольку недѣль въ палаткѣ, среди красивыхъ мѣстностей. Дворъ его многочисленный, и при немъ состоятъ официальные музыканты и шахматные игроки. Самъ Абдурахманъ играетъ на скрипкѣ и мѣстной гитарѣ. Наконецъ, онъ авторъ, и въ Кабулѣ напечатано нѣсколько написанныхъ имъ книгъ. «Хотя,—говорить эмиръ,—моя страна пользуется полнымъ спокойствіемъ и миромъ, какъ ни одно государство въ свѣтѣ, но я всегда готовъ къ войнѣ. Въ такой воинственной странѣ, какъ Афганистанъ, ея повелитель долженъ быть воиномъ, всегда готовымъ къ бою, поэтому карманы моего кафтана и шароваръ наполнены заряженными револьверами, а также въ одномъ изъ нихъ находятся два хлѣба, которые перемѣняютъ каждый день, нѣсколько ружей и сабель лежатъ подлѣ моей кровати или кресла, въ которомъ обыкновенно сижу, а у дворца всегда готовы лошади для меня и для всей моей свиты, причемъ въ мое сѣдло воткнуты два револьвера и зашито значительное число золотыхъ монетъ».

— Столѣтіе со дня рожденія Мольтке. 26-го октября новаго стиля въ Германіи повсемѣстно торжественно отпразднованъ столѣтній юбилей дня ро-

ждения фельдмаршала Мольтке. Юбилей ознаменовался выходом многочисленных книг, брошюр и статей, посвященных бывшему шефу германского генерального штаба. В числе этой юбилейной литературы находятся и два довольно объемистых труда: трехтомное сочинение Эанса и двухтомный труд полковника Бигге ¹⁾. Обе книги дают не только биографические очерки, но и подробный обзор всех военных распоряжений Мольтке, пересказ его научных и публицистических работ и т. д. Эанс был в течение долгих лет сотрудником Мольтке на научном поприще, и поэтому научный элемент у него преобладает. Бигге старается представить фельдмаршала, как идеального начальника штаба. В общем обе книги свидетельствуют о том, что время для безпристрастной всесторонней оценки германского стратега еще не настало. В виду долгой жизни Мольтке и многочисленных отношений его к важнейшим событиям в истории Европы за большую часть истекающего столетия, биография его представляется очень интересною. Это видно уже из одного голаго перечня главных биографических дат о нем. Родившись в Мекленбургѣ, онъ поступил сначала в военную службу в Дании, в 1822 году перешел из датской службы на прусскую, в тридцатых годах был инструктором турецкого войска и принимал участие в турецком походе в Сирии, в 1848 году стал начальником отделения генерального штаба одного из армейских корпусов, в 1858 году стал во главе прусского генерального штаба и в войнах в Шлезвигѣ, с Австріею и с Франціею был автором общих планов военных действий, приведших к уничтожению сил противников. Начальником генерального штаба онъ оставался тридцать лет, вплоть до 1888 года, когда удален на почетный покой в качестве председателя комиссии народной обороны. Славою величайшаго стратега второй половины XIX вѣка Мольтке обязан особенно франко-прусской войнѣ, веденной цѣлкомъ по его планамъ. Здѣсь в особенномъ блескѣ представился его методъ ведения военных операций, который онъ самъ выражалъ в краткомъ правилѣ: «маршировать отдѣльно, бить вмѣстѣ». При большой ясности ума Мольтке отличался рѣдкимъ трудолюбіемъ, отразившимся в многочисленных его литературных трудахъ. Онъ до самой смерти трудился надъ изученіемъ военного искусства и старался преобразовать его в точную науку. Какъ публицистъ и политическій ораторъ, онъ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ необходимости увеличенія военного могущества своей родины. Какъ фанатикъ войны, находившій ее не только неизбежною, но и желательною, онъ смотрѣлъ на сосѣднія государства исключительно, какъ на объекты военных действий. Какъ организаторъ военного могущества Германіи, Мольтке далъ естественное дополненіе къ объединительной работѣ Вильгельма I и Бисмарка; но онъ же именно своею дѣятельностью и доказалъ ту связь, которая существуетъ между объединеніемъ Германіи и ростомъ милитаризма.

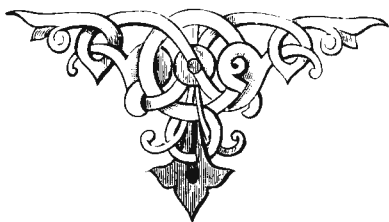
— Графъ Вальдерзэ вѣ войнѣ сѣ Франціею. Фактъ назначенія германскаго фельдмаршала графа Вальдерзэ главнокомандующимъ войсками нѣ-

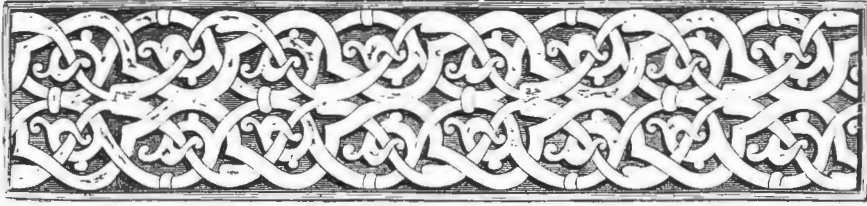
¹⁾ Max Iähns: «Feldmarschall Graf Moltke. II—III. 1900. I т. вышелъ еще вѣ 1874 г.—Bigge: «Feldmarschall Graf Moltke». I—II. 1900.

сколькихъ державъ на востокъ Азіи вызвалъ понятный интересъ къ біографіи этого германскаго военнаго дѣятеля. В. Бременъ въ «Deutsche Revue» ¹⁾ сообщаетъ нѣкоторыя мало извѣстныя подробности изъ военной карьеры графа; подробности эти тѣмъ болѣе интересны, что относятся къ эпохѣ, которая давно уже отошла въ область исторіи. Какъ видно изъ очерка В. Бремена, весь почти военный опытъ графа Вальдерзэ относится ко времени франко-прусской кампаніи. Въ такъ называемой нѣмецкой войнѣ 1866 г. графъ также принималъ участіе, но почти исключительно при главной квартирѣ; въ битвѣ при Кенигсгрецѣ онъ былъ простымъ зрителемъ. Высшее военное начальство цѣнило его въ это время, какъ человѣка наблюдательнаго и умѣлаго докладчика. Этимъ качествамъ онъ и былъ обязанъ, что въ началѣ 1870 года командированъ былъ въ Парижъ, чтобы состоять военнымъ атташе при посольствѣ. Здѣсь онъ сдѣлалъ наблюденія надъ тактикою французской арміи, показавшіяся настолько интересными прусскому генеральному штабу, что ихъ въ началѣ войны напечатали и роздали въ войскахъ для ознакомленія. Во время самыхъ рѣшительныхъ битвъ франко-прусской войны графъ Вальдерзэ состоялъ въ качествѣ флигель-адъютанта при королѣ Вильгельмѣ. Король на войнѣ былъ обыкновенно очень молчаливъ и о планахъ битвъ никогда ни слова не сообщалъ флигель-адъютантамъ; такого рода вещи онъ считалъ возможнымъ обсуждать только съ тѣми лицами, кому поручалъ руководство военными дѣйствіями. Поэтому и графъ Вальдерзэ не былъ заранѣе посвящаемъ въ планы относительно Гравелота, Бомона или Седана. Хорошія познанія графа во французскомъ военномъ устройствѣ привели къ тому, что король нерѣдко задавалъ ему вопросы объ организаціи силъ противника. Болѣе дѣятельно пришлось выступить Вальдерзэ лишь подъ конецъ кампаніи при дѣйствіяхъ противъ арміи на Луарѣ. Недовольный донесеніями дѣйствовавшихъ тамъ военачальниковъ, король рѣшилъ, по собственной инициативѣ, отрядить туда графа Вальдерзэ, чтобы тотъ ежедневно сообщалъ ему о положеніи дѣлъ. Король очень боялся, какъ бы французы не разбили принца Фридриха-Карла, стоявшаго на Луарѣ, и не освободили Парижа. Вальдерзэ съ тремя провожатыми отправился верхомъ въ путь и 25 ноября прибылъ въ лагерь у Шитивью къ принцу. Въ два дня онъ объѣздилъ нѣмецкіи позиціи, при чемъ убѣдился, что онѣ довольно удобны для защиты, но непригодны для наступленія. 28-го ноября французами произведена была энергичная попытка сбить нѣмцевъ съ ихъ позицій. Положеніе арміи принца Фридриха-Карла было довольно критическое, но тутъ явились на выручку свѣжія силы второй арміи, освободившейся послѣ взятія Метца; то обстоятельство, что графъ Вальдерзэ, на основаніи свѣдѣній, полученныхъ отъ короля, могъ сообщить о ихъ приближеніи, удержало отрядъ, стоявшій у станціи Бонъ, отъ отступленія. Въ битвахъ этого дня графъ принималъ личное участіе, указавъ, напримѣръ, направленіе, по которому должна была стрѣлять подослѣвшая артиллерія. Дѣйствіе выстрѣловъ оказалось удачнымъ, и когда густыя массы французской пѣхоты стали отступать

¹⁾ W. v. Bremen, «Neues und Altes vom Feldmarschall Grafen Waldersee». — «Deutsche Revue». 1900. October.

Вальдерзэ могъ приписывать отчасти и себѣ часть побѣды. Въ слѣдующіе дни онъ настаивалъ на преслѣдованіи непріятеля, но его предложенія не были исполнены. 1-го декабря Вальдерзэ предпринялъ рекогносцировку по направленію къ дорогѣ, ведущей изъ Орлеана въ Парижъ. Здѣсь онъ обратилъ вниманіе на важность скорѣйшаго занятія Орлеана. Принцъ Фридрихъ-Карль согласился съ его планами, которые привели къ упорной битвѣ у Луаньи. Въ этой битвѣ графъ Вальдерзэ имѣлъ случай лично принять участіе въ боѣ. Съ ружьемъ въ рукахъ, онъ ибшій, во главѣ нѣсколькихъ сотъ ибхотивцевъ, выступилъ впередъ и поддерживалъ огонь на непріятеля въ непосредственной отъ него близости. Во всѣ эти дни онъ, несмотря на дневные хлопоты, по вечерамъ отсылалъ обширнѣйшія донесенія королю. 3-го декабря онъ сообщалъ уже, что считаетъ силы непріятеля сломленными. Вся эта активная дѣятельность фельдмаршала продолжалась только съ 25-го сентября по 5-е декабря 1870 года. В. Бременъ называетъ ее «блестящей», но, безъ сомнѣнія, эта похвала графу преувеличена: къ арміи на Луарѣ графъ Вальдерзэ прислѣлъ лишь въ тотъ моментъ, когда все главнѣйшее уже было сдѣлано, и оставалось только добивать непріятеля, обезкураженными неудачами. Руководящей роли и здѣсь графъ не игралъ, такъ какъ принцъ Фридрихъ-Карль иногда лишь снисходилъ къ его совѣтамъ, но никогда имъ не подчинялся. Замѣтки В. Бремена рисуютъ намъ позднѣйшаго фельдмаршала, какъ очень способнаго флигель-адъютанта; выдающагося полководца мы, однако, въ немъ не видимъ: для того, чтобы проявить стратегическія способности къ франко-прусской войнѣ, графъ Вальдерзэ не имѣлъ ни времени, ни достаточныхъ полномочій.

С М Ъ С Б.

ВОЗРОЖДЕНИЕ Мстиславова храма. На Волыни въ городѣ Владимирѣ-Волынскомъ совершились торжества возобновленія древняго храма Мстиславова въ честь Успенія Богородицы. Нѣкогда этотъ городокъ былъ столицею Волыни, и про него въ лѣтописи Андрей Венгерскій говоритъ, что такого града не нашель и въ нѣмецкихъ земляхъ. Эти слова остались правдивыми до сихъ поръ въ томъ развѣ смыслѣ, что дѣйствительно такого захудалаго города не найдешь въ нѣмецкихъ земляхъ, а было въ древности въ городѣ и окрестностяхъ много монастырей и церквей, а потомъ все печезло, и только однѣ величественныя развалины Мстиславова храма господствовали надъ городомъ, на холмѣ, видимыя со всѣхъ сторонъ, какъ остатокъ минувшаго величія. Есть въ городѣ теперь монастырь уніатской постройки и католическій большой костелъ. По странной ироніи судьбы маленькая тѣсная каплица, построенная въ память гонителей православія Іоасафата Кунцевича, превратилась потомъ въ городской православный соборъ. Кромѣ старой башни, теперь пожарной каланчи, никакихъ выдающихся построекъ; не садъ, а городской палисадникъ служитъ мѣстомъ гулянья евреевъ; а старые валы, среди которыхъ прячется острогъ, — мѣсто гулянья военныхъ и высшей мѣстной публики, благодаря, конечно, образцовому содержанію ихъ зрителемъ тюрьмы. Таковъ городъ; но въ немъ теперь торжество великое, можно сказать, всероссійское, такъ какъ возстановленъ древнѣйшій изъ православныхъ храмовъ Руси, девять вѣковъ назадъ поставленный великимъ княземъ Мстиславомъ Изяславовичемъ и служившій усыпальницей древнихъ русскихъ князей. Торжества по этому поводу собрали десятки тысячъ богомольцевъ и начались еще 15-го числа. Святѣйшій синодъ разрѣшилъ перенести въ городъ святыню Волыни, Почаевскую икону Богоматери. На время празднествъ съѣхались въ городъ

архіереи и сановники. Великолѣнна и трогательна была картина крестнаго хода. За 145 верстѣ вышелъ онъ изъ Почаевской лавры, неся чтимую всей Волинью—и православными, и католиками—чудотворную Почаевскую икону Божіей Матери. Больше недѣли шель крестный ходъ; по дорогѣ изъ всѣхъ селъ выходили ему на встрѣчу священники и крестьяне, толпа все увеличивалась, одни отставали, приставали другіе еще въ большемъ числѣ, и такъ, нарастая, достигла Зимно 15-го сентября. Войска по наряду сопровождали икону; за 50 верстѣ отъ Владимира-Волинска встрѣтили икону казаки 11 Донскаго полка при хорѣ трубачей, конные казаки ѣхали по сторонамъ, охраняя путь и порядокъ процессіи, пѣшая сотня шла сзади съ музыкой, игравшей «Коль славень». На встрѣчу иконѣ вышли крестные ходы изъ всѣхъ владимирово-волинскихъ церквей съ толпой богомольцевъ, шли они впередъ по дорогѣ навстрѣчу святыни края. Близъ Зимно—женскій монастырь, тоже по преданію основанный св. Владимиромъ. Туда заносили икону, тамъ со свѣчами и пѣніемъ встрѣчали ее монахини. Но особенно сильное впечатлѣніе оставилъ моментъ встрѣчи двухъ крестныхъ ходовъ. Уже вечерѣло, когда всѣ процессіи изъ города соединились по дорогѣ и на перекресткѣ встрѣтили крестный ходъ почаевскій. Десятки хоругвей преклонились, осѣняя чудотворную икону, которую на носилкахъ, въ дыму ошніама кадилъ, окруженную священниками, пронесли между рядовъ хоругвей. Тысячная толпа стояла на колѣняхъ и на дорогѣ, и на поляхъ кругомъ; въ воздухѣ по полямъ разносились серебристые голоса дѣтей, пѣвшіе: «Пресвятая Богородице, спаси насъ». Стало совсѣмъ темно, когда крестный ходъ вступилъ въ городъ. Въ рукахъ богомольцевъ замелькали огни свѣчей; изъ деревень и селъ по пути приливали къ процессіи новыя волны огоньковъ, верховые казаки зажгли высокіе факелы. Все представляло величественный и торжественный видъ. Звонили колокола всѣхъ владимирово-волинскихъ церквей и костеловъ. За крестнымъ ходомъ шли военные генералы, офицеры, чиновники; не умолкая ни на секунду, попеременно играли величественное «Коль славень» хоры трубачей 21-го Драгунскаго и Казачьяго полковъ, пѣшими эскадронъ драгунъ и сотня казаковъ слѣдовали за процессіею. Драгуны встрѣтили процессію за городомъ и присоединились съ своимъ хоромъ музыки. Крестный ходъ направлялся въ монастырскій соборъ. На встрѣчу ему вышелъ изъ Святыхъ воротъ на площадь монастырскій крестный ходъ съ преосвященнымъ Паисіемъ, епископомъ владимирово-волинскимъ во главѣ. Преосвященный по встрѣчѣ иконы и внесеніи ея въ монастырскій соборъ совершилъ передъ ней акаѣистъ. До поздняго часа прикладывался къ иконѣ народъ. Въ этотъ день въ монастырѣ совершалъ всенощную архимандритъ, въ присутствіи преосвященнаго Серафима, епископа острожскаго. Почаевская икона прибыла въ соборъ во время всенощной. Въ субботу, 16-го сентября, послѣдовало торжественное перенесеніе Почаевской чудотворной иконы Богоматери изъ монастырскаго собора въ обновляемый Мстиславовъ храмъ. При звонѣ колоколовъ двинулся крестный ходъ; по печатному церемонаіу онъ дѣлился на три части, каждая начиналась крестами и хоругвями. Здѣсь множество хоругвей имѣло видъ знаменъ, красныхъ, голубыхъ, разныхъ цвѣтовъ; это очень разнообразило шествіе. Цѣлый какой-то длинный нестро-блестящій лѣсъ взби-

рался на Мстиславову гору. Среди него вилась грандіозная золотистая лента духовенства, прерываемая то синими хорами пѣвчихъ, то дѣтми школь, мальчиками въ сѣрыхъ рубахахъ, дѣвочками въ цвѣтныхъ платьяхъ, бѣлыхъ передниками, дѣтскими голосами славящихъ Божию Матерь. Шла цѣлая вереница крестьянскихъ дѣвушекъ въ бѣлыхъ и цвѣтныхъ рубахахъ и паневахъ, иныя въ ярко-узорчатыхъ платкахъ, съ вѣнками цвѣтовъ на головахъ; онѣ несли иконы своихъ селъ, покрытыя воздушными пеленами изъ кисеи. Пронесли взятую изъ музея братства икону Богородицы XVI вѣка, стоявшую нѣкогда на горномъ мѣстѣ Мстиславова храма. Тамъ опять хоругви, опять духовенство; въ предшествіи свѣчей и кадиль священники и народъ несли на носилкахъ чудотворную Почаевскую икону. Шестъ архимандритовъ, четыре архіерея съ посохами, два волынскихъ викарныхъ, гродненскій преосвященный Іоакимъ и высокопреосвященный волынскій архіепископъ Модестъ. Товарищъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода сенаторъ Саблеръ и мѣстныя власти слѣдовали за крестнымъ ходомъ. Почаевскую икону поставили въ соборѣ передъ царскими дверьми. Архіереи съ сонмомъ духовенства совершили панихиду по почившимъ создателямъ храма, его благодѣтелямъ и трудившимся въ немъ. Затѣмъ крестные ходы стали возвращаться въ назначенныя имъ церкви и съ ними толпы народа. Въ началѣ шестого часа вечера прибылъ во Владимиръ-Волынский августѣйшій покровитель Свято-Владимирскаго православнаго братства великій князь Константинъ Константиновичъ съ генераль-майорами Бутовскимъ и Писаревскимъ и адъютантомъ. Въ монастырскомъ соборѣ на встрѣчу великому князю вышелъ съ крестомъ и св. водою архіепископъ владимирскій и житомирскій Модестъ съ преосвященными: гродненскимъ епископомъ Іоакимомъ и викаріями волынскими: владими́ро-во́лыньскимъ епископомъ Паисіемъ и острожскимъ Серафимомъ, городскимъ духовенствомъ и братіей обители. Въ соборѣ находились товарищъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода сенаторъ Саблеръ, мѣстные гражданскіе чины, номѣщики, множество народа. При звонѣ колоколовъ изъ собора выѣхалъ великій князь къ Мстиславову храму, сопровождаемый губернаторомъ. На площади у храма стоялъ почетный караулъ отъ 21-го Бѣлорусскаго драгунскаго полка въ парадной формѣ со штандартомъ и хоромъ трубачей. На правомъ флангѣ караула начальникъ дивизіи генер.-лейт. Роговскій и командиръ полка, на лѣвомъ генералы и командиры частей войскъ, стоящихъ во Владимирѣ-Волынскомъ. Великій князь принялъ почетный караулъ и ординарцевъ на лѣвомъ флангѣ и пропустилъ драгунъ церемоніальнымъ маршемъ. Городокъ Владимиръ-Волыньскъ нестрѣлъ всюду флагами. Въ 6 часовъ загудѣли колокола всѣхъ церквей и обновляемаго древняго храма, наполненнаго народомъ. Въ соборѣ прибылъ владыка Модестъ и, встрѣченный по уставу, прошелъ въ алтарь, передъ которымъ стоялъ столъ съ принадлежностями для освященія престола и новыми сосудами и священными предметами, приобретенными для храма. На лѣвомъ клиросѣ возвышалась чудотворная икона Почаевская. По чину освященія храма, передъ столомъ съ священными предметами и иконою храма совершена всенощная; ее началъ архимандритъ; благословеніе хлѣбовъ совершалъ преосвященный Іоакимъ гродненскій, а на величаніе вышли три іерарха: архіепископъ Модестъ, епископы

Иоакимъ и Паисій, сонмъ архимандритовъ и священниковъ. Всенощную пѣлъ архіерескій хоръ. Высоко въ большомъ куполѣ горѣли кругомъ свѣчи, и храмъ, освѣщенный ими среди ночной темноты, былъ виденъ всюду, вѣнкомъ освѣщенныхъ оконъ высясь надъ древнимъ городомъ. Въ то же время умиленная картина молитвы подъ открытымъ небомъ открылась передъ соборомъ. Тысячи богомольцевъ стояли на площадкѣ передъ храмомъ, и среди нихъ подъ звѣзднымъ покровомъ ночи, при блескѣ нѣсколькихъ огней фонарей, епископъ Серафимъ совершалъ съ архимандритами и священниками всенощную. Хоръ въ 400 слишкомъ дѣтскихъ голосовъ городскихъ и церковно-приходскихъ школъ пѣлъ стройно и чинно. А когда заплѣли величіе Божіей матери, зажгли свѣчи въ народѣ, и волны свѣтящихся точекъ разлились по обширной площади. Изъ открытыхъ дверей освѣщеннаго храма вырывался потокъ свѣта и иногда слышалось и пѣніе. Великій князь прошелъ сначала въ соборъ, прикладываясь къ чудотворной иконѣ, а затѣмъ молился за народной всенощной. Ученику Левчуку, который хорошо прочиталъ первый часъ, великій князь высказалъ похвалу и далъ образокъ. Въ воскресенье, 17-го сентября, наступилъ и знаменательный торжественный день освященія древнѣйшей русской святыни Мстиславова храма. Къ нему на холмъ, къ его бѣлѣющимъ стѣнамъ и далеко сіяющему кресту стекались не тысячи, а десятки тысячъ народа. Въ девятомъ часу утра изъ монастыря прошелъ крестный ходъ на рѣку для водосвященія. Тысячи народа смотрѣли на церемонію съ высоты холма. На противоположномъ лугу стояли орудія 13-й конной батареи, и каждый разъ, когда архимандритъ при пѣніи «Спаси Господи, люди Твоя» погружалъ въ воду крестъ, залпы салюта потрясали воздухъ. На площадь передъ Мстиславовымъ храмомъ пришли войска въ пѣшемъ строю, въ парадной формѣ: два эскадрона драгунъ съ хоромъ музыки, двѣ сотни казаковъ 11-го Донского полка, взводъ конной артиллеріи и рота ратниковъ ополченія. Всѣ войска построились на три фаса подъ общею командою полковника Грекова. Крестный ходъ съ св. водой вошелъ въ соборъ. Обойдя войска, здороваясь съ ними и ратниками ополченія, великій князь вошелъ въ соборъ, куда прибылъ также кіевскій и волынкій генералъ-губернаторъ генералъ-адъютантъ Драгомировъ, почетный опекунъ генералъ-лейтенантъ фонъ-Валь, попечитель Кіевского учебнаго округа тайн. сов. Вельяминовъ-Зерновъ, губернаторъ камергеръ Дунинъ-Барковский, начальникъ дивизіи и генералы: Бутовскій, Петровскій, Пршеблоскій и др., губернский предводитель дворянства гофмейстеръ Уваровъ, уѣздный—г. Двержицкій, предсѣдатель братства Е. Н. Дверницкій, мѣстные чиновники, воинскій начальникъ и весь officialный міръ города, нѣкоторые помѣщики. «Со славою» встрѣченъ высокопреосвященный Модестъ, вмѣстѣ съ преосвященными приступившій къ освященію престола. Новый престолъ какъ разъ пришелся на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ древній каменный престолъ, и подъ нимъ сохранилось основаніе или гнѣздо въ видѣ чаши. По освященіи престола изъ собора съ многочисленными хоругвями и иконами вышелъ крестный ходъ съ архіепископомъ, въ сопровожденіи великаго князя и всѣхъ властей, къ воротамъ для встрѣчи городского крестнаго хода, съ которымъ преосвященные Паисій и Серафимъ несли изъ монастыря для освящаемаго храма частицы св. мощей въ сосудѣ. Цѣлый

лѣсъ хоругвей и щитовъ двигался къ Мстиславову храму. Это былъ такой же грандіозный крестный ходъ, какъ и наканунѣ. Послѣ встрѣчи вся процессія обошла кругомъ храма: хоругви и кресты вѣнцомъ окружили его, и какая чудная картина съ наперти собора! Эта величественная процессія, золотыя ризы духовенства, море головъ, въ которомъ рѣзкими нятнами выступаютъ яркіе цвѣтные платки женщинъ; дальше, за стройными линіями войскъ, точно мухами, усѣяны пестрымъ людомъ всѣ холмы, постройки, стѣны, даже деревья. Чудный день, голубое небо, яркое солнце и пестрить, и золотить всю эту панораму. Архіепископъ принялъ на главу св. мощи. Вошелъ крестный ходъ въ соборъ при величественномъ пѣніи «Господь силъ, Ты есть Царь славы». Закончилось освященіе. Четыре архіерея, шесть архимандритовъ, шесть протоіереевъ и священниковъ при двухъ протодіаконахъ— архіерейскомъ и почаевскомъ—и прочемъ духовенствѣ торжественно совершили первую литургію въ Мстиславовомъ храмѣ. Къ архіерейскимъ пѣвчимъ присоединился народный хоръ, и сотни дѣтскихъ голосовъ пѣли «Отче нашъ» и нѣкоторыя молитвы. Когда кончилось богослуженіе, великій князь вышелъ къ войскамъ. Затрубили трубы, и на площади стройными рядами пошли церемоніальнымъ маршемъ драгуны, казаки, артиллершты и пестрые въ синихъ, красныхъ и сѣрыхъ рубахахъ ратники. Всѣхъ похвалилъ великій князь. Генералы, командиры частей проходили на флангахъ. Послѣ парада войскъ великій князь изъявилъ согласіе посадить въ память событія на площади передъ храмомъ двѣ американскія елки, доставленныя помѣщикомъ Полонскимъ изъ его питомника. Послѣ посадки великій князь на террасѣ дома собственноручно раздавалъ дѣтямъ городскихъ и церковно-приходскихъ школъ конфеты, вышелъ на угощеніе рабочихъ при постройкѣ храма и здѣсь поднялъ чарку за Государя Императора и Государынь Императрицъ. Сквозь живую стѣну народа и при радостныхъ его кликахъ великій князь прошелъ въ замочекъ, гдѣ въ залѣ былъ накрытъ завтракъ. Великій князь провозгласилъ первый царскій гостъ. Послѣ завтрака великій князь посѣтилъ помѣщеніе и чайную братства и при восторженныхъ кликахъ выѣхалъ изъ города.

Присужденіе Уваровскихъ премій. 25-го сентября въ маломъ конференцъ-залѣ академіи наукъ въ публичномъ засѣданіи непремѣннымъ секретаремъ академикомъ Н. Ѳ. Дубровинымъ былъ прочитанъ отчетъ о сорокъ второмъ присужденіи наградъ графа Уварова, на соисканіе которыхъ въ нынѣшнемъ году было представлено 12 сочиненій и одно, отложенное отъ предыдущаго конкурса; сверхъ того, поступило сочиненіе на одну изъ предложенныхъ академіей задачъ. Въ составъ комиссіи, производившей разсмотрѣніе и оцѣнку представленныхъ сочиненій, входили: председателемъ—непремѣнный секретарь Н. Ѳ. Дубровинъ и членами— академики: А. Н. Пыпинъ, А. А. Шахматовъ, И. Н. Ждановъ, В. И. Ламанскій, Н. П. Кондаковъ, и адъютантъ академіи А. С. Лаппо-Данилевскій. Преміи по 500 рублей получили слѣдующія сочиненія: І. А. П. Барсуковъ.—«Родъ Шереметевыхъ», 7 томовъ. Оцѣнку этого труда принялъ на себя профессоръ Казанскаго университета Д. А. Корсаковъ. По мнѣнію рецензента, авторъ широко воспользовался первоисточниками: матеріалами изъ правительственныхъ архивовъ и изъ фамильнаго архива графа

С. Д. Шереметева. Матеріалы эти дали возможность автору представить полную картину не только жизни и дѣятельности членовъ рода Шереметевыхъ, но и тѣхъ историческихъ событій, въ которыхъ участвовали члены. Указавъ на немногія неточности и недомолвки въ сочиненіи, рецензентъ указываетъ также и на ученые достоинства книги и на продолжительный, не ослабѣвающій въ теченіе девятнадцати лѣтъ, трудъ автора, посвященный серіозному научному изслѣдованію, и ходатайствуетъ о награжденіи его Уваровской преміей.

II. П. К. Харламповичъ.—«Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVII вв. и отношеніе ихъ къ инославнымъ, религиозное обученіе въ нихъ и заслуги ихъ въ дѣлѣ защиты православной вѣры и церкви», Казань, 1898. Оцѣнку этого труда принялъ на себя профессоръ П. Н. Жукевичъ. По его мнѣнію, г. Харламповичъ въ своемъ изслѣдованіи не ограничивается однѣми только православными западно-русскими школами, но касается и школъ всѣхъ иныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, существовавшихъ въ описываемый имъ періодъ въ предѣлахъ Западной Россіи. Главной задачей автора въ историческомъ очеркѣ какъ православныхъ, такъ и инославныхъ школъ было стремленіе дать общій сводъ фактическихъ данныхъ и научныхъ сужденій относительно всѣхъ сторонъ церковно-школьнаго дѣла въ указанномъ краѣ и въ избранное авторомъ время. Эта задача выполнена имъ вполне удачно и добросовѣстно, на основаніи не только печатныхъ, но и множества рукописныхъ матеріаловъ и источниковъ, изученныхъ имъ въ виленской и петербургской публичныхъ бібліотекахъ и въ разныхъ архивахъ. Авторъ въ своемъ трудѣ даетъ вполне обстоятельный историческій очеркъ западно-русскихъ школъ, къ тому же дополненный съ фактической стороны многими новыми данными, по сравненію съ предыдущими научно-историческими опытами.

III. В. О. Эйнгорнъ.—«Сношенія малороссійскаго духовенства съ московскимъ правительствомъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича», Москва, 1899. Оцѣнка этого сочиненія была произведена профессоромъ С. Т. Голубевымъ, который уже рецензировалъ этотъ трудъ ранѣе по порученію императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ. Съ тѣхъ поръ сочиненіе значительно пополнено авторомъ, благодаря изученію имъ новаго архивнаго матеріала, совершенно переработано въ конечной своей части и увеличилось въ размѣрѣ противъ прежняго болѣе, чѣмъ на половину. Главная и бесспорная заслуга автора, по мнѣнію рецензента, состоитъ въ тщательномъ изученіи первоисточниковъ, изъ которыхъ весьма многіе остаются еще не обнаруженными, и въ приведеніи, на основаніи этихъ источниковъ, новыхъ, доселѣ неизвѣстныхъ, историческихъ данныхъ. Автору пришлось прочесть всѣ относящіеся къ разсматриваемому имъ періоду подлинныя малороссійскія дѣла, находящіеся въ московскихъ архивахъ министерствъ иностранныхъ дѣлъ и юстиціи; кромѣ того, онъ работалъ во многихъ другихъ московскихъ архивахъ и осматрѣлъ даже нѣсколько южно-русскихъ архивовъ. Трудъ этотъ есть результатъ многолѣтнихъ, преимущественно архивныхъ работъ, трудъ, старательно веденный и обильный новыми свѣдѣніями и указаніями на источники, которыми, безъ сомнѣнія, воспользуются будущіе изслѣдователи судебъ западно-русской исторіи, еще далеко не во всѣхъ частяхъ ея

разработанной. IV. А. Кочубинскій. — «Графъ Андрей Ивановичъ Остерманъ и раздѣлъ Турціи. Изъ исторіи Восточнаго вопроса. Война пяти лѣтъ (1735—1739)», Одесса, 1890. Оцѣнка этого труда произведена академикомъ В. И. Ламанскимъ. По его отзыву, историческіе труды профессора Кочубинскаго отличаются основательнымъ знакомствомъ съ источниками и литературою предмета. Настоящій трудъ важенъ еще и тѣмъ, что въ немъ живо представлены, на основаніи тщательно собранныхъ данныхъ, какъ внутреннее состояніе Австріи, нашей союзницы въ войнѣ съ турками, такъ и ея военныя дѣйствія, законченныя посильно и отдѣльно отъ Россіи заключеннымъ съ турками бѣлградскимъ миромъ, весьма, впрочемъ, для нея невыгоднымъ. Судявъ длинную и подробную оцѣнку сочиненія и не совсѣмъ соглашаясь съ авторомъ, рецензентъ тѣмъ не менѣе признаетъ за трудомъ профессора Кочубинскаго важное научное значеніе и считаетъ справедливымъ присудить ему Уваровскую премію. V. И. Каманинъ. — «Матеріалы для исторіи южно-русскаго письма въ XV—XVIII вѣкахъ», выпускъ I, Кіевъ, 1899. Отзывъ объ этомъ трудѣ данъ академіи профессоромъ А. И. Соболевскимъ. Трудъ извѣстнаго кіевскаго архивиста И. М. Каманина состоитъ: 1) изъ 81 снимка съ рукописей южно-русскаго происхожденія, написанныхъ въ разныхъ мѣстахъ Южной Россіи (кроме Галиціи); 2) изъ транскрипціи этихъ снимковъ, и 3) изъ введенія подъ заглавіемъ: «Главные моменты въ исторіи развитія южно-русскаго письма въ XV—XVIII вѣкахъ». По словамъ рецензента, наша ученая литература, какъ извѣстно, крайне бѣдна трудами по палеографіи, и разбираемая книга, дающая вмѣстѣ и обильный матеріалъ въ видѣ снимковъ, и изслѣдованіе, должна быть признана цѣннымъ приобрѣтеніемъ науки, тѣмъ болѣе, что имѣетъ своимъ предметомъ такую область, которой ранѣе никто не касался, и которая даже для специалистовъ была до извѣстной степени terra incognita. Русская палеографія не въ модѣ у насъ, несмотря на всю свою важность. Занимающіеся этою наукою считаются единицами; изданія, ей посвященныя, появляются у насъ рѣдко и почти не находятъ себѣ сбыта. Систематичность въ подборѣ снимковъ и умѣніе разобраться въ подавляющей массѣ сырого матеріала заставляютъ видѣть въ И. М. Каманинѣ одного изъ лучшихъ нашихъ знатоковъ въ области какъ русской палеографіи, такъ и архивнаго матеріала. — Одновременно съ присужденіемъ награды присуждены почетные отзывы слѣдующимъ сочиненіямъ: I. Н. Θ. Сумцовъ. — «Разысканія въ области анекдотической литературы. Анекдоты о глупцахъ», Харьковъ, 1898. Разсмотрѣніе этого труда принялъ на себя профессоръ А. И. Кирпичниковъ, по мнѣнію котораго работы автора въ области народной поэзіи, вмѣстѣ взятыя, заслуживаютъ поощренія, въ частности же разсматриваемая книга вполне заслуживаетъ почетнаго отзыва академика. II. П. И. Созоновичъ. — «Къ вопросу о западномъ вліяніи на славянскую и русскую поэзію», Варшава, 1898. Оцѣнку этого труда принялъ на себя академикъ И. Н. Ждановъ, который въ своей рецензіи говоритъ, что книга г. Созоновича свидѣтельствуетъ объ обширной и разнообразной начитанности автора. Обиліе литературнаго матеріала, общая мысль, связывающая этотъ матеріалъ въ послѣдовательно раскрывающуюся картину, представляютъ несомнѣнныя достоинства труда. III. С. А. Вѣлокоровъ. — «О бібліотекѣ московскихъ государей въ XVI

столѣтіи». Москва. 1898. Рецензію этого труда принялъ на себя членъ-корреспондентъ академіи Д. Θ. Кобеко. Изслѣдованіе г. Бѣлокурова вызвано возникшимъ въ послѣдніе годы вопросомъ о томъ, имѣли ли московскій князь Василій Ивановичъ и царь Иванъ Грозный значительное собраніе иноязычныхъ, въ особенности греческихъ, рукописей. Заслугой автора является обнародованіе въ печати полнаго текста 9 сказаній (съ вариантами) о Максимѣ Грекѣ, описаніе рукописей различныхъ библіотекъ, въ которыхъ встрѣчаются эти сказанія или сочиненія самого Максима, и исторія образованія рукописныхъ собраній библіотекъ московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ и синодальной.—IV. Юрій Трусманъ.—«Чудско-литовскіе элементы въ новгородскихъ пятинахъ. Часть I. Пятина Водьская, Деревская и Шеловская», Ревель. 1898. Оценка этого труда была поручена библіотекарю академіи, магистру Эдуарду Александровичу Вольтеру. Трудъ г. Трусмана представляетъ первый опытъ систематическаго объясненія мѣстныхъ названій на небольшомъ районѣ трехъ новгородскихъ пятинъ. Авторъ этого изслѣдованія не впервые взялся за этимологическія объясненія мѣстныхъ названій нашего сѣвера. Еще въ 1897 году вышли его брошюры «Этимологія мѣстныхъ названій Псковскаго уѣзда» и «Этимологія мѣстныхъ названій Витебской губерніи».—Одновременно съ представленіемъ сочиненій на преміи графа Уварова было представлено изслѣдованіе на одну изъ предложенныхъ академіею задачъ. Изслѣдованіе это, принадлежащее перу г. Вестберга, озаглавлено: «Комментаріи на записку Ибрагима-ибнъ-Якуба о славянахъ». (Рукопись). Отзывъ объ этомъ сочиненіи представленъ академикомъ барономъ В. Р. Розеномъ и профессоромъ Кіевскаго университета Т. Д. Флоринскимъ. Баронъ В. Р. Розень, указавъ на чрезвычайную цѣнность записки Ибрагима-ибнъ-Якуба для древнѣйшей исторіи славянскаго племени, изъ множества комментаторовъ, старавшихся уяснить трудныя и темныя мѣста этого памятника, признаетъ г. Вестберга наиболѣе компетентнымъ его толкователемъ, въ виду того, что, будучи ученымъ специалистомъ по средневѣковой исторіи германской и славянской, онъ настолько знакомъ также съ арабскимъ языкомъ, чтобы до извѣстной степени самостоятельно относиться къ конъектурамъ и переводамъ арабистовъ. Комиссія положила назначить г. Вестбергу премію въ 500 рублей. По присужденіи премій академія наукъ, въ изъявленіе своей признательности за понесенные труды, положила благодарить гг. рецензентовъ: библіотекаря академіи Э. А. Вольтера, профессора С. Т. Голубева, профессора П. В. Голубовскаго, профессора П. Н. Жуковича, профессора А. И. Кириичникова, Д. Θ. Кобеко, профессора Д. А. Корсакова и профессора Т. Д. Флоринскаго. Въмѣстѣ съ тѣмъ, на основаніи § 13 положенія о наградахъ графа Уварова, комиссія положила назначить отъ имени академіи всѣмъ вышеназваннымъ лицамъ золотыя Уваровскія медали, установленныя для рецензентовъ.

Общество любителей россійской словесности. 22-го сентября, въ залѣ правленія университета, происходило собраніе общества любителей россійской словесности, состоящаго при Московскомъ университетѣ. При довольно многочисленной публикѣ членъ-сотрудникъ Н. Г. Кожевникова прочитала свой не напечатанный рассказъ изъ прошлаго подъ заглавіемъ «Сонъ». Затѣмъ пред-

сѣдатель общества Н. И. Стороженко посвятилъ нѣсколько словъ памяти трехъ покойныхъ дѣйствительныхъ членовъ: Вл. С. Соловьева, князя А. И. Урусова и Г. А. Джаншьева. Памяти же почетнаго члена Л. Н. Майкова и дѣйствительнаго члена П. В. Шейна, по заявленію предсѣдателя, будетъ посвящено особое публичное засѣданіе. Въ происходившемъ далѣе административномъ засѣданіи было сообщено объ утвержденіи министерствомъ народнаго просвѣщенія предсѣдателемъ общества на слѣдующее трехлѣтіе съ 1-го февраля 1900 года по 1-е февраля 1903 года заслуженнаго профессора Н. И. Стороженка. Было постановлено въ ближайшемъ будущемъ устроить публичное въ актовомъ залѣ университета засѣданіе, въ которомъ дѣйствительный членъ общества князь Д. Н. Цертелевъ прочтетъ докладъ о графѣ А. К. Толстомъ, по поводу 25-лѣтія со дня его кончины, а дѣйствительный членъ А. Е. Грузинскій — о недавно умершемъ собирателѣ народныхъ пѣсенъ П. В. Шейнѣ. Наконецъ, общество имѣетъ въ виду въ декабрѣ текущаго года устроить литературно-музыкальный вечеръ въ историческомъ музеѣ, посвященный жизни и произведеніямъ извѣстнаго романиста А. Ѳ. Писемскаго (по поводу исполняющагося въ январѣ 1901 года двадцатилѣтія со дня его кончины) и недавно умершаго почетнаго члена общества Я. П. Полонскаго. О первомъ прочтетъ И. И. Ивановъ, а о второмъ — Л. П. Вѣльскій.

Библиологическое общество. Въ субботу, 16-го сентября, въ помѣщеніи археологическаго института состоялось первое послѣ лѣтнаго перерыва собраніе русскаго библиологическаго общества. Прочитанъ былъ краткій полугодовой отчетъ о дѣйствіяхъ общества за время съ января по августъ 1900 года. Изъ отчета усматривается, что въ настоящее время число дѣйствительныхъ членовъ общества перешло за сто: члены общества имѣются, кромѣ С.-Петербурга, въ Москвѣ, Владимирѣ, Тобольскѣ, Ташкентѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ. А. М. Ловягинимъ прочитанъ былъ докладъ «О библиографическихъ работахъ русскаго общества дѣятелей печатнаго дѣла». Докладчикъ указалъ на начатую статистико-библиографическою комиссіею названнаго общества работу большой важности, именно «Систематическую роспись книгамъ, вышедшимъ въ Россіи». Появленіе этой работы, уже начатой печатаніемъ, сильно облегчитъ задачи, предстоящія библиологическому обществу; послѣднее имѣетъ возможность перейти къ своему особому дѣлу — регистраціи журнальныхъ статей и къ спеціальной библиографіи тѣхъ наукъ, по которымъ въ составѣ общества имѣются спеціалисты. Собраніе постановило выразить горячее свое сочувствіе статистико-библиографической комиссіи общества печатнаго дѣла въ лицѣ присутствовавшаго на собраніи предсѣдателя комиссіи академика М. Я. Виліе. По баллотировкѣ, состоявшейся на собраніи, оказались избранными единогласно въ дѣйствительные члены общества: С. Н. Шубинскій, С. Н. Браиловскій, С. Е. Базилевичъ, А. М. Филиповъ, П. П. Никольскій. Въ члены-сотрудники избранъ А. А. Мироновъ. Послѣ собранія состоялось засѣданіе историко-литературной секціи общества, посвященное вопросамъ организаціи работъ этой секціи.

Казанское общество археологіи, исторіи и этнографіи. 28-го сентября происходило послѣ лѣтнаго времени засѣданіе общества археологіи, исторіи и

этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ. Въ программу за-сѣданія были включены два реферата профессоровъ И. Н. Смирнова и А. А. Штукенберга по археологій Казанской губерніи; сюда же присоединено обсу-ждение вопроса о реставраціи древней деревянной башни въ Арскѣ, заштат-номъ городѣ Казанской губерніи. Арская башня—сооруженіе, нужно думать, XVI столѣтія, остатокъ укрѣпленія Арскаго острога, представляетъ собою въ настоящее время почти безформенную груду бревенъ, лишившихся связи между собою. Однако, сохранившіяся подробныя описанія башни, когда она была еще въ цѣлости, даже имѣющійся схематическій чертежъ ея, даютъ возмож-ность возстановить часть башни, которая сдѣлается такимъ образомъ памят-никомъ болѣе, чѣмъ 300-лѣтней исторіи города. Предположенія общества относительно реставраціи арской башни были вполне раздѣлены император-ской археологической комиссіей, которая испросила у министерства внутрен-нихъ дѣлъ денежныя средства для этого въ размѣрѣ ста рублей. Къ возста-новленію башни рѣшено приступить нынѣшней же осенью. Надъ башней для защиты ея отъ дѣйствій дождей и вѣтра будетъ устроенъ навѣсъ. Наблюденіе за работами по реставраціи башни возложено на члена общества В. Л. Бори-сова. Докладъ И. Н. Смирнова не состоялся. Между тѣмъ, въ немъ предпола-галось выяснитъ археологическое значеніе мѣстности около деревни Старый Урмать, расположенной въ районѣ Старой Казани. Уже много времени кре-стьяне изъ этой деревни выпахиваютъ и находятъ въ окрестностяхъ своего се-ленія остатки каменныхъ сооружений въ видѣ кирпичей и т. п., различныя металлическія вещи, относящіяся къ домашнему обиходу, издѣлія изъ глины и стекла, кости и т. д. Очевидно, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ древнимъ житель-ствомъ. Нужно надѣяться, что профессоръ Смирновъ все же подѣлится съ обществомъ своими впечатлѣніями и наблюденіями, вынесенными изъ совер-шенной имъ экскурсіи въ Старый Урмать. Профессоръ Штукенбергъ обратилъ вниманіе общества на сѣверные уѣзды Казанской губерніи, остающіеся до сихъ поръ почти безъ всякаго археологическаго изслѣдованія. Имъ было ука-зано нѣсколько пунктовъ въ Царевококшайскомъ и Казанскомъ уѣздахъ, до-стойныхъ замѣчанія со стороны археологовъ по дѣлаемымъ въ нихъ наход-камъ. Особенно привлекли вниманіе присутствовавшихъ въ засѣданіи лицъ предметы, только что доставленные докладчику изъ деревни Атрясы, Лаишев-скаго уѣзда,—это мѣдные копье, кельтъ и двѣ бляхи, одна большихъ размѣ-ровъ. Вѣроятно, случайно вскрыто цѣлое погребеніе.

Новый документъ о подвигѣ Ивана Сусанина. 8-го сентября состоя-лось годичное засѣданіе костромской губернской архивной комиссіи подъ пред-сѣдательствомъ члена государственнаго совѣта, статсъ-секретаря, дѣйствитель-наго тайнаго совѣтника Н. Н. Селифонтова, въ присутствіи членовъ комиссіи: костромскаго губернатора И. М. Леонтьева, ярославскаго губернатора Б. В. Штюрмера, преосвященнаго Виссаріона, другихъ членовъ и публики. Самымъ интереснымъ докладомъ изъ четырехъ прочитанныхъ былъ о вновь найденной рукописи, измѣняющей предаіе о подвигѣ Ивана Сусанина и о спасеніи пра-родителя Дома Романовыхъ, царя Михаила Ѳеодоровича. Найденный доку-ментъ повѣствуетъ вначалѣ о царствованіи Годунова, о междоусерствіи на Руси и только затѣмъ говорить о родѣ Романовыхъ. Въ 1612 году въ свою

вотчину, въ село Домнино, прибыли изъ Москвы Михаилъ Теодоровичъ со своею матерью Мареюю Иоанновной, бѣжавшіе отъ царящихъ въ Москвѣ междоусобій. Шедшій изъ Вологды въ Кострому отрядъ поляковъ узналъ о мѣстопребываніи Михаила Теодоровича, и поляки рѣшили во что бы то ни стало схватить его и живого или мертвѣго оставить въ Польшу. Предувѣдомленный объ ихъ умыслѣ молодой царь бѣжалъ изъ села Домнина ночью въ деревню Перевозъ. Не дойдя до послѣдней, онъ заблудился и снова попалъ на вологодскую дорогу и очутился около домнинскаго выселка, который состоялъ только изъ одного дома крестьянина Ивана Сусанина. Узнавъ о преслѣдованіи Михаила Теодоровича поляками, Сусанинъ спряталъ его въ овинной ямѣ (самый овинъ наканунѣ сгорѣлъ). Чтобы скрыть молодого царя еще лучше, Сусанинъ обложилъ всю яму горящими головнями. Въ самую яму онъ принесъ ему хлѣба съ столью и квасу. Благодаря случайности, дочери крестьянина Степаниды не было дома. Во время бѣгства Михаила Теодоровича выпалъ снѣгъ, и слѣды его на снѣгу довели враговъ до избы Сусанина. Послѣдній, спрашиваемый о Михаилѣ Теодоровичѣ, отвѣтилъ незнаніемъ. Поляки стали его пытать, но и на пыткахъ вѣрный Иванъ Сусанинъ не выдалъ царя. Изрубивъ его въ куски, поляки двинулись посѣбно изъ костромскихъ предѣловъ, но прежде тщательно поискавъ съ собаками Михаила Теодоровича. Благодаря запаху гари, собаки потеряли обоняніе и не нашли спрятаннаго въ овинной ямѣ царя. Вернувшаяся домою Степанида видѣла мученическую смерть отца, но не показалась полякамъ и только подошла къ тѣлу отца, когда ушли враги, и своимъ громкимъ плачемъ привлекла народъ изъ Домнина. Тогда выбрался и Михаилъ Теодоровичъ изъ ямы; онъ приказалъ собрать останки Сусанина и похоронить въ своей вотчинѣ Домнинѣ, а самъ отправился въ Ипатьевскій монастырь въ Кострому подъ охраною крестьянъ. Рукопись отлично сохранилась. Она, согласно помѣткамъ на поляхъ, написана въ срединѣ прошлаго столѣтія нѣкимъ Іорданскимъ, титулярнымъ совѣтникомъ, хотя и жившимъ въ Петербургѣ, но находившимся въ постоянной связи съ селомъ Домнино, гдѣ священствовалъ его братъ Алексѣй. Эта рукопись вполнѣ устраняетъ прежнюю редакцію преданія, и ее можно признать болѣе достовѣрною, такъ какъ мученическую кончину Ивана Сусанина и его убійць поляковъ видѣла его дочь Степанида, и на основаніи показаній потомковъ-очевидцевъ рукопись была составлена. До сихъ поръ она нигдѣ не появлялась, хотя, повидимому, судя по четкому почерку, предназначалась для напечатанія.

Музей св. Владимирскаго братства во Владимирѣ-Волынскомъ. Въ 1887 г. во Владимирѣ-Волынскомъ возникло православное св. Владимирское братство, въ числѣ задачъ котораго входитъ ознакомленіе мѣстнаго населенія съ памятниками древняго православія въ юго-западномъ краѣ и охрана мѣстныхъ памятниковъ. Душею и предсѣдателемъ братства состоитъ Е. Н. Дверницкій. Великій князь Константинъ Константиновичъ принялъ братство подъ свое покровительство. Братство основало музей, въ которомъ собраны разные предметы древности, находимые при раскопкахъ и передѣлкахъ, и фотографіи и снимки съ древностей Воыни, рукописи и старинныя иконы. Самый замѣчательный изъ нихъ по оригинальности рисунка и отлично сохранившійся

образъ Благовѣщенія, писанный въ 1579 г. Θεодосіемъ изъ Самбора по заказу Матрены Иваницкой, какъ свидѣтельствуеетъ славянская подпись. Въ музеѣ находятся фотографіи съ древностей и рисунки Владимиро-Волынскаго собора, постройку котораго можно отнести къ началу XII вѣка, приурочиваютъ ее также и къ 1160 году. Большое количество рисунковъ даетъ подробное понятіе о внѣшнемъ видѣ древняго храма, его внутреннемъ расположеніи, о его фрескахъ, уцѣлѣвшихъ частью въ главномъ алтарѣ, объ его арханоліяхъ съ великокняжескими гробницами въ сѣверной стѣнѣ храма и пр. Тутъ же снимки съ его развалинъ и развалинъ епископскаго замочка. Есть и проектъ обновленія, или, лучше сказать, передѣлки Мстиславова храма, составленный проф. Праховымъ. Затѣмъ разные виды церквей Волыни и мелкія вещи: образцы кирпичей, цемента того времени, гвоздей и пр., цѣнины Мстиславова храма и Покровской церкви въ Луцкѣ. Среди мелкихъ вещей интересна случайная находка въ городѣ Луцкѣ—печать съ изображеніемъ посрединѣ одноглаваго орла, т. е. герба Польскаго королевства, съ надписью по-польски: печать земства Черниговскаго воеводства, уѣзда Владимирско-Новгородскаго 1792 г.; т. е. тогда, когда уже Польши не существовало здѣсь. Особенное значеніе имѣютъ въ музеѣ виды волынскихъ монастырей, ибо одни исчезли, другіе передѣлываются. Такъ, здѣсь есть и виды, и предметы Загоровскаго монастыря, между ними фрески изъ церкви монастыря, изображающія портреты семейства Загоровскихъ и которыя теперь, увы, все замазаны. Изъ числа рукописей—евангелія разныхъ церквей XV и XVI вѣка, и есть печатное евангеліе, съ надписью, что оно пожертвовано въ Будятычскую церковь въ 1464 г. Значитъ гораздо ранѣе, чѣмъ на Москвѣ явился печатникъ Федоръ, была въ Вильнѣ уже своя печатня. Есть тутъ рукописное евангеліе полууставомъ того же времени 1565 г., принадлежащее Николаевской церкви въ с. Блаженныхъ. Интересенъ сборникъ визитъ-обозрѣній церкви владимири-волынской епархіи, викаріями униатскаго архіепископа, составленный въ 1695—1702 гг., писанный на польскомъ языкѣ и содержащій описанія 174 церквей. Онъ даетъ много указаній на различныя древности въ церквахъ Волыни. Какъ любопытная вещь для каждаго не знатока и не любителя древностей—это большая картина нынѣшняго вѣка (1802 г.)—малорусское изображеніе страшнаго суда. Здѣсь видна характерная разница между положеніемъ малорусскаго хлопа у польскихъ пановъ и великороссовъ. По такимъ же старымъ изображеніямъ, находящимся еще во многихъ церквахъ Великой Россіи, вы можете судить о характерѣ народа, вы видите смѣлость и общую независимую идею правды въ душѣ великоросса: у насъ на картинахъ страшнаго суда все въ порядкѣ постепенности: во главѣ грѣшниковъ въ адъ идутъ грѣшныя цари, архіереи и пр. Здѣсь, въ Малороссіи, хлопь не смѣлъ и мыслью доходить до грѣховности важныхъ пановъ, и—самое большее, на что онъ осмѣливался—это отправить въ адъ судью несправеднаго, да и то все грѣшники впереди его идутъ ишкомъ, а его черти везутъ въ каретѣ. Еще особенность,—вѣроятно художникъ, какой-нибудь дячокъ, крѣпко любилъ полную кварту горилки,—ибо ближе всехъ къ чертямъ, самое первое мѣсто между грѣшниками занимаютъ жида съ невѣрными мѣрами горилки, за «кварту неправды», — надъ ними и уиражняются самые злые

черти. Куріозна еще фигура, кажется, деревянная, ангела, изображеннаго въ бурсацкой одеждѣ, въ синей рубахѣ.

Историческій музей, по словамъ крымскихъ газетъ, разрѣшено открыть при Таврической ученой архивной комиссіи въ Бахчисараѣ. Въ предполагаемомъ музеѣ будутъ храниться исключительно древности полуострова Крыма. Для пополненія музея будутъ присланы изъ императорскаго эрмитажа дубликаты ханскихъ монетъ. Бахчисарайскій музей помѣщается въ ханскомъ дворцѣ, и въ немъ находятся уже многіе предметы высокой исторической цѣнности. Надняхъ въ музей поступило пожертвованіе, въ видѣ коллекціи оружія, монетъ и другихъ древнихъ вещей, отъ извѣстнаго симферопольскаго жителя г. Бедрова Тоналова. Коллекціи эта приводится теперь въ строгую систему.

Третьяковская галерея. Въ настоящее время ремонтныя работы находятся въ полномъ ходу. Въ теченіе лѣта много было сдѣлано по переустройству зданій галлерей, но много еще осталось сдѣлать: собственно говоря, производящіяся работы надо назвать не ремонтомъ зданій, а полнымъ переустройствомъ ихъ. Особенно коренной передѣлкѣ подвергается домъ П. М. Третьякова. Въ немъ приходится подводить фундаменты, перекладывать окна, стѣны, вынимать деревянные балки и замѣнять ихъ металлическими; пришлось значительно поднять все зданіе въ высоту. Большія работы вызываются также переустройствомъ отопленія и вентиляціи. Большой передѣлкѣ подвергаются также залы галлерей, начиная съ бывшаго главнаго входа. Первая зала галлерей, гдѣ помѣщались ранѣе рисунки, сдѣлалась совершенно неузнаваемою: она значительно поднята въ высоту, отчего получилось больше свѣта и простора. Съ устройствомъ главнаго входа въ домъ П. М. Третьякова боковой входъ остается, и чрезъ него до окончанія переустройства дома будетъ допускаться публика для обозрѣнія. Вторая зала галлерей, помѣщающаяся въ верхнемъ этажѣ, получила помимо высоты массу свѣта чрезъ стеклянную крышу, установленную на протяженіи всей залы; до ремонта эта зала освѣщалась сверху небольшими окнами. Во всѣхъ зданіяхъ уничтожаются деревянные строила и замѣняются металлическими фермами. Въ новомъ видѣ зданіе Третьяковской галлерей явилось въ полномъ смыслѣ слова несгораемымъ; даже паровые котлы для отопленія вынесены въ особую пристройку. Отдѣлка фасада по рисунку В. М. Васнецова уже начата; въ настоящее время можно видѣть характерные боковые карнизы, исполненные въ древне-русскомъ стилѣ. Есть предположеніе, что чрезъ мѣсяцъ возможно будетъ впустить публику въ галерею чрезъ боковой входъ.

Библиографическая находка. Надняхъ въ провинціи однимъ изъ петербургскихъ букинистовъ, г. Н., была приобрѣтена огульно партія книгъ, между которыми при разборкѣ посчастливилось найти двѣ очень древнія: Минею общую съ автографомъ Іоны, митрополита новгородскаго и великолукскаго, — вполнѣдствіи святого, мощи котораго почіють въ Отенскомъ монастырѣ, въ 40 верстахъ отъ Новгорода, и Евангеліе изъ чтеній на каждый день, такъ называемое «Апракосъ»; обѣ эти книги рукописныя, написанныя полууставомъ и относятся къ началу XVI вѣка. «Апракосъ» встрѣчается крайне рѣдко, и одинъ изъ подобныхъ экземпляровъ того же времени, но написанный на цѣ-

лыхъ листахъ, хранится, какъ особая драгоценность, въ Новгородѣ, въ церкви святыхъ благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба, построенной въ 1536 году.

Археологическія находки и открытія. I. Изъ Углича сообщаютъ, что раскопки курганнаго кладбища недавно произведены въ Углицкомъ уѣздѣ. Кладбище находится въ 8 верстахъ отъ Углича, близъ урочища «Грѣховъ Ручей», съ именемъ котораго связано преданіе о самосудѣ угличанъ надъ соучастниками убійцы царевича Димитрія. Близъ этого мѣста въ XVI вѣкѣ существовалъ монастырь, разоренный въ 1609 году поляками. Всѣхъ кургановъ здѣсь до 400; они мѣстами поросли лѣсомъ и мхомъ. По словамъ «Сѣвернаго Края», въ два дня раскопано 25 кургановъ средней величины. Вслѣдствіе песчаной почвы, большинство костяковъ очень плохо сохранилось. Большіе курганы почти ничего не дали; въ малыхъ найдены три вполне сохранившіеся глиняные горшка, осколки трехъ горшковъ со славянскимъ орнаментомъ, десятка два желѣзныхъ гвоздей, бронзовый браслетъ, кольцо, бусинныя подвѣски и серьга изъ серебряной восточной монеты съ хорошо сохранившеюся чеканкой и до 6 желѣзныхъ ножиковъ. Открытія при раскопкахъ находки и характеръ погребенія даютъ возможность отнести кладбище къ XII вѣку.

II. Недавно въ Тобольскій губернской статистической комитетъ, по словамъ «Сибирскаго Вѣстника», представленъ крайне интересный археологическій памятникъ—древнее боевое орудіе. Это орудіе найдено въ маѣ 1899 года крестьяниномъ Любинской волости, села Любинско-Москальского, Щерблыкинымъ, на пашнѣ, въ 6 верстахъ отъ села. Подробности положенія и размѣры глубины, на которой орудіе лежало въ землѣ, а также свѣдѣнія о прошломъ мѣстности, на которой оно найдено, къ сожалѣнію, неизвѣстны; изъ сообщенія же исправника видно лишь, что орудіе найдено «во время вснапки небольшой кочки». Орудіе изъ бронзы и покрыто темно-зеленою патиной. Клинокъ орудія обоюдоострый, съ острымъ же, погнутымъ немного въ бокъ, концомъ и двумя, идущими по срединѣ боковъ, выступами, въ видѣ тонкихъ валиковъ. Самая втулка орудія овальной формы.

III. Московское археологическое общество обратилось къ главному инженеру московскихъ водопроводовъ съ просьбой сообщать ему о нахожденіи древнихъ памятниковъ при постройкѣ Москворѣцкаго водопровода. Какъ извѣстно, на Воробьевыхъ горахъ резервуаръ сооружается на мѣстѣ бывшаго тамъ дворца, при чемъ порталъ его будетъ помѣщенъ въ самомъ центрѣ зданія. При выемкѣ земли былъ обнаруженъ фундаментъ дворцоваго зданія, которое, какъ предполагаютъ, было деревяннымъ. При раскопкахъ на Воробьевыхъ горахъ найдены человѣческіе черепа, осколки намогильныхъ памятниковъ и пр.

Семидесятипятилѣтіе со дня смерти графа М. А. Милорадовича. 6-го мая сего года Россія чествовала память 100-лѣтія со дня смерти великаго нашего Суворова. Въ этомъ же году, 14-го декабря 1900 года, исполнится семидесятипятилѣтіе со дня смерти графа М. А. Милорадовича, ученика Суворова, котораго онъ любилъ, какъ родного своего сына. Милорадовичъ, стараясь оправдать любовь и милость великаго полководца, ознаменовалъ свое служеніе въ Италіи въ 1799 г. непрерывнымъ рядомъ подвиговъ воинской доблести. Подвиги его во всѣхъ войнахъ извѣстны; прибавимъ, что печальная смерть его

14-го декабря 1825 г. причинила повсемѣстное горе въ Россіи. О неустрашимости его въ бояхъ ходило въ арміи и въ народѣ множество поговорокъ и разсказовъ. Въ полномъ смыслѣ слова онъ былъ другомъ солдатъ, дѣлилъ съ ними опасности, голодъ, непогоды. На войнѣ являлся онъ первымъ на лошади и послѣднимъ сходилъ съ коня, не предаваясь покою, доколѣ не удостовѣрялся, удовлетворены ли всѣ потребности предводимыхъ имъ войскъ. Въ настоящее время, когда Петербургъ украшается памятниками русскихъ дѣятелей, хорошо было бы посавить въ скверѣ передъ Казанскимъ соборомъ два монумента героямъ Отечественной войны—Милорадовичу и Витгенштейну. Въ «Русскомъ Архивѣ» были напечатаны записки генераль-адъютанта графа Граббе, которыя оканчиваются письмомъ храбраго генерала. «Не юбилей только, а памятникъ,—въ ряду памятниковъ Кутузову, Барклаю,—заслуживаетъ графъ Милорадовичъ, и не за военные только блистательные подвиги, но и за рѣдкій подвигъ гражданскаго самоотверженія, коего жертвою онъ палъ отъ руки злодѣя-убійцы». Казалось бы, что мысль, выраженная графомъ Граббе, есть желаніе русской арміи, желаніе всѣхъ истинныхъ сыновъ Россіи,—воздвигнуть монументъ герою, котораго вся боевая жизнь и вѣрнооданническая смерть всегда будутъ дороги для родины. Привести это въ исполненіе могла бы с.-петербургская дума, при содѣйствіи петербургскаго народонаселенія. Въ русской арміи 20 полковъ носятъ имена 20-ти славныхъ генераловъ: Суворова, Румянцева, Ренннихъ, Голицыныхъ, Кутузова, Барклая, Каменскаго, Багратиона и другихъ, но славный Аишеронскій полкъ, которымъ долго командовалъ Милорадовичъ, который блистательно отличался въ Италіи въ 1799 г., и котораго онъ былъ назначенъ шефомъ 20-го ноября 1810 года, до сихъ поръ не носитъ имени полка Милорадовича.

НЕКРОЛОГИ.

БИЛЬДЕРЛИНГЪ, П. А. 28-го сентября, скончался извѣстный сельскій хозяинъ и знатокъ оружейнаго дѣла Петръ Александровичъ Бильдерлингъ. Имя его, какъ сельскаго хозяина, занимавшагося изслѣдованіями по культурѣ сельско-хозяйственныхъ растеній, опытами надъ торфомъ, какъ удобреніемъ, разведеніемъ арденовъ, пользовалось популярностью среди землевладѣльцевъ, и его опытная сельско-хозяйственная станція въ Запольѣ, Лужскаго уѣзда, посѣщалась не только сельскими хозяевами, но и учащеюся молодежью съ цѣлью ознакомленія съ образцовымъ веденіемъ хозяйства. Въ Запольѣ организована покойнымъ метеорологическая станція. Имъ составленъ рядъ интересныхъ почвенныхъ картъ, фигурировавшихъ на разныхъ сельско-хозяйственныхъ выставкахъ и на Нижегородской всероссійской выставкѣ. Помимо научнаго изслѣдованія сельско-хозяйственныхъ вопросовъ въ своей практической дѣятельности П. А. занимался изученіемъ теоріи сельскаго хозяйства. Ему принадлежитъ рядъ переводовъ по сельско-хозяйственной литературѣ и нѣсколько самостоятельныхъ работъ. Изъ его переводовъ назовемъ: «Анализъ почвъ растеніями Жоржа Вилля», «Изслѣдованіе по культурѣ картофеля Эме Жирара»; изъ самостоятельныхъ работъ — пособие для сельскихъ хозяевъ «Удобреніе въ теоріи и на практикѣ», «Обзоръ современнаго состоянія земледѣлія и сельско-хозяйственнаго образованія во Франціи».

Имя покойнаго извѣстно также и въ военномъ мірѣ, какъ одного изъ славныхъ участниковъ послѣдней русско-турецкой войны и знатока оружейнаго дѣла. По окончаніи курса въ Михайловской артиллерійской академіи по первому разряду, П. А. принялъ въ 1867 году дѣятельное участіе въ перевооруженіи артиллеріи и пѣхоты усовершенствованнымъ оружіемъ и выполнилъ нѣсколько отвѣтственныхъ порученій по заказамъ за границей—въ Германіи,

Англии и Америки. В это время онъ напечаталъ нѣсколько статей военнаго и военно-техническаго содержания, помѣщенныхъ въ «Военномъ Сборникѣ», «Артиллерійскомъ Журналѣ» и «Оружейномъ Сборникѣ» («Русская скорострѣльная винтовка», «Тактика новѣйшаго скорострѣльнаго оружія», «Корреспонденціи о войнѣ 1870 года», «Приготовление стальныхъ стволовъ въ Америкѣ» и друг.). Съ 1871 и по 1879 годъ покойный управлялъ Ижевскимъ оружейнымъ заводомъ на коммерческихъ началахъ и ввелъ тамъ машинное изготовленіе малокалиберныхъ ружей. При немъ заводъ въ техническомъ и хозяйственномъ отношеніяхъ замѣтно улучшился. За восемь лѣтъ его управленія изготовлено заводомъ 800 тысячъ ружей и около милліона стволовъ. Во время послѣдней русско-турецкой войны П. А. командовалъ осадными батареями по теченію Дуная. При рекогносцировкѣ Зеленыхъ горъ подъ Плевной покойный контуженъ въ голову и былъ вынужденъ удалиться съ театра военныхъ дѣйствій. Его храбрость и отличія въ дѣлахъ съ турками отмѣчены орденомъ св. Владимира 3-й степени съ мечами и золотымъ оружіемъ. Въ 1880 году П. А. вышелъ въ отставку съ чиномъ генералъ-майора по разстроенному здоровью отъ послѣдствій контузіи и занялся нефтянымъ дѣломъ и сельскимъ хозяйствомъ. Имъ было основано въ 1879 году, вмѣстѣ съ братьями Нобель, товарищество нефтяного производства, представляющее въ настоящее время одно изъ крупнѣйшихъ нефтяныхъ предпріятій.

Покойный родился 26-го мая 1844 года въ Петербургѣ. Образование получилъ въ Пажескомъ корпусѣ, гдѣ кончилъ курсъ первымъ (имя его занесено на корпусную мраморную доску). Затѣмъ П. А. кончилъ курсъ въ Михайловской артиллерійской академіи. Какъ человекъ, онъ отличался замѣчательной энергіей и трудоспособностью. Онъ живо интересовался разнообразными вопросами и умѣлъ увлекать ими другихъ. Его доклады, дѣлаемые въ разныхъ обществахъ (вольномъ экономическомъ, техническомъ и др.), всегда собирали многолюдную аудиторію.

† **Васильевъ, М. Н.** 2-го октября скончался профессоръ исторической живописи Михаилъ Николаевичъ Васильевъ. Онъ принадлежалъ къ числу выдающихся художниковъ, избравшихъ своею спеціальностью церковную живопись. Покойный родился въ Болховѣ, Орловской губерніи, въ 1826 году, первоначальное художественное образование получилъ въ московскомъ училищѣ живописи, ваянія и зодчества, затѣмъ кончилъ въ императорской академіи художествъ, въ которой былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ А. Т. Маркова. Въ 1855 году онъ получилъ малую золотую медаль за программу «Судъ царя Соломона», черезъ два года былъ удостоенъ званія класснаго художника и большой золотой медали за программу «Саулъ у Аэндорской волшебницы». Для усовершенствованія онъ отправился за границу пансіонеромъ академіи. Онъ посѣтилъ Парижъ, Лондонъ, Аѳонъ, Константинополь и Римъ. Въ Парижѣ онъ занимался у художника Желеве и исполнилъ нѣсколько портретовъ усовершенствованнымъ французскимъ способомъ живописи на лавѣ; въ Лондонѣ изучалъ музеи и галереи, въ Константинополь — фресковую живопись. Еще до отъѣзда за границу онъ исполнилъ образа для иконостаса церкви Николая Кочана въ Новгородѣ. За границей опредѣляется окончательно направленіе

художественнаго творчества покойнаго. Онъ избираетъ своей спеціальностью церковную живопись и въ этой области творчества сразу завоевываетъ себѣ почетное мѣсто. Имъ написаны восковыми красками 14 фигуръ пророковъ и Божія Матерь среди нихъ (болѣе натуральной величины) для русской посольской церкви въ Парижѣ, цѣлый рядъ религіозныхъ картинъ для кладбищенской церкви св. Николая въ Севастополѣ. За воспроизведенные для этой церкви образа св. Георгія Побѣдоносца и Божіей Матери академія присудила въ 1869 году покойному званіе академика. Главнѣйшія работы покойнаго находятся въ Петербургѣ въ домово́й церкви гр. Строганова, въ Іерусалимѣ въ церкви Маріи Магдалины, въ Житомирѣ—«Рождество Богородицы» и въ Рижскомъ соборѣ—10 религіозныхъ картинъ, за которыя академія признала его въ 1884 году профессоромъ церковной живописи. Покойный работалъ также для храма Христа Спасителя въ Москвѣ и состоялъ членомъ академіи по техническо-художественному надзору за зданіемъ Псаакіевскаго собора. Кроме того, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ былъ преподавателемъ художественныхъ классовъ въ академіи художествъ. Художественныя произведенія покойнаго отличаются строгостью рисунка, благородствомъ сочиненія и выдержанностью византийскаго стиля. Какъ человекъ, М. Н. былъ скромнымъ и добрымъ, всегда готовымъ прійти на помощь нуждающимся.

† **Виссаріонъ.** На Кавказѣ послѣ продолжительныхъ страданій скончался преосвященный Виссаріонъ, епископъ имеретинскій. Покойный архипастырь (въ мѣрѣ Виссаріонъ Даніани)—уроженецъ Мингреліи. По окончаніи курса въ кавказскихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ въ 1849 году, принялъ монашество. Въ 1853 году былъ возведенъ въ санъ іеродіакона, въ 1857 году—въ санъ іеромонаха, въ 1859 году—въ санъ архамандрита и былъ назначенъ настоятелемъ Джрүчкаго монастыря. Въ 1874 году состоялось его назначеніе епископомъ гурійско-мингрельскимъ. Черезъ 12 лѣтъ онъ былъ назначенъ на архіерейскую кафедру—алавердскую. Въ 1898 году состоялось его послѣднее назначеніе на кафедру имеретинскую. Умеръ преосвященный Виссаріонъ 68-ми лѣтъ.

† **Котляръ, Е. И.** 24-го сентября, скоропостижно скончался въ полномъ расцвѣтѣ силъ приватъ-доцентъ военно-медицинской академіи Евгеній Ивановичъ Котляръ. Покойному было всего 37 лѣтъ; смерть его отъ разрыва сердца явилась совершенно неожиданной. Среднее образованіе покойный получилъ въ Кіевѣ въ коллегіи Павла Галагана, по окончаніи курса которой поступилъ въ военно-медицинскую академію, гдѣ трудолюбіе и блестящія способности покойнаго обратили на него вниманіе профессоровъ, и Е. И. былъ оставленъ при академіи. Послѣ двухгодичной командировки за границу для усовершенствованія, Е. И. былъ назначенъ приватъ-доцентомъ при академіи по кафедрѣ фармакологіи и въ продолженіе 9 лѣтъ читалъ студентамъ лекціи. Въ послѣднее время, кроме того, покойный принималъ дѣятельное участіе въ медицинской литературѣ и состоялъ редакторомъ журнала «Практическая Медицина».

† **Крунинъ, С. Э.** 23-го сентября, скончался докторъ Семень Эрастовичъ Крунинъ. Петербургскій врачебный міръ понесъ въ лицѣ покойнаго серіозную утрату; среди столичныхъ жителей имя его пользовалось популярностью и

¹/₂25*

было тѣсно связано съ вопросомъ о борьбѣ съ заразою. Когда въ 1883 году при городской барачной больницѣ въ память Боткина была устроена первая въ Петербургѣ большая дезинфекціонная камера, то доктору Крупину было поручено дѣло завѣдыванія этою камерою и обеззараживанія вещей какъ самой больницы, такъ и привозныхъ изъ другихъ больничныхъ учреждений, частныхъ домовъ и общественныхъ мѣстъ. О размѣрѣ этого дѣла можно судить по тому, что за періодъ времени 1883—1896 г. въ камерѣ было обеззаражено 89.362 пуда разныхъ вещей. Взявъ на себя это дѣло, д-ръ Крупинъ всею душою отдался ему, работая надъ усовершенствованіемъ способовъ обеззараживанія и соответственныхъ аппаратовъ. Внимательно слѣдя за усилками того же дѣла за границей, онъ послѣдовательно прививалъ у насъ всѣ появившіяся тамъ нововведенія, прибавляя къ нимъ результаты своего обширнаго опыта. Такимъ образомъ онъ ввелъ послѣдовательно обеззараживаніе хлоромъ, сулемой и формалиномъ. Помимо работы въ больницѣ, докторъ Крупинъ несъ на себѣ тяжелыя обязанности обеззараживанія частныхъ помѣщений. Неутомимый, готовый явиться по первому зову днемъ и ночью, онъ не щадилъ себя и лично руководилъ всѣми сложными мѣропріятіями обеззараживанія. Относясь къ дѣлу съ необычайнымъ усердіемъ и добросовѣстностью, онъ нерѣдко страдалъ припадками отравленія сулемой или формалиномъ вслѣдствіе продолжительнаго пребыванія въ атмосферѣ этихъ ядовитыхъ веществъ. Этотъ тяжелый трудъ, связанный съ рискомъ для себя и для членовъ семьи, вслѣдствіе возможности принести домой заразу, подорвалъ его здоровье. Нѣсколько лѣтъ назадъ онъ сталъ страдать явленіями нервного утомленія, особенно усилившимися весною этого года, когда 7-го февраля пожаръ уничтожилъ дезинфекціонную камеру и подорвалъ его любимую дѣятельность. Сознывая ненормальное условіе отсутствія камеры для обеззараживанія при барачной больницѣ, онъ особенно тяготился этимъ и усиленно хлопоталъ о постройкѣ новой камеры. Получивъ предложеніе участвовать въ дѣлѣ уничтоженія послѣдней оспенной эпидеміи раньше, чѣмъ постройка новой камеры была окончена, онъ почувствовалъ себя обезоруженнымъ для дѣла, которому готовъ былъ предаться всей душой, и нервные припадки его быстро усилились. Будучи скромнымъ, безкорыстнымъ труженикомъ, онъ не оставилъ достаточныхъ средствъ для дальнѣйшаго существованія его жены и 2-хъ дѣтей. С. Э. родился въ 1857 году, окончилъ курсъ въ военно-медицинской академіи въ 1882 году. Кромѣ указанной дѣятельности, онъ принималъ участіе въ цѣломъ рядѣ комиссій по вопросамъ о мѣрахъ борьбы съ холерою и чумою, объ обеззараживаніи императорскихъ поѣздовъ и проч. Среди практической дѣятельности онъ удѣлялъ много времени и литературному труду по своей специальности и написалъ цѣлый рядъ работъ по вопросу объ обеззараживаніи больничныхъ помѣщений, о дезинфекціи хлоромъ, о бактеріяхъ сапа, о дезинфекціонныхъ камерахъ, объ обеззараживаніи нечистотъ и проч.

† Сапожниковъ, Д. И. 12-го апрѣля, умеръ отъ чахотки въ Симбирскѣ Дмитрій Ивановичъ Сапожниковъ, правитель дѣлъ мѣстной ученой архивной комиссіи, оставившій нѣсколько историческихъ работъ. Родился онъ въ Москвѣ 1-го января 1857 года и, по окончаніи гимназическаго курса въ лицей цесаревича

Николая, въ 1876 г., поступилъ на юридическій факультетъ Московскаго университета, но по болѣзни полнаго курса не прошелъ. Въ 1880 г. Д. И. поступилъ на службу въ московскій архивъ министерства юстиціи, когда имъ управлялъ извѣстный археографъ Н. В. Калачовъ. Продуктивное вліяніе послѣдняго на своихъ архивистовъ сказалось и на Дмитріи Ивановичѣ: помимо служебныхъ занятій, онъ усердно работалъ надъ изученіемъ архивныхъ матеріаловъ по интересовавшимъ его вопросамъ, преимущественно по исторіи самосожженій въ Россіи. Въ результатъ получилась крупная и цѣнная работа, изданная Московскимъ обществомъ исторіи и древностей россійскихъ — «Самосожженіе въ русскомъ расколѣ (со 2-й половины XVII вѣка до конца XVIII). Историческій очеркъ по архивнымъ документамъ» (М., 1891, сс. 170).

Прослуживши около трехъ лѣтъ въ архивѣ, дававшемъ тогда очень ограниченное содержаніе архивистамъ, Дмитрій Ивановичъ вынужденъ былъ, по семейнымъ обстоятельствамъ, искать болѣе выгодной службы. Послѣдовательно онъ проходилъ службы — кандидата на военно-судебныя должности при московскомъ военно-окружномъ судѣ (съ 1883 г.), дѣлопроизводителя эстляндскаго губернскаго правленія (съ 1889 г.), чиновника особыхъ порученій эстляндской же казенной палаты (съ 1890 г.), наконецъ секретаря симбирской казенной палаты (съ 1895 г. до смерти).

Состоя въ 1889 г. въ Ревелѣ редакторомъ неофициальной части «Эстляндскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», Д. И. помѣщалъ здѣсь статьи по мѣстной исторіи, выходившія и отдѣльными изданіями, напримѣръ: «Нѣсколько данныхъ къ исторіи Балтійскаго края» (Ревель, 1890), «Ревельскій магистратъ и императорская комиссія» (1725—1728 гг.), (Ревель, 1890) и др.

Въ Симбирскѣ Д. И. былъ правителемъ дѣлъ вновь открытой ученой архивной комиссіи, въ организациі которой и особенно ея цѣннаго музея онъ принималъ дѣятельное участіе, продолжая въ то же время свои архивныя разысканія, результатомъ которыхъ было появленіе нѣсколькихъ работъ, напримѣръ, брошюры, обратившей вниманіе во время недавняго Пушкинскаго юбилея — «Вновь найденныя рукописи А. С. Пушкина» (Симбирскъ, 1899), «Сожженіе въ Симбирскѣ еретика Ярова» (Симбирскъ, 1898) и др. Кромѣ указанныхъ и другихъ брошюръ, первоначально печатавшихся въ разныхъ столичныхъ и мѣстныхъ повременныхъ изданіяхъ, Д. И. принадлежитъ рядъ замѣтокъ въ «Русской Старинѣ», «Русскомъ Архивѣ» и др.

† **Томишко, А. О.** 8-го октября, скончался послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни профессоръ архитектуры императорской академіи художествъ, архитекторъ высочайшаго двора Антонъ Осиповичъ Томишко. Покойный пользовался заслуженной извѣстностью одного изъ лучшихъ русскихъ зодчихъ. По его проектамъ и подъ его руководствомъ выстроено нѣсколько красивыхъ зданій, цѣнныхъ своею приспособленностью въ отношеніи требованій, предъявляемыхъ къ строителямъ. Изъ его построекъ назовемъ дворецъ Его Величества Государя Императора Николая Александровича въ Александріи (Новый Петергофъ), зданіе с.-петербургской тюрьмы на Выборгской сторонѣ и др. Не менѣе почетною извѣстностью пользовался покойный, какъ профессоръ академіи художествъ — руководитель академическими архитектурными мастер-

скими и преподаватель строительнаго искусства, а съ 1897 г. по 1898 г. — ректоръ высшаго художественнаго училища. А. О. — австрійскій уроженецъ, родился 25-го марта 1851 года. Русское подданство онъ принялъ въ 1875 году, передъ отъѣздомъ за границу въ качествѣ пансіонера академіи художествъ. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ С.-Петербургскомъ архитектурномъ обществѣ и на съѣздахъ русскихъ зодчихъ. Его мнѣніе въ оцѣнкѣ художественности и рациональности проектовъ разныхъ построекъ всегда цѣнилось, и при избраніи разныхъ спеціальныхъ архитектурныхъ комиссій покойный получалъ большинство голосовъ.

† **Уцміевъ, кн.** Въ Тифлисѣ послѣ долгой и тяжелой болѣзни скончался подполковникъ Мехти-Кули-ханъ князь Уцміевъ. Онъ принадлежалъ къ одной изъ родовитѣйшихъ семей на Кавказѣ. Отецъ его, генераль-майоръ князь Хасай Уцміевъ, происходилъ изъ извѣстной дагестанской княжеской фамиліи Уцміевыхъ, потомковъ арабскихъ завоевателей Дагестана; его мать Хуршуда-бану-бекума была дочерью послѣдняго карабагскаго владѣтельнаго хана Мехти-Кули-хана. Князь Хасай Уцміевъ былъ самымъ выдающимся по времени и образованнымъ дѣятелемъ изъ мусульманъ на Кавказѣ. Любя науку, онъ находился въ дѣятельной перепискѣ съ такими учеными, какъ Эр. Ренанъ и другіе; супруга же его Хуршуда-бану-бекума была поэтессою и художницею и оставила послѣ себя сборникъ стихотвореній на татарскомъ и персидскомъ языкахъ. Воспитанный и обученный въ дѣтствѣ гувернерами и муллами арабскому, персидскому и татарскому языкамъ, восточной поэзіи и литературѣ, юность свою покойный кн. Уцміевъ, по словамъ «Каспія», провелъ въ Тифлисѣ и Петербургѣ, гдѣ получилъ среднее образованіе, довершенное впоследствии имъ самимъ. Въ 1877 г. онъ принималъ участіе въ русско-турецкой кампаніи въ качествѣ адъютанта при великомъ князѣ, а послѣ кампаніи былъ прикомандированъ къ главноначальствующему въ той же должности; ему не разъ давались важныя порученія, какъ, напримѣръ, сопровожденіе нашей экстраординарной миссіи въ Тегеранъ, разслѣдованіе разбойничьяго нападенія въ Уджарахъ и пр. Покойный предпочиталъ скромную, уединенную жизнь. Любимымъ его занятіемъ было чтеніе и собираніе рѣдк восточныхъ книгъ, для приобрѣтенія коихъ онъ не щадилъ никакихъ средствъ. Библіотека покойнаго считается рѣдкою по богатству сочиненій восточныхъ авторовъ не только въ краѣ, но и вообще. Покойный былъ знатокомъ Востока, его исторіи, литературы и религіи. Самъ поэтъ, онъ особенно увлекался поэзіею. Его поэтическія сочиненія считаются наилучшими въ современной татарской и персидской литературахъ; главные мотивы его стиховъ — любовь къ ближнему, состраданіе и прощеніе; иногда стиль его стиховъ по мягкости и плавности вышлся до стили поэтовъ Саади, Гафина и Омара-Хайяма.

† **Щукаревъ, А. Н.** 11-го октября, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни, скончался приватъ-доцентъ С.-Петербургскаго университета Александръ Николаевичъ Щукаревъ. Покойный родился въ 1861 г., среднее образованіе получилъ въ 3-й с.-петербургской гимназіи, по окончаніи которой въ 1881 г. поступилъ на историко-филологическій факультетъ С.-Петербургскаго университета. Еще будучи студентомъ, А. Н., интересуясь археологіею и пску-

ствомъ вообще, предпринялъ лѣтомъ 1882 г. поѣздку за границу, съ цѣлью ознакомленія съ главнѣйшими музеями и галереями Европы, а въ 1884 году участвовалъ въ занятіяхъ 6-го археологическаго съѣзда. По окончаніи курса университета въ 1885 г. онъ былъ оставленъ стипендіатомъ для приготовленія къ профессорскому званію, а съ 6-го февраля 1886 г. получилъ заграничную командировку на 3 года: въ Грецію, Италію и Германію. По возвращеніи на родину въ 1889 г. онъ былъ назначенъ преподавателемъ древнихъ языковъ въ Царскосельскую гимназію, а къ осени 1890 г. перевелся на службу въ гимназію Гуревича. 2-го декабря того же года А. Н. защитилъ диссертацию на степень магистра всеобщей исторіи подъ заглавіемъ «Исслѣдованія въ области каталога афинскихъ архонтовъ III вѣка до Р. Х.». Съ 1891 года покойный состоялъ приватъ-доцентомъ по кафедрѣ всеобщей исторіи, а съ 1894 г. вплоть до своей смерти читалъ курсъ исторіи искусствъ.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Къ статьѣ проф. Н. П. Загоскина.

Въ № 9 «Историч. Вѣстника» проф. Н. П. Загоскинъ въ статьѣ своей «Изъ прошлаго Казанскаго университета» (стр. 859—880) допускаетъ ошибку, незаслуженно упрекая двоихъ безукоризненныхъ работниковъ по библиографіи въ пропускахъ и неполнотѣ. Стихотвореніе Г. Н. Городчанинова «Матросское горе» извѣстно было Н. П. Лихачову, автору изслѣдованія «Г. Н. Городчаниновъ и его сочиненія» (Казань, 1886 г.), и имъ подробно описано въ указанномъ трудѣ (см. стр. 58—64), такъ что рассказъ самого г. Загоскина является повтореніемъ уже извѣстнаго. Извѣстно было это стихотвореніе и А. Соловьеву, составившему «Каталогъ книгъ, отпечатанныхъ въ типографіи Императорскаго Казанскаго университета съ 1800 по 1896 годъ»: г. Загоскинъ можетъ найти его на стр. 15-й этого каталога. А. В. Смирновъ.

II.

Замѣтка для «Энциклопедическаго словаря Брокгауза и Ефрона».

Въ вышедшемъ недавно 59-мъ полutomѣ названнаго словаря (стр. 476-я) упоминается «Стихотворецъ конца XVIII вѣка» Моисей Слѣпцовъ, которому приписываются стихотворенія: «Ода російскимъ солдатамъ на взятіе крѣпости Очакова 1788 г. декабря 6-го дня» и «Русскіе солдаты. Гудошная пѣсня на случай взятія Очакова 6-го декабря 1788 г.», напечатанныя: первое въ «Новыхъ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ», 1789 г., часть XXXIV, и второе въ «Разныхъ письменныхъ матеріяхъ» 1791 г.

Хотя, правда, произведенія эти и подписаны въ указанныхъ изданіяхъ Моисеемъ Слѣпцовымъ, но въ дѣйствительности писателя съ этимъ именемъ тогда не существовало, и оба стихотворенія принадлежатъ стихотворцу и драматургу времени Екатерины II, Н. П. Николеву (род. 1758 г., ум. 1815 г.), который, какъ извѣстно, еще въ молодыхъ лѣтахъ ослѣпъ и подписывалъ иногда, какъ это было и въ данномъ случаѣ, свои произведенія псевдонимомъ— Моисей Слѣпцовъ. (См. «Указатель къ русскимъ повременнымъ изданіямъ и сборникамъ за 1703 — 1802 гг.» А. Н. Неустроева, стр. 434 — 435, и «Н. П. Никольвъ, историко-литературный очеркъ» А. А. Чебышева, Воронежъ, 1891 г.).

Впослѣдствіи оба эти стихотворенія вошли въ полное собраніе сочиненій Николева (см. «Творенія Н. П. Николева», М., 1795—1796 гг., часть 4-я).

Конст. Павл. Альбицкій.

Г. Муромъ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библиографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческія матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель **А. С. Суворинъ**.

Редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ,
ДЕКАБРЬ, 1900.

СОДЕРЖАНІЕ.

ДЕКАВРЬ, 1900 г.

СТРАН.

- I. Домна-ректорша. Повѣсть изъ былого времени. (Посвящаю памяти друга-учителя М. М. Куклина). IX—XVIII. (Окончаніе). **А. В. Круглова** 771
- II. Воспоминанія о быломъ. (1770—1833 гг.). Изъ семейной хроники. Князя Оболенскіе и ихъ родственники. XIV—XXIV. (Окончаніе). **Е. А. Сабанѣвой** 809
- III. Гроза. (Изъ недавняго прошлаго). **М. Е. Ермолиной** 857
- IV. Воспоминанія **В. П. Одицова**. IV—V. (Окончаніе) 872
- V. Въ бурю. Повѣсть изъ XVII вѣка. XI—XXIII. (Окончаніе). **Н. Н. Алексѣева-Кунгурцева** 897
- VI. Павелъ Менезій, его дипломатическая и военная служба при московскомъ дворѣ и предполагаемое наставничество при Петрѣ Великомъ. IV—VI. (Окончаніе). **Н. В. Чарыкова** 935
- Иллюстраціи:** 1) Портретъ и подпись папы Климента X. — 2) Приемъ посланника у папы въ XVII в. — 3) Роспись Менезія на англійскомъ языкѣ, 21-го іюля 1676 г.
- VII. Воспоминанія П. А. Папкова. **Барона Б. А. Фитингофа-Шеля** 969
- VIII. Къ воспоминаніямъ объ Е. П. Гребенкѣ. **А. С—скаго** 1011
- Иллюстрація:** Могила Е. П. Гребенки.
- IX. Одинъ изъ «отцовъ-командировъ» былыхъ временъ. **С. Л. Ширяева** 1021
- X. Въ Туркменской степи. (Изъ записокъ черноморскаго офицера). III—IV. (Окончаніе). **С. А. Гунаропуло** 1033
- XI. Памятникъ русскаго монарха польскому королю въ Варшавѣ. **Г. А. Воробьева** 1051
- Иллюстраціи:** 1) Костелъ Преображенія Господня въ Варшавѣ. — 2) Памятникъ Собѣскому въ костелѣ Преображенія Господня въ Варшавѣ.
- XII. По Хевсуріи. (Отрывокъ изъ путешествія). **Н. Т. Бѣляева** 1057
- Иллюстраціи:** 1) Мехевскій аулъ Каркучъ и гора Казбекъ. — 2) Хевсуры по дорогѣ во Владикавказъ. — 3) Хевсуры изъ Джугты. — 4) Хевсурскій аулъ Амга на верхней Ассѣ. — 5) Сакли въ Горбани. — 6) Хевсуры изъ Горбани въ праздничномъ нарядѣ. — 7) Хевсуръ изъ Горбани въ боевыхъ доспѣхахъ. — 8) Причтъ Ахельской церкви. — 9) Хевсуръ изъ Ахели. — 10) На берегу Пшавской Арагвы. — 12) Церковь селенія Арганы.
- XIII. Иностранцы о Россіи. Воспоминанія графа Де-Ла-Ферроннэ. **В. Т.** 1094
- XIV. Критика и библиографія 1121
- 1) Древности. Труды императорскаго Московскаго археологическаго общества, изданныя подъ редакціей В. К. Трутовскаго. Томъ XVII. Стъ 1 табллицей и 7 рисунками въ текстѣ. Москва, 1900. Л. М. — 2) Лѣтопись церковныхъ событий и гражданскихъ, посягающихъ церковныя, отъ Рождества Христова до 1898 г. Епископа Арсенія. Изданіе третье, исправленное и дополненное. Спб. 1900. С. — 3) Бумаги, относящіяся до Отечественной войны 1812 года, собранныя и изданныя П. И. Щукинымъ. Часть пятая. Москва, 1900. С. Ш. — 4) Извѣстія общества любителей изученія Кубанской области. Выпускъ II. Подъ редакціей В. Сысоева и А. Дьячкова-Тарасова. Екатеринодаръ, 1900. М. Л. — 5) Собраніе В. И. и В. Н. Ханенко. Кіевъ. 1899—1900. А. С. — 6) Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе Кавказскаго учебнаго округа. Выпускъ XXVII. Тифлисъ. 1900. А. Хах—ова. — 7) О. К. Сахаровъ. Литера-

См. слѣд. стр.

тура истории и обличия русского раскола, 3 выпуска. Тамбовъ—Спб. 1887—1900. А. В. С.—8) Исторический очеркъ кавказскихъ войнъ отъ ихъ начала до присоединения Грузии. Подъ ред. ген.-майора Потто. Изданіе военно-историческаго отдѣла при штабѣ Кавказскаго военнаго округа. Тифлисъ. 1899. А. Хаханова.—9) Сочиненія Т. Н. Грановскаго. Четвертое изданіе. Москва. 1900. П. К.—10) Исаровъ. Современная Франція. История Третьей республики. Изд. т-ва «Знаніе». Спб. 1900. Е. Щ.

XV. Заграничныя историческія новости и мелочи 1135

1) Евангеліе отъ египтянъ.—2) Одинъ изъ героевъ реформаци.—3) Четырехсотлѣтній юбилей Бенвенуто Челлини.—4) Окончаніе новой біографіи Кромвеля.—5) Судъ надъ мертвецами.—6) Военныя масонскія ложи во Франціи и Англии.—7) Приемная дочь Наполеона.—8) Одинъ изъ авантюристовъ XIX столѣтія.—9) Глава социаль-демократовъ въ Германіи.—10) Смерть Макса Мюллера.—11) Табакъ и его исторія въ Европѣ.—12) Новая книга о королевѣ Маріи Лещинской.—13) Переписка философа Канта.—14) Новое сочиненіе Фредерика Массона о Наполеонѣ.—15) Книга лорда Розбери о Наполеонѣ.

XVI. Смѣсь 1164

1) Памятникъ Пушкину въ Царскомъ Селѣ.—2) Келья св. Филиппа.—3) Памятникъ русскому первопечатнику Ивану Федорову.—4) Къ открытію Румянцеваго музея.—5) Библіотека А. С. Пушкина.—6) Французское пожертвованіе въ Историческій музей.—7) Археологическое общество въ С.-Петербургѣ.—8) Археологическое общество въ Москвѣ.—9) Археологическая комиссія въ Москвѣ.—10) Казанское общество археологии, исторіи и этнографіи при университетѣ.—11) Общество любителей россійской словесности.—12) Русское библиографическое общество.—13) Русское библиологическое общество.—14) Русское общество дѣателей печатнаго дѣла.—15) Къ XII-му археологическому съезду.—16) Географическое общество.—17) Общество любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи.—18) Антропологическое общество.

XVII. Некрологи 1193

1) Вагинъ, В. И.—2) Вербловскій, Г. Л.—3) Грюнбергъ, Ю. О.—4) Семеновъ, П. П.—5) Хвостовъ, А. Н.—6) Якубовъ, К. И.

XVIII. Замѣтки и поправки 1197

Къ вопросу о константинопольской бібліотекѣ послѣднихъ византійскихъ императоровъ и московской бібліотекѣ царской. В. И-аго.

XIX. Воззваніе 1200

XX. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Е. П. Гребенки.—2) Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ четырехъ томахъ «Историческаго Вѣстника» 1900 г. и указатель гравюръ, помѣщенныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за то же время.

При настоящей книжкѣ разсылается городскимъ и иногороднимъ подписчикамъ: иллюстрированное объявленіе о подпискѣ на «Новый Журналъ Иностранной Литературы» Э. И. Булгакова.

Новыя книги А. В. КРУГЛОВА:

- 1) Стихотворенія. Изящно изданный томъ, въ 21 п. л. Цѣна 1 р. 25 к.
- 2) Дѣтямъ. Изящно изданный томикъ стихотвореній для дѣтскаго чтенія. Съ массой иллюстрацій и съ портретомъ автора. Ц. 50 к., въ переплетѣ 75 к.,
- 3) Любовь и истина. Сборникъ стихотвореній религіознаго характера. Цѣна 25 к.

Выписывать можно изъ книжныхъ магазиновъ А. С. Суворина (С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ), а также изъ книжнаго магазина О. Н. Поповой (С.-Петербургъ, Невскій, 54) и книжнаго склада В. С. Спиридонова (Москва, Каретный рядъ, Б. Спасскій пер., церковный д.).

АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ КОЛОМНИНЪ.

(Некрологъ).

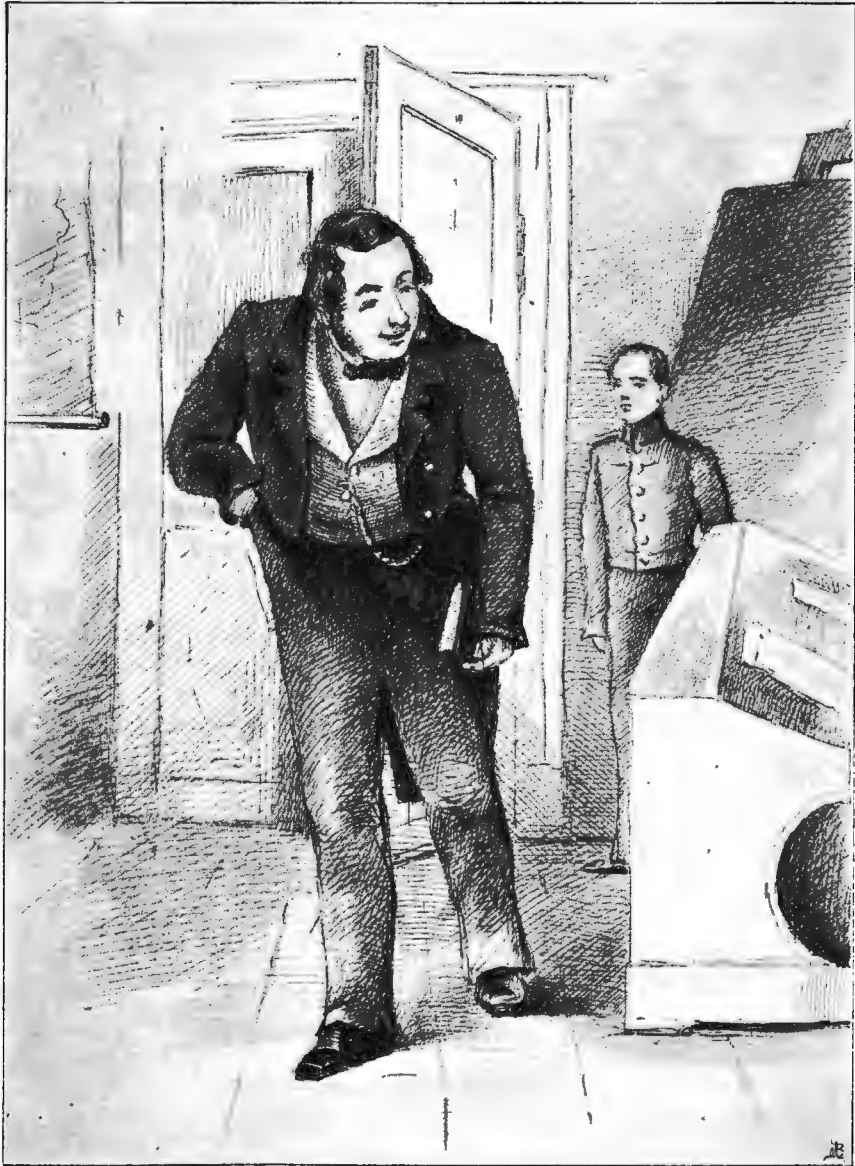
24-го ноября скончался присяжный повѣренный Алексѣй Петровичъ Коломининъ. Это—тяжелая утрата для всѣхъ, кто его зналъ, а для тѣхъ, кто былъ къ нему близокъ, она невознаградима. А. П. былъ тѣсно связанъ съ литературной семьей, принимая, въ теченіе 25 лѣтъ, непосредственное участіе въ издательской дѣятельности своего тестя, А. С. Суворина, и пользуясь его неограниченнымъ довѣріемъ. Сомнѣваемся, чтобы нашлись люди, которые, соприкасаясь съ А. П., не питали бы къ нему глубокаго уваженія. Подъ его холодной внѣшностью скрывалась рѣдкая доброта, соединенная съ прямотою и неуклонной правдивостью. Онъ не выносилъ фальши ни въ чемъ и тотчасъ же, съ свойственной ему рѣзкостью, обличалъ ее, и потому всѣ, обращавшіеся къ его содѣйствію, съ полной откровенностью излагали ему свои крупныя и мелкія нужды, и онъ никогда никому не отказывалъ въ своемъ ходатайствѣ, посредничествѣ, совѣтѣ и помощи. Одинъ изъ его друзей справедливо выразился о немъ, что онъ былъ «непрестанно чьимъ нибудь спасителемъ, опорой, совѣтникомъ и благодѣтелемъ». Да, это былъ рѣдкій въ настоящее время человѣкъ, всегда готовый стать на сторону справедливости и истиннаго горя, согрѣть теплымъ участіемъ, оказать нравственную и матеріальную поддержку. А. П. съ самаго основанія нашего журнала былъ всегда горячимъ его доброжелателемъ, а двадцати-двухъ-лѣтнія дружескія отношенія его къ редактору «Историческаго Вѣстника» и оказанныя ему услуги никогда не изгладятся изъ нашей благодарной памяти.

А. П. въ послѣдніе дни хворалъ инфлуэнцой и жаловался на общее недомоганіе. Не вполне еще оправившись, онъ сталъ выходить изъ дому и съ обычной энергіей занимался дѣлами. Въ самый день кончины ему пришлось вести и выиграть дѣло въ правительствующемъ сенатѣ. Изъ сената А. П. пріѣхалъ въ книжный магазинъ «Новаго Времени». Онъ чувствовалъ себя бодрымъ, шутилъ и смѣялся. Неожиданно ему сдѣлалось дурно, и черезъ нѣсколько минутъ его не стало.

Алексѣй Петровичъ родился въ 1848 году. Образование получилъ въ таганрогской гимназіи, изъ которой перешелъ въ императорское училище правовѣдѣнія. По окончаніи курса онъ поступилъ вольнослушателемъ въ С.-Петербургскій университетъ и черезъ годъ выдержалъ экзаменъ на кандидата правъ. Избравъ своимъ поприщемъ адвокатскую дѣятельность, покойный поступилъ помощникомъ присяжнаго повѣреннаго къ В. Д. Спасовичу и подъ его руководствомъ началъ свою судебную практику. Пробывъ затѣмъ нѣкоторое время помощникомъ присяжнаго повѣреннаго А. Л. Боровиковскаго, А. П. вступилъ въ январѣ 1878 года въ составъ присяжныхъ повѣренныхъ округа с.-петербургской судебной палаты и въ качествѣ присяжнаго повѣреннаго составилъ себѣ почетную извѣстность знающаго и опытнаго цивилиста. До послѣдняго дня своей жизни, онъ былъ юрисконсуломъ государственнаго дворянскаго банка.

Кромѣ участія въ «Новомъ Времени», онъ явился однимъ изъ инициаторовъ превращенія бывшаго захудалаго артистическаго кружка въ Литературно-Артистическій, переименованный въ прошломъ году въ литературно-художественное общество. Съ перваго года существованія кружка, А. П. былъ избранъ въ составъ дирекціи, былъ сперва казначеемъ, а затѣмъ товарищемъ предсѣдателя. Горячо преданный интересамъ кружка, онъ посвятилъ ему немало труда и силъ. Когда былъ открытъ театръ литературно-художественнаго общества, А. П. принялъ близкое участіе въ веденіи театральнаго дѣла. Перу покойнаго принадлежитъ, помимо статей юридическаго характера, напечатанныхъ въ разное время въ «Новомъ Времени», еще нѣсколько историческихъ работъ, напечатанныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ».

ЕВГЕНІЙ ПАВЛОВИЧЪ ГРЕБЕНКА.

дозв. ценз. 13 ноября 1900 г. сиб.

ДОМНА-РЕКТОРША ¹⁾.

Повѣсть изъ былого времени.

(Посвящаю памяти друга-учителя М. М. Куклина).

IX.

ОМНА Никитишна, выйдите-ка сюды, — проговорила многозначительно Мароа, заглянувъ въ комнату.

— Что тебѣ? — отозвалась старуха, — я занята.

Осторожно ступая по бѣлымъ половикамъ работница вошла въ снальню.

— А вѣдь ребята не ладное затѣяли, — сказала Мароа. — Я какъ узнала, такъ и побѣжала къ вамъ.

— Что такое? — тревожно спросила Домна.

— Да собираются Павлу Никоноровичу скандаль устроить. За это вѣдь имъ не поздоровится.

Изъ-за озорниковъ и другіе пострадаютъ, ни въ чемъ невинные.

— Да что такое? Говори толкомъ.

— Иду это я за водой для Махиной... Какъ ушла отъ васъ, такъ сейчасъ и пошла къ ней... Подхожу и слышу: два ея нахлѣбника и нашъ Колька съ Сергѣемъ разговариваютъ. Я только было хотѣла ихъ пугнуть шутя, да вдругъ опять слышу, Колька нашъ говоритъ: «только чуръ не сгюзать; какъ войдетъ Карауловъ въ классъ, такъ сейчасъ мы ему эту музыку и заведемъ. То-то взбѣ-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXII, стр. 379.

сится». Я и пріостановилась и слушаю, спрятавшись за уголь. А Сережка и говоритъ: «главное отъ Васьки хорониться надо, а то онъ выдастъ». — «Мы ему зададимъ», — сказалъ махинскій жилецъ. — «Такъ вздуемъ — будетъ помнить». А Колька ему: «Онъ все дѣло испортитъ». Я тихонько отошла и — на рѣку, а потомъ вотъ и къ вамъ.

— Ахъ, поганцы этакіе. Что еще выдумали! — промолвила Домна. — Сами не понимаютъ, что затѣваютъ, погубятъ себя и другихъ.

— Дерется онъ здорово, говорятъ, — замѣтила Марea.

— Ну, что-жь, развѣ такъ все-таки можно съ учителями? — возразила Домна. — Мало ли что... Помню, какъ я еще молоденькой дѣвучкой была, такъ Лавдовскій какъ поролъ ребятъ. Что подѣлаешь: не бунтомъ же исправлять ихъ. Такимъ манеромъ ребята только пострадаютъ сами, а толку не выйдетъ. Надо будетъ все это разузнать и предупредить. Еще хорошо, что ты услыхала. Видѣли они тебя?

— Не видали, должно быть. Колька-то ужъ дома, а Сергѣя еще нѣтъ.

— Улизнули вѣдь. Я прилегла послѣ обѣда, а тутъ работой занялась. Слышала, какъ гудятъ — уроки учатъ; мнѣ и не вдомекъ, что не всѣ дома. Эхъ, Марea, старѣю я, слабну. Бывало все вижу, не упущу ничего, а теперь что? Прикрывать надо бурсу, а то такой беспорядокъ пойдетъ, что отъ доброй славы и слѣда не останется.

Домна сняла большія мѣдныя очки, положила ихъ на столъ и поднялась съ мѣста.

— Пойду, приструню Кольку.

Въ ту минуту, когда Домна и Марea входили въ кухню, вернулся и Сергѣй.

— Откуда это ты? — спросила Домна.

— Такъ, освѣжиться выходилъ.

— А уроки?

— Сейчасъ буду учить.

Колька сидѣлъ на лавкѣ; онъ зубрилъ вслухъ, заткнувши уши и качаясь изъ стороны въ сторону.

— А ты, молодець, давно уроки-то учишь? — окликнула его Домна.

— Давно.

— И все дома былъ?

— Дома, — безъ запинки отвѣтилъ мальчикъ.

— Ну, миляга, и лгунъ же изъ тебя выйдетъ первостепенный. Такъ безсовѣстно лжешь и не краснѣешь.

— Да я не лгу, — произнесъ Коля, мелькомъ взглянувъ на Сергѣя.

— Не лжешь? — переспросила Домна. — А куда ты ходилъ сей-

часть съ Сергѣемъ, а? Оба вы лгуны. Прогоню я васъ вотъ обоихъ— и вся недолга.

— За что же, Домна Никитишна?

— Молчи лучше. Зачѣмъ вы ходили къ Махинскимъ? Говори.

Сергѣй смутился, но Коля мигнулъ ему и отвѣтилъ бойко:

— Мы насчетъ уроковъ бѣгали узнать.

— А у кого спросились?

— Вы спали.

— А Викентій?

— И онъ спалъ. Онъ и теперь спитъ, ей-Богу, посмотрите.

— Ну, ладно. А какіе такіе уроки? Развѣ у Пармена или Василія не могли спросить?

Коля замаялся.

— Вотъ что, Николай,—строго промолвила Домна:—ты не вилай. Я вѣдь все знаю. Какую это вы штуку задумали устроить Караулову? Ну-ка, отвѣчай.

Какъ ни былъ боекъ Коля, а и онъ смутился при этихъ словахъ хозяйки и ничего не отвѣтилъ на ея вопросъ.

— Что? прикусилъ язычекъ?— сказала Домна.— Ахъ, глупые! Да понимаете ли вы, что изъ этого выйти можетъ? Васъ выгонять и не только васъ, а и тѣхъ, кто не виноватъ совсѣмъ. Я вотъ сейчасъ пойду къ Караулову да все и расскажу.

Оба мальчика испугались.

— Домна Никитишна, голубушка! Мы не будемъ, мы не будемъ!—воскликнулъ Сергѣй.

Въ его голосѣ послышались слезы.

— Что, струсили? Голубушка! А подумали вы обо мнѣ, когда затѣвали такія гадости? Что бы сказало начальство? Вотъ, молъ, какіе нынче у Домны бурсаки-то. Да знаете ли вы, что мои жильцы никогда ни въ одномъ пакостномъ дѣлѣ не попадались? Стара я стала, это вѣрно... Ну, и распустила васъ. Ступайте сейчасъ къ своимъ дуракамъ и скажите имъ: хозяйка де узнала и прямо сказала: если что нибудь такое, то насъ выгонять вонъ. Это тебя и Сергѣя, такъ и знайте.

— Не мы задумали-то все,—признался Сергѣй:—тѣ...

— Имъ и скажите.

— А какъ не послушаютъ?

— Ну, ужъ я этого не знаю. Умѣли вмѣстѣ уговариваться. умѣйте и отговорить ихъ. Ступайте.

Коля нерѣшительно поднялся съ мѣста.

— Что же итти. Еще вѣдь не завтра, а на субботу назначено. Завтра успѣемъ.

— Ну, какъ знаете. А только, какъ я сказала, такъ и будетъ.

— Да вѣдь не мы же только. Почти полкласса въ уговорѣ.

— А вамъ до другихъ нѣтъ дѣла. Вы не участвуйте. Въ субботу, говорите?

— Въ субботу.

— Ну, такъ не пойдете въ субботу въ училище. Вотъ и вся недолга.

— Всѣ? Какъ же такъ?

— Ужъ это моя забота—не ваша. А чтобъ вы не смѣли срамить мою сѣдую голову. Выгонятъ васъ, что родители-то ваши скажутъ? Думаете, благодарить меня будутъ?

— И другіе тоже.

— Да что мнѣ до другихъ! Моя квартира наособыхъ. Сколько лѣтъ слава-то добрая создавалась. Всю жизнь я въ васъ ухлопала, а вы вотъ въ одинъ день хотите меня опозорить.

Пройдя въ свою комнату, Домна принялась опять за работу, но вдругъ оставила шитье и, быстро одѣвшись, отправилась изъ дома.

Х.

Карауловъ пилъ чай, когда ему доложила кухарка, что пришла Домна.

— А! Пусть войдетъ, — сказалъ педагогъ, продолжая набивать трубку.

Домна вошла въ комнату и остановилась у дверей.

— Здравствуй, здравствуй, Домна Никитишна, — проговорилъ дружелюбно Карауловъ.—Что жъ ты стоишь-то? Садись. Мать ректорша и у дверей стоитъ. Я вѣдь только учитель, а ты ректорша, стало, чиномъ выше.

Карауловъ, котораго Домна знала еще мальчикомъ, держался съ ней хотя шуливо, но съ нѣкоторымъ уваженіемъ.

— Садись, мать ректорша, садись, — повторилъ онъ.— Чаю не хочешь ли?

— Спасибо на вниманіи и угощеніи, — сказала Домна.—А только знаешь ли, зачѣмъ я пришла?—добавила старуха.

— Нѣтъ, не знаю. Да зачѣмъ бы ни пришла, я радъ видѣть начальство.

— Ну, вотъ и отлично, если ты меня за начальство считаешь. Стало бытъ, выслушаешь и просьбу мою исполнишь.

— Просьбу? Да развѣ начальство просить? Оно приказываетъ.

— Ну, я еще не такое начальство. А ты вотъ что, Павелъ Никанорычъ, не приказъ, а просьбу мою исполни, и на томъ спасибо. Я вѣдь тебя еще такого знала.

— Какъ же! Подъ столъ ходилъ еще пѣшкомъ.

Карауловъ засмѣялся.

— Въ чемъ же твоя просьба, мать ректорша?

— А вотъ въ чемъ. Ты только не обижайся, Христа ради. Я тебѣ въ матери гожусь, а то, пожалуй, и въ бабки.

Она кашлянула и продолжала:

— Павелъ Никанорычъ! Не будь ты такой лютый съ мальченками.

— А развѣ тебѣ жаловались на меня? — спросилъ Карауловъ, хотя и съ улыбкой, но недовольнымъ тономъ.

— Нѣтъ, они не жаловались, это я тебѣ говорю прямо, не лгу, а только доходитъ вѣдь, не тайна.

— Доходитъ? Гм!... Лютый, говоришь?

— Дерешься больно. Ну, зачѣмъ это?

— А если еще и пороть буду?

— За дѣло—пори, а не походя. А то что хорошаго: разозлишь ихъ, вѣдь тебѣ же будетъ самому худо.

— Мнѣ?

Карауловъ нахмурился.

— Что же мнѣ будетъ? Слышно что нибудь? Знаешь?

— Ну, чего ты такимъ-то тономъ со мной,—проговорила Домна съ улыбкой.—Словно квартальный допрашиваешь. Коли начальство я, такъ и говори со мной иначе. Эхъ, Павелъ Никанорычъ! Вѣдь я тебя люблю, знаешь самъ!

— Вотъ какъ!

— А то развѣ нѣтъ? Забылъ, какъ бѣгалъ ко мнѣ съ сестренкой простоквашу ѣсть.

Напоминаніе о дѣтствѣ и о сестрѣ, которую Карауловъ очень любилъ, смягчили его. Его лобъ разгладился отъ морщинъ, на губахъ опять появилась улыбка.

— Какъ не помнить! И чудная же у тебя была простокваша,—произнесъ онъ другимъ тономъ.—Ну, такъ что же изъ этого?

Онъ посмотрѣлъ на Домну и засмѣялся. Она знала его, знала, что когда онъ засмѣется, значитъ «сердцу конецъ», и можно его взять. Она поспѣшила воспользоваться моментомъ.

— А, помнишь, Павелъ Никанорычъ, какъ вы собирались инспектора поколотить?

— Помню.

— А за что?

— А за то, что былъ лютъ,—отвѣтилъ Карауловъ и опять засмѣялся.

— Вотъ видишь!

— И какая же мораль отсюда? И меня хотятъ поколотить, что ли?

— Не хотятъ, а долго ли до грѣха? Ну, скандалъ устроить, что хорошаго? По службѣ не хорошо, да и тебѣ самому не пріятно. И какіе вы, ей-Богу, странные: учитесь—не любите строгости, а выйдете въ учителя, и давай лютовать.

— Да скажи ты мнѣ, пожалуйста,—произнесъ Карауловъ,—за кого ты хлопчешь: за всѣхъ или за своихъ? Если за своихъ, такъ ты имъ ярлыки на лобъ наклеи: «изъ бурсы Домны». Я ни одного не трону.

Онъ говорилъ шутливо-добродушно.

— Вотъ погоди, наклею,—сказала Домна въ тонъ ему.—А пока не собралась, ты и другихъ не трогай. Я вѣдь и не за ребятъ только прошу, а ради тебя самого. Отца твоего я уважала и тебя люблю. Будетъ тебѣ неприятность, и мнѣ больно.

— Ну, мать ректорша, какъ ты ни политиканствуй, а я теперь вижу хорошо: ты что-то узнала и пришла предупредить. Это вѣрно. Ужели эти сопляки чтонибудь замыслили? А? Съ чего это? Неужели потому, что я надняхъ одинъ классъ весь на колѣни поставилъ на цѣлый урокъ и линейкой прошелся по ихъ башечкамъ.

— Ну, вотъ видишь, какой ты.

— Такъ я человѣкъ, или нѣтъ, ректорша? Наканунѣ я былъ на именинахъ, проигрался въ пухъ и прахъ, и къ тому же печень такъ разболѣлась, что просто бѣда. Приди тогда ты, и тебя бы разбранилъ. А тутъ еще оболтусы урока не знаютъ, чувшь городятъ, да и смѣются. Ну, злость и взяла.

Карауловъ докурить трубку и поставилъ ее въ уголъ.

— Пей чай,—проговорилъ онъ, садясь опять на диванъ.— Пришла, такъ будь гостьей. Удостои, ректорша, подчиненнаго.

— Чаю я, пожалуй, выпью,—согласилась Домна.—А что жъ ты скажешь мнѣ на просьбу?

— Что сказать? Ладно, буду удерживаться, сколько могу. Чортъ знаетъ! Печень стала шалить.

— А ты меньше пей.

— Мало и пью.

— А ты совсѣмъ не пей.

— Дудки. Не пей, не кури. Это мнѣ эскулапъ говорить то же. Что жъ тогда за жизнь? Лучше въ петлю головой.

— Ну, вотъ! Умный человѣкъ, а что говоришь,—перебила Домна строго.—Развѣ можно такъ?

Домна еще съ полчаса просидѣла у Караулова.

Провожая ее, Павелъ Никаноровичъ промолвилъ:

— Буду удерживаться, мать ректорша, буду. А прорвусь — не осуди. Человѣкъ — не машина. А только ты скажи своимъ шельмецамъ: если они вздумаютъ что либо такое, понимаешь? такъ я всѣ потроха имъ выпущу. Пусть выгонятъ меня со службы, а ужъ помянуть будутъ меня.

Хотя Домна и была увѣрена, что ея угрозы на ребятъ подѣйствовали, но все-таки въ субботу она не пустила въ училище

своихъ, учившихся въ томъ классѣ, въ которомъ было предположено въ этотъ день устроить скандалъ Караулову.

Никакого скандала не произошло. Войдя въ классъ, Карауловъ сразу же обратился къ ученикамъ:

— Вы, азинусы, слышалъ я, свинью мнѣ задумали подложить? Смотрите у меня, требухи своей не соберете!

Однако въ этотъ день и въ теченіе всей послѣдующей недѣли онъ никого не ударилъ и только поставилъ въ уголъ Кольку, который уснулъ на урокъ.

— Ты, кажется, изъ Домниной бурсы?

— Да.

— Ну, такъ скажи ректоршѣ, чтобы она сама тебя за уши выдрала.

Мальчикъ не передалъ Домнѣ словъ учителя, но она узнала объ этомъ отъ другихъ нахлѣбниковъ и сказала Колькѣ:

— И надеру, непременно надеру, если еще уснешь. Мало что ли дома спишь?

Домна была очень довольна, что Карауловъ удержался и такъ мягко наказалъ мальчика.

XI.

Раздался стукъ въ парадную дверь.

Быль уже вечеръ. Школьники сидѣли за уроками. Марса сдѣлала все, что нужно, и ушла домой. Домна въ своей спальнѣ перебирала лоскутки, которые она достала изъ комода.

Она приподняла голову и прислушалась. Стукъ повторился.

— Никакъ это на парадной? Кто бы это въ такую пору?

Она оставила лоскутки, пошла въ залу и прильнула лицомъ къ стеклу окна, выходившаго на крыльцо. На ступенькахъ стояла высокая фигура въ длинной шубѣ.

— Кто же это? — подумала Домна и крикнула: — ребята, выйдите-ка ктонибудь въ сѣни. Стучатся. Дверей только не отпирайте, мало народу всякаго, надо спросить.

Иванъ Огненный, сидѣвшій ближе всѣхъ къ двери, выскочилъ изъ кухни, отперъ дверь въ сѣни и крикнулъ:

— Кто тамъ? Кого надо?

— А что, дома хозяйка? Или спать уже? — раздался съ улицы густой басъ.

— Господи, — прошептала Домна, до которой донеслись эти слова: — да это нашъ отецъ дьяконъ никакъ! Что это онъ такъ поздно!

Она высунула голову въ дверь и промолвила прежде, чѣмъ успѣлъ отвѣтить Иванъ: — Дома, дома, отецъ дьяконъ. Иванъ, отпирай же.

Черезъ минуту въ переднюю ввалился высокій мужчина въ лисьей шубѣ и въ высокой шапкѣ съ выхолодевой опушкой.

— Не въ пору я, Домна Никитишна?—промолвилъ дьяконъ, снимая шапку и освобождаясь отъ шубы.

Его лицо, широкое, скуластое, было румяно отъ холода. Большая борода и усы заиндивѣли отъ мороза. Каріе глаза улыбались, и отъ всей фигуры коренастаго дьякона вѣяло добрудушіемъ и уравновѣшенностью.

Прежде чѣмъ Домна успѣла что нибудь сказать, дьяконъ произнесъ, упирая на «о»:

— Поздновато, самъ знаю. Да новость-то больно для тебя интересна. Сейчасъ узналъ отъ консисторскаго чиновника и подумалъ идя мимо тебя: зайдю-ка да скажу.

— Милости просимъ, пожалуйста въ зальцо,—пригласила Домна, здороваясь съ гостемъ:—оно ужъ не такъ поздно, у другихъ самая пора, у меня-то только такъ, по-монастырски. А какая же это новость особенная?

Гость прошелъ въ зало, помолился на образъ, висѣвшій въ углу, и, снова поклонившись Домнѣ, проговорилъ съ улыбочкой:

— А вотъ отгадай.

— Гдѣ мнѣ, ни памяти, ни соображенія не стало... Какая я отгадчица, о дьяконъ!

— Нн-у? А новость для тебя больно интересна.

Гость присѣлъ на стулъ у круглаго стола, стоявшаго передъ диваномъ.

— А вотъ какая новость, Домна Никитишна: приготовляйся любимца твоего встрѣчать да его архипастырскихъ молитвъ просить.

Домна съ недоумѣніемъ посмотрѣла на дьякона.

— Не пойму, родной, что ты это говоришь?—медленно произнесла она:—какого любимца?

— Экая въ самомъ дѣлѣ ты недогадливая!—проговорилъ дьяконъ, засмѣявшись.—Да, конечно, про твоего Герасима. Кого ты забыть-то не можешь!

— Герасимушка! Ужли онъ сюда пріѣдетъ? Да зачѣмъ же?

— А зачѣмъ, что въ епархію свою ѣдетъ, вотъ что.

— Какъ въ епархію?

— Да въ архіереи онъ произведенъ. Говорю тебѣ: «архипастырскаго благословенія»,—должна понять! Назначенъ онъ въ Архангельскъ, вотъ проѣздомъ и будетъ здѣсь, остановится на нѣсколько дней.

— Господи! — радостно воскликнула Домна, всплеснувши руками.—Да неужели это правда?

— Правда. Сейчасъ узналъ, потому и зашелъ.

— Ну, слава Богу!—промолвила Домна и перекрестилась.

— Что, рада?

— Ужъ какъ и рада! Взыскалъ Господь за смиренство. Вотъ ужъ, можно сказать, по заслугамъ получилъ. Помогли ему, Господь, на новой службѣ. Не думала я, что и увижусь съ нимъ. А вотъ и доведется. И въ какомъ санѣ! Побѣгу, побѣгу безпремѣнно. И такъ повидать бы рада, а тутъ такое повышеніе! Надо поглядѣть на него въ архіерейскомъ-то облаченіи. Вѣдь, можетъ, еще и отслужить здѣсь?

— Можетъ быть,—проговорилъ дьяконъ.

— Вотъ вѣдь какъ,—сказала Домна, качнувъ головою.—Здѣсь жилъ, бурсакомъ былъ у меня. Въ кувинѣ и обѣдалъ, а теперь владыка. Поди, измѣнился, и не узнаешь.

— Говорятъ, худой изъ себя,—сказалъ дьяконъ. — Видали наши-то въ монастырѣ, говорятъ-- тощій.

— Дива нѣту. Чай постникъ большой: онъ вѣдь не какъ другіе прочіе, настоящій монахъ. Ахъ, Герасимъ, Герасимъ! Думано ли было?...

Изъ глазъ старухи побѣжали слезы. Она поспѣшно достала платокъ и начала вытирать глаза.

— Ну, вотъ! — воскликнулъ дьяконъ. — Я думалъ — новость пріятную принесу, а она плачетъ.

— Охъ, родной! — растроганно проговорила Домна. — Отъ радости и плачу-то. Почаще бы такъ-то плакать, сердцу легче было бы. Кабы все-то такіе были жильцы!

— Ишь, чего захотѣла! Всѣхъ жильцовъ въ архіереи произвести! Дьяконъ сдержанно захохоталъ.

— Да развѣ я про это,—возразила Домна.—Чтобы такіе-то хорошіе были все. Радовали бы хозяйку. А то что нынче? Что ни годъ—все хуже люди. Право слово... Вотъ они у меня теперь...

— Развѣ все плохіе?

— Не всѣ, да много ли хорошихъ? А съ Герасей никого и не сравню.

— А, кажется, Викентій добрый парень? Развѣ и имъ не довольна?

— Нѣтъ, хайтъ не буду, а правду сказать, гляди, и онъ свернется. Франтить почаль. И къ церкви усердія прежняго нѣтъ, и за мальченками слѣдить сталъ лѣнивѣе. Все больше съ товарищами, книжки какія-то тамъ читають.

Она помолчала и уже другимъ тономъ обратилась къ дьякону:

— А что, не выпьешь ли чайку? Живо согрѣется самоваръ...

— Какой же теперь чай! Спать пора тебѣ,—замѣтилъ дьяконъ.

— Что же, на радостяхъ можно и попозже. Выпьешь?

— А водочкой не угостишь?

— Вотъ ужъ не угощу! Водки у меня и въ заводѣ нѣтъ. Не держу.

— Строга ты. Настоящая ректорша.

— На этотъ счетъ строга. А вотъ не хочешь ли котлеты съ тушеной капустой? И квасокъ есть. Прямо скажу, хорошій квасокъ.

— Ой ли? Ну, что жъ: угощай квасомъ и котлетами. Тогда ужъ и чаю, пожалуй, не надо,—сказалъ дьяконъ.

— И кваску попьешь, и чайку; одно другому не мѣшаетъ. Я живо.

Она захлопотала, радостная и счастливая отъ полученнаго извѣстiя. Откуда силы взялись у старухи. Оживленная, она суетилась сама и заставила помогать себѣ двухъ жильцовъ.

— Вотъ, ребята,—говорила она, кладя въ самоваръ уголья:—такой же, какъ вы, былъ, а теперь архіереемъ сталъ. Что значитъ хорошее поведеніе, смиренность да прилежаніе къ Богу.

— Это тотъ самый Герасимъ, о которомъ вы рассказывали тогда?—спросилъ Коля.

— Онъ самый. А ты помнишь?

— Помню. Теперь, стало быть, очередь за Васькой.

— А что ты зубоскалишь? Можетъ, и онъ удостоится. Дай Богъ.

Она проговорила серіозно и даже перекрестилась при этомъ.

Черезъ четверть часа въ залѣ на столѣ шумѣлъ пузатый самоваръ, и отецъ дьяконъ съ аппетитомъ ѣлъ котлеты, зачивая ихъ кваскомъ.

— Добрый квасокъ и котлеты вкусныя,—одобрилъ дьяконъ.—Ужли ты мальчишекъ ими кормишь?

— А то какъ же, батюшка! Не отдѣлять же себя отъ нихъ стану.

— Ай да мать ректорша! Не хозяйка, а настоящая родная мать. Такихъ харчей на казенной бурсѣ и по праздникамъ не бываетъ. Вѣчно они должны за тебя Бога молить.

И онъ положилъ къ себѣ на тарелку третью котлету.

ХІІ.

Школьники уже отобѣдали, а Кольки еще не было.

— Я его проучу!—сказала недовольнымъ тономъ Домна:—останется онъ у меня для праздника безъ обѣда. Ишь, волю какую забралъ!

— Да онъ пообѣдаетъ у Ржаницына,—промолвилъ Вавила.—Гостинцевъ изъ деревни тому навезли, вотъ онъ Кольку и зазвалъ къ себѣ.

— Все-таки долженъ былъ прійти къ обѣду, коли не отпра-сился раньше... Я не люблю такого своевольства.

Домна ворчала, убирая со стола. Стряхнувъ скатерть, она снова ее постлала на столъ и ушла въ свою комнату отдохнуть. Но только что успѣла она лечь на кровать, какъ вдругъ въ кухнѣ

раздался гомерическій хохоть, и черезъ минуту слышались шаги въ залѣ.

— Домна Никитишна! Домна Никитишна!—кричалъ Денись, стоя у дверей спальни.

— Ну, что тамъ? отдохнуть не дадутъ,—отозвалась старуха.

— Кольку привели! Городовой привелъ!

Денись едва могъ говорить отъ душившаго его смѣха.

— Что ты мелешь?—проговорила Домна.

— Ей-Богу! Колька пьянъ.

Домна кубаремъ скатилась съ постели.

— Да ты въ умѣ, али нѣтъ?—сказала она, выходя изъ спальни и обращаясь къ Денису:—какъ пьянъ Колька? Что ты брешешь?

— Да вотъ поглядите. Городовой ждетъ васъ!

Домна согнувшись, ковыляя поспѣшила въ кухню.

Тамъ у дверей стоялъ городовой, а на лавкѣ, откинувшись туловищемъ на стѣну, сидѣлъ Колька въ шапкѣ, въ разстегнутомъ пальто и раскинувши руки.

Онъ былъ пьянъ.

— Колька! Что это ты?—воскликнула Домна.

— Да пьянъ, Домна Никитишна,—отвѣтилъ за него городовой. Старуха посмотрѣла на солдата и всплеснула руками.

— Господи, да гдѣ же это онъ? Да что же это такое? — едва выговорила она.

На глазахъ навернулись слезы отъ обиды и горя.

«Это въ ея-то бурѣ, да такой-то малышъ напился!»

— Гдѣ жъ ты его взялъ?—спросила она городового срывающимъ голосомъ.

— Да господинъ смотритель приказалъ взять и отвести къ вамъ.

— Какъ смотритель!—съ ужасомъ воскликнула Домна.—Развѣ смотритель видѣлъ?

— Такъ точно,—отвѣтилъ городовой.—Вашъ малецъ на тумбѣ сидѣлъ и бранился. Мнѣ не въ домѣкъ, что онъ пьянъ. Думаю, шалить, ну, я его окрикнулъ. А тутъ смотритель проходитъ. Вашъ-то сидитъ и не кланяется. Смотритель на него закричалъ: «Ты это что? Начальству не кланяешься?» А онъ — городовой указалъ на Кольку—хотѣлъ подняться, да не устоялъ и свалился. Смотритель нагнулся и увидалъ. «Городовой», кричитъ онъ, «поди сюда!» Я подошла. «Вѣдь онъ, говоритъ, негодяй пьянъ!» Я вижу, что пьянъ.—Такъ точно, говорю, ваше высокородіе: пьянъ-съ. А мнѣ смотритель: «отведи его въ участокъ». Вашъ-то что-то забурлилъ, а я смотрителю и докладываю: ваше высокородіе, я его лучше домой доставлю. Онъ у Домны Никитишны живетъ, я это знаю. «Ну, хорошо, говоритъ смотритель, отведи». Сказалъ да къ мальчишкѣ и обращается: «вѣдь твоя фамилія Прилукскій?» А онъ посмотрѣлъ на смотрителя, да и говоритъ: «А я тебя не боюсь!» Я ему ротъ-

го рукой зажалъ: «молчи, говорю, сквернавецъ! Развѣ можно такъ начальству отвѣчать?»

Домна слушала, растерянная, подавленная рассказомъ.

— Господи, да что же это? Что же теперь будетъ!—съ отчаяніемъ воскликнула она.—Вѣдь его выгонять! И мнѣ срамота, и ему погибель. Ну, додержала, нечего сказать! Закрывай-ка теперь бурсу съ такимъ позоромъ. И гдѣ это онъ, сквернавецъ, нашлся?

Она нагнулась къ Колькѣ.

— Гдѣ, говори?

Но мальчикъ ничего не могъ отвѣчать. Его развезло въ теплѣ, онъ сидѣлъ на скамейкѣ, уже свалившись немного въ сторону, и бессмысленно глядѣлъ на окружающихъ.

При послѣднихъ словахъ Домны онъ что-то пробурчалъ и глупо засмѣялся.

— Еще смѣется! Ахъ, ты...

Домна не удержалась и схватила его за волосы. Школьники хохотали. Городовой тоже улыбнулся, покачавъ головой.

— Да теперь, пожалуй, того...—началъ онъ.

Домна вдругъ накинута на него.

— И ты тоже хорошъ! Видишь, мальчишка ругается, балуется, чтобы подойти да за шиворотъ его взять. И смотритель-то бы не увидалъ.

— Да ежели я не думалъ, что онъ такъ.

— Не думалъ! О чемъ вы думаете, что смотрите, стоя на посту?—проговорила Домна сердито.—Чего вы гогочите?—крикнула она на жильцовъ, продолжавшихъ потѣшаться надъ Колькой.—Уведите его въ коридоръ. Пусть тамъ выдохнется, шельмецъ! Я ужъ ему потомъ задамъ; я съ нимъ раздѣлаюсь по-свойски!

Она сунула городовому въ руку двугривенный. Онъ поблагодарилъ и вышелъ изъ кухни.

Грозя провинившемуся наказаніемъ, Домна думала и о томъ, какъ бы избавить его отъ той суровой кары, какая его ждала въ училищѣ. «Надо будетъ высвободить», рѣшила она. Когда черезъ полчаса вернулся домой Викентій, она сообщила ему объ исторіи съ Колькой и прибавила:

— Я хочу, Викентьюшка, завтра же къ смотрителю итти просить; вѣдь его, сквернавца, исключить могутъ.

— Всенепремѣнно,—проговорилъ Викентій. — Смотритель терпѣть не можетъ пьянства и куренья табаку. Онъ донесетъ непременно правленію. Я такъ полагаю, что не худо бы вамъ итти сейчасъ же. Артемій Леонтьевичъ—не прежній смотритель: онъ строгъ и горячъ.

— Что жъ, пойду и сейчасъ. Что за исторія! Вотъ-то не думано, не гадало! Ужъ какъ не понравился онъ мнѣ сразу: бойчится,

смѣется надо всѣми... а тутъ и лгать почальтъ... вотъ извольте-ка: въ довершеніе всего напился!

— Это его напоили на смѣхъ, тутъ собственно его вины нѣтъ,— заступаясь, замѣтилъ Викентій.

— Кто же напоилъ-то? Былъ онъ у Ржаницына...

— У Ржаницына? Ну, такъ братъ его и напоилъ, пѣвчій. Съ него это станетъ.

— Вѣдь вотъ говорила всегда: не ходите къ дурнымъ товарищамъ, не слушаются.

Она произнесла эту фразу, уже надѣвая шубу и покрывая голову теплымъ ковровымъ платкомъ.

— Застану ли только я теперь дома смотрителя?—задала она вопросъ Викентію.

— Навѣрное дома, — отвѣтилъ семинаристъ. — Если не пьетъ чай, такъ играетъ въ шашки съ экономомъ. Это онъ гулять ходилъ передъ вечернимъ чаемъ.

Домна въ волненіи и страхѣ поднялась по широкой, хотя и доволно грязной лѣстницѣ, которая вела въ квартиру смотрителя.

Викентій былъ правъ: смотритель игралъ въ шашки съ экономомъ. Когда ему доложили о приходѣ Домны, онъ не пригласилъ ея въ кабинетъ, а велѣлъ провести въ пріемную комнату.

— Что, въ хорошую исторію влетѣлъ твой бурсакъ?—проговорилъ смотритель, отвѣчая на поклонъ Домны, и, не давши ей ничего сказать, продолжалъ:

— Ну, нечего сказать, прославилась ты, ректорша! Вотъ тебѣ и хваленая бурса: этакій соплякъ, да пьяница! Образцовая хозяйка, хорошо смотришь!

Домну задѣли за живое слова смотрителя, и она не сдержавшись проговорила:

— Что это вы такъ-то, точно радуетесь тому, что случилось! Извѣстно, смотрю, у меня въ квартирѣ и водкой не пахнетъ, а вѣдь я не Богъ вездѣсущій, за глаза что угодно могутъ сдѣлать.

— А гдѣ жъ твои наставленія? Уроки нравственности? — иронически спросилъ смотритель.

— Что, батюшка, уроки! Вѣдь вы не мнѣ чета, а не можете отучить отъ пьянства Кичина. На урокахъ пьяный сидитъ...

Эти слова въ свою очередь задѣли смотрителя.

— Ты что же,—сказалъ онъ раздраженно:—считаться со мною пришла, что ли? За этимъ и явилась?

Домна спохватилась.

— Не сердитесь на меня, я старуха. Мнѣ и безъ того горько, а вы укоряете еще. Вотъ и сорвалось глупое слово. До счетовъ ли тутъ, когда такая бѣда!

Голосъ ея дрожалъ, и слезы навернулись на глаза.

— Зачѣмъ же ты пришла, что скажешь?—спросилъ смотритель.

- Да что сказать! За милостью пришла, зачѣмъ больше!
- За какой милостью? Ужели думаешь, что я могу все это покрыть и оставить безъ наказанія? Какъ думаешь?
- Что моя дума! Моя дума—глупая, сузу по-бабьи!
- Скажи все-таки, любопытно.
- Да что же, и скажу! По-моему, все можно скрыть. Развѣ это пьянство? Вѣдь дурака напоили на смѣхъ. Не къ вину же онъ привыкъ. Впервые и случилось. Это все равно, что въ канаву съ дуру человѣкъ бы упалъ. Виновать-то больше тотъ, кто напоилъ.
- Ну, нѣтъ, ректорша, ты говоришь неразумительно! Это такой поступокъ, что его безъ примѣрнаго наказанія оставить невозможно.
- Господи! Да вѣдь не исключать же мальченка за это?
- А хотя и такъ! Почему же нѣтъ? Примѣръ прочимъ. Да я тамъ не знаю. Это дѣло правленія и владыки, а я только доложу обо всемъ.
- Батюшка! да вѣдь это гибель для него!
- Что жъ такое? Всякій за грѣхъ свой и кару долженъ нести.
- Такіе ли грѣхи намъ Господь прощаетъ? Что же люди-то строже Бога будутъ?
- Ты, матушка, Бога не поминай всеу. Это тоже грѣхъ,—сказалъ смотритель.—Тутъ Богъ не причемъ.
- Домна опять не выдержала и промолвила:
- Ужъ вотъ, батюшка, съ этимъ никакъ не соглашусь! Какъ же Богъ не причемъ? Гдѣ же намъ и показать себя христіанами, какъ не въ такихъ случаяхъ!.. Ближняго простить, не погубить, такъ и Богъ велитъ. Вѣдь дитѣ, а не взрослый человѣкъ, самъ Христосъ велѣлъ дѣтей-то любить да беречь...
- Смотритель нахмурился.
- Ты, матушка, мнѣ наставленій не читай. Полагаю, я Писаніе не хуже тебя знаю. Беречь! и берегла бы! Мы тебя всегда въ первую голову ставили и родителямъ рекомендовали... Не даромъ ректоршей-то сывешь. Ну, а не оправдала довѣрія — не осуди. А негодьямъ потатчикомъ я не буду. Напился, да еще и грубить!.. на улицѣ, при всѣхъ...
- Да неужели глупыми словами мальчишки можно обижаться? Я бы...
- Смотритель вспылилъ.
- Я ужъ тебѣ сказалъ, — рѣзко произнесъ онъ: — ты меня не учи. Я бы, я бы... Ты въ своей бурсѣ распоряжайся, а здѣсь моя власть, я знаю, что дѣлаю. Если ты пришла, чтобы просить—не-чего и думать, напрасно. Я доложу правленію и владыкѣ. Такой соблазнъ допустить нельзя.

— Что жь, губите, губите мальчика! — воскликнула Домна. — Берите грѣхъ на душу.

Этотъ укоръ окончательно раздражилъ смотрителя. Кровь бросилась ему въ лицо. Онъ хотѣлъ сказать что-то очень рѣзкое, но все-таки удержался. И возрастъ Домны, и то положеніе, которое она занимала въ глазахъ всего духовенства, и расположеніе къ ней ректора семинаріи заставили смотрителя смягчить свой отвѣтъ.

— Намъ не о чемъ больше толковать, — сказалъ онъ. — Ты берешься разсуждать о томъ, что выше твоего разумѣнія.

Домна ничего не отвѣтила на это. Она постояла на мѣстѣ съ минуту и молвила, поворачиваясь:

— Что жь, я и ко владыкѣ пойду, его буду просить. Можетъ быть у него въ сердцѣ и больше любви къ дѣтямъ.

Она уже плакала, говоря это.

— Ступай, ступай, — проговорилъ смотритель: — только знай: владыка пьяницъ не выносить, и на той еще недѣлѣ по его резолюціи двое изъ семинаріи были исключены за пьянство.

Домна убитая возвращалась домой. Она сознавала, что не такъ надо было держаться и говорить. Но что дѣлать: не смогла. Обиженная смотрителемъ, она и сама наговорила ему много лишняго.

— «Ну, никто, какъ Богъ, — шептала она сквозь слезы: — къ владыкѣ пойду».

Она поравнялась съ церковью Іоанна Златоуста. Остановившись, она перекрестилась на икону Святителя, висѣвшую надъ крыльцомъ: «Батюшка угодникъ! — воскликнула она, — всю жизнь ты сострадалъ несчастнымъ, помоги и теперь! Да смягчитъ Богъ сердце владыки!»

Словно легче стало ей послѣ молитвы. Она положила на Бога, ея сердце оживилось отъ надежды, граничившей съ вѣрой. Вблизи своей улицы Домна встрѣтилась съ отцемъ Андреемъ, пріятелемъ смотрителя.

— Откуда идешь, мать? — спросилъ священникъ. — И что это? Никакъ плачешь?

— Горе, батюшка. Помоги ты мнѣ, Бога ради!

— Что такое случилось? — полюбопытствовалъ отецъ Андрей, доставая изъ кармана подрясника красный носовой платокъ и вытирая имъ заиндивѣвшіе рыжіе усы и небольшую бородку.

— Ты въ хорошихъ отношеніяхъ со смотрителемъ, такъ заступись за мальченка.

Домна рассказала исторію съ Колькой.

— Не люблю я, мать, соваться не въ свое дѣло. Онъ начальникъ — ему и книги въ руки. Мое дѣло сторона, съ какой стати я буду вѣшиваться?

— Господи, — воскликнула Домна и даже руками всплеснула: —

да какъ же твое дѣло сторона? Побойся Бога, отецъ Андрей! Ты служитель Христовъ, вѣдь мальчикъ-то погибаетъ.

— А кто же виноватъ? Надѣлалъ—и терпи! Странная ты, мать: да мало ли ихъ обучается въ училищѣ, если я за всѣхъ буду просить смотрителя, что же будетъ? И кто мнѣ далъ власть вмѣшиваться въ дѣла начальства, установленнаго закономъ? «Властямъ предержащимъ повинуйтесь», сказано у апостола. И повинуйся. Нѣтъ, мать, уволь... не буду просить... Чего ты сама-то смотрѣла, скажи мнѣ?

— Ну, что тутъ толковать, отецъ Андрей,—проговорила Домна, махнувъ рукою:—вы всѣ охотники говорить: зачѣмъ, да зачѣмъ! Чего осуждать, когда ужъ бѣда стряслась. Надо о томъ думать, какъ ее съ плечъ сбить. А вотъ тутъ-то вы помочь и не хотите. А еще пастыри!..

И старуха, не поклонившись, завернула въ свой переулочъ.

Отецъ Андрей усмѣхнулся пренебрежительно и промолвилъ про себя, кладя обратно въ карманъ платокъ:

— Еще и наставленіе прочитала! Извольте видѣть... Гм...

Онъ запахнулся плотнѣе въ шубу и зашагалъ дальше своей медленной, колыхающейся походкой.

Возвратясь домой, Домна накормила жильцовъ и сейчасъ же ушла въ спальню. Она хотѣла поговорить съ Викентіемъ, но того еще не было дома. Домна не стала его дожидаться и легла спать.

XIII.

Когда Домна ложилась спать, она почувствовала небольшое недомоганіе. Еще дорогой у нея заболѣла голова. И головную боль, и затѣмъ появившійся легкій ознобъ она приписала разстройству отъ непріятностей и не придавала всему этому значенія. Она хотѣла было выпить малины, но потомъ сейчасъ же подумала: «А зачѣмъ по-пустому пичкаться! Все отъ того, что взволновалась, къ завтраму пройдетъ».

Но на другой день, проснувшись, Домна вдругъ почувствовала, что не можетъ шевельнуть ни головой, ни руками, ни ногами. Словно вся разбита. Шея точно гвоздемъ была приколочена къ подушкѣ. Напрягая усилія, Домна все-таки попробовала повернуть голову, и тотчасъ будто острия стрѣлы прошли въ затылокъ. Въ головѣ поднялась ломота и такая невыносимая боль, что сознаніе помутилось. Черезъ двѣ, три минуты все успокоилось, и умъ прояснился.

«Господи, Іисусе Христе!»—въ страхѣ прошептала старуха. Желая поправить одѣяло, она еле двинула рукою. Это вызвало сильную стрѣляющую боль въ плечѣ. Она попробовала сдѣлать слабое движеніе ногой—это ей удалось съ большимъ трудомъ, и то безъ сгибанія суставовъ.

Ужась охватилъ Домну, которая рѣшила, что ее разбилъ параличъ.

— Господи, Пресвятая Богородица!—опять прошептала она, не имѣя возможности даже перекреститься и начала кричать.

Ее услышалъ прежде другихъ Вася и въ испугѣ соскочилъ съ печки, на которой спалъ.

Домна продолжала кричать, зовя когонибудь на помощь. Вася босикомъ, въ одномъ нижнемъ бѣльѣ бросился въ комнаты, подошелъ къ дверямъ хозяйкиной спальни и спросилъ дрожащимъ голосомъ, не отворяя двери:

— Домна Никитишна, что вамъ?

— Вася, голубчикъ,—проговорила Домна, узнавъ мальчика по голосу:—сбѣгай, Бога ради, къ Марѣѣ, позови ее. Который часъ-то?

— Седьмой.

— Сбѣгай, голубчикъ, къ Марѣѣ. Пусть сейчасъ придетъ сюда. Со мной худо, пошевелиться не могу.

Вася испугался и, не отвѣтивъ ничего хозяйкѣ, бросился обратно въ кухню. Здѣсь онъ растолкалъ Вукола и объявилъ ему:

— Хозяйка помираетъ... къ Марѣѣ велить сбѣгать, побѣжимъ вмѣстѣ... я одинъ боюсь.

Вуколъ спросонья не сразу понялъ, въ чемъ дѣло, но, вникнувъ въ слова Васи, онъ соскочилъ съ полатей и началъ одѣваться. Черезъ нѣсколько минутъ оба мальчика побѣжали къ Марѣѣ. Она уже встала. Сообщенное мальчиками, какъ громомъ, поразило ее. Она накинула на себя шубейку и поспѣшила къ Домнѣ...

Старуха лежала на постели неподвижно, съ закрытыми глазами.

«Господи, ужъ не умерла ли?»—подумала Марѣя, тихонько вошедшая въ спальню. Она постояла, молча глядя на старуху, и тихо окликнула ее:

— Домна Никитишна, что съ вами?

— Ахъ, это ты, Марѣуша!—проговорила Домна, открывая глаза:—сама не знаю, что; пошевелиться не могу. Вѣрно, параличъ разбилъ меня. О Господи!

Она тяжело вздохнула.

— Да отчего же это съ вами!—воскликнула Марѣя.

Въ ея голосѣ послышалось недоумѣніе и искренняя жалость.

— Христосъ знаетъ, — отвѣтила Домна. — Я за тобой послала пораньше, сдѣлай все, что надобно... накорми ихъ.

— Да вы-то какъ же? — сказала Марѣя. — Надо за докторомъ сбѣгать. Я вотъ пошлю когонибудь изъ мальчиковъ за Яковомъ Ивановичемъ. Пусть придетъ.

— Пошли, пожалуй, — сказала Домна. — Только сперва собери все, ребятъ-то отправь, не задержи.

— Все сдѣлаю, не беспокойтесь. Ахъ, Господи! Что же это? Отчего?..—растерянно рассуждала Марѣя.

Она постояла еще съ минуту около кровати Домны и отправилась въ кухню, гдѣ уже бродили вставшіе школьники.

— Слушай-ка, Вавило,—обратилась она къ умывшемуся бурсаку:—бѣги ты скорѣй къ доктору, Знаешь домъ Крылова? ну, такъ вотъ тамъ живетъ докторъ Шаталовъ. Скажи ему: хозяйка заболѣла и проситъ васъ прійти. Понялъ?

— Понялъ,—отвѣтилъ мачьчикъ, надѣвая на себя казинетовый пиджакъ.

Мальчикъ ушелъ, а Марѳа принялась за хлопоты по дому. Она безпрестанно отрывалась отъ дѣла и бѣгала въ спальню Домны.

— Да ты не хлопочи, не безпокойся много обо мнѣ,—говорила Домна:—вотъ придетъ докторъ, осмотритъ, скажетъ все. Иди, а то опоздають они въ училище. Что Колька?

— Да не всталъ еще,—проговорила Марѳа.—Это онъ, негодный, и разстроилъ васъ. Шутка ли такая катавасія!

— Иди, иди...—перебила Домна, которой было неприятно воспоминаніе объ исторіи.

«Что жъ теперь дѣлать-то? — думала старуха. — Не попаду къ владыкѣ. Надо же было, чтобы такъ случилось!»

На душѣ у нея сдѣлалось тяжело.

«Видно, такова воля Божья,—продолжала она размышлять.— Противъ Бога не пойдешь»...

Вернулся Вавила и объявилъ, что докторъ еще спитъ и не велѣлъ будить себя раньше десяти часовъ, потому что поздно возвратился домой.

Марѳа накормила, напоила мальчиковъ, и они ушли въ училище. Викентій, передъ уходомъ въ семинарію, завернулъ къ Домнѣ.

— Вотъ, Викентьюшка, какая бѣда случилась — проговорила старуха:— всю разбило, долго придется проваляться, если еще только Богъ подниметъ.

— Ну, что вы,—ободряюще произнесъ Викентій.—Это исторія съ Колькой васъ такъ растревожила, поправитесь...

— Какъ же насчетъ его-то? — сказала Домна: — смотритель и слышать не хочетъ. Обѣщался въ правленіе доложить и владыкѣ. Я хотѣла сама къ преосвященному итти... А теперь какъ пойду? Бѣда да и только. Исключать его,—со вздохомъ закончила она.

— Возможно! А пусть онъ попробуетъ самъ попросить смотрителя.

— Нѣтъ ужъ, Викентьюшка, ничего не выйдетъ,—съ грустью промолвила Домна: — не такой человѣкъ... жесткій, безъ сердца... По закону, говорить... А того онъ не понимаетъ, что законъ хорошо, а любовь всякаго закона выше.

Около двѣнадцати часовъ пріѣхалъ докторъ, знавшій Домну.

Онъ осмотрѣлъ старуху, оцупывая больныя мѣста, поднималъ ей руку, ногу. И та и другая падали, какъ плети.

— Мм!.. — въ раздумьѣ произнесъ Шаталовъ, почесывая свою рѣдкую рыжеватую бородку.

— Что, батюшка, параличъ?—освѣдомилась Домна.

— Нѣтъ, по-моему, это острый ревматизмъ,—отвѣтилъ докторъ.— Вы гдѣ нибудь простудились. Ходили вы куда нибудь вчера или надняхъ?

— Да какъ не ходить!

Тутъ вдругъ старуха вспомнила, что вчера утромъ она въ одномъ платьѣ стояла долго на улицѣ на вѣтру, разговаривая съ сосѣдкой.

— Да и вечеромъ послѣ чая прямо къ смотрителю побѣжала,— сказала она.

— Ну, вотъ видите! Это ревматизмъ острый. Вѣдь вы и раньше жаловались на ревматизмъ? Поламывало васъ?

— Случалось со мной, случалось... Передъ погодой заноетъ, заноетъ...

— Такъ и есть. Ну, это ничего... Славу Богу, что не параличъ.

Шаталовъ велѣлъ Домнѣ выпить малины, поставить къ ногамъ горячія бутылки съ кипяткомъ и принимать салицилъ, который онъ прописалъ на листочкѣ, вырвавъ его изъ своей записной книжки.

— Я думаю, это скоро пройдетъ,—сказалъ Шаталовъ.—Только вамъ надо беречься и нѣкоторое время не выходить изъ дома.

Марѳа достала изъ-подъ подушки Домны кошелекъ и вынула изъ него кредитку. Врачъ отстранилъ ее рукой.

— Не надо, не надо...—сказалъ онъ:—я мимоходомъ... не большой трудъ. Такъ дѣлайте, что сказалъ, а тамъ увидимъ.

— Спасибо, родной! Дай тебѣ Богъ здоровья, — проговорила Домна вслѣдъ уходившему врачу.

Къ вечеру, послѣ выпитой малины, Домна пропотѣла, и ей стало легче. Боли уменьшились, хотя шевелиться она все еще не могла. Руки, хотя слабо, но уже стали дѣйствовать. При всякомъ поворотѣ головы она еще чувствовала боль, но «стрѣляло» въ голову гораздо слабѣе.

Домна потѣла всю ночь, и на другое утро ей стало еще легче. Хотя и съ трудомъ она могла ужъ повернуться на постели. Около полудня зашелъ дьяконъ, узнавшій отъ Викентія о болѣзни Домны.

— Что съ тобой, Домна Никитишна?—соболезнуя, спросилъ онъ.

— Да вотъ простудилась, должно быть... Докторъ говоритъ: острый ревматизмъ.

— Худо дѣло! И выходить нельзя?

— Какое выходить! Еще ворочаюсь съ трудомъ. И докторъ говоритъ, что долго нельзя выходить.

— Худо дѣло,—повторилъ дьяконъ.—Знаешь, вѣдь сегодня вечеромъ преосвященный Галактіонъ сюда приѣзжаетъ.

— Что ты?

— И только два дня и пробудеть.

— Ахъ, Господи! Вотъ горе-то гдѣ! Такъ, пожалуй, и не увижу его!—волнуясь проговорила старуха.—Прямо наказаніе Божіе! Ты про горе-то мое знаешь? Про Кольку-го?

— Слышальъ.

— Хотѣла къ владыкѣ итти сама, а тутъ и слегла... Теперь Герася прійдетъ, его бы попросила... слово его у владыки вѣсь имѣеть... А какъ все теперъ сдѣлать?

— Это вѣрно. А ты вотъ что: пошли Викентія къ Галактіону, пусть онъ отъ тебя все скажетъ.

— А я-то такъ и не увижу, значить?

И, глубоко вздохнувъ, она добавила:

— Придется такъ сдѣлать, какъ ты говоришь, о. дьяконъ. Пошлю Викентія съ Колькой. Пусть Колька ему въ ноги падетъ, умоляетъ. Вѣдь смотритель-го вчера весь день Кольку на колѣняхъ продержалъ въ классѣ-го. Если исключать, такъ къ чему же было еще такъ его мучить?

— Ну, можетъ, еще не исключать...

Дьяконъ улыбнулся и добавилъ:

— Вѣдь угораздило его! Напиться!.. И гдѣ онъ могъ напиться?

— Да Ржаницына братъ, пѣвчій, подпоилъ.

— А! Этотъ отчаянный! Съ него все станеть. Вотъ его-то бы за это и слѣдовало поучить. Да его не тронуть: онъ любимчикъ архіерея. И то сказать: баритонъ на славу.

— Ну, вотъ. Кого бы слѣдовало, того не тронуть, а мальчишку глупаго, пожалуй, и погубять.

— Что подѣлаешь! Знаешь: въ жизни всегда такъ... Любовь начальству — все извинится. Ну, мать моя, прощай! Такъ, значить, Викентій поидетъ? Дѣло. Можетъ быть, владыка и денжатъ тебѣ съ нимъ пришлетъ въ память прошлаго. Онъ не скупой.

XIV.

— Домна Никитишна! Онъ самъ будетъ къ вамъ сегодня!

Викентій произнесъ эту фразу громко, съ такимъ подчеркиваніемъ, которое ясно показывало, что онъ придавалъ большое значеніе своему сообщенію. Лицо семинариста выражало полное довольство, а голосъ выдавалъ внутреннее волненіе.

— Какъ самъ? Сюда, ко мнѣ, прійдетъ Герасимъ?—какъ бы не вѣря своимъ ушамъ, воскликнула Домна.

Она уже сидѣла на постели, хотя еще не могла встать съ нея.

— Да, прійдетъ сюда, — повторилъ Викентій. — Какъ узналъ, что вы больны, такъ сейчасъ же и сказалъ, что самъ прійдетъ.

Такъ озабоченно о вашей болѣзни спрашивалъ. И вообще, Домна Никитишна, я просто пораженъ, какъ онъ насъ принялъ... я и ожидать не могъ!

— Что и говорить,—промолвила Домна.—Вотъ-то человѣкъ, вотъ-то душа!

Она и улыбалась, и плакала въ одно и то же время.

— Да какъ же онъ? Расскажи мнѣ, какъ слѣдуетъ! — проговорила она, вся просвѣтлѣвъ и оживляясь.—Что про Кольку-то онъ сказалъ? Садись, Викентьюшка, да рассказывай.

Семинаристъ сѣлъ на кожаный стулъ, стоявшій у изголовья кровати, и началъ рассказывать.

— Какъ мы пришли, такъ сейчасъ же о насъ келейникъ и доложилъ. У него свой келейникъ, изъ монастыря. Я думалъ, что не скоро насъ приметъ, судя по нашему владыкѣ, а онъ черезъ минуту же и вышелъ въ залу. Мы стояли въ передней, онъ къ себѣ насъ позвалъ. Я и Колька подошли подъ благословеніе. Онъ благословилъ насъ и спрашиваетъ: «что надобно?» А я и говорю: «Домна Никитишна проситъ вашего благословенія и молитвъ. Шлетъ свое почтеніе и обращается къ милосердію вашего преосвященства. Проситъ заступиться и спасти этого мальчика». Какъ я упомянулъ ваше имя, такъ онъ весь измѣнился: что-то такое свѣтлое прошло по лицу, и онъ ласково промолвилъ: «а что же она сама не пришла? мнѣ такъ бы хотѣлось ее повидать. Я ужъ думалъ за ней посылать». — Больна, говорю, ваше преосвященство, лежитъ. Онъ озаботился, встревожился и спрашиваетъ: «что же съ ней? опасно больна?» Я сказалъ. «Стара она уже»... Вдохнулъ, задумался на минуту, а потомъ опять ко мнѣ обращается: «Что же я могу сдѣлать для этого юнца?» Я все объяснилъ. Говорю и смотрю на его лицо, и знаете, Домна Никитишна, каждое мое слово отражалось на его лицѣ... Словно ему больно, тяжело было слышать все это. А Колька заплакалъ. Онъ приблизилъ его къ себѣ и руку на плечо положилъ ему. «Да, — сказалъ онъ, — это очень печально», и скорбь изобразилась на лицѣ. «Зачѣмъ же, дружокъ мой, ты это себѣ позволилъ?» Наклонился къ Колькѣ и ждетъ отвѣта, и въ глазахъ не суровость, а жалость и любовь. Колька плачетъ. Онъ ему и говоритъ: «ты понимаешь, что это не хорошо? Не повторишь опять? Колька едва могъ выговорить «нѣтъ» и опять плачетъ. Онъ сталъ его утѣшать. «Это хорошо, говоритъ, что ты плачешь, значить, сознаешь свою вину, раскаиваешься. Много дурныхъ людей на свѣтѣ, избѣгай ихъ». Погладилъ его по головѣ и опять обратился ко мнѣ: «Скажите Домнѣ Никитишнѣ, что я похлопочу за мальчика у преосвященнаго Христофора и надѣюсь, что онъ не откажетъ мнѣ въ просьбѣ. Я хочу повидать Домну Никитишну и самъ заѣду сегодня къ ней. Очень жаль, что она больна». Мы опять подъ благословеніе. Колька хотѣлъ въ

ноги упасть, но онъ не допустилъ. Обнялъ его, поцѣловалъ и говоритъ: «Богу молись да проси прощенія у Домны Никитишны, вѣдь ты ее огорчилъ. Знаю я ее, знаю, какъ она о всѣхъ хлопочетъ, болѣетъ. Иди съ миромъ».

Въ срединѣ разказа подошла и Марѳа. Когда Викентій кончилъ, Домна плакала и отъ слезъ не могла выговорить ни слова.

— Вотъ, Марѳуша... вотъ... я...

Она всхлипывала и утирала слезы рукавомъ платья, но онѣ продолжали бѣжать. Растрогалась и Марѳа.

— Кабы всѣ-то были такіе,—проговорила она:—а то нашъ архіерей совѣтъ не такой: суровый да бранчливый.

Домна уже нѣсколько овладѣла собой и промолвила, однако, все еще голосомъ дрожащимъ отъ слезъ:

— Полно, Марѳуша, осуждать: не намъ владыку судить. Конечно, такихъ не много, какъ Герасимъ. Святая душа!

Она вдругъ встревожилась и добавила поспѣшно:

— Прибрать все-таки надо, Марѳуша... какъ же... Да скажи ребятамъ, чтобы не уходили и не шалили, а дѣломъ занялись. Викентьюшка, присмотри ты за ними...

— Можетъ быть, и чайку онъ у насъ выкушаетъ,— замѣтила Марѳа.

— Буду просить. Ахъ, бѣда, что я захворала! Встать не могу.

— Я все сдѣлаю, вы не беспокойтесь, не разстраивайтесь,— сказала Марѳа.—Ложитесь, а то еще хуже будетъ.

— Мнѣ лучше, Марѳуша. А какъ на душѣ-то хорошо! Такъ бы вотъ вскочила, да и побѣжала, какъ молоденькая. Пойми, Марѳуша, вѣдь маленькій былъ здѣсь, не больше Кольки, а теперь вотъ...

И слезы опять побѣжали у нея изъ глазъ.

Викентій пошелъ къ себѣ, Марѳуша принялась приводить въ порядокъ залу и кухню послѣ того, какъ прибрала все въ спальнѣ и накинула на Домну новый шугай.

Оставшись одна, Домна унеслась мыслями въ прошлое. Передъ ея глазами какъ бы росъ и развивался Герасимъ, теперешній преосвященный Галактіонъ. Вотъ онъ совѣтъ маленькій, смиренный, робкій, какъ Вася. Постоянно за книгой, либо въ церкви; другіе играютъ, а онъ читаетъ; смѣются надъ нимъ, а онъ все кротко переноситъ и за обиду старается услужить. Вотъ ужъ онъ и кончилъ училище, сталъ семинаристомъ. Высокій, худощавый, застѣнчивый, словно красная дѣвушка. Другіе и курятъ, и пьютъ, и съ барышнями гуляютъ, а онъ опять все дома; читаетъ или поетъ, хотя и неважно, а такъ сердечно, тепло. Женскаго общества избѣгаетъ, ни съ одной дѣвушкой не пройдетъ и всегда къ хозяйкѣ внимательный, услужливый. Какъ кончилъ да поѣхалъ

въ академію, тяжело разставаться было, ровно съ сыномъ. Сколько лѣтъ прошло, и вотъ...

На этомъ думы старухи были прерваны. Она услышала, какъ на улицѣ заскрипѣлъ снѣгъ отъ колесъ экипажа, какъ сильно хлопнула калитка, а черезъ секунду стукнула дверь въ кухнѣ, и кто-то стрѣлой пронесся по комнатамъ.

— Приѣхалъ! приѣхалъ!..—запыхавшись, произнесъ Денисъ, котораго Викентій отрядилъ караулить у воротъ.

Домна встрепенулась, хотѣла что-то сказать, но ничего не сказала, а только сѣла на постель, полусвѣсивъ ноги, и какъ бы застыла въ ожиданіи гостя. Она слышала, какъ Марѳа отперла парадную дверь, и вотъ раздались шаги нѣсколькихъ людей въ передней.

— Можно пройти къ ней?—спросилъ высокій, мелодичный, но слабый голосъ.

— Можно, пожалуйста, ваше преосвященство,—отвѣтила Марѳа.

XV.

Въ спальню вошелъ высокій, худощавый монахъ, узкій въ плечахъ, съ лицомъ аскетическаго вида, но очень благообразнымъ и симпатичнымъ. Кротко и грустно свѣтившіеся глаза придавали лицу трогательное и благодостное выраженіе. Обрамленное волнистыми, свѣтлыми волосами и небольшою раздвоенной бородкой съ просѣдью, оно выглядѣло моложавымъ, именно такъ, какъ выглядятъ лица людей, несущихъ суровые подвиги, но свѣжихъ отъ своей чистой, безбурной жизни.

Вошедшій остановился на мгновеніе въ дверяхъ спальни, окинулъ взглядомъ сидѣвшую на кровати старуху и съ радостной улыбкой, какой встрѣчаютъ мать послѣ долгой разлуки, подошелъ къ постели. Онъ хотѣлъ обнять Домну, но она сложила руки для благословенія. Онъ осѣнилъ ее крестнымъ знаменіемъ и не хотѣлъ допустить, чтобы она поцѣловала у него руку, но долженъ былъ уступить настояніямъ старухи, которая видѣла въ гостѣ владыку. Но онъ сейчасъ же обнялъ ее и крѣпко поцѣловалъ въ лобъ и въ лобъ.

— Батюшка! Ваше преосвященство!—произнесла старуха взволнованнымъ голосомъ.—Вотъ въ какомъ видѣ застали меня...

Она едва говорила отъ радостнаго волненія.

— Никто, какъ Богъ! Поправитесь, матушка, поправитесь,—сказалъ гость, и голосъ его немножко задрожалъ при этихъ словахъ.

— И не думала я, ваше преосвященство...

— Полноте, матушка, такъ величать меня: такъ ли зовутъ сына? А я—сынъ вашъ, — перебилъ Галактіонъ. — Вы мнѣ мать

замѣнили родную, да не всякая родная мать такъ будетъ заботиться. Никогда я этого не забывалъ, и благодарю Господа, что удалось еще повидать васъ. А и постарѣли же вы! Такой ли я васъ оставилъ!

— Охъ, давно, давно это было, ваше...

— Матушка, прошу васъ не называть меня такъ,— снова остановилъ Галактіонъ.

— Да какъ же, батюшка?

— Зовите меня попрежнему. Помните, звали меня все Герасимушка, зовите теперь Галактіонушка, и хорошо будетъ.

Онъ опустился на стулъ возлѣ кровати и добавилъ:

— Гдѣ вы это простудились? Все хлопчете да заботитесь... Годы не прежніе, а любовь въ сердцѣ та же... Ну, Господь поможетъ, подниметъ васъ. А я васъ порадую. Говорилъ я съ преосвященнымъ Христофоромъ, и онъ былъ такъ добръ, что согласился на мою просьбу, простилъ вашего мальчика. Его не увольять, даже и не накажутъ. Только ужъ вы не пускайте его къ дурнымъ товарищамъ.

— Батюшка, родной ты мой!—воскликнула сквозь слезы Домна:—да какъ мнѣ и благодарить тебя? Вотъ-то обрадовалъ меня! Самъ Богъ послалъ тебя: безъ твоего заступленія съѣли бы они мальчонку. Нѣтъ у нихъ жалости къ дѣтямъ. Накажи, да не губи, а они... ну, да суди Господь... Спасибо, спасибо! Награди тебя Матерь Божія!

Она перекрестилась и продолжала:

— Я ужъ никуда не гоюсь, родной мой: не прежняя Домна, не ректорша, а глупая, больная старуха. Гдѣ мнѣ смотрѣть? Надо приканчивать дѣла. Вотъ додержу ихъ до лѣта, да и будетъ.

— Большая потеря, матушка, для всѣхъ, — сказалъ Галактіонъ.—Вѣдь вы не хозяйка, а мать родная для бурсаковъ. Сколько людей васъ благословляетъ и молится за васъ! Иначе и быть не можетъ.

— Захвалилъ ты меня, доброе у тебя сердце. Хорошее все помнишь, а на дурное и памяти нѣтъ.

— И не было дурного, матушка.

— Какъ не было! Тебя ли ужъ не обижали!

— Да не вы. А то что вспоминать? Ребятишки глупые всѣ мы были. Какой взыскъ!

— И я, можетъ быть, когда обижала. Въ сердцахъ мало ли что скажется.

— Безъ причины никогда вы никого не наказывали. А за дѣло п слѣдуетъ. Любя и мать родная наказуетъ. Нѣтъ, Домна Никитишна, не осуждайте себя. Великую службу вы несли всю жизнь: чужихъ дѣтей, какъ своихъ, пригрѣвали, отъ зла блюли, себя за-

бывали, обо всѣхъ заботились. Великая служба! За многое сочтется она у Господа.

Онъ говорилъ растроганнымъ голосомъ, а Домна опять уже плакала.

— Прости ужъ ты меня,—говорила она, улыбаясь сквозь слезы,— на старости лѣтъ, что дите малое, все плачу. А тутъ и радость такая: и тебя-то увидѣла и за Кольку радуюсь. И столько-то ты мнѣ хорошаго наговорилъ. Правду ты сказалъ: ребятамъ всю жизнь отдала, молодость всю провела въ заботахъ о нихъ... Выпадалъ случай замужъ выйти,—не пошла, потому обѣтъ дала, и слава Богу, что такъ сдѣлала. Не знаю, во что ужъ Богъ поставитъ... А только не за всѣми я углядѣть могла! А теперь вотъ на-ка, въ чемъ мой бурсакъ попался! Смотритель упрекнулъ меня: «довѣрія не оправдала». Легко ли мнѣ это?

— Не кручиньтесь,—въ утѣшеніе ея проговорилъ Галактіонъ.— Не могутъ быть всѣ одинаковы. Ну, что же, если согрѣшили юнецъ. Можетъ быть, еще и лучше: урокъ во время на пользу пойдетъ. Помните Хватова? Шаловливый былъ, какъ жилъ у васъ, въ семинаріи попивалъ... А какъ жизнь-то задала урокъ, и исправился. Встрѣтилъ я его въ Ярославлѣ; хорошій пастырь вышелъ... А вы не покидайте службы, пока еще есть силы.

— Ой, нѣтъ, родной,—сказала Домна:— чувствую, что больше не могу. До добра не дойдетъ, на покой надо.

— А не соскучитесь? Какъ однѣ-то будете жить?

— Я не останусь въ міру, въ монастырь хочу.

— Вотъ что!

— Въ монастырь, — повторила Домна:— я вѣдь еще двадцати лѣтъ объ этомъ замислила, когда у тетки въ Твери гостила, да повстрѣчала монаха, открыла ему всю душу, а онъ мнѣ и сказалъ: «Не ходи, а служи въ міру людямъ. Отдай всю себя на дѣло любви къ ближнему, а какъ устанешь — въ монастырь иди». Я такъ и сдѣлала. Ну, послужила, больше не могу. Вотъ и хочу въ монастырь, чтобы о душѣ своей помолиться да умереть на покой въ Божьей обители.

Галактіонъ проникновенно глядѣлъ на говорившую старуху и, когда она кончила, произнесъ медленно и какъ власть имущій:

— Да благословитъ васъ Богъ на это! Вы удалитесь, достойно послуживъ, не измѣнивши обѣту.

— Такъ благословите же меня, ваше преосвященство!—и она протянула сложенные руки.

Галактіонъ всталъ и благословилъ ее.

Въ залѣ появилась Марѳа и знаками показывала Домнѣ, что самоваръ готовъ. Старуха кивнула ей головой и, спустя минуту, обратилась къ гостю:

— Сдѣлай ужъ ты мнѣ одолженіе, не откажись, выпей чайку...

У меня и варенье морошковое есть... Знаешь, я, грѣшная, люблю варенье, да, помнится, и ты морошку возлюблялъ.

— Съ удовольствіемъ выпью,—согласился Галактіонъ.—Вспомнимъ старину. Да только и вы кушайте.

— Марѳа!—крикнула Домна.

Появилась работница.

— Принеси-ка чаю въ залу.

— Зачѣмъ же въ залу?—сказалъ Галактіонъ.—Вотъ на этомъ столикѣ и нащемся.

Онъ указалъ на круглый столикъ, стоявшій за кроватью у печки, и добавилъ, обращаясь къ работницѣ:

— Сюда, Марѳа, принесите.

Марѳа вышла.

— А у васъ все по-старому?—обратился онъ къ Домнѣ.

— Все такъ же, только жильцовъ поменьше.

— А что, если я посмотрю старое свое жилище?

— Сдѣлай милость. Я просить тебя хотѣла объ этомъ. Я ужъ и ребятамъ объявила, наказала, чтобъ они не уходили. Поди, ждуть тебя.

Галактіонъ всталъ и медленной, степенной походкой обошелъ комнаты и прошелъ въ кухню.

Школьники вскочили съ лавки и поклонились вошедшему епископу.

— Здравствуйте, здравствуйте, дѣти!—сказалъ онъ, и когда они стали подходить къ нему по одиночкѣ, онъ каждому благословлялъ, задавалъ нѣсколько вопросовъ и отпускалъ съ лаской. Колѣ онъ передалъ то, что сообщилъ Домнѣ, и велѣлъ молиться за преосвященнаго Христофора, согласившагося простить вину. Потомъ онъ сказалъ всѣмъ нѣсколько наставительныхъ словъ, въ раздумьѣ поглядѣлъ на полаты и съ легкимъ вздохомъ произнесъ какъ бы про себя, но вслухъ: «и тепло здѣсь такъ было, тепло»...

И вдругъ опять обратился къ мальчикамъ:

— Вотъ, дѣти, какъ надо любить ближняго. Домна Никитишна вамъ примѣръ. Сотни людей ее помнятъ и молятся за нее. А почему? Потому, что она жила любовью къ другимъ и заботой о нихъ. Тепло намъ всѣмъ жилось подъ ея кровлей. Я ужъ старикъ почти, а помню всѣ ея заботы, ласки... Сиротой я вошелъ къ ней и нашелъ въ ней мать. И вамъ вѣдь тепло живется у нея? И дай Богъ, чтобы вамъ всегда такъ жилось и у другихъ. Ваша хозяйка стала слаба, хочетъ только до весны держать васъ. Придется вамъ жить не у нея уже. Не забывайте ея ласку, заботу о васъ. Молитесь за нее, и да хранитъ васъ Господь!

И преподавъ общее благословеніе, онъ вышелъ изъ кухни.

— Ну, что, какъ нашелъ все?—спросила Домна.—Какъ мои ребятишки понравились? Тамъ сирота есть одинъ, такой смиренный,

тихий, словно, какъ и ты былъ. Замѣтилъ? Погоди-ка я его позову сюда.

Пришелъ Вася, который сконфузился и оробѣлъ, когда епископъ подозвалъ его къ себѣ, обнялъ и ласково сказалъ:

— Вотъ Домна Никитишна тебя очень хвалить. Радуюсь. Хорошо, что ты за ея заботы утѣшаешь ее. Учись, помни всегда Бога и вѣрь, что Онъ не оставитъ тебя. Избѣгай зла, но не отвѣчай на зло зломъ. Не суди никого, а только молись, предоставивъ судъ Богу. Иди съ миромъ!

Онъ благословилъ мальчика и поцѣловалъ въ лобъ.

Пріѣздъ архіерея въ каретѣ произвелъ сенсацію въ переулкѣ. На дворъ набралась масса народу. Многіе хотѣли проникнуть въ кухню, но Марѳа не пустила ихъ. Они остались ждать на дворѣ. Галактіонъ посидѣлъ еще съ полчаса. Разговаривая съ Домной, онъ вспоминалъ прошлое, рассказывалъ о себѣ: о житѣ въ Петербургѣ въ академическіе годы, о монастырской жизни. Пробыло девять часовъ, когда онъ поднялся съ мѣста.

— Хотѣлось бы еще побесѣдовать съ вами, матушка,—сказалъ Галактіонъ:—но пора ѣхать. Спасибо вамъ за вашу ласковый пріемъ, за все старое, — спасибо вамъ. Извѣстите меня, какъ будете поступать въ монастырь.. И вообще давайте о себѣ вѣсточку. А вотъ позвольте теперь...

Онъ досталъ изъ кармана конвертъ и положилъ его на подушку.

— Что это, родной?—спросила изумленно Домна.

— А тутъ немного денегъ... возьмите это отъ меня, какъ мать отъ сына. А вотъ это... онъ пошарилъ въ кармапѣ, вынулъ оттуда пятирублевку и также положилъ ее на подушку.

— А это на гостинцы для вашихъ бурсаковъ отъ стараго вашего бурсака. Будто товарищамъ отъ товарища...

— Ахъ, родной ты мой,—воскликнула Домна и больше ничего не могла сказать.

Она обняла его, какъ сына, онъ поцѣловалъ ее въ голову. Она плакала; навернулись слезы и на глазахъ Галактіона. Помолившись на икону, онъ еще разъ поклонился старухѣ и вышелъ изъ комнаты.

— Можетъ быть, увидимся опять,—сказалъ онъ уже въ дверяхъ, оборачиваясь.

Она только махнула рукой.

На дворѣ Галактіона обступила толпа народа, желавшаго получить благословеніе. Терпѣливо, съ ласковой улыбкой онъ благословилъ каждаго и потомъ, поклонившись всѣмъ, сѣлъ въ карету. Когда экипажъ поѣхалъ, и захрустѣлъ снѣгъ подъ его колесами, Домна проговорила сквозь слезы:

— Сохрани тебя Богъ, Галактіонушка! Не видать мнѣ тебя ужъ больше, чувствую это!

XVI.

Домна давно собиралась покончить со своей бурсой. Последнія неприятности, внезапная болѣзнь и благословеніе Галактіона окончательно утвердили ее въ этой мысли. Когда ей говорили: «ну, что, вы еще можете поработать, успѣете въ монастырь»,—она возражала:

— Какая я теперь работница? Памяти не стало, силы слабѣютъ, надо кончать, пока еще дурной славы не пошло. Да и въ монастырь не тогда же итти, когда совсѣмъ безъ силъ останусь. Надо и тамъ хоть немножко послужить, помолиться. А то живой-то трупъ и въ монастырь не нуженъ.

И помолчавъ она прибавляла:

— Ужъ и Галактіонущка благословилъ, нечего медлить.

Великимъ постомъ, отговѣвши на первой недѣлѣ, она стала подыскивать покупателя на домъ. Въ тѣ времена въ Сонскѣ еще не было въ обычаѣ печатать объявленія о продажѣ въ мѣстныхъ «Вѣдомостяхъ» или наклеивать такого рода объявленія на столбахъ и кіоскахъ (да и кіосковъ въ Сонскѣ тогда еще не существовало). Кто желалъ продать домъ, тотъ въ разговорахъ сообщалъ о своемъ намѣреніи, просилъ людей, занимавшихся факторствомъ, поприискать покупателя, и самое большее—наклеивалъ бумажку надъ воротами съ краткою надписью: «сей домъ продается». Сначала Домна только заявила кое-кому о продажѣ своей «хаты», но когда это не привело ни къ какимъ результатамъ, она прибила къ калиткѣ дощечку, на которой Викентій написалъ крупными буквами: «Сей домъ продается, а также и часть мебели въ ономъ». Дощечка висѣла долгое время безъ результатовъ,—никто не заходилъ для переговоровъ. Зашелъ только одинъ отецъ Стефанъ, земля котораго «на задахъ» сходилась съ Домниной усадьбой. Но пастыръ назначилъ такую цѣну, что Домна и руками развела.

— Батюшка, да это все равно, что даромъ отдать! — сказала она.—Тогда лучше пожертвовать.

— А что-жъ, и хорошее бы дѣло сдѣлала,—подхватилъ отецъ Стефанъ:—столько времени жила, не грѣхъ и пожертвовать въ свой приходъ. Вѣчное поминовеніе бы устроили.

Домна усмѣхнулась.

— Не такая я богатая, батюшка, чтобы подобные вклады дѣлать: сама въ монастырь иду.

— А тогда зачѣмъ тебѣ и деньги? Отречешься отъ міра, и денегъ не надо.

— Да вѣдь въ монастырь-то безъ вклада не примутъ. А то на такія работы поставятъ, на какія я уже и не гожусь. Вообще копеечка своя нужна. Вѣдь женскіе монастыри—не мужскіе.

— Тебѣ преосвященный Галактіонъ пошлетъ, только напиши.

— Зачѣмъ же я буду его просить, когда могу своимъ обойтись? У него и безъ меня найдутся нуждающіеся. Онъ и то мнѣ за старыя заботы, проѣзжая, сотню оставилъ. Надо и стыдъ знать.

— Жадная ты, Домна Никитишна, жадная... Своему приходу жалѣешь,—сказалъ священникъ.

— Да у васъ, батюшка, и такъ немало доходовъ. Сбулябинскіе вклады, Чернозерова, домъ Неумовскимъ пожертвованъ, чего еще вамъ?

— Нуждъ у церкви много, Домна, и не хватаетъ.

— Э, полно, отецъ Стефанъ!—перебила старуха:—на все хватить.

Когда отецъ Стефанъ ушелъ, она промолвила, обращаясь къ Марей:

— Экіе эти попы жадные, особливо отецъ Стефанъ: получаетъ сколько, а все мало! Нужды, гоноритъ, церковныя... Да развѣ на церковь проценты-то идутъ съ вкладовъ? Все на причтъ. А нужда случится въ храмѣ—опять къ прихожанамъ.

Покончить со своимъ дѣломъ для Домны, однако, было не легко. Она грустила и плакала. Съ особенной ласкою относилась она теперь къ своимъ «последнимъ жильцамъ» и преимущественно къ Васѣ, котораго ей было очень жаль, и къ Колѣ, сильно измѣнившемуся послѣ «встряски», какъ выразилась Домна. Онъ сталъ смиренѣе, усерднѣе занимался и лучше относился къ родственнику. Домна радовалась этому и думала про себя: «въ прокъ и то пошло все, правъ Галактіонушка. Словно провидѣлъ... Святая, чистая душа!»

На Пасху она писала архангельскому архіерею, христосуясь съ нимъ и сообщая, что она рѣшила безповоротно къ осени поступить въ монастырь, при чемъ назвала одинъ изъ небогатыхъ глухихъ монастырей, который славился строгими порядками и хорошей жизнью «сестеръ».

Не задолго до отсылки этого письма Домну посѣтила казначея мѣстнаго Воскресенскаго монастыря.

— А что, — промолвила она, сидя за чаемъ: — правда, Домна Никитишна, будто ты въ монастырь собираешься?

— Есть у меня такая думушка, есть,—отвѣтила Домна.

— Что же, доброе дѣло,—сказала казначея.—На старости лѣтъ гдѣ же и успокоиться, какъ не въ святой обители. Куда же ты надумала?

— Да еще сама не знаю,—уклончиво отвѣтила Домна.

— Да что тутъ и думать, поступи къ намъ. Гдѣ лучше? У насъ и мать игуменья тебя знаетъ и почитаетъ, ну, и мѣсто родное, свое...

— У васъ вѣдь вкладъ большой потребуется.

— Какой вкладъ! Вѣдь домикъ-то продавать собираешься, а вотъ матушка игуменья и говоритъ, услыхавъ отъ кого-то о тво-

емъ намѣреніи: вотъ бы домикъ-то намъ пожертвовала, мы открыли бы подворье для богомольцевъ, которые издалека приходятъ. Въ монастырѣ-то тѣсно... Чудесное дѣло...

— Такъ-то такъ,—согласилась Домна:—страннопріимный домъ—чего лучше... Да только...

Она запнулась немного и докопчила:

— Не сердчай, мать казначея, а только у васъ въ монастырѣ больно мірскимъ пахнетъ.

Казначея обидѣлась.

— Странно ты говоришь, голубушка, — проговорила она, подтягивая губы:—женщина ты умная, степенная, богобоязненная, а что говоришь?

— Виновата! Прости ты меня, глупую старуху, — воскликнула Домна, кланяясь и беря дружески за руку монахиню: — извѣстно, нельзя такъ-то говорить, грѣхъ. Да я, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ по-твоему поступлю. Не сердись на меня, кушай чай-то.

Казначея, поблагодаривъ, отказалась и скоро стала собираться домой. Она такъ и ушла, обиженная словами Домны.

Галактіонъ отвѣтилъ Домнѣ пространнѣмъ письмомъ, въ которомъ ободрялъ ее, еще разъ благословлялъ на подвигъ и обѣщался написать отъ себя игуменьѣ. Въ припискѣ стояло: «а я очень прошу васъ, почтенная матушка, не стѣсняться и написать мнѣ, если будете нуждаться въ средствахъ. Я всегда чувствую свой неоплатный долгъ передъ вами, съ сыновней любовью подѣлюсь, чѣмъ могу».

Это письмо Домна заставляла Викентія и Васю читать себѣ нѣсколько разъ.

— Никакъ вы наизусть хотите выучить?—шутя какъ-то замѣтилъ Викентій.

— Ничего тутъ смѣшного нѣтъ,—возразила Домна обиженнымъ тономъ:—не глупое какое нибудь письмо-то и не отъ кого другого, а отъ архипастыря, какихъ поискать надо. Ты получи-ка вотъ такое письмо, да и смѣйся.

Слухи о рѣшеніи Домны поступить въ монастырь дошли и до родителей жильцовъ. Эти слухи встревожили и оиечалили ихъ. Дьяконица, мать Ивана Огненнаго, пріѣхала нарочно въ городъ, чтобы узнать настоящую правду. Когда Домна сказала ей, что слухи вѣрны, она воскликнула съ горестью:

— Матушка, Домна Никитишна! да какъ же мой Иванъ-то? Я такъ положила, что онъ и кончитъ у васъ. А тутъ на-ка...

— Э, мать дьяконица,—сказала Домна,—рада бы я еще поработать, да силушки нѣтъ.

— Да какая тутъ силушка нужна, — убѣждала дьяконица:—возьми еще работницу и все. Глазъ твой дорогъ, вотъ что.

— То-то и дѣло, родная, что на глазъ свой не надѣюсь. Не

усмотрю, вотъ бѣда. Вмѣсто благодарности, бранить меня станете, ужъ это послѣднее дѣло. А ты не кручинься: я твоего сына къ пріятельницѣ поставлю, баба хорошая, а ее попрошу еще.

— Все такъ, Домна Никитишна, да не то, что вы.

— Спасибо за такую расположенность. Что дѣлать: моложе своихъ лѣтъ не будешь, какъ ни храбрись.

Она вздохнула и добавила:

— Мнѣ и самой грустно. Думаешь, не привыкла я за столько-то лѣтъ? Мнѣ ужъ скоро семьдесятъ, а я еще до тридцати лѣтъ дѣло-то повела. Вотъ и думай. А съ домомъ-то разставаться не больно что ли? Каждое бревешко близко, словно родное.

Голосъ ея задрожалъ, и слезы нанернулись на глаза.

— Вотъ домъ продаю, а какъ разставаться буду—и сама не знаю... А придется... что дѣлать!

Домна съ тоской думала объ этомъ. При одной мысли о разлукѣ съ тѣмъ, съ чѣмъ она сжилась въ теченіе долгихъ лѣтъ, у нея замирало сердце. Идя рѣшительно къ цѣли, Домна старалась не думать объ этомъ, но думы сами собою, противъ воли, нарушали покой.

XVII.

Экзамены у школьниковъ подходили къ концу, когда вдругъ явился какой-то мѣщанинъ для покупки дома и въ два дня сторговался съ Домной. Она не хотѣла уступить ни копейки изъ запрошенной цѣны: въ послѣднюю минуту ей какъ бы захотѣлось отдалить продажу. Но покупатель, подумавши день, явился на другое утро и объявилъ, что онъ согласенъ.

— Вотъ вамъ и задаточекъ, если угодно, — сказалъ онъ, доставая бумажникъ.

У Домны заныло въ груди, и въ глазахъ словно потемнѣло. Она опустила на стулъ и медленно проговорила:

— Не торопись, батюшка, не горить. Я вѣдь не сейчасъ выѣду. надо съ дѣлами управиться. Сколько у меня еще народу. Ну, и вещи тоже, мебель... все надо продать.

— Что погодится изъ вещей, я готовъ купить, — заявилъ мѣщанинъ.

— Ладно! А все-таки я раньше осени, можетъ быть, не выѣду. Это я тебѣ такъ и говорю.

— Что же-съ, до осени это можно-съ, — согласился опять покупатель:—до Покрова даже, а дальше не могу, какъ угодно.

Старуха понимала, что ей даютъ «настоящую цѣну», значитъ нечего и отпускать покупателя. Оттягиванья ни къ чему не приведутъ. Да и къ чему тянуть, если рѣшено? Одна слабость.

Она посмотрѣла на мѣщанина, поборолa въ себѣ то чувство, которое заставляло ее отдавать продажу, и проговорила, тяжело вздохнувъ:

— Къ Покрову освобожу, можетъ, и раньше, а къ Покрову навѣрно.

— Стало быть, рѣшено и помолиться можно?—спросилъ мѣщанинъ.

— Что же, можно...

Они встали и помолились на икону Казанской Божіей Матери, висѣвшую въ залѣ.

По уходѣ мѣщанина она совсѣмъ разстроилась, затворилась въ своей спальнѣ, молилась, плакала и съ глазами, опухшими отъ слезъ, вышла въ кухню, гдѣ Марѳа собирала обѣдъ для жильцовъ.

«Всему, всему скоро конецъ»,--подумала Домна.

И глухимъ дрожащимъ голосомъ она проговорила, не обращаясь ни къ кому прямо:

— Ну, порѣшено! продала домъ!

У Марѳы ложка выпала изъ рукъ, и она не сразу могла выговорить эту короткую фразу:

— Кому же? Ему?.. мѣщанину?..

— Да, ему,—отвѣтила Домна.

Школьники притихли, и обѣдъ прошелъ въ молчаніи. Не хотѣлось шутить маленькимъ бурсакамъ, которые любили Домну и понимали, что имъ у другихъ не будетъ такъ хорошо, какъ у нея.

Счастливое окончаніе экзаменовъ и предстоящая вакація снова оживили ребятъ, и они веселые, смѣющіеся вернулись въ бурсу, покончивъ всѣ счета съ училищемъ до осени. Только одинъ Вася не проявлялъ особеннаго оживленія, хотя и онъ былъ радъ каникуламъ, возможности побѣгать по лѣсамъ, покататься на рѣчкѣ. Но ему было жаль Домны.

— Что-жъ ты-то, Вася, не такой, какъ всѣ?—спросила Домна.— Али не радъ, что домой ѣдешь?

— Нѣтъ, радъ.

— Такъ что же?

— А мнѣ васъ жаль больно, Домна Никитишна,—признался онъ.

— Ахъ, ты, мой хорошій!—воскликнула Домна и, обнявъ, поцѣловала мальчика.— И мнѣ тебя больше всѣхъ жаль. Не печалься. Я попрошу за тебя Марью Кирилловну, она будетъ тебя беречь. На Бога надѣйся. Не увидишь, какъ время пройдетъ... Еслибы не годы да не болѣзнь, подержала бы еще васъ.

Она вздохнула.

Въ этотъ вечеръ Домна нѣсколько разъ подзывала къ себѣ Васю, ласкала его и даже дала двугривенный на пряники. Но и это не особенно обрадовало мальчика, всей душой привязавшагося къ старухѣ.

Въ прежніе годы послѣдняя недѣля передъ отъѣздомъ была одной изъ веселыхъ въ бурсѣ. Домна напекала пироговъ, угощала жильцовъ сладостями и, отпуская ихъ домой, говорила:

— Ну, ну, отдохайте, милые, нагуливайте тѣла, и я поотдохну немножко. А тамъ опять за старое примемся.

Ребята смѣялись, обѣщались привезти Домнѣ гостинцевъ; съ тѣми же обѣщаніями прощались съ хозяйкой и родители, родственники жильцовъ, пріѣхавшіе за ними.

— До свиданья, Домна Никитишна!—говорили они.

— До свиданья, до свиданья!—отвѣчала она.

Теперь было не то. Она прощалась съ жильцами, и тѣ съ ней навсегда. Она попрежнему напекла пироговъ, накупила сладостей, но она угощала безъ прежняго оживленія, безъ прежней улыбки на лицѣ. Домна ходила, какъ бы сама не своя, и безпрестанно подносила платокъ къ глазамъ. Ея настроеніе передалось и нахлѣбникамъ. Они ѣли вяло, были грустны, особенно, когда приходилось прощаться. Домна каждого обнимала, цѣловала, давала по серебрянкѣ на гостинцы и просила «не поминать ее лихомъ», простить, если чѣмъ обидѣла, и помолиться за нее. Она была растрогана, взволнованы были и ребята, а Вася разрыдался на всю кухню. Его плачь не вызвалъ смѣха, даже улыбки. Коля замѣтилъ только:

— Ну, что ты разревѣлся!

Но у него самого губы дрожали, и онъ видимо сдерживался отъ слезъ.

Послѣдними уѣхали Иванъ Огненный и Викентій, оба въ одно село. Прощаясь съ хозяйкой, Викентій также расчувствовался.

— Не забывай меня, Викентьюшка, въ своихъ молитвахъ,—сказала Домна.—Да будь, Бога ради, степеннѣе! Не забирай глупостей въ голову.

— Всенепремѣнно!—отвѣтилъ Викентій, не поясняя, къ чему относилось это слово: обѣщался ли онъ всенепремѣнно молиться за Домну, или оно относилось къ совѣту «не заирать глупостей въ голову».

— Ну, вотъ,—проговорила Домна, проводивъ послѣднихъ жильцовъ:—и опустѣла моя хата, закрылась моя бурса!

Она покачала головой, взглянула на образъ и горько заплакала. Пусто стало у нея на сердцѣ, въ немъ осталась только одна боязнь того дня, когда придется проститься навсегда и съ роднымъ пепелищемъ, отдавши его въ чужія руки...

XVIII.

И вотъ этотъ день насталъ.

Все было продано, что оказалось не нужно, а необходимыя вещи и то, что Домна считала для себя дорогимъ, уложено въ

ящики и забито досками. Подговорена подвода, и приблизительно назначенъ часъ отъѣзда.

Домна встала очень рано. Августовское утро было свѣжо и пасмурно. Нависшія тучи грозили дождемъ.

Домна одѣлась и пошла въ послѣдній разъ къ обѣднѣ въ свой приходъ. Отецъ Стефанъ хотя и обижался на старуху, но самъ вызвался отслужить ей обѣдню. Его примирило нѣсколько съ Домной то, что она подарила попадѣ стеклянную горку, ему сукна на рясу и положила на поминъ о себѣ въ церковь пятьдесятъ рублей. Дьякону она подарила на рясу драпу, а его дочерямъ кусокъ ситцу.

Когда обѣдня кончилась, и Домна подошла къ кресту, отецъ Стефанъ промолвилъ, давши ей приложиться:

— А какъ насчетъ молебна?

— Прошу, батюшка, отслужить на дому у меня и на послѣдяхъ откушать хлѣба-соли.

Она подала ему деньги за обѣдню. Но онъ отъ нихъ отказался.

— Нѣтъ, ужъ не надо, — сказалъ онъ. — Самъ я предложилъ. Сколько лѣтъ жила въ приходѣ, теперь уѣзжаешь навсегда... Не такіе же ужъ мы жадные, не обижай насъ!

— Благодарю, батюшка, — съ поклономъ промолвила Домна. — Такъ ужъ пожалуйте ко мнѣ къ полдню, — повторила она. — Отецъ дьяконъ, Василій Ефимычъ!

— Хорошо, хорошо, — промолвилъ дьяконъ. — Всѣмъ причтомъ придемъ.

Дьячекъ, Василій Ефимычъ, только молча поклонился.

Прямо изъ церкви Домна отправились на кладбище, гдѣ были погребены ея отецъ и мать. На ихъ могилахъ недавно Домна поставила новые кресты. Въ теченіе лѣта она нѣсколько разъ посѣщала могилы, съ которыми теперь пришла проститься навсегда. Она и сама умирала для міра, оставляя въ немъ все, что наполняло ея долгую жизнь. Она была по-своему счастлива. Она отдалась вся заботамъ о другихъ, и эти заботы наполняли собой все время, несли удовлетвореніе Домнѣ. Она считала свое дѣло исполненіемъ обѣта, сжилась съ нимъ душой и чувствовала себя хорошо. Когда пришлось кончать дѣло, она ощутила въ сердцѣ пустоту, и ей стало казаться, что смерть лучше дальнѣйшей ея жизни. Сидя подолгу въ саду, бродя по опустѣвшему дому, она едва поборола въ себѣ тоску. Зачѣмъ она все бросаетъ? Не лучше ли было бы продолжать дѣло и умереть въ своемъ домѣ, такъ сказать, на посту? Въ одну изъ тяжелыхъ минутъ, которыя она переживала въ послѣднее время, она написала письмо Галактіону, какъ могла крупными каракулями, едва уже видя въ очки. Написала и какъ бы успокоилась. Отвѣтъ Галактіона утишилъ ея внутреннюю бурю, которая вдругъ смутила чистое лоно души при про-

щаніи съ міромъ. Все письмо было проникнуто сыновней заботой, той любовью, чистой, высокой, которая врачуетъ раны всякаго, на кого она падаетъ, своими цѣлительными лучами.

Домна стала все распродавать и какъ бы спѣшила туда, гдѣ она хотѣла провести остатокъ своихъ дней. И вотъ она назначила окончательно день отъѣзда въ монастырь, куда писала и откуда получила благопріятный отвѣтъ отъ самой игуменьи, польщенной тѣмъ, что къ ней обратился съ просьбой за Домну епископъ Галактіонъ.

Ударъ колокола на кладбищенской колокольнѣ вывелъ изъ раздумья Домну, которая сидѣла въ оградѣ, на скамейкѣ у родныхъ могилкохъ, вспоминая отца и мать, свое далекое дѣтство и юность. Какъ всѣ старики, забывающіе многое изъ недавняго и помнящіе далекое прошлое, она припоминала мелочи дѣтскихъ лѣтъ. Въ ея памяти воскресъ такой же холодный осенній день, когда еще дѣвочкой, вмѣстѣ съ подругами, она приходила на это кладбище, на могилу умершей товарки.

Домна встала и поплелась въ церковь.

— Скоро уѣзжаете?—спросилъ ее понамарь, которому она подала поминовение.

— Сегодня,—отвѣтила Домна.—Сейчасъ была у ранней въ своей церкви, а вотъ теперь пришла проститься съ покойничками.

Она горячо молилась за обѣдней. Послѣ службы старшій священникъ, котораго была очередь отправлять панихиды, пошелъ на могилы. Отецъ Александръ служилъ всегда хорошо, не торопясь, участвуя сердцемъ въ служеніи. Домна была рада, что сегодня была именно его очередь. Всю панихиду она стояла на колѣняхъ, не смотря на то, что земля была сырая. Слезы текли изъ ея глазъ, капали на материнскую могилу, на которую склонилась Домна головою. Когда панихида кончилась, старуха припала губами къ могилѣ и долго, долго цѣловала землю, словно она прикасалась не къ могильному холму, а къ устамъ того, кто былъ зарытъ подъ нимъ.

— Слышалъ, уѣзжаете сегодня?—спросилъ отецъ Александръ.

— Да, батюшка, уѣзжаю... Простите... Больше не придется свидѣться,—сказала Домна.—И лечь придется не здѣсь, а въ другомъ мѣстѣ.

Она заплатила за панихиду, приняла напутственное благословеніе отъ священника и осталась еще посидѣть около могилъ. Опустившись на скамейку, она съѣла поминальную просфору, посидѣла, потомъ поднялась и, окинувъ долгимъ, прощальнымъ взглядомъ обѣ могилки, медленно направилась къ выходу.

Усталая, разбитая вернулась она домой. Въ квартирѣ уже набралось немало народу. Тутъ были и Варвара Ниловна, и Марья Кирилловна, и еще нѣсколько знакомыхъ женщинъ. Скоро пришелъ

мѣстный причтъ, а за нимъ и отецъ Паисій, священникъ Никольской церкви, бывшій жилецъ Домны.

У Марѳы все уже было готово.

— Отдохните, Домна Никитишна. Чайку напейтесь,—предложила Марья Кирилловна.

Но Домна не хотѣла пить чай до молебна, и по ея просьбѣ отецъ Стефанъ началъ служить молебенъ съ акаѳистомъ Божіей Матери.

Пѣли дьячокъ и отецъ Паисій. Отецъ Стефанъ читалъ громко и ясно. Домна весь акаѳистъ выстояла на колѣняхъ.

Послѣ молебна былъ поданъ чай, а затѣмъ закуска. Домна всѣхъ угощала, но сама почти ничего не ѣла и не пила.

— Что же вы сами-то, Домна Никитишна?—замѣтилъ дьяконъ, кладя себѣ еще кусокъ вкуснаго рыбника.—На дорожку подкрѣпиться надо.

— Не хочется что-то,—отвѣтила Домна.—Кусокъ въ ротъ нейдетъ.

— Разстроились вы,—замѣтила Марья Кирилловна.—Не шутка разставаться со всѣмъ.

Домна махнула рукой, потомъ улынулась и промолвила:

— Ужъ я за эти дни плакала, плакала... Кажется, каждый уголокъ, каждое мѣстечко слезой полила. Обошла вчера огородъ, и такъ-то скучно стало.

— А вы не разстраивайте себя,—произнесъ отецъ Паисій.—Что ужъ теперь: дѣло рѣшенное.

— А жаль, жаль!—произнесъ дьяконъ:—сколько лѣтъ была бурса, такое, можно сказать, гнѣздышко теплое для ребятъ, и вотъ...

Онъ сдѣлалъ выразительный жестъ рукой и добавилъ:

— Кто знаетъ, что на мѣстѣ ея будетъ? Можетъ, совсѣмъ не подходящее чтонибудь.

— А не извѣстно,—проговорила Домна.—Спрашивала я хозяина новаго, уклончиво такъ отвѣтилъ: «еще, говоритъ, съ мыслями не собрался». Сарай, однако, онъ выстроилъ новый. Пристройку задумываетъ дѣлать, должно, коммерческое дѣло поведетъ.

Около трехъ часовъ на дворъ вѣхалъ тарантасъ. Большіе ящики были поставлены сзади на дроги тарантаса, маленькіе ящички помѣстились въ самомъ тарантасѣ, а корзину поставили на передніе дроги, подъ сидѣнье ямщика.

Домна одѣлась при помощи Марѳы и Варвары Ниловны, еще разъ обошла квартиру, постояла въ спальнѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ всегда молилась, потомъ не могла утерпѣть—сходила въ огородъ и вернулась въ комнаты.

— Ну, теперь можно отправляться,—сказала она едва слышно.

Она опустила на стулъ. Присѣли и всѣ остальные. Посидѣвъ немного, всѣ встали и помолились на маленькую икону въ сере-

бряной ризѣ, передъ которой служился молебенъ, и которую теперь Домна надѣла себѣ на грудь подъ платье.

Началось прощаніе.

Домна подошла къ отцу Стефану, онъ благословилъ ее, и потомъ они расцѣловались.

— Простите, батюшка, если чѣмъ обидѣла,—сказала Домна и низко поклонилась.

— Меня прости, Домна Никитишна, и помолись за меня.

Такимъ же образомъ она простилась и съ отцемъ Паисіемъ, который благодарилъ ее за прежнія хлопоты, заботы и пожелалъ ей всего хорошаго и спокойной долгой жизни въ обители.

— Господня воля,—сказала Домна.—А я только и не хотѣла бы жить долго... Что ужъ теперь мнѣ...

Расцѣловалась она и съ каждымъ изъ причта и съ женщинами, не исключая и Марѣы.

— Прощай, Марѣуша! Спасибо тебѣ за твою службу. Вещи, которыя тебѣ оставляю, возьми себѣ на память.

Она повернулась къ Марѣѣ Кирилловнѣ, стоявшей вблизи.

— А ты ужъ, голубушка, позаботься о моихъ мальчикахъ, которые будутъ у тебя жить. Побереги ихъ, какъ мать.

Она помолчала, оглядѣла вокругъ и промолвила:

— Ну, кажется, все.

Въ этотъ мигъ появился котъ Васька и началъ тереться около платья Домны.

Барвара Ниловна хотѣла его отогнать.

— Не гоните его,—остановила ее Домна.—Это онъ проститься со мной пришелъ,—сказала она съ грустной улыбкой.—Ну, прощай, прощай, Вася!

Она погладила кота и обратилась къ Марѣѣ.

— Марѣуша, возьми ты его къ себѣ, а то куда же онъ, сгинетъ..., достанется кому—замучать.

Старуха вздохнула, окинула въ послѣдній разъ комнату печальнымъ взглядомъ и вышла въ коридоръ, отгуда въ сѣни и потомъ на дворъ.

Черезъ четверть часа тарантасъ выѣхалъ за ворота.

— Прощайте, Домна Никитишна!

— Счастливаго пути!

— Храни васъ Богъ!

Домна кивала головой въ отвѣтъ на эти привѣтствія, смотря глазами, полными слезъ, на покидаемый домъ. И пока она могла видѣть его, она все смотрѣла, повернувшись на сидѣніи, что-то шепча пересохшими губами. Но вотъ тарантасъ завернулъ за уголъ. Что-то словно оборвалось въ груди Домны, она упала ничкомъ въ подушки и зарыдала.

-- Ну, вотъ,—промолвилъ дьяконъ, выходя изъ калитки вмѣстѣ съ отцемъ Пансіемъ:—и ректорша вышла въ отставку, закрылась ея бурса!

— Да-а, закрылась... И не будетъ такой другой,—сказалъ отецъ Пансій въ раздумьѣ.

Онъ припоминалъ свое дѣтство и юность, проведенныя въ только что закрывшейся бурѣ уѣхавшей Домны-ректорши.

Александръ Кругловъ.

1900 г.
10 февраля.

ВОСПОМИНАНІЯ О БЫЛОМЪ ¹⁾.

(1770—1833 гт.)

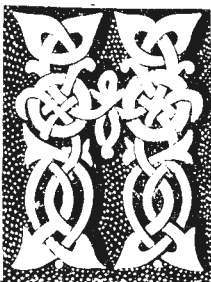
Изъ семейной хроники.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ МОЕЙ МАТУШКИ О ЕЯ МОСКОВСКОЙ ЖИЗНИ 1821—1825 гт.

XIV.

Молодые Кашкины, княжна Анна Урусова и Полина Боборыкина.

АША семья и семья Кашкиныхъ, по родственной связи и по доброму расположенію другъ къ другу, какъ молодыхъ, такъ и пожилыхъ членовъ семей, были тѣсно связаны между собою.

У Кашкиныхъ былъ единственный сынъ, Сергѣй, который служилъ съ моими старшими братьями въ Петербургѣ въ гвардіи, и единственная дочь, Варенька, которая была моложе насъ и не выѣзжала еще, когда мы съ сестрой вступили въ свѣтъ. У Кашкиныхъ мы были, какъ дома; тетюшка Анна Гавриловна была безконечно добра къ намъ, и въ ихъ домѣ намъ было особенно легко увлекаться тѣмъ неоцѣ-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXII, стр. 414.

неннымъ настроеніемъ радости и молодости, которыя два раза не повторяются въ жизни. Много тоже имѣло въ то время значенія для насъ расположеніе духа тетушки Александры Евгеньевны, которая тогда насъ вывозила. Она говорила, что болѣе довольна нами, чѣмъ старшими моими сестрами, на пути нашихъ успѣховъ въ свѣтъ, и вообще какъ-то все шло легко и весело вокругъ насъ.

Братья гвардейцы и Сергѣй Кашкинъ ѣзжали часто въ Москву въ отпускъ, сопровождали насъ на всѣ балы; мы гордились ими, ихъ присутствіе оживляло нашъ кругъ, и насъ всюду окружала самая блестящая молодежь Москвы.

На балахъ у Архаровыхъ, Кутайсовыхъ, Апраксиныхъ, Шенелевыхъ и Кашкиныхъ, нашими кавалерами были: князь Николаи Щербатовъ, Скуратовъ, Лукинъ, гвардейцы князя Несвицкіе, князь Мещерскій. Помню, что въ тѣ времена я не разъ носилась въ вихрѣ вальса съ Александромъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ (онъ былъ намъ и сродни). Веселое и беззаботное было время.

Много было тогда красавицъ въ Москвѣ: княжна Анна Урусова, княжны Щербатовы, Софи Пушкина, Полина Боборыкина, Гончарова.

Кстати о княжнѣ Аниѣ Урусовой, — вотъ два анекдота о ней, но именно анекдота. Ея красота возбуждала зависть, и подъ этимъ вліяніемъ они возникли; въ сущности она была добрая и милая дѣвушка.

Разъ, гдѣ-то, княжна Урусова разговаривала со своимъ кавалеромъ въ кадрили или мазуркѣ, онъ и спросилъ ее, что она читаетъ. Она отвѣтила: «розовенькую книжку, а сестра моя читаетъ голубую».

Князь Мещерскій былъ безумно влюбленъ въ княжну Урусову; онъ считался между интеллигентной молодежью замѣчательнымъ по уму и образованію. И тоже началъ съ ней рѣчь о литературѣ, о чтеніи, о поэзіи, что ли. Она долго его слушала и, наконецъ, перебила его рѣчь вопросомъ: «mon prince, avec quel savon faites-vous votre barbe?»

Это, однако, не помѣшало успѣхамъ княжны въ свѣтъ. Вся Москва съ ума сходила отъ восторга, когда она появлялась на балѣ. Впослѣдствіи она сдѣлала блестящую партію и вышла замужъ за богача князя Радзивила.

Тетушка Авдотья Евгеньевна Боборыкина¹⁾ пользовалась уваженіемъ въ нашей семьѣ; она была женщина умная, очень самостоятельная, даже рѣзкая. Въ своей семьѣ она была главою и владычествовала надъ мужемъ своимъ.

¹⁾ Авдотья Евгеньевна Боборыкина, урожденная Кашкина, родная тетка моей матери, такъ же, какъ и фрейлина Александра Евгеньевна. Е. С.

У Боборыкиныхъ былъ сынъ, Николай Лукьянычъ¹⁾, и дочь, Пелагея, которую они потеряли, когда она была еще ребенкомъ. Для тетушки эта потеря была великимъ испытаніемъ, она страстно была къ ней привязана. И вотъ въ своемъ отчаяніи тетушка возроптала и стала молить Бога, чтобы Онъ послалъ ей какую угодно будетъ Его волѣ кару, лишь бы вновь даровалъ ей дочь.

Конечно, что пути Божіи неисповѣдимы, и трудно мыслить, что прошенія ея были ко благу, но я рассказываю то, что было, и что знаю. Такъ вотъ, скоро послѣ потери любимой дочери тетушка заболѣла очень мучительной болѣзнью: тѣло ея покрылось ранами, затѣмъ струпьями, и она не покидала постели. Мужъ ея и родные огорчались и скорбѣли, призывая докторовъ, которые не могли ей помочь. Тѣ, которые ухаживали за больной, дивились ея терпѣнію въ страданіяхъ, ея смиренію; она не роптала, а точно утверждалась на этомъ тернистомъ пути. Долго длились эти муки, нѣсколько лѣтъ. Однако она выздоровѣла и родила дочь, которую назвали Пелагеей.

Затѣмъ время шло своимъ чередомъ, тетушка овдовѣла, съ сыномъ она раздѣлилась; онъ женился и гдѣ-то служилъ, а тетушка жила всегда въ Москвѣ въ своемъ домѣ съ вымоленной дочкой Полиной.

Мы съ сестрой Наташей были однихъ лѣтъ съ Полиной, видались съ ней каждый день, росли вмѣстѣ, учились вмѣстѣ и начали выѣзжать въ свѣтъ въ одинъ и тотъ же годъ.

Надо сказать, что въ семьѣ Кашкиныхъ, а также и Боборыкиныхъ, никто не отличался красотой; но Полина уродилась совсѣмъ красавицей: высокая, стройная и эти синіе ея глаза и коса черныхъ волосъ съ синеватымъ отливомъ.

И нрава были кроткаго, но сосредоточенная и не очень общительная. Она была дика немножко, да и немудрено. Несмотря на свою любовь къ дочери, тетушка была съ ней очень строга. Мы часто жалѣли Полину, и у насъ, въ семьѣ, мы не видали такого деспотизма. Напримѣръ, разъ какъ-то Полина чѣмъ-то не угодила матери; это было въ чужомъ домѣ, да и общество тамъ было, что жъ бы вы думали? Тетушка дала Полинѣ громкую пощечину, и это при всѣхъ en plein salon.

Затѣмъ и такіе были случаи; при застѣнчивости Полины тетушка совсѣмъ ея не берегла. Бывало, гости у нея сидятъ съ визитомъ, она кликнетъ Полину: «Pauline, venez montrer vos quinze ans à monsieur un tel» и т. д. въ томъ же родѣ. И все это такъ рѣзко, такъ неловко было; но Авдотья Евгеньевна была всегда своебразна и была-таки порядочная чудачка.

¹⁾ Во время Крымской кампаніи сынъ ея, Николай Лукьяновичъ Боборыкинъ, былъ начальникомъ ярославскаго ополченія. Родъ Боборыкиныхъ считался однимъ изъ древнѣйшихъ въ Россіи. Е. С.

Къ добру это не могло вести. Полина была, конечно, скрытна и съ матерью совѣмъ не откровенна, и вотъ какой тогда созрѣвалъ романъ. Мы-то, дѣвушки, между собою все знали, но до старшихъ это еще не доходило.

Князь Владиміръ Никитичъ Друцкой-Соколинскій началъ ухаживать за Полиной. Ей онъ очень нравился, да и мудренаго тутъ не было ничего: онъ былъ очень хорошъ собою, умный и милый. Зачѣмъ бы тутъ быть роману? — правда, что онъ былъ человѣкъ небогатый, зато Полина считалась въ Москвѣ дѣвицей съ крупнымъ приданымъ. Чего бы тетушкѣ итти противъ желанія дочери? Однако вышло такъ, что въ одинъ прекрасный день пріѣзжаетъ тетушка и объявляетъ, что Полина невѣста. И откуда взялся тотъ женихъ, мы понятія не имѣли: какой-то генералъ старый, дурной такой, совѣмъ не нашего общества человѣкъ. Полина въ отчаяніи, льетъ слезы, но, конечно, сказать ничего не смѣетъ. И такъ скоро повелось это дѣло. Сейчас помолвка, затѣмъ еще дня черезъ три, тетушка пріѣхала съ нами проститься передъ отъѣздомъ въ Петербургъ, чтобы тамъ шить приданое.

Этотъ послѣдній вечеръ въ Москвѣ Полина провела у насъ и повѣдала намъ, что она тихонько отъ матери видалась съ Друцкимъ у его сестры, что онъ избранный ея сердцемъ, что они поклялись другъ другу въ вѣчной любви и даже обмѣнялись кольцами. Мы плакали надъ ея безуміемъ, уговаривали или покориться матери, или же открыто противиться, вообще сами ничего ясно не сознавали, но душа замирала за эту бѣдную Полину. Такъ мы съ ней и простились, и на другой день Боборыкины уѣхали въ Петербургъ. Это было недѣли за двѣ до масляницы. Полина писала намъ, и письма ея были отчаянныя, она теряла всякую надежду, падала духомъ, а женихъ генералъ бывалъ у нихъ въ Петербургѣ всякій день.

Въ концѣ второй недѣли Боборыкины вернулись въ Москву, сейчасъ же были у насъ, и каково было наше удивленіе увидать Полину, сіяющую радостью. Жениху генералу тетушка отказала, и Полина свободна.

Вотъ повѣствованіе этого отказа. Приданое было готово, генералъ ѣздилъ каждый день къ Боборыкинымъ въ качествѣ жениха, рядная была написана, и вотъ она-то и играла тутъ какую-то странную роль, послужившую для отказа.

Въ одно утро женихъ заѣхалъ какъ-то къ тетушкѣ, и вотъ говоритъ ему Авдотья Евгеніевна: «Свадьба будетъ у насъ на Красную горку въ Москвѣ. Мы скоро уѣзжаемъ, приданое готово. Теперь позвольте мнѣ передать вамъ рядную». Съ этими словами она подаетъ рядную генералу. Онъ взялъ бумагу, развернулъ и началъ читать. Какъ же разгнѣвалась тогда Авдотья Евгеніевна!

— Какъ!—говорить,—батюшка! ты мнѣ на слово не вѣришь, ты хочешь провѣрять меня?

Женихъ началъ было извиняться, возвращаетъ ей бумагу и говоритъ, что у него и мыслей подобныхъ не было, но не такова была тетюшка Авдотья Евгеніевна. Она точно взяла отъ него рядную и говоритъ: «Нѣтъ, милостивый государь мой, ваше превосходительство! Между нами все кончено. Вотъ вамъ Богъ,—а вотъ вамъ порогъ», и указала ему на дверь. Тѣмъ дѣло это съ женихомъ генераломъ и кончилось.

Затѣмъ романъ съ княземъ Друцкимъ окончился свадьбой весьма скоро и благополучно.

XV.

Анюта Скуратова и семейство Бартеневыхъ.

Анюта Скуратова рано лишилась родителей; сначала она росла между старшими братьями, затѣмъ ее отдали для окончанія воспитанія въ лучшей въ то время пансіонъ въ Москвѣ madame Петрозидіусъ.

Семейство Скуратовыхъ отличалось патриархальностью нравовъ; братья были всѣ дружны между собою, единственную эту сестру ихъ Анюту они окружали заботами, и пока она была дома, для нея были всегда выбраны почтенныя гувернантки, и лучшіе учителя въ Москвѣ давали ей уроки. Скуратовы имѣли всѣ на то средства: они были богатые люди.

Мы съ дѣтства были знакомы съ Анютой, вмѣстѣ учились танцевать, затѣмъ вмѣстѣ и выѣзжали. Я сохранила на всю жизнь чувство живой привязанности къ ней, несмотря на большой запасъ чудачества въ ея характерѣ. Вотъ случай изъ ея дѣтства, который укажетъ на ея впечатлительность. Ей было лѣтъ 12, когда ей взяли законоучителя. Къ его урокамъ она относилась съ особеннымъ усердіемъ. Но не прошло мѣсяца, какъ въ домѣ стали замѣчать въ Анютѣ большую перемѣну; она задумывалась часто, сдѣлалась апатична, затѣмъ начала худѣть и почти ничего не ѣла. Родные и окружающіе ее обезпокоились; они видѣли, что дѣвочка таетъ подъ какимъ-то гнетомъ; скоро появилось лихорадочное состояніе, и надо было обратиться къ доктору. Конечно, докторъ предписалъ прекращеніе всѣхъ уроковъ и занятій, большое спокойствіе, запретилъ всякое чтеніе. Братья окружали ее нѣжностью и лаской, такъ что она наконецъ рѣшилась сообщить имъ, что такое тяготѣло надъ нею.

Когда она начала учиться Закону Божію и твердила тексты, то сначала они ей давались очень трудно; затѣмъ она побѣдила это и дошла до того, что стала усваивать ихъ легко и быстро, но за-

то понимать смыслъ ихъ никакъ не могла. Мало того, чѣмъ безсмысленнѣе ей казался текстъ, тѣмъ скорѣе она удерживала его въ памяти и тѣмъ больше огорчалась сомнѣніями. Тогда она призналась въ томъ священнику, своему законоучителю, онъ придумалъ наложить на нее эпитимію поклоновъ. Говорилъ, что то врагъ ее смущаетъ, и прибавилъ: «Мы всѣ грѣшныя, что ни ступили, то и согрѣшили». Бѣдная Анюта потеряла тогда всякую нормальную нить мыслей, воображеніе ея прицѣплялось только къ одной буквѣ, и она дошла до того, что считала шаги, когда ходила по комнатамъ, затѣмъ удалялась въ свою комнату и била передъ иконами столько поклоновъ, сколько дѣлала шаговъ. Понятно, что ей растолковали и объяснили иначе неосторожныя слова священника; но она долго мучилась нравственно, и ее надо было беречь.

Впрочемъ Анюта осталась на всю жизнь склонна къ меланхолии, и, напримѣръ, деревенскую жизнь она никогда не могла переносить. Вотъ что случилось по поводу ея отвращенія къ деревнѣ.

Анюта была, правда, очень молода, когда вышла замужъ за Николая Дмитріевича Лукина, но вышла она за него по своему выбору и, конечно, безъ принужденія. Онъ былъ красавецъ собой, хорошей фамиліи и воспитанія—совсѣмъ для нея пара. Послѣ свадьбы молодые уѣхали въ деревню и располагали тамъ поселиться. Мы съ Анютой были въ перепискѣ, и, судя по ея письмамъ, можно было думать, что она совершенно счастлива.

Прошло такъ мѣсяца три. Анюта появляется въ Москвѣ и сейчасъ же была у насъ; мы ей очень обрадовались, спрашиваемъ, гдѣ же она остановилась, надолго ли къ намъ. Она говоритъ: «Я живу у m-me Петрозиліусъ». Трудно было этому повѣрить, но это было такъ: Анюта затосковала въ деревнѣ, съ ней были припадки меланхолии, и она пріѣхала въ Москву, помѣстилась въ пансіонѣ Петрозиліусъ и вела тамъ жизнь совершенно такую, какъ и прочія воспитанницы пансіона, она спала въ дортуарѣ, ходила въ классы и брала уроки музыки.

Она говорила, что тоска отошла отъ нея, и что нравственный балансъ, потерянный подъ вліяніемъ деревенскаго однообразія, восстановился.

Припадки меланхолии у нея прошли и, конечно, ее оставляли жить такимъ образомъ до тѣхъ поръ, пока она совсѣмъ справилась сама съ собою, подъ вліяніемъ регулярной пансіонской жизни и занятій.

Тутъ у нихъ случилось въ семьѣ большое горе: скончалась жена брата ея Алексѣя, который вскорѣ за ней послѣдовалъ. Послѣ нихъ осталось двое малолѣтнихъ сиротъ. Анна Петровна Лукина взяла дѣтей этихъ, воспитала ихъ и любила, какъ своихъ собственныхъ.

Съ мужемъ своимъ Анна Петровна жила въ совершенномъ со-

гласіи; онъ привязался всей душой къ этимъ двумъ сиротамъ, племянникамъ своей жены. Лукины посвятили имъ всю свою жизнь.

Семейство Бартевыхъ ¹⁾ пользовалось въ Москвѣ исключительнымъ положеніемъ; оно принадлежало къ высшимъ сферамъ московскаго общества и не покидало этихъ сферъ, несмотря на скудность своихъ средствъ.

Семья была многочисленная, и во главѣ ея стояла вдова; посреди тяжкихъ обстоятельствъ совершеннаго разоренія, въ которомъ оставилъ ее покойный мужъ, она не теряла никогда присутствія духа и была преисполнена какого-то дѣтскаго благодушія и спокойствія. Она была всегда весела и довольна, никогда не жаловалась на свою судьбу и сохранила отъ прежняго богатства развалившійся большой домъ въ Москвѣ, двухъ крѣпостныхъ служанокъ, лакея, кучера, большую старую карету и двухъ заморенныхъ лошадей. Не знаю, какими средствами все это существовало, но у Бога всего много.

Вотъ буквально какъ жили Бартевы въ тѣ времена. Съ ранняго утра семья поднималась на ноги, дѣтей умывали, одѣвали, сажали въ карету, и Бартева отправлялась къ ранней обѣднѣ, затѣмъ къ поздней, и это по разнымъ монастырямъ или приходскимъ церквамъ. Послѣ обѣдни на паперти (чтобъ заморить червячка) покупались у разносчиковъ и совались дѣтямъ иной разъ баранки, иной разъ гречневики или пирожки. Затѣмъ всѣ садились снова въ карету, и Бартевы ѣхали къ кому нибудь изъ знакомыхъ, гдѣ пребывали цѣлые дни—завтракали, обѣдали и ужинали, смотря, такъ сказать, по вдохновенію... гдѣ Богъ на сердце положить.

Дѣти Бартевой были разныхъ полѣвъ и возрастовъ; въ тѣхъ домахъ, гдѣ были гувернантки, старшія изъ нихъ пользовались уроками вмѣстѣ съ дѣтьми хозяевъ дома, а младшія были такіе укладистые ребятишки!—кочующая жизнь по Москвѣ развила въ нихъ способность засыпать по всѣмъ угламъ гостиныхъ, или же,

¹⁾ Фамилію Бартевыхъ носить нѣсколько русскихъ дворянскихъ родовъ, не находящихся между собою въ родствѣ. Въ наши дни извѣстно семь вѣтвей Бартевыхъ, изъ коихъ лишь одна началомъ своимъ относится къ первой половинѣ XVII в., а остальные шесть восходятъ къ концу XVI в. Четыре вѣтви принадлежатъ къ тѣперешнему костромскому дворянству и по одной вѣтви къ дворянству московскому, орловскому и курскому (см. «Родосл. сборн.» В. В. Руммеля и Голубцова, т. I, с. 126—147). Семейство Бартевыхъ, о которомъ повѣствуетъ Е. А. Сабанѣва, принадлежитъ къ первой костромской вѣтви. Отецъ фрейлины Прасковьи Арсеніевны Бартевой, Арсеній Ивановичъ, по родословной В. В. Руммеля † въ 1861 году, между тѣмъ какъ по разсказу В. П. Прончищевой его не было въ живыхъ уже въ 20-хъ годахъ. Его жена Оеодосья Ивановна, рожденная Бутурлина, р. 31 янв. 1790 г. † 22 окт. 1835 г. Редакторъ-издатель «Русскаго Архива», П. П. Бартевъ, происходитъ изъ второй костромской вѣтви, не состоящей въ родствѣ съ первой вѣтвью (см. «Род. сборн.» В. В. Руммеля, стр. 133—136).

прижавшись въ чайной подѣ столомъ, прикорнуть глубокимъ сномъ невинности, если маменька поздно засиживалась въ гостяхъ. Иной разъ поздно ночью Бартенева распротится съ хозяевами, направится въ переднюю, кликнетъ своего стараго лакея, велитъ подобрать сонныхъ дѣтишекъ, снесутъ ихъ въ карету, и семья возвращается досыпать остальные часы ночи въ ихъ большой, часто плохо протопленный домъ.

Въ Москвѣ всѣ знали Бартеневу. принимали въ ней участіе; старшая дочь ея подростала, необходимо было думать серьезно о ея воспитаніи. Апраксины, другія еще вліятельныя лица, да, кажется, и князь Дмитрій Владимировичъ Голицынъ, который былъ всегда склоненъ сдѣлать доброе дѣло, ходатайствовали о зачисленіи Пашеньки Бартеневой въ одинъ изъ институтовъ, и она была принята казенной воспитанницей, кажется, въ Смольный монастырь ¹⁾.

При окончаніи своего институтскаго курса, Пашенька Бартенева обратила на себя вниманіе государыни императрицы.

Это было на выпускномъ актѣ института; царская фамилія почтила своимъ присутствіемъ, и Пашенька, какъ лучшая музыкантша изъ дѣвицъ, окончившихъ въ то время институтъ, пѣла на этомъ актѣ романсъ или арію. Она обладала удивительнымъ голосомъ. Государыня императрица изволила замѣтить этотъ голосъ и удостоила Пашеньку нѣсколькихъ одобрительныхъ словъ. Пашенькѣ стали завидовать.

Таковымъ успѣхомъ заключилось пребываніе Бартеневой въ институтѣ; затѣмъ она вернулась въ Москву и стала продолжать съ матерью кочующую жизнь по гостинымъ. Такое положеніе для молодой дѣвушки не представляло ничего отраднаго; при скудныхъ средствахъ ея матери, вывозить дочь въ центрѣ фешенебельнаго московскаго общества было не легко, однако Пашенька выѣзжала, танцевала и веселилась на всѣхъ балахъ точно такъ же, какъ и мы всѣ. Бартеневы жили положительно подѣ счастливый звѣздой.

У насъ (т. е. у Оболенскихъ) Пашенька бывала очень часто, и мы такъ ее полюбили, что безъ нея невысказанно было для насъ какое удовольствіе. И что это была за умная и милая дѣвушка! Она сдѣлалась тоже очень скоро и любимицей тетушки Александры Евгеньевны. Отсутствіе кокетства, простота ея обращенія съ молодыми людьми, чарующій голосъ, привлекали къ ней все, что было въ Москвѣ мыслящаго и интеллигентнаго. Она имѣла даръ производить впечатлѣніе, совсѣмъ о томъ не заботясь, и ея успѣхамъ въ свѣтѣ многіе завидовали, другіе же удивлялись, потому что она была вовсе не красива.

¹⁾ Судьба Пашеньки Бартеневой устроилась вполнѣ въ блестящемъ образѣ, ибо она удостоилась званія фрейлины при высочайшемъ дворѣ государыни императрицы Александры Феодоровны.

Пашенька много и усердно занималась музыкой; голосъ ея пріобрѣталъ все болѣе и болѣе полноты и прелести. Въ теченіе балнаго сезона зимы 1824—1825 года у Кашкиныхъ былъ рауть, и тетушки Анна Гавриловна и Александра Евгеньевна имѣли въ виду дать Бартеневой возможность стать передъ обществомъ во всемъ блескѣ ея крупнаго музыкальнаго таланта. Этотъ вечеръ остался для меня самымъ пріятнымъ воспоминаніемъ изъ воспоминаній нашей молодости. Зала Кашкиныхъ была полна, и успѣхъ молодой артистки превзошелъ самыя блестящія ожиданія; голосъ ея былъ изъ тѣхъ голосовъ, которые заставляють слушателей замирать въ нѣмомъ восторгѣ, затѣмъ слѣдовало бы сказать, что зала огласилась рукоплесканіями, и пѣвицу осыпали дождемъ цвѣтовъ и букетовъ, но въ салонѣ сенатора Кашкина никто не позволилъ бы себѣ такихъ овацій благородной дѣвицѣ—вѣдь она не актриса на подмосткахъ. Знаю только, что московская молодежь осмѣлилась поднести Бартеневой ящикъ конфетъ ¹⁾.

Эти годы нашей дѣвичьей жизни текли безоблачно. У насъ въ домѣ, какъ говорила матушка, настроеніе было легкое, любовное. Какое было въ насъ отсутствіе всякихъ сомнѣній! Казалось, будто надъ нашими головами поднимались одни счастливыя вѣянія, точно для каждой изъ насъ въ отдѣльности и для всѣхъ сообща восходила заря новой жизни, сердце билось въ ожиданіи осуществленія какихъ-то надеждъ. Никто тогда не понималъ, какъ обманчивы были эти надежды, и какъ скоро онѣ разрушились. Затѣмъ матушка всегда прямо отъ воспоминаній свѣтской своей жизни въ домѣ отца переходила къ воспоминаніямъ о братѣ ея, декабристѣ.

XVI.

Князь Евгенийъ Петровичъ Оболенскій (декабристъ) въ своей семьѣ и среди родственниковъ.

Евгенийъ былъ гораздо старше насъ, и мы любили его съ какимъ-то благоговѣйнымъ уваженіемъ. Съ самаго дѣтства онъ пріучилъ насъ своею нѣжностью относиться къ нему довѣрчиво. Въ періодъ, когда насъ покинула m-me Stadler, Евгенийъ началъ руководить нашимъ чтеніемъ; мы были съ нимъ постоянно въ перепискѣ, и на

¹⁾ Конфеты были завернуты, вмѣстѣ обыкновенныхъ бумажекъ, въ ассигнаціи.
Е. С.

Прасковья Арсеньева Бартенева родилась 13 ноября 1811 г. († 24 янв. 1872 г.), слѣдовательно 13 ноября 1824 г. ей исполнилось только 13 лѣтъ, но въ то время дѣвушки начинали рано выѣзжать въ «свѣтъ», т. е. на балы и вечера; но это было до окончанія ею курса въ институтъ, изъ котораго она могла выйти не ранѣе 1827 года, т. е. 16-ти лѣтъ.
Д. К.

пути свѣтской жизни, когда мы стали выѣзжать, то ему повѣряли свои сердечныя тайны, а не тетушкѣ. Наши друзья были его друзьями; и вліяніе его на насъ было благотворно. Онъ былъ такъ солидно образованъ, такъ серіозенъ, такъ мало было въ немъ тщеславія и суетности.

И что за неподобное было у него сердце! Онъ былъ тоже очень религіозенъ, и какая чистая была его жизнь въ домѣ отца. Братъ Константинъ былъ легкомысленный, порядочный даже повѣса; папенька часто его журилъ; братъ же Евгенийъ только радовалъ его своимъ поведеніемъ. Въ полку Евгенийъ пользовался общимъ уваженіемъ, онъ былъ старшимъ адъютантомъ у генерала Бистрома¹⁾, пользовался полнымъ его довѣріемъ, такъ что будущая его карьера обѣщала отлично устроиться. Младшіе братья мои были тогда (1823—1824 года) въ Пажескомъ корпусѣ. Евгенийъ, служа въ Петербургѣ, часто навѣщалъ ихъ, и папенька и на ихъ счетъ былъ спокойнѣе. Немало надеждъ возлагалъ мой дорогой отецъ на этого любимаго своего сына.

Вотъ еще разсказъ моей матушки объ одномъ случаѣ въ полку, гдѣ служили ея братья и Капкинъ въ тѣ времена. «Евгенийъ пользовался въ семьѣ довѣріемъ и уваженіемъ всѣхъ. Тетушка Анна Гавриловна очень любила его и такъ какъ сынъ ея, Сергѣй, служилъ тоже въ гвардіи въ Преображенскомъ или Семеновскомъ полку, то она поручила его брата Евгению. По истинѣ пути Сергѣя на службѣ были добросовѣстно имъ оберегаемы, да и вліять Евгенийъ

¹⁾ Въ первой книгѣ «Русск. Архива» за 1873 г. есть отрывокъ, изъ жизни Якова Иван. Ростовцева. Тамъ читатель найдетъ дядю декабриста, если по интересуется прочесть подробности изъ его жизни и обстоятельствъ, касающихся этого ужаснаго времени 1825 года передъ возмущеніемъ 14 декабря, въ которомъ дяди имѣлъ несчастіе участвовать. Е. С.

Князь Евг. Петр. Оболенскій, пропущенный въ «Родословной книгѣ» князя П. П. Долгорукаго (см. т. I, с. 82), р. 1796 † въ Калугѣ 26 февраля 1865 г. Въ Сибири онъ женился на дочери священника. Высочайшими указами 26 и 30 августа 1856 г. ему и его дѣтямъ, Ивану и Петру Евгениевичамъ, возвращено дворянское и княжеское достоинство (см. «Родосл.», сост. кн. А. В. Лобановымъ-Ростовскимъ, 2-е изд., т. I, с. 258). Въ Ялуторовскѣ, въ 1856 г. Евг. Петр. Оболенскій написалъ свои «Воспоминанія», занимающія видное мѣсто среди мемуаровъ декабристовъ. Они напечатаны: а) въ журналѣ «Будущность», изд. кн. П. П. Долгорукима въ Парижѣ, 1861 г. № 9—12 и в) въ «Русскомъ Заграничн. Сборникѣ», изд. Франка, Лейпцигъ 1861 г., ч. IV, тетр. 5, in 8, 59 стр.—Существуетъ два ихъ перевода на французскій языкъ: а) кн. Авг. Голицына: «Souvenirs d'un exilé en Sibirie», Leipzig, 1862, и в) неизвѣстнаго, подъ заглавіемъ: «Mon exil en Sibirie», Leipzig, s. a.—Перу Е. П. Оболенскаго принадлежатъ также «Воспоминанія о К. Ѡ Рылѣевѣ», напеч. въ сборникѣ П. И. Бартенева «Деятельный вѣкъ», М., 1872 г., с. 312—332. Намъ извѣстны слѣдующіе некрологи кн. Е. П. Оболенскаго: 1) декабриста М. М. Нарышкина, «День», газета И. С. Аксакова, 1865 г., № 3; 2) декабриста, барона А. Розена, тамъ же, № 18, и Г. Н. Геннади, «Русскій Архивъ» 1861 г., стр. 573, и 1867 г., 970.

могъ на легкомысленнаго Серезу, такъ какъ былъ гораздо его старше. И все шло хорошо, когда однажды Кашкинъ вздумалъ подшутить надъ однимъ изъ старшихъ офицеровъ въ ихъ полку, и тотъ вызвалъ его на дуэль. Братъ узналъ объ этомъ, отправился къ обиженному и сказалъ ему, что этой дуэли онъ не допуститъ, что Сергѣй мальчишка, у котораго только очень злой языкъ, что, по его мнѣнiю, не должно бы кровь проливать, и лучше отложить въ сторону самолюбіе; однако, если уже нельзя уладить это дѣло миролюбиво, то онъ, Евгенийъ, будетъ съ нимъ драться вмѣсто Сергѣя. Братъ въ то время имѣлъ главной цѣлью спасти Кашкина. Сергѣй былъ единственнымъ сыномъ тетушки Анны Гавриловны. Понятно чувство Евгенія въ этомъ дѣлѣ. Но дуэль послѣдовала, и братъ имѣлъ несчастье убить противника. Съ той поры Евгенийъ очень измѣнился, это подѣйствовало даже на состояніе его здоровья. Духомъ онъ былъ не спокоенъ, угрызенія совѣсти терзали его; часто среди веселой бесѣды онъ мѣнялся въ лицѣ, сначала оно вспыхивало яркой краской, затѣмъ блѣднѣло до цвѣта бѣлаго полотна. Мы видѣли его душевную тревогу, и намъ онъ повѣдалъ это свое тайное горе и просилъ насъ молиться за него. Но мы тогда не знали, что онъ въ то время уже вступилъ въ масонскую ложу, а можетъ быть, принадлежалъ уже и къ тайному обществу. Онъ говорилъ намъ тоже, что жаждетъ крестовъ, чтобы омыть себя отъ грѣха челоуѣко-убійцы».

1825-й годъ Оболенскіе встрѣтили особенно весело. У Кашкиныхъ былъ bal-génération подъ новый годъ, особенно удачный и оживленный.

Много было прелести въ патриархальномъ порядкѣ тогдашнихъ московскихъ нравовъ, въ этой поддержкѣ родственныхъ связей, въ этомъ этикетѣ, который ставилъ каждаго на свое мѣсто. Старики держали себя степенно и наблюдательно, молодые учтиво группировались вокругъ нихъ и стояли передъ ними стройной вереницей во всей прелести своей молодой жизни, своихъ грядущихъ надеждъ.

Въ этотъ канунъ новаго года князю Варенкѣ и Наташѣ Оболенскимъ было особенно весело у Кашкиныхъ; онѣ были со многими, кто былъ имъ дорогъ: тутъ были ихъ братья гвардейцы, Евгенийъ и Константинъ, и cousin Serge Кашкинъ, сынъ хозяина дома, дяди Николая Евгеньевича. Были на этомъ вечерѣ ихъ сердечные друзья, Пашенька Бартенева, Полина Боборыкина, Анюта Скуратова и много блестящей московской молодежи, которая носилась въ вихрѣ вальсовъ и котильоновъ подъ звуки бальной музыки въ залѣ Кашкинскаго дома въ Москвѣ на Садовой улицѣ. Казалось, что всѣ они жили однимъ настоящимъ моментомъ своего бытія, такъ онъ былъ имъ важенъ въ то время и имѣлъ такой знаменательный вѣсъ передъ ихъ духовными очами. Въ этомъ

интимномъ кругу молодежи каждый зналъ про себя и про другого, что было кому особенно важно въ сердечныхъ дѣлахъ, и кто въ кого влюбленъ; всѣ поздравляли другъ друга съ новымъ годомъ, съ вѣрнымъ знаніемъ почвы въ этомъ смыслѣ, не ошибаясь въ предположеніяхъ, — однимъ словомъ прелестный и веселый былъ тотъ вечеръ у Кашкиныхъ въ 1825 году.

Тетушка фрейлина сидѣла, окруженная тоже своими друзьями, на большомъ диванѣ, который составлялъ этаблисмэнъ для почетныхъ старушекъ въ одномъ изъ угловъ бальной залы. Тутъ были и Варвара Николаевна Перская, и графиня Васильева, Огарева, Настасья Николаевна Хитрова, княжна Марья Алексѣевна Хованская, княжна Екатерина Николаевна Оболенская и сама хозяйка дома, Анна Гавриловна Кашкина. Тутъ было общество интимное, и разговоръ касался текущихъ свѣтскихъ интересовъ, предстоящихъ баловъ у Апраксиныхъ и Кутайсовыхъ, потомъ разбирались туалеты дѣвицъ и барынь, затѣмъ тетушкамъ Кашкинымъ замѣчали, что племянницы ихъ, княжны Варенька и Наташа Оболенскія, производятъ въ свѣтѣ очень хорошее впечатлѣніе, и что ихъ успѣхи на балахъ могутъ вполне удовлетворять самыя взыскательныя ожиданія. Тетушки точно что могли любоваться племянницами въ этотъ вечеръ: Вареньку всѣ называли Грезовой головкой, и, конечно, трудно было найти что нибудь граціознѣе и прелестнѣе этого существа: она была невысокая, ясная, какъ заря, бѣлокурая дѣвушка съ пепельными волосами, съ выразительнымъ личикомъ. Наташа была высока и стройна, съ задумчивымъ лицомъ чернокудрыхъ русскихъ дѣвушекъ. О ней Пушкинъ, вѣроятно, вспоминалъ, когда образъ Татьяны носился въ воображеніи поэта.

И все шло стройно и удачно въ этотъ вечеръ у Кашкиныхъ. Тетушки могли любоваться племянницами, вѣроятно, мечтали для нихъ о блестящихъ партіяхъ. Но какъ тщетны бываютъ всегда мечты, какъ эфемерны людскія соображенія! Никто въ тотъ веселый вечеръ у Кашкиныхъ при вступленіи въ 1825 годъ, никто, конечно, не зналъ, какъ тяжело кончится этотъ годъ для Кашкиныхъ и Оболенскихъ.

Зима 1825 года продолжала свое теченіе въ непрерывныхъ балахъ и свѣтскихъ удовольствіяхъ. Подъ Новинскимъ въ домѣ князя Петра Николаевича молодежь безоблачно предавалась волненіямъ и впечатлѣніямъ театра, костюмированныхъ баловъ, литературныхъ и музыкальныхъ утръ; визиты, приглашенія, представленія, старыя и новыя знакомства—все это имѣло свое мѣсто и свой смыслъ на ярмаркѣ московской суеты того времени и того общества.

На фрейлинской половинѣ, въ гардеробной, работа кипѣла, кроили атласъ и бархатъ, рѣзали газъ и крепъ, подъ наблюде-

нiемъ самой тетушки фрейлины, которая была далеко неравнодушна къ туалетамъ Вареньки и Наташи и придавала имъ большое значенiе. Она увлекалась платьями своихъ племянницъ гораздо болѣе, чѣмъ сами выѣзжавшiя дѣвицы. Фрейлинская главная горничная, Дуняша, была особенно расположена угождать своей госпожѣ; она гордилась княжнами и была внутренно убѣждена, что вотъ-вотъ она предчувствуетъ тотъ моментъ, когда ей прикажутъ кроить приданое. Судьба (т. е. женихъ) предвидѣлась фрейлинскими дѣвушками, Настасьей и Дуняшей, а, можетъ быть, и самой тетушкой, не только для княжонъ, но и для Оленьки, ибо Иванъ Семеновичъ Веселовскiй, весьма солидный профессоръ, началъ ѣздить въ домъ князя, какъ говорили, съ намѣренiями. Молодымъ дѣвицамъ приходилось иногда слушать эти соображенiя и предположенiя о ихъ судьбѣ, но онѣ мало придавали тому значенiя. Часто случалось, что ихъ личныя склонности не согласовались съ планами родителей, однако ихъ это не раздражало — таковъ было духъ, таковы были нравы той эпохи. Очень можетъ быть, что каждая молодая дѣвица имѣла свою сердечную тайну, которую берегла въ душѣ и надѣялась... а дальше судьба разсудитъ, и Богъ опредѣлитъ. Страсти жили тогда подъ пепломъ романтизма, на нихъ былъ брошенъ покровъ извѣстной сентиментальности и абстрактности, которыя смягчали ихъ порывы. Анализъ чувствъ не вступилъ еще тогда въ свои права, какъ впоследствии, и въ дѣвушкахъ было больше вѣры въ свои силы и въ свою звѣзду на пути своего сердечнаго романа.

XVII.

А. В. Прончищевъ и князя Несвицкiе.

Немало воды утекло изъ рѣки Мышинги въ Оку съ той поры, какъ въ Богимовѣ появился на свѣтъ Божiй внукъ и наслѣдникъ Алексѣя Ионовича, Алексѣй Владимировичъ Прончищевъ, который послѣ 1820 года достигъ совершеннолѣтiя и послѣ смерти прадѣда и страдалицы прабабушки сдѣлался владѣльцемъ села Богимова и другихъ родовыхъ вотчинъ. Онъ былъ единственнымъ наслѣдникомъ крупнаго состоянiя прадѣда и единственнымъ представителемъ фамилiи и рода Прончищевыхъ.

Молодой Прончищевъ получилъ образованiе, соотвѣтственное его положенiю и состоянiю. Онъ прошелъ курсъ наукъ въ Москвѣ въ благородномъ пансионѣ нѣмецкаго педагога (ихъ было тогда тьма тьмушкая на Руси) Маiора.

Мы всѣ учились понемногу,
Чемунибудь и какънибудь.

Этого двустипія изъ поэмы Пушкина достаточно, чтобы выразить степень познаній и дать точное понятіе о развитіи, направленіи и образованіи молодого богимовскаго «сквайра». Онъ учился танцевать у Югеля и Флаге, фехтованью и верховой ѣздѣ въ одномъ изъ лучшихъ манежей столицы (онъ даже получилъ тамъ золотыя шпоры въ знакъ отличія) и затѣмъ былъ записанъ въ полкъ. Но военная служба не могла соответствовать его вкусамъ и слабому здоровью, и, достигши перваго чина, молодой Прончищевъ вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ богатомъ помѣстьѣ Калужской губерніи, селѣ Богимовѣ. Хозяйкой его дома продолжала быть тетка его, воспитавшая его и замѣнившая ему родителей, Екатерина Алексѣевна Прончищева. При ней жила тоже постоянно ея племянница Арбузова, а лѣтомъ всегда гостили осиротѣвшія княжны Несвицкія. Зимой же всѣ эти семьи купно ѣзжали въ Москву и жили тамъ въ домѣ князей Несвицкихъ на Прѣсенскихъ прудахъ. Эти двѣ семьи Прончищевыхъ и Несвицкихъ почти никогда не разлучались, а молодого богимовскаго хозяина въ ихъ родственномъ кругу всѣ тетушки, дядюшки и родные сильно баловали и любили. Его жизнь съ дѣтства не имѣла будто будничныхъ дней, а все было ему — вакація и праздникъ. Здоровье его давало тоже частыя за него опасенія, и его съ дѣтства очень нѣжили.

Зиму 1824 года Несвицкіе и Прончищевы проводили въ Москвѣ. Молодой богимовскій «сквайръ» представлялъ въ то время собой красиваго юношу, съ типомъ остзейскихъ нѣмцевъ, который передала ему его покойная мать. У него были ея голубые глаза и пеньельные кудри надъ высокимъ лбомъ, который одинъ своимъ складомъ напоминалъ дѣда и давалъ помнить, что онъ былъ тоже Прончищевъ. Его лицо имѣло тѣ тонкія очертанія, которыя впоследствии способны терять изящество своихъ линій при переходѣ въ болѣе зрѣлый возрастъ, зато въ моментъ ранней юности они имѣютъ много красоты и привлекательности. Онъ былъ средняго роста, статенъ и ловокъ, одѣвался по послѣдней модѣ, слегка фатъ и былъ принятъ въ лучшихъ домахъ тогдашняго московскаго общества.

Домъ Несвицкихъ на Прѣсенскихъ прудахъ былъ деревянный на каменномъ фундаментѣ. Большія итальянскія окна передняго фасада на улицу придавали веселый и свѣтлый видъ всему зданію. Хотя, если сообразить холодныя зимы Москвы, то можно было пожелать строителю его воздержаться отъ такого размѣра оконъ, болѣе пригоднаго для теплаго климата. Можетъ быть, мѣстность дома на углу при самомъ началѣ поворота на улицу, которая тянется параллельно Прѣсенскимъ прудамъ, съ ихъ густыми аллеями посреди города, расположила строителя построить домъ въ сельскомъ вкусѣ, каковъ именно и былъ характеръ его; но

надо сказать, что впечатлѣніе, производимое имъ, было выгодное и симпатичное, именно, кажется, вслѣдствіе напоминанія деревенскаго житія въ столицѣ.

Домъ Несвицкихъ казался не большимъ для города, между тѣмъ помѣщенія въ немъ было такъ много, что трудно было вѣрить, чтобъ онъ вмѣщалъ въ себя столько обитателей; семья была многочисленная, многіе изъ ея членовъ жили внѣ ея, уже самостоятельно, а между тѣмъ, кто бы ни пожелалъ изъ нихъ вернуться въ лоно родительскаго гнѣзда, оно принимало его съ особымъ гостепріимствомъ.

Законными наслѣдниками и владѣльцами дома были молодые князья Несвицкіе, но хозяиномъ и хозяйкой дома почитались дядя Несвицкихъ, Г. И. Раевскій, и тетушка, Екатерина Алексѣевна Прончищева.

Въ этой семьѣ особенно ясно выражалось почитаніе старшихъ; оно стояло будто на первомъ планѣ и должно было руководить всѣми движеніями въ семьѣ и домѣ. Приемы со старшими (*les grands parents*) носили у Несвицкихъ характеръ даже какого-то приторнаго подобострастія, которое сначала удивляло, но впослѣдствіи являлось такою удобоисполнимою обязанностью со стороны молодого поколѣнія, что это дѣлалось охотно. Подобающее уваженіе къ лѣтамъ имѣло мѣсто и между братьями и сестрами, ибо младшіе говорили старшимъ непременно вы, адресуя рѣчи между собой, и они или онѣ, когда говорили о старшихъ себя. Я распространяюсь насчетъ этихъ подробностей, потому что онѣ характеризуютъ ту эпоху, къ которой надо относить эти записки мои, то-есть къ послѣднимъ годамъ царствованія императора Александра I. Кромѣ того, такъ какъ Г. И. Раевскій былъ, такъ сказать, главою семьи Несвицкихъ, то, вѣроятно, въ этихъ формахъ утонченной учтивости и чопорной вѣжливости была доля его вліянія.

Въ домѣ иначе не говорили какъ: «дядюшка или тетушка изволили пріѣхать, изволили огорчиться, изволили прогнѣваться, изволили мнѣ то или другое пожаловать». Тутъ необходимо замѣтить, что про дядюшку фразу: «изволили прогнѣваться», замѣняли почти всегда фразою: «изволили огорчиться», ибо онъ былъ такъ кротокъ и благодушенъ, что никогда не умѣлъ сердиться, зато про тетушку упоминалось часто, что «онѣ изволили прогнѣваться». Дядюшка жаловалъ и ласкалъ, тетушка чаще всего запрещала и взыскивала. Она была очень вспыльчива, имѣла свои мрачные дни, свои предвзятія мнѣнія, свои симпатіи и антипатіи. Къ счастью, Григорій Ильичъ имѣлъ на нее большое вліяніе, умѣлъ все умиротворять, игралъ съ нею всякій вечеръ партію виста, и ихъ давняя дружба, основанная на солидномъ началѣ прожитыхъ вмѣстѣ и купно многихъ семейныхъ и жизненныхъ невзгодъ, не теряла отъ этихъ вспышекъ своего характера, а общіе интересы обоихъ стариковъ

сливались вмѣстѣ, направляясь къ заботѣ о благѣ и счастѣ родной и дорогой имъ семьи. Въ итогѣ семья Несвицкихъ имѣла характеръ весьма почтенный и патриархальный.

Между дядюшкой и тетушкой стояла во главѣ молодыхъ старшая княжна Анна. Она была замѣчательна по уму и образованію и вела семейныя дѣла весьма твердой рукой, несмотря на свою молодость. Старшіе ея братья служили въ Петербургѣ въ гвардіи и только тратили деньги, она же вела отлично хозяйство ихъ крупнаго состоянія и пользовалась въ семьѣ особымъ уваженіемъ и довѣріемъ. Но тетушка очень желала выдать ее замужъ и нетерпѣливо ждала минуты, когда судьба Анюты опредѣлится. Впрочемъ эти нетерпѣливыя чувства и стремленія лежали въ характерѣ тетушки. По здравому же обсужденію и воззрѣнію на это дѣло, нечего было торопиться и спѣшить,—за княжнами давали крупное приданое, и онѣ не могли ожидать засидѣться въ дѣвницахъ. Кромѣ того, физическая красота была достояніемъ семьи Несвицкихъ; они почти всѣ унаслѣдовали красоту ихъ покойной матери, въ нихъ тоже проявлялась порода, аристократичность, что-то особенно изящное и живописное. Особенно двое изъ братьевъ, князья Алексѣй и Иванъ, положительно поражали своей красотой, княжны же Катерина и Варвара могли своими портретами украсить страницы любого кипсека или альманаха. Природа далеко не поскупилась на дары свои въ семьѣ Несвицкихъ: всѣ они имѣли замѣчательныя способности къ музыкѣ; княжна Анна была въ Москвѣ одной изъ любимыхъ ученицъ Фильда, княжна Катерина обладала дивнымъ mezzo-soprano и замѣчательно имъ владѣла. Я слыхала ея пѣніе и никогда не забуду наслажденія ее слушать. Одинъ изъ меломановъ тогдашней эпохи говорилъ, что къ ея пѣнію можно буквально примѣнить слова нѣмецкаго поэта:

Ich singe wie der Vogel singt,
Der in den Zweigen wohnt.

Она не вдавалась въ пѣніе итальянскихъ арій, которыя дѣлались банальны, такъ какъ столько дѣвицъ высшаго образованія и общества ихъ терзали, но пѣла русскіе романсы того времени, на примѣръ: «Гляжу я печально на черную шаль» или «Ахъ, ты, шарфъ голубой съ золотистой бахромой». Для нихъ необходимо мастерство удержать границы драматизма или сентиментальности въ выраженіи, тутъ нуженъ особый музыкальный инстинктъ. Затѣмъ подблюдная пѣсня: «Катилось зерно по бархату и прикатилось къ яхонту!»... она прелестно пѣла эту простую мелодію, такъ что всѣ слушали и не могли наслушаться.

XVIII.

Баль у Кутайсовыхъ.

Въ эту зиму 1824 года, въ Москвѣ, двѣ тетушки, Екатерина Алексѣевна Прончищева и фрейлина Александра Евгеньевна Кашкина, вывозили своихъ племянницъ въ свѣтъ. Несвицкіе и Оболенскіе были знакомы домами, считались даже въ родствѣ по Кашкинымъ, дѣвицы въ обѣихъ семьяхъ были очень дружны между собой и украшали своею красотой и присутствіемъ тогдашніе балы московскаго высшаго общества. Казалось по первому впечатлѣнію, что положеніе въ свѣтѣ этихъ хорошенькихъ молодыхъ дѣвицъ, подъ покровительствомъ двухъ почтенныхъ тетушекъ, было тождественно; однако въ сущности заключалась въ ихъ положеніи огромная разница, и эта разница лежала въ характерахъ тетушекъ. Тетущка фрейлина такъ умѣло держала себя въ свѣтѣ, она шла такими твердыми шагами по паркету московскихъ салоновъ, тогда какъ Екатерина Алексѣевна Прончищева съ ея страстнымъ нравомъ создавала часто тернистые пути для себя и для племянницъ на ярмаркѣ челоуѣческаго тщесланія и житейской суеты. Она, при всемъ своемъ умѣ и достоинствахъ, была лишена способности легко и свободно вращаться въ свѣтскихъ сферахъ. Она часто сама мучилась и мучила племянницъ. Ея способность увлекаться симпатіями и антипатіями держала ея отношенія къ людямъ въ какой-то постоянной тревогѣ и волненіи. Затѣмъ на пути ея жизни являлась всегда всепоглощающая мысль (*idée fixe et dominante*) и цѣль, которую она преслѣдовала упрямо и безапелляціонно.

Въ эту зиму, однако, Екатерина Алексѣевна жила подъ вліаніемъ двухъ для нея неотразимыхъ чувствъ: желанія выдать старшую княжну Анну замужъ и страха, чтобъ ея племянникъ, Алеша Прончищевъ, не женился. Онъ молодецъ и богатъ! Мудрено ли въ Москвѣ женить такого молодца? Какъ же не бояться за него?

Когда она думала о судьбѣ княжны Анны, то въ своемъ воображеніи намѣчала ей жениховъ изъ кавалеровъ, встрѣчающихся на балахъ и въ обществѣ. То являлся Скуратовъ весьма приличной въ ея глазахъ партіей, то князя Друцкой или Щербатовъ, чаще же всего въ этомъ смыслѣ она думала объ Оболенскихъ. Князь Евгенийъ, гвардеецъ, старшій адъютантъ при генералѣ Вистромѣ, съ блестящей карьерой впереди, онъ такой солидный и образованный, онъ пойметъ и оцѣнитъ Анюту; да и старшій его братъ, князь Николай, тотъ будетъ болѣе блестящей партіей—онъ очень богатъ. И мало ли было и другихъ соображеній въ ея головѣ относительно судьбы княженъ, и все это сильно ее волновало.

Затѣмъ, когда мысли Екатерины Алексѣевны отъ племянницъ обращались къ племяннику, то тѣ же Оболенскіе, столь желанные для одиѣхъ, являлись ея воображенію опасными для другого. Ей неоднократно уже мнилось, что тетушка фрейлина Кашкина имѣетъ виды на ея Алешу, что она уловляетъ его въ женихи для племянницъ; тогда въ сердцѣ ея зарождалось чувство враждебности и негодованія противъ княженъ Оболенскихъ, онѣ являлись въ ея глазахъ кокетками, интриганками, совершенно недостойными ея племянника. Еслибы Алеша женился на одной изъ нихъ, то пропалъ бы, былъ бы на вѣки несчастный. Врагъ силенъ, думалось ей, и она молилась всеѣмъ святымъ для предотвращенія сего несчастья, посылала въ церковь вынимать просфору о здравіи раба Божія Алексѣя и о спасеніи путей его отъ враговъ и ихъ козней. Екатерина Алексѣевна впрочемъ таила свою непріязнь къ Оболенскимъ на днѣ своей души, и подъ Новинскимъ въ домѣ князя Петра Николаевича все благодушествовали и вовсе не знали, что на Прѣсиѣ у Несвицкихъ показалось на горизонтѣ это облачко враждебности противъ нихъ, что это облачко разрастается въ тучу, которой было суждено разразиться на балѣ у Кутайсовыхъ.

Что же касается молодого богимовскаго «сквайра», то онъ въ эту зиму не обращалъ вниманія на тетупку. Да и когда ему было заниматься ея волненіями?—у него было столько дѣла: онъ покупалъ рысаковъ и экипажи, очень сорилъ деньгами, прилежно посѣщалъ Англійскій клубъ, театры, маскарады, считался лучшимъ танцоромъ на всеѣхъ балахъ и былъ безумно влюбленъ въ тогдашнюю знаменитую красавицу, княжну Анну Урусову.

Объ этой, такъ сказать, нѣмой страсти молодого Прончищева къ княжнѣ Урусовой много говорили въ то время въ московскихъ салонахъ. Княжна была старше его, серіозныхъ претензій или искательства ея руки быть не могло съ его стороны; но уловить ея взоръ, когда она садилась въ экипажъ, держать ея шаль, при разѣздахъ съ баловъ, и накинуть ее на кудри милой головы было достаточнымъ блаженствомъ для пылкаго юноши. Его звали въ Москвѣ: *le paladin de la princesse Ouroussouf*—это забавляло публику, а ему льстило. Прончищевъ пошелъ даже дальше на этомъ пути, онъ нанялъ пѣлый домъ противъ дома князя Урусова и поселился тамъ одинъ, чтобъ имѣть возможность видѣть чаще даму своего сердца. Все это было въ духѣ того времени и производило въ обществѣ большой эффектъ, которымъ герой дня остался очень доволенъ ¹⁾.

¹⁾ Сергій Николаевичъ Кашкинъ, который былъ въ то время большой поѣса и насмѣшникъ, написалъ записку и послалъ ее влюбленному. Онъ поздравлялъ его съ новосельемъ и на адресѣ было написано: А. В. Прончищеву, противъ храма богини глузости. Е. С.

Тутъ тетушка Екатерина Алексѣевна не воздержалась распечь племянника за бесполезную трату денегъ; но своимъ интимнымъ друзьямъ говорила: «я не принимаю этого всеріозъ — молодо, зелено, а въ сущности лучше такъ истратить деньги, чѣмъ въ карты ихъ проиграть».

Послѣ рождественскихъ праздниковъ, послѣ бала-ревельона у Кашкиныхъ, въ обществѣ Москвы все ожидали бала у Кутайсовыхъ. Пригласительные билеты были разосланы, модные магазины Кузнецкаго моста были наполнены заказами дамскихъ туалетовъ, куаферы приглашены причесывать дѣвицъ и дамъ на этотъ день, чувствовалось особое движеніе и нѣкоторое волненіе въ извѣстномъ кругу общества. Графъ Кутайсовъ умѣлъ веселить Москву ¹⁾.

Это было въ воскресенье. Наканунѣ бала Екатерина Алексѣевна пріѣхала отъ обѣдни, выкушала свой кофе, сидѣла въ гостиной въ домѣ Несвицкихъ на диванѣ и вязала крючкомъ шерстяное одѣяло. Чепецъ съ широкой оборкой и бантомъ изъ газовыхъ лентъ покоился на подушкѣ дивана; она терпѣть не могла этого ненужнаго туалетнаго атрибута, но подчинялась его ношенію, ради зрѣлости своихъ лѣтъ, и онъ всегда бывало ловко очутится на ея головѣ, когда доложить о пріѣздѣ почтеннаго гостя.

Входитъ ранняя посѣтительница, не изъ очень важныхъ. Говорятъ о погодѣ, объ архіереѣ и пѣвчихъ въ Чудовомъ монастырѣ, наконецъ, о завтрашнемъ балѣ у Кутайсовыхъ.

— Я получила приглашеніе,—говоритъ гостя.

— Мы тоже; вчера принесли. Мои княжны будутъ въ розовыхъ креповыхъ.

— А Оболенскія будутъ?

— Понятно, что будутъ. Графъ Кутайсовъ самолично былъ у фрейлины съ приглашеніемъ, она не поѣдетъ по одному пригласительному билету. Мы видѣли его экипажъ давеча у фрейлинскаго подъѣзда; вѣроятно, отъ обѣдни къ ней заѣзжалъ. Вы знаете, какъ Александру Евгеньевну все уважаютъ.

— Миѣ показалось,—говоритъ гостя,—что старшая изъ Оболенскихъ, княжна Варвара, была блѣдна на балѣ у Шепелевыхъ. Кричатъ про нее: Грезова головка!—восхищаются, а я ничего особеннаго не нахожу.

¹⁾ Извѣстный брадобрей императора Павла Петровича, грузинъ родомъ, Иванъ Павловичъ Кутайсовъ († 9 янв. 1834 г.), былъ возведенъ императоромъ Павломъ въ баронское, а затѣмъ въ графское достоинство, въ должность оберъ-шталмейстера и въ кавалеры Андреевскаго ордена. Онъ имѣлъ двухъ сыновей 1) графа Павла Ивановича (р. 1780 † 9 марта 1840 г.), оберъ-гофмейстера и члена государственнаго совѣта, женатаго на княгинѣ Прасковѣ Петровнѣ Лопухиной, и 2) графа Александра Ивановича (р. 1784 † 26 авг. 1812 г.), убитаго подъ Бородинымъ, въ чинѣ генераль-майора. Въ разсказѣ В. П. Прончищевой рѣчь идетъ, по всему вѣроятію, о балѣ у графа Ивана Павловича Кутайсова, проживавшаго въ отставку въ двадцатыхъ годахъ, въ Москвѣ.

Екатерина Алексѣевна отрываетъ глаза отъ работы, устремляетъ ихъ въ упоръ на гостью удивленно-гнѣвно, точно та лично ее обидѣла.

— Что съ вами, та снѣге, и гдѣ у васъ глаза? Варенька Оболенская свѣжа, какъ роза, обѣ княжны прелестны!

Она откладываетъ свою работу, беретъ табакерку и нюхаетъ, потомъ слѣдуетъ пауза. Гостья, которая знаетъ истинныя чувства хозяйки дома къ Оболенскимъ, недоумѣваетъ; Екатерина Алексѣевна держитъ ее нѣкоторое время въ состояніи этого недоумѣнія, затѣмъ не спѣша говоритъ:

— Я вамъ доложу, та снѣге, по моему мнѣнію, обѣ княжны прелестны, что та, что другая. Но это не должно мѣшать намъ видѣть (она подчеркиваетъ это слово), что онѣ не нашего поля ягоды, тѣхъ же щей, да пожиже влей, вотъ что-съ...—при этомъ ноздри у нея слегка начинаютъ раздуваться:—ихъ мѣсто при дворѣ, оно вотъ какъ.

— Съ одной стороны вы правы,—соглашается гостья,—но...

Хозяйка быстро ее перебиваетъ, затѣмъ держитъ рѣчь мудрую, поучительную. Какое смиреніе она на себя напускаетъ, она повергается во прахъ передъ значеніемъ фрейлины, изъ ея устъ сыщются фразы: «Мы простыя дворянки, сударыня вы моя!—не вельможныя. Значитъ разуму не имѣть, если не понять, что всякій сверчокъ знай свой шестокъ. Нечего намъ гоняться за ними—далеко кукурикѣ до ястреба—это все августѣйшее, придворное!»... Она оживляется все болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ говоритъ.

Входитъ старшій ея племянникъ, князь Алексѣй Несвицкій, здоровается съ теткой, подходитъ къ ея рукѣ, раскланивается съ гостьей, которая сожалѣетъ, что онъ помѣшалъ изліянію чувствъ хозяйки, что было интересно послушать. Но Екатерина Алексѣевна замолкаетъ и успокаивается, она потянула со стола свою работу, считаетъ points на узорѣ и начинаетъ прилежно вязать, выпрастывая и ровняя шерсть.

Князь Алексѣй былъ въ парадной гвардейской формѣ, онъ правяетъ саблю, надѣваетъ перчатки.

— Ты съ визитами?—спрашиваетъ тетка.

— Да, та tante.

— Знаешь что, ваше сіятельство! было бы вамъ извѣстно, что Александра Евгеньевна Кашкина продаетъ своихъ ярославскихъ.

— Откуда вы это изволите знать, тетушка?

— Если говорю, то знаю. Шепелевы торгуютъ у нея, имѣніе хорошее—все плотники, а ты строишься въ Ермоловѣ.

— Можно подумать, — отвѣчалъ князь и подошелъ снова къ рукѣ тетки, которая въ это время прибавила:

— Можно выгодно купить, я знаю тоже изъ вѣрнаго источ-

ника, что князь Петръ Николаевичъ Оболенскій заложилъ свою подмосковную въ опекунскомъ совѣтѣ.

Гостя тоже прощались; она осталась довольна своимъ визитомъ и направлялась къ дверямъ гостиной. Тетушка, провожая ее, говорила: «До свиданья. До завтра, на балѣ у Кутайсовыхъ».

Балъ у Кутайсовыхъ былъ великолѣпный. Княжны Несвицкія въ розовыхъ креповыхъ платьяхъ были очень аванжны. Тетушка была довольна—ей мнилось даже, что онѣ затмятъ Оболенскихъ. Сами же дѣвицы, не раздѣляя вовсе антипатій высшаго начальства, носились въ бальной залѣ въ вихрѣ вальсовъ и котильоновъ (entourées). Тетушка сѣла за партію виста въ гостиной; ей положительно везло въ этотъ вечеръ, она была въ выигрышѣ, очень въ духѣ, любезна и только слегка язвительна.

Входитъ вчерашняя гостя и здоровается съ ней.

— Какъ вы поздно сегодня!—говоритъ тетушка.

— Да, я часто опаздываю, отдыхаю послѣ обѣда, потомъ туалетъ, а сегодня парикмахеръ задержалъ. Княжны очень, очень при своемъ аванжаѣ сегодня,—начинаетъ болтать гостя.—А слышали новость?

— Какую: розовую или голубую? — смѣется Екатерина Алексѣвна.

— Да, нѣтъ,—новость! Князь Николай Оболенскій объявленъ женихомъ.

— Ничего подобнаго не слыхала,—протяжно произноситъ Екатерина Алексѣвна.

— Какъ же, — вмѣшивается въ разговоръ одинъ изъ партнеровъ, старикъ сенаторъ.—Я радъ за князя Петра Николаевича, прекрасная партія для сына. Княжна Волконская! Она—сирота, единственная наследница громаднаго состоянія, жила и воспитывалась гдѣ-то въ деревенскомъ захолустѣ у опекуна.

Екатерина Алексѣвна вистовала въ продолженіе этого разговора и обремизилась. Разлетались ея мечты относительно партіи для княжны Анны. Буря поднималась со дна ея души, и Прѣсенская туча враждебности противъ Оболенскихъ принимала все бѣльшіе и бѣльшіе размѣры. Партія виста, однако, продолжалась. Балъ былъ въ эту минуту въ полномъ разгарѣ, оркестръ не умолкалъ, кадрили смѣнялись котильонами, вальсы длились тогда долѣе, чѣмъ впоследствии, когда полька вступила въ свои права на бальной сценѣ: бабушки же наши ея не танцовали. Но вотъ небольшой перерывъ, затѣмъ оркестръ заигралъ мазурку. Князь Алексѣй Несвицкій открылъ ее въ первой парѣ съ княжной Урусовой.

Екатерина Алексѣвна очень любила карты и вистъ, очень всегда увлекалась игрой, но вмѣнила себѣ въ обязанность на всѣхъ балахъ являться въ бальную залу въ половинѣ мазурки и взглянуть, съ кѣмъ танцуютъ ея княжны. Мазурка имѣла искони особо

интересное значеніе, она служила руководствомъ для соображеній насчетъ сердечныхъ склонностей — и сколько было сдѣлано признаній подѣ звуки ея живой мелодіи!

Екатерина Алексѣевна передала на этотъ разъ карты какой-то обязательной барынь, вышла изъ гостиной въ залу и усѣлась недалеко отъ двери подлѣ вчерашней гостыи. Въ этотъ вечеръ ей даже пріятно было встать изъ-за картъ; она чувствовала потребность движенія подѣ влияніемъ душевнаго волненія и тревоги. Она взяла лорнетъ, поднесла его къ глазамъ и начала внимательно производить инспекцію танцующихъ. Кто это танцуетъ въ первой парѣ? А! — нашъ князь Алексѣй съ княжной Урусовой. Какъ онъ хорошъ! — напоминаетъ покойницу сестру, — проходитъ у нея въ головѣ. Затѣмъ прелестная парочка передъ ея глазами скользитъ по паркету — ея Алеша и княжна Варенька Оболенская. Она была прелестна, эта головка, склоненная слегка впередъ въ облакъ пепельныхъ кудрей, ея кавалеръ съ его стройной изящной фигурой, съ движеніями спокойными и умѣренными въ этомъ танцѣ, гдѣ именно требуется извѣстное самообладаніе, чтобъ не сдѣлать шагъ къ смѣшному, — какъ онъ тоже хорошъ! Оба прелестны, свѣжи, юны! Она такая свѣтлая звѣздочка, эта Варенька Оболенская. Она — змѣя! — вдругъ мелькнуло въ головѣ Екатерины Алексѣевны: — она вѣрно выбрала его въ фигурѣ, но съ кѣмъ же Алеша танцуетъ мазурку? конечно, не съ ней же? Глаза ея не могутъ оторваться отъ этой пары. Вотъ они обѣжали всю залу, вертятся для заключенія тура и садятся парой въ противоположномъ концѣ залы, прямо противъ нея. Соображенія опять падаютъ передъ дѣйствительностью; громъ гремитъ изъ тучи, что шла съ Прѣсни, гонимая враждебностью, и она остановилась и разразилась надъ головой Екатерины Алексѣевны въ этой бальной залѣ у Кутайсовыхъ. Громъ и молнія! — у нея искры изъ глазъ сыплются, и буря сильнѣе поднимается со дна ея души.

— *Vonne nuit* (добрый вечеръ), *chère* Екатерина Алексѣевна, я уѣзжаю, устала, едва стою на ногахъ. Передъ ней стояла тетушка фрейлина и протягивала ей руку на прощанье. И Екатерина Алексѣевна пожала эту руку и сказала ей даже: «до пріятнаго свиданья». Затѣмъ она видѣла, что тетушка фрейлина остановилась въ дверяхъ залы, сдѣлала знакъ княжнамъ и подождала. Тетушка часто увозила ихъ изъ мазурки; онѣ замѣтили ея знакъ и подѣ руку съ своими кавалерами ловко пробирались между танцующими въ томъ направленіи, гдѣ стояла тетушка. Хозяинъ дома, графъ Кутайсовъ, извѣстившись о намѣреніи фрейлины уѣхать, показался тоже въ дверяхъ, подалъ ей руку и повелъ ее провожать до послѣдней залы передъ швейцарской. Прончищевъ и кавалеръ другой княжны провожали ихъ до кареты.

Пока это дѣйствіе происходило, глубокій мракъ покрылъ для

Екатерины Алексѣевны этотъ бальный блескъ и свѣтъ. Она потеряла способность соображать, но чувствовала, однако, какъ необходимо ей пересилить себя и не высказаться. Она вернулась къ своей партіи виста, и когда усѣлась опять за карты, тогда только опомнилась; мысль, что балъ клонился къ концу, поддерживала ея слабѣющія силы, и она скоро достаточно овладѣла собой, чтобъ рѣшить въ самой себѣ, что ей непремѣнно надо остаться ужинать. Главное, надо сдержать порывы душевнаго волненія, не показать же всѣмъ, что у нея тамъ, въ глубинѣ души, подымается!..

Княжны Несвиція въ промежуткѣ этого времени предавались беззаботно упоенію бальной атмосферы, тому упоенію, которое всегда является у молодыхъ дѣвицъ вмѣстѣ съ сознаніемъ своего успѣха въ бальной залѣ. Имъ хотѣлось, чтобъ эта ночь никогда не кончилась для нихъ; да и врядъ ли сознаешь въ эту счастливую пору молодости, что такая ночь съ свѣтомъ и блескомъ бальныхъ огней окончится, и за ней взойдетъ заря другого дня. Онѣ вовсе не замѣчали волненія тетушки, да и помнили ли, что есть эта тетушка на бѣломъ свѣтѣ.

Но вотъ и ужинъ кончился, всѣ разѣхались. Онѣ тоже слѣдуютъ движенію толпы по лѣстницѣ Кутайсовскаго дома. Ихъ провожали братья Кашкины, оба Оболенскіе, еще многіе изъ молодежи. Наконецъ онѣ на крыльцѣ, карета ихъ подана, ихъ усаживаютъ, и экипажъ тронулся. Бѣдныя княжны, какъ мало онѣ были приготовлены къ сценѣ, которая затѣмъ послѣдовала. Да, все время ихъ путешествія домой было для нихъ состояніемъ сущей пытки, и онѣ должны были вполне убѣдиться, что жизненный путь не всегда усыпанъ розами.

Чѣмъ долѣе было сдержано волненіе въ груди тетушки при чужихъ, тѣмъ сильнѣе оно вылилось на нихъ необузданнымъ гнѣвомъ, и онѣ безъ вины остались во всемъ виноваты. Началось съ того, что тетушка вынула изъ кармана серебряную табакерку и нюхнула нѣсколько щепотокъ французскаго табаку. Княжны знали тетку и почували что-то недоброе, но молчаніе продолжалось. Затѣмъ это недоброе молчаніе начало прерываться вздохами—знакъ опять неблагопріятный!..

Потомъ тихимъ, сдерживающимъ волненіе голосомъ:

— Вы совершенные ангелы!—обращается къ нимъ тетушка:— агнцы непорочные, везомые на закланіе. Позвольте поблагодарить ваши сіятельства отъ полноты моего сердца. Точно малыя, утѣшаете вы тетушку, — это вѣдь ваши *amies de coeur* (сердечные друзья), аристократическія, придворныя чистокровки. Видѣли вы, съ кѣмъ Алеша танцевалъ мазурку? Любуйтесь теперь, сударыни, вашей работой! Сурово—не бѣлье, ваше рукодѣлье.

Голосъ ея возвышался по мѣрѣ того, какъ она говорила, и дрожалъ отъ гнѣва. Она разстегнула шубу, ей было жарко.

— Любуйтесь теперь, говорю я вамъ! Развѣ вы не видите, какая она кокетка, вѣтрогонка! Она собьетъ Алешу съ пути и съ дороги.

Княжны молчатъ, зная по опыту, какъ бесполезно возражать теткѣ въ такія минуты раздраженія. Она, однако, продолжаетъ послѣ паузы:

— А эта придворная фонаберія увозить изъ мазурки (roug se faire désiré) пуръ се феръ дезире.—Она нарочно коверкала французскія слова на русскій ладъ.—Знаю я и все понимаю!—старого воробья на мякинѣ не обманешь.

— Но, ma tante,—пробуютъ успокоить ее княжны.—Успокойтесь, вы изволите преувеличивать, право, ничего подобнаго нѣтъ.

Онѣ сразу поняли, къ чему относилась рѣчь тетки.

— Молчите, неблагодарныя! — вырывается тогда уже крикомъ изъ груди тетушки.—Вы измѣнницы! Вы становитесь въ ряды моихъ враговъ! Молчите! мнѣ дурно, дурно!...

Одна изъ княженъ опускаетъ окно кареты, другая даетъ теткѣ нюхать флаконъ съ солями. Взглянувъ въ окно, онѣ съ радостью увидѣли, что были уже въ Кудринѣ — значить, скоро дома. Въ этотъ вечеръ тетушку съ трудомъ успокоили и уложили въ постель. Она была нѣсколько дней нездорова послѣ бала у Кутайсовыхъ.

XIX.

Сонъ наяву.

Это было рано утромъ наканунѣ бала у Кутайсовыхъ. Князь Петръ Николаевичъ Оболенскій только что всталъ съ постели, умылся, Богу помолился и сѣлъ за письменный столъ. Ему необходимо было заняться письмами и счетами. Ему было тяжело въ денежныхъ его дѣлахъ: семья большая, двухъ дочерей недавно онъ выдалъ замужъ, меньшія выѣзжали, сыновей надо было содержать въ гвардіи. Онъ въ эту зиму принужденъ былъ заложить свою подмосковную, чтобы свести концы съ концами! Печальныя мысли осаждали его въ это утро. Онъ тоже слышалъ о сватовствѣ сына за княжну Волконскую, и его брало раздумье: князь не считалъ своего сына способнымъ къ семейной жизни. Николай былъ такъ упрямъ и своенравенъ, что судьба его будущей супруги не могла представляться старику-отцу въ розовомъ свѣтѣ.

Старый князь имѣлъ много горя съ этимъ старшимъ сыномъ; у него были съ нимъ постоянныя размолвки, которыя тяготѣли надъ его совѣстью. Леонтьевы, которыхъ онъ надѣялся видѣть у себя эту зиму, не пріѣхали, такъ что безъ нихъ ему было еще труднѣе на пути борьбы съ Николаемъ. Сынъ этотъ жилъ отдѣльно отъ отца, былъ совершеннолѣтній, имѣлъ свое собственное круп-

ное состояніе покойной матери и обращался очень жестоко съ крѣпостными людьми. Часто являлись эти несчастные, бросались въ ноги князю-отцу, прося помилованья и защиты. Князь успѣвалъ иногда смягчить сына, но то была тяжелая, утомительная борьба, и въ семьѣ боялись этихъ ссоръ тѣмъ болѣе, что князь бывалъ боленъ послѣ нихъ. Онъ горячо молился, этотъ кроткій святой старецъ, за этихъ людей, надъ которыми тяготѣли столь тяжелыя бремена, за сына, за себя, многогрѣшнаго. И откуда, какъ? отчего Николай такой жестокій, безсердечный? — и себя онъ упрекалъ, что не сумѣлъ воспитать его другимъ.

Княжны встали уже и видѣли въ окно со своихъ антресолей сани брата Николая у подъѣзда. Какъ онъ рано!.. что еще?—мелькнуло у нихъ въ головѣ.—Чѣмъ кончится этотъ визитъ?—онѣ встревожились. Князь Николай сидѣлъ долго у отца, потомъ онѣ видѣли, какъ онъ уѣхалъ.

Тогда онѣ сошли внизъ и съ бьющимися сердцами пошли здороваться съ папенькой. Когда онѣ вошли въ кабинетъ, онъ сидѣлъ еще въ халатѣ въ своихъ большихъ креслахъ за письменнымъ столомъ, задумчивый, грустный, да! и растроганный. Но князь сейчасъ же улыбнулся дочерямъ и поспѣшилъ ихъ успокоить.

— Ничего, дѣвки (онъ часто такъ называлъ ихъ въ шутку), не очень пугайтесь, да что это? — я вижу, на васъ лица нѣтъ. Ну, ну!—грозилъ онъ имъ пальцемъ,—я и самъ озадаченъ, только кто его знаетъ? — можетъ, все это къ лучшему.

Онъ всталъ, обнялъ ихъ, притянулъ каждую къ себѣ и поцѣловалъ въ лобъ, потомъ, понизивъ немного голосъ, произнесъ:

— Я вамъ на ушко скажу—Николай нашъ женится.

На лицахъ княженъ выразилось удивленіе, однако легче стало на душѣ.

— Идите, мои пташечки,—говорилъ князь, помолившись.—Христосъ съ вами пока. Велите подать мнѣ одѣться, надо пойти сообщить тетущкѣ.

Въ это утро князь выѣхалъ въ каретѣ съ визитами, онъ былъ, между прочимъ, и у невѣсты сына.

Въ домѣ всѣ вскорѣ узнали, что молодой князь женится. Пошли разговоры, извѣстное волненіе, какъ это всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ.

На фрейлинской половинѣ это событіе было встрѣчено особенно радостно. Когда въ это утро княжны съ братьями вошли здороваться съ тетущкой, она сидѣла въ своей угольной на диванѣ очень веселая и даже возбужденная.

— Честь имѣю васъ поздравить,—говорила она, пока всѣ вошедшіе садились вокругъ нея.—Прекрасная партія, прекрасное имя, и совсѣмъ еще молодое созданіе; она его смягчитъ, будетъ имѣть на него хорошее вліяніе. Увидите, что это такъ и будетъ, я готова

пари держать. Constantin,—продолжала она, обращаясь ко второму, младшему племяннику, ея любимцу:—приди, моя душа, ко мнѣ на помощь. Ils ont tous des figures d'enterrement. Этотъ Евгеній!—она дотронулась до его плеча:—почему такой торжественный видъ? Brisez donc la glace! Надо просто смотрѣть на вещи; свадьба въ домѣ, и все тутъ.

— Понятно, ma tante, что и говорить,—отвѣчала Константинъ.— По-моему, доложу вамъ, одна Екатерина Михайловна (мать Оленьки) отлично свое дѣло знаетъ. Она уже побѣжала къ Иверской поклонны битъ, свѣчи возжигать. Это такъ, какъ слѣдуетъ: безъ Бога не до порога! Печалиться и плакать тутъ не изъ чего. Помилуйте— у Вареньки, Наташи и Оленьки шесть батистовыхъ платьевъ, мокрыхъ отъ слезъ,—шутить онъ:—Денисовна сейчасъ мнѣ показывала. Это неумовѣрно!—помолились, поплакали,—говорить онъ се-страмъ,—теперь извольте отирать слезы, сморкайтесь и будемъ цѣловаться.—Онъ крѣпко обнялъ сестеръ.

— Когда же невѣста будетъ у васъ, ma tante?

— Кажется, въ четвергъ.

— Прекрасно, я завидую брату Николаю и постараюсь ити по его стопамъ. И откуда она явилась, эта княжна Волконская?—вѣрно, съ неба. Говорятъ, она изъ Уфы, изъ Оренбурга или изъ Самары.

— Интересно,—говорила задумавшись тетка,—дай Богъ въ добрый часъ.

Загѣмъ былъ балъ у Кутайсовыхъ, а на другой день послѣ него невѣста была съ визитомъ у будущаго своего свекра.

Этотъ визитъ сдѣлалъ на всѣхъ въ домѣ глубокое впечатлѣнiе, всѣмъ мнилось, что то былъ сонъ наяву. Невѣста пріѣхала въ двухъ экипажахъ съ верховыми гайдуками по обѣимъ сторонамъ кареты. Ее сопровождали мамушки, нянюшки, въ яркихъ шелковыхъ сарафанахъ, душегрѣйкахъ съ мѣховыми опушками, въ парчевыхъ повойникахъ и сборникахъ, карлицы, казачки съ калмыцкимъ типомъ смуглыхъ лицъ, лакеи въ фамильныхъ ливреяхъ. И вотъ она упала посреди высшаго московскаго общества людей, стоящихъ уже твердо на почвѣ европейскаго образованiя и обычаевъ. И она появилась передъ ними въ рамкѣ давно забытаго, допотопнаго существованiя; явилась одна, безъ всякаго покровителя или покровительницы, въ качествѣ невѣсты въ домѣ отца нареченнаго ея жениха. Вся эта прародительская челядь слѣдовала за своей госпожей въ парадную гостиную фрейлины и остановилась въ почтительномъ разстоянiи, выстроившись амфитеатромъ передъ ней, когда княжна сѣла на диванъ подлѣ тетушки.

Невѣста была въ бѣломъ атласномъ утреннемъ капотѣ съ со-больей опушкой, въ жемчугахъ и брильянтахъ. Жаль, что успѣли сшить ей европейское платье на Кузнецкомъ мосту; она была бы

гораздо лучше русской боярышней. На видъ ей было лѣтъ 20, высокая, полная, круглолицая, съ прекрасными карими глазами, яркій румянецъ поминутно вспыхивалъ на свѣжемъ ея лицѣ отъ смущенія и застѣнчивости.

Когда ее со всѣми перезнакомили, и князь заговорилъ съ ней, тогда она успѣла уже оправиться и отвѣчала ему просто и разумно; голосъ у нея былъ мягкій, грудной и пріятный. Подали кофе. Но разговоръ не клеился, и ей, и всѣмъ было неловко; въ ней было совершенное отсутствіе свѣтскихъ приемовъ, умѣнья держать себя въ обществѣ.

«Сказочная, восточная принцесса» — мелькнуло у всѣхъ въ головѣ, когда она уѣхала, и всѣмъ стало легче на душѣ. Тетушка прежде всѣхъ оправилась отъ впечатлѣнія этого перваго знакомства съ невѣстой князя Николая.

«Все это странно очень», говорила она, «но было бы хуже, еслибъ княжна была только провинціальна. Она мнѣ понравилась, да и все къ лучшему, я ее полюблю. У нея прекрасные глаза, и звукъ ея голоса мнѣ по душѣ».

Старый князь задумался. Николай, Николай! каково-то будетъ жить съ тобой этой молодой, неопытной дѣвушкѣ.

XX.

Кончина А. Г. Кашкиной.

Былъ уже февраль, до масленицы оставалось всего нѣсколько дней. У Оболенскихъ всѣ были очень встревожены, любимая всѣми тетка, Анна Гавриловна Кашкина, опасно заболѣла. Докторъ Дидковский не покидалъ ея; онъ опасался, что при слабости ея организма она не перенесетъ этого сильнаго воспаленія въ легкихъ. Между тѣмъ отпускъ ея сына Сергѣя и князей Евгенія и Константина истекалъ, и имъ необходимо было возвращаться въ Петербургъ.

На фрейлинской половинѣ никого не принимали изъ постороннихъ; тетушка была такъ разстроена, что выѣзжала только къ Кашкинымъ, гдѣ проводила все свое время. На балы и вечера приглашеній не принимала и велѣла Дуняшѣ отложить кройку голубыхъ платьевъ, назначавшихся для бала деннаго собранія. Время въ домѣ тянулось медленно подъ вліяніемъ тревоги и ожиданія исхода этой тяжелой болѣзни доброй, всѣми любимой Анны Гавриловны.

Раннее утро, чуть свѣтаетъ. Господа въ своихъ спальняхъ еще объаты крѣпкимъ сномъ. Движеніе въ домѣ является только между прислугой, да Катерина Михайловна сползла съ антресолей и отправилась къ заутрени. У окна казачекъ мететь и выбиваетъ ковры на князевой половинѣ; Тимоша чиститъ клѣтки канареекъ и попу-

гая въ фрейлинской парадной гостиной, стелеть дорожки по коридорамъ, а Параша убираетъ гардеробную комнату.

Совсѣмъ развѣло. Параша накрываетъ подъ окномъ гардеробной маленькій столикъ бѣлой скатертью, уставляетъ на немъ чашки и всѣ чайныя принадлежности и бѣжитъ въ кухню за самоваромъ.

Фрейлинскія дѣвушки, Авдотья и Настасья, входятъ въ гардеробную и садятся за утреннее чаепитіе, подъ ногами у нихъ вертится бѣлая болонка съ розовымъ бантомъ между лохматыми ушками. Она садится на заднія лапки, машетъ передними противъ морды и начинаетъ изрѣдка лаять.

— Цыцъ, цыцъ! Фиделичка, молчать, тихо!... разбудишь фрейлину; совсѣмъ плохо онѣ почивали, и кашель, и кашель.

Авдотья бросаетъ кусочекъ сахару.

— Разстроены,—говоритъ Настя, прихлебывая чай.

— Понятно, что разстроены, Настенька. Вы знаете, какъ онѣ любятъ Анну Гавриловну, и говорятъ—она плоха. Вы сами посудите, какая для нихъ скорбь! Вчера вечеромъ, какъ онѣ вернулись отъ Кашкиныхъ, сѣли передъ туалетомъ, я чепецъ откалываю у нихъ на головкѣ и вижу въ зеркало, что очень, очень разстроены; сами молчатъ, только губками пережевываютъ—знаете ихъ манеръ—и табакерку промежъ двухъ пальцевъ вертятъ. «Поскорѣй», говорятъ, «Дуняша, ты меня колешь». И впрямь я имъ ушко булавкой задѣла—такой грѣхъ! Ну, раздѣла я ихъ поскорѣй, легли въ постель, прикрыла я ихъ одѣяломъ, ножки закутала. «Дай кошелекъ», говорятъ; я подала; вынули мелочь. «Дуняша, скажи, пожалуйста Катеринѣ Михайловнѣ, чтобъ завтра о здоровіи болящей боярыни Анны на ранней обѣднѣ подала». А у самихъ слезы по щекамъ такъ и катятся. «Плоха наша Анна Гавриловна, Дуняша!» шепчутъ мнѣ, какъ я нагнулась руку цѣловать. Какъ я ихъ уложила, выхожу въ гардеробную, Кирюша зашелъ; онъ съ ними вчера за каретой ѣздилъ, такъ и намъ сталъ рассказывать, что тамъ у Кашкиныхъ дѣлается. Докторъ тамъ безвыходно, объявилъ положеніе отчаяннымъ. Развѣ что Богъ смилуется. За нашимъ княземъ Евгеніемъ Петровичемъ послали вчера вечеромъ, и онъ входилъ въ спальню, упалъ на колѣни передъ постелью, Анна Гавриловна обняли ихъ, благословили и шепчутъ: «Сережу моего, Сережу тебѣ поручаю». Аннунка рассказывала эти слова Кирюшѣ, она постоянно въ спальнѣ при генеральшѣ находится. Въ домѣ у Кашкиныхъ такое уныніе.

Фиделька опять садится на заднія лапы и лаетъ.

— Цыцъ, цыцъ!

— Парашенька, брось Фиделькѣ сахарцу, напейся чайку, да помой посуду».

Обѣ фрейлинскія дѣвушки встали изъ-за чайнаго столика и перешли къ большому круглому столу; Авдотья сидитъ и плетъ оборку перочиннымъ ножичкомъ, Настасья вяжетъ чулокъ. Она взяла

Фидельку къ себѣ на колѣни, спицами шибко перебираетъ, задумалась и вздохнула.

— Она страдалница, наша дорогая сенаторша Анна Гавриловна,— говоритъ она:— только Дуняша, я недоумѣваю, при чемъ тутъ нашъ Евгений-то Петровичъ? Положимъ, что ей на супруга надежда плохая, хоть бы и насчетъ сына. Сенаторъ характерный, ладу съ сыномъ не будетъ. Сергѣй Николаевичъ избалованъ, у нихъ вѣтеръ въ головѣ, а все-таки, по-моему, что тутъ Евгению Петровичу дѣлать? Нашъ солидень—спору нѣтъ, а нешто его Сергѣй-то Николаевичъ послушаетъ? какъ бы не такъ? Онъ тоже куда богаче нашихъ-то князей.

— Какъ вы поверхностно судите, Настенька!—не въ ладахъ тутъ дѣло и не въ деньгахъ, а понятно, что Евгений Петровичъ большой форсъ въ семьѣ забираютъ; фрейлина сами этому удивляются, почему къ нему ото всѣхъ такое довѣріе. Сергѣй-то Николаевичъ и сами не глуше ихъ, а Константинъ-то Петровичъ!..

— Позвольте, Дуняша, вамъ одно сказать,—живо перебиваетъ тутъ Настя, — позвольте сказать, что и вы и ихъ превосходительство Александра Евгеньевна противу Евгения Петровича невѣрно судите. Вы вотъ что скажите: кто у васъ добрѣе-то, смирнѣе-то его?—она даже петлю спустила, такъ оживилась. Сказано: не сотвори себѣ кумира, а фрейлина только что не молится на Константина-то Петровича. По мнѣ вы его хоть въ кіотъ съ образами поставьте, да и лампадки передъ нимъ зажигайте—мнѣ что?—она видимо сильно волновалась.

Въ спальнѣ фрейлины въ эту минуту послышался звонокъ. Дуняша поспѣшно вышла изъ комнаты. Фиделька спрыгнула съ колѣнъ Настасьи и побѣжала въ томъ же направленіи.

Настасья посидѣла еще нѣсколько времени задумавшись, потомъ сложила чулокъ, уравнила четыре спицы, прикрѣпила пятой чулокъ къ клубку и положила на столъ. «Пора итти кофей варить»,—сказала она и вышла изъ гардеробной.

Въ то самое время какъ звонокъ фрейлины раздался въ спальнѣ, къ крыльцу Подновинскаго дома Оболенскихъ подъѣхали сани домашняго доктора Кашкиныхъ. Онъ вошелъ по лѣстницѣ усталой походкой своихъ старческихъ шаговъ, въ передней кинулъ свою шубу на руки перваго попавшагося лакея. «Князь?»—спросилъ онъ.

— Ихъ сіятельство у обѣдни; пожалуйста на половину къ молодымъ князьямъ,—и лакей повелъ доктора по коридору.

Князя Евгений и Константинъ пили утренній чай, когда докторъ вошелъ въ ихъ кабинетъ. Прежде чѣмъ онъ произнесъ единое слово, все было понято. «Все кончилось», сказалъ однако докторъ. Князь Евгений молча осѣнилъ во всю грудь крестнымъ знаменіемъ. «Царство ей небесное!»—сказалъ князь Константинъ Онъ придвинулъ доктору кресло ближе къ столу, докторъ сѣлъ и сталъ

разсказывать о ходѣ болѣзни съ медицинскими подробностями. Онъ выводилъ причины, почему это должно было такъ кончиться, но то, что произошло, и то, что кончилось, суть то неотразимое, чего ничья земная рука не можетъ устранить съ пути человѣческой жизни.

Князья разсѣянно слушали доктора, затѣмъ встали и попросили его заѣхать въ теченіе утра. Всѣ трое вышли изъ кабинета: предстояло сообщить печальное извѣстіе отцу и тетушкѣ.

Первыя минуты горя всегда парализуютъ, потомъ удаляется постепенно то таинственное, непостижимое и неотразимое; затѣмъ дѣйствительность входитъ снова въ свои права, и сознаніе его тяжести съ большею тягостью чѣмъ когда либо погружаетъ насъ въ жизнь и ея заботы. Та, которой сейчасъ не стало, достигла чего-то, а тѣ, которые остались, должны продолжать свой путь—итти, итти впередъ!...

XXI.

Н о с ы.

Въ семьѣ всѣ любили и уважали добрую и умную Анну Гавриловну Кашкину, супругу сенатора Николая Евгеньевича; ея кончина была чувствительной утратой для Оболенскихъ. Когда въ послѣдствіи на пути ихъ жизни встрѣтились болѣе тяжкія скорби, тогда имъ всегда казалось, что именно эта любимая всѣми тетка увнесла за собой весь запасъ ихъ жизненныхъ радостей.

Знакомые и родные проводили бранные останки Анны Гавриловны въ Донской монастырь, гдѣ она была погребена. Въ тотъ же день послѣ похоронъ сынъ ея, Сергѣй, и оба Оболенскіе, Константинъ и Евгений, уѣхали въ Петербургъ.

У Оболенскихъ въ домѣ, послѣ веселой и легкой атмосферы, царствовало уныніе. Фрейлина не покидала своихъ апартаментовъ и никого не принимала. вмѣсто бальныхъ платьевъ кроились въ гардеробной траурныя.

На Садовой же въ домѣ сенатора была опасно больна дочь его, Варенька. Княжны Варенька и Наташа попеременно дежурили у изголовья больной, и докторъ Дидковскій опять проводилъ ночи въ домѣ Кашкиныхъ. Варенькѣ Кашкиной было въ то время 14 лѣтъ; она была высокая, не по лѣтамъ худая дѣвочка, темнокудрая съ выразительнымъ личикомъ. Характеръ этой дѣвочки представлялъ съ дѣтства самыя странныя противорѣчія. Ея застѣнчивость переходила крайнія границы, возбужденіе при видѣ чужого лица было такъ сильно, что ребенокъ заболѣвалъ, и, по совѣту докторовъ, рѣшили не раздражать ея и не принуждать къ свѣтскимъ обязанностямъ. Она росла въ своихъ дѣтскихъ комнатахъ съ няней и гу-

вернанткой нѣмкой. Главная черта ея характера была неумѣренность въ привязанностяхъ и антипатіяхъ; это очень заботило ея мать, которая понимала, что для мужа ея будутъ только докучливы движенія души этого нервнаго и впечатлительнаго ребенка. Отецъ былъ, впрочемъ, равнодушенъ къ дочери, и тѣмъ легче было для Анны Гавриловны удалять Вареньку изъ гостиныхъ. «До поры до времени», говорила покойница, «еще успѣетъ она играть въ свѣтѣ роль дочери сенатора Кашкина». Варенька такимъ образомъ рѣдко видала отца, но къ матери была страстно привязана. Можно теперь представить, какимъ ударомъ была для нея кончина матери; она не плакала, но находилась въ состояніи столбняка и оцѣпенѣнія, затѣмъ опасно заболѣла, и вотъ какъ это случилось.

Въ самый день кончины Анны Гавриловны, вечеромъ, княжны Оболенскія съ тетушкой были на панихидѣ у Кашкиныхъ. По окончаніи службы въ заѣздѣ, гдѣ стояла покойница, старшій штатъ родственниковъ потянулся въ гостиную, молодые же прошли сначала въ дѣтскія комнаты. Княжны и Оленька старались окружить Вареньку, чтобы облегчить ей тягость быть на виду (*en représentation*) въ такія горькія для нея минуты. И была ли она, бѣдная, годна при ея скорби переносить этотъ тяжелый похоронный этикетъ? Княжны совѣтовали оставить пока Вареньку въ ея комнатахъ, но сенаторъ прислалъ за ними, чтобы онѣ пожаловали въ гостиную, и надо было туда направиться. Эта гостиная въ домѣ Кашкиныхъ была высокая большая комната съ мраморными бѣлыми стѣнами, съ кипарисами по угламъ, съ экзотическими растеніями между массивной мебелью. Въ этотъ вечеръ она была тускло освѣщена и декорирована чернымъ сукномъ. Присутствующіе хранили торжественное молчаніе, требуемое этикетомъ въ присутствіи покойника въ домѣ. Тетушки Кашкины, сестры сенатора (ихъ было числомъ шесть), сидѣли на большомъ диванѣ, который стоялъ далеко отъ стѣны, то былъ боковой диванъ, который составлялъ этаблисманъ поперекъ угла гостиной. Тетушки всѣ были, конечно, въ глубокомъ траурѣ, въ плерезахъ, въ черныхъ креповыхъ чепцахъ съ широкими оборками; лица ихъ почти не были видны, потому что свѣтъ отъ канделябра падалъ сбоку, между тѣмъ какъ силуэты этихъ лицъ падали удлиненною тѣнью ихъ профилей прямо на мраморную колонну. Когда княжны съ Варенькой, войдя въ гостиную, стали приближаться къ дивану, гдѣ сидѣли тетушки, изъ устъ Вареньки вылетѣло и повторилось громко нѣсколько разъ слово: «носы, носы!»; затѣмъ она покатила со смѣху, показывая пальцемъ на колонну, куда падала тѣнь отъ силуэтовъ тетушекъ. Можно понять какой эффектъ произвелъ этотъ смѣхъ въ такую минуту на присутствующихъ. Сенаторъ отецъ всталъ, на его надменномъ лицѣ выразилось негодованіе, тетушки смутились, княжны шепотомъ окликаютъ Вареньку, чтобы остановить ее, а она пуще

хохочетъ, пока наконецъ этотъ смѣхъ принимаетъ другія интонаціи, переходитъ въ вопль, въ крикъ, и она безъ чувствъ падаетъ на паркетъ. Ее отнесли въ дѣтскую, послали за докторомъ; это былъ продолжительный обморокъ. Дыханіе, однако, возвратилось при помощи обычныхъ средствъ въ такихъ случаяхъ, но она никого не узнавала, а въ ночь появился бредъ. И съ этой ночи княжны и Оленька дежурили при постели больной, не покидая ея. Началась серія мучительныхъ дней у изголовья Вареньки.

Какъ она была трогательна, эта милая осиротѣвшая дѣвочка, посреди роскоши родительскаго дома, въ борьбѣ съ безобразной тяжелой болѣзью, которая надъ нею работала. У нея была нервная горячка, усложненная приливомъ къ мозгу. Какая перемяна произошла тогда въ чувствахъ ея отца!—онъ, такой прежде равнодушный къ ней, проводилъ цѣлые часы въ молитвѣ на колѣняхъ передъ иконами. Онъ давалъ обѣты, посылалъ богатые дары по монастырямъ—видно, противорѣчія существовали и въ его характерѣ. Одинъ старый князь, Петръ Николаевичъ Оболенскій, умѣлъ смягчить сенатору эти часы отчаянія. Онъ тоже почти не покидалъ его, ихъ сблизили эти печальные дни скорби. Дружба между обѣими семьями укрѣпилась тѣснѣе подъ вліяніемъ этого скорбнаго періода ихъ жизни.

Однако послѣ трехъ недѣль насталъ благопріятный кризисъ, опасность удалилась, и больная стала выздоравливать. Великій постъ былъ тогда на исходѣ, и Пасху всѣ встрѣтили въ болѣе покойномъ настроеніи.

XXII.

Село Рождествено.

Пасха была въ этотъ годъ въ снѣгу, т.-е. стоялъ еще санный путь, что нерѣдко въ Москвѣ.

Помѣщики, пріѣхавшіе на зиму въ столицу, чтобъ пользоваться ея удовольствіями, подумывали объ отъѣздѣ восвояси, дальніе же всѣ уѣхали уже въ концѣ поста. Имъ выгодно было добраться до-мой зимнимъ путемъ на полозьяхъ.

Княжны Несвицкія очень желали провести Святую въ Москвѣ, но тетушка Екатерина Алексѣевна Прончищева на это не согласилась; ей надо было сѣздить въ Калугу повидаться съ архіереемъ. Она строила храмъ въ Богимовѣ, имѣніи племянника, была сильно озабочена этимъ важнымъ дѣломъ и уѣхала на шестой недѣлѣ поста. Княжны же отправились въ Нетесово, подмосковную дяди Раевского. Онѣ пріѣзжали проститься съ Оболенскими, обѣщали писать Варенькѣ и Наташѣ; молодыя дѣвицы очень подружились между собою въ эту зиму 1825-го года.

Кашкины уѣхали на Оминой въ Прыски, ихъ калужское имѣніе близъ Оптиной пустыни; подъ Новинскимъ у Оболенскихъ все тоже было на чеку для отъѣзда въ подмосковную. Княжны очень любили деревню и уговаривали отца ѣхать туда, какъ можно скорѣе послѣ Святой, но тетушка, которая оставалась всегда лѣтомъ въ московскомъ домѣ, всякій годъ останавливала этотъ желанный весенній полетъ въ Рождествено подъ разными предлогами. На этотъ разъ главной причиной замедленія поѣздки было ожиданіе извѣстій изъ Симбирска, куда князь Николай (женихъ) отправился еще постомъ въ имѣніе своей невѣсты. Наконецъ отъ него было получено письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ отца, что въ первое воскресенье послѣ Пасхи онъ вступилъ въ законный бракъ съ княжной Натальей Дмитриевной Волконской. Молодые медлили отъѣздомъ изъ Симбирскаго имѣнія, потому что московскій домъ, который князь Николай купилъ эту зиму за Москвой рѣкой, не былъ еще отдѣланъ. Это послѣднее обстоятельство подвинуло рѣшеніе поѣздки Оболенскихъ въ подмосковную, къ великому удовольствію княженъ, Оленьки и няни Денисовны, у которой въ Рождественѣ были родные.

Въ деревнѣ всѣ чувствовали себя свободнѣе, чѣмъ подъ Новинскимъ въ Москвѣ, гдѣ тетушка была все-таки высшее начальство, требовала къ себѣ большаго вниманія и твердо держала бразды правленія въ смыслѣ этикета. Молодыхъ это часто утомляло. А тутъ въ Рождественѣ жизнь съ однимъ папенькой, съ которымъ княжнамъ жилось такъ легко, и какъ тепло и уютно было подъ его крылышкомъ!

Весна медлила въ этотъ годъ вступить въ свои права. Снѣгу было еще много, проталины появлялись, очищая только бугры; ледъ стоялъ на пруду, подернувшись слегка грязноватою водой. Въ первое воскресенье, по пріѣздѣ изъ Москвы, въ церковь всѣ ѣздили еще на саняхъ. «Врядъ ли на Юрьевъ день листъ будетъ нонѣ въ полушку, коли такъ пойдетъ»,—говорили мужички. Дни были такіе холодные, что въ домѣ прилежно топили, и выйти погулять никому и въ голову не приходило. Княжны придумали вышивать коверъ въ виду того, что молодые, князь Николай съ женой, будутъ непременно съ визитомъ у князя отца въ Рождественѣ. Этотъ коверъ ихъ работы будетъ подаркомъ молодой княгинѣ. Изъ кладовой принесли паяца, канва легла упругой ровной тканью на ихъ рамкѣ.

Князь одобрилъ намѣреніе привѣтствовать подаркомъ молодую княгиню, вмѣшивался въ выборъ узора, ссорился шутя съ дочерьми насчетъ какихъ-то незабудокъ на узорѣ, которыя хотѣлъ замѣнить макомъ.

— Папа голубчикъ, этого нельзя, вы ровно ничего не понимаете,—говорила Варенька,—это выйдутъ въ шитьѣ красныя лешки, а вовсе не макъ.

— Помилосердуй, Барбуха! (онъ часто такъ называлъ Вареньку) макъ у нея лепешки! Съ чѣмъ это сообразно?—одинъ духъ противорѣчія. Пустите, дѣвки, пустите, я самъ буду вышивать.—Князь серьезно сѣлся за пяльца. Княжны и Оленька помирали со смѣху, и кончалось всегда тѣмъ, что всѣ они начинали возиться, точно дѣти. Дѣвушки отнимали у старика шерсть, иголки, ловили цѣловать его руки, если въ борьбѣ приходилось его толкнуть, ножницы и наперстки летѣли съ пялецъ на полъ, пока онъ утомившись не удалялся наконецъ въ свой кабинетъ.

Еще десять дней. Коверъ подвинулся значительно, вышивался уже второй перепяль, а солнце заиграло теплѣе и веселѣе, падая весенними лучами на разноцвѣтные его узоры.

Жаворонки и грачи прилетѣли, прудъ очистился отъ льда, снѣгъ лежалъ мѣстами только въ овражкахъ.

Княжны и Оленька сѣли за пяльцами въ своей комнатѣ и прилежно вышивали. Это было въ концѣ апрѣля, день былъ теплый весенній и солнечный. Въ домѣ было предобѣденное время, когда князь имѣлъ привычку почивать съ полчаса.

— Надо выставять рамы,—говорила одна изъ сѣдѣвшихъ за пяльцами дѣвицъ.

— Да пора, стало тепло, настоящее тепло. Оленька, передай мнѣ розовую тѣнь.

Варенька отрѣзала конецъ шерсти, вдѣла въ иголку и, прикрѣпляя его, обратилась къ дѣвицамъ съ слѣдующими словами:

— А что, мои голубушки, вѣдь этотъ коверъ отнимаеъ у насъ немало времени. Мнѣ совсѣмъ некогда писать. Когда я подумаю, что письмо княжны Анны такое милое...

— И неужели ты до сихъ поръ ей не отвѣчала?—перебила Наташа.

— Нѣтъ еще. Я рада, что имъ хорошо въ подмосковной у дядюшки: старикъ тоже безподобный. Но не хотѣлось имъ ѣхать отъ праздника изъ Москвы. Мы только эту зиму такъ тѣсно сошлись съ ними. Я душой привязалась къ княжнѣ Аннѣ; она такая умница, такой дѣлецъ. Вѣдь она ведетъ сама все хозяйство. Это Богъ послалъ князю Алексѣю такую сестрицу. Я его не понимаю: онъ старшій братъ въ семьѣ, а имъ всѣ командуютъ.

— Тутъ и понимать нечего, мой другъ,—говорила Наташа.— Онъ пустой изъ пустыхъ. А вотъ что, Варенька, отъ Евгенія письма стали рѣдки, коротки, и точно онъ какой-то разсѣянный. Не то что, какъ прежде, помнишь? Онъ отвѣчалъ бывало на все, что ему пишешь. Ты замѣтила?

— Какъ тебѣ сказать, я и сама объ этомъ думала. Но теперь смотри, онъ устаетъ, и это всегда его раздражаетъ. Последнее его письмо, правда, очень грустное, это все воспоминаніе о тетушкѣ Аннѣ Гавриловнѣ. Ты видишь, онъ тоже боится за Вареньку, какъ

она тамъ одна съ отцемъ въ Прыскахъ останется все лѣто. Да и Serge его тревожить — его невоздержный языкъ. Того и гляди, что онъ въ полку наживетъ себѣ исторію.

— Знаете что,—говоритъ Оленька,—я Сергѣя Николаевича во снѣ видѣла въ кафтанѣ и мужицкой шапкѣ, и у меня всѣ эти дни такія дурныя мысли. Помните, въ четвергъ вечеромъ, какъ у насъ батюшка чай пилъ, иду я по коридору къ Денисовнѣ, прохожу мимо двери въ классную—стукъ оттуда! Я вся такъ и задрожала, скорѣй бѣгомъ къ нянѣ. Взяли мы свѣчу, посмотрѣли вездѣ, подъ шкапами, въ шкафахъ даже, думали, что кошка. И никого и ничего!—съ тѣхъ поръ у меня все страхъ и дурныя мысли. Не то у маменьки въ Корчевѣ неладно, либо у нашихъ въ Петербургѣ.

— У меня у самой сердце не на мѣстѣ,—задумывается Варенька. Она взяла шерстинку, быстро намотала ее вокругъ двухъ пальцевъ, сняла ее, зажала въ ладонь и обѣ руки опустила подъ пальцы.—Оленька, въ какой рукѣ?

Оленька немного подумала.

— Въ лѣвой.

— Анъ въ правой, ты не угадала. У меня что-то голова разболѣлась.—Варенька встала изъ-за пялецъ и подошла къ окну.—Вонъ Аннушка несетъ конопля изъ амбара, надо взять немножко. Пойду, покормлю чижевку мою,—и она вышла изъ комнаты.

Когда Наташа и Оленька остались однѣ, то долго работали молча. Въ комнатѣ было тихо, слышался только однообразный звукъ шерсти, которая, касаясь упруго-натянутой канвы, то взмакивалась вверхъ рукою дѣвушекъ надъ пальцами, то быстро исчезала внизъ. Оленька вздохнула.

— Оленька, милая, а вѣдь Варенька о немъ думаетъ,—тихо съ разстановкой сказала Наташа, не поднимая глазъ отъ работы.

— А то нѣтъ, очень понимаю, что думаетъ,—говорила Оленька.—Онъ стоитъ того, чтобы о немъ думали. Еслибы да это случилось...

— Я все думаю, Богъ дастъ, устроится,—отвѣчала Наташа.—Паненька не будетъ противъ, тетушка тоже этого желаетъ.

— Пожалуйте кушать!—Ионка, князевъ казачекъ, появился въ дверяхъ. Дѣвушки встали, закинули пальцы бѣлымъ пологомъ и отправились въ столовую.

За столомъ получились письма изъ Москвы, между прочими и отъ фрейлины. Она извѣщала, что князь Николай съ супругой пріѣхалъ въ Москву, и на другой же день пріѣзда молодые были у нея съ визитомъ.

«Я у нихъ обѣдала, писала тетушка. Elle n'a pas une tenue gracieuse, говорила она въ письмѣ о молодой княгинѣ, mais elle n'est pas le moins du monde ridicule. Она выиграла тѣмъ, что ея полнота пристала больше для замужней, чѣмъ тогда, когда была».

насъ невѣстой. Миѣ оказала ласку и довѣріе, я вижу и рада, что она перестала со мной дичиться, но съ другими еще очень конфузится. Я ее очень полюбила. Какая она радушная хозяйка! обо всѣхъ подумаетъ и вовсе не волнуется за столомъ. На обѣдѣ сервизъ шелъ отлично, калмыки и карлица при ней. Это очень смѣшно. Роскошь у нихъ большая, и Николай, кажется, доволенъ».

Не стану описывать визита молодыхъ въ Рождествено. Они прогостили тамъ недѣли три мая мѣсяца. Молодую княгиню всѣ въ домѣ очень полюбили, старый князь въ особенности оцѣнилъ очень скоро и справедливо невѣстку. Онъ все затягивалъ ихъ отъѣздъ, и только въ началѣ іюня молодые уѣхали въ Моклецъ, ихъ тульское имѣніе.

Тогда жизнь въ Рождественѣ потекла снова тихо и однообразно. Купались, ходили въ лѣсъ по грибы и по ягоды, ѣздили раза два въ теченіе этого лѣта въ село Воскресенское (Новый Іерусалимъ), которое лежитъ верстахъ въ шести отъ Рождествена. Каждое воскресенье князь съ семействомъ бывалъ у обѣдни въ своей церкви при Рождественѣ. Въ этотъ воскресный день у него всегда обѣдалъ священникъ со своею попадьей и двѣ старыя сосѣдки, дѣвицы Свиньины. Князь, въ семейномъ кругу со своими дочерьми, позволялъ себѣ называть ихъ въ шутку—кошоночки. Другіе сосѣди по Рождествену ѣзжали къ Оболенскимъ очень рѣдко, но княжны не тяготились однообразіемъ деревенской жизни и умѣли создавать себѣ занятія и интересы помимо суетности свѣтской жизни. Главнымъ впрочемъ интересомъ въ Рождественѣ была переписка съ братьями и друзьями; почтовые дни ожидались нетерпѣливо.

Варенька очень аккуратно переписывалась съ княжной Анной Несвицкой, и въ это лѣто она въ одинъ прекрасный день получила отъ нея письмо слѣдующаго содержанія:

«Ты далека, милая Варенька, отъ мысли, что мы теперь очень взволнованы. Дѣло въ томъ, что братъ, князь Алексѣй, уѣхалъ изъ Петербурга очень внезапно въ Парижъ, выйдя предварительно въ отставку. Это насъ очень удивило и встревожило дядюшку. Но вообрази мое положеніе, когда я получила отъ брата письмо, въ которомъ онъ извѣщаетъ меня о вступленіи въ бракъ. По его словамъ, онъ такъ теперь счастливъ, что не находитъ словъ, коими могъ бы выразить свое блаженство (*mon pauvre frère a toujours été très sentimental*).

«Помнишь, милая Варенька, въ Москвѣ въ нашемъ домѣ въ его кабинетѣ тотъ акварельный портретъ? — хорошенькая молодая женщина въ такомъ фантастическомъ костюмѣ—это она, теперь уже княгиня Несвицкая, бывшая вдова графиня де-Монсо (*Monseau*). Мы съ Катенькой едва вѣрили своимъ глазамъ, когда читали его письмо. У насъ руки и ноги похолодѣли. И какъ доложить объ этомъ дядюшкѣ? Его необходимо беречь, а какъ еще это на него
Анн.
іствуетъ?»

«Какъ нарочно, цѣлый день были гости, дѣти такъ шумѣли за столомъ, а мы съ сестрой сидѣли точно на горячихъ угольяхъ. Вечеромъ наконецъ, когда въ домѣ все поуспокоилось, мы улучили минуту, вошли къ дядюшкѣ и все ему открыли и доложили. Онъ былъ сильно взволнованъ, но ты знаешь его добронравіе и здравый умъ. Онъ рѣшилъ, что намъ необходимо ѣхать къ тетюшкѣ, чтобъ приготовить ее къ этому извѣстію; затѣмъ, вѣроятно, всѣ родные соберутся у насъ въ Ермоловѣ. Это поведетъ къ раздѣлу: я сижу теперь за счетами, а Катенька укладываетъ сундуки. Завтра мы уѣзжаемъ.

«Думали ли мы о чемъ подобномъ эту зиму въ Москвѣ? Помнишь тотъ балъ у Кутайсовыхъ, когда братъ Алексѣй открылъ мазурку въ первой парѣ съ Анютой Урусовой? Прощайте, вспоминайте меня и т. д.».

Итакъ прошло безоблачно и покойно лѣто 1825 года для Оболенскихъ. Въ послѣднихъ числахъ октября они вернулись въ Москву, и тутъ еще недѣли двѣ жизнь подъ Новинскимъ текла обычной колесей.

XXIII.

Les événements se suivent, mais ne se ressemblent pas.

Насталъ ноябрь 1825 года. Тетюшка фрейлина была встревожена письмами своихъ друзей изъ Петербурга, которые говорили объ отъѣздѣ высочайшаго двора въ Таганрогъ; затѣмъ вскорѣ дошли слухи до Москвы о нездоровьѣ государя. Это время было тяжелое, въ воздухѣ собиралась гроза будто лѣтомъ, тогда какъ въ городѣ былъ санный путь, и морозъ скрипѣлъ подъ полозьями саней.

Княжны Оболенскія почти не выѣзжали, да и бальный сезонъ въ этотъ годъ не спѣшилъ открываться. Газеты жадно читались, но оставляли тяжелое впечатлѣніе. Письма отъ молодыхъ князей изъ Петербурга сдѣлались совсѣмъ рѣдки. Варенька, Наташа и Оленька рѣшили, что въ братѣ Евгеніи произошла какая-то перемѣна. Судя по его письмамъ, или онъ хвораетъ, или же его занятія, по должности старшаго адъютанта при генералѣ Бистромѣ, всецѣло поглощаютъ его. Если пріѣдутъ братья въ отпускъ, надо будетъ ихъ побранить за то, что они сдѣлались совсѣмъ равнодушны къ семьѣ.

Между тѣмъ подходило 24 ноября, день великомученицы Екатерины. Тетюшка было написала маршрутъ на этотъ день для поздравительныхъ визитовъ, но почувствовала себя слабой, кашель ея усилился, и она слегла въ постель. 25 ноября, день священномученика Климента, папы римскаго, и преподобнаго Петра, епископа Александрійскаго, былъ день ангела князя Петра Николаевича.

Княжны вышивали ему туфли къ именинамъ и спѣшили окончить дюжину носковъ, которые онѣ изъ года въ годъ всегда вязали для отца къ этому дню. Князь любилъ такіе недорогіе, простые подарки.

Мать Оленьки, Екатерина Михайловна Бочкарева, пріѣхала тоже къ этому дню изъ Корчевы. Въ домѣ князя она всегда жила на антресоляхъ, въ бывшей классной комнатѣ, и большую часть своего времени проводила по монастырямъ и церквамъ, когда бывала въ Москвѣ. Она не пропускала ни поздней, ни ранней обѣдни и всякій день бывала у вечерни. Это частое посѣщеніе храмовъ Божіихъ пріобрѣло Екатеринѣ Михайловнѣ большое знакомство между церковными причетниками и просвирнями. Послѣднія извѣстны въ Москвѣ своею словоохотливостью; кромѣ того, онѣ зорко слѣдятъ за городскими дѣлами, новостями и слухами, даже имѣютъ свои политическія мнѣнія. И вотъ именно въ эту зиму 1825 года, объ эту пору ноября, Екатерина Михайловна, наслушавшись отъ нихъ разныхъ новостей, возвращалась домой и сообщала непременно княжнамъ всѣ городскіе слухи и толки. Изъ нихъ можно было извлечь весьма мало истины, однако они были характерны для времени, и всѣ имѣли какой-то мистическій элементъ. Слышно было, что во многихъ монастыряхъ появились сновидцы.

Поварь, съ своей стороны, приносилъ съ базара разные слухи какого-то пророческаго содержанія. Странно, что тогда въ народѣ появился страхъ за царя, даже убѣжденіе въ измѣнѣ и какой-то подпольной интригѣ. Когда дворъ уѣхалъ изъ Петербурга, въ народѣ стали говорить, что государя и государыню увезли изъ столицы. Возбужденіе и смущеніе сдѣлались скоро такъ очевидны, что генераль-губернаторъ Москвы, князь Дмитрій Владимировичъ Голицынъ, былъ принужденъ принять мѣры для охраненія общественной безопасности и порядка. Патрули разѣзжали по улицамъ днемъ и ночью.

24-го ноября Оболенскіе обѣдали всѣ у именинницы, тетушки княжны Екатерины Николаевны. Возвращаясь съ этого обѣда, княжны замѣтили на улицахъ много слоняющагося празднаго народа. Затѣмъ прошло и 25 число, день именинъ князя отца. Въ этотъ день фрейлина получила письмо изъ Таганрога, въ которомъ ее увѣдомляли объ улучшеніи здоровья государя, такъ что извѣстіе дало менѣе печальное настроеніе въ семьѣ. На другой день княжны были удивлены появленіемъ m-me Стадлеръ. Стадлеры въ то время жили въ одномъ семействѣ въ Москвѣ, занимаясь по-прежнему воспитаніемъ дѣтей. Они изрѣдка навѣщали Оболенскихъ. Княжны очень обрадовались своему старому другу, а m-me Стадлеръ была очень взволнована, и на рукѣ у нея висѣлъ саквояжъ. Она такъ скоро шла, что едва могла перевести духъ. Ее усадили въ кресло и стали снимать съ нея шубу, шляпку и вуаль. Отдохнувъ она сказала: «Mes enfants, j'ai fait mes paquets et me voila

chez vous. On dit qu'on attend des désordres dans la ville, peut être un soulèvement. Qui sait si nous ne sommes pas à la veille des barricades? Notre vie peut être en danger. Ma foi! que la volonté de Dieu soit faite! Mais j'ai pris mon courage à deux mains, j'ai embrassé mon vieux mari, j'ai fait ma révérence à mes... et me voilà. S'il y a danger, je veux mourir avec mes Obolensky»¹⁾). Княжны крѣпко обнимали старушку и старались ее успокоить. Вотъ какое было въ то время въ Москвѣ настроеніе умовъ.

Государь императоръ Александръ Благословенный скончался въ Таганрогѣ 27 ноября. По весьма странному стеченію обстоятельствъ эта печальная вѣсть достигла Москвы ранѣе, чѣмъ Петербурга. Впослѣдствіи это было замѣчено съ удивленіемъ современниками. Затѣмъ московскій генераль-губернаторъ, князь Дмитрій Владимировичъ Голицынъ, поспѣшилъ печатнымъ объявленіемъ пригласить жителей Москвы въ Успенскій соборъ для присяги великому князю Константину Павловичу.

Теперь мы приближаемся къ печальному событію 14-го декабря. Тутъ мое повѣствованіе начинаетъ представлять затрудненія. Я его пишу со словъ моей матушки, она не разъ говорила мнѣ о томъ печальномъ времени въ ихъ семьѣ, но въ моей памяти остались неясныя обстоятельства этой эпохи. Когда и какъ дошло до Оболенскихъ извѣстіе объ участіи князя Евгенія, старшаго сына моего дѣда, въ заговорѣ 14-го декабря, я не умѣю сказать. Была ли эта ужасная вѣсть сообщена Оболенскимъ письмами изъ Петербурга или же знакомыми, пріѣхавшими оттуда,—я не знаю подробностей. Вѣроятно, для моей матери эти воспоминанія были слишкомъ тягостны, она избѣгала при разказахъ вдаваться въ подробности. Есть скорби, которыя парализуются тяжестью ихъ бремени.

Бѣдный дорогой дѣдъ мой! колючія тернія выросли тогда на пути его жизни, а онъ былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, но эти скорби были посланы ему всесильной рукой Промысла Божія, и такъ онъ ихъ и принялъ. Матушка благоговѣнно говорила о его кротости и терпѣніи въ этомъ испытаніи и всегда удивлялась, какъ онъ находилъ силы нести этотъ крестъ.

Надо тоже понимать, что тогда въ этой семьѣ Оболенскихъ совершилось что-то выходящее изъ ряда обыкновенныхъ горестей, встрѣчающихся на пути человѣческой жизни. Этотъ маститый старецъ, покрытый сѣдинами, князь — отецъ, пораженный въ самое

¹⁾ Дѣти мои, являюсь къ вамъ по-дорожному. Слухи носятъ, что въ городѣ готовятся безпорядки, а, пожалуй, и мятежъ. Кто знаетъ, можетъ быть, мы на-капунѣ баррикадъ? Жизни нашей, можетъ быть, грозитъ опасность. Ну, что-жь, да будетъ воля Божья—я же подбодрилась, обняла моего старика мужа, распростилась съ моими—и къ вамъ; по-моему, если умирать—такъ умирать съ моими Оболенскими.

сердце въ старшемъ любимомъ сынѣ, въ томъ именно сынѣ, который своимъ поведеніемъ, своими нравственными качествами, казалось, укрѣплялъ силу благодати, лежавшей на его домѣ!.. и ему, отцу, надо было принять все это, надо было тоже найти силы своимъ примѣромъ умудрять въ терпѣніи окружающую его семью.

Каково тоже было это горе для тетушки фрейлины! Тамъ въ ея кабинетѣ надъ письменнымъ столомъ портретъ въ золотой рамѣ..... Какъ кротко глядитъ съ полотна эти темнокудрая красавица въ бѣломъ платьѣ съ этимъ легкимъ облакомъ широкой оборки вокругъ лебединой шейки! То портретъ великой княжны Александры Павловны, тогда уже въ Бозѣ почившей. Но фрейлина хранила въ душѣ своей самое нѣжное о ней воспоминаніе. И ояѣ всё, эти августѣйшія особы царскаго дома, надо понимать, чѣмъ онѣ были для бабушки фрейлины! Что такое родные передъ ними? Развѣ могло ея сердце биться къ роднымъ тѣмъ самымъ біеніемъ, которое отдано давно имъ—имъ однимъ! Петербургъ, дворецъ и эта драма!.. О! ихъ знакомые, хранимые такъ свято въ душѣ и памяти образы!— все мѣшается въ ея головѣ. Какой-то хаосъ и что это такое?—это не смерть, но тоже что-то неотразимое, живущее, гнетущее, щемящее сердце! и этотъ трауръ, облекшій всю семью въ своей черный саванъ.

Э П И Л О Г Ъ.

1827—1828 гг.

XXIV.

Суженаго конемъ не объѣдешь.

Мы теперь въ концѣ 1827 года. Князь только въ ноябрѣ вернулся съ дочерьми изъ Рождествена, гдѣ почти безвыѣдно жилъ послѣ ссылки сына. Тетушка фрейлина, по совѣту докторовъ, съѣздила за этотъ промежутокъ времени за границу, очень тамъ скучала, вернулась въ Москву и заняла опять свою половину въ домѣ князя.

Положеніе домашнихъ дѣлъ у Оболенскихъ было въ то время не блестящее. Ссылка старшаго брата огрзилаь очень невыгодно на службѣ меньшихъ; князь Константинъ былъ переведенъ изъ гвардіи въ армію, вышелъ въ отставку и жилъ у отца, младшіе его два брата служили гдѣ-то въ Финляндіи въ гарнизонѣ. Каждому надо было посылать деньги и въ Сибирь, и въ Финляндію, и содержать свою большую семью; князь видѣлъ, что состояніе его разстроилось.

Странно распоряжается судьба обстоятельствами, жизни. Князь имѣлъ троихъ старшихъ сыновей, и, между тѣмъ, на пути его дѣловыхъ затрудненій не они, а двѣ меньшія дочери явились ему помощью и поддержкой. За эти два года княжны Варвары и Наталья и даже Оленька сдѣлали большой шагъ на пути знакомства съ житейскими заботами; онѣ вели переписку по имѣніямъ, счета, доходы и расходы были имъ извѣстны, долги, взносы въ опекунскій совѣтъ—ко всему этому онѣ невольно приобщались. Но когда онѣ вернулись въ Москву послѣ долгаго пребыванія въ Рождественѣ, то едва сознавали себя тѣми же, какими были прежде. Онѣ не отдавали себѣ отчета въ томъ, что пережито ими послѣ ихъ горя, и въ томъ, что переимѣнилось для нихъ, но все-таки имъ казалось, что онѣ теперь совсѣмъ другія, чѣмъ тѣ Варенька, Наташа и Оленька, которыя тогда жили въ ихъ домѣ подъ Новинскимъ. И какъ это все странно, и лица тѣ же ихъ окружаютъ, и тотъ же штатъ прислуги, и канарейки поютъ такъ же громко у тетюшки въ гостиной, и Дуняша мѣряетъ имъ платья въ уборной, и Фиделька лагаетъ, и Екатерина Михайловна пріѣхала изъ Корчевы къ Рождеству, и мебель та же, и все въ домѣ стоитъ и движется по-старому. Чѣмъ больше все наружное переносило ихъ къ воспоминанію того былого, легкаго настроенія, тѣмъ болѣе онѣ внутренне сознавали, что прошлое не повторится, и что оно замѣнилось для нихъ совсѣмъ другими далекими отъ него интересами; пережитыя горести дохнули на нихъ своей трезвящей силой и удалили отъ нихъ то состояніе души, при которомъ все является въ свѣтѣ радости и надеждъ.

Но что главное переимѣнилось для княженъ, это лишеніе прежней опоры въ отцѣ; теперь онѣ стали часто полагаться на нихъ болѣе, чѣмъ на самого себя, и теперь нельзя было, какъ прежде, приходиться выбалтывать ему свои горести или мечты; надо было его беречь, онѣ были утомленъ жизненными невзгодами, и на нихъ теперь легла отвѣтственность передъ собственной совѣстью въ сознаніи ихъ къ нему обязанности. По пріѣздѣ въ Москву, дочери гораздо рѣже бывали съ княземъ отцемъ, онѣ болѣе, чѣмъ прежде, стали удаляться отъ свѣтскихъ сношеній, кушалъ даже отдѣльно въ своей гостиной, вставалъ и ложился рано. Княжны же большую часть своего времени проводили на фрейлинской половинѣ, и ихъ жизнь потекла совершенно отдѣльно отъ жизни отца. Какъ уставали онѣ, послѣ деревенской тишины, отъ баловъ и театровъ, даже не безъ усилія подчинялись требованіямъ тетюшки, которая не позволяла пропускать ни одного приглашенія.

Въ это первое время возвращенія въ Москву Варенька въ особенности переживала такія нравственныя тревоги и сомнѣнія, въ которыхъ ей трудно было отдать себѣ отчетъ. Дѣло въ томъ, что для нея представлялась партія или судьба, какъ говорилось

тогда въ Москвѣ всѣми, начиная съ влючницы и няни п кончая самой барыней. Надо сказать, что въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ, въ Рождественѣ, Варенька, посреди семейнаго горя и заботъ, пережила одно дорогое воспоминаніе или мечту (какъ тамъ хотите назовите); это воспоминаніе относилось къ одному молодому человеку, который тогда, въ ту веселую зиму 1825 года, въ ту зиму ихъ дружбы въ Пашенькой Бартеновой и Несвицкими, сдѣлался ей чѣмъ-то близкимъ и дорогимъ. Теперь ей часто возвращался на память тотъ балъ у Кутайсовыхъ, когда она танцевала мазурку съ Прончищевымъ, а онъ съ княжной Анной Несвицкой, она знала, что онъ въ самый день этого бала долженъ былъ еще утромъ уѣхать въ Петербургъ по очень спѣшному дѣлу и остался до завтра въ Москвѣ: «чтобъ проститься съ вами, княжна!»...—сказалъ онъ ей въ этотъ вечеръ. Она стояла съ нимъ въ амбразурѣ высокаго окна кутайсовской залы и пристально разсматривала цвѣты своего балнаго букета, который держала въ рукѣ, другой же своей маленькой рукой въ бѣлой перчаткѣ легонько теребила его зеленые листья; тогда изъ букета выпала роза, маргаритка, мирта (не все ли равно въ сущности), только онъ поднялъ цвѣтокъ и забылъ отдать его ей: значить все, какъ слѣдуетъ, чтобы она могла думать, что онъ ее любитъ. Съ тѣхъ поръ онъ уѣхалъ не только въ Петербургъ, но, говорятъ, даже за границу, и она совершенно потеряла его изъ виду и, какъ казалось ей, давно перестала о немъ думать. И что же?—когда является судьба для нея, и судьба, которую всѣ желаютъ, всѣ, всѣ, и Наташа съ Оленькой, и тетушка, и главное папенька—скажите же ей, что тутъ дѣлать?.. и ей страшно, ей мнится что-то, бывшее воспоминаніе о немъ живетъ еще въ ея душѣ. Она вспоминаетъ тоже, что нѣтъ брата Евгенія; ему бы она рассказала все, онъ взглянулъ бы на нее своими добрыми глазами и объяснилъ бы ей, почему она попала въ этотъ непонятный для нея самой кругъ мыслей. Евгеній одинъ могъ бы теперь понять ее, а между ними лежатъ безбрежныя снѣжныя равнины Сибири, тѣ же, кто близко, не понимаютъ ея, да и не хотятъ понять. Но, положи руку на сердце, можетъ ли она сказать, что ей не нравится тотъ, кто есть судьба, кто есть будущій, развѣ ей не весело съ нимъ? и развѣ эти несносныя Оленька и Наташа не видятъ этого?.. и мысли ея опять нанизываются цѣпью самыхъ странныхъ, неожиданныхъ противорѣчій, и передъ глазами является другой образъ, образъ того красиваго юноши, который тогда у Кутайсовыхъ танцевалъ съ ней мазурку, образъ Алексѣя Владимировича Прончищева.

Прончищевъ ѣздилъ къ нимъ въ домъ съ первыхъ дней ихъ приѣзда въ Москву, очень сошелся теперь съ княземъ Константиномъ, и не прошло двухъ недѣль, какъ онъ сдѣлался своимъ въ ихъ домѣ; для всѣхъ было бы теперь немисливо не увидать два раза въ день его гнѣдого рысака съ бѣлой передней ногой у подъ-

ѣзда Подновинскаго дома. Этотъ гнѣдой рысакъ съ бѣлой передней ногой звался Бѣлоножкой; князю Константину въ шутку пришло въ голову перенести кличку лошади на ея хозяйина; сначала всѣ посмѣялись этому, потомъ неожиданно для самихъ это прозвище Прончищеву привилось въ домѣ Оболенскихъ, и его тамъ иначе не называли въ интимномъ кружкѣ, какъ Бѣлоножка.

Но теперь оставимъ пока лабиринтъ Варенькиныхъ сомнѣній насчетъ Бѣлоножки и отправимся на ту половину дѣдушкинаго дома, которая глядитъ окнами въ садъ, гдѣ жили эту зиму Леонтьевы. Они оба мало измѣнились за это время; онъ былъ тотъ же высокій, плотный баринъ съ добродушной, флегматичной физиономіей, она та же худенькая, маленькая женщина съ умнымъ лицомъ и лучистыми глазами.

Насталъ послѣобѣденный часъ, когда всѣ въ домѣ расходятся по своимъ угламъ до вечерняго чая. Большая комната, раздѣленная на спальню и кабинетъ ширмой краснаго дерева стила времени Александра I, такого же фасона диванъ, кресло, туалетъ, съ зеркаломъ и колонками по его бокамъ, зеленыя шелковыя драпри по окнамъ, съ шнурками и кистями, каминъ, въ которомъ гаснутъ послѣдніе угольки; въ комнатѣ тепло, уютно и свѣтло. Марья Петровна сидитъ на диванѣ, передъ которымъ большой круглый столъ; она вяжетъ чулокъ изъ тончайшихъ нитокъ съ узоромъ. Сергѣй Борисовичъ сидитъ въ креслахъ по другую сторону стола и читаетъ газету. Онъ расправлялъ ее, чтобъ перевернуть ее на другую сторону листа, когда жена его спросила:

— Serge, вѣдь если папенькины ярославскіе не внесутъ obroka, ему нечѣмъ будетъ заплатить за подмосковную въ ошекунскій совѣтъ?

— Они внесутъ, мой другъ, чего заранѣе тревожиться. Понятно, что батюшка мирволилъ имъ всегда, а тутъ смерть Ивана старосты и неразъясненные съ нимъ счеты, они и задержали свой оброкъ. Только сомнѣваться тутъ нечего, они мужички богатые—внесутъ...

— А все папенька тревожится, да и положеніе его домашнихъ дѣлъ вовсе не блестящее.

— Семья велика, Машенька, ему и заботливо, но я не вижу еще ничего отчаяннаго, не тревожься!— онъ перевернулъ листъ газеты и продолжалъ читать; въ эту минуту въ комнату вошла Варенька.

Мы говорили, что нравственно она какъ будто состарѣлась, зато наружно была все та же свѣтлая звѣздочка съ милымъ лицомъ, черты котораго граціозны и мягки, въ самомъ дѣлѣ точно у Грезовыхъ головокъ. Она сѣла подлѣ сестры со своимъ вязаньемъ.

— Я пришла работать къ вамъ до чая, а тамъ одѣваться, парикмахеръ; мы сегодня—у Шепелевыхъ.

— Вы будете въ бѣлыхъ?—спрашиваетъ старшая сестра.

— Должно быть, въ бѣлыхъ, тетушка посылала Дуняшу за живыми цвѣтами.

— Я люблю ихъ на васъ; *cela a bien réussi pour l'effet l'autre soir.*

— Сестрица, голубушка! мнѣ не до того, я пришла къ вамъ посоветоваться. Онъ ѣздитъ каждый день, вы сами видите, что мнѣ дѣлать?—она остановилась, имя, которое просилось у нея на языкъ, не вылетало изъ ея устъ, и яркій румянецъ покрылъ ея милое личико.

— Что тебѣ дѣлать съ Бѣлоножкой?—договорила за нее сестра, улыбулась, но тоже замолчала; видно было, что ея мысли были заняты тѣмъ же предметомъ, но она обдумывала, какъ бы осторожнѣе къ нему приступить. Варенька нагнула голову ниже надъ работой, тамбурный крючокъ, которымъ она взяла шерстяное одѣяло, сталъ какъ-то глубже входить въ петли и быстрѣе протаскивать черезъ нихъ шерстяную нитку; старшая сестра глубоко вздохнула.

— Вы все знаете, сестрица,—вдругъ прервала молчаніе Варенька,—вы все знаете, а я ничего не знаю.

— То-есть какъ это ты не знаешь, Варенька?.. по-моему ты совсѣмъ не такая, чтобъ не отдать себѣ отчета, когда дѣло касается не тебя одной, а еще и другого человѣка, для котораго важно, чтобъ ты именно знала, въ чемъ тутъ вся суть между вами,—и она какъ будто строго взглянула на сестру.

— Всѣ противъ меня,—начала тогда вспльчиво Варенька, — и Наташа, и Оленька, и вы, наконецъ, чего я впрочемъ никакъ не ожидала—этого мнѣ даже и въ голову не приходило... а съ вашей стороны, сестрица, жестоко такъ глядѣть на меня въ такую минуту, когда я пришла къ вамъ просить вашего совѣта, вашей защиты.

— Варенька, Варенька,—прервала ее сестра,—ты далека отъ истины, потому что сама съ собой не можешь справиться; каждая изъ насъ проходила въ жизни черезъ то, что тебя теперь волнуетъ: не ты первая, не ты послѣдняя. Я понимаю, что равнодушно, вотъ какъ стаканъ воды выпить, объ этомъ нельзя говорить; но то же, голубушка ты моя, говорить о какой-то защитѣ...

— Сестрица, опять таки вы не хотите никто меня понять; позвольте васъ спросить, могу ли я выйти за этого человѣка замужъ и даже думать о немъ, когда папенька такъ нуждается въ нашихъ заботахъ, когда мнѣ главное въ жизни его покой?—и я знаю, что я ему нужна, я знаю, что такое его жизнь послѣ нашего горя. Наташа часто больна, а я, здоровая и полная силъ, и что же бросить его на нее!.. это вотъ что будетъ значить съ моей стороны: прощайте, дѣлайте, какъ знаете, *et après nous le déluge.*

— Варенька, голова у тебя горячая и воображеніе пылкое—я это давно знаю; только видишь что, не давай себѣ воли подчиняться этой фальшивой экзальтаціи. *Tu n'es pas dans le vrai,* потому

что сама понимаешь и знаешь, что папенька желаетъ, чтобы судьба твоя устроилась, ненужныхъ жертвъ онъ отъ тебя не приметъ. Но дѣло теперь не въ папенькѣ, а надо просто знать: чувствуешь ли себя способной принять эти новыя обязанности на пути твоей жизни?.. какъ онъ тебѣ кажется? и какъ отвѣчаетъ твое чувство на его чувство?

— А вотъ это-то и есть самое мудреное,—вздыхнула Варенька.— Сергѣй Борисовичъ, голубчикъ! сестрица нынче такая строгая и неприступная, хоть вы скажите мнѣ, что я должна дѣлать...—голосъ ея теперь былъ полонъ слезъ, она отложила въ сторону свою работу, оперлась локтемъ одной руки на столъ, наклонила надъ нимъ голову и стала водить по столу концомъ крючка, оставшагося у нея въ другой рукѣ между двумя пальцами; глаза ея слѣдили внимательно за движеніемъ крючка, которымъ она выводила на столъ то буквы, то круги, то крестики, не оставляя, однако, никакихъ слѣдовъ или очертаній на его гладкой полированной поверхности. Когда Варенька окликнула Сергѣя Борисовича своимъ вопросомъ, онъ, не слѣша, отодвинулъ газету отъ себя, хотя давно уже не читалъ ея, слушая ихъ разговоръ. И теперь онъ тоже точно выжидалъ чего-то, наконецъ подвинулся ближе къ столу своей широкой грудью и пристально взглянулъ на смущенную дѣвушку.

— Варенька,—началъ онъ затѣмъ своимъ ровнымъ голосомъ:—а знаешь ли ты, какой важный вопросъ не выходилъ у меня изъ головы, пока я васъ слушалъ; ты мнѣ вотъ что скажи: что будетъ дѣлать Алексѣй Владимировичъ Прончищевъ, когда княжна Варвара Петровна Оболенская ему откажетъ?..

Варенька вздохнула, но не поднимала глазъ.

— По-моему и ты, и моя дорогая Машенька, вы обѣ спѣшите въ этомъ дѣлѣ, а послѣдшишь, людей насмѣшишь. Не горячись, я вотъ что тебѣ скажу еще: поставь ты себя немножко въ уголь за то, что сейчасъ такъ вспылила, тогда ты взглянешь погрезвѣе и попряме на все это. Всѣ люди точно дѣти; еслибы ихъ ставили почаще въ уголь, то они успѣли бы размыслить тамъ о томъ, до чего не додумались, сидя на диванѣ. И чего только не приходитъ тебѣ въ голову!... и жертвы, и страданія, и защита! Въ сущности ничего этого нѣтъ, зачѣмъ же Бога гнѣвить? Дѣйствительное гораздо проще воображаемаго, не теряй силъ въ ненужной борьбѣ и не падай духомъ, ибо это будетъ противно Богу, а положишься ты лучше на Его святую волю.

Пока онъ говорилъ, на глаза дѣвушки начали набѣгать слезы, затѣмъ онѣ стали катиться крупными струями по ея воспаленнымъ щекамъ. Марья Петровна отложила на столъ свой чулокъ и обняла расплакавшуюся сестру, которая продолжала плакать подъ вліяніемъ этой ласки. Сергѣй Борисовичъ всталъ и началъ ходить

ровными шагами по комнатѣ; когда онъ замѣтилъ, что Варенька начала успокаиваться, онъ подошелъ опять къ столу и остановился прямо противъ нея, — она подняла на него глаза и увидѣла на его лицѣ самую добродушную улыбку.

— Ну, миръ,—говорилъ онъ, точно успокоивая ребенка:—ты шутиха, и больше ничего. Все это тебѣ тяжело, очень вѣрю, но только рано слезы лить, дѣвица ты моя красная, зоренька ты моя ясная!—перемелется, и все мука будетъ. Не захочешь изъ нея пироги мѣсить—принуждать не буду, я первый скажу: оставьте вы ее въ покоѣ.

Онъ сѣлъ близко подлѣ нея у стола.

— Спасибо вамъ, голубчикъ! — сказала она и протянула ему руку, онъ взялъ ее, удержалъ въ своей, потомъ задумался и началъ пальцами другой руки барабанить въ кадансъ по ея маленькой ручкѣ, воображая, вѣроятно, что стучитъ по столу; обѣ сестры улыбулись его разсѣянности.

— Serge,—кликнула его жена.

— Княжна, пожалуйста скорѣй одѣваться.—Няня Денисовна стояла въ дверяхъ въ синей коцевейкѣ съ бѣличимъ воротникомъ и въ чепцѣ съ широкой оборкой.—Чай всѣ откушали, Параша два раза приходила за вами отъ тетюшки.

Княжна встала, цѣловала руки сестры, пока та крестила ее, цѣловала въ голову. «Христосъ съ тобой, мой другъ! успокойся, у Бога всего много»,—говорила Марья Петровна. Варенька послѣдила къ тетюшкѣ—пора было одѣваться на балъ къ Шепелевымъ.

Едва прошла недѣля послѣ этого разговора съ Леонтьевыми, и Алексѣй Владимировичъ Прончищевъ сдѣлалъ формальное предложеніе князю, прося руки его дочери, княжны Варвары Петровны.

Такъ таки это и произошло въ одно утро, когда его сани остановились раньше визитнаго часа у крыльца Оболенскихъ, и онъ прошелъ прямо въ комнаты стараго князя. Княжны съ Оленькой знали, въ чемъ тутъ дѣло, онѣ видѣли въ окно его рысака, сидѣли въ своей комнатѣ за работой, и кто ихъ знаетъ, что онѣ думали, только говорили онѣ о разныхъ постороннихъ предметахъ, вовсе не касающихся того, что ихъ занимало въ эту минуту, пока наконецъ не вошла Денисовна и доложила, что ихъ сіятельство паненька просятъ княжну Варвару Петровну къ себѣ въ кабинетъ.

Въ это самое утро судьба Вареньки опредѣлилась очень ясно, и ей самой стало легче, чѣмъ было въ то время, когда воображаемое такъ несходно было съ дѣйствительнымъ. На другой же день послѣ сдѣланнаго предложенія была официальная помолвка въ домѣ князя, и были приняты подарки отъ жениха. Послѣ этого время точно остановило свое быстрое теченіе; были утомительные часы визитовъ, представленій, обѣды у родныхъ, все такъ банально и скучно. Самое серьезное дѣло, которое остановило на себѣ внима-

ніе жениха и невѣсты, были письма отъ него къ ея роднымъ и наоборотъ. Тетушка жениха, Екатерина Алексѣевна Прончищева, отвѣтила на письмо княжны въ самомъ официальномъ тонѣ, но совершенно прилично, соразмѣрно ихъ обоюднымъ положеніямъ. Отъ княжны Анны было получено нѣжное посланіе съ выраженіемъ надежды, что родственная связь скрѣпитъ узы дружбы.

Всѣ полюбили жениха у Оболенскихъ, и ему было ловко и пріятно въ ихъ семьѣ; онъ же самъ воспитался между Несвицкими, которые постоянно жили въ домѣ его дѣда, и катихизисъ, и правила со старшими (*les grands parents*) ему были тоже вполнѣ знакомы—у него было столько дядюшекъ и тетюшекъ. Фрейлина выразила свою про него апробацію въ этомъ отношеніи: онъ помнилъ, какія она любила конфеты, доставалъ ловко ложи на такія представленія, когда посланный лакей являлся доложить, что нѣтъ на нихъ ни одного билета въ театральную кассѣ. Съ молодыми тоже у него была полная гармонія; Наташа и Оленька полюбили его, какъ брата. Онъ былъ молодъ, блестящъ, хорошъ собой, и его влюбленное настроеніе такъ приличествовало его лѣтамъ и наружности. «*Juliette et Roméo*»,—говорилъ князь Константинъ, глядя на жениха и невѣсту,—«или Павелъ и Виргинія».

Прошло Рождество; свадьбу хотѣли отложить до красной горки, но тутъ тетушка Екатерина Алексѣевна вмѣшалась своимъ авторитетомъ. Она написала князю, выражая ему покорнѣйшую просьбу согласиться, чтобъ свадьба состоялась въ январѣ, ибо у племянника ея въ его калужскомъ имѣніи долженствуетъ быть освященіе храма, коего она была строительница. «Требовать отъ Алеши, писала она, чтобъ онъ пріѣхалъ, будучи женихомъ, я не дерзаю; онъ пообѣщаетъ, но не исполнитъ слова, зачѣмъ вводитъ его въ искушеніе!... а лучше позвольте ожидать молодыхъ хозяевъ, будущихъ супруговъ, на мой великій праздникъ освященія храма въ селѣ Богимовѣ».

Такъ и былъ рѣшенъ этотъ вопросъ, и 25-го января 1828 года, утромъ въ церкви Вознесенія, что на Арбатѣ, было совершено бракосочетаніе Алексѣя Владимировича Прончищева съ княжною Варварою Петровною Оболенской. Затѣмъ былъ семейный завтракъ у князя въ домѣ, молодыхъ поздравили шампанскимъ; они перодѣлись въ дорожное платье; имъ предстоялъ довольно долгій путь въ ихъ калужское имѣніе.

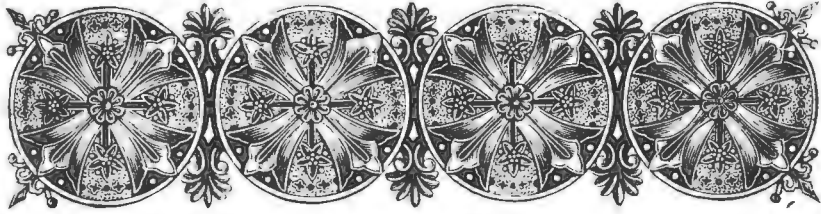
Къ крыльцу поданъ маленькій возокъ, окна его обиты снаружи мохнатымъ медвѣжьимъ мѣхомъ и похожи на два глаза съ рѣсницами, тройка сѣрыхъ вятковъ, щегольская сбруя, на козлахъ сѣдой кучеръ.

Настала минута прощанья. Князь крѣпко обнялъ расплакавшуюся дочь и креститъ ее дрожащею рукой, слезы катятся по его старческимъ щекамъ, потомъ тетушка фрейлина, старшая сестра,

невѣстка благословляютъ Вареньку, затѣмъ братья, Наташа и Оленька обнимаютъ ее. Въ передней собрались всѣ домочадцы проститься съ княжной; не отдавая себѣ отчета, почему это такъ, она сказала каждому свое доброе слово прощанья, дала свой поцѣлуй или прощальный взглядъ, хотя сердце ея было полно только однимъ своимъ внутреннимъ чувствомъ скорби, что она оставляла тутъ столько ей дорогого и милаго. Вотъ молодые сошли съ лѣстницы, вступили на крыльцо, оба такіе красивые въ своихъ богатыхъ шубахъ, зеленая шаль накинута на милую головку Вареньки. Оленька и Наташа ихъ тоже провожаютъ и стоятъ тутъ на крыльцѣ въ мѣховыхъ коцевейкахъ съ пестрыми платками на головахъ и съ красными пятнами на заплаканныхъ лицахъ. Было морозно, но солнце блестѣло и рассыпалось звѣздистымъ свѣтомъ по ровному снѣгу широкаго двора; акаціи подъ его заборомъ стоятъ покрытыя инеемъ. Дверцы возка хлопнули, когда лакей открывалъ ихъ; Варенька обняла въ послѣдній разъ сестеръ, и князь Константинъ бережно посадилъ ее въ возокъ, запахивая вокругъ ногъ полы ея салона, молодой послѣдовалъ за супругой, усѣлись; дверцы опять хлопнули, лошади тронулись, и быстро помчалась молодая чета по снѣжному зимнему пути, и скрипѣлъ морозъ подъ новыми полозьями возка.

Е. А. Сабанѣва.

ГРОЗА.

(Изъ недавняго прошлаго).

I.

ГО БЫЛА ужасная, бурная ночь, одна изъ тѣхъ ночей, которыя народъ называетъ воробьиными. Дождь ливня лилъ, бушевала буря, западный вѣтеръ дулъ съ такою силою, точно хотѣлъ снести нашъ деревянный домъ... Да, онъ хотѣлъ снести его, хотѣлъ разбить, разметать мое гнѣздышко, мое уютное, изящное гнѣздышко, которое я охраняла въ теченіе пятнадцати лѣтъ.

Коля уѣхалъ по дѣламъ въ городъ, а я была одна, нѣтъ, не одна: тамъ, за двумя стѣнами, была дѣвушка, одно воспоминаніе о которой заставляетъ меня дрожать.

Дождь ливня лилъ, вѣтеръ стоналъ, навѣвая тоску, а я безъ усталости ходила по комнатѣ, придавленная мрачными думами... О, это была ужасная, бурная ночь; казалось, духи зла поднялись изъ темной бездны, осадили нашъ домъ и вотъ-вотъ ворвутся и разнесутъ все.

II.

О, какъ хорошо я помню ее, эту дѣвушку, молодую, здоровую, съ пышной русой косой, раскатистымъ хохотомъ, дѣвушку съ вульгарными манерами, толкующую о грубомъ мужицкомъ трудѣ. Много ихъ тогда появлялось у насъ, этихъ новыхъ, странныхъ людей,

отрицающихъ всё блага культуры во имя грубой мужицкой жизни. Были между ними умные, были глупые, были честные, стойкіе, мыслящіе, были просто неудачники, но какъ всё они были похожи одинъ на другого!

Одинъ изъ нихъ мнѣ особенно памятенъ: некрасивый, сухой, съ выразительнымъ, умнымъ лицомъ: онъ притягивалъ и отталкивалъ меня; онъ жилъ у насъ въ работникахъ; Коля предлагалъ ему комнату въ домѣ, онъ отказался, онъ былъ послѣдователенъ: войдя по убѣжденію въ шкуру рабочаго, онъ не допускалъ себѣ поблажекъ и неохотно принималъ мое приглашеніе къ обѣду; эта черта импонировала на всѣхъ; съ нимъ могли не соглашаться, но его уважали; въ немъ было что-то рахметовское, чуялась сила; онъ былъ образованъ, обладалъ громадной эрудиціей, много пережилъ и умѣлъ всегда говорить интересно; я любила бесѣдовать съ нимъ.

— Съ вашимъ умомъ, съ вашимъ знаніемъ можно было далеко пойти!—сказала я ему однажды:— вы бы могли быть чѣмъ нибудь, вести за собой толпу, а не прозябать за черной работой!

— Какъ смотрѣтъ на вещи, Вѣра Васильевна,—возразилъ онъ, задумчиво глядя въ пространство:—съ моей точки зрѣнія получится выводъ какъ разъ обратный; важно не то, чтобы далеко уйти, а попасть на настоящую дорогу.

— Да вотъ, именно, ваша дорога не настоящая! Человѣкъ развитой, умный, и вдругъ столяръ... Согласитесь, что это нелѣпо.

— А почему столяру не быть образованнымъ?—спросилъ онъ, бросивъ на меня снисходительный взглядъ, и весьма логично, сжато выяснилъ мнѣ свои воззрѣнія на сліяніе науки и труда, которое должно произвести громадный переворотъ въ ходѣ русской жизни...

— Основа жизни трудъ, простой, хлѣбный трудъ,—продолжалъ онъ развивать свою мысль,—безъ котораго не можетъ существовать ни одно общество, и дѣло интеллигенціи своимъ личнымъ участіемъ поставить его на ту высоту, на которой онъ долженъ стоять, и усилить его продуктивность. Не ученые, не художники, не государственные дѣятели должны занимать первое мѣсто въ жизни, а люди, отдающіе всё свои силы на добываніе хлѣба насущнаго. Эту мысль нужно твердить изо дня въ день людямъ и словомъ и дѣломъ, пока она не произведетъ коренного переворота въ психикѣ человѣка и измѣнитъ его отношеніе къ жизни.

Много говорилъ онъ на эту тему и говорилъ такъ убѣдительно, съ такимъ благороднымъ огнемъ въ лицѣ, что я чувствовала себя глубоко взволнованной...

— Все то, что вы говорите, очень хорошо, разумно, но ваша теорія «объ измѣненіи психики» встрѣтитъ въ жизни неодолимые препятствія—это, во-первыхъ, а, во-вторыхъ, въ жизни такъ бываетъ, что словомъ можно больше подѣйствовать на человѣка, чѣмъ дѣломъ. И притомъ простыхъ рабочихъ у насъ такъ много, что вы

безслѣдно затеряетесь въ ихъ массѣ... Какъ человѣкъ мыслящій, вы обязаны браться за такое дѣло, которое бы заставляло мыслить другихъ.

— Да гдѣ, въ чемъ это другое дѣло, и что дастъ оно народу? Крохи, да и тѣ съ соринками...

Онъ вздохнулъ, бѣгло взглянулъ на меня и улыбнулся.

— Э, да что съ вами толковать объ этомъ—вѣкъ будемъ говорить и не сговоримся: у васъ все пареніе въ высь, эстетика, а мы—куда ужъ намъ къ небу воспарять!—мы думаемъ, какъ бы намъ тутъ на землѣ жизнь посноснѣе устроить, чтобы, значить, никто въ обидѣ не былъ! Вотъ, еслибы вы вашу эстетику по боку, тогда другое дѣло: съ эстетикой, Вѣра Васильевна, теперь далеко не уйдешь!—игриво закончилъ онъ.

Странные люди! Что дурное находятъ они въ моей эстетикѣ?

III.

Съ прибытіемъ этихъ новыхъ элементовъ жизнь въ нашей усадьбѣ измѣнила свою фizioномію; начались бурныя, словесныя схватки, и Коля, тотъ самый Коля, которому я отдала всю свою жизнь, возставалъ противъ меня...

— У насъ слишкомъ много уходитъ на наши личныя потребности,—недовольно говорилъ онъ, избѣгая смотрѣть мнѣ въ глаза:—нельзя ли, Вѣра, уменьшить штатъ нашей прислуги, и наконецъ не мѣшало бы тебѣ принимать болѣе активное участіе въ хозяйствѣ!..

Это были совсѣмъ новыя слова; никогда прежде Коля не занимался такими мелочами.

— Что это—упрекъ?—холодно спросила я, давая понять неумѣстность подобныхъ замѣчаній.

— Да, если хочешь, упрекъ нашей совѣсти, нашей жизни; мы привыкли со спокойной душой мотать не нами произведенное, отдаемся отъ народа...

— Да вѣдь мы и такъ отдалены отъ народа всѣмъ, рѣшительно всѣмъ: нашимъ воспитаніемъ, нашимъ развитіемъ, нашими интересами...

— Вотъ это-то и нужно исправить!—горячо воскликнулъ Коля:—нужно, чтобы наши интересы слились съ интересами массы, а это произойдетъ только на почвѣ труда,—какъ ты не хочешь понять этого!

— Я отлично понимаю, но я понимаю также, что сліяніе, о которомъ вы такъ хлопочете, произойдетъ только тогда, когда мы поднимемъ массу до насъ... Мы дѣлаемъ все, что можемъ: устроили бібліотеку, поддерживаемъ школу, боремся съ суевѣріемъ, невѣжествомъ...

— Барская забава!—сквозь зубы процѣдилъ Коля.

— Ты сталъ невозможенъ! Чего ты хочешь? Неужели будетъ лучше, если мы цѣлые дни станемъ копать въ землѣ!

— Справедливѣе!—раздражительно произнесъ онъ и умолкъ.

Миѣ стало грустно; я чувствовала, что Коля все больше и больше отдаляется отъ меня, а съ нимъ вмѣстѣ и мой покой, мое счастье...

— Развѣ прогрессъ не въ томъ,—убѣжденно заговорила я,—чтобы культивировать въ личности и въ обществѣ лучшія духовныя силы, и развѣ мы не дѣлали этого? Цѣлыя пятнадцать лѣтъ мы шли съ тобой одной дорогой, поддерживали другъ друга, цѣлыя пятнадцать лѣтъ!..

— Куда шли? вдаль отъ жизни, ея заботъ, ея тревогъ, ея тяготы... съ грустнымъ упрекомъ перебилъ меня Коля.

— Неправда! Мы не закрывали нашихъ дверей; мы широко открывали ихъ для людей, для жизни, не мелкой, будничной жизни, а возвышенной, чистой, какъ мечта!

— И закрывали передъ истинно нуждающимися!—мрачно произнесъ онъ и поторопился уйти.

Онъ всегда оканчивалъ такъ всѣ тогдашніе разговоры со мной; я увѣрена—потому, что онъ чувствовалъ свою неправоту.

Не было дня, когда бы я была довольна собой; я была убѣждена, что, еслибы я говорила съ «ними» спокойно, не волнуясь, побѣда была бы за мной; въ особенности трудно миѣ было владѣть собой, когда въ нашихъ «идейныхъ» спорахъ принимала участіе «она»; во все, что бы она ни говорила, она вкладывала столько страстности, чувства, что спорить съ ней спокойно было нельзя. Въ концѣ концовъ отъ всѣхъ нашихъ споровъ у меня все перепутывалось въ головѣ, а червякъ тоски глубже и глубже забирался въ душу.

IV.

То было тяжелое, пасмурное время; въ поэзіи царилъ тогда скорбная муза, въ жизни тоскующіе нытики; жизнерадостный, здоровый человѣкъ, даже сохранившій въ своей душѣ чистый высокій идеалъ, терялъ право на званіе настоящаго человѣка, если только на лицѣ его не лежала печать «міровой скорби», или онъ не надѣвалъ мужицкой подошлеки; одно изъ двухъ: или тоскуй, или развяжись со своею культурностью, привычками, воспитанностью, а иначе ты рискуешь прослыть за тупого, безсердечнаго человѣка.

Да, это было странное, тяжелое время, и много нужно было выдержки, много крѣпкой вѣры, чтобы не заразиться и итти своею дорогой.

Для меня было вполне ясно, что они заблуждаются, а они считали меня отсталой; не мудрено, что какъ только соберемся мы всѣ вмѣстѣ, такъ сейчасъ и возгорится споръ.

Я доказывала имъ, что не изъ-за чего распинать себя, я доказывала, что жизнь совершенствуется медленно, но безгранично совершенствуется, и что въ этомъ усовершенствованіи не послѣднюю роль играемъ мы, интеллигенція.

— Все, что есть хорошаго въ жизни,—говорила я,—дѣлалось нами, черезъ насъ: не будь насъ, то-есть людей, живущихъ мысляю, люди продолжали бы давить другъ друга, угнетать. Нашъ первообразъ—Прометей; мы дали людямъ огонь, освѣтили жизнь,—неужели только затѣмъ, чтобы зарыться въ навозъ?.. Если мы всѣ возьмемся за заступъ, за шило,—кто же будетъ свѣтить, кто творить, кто указывать новые пути?

— Кто?—переспросила она, поднимая на меня темные, жгучіе глаза:—всѣ, Вѣра Васильевна, всѣ! Вы думаете, что людей всегда надо водить на помочахъ, что свѣтъ только въ интеллигенціи? Ошибаетесь... Взгляните въ жизнь народа, въ жизнь массы, и вы увидите, что то, что вы называете свѣтомъ—ваша наука, ваше искусство, не въ состояніи освѣтить его жизни...

— Какъ! вы хотите отрицать науку, искусство, которыя вывели человѣчество изъ состоянія варварства?—удивленно воскликнула я, останавливая взглядъ на понуромъ лицѣ Коли:—отрицая это, вы отрицаете истину, смыслъ жизни...

— И утверждаемъ правду, справедливость, любовь, — воскликнулъ Коля, скользя по мнѣ холоднымъ взглядомъ:—мы создали себѣ идоловъ изъ науки, искусства и вообразили, что это и есть настоящій Богъ... Ваша наука, ваше искусство, которыми вы огородились отъ массы, есть только новыя цѣпи, которыми мы держимъ въ варварствѣ миллионы людей и свою собственную душу!

Онъ волновался, нервно шагая по комнатѣ, избѣгая глядѣть на меня; въ первый разъ онъ такъ смѣло, открыто и бурно бралъ ихъ сторону, въ первый разъ при чужой онъ такъ спорилъ со мной. А я едва могла прійти въ себя отъ боли, обиды, и ледяное кольцо охватывало мое сердце, а она восхищенными сіяющими глазами слѣдила за нимъ.

— Мы спали, а не жили, мы грезили, а не дѣйствовали,—продолжалъ Коля, повышая голосъ:—пора проснуться, а иначе насъ затретъ та новая сила, что поднимается снизу.

— Насъ затретъ, никогда! — гнѣвно воскликнула я, чувствуя бурю въ душѣ:—только благодаря намъ, масса пробуждается, отъ насъ она научается мыслить; мы боролись за нихъ, мы научили ихъ уважать самихъ себя, мы и теперь продолжаемъ учить ихъ, работать для нихъ; мы идемъ въ школы, устраиваемъ библіотеки, врачуемъ и всячески тянемъ на верхъ,—какъ вы не хотите понимать этого?

Она смотрѣла на меня удивленными, широко открытыми глазами; здоровый румянецъ игралъ на смугломъ лицѣ дѣвушки, руки

нервно теребили конецъ передника; но вотъ она провела рукой по лбу, задумалась...

— Да, въ этомъ вы, можетъ быть, правы,—медленно произнесла она:—вы сдѣлали свое дѣло, вы опытомъ показали, что дальше такъ идти не можетъ, и что тотъ, кто не хочетъ остаться за штатомъ, долженъ примкнуть къ намъ, то-есть, къ массѣ... Знаете ли вы жизнь народа! Конечно, нѣтъ, иначе у васъ не хватило бы духу огорживаться отъ него «эстетикой». А я выросла среди него, я и знаю, что хорошее и что дурное таитъ онъ въ себѣ... Стоить мнѣ только закрыть глаза, чтобы я увидѣла, почувствовала...

Она не договорила, вздрогнула, устремивъ мутный взглядъ въ пространство; тѣни страданія пробѣжали по ея лицу. Коля поблѣднѣлъ, сдѣлалъ было движеніе къ ней, но остановился, встрѣтивъ мой взглядъ. Одну секунду, одно мгновеніе смотрѣли мы другъ на друга, но какое это было убійственное мгновеніе. Я поняла все: какую нечеловѣческую силу должна была употребить я, чтобы не выдать себя... Коля отошелъ въ уголъ комнаты, а она, поднявъ лицо, посмотрѣла вокругъ такъ, точно проснулась отъ тяжелого сна, въ глазахъ ея мелькнулъ не то испугъ, не то недоумѣніе.

— Что нужно сдѣлать, чтобы жизнь была не такъ мучительна?—спросила она, нарушая тяжелое молчаніе, взглянула на меня, на Колю и, не получивъ отвѣта, тоскливо продолжала:—ахъ, я сама не знаю! Нужно или однимъ махомъ перевернуть все, или слиться съ массой и вмѣстѣ искать путь! Опытъ показалъ, что первое мы не можемъ сдѣлать, остается второе!..

— Странные вы, право, люди! У васъ все крайности, а суть-то въ срединѣ...

— Охъ, ужъ эта срединная мораль,—рѣзко прервала она меня:—ненавижу ее!

Съ ними положительно нельзя спорить: у нихъ все нервы, чувства... Когда же люди стануть, наконецъ, разумными существами?..

V.

Она пришла снизу, она молода, горяча, ей трудно встать на высшую точку зрѣнія, окинуть безпристрастнымъ взглядомъ жизнь, но Коля, Коля... я рѣшительно не понимала его! Тотъ самый Коля, съ которымъ мы поднимались на вершины мысли, сталъ отрицать нашу вѣру, нашу жизнь, онъ уже избѣгаетъ меня... Почему, зачѣмъ? Развѣ я не прежняя Вѣруся, та Вѣруся, на которую онъ чуть не молился когда-то.

Это было ровно пятнадцать лѣтъ тому назадъ; я была въ полномъ расцвѣтѣ своей силы и красоты, толпа поклонниковъ окружала меня; у меня былъ мужъ, сынъ, былъ роскошный свѣтскій

домъ, а онъ порывистый, пылкій юноша съ смѣлымъ лицомъ, новыми словами кружилъ мнѣ голову: онъ шепталъ дерзкія влюбленные рѣчи и звалъ на другую—свободную, полную жизнь...

— Подальше отъ пустого свѣта, отъ условной лжи!..

Это были новыя, неслыханныя слова, и я жадно внимала имъ; завѣса спала съ моихъ глазъ: я поняла, что никогда не любила мужа такъ, какъ полюбила юношу, а полюбивъ я колебалась недолго. Онъ былъ много моложе меня, но что жъ изъ этого! Вѣдь онъ любилъ меня, дышалъ мною и звалъ на новую жизнь... Я оставила свой роскошный домъ, своего мужа и сына и пошла за нимъ.. Господи, не затѣмъ же я ушла, чтобы терпѣть мученія?..

Жизнь и годы уже успѣли положить свою печать на мое лицо въ видѣ сѣти мелкихъ морщинокъ, а она молода, полна силъ. Но развѣ это оправдываетъ его?..

VI.

Здѣсь, въ захолустѣхъ, среди полей и лѣсовъ, мы дружно работали, не отказываясь отъ благъ культуры. Коля управлялъ большимъ имѣніемъ князя N., которое расцвѣло въ его искусныхъ рукахъ. Онъ любилъ сельское хозяйство, работалъ съ увлеченіемъ, и его творческій широкій умъ былъ вѣчно занятъ новыми усовершенствованіями, а же, такъ сказать, гуманизировала дѣловую атмосферу. Нашимъ рабочимъ жилось у насъ лучше, чѣмъ въ сосѣднихъ имѣніяхъ, и въ этомъ была моя заслуга, по крайней мѣрѣ, такъ говорилъ Коля... Я вѣрила, что назначеніе женщины заключается въ томъ, чтобы смягчать, украшать, поэтизировать ту жизнь, среди которой живетъ она, и я сознательно въ теченіе пятнадцати лѣтъ исполняла неуклонно свою миссію. Кромѣ того, двери нашего дома были широко открыты для друзей и знакомыхъ; живя въ деревнѣ почти безвыѣздно, я стояла въ курсѣ событій и слѣдила за всѣмъ, что дѣлалось въ жизни; у насъ была прекрасная библиотека, большой паркъ, роща, рѣка, къ намъ любили пріѣзжать, и—что скрывать истину—я знаю, что умная, изящная хозяйка привлекала гостей не меньше, чѣмъ свѣжій воздухъ, лѣсъ, рѣка...

Неправда, что я жила только для себя! Устроивая свой домъ, я думала о другихъ: я хотѣла, чтобы всѣ, кого судьба заброситъ къ намъ, чувствовали себя свободно, легко,—чтобы усталый отдохнуль душой и набрался новыхъ силъ, сомнѣвающійся окрѣпъ, вѣрующій утвердился въ своей вѣрѣ; я дѣлала все, что могла... Даже по отношенію къ ней, къ этой дѣвушкѣ, которая не пользовалась моей симпатіей, я старалась быть любезной хозяйкой—чего жъ еще? Она поселилась у насъ, чтобы изучить молочное хозяйство, и по цѣлымъ днямъ возилась на скотномъ дворѣ;

отъ нея пахло навозомъ, а Коля восхищался ея трудолюбіемъ, ея энергіей...

Меня поражало отсутствіе чуткости въ этой дѣвушкѣ; развѣ она не понимала, что послѣ того вечера она не должна была оставаться у насъ, что ея присутствіе вноситъ диссонансъ въ нашу жизнь!.. Но таковы ужъ «идейные» люди, своего рода фанатики, не желающіе понять, что вторгаться въ чужую жизнь со своими идеями, разбивать счастье людей, равносильно варварству. Она не хотѣла понять этой простой истины и радовалась, что ихъ «секта» увеличилась новымъ прозелитомъ,—могла ли я не возненавидѣть ея?

VII.

Дождь ливня лилъ, бушевала буря, гремѣлъ громъ, вѣтеръ ревѣлъ съ такою силою, точно хотѣлъ снести нашъ деревянный домъ.

— Не уступлю! — говорила я, въ безпредѣльной тоскѣ шагая по комнатѣ; я была такъ поглощена своими тяжелыми думами, что не замѣтила, какъ открылась дверь. Оглянувшись, я остолбенѣла: на порогѣ стояла дѣвушка; лицо ея было блѣдно, глаза горѣли страннымъ огнемъ.

— Вѣра Васильевна, — съ дрожью въ голосѣ произнесла она, дѣлая шагъ ко мнѣ.

— Что вамъ надо? Уходите, уходите! — въ ужасѣ прошептала я, отступая отъ своего врага.

— Вѣра Васильевна, — буря, гроза, я не могу уснуть. Я услышала, что вы тоже не спите, и не могла удержаться, чтобы не пойти къ вамъ... Въ эту ночь, среди грома и молніи, я поняла много, поняла вдругъ, сразу, отчего вы такъ холодны, непривѣтливы ко мнѣ. Повѣрьте мнѣ, я ни въ чемъ не виновата, рѣшительно ни въ чемъ... О, не отталкивайте меня, не смотрите такъ, выслушайте, молю васъ...

Дѣвушка задрожала и бросилась къ моимъ ногамъ...

— Встаньте, встаньте, что вы дѣлаете, что вамъ надо?..

— Ахъ, я сама не знаю! — ломая руки, произнесла она, вставая и присаживаясь на край стула: — я сама не знаю, что такое со мной, отчего я тоскую, отчего мнѣ стало такъ страшно, такъ жутко! О, какъ вы должны страдать!.. Тамъ за стѣной я ощущала эту острую, жгучую боль въ душѣ, вашу боль... Я уйду отъ васъ, завтра же уйду, о, повѣрьте мнѣ, я ничего не подозрѣвала. Никогда мнѣ въ голову не приходило, что Николай Михайловичъ, что онъ... Вѣра Васильевна, да помогите же мнѣ!.. Позвольте мнѣ поцѣловать васъ такъ, какъ я когда-то цѣловала мою мать...

Дѣвушка конвульсивно вздрагивала, устремивъ на меня свои жгучіе, тоскливые глаза; ея щеки горѣли, русая коса разметалась,

прикрывая гибкій, молодой станъ. Да, это была грубая, вульгарная дѣвушка, съ загорѣлымъ лицомъ, потрескавшимися руками, но отчего мнѣ было такъ страшно, такъ холодно, отчего я не могла отвести отъ нея своего взгляда?

— Уходите, уходите!..

Эти слова, какъ вопль, вырвались изъ моей груди, а она не уходила; выпрямившись во весь ростъ, дѣвушка смотрѣла на меня горящими, удивленными глазами, смотрѣла такъ, точно видѣла меня въ первый разъ, и негодование всколыхнуло меня: все, что накипѣло въ душѣ въ продолженіе этихъ двухъ мѣсяцевъ, вылилось въ эту бурную, гнѣвную ночь.

— Уходите же, уходите! — внѣ себя отъ муки вскрикнула я, видя, что она не движется и все тѣми же странными глазами смотритъ на меня...

— И только?.. И только это могли вы мнѣ сказать? О, какъ вы жестоки, Вѣра Васильевна!..

Она закрыла лицо руками и, шатаясь, вышла...

VIII.

На другой день мы встрѣтились врагами; атмосфера была удушливая; вернулся Коля и растерянно, подозрительно поглядывалъ то на нее, то на меня.

— Что тутъ случилось?—угрюмо спросилъ онъ, войдя ко мнѣ въ комнату:—почему она уѣзжаетъ?

— Почему? Потому что она поняла, что такъ будетъ лучше и для нея и для насъ!

-- Она не уѣдетъ!..

— Она должна уѣхать! Развѣ ты не понимаешь, что она здѣсь не ко двору! Наша цѣль, наша жизнь не имѣетъ ничего общаго съ ея...

— Неправда, у меня съ ней слишкомъ много общаго!.. Она не должна уѣхать... Иди къ ней, скажи, чтобы она оставалась, иди...

— Ты съ ума сошелъ?..

— Скоро сойду!..

Онъ схватился за голову руками и стремительно выбѣжалъ...

А, такъ вотъ оно что! Онъ пошелъ къ ней, отъ меня къ ней— я задыхалась; голова закружилась, въ глазахъ запрыгали красные огоньки, я бессильно опустилась на кресло...

Не стучи такъ сердце, не все еще потеряно, не все ушло... Зачѣмъ же я бросила мужа, сына, свой домъ, свой кругъ!.. Господи, что жъ это со мной!..

IX.

— Вѣра, Вѣруся!.. Боже мой, Боже!..

Блѣдное испуганное лицо Коли наклонялось надо мной, а его руки держали мои.

— Она уѣхала?..

— Уѣдетъ!.. Не волнуйся, Бога ради, не говори, не двигайся, тебѣ вредно, выпей капли!

Онъ говорилъ, а глаза его смотрѣли мимо, движенія были нервны, торопливы, руки дрожали...

— Коля, скажи, ты любишь меня, ты любишь свою Вѣрусю?..

— Да перестань, Вѣра, Бога ради! Ну, къ чему эти вопросы, о Господи? Надо быть спокойной и трезво смотрѣть на жизнь. Смѣшно же, право, послѣ столькихъ лѣтъ совмѣстной жизни толковать о любви... Ты своими вопросами заставляешь только меня быть рѣзкимъ, но вѣдь и я не изъ дерева... Онъ улыбнулся, заторопился, вспомнилъ, что ему нужно итти по хозяйству, и вышелъ.

Надо быть спокойной, а какъ я могу быть спокойной, когда знаю, что она здѣсь; я чувствую ее, и это мѣшаетъ мнѣ собраться съ силами... Я позвонила; вошла Настя.

— Что, эта дѣвушка... ну, та, молочница, скоро уѣзжаетъ?

— Она складываетъ вещи.

Я облегченно вздохнула.

— Хорошо... Иди!

Я не встану, я не выйду, пока она здѣсь... Въ первый разъ въ жизни я нарушаю долгъ хозяйки... Какъ медленно идетъ время, какая томительная тишина въ домѣ!.. Я знаю, Коля не оставитъ меня: онъ добръ, великодушень, благородень... Она уѣдетъ, и жизнь войдетъ въ свою обычную колею...

X.

— Вѣра, одна просьба: она хочетъ проститься съ тобой, она очень просить!

Коля робко посмотрѣлъ на меня.

— Если нельзя безъ этого, пусть войдетъ!..

Онъ вышелъ, а она вошла... Охъ, какъ она молода, сильна и хороша... Я закрыла глаза.

— Я уѣзжаю, но мнѣ больно такъ разстаться съ вами, мы не должны быть врагами!..

— Хорошо, хорошо! Но я такъ слаба, мнѣ нельзя волноваться...

— Я на минутку, два слова.

Она говорила съ трудомъ, точно ее придавило что-то, и голосъ у нея былъ тихій, усталый.

— Все это одно недоразумѣніе, тяжелое недоразумѣніе, все, что произошло въ ту ночь... Виновата гроза, когда все видишь въ другомъ свѣтѣ! Я ѣду, я сейчасъ ѣду!—торопливо воскликнула она:— и я пришла пожелать вамъ счастья, полного счастья!

— Благодарю васъ!

И голосомъ, и взглядомъ я дала ей понять, что она можетъ уйти, но она медлила...

— Я знаю, я не имѣю права что либо совѣтовать вамъ, но я должна... Ради вашего счастья выслушайте меня; вы должны быть его другомъ, его добрымъ геніемъ, вникните поглубже въ его душу и не тормозите его начинаній, его порывовъ... Простите, простите, я сама не знаю, что говорю!..

Лицо ея нервно задергалось, а глаза съ тоской устремились на меня...

— Я знаю, вы добрая, вы хорошая, и вы сдѣлаете все, чтобы онъ... чтобы вы были счастливы!..

Она наклонилась ко мнѣ, и глаза ея робко, испуганно перебѣгали съ мѣста на мѣсто, на щекахъ загорался румянецъ.

— Я тоже не безъ грѣха!—съ усиленіемъ произнесла я, пытаюсь улыбнуться.

Лицо дѣвушки просвѣтлѣло; она порывисто взяла мою руку, поцѣловала и выбѣжала...

На другой день я встала, все было на своемъ мѣстѣ, но странно: мнѣ казалось, что въ домѣ у насъ покойникъ. Коля задумчивъ, унылъ, пасмуренъ... Ахъ, гдѣ же вы бывые дни счастья, дни покоя?..

XI.

Черезъ нѣсколько дней Коля уѣхалъ въ городъ по дѣламъ; онъ часто ѣздилъ въ городъ, и въ этомъ нѣтъ ничего предсудительнаго; но на душѣ у меня стало еще тревожнѣе, еще тоскливѣе. Прошло нѣсколько тяжелыхъ мучительныхъ дней... Коля не возвращался; я получила отъ него письмо, вотъ оно:

«Я тебѣ отдалъ мои лучшіе молодые годы, цвѣтъ моей юной души, прости же меня за то, что я невольно доставляю тебѣ страданіе. Ты сама видишь, что намъ нельзя быть вмѣстѣ—наше счастье умерло... Вспомни прошлое, вспомни время, когда ты была молода, когда любовь и надежда озаряли тебя,—тогда ты не посматрѣла ни на что, ты все оставила—не вини же и меня! Будь моимъ другомъ, моей старшей сестрой, и во имя бывлыхъ дней нашего счастья умоляю тебя, не будемъ врагами. Я люблю ее, она любитъ меня. Вѣра, вѣдь это громадное счастье — не отнимай же его у меня. Я и ты теперь такъ далеки другъ отъ друга, меня влечетъ другая цѣль, другая жизнь»...

О, это было ужасное письмо, это были огненные строки, которыми прожигали меня насквозь; скорбь, боль, обида бушевали въ моей душѣ, въ душѣ отвергнутой женщины. Что дѣлать? Я была совершенно одна, я была безпомощна; я пошла къ тому столяру и рассказала ему все.

— Что дѣлать, что мнѣ дѣлать?—въ тоскѣ спрашивала я.

Онъ загадочно улыбнулся.

— Уступить дорогу болѣе молодымъ, болѣе сильнымъ!

Я дико посмотрѣла на него, а онъ, взявшись за рубанокъ, ожесточенно принялся строгать.

И онъ противъ меня; я молча вернулась домой. Я написала имъ письмо, я не пощадила ихъ такъ же, какъ они не пощадили меня. Громъ, молнію, проклятія призывала я на ихъ преступныя головы, я написала имъ, что добровольно не уступлю.

Не затѣмъ же бросила я мужа, сына, свой домъ, свой кругъ, чтобы быть выброшенной за бортъ, какъ ненужный балластъ. Гдѣ же справедливость?

ХІІ.

И вотъ «та» написала мнѣ:

«Я считала васъ человѣкомъ, я считала васъ доброй, умной, а вы!.. Вѣра Васильевна, мнѣ стыдно за васъ, стыдно за достоинство женщины. Отчего вамъ добровольно не уступить! Вы сдѣлали большую ошибку, выступивъ въ борьбу противъ теченія, которое захватило и его. Съ тѣхъ поръ ваши дороги разошлись,—какъ вы не хотите понять этого? Во имя чего станете вы бороться? Во имя любви?—Но ея нѣтъ, ибо нѣтъ гармоніи интересовъ. Во имя счастья? Но вы получили свою долю отъ жизни, съ избыткомъ получили,—не мѣшайте же другимъ! Нельзя заниматься только культивированіемъ себя, вы слишкомъ высоко взлетѣли и проглядѣли жизнь. Ваша пѣсня уже спѣта; вотъ почему онъ оставилъ васъ и пришелъ ко мнѣ. Я чувствую, что я ближе къ нему, чѣмъ вы. Если бы вы были другой, еслибы вы могли дать ему счастье, которое заключается въ сознательномъ служеніи людямъ, я бы ушла, я умѣю владѣть своими чувствами, но вы погубите его; нельзя человѣку жить въ вѣчномъ противорѣчьи со своею совѣстью. Волей-неволей вамъ нужно уступить, потому что я люблю его для него и для жизни, а вы только для себя».

Это было грубое, дерзкое письмо, и я скомкала его въ своихъ дрожащихъ рукахъ. Я не могла оставаться тамъ, не могла потому, что сердце мое разрывалось на части. Я уѣхала; я вернулась въ старую, запущенную усадьбу—единственную вещь, что осталась мнѣ отъ прошлаго—далекаго, далекаго, милаго прошлаго.

XII.

Старый садъ спитъ, спятъ и старыя, покосившіяся отъ времени, вербы, купая свои корявыя вѣтви въ прудѣ. Прудъ тоже спитъ, а блѣдная луна задумчиво смотрится въ его зеркальную поверхность. Воздухъ тихъ, ничто не шелохнется, точно застыло въ заколдованномъ снѣ; есть что-то жуткое и величаво спокойное въ этомъ полномъ затишьѣ, наступившемъ послѣ жаркаго іюльскаго дня; не спятъ только лягушки, и ихъ неумолкающій концертъ, какъ похоронный маршъ, отдается въ моей душѣ. Одна, какъ тѣнь, брожу я въ аллеѣ стараго, заглохшаго сада, погружаясь въ свои воспоминанія...

Вотъ тутъ давно, страшно давно, кипѣла молодая, смѣлая жизнь, слышался задорный смѣхъ, звучали то громкія рѣчи, то тихій прерывистый шепотъ... Я хорошо помню тотъ вечеръ: садъ былъ фантастически освѣщенъ, слышались нѣжные, мелодическіе звуки музыки. Я трепетно шла, опираясь на сильную, мужскую руку, съ жаднымъ волнующимъ любопытствомъ вслушиваясь въ то, что говорилъ онъ; я чувствовала, какъ кровь то прилиwała, то отливала отъ моего сердца, какъ легкій ознобъ пробѣгалъ по всему тѣлу, и мнѣ было и жутко, и страшно, и сладко.

— Если вы любите меня, Вѣра, пойдѣмъ къ отцу!

И мы пошли... Вечеръ тогда былъ дивно хорошъ, луна загадочно свѣтила, а онъ былъ такъ красивъ и влюбленъ! Мнѣ тоже хотѣлось любить. Прудъ спалъ, нѣтъ, не спалъ, а грезилъ о грядущемъ свѣтломъ днѣ, какъ грезила я.

Отецъ съ радостью благословилъ насъ. Перевѣнчавшись мы уѣхали въ Петербургъ; такъ я попала въ круговоротъ свѣтской жизни, въ пучину новыхъ мыслей, новыхъ чувствъ.

Меня замѣтили, жизнь катилась беззаботно и легко... Потомъ у меня родился сынъ—прелестный, бѣлокурый мальчикъ, съ голубыми, какъ небо, глазами; въ домѣ появилась кормилица, нянька, бонна, и я любила въ промежуткахъ своей свѣтской жизни забѣжать въ дѣтскую, поиграть съ нимъ...

Отчего же ты, сердце, такъ мучительно щемить?

Въ средѣ моихъ поклонниковъ появился юноша, онъ такъ былъ не похожъ на другихъ! Новыя дивныя слова нашептывалъ онъ мнѣ, слова о свободѣ, о долгѣ, о трудѣ. У меня кружилась голова и отъ успѣха, который сопровождалъ меня всюду, гдѣ бы я ни появилась, и отъ тѣхъ рѣчей, что твердилъ мнѣ смѣлый юноша съ гордымъ, отважнымъ лицомъ, а малютка мой тоже росъ: у него было нѣжное, красивое лицо, ясные, свѣтлые глазки, а волнистые, шелковые кудри ниспадали до плечъ, и онъ называлъ

меня: мама... мама... мама... Боже, глаза туманятся отъ слезъ, буквы прыгаютъ передъ глазами.

Коля, Коля, что ты сдѣлалъ со мной!..

XIII.

Я знаю, онъ вернется. Развѣ та вульгарная и грубая дѣвушка, что стала его женой, можетъ удовлетворить его, развѣ сможетъ она поддержать ту изящную, эстетическую атмосферу, къ которой привыкъ онъ? Она молода, ну, и пусть! Пусть онъ ухнется ея молодостью, пусть она скоро прискучитъ ему. Тогда онъ вспомнитъ свою Вѣрсю, свою умную, изящную Вѣрсю и вернется къ ней; придетъ и скажетъ: Вѣра, прости! И заря счастья вновь загорится на моемъ горизонтѣ... иначе не можетъ быть! Не для того же я оставила мужа, сына, чтобы изнывать въ одиночествѣ. Эта надежда живить меня, даетъ смыслъ моему существованію. Нѣсколько лѣтъ, монотонныхъ однообразныхъ лѣтъ, я живу ею, день изо дня жду.

Есть люди, съ появленіемъ которыхъ приходятъ горе, страданія... Какъ я испугалась, когда увидала его, того человѣка, который работаль у насъ столяромъ, Григорія Петровича, испугалась и обрадовалась вмѣстѣ... Вѣдь такъ или иначе онъ былъ свидѣтелемъ моего счастья и несчастья... Онъ осунулся, похудѣлъ, сталъ болѣе рѣзокъ и желченъ.

— Мимоходомъ забрелъ къ вамъ, Вѣра Васильевна!—съ грустью въ голосѣ сказалъ онъ, повѣствуя о своей жизни. Онъ ни къ чему не могъ пристроиться, нигдѣ успокоиться, и бродитъ изъ угла въ уголъ нашего обширнаго отечества; печать одиночества лежитъ на его лицѣ, одиночества, на которое обречены слишкомъ много думающіе и понимающіе люди. Онъ прожилъ у меня два дня, и только къ концѣ я спросила о Колѣ.

— Живутъ счастливо, довольны, дѣтишки есть — конченые люди. А въ ней-то я ошибся... я думалъ, что она и то и се, а въ сущности ей только и нуженъ былъ мужъ да дѣтишки...

— А онъ доволенъ?

— Онъ?.. Да онъ души не чаеть въ своей семьѣ!.. Такъ-то, Вѣра Васильевна, чѣмъ больше живешь и видишь, тѣмъ грустнѣй становится!.. Ну, прощайте, лихомъ не поминайте. Ваша судьба въ старомъ гдѣздѣ оканчивать жизнь, а моя гдѣ нибудь въ дорогѣ!.. А все-таки и въ этомъ есть что-то общее!..

Онъ пожалъ мнѣ руку и удалился, а я долго смотрѣла вслѣдъ, окаменѣвъ въ новомъ горѣ. «Онъ души не чаеть въ своей семьѣ», а я?.. Свѣтлый жаркій день томилъ меня, я прошла въ комнату, сѣла за столъ... Въ зеркалѣ мелькнуло знакомое лицо... Боже, неужели эти сѣдые волосы, морщинистое лицо принадлежатъ мнѣ?.. А вѣдь я была молода, красива, въ тысячу разъ красивѣе ея.

Ахъ, какъ тревожно бьется сердце, какъ безнадежно стучитъ оно! Я едва вожу перомъ: тяжелая усталость сковала весь организмъ... Да, я была молода, красива, а что осталось? Къ чему красота, если въ результатѣ медленное умираніе въ старомъ гнѣздѣ, тоска?.. Но у меня гдѣ-то есть сынъ! Сынъ... какъ это странно звучитъ...

Я бы могла не быть одинокой...

А было время, и я жила; толпа поклонниковъ окружала меня. Я вдохновила лучшаго романиста того времени на созданіе прелестнаго женскаго образа, первоклассный художникъ рисовалъ мой портретъ... Какъ это было давно! Въ чемъ жизнь, за что ухватиться, Господи!

Подулъ свѣжій, предразсвѣтный вѣтерокъ, востокъ поблѣднѣлъ, жизнь пробуждается—для кого? Не для меня...

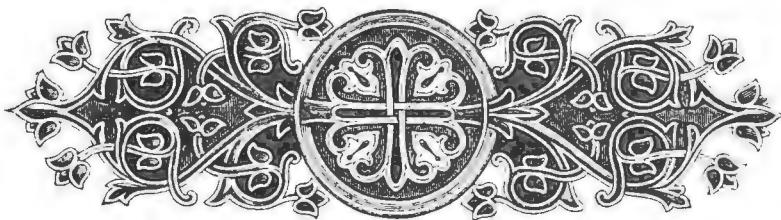
Вотъ идетъ она, сильная, смѣлая, дерзкая, идетъ въ блескѣ возрождающагося дня, идетъ, раскрывая свои многообѣщающія объятія для тѣхъ, кто съ надеждой встрѣчаетъ разсвѣтъ. А у меня ничего нѣтъ... Прошла молодость, пропала красота, исчезли надежды, какъ дымъ, а впереди мрачно вырисовывается одинъ могильный холмъ...

Мой станъ безпомощно согнулся, глаза потускнѣли—я не хочу встрѣчать новый безрадостный день...

.....

Марія Ермолина.

ВОСПОМИНАНІЯ В. П. ОДИНЦОВА ¹⁾.

IV.

АКЪ ТОЛЬКО пришла намъ смѣна, мы очень скоро собрались и отправились, согласно полученному предписанію, въ Николаевъ для того, чтобы Михаилъ Петровичъ Лазаревъ, бывшій больнымъ, могъ сдѣлать смотръ корвету. Затѣмъ я взялъ отпускъ и поѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ жили мои отецъ и мать. Легко можно себѣ представить ихъ радость. Отдохнувъ послѣ перекладной дня два, я отправился въ Михайловскій театръ, но тутъ приключился слѣдующій эпизодъ. Сажу я въ креслахъ, какъ подходитъ ко мнѣ бывшій тогда плацъ-майоромъ или вторымъ комендантомъ, теперь не помню, Алексѣй Алексѣевичъ Одинцовъ, говоритъ, что я одѣтъ не по формѣ, и предлагаетъ мнѣ оставить театръ. Оглянувшись кругомъ и замѣтивъ, что всѣ военные въ сюртукахъ, какъ и я, спросилъ, въ чемъ полковникъ видитъ неформенность, на что онъ сказалъ: «Вы въ красныхъ сапогахъ, и брюки у васъ безъ штрипокъ». Тогда я понялъ, въ чемъ дѣло. Надо сказать, что у меня не было другой обуви, кромѣ купленныхъ въ Неаполѣ ботинокъ, верхняя часть которыхъ была изъ краснаго сафьяна съ бронзовыми пуговицами (тогда это было въ модѣ за границей). Я объяснилъ это обстоятельство и просилъ полковника дать мнѣ досидѣть до конца пьесы, но

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. lxxxii, стр. 481.

Алексѣй Алексѣевичъ настаивалъ, чтобы я вышелъ, и спросилъ мою фамилію; я назвалъ, тогда онъ повторилъ вопросъ нѣсколько возвышеннымъ тономъ, я опять назвалъ, онъ ужасно раскипятился и говоритъ: «я знаю, что я Одинцовъ, я вашу фамилію спрашиваю», но когда въ концѣ концовъ онъ понялъ, что мы однофамильцы, и что красные сапоги случайность а не бравированіе, разрѣшилъ мнѣ остаться, но просилъ сидѣть такъ, чтобы моей обуви не было видно. Спустя много лѣтъ послѣ того, Алексѣй Алексѣевичъ былъ нижегородскимъ губернаторомъ, а я былъ въ Нижнемъ по порученію министра государственныхъ имуществъ, и когда я представлялся Одинцову, онъ вспомнилъ исторію съ красными сапогами. По окончаніи срока отпуска я возвратился въ Николаевъ, гдѣ нашелъ адмирала Лазарева совершенно больнымъ, что не мѣшало ему заниматься дѣлами и по праздникамъ принимать къ обѣду человѣкъ до 20 гостей, большею частью, моряковъ. Помню, что во время обѣда игралъ оркестръ, въ которомъ рядомъ съ капельмейстеромъ стоялъ сынъ адмирала Миша и помахивалъ палочкой, воображая себя дирижеромъ. Несмотря на страданія отъ рака въ желудкѣ, Михайлъ Петровичъ не забывалъ роли хозяина и былъ ко всѣмъ чрезвычайно внимателенъ, даже каждому изъ насъ, мальчишекъ, находилъ что нибудь сказать. Однажды былъ такой случай. Собралось насъ нѣсколько человѣкъ у адъютанта Михаила Петровича, Дмитрія Шестакова, въ часъ завтрака, который былъ всегда очень легкій, но на этотъ разъ принесли огромный кусокъ разварной говядины. Такая щедрость экономки объяснилась тѣмъ, что Михайлъ Петровичъ, проходя по двору, встрѣтилъ денщика, несшаго завтракъ, и спросилъ: «куда несешь?». Тотъ отвѣтилъ: «въ адъютантскую квартиру», прибавивъ, что тамъ гости; тогда адмиралъ велѣлъ денщику идти за нимъ и, придя на кухню, ужасно распекъ экономку, что мало послала.

Недолго, однако, пришлось мнѣ оставаться въ Николаевѣ; корветъ вошелъ въ гавань и разоружился, а офицеровъ, въ томъ числѣ и меня, отправили въ Севастополь, гдѣ я былъ назначенъ на корветъ «Орестъ», находящійся въ числѣ судовъ, отправлявшихся къ Абхазскимъ берегамъ; командиромъ былъ Викторъ Матвѣевичъ Микрюковъ, а старшимъ офицеромъ Петръ Александровичъ Карповъ, оба герои Севастопольской обороны и Синопскаго боя,—теперь они уже въ могилѣ, но память о нихъ не умереть. Описывать плаваніе на корветѣ не стану, такъ какъ это было бы повтореніемъ того, что описано въ предшествовавшихъ главахъ. Проплававъ шесть мѣсяцевъ, корветъ возвратился въ Севастополь, а я просилъ отправить меня въ Керчь для службы на кавказскихъ судахъ. Здѣсь умѣстно объяснить, почему всѣ старались быть назначенными въ плаваніе къ Абхазскимъ берегамъ. Въ описываемое время плававшіе у Абхазскихъ береговъ получали двойное содержаніе: одно

какъ всегда, отъ морского вѣдомства, а другое отъ военнаго, интересамъ котораго мы служили; кромѣ того, у военнаго вѣдомства были свои собственныя транспортныя суда, парусныя и паровыя, доставляющія въ укрѣпленія провіантъ и строительные матеріалы, а также перевозившія и войска. На эти суда команда и офицеры назначались морскимъ начальствомъ и получали также двойное содержаніе. Во время службы въ Керчи я переплавалъ почти на всѣхъ судахъ, какъ парусныхъ, такъ и паровыхъ, а когда стало извѣстно о разгромѣ эскадры Нахимова турецкаго флота подъ Синопомъ, я оставилъ Керчь и отправился въ Севастополь, гдѣ тотчасъ же былъ назначенъ на корабль «Селафайлъ», командиромъ котораго былъ Апполинарій Александровичъ Зоринъ. Томительное было это время; хотя формальнаго разрыва съ западными державами не было еще, но въ воздухѣ пахло войной.

Мало того, каждый вечеръ подходило къ Севастополю два или три громадныхъ англійскихъ паровыхъ корабля, и подходили они совсѣмъ близко къ входу въ бухту. Надоѣло это, а потому сдѣлано было распоряженіе собрать всѣ сколько было пароходовъ, посадить на нихъ десантныя и стрѣлковыя команды, и вся эта эскадра подъ начальствомъ Панфилова, имѣвшаго флагъ на пароходѣ «Владимиръ», должна была прогнать эти громады; но, къ сожалѣнію, наши выстрѣлы до нихъ не долетали, а падали въ море, зато ядро, пущенное съ кормы англійскаго корабля, попало прямо на «Владимиръ», гдѣ и оторвало ногу мичману Скарятину. Этимъ эпизодомъ и окончилась охота по англійскимъ кораблямъ. Въ это время скончался въ Ярославлѣ отецъ мой, и матушка вызывала меня для приведенія дѣлъ въ порядокъ. Я, разумѣется, сообщилъ о затруднительномъ моемъ положеніи В. А. Корнилову, прося доставить мнѣ возможность поѣхать на самое короткое время въ Ярославль. В. А. доложилъ князю Меншикову, и меня отправили курьеромъ съ порученіемъ къ агенту Черноморскаго флота въ Москвѣ, ластоваго экипажа майору Ивкову. Узнавъ, что я ѣду въ Москву, ко мнѣ обратился гувернеръ дѣтей В. А. Корнилова, Duchatel, съ просьбой взять его съ собой (всѣмъ иностранцамъ вѣдно было выѣхать изъ Севастополя), такъ какъ, не зная русскаго языка, ему трудно ѣхать на почтовыхъ. Человѣкъ онъ былъ чрезвычайно симпатичный, и мнѣ пріятно было имѣть его попутчикомъ, но, къ сожалѣнію, не надолго, такъ какъ отъ непривычки къ перекладной онъ заболѣлъ и просилъ оставить его въ Харьковѣ. Пробывъ въ Ярославлѣ ровно столько времени, сколько нужно было для приведенія дѣлъ въ порядокъ, я отправился въ обратный путь. Прибывъ въ Николаевъ, явился къ исправлявшему въ то время должность начальника штаба Метлину и просилъ его приказать выдать мнѣ подорожную до Севастополя, такъ какъ моя была почему-то только до Николаева. На эту мою просьбу получилъ приказаніе отвести пар-

тію рекрутъ въ Севастополь. Какъ ни непріятно было порученіе, а надо было его исполнить. Сколько времени мы шли, теперь не могу сказать, помню только, что, когда мы подходили къ Симферополю, слышна была страшная пальба и народъ массой бѣжалъ намъ навстрѣчу. Изъ разспросовъ встрѣчныхъ узнали, что идетъ сраженіе, но гдѣ?—въ точности опредѣлить не могли, и намъ пришлось пробираться, такъ сказать, ощупью. Идя далѣе, мы узнали, что сраженіе было подъ Альмой. Въ Симферополѣ, до котораго мы добрались благополучно, я явился къ губернатору (Пестель) и просилъ указать мнѣ путь, по которому я долженъ слѣдовать въ Севастополь, чтобы не попасть въ руки непріятеля. Губернаторъ не могъ дать мнѣ никакихъ указаній, а совѣтовалъ поѣхать въ главную квартиру и обратиться къ главнокомандующему. Вечеромъ того же дня привели мнѣ казацкую лошадь, и я, въ сопровожденіи двухъ казаковъ, заявившихъ, что они знаютъ, гдѣ находится главная квартира, пустился въ путь. Ночь была темная; проѣхавъ съ полчаса, проводники мои отказались ѣхать далѣе, не будучи увѣрены, ту ли мы взяли дорогу; поэтому мы возвратились въ Симферополь и только съ разсвѣтомъ опять отправились на поиски главной квартиры, которую нашли очень скоро. Когда я явился къ князю Меншикову, то онъ, по всегдашней привычкѣ шутить и острить, совѣтовалъ разыскать въ симферопольскихъ магазинахъ какихъ нибудь старыхъ ружей и защищать городъ; отпуская же меня, приказалъ оставаться въ Симферополѣ впредь до особаго распоряженія. Двое сутокъ живемъ мы въ Симферополѣ и никакого распоряженія не получаемъ, очевидно, о насъ забыли, и я рѣшился на свой рискъ и страхъ итти въ Севастополь. По дорогѣ попадались мертвыя тѣла людей, павшія животныя, воздухъ зараженъ былъ миазмами; иногда попадались отбившіеся обозы. Вся эта картина представляла мало утѣшительнаго, грозя возможностью попасть къ непріятелю; однако, благодаря Бога, все обошлось благополучно, и мы добрались до сѣверной стороны. Тутъ моимъ взорамъ представилась раздирающая душу картина: при входѣ въ бухту затоплены были пять кораблей, мачты которыхъ торчали изъ воды. Только морякъ можетъ понять, что я чувствовалъ въ то время. Здѣсь мнѣ память измѣняетъ, и я рѣшительно не помню, остались ли мои рекрутики на Сѣверной сторонѣ, или ихъ отправили въ Севастополь; я же оставленъ былъ на Сѣверной сторонѣ при своемъ 42-мъ экипажѣ. Днемъ я ѣздилъ на пароходъ «Молодецъ», съ командиромъ котораго былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Но вотъ насталъ день 5-го октября; я былъ также на пароходѣ, какъ вдругъ сигнальщикъ вбѣжалъ въ каютъ-компанію и доложилъ, что непріятельская эскадра снялась съ якоря, а вслѣдъ за тѣмъ послѣдовалъ выстрѣлъ, за нимъ другой-третій, словомъ началась бомбардировка. Я, разумѣется, съѣхалъ съ парохода и отправился къ мѣ-

сту нахождения моего экипажа. Послѣ нѣсколькихъ часовъ бомбардировки на морскихъ батареяхъ оказался недостатокъ снарядовъ, поэтому мнѣ велѣно было взять матросовъ и подносить снаряды; два раза прошелъ я со снарядами и два раза обратно порожнякомъ; ядра сыпались, какъ яблоки съ яблони, которую трясаютъ, но, къ счастью, ни одна граната, ни одно ядро никого не задѣло. Тутъ скоро пришла вѣсть о геройской смерти адмирала Корнилова, а къ вечеру стали привозить на Сѣверную сторону убитыхъ на бастионахъ. Измученный физически, я легъ и заснул сномъ праведника. 6-го числа на разсвѣтѣ меня будятъ и требуютъ къ коменданту (капитану 1-го ранга Бартеньеву); когда я къ нему явился, онъ показалъ мнѣ клочекъ бумаги, на которомъ рукою Павла Степановича Нахимова написано было: «Находящагося во ввѣренномъ вамъ Сѣверномъ укрѣпленіи 42-го экипажа лейтенанта Одинцова съ полученія сего немедленно отправить на Малаховъ курганъ вмѣсто убитаго Кашнева». Будучи мало знакомъ съ Севастополемъ за чертой города, я, вмѣсто того, чтобы переѣхать въ Корабельную слободку, отправился на Графскую пристань, прошелъ всѣмъ городомъ, надъ которымъ такъ и сыпались бомбы и гранаты, и долженъ сознаться, что ощущеніе было не изъ приятныхъ. Первое лицо, которое я увидѣлъ, придя на Малаховъ курганъ, былъ Владимиръ Ивановичъ Истомино, къ которому я явился и который направилъ меня къ Михаилу Александровичу Перелешину; этотъ велѣлъ явиться къ брату его Павлу Александровичу, а сей послѣдній отправилъ меня къ Сергѣю Сергѣевичу Сенявину, который очень спокойно сказалъ: «Кашнева мѣсто уже занято; посидите, подождите, когонибудь приберетъ, тогда займете его мѣсто»,—вотъ это-то ожиданіе и было самое ужасное изъ всего, что я впоследствии испыталъ. Къ счастью, это состояніе продолжалось недолго; я получилъ батарею въ 9 орудій. Къ ночи бомбардировка была слабѣе, перестрѣливались настолько, чтобы мѣшать дѣлать исправленія, и всѣ пользовались этимъ затишьемъ, чтобы поѣсть; но такъ какъ меня взяли вдругъ, я не могъ сдѣлать распоряженія относительно своего продовольствія. Въ это время какой-то человекъ съ корзиной въ рукахъ выкликалъ нѣкоторыя фамиліи; я обратился къ нему съ вопросомъ, что у него въ корзинѣ, и когда онъ сказалъ, что принесъ обѣдъ отъ Портнова, я просилъ передать его хозяину, что прошу и мнѣ присылать обѣдъ, а самъ между тѣмъ пошелъ въ городъ и закусилъ. На другой день мнѣ дѣйствительно принесли обѣдъ, но что же оказалось?—въ Севастополѣ жило семейство инженера Портнова, и матушка его посылала обѣдъ своимъ знакомымъ, а я предполагалъ, что обѣды эти заказывались у портного по ремеслу, и это обстоятельство заставило меня итти въ городъ благодарить почтенную старушку. Затѣмъ надо было подумать о томъ, чтобы выспаться; лучшей кровати, какъ валь, я не

нашелъ и, вобразившись на него, заснулъ крѣпчайшимъ сномъ. Чуть стало свѣтать, я проснулся и увидѣлъ слѣдующую картину: комендоръ одного изъ орудій, католикъ, стоя на колѣняхъ, усердно молился, а затѣмъ сталъ подметать около орудій и приводить въ порядокъ свое хозяйство. Потомъ я увидѣлъ что-то бѣлое, медленно движущееся: оказалось, что это была владѣтельница Чоргуна, княгиня Юсупова, бывшая госпожа Бларанбергъ; она была первая сестра милосердія. Когда совсѣмъ разсвѣло, началось то же, что было вчера, трескотня страшная, людей валить; всѣхъ убитыхъ оставляли прикрытыми рогожами до вечера на мѣстѣ, а вечеромъ отправляли на Сѣверную сторону. Такъ было изо дня въ день. 14-го, кажется, числа, навѣрное не помню, сидѣлъ я предъ опрокинутымъ пустымъ пороховымъ ящикомъ, писалъ приказъ въ пороховые погреба и закусывалъ; въ одной рукѣ былъ бутербродъ, а въ другой — стаканъ краснаго вина. Въ это время проѣзжаетъ Павелъ Степановичъ Нахимовъ и говоритъ: «хлѣбъ да соль», на что я по обычаю предложилъ хлѣба кушать. Затѣмъ, едва успѣлъ я передать пустой стаканъ вѣстовому, какъ меняхватило что-то по уху, я свалился; дальше ничего не помню, но знаю изъ рассказовъ очевидцевъ, что отъ упавшей бомбы взорвало пороховые ящики (тогда пороховыхъ погребовъ не было, а порохъ на бастіонахъ хранился въ ящикахъ, обложенныхъ мѣшками съ пескомъ). Отъ взрыва нѣсколько человѣкъ взлетѣло на воздухъ, меня же, какъ сидѣвшаго подлѣ самыхъ ящиковъ, завалило мѣшками и людьми. Извѣстно, что помощь оказывается прежде тѣмъ, кто подаетъ больше признаковъ жизни, а затѣмъ уже уносятъ покойниковъ. Добрались до кучки, въ которой я находился; когда унесли нѣсколько человѣкъ, показались господскіе сапоги, въ то же время кто-то машетъ фуражкой, спрашивая, чья она; узнали мою фуражку, стали меня кликать, но на кличъ я не могъ отозваться; рѣшили, что господскіе сапоги не чьи, какъ мои, начали усердно раскапывать и добрались до меня, бывшаго въ безчувственномъ состояніи, отнесли на перевязочный пунктъ въ Малахову башню (повторяю, что все это знаю изъ рассказовъ). Осколкомъ отъ гранаты меня ударило въ правую нижнюю челюсть и повредило кость, а ящиками контузило во всю правую сторону. Придя въ чувство, я просилъ перевезти меня впередъ до отправленія въ Симферопольскій госпиталь на пароходъ «Молодецъ», съ командиромъ котораго, какъ я выше сказалъ, былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ. На другой день отправили насъ нѣсколько человѣкъ въ Симферопольскій госпиталь, но когда я вошелъ въ назначенную для насъ палату, то пришелъ въ ужасъ: стѣны пропитаны міазмами, грязь, темно, а такъ какъ у меня были деньги, то я отправился въ гостиницу. На мое несчастіе не оказалось ни одного свободнаго номера; что дѣлать?—вижу на доскѣ фамилію графа

Апраксина, навожу справки, какой Апраксинъ; оказалось, что это бывший морякъ и адъютантъ сперва князя Меншикова, а потомъ великаго князя Константина Николаевича. Я былъ съ нимъ знакомъ и потому послалъ лакея сказать, что я прошу дать мнѣ уголь, гдѣ бы я могъ жить. Въ ту же минуту, разумѣется, послѣдоваль приказъ принести меня, и мнѣ была дана большая зала. Докторъ и фельдшеръ ходили ко мнѣ всякій день, но контузии были настолько сильны, что выздоровленіе шло очень медленно и кончилось тѣмъ, что докторъ совѣтоваль ѣхать въ отпускъ отдохнуть, такъ какъ, помимо того, что я былъ сильно помятъ, нервы мои ужасно расходились. Апраксинъ былъ уже въ отставкѣ и жилъ въ деревнѣ, но когда отечеству грозила опасность, онъ не усидѣлъ и пріѣхалъ въ Севастополь въ то время, когда шла работа по укрѣпленію Южной стороны, и чуть ли не въ первый же день былъ сильно контуженъ и пролежалъ два мѣсяца. Въ декабрѣ мы оба настолько поправились, что могли ѣхать, и отправились вмѣстѣ. Дорогой у графа заболѣли глаза, и онъ остался въ Екатеринославѣ, гдѣ былъ въ то время, имѣвшій извѣстность, окулистъ. Дорога была ужасная, и помятому, какимъ я былъ, очень тяжело было, и я пріѣхалъ въ Ярославль, гдѣ жила моя мать, совершенно больнымъ. Всѣ Рождественскіе праздники я пролежалъ, но хорошій уходъ очень меня поправилъ, и въ половинѣ января я уже могъ выходить. Первый мой визитъ былъ къ губернатору (въ то время Бутурлинъ), гдѣ я познакомился съ двумя плѣнными французами, графомъ Lagondis и виконтомъ Dampierre, первый былъ начальникомъ штаба у маршала Арно, а другой адъютантомъ. Разговорились, разумѣется, о Севастополѣ, и я спросилъ Lagondis'a отчего они послѣ Альмскаго сраженія не вошли по пятамъ нашимъ съ развернутыми знаменами въ Севастополь, что было совершенно возможно. На это получилъ слѣдующій отвѣтъ: «Могли ли мы думать, что у васъ нѣтъ войска?—мы были увѣрены, что вы имѣвшіеся у васъ горсть бросили намъ, какъ червяка на удочкѣ, а что цѣлыя полчища ожидаютъ насъ; скажу больше: еслибы подъ Альмой вы продержались еще часа два, то, пожалуй, намъ пришлось бы сложить оружіе». У губернатора были разъ въ недѣлю вечера, на которыхъ я познакомился со всѣмъ обществомъ; участвовалъ въ любительскихъ спектакляхъ, влюбился и женился, условившись съ женой ѣхать послѣ вѣнца—мнѣ въ Севастополь, а ей въ Симферополь, чтобы быть ближе ко мнѣ. Но этому не суждено было сбыться: жена очень серьезно заболѣла и долго не могла подняться, а когда поправилась, и можно было ѣхать, то прочитали въ газетахъ о сдачѣ Севастополя и уничтоженіи флота. На скорое возрожденіе Черноморскаго флота нельзя было рассчитывать, а служба въ теченіе короткаго времени въ Кронштадтѣ мнѣ такъ опротивѣла, что я вышелъ въ отставку.

V.

По выходѣ въ отставку, надо было заняться имѣніемъ, полученнымъ женою въ приданое, для чего прежде всего нужно было поѣхать ознакомиться съ условіями, въ которыхъ оно находилось. Просматривая инвентарь имѣнія, я между прочимъ увидѣлъ, что есть конторскій флигель въ 12 комнатъ,—значитъ, было гдѣ помѣститься на первое время; я собрался, но жена заболѣла, мнѣ не хотѣлось оставить ее одну въ Петербургѣ, и я просилъ мою мать поѣхать ввести жену во владѣніе и въ то же время написать въ имѣніе приказъ приготовить въ конторскомъ флигелѣ три комнаты. Матушка была легка на подъемъ, ско о собралась и приѣхала въ имѣніе, опередивъ мой приказъ: каково же было ея удивленіе, когда, вмѣсто значившагося въ описи флигеля, оказались двѣ избы, соединенныя пролетными сѣнями; въ одной половинѣ жилъ приказчикъ, а въ другой бурмистръ. Само собою разумѣется, что обоихъ этихъ господъ помѣстили въ одну избу, матушка же заняла другую. Она начала пристраивать, надстроивать, и вышелъ хорошенькій домикъ.

Вскорѣ я поѣхалъ и самъ, отвезя жену къ ея родителямъ въ Ярославскую губернію. Осмотрѣвшись и познакомившись съ сосѣдями, я пришелъ къ тому, что надо строить винокуренный заводъ и фабрику солдатскаго сукна, что всѣ находили очень выгоднымъ. На обратномъ пути изъ деревни встрѣтилъ я на пароходѣ стараго знакомаго и въ разговорѣ сообщилъ о намѣреніи заводить суконную фабрику, такъ какъ въ губерніи это производство процвѣтаетъ. Вдругъ изъ противоположнаго угла каюты я услышалъ: «У насъ на Руси все такъ: Иванъ завелъ какую нибудь фабрику, смотришь, и Петру нужно такую же». «А что же надо дѣлать?»—спрашиваю я.—«Шелкъ мотать»,—отвѣтилъ незнакомый господинъ, оказавшійся тифлисскимъ купцомъ. Признаюсь, этотъ отвѣтъ меня озадачилъ; я зналъ только одинъ способъ мотать шелкъ, это, когда жена попроситъ поддержать мотокъ, пока она его наматываетъ на клубокъ. Я подѣлъ ближе къ этому господину и просилъ посвятить меня въ дѣло: онъ охотно исполнилъ мое желаніе и разказалъ, что два московскихъ купца К. и З. выстроили въ Сокольникахъ большихъ размѣровъ фабрику, которая должна была начать съ размотки коконовъ и выпускать шелковую матерію; при этомъ онъ показалъ номеръ «Московскихъ Вѣдомостей», въ которомъ купцы объявляютъ, что, посылая своихъ приказчиковъ для закупки коконовъ, приглашаютъ желающихъ выписать таковыя обратиться къ нимъ, при чемъ цѣна пуда назначалась въ 25 рублей съ доставкой въ Москву, и что на будущее время коконы можно будетъ получать въ складахъ Кокорева и Бе-

нардаки. Затѣмъ незнакомецъ сталъ назначать цѣны на всѣ предметы, нужные для производства, но я увеличивалъ эти цѣны вдвое, а напротивъ продажную цѣну выработаннаго шелка считалъ вдвое меньше, противъ существовавшей въ то время, и въ этомъ размѣрѣ выходило восемь процентовъ за затраченный капиталъ; при этомъ мой просвѣтитель совѣтовалъ для лучшаго ознакомленія съ дѣломъ обратиться въ Москвѣ къ бывшему тогда секретаремъ общества сельскаго хозяйства, Степану Алексѣевичу Маслову. Когда я явился къ послѣднему, онъ изъявилъ полную готовность дать мнѣ по этому предмету необходимыя указанія и прежде всего совѣтовалъ записаться въ члены общества, что я и исполнилъ; затѣмъ Масловъ далъ мнѣ записку къ директору школы шелководства, Крипнеру, съ порученіемъ ознакомить меня съ дѣломъ размотки шелка. Отыскавъ гдѣ-то въ Лефортовской части Рыковъ переулокъ и самую школу, я познакомился съ Крипнеромъ. Разговорившись съ нимъ, я убѣдился, что цѣны, объявленныя имъ, тождественны съ цѣнами, назначенными пароходнымъ знакомымъ. Производство такъ мнѣ понравилось, что, не выходя изъ школы, я заказалъ Крипнеру станки, паровикъ и вообще все, что нужно для заведенія. Затѣмъ, какъ членъ уже московскаго общества сельскаго хозяйства, я обратился туда съ письмомъ, при которомъ приложилъ 2.500 р. для врученія на предметъ выписки для меня коконовъ: въ то же время просилъ матушку послать въ Москву четырехъ крестьянскихъ дѣвушекъ для изученія шелкоразмотнаго дѣла и начать постройку корпуса по даннымъ мною размѣрамъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ заказъ былъ исполненъ и отправленъ въ деревню, куда вскорѣ и мы съ женою поѣхали. Къ тому же времени и коконы подоспѣли, такъ что можно было пустить въ ходъ фабрику. Производство это дало почти рубль на рубль, но, къ сожалѣнію, надо было его прекратить, потому что фабрика К. и З. лопнула, а въ складѣ Кокорева и Бенардаки коконовъ не оказалось, мнѣ же некого было посылать для ихъ закупки; къ тому же вслѣдствіе болѣзни на червей въ Западной Европѣ всѣ плантаціи въ Персіи были законтрактованы иностранцами. Такъ дѣло мое и кануло въ вѣчность; станки и прочее были спрятаны въ сарай, самое зданіе я обратилъ въ контору при винокуренномъ заводѣ, который выстроилъ одновременно съ фабрикой. Лѣто мы жили въ деревнѣ, а зиму въ Петербургѣ. Изо дня въ день обѣды, театры, балы, все это въ пять лѣтъ такъ надоѣло, къ тому же и карманъ порастрясли, что я рѣшилъ поступить на службу, отъ которой много разъ отказывался, говоря лицамъ, предлагавшимъ мнѣ ту или другую должность, что мнѣ пріятнѣе быть знакомымъ, чѣмъ стоять передъ его превосходительствомъ на вытяжку съ портфелемъ. Въ то время министромъ государственныхъ имуществъ былъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, а товарищемъ его Александръ

Алексѣевичъ Зеленый, съ которымъ я былъ знакомъ по флоту, гдѣ онъ прежде служилъ; къ нему я и обратился съ просьбой откомендовать меня министру. Не прошло и недѣли, какъ явился курьеръ съ письмомъ отъ директора канцеляріи, приглашавшаго меня пожаловать въ такомъ-то часу къ министру. Надѣваю отставной флотскій мундиръ и являюсь; въ пріемной масса просителей и директоръ, отнесшійся ко мнѣ свысока. Вышелъ Михаилъ Николаевичъ. Когда я назвался, его превосходительство обратился ко мнѣ со слѣдующими словами:

— Васъ рекомендуетъ Александръ Алексѣевичъ, и мундиръ, который вы носите, за васъ порукой ¹⁾, поэтому я васъ назначаю александровскимъ Владимирской губерніи окружнымъ начальникомъ.

При послѣднихъ словахъ у меня чуть ноги не подкосились, потому что, живя въ деревнѣ, я имѣлъ возможность видѣть что такое окружный начальникъ. Министръ, прочитавъ недовольство на моемъ лицѣ, сказалъ: «Вы не довольны?» Тогда я отвѣтилъ, что имѣю нѣкоторое понятіе о положеніи окружнаго начальника и нахожу, что съ принятіемъ этого мѣста мнѣ будутъ закрыты всѣ гостинныя, и на вопросъ, гдѣ я служу, долженъ буду отвѣчать «съ позволенія сказать, окружный начальникъ».

— Къ сожалѣнію, вы правы,—сказалъ министръ:—но это самые нужные для меня люди, они стоятъ лицомъ къ лицу съ народомъ и прочее,—однимъ словомъ наговорилъ много лестнаго, и я принялъ должность.

Округъ мой состоялъ изъ трехъ уѣздовъ: Покровскаго, Переяславль-Залѣскаго и Александровскаго; въ послѣднемъ было окружное правленіе ²⁾. Прежде чѣмъ отправиться къ мѣсту служенія, я обратился къ бывшему тогда вице-директору, А. П. Опочинину, тоже ех-моряку, и просилъ его написать предсѣдателю палаты государственныхъ имуществъ, чтобы онъ принялъ меня, не какъ окружнаго начальника, а просто какъ порядочнаго человѣка, а затѣмъ, если я, какъ окружный начальникъ, не буду удовлетворять предъявленнымъ ко мнѣ требованіямъ, то отъ него будетъ зависѣть поступить со мною, какъ онъ найдетъ нужнымъ.

Въ маѣ или іюнѣ 1860 года я получилъ предписаніе, прогоны и подъемныя, и надо было собираться: рѣшено было, что я поѣду одинъ, а жена пріѣдетъ позднѣе.

Пріѣхавъ во Владимиръ, я явился къ предсѣдателю палаты государственныхъ имуществъ, принявшему меня весьма любезно, потомъ поѣхалъ къ губернатору, который, о чудо! отдалъ мнѣ визитъ, о чемъ очень много говорили, какъ о вещи небывалой. Пробывъ во

¹⁾ Старшій сынъ Муравьева, Леонидъ, служилъ во флотѣ.

²⁾ Во всѣхъ трехъ уѣздахъ процвѣтало кустарное производство шелковой матеріи и бархата подъ названіемъ «московского».

Владимиръ два дня и получивъ отъ предсѣдателя нѣкоторыя указанія, я отправился въ Александровъ. Въѣздъ мой въ уѣздный городъ былъ очень эффектенъ и произвелъ сенсацію: элегантная карета, на козлахъ лакей въ шармеровскомъ съ моего плеча пиджакѣ, самъ же я съ Владимиромъ съ мечами въ петлицѣ. Подъѣхавъ къ домику, на которомъ красовалась вывѣска «Александровское окружное правленіе», я остановился и велѣлъ лакею вызвать письмоводителя, который предсталъ предо мной; я подалъ ему черезъ окно кареты руку и просилъ узнать, гдѣ остановиться, и велѣлъ, по окончаніи занятій, прійти ко мнѣ. Въ рекомендованномъ письмоводителемъ постояломъ дворѣ мнѣ дали довольно чистую комнату: мебель была не затѣйливая—три плетеные стула, столъ, комодъ и кровать съ цѣлымъ ворохомъ перинъ и подушекъ, покрытыхъ одѣяломъ, сшитымъ изъ кусочковъ разныхъ ситцевъ, и къ довершенію убранства на столѣ красовался неизвѣстно почему портретъ Мазепы.

Первымъ дѣломъ было, разумѣется, послать лакея узнать, гдѣ можно обѣдать: оказалось, что гостиницы въ городѣ нѣтъ, а есть только трактиръ для чернаго люда, такъ что пришлось пробавляться яйцами и молокомъ. Пришелъ письмоводитель, не сѣлъ на предложенный ему стулъ, а какъ-то приткнулся, на всѣ вопросы отвѣчалъ съ подобострастіемъ, а когда я его спросилъ, скѣлько окружному начальнику полагается отъ откупа, мой письмоводитель преобразился, сдѣлался развязенъ и до нѣкоторой степени даже фамиллярень и объявилъ, что повѣренныя откупщика не сегодня-завтра явятся ¹⁾. На это я сказалъ, что пусть откупщикъ не является, я все равно не приму его, и денегъ его мнѣ не нужно. Интересно, что я, какъ окружный начальникъ, получалъ содержанія 800 рублей, а откупщикъ платилъ 1.500 рублей. Отъ откупа полагалось неизвѣстно за что всѣмъ, начиная съ губернатора до послѣдняго писца; губернаторамъ полагалось 10.000 рублей, большинство которыхъ заставляло откупщика жертвовать на дѣла благотворительности. Сдѣлавъ затѣмъ нѣкоторыя наставленія письмоводителю касательно его должности, я отпустилъ его. На другой день сдѣлалъ визитъ уѣзднымъ властямъ, исправнику, уѣздному судѣ, стряпчему, который, кстати сказать, не отдалъ мнѣ визита, потому что я пришелъ пѣшкомъ. Въ тотъ же день явились ко мнѣ три крестьянина поздравить съ пріѣздомъ, при чемъ принесли кто штуку бархата, кто шелковой матеріи и, когда я, поблагодаривъ ихъ, не принялъ подарка, они были очень обижены. Затѣмъ явился волостной голова изъ ближайшей въ городу волости, въ жалованномъ, обшитомъ галунами кафтанѣ, съ медалью на шеѣ, и стоялъ съ заложеными за спину руками. Послѣ получасовой бесѣды, въ которой я высказалъ свои требо-

¹⁾ Въ то время была откупная система.

ванія, я отпустилъ голову, какъ вдругъ изъ-за спины выдвинулась рука съ конвертомъ: я думалъ, что это просьба, раскрылъ конвертъ, въ немъ оказалось 75 рублей. Съ моей стороны невольно былъ вопросъ: «что это значить?». Тогда голова, полагавшій, вѣроятно, что я недоволенъ суммой, постѣшилъ успокоить меня, сказавъ, что это только поздравленіе съ прїѣздомъ, а что «по положенію» само собой будетъ. Тогда я полюбопытствовалъ, какое это такое «положеніе», и оказалось, что каждое волостное правленіе даетъ окружному начальнику деньгами 150 р. въ два срока, на Пасху и новый годъ, кромѣ того, чай, сахаръ и кофе, а сельская расправа деньги, чай и пр. въ половинномъ размѣрѣ. Въ трехъ уѣздахъ было по меньшей мѣрѣ 30 волостныхъ правленій и столько же сельскихъ расправъ (настоящей цифры теперь не помню): если сложить всѣ эти подаянія, составитъ довольно солидная цифра въ нѣсколько тысячъ рублей. Возвративъ головѣ поздравительный конвертъ, я доказалъ ему, какъ дважды два четыре, что, для того, чтобы имѣть возможность платить окружному начальнику, онъ долженъ вымогать у крестьянъ; поэтому совѣтовалъ на будущее время никакихъ приношеній мнѣ не дѣлать, а если я узнаю о незаконныхъ поборахъ, то строго взыщу. Этотъ фактъ съ быстротой молніи разнесся по всей губерніи, потому что голова былъ изъ волости, гдѣ имѣніе губернскаго предводителя дворянства, у котораго на фабрикѣ крестьяне казенные работали. Но это только часть того, что могъ, какъ тогда говорили, «безгрѣшно» получать окружный начальникъ: при каждомъ волостномъ правленіи и сельской расправѣ содержались такъ называвшіяся стоячныя лошади, и окружный начальникъ съ каждой пары получалъ отъ содержателя 50 рублей. У казенныхъ крестьянъ Владимирской губерніи не было натуральной повинности, всѣ нужные расходы вносились въ смѣту, утверждались министерствомъ, и затѣмъ всѣ повинности сдавались съ торговъ подрядчикамъ. Былъ со мной такой случай: исправникъ пишетъ мнѣ отношеніе, въ которомъ говоритъ, что, находя настоящее время года удобнымъ для исправленія дорогъ, онъ проситъ сдѣлать распоряженіе, чтобы подрядчикъ такого-то тракта приступилъ къ работѣ. Я послалъ предписаніе въ волости, но не прошло недѣли, какъ докладываютъ о приходѣ подрядчика. Выхожу; подрядчикъ подаетъ бумагу, сложенную въ формѣ прошенія; развертываю—тамъ 50 р., а самая бумага была подписанный исправникомъ и становымъ актъ, въ которомъ говорилось, что по осмотрѣ дороги она оказалась въ исправности, и къ выдачѣ подрядчику денегъ нѣтъ препятствій. На вопросъ, что значатъ эти 50 рублей, подрядчикъ отвѣтилъ, что это благодарность за подпись акта: на это я замѣтилъ, что подпишу актъ, если, по осмотрѣ, дороги и мосты окажутся исправными, а платить за это не слѣдуетъ. Подрядчикъ не унимался, однако, и нахальство его дошло до того, что онъ воз-

высилъ голосъ, сталъ требовать подписи, говоря, что всегда такъ было: тогда уже я вышелъ изъ терпѣнія и выгналъ его вонъ. Познакомившись съ помощниками, которыхъ у меня было трое, я спросилъ, нѣтъ ли за окружнымъ правленіемъ какихъ нибудь неисполненныхъ дѣлъ, и какія тому причины. Оказалось, что, въ виду частыхъ пожаровъ, истреблявшихъ цѣлыя селенія, министерство государственныхъ имуществъ составило на всѣ казенныя селенія новые планы, и требовало отъ крестьянъ приговоровъ о томъ, что если пожаръ истребитъ чью нибудь избу, или крестьянинъ захочетъ строить новую, то долженъ будетъ строить уже на новомъ, назначенномъ ему по плану мѣстѣ. Одинъ изъ помощниковъ доложилъ, что въ его участкѣ есть деревня, гдѣ крестьяне не хотѣли составлять приговора, и что бывшіе до меня три окружныхъ начальника не могли принудить крестьянъ исполнить требованіе министерства. Не хотѣлось мнѣ вѣрить безпричинному упорству крестьянъ, и потому, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, я отправился въ деревню; собравъ сходъ, я разъяснилъ имъ, въ чемъ дѣло, а самъ пошелъ въ избу поѣсть, сказавъ, что буду ждать приговора. Не прошло и часа, какъ докладываютъ, что старики пришли и хотятъ поговорить; велѣлъ позвать; вошли, и одинъ, выдѣлившись, положилъ на столъ шапку со словами: «ослобони, батюшка». Я заглянулъ въ шапку: тамъ цѣдковые ¹⁾; я самымъ серьезнымъ тономъ сказалъ: «мало»; тогда старики вышли со словами: «пойдемъ, покалякаемъ съ міромъ»; я легъ и заснулъ, долго ли спалъ, не знаю; но когда проснулся, то мнѣ опять доложили, что старики ожидаютъ; я велѣлъ ихъ позвать, и на этотъ разъ оказалось, что они собрали всего 300 рублей. Тогда я сошелъ на дворъ, собралъ всю деревню и повелъ такую рѣчь:

— Сколько вы уже переплатили?— спрашиваю я.

— Да не одна тысяча ушла,—былъ отвѣтъ.

— Да вотъ теперь мнѣ даете 300 р., я возьму да уѣду; найдется же у царя такой окружной начальникъ, который не возьметъ съ васъ ничего и обяжетъ составить приговоръ, тогда все, что вы переплатили, пропадаетъ у васъ даромъ. А вы вотъ послушайте меня, возьмите ваши 300 рублей—мнѣ они не нужны, а приговоръ составьте; вѣдь отъ васъ никто не требуетъ, чтобы вы сейчасъ строились по новому плану, а только въ такомъ случаѣ, если изба, чего Боже сохрани, сторитъ или развалится, то чтобы новую строить по новому плану, который безопаснѣе отъ пожара.

Правда, долго я толковалъ съ ними, но приговора добился. Кто только въ то время не тащилъ съ крестьянъ? Мнѣ извѣстенъ, на-

¹⁾ Очевидно, выкопанные изъ земли, гдѣ обыкновенно въ то время у крестьянъ сохранялись деньги.

примѣръ, такой случай: выѣхалъ помощникъ окружнаго начальника въ свой участокъ (надо сказать, что всякій выѣздъ чиновника окружнаго правленія приносилъ что нибудь въ карманъ), но рабочая пора, всѣ крестьяне въ полѣ, не къ чему придраться, не съ кого взять, и помощникъ недовольный возвращается домой; вдругъ, когда онъ подѣзжалъ къ городу, ему сѣлъ на носъ кузнечикъ; помощникъ погоняетъ возницу, не переодѣваясь является къ окружному начальнику и докладываетъ, что у него въ участкѣ неблагополучно, появилась саранча.

— Приняли ли вы мѣры, указанные въ циркулярѣ такого-то года и числа?—вопрошаетъ начальникъ.

— Никакъ нѣтъ, не имѣлъ предписанія,—отвѣчаетъ помощникъ.

— Скажите, чтобы составили предписаніе и принесли къ подписи, и поѣзжайте немедленно.

Циркуляры, какъ извѣстно, рассылаются во всѣ губерніи, и дѣло уже исполнительныхъ органовъ примѣнить ихъ или класть подъ сукно, какъ и слѣдовало бы поступить въ данномъ случаѣ, ибо во Владимирской губерніи саранчи не бывало. Въ этомъ циркулярѣ дается наставленіе, какъ уничтожить саранчу, а именно: копать на полѣ ямы, шить изъ крестьянскаго холста большіе мѣшки, съ навѣтренной стороны ямы зажигать хворостъ, дымъ котораго саранчу заставитъ прыгать въ яму, а оттуда уже ее легко де собрать въ мѣшки и истребить. Вотъ, заручившись такимъ циркуляромъ и предписаніемъ, помощникъ отправляется въ самое большое село и, зная, что народъ въ полѣ, направляется туда, созываетъ всѣхъ крестьянъ, бабъ посылаетъ за холстомъ, молодыхъ парней за хворостомъ, остальнымъ велитъ рыть ямы. Крестьянъ, какъ извѣстно, всякая новая вещь пугаетъ, такъ и на этотъ разъ: никто не двигается съ мѣста, всѣ просятъ «ослобонить»; чиновникъ читаетъ печатный циркуляръ,—какіе разговоры тутъ были, я не знаю, въ результатѣ же оказалось, что помощникъ положилъ въ карманъ 500 р., крестьянъ «ослобонилъ» и саранчу уничтожилъ, о чемъ и донесъ начальству. Я бы не повѣрилъ этому разсказу, но въ 1862 году, состоя уже при министерствѣ, я былъ командированъ въ Вятскую губернію для производства слѣдствія о злоупотребленіяхъ и безпорядкахъ въ Малмыжскомъ округѣ, и тамъ я встрѣтилъ живущаго gentier'омъ господина, истреблявшаго саранчу въ Владимирской губерніи, и онъ съ цинизмомъ подтвердилъ фактъ, какъ бы хвастаясь своей изобрѣтательностью.

Добившись составленія приговора, я возвратился въ Александровъ, гдѣ и занялся пріисканіемъ и устройствомъ квартиры, вскорѣ перевезъ жену, которая, къ счастью, не тяготилась отсутствіемъ общества, въ которомъ жила и къ которому привыкла; что меня касается, то я былъ постоянно въ разъѣздахъ по округу, и скучать некогда было. Время это я вспоминаю съ удовольствіемъ,

сознавая, что никогда не былъ болѣе полезенъ, чѣмъ тогда, и какъ немного для этого было нужно. Въ іюнѣ 1861 года необходимо было везти жену въ Петербургъ, такъ какъ я не хотѣлъ, чтобы первые роды были въ уѣздномъ городѣ. Была уже нанята въ Петербургѣ и квартира, отправленъ поварь и всѣ необходимыя вещи, а затѣмъ 9-го или 10-го іюня предполагали и мы ѣхать, какъ вдругъ получаю отъ предсѣдателя палаты увѣдомленіе, что членъ совѣта министра государственныхъ имуществъ, а, можетъ быть и сенаторъ, теперь не помню, Касторъ Никифоровичъ Лебедевъ, назначенъ для ревизіи государственныхъ имуществъ Владимирской губерніи. Желая лично представить свой округъ, надъ которымъ довольно таки поработалъ, я проводилъ жену до Москвы, гдѣ посадилъ въ вагонъ вмѣстѣ съ ея горничной-нѣмкой, самъ же возвратился въ Александровъ. Не успѣлъ я пріѣхать, какъ дня черезъ два получаю письмо съ печатью, на которой изображено сердце, пронзенное стрѣлой, и съ адресомъ, написаннымъ ужаснымъ почеркомъ, со штемпелемъ Вышняго Волочка. Распечатываю, читаю: «Поздравляю тебя съ сыномъ, который поторопился увидѣть свѣтъ Божій: мы оба здоровы, пишеть же это письмо повивальная бабка подъ мою диктовку». Можно себѣ представить мое положеніе; я думалъ, что меня ударъ хватить; разумѣется, я тотчасъ же поскакалъ, написавъ предсѣдателю о причинѣ моего отъѣзда.

Не помню, сколько времени я ѣхалъ, знаю только, что ужасно мучился всю дорогу, мнѣ казалось, что ни жены, ни сына нѣтъ въ живыхъ,—пять лѣтъ ожидали мы дѣтей, наконецъ дождались, и вдругъ такой казусъ. Но Господь все устроиваетъ ко благу: нашелся недалеко отъ станціи постоялый дворъ; нѣмка, несмотря на то, что не говорила по-русски, розыскала доктора и бабушку, и жену перевезли со станціи. Изъ Москвы я телеграфировалъ, что ѣду; въ Вышнемъ Волочкѣ меня встрѣтила горничная, проводившая меня на постоялый дворъ, гдѣ нашли пристанище женѣ. Только увидѣвъ жену и ребенка здоровыми, я успокоился, хотя положеніе жены было не изъ лучшихъ; начать съ того, что бѣлье и всѣ вещи были отправлены, какъ я сказалъ, впередъ и, кромѣ сессера съ туалетными принадлежностями, у жены ничего, даже перемѣнаго бѣлья, не было. Городъ отъ станціи очень далеко, купить негдѣ, но на Руси всегда находятся добрые люди, готовые прійти на помощь въ трудную минуту; такъ и на этотъ разъ: жена священника, ожидавшая прибавленія семейства, прислала все необходимое для ребенка, а солдатка путей сообщенія прислала женѣ бѣлья. Но этимъ исторія не кончилась: въ день моего пріѣзда прибѣжала хозяйка постоялаго двора, взволнованная, растрепанная, сообщила, что мужъ ея сошелъ съ ума и грозитъ всѣхъ перерѣзать, а сыновья разбѣжались. Пріѣхавшій навѣстить жену докторъ объявилъ, что она настолько хорошо себя чувствуетъ,

что смѣло можетъ ѣхать; тогда я телеграфировалъ на предшествовавшую станцію, чтобы на поѣздѣ, долженствовавшемъ пройти утромъ, оставили нужное число мѣстъ; для огражденія же себя отъ порывовъ хозяина мы заперлись со всѣхъ сторонъ: у одной двери я положилъ лакея, а у другой легъ самъ; однако ночь прошла благополучно, а на утро мы сѣли на поѣздъ и поѣхали въ Петербургъ. Недѣли черезъ двѣ получилъ я отъ одного изъ моихъ помощниковъ письмо, въ которомъ онъ увѣдомлялъ, что ревизоръ выразилъ сожалѣніе, что не засталъ меня, и поручилъ сказать, что очень желаетъ со мной познакомиться, и если я вернусь до такого-то числа, то найду его во Владимирѣ. Я, разумѣется, тотчасъ же собрался и поѣхалъ; отыскавъ во Владимирѣ отведенную его превосходительству квартиру, я позвонилъ; меня окликнули, я назвалъ; тогда дверь отворилась, и я увидѣлъ передъ собой высокаго господина въ халатѣ, очень любезно протянувшего мнѣ руку со словами:

— Я никого не принимаю, но для васъ дѣлаю исключеніе.

Долго мы бесѣдовали; я, конечно, поинтересовался узнать, какъ онъ нашель округъ. Онъ отвѣтилъ, что въ общемъ все хорошо, только въ нѣкоторыхъ волостяхъ нашель небольшія упущенія, на что я сказалъ, что еслибъ я былъ при ревизіи, то указалъ бы на большія упущенія, которыхъ я еще не успѣлъ исправить. Такъ какъ срокъ отпуска моего еще не кончился, то я поѣхалъ обратно въ Петербургъ. По истеченіи срока, передъ отъѣздомъ въ Александровъ, я зашелъ проститься къ Кастору Никифоровичу, который сказалъ мнѣ, что будетъ дѣлать докладъ по ревизіи, и совѣтовалъ мнѣ итти завтра къ министру откланиваться, присовокупивъ, что едва ли придется мнѣ ѣхать въ Александровъ, развѣ только для того, чтобы забрать имущество. Очевидно, въ докладѣ много было сказано въ мою пользу; когда я на другой день вошелъ въ пріемную министра и встрѣтилъ тамъ тѣхъ же лицъ, что и при назначеніи меня на должность окружнаго начальника, смотрѣвшихъ на меня тогда свысока, на этотъ разъ они были чрезвычайно любезны и предупредительны, выражали сожалѣніе, что я немного опоздалъ, что министръ уже выходилъ, тѣмъ не менѣе обо мнѣ доложить. Надо сказать, что послѣ свиданія съ ревизовавшимъ у меня уже было предчувствіе, что служебное положеніе мое должно измѣниться, поэтому жена просила не принимать никакого мѣста внѣ Петербурга. Когда министръ вышелъ, и я назвалъ, его высокопревосходительство, низко повлотившись, сказалъ:

— Знаю, знаю, благодарю, вы оправдали мое довѣріе.

На это я сказалъ, что сдѣлалъ все, что могъ, но долѣе оставаться въ этой должности не могу, ибо силъ моихъ не хватить бороться долѣе со зломъ, столь сильно вкоренившимся въ чинно-

никахъ того времени, съ которыми я долженъ былъ быть въ постоянныхъ сношеніяхъ.

— Я пошлю васъ въ губернію,—что означало быть совѣтникомъ палаты.

Я поблагодарилъ и отказался отъ этой чести, заявивъ, что меня не пугаютъ никакія командировки, но семейное мое положеніе требуетъ моей осѣдности въ Петербургѣ. На это его высокопревосходительство сказалъ:

— Вы будете служить при мнѣ,—и, обратившись къ директору канцеляріи, приказалъ сдѣлать соответствующее распоряженіе.

Очень скоро состоялся приказъ: александровскій окружный начальникъ назначается состоять при министрѣ. Этимъ окончилась моя дѣятельность по должности окружнаго начальника, а съ тѣмъ вмѣстѣ прекратилось и содержаніе. Недолго пришлось отдыхать мнѣ на лаврахъ; я получилъ предписаніе отправиться въ Казанскую и Нижегородскую губерніи, гдѣ подъ моимъ наблюденіемъ составлялись призывные списки, а на зиму отправился въ Казань присутствовать при самомъ наборѣ. Представившись губернатору (генераль-лейтенанту Козляинову), посоветовался съ нимъ насчетъ того, гдѣ мое присутствіе будетъ полезнѣе; онъ указалъ на Мамадыжскій уѣздъ, гдѣ, за неимѣніемъ предводителя дворянства, предсѣдателемъ присутствія былъ уѣздный судья. Въ Казани познакомился я съ командиромъ квартировавшаго въ Мамадыжскомъ уѣздѣ полка, предложившимъ остановиться въ его квартирѣ, въ которой, кромѣ денщиковъ, никого не было, и я, разумѣется, воспользовался любезнымъ предложеніемъ. По пріѣздѣ въ Мамадыжъ сдѣлать визитъ городничему, оказавшемуся очень почтеннымъ старичкомъ, уѣздному судѣ и стряпчему; каждый изъ нихъ не преминулъ пригласить меня заходить. Послѣ обѣда, изготовленнаго полковничьимъ денщикомъ, я залегъ спать и проспалъ что-то долго, такъ какъ проснулся, когда уже зажжены были огни; читать нечего, приглашенія меня не влекли, что дѣлать? Взялъ денщика и пошелъ бродить по городу. У воротъ одного дома увидѣлъ множество мужиковъ, спрашиваю, кто тутъ живетъ. Оказалось, что это домъ уѣзднаго судьи, при чемъ провожатый объяснилъ, что тутъ идетъ свидѣтельство рекрутъ; очень меня это заинтересовало, и я воспользовался приглашеніемъ. Поднимаюсь по лѣстницѣ, вхожу; взорамъ моимъ представилась картина: за столомъ сидятъ другъ противъ друга судья и докторъ, на столѣ графинъ съ водкой, а посреди комнаты стоитъ на половину раздѣтый мужикъ. Я, разумѣется, не выказалъ ни малѣйшаго удивленія, а хозяинъ дома нимало не сконфузился, мужика же отпустилъ, но я хорошо запомнилъ его лицо. Поговоривъ о погодѣ и просидѣвъ минутъ 15, я откланялся. Когда на другой день я пришелъ въ присутствіе, то зорко смотрѣлъ на выкликаемыхъ: послѣ трехъ, четырехъ осмот-

ровъ входитъ, наконецъ, вчерашній мужикъ, тогда я самымъ невиннымъ образомъ обратился къ судѣ, говоря:

— Вѣдь его вчера уже осмотрѣли, развѣ вы не узнали его?

Городничій ужасно переполошился и сталъ утверждать, что еслибъ вчера мужикъ былъ осмотрѣнъ въ присутствіи, то сегодня не могъ бы попасть въ списокъ, но я успокоилъ старика, сказавъ, гдѣ и когда мужика осматривали. Разумѣется, это обстоятельство не прошло безслѣдно для судьи и доктора. По окончаніи набора въ Мамадыжъ я возвратился въ Казань, гдѣ и провелъ всю зиму, перезнакомился со всѣмъ обществомъ, очень веселился, а по окончаніи сезона возвратился въ Петербургъ. Въ маѣ 1862 г. получилъ предписаніе отправиться въ Бятскую губернію для производства слѣдствія, о чемъ говорилъ выше. Министромъ тогда былъ уже А. А. Зеленый. Описаніе производства слѣдствія, продолжавшагося четыре мѣсяца, не представляетъ интереса, и я перехожу къ тому, какъ весной 1863 года меня потребовалъ министръ. Выйдя въ пріемную, гдѣ, кромѣ меня, никого не было, министръ повелъ такую рѣчь:

— Въ Ковенской губерніи мятежъ, предсѣдатель палаты прекрасный чиновникъ, но растерялся, боится выйти изъ дома, вы же человекъ военный, побѣжайте въ Ковно; я не даю вамъ никакого указанія, на мѣстѣ увидите, что вамъ дѣлать, договоритесь съ предсѣдателемъ палаты.

Объ этой командировкѣ и въ формулярномъ списокѣ значится: «командированъ въ Ковно по особо возложенному на него министромъ порученію».

Губернаторомъ въ Ковнѣ былъ въ то время свиты его величества контръ-адмиралъ Вевель фонъ-Кригеръ, бывшій морякъ, подъ командой котораго я служилъ на корветѣ «Калипсо», къ которому по пріѣздѣ и явился; онъ предупредилъ меня, что вечеромъ ходить безъ револьвера опасно, и дѣйствительно мятежники во всеоружіи ходили изъ лѣса въ городъ за разными покупками совершенно свободно.

Въ Ковнѣ, а потомъ въ Вильнѣ, я былъ пораженъ, увидѣвъ чиновниковъ въ черныхъ венгеркахъ, и не только на улицѣ, но и въ присутственныхъ мѣстахъ, женщинъ въ глубокомъ траурѣ; въ костелахъ шла служба чуть не цѣлые дни, распѣвались революціонные гимны. Каждый день приходили извѣстія, что тамъ повѣшенъ лѣсникъ, въ другомъ мѣстѣ, въ имѣніи какого-то пана, посаженъ на колъ экономъ, заподозрѣнный въ несочувствіи мятежу и скрывшійся у исправника. На все это власти смотрѣли совершенно равнодушно; служащіе въ краѣ были большей частью поляки, а чиновники акциза во главѣ съ директоромъ департамента неокладныхъ сборовъ Иосафатомъ Огрызко служили польской сивавѣ ¹⁾.

¹⁾ Кромѣ управляющаго и его помощника.

При такомъ положеніи я спрашивалъ себя: для чего меня министръ командировалъ? на что я нуженъ? Была минута, когда я хотѣлъ просить объ отозваніи меня, но вотъ разнесся слухъ о пріѣздѣ въ Вильну Муравьева, и всѣ какъ-то встрепенулись. Я поѣхалъ представиться; въ приѣмной залѣ масса народу; въ числѣ представлявшихся былъ чиновникъ государственныхъ имуществъ Ал. Ст. Шумовъ, извѣстный Петербургу, какъ шахматный игрокъ, и всегдашній партнеръ покойнаго великаго князя Константина Николаевича, Петра Александровича Валужева и Михаила Николаевича Муравьева. Генераль-губернаторъ бесѣдовалъ въ кабинетѣ съ католическимъ духовенствомъ, и бесѣда, надо полагать, была задушевная, потому что ксендзы, выйдя изъ кабинета, были красны, какъ будто побывали въ банѣ. Затѣмъ Михаилъ Николаевичъ вышелъ, обходить представлявшихся, подходитъ къ Шумову, котораго онъ никогда не видалъ иначе, какъ за шахматной доской, и говоритъ ¹⁾: «Ну, ужъ мнѣ здѣсь некогда играть въ шахматы». Поравнявшись со мною, онъ сказалъ: «Мы съ вами знакомы, отчего вы здѣсь?» Я отвѣтилъ. «Поѣзжайте въ Ковно, тамъ будетъ дѣло», послѣ чего, обратившись ко всѣмъ съ наставительною рѣчью, онъ удалился. Закипѣла работа, пошли перемѣны въ администраціи, одни губернаторы замѣнялись другими; независимо отъ уѣздной полиціи учреждались новыя должности уѣздныхъ начальниковъ и по нѣскольку на уѣздъ военныхъ становыхъ, набранныхъ, какъ тѣ, такъ и другіе, изъ арміи, и учреждались слѣдственные комиссіи. Первымъ дѣломъ мнѣ пришлось принять въ казну имѣніе Поневежскаго уѣзда, подлежавшее секвестру. Поневежскій уѣздъ былъ очагомъ возстанія, шайки мятежниковъ были разсыпаны по лѣсамъ, и ѣхать туда безъ конвоя было невысказано, слѣдовательно приходилось ожидать, когда какой нибудь отрядъ отправлялся въ ту сторону ловить шайки. Такой случай не заставилъ себя ждать, и я подъ прикрытіемъ роты благополучно доѣхалъ въ имѣніе, описалъ его и, сдавъ на руки находившемуся тамъ эконому, тѣмъ же путемъ возвратился въ Ковно, при чемъ убѣдился, что конвой одно воображеніе, потому что, ѣдучи дорогой, нельзя быть увѣреннымъ, что изъ-за опушки лѣса въ роту не будетъ пущено мятежниками нѣсколько пуль; поэтому при дальнѣйшемъ секвестрѣ имѣній я ѣздилъ одинъ, и все обходилось благополучно. Въ 1864 году, я былъ назначенъ членомъ ковенскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія; мѣсяца черезъ два или три я былъ вызванъ въ Вильну, и Михаилъ Николаевичъ сказалъ мнѣ:

— Слухи ходятъ, что въ слѣдственныхъ комиссіяхъ берутъ взятки; я васъ знаю давно и назначаю членомъ въ одну изъ ко-

¹⁾ Самъ я этого не слышалъ, такъ какъ Шумовъ былъ отъ меня далеко, но многіе такъ рассказывали.

киссій по вашему выбору, независимо отъ прямыхъ вашихъ обязанностей по крестьянскому присутствію, и прошу указать мнѣ еще одного.

Въ Ковнѣ были двѣ слѣдственныя комиссіи, одна общая, а другая особая по политическимъ дѣламъ, въ которой разматывался клубокъ организаціи мятежа; эту я и избралъ, а другимъ былъ назначенъ мой товарищъ по крестьянскому присутствію, Ѳедоръ Ильичъ Львовъ. Въ скоромъ времени выяснилось, что слухи, распускаемые поляками о взяточничествѣ въ комиссіяхъ, были слѣдствіемъ злобы на невозможность склонить членовъ на свою сторону, а извѣстно, что поляки для достиженія цѣли ни передъ чѣмъ не останавливались, особенно женщины. Какъ примѣръ, расскажу слѣдующій эпизодъ: была въ Ковнѣ очень хорошенькая барышня, по имени Зося; одинъ изъ многихъ ея поклонниковъ взять былъ въ шайкѣ и посаженъ въ тюрьму; надо было, значить, выручить друга, и она узнавъ, что я его допрашивалъ, направила батареи на меня. Но и мы, члены комиссіи, оградилъ себя, приказавъ никого незнакомыхъ не принимать. Квартира наша (мы жили вдвоемъ съ Львовымъ) состояла изъ 3 комнатъ, все проходныхъ, такъ что вошедшій могъ бы видѣть, что дѣлается въ послѣдней. И вотъ однажды я лежалъ еще въ постели, а человекъ пошелъ за булками къ чаю и не заперъ двери,—не успѣлъ я опомниться, какъ у моей кровати стоитъ на колѣняхъ Зося; все пущено было въ ходъ: кокетство, слезы, все напрасно, хотя искушеніе было велико; впрочемъ я не задался писать исторію мятежа, а хочу только рассказать нѣкоторые эпизоды, лично меня касавшіеся. Такъ, напримѣръ, Михайлъ Николаевичъ вызвалъ меня въ Вильну и говоритъ:

— Вы должны, по возвращеніи завтра въ Ковно, арестовать ксендза,—имени не помню,—собрать всѣ какія у него найдутся бумаги, опечатать ихъ и вмѣстѣ съ ксендзомъ прислать въ Вильну съ первымъ отходящимъ поѣздомъ. Вамъ дадутъ предписаніе.

На другой день, пріѣхавъ въ Ковно часовъ въ 8 утра, я немедленно отправился къ вице-губернатору, заступавшему мѣсто отсутствовавшаго губернатора; спрашиваю служанку, всталъ ли баринъ. Получаю въ отвѣтъ:

— *Paп poszedł do kupeli* (пошелъ купаться).

Я немедля объѣхалъ всѣ купальни, и только въ послѣдней на мой вопросъ отозвался маленькій мальчикъ, оказавшійся сыномъ вице-губернатора, и сообщилъ, что папа еще спитъ. Тогда я опять отправился къ вице-губернатору, гдѣ служанка въ свое оправданіе сказала:

— Я думала, что вы до сына.

Сейчасъ разбудили вице-губернатора, тотъ послалъ за полицеймейстеромъ, съ которымъ и тремя понятыми изъ горожанъ я отправился къ ксендзу. Лишь только подѣхали мы къ его квар-

тирѣ, какъ онъ выходитъ, направляясь въ костель; я попросилъ его возвратиться. Обшаривъ всѣ углы и опечатавъ всѣ бумаги, мы сдали ихъ жандарму, долженствовавшему доставить ксендза въ Вильну. Пока мы рылись у ксендза, на улицѣ собрался народъ чуть ли не со всего города, и когда мы вышли, то они хватили ксендза за полы, цѣловали руки и ноги. Въ бумагахъ его ничего компрометирующаго не нашлось, ксендзъ скоро возвратился и явился благодарить меня за деликатное обхожденіе съ нимъ при обыскѣ.

Недалеко отъ Ковно была околица Эбяны, населенная шляхтой, изъ среды которой былъ извѣстный жандармъ-вѣшатель Иванъ Эбянскій, и вообще околица служила мятежникамъ пристанищемъ. Михаилъ Николаевичъ приказалъ стереть ее съ лица земли, и дѣйствительно въ ту же ночь посланная рота ее сожгла, мѣсто, гдѣ она стояла, было вспахано, а мнѣ приказано было выстроить слободу, окрещенную Никольской, на что отпустили 1.470 рублей. Занятый по крестьянскому присутствію и по комиссіи, я боялся не справиться съ дѣломъ постройки, поэтому просилъ поручить это дѣло завѣдывавшему люстраціонными дѣйствіями, на что послѣдовало разрѣшеніе. Затѣмъ Иванъ Эбянскій былъ пойманъ и представленъ въ нашу комиссію, гдѣ участь его была скоро рѣшена: онъ приговоренъ былъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Спустя нѣсколько времени, я шелъ на службу и встрѣтилъ чуть не весь городъ, сопровождавшій Эбянскаго, идущаго подъ эскортомъ на мѣсто казни; онъ въ толпѣ узналъ меня, поклонился, сказавъ:

— Au plaisir de vous revoir, monsieur Odintzoff.

Признаюсь, встрѣча и пожеланіе Эбянскаго меня, какъ суетвр-наго, разстроили, и неудивительно, потому что никто, выходя вечеромъ на улицу, не былъ гарантированъ, что его не убьютъ изъ-за угла. Благодаря энергіи и настойчивости Муравьева, становилось все тише и тише, а когда поймали главныхъ коноводовъ, ксендза Мицкевича и Сѣраковскаго, можно было считать мятежъ оконченнымъ. Сѣраковскій былъ офицеръ генеральнаго штаба, командированный военнымъ министромъ за границу съ научной цѣлью. Насчетъ Сѣраковскаго ходилъ разсказъ, что когда его, связаннаго по рукамъ, привели къ генералу Ганецкому, онъ просилъ велѣть развязать ему руки, говоря: «что скажетъ Европа!». Тогда генералъ будто бы сказалъ: «Я тебѣ Европа, Азія, Африка и Америка!» (за достовѣрность этого разсказа не ручаюсь). Сѣраковскій и Мицкевичъ были повѣшены, но обаяніе послѣдняго было такъ велико, что никто вѣрить не хотѣлъ въ возможность его поймать, и когда его повѣсили, стали говорить, что это не Мицкевичъ, а какой-то мужикъ; поэтому ковенскій губернаторъ, графъ Николай Михайловичъ Муравьевъ, приказалъ снять съ повѣшеннаго кол-

пакъ, чтобы всѣ могли убѣдиться, что повѣшенный дѣйствительно Мицкевичъ. Каждый день приводили цѣлыя банды, изъ всѣхъ же, прошедшихъ черезъ нашу комиссію, можетъ быть, одинъ-два честно и откровенно сознавались въ сочувствіи мятежу и сознательно шли въ шайки, остальные же пѣли одну пѣсню: что или ихъ въ пьяномъ видѣ забрали, или подъ угрозою висѣлицы въ случаѣ ослушанія. Здѣсь расскажу эпизодъ, имѣвшій мѣсто въ Россіенскомъ уѣздѣ. Въ стычкѣ нашего отряда съ шайкой мятежниковъ взятъ былъ раненый артиллерійскій поручикъ; положили его въ тюремный госпиталь, нужно было записать его имя въ книгу, спросили его,—онъ не отвѣтилъ, какъ не отвѣчалъ и на другіе дѣлаемые ему вопросы. Видъ его былъ видъ человѣка цвѣтуцаго, лежалъ онъ на спинѣ безъ движенія; подымутъ руку его и потомъ отпустятъ, она шлепнется, какъ неживая; ѣсть не просилъ, но когда подносили ложку съ супомъ, онъ глоталъ и до тѣхъ поръ ѣлъ, пока его, какъ ребенка, кормили. Пробовали не кормить его цѣлыя сутки,—не просилъ. Доктора стали дѣлать надъ нимъ разные эксперименты, такъ, напримѣръ, неожиданно плескали на него ледяной водой, ни одинъ мускулъ его не дрогнулъ; капали на руку сургучъ,—ничего. Узнавъ объ этомъ, губернаторъ приказалъ привезти его въ Ковно; помѣстили его во временный тюремный госпиталь, гдѣ весь персоналъ былъ русскій, и надзоръ за больнымъ былъ удвоенъ, и вотъ тутъ я и видѣлъ его. Изъ Петербурга приѣзжали медицинскія знаменитости, чего только онѣ надъ нимъ не дѣлали,—хоть бы бровью шевельнуть. Потерявъ всякую надежду доискаться причины такого состоянія больного, его отправили въ центральную тюрьму, въ госпиталь, въ одиночную камеру, поставивъ часового. Я однажды съ губернаторомъ навѣстилъ арестанта, а когда мы выходили отъ него, часовой вдругъ крикнулъ:

— Ваше превосходительство, поручикъ заговорилъ! Спросилъ: «что наши?».

Мы вернулись; губернаторъ разспрашивалъ больного, гдѣ онъ взятъ. Оказалось, что онъ ничего не помнитъ, что было, и просилъ книгъ. Въ это время мнѣ нужно было ѣхать за границу за женой, и какая судьба постигла артиллериста, я не знаю. Спустя много времени, рассказывали, что причина, повергшая его въ состояніе каталепсіи, была та, что его уронили, неся въ Россіенскій госпиталь, и это было скрыто.

Возвратясь изъ-за границы, я узналъ отъ губернатора о движеніи сельскаго римо-католическаго населенія большими массами въ городъ Ковно для принятія муромазанія отъ тельшевскаго епископа Волончевскаго; въ то же время стало мнѣ извѣстно, что Волончевскому, жившему въ с. Ворнѣ, графомъ Муравьевымъ приказано переѣхать на жительство въ Ковно съ воспрещеніемъ ѣздить по епархіи. Заинтересовавшись этимъ дѣломъ, я выразилъ готов-

ность изучить на мѣстѣ это движеніе и, получивъ соответственное предложеніе съ самыми широкими полномочіями, отправился въ Вилькомиръ, откуда тянулся народъ. Собранныя мною свѣдѣнія представлялись въ слѣдующихъ чертахъ: первоначально движеніе выразилось въ мѣстечкахъ Трашкуны и Видзишкахъ, гдѣ народъ какъ-то вдругъ бросился къ мѣстнымъ ксендзамъ съ просьбою освящать «шкаплеры» (амулетки на четкахъ) и надѣвать на дѣтей въ тѣхъ видахъ, что если кто изъ дѣтей не будетъ имѣть «шкаплеровъ», то русскіе священники стануть обращать ихъ въ православіе, а когда придетъ въ тѣ мѣста французъ, то дѣтей, не имѣющихъ «шкаплеровъ», будутъ убивать, какъ русскихъ. Замѣчательно, что этому движенію предшествовало въ іюнѣ мѣсяцѣ полученное ксендзами отъ Волончевскаго циркулярное посланіе на литовскомъ языкѣ, въ которомъ говорилось: такъ какъ вслѣдствіе такихъ-то особенныхъ обстоятельствъ колеблется римско-католическая религія въ томъ краѣ, онъ, Волончевскій, взываетъ къ духовнымъ лицамъ, чтобы они строго наблюдали за исполненіемъ всѣхъ правилъ исповѣдуемой религіи и внушали, чтобы народъ не принималъ отъ лицъ православнаго исповѣданія крестиковъ, образковъ и вообще изображеній религіознаго содержанія. Изъ разспросовъ въ особенности женщинъ оказалось, что неизвѣстная какая-то нищая ходила и уговаривала обращаться къ ксендзамъ для надѣванія на дѣтей «шкаплеровъ». Затѣмъ изъ всѣхъ добытыхъ мною свѣдѣній я пришелъ къ тому убѣжденію, что виновники всему ксендзы, дѣйствовавшіе не столько въ интересахъ религіознаго движенія, какъ изъ люкративныхъ цѣлей, ибо за каждую освященную «шкаплеру» они взимали по 30 коп. ¹⁾ Немало способствовали всей этой «шкаплерной» исторіи торговцы этимъ товаромъ. Что же касается собственно наплыва въ Ковно народа, онъ объясняется тѣмъ, что нѣкоторые ксендзы съ амвона говорили: «Поѣзжайте въ Ковно биржмоваться (принять муропомазаніе), потому что епископъ скоро уѣдетъ и далеко». Также и самъ епископъ приходившимъ къ нему изъ уѣзда говорилъ: «Я сталъ дряхлѣть, хотѣлъ бы въ послѣдній разъ благословить васъ; передайте всѣмъ моимъ дѣтямъ, чтобы пріѣхали ко мнѣ сюда, а же самъ не скоро пріѣду». Такія жалостныя слова епископа и бывшая въ то время въ Ковнѣ сельско-хозяйственная выставка были причиной прилива селянъ.

Оканчивая свои воспоминанія, я хочу сказать нѣсколько словъ о графѣ Михаилѣ Николаевичѣ Муравьевѣ, какъ гостепріимномъ хозяинѣ. Когда графъ былъ отозванъ отъ занимаемаго имъ поста виленскаго генераль-губернатора, у русскихъ ковенцовъ явилась мысль поднести Михаилу Николаевичу альбомъ съ фотографическими

¹⁾ Что породило въ народѣ толки о томъ, что если ксендзы собираютъ деньги, значитъ опять будетъ повстаніе.

изображеніями всѣхъ работавшихъ подъ его мудрымъ руководствомъ. Прежде нежели привести въ исполненіе свой планъ, просили графа Николая Михайловича узнать, приметъ ли его отецъ наше приношеніе. Вопросъ скоро разрѣшился въ благопріятномъ смыслѣ; выписанъ былъ изъ Петербурга альбомъ, фотографіи готовы, выбрана депутація, оставалось ожидать, когда графъ приметъ насъ. Депутація состояла изъ четырехъ человѣкъ: предсѣдателя палаты государственныхъ имуществъ Энгельмейера¹⁾, члена крестьянскаго присутствія полковника Николаева, инспектора уѣздныхъ училищъ Н. Н. Новикова и меня. Графъ Михаилъ Николаевичъ проводилъ лѣто въ имѣніи своемъ Лужскаго уѣзда «Сырецъ». Въ назначенный день мы отправились по желѣзной дорогѣ въ Лугу, гдѣ насъ ожидали экипажи; когда мы пріѣхали, хозяинъ встрѣтилъ насъ на крыльцѣ, расцѣловался со всѣми, и Энгельмейеръ, какъ старшій изъ насъ, вручилъ графу альбомъ, сказавъ при этомъ подобавшую случаю рѣчь. Послѣ этого, графъ повелъ насъ самъ въ назначенныя для гостей комнаты, осмотрѣлъ, все ли есть, что нужно, затѣмъ, уходя, просилъ переодѣться по-лѣтнему и сказалъ, что графиня Пелагея Васильевна будетъ ожидать насъ къ обѣду. Когда мы сошли внизъ, хозяйка приняла насъ очень ласково; тутъ же были сынъ графа, Леонидъ Михайловичъ, съ дѣтьми, и дочь Софья Михайловна Шереметьева тоже съ дѣтьми. Обѣдъ прошелъ очень оживленно, самъ хозяинъ былъ очень веселъ, что удивляло насъ, выдавшихъ Михаила Николаевича только на службѣ. Графъ, поднявъ бокалъ, сказалъ слово, затѣмъ и каждый изъ насъ сказалъ что нибудь подходящее. Послѣ обѣда графъ раскланялся и отправился отдохнуть, рекомендуя и намъ сдѣлать то же, тѣмъ мы и воспользовались. Какъ мы проходили мимо кабинета, меня, какъ и другихъ товарищей, привыкшихъ видѣть Мих. Ник. за письменнымъ столомъ, заваленнымъ бумагами, удивило отсутствіе не только дѣловыхъ бумагъ, но даже чернильницы и пера. Вздремнувъ около получаса, мы собирались сойти, какъ камердинеръ графа, войдя къ намъ, сказалъ, что Мих. Ник. уже въ саду и спрашиваетъ о насъ. Когда мы туда явились, то нашли графа въ самомъ веселомъ настроеніи; онъ усадилъ насъ вокругъ стола, поставленнаго возлѣ фонтана, и крикнулъ: «Дежурные фонтанчики, пускайте фонтанъ!» Фонтанчики были не кто иные, какъ внучата Михаила Николаевича; потомъ, обратясь къ сыну, онъ сказалъ: «Ты бы велѣлъ подать что нибудь прохладительное», и сейчасъ же явилось въ кувшинѣ питье, въ родѣ теперешняго крюшона. Предложивъ намъ курить, онъ и самъ закурилъ трубку на длинномъ предлинномъ чубукѣ, потомъ повелъ показывать хозяйство, въ которомъ мои товарищи немного понимали, однако восхищались тѣмъ, что въ каждое стойло

¹⁾ Назначеннаго не задолго предъ отозваніемъ графа.

проведена была вода. Очень интересовался графъ, какъ идутъ дѣла въ краѣ, что Кауфманъ дѣлаетъ; вспоминалъ многихъ сотрудниковъ своихъ. Послѣ вечерняго чая, мы простились съ любезными хозяевами и отправились обратно, напутствуемые графомъ наставленіемъ помнить его завѣты.

Загѣмъ мнѣ остается сказать, что до 1872 года я служилъ членомъ крестьянскаго присутствія въ Ковенской, Могилевской и Гродненской губерніяхъ; изъ послѣдней, по сокращеніи личнаго состава крестьянскаго присутствія, уволенъ съ зачисленіемъ въ распоряженіе генераль-губернатора Поталова, а такъ какъ его дѣйствія шли вразрѣзъ съ тѣмъ, къ чему я привыкъ въ продолженіе почти 10 лѣтъ подъ эгидой графа Муравьева, то я вышелъ въ отставку. Съ 1873 году, я поступилъ въ министерство финансовъ, а въ 1874 назначенъ былъ управляющимъ казенной палаты, въ какой должности и прослужилъ 24 года, изъ нихъ 8 лѣтъ въ Уфѣ и 16 въ Курляндіи, гдѣ здоровье мое, благодаря скверному климату, въ послѣдніе годы сильно пошатнулось; я вышелъ въ отставку и поселился на старомъ пепелищѣ въ Севастополѣ, гдѣ не былъ 45 лѣтъ и гдѣ оказался старѣйшимъ изъ всѣхъ наличныхъ моряковъ и въ числѣ четырехъ защитниковъ Севастополя.

В. П. Одинцовъ.

ВЪ БУРЮ ¹⁾.

Повѣсть изъ XVII вѣка.

XI.

ОЯРЫШНЯ пропала!—доложили въ субботу утромъ Марку Григорьевичу.

Онъ вскочилъ съ постели, не успѣвъ одѣться.

— Что брешете, дьяволы!—заоралъ онъ:—куда ей пропасть? Позвать Ѳедосью!

Но Ѳедосью и звать не надо было. Она сама не вошла, а скорѣе ввалилась въ спальню боярина.

— Пропала она, пропала! Ой, лишечко!—вопила старуха, растянувшись у боярской постели.

— Тыфу! ошалѣла! Чего ревешь! Какъ она можетъ пропасть?

— Пропала! Пропала!—твердила свое старуха.—Вхожу это я въ ея спаленку, а постелька пусте-е-хонька... Ой, горюшко! о-о!.. И не смята-а!..

Грековъ-Богатый нѣкоторое время молча крутилъ усы.

— Да что-жъ она убѣжала, что ли?—промолвилъ онъ.

— Видать, что такъ, милостивецъ!.. О-охъ!—отвѣтила Ѳедосья.—

Съ вечера, это, говоритъ мнѣ, ложись, нянюшка, съ Богомъ, а я посижу... Посижу,—охъ!—говорить, и окошечко открыла. А я, дура старая, и легла... И легла и заснула-а... Утрешкомъ вхожу — постелька пусте-е-хонька-а!

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXII, стр. 437.

«Истор. вѣстн.», декабрь, 1900 г., т. LXXXII.

Маркъ Григорьевичъ почти бѣгомъ направился въ комнату дочери. Какъ и говорила Федосья, постель Машы даже не была смята.

— Убѣжала!—рѣшилъ Маркъ Григорьевичъ.

Обыскали всю усадьбу — боярышня не находилась. Кто-то донесъ, что нашель за садомъ слѣды многихъ коней и санные.

— Убѣжала! Съ Михайлой убѣжала!—укрѣпился въ своемъ мнѣніи Грековъ-Богатый.

Были разосланы гонцы по всеѣмъ направлениямъ, бояринъ самъ обыскалъ усадьбу кругомъ верстъ на десять, завернулъ въ усадьбу Павлушкина: Михаила Егоровича не было дома, «съ утра вчерашняго уѣхалъ и до сихъ поръ быть назадъ не изволилъ», доложили ему холопы Павлушкина. Отвѣтъ былъ таковъ, что придраться къ нему нельзя было; однако Маркъ Григорьевичъ успѣлъ подмѣтити на ихъ лицахъ мимолетную насмѣшливую улыбку.

— И они знаютъ, черти. Онъ укралъ Машку. Проклянута ея, паскуду!

Съ такимъ рѣшеніемъ онъ вернулся домой срывать свой гнѣвъ на холопахъ.

Результатомъ подобнаго срыванья было то, что число бѣгуновъ утроилось, а оставшіеся смотрѣли всеѣмъ звѣрьми; даже у вѣрнаго Тита, который тоже не миновалъ ласки боярской, явилось въ глазахъ какое-то унылое выраженіе.

Дня три спустя послѣ этого, холопъ, влетѣвъ, какъ угорѣлый, въ горницу, гдѣ Маркъ Григорьевичъ оканчивалъ обѣдъ, крикнулъ:

— Боярышня вернулась!

Бояринъ вскочилъ изъ-за стола, хотѣлъ что-то сказать, но не успѣлъ: въ горницу уже входила Маша, а вмѣстѣ съ нею Михаилъ Егоровичъ.

Оба, едва вошли и помолились на иконы, опустили на колѣни.

— Батюшка! прости и благослови! — тихо промолвила Марья Марковна.

— Маркъ Григорьевичъ! прости и прими сыномъ, — сказалъ Павлушкинъ.

Михаилъ Егоровичъ былъ взволнованъ и блѣденъ бояринъ; нѣкоторое время не могъ сказать ни слова; лицо его искажали судороги, глаза налились кровью, какъ у звѣря.

— Зачѣмъ пришла?—прохрипѣлъ онъ, наконецъ.

— Прости! Благослови!..—прошептала дочь.

— Мы обвинчались съ Машей,—сказалъ Павлушкинъ.

— Дочь ослушная, нѣтъ тебѣ моего благословенія!

— Отецъ!

— Не будетъ тебѣ счастья ни въ сей, ни въ будущей жизни! Вонъ изъ дома!.. Изъ дома моего вонъ, непутная. Срамница! Поставкушка!

Павлушкинъ поднялся съ колѣнъ.

— Пойдемъ, Машенька,—печально сказалъ онъ женѣ.

Та поднялась, но еще просила:

— Прости! Батюшка! Родной!

— Нѣтъ тебѣ прощенья! Вонъ!.. Убью!.. заревѣлъ Грековъ-Богатый и, сжавъ кулаки, кинулся къ дочери.

— Не тронь жену мою!—внушительно промолвилъ Павлушкинъ и увлекъ Машу въ сѣни.

Черезъ мгновеніе онъ и почти безчувственная Марія Марковна мчались со двора въ легкомъ волокъ¹⁾, запряженномъ парюю горячихъ коней.

Маркъ Григорьевичъ выбѣжалъ на крыльцо и, побагровѣвшій, хрипло крикнулъ имъ вслѣдъ:

— Не прощаю, а прокли..

И, не договоривъ, зашатался и упалъ.

Когда его подняли, правая рука его и нога бессильно болтались, нижняя губа отвисла, и изо рта, вмѣсто словъ, слышалось какое-то мычанье, которое понять, и то больше по догадкѣ, могъ одинъ Титъ. Его внесли въ спальню и положили на постель. Онъ лежалъ огромный, недвижный, какъ колода; правый глазъ полузакрылся, въ лѣвомъ стояла слеза. Только этотъ глазъ да тяжелый хрипъ въ груди, неровно вздымавшейся, говорили о жизни.

ХІІ.

Большая комната. Свѣча въ бѣдномъ шандалѣ догораетъ, грозитъ погаснуть. Длинные, неровныя тѣни пробѣгаютъ по стѣнамъ, прячутся въ углы и вновь выступаютъ. Широкая постель, и на ней, утонувъ въ перинѣ, полутрупъ-паралитикъ Маркъ Григорьевичъ. Ему жарко. Здоровою лѣвою рукою онъ мнетъ, силится сбросить теплое одѣяло, но оно зацѣпилось за что-то и не поддается.

— Пить!—хочется крикнуть ему, а языкъ издаетъ какой-то глухой звукъ:—тгг...

Сухощавая, длинная фигура стараго Тита медленно выбрела изъ угла...

— Что шипишь? Одѣяло, что-ль, снять? Ладно ужъ, не шипи. Все едино, путно не скажешь. Языкъ нонѣ у тебя суконовый сталъ. Эхъ, ты, колода матерая!—говоритъ ключникъ, грубо срывая одѣяло съ боярскаго тѣла.—Цыцъ! Нишкни! Ишь, расшигѣлся. Мятки захотѣлъ? Смотри у меня,—бормочетъ онъ, отошедши отъ больного и примѣшиваясь въ углу на брошенной на полъ господской перинѣ.

Слова старика—не пустая угроза. Онъ бьетъ больного боярина. Крупные синяки на лѣвомъ боку Марка Григорьевича—лучшее до-

¹⁾ Телѣжка на двухъ колесахъ.

казательство этого. Ключникъ называетъ это «мяткой» или «смирительствомъ». Онъ единственный слуга и владыка своего боярина. Слуга—плохой, владыка—грозный. Домъ опустѣлъ; челядинцы поголовно въ бѣгахъ, нѣсколько холопей ютятся еще въ подклѣткахъ, бражничаютъ, воспользовавшись запасами господскихъ питій, и горланять съ утра до ночи, а то, побольше выпивъ, устраиваютъ себѣ потѣху: приходятъ глумиться надъ беззащитнымъ бояриномъ, просятъ не гнѣваться и хохочутъ надъ его яростнымъ мычаніемъ. Тигъ, быть можетъ, не въ состояніи воспрепятствовать имъ, а, быть можетъ, не хочетъ сдѣлать этого; во время подобныхъ сценъ его старые, блеклые глаза горятъ злораднымъ блескомъ. Никогда не могъ думать Маркъ Григорьевичъ, что изъ тихаго, работливаго Тита выйдетъ такой безпощадный палачъ, способный придумать безконечное множество мелкихъ терзаній. Да и мало ли о чемъ не думалъ прежде Маркъ Григорьевичъ, и о чемъ ему пришлось теперь передумать? Не думалъ, напримѣръ, онъ прежде, что ласка нужна, и что въ ней великая сила, а теперь думаетъ и жаждетъ ея всѣми силами своей больной души. Не думалъ онъ, что былыя прегрѣшенія могутъ вспомниться черезъ много лѣтъ съ ужасающею ясностью и наполнить трепетомъ и смертельнымъ холодомъ сердце, а теперь знаетъ это. Эти темныя полосы, бѣгущія по подволоку, по стѣнамъ, развѣ это тѣни, кидаемыя колеблющимся пламенемъ догорающей свѣчи? Нѣтъ, это тѣ ужасныя, маленькія существа съ острымъ жаломъ, которыя тѣснились въ его сердцѣ, разрослись, вырвались и наполнили комнату и побѣжали передъ его глазами, словно говоря: смотри на насъ! Это его грѣхи... «гордость житейская», нелѣпая, отвратительная фигура—карликъ съ длинной, какъ у лебеди, шеей и крохотной, спесиво заброшенной головкой, съ смѣшнымъ хохолкомъ, на макушкѣ; вонъ жестоковѣйство—человѣкъ съ окровавленными руками и волчьей головой; вонъ чревоугодіе — получеловѣкъ-полусвинья на крохотныхъ ножкахъ, вонъ—этотъ ближе всѣхъ самый надоѣдливый и назойливый—блудъ: нагая женщина, изъязвленная, отвратительная, нагло скалящая бѣлые звѣриныя зубы, плотоядно подмигивающая бессмысленными стеклянными глазами; вонъ... Ихъ бездна, бездна! Они сталкиваются, разбѣгаются въ дикой пляскѣ, сливаются въ одну сплошную массу, по мѣрѣ того, какъ меркнетъ свѣча... Задавятъ, задушатъ!..

— Тт!..—зоветъ онъ Тита.

— Нишкни! Сдыхаешь, что-ль?—ворчитъ въ отвѣтъ ключникъ въ своемъ углу.

Нѣтъ, поскорѣй закрыть глаза, въ особенности лѣвый, который сохранилъ полную силу зрѣнія!

Сперва какъ будто лучше. Ровная темная завѣса, и ничего за ней. Миръ и покой. Тихо. Слышно, какъ чуть потрескиваетъ уми-

рающая свѣча. Это единственный звукъ. Не такая же ли темная завѣса и смерть, несущая успокоеніе? Не она ли накинута завѣсу и близится темная, таинственная? Умирать!.. Безъ молитвы, безъ покаянья... Боже! сжался! Пусть родная рука закроетъ очи... Дочь! Маша! Иди! Я простилъ тебя! простилъ! Ты здѣсь уже? Ты всегда была послушною дочерью... Лицо блѣдно и слезы на очахъ... О чемъ плакать? Обними, поцѣлуй меня. Я вѣдь простилъ... Ты шепчешь, зачѣмъ не тогда?.. Силъ не было... Не было, Маша... Ты видишь— гибну отъ безсилья душевнаго... Блаженни милостивые. О, да, да! И я былъ бы блаженнымъ... Куда ты? Мама! стой! Не уходи! Не смѣй! Титъ! верни, останови ее!..

— Ттг!..—срывается съ устъ больного.

— Шипи у меня! Чтобъ тебя розорвало, неугомонный! — ворчить ключникъ.

— Упла! покинула! Дочка, Машенька! вернись! я вѣдь одинъ, со всѣмъ одинъ... Это ты?.. Ты?.. Маша? Машенька-а, голу-у-бушка моя!.. Не она, нѣтъ... Опухшее лицо, глаза свѣтятся сквозь закрытыя вѣки... Злобныя очи! Ты!! Ой! Аграфена!!.. Зачѣмъ пришла?.. Иди... Въ Волгу, либо въ могилу, куда хочешь... Оставь меня, оста-авь!.. Прости! Послѣ смерти прости. Не каялся, теперь каюсь. Позналъ я сладость покаянья. Я многое позналъ теперь, Аграфена, и любовь Христову и прощенье... Ты говоришь, я самъ не прощаль? Вѣрно. Грѣшникъ былъ... Не простишь? На казнь, говоришь? Умилосердись! Я вкладъ въ церковь сдѣлаю на поминъ души твоей. Не обману. Бога, милая, не обманешь... Ишь, топчатыя ногами. Стрѣльцы за мной идуть. О Боже! Звякаютъ, звякаютъ... Топоры звякаютъ... А этотъ гулъ? Толпа гудить... Ведутъ! Охъ! Да спасите же меня!.. Рабъ мой! Титъ! Ко мнѣ!.. Титъ!

— Ттг!..—шипить бояринъ.

Но вмѣсто ворчливаго отвѣта ключника раздаются его отчаянные крики:

— Братцы! Родные! Да что же я? Да меня-го за что?

Больной открылъ глаза.

У кровати стоялъ, злобно смотря на боярина, Филька Головачъ, въ высокой казачьей шапкѣ и съ саблей въ рукѣ. Изъ-за его плеча выглядывалъ блѣдный и, видимо, трусившій Яшка Заяцъ, держа въ одной рукѣ фонарь, въ другой увѣсистую дубину. Нѣсколько человѣкъ волокли по полу связаннаго и отчаянно вопившаго Тита. Цѣлая гурьба мужиковъ вламывалась въ дверь. Между ними Маркъ Григорьевичъ призналъ почти всѣхъ своихъ бѣжавшихъ холоповъ, было много и незнакомыхъ.

Замѣтивъ, что бояринъ открылъ глаза, Филька насмѣшливо кивнулъ ему головой и сказалъ:

— Здравствуй, хозяинъ. Чай, радъ меня видѣть?

— Ттг...

— Что это? Да, кажись, отъ радости у тебя языкъ отнялся?

— Богъ покаралъ его, окаяннаго, Филиппушка: отнялъ правую руку и ногу и языка лишилъ!—крикнулъ Тигъ Головачу, потомъ прибавилъ, обращаясь къ тащившимъ его мужикамъ:—да пустите же меня, черти! Видите, я съ Филиппушкой говорю.

Тѣ и въ самомъ дѣлѣ его отпустили.

— Кабы ты зналъ, что этотъ окаянный послѣ твоего ухода чинилъ, такъ просто ужаси!—продолжалъ ключникъ, приближаясь къ Филькѣ.

— Его Богъ покаралъ, а тебя нѣтъ?—спросилъ Головачъ.

— Меня-то за что?—силясь улыбнуться, сказалъ старикъ.

— А хотя бы за то, что ты своими наговорами не разъ въ бѣду холоповъ вводилъ,—промолвилъ Филиппъ.

Потомъ посмотрѣлъ на стѣны и, замѣтивъ вбитый зачѣмъ-то крюкъ, приказалъ:

— Повѣсьте-ка, братцы, на этомъ крюкѣ стараго хрыча.

— Любо!—заревѣли десятки пьяныхъ голосовъ: большинство мужиковъ были пьяны до того, что едва держались на ногахъ.

Вскорѣ длинное дѣло Тита уже покачивалось на веревкѣ.

— Ну, а съ тобой что мнѣ сдѣлать, чортъ, кровопійца проклятый?—сказалъ Филька, обращаясь къ Марку Григорьевичу, и плюнулъ ему въ лицо въ порывѣ охватившей его ярости.

— Вотъ тебѣ! Да этого мало для тебя, песь! Гдѣ Аграфена? Отдай ее мнѣ, отдай, душегубъ!—продолжалъ онъ въ бѣшенствѣ.

— Повѣситъ бы и его,—предложилъ кто-то.

— Мало!—угрюмо отвѣтилъ Филька.

— Сжечь вмѣстѣ съ гнѣздомъ его,—сказалъ другой.

— Это еще пожалуй. Выбирайте изъ дома, что получше, а потомъ расправу учинимъ, — промолвилъ Головачъ и, присѣвъ на край боярской постели и вперивъ злобный взглядъ въ лицо своего врага, началъ говорить тихо:

— Помнишь ли ты, песь, какова была моя Аграфенушка? Вѣла, что лебедь—лебедушкой ужъ впрямъ можно было назвать! Румяна, черноброва. Рослая-то какая! Статная-то! И ты этакую красу погубилъ. За что, за какія вины? Только и вины за ней было, что красота одна. Видно, и этого холопамъ нельзя имѣть! А любила-то она меня какъ! У Волги и посейчасъ ивушка стоитъ, подъ которой мы видались. Прибѣжить, бывало, обхватить руками да и смотреть въ лицо и улыбается. Дай, говорить, Филиппушка, наглядѣться на тебя досыта! И я ее обниму, прижму къ груди и слышу, какъ ея сердце колотится: тукъ-тукъ! Запыхалась, спрошу, бѣжавши? ишь, сердце бьется. Нѣтъ, говорить, это оттого, что въ немъ, въ сердцѣ, любви къ тебѣ ужъ очень много. И смѣется. А зубки у ней были мелкіе, бѣлые, бѣлые... У этой же ивы она и въ воду бросилась потомъ, потопилась... Ну, скажи: какъ мнѣ тебя,

погубителя и ея и моего, не стараться со свѣта жить? Какъ мнѣ не выпустить капля по каплѣ всю кровь твою смрадную? Врагъ ты мой! Погубитель!

И во все время, пока продолжался грабежъ дома, Филька причиталъ надъ бояриномъ, а Маркъ Григорьевичъ, не мигая, смотрѣлъ въ лицо Головачу своимъ здоровымъ лѣвымъ глазомъ, и странную смѣсь страданія и умиленія выражалъ его взглядъ.

— Ну, все почистили. Можно зажигать,—сказали Филиппу.

— Подождите. Надо его зажарить, какъ слѣдуетъ. Привяжемъ его къ трубѣ на крышѣ.

— Любо!

— Яшка! ты, кажись, потрезвѣй другихъ—гайда, со мной на работу. Да гдѣ же онъ?

Головачъ искалъ глазами Яшку.

— Яшки нѣтъ. Онъ взялъ въ конюшнѣ лучшую лошадь и ускакалъ. Потѣшусь, говоритъ.

— Дуракъ! Нашелъ время забавѣ. Ну, помогите ктонибудь, у кого ноги потверже.

Боярина поволокли на вышку, а оттуда на крышу.

Между тѣмъ, Яшка уже съ часъ скакалъ, сломя голову, къ усадьбѣ Павлушкина. Прискакавъ туда, онъ прямо вбѣжалъ въ домъ и заоралъ, чтобы разбудили Михаила Егоровича.

— Скачи скорѣй къ намъ въ усадьбу съ холопами. Воры хотятъ Марка Григорича спалить,—сказалъ онъ, когда его провели къ хозяину дома.

Павлушкинъ, не теряя времени на разспросы, быстро снарядился съ десяткомъ лучшихъ холоповъ въ путь.

— Да, вѣдь, ты, кажись, и самъ былъ въ бѣгахъ?—спросилъ онъ Яшку, уже выѣзжая во главѣ импровизированнаго отряда за ворота.

— Былъ и есть. А только разжалобился я, вишь. Сердце такое, что подѣлаешь. Думаю, — еще мало времени назадъ поролъ меня Маркъ Григоричъ, а теперь мы его жечь. Неладно. Ну, и жалъ стало и поскакалъ къ тебѣ. Прощай, бояринъ!

— Куда же ты? Развѣ не въ усадьбу?

— Дуракъ бы я былъ, еслибъ въ усадьбу поѣхалъ. Чтобы свои же меня зарѣзали? Шалишь!

И онъ, стегнувъ коня, скрылся въ темнотѣ.

Сухое дерево ярко пылало. Вотъ освѣтилась горница, и оконный переплетъ вырисовался тонкимъ темнымъ узоромъ, выбились огненные языки, лизнули крышу, и она занялась. Багровый свѣтъ пламени освѣтилъ бѣлую фигуру полунагого Грекова-Богатаго, привязаннаго къ трубѣ. Клубъ дыма скрылъ его на мигъ, потомъ

фигура боярина снова выплыла. Было что-то величественное въ это время въ наружности сжигаемаго. Какъ у древнихъ мучениковъ, свѣтлое выраженіе лежало на его лицѣ. Онъ былъ нѣмъ и недвижимъ, только отросшіе во время болѣзни волосы шевелились отъ вѣтра да развѣвалась бѣлая сорочка.

— Бьютъ! Бьютъ! Царевы ратники!

— Спасайся! Вдругъ раздалось въ толпѣ пьяныхъ, глазѣвшихъ на пожаръ воровъ, и вся она въ мигъ разбилась на мелкія кучки, потомъ на одиночныя бѣгущія въ разныя стороны фигуры.

— Бей! — кричалъ Павлушкинъ, влетая на конѣ въ ворота усадьбы.

— Микола, не выдай! — подобно стрѣльцамъ, кричали слѣдовавшіе за нимъ конные холопы.

Но вскорѣ и бить-то было некого: всѣ, кто былъ способенъ передвигать ногами, стремглавъ бѣжали отъ усадьбы.

— Глянь, бояринъ, куда они его привязали! — ахнувъ, сказала одинъ изъ холопей Михаила Егоровича, указывая на крышу.

Павлушникъ приказалъ немедленно отыскать лѣстницу, приставилъ ее къ горѣвшей стѣнѣ и первый полѣзъ на выручку къ Марку Григорьевичу. За нимъ спѣшили холопы съ топорами и ведерками воды. Борьба съ огнемъ была упорнѣе, чѣмъ съ ворами-казаками, но и она увѣнчалась успѣхомъ. Удалось пробраться на крышу и снять Марка Григорьевича.

У подножія приставленной къ стѣнѣ лѣстницы лежало освѣщенное багровымъ отблескомъ пламени мертвое, распростертое тѣло Филиппа Головача.

ХІІІ.

Пріѣхавъ въ Астрахань, Андрей Марковичъ, что называется, закрутилъ. Товарищи нашлись добрые, отцовскій глазъ былъ далеко, деньги водились; условія для «крутьбы» создались отличныя.

Климъ, на рукахъ котораго находились деньги, только покрывалъ да вздыхалъ, отсчитывая ему денежки. Однажды онъ замѣтилъ Андрею Марковичу:

— Бояринъ! да побойся Бога! Вѣдь скоро всей казнѣ конецъ.

— Помалкивай, — отрѣзалъ Андрей.

— Моей вѣдь спинѣ придется отвѣчать. Тебѣ-то что, конечно.

— Небойсь, вызволю тебя, — успокоилъ его молодой человѣкъ и попрежнему продолжалъ гульбу и набѣги на отцовскія денежки.

Климъ пожаловался на него воеводѣ, князю Ивану Семеновичу Прозоровскому, въ домѣ котораго Андрей жилъ.

Иванъ Семеновичъ вздумалъ было сдѣлать юношѣ отеческое внушеніе. Позвалъ къ себѣ, журилъ и пригрозилъ отписать Марку Григорьевичу и то и сѣ. Но молодой человѣкъ смотрѣлъ на него

съ такою добродушною улыбкой, такъ наивно вскидывалъ глазами при упоминаніи о грѣховности подобнаго времяпровожденія, что князь не выдержалъ строгаго тона и кончилъ тѣмъ, что, расцѣловавъ Андрея въ обѣ щеки, посовѣтовалъ ему не тратить попусту своихъ богатырскихъ силъ.

— Силы много въ тебѣ, наружу рвется... А ты ее, сиду-то, къ дѣлу приложи. Ну, да авось перебѣсишься,—сказалъ воевода.

Слова Ивана Семеновича оправдались. Грековъ-Богатый «перебѣсился» и скорѣе, чѣмъ можно было ожидать. Бросилъ гульбу, сталъ чаще сидѣть дома, словомъ остепенился. Прозоровскій, подивившись такой перемѣнѣ, рѣшилъ, что вѣрно малому надоѣла гульба, и, чтобы дать ему занятіе, назначилъ Андрея сотеннымъ стрѣльцемъ головою.

Стрѣльцы, — полусолдаты, полуказакъ, — требовали за собою зоркаго наблюденія. Стрѣльцовъ тянуло къ казацкой волѣ, а на нихъ надо было накидывать солдатскую лямку. Возиться съ полудисциплинированной толпой, сдѣлать ее послушной своей волѣ, не возбудивъ въ то же время ненависти, было дѣломъ нелегкимъ. Но Андрей справился со своею задачей. Гдѣ пуская въ ходъ свою богатырскую силу, гдѣ ласковое слово, онъ достигъ того, что стрѣльцы и любили и боялись его, а артикулы выдѣлывали немногимъ хуже солдатъ, обученныхъ иноземному строю.

Любо было посмотрѣть, какъ онъ, стоя передъ вытянувшейся въ струнку сотней, звонкимъ голосомъ выкрикивалъ:

— Клади пясть на лопасть!— либо: — Прауху на гоматуху! — либо:—Слухай, торни на плечо!

И какъ позвякивали и поблескивали стволами надиво вычищенные пищали исполнявшихъ команду стрѣльцовъ.

Скоро сотня его стала лучшей изъ всей рати князя Ивана Семеновича. Иногда Андрея прорывало. Онъ забрасывалъ занятія и кутилъ напропалую дня два-три. Воевода сквозь пальцы смотрѣлъ на эти грѣшки; онъ понималъ, что надо дать выходъ слишкомъ бурнымъ силамъ этого богатыря.

Вскорѣ, однако, стало не до кутежей. Пошли зловѣщія слухи. Говорили, что голытьба со Степаномъ Разинымъ, хорошо уже извѣстнымъ астраханцамъ за удалого и счастливаго атамана-чародѣя, перебросилась съ Дона на Волгу и гуляетъ во всю. Всѣ лучшіе люди, то-есть тѣ, кто имѣлъ хоть кое-какую власть, ощутили глухое безпокойство. Чернь, стрѣльцы, всѣ, кто десятками лѣтъ находился подъ гнетомъ «лучшихъ», заволновались. Надо поставить себя въ положеніе подневольнаго человѣка того времени, безправнаго, забитаго, чтобы понять, какою чарующею была для него вѣсть о появленіи «батюшки Степана Тимоѣевича». Въ ихъ глазахъ этотъ смѣлый чародѣй-атаманъ, котораго даже пуля не брала, какъ шли слухи, являлся вовсе не бунтовщикомъ, а именно

«отцомъ роднымъ», «батюшкой». Онъ, «батюшка», сталъ за святое дѣло,—сталъ на защиту угнетаемой «лучшими» людьми меньшей брати; онъ идетъ за царя-государя на его измѣнниковъ-бояръ, которые посвоему передѣлываютъ повелѣнія государевы и не слушаютъ его указовъ.

— Вы бьетесь за измѣнниковъ, а не за государя, а мы бьемся за государя,—говорили воровскіе казаки попавшимъ къ нимъ въ полонъ московскимъ стрѣльцамъ.

«Батюшка Степанъ Тимоѣевичъ» бился за государя и за народъ противъ бояръ и иныхъ измѣнниковъ, онъ несъ волю, отнятую «лучшими» людьми. Какъ же было его не поддерживать? Поддержатъ его—послужить святому дѣлу.

Въ этомъ ореолѣ борца за царя, за народную волю, заключалась мощь Разина, только благодаря этому, пьяный буянь-казакъ могъ всколыхнуть все царство. Около столѣтія спустя, другой казакъ, Пугачевъ, «тряхнулъ Москвою», также наигрывая на слабой стрункѣ русскаго народа—на его стремленіи къ волѣ, на его страстномъ исканіи «правды».

Степка Разинъ не былъ уменъ, онъ былъ только до крайности дерзокъ; въ его дѣйствіяхъ не было системы, онъ цопросту ломилъ стѣной; на самомъ дѣлѣ онъ вовсе не былъ борцомъ за идею, онъ былъ представителемъ грубой стихійной силы, искавшей выхода, онъ хотѣлъ разгула и наживы, ради чего и поднялъ мятежъ, идея прицѣпилась сама собой, и онъ воспользовался ею, какъ хорошимъ средствомъ.

По мѣрѣ того, какъ бунтъ разгорался, броженіе среди астраханцевъ усиливалось. Чернь и стрѣльцы начали дерзко поглядывать на «лучшихъ» людей, хотя еще и ломали шапки передъ ними. Кое-гдѣ настроеніе черни прорывалось въ какой нибудь дикой выходкѣ, въ родѣ комка грязи, брошеннаго въ лицо воеводѣ, или бомбардировки камнями дома кого нибудь изъ богатенькихъ. Виновныхъ схватывали, все снова затихало, но было что-то зловѣщее въ этомъ затишѣ.

Воевода становился все задумчивѣе и сумрачнѣе. Онъ подолгу совѣщался съ митрополитомъ Іосифомъ, со своимъ воеводскимъ товарищемъ, княземъ Львовымъ. Стрѣльцамъ приказано было подготавливаться къ походу. Стрѣльцы ворчали и подготавливались нехотя.

На 25 мая назначенъ былъ походъ: второй воевода, князь Семень Ивановичъ Львовъ, выступалъ съ 2.600 стрѣльцовъ и 500 вольныхъ людей на мятежниковъ.

— Послать развѣ тебя съ твоею сотней въ походъ съ Семёномъ Ивановичемъ?—сказалъ Прозоровскій Андрею Марковичу:—нѣтъ, лучше оставайся, твоя сотня надежна, а мнѣ вѣрныя люди нужны.

Потомъ, взглянувъ на взволнованное лицо юноши, добавилъ:

— Знаю, что ты хотѣлъ бы въ походъ, но ужь посиди, голубчикъ, со мной.

Андрей волновался и волновался сильно во время рѣчи воеводы, но причина его волненія была не та, которую подозрѣвалъ князь Иванъ Семеновичъ. Онъ именно боялся того, какъ бы его послали въ походъ. Это была для него, для смѣльчака и богатыря Андрея Марковича, конечно, странная боязнь, но съ нимъ за послѣднее время вообще творились странныя вещи.

Конечно, Андрей зналъ объ опасности, грозящей городу отъ Разина, о настроеніи стрѣльцовъ и черни, но относился къ этому съ меньшимъ вниманіемъ, чѣмъ слѣдовало бы. У него была иная забота, своя личная. Эта забота заслоняла отъ него все. Часто въ разговорахъ съ княземъ Прозоровскимъ объ ожидаемыхъ ужасахъ казацкаго нашествія, въ его воображеніи вмѣсто свирѣпыхъ казацкихъ лицъ мелькало полное, бѣлое, румяное женское лицо, съ голубыми глазами съ поволокой.

Лицо это принадлежало нѣкоей Василисѣ.

XIV.

Василису знали многіе въ Астрахани. Она была вдова-стрѣльчиха, а слѣдовательно вольный человѣкъ. У нея водились деньжонки, кромѣ того, она прирабатывала. Жила она скромно, но досужія астраханскія кумушки говорили про нее, что она «балуется тишкомъ». Василиса мало обращала вниманія на эти толки.

— А мнѣ ништо. Пусть судачатъ, коли имъ дѣлать нечего,— говорила она.

Поводъ къ толкамъ подавало то, что на нее заглядывалась молодежь. Трудно было и не заглядѣться. Высокая, стройная, какъ говорится, кровь съ молокомъ, идетъ она, бывало, въ новой, опущенной соболями тѣлогрѣѣ, въ парчевой кичкѣ въ церковь къ обѣднѣ, и рѣдкій прохожій не посмотритъ на нее, не подумавъ:

— Что за баба сахарная!

Рѣдкій не кивнетъ ей головой или не промолвитъ:

— Здравствуй, Василисушка!

А она всѣмъ одинаково ласково отвѣтитъ:

— Здравствуй, миленькій!

И пройдетъ, не взглянувъ.

Молодежь льнула къ ней, но никто не могъ сказать, чтобы Василиса льнула къ комунибудь. Она со всѣми была равна, со всѣми ласкова и холодна.

Одну черту въ ея характерѣ подмѣтили многіе и не разъ ставили ей въ вину: ненависть къ боярамъ и вообще къ «лучшимъ».

Говорили, что причиной этого была насильственная смерть ея мужа: онъ былъ изрубленъ саблей пьянымъ стрѣлцкимъ головою. Какъ бы то ни было, но ненависть эта прорывалась въ каждой мелочи. Напримѣръ, ни одному боярину, будь то хоть самъ воевода, она не кланялась первою. Въ то время, когда и встрѣчный и поперечный спѣшили униженно-угодливо поклониться какому нибудь спесивому богачу-боярину, она, наоборотъ, повыше поднимала голову, и что-то дерзко-вызывающее выражалось во взглядѣ ея голубыхъ глазъ и во всей ея фигурѣ.

— Какая ты спесивая! Нѣтъ того, чтобы поклониться. Али у тебя отъ поклона голова отвалится? — какъ-то замѣтилъ ей одинъ бояринъ.

— Ждешь моего поклона — поклонись первый. Чѣмъ твоя голова лучше моей? Али потому, что на нее шапка-столбунъ вздѣта? Такъ шапку-то можно и на чурбанъ вздѣть, неужли потому и чурбану кланяться? — отрѣзала Василиса.

Андрей случайно встрѣтился съ Василисой на улицѣ и заинтересовался ею. Справился у пріятелей, кто она, и узналъ о ней все, что тѣ сами знали. Андрею Марковичу отъ отца въ наследство передалась страсть къ женщинамъ. Онъ рано позналъ ихъ и, имѣя съ небольшимъ двадцать лѣтъ отъ роду, уже считалъ свои побѣды десятками. Онъ бралъ всякую, какая подвертывалась. Были и боярышни и крестьянки, и красивыя и дурнушки. Женщины ему сдавались чрезвычайно легко, и онъ научился презирать ихъ.

— Отъ бабъ какой толкъ? — говаривалъ онъ товарищамъ: — поласкалъ бабу, и брось.

Случалось и такъ, что «баба», подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ причинъ, остывала къ нему раньше, чѣмъ онъ къ ней. Онъ и въ этихъ случаяхъ не печалился.

— Э! добра-то! Найдемъ еще. Мало этого товара, что ли? — говаривалъ онъ.

Онъ думалъ и Василису взять, что называется, налетомъ. Непрошеннымъ пришелъ къ ней въ домъ. Думалъ, что она оробѣетъ, сконфузится, вообще заволнуется, и глубоко ошибся. Она встрѣтила его такъ, словно ждала его прихода. Когда онъ вошелъ, Василиса что-то шила. Она приподняла голову, взглянула на него слегка кивнула въ отвѣтъ на его поклонъ и проговорила:

— Садись, гость будешь.

Потомъ опять принялась за шитье, а, немного погодя, спросила:

— Хочешь сбитню? Горячій.

А на его отказъ замѣтила:

— Не хочешь — твое дѣло. А я люблю сбитень, — и, вставъ, налила себѣ кружку.

Чуть ли это не были единственныя слова, которыми они

обмѣнялись въ первый день знакомства. Василиса шила и пѣла, онъ сидѣлъ и смотрѣлъ на нее. Не лучше были и послѣдующіе дни.

Какъ-то онъ вздумалъ было позволить себѣ вольность; въ то время, какъ она сидѣла за работой, подкрался къ ней и поцѣловалъ ея розовое ухо. Она обдала его такимъ негодующимъ взглядомъ, что онъ смутился.

— Баловства, чтобы не было. Хочешь сидѣть — сиди, а нѣтъ, такъ вотъ тебѣ Богъ, а вотъ порогъ,—проговорила она.

Съ этихъ поръ онъ больше не позволялъ себѣ вольностей по отношенію къ ней. Иногда онъ заводилъ рѣчь, что онъ одинокъ, что нѣтъ у него «любушки-сударушки».

— Ты-бъ женился,—посоветовала она.

— Жену надо по сердцу брать. А что ты, къ примѣру, пошла-бъ за меня?—спросилъ онъ со смущенной улыбкой.

— Я? Нѣтъ. Ни за тебя, ни за кого. Мнѣ волюшка дорога.

Однажды, онъ набрался смѣлости и признался ей, что ее любитъ.

Она насмѣшливо улыбнулась.

— Полно пустяки молоть,—промолвила Василиса.

— Какіе пустяки!—съ жаромъ воскликнулъ онъ.

Но она закрыла себѣ руками уши и велѣла ему молчать.

Онъ почти каждый вечеръ сталъ бывать у нея. Въ это-то время онъ и остепенился, бросилъ гульбу. Прорывало же его къ былой «крутьбѣ» въ то время, когда въ сердцѣ начинало шевелиться что-то похожее на отчаянье. Да, этотъ легкомысленный богатырь-юноша страдалъ. Въ началѣ своего знакомства съ Василисой онъ словно растерялся.

— Баба, да чтобы не сдалась. Быть этого не можетъ,—разсуждалъ онъ.

Однако, вскорѣ убѣдился, что можетъ быть.

— Кобенится. Пройдетъ малость времени — сама полѣзетъ, — успокаивалъ онъ себя.

Но Василиса не только не лѣзла, но и его отгалкивала.

— Что за баба!—удивлялся онъ.

Василиса казалась ему какою-то загадкой; она разрушала и его мнѣніе о женщинахъ вообще и не была похожа ни на одну изъ тѣхъ «бабъ», которыхъ онъ зналъ. Отъ этой загадки ему становилось нелегко. Повидать Василису «хоть однимъ глазкомъ» сдѣлалось мало-помалу для него потребностью. Какъ-то онъ нашелъ двери Василисиной избы запертыми, и на стукъ ему не открыли. Подвернувшаяся сосѣдка объяснила ему, что Василисы нѣтъ дома, что она съ утра ушла куда-то. Андрей взбѣсился и на другой день, свидясь съ Василисой, напустился на нее, зачѣмъ она его не предупредила, что уйдетъ, да и вообще, зачѣмъ она

уходила. Красавица ему дала такой отпоръ, что онъ тутъ же и раскаялся въ своей вспышкѣ.

— Что это ты раскричался? — сказала она, гордо закидывая красивую голову. — Что ты мнѣ свать или братъ? Я вольный человекъ, мнѣ ни у кого подъ началомъ не бывать. А разсердился ты, такъ, сдѣлай милость, не ходи ко мнѣ. Не держу. Хоть сейчасъ уйди.

Однако, онъ не ушелъ и на другой день явился, по обыкновенію, явился и на слѣдующій, хотя Василиса принимала его послѣ этой сцены донельзя сухо. Онъ ходилъ, потому что не могъ не ходить. Когда князь Прозоровскій хотѣлъ отправить его въ походъ со Львовымъ, онъ почти испугался. Испугался именно потому, что ему грозила разлука съ Василисой.

Какъ-то, въ то время, когда Андрей Марковичъ сидѣлъ у Василисы, въ избу вошелъ мужчина лѣтъ тридцати, худощавый, съ быстрыми, вороватыми глазами.

Василиса удивленно взглянула на него и чуть кивнула головой; онъ также кивнулъ ей, словно отвѣчая ей: «да», и, небрежно поклонясь Андрею Марковичу, развалился на лавкѣ, какъ у себя дома.

Нѣсколько минутъ прошло въ молчаніи, потомъ произошла такого рода странная бесѣда.

— Изъ-подъ облакъ?—спросила Василиса.

— Прямо съ тучи, гдѣ громъ гремитъ.

— Та-акъ! Воронье не кружится?

— Гдѣ! Само соколу сдалось!—смѣясь, сказалъ онъ.

— А!—радостно воскликнула красавица.—А соколъ что?

— Расправилъ крылышки и въ знакомое гнѣздо летитъ. Изъ соколовъ?—добавилъ онъ, покосясь въ сторону Андрея.

— Нѣ,—коротко отвѣтила Василиса.

Онъ недовольно выпятить губу и больше не проронилъ ни слова.

Андрей посидѣлъ нѣкоторое время, надѣясь, что гость уйдетъ. Но незнакомецъ, повидимому, вмѣсто того, чтобы уйти, собирался вздремнуть.

По крайней мѣрѣ, онъ поудобиѣ разлегся на лавкѣ и, подложивъ шалку подъ голову, сталъ тихо похрапывать. Андрей поднялся, поклонился Василисѣ, вздохнулъ и вышелъ.

— Что за гусь? — спросилъ по его уходѣ Василису незнакомецъ.

— Сотенный стрѣлецкій голова.

— Какъ звать?

— Андрей, Грековъ-Богатый.

— А! слыхалъ. Парень добрый. Лучше-бъ къ намъ залучить, чѣмъ супротивъ.

— Что жъ можно. Будеть нашимъ,—съ увѣренностью отвѣтила красавица.

— Кажись, къ тебѣ льнетъ?

— Есть грѣхъ,—сказала она съ самодовольною улыбкой.

— Манить—мани, а чтобы того—ни-ни. Прибью,—сказалъ онъ.

— Неужли тебя на него промѣняю?—съ нѣжностью въ голосѣ промолвила она.—Ты, вѣдь, соколъ, а онъ -- селезень пестрый.— И она, подойдя къ гостю, страстно прильнула къ его груди.

— Тебѣ бы все лизаться, — недовольно замѣтилъ тотъ.—Поди. Спать хочу, усталъ.

Василиса глубоко вздохнула и отошла.

На другой день Андрей Марковичъ узналъ отъ воеводы страшную новость: все войско князя Львова передалось Стенькѣ, всѣ начальныя люди, исключая одного князя Семена, побиты, и Разинъ идетъ прямо на Астрахань.

Въ этотъ же день, вечеромъ, онъ былъ пріятно изумленъ: Василиса встрѣтила его гораздо привѣтливѣе обыкновеннаго.

XV.

Вѣсть о томъ, что стрѣльцы князя Львова передались Разину, пришла въ Астрахань 4-го іюня; вмѣстѣ съ нею пришла и другая: что Стенька плыветъ прямо къ городу. Въ этотъ же день начали укрѣплять Астрахань. Осмотрѣли валы, раскаты, уставили пушки. Андрей Марковичъ, вмѣстѣ съ нѣмцемъ Бутлеромъ, капитаномъ перваго русскаго корабля «Орель», стоящаго въ Астрахани, и англичаниномъ Бойлемъ былъ ему дѣятельнымъ помощникомъ.

Глазъ вѣрнаго челоуѣка былъ очень нуженъ воеводѣ. На подначальныхъ людей нельзя было положиться. Чернь явно волновалась, стрѣльцы смотрѣли волкомъ. 15-го іюня на воеводскомъ дворѣ слышался шумъ.

— Воеводу сюда!—слышались крики.

Прозоровскій, угощавшій въ это время обѣдомъ Бутлера, выскочилъ на крыльцо испуганный. Съ нимъ былъ Андрей. Глазамъ ихъ представилось цѣлое море стрѣleckихъ головъ. Отовсюду смотрѣли красныя, возбужденныя лица. Руки бѣшено жестикулировали. Стоялъ глухой шумъ голосовъ.

— Что вамъ, братцы?—спросилъ воевода.

Гулъ смолкъ. Настала тишина. И вдругъ съ заднихъ рядовъ раздалось и раскатилось по всей толпѣ:

— Жалованье подай!

— Еще изъ Москвы не получаютъ.

— Не получаютъ? Знаемъ мы васъ, воеводъ! Припряталъ государевы денежки.

— Братцы!..—началъ князь.

Его не слушали.

— Знать ничего не хотимъ. Не дашь жалованья — не奴-жаки мы.

— Братцы! будь по-вашему: выдамъ жалованье — у отца-владыки церковныхъ попрошу. Обождите малость...

— Знать ничего не знаемъ! Бороду бы тебѣ вырвать, ослушнику государеву. Станемъ мы ждать, какъ бы не такъ! Вотъ придетъ Степанъ Тимоѣевичъ, все разберетъ!—слышались крики.

— Братцы!..

Воевода дрожалъ и чуть не плакалъ. Андрей разозлился.

— Слышали, что вамъ говорятъ: будетъ жалованье. Кто ждать не хочетъ?—закричалъ онъ громовымъ голосомъ.—Ты, Макаровъ, что ли?—добавилъ онъ, узнавъ стрѣльца своей сотни.

Толпа стихла. Макаровъ мялся.

— Я?.. Нѣтъ... Могимъ подождать...—бормоталъ онъ.

— Ну, и ждите. Чего же вы?

Раздались отдѣльные выкрики, но вся масса уже не галдѣла. Съ толпой явилась возможность говорить. Переговоры повелъ Андрей. Стрѣльцы ждали—ужъ и это было хорошо. Тѣмъ временемъ князь не мѣшая отправился къ митрополиту. Владыка ссудилъ его деньгами: далъ 600 рублей своихъ келейныхъ да изъ Троицкаго монастыря велѣлъ взять 2.000 рублей.

Жалованье было уплачено. Стрѣльцы какъ будто успокоились. Но князь Иванъ Семеновичъ мало вѣрилъ этому спокойствію.

— Отдадутъ они городъ ворамъ, чуетъ мое сердце, — говорилъ онъ въ бесѣдѣ съ митрополитомъ Іосифомъ.

Старикъ-владыка тяжело вздыхалъ въ отвѣтъ.

— Что это творится, скажи мнѣ, отче? — продолжалъ воевода.

— Конецъ свѣта настаетъ!—шамкалъ старикъ, тряся головою: покачиваніе головы было невольнымъ; голова его постоянно тряслась вслѣдствіе удара, нанесеннаго ему, когда онъ былъ шестилѣтнимъ мальчикомъ, однимъ изъ казаковъ шайки Заруцкаго, свирѣпствовавшего тогда въ Астрахани.

Однажды, Андрей засталъ князя Ивана Семеновича въ слезахъ, сжимававшего въ объятіяхъ двухъ своихъ сыновей.

— Что ты?—удивился юноша.

— Погибель идетъ! Знаменіе съ небеси было, — отвѣтилъ Прозоровскій и рассказалъ, что въ ночь прибѣжали къ митрополиту перепуганные сторожевые стрѣльцы и повѣдали о чудѣ: они видѣли, какъ отверзлось небо, и сотни звѣздъ посыпались на городъ. Владыка объяснилъ: излиялся на городъ фіалъ гнѣва Божьяго!

— Развѣ слезами поможешь?—сказалъ Андрей.

— Не воры страшны—измѣна пугаетъ. Вѣдь всѣ кругомъ предатели. Въ твоей сотнѣ тоже шатость?

— За свою поручусь.

— Спасибо. Хоть ты порадовалъ. Будь хоть ты мнѣ опорой, Андриуша,—промолвилъ Прозоровскій, обнимая его.

— На меня-то можешь надѣяться,—отвѣтилъ Андрей и подумалъ:—эхъ, не такой бы тутъ надобенъ былъ воевода, какъ ты!

Съ каждымъ днемъ дѣла шли все хуже: измѣна росла. Чернь бурлила и чуть не открыто говорила, что ждетъ «батюшку-атамана».

22-го іюня воровскіе казаки появились въ виду города. Запылала Татарская слобода: она была зажжена по приказу воеводы изъ стратегическихъ цѣлей. 23-го іюня Стенька сталъ у рѣки Кривушки.

Поймали и казнили двухъ нищихъ, Стенькиныхъ перебѣжчиковъ, заживавшихъ дома. Изловили двухъ «языковъ»: попа и холопа, пріѣхавшихъ отъ Разина съ «прелестными» листами.

Заложили кирпичемъ городскія ворота; пушки грозно смотрѣли съ валовъ. Хороши были стѣны, хороши пушки, ненадежны люди. Люди эти умиленно шептали:

— Слава Богу! батюшка нашъ скоро въ городъ пожалуетъ.

Андрей ходилъ угрюмымъ, блѣднымъ. Сотню свою онъ уже не муштровалъ, не внушалъ ей «не сдаваться на воровскія прельщенія».

Нѣсколько стрѣльцовъ его сотни увѣряли товарищей, что Андрей Марковичъ будто мимоходомъ какъ-то обронилъ слова:

— Вовсе не воры, а слуги государевы... Помочь надо.

XVI.

Лучина, вставленная въ свѣтецъ, пускаетъ длинное пламя; дымъ тонкой струйкой вьется вверхъ, легкимъ облакомъ волнуется у досчатой некрашенной подволоки. Изрѣдка срывается нагаръ и, шипя, гаснетъ въ бадѣ подъ лучиной.

Василиса тихо напѣваетъ, и въ тактъ пѣсені поднимается и опускается рука, то вынимая, то вонзая иглу въ полотняную ткань. На Андрея, который сидитъ въ сторонкѣ, она и не взглянетъ.

— Василиса!

— Ну?

— Да хоть взгляни на меня.

— А нешто на тебѣ узоры?

— Эхъ!

— Что вздыхаешь, словно возъ везешь?

— Вздохнешь тутъ! Не любишь ты меня, Василиса.

— Я? Всѣхъ люблю и тебѣ люблю.

— Любила бы,—обняла бъ да поцѣловала.

«истор. вѣстн.», декабрь, 1900 г., т. LXXXII.

— Кажись, Свѣтлый праздникъ давно прошелъ, такъ съ какой радости?

— Ишь, рука-то у тебя—пухлая, бѣлая.

— Рука, какъ рука. Чего лапы-то тянешь?

— Ужъ и маленько нельзя.

— Вѣстимо, нельзя. Слыхалъ ты: хороша Маша да не наша.

— А чья ты?

— Божья.

— Только? А тотъ парень?

— Братъ крестовый, только и всего.

— Будто? Побожись.

— Вотъ еще! Тебѣ-то что за дѣло? Сказала — не вѣришь, не надо.

— Ничья ты, такъ стань моей.

— А это видѣль?

При этомъ Василиса сдѣлала выразительный жестъ.

Андрей насупился.

— Смотри, я вѣдь и задушить могу.

— Ой, страшный какой! А я только что поцѣловать тебя думала.

— Ну-ну, поцѣлуй,—воскликнулъ Андрей, вспыхивая отъ удовольствія и приближая къ ней свое лицо.

Она потянулася, словно для поцѣлуя, и вдругъ со смѣхомъ отпрянула.

— Ты со мной, какъ съ собаченкой играешь,—сказалъ Андрей.— Слушай, Василиса, либо я тебя задушю, либо самъ жизни рѣшусь, либо ты меня полюбишь.

Красавица засмѣялась. Но на лицѣ Андрея выразилась такая свирѣпость, что смѣхъ ея разомъ оборвался.

— Полюбить... Гм... Ты красавчикъ, вѣдь; полюбить бы можно.

Андрей просіялъ.

— Давно бы такъ!

— Только ты заслужи.

— Да ужъ заслужу! Въ парчу, въ шелки одѣну, лалами зашплю, подковки на чоботахъ и тѣ будутъ чистаго золота.

— Э, нѣтъ! Ни парчи, ни шелку мнѣ не надо. Ты мнѣ службу сослужи.

— Да я радъ. Скажи, какую.

— А вотъ сядь-ка ко мнѣ ближе. Вотъ сюда...

Она очистила мѣсто на скамьѣ. Андрей подсѣлъ къ ней.

Василиса прижалась къ нему плечомъ и заглянула въ глаза.

— Крѣпко ты меня любишь?—тихо спросила она.

Улыбки не было; голубые, большіе глаза странно свѣтились.

— Страсть крѣпко! — отвѣтилъ юноша, чувствуя, какъ кровь бросилась ему въ голову.

— А ну, покажи. Знаешь, какъ малые ребята показываютъ. Онъ сжалъ ее въ объятіяхъ.

— Крѣпко. А крѣпче можешь?—промолвила она, все не возвышая голоса.

Онъ сдавилъ ее такъ, что она вскрикнула.

— Что же, моя?—спросилъ онъ, тяжело дыша.

— Силачь ты, красавецъ. Сладко полюбить такого молодца.

— Моя?—снова спросилъ онъ.

Ея щека была совсѣмъ близко отъ его лица, онъ даже чувствовалъ ея теплоту. Онъ не удержался и прильнулъ къ ней губами.

— Душно...—Василиса отвела его руки.—Пусти... О Степанъ Тимошеевичъ слышалъ?

— О какомъ Степанъ Тимошеевичъ?—съ недоумѣніемъ спросилъ молодой бояринъ.

— О Разинъ, объ атаманъ.

— Ну, конечно, слышалъ. Что тебѣ вздумалось о немъ вспомнить?

— Хорошій онъ человѣкъ, — сказала Василиса, не отвѣчая на его вопросъ.

— Какой онъ хорошій! Душегубъ. Да и что это ты? Намъ-то что до него? Давай, о дѣлѣ поговоримъ. Вотъ ты мнѣ службу хотѣла дать. Ну, говори, какую.

— Такъ по-твоему онъ душегубъ? Да-а... Работишку я совсѣмъ забыла.

Она взяла свое питье и усердно занялась имъ.

Андрей нѣкоторое время молча смотрѣлъ на нее, потомъ, хлопнувъ руками, съ досадой воскликнулъ:

— Не пойму я тебя, Василиса!

— Чего жъ тутъ понимать?

— Хотѣла о службѣ поговорить—и сама ни слова!

— Такъ по-твоему онъ душегубъ?

— Кто?

— Да Степанъ Тимошеевичъ.

— Тьфу! Вотъ дался онъ тебѣ.

— Не душегубъ онъ, а отецъ нашъ родной,—наставительнымъ тономъ проговорила она.

— Ну, пусть отецъ родной, пусть совсѣмъ святой человѣкъ, чортъ его возьми совсѣмъ!

— Скоро быть ему здѣсь. Помочь надо войти въ городъ.

— Н-ну!..

— Ась?

— Объ этомъ помолчимъ.

— Когда приступъ будетъ, твои стрѣльцы что стануть дѣлать?

— Что? Конечно, палить въ воровъ.

— Не дѣло. Какіе они воры! Воры-то не они, а тѣ, что у царя въ милости. Хочешь поцѣловать меня?

Она отшвырнула шитѣе и перегнулась къ нему съ шаловливой улыбкой. Онъ такъ и припалъ къ ней.

— Будетъ! Экій ты! Стой! А служба?

Андрей весь дрожалъ.

— Ну-ну, говори!

Голова ея лежала у него на колѣняхъ. Она смотрѣла на него снизу вверхъ, упираясь руками въ его плечи.

— Будетъ приступъ—не вели своимъ стрѣльцамъ стрѣлять.

— Что?—воскликнулъ онъ, не вѣря ушамъ.

— Не вели стрѣлять. Стань на сторону Степана Тимоѣевича.

— Это и есть служба?

— Она самая.

Онъ оттолкнулъ ее, поднялся и взялъ шапку.

— Ты, видно, баба, не въ своемъ умѣ. Прощай!

— Прощай. Да больше не смѣй носа показывать, слышь. Да воеводѣ на меня донеси — поди, онъ тебѣ кучу червонцевъ отвалить,—кричала Василиса, когда Андрей уже переступалъ порогъ.

Ее разбирала злость.

— Сорвалось! Обмахнулась!—думала она и ошиблась.

Дня черезъ три, вечеромъ, къ ней постучали въ дверь. Она отворила, свѣтя лучиной.

Передъ ней стоялъ Андрей. Въ первое мгновеніе она даже не узнала его—такъ онъ измѣнился.

— Согласенъ, — глухо сказалъ онъ: — ни одинъ стрѣлецъ не выстрѣлитъ.

— Надумалъ. Ну, и хорошо, — сказала Василиса и сдѣлала движеніе, чтобы закрыть дверь.

— Постой. А что обѣщала?

— Полюбить? Ужъ люблю. А тамъ послѣ увидимъ.

И дверь захлопнулась.

XVII.

Кровавая тризна оканчивалась. «Батюшка-атаманъ» ворвался въ Астрахань. Вѣриѣе—не ворвался, а спокойно вошелъ. Пушки гремѣли со стѣнъ,—только гремѣли, а не разили враговъ. Стрѣльцы радостно кидали вверхъ шапки и протягивали руки осаждающимъ, чтобы помочь имъ взобраться на стѣны.

— Пожалуйте, гости дорогіе!

И Андрей со своими стрѣльцами тоже помогалъ «гостямъ»; правда, онъ не кричалъ отъ радости, какъ стрѣльцы, и не о веселомъ настроеніи духа говорило его поблѣднѣвшее, искаженное лицо, но все-же онъ оказывалъ ратникамъ Разина дѣятельную

помощь и не одного дюжого казака втащилъ на стѣну своей богатырской рукой. Его «помочь» была замѣчена. Самъ атаманъ призвалъ его къ себѣ, похвалилъ, потрепалъ по плечу рукою и обѣщалъ наградить «и казною, и парчею, и сладкимъ товаромъ—дѣвичимъ тѣломъ». Замѣтилъ его «подвиги» и несчастный воевода. По крайней мѣрѣ, когда Андрей увидѣлъ князя Ивана Семеновича раненаго, лежащаго на площади передъ соборной церковью и принимающаго Св. Дары изъ трепетныхъ рукъ митрополита Іосифа, Прозоровскій обдалъ его такимъ полнымъ горькой укоризны взглядомъ, что Андрей поспѣшилъ отвернуться. Послѣ этого Андрею Марковичу довелось увидѣть воеводу только мертвымъ. Раненый князь былъ сброшенъ съ раската по приказу атамана и лежалъ съ проломленнымъ черепомъ, съ переломанными костями. Юноша въ глубокомъ раздумьѣ постоялъ надъ трупомъ, наклонился и поцѣловалъ мертвеца.

— Прости... Тамъ-то теперь ты все знаешь, — прошепталъ Андрей.

Этотъ день былъ днемъ ужасовъ. У соборной церкви кровь текла буквально ручьемъ, скопляясь въ лужи—все кровь «начальныхъ» людей: часть ихъ сбросили съ раската, часть посѣкли саблями передъ соборомъ.

Одного старика, стрѣлецкаго пятидесятника, не могли взять: онъ прижался къ стѣнѣ церкви и лихо защищался ножемъ отъ нѣсколькихъ казаковъ и посадскихъ. Глубокая кровавая борозда пересѣкала его лицо, и кровь изъ нея грузными каплями падала на сильно сѣдую бороду и, слившись въ сгустокъ, запеклась на ея концѣ. Лицо его не выражало ни отчаянія, ни ярости, оно было сосредоточенно спокойно, только губы плотно сжались, да косматыя, сѣрыя брови чуть-чуть насупились.

Андрей остановился и смотрѣлъ на эту сцену, любуясь старикомъ.

— Чего ротъ разинулъ? Двинь этого стараго лѣшаго саблей: вишь, намъ не совладать,—крикнулъ молодому боярину одинъ изъ нападавшихъ на старика.

Андрей помедлилъ, потомъ вынулъ саблю и съ какою-то отчаянною свирѣпостью всадилъ ее въ голову старика.

— Пошелъ на злое, такъ ужъ злое и дѣлать надо. Чего ужъ тутъ!—думалъ онъ въ это время.

Старикъ упалъ, не охнувъ, и казаки съ посадскими изрубили его. Андрей ушелъ, не дожидаясь конца расправы. По пути онъ вздумалъ завернуть въ кельи митрополита; ему хотѣлось узнать, что дѣлаетъ владыка и свѣдалъ ли объ его измѣнѣ. Владыки онъ не нашелъ, но зато неожиданно для себя встрѣтилъ тамъ жену князя Прозоровскаго и двухъ сыновей воеводы — шестнадцати и восьми лѣтъ. Княгиня скрылась во владычныя кельи, считая ихъ

болѣе безопаснымъ убѣжищемъ, чѣмъ воеводскій домъ. Неизвѣстно, знала ли она объ измѣнѣ Андрея или была испугана его мрачнымъ, забрызганнымъ кровью лицомъ и окровавленной одеждой, только она громко вскрикнула, увидя его, и прижала къ себѣ дѣтей. Андрей посмотрѣлъ на нее и удалился, не промолвивъ ни слова.

Опять сталъ онъ бродить по городу, гдѣ на каждомъ шагу разыгрывались сцены, одна другой ужаснѣе. Къ полудню расправу довели до конца, и начался разгулъ. Все пило и пѣло.

— Во-о-люшка! Ма-а-тушка! — вопилъ иной пьяный донельзя астраханецъ, лежа головой въ грязной лужѣ.

Онъ былъ счастливъ и представлялъ себѣ волю именно такою: въ видѣ беспросыпнаго пьянства и разгула. Что эта воля окунула его головой въ грязь, до этого было мало заботы.

Андрей тоже много пилъ, но хмель его не бралъ, хотя онъ желалъ опьянѣть, чтобы забыться. Нѣсколько разъ онъ подходилъ къ избѣ Василисы: дверь была заперта, красавицы не было дома.

Только позднимъ вечеромъ онъ засталъ ее.

XVIII.

— А, Андрей Маркычъ! — встрѣтила его Василиса: — садись, гость будешь. Ну, что скажешь?

Она шла что-то; такъ и осталась при его входѣ, не приподнялась къ нему навстрѣчу.

— Я за наградой пришелъ, — промолвилъ Андрей, смущенно улыбаясь.

— За наградой? За какой наградой?

— Ну, забыла! Все сдѣлалъ я, что хотѣла.

— Чего же я хотѣла?

— Да что ты, Василиса! — воскликнулъ юноша, чувствуя, что у него отъ вопросовъ Василисы словно холодокъ бѣжитъ по спинѣ: — хотѣла, чтобъ я со своими стрѣльцами атаману передался. Ну, я сдѣлалъ это.

— А! да, да! помню. Вѣрно, вѣрно — просила тебя. Исполнилъ — спасибо тебѣ. А только какую же тебѣ награду? Нешто я атаманъ? У атамана, голубчикъ, попроси.

Говоря это, она слегка улыбалась и смотрѣла ему въ глаза свѣтлымъ, невиннымъ взглядомъ. Андрей готовъ былъ вырвать эти прекрасные, голубые глаза за этотъ взглядъ — взглядъ безгрѣшнаго младенца и такой лживый, такой безсовѣстный.

— Полюбить обѣщала, — угрюмо сказалъ онъ.

— Полюбить? Такъ развѣ я тебя не люблю? Всѣхъ люблю и тебя люблю.

Андрей тяжело опустился на лавку. Крупныя капли холоднаго пота выступили на его лбу. Его муки были муками Іуды, убѣдившагося въ бесполезности своего гнуснаго преступленія.

— Обманула... Насмѣялась... Убить? Задушить ее? — смятенно думалъ онъ, смотря на Василису, которая продолжала, какъ ни въ чемъ не бывало, работать. Ему видна была ея щека съ нѣжнымъ румянцемъ, бѣлая шея съ мягкимъ переходомъ къ плечамъ, маленькое, розовое ухо, часть темной брови и тѣнь длинныхъ рѣсницъ.

— Да, да, одно осталось—придушить... Да... Змѣя!—продолжалъ онъ размышлять, а самъ чувствовалъ, что рука его не поднимется, что даже въ груди его нѣтъ бѣшенства, того слѣпнаго бѣшенства, которое заставляетъ все забыть, а есть только жгучее отчаяніе безсилія. Онъ, богатырь, сознавалъ себя слабымъ въ это время, какъ ребенокъ, и зналъ, что стоитъ ей заговорить, улыбнуться, повести бровью—и онъ рабъ ея, рабъ, а не убійца.

Василиса тихо запѣла пѣсню.

Онъ не выдержалъ и крикнулъ:

— Василиса! да неужели же тебѣ ни капельки, ни чуточки не жаль меня?

— Ты живъ, здоровъ... Чего же жалѣть?

— Василисушка, матушка! Ну, хоть пожалѣй меня, горемычнаго... хоть малость пожалѣй...

Онъ внезапно опустился къ ногамъ красавицы и, положивъ голову на ея колѣни, глухо зарыдалъ.

— Ну, что ты? полно! Экъ тебя!—промолвила Василиса.

Въ голосѣ ея послышались мягкія нотки.

— Ахъ, Василисушка! ахъ, родная! Что ты со мной сдѣлала! Честь, совѣсть—все отдалъ...—говорилъ онъ, не поднимая головы.

— Посмотрю я на тебя—изъ себя богатырь, а слабѣе бабы.

— Ты меня сдѣлала такимъ.

— Я? Ты раньше-то бабъ зналъ?

— Еще бы! Передо мной вотъ такъ плакали, какъ я теперь... Сами лѣзли. Ты первая не поддалась.

— Такъ какъ же ты того не знаешь, что если ты передъ бабой согнулся, то ужъ тебѣ ея не согнуть. Серединки нѣтъ — либо ты у ней будешь ноги цѣловать, либо она у тебя. Всегда кто нибудь рабъ, а другой господинъ. Не таковъ, какъ ты, меня взять можетъ. Соколъ надобенъ, а ты вороненокъ. Даже не воронъ. Вотъ ты плачешь, а будь на твоемъ мѣстѣ соколъ, тотъ бы не заплакалъ: либо онъ мнѣ кости переломалъ бы, либо совсѣмъ убилъ. По повадкѣ сокола видать.

Еще никогда Василиса не говорила съ такимъ жаромъ, какъ въ это время. Какъ ни былъ Андрей разстроены, онъ подмѣтилъ ея волненіе. Онъ поднялъ голову и спросилъ:

— Вѣрно у тебя есть такой соколь?

— Что жъ теперь таить—есть.

— Кто? Не тотъ ли крестовый братъ?

— Онъ самый. Неужели ты повѣрилъ, что онъ мнѣ крестовый братъ?

— Убью его!—воскликнулъ юноша, выпрямившись.

— Убьешь—глаза тебѣ вырву, проклятому!—вскричала Василиса съ такою злобой, и выраженіе такой дикой свирѣпости появилось на ея красивомъ лицѣ, что Андрей вздрогнулъ и понурился.

— Ну, будетъ съ тобой прохлаждаться. Работать надо, — сказала она и взяла шитье.

— Василисушка!—просительно заговорилъ онъ, снова опускаясь къ ея ногамъ: — объ одномъ молю — не прогоняй меня отъ себя! Хоть смотрѣть на тебя позволь.

— Что жъ, это можно. Смотри на здоровье — отъ меня ничего не убудеть,—улыбаясь сказала она, потомъ добавила: — только я скоро изъ Астрахани уйду.

— Куда?

— Какъ Степанъ Тимоѣевичъ уйдетъ изъ города, съ нимъ пойдетъ и Петруша мой. Ну, а съ Петрушей и я.

— И я тоже. Чего мнѣ здѣсь оставаться! И я съ атаманомъ пойду.

— Твое дѣло.

Въ сѣняхъ послышались шаги, и Андрей поспѣшилъ подняться.

Въ избу тяжело ввалился мнимый крестовый братъ Василисы, ея «соколь» Петруша. Онъ былъ сильно хмелень, вороватые глаза смотрѣли дерзко-вызывающе.

— А! Наше вамъ, господинъ стрѣлецкій голова!—сказалъ онъ Андрею, насмѣшливо улыбаясь,—дозволь явиться атаманишкѣ изъ войска Степана Тимоѣевича предъ твои свѣтлыя боярскія очи. Все къ Василискѣ льнешь, а она, чай, рыло воротить, а? Видно, нашъ-то братъ, простякъ, получше бояръ нравится? Ну, ужъ и потѣшились мы сегодня надъ вашей братьей! Ха-ха! А тебѣ, чай, не по нутру было? Нашъ-нашъ, а все свою бѣлую кость боярскую жаль. Ась? Песъ псу—все родня.

Говоря это, Петръ стоялъ посрединѣ комнаты, отодвинувъ шапку на затылокъ, и нагло смотрѣлъ на молодого боярина. Андрея разбирала злость, но онъ крѣпился и молчалъ.

— Хорошо, что ты съ нами—лежать бы и тебѣ съ перерваннымъ горломъ,—продолжалъ казакъ.

Потомъ подошелъ къ Василискѣ.

— Ты, Василиска, чего меня съ праздникомъ не поздравила, а? Али для тебя не праздникъ? Али о боярахъ печалишься?

Онъ все возвышалъ голосъ по мѣрѣ того, какъ говорилъ.

— Прости, соколикъ, запаматовала,—робко отвѣтила Василиса.

— Запоматовала? Такъ вотъ тебѣ, чтобъ впередъ память твою была!

И онъ замахнулся на нее.

Андрей вѣ себя кинулся къ Петру, но Василиса встала между ними.

— Не смѣй! Не тронь! Пошелъ! Не твое дѣво!—крикнула она Андрею.

Тотъ опустилъ руки.

— Вонъ пошелъ!—топая ногами, закричалъ Петръ.

— Да, да! вонъ!—поддержала его Василиса.

Андрей взялъ шапку и вышелъ.

На узкихъ улицахъ стояла тьма. Откуда-то слышалась пьяная пѣсня; откуда-то неслись яростные крики. Гдѣ-то зывали о помощи.

Городъ не спалъ и бурлилъ; безчинства продолжались. Андрей тихо побрелъ. Куда—ему было все равно: у него не существовало теперь ни дома, ни чести, ни счастья, ни совѣсти; у него было только сплошное горе съ единственнымъ просвѣтомъ — жесткой улыбкой Василисы, ея немногими суровыми рѣчами.

Когда Разинъ, долго погулявъ въ Астрахани, двинулся, наконецъ, вверхъ по Волгѣ, вмѣстѣ съ воровскимъ войскомъ ушли Петръ съ Василисой и Андрей Марковичъ.

Петръ часто бывалъ пьянъ и во хмелю нерѣдко билъ Василису. Ей стоило бы только пальцемъ указать, и Андрей однимъ ударомъ уложилъ бы на мѣстѣ ея свирѣпаго владыку, но она разъ навсегда запретила ему вмѣшиваться въ ея ссоры съ Петромъ, заступаться за нее.

— Бьетъ, значить любить. И тебѣ дѣла нѣтъ,—говорила она Андрею.

На Андрей она срывала свое сердце, насмѣхалась, помыкала имъ. Онъ все терпѣливо сносилъ, лишь бы быть подлѣ нея. Это была ужасная жизнь, какое-то собачье прозябаніе. Только въ битвахъ да попойкахъ онъ отводилъ душу. Про него стали вскорѣ говорить, какъ про отчаяннаго храбреца. Самъ Разинъ его нѣсколько разъ одаривалъ за подвиги. Андрей равнодушно принималъ, какъ похвалы, такъ и дары атамана. Вотъ еслибы похвалила Василиса—иное дѣло. Но она не хвалила.

XXX.

Воровской станъ подъ Симбирскомъ, гдѣ наступаетъ развязка Стенькиной бури. Уже съ четвертаго сентября стоитъ Стенька подъ Симбирскомъ; онъ вынесъ полуудачный бой съ княземъ Юріемъ Барятинскимъ, взялъ острогъ и засѣлъ въ немъ, но укрѣпленнаго

городка, гдѣ засѣлъ окольникій Иванъ Богдановичъ Милославскій, не можетъ взять. Уже вторая половина сентября, а дѣло не подвинулось ни на волосъ.

Раннее утро.

Зеленая скатерть травы подернута сѣдымъ налетомъ, мокрые, уже пожелтѣвшіе листья березъ блестятъ, какъ покрытые масломъ. Отъ Волги, тускло отражающей тусклое же осеннее небо, тянется пронизывающею сыростью, и сѣро-свинцовой, унылой кажется рѣчная гладь.

Не холодно, а дрожь беретъ.

Дымное облако виситъ надъ воровскимъ станомъ отъ множества костровъ изъ сырого валежника. Кое-кто поджариваетъ себѣ на угольяхъ снѣдь, распространяя въ воздухѣ запахъ горѣлаго мяса, кто, несмотря на ранній часъ, уже бражничаетъ съ пріятелями. Трещатъ голоса переругивающихся казацкихъ женъ.

Маленькая фигурка вынырнула изъ кустовъ и остановилась. Худое, страшно худое лицо, большая мохнатая шапка, лохмотья вмѣсто одежды и огромный, отъ поясицы до затылка, горбъ. Большіе глаза въ темныхъ кругахъ и свѣтятся нездоровымъ блескомъ. Горбунъ дрожалъ отъ сырости. Отъ ближняго костра тянуло тепломъ, такъ и манило погрѣться.

— Соблазнъ, — прошепталь горбунъ: — не о тѣлѣ, не о тѣлѣ пѣчься... о душѣ. Тѣло—тлѣнъ, мразь.

Но ноги сами собой направлялись въ ту сторону, откуда несло сухостью и тепломъ, и горбунъ, Иванъ Марковичъ, намѣреваясь ежеминутно повернуть назадъ, подошелъ къ самому костру и протянулъ къ огню исхудалыя руки.

У костра сидѣли только двое: ражій мужикъ въ изорванномъ кафтанишкѣ и щедущный, курносый парень въ казацкой шапкѣ. Бесѣда велась между ними странная: парень что-то оживленно говорилъ, прикладывая руки къ груди, видимо, въ чемъ-то клятвенно завѣряя, а мужикъ въ изорванномъ кафтанишкѣ время отъ времени насмѣшливо взглядывалъ на него. Парень сердился, досадливо отворачивался, потомъ снова принимался за старое.

Изрѣдка мужикъ наливалъ изъ стоявшей подлѣ него посуды кружку водки и выпивалъ ее маленькими глотками. Курносый парень въ это время смотрѣлъ на него завистливо-жалобно.

Въ первое время, подойдя къ костру и весь полный желанія поскорѣ согрѣть свое продрогшее тѣло, Иванъ Марковичъ не обратилъ вниманія на бесѣдующихъ. Въ свою очередь, и они, занятые разговоромъ и водкою, не замѣтили сперва его. Уже нѣкоторое время спустя, мужикъ, поднося ко рту кружку, случайно взглянулъ на него и воскликнулъ:

— Когда этотъ горбатый къ намъ подошелъ?

Тогда Иванъ Марковичъ взглянулъ на него, а потомъ на курносаго парня. Парень, вытаращивъ глаза, смотрѣлъ на горбуна.

- Гдѣ я видѣлъ его?—подумалъ Иванъ Марковичъ.
 Парень вдругъ вскочилъ на ноги.
 — Господи Боженъка мой!—да никакъ это ты, бояринъ Иванъ Марковичъ?
 — Я. А ты не Яшка ли Заяць?
 — Ну, конечно же! Вотъ радость-то! Да какъ ты сюда попалъ, одинъ? Долго-ль обидѣть тебя убогонькаго?
 — Не обидятъ. Ты что же въ воры попалъ?
 — Въ казаки. Э-эхъ, миленькій! все жистъ. Тискали да пинали меня каждый-всякій, ну, и самому тиснуть да пнуть захотѣлось. Н—да! Душу отвести. Хоть разъ погулять. Ну, а потомъ просили меня очень.
 — Просили?
 — Да. Пристали: Яшенька будь нашимъ. Словомъ, какъ банный листъ. Я и сдался.
 — Ишь, брешешь!—не выдержалъ и вставилъ свое словомъ мужикъ въ кафтанникъ.
 Яшка презрительно покосился на него.
 — Молчи ужъ,—сказалъ онъ ему и продолжалъ, обращаясь къ Ивану Марковичу:—а я думалъ—ты въ Москвѣ.
 — Былъ въ Москвѣ.
 — Вѣрно съ братцемъ захотѣлъ повидаться, потому и сюда?
 — Съ какимъ братцемъ?
 — Съ Андреемъ Маркычемъ, извѣстно. Въ чести онъ у батушки-атамана въ большой.
 — Андрей?!
 — Да.
 — Господи! Да, какъ онъ сюда попалъ?
 — Былъ въ Астрахани и къ намъ присталъ. Чего ты крестись?
 — Вотъ онъ, соблазнъ-то, вотъ онъ, грѣхъ-то! Экая сила у него!—шепталъ горбунъ.
 — И Климъ здѣсь съ нимъ. Только Климъ не по своей охотѣ—всѣхъ насъ ворами ругаетъ. Эвось! вонъ и Андрей Марковичъ идетъ.
 Иванъ поглядѣлъ и увидѣлъ брата, направлявшагося въ его сторону. И въ ту же минуту онъ почувствовалъ, что встрѣча съ братцемъ тоже соблазнъ отъ лукаваго для того, чтобы отнять у него, у Ивана, силы для подвига.
 — Пойдемъ,—сказалъ онъ Яшкѣ, дергая его за рукавъ.
 — Къ братцу твоему?
 — Нѣтъ, къ атаману.
 — Къ атаману? Миленькій, да зачѣмъ?
 — Говорить мнѣ съ нимъ надо. Гдѣ его ставка?
 — Ставка, эвось — при этомъ Яшка указалъ на виднѣвшійся вддали шатеръ:—не иди ты къ нему, Бога ради.

— Почему?

— Смерть не любить онъ вашего брата. Убьетъ.

— Пусть.

Иванъ Марковичъ быстро пошелъ по направленію къ ставкѣ Стеньки.

— Стой! Подожди!—кричалъ ему вслѣдъ Заяцъ.

Горбунъ не останавливался.

Тогда Яшка кинулся къ Андрею.

— Удержи своего братца!—Тотъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него.

— Какого братца?—спросилъ богатырь.

— Брата Ивана. Вишь онъ идетъ къ Степану Тимоѣевичу. Ай, сейчасъ войдетъ! Побѣжать—къ нему. Бѣжимъ!

И, не дожидаясь боярина, Заяцъ пустился бѣгомъ.

Андрей Марковичъ, пожимая плечами, не спѣша направился вслѣдъ за нимъ.

— Что онъ за чушь поретъ? Братъ Иванъ... Да развѣ это можетъ быть?—размышлялъ богатырь.

Между тѣмъ; Яшка, догнавъ Ивана Марковича, хлопнулъ его по плечу и, съ отчаяннымъ выраженіемъ лица сказавъ:

— Пойдемъ ужъ!—подбѣжалъ къ ставкѣ Разина и, отдернувъ пологъ, произнесъ, вдругъ поблѣднѣвъ:

— Атаманъ! къ твоей милости. Дѣло есть, грить.

Затѣмъ, пропустивъ впередъ горбуна, слѣдомъ за нимъ вошелъ въ шатеръ.

XX.

Передъ Иваномъ Марковичемъ сидѣлъ, поджавъ по-турецки ноги, человѣкъ лѣтъ сорока, сухощавый, довольно крѣпкаго сложенія—самъ Степанъ Тимоѣевичъ Разинъ. Повидимому, онъ недавно поднялся съ постели—опухшее отъ пьянства лицо было измято, волосы растрепаны, бѣлки блеклыхъ глазъ въ красныхъ жилкахъ. Заурядная фигура, заурядное лицо пропойцы-казака.

При входѣ Ивана Марковича онъ мелькомъ взглянулъ на него, отвелъ глаза, потомъ уставился на горбуна тяжелымъ упорнымъ взглядомъ.

Грековъ-Богатый нѣкоторое время молча разглядывалъ атамана. Онъ слышалъ, какъ дрожалъ и тяжело дышалъ робко жавшійся за его спиною Яшка, видѣлъ, что у всѣхъ находившихся въ ставкѣ Разина—тамъ было человѣкъ семь, вѣроятно, ближайшихъ его помощниковъ—какія-то настороженные лица; точно всѣ эти люди находились, какъ говорится, «на чеку», точно у всѣхъ нихъ сердце было неспокойно.

— Пришла пора! Господи, помози пріять вѣнецъ мученическій либо обратитъ человѣка сего на путь Твой!—думалъ горбунъ, и длинные, сухіе пальцы его нервно теребили лохмотья одежды.

Давно онъ ждалъ этой минуты и готовился къ ней. Еще находясь въ Москвѣ, онъ мысленно создавалъ себѣ картину свиданія со свирѣпымъ «отступникомъ Божиимъ». Во все время длиннаго, страшно труднаго пути, когда онъ брелъ и въ жару и въ непогоду, питаясь именемъ Христовымъ, жалкій нищій, голодный, онъ укрѣплялся одною мыслью: святостью предпринятаго имъ подвига. Онъ сложилъ въ своемъ умѣ цѣлыя длинныя рѣчи—и негодующія, и полныя любви; онъ собирался и грозить гнѣвомъ Божиимъ и обѣщать Его милость. Онъ былъ увѣренъ, что Богъ зоветъ его на подвигъ мученическій или на подвигъ спасенія погибающей человѣческой души, и страстно стремился скорѣе свершить волю Господню. И вотъ онъ у цѣли, въ ставкѣ Разина, передъ атаманомъ и стоитъ безмолвенъ и смятенъ, и затверженныя рѣчи забылись, и словъ онъ не находитъ.

«Лютаго Стеньку» онъ воображалъ дѣйствительно лютымъ, страшнымъ чудовищемъ, едва ли имѣющимъ обликъ человѣческой, и противъ этого-то «чудища» предполагалъ направить свои рѣчи покаянія и былъ твердо увѣренъ, что не испытаетъ страха. И вотъ передъ нимъ совсѣмъ не «чудище», а простой казакъ съ пьянымъ лицомъ, ничтожный, самый обыкновенный человѣкъ. А словъ нѣтъ и нѣтъ рѣчей, и чувствуетъ онъ, что не по себѣ ему отъ упорнаго, не грознаго, но какого-то мертваго, безпощаднаго взгляда этого казака.

— Господи! Да помози же! — почти съ отчаяніемъ подумалъ Иванъ Марковичъ. Шевельнулъ губами и не промолвилъ ни слова.

Разину надоѣло ждать.

— Тебѣ что, горбатый?—спросилъ онъ хриплымъ съ перепоя голосомъ.

Иванъ Марковичъ дернулъ всѣмъ своимъ убогимъ тѣломъ и сказалъ:

— Къ тебѣ я...

И замолкъ. Но уже ледъ таялъ; тотъ огонекъ въ его душѣ, который заглѣлъ въ Москвѣ и разгорался во время пути, вспыхнулъ въ немъ. Страстною жаждою подвига, страданія, наполнилась его грудь.

Онъ молчалъ одно мгновеніе.

— Я къ тебѣ, атаманъ,— снова заговорилъ онъ:—къ тебѣ, рабъ Божій Стефанъ. Отъ Бога я посланъ.

Легкая улыбка скривила губы Стеньки.

— Издалече,—прохрипѣлъ онъ.

— Издалече? Нѣтъ. Богъ-то во, здѣсь Богъ, подлѣ тебя... Только очи твои слѣпы.

Тембръ голоса горбуна сдѣлался рѣзче, глаза горѣли, лицо покрылось красными пятнами.

— Во тьмѣ бродишь и въ тьму пойдешь,—продолжалъ Иванъ

Марковичъ,—очи есть—и не видятъ, уши есть—и не слышатъ. Прозри и внемли, Стефанъ, грѣшный рабъ Господень!

Кто-то двинулся было къ горбуну, но Разинъ остановилъ легкимъ жестомъ, дескать, не тронь, пусть доскажетъ.

Иванъ Марковичъ говорилъ быстро, точно торопясь высказать все, что накопилось въ его душѣ.

— Смерть близка, адъ близокъ. Покайся! Господь милостивъ, простить. Почто кровь льешь? Говорятъ—неправду изводишь. Да развѣ неправду неправдой же изведешь? А вѣдь ты неправду творишь—убиваешь, насилуешь... Развѣ кровью и силой добра ищутъ? Добро само на любовь придетъ, и любовь добро найдетъ. Гдѣ кровь и насиліе, — тамъ грѣхъ, а гдѣ грѣхъ — тамъ нѣтъ ни счастья, ни правды, ни добра. Да и вины, если и есть, не лучше ли отпустить, чѣмъ карать? Всѣ слабы, и ты слабъ, и тебѣ ли судьей быть? Есть Судья Вѣчный. Да и что за вины? Иная и кажется такой огромной, что и отпустить ее нельзя, а присмотришься ближе—только зернышки грѣха, а остальное такъ налетѣло, само собою, грѣхъ грѣхи повлекъ. Покатился съ вершины горы комокъ снѣга маленькій, а до низу дошелъ огромнымъ комомъ. Малый грѣхъ въ большой вырастаетъ. Позарился ты на жену сосѣда и, спустя малость времени, соблазнилъ. Великій грѣхъ—прелюбодѣяніе; но вина не въ томъ, что ты ее соблазнилъ, а въ томъ, что позарился—допустилъ малый грѣхъ въ свою душу: взглянулъ на чужую жену съ вождельніемъ. И что же, казнить прелюбодѣя? Нѣтъ, отпустить вину; кто знаетъ, не искупитъ ли онъ свой грѣхъ добрыми дѣлами? Покается—и чистъ передъ Богомъ, если же нѣтъ — наказаніе въ самомъ грѣхѣ найдетъ. Кто ищетъ въ грѣхѣ утѣшенья, тотъ находитъ въ немъ и наказаніе себѣ. Всегда такъ и было, есть и будетъ, и горе тому, кто не вѣритъ этому! Горе тебѣ, Стефанъ! Кровь на тебѣ и вокругъ тебя: кровь христіанская... Горе. Гнѣвъ Божій ждетъ. Спѣши, пока «не исполнилась полнота времени».

Разинъ попрежнему не спускалъ глазъ съ горбуна; по его одеревенѣлому лицу трудно было угадать, какія онъ испытываетъ чувства.

Иванъ Марковичъ, продолжая говорить, еще болѣе повысилъ голосъ; по лицу его забѣгали судороги, и вся маленькая, уродливая фигура съ длинными, порывисто размахивающими руками, дрожала отъ нервнаго напряженія.

— Дай доступъ въ свое сердце правдѣ Божьей. Покайся. Братъ мой по Христу, Стефанае, смягчи сердце. Собратъ кровь, пролитую тобой, вторая Волга выйдетъ, только кровяная. Берегись! Хлещутъ кровавыя волны. Захлестнутъ! Потонешь въ крови. Спасайся, пока не поздно. Тебя ужъ дожидають. Ишь...

Горбунъ вдругъ вперилъ свои широкооткрытые, горящіе ди-

кимъ пламенемъ глаза въ уголъ палатки и, вытянувъ сухой, длинный палецъ по тому же направленію, слегка подавшись впередъ, заговорилъ почти шепотомъ:

— Ишь, радуются, проклятые. Пляшутъ, хохочутъ. Хвостами вертятъ и зубами блещутъ. Огнь адовъ... Кричатъ, визжатъ, клубками сваялись и катаются... Бѣсовское веселіе! Нашъ, нашъ! — кричатъ. Какъ бы не такъ!—выговорилъ онъ громче и съ раздраженіемъ.

На минуту замолкъ, напряженно взглядываясь во что-то незримое и прислушиваясь къ чему-то. Всѣ молчали. У нѣкоторыхъ лицо выражало нескрываемый ужасъ.

Вдругъ Иванъ Марковичъ съ искаженнымъ отъ бѣшенства лицомъ, изступленно крикнулъ, грозя кулакомъ:

— Нѣтъ! Не утянете его! Не вашъ!—повернулся къ Стенькѣ, кинулся къ нему съ крикомъ:

— Кайся, Стефанъ!—и упалъ въ эпилептическомъ припадкѣ къ его ногамъ.

Заволновались, зашумѣли; одинъ Стенька равнодушно смотрѣлъ на бившагося въ судорогахъ горбуна.

— Ишь, трепыхается-то!—шептали въ ужасѣ Стенькины приближенные, столпясь вокругъ Ивана Марковича.

Высокій, плечистый молодой человѣкъ раздвинулъ толпу и, подойдя къ Ивану, накрылъ его своимъ кафтаномъ.

Этотъ молодой человѣкъ былъ Андрей. Онъ еще въ началѣ рѣчи Ивана Марковича вошелъ въ ставку Разина. Онъ съ удивленіемъ узналъ въ проповѣдникѣ своего брата, съ ужасомъ прислушивался къ его словамъ. Андрей Марковичъ хорошо зналъ характеръ Стеньки и понималъ, что братъ готовитъ себѣ вѣрную погубель. Нѣсколько разъ его подмывало схватить Ивана въ охапку и вытащить изъ палатки, но сдѣлать этого было нельзя, и онъ слушалъ рѣчь бѣднаго горбуна, съ тревогой ожидая наступленія развязки. Припадокъ «черной немочи», вдругъ приключившійся съ братомъ, его даже обрадовалъ.

— Такого больного, можетъ, не прикажетъ казнить, — подумалъ онъ.

Говорятъ, что припадки падучей болѣзни слабѣютъ, если больного чѣмъ нибудь накрыть; это извѣстно съ давнихъ поръ очень многимъ; зналъ объ этомъ и Андрей, почему и накрылъ брата кафтаномъ.

— Дай-ка-съ я уберу его отсюда. Что онъ только тебя беспокоитъ, атаманъ,—проговорилъ Андрей Марковичъ дѣланнымъ равнодушно и хотѣлъ поднять съ земли и вынести Ивана изъ палатки.

Не тутъ-то было.

— Не трожь!—остановилъ его Разинъ.

Андрей тяжело вздохнулъ: онъ понялъ, что Стенька думаетъ расправиться съ проповѣдникомъ.

Судороги Ивана мало-помалу затихли. Онъ уже не «трепыхался», а лежалъ безъ движенія, какъ мертвый.

— Плѣхните на него водой, чтобы очухался,—сказалъ Разинъ.

Плехнули, и Иванъ Марковичъ пришелъ въ себя. Полежавъ еще нѣкоторое время, онъ, поддерживаемый Яшкой и Андреемъ, поднялся на ноги и посмотрѣлъ вокругъ себя мутными глазами. Онъ видимо припоминалъ, гдѣ онъ, и что съ нимъ произошло. Стенька молчалъ, давая ему время оправиться.

Иванъ Марковичъ узналъ брата, сдѣлалъ движеніе, какъ будто желая его обнять, взглянулъ на Яшку, на Стеньку, вспомнилъ все, вздохнулъ и потупился.

— Зацѣпите крюкомъ его за горбъ да повѣсьте на березѣ. Чай, тамъ ему о нашихъ грѣхахъ молиться послободнѣе будетъ,—усмѣхаясь приказалъ атаманъ.

Горбунъ перекрестился и прошепталъ:

— Пріиму вѣнецъ мученическій.

Яшка Заяцъ, забывая свою обычную осторожность, воскликнулъ:

-- Святого человѣка, да на крюкъ! Да побойся Бога, батюшка-атаманъ.

— Заступника этого вздѣньте рядомъ за ноги,—сказалъ Стенька, указывая на Яшку.

Яшка взвылъ.

Андрей молчалъ, стиснувъ зубы; онъ зналъ, что никакія просьбы не помогутъ, а только ухудшатъ дѣло.

Ивана Марковича поволокли изъ палатки, а слѣдомъ за нимъ и оравшаго благимъ матомъ и отбивавшагося Заяца.

XXII.

Когда Яшку и Ивана Марковича вывели изъ палатки Стеньки, удалился изъ нея и Андрей и куда-то скрылся. Напрасно несчастный Заяцъ взывалъ:

— Андрей Маркычъ! заступись. Вспомни былую службу мою!

Андрей не слышалъ или не хотѣлъ слышать, и не появлялся.

Ихъ отвели къ одиноко растущему, низковѣтвистому дереву и, сказавъ: молитесь! оставили на нѣкоторое время въ покоѣ. Задержка произошла изъ-за крюка для Ивана Марковича: надо было сыскать подходящій. Небольшая толпа любопытныхъ собралась подлѣ дерева. Казни всякаго рода были настолько зауряднымъ явленіемъ въ войскѣ Разина, что въ большинствѣ не возбуждали интереса. «Глазѣтъ» бѣгали только новички.

Иванъ Марковичъ слышалъ, какъ въ толпѣ говорили о немъ. Онъ оглядѣлся вокругъ. На всѣхъ лицахъ любопытство или равнодушіе; взгляды холодны, въ иныхъ видно нетерпѣніе. Ни одного участливаго взгляда, ни одного возгласа сожалѣнія.

— Хотѣ бы брата увидѣть,—мелкнуло въ головѣ горбуна:—впрочемъ, какъ Богу угодно.

Онъ опустилъ глаза и началъ молиться. Хотѣлъ весь уйти въ молитву и не могъ, хотѣлъ быть въ Богѣ и чувствовалъ, что никогда не былъ дальше отъ него. Птичка, сидѣвшая на вѣткѣ, вспорхнула, и нѣсколько крупныхъ капель сорвалось съ измокшаго дерева. Иванъ Марковичъ посмотрѣлъ и на улетающую птичку и на вѣтку и вытеръ лицо, на которое попали брызги.

— Ишь, порхаегъ словно прыгаетъ въ воздухѣ,—подумалъ онъ про птичку.—Вѣтка-то до сихъ поръ качается.

Спохватился и опять зашепталъ молитву. А думы перебивали, не давали сосредоточиться.

— Къ Тебѣ, Господи, къ Тебѣ, Отче, иду! Былъ я въ гостяхъ—и возвращаюсь... Благодарю Тя, что сподобилъ пострадать за дѣло Твое,—шепталъ онъ, а въ мозгу шевелилось:

— Господи! да минегъ меня чаша сія!

Онъ словилъ себя на этой мысли.

— Что жизнь? Тлѣнь! «Суета суетъ и всяческая суета»,—хотѣлъ онъ себя перебороть.—Чего о ней печалиться? Въ чертогъ Отчій иду.

И чувствовалъ, какъ болѣзненно ноетъ его сердце; съ ужасомъ сознавалъ, что боится смерти.

— Суета суетъ... Шумливая, мелкая. Тамъ—тишь могилы и райскія пѣсни...

«Суета» влекла, безмолвіе могилы пугало.

Крики Яшки заставили Ивана Марковича обратить на него вниманіе. Тщедушный малый яростно отбивался, какъ могъ, отъ двухъ дюжихъ парней, старавшихся связать его. Въ эту минуту молодому боярину была понятна эта слѣпая, бесполезная борьба Яшки за свою жизнь. Все, что бы ни было, лучше смерти. Даже страданія и муки, потому что и въ нихъ жизнь.

Иванъ Марковичъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ: онъ увидѣлъ, что къ нему медленно приближается плечистый казакъ, пробуя руками крѣпость бичевы, съ большимъ желѣзнымъ крюкомъ на концѣ ея.

Горбунъ упалъ на колѣни и зажмурился.

— Прими духъ мой, Боже!.. Смерть идетъ...

Смерть олицетворялась теперь передъ нимъ въ видѣ угрюмаго казака съ кривымъ крюкомъ въ рукѣ; онъ и съ зажмуренными глазами видѣлъ его.

— Ну, горбатый, шевелись,—сказалъ надъ нимъ сиплый голосъ, и тяжелая рука легла на его плечо.

Иванъ Марковичъ затрепеталъ.

— Господи!—съ отчаяньемъ подумалъ онъ:—зачѣмъ я такъ хочу жить! Господи! хоть день, хоть часъ!..

— Стойте! Пустите ихъ!—крикнулъ кто-то.

Горбунъ открылъ глаза. Предъ нимъ стоялъ Андрей, держа за поводья двухъ осѣдланныхъ лошадей. Онъ былъ блѣденъ, безъ шапки, со включеннымъ волосами, забрызганъ грязью.

— Фу, насилу поспѣлъ! Боялся опоздать. Садитесь живѣй на коней.

Яшка въ одинъ мигъ былъ на сѣдлѣ. Иванъ Марковичъ не могъ опомниться. Андрей поднялъ его и посадилъ на коня.

— Андрей Маркычъ! Да нешто атаманъ велѣлъ?—спрашивали опѣшившіе исполнители Стенькинаго приказанья.

— Сейчасъ скажу, дайте срокъ,—отвѣчалъ имъ Андрей. Потомъ продолжалъ, обращаясь къ Зайцу и брату:

— Скачите къ отцу. Поклонъ передайте... Пусть проститъ... Коней гоните, не жалѣйте. Ну, съ Богомъ!

Поднявъ съ земли веревку, ту самую, на которой былъ крюкъ, сильно хлестнулъ лошадей. Тѣ рванулись.

— Братъ! поѣдемъ съ нами!—крикнулъ уже насакаю ему Иванъ.

— Нѣтъ ужъ!.. Молитесь о мнѣ...—сказалъ дрогнувшимъ голосомъ Андрей Марковичъ.

— Когда же атаманъ велѣлъ ихъ отпустить?—приставали къ нему съ вопросами.

— Сейчасъ... Погодите...—отвѣчалъ онъ, смотря вслѣдъ бѣшено скакавшимъ Ивану и Яшкѣ.

И только когда они уже совсѣмъ скрылись въ дали, онъ повернулся къ спрашивавшимъ и промолвилъ:

— Ну, что вамъ?

— Когда атаманъ приказалъ?

— Гай, вѣдь, и я атаманъ?

— Ну?

— Ну, такъ я по собственной волѣ ихъ отпустилъ: одинъ изъ нихъ братъ мой, другой холопъ.

Поднялся страшный шумъ.

— Это не рука! Этакъ всякій. Кто брата, кто свата. Ишь, ты! Гусь! Атаманскіе приказы отмѣнять. Тащи его къ Степану Тимоѣевичу!—кричали вокругъ него. Кое-кто положилъ ему руки на плечи и тотчасъ же отлетѣлъ на нѣсколько шаговъ.

— Не тронь! Къ атаману, такъ къ атаману. Самъ пойду,—сказалъ Андрей.

Всей гурьбой повалили къ ставкѣ Разина. Услышавъ шумъ толпы, Стенька вышелъ изъ шатра. Онъ успѣлъ уже выпить, одут-
лое лицо его стало краснымъ.

— Что надоть?—спросилъ онъ, останавливая свой взглядъ на

Андреѣ, стоявшемъ впереди всѣхъ, тотъ молчалъ. За него стали рассказывать сразу нѣсколько голосовъ. Стенька понялъ не сразу.

— Отпустилъ? кого? Тѣхъ двухъ? А! Ну, что жъ? Ну... Ну, повѣситъ его на ихъ мѣсто,—проговорилъ Разинъ и повернулся, чтобы войти въ ставку.

— Погоди, атаманъ,—сказалъ молодой бояринъ, подходя къ нему. Атаманъ повернулся.—Вотъ что... Пойдемъ-ка вмѣстѣ въ адъ,—быстро докончилъ онъ, схватывая Стеньку одною рукою за горло, другою за кушакъ.

Стенька не вскрикнулъ, только видно было, какъ дрогнули его скулы.

Раздался трескъ пистолетнаго выстрѣла, и Андрей Марковичъ снопомъ упалъ на землю, забился въ предсмертныхъ конвульсіяхъ, вытянулся и замеръ. Алое пятно выступило на лѣвой сторонѣ его груди.

— Киньте куда нибудь это падло, — проговорилъ Степанъ Тимоеевичъ, пиная ногою трупъ и пряча за поясъ пистолеть.

Тѣло Андрея потащили, кто за волосы, кто за ноги къ Волгѣ, крича и смѣясь, черезъ весь станъ. Надъ нимъ потѣшались. Сбѣгались новые люди потѣшиться. Кто-то привязалъ веревку въ шею трупа и тянулъ за нее — «такъ, дескать, удобнѣе»; кто-то воткнулъ копьё въ его глазъ и сверху прицѣпилъ тряпку — «это, дескать, его стягъ атаманскій».

Василиса видѣла, какъ волокли тѣло Андрея Марковича, и, блѣдная, какъ полотно, торопливо и часто крестилась.

— Что, жаль? — иронически спросилъ ее Петръ и, замѣтивъ слезы на ея глазахъ, добавилъ:

— Ты еще плачешь, дура-баба!

И далъ ей тумака.

— Не смѣй! Не смѣй!—воскликнула Василиса, вдругъ вся задрожавъ отъ бѣшенства.—Ты!.. Ты!..

И не договоривъ расплакалась.

Петръ удивленно всплеснулъ руками по бедрамъ и, процѣдивъ сквозь зубы:

— Совсѣмъ опалѣла баба!—отошелъ отъ нея.

XXIII.

Марія Марковна, ничего не знавшая о болѣзни отца, ужаснулась, когда въ домъ Павлушкина вмѣсто цвѣтущаго, полного силъ боярина внесли полутрупъ, почти лишенный способности движенія и рѣчи. Марка Григорьевича окружили всевозможными удобствами, положили въ лучшей комнатѣ, приставили слугъ, сама молодая боярыня часто цѣлые дни и ночи проводила у постели больного. Она видѣла, что отецъ страждетъ и тѣломъ и духомъ

нерѣдко выраженіе глубокой грусти, почти отчаянія подмѣчала она въ его взглядѣ. Однажды, Марія Марковна пришла къ больному, держа Библию въ рукахъ—эти святыя книги, которыя приплы въ міръ вмѣстѣ съ человѣчествомъ, а уйдутъ позже него.

— Я почитаю тебѣ, батюшка, изъ Писанія, — сказала онъ и, замѣтивъ удивленный взглядъ отца, добавила: — Прости. Безъ твоего вѣдома меня Ваня грамотѣ обучилъ.—Потомъ открыла Библию наудачу. И зазвучали святыя слова, вѣчно юныя, слова страждущаго, смятеннаго человѣка, ищущаго Бога, чтобы излить Ему ту великую, міровую скорбь, которою полна душа.

Долго читала молодая боярыня, и когда, за позднимъ временемъ, закрыла книгу, дочитавъ главу, и взглянула на отца, она почти испугалась отцовскаго спокойствія: больной лежалъ неподвижно, весь вытянувшись и плотно прижмуривъ глаза. Его можно было бы принять за мертваго или крѣпко спящаго, еслибы дрожавшія на лбу морщины не указывали, что онъ не только живъ и бодрствуетъ, но весь погрузился въ глубокую думу.

Открывъ глаза, больной поймалъ своею здоровою рукою руку дочери и поцѣловалъ ее. Боярыня отдернула руку, смущенно сказавъ:

— Батюшка! что ты!

А онъ смотрѣлъ на нее долгимъ, свѣтлымъ взглядомъ, и крупныя слезы дрожали на его рѣсницахъ.

Каждый вечеръ повторялось чтеніе, и съ каждымъ днемъ все спокойнѣе становилось выраженіе лица больного. Видимо, миръ водворялся въ его душѣ. Параллельно съ этимъ гасли его физическія силы. Вскорѣ онъ уже не могъ отъ слабости пошевелить и не пораженной рукой и буквально становился живымъ трупомъ. Марія Марковна съ ужасомъ замѣчала, что смерть отца быстро приближается. Замѣчала она вмѣстѣ съ тѣмъ, что никогда у Марка Григорьевича, когда онъ былъ вполне здоровымъ, не было такого кроткаго, такого любящаго взгляда, никогда онъ не былъ такъ величаво спокоенъ. Только разъ въ немъ какъ будто проявился прежній крутой нравомъ бояринъ Грековъ-Богатый. Это случилось, когда вернувшійся изъ Москвы старикъ Ѳомичъ съ плачемъ доложилъ, «что Иванъ Марковичъ изволилъ безъ вѣсти пропасть». При этомъ извѣстіи черты лица Марка Григорьевича исказились бѣшенствомъ, и съ губъ его сорвалось что-то въ родѣ проклятія рядомъ съ именемъ сына. Онъ даже сдѣлалъ попытку приподняться, но тотчасъ же со стономъ упалъ обратно на подушку.

Съ этого дня здоровье его еще болѣе ухудшилось. Когда при немъ упоминали имя Ивана, лицо омрачалось, но постепенно въ этой мрачности стала сквозить не злоба, а печаль. Наконецъ, Маркъ Григорьевичъ сталъ такъ плохъ, что его исповѣдали и приобщили.

— Батюшка! прости Ваню!—умоляюще сказала отцу, по совершении священнаго обряда, молодая боярыня и по глазамъ отца поняла, что сынъ прощенъ имъ.

— Хоть бы вернулся Ваня, пока отецъ живъ, — думала Марія Марковна.

Ея желаніе исполнилось: Иванъ Марковичъ вмѣстѣ въ Яшкѣй вернулся до кончины отца. Ему не пришлось разыскивать отца, такъ какъ онъ отъ Яшки узналъ о судьбѣ, постигшей усадьбу. Ни злобы, ни укора не было во взглядѣ умирающаго боярина, когда вернувшійся «блудный сынъ» плакалъ на его груди.

Въ первую же ночь по своемъ возвращеніи, горбунъ замѣнилъ сестру у постели отца. Марія Марковна уговаривала его отдохнуть съ дороги, но онъ не хотѣлъ ничего слушать и настоялъ на своемъ.

Далеко за полночь.

Пламя свѣчи вытянулось и не колышится. Странно звучитъ голосъ читающаго Библию Ивана Марковича въ ночной тишинѣ. Ему невыносимо хочется спать. Вѣки сами слипаются, буквы прыгаютъ.

— Нельзя... Что это?—въ смущеніи думаетъ онъ:—отецъ помираетъ... До сна ли?

Но донельзя утомленное тѣло не слушаетъ никакихъ доводовъ, и голова сама клонится на грудь.

— «Восходить солнце, и заходить солнце и слѣзть къ мѣсту своему, гдѣ оно восходитъ; идетъ вѣтеръ къ югу и переходитъ къ сѣверу, кружится, кружится на ходу своемъ и возвращается вѣтеръ на круги свои. Всѣ вещи въ трудѣ, нѣтъ памяти о прежнемъ, да и о томъ, что будетъ, не останется памяти у тѣхъ, которые будутъ послѣ»... читаетъ Иванъ Марковичъ.

— Всѣ вещи въ трудѣ,—мысленно повторяетъ за нимъ отецъ.— Потому я и умираю теперь, что уже трудъ мой оконченъ. Все движется, гнѣвается, радуется или печалится... Нѣтъ этого, нѣтъ жизни, идетъ смерть... Жизнь! Зачѣмъ она? Родился, выросъ, увидѣлъ небо и потянулся къ нему. Кто къ нему не тянулся? Кто не думалъ хоть однажды о Богѣ и не стремился къ Нему? И не достигъ неба и упалъ и полюбилъ землю. Былъ ли я счастливъ? Былъ, пока духъ земли не охватилъ. Охватилъ, взметнулъ и унесъ что-то изъ души, и стала въ ней пустота. И искалъ я, чѣмъ заполнить ее, и думалъ, что нашель, а теперь вижу, что никогда не находилъ и искалъ не тамъ, гдѣ надо. Кто познаетъ сплетеніе жизни, и не ошибется избирая?

— «Я, Экклезиастъ, былъ царемъ надъ Израилемъ, — звучитъ совсѣмъ сонный голосъ сына:—и предалъ сердце свое тому, чтобы познать мудрость и познать безуміе и глупость, и увидѣлъ, что во многѣй мудрости—большая печаль, и кто умножаетъ познанія—умножаетъ скорбь».

Послѣднія слова Иванъ Марковичъ проговорилъ едва слышно.

Голова его клонилась на книгу, онъ попытался ее поднять и снова опустил. Онъ заснулъ.

— Немошь тѣла одолѣла духъ,—подумаль умирающій, понявъ, что сынъ заснулъ:—Господь съ нимъ, пусть спить—измаялся. И меня жизнь измаяла, и я засыпаю навѣки. Да измаяла, а между тѣмъ не тяжелой была. И я хотѣлъ познать, какъ Экклезіастъ, и умножалъ скорбь. Познавалъ не изъ книгъ, познавалъ, жизнь. И вижу теперь, что вела меня только «похоть плоти, похоть очесъ, гордость житейская». Въ этомъ вся жизнь. «Суета суеть и всяческая суета». Искаль я путей къ счастью, и вотъ свершаю послѣдній—путь въ могилу. Можетъ быть, это самый вѣрный. Земля есмь и въ землю отъиду. И все—земля, и все—прахъ. И рождающійся мертвъ и умершій мертвъ. Нѣтъ живыхъ, нѣтъ мертвыхъ, потому что всѣ мертвы. Нѣтъ ничего, кромѣ смерти. Она всюду и надъ всѣмъ. И живемъ мы для могилы и баюкаемъ себя всякими сказками и выдумками, какъ няня дитятю, чтобы только заслонить костякъ смерти, и тоскуемъ, заранѣе зная, что она—смерть—побѣдитъ. Толчемся на мѣстѣ и думаемъ, что творимъ дѣло живое. Ничего не останется отъ нашихъ грѣховъ и добрыхъ дѣлъ, потому что они существуютъ, пока находятся «въ трудѣ», ибо «всѣ вещи въ трудѣ». И міръ нашъ погибнетъ при звукѣ трубъ архангельскихъ. А Страшный Судъ? И раздѣлить всѣхъ одесную и ошую... Всѣ будемъ одесную. Всѣ грѣшны и всѣ праведники. Что воля твоя человѣческая? Ничто! Ни грѣхъ, ни добро не свершаются безъ воли Божьей. Сказано: «ни единъ волосъ». Нѣсть грѣха — есть воля Божья. Пути его неисповѣдимы. Куда ведетъ Онъ насъ, туда идемъ. И грѣхъ нуженъ—безъ грѣха и добра не познали бы. И Стенька надобенъ, какъ надобенъ «тишайшій» царь: не будь бури — не любили бы яснаго дня... Да, идетъ смерть... Ужъ ноги—что ледъ, и холодъ къ сердцу подступаетъ. Но гдѣ она, гдѣ костякъ? Нѣтъ ея, потому что она во мнѣ... Я—мертвъ...

Блѣдный разсвѣтъ вплывалъ въ окна.

Иванъ Марковичъ очнулся отъ сна. Свѣча догорѣла, только длинный, полуистлѣвшій фитиль, свернувшись на краю шандала, какъ червякъ, еще слегка чадилъ.

Было тихо.

Иванъ Марковичъ подошелъ къ отцу. Маркъ Григорьевичъ лежалъ недвижно, вперивъ тусклый взглядъ полуоткрытыхъ глазъ куда-то въ пространство. Горбунъ приложилъ руку къ его лбу и понялъ, что передъ нимъ уже не отецъ, а остовъ, истлѣвшій фитиль сгорѣвшей свѣчи-жизни.

Н. Н. Алексѣевъ-Кунгурцевъ.

ПАВЕЛЪ МЕНЕЗІЙ

ЕГО ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ И ВОЕННАЯ СЛУЖБА ПРИ МОСКОВСКОМЪ ДВОРѢ И ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАСТАВНИЧЕСТВО ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ ¹⁾.

IV.

В РИМѢ тогда правилъ папа Климентъ X изъ древней римской фамилии князей Алтіери. Онъ былъ избранъ 29-го апрѣля 1675 года, имѣя 80 лѣтъ отъ роду. Конклавъ продолжался болѣе четырехъ мѣсяцевъ, вслѣдствіе раздоровъ среди кардиналовъ и борьбы французской и испанской партій, усложняемой вмѣшательствомъ бывшей шведской королевы Христины. Выборъ палъ на кардинала Алтіери послѣ того, какъ всѣ фракціи убѣдились въ невозможности провести своихъ кандидатовъ. Добрый и тихій Климентъ X долго отказывался, ссылаясь на свою старость, и дѣйствительно, хотя онъ прожилъ еще 6 лѣтъ, его преклонный возрастъ почти-что не позволялъ ему лично управлять церковью и ея владѣніями. Дѣло это перешло фактически въ руки его племянника, кардинала Палуцци-Алтіери, который, при существовавшей въ то время системѣ nepotизма (прекратившейся въ 1691 году), сдѣлался кардиналомъ-патрономъ или «кардиналомъ-племянникомъ», *cardinale nipote*. Мы прилагаемъ снимокъ съ портрета Климента X.

Главную политическую цѣлью кардинала Алтіери было восстановление обаянія папскаго престола по отношенію къ иностран-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXII, стр. 510.

нымъ правительствамъ, чрезмѣрное вліяніе которыхъ на римскія дѣла выразилось особенно ощутительно во время двухъ предыдущихъ конклавовъ.

Венеціанскій посолъ въ Римѣ, Петръ Мочениго, рассказываетъ, что кардиналъ Алтіери питалъ большое довѣріе къ астрологіи, считая ее наукой и усматривая въ событіяхъ своей жизни осуществленіе сдѣланныхъ ему предсказаній. Впрочемъ, въ XVII вѣкѣ вѣра въ астрологію была распространена во всей Европѣ. Валленштейнъ, герой тридцатилѣтней войны, держалъ при себѣ астролога. Англійскій король Карлъ II настолько вѣрилъ въ астрологію, что Людовикъ XIV надѣялся было вліять на его политику, приставивъ къ нему астролога по своему выбору. Шведская королева Христина, самая просвѣщенная и дѣятельная правительница своего времени, также вѣрила въ астрологію. Въ Варшавѣ въ 1667 году находился при дворѣ французскій врачъ, «прославленный практикой астрологіи». И у насъ, по преданію, Симеонъ Полоцкій, первый ученый мужъ этой эпохи и воспитатель Θεодора Алексѣевича и царевны Софіи, составилъ гороскопъ, предвѣщавшій царевичу Петру славное царствованіе.

Вѣра въ астрологію не мѣшала кардиналу Алтіери, по словамъ записки, изготовленной для испанскаго двора въ началѣ правленія Климента X, «рѣшать всѣ дѣла самостоятельно и мало подчиняться чужому вліянію. Въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ»,—читаемъ мы тамъ же далѣе,—«не видѣли папскаго племянника, который превосходилъ бы его (Алтіери) авторитетностью, дѣловитостью и честностью».

Этотъ государственный человѣкъ раздѣлялъ опасенія, выраженные въ грамотѣ Алексѣя Михайловича по отношенію къ султану. Въ Римѣ боялись, что турки, утвердившись на среднемъ теченіи Дуная, вторгнутся, подобно гуннамъ, въ Церковную область, побережью которой уже угрожали ихъ галеры, снаряжавшіяся на о. Мальтѣ. О тогдашнемъ могуществѣ турокъ можно судить по тому, что султанъ, двигаясь въ глубь Польши, открыто высказывалъ намѣреніе овладѣть Данцигомъ и распространить свои владѣнія отъ Каспійскаго моря, Персидскаго залива, Чернаго и Средиземнаго морей до Балтійскаго моря. вмѣстѣ съ тѣмъ предложеніе общехристіанскаго союза, сдѣланное царемъ, соответствовало какъ нельзя болѣе всегдашней мысли о новомъ крестовомъ походѣ противъ невѣрныхъ, которая составляла одно изъ коренныхъ и наиболѣе симпатичныхъ основаній внѣшней политики римской куріи. Самъ Климентъ X послалъ въ маѣ 1673 года 100.000 дукатовъ въ Варшаву, въ помощь Польскому королевству для борьбы съ султаномъ.

Съ другой стороны, война Людовика XIV на Рейнѣ, вредная для насъ, была не желательна и для папы, который не безъ основанія опасался, какъ бы Италія не сдѣлалась снова театромъ воен-

Портретъ папы Климента X.
(Изъ собранія кн. Алтіери въ Оріоло, близъ Рима).

ныхъ дѣйствій французской и габсбургской армій. Это и случилось въ 1693 году, когда французы взяли Туринъ.

Такимъ образомъ, во время миссіи Менезіа между московскимъ и папскимъ правительствами существовала общность политическихъ интересовъ, въ виду которой сочувствіе святѣйшаго престола было обезпечено этой миссіею.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, о личности царскаго посланнаго были получены въ Римѣ отъ папскихъ представителей въ Вѣнѣ и Венеціи очень благопріятные отзывы, и Павлу Менезію были оказаны папскимъ правительствомъ самый почетный и лестный пріемъ и искреннее расположеніе.

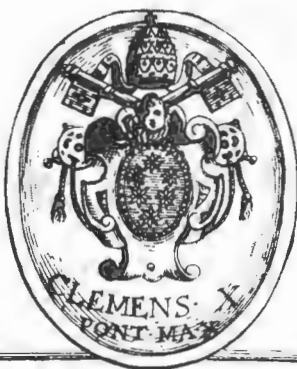
Послѣднее очень пригодилося Менезію, когда возникли между нимъ и кардиналомъ Алтіери крупныя затрудненія по поводу двухъ формальныхъ вопросовъ: о церемоніалѣ аудіенціи и о царскомъ титулѣ.

Этикетъ, который папское правительство, послѣ обстоятельнаго обсужденія, рѣшило примѣнить по отношенію къ Менезію, соответствовалъ, по словамъ венеціанскаго посла, тому, который былъ присвоенъ португальскому резиденту. Представитель французскихъ интересовъ въ Римѣ, аббатъ Де-Бурлемонъ, приравниваетъ церемоніалъ оказаннаго Менезію пріема къ таковому же посла «*de obediencia*» тосканскаго герцога. Во всякомъ случаѣ, по отношенію къ Менезію, былъ соблюденъ папскимъ дворомъ церемоніалъ, превосходившій тотъ, на который могъ бы изъявлять притязанія «посланый».

Церемоніалъ папскаго двора обязывалъ резидентовъ и пословъ, представляясь папѣ, становиться на колѣни, какъ изображено на прилагаемомъ снимкѣ съ гравюры того времени, и цѣловать папскую туфлю. Менезію же было приказано учинить «папѣ поклонъ по извѣчю», то-есть, поклониться стоя, въ поясъ, а папу въ ногу цѣловать не велѣно, «а цѣловать велѣно руку». Это приказаніе было подтверждено въ «памяти», отправленной къ Менезію за границу изъ Москвы по почтѣ 21-го октября.

Исходъ изъ этого затрудненія былъ найденъ. Менезій согласился преклонить передъ папой колѣна, впрочемъ соблюдая фикцію, что онъ уступаетъ единственно силѣ: два церемоніймейстера его какъ бы принудили къ колѣнопреклоненію. Взамѣнъ, ему было обѣщано отъ имени папы, что «до цѣлованія ноги принужденъ не будешь».

Дѣйствительно, во время аудіенціи туфля папы была закрыта полой его одежды и Менезій туфли не поцѣловалъ, какъ онъ полагалъ потому, что это было ему запрещено его правительствомъ, а по толкованію ватиканскаго двора, потому что, хотя онъ и могъ бы быть къ тому допущенъ въ качествѣ католика, но этого не удостоился, ибо былъ представителемъ «схизматическаго» государя.

Consistorium publicum, quod in Aula Regia pro Regis Oratoribus celebrari solet, et in Aula Ducali pro alijs Principum Oratoribus, qui ad prestandam obedientiam Summo Pontifici Romam mittuntur: in qua et Consistorium publicum celebratur, dum cum Cardibus Titularibus Pontificale a Pontifice traditur.

Прѣмъ посланника у папы въ XVII в.
(Съ гравюры Росси 1876 г.).

Подьячій Тарасовъ оказалъ сопротивленіе церемоніймейстерамъ, желавшимъ заставить его стать на колѣни. Кардиналь Алтіери приказалъ имъ оставить въ покоѣ подьячаго, который и туфли не пѣловалъ и ограничился пояснымъ поклономъ. Послѣ аудіенціи, Менезію были переданы отъ имени папы извиненія за эти дѣйствія церемоніймейстеровъ. Прочія желанія Менезія относительно аудіенціи были удовлетворены безпрекословно.

Второе затрудненіе, относительно титулованія московскаго великаго князя, согласно настояніямъ Менезія, царемъ въ отвѣтной грамотѣ папы, оказалось непреодолимымъ.

Нерѣдко думаютъ, что требовательность, выказываемая московскимъ дворомъ въ вопросахъ дипломатическаго церемониала, составляла нашу отличительную особенность и была выраженіемъ русскаго варварства.

Болѣе подробное ознакомленіе съ исторіей дипломатіи выясняетъ, напротивъ, что всѣ западно-европейскія правительства придавали въ XVII и даже въ XVIII вѣкѣ дипломатическому этикету первостепенную важность, усматривая въ немъ санкцію своихъ, не установившихся еще въ то время, политическихъ правъ и притязаній. Такъ, извѣстно, что папа Климентъ XI (1700—1721) отсрочилъ болѣе, чѣмъ на годъ, отправленіе къ мадридскому двору монсеньора Паллавичини (1709 г.), не находя возможнымъ подчиниться требованію членовъ испанскаго государственнаго совѣта, чтобы послы являлись къ нимъ съ визитомъ ранѣе своего торжественнаго вѣзда въ столицу.

Припомнимъ также, что шведское посольство Оксенштерна, которое прибыло въ Москву въ концѣ 1673 года, начало переговоры только въ апрѣлѣ 1674 года, потому что послы не рѣшались, не получивъ дозволенія изъ Стокгольма, быть во дворцѣ съ непокрытыми головами, хотя бы русскіе послы въ Швеціи были «передъ королемъ безъ шапокъ».

Мы клали въ основаніе нашихъ требованій начала равноправности и взаимности и, благодаря настойчивости нашихъ дипломатовъ и возрастанію нашего государственнаго могущества, достигли полнаго осуществленія этихъ началъ.

Наше требованіе касательно царскаго титула, выраженное папѣ, было тѣмъ болѣе основательно, что всѣ европейскіе правители и въ томъ числѣ императоръ Священной Римской имперіи и польскій король уже титуловали такимъ образомъ русскаго государя.

Между тѣмъ въ текстѣ папскаго отвѣтнаго письма, сообщенномъ предварительно Менезію, по его просьбѣ, «именованіе и титло великаго государя» было изложено такимъ образомъ: *Dilecto filio, nobili viro Alexio Michaeli, Magno Moschorum Duci* ¹⁾. Слѣдо-

¹⁾ «Любному сыну, шляхетному чловѣку Алексію Михайловичу, великому

вательно, папа не только не называлъ Алексѣя Михайловича царемъ, но придавалъ ему именованіе *nobilis vir*, которое примѣнялось куріей даже къ нецарственнымъ особамъ и къ вассальнымъ правителямъ, какъ, напримѣръ, къ валахскому господарю Гика, въ письмѣ Климента X отъ 11-го декабря 1670 года.

Менезій отказался принять папское письмо, если титулъ царя не будетъ въ немъ написанъ сполна.

Начались переговоры, продолжавшіеся 16 дней. Доводы въ пользу титулованія московскаго великаго князя царемъ были изложены Менезіемъ въ пространной запискѣ на латинскомъ языкѣ, свидѣтельствующей, какъ о преданности его своему повелителю, такъ и о весьма значительной эрудиціи. Записку эту Менезій передалъ папскому правительству, а копію съ нея сообщилъ всѣмъ аккредитованнымъ въ Римѣ посламъ и нѣсколькимъ кардиналамъ. Экземпляръ, врученный Менезіемъ венеціанскому послу, сохранился при донесеніи Мочениго отъ 16-го сентября 1673 года и печатается нами въ приложеніи къ отдѣльному изданію этого очерка.

По вопросу о царскомъ титулѣ мнѣнія въ Римѣ раздѣлились.

Многочисленная партія, которая состояла изъ кардиналовъ, «радѣвшихъ объ общемъ благѣ», полагала, что папѣ слѣдовало уступить царю, дабы заручиться противъ турокъ могущественною помощью Московскаго государства и не дать порваться завязавшимся сношеніямъ съ Москвой, отъ которой римская церковь не переставала ожидать для себя важныхъ выгодъ.

Во главѣ этой партіи, поддерживавшей настоянія Менезія, стоялъ кардиналъ Францискъ Барберини, старѣйшина священной коллегіи, покровитель шотландской и греческой націй въ Римѣ, просвѣщенный основатель знаменитой барбериніевской бібліотеки.

Съ самаго прибытія Менезія въ Церковную область кардиналъ Барберини оказывалъ ему особую дружбу ¹⁾.

Дружба эта можетъ быть объяснена не только политическими мотивами, но и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ семьѣ названнаго кардинала, который былъ племянникомъ папы Урбана VIII, сохранилось благодарное воспоминаніе о благосклонномъ приемѣ, оказанномъ Іоанномъ Грознымъ, какъ было упомянуто выше, дядѣ этого папы, Рафаэлю Барберини. Уже послѣ смерти Урбана VIII было

князю московскому». Такъ же писалъ Иннокентій IV Александру Невскому: *Nobili viro Alexandro Duci Susdaliensi*. Исторія титула государей Россіи. А. Лакіера. Ж. М. Н. Пр. 1847. Часть LVI.

¹⁾ Де-Бурлемонъ доносилъ французскому правительству 3-го (13-го) сентября, шифромъ, по поводу Менезія: «Le cardinal Barberini, à qui toutes ces nouveautés plaisent, le favorise en tout ce qu'il peut» (кардиналъ Барберини, которому всѣ эти новшества нравятся, покровительствуетъ ему—Менезію—во всемъ, въ чемъ можетъ).

напечатано въ 1658 году въ Витербо Николаемъ Барберини сочиненіе его предка Рафаэля «Описаніе Московіи», съ цѣлью исправить неблагопріятные отзывы о Россіи извѣстнаго Олеарія. Для этого къ тексту Рафаэля Барберини были присоединены разнообразныя свѣдѣнія о Россіи, извлеченныя изъ богатыхъ матеріаловъ о нашемъ отечествѣ, собранныхъ кардиналомъ Барберини въ его библіотекѣ, существующей понынѣ.

Доводы партіи Барберини были изъяснены въ трехъ запискахъ, изъ которыхъ одна была составлена аббатомъ Скарлатти.

Около 1673 года въ Римѣ проживали два брата Скарлатти. Старшій, аббатъ Александръ, былъ близокъ къ семейству Барберини, пользовался расположеніемъ Урбана VIII и умеръ незадолго до пріѣзда Менезія. Младшій назывался Помпеемъ и, хотя въ упомянутой выше запискѣ не указано имя того аббата Скарлатти, который ее составилъ, намъ представляется несомнѣннымъ, что именно онъ, Помпей Скарлатти, былъ ея авторомъ.

Скарлатти принадлежалъ къ знатной тосканской семьѣ, переселившейся въ Римъ, гдѣ Помпей, назначенный аббатомъ (*abbatem Commendatariem*) церкви св. Маріи Неритонской въ Апуліи, довольно быстро составилъ себѣ замѣтное положеніе, благодаря своему образованію, ловкости и осмотрительности. Въ 1673 году онъ еще не значился въ спискѣ папскихъ придворныхъ (*Ruola de Famiglia*). Но къ 1678 году онъ уже былъ папскимъ протоногаріемъ и въ томъ же году грамотою баварскаго курфюрста Фердинанда, отъ 27-го октября, былъ назначенъ баварскимъ посланникомъ (*minister*) при папѣ. Можно думать, что Помпей Скарлатти сошелся съ Менезіемъ, благодаря кардиналу Барберини ¹⁾.

О. П. Пирлингъ называетъ Скарлатти приближеннымъ папскаго двора и довѣреннымъ лицомъ Менезія. Сравненіе записокъ о царскомъ титулѣ Менезія и Скарлатти приводитъ къ заключенію, что онѣ были составлены какъ бы сообща. Кромѣ того, Менезій, какъ будетъ упомянуто ниже, поддерживалъ сношенія со Скарлатти и послѣ возвращенія въ Москву.

Всѣ послы и посланники, пребывавшіе въ Римѣ, раздѣляли, какъ кажется, въ вопросѣ о царскомъ титулѣ, мнѣніе Менезія, который просилъ кардинала Барберини и ихъ вліять въ желаемомъ смыслѣ на папское правительство.

Несмотря на все это, Менезію не удалось преодолѣть сопротивленія главнаго противника его домогательства—кардинала Алтиери, относившагося, однако, къ царскому посланному вообще съ

¹⁾ Помпей Скарлатти едва ли былъ въ родствѣ съ извѣстнымъ композиторомъ Александромъ Скарлатти (1650 — 1726 гг.), котораго называютъ «Бернини музыки» и который служилъ при королевѣ Христинѣ въ Римѣ въ 1678 году, но былъ родомъ изъ Неаполя.

самой изысканной любезностью. Въ данномъ случаѣ Менеію пришлось убѣдиться въ справедливости наблюденія, отмѣченнаго въ отчетѣ о своей миссіи упомянутымъ посломъ Мочениго, что въ Римѣ существуетъ обычай изъ вѣжливости никогда не отвѣчать отказомъ и, напротивъ, на словахъ любезно соглашаться и легко обѣщать просимое; въ результатѣ же, вопросъ рѣшается независимо отъ этихъ увѣреній, по зрѣломъ обдумываніи и взвѣшиваніи всего дѣла.

Основную причину рѣшенія кардинала Алтіери можно усмотрѣть въ упомянутой выше заботѣ его о возвеличеніи обаянія папы среди современныхъ ему государей. Онъ боялся уронить достоинство Климента X, согласившись дать московскому великому князю титулъ, который папа Григорій XIII не нашелъ возможнымъ признать за Іоанномъ Грознымъ¹⁾. Но, кромѣ того, какъ видно изъ переписки Алтіери съ нунціемъ въ Варшавѣ и изъ донесеній венеціанскаго посла въ Римѣ, кардиналъ опасался увеличить подобнымъ знакомъ папскаго расположенія шансы Алексеѣя Михайловича или одного изъ его сыновей на избраніе въ польскіе короли.

Въ виду неуступчивости кардинала-патрона и отказа Менеію принять папскую грамоту, нашъ посланный простился съ папою, хотя весьма дружественно, но въ частной аудіенціи 13-го (23-го) сентября 1673 года.

Менеіѣй взялъ съ собою въ Москву только копію проектированнаго папой отвѣта. Копія эта находится тамъ, въ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, а черновикъ — въ ватиканскомъ архивѣ, съ помѣткой «non fuit missum» (не былъ отправленъ). Въ своей грамотѣ Климентъ X высказывалъ, что онъ обрадовался, узнавъ, какъ царь относится къ султану, стремящемуся къ гибели не только Польши, но и всѣхъ христіанскихъ государствъ, сообщалъ, что съ своей стороны папа до сихъ поръ ничего не упустилъ изъ своей обязанности, поощряя христіанскихъ государей посылкой чрезвычайныхъ нунціевъ и выдачей большой суммы денегъ на военные расходы, и заявлялъ о своей рѣшимости дѣйствовать и впредь въ томъ же направленіи. Въ заключеніе, папа увѣщевалъ московскаго великаго князя подвизаться и укрѣпляться въ преслѣдованіи принятой на себя задачи, суля ему похвалу всѣхъ христіанскихъ государствъ и ту славу, которую заслуживаютъ «защитники важнѣйшаго общаго блага».

Нельзя не признать, что отказъ кардинала Алтіери въ вопросѣ о царскомъ титулѣ облегчался тѣмъ, что въ грамотѣ, привезенной Менеіемъ, титулъ папы былъ не только не увеличенъ, но даже уменьшенъ противъ прежняго: грамота была адресована «Клименту

¹⁾ Прецедентомъ по вопросу о титулѣ служили и въ Москвѣ и въ Римѣ сношенія между Іоанномъ Грознымъ и папой черезъ Шевригина и Поссевина.

десятому, папѣ и учителю Римскаго костела». Тутъ же, впрочемъ, было заявлено, что «если въ сей нашей царскаго величества грамотѣ ваше имянованье написано несполна, и вамъ бы въ томъ на насъ, великаго государя, не подивить, понеже съ вами у насъ, великаго государя, у нашего царскаго величества, до сего времени ссылокъ не бывало».

Замѣтимъ здѣсь, что въ царскихъ грамотахъ къ титулу «папа» неизмѣнно присоединялось упоминаніе о «Римской церкви»

Это обстоятельство приводитъ на память малоизвѣстный теперь фактъ, что именованіе «папа» не является исключительной принадлежностью римскаго первосвященника: въ торжественной рѣчи, съ которой царь Алексѣй Михайловичъ обратился въ Москвѣ 28-го января 1669 года къ депутаціи запорожцевъ, государь заявилъ, что прощаетъ казаковъ, между прочимъ, «видя.... за нихъ заступленіе святѣйшаго Киръ Паисія, папы и патріарха Божія града Александріи и судіи вселенныя». Патріархъ Александрійскій титулуется «папа и судія вселенныя» также въ докладѣ Ордина-Нащокина, отъ 25 мая 1669 года.

Передъ отъѣздомъ Менезія, кардиналъ Барберини обѣщалъ ему, что слѣдующій папа «будетъ писать его царскаго величества имянованіе и титуло, какъ онъ, великій государь, самъ себя описуетъ», и, въ самомъ дѣлѣ, преемникъ Климента X—Иннокентій XI Оdescалки, послѣ новыхъ переговоровъ Менезія съ монсиньоромъ Кнабомъ и о. Вота въ Москвѣ, титуловалъ, въ грамотѣ отъ 5-го августа 1684 года, царями Иоанна и Петра Алексѣевичей, побуждая ихъ присоединиться къ святой лигѣ противъ турокъ. Теперь всѣ эти формальныя затрудненія давно отошли въ область исторіи. Письма государя адресуются такъ: «...верховнѣйшему епископу Римскія церкви и державному папѣ», а письма папы: «*Excelsio Potentissimoque Principi... Russiarum omnium Imperatori, Poloniae Regi, illustri Finlandiae Duci etc., etc., etc.*».

Во время пятинедѣльнаго пребыванія въ Римѣ, Менезій жилъ вблизи квиринальскаго дворца и церкви св. Сильвестра на *Monte Cavallo* въ удобномъ двухъэтажномъ, съ садомъ, домѣ графа Видманъ-Ортенбургъ, наслѣдника венеціанскаго кардинала Видманъ, скончавшагося въ 1660 году. Въ настоящее время домъ, отведенный папскимъ правительствомъ для Менезія, принадлежит племяннику извѣстнаго статсъ-секретаря Пія IX, графу Августину Антонелли, перестроенъ вслѣдствіе проведенія новой Національной улицы и находится на углу послѣдней и Квиринальской улицы подъ № 158.

Не имѣя возможности, за недостаткомъ мѣста, изложить здѣсь весьма любопытныя подробности пребыванія Менезія въ Вѣнѣ, Венеціи и Римѣ, по свѣдѣніямъ архивовъ этихъ городовъ, отмѣтимъ только, въ отношеніи папской столицы, что Менезій обмѣнялся ви-

зитами съ кардиналами и дипломатическимъ корпусомъ, былъ на парадномъ обѣдѣ во французскомъ посольствѣ, представлялся шведской королевѣ Христинѣ, посѣтилъ князя Алтіери и его семью и осматривалъ «папы римскаго палаты и казну» и другія достопримѣчательности Рима, при чемъ «дозорщикамъ... и тѣмъ людямъ, которые показываютъ, въ почестъ по ихъ обычности» Менезій роздалъ 33 червонца. По обычаю, кардиналы, князья и придворные посылали Менезію «кормъ и питье», такъ называемое «portate», и Менезій далъ ихъ людямъ по этой причинѣ 12 червонцевъ. Нѣкоторые кардиналы подарили ему нѣсколько цѣнныхъ картинъ, а папа пожаловалъ ему и Тарасову по золотой цѣпи, съ медалью, на обѣихъ сторонахъ которой находился портретъ Климента X, работы ученика Бернини, Иеронима Лученти. Про свою цѣпь Менезій пишетъ, что она стоила 500 ефимковъ, и «тое цѣпь ради нужды своей отдалъ въ Римѣ евреевину тайно за 300 ефимковъ».

Во время пребыванія Менезія въ Римѣ умеръ одинъ изъ русскихъ его свиты. Папскій оберъ-церемоніймейстеръ Фанти записалъ въ своемъ дневникѣ, что этотъ русскій упорно держался вѣроученія своей «секты» и оставался непоколебимо вѣрнымъ ему до смерти. Онъ былъ похороненъ за городомъ, около виллы папы Юлія.

Отзывы, сохранившіеся о Менезіи, свидѣтельствуютъ о прекрасномъ впечатлѣніи, которое онъ произвелъ на всѣхъ своей вѣжливостью, образованностью, тактомъ, свободнымъ и умнымъ разговоромъ на многихъ языкахъ, а также преданностью царю, котораго онъ восхвалялъ и, по словамъ аббата Скарлатти, «изображалъ государемъ очень любознательнымъ и страстно желающимъ цивилизовать и оформить свой народъ; имѣя также великое расположеніе къ сношеніямъ съ другими націями и къ приобрѣтенію почта у королей и другихъ государей Европы».

Формально Менезій былъ уполномоченъ только на врученіе царской грамоты Клименту X и на полученіе отъ папы письменнаго отвѣта. Однако, Менезію были разрѣшено, если его стануть спрашивать о какихъ либо дѣлахъ, не упомянутыхъ въ наказѣ, «отвѣтъ держать, смотря по вопросу, какъ его Богъ вразумитъ, чтобы государскому имени было къ чести и къ повышенію и Російскому государству на славу». Менезій умѣло пользовался этимъ разрѣшеніемъ.

Окончивъ свою миссію, Павелъ Менезій выѣхалъ изъ Рима 20-го (30-го) сентября и черезъ Венецію, Вѣну и Берлинъ вернулся въ Москву 28-го марта 1674 года.

V.

Два года, слѣдовавшіе за возвращеніемъ Менезія въ Москву, были самымъ блестящимъ и счастливымъ временемъ его службы.

Его другъ и товарищъ по смоленскому гарнизону, Кирилль Полуэктовичъ Нарышкинъ, уже переселился въ Москву и проживалъ тамъ царскимъ тестемъ, ближнимъ бояриномъ и владѣльцемъ 80 тысячъ душъ крестьянъ.

Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, имѣвшій возможность, по поводу миссіи Менезія, оцѣнить его личныя качества, умъ, образованность и вѣрность, пользовался полнымъ довѣріемъ и искренней дружбой царя и былъ душою тогдашняго государственнаго управленія.

Иноземцы, ихъ наука, обычаи и развлечения были въ модѣ при русскомъ дворѣ.

Всѣ эти обстоятельства послужили на пользу Менезію.

23-го апрѣля 1674 года онъ былъ произведенъ «именнымъ указомъ за службу», черезъ чинъ, изъ майоровъ въ полковники и при этомъ получилъ командованіе рейтарскимъ полкомъ, хотя раньше служилъ въ пѣхотѣ. Въ производствѣ черезъ чинъ нельзя не видѣть особой милости, такъ какъ только-что, въ 1672 году, московскимъ правительствомъ были приняты мѣры къ возможному ограниченію подобнаго производства. Жалованье кавалерійскихъ офицеровъ превышало болѣе чѣмъ вдвое окладъ пѣхотинцевъ, поэтому и предоставленіе Менезію коннаго полка было знакомъ особаго благоволенія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, по ходатайству Менезія, сынъ его Томасъ былъ переведенъ 16-го декабря того же 1674 года «за службу отца» въ «рейтарскій полкъ Менезіуса» съ производствомъ изъ прапорщиковъ въ подпоручики, хотя ему было не болѣе одиннадцати лѣтъ.

Въ то время случаи производства малолѣтнихъ въ чины были не рѣдки, но поводомъ была всегда заслуга отца или родственника ¹⁾.

Московскому правительству не угодно было, однако, чтобы Менезій снова посвятилъ себя строевой службѣ. Матвѣевъ приблизилъ его къ себѣ, исходатайствовавъ высочайшее повелѣніе «вѣдать въ посольскомъ приказѣ» Менезія и его сына, тогда какъ иностранные офицеры вѣдались въ иноземскомъ приказѣ.

Это, по-нынѣшнему, зачисленіе въ вѣдомство иностранныхъ дѣлъ не было для Менезія синекурой.

¹⁾ Профессоръ А. З. Мышлаевскій: «Офицерскій вопросъ въ XVII вѣкѣ». С.-Петербургъ. 1899.

Сохранивъ связи съ заграницей, онъ получалъ оттуда и сообщалъ Матвѣеву, очевидно для доклада царю, вѣрныя свѣдѣнія о происходившихъ въ Западной Европѣ политическихъ событіяхъ.

Въ дѣлахъ посольскаго приказа сохранился переводъ двухъ писемъ къ Менезію, изъ Гаги отъ 17-го августа 1674 года и изъ Парижа отъ 18-го, содержащихъ обстоятельный и вполне точный рассказъ о знаменитомъ сраженіи 11-го августа означеннаго года при Сенефѣ, во Фландріи, гдѣ великій Кондэ разбилъ и обратилъ въ бѣгство принца Оранскаго.

Когда посланникъ императора Леопольда I Ботоній, приблизился 4-го сентября 1675 года къ Москвѣ, на встрѣчу для поздравленія прибыли, какъ пишетъ секретарь посольства Лизекъ, «датскій резидентъ Магнусъ Гоэ и г. Менезій, находившійся въ военной службѣ его царскаго величества». Нѣсколько ранѣ упомянутый выше Рингуберъ, ѣхавшій снова въ Россію при посольствѣ Ботонія и, безъ сомнѣнія, хорошо знакомый съ тогдашнимъ положеніемъ въ Москвѣ Менезія, писалъ ему туда изъ Силезіи, обращаясь въ то же время и къ Матвѣеву, «чтобы по государевой милости, кормъ и подводы и всякое вспоможеніе учинено было», рассчитывая, очевидно, на протекцію Менезія при царѣ и Матвѣевѣ.

Другой иностранецъ, знаменитый Лефортъ, пріѣхавшій въ Москву весной 1676 года искать счастья, отзывается о привилегированномъ положеніи Менезія еще яснѣе, въ письмѣ къ роднымъ отъ 5-го сентября упомянутаго года: «C'est un homme de grande réputation qui parle très bien français, et est le principal de tout; il a été en ambassade en Angleterre (sic), c'est une personne, qui m'a beaucoup fait de faveur» ¹⁾. Менезій дѣйствительно покровительствовалъ молодому Лефарту, сблизившемуся съ Петромъ Великимъ только въ 1691 году ²⁾, и оставался его другомъ до конца жизни. Припоминая эти первые года знакомства съ Лефартомъ, Менезій писалъ его брату въ Женеву 13-го (23-го) апрѣля 1693 г., ссылаясь на «l'honneur de l'étroite amitié, dont le bon Dieu m'a lié avec Monsieur votre frère dès les premiers jours de son arrivée dans ce pays jusques à présent» ³⁾.

На исключительную близость Менезія ко двору Алексея Михайловича указываетъ также слѣдующій случай, записанный Лизекомъ.

¹⁾ «Онъ человѣкъ очень важный, который говоритъ очень хорошо по-французски и первенствуетъ во всемъ; онъ былъ въ посольствѣ въ Англии (sic). Это лицо, оказавшее мнѣ много покровительства». Der General und Admiral Franz Lefort, von Dr. Moritz Posselt. Frankfurt am Main. 1866.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ «Честъ тѣсной дружбы, которой Господь Богъ связалъ меня съ господиномъ вашимъ братомъ, начиная съ первыхъ дней его прибытія въ эту страну до сего времени» Posselt, op. cit.

Посольство Ботонія выѣхало изъ Москвы 7-го ноября 1675 года. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого нѣмецкіе комедіанты, по словамъ Лизека, «имѣли представить комедію, которая, какъ они увѣряли, доставитъ большое удовольствіе царю, если только въ ней будетъ участвовать одинъ изъ нашихъ слугъ», замѣчательный фокусникъ. Нѣмцы и нѣкоторые изъ русскихъ просили пословъ оставить этого человѣка въ Москвѣ, пока онъ покажетъ свое искусство царю и царицѣ; но желаніе ихъ не было исполнено. При отъѣздѣ посольства слухъ дошелъ до царя, «и онъ», продолжаетъ Лизекъ, «тотчасъ послалъ въ слѣдъ за нами генерала Мenezія, бывшаго нѣкогда посломъ въ Вѣнѣ и Римѣ, съ переводчикомъ, чтобы воротить въ Москву нашего слугу-фокусника. На третій день они догнали насъ въ почтовыхъ саняхъ и, объяснивъ желаніе царя, просили отпустить сказаннаго слугу и увѣряли, что царь одаритъ его щедро и тотчасъ отпустить назадъ. Послы предоставили ему на волю. Онъ воротился въ Москву, въ царскихъ палатахъ два раза показывалъ фокусы, и удивилъ царя и царицу».

Изъ этого разсказа видно, что Мenezій тогда находился у Алексѣя Михайловича какъ бы подъ рукой, для исполненія совершенно личныхъ царскихъ порученій.

Порученія эти, если вѣрить упомянутому въ началѣ очерка французскому дипломату Невилю, не ограничивались посольскими дѣлами и содѣйствіемъ царскимъ потѣхамъ.

Невиль пишетъ о Мenezіи въ своемъ донесеніи Людовику XIV слѣдующее: «d'où (de Rome) étant de retour sans aucun succès, il fut fait général-major et quelque temps après le czar Alexis Samuel Errich (описка вмѣсто Michailovich) se voyant moribond, le déclara gouverneur du jeune prince Pierre, son fils, auprès duquel il a toujours demeuré jusqu'au commencement du règne du czar Jean et depuis la princesse Sophie et le prince Galischin n'ayant pu lui faire adandonner les intérêts de Pierre, l'ont obligé d'aller demeurer à Smolensk et de faire la dernière campagne, dans l'espérance qu'il y périrait» ¹⁾.

Можно ли вѣрить Невилю и если можно, то какъ надлежитъ толковать приведенный выше текстъ? Отвѣтовъ на эти вопросы естественно ожидать отъ біографіи Павла Мenezія: она должна бы разъяснить окончательно происхожденіе и характеръ его отношеній къ Петру Великому.

¹⁾ «Возвратившись безъ всякаго успѣха оттуда (изъ Рима), былъ произведенъ въ генералъ-майоры, и черезъ нѣсколько времени царь Алексѣй Михайловичъ, видя, что наступаетъ его (царя) смертный часъ, объявилъ его гувернеромъ молодого принца Петра, своего сына при которомъ онъ всегда находился до начала правленія царя Іоанна; а послѣ, царевна Софія и князь Голицынъ, не могли добиться, чтобы онъ пересталъ держать сторону Петра, заставили его отправиться на жительство въ Смоленскъ и совершить послѣдній (крымскій) походъ, въ надеждѣ, что онъ тамъ погибнетъ».

Къ сожалѣнію, матеріаль, которымъ мы располагаемъ, хотя и указываетъ, что эти отношенія существовали, и что они были дружественны, прочны и даже близки, не выясняетъ, однако, съ достаточной полнотой ни времени, ни обстоятельствъ ихъ возникновенія.

Между тѣмъ, весьма важно было бы знать, когда и по какому поводу Петръ познакомился съ Менезіемъ.

Если бы рассказъ Невиля подтвердился, хотя отчасти, еслибы было доказано, что Алексѣй Михайловичъ приблизилъ Менезія къ Петру въ нѣкоторый наставнической роли, когда царевичу шель четвертый годъ, то вѣдь оказалось бы, что первое знакомство Петра Великаго съ «нѣмцемъ» не было дѣломъ случая или послѣдствіемъ находки «выбѣжавшаго на улицу»¹⁾ скучающаго, заброшеннаго ребенка, а осуществленіемъ намѣренія его отца. Въ-стѣ съ тѣмъ, первымъ иноземцемъ, у котораго началъ учиться Петръ, былъ бы не Зоммеръ и не Тиммерманъ, а одинъ изъ выдающихся западно-европейцевъ того времени, Павелъ Менезій, сумѣвшій высоко держать русское знамя передъ императоромъ и палой, родовитый, благовоспитанный и просвѣщенный, соединявшій обходительность дипломата и тактъ царедворца съ военнымъ знаніемъ строевого офицера.

Имѣя подъ рукою подобнаго человѣка, состоявшаго къ тому же въ родствѣ съ Нарышкиными и покровительствуемаго Матвѣевымъ, могъ ли Алексѣй Михайловичъ не обратить вниманія на Менезія, не только для упомянутыхъ выше своихъ и царицыныхъ «потѣхъ», но и для пользы своего сына Петра, когда пришло время озаботиться воспитаніемъ царевича?

Наступило ли это время при жизни Алексѣя Михайловича, успѣлъ ли онъ, давшій старшимъ дѣтямъ прекрасное по тому времени образованіе, озаботиться воспитаніемъ младшаго сына? До сихъ поръ этотъ вопросъ—спорный.

И. Е. Забѣлинъ и Погодинъ высказываются за положительное его рѣшеніе, допуская въ отношеніи преподаванія Петру книжнаго ученія, что начало послѣдняго можно отнести къ 1-му декабря 1675 года, т. е. къ заботѣ и почину царя Алексѣя Михайловича²⁾.

И. Е. Забѣлинъ, изслѣдуя исторію воинскихъ «потѣхъ» Петра, приходитъ, кромѣ того, къ выводу, что Менезій, какъ человѣкъ, заслужившій довѣріе при царскомъ дворѣ и по своимъ познаніямъ и по личнымъ достоинствомъ и талантамъ, могъ быть допущенъ еще при жизни Алексѣя Михайловича къ Петру подъ видомъ потѣхи, обученія солдатскому строю, и что надо въ этомъ смыслѣ понимать свидѣтельство Невиля.

¹⁾ Исторія Россіи Соловьева, часть III, стр. 1061.

²⁾ Хотя обыкновенно считаютъ, что первымъ учителемъ Петра былъ Зотовъ, и что дьякъ этотъ былъ назначенъ къ царевичу Феодоромъ Алексѣевичемъ, четыремя съ половиною мѣсяцами позже—12-го марта 1676 г.

Н. П. Астровъ, полемизируя съ И. Е. Забѣлинымъ, высказываетъ съ своей стороны слѣдующее мнѣніе: «Можно предположить одно, что Менезіусу случилось, быть можетъ, и не одинъ разъ, будучи во дворцѣ, видѣть игры царевича съ робятами и, какъ знающему военное дѣло, довелось дать Петру какія нибудь указанія, о которыхъ могъ попросить его самъ Петръ, отличающійся съ ранняго дѣтства бойкостью и беззащитчивостью. Разсказъ, сообщенный Менезіусомъ Невиллю о такого рода наставленіяхъ, данныхъ имъ Петру, легко могъ быть преувеличенъ французомъ...»¹⁾. Въ новѣйшей русской исторической литературѣ преобладаетъ, впрочемъ безъ новой мотивировки, взглядъ, соответствующій мнѣнію И. Е. Забѣлина²⁾.

И въ этомъ вопросѣ послѣднее слово должно бы принадлежать біографіи Павла Менезія, которая, будучи тѣсно связана съ описаніемъ дѣтства Петра Великаго, пріобрѣтаетъ въ этомъ отношеніи обще-историческое значеніе и заслуживаетъ разработки компетентными изслѣдователями.

Въ ожиданіи же полной и научной біографіи Менезія, мы можемъ представить здѣсь лишь нѣсколько соображеній по поводу изложенныхъ выше мнѣній и обратить вниманіе читателя на нѣкоторые встрѣтившіеся намъ документы московскаго архива ми-

¹⁾ Первоначальное образованіе Петра Великаго, «Русск. Арх.» 1875 г., № 8.

²⁾ Профессоръ Платоновъ: Лекціи по русской исторіи. С.-Петербургъ. 1900 года. «Отецъ Петра допустилъ къ нему, какъ говорятъ нѣкоторые современники, военнаго иностранца Менезіуса, который руководилъ его военными забавами. Этотъ Менезіусъ, кажется, былъ дѣйствительнымъ начальникомъ солдатскаго полка, называемаго Петровымъ, по имени своего номинальнаго полковника—Петра».

Профессоръ Трачевскій: «Русская Исторія». С.-Петербургъ. 1895 г. «Первымъ дядькой Петра былъ любимецъ Алексѣя Михайловича, расторопный, говорливый шотландецъ Менезіусъ, который навидался всего въ своихъ скитаніяхъ по Европѣ и зналъ языки. Онъ особенно занималъ его воинскими «потѣхами», которыми больше всего увлекался непосѣднѣй мальчикъ, во главѣ «робятокъ», своихъ сверстниковъ изъ вельможныхъ дѣтей, приставленныхъ къ нему, по обычаю».

В. Б. Глинскій: «Царскія дѣти и ихъ наставники». Москва. 1899 г. «Алексѣй Михайловичъ лично не могъ, да и не умѣлъ правильно руководить упражненіями Петрова полка, устроеннаго на манеръ настоящихъ европейскихъ, преимущественно, нѣмецкихъ полковъ, почему поручилъ заботу о немъ обитателю Нѣмецкой слободы, шотландцу Менезіусу, челоуѣку, для своего времени, образованному, умному, ловкому и очень много путешествовавшему».

Энциклопедическій словарь Ефрона и Брокгауза (ст. «Менезіусъ»). «По возвращеніи изъ посольства (1674) пожалованъ въ генералъ-майоры и вскорѣ опредѣленъ наставникомъ къ царевичу Петру Алексѣевичу, при которомъ находился безотлучно до 1682 года».

Вантшъ-Каменскій въ своемъ «Словарѣ» излагаетъ біографію Менезіуса по Невиллю.

Въ біографическомъ Словарѣ, издаваемомъ Императорскимъ Русскимъ Историческимъ обществомъ, Менезіусу отведено мѣсто, при слѣдующей характеристикѣ: «Менезіусъ Павелъ, генералъ-майоръ, наставникъ Петра Великаго, родомъ шотландецъ».

нистерства иностранныхъ дѣлъ, предоставляя себѣ подробно мотивировать соображенія эти при изданіи настоящаго очерка отдѣльной книгой.

Обратимся сначала къ воинскимъ потѣхамъ царевича.

Извѣстно, что Петръ былъ физически и умственно не по лѣтамъ развитымъ, бойкимъ и любознательнымъ ребенкомъ, и что онъ росъ, окруженный сверстниками, «стольниками», «робятками»¹⁾; послѣдніе были, такъ сказать, кадрамъ петровскаго войска и развернулись постепенно въ «потѣшныхъ» и въ полки Преображенскій и Семеновскій, устройство которыхъ стало, главнымъ образомъ, дѣломъ родственниковъ и друзей Менезія: Гордона, Лейфорта, Страсбургера, Левенфельда, фонъ-Менгдена, Шарпа, Чамберса и Балка²⁾. Съ какого времени начались игры Петра со сверстниками, еще не установлено точно, но въ виду сохранившейся архивной записи отъ 15 іюня 1675 г. о заготовленіи для Петра про запасъ «статей со сто» разнаго древне-русскаго игрушечнаго оружія, можно, какъ намъ кажется, съ увѣренностью заключить, что начало воинскихъ игръ Петра со значительной группой сверстниковъ слѣдуетъ отнести къ лѣту 1675 г., т. е. ко времени, когда царь Алексѣй Михайловичъ еще жилъ и здравствовалъ.

Мѣсяца черезъ четыре, къ «походу» (выѣзду) царевича въ село Преображенское, состоявшемуся 9-го ноября 1675 г.³⁾, послѣдовало изготовленіе новой серіи такого же оружія, что и въ іюнь, но съ прибавкою интереснаго нововведенія: двухъ паръ пистолей (пистолетовъ) и карабиновъ⁴⁾.

Въ отличіе отъ пищалей, которыя имѣлись въ русскомъ войскѣ уже въ 1510 г. и составляли оружіе стрѣльцовъ, карабины и пистолы были новѣйшимъ западно-европейскимъ оружіемъ, вошедшимъ у насъ въ употребленіе въ концѣ XVI или началѣ XVII в. Ими были снабжены иноземнаго строя рейтарскіе полки⁵⁾, однимъ изъ которыхъ командовалъ въ то время Менезій.

Это новое оружіе видимо понравилось Петру, обратило на себя его вниманіе и упрочилось среди «робятокъ». По крайней мѣрѣ, уже въ мартѣ 1676 г. царевичамъ Петру и Ивану станочникъ Андрей Васильевъ дѣлалъ «потѣшные пистолы, карабины (число ихъ не

¹⁾ «Ровесники—робятки были спальники, стольники, карлики, составляющіе обыкновенно дѣтскій штатъ...». И. Е. Забѣлинъ, Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи. Москва. 1872 г., ч. I, стр. 18.

²⁾ «Потѣшные и начало Преображенскаго полка», П. О. Бобровскаго, Военный Сборникъ, 1899 г., № 7 и 8.

³⁾ Проф. Шмурло, Критическія замѣтки по исторіи Петра Великаго. Ж. М. Н. Пр. 1900, № 8, стр. 229.

⁴⁾ Забѣлинъ, *op. cit.*, стр. 14. Есиповъ, Сборникъ выписокъ изъ бумагъ Петра Великаго, т. I, стр. 16.

⁵⁾ Историческое описаніе одежды и вооруженія російскихъ войскъ (Висковатовъ), ч. I, стр. 74, 75, 98.

обозначено) и пицали винтованные съ деревянными замками и стволами»¹⁾ и снова, гораздо позже, 30-го ноября 1679 г. мы читаемъ, что тотъ же Андрей Васильевъ дѣлалъ изъ липоваго дерева. пару пистолей, да пару карабиновъ потѣшныхъ, въ хоромы къ царевичу Петру Алексѣевичу. Пистолы и карабины были изготовлены осенью 1675 г. «по приказу боярина и оружейничаго Богдана Ивановича Хитрово», слѣдовательно, въ силу тогдашняго обычая, по волѣ царя Алексѣя Михайловича. Замѣтимъ, что такимъ образомъ первое оружіе иноземнаго типа попало въ руки Петра Великаго по распоряженію его отца.

Какъ же былъ организованъ надзоръ за играми робяткоу, которые представляли изъ себя группу мальчиковъ, вооруженныхъ «статьями со сто», хотя и игрушечныхъ, шестоперовъ, луковъ, копій, ножинокъ и т. п., и нуждались, несомнѣнно, въ довольно внимательномъ наблюденіи?

Такой надзоръ долженъ былъ лежать на обязанности дядьки, каковой обыкновенно назначался къ маленькимъ царевичамъ, когда они достигали «лѣтъ пяти»²⁾. Но къ Петру Великому, какъ доказалъ профессоръ Шмурло, первый дядька бояринъ Стрѣшневъ былъ назначенъ не раньше конца 1679 г.³⁾ До того, надзоръ за царевичемъ лежалъ на обязанности его мамки М. Б. Леонтьевой и ея помощницы Блохиной и выражался въ пріобрѣтеніи вещей для царевича, заготовкѣ платья, бѣлья, а также покупкѣ игрушекъ⁴⁾.

Вначалѣ, лѣтомъ 1675 г., этотъ надзоръ мамокъ, вѣроятно, исполнѣ удовлетворялъ потребностямъ Петра, его сверстниковъ и ихъ игрѣ. Но съ появленіемъ на сценѣ, осенью того же года, карабиновъ и пистолей винтованныхъ съ деревянными замками, положеніе дѣла должно было, какъ намъ кажется, измѣниться.

Мамки могли наблюдать за порядкомъ между робятками при всякаго рода игрѣ и могли ихъ обшивать и одѣвать, даже въ форменное платье. Но онѣ не могли показать любознательному царевичу, какъ владѣть пистолетами, или какъ приложиться изъ карабина, ни объяснить устройство и дѣйствіе ружейнаго замка⁵⁾.

Могъ ли предусмотрительный Алексѣй Михайловичъ, заказавъ для Петра рейтарское оружіе черезъ боярина Хитрово, не озаботиться способами ознакомленія царевича съ этой новой и интересной игрушкой? Намъ кажется вѣроятнымъ, что въ этомъ слу-

¹⁾ Забѣлинъ, *op. cit.*, стр. 16.

²⁾ Котошихинъ у проф. Шмурло, *op. cit.*, стр. 217.

³⁾ Проф. Шмурло, *op. cit.*, стр. 219.

⁴⁾ *Ibid.*, стр. 219, 220, 221.

⁵⁾ «При видѣ всякой новой вещи у него (царевича Петра) непременно рождались въ умѣ вопросы: какъ? что? изъ чего? для чего?.. онъ требовалъ къ себѣ (шкатулки, часы, разнаго рода оружіе)... чтобы дома на свободѣ изучить ихъ механизмъ, составныя части, практическое примѣненіе». Астровъ, *op. cit.*

чаѣ было поступлено такъ же, какъ при обученіи Петра грамотѣ: дядьки еще не было, за царевичемъ надзирала М. Б. Леонтьева, но азбукѣ обучалъ его специалистъ по книжному дѣлу. Съ устройствомъ же и практическимъ примѣненіемъ игрушекъ, вѣроятно, знакомили царевича специалисты по этой части. Н. П. Астровъ полагаетъ, что таковыми были мастера, изготовлявшіе игрушки. Это предположеніе очень правдоподобно вообще, но не можетъ отситься къ оружію, наука пользованія которымъ вполне отлична отъ науки изготовленія его. Станочникъ Андрей Васильевъ могъ бы объяснить Петру, изъ чего и какъ сдѣланы пистолы и карабины, но не какъ ими править. Это знаніе было специальностью офицеровъ, въ особенности иноземныхъ: мы видѣли выше, что передъ допущеніемъ Менезія и Гордона на русскую службу имъ было произведено, на Чертольѣ, особое испытаніе въ умѣннй владѣть разнаго рода оружіемъ.

Кто же изъ близкихъ къ царскому двору лицъ, осенью 1675 г., будучи офицеромъ, былъ настолько почтенъ царемъ и приближенъ къ его семьѣ, что могъ быть допущенъ въ дѣтскую царевича Петра? Отвѣтимъ словами И. Е. Забѣлина и Н. П. Астрова: можетъ быть, Павелъ Менезій.

Дѣйствительно, намъ кажется въ высшей степени вѣроятнымъ, что Менезій, находившійся у царя подъ рукой могъ присутствовать при играхъ «робятокъ», тѣмъ легче, что въ числѣ послѣднихъ находилось четверо родственныхъ ему дѣтей шотландокъ Гамильтоновъ—три сына Евдокіи Петровны Нарышкиной и сынъ ея тетки, Евдокіи Григорьевны Матвѣевой.

Присутствуя на этихъ играхъ, Менезій могъ подать мысль Матвѣеву прибавить къ старомодному оружію—шестопѣрамъ, топорамъ и пр. новое западно-европейское—пистолы и карабины и, само собой, получить порученіе познакомить дѣтей съ пользованіемъ оружіемъ этимъ. Или, какъ предполагаетъ г. Астровъ, самъ царевичъ могъ попросить Менезія о какихъ либо указаніяхъ и такимъ образомъ положить начало своимъ отношеніямъ къ нему. Или, наконецъ, Алексѣй Михайловичъ, заказавъ рейтарское оружіе, воспользовался присутствіемъ Менезія для лучшаго успѣха новой «потѣхи» своего сына.

Но за этимъ первымъ шагомъ послѣдовалъ другой, не менѣе любопытный.

Извѣстно, что у Петровскихъ «робятокъ» было форменное платье зеленаго цвѣта, вѣроятно, иноземнаго покроя, съ желтыми кушаками (зеленый цвѣтъ сталъ впоследствии господствующимъ цвѣтомъ мундировъ Преображенскаго полка)¹⁾.

¹⁾ На Крещенскомъ парадѣ 1698 года «за полкомъ Гордона (одѣтымъ въ красные мундиры) слѣдовалъ Преображенскій, хорошо одѣтый въ новые зеленые мундиры». Дневникъ Корба (изданіе Семеваго), стр. 128.

Указаніе на это платье встрѣчается въ августѣ и сентябрѣ 1679 г., т. е. ранѣе поступленія къ царевичу дядьки, боярина Стрѣшнева. 7-го августа боярыня Матрена Леонтьева взяла, читаемъ мы, въ хоромы царевича десять аршинъ сукна темнозеленаго робяткамъ на кафтаны, а 8-го сентября—два аршина тафты желтой робяткамъ на кушаки¹⁾.

Опять-таки мамка Петра могла «взять» упомянутые сукно и тафту, опредѣлить, сколько требовалось того или другого матеріала, и даже сшить Петру и его робяткамъ форменное платье, но могла ли она его ввести? Едва ли. Болѣе вѣроятно, что эта форма была введена мужчиной и, въ частности, офицеромъ. Все вышеизложенное указываетъ, что этимъ офицеромъ долженъ былъ быть Павелъ Менезій. Въ такомъ случаѣ ему принадлежитъ заслуга установленія, перваго «служилаго платья» Петра Великаго, которое можно считать «Дѣдушкой русскаго мундира», какъ ботикъ Петра Великаго считается «Дѣдушкой русскаго флота».

Перейдемъ теперь къ вопросу о книжномъ ученіи царевича.

Уже 8-го января 1675 года²⁾ для Петра была изготовлена «потѣшная книга», т. е. одна изъ тѣхъ книгъ съ картинками, которыя давались царскимъ дѣтямъ съ самаго ранняго возраста, для забавы.

Въ октябрѣ и ноябрѣ того же года подьячій Гавриловъ писалъ въ хоромы къ государю азбуку и часословъ, которые, согласно приведенному выше воззрѣнію И. Е. Забѣлина и Погодина, предназначались для Петра.

Въ это время, 26-го октября 1675 года, состоялся, по докладу Менезія Матвѣеву³⁾, указъ царя Алексѣя Михайловича выписать изъ Рима отъ аббата Скарлатти «персоны»⁴⁾ всѣмъ Римскимъ церквамъ, дворцамъ и инымъ достопримѣчательностямъ, съ обозначеніемъ ихъ мѣры въ ширину и длину, съ указаніемъ, «въ которомъ году и при которомъ цесарѣ и папѣ костелы и въ костелахъ святыхъ мощи положены», и описаніемъ домовъ прежнихъ цесарей и папъ и иныхъ замѣчательныхъ древностей.

«Пересылка отъ Москвы до Рима», — говорится далѣе въ докладѣ, — «и отъ Рима до Москвы 5 мѣсяцевъ почтою. На покупку персонамъ и для работы послать къ нему (Скарлатти) съ тою же

¹⁾ И. Е. Забѣлинъ, *op. cit.*

²⁾ Есиповъ, *op. cit.*, стр. 12.

³⁾ Издавая нашъ очеркъ отдѣльной книгой, мы напечатасмъ, въ числѣ прочихъ приложеній, полный текстъ упомянутаго доклада и другихъ документовъ, относящихся къ этому предмету и хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

⁴⁾ «Персонами» обыкновенно назывались портреты, но въ приводимомъ докладѣ этимъ именемъ обозначены изображенія церквей, дворцовъ и древностей, т. е. картины архитектурнаго и пейзажнаго характера.

почтой мскусу (мускусу) три фунта, на почту 15 червонныхъ. А въ то время готовить о началѣ Рима и обыкности римской, къ переводу для письма подьячихъ Новгородскаго и Галицкаго чети ¹⁾ Ивана Венюкова, Кузьму Зиновьева, Алексѣя Васильева».

Намъ кажется, что совпаденіе заказа римскихъ «персонъ», съ изготовленіемъ азбуки и часослова не было простой случайностью, а что и тѣ и другіе предназначались для цесаревича Петра, и что заказы эти явились выраженіемъ начала заботы царя Алексѣя Михайловича о книжномъ образованіи своего младшаго сына, на развитіе воинскихъ потѣхъ котораго царь обратилъ вниманіе въ это самое время, осенью 1675 г.

Что персоны были заказаны не для какого либо частнаго лица, а для члена царской семьи, видно изъ быстроты исполнительныхъ сношеній по этому дѣлу подлежащихъ вѣдомствъ и изъ разясняемой ниже значительности затраченной на это дѣло суммы.

Едва ли «персоны» предназначались для самого Алексѣя Михайловича: Менезій уже полтора года проживалъ въ Москвѣ по возвращеніи изъ Рима, и царь могъ бы гораздо ранѣе потребовать себѣ, еслибы пожелалъ, виды и описанія этого города. Кромѣ того, изъ доклада Менезія видно, что требованіе изображеній и текста обусловливалось какимъ-то срокомъ. Ускорить полученіе «персонъ» не было возможности, но нельзя было и ждать 5 мѣсяцевъ текста. Поэтому было повелѣно «а въ то время готовить о началѣ Рима и обыкности римской», т. е. составить въ Москвѣ историческую записку, которая могла бы быть готовой раньше, напримѣръ, къ декабрю мѣсяцу. Объ этой запискѣ докладывалъ Менезій, она должна была быть написанной на иностранномъ языкѣ, такъ какъ требовался переводъ, наконецъ Менезій уже тогда былъ въ Москвѣ специалистомъ по римскимъ дѣламъ. Въ виду этихъ данныхъ намъ представляется несомнѣннымъ, что записку долженъ былъ составить не кто иной, какъ самъ Менезій. На это указываетъ и приказаніе «вѣдать то все полковнику Павлу Менезіусу да подьячему Михайлу Тарасову».

Если же «персоны» и записка предназначались для Петра, то становится вѣроятнымъ, что на Менезія должно было быть возложено, въ дополненіе къ занятіямъ съ царевичемъ воинской «потѣхой», также нѣкоторое ознакомленіе его съ исторіей и бытомъ Западной Европы, черезъ демонстрированіе римскихъ «персонъ» и чтеніе разсказа по соотвѣтственному тексту. Можетъ быть, впрочемъ, записки Скарлатти и Менезія должны были служить для составленія постоянныхъ русскихъ «прописей» къ выписываемымъ изъ Рима или уже имѣвшимся въ Москвѣ римскимъ историческимъ

¹⁾ Эти чети находились въ завѣдованіи Матвѣева. Проф. Шмурло, *op. cit.*, стр. 196.

картинамъ, прописей, которыми могъ пользоваться и русскій учитель, и которыми, пожалуй, пользовался дякъ Зотовъ.

Заграничныя картины, гравюры и эстампы, изображавшіе «грады, палаты, великіе корабли, бои, взятіе городовъ, разныя исторіи въ лицахъ», назывались въ Москвѣ «фряжскими» и «нѣмецкими листами» и, какъ извѣстно, играли съ самаго начала большую роль въ обученіи Петра. Дѣтская царевича была ими обвѣшана. Но находились ли въ ихъ числѣ картины, выписанныя Менезіемъ,—не извѣстно. По замѣчанію И. Е. Забѣлина, упомянутыя листы были весьма важнымъ и по времени въ высшей степени полезнымъ руководствомъ для обогащенія дѣтскаго ума разнородными, болѣе или менѣе практическими свѣдѣніями, которыя восполняли въ тогдашнемъ образованіи весьма ощутительное отсутствіе наукъ. Въ наше время, сходный методъ примѣняется къ дѣтямъ младшаго возраста, подъ названіемъ «нагляднаго обученія».

Мысль начать съ Рима ознакомленіе царевича съ «разными исторіями въ лицахъ» находитъ себѣ весьма правдоподобное объясненіе въ томъ обстоятельстве, что Алексѣй Михайловичъ и его предѣстники на московскомъ престолѣ уже съ XV вѣка считали Римъ колыбелью своего царскаго рода. Въ грамотѣ, врученной папѣ Менезіемъ, царь писалъ: «Вѣдомо вамъ..., что отъ древнихъ нѣсколькихъ сотъ лѣтъ на великихъ и преславныхъ государствахъ Россійскаго царства были великіе государи прародители наши отъ рода Августа Цезаря, обладающаго всею вселенною, и отъ сродичей его отъ великаго князя Рюрика...».

Аббатъ Скарлатій, названный въ докладѣ, былъ, конечно, тотъ самый римскій пріятель Менезія, аббатъ Помпей Скарлатти, о которомъ было упомянуто выше.

Уплата за работу не деньгами, а товаромъ, была тогда у насъ въ обычаѣ. Мускусъ, добываемый въ Сибири и представляющій большую цѣнность при маломъ вѣсѣ, былъ въ собенности удобенъ для пересылки по почтѣ. Килограммъ натурального мускуса стоитъ теперь въ Западной Европѣ отъ 2.400 до 3.200 франковъ. Въ XVII вѣкѣ мускусъ едва ли былъ дешевле, изъ чего слѣдуетъ, что заказываемые объяснительный текстъ и картины должны были быть очень хорошо и серьезно исполнены. Мускусъ имѣлъ въ Римѣ литургическое примѣненіе. Папа вкладывалъ порошокъ мускуса въ «золотую розу», назначаемую въ подарокъ высокопоставленнымъ лицамъ, освящая ее въ четвертое воскресенье великаго поста. До Льва X папамъ подносили, при вводѣ ихъ во владѣніе Латеранскимъ дворцомъ, мускусъ вмѣстѣ съ 12 драгоценными камнями, въ кошелькѣ. Символически, мускусъ изображалъ благоуханіе добродѣтели. Мускусъ очень цѣнился такъ же, какъ лѣкарственное и парфюмерное снадобье.

Резюмируя изложенныя выше соображенія, можно, какъ намъ

кажется, высказать догадку, что царь Алексѣй Михайловичъ, мѣсяцевъ за шесть до начала болѣзни, которая свела его въ могилу, допустилъ, или даже привлекъ, Павла Менезія къ нѣкоторому участию въ воинскихъ потѣхахъ и книжномъ ученіи царевича Петра, не возводя, однако, Менезія, по означенному поводу, въ какое либо официальное званіе, а пользуясь его услугами, какъ сподручнаго и вѣрнаго спеціалиста по обращенію съ оружіемъ и по римской исторіи. Это участіе могло продолжаться, хотя съ перерывами, до перевода Менезія на службу въ Смоленскъ, въ 1680 г., но кончина цара и ссылка Матвѣева должны были отразиться неблагоприятно на участии этомъ.

Дѣятельность Менезія только начиналась и имѣла лишь какъ бы подготовительный характеръ, въ отношеніи будущаго образованія Петра, когда Алексѣй Михайловичъ заболѣлъ 19-го января 1676 года и вскорѣ почувствовалъ приближеніе смерти. Если царь былъ доволенъ Менезіемъ и имѣлъ въ виду дальнѣйшее развитіе его отношеній къ Петру, то какъ было Алексѣю Михайловичу не желать и не выразить своей воли, чтобы начатое развивалось далѣе и послѣ его кончины, чтобы по воспитанію Петра трудился и впредь испытанный человѣкъ, старый другъ царицыной семьи, «первенствовавшій въ всемъ» Менезій? При наличности подобныхъ обстоятельствъ уже не кажется невѣроятнымъ, не смотря на свое очевидное преувеличеніе, рассказъ Невиля, что Алексѣй Михайловичъ, видя, что наступаетъ его смертный часъ, «объявилъ» Менезія «гувернеромъ» царевича Петра.

Главнымъ возраженіемъ противъ достовѣрности сказанія Невиля является упоминаемое Погодинымъ отсутствіе прямыхъ архивныхъ указаній на занятія Менезія при Петрѣ.

На это возраженіе отвѣтилъ русскій архивный матеріалъ по XVII в. едва початъ. Не говоря уже провинціальныхъ архивахъ, которые еще не организованы, или о частныхъ, которые едва извѣстны, достаточно посѣтить богатѣйшій Московскій архивъ министерства юстиціи, дабы убѣдиться, что въ дѣлахъ одного только разряднаго приказа («главнаго штаба» допетровскаго войска) таятся многочисленныя неразработанныя первоисточники. Изъ нихъ мы воспользовались только малыми крупицами, указанными въ вышедшихъ въ печать описяхъ архива.

Вѣдь у насъ до сихъ поръ нѣтъ не только особой полной исторіи Алексѣя Михайловича и Ѳедора Алексѣевича, но даже научнаго жизнеописанія такихъ дѣятелей, какъ Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, Украинцевъ, Возницынъ, Протопоповъ и многіе другіе. Нѣтъ также крайне желательной подробной исторіи «Нѣмецкой слободы». Вотъ благодарное поприще для нашихъ молодыхъ ученыхъ, и лишь когда ими будутъ приведены въ извѣстность всѣ архивныя источники, касающіеся второй половины XVII вѣка,

можно будетъ признать отсутствіе прямыхъ свѣдѣній о спорномъ обстоятельстве этой эпохи доказательствомъ его несуществованія.

Вообще о лицахъ, близкихъ къ Петру въ первые годы его жизни, свѣдѣнія все еще чрезвычайно скудны.

Въ частности относительно наставничества Менезія документальныхъ свѣдѣній должно было сохраниться весьма мало, потому что отношенія, въ которыя, повидимому, Алексѣй Михайловичъ поставилъ Менезія къ царевичу Петру, были совершенно своеобразны и новы и не подходили ни подъ какую изъ существовавшихъ тогда служебныхъ рубрикъ.

Они касались, по выраженію И. Е. Забѣлина, «потѣхи», т. е. такой области, которая не принадлежала къ кругу вѣдомства никакого приказа, не требовала канцелярской переписки, была домашнимъ дѣломъ царя и его семьи и регулировалась личнымъ распоряженіемъ государя. Поэтому трудно даже сказать, въ дѣлахъ какого московскаго учрежденія могли бы найдтись по этому предмету документы. Ихъ было бы всего вѣрнѣе, какъ кажется, искать въ извѣстіяхъ о подаркахъ или жалованіи иноземнымъ служилымъ людямъ съ 1674 по 1688 г., какъ на это указано въ статьѣ г. Астрова.

Привлеченіе иностранца и въ особенности католика къ занятіямъ съ московскимъ царевичемъ казалось бы невозможнымъ, если бы подъ конецъ царствованія Алексѣя Михайловича существовало безусловное отчужденіе русской жизни отъ всего иноземнаго.

Извѣстно, однако, множество фактовъ, доказывающихъ, что въ разсматриваемое время сближеніе съ Западомъ уже сдѣлало значительные успѣхи въ высшихъ московскихъ правительственныхъ и придворныхъ сферахъ. Такъ, самъ Алексѣй Михайловичъ бывалъ въ дѣтствѣ одѣтъ, вмѣстѣ съ братомъ Иваномъ и стольниками, въ нѣмецкое платье, курты и т. п. Никита Ивановичъ Романовъ любилъ иноземные обычаи и рядился по-нѣмецки, впрочемъ выѣзжая въ такомъ нарядѣ только на охоту ¹⁾. Царевича Петра и воспитывавшихся съ нимъ дѣтей боярѣ одѣвали въ европейское платье. У сына Ордина-Нащокина, у сына перваго русскаго резидента въ Варшавѣ Тяпкина (1672 г.) и у А. А. Матвѣева, участника игръ Петра, были учителями иностранцы (въ томъ числѣ и католики) съ вѣдома и одобренія Алексѣя Михайловича. Иностранецъ Генрихъ Келлерманъ читалъ и переводилъ газеты передъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ ²⁾. Вообще число иностранцевъ, прибывавшихъ въ Россію по вызову или по собственному почину, постоянно возрастало, при чемъ московское правительство не только не относилось къ нимъ съ враждой или пренебреженіемъ, но охотно

¹⁾ Забѣлинъ, *op. cit.*, стр. 22.

²⁾ Ближній бояринъ Ѳ. Л. Ординъ-Нащокинъ. Проф. Иконниковъ, «Русская Старина». 1833 г., XL.

пользовалось ихъ услугами, какъ для «потѣхи», такъ и для науки, и съ вниманіемъ подвергало разсмотрѣнію ихъ заявленія и даже проекты.

Выше были упомянуты тѣ, съ которыми обратился къ московскому правительству, задолго до Лейбница, Лаврентій Рингуберъ.

Отставъ отъ Менезія, этотъ неустанный дѣятель вернулся въ Москву въ маѣ 1674 года, подъ видомъ уполномоченнаго саксонскаго герцога Эрнста, и предложилъ Матвѣеву для представленія царю, какъ бы отъ имени герцога, собраніе таблицъ и книгъ, содержащихъ разнообразныя свѣдѣнія о Саксоніи и о тамошнемъ порядкѣ управленія, въ богословскомъ, политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ, и цѣлый рядъ проектовъ преобразованій для Россіи.

Проекты эти касались внѣшней политики и внутреннихъ реформъ.

Относительно первой Рингуберъ лишь развивалъ планъ самого Матвѣева, рекомендуя дружбу со Швеціей и наступленіе противъ Турціи. Любопытно, что Рингуберъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, высказалъ подробно мысль о пользѣ для Россіи сближенія съ Абиссиніей, которою герцогъ Эрнстъ особенно интересовался.

Внутреннія мѣропріятія проектировались слѣдующія.

Герцогъ саксонскій обѣщалъ прислать царю ученыхъ математиковъ, механиковъ, металлурговъ, ремесленниковъ, землемѣровъ и, если царь попроситъ, то и ученыхъ, которые обучали бы дѣтей знатныхъ лицъ свободнымъ художествамъ. Искусные металлурги должны были открыть въ Россіи серебряную руду. Опытные географы и математики опредѣлили бы астрономическое положеніе различныхъ мѣстностей Московскаго государства и изслѣдовали бы сѣверные и восточные его предѣлы, ибо тамъ имѣются великія рѣки, текуція изъ Китая въ Ледовитый и Восточный океаны. Для конвоированія этихъ изыскателей должны быть отправлены немногочисленные, но самые вѣрные и хорошо обученные военные отряды. Послѣднихъ надлежало снабдить небольшими легкими орудіями, изобрѣтенными герцогомъ Эрнстомъ. Восточную торговлю, производимую до тѣхъ поръ моремъ, преимущественно голландцами, англичанами и португальцами, было бы легко отвлечь чрезъ Китай сухимъ путемъ на Сибирь или Казань,—цѣль, преслѣдуемая, встаети сказать, сибирской желѣзной дорогой.

Матвѣевъ открылъ Рингуберу свободный къ себѣ доступъ и, начиная съ 30-го мая, имѣлъ съ Лаврентіемъ неоднократныя совѣщанія. Артемонъ Сергѣевичъ докладывалъ царю, по порядку, книги и таблицы, привезенныя Рингуберомъ, чѣмъ, по словамъ саксонца, доставилъ царю удивительное удовольствіе (*verwunderliches Wolvergnügen*). 7-го іюня Рингуберъ былъ принятъ царемъ, который отнесся къ его проектамъ настолько серіозно и сочувственно, что отправилъ въ концѣ лѣта къ герцогу посланника для дальнѣйшаго выясненія дѣла.

Этимъ посланникомъ былъ подъячій посольскаго приказа Семенъ Протопоповъ, который является интереснымъ представителемъ новаго типа русскаго дипломата, типа, выработавшагося самобытно, ранѣе петровской реформы, и выгодно отличавшагося отъ прежнихъ московскихъ посланниковъ, къ которымъ на Западѣ относились нерѣдко съ безглицымъ удивленіемъ.

Сохраниая русскій національный обликъ и держа себя съ достоинствомъ, Протопоповъ очень понравился саксонцамъ своею вѣжливостью, умомъ, начитанностью, въ особенности въ богословскихъ наукахъ, и любовью къ музыкѣ. Намъ кажется, что изъ природныхъ русскихъ того времени къ этому же типу принадлежали извѣстные слуги Алексѣя Михайловича и его сыновей, посланники Украинцевъ и Возницынъ. Пользуясь расположеніемъ иностранцевъ, Протопоповъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ на отличномъ счету въ Москвѣ. Уже въ 1672 году онъ былъ посланъ къ польскому королю съ сообщеніемъ о военныхъ успѣхахъ русскихъ противъ турокъ и крымцевъ, и въ 1676 году въ Данію и Швецію, съ извѣстіемъ о кончинѣ Алексѣя Михайловича. Въ 1681 г. мы застаемъ Протопопова посломъ въ Варшавѣ.

Онъ велъ порученные ему въ Саксоніи переговоры съ большимъ тактомъ и неменьшей настойчивостью, будучи уполномоченъ выдать паспорты иностранцамъ, которые должны были отправиться въ Москву съ изложенными Рингуберомъ цѣлями, выяснить условія совмѣстныхъ дѣйствій противъ турокъ и подписать конвенцію относительно восточныхъ дѣлъ.

Оказалось, однако, что саксонскій герцогъ нисколько не желалъ слѣдовать по пути, намѣченному Рингуберомъ. Протопоповъ получилъ на всѣ свои вопросы, имѣвшіе цѣлью достигнуть практическаго результата, лишь уклончивые, хотя и самые дружественные отвѣты.

Неуспѣхъ миссіи Протопопова долженъ былъ показаться очень досаднымъ царю и Матвѣеву, исторія же этой миссіи указываетъ, какъ смѣло, спокойно и основательно Алексѣй Михайловичъ и его совѣтникъ относились къ проектамъ, въ которыхъ, по выраженію о. П. Пирлинга ¹⁾, предугадывались самыя мудрыя предпріятія Петра Великаго.

Дѣйствительно, распространеніе среди дворянъ образованія, преимущественно техническаго, разработка минеральныхъ богатствъ государства, изученіе водяныхъ путей сообщенія и развитіе торговли составляли постоянную заботу Петра.

Мы удалились отъ нашей біографической задачи, коснувшись вопроса о внутренней преобразовательной дѣятельности царя Алексѣя Михайловича. Отмѣтимъ только одну мѣру, относящуюся

¹⁾ Op. cit.

къ области внѣшнихъ сношеній, но имѣвшую весьма большое значеніе и для внутренняго русскаго быта: заключеніе, при установленіи Андрусовскаго перемирія, почтовой конвенціи съ Польшей въ 1667 году.

Еще во время пребыванія въ Ливоніи, Ординъ-Нащокинъ учредилъ (около 1660 г.) срочную почту, которая направлялась изъ Москвы на Ригу, какъ и въ Западной Европѣ того времени, ежедневно. Въ силу же конвенціи съ Польшей, такое же почтовое сообщеніе было установлено между Москвой и Польской границей, съ платой со стороны купцовъ, по обычаю, заведенному во всѣхъ государствахъ ¹⁾, т. е. по обще-европейскому тогдашнему почтовому тарифу. По почтѣ получались безпрепятственно изъ-за границы только-что начавшія появляться тамъ газеты, а также письма, въ которыхъ обыкновенно сообщались политическія извѣстія, въ родѣ упомянутаго выше увѣдомленія о сенефскомъ сраженіи. Между прочимъ, извѣстная намъ отправка мускуса въ Римъ доказываетъ, что при Алексѣѣ Михайловичѣ на почтѣ принимались для отправки изъ Россіи за границу цѣнныя посылки. Въ наше время это стало возможно въ Россіи только съ 1-го января прошлаго 1899 года.

Но почтовая конвенція Алексѣя Михайловича обезпечила намъ не только безпрепятственное и сравнительно быстрое полученіе изъ-за границы газетъ, писемъ и посылокъ. Она также сдѣлала возможнымъ свободный пріѣздъ въ Россію людей, тѣхъ «научныхъ, ремесленныхъ надобныхъ людей», которыхъ, какъ было упомянуто выше, не пропускали въ Россію при Іоаннѣ Грозномъ поляки, ливонцы и шведы, и которые становились для насъ все болѣе и болѣе необходимы. Алексѣю Михайловичу не удалось пріобрѣсти гавани на Балтійскомъ морѣ. Но, по Кардисскому договору со Швеціей, былъ выговоренъ свободный проѣздъ въ Москву докторамъ, лѣкарямъ, всякимъ служилымъ и мастеровымъ людямъ, а съ заключеніемъ почтовой конвенціи съ Польшей была сломлена въ этомъ направленіи вѣковая политическая преграда нашему свободному, если и не непосредственному, общенію съ Западомъ. Съ этой точки зрѣнія въ означенной конвенціи нельзя не видѣть мѣропріятія, содѣйствовавшаго подготовленію и облегченію преобразованій петровской эпохи. Въ теченіе 30 лѣтъ до начала реформъ Петра, заграничная почта ежедневно бороздила русскія нивы и дѣлала ихъ болѣе воспримчивыми для сѣмянъ, которыя потомъ разбросалъ по нимъ Великій Святель.

Среди упомянутой выше разносторонней и плодотворной внутренней и внѣшней политической дѣятельности, среди осуществленныхъ и подготовлявшихся преобразованій и, если вѣрить Невиллю,

¹⁾ Проф. Иконниковъ, *op. cit.*, стр. 59.

въ самомъ началѣ систематической заботы о воспитаніи царевича Петра, царь Алексѣй Михайловичъ, проболѣвъ 10 дней, скончался 46-ти лѣтъ, 29-го января 1676 года.

VI.

За кончиной Алексѣя Михайловича послѣдовали, при слабомъ Теодорѣ Алексѣевичѣ, господство Милославскихъ и опала Матвѣева и Нарышкиныхъ, покровителей Мenezія.

Самъ Мenezій былъ тогчасъ ¹⁾ отчисленъ, вмѣстѣ съ сыномъ, обратно изъ посольскаго приказа въ иноземный. Однако, 15-го іюля того же года, Павелъ былъ вызванъ преемникомъ Матвѣева, Лариономъ Ивановымъ, для объясненій по поводу писемъ, полученныхъ въ посольскомъ приказѣ отъ упомянутаго выше знакомаго Мenezія, датскаго резидента Гоэ.

Резидентъ этотъ, отъѣзжавшій на родину, участвовалъ въ интригѣ противъ Матвѣева, отправивъ на него въ Москву доносъ, 8-го іюля, изъ Ярославля.

Помимо личной неприязни къ Матвѣеву, Гоэ руководствовался, какъ намъ кажется, въ этомъ дѣлѣ также политическими мотивами.

Война Людовика XIV противъ Голландіи къ тому времени охватила всю Европу. Въ 1673 году образовался гаагскій великій союзъ противъ Франціи изъ голландскихъ штатовъ, императора Леопольда, королей испанскаго и датскаго, курфюрста бранденбургскаго и герцоговъ брауншвейтскаго и гессенскаго. Швеція стала открыто на сторону Людовика XIV и въ 1675 году потерпѣла рядъ пораженій отъ пруссаковъ и датчанъ. Послѣднимъ такъ же, какъ и прочимъ членамъ великаго союза, представилось тогда крайне желательнымъ dokonать Швецію, натравивъ на нее Россію.

Съ этою цѣлью пріѣзжали въ Москву еще при жизни Алексѣя Михайловича упомянутый выше Ботоній и голландскій посолъ фонъ-Кленкъ, и былъ отправленъ весной 1676 г. изъ Даніи, на мѣсто Гоэ, чрезвычайный посланникъ Фридрихъ фонъ-Габель.

Ботонию и Кленку не удалось поколебать дружественной Швеціи политики, которой слѣдоваль, какъ мы видѣли выше, Матвѣевъ.

Содѣйствуя удаленію послѣдняго, Гоэ могъ надѣяться добиться успѣха для новаго датскаго представителя.

Вѣроятно, съ этою цѣлью Гоэ написалъ свой доносъ и попытался вернуться въ Москву, получивъ въ Ярославлѣ письмо отъ датскаго короля съ приказаніемъ дожидаться своего преемника. Разсчитывая на дружбу Мenezія, Гоэ отправилъ черезъ него письмо по этому

¹⁾ 4-го февраля 1676 года.

Итого числа пбписки
 полковника Павлу Мене
 зисъ дьякъ Лариона
 ното дьякъ Лариона
 нова елариса. Helmond
 Paul Meneses has received
 a Letter from y^r King of Den
 mark to y^r Danish Resi
 dent, or from y^r Resident
 to y^r Kings Secretary, or
 to be sent to y^r Resident &
 y^r other to be sent to Den
 mark, & writt this n^y had

Росписка Менезія на англійскомъ языкѣ, 21-го іюля 1676 г.

(Снимокъ уменьшенъ противъ подлинника).

«И того жъ числа тѣ письма полковнику Павлу Менезиусу отданы и приказъ думнаго дьяка Лариона Иванова ему сказанъ». Переводъ съ англійскаго: «Я, полковникъ Павелъ Менезесъ, получилъ письмо отъ датскаго короля къ датскому резиденту (и) письмо отъ резидента къ королевскому секретарю, (одно) для отправленія къ резиденту и другое для отправленія въ Данію, (въ чемъ) собственноручно подписуюсь».

Москов. Гл. Архивъ М. Им. Д. Датскія дѣла. 1674 г.—іюль 1676 г.

предмету въ посольскій приказъ, съ приложеніемъ письма датскаго короля и еще одного документа. Но участіе Менезія въ интригѣ этой ограничилось полученіемъ въ посольскомъ приказѣ, когда онъ былъ туда вызванъ, адресованной ему переписки. Мы прилагаемъ снимокъ съ его росписки отъ 21-го іюля 1676 г., касающейся этого дѣла.

Личная интрига датскаго резидента удалась, но политическая не удалась. Гоэ и затѣмъ Габелю было отказано по всѣмъ пунк-

тамъ. Несмотря на перемѣны царствованія и на внутреннюю борьбу, внѣшняя политика московскаго правительства оставалась неизмѣнной и въ этомъ постоянствѣ черпала свою силу. Какъ при Алексѣѣ Михайловичѣ и Матвѣевѣ, такъ и при Θεодорѣ Алексѣевичѣ и Ларіонѣ Ивановѣ, при царевнѣ Софіи и князѣ В. В. Голицынѣ и при самомъ Петрѣ Великомъ до 1700 г., Россія неуклонно преслѣдовала сохраненіе выжидательнаго положенія на Балтійской окраинѣ и совмѣстную съ западными державами борьбу съ турками, изъ-за русскаго юга. Соотвѣтственно этому, миръ съ Швеціей не нарушался, а противъ Турціи были начаты, подъ Азовомъ и въ сторону Крыма, военныя дѣйствія Алексѣемъ Михайловичемъ, были предприняты Чигиринскіе походы 1677 и 1678 годовъ Θεодоромъ Алексѣевичемъ, крымскіе походы 1687 и 1689 годовъ въ правленіе царевны Софіи и Азовскіе походы 1695 и 1696 годовъ—Петромъ Великимъ. Результатомъ этого постоянства явились: вѣчный миръ съ Польшей 1686 года, вернувшій намъ навсегда Кіевъ, Смоленскъ и многія другія русскія области, и Константинопольскій договоръ съ Портой 1700 года, положившій конецъ турецкимъ притязаніямъ на югъ Россіи и открывшій намъ доступъ къ Черному морю. Какъ Чигиринскіе, такъ и Крымскіе и Азовскіе походы были совершены въ согласіи съ императоромъ Леопольдомъ, Венеціей и папой, во исполненіе программы, предложенной Алексѣемъ Михайловичемъ Западной Европѣ чрезъ Украинцева, Виніуса и Менезія.

Послѣдній, женившись вторымъ бракомъ 18 февраля 1676 года на Маргаритѣ (Маріи), вдовѣ извѣстнаго собственника Тульскихъ желѣзныхъ заводовъ, Петра Петровича Марселеса, рожденной Беккеръ-фонъ-Дельдентъ, захотѣлъ весной этого года вернуться на родину, видимо недовольный своимъ новымъ положеніемъ въ Москвѣ.

11-го мая 1676 года Павлу было дано просимое разрѣшеніе, но вскорѣ, въ виду наступленія турокъ на Чигиринъ, московскому правительству пришлось собрать и двинуть для обороны этой крѣпости всѣ наличныя военныя силы и отказаться отъ предположенія уменьшить число иностранныхъ офицеровъ на русской службѣ.

Менезій выступилъ въ походъ въ іюнѣ 1677 года командиромъ Рейтарскаго полка, комплектованнаго дворянами, преимущественно съ восточной окраины. Въ спискахъ «полка Менезіуса» значится въ числѣ другихъ офицеровъ прапорщикъ, мещеринъ, Степанъ Самойловичъ Чарыковъ. Этому Чарыкову авторъ приходится по прямой линіи, въ шестомъ колѣнѣ, внукомъ. Рядовыми названнаго полка въ 1677 и 1678 годахъ состояли еще 9 Чарыковыхъ, въ качествѣ «пропесныхъ рейтаръ и новиковъ» изъ Шацкаго уѣзда, гдѣ они владѣли помѣстьями и вотчинами, упомянутыми въ жалованной грамотѣ царя Алексѣя Михайловича Степану Чарыкову отъ 9-го февраля 1675 года.

Во время перваго Чигиринскаго похода полку Менезія не при-
велось быть въ бою. Турки были быстро разбиты и удалились. Ихъ
отступление приписывается отчасти угрозѣ со стороны персид-
скаго шаха.

Подобная угроза не была случайностью, — она служила цѣлью дипло-
матическихъ усилій папъ и другихъ западныхъ противниковъ султана,
искавшихъ издавна союза съ шахомъ для совмѣстныхъ дѣйствій
противъ турокъ

Съ этою цѣлью, а также для религіозной пропаганды и по
торговымъ дѣламъ посылались въ Персію изъ Западной Европы
посланники и миссіонеры. Двое изъ послѣднихъ, по возвращеніи
въ Римъ, были приняты Климентомъ X черезъ нѣсколько дней
послѣ Менезія. Единственный вѣрный путь въ Персію пролегалъ
черезъ Москву, и русскому правительству приходилось очень часто
разрѣшать западно-европейскимъ посланнымъ проѣздъ въ Персію.
Съ измѣненіемъ въ 1672 году нашей политики по отношенію къ
султану, мы сами стали заинтересованы въ успѣхѣ этихъ помога-
тельствъ, а при первомъ Чигиринскомъ походѣ даже испытали
отъ нихъ нѣкоторую пользу.

Второй Чигиринскій походъ былъ для насъ менѣе удаченъ. Чи-
гиринь, въ числѣ защитниковъ котораго былъ Гордонъ, пришлось
покинуть, при чемъ отрядъ генерала и сходнаго воеводы Венедикта
Андреевича Змеова принужденъ былъ отступить. Рейтарскій «полкъ
Менезіуса», входившій въ составъ этого отряда, понесъ довольно
значительный уронъ убитыми и ранеными офицерами, имена ко-
торыхъ, вмѣстѣ со многими крайне интересными генеалогическими
данными и свѣдѣніями по исторіи комплектованія и внутренняго
быта русской арміи наканунѣ петровскихъ реформъ, хранятся въ
дѣлахъ Разряда, въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи.
Эти данныя могутъ служить къ выясненію той скромной, но по-
лезной работы предшественниковъ Петра, которую, по выраженію
профессора А. З. Мышлаевскаго ¹⁾, заслонила полная энергіи, разру-
шенія и созиданія дѣятельность великаго преобразователя.

Между походами, Менезій проживалъ въ Москвѣ, гдѣ у него
былъ свой домъ въ Нѣмецкой слободѣ, обставленный хорошо, бла-
годаря приданому второй жены. Самъ Менезій, неизмѣнно честный
и скромный, не составилъ себѣ состоянія, а такъ какъ оставался
католикомъ, то не получилъ и помѣстій, жаловавшихся только тѣмъ
иностранцамъ, которые принимали православіе.

Въ 1680 году Менезій былъ переведенъ въ Смоленскъ, гдѣ и
находился во время смуты, сопровождавшей въ маѣ 1682 года кон-
чину Θεодора Алексѣевича и начало правленія Софіи.

Князь В. В. Голицынъ, къ которому тогда перешло началь-

¹⁾ Op. cit.

ствование въ посольскомъ приказѣ, относился къ Менезію, Гордону и вообще къ католикамъ благосклонно, и Менезій, наѣзжая въ Москву, принималъ по временамъ участіе въ дипломатическихъ переговорахъ, какъ, напримѣръ, въ 1683 году съ шведскимъ посольствомъ, и въ 1684 году—съ упомянутымъ выше папскимъ посланникомъ въ Персію, монсеньоромъ Кнабомъ.

Менезій участвовалъ съ двумя пѣшими полками во второмъ крымскомъ походѣ 1688 года и былъ произведенъ въ генераль-майоры.

Переворотъ 1689 года, лишившій власти царевну Софію, засталъ Менезія въ Смоленскѣ.

Когда Петръ, съ помощью Гордона, разрушилъ планы своихъ враговъ и сталъ единовластнымъ правителемъ, онъ вернулъ въ Москву Нарышкиныхъ, которые, по словамъ Невиля, тотчасъ вызвали туда Менезія. Въ Москвѣ Павелъ неоднократно угощалъ у себя французскаго дипломата вмѣстѣ съ Нарышкиными, отцомъ и сыномъ (вѣроятно, Кирилломъ Полуэктовичемъ, отцомъ царицы, и Львомъ Кирилловичемъ, поставленнымъ Петромъ во главѣ управленія иностранными дѣлами).

Съ этихъ поръ Менезій зажилъ съ семьей на покоѣ въ Москвѣ, пользуясь почетомъ и личнымъ расположеніемъ Петра, который у него бывалъ ¹⁾, но не принимая участія въ трудахъ молодого царя, вѣроятно, въ виду надвигавшейся старости и слабѣвшаго здоровья.

Послѣ продолжительной болѣзни Менезій скончался 57 лѣтъ, 9-го декабря 1694 года, и былъ похороненъ на старомъ нѣмецкомъ кладбищѣ, слѣды котораго сохранились до сихъ поръ въ Марьиной рошѣ, подъ Москвой.

Петръ Великій присутствовалъ 12-го декабря на богослуженіи въ католической церкви и 15-го числа на небывало торжественныхъ похоронахъ, которыми онъ почтилъ Менезія. И послѣ его кончины Петръ сохранилъ къ семьѣ Менезія доброе расположеніе и по временамъ ее посѣщалъ.

Отмѣченные нами знаки дружбы и вниманія Петра къ Менезію и его семьѣ могутъ быть объяснены, какъ намъ кажется, только существованіемъ между Менезіемъ и Петромъ Великимъ давнихъ и близкихъ отношеній, о которыхъ самъ Петръ, его мать и приближенные хранили симпатичное и благодарное воспоминаніе.

Отъ второй жены у Менезія было три сына и дочь. Старшій изъ нихъ Магнусъ (Максимъ) провелъ такъ же, какъ и упомянутый выше сынъ Менезія Томасъ, нѣсколько лѣтъ за границей, для науки. Затѣмъ оба брата служили успѣшно въ русскихъ войскахъ,

¹⁾ 16-го іюля 1691 года, 18-го сентября 1692 года, 2-го декабря 1694 года. Дневни ѣ Гордона.

при чемъ Максимъ принялъ русское подданство. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ шведами, въ чинѣ майора, подъ Нарвой, 20-го ноября 1700 года. Последнее упоминаніе о семьѣ Менезіа встрѣтилось намъ у путешественника Бруина, который былъ въ 1702 году въ Москвѣ на свадьбѣ въ домѣ «генеральши Менезіусъ», гдѣ пировалъ и Петръ Великій.

Въ Шотландіи Питфодельская вѣтвь рода Менезіевъ пресѣклась въ 1843 году, въ лицѣ бездѣтнаго Джона Менезіа, который основалъ въ усадьбѣ Менезіевъ Блерсъ (Blairs) римско-католическую духовную семинарію, существующую до сихъ поръ.

Что же касается русской вѣтви, то мы желали бы надѣяться, что настоящій очеркъ, напомнивъ широкому кругу читателей «Историческаго Вѣстника» о Павлѣ Менезіи, послужитъ къ отысканію въ Россіи кого либо изъ его потомковъ.

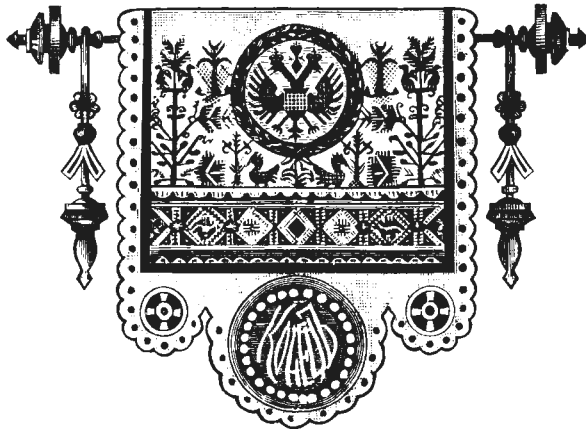
Окончивъ очеркъ жизни и службы Павла Менезіа, скажемъ, въ заключеніе, нѣсколько словъ о выводахъ, къ которымъ можно прійти, признавъ, съ изложенными выше оговорками, достовѣрность разсказа Невила о наставничествѣ Менезіа при Петрѣ Великомъ.

Вдумываясь въ характеръ Менезіа, невольно кажется, что еслибы мягкій и разсудительный Павелъ остался дольше вблизи царевича, многія шероховатости характера Петра Великаго не проявились бы, и его знакомство съ Нѣмецкой слободой принесло бы ему больше пользы и меньше вреда. Кажется также, что легкость, съ которой Петръ, сталъ сближаться съ иностранцами изъ Нѣмецкой слободы, нельзя не приписать, хоть отчасти, доброй памяти, оставленной иноземцемъ Менезіемъ въ душѣ Петра, на разсвѣтѣ его сознательной жизни, и тому обстоятельству, что важнѣйшіе изъ этихъ иностранцевъ—Гордонъ, мефортъ, Страсбургъ и др. были друзья и родственники Менезіа.

Можно также предположить, что Алексѣй Михайловичъ, видя въ Петрѣ будущую опору государства, преобразование котораго озабочивало царя и было въ извѣстной мѣрѣ имъ начато, задумалъ, по совѣту Матвѣева и Нарышкиныхъ, дать царевичу воспитаніе болѣе широкое, чѣмъ то, которымъ пользовались старшія царскія дѣти, и черезъ большее ознакомленіе Петра съ Западной Европой лучше подготовить его къ новымъ потребностямъ государственнаго управленія. Весьма вѣроятно, что допущеніе къ царевичу иностранца-наставника было самымъ смѣлымъ изъ тѣхъ нововведеній, дальнѣйшее осуществленіе коихъ было прервано преждевременной кончиной Алексѣя Михайловича. Въ Россіи, въ отличіе отъ Запада, реформы всегда начинались съ верху. Соответственно этому, надлежало основать преобразование государства на образованіи преобразователя.

Тою же мыслью руководствовался, безъ сомнѣнія, самъ Петръ Великій, когда онъ назначилъ въ 1701 году наставникомъ къ своему сыну Алексѣю—Нейгебауера, воспитанника Лейпцигскаго университета, рекомендованнаго саксонскимъ посланникомъ Карловичемъ, а въ 1703 году барона Генриха Гизена, человѣка замѣчательнаго умомъ и образованіемъ, происходившаго изъ древней благородной фамиліи цесарскаго города Эссена и служившаго сначала въ войскахъ цесарскихъ, французскихъ и датскихъ. Біографія Менезія можетъ выяснитъ, что въ этомъ отношеніи Петръ Великій не былъ новаторомъ: онъ сдѣлалъ для сына то, что для него было начато его отцомъ.

Н. Чарыковъ.

ВОСПОМИНАНІЯ П. А. ПАПКОВА ¹⁾.

I.

Аѳанасій Петровичъ Папковъ. — Пугачевскій бунтъ. — Дворецкій Данила Панкратьевъ. — Его разсказы о Пугачевѣ.

БДЪ МОЙ, Петръ Аѳанасьевичъ Папковъ, хотя и не принадлежалъ къ числу лицъ, приобрѣтшихъ въ свое время значеніе на служебномъ поприщѣ, но воспоминанія о нѣкоторыхъ эпизодахъ его служебной дѣятельности заслуживаютъ вниманія, въ виду историческихъ личностей, съ которыми ему приходилось соприкасаться по службѣ, а также въ виду той знаменательной эпохи политическихъ потрясеній, пережитыхъ Россіей, въ которую ему пришлось служить, — эпохи раздѣла Польши и Отечественной войны.

Отецъ Петра Аѳанасьевича Папкова, Аѳанасій Петровичъ, принадлежалъ къ старинному дворянскому роду, состоялъ на службѣ въ царствованіе Елисаветы Петровны, а въ началѣ царствованія Екатерины II-ой вышелъ въ отставку секундъ-майоромъ и поселился въ своемъ хуторѣ на Хопрѣ, въ мѣстности, входящей нынѣ въ составъ Саратовской губерніи.

Въ этомъ хуторѣ родился у него въ 1770 году сынъ Петръ, о которомъ идетъ рѣчь въ этихъ воспоминаніяхъ, а года три спустя,

¹⁾ Записаны съ его словъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

онъ покинулъ эту мѣстность и переселился въ Москву при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Уже въ 1770 году начали ходить по всему Поволжью слухи о неудовольствіи яицкихъ казаковъ, перешедшемъ въ открытое возмущеніе. Хотя оно и было подавлено генераломъ Фрейманомъ, но лишь на время, какъ это доказали послѣдствія, а самый очагъ возстанія продолжалъ разгораться. Разные бродяги распространяли между сельчанами слухъ, что всѣ люди должны быть свободными, но что тому препятствуютъ дворяне, которыхъ надо за это истреблять. Въ понятіяхъ народа вѣрность этихъ слуховъ подтвердилась повтореніемъ мятежа, во главѣ котораго сталъ Пугачевъ, именуя себя Петромъ III-мъ. Мятежъ разрослся съ необыкновенной быстротой и съ проявленіемъ крайней жестокости противъ дворянъ и вообще господъ. Имя Пугачева и рассказы о его звѣрствахъ гремѣли на всемъ Поволжѣ и заставляли опасаться появленія разбойничьихъ шаекъ въ мѣстности, гдѣ проживали Папковы. Хотя сельчане любили Папкова, какъ добраго и справедливаго барина, но все-таки было рискованно на нихъ полагаться, такъ какъ были не единичные примѣры, что крестьяне сами выдавали Пугачеву своихъ господъ, чтобъ заслужить для самихъ себя его помилованіе. Все это извѣстно изъ описаній того времени, но для меня представляло особый интересъ то, что я могъ слушать рассказъ объ этихъ событіяхъ изъ устъ очевидца.

Таковымъ былъ бывший у дѣдушки дворецкій. Въ то время, когда онъ намъ рассказывалъ про пугачевскій бунтъ, мнѣ было лѣтъ тринадцать, а ему подъ восемьдесятъ. Онъ былъ почтеннымъ старикомъ, котораго въ домѣ дѣда величали уже по отчеству; его звали Данило Панкратьевъ. Онъ уже не несъ службы въ домѣ дѣда, а жилъ у него же на покой, присматривая за всѣмъ въ домѣ по старой привычкѣ. Мы слушали его съ возбужденнымъ вниманіемъ при мысли, что онъ былъ, хотя и ребенкомъ, очевидцемъ этихъ ужасовъ. Въ самый разгаръ пугачевского бунта въ 1773 году, будущему дворецкому Данилѣ Панкратьеву, а тогдашнему мальчишкѣ Данилкѣ, было около девяти лѣтъ отъ роду. Онъ былъ сыномъ ключника, или по-теперешнему приказчика, на хуторѣ старика Папкова и могъ узнавать о многомъ изъ разговоровъ, слышанныхъ имъ у его отца, а, будучи мальчишкой смѣтливымъ и развитымъ, онъ хорошо понималъ всю важность того, что слышалъ про Пугачева, и все это такъ вѣзалось въ его память, что ему и въ старости казалось, что это только что недавно случилось.

Правдивость чувствовалась во всемъ его повѣствованіи; онъ и теперь былъ проникнутъ страхомъ, казалось, не менѣе того, который испытывалъ въ то время, слушая рассказчиковъ о подвигахъ этой колоссальной шайки разбойниковъ. Дѣдушка Петръ Аванасьевичъ имѣлъ привычку иногда послѣ обѣда уснуть на часокъ, чтобъ быть

бодрѣ для своей партіи въ пикетъ въ англійскомъ клубѣ, куда онъ ежедневно ѣздилъ по вечерамъ. Мы, дѣти, и пользовались этимъ часомъ, чтобъ упросить Панкратьева разсказать намъ что нибудь про страшное время.

— И какъ не хорошо,—бывало говорилъ Панкратыичъ,—право, не хорошо, господа, что вы меня все въ грѣхъ вводите. Баринъ будетъ сердиться; еще намедня они мнѣ выговаривали: «съ чего это ты дѣтямъ все про бывлыя страсти разсказываешь? изъ ума ты что ли выжилъ? Дѣтское ли этѣ дѣло про такія дѣла слышать?» А вы, господа, все твердите, разскажи, да разскажи.

— Ну, да хорошо, Панкратыичъ, довольно; разскажи поскорѣе, какъ вы изъ хутора уѣхали?

— А уѣхали-то, господа, вотъ какъ. Объ эту пору много слынялось разнаго народу, бродяги ли, рабочіе ли, что шли на заработки, кто ихъ знаетъ, или погорѣльцы, уѣбжавшіе изъ мѣстъ, гдѣ Пугачевъ орудовалъ топоромъ да висѣлицей. Вотъ многіе и разсказывали, какъ этотъ самый Пугачевъ подойдетъ съ своими казаками къ крѣпости и посылаетъ свой приказъ сдаться. А вѣдь тамъ за стѣнами все есть—и солдаты и пушки, и, кажись, крѣпко. Начальники въ крѣпости приказываютъ своимъ стрѣлять и защищаться, а эти-то промежь себя толкуютъ: «А кто его знаетъ, можетъ, онъ и вправду императоръ Петръ III, такъ съ чего же намъ противъ него сражаться? Нѣтъ, братцы, откроемъ-ка мы ему лучше ворота, а тамъ пускай онъ самъ разсудитъ». А какъ его въ крѣпость пустять, тутъ онъ сейчасъ свой судъ и учиняетъ. Гарнизону, за то, что признали его, велитъ выставить водки и спаиваетъ а господъ всѣхъ вѣшаетъ за то, говоритъ, что измѣнники. Такъ-то онъ и забиралъ крѣпости одну за другой, а войска у него становилось все больше и больше. Тогда пошелъ онъ ужъ и на большіе города, а по дорогамъ всюду, гдѣ онъ проходилъ со своей разбойничьей ватагой, жегъ господскія усадьбы, самихъ господъ тиранія и убивалъ. Женщинъ они въ свой лагерь уводили, а какъ итти дальше, то чтобъ не мѣшали, либо убивали ихъ, либо бросали на дорогѣ. Изъ народа, если противъ него не шли, онъ меньше трогалъ, а главное не щадилъ дворянъ за то, что они стояли за матушку-царицу, а его не признавали. Слыхалъ я все это, когда у тятеньки объ этомъ говорили, и очень мнѣ было страшно, а все-таки хотѣлось знать, что дѣлается, да и что съ нами будетъ.

— Баринъ нашъ Аванасій Петровичъ былъ добрый баринъ, ужъ такой добрый, что на рѣдкость. Царствіе ему небесное! Они сначала задумали въ случаѣ чего защищаться всѣмъ вмѣстѣ. Для этого писали они въ Москву, или, можетъ, въ какое другое мѣсто, прося прислать имъ войска, а ужъ если нельзя, то хоть ружей и пороху. Приказали они было сдѣлать окопы на манеръ крѣпости. Но время шло, отвѣтовъ они не получали, а слухи про тѣхъ раз-

бойниковъ становились все страшнѣе. Тогда тятенька съ дворовыми и сельчанами всѣ вмѣстѣ собрались, пришли къ барину и просили, чтобъ онъ послушалъ, о чемъ они хотятъ его просить.

Баринъ велѣлъ ихъ позвать къ себѣ и сказалъ имъ:

— Я самъ хотѣлъ васъ звать къ себѣ, ребята, чтобъ поговорить о нашей общей бѣдѣ. Можетъ, Господь и помилуетъ насъ, но разъ что онъ намъ за грѣхи послалъ такое наказаніе, какъ этотъ звѣрь-разбойникъ, то и слѣдуетъ намъ вмѣстѣ принять это отъ Господа, какъ крестъ. Вооружимся чѣмъ можемъ, топорами что ли, косами, и будетъ защищаться до конца. Лучше всѣ погибнемъ, ребята, но не измѣнимъ присягѣ, что мы дали нашей матушкѣ-царицѣ, и останемся ей вѣрными слугами, пока хоть одинъ живъ останется. А что онъ увѣряетъ, что онъ императоръ Петръ III, такъ вы этому не вѣрьте. Не императоръ онъ, а злодѣй, обманщикъ, вѣрнѣе всего какой нибудь бѣглый каторжникъ.

Тогда всѣ, сколько насъ тутъ было, пали на колѣна, а тятенька мой сталъ за всѣхъ говорить барину:

— Баринъ ты нашъ добрый, Аванасій Петровичъ, самъ знаешь, ты вѣдь нашъ баринъ, и что твоя милость велить, то и будетъ, а только дозвожь тебѣ сказать, что мы всѣ вмѣстѣ надумали. Разбойникъ этотъ злится пуще всего на господъ и ихъ-то пуще всего казнить и вѣшаетъ. Кто только изъ тѣхъ мѣстъ приходили, всѣ то же говорили. Сброду-то всякаго съ нимъ теперь, говорятъ, нѣсколько тысячъ бродятъ; а коли этотъ злодѣй да въ наши мѣста съ своими шайками придетъ, чѣмъ же мы твою милость защищать-то будемъ? Ни ружей, ни пороху у насъ нѣтъ, да мы и оглядѣться не успѣемъ, какъ насъ перестрѣляютъ и изрѣжутъ. А что же будетъ съ ея милостью, съ нашей барыней, вѣдь они ея милость съ собой поволокутъ. А съ дѣтками твоими что будетъ? Приколютъ ихъ и псамъ на сѣденіе бросятъ. Батюшка ты нашъ, Аванасій Петровичъ, молимъ тебя, послушай ты насъ, глупыхъ. Жалѣючи тебя съ доброй барыней нашей и малыхъ дѣтокъ твоихъ, молимъ тебя, увѣзжай ты отсюда куда хочешь, а здѣсь не оставайся. И насъ-то, можетъ быть, Господь помилуетъ за то, что мы тебя упросили уѣхать. А матушкѣ-царицѣ ты вездѣ можешь послужить». Баринъ сталъ было говорить, что онъ уѣхать не можетъ, что его долгъ оставаться тутъ и защищаться вмѣстѣ со всѣми. Но тутъ всѣ уже заговорили, что еще хорошо, кабы было чѣмъ защищаться, а то вѣдь нечѣмъ, и стали молить барина уѣхать. Вѣрите ли, господа, всѣ навзрыдъ плакали, даже старики, пока не умолили его. Наконецъ онъ согласился и рѣшилъ такъ: собраться и ѣхать съ нимъ всѣмъ дворовымъ, затѣмъ что дворовыхъ, какъ близкихъ слугъ господскихъ, Пугачевъ бы не пощадилъ, а сельчанъ однихъ безъ господъ онъ трогать не станетъ. И какъ я, господа, обрадовался, что мы скоро уѣдемъ; очень ужъ страшно было. Да и всѣ радовались, точно и вся бѣда миновала.

— Какъ ты все это долго рассказываешь, Панкратьичъ,—вставляли мы нетерпѣливо,—говори скорѣй, успѣли ли вы уѣхать.

— Эхъ, господа, все бы вамъ только поскорѣй; надо же толкомъ рассказать, вѣдь я по-стариковски, скоро говорить не могу... Такъ вотъ стали наши собираться. Приготовили два возка для господъ, нѣсколько подводъ для насъ, дворовыхъ, и цѣлый обозъ съ господскимъ добромъ и живностью. Господа уѣхали вперёдъ на долгихъ, а затѣмъ потянулся и нашъ обозъ. Очень спѣшили мы, чтобъ успѣть доѣхать до мѣста по санному пути. Былъ уже конецъ января, боялись, что, случись ранняя весна, рѣчки вскроются, и проѣзда не будетъ, а до Рязани-то путь долгій. Вѣдь это, господа, не то, что теперь, тогда дорогъ-то почитай никакихъ не было.

Слушая Панкратьича, мы радовались, что отъѣздъ ихъ совершился благополучно, и что имъ посчастливилось не повстрѣчаться съ Пугачевымъ, на что Панкратьичъ намъ отвѣтилъ:

— А знаете, господа, вѣдь я этого Пугачева самъ своими глазами видѣлъ.

— Какъ? Самого Пугачева?—переспросили мы въ изумленіи:— да гдѣ же?

— Да-съ, самого Пугачева. Господа наши прожили лѣто у родственниковъ Обольяниновыхъ за Рязанью, а на зиму переѣхали въ Москву. Тутъ вскорѣ по всей Москвѣ пронесся слухъ, что Пугачева схватили, связали и что его везутъ въ клѣткѣ въ Москву. Вотъ когда его привезли, всѣ улицы были полны народа, все это высыпало, чтобъ на него посмотрѣть; и наши всѣ ходили, а меня въ тотъ разъ не пустили. Я уже послѣ сбѣгалъ съ нашими дворовыми мальчишками и поглядѣлъ на него, когда онъ былъ посаженъ на цѣпь въ тюрьмѣ, что называлась Монетный дворъ. И страшный же онъ былъ, господа. Рожа противная, злая, глядитъ лютымъ звѣремъ, ругается и рвется на своей цѣпи. Скоро ему и конецъ насталъ. Вѣрно было его казнить. Вотъ и повезли его черезъ Москву въ саняхъ, въ которыхъ было устроено высокое мѣсто для сидѣнья, такъ чтобы оно было видно всѣмъ. Тамъ сидѣлъ Пугачевъ, а противъ него священникъ, да еще одинъ служащій. Морозъ былъ въ этотъ день трескучій. Мы, ребята, выбѣжали посмотрѣть, какъ его повезутъ, а потомъ побѣжали къ самому тому мѣсту, гдѣ ему должны были отсѣчь голову, забрались на крышу одного дома и оттуда смотрѣли. Какъ привезли его, тотчасъ повели на высокой помостъ, туда же вошли священникъ и служащій. А тамъ уже стояли палачи и еще четверо злодѣевъ. Забили барабаны; потомъ служащій прочелъ указъ о томъ, что повелѣно ихъ всѣхъ казнить. Послѣ этого священникъ что-то говорилъ Пугачеву, вѣрно наставлялъ его молитвой и благословилъ его, а онъ сталъ кланяться на всѣ стороны и просить прощенія у народа въ томъ, что много душъ загубилъ. Тутъ его какъ-то пова-

лили; палачъ сразу отсѣкъ голову и поднялъ ее на высокомъ шестѣ, чтобъ весь народъ могъ ее видѣть. Тутъ же прикончили и другихъ четверыхъ злодѣевъ, однимъ головы рубили, а другихъ повѣсили. Не дай вамъ Богъ, господа, такіе ужасы видѣть. Мы, мальчики, глядя на все это, тряслись отъ страха, какъ въ лихорадкѣ, едва домой добѣжали, а дома насъ еще тятенька здорово отколотилъ за то, что мы туда бѣгали смотрѣть. Вѣрите ли, господа, вѣдь много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а меня и теперь дрожь пробираетъ, какъ только вспомню объ этомъ. А только вы барину какъ нибудь опять не проболтайте, какъ въ прошлый разъ, а то мнѣ крѣпко достанется. Ахъ! да не слѣдовало мнѣ васъ слушаться, а просто сказать бы вамъ, что молъ ничего не знаю, или не помню, ужъ очень старъ сталъ, вотъ и все.

Мы успокоили Панкратъича, обѣщая ему, что дѣдушка ничего не знаетъ, но сами мы были ужасно потрясены этимъ рассказомъ и смотрѣли на Панкратъича съ особымъ уваженіемъ, какъ на очевидца такихъ страстей. Не разъ впослѣдствіи рисовались въ нашемъ воображеніи кровавые подвиги Пугачева и заслуженное имъ возмездіе.

II.

Начало службы Петра Аванасьевича Папкова.—Жизнь въ крѣпости на Кавказѣ.—Спасеніе персидскаго купца.—Перемѣна службы.—Участіе въ польской кампаніи

Немало потребовалось времени, чтобъ успокоить сколько нибудь огромный край, утратившій всякое гражданское устройство, выжженный и разоренный этимъ колоссальнымъ мятежемъ, но сохранившій въ себѣ тѣ же затаенныя искры возмущенія, могущія легко разгорѣться вновь. Лѣтъ пятнадцать спустя, Папкову суждено было начать свою службу именно въ этомъ краѣ. Благодаря короткому знакомству его родителей съ однимъ изъ вліятельныхъ начальниковъ, онъ былъ зачисленъ по артиллеріи въ одно изъ укрѣпленныхъ мѣстъ на южной границѣ между Терекомъ и Кубанью. Это давало ему возможность скорѣе выдвинуться по службѣ, такъ какъ со стороны Терека происходили частыя стычки съ горцами, чтобъ отражать ихъ хищническіе набѣги, а со стороны Кубани приходилось наблюдать за казацкими станицами, заселенными бывшими яицкими казаками, насильно переселенными на Кубань послѣ мятежа и почти открыто высказывавшими свое неудовольствіе. Но, къ несчастью, благодаря его ближайшему начальнику, жизнь Папкова протекла въ этомъ мѣстѣ служенія при весьма неблагоприятныхъ условіяхъ. Начальникъ крѣпостцы былъ человѣкъ безъ всякаго образованія, грубый, предававшійся постоянно пьянству и жестокій въ обращеніи съ солдатами. Прочіе офицеры проводили время тоже за картами и виномъ.

Молодой Папковъ, получившій хорошее домашнее образованіе и попавшій въ такую среду, не могъ примкнуть къ ней, а по прямотѣ своего характера не могъ это показать хотя бы для виду, а потому онъ сталъ ненавистенъ и начальнику и товарищамъ своимъ, которые всячески отравляли ему жизнь. Папкова возмущало жестокое обращеніе начальника съ солдатами, онъ наказывалъ ихъ за ничтожные проступки двумя-стами и болѣе ударами розогъ, а менѣе ста ударовъ никогда не назначалъ. Находясь въ возбужденномъ состояніи отъ пьянства, онъ часто наказывалъ ихъ и безъ всякой причины. Не понравился или чѣмъ нибудь не угодилъ, ну, и дать ему сто розогъ. Папковъ не могъ иногда себя сдерживать и пробовалъ заступиться за солдатъ, или, вѣрнѣе сказать, просить за нихъ; но эти просьбы или заступничества не были, разумѣется, принимаемы начальникомъ во вниманіе, онѣ нисколько не облегчали участи солдатъ и приносили только вредъ самому Папкову.

Лучшими днями его тогдашней службы были тѣ, въ которы ему приходилось исполнять какія нибудь порученія внѣ крѣпостцы, для сбора сѣна или хлѣба, для предупрежденія или отраженія набѣговъ со стороны горцевъ или для наблюденія за кубанцами. Въ этомъ отношеніи дорожили Папковымъ, какъ дѣльнымъ и способнымъ офицеромъ, и начальникъ крѣпостцы взваливалъ преимущественно на него всѣ эти порученія къ вящему удовольствію какъ Папкова, такъ и солдатъ, шедшихъ съ нимъ въ командировку, находившихся въ это время подальше отъ своего нелюбимаго командира.

Въ одну изъ этихъ командировокъ ему удалось спасти одного, какъ оказалось, персидскаго купца отъ напавшихъ на него горцевъ. Купцовъ было двое. Горцы захватили ихъ товаръ и уводили ихъ въ плѣнъ, когда Папковъ съ своимъ отрядомъ разогналъ горцевъ и отбилъ одного изъ плѣнныхъ, уже раненаго, а другой былъ убитъ. Спасенный мусульманинъ былъ пораженъ тѣмъ, что обязанъ своимъ спасеніемъ христіанину, и говорилъ, что всю жизнь будетъ молить Аллаха, чтобъ онъ далъ ему возможность отблагодарить Папкова за его благодѣяніе.

— Какъ?—говорилъ онъ,—свой мусульманинъ ограбилъ и чуть не убилъ меня, а ты, христіанинъ, защитилъ и спасъ меня. Великъ Аллахъ, который допускаетъ какія дѣла. Ты, русскій,—добрый человекъ. Вѣрь, я на всю жизнь твой должникъ.

Раненаго персіянина приютили въ крѣпостцѣ, полѣчили, и какъ только онъ былъ въ состояніи продолжать путь, ему дали проводника и направили по тракту въ Астрахань.

Въ рѣдкихъ письмахъ, которыя удавалось Папкову отправлять къ его родителямъ изъ этого отдаленнаго мѣста, онъ извѣщалъ ихъ о своемъ житьѣ-бытьѣ и въ послѣднее время сталъ настоя-

тельно просить выхлопотать перечисленіе его въ другое мѣсто служенія. А въ тѣхъ письмахъ, которыя онъ получалъ изъ дома, никогда объ этомъ ни слова не говорилось, а высказывались лишь жалобы на то, что онъ къ родителямъ очень рѣдко пишетъ. Папкову стало ясно, что его письма не доходятъ до его родителей. Это было тѣмъ досаднѣе, что оказіи для отправки писемъ были не часты. Онъ заподозрѣлъ, что его письма перехватываются въ крѣпостцѣ, и рѣшилъ во что бы то ни стало довести до свѣдѣнія своихъ родителей обо всемъ, что съ нимъ происходитъ и добиться измѣненія своего невыносимаго положенія.

Отправляя сына на службу, старикъ Папковъ далъ ему съ собой одного изъ своихъ слугъ, опытнаго и вѣрнаго человѣка, который при молодости сына могъ бы въ иныхъ случаяхъ быть ему полезенъ и совѣтомъ. Онъ служилъ молодому барину вѣрой и правдой и любилъ его, какъ умѣли любить и служить тогдашніе слуги. Онъ заботился о немъ, какъ о родномъ, и не разъ его простылъ, но серьезныя рѣчи утѣшали и ободряли молодого барина. Не находя другого средства извѣстить своихъ родителей о томъ, что съ нимъ происходило, Папковъ рѣшился изложить все въ письмѣ и отправить своего вѣрнаго слугу въ Москву, чтобъ передать лично письмо его отцу. Не понимая возможности оставить своего барина одного, тотъ хотѣлъ было послушаться, но Папковъ растолковалъ ему, что это необходимо. Его замѣнили другимъ денщикомомъ, и онъ пустился въ путь.

Родители Папкова были очень изумлены, когда онъ прибылъ къ нимъ и вручилъ старому барину письмо отъ сына. Его рассказы увеличили то огорченіе, которое они испытывали, читая письмо сына.

Отецъ Папкова поспѣшилъ сообщить обо всемъ своему пріятелю, главному начальнику войскъ того края. Слѣдствіемъ этого было то, что молодой Папковъ былъ переведенъ съ производствомъ въ слѣдующій чинъ въ войска, состоявшія подъ начальствомъ генерала Ферзена для дѣйствія противъ поляковъ. Переводъ его именно въ эти войска былъ сдѣланъ какъ бы въ вознагражденіе за прітѣсенія, испытанныя имъ въ крѣпостцѣ, дабы дать ему возможность отличиться во время военныхъ дѣйствій. Папковъ воспользовался вполне этой льготой. Онъ показалъ себя храбрымъ и хорошимъ боевымъ офицеромъ и успѣлъ заслужить личную похвалу командовавшаго войсками за подвигъ, оказанный имъ при одной стычкѣ, въ которой онъ съ четырьмя орудіями сдерживалъ натискъ значительнаго отряда поляковъ и отбивался отъ нихъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, пока русскій отрядъ не зашелъ имъ въ тылъ. Отступленіе было имъ отрѣзано, и отрядъ былъ большею частью уничтоженъ и разбѣянъ.

Разсказывая про сраженіе близъ деревни «Маціовицы» и про штурмъ Праги, предмѣстья Варшавы, въ которомъ онъ участвовалъ,

Петръ Аванасьевичъ Папковъ говаривалъ, что тотъ, кто побывалъ въ этихъ битвахъ и остался цѣль, можетъ почитать себя вдвойнѣ счастливымъ, какъ участникъ славныхъ подвиговъ русскаго воинства, пережившій эти смертоносные дни.

Сраженіе при деревнѣ «Маціовицы» было бой жестокой. Поляки шли храбро въ огонь и дрались съ отчаяннымъ ожесточеніемъ; видно было, что воодушевленные своимъ вождемъ Костюшкой они дрались, чтобъ пробиться или пасть. Въ теченіе этого продолжительнаго сраженія не разъ поляки мѣстами временно торжествовали, но все же должны были отступать подъ неудержимымъ натискомъ русскихъ, затѣмъ вновь нападали и снова были отбрасываемы. Наконецъ, ихъ кавалерія бросилась стремительно въ атаку на нашу пѣхоту, но порвать ея рядовъ не смогла. Всѣ атаки кавалеріи разбились о стойкость русскихъ штыковъ, и поляки обратились въ бѣгство подъ градомъ картечи и были преслѣдуемы по пятамъ нашей конницею. А казакамъ удалось взять въ плѣнъ и самого Костюшку, когда его лошадь завязла въ болотѣ. Онъ былъ весь израненъ и взятъ послѣ отчаяннаго сопротивленія. Немногіе спаслись бѣгствомъ и привезли это ужасное для нихъ извѣстіе въ Варшаву. Едва ли четверть всей польской арміи спаслась, остальные погибли или были взяты въ плѣнъ.

Это былъ день великаго торжества для русскихъ. Эта побѣда и дала возможность соединиться отрядамъ Суворова и Ферзена и удивить Европу новымъ геройскимъ подвигомъ, штурмомъ Праги и взятіемъ Варшавы. Эта послѣдняя побѣда, положившая конецъ войнѣ, была одержана гениальнымъ Суворовымъ, какъ и многія другія, не численностью войскъ, а непреклоннымъ выполненіемъ плана дѣйствій, быстротой наступленія и увѣренностью въ беззавѣтной храбрости войскъ, имѣвшихъ въ его распоряженіи. Штурмъ Праги есть одно изъ тѣхъ смѣлыхъ дѣлъ, которыя и осуществимы только съ такими доблестными войсками. Потери были не малы и съ нашей стороны, но результатъ этой побѣды имѣлъ громадное значеніе. Не будь этого рѣшительнаго удара, и продолжайся бесплодная война, убыль въ нашихъ войскахъ при ежедневныхъ стычкахъ была бы никакъ не меньше, но не была бы вознаграждена осязательными выгодами.

Варшава сдалась, Суворовъ торжествовалъ, наши войска ликovali, а великая государыня наша радовалась возвеличенію Россіи и щедро наградила всѣхъ своею царскою милостью.

III.

Служба Папкова при графѣ Аракчеевѣ. — Характеристика графа. — Разказы о немъ.—А. П. Ермоловъ.—Обращеніе Аракчеева съ своимъ камердинеромъ и крѣпостными людьми.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ окончанія войны Папковъ былъ переведенъ въ первую артиллерійскую бригаду, вскорѣ послѣ ея сформированія, а затѣмъ, спустя нѣкоторое время, судьба поставила его въ близкое служебное соприкосновеніе съ графомъ Аракчеевымъ. Чѣмъ собственно состоялъ при Аракчеевѣ Папковъ, адъютантомъ ли, по особымъ ли порученіямъ, или еще чѣмъ другимъ, я этого теперь въ точности вспомнить не могу, но мнѣ извѣстно изъ того, что намъ рассказывалъ самъ Петръ Аванасевичъ, что, состоя при Аракчеевѣ по артиллерійскому управленію, ему приходилось дѣлать графу частые доклады, лично подавать ему бумаги къ подписи и такимъ образомъ быть постоянно въ близкомъ соприкосновеніи съ нимъ и рисковать ежечасно заслужить его гнѣвъ, который онъ проявлялъ по самымъ неожиданнымъ причинамъ, а потому не представлялась возможность его предотвратить.

Трудно себѣ представить теперь, чтобы приблизительно сто лѣтъ тому назадъ, при добромъ и мягкосердомъ императорѣ Александрѣ I, могъ стоять, такъ сказать, внѣ законовъ, до того его власть была велика, человѣкъ, какъ Аракчеевъ, жестокій, мстительный, не допускавшій никакого возраженія и распорядившійся въ теченіе цѣлаго царствованія, за ничтожнымъ перерывомъ, судьбою сотенъ тысячъ людей, подвергавшихся его гнѣву совершенно безапелляционно.

Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ Аракчеевъ держался того мнѣнія, что единственнымъ и лучшимъ средствомъ приводить въ исполненіе задуманное служить наказаніе, и что чѣмъ наказаніе страшнѣе и страхъ передъ нимъ больше, тѣмъ вѣрнѣе можно достигъ своей цѣли.

Положивъ себѣ это разъ навсегда за правило, онъ не щадилъ никого.

Аракчеевъ далъ однажды въ своемъ приказѣ архитектору, возводившему постройки въ его имѣніи Грузинѣ, чрезвычайно мѣткое поясненіе того, какъ это правило должно примѣняться. На этого архитектора была подана Аракчееву жалоба отъ рабочихъ, которыхъ архитекторъ обиралъ и подвергалъ настолько сильнымъ наказаніямъ, что они рѣшились даже на этотъ отчаянный шагъ.

По этому поводу Аракчеевъ грозитъ архитектору въ своемъ приказѣ грузинской конторѣ строгимъ наказаніемъ, если подобное еще повторится, такъ какъ изъ этого видно, что онъ и дѣла вести

не умѣть и даже не умѣть наказать такъ, чтобы пропала охота жаловаться.

Папковъ исполнялъ свои служебныя обязанности при Аракчеевѣ нѣсколько лѣтъ. Онъ говорилъ, что самъ не понимаетъ, какъ могъ онъ удержаться на этомъ мѣстѣ, при его твердомъ и прямомъ характерѣ, неспособномъ на лесть и вообще на уступчивость въ мнѣніяхъ въ угоду начальству. Эта черта характера ставила его не разъ по отношенію къ Аракчееву въ затруднительное положеніе, такъ какъ случалось, что Аракчеевъ обращался съ вопросами, чтобъ вывѣдать мнѣніе о немъ и его дѣйствіяхъ, придавая своей рѣчи вкрадчивый тонъ, чтобъ замаскировать свое намѣреніе.

Лгать Папковъ не могъ себя заставить, высказывать мнѣніе противоположное или несогласное съ мнѣніемъ Аракчеева было бы положительно безразсудно, а потому въ случаѣ подобныхъ вопросовъ со стороны Аракчеева Папковъ отвѣчалъ:

— Какъ ваше сіятельство рѣшить изволите, такъ оно и будетъ исполнено.

— Это я и самъ знаю,—возражалъ Аракчеевъ,—но какое вы, сударь, имѣете объ этомъ сужденіе?

— Я буду имѣть свои сужденія,—отвѣчалъ уклончиво Папковъ,—когда, Богъ дастъ, буду самъ имѣть власть начальника; тогда и буду ими руководствоваться.

— Такъ-то это такъ,—говорилъ Аракчеевъ,—но только правда ли это, сударь?

— Отъ того я такъ и докладываю вашему сіятельству,—отвѣчалъ Папковъ,—потому что я лгать не могу.

Аракчеевъ пристально и строго смотрѣлъ въ глаза Папкову, какъ бы желая распознать его затаенныя невысказываемыя мысли, и затѣмъ переходилъ къ другимъ дѣламъ.

Съ тѣми же, которые, польщенные обращеніемъ къ нимъ Аракчеева, высказывали ему по неопытности мнѣнія, несогласныя съ его понятіями, дѣло кончалось обыкновенно плохо. Но Аракчеевъ невысказывалъ своего неудовольствія тотчасъ, что давало поводъ восхвалять готовность такого всесильнаго сановника выслушивать мнѣнія другихъ; а затѣмъ черезъ нѣсколько времени имъ приходилось испытывать гнѣвъ этого неумолимаго и мстительнаго человѣка.

Аракчеевъ былъ до того злопамятенъ, что вымещалъ свою злобу на тѣхъ изъ его бывшихъ корпусныхъ товарищей, которые обижали или досаждали ему въ бытность его въ корпусѣ. Петръ Афанасьевичъ Папковъ рассказывалъ мнѣ между прочимъ объ одномъ случаѣ. Аракчеевъ обходилъ уже нѣсколько лѣтъ одного своего бывшего товарища по корпусу при назначеніи полковыхъ командировъ. Онъ сберегъ о немъ худую память за его приставанія и поклачиванія въ корпусѣ.

Надѣясь на возможность лично напомнить о себѣ бывшему

своему товарищу, а нынѣ всеильному Аракчееву, обойденный подполковникъ беретъ отпускъ и приѣзжаетъ въ Петербургъ, чтобъ хлопотать о своемъ назначеніи. Онъ подаетъ съ этой цѣлью объяснительную докладную записку въ самой почтительной формѣ и проситъ позволенія представиться графу. Въ продолжительномъ ожиданіи рѣшенія своей участи очень серьезно заботѣвается. Аракчеевъ требуетъ его къ себѣ. Боясь упустить этотъ случай, подполковникъ, хотя держась едва на ногахъ, является. Но Аракчеевъ, продержавъ его у себя въ приемной съ раннаго утра до поздняго вечера, не принялъ его и приказалъ ему, не взирая на его болѣзнь, немедленно выѣхать изъ Петербурга къ мѣсту своего служенія. Несчастный подполковникъ чуть не умеръ въ дорогѣ, а затѣмъ, когда онъ лѣтъ черезъ десять получилъ желаемое назначеніе и представился графу Аракчееву, то сей послѣдній сказалъ ему:

— Напрасно, сударь, хлопотали. На службѣ всякому своя очередь по заслугамъ.

Пашковъ былъ того мнѣнія, что лица, обладавшія стойкостью, внушали Аракчееву въ обращеніи съ ними нѣкотораго рода уваженіе. Собственно слово «уваженіе» къ кому либо едва ли было доступно Аракчееву, но онъ относился къ такимъ лицамъ съ нѣкоторой осторожностью, и имъ сравнительно сходило иногда то, за что другіе сильно бы поплатились.

Объ одномъ подобномъ случаѣ, подтвержденномъ мнѣ въ послѣдствіи Петромъ Аванасьевичемъ, я слыхалъ отъ сыновей знаменитаго генерала Алексѣя Петровича Ермолова, Клавдія (котораго почему-то унасъ въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ товарищи звали Фомкой) и Севера, которые были моими училищными товарищами. Они рассказывали, что однажды Аракчеевъ сдѣлалъ на ученіи замѣчаніе Ермолову, командовавшему тогда батареей первой гвардейской бригады. Онъ ему сказалъ:

— Я нахожу, что въ вашей батареѣ лошади содержатся очень неудовлетворительно. Знаете ли, сударь, что вся ваша репутація зависитъ отъ этого?

— Знаю, ваше сіятельство,—отвѣтилъ Ермоловъ.—Къ несчастью, наша репутація часто зависитъ отъ скотовъ.

Какъ поступилъ Аракчеевъ въ данномъ случаѣ, мнѣ неизвѣстно, но не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что позволю себѣ подобный отвѣтъ ктонибудь другой, то объ немъ ни слуху ни духу не осталось бы. А Ермоловъ уцѣлѣлъ и прославилъ своими подвигами россійское оружіе.

Припоминаю кстати, какимъ громаднымъ обаяніемъ пользовалось имя Ермолова не только между военными, но и вообще въ русскомъ народѣ. Не было того отдаленнаго уголка въ далеко раскинувшейся Россіи, гдѣ бы имя Ермолова не было извѣстно.

Въ концѣ пятидесятихъ годовъ я служилъ въ Москвѣ и жилъ на Пречистенскомъ бульварѣ, вблизи деревяннаго дома съ мезониномъ, извѣстнаго всей Москвѣ, въ которомъ жилъ Ермоловъ. Я самъ видѣлъ постоянно, что не только солдатики, но и вообще обыватели изъ разныхъ слоевъ общества снимали шапки, проходя мимо его дома, на чтò отвѣчала привѣтливымъ наклоненіемъ косматая сѣдая голова Ермолова, если онъ случайно находился у окна. Много лѣтъ прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ боевая дѣятельность Ермолова прекратилась, но память о немъ была свѣжа и жила въ народѣ, и имя его сдѣлалось легендарнымъ.

Алексѣю Петровичу Ермолову приписываютъ одну язвительную шутку, о которой интересно вспомнить.

Послѣ своихъ подвиговъ на Кавказѣ, Ермоловъ, обидѣвшись назначеніемъ ему замѣстителя въ лицѣ Паскевича, удалился въ Москву, гдѣ и жилъ безвыѣздно. Онъ находилъ, что лавры, украсившіе имя Паскевича придаточнымъ прозвищемъ Эриванскаго, достались ему не по праву, такъ какъ покореніе Эривани и южнаго Кавказа было лишь неминуемымъ послѣдствіемъ ермоловской кавказской боевой дѣятельности, которымъ дано было воспользоваться не ему, а Паскевичу.

Петербургъ былъ ему не по нраву, и онъ въ немъ не показывался. Императоръ Николай Павловичъ пожаловалъ Ермолова членомъ государственнаго совѣта, послѣ чего онъ долженъ былъ обязательно поѣхать въ Петербургъ, чтобы имѣть счастье представиться государю, чтò онъ и сдѣлалъ.

Затѣмъ онъ присутствовалъ на одномъ засѣданіи государственнаго совѣта, и когда надо было подать свой голосъ по разсматриваемому дѣлу, онъ всталъ и сталъ искать образъ, чтобы помолиться, но, не найдя такового, сказалъ, что онъ своего голоса не помолвившись подать не можетъ, а проситъ позволенія пожертвовать образъ, который онъ предназначаетъ для зала засѣданій, дабы всякій могъ помолиться предъ подачей своего голоса. Послѣ этого онъ уѣхалъ въ Москву и болѣе въ Петербургъ не возвращался, а образъ онъ заказалъ въ Москвѣ, и когда образъ былъ изготовленъ, онъ отправилъ его въ государственный совѣтъ.

Однако вернемся къ нашему разсказу.

Аракчеевъ былъ вообще жестокъ; это слишкомъ извѣстно, чтобъ объ этомъ распространяться, но что было еще возмутительнѣе, по словамъ Папкова, это обращеніе Аракчеева съ его крѣпостными людьми и слугами, то-есть съ тѣми безсловесными существами, не смѣвшими оказать ему ни въ чемъ ни малѣйшаго сопротивленія, которыхъ онъ подвергалъ наказаніямъ, вѣрнѣе даже истязаніямъ съ преднамѣренною жестокостью.

Въ Грузинѣ съ деревнями розги и батоги дѣйствовали, можно сказать, безпрерывно. Ихъ заготовливали въ большомъ количествѣ и

вымачивали предварительно, чтобъ дать имъ большую гибкость при ихъ употребленіи. Кромѣ того, имѣлись колодки, которыя надѣвались провинившемуся на шею. Это были доски, въ которыхъ вырѣзывались отверстія для шеи; просунувъ шею наказываемаго между двухъ такихъ досокъ, ихъ связывали наглухо.

Въ эти доски втыкались палки, торчація въ разныя стороны, что лишало окончательно несчастнаго возможности какъ бы то ни было лечь и измучивало его.

Въ Грузинѣ имѣлась тюрьма, въ которой держали заключенныхъ недѣлями и даже мѣсяцами. Это была узкая каморка, безъ всякаго ложа. Заключеннымъ отпускалось на пропитаніе въ день не болѣе одного фунта хлѣба и небольшой кружки воды. Понятно, что тѣ, которые отбывали въ ней наказаніе, выходили изъ нея совершенно измученными, изнуренными, похудѣвшими, и, несмотря на это, ихъ снова посылали на работы.

Особенно возмущался Петръ Аванасьевичъ обращеніемъ Аракчеева съ его дворецкимъ Степаномъ, котораго онъ хорошо зналъ, бывая такъ часто съ бумагами у Аракчеева. Хотя онъ и самъ былъ человѣкъ своего вѣка, со строгими понятіями, но онъ не могъ вспомнить безъ негодованія все то, что приходилось выносить отъ своего жестокаго барина этому отличному и преданному человѣку. Этотъ Степанъ былъ сынъ одного изъ дворовыхъ отца Аракчеева и ровесникъ его сына, будущаго графа Аракчеева. Старику отцу полюбился этотъ ребенокъ; онъ былъ взятъ въ господскій домъ и сталъ съ самаго малолѣтства во всѣхъ играхъ постояннымъ товарищемъ молодого барина. А впослѣдствіи онъ былъ постояннымъ дворецкимъ у Аракчеева.

При малѣйшемъ неудовольствіи, какъ, напримѣръ, за шпагу или перчатки, недостаточно скоро поданныя, или подачу не того мундира и разныя мелочныя провинности въ этомъ родѣ, Аракчеевъ билъ своего бывшаго товарища дѣтства собственноручно, и билъ безъ разбору, чѣмъ и куда попало, такъ что лицо несчастнаго Степана часто обливалось кровью.

Наконецъ и у Степана чаша горя переполнилась, какъ объ этомъ слыхалъ впослѣдствіи Петръ Аванасьевичъ, и онъ бросился однажды въ ноги Аракчееву, прося его лучше сослать его въ Сибирь, но только удалить его отъ себя.

На это Аракчеевъ отвѣтилъ ему, что въ Сибирь его не сошлетъ, а лучше самъ добѣгетъ.

Про порядки, которые заводилъ Аракчеевъ въ Грузинѣ, рассказывались вещи самыя невѣроятныя.

Исходя изъ точки зрѣнія, что доходность имѣнія зависитъ отъ количества рабочей силы, которая, въ свою очередь, зависитъ отъ прироста населенія, Аракчеевъ утверждалъ къ новому году списокъ дѣвокъ, назначааемыхъ имъ къ замужеству, и соотвѣт-

ствующихъ жениховъ изъ крестьянъ. Къ великому посту тѣ и другіе должны были выучивать нѣсколько указанныхъ молитвъ. Въ назначенный срокъ ихъ экзаменовали, и тѣ, которые не умѣли проговорить молитвъ, подвергались усиленной поркѣ.

Нельзя не признать этого способа развитія религіознаго образованія весьма оригинальнымъ. Затѣмъ слѣдовала не менѣе оригинальная регламентація.

Если у новобрачныхъ родится не сынъ, а дочь, полагался—штрафъ, то-есть—порка, въ случаѣ мертваго ребенка—тоже порка, а если вовсе не было новорожденнаго, то полагался тоже штрафъ, но болѣе гуманный, не въ видѣ порки, а холстомъ или чѣмъ инымъ, что поступало въ контору.

И, несмотря на эти строгія предупредительныя мѣры, населеніе не только не увеличивалось, но уменьшалось, вѣроятно, благодаря тѣмъ же учащеннымъ просвѣтительнымъ поркамъ. Бывали примѣры, что цѣлыя деревни сплошь подвергались наказаніямъ. Папковъ рассказывалъ, что когда ему приходилось бывать въ Грузинѣ по дѣламъ службы, онъ былъ пораженъ, до чего населеніе находилось въ угнетенномъ и забитомъ состояніи.

Мало того, что оно подвергалось этимъ непрерывающимся жестокимъ наказаніямъ, наказанныхъ заставляли подавать въ контору заявленія, въ которыхъ они каются въ своихъ провинностяхъ и благодарятъ ихъ благодѣтеля за то, что онъ ихъ наставляетъ на хорошій путь. Къ чему же могла быть нужна эта утонченная безчеловѣчность?

Не желая касаться роли, игранный въ жизни Аракчеева его сподвижницей въ жестокостяхъ, извѣстной Настасьей Минкиной, о которой Папковъ говорилъ съ невыразимымъ отвращеніемъ, я хочу лишь упомянуть о томъ, какая кровавая расправа окончила дни этой злой женщины, вышедшей изъ крѣпостнаго званія и вкравшейся всякими способами въ довѣріе къ Аракчееву до того, что онъ ей поручалъ управленіе Грузинской волости во время своего отсутствія и вмѣстѣ съ тѣмъ судьбу несчастнаго измученнаго тамошняго населенія. А довѣрялъ ей Аракчеевъ потому, что онъ былъ убѣжденъ, что страхъ населенія передъ ней не уступаетъ страху, внушаемому имъ самимъ.

Преслѣдуя одну изъ дворовыхъ дѣвушекъ за ея красивую наружность, Минкина выхватила однажды изъ ея рукъ раскаленные щипцы и стала ими жечь ея лицо и вырывать кусками обожженное тѣло. Дѣвушка едва могла вырваться изъ рукъ своей мучительницы и побѣжала къ своему брату, который былъ поваромъ на кухнѣ. Ея братъ, увидавъ сестру въ такомъ видѣ, обезумѣлъ отъ злости, схватилъ кухонный ножъ, побѣжалъ въ домъ Минкиной и зарѣзалъ ее на мѣстѣ.

Слава о Грузинѣ была такова, что крестьяне, которымъ надо

было проходить черезъ него, дѣлали обходъ верстъ на пятьдесятъ и болѣе, чтобъ миновать это проклятое мѣсто, какъ его называли въ народѣ.

Къ характеристикѣ Аракчеева могутъ служить еще рассказы Папкова о томъ, какъ Аракчеевъ выставялъ на показъ уваженіе или даже поклоненіе своей матери. Когда онъ здоровался или прощался съ нею, онъ дѣлалъ сначала передъ нею земной поклонъ, а послѣ этого уже подходилъ къ рукѣ. И дѣлалъ это Аракчеевъ при постороннихъ, а дѣлалъ ли онъ это съ глазу на глазъ, объ этомъ Папковъ сообщить не могъ, но сильно въ этомъ сомнѣвался.

Служебные приемы происходили у Аракчеева часовъ въ пять утра. Понятно, какъ неудобенъ и утомителенъ былъ этотъ обычай для всѣхъ приближенныхъ къ нему по службѣ. Весьма часто случалось, что въ сутки не приходилось отдыхать болѣе четырехъ или пяти часовъ.

Какими судьбами удалось Папкову прослужить нѣсколько лѣтъ въ близкомъ соприкосновеніи съ Аракчеевымъ и заслужить даже хорошую отмѣтку въ его записной книжкѣ, онъ самъ себѣ отчета дать не могъ. (Аракчеевъ отмѣчалъ собственноручно въ своей записной книжкѣ особыми знаками его мнѣніе о служащемъ). Но, благодаря Бога, онъ вышелъ изъ этого искуса цѣлымъ и невредимымъ.

Я не коснулся въ этихъ воспоминаніяхъ мнѣнія Папкова о государственномъ значеніи дѣятельности Аракчеева, такъ какъ оно вполнѣ извѣстно и оцѣнено, и въ своемъ мнѣніи Папковъ ничего новаго не высказывалъ.

IV.

Назначеніе Папкова командиромъ гвардейской артиллерійской бригады.—Участіе въ сраженіи подъ Фридландомъ.—Подвигъ Папкова.—Пожалованіе ему ордена св. Георгія 3-й степени.

Трудны были для Папкова года службы, когда онъ находился въ ежедневномъ соприкосновеніи съ графомъ Аракчеевымъ, рискуя навлечь на себя его неожиданный гнѣвъ; но они не прошли безслѣдно для него, такъ какъ онъ сумѣлъ сохранить до конца, какъ хорошее мнѣніе о себѣ, такъ и нѣкоторое расположеніе своего всесильнаго начальника. Вернувшись къ фронтовой службѣ, Папковъ былъ вскорѣ назначенъ въ чинѣ полковника командиромъ первой гвардейской артиллерійской бригады, той самой, въ которой онъ служилъ прежде.

Въ 1806 году загорѣлась снова война. Подчинивъ себѣ Австрію, Наполеонъ не теряя времени, напалъ на Пруссію. Въ силу со-

стоявшейся конвенціи между Александромъ I и прусскимъ королемъ, русскія войска были двинуты къ границѣ, чтобъ подать помощь пруссакамъ; въ этомъ отрядѣ состояла и первая бригада, которою командовалъ Папковъ. Наши войска были радостно воодушевлены мыслью о предстоящемъ столкновении съ Наполеономъ въ надеждѣ загладить то тягостное чувство, которое пробуждалось воспоминаніемъ объ Аустерлицѣ.

Впрочемъ Папковъ протестовалъ всегда противъ этого чувства, говоря, что оно прямо до насъ не касается. Пораженіе было нанесено не русскимъ, а австрійцамъ. Они были хозяевами и распорядителями дѣла подѣ Аустерлицемъ. Мнѣніе Кутузова было отвергнуто, и сраженіе разыгралось по плану австрійскихъ полководцевъ. Не русскимъ досталась роль руководящая, имъ оставалось только помогать австрійцамъ или поправлять ихъ ошибки, что при всей доблести нашей арміи сдѣлалось невозможнымъ, благодаря бездарности ихъ главнокомандующихъ, что и выказалось въ этотъ злополучный день.

Русскія войска, подошедшія къ театру военныхъ дѣйствій у прусской границы, состояли подѣ главнымъ начальствомъ графа Каменскаго, очень любимаго всѣми и всеявшаго къ себѣ, какъ военначальникъ, всеобщее довѣріе.

Движенія и атаки французовъ были быстры и рѣшительны, и пораженія, наносимыя ими пруссакамъ, слѣдовали одни за другими. Первое серьезное сопротивленіе, оказанное имъ, было при встрѣчѣ ихъ съ русскими войсками подѣ Пултускомъ, а затѣмъ и въ сраженіи при Прейсишъ-Эйлау. Хотя это послѣднее и было выиграно Наполеономъ, но оно было куплено дорогою цѣной, благодаря отпору, оказанному русской арміей, и урону въ французскихъ войскахъ настолько значительному, что Наполеонъ пробовалъ, хотя и безуспѣшно, завязать переговоры о прекращеніи военныхъ дѣйствій.

Къ этому времени главнокомандующій графъ Каменскій былъ замѣщенъ Бенигсеномъ. Эта перемѣна произвела въ русскихъ войскахъ непріятное впечатлѣніе. Къ Бенигсену чувствовалось, хотя и безъ видимыхъ причинъ, какое-то глухое недовѣріе, и сердце солдата не лежало къ нему. Событія шли быстро, и вскорѣ наступилъ день Фридландскаго сраженія.

Невзирая на сорокалѣтнюю давность и на почтенный возрастъ Папкова, онъ приходилъ въ большое волненіе, говоря о событіяхъ этого дня. Причиною тому была та активная роль, которая выпала неожиданно на его долю, и та рѣшимость, которую не всякій бы проявилъ, будучи на его мѣстѣ.

Фланговая позиція союзныхъ русскихъ и прусскихъ войскъ опиралась въ широкой и довольно глубокой оврагъ или лощину. Артиллерія, которою командовалъ Папковъ, была расположена такъ, чтобъ обстрѣливать эту лощину, спуски въ нее и подъемъ на дру-

гой сторонѣ, и воспрепятствовать непріятелю въ попыткѣ перейти черезъ нее, чтобъ ударить во флангъ нашихъ позицій. Этого въ сущности нельзя было ожидать, потому что непріятель, видя, что позиція, занятая нашей артиллеріею, командовала надъ всей мѣстностью, не могъ не сознавать, что намѣреніе перейти лощину подъ огнемъ нашей артиллеріи было бы безразсудствомъ, могшимъ причинить ему огромныя и бесполезныя потери.

Папковъ былъ поэтому крайне удивленъ при полученіи во время сраженія приказанія главнокомандующаго Бенигсена, чтобъ не открывать огня изъ имѣющихся въ его распоряженіи орудій, безъ особаго на то его приказанія. Естественнымъ, казалось, было бы приказаніе прямо противоположное, то-есть: открыть пальбу тотчасъ при попыткѣ непріятеля перейти оврагъ. Въ самомъ разгарѣ сраженія, принимавшаго неблагопріятный оборотъ для союзныхъ войскъ, Папковъ видитъ, что французскія войска стягиваются по сую сторону оврага съ явнымъ намѣреніемъ перейти лощину и ударить во флангъ нашимъ. Онъ посылаетъ адъютанта донести объ этомъ главнокомандующему, испрашивая разрѣшеніе открыть пальбу, какъ только движеніе непріятеля ясно обозначится. Но Папковъ получилъ въ отвѣтъ строгое воспрещеніе Бенигсена открывать пальбу безъ особаго на это его приказанія. Это распоряженіе главнокомандующаго очень смутило своей странностью, какъ Папкова, такъ и подчиненныхъ ему батарейныхъ командировъ, такъ какъ они никакъ не могли уяснить себѣ поводъ, вызвавшій такое распоряженіе.

Стратегическія намѣренія французовъ были слишкомъ явны, и неисчислимый вредъ, который могъ быть нанесенъ нашимъ позиціямъ, въ случаѣ удачнаго перехода французовъ черезъ лощину, слишкомъ ясенъ, чтобъ не отнестись съ недовѣріемъ къ этому приказанію.

Папковъ послалъ вторично къ Бенигсену донесеніе о томъ, что французы спускаются въ оврагъ, и что онъ проситъ разрѣшенія немедленно открыть пальбу.

Въ отвѣтъ на это донесеніе получается приказаніе главнокомандующаго Папкову сдать командованіе бригадой старшему батарейному командиру и не открывать пальбы впредь до приказанія главнокомандующаго.

Папковъ получаетъ это приказаніе въ то время, когда французскія войска уже частью спустились въ оврагъ. Онъ видитъ, какое рѣшающее значеніе пріобрѣтаетъ открытіе пальбы именно въ этотъ моментъ, не только для урона, каковой она должна произвести въ рядахъ французовъ, но и для исхода самаго сраженія, и онъ рѣшается скорѣе послушаться приказанія главнокомандующаго, хотя бы и пожертвовавъ собой, чѣмъ быть виновникомъ того разгрома, который насъ ожидалъ, если французы успѣли бы вы-

браться на ту сторону врага. Онъ сознаетъ, что его ожидаетъ за это военный судъ со всѣми послѣдствіями, но не можетъ болѣе заглушить въ себѣ зародившееся недовѣріе къ приказаніямъ Бенигсена, и онъ даетъ приказаніе открыть пальбу, которая дѣлается повсемѣстной, такъ какъ выстрѣлъ, пущенный изъ первой бригады, служилъ сигналомъ для открытія огня съ другихъ артиллерійскихъ позицій.

Въ передвиженіяхъ французовъ видна была какая-то загадочная самоувѣренность въ безнаказанности, вслѣдствіе чего огонь нашихъ орудій засталъ ихъ какъ бы врасплохъ и произвелъ въ ихъ рядахъ ужасное смятеніе и опустошеніе. Они понесли страшный уронъ и должны были поспѣшно отступить.

Съ этой стороны побѣда была рѣшительно на сторонѣ русскихъ. Она значительно повліяла на общій результатъ сраженія, которое вскорѣ за этимъ и прекратилось.

Какъ только открылась пальба, пришло приказаніе Бенигсена арестовать Папкова. Но дѣло было уже сдѣлано, и Папковъ могъ со спокойною совѣстью подвергнуться аресту, въ виду блестящихъ результатовъ того послушанія, за которое онъ подлежалъ военному суду.

Императоръ Александръ I, слѣдившій съ безпокойствомъ за ходомъ сраженія, обѣщавшаго сдѣлаться вторымъ Аустерлицемъ, былъ очень утѣшенъ отличнымъ дѣйствіемъ артиллеріи, нанесшимъ большой уронъ французамъ и измѣнившимъ въ нашу пользу окончательный ходъ сраженія. Онъ потребовалъ къ себѣ Папкова, выразилъ ему за это свою монаршую благодарность и пожаловалъ ему за особую заслугу Георгіевскій крестъ 3-й степени, на шею. Послѣ запрещенія Бенигсена открывать пальбу, эта оцѣнка заслуги Папкова императоромъ Александромъ I была особенно знаменательною и тѣмъ болѣе изъ ряда вонъ выдающеюся, что Папковъ былъ въ то время только въ чинѣ полковника. Отвѣчая на вопросы, задаваемые ему государемъ, Папковъ успѣлъ объяснить, что онъ состоитъ подѣ судомъ.

— За что?—спросилъ удивленный императоръ.

— За то, ваше величество,—отвѣтилъ Папковъ,—что я открылъ пальбу вопреки запрещенія главнокомандующаго.

Государь взглянулъ удивленно на Папкова и, подумавъ нѣсколько, сказалъ:

— Надѣюсь, что Георгіевскій крестъ послужитъ тебѣ оправданіемъ.

И дѣйствительно этотъ крестъ послужилъ ему не только оправданіемъ, но избавилъ его отъ суда.

Слушая повѣствованіе Папкова объ этомъ событіи и переносясь воображеніемъ во все то, что онъ долженъ былъ испытать въ эти рѣшительныя минуты, я невольно преклонялся предъ той смѣ-

лостью, тѣмъ истиннымъ геройствомъ, которыя выказалъ Папковъ, рѣшаясь въ самый разгаръ сраженія послушаться приказовъ главнокомандующаго. Вѣдь онъ сознавалъ вполне ту ужасную отвѣтственность, которую бралъ на себя; онъ зналъ, что для него не можетъ быть другого исхода, какъ военный судъ и разстрѣляніе. Онъ не могъ рассчитывать на какія нибудь случайныя обстоятельства, могущія оправдать его поступокъ, да это ему и въ мысль не приходило, и тѣмъ не менѣе онъ рѣшился на этотъ отчаянный шагъ, рискуя неминуемо своей головой.

Единственнымъ его побужденіемъ, какъ онъ это самъ рассказывалъ, было то чувство недовѣрія къ распоряженіямъ Бенигсена, которое уже прежде закралось въ немъ. А въ день Фридландскаго сраженія это недовѣріе превратилось въ увѣренность. Въ виду запрещенія Бенигсена открывать пальбу, запрещенія, которое, видимо, доставило бы торжество непріятелю, Папковъ заподозрѣлъ окончательно Бенигсена въ измѣнническихъ намѣреніяхъ. Онъ видѣлъ, что французы уже спускаются въ оврагъ, и что потеря нѣсколькихъ минутъ можетъ нанести нашимъ войскамъ неисчислимый ущербъ; онъ былъ такъ взволнованъ при видѣ непріятеля, идущаго безпрепятственно къ своей цѣли, вмѣсто того, чтобъ быть уничтоженнымъ выстрѣлами изъ орудій, имѣвшихся у него подѣ руками, но которыми онъ не смѣлъ распорядиться; онъ былъ такъ возбужденъ, что не разсуждалъ о послѣдствіяхъ, а рѣшился открыть пальбу вопреки запрещенія, сознавая, что онъ исполняетъ долгъ совѣсти и иначе поступить не можетъ. Этотъ день, по собственнымъ словамъ Папкова, былъ лучшимъ днемъ всей его жизни. Императоръ Александръ I, имѣвъ случай узнать ближе Папкова при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ, оцѣнилъ и полюбилъ его. Онъ затѣмъ всегда благоволилъ къ нему и пожаловалъ ему впоследствии имѣніе въ Новороссійскомъ краѣ близъ Таганрога.

Со дня Фридландскаго сраженія Папковъ задался мыслью облачить измѣнническія, какъ онъ ихъ называлъ, намѣренія Бенигсена и всячески старался доискаться доказательствъ, могущихъ подтвердить его предположеніе.

Черезъ нѣсколько лѣтъ представился ему къ этому случай, о которомъ рѣчь будетъ послѣ.

V.

Братъ графа Аракчеева.— Столкновение съ нимъ Папкова.— Арестъ.— Свиданіе и объясненіе Папкова съ графомъ Аракчеевымъ.— Благополучное окончаніе дѣла.

На обратномъ пути слѣдованія нашихъ войскъ изъ Пруссіи по направленію къ Петербургу, бригада, которой командовалъ Папковъ, входила въ составъ отряда, шедшаго подъ начальствомъ генераль-майора Аракчеева, родного брата всемогущаго временщика.

Онъ былъ человѣкъ малообразованный, грубый, заносчивый, а, какъ начальникъ, несправедливъ и жестокъ. Онъ проявлялъ въ большинствѣ случаевъ полный произволъ, разсчитывая, вѣроятно, на поддержку своего всесильнаго родственника.

Для того, чтобъ выказать свое начальническое значеніе, онъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ заняться подтягиваніемъ и выправкой ввѣренныхъ ему войскъ, для чего принималъ самыя строгія, даже жестокія мѣры. Онъ положительно измучивалъ ихъ во время похода разными фронтowymi ученіями, арестовывалъ безпрестанно офицеровъ, обращался съ ними грубо и наказывалъ немилосердно нижнихъ чиновъ. Все это продѣлывалъ онъ съ войсками, возвращавшимися послѣ тяжелаго военнаго похода, усталыми, отрепанными и страдавшими часто отъ недостатка пищи, происходившаго отъ беспорядковъ въ интендантствѣ, на которомъ лежала обязанность заготовки провіанта и фуража.

Всѣми своими неразумными распоряженіями, несправедливостью и жестокостью онъ возбудилъ всеобщее противъ себя глухое неудовольствіе,—глухое потому, что жаловаться никто не смѣлъ, да и некому было жаловаться, развѣ самому графу Аракчееву на его родного брата. Но подобная мысль никому и въ умъ прійти не могла.

Папковъ былъ ужасно возмущенъ. Онъ припомнилъ первые года своего офицерства и свирѣпаго начальника крѣпостцы, вѣчно пьянаго и истязавшаго немилосердно солдатъ. Но то происходило въ захолустѣ на дальней окраинѣ Россіи, а теперь онъ видѣлъ то же безнаказанное проявленіе жестокости людьми, считающимися образованными, не вдалекѣ отъ столицы и на глазахъ у всѣхъ. Когда дѣло касалось офицеровъ или нижнихъ чиновъ ввѣренной ему бригады, Папковъ старался укрощать свирѣпость начальника отряда и говорить ему въ пользу тѣхъ, на кого обрушивался его гнѣвъ, но такъ же, какъ около двадцати лѣтъ тому назадъ въ крѣпостцѣ, заступничество его не приносило ни малѣйшей пользы, а навлекало лишь на него самого неудовольствіе генерала Аракчеева, пригрозившаго ему строгими мѣрами, если впредь онъ будетъ относиться критически къ его распоряженіямъ.

Случаи жестокихъ наказаній солдатъ повторялись часто и большею частью вовсе незаслуженно, какъ, напримѣръ, за поношенные или потертые мундиры, которые они надѣвали по распоряженію начальства, потому что послѣ войны лучшихъ мундировъ и не было, а на то, чтобъ сшить новые мундиры, не было ни матеріала, ни времени.

Однажды, при пріемѣ дежурныхъ офицеровъ и ординарцевъ, начальникъ отряда ужасно разсердился на нихъ, находя, что они дурно одѣты и не умѣютъ держаться, грубо разбилъ ихъ и обѣщаль строгимъ примѣромъ на нихъ положить конецъ тому, что онъ называлъ распушенностью. Онъ приказалъ наказать нижнихъ чиновъ нѣсколькими сотнями ударовъ розогъ, съ медленною разстановкой, что увеличиваетъ истязаніе, а офицеровъ арестовалъ и представилъ къ переводу тѣмъ же чиномъ въ дальнѣйшіе гарнизоны Сибирской окраины.

Такъ какъ офицеры и ординарцы были изъ бригады, которою командовалъ Папковъ, то онъ рѣшился пойти къ Аракчееву, чтобъ объяснить ему, что они невиноваты, такъ какъ, износившись во время кампаніи, они лучшихъ мундировъ не имѣютъ и имѣть не могутъ, а потому онъ просить его пощадить нижнихъ чиновъ, совѣтъ неповинныхъ, и не губить офицеровъ, которые вообще прекрасные служаки и, сверхъ того, еще отличились въ послѣдней кампаніи подвигами храбрости.

Услыхавъ это возраженіе, Аракчеевъ пришелъ въ ярость и накинулся было на Папкова со словами:

— Не смѣть разсуждать! Я васъ самихъ въ бараній рогъ согну. Ступайте и исполняйте, что приказано.

Папковъ отвѣтилъ ему, что онъ считалъ своей обязанностью, какъ командиръ части, доложить ему, что у офицеровъ и ординарцевъ лучшихъ мундировъ нѣтъ не по ихъ винѣ, а теперь просить Аракчеева лучше арестовать его, Папкова, и лишить командованія частью, но избавить его отъ приведенія въ исполненіе этого приказанія и передать таковое другому лицу.

При этихъ словахъ Аракчеевъ пришелъ положительно въ бѣшенство и приказалъ немедленно арестовать Папкова и держать его подъ строжайшимъ арестомъ. Тутъ же онъ сдѣлалъ распоряженіе объ отдачѣ его подъ судъ за преступленіе противъ военной дисциплины.

Все разсказанное здѣсь происходило не задолго до ожидаемаго проѣзда императора Александра I и царскаго смотра отряду. А до пріѣзда государя ожидался графъ Аракчеевъ тоже для предварительнаго осмотра войскъ.

Я счелъ интереснымъ разсказать этотъ случай собственно для того, чтобъ выставить образъ дѣйствій графа Аракчеева, который, обыкновенно непреклонный, выказалъ въ данномъ случаѣ удивительную и необъяснимую уступчивость.

Когда графъ Аракчеевъ прибылъ въ мѣсто расположенія войскъ, ему въ числѣ прочихъ дѣлъ было доложено его братомъ дѣло Папкова.

Слѣдуетъ припомнить, что Папковъ служилъ нѣсколько лѣтъ при графѣ Аракчеевѣ и былъ, такъ сказать, въ ежедневномъ соприкосновеніи съ нимъ, и что графъ зналъ его, какъ отличнаго и точнаго исполнителя возлагаемыхъ на него порученій. Поэтому докладъ о Папковѣ, сдѣланный графу Аракчееву его братомъ въ выраженіяхъ, хотя мнѣ и неизвѣстныхъ, но выставлявшихъ несомнѣнно Папкова съ худой и неблагонадежной стороны, долженъ былъ удивить его и обратить особое его вниманіе.

Графъ Аракчеевъ потребовалъ Папкова къ себѣ и приказалъ ему разсказать, какъ было дѣло.

Папковъ разсказалъ.

Въ теченіе разсказа графъ Аракчеевъ задавалъ нѣкоторые отрывистые вопросы, но не высказывалъ никакого сужденія, а затѣмъ обратился къ Папкову съ слѣдующимъ вопросомъ:

— Знаете ли вы, чему вы подвергаетесь за содѣянное вами преступленіе противъ воинской дисциплины?—и затѣмъ, помолчавъ, прибавилъ:—разжалованію и ссылкѣ.

Послѣ этого онъ приказалъ Папкову удалиться.

Папковъ прослѣдовалъ снова въ избу, въ которой содержался, какъ арестантъ.

Состоя нѣсколько лѣтъ на службѣ при графѣ Аракчеевѣ, Папковъ изучилъ близко его характеръ и манеру дѣйствовать. Онъ видѣлъ, что въ теперешнемъ обращеніи графа съ нимъ есть что-то недосказанное, неестественное. Въ подобномъ случаѣ графъ не вступилъ бы въ разговоръ съ арестованнымъ и объявилъ бы ему прямо свое безапелляціонное рѣшеніе тономъ, не допускающимъ ни малѣйшаго противорѣчія. А въ данномъ случаѣ чувствовалось какое-то колебаніе, какая-то нерѣшительность со стороны графа.

Нѣсколько дней спустя, Папковъ услыхалъ не въ урочный часъ въ дверномъ запорѣ шумъ ключа. Дверь отворилась, и онъ увидалъ къ величайшему своему изумленію входящаго графа Аракчеева. Папковъ былъ совершенно ошеломленъ этимъ неожиданнымъ посѣщеніемъ, которое онъ себѣ ничѣмъ объяснить не могъ, развѣ только предположеніемъ, что графъ хотѣлъ говорить съ нимъ съ глазу на глазъ и быть увѣреннымъ, что никто не можетъ ихъ слышать.

Графъ Аракчеевъ сказалъ ему приблизительно слѣдующее:

— Въ то время, когда ты служилъ при мнѣ (графъ, обращаясь къ Папкову говорилъ ему и вы, и ты, смотря по тому, въ какомъ онъ былъ настроеніи, но обращеніе на ты было хорошимъ признакомъ), я зналъ тебя, какъ исполнительнаго офицера. Этимъ хорошимъ прошлымъ ты заслужилъ то, что я хочу облегчить те-

перъ по возможности твою участь. Но для этого я требую отъ тебя полнаго сознанія твоей вины. Въ такомъ случаѣ ты можешь надѣяться, что я буду ходатайствовать о тебѣ и просить государя о твоёмъ помилованіи. За твое ослушанье ты не можешь миновать наказанія, ты долженъ будешь ему подвергнуться. Ты будешь разжалованъ въ рядовые и отправленъ въ одинъ изъ дальнихъ гарнизоновъ. Но въ виду сознанія тобой твоей вины я обещаю тебѣ вымолить у государя прощеніе, а тогда тебѣ возвратятъ твой чинъ и твое положеніе.

Во время восплѣдовавшаго на это отвѣта Папкова графъ Аракчеевъ останавливалъ его нѣсколько разъ, возражалъ ему, но все же требовалъ, чтобы онъ продолжалъ, и выслушалъ его до конца.

Я нахожусь, разумѣется, въ невозможности передать всѣ подробности этого разговора, а потому ограничиваюсь лишь изложеніемъ общаго смысла отвѣта Папкова.

— Милостивыя слова вашего сіятельства, — сказалъ онъ, — оправдываютъ отчасти мой поступокъ. Изъ-за прошлой моей службы, о которой вы отзываетесь съ похвалою, вы принимаете теперь, какъ начальникъ, участіе во мнѣ и даете мнѣ надежду на прощеніе въ будущемъ. Также и я долженъ былъ, какъ ближайшій начальникъ, принять участіе въ судьбѣ офицеровъ, отличившихся въ минувшей кампаніи и неповинныхъ въ гнѣвѣ начальника отряда, которому я счелъ своею обязанностью изложить причины моего заступничества за нихъ. Ваше сіятельство позволяете мнѣ надѣяться на будущее прощеніе. Я глубоко благодаренъ за это, но въ заботахъ о государственныхъ дѣлахъ обо мнѣ легко забыть. Да и самое прощеніе или возвращеніе чина далеко не смываетъ позора «лишенія чиновъ». Наконецъ, при разжалованіи я долженъ буду лишиться военнаго знака отличія, пожалованнаго мнѣ государемъ императоромъ за дѣйствіе артиллеріи въ Фридландскомъ сраженіи. А, какъ извѣстно вашему сіятельству, открытіе мной пальбы въ сраженіи подъ Фридландомъ было прямымъ ослушаніемъ приказанія главнокомандующаго, однако пожалованный мнѣ крестъ послужилъ мнѣ оправданіемъ. Бываютъ случаи, когда хорошая цѣль дѣйствительно оправдываетъ средства. Въ теперешнемъ же случаѣ я не ослушался воли начальства, а счелъ своей обязанностью разъяснить причины, побудившія меня просить начальника лучше арестовать меня, чѣмъ обязывать приводить въ исполненіе данное мнѣ имъ приказаніе. Въ этомъ и состоитъ вся моя вина. Карайте или милуйте меня, но иной вины я за собой признать не могу.

Всѣхъ подробностей этого разговора, а также на чемъ онъ остановился, Папковъ возстановить не могъ, но знаменательно то, что графъ Аракчеевъ нашелъ нужнымъ прійти говорить съ Папковымъ и обѣщать ему прощеніе въ будущемъ за признаніе своей

вины. Онъ имѣлъ непремѣнно вѣскую причину, чтобъ поступить такимъ образомъ. Не справедливо ли предположить, что главнымъ двигателемъ въ этомъ дѣлѣ было то обстоятельство, что императоръ Александръ I зналъ лично Папкова, и узналъ его при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ? Графъ Аракчеевъ хотѣлъ бы оставить въ силѣ распоряженіе своего брата, которое онъ, можетъ быть, и находилъ неумѣстнымъ, а съ другой стороны онъ опасался, что императоръ будетъ слишкомъ пораженъ, когда ему будетъ доложено, что тотъ самый Папковъ, котораго онъ отличилъ пожалованіемъ Георгія на шею, подлежитъ разжалованію въ рядовые.

Но высшій интересъ представляетъ этотъ случай въ томъ, что всесильный графъ Аракчеевъ, поставленный въ необходимость выбирать между своимъ братомъ и Папковымъ, чтобы высказаться въ пользу того и другого, пошелъ на уступку и рѣшилъ это дѣло такъ, что Папкову зачтено время пребыванія его подъ арестомъ за наказаніе, а офицеровъ перевели лишь въ другую бригаду.

Нѣсколько дней спустя, когда императоръ Александръ I сдѣлалъ проѣздомъ смотръ войскамъ и благодарилъ ихъ за выказанную доблесть во время военныхъ дѣйствій, Папковъ находился снова во главѣ своей бригады и имѣлъ счастье еще разъ обратиться на себя милостивое вниманіе императора.

VI.

Назначеніе Папкова петербургскимъ оберъ-полицеймейстеромъ.—А. Д. Балашевъ.—Тогдашнее устройство полиціи.—Розыски Папковымъ доказательствъ измѣны Беннгсена.—Неудача.

Въ служебной карьерѣ Петра Аванасьевиича Папкова представляетъ затѣмъ нѣкоторый интересъ то время, когда онъ занималъ должность с.-петербургскаго оберъ-полицеймейстера. Несмотря на наведенныя мною справки, я не могъ въ точности опредѣлить, къ какимъ годамъ это относится, но такъ какъ мнѣ положительно извѣстно изъ разсказовъ Петра Аванасьевиича, что въ это время былъ министромъ полиціи Александръ Дмитріевичъ Балашевъ, занимавшій эту должность съ 1810 по 1816 годъ, то этими годами ограничивается время, когда Папковъ могъ быть оберъ-полицеймейстеромъ въ Петербургѣ.

Александръ Дмитріевичъ Балашевъ былъ одинъ изъ выдающихся дѣятелей первой четверти нынѣшняго столѣтія; онъ пользовался довѣріемъ императора Александра I и былъ назначенъ въ 1820 году генераль-губернаторомъ пяти губерній: Рязанской, Тульской, Орловской, Воронежской и Тамбовской, съ особыми полномо-

чіями для введенія въ нихъ образцовыхъ порядковъ. Имя Балашева приобрѣло большую популярность послѣ отвѣта, даннаго имъ Наполеону на вопросъ, которымъ онъ надѣялся смутить посланца російскаго императора. Наполеонъ спросилъ его:

— А какимъ путемъ всего лучше дойти до Москвы?

— Ихъ нѣсколько, государь,—отвѣтилъ Балашевъ,—все зависитъ отъ выбора. Карлъ XII избралъ путь черезъ Полтаву.

Балашевъ и Папковъ состояли въ родствѣ, такъ какъ родной братъ Папкова былъ женатъ на сестрѣ Балашева.

Когда Балашевъ занялъ должность министра полиціи, должность, до него, кажется, не существовавшую и вызванную тогдашними обстоятельствами, онъ искалъ себѣ помощниковъ и исполнителей съ твердымъ и рѣшительнымъ характеромъ и вмѣстѣ съ тѣмъ людей опытныхъ и нашелъ такового въ лицѣ Папкова для должности с.-петербургскаго оберъ-полицеймейстера, каковую должность Балашевъ занималъ нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ.

Въ тогдашнюю эпоху, при броженіи умовъ, вызванномъ совершившимися политическими событіями, требовался на этомъ посту человѣкъ энергичный, дѣйствующій въ нужныхъ случаяхъ быстро и рѣшительно, и въ этомъ отношеніи Папковъ оправдалъ ожиданія, возлагаемая на него высшимъ начальствомъ, хотя это представляло большую трудность въ виду плохой организаціи, или вѣрнѣе отсутствія организаціи полиціи. Онъ имѣлъ случай сдѣлаться болѣе извѣстнымъ императору Александру, который былъ къ нему очень милостивъ и въ числѣ наградъ пожаловалъ ему имѣніе, близъ Таганрога.

Петръ Аванасьевичъ рассказывалъ, что при тогдашнемъ устройствѣ полиціи и тогдашнихъ обычаяхъ какая нибудь правильность въ дѣйствіяхъ полиціи была немыслима. Съ одной стороны лицамъ, служившимъ по полиціи, отпускалось самое скудное содержаніе, которое пополнялось разными негласными поборами, о которыхъ въ дѣйствительности всѣ знали, и начальство было вынуждено смотрѣть на это сквозь пальцы, такъ какъ въ противномъ случаѣ не только служить, но и жить было бы невозможно. Съ другой стороны полиція исправляла часто не только полицейскія, но и судебныя обязанности, что расширяло ея власть и давало поводъ ко многимъ непредотвратимымъ злоупотребленіямъ. А въ то же время въ отношеніи къ лицамъ, занимавшимъ видное положеніе, или къ лицамъ, пользовавшимся ихъ покровительствомъ, а также въ отношеніи правительственныхъ учрежденій, требованія полиціи оставались гласомъ, вопіющимъ въ пустынь. Это естественно подрывало ея значеніе и лишало ее возможности проявлять свою дѣятельность всюду безпрепятственно, какъ бы это слѣдовало. Сыскная и вмѣстѣ съ тѣмъ политическая полиція страдала еще большимъ отсутствіемъ какой нибудь серіозной органи-

заци и неимѣнемъ опытныхъ лицъ, пригодныхъ къ этому дѣлу. При либеральномъ тогдашнемъ настроеніи высшихъ властей къ выходцамъ изъ окраинъ Россіи, какъ-то къ лицамъ польскаго или нѣмецкаго происхожденія, выслѣживаніе разныхъ лицъ, дававшихъ поводъ къ подозрѣнію ихъ въ благонадежности, становилось до крайности труднымъ при ничтожныхъ средствахъ, которыя на это ассигновались. Въ управленіи министра полиціи разрабатывались проекты для полнаго переустройства полиціи какъ городской, такъ и политической, но разработка этихъ проектовъ и проведеніе ихъ законодательнымъ порядкомъ, встрѣчавшее много препятствій, требовали немало времени, а пока все шло обычнымъ путемъ, и полицейская власть, грозная для низшихъ классовъ, была въ то же время признана для высшихъ.

Занимая должность с.-петербургскаго оберъ-полицеймейстера, Папковъ воспользовался своимъ положеніемъ, чтобъ провѣрить справедливость подозрѣній, не покидавшихъ его со дня сраженія подъ Фридландомъ. Онъ былъ безповоротно убѣжденъ въ измѣнническомъ намѣреніи, проявленномъ Бенигсеномъ въ этотъ памятный день, и принялся за розыски доказательствъ, могущихъ подтвердить его предположенія. Папковъ не любилъ распространяться объ этомъ дѣлѣ, даже избѣгалъ говорить о немъ, вѣроятно, потому что оно ему въ концѣ концовъ не удалось.

Всякими правдами и неправдами, просмотромъ отправляемой и получаемой корреспонденціи, что было впрочемъ въ то время всеми и всюду практикуемымъ средствомъ, и разными другими мѣрами, Папковъ пришелъ къ убѣжденію, что подозрѣнія его основательны, но этого было недостаточно, чтобъ доказать существованіе самаго факта, и онъ сталъ добиваться возможности захватить самую переписку Бенигсена съ Наполеономъ, изъ которой фактъ измѣны сталъ бы очевиднымъ. По свѣдѣніямъ, которыя имѣлъ Папковъ, переписка эта находилась въ Петербургѣ. Когда онъ счелъ моментъ для этого подходящимъ, онъ рѣшился сдѣлать обыскъ въ квартирѣ, гдѣ предполагалось захватить эту переписку, но обыскъ этотъ не удался. Переписка пылала въ каминѣ, когда полиція вошла въ комнату.

Папковъ не любилъ распространяться объ этомъ дѣлѣ, онъ даже избѣгалъ разговоровъ о немъ. Онъ говаривалъ:

— Кѣмъ и какъ я былъ обманутъ, я до сихъ поръ себѣ объяснить не могу; знаю лишь одно, что я въ вѣкъ себѣ этой ошибки не прощу. Это было тѣмъ обиднѣе, что не подлежитъ для меня ни малѣйшему сомнѣнію, что переговоры или переписка между Бенигсеномъ и французскимъ лагеремъ или Наполеономъ существовали. Я въ этомъ еще болѣе убѣдился изъ содержанія нѣкоторыхъ перехваченныхъ его писемъ, бывшихъ у меня на разсмотрѣніи, въ которыхъ шла рѣчь о кампаніи 1807 года; въ нихъ тонъ и выраженія бывшаго главнокомандующаго русскихъ войскъ были поло-

жительно враждебны Россіи, что подтвердило мои опасенія при крайне подозрительныхъ его распоряженіяхъ въ день Фридландскаго сраженія. Мнѣ было дорого имѣть въ рукахъ эти доказательства его измѣны, а они-то и ускользнули.

Самое дѣло не получило огласки; по негласному распоряженію начальства оно было замято, а обыскъ объясненъ ошибкой.

На подобіе извѣстнаго изреченія Галилея: «а все же земля вертится», Папковъ говорилъ себѣ въ утѣшеніе:

— Тамъ что ни говорите, а все-таки Бенигсенъ измѣнникъ.

VII.

Отпускъ Папкова.—Случай въ дорогѣ.—Пробываніе въ деревнѣ.—Встрѣча со спасеннымъ персіяниномъ.—Разведеніе ангорскихъ козъ.

Прослуживъ еще нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ не произошло ничего выдающагося, Петръ Аванасьевичъ Папковъ взялъ продолжительный отпускъ для поправленія своего разстроеннаго здоровья, а также для того, чтобы побывать въ пожалованномъ ему имѣніи и сдѣлать нужныя распоряженія. Онъ пробылъ нѣкоторое время въ Москвѣ, гдѣ лѣчился довольно успѣшно. Лѣченію его много способствовало то спокойствіе, которымъ онъ могъ пользоваться въ кругу близкихъ родныхъ и добрыхъ знакомыхъ послѣ служебныхъ тревогъ и волненій. Силы его окрѣпли, и онъ пустился дальше въ путь черезъ Рязань и Воронежъ въ свое имѣніе близъ Таганрога.

Дороги были въ тѣ времена плохи, или, вѣрнѣе сказать, ихъ вовсе не было, такъ какъ состояніе грунтовыхъ дорогъ, т. е. натуральныхъ, безъ искусственныхъ сооружений, каковыми были вообще тогда дороги въ Россіи, вполне зависѣло отъ погоды и атмосферическихъ причинъ. Все устройство тогдашнихъ дорогъ ограничивалось тѣмъ, что по главнымъ трактамъ были наставлены верстовые столбы, и въ извѣстныхъ разстояніяхъ были учреждены станціи, гдѣ можно было получать почтовыхъ лошадей для проѣзда.

Петръ Аванасьевичъ ѣхалъ въ дормезѣ, въ который запрягали, смотря по состоянію дороги, шесть и девять лошадей.

Не доѣзжая до Воронежа, съ Папковымъ случилось приключеніе, имѣвшее рѣшительное вліяніе на дальнѣйшую его судьбу. При спускѣ съ одной горы ямщикъ не могъ сдержать лошадей, которыя поскакали внизъ подъ гору съ дормезомъ на мостъ, перекинутый черезъ ручей въ ложбинкѣ. Мостикъ былъ, какъ водится, ветхій и рухнулъ; карета съ лошадьми опрокинулась въ ручей. При этомъ паденіи Петръ Аванасьевичъ сильно разбился и особенно повредилъ ногу, которою онъ совершенно не могъ шевелить. Къ

счастью, мѣсто этого происшествія находилось всего въ трехъ-четырехъ верстахъ отъ Воронежа; Петръ Аванасьевичъ послалъ тотчасъ верхового къ губернатору, чтобъ извѣстить его о томъ, что случилось, и просить его оказать возможную помощь. Губернаторъ оказалъ самое сердечное содѣйствіе. Онъ прислалъ доктора, носилки и людей, чтобъ перенести на рукахъ Петра Аванасьевича къ нему въ домъ, но Палковъ отклонилъ это любезное предложеніе губернатора, выразивъ ему свою сердечнѣйшую благодарность за выказанное имъ участіе, и приказалъ себя снести въ лучшую гостиницу въ городѣ. Опрокинутый дормезъ былъ тоже поднять и доставленъ въ городъ по распоряженію губернатора. Докторъ немедленно осмотрѣлъ больного и нашелъ, что отъ удара, полученнаго ногой при паденіи, сдѣлалась большая трещина въ кости и растяженіе жилъ. Онъ нашелъ этотъ случай очень сложнымъ и тяжелымъ, говоря, что переломъ кости не такъ серіозенъ, какъ эта трещина, и легче поддается лѣченію, а также что излѣченіе трещины въ кости удастся очень рѣдко, но что онъ, разумѣется, надѣется на удачный исходъ лѣченія, и что онъ приложитъ все свое стараніе. Лѣченіе было продолжительно съ частымъ накладываніемъ и сниманіемъ лубковъ и другими въ то время еще очень не усовершенствованными способами, но все же оно было настолько успѣшно, что Петръ Аванасьевичъ ходилъ впослѣдствіи не хромая, упираясь лишь изрѣдка на палку. Онъ ощущалъ только тупую боль въ кости, которая обострялась при переменахъ погоды.

Это неожиданное приключеніе измѣнило совершенно дальнѣйшую судьбу Палкова. Было потрачено много времени на лѣченіе, а продолжительное присутствіе свое въ имѣніи Петръ Аванасьевичъ считалъ необходимымъ; эти причины, взятыя вмѣстѣ съ убѣжденіемъ, что онъ при больной ногѣ для военной службы болѣе не годенъ, побудили его покинуть службу и заняться устройствомъ своего имѣнія. Какъ человѣкъ энергичный и предприимчивый, Петръ Аванасьевичъ нашелъ и тутъ большое поле для своей дѣятельности. Онъ значительно увеличилъ и расширилъ имъ же прежде заведенное овцеводство и задумалъ учредить въ своемъ имѣніи фабрику для выдѣлыванія офицерскихъ и солдатскихъ суконъ и одѣяль. Для этой цѣли онъ выписалъ архитектора и знающихъ мастеровъ и рабочихъ и одновременно съ постройкой фабрики сталъ строить для себя домъ въ Таганрогѣ, въ которомъ для удобства сбыта предполагался складъ для суконъ.

Въ то время Таганрогъ имѣлъ право считаться сравнительно довольно значительнымъ торговымъ пунктомъ. Многіе торговые дома, особенно греческіе, имѣли въ немъ конторы, а нѣкоторые поселились въ немъ на постоянное жительство, образуя такимъ образомъ довольно многочисленную греческую колонію. Они производили торговлю съ Россіей, Турціей и Персіей.

Я не стану говорить о хозяйственной дѣятельности Петра Аонасьевича, такъ какъ это не входитъ въ рамки моего разсказа, но скажу лишь только, что при его энергіи онъ много способствовалъ своей предприимчивостью къ оживленію той мѣстности, въ которой онъ дѣйствовалъ. Развитіе овцеводства, находившаго сбытъ шерсти тутъ же на его суконной фабрикѣ, наплывъ рабочихъ для построекъ, устройство кирпичныхъ заводовъ для той же цѣли и, наконецъ, фабричная дѣятельность, все это пробудилось, благодаря его инициативѣ и энергіи.

Однажды, когда Петръ Аонасьевичъ находился въ Таганрогѣ, чтобъ слѣдить за постройкой дома, явился къ нему одинъ господинъ. Имя, которымъ онъ назвался, озобличало принадлежность его къ турецкой или персидской національности. Онъ просилъ доложить о немъ, сказавъ, что имѣетъ кое-что лично передать Петру Аонасьевичу на словахъ. Когда онъ вошелъ въ комнату, Панковъ увидалъ передъ собой человѣка съ весьма благообразной наружностью, съ живыми и умными глазами и съ рѣзкимъ восточнымъ типомъ. На немъ былъ красивый персидскій костюмъ. Входя и дѣлая свое привѣтствіе, онъ назвался, на что Петръ Аонасьевичъ сказалъ ему, что онъ, вѣроятно, смѣшиваетъ его съ другимъ лицомъ, такъ какъ ни имя его, ни черты его лица ему совершенно не знакомы.

Незнакомецъ возразилъ на это, что его нисколько не удивляетъ, что Петръ Аонасьевичъ его не знаетъ, или вѣрнѣе не помнитъ его, но что имя Петра Аонасьевича никогда не изгладится изъ его памяти. Каждый разъ, что ему приходилось бывать по торговымъ дѣламъ въ Россію, онъ старался разузнать, гдѣ находится Петръ Аонасьевичъ, чтобъ уплатить ему долгъ, тяготящій надъ его совѣстью болѣе двадцати лѣтъ.

Петръ Аонасьевичъ чувствовалъ, что незнакомецъ говоритъ искренно, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ себѣ дать отчета въ этой мистификаціи.

Тогда незнакомецъ объяснилъ ему, что онъ есть тотъ самый купецъ персіянинъ, котораго Петръ Аонасьевичъ, будучи молодымъ офицеромъ, отбилъ у кавказскихъ горцевъ, взявшихъ его въ плѣнъ, и спасъ его тѣмъ отъ вѣрной неминуемой смерти. Онъ ищетъ болѣе двадцати лѣтъ случая доказать на дѣлѣ Петру Аонасьевичу свою глубочайшую благодарность, и, наконецъ, Аллахъ дозволилъ ему встрѣтиться съ нимъ, а потому онъ надѣется, что они не разстанутся безъ того, чтобъ Панковъ не принялъ отъ него дара, какъ знака благодарности за его спасеніе.

Петръ Аонасьевичъ былъ до крайности пораженъ этой встрѣчей и тронутъ чувствами, высказанными персіяниномъ, но онъ отказался отъ всякой вещественной благодарности, а просилъ чаще

навѣщать его и рассказать о томъ, какъ онъ добрался до своей страны послѣ ихъ первой встрѣчи, и что съ нимъ было послѣ.

Изъ рассказовъ персіянина выяснилось между прочимъ, что его торговые обороты съ каждымъ годомъ расширялись, что онъ ведетъ крупную торговлю съ Турціей, имѣетъ торговые обороты съ Индіей и бываетъ по торговымъ же дѣламъ въ Россіи. Въ этотъ пріѣздъ въ Таганрогъ онъ узналъ отъ здѣшнихъ греческихъ торговыхъ фирмъ о пріѣздѣ въ этотъ край Петра Аѳанасьевича, вѣроятно, съ намѣреніемъ поселиться надолго въ этой мѣстности и вести торговые дѣла, такъ какъ онъ строитъ суконную фабрику въ своемъ имѣніи и для себя домъ въ Таганрогѣ.

— Надѣюсь, что вы не сомнѣваетесь теперь,—добавилъ персіянинъ,—какъ я былъ счастливъ, когда узналъ, что вы тутъ, и что вы все-таки не откажете мнѣ въ возможности выказать вамъ мою благодарность.

Узнавъ, что персіянинъ ведетъ также крупную торговлю шерстью, Петръ Аѳанасьевичъ очень обрадовался случаю воспользоваться его знаніемъ и совѣтами по этому предмету и разговорился съ нимъ о своихъ фабричныхъ проектахъ, но касательно принятія отъ него подарка онъ остался неумолимъ. Въ числѣ своихъ проектовъ, онъ рассказалъ своему собесѣднику, что намѣренъ расширить свое фабричное производство и выдѣлывать ткани изъ шерсти ангорскихъ козъ и надѣется, что онъ не откажется поставлять ему эту шерсть.

Персіянинъ принялъ это предложеніе и съ радостію ухватился за него, поставивъ съ своей стороны условіемъ, чтобъ Петръ Аѳанасьевичъ принялъ отъ него въ знакъ памяти козу и козла ангорской породы, которыхъ онъ доставитъ ему изъ Тибета для разведенія своего стада. Петръ Аѳанасьевичъ не нашелъ возможнымъ отказать ему въ этомъ и изъявилъ свое согласіе. Цѣнность этого подарка заключалась главнымъ образомъ въ томъ, что въ Тибетѣ не продаютъ на вывозъ этихъ животныхъ ни за какія деньги, дабы они водились только въ Тибетѣ, а ослушниковъ этого закона наказываютъ смертью, а потому добыча этихъ животныхъ была сопряжена съ величайшими трудностями. Имѣя вѣрныя сношенія съ Тибетомъ и благодаря подкупамъ и ловкости того, кто былъ посланъ для выполненія этого порученія, персіянину удалось добыть двѣ пары этихъ драгоцѣнныхъ животныхъ, на тотъ случай, что которое нибудь изъ нихъ не перенесетъ передвиженія или перемѣны климата. Это его опасеніе было весьма основательно, такъ какъ въ Таганрогъ прибыла приблизительно черезъ годъ только одна пара, а другая не выдержала и пала. Эта пара была доставлена въ имѣніе Петра Аѳанасьевича, который чрезвычайно обрадовался этому рѣдкому подарку.

Для нихъ была отвѣдена особая овчарня, и при нихъ былъ

оставленъ тотъ азіатъ, который ихъ привелъ, для того, чтобъ мѣстные овчары могли приглядѣться и привыкнуть къ нуждамъ и привычкамъ этихъ пришельцевъ и замѣнить его современемъ. То были красивые образцы этой граціозной ангорской породы, раза въ полтора болѣе обыкновенной овцы, съ длинной бѣлой шелковистой шерстью, висѣвшей до земли. На видъ и на ощущеніе эта шерсть совершенно, какъ шелкъ. Эти животныя прекрасно свыклись съ мѣстнымъ климатомъ и стали успѣшно размножаться, такъ что, лѣтъ тридцать спустя, можно было любоваться въ имѣніи Папкова совершенно необычнымъ для тамошней мѣстности зрѣлищемъ довольно значительнаго стада тибетскихъ ангорскихъ козъ.

Петръ Аванасьевичъ очень гордился своимъ единственнымъ во всей Европѣ стадомъ, да и было чѣмъ, какъ вдругъ онъ получилъ донесеніе изъ имѣнія, что во всей окружающей мѣстности появилась чума на рогатый скотъ и овецъ, и что между ангорскими козами падежъ сильный, а вскорѣ за симъ, что отъ всего стада не осталось ни одной головы. Извѣстіе это произвело удручающее впечатлѣніе на старика Папкова. Онъ былъ чрезвычайно опечаленъ этой, какъ онъ выражался, невознаградимой потерей, съ которой погибъ тридцатилѣтній постепенный трудъ, дававшій во все время хорошіе результаты и отличныя надежды въ будущемъ, такъ какъ возможность разведенія этой драгоцѣнной породы козъ въ Россіи была блистательно доказана, и дорогая ангорская шерсть могла бы стать видною отраслью промышленности. Жаль, что этотъ столь удачный опытъ Папкова не нашелъ себѣ подражателя.

VIII.

Представленіе Папкова императору Александру.— Назначеніе градоначальникомъ въ Таганрогъ.— Столкновеніе съ таганрогскимъ обществомъ.— Интриги противъ него.— Слѣдствіе надъ нимъ.— Сенаторская ревизія.— Разборъ дѣла въ сенатѣ.— Кончина императора Александра.— Выходъ Папкова въ отставку.

И въ наше время служебное положеніе или сановитость лица имѣютъ значеніе и своего рода обаяніе въ провинціи и представляютъ лицамъ, пользующимся такими и живущимъ въ провинціальныхъ городахъ или своихъ имѣніяхъ, нѣкотораго рода преимущества и льготы. А въ началѣ нынѣшняго столѣтія было то же, но въ несравненно большей степени. Въ то время, лица, обладавшія большими средствами или виднымъ служебнымъ положеніемъ, проживали въ своихъ имѣніяхъ на подобіе пашей, не зная препятствій своимъ фантазіямъ и прихотямъ и считая себя какъ бы внѣ закона въ отношеніи къ другимъ по тогдашнимъ понятіямъ не-

привилегированнымъ классамъ, то-есть купцамъ и мѣщанамъ, не говоря уже о крѣпостномъ сословіи. А для лицъ, не имѣвшихъ большихъ средствъ, видное служебное положеніе пополняло все; оно давало, кромѣ хорошихъ средствъ, и почетъ и всякія преимущества и льготы.

Проживъ нѣсколько лѣтъ въ своемъ имѣніи и устроивъ окончательно суконную фабрику, которая была пущена въ ходъ, Петръ Аѳанасьевичъ счелъ благоразумнымъ не пренебречь выгодами и удобствами, которыя могла бы дать служба, и вернуться снова на служебное поприще, тѣмъ болѣе, что представлялся случай занять хорошее служебное положеніе по близости отъ его имѣнія. Это представило бы ему двоякую выгоду: пользоваться всѣми служебными преимуществами и въ то же время наблюдать за имѣніемъ и фабрикой.

Городъ Таганрогъ былъ выдѣленъ въ отдѣльную административную единицу въ видѣ таганрогскаго градоначальства, во главѣ котораго долженъ былъ стоять градоначальникъ съ нѣкоторыми правами наравнѣ съ губернаторами. Это и было то видное по службѣ и удобное для Папкова мѣсто, о которомъ онъ собрался хлопотать. Съ этой цѣлью онъ поѣхалъ на нѣкоторое время въ Петербургъ, чтобъ повидаться съ разными сильными міра сего, переговорить съ кѣмъ слѣдовало и, что называется, подготовить почву. Но онъ встрѣтилъ гораздо болѣе затрудненій, чѣмъ ожидалъ. Конкурентовъ было много, и каждый изъ нихъ имѣлъ своего савоннаго покровителя, а нѣсколько лѣтъ въ отставку поотдалило Папкова отъ официальныхъ сферъ. Мытарства Петра Аѳанасьевича не представили бы интереса, не случись совершенно своеобразно-милостивое вмѣшательство императора Александра I.

Папковъ былъ зачисленъ по министерству внутреннихъ дѣлъ и въ качествѣ вновь поступившаго на службу имѣлъ счастье представиться императору. Государь принялъ его очень милостиво, поинтересовался устройствомъ суконной фабрики, чуть ли не первой въ той мѣстности, и похвалилъ его за то, что онъ вновь поступаетъ на службу.

Отвѣчая на вопросы государя, Папковъ имѣлъ случай доложить ему о своемъ желаніи быть назначеннымъ на мѣсто градоначальника въ Таганрогъ, чтобъ имѣть возможность близко слѣдить за доброкачествомъ фабрикуемыхъ суконъ, предназначенныхъ для російской арміи.

Императоръ одобрилъ эту мысль и прибавилъ къ этому:

— Обратись теперь съ этой просьбой къ намѣстнику Новороссійскаго края и проси его представить мнѣ докладъ о назначеніи тебя на это мѣсто. Все должно итти по заведенному порядку. Представленіе о твоёмъ назначеніи зависитъ теперь отъ него.

А затѣмъ государь еще разъ обратился къ Папкову, какъ бы вспомнивъ о чемъ-то, и спросилъ:

— А знаетъ ли тебя лично намѣстникъ?

И получивъ отрицательный отвѣтъ, сказалъ съ добродушной улыбкой:

— Такъ я ему тебя порекомендую; это можетъ тебѣ пригодиться.

Когда Петръ Аванасьевичъ рассказывалъ намъ объ этомъ, будучи уже почти восьмидесятилѣтнимъ старикомъ, у него слезы умиленія навертывались на глазахъ. Съ какимъ глубокимъ чувствомъ благоговѣнія и вѣрнопопданнѣйшей преданности къ своимъ царямъ говаривали и вспоминали о нихъ старики того времени въ родѣ Папкова и другихъ, которыхъ случалось у него видѣть, и какое благотворное впечатлѣніе производило это на насъ, молодыхъ слушателей. Какъ нужны, какъ необходимы такіе рассказы для молодежи, дабы и она воспитывалась въ томъ же духѣ, и какъ искренно жаль, что въ наше время молодежи приходится очень рѣдко читать или слышать подобныя патріотическіе рассказы.

Дѣйствительно, какая прелестная черта характера проглядываетъ въ этихъ безпримѣрно милостивыхъ словахъ императора Александра I. Будучи формалистомъ, онъ не хотѣлъ, чтобъ право намѣстника представлять къ утвержденію лицъ служебнаго персонала по своему выбору было обойдено, и въ то же время пожелалъ оказать Папкову свое монаршее покровительство. И чтобъ согласовать то {и другое, императоръ избралъ путь совершенно необычный, въ которомъ выказалась его безграничная доброта. Царь рекомендуетъ своему подчиненному своего царскаго кандидата.

Императоръ еще вторично какъ бы подчеркнул свое милостивое расположеніе къ Папкову, когда Петръ Аванасьевичъ представлялся ему по случаю назначенія на мѣсто градоначальника Таганрога.

Государь поздравилъ его шутя съ этимъ успѣхомъ и напомнилъ ему приложить стараніе, чтобъ намѣстникъ края былъ доволенъ, такъ какъ всѣ представленія о наградахъ должны непременно исходить отъ него.

Эти драгоцѣнныя слова были послѣдними, которыя довелось Петру Аванасьевичу услышать изъ устъ императора Александра I, котораго онъ затѣмъ не имѣлъ болѣе счастья видѣть.

Состоявшееся при этихъ условіяхъ назначеніе Папкова породило ему немало завистниковъ и враговъ, выказавшихъ свое недоброжелательство при первомъ удобномъ случаѣ.

Петръ Аванасьевичъ отправился къ мѣсту служенія и поселился въ своемъ новомъ домѣ въ Таганрогѣ. Онъ былъ женатъ. Супруга его, привыкшая къ московскому барству, держала себя вообще довольно гордо съ посторонними и строго съ подчиненными своего мужа. Когда все устройство въ домѣ было довершено, двери дома градоначальника раскрылись для пріема мѣстной аристократіи и интеллигенціи. Та и другая была въ то время въ

Таганрогъ лишь денежная и большею частью національности нерусской. Преобладающими были греки. Между представителями торговых домовъ встрѣчались люди, по тогдашнимъ понятіямъ, хорошо образованные. При существовавшихъ порядкахъ эти торговыя конторы подчинили себѣ вполнѣ мѣстную городскую администрацію, которая состояла у нихъ на негласномъ жалованьи и исполняла всякое ихъ требованіе, хотя бы и противозаконное и дѣлавшее ущербъ другимъ обывателямъ. Съ новымъ городовымъ устройствомъ и назначеніемъ градоначальника, этимъ отношеніямъ предстояло измѣниться, чѣмъ были одинаково недовольны обѣ стороны, какъ частныя конторы, такъ и полицейскіе чины, такъ какъ обѣ стороны теряли: первая—свои преимущества, а вторая—добавочное негласное жалованье. Эти обоюдныя неудовольствія и составляли главную трудность задачи для новаго градоначальника. Петръ Аѳанасьевичъ старался расположить къ себѣ вліятельныхъ тамошнихъ обывателей и съ этой цѣлью приглашалъ ихъ къ себѣ на обѣды и вечера, чѣмъ и установилъ хорошія съ ними отношенія. Затѣмъ онъ принялся за водвореніе законности и порядка въ городскомъ управленіи; это вызвало общее неудовольствіе, пока еще глухое, ничѣмъ открыто не выражаемое. Къ этому припуталось одно неожиданное обстоятельство. Супруга градоначальника отдала визитъ женѣ одного негоціанта ранѣе, чѣмъ другой, которая считала себя стоящей выше той, и сынъ этой обидѣвшейся дамы задумалъ отомстить за это градоначальнику скандаломъ, что онъ и привелъ въ исполненіе при первомъ встрѣтившемся случаѣ.

У градоначальника былъ балъ. Гости уже съѣхались и ожидали начала танцевъ. Въ то время балы и въ частныхъ домахъ открывались всегда полонезомъ. Петръ Аѳанасьевичъ пригласилъ для полонеза старшую по своему положенію даму, жену одного негоціанта, а супруга Петра Аѳанасьевича заняла мѣсто во второй парѣ съ представителемъ одной изъ старѣйшихъ фирмъ. Музыка грянула, и шествіе полонеза началось. Когда первыя пары дошли до половины танцевальнаго зала, ворвался съ шумомъ въ залу молодой человекъ, сынъ обидѣвшейся дамы, ведя подъ руку какую-то дѣвицу, вовсе къ обществу не принадлежавшую, и обращаясь къ ней со смѣхомъ; онъ выбѣгаетъ впередъ первой пары, заслоняетъ собою хозяина и хозяйку дома и идетъ во главѣ шествія.

Въ залѣ дѣлается ужасный переполохъ, шествіе, разумѣется, останавливается, музыка перестаетъ играть. Петръ Аѳанасьевичъ, раздраженный этой непозволительной дерзостью и находясь въ затруднительномъ положеніи, какъ хозяинъ того дома, въ которомъ это происходитъ, сдержалъ свое неудовольствіе и, выставивъ въ короткихъ словахъ все неприличіе его поступка, предложилъ молодому человѣку извиниться передъ дамами. Но тотъ отвѣчалъ лишь дерзостями. Тогда Петръ Аѳанасьевичъ предложилъ ему удалиться

добровольно, во избѣжаніе насилія, каковое можетъ быть вызвано его поведеніемъ. Но такъ какъ и это предложеніе осталось безъ удовлетворенія, то Петръ Аѳанасьевичъ приказалъ прислугѣ вывести молодого человѣка силой, что и было исполнено; а дѣвица, бывшая съ нимъ, убѣжала въ самомъ началѣ этого скандала.

Вызовъ былъ брошенъ. Въ немъ невозможно винить градоначальника, который сдѣлалъ все, что могъ, чтобъ не дать разростись глупой дерзости неблаговоспитаннаго молодого человѣка въ крупный скандалъ, а теперь изъ племенной солидарности греческіе торговые дома стали избѣгать сначала свѣтскаго сближенія съ домомъ градоначальника, а затѣмъ приняли сторону своего соотечественника, прежде—негласно, а впоследствии открыто. Убѣдившись, сверхъ того, что Папковъ не такой человѣкъ, отъ котораго можно добиться уступокъ для противозаконнаго пользованія разными привилегіями, они пришли къ заключенію, что единственный способъ, чтобъ удержать за собою выгодное положеніе, это—смѣщеніе Папкова и замѣна его болѣе покладистымъ человѣкомъ.

Для достиженія этой цѣли они начали посылать анонимные доносы въ Петербургъ. На эти доносы не обращали сначала вниманія въ правительственныхъ сферахъ, но они стали столь часты и обличали столько разнообразныхъ беззаконій, что въ силу поговорки: нѣтъ дыма безъ огня,—начальство заподозрѣло, что во всемъ этомъ можетъ быть доля правды, и сочло нужнымъ разслѣдовать причины, вызвавшія жалобы; высказываемыя въ этихъ доносахъ, и вѣрность изобличаемыхъ въ нихъ фактовъ.

Сначала посылались запросы къ самому градоначальнику съ требованіемъ объясненія приложенныхъ къ запросу доносовъ, въ которыхъ, между прочимъ, указывалось на вымогательства со стороны полиціи и на разныя другія беззаконія, допускаемыя градоначальникомъ, какъ говорилось въ доносахъ, изъ личныхъ выгодъ.

Папковъ объяснялъ, что всѣ эти навѣты вымышлены и ложны. Но съ другой стороны доносы не унимались и становились на-противъ все оскорбительнѣе для личности Петра Аѳанасьевича. Эти непріятности раздражали его тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ жалобахъ на полицію было основаніе, съ тою только разницею, что Папковъ былъ именно тотъ, кто боролся съ этого рода лихоимствомъ, а они, жалобщики, на-противъ того, негласно содѣйствовали ему.

Однимъ словомъ, война разгорѣлась не на животъ, а на смерть, и озлобленіе обѣихъ сторонъ росло. Греческая колонія, располагавшая большими средствами, сумѣла заинтересовать нѣсколькихъ вліятельныхъ лицъ въ Петербургѣ тѣмъ, что неурядица, существующая въ Таганрогѣ, неминуемо приведетъ въ упадокъ этотъ торговый пунктъ, такъ какъ торговыя фирмы должны будутъ искать

другой, болѣе вѣрный и покойный пунктъ для своихъ торговыхъ оборотовъ, а это можетъ составить большую потерю для тамошняго края, а, кромѣ того, что вся неурядица началась съ назначеніемъ Папкова градоначальникомъ. Эти вліятельныя лица, не доброжелательствующія Папкову, высказывали въ административныхъ сферахъ мнѣніе, что въ виду не прекращающихся доносовъ и медленнаго почтового сообщенія между Таганрогомъ и Петербургомъ, вслѣдствіе большого разстоянія между ними, было бы гораздо практичнѣе послать въ Таганрогъ лицо, уполномоченное разслѣдовать все дѣло на мѣстѣ и затѣмъ уже дать надлежащій ходъ этому дѣлу. По истеченіи нѣкотораго времени такъ и было поступлено, и разслѣдователемъ всего дѣла былъ посланъ въ Таганрогъ сенаторъ Б..... Въ сущности это было уже начало торжества недоброжелателей Папкова. Принципъ признанія въ доносахъ достаточнаго основанія, чтобъ производить подобное гласное слѣдствіе, подрывалъ престижъ мѣстной власти, а также лица, облеченнаго ею. А изъ-за этого, чѣмъ бы слѣдствіе ни кончилось, придется всячески Папкову удалиться, что и было собственно то, чего добивались озлобленные на него греки.

Въ обѣихъ столицахъ было много разговоровъ и пересудовъ про эту командировку. Мнѣнія раздѣлились, и образовались какъ бы два лагеря. Одни, стоявшіе за Папкова, порицали командировку сенатора Б..... на мѣсто, по причинамъ, уже сказаннымъ выше они находили, кромѣ того, что огласка, которую должно получить это дѣло теперь, какъ нежелательна, такъ и незаслуженна, такъ какъ все дѣло раздуто изъ анонимныхъ доносовъ, и что ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало переносить разслѣдованіе на самое мѣсто дѣйствія, чтобъ значеніе мѣстной власти не было умалено держаніемъ ея, такъ сказать, подъ слѣдствіемъ, а что слѣдовало вызвать Папкова, и судя по тому, что окажется, прекратить дѣло или смѣнить его.

Другіе же,—противники Папкова,—были тоже недовольны условіями, при которыхъ состоялась командировка сенатора Б..... Они находили, что слѣдовало держать въ тайнѣ цѣль командировки сенатора и огласить ее лишь тогда, когда онъ былъ бы уже на мѣстѣ.

Дѣло шло, между тѣмъ, своимъ порядкомъ. Сенаторъ прибылъ въ Таганрогъ, гдѣ ему было очень легко уяснить себѣ дѣйствительныя причины, вызвавшія доносы со стороны представителей греческой колоніи, помимо ихъ жалобъ на дѣйствія городской администраціи, которые добивались той же цѣли, т.-е. удаленія непокладистаго градоначальника.

Для приѣзда ревизующаго сенатора было приготовлено въ Таганрогѣ помѣщеніе не въ домѣ градоначальника, что было бы неудобно для сенатора по характеру возложеннаго на него порученія, а въ отдѣльномъ домѣ, въ которомъ и производилось дѣло подѣ

личнымъ его наблюдениемъ, и куда прѣхалъ къ нему Петръ Аѳанасьевичъ, какъ должностное лицо, по официальнымъ или служебнымъ надобностямъ. Сенаторъ Б..... и Петръ Аѳанасьевичъ были и прежде другъ съ другомъ знакомы, а потому сенаторъ, посвящая день на служебныя сношенія съ лицами, прикосновенными къ дѣлу, а въ томъ числѣ и съ Папковымъ, прѣзжалъ затѣмъ къ нему, какъ старинный знакомый, откушать или выпить чашку чая и поболтать, покуривая добрую трубку табаку.

Однажды, когда собственно разслѣдованіе было уже окончено, и оставались лишь составленіе доклада и переписка бумагъ, сенаторъ Б....., находясь у Петра Аѳанасьевича и разговаривая съ нимъ о разныхъ предметахъ, сказалъ ему вдругъ:

— А рассказывалъ ли я вамъ про сегодняшній мой сонъ?

— Нѣтъ, не говорили, — отвѣтилъ Петръ Аѳанасьевичъ, — а развѣ онъ особенно интересенъ?

— И очень даже интересенъ, — возразилъ сенаторъ, — судите сами. Вижу я васъ во снѣ, Петръ Аѳанасьевичъ, что вы стоите, понуря голову, оглядывая себя съ гадливостью, и все время отмахиваетесь и отбиваетесь отъ разнаго рода насѣкомыхъ, которыя ползутъ на васъ со всѣхъ сторонъ въ огромномъ количествѣ. Тутъ были и клопы, и клещи, вши, разныя черви, осы, и все это норвило, чтобъ кусать или подтачивать. Увидавъ меня, вы сказали: «посмотрите, какъ эти гады меня заѣдаютъ, вѣдь не отбиться отъ нихъ». А я вамъ отвѣчаю: «грѣхъ вамъ, Петръ Аѳанасьевичъ, не призывать своихъ друзей. Этой дряни такое множество, что они всѣ, пожалуй, загубятъ; какъ же вы мнѣ ничего объ этомъ не сказали? Вѣдь я вашъ другъ, Петръ Аѳанасьевичъ, а главное имѣю возможность и силу ихъ уничтожить. Хорошо, что случилось такъ, что я самъ увидалъ, какъ они васъ одолеваютъ». Тутъ я тотчасъ обмахнулъ васъ рукой, и вся эта нечисть пропала. Вы вздохнули свободно и сказали мнѣ, что очень мнѣ обязаны и безконечно благодарны. А я отвѣтилъ вамъ, что не за что, что всѣ мы должны другъ другу помогать и одинъ другого выручать, живя по пословицѣ: рука руку моетъ. Вѣдь не ровень часъ.

— А не правда ли, какой странный сонъ? — добавилъ еще сенаторъ.

— Видно, что ужъ очень заняты вы этимъ дѣломъ, — отвѣтилъ Петръ Аѳанасьевичъ.

Затѣмъ, поговоривъ еще немного кое о чемъ, сенаторъ Б..... обратился къ Папкову съ странной просьбой одолжить ему сорокъ тысячъ рублей, въ которыхъ онъ очень нуждается теперь, и о которыхъ ему некогда похлопотать въ иномъ мѣстѣ, такъ какъ онъ весь поглощенъ дѣломъ Петра Аѳанасьевича.

Эта просьба, высказанная вслѣдъ за рассказомъ видѣннаго сна, произвела ужасное впечатлѣніе на вспыльчиваго и глубоко чест-

наго Папкова. Глядя съ презрѣніемъ на человѣка, который могъ себя позволить сдѣлать ему такое гнусное предложеніе, хотя и въ скрытой формѣ, Петръ Аѳанасьевичъ употребилъ все усиліе, чтобъ сдержать свой пылъ, и сказалъ ему, что ему нужно часъ другой времени, чтобъ сообразиться, послѣ чего онъ доставить къ нему свой отвѣтъ. Но сенаторъ Б..... возразилъ, что ему удобнѣе заѣхать къ Петру Аѳанасьевичу часа черезъ два, чтобъ получить отвѣтъ у него на дому. Затѣмъ онъ уѣхалъ. Папкову это было очень непріятно, такъ какъ онъ хотѣлъ избѣжать необходимости вручить сенатору Б..... задуманный имъ отвѣтъ у себя дома, но дѣлать было нечего. Онъ тотчасъ принялся писать, отдавъ передъ тѣмъ приказаніе, чтобы курьеръ приготовился тотчасъ отправиться въ дальнюю дорогу.

Когда сенаторъ Б..... вернулся за отвѣтомъ, Петръ Аѳанасьевичъ принялъ его въ кабинетѣ и спросилъ его предварительно: не измѣнитъ ли онъ своего намѣренія относительно его просьбы о деньгахъ и не лучше ли оставить таковую безъ послѣдствій? Но сенаторъ Б..... продолжалъ настаивать на томъ же, говоря, что ему эта сумма необходима, и что ему рѣшительно не къ кому иному теперь обратиться. Петръ Аѳанасьевичъ, желая убѣдить сенатора Б....., сказалъ ему, что онъ находитъ его просьбу очень странной и неумѣстной и, наконецъ, что у него этихъ денегъ можетъ вовсе не быть, а на нѣтъ, какъ говорить пословица, и суда нѣтъ.

На это сенаторъ Б..... отвѣтилъ раздраженнымъ тономъ:

— Оно можетъ быть и такъ, но здѣсь случай совершенно исключительный. И я могу тоже сослаться на пословицу, которую въ иныхъ случаяхъ не худо помнить. Рука руку моетъ, почтеннѣйшій Петръ Аѳанасьевичъ.

Видя, наконецъ, что всѣ его убѣжденія остаются гласомъ во пющаго въ пустынѣ, Петръ Аѳанасьевичъ позвонилъ и спросилъ у вошедшаго слуги, готовъ ли курьеръ, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, обратился затѣмъ къ сенатору Б..... со словами:

— Я обѣщалъ вамъ сообразиться, что могу я сдѣлать по поводу высказанной мнѣ вами просьбы о деньгахъ. Послѣ теперешняго разговора нашего я пришелъ къ убѣжденію, что, невзирая на всѣ мои старанія, вы продолжаете считать меня способнымъ войти съ вами въ такую неблагоприятную сдѣлку, а потому мнѣ не остается теперь ничего другого, какъ сообщить вамъ мой отвѣтъ, смыслъ котораго изложенъ въ этой бумагѣ.

Онъ раскрылъ бумагу и прочелъ изумленному сенатору Б... свой рапортъ государю императору, въ которомъ было изложено, что сенаторъ Б., командированный въ Таганрогъ для изслѣдованія доносовъ, поступившихъ на него, Папкова, обратился къ нему съ просьбой доставить ему сорокъ тысячъ рублей. Сенаторъ не успѣлъ

еще прійти въ себя, какъ Папковъ запечаталъ конвертъ со вложеннымъ рапортомъ и лично вручилъ его вошедшему курьеру, который тотчасъ и пустился въ дорогу.

— Что вы сдѣлали?—вскрикнулъ сенаторъ Б...

— Объ этомъ надо васъ спросить,—отвѣтилъ Папковъ.—Что вы сдѣлали? А что до меня касается, то я лишь исполнилъ мой долгъ.

Сенаторъ Б... поспѣшилъ домой и едва ли не на другой же день выѣхалъ изъ Таганрога.

Когда вѣсть о столкновеніи сенатора Б... съ Папковымъ дошла до Москвы и Петербурга, все столичное общество и служебныя сферы были крайне встревожены такимъ скандальнымъ окончаніемъ командировки сенатора Б... Для всѣхъ было ясно, что вслѣдствіе этого должно начаться новое, весьма щекотливое дѣло, компрометирующее лицъ съ высокимъ служебнымъ положеніемъ. Послѣ описанныхъ событій, сенаторская ревизія Б..., какъ и можно было ожидать, высказалась не въ пользу Папкова, въ отместку за его обличительный рапортъ. Эта натяжка была довольно очевидна и въ сущности напрасна, потому что дѣло о доносахъ утратило свой интересъ. Это дѣло, такъ сказать, ступевалось передъ громкимъ небывалымъ процессомъ между двумя сановниками, обвинявшими другъ друга: одинъ въ покушеніи на лихоимство, а другой во лжи, такъ какъ при разслѣдованіи этого второго дѣла сенаторъ Б... показалъ, что онъ у Папкова никакихъ денегъ не просилъ, и что Папковъ его оклеветалъ.

Всѣ, знавшіе Петра Аванасьевича и его прямой, даже крутой, но высокочестный нравъ, никакъ не допускали предположенія напрасной клеветы съ его стороны. Пріятели же сенатора Б..., которыхъ оказалось немало между лицами, близко стоящими къ государю, а также начальствовавшими въ разныхъ администраціяхъ, старались всячески выгородить сенатора Б... и представить это дѣло такъ, что эта клевета была со стороны Папкова хитрость, коей онъ воспользовался, чтобъ отвлечь вниманіе отъ неблагоприятныхъ фактовъ, имѣвшихъ всплыть послѣ ревизіи.

Разборъ этого дѣла происходилъ въ московскомъ сенатѣ. При этомъ имѣлъ мѣсто одинъ фактъ, небывалый до того въ сенатской судебной хроникѣ: это—очная ставка между двумя сановниками, сенаторомъ и генераломъ, которая была сдѣлана при торжественной обстановкѣ въ присутствіи всѣхъ наличныхъ сенаторовъ. Впечатлѣніе, произведенное этою очною ставкой на всѣхъ присутствующихъ, было чрезвычайно тяжелое, даже удручающее. Ею надѣялись дойти до окончательнаго разъясненія дѣла, но ошиблись въ расчетъ. Тотъ и другой остались на этой очной ставкѣ при своихъ прежнихъ показаніяхъ и подтвердили ихъ еще подъ присягой.

Дѣло такимъ образомъ разросталось и получало все болѣе

мрачную окраску, такъ какъ пришлось признать, что показанія одного изъ двухъ, данныя подъ присягой, не заслуживаютъ довѣрія, иначе сказать, что одинъ изъ двухъ—клятвopеступникъ. Весь прежній интересъ этого дѣла поблекъ передъ этимъ новымъ, неожиданно выдвинувшимся интересомъ. Недруги Папкова, отстаивая сенатора Б... доказывали, что виноватымъ въ лживой присягѣ можетъ быть только Папковъ, которому необходимо было очернить сенатора Б..., чтобъ подорвать довѣріе къ его отчету, въ которомъ онъ выставлялъ на видъ злоупотребленія Папкова, и увѣрить, что онъ это показалъ не по правдѣ а по злобѣ на Папкова. Они столько ратовали за это, что добились наконецъ того, что докладъ объ этомъ дѣлѣ, поданный императору, исходилъ изъ этой точки зрѣнія и былъ проведенъ въ этомъ смыслѣ.

Это происходило въ 1825 году, когда императоръ Александръ I совершалъ свое путешествіе по югу Россіи. Въ бытность государя въ Крыму, вмѣстѣ съ императрицей Елисаветой Алексѣвной, придворные медики нашли, что для поправленія здоровья императрицы предпочтительнѣе пребываніе въ Таганрогѣ, вслѣдствіе чего и были сдѣланы министромъ двора всѣ соотвѣтствующія распоряженія.

Въ Таганрогѣ было введено на время пребыванія высочайшихъ особъ особое дворцовое управленіе; домъ Петра Аѳанасьевича былъ приспособленъ для императора съ императрицей, а самъ Папковъ принужденъ былъ рапортоваться больнымъ и уѣхать въ имѣніе, такъ какъ онъ не могъ оставаться въ Таганрогѣ, вслѣдствіе принадлежности его къ этому ужасному и нескончаемому дѣлу. Несмотря на кажущуюся возможность воспользоваться пріѣздомъ императора, чтобъ ему представиться и лично оправдаться передъ нимъ, въ успѣхъ чего Папковъ нимало не сомнѣвался, онъ этого сдѣлать не могъ, во-первыхъ, потому, что вслѣдствіе спокойнаго отдыха, предписаннаго медиками государю, ему подавали къ разсмотрѣнію только необходимѣйшія дѣла, не требующія отлагательства, а, во-вторыхъ, потому, что Папкова не допустили бы до государя въ виду неоконченнаго его дѣла съ сенаторомъ Б... Петръ Аѳанасьевичъ надѣялся на то, что императоръ, можетъ быть, самъ вспомнить о немъ, но кто знаетъ, думалъ онъ, не измѣнилъ ли онъ о немъ мнѣнія послѣ всѣхъ наговоровъ, и особенно при общемъ чувствѣ недовѣрія, вкравшемся за послѣдніе годы въ характеръ государя.

Вскорѣ послѣ прибытія высочайшихъ особъ въ Таганрогъ здоровье императрицы стало понемногу поправляться, а императоръ заболѣлъ, и заболѣлъ, увы! той роковой болѣзнью, которая безвременно свела его въ могилу.

Незадолго до своей кончины императоръ спросилъ о Папковѣ и объ его дѣлѣ, вслѣдствіе чего и былъ представленъ государю

докладъ, который приводилъ къ заключенію, что по ближайшему разсмотрѣнію дѣла надо признать виновнымъ въ подачѣ невѣрныхъ показаній подъ присягой Папкова.

— Нѣтъ, тутъ чтонибудь не такъ,—сказалъ недовольнымъ тономъ императоръ,—это не можетъ быть. Я слишкомъ хорошо знаю Папкова, чтобы этому повѣрить. Я его самъ спрошу,—и, помолчавъ немного, добавилъ,—какъ только поправлюсь,—и отложилъ этотъ докладъ въ сторону, чтобъ оставить его у себя.

Интересно сопоставить при этомъ то, что эта резолюція императора была высказана въ той самой комнатѣ, въ которой Папковъ написалъ тотъ злополучный рапортъ, который поднялъ такую бурю. Бывшій кабинетъ Петра Аванасьевича служилъ теперь кабинетомъ для государя.

Недѣли двѣ спустя, не стало императора Александра I, прозваннаго Благословеннымъ, который дѣйствительно заслужилъ благословеніе не только всей Россіи, честь которой онъ отстаивалъ въ Отечественную войну, но и всей Европы, которую онъ освободилъ отъ ига Наполеона.

Императоръ Александръ I скончался въ Таганрогѣ, въ домѣ того человѣка, судьба котораго зависѣла отъ приговора, который ему предстояло произнести, и который онъ по великой справедливости его добраго сердца отложилъ до своего выздоровленія, будучи увѣренъ въ правотѣ и правдивости Папкова и какъ бы впередъ оправдывая его лестнымъ высказаннымъ о немъ мнѣніемъ. Эти драгоценныя слова въ Бозѣ почившаго императора послужили Папкову нравственнымъ возмездіемъ за причиненныя ему за послѣдніе годы столь незаслуженныя огорченія. Вскорѣ за сими послѣ восшествія на престолъ императора Николая Павловича производство этого дѣла было совсѣмъ прекращено по высочайшему повелѣнію.

Петръ Аванасьевичъ не пожелалъ болѣе продолжать службу, вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ имѣніи, а домъ въ Таганрогѣ, въ которомъ почилъ Александръ I, былъ впоследствии приобрѣтенъ казной, для увѣковѣченія памяти его пребыванія и кончины въ этомъ домѣ.

До конца своей жизни Петръ Аванасьевичъ Папковъ не переставалъ благословлять священнѣйшее имя императора Александра и молиться за упокой великой души своего государя и защитника.

Баронъ Б. А. Фитингофъ-Шель.

КЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ ОБЪ Е. П. ГРЕБЕНКЪ.

В СЕНТЯБРСКОЙ книжкѣ «Историческаго Вѣстника» прошлаго года я напечаталъ воспоминанія о давно умершемъ нашемъ извѣстномъ писателѣ Евгеніи Павловичѣ Гребенкѣ, о которомъ въ статьѣ моей я вспоминалъ, какъ горячо любимомъ когда-то всѣми кадетами преподавателѣ русской словесности во Второмъ кадетскомъ корпусѣ и въ Дворянскомъ полку. Воспоминанія эти вызвали сочувственный отзывъ въ печати и живо отозвались среди немногихъ, доживающихъ поздніе годы, его бывшихъ учениковъ, соединяющихъ съ Евгеніемъ Павловичемъ свои лучшія, молодыя воспоминанія.

Прежде другихъ отозвалась единственная, уже престарѣлая, обездоленная дочь его Надежда Евгеніевна Гребенка, безъ утѣшительнаго будущаго, проживавшая сестрой милосердія въ Полтавскомъ дворянскомъ пріютѣ, гдѣ на нее были возложены почти всѣ заботы по присмотру за немощными, обѣднѣвшими дворянами и дворянками.

Надежда Евгеніевна со слезами радости прочла воспоминанія объ ея любимомъ отцѣ; съ большою благодарностью получила она отпечатокъ моей статьи; сама очень многое вспоминала и съ полнѣйшею откровенностью подѣлилась со мною тяжелыми воспоминаніями изъ своей прежней жизни и своего сиротства. Откровенныя письма Надежды Евгеніевны живо воскресили предо мною знакомыя черты Евгенія Павловича, всегда веселаго, привѣтливаго, умѣвшаго внушать какому-то искреннюю, безотчетную привязанность

не только среди насъ, обучающагося юношества, но и среди всѣхъ знавшихъ его. Всякая новая черта изъ жизни Евгенія Павловича невольно вызываетъ горячее желаніе снова вспомнить и поговорить о немъ.

Единственная родная сестра Гребенки, Анна Павловна, патриотическая институтка, была замужемъ за полтавскимъ помѣщикомъ Львомъ Николаевичемъ Свѣчка, чрезвычайно добродушнымъ, привѣтливымъ, съ которымъ переписывался нашъ извѣстный писатель В. И. Даль, и съ которымъ Гребенка былъ друженъ въ продолженіе всей своей жизни; при его долгомъ и усердномъ содѣйствіи, Евгеній Павловичъ женился на молоденькой и очень красивой дочери штабсъ-капитана Ростенберга, которую мы, кадеты, части видѣли и любовались въ нашей корпусной церкви. Выписываю относящееся къ этому времени письмо Гребенки къ Льву Николаевичу Свѣчкѣ, отъ 25 іюня 1844 года.

«Здравствуй, милый братъ Лёвъ! Спасибо тебѣ за письмо, которое я получилъ чрезъ сотыя руки, но все-таки получилъ, и взаимно спѣшу тебя порадовать своею новостію: наконецъ, наше дѣло, которое мы съ тобою знали три года, кончилось — и я сговоренъ и обрученъ съ Маріей Васильевной Ростенбергъ; 30 числа этого мѣсяца мы вѣнчаемся и уѣзжаемъ въ Петербургъ. Очень жалѣю, душа моя, что ты не можешь видѣть моей радости. Въ Кіевѣ былъ — дѣти здоровы, и даже Саша очень пополнѣла. 805 рублей отдалъ въ руки Сашѣ Ниловой. У тебя въ слободѣ все благополучно, вчера заѣзжалъ, ѣдучи отъ невѣсты. До свиданья, мой милый—искренно твой братъ и другъ

«Гребенка» ¹⁾).

Трудно встрѣтить, трудно даже представить себѣ ту любовь, то искреннее дружеское чувство, съ которыми сошлись Евгеній Павловичъ съ своей молоденькой супругой; вся четырехъ-лѣтняя супружеская жизнь ихъ прошла, какъ бы, медовый мѣсяцъ. Посторонніе, даже кадеты, встрѣчая ихъ, часто говорили «голубки». На второмъ году супружества у нихъ родилась дочь, названная Надеждой «въ надеждѣ,—говорилъ Гребенка,—что и она современемъ наслѣдуетъ то отрадное взаимное чувство, которымъ нынѣ наслаждаются ея родители».

Къ этому времени относятся стихи, написанные Евгеніемъ Павловичемъ, въ альбомъ супруги, которые не вошли въ 1-е изданіе сочиненій Гребенки:

«Писать женѣ въ альбомъ—немного странно,
«Но хочешь ты—и я пишу, мой другъ;

¹⁾ Фамилія «Свѣчка» со смертью послѣдняго ея представителя, 8 марта 1899 года, прекратилась въ Малороссіи.

«Во время оно, помнишь, безпрестанно
 «Мой взоръ искалъ тебя въ кругу подругъ.
 «Какъ упоительны бывали наши встрѣчи!..
 «И страстнымъ трепетомъ мои дрожали рѣчи...
 «Но вотъ теперь я, Маша, твой супругъ,
 «Люблю тебя почтительно, какъ друга,
 «И одного желаю, милый другъ,
 «Чтобъ ты всегда любила такъ супруга».

У Евгенія Павловича и послѣ женитьбы продолжались еженедѣльные вечера, которые уже описаны въ моихъ воспоминаніяхъ,— собирались у нихъ все тѣ же посѣтители, но съ постоянною прибавкою новыхъ знакомыхъ. На этихъ позднѣйшихъ, уже супружескихъ, вечерахъ было еще больше радушія и оживленія, при содѣйствіи молодой хозяйки, которая, увлекаясь постоянною говорливостію и веселостію супруга, сама никогда не была серьезна, а напротивъ всегда весело и мило болтала и угощала, съ восхитительною способностію гостепріимныхъ малороссіянокъ. Всѣ попрежнему чрезвычайно охотно посѣщали Гребенку и среди веселаго говора и угощеній нерѣдко засиживались до поздней ночи.

Но это радостное супружеское счастье Гребенки продолжалось недолго: Евгеній Павловичъ, при всей своей предупредительности и безграничной добротѣ, не умѣлъ отказывать никому и всегда охотно отзывался на всякую нужду и на всякую просьбу всѣхъ своихъ знакомыхъ. И вотъ однажды, будучи самъ боленъ, онъ, въ сырую и вѣтреную петербургскую погоду, выѣхалъ изъ дома по дѣлу Корнева (преподавателя словесности въ младшихъ классахъ корпуса) и, при переѣздѣ по льду черезъ Неву, простудился, слегъ въ постель и вскорѣ умеръ отъ воспаленія легкихъ. Это было въ декабрѣ 1848 года. Глубокимъ сожалѣніемъ отозвалась эта неожиданная смерть среди всѣхъ знавшихъ Евгенія Павловича. Кромѣ многочисленныхъ друзей и почитателей его таланта, на похороны собрались многіе литераторы, въ томъ числѣ Гречъ и Полевой, весь служебный персоналъ корпуса, со всѣми французскими учителями, особенно любившими беззаботную и веселую болтовню Гребенки ¹⁾. Собрались и кадеты проводить своего дорогого Евгенія Павловича, нѣкоторые изъ нихъ плакали, сокрушаясь о его ранней кончинѣ. Церковь едва вмѣщала присутствующихъ и молящихся.

Тѣло Евгенія Павловича перевезено было въ Малороссію и похоронено въ деревнѣ Марьяновкѣ, въ 17 верстахъ отъ любимаго имъ города Пирятина, такъ горячо воспѣтаго въ романѣ его «Чай-

¹⁾ Французскій учитель Кунъ часто говорилъ: «Я изъ рѣзвой, всегда занимательной, болтовни Гребенки гораздо больше научился русскому языку, чѣмъ изъ учебниковъ, или вообще вялой и сухой бесѣды съ друзьями».

ковскій» и «Разказахъ пирятинца». Здѣсь въ Марьяновкѣ, на фамильномъ кладбищѣ, были похоронены — дѣдъ, отецъ, мать, а потомъ два брата и сестра Евгенія Павловича. По окончаніи похоронъ, молодая вдова Гребенки, вмѣстѣ съ дочерью, поселилась въ своемъ родовомъ пирятинскомъ имѣніи—«Лазорьки».

Послѣ семи лѣтъ вдовьей жизни Марія Васильевна вышла замужъ за молодого пѣхотнаго поручика Маслова, который прежде всего принялся за управление имѣніемъ, но при неумѣломъ и разорительномъ хозяйничаніи скоро подпалъ подъ вліяніе жидовъ, разорилъ имѣніе, надѣлалъ долговъ, и имѣніе было продано съ аукціоннаго торга. Оставшись безъ имѣнія, Масловъ, по счастливой случайности, вскорѣ получилъ мѣсто мирового посредника въ Виленской губерніи, куда и переѣхалъ, взявъ съ собою дочь Гребенки, воспитывавшуюся въ кievскомъ пансіонѣ. Прослуживъ въ Виленской губерніи 5 лѣтъ, онъ переведенъ былъ на ту же должность въ Минскую губернію; здѣсь прослужилъ онъ довольно долго и оставилъ службу, кажется, вслѣдствіе расточительной жизни и служебныхъ непріятностей. Выйдя въ отставку, онъ купилъ себѣ небольшое имѣніе въ Духовщинскомъ уѣздѣ, Смоленской губерніи, въ пяти верстахъ отъ желѣзнодорожной станціи Ярцево. Здѣсь Масловъ опять занялся хозяйствомъ, съ тѣмъ же неумѣньемъ и совершеннымъ незнаніемъ помѣщичьяго дѣла. Неожиданно явившіяся домашнія затрудненія, недостатокъ средствъ и надвигавшаяся бѣдность болѣзненно отразились на женѣ его, Маріи Васильевнѣ: она серьезно заболѣла и, разбитая параличемъ, пролежавъ полтора года, безвременно скончалась, терпѣливо перенося свои долги страданія. Самъ Масловъ, обезсиленный постоянными неудачами и горько сокрушаясь по любимой имъ супругѣ, началъ часто запивать свое домашнее горе и чрезъ пять мѣсяцевъ послѣ жены скончался, оставивъ имѣніе въ полнѣйшемъ разстройствѣ. Это имѣніе постигла та же участь: за долги оно было продано съ аукціоннаго торга, а несчастная сирота, дочь Гребенки, отправилась въ Одессу, въ надеждѣ получить какое нибудь мѣсто, обезпечивающее ей самое скромное существованіе. Искала она мѣста учительницы, конторщицы, даже сидѣлки, и ей вездѣ отказывали, говоря, что здѣсь нужно молодыхъ. Пробовала она вышивать золотомъ, въ чемъ удачно практиковалась, еще бывши въ кievскомъ пансіонѣ; шесть мѣсяцевъ просидѣла она за этой кропотливой работой и получила за нее только 30 рублей. Одиночество, бѣдность всюду преслѣдовали ее, и наконецъ, по счастливой протекціи одного стараго пріятели отца, ее приняли сестрой милосердія въ Полтавскій дворянскій пріютъ, гдѣ на ея попеченіе поступили немощные и престарѣлые дворяне и дворянки. Здѣсь, ухаживая за ними, читая, рассказывая и усердно занимая ихъ, она вскорѣ сдѣлалась для нихъ чѣмъ-то своимъ, необходимымъ—всѣ искренно

Могилы Е. П. Гребенки.

полюбили Надежду Евгеніевну. Въ этомъ пріютѣ она имѣла небольшую комнату, пользовалась общимъ столомъ, а также небольшою помощію въ одеждѣ, но жалованья не получала. Это тяжелое положеніе Надежды Евгеніевны, позднія лѣта, безнадежная будущность, въ случаѣ болѣзни и слабости силъ, дали мнѣ мысль обратиться въ редакцію «Историческаго Вѣстника» съ просьбою объ участіи къ обездоленной, единственной дочери нашего глубокоуважаемаго и хорошо всѣмъ извѣстнаго писателя Евгенія Павловича Гребенки. Просьба моя была доведена редакціей до свѣдѣнія постоянной комиссіи при академіи наукъ, которая, въ виду заслугъ, оказанныхъ отечественной литературѣ Е. П. Гребенкой, обратила вниманіе на безпомощное положеніе его престарѣлой дочери и, къ великому ея счастью и радости, назначила ей пожизненную пенсію по 300 рублей въ годъ. Не скрываемыя слезы радости и счастья освѣжили ея позднія лѣта и совершенно успокоили, такъ неожиданно наградивъ ее за заслуги ея достойнаго отца. Надежда Евгеніевна намѣревалась даже ѣхать въ Петербургъ, чтобы лично поблагодарить своихъ благодѣтелей, но, къ сожалѣнію, на такую дальнюю поѣздку она не могла найти средствъ. По уставу Полтавскаго дворянскаго пріюта, надзирательница можетъ оставаться на службѣ только въ томъ случаѣ, если собственнаго содержанія получаетъ не больше 10-ти рублей въ мѣсяцъ, и потому Надежда Евгеніевна, при вновь назначенной ей пенсіи, принуждена была оставить пріютъ и видимо грустила, разставаясь съ своими прирѣзаемыми.

Привыкнувъ къ тяжелому труду ухаживанія за немощными, понимая ихъ нужды и желанія, она выразила согласіе поступить въ военный госпиталь, для ухаживанія не только за больными офицерами, но и за солдатами. По заявленіи этого усерднаго желанія помочь ближнему, высшее начальство Московской военной богадѣльни согласилось принять ее въ богадѣльню для присмотра за сидѣлками, назначивъ ей отдѣльную комнату, общій столъ, но безъ жалованья. Это, кажется, все, чего такъ искренно желала дочь Гребенки, охотно посвящая всѣ свои силы немощнымъ и скорбящимъ, съ умѣлою и дружескою заботою о нихъ.

Вслѣдъ за дочерью Гребенки отозвался старый малороссійскій помѣщикъ, мой товарищъ по корпусу, который вмѣстѣ со мною и всѣми кадетами раздѣлялъ наше общее увлеченіе Евгеніемъ Павловичемъ. Онъ написалъ мнѣ:

«Твое воспоминаніе въ «Историческомъ Вѣстникѣ» о Гребенкѣ живо напоминало мнѣ наше милое—plusquerarfait! Но, увы, всѣхъ тѣхъ, фамилии которыхъ ты упомянулъ—Потоцкихъ, Магденки, Аѳросимова и другихъ—давно уже нѣтъ на свѣтѣ; да и много ли насъ осталось? Ты очень кстати напомнилъ и указалъ мнѣ на могилу Евгенія Павловича. Мнѣ не далеко—непремѣнно сѣзжу,

чтобы осмотрѣть кладбище и позаботиться объ его могилѣ. Къ твоимъ любезнымъ воспоминаніямъ о Гребенкѣ очень охотно добавляю и свои. Наша конная батарея стояла не далеко отъ Кременчуга, въ заштатномъ городѣ Градыжскѣ, который щеголялъ грязью, жидами, не имѣлъ ни одного каменнаго дома и считался чуть ли не самымъ мерзвѣйшимъ городомъ во всей Россіи. Въ то время въ немъ офицеры почти не жили: солдатъ служилъ 20 лѣтъ, службу зналъ отлично, и ученій совсѣмъ никакихъ не было; а потому офицеры, пользуясь широкимъ гостепріимствомъ малороссійскихъ помѣщиковъ, особенно такихъ выдающихся, какими были Балюбушъ и Дыздеревь,—постоянно жили у нихъ, какъ бы неразлучно составляя ихъ семью. За чѣмъ-то, не помню, понадобилась командировка офицера въ Петербургъ; охотниковъ явилось много, и, по брошенному жребію, командировка эта выпала на мою долю. Это было въ 1846 году. Приѣхавъ въ Петербургъ, гдѣ у меня не только родныхъ, но даже знакомыхъ почти не было, я вспомнилъ и отправился навѣстить Гребенку, на вечера котораго я тоже иногда приглашался. И вотъ я у Гребенки! Только въ Малороссіи можно было встрѣтить то искреннее добродушіе и пріятельность, съ какими приняли меня Евгений Павловичъ и его молодая супруга. Масляница была въ полномъ разгарѣ; у нихъ нѣсколько знакомыхъ, въ числѣ коихъ всегдашній посѣтитель его вечеровъ, другъ Гоголя—Прокоповичъ. При веселомъ говорѣ и разныхъ прибауткахъ хозяина, мы отправились въ столовую, гдѣ всевозможныя закуски, обиліе вина и особенно наливкокъ, живо напомнили мнѣ гостепріимную Малороссію. Евгений Павловичъ посадилъ меня около хозяйки, и оба угощали меня на славу; я усердно, по-кадетски, объѣдался блинами, развязно запивая ихъ всевозможными наливками; молодость моя тогда еще не знала благоразумнаго предѣла, и я до того увлекся достоинствомъ наливкокъ, что къ концу угощеній, совсѣмъ уже отуманенный, чувствую, что голова моя кружится, глаза сбиваются на окружающихъ предметахъ, а ноги какъ бы поссорились, отказываясь исполнять свои прямыя обязанности. Гребенка гостепріимно смотритъ на меня, улыбается, развязно болтая и подбадривая; а супруга съ соболѣзнованіемъ поглядывала на меня предполагая, что я нездоровъ. Блуждая слезливыми, туманными глазами, я, наконецъ, съ трудомъ поднимаясь, разсѣянно, очень неловко кланяюсь и совсѣмъ не твердыми шагами направляюсь къ двери; Евгений Павловичъ съ неописанною любезностію беретъ меня подъ руку, усаживаетъ на заранѣе приготовленнаго извозчика и самъ довозитъ меня до моей квартиры—кто бы это сдѣлалъ? На другой день, часовъ въ десять, мой номерной докладываетъ, что меня желаетъ видѣть какой-то господинъ съ дамѣй. И, къ моему не описанному удивленію, ко мнѣ входитъ Евгений Павловичъ съ своею супругой, что-

бы справиться о моемъ здоровьѣ. Я просто растерялся, и въ восторгѣ бросился цѣловать Гребенку, и расцѣловалъ ручки его супругѣ; для меня, круглаго сироты, это было что-то слишкомъ отрадное, родственное, совсѣмъ мнѣ не знакомое. Гребенка знаетъ и старательно оберегала меня отъ тогдашней, выдающейся строгости начальства. Впослѣдствіи я узналъ, что въ томъ же году великій князь Михайлъ Павловичъ встрѣтилъ на улицѣ подгулявшаго и шатающагося гвардейскаго прапорщика; первоначально онъ посадилъ его подъ арестъ, а потомъ этотъ прапорщикъ былъ тѣмъ же чиномъ переведенъ въ армію. Спасая меня, Гребенка непремѣнно имѣлъ въ виду это суровое великокняжеское наказаніе! Этотъ прекрасный случай послѣдняго моего свиданія съ Гребенкой на всю жизнь оставилъ во мнѣ отрадное воспоминаніе о горячо любимомъ всѣми нами Евгеніи Павловичѣ!»

Въ заключеніе своего письма, мой товарищъ похвастался, что имѣетъ всѣ пять томовъ сочиненій Гребенки, переплетенные въ шагреновые переплеты, и что даже дѣти читали его повѣсти и особенно увлекались лучшимъ его романомъ «Чайковский», гдѣ увлекательно описана жизнь запорожскихъ казаковъ.

Откликнулся еще старый кадетъ Дворянскаго полка, но въ мелочныхъ воспоминаніяхъ большею частію повторилъ почти то же, о чемъ уже было сообщено въ моей предыдущей статьѣ.

Но больше всего меня удивила одна почтенная смоленская помѣщица, неожиданно наградившая меня слѣдующимъ письмомъ:

«Воспоминанія о Гребенкѣ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» звали и во мнѣ старыя давно забытыя воспоминанія,—покойный мужъ мой былъ также кадетъ 2-го корпуса и чуть ли не одного выпуска съ вами; мнѣ нерѣдко приходилось съ мужемъ говорить о Гребенкѣ, о которомъ онъ всегда отзывался съ большимъ увлеченіемъ; вспоминаю даже тѣ анекдоты, которые прочла въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Но, перебирая бумаги покойнаго мужа, я неожиданно нашла, уже достаточно затертый, рисунокъ, изображающій Гребенку, входящаго въ классъ ¹⁾: Гребенка изображенъ почти въ томъ же видѣ, какъ онъ былъ описанъ въ вашей статьѣ. Я вамъ охотно посылаю этотъ рисунокъ, можетъ быть, онъ что нибудь добавитъ къ вашимъ воспоминаніямъ.

«Кромѣ того, я нашла еще позднѣйшую выписку, должно быть, изъ біографіи Гребенки, такъ мило упоминаящую о немъ: «Натура Евгенія Павловича была одна изъ самыхъ симпатичныхъ: благодущіе его располагало къ нему съ первой встрѣчи. Узнавъ ближе, нельзя было не полюбить его отъ всей души. Всѣ близко знавшіе Гребенку воспоминаютъ о немъ съ особенною теплотою. Разговоръ его былъ пріятенъ и дышалъ веселостію, съ тѣмъ лег-

кимъ оттѣнкомъ юмора, какой замѣчаемъ мы въ его сочиненіяхъ. Вообще Евгеній Павловичъ былъ самый милый собесѣдникъ и всегда гость ко времени. Дома Гребенка былъ радушный хозяинъ. Вечера, на которые собирались къ нему друзья и знакомые, отличались задушевностію и простотою. Нечего, разумѣется, говорить о хлѣбосольствѣ: Гребенка былъ малороссъ, а хлѣбосольство одно изъ главнѣйшихъ свойствъ малороссійскаго характера».

Я искренно благодарилъ за любезное сообщеніе госпожу А. П. К. и охотно выписываю здѣсь вышеприведенную замѣтку о Гребенкѣ, такъ вѣрно и искренно изображающую дорогого и всегда милого Евгенія Павловича.

Кромѣ приведенныхъ писемъ и воспоминаній, я получилъ еще рисунокъ и описаніе его могилы: крестъ дубовый, но уже въ корнѣхъ подгнилъ, наклонился и слишкомъ вросъ въ землю, которая на его могилѣ сравнялась съ окружающею мѣстностію. Надпись на крестѣ слишкомъ затерлась. Все какъ-то заброшено, забыто, не видно ничего дружескаго вниманія. Можетъ быть, еще оставшіеся старые ученики его и вообще всѣ искренніе почитатели его таланта и его выдающихся достоинствъ съ благодарнымъ чувствомъ вспомнятъ Евгенія Павловича и сочувственно позаботятся о его забытой и разрушающейся могилѣ.

Уже позднѣе я получилъ съ большою любовію написанные стихи «На могилу Гребенки» одного изъ почтенныхъ, старыхъ его почитателей, пожелавшаго остаться неизвѣстнымъ:

«На могилу Гребенки.

«Подъ сѣнью акацій, плакучихъ березъ,
Въ тихомъ покоѣ—кладбище чужое;
И крестъ наклонился, и въ землю онъ вросъ...
Смогло здѣсь горе и счастье земное!..
И только весною, въ безмолвѣхъ полей,
Здѣсь пѣснь о любви поетъ соловей...
Но сладкая пѣснь не тревожить покой —
«Со святыми» ихъ всѣхъ Господь «упокой!»
Съ нависшимъ крестомъ видна здѣсь могила!
Минуло надъ нею такъ много ужъ лѣтъ...
И столько любви въ ней тихо почил...
Почилъ въ ней Гребенка—Украины поэтъ»:

На этомъ я заканчиваю дорогія для меня воспоминанія объ Евгеніи Павловичѣ Гребенкѣ. Сознаю, что въ нихъ вошли очень мелкія, малозначительныя подробности не только о самомъ Гребенкѣ, но о лицахъ ему близкихъ или одновременно соприкасавшихся съ нимъ. Можетъ быть, сообщаемыя подробности не представляютъ интереса для тѣхъ, кто, не слѣдя за литературой, со всѣмъ не зналъ Гребенку, или не вникая и не дорожа прошед-

шимъ, успѣлъ уже забыть о немъ; но для насъ, бывшихъ его учениковъ и вообще всѣхъ знавшихъ Гребенку, дороги всѣ мелочи, касающіяся Евгенія Павловича: онѣ краснорѣчивѣе всего убѣждаютъ насъ, что недостаточно быть писателемъ даже довольно извѣстнымъ, но нужно быть человѣкомъ и такимъ душевнымъ, любезнымъ, какимъ всегда былъ Евгеній Павловичъ, пожертвовавшій даже жизнью, помогая ближнему.

А. С—скій.

ОДИНЪ ИЗЪ „ОТЦОВЪ-КОМАНДИРОВЪ“ БЫЛЫХЪ ВРЕМЕНЪ.

ВЪ ЧИСЛУ наиболѣе оригинальныхъ русскихъ военныхъ начальниковъ первой половины нынѣшняго столѣтія, безъ сомнѣнія, принадлежатъ дѣдъ покойнаго генерала Михаила Дмитриевича Скобелева, бывшій комендантъ Петербургской Петропавловской крѣпости, генералъ-отъ-инфантеріи Иванъ Никитичъ Скобелевъ, родившійся 2-го іюня 1782 года и скончавшійся 19-го февраля 1849 года на 67 году отъ рожденія. Сынъ сержанта изъ однодворцевъ, онъ самоучкой научился грамотѣ, достигъ высшихъ военныхъ чиновъ, начавъ службу въ званіи простаго рядового, и оставилъ по себѣ память, не только какъ о храбромъ офицерѣ, но и какъ объ оригинальномъ военномъ администраторѣ и авторѣ солдатско-народныхъ сочиненій (въ духѣ своего времени)¹⁾. О заслугахъ его на полѣ брани свидѣлствуютъ его раны: во время швейцарскаго похода Суворова въ 1799 году онъ лишился двухъ пальцевъ на правой рукѣ, а во время польской кампаніи 1831 года лишился лѣвой руки по локоть; при этомъ послѣднемъ событіи И. Н. Скобелевъ доказалъ во всемъ блескѣ свой твердый и мужественный характеръ: сидя на барабанѣ, во время мучительной операціи, на самомъ полѣ битвы, онъ диктовалъ приказъ по ввѣренной ему ди-

¹⁾ Сочиненія И. Н. Скобелева издавы были подъ заглавіемъ «Переписка и рассказы русскаго инвалида» (2 т., изд. 3, Спб., 1844 г.). Есть также его же сочиненія драма: «Кремнезвъ, русскій солдатъ» (напечатана въ Спб. въ 1839 г.).

визии, въ которомъ говорилъ: «Для меча и штыка къ защитѣ правъ батюшки блага царя и славы святого намъ отечества среди храбрыхъ товарищей и трехъ, по милости Божіей, оставшихся у меня пальцевъ съ избыткомъ достаточно». Раны и года, повидимому, не мѣшали Скобелеву постоянно думать о дѣйствительной военной службѣ; его не удовлетворяла ни служба въ генераль-аудиторіатѣ, ни начальствованіе резервными войсками, ни даже званіе коменданта Петербургской Петропавловской крѣпости, которымъ завершилась его служебная карьера. Когда въ 1848 году разнеслись слухи о томъ, что Россія навѣрное снова вмѣшается въ дѣла Европы для восстановленія порядка, И. Н. Скобелевъ, всегда восторженно воспоминавшій въ своихъ сочиненіяхъ о походахъ 1812 года и для освобожденія Европы, обратился (4 ноября 1848 года) съ письмомъ къ императору Николаю, въ которомъ, благодаря государя за освобожденію по ходатайству его (т. е. Скобелева) содержавшагося въ крѣпости прапорщика Бракеля (о чемъ будетъ сказано ниже), писалъ между прочимъ: «Не удивляйтесь, государь, всеусерднѣйшей просьбѣ моей: въ случаѣ войны употребить меня въ дѣло. Мнѣ стыдно умереть подъ кровлею; ретивое мое должно перестать биться на поляхъ славы и за васъ, въ примѣръ и науку преемникамъ; иначе чаша счастья будетъ неполна». Есть извѣстіе, что государь повелѣлъ извѣстить Скобелева, что прочелъ письмо его «съ удовольствіемъ»; но скоро Скобелева не стало.

Не однѣ боевыя заслуги И. Н. Скобелева, а главнымъ образомъ его оригинальная роль «отца-командира» доставила ему право на память въ потомствѣ. Въ настоящее время типъ «отца-командира» даже невозможенъ при совершенно измѣнившихся взглядахъ на значеніе военнаго званія въ нижнихъ чинахъ. «Отець-командиръ» могъ существовать только при прежнихъ порядкахъ.

Читая оригинальные приказы и письма И. Н. Скобелева, невольно приходишь къ заключенію, что онъ серьезно вѣрилъ если не въ дѣйствительность, то въ возможность того, что достигъ вполне идеала: быть «отцемъ-командиромъ». Прежде всего обращаетъ вниманіе то обстоятельство, что Скобелевъ въ своихъ попеніяхъ о нравственности и благосостояніи ввѣренныхъ ему нижнихъ чиновъ вовсе не походилъ на подобныхъ безсердечныхъ дѣятелей, какъ, на примѣръ, Аракчеевъ. Благоговѣя передъ памятью Суворова и во многомъ подражая въ своихъ инструкціяхъ изреченіямъ Суворова, только безъ его оригинальной краткости, Иванъ Никитичъ Скобелевъ относился гораздо болѣе гуманно къ солдату, какъ къ человѣку. Суворовъ болѣе всего цѣнилъ въ солдатѣ «боевой матеріалъ»; по его правиламъ въ арміи все должно было находиться въ такомъ видѣ: «Субординація, экзерциція... Извольте видѣть: какъ связь души съ тѣломъ... Безъ этого нѣтъ жизни,

нѣтъ взвода, ни арміи, а вредоносная толпа». Суворовъ даже болѣзнь считалъ чѣмъ-то въ родѣ нарушенія долга воинской службы: «Гг. офицерамъ—арестъ, а солдату—палочки: зачѣмъ себя не берегь». Но времена перемѣнчивы; великая эпоха войнъ съ Наполеономъ, убѣдившая въ значительной степени въ томъ, что для трудностей похода мало одного послушанія солдатъ, вызвала весьма замѣчательный, для своего времени, приказъ командовавшаго 12-ю пѣхотною дивизіею графа М. С. Воронцова (1 апрѣля 1815 года) объ установленіи «новыхъ правилъ для обхожденія съ нижними чинами». Сущность этого приказа заключается въ ограниченіи правъ младшихъ офицеровъ (не исключая и ротныхъ командировъ) налагать взысканія и наказанія на нижнихъ чиновъ въ видѣ розогъ, палокъ и т. п.; изъ вступленія къ этому приказу видно, что онъ составленъ былъ въ исполненіе воли императора Александра I и изданъ былъ «для вящаго вкорененія во всѣхъ чинахъ 12 дивизіи того обхожденія, на благородствѣ и амбиціи основаннаго, которое опытомъ оказалось полезнымъ». Въ заключеніе приказа сказано было, что солдаты—«люди», которые, какъ «защитники отечества», заслуживаютъ «общее уваженіе», и что «всякій благородно мыслящій офицеръ всегда захочетъ скорѣе быть отцемъ и другомъ своихъ подчиненныхъ, нежели ихъ тираномъ»; послѣднее въ приказѣ названо «несчастіемъ и стыдомъ». Приказъ графа Воронцова, конечно, такъ и остался, въ свое время, бесплодною попыткою; печальная Семеновская исторія 1820 года и дѣянія Аракчеева и его присныхъ въ военныхъ поселеніяхъ служатъ лучшимъ тому доказательствомъ; но самъ графъ (впослѣдствіи свѣтлѣйшій князь и фельдмаршалъ) Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, судя по сохранившимся документамъ, и впослѣдствіи оставался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ. Это лучше всего доказываетъ его отношеніе къ виновнымъ въ бунтѣ, происшедшемъ въ Севастополѣ въ 1830 году во время чумы. Хотя слѣдствіемъ обнаружено было, что многіе изъ виновныхъ вѣрили злонамѣреннымъ слухамъ, будто бы по приказанію «самого Воронцова» морятъ народъ, но графъ Воронцовъ не только не придалъ этому значенія, и даже, несмотря на высшее нарушеніе дисциплины войсками, онъ не скрылъ, что считаетъ главною причиною бунта неумѣлость и пререканія начальствующихъ лицъ, почему подтверждалъ смертную казнь изъ 75 приговоренныхъ только 7, а о нижнихъ чинахъ трехъ флотскихъ экипажей, почти въ полномъ составѣ признанныхъ виновными, ходатайствовалъ о помилованіи. Еще замѣчательнѣе его конфирмація приговора надъ канониромъ, отказавшимся стрѣлять въ толпу женщинъ, изъ которыхъ многія были съ грудными ребятами; канониръ былъ приговоренъ къ смертной казни, но графъ Воронцовъ конфирмовалъ сослать его на поселеніе безъ всякаго наказанія.

Невозможно рѣшить, имѣли ли вліяніе на Скобелева подобные поучительные примѣры измѣнившихся взглядовъ на значеніе дисциплины и личности солдата (надо думать, что князь Воронцовъ не былъ исключеніемъ), только И. Н. Скобелевъ тотчасъ по назначеніи въ 1834 году на должность инспектора резервной пѣхоты проявилъ сразу рѣдкій въ то время духъ терпимости, мало соотвѣтственный тогдашнимъ понятіямъ о тѣхъ нижнихъ чинахъ, которые входили въ составъ вѣренныхъ ему частей. Въ одномъ частномъ ненапечатанномъ письмѣ И. Н. Скобелева (27 августа 1835 года)¹⁾ онъ писалъ: «Въ настоящее время при занятіяхъ по службѣ каждая минута рассчитана и каждый мигъ опредѣленъ. Клянусь честью, что и въ чинѣ прапорщика не доставалось мнѣ столько на орѣхи! Имѣя до 1.000 человекъ развратныхъ дѣтей, плетишками наказанныхъ, и 4 дивизіи, не совѣмъ еще обузданныхъ, вы угадаете, каково мнѣ жить на бѣломъ свѣтѣ!» Еще раньше (въ приказѣ 13 июня 1835 года) И. Н. Скобелевъ объявлялъ: «Во исполненіе высочайше утвержденнаго въ 16 день февраля сего года положенія, при резервной дивизіи 6-го пѣхотнаго корпуса для исправленія нравственности развратныхъ людей назначаются два резервные батальона Рязанскаго пѣхотнаго и Тульскаго егерскаго полковъ, изъ коихъ въ первый поступать будутъ бродяги тотчасъ по полученіи ихъ по приговорамъ судебныхъ мѣстъ; въ послѣдній имѣютъ быть переводимы по мѣрѣ нравственныхъ успѣховъ, понятія и мастерства въ дѣлѣ службы, христіанину-воину необходимыхъ, безъ которыхъ солдатъ, какъ дикое и необразованное созданіе, не видя и даже не постигая путей къ жизни, вполнѣдствіи пріятной и отрадной, полное вознагражденіе за временные труды доставляющей, въ качествѣ блуднаго сына исчезаетъ на распуганной жизни буйной, глупой, обществу вредной и самому себѣ пагубной. Во второй за симъ инстанціи они, получая всѣ права и преимущества, честнымъ солдатамъ присвоенныя, обучаются ружейнымъ приѣмамъ и содѣлываются добрыми товарищами всѣхъ достойныхъ защитниковъ вѣры Христовой, вѣрныхъ и усердныхъ героевъ батюшки русскаго царя и истинныхъ дѣтей матери Россіи».

Въ приведенныхъ выпискахъ изъ письма и приказа И. Н. Скобелева видно, что въ то время, когда ему поручили «развратныхъ» людей, онъ оказался гораздо болѣе мягкимъ, чѣмъ за семь лѣтъ передъ тѣмъ. Въ 1828 году, командуя 3 пѣхотною дивизіею, тотъ же самый И. Н. Скобелевъ, усмотрѣвъ, что нѣкоторые нижніе чины при видѣ его экипажа не отдавали чести, выражался, что за это будутъ преслѣдоваться самыми крутыми мѣрами, при чемъ Скобе-

¹⁾ Подлинникъ хранится въ собраніи автографовъ русскихъ людей П. Я. Дашкова. Замѣтимъ, что И. Н. Скобелевъ писалъ очень безграмотно, но складно; приводимое письмо тоже очень безграмотно, но мы исправили орфографію.

левъ писалъ: «Коляска въ шесть лошадей (если не торчитъ на ней голова съ кокошникомъ) и слуга въ военной ливреѣ достаточны, какъ кажется, къ доказательству, что проѣзжаетъ по меньшей мѣрѣ прапорщикъ, а сего и довольно для чести, коей нижній чинъ обязанъ каждому изъ офицеровъ, какой бы впрочемъ ни былъ онъ службы». Въ другомъ приказѣ, отданномъ нѣсколько позднѣе въ томъ же 1828 году, поставлялось на видъ всей дивизіи, что въ одномъ изъ полковъ два штабсъ-капитана замѣнены въ «фамиллярномъ обращеніи» съ служащими съ ними въ томъ же батальонѣ младшими въ чинахъ офицерами; Скобелевъ находилъ, что такіе офицеры, допуская товарищеское «ты» и позволяя садиться при себѣ безъ приглашенія, «для командованія людьми съ пользою къ службѣ даже не рождены».

Правда, и въ приказахъ Скобелева, какъ начальника резервной дивизіи 3-го пѣхотнаго корпуса, а потомъ инспектора резервной пѣхоты, есть также рѣзкія напоминанія о неизмѣнномъ намѣреніи Скобелева и на новомъ мѣстѣ служенія поддерживать строгую субординацію; такъ въ приказѣ 5-го іюля 1835 года читаемъ: «За восемь лѣтъ предъ симъ, вступивъ въ званіе дивизионнаго начальника, я нашелъ себя въ необходимости отдать приказы: одинъ— о вѣжливости нижнихъ чиновъ съ начальствомъ, другой— о чинопочитаніи гг. офицеровъ между собою... Смыслъ ихъ не измѣнился въ понятіяхъ и чувствахъ моихъ и не измѣнится до послѣдней минуты служебной жизни... Я не пересталъ бы даже и въ родномъ сынѣ моемъ преслѣдовать преступныя и нелѣпыя поступки, священныя права службы оскверняющіе». Поводомъ къ такому приказу послужило то, что при встрѣчѣ съ генераломъ нѣкоторые нижніе чины не только не сняли шапокъ уже при личной встрѣчѣ, но даже въ его присутствіи сидѣли, а иные «посвистывали»; этихъ людей Скобелевъ велѣлъ наказывать съ особенною строгостью, а бывшему съ ними унтеръ-офицеру особо дать 50 розогъ со внушеніемъ, что «когда начальство дѣлаетъ подчиненнымъ наставленія, дѣло подчиненныхъ слушать, внимать и молчать»; одновременно съ этимъ приказомъ Скобелевъ въ другомъ приказѣ обращать вниманіе начальниковъ на крайнюю распущенность писарей, о которыхъ говорилъ: «Замѣтя нѣкоторыхъ изъ нихъ на улицахъ въ крайне неудовлетворительномъ положеніи, я не взялъ еще мѣръ; но отъ сей минуты схвачу, избобличу въ невѣжествѣ и пьянствѣ и, конча судъ въ 24 часа, укажу, какъ должны вести себя люди, воспитанные и благодарные правительству за настоящее ихъ образованіе; посему пунктъ сей относится къ лицу всѣхъ писарей, хотя бы они и не принадлежали къ резервной пѣхотѣ».

Но такіе приказы были рѣдки въ практикѣ «отца-командира» И. Н. Скобелева, какъ главнаго начальника «развратныхъ дѣтей».

Если же отмѣченные въ приказахъ факты были безусловно вѣрны (въ чемъ невозможно сомнѣваться), то, принимая во вниманіе въ особенности тогдашнія понятія о дисциплинѣ, нельзя не признать этихъ приказовъ весьма снисходительными. Напротивъ, въ другихъ приказахъ Скобелевъ даже необыкновенно мягокъ; во многихъ случаяхъ слышны слова добродушнаго проповѣдника, а не начальника. Повидимому, Скобелевъ очень дорожилъ своими избранными приказами; такъ, на примѣръ, существуетъ особый сборникъ, напечатанный къ 1836 году въ Нижнемъ Новгородѣ (въ типографіи штаба инспектора резервной пѣхоты, in 4°) подъ заглавіемъ: «Собраніе приказовъ, отданныхъ инспекторомъ резервной пѣхоты генералъ-лейтенантомъ Скобелевымъ съ 1834 по 1836 годъ». Книга эта теперь очень рѣдка, какъ и всѣ приказы И. Н. Скобелева, разновременно имъ напечатанные отдѣльными листами. Между первыми приказами Скобелева, помѣщенными въ помянутой выше книгѣ, замѣчательны: слово къ солдатамъ, слѣдующимъ на службу въ дѣйствующую армію, слово къ воспитанникамъ изъ бродягъ, въ ряды честныхъ солдатъ поступившихъ, и въ особенности приказъ объ артельныхъ суммахъ. Всѣ эти приказы написаны многословно и отчасти напоминаютъ не то проповѣди, не то наставленія строгаго начальника, не лишеннаго отъ природы юмора; выраженія вездѣ своеобразно отборныя. Рекруты, по словамъ приказа, «ходятъ, какъ ученые, смотрятъ, какъ орлы»; солдатъ «Богъ создалъ, чтобъ сперва выучиться метать артикулъ, а потомъ бить проклятыхъ басурмановъ, какъ комаровъ»; солдаты называются «товарищами»; воспитанникамъ изъ бродягъ напоминается «держатъ ухо остро»; въ наставленіи объ артельныхъ суммахъ «приращеніе» ихъ для улучшенія пищи солдатамъ названо «священною и пріятною обязанностью всѣхъ начальниковъ отъ генерала до прапорщика». Особенно многословно «слово къ воспитанникамъ изъ бродягъ». Приводимъ для образца слога Скобелева слѣдующее мѣсто изъ послѣдняго приказа: «Злодѣями люди не рождаются; но всѣ дурныя качества формируются въ нихъ дурнымъ сообществомъ или несчастными встрѣчами съ людьми подлыми, гнусными, распутными; бываетъ, что человѣкъ проштыкнется въ тоскѣ по родинѣ; а часто случаются различныя и вовсе непредвидѣнныя горестныя обстоятельства, при коихъ подкрѣпить упавшій духъ могла бы только вѣра; но вѣра слаба въ понятіяхъ жалкаго неуча, неопытнаго робкаго новичка, если онъ на первомъ шагу службу не попалъ въ добрыя руки; напротивъ того, каждое слово пагубнаго разврата штурмомъ врывается въ глупую неоточенную голову, и робкая, къ блуднямъ направленная, душа бѣдняка, впадая единожды въ порокъ, съ отчаянія стремится къ другому, къ третьему, а, наконецъ, погибаетъ невозвратно; а какъ всѣ мы болѣе или менѣе передъ Богомъ грѣшны, передъ царемъ виноваты, посему, кто старое помянетъ, тому глазъ

вонъ»... По смыслу приказа, «добрыя руки» это—онъ, И. Н. Скобелевъ, «старый дряхлый инвалидъ, прошедшій въ 42-хъ-лѣтнее поприще службы, съ вѣрою къ Богу, съ вѣрностью къ трону и съ любовью къ отечеству всѣ воинскіе чины». Далѣе въ приказѣ воспитанникамъ изъ бродягъ рекомендуется слушать «святыя истины», которыя будетъ указывать этотъ инвалидъ; для вящшаго же вразумленія приводится поучительный рассказъ о печальной смерти какого-то арестованнаго «комиссіонера», который, начитавшись въ свое время безбожныхъ книгъ, сначала даже на смертномъ одрѣ отвергалъ бытіе Божіе, а въ послѣднюю минуту горестно каялся въ своемъ богоотступничествѣ... Вообще, все это поученіе И. Н. Скобелева сдѣлало бы честь иному проповѣднику; однако же подобныя воспитанники мало слушали своего наставителя, что видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго мѣста въ приказѣ, послѣдовавшемъ очень скоро и обращенномъ къ воспитанникамъ въ исправительныхъ баталіонахъ: «Нашлись безчувственные, неблагодарныя, подлая твари, рѣшившіяся нанести тяжкій ударъ въ мое сердце; нашлись безчестные негодяи, для которыхъ преступная воля всего дороже»... Далѣе въ приказѣ говорится, что въ этомъ батальонѣ, для котораго Скобелевъ исходатайствовалъ разныя льготы (ученіе безъ ружей, улучшенное содержаніе и пр.), появились бѣглецы и въ числѣ ихъ любямецъ И. Н. Скобелева, Иванъ Андреевъ... За поимкой этого «юноши» ѣздилъ самъ Скобелевъ и достигъ за 2.000 верстъ въ Пензѣ, гдѣ «юноша» поселился подъ именемъ морского офицера. «Умень, пострѣль!»—говорилось въ приказѣ.—Сущая книга и говоритъ, какъ пишетъ, что твой бисеръ... Опредѣливъ сему наказаніе, я раздѣлил оное на четыре пріема: блуднаго сына посѣкли въ Пензѣ, гдѣ онъ былъ пойманъ; посѣкутъ въ обоеихъ исправительныхъ баталіонахъ, наконецъ посѣкутъ въ учебной командѣ и посѣкутъ важно!! Къ нарушителю присяги, къ врагу всемогущаго Бога во мнѣ нѣтъ ни малѣйшаго сожалѣнія». Посѣкли, должно полагать, важно: въ тѣ времена 500—800 розогъ заразъ было нерѣдкостью; такая пропорція носила даже особое спеціальное названіе: «мѣра военной кротости».

Въ приказахъ своихъ Скобелевъ особенно клеймилъ пьяницъ, но бродягъ особенно ненавидѣлъ. Это послѣднее обстоятельство подало поводъ даже къ особой официальной перепискѣ. Въ 1840 году Скобелевъ отдалъ по резервной пѣхотѣ приказъ, въ которомъ между прочимъ писалъ: «Осматривая арестантовъ, нашелъ я, что всѣ судимые за кражу и въ подозрѣніи смертоубійства крайне огорчены: тяжкое горе разительно отражается на лицѣ cadaго изъ нихъ, и каждыи, очевидно, отягченъ или раскаяніемъ или, дѣйствительно, по словамъ ихъ, оклеветаніемъ.»¹ Напротивъ того, дезертиры глядятъ весело, бодро, покойно, съ улыбкой»; далѣе, исходя изъ того предположенія, что дезертиры имѣютъ веселый видъ вслѣдствіе неува-

женія къ религіи и непризнанія въ царѣ «благодѣтеля и отца», а въ «родной Россіи нѣжной матери», Скобелевъ предписалъ всѣмъ пойманнымъ изъ бѣговъ давать «въ день субботній» «по 25 лозановъ въ счетъ тѣхъ ударовъ, которые будутъ опредѣлены при рѣшеніи ихъ участи». Хотя по тогдашнимъ понятіямъ такая мѣра и не могла казаться слишкомъ жестокою, но начальство отдѣльнаго корпуса внутренней стражи потребовало отъ И. Н. Скобелева объясненія, и оригиналь-начальникъ письмомъ на имя начальника штаба корпуса отъ 24-го февраля 1841 года отвѣчалъ, что приказъ этотъ былъ отданъ «по расчету страстей, въ различныхъ слабостяхъ людей отражающихся». Далѣе онъ писалъ, что для того, чтобы исполнить «свою обязанность», а именно «съ успѣхомъ дѣйствовать на нравственность грѣшныхъ», онъ (т. е. Скобелевъ) дѣйствовалъ по слѣдующему расчету: «одному доброе слово, другому полновѣсная дубина; на умнаго дѣйствуетъ первое, на дурака — послѣднее»; розги же къ бродягамъ примѣнилъ для того, чтобы «огромить содержащихся подъ стражей» и «устрашить въ лѣсу блуждающихъ». Въ заключеніе письма Скобелевъ говоритъ: «дѣйствовалъ онъ (т. е. приказъ) только двѣ недѣли, а пользы произвелъ неисчислимыя; поступокъ мой не согласованъ съ законами, но зато и обращенъ былъ къ беззаконнымъ, скажу болѣе, къ людямъ варварскимъ, вреднымъ обществу и посему извиненъ начальствомъ и государемъ императоромъ».

На значеніе военной службы «отецъ-командиръ» И. Н. Скобелевъ смотрѣлъ тоже весьма своеобразно. Прежде всего ставить онъ въ достоинство офицерамъ безкорыстіе и заботу о солдатѣ. Въ одномъ изъ приказовъ 1834 года онъ говоритъ: «Знаю и вѣрю, что человѣкъ благородно-рожденный и одну только мысль признаетъ преступленіемъ, чтобы бѣдныя, жалкія капли крови и пота солдатъ обратить въ жертву собственнаго желудка. Это ужасно! Особливо при увѣренности, ни малѣйшему сомнѣнію не подлежащей, что на подвиги наши зритъ Всемогущій Богъ, что плоды подобныхъ поступковъ поражаютъ службу, огорчаютъ монарха, влекутъ чувствительную непріятность начальству»... Лично о себѣ онъ говорилъ: «. . я кровный врагъ нечистоты въ этомъ родѣ»...

Къ отличительнымъ особенностямъ «отца-командира» Ивана Никитича Скобелева принадлежала его склонность давать сердечные совѣты. Такъ въ приказѣ 14-го сентября 1835 года, обращенномъ къ юнкерамъ и вольноопредѣляющимся унтеръ-офицерамъ, онъ говоритъ: «Въ числѣ молодыхъ героевъ будутъ люди, попеченіемъ родителей заблаговременно къ службѣ приготовленные, получившіе образованіе и полное понятіе, какъ жить и быть на бѣломъ свѣтѣ; будутъ люди съ отличнѣйшей нравственностью, но

лишенные средствъ къ воспитанію, будутъ, наконецъ, безъ нравственности и безъ воспитанія. Принадлежащимъ къ первому разряду совѣты мои не нужны; но въ качествѣ родственнаго участія я излагаю оныя здѣсь къ двумъ послѣднимъ. Дай Богъ, чтобъ спасительное дѣйствіе оныхъ коснулось чувствъ одного изъ десяти; чтобъ этотъ одинъ въ глубокую зиму лѣтъ своихъ, почія на лаврахъ, сказалъ: «изъ опытныхъ совѣтовъ безрукаго инвалида я почерпнулъ нѣкоторыя правила, въ пользу мнѣ послужившія». Эту лестную мнѣ награду даже и за гробомъ ощущать я буду; и вотъ изъ чего я бьюсь, какъ рыба объ ледь».

Излагая далѣе свои воззрѣнія на военную службу, Скобелевъ говоритъ: «Кто вступаетъ въ военную службу по расчету, чтобы дослужиться знатнаго чина, разбогатѣть и сдѣлаться со временемъ вельможею, тотъ, торжественно говорю, никогда не будетъ у цѣли. И не возможно: по этому расчету въ первомъ же боевомъ дѣлѣ придется или спрятаться, или попятиться!.. «Трусъ»!—гаркнуть товарищи; «трусъ»,—шопотомъ повторяютъ солдаты и... довольно!.. Напротивъ того, кто, возложивъ упованіе на Господа Силь, безусловно пожертвовалъ собою службѣ, тотъ въ смыслѣ простонародной сказки на коврѣ самолетѣ перепорхнетъ въ такіе высокіе терема, въ которые даже и воронъ костей пустого мечтателя и труса не донесетъ вѣчно. А чтобы болѣе и болѣе благоговѣть къ уставамъ службы, матери и постоянной благодѣтельницы всѣхъ съ чистою совѣстью служащихъ, надобно понять высокое значеніе оной. Вотъ она: служба есть величественнѣйшій и священнѣйшій храмъ вѣры, чести и славы русскаго народа. Онъ сооруженъ вѣками, скрѣпленъ силою христіанской религіи и огражденъ непреложною волею Всемогущаго Творца! Самъ монархъ, помазанникъ Божій, въ храмѣ этомъ первый блюститель порядка. Божественное это зданіе при точномъ исполненіи всѣхъ законами опредѣленныхъ условій вѣрными сынами отечества, какъ вѣчность, прочно и, какъ Кавказъ, непоколебимо. Чтобы обозрѣть громаднѣйшій, исполинскій этотъ храмъ, чтобы поразиться его красотою, его неподражаемою архитектурою и чтобы ознакомиться съ постепеннымъ его устройствомъ, неизбежно надобно прочесть нашу Русскую исторію; но прочесть съ сердцемъ, съ чувствомъ, съ толкомъ и, безъ сомнѣнія, со слезами. Фундаментъ этого удивительнаго храма основанъ на костяхъ предковъ нашихъ; матеріалъ на усовершенствованіе его употребленъ: чистая, пламенная любовь къ Богу и Государю, искренняя, дѣтская приверженность къ отечеству, слѣпое безусловное повиновеніе къ властямъ и мгновенная готовность къ смерти; ремонтъ на поддержаніе онаго требуется: честь, покорность, вѣжливость, благородное самоотверженіе, храбрость, кровь и... жизнь!.. Вотъ, друзья сердечные, какъ должно разумѣть службу. Убѣдясь въ этомъ справедливымъ и долговременнымъ опытомъ оправданномъ мнѣніи,

на пути служебной жизни вы озаритесь свѣтомъ Божиимъ, при которомъ далеко увидите сладкіе плоды усердному труду своему... Послѣ чего искренно желаю, чтобы извѣстное и весьма частое въ настоящій вѣкъ выраженіе бабушекъ и тетушекъ: «какую славную карьеру сдѣлалъ племянничекъ; какъ счастливо втерся въ адъютанты внучекъ!» не соблазняло добраго солдата, вѣрнаго слугу царя. На галопъ этотъ должно смотрѣть равнодушно; конецъ дѣло вѣнчаетъ: кто и тихъ, но безъ остановки ѣдетъ, тотъ далеко будетъ... Человѣкъ благороднаго происхожденія, въ жилахъ коего течетъ кровь побѣдителей Батгя, освободителей Москвы, истребителей внутреннихъ безпорядковъ и спасителей отечества, безъ труда пойметъ совѣтъ мой... Но этого мало: рожденный быть начальникомъ простого воина, долженъ онъ умѣть развернуть понятіе солдата, украсить умъ и сердце его военными добродѣтелями, утвердить въ немъ святую вѣру, внушить важность присяги и пріучить въ мирное время къ труду, въ военное къ мужеству и славной смерти. И чтобъ произвести все это съ желаемымъ успѣхомъ, нужна полная довѣренность товарищей;... надобно самому быть примѣромъ въ поведеніи и во всѣхъ возможныхъ достоинствахъ... отнюдь не позволять себѣ щечиться собственностью подчиненныхъ по уваженію, что если начальникъ коснулся пылинки, солдату принадлежащей, это значитъ, что онъ святотатственною рукою поразилъ утробу службы: солдаты тотчасъ измѣрили низость души его, и корыстолюбецъ навсегда лишится драгоцѣнныхъ правъ производить на понятіе ихъ счастливое вліяніе, хотя бы онъ обладалъ мудростью Соломона и краснорѣчіемъ Давида!..»

Но, какъ видно изъ нѣкоторыхъ мѣстъ собственныхъ приказовъ Скобелева, онъ не былъ счастливъ тѣмъ, что его краснорѣчивые совѣты о храненіи солдатской копейки достигали цѣли. Особенно ярко выразилось это впоследствии, когда самъ Скобелевъ былъ уже комендантомъ Петропавловской крѣпости. Бывшій ближайшій помощникъ его по командованію резервною пѣхотою, генералъ-лейтенантъ Добрышинъ, которому Скобелевъ въ своихъ приказахъ 1830-хъ годовъ приписывалъ главное участіе въ водвореніи доброй нравственности и отличнаго порядка между офицерами и нижними чинами, въ 1847 году по приговору генеральнаго военнаго суда «за допущеніе въ бывшей подъ его начальствомъ резервной дивизіи на Кавказѣ важныхъ безпорядковъ и злоупотребленій, послѣдствіемъ коихъ было усиленіе болѣзней и смертности между нижними чинами, за многіе важные безпорядки и неисправности и за удержаніе у себя денегъ на дрова и солому» лишенъ былъ чиновъ, орденовъ, знаковъ отличія, дворянства и записанъ въ рядовые.

Вмѣстѣ съ генералъ-лейтенантомъ Добрышинымъ потерпѣлъ наказаніе и бывшій инспекторъ резервной пѣхоты и командова-

вѣй отдѣльнымъ корпусомъ внутренней стражи генераль-лейтенантъ Тришатный за непринятіе строгихъ мѣръ къ прекращенію въ резервной дивизіи отдѣльнаго Кавказскаго корпуса (которою командовалъ генераль-лейтенантъ Добрышинъ) важныхъ безпорядковъ и противъ безопасности ближайшихъ начальниковъ къ сохраненію здоровья нижнихъ чиновъ, за допущеніе такихъ же безпорядковъ по другимъ частямъ управленія дивизіею, неосновательное донесеніе по предмету инспекторскаго смотра въ 1846 году и за ложное донесеніе о послѣдствіяхъ высочайше порученнаго ему изслѣдованія. Генераль-лейтенантъ Тришатный лишенъ былъ по приговору генеральнаго военного суда чиновъ, орденовъ, знаковъ отличія, дворянскаго достоинства и записанъ въ рядовые. Но государь Николай Павловичъ при высочайшей конфирмаціи этого приговора повелѣтъ соизволилъ: Тришатному, въ уваженіе прежней отличной службы, возвратитъ дворянство съ дозволеніемъ жить въ семействѣ, гдѣ пожелаетъ, и съ опредѣленіемъ ему инвалиднаго содержанія за полученныя раны по прежнему его чину (высочайшій приказъ 1847 года 31 августа). Дочь генерала Тришатнаго была фрейлиною высочайшаго двора, и это обстоятельство немало способствовало облегченію его участи.

Старался Иванъ Никитичъ вкоренять въ своихъ подчиненныхъ, особенно въ нижнихъ чинахъ, религіозныя чувства. Такъ, напри- мѣръ, онъ говоритъ въ «словѣ къ рекрутамъ»: «человѣкъ счастливъ, если, приложивъ руку къ сердцу, наведя справку съ совѣстью, можетъ сказать: грѣшенъ, но Божій», и что «въ прощеніи прежнихъ грѣховъ раскаявшемуся и думать не стоитъ; милосердію Божьему и отеческому сердолобію монарха нѣтъ предѣловъ!.. Въ заключеніе этого приказа сказано: «Помяни мя, Господи, егда приидеши во царствіи Твоемъ! молитва не длинна и неутомительна; но разбойникъ, изъ глубины души и отъ чистаго сердца оную произнесшій, удостоенъ вѣчныхъ благъ... Посему честное имя, чистая совѣсть, усердіе и ревность къ службѣ, кротость и вѣжливость въ поведеніи, да будутъ первый и послѣдній спасительный урокъ мой».

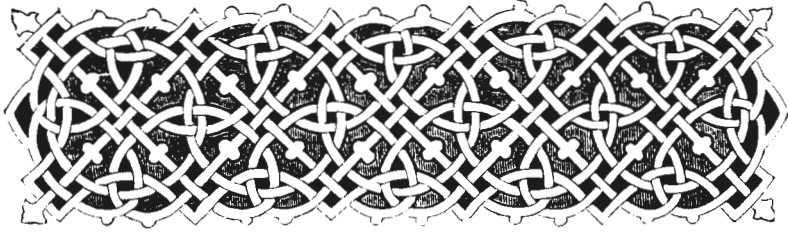
Выше мы упомянули объ участіи Скобелева въ дѣлѣ прапорщика Бракеля. Въ этомъ случаѣ опять весьма рельефно выразился оригинальный характеръ его, какъ «отца-командира». Дѣло происходило въ 1848 году, когда вслѣдствіе политическихъ волненій въ Западной Европѣ въ Петербургѣ за всѣмъ наблюдали строго, а въ войскахъ малѣйшее нарушеніе дисциплины и службы считалось почти преступленіемъ, л.-гв. егерскаго полка прапорщикъ Бракель, состоя дежурнымъ на гауптвахтѣ на Сѣнной площади, выпустилъ содержавшихся тамъ за какіе-то маловажные поступки двухъ своихъ товарищей погулять въ ближайшемъ увеселительномъ заведеніи. Видя это, находившійся тутъ же третій заключенный про-

силъ тоже отпустить его, но Бракель, не зная его лично, отказалъ. На другой день, когда городской комендантъ объѣзжалъ гауптвахты, арестованный, котораго не отпустилъ Бракель, донесъ на него; началось грозное слѣдствіе, кончившееся тѣмъ, что оба товарища Бракеля отправлены были на Кавказъ, а самъ Бракель посаженъ въ Петропавловскую крѣпость. Здѣсь Бракель предался отчаянію и чуть не дошелъ до умопомѣшательства. Это побудило П. Н. Скобелева написать военному министру, князю А. И. Чернышеву, письмо, въ которомъ между прочимъ онъ писалъ: «прапорщикъ Бракель, образуя собою слабаго, тщедушнаго, юнаго нѣмца, принявшій опредѣленное ему наказаніе съ чувствомъ вполнѣ кающагося грѣшника, всего болѣе за нанесеніе удара родителямъ (проживающимъ, по словамъ его, въ Ригѣ), слезами и тоскою наводитъ мнѣ страхъ. Боже упаси, если ко всему вышеозначенному присоединится холера, и онъ умретъ! Нѣмцы подумаютъ, что его въ крѣпости уморили. Бракель виноватъ по молодости и неопытности; но онъ, какъ вижу, сформированъ на благородную статью, съ чувствами возвышенными, похвальными; а по-сему, быть можетъ, и самъ я подвергаюсь вашему гнѣву, но осмѣливаюсь просить исходатайствовать ему переводъ въ мѣсто менѣе грозное—на гауптвахту». По докладѣ этого письма Скобелева государю Николаю Павловичу, государю угодно было сдѣлать слѣдующую собственноручную резолюцію: «старика Скобелеву я ни въ чемъ не откажу. Надѣюсь, что послѣ солдатскаго увѣщанія виновному изъ Бракеля выйдетъ опять хорошій офицеръ. Выпустить и перевести въ армейскій полкъ тѣмъ же чиномъ».

Перевелись теперь «отцы-командиры», да и надобности въ нихъ нѣтъ. Но въ тѣ времена, когда рекрутчина и вообще солдатская служба считались чѣмъ-то въ родѣ неволи, такія личности, какъ Иванъ Никитичъ, составляли отрядное исключеніе, и о нихъ исторія должна сохранить добрую память.

С. Ширяевъ.

ВЪ ТУРКМЕНСКОЙ СТЕПИ ¹⁾.

(Изъ записокъ черноморскаго офицера).

III.

Неожиданное нападеніе туркменъ на Михайловскъ. — Измѣна хана Дундура. — Смѣна шхуны «Персіянинъ» шхуною «Бухарецъ». — Островъ Амураде и его южная флора. — Начальникъ морской станціи, капитанъ 1-го ранга Петриченко, и его гостепримство. — Лихорадки и смертность солдатъ. — Морскіе разбой туркменъ. — Торговля плѣнными персами. — Глава разбойниковъ ханъ Эргельдъ. — Выручка плѣннаго перса.

ПОСЛѢДСТВИИ я узналъ, чѣмъ кончилась погоня; штабсъ-капитанъ Якубовскій догналъ этихъ туркменъ, и армянинъ получилъ обратно своихъ верблюдовъ и товаръ; но виновники были ужасно наказаны. Начальникъ отряда Столѣтовъ, возвращавшійся въ Ташеръ-Ватъ-Кала, черезъ Мула-Кари, велѣлъ при себѣ повѣсить на арбѣ этихъ несчастныхъ, и такимъ поступкомъ сразу измѣнилъ къ худшему наши отношенія къ туркменамъ ²⁾. Спустя нѣкоторое время, на Михайловскъ сдѣлано было нападеніе въ числѣ двухъ тысячъ человекъ туркменъ, преимущественно племени Теке: это было осенью 1870 года. На разсвѣтѣ стоялъ непрони-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXII, стр. 565.

²⁾ Туркмены говорили: «лучше бы начальникъ отряда велѣлъ отрубить головы преступникамъ. Это не было бы для нихъ такъ обидно. Аллахъ никогда имъ не проститъ, если они не отомстятъ за такую позорную, нанесенную имъ обиду».

цаемый туманъ, никакихъ слуховъ не было о готовящемся нападеніи, только предварительный, дикій, неистовый гикъ далъ знать объ опасности, а испытанная храбрость воинскаго начальника, капитана Мочевельяне, который съ удивительнымъ присутствіемъ духа успѣлъ собрать свою роту и открыть по неприятелю быстрый непрерывающійся огонь, да метаніе ядеръ изъ парового барказа подъ командой лейтенанта Угриновича ¹⁾ спасли наши войска отъ неминуемой гибели. Нѣкоторые туркмены, послѣ нападенія на Михайловскъ, за достовѣрное передавали, что въ нападающей шайкѣ принималъ участіе извѣстный Кашутъ-ханъ, глава текинцевъ, а также ханъ Дундуръ, который, за нѣсколько дней до нападенія, уѣхалъ изъ Ташеръ-Ватъ-Кала подъ предлогомъ посѣтить свой аулъ. Нужно знать туркменъ, ихъ мстительный, не прощающій обиды характеръ, чтобы объяснить такое внезапное нападеніе; они хотѣли отомстить начальнику отряда за нанесенное имъ неслыханное безчестіе. Чтобы привести въ исполненіе созрѣвшій планъ, они выжидали только удобнаго случая. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этой шайкѣ участвовали лица, хорошо знакомыя съ заведенными порядками въ отрядѣ. Почти каждый мѣсяцъ начальникъ отряда ѣздилъ изъ Ташеръ-Ватъ-Кала въ Красноводскъ. Время нападенія совпало съ днемъ, когда полковникъ Столѣтовъ, прибывшій наканунѣ изъ Красноводска въ Михайловскъ, долженъ былъ на разсвѣтѣ отправиться въ штабъ-квартиру. Они и ожидали его встрѣтить на дорогѣ въ Мула-Кари; удайся имъ это, нечего и говорить, что гибель Столѣтова и сопровождавшаго его малочисленнаго конвоя была бы неизбежна; но густой туманъ, не позволявшій туркменамъ въ точности слѣдить за мѣстностью, сбиль ихъ съ дороги. Заѣхавъ слишкомъ далеко, они наткнулись на пикетъ и напали на лагерь. Передовые изъ нихъ успѣли окружить кибитку воинскаго начальника, вѣроятно, рассчитывая найти въ ней полковника Столѣтова, но она была пуста, начальникъ отряда отдыхалъ на стоявшей у пристани баржѣ; не успѣлъ онъ еще полуодѣтый сойти на пристань, какъ туркмены отретировались назадъ, потерявъ около 40 человекъ, при самыхъ незначительныхъ съ нашей стороны потеряхъ, сколько я помню: двухъ убитыхъ и трехъ раненыхъ. Послѣ нападенія на Михайловскъ, лазутчики часто давали знать, что на Красноводскъ готовятся напасть значительныя скопища туркменовъ. Воинскій начальникъ при первомъ донесеніи о нападеніи послѣшилъ пріѣхать къ намъ на шкуну, чтобъ условиться съ капитаномъ, какія мѣста занять военнымъ судамъ ²⁾ для обстрѣливанія берега на случай нападенія. Нѣсколько дней прошли въ тре-

¹⁾ Получилъ орденъ св. Владимира съ мечами.

²⁾ Въ Красноводскѣ въ это время стояли на посту: паровая шкуна «Персія нинъ», паровой барказъ и парусная баржа «Бакланъ».

возномъ ожиданіи, но туркмены, вѣроятно, имѣя хорошихъ лазутчиковъ, не рѣшились напасть на Красноводскъ, гарнизонъ котораго былъ предупрежденъ объ этомъ и каждую минуту находился въ готовности встрѣтить непріятеля.

Станціонеры держали свои посты на двухъ станціяхъ: Красноводской и Астрабадской, по 6-ти мѣсяцевъ. Срокъ этотъ для шхуны «Персіянинъ» истекалъ, и мы съ каждымъ днемъ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали себѣ смѣну съ Астрабадской станціи. Часто въ каютъ-компаніи упоминалось объ Амураде. Офицеры, начиная съ капитана, безпрестанно только и говорили о тамошнемъ большомъ радушномъ обществѣ и веселой жизни на станціи. Понятно, какъ тщательно осматривали мы дугу горизонта, на которой долженъ былъ показаться рангоутъ шхуны, идущей къ намъ на смѣну; то и дѣло посылался на салингъ матросъ: не увидитъ ли онъ по направленію къ Астрабаду дымокъ. Шхунѣ «Персіянинъ» оставалось только развести паръ, и она готова была сейчасъ же сняться съ якоря; ни у кого уже не являлось желанія съѣхать на берегъ, такъ уже сильно надоѣлъ Красноводскъ, и такъ не желательно было, хотя бы на нѣсколько минутъ отдалить время отхода. Наконецъ, показался дымокъ, все яснѣе и яснѣе вырисовывается рангоутъ приближающагося судна. Вотъ поднимаются флаги вымпела: это шхуна «Бухарецъ»!—раздаются кругомъ голоса; по подъемѣ у насъ отвѣтнаго краснаго флага, вымпела на «Бухарцѣ» спускаются, и вслѣдъ за этимъ подымается на немъ сигналъ: «Иду къ вамъ на смѣну!». «Бухарецъ» входитъ на рейдъ, бросаетъ якорь: капитаны обмѣниваются визитами. На «Персіянинѣ» разводятся пары, убираются гребныя суда, подымается якорь, и шхуна двинулась по направленію къ Астрабадской станціи.

Подъ 36° сѣверной широты, въ юго-восточномъ углу Каспійскаго моря, въ Астрабадскомъ заливѣ, омывающемъ берега персидской провинціи того же имени, находится маленькій, низменный островокъ, не болѣе полуторы версты въ окружности, называемый Амураде. Этотъ изолированный мірокъ, существованіе котораго объясняется необходимостью имѣть нѣсколько вымпеловъ на водахъ Каспійскаго моря, находясь на границѣ туркменскихъ и персидскихъ земель, способствуетъ нашему политическому вліянію на Персію и имѣетъ культивирующее значеніе для прикасающихся со станціей туркменскихъ племенъ.

Отъ Красноводска до Астрабадской станціи 340 миль. Шхуна «Персіянинъ» была плохой ходокъ; но погода намъ благопріятствовала, на третій день мы приближались къ мѣсту своего назначенія. Островъ Амураде открывается въ 6—7 миляхъ. Подходя ближе, вы видите очень красивую, густо покрытую лѣтомъ и зимой зеленью и населенную безъ нѣмецкой симетріи, какъ бы плавающую въ водѣ, ферму. Между офицерскими и матросскими до-

мами, выстроенными большею частью изъ камыша и обмазанными глиною, замѣтно выдѣляются деревянные бараки, а надъ всѣмъ этимъ господствуетъ деревянная, небольшая, но довольно красивая церковь. Несмотря на неблагоприятную почву, потому что грунтъ твердъ только снаружи, а аршина чрезъ два уже вода, или жидкій иль, здѣсь растутъ пальмовыя и померанцовыя деревья, олеандры, кактусы и алоэ.

Берегъ материка, огибающаго заливъ, покрытъ густымъ лѣсомъ. По немъ разбросаны персидскія деревни Астрабадской и Мазандеранской провинціи; но при выходѣ изъ залива, пройдя устье Черной рѣчки (Карасу), образующейся изъ горныхъ ручьевъ, растительность сразу прекращается, и дальше къ сѣверу, по выходѣ изъ залива, только песокъ и камень по всему протяженію берега. На этихъ необозримыхъ стенахъ кочуютъ свободныя племена туркменъ. Сама природа какъ бы рубежомъ отдѣлила два разноплеменные народа. По берегу залива — дома осѣдлыхъ персіянъ, внѣ его кибитки кочевниковъ, которые, кромѣ торговли съ персами и рыболовства, занимались также и даже преимущественно морскими разбоями и грабежемъ прибрежныхъ персидскихъ деревень.

Едва мы отдали якорь, какъ къ намъ уже безпрестанно начали прѣзжать съ судовъ и съ берега съ поздравленіями благополучнаго прихода. Въ первый же день мы получили нѣсколько приглашеній: насъ звали и обѣдать и вечеромъ и т. д. Капитанъ, возвратившійся съ берега, отъ начальника станціи, капитана 1-го ранга Петриченко, къ которому онъ ѣздилъ съ строевымъ рапортомъ, привезъ отъ него также приглашеніе, прійти къ нему въ этотъ вечеръ. Въ 8 часовъ, кромѣ вахтеннаго начальника, всѣ мы, въ первый разъ послѣ долгой отшельнической жизни, собирались войти въ семейный домъ, гдѣ, какъ намъ передавали, собирается большое общество.

Отъ деревянной пристани, устроенной на восточной оконечности острова, проложена каменная панель, чрезъ все протяженіе острова, — къ западу, къ дому начальника станціи. Домъ едва виденъ изъ-за густой зелени. По дорогѣ къ нему хорошенькая церковь, тоже вся въ зелени, противъ церкви деревянная ротонда, въ которой помѣщается офицерская бібліотека; возлѣ находятся камышевый домъ — залъ для общественныхъ собраній, гдѣ подъ часъ бывають даже танцевальныя вечера и спектакли.

Самое лучшее время это осень, начиная съ октября мѣсяца. Погода тогда устанавливается, вѣтры дуютъ совершенно правильно: съ восходомъ солнца остъ, въ полдень нордъ; къ закату солнца онъ стихаетъ, дѣлается мертвый штиль, и потомъ часовъ съ 9-ти вечера задуваетъ зюйдъ. Вѣчно синее безоблачное небо, томительной жары нѣтъ, 20° по R, и воздухъ такой чистый, что

бываетъ виденъ даже неосвященный дискъ луны. Къ югу отъ острова синіе силуеты мазандеранскаго хребта горъ, со снѣжными вершинами и облаками у подошвы нѣкоторыхъ возвышенностей, обрисовываются совершенно ясно, приближенные рефракціей. Часто виднѣтся даже конусообразный Демавендъ, съ его снѣжною вершиной, отстоящій отъ острова верстъ на 300.

Астрабадская станція слыветъ гнѣздомъ лихорадокъ. Даже туркмены въ лѣтнее время всегда избѣгаютъ ея. Быть можетъ, тому причиной вѣчная сырость; быть можетъ, туда доходятъ міазмы, которыми такъ богатъ астрабадскій и мазандеранскій берегъ съ его непроходимыми дѣвственными лѣсами, куда рѣдко проникаетъ даже лучъ солнца. Лихорадки эти иногда принимаютъ характеръ эпидемическій. Жизнь на Амурате во время эпидеміи, появляющейся періодически, чрезъ извѣстное число лѣтъ, очень печальна. Процентъ смертности бываетъ очень великъ. Одна изъ самыхъ страшныхъ лихорадочныхъ эпидемій посѣтила островъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, въ бытность начальникомъ станціи капитана 2-го ранга князя Ухтомскаго ¹⁾; въ то время, совершенно здоровый чело­вѣкъ, заболѣвавшій лихорадкой, часто на другой или третій день умиралъ; на берегу и на судахъ съ каждымъ днемъ прогрессивно увеличивалось число больныхъ; наконецъ дошло до того, что на судахъ не находилось и одной трети здоровой команды; посылаемыя въ объѣздъ гребныя суда должны были безпрестанно возвращаться назадъ, привозя съ собой почти умирающихъ людей. Князь Ухтомскій въ самое непродолжительное время потерялъ на станціи жену, мать жены и всѣхъ дѣтей; но для грудныхъ больныхъ климатъ Амурате весьма полезенъ, и такіе больные по совѣту докторовъ нарочно приѣзжаютъ сюда на жительство.

По туркманчайскому трактату, заключенному Россіей съ Персіей въ 1829 году, Персія лишена права имѣть военныя суда на Каспійскомъ морѣ, но зато Россія обязалась охранять берега ея отъ нападеній морскихъ разбойниковъ туркменъ.

При укоренившейся у туркменъ страсти къ разбою, гребезамъ и захвату плѣнныхъ и при ловкости, съ которою все это они совершали, чему много способствовали густые камыши и мелко сидяшіе въ водѣ кулазы ²⁾, наконецъ невинный предлогъ, что они занимаются только рыбной ловлею у этихъ береговъ, весьма затрудняли нашихъ крейсеровъ ловить туркменъ-грабителей на мѣстѣ преступленія. Между тѣмъ, отъ персидскаго правительства на станціи получались безпрестанно жалобы, что туркмены нападаютъ на прибрежныя персидскія деревни и грабятъ ихъ. Разбой и торговля шла у нихъ рука объ руку, и ареною всегда былъ астра-

¹⁾ Бывшаго потомъ командиромъ Архангельскаго порта.

²⁾ Узенькая, совершенно плоскодонная корытообразная шляпка.

бадскій заливъ. Туркмены и персіяне, живя въ близкомъ сосѣдствѣ, несмотря на вѣковую религіозную фанатическую вражду, такъ какъ персіяне шииты ¹⁾, а туркмены суниты ²⁾, не могли, однако же, не войти издавна въ торговыя сношенія. Вѣчно лѣнивые, усталые персы совершенно привыкли къ игу, которое налапали на нихъ воинственныя дѣти степей. Туркмены врасплохъ нападали на деревни, забирали плѣнныхъ, уводили скотъ, увозили все это на лодкахъ въ свои аулы и оттуда договаривались о выкупѣ. Убийства случались рѣдко, потому что добыча доставалась легко; робкіе полуголодные жители прибрежныхъ деревень и не пробовали защищаться, — хотя иной изъ нихъ бывалъ вооруженъ двумя ружьями. Случалось, что одинъ туркменъ, бравъ въ плѣнъ нѣсколько персовъ; туркменъ гикнетъ — персіяне останавливаются, сдадутся и даже сами перевязуютъ другъ друга. Торговля плѣнными персами вошла у туркменъ въ обычай и держалась вѣками. Туркменъ-разбойникъ возьметъ плѣнника, туркменъ-торговецъ купитъ его у него и везетъ въ ту деревню, откуда онъ родомъ, прося отъ родныхъ выкупа: «что же тутъ дурного?—говоритъ онъ:—я самъ купилъ и долженъ выручить свои деньги». Чтобы лишить возможности туркменъ соединять торговлю съ разбоемъ, присланъ былъ изъ Петербурга капитанъ 1-го ранга Путятинъ, который, переговоривъ предварительно объ устройствѣ дѣлъ въ Астрабадскомъ заливѣ въ Тегеранѣ, въ 1842 году, утвердилъ астрабадскую морскую станцію Амураде. Путятинъ первый разбилъ застарѣлую мысль о неприкосновенности Каспійскаго моря для пароходныхъ плаваній и навелъ паническій страхъ на туркменъ, появившись съ пароходомъ въ виду ихъ аула Гасанъ-Гули. Когда, оставивъ пароходъ, по мелководью, вдали, онъ подошелъ съ нѣсколькими десятками матросовъ на вооруженныхъ шлюпкахъ къ этому аулу, въ которомъ считалось до 300 кибитокъ, онъ не встрѣтилъ никакого сопротивленія. Подъ вліяніемъ такого терроризированія, гроза персіанъ, храбрые жители аула безмолвно смотрѣли, какъ Путятинъ жегъ ихъ лодки, выдали ему своего хана, Якши-Махмеда, самаго заклятаго разбойника, и по приказу Путятина заключили съ персіянами миръ, заплативъ за всѣ прежніе грабежи по персидскому побережью. Туркмены были увѣрены, что стоило Дарья-Беги ³⁾ только захотѣть, и пароходъ пойдетъ разгуливать по аулу. О силѣ пара они не имѣли понятія и убѣждены были, что судно движется противъ вѣтра и выпускаетъ клубы черного дыма потому, что тамъ орудуетъ шайтанъ.

¹⁾ Мусульманская секта, признающая только Алія истиннымъ наслѣдникомъ Магомета. Али—высокій властелинъ.

²⁾ Истолкованіе корана, составленное тремя калифами: Абу-Бекромъ, Омаромъ и Османомъ.

³⁾ Дарья-Беги—царь морей.

Къ сѣверу отъ персидской границы, на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ миль, раскинуты у устьевъ небольшихъ рѣчекъ: Гасанъ-Гули, Хаджи-Нефесъ и другихъ, большіе аулы. Какъ находившіеся въ полной зависимости отъ Астрабадской станціи, они играли очень важную роль; черезъ посредство ихъ мы вліяли въ нѣкоторой степени на всю Туркменію. Аулы эти, уже нѣсколько лѣтъ, какъ и всѣ тѣ, которые находились у береговъ, считались мирными и совершенно свободно вели со станціей торговлю, преимущественно рыбой. Туркмены эти прежде занимались грабежемъ, и этотъ промыселъ доставлялъ имъ значительную выгоду; но впоследствии разбои почти прекратились. Способствовали этому много тѣ гуманныя мѣры, которыя были приняты со стороны начальника станціи, капитана 1-го ранга Петриченко. Предоставленная туркменамъ полная свобода сношеній со станціей, часто оказываемая помощь бѣднѣйшимъ изъ нихъ, удачный выборъ хана, поощреніе подарками достойнѣйшихъ изъ старшинъ, наконецъ, полное пониманіе ихъ духа и нравовъ привели къ тому, чего не въ состояніи были достигнуть однимъ оружіемъ. Обѣзды и крейсерство, въ виду часто повторявшихся разбоевъ, для охраненія персидскихъ береговъ, въ 1870 году были почти совершенно прекращены. Всякія недоразумѣнія, возникавшія между станціей и туркменами, разрешались, и вообще всѣ переговоры велись при участіи одного изъ туркменскихъ старшинъ, который и титуловался ханомъ. Право избранія хана предоставлялось мирнымъ туркменамъ; но выборъ утверждался начальникомъ станціи. Такой выборъ натурально падалъ на одного изъ вліятельнѣйшихъ туркменъ. Ханъ на станціи пользовался извѣстными льготами, получалъ жалованье отъ русскаго правительства, богатые подарки, вообще старались его положеніе улучшить, чтобы заставить дорожить своимъ мѣстомъ и употреблять свое вліяніе въ нашу пользу. Если бывали случаи, что разбои совершались, а виновныхъ не удавалось поймать на мѣстѣ преступленія, и плѣнные ими не возвращались, тогда вина падала на ближайшіе аулы, которымъ оставалось или выдать преступника, если онъ имъ извѣстенъ, или употребить всевозможныя средства, чтобы его найти; въ противномъ случаѣ, они строго наказывались, такъ какъ большей частью преступникъ этотъ былъ имъ извѣстенъ. Отвѣтственность въ такомъ случаѣ исключительно несли старшины аула. Сознывая свою выгоду въ миролюбивыхъ сношеніяхъ со станціей, старшины эти наконецъ сами начали стараться о прекращеніи разбоевъ и просили начальника станціи утвердить ханомъ одного изъ отчаяннѣйшихъ разбойниковъ, служившаго гордостью своего племени, который стоялъ во главѣ туркменовъ, занимавшихся этимъ промысломъ, и имѣлъ на нихъ огромное вліяніе своей храбростью и мужествомъ,—качества, очень уважаемыя туркменами. Послѣ переговоровъ, продолжавшихся довольно

долгое время, обезпечившихъ его въ матеріальномъ отношеніи, ханъ Эргельдъ пріѣхалъ на станцію. Это была довольно замѣчательная личность, какъ по своему наружному виду, такъ и по своей жизни, полной разнообразными приключеніями. Высокаго роста, съ величественной осанкой, выразительными чертами лица, съ умнымъ и проніцательнымъ взглядомъ, весь израненный, человѣкъ этотъ своей симпатичной внѣшностью не производилъ впечатлѣнія разбойника. Ему было не болѣе 40 лѣтъ; его имя наводило ужасъ на персидское жилое побережье; но онъ рѣдко прибѣгалъ къ кинжалу—только лишь для спасенія своей жизни. Эргельдъ, ради пользы своихъ соотечественниковъ и предстоящихъ ему личныхъ выгодъ, пріѣхалъ на станцію и принялъ титулъ хана посредника.

Во время моего пребыванія на Астрабадской станціи, одинъ персіянинъ былъ уведенъ туркменами въ плѣнъ. Такъ какъ мнѣ приходилось лично принимать участіе въ его освобожденіи, то я расскажу этотъ случай, характеризующій наши отношенія съ туркменами. Ханъ Эргельдъ сообщилъ начальнику станціи, что попавшій въ плѣнъ персіянинъ находится въ отдаленномъ отъ берега аулѣ, и что въ аулѣ Гасанъ-Гули живутъ родственники туркмена, взявшаго въ плѣнъ персіянина. У туркменъ въ обычаѣ мститъ за оскорбленіе ихъ родныхъ, но также и отвѣчать за ихъ поступки.

По предписанію начальника станціи, шкуна, на которой онъ и самъ находился, въ сопровожденіи хана Эргельда, снялась съ якоря, имѣя на буксирѣ двѣ туркменскія кочермы. Черезъ три часа мы бросили якорь на разстояніи около 4-хъ миль отъ берега; шкуна не могла подойти ближе по мелководью. Взявши съ собой 10 человѣкъ вооруженныхъ матросовъ, въ сопровожденіи хана Эргельда и переводчица, на двухъ кочермахъ, мы отправились къ аулу. Можно бы было обойтись безъ вооруженной силы, но это дѣлалось болѣе для представительности.

Благодаря попутному вѣтру, мы черезъ полчаса вошли въ устье рѣчки Гасанъ-Гули, по обѣимъ сторонамъ которой разбросано было безчисленное множество кибитокъ. Появленіе наше видимо возбудило сильное любопытство и удивленіе туркменъ; казалось, все населеніе аула высыпало къ намъ на встрѣчу, оба берега рѣчки представляли какъ бы двѣ пестрыя волнующіяся ленты, изъ которыхъ слышался неопредѣленный гулъ, сопровождавшій насъ во все время нашего движенія по рѣчкѣ. Я не хотѣлъ останавливаться въ самомъ аулѣ, чтобы избѣжать назойливости этой массы людей; мы оставили его позади; проплывъ отъ него около полуверсты разстоянія, пристали къ берегу. Спустя нѣсколько минутъ, къ намъ прибыли старшины аула узнать о причинѣ нашего визита. Я предложилъ хану переговорить съ ними. Въ этихъ случаяхъ, по заведенному уже порядку, предварительно предлагается угощеніе. Прислуга хана разостлала ковры, достала изъ лодки самоваръ, погре-

бецъ, сушеные фрукты и проч.; старшины, присѣвъ на корточки въ круговую, принялись за чаепитіе. Ханъ просилъ и меня принять участіе въ этой трапезѣ. «Эстекъ», сказалъ онъ своему слугѣ, и мнѣ принесли подушку: по обычаю туркменъ, въ сходкахъ ихъ, садятся на подушку только почетныя лица. Я просилъ переводчика передать мнѣ точно предстоящій разговоръ хана со старшинами. Послѣ обыденныхъ разспросовъ Эргельдъ объяснилъ имъ, что Дарья-беги очень недоволенъ старшинами, которые знаютъ, гдѣ находится плѣнный, но не стараются его освободить. Въ виду предоставленныхъ имъ льготъ и тѣхъ хорошихъ отношеній, которыя установились между ними и станціей, онъ просилъ ихъ не нарушать дружбы и общими силами принять мѣры къ освобожденію плѣннаго.

Старшины клялись Аллахомъ, что сами не принимали никакого участія въ постигшей персіянина судьбѣ, и что имъ неизвѣстно, дѣйствительно ли онъ находится въ указанномъ ханомъ аулѣ; они продолжали настаивать въ справедливости своихъ показаній, даже несмотря на упорное невѣріе Эргельда. Очень можетъ быть, что старшины говорили чистосердечно; но хану, по подавляющимъ уликамъ, доставленнымъ его вѣрными, неизмѣнявшими ему, лазутчиками, положительно было извѣстно о мѣстѣ нахождения плѣннаго. Видно было, что Эргельдъ хотѣлъ настоять на своемъ; сдѣлавъ мнѣ и переводчику знакъ слѣдовать за нимъ, онъ, отойдя отъ старшинъ нѣсколько шаговъ, сказалъ мнѣ, что нужно пригласить старшинъ на шкуну и одного изъ нихъ арестовать въ видѣ залога до возвращенія плѣннаго персіянина. Когда я предложилъ старшинамъ отправиться со мной на шкуну для личнаго объясненія съ Дарья-беги, они не противорѣчили, а въ знакъ согласія, низко кланяясь, дѣлали извѣстное привѣтственное движеніе рукой.

Удаленіе наше отъ аула нисколько не избавило насъ отъ любопытныхъ, особенно женщинъ; насъ окружили плотнымъ разноцвѣтнымъ кольцомъ, которое, постепенно смыкаясь, сдавило бы насъ, еслибы ханъ и всѣ старшины своими увѣщаніями и просьбами не умѣрили интенсивности толпы.

Когда мы двинулись съ старшинами къ лодкѣ, ко мнѣ съ пугливо вопрошающими взглядами подбѣжали нѣсколько туркменокъ и, хватая меня за рукава и фалды кителя, указывая на старшинъ, неистово кричали: «Сибаръ! Сибаръ!»¹⁾ Въ это время усердствующій не въ мѣру къ своему долгу матросикъ прикладомъ ружья не ударилъ, но отпихнулъ отъ меня одну туркменку настолько сильно, что она упала. Нужно было видѣть звѣрское выраженіе лицъ, появившееся у большей части обоюга пола туркменъ;

¹⁾ Туркменамъ было извѣстно, что серьезныхъ преступниковъ въ Россіи отсылаютъ въ Сибирь.

боясь появления съ ихъ стороны грозной демонстраціи, чтобы хотя нѣсколько ослабить видимо охватившее ихъ чувство глубокаго негодованія, я въ ту же минуту, для виду, какъ бы ударилъ матросика, а на самомъ дѣлѣ только сбросилъ съ его головы фуражку. Одинъ моментъ, и произошла метаморфоза: мрачныя озлобленныя лица просіяли, и мы, хотя и не безъ нѣкоторыхъ затрудненій, по возможности деликатно устраняя препятствія, дѣлаемыя намъ туркменками, удерживавшими старшинъ, и увѣряя ихъ, что старшины эти сегодня же возвратятся обратно въ ауль, спустились въ лодку. Когда мыплыли по рѣчкѣ, направляясь къ шкунѣ, то озлобленныя туркменки унижавъ собою берегъ, бѣжали за нами, вопія и издавая дикіе, гортанные, какіе-то неестественные звуки, грозя при этомъ кулаками и отплевываясь по нашему направленію. По прибытіи нашемъ на шкуну, послѣ обычныхъ привѣтствій и переговоровъ на извѣстную тему, начальникъ станціи, указывая на одного старшину, предварительно рекомендованнаго ему ханомъ, именно родственника туркмена, взяшаго въ плѣнъ персіянина, объявилъ, что, къ сожалѣнію, до возвращенія плѣннаго, онъ долженъ его арестовать. Старшины, никакъ не ожидавшіе такого результата переговоровъ, видимо были не довольны этимъ рѣшеніемъ и, какъ ни топорщились и ни изъявляли своего неудовольствія, должны были покориться, и шкуна снялась съ якоря, имѣя у себя заложника.

Когда мы приближались къ станціи, то арестованный старшина, пристально, не отрывая глазъ, смотря на стоящее въ 4-хъ или 5-ти саженьяхъ отъ берега довольно большихъ размѣровъ судно и указывая на него, обращаясь къ матросамъ, не безъ нѣкотораго страха, спрашивалъ: «Калмыкъ? Калмыкъ?» Судно это, бывший трехмачтовый транспортъ, по негодности къ плаванію, стояло ва мертвыхъ якоряхъ. Кромѣ своего спеціальнаго назначенія—на немъ помѣщался пороховой складъ—оно служило также карцеромъ: для нижнихъ чиновъ и провинившихся туркменъ, о чемъ имъ было хорошо извѣстно. Черезъ нѣсколько дней старшины пріѣхали просить начальника станціи освободить товарища, коллективно ручаясь, что плѣнный будетъ возвращенъ; дѣйствительно, въ скоромъ времени персіянинъ былъ доставленъ на станцію.

IV.

Исторія двухъ плѣнныхъ матросовъ.—Нападеніе туркменъ на станцію въ ночь на свѣтлую заутреню.—Жестокость капитана 2-го ранга Сидорова.—Стоянка у персидскаго берега.—Прибытіе на шкуну Кадыръ-хана и туркменки Саалы.—Возвращеніе въ Красноводскъ.—Семейство Сильванскихъ.—Постановка памятника на русскихъ могилахъ.—Смѣна полковника Столѣтова полковникомъ Маркозовымъ.—Избраніе новой станціи—Чигишляръ—и ея неудобства.—Измѣнившіися къ худшему наши отношенія къ туркменамъ.—Отплытіе шкуны «Персіянинъ» къ Чигишляру.—Приготовленія къ хивинскому походу 1873 года.—Причины послѣдовавшей неудачи Красноводскаго отряда.

Еще въ 1860-хъ годахъ, въ бытность начальникомъ станціи капитана 1-го ранга Ратькова-Рожнова, освобожденіе плѣнныхъ персіянъ сопровождалось довольно тяжелой процедурой; тѣмъ болѣе стоилъ большихъ трудовъ и большихъ денегъ выкупъ русскаго плѣннаго. На станціи для выкупа плѣнныхъ имѣлась особенная сумма, образовывавшаяся изъ добровольныхъ взносовъ служащихъ офицеровъ; съ каждаго не менѣе 3-хъ голландскихъ червонцевъ въ годъ; въ экстренномъ же случаѣ, когда сумма эта оказывалась недостаточною, устраивалась отдѣльная подписка. Какъ-то въ началѣ 1860 года туркмены захватили на персидскомъ берегу двухъ нашихъ матросовъ: Потакеева и Иванова, и они сдѣлались достояніемъ трехъ туркменскихъ семействъ; каждое изъ нихъ старалось какъ можно болѣе получить за нихъ на свою долю; нѣсколько разъ переговоры о выкупѣ оканчивались соглашеніемъ сторонъ, и требуемая сумма привозилась; но оказывалось, что туркмены снова значительно увеличивали выкупную плату; такимъ образомъ, матросы наши находились въ плѣну до 1867 года, исполняя при этомъ самыя тяжелыя работы. Бывшій въ это время ханомъ на станціи Ана-Санъ-Ханъ ¹⁾ предложилъ начальнику станціи слѣдующій способъ для освобожденія плѣнныхъ: послать въ аулъ, гдѣ они находятся, довѣреннаго туркмена, которому поручить приобрести лучшую лошадь породы «аргамакъ», отличающейся своей крѣпостью и быстротой бѣга, и, улучивъ удобный моментъ, предоставить ее для побѣга плѣннымъ, что и было приведено въ исполненіе, наканунѣ того дня, когда Потакеева и Иванова рѣшено уже было отправить съ снаряжавшимся караваномъ въ Хиву. Лошадь эта, на которой спаслись плѣнные, сдѣлалась достояніемъ постовой, на станціи, команды. Въ 1850 году, туркмены, осмѣлились даже сдѣлать нападеніе на станцію. Въ ночь на Воскресеніе Христово, во время заутрени, они подошли къ острову съ моря на 40 большихъ лодкахъ. Выскочивъ на берегъ, туркмены бросились къ ярко освѣщенной церкви, какъ къ единственному мѣсту, обрисовываю-

¹⁾ Вѣлая борода.

щемуся на фонѣ тихой ночи. Публика, молившаяся съ наружной стороны церкви, въ прилегающемъ къ ней садикѣ, увидя приближающихся вооруженныхъ туркменъ, съ отчаяннымъ крикомъ, бросилась въ церковь; туркмены въ эту минуту, услыша перестрѣлку быстро собравшейся поставой команды, бѣжали, оставивъ 4-хъ человекъ убитыми; но все-таки захватили съ собой трехъ женщинъ.

Послѣдствіемъ этого нападенія былъ упадокъ русскаго вліянія, и въ 1854 году рѣшено было на общемъ собраніи чиновъ станціи сдѣлать десантъ къ аулу Гассанъ-Гули. Высадившійся десантъ сжегъ 28 туркменскихъ лодокъ, забралъ въ плѣнъ нѣсколько вліятельныхъ туркменъ, выкупъ которыхъ дорого обошелся туркменамъ. Съ тѣхъ поръ пираты присмирѣли и никогда уже не осмѣливались нападать на станцію. Безтактность, необдуманность въ своихъ дѣйствіяхъ, а также жестокость нрава нѣкоторыхъ лицъ, случайно по дѣламъ службы соприкасавшихся съ туркменами,—лицъ, бывшихъ не на высотѣ своего долга, а на низинѣ грубаго произвола, часто парализовали гуманные и корректные приемы другихъ; вслѣдствіе этого получались нежелательные результаты въ отношеніяхъ нашихъ съ племенемъ, видимо клонившимся къ болѣе тѣсному съ нами сближенію. Капитанъ 2-го ранга Сидоровъ, командуя пароходомъ «Ураль», въ концѣ 1860 годовъ догналъ туркменскую лодку, въ которой находились 10 человекъ туркменъ съ тремя взятыми ими въ плѣнъ персіянами. Сдѣлавъ холостой выстрѣлъ изъ орудія, лодка въ ту же минуту спустила парусъ и по знаку, сдѣланному на пароходѣ, подошла къ его трапу. По приказанію Сидорова, туркмены съ персіянами поднялись на палубу. На пароходѣ всѣ служащіе предполагали, что Сидоровъ, взявши на буксиръ лодку, отправится на станцію, гдѣ и предоставитъ на усмотрѣніе начальства провинившихся туркменъ; но немало были удивлены, когда онъ, оставивъ персіянъ на шкунѣ, приказалъ туркменамъ садиться на свою лодку; обрадованные такимъ благополучнымъ исходомъ ихъ поступка, туркмены, низко кланяясь Сидорову и лобызая его плечо, спѣшили спуститься на свою лодку. Сидоровъ въ это время, сжимая губы и злорадно смотря на спускавшихся туркменъ, загадочно улыбался; а когда лодка отошла нѣсколько сажень отъ шкуны, командовалъ «полный ходъ» и, нагнавъ лодку, разсѣкъ ее килемъ парохода, при этомъ, къ общему негодованію офицеровъ и команды, однихъ туркменъ убилъ, а другихъ, прежде чѣмъ исчезнуть подъ водой, долго еще заставилъ барахтаться и издавать отчаянные вопли. Сидоровъ впослѣдствіи, даже не стѣсняясь, высказывалъ съ нѣкоторымъ еще неудовольствіемъ, что за свой подвигъ не получилъ награды... Не георгія ли за храбрость думалъ онъ получить?—также не стѣсняясь, не безъ ироніи, высказывали многіе изъ служащихъ на станціи офицеровъ...

Время пребыванія шкуны на станціи, къ общему нашему сожалѣнію, оканчивалось; передъ отправленіемъ нашимъ снова въ Красноводскъ мы должны были около двухъ недѣль простоять на посту у персидскаго берега ¹⁾, на такъ называемомъ перевалѣ, въ 6-ти—7-ми миляхъ отъ Амураде. Во время нашего пребыванія здѣсь никакого инцидента не произошло, все было спокойно. Помню, было около 6-ти часовъ вечера. Наступилъ сентябрь, въ воздухѣ уже не чувствовалось прежней духоты, легкій вѣтерокъ слегка рябилъ морскую поверхность, колыхая стоящій надъ палубой тентъ, подъ которымъ мы попивали чаекъ. Вдали на горизонтѣ, по направленію къ станціи, показался парусъ; черезъ нѣсколько минутъ было ясно видно, что къ намъ подвигается туркменская лодка; сначала никто изъ насъ не обращалъ на нее особеннаго вниманія; но вотъ на лодкѣ обрисовалась фигура женщины; такое непривычное здѣсь для глазъ явленіе заинтересовало насъ, тѣмъ болѣе, что кочерма явно направлялась къ шкунѣ и, подойдя къ ея трапу, спустила парусъ. Къ большому нашему удивленію и къ немалому удовольствію, мы увидѣли въ ней, обложеннаго подушками, видимо больного Кадыръ-хана и сидящую возлѣ него Саалу. Въ глазахъ измученнаго долгимъ путешествіемъ старца засвѣтилась радость. Саала быстро вскочила на площадку трапа шкуны и, улыбаясь, вся сіяющая, протягивая своему дядѣ руки, осторожно помогала ему вступить на трапъ. Кадыръ-ханъ заходилъ сперва на станцію, но, не встрѣтивъ тамъ шкуны, прибылъ на перевалъ; онъ не забывалъ случившагося несчастія съ мальчикомъ на Челекенѣ и оказанной ему помощи нашимъ докторомъ; нуждаясь въ немъ теперь самъ, пріѣхалъ къ нему за совѣтомъ. Кадыръ-ханъ пробылъ на шкунѣ трое сутокъ, и замѣтно сдѣлался бодрѣе; ему и Саалѣ мы уступили отдѣльныя каюты. Весь день Кадыръ-ханъ и Саала оставались на верхней палубѣ шкуны, гдѣ имъ было отгорожено парусомъ помѣщеніе. Въ первый день Саала держала себя особнякомъ, какъ бы стѣсняясь насъ, а на второй и третій день пила съ нами чай, обѣдала и даже рѣшилась поѣхать вмѣстѣ осмотрѣть персидскій берегъ. Съ неподдѣльной грустью спускаясь въ лодку, чтобы возвратиться на Челекенъ, она видимо неохотно разставалась со шкуной. Въ удалявшейся отъ насъ кочермѣ мы еще долго наблюдали стоявшую возлѣ мачты и смотрѣвшую по нашему направленію фигуру дѣвушки.

По прибытіи нашемъ въ Красноводскъ, въ октябрѣ 1871 года, наружный видъ его замѣтно измѣнился къ лучшему. Возведено было нѣсколько деревянныхъ строеній, гдѣ нашли себѣ пріютъ семейства служащихъ. На берегу замѣтно было непривычное для

¹⁾ Постовыя военныя суда поочередно отправлялись изъ Астрабадской станціи къ персидскому берегу для непосредственнаго наблюденія за туркменами.

глазъ оживленіе. Въ одно время я встрѣтилъ здѣсь караванъ изъ нѣсколькихъ верблюдовъ, пришедшій съ товарами изъ Хивы.

На Краснодарскомъ мысѣ, въ пятнадцать миляхъ на югъ отъ Краснодарскаго форта, до сихъ поръ еще можно видѣть среди ровной поверхности глубокихъ песковъ, небольшую возвышенность, которая своей формой походитъ на редутъ. Укрѣпленіе это, какъ по преданіямъ, оставшимся у туркменъ, такъ и по нѣкоторымъ описаніямъ ¹⁾, было построено отрядомъ Бековича въ 1717 году. Въ то время отсюда производились рекогносцировки по туркменской степи. Нѣсколько могилъ свидѣтельствуютъ о похороненныхъ здѣсь русскихъ воинахъ. Г. Сильванскій ²⁾, семейство котораго оставило по себѣ самую прекрасную память въ Краснодарскѣ, предложилъ офицерамъ гарнизона почтить память своихъ товарищей по оружію, составить подписку и на собранныя деньги воздвигнуть на редутѣ памятникъ къ дню 200-лѣтняго юбилея Петра Великаго. Нечего и говорить, съ какой охотой и сочувствіемъ каждый отнесся къ этой прекрасной мысли, которая вскорѣ была и осуществлена. 30-го мая, въ 7 часовъ утра, паровой барказъ, имѣя на буксирѣ двѣ туркменскія лодки, стоя на рейдѣ, выпуская изъ своей трубки бѣлыми клубками пары, своимъ рѣзкимъ, пронзительнымъ свистомъ сзывалъ желающихъ отправиться на Краснодарскій мысъ, чтобъ принять участіе въ празднованіи открытія памятника.

Послѣ 3-хъ-часового плаванія мы увидѣли берегъ Краснодарскаго мыса, на которомъ тамъ и сямъ группировались туркменскія кибитки. Мы обошли мысъ и вошли въ бухту Бековича, глубина которой позволила намъ войти на довольно близкое разстояніе къ берегу. Не успѣли мы стать на якорь, какъ къ намъ подошли туркменскія лодки, предлагая свои услуги. На берегу толпа туркменъ окружила насъ и провожала къ памятнику, который былъ воздвигнутъ въ разстояніи одной версты отъ берега. Памятникъ былъ закрытъ полотномъ, и только по окончаніи панихиды, при нѣсколькихъ залпахъ одного взвода солдатъ, открылся взорамъ публики. Онъ высѣченъ изъ бѣлаго мѣстнаго камня, имѣетъ пирамидальную форму, вышиной 3 аршина, съ прямоугольнымъ основаніемъ, на каменномъ пьедесталѣ; на каждой сторонѣ его вдѣланы гипсовые доски, на одной изъ нихъ вырѣзана надпись слѣдующаго содержанія: «Красноводскій отрядъ сподвижникамъ Петра 1-го», а на другой вырѣзаны стихи:

Въ степи дикой и безмолвной
Васъ, братья, мы нашли
И теплой молитвой
Вашъ прахъ почли.

¹⁾ Этнографическіе и историческіе матеріалы по Средней Азій—М. И. Галкина.

²⁾ Сильванскій былъ присланъ отъ министерства финансовъ для собранія торговыхъ статистическихъ свѣдѣній.

Во время богослуженія туркмены толпились кругомъ насъ; лица ихъ, съ простодушнымъ и дружественнымъ выраженіемъ, обличали вопросительное недоумѣніе; изумленно подталкивая другъ друга, съ настойчивымъ вниманіемъ слушали они священное пѣніе; глаза ихъ неподвижно были устремлены на происходившее передъ ними невиданное ими еще зрѣлище. По окончаніи панихиды одинъ старикъ туркменъ, выдѣлившись изъ толпы, подошелъ къ одному изъ офицеровъ: «Скажи намъ,—спрашивалъ онъ,—зачѣмъ вы молились Аллаху и поставили памятникъ, вѣдь вы никого здѣсь не похоронили?» Слова его перевели, а затѣмъ объяснили ему смыслъ этого дня, и имя Петра перешло въ уста туркменъ. «Петро! Петро!»—повторяли они и густой массой двинулись за нами по направленію къ аулу.

Въ аулѣ для насъ была устроена палатка, возлѣ которой пылали костры; матросы жарили баранину, варили рисъ. Госпожа Сильванская подарила тремъ старшинамъ по суконному халату, они были въ восторгѣ и низко склоняли свои головы. Старшинъ этихъ мы просили пригласить туркменъ на пловъ и кибавъ. Черезъ полъ-часа чуть ли не весь аулъ утолялъ свой голодъ лакомыми блюдами; а по окончаніи своей трапезы гурьбой провожали насъ до барказа, чередуясь съ нашими пѣсельниками-матросами, издавая какіе-то гортанные и гнусливые звуки.

По возвращеніи отряда изъ рекогносцировки по туркменской степи, въ декабрѣ 1872 года, полковникъ генеральнаго штаба Маркозовъ, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, смѣнившій полковника Столѣтова, нашелъ необходимымъ покинуть прежніе пункты ¹⁾ расположенія войскъ и перешелъ всѣмъ отрядомъ на югъ, къ правому берегу рѣки Атрекъ, въ 52 миляхъ на сѣверо-западъ отъ Астрабадской морской станціи. Мѣстность эта называлась Чигишляръ; находившійся здѣсь аулъ, по прибытіи нашихъ войскъ, удался внутрь степи. Не вдаваясь въ разсужденіе, насколько эта низменная песчаная мѣстность удовлетворяла условіямъ хорошей стоянки, я скажу только, что при подвозкѣ моремъ всего необходимаго войскамъ здѣсь ощущались значительныя неудобства: по причинѣ отмели, суда, сидѣвшія въ водѣ 8 футовъ, могли только въ совершенно тихую погоду, не прекращая пара, останавливаться въ 3 миляхъ отъ берега, въ случаѣ же зыби они должны были уходить въ море на разстояніе отъ 6-ти до 8-ми миль. Собщеніе съ берегомъ можно было поддерживать только посредствомъ туркменскихъ лодокъ, которыя, несмотря на плоскодонное устройство, не могли подходить къ самому берегу и останавливались въ раз-

¹⁾ Такой, не обусловленный никакими выгодами, скорѣе крайне неудобный переходъ порицался многими въ отрядѣ, преимущественно людьми компетентными въ этомъ дѣлѣ.

стояніи 10 — 15 сажень. Лодки выгружались солдатами, которые иногда въ самую холодную погоду должны были таскать въ водѣ разные грузы. На скорую руку устроенныя пристани при волненіи разрушались. Чигишлярскій рейдъ защищенъ отъ вѣтра только съ восточной стороны; при незначительной зыби сообщеніе съ берегомъ дѣлалось невозможнымъ. Приходившимъ сюда съ грузомъ судамъ случалось часто останавливаться на рейдѣ около двухъ недѣль, въ ожиданіи благоприятной погоды, съ наступленіемъ которой успѣшность выгрузки совершенно зависѣла отъ количества туркменскихъ лодокъ.

По прибытіи отряда въ Чигишляръ, отношенія наши къ туркменамъ измѣнились къ худшему; не говоря уже объ отдаленныхъ племенахъ, даже ближайшіе прибрежныя аулы, находившіеся съ нами въ самыхъ миролюбивыхъ отношеніяхъ, старались уклоняться отъ исполненія требованій отряда. Казалось бы, что туркмены, не имѣющіе возможности зарабатывать себѣ дневное пропитаніе, должны были бы радоваться представившемуся случаю продать свой трудъ; но на самомъ дѣлѣ было не такъ: приходилось предпринимать самыя репрессивныя мѣры, чтобы заставить ихъ оказать необходимую съ ихъ стороны помощь. Въ туркменскихъ лодкахъ постоянно ощущался недостатокъ ¹⁾, а между тѣмъ намъ часто приходилось довольно таки поизрасходовать пороху, чтобы заставить возвратиться ту или другую лодку, которая, при малѣйшей возможности, старалась скрыться. Непривычно было видѣть подобныя къ намъ отношенія туркменъ.

Когда полковникъ Маркозовъ прибылъ въ Чигишляръ, то, какъ человекъ, незнакомый съ этимъ краемъ, въ виду предстоящей спѣшной необходимости въ значительномъ количествѣ верблюдовъ, онъ обращался за совѣтомъ къ начальнику Астрабадской станціи, капитану 1-го ранга Петриченко, который, какъ я уже говорилъ, обезпечивъ за собой нравственное вліяніе надъ туркменами, изъявилъ готовность воспользоваться имъ въ настоящемъ случаѣ, чтобы достать требуемое число верблюдовъ. Несомнѣнно, что начальникъ станціи имѣлъ бы возможность исполнить свое обѣщаніе, еслибы дѣйствія начальника отряда относительно туркменъ согласовались съ системой, принятой капитаномъ 1-го ранга Петриченко.

Въ половинѣ марта 1873 года, шкуна получила предписаніе немедленно отправиться въ Чигишляръ, для отвоза туда нѣкотораго груза, а потомъ остаться въ распоряженіи начальника отряда. Отрядъ долженъ былъ выступить въ походъ въ послѣднихъ числахъ марта мѣсяца; къ 1-му мая ему нужно было соединиться подъ стѣнами Хивы съ отрядомъ генерала фонъ-Кауфмана. Время вы-

¹⁾ Туркмены жаловались, что имъ мало платить за лодки.

ступленія приближалось, но верблюдовъ не было, при отрядѣ не находилось ихъ и 1.000 штукъ, а требовалось до 4.500; предлагались, наконецъ, вполнѣ выгодныя условія атрекскимъ туркменамъ за верблюдовъ, но они, не вполнѣ уже довѣряя безукоризненности общаемаго, не соглашались доставлять ихъ. У начальника отряда, находившагося въ критическомъ положеніи, явилась въ это время мысль—перевезти верблюдовъ изъ Мангишлака, и для этого зафрахтованы были почти всѣ морскія грузовыя суда общества «Кавказъ и Меркурій», которыя ожидали только приказанія отправиться въ Мангишлакъ, но вспыхнувшее тамъ возстаніе сдѣлало невозможнымъ исполненіе этой мѣры. Полагаю, что еслибъ и доставили въ то время верблюдовъ въ Мангишлакъ, то по прибытіи ихъ на судахъ въ Чигишляръ они никуда бы не годились, большая часть изъ нихъ навѣрно была бы искалѣчена послѣ такого продолжительнаго и неспокойнаго плаванія ¹⁾. Начальникъ отряда рѣшился съ частью отряда двинуться къ Атреку. Двумя переходами за эту рѣчку, ему удалось таки отбить 2.000 верблюдовъ, что составило съ прежними около 3.000, но всѣ они были большею частью слабы и безъ вожakovъ, что представляло также значительное неудобство, такъ какъ наши солдаты рѣшительно не умѣли съ ними обращаться. Не имѣя въ достаточномъ количествѣ перевозочныхъ средствъ, Красноводскій отрядъ не могъ уже быть двинуть въ полномъ своемъ составѣ; оставшіяся войска были перевезены изъ Чигишляра въ Мангишлакъ, во-первыхъ, для усмиренія мятежа, а, во-вторыхъ, для снаряженія оттуда другого отряда къ Хивѣ. Съ перваго же дня похода верблюды стали падать въ большомъ количествѣ. На пути 16-го апрѣля близъ колодца Игды отрядъ, имѣя стычку съ туркменами, отбилъ у нихъ еще 1.000 верблюдовъ и множество овецъ; случайная удача эта какъ бы подкрѣпила надежду достигнуть Хивы; но все-таки отрядъ, не имѣя возможности, по временамъ отыскивая колодцы, поднять необходимый запасъ воды, находился часто въ критическомъ положеніи. Какъ я уже упоминалъ выше, туркмены начали избѣгать всякаго соприкосновенія съ отрядомъ. Если нѣкоторые изъ нихъ и нанимались проводниками, то это были несчастные пролетаріи, совершенно незнакомые съ дѣломъ, которому брались служить; послѣдствіемъ этого было то, что отрядъ, лишенный воды, при ужасномъ зноѣ, доходившемъ до 40°, продолжая итти впередъ, подвергался бы бесполезной гибели. Благоразуміе взяло верхъ, пришлось отказаться отъ дорогихъ надеждъ, и войска, поверотивъ, двинулись обратно къ Красноводску.

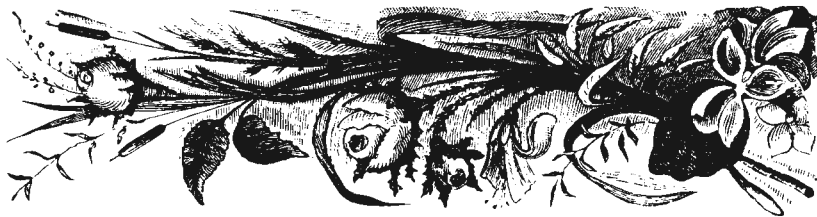
Возвратился отрядъ въ половинѣ мая. Когда первые его ряды спускались съ горъ, пикетомъ, стоящимъ на посту, дано было

¹⁾ Въ то время свирѣствовали сильныя вѣтры.

знать объ этомъ воинскому начальнику. Вѣсть эта электрическимъ токомъ разнеслась по Краснодарску, и всѣ выбѣжали удостовѣриться въ справедливости этого слуха; глаза всѣхъ были обращены по одному направленію и пристально всматривались въ черную движущуюся массу, медленно спускавшуюся къ подножію Краснодарскихъ горъ. Скоро невеселая дѣйствительность предстала предъ глазами жителей: оборванные, истомленные солдаты едва передвигали ноги. Но что значили эти физическія страданія отряда предъ страданіями нравственными: люди эти полтора мѣсяца тому назадъ, съ такимъ нетерпѣніемъ ожидавшіе своего выступленія, послѣ того, какъ прошли уже болѣе половины пути, когда уже имъ казалось, что они близки къ тому, чтобы пожать плоды своего мучительнаго томленія, должны были возвратиться, не достигнувъ своей цѣли.

С. А. Гунаропуло.

ПАМЯТНИКЪ РУССКАГО МОНАРХА ПОЛЬСКОМУ КОРОЛЮ ВЪ ВАРШАВѢ.

А ОДНОЙ изъ бойкихъ и довольно красивыхъ варшавскихъ улицъ—Медовой, идущей отъ улицы Краковское-Предмѣстье къ Красинской площади, по лѣвой сторонѣ отъ первой возвышается прекрасный костелъ, въ чисто тосканскомъ стилѣ. Это костелъ Преображенія Господня, принадлежавшій въ старину капуцинамъ. Это религиозный монументъ, воздвигнутый королемъ польскимъ Яномъ III Собѣскимъ въ память побѣды, одержанной имъ надъ врагами религиіи христіанской подѣ Вѣною. Поэтому-то на фасадѣ зданія, подѣ крестомъ и помѣщенъ гербъ фамиліи Собѣскихъ «Янина».

Еще въ іюль 1683 г., передѣ самымъ походомъ на освобожденіе Вѣны отъ турокъ, Янъ III далъ Богу обѣтъ построить, если вернется побѣдителемъ, храмъ и 23-го іюля того же года заложилъ послѣдній на нынѣшней Медовой улицѣ. Костелъ еще не былъ оконченъ постройкою, какъ уже въ 1686 году приступили къ возведенію при немъ келій. Постройка зданій производилась сначала по плану зодчаго-итальянца Аффати, а потомъ подѣ руководствомъ, замѣнившихъ Аффати, архитекторовъ Августина Лоцци (Lossi) и Карла Церони (Ceroni). Черезъ полгода въ Варшаву пріѣхали 14 монаховъ-капуциновъ, а 11-го октября 1692 года костелъ былъ освященъ во имя Преображенія Господня. Такое наименованіе храма вполне отвѣчало первоначальной мысли короля. Христосъ, преобразившійся, или явившійся ученикамъ Своимъ во славу на Таборѣ,

побѣдою его, короля, надъ невѣрными претворилъ печаль вѣрныхъ своихъ въ радость. Сооруженіе костела и находящихся при немъ зданій обошлось, по тогдашнему счету, въ 160.000 злотыхъ. Храмъ былъ богато украшенъ внутри утварью и художественными произведеніями (сохранившимися до нашего времени) кисти: Сим. Чеховича († 1774 г.) «Преображеніе Господне» въ главномъ алтарѣ, и «Св. Войцехъ» Семигановскаго (Eleutera), придворнаго королевскаго живописца, «Св. Іоаннъ» и др., Яна Гладыша († 1830 г.) «Блаж. Ангелъ (имя капуцина) изъ Акры» и нѣсколькими картинами религіознаго содержанія итальянской школы. Но насколько былъ богатъ и великолѣпенъ храмъ, настолько же были скромны и даже, можно сказать, бѣдны монашескія кельи. Въ числѣ ихъ, въ коридорѣ нижняго этажа находилась такая же, ничѣмъ не отличавшаяся отъ прочихъ, королевская келья. Набожный Янъ III нерѣдко, особенно въ послѣдніе годы своей жизни, когда огорченія разнаго рода терзали его сердце¹⁾, здѣсь искалъ себѣ покоя. Здѣсь же, въ монастырѣ, впослѣдствіи, въ теченіе 36 лѣтъ покоились и его останки.

Собѣскій умеръ 10-го іюля 1696 года. Тѣло его набальзамировали и похоронили въ Вилляновѣ²⁾. Потомъ перенесли въ замковую каплицу. 23-го декабря 1697 года снова перенесли къ капуцинамъ и поставили на особомъ катафалкѣ, во 2-мъ этажѣ монастырскаго зданія. Въ 1716 году по инициативѣ (какъ можно догадываться) сына Собѣскаго, королевича Якова (р. 1667 г. † 1737 г.), сюда же были перевезены, тайнымъ образомъ, останки умершей въ Блуа, во Франціи, его матери, королевы Маріи-Казимиры. Когда въ 1733 года умеръ король польскій и курфирстъ саксонскій Августъ II, по желанію Якова Собѣскаго, останки его родителей перенесли въ костель капуциновъ. Отсюда, послѣ торжественнаго богослуженія, 9-го августа того же года, отправили ихъ, вмѣстѣ съ гробомъ Августа II, въ Краковъ.

У капуциновъ оставили только сердце Собѣскаго и внутренности Августа II. Преемникъ послѣдняго, Августъ III, воздвигнулъ въ каплицѣ, по правой сторонѣ главнаго алтаря, памятникъ, въ которомъ были положены внутренности короля Августа II. Съ тѣхъ поръ каплица эта стала называться королевскою. Въ 1827 году, по мысли гвардіана капуциновъ, ксендза Веніамина Шиманскаго, впослѣдствіи епископа подляскаго, было рѣшено перенести въ

¹⁾ Объ нихъ подробно у профессора Korzon'a въ превосходномъ его трудѣ: «Dola i niedola Jana Sobieskiego», Краковъ, 1899. Г. В.

²⁾ Willanów—въ настоящее время собственность графа Браницкаго, въ 7 вер. отъ Варшавы. Это было любимое мѣсто пребыванія Яна ІІІ. Здѣсь находится великолѣпный дворецъ (съ картинною галлереею и библіотекою), построенный по его повелѣнію итальянскими зодчими. Лучшее описаніе Виллянова «Willanów dawny i terażniejszy» (Варшава, 1877 г.) Скимборовича и В. Герсона. Г. В.

Костель Преображенія Господня въ Варшавѣ.

гу же каплицу и сердце Яна Собѣскаго, хранившееся до тѣхъ поръ въ архивѣ, для чего и соорудить соотвѣтственный памятникъ. Мысль Шиманскаго нашла для себя поддержку у Станислава Рабовскаго, министра народнаго просвѣщенія царства Польскаго, Валентія Соболевскаго, предѣдателя совѣта управленія (rada administracyjna) царства. Послѣдніе довели объ этомъ до свѣдѣнія высшей власти.

Императоръ Николай I, всегда относившійся симпатично къ Собѣскому, повелѣлъ на свой счетъ обновить королевскую каплицу и поставить въ ней саркофагъ для сердца Яна III. Работы начались подѣ наблюдениемъ Генриха Маркони ¹⁾ въ 1828 г. и продолжались два года ²⁾. 26 іюня 1830 г. въ великолѣпно декорированномъ костелѣ, въ присутствіи собравшейся во множествѣ избранной публики, было отправлено, при участіи нѣсколькихъ епископовъ, торжественное заупокойное богослуженіе по королѣ Янѣ III. При этомъ банка, заключающая въ себѣ сердце Собѣскаго, была поставлена на убранномъ военными трофеями катафалкѣ, на турецкомъ знамени, оставленномъ Яномъ III въ Лоретто, откуда его привезъ въ Варшаву извѣстный предводитель легионовъ, генераль Домбровский. Провинціалъ ордена, кс. Віаторъ, произнесъ проповѣдь, которая впоследствии была напечатана и разошлась во множествѣ экземпляровъ по всему царству. Затѣмъ, сердце Собѣскаго было перенесено въ каплицу и помѣщено въ особо приготовленномъ мѣстѣ.

При входѣ въ настоящее время въ королевскую каплицу, по лѣвой ея сторонѣ, въ нишѣ, видите классическій саркофагъ изъ мѣстнаго хенцинскаго сѣраго мрамора ³⁾. Наверху его лежитъ бронзовая подушка, а на ней — тоже бронзовые щитъ, скипетръ и мечъ, крестъ на крестъ, подѣ королевскою короною, работы Яна Грегуара. Надъ саркофагомъ, на стѣнѣ, бюстъ Яна Собѣскаго изъ бѣлаго мрамора, работы Людовика Кауфмана. На самомъ саркофагѣ надписи бронзовыми буквами:

Servandis praecordiis
Invictissimi Principis Ioannis III Poloniarum regis
Ob fusas saepius Turkarum copias
Et liberatam ab Obsidione Viennam Clarissimi
Praedecessori Suo
Augustissimus Totius Russiae Imperator,
Nicolaus I, Rex Poloniae,
Monumentum hoc F. C. Anno MDCCCXXXIX ⁴⁾.

¹⁾ Генрихъ Маркони — одинъ изъ выдающихся представителей строительнаго искусства въ Польшѣ въ минувшемъ столѣтіи. Имъ построены: зданіе кредитнаго общества, больница Св. Лазаря, костелы св. Карла Боромея (на ул. Хлодной) и Всѣхъ Святыхъ (на Гржибовѣ) — въ Варшавѣ, костелъ въ Вилянновѣ, слѣдственная тюрьма въ Плоцкѣ и мн. др.

²⁾ При этомъ были реставрированы и фасады костела. Г. В.

³⁾ Добывается въ окрестностяхъ городка Хещины, Кѣлецкой губерніи.

Г. В.

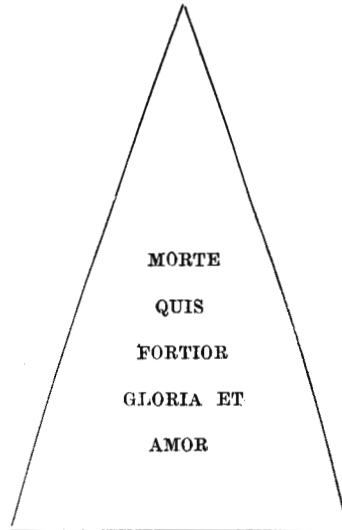
⁴⁾ Вотъ эта надпись дословно по-русски: «Сохраняющемуся сердцу непобѣдимаго полководца, Яна III, короля польскаго, прославленнаго многократнымъ разгромомъ турецкихъ войскъ и освобожденіемъ Вѣны, предшественнику своему, всепресвѣтлѣйшій императоръ всероссійскій, Николай I, царь польскій, памятникъ этотъ поставилъ (въ) 1829 г.»

Г. В.

Памятникъ Собѣскому въ костелѣ Преображенія Господня въ Варшавѣ.

Напротивъ этого памятника, на другой сторонѣ, въ нишѣ, стоитъ мраморная урна, на такомъ же пьедесталѣ, заключающая въ себѣ внутренности Августа II. Надъ урною возвышается пирамида съ надписью:

Ниже—бронзовая доска съ королевскимъ гербомъ.
Съ лѣвой стороны:

Natus
Anno MDCLXX Die XII Maii
Regnavit
Elektor Saxoniae Annos XL
Rex Poloniae Annos XXXVI
Mortuus
Anno MDCCXXXIII Die I Februarii.

Съ правой стороны:

D. O. M.
Hic
Carissima et vere Paterna viscera
Ad Posteritatis Amorem
Et Pietatis Obsequium
Reconduntur.

Костель Преображенія Господня всегда принадлежалъ къ числу такъ называемыхъ аристократическихъ, т. е. излюбленныхъ мѣстною аристократіею, костеловъ, а потому и въ его подземельяхъ находится немало гробницъ представителей и представительницъ послѣдней.

Г. А. Воробьевъ.

ПО ХЕВСУРИИ.

(Отрывокъ изъ путешествія).

В СЕНТЯБРЬ прошлаго года, мнѣ съ товарищемъ удалось проникнуть въ очень рѣдко посѣщаемую мѣстность центральнаго Кавказа — страну хевсуровъ, и познакомиться съ этимъ малоизвѣстнымъ, но въ высшей степени интереснымъ и самобытнымъ племенемъ, хотя не многочисленнымъ, но прославившимся своей храбростью во времена Кавказскихъ войнъ и до сихъ поръ не утратившимъ еще своей дикой отваги, строгости и чистоты первобытныхъ нравовъ и гостепріимства.

Первое, необходимое условіе успѣха въ путешествіи по незнамымъ странамъ, среди людей чуждаго племени — это надежный проводникъ, и въ этомъ отношеніи счастье намъ поблагоприятствовало. Путеводитель нашъ обладалъ именно всѣми качествами, которыя желательны въ проводникѣ.

Давидъ Циклаури — такъ звали его — родомъ изъ самаго дикаго хевсурскаго общества Архотъ, расположеннаго у подножія горы, носящей то же древнее имя. Его родъ — одинъ изъ наиболѣе многочисленныхъ и распространенныхъ въ Хевсуріи. Давидъ — рослый и широкоплечій горецъ. Хотя онъ нѣсколько худощавъ, но крѣпокъ и надѣленъ прекрасно развитыми, словно стальными мускулами. Его продолговатое лицо, худыя щеки, выдающійся, слегка горбатый носъ и острый подбородокъ нѣсколько уклоняются отъ типа широколицыхъ и прямоносыхъ хевсуровъ. Множество мелкихъ мор-

щинъ вокругъ глазъ и около рта придаютъ его худому и загорѣлому лицу отгѣнокъ веселости и нѣкоторое лукавство, несмотря на огромные, далеко оттопыренные усы, придающіе его физиономіи нѣкоторую суровость и дикость. Живые и веселые сѣрые глаза его блещутъ умомъ и добродушіемъ. Онъ носитъ небольшую бороду—среди хевсуровъ, когорые бреютъ щеки и подбородокъ, это знакъ траура по близкомъ родственникѣ. Давиду всего 32—33 года, но въ бородѣ его уже проглядываетъ сѣдина, заставляя предполагать, что его жизнь протекла не безъ горестныхъ событій. Небольшая черная барашковая шапка на головѣ, красиво вышитая крестами и полосками изъ маленькихъ разноцвѣтныхъ пуговицъ рубашка, виднѣющаяся изъ-подъ разстегнутой на груди коричневой черкески, уже сильно поношенной, длинные широкіе синіе штаны, окаймленные желтыми и зелеными узорами, цвѣтные носки и кожаные горскіе башмаки — все ручной, домашней работы, — вмѣстѣ съ обиліемъ оружія, все это сразу указываетъ въ немъ настоящаго горнаго хевсура.

Трудно представить себѣ проводника, болѣе ловкаго, свѣдущаго, отважнаго. Кромѣ родного своего языка, онъ знаетъ еще прочія грузинскія нарѣчія, чеченскій и русскій языки, а въ случаѣ нужды сумѣетъ объясниться и по-татарски и по-осетински. Вездѣ есть у него родственники и друзья, вездѣ онъ желанный гость. Даже среди враждебныхъ ингушей есть у него надежные кунаки. Онъ неутомимъ, какъ мулъ. Весело, съ пѣсенкой, идетъ онъ по крутымъ горнымъ тропамъ, нагруженный ружьемъ, сумкой, фотографическимъ аппаратомъ, и ведя еще навьюченную лошадь въ поводу. Прибавьте ему еще свое ружье, шапку, револьверъ— и это ему будетъ нипочемъ, и это взвалитъ онъ на себя. Ему ничего не стоитъ пробѣжать пять верстъ, а если вы устанете, или если дорога лежитъ черезъ рѣку, онъ подставитъ вамъ свои широкія плечи и понесетъ васъ. На бивакѣ онъ первый разложитъ огонь, приготовитъ шашлыкъ или зажаритъ курицу, вскипятитъ воду и вмѣсто отдыха пойдетъ въ горы пасти лошадей. А утромъ онъ подберетъ всякую бездѣлицу, чтобъ ничто не пропало — огарокъ свѣчи, отрѣзокъ бичевки, кусокъ сахару—все это запрячетъ въ свою папаху, и стоитъ только пробить съ нимъ нѣсколько дней, чтобъ понять и оцѣнить его драгоценныя способности. Порвется ли чтонибудь—у него ужъ игла наготовѣ; темно—является свѣча. Даже въ дорогѣ по пустыннымъ скаламъ онъ постоянно находить какіянибудь вещицы, оброненныя, можетъ быть, нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Архотская община, откуда онъ родомъ, ближе всѣхъ лежитъ къ ауламъ ингушей; въ постоянныхъ стычкахъ, которыя до сихъ поръ происходятъ тамъ, у архотовъ закаляется характеръ и вырабатываются воинственныя привычки, находчивость и неустранимость. А Давидъ—изъ хевсуровъ хевсуръ

Мехевский ауль Каркучь и гора Казбекъ.

и въ этомъ отношеніи не позади другихъ. Уже не разъ свистѣли надъ его головой пули ингушскихъ абрековъ, и не одинъ ингушъ сердито сплевываетъ въ сторону, если гдѣ нибудь при народѣ встрѣтитъ веселую фигуру нашего хевсура, беззаботно разгуливающего въ своемъ пестромъ національномъ костюмѣ.

До станціи Казбекъ мы добрались по Военно-Грузинской дорогѣ; вещи наши везъ знакомый мехевецъ ¹⁾ изъ одного изъ здѣшнихъ селеній, а сами мы шли пѣшкомъ. Далѣе, миновавъ эту станцію съ ея бѣленькой церковью и кучкой домовъ, разбросанныхъ по берегу Терека, мы свернули съ большой дороги и направились по широкой горной долинѣ, версты въ полторы поперекъ; здѣсь проходила прежде старая дорога на Пассапауръ, по которой направлялось тогда все движеніе между Владикавказомъ и Тифлисомъ. По дну долины, усѣянному гальками и щебнемъ, струилась прозрачная рѣчка Трехъ. По обѣ стороны долины поднимались высокія горы, покрытыя альпійскими лугами. Вправо, по направленію западной вѣтви Терека, уходила изъ глазъ Военно-Грузинская дорога, скрываясь въ ущельѣ, ярко освѣщенномъ заходящимъ солнцемъ. За спиной возвышалась покрытая туманомъ вершина Казбека ²⁾. Мѣстами по зеленымъ склонамъ горъ виднѣлись желтыя полосы несжатого еще ячменя.

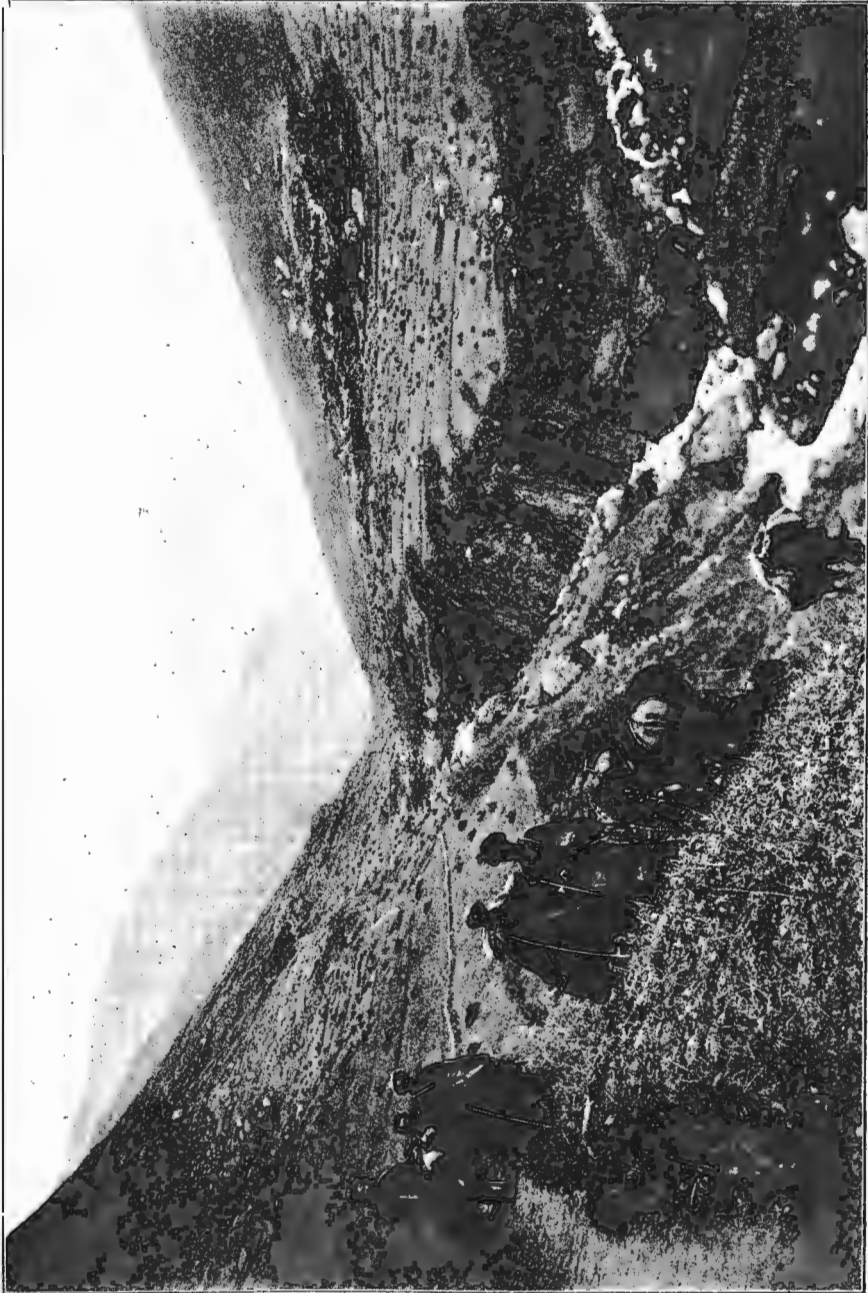
По горнымъ тропинкамъ ползли стада козъ и овецъ, то вытягиваясь длинною нитью, то собираясь въ одну толпу, которая бѣлѣла едва замѣтнымъ пятнышкомъ на горномъ склонѣ. Безмолвныя, безлѣсныя горы, ихъ свѣжіе альпійскіе луга, виднѣвшіеся позади утесы, мрачно чернѣвшіе подъ снѣгомъ, изобиліе ручьевъ и рѣчекъ, неустанно катящихся внизъ камни и щебень, рѣзкій, холодный вечерній вѣтеръ—все сразу напоминало, что мы вступили здѣсь въ ту суровую область горнаго пояса, гдѣ уже недалеко до границъ вѣчнаго льда, никогда не тающего снѣга.

Мѣстами у подошвы горъ здѣсь разбросаны небольшіе мехев-

¹⁾ Мехевцы, или мосхевцы—небольшое грузинское племя.

²⁾ Извѣстно, что Казбекъ—собственно фамилія осетинскихъ князей, живущихъ въ селеніи того же имени (по-грузински — Степанъ — цминда). Именемъ этимъ русскіе окрестили и гору. Здѣшніе мехевцы и хевсуры зовутъ ее К'и н в а р ц в ѣ р и (Колпакъ-ледникъ), по формѣ его снѣжной вершины—название дѣйствительно подходящее. Иначе его называютъ Г в е л а - Ш а л а й, т. е. Змѣиная гора, такъ какъ здѣсь, по преданію, жилъ въ пещерѣ крылатый драконъ, обращенный въ послѣдствіи Богомъ въ камень. Еще чаще эту гору зовутъ Г е р г е т и с ъ - М т а (Гергетская гора), по имени обителя, воспѣтой Пушкинымъ въ стихотвореніи «Монастырь на Казбекѣ». Осетинское имя горы Ч е р е г и т и - Ц у б ъ — Крестовая гора.

Хевсуры вѣрятъ и нынѣ, что въ монастырѣ этомъ живетъ ангелъ, охраняющій пасущихся здѣсь туровъ. Ни одинъ хевсуръ не осмѣлится стрѣлять дичь на здѣшнихъ ледникахъ, такъ какъ убѣжденъ, что это будетъ стоить ему жизни.

Хевсуры по дорогѣ во Владикавказѣ.

скіе аулы съ развалившимися башнями и церквами, окруженные широкими загонами—ровными участками, огороженными со всѣхъ сторонъ невысокимъ валомъ изъ грубыхъ камней. Эти загоны ясно показываютъ, что главное богатство здѣшнихъ жителей состоитъ въ большихъ стадахъ козъ и овецъ. И дѣйствительно, здѣсь попадаются хозяева, которые владѣютъ стадами въ семь тысячъ головъ.

При такомъ обширномъ овцеводствѣ здѣсь не рѣдки случаи угона скота, благодаря сосѣдству безпокойныхъ ингушей. Всего два мѣсяца тому назадъ, толпа грабителей сдѣлала попытку отогнать барановъ, пасшихся на обрывистыхъ склонахъ горы Кдэ, лежащей напротивъ Казбека, на правомъ берегу Терека; въ самый день нашего проѣзда, стадо вторично было отогнано ингушами. Однако, во-время подоспѣвшіе казаки изъ Дарьяльскаго укрѣпленія прогнали разбойниковъ. Когда стемнѣло, и мы достигли ночлега, аула Каркучъ, то стадо уже благополучно вернулось и наполняло всѣ многочисленные загоны селенія.

Мы остановились на ночь въ домѣ одного изъ наиболѣе зажиточныхъ обывателей. Хозяинъ встрѣтилъ насъ съ тѣмъ гостепріимствомъ, которое характеризуетъ здѣшнихъ людей. Отъ отца его, старика лѣтъ около ста, мы услышали немало интересныхъ разсказовъ изъ прежнихъ временъ. Онъ хорошо помнилъ императора Николая Павловича, который въ 1837 году проѣзжалъ по Военно-Грузинской дорогѣ изъ Тифлиса во Владикавказъ. Множество народа сбѣжалось тогда со всѣхъ сосѣднихъ долинъ, чтобъ встрѣтить государя на станціи Казбекъ. «До тѣхъ поръ, — говорилъ старикъ, — сомнѣвались, человекъ ли царь?»

Старикъ прекрасно помнилъ знаменитаго Шамиля и, какъ всѣ кавказцы, относился съ величайшимъ уваженіемъ и восторгомъ къ его храбрости, уму и хитрости. Шамиль и его люди часто дѣлали набѣги на Военно-Грузинскую дорогу, но не южнѣе Ларса. Особенно доставалось почтѣ и казначеямъ, разѣзжавшимъ по дорогѣ. «Отъ того, — говорилъ старикъ, — до сихъ поръ не было золота въ Россіи, и съ той поры не бьютъ монеты изъ бѣлаго золота (платины)».

Здѣшніе грузины — недурно сложенные люди, хорошаго роста, большей частью съ правильными чертами лица. Между ними встрѣчаются многіе съ русыми бородами и сѣрыми глазами, и это придаетъ имъ нѣкоторое сходство съ нашими крестьянами. Они носятъ высокія папахи, черкески и бешметы, въ холодное время полушубки. Многіе носятъ большіе сапоги, хотя у большинства на ногахъ надѣты горскіе башмаки и ноговицы. Мехевцы славятся своей простоватостью среди прочихъ горцевъ, и объ нихъ на Кавказѣ ходитъ немало анекдотовъ.

Далѣе нашъ путь проходилъ по такимъ мѣстамъ, гдѣ на арбѣ

уже нельзя проѣхать. Поэтому ее оставили въ Куркучѣ (мѣстѣ ночлега). Лошадь выпрягли, наняли въ селеніи другую и навьючили на обѣихъ наши вещи. Вся наша поклажа состояла изъ двухъ небольшихъ корзиночекъ съ разными мелочами, необходимыми въ дорогѣ, да пары тюковъ съ бурками, одѣялами и маленькой двускатной палаткой изъ самой легкой матеріи. Лошадямъ было нетрудно, воздухъ въ этой глухой части горъ свѣжъ и прохладенъ, и мы весело тронулись въ дорогу.

Тропинка шла по долинѣ Треха. Капризный потокъ, разлившійся многими широкими и довольно глубокими рукавами, прорывшими себѣ русла въ толщѣ наноснаго щебня, въ эту весну такъ измѣнилъ свое ложе, что его и узнать было трудно. Тамъ, гдѣ прежде онъ прижимался къ южному краю долины, оставалось лишь сухое и черное дно, и главныя струи потока текли у подножія сѣверныхъ скалъ, мѣстами обратно.

Мы не безъ труда переправились нѣсколько разъ черезъ рѣку, а въ томъ мѣстѣ, гдѣ направо отходить ущелье на Пассапауръ, и гдѣ подъ горой чернѣютъ развалины старой станціи, свернули влѣво ¹⁾. Миновавъ нѣсколько разбросанныхъ у берега овечьихъ загонѣвъ, мы стали подниматься въ гору по правому берегу Треха, пока рѣка не скрылась отъ нашихъ глазъ въ ущельѣ. Тогда дорога пошла ровнѣе, извиваясь по склону горы и мѣстами пересѣкая небольшіе, полуиссохшіе ручьи. На той сторонѣ, внизу, по берегу рѣчки (которая здѣсь значительно суживается) шла тоже тропинка, но по ней ходятъ лишь стада, да опытные ходоки, такъ какъ тамъ приходится перелѣзать черезъ обрывистые утесы, свѣшивающіеся надъ водой.

Горы эти состоятъ изъ вывѣтрившагося снаружи сланца, мелкими обломками усыпающаго тропу. Онѣ прикрыты лишь не высокою, но густой травой, да кое-гдѣ полями ржи и ячменя. Лишь изрѣдка, капля за каплей, словно слеза, пробивается полуиссохшій отъ лѣтняго зноя родникъ. И тогда травка ярче зеленѣетъ вдоль его русла, цвѣты веселѣе поднимаютъ свои чашечки, и мотыльки порхаютъ надъ этимъ маленькимъ оазисомъ. Но, несмотря на свою пустынную, эти дикія, голыя горы имѣютъ внушительный и своеобразно-прекрасный видъ, особенно, когда внизу виднѣется пѣнистая, усѣянная каскадами, рѣка, спереди грозно поднимается переваль Нарованы съ его покатымъ ледянымъ полемъ и наполненными снѣгомъ трещинами, а между горъ противоположной стороны проглядываетъ чрезвычайно обрывистая (вѣроятно, состоящая изъ отвѣсныхъ сланцевыхъ слоевъ), зубчатая вершина горы Чоухи,

¹⁾ Раньше, во времена намѣстничества кн. Воронцова, Военно-Грузинская дорога шла черезъ эту станцію, направляясь на югъ черезъ переваль Чивислисъ-Джвари («Высокая гора Креста») на Пассапауръ.

на которой висятъ ледники. Вершины этой «дикой, бесплодной скалы» (таково значеніе ея имени на хевсурскомъ языкѣ), говорятъ, такъ круты, что даже туры тамъ не встрѣчаются, а пасутся лишь на болѣе ровной средней части горы.

Не доходя Джуты, перваго хевсурскаго селенія на нашемъ пути, намъ стали попадаться группы хевсуровъ, ведшихъ во Владикавказъ лошадей и катеровъ (муловъ), нагруженныхъ орѣхами и лѣсными грушами. Всѣ были въ яркихъ національныхъ костюмахъ, синія черкески ихъ были украшены крестообразными выпивками, большей частью краснаго цвѣта, на плечахъ и по нижнему краю. Высоко нашитые на груди газыри были тоже украшены красными вышивками. Рубашки, виднѣвшіяся на груди сквозь разрѣзъ черкески, были сплошь усыпаны чрезвычайно красивыми вышивками изъ мелкихъ цвѣтныхъ пуговокъ—крестами, треугольниками, прямыми углами. Многіе носили на головѣ небольшія, круглыя, косматыя шапки изъ бараньяго мѣха, другіе обыкновенныя папахи. За плечами у нихъ висѣли короткіе полушубки, окаймленные бѣлымъ барашкомъ. Это придавало имъ нѣкоторое сходство съ гусарами въ ментикахъ. Почти всѣ были вооружены старинными мечами, кинжалами, иногда копьями. У многихъ на лѣвомъ локтѣ висѣли небольшіе круглые желѣзные щиты. Ихъ суровыя усатыя фізіономіи привѣтливо улыбались при встрѣчѣ съ нами, и они радушно протягивали намъ пригоршни грушъ и орѣховъ.

Хевсуры чрезвычайно гордятся своимъ стариннымъ оружіемъ и своей національной одеждой. Они по сію пору съ глубокимъ уваженіемъ и съ любовью чтятъ память Ираклія II, отца послѣдняго царя Грузіи, Георгія XIII. Этотъ доблестный и воинственный государь, все долгое царствованіе котораго прошло въ непрерывныхъ войнахъ съ татарами и персами, не разъ призывалъ на помощь хевсурскія дружины, и, говорятъ, однажды преданные хевсуры на рукахъ вынесли изъ боя своего престарѣлаго царя, который, проигравъ сраженіе, не хотѣлъ живой вернуться изъ сѣчи. Съ той же храбростью и самоотверженіемъ, съ которыми служили хевсуры своимъ природнымъ царямъ, сражались они вмѣстѣ съ русскими во время кавказскихъ войнъ противъ чеченцевъ и лезгинъ. Славнѣйшими героями своего племени хевсуры считаютъ двоихъ: одного звали Кага Бердишвили изъ аула Амга, другаго—Надиръ Хашюраули изъ Мисаха. Ни одинъ народъ на Кавказѣ не гордится такъ своимъ прошлымъ, какъ малочисленное, бѣдное, затерявшееся въ дикихъ и бесплодныхъ горахъ племя хевсуровъ.

Джута довольно большой аулъ. Вмѣстѣ съ Артхо, лежащимъ въ горахъ ближе къ Военно-Грузинской дорогѣ,—это два наиболѣе выдвинутыя на западъ селенія хевсуровъ.

Остальныя расположены по верхнимъ долинамъ Ассы, Аргуни и Хевсурской Арагвы, расходящимся къ сѣверу, востоку и югу

Хевсуры изъ Джуты.

отъ горы Архотисъ-Тави, которая лежитъ въ центрѣ ихъ страны. Мы прибыли въ Джугу еще засвѣтло. Тамъ, гдѣ стоитъ аулъ, ущелье расширяется, такъ какъ высокія горы лѣваго берега Треха становятся положе, а самая рѣчка, заваленная огромными валунами, весело прыгаетъ по камнямъ многими прозрачными струями, образуя зеленые островки; черезъ рукава переброшены зыбкіе мосточки, а на островахъ, между загроздившихъ теченіе обломковъ, лѣнятся кругляя, словно барашковыя шапки, мельницы, да пара живописныхъ саклей.

Выше къ склону горы прислонились прочія сакли аула, образуя словно одну лѣстницу и тѣсно прижавшись одна къ другой; телята, овцы, козы, съ блеяньемъ и мычаньемъ бродили по улицамъ и плоскимъ кровлямъ жилищъ. Женщины и дѣти съ любопытствомъ выглядывали изъ-за дверей, и едва мы перебрались черезъ рѣчку и остановились на лужайкѣ между селеніемъ и мельницами, какъ цѣлая толпа молодыхъ джугальцевъ сбѣжалась со всѣхъ сторонъ и окружила нашъ маленькій караванъ.

Мы выбрали для ночлега небольшой зеленый полуостровокъ, окруженный съ трехъ сторонъ гнѣистымъ потокомъ. Мы были уже однажды въ Джутѣ (года два назадъ), и теперь въ толпѣ видѣлось много знакомыхъ лицъ. Всѣ радушно привѣтствовали насъ, протягивая руки и кивая головами. Друзья наши предупредительно помогами намъ разбивать палатку, вбивая колышки и натягивая веревки. Другіе разводили огонь, надъ которымъ скоро закипѣлъ котелокъ. Дѣти, молодые люди, весело болтали между собой, словно стая воробьевъ, шутили и подсмѣивались при видѣ каждой новой вещи, и по временамъ раздавался общій веселый, звучный смѣхъ. Только когда по горамъ стали перекатываться первые удары грозы и крупныя капли дождя забарабанили по крѣпко натянутому полотну нашей палатки, разошлось все веселое общество. Разостлавъ на землѣ клеенчатые плащи и бурки, мы крѣпко заснули подъ ревъ потока, смѣшивавшійся съ раскатами грома.

Рано утромъ со всей деревни сбѣжалась уже толпа мальчиковъ, и черные, какъ угли, глаза дѣтей просовывались уже во всѣ щели палатки. Пришло также нѣсколько взрослыхъ мужчинъ; женщины, хотя не менѣе любопытны, чѣмъ мужчины, однако рѣдко выходятъ на встрѣчу. Но когда проходишь по селенію, онѣ съ любопытствомъ смотрятъ на незнакомцевъ, стоя на порогахъ своихъ жилищъ.

Наружность хевсурокъ нерѣдко можно бываетъ назвать пріятной, хотя черты ихъ нѣсколько тяжеловѣсны. Темноглазыя и круглолицыя, онѣ рѣдко бываютъ большого роста. Прямыя и правильныя черты ихъ лица имѣютъ веселое, открытое и пріятное выраженіе. Волосы расчесываютъ на обѣ стороны, и они падаютъ по сторонамъ

головы, или же ихъ остригаютъ немного выше бровей. На головѣ носятъ родъ тюрбана, въ ухахъ крупныя серебряныя украшенія, которыя у замужнихъ висятъ на подобіе серегъ, а у дѣвушекъ пришилины къ волосамъ и закрываютъ уши. Кофта цвѣтомъ и узорами напоминаетъ мужскую черкеску; подъ нее поддѣта длинная рубашка, подобранная у пояса, чтобъ не мѣшала ходьбѣ. Грудь богато украшена вышивками изъ цвѣтныхъ пуговокъ. Эта рубашка считается самой существенной частью женскаго костюма, стоитъ дороже всего, и на украшеніе ея идетъ больше всего труда и искусства. На ногахъ носятъ такіе же башмаки и цвѣтные носки, какъ и мужчины. Дѣти одѣты въ тотъ же костюмъ, какъ взрослые. Мальчики, даже тѣ, которые едва умѣютъ ходить, носятъ уже кинжалы и на рукахъ кастеты.

Здѣсь пришлось намъ позаботиться о лошадяхъ, такъ какъ наши погонщики-мехевцы отказались итти съ нами дальше. На такую случайность здѣсь всегда нужно быть готовымъ, и при незнаніи туземнаго языка трудно даже вполнѣ уяснить себѣ причину отказа ¹⁾. Сейчасъ говорится одно, минуту спустя—другое. По счастью, почти тотчасъ намъ удалось найти себѣ новаго проводника—молоденькаго хевсура, почти красавца, со смуглыми, очень правильными и нѣжными чертами лица, красивыми черными глазами и едва пробивавшимися усами, стройнаго и ловкаго. Онъ съ видимою охотой согласился провожать насъ и тотчасъ привелъ свою лошадь. Другую, молоденькаго, рѣзваго жеребчика, мы купили, заплативъ всего 35 рублей за лошадь съ сѣдломъ и сбруей ²⁾. Однако на нее едва удалось навьючить корзины, она нѣсколько разъ сбрасывала ихъ на землю и вырывалась изъ рукъ внѣ себя отъ испуга. Корзины пугали ее своимъ скрипомъ и глухимъ звономъ лежавшихъ тамъ походныхъ котелковъ. Это должно было служить намъ плохимъ предзнаменованіемъ, но дѣлать было нечего, другой не было, и, навьючивъ ее не безъ труда, мы выступили въ путь.

Дорога извивалась по правому склону узкой тѣснины, по которой течетъ Трехъ... Зеленые, частью покрытые посѣвами, скаты горъ мѣстами позволяли видѣть высочайшія снѣговыя вершины, пока мы не вошли въ продолговатую долину, гдѣ сходилась нѣсколько глубокихъ ущелій съ текшими по нимъ водами. Котловина эта, вѣроятно, была не что иное, какъ дно озера, нѣкогда иссохшаго, вслѣдствіе прорыва воды сквозь задерживавшій барьеръ скаль.

На юго-востокъ отъ нашей долины отходитъ ущелье, заканчивающееся у высокой снѣговой горы Сахохе; ручей, бѣгущій по глу-

¹⁾ Повидимому, хевсуры нарочно старались отговорить проводниковъ итти съ нами, чтобъ самимъ извлечь изъ этого выгоды.

²⁾ Парадная сбруя хевсурскихъ лошадей очень красива. Сѣдло обыкновенное кабардинское, но всѣ ремешки красиво убраны раковинами и металлической чешуей, а налобникъ украшенъ бляхой.

бокому дну его, круто спускается въ долину, весь устѣянный снѣжными завалами, откуда онъ вырывается, образуя чернѣющіе своды.

Первое глубокое ущелье, ведущее на сѣверъ — это Джорть-корка — балка ангела, названная такъ, благодаря полуразвалившейся часовнѣ изъ грубо отесанныхъ камней, которая находится при входѣ въ эту тѣснину. Сюда ежегодно сходятся люди изъ сосѣднихъ селеній молиться Богу въ день ангела, которому посвящена часовня ¹⁾. Это ущелье ведетъ къ горѣ Падухисъ-Тави и къ Шаванскому проходу.

Слѣдующее къ востоку ущелье направляется къ проходу Нарованы. Здѣсь тропинка, идущая сперва по берегу ручья, поднимается очень высоко и, пройдя по обширному ледниковому полю и переваливъ черезъ гребень, спускается въ долину рѣки Шавани (по-ингушски Шанъ-гочъ), куда выходитъ и первый изъ названныхъ проходовъ.

Года три назадъ, черезъ Наровану перебиралась партія туристовъ — два француза и одинъ русскій. Мѣстами имъ приходилось тащить свой багажъ на рукахъ, такъ какъ лошади едва шли, даже порожнякомъ. Нерѣдко дорогу приходилось прорубать, чтобъ нога не скользила по леднику. Несмотря на всѣ усилія, имъ пришлось заночевать на самой вершинѣ перевала, на полянѣ, среди вѣчныхъ снѣговъ. Они едва не погибли отъ ледяного вѣтра и жестокой стужи и, когда сошли въ долину, увѣряли, что никогда больше не пойдутъ на ледникъ, а былъ еще май мѣсяць.

Мы направились еще восточнѣ Нарованскаго прохода, къ третьему ущелью, по берегу ручья Самтрехлосъ-цхали. Самтрехло, какъ объяснили намъ, значитъ «проходъ Трехскаго ручья». Трехъ — мѣстное названіе Терека, — слѣдовательно, хевсуры считаютъ, что именно здѣсь начинается главная струя водъ той могучей рѣки, которая, прорвавшись послѣдовательно черезъ двѣ цѣпи высокихъ горъ, выходитъ на равнину подлѣ Владикавказа, чтобъ, послѣ большого круга по гладкой степи, впасть между камышей и болотъ въ Каспійское море.

¹⁾ Въ противоположность хевсурамъ, среди христіанскихъ осетинъ рѣдко встрѣчаются развалины часовенъ. Зато на многихъ высотахъ и перевалахъ стоятъ жертвенники — небольшіе, четверугольные столы, грубо сложенные изъ камней. На высокомъ перевалѣ близъ аула Джми, сѣвернѣе горы Кріу-хохъ, откуда въ ясный день открывается видъ на всѣ снѣговыя вершины хребта, даже на далекій Казбекъ и Адай-хохъ, мы видѣли подобный жертвенникъ, посвященный св. Георгію Побѣдоносцу. Прохожіе ставятъ тамъ свѣчки, а въ праздникъ святого туда направляется крестный ходъ изъ сосѣднихъ селеній. Говорятъ, будто осетины приносятъ тамъ въ жертву также барановъ.

Густой туманъ, окутывающій почти всегда перевалъ и жертвенникъ, широкій горизонтъ, открывающійся отсюда въ солнечный день — все это можетъ объяснить отчасти то благоговѣніе, съ которымъ туземцы относятся къ этому священному мѣсту. Когда мы приблизились къ первому, насъ просили снять шапки и запрещали подходить къ жертвеннику ближе нѣсколькихъ шаговъ.

Хевсурскій ауль Амга на верхней Ассѣ.

Изъ этого ущелья уже не видно горныхъ вершинъ. Вы идете между влажныхъ зеленыхъ луговъ, привольныхъ для стадъ, какъ видно по разбросаннымъ близъ берега загонамъ. Но тамъ, гдѣ раздѣляются двѣ тропы, одна изъ которыхъ идетъ по кряжу праваго берега ручья, а другая, пересѣкая его, направляется вверхъ на переваль Садгели, ведущій черезъ главный хребетъ на юго-востокъ въ Хевсурию, тамъ передъ глазами вырастаетъ покрытая уже осеннимъ снѣгомъ глава Самтрехло и рѣзкія очертанія утеса Шубисартагуарцли—бѣлой скалы, висящей правѣе вершины надъ тропой, которая выходитъ черезъ выпуклое плечо горы близъ самыхъ истоковъ Треха; это—переваль Сагубъ-танó, идущій въ Архотскую котловину. Лѣвѣе вершины идетъ другой переваль Самтрехло на рѣку Ама-гочъ, притокъ Шавани.

Едва мы перешли черезъ ручей и стали подниматься зигзагами на довольно крутой скатъ Садзельскаго перевала, какъ передъ нашими взорами открылись всѣ снѣговья вершины и высокіе перевалы здѣшнихъ горъ. Позади засыпанной льдомъ и снѣгомъ Нарованы, слѣва, изъ-за противоположнаго склона ущелья выглядывала отдаленная вершина Шаванской горы. Наконецъ, ближе всѣхъ, всего верстахъ въ пяти къ сѣверу отъ насъ, возвышался наполненный льдомъ кратеръ Самтрехло.

— Смотри, вонъ буря,—сказалъ Давидъ, указывая на гору.

Дѣйствительно, облака быстро летѣли черезъ зубцы главнаго хребта. Столпившись въ воронкѣ Самтрехло, они быстро кружились, закутывая котловину мглой и, временами, переполняя ее, облекали всю вершину вихремъ и бурей. Весь проходъ Сагубъ-Танó былъ осыпанъ серебристымъ снѣгомъ, и тропа, ведущая въ Ахель, по которой мы перешли этотъ переваль два года назадъ, ясно виднѣлась на выдававшемся плечѣ его.

Переваль, на который мы поднимались теперь, казался немного ниже. Все же развѣ изъ ироніи можно было дать ему имя, которое онъ носилъ—Дабали-Садзели (Низкій холмъ). Впереди, вѣнчая переваль, высилась отвѣсная скала изъ сѣраго трещиноватаго камня, сотни въ двѣ футахъ высоту. Отъ нея къ Треху круто спускался сланцевый скатъ, усыянный обломками кварца, выкрошившагося изъ жилъ, которыми онъ пересѣкаетъ сланцевые пласты и куски сѣраго, чернаго и коричневаго сланцевъ, словно щепой усыпавшихъ дорогу. Склонъ перерѣзывался глубокими черными трещинами, вмѣсто ручьевъ заваленными снѣгомъ. Кое-гдѣ торчала чахлая, пожелтѣвшая трава.

Пошелъ снѣгъ и градъ. Вѣтеръ то рѣзко дулъ въ лицо, захватывая духъ, то стихалъ. Облака стали подниматься выше. Впереди виднѣлся острый бугоръ и лѣвѣе его столбикъ, сложенный изъ сланцевыхъ плитъ, чтобъ указывать путникамъ дорогу въ зимнее время, когда тропинка занесена глубокимъ снѣгомъ. На вершинѣ

Сакля въ Горбани.

перевала я остановился и слѣзъ съ усталой лошади. Далеко-далеко внизъ и впередъ проникалъ взоръ. Въмѣсто унылыхъ сланцевыхъ обломковъ и голыхъ очертаній горы, слѣва, совсѣмъ близко отъ насъ поднимался огромный гребень Архотисъ-Тави, засыпанный чистымъ серебристымъ снѣгомъ, спускавшимся еще далеко ниже насъ. Ручьи, усѣянные большими сѣрыми завалами, сбѣгали съ его боковъ. Справа—сланцевыя вершины, лишь сверху посеребренные снѣгомъ. Подъ ногами—чрезвычайно крутой глинистый спускъ, изрытый руслами весеннихъ потоковъ, велъ къ очень глубокой долинь, по которой серебристой ленточкой змѣилась рѣчка. Спереди долина была пересѣчена многими холмами и горами, но они не заслоняли вида; лишь верстахъ въ двадцати взоръ стѣснялъ ровный гребень горъ (кажется, Даквехисъ-Мта), и пониже такой же. Было совершенно тихо, но не слышно было плеска и шума рѣчки; только спустившись версты на двѣ ниже, мы услышали шумъ воды.

На южномъ склонѣ горы было зеленѣе и веселѣе, но дорога гораздо круче, и мы употребили цѣлыхъ два часа, чтобъ спуститься въ глубокую долину. Рѣчка осталась вправо. Дальше намъ пришлось идти мимо поля, усѣяннаго огромными сѣрыми валунами. Два изъ нихъ, совершенно закрытые пеленой мховъ, бѣлыхъ, желтыхъ и сѣрыхъ лишаевъ, выдѣлялись своей величиной. Большой былъ, думаю, по меньшей мѣрѣ футовъ 60 высоты и въ Россіи считался бы огромной скалою. Ниже его, на землѣ лежало нѣсколько менѣе огромныхъ осколковъ. Казалось, цѣлая вершина горы отломилась здѣсь и покрыла поле своими обломками. Далѣе дорога шла по отлогому гребню, бесконечно тянувшемуся внизъ.

Уже стало совсѣмъ темно, и мы съ трудомъ различали впереди хижины Горбани, первой деревни за переваломъ. Мы стали спускаться вправо къ рѣкѣ, мечтая объ отдыхѣ и покоѣ, такъ какъ были мокры отъ снѣга и мелкой изморози и устали до изнеможенія, когда неожиданно послышался крикъ, и мы увидѣли, что одинъ изъ нашихъ проводниковъ старается удержать за поводъ лошадь, присѣвшую на заднія ноги и скользящую внизъ. Лошадь переворачивается, падаетъ и, вскочивъ, снова летитъ по покатости полнымъ карьеромъ, къ усѣянному острыми камнями ущелью рѣки, а за ней Давидъ, и скоро оба исчезаютъ.

Очертя голову, забывъ уже усталость и опасность, мы бѣжимъ за ними; несмотря на темноту, отчаянно лѣземъ внизъ по склону обрыва, карабкаясь по нависшимъ надъ рѣкой камнямъ; достигнувъ берега, бѣжимъ дальше, ежеминутно натываясь на овечьи загоны, переплываемъ мельничные каналы, переползаемъ на четверенькахъ по двумъ животрепещущимъ, сплетеннымъ изъ ивовыхъ вѣтвей, мостамъ черезъ рукавъ какой-то рѣчки и влетаемъ въ самое селеніе, слѣдуя за раздающимся по временамъ голосомъ Давида: «Лошадь поймана!» Ея ржанье раздается надъ нашими

Хевсуры изъ Гorbани въ праздничномъ нарядѣ.

головами, на плоской крышѣ одного изъ домовъ; она не разбилась; но наши корзины со всѣми фотографическими пластинками, снятыми и запасными, посудой, бѣльемъ и запасами — остались на мѣстѣ катастрофы.

Мы слѣдуемъ за Давидомъ въ хижину, гдѣ у порога встрѣчаютъ его родные. Здѣсь живетъ семья его двоюроднаго брата—его жена,

«истор. вѣстн.», декабрь, 1900 г., т. LXXXII.

20

братъ и старики родители. Послѣ первыхъ привѣтствій и крѣпкихъ поцѣлуевъ, Давидъ складываетъ у порога оставшіяся вещи.

— Пстой, — говоритъ онъ, останавливаясь у двери. — Иди въ саклю и сиди тамъ, пока вернусь. А теперь давай берданку и револьверъ, и я побѣгу за корзинами. Видитъ Богъ, не вернусь, пока не найдутся всѣ вещи. — И, несмотря на мрачную облачную ночь, наши проводники ушли въ горы.

Мы входимъ внутрь сакли, въ узкую переднюю комнату, и садимся на грубо сколоченный изъ досокъ ящикъ, замѣняющій кровать. Мокрые и замерзшіе, мы уныло прислушиваемся къ свисту вѣтра, свободно проникающаго сквозь отвѣрстія между балками стѣны. За дверьми въ темнотѣ временами раздается звонкій смѣхъ — это Май¹⁾, жена нашего новаго знакома, рассказываетъ кому-то о нашихъ бѣдствіяхъ. Напротивъ насъ сидитъ красивый и щеголевато одѣтый мальчикъ изъ Джуты и старый Бердіули Циклаури съ своимъ сыномъ. Въ глубинѣ комнаты ворочается старуха Буба, которая временами обращается къ своему Бердіули и спрашиваетъ его что-то дребезжащимъ, носовымъ голосомъ. Старикъ пытается заговорить съ нами по-грузински, но какъ ни старается произнести свою фразу, мы не въ силахъ ни понять его, ни отвѣчать ему. Единственное существо, языкъ котораго хотя нѣсколько намъ понятенъ, это голодная кошка, которая мяучитъ гдѣ-то въ углу.

Минуты томительно тянулись. Мы всячески старались скоротать время, то прислушиваясь къ говору нашихъ хозяевъ, то разсматривая стѣны лачуги и висящія на нихъ одежды, сѣдла, утварь. Напротивъ насъ, при слабомъ свѣтѣ глиняной лампы, блестѣло старинное оружіе — кремневая ружья съ тонкой золотой насѣчкой, шашки, щиты, кольчуги, желѣзные налокотники и кольчужныя шапки. Это прекрасное оружіе, которое сдѣлало бы честь любому музею, висѣло сдѣсь на закопченныхъ балкахъ жалкой хижины, невольно наводя на вопросъ: зачѣмъ оно тутъ? Неужели оно хранится здѣсь только изъ почтенія къ сѣдой старинѣ? Откуда оно попало въ эту уединенную долину?

Прошло добрыхъ два часа, и мы уже собирались заснуть, когда дверь отворилась, и въ хижину вошелъ нашъ бывшій хозяинъ изъ Каркучи, чернобородый Симаноу. Онъ пріѣхалъ сюда, чтобъ нанять пастуховъ для своего стада и, хотя позже насъ выѣхалъ, но раньше пріѣхалъ въ Горбани. Онъ съ большимъ участіемъ выслушалъ нашъ рассказъ о пропажѣ вещей и о томъ, что за ними отправились на поиски.

— Давидъ — хорошій джигитъ, настоящій джигитъ, — говоритъ онъ выразительно. — Нѣтъ другого такого хорошаго человѣка здѣсь, какъ онъ. Онъ найдетъ все, онъ не даромъ говоритъ.

¹⁾ По-грузински — Марія.

И дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ за дверью раздаются веселые голоса, и скрипучія корзины вносятся въ комнату, гдѣ мы сидимъ. Благодарностямъ и разспросамъ нѣтъ конца. Готовъ чай, намъ устраиваютъ постель-ящикъ у дырявой бревенчатой стѣнки. Мы кладемъ туда наши одѣяла и бурки и располагаемся на ночь.

— Ну, я тоже усталъ,—говоритъ Давидъ.—Иду отдыхать. Очень спина болитъ. Когда лошадь убѣжала, ударила меня задомъ въ поясъ, такъ что я упалъ и расшибся. Кабы не упалъ я, лошадь бы не выпустилъ. Еще хорошо, что взопла луна—иначе, ничего бы не найти.

III.

Мы рѣшили остаться въ Горбани на нѣсколько дней. Торопиться было некуда, да къ тому же намъ хотѣлось познакомиться съ домашней жизнью хевсуровъ. Днемъ въ деревнѣ было все тихо. Даже обычная толпа не окружала насъ, благодаря крайней необходимости кончать скорѣе полевые работы. Уже съ утра въ деревушкѣ все поднялось и пошло снимать оставшіяся еще во многихъ мѣстахъ на корню ячмень. Хевсуры лѣноваты и не очень торопятся съ работой. Вчера ходили облака, и боялись ливня, третьяго дня было сыро, а раньше помѣшали праздники, но теперь уже было позднее время, легко могли начаться осенніе дожди, да и ячмень грозить осыпаться, а день былъ ясный, безоблачный—и волей-неволей надо было серьезно приняться за дѣло.

Каждый день начинался работой. Но лишь наступалъ вечеръ, многочисленныя толпы появлялись у нашей палатки (на слѣдующее же утро по прибытіи мы устроились на полянѣ за селеніемъ, спасаясь отъ ужасающаго множества насѣкомыхъ). Всѣ желали снять съ себя карточку. Молодые парни надѣвали лучшіе дослѣхи, дѣвушки—самыя красивыя одежды, и до самаго заката солнца веселая праздничная толпа шумѣла и возилась вокругъ палатки. Весело проходило время до самаго наступленія свѣжей горной ночи, быстро, безъ замѣтныхъ переходовъ, смѣнявшей знойный день. Давидъ готовилъ намъ скромный ужинъ и отправлялся на ночь къ своимъ.

Ужиномъ, правда, нельзя было похвастаться. Единственное мясное блюдо, которое можно было здѣсь найти—это крѣпко просоленная вяленая баранина, которую здѣсь заготавливаютъ въ прокъ. Если перемять ее нѣсколько разъ въ холодной водѣ и потомъ pokrѣпче разварить, то получался довольно вкусный, хотя все еще солоноватый, соусъ, которымъ мы и питались все это время. Молока и сыру было вдоволь, но куръ здѣшніе хевсуры совсѣмъ не держатъ, такъ какъ и на себя самихъ у нихъ не хватаетъ

зерна, и яицъ не достать ни за какія деньги. Хозяева наши готовили себѣ довольно вкусную кашицу изъ овсянаго зерна и другія туземныя кушанья, но и попробовать эти блюда было трудно, такъ какъ мы хорошо знали, какъ возмутительно неопрятна здѣшняя кухня. Да и вообще опрятность здѣсь возбуждаетъ совершенно особое представленіе. Несмотря на обиліе прозрачныхъ ручьевъ и

Хевсуръ изъ Горбани въ боевыхъ доспѣхахъ.

рѣчекъ, ежедневно моются лишь молодые люди. Это считается чуть ли не франтовствомъ. Кто постарше, тотъ моется едва ли разъ въ двѣ недѣли, и то передъ праздникомъ. Въ сакляхъ—та же нечистота. Онѣ строятся въ два этажа и врыты заднимъ фасомъ въ косо-горъ. Нижній этажъ сложенъ изъ аспидныхъ плитъ, обмазанныхъ вмѣсто извести глиной и навозомъ, верхній построенъ изъ бревенъ и покрытъ накатникомъ, обмазаннымъ глиной и придавленнымъ

каменьями. Впереди него оставлена небольшая терраса, крѣпко убитая и служащая гумномъ. Наверху семья живетъ лѣтомъ; внизу живутъ зимой мужчины и женщины, старые и малые, всѣ въ одной комнатѣ; прочія заняты баранами и телятами; можно представить себѣ степень нечистоты и обиліе насѣкомыхъ, происходящія отъ такого размѣщенія. Животныя чувствуютъ себя здѣсь полноправными гражданами. Благодаря этому, а также природной добротѣ хевсуровъ, они нимало не боятся людей. Когда протискаешься между стѣнкой и коровами, чтобъ попасть внутрь сакли, они продолжаютъ лѣнливо пожевывать и покажутъ признаки жизни лишь тогда, когда споткнешься объ животное или наступишь ему на хвостъ.

Горбани и нѣсколько другихъ мелкихъ деревушекъ, которыя маленькими пятнышками виднѣются ниже по долинѣ, едва замѣтныя среди усыпающихъ ее каменныхъ обломковъ, населены людьми того же рода Циклаури, какъ и аулъ Амгай, на Ассѣ, по ту сторону Архотской горы. Еще сильна родовая связь между здѣшними горцами. Обида, нанесенная одному изъ членовъ рода, нерѣдко заставляетъ братья за оружіе весь родъ, разбросанный по ущельямъ на много верстъ вкругъ.

Рѣдко проходитъ лѣто, чтобъ въ двухъ-трехъ мѣстахъ не вспыхнуло кровавой распри. По природѣ люди добрые и привѣтливые, хевсуры, однако, крайне вспыльчивы. Изъ-за бездѣлицы они выходятъ изъ себя. Происходитъ обмѣнъ бранныхъ словъ, затѣмъ ударовъ, проливается кровь. Тутъ уже все общество, всѣ родственники внѣ себя. Чтобъ уменьшить кровопролитіе, женщины прячутъ ружья и пистолеты и стараются слезами и мольбами успокоить своихъ отцовъ, мужей и братьевъ. Напрасно: старые и малые—всѣ бѣгутъ на мѣсто драки. Остаться дома—значитъ навлечь на себя вѣчные насмѣшки и упреки. Въ нѣсколько часовъ со всѣхъ домовъ и горъ сбѣгаются разъяренные хевсуры, вооруженные шашками, кинжалами, кастетами, со щитами, въ кольчугахъ и желѣзныхъ шпаклахъ¹⁾. Священникъ, причетникъ и сельскій старшина ходятъ по рядамъ и, снимая шапки, низко кланяясь, умоляютъ народъ не проливать крови своихъ братьевъ. Ихъ не слушаютъ; за горячій

¹⁾ Въ 1897 г., въ Джутѣ, мы пожелали снять фотографію съ толпы вооруженныхъ воиновъ. Не прошло пяти минутъ, какъ изъ-за домовъ, изъ дверей, отовсюду показалось множество людей, послѣнно сбѣгавшихся на сборное мѣсто. Кто на бѣгу пристегивалъ мечъ, кто надѣвалъ кольчугу. Женщины помогали своимъ вооружаться, подавая имъ ружья и кинжалы. Картина казалась еще красивѣе, благодаря яркимъ лучамъ утренняго солнца, весело сверкавшимъ на оружіи сбѣгавшихся воиновъ. Это было въ наше первое знакомство съ хевсурами. Намъ тогда и въ голову не приходило, что бываетъ случаи, когда здѣсь надѣваютъ оружіе не ради одной забавы, не для воспоминанія о прошлыхъ войнахъ.

перебранкой слѣдуютъ щедрые удары, падаютъ раненые, иногда убитые. Хевсуры ловко фехтуются. Присѣвъ на одно колѣно, низко надъ землей, и держа передъ собой щитъ и шашку, они быстро и отрывисто наносятъ удары и ловко парируютъ ихъ щитомъ. Удары сыплются главнымъ образомъ на голову и плечи противника, и глубокія зазубрины на щитахъ и разорванныя кольца доспѣховъ свидѣтельствуютъ о ихъ силѣ.

Такимъ образомъ, побоище (въ такой свалкѣ участвуетъ иногда сотенъ до двухъ сражающихся) длится иногда съ утра до темной ночи.

Если нѣтъ убитыхъ, дѣло не трудно уладить. Нѣсколько коровъ и барановъ со стороны виновнаго уладятъ все. Но если кто нибудь убитъ—другое дѣло. Тѣло приносятъ въ саклю. Женщины, дѣти встрѣчаютъ его съ громкимъ плачемъ и стонами. Появляются на свѣтъ Божій запряганные до сихъ поръ ружья и пистолеты, и плохо придется убійцѣ, если онъ не успѣетъ скрыться. Его стерегутъ на всѣхъ углахъ по горамъ и лѣсамъ и, если даже удастся ему спастись, за его проступокъ заплатятъ жизнью ближайшей его родственникъ.

Только если есть убитые, начинается разбирательство. Приѣзжаетъ слѣдователь, и начинается судъ по всей формѣ. Но и тутъ законы не очень сурово караютъ виновнаго. Если же остаются только раненые, то, говорятъ здѣсь, русскіе—хозяева на своей землѣ, а на нашей—хозяева мы, хевсуры. Мы имъ не мѣшаемъ драться, и они насъ не трогаютъ.

Хотя неутомима въ началѣ кровавая мечь, но не вѣчно она длится. Проходитъ годъ-два во враждѣ, но мало-помалу добрые знакомые обѣихъ сторонъ (напримѣръ, покупатели барановъ или пастухи, когда ссора произошла съ ингушами) начинаютъ уговаривать ихъ: «зачѣмъ де вы, такіе хорошіе люди, ссоритесь и враждуете цѣлый вѣкъ; дѣло сдѣлано, убитаго не вернешь, сколько ни ссоритесь».... Если обѣ стороны не прочь помириться, онѣ дають знать объ этомъ другъ другу. Съ каждой стороны выбираютъ по три посредника, самыхъ справедливыхъ и ловкихъ людей изъ родныхъ и знакомыхъ. Затѣмъ собираются, судьи назначаютъ цѣну за убитаго (отъ 40—50 рублей до сотни и даже двухъ, главнымъ образомъ смотря по его физическимъ качествамъ) или, если убито нѣсколько человекъ съ обѣихъ сторонъ, то цѣну за каждыя. Обѣ стороны платятъ пеню, потомъ ставятъ кружку вина (если мирятся съ ингушами, то чистаго молока), берутъ рубль или другую монету и соскабливаютъ съ него въ кружку немного серебра. Напитокъ пьютъ, каждый изъ рукъ своего врага, и съ той поры обѣ стороны становятся другъ другу ближе братьевъ.

Причтв Ахельской церкви.

IV.

Послѣ продолжительнаго отдыха мы такъ разлѣнились, что, вставъ съ разсвѣтомъ, успѣли убраться лишь къ 9 часамъ. Но и тутъ встрѣтилось препятствіе къ выступленію. Едва привели съ пастьбы лошадей и стали сѣдлатъ ихъ, онѣ вырвались, сорвали вьюки и ускакали въ горы. Напрасно мы цѣлыми часами ползали по холмамъ и косогорамъ, подкрадываясь къ нимъ. Едва намъ удавалось окружить одну изъ нихъ, которая, повидимому, совершенно равнодушно щипала траву, какъ она неожиданнымъ скачкомъ очищала себѣ дорогу и, пролетѣвъ нѣсколько сотъ шаговъ, снова начинала пастись.

Поймавъ, наконецъ, непослушныхъ животныхъ, мы не знали, что и дѣлать съ ними. Давидъ предложилъ даже отправить домой молодого Георгія изъ Джуты съ его упрямой лошадыю и искать болѣе удобную лошадь и опытнаго погонщика въ селеніи. Намъ все же не хотѣлось прогнать человѣка, такъ охотно вызвавшася итти съ нами и теперь сильно огорчившагося мыслью, что его не хотятъ далѣе брать съ собой. Пришлось прибѣгнуть къ грубому, но почти всегда успѣшно дѣйствующему способу укрощенія лошадей: мы велѣли проводникамъ сѣсть на нихъ и скакать, пока тѣ не прекрoutся потомъ. Сами, измученные бѣготней, мы легли между своими потрепанными вьюками, дожидаясь ихъ возвращенія.

Уже былъ полдень, когда по дорогѣ, ведущей на скалу горы, на селенія Геле и Барисахо, показались три конныя фигуры. Сперва мы думали, что это наши наѣзники, и долго ломали голову, кто бы былъ съ ними третій. Но каково было наше удивленіе и радость, когда въ переднемъ всадникѣ мы узнали нашего стараго знакомаго и друга, священника изъ Ахели, отца Георгія, а въ слѣдующемъ—достойнаго церковнаго старосту Ахельской общины (а вмѣстѣ съ тѣмъ и понамаря) «стараго Филиппа». Третій былъ незнакомый намъ человѣкъ, причетникъ—пшавъ, по имени Леванъ.

Тѣ тоже завидѣли насъ и, быстро свернувъ съ дороги, дѣлали намъ усиленные знаки. Сердечнымъ привѣтствіямъ не было конца; мы уже не жалѣли о невольной задержкѣ, тѣмъ болѣе, что причетникъ, оказавшійся вмѣстѣ съ тѣмъ также укротителемъ коней, узнавъ о нашемъ затрудненіи, сразу предложилъ намъ перемѣнить нашего буцефала на его спокойнаго гнѣдка.

Добрый священникъ былъ въ неописанномъ восторгѣ. Онъ жалъ намъ руки и повторялъ безпрестанно, что очень бы горевалъ, еслибъ разошелся съ нами. Теперь онъ долженъ былъ ѣхать домой въ Ахель, но на третій день, прежде чѣмъ солнце станетъ на полдень, обѣщалъ догнать насъ въ Барисахо и дальше ѣхать

съ нами въ Тіонеты, гдѣ у него были тоже дѣла. Онъ обѣщаль, кромѣ того, захватить для меня изъ дома цѣлую тетрадь разныхъ пѣсенъ хевсуровъ, пшавовъ, тушинъ и другихъ горныхъ народовъ грузинскаго племени. Медлить долѣе было нечего; вскочивъ на коня, священникъ бодро поѣхаль далѣе, на Садзельскій переваль, въ сопровожденіи своего воинственнаго причта — лихого рубаки и

Хевсуръ изъ Ахели.

стрѣлка—старога Филиппа и знаменитаго наѣздника Левана, а мы тронулись на Барисахо, отъ души благодаря судьбу за неожиданную развязку.

Поразительно, до какой степени круты южные склоны хребта. Не успѣли мы отойти на какую нибудь версту отъ Горбани, какъ рѣка скрылась уже въ узкой и глубокой балкѣ, извивавшейся подъ нашими ногами. На лѣвой рукѣ, по ту сторону ея осталось

нѣсколько небольшихъ селеній—Рошка, Панарена и Кюности, маленькими пятнышками виднѣвшіяся посреди долины, усѣянной каменными валунами и обломками. По сторонамъ дороги появились кустарные буки, небольшія осинки, дубки, клены, груши. Выше на гребняхъ—тоненькія, кудрявыя березки со своими бѣлоснѣжными стволами. Гуще и гуще сплетались влажныя травы, образуя роскошный, свѣшивавшійся надъ карнизомъ дороги коверъ. Дорога спускалась такъ быстро, что невозможно было не бѣжать, разступивъ шагъ. Но рѣка уходила еще быстрѣе и скрывалась изъ виду въ глубокомъ ущельѣ. Близъ одного изъ многочисленныхъ боковыхъ ручьевъ встрѣтились намъ двѣ хевсурки съ грузомъ душистаго сѣна на плечахъ—здѣсь можно переносить грузы только на вьюкѣ или на себѣ, даже сани, часто встрѣчающіяся ниже, здѣсь рѣдко могутъ быть пущены въ работу, а о колесныхъ повозкахъ и понятія не имѣютъ. Вскорѣ за селеніемъ Геле сходятся четыре ущелья, и текуція по нимъ рѣчки сливаются, образуя Хевсурскую Арагву. Ущелье этой рѣки чрезвычайно живописно и сильно напоминаетъ тѣснину верхней Ассы. Только скалы здѣсь выше и величественнѣе. Дорога часто поднимается, а не идетъ, какъ тамъ, все время по рѣчному руслу, и это еще болѣе придаетъ прелести виду. Ущелье чрезвычайно тѣсно. Обрывистые склоны круто спускаются къ рѣкѣ, покрытые густымъ листовнымъ лѣсомъ, у корней котораго ютятся густыя травы и цвѣты. Тамъ, гдѣ склоны обнажаются, ущелье принимаетъ чрезвычайно дикій видъ. Скалы, состоящія изъ отвѣсныхъ слоевъ сланца, сѣраго, чернаго и желтоватаго различныхъ оттѣнковъ, нависаютъ надъ рѣкой, стѣсняя ея русло. Дорога проходитъ по узкому карнизу, мѣстами на горизонтальныхъ сваяхъ, вбитыхъ въ скалистую стѣну и прикрытыхъ каменными досками и плитами. Тамъ, гдѣ бѣжитъ родникъ, или тамъ, гдѣ въ глубокихъ впадинахъ и сырыхъ пещерахъ сочится вода, стѣны сплошь завѣшаны ползучими растеніями, лишаями и мхами, а входъ и уступы прикрыты зеленѣющими папоротниками, своеобразными цвѣтами и травами.

Уже высокіе, бѣлоствольные буки равнинъ (чинары, какъ ихъ называютъ здѣсь) стали появляться тамъ и сямъ на склонахъ горъ, когда мы завидѣли холмъ, на которомъ стоитъ Барисахо—главный пунктъ хевсурской земли, резиденція здѣшняго благочиннаго, а съ недавняго времени и центръ хевсурскаго просвѣщенія, такъ какъ здѣсь построена сельская школа, единственная у хевсуровъ и, кажется, также и у сосѣднихъ пшавовъ. Солнце еще не успѣло закатиться, когда наша палатка уже была раскинута на лужайкѣ подлѣ поля гречихи.

Рано утромъ на слѣдующій день къ нашей палаткѣ подошелъ скорбленный, сѣдой старикъ-хевсуръ и заговорилъ съ Давидомъ что-то по-грузински. Послѣ нѣсколькихъ минутъ оживленнаго разговора, проводникъ нашъ произнесъ, обращаясь къ намъ:

— Слышите, ваши благородія! Вотъ у этого старика ночью дочку украли. Онъ у насъ спрашиваетъ, не видали ли мы, кто ее утащилъ. Можетъ быть, говорить, мимо нашей палатки несли. Да не то бѣда, что утащили, а то нехорошо, что было уже за нее заплачено, и была она уже повѣнчана съ однимъ человѣкомъ, такъ какъ бы тутъ грѣха не нажить.

По хевсурскому обычаю (нравы здѣсь до сихъ поръ сохранили замѣчательную чистоту), жениться можно лишь на дѣвушкѣ изъ другой деревни. Добившись согласія невѣсты, женихъ приноситъ отцу ея абазъ (двугривенный), приготовленнаго имъ барана, пива, вина или водки. Пропировавъ трое сутокъ у своихъ будущихъ родственниковъ и уговорившись о днѣ свадьбы, женихъ снова готовить пиръ, на этотъ разъ уже у себя дома, засылаетъ дружекъ и угощаетъ затѣмъ невѣсту и ея родню; собираются также всѣ его родные и знакомые. Послѣ обряда вѣнчанія гости ѣдятъ, веселятся, слушаютъ пѣніе сазандарей¹⁾, а больше всего пьютъ. Но молодые, хотя и принимаютъ участіе въ общемъ весельѣ, все время сидятъ въ сторонѣ другъ отъ друга.

Когда праздникъ кончится, и гости разойдутся, новобрачная возвращается къ своимъ родителямъ и въ теченіе нѣкотораго времени—иногда до исхода лѣта и конца полевыхъ работъ, иногда на годъ и долѣе—остаётся въ домѣ своего отца, и если ей и удастся тогда увидѣть жениха, то лишь на нѣсколько минутъ и всегда при свидѣтеляхъ.

Дѣвушка, о которой сейчасъ идетъ рѣчь, была помолвлена за молодого ахелца, человѣка очень красиваго и мужественнаго, но пылкаго и нетерпѣливаго; поэтому отецъ предполагалъ, что ему надоѣло ждать срока, и онъ похитилъ свою жену изъ родительскаго дома раньше назначеннаго времени.

Однако старинные обычаи слишкомъ свято чтятся хевсурами, и нарушенія ихъ трудно было ожидать отъ всякаго честнаго и порядочнаго человѣка. Существовали поэтому и другія предположенія, но никто не могъ назвать старику имени похитителя, ни указать пути, по которому увезли его дочь.

Какъ только стемнѣло, мы пошли въ домъ одного обывателя, на званый ужинъ. Не доходя до первыхъ саклей, мы замѣтили взмыленную рыжую лошадь, понуро стоявшую у изгороди. Мы поднялись выше, прошли по извилистымъ закоулкамъ селенія и сѣли на террасѣ одного изъ домовъ. Хозяинъ съ братомъ своимъ усѣлся рядомъ съ нами, и пока дѣлали необходимыя приготовленія (еще не подоили коровъ), Давидъ принялся рассказывать намъ о происхожденіи древняго рода Циклаури, какъ поется объ этомъ въ пѣсняхъ сазандарей.

¹⁾ Сазандари—пѣвцы. Они поютъ, главнымъ образомъ старинныя пѣсни, но часто сами импровизируютъ собственныя. Пѣніе аккомпанируется игрой на бандурѣ

Наконецъ хозяинъ прервалъ бесѣду, пригласилъ насъ къ ужину. Мы вошли въ узкую комнату; посреди ея въ четверугольномъ углубленіи земляного пола женщина расшевелила тлѣвшіе тамъ уголья и головни. Огонь вспыхнулъ и освѣтилъ своимъ красноватымъ блескомъ закопченныя балки потолка и грязныя стѣны, гдѣ въ небольшихъ нишахъ стояли мелкія хозяйственныя принадлежности и висѣли овчины и одежды.

Надъ огнемъ висѣла цѣпь, съ крючьями, на которыхъ коптятъ баранину. Хозяинъ указалъ намъ мѣсто у очага, на длинной лавкѣ; ближе къ выходу сѣли Давидъ и хозяинъ съ братомъ. Въ темнотѣ, при мерцавшемъ блескѣ огня, за очагомъ виднѣлась длинная деревянная люлька, гдѣ подъ кучкой одежды барахтался маленькій ребенокъ. Мальчикъ лѣтъ восьми стоялъ рядомъ на колѣняхъ и мѣрно покачивалъ своего братца, пока его не замѣнила мать. Хозяинъ вышелъ и тотчасъ вернулся съ круглымъ мѣднымъ столикомъ на трехъ низенькихъ ножкахъ. На столъ поставили хлѣбъ, сыръ, творогъ съ сывороткой для хозяевъ и масло для почетнаго гостя, Давида (онъ объяснилъ хозяину, что намъ хотѣлось видѣть ихъ обстановку, а ужинали мы дома). Хозяинъ взялъ круглый ячменный хлѣбъ и подаль его Давиду. Оба разломали его пополамъ. Затѣмъ нашъ вожатый подаль свою половину брату хозяина, съ которымъ тоже преломилъ хлѣбъ — таковъ обычай. Давидъ произнесъ торжественнымъ голосомъ благословеніе дому, хозяину и всѣмъ его чадамъ и домочадцамъ, и трапеза началась.

За ужиномъ снова зашелъ разговоръ о бѣжавшей дѣвушкѣ. Оказывается, только что приѣзжалъ къ ея отцу пшавъ изъ аула Кацальхеви на той самой рыжей лошади, которую мы только что видѣли около нашей палатки. Онъ просилъ ея руки отъ имени похитителя, или, вѣрнѣе, отъ имени виновника похищенія, такъ какъ оно совершается всегда родственниками и друзьями жениха, а не ихъ самимъ. Отецъ, разумѣется, отказалъ, такъ какъ дѣвушка была уже повѣнчана, и гонецъ уѣхалъ ни съ чѣмъ.

— Такого позора еще не было на хевсурской землѣ, — гнѣвно говорилъ Давидъ, кладя на столъ деревянную ложку и обтирая усы, — чтобъ у хевсура вѣнчанную дѣвушку стащили! Былъ, впрочемъ, одинъ такой случай, очень давно въ аулѣ Гхули. Но тогда изъ-за этого много пролили крови. И теперь будетъ большая, большая война, когда узнаетъ родня мужа Ахели.

— Развѣ нельзя обойтись безъ войны? Неужели теперь люди будутъ рѣзаться на смерть изъ-за одной женщины? — спросилъ я.

— Да развѣ можно снести такой срамъ? — отвѣчалъ Давидъ. — Какъ прутья рѣжутъ, какъ рубятъ хворостъ, такъ будутъ рѣзаться хевсуры съ пшавами. Я знаю Георгія! онъ молодой, дюжій, красивый молодецъ, одно мясо да кость, живой, какъ огонь. Онъ не потерпитъ обиды. Теперь навѣрно воръ убѣжитъ, схоронится

На берегу Шнавской Арагвы.

гдѣ нибудь въ лѣсу и свалить все дѣло на руки роднымъ—да нѣтъ! найдутъ и его и дѣвку и обоихъ убьютъ.

— Ее-то за что же? Вѣдь ее силой увезли.

— Силой? А зачѣмъ дѣвка не кричала? Охъ, онѣ голосисты. Когда захотятъ, вся деревня подыметъ. Закричитъ: ой, пособляйте, меня украли! пособляйте, меня увезли! А если никто не услышалъ, значить, она молчала, значить, она хотѣла уѣхать!

— Неужели всѣ ахельцы придутъ?

— Придутъ всѣ, всѣ. Сбѣгутся всѣ, сколько ихъ ни есть, всѣ отъ мальчика до старика. И будь старикъ совсѣмъ сѣдой, что и волоса новаго нѣтъ—все оружіе на себя надѣнетъ, и прибѣжитъ, и будетъ драться.—И старый Филиппъ прибѣжитъ—всѣ будутъ драться, въ комъ мясо и кровь есть. И я бы, еслибъ изъ Ахели былъ родомъ, ни минуты бы не остался, и васъ бросилъ и убѣжалъ бы драться къ пшавамъ.

— Отчего же приставъ не разгонитъ васъ?

— Приставъ? Когда еще онъ узнаетъ объ этомъ! Да коли вѣсть дойдетъ до Ахели, то они въ одинъ день будутъ здѣсь, всѣ въ кольчугахъ, съ шашками, кинжалами и ружьями. Тогда ужъ не остановишь ихъ. Это не то, что споръ изъ-за земли хевсура съ хевсуромъ—тутъ война на смерть, настоящая война. Какъ прежде было изъ-за хгульской дѣвки—пятеро было убито на смерть и сорокъ человѣкъ изрѣзано ранами—такъ будетъ и теперь!.. Ну, вставай, теперь хозяевамъ пора и спать. Идемъ.

Мы встали и, поблагодаривъ хозяевъ, спустились къ полянѣ, на которой бѣлѣлась наша палатка. Пшавской лошади больше не было у забора. Луна поднялась уже изъ-за горы и заливала своимъ холоднымъ, таинственнымъ свѣтомъ всю поляну, все ущелье рѣки, превращая высокіе чинары въ стражей, кусты въ навьюченныхъ животныхъ и вооруженныхъ людей, а нагроможденные другъ надъ другомъ дома и сакли—въ замки и дворцы. Давидъ взвалилъ на плечи ружье, кликнулъ Георгія, который неподвижно стоялъ у нашей палатки, карауля вещи, и пошелъ на пастбу стеречь лошадей. Поговоривъ немного о событіяхъ дня, грозившихъ горемъ и кровью нашимъ стариннымъ друзьямъ, ахельцамъ, мы залѣзли въ палатку и крѣпко заснули.

IV.

Утромъ разбудили насъ веселые голоса около нашей палатки. Мы окликнули Давида, и въ ту же минуту въ отверстіе, замѣнявшее дверь, просунулись длинное ружье, горбатый носъ, усы и широкія плечи нашего проводника.

— Вставай, ваше благородіе! вставай живѣй. Попъ изъ Ахели пріѣхалъ, и причетникъ также.

Церковъ селенія Арганы.

— Ну, вотъ и слава Богу!—возгласили мы радостно.—Надобно сказать ему, чтобы ѣхалъ скорѣе въ Тіонеты и привезъ казаковъ разгонять вашу братію, чтобъ не дрались съ пшавами.

— Зачѣмъ казаковъ? зачѣмъ разгонять? Дѣвка прибѣжала, сама украла отъ пшава свою голову. Всю ночь бѣжала, утромъ вернулась.

— Ай да дѣвка молодецъ! Сама все дѣло покончила. Слава Богу! Значить, не будетъ войны?

— Зачѣмъ война? Дѣвка вернулась—ничего худого нѣтъ, значить, теперь нечего тужить. А только съ пшавскими людьми мы больше не другъ. Кацальхевскій пшавъ теперь всегда намъ врагъ-человѣкъ.

Въ палатку просунулась веселая и живая фізіономія нашего отца Георгія изъ Ахели съ его рясой и тоненькой косичкой.

— А вотъ и я пришелъ, пѣсни пріѣхали—все съ четырехъ часовъ утра отъ Рошковъ ѣхалъ.

— Вотъ видишь, ваше благородіе,—говорилъ Давидъ,—я вамъ сказывалъ, что попъ нашъ ночь спать не будетъ съ радости, что съ вами повидался.

Былъ уже полдень, когда мы, въ обществѣ нашего священника и Левана-причетника, тронулись въ путь.

По дорогѣ высокіе буки, ясени, клены, стали попадаться чаще, уступая у береговъ рѣки мѣсто толстымъ ивамъ и ольхамъ. Тропа то спускалась къ рѣкѣ, тѣсно проходя по узкому карнизу подъ нависшей скалой, то поднималась въ гору и шла между красивыхъ буковъ и ясеней, словно насаженныхъ чьей-то заботливой рукой, чтобъ затѣнать путь. Нѣсколько разъ приходилось переходить въ бродъ кипящую и брызжащую рѣку, такъ какъ мосты, висящіе надъ ней, состояли лишь изъ двухъ длинныхъ жердей, толщиной въ руку, укрѣпленныхъ у береговъ наметомъ изъ аспидныхъ плитъ, да изъ набросанныхъ на нихъ чинаровыхъ досокъ. При ходѣ мостъ качается и пляшетъ подъ ногами, доски раздвигаются—словомъ, лишь въ крайности можно пустить навьюченное животное черезъ такой мостъ, а всюду, гдѣ позволяетъ рѣка,—лучше итти прямо черезъ воду.

Стало уже совершенно темно, когда, миновавъ духанъ Орцхали, построенный у сліянія Хевсурской и Пшавской Арагвы, мы свернули налѣво, гдѣ рѣчная долина расширяется, и лѣсистые холмы, замыкающіе ее, становятся положе. Дорога все время шла по лѣвому берегу рѣки, то поднимаясь, то опускаясь, то пробираясь между густыхъ кустовъ, то по открытымъ полянамъ. Стало уже трудно разбирать дорогу, и я очень обрадовался, когда наконецъ мы наткнулись на небольшой, плохенькій духанъ—деревянный домишка съ покатою крышей, опирающейся на рядъ столбовъ.

Мы привязали своихъ животныхъ къ кольцамъ, ввинченнымъ въ столбы, и стали стучаться. Послѣ долгаго молчанія, когда уже мы отчаялись въ успѣхѣ, дверь отворилась (вѣрнѣе, изъ нея вынули одну или двѣ доски, двигавшіяся по пазамъ притолоки и порога), и хозяинъ, полуодѣтый и мохнатый, какъ Исавъ, грузинъ, съ грубой туземной лампой въ рукахъ, появился на порогѣ. Прилавокъ, стѣны, уставленныя незатѣйливыми товарами и увѣшанныя ремнями, бусами и другими мелочами, бочка изъ прутьевъ въ углу, да пара кувшиновъ—вотъ и вся утварь этого духана. Дырявыя досчатая стѣны, да боязнь насѣкомыхъ, которыя, безъ сомнѣнія, водились тутъ въ огромномъ количествѣ, заставили насъ предпочесть духану палатку. Несмотря на полный мракъ, мало-помалу намъ удалось разбить ее, и, когда взошла луна, мы уже пили чай и болтали о хевсурской старинѣ.

Поздно вечеромъ, когда Давидъ, Леванъ и Георгій ушли съ лошадьми, нашъ словоохотливый священникъ набожно перекрестился, пробормоталъ по-грузински нѣсколько молитвъ и, повязавъ голову небольшимъ шелковымъ платочкомъ, легъ на коверъ, положилъ въ изголовье сѣдельную подушку и, завернувшись въ бурку, заснулъ а за нимъ и мы.

Въ девятомъ часу слѣдующаго утра вся компанія гуськомъ направлялась уже къ Ахунскому перевалу, который ведетъ изъ долины Арагвы въ долину Горья.

— У насъ есть вѣрная поговорка,—сказалъ Давидъ, указывая на усыпавшія дорогу яблоки:—ѣшь грушъ, сколько душа просить, двухъ-трехъ яблоковъ—довольно.

— А что же дальше не говоришь, Давидъ?—лукаво спросилъ Леванъ, дергая его за башлыкъ, наполненный набранными дорогой вкусными желтыми сливами.—Дальше вѣдь сказано: «и къ сливамъ не подходи».

— Такъ, такъ,—проговорилъ тотъ, къ кому относились эти слова, убирая въ ротъ сочные плоды,—«и къ сливамъ не подходи».

— Вотъ кизилія—того можно съѣсть цѣлое ведро,—объявилъ отецъ Георгій, и мы, бросивъ сливы, направились къ кусту, подъ которымъ лежалъ цѣлый запасъ ароматныхъ ягодъ.

Миновавъ пшавскій поселокъ Чаргали, расположенный на одномъ изъ притоковъ Арагвы, мы направились дальше вверхъ по правому берегу рѣчки, пробираясь по густой чащѣ вѣковыхъ ольхъ. Затѣмъ, свернувъ вправо, стали зигзагами подниматься по крутому скату, покрытому великолѣпнымъ буковымъ лѣсомъ.

Что за прелесть эти буковые лѣса! Толстые, крѣпкіе, пепельно-сѣрые стволы съ густой кроной листьевъ наверху стоятъ по склону, сплошь усыпанному золотистыми прошлогодними листьями, между которыми переплетаются могучіе корни, образуя широкія ступени. Благодаря имъ, мы поднимались вверхъ, словно по лѣстницѣ. Че-

резъ полчаса мы были уже на открытой полянѣ, вокругъ которой лѣсъ становился рѣже, и между деревьями часто стали попадаться кусты.

Отсюда открывался прекрасный видъ во всѣ стороны. На сѣверѣ виднѣлась долина, гдѣ протекала Арагва со всѣми ея притоками: на сѣверѣ-востокѣ—поднималась уединенная ребристая гора, и на ней высоко-высоко желтѣлась чья-то заброшенная полоска ячменя. На востокѣ шелъ хребетъ, соединявшійся съ одной стороны съ этой крутой вершиной, а съ другой, впереди насъ, съ точкой перевала, Ахунской горой (Ахунисъ-мтша), еще скрытой отъ нашихъ глазъ. На западѣ и юго-западѣ виднѣлись ярусы отдаленныхъ хребтовъ, а надъ ними—клочковатая, нагроможденная другъ на друга грозовая облака.

— Будетъ гроза,—сказалъ одинъ изъ насъ. И дѣйствительно, словно въ отвѣтъ на эти слова, издалика послышался глухой раскатъ грома.

Лошади наши сильно измучились, и необходимо было дать имъ отдохнуть. Мы развьючили ихъ, а сами сѣли, завернувшись въ бурки, такъ какъ уже начинали капать первыя капли дождя.

Долго медлить, однако, было невозможно, и, отдохнувъ минутъ двадцать, мы снова тронулись въ дорогу.

Поднявшись нѣсколько выше, мы оставили за собою послѣдніе кусты и стали подниматься по покатымъ полямъ, поросшимъ засохшей колючей травою. И здѣсь, на этой значительной высотѣ, еще виднѣлись полосы ячменя, встрѣчались скрытые гдѣ нибудь въ лощинѣ лѣтники и загоны для скота. Передъ нами проектировалась на небѣ линія, означавшая гребень перевала. Слѣва—лощина съ глубокой лѣсистой балкой подъ самыми нашими ногами отдѣляла насъ отъ остраго хребта, шедшаго отъ перевала къ сѣверо-восточной горѣ. Темныя тучи окутали уже эту гору, спускаясь легкими струйками по ея бокамъ. Другія, въ два слоя—сверху синевато-черныя, снизу бѣлыя, надвигались на хребетъ между этой горой и переваломъ, и бѣлыя струйки пара уже перебѣгали черезъ грань хребта, все ближе и ближе надвигаясь на насъ. Громъ гремѣлъ сильнѣе и сильнѣе, начинали сверкать молніи, а справа, надъ рядами отдаленныхъ горъ, еще блестѣло яркое синее небо.

Мы медленно подвигались къ перевалу. Дождь стихъ, вѣтеръ успокоился, но облака густой пеленой перекинулись уже черезъ хребетъ и медленно ползли на балку. Уже можно было на глазъ опредѣлить толщину этой густой бѣлой массы, она казалась сажень въ 50--70: такъ близка была она отъ насъ. Вотъ и на перевалѣ показался край этой тучи, а сверхъ бѣлаго облака грязно-сѣрая туча заволакивала зенитъ. На сѣверо-восточной горѣ за нашими спинами уже слышался частый градъ, и вся она побѣлѣла отъ инея.

Молніи блестяли ярче и ярче, громъ слышался ближе и ближе, тучи заволакивали горизонтъ со всѣхъ сторонъ. Вотъ бѣлое облако уже надвигалось на насъ, и мы тонемъ въ облакъ туманной мглы.

Ахунскій переваль не походитъ на большинство видѣнныхъ нами. Дорога не перескакиваетъ здѣсь сразу черезъ острый хребетъ, она идетъ ровно по косогору нѣсколько верстъ, ущелье внизу не глубоко, и чуть видныя по временамъ сквозь густыя облака, хребты горъ, протянувшіеся сзади, слѣва, спереди, отовсюду, замыкаютъ горизонтъ.

Я слѣзъ съ утомленнаго катера и пустилъ умное животное само отыскивать себѣ дорогу. Мы перешли хребетъ и шли уже не по правои, а по лѣвой сторонѣ его, по травѣ, покрытой толстымъ слоемъ только что выпавшаго града. Густыя облака не позволяли намъ видѣть ничего вокругъ себя далѣе сорока—пятидесяти шаговъ, а удары грома и ослѣпительныя молніи заставили замолчать даже Давида, который, поотставъ немного, набожно крестился.

Отъ тучъ ли, отъ поздняго ли времени (было уже половина шестого) стало очень темно. Впереди насъ грозовыя тучи бросали зловѣщій красноватый отблескъ на побѣлѣвшія отъ града поля и на наши лица. Мы шли все время по длинному хребту, по ровной дорогѣ, межъ волнистыхъ покрытыхъ травой горныхъ полей. Скоро красноватая облака оказались уже за нами, вмѣсто нихъ появились синія, какъ индиго, тучи, нависшія надъ видѣвшимся впереди кряжемъ горъ. На мгновеніе облака въ лоцинѣ подъ нашими ногами разорвались, и за ними открылась мрачная пустынная гора, а ниже глубокая уже покрытая лѣсомъ балка. Черезъ минуту, однако, снова набѣжали тучи, и стало темно, такъ темно, что едва можно было различить дорогу. Въ лѣвой рукѣ отъ насъ внезапно послышался сильнѣйшій шумъ—это на горѣ за балкой пошелъ градъ. У насъ же только слегка моросилъ дождикъ.

— Кага, кчара, кчара (скорѣе, скорѣе, Кага!)—кричалъ шедшій впереди священникъ, торопя замыкавшаго шествіе Давида. Чтобы не отставать, я снова сѣлъ на катера; но товарищъ мой, присѣвшій на лошадь только на пять минутъ передъ самымъ переваломъ, шагаль не менѣе бодро, чѣмъ прежде, за священникомъ. Хотя мы уже спускались, и по дорогѣ, словно стражи, стали встрѣчаться коренастыя и толстыя столѣтнія березы и ши разбитыхъ бурей буковыхъ деревъ, но облака все еще стояли совсѣмъ низко. Вѣтеръ то стихалъ, то поднимался и рѣзко дулъ въ лицо; молніи, еще болѣе ослѣпительныя отъ окружавшаго насъ мрака, заставляли вздрагивать, а громовыя раскаты гремѣли съ трехъ сторонъ. Далеко впереди, въ горахъ Кахетіи, темной линіей заслонявшихъ горизонтъ, какъ бы въ отвѣтъ на гремѣвшій вокругъ насъ громъ, заблестали частыя молніи, и послышался отдаленный гулъ, словно отъ подземныхъ ударовъ.

— Смотрите, ваши благодія, — сказалъ Давидъ, показывая рукой на черныя тучи, сквозь которыя то и дѣло прорѣзывались зигзаги ослѣпительныхъ молній, — смотри, это Богъ свѣтитъ на землю, бросаетъ туда свѣчи, чтобы увидать, гдѣ прячется сатана. А какъ увидитъ, то громомъ стрѣляетъ въ него.

Нашъ Кагá словно встрепенулся и затянулъ какую-то пшавскую пѣсню, поддерживаемый причетникомъ и молодымъ джутальцемъ.

Стало совершенно темно, и усталые спутники мои шли почти ощупью, безпрестанно спотыкаясь, благодаря скользкому отъ дождя пути, и то и дѣло падая. Но на катерѣ можно было не заботиться ни о чемъ. Онъ смѣло шелъ впередъ, осмотрительно выбирая каждый шагъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на другихъ, спокойно и не спотыкаясь.

Красива была эта гроза. Не проходило буквально момента, чтобы не блеснула гдѣ нибудь молнія, и тогда всѣ далекіе хребты освѣщались какъ днемъ и будто выходили изъ мрака. И словно двѣ враждебныя арміи, гремя другъ противъ друга эти двѣ грозы — близъ насъ, на перевалѣ, раздавался оглушительный громъ и змѣнились молніи, а тамъ впереди, далеко, далеко, сверкали зарницы и слышались глухіе удары грозы, словно отголоски землетрясенія.

Мы уже спустились въ балку и добрыхъ полчаса шли по лѣсу межъ раскидистыхъ деревьевъ, но было уже такъ темно, что только безпрестанныя молніи помогали намъ находить дорогу. Скоро, однако, молніи стали рѣже и слабѣе, а ночь совсѣмъ непроглядна, и тропинки не видно стало даже въ трехъ-четырегахъ шагахъ отъ себя.

— Стойте, я не знаю, куда итти, — торопливо проговорилъ священникъ. — Леванъ, иди ты впередъ.

— Да, батюшка, я тоже не вижу дороги — совсѣмъ темно.

Мы остановились въ нерѣшимости.

— Достань фонарь, Давидъ; онъ въ корзинѣ.

— Да куда тутъ фонарь доставать; темно, корзины не видать. Айда, пошелъ дальше.

Послѣдовалъ краткій, но ожесточенный споръ, и Давидъ сердито и медленно началъ снимать вьюкъ. Каждая минута тянулась нескончаемо. Наконецъ, раздалось чирканье спички. Слабый лучъ фонаря упалъ на дорогу, и я съ удивленіемъ увидаль передъ самымъ своимъ носомъ вѣтви большого дуба, а подъ ногами крутой обрывъ.

Мы всѣ сразу повеселѣли. Даже Давидъ признался, что стоило достать фонарь. Его неоцѣненнымъ качествомъ было то, что онъ, если ему отъ утомленія и труда случалось на минуту прійти въ дурное расположеніе духа, тотчасъ снова развеселялся и своими шутками подбадривалъ другихъ. Онъ даже затянулъ пѣсню. И всѣ мы тронулись, словно на заутрени, батюшка со свѣчкой впереди,

Леванъ-причетникъ за нимъ—оба на лошадяхъ, я на катерѣ, Давидъ и Георгій съ вьючными животными, а сзади товарищъ съ фонаремъ, бросающимъ длинный лучъ на тропинку.

У всѣхъ насъ стало какъ-то радостно на душѣ. По сторонамъ дороги, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея тянулся лѣсъ, и длинныя тѣни бросали отъ себя эти вѣковые дубы, буки и груши, между которыми медленно двигалась наша процессія. Вотъ вдали, въ глубинѣ долины мелькнулъ огонекъ и послышался отдаленный лай собаки, но Леванъ объяснилъ, что это только хуторъ—грубо сколоченный пастушій шалашъ—и что тамъ нельзя и думать ночевать, а въ палаткѣ тоже невозможно было располагаться, такъ какъ всѣ вещи и вся одежда наша были промочены до нитки. Мы шли, шли и не видѣли конца дороги. Вотъ снова вдали мелькнулъ огонекъ, и священникъ, останавливая лошадь, сказалъ:

— Еще верста, и мы въ домѣ, а Леванъ—нашъ хозяинъ.

Причетникъ нарочно велъ насъ кружнымъ путемъ мимо деревень и хуторовъ, чтобы прямо привести насъ къ своимъ. Однако оставалась еще не одна верста. Замелькали вокругъ насъ огни, то прячась за деревьями, то снова появляясь. То заборъ, то стѣна преграждала намъ путь, то приходилось переходить вбродъ рѣку, даже не различая, куда идешь. Мѣстность давно уже приняла ровный характеръ. Впереди можно даже было различить горизонтъ, неясно видѣвшійся на просвѣтлѣвшемъ небѣ, но мы все шли, и, казалось, не было конца нашему пути. Товарищу сдѣлалось даже дурно. Онъ едва держался на лошади, и Давидъ выразилъ опасеніе, не сдѣлалась ли у него лихорадка отъ сырости и дождя. Мы готовы были бы остановиться въ любомъ домѣ, несмотря на всѣ увѣренія Левана, уже добрый часъ повторявшаго, что версты не будетъ до дома его отца. Но тутъ, какъ на зло, дома перестали попадаться на пути. Наконецъ, едва волоча ноги, добрались мы до жилища причетника. Леванъ быстро соскочилъ съ лошади и, отворяя двери настежь, пригласилъ насъ войти. У насъ едва хватило силъ развьючить лошадей. Измученные, мы бросились на живо приготовленные намъ постели и заснули, словно убитые.

На слѣдующее утро мы были поражены перемѣной окружавшей насъ обстановки. Уже не скалистые обрывы—насъ окружали пологіе холмы покрытые великолѣпными лѣсами. Веселая, прозрачная рѣка Гора бѣжала по широкой долинѣ. Небо прояснилось; лишь небольшія бѣлыя облачки гуляли въ лазурной синевѣ—остатки вчерашней бури. До Тіонетъ оставалось всего съ десятокъ верстъ, а оттуда ровная проѣзжая дорога вела до самаго Тифлиса.

И. Т. Бѣляевъ.

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ.

Воспоминанія графа Де-Ла-Ферроннэ.

РАФЪ Огюсть Де-Ла-Ферроннэ зналъ очень хорошо Россію въ концѣ прошедшаго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго: сначала онъ жилъ въ Дубиѣ въ качествѣ эмигранта, затѣмъ являлся къ Александру I въ 1813 году, какъ тайный агентъ Людовика XVIII, и, наконецъ, нѣсколько лѣтъ провелъ въ Петербургѣ французскимъ посланникомъ въ эпоху реставраціи. Поэтому нельзя не сожалѣть, что онъ не оставилъ послѣ себя мемуаровъ, для чего, по его собственнымъ словамъ, ему «не доставало достаточно самолюбія или достаточно смиренія». Но оказывается, что сохранились многочисленныя бумаги и письма этого дипломата, и съ помощью означенныхъ документовъ, а также переписки его съ женою и любопытной рукописи послѣдней, подъ заглавіемъ «Воспоминанія бѣдной старухи, посвященныя ея дѣтямъ», французскій академикъ, маркизь Коста-Де-Борегаръ, извѣстный уже нѣсколькими историческими трудами, составилъ «Воспоминанія, извлеченныя изъ бумагъ графа О. Де-Ла-Ферроннэ» ¹⁾. Въ настоящее время вышелъ еще только первый томъ подъ особымъ названіемъ: «Во времена эмиграціи», и онъ посвященъ разсказу о дѣтствѣ и двадцатичетырехлѣтней дѣятельности Ферроннэ въ качествѣ эмигранта

¹⁾ En emigration. Souvenirs tirés des papiers du comte A. De La Ferronnays (1777—1814), par le marquis Costa De Boregard. Paris. 1900.

до возвращенія его во Францію въ 1816 году, по случаю воцаренія Бурбоновъ, при которыхъ ему суждено было сдѣлаться посланникомъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Хотя этотъ рассказъ наполненъ неинтересными мелочными подробностями о злополучіяхъ жизни эмигрантовъ, придворныхъ интригахъ, продолжавшихся въ изгнаніи съ такою же силой, какъ въ Версалѣ, и неудачныхъ попыткахъ привлечь на сторону Бурбоновъ дѣятельное вмѣшательство европейскихъ дворовъ, а также безконечными, часто скучными отрывками изъ сентиментальной переписки молодой четы, разлученной обстоятельствами, но въ немъ встрѣчаются любопытныя страницы, касающіяся отношеній Бурбоновъ и эмигрантовъ, а въ особенности Ферроннэ къ Россіи. Съ этими страницами и не лишне познакомить читателя, какъ съ драгоценнымъ историческимъ матеріаломъ.

Графъ Огюстъ Де-Ла-Ферроннэ принадлежалъ къ древней аристократической семьѣ въ Бретанѣ, и его предки были извѣстны въ XII вѣкѣ. Онъ родился въ 1777 году въ Сентъ-Малло и провелъ свое дѣтство въ маленькомъ замкѣ, близъ Нанта, гдѣ уединенно жила его мать, уроженка Сантъ-Доминго, по фамиліи Бельвю, тогда какъ его отецъ, служившій офицеромъ, велъ веселую жизнь на войнѣ, или въ Версалѣ. Конечно, онъ нимало не думалъ о воспитаніи своего сына, торжественно увѣряя, что «всегда будешь хорошо воспитанъ, когда въ жилахъ течеть благородная кровь»; а потому до десяти лѣтъ маленький Огюстъ росъ дома, подъ присмотромъ матери и въ обществѣ своихъ двухъ горячо любимыхъ сестеръ. Наконецъ, объ его существованіи вспомнилъ одинъ изъ братьевъ отца, епископъ въ Лизбе, и уговорилъ мать поручить ему воспитаніе брошеннаго мальчика. Она со слезами согласилась, и дядя помѣстилъ его въ духовную коллегію, которую онъ, въ качествѣ епископа, содержалъ въ Парижѣ. Тамъ обходились съ бѣднымъ мальчикомъ самымъ жестокимъ образомъ и сѣкли почти каждый день, а вмѣстѣ съ тѣмъ ничему не учили. Только спустя пятнадцать мѣсяцевъ, дядя узналъ о несчастной жизни ребенка и перевелъ его въ другую школу, еще худшую, въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ. Но по счастью онъ тамъ оставался короткое время; разразившаяся революція разогнала патеровъ, содержавшихъ школу, и маленький Огюстъ былъ отправленъ отцомъ въ материнскій замокъ.

Однако, недолго пришлось ребенку наслаждаться сельской жизнью и ласками матери. Въ началѣ 1790 года отецъ его и дядя епископъ рѣшили эмигрировать, и они взяли съ собою тринадцатилѣтняго Огюста. Тогда эмиграція была въ модѣ, и эмигранты весело, беззаботно сновали по большимъ дорогамъ Европы, не подозревая, что начатое ими добровольное изгнаніе будетъ продолжаться около четверти вѣка. Всѣ они были увѣрены, что вскорѣ вернуться въ Парижъ съ побѣдоносною арміею принца Кондэ при помощи европей-

скихъ державъ, но имъ вскорѣ пришлось разочароваться въ своихъ радужныхъ надеждахъ, и начался безконечный рядъ несчастныхъ странствованій на чужбинѣ. Что касается до Огюста, то отецъ помѣстилъ его въ католическую монастырскую школу въ Швейцаріи, гдѣ онъ провелъ три года и если чему научился, то лишь по собственному желанію, такъ какъ отецъ запретилъ учить его латинскому языку и сдѣлать изъ него «монашка». Смерть матери, оставшейся въ своемъ замкѣ во Франціи, привела въ отчаяніе семнадцатилѣтняго мальчика, и онъ былъ очень радъ, когда, въ концѣ 1794 года, отецъ взялъ его съ собою въ армію принца Кондэ. Тамъ онъ поступилъ солдатомъ во второй дворянскій кавалерійскій полкъ. «Я никогда не чувствовалъ себя столь важною особой,—говорилъ онъ впоследствии,—какъ въ ту минуту, когда я надѣлъ впервые солдатскій мундиръ».

Хотя армія Кондэ состояла изъ десяти тысячъ человекъ, но въ продолженіе первыхъ мѣсяцевъ военной службы Ферроннэ только ходилъ взадъ и впередъ вдоль Рейна со своими товарищами эмигрантами. Затѣмъ въ армію прибылъ будущій Людовикъ XVIII, котораго всѣ называли королемъ, хотя онъ не безъ остроумія объявилъ, что «съ его пріѣздомъ армія Кондэ лишь увеличилась однимъ лишнимъ французскимъ дворяниномъ». Но отъ этого дѣла не пошли лучше; австрійское правительство вскорѣ нашло, что его присутствіе компрометируетъ армію, и вынудило его удалиться. Между тѣмъ, Огюстъ испыталъ такъ называемое «крещеніе огнемъ» въ битвѣ при Оберкамлахѣ, которое окончилось поражениемъ для войскъ Кондэ. Наконецъ, былъ заключенъ въ Кампо-Форміо между Австріей и Франціей миръ, по которому было обусловлено распушеніе арміи Кондэ и окончательное изгнаніе эмигрантовъ изъ Германіи.

Наступила самая мрачная эпоха эмиграціи, и ея печальные герои разсѣялись повсюду: кто въ Россію, кто въ Англію, кто въ Пруссію, кто въ Голландію. Императоръ Павелъ согласился принять армію Кондэ на русскую службу, и послалъ принцу указъ, по которому армія оставалась подъ его начальствомъ, и въ ней сохранялись прежніе чины и назначенія, но для нея былъ обязателенъ русскій мундиръ, при чемъ, конечно, уничтожалась французская кокарда. Эти условія показались унижительными для французовъ, и они подчинились имъ, только получивъ рѣзкое письмо Людовика XVIII, который говорилъ въ немъ между прочимъ: «Кто смѣетъ полагать, что онъ можетъ поступить лучше меня, когда я считаю за благодѣяніе предложенное гостепріимство въ Митавѣ?» Какъ бы то ни было, 9-го октября 1797 года армія Кондэ отправилась въ Россію, именно въ Волынь, подъ начальствомъ герцога Ангіенскаго, внука Кондэ, а онъ самъ поскакалъ въ Петербургъ, чтобы лично съ императоромъ условиться о дальнѣйшей судьбѣ

своихъ солдатъ. Послѣ трехмѣсячнаго пути, 30-го декабря эмигранты прибыли на берегъ рѣки Буга, составлявшей границу между австрійской Галиціей и русской Волинью.

Въ первомъ русскомъ селеніи православные священники привели французовъ къ присягѣ въ вѣрности императору Павлу, въ присутствіи русскихъ офицеровъ. Послѣ этого каждый изъ нихъ долженъ былъ снять бѣлую королевскую кокарду, и это казалось многимъ столь печальнымъ, что они молча плакали. Сколько эмигранты ни претерпѣли до тѣхъ поръ горя, но они, по крайней мѣрѣ, оставались все вмѣстѣ подъ своимъ знаменемъ, а теперь, по словамъ Борегара, началось настоящее изгнаніе: вдали отъ родины, такъ какъ ихъ разбили на мелкія группы и помѣстили въ различныхъ селеніяхъ, далеко другъ отъ друга. Что касается до Огюста и его отца, то ихъ жилищемъ была деревня Лакача, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ маленькаго города Дубна, гдѣ они умирали отъ голода и холода, такъ какъ постоянно должны были открывать окна и двери, несмотря на стужу, благодаря дымившейся печкѣ. Но не прошло много времени, какъ неожиданно передъ ихъ несчастнымъ жилищемъ остановилось нѣсколько фургоновъ съ различными припасами, два роскошные экипажа и четыре верховыя лошади. Сопровождавшіе ихъ люди передали отцу Огюста письмо отъ княгини Сапѣги. Дѣло было въ томъ, что много лѣтъ передъ тѣмъ графъ Де-Ла-Ферроннэ, находясь въ Страсбургѣ, оказалъ значительныя услуги этой знатной полкѣ, бывшей тогда въ изгнаніи, и она теперь, узнавъ объ его плачевномъ положеніи, щедро уплатила свой долгъ.

По приглашенію княгини Сапѣги, отецъ и сынъ отправились въ ея Тиспольскій замокъ, находившійся недалеко отъ Дубна. Вспоминая объ этой поѣздкѣ сорокъ лѣтъ спустя, Ферроннэ говорилъ съ восторгомъ: «Я думалъ, что мы очутились въ волшебномъ дворцѣ; всюду блестѣло золото, вездѣ видѣлась богатая мебель, роскошныя ткани, мягкіе ковры. Несмотря на зимніе холода, комнаты были переполнены великолѣпными цвѣтами, а послѣ изысканнаго обѣда, поданнаго на золотѣ, насъ угощали удивительными фруктами. Вечеромъ въ нашу честь былъ устроенъ прекрасный концертъ. Но всего отраднѣе для насъ былъ радушный пріемъ княгини, которая насъ встрѣтила на подъѣздѣ въ мужскомъ костюмѣ и поцѣловала меня и отца, какъ старыхъ друзей, а затѣмъ, проведя насъ въ приготовленныя комнаты, указала, что на дверяхъ была написана золотыми буквами наша фамилія». Изъ этого очарованнаго замка, гдѣ чередовались охоты и банкеты, танцы и музыка, молодой солдатъ долженъ былъ, однако, вернуться къ исполненію своихъ воинскихъ обязанностей.

Мало-помалу Дубно также сдѣлалось центромъ веселія и удовольствія. По пріѣздѣ изъ Петербурга, принцъ Кондэ поселился въ

городскомъ замкѣ и выписать герцогиню Монакскую, съ которою онъ жилъ двадцать лѣтъ и на которой впоследствии женился. Первый праздникъ онъ задалъ по случаю раздачи его семи полкамъ новыхъ знаменъ, полученныхъ отъ императора Павла, и на которыхъ красовался посрединѣ русскій орелъ, окруженный по четыремъ угламъ французскими королевскими лиліями; а затѣмъ вечера у него быстро чередовались за банкетами. Окрестные польскіе помѣщики задавали въ честь эмигрантовъ безконечные пиры. Общему оживленію Дубна немало содѣйствовало прибытіе туда двадцатилѣтняго герцога Беррійскаго, сына будущаго короля Карла X, со свитой. Въ числѣ состоявшихъ при немъ лицъ находился графъ Монсоро, который привезъ съ собою свое семейство, уже знакомое Огюсту Ферроннэ, во время его странствованій съ эмигрантами по Германіи, тогда какъ самого герцога онъ никогда не видалъ. Но тому и другому суждено было играть большую роль въ его жизни.

Добродушный, но легкомысленный и переменчивый, какъ флюгарка, герцогъ Беррійскій доходилъ во всемъ до крайности и не зналъ предѣла своимъ капризамъ, переходя чуть не ежеминутно отъ нѣжности къ грубости, отъ энергии къ апатіи. Такой-то человѣкъ неожиданно полюбилъ Огюста Ферроннэ и мучилъ его въ продолженіе пятнадцати лѣтъ своею странною, тяжелою дружбой. Увидавъ его впервые въ Дубнѣ, онъ сразу привязался къ юному солдату и уже не отпускалъ его ни на шагъ. Что же касается до семьи графа Монсоро, въ которой были завсегдатаями новые друзья, то въ ней находилась прелестная молодая дѣвушка, вторая дочь графа, Альбертина, бывшая моложе Ферроннэ на пять лѣтъ. Между ними мало-помалу завязался романъ, окончившійся женитьбой, но пока они только скромно, застѣнчиво поглядывали другъ на друга, довольствуясь улыбками и свѣтскими разговорами. Впоследствии графиня Ферроннэ писала объ этой эпохѣ своей жизни:

«Дубно очень мало походило на наши даже маленькіе провинціальныя города. Въ немъ была только одна улица, въ которой дома находились близко другъ къ другу, но и то лишь два или три изъ нихъ имѣли приличный видъ. Остальные были деревянные и одноэтажные, вѣроятно, отъ боязни частыхъ сильныхъ вѣтровъ. Хотя хозяинъ нашего дома, графъ Платеръ, оставилъ себѣ только двѣ комнаты, но мы помѣщались очень тѣсно, а главное у насъ не закрывались окошки и печи дымили. Я рѣшительно не понимаю, какъ при такихъ обстоятельствахъ мы переносили двадцать пять и тридцать градусовъ мороза, которые бывали очень часто въ эту зиму, тѣмъ болѣе, что только у одной матери была старая атласная шуба на бѣличьемъ мѣху. Мы же съ сестрой довольствовались верхней слегка наваченной одеждой. Однако, несмотря на то, что воздухъ днемъ и ночью былъ насыщенъ инеемъ, мы каждый день ходили къ обѣднѣ. Со времени нашего пріѣзда го-

стиная матери кишѣла знакомыми, которыхъ у насъ въ главной квартирѣ было столько, что одному Богу извѣстно ихъ число. Мнѣ было очень весело, и намъ казалось, что мы какъ будто во Франціи, такъ какъ всѣ окружавшія насъ лица имѣли одинаковые съ нами интересы, желанія и надежды. Естественно, что мы часто видали Огюста и его отца. Они оба служили въ полку герцога Беррійскаго. Отецъ имѣлъ какой-то офицерскій чинъ, а бѣдный Огюстъ былъ солдатомъ. Онъ далеко не блестялъ въ своемъ русскомъ мундирѣ толстаго, свѣтло-сѣраго сукна съ отворотами изъ чернаго бумажнаго бархата и желтыми петлицами. Герцогъ Беррійскій также бывалъ у насъ постоянно, но приходилъ лишь въ добрыя свои минуты, а когда злился, то сидѣлъ дома. Мы съ сестрой были еще такія дѣти, что считали его своимъ принцемъ и прямо его такъ называли. Съ своей стороны онъ былъ очень привязанъ къ нашей семьѣ и не называлъ нашей матери иначе, какъ «mutter». Она часто унимала однимъ взглядомъ его нерѣдко грубую и очень свободную рѣчь, а иногда прибѣгала и къ музыкѣ, какъ къ успокоительному средству. Она заставляла его играть на флейтѣ, на которой онъ игралъ очень хорошо, и я или сестра ему аккомпанировали на фортепiano, которое было вѣрнымъ нашимъ спутникомъ въ изгнаніи. Мы брали его съ собою всюду, и какъ только помѣщались гдѣ нибудь, хоть на короткое время распаковывали его прежде всего, и я принималась за свои сонаты. Нельзя себѣ представить, какія услуги оказывало оно намъ и нашему милому принцу».

Около года продолжалась стоянка арміи Кондэ въ Дубно, и на пасхѣ 1779 года пришелъ приказъ императора готовиться къ походу. Въ сущности это было большимъ счастьемъ для французовъ, потому что Павелъ былъ очень недоволенъ отсутствіемъ среди нихъ строгой дисциплины, распространеніемъ между ними запрещенныхъ въ Россіи сочиненій Вольтера и Дидро и постоянными увеселеніями въ Дубнѣ. Въ особенности его сердило, что они вальсировали, такъ какъ, по словамъ Борегара, вальсъ не допускался въ Россіи съ тѣхъ поръ, какъ императрица послѣ вальса простудилась и схватила воспаленіе легкихъ. «Я спасъ французское дворянство отъ нищеты», писалъ Павелъ внѣ себя отъ негодованія: «и сумѣю спасти его отъ мятежнаго духа, отправивъ въ такую страну, гдѣ успокоятся самые безпокойные». Но гнѣвъ императора стушеввался передъ новою войной. Ему удалось возстановить европейскую коалицію противъ французской республики, и полки Кондэ были посланы въ Италію съ арміею Суворова. «Радость французовъ», говоритъ Борегаръ, «была неописанная. Одно имя Суворова означало вѣрную побѣду и торжественное возвращеніе на родину съ ихъ королемъ. Его имя дѣйствовало на насъ столь же чарующимъ образомъ, какъ на всѣхъ русскихъ, начиная съ императора и кончая послѣднимъ солдатомъ. Мы охотно прощали ему полот-

няный китель, легендарную неопрятность и постоянныя бесѣды вслухъ со св. Николаемъ. Нашъ скептицизмъ скорѣе мирился съ полководцемъ-мистикомъ, чѣмъ съ генералами-дипломатами, которые до тѣхъ поръ насъ водили не въ огонь, а изъ лжи въ ложь».

Быстро окончены были всѣ приготовления, хотя, по разсказу будущей жены Ферроннэ, все было странно въ этой странной арміи, и офицеры, даже солдаты накупили себѣ лошадей съ экипажами подѣ предлогомъ, что они не могли итти пѣшкомъ съ тяжелыми ружьями и ранцами. Самъ Кондэ долженъ былъ вмѣшаться въ дѣло и возстановить порядокъ. Но въ виду дурныхъ дорогъ и долгаго несогласія Австріи пропустить армію Кондэ черезъ свои владѣнія, она могла двинуться въ путь только въ первыхъ числахъ мая. Она шла пятью колоннами на разстояніи одного дня похода. Впереди двигался русскій полкъ Бауэра, а за нимъ слѣдовали главная квартира принца Кондэ съ артиллеріей, пѣшими егерями и бургонскимъ полкомъ, дворянскій полкъ герцога Беррійскаго, драгуны герцога Ангіенскаго и наконецъ полевой госпиталь. Армію сопровождала и семья графа Монсоро, ѣхавшая въ удобной коляскѣ подѣ прикрытіемъ князя Брольи и графа Нассаускаго, которые въ качествѣ фуражировъ предшествовали арміи и готовили стоянки, гдѣ эмигранты по обыкновенію весело проводили время. «Право, мы шли на войну, какъ на веселый праздникъ», разсказывала впоследствии графиня Ферроннэ, «несмотря на приказаніе Кондэ, никто не шелъ пѣшкомъ, кромѣ небольшого эскорта при знаменахъ, а всѣ ѣхали на телѣгахъ, которыя передъ каждымъ городомъ останавливались, и солдаты, быстро спрыгнувъ на землю, строились въ ряды, а затѣмъ въ строгомъ порядкѣ шли по улицамъ. Трудно себѣ представить, какъ богата была наша армія лошадьми и экипажами». По дорогѣ польскіе помѣщики устраивали богатые балы и рауты въ честь эмигрантовъ, а княгиня Любомирская нарочно пріѣхала изъ Вѣны, чтобы задать принцу Кондэ и его свитѣ великолѣпный праздникъ въ своемъ роскошномъ помѣстьѣ.

На пути эмигранты радостно слышали вѣсти о побѣдахъ Суворова въ Италіи, и вполне убѣжденные въ окончательномъ торжествѣ союзниковъ, съ удовольствіемъ повернули въ Швейцарію, гдѣ, повидимому, должна была рѣшиться судьба французской республики. Но злой рокъ ихъ преслѣдовалъ, и они достигли Констанца на другой день послѣ пораженія Корсакова при Цюрихѣ, а сами проиграли сраженіе въ улицахъ Констанца и едва отступили на другой берегъ Рейна, при чемъ Огюсть Ферроннэ находился въ послѣдней колоннѣ, которая послѣ своего перехода разрушила мостъ и тѣмъ спасла всю армію отъ гибели. Спустя нѣсколько дней, эмигранты присоединились въ Линдау къ Суворову, который долженъ былъ одолѣть величайшія трудности, чтобы спасти остатки войскъ Корсакова. Увидавъ Кондэ, онъ воскликнулъ: «Какъ вы могли

дозволить, чтобы заманили въ ловушку лучшія войска Франціи». Затѣмъ, негодуя на эрцъ-герцога Карла, благодаря бездѣйствию котораго русскіе потерѣли пораженіе, Суворовъ отвелъ свою армію и эмигрантскіе полки въ Баварію. На этомъ переходѣ юная Альбертина, по обыкновенію слѣдуя со своей семьей за арміей Кондэ, увидѣла впервые всѣ ужасы войны. «Корсаковъ», говоритъ она, «побросалъ по дорогѣ своихъ больныхъ и раненыхъ. Никто не думалъ ухаживать за ними, или хоронить несчастныхъ, падавшихъ на землю отъ истощенія. Я еще не видывала такого страшнаго зрѣлища и только тогда поняла, что такое война».

Но грустныя впечатлѣнія скоро ступевались въ сердцѣ молодой дѣвушки отъ веселой жизни въ Шонгау, одномъ изъ живописнѣйшихъ уголковъ Баваріи, гдѣ ея романъ съ Ферроннэ сдѣлалъ большой шагъ впередъ, такъ какъ онъ получилъ неожиданно повышение и былъ назначенъ несмѣняемымъ ординарцемъ къ герцогу Беррійскому. Чтобы сдѣлать его достойнымъ своего новаго положенія, отецъ сталъ выдавать ему по три дуката въ мѣсяцъ, т.-е. около десяти рублей, и юноша внѣ себя отъ счастья объявилъ Альбертинѣ, что онъ теперь «un grand seigneur» (знатный вельможа). Въ Шонгау было получено извѣстіе о 18-мъ брюмерѣ, и большинство эмигрантовъ пришло въ восторгъ, ожидая, что Бонапартъ разыграетъ роль новаго Монка, но Альбертина со страннымъ для ея возраста благоразуміемъ сказала: «Это можетъ быть счастье для Франціи, но не для насъ. Франціи не будетъ нуженъ король, если Бонапартъ дастъ ей спокойствіе».

Недолго, однако, отдыхала армія Кондэ: въ концѣ 1799 года Павелъ отозвалъ Суворова и отказался содержать эмигрантскіе полки, которые перешли на службу Англіи. Снова начались безконечные переходы изъ одной европейской страны въ другую. Въ мартѣ слѣдующаго года Кондэ находился въ Венеціи, и его войска должны были сѣсть на англійскія суда въ Ливорно съ цѣлью предпринять экспедицію подъ начальствомъ генерала Аберкромби въ Провансъ; но побѣда Наполеона при Маренго снова разстроила всѣ планы союзниковъ и эмигрантовъ. Послѣдніе еще разъ поступили въ ряды австрійской арміи, которой уступили ихъ англичане, но Моро побѣдой при Гогенлинденѣ открылъ себѣ дорогу въ Вѣну, и Люневильскій миръ положилъ конецъ коалиціи. Павелъ неожиданно почувствовалъ любовь къ первому консулу и прогналъ изъ Митавы Людовика XVIII, а англичане вздумали послать армію Кондэ въ Египетъ, на что она не согласилась, такъ какъ ей нечего было тамъ дѣлать, и она рѣшилась скорѣе умереть съ голода, чѣмъ сдѣлаться шайкой наемниковъ. Такимъ образомъ пришлось распустить эту армію, и какъ офицеры, такъ и солдаты увеличили уже и безъ того значительное число слонявшихся по всему свѣту французскихъ эмигрантовъ. При этомъ нелишне замѣтить, что въ числѣ уволенныхъ изъ этой арміи сол-

дать находились двѣ дочери графа Монсоро. «Я, право, не знаю, какъ это случилось», говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Альбертина, «но дѣйствительно моя сестра и я были внесены въ списокъ солдатъ дворянскаго кавалерійскаго полка герцога Беррійскаго, получали отъ Англій жалованье и были вычеркнуты изъ списковъ вмѣстѣ со всѣми другими».

Положеніе семьи Монсоро, однако, нисколько не измѣнилось, а Ферроннэ еще много выигралъ, переставъ быть солдатомъ. Онъ былъ произведенъ въ офицеры и назначенъ адъютантомъ къ герцогу Беррійскому, который поселился въ Клагенфуртъ у своей матери и перевезъ туда всю свою свиту, въ томъ числѣ семью графа Монсоро, который также былъ назначенъ адъютантомъ къ герцогу. Только отецъ Огюста уѣхалъ въ Тисполь къ княгинѣ Сапфгъ, которая снова предложила ему свое гостепріимство. Для нашего героя тутъ наступила рѣшительная фаза его романа съ Альбертиной. Молодые люди наконецъ объяснились въ любви, а герцогъ Беррійскій, взявъ на себя уладить дѣло съ ихъ родителями, добился согласія отца Огюста, а относительно графа Монсоро и его жены разыгралъ маленькую комедію, которая ему вполнѣ удалась. Онъ убѣдилъ ихъ, что пора женить Огюста, который будетъ получать отъ него и принца Кондэ около 10.000 ливровъ въ годъ, а потому былъ выгодною партіей для ихъ второй дочери Альбертины, такъ какъ старшая могла претендовать на болѣе знатнаго жениха. Они попались въ ловушку, и по тогдашнему обычаю мать торжественно объявила молодой дѣвушкѣ: «Мы рѣшили отдать тебя замужъ». Альбертина довела комедію до конца и наивно спросила: «За кого?»—«За графа Ферроннэ»,—отвѣчала добрая графиня, не подозрѣвая, что этотъ бракъ былъ давно рѣшенъ влюбленною молодежью.

Свадьба была назначена на 23 февраля 1802 года, и хотя она благополучно совершилась по обряду католической церкви, но прежде нея случились два неприятыя обстоятельства, которыя по милости капризнаго нрава герцога Беррійскаго едва не помѣшали счастью его любимца. Онъ непремѣнно хотѣлъ, чтобы за нѣсколько дней до свадьбы состоялся въ видѣ мальчишника для Огюста любительскій спектакль, на которомъ самъ взялся сыграть роль героя пьесы Дора «Холостякъ». Молодые люди неохотно согласились, но спектакль не удался, благодаря тому, что герцогъ Беррійскій совсѣмъ не зналъ своей роли и такъ спуталъ всѣхъ, что пришлось опустить занавѣсъ. Это въ сущности комическое обстоятельство имѣло на другой день трагическія послѣдствія. Послѣ подписи брачнаго контракта, конечно, въ присутствіи герцога Беррійскаго, принцъ Кондэ и женихъ отправились за своими подарками, случайно не предупредивъ объ этомъ герцога, и подарили невѣстѣ свадебную корзину въ его отсутствіе. Узнавъ объ этомъ и находясь еще подъ

неприятнымъ впечатлѣніемъ неудачи пьесы наканунѣ, онъ пришелъ въ такую безумную ярость, что сталъ обвинять Огюста въ черной неблагодарности и, схвативъ заряженный пистолетъ, объявилъ, что застрѣлится, такъ какъ не можетъ жить безъ друга, а другъ ему измѣнилъ. Огюстъ хладнокровно взялъ другой пистолетъ и, приложивъ его дуломъ къ своему лбу, сказалъ: «даю честное слово, что застрѣлюсь вслѣдъ за вами». Герцогъ бросилъ свой пистолетъ, и оба друга обнялись. Затѣмъ свадьба была весело сыграна.

«Я была его женой, и это было для меня все», говоритъ Альбертина въ своихъ воспоминаніяхъ, «обстоятельства нашей жизни сложились такъ, какъ было угодно Богу. Много я испытала заботъ и превратностей судьбы, но я была его женой. Какое неизмѣримо счастье жить исключительно для тѣхъ, кого любишь! Я испытала это, сдѣлавшись женою Огюста, а затѣмъ матерью». Однако ихъ частыя разлуки начались тотчасъ послѣ свадьбы. Герцогъ Беррійскій отправился въ Англію къ своему отцу, и Ферроннэ долженъ былъ его сопровождать до Вѣны, а затѣмъ ему пришлось поѣхать къ умирающему отцу, въ помѣстье княгини Сапѣги, и остаться тамъ до его смерти. Проведя, наконецъ, нѣсколько времени со своей молодой женой, онъ былъ вызванъ герцогомъ Беррійскимъ въ Лондонъ, гдѣ оставался до рокового результата заговора Жоржа Кадудая, въ которомъ онъ не принялъ участія, лишь благодаря формальному приказанію графа Артуа не покидать его сына, герцога Беррійскаго. Только спустя годъ, онъ вернулся къ женѣ, но вскорѣ снова покинулъ ее; узнавъ изъ вѣрнаго источника, что одна изъ личностей, окружающихъ Людовика XVIII, жившаго тогда въ Варшавѣ, выдаетъ всѣ его тайны первому консулу, онъ поскакалъ туда, чтобы предупредить объ опасности, грозившей королю. Его приняли въ Варшавѣ очень любезно, но ему объявили, что онъ напрасно беспокоился, такъ какъ все, что онъ сообщилъ, давно было извѣстно. Бѣдный Ферроннэ вернулся въ Брауншвейгъ, гдѣ жила его жена, несолоно хлебавъ. Людовикъ вскорѣ послѣ этого вторично поселился въ Митавѣ, благодаря разрѣшенію императора Александра, вступившаго незадолго передъ тѣмъ на престолъ. Кстати нельзя не замѣтить, что Борегаръ неизвѣстно на какомъ основаніи увѣряетъ, что «въ это время Бонапарте дерзко предложилъ королю продать ему свою корону за чистыя деньги, но получилъ достойный отказъ».

Положеніе Ферроннэ было тогда очень критическое. Съ одной стороны у него только что родился сынъ, а съ другой онъ издержалъ послѣднія деньги на поѣздку въ Варшаву и не зналъ, чѣмъ существовать. Наконецъ, онъ рѣшился поѣхать въ Петербургъ и по примѣру многихъ эмигрантовъ поступить на русскую службу. Но по дорогѣ онъ счелъ своимъ долгомъ заѣхать къ Людовику XVIII въ Митаву. Тамъ онъ встрѣтилъ принцессу Тарантъ, друга Маріи-

Антуанеты и статсъ-даму императрицы Маріи Ѳеодоровны. Она возвращалась въ Петербургъ, откуда была удалена Павломъ, и взялась хлопотать о принятіи Ферроннэ на русскую военную службу съ сохраненіемъ французскаго мундира, на чемъ онъ настаивалъ. По совѣту принцессы онъ остался въ Митавѣ ждать отвѣта и писалъ оттуда женѣ: «Ничто не можетъ сравниться съ великолѣпіемъ дворца, въ которомъ живетъ король, и живописностью вида на рѣку, протекающую у его подножья. Сады не уступятъ Версальскимъ, а зрѣлище безконечныхъ лѣсовъ и морскихъ дюнъ на горизонтѣ такъ великолѣпно, что его нельзя описать. Но какое различіе между рамкой и картиной! Королю пришлось здѣсь проститься со своими тѣлохранителями, экипажами и многочисленною прислугой». Черезъ три недѣли получился отвѣтъ отъ герцогини Тарантъ, которая извѣщала, что императоръ отказалъ наотрѣзъ въ просьбѣ Ферроннэ, а потому ему незачѣмъ было и ѣхать въ Петербургъ.

Проведя около полугода въ своей семьѣ, онъ снова отправился къ герцогу Беррійскому въ Англию, но на пути встрѣтилъ большія затрудненія, такъ какъ французы послѣ Аустерлицкой побѣды распоряжались безъ церемоніи во всей Германіи. Ферроннэ считался заговорщикомъ въ интересахъ Бурбоновъ, и потому ему грозила во всякое время участь герцога Ангіенскаго, схваченнаго въ Германіи и разстрѣяннаго въ Венсенѣ. Во время реставраціи, Ферроннэ однажды спросилъ у Фушэ, зачѣмъ императорская полиція такъ преслѣдовала его, и тотъ показалъ ему полицейское дѣло о роялистскихъ заговорщикахъ, въ числѣ которыхъ упоминался постоянно въ теченіе десяти лѣтъ Ферроннэ; а на вопросъ послѣдняго, что бы съ нимъ сдѣлали, еслибы его арестовали, Фушэ лаконично отвѣчалъ: «васъ повѣсили бы». Какъ бы то ни было, подъ фальшивымъ именемъ англичанина Флипса, секретаря лорда Кинерда, онъ вмѣстѣ съ этимъ лордомъ благополучно достигъ Лондона. Но въ слѣдующемъ году, воспользовавшись новою войной между Пруссіей и Франціей, онъ вернулся въ Брауншвейгъ къ своей женѣ, а когда іенскій погромъ заставилъ его снова искать спасенія въ Англии, то онъ уже выписалъ туда свою семью. Онъ устроилъ для нея хотя маленькую, но хорошенькую квартирку и характеристично говорилъ въ письмѣ къ Альбертинѣ, упоминая, что не могъ достать ей фортепіано. «Тебѣ придется подождать фортепіано до тѣхъ поръ, когда я буду русскимъ посланникомъ». Конечно, русскимъ посланникомъ онъ никогда не былъ, но французскимъ посланникомъ въ Петербургѣ онъ былъ впоследствии нѣсколько лѣтъ, и жена раздѣляла его блестящее положеніе. Но тогда имъ было еще далеко до этого.

Около пяти мѣсяцевъ жилъ спокойно Ферроннэ въ Лондонѣ, а затѣмъ снова покинулъ свою семью. На этотъ разъ театромъ его лихорадочной, но безцѣльной дѣятельности сдѣлалась Швеція. Ко-

роль Густавъ IV, ярый ненавистникъ Наполеона и пламенный сторонникъ Людовика XVIII, котораго онъ называлъ своимъ старшимъ братомъ, увлекался между многими безумными мечтами мыслью, что ему суждено Провидѣніемъ возстановить Бурбоновъ на французскомъ престолѣ, и потому онъ принималъ живое участіе во всѣхъ европейскихъ коалиціяхъ противъ Франціи. Даже послѣ Аустерлица, Иены и Прейсишъ-Эйлау онъ совершенно безумно одинъ велъ борьбу съ Франціей и пригласилъ Людовика XVIII и герцога Беррійскаго пріѣхать въ Швецію, въ надеждѣ, что ихъ присутствіе причинитъ многочисленныя дезертирства во французской арміи и заставитъ европейскія государства заключить новую коалицію. Тотъ и другой приняли приглашеніе. Первымъ прибылъ въ Швецію Людовикъ XVIII съ герцогомъ Ангулемскимъ, но его встрѣтилъ въ Карлскронѣ Густавъ съ печальнымъ извѣстіемъ о взятіи французами Стральзунда и острова Рюгена. Дѣло было проиграно прежде, чѣмъ начато, и хотя Густавъ настаивалъ на своемъ гостепріимствѣ, но король не хотѣлъ имъ воспользоваться и отправился въ Готенбургъ съ цѣлью оттуда отплыть въ Англію. Густавъ же поспѣшилъ въ Гельсинборгъ, гдѣ высадился герцогъ Беррійскій со своимъ вѣрнымъ адъютантомъ. Между ними произошла трогательная встрѣча, описывая которую Ферроннэ въ письмѣ къ женѣ приходитъ въ восторгъ отъ красоты, благородства и рыцарства этого, по его словамъ, лучшаго и храбрѣйшаго изъ королей XIX столѣтія. Но видя, что все пропало, герцогъ Беррійскій со своимъ адъютантомъ присоединился къ королю въ Готенбургѣ. Тамъ противные вѣтры и бури заставили ихъ провести двѣ недѣли среди постоянныхъ празднествъ, баловъ, спектаклей и концертовъ. Наконецъ, они пустились въ путь, не предупредивъ англійскаго правительства, такъ какъ Людовикъ хотѣлъ сдѣлать сюрпризъ своему англійскому брату. Но оказалось, что Бурбонамъ не дозволили высадиться въ Ярмутъ. Только ловкая выходка графа Артуа, жившаго въ Лондонѣ, помогла имъ выйти изъ этого затруднительнаго положенія. Онъ насильно остановилъ на улицѣ карету, въ которой ѣхалъ къ королю первый министръ Питтъ, и подъ угрозой общественнаго скандала заставилъ его послать приказъ о дозволеніи королю высадиться на англійскомъ берегу. Такъ комично кончилась шведская экспедиція Бурбоновъ, и ихъ вѣрный рыцарь Ферроннэ возвратился еще разъ благополучно въ лоно своего семейства.

Но ему рѣшительно не сидѣлось на одномъ мѣстѣ, и притомъ ему было противно видѣть, что король и принцы ничего не предпринимали въ свою пользу, а окружавшіе ихъ эмигранты легкомысленно веселились, хотя положеніе ихъ короля было болѣе чѣмъ печальное, такъ какъ его помѣстили въ замкѣ герцога Букингама въ Госфильдѣ, и не дозволяли ему показываться въ Лондонѣ. Энергичный, предприимчивый Ферроннэ не могъ примириться съ

праздною жизнью призрачнаго двора въ Госфильдѣ тѣмъ болѣе, что герцогъ Беррійскій мучилъ его постоянными капризами и неприятными выходками. Даже семейное счастье не могло утолить его жажды дѣятельности, борьбы, опасностей. Поэтому, когда Густавъ IV безумно началъ войну съ Россіей въ Финляндіи и съ Даніей—въ Норвегіи, онъ полетѣлъ въ маѣ 1808 года въ Швецію и предложилъ ему свои услуги, какъ волонтеръ.

Получивъ при отъѣздѣ торжественное благословеніе короля, онъ былъ встрѣченъ въ Готенбургѣ, который онъ называетъ «Новой Капуей», съ расprostертыми объятіями. Но онъ вскорѣ вырвался изъ водоворота тамошнихъ удовольствій и посѣшилъ въ Стокгольмъ, гдѣ Густавъ IV наговорилъ ему массу любезностей и назначилъ адъютантомъ къ генералу Армфельду, который командовалъ шведскою арміею въ Норвегіи. Легко увлекающійся французъ пришелъ въ восторгъ отъ своего новаго начальника, который, будучи уроженцемъ Финляндіи, игралъ значительную роль въ Швеціи при Густавѣ III и IV, а затѣмъ въ Россіи, гдѣ Александръ I пожаловалъ его въ графы, но затѣмъ подвергъ опалѣ. «Наконецъ-то,—писалъ Ферроннэ,—я нахожусь въ настоящей арміи и подъ начальствомъ настоящаго генерала. Конечно, его репутація слишкомъ хорошо установлена, чтобы мое мнѣніе могло имѣть какое нибудь значеніе. Но я никогда не видалъ человѣка болѣе очаровательнаго и производящаго такое сильное впечатлѣніе. Онъ высокаго роста, очень красивъ, держитъ себя съ большимъ достоинствомъ, не лишеннымъ граціи, знаетъ всѣ европейскіе языки и говоритъ на нихъ бѣгло. Онъ заботится обо всемъ и поспѣваетъ всюду. Хотя наша армія не многочисленна, но при такомъ генералѣ можно было бы имѣть успѣхъ, еслибы у него руки были развязаны, но король мѣшаетъ ему дѣйствовать согласно его плану».

Дѣйствительно, Густавъ IV совершенно впалъ въ мистицизмъ, читалъ только апокалипсисъ и съ помощью его и астрологіи хотѣлъ распоряжаться военными дѣйствіями. Поэтому неудивительно, что русскіе и датчане одерживали побѣды, а присланный ему на помощь англійскій отрядъ въ двѣнадцать тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ сэра Джона Мура, видя, какой оборотъ принимаютъ дѣла, быстро удалился на родину. Армфельдъ естественно не могъ ничего сдѣлать, получая противорѣчивыя и непонятныя приказанія. Наконецъ, онъ былъ отставленъ и даже подвергнутъ изгнанію. Ферроннэ не хотѣлъ оставаться въ Швеціи при такомъ положеніи дѣлъ и воспользовался тѣмъ, что принцъ Беррійскій требовалъ его возвращенія съ цѣлью сопровождать его въ Испанію, гдѣ онъ рѣшился принять участіе въ борьбѣ испанцевъ съ Наполеономъ. Шведскій король отпустилъ его съ сожалѣніемъ, и въ сентябрѣ мѣсяцѣ того же года странствующій рыцарь снова явился къ женѣ и дѣтямъ, съ которыми онъ теперъ долженъ былъ впервые про-

вести четыре года, такъ какъ экспедиція герцога Беррійскаго въ Испанію не удалась въ виду противодѣйствія англійскаго правительства и нежеланія испанцевъ принять въ свою армію Бурбоновъ.

Хотя во время этой продолжительной пѣредышки между своими странствованіями по Европѣ Ферроннэ продолжалъ служить адъютантомъ у герцога Беррійскаго при маленькомъ дворѣ Людовика XVIII въ Гартвелѣ, гдѣ онъ теперь жилъ близъ Лондона, но въ немъ проснулась новая потребность къ самообразованію. Всѣ его неудачныя попытки проложить себѣ дорогу въ свѣтѣ и оказать энергичною дѣятельностью дѣйствительныя услуги королевскому дѣлу во Франціи убѣдили его, что онъ стоялъ на ложномъ пути и если искренно хотѣлъ достигъ того и другого, то прежде всего долженъ былъ застаться тѣми знаніями, которыхъ ему не доставало, чтобы играть значительную роль. Въ письмахъ къ женѣ, относящихся къ этой фазѣ его существованія, онъ откровенно признавался въ происшедшей въ немъ перемѣнѣ, и дѣйствительно онъ посвятилъ всѣ свои силы вмѣсто неудачныхъ странствованій на изученіе англійскаго, нѣмецкаго и итальянскаго языковъ, а также на чтеніе серіозныхъ, преимущественно историческихъ книгъ. Не только дома, но и въ Гартвелѣ, онъ усидчиво развивалъ свои замѣчательныя способности, оставшіяся до тѣхъ поръ безъ всякаго примѣненія. Такимъ образомъ, когда въ началѣ 1813 года онъ получилъ серіозное дипломатическое порученіе отъ Людовика XVIII для вступленія въ переговоры съ императоромъ Александромъ послѣ пораженія Наполеона въ Россіи, то онъ взялся за это дѣло совершенно инымъ челоувѣкомъ, чѣмъ прежде. Въ немъ уже проявились первые зачатки дипломатическаго таланта, который онъ блестяще выказалъ впослѣдствіи, будучи посланникомъ въ Петербургъ и французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Первую мысль объ этомъ тайномъ посольствѣ подалъ самъ Ферроннэ въ концѣ 1812 года, на основаніи полученныхъ имъ свѣдѣній отъ Армфельда, который тогда пользовался большою силой въ Петербургѣ и находился въ постоянной перепискѣ со своимъ бывшимъ адъютантомъ. Въ подробной запискѣ, поданной королю, онъ изложилъ всю пользу, которую могла принести его поѣздка въ Петербургъ для изслѣдованія настоящихъ намѣреній императора Александра въ случаѣ низверженія Наполеона, и при этомъ онъ прямо указывалъ, что нисколько не надѣялся на свои собственные таланты, но рассчитывалъ на помощь такого авторитетнаго лица, какъ Армфельдъ. Но, какъ всегда, Людовикъ долго колебался, и когда онъ, наконецъ, рѣшился принять предложеніе Ферроннэ послѣ прибытія изъ Петербурга герцога Нуаля, который увѣрялъ, что Александръ былъ совершенно готовъ возстановить немедленно Бурбоновъ на французскомъ престолѣ, то обстоятельства уже перемѣнились. Армфельдъ находился въ опалѣ, и такимъ

образомъ у Ферроннэ ускользало изъ рукъ главное орудіе, на которое онъ разсчитывалъ для успѣха своей экспедиціи въ Петербургъ. Къ тому же онъ не довѣрялъ извѣстію, привезенному легкомысленнымъ Нуалемъ, такъ какъ онъ зналъ отъ Армфельда, что Александръ не былъ такъ расположенъ къ Бурбонамъ, а напротивъ, послѣ свиданія съ Людовикомъ XVIII въ Митавѣ, говорилъ: «Это самый пустой и ничего не значащій челоувѣкъ въ Европѣ».

Но король упорно настаивалъ на поѣздкѣ Ферроннэ и, мало того, еще значительно расширилъ программу даваемого ему порученія. Онъ долженъ былъ свезти въ Петербургъ новую прокламацію короля и убѣдиться изъ личныхъ разговоровъ съ императоромъ въ его намѣреніяхъ относительно Бурбоновъ. Кромѣ того, ему предстояло добиться назначенія герцога Ангулемскаго, или одного изъ его сыновей, начальникомъ той или другой части русской арміи, а также навести справки о томъ, не согласится ли Александръ отдать замужъ за герцога Баррійскаго свою сестру, великую княжну Анну. Наконецъ, ему было предписано тайно войти въ сношенія съ плѣнными французскими офицерами въ Россіи и узнать отъ нихъ, какъ они отнесутся къ реставраціи Бурбоновъ, а по дорогѣ заѣхать въ Стокгольмъ и убѣдиться, дѣйствительно ли вновь избранный наслѣдникъ шведскаго престола, бывший французскій маршалъ Бернадотъ, расположенъ въ пользу возстановленія Бурбоновъ на французскомъ престолѣ. Чувство долга побудило Ферроннэ принять на себя исполненіе такого труднаго и важнаго порученія, хотя онъ сознавалъ вполне свою неспособность и вообще неосуществимость королевскаго плана. Но его поддерживало убѣжденіе, что онъ все-таки окажетъ болѣе услугъ, чѣмъ остальные легкомысленные эмигранты, и будетъ имѣть возможность пользоваться въ Петербургѣ совѣтами Армфельда, если не его вліяніемъ.

Согласно своей инструкціи, тайный посланникъ короля прямо отправился въ Швецію, гдѣ въ послѣднее время совершился государственный переворотъ. Народное возстаніе низвело съ престола Густава IV, въ началѣ 1809 года, и королемъ превозглашенъ его старый дядя, герцогъ Зюдерманландскій, Карлъ XIII, а наслѣдникомъ престола выбранъ Бернадотъ, который правилъ страной и перемѣнилъ всю шведскую политику. Онъ заключилъ въ Або, при личномъ свиданіи съ Александромъ, союзъ съ Россіей, за что получилъ Норвегію, и готовился, послѣ пораженія Наполеона въ 1812 году, принять участіе въ походѣ Европы на Францію. Обо всемъ этомъ Ферроннэ зналъ подробно отъ Армфельда и несчастнаго Густава IV, который среди своихъ странствованій по Европѣ заѣзжалъ въ Гартвель, гдѣ Ферроннэ былъ приставленъ къ нему адъютантомъ. Но эти перемѣны, однако оставляли въ сердцѣ Ферроннэ надежду, что ему удастся подѣй-

ствовать на французскія наклонности Бернадота, тѣмъ болѣе, что у него былъ адъютантомъ французскій аристократъ Монришаръ, госпожа Сталь царила тогда въ Стокгольмѣ, и старый пріятель Ферроннэ, эмигрантъ, герцогъ Пьень находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ наслѣднымъ принцемъ. Дѣйствительно, Пьень, котораго импровизованный дипломатъ увидѣлъ прежде всѣхъ въ шведской столицѣ, показалъ ему письмо Бернадота отъ 13 января 1813 года, въ которомъ послѣдній писалъ въ отвѣтъ на поданную Пьенемъ записку въ пользу Бурбоновъ. «Хотя я былъ очень тронутъ вашими доводами, но мнѣ кажется, что еще не пришло время серьезно заняться этимъ предметомъ. Но я твердо намѣренъ, какъ только явятся благопріятныя обстоятельства, доказать тѣмъ, которыми вы интересуетесь, мои чувства къ нимъ». Передавая это письмо Пьену, Монришаръ прибавилъ, что Бернадотъ былъ глубоко преданъ Бурбонамъ, что, самъ уроженецъ Беарна, онъ не могъ забыть потомковъ Генриха IV. но считалъ невыгоднымъ для нихъ всякое преждевременное дѣйствіе, и что, наконецъ, король могъ вполне рассчитывать на него.

Однако, несмотря на это, на всѣ хлопоты герцога Пьена и госпожи Сталь, а также на его личныя настаиванія въ разговорахъ съ Монришаромъ, который поразилъ его своимъ равнодушіемъ къ Бурбонамъ, Ферроннэ не могъ добиться не только официальной аудіенціи, но даже тайнаго свиданія съ наслѣднымъ принцемъ. Ему пришлось удовольствоваться бесѣдами съ частнымъ секретаремъ Бернадота, французомъ Каномъ, который, по слухамъ, былъ его молочнымъ братомъ, и барономъ Виттерштегомъ, котораго Ферроннэ зналъ еще ранѣе при шведскомъ дворѣ. Оба они, но первый очень рѣзко, а послѣдній въ мягкихъ, любезныхъ выраженіяхъ сообщили ему, что наслѣдный принцъ рѣшительно не можетъ принять его, такъ какъ англійскія газеты разоблачили цѣль его поѣздки, и что наслѣдному принцу надо быть очень осторожнымъ, въ виду непопулярности въ Швеціи союза съ Россіей, а главное того факта, что Густава IV болѣе всего обвиняли въ чрезмѣрной поддержкѣ Бурбоновъ. Но все-таки баронъ прибавлялъ въ утѣшеніе, что Бернадотъ не забывалъ своего французскаго происхожденія и считалъ необходимымъ для счастья Франціи возвращеніе къ прежнимъ порядкамъ послѣ низверженія императорскаго деспотизма. Напротивъ Канъ съ рѣзкостью республиканца, сына торговца зонтиками, прямо уничтожилъ всѣ надежды представителя Людовика XVIII. По его словамъ, въ Швеціи или ненавидѣли, или осуждали Бурбоновъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ признавалъ новую прокламацію Людовика вполне неудачною и предсказывалъ, что поѣздка Ферроннэ въ Россію не увѣнчается успѣхомъ. По его словамъ, Александръ не могъ въ то время признать Людовика королемъ, такъ какъ этимъ онъ убилъ бы въ Германіи національный энтузіазмъ, отъ котораго

зависѣла побѣда въ новой войнѣ. Что касается до Швеціи, то Канъ прибавилъ, что она послѣ побѣды надъ Наполеономъ, быть можетъ, приметъ на свою службу герцога Беррійскаго, о которомъ говорили довольно хорошо. Въ концѣ концовъ этотъ замѣститель Бернадота прямо высказалъ, что, если паденіе Бонапарта, въ чемъ нельзя было сомнѣваться, приведетъ къ возстановленію Бурбоновъ, то оно встрѣтитъ много противодѣйствій и можетъ совершиться лишь при введеніи конституціоннаго парламентскаго управленія. Но и въ этомъ случаѣ многіе, по его словамъ, признавали, что ни одинъ изъ Бурбоновъ не способенъ управлять страной при новыхъ порядкахъ, а потому не было причины, чтобы кто либо другой не занялъ престола, который только Бурбоны и ихъ немногіе приверженцы считали собственностью того, кого они называли Людовикомъ XVIII.

Хотя Ферроннэ еще былъ новичкомъ на дипломатической почвѣ и не могъ понять изъ всей болтовни Кана, что Бернадотъ, какъ теперь вполнѣ извѣстно, самъ имѣлъ притязаніе на французскій престолъ, но все, что онъ слышалъ, произвело на его чуткую натуру сильное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что русскій посланникъ въ Стокгольмѣ, Сухтеленъ, по его словамъ, человѣкъ прекрасный и очень умный, подтвердилъ всеобщее равнодушіе къ Бурбонамъ. «Мы дойдемъ до Рейна,—сказалъ онъ:—Австрія послѣдуетъ примѣру того движенія, которое мы распространяемъ въ Германіи, и наша цѣль будетъ достигнута. Мы не добиваемся расчлененія Франціи, и намъ довольно вернуться къ границамъ 1789 года. Конечно, мы заявимъ, что не можемъ заключить мира съ Бонапарте, который долженъ быть объявленъ внѣ закона. Но не намъ предлагать французамъ ту или другую форму правленія. Вернемъ Европу въ то положеніе, въ которомъ она находилась въ 1792 году, и довольно. Пусть Франція избересть себѣ какое хочетъ правленіе: республиканское, роялистское или деспотическое; это до насъ не касается».

Изо всего этого, Ферроннэ пришелъ къ убѣжденію, что настало время Бурбонамъ и эмигрантамъ открыть глаза и дать себѣ ясный отчетъ въ своемъ положеніи. «Какъ мы ложно судимъ о томъ, что происходитъ вокругъ насъ,—писалъ онъ женѣ во время этого кризиса своего политическаго развитія, подготовленнаго его серіозными занятіями послѣднихъ лѣтъ:—мы окаменѣли въ томъ положеніи, въ какомъ насъ застала революція. Все измѣнилось на свѣтѣ, а мы нелѣпо продолжаемъ гордиться нашею кровью и воспитаніемъ, которыя, однако, отвратительны во многихъ отношеніяхъ. Мы упорно считаемъ себя выше людей революціи, но этотъ Канъ со своими отвратительными манерами и неизящными рѣчами доказалъ мнѣ противное. Однако онъ началъ свою карьеру маленькимъ чиновникомъ и, конечно, не получилъ хорошаго воспитанія

и не представляетъ ничего особеннаго. Во Франціи тысячи людей такихъ, какъ онъ, и лучше его. Говорятъ, что теперь никто не занимаетъ высокаго мѣста во Франціи иначе, какъ по заслугамъ. Признаюсь, меня очень удивило, что этого революціоннаго выскочку принимаютъ здѣсь въ лучшемъ обществѣ. Конечно, его голова не такъ низко склоняется, какъ головы аристократовъ, онъ въ гостинныхъ задѣваетъ локтями и не умѣетъ говорить сладкихъ комплиментовъ женщинамъ, но съ мужчинами онъ разговариваетъ толково, серьезно. Люди, подобные ему, привыкли совмѣщать въ своей головѣ здравыя мысли. Самый способный изъ нашихъ эмигрантовъ не сумѣетъ поддержать разговоръ въ теченіе четверти часа съ послѣднимъ секретаремъ послѣдней канцеляріи послѣдняго департамента имперіи». Грустно было прійти къ подобному заключенію послѣ пятнадцати лѣтъ безцѣльной борьбы, напрасно пролитой крови и столькихъ разочарованій, но Ферроннэ рѣшился извлечь пользу и для себя и для все-таки дорогого ему королевскаго дѣла изъ отрезвляющихъ впечатлѣній, произведенныхъ на него пребываніемъ въ Стокгольмѣ. Самъ онъ далъ себѣ слово поступать совершенно иначе, чѣмъ прежде, и пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы научиться уму-разуму, а герцогу Беррійскому онъ подробно написалъ всю правду, откровенно выяснивъ, какъ современный свѣтъ смотрѣлъ на Бурбоновъ и на ихъ сторонниковъ.

Между тѣмъ Бернадотъ собирался ѣхать въ союзную армію, и Ферроннэ нечего было дѣлать въ Швеціи, поэтому онъ отправился въ Петербургъ, 22-го марта, морскимъ путемъ на маленькомъ суднѣ, на которомъ помѣщалось не болѣе четырехъ человекъ. Но встрѣченные льды помѣшали благополучному плаванію, и, преодолевъ немало серьезныхъ опасностей, путешественникамъ пришлось выйти на берегъ въ Экерое, а оттуда на саняхъ добраться черезъ Финляндію до Петербурга, куда они достигли 29-го марта. «Это великолѣпнѣйшій городъ въ свѣтѣ,—писалъ Ферроннэ въ первый день своего пріѣзда въ русскую столицу:—все здѣсь колоссально, улицы, площади и дворцы гигантскихъ размѣровъ. Даже дома частныхъ лицъ казались бы въ другихъ городахъ дворцами. Что ожидаетъ меня въ этой великолѣпной декораціи?»

Конечно, его ожидали только мрачныя разочарованія. Какъ только, по его собственнымъ словамъ, «онъ бросилъ свой плащъ на стулъ», Ферроннэ былъ обрадованъ посѣщеніемъ официальнаго представителя Людовика XVIII въ Петербургѣ, Бриона. Но не радостныя вѣсти принесъ ему этотъ «призрачный посланникъ призрачнаго короля», по выраженію Вандаля. Онъ откровенно познакомилъ своего новаго товарища съ печальнымъ положеніемъ дѣлъ. Его слабый голосъ не находилъ отголоска ни въ сердцѣ императора Александра, ни при дворѣ, а вообще въ Россіи, кромѣ старой русской партіи, враждебно относились къ Бурбонамъ. Изъ ино-

странныхъ посланниковъ, по словамъ Бріона, лучшимъ другомъ Бурбоновъ былъ представитель Неаполя, герцогъ Серра Капріола, и онъ посовѣтовалъ Ферроннэ отправиться прежде всего къ этому дипломату. Но разорившійся итальянскій аристократъ, хотя и разыгрывалъ свою роль довольно прилично, ни въ чемъ не могъ быть полезенъ Ферроннэ и только посовѣтовалъ ему представиться какъ можно скорѣе канцлеру Румянцеву.

Канцлеръ принялъ тайнаго представителя французскаго короля очень любезно, но естественно послѣдній увидѣлъ въ немъ не того молодого дипломата, который въ 1792 году привозилъ въ Кобленцъ Бурбонамъ добрыя пожеланія императрицы Екатерины, а могущественнаго министра, все еще питавшаго культъ къ Наполеону и полагавшаго, несмотря на событія 1812 года, что одинъ Наполеонъ въ состояніи подарить Россіи Константинополь, цѣль всѣхъ его стремленій. Это первое свиданіе продолжалось недолго, но зато второе, происшедшее черезъ два дня, длилось безконечно. «Я пріѣхалъ въ назначенное время,—разсказываетъ Ферроннэ,—и разговоръ начался съ того, что канцлеръ еще любезнѣе прежняго сталъ спрашивать меня, какъ увеличивается партія короля, какъ успѣшно развивается движеніе въ его пользу, и уѣхалъ ли во Францію кто нибудь изъ принцевъ. Я отвѣчалъ, что у короля много партизановъ, но нѣтъ партіи въ строгомъ смыслѣ этого слова, такъ какъ для партіи необходимъ центръ, а чтобы сдѣлаться этимъ центромъ, нужны средства, которыя ему могутъ дать только европейскія державы, въ особенности Россія. По словамъ канцлера, мои объясненія очень его удивили, такъ какъ еще недавно его увѣрялъ послѣдній представитель короля (вѣроятно, герцогъ Нуаль), что армія короля, состоявшая изъ ста пятидесяти тысячъ человѣкъ, готова была вступить во Францію въ мартѣ мѣсяцѣ. Затѣмъ онъ наговорилъ массу лестныхъ любезностей какъ Бурбонамъ, такъ и мнѣ самому, но въ каждомъ его словѣ просвѣчивала ложь, и онъ не могъ лишить себя удовольствія упомянуть нѣсколько разъ о гениі Бонапарте. Наконецъ, двухчасовая бесѣда окончилась, и канцлеръ пригласилъ меня къ обѣду, на которомъ обѣщалъ познакомить меня со всѣми дипломатами и министрами. Къ этому онъ прибавилъ, что мнѣ необходимо представиться обѣимъ императрицамъ, о чемъ онъ обѣщалъ похлопотать въ тотъ же день. Наконецъ, при прощаніи онъ разыгралъ очень комическую сцену и, схвативъ меня за обѣ руки, произнесъ: «Ахъ, графъ, я имѣю честь васъ знать только нѣсколько минутъ, но не могу не высказать вамъ, что вы возбудили во мнѣ величайшее сочувствіе. Еслибы у вашего короля были представителями люди, которые умѣли бы защищать его интересы съ вашимъ благоразуміемъ, умѣренностью и безпристрастіемъ, то онъ избавился бы отъ многихъ непріятностей, а Европа, быть можетъ, избавилась бы отъ многихъ

несчастій». Я долженъ былъ покраснѣть, опустить глаза и пробормотать что-то невнятное. Затѣмъ я поспѣшилъ уйти, чтобы не разсмѣяться. Очевидно, я сдѣлалъ или сказалъ какую нибудь глупость».

Выходя изъ дома канцлера, Ферроннэ встрѣтилъ герцога Серра-Каприолу, и тотъ, узнавъ о лестномъ приѣмѣ Румянцева, сказалъ: «Смотрите, здѣсь дурной признакъ, когда васъ очень хорошо принимаютъ». И опытный дипломатъ напомнилъ примѣръ французскаго посла Коленкура, который писалъ императору: «никогда ни съ однимъ посланникомъ такъ не обращаются при русскомъ дворѣ, какъ со мною, и мнѣ выказываютъ не только полное довѣріе, но искреннюю дружбу», а черезъ двадцать четыре часа онъ долженъ былъ увѣдомить свое правительство, что планъ Наполеона о женитьбѣ на великой княжнѣ Аннѣ окончательно потерпѣлъ фіаско.

Все-таки Ферроннэ не терялъ надежды встрѣтить въ Александрѣ доброе расположеніе, а потому ему было очень горько, когда его въ этомъ разочаровалъ Армфельдъ, который окружилъ своего прежняго адъютанта самымъ радушнымъ вниманіемъ. Но все, что онъ разсказалъ объ Александрѣ, обдало холодной водой вѣчно увлекающагося Ферроннэ. Самъ Армфельдъ продолжалъ сочувственно относиться къ Бурбонамъ и всячески старался расположить къ нимъ Александра, съ которымъ переписывался, несмотря на свою официальную опалу. Но, по его словамъ, недовѣрчивый и перемѣнчивый характеръ Александра не обѣщаль ничего хорошаго, а то, что ему пришлось видѣть и слышать въ Або при свиданіи Александра съ Бернадотомъ, не позволяло ему разсчитывать на успѣхъ Бурбонскаго плана. По его словамъ, Бернадотъ въ разговорахъ съ Александромъ признавалъ, что нельзя окончательно уничтожить Бонапарте безъ содѣйствія Бурбоновъ, но ихъ можно было вернуть на французскій престолъ, не допустивъ ни до какого участія въ дѣлахъ. «Императоръ,—прибавилъ Армфельдъ,—былъ такъ убѣжденъ въ справедливости мнѣнія Бернадота, что его трудно будетъ въ этомъ разуверить». Конечно, не желая довести своего друга до полного отчаянія, Армфельдъ скрылъ отъ него, что Александръ даже разговаривалъ съ Бернадотомъ о возможности возведенія послѣдняго на французскій престолъ, и въ видѣ утѣшенія показалъ Ферроннэ письмо къ Александру, въ которомъ онъ совѣтовалъ немедленно принять въ свою армію герцога Беррійскаго.

Повидимому, одно разочарованіе за другимъ было удѣломъ Ферроннэ въ Петербургѣ. Стокгольмъ открылъ ему глаза на значеніе революціи, а Петербургу было суждено убѣдить его, чѣмъ дѣйствительно былъ Наполеонъ для французской арміи. Согласно своей инструкціи онъ вступилъ въ сношенія съ нѣкоторыми изъ плѣнныхъ офицеровъ, и оказалось, что они всѣ питали культъ къ Наполеону и были увѣрены, несмотря на бѣдствія 1812 года, что

онъ вернетъ побѣду французскому знамени. Что же касается до Бурбоновъ, то они даже забыли о нихъ думать.

Между тѣмъ Армфельдъ ввелъ Ферроннэ въ лучшее петербургское общество, которое приняло его самымъ любезнымъ и лестнымъ образомъ. «Однако,—писалъ онъ,—я боюсь, что все это принесетъ мнѣ болѣе удовольствія, чѣмъ пользы. Я вчера имѣлъ продолжительный разговоръ съ графиней Толстой, и она мнѣ показала такъ расположенной оказать мнѣ услуги своимъ вліяніемъ при дворѣ, что я открылъ ей тайный планъ женитьбы герцога Беррійскаго на великой княжнѣ Аннѣ, но она остановила меня на первыхъ словахъ и посоветовала отложить это дѣло до болѣе благоприятныхъ обстоятельствъ. По ея словамъ, этотъ проектъ можетъ удалиться, если война окончится счастливо, и герцогъ Беррійскій поступитъ въ русскую армію. Кромѣ того, она увѣрила меня, что великую княжну не выдадутъ замужъ за англійскаго принца. Какъ бы то ни было, мнѣ слѣдуетъ обратиться по этому предмету къ вдовствующей императрицѣ, и потому я жду съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ обѣщанной мнѣ Румянцевымъ аудіенціи у нея». Но прежде этой аудіенціи ему пришлось присутствовать на обѣдѣ у канцлера и вотъ какъ онъ описываетъ его: «Гостей было очень много. Я сидѣлъ рядомъ съ хозяиномъ, и онъ обращался со мною такъ изысканно любезно, что невольно или намѣренно создалъ мнѣ много враговъ. Изъ всѣхъ гостей всего болѣе понравился мнѣ испанскій посланникъ, и еслибы я остался долго въ Петербургѣ, то, конечно, дорожилъ бы всего болѣе его обществомъ. Я также долго бесѣдовалъ съ представителемъ Швеціи, умнымъ и тонкимъ, но фальшивымъ человекомъ. Послѣ обѣда канцлеръ отвелъ меня въ свой кабинетъ и сказалъ: «Я много думалъ о важности вашей миссіи и полагаю, что всякая задержка можетъ повредить ея успѣху. Я ощущаю къ вамъ такое горячее сочувствіе, что готовъ взять на себя отвѣтственность отправить васъ въ главную квартиру императора, не дожидаясь его разрѣшенія. Я дамъ вамъ не только курьерскій паспортъ, но и курьера». Конечно, я разсыпался въ благодарностяхъ, и было рѣшено, что я уѣду черезъ три дня. Извѣстіе объ этомъ удивило всѣхъ моихъ друзей, и мнѣ совѣтовали поскорѣ воспользоваться необыкновенною милостью канцлера, но при этомъ мнѣ дали почувствовать, что хитрый Румянецъ въ сущности только желалъ поскорѣ отъ меня отдѣлаться».

На слѣдующій день Ферроннэ представился обѣимъ императрицамъ и великой княжнѣ Аннѣ. «Нѣтъ сомнѣнія,—пишетъ онъ,—что это самая красивая коронованная семья въ Европѣ. Вдовствующая императрица представляетъ типъ величественной государыни. Ея обращеніе такъ же очаровательно, какъ ея внѣшность. Повидимому, время щадитъ ее въ интересахъ ея расы. Ни одна мать не занималась никогда такъ благородно своими дѣтьми, какъ

императрица Марія. Ея сыновья до сихъ поръ находятся какъ бы подъ ея опекой, а замужнія дочери пишутъ ей каждый день. Она удостоила меня самыми лестными фразами, но, признаюсь, я не могъ не подумать, что онѣ были внушены ей политикой и обстоятельствами. Совершенно иное впечатлѣніе производитъ императрица Елисавета. Физически она прелестна; ея голосъ чарующій, глаза необыкновенные, и я никогда не видалъ такой граціозной женщины. И безъ короны весь свѣтъ былъ бы у ея ногъ. Что же касается до великой княжны Анны, то я желалъ бы, чтобы она была при ея красотѣ болѣе живою и болѣе энергичною. По странной случайности она спросила у меня о здоровьѣ герцога Беррійскаго и съ интересомъ разспрашивала разныя подробности объ его жизни. Добрая, простая, нѣжная, великая княжна едва ли имѣетъ задатки, чтобы быть счастливой при нашемъ дворѣ. Во всякомъ случаѣ она не подозрѣваетъ интригъ, имѣющихъ ее своимъ предметомъ».

9-го апрѣля Ферроннэ выбылъ изъ Петербурга и догналъ главную квартиру императора только въ Дрезденѣ. Но не легко было ему добиться аудіенціи. Даже не сразу онъ достигъ чести представиться графу Нессельроде. Въ первый день его вовсе не приняли, во второй онъ прождалъ около часа въ передней, и наконецъ Нессельроде, проходя мимо, сказалъ не останавливаясь, что императоръ не можетъ принять графа, а что къ нему пусть онъ придетъ на другой день. Французъ очень обидѣлся такой безцеремонной выходкой и, разыскавъ барона Анстета, къ которому у него было письмо отъ Армфельда, онъ пожаловался ему на Нессельроде. Этотъ баронъ былъ французомъ по происхожденію, но находился съ 1789 года въ русской службѣ, сначала морской, а потомъ дипломатической и, состоя въ свитѣ Александра, пользовался большою его милостію. Онъ принялъ своего соотечественника очень любезно и обѣщалъ поговорить съ Нессельроде. «Смерть Кутузова, сказалъ онъ, неожиданное появленіе Наполеона во главѣ евоей арміи и надежда императора покончить разомъ со своимъ врагомъ такъ поглощаютъ все вниманіе его величества, что онъ рѣшительно не можетъ посвятить вамъ одной минуты. Но предупреждаю васъ, будьте осторожны, держите крѣпко свои бумаги и относитесь заботливо къ своей перепискѣ: здѣсь читаютъ всѣ письма. Я удивляюсь, что въ Гартвелѣ не понимаютъ, какъ для насъ важно сохранить дружбу Австріи. Я уже не говорю о невозможности брака великой княжны съ герцогомъ Беррійскимъ, но даже присутствіе его или ваше въ качествѣ официальнаго представителя короля въ арміи окончательно лишило бы насъ австрійской помощи, а его величество готовъ дать всѣ гарантіи императору Францу насчетъ будущности его дочери Маріи-Луизы».

Хотя эти слова барона Анстета далеко не были утѣшительны

для бѣднаго Ферроннэ, но онъ, вѣроятно, заинтересовался имъ и замолвилъ о немъ словцо Нессельроде, потому что послѣдній принялъ француза на слѣдующій день очень любезно. «Не сомнѣвайтесь, сказалъ онъ, въ чувствахъ императора къ графу Лильскому, (какъ офиціально называли тогда Людовика XVIII), но еще далека минута, когда настанетъ возможность ихъ доказать на дѣлѣ. Какъ только я получу приказанія его величества насчетъ васъ, то немедленно васъ увѣдомлю». На другое утро Ферроннэ узналъ, что Александръ уѣзжаетъ въ Лейпцигъ, гдѣ произойдетъ рѣшительная битва, и уговорилъ барона Анстета испросить у императора позволеніе ему сопровождать русскую армію. Но Александръ наотрѣзъ въ этомъ отказалъ и приказалъ ему ждать въ Дрезденѣ его распоряженій. Наконецъ послѣ битвъ при Люценѣ, Бауценѣ и Лейпцигѣ Ферроннэ, не получая нѣкакого отвѣта отъ императора, вышелъ изъ терпѣнія и написалъ письмо графу Толстому, умоляя его устроить для него аудіенцію. На этотъ разъ «гласъ вопящаго въ пустынь» былъ услышанъ, и графъ Нессельроде увѣдомилъ Ферроннэ, что Александръ приметъ его на слѣдующій день въ 7 часовъ вечера. Къ этому извѣстію онъ присоединялъ совѣтъ уѣхать тотчасъ послѣ аудіенціи изъ Дрездена, для чего былъ приложенъ курьерскій паспортъ на фиктивное имя для большей безопасности.

«Въ половинѣ седьмого,—разсказываетъ Ферроннэ,—я былъ уже у императора и прождалъ до девяти. Наконецъ меня провели въ кабинетъ Александра. Онъ принялъ меня съ заставляющими всѣхъ его обожать простотой, добротой, благородствомъ и граціей».—«Я очень радъ, графъ Ферроннэ,—сказалъ онъ,—познакомиться съ вами, но мнѣ очень жаль, что я въ эту минуту не могу исполнить желанія графа Лильскаго, что доставило бы мнѣ большое удовольствіе». Потомъ онъ взялъ изъ моихъ рукъ письма короля и двѣ составленныя мною записки, прочелъ ихъ, спросилъ нѣкоторыя подробности о планѣ короля и прибавилъ: «Нельзя лучше выразить всей пользы, которую могутъ принести предлагаемыя вами мѣропріятія, но, повторяю, теперь для нихъ не время. Къ тому же вы видите, какъ я занятъ. Я не могу сегодня говорить съ вами долѣе, приходите завтра въ 10 часовъ, и я вамъ подробно объясню мои взгляды. Я тогда вамъ отдамъ письма и вы тотчасъ уѣдете. Прошу васъ, не оставайтесь здѣсь. Зайдите, пожалуйста, къ Лебцельтерну и объявите, что вы уѣзжаете въ Лондонъ. Было бы недурно, еслибы вы взяли у него депеши; тогда онъ былъ бы увѣренъ, что вы уѣхали».

Прямо отъ императора Ферроннэ прошолъ къ барону Анстету и передалъ ему странный разговоръ съ Александромъ. «Вы, значитъ, имѣли большой успѣхъ у императора,—отвѣчалъ баронъ:—иначе бы вы не получили второй аудіенціи. Но послѣ этого вы должны непременно удалиться отсюда, такъ какъ необходимо уничтожить безпокой-

ство, причиненное вашимъ присутствіемъ австрійцамъ. Вѣрите, что когда дѣла примутъ желаемый нами оборотъ, то васъ немедленно вызовутъ, но не возвращайтесь въ качествѣ полуофіціального дипломата, какъ теперь. Мы не можемъ признать васъ посланникомъ, и это очень неловко для обѣихъ сторонъ. Оставаясь здѣсь, вы можете быть очень полезны для короля, но для этого вы должны быть въ качествѣ русскаго, или англичанина. Я предпочелъ бы видѣть въ васъ русскаго, и я берусь устроить вамъ это дѣло, если хотите». Въ тотъ же вечеръ Ферроннэ зашелъ къ графу Лебцельтерну, который былъ очень удивленъ и доволенъ его предстоявшимъ отъѣздомъ. Онъ очень просилъ француза отвезти его письма, и они любезно распростились.

На другой день, въ 9 часовъ вечера, онъ снова былъ у императора, и хотя въ пріемной было много лицъ, но его ввели въ кабинетъ ровно въ 10 часовъ. Императоръ подалъ ему два письма: къ королю и къ принцу Кондэ, а затѣмъ сказалъ: «Вѣрите мнѣ, графъ, я просто въ отчаяніи, что не могу ничего сдѣлать теперь для графа Лилъскаго, но вы сами видите, что начавшаяся борьба будетъ долгая и кровавая. Несмотря на то, что у меня хорошія войска, и пруссаки отличаются энтузіазмомъ, я не могу обойтись безъ австрійцевъ. Я говорю съ вами конфиденціально, чтобы доказать вамъ, какъ велико мое довѣріе къ вамъ, и вполне убѣжденъ, что вы сохраните мои слова въ тайнѣ». Говоря это, онъ захватилъ однимъ пальцемъ за петлицу ффрака Ферроннэ и продолжалъ совершенно дружескимъ тономъ: «Австрія можетъ присоединиться къ намъ на такихъ только условіяхъ, которымъ противорѣчатъ ваши предложенія. Вы меня, конечно, понимаете. Я долженъ теперь думать о настоящемъ и обязанъ на все согласиться. Будемъ терпѣливо ждать благопріятныхъ обстоятельствъ. Если намъ удастся прогнать Наполеона за Рейнъ, и тогда, какъ я увѣренъ, во Франціи произойдетъ движеніе въ пользу короля, то будьте увѣрены, я сумѣю воспользоваться этимъ случаемъ и внушить Австріи, что въ виду общаго желанія французскаго народа возвратить себѣ на престолъ короля всѣ заключенныя между нами условія теряютъ свою силу. Будемъ терпѣливы и осторожны. Вѣрите мнѣ, что я умѣю лучше всѣхъ цѣнить возстановленіе повсюду законныхъ правительствъ, что составляетъ единственную основу сохраненія мира и спокойствія въ Европѣ».

Ободренный словами императора, Ферроннэ спросилъ, нельзя ли ему послать письма съ курьеромъ, а самому остаться при русской главной квартирѣ, въ качествѣ тайнаго повѣреннаго въ дѣлахъ короля. При этомъ онъ напомнилъ, что его величество велѣлъ ему передать черезъ графа Армфельда свое желаніе видѣть его въ рядахъ русской арміи. «Еслибы вы пріѣхали сюда, графъ,—отвѣчалъ Александръ,—только съ рекомендаціей Армфельда, то я съ удоволь-

ствіемъ согласился бы на вапу просьбу, но англійскія газеты и письма злонамѣренныхъ лицъ изъ Петербурга разнесли повсюду вѣсть, что вы пріѣхали сюда съ дипломатическимъ порученіемъ отъ графа Лильскаго. Если я при этихъ обстоятельствахъ оставлю васъ при себѣ, то это будетъ значить, что я признаю его королемъ. А теперь я не въ состояніи этого сдѣлать. Мои отношенія съ Австріей мнѣ этого не дозволяютъ. По той же причинѣ я не могу исполнить желанія герцога Беррійскаго. Дайте мнѣ дойти до Рейна, и вы увидите, что я самъ потребую того, въ чемъ теперь вынужденъ отказать. А пока увеличивайте число вашихъ сторонниковъ во Франціи. Это развяжетъ мнѣ руки въ ту минуту, когда я буду стоять на вашей границѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ я велю написать графу Ливену, чтобы онъ всячески содѣйствовалъ вамъ въ вашихъ отношеніяхъ съ британскимъ кабинетомъ. Дѣйствуйте энергично, а въ результатѣ мы сойдемся. Я разрѣшаю вамъ писать мнѣ или барону Анстету, когда вы сочтете это нужнымъ въ интересахъ вашего короля. Я надѣюсь, что черезъ нѣсколько времени я васъ вызову къ себѣ. Мнѣ всегда будетъ пріятно васъ видѣть и вести съ вами переговоры насчетъ того, что вамъ поручено. Но уѣзжайте поскорѣе и ждите всего отъ времени и обстоятельствъ».

Приведя эти слова Александра, записанныя немедленно графомъ Ферроннэ, Борегаръ справедливо замѣчаетъ: «Императоръ не подозрѣвалъ, какъ онъ вѣрно совѣтовалъ Бурбонамъ ждать всего отъ обстоятельствъ. Дѣйствительно лишь обстоятельства создали реставрацію въ 1814 году и убѣдили въ ея необходимости колеблющійся умъ Александра. Какой громадной контрастъ заключался между тѣмъ, что онъ говорилъ графу Ферроннэ въ Дрезденѣ, и его словами, сказанными черезъ годъ Магдональдъ: «Я не знаю Бурбоновъ, если они вамъ не годятся, то возьмите какого нибудь иностраннаго принца или выберете кого нибудь изъ своихъ маршаловъ, какъ сдѣлала Швеція относительно Бернадота».

Въ виду того, какъ любезно Нессельроде обошелся съ графомъ Ферроннэ послѣ его второй аудіенціи у Александра, онъ могъ заключить, что очень понравился императору. «Его величество объявилъ мнѣ,—сказалъ ему Нессельроде,—что если когда нибудь король пришлетъ еще къ нему своего представителя, то онъ желаетъ, чтобы это былъ графъ Ферроннэ». Импровизованный дипломатъ написалъ по совѣту Анстета благодарственное письмо Александру и въ ту же ночь выѣхалъ изъ Дрездена.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ Ферроннэ вернулся въ Англію, и хотя его посольство не удалось, конечно, не по его винѣ, Людовикъ XVIII горячо поблагодарилъ его за привезенныя имъ справедливыя и точныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ. Тогда въ воздухѣ пахло реставраціей, и, быть можетъ, Ферроннэ одинъ въ Гартвелѣ не вѣрилъ въ близкое ея осуществленіе. «Я видѣлъ и знаю столько, писалъ онъ женѣ, что не

могу раздѣлять безумныхъ надеждъ окружающихъ меня лицъ. Могутъ ли наши добрыя намѣренія замѣнить французамъ геній и славу? Революція развила удивительную массу энергии и могучую силу мысли, но она уничтожила нравственные принципы. Поколѣнія, съ которыми намъ придется имѣть дѣло, ни во что не вѣрятъ, и для того, чтобы руководить ими, необходимъ геній и желѣзная рука. Увы, моя родина мнѣ очень дорога, но большой вопросъ, будемъ ли мы тамъ счастливы». Эти мрачныя сомнѣнія еще болѣе усилились въ душѣ Ферроннэ въ слѣдующемъ году. «Восторженное удивленіе, которое возбуждали въ моемъ мужѣ,—говоритъ графиня Ферроннэ въ своихъ воспоминаніяхъ,—подвиги Наполеона въ 1814 году, еще болѣе развило въ немъ опасеніе, что наши принцы не сумѣютъ управлять Франціей послѣ такого человѣка».

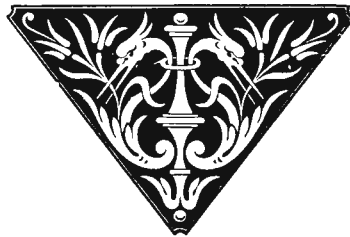
Но, несмотря на все, судьба улыбнулась Бурбонамъ и эмигрантамъ. Союзники вступили въ Парижъ, и на его улицахъ послышались крики: «да здравствуетъ король!». Герцогъ Беррійскій, ожидавшій на островѣ Джерсеѣ первой возможности высадиться на французскомъ берегу, отправился на катерѣ въ Шербургъ, откуда прибыла депутація съ приглашеніемъ удостоить своимъ посѣщеніемъ ихъ городъ. Конечно, вѣрный Ферроннэ сопровождалъ герцога въ эту важную минуту его жизни: «Какъ только катеръ показался передъ гаванью, на крѣпости былъ спущенъ трехцвѣтный флагъ, и вмѣсто него взвился бѣлый при громѣ пушекъ. Безконечное число лодокъ окружило катеръ, а когда герцогъ вышелъ на берегъ, то тысячи рукъ протянулись къ нему и понесли его торжественно въ городскую ратушу. О Ферроннэ никто не думалъ, и онъ, смиренно упавъ на французскую землю, пламенно поцѣловалъ ее». Вотъ въ какихъ высреннихъ выраженіяхъ описываетъ Борегаръ возвращеніе своего героя на родину, и онъ такъ увлекается своимъ лирическимъ паѳосомъ, что, по его словамъ, Ферроннэ провелъ въ изгнаніи двадцать лѣтъ, тогда какъ въ сущности онъ двадцать четыре года странствовалъ по Европѣ изъ конца въ конецъ.

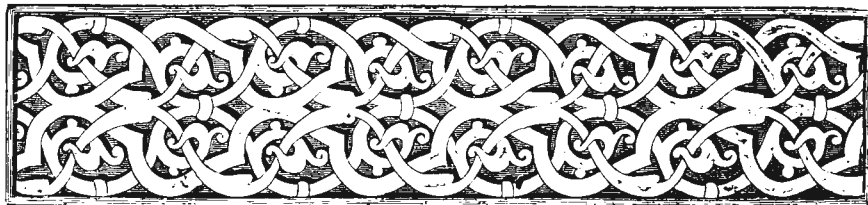
Во всякомъ случаѣ эпоха эмиграціи окончилась, а съ нею и первый томъ воспоминаній графа Ферроннэ. Второй же томъ будетъ посвященъ разсказу о дальнѣйшей жизни героя Борегара, преимущественно объ его посольствѣ въ Россіи, а потому, конечно, онъ представитъ большой интересъ, судя по нѣкоторымъ уже давно напечатаннымъ отрывкамъ изъ его депешъ. Вотъ, напримѣръ, какъ французскій посланникъ, сдѣлавшійся лицомъ, близкимъ къ Александру, характеризуетъ его личность, не даромъ прозванную сфинксомъ:

«Съ каждымъ днемъ мнѣ становится все труднѣе и труднѣе разгадать и узнать характеръ государя. Кажется, нельзя лучше говорить, какъ онъ, съ откровенностью и достоинствомъ. Бесѣда съ нимъ оставляетъ всегда самое пріятное впечатлѣніе. Вы раз-

стаетесь съ нимъ въ увѣренности, что этотъ государь съ прекраснѣйшими качествами рыцаря соединяетъ и качества великаго монарха. Онъ разсуждаетъ превосходно, подавляетъ доказательствами и говоритъ краснорѣчиво, съ горячностью убѣжденнаго человѣка. Кажется, все прекрасно, но въ концѣ концовъ его жизнь и все, что мнѣ приходится видѣть ежедневно, убѣждаютъ, что нельзя довѣрять ему. Безпрестанныя проявленія слабости доказываютъ, что энергія, которую онъ выказываетъ на словахъ, не въ его характерѣ, но съ другой стороны этотъ слабый характеръ проявляетъ такія вспышки энергіи, которыя вызываютъ въ немъ самую упорную рѣшимость, могущую повлечь за собою печальныя послѣдствія. Наконецъ императоръ крайне недовѣрчивъ, что доказываетъ его слабость, а слабость навлекаетъ несчастіе, хотя императоръ самый честный человѣкъ, какого когда либо я зналъ. Быть можетъ, онъ часто дѣлаетъ зло, но, тѣмъ не менѣе, онъ всегда желаетъ сдѣлать добро!»

В. Т.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Древности. Труды императорскаго Московскаго археологическаго общества, изданные подъ редакціей В. К. Трутовскаго. Томъ XVII. Съ 1 таблицей и 7 рисунками въ текстѣ. Москва. 1900.

РЕДПРИНЯТОЕ въ 1893 году изданіе при Московскомъ археологическомъ обществѣ Археологическихъ извѣстій и замѣтокъ (нынѣ, къ сожалѣнію, прекратившихся), равно какъ цѣлый рядъ специальныхъ изданій, возникшихъ, благодаря образованію при обществѣ особыхъ комиссій (Древности восточныя, Труды славянской комиссіи, Труды археографической комиссіи), послужили причиною тому, что основной органъ общества «Древности» послѣ выхода въ свѣтъ (въ 1894 году) XV тома не появлялся въ теченіе шестилѣтняго промежутка (XVI томъ вышелъ въ текущемъ году). Вслѣдствіе этого въ редакціонномъ портфель обществу накопился обширный матеріалъ, состоящій какъ изъ самостоятельныхъ изслѣдованій и статей, такъ и изъ протоколовъ засѣданій. Въ виду этого обществомъ было постановлено по возможности скорѣе издать XVI, XVII, XVIII тома, въ которые и помѣстить матеріалъ, заключающійся въ протоколахъ съ 1891 по 1899 гг.

Такимъ образомъ, значительная часть настоящаго (XVII) тома заключаетъ протоколы засѣданій какъ самого общества, такъ и состоящей при немъ комиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ, за періодъ 1893 — 1896 гг. Какъ и въ XVI, такъ и въ настоящемъ томѣ протоколы засѣданій сопровождаются приложеніями, представляющими болѣе или менѣе подробное изло-

женіе рефератовъ, прочитанныхъ въ засѣданіяхъ общества. Изъ этихъ рефератовъ обращаютъ на себя вниманіе: И. Иванова—Къ вопросу о походѣ князей сѣверскихъ на половцевъ въ 1185 году; графини П. С. Уваровой—Отчетъ по IX археологическому съѣзду въ г. Вильнѣ; профессора И. В. Цвѣтаева — Поминка по Гейрихѣ фонъ-Бруннѣ и Джіованни Баттиста де-Росси; гр. Уваровой — Городъ Бреславль и его музей; ея же — Музей въ Триестѣ; профессора Цвѣтаева — Вилла императрицы Ливіи близъ Рима; Д. И. Иловайскаго — О загадочной надписи на сосудѣ Британскаго музея; Х. И. Кучукъ-Іоаннесова — Краткій отчетъ о поѣздкѣ въ Юго-Западный край и Крымъ; о І. І. Кузнецова — Новыя данныя о постройкѣ собора Василія Блаженнаго въ Москвѣ, и нѣкоторые другіе. Особое мѣсто среди всѣхъ этихъ докладовъ занимаетъ «Программа исторіи Византійской имперіи» профессора Ѳ. И. Успенскаго. На этомъ докладѣ считаемъ нужнымъ нѣсколько остановиться. Въ немъ почтенный директоръ русскаго археологическаго института въ Константинополь прежде всего ставитъ на видъ то обстоятельство, что по отношенію къ Византіи нельзя удовлетворяться переводами иностранныхъ сочиненій, какъ бы они ни были хороши, не говоря уже о томъ, что въ западно-европейскихъ литературахъ трудно указать «такую общую исторію Византіи, которую слѣдовало бы перевести и которая могла бы удовлетворить русскаго читателя». Кромѣ этихъ общихъ соображеній, не менѣе важны и другія, болѣе частнаго характера. «Съ русской точки зрѣнія, — говоритъ профессоръ Успенскій, — въ византійской исторіи имѣютъ выдающійся, а иногда и первостепенный, интересъ такіе факты политической жизни и такія историко-литературныя явленія, которыя западными учеными не могутъ быть въ достаточной степени поняты и выставлены въ надлежащемъ освѣщеніи. Желательна такая исторія Византіи, въ которой нашли бы себѣ примѣненіе многочисленныя работы, сдѣланныя русскими византинистами въ послѣднія десятилѣтія». Въ виду такихъ соображеній возникла мысль написать исторію Византіи коллективно, при участіи нѣсколькихъ ученыхъ. Весь трудъ разсчитанъ на два тома, по 50 печатныхъ листовъ въ каждомъ. При этомъ, въ изложеніи византійской исторіи должны быть особенно ярко изображены тѣ эпохи, въ которыя Византія обнаруживала наибольшее вліяніе на Россію и на другихъ славянъ.

Въ качествѣ отдѣльнаго, самостоятельнаго изслѣдованія мы находимъ въ настоящемъ томѣ «Отчетъ объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ долинѣ рѣки Оки 1897 года» — В. А. Городцева.

Мы закончимъ нашу замѣтку указаніемъ на прекрасную рѣчь графини П. С. Уваровой (предсѣдателя Московскаго археологическаго общества), посвященную памяти державнаго покровителя общества, императора Александра III. Охарактеризовавъ личность почившаго монарха, какъ покровителя наукъ, и указавъ, какъ искренно онъ былъ преданъ изученію отечественныхъ древностей и какъ неустанно заботился объ ихъ сохраненіи, графиня Уварова остановилась въ частности на тѣхъ милостяхъ, которыя императоръ Александръ III постоянно оказывалъ Московскому археологическому обществу. Это высокое покровительство, которое въ Божь почившій государь оказывалъ наукѣ вообще и археологіи въ частности, оцѣнено было въ надлежащей степени и за-

надно-европейскими учеными учреждениями: напечатанные письма этих иностранных учреждений, адресованные на имя графини П. С. Уваровой (см. стр. 200—202), как нельзя лучше доказывают это.

Д. М.

Лѣтопись церковныхъ событій и гражданскихъ, поясняющихъ церковныя, отъ Рождества Христова до 1898 года. Епископа Арсенія. Изданіе третье, исправленное и дополненное. Спб. 1900.

Настоящая книга ученаго епископа кирилловскаго Арсенія представляетъ собою краткое изложеніе церковно-историческихъ событій за девятнадцать вѣковъ существованія на землѣ христіанской церкви, съ добавленіемъ сообщеній и о тѣхъ гражданскихъ событіяхъ, кои находятся въ генетической связи съ первыми и такъ или иначе освѣщаютъ ихъ. Авторъ обозрѣваетъ ихъ въ лѣтописномъ порядкѣ, по годамъ, отмѣчая царствованія—сперва греко-римскихъ императоровъ, затѣмъ византійскихъ автократовъ (до 1453 года, въ которомъ Византійская имперія пала подъ ударами оружія османскихъ турокъ), послѣ (съ 1454 года)—русскихъ царей и императоровъ. При этомъ, въ книгѣ хронологически обозрѣваются событія не только церкви православной—грековосточной и русской, но и западной, какъ католической, такъ и протестантской. Естественно, что до паденія Византіи настоящая «Лѣтопись» сосредоточивается преимущественно на событіяхъ византійско-восточной церкви, а затѣмъ это преимущество переходитъ на сторону церкви русской. Но при этомъ почтенный ученый не оставляетъ безъ вниманія церковныхъ событій и на греческомъ Востокѣ и отводитъ имъ въ своей книгѣ надлежащее мѣсто. Эту особенность содержанія «Лѣтописи» нужно признать однимъ изъ ея достоинствъ, потому что о православной греческой церкви послѣ паденія Византіи и до настоящаго времени мы знаемъ очень мало, и церковно-общественная жизнь въ патріархатахъ константинопольскомъ, антиохійскомъ, александрійскомъ и іерусалимскомъ, а равно въ церкви королевства Греческаго, за указанный періодъ времени, во многихъ отношеніяхъ представляется неясной. Гораздо лучше извѣстна у насъ новѣйшая церковная исторія Запада, хотя Востокъ имѣетъ съ нашимъ отечествомъ крѣпкія узы родства по вѣрѣ и многимъ культурнымъ явленіямъ. Далѣе, епископъ Арсеній рассказываетъ о церковно-историческихъ событіяхъ довольно ясно и вразумительно, такъ что его сообщенія, при всей ихъ краткости, отличаются содержательностью, особенно сообщенія о событіяхъ крупныхъ, имѣвшихъ большое вліяніе на ходъ церковно-общественной жизни. Тамъ, гдѣ, по мнѣнію автора, необходимо и возможно подробное ознакомленіе съ тѣмъ или инымъ событіемъ, онъ указываетъ литературу предмета, при помощи коей читатель можетъ восполнить сообщеніе «Лѣтописи». Наконецъ, свою «Лѣтопись» епископъ Арсеній доводитъ до ближайшаго къ намъ времени (1898 г.), и настоящее (третье) изданіе ея составилъ при пособіи и новѣйшей церковно-исторической литературы.

Такимъ образомъ, «Лѣтопись церковныхъ событій» представляетъ трудъ почтенный. Составленіе ея, безспорно, есть дѣло большое и важное. Оно по-

сильно лишь такому опытному и просвѣщенному автору, какимъ по всей справедливости признается епископъ Арсеній, хорошо извѣстный своими трудами изъ исторіи греко-восточной церкви не только у насъ, но и за границей. Но въ силу громадности предпріятія и разносторонности предмета обзорѣнія, естественно, «Лѣтопись» епископа Арсенія несвободна отъ нѣкоторыхъ недосмотровъ, опущеній и недомолвокъ. Такъ, въ книгѣ очень мало хронологическихъ датъ изъ исторіи такого важнаго пункта православнаго греческаго и славянскаго монашества, какимъ давно считается святая гора Аѳонъ. Въ «Лѣтописи» епископа Арсенія первою датой изъ исторіи Аѳона поставленъ 734-й годъ, въ которомъ «полагають кончину препод. Петра Аѳонскаго, подвизавшагося на утесистыхъ высотахъ св. Горы пятьдесятъ три года» (стр. 270). Слѣдующія даты отнесены на годы 1195, 1212 и т. д. Такимъ образомъ, первоначальная судьба монашескаго Аѳона и дѣятельность подвижниковъ, упрочившихъ и благоустроившихъ здѣсь иноческую жизнь (напримѣръ, препод. Аѳанасія Аѳонскаго), въ «Лѣтописи» не освѣщены надлежащимъ хронологическимъ свѣтомъ. Далѣе, о св. Романѣ Сладкопѣвцѣ, который считается величайшимъ христіанскимъ поэтомъ, въ «Лѣтописи» сказано лишь нѣсколько строкъ въ примѣчаніи (стр. 264). Между тѣмъ теперь существуетъ довольно обширная литература объ этомъ церковномъ дѣятелѣ, во главѣ которой находится капитальное изслѣдованіе о св. Романѣ мюнхенскаго профессора Карла Крумбахера, и на основаніи коей можно болѣе или менѣе обстоятельно изобразить труды этого христіанскаго поэта. Синтезъ научныхъ воззрѣній на жизнь и дѣятельность Романа Сладкопѣвца можно найти у профессора Карла Крумбахера въ его «Исторіи византійской литературы» (изданіе 2-е, Мюнхенъ, 1897, стр. 663—671).

Но мы весьма далеки отъ мысли ослабить своими замѣчаніями значеніе капитальнаго труда почтеннаго русскаго ученаго. По нашему мнѣнію, «Лѣтопись» епископа Арсенія представляетъ необходимую настольную книгу для всякаго, занимающагося церковной исторіей и интересующагося судьбами христіанской церкви какъ западной, такъ особенно восточной, въ частности русской.

Σ.

Бумаги, относящіяся до Отечественной войны 1812 года, собранныя и изданныя П. И. Щукинымъ. Часть пятая. Москва. 1900.

П. И. Щукинъ продолжаетъ дѣлать общимъ достояніемъ бумаги своего богатаго собранія разнообразныхъ документовъ. Теперь имъ изданъ пятый томъ бумагъ, относящихся до Отечественной войны 1812 года, заключающій въ себѣ массу любопытныхъ матеріаловъ. Первое мѣсто среди нихъ принадлежитъ донесенію И. А. Туголмина императрицѣ Маріи Феодоровнѣ. Какъ извѣстно, Туголминъ былъ въ 1812 году главнымъ надзирателемъ Московскаго воспитательнаго дома и, благодаря его энергіи и распорядительности, не только этотъ Домъ, наполненный грудными и малолѣтними дѣтьми, былъ сохраненъ во время пребыванія французовъ въ Москвѣ, но въ немъ получили убѣжище и пропитаніе сотни раненыхъ и жителей, лишившихся крова и имущества. Тотчасъ по вступленіи непріятели въ городъ, Туголминъ отправился къ на-

значенному Наполеонѣ генераль-губернаторѣ Москвы, графу Дюронелю, объяснилъ ему, что такое Воспитательный Домъ, и просилъ принять послѣдній, во имя челоувѣколюбія, подъ свою защиту. Дюронель приказалъ дать ему 12 жандармовъ съ офицеромъ. Кромѣ того, Тутолминъ выставилъ у воротъ доску съ французской надписью: «сіе заведеніе есть домъ несчастныхъ и сирыхъ дѣтей», поставилъ у всѣхъ входовъ лицъ, знающихъ французскій языкъ, для объясненій съ мародерами и грабителями, и учредилъ постоянное дежурство изъ служащихъ, которые дѣлали безпрестанные, днемъ и ночью, обходы и заготовляли всюду, гдѣ было можно, воду, на случай пожара. На четвертый день по вступленіи французовъ въ Москву, Наполеонъ, прогуливаясь по городу, ѣхалъ по набережной, мимо Воспитательнаго Дома и, остановясь противъ него, спросилъ, что это за зданіе, сохраненное отъ пожара? Получивъ объясненіе, Наполеонъ приказалъ представить къ нему Тутолмина на слѣдующій день. Когда Тутолминъ явился, Наполеонъ началъ разспрашивать его о числѣ дѣтей въ Домѣ, на какое время запасено продовольствіе, и откуда можно снабдить Домъ припасами на зиму? Тутолминъ подалъ вѣдомость о числѣ дѣтей и доложилъ, что имѣеть продовольствіе только на мѣсяцъ, хотя обыкновенно Домъ дѣлаеть подрядъ на весь годъ, но, по неизмѣннѣ мѣста, запасаетъ лишь на мѣсяцъ, подрядчикъ же ѣхалъ теперь изъ Москвы, и слѣдовательно Домъ лишенъ всѣхъ способовъ къ полученію запасовъ. Просмотрѣвъ вѣдомость, Наполеонъ съ улыбкой сказалъ: «вы увезли въ Казань большихъ дѣвицъ», и затѣмъ спросилъ: откуда городъ получаетъ съѣстные припасы? Получивъ отвѣтъ, что хлѣбъ изъ украинскихъ, скотину изъ малороссійскихъ, а мелкую живность изъ ближайшихъ областей, Наполеонъ спросилъ, какой воздушный шаръ дѣлалъ англичанинъ Шмидтъ на пагубу его войска и его самого, прибавивъ, что такое варварство непросвѣщенному народу. Тутолминъ отвѣчалъ незнаніемъ. «Мнѣ извѣстно, сказалъ Наполеонъ, что шаръ дѣлался въ семи верстахъ отъ Москвы, но за неприведеніемъ въ дѣйствіе сожженъ, а оставшіяся горючія вещества употреблены на сожженіе Москвы. Какъ безчеловѣчно поступили русскіе, оставивъ 10.000 раненыхъ солдатъ, безъ пищи и призрачія! Напишите, прибавилъ онъ, отпуская Тутолмина, о всѣхъ происшествіяхъ въ Москвѣ вашему императору Александру и отправьте съ донесеніемъ своего чиновника; я дамъ ему пропускъ черезъ свои форпосты». 12 сентября, Наполеонъ прислалъ для помѣщенія въ Домѣ двухъ сиротъ и неоднократно справлялся о томъ, какъ они содержатся. Кромѣ того, дѣти присылались отъ начальства города и поступали подкидыши; всего было принято около 50 дѣтей. Вскорѣ въ Воспитательномъ Домѣ былъ учрежденъ французскій госпиталь, для чего очищено нѣсколько палатъ. Всего помѣщено было 2.000 челоувѣкъ, изъ которыхъ 1.500 умерло. Не зная, какъ прокормить такое количество людей, Тутолминъ испросилъ разрѣшенія послать по деревнямъ своихъ чиновниковъ отыскивать хлѣбъ, для чего маршалъ Мортъ выдалъ имъ виды. Чиновники могли собрать всего 5¹/₂ четвертей ржи, и такимъ образомъ обитателямъ Воспитательнаго Дома грозилъ голодъ, но, къ счастью, черезъ нѣсколько дней непріатель очистилъ Москву, и въ нее вступили наши войска.

Столь же интересны, относящіяся къ той же эпохѣ, записки маркиза Па-

стора. Онъ находился во время войны 1812 года въ Витебскѣ, исполняя должность интенданта. Любопытно, что, по словамъ Пастора, Наполеонъ предполагалъ сначала остаться на всю зиму въ Витебскѣ, освѣжить здѣсь войска, устроить продовольственные магазины и сосредоточить операционную линію на Двинѣ. Уже были сдѣланы всѣ соответствующія для этого распоряженія, что, можетъ быть, совсѣмъ измѣнило бы весь ходъ кампаніи, но настоянія Мюрата поколебали намѣренія Наполеона и онъ двинулся на Смоленскъ. Пасторъ подробно описываетъ положеніе Литвы за періодъ французской окупаціи и затѣмъ бѣдственное отступленіе французской арміи изъ Россіи, изобилующее множествомъ трагическихъ подробностей. Между прочимъ, Пасторъ приводитъ свою бесѣду съ Наполеономъ, во время которой императоръ критиковалъ дѣйствія своихъ маршаловъ и сдѣлалъ слѣдующую характеристику нѣкоторыхъ изъ нихъ: «Викторъ, говорилъ Наполеонъ, не въ состояніи командовать не только дивизіей, но даже полкомъ. Даву на половину сумасшедшій и ни къ чему не годенъ. Ожеро воображаетъ, что дѣлаетъ милость, подчиняясь мнѣ. Я слишкомъ много сдѣлалъ для нихъ, и очень сожалѣю объ этомъ. Они разстраиваютъ всѣ мои планы. Но необходимо, чтобы они мнѣ повиновались. Они знаютъ, кто я, а я знаю, кто они. Нѣтъ, нѣтъ, ни одному изъ нихъ ничего нельзя довѣрить, нужно вѣчно дѣлать все самому. Ну, что же, я буду все дѣлать, но чтобы они исполняли, повиновались. Пусть они берегутся, я сумѣю обойтись безъ нихъ».

Изъ другихъ матеріаловъ, находящихся въ пятомъ томѣ сборника г. Щукина, укажемъ на копію съ доклада секретнаго комитета финансовъ императору Александру о собраніи ополченія, мнѣніе министра финансовъ о содержаніи плѣнныхъ, отчетъ о дѣйствіяхъ комитета министровъ въ 1812 году, поденную записку о путешествіи изъ Москвы въ Казань чиновниковъ Московскаго опекунскаго совѣта съ дѣлами, казною и вещами, вѣдомость обгорѣлымъ въ 1812 году домамъ въ Москвѣ.

Вообще, пятый томъ «Бумагъ, относящихся до Отечественной войны 1812 г.» чрезвычайно богатъ содержаніемъ и даетъ много матеріаловъ для бытовой и военной исторіи того времени. Обнародованіемъ этихъ матеріаловъ г. Щукинъ оказываетъ большую услугу всѣмъ, кто занимается эпохой императора Александра Перваго. С. Ш.

Извѣстія общества любителей изученія Кубанской области. Выпускъ II. Подъ редакціей В. Сысоева и А. Дьячкова-Тарасова. Екатеринодаръ. 1900.

Въ сентябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» уже сообщалось о недавно основанномъ обществѣ, поставившемъ своею задачею всестороннее изученіе Кубанской области, какъ въ ея современномъ состояніи, такъ и по отношенію къ минувшимъ вѣкамъ. Тамъ же приводилось и содержаніе I выпуска Извѣстій этого общества. Въ настоящее время передъ нами лежитъ уже второй выпускъ этихъ Извѣстій, представляющій прекрасно изданный томъ съ приложеніемъ 8 автотипій.

Ядро содержания II выпуска Извѣстій составляютъ обширныя статьи Короленки и Сысоева. П. П. Короленко написалъ подробный историческій очеркъ, «составленный по печатнымъ и архивнымъ источникамъ», посвященный Некрасовскимъ казакамъ (стр. 1 — 74). Здѣсь авторъ знакомитъ насъ съ водвореніемъ «некрасовцевъ» на Кубани, съ ихъ переходомъ въ турецкіе предѣлы, касается ихъ жизни въ Турціи и отношенія къ русскимъ. (Нѣкоторая часть «некрасовцевъ» живетъ и въ Бессарабской губерніи). Статья предсѣдателя общества — В. М. Сысоева, посвященная Эльбрусу (стр. 75 — 196), даетъ обстоятельный географическій очеркъ, составленный по сочиненіямъ Абиха, Пастухова, Динника и др. Къ этой статьѣ примыкаетъ цѣлый рядъ приложений (1 — 6), представляющихъ, главнымъ образомъ, дополнительныя библиографическія и цифровыя данныя. Географическій этюдъ г. Сысоева иллюстрированъ нѣсколькими авторскими, представляющими Эльбрусъ по фотографическимъ снимкамъ, сдѣланнымъ самимъ авторомъ.

Къ этимъ основнымъ статьямъ настоящаго выпуска примыкаютъ: метеорологическія наблюденія, произведенныя лѣтомъ 1898 года, во время экскурсіи учениковъ екатеринодарской гимназіи, въ бассейнѣ верхней Кубани и Теберды; отчетъ о дѣятельности общества любителей изученія Кубанской области за первый (1898) годъ его существованія; протоколы засѣданій общества на 1899 годъ; очень полезный для справокъ хронологическій указатель «Кубанскихъ областныхъ Вѣдомостей» за 35 лѣтъ ихъ изданія (въ настоящемъ выпускѣ мы имѣемъ указатели къ 1863—1868 гг.) и нѣкоторые др.

Сравнительно короткій промежутокъ времени, въ который только что основанное общество издало два выпуска своихъ Извѣстій, является лучшимъ доказательствомъ той энергіи, съ которою работаютъ его члены. (По имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ въ непродолжительномъ времени долженъ появиться и третій выпускъ). Пожелаемъ, чтобы и въ будущемъ эта энергія оставалась неослабною, а также, чтобы своими научными успѣхами кубанское общество послужило примѣромъ къ основанію однородныхъ же обществъ и въ другихъ мѣстностяхъ Кавказскаго края, обшчающаго богатую добычу при надлежащимъ образомъ организованныхъ изслѣдованіяхъ и развѣдкахъ.

Л. М.

Собраніе В. И. и В. Н. Ханенко. Кіевъ. 1899—1900.

Извѣстные кіевскіе любители и собиратели древностей, В. И. и В. Н. Ханенко, два года тому назадъ предприняли роскошное изданіе описанія своихъ многочисленныхъ и во всѣхъ отношеніяхъ богатыхъ коллекцій, относящихся къ различнымъ эпохамъ. Описанія эти раздѣляются на а) «Древности русскія», которыхъ до настоящаго времени вышло два выпуска, подъ заглавіемъ «Кресты и образки», и в) «Древности Приднѣпровья», первый выпускъ которыхъ озаглавленъ «Каменный и бронзовый вѣка», а послѣдующіе «Эпоха, предшествующая великому переселенію народовъ». Каждый изъ этихъ выпусковъ представляетъ роскошный альбомъ in quarto, со множествомъ художественно

исполненных фототипически таблицъ и пояснительнымъ текстомъ. Въ изданіяхъ Б. И. и В. Н. Ханенко, именно въ тѣхъ отдѣлахъ ихъ, гдѣ кратко излагается самая теорія вопроса, построенная на выводахъ изъ добытаго раскопками матеріала, высказано много новыхъ и весьма интересныхъ взглядовъ на предметъ; это въ особенности касается исторіи Скиѳіи, которая усердно разрабатывалась въ послѣднее время, и сторонники славянскаго происхожденія скиѳовъ найдутъ въ нихъ много любопытныхъ данныхъ, подтверждающихъ ихъ мнѣніе, и, что самое главное, данныхъ, добытыхъ исключительно говорящими сами за себя фактами. Ими преимущественно изобилуютъ второй, вышедшій во время XI археологическаго сѣзда, и третій, появившійся въ первыхъ числахъ настоящаго мѣсяца, выпуски «Древностей Приднѣпровья». Возвращаясь къ перечисленію содержанія ихъ, необходимо упомянуть также о томъ, что въ послѣднемъ изъ нихъ задача, взятая на себя издателемъ, значительно расширена,—именно, онъ призналъ полезнымъ помѣщать въ своихъ изданіяхъ описанія и рисунки не только собственныхъ, но и другихъ южно-русскихъ собраній, имѣющихъ то или другое отношеніе къ извѣстному вопросу. Такимъ образомъ въ III выпускѣ помѣщено нѣсколько предметовъ изъ собранія профессора И. А. Линниченко и наиболѣе типичные экземпляры скиѳскихъ древностей коллекціи Е. А. Зноско-Боровскаго, составляющей съ настоящаго лѣта собственность Кіевскаго музея. Такой широкій взглядъ на вещи рѣзко выдѣляетъ изданіе Б. И. и В. Н. Ханенко изъ числа обыкновенныхъ каталоговъ и дѣлаетъ его достояніемъ науки въ болѣе обширномъ смыслѣ слова; оно является объединяющимъ для намѣченнаго района и поэтому пріобрѣтаетъ еще болшую цѣнность. Если прибавить къ этому, что оно является также и единственнымъ, идя на встрѣчу давно назрѣвшей потребности знакомить публику съ результатами дѣятельности кружка кіевскихъ археологовъ, работающихъ не по обязанности, а изъ любви къ дѣлу, заслуги которыхъ получили уже должную оцѣнку на XI археологическомъ сѣздѣ, то необходимо признать какъ задачу, взятую на себя Б. И. и В. Н. Ханенко, такъ и выполненіе ея, достойными всякой похвалы и чрезвычайно желательными въ смыслѣ продолженія, такъ какъ здѣсь мы имѣемъ предъ собою не одинъ сухой, хотя и подробный перечень предметовъ, но и умѣлое, толковое и ясное изложеніе ихъ важности и значенія для науки вообще и для южно-русской археологіи въ частности. Кромѣ просвѣтительной цѣли, послѣдній выпускъ изданія Б. И. и В. Н. Ханенко преслѣдуетъ еще и благотворительную; сборъ отъ продажи его предназначается въ пользу Кіевскаго музея.

А. С.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе Кавказскаго учебнаго округа. Выпускъ XXVII. Тифлисъ. 1900.

Сборникъ матеріаловъ Кавказскаго учебнаго округа пріобрѣлъ слишкомъ большую извѣстность среди ученыхъ, занимающихся фольклоромъ, и не требуетъ уже спеціальной рекомендаціи ихъ вниманію. Пріятнымъ нововведеніемъ

въ «сборникахъ» въ послѣднее время являются работы лингвистическаго характера.

Такъ, въ вышедшей книгѣ мы находимъ маленькую, но весьма любопытную статью магистра сравнительнаго языковѣдѣнія г. Глейе «О происхожденіи грузинскаго народа и его языка». Авторъ справедливо заявляетъ, что для открытія праисторическаго періода грузинскаго языка весьма важно выдѣлить слова иноземнаго происхожденія, заимствованныя въ доисторическое время, и прослѣдить, какіе элементы внутренней стороны (т.-е. грамматики) слѣдуетъ отнести къ иноземному происхожденію. Культурныя связи между народами нерѣдко сопровождаются обмѣномъ и грамматическихъ элементовъ даже между неродственными языками. Важность сравненія такихъ языковъ состоитъ въ томъ, что, благодаря ему, возможно опредѣлить первоначальную родину народа и его языка, узнавъ о сношеніяхъ этого народа съ другимъ сосѣднимъ еще въ доисторическомъ періодѣ. Въ числѣ заимствованныхъ грузинами словъ есть извѣстное количество древне-семитическаго происхожденія, напримѣръ: магали (высокій)=семит. магал (верхнее); марили (соль)=семит. мар (острый, горькій) и проч. Авторъ приводитъ двѣнадцать подобныхъ словъ, изъ которыхъ слово гулади (храбрый)=ассир. кураду, онъ считаетъ перешедшимъ къ ассирійцамъ отъ грузинъ. Что касается до сближенія мѣне (царь) съ семит. меіце (распространяющій вокругъ себя блескъ), намъ представляется менѣе подходящимъ, чѣмъ производство отъ слова меу'пе изъ у'нали отъ грузинскаго глагола ушлеба (господствовать), т.-е. въ словѣ мене м является префиксомъ дѣйствующаго лица (помен agentis). Далѣе авторъ указываетъ соответствующія грамматическія категории изъ области глагола и числительныхъ, при чемъ для насъ неполнѣе убѣдительно объясненіе его формъ порядковыхъ числительныхъ въ грузинскомъ языкѣ.

Во второй части своей статьи г. Глейе отмѣчаетъ слова и элементы морфологіи, общія грузинскому и угро-финскимъ языкамъ. Дополненіемъ къ его любопытнымъ замѣчаніямъ можетъ считаться статья, недавно появившаяся въ новомъ венгерскомъ журналѣ «Восточное Обозрѣніе» г. Мункачи, «Kaukasische Einfluss in den finnisch-magyarischen Sprachen». Для насъ весьма пріятно, что г. Глейе лингвистическимъ изысканіемъ приходитъ къ указанію той же первоначальной родины грузинъ—Малой Азіи, которую мы нѣсколько лѣтъ тому назадъ отмѣтили въ работѣ своей «Древнѣйшіе предѣлы расселенія грузинъ по Малой Азіи».

Лингвистическій характеръ носитъ и статья г. Дтанашвили «Этимологія картвельскихъ этнографическихъ и географическихъ именъ». Представляется натянутымъ толкованіе термина картвели отъ слова корп (домъ? башня?), ари есть = «онъ есть въ башняхъ». Мы толкуемъ этотъ терминъ иначе. Наиболѣе богатымъ отдѣломъ въ «Сборникѣ», по обыкновенію, является тотъ, который выдѣленъ для географо-этнографическихъ работъ. Таковы статьи г. Ходятовскаго «Обзоръ флоры окрестностей озера Гокчи» и г. Пауля «Озеро Гокча»; С. Θ. Мельникова-Разведенкова—«Города сѣверной части восточнаго побережья Чернаго моря», г. Моисеева—«Уголокъ Лечхумъ» (и его окрестности). Къ историческимъ статьямъ относятся «Арабы и турки

въ Бакинскомъ краѣ и введеніе ислама» г. Карновича, Караначайскія народныя историческія преданія, собранныя г. Анасьевымъ, «Монастырь Кармиръ-ваикъ» А. Теръ-Маркарова, «Осада Константинополя скиѳами, кои суть разсказъ и походъ императора Ираклія въ Персію» (изъ грузинскаго манускрипта 1042 г.). Къ этнографическимъ работамъ могутъ быть причислены «Осетинскія преданія о раѣ, Тмарѣ-Дедунали и смерти осетинскаго царя Особагата», записанныя и разъясненныя С. Н. Шульгинымъ; «Общество Славянское» (Елизаветпольской губ.) свящ. Докаши, сообщающаго любопытныя свѣдѣнія о жителяхъ его — духоборахъ, объ ихъ главаряхъ и организаціи, «Нѣмецкая колонія Семеновка (Кубанской области)» Л. Розенберга, «Село Сачилаво (Кутаисской губ.)» съ преданіями, сказками и суевѣріями сачилавцевъ («Чудснй быкъ», «Свадьба 363 братьевъ» и друг.), «Гребенскіе казаки и ихъ пѣсни», «Село Неграмъ (Эриванской губ.)» и др. Въ концѣ находимъ адыгскіе тексты (кабардинское и кахетинское нарѣчія; бжедухскій и абадзехскій говоры). Въ видѣ особаго приложенія имѣется «Нѣсколько вопросовъ по изученію повѣрій, сказаній, суевѣрныхъ обычаевъ и обрядовъ», составленныхъ Г. Н. Потанинымъ. Обиліе матеріаловъ не позволяетъ остановиться подробнѣе на передачахъ ихъ содержанія и хотя бы поверхностной оцѣнкѣ.

А. Хах — овь.

Ө. К. Сахаровъ. Литература исторіи и обличенія русскаго раскола. 3 выпуска. Тамбовъ—Спб. 1887—1900.

Среди библиографическихъ пособій по различнымъ отраслямъ знанія, трудъ г. Сахарова по литературѣ раскола является пока единственнымъ, такъ какъ извѣстный трудъ А. С. Пругавина — «Расколъ — сектантство», вышедшій въ 1887 г., остановился на 1-мъ выпускѣ. Между тѣмъ потребность въ такомъ указателѣ сознавалась уже давно и особенно должна быть велика въ наше время, когда правительство сочло нужнымъ принять особыя мѣры назначеніемъ миссіонеровъ по губерніямъ, какъ для улучшенія нравственно-религіознаго состоянія народа, такъ и для ослабленія раскола.

Еще въ 1840 г. Н. И. Надеждинъ представилъ министру внутреннихъ дѣлъ графу Перовскому планъ «полнаго собранія свѣдѣній, относящихся къ расколамъ и раскольникамъ», въ которое должны были войти списокъ всѣхъ книгъ, издававшихся доселѣ по поводу расколовъ и раскольниковъ, и списокъ книгъ, содержащихъ въ себѣ случайно извѣстія и вообще матеріалы, относящіяся къ расколамъ и раскольникамъ. Трудъ г. Сахарова является попыткой представить указатель литературы о расколѣ, при чемъ автору пришлось значительно расширить назначенный покойнымъ Надеждинымъ планъ, такъ какъ, съ развитіемъ періодической печати и съ перемѣной цензурныхъ условій, исторія раскола и борьбы съ нимъ, помимо узкихъ рамокъ спеціальныхъ изслѣдованій, широко и всесторонне стала трактоваться и разрабатываться во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ, и особенно въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ. Зарегистрировать всю массу сообщеній, относящихся такъ или иначе къ расколу, особенно разсѣянныхъ по корреспонденціямъ въ ежедневныхъ газетахъ, трудъ въ высшей степени кропотливый, и нужно только удивляться терпѣнію

г. составителя, который счелъ нужнымъ отмѣтить и всѣ извѣстныя ему перепечатки того или иного сообщенія.

Литература исторіи и обличенія раскола, доведенная до 1897 г., расположена въ систематическомъ порядкѣ, и потому указателемъ г. Сахарова пользоваться очень легко. Другое дѣло, какъ выполненъ этотъ указатель. Въ общемъ очень удовлетворительно: всѣ изслѣдованія, заслуживающія вниманія, указаны, и только можно бы пожелать, чтобы, въ цѣляхъ полноты указателя, было обращено вниманіе на губернскія вѣдомости, которыя, какъ мы по опыту знаемъ, содержатъ немало интересныхъ свѣдѣній и по расколу, и чтобы беллетристика уличныхъ листковъ, якобы рисующая бытъ раскольниковъ, была вычеркнута. Наконецъ, желательно бы избѣгать и тѣхъ промаховъ, какой обнаруживается № 1331-мъ въ выпускѣ III: это — медицинская диссертація, ничего общаго съ расколомъ не имѣющая.

А. В. С.

Историческій очеркъ Кавказскихъ войнъ отъ ихъ начала до присоединенія Грузіи. Подъ ред. ген.-майора Потто. Изданіе военно-историческаго отдѣла при штабѣ Кавказскаго военнаго округа. Тифлисъ. 1899.

Военно-историческій отдѣлъ при штабѣ Кавказскаго военнаго округа ко дню столѣтней годовщины (26-го ноября 1799 г.) вступленія въ Тифлисъ егерскаго полка подъ начальствомъ генерала Лазарева издалъ «Историческій очеркъ Кавказскихъ войнъ отъ ихъ начала до присоединенія Грузіи». Въ составленіи очерка принималъ участіе генер.-майоръ В. А. Потто, пріобрѣтшій извѣстность своимъ популярнымъ трудомъ «Кавказская война въ отдѣльныхъ очеркахъ эпизодахъ, легендахъ и біографіяхъ» (Спб., 1887.). «Историческій очеркъ», нынѣ изданный подъ его редакціей, въ значительной степени составляетъ повтореніе фактовъ, частью въ прежнихъ его работахъ обслѣдованныхъ, частью же сообщенныхъ въ многотомномъ трудѣ академика Дубровина «Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ». Только двѣ главы о генералѣ Тотлебенѣ (V и VI) составлены въ «очеркѣ» по документамъ, изданнымъ проф. А. А. Цагарели въ сборникѣ «Грамоты и другіе историческіе документы XVIII столѣтія, относящіеся къ Грузіи» (Спб., 1891). Вся книга заключаетъ въ себѣ семнадцать главъ, разсматривающихъ ходъ событій на Кавказѣ съ обзора историческихъ причинъ, приведшихъ Россію къ занятію устья Терека и къ персидскому походу Петра Великаго. Значительная часть книги обозрѣваетъ Грузію въ царствованіе Ираклія II и Соломона I и заканчивается описаніемъ вступленія въ Тифлисъ егерскаго полка. «Очеркъ» сопровождается приложеніемъ рисунковъ, портретовъ государственныхъ дѣятелей той эпохи и картами, изъ которыхъ одна обозначаетъ границы Кавказскаго края 1799 г., въ другой намѣчены мѣстонахожденія несуществующихъ нынѣ крѣпостей, постовъ и главнѣйшихъ кордонныхъ линій, устроенныхъ русскими войсками съ 1569—1744 г. до окончанія Кавказской войны. Книга эта составлена съ цѣлью обозрѣть путь, которымъ первыя случайныя сношенія Русн съ Кавказомъ привели постепенно къ сознанію исторической задачи рус-

скаго государства на Кавказскомъ перешейкѣ. Нужно отдать справедливость редактору «очерка», что онъ сумѣлъ быть непристрастнымъ обозрѣвателемъ пестраго и часто противорѣчиваго матеріала о началѣ русскаго владычества на Кавказѣ. Въ этомъ заключается безусловная научная цѣнность его «очерка».

А. Хахановъ.

Сочиненія Т. Н. Грановскаго. Четвертое изданіе. Москва. 1900.

«Чистый, какъ лучъ солнца, баярдъ мысли, рыцарь безъ страха и упрека», какъ выразился Никитенко о Грановскомъ, — московскій профессоръ сороковыхъ годовъ завоевалъ себѣ обаяніемъ своей личности благодарную память потомства.

Въ этомъ году, 3-го октября, исполнилось уже 45 лѣтъ со дня кончины Грановскаго, цѣлыхъ полстолѣтій, а его грустный, прекрасный образъ еще такъ свѣжъ... Грановскій мало писалъ, а потому все написанное имъ не можетъ воспроизвести его фигуры во всей ея обаятельной красотѣ. Первое собраніе сочиненій Грановскаго появилось въ 1856 году, двухъ-томное, съ портретомъ автора. Черезъ 10 лѣтъ, въ 1866 году вышло второе изданіе, въ 1892 году появилось третье, и теперь передъ нами лежитъ большой томъ въ 659 стр., прекрасно изданный *in octavo*, стоящій вдвое дешевле прежнихъ, что даетъ ему особенное значеніе. Есть въ новомъ 4-мъ изданіи кое-какія дополненія. Въ общемъ, порядокъ собранія его сочиненій остается, конечно, тѣмъ же, какимъ онъ былъ въ первомъ изданіи, редакторомъ котораго былъ профессоръ Кудрявцевъ. Новое изданіе цѣликомъ воспроизводитъ прекрасное, полное глубокой любви, предисловіе Кудрявцева. «Наступитъ еще одно новое поколѣніе, — писалъ Кудрявцевъ, — тайна такой увлекательной рѣчи дойдетъ до него развѣ только по преданію: за то, думается намъ, тѣмъ прилежнѣе будетъ оно изучать Грановскаго, какъ писателя. И это изученіе — прибавимъ мы — не пропадетъ даромъ: оно взойдетъ въ молодыхъ умахъ десятиричнымъ плодомъ. У Грановскаго долго не перестанутъ учиться живому пониманію науки, разумному сочувствію лучшимъ человѣческимъ интересамъ, глубокому уваженію ко всему истинно великому, благородно-рыцарскому образу мыслей, простотѣ и вѣрности ученыхъ пріемовъ, благородству и изяществу языка, всего же болѣе — неподкупности нравственнаго чувства». Такими словами закончилъ свое предисловіе Кудрявцевъ. Такъ же, какъ и третье изданіе, нынѣшнее представляетъ собою критическую провѣрку текста съ источниками. Вездѣ источники приведены въ примѣчаніяхъ.

Впервые въ новомъ изданіи находимъ новыя страницы, представляющія продолженіе составленнаго Грановскимъ учебника всеобщей исторіи. Пополнена глава объ индійскихъ арійцахъ, напечатанная впервые по найденному въ 1899 году автографу Грановскаго.

Повидимому, это все, что было написано Грановскимъ. Какъ и все, задуманное имъ, «учебникъ» его, хотя и составленный имъ въ эпоху гоненія на классицизмъ, отличается, однако, широтой и стройностью. Вслѣдъ за помѣщеннымъ отрывкомъ изъ этого учебника идутъ примѣчанія редакціи къ обоимъ выш-

скамъ сочиненій Грановскаго, и тутъ же впервые напечатаны двѣ замѣтки Грановскаго, заимствованныя изъ біографическаго словаря Московскаго университета. Одна замѣтка о Вигантѣ, профессоръ всеобщей исторіи въ Московскомъ университетѣ, другая — о Черепановѣ, тоже профессоръ исторіи, статистики и географіи.

П. К.

Инсаровъ. Современная Франція. Исторія Третьей республики.
Изд. т-ва „Знаніе“. Спб. 1900.

Первыя главы книги посвящены «началу Третьей республики» — имперіи. На учрежденіяхъ имперіи выросла республика, и ея люди непосредственно вышли изъ имперіи. Въ имперіи начало Третьей республики — начало тѣхъ кризисовъ экономическихъ, политическихъ и моральныхъ, которые такъ характерны для современной Франціи. Свою исторію авторъ доводитъ до самыхъ послѣднихъ дней. Заключительныя строки книги упоминаютъ о рѣчахъ, произнесенныхъ при открытіи выставки. На нашихъ глазахъ совершалась и совершается исторія республики, поэтому строго научное и объективное изложеніе ея не возможно въ настоящее время. У насъ не найдется для этого достаточно безпристрастія: событія разыгрывающіяся во Франціи, захватываютъ всѣхъ насъ. И попытки проникнуть въ смыслъ драмы, составляющей сущность этой исторіи будутъ субъективными, отражающими настроенія и вѣру той или другой изъ борющихся партій.

Въ своихъ очеркахъ г. Инсаровъ останавливается на эволюціи политическихъ партій и даетъ живыя характеристики ихъ дѣятелей. Въ исторіи партійной борьбы авторъ отмѣчаетъ реальные интересы и силы, стоящія на ихъ защитѣ. Буржуазная республика ликвидируетъ свои дѣла, оказавшись полнѣйшимъ банкротомъ. Кто только не говоритъ въ настоящее время объ упадкѣ Франціи? Промышленность потеряла свое первенствующее значеніе, численность населенія уменьшается, классовыя противорѣчія между предпринимателями и рабочими достигаютъ необыкновенныхъ размѣровъ, въ сферѣ моральной — полное крушеніе всѣхъ нравственныхъ принциповъ. И, несмотря на это, развѣ можно сказать, что часть Франціи пробилъ? «Могучій инстинктъ, глубокая, непоколебимая вѣра въ новую и лучшую жизнь толкаетъ человечество впередъ и впередъ. И оно идетъ, преодолеваетъ препятствія, приноситъ безчисленныя жертвы на поляхъ битвы, на баррикадахъ, по тюрьмамъ, несетъ непосильный трудъ, раздавливающий слабыхъ его дѣтей, терпитъ униженія, но продолжаетъ вѣрить въ то, что французы называютъ «la justice immanente des choses» (внутренняя сила вещей)».

Книга г. Инсарова даетъ единственный въ русской литературѣ связанный очеркъ французской исторіи до нашихъ дней, исторіи, главнымъ образомъ, политической. Быть можетъ, это обстоятельство придало книгѣ нѣсколько поверхностный характеръ. Внѣшняя исторія партій, характеристика личностей занимаютъ много мѣста, и очень мало отводится мѣста уясненію, на примѣръ, законодательства, изложенію всѣхъ реформаціонныхъ измѣненій. Нѣкоторыя стороны жизни оставлены совсѣмъ въ сторонѣ: на примѣръ, объ аграрномъ движеніи во Франціи

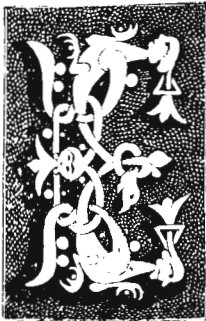
о земледѣльческихъ синдикатахъ почти ни слова. Такимъ же внѣшнимъ характеромъ и поверхностностью запечатлѣны главы о социальномъ вопросѣ и рабочихъ партіяхъ; дѣлу Дрейфуса отведено гораздо больше мѣста, чѣмъ социальнымъ отношеніямъ. Послѣднія главы (президентство Фора и Лубе) — очень бѣглый пересказъ событій, напоминающій ежегодныя газетныя обзорѣнія. «Современная Франція» еще не допускаетъ объективнаго изложенія: событія могутъ имѣть только извѣстное освѣщеніе. То освѣщеніе, которое даетъ имъ г. Инсаровъ, кажется наиболѣе справедливымъ и вѣрнымъ, и наиболѣе удовлетворяющимъ мнѣніямъ лучшей части читателей. За послѣднее время въ нашей печати распространяется много совершенно ложныхъ мнѣній о Франціи. Книга г. Инсарова можетъ служить хорошимъ противовѣсомъ, и поэтому, несмотря на отмѣченные выше недостатки, она имѣетъ значеніе въ нашей литературѣ. Написана она очень легко, изобилуетъ мѣткими выраженіями и красивыми сравненіями.

Е. Щ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ВАНГЕЛІЕ отъ египтянъ. Еще блаженный Иеронимъ, Оригенъ и греческій историкъ Теофилактъ упоминали о томъ, что существовало пятое евангеліе подъ названіемъ «евангеліе отъ египтянъ». Нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ найденъ въ Египтѣ папирусъ съ «Изреченіями Иисуса Христа», которыя, по мнѣнію нѣмецкихъ профессоровъ Гарнака и Якоби, составляютъ отрывокъ изъ этого до сихъ поръ невѣдомаго евангелія. Въ настоящее же время страсбургская университетская библіотека приобрѣла отъ каирскихъ купцовъ папирусы, которые заключаютъ въ себѣ другіе отрывки изъ того же евангелія, по словамъ ученыхъ Шнигельберга, Шмидта и Якоби. Послѣдній издалъ надняхъ брошюру, въ которой подробно описана эта драгоцѣнная находка подъ названіемъ: «Новый отрывокъ евангелія» ¹⁾. Текстъ найденныхъ отрывковъ написанъ на коптскомъ языкѣ въ V вѣкѣ и составляетъ, судя по нѣсколькимъ греческимъ словамъ, переводъ съ греческаго подлинника, который, повидимому, относится къ II столѣтію. Хотя почеркъ рукописи очень неразборчивый и неровный, но страсбургскимъ ученымъ удалось возстановить весь текстъ за исключеніемъ немногихъ пробѣловъ. Собственно папируса два, и они названы коптскою рукописью № 5 и коптскою рукописью № 6. Та и другая писаны на обѣихъ сторонахъ папируса. На лѣвой сторонѣ перваго папируса синоптически передается бесѣда Иисуса Христа въ Геосиманскомъ саду и составляетъ новый вариантъ словъ евангелиста Марка (XIV, 41): «И приходитъ третій разъ и говоритъ имъ Вы все еще спите и почиваете. Кончено; пришелъ часъ; вотъ предается сынъ

¹⁾ Ein neues evangelien fragment, von professor A. Iakoby. Strasburg. 1900.

Божій въ руки грѣшниковъ». Въ новомъ отрывкѣ, восстановленномъ нѣмецкими профессорами съ прибавленіемъ недостающихъ словъ въ скобкахъ, говорится слѣдующее: «(когда) Онъ окончилъ всю (исторію своей жизни), то вернулся къ намъ и сказалъ: «пришелъ часъ, когда Я буду отнять у васъ. Духъ бодръ, а плоть немощна, (пождуйте) и бодрствуйте со Мною». Но мы, апостолы, плакали и говорили ему: (не осуждай насъ, Сынъ) Божій. Какой (ждетъ насъ конецъ) и (Иисусъ) отвѣчалъ: «не бойтесь того, что (я) погибну, и (не бойтесь) силы (смерти). Думайте обо всемъ (что, я) вамъ (говорилъ). Знайте, что (меня) преслѣдовали (какъ) преслѣдовали... Радуйтесь, что Я (побѣдилъ) вселенную. Я...». На правой сторонѣ папируса приводятся молитва, обращенная Иисусомъ къ Богу Отцу, о которой говорится въ XVII главѣ евангелія отъ Іоанна, и притча о древѣ и его плодахъ, о которой упоминаютъ три евангелиста: Лука, Іоаннъ и Матѳей. Хотя этотъ отрывокъ очень смутный и не ясный, такъ какъ въ немъ много пропусковъ, но онъ заключаетъ въ себѣ и новыя слова Иисуса Христа, не упоминаемыя у четырехъ евангелистовъ. Второй папирусъ относится къ воскресенію Спасителя. На правой его сторонѣ приводится нѣсколько отрывочныхъ словъ Иисуса Христа, обращенныхъ къ его ученикамъ; на лѣвой говорится: «Наши глаза смотрѣли всюду. Мы видѣли славу его божества и славу его могущества. Онъ далъ намъ силу апостольскую... Они были, какъ свѣтъ». Несмотря на скудный и отрывочный характеръ найденныхъ отрывковъ, профессоръ Якоби придаетъ имъ большое значеніе и энергично разыскиваетъ остальные папирусы, которые восстановили бы весь текстъ новаго пятаго евангелія.

— Одинъ изъ героевъ реформаціи. Съ нѣкоторыхъ поръ издается въ Америкѣ особая серія біографій подъ названіемъ «Герои реформаціи». Общая редакція поручена профессору Нью-Йоркскаго университета, Джаксону, и авторы отдѣльныхъ монографій, которыя уже вышли и были посвящены Лютеру, Кальвину и Эразму Роттердамскому, принадлежатъ къ выдающимся профессорамъ различныхъ американскихъ университетовъ. Только что появившійся выпускъ имѣетъ предметомъ Филиппа Меланхтона, прозваннаго «учителемъ Германіи», и его біографія написана профессоромъ лютеранскаго богословія, Д. Ричардомъ¹⁾. Хотя по причинѣ своей профессіи авторъ почти исключительно рисуетъ знаменитаго друга Лютера въ качествѣ богослова и оставляетъ въ тѣни его главную роль, какъ гуманиста, но все-таки эта небольшая книга представляетъ сжатую и живую біографію одного изъ самыхъ симпатичныхъ героевъ реформаціи. Родившійся въ 1497 году, Филиппъ Шварцерде былъ сыномъ оружейника въ городѣ Бореттенѣ и получилъ прекрасное воспитаніе подъ руководствомъ родственника его матери, извѣстнаго Рейхлина, который былъ такъ преданъ культу древней Греціи, что уговорилъ своего воспитанника передѣлать свою фамилію на греческій ладъ. Такимъ образомъ Шварцерде, т.-е черная земля, превратился въ Меланхтона, что по-гречески выражаетъ то же. Онъ принадлежалъ къ дѣтямъ-феноменамъ и 14-ти лѣтъ хотѣлъ вступить въ уни-

¹⁾ Heroes of the Reformation: Philipp Melancton, by J. Richard.—New-York. 1900.

верситетъ, но его не приняли, что, однако, не помѣшало ему давать частныя уроки, а черезъ годъ читать въ Тюбингенѣ публичныя лекціи о Цицеронѣ, Виргиліи и другихъ классикахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ продолжалъ серьезно заниматься математикой, медициной, юридическими науками, богословіемъ и греческимъ языкомъ. Познакомившись съ сочиненіями Эразма Роттердамскаго, онъ вступилъ съ нимъ въ дружескія отношенія, сдѣлался пламеннымъ гуманистомъ и написалъ нѣсколько сочиненій въ пользу реформы общественнаго воспитанія. Двадцати одного года онъ получилъ кафедру греческаго языка въ Виттенбергскомъ университетѣ, и вскорѣ его лекціи, въ которыхъ онъ преподавалъ не исключительно греческую словесность, а энциклопедію наукъ, приобрѣли такую славу, что въ его аудиторіи тѣснилось до 2.500 слушателей. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ написалъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ руководствъ для элементарнаго преподаванія. Встрѣча съ Лютеромъ, уроженцемъ Виттенберга, окончательно рѣшила судьбу Меланхтона. Лютеръ только что торжественно апеллировалъ отъ папы къ евангелію, и Меланхтонъ сдѣлался его другомъ и дѣятельнымъ помощникомъ. Этотъ союзъ двухъ противоположныхъ умовъ принесъ громадную пользу предпринятому ими дѣлу реформаціи. Лютеръ отличался смѣлостью, вспыльчивостью и твердымъ суровымъ характеромъ, а Меланхтонъ былъ мягкимъ, скромнымъ, осторожнымъ человѣкомъ. Лютеръ подстрекалъ Меланхтона, а Меланхтонъ сдерживалъ Лютера. Первый поражалъ и увлекалъ своихъ слушателей пламеннымъ краснорѣчіемъ, а послѣдній убѣждалъ ихъ логикой, громадными знаніями и мягкимъ любезнымъ обращеніемъ. Въ 1519 году Меланхтонъ отправился вмѣстѣ съ Лютеромъ въ Лейпцигъ, чтобы вступить въ богословскій споръ съ Іоанномъ Эккомъ, но послѣдній быстро отказался отъ дальнѣйшихъ преній, если не удалатъ молодого ученаго, такъ какъ ему было не подъ силу тягаться съ такимъ противникомъ. Въ томъ же году онъ получилъ первую ученую степень и кафедру богословія въ Виттенбергѣ. Онъ принялся съ такимъ жаромъ за свои лекціи по эгзегетикѣ новаго и стараго завѣта, что Лютеръ, боясь за печальныя послѣдствія отъ его чрезмѣрныхъ занятій для двадцати-двухъ-лѣтняго юноши, посоветовалъ ему жениться. Меланхтонъ послушался своего друга и женился на Катеринѣ Кранцъ, но, несмотря на то, что онъ былъ образцовымъ мужемъ и впоследствии отцемъ, молодой ученый продолжалъ свои неуспѣшные труды и черезъ годъ послѣ его женитьбы появилось его знаменитое сочиненіе на латинскомъ языкѣ «*Locis communes rerum theologicarum*», первый трудъ, по протестантскому богословію. Онъ былъ переведенъ почти на всѣ языки и при жизни автора имѣлъ пятьдесятъ изданій, что для того времени было необычайнымъ фактомъ. Кромѣ того, онъ напечаталъ нѣсколько небольшихъ трактатовъ въ пользу реформаціи и старательно переводилъ на нѣмецкій языкъ библію и евангеліе. Работая такимъ образомъ съ пламенной энергіей на пользу новой вѣры, которой онъ далъ названіе протестантства, Меланхтонъ былъ принужденъ вести борьбу не только съ католиками, но и съ крайними представителями реформаціи, именно съ баптистами, и, кромѣ того, онъ всячески старался предупредить возстаніе крестьянъ, которое было задушено кровью. Самымъ торжественнымъ моментомъ въ жизни «учителя Германіи», какъ прозвали его преданные ученики, было его

участіе въ Аугсбургскомъ сеймѣ. Для этого сейма, созваннаго въ 1530 году императоромъ Карломъ V, онъ написалъ знаменитое «Аугсбургское исповѣданіе», т. е. изложеніе новой вѣры, которое отличалось удивительной логикой, умѣренностью и цитатами изъ священнаго писанія. Со смертью Лютера Меланхтонъ сдѣлался главою протестантовъ, но мало-помалу онъ сталъ терять свою популярность, такъ какъ съ одной стороны онъ сохранялъ надежды примирить протестантство съ Римомъ, для чего участвовалъ въ различныхъ совѣщаніяхъ съ католиками, а съ другой, раздѣляя воззрѣнія Кальвина на эхваристію, возбудилъ къ себѣ ненависть старыхъ приверженцевъ Лютера. Такимъ образомъ послѣдніе годы его жизни были наполнены неприятными столкновеніями съ его собственными сторонниками, но онъ все-таки упорно стоялъ на своемъ и согласился присутствовать на Трентскомъ соборѣ въ постоянной надеждѣ на примиреніе съ Римомъ. Если же это дѣло не удалось, то не по его винѣ, а потому, что онъ не получилъ обѣщаннаго ему свободнаго пропуска. Даже на смертномъ одрѣ въ 1560 году на вопросъ, желаетъ ли онъ чего нибудь, «учитель Германіи» отвѣчалъ: «я ничего не желаю, кромѣ единенія церкви». Онъ былъ похороненъ рядомъ съ Лютеромъ, и три года тому назадъ вся протестантская Германія торжественно праздновала четырехвѣковую годовщину рожденія одного изъ достойнѣйшихъ своихъ сыновъ.

— Четырехсотлѣтній юбилей Бенвенуто Челлини. 3-го ноября настоящаго года Флоренція торжественно отпраздновала четырехвѣковую годовщину дня рожденія великаго скульптора и ювелира Бенвенуто Челлини. По случаю этого юбилея была устроена большая ювелирная выставка, и набиты мраморныя доски съ подобающими надписями на домѣ, въ которомъ Челлини исполнилъ свое лучшее художественное произведеніе, статую Персея, и на часовнѣ, гдѣ покоятся его останки. Конечно, иностранная печать переполнена статьями, біографическими очерками и анекдотами о знаменитомъ художникѣ. Какъ извѣстно, онъ родился послѣ долгаго бездѣтнаго брака своихъ родителей; по какимъ-то соображеніямъ они ожидали дѣвочку, а потому, когда родился мальчикъ, то старикъ отецъ внѣ себя отъ счастья воскликнулъ: «Господи, благодарю тебя. Милый ребенокъ, добро пожаловать» (*benvenuto*). Поэтому ему и дано было имя Бенвенуто. Такъ какъ его отецъ и дѣдъ были архитекторами, то онъ наследовалъ отъ нихъ художественный талантъ. Несмотря на желаніе родителей сдѣлать его музыкантомъ, онъ съ дѣтства обнаружилъ любовь къ скульптурѣ и 13 лѣтъ поступилъ въ ученики къ золотыхъ дѣлъ мастеру Марціану. Съ теченіемъ времени онъ сдѣлался самымъ разнообразнымъ художникомъ: скульпторомъ, граверомъ, отливщикомъ, медальеромъ, монетчикомъ, эмалировщикомъ и ювелиромъ. Кромѣ того, онъ былъ извѣстенъ, какъ инженеръ, артиллеристъ и авторъ многихъ сочиненій, изъ которыхъ всего замѣчательнѣе его автобіографія, переведенная на всѣ языки, между прочимъ, и на русскій. Его жизнь любопытна не только потому, что онъ былъ замѣчательнымъ артистомъ, но и по многочисленнымъ драматическимъ эпизодамъ, благодаря его пылкой, буйной и неуживчивой натурѣ, а также безчисленнымъ любовнымъ похождениямъ. Сначала онъ пользовался большимъ успѣхомъ въ своемъ родномъ городѣ, но долженъ былъ послѣ скандальной исторіи бѣжать отсюда въ Римъ,

гдѣ нашелъ многихъ высокопоставленныхъ покровителей, но не долго онъ тамъ ужился, вернулся во Флоренцію и снова вслѣдствіе ссоры долженъ былъ ее покинуть. Затѣмъ онъ жилъ то въ Римѣ, то во Флоренціи, то въ Мантуѣ, то въ Неаполѣ, вынужденный бѣжать отовсюду, благодаря своему безпокойному характеру. Если вѣрить его автобіографіи, то онъ при осадѣ Рима собственноручно убилъ французскаго конетабля, герцога Бурбонскаго, и герцога Оранскаго. Въ 1537 году онъ былъ вызванъ Францискомъ I въ Парижъ и пользовался его милостями, но не могъ тамъ долго оставаться по причинѣ болѣзни. По возвращеніи въ Римъ онъ былъ посаженъ въ тюрьму по обвиненію въ присвоеніи художественныхъ сокровищъ при осадѣ французами вѣчнаго города, но по ходатайству кардинала Ферары онъ былъ выпущенъ на свободу и послѣдовалъ за своимъ благодѣтелемъ вторично во Францію. Впрочемъ и на этотъ разъ онъ недолго оставался при дворѣ Франциска I-го, благодаря ссорѣ съ фавориткой короля, г-жею Д'Эгампъ, которая требовала, чтобы Челлини придалъ заказанной ему королемъ статуѣ Венеры черты ея лица. Но художникъ отказался отъ этого и смѣло сказалъ разгнѣванной фавориткѣ: «Если вы желали видѣть себя Венерой, то надо было имѣть такое лицо, которое подходило бы къ Венерѣ». Конечно, послѣ этого онъ не могъ болѣе оставаться при французскомъ дворѣ и возвратился во Флоренцію, гдѣ жилъ до своей смерти, пользуясь милостями Козьмы Медичи. По порученію послѣдняго онъ усилилъ укрѣпленія Флоренціи во время войны съ Сіеной и произвелъ свои лучшія художественныя произведенія, между прочимъ бронзовую статую Персея, которая теперь находится на рыночной площади во Флоренціи. Наконецъ послѣ бурной жизни, полной всякаго рода перипетій и приключеній, Челлини вздумалъ поступить въ монастырь, но черезъ два года вышелъ изъ него и женился. Хотя ему было уже тогда шестьдесятъ лѣтъ, но онъ прожилъ счастливо съ женою одиннадцать лѣтъ, имѣлъ отъ нея трехъ дѣтей и спокойно умеръ въ 1577 году.

— Окончаніе новой біографіи Кромвеля. Замѣчательное жизнеописаніе лорда протектора, вышедшее изъ-подъ пера Джона Морлея, печаталось цѣлый годъ въ американскомъ журналѣ «Century Magazine», а теперь вышло отдѣльной книжкой ¹⁾ и встрѣчено всеобщимъ одобреніемъ англійскихъ критиковъ, единогласно признающихъ трудъ Морлея блестящимъ и безпристрастнымъ. Дѣйствительно, эта книга можетъ считаться лучшей популярной біографіей Кромвеля, такъ какъ труды о томъ же предметѣ такихъ ученыхъ специалистовъ, какъ историки Фиртъ и Гардинеръ, не могутъ привлечь къ себѣ вниманіе общихъ читателей. О двадцати трехъ главахъ сочиненія Морлея, помѣщенныхъ въ американскомъ журналѣ до мая мѣсяца включительно, было уже говорено въ «Мелочахъ», а потому теперь укажемъ только на наиболѣе замѣчательныя черты остальныхъ девятнадцати главъ этой глубоко интересной біографіи. Въ сущности эти главы самыя любопытныя, такъ какъ въ нихъ разсказывается наиболѣе важная часть его жизни, именно казнь Карла I-го, установленіе республики въ Англии и протекторство Кромвеля до его смерти.

¹⁾ Oliver Cromwell, by John Morley. London, 1900.

Оксло года Кромвель колебался насчетъ преданія суду короля, но когда, наконецъ, онъ уступилъ силѣ обстоятельствъ, то, по словамъ Морлея, «онъ былъ искренно убѣжденъ, что, предавая казни человѣка, который своей нерѣшительностью и неблагоразуміемъ вовлекъ страну въ кровавую смуту, англичане исполняли роковой актъ верховнаго правосудія и волю Божию». Несомнѣнно, что верховный судъ надъ королемъ былъ установленъ парламентомъ противно правиламъ конституціи и въ сущности имѣлъ характеръ военнаго суда. «Можно только привести двѣ причины, разумно объясняющія этотъ судъ, замѣчаетъ Морлей: это былъ актъ войны и былъ настолько же справедливъ и настолько же несправедливъ, какъ всѣ дѣйствія войны и самая война. Съ другой стороны, какъ утверждаютъ Мильтонъ и Вольтеръ, убійцы Карла поступили съ нимъ такъ же, какъ онъ поступилъ бы съ ними, еслибы онъ одержалъ верхъ. Относительно пяти членовъ парламента въ 1642 году онъ поступилъ столь же незаконно, какъ теперь поступили съ нимъ. Съ самаго начала борьбы между парламентомъ и королемъ ставка была: «твоя голова или моя голова», и Карлъ проигралъ». Во всякомъ случаѣ по внѣшней формѣ и внутреннему содержанию процессъ Карла I-го отличался грубымъ военнымъ характеромъ и не имѣлъ ни малѣйшаго судебного достоинства. При обсужденіи приговора, Кромвель главнымъ образомъ настаивалъ на томъ, что религіозный вопросъ не можетъ быть правильно разрѣшенъ, пока не будетъ удалена главная помѣха для подобнаго разрѣшенія въ лицѣ короля. Какъ извѣстно, 26-го января 1649 года верховный судъ постановилъ, что Карлъ, «какъ измѣнникъ, тиранъ и врагъ добраго англійскаго народа, долженъ быть казненъ». Описавъ довольно кратко самую казнь короля и его погребеніе тайно ночью въ Виндзорской часовнѣ, Морлей опровергаетъ всѣ сложившіяся по этому предмету легенды, въ томъ числѣ посѣщеніе мертваго Карла Кромвелемъ, который, будто бы открывъ его гробъ и взглянувъ на мертвое лицо короля, сказалъ нѣсколько разъ: «Жестокая необходимость!» Напротивъ, по словамъ его новѣйшаго біографа, Кромвель всегда признавалъ казнь короля законной карой за то, что онъ былъ главнымъ виновникомъ долгой смуты. Онъ прямо говорилъ, что такова была воля Божія, и что участь Карла могла послужить примѣромъ для всѣхъ тирановъ. Какъ бы то ни было, анархія въ Англій была уничтожена, и страна объявлена республикой, или народоправствомъ подъ управленіемъ парламента, т. е. одной палаты депутатовъ, такъ какъ верхняя палата была уничтожена. вмѣстѣ съ тѣмъ былъ созданъ государственный совѣтъ, избираемый парламентомъ на годъ, и ему была вручена исполнительная власть. Судьи и администрація остались прежними. Въ такомъ видѣ началось непродолжительное господство англійской республики. Прежде всего ей пришлось имѣть дѣло съ двумя могущественными возстаніями въ Ирландіи и Шотландіи, которыя провозгласили королемъ Карла II. Кромвель предоставилъ парламенту и государственному совѣту управлять внутренними дѣлами, какъ они умѣли, и принять начальство надъ арміей для усмиренія сначала Ирландіи, а потомъ Шотландіи. Въ первой онъ провелъ девять мѣсяцевъ и хотя одержалъ побѣду, но цѣною неслыханныхъ жестокостей. При взятіи Дрогеды онъ безжалостно умертвилъ до 3.000 ирландцевъ, а затѣмъ прошелъ по всей странѣ съ огнемъ и мечомъ. Въ концѣ концовъ Ирландію

дія была окончательно закабалена англичанами, и роль Кромвеля въ этомъ кровавомъ усмирении ирландцевъ составляетъ черное пятно на его добромъ имени, хотя его поведеніе въ этомъ случаѣ объясняется обстоятельствами и его ненавистью, какъ пламеннаго протестанта къ католикамъ. Въ Шотландіи не было надобности въ крайнихъ мѣрахъ, и оба врага были одной вѣры, а потому дѣйствія Кромвеля въ Шотландіи отличались инымъ характеромъ. Хотя шотландцы сражались очень храбро, но онъ разбилъ ихъ въ двухъ сраженіяхъ при Думбарѣ и Вурстерѣ, а затѣмъ вся страна покорилась. Вурстерской побѣдой окончилась дѣятельность Кромвеля, какъ военачальника, и онъ впоследствии не разъ говорилъ, что онъ тогда съ удовольствіемъ отказался бы отъ дальнѣйшей политической дѣятельности. Въ теченіе девяти лѣтъ его военной карьеры, онъ изъ провинціального офицера достигъ славы главнокомандующаго, побѣдившаго всѣхъ своихъ соперниковъ и ни разу не побѣжденнаго. Теперь ему приходилось перейти на другое поприще и попробовать свои силы въ управленіи страной при самыхъ критическихъ обстоятельствахъ. Поэтому неудивительно, что онъ хотѣлъ отдохнуть на лаврахъ. Но обстоятельства ему помѣшали исполнить свое намѣреніе. Послѣ двухъ съ половиною лѣтъ отсутствія изъ Лондона, онъ вернулся туда въ апогее своей славы, и столица приняла его самымъ торжественнымъ образомъ. Но, по словамъ Морлея, онъ велъ себя очень скромно, приписывалъ одержанный успѣхъ не себѣ, а своей арміи, и съ улыбкой говорилъ, что если его встрѣчаютъ восторженные толпы, то еще большія толпы сошлись бы на зрѣлище его казни, еслибы было рѣшено его повѣсить. Болѣе двухъ съ половиною лѣтъ Кромвель, оставаясь во главѣ арміи, не принималъ прямого участія въ управленіи страной и былъ, такъ сказать, посредникомъ между арміей и парламентомъ, но отношенія между этими двумя силами становились все болѣе и болѣе враждебными, и военная революція становилась съ каждымъ днемъ все неизбежнѣе. Временное управленіе страной, установленное послѣ казни Карла I-го, не могло всегда оставаться, а парламентъ, раздираемый партіями, не принималъ никакихъ мѣръ для установленія новыхъ, чисто республиканскихъ порядковъ. Долго Кромвель старался миролюбиво уговорить парламентъ разойтись, но видя, что ему этого никогда не добиться, и что его армія ропщетъ на значительныя недоимки въ выдачѣ жалованья, онъ, наконецъ, уступилъ крайнимъ представителямъ этой арміи, Гарисону и Ламберту. 19-го апрѣля 1652 года онъ явился съ солдатами въ парламентъ и объявилъ, что депутаты своимъ недостойнымъ поведеніемъ побудили его приступить къ рѣшительному шагу, и онъ вынужденъ волею Божіей на пользу народа распустить парламентъ. Затѣмъ солдаты разогнали всѣхъ депутатовъ, и военный переворотъ былъ совершенъ. Конечно, такой ревностный либераль и парламентскій дѣятель, какъ Морлей, не можетъ отнестись къ этому антиконституционному акту Кромвеля, какъ съ самымъ пламеннымъ осужденіемъ. Онъ называетъ этотъ шагъ своего героя не только незаконнымъ и неправильнымъ, но не политичнымъ и ошибочнымъ до такой степени, что онъ впоследствии не могъ ничѣмъ его загладить. Какъ бы то ни было, дѣло было сдѣлано, и началось диктаторство Кромвеля въ различныхъ его фазахъ. Первой изъ нихъ было такъ называемое «царство святыхъ». Армія сама выбрала вмѣстѣ съ Кром-

велемъ 139 членовъ парламента, въ которыхъ преобладали богобоязненные пуритане, а потому его господство и было прозвано «царствомъ святыхъ». Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ сами святые послѣ нѣсколькихъ столкновений съ Кромвелемъ и арміей поняли, что ихъ власть слишкомъ шаткая, а потому весь парламентъ огуломъ подалъ въ отставку. Тогда выдающіеся представители арміи съ Ламбертомъ во главѣ выработали новую правительственную систему и предложили Кромвелю быть лордомъ-протекторомъ республики. Новая «магна харта», подъ названіемъ «орудіе управленія», устанавливала единоличную власть пожизненнаго лорда-протектора, парламентъ, состоявшій изъ одной палаты депутатовъ, и пожизненный государственный совѣтъ. Въ глазахъ Морлея эта новая конституція не имѣла никакихъ достоинствъ, и онъ опровергаетъ мнѣніе тѣхъ, которые считаютъ ее прототипомъ Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Сначала Кромвель принялся со своимъ государственнымъ совѣтомъ очень энергично за административныя и судебныя реформы, которыя принесли значительную пользу. Нельзя не замѣтить при этомъ, что новый лордъ-протекторъ особенно настаивалъ на примиреніи религиозныхъ распрей, и еслибы религиозный фанатизмъ не былъ такъ распространенъ въ англиканской церкви и различныхъ сектахъ, то онъ, конечно, достигъ бы установленія вѣротерпимости. Но какъ только собрался новый парламентъ, то между нимъ и Кромвелемъ начались попрежнему столкновения, и дѣло кончилось тѣмъ, что онъ при первой возможности распустилъ его. Тутъ наступаетъ новая фаза протекторства, и въ теченіе двадцати мѣсяцевъ продолжалось личное диктаторство Кромвеля, хотя онъ раздѣлялъ власть съ государственнымъ совѣтомъ, состоявшимъ изъ 18 членовъ. Обыкновенно эту эпоху считаютъ самой славной для Кромвеля, такъ какъ въ Ирландіи и Шотландіи царилъ порядокъ, въ казначействѣ было много денегъ, армія и флотъ были, повидимому, преданы правительству, и звѣзда лорда-протектора высоко поднялась на европейскомъ горизонтѣ. Но тогдашнему правительству приходилось бороться со многими внутренними затрудненіями, въ томъ числѣ съ заговоромъ противъ лорда-протектора. Главное затрудненіе заключалось въ томъ, что деньги, бывшія въ казначействѣ, вскорѣ были израсходованы, а для пополненія дефицита необходимо было созвать парламентъ, что и было сдѣлано въ 1656 году. Новый заговоръ противъ жизни Кромвеля произвелъ сильное впечатлѣніе на парламентъ, и одинъ изъ его членовъ, представитель лондонскаго Сити, бывшій лордъ-мэръ, Христофоръ Паккъ, предложилъ возстановить королевское достоинство и верхнюю палату. Многие поддержали это предложеніе, и Кромвель послѣ долгихъ переговоровъ готовъ былъ согласиться, когда многіе изъ передовыхъ представителей арміи съ Ламбертомъ во главѣ стали такъ громко протестовать противъ подобнаго шага, что Кромвель, боясь открытаго разрыва съ арміей, отказался отъ предложенной ему короны. Однако, парламентъ настоялъ на новомъ преобразованіи протекторства и съ согласія Кромвеля установилъ конституціонную монархію безъ короля, но со второй палатой и государственнымъ совѣтомъ, или кабинетомъ. При этомъ лордъ-протекторъ былъ объявленъ наследственнымъ и окруженъ чисто королевской пышностью. Его стали называть вашей свѣтлостью, и въ торжественныхъ случаяхъ онъ являлся въ пурпурной мантии со скипетромъ въ рукахъ.

Вѣдшее положеніе Кромвеля въ это время было самое блестящее. Онъ пользовался громаднымъ вліяніемъ въ Европѣ, энергично велъ переговоры о союзѣ протестантскихъ государствъ, имѣлъ при своей особѣ шесть пословъ европейскихкихъ государей, поставилъ англійскій флотъ на высокую степень совершенства и широко развилъ англійскія колоніи, но внутри власть лорда протектора была очень шаткая, и всего болѣе его тревожили разстройства финансовъ. Съ парламентомъ также онъ плохо ладилъ и кончилъ тѣмъ, что распустилъ его, какъ всѣ прежніе. Совершая этотъ послѣдній актъ своего семилѣтняго протекторства, онъ сказалъ, что смотритъ на себя, «какъ на часового, который охраняетъ безопасность страны». Но судьбѣ было угодно вскорѣ смѣнить этого часового, и послѣ непродолжительной болѣзни Кромвель умеръ 3-го сентября 1658 года. Подводя итоги великой дѣятельности своего героя, Морлей полагаетъ, что его скорѣе можно сравнить, несмотря на его диктаторство, съ конституціоннымъ королемъ Вильгельмомъ III или Вашингтономъ, чѣмъ съ Людовикомъ XIV или Наполеономъ. «Онъ принадлежалъ, говоритъ Морлей, къ рѣдкому и благородному типу правителей, которые руководятся честью, совѣстью и практическимъ разумомъ. Его идеалы были возвышенны, и онъ честно, благородно стремился къ ихъ осуществленію». Конечно, безпристрастная біографія Морлея ясно доказываетъ, что хотя Кромвель имѣлъ, какъ всѣ люди, свои слабости, и обстоятельства заставляли его часто уклоняться съ истиннаго пути, но онъ представляетъ типъ лучшаго правителя Англій, всегда имѣвшаго въ виду только благо народа.

— Судъ надъ мертвецами. Религіозный фанатизмъ каралъ въ старой Франціи мертвецовъ за ересь, и существовала особая судебная процедура для подобныхъ чудовищныхъ процессовъ, которая только исключена изъ дѣйствующихъ законовъ революціей около ста лѣтъ тому назадъ. Но исторія этихъ процессовъ мало извѣстна, и Габріель Дебаръ представляетъ ся очеркъ въ первой ноябрьской книжкѣ *Revue des Revues*» ¹⁾ на основаніи архивныхъ документовъ. Обычай подвергать карѣ мертвецовъ за ересь настолько же древній, насколько и наказаніе живыхъ еретиковъ; онъ возникъ въ XI вѣкѣ: въ 1022 году, въ Орлеанѣ, Робертъ, прозванный Набожнымъ, сжегъ первыхъ еретиковъ альбигойцевъ, и въ томъ же году, въ томъ же городѣ былъ вырытъ изъ могилы каноникъ Теодоръ, признанъ еретикомъ, и его тѣло выброшено на улицу. Въ этомъ вѣкѣ и въ слѣдующемъ болѣе неизвѣстно ни одного процесса мертвыхъ еретиковъ, но, очевидно, этотъ обычай существовалъ, потому что муниципальный статутъ Тулузы въ 1205 году регламентируетъ производство подобныхъ процессовъ. Точно также мы читаемъ въ самомъ древнемъ руководствѣ для инквизиціонныхъ трибуналовъ во Франціи, которое составлено для каркасонскаго трибунала доминиканскимъ монахомъ Бернардомъ Гви, что «если еретикъ похороненъ, то его вырываютъ изъ земли, влекутъ по улицамъ и бросаютъ въ яму, куда свозятъ городскія нечистоты, а имущество его конфискуется, при чемъ наслѣдникамъ не дозволяется доказывать на судѣ, что по-

¹⁾ Les procès aux cadavres dans l'ancienne France, par Gabriel Debar.—Revue des Revues.—1 novembre. 1900.

койникъ не былъ еретикомъ». Въ XIII и XIV вѣкахъ подобныя процессы были не рѣдки. Въ 1235 году доминиканскіе монахи приказали въ Тулузѣ вырыть нѣсколько труновъ богатыхъ горожанъ и аристократовъ, которые признаны виновными въ ереси, позорно протащены по улицамъ и сожжены на кострѣ «во славу Божію, святой дѣвы Маріи и св. Доминика». При этомъ герольдъ торжественно провозглашалъ: «Такъ будетъ со всѣми, кто такъ поступитъ». По словамъ одного лѣтописца, въ провинціи Лангедокъ число процессовъ мертвыхъ еретиковъ въ теченіе двухъ лѣтъ между 1373 и 1375 было «безконечно». Давность не спасала несчастныя трупы, такъ въ Ферарѣ инквизиція сожгла въ 1301 году Арманно Пингилипо, умершаго 32 года передъ тѣмъ, а въ 1313 г. во Флоренціи подвергся той же участи трупъ Герардо, покоившійся въ могилѣ 63 года. Въ XVI столѣтіи инквизиторъ Іоаннъ де-Рома практиковалъ на большей ногѣ кару мертвецовъ относительно альбигойцевъ въ Провансѣ. Напримѣръ, Іеханъ Жиннуи былъ подвергнутъ этимъ безчеловѣчнымъ инквизиторомъ страшной пыткѣ, и когда онъ не вынесъ пятикратнаго поджариванія предварительно пропитанныхъ саломъ ногъ и умеръ, то его признали виновнымъ въ ереси послѣ смерти и сожгли окончательно на кострѣ. Въ XVII и XVIII вѣкахъ протестанты часто подвергались посмертнымъ преслѣдованіямъ и казнямъ, производство которыхъ уже тогда было предусмотрено законами, именно эдиктами 1670, 1715 и 1724 годовъ. Въ этихъ эдиктахъ предписано судить и казнить мертвыхъ не только за ересь, но за дуэль, самоубійство и мятежъ. Въ XVII и XVIII вѣкахъ были примѣры посмертныхъ процессовъ мятежниковъ, дуелистовъ и самоубійцъ. Въ числѣ послѣднихъ находился Никола Лозъ, секретарь министра Вилеруа, и по этому поводу Вольтеръ писалъ: «Мы таскали по улицамъ тѣло самоубійцы, мы пронзили его грудь коломъ и опозорили его память; мы наказываемъ сына за потерю отца и жену за потерю мужа, отнимая у нихъ наслѣдство покойника». Что касается до еретиковъ, подвергшихся посмертному преслѣдованію въ указанныя два столѣтія, то невозможно ихъ подсчитать, но Дебару удалось найти въ архивахъ подлинныя протоколы 93 подобныхъ процессовъ, въ числѣ которыхъ обвинялись 34 женщины. Очень немногіе изъ подсудимыхъ были оправданы, а громадное большинство казнены, хотя достовѣрныхъ свѣдѣній о казни имѣется только въ 60 дѣлахъ. Эти процессы происходили во всѣхъ частяхъ Франціи: въ Лангедокѣ, Пуату, Бретани, Орлеанѣ, Пикардіи, Дофинѣ и т. д. Подсудимыми были самыя разнообразныя лица: аристократы, судьи, купцы, рабочіе, поселяне. Первые изъ этихъ процессовъ происходили въ 1685 г., а послѣдній въ 1778 году. Въ одномъ Мецѣ въ теченіе 17 дней въ концѣ 1686 г. было казнено 3 мертвеца. Производились эти процессы по установленному порядку. Обыкновенно патеръ извѣщалъ судью, что такой-то мужчина или такая-то женщина отказались передъ смертью отъ исповѣди и причастія по католическому обряду, за что подлежатъ преслѣдованію, какъ еретикъ или еретичка; судья производилъ съ докторами осмотръ тѣла и накладывалъ печать на затылокъ покойника, затѣмъ тѣло или отдавалось на храненіе родственникамъ, или чаще всего подвергалось аресту при тюрьмѣ, гдѣ оно оставалось иногда нѣсколько мѣсяцевъ, пока производилось судебное слѣдствіе. По окончаніи этого слѣдствія вызывался на судъ повѣсткой

мертвецъ, а за его отсутствіемъ опекунь, иногда родственникъ, но обыкновенно назначенный судомъ посторонній человекъ, который, конечно, нисколько не заботился о защитѣ добраго имени покойника и объ интересахъ наследниковъ, такъ какъ въ случаѣ признаніи подсудимаго виновнымъ его имущество подлежало секвестру. На судѣ спрашивались свидѣтели, обыкновенно патерь и докторъ, присутствовавшіе при смерти подсудимаго, а затѣмъ произносились обвинительная рѣчь прокуроромъ и защитительная опекуномъ, краткая и безсодержательная, или родственникомъ, иногда очень краснорѣчивая, если наследство было значительное. Наконецъ судъ постановлялъ приговоръ, очень рѣдко оправдательный, а почти всегда обвинительный. Обычная казнь состояла въ томъ, что тѣло такъ называемаго преступника привязывалось головой внизъ къ лѣстницѣ, которую прикрѣпляли сзади къ телѣгѣ, и палачъ, держа за узды лошадь, запряженную въ телѣгу, медленно проходить по главнымъ улицамъ города. Это зрѣлище было ужасное, и одинъ свидѣтель подобной казни въ Пикардіи восьмидесятилѣтняго виконта Нувіана, отказавшагося передъ смертью вернуться изъ протестантской вѣры въ католическую, пишетъ: «Его голова, вся окровавленная, билась о мостовую, а раны стараго воина открылись, и кровь текла потоками». Когда это отвратительное шествіе достигло до ямы, куды выбрасывали городскія нечистоты, то тѣло несчастнаго бросили туда, и приставленъ былъ часовой, не допускавшій никого подойти къ тѣлу съ цѣлью его похоронить. Обыкновенно тѣла казненныхъ мертвцевъ дѣлались жертвами собакъ, или птицъ, но иногда разъяренная толпа разрывала ихъ на части. Подобныя отвратительныя сцены наконецъ стали возмущать народъ и даже палачей. Въ 1693 году въ Парижѣ при такой казни народъ возмутился, вырвалъ изъ рукъ палача тѣло несчастнаго протестанта, похоронилъ его и цѣлый день ходилъ по улицамъ съ криками: «Стыдно великому королю терпѣть такое варварское обращеніе съ его подданными, за что, конечно, онъ и навлекаетъ на страну гнѣвъ Божій». Движеніе противъ такихъ варварствъ быстро увеличивалось. Въ Бержеракѣ судьи отказались принимать къ производству такія дѣла, а въ Калэ въ 1686 году палачъ не захотѣлъ исполнять свою обязанность столь позорнымъ образомъ и согласился только подъ угрозой казни. Въ 1699 году нѣкоторые епископы заявили, что посмертное преслѣдованіе еретиковъ имѣетъ самое вредное вліяніе, а потому его слѣдовало бы уничтожить. Дижонскій парламентъ прекратилъ нѣсколько подобныхъ дѣлъ, а самъ король писалъ по поводу одного изъ нихъ: «Это дѣло лучше затушить». Наконецъ, въ 1700 году начальникъ парижской полиціи Аржансонъ писалъ своимъ подчиненнымъ: «Вы знаете, какъ эти процессы возмущаютъ души новообращенныхъ католиковъ, и если они производятъ дурное впечатлѣніе въ провинціи, то еще болѣе дурно они дѣйствуютъ въ столицѣ, гдѣ полагаютъ, что каждое подобное дѣло начато по личному приказанію короля». Однако, несмотря на все это, варварскія посмертныя преслѣдованія и казни продолжались до 1778 года, когда въ Пикардіи поселянка Локлонъ сдѣлалась послѣдней жертвой дикаго законодательства, отмѣненнаго революціей, случая 11 лѣтъ послѣ этого возмутительнаго процесса.

— Военныя масонскія ложи во Франціи и Англии. Масыны играли въ военномъ мѣрѣ Европы видную роль, но о ней до сихъ поръ извѣстно очень мало, а потому большой интересъ представляетъ статья Л. Жандрэ въ первой ноябрьской книжкѣ «Revue des Revues», подъ названіемъ «Масыны въ арміи»¹⁾. Она основана на классическихъ французскихъ сочиненіяхъ о масонствѣ Тори, Безюшэ, Рэбо, Гофреле, Сентъ-Альбена, Финделя и др., а также на недавно вышедшей книгѣ Гульда объ англійскихъ военныхъ масонахъ и на архивныхъ документахъ, хранящихся къ арсенальной библіотекѣ въ Парижѣ. Что масонство происходитъ отъ древнихъ языческихъ преданій, или оно возникло при построеніи Іерусалимскаго храма, или оно учреждено храмовниками во время крестныхъ походовъ—все это гипотезы, подлежащія сомнѣнію и ничѣмъ не доказанныя, а, по всей вѣроятности, масонскія ложи возникли отъ средневѣковыхъ корпорацій масоновъ, т. е. каменщиковъ, архитекторовъ и скульпторовъ. Эти въ свое время очень могущественныя корпораціи существовали въ Англии еще въ XVII вѣкѣ, и король Вильгельмъ III часто предсѣдательствовалъ въ одной корпораціи каменщиковъ при перестройкѣ дворца въ Гамптонѣ, но въ то время уже болѣе ста лѣтъ англійскія корпораціи настоящихъ каменщиковъ пришли въ упадокъ, и рядомъ съ ними образовались ложи духовныхъ каменщиковъ, которыя имѣли совершенно иной характеръ. Въ 1717 году оставалось только четыре чисто рабочія корпораціи каменщиковъ, и они рѣшили особымъ постановленіемъ, что прекращаютъ свое существованіе въ этомъ видѣ, а впредь сдѣлаются масонскими ложами, доступными для всѣхъ классовъ общества, но сохраняющими прежніе таинственные обряды. Такимъ образомъ духовные масоны одержали верхъ. Но еще ранѣе этой побѣды они распространились между военнымъ классомъ въ Англии и Шотландіи. Въ началѣ XVIII вѣка число военныхъ масоновъ значительно увеличилось, и 24-го іюня 1717 года герцогъ Монтегю открылъ первую изъ великихъ ложъ въ Соединенномъ королевствѣ. Съ тѣхъ поръ въ Англии сдѣлалось модой среди выдающихся представителей арміи и флота вступать въ масоны, а черезъ ихъ посредство проникали въ англійскія ложи и знатные иностранцы, какъ, напримѣръ, маркизъ Кэнъ и будущій король прусскій Фридрихъ II. Число англійскихъ военныхъ масоновъ такъ увеличилось, что они образовали свои отдѣльныя ложи: первая спеціально военная ложа открылась въ Гибралтарѣ въ 1728 году, а первая полковая ложа въ 1732 г. Онѣ такъ быстро распространились, что въ 1750 году было сто военныхъ ложъ, зависящихъ отъ великой ирландской ложи, двадцать одна отъ великой шотландской и пятьдесятъ четыре отъ великой англійской. Въ 1813 году онѣ достигли своего апогея, именно было сто тридцать пять ирландскихъ ложъ, девятнадцать шотландскихъ и шестьдесятъ пять англійскихъ, а всего двѣсти девятнадцать. Въ концѣ прошедшаго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго почти всѣ извѣстные англійскіе полководцы: Роднэй, Вильсонъ, сэръ Чарльсъ Нэпиръ, Веллингтонъ и т. д., были масонами, къ которымъ принадлежали и два героя новаго свѣта: Вашингтонъ и Боливаръ. Если не съ такимъ громаднымъ успѣхомъ, то все-таки военные масоны распростра-

¹⁾ Les maçons militaires, par L. Jandrais.—Revue des Revues.—1 novembre. 1900.

нились и на европейскомъ континентѣ, въ особенности во Франціи. По преданіямъ первая французская гражданская масонская ложа основана въ 1723 году графомъ Деривентватеромъ, но во всякомъ случаѣ достоверно, что въ 1738 году ихъ уже существовало три. Первымъ выдающимся военнымъ масономъ былъ маршалъ Д'Эстре, а его примѣру послѣдовали Морицъ Саксонскій и герцогъ Ришелье. Первымъ французскимъ гросмейстеромъ былъ герцогъ Д'Антэнъ, а вторымъ Луи Бурбонъ, графъ Клермонскій, извѣстный пораженіями, которыя ему нанесъ его товарищъ по масонству Фердинандъ Брауншвейгскій. До 1772 года французское масонство распространялось довольно тихо, такъ какъ оно зависѣло отъ шотландской великой ложи, но когда былъ выбранъ гросмейстеромъ герцогъ Люксембургъ, и основана независимая ложа Великаго Востока, то произошло сильное движеніе среди французскихъ масоновъ, и оно продолжалось до 1789 года. Хотя нѣкоторые историки сильно преувеличиваютъ республиканскій характеръ тогдашняго французскаго масонства, но на его развитіе много дѣйствовало философское направленіе того времени. Изъ рукописнаго списка ложъ, находившихся въ 1676 году подъ главенствомъ Великаго Востока, видно, что въ полкахъ было двадцать три отдѣльныя ложи съ шестьюстами членами. Кромѣ того, находилось много военныхъ масоновъ и въ гражданскихъ ложахъ, какъ, напримѣръ, герцогъ Шартрескій, Монморанси и Вовилье, князь Роганъ-Геменэ, маркизъ Сеньелэ и т. д. При началѣ революціи было всего шесть великихъ провинціальныхъ ложъ и 629 обыкновенныхъ, въ числѣ которыхъ находилось шестьдесятъ девять военныхъ ложъ. Въ революціонную же эпоху какъ гражданскія, такъ и военныя ложи очень тихо распространялись, такъ что отъ 1789 до 1801 года открылось новыхъ военныхъ ложъ только восемь. Напротивъ, при имперіи онѣ быстро разрослись, какъ во Франціи, такъ и въ завоеванныхъ ею странахъ. Въ 1811 году было шестьдесятъ девять полковыхъ ложъ. Братъ Наполеона, Юсифъ былъ гросмейстеромъ, а Мюратъ и Камбасересъ его помощниками. Во главѣ военныхъ масоновъ стояли маршалы и генералы: Массэна, Бернадотъ, Сулъть, Лефевръ, Понятовскій, Келлерманъ, Ожеро и т. д. По словамъ Жандрэ, вѣроятно, принцъ Евгений Богарне былъ масономъ, а, быть можетъ, къ масонскимъ лохамъ принадлежалъ самъ Наполеонъ, но ему очевидно не были извѣстны только что вышедшіе мемуары барона Комо. Этотъ товарищъ Наполеона по артиллеріи удостоверяетъ, что будущій императоръ еще поручикомъ былъ масономъ, что подполковникомъ вступилъ въ Марсели въ ложу Великаго Востока, что затѣмъ въ Италіи сдѣлался членомъ египетской ложи Гермесъ и, наконецъ, въ Парижѣ былъ принятъ въ великую шотландскую ложу. Къ этимъ свѣдѣніямъ Комо прибавляетъ, что Наполеонъ сдѣлался императоромъ, только благодаря помощи масоновъ, которымъ онъ за это заплатилъ потребованную ими плату, именно казнь герцога Англенскаго, и что когда масоны Великаго Востока отвернулись отъ него въ 1815 году, онъ потерялъ голову и погибъ на островѣ св. Елены. Но вернемся къ статьѣ Жандрэ, который рисуетъ любопытную картину внутренняго устройства и обычаевъ военныхъ масонскихъ ложъ во Франціи. Эти ложи были двухъ сортовъ: постоянныя, при городскихъ гарнизонахъ, и странствующія, при полкахъ. Обыкновенно въ каждомъ полку была одна

ложа, но бывали и двѣ. Онѣ находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ гражданскими ложами, но, повидимому, въ военныхъ ложахъ не было гражданскихъ членовъ, хотя въ гражданскихъ часто встрѣчались военные. По напечатанному въ военномъ французскомъ журналѣ: «Carnet de la sabretache», за 1898 годъ списку персонала масонской ложи св. Людовика при королевскомъ пѣхотномъ полку въ 1784 году состояло братьями шестьдесятъ офицеровъ, одинъ патеръ и пять унтеръ-офицеровъ, братьями-слугами девять солдатъ, внѣшними братьями сорокъ четыре офицера другихъ полковъ и сестрами особой ложи пятнадцать дамъ. Кромѣ того, въ составъ этой ложи входили еще шесть внѣшнихъ сестеръ, принадлежавшихъ къ другимъ ложамъ, и два делегата этой ложи въ Великомъ Востокѣ. Отличительной чертой военныхъ масонскихъ ложъ былъ тотъ странный фактъ, что онѣ могли существовать, несмотря на свой характеръ тайнаго общества, при строгой военной дисциплинѣ временъ Наполеона. По словамъ маршала Магдональда, военныя масонскія ложи приносили большую пользу своимъ членамъ, такъ какъ во время мира онѣ всячески поддерживали своихъ братьевъ и оказывали имъ значительную помощь, а во время войны онѣ служили символомъ человѣчности среди кровопролитной рѣзни, такъ въ битвѣ при Детингенѣ въ 1743 году одинъ французскій гвардеецъ спасся отъ смерти тѣмъ, что поднявшій на него саблю англійскій драгунъ узналъ въ немъ брата, благодаря масонскому знаку, и удовольствовался тѣмъ, что взялъ его въ плѣнъ. Благодаря этому же масонскому знаку, спаслись французскій офицеръ при Аустерлицѣ, русскій офицеръ при Бородинѣ, французскій офицеръ при Березинѣ и т. д. Даже во время франко-прусской войны въ сраженіи при Марсъ-Ля-Турѣ, прусскій офицеръ спасъ отъ смерти французскаго капрала, признавъ въ немъ собрата масона. Точно также въ плѣну масоны пользовались энергичными заботами масоновъ той страны, гдѣ они находились. Такимъ образомъ масонство было чѣмъ-то въ родѣ взаимнаго страхованія. Послѣ имперіи наступилъ упадокъ военныхъ ложъ, какъ во Франціи, такъ и въ Англіи. Реставрація и іюльская монархія смотрѣли на масоновъ, и въ особенности военныхъ, какъ на своихъ враговъ бонапартистовъ и республиканцевъ. Мало-помалу военныя ложи закрылись одна за другой, особенно послѣ секретнаго циркуляра въ 1844 году маршала Сульта, который забывъ, что онъ самъ когда-то былъ масономъ, предписалъ полковымъ командирамъ запрещать офицерамъ вступать въ масонскія ложи. Конечно, во Франціи военные продолжали и продолжаютъ до сихъ поръ состоять членами гражданскихъ масонскихъ ложъ, и при второй имперіи великимъ гросмейстеромъ былъ сначала маршалъ Маньянъ, а потомъ генералъ Мелине, но военное масонство совершенно прекратило свое существованіе. Въ Англіи также замѣтенъ полный упадокъ военныхъ масонскихъ ложъ, которыхъ въ настоящее время всего восемь, и онѣ имѣютъ такое же отношеніе къ гражданскимъ масонскимъ ложамъ, какъ 1 къ 1100. Но это не мѣшаетъ всѣмъ выдающимся представителямъ англійской арміи, какъ лордъ Вольслэй, лордъ Робертсъ, лордъ Китченеръ, сэръ Чарльсъ Бересфордъ и т. д., состоять членами гражданскихъ ложъ, которыя въ большой модѣ въ аристократическомъ мірѣ.

— Приемная дочь Наполеона. Составитель популярных монографий выдающихся женщин французской революции и империи, Жозеф Тюрканъ, отвелъ въ своей галереѣ историческихъ портретовъ мѣсто рядомъ съ Жозефиной и ея дочерью Гортензій третьей представительницъ семьи Богарнэ, Стефани, приемной дочери Наполеона и по мужу великой герцогинѣ Баденской¹⁾. Какъ всѣ сочиненія Тюркана, біографія Стефани Богарнэ представляетъ живой сводъ всего, что говорится объ ея героинѣ въ мемуарахъ современниковъ и въ архивныхъ документахъ, а такъ какъ жена великаго герцога Баденскаго Карла, брата русской императрицы Елисаветы Алексѣевны, жены Александра I-го, хотя не играла важной исторической роли, но все-таки представляетъ одно изъ видныхъ дѣйствующихъ лицъ всемірной драмы, ознаменовавшей начало XIX вѣка, то ея жизнеописаніе читается съ интересомъ. Ее обыкновенно называли и называютъ до сихъ поръ племянницей Жозефины, но она въ сущности была дочерью двоюроднаго брата ея мужа, виконта Богарнэ, и ея отецъ, графъ Клодъ Богарнэ, женившись во второй разъ послѣ смерти матери Стефани, забылъ о существованіи своей маленькой дочери, и неизвѣстно, что бы съ нею случилось, еслибъ какая-то добрая англичанка не отдала ее въ пансіонъ, содержимый бывшими монахинями въ городѣ Монтобанѣ. Узнавъ объ этомъ отъ Жозефины, Наполеонъ, бывшій тогда первымъ консуломъ и вообще отличавшійся слабостью къ своей семьѣ и къ семьѣ своей жены, упрекнулъ ее за подобное равнодушіе къ юной племянницѣ, что, по его словамъ, могло впоследствии набросить тѣнь на ея память, и настоялъ на томъ, чтобы маленькую Стефанию вызвали въ Парижъ, гдѣ Жозефина ее помѣстила въ модный тогда пансіонъ г-жи Кампанъ, въ которомъ также воспитывалась ея дочь Гортензія. Когда она вышла изъ этой свѣтской школы, Стефани было 17 лѣтъ, и поселившись въ Тюильрійскомъ дворцѣ у Жозефины, уже тогда императрицы, она сразу очутилась въ водоворотѣ блестящей придворной жизни. Хорошенькая, вертлявая, кокетливая, легкомысленная, молодая дѣвушка естественно всецѣло предалась шумнымъ свѣтскимъ удовольствіямъ. Наполеонъ, вѣчно примѣшивавшій политику къ своимъ семейнымъ дѣламъ, задумалъ сразу выдать замужъ Стефанию за наследнаго принца Баденскаго, и чтобы его дѣдъ, владѣтельный герцогъ, согласился на этотъ неравный бракъ, онъ увеличилъ его владѣнія и сдѣлалъ его великимъ герцогомъ. Этой цѣной онъ не только купилъ наследнаго принца нѣмецкаго великаго герцогства въ мужья племянницѣ Жозефины, но предварительно заставилъ его отказаться отъ своей невѣсты, дочери курфюрста баварскаго, на которой онъ женилъ сына Жозефины, принца Евгенія, за что ея отца произвелъ въ короли. Вся эта сложная политико-семейная комбинація удалась какъ нельзя лучше, но чтобы позолотить пиллолю, которую пришлось принять гордому баденскому дому, благодаря браку наследнаго принца съ отдаленной родственницей перваго мужа Жозефины, Наполеонъ торжественно усыновилъ Стефанию и сдѣлалъ ее французской принцессой. Новая приемная дочь императора была помѣщена въ особомъ роскошномъ апарта-

¹⁾ Une fille adoptive de Napoleon. Stephanie de Beauharnais. Par. J. Tyrquan Paris. 1900.

ментъ Тюльрийскаго дворца, и во всѣхъ придворныхъ церемоніяхъ она заняла второе мѣсто послѣ императрицы, что, конечно, возбудило зависть Гортензіи и сестеръ императора. Пошли толки и сплетни, которые, какъ вскорѣ оказалось, имѣли основаніе. Когда пріѣхалъ въ Парижъ женихъ: невзрачный, неловкій, застѣнчивый и казавшійся постоянно соннымъ, молодой человекъ, то, очевидно, онъ не понравился хорошенькой, блестящей невѣстѣ, и она стала не только обращаться съ нимъ холодно, но начала окружать всевозможными любезностями своего пріемнаго отца, которому она была обязана неожиданнымъ величіемъ. Наполеонъ, отличавшійся слабостью къ родственницамъ, поддался чарамъ веселой, живой, кокетливой молодой дѣвушки и до того забылся, что вздумалъ сдѣлать свою пріемную дочь жертвой минутнаго каприза. Получивъ легкомысленное воспитаніе и окруженная такими болѣе чѣмъ легкомысленными женщинами, какъ Жозефина, Гортензіа и сестры Наполеона, Стефанія, повидимому, была не прочь отъ связи съ императоромъ, если судить по ея кокетливому обращенію съ нимъ. Но этому постыдному скандалу положила конецъ ревность Жозефины. Она съ одной стороны осыпала упреками императора за его невѣрность и указала на то, что, ухаживая за своей семнадцатилѣтней пріемной дочерью, онъ становится посягательствомъ всего двора, а съ другой сдѣлала рѣзкій выговоръ молодой дѣвушкѣ и, доказавъ ей всю предосудительность ея поведенія, воскликнула: «У васъ есть женихъ, ему и дѣлайте глазки, а не мужу вашей тетки». Такимъ образомъ предупрежденные, Наполеонъ и Стефанія поняли всю нелѣпость ихъ взаимнаго ухаживанья и если не исправились, то, по крайней мѣрѣ, стали осторожнѣе. Между тѣмъ наступилъ день свадьбы, которая была отпразднована самымъ блестящимъ, роскошнымъ образомъ, и Наполеонъ подарилъ невѣстѣ полтора ста тысячъ франковъ въ видѣ приданнаго, тысячу золотыхъ на булавки и множество брилліантовъ, драгоценныхъ камней и т. д. Легкомысленная Стефанія была бы совершенно счастлива, еслибы ее не тревожила мысль сдѣлаться женою такого уродя, какъ она называла своего мужа. Какъ бы то ни было бракъ совершился, но Стефанія съ перваго же дня заперла дверь своей спальни, несмотря на всѣ мольбы и слезы влюбленнаго въ нее принца. Ея поведеніе возбудило всеобщій скандалъ, но она упорно продолжала стоять на своемъ и не пускать къ себѣ мужа, несмотря на всѣ совѣты Жозефины исполнить свой долгъ жены. Наполеонъ сначала шутками поддерживалъ Стефанію въ надеждѣ самъ добиться того, въ чемъ она отказывала мужу, но когда дѣло слишкомъ долго тянулось, и онъ ясно видѣлъ, что надъ нимъ всѣ смѣются, онъ рѣшилъ покончить разомъ съ этой неприличной исторіей и отправилъ Стефанію съ молодымъ мужемъ въ Карльсруэ, куда сталъ писать ей отеческія письма, совѣтуя любить мужа. Но отчужденіе между мужемъ и женою продолжалось попрежнему въ Германіи, хотя въ одномъ письмѣ Наполеона къ Стефаніи говорится, что она въ интересномъ положеніи, а г-жа Кампанъ писала въ то же время королевѣ Гортензіи, что у Стефаніи былъ выкидышъ. Ни то, ни другое ничѣмъ не подтверждено, а молодые супруги продолжали только передъ другими играть роль мужа и жены. Такъ прошло два года, и принцъ Карлъ сталъ вести совершенно отдѣльную жизнь отъ своей жены и даже оставался съ нею очень рѣдко въ одномъ городѣ.

Тогда въ легкомысленной Стефаніи произошла перемѣна, быть можетъ, по капризу женской натуры, а, быть можетъ, благодаря благоразумнымъ совѣтамъ г-жи Кампанъ, г-жи Ремюза и Жозефины, которую Наполеонъ постоянно побуждалъ образумить «сумасшедшаго ребенка». Какъ бы то ни было она неожиданно стала любезна и даже кокетлива со своимъ мужемъ, но было уже поздно. Онъ не вѣрилъ искренности ея ухаживанья, и какъ прежде она отталкивала его, такъ теперь онъ чуждался ея. Дѣло дошло до того, что они даже не видались въ продолженіе двухъ лѣтъ. Наконецъ въ 1810 году произошло между обоими супругами неожиданное примиренія. До сихъ поръ неизвѣстно, чѣмъ оно было вызвано, но во всякомъ случаѣ, по словамъ Тюркана, сцена перемѣнилась по мановенію волшебнаго жезла. Молодые супруги, которымъ все еще было вмѣстѣ сорокъ лѣтъ съ небольшимъ, сдѣлались самой счастливой, влюбленной парочкой, а 17 юня слѣдующаго года у нихъ родилась дочь, а затѣмъ слѣдовали еще дочь и сынъ. Между тѣмъ принцъ Карлъ по смерти дѣда сдѣлался великимъ герцогомъ, и въ продолженіе семи лѣтъ онъ пользовался самымъ полнымъ семейнымъ счастьемъ, и, повидимому, Стефанія была также счастлива, хотя неожиданная смерть ея сына и придворныя интриги въ Карльсруэ съ цѣлю убѣдить ея мужа развестись съ нею причинили ей немало грустныхъ минутъ. Наконецъ и ея мужъ умеръ также неожиданно, какъ ея сынъ, 8 декабря 1818 года отъ какого-то страннаго невыясненнаго докторами таинственнаго недуга. Оставшись вдовой на тридцатомъ году своей жизни, Стефанія провела остальные годы своего существованія очень скромно въ Мангеймскомъ замкѣ. Она долго оплакивала своего мужа и ребенка, смерть которыхъ оставалась для нея таинственной загадкой, но съ годами горе мало-помалу ступевалось, и въ ней проснулась прежняя склонность къ свѣтской жизни. Она переселилась въ Фрейбургъ въ живописный замокъ и стала принимать свѣтское общество, даже давать балы. Когда ея родственникъ Луи Наполеонъ, сынъ Гортензій, сдѣлался президентомъ второй французской республики, она стала часто посѣщать Парижъ и играла роль хозяйки на балахъ, которые давалъ принцъ президентъ въ Елисейскомъ дворцѣ. Она пришла въ восторгъ отъ возстановленія имперіи во Франціи и умерла въ 1860 году въ Ниццѣ на 72 году своей жизни, въ полной увѣренности, что вторая имперія съ ея мишурнымъ блескомъ будетъ продолжаться вѣчно.

— Одинъ изъ авантюристовъ XIX столѣтія. Въ августѣ настоящаго года умеръ членъ французской палаты депутатовъ Кюзерэ. Хотя его исчезновеніе съ политической арены прошло не замѣченнымъ, но въ продолженіе своей долговременной жизни онъ надѣлалъ много шума и можетъ быть отнесенъ къ числу любопытныхъ авантюристовъ истекающаго столѣтія. Краткій, но живой біографическій его очеркъ въ *Revue Encyclopedique* отъ 10 ноября ¹⁾ даетъ возможность познакомиться съ этой характерной личностью и его жизнью, которая по своимъ перипетіямъ можетъ заткнуть за поясъ любой романъ. Сынъ полковника, Гюставъ Кюзерэ родился въ 1823 году въ Соренѣ и воспитывался въ военной Сен-Сирской школѣ. Поступивъ въ армію подпоручникомъ,

¹⁾ Gustave Paul Cluseret, H. C.—*Revue Encyclopedique*.—10 novembre 1900.

онъ оставался тамъ не долго и перешелъ въ 1848 году батальоннымъ командиромъ въ національную гвардію и отличился въ кровавые іюньскіе дни взятіемъ двухъ барикадъ, воздвигнутыхъ рабочими, за что былъ награжденъ орденомъ Почетнаго Легіона. Послѣ уничтоженія національной гвардіи, онъ вернулся въ армію, но въ слѣдующимъ году былъ уволенъ въ резервъ на основаніи своихъ республиканскихъ убѣжденій, несмотря на взятіе барикадъ. Въ началѣ декабрьской имперіи онъ, однако, по просьбѣ вліятельныхъ родственниковъ, былъ принятъ въ одинъ изъ алжирскихъ егерскихъ полковъ, съ которыми участвовалъ въ Крымской кампаніи, отличился храбростью, былъ раненъ два раза и произведенъ въ капитаны. Вернувшись въ Алжиръ, онъ служилъ въ военной администраціи, но не долго и вышелъ въ оставку, по неизвѣстной причинѣ, хотя онъ самъ убѣждалъ, что его побудилъ къ этому тотъ фактъ, что императоръ вычеркнулъ его изъ списка представленныхъ офицеровъ къ наградѣ. Какъ бы то ни было, изъ воиновъ Клюзерэ превратился въ земледѣльца и управлялъ фермами Карайона-Латура, но эта мирная дѣятельность была не по его авантюристской душѣ, и онъ отправился въ Американскіе Соединенные Штаты. Онъ основалъ въ Нью-Йоркѣ газету и принялъ участіе въ нѣсколькихъ торговыхъ предпріятіяхъ, но не имѣлъ ни въ чемъ успѣха. Узнавъ объ экспедиціи Гарибальди въ Сицилію въ 1860 г., онъ во главѣ американскаго отряда волонтеровъ присоединился къ нему, былъ произведенъ великимъ итальянскимъ патриотомъ въ полковники и участвовалъ въ осадѣ Капуи, во время которой получилъ третью рану. Вернувшись въ Америку, онъ вступилъ въ ряды сѣверной арміи, тогда воювавшей съ кожанами, выказалъ замѣчательную храбрость и былъ не только произведенъ Линкольномъ въ генералы, но и натурализованъ американскимъ гражданиномъ. По окончаніи войны за освобожденіе негровъ, Клюзерэ издавалъ газету, въ которой отстаивалъ кандидатуру Фреманта въ президенты, а когда былъ избранъ его соперникъ, генераль Грантъ, то онъ покинулъ Америку и принялъ энергичное участіе въ возстаніи феніевъ въ Ирландіи. Захваченный въ плѣнъ англичанами, онъ спасся бѣгствомъ изъ тюрьмы и явился въ Парижъ. Тутъ онъ предложилъ императорскому правительству проектъ преобразованія французской арміи, но этотъ проектъ былъ отвергнутъ, и Клюзерэ сдѣлался оппозиционнымъ журналистомъ; онъ писалъ статьи въ «*Courier Français*» и основалъ въ 1868 году газету «*Art*», но за рѣзкія нападки на имперію преданъ суду и посаженъ въ тюрьму. Выйдя изъ нея, онъ продолжалъ громить правительство въ «*Rappel*», «*Tribune*» и «*La Democratie*», но когда его вторично арестовали, то онъ сослался на то, что онъ—американскій гражданинъ, и потребовалъ защиты американскаго посланника. Но освободившись этимъ путемъ изъ тюрьмы, Клюзерэ, однако, былъ высланъ изъ Франціи и вернулся въ Парижъ только послѣ революціи 4-го сентября 1870 г. Тогда онъ сталъ всячески нападать въ газетахъ на правительство національной обороны, и даже самые крайніе радикалы признали его дѣйствія непатріотичными; покинувъ столицу, онъ старался возбудить народныя возстанія въ Ліонѣ и Марселѣ, откуда былъ удаленъ префектами. Затѣмъ до апрѣля 1871 г. онъ совершенно ступшевался, потерпѣлъ пораженіе на выборахъ въ національное собраніе и въ

коммуны; но 3-го апрѣля онъ назначенъ делегатомъ при военномъ министерствѣ, то-есть, военнымъ министромъ коммуны, а нѣсколько дней спустя и членомъ ея. Вскорѣ онъ сдѣлался подозрительнымъ въ глазахъ своихъ товарищей, и его обвинили въ намѣреніи сдать Парижъ Тьеру за 8 милліоновъ. Когда же онъ очистилъ фортъ Иссы, его арестовали и посадили въ Мазасскую тюрьму, откуда онъ вышелъ въ день вступленія версальской арміи въ Парижъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ скрывался у знакомаго патера и, заочно приговоренный къ смерти, бѣжалъ за границу въ патерской ясѣ. Семь лѣтъ онъ провелъ въ Швейцаріи съ своимъ другомъ, извѣстнымъ живописцемъ и членомъ коммуны Курбэ, у котораго Клюзерэ учился живописи въ свободныя минуты отъ литературнаго труда, состоявшаго въ корреспонденціяхъ въ американскія и англійскія газеты. Во время русско-турецкой войны въ 1877 г. онъ поступилъ въ турецкую армію и сражался съ русскими, а потомъ пытался, но не успѣшно, основать колонію на Косовской равнинѣ. Постѣ амнистіи 1880 года онъ вернулся во Францію и сотрудничалъ въ «La Commune» и «La Marseillaise», но, приговоренный судомъ два раза къ тюремному заключенію за проступки противъ печати, онъ снова бѣжалъ за границу и вернулся только въ 1884 г. съ громаднымъ количествомъ картинъ и эскизовъ, которые въ количествѣ 120 онъ выставилъ въ галлерей Вивьенъ. Его художественныя произведенія оказались сомнительнаго достоинства и имѣли успѣхъ, лишь какъ любопытный куріозъ. Наконецъ въ 1888 году онъ былъ избранъ Тулономъ въ депутаты и съ тѣхъ поръ засѣдалъ въ палатѣ, въ рядахъ крайней лѣвой, какъ революціонеръ, до дѣла Дрейфуса, но не игралъ выдающейся роли. Когда началась агитація по поводу пресловутаго дѣла, онъ вспомнилъ, что когда-то былъ военнымъ, и произнесъ нѣсколько пламенныхъ рѣчей за армію, а затѣмъ сдѣлался рьянымъ націоналистомъ. Умеръ онъ неожиданно отъ воспаленія легкихъ. Кромѣ своей обширной журнальной дѣятельности, Клюзерэ написалъ и нѣсколько книгъ, изъ которыхъ всего болѣе шума на дѣлали его «Мемуары», благодаря рѣзкимъ нападкамъ на своихъ сотоварищей по коммунѣ, бывшихъ, по его словамъ, или дураками, или мошенниками. Конечно, не слѣдуетъ забывать, что и члены коммуны съ своей стороны всегда клеймили его названіемъ авантюриста, постоянно мѣнявшаго свои убѣжденія, и осыпали его самыми тяжелыми обвиненіями.

— Глава социаль-демократовъ въ Германіи. Рядомъ съ биографическимъ очеркомъ Клюзерэ, въ томъ же номерѣ «Revue Encyclopedique» помещенъ любопытный этюдъ того же автора и о другомъ, также умершемъ въ августѣ, парламентскомъ дѣятелѣ, но совершенно иного закала, Вильгельмѣ Либкнехтѣ, основавшемъ вмѣстѣ съ Бебелемъ рабочую социаль-демократическую партію въ Германіи ¹⁾. Кромѣ того, можно указать на сочувственныя и основательныя статьи о Либкнехтѣ во французскомъ журналѣ «Revue Socialiste» Е. Милье ²⁾ и въ итальянскомъ «Revista Popolare» Д. Параторэ ³⁾. По-

¹⁾ Guillaume Liebknecht, par H. C. Revue Encyclopedique. 10 novembre. 1900.

²⁾ Wilhelm Liebknecht, par E. Milhaud. Revue Socialiste. Sept. 1900.

³⁾ Guglielmo Liebknecht, de G. Paratore. Revista Popolare. 30 agosto. 1900.

дившись въ Гессенѣ въ 1826 г., Вильгельмъ Либкнехтъ съ юности готовился въ педагоги и основательно изучилъ филологію и философію въ университетахъ гиссенскомъ, марбургскомъ и берлинскомъ. Но чтеніе сочиненій Сень-Симона заставило его отвернуться отъ специально научныхъ занятій, и въ 1848 году, какъ только вспыхнула революція въ Парижѣ, онъ отправился туда съ цѣлью подготовить съ помощью Гервега мѣры для основанія республики въ Германіи. Вернувшись на родину, онъ принялъ горячее участіе въ республиканской пропагандѣ, а въ маѣ 1849 года въ баденскомъ возстаніи, которое было усмирено прусскими войсками. Вынужденный искать спасенія въ бѣгствѣ, онъ удалился въ Швейцарію, гдѣ вмѣстѣ съ Гервегомъ завѣдывалъ рабочими ассоціаціями, за что его вскорѣ попросили покинуть Швейцарію. Тогда онъ переехалъ въ Англію, гдѣ жилъ до 1862 года, поддерживая самыя дружескія отношенія съ Энгельсомъ и Марксомъ, основателемъ научнаго социализма. Послѣ амністіи 1862 года Либкнехтъ вернулся въ Германію и, поселившись въ ней, сталъ писать статьи въ «Norddeutsche Allgemeine Zeitung», но вскорѣ онъ узналъ, что редакторъ газеты Брассъ былъ тайнымъ агентомъ Бисмарка и эксплуатировалъ въ его пользу социалистское движеніе, а потому Либкнехтъ покинулъ эту редакцію и сталъ дѣятельно распространять социалистическую пропаганду среди рабочихъ. Но за это его подвергли цѣлому ряду судебныхъ преслѣдованій, денежныхъ штрафовъ и тюремныхъ заключеній. Наконецъ его изгнали изъ Пруссіи, и онъ переехалъ въ Лейпцигъ, гдѣ сталъ издавать газету «Mitteldeutsche Volkszeitung», которая была вскорѣ потомъ запрещена. Въ 1866 году онъ предпринялъ экскурсію въ Пруссію, но былъ арестованъ и посаженъ въ тюрьму. Въ слѣдующемъ году городъ Штальбергъ въ Саксоніи выбралъ его своимъ представителемъ въ сѣверо-германскомъ парламентѣ, а 1-го января 1868 года онъ вмѣстѣ съ Бебелемъ основалъ органъ социалистической партіи «Volkstaat», а затѣмъ сдѣлался редакторомъ газеты «Vorwärts», остававшейся подъ его редакціей до послѣдняго дня его жизни. Сдѣлавшись однимъ изъ самыхъ энергичныхъ членовъ международнаго рабочаго союза, онъ всячески распространялъ вліяніе этого союза и организовалъ много социальныхъ ассоціацій въ Германіи, а во время конгресса въ Эйзенахѣ въ 1869 году онъ основалъ вмѣстѣ съ Бебелемъ рабочую социаль-демократическую партію въ Германіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ какъ въ своей газетѣ, такъ на парламентской трибунѣ и въ народныхъ собраніяхъ пламенно возставалъ противъ политики Бисмарка, непримиримымъ врагомъ котораго онъ оставался до конца дѣятельности желѣзнаго канцлера. Въ 1870 году онъ протестовалъ противъ франко-прусской войны и затѣмъ противъ провозглашенія германской имперіи и незаконнаго, по его словамъ, захвата Эльзаса-Лотарингіи. За всѣ эти дѣйствія и за публичную защиту парижской коммуны Либкнехтъ былъ преданъ суду въ Лейпцигѣ по обвиненію въ государственной измѣнѣ и въ революціонной пропагандѣ. Онъ самъ защищалъ себя на судѣ и въ очень краснорѣчивой рѣчи развилъ всю свою политическую и экономическую систему. «Вы насъ упрекаете, — сказалъ онъ, между прочимъ, обращаясь къ своимъ судьямъ, — что наша социаль-демократическая партія отличается междуна-

нымъ и всемірнымъ характеромъ. Дѣйствительно мы желаемъ, чтобы пролетаріи всего свѣта собрались для борьбы съ повсемѣстной роковой нищетой. Но вѣдь и христіанство, врагами котораго вы насъ представляете, стремилось къ тому же. Тѣмъ, которые видятъ въ этомъ государственную измѣну, мы отвѣтимъ: значить, по-вашему, всеобщій миръ, братство народовъ и всесвѣтное спокойствіе противорѣчатъ Германской имперіи? Если мы ведемъ борьбу съ современнымъ обществомъ, то лишь потому, что оно основано на привилегіяхъ и насильственно разрываетъ интересы, которые должны быть солидарны. Не могутъ всѣ права быть на одной сторонѣ, а всѣ обязанности на другой. Мы не хотимъ уничтожить справедливые экономическіе законы, потому что не возможно уничтожить ни одного естественнаго закона, но мы боремся съ ложнымъ толкованіемъ этихъ законовъ. Если мы стремимся къ федераціи западно-европейскихъ государствъ, то желаемъ достигнуть этого путемъ мирной, а не насильственной революціи». Несмотря на эту блестящую защиту, а, быть можетъ, и благодаря ей, Либкнехтъ былъ приговоренъ къ двухлѣтнему заточенію въ крѣпости Губертсбургъ. Пока онъ тамъ находился, его выбрали въ депутаты Штольберга, и, выйдя изъ тюрьмы, онъ засѣдалъ въ рейхстагѣ сначала представителемъ Штольберга, а затѣмъ Майнца и, наконецъ, Берлина до своей смерти. Во все время господства Бисмарка Либкнехтъ поддерживалъ упорную съ нимъ борьбу, и хотя еще долго правительство подвергало его штрафамъ и тюремнымъ заключеніямъ, но въ концѣ концовъ пришло къ убѣжденію, что всѣ преслѣдованія ни къ чему не ведутъ, а только увеличиваютъ его вліяніе въ парламентъ и число социалистскихъ депутатовъ. Въ стѣнѣ рейхстага онъ пользовался еще большимъ вліяніемъ, и въ маѣ 1876 года онъ добился на конгрессѣ въ Готѣ сліянія между рабочей социаль-демократической партіей и рабочей ассоціаціей лассальцевъ. Онъ также далъ германскому социализму международный лозунгъ: «соединитесь, пролетаріи всѣхъ странъ». Поэтому онъ участвовалъ въ международныхъ рабочихъ конгрессахъ въ Парижѣ въ 1889 году и въ Марселѣ въ 1892 году. На послѣднемъ онъ сказалъ знаменательныя слова: «Для насъ нѣтъ національности, и мы знаемъ только двѣ націи: капиталистовъ и пролетаріевъ, къ послѣдней изъ которыхъ мы всѣ принадлежимъ». Послѣ паденія Бисмарка Либкнехтъ умѣрилъ свой воинственный жаръ, что побуждало не разъ крайнихъ членовъ партіи упрекать его въ чрезмѣрной умѣренности. Вообще въ послѣднее время хотя онъ строго придерживался своихъ принциповъ, но расходился въ мнѣніяхъ съ нѣкоторыми социалистами по отдѣльнымъ вопросамъ, такъ онъ протестовалъ противъ поддержки социалистами Дрейфуса и возставалъ противъ того, чтобы социалисты занимали мѣста въ буржуазныхъ министерствахъ. Это не мѣшало ему до послѣдней минуты своей жизни бороться за торжество своихъ излюбленныхъ идей, и за нѣсколько недѣль до смерти онъ произнесъ пламенную филиппику противъ законопроекта Гейнце, а въ тотъ самый день, когда онъ умеръ, Либкнехтъ написалъ свою послѣднюю статью для «Vorwärts». Хотя онъ не былъ официальнымъ вождемъ своей партіи, но всѣ его считали нравственнымъ главой созданныхъ имъ социаль-демократовъ.

— Смерть Макса Мюллера. Въ концѣ ноября наука понесла значительную потерю въ лицѣ умершаго въ Оксфордѣ знаменитаго ориенталиста и филолога, Макса Мюллера. Нѣмецъ по происхожденію, онъ родился въ Дессау въ 1823 году. Его отецъ славился, какъ поэтъ, авторъ популярныхъ романсовъ, положенныхъ на музыку Шубертомъ. По словамъ Макса Мюллера, съ легкой руки его крестнаго отца, знаменитаго композитора Вебера, онъ съ дѣтства подготавливался къ музыкальной карьерѣ, но Мендельсонъ посоветовалъ ему лучше придержаться латыни и греческаго языка. Юноша послушался и никогда впослѣдствіи не раскаивался. Онъ получилъ школьное воспитаніе въ Дессау и Лейпцигѣ, а университетское въ Лейпцигѣ и Берлинѣ. Получивъ затѣмъ первую ученую степень, онъ отправился въ Парижъ, и знаменитый Бюрнуфъ, узнавъ, что онъ занимался санскритскимъ языкомъ у Боша, посоветовалъ ему перевести «Ригведу», чего еще тогда не предпринималъ ни одинъ ученый. Для осуществленія этой тяжелой задачи онъ отправился въ Англію и сталъ тамъ изучать санскритскія рукописи въ Бодлеанской библіотекѣ въ Оксфордѣ и въ архивѣ Остъ-Индской компани. Въ 1848 году онъ поселился въ Оксфордѣ и посвятилъ 26 лѣтъ неустаннаго труда на изданіе шести томовъ «Ригведы», которая доставила ему первую и наибольшую во всей его жизни славу. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ профессорствовалъ въ Оксфордскомъ университетѣ и читалъ лекціи сравнительной филологіи, и хотя ему не удалось занять тамъ санскритскую кафедру, но въ 1868 году для него была создана кафедра сравнительной филологіи. Впослѣдствіи страбургскій университетъ старался его переманить къ себѣ, но онъ остался вѣренъ Оксфорду. Кромѣ лекцій въ Оксфордскомъ университетѣ, онъ читалъ популярныя лекціи въ Лондонскомъ королевскомъ институтѣ и въ Вестминстерскомъ аббатствѣ и Глазго. Вообще его научная литературная дѣятельность дѣлилась на спеціальныя и популярныя труды. Къ первымъ принадлежали, кромѣ Ригведы, «Исторія древней санскритской литературы», громадный сборникъ «Священные книги Востока», котораго вышло 48 томовъ подъ его редакціей и при его значительномъ сотрудничествѣ, другой сборникъ «Священные книги буддистовъ», который онъ началъ недавно издавать на средства короля сіамскаго. Къ этому же отдѣлу его сочиненій можно еще отнести шесть системъ индійской философіи, «Труды по наукѣ о мифологіи» и «Три лекціи по философіи Веданты». Къ популярнымъ же произведеніямъ Максъ Мюллера, отличающимся яснымъ, блестящимъ и вполне понятнымъ изложеніемъ новѣйшихъ открытій науки по сравнительному языкознанію, сравнительному богословію и сравнительной мифологіи, слѣдуетъ отнести «Лекціи по наукѣ о языкѣ», которыя переведены по-русски, «Происхожденіе и развитіе религіи», «Введеніе въ науку о религіи», «Лекціи о естественной, физической и антропологической религіяхъ», «Наука о мысли» и т. д. Такимъ же популярнымъ характеромъ отличаются его воспоминанія, вышедшія въ двухъ томахъ, и многочисленныя журнальныя статьи, часть которыхъ издана въ четырехъ томахъ подъ общимъ заглавіемъ: «Стружки изъ нѣмецкой мастерской». Наконецъ, нельзя забыть и опытъ его въ беллетристикѣ, идиллическую повѣсть подъ заглавіемъ: «Нѣмецкая любовь». Всѣ свои сочиненія Максъ Мюллеръ

писалъ по-англійски, и вообще онъ былъ совершеннымъ англичаниномъ, очень любилъ свою вторую родину, вращался въ лучшемъ англійскомъ обществѣ и пользовался громадною популярностью, которая, быть можетъ, достигала апогея въ Инди, куда онъ, къ величайшему своему сожалѣнію, никакъ не могъ собраться во всю свою жизнь. Несмотря на свои 77 лѣтъ, онъ занимался и писалъ до самой своей смерти, и въ ноябрьской книжкѣ «Nineteenth Century» помѣщено окончаніе его любопытныхъ и вполне современныхъ очерковъ о религіяхъ Китая. Лучшей характеристикой его свѣтлаго, гуманнаго и практическаго взгляда на современные вопросы служатъ слѣдующія его замѣчанія о христіанствѣ Китая. По словамъ Макса Мюллера, христіанство проникло въ Китай въ 636 году и долго находилось въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ буддизмомъ, но въ послѣдніе вѣка католическіе и протестантскіе миссіонеры своимъ страннымъ поведеніемъ только возбуждали ненависть китайцевъ. «Напримѣръ», говоритъ Максъ Мюллеръ, «протестантскія миссіонерныя общества посылали въ Китай миссіонерами не только замужнихъ, но и незамужнихъ женщинъ, хотя китайцы признаютъ въ общественной жизни только два класса женщинъ: замужнихъ и незамужнихъ дурнаго поведенія. Поэтому неудивительно, что миссіонерскіе труды лицъ, столь глубоко презираемыхъ китайцами, не могли принести никакой пользы. Вообще тяжелый опытъ долженъ насъ научить, что нельзя дозволять посылать миссіонеровъ въ такую страну, гдѣ правительство и народъ противъ нихъ. Вскуду и всегда повторяется одна и та же исторія. Въ такъ называемую дикую страну сначала являются торговые авантюристы, затѣмъ консулы и миссіонеры, а наконецъ солдаты и война».

— Табакъ и его исторія въ Европѣ. Г. Пильцъ издалъ въ Лейпцигѣ ¹⁾ довольно объемистую книгу, посвященную вопросу о табакѣ и судьбахъ его въ Западной Европѣ. Авторъ этой книги начинаетъ прежде всего съ подтвержденія того факта, что до открытія Америки въ Европѣ не курили. Первое извѣстіе о табакѣ мы встрѣчаемъ въ письмѣ испанскаго монаха Рамона Панае, который былъ Колумбомъ оставленъ на островѣ Гаити. Этотъ монахъ въ 1496 году писалъ Петру Мартиру, что у дикарей на Санъ-Доминго имѣется обыкновеніе брать въ руки листья нѣкоего растенія, зажигать ихъ и производить tabacco, — дымъ, которымъ они оберегаются отъ болѣзненныхъ укусовъ москитовъ. Нѣсколько тюковъ съ листьями этого растенія попали и въ Европу еще въ концѣ XV в. и первоначально находили себѣ примѣненіе исключительно вслѣдствіе предполагавшагося цѣлебнаго дѣйствія ихъ. Изъ Испаніи табакъ перешелъ въ Нидерланды и во Францію, гдѣ впервые въ Европѣ стали разводить это растеніе. Французскій посланникъ при испанскомъ дворѣ Жанъ Нико сталъ отцомъ табачной промышленности въ Европѣ, такъ какъ онъ, вмѣсто того, чтобы непрежнему ввозить лишь листья табачнаго растенія, сталъ ввозить изъ Новаго Свѣта сѣмена, которыя успѣшно привились какъ во Франціи, такъ и въ Испаніи и Португаліи. При помощи табака ему удалось излѣчить пажа королевы Екатерины Медичи отъ нарыва въ ногѣ; табачное растеніе

¹⁾ Hermann Pilz: «Der Tabak und das Rauchen», 1900. («Fremdenblatt», 9 nov. 1900).

вслѣдствіе этого случая получило почетное наименованіе «травы королевина чуда»; кромѣ того, употреблялись тогда и другія почетныя наименованія этого растенія: «трава святая» или «трава святого креста» (*herba sanctae crucis*). Лишь Линней въ XVIII вѣкѣ въ честь Жана Нико далъ табаку названіе «*Nicotiana*» удержавшееся за нимъ въ наукѣ. Въ XVII вѣкѣ табакъ перестаетъ быть чисто цѣлебнымъ растеніемъ. О цѣлебныхъ свойствахъ его обыкновенно даже и не упоминаютъ въ это время, а лишь ссылаются на нихъ въ защиту отъ враговъ употребленія этого растенія. Въ медицинскомъ сочиненіи 1656 года говорится о такого рода пользѣ табака: «Это растеніе очищаетъ небо и голову, прогоняетъ чувство усталости, усмиряетъ зубную боль и газы, охраняетъ чело- вѣка отъ чумы, избавляетъ его отъ вшей, лѣчитъ лишай, антоновъ огонь, старые нарывы, вередъ и раны». Несмотря на эти восхваленія, въ XVII вѣкѣ все-таки цѣлебное значеніе табака уже не играло никакой роли. Еще войска Карла V курили больше ради удовольствія, чѣмъ для здоровья, а во время тридцатилѣтней войны трубки стали неотъемлемыми атрибутами ландкнехтовъ. Отъ солдатъ привычка курить перешла къ студентамъ и крестьянамъ, и прошло немного времени, какъ курили уже и горожане, раньше смотрѣвшіе на употребленіе табака, какъ на нѣчто худшее, чѣмъ пьянство. Всѣ, однако, курили въ XVII вѣкѣ лишь трубки. Сигары, теперь такая распространенная форма употребленія табака въ Западной Европѣ, распространились изъ Испаніи только къ началу XIX вѣка, вытѣснивъ трубку и нюхательный табакъ, сильно распространившійся около 1650 года. Враговъ и обличителей куренія табака являлось очень мало, особенно среди духовенства. Въ XVI вѣкѣ многіе проповѣдники возставали противъ куренія, находя, что оно дѣлаетъ невозможнымъ спасеніе души, окуриваемой нечестивымъ бразильскимъ растеніемъ. Во Франціи за табакъ стояли пессимисты, противъ табака высказывались оптимисты. Сорбонна, призванная для третейскаго суда, не желала высказаться ни за тѣхъ, ни за другихъ; іезуиты рѣшили, что куреніе должно быть разрѣшаемо, если оно происходитъ «безъ злого намѣренія», исключительно въ цѣляхъ облегченія пищеваженія и для возбужденія добрыхъ мыслей. Папы Урбанъ VII и Иннокентій VII грозили отлученіемъ всякому, кто сталъ бы курить по пути въ церковь. Многіе позднѣйшіе папы подтверждали эти угрозы. Климентъ XI ограничилъ запрещеніе предѣлами храма св. Петра въ Римѣ, и лишь Бенедиктъ XIII въ 1734 г. отмѣнилъ его совершенно. Свѣтскія власти были противъ куренія главнымъ образомъ изъ опасенія, что оно можетъ привести къ пожарамъ. Чтобы обуздать курильщиковъ, во многихъ государствахъ существовали штрафы; въ Австро-Венгріи пойманный въ куреніи крестьянинъ долженъ былъ платить 3 гульдена, а временами даже 50 гульденовъ. Когда въ 1687 г. Вѣна была осаждена турками, штрафы эти были еще повышены и дошли до 100 гульденовъ. Еще до 1848 г. во многихъ частяхъ Германіи сохранялись законы противъ куренія, при чемъ въ преступникахъ этихъ законовъ нѣкоторые правительства усматривали даже революціонеровъ. Многіе изъ государей XVII вѣка были также противниками куренія. При дворѣ Людовика XIV можно было курить только тайкомъ и съ большою опасностью. Самымъ большимъ врагомъ табака, среди всѣхъ коронованныхъ

особь, былъ король Іаковъ I англійскій. Онъ написалъ даже цѣлое сочиненіе «Misocarpus», въ которомъ доказываетъ, что привычка курить является прямымъ путемъ въ адъ. Казнь Вальтера Рэлея, оказавшаго громадные услуги Англии, объясняется, между прочимъ, тѣмъ, что Іаковъ I не могъ ему простить ввоза въ Англию табака. Къ концу XVIII вѣка все это находимъ мы сильно измѣнившимся. Въ Европѣ не стало двора, гдѣ бы не курили, или, по крайней мѣрѣ, не нюхали табака. Табакерки стали необходимою вещью въ обиходѣ, и даже знатныя дамы не стѣснялись ихъ до того, что давали писать съ себя портреты, въ которыхъ изображались съ табакерками въ рукахъ. Очеркъ постепеннаго распространенія табаководства и куренія въ разныхъ странахъ Европы заключаетъ книгу г. Пильца.

— Новая книга о королевѣ Маріи Лещинской. Пьеръ де-Нольякъ выпустилъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ новую книгу, посвященную хорошо уже изученной эпохѣ Людовика XV ¹⁾. На этотъ разъ книга эта излагаетъ судьбу супруги короля—Маріи, дочери короля-неудачника Станислава Лещинскаго ²⁾. Про эту королеву одинъ изъ придворныхъ панегиристовъ въ надгробномъ словѣ сказалъ: «Съ какой точки зрѣнія на нее ни взглянуть, какъ на дочь или на королеву, на супругу или на мать, нужно признаться, что счастью ея ничего не доставало». На самомъ дѣлѣ, однако, Марія Лещинская не была счастлива ни въ одномъ изъ перечисленныхъ отношеній, и при томъ, менѣе всего, какъ супруга. Нольякъ не вдается въ какія либо пикантныя подробности, чтобъ доказать это свое поясненіе. Съ большой сдержанностью, но съ достаточной ясностью и опредѣленностью онъ рисуетъ передъ нами супружескую жизнь Маріи Лещинской. Прежде всего, онъ освобождаетъ ее отъ обвиненія, часто повторявшагося придворными и философами, будто сама королева заставила Людовика XV измѣнять ей своими неловкостями, чрезмѣрною застѣнчивостью и холодностью. Лучшія свидѣтельства единогласно подтверждаютъ, что королева до конца дней своихъ оставалась той же любящей и послушной супругою, которою она была въ первые дни брака. Пьеръ де-Нольякъ опровергаетъ также и ту придворную сплетню, будто первая любовница была навязана королю окружающими противъ его воли. На самомъ дѣлѣ, Людовикъ XV, послѣ семи или восьми лѣтъ брачной жизни, проведенныхъ въ охотѣ и ширшествахъ, вдругъ, къ удивленію придворныхъ, оказался измѣнившимся прежней своей суровости къ женщинамъ. Эту перемѣну въ челоуѣкѣ уже зрѣломъ и, казалось бы, установившемся уже виолнѣ, сумѣла произвести графиня Тулузская, супруга одного изъ узаконенныхъ сыновей Людовика XIV. Эта честолюбивая дама, чтобы придать особый блескъ своему салону, сумѣла привлечь въ него короля и заставить его проникнуться вкусомъ къ женскому обществу. Ея желанія не шли дальше желанія «цивилизовать» короля. Преемница ея, мадмуазель де-Шеролэ, сумѣла пойти дальше, введя короля въ кругъ придвор-

¹⁾ Pierre de-Nolhac, Louis XV et Marie Lieszczinska. Paris. Gonpil et Cie. 1900.

²⁾ О немъ новая статья Pierre Boué: «Le père d'une reine de France» («Revue de Paris», 1 nov. 1900). Буае готовится изданіе переписки Маріи и Станислава Лещинскихъ.

ныхъ дамскихъ интригъ и пріучивъ его находить удовольствіе въ скандальныхъ разказахъ, а затѣмъ и дѣйствіяхъ. Такимъ образомъ, мало-помалу происходило развращеніе короля, пока, наконецъ, посредственная красавица графиня де-Мальи не довела короля до того, что онъ возродилъ одно изъ печальнѣйшихъ учрежденій своего великаго предшественника, объявивъ ее «признанною метрессою». Королева еще до этого момента успѣла догадаться, что мирная семейная ея жизнь пришла къ концу. Первое, на что она рѣшилась, это была жалоба кардиналу Флѣри, который все еще пользовался вліяніемъ на духъ своего бывшаго питомца. Флѣри былъ человѣкъ религіозный и нравственный; онъ съ удовольствіемъ видѣлъ бы тѣ же качества и въ королѣ, но въ данномъ случаѣ онъ ничего не могъ добиться. Онъ сдѣлалъ, правда, попытку уговорить короля перемѣнить жизнь, но попытка эта ни къ чему не привела. Самъ онъ, въ концѣ концовъ, утѣшился практическими соображеніями: графиня де-Мальи, какъ «метресса», обладала тѣмъ существеннымъ достоинствомъ, что ничего не понимала въ политикѣ и не вмѣшивалась въ нее. Для королевы Маріи кардиналъ могъ принести лишь религіозныя утѣшенія. Онъ совѣтовалъ ей смотрѣть на свое горе, какъ на очистительную жертву передъ Богомъ. Неспособная къ энергической борьбѣ и къ ненависти, Марія Лещинская покорилась, и смѣна королевскихъ любовницъ, которая вскорѣ пошла впередъ быстрыми шагами, не возбуждала уже въ ней особой горечи; она вся ушла въ дѣла благочестія. Весьма живо рисуетъ Пьеръ де-Нольякъ драматическій эпизодъ поѣздки Людовика XV въ Мецъ, чуть не приведшей къ полной отставкѣ фаворитокъ и къ восстановленію прежнихъ отношеній съ королевою¹⁾. Король серьезно заболѣлъ въ Мецѣ, по указаніямъ духовника разстался съ сопровождавшей его куртизанкой и вызвалъ къ себѣ королеву. Последняя пріѣхала, встрѣтила со стороны супруга просьбу о прощениі, и, когда король вдругъ совершенно неожиданно сталъ поправляться, семейный миръ считался восстановленнымъ. Но развившіяся порочныя наклонности, какъ только здоровье короля вполнѣ поправилось, взяли свое, и опять началось хозяйничанье фаворитокъ. Послѣ этой попытки сближенія, бывшей въ 1744 году, до самой смерти королевы единственнымъ ея удѣломъ остались благотворительность и молитва.

— Переписка философа Канта. Берлинская академія наукъ издала громадный томъ переписки Иммануила Канта, начавъ этимъ предпринятое ею капитальное изданіе полнаго собранія сочиненій великаго нѣмецкаго философа²⁾. Томъ заключаетъ въ себѣ 532 страницы большого 8-го и содержитъ письма за цѣлыхъ сорокъ два года, съ 1747 по 1788 годъ; всѣхъ писемъ напечатано триста двадцать, а, кромѣ того, приведены еще свѣдѣнія о ста письмахъ, которыя не удалось отыскать. Нѣмецкій философъ въ общемъ не былъ любителемъ писанія писемъ, и лишь рѣдко прибѣгалъ къ нимъ для изложенія своихъ мыслей по какому либо научному вопросу, но тѣмъ не менѣе собранная академіею переписка уясняетъ очень многое въ исторіи появленія главнѣйшихъ философ-

¹⁾ Kants Briefwechsel. I Bd. 1747—1788. Berlin. 1900.

²⁾ Этотъ эпизодъ особо напечатанъ въ «Revue bleue», 1900, t. IX, № 17—19.

скихъ трудовъ Канта. Кромѣ того, и само по себѣ собраніе писемъ его интересно; между корреспондентами философа мы видимъ и людей съ именами и весьма незамѣтныхъ дѣятелей, которые, однако, неоднократно, даже будучи совершенно незнакомы съ Кантомъ, обращались къ нему съ разными запросами какъ научными, такъ и житейскими. Хотя многія изъ писемъ уже были извѣстны, тѣмъ не менѣе немало и совершенно новаго находимъ мы въ сборникѣ. Въ письмахъ Канта къ Лафатеру еще въ 1778 году говорится о предстоящемъ изданіи «Критики чистаго разума». Въ письмѣ къ Марку Герцу Кантъ называетъ свою критику чистаго разума «метафизикою метафизики» и выражаетъ предположеніе, что такой способъ изслѣдованій всегда останется труднымъ, хотя у него и имѣется планъ, чтобы сдѣлать его популярнымъ; онъ, однако, счелъ неудобнымъ написать ее популярно, пока еще не расчищено основаніе: «сначала, пишеть онъ, нужно позаботиться о школьѣ, а потомъ уже можно подумать о томъ, какъ понравиться свѣту». Въ письмѣ къ Якобу, написанномъ въ 1777 году, Кантъ даетъ изложеніе цѣлой системы метафизики, которая начинается разъясненіемъ понятій о пространствѣ и времени и кончается введеніемъ въ космологію, психологію и богословіе. Въ письмѣ на имя Шютца Кантъ называетъ одно изъ сочиненій Моисея Мендельсона «образцовымъ произведеніемъ для введенія нашего разума въ заблужденіе». Много цѣнныхъ историческихъ данныхъ имѣется въ письмахъ Канта относительно филантропическихъ предпріятій Базедова, Вольке, Кампе и другихъ. Вольке онъ писалъ въ 1778 году: «Упорство, съ которымъ вы стремитесь привести въ исполненіе столь великій планъ, пріобрѣтаетъ вамъ право на удивленіе и благодарность всѣхъ, кто понимаетъ, что значитъ быть человѣкомъ во исполненіе своего высокаго предназначенія». Изданіе переписки Канта грѣшитъ нѣкоторою роскошью. Берлинская академія сочла долгомъ своимъ напечатать не только письма самого философа, но и тѣ письма разныхъ лицъ къ нему, на которыя ему приходилось отвѣчать. Многія изъ послѣдняго рода писемъ очень велики объемомъ, но мало цѣнны по содержанію; единственное значеніе ихъ въ томъ, что они показываютъ, съ какимъ довѣріемъ люди разныхъ взглядовъ и разныхъ положеній обращались за совѣтами къ кенигсбергскому философу. Съ внѣшней стороны и по точности филологической изданіе берлинской академіи безукоризненно. Редактируетъ его академикъ Дильтей.

— Новое сочиненіе Фредерика Массона о Наполеонѣ. Фредерикъ Массонъ, неутомимый историкъ интимной жизни Наполеона I, въ послѣдней книжкѣ «Revue de Paris», началъ новый трудъ, посвященный семейнымъ отношеніямъ Наполеона. Трудъ этотъ трактуетъ о томъ, что именно повело къ разводу императорской четы¹⁾. Сочиненіе Массона еще не закончено, но взгляды автора уже намѣчаются. Массонъ припоминаетъ предыдущую добрачную жизнь императрицы Жозефины, говоритъ о характерѣ брака, о томъ, какъ сама Жозефина въ теченіе первыхъ лѣтъ относилась къ браку съ Наполеономъ, и приходитъ къ заключенію, что разводъ можно было считать вѣроятнымъ съ са-

¹⁾ Frédéric Masson, «Les préliminaires du divorce imperial», I. (Revue de Paris, 15 nov. 1900).

мага начала. «Бонапартъ и Жозефина, говоритъ онъ, каждый съ своей стороны въ одинаковой мѣрѣ принимали въ расчетъ возможность развода, Жозефина еще съ самаго момента брака, а Бонапартъ особенно со времени мѣсяца термидора VI-го года республики, когда Жюно и Бертье привели ему точныя свѣдѣнія о поведеніи жены въ его отсутствіе. Гражданскій актъ, который скрѣплялъ ихъ бракъ, ни ему ни ей не представлялся ни одного мгновения чѣмъ-то неразрывнымъ. Для нея актъ этотъ былъ лишь формальностью, безъ которой бы очень хорошо можно было обойтись, для него актъ терялъ всякое значеніе послѣ того, какъ ему сообщено было объ измѣнѣ». Массонъ не только старается о томъ, чтобы представить какія либо извиненія для винъ Жозефины Бонапартъ, но, напротивъ, пользуется всѣмъ имѣющимся въ его распоряженіи обширнымъ документальнымъ матеріаломъ, чтобы еще болѣе подчеркнуть, насколько она сама была виновна въ своей судьбѣ. Въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ своего брака она прожила неразлучно съ Бонапартомъ, самое большее, двѣнадцать мѣсяцевъ, а болѣе двухъ лѣтъ при ней находился молодой адъютантъ Леклерка, Шарль. Бракъ съ Бонапартомъ для нея сталъ дорогъ только съ возвышеніемъ его. Въ теченіе первыхъ лѣтъ ей представлялись случаи скрѣпить гражданскій бракъ церковнымъ, но она не поторопилась ими воспользоваться. Пока въ своемъ очеркѣ А. Массонъ дошелъ до 1806 года. Интересныя новыя подробности о самомъ разводѣ предстоятъ въ продолженіе очерка, имѣющемъ появиться въ декабрѣ.

— Книга лорда Розбери о Наполеонѣ. Бывшій вождь англійской либеральной партіи, лордъ Розбери, давно уже заявилъ о своемъ желаніи выпустить книгу о Наполеонѣ I. Это обѣщаніе имъ теперь исполнено. Книга его вышла 2 ноября новаго столѣтія подъ заглавіемъ «Наполеонъ. Послѣдній фазисъ» и представляетъ собою только рассказъ о жизни императора въ плѣну, соединенный съ морально-политическими разсужденіями о поведеніи Англи по отношенію къ побѣжденному завоевателю. Либеральный лидеръ относится довольно сурово къ своимъ соотечественникамъ начала вѣка. Онъ сожалѣетъ, что его правительство стало тюремщикомъ противника, рѣшившагося довериться его великодушію. Онъ сожалѣетъ также о недостойномъ обращеніи съ Наполеономъ на островѣ св. Елены мѣстныхъ властей, которыя не были жестоки, но ожесточались вслѣдствіе чувства ответственности передъ требовательнымъ правительствомъ. Во многихъ деталяхъ лордъ Розбери приводитъ поправки къ запискамъ Антонмарка, Гурго и Лаказа. Его взглядъ на «последній фазисъ» Наполеона не схожъ со взглядомъ панегиристовъ великаго корсиканца. Онъ не показываетъ его имъ въ видѣ необузданнаго льва, страданія котораго выражаются лишь во взрывахъ негодованія и гнѣва. Въ книгѣ Розбери мы видимъ упадокъ силъ, постепенное ослабленіе плѣнника, этого человека, «который теперь предпочиталъ большую часть сутокъ лежать въ постели, между тѣмъ какъ раньше дни ему казались слишкомъ короткими». Сужденіе лорда Розбери о Наполеонѣ,—сужденіе не противника, а истиннаго историка, искренняго и безпристрастнаго. «Если величіе, говоритъ онъ, состоитъ въ соединеніи моральныхъ качествъ съ интеллектуальными, то, конечно, Наполеонъ не былъ великимъ человекомъ. Если же слово «великій» есть синонимъ

необыкновеннаго и выдающагося, то нѣтъ сомнѣнiя, что иначе Наполеона нельзя назвать. Наполеонъ представляет такое соединенiе ума и энергiи, равнаго которому, можетъ быть, никогда не было; во всякомъ случаѣ, оно никогда не было превзойдено. Онъ возвысился вслѣдствiе пользованiя и палъ вслѣдствiе злоупотребленiя своими сверхчеловѣческими способностями. Онъ погубилъ себя вслѣдствiе необычайности собственнаго гения. Одни лишь тѣ качества его, которыя подняли его столь высоко, могли привести къ паденiю его». Это сужденiе слишкомъ вѣрно, чтобъ оно могло показаться оригинальнымъ и новымъ. Специальный интересъ вызываетъ первая часть книги, гдѣ лордъ Розбери судить о своихъ соотечественникахъ. Она вся резюмируется въ фразѣ: «Если островъ св. Елены вызываетъ неприятыя воспоминанiя у французозъ, то еще болѣе неприятыя воспоминанiя онъ вызываетъ въ насъ» ¹⁾.

¹⁾ Rosebery, «Napoleon». London. 1900.

С М Ъ С Ъ.

ПАМЯТНИКЪ Пушкину въ Царскомъ Селѣ. Въ столѣтнюю годовщину рожденія Пушкина среди жителей Царскаго Села возникла мысль соорудить въ городѣ памятникъ поэту, который провель здѣсь свои юношескіе годы. Была образована особая комиссія подъ предѣлательствомъ начальника царскосельскаго дворцоваго управления генераль-майора В. Е. Юнова, и за тѣмъ въ короткое время составила сумма, потребная на сооруженіе памятника. Мѣстомъ постановки выбрали лицейскій садикъ, находящійся позади бывшаго лицея.

Льняль памятникъ Р. Р. Вахъ, а отливка производилась на заводѣ Штанге. 15-го октября было назначено открытіе. Вокругъ постаменту разбитъ былъ газонъ изъ живыхъ цвѣтовъ. Къ памятнику устроены крытый входъ, украшенный флагами и щитами, отъ входа по обѣ стороны изъ тяжелой матеріи и бархата сдѣланы шесть ложъ, дальше—крытыя площадки, а за ними высокіе помосты. За памятникомъ находился хоръ изъ гимназистовъ и воспитанниковъ городскихъ училищъ, а дальше расположился оркестръ. Къ двумъ часамъ, — времени, назначенному для молебствія и освященія памятника, — прибыли и помѣстились въ ложъ: великая княгиня Елисавета Маврикіевна съ августѣйшими дѣтьми, князьями Іоанномъ и Гавриломъ Константиновичами и ея высочествомъ княжной Татіаной Константиновной, сынъ покойнаго поэта, генераль А. А. Пушкинъ, и внукъ, поручикъ лейбъ-гвардіи 2-го стрѣлковаго батальона Г. А. Пушкинъ, дочь жены Пушкина г-жа Арапова, Л. Н. Павлицевъ, оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода К. П. Побѣдоносцевъ, генераль-лейтенантъ А. А. Кирѣевъ, Д. Ф. Кобеко, камергеръ Зеленой, комендантъ Царскаго Села генераль-лейтенантъ А. Н. Даниловъ, начальникъ царскосельскаго дворцоваго управления генераль-майоръ В. Е. Юновъ, чины дворцоваго управления и депутація отъ

лица. Молебствіе совершалъ протоіерей царскосельскаго Екатерининскаго собора о. А. Вѣляевъ въ сослуженіи восьми протоіереевъ и священниковъ и трехъ діаконовъ. Передъ началомъ богослуженія о. А. Вѣляевъ сказалъ небольшую, но изящную рѣчь: «Сейчасъ,—сказалъ о. Вѣляевъ,—возстанетъ передъ нами, изъ мертваго металла воплощенный, образъ родного намъ поэта, величайшаго изъ людей россійской исторіи—Александра Сергѣевича Пушкина. Возстанетъ, какъ живой, мечтательный поэтъ передъ нами: сидящій на скамьѣ въ лицейскомъ садикѣ, въ младомъ умѣ слагая свой дивный стихъ,—попятное для сердца русскаго родное слово. И будетъ онъ сидѣть, любимецъ-геній нашъ, въ безмолвіи, какъ самъ того желалъ: вблизи садовъ любимыхъ, подъ пальмою Сіона». Послѣ провозглашенія многолѣтня царствующему дому и вѣчной памяти рабу Божію Александру, завѣса, скрывавшая памятникъ, упала при звукахъ гимна. Памятникъ, большихъ размѣровъ, на гранитномъ постаментѣ, представляетъ Пушкина сидящимъ въ задумчивой позѣ на чугунной скамьѣ. Голова поэта лежитъ на правой рукѣ, упершейся въ перила скамьи, здѣсь же на скамьѣ лежитъ лицейская фуражка; поэтъ одѣтъ въ лицейскій разстегнутый скюртукъ. Надпись на постаментѣ: съ лицевой стороны—Александру Сергѣевичу Пушкину, на трехъ другихъ сторонахъ вырѣзаны стихи: «Въ тѣ дни въ таинственныхъ долинахъ». Подъ звуки оркестра къ подножію памятника возложили вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ князь Іоаннъ и Гавріилъ Константиновичи, второй вѣнокъ возложилъ Д. Ф. Кобеко, сказавшій при этомъ небольшую рѣчь, затѣмъ пошли многочисленныя депутаціи отъ лица, царскосельскихъ мужской и женской гимназій, училищъ и приютовъ. Воспитанники проходили парами мимо памятника, возлагая каждая вѣнокъ, и такимъ образомъ весь постаментъ былъ засыпанъ живыми цвѣтами. Около 3 часовъ церемонія кончилась.

Келья св. Филиппа. Въ Твери, 5-го октября, высокопреосвященнымъ Димитріемъ, архіепископомъ тверскимъ и кашинскимъ, освящена реставрированная древняя келья въ Успенскомъ Отрочѣ монастырѣ, въ которой, по преданію, томился въ заточеніи и погибъ Филиппъ митрополитъ. Въ продолженіе 330 лѣтъ келья эта находилась въ небреженіи, представляя собою заброшенный сырой подвалъ, мѣсто храненія овощей и всякой монастырской рухляди. По инициативѣ архіепископа Димитрія, членами тверской ученой архивной комиссіи были сдѣланы осмотръ подвала подъ церковью св. великомученицы Варвары и изысканія для разрѣшенія вопроса о томъ, въ которой изъ трехъ келій этого подземелья былъ заключенъ и принялъ кончину св. Филиппъ. Затѣмъ на собранныя пожертвованія келья эта была реставрирована и превращена въ часовню. Мѣсто заточенія святителя представляетъ собою небольшую узкую келью съ землянымъ поломъ, слабо освѣщенную двумя небольшими окнами съ восточной и южной стороны, защищенными старинными ржавыми желѣзными рѣшетками съ зазубринами; стѣны и своды подземелья не оштукатурены; признаковъ печей нѣтъ никакихъ. При осмотрѣ членами архивной комиссіи этой кельи оконца оказались заложеными наглухо кирпичами; задѣлана наглухо была и дверь въ задней стѣнѣ; чрезъ эту дверь былъ ходъ по лѣстницѣ вверхъ, гдѣ теперь церковь св. великомученицы Варвары. Мѣсто выхода съ этой лѣстницы въ церковь точно также наглухо задѣлано; на этомъ

мѣстѣ изображенъ молящимся св. Филиппъ; отъ бывшей здѣсь когда-то двери остался и понынѣ массивный желѣзный крюкъ. Одна изъ стѣнныхъ картинъ въ церкви св. великомученицы Варвары изображаетъ тотъ моментъ, когда Малюта, задушивъ Филиппа, убѣгаетъ вверхъ по этой лѣстницѣ... Въ настоящее время внѣшній видъ реставрированной кельи живо напоминаетъ разыгравшійся здѣсь глубоко драматическій эпизодъ. Рельефно выступающіе изъ мрачныхъ стѣнъ и сводовъ подземелья массивные кирпичи лишь слегка выбѣлены; келью украшаютъ картины хорошаго письма, — копии съ произведеній Маковского, Пукирева, Нестерова. Одна изъ нихъ изображаетъ послѣднюю службу святителя Филиппа въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ 8-го ноября 1568 г., когда онъ обличалъ Грознаго по поводу опричнины и казней; другая воспроизводитъ послѣднія минуты жизни заточеннаго страдальца; третья изображаетъ перенесеніе мощей св. Филиппа изъ Соловецкаго монастыря въ Москву. Прямо передъ входомъ въ келью находится большой образъ св. Филиппа; передъ нимъ горитъ неугасимая лампада. Келья освѣщается большимъ церковнымъ матовымъ фонаремъ и небольшимъ оконцемъ въ восточной стѣнѣ съ цвѣтными стеклами. Въ верхней теплой церкви во имя свв. Петра и Филиппа, митрополитовъ московскихъ, недавно также заново отдѣланной, поставлена гробница святителя Филиппа, въ которой мощи его переносились изъ Соловецкаго монастыря въ Москву.

Памятникъ русскому первопечатнику Ивану Федорову. Возбужденный императорскимъ археологическимъ обществомъ вопросъ о постановкѣ въ Москвѣ памятника первому русскому печатнику Ивану Федорову въ настоящее время близокъ къ осуществленію. Высочайше разрѣшенная по всей Россіи подписка на сооруженіе этого памятника дала 23 тысячи рублей. Архитекторы археологическаго общества находятъ возможнымъ воздвигнуть на эту сумму памятникъ русскому первопечатнику, и комиссія общества избрала мѣстомъ для постановки монумента скверъ, расположенный вдоль Китайской стѣны, напротивъ Рождественской улицы, около Третьяковскаго проѣзда. Археологическое общество обратилось съ ходатайствомъ въ думу о разрѣшеніи соорудить памятникъ въ указанномъ мѣстѣ. Комиссія о пользахъ и нуждахъ общественныхъ, рассмотрѣвъ этотъ вопросъ, вноситъ въ настоящее время въ думу докладъ, въ которомъ признаетъ мѣсто для памятника у Китайской стѣны «подходящимъ какъ съ исторической точки зрѣнія, такъ и съ точки зрѣнія содѣйствія украшенію города, если только памятникъ будетъ удовлетворять исполнѣн требованіямъ изящества и не займетъ чрезчуръ значительнаго количества земли», и предлагаетъ думѣ разрѣшить археологическому обществу постановку памятника первому русскому печатнику въ скверѣ у Китайской стѣны.

Къ открытію Румянцовскаго музея. Подъ такимъ заглавіемъ профессоръ Цвѣтаевъ далъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» интересную историческую справку, приводимую нами цѣликомъ въ виду ея значенія и авторитетности автора. Зданіямъ Пашковскаго дома, занимаемаго Московскимъ Публичнымъ и Румянцовскимъ музеями, въ послѣднее десятилѣтіе выпала тяжелая доля. Наружный видъ ихъ давно обличаетъ; ихъ красивый и высоко надъ Московскою подымающійся бельведеръ пришелъ въ большую ветхость—и снаружи и

внутри: его колонны стояли безъ капителей, чрезъ его кровлю просачивалась вода, его сгнившія окна не держали стеколъ, которыя отъ того часто выпадали, открывая свободный доступъ птицамъ, свивавшимъ здѣсь свои многочисленныя гнѣзда. Большая серія вазъ, которыми богато украшено центральное зданіе этого на всю Москву лучшаго по своимъ архитектурнымъ формамъ дома, отъ времени разрушилась, рассыпавшись въ куски. Что случилось съ кровлей бельведера, то было и со всѣми остальными крышами музейскихъ зданій: вода текла на стропила и потолки, которые и безъ того приходили отъ старости въ неудовлетворительное состояніе. Къ лѣту 1895 года дѣло дошло до того, что въ нѣкоторыхъ залахъ потолки обрушились сами собою. Произведенное по этому новоду изслѣдованіе показало, что и покрытія многихъ другихъ помѣщеній музея находились наканунѣ ихъ неизбежнаго разрушенія. Не въ лучшемъ положеніи были во многихъ мѣстахъ и полы, требовавшіе или подвода новыхъ арокъ или замѣны сгнившихъ по концамъ балокъ новыми или настилки новыхъ паркетовъ и бетона. Нѣкоторыя помѣщенія библиотеки своею сыростью, крайнею ветхостью и тѣснотой служили скорѣе къ разрушенію, чѣмъ къ сохраненію вѣрваемыхъ музею книжныхъ сокровищъ. Высокопросвѣтительному учрежденію всей Москвы, этой первой публичной библиотекѣ Россіи послѣ императорской библиотекы въ Петербургѣ, и первому русскому музею изящныхъ искусствъ послѣ императорскаго Эрмитажа, неминуемо грозила опасность закрытія на неопредѣленное время, еслибы, вслѣдствіе представленій покойнаго В. А. Дашкова и М. А. Веневитинова, не пришло къ нему на помощь министерство народнаго просвѣщенія исходатайствованіемъ значительной суммы на ремонтъ главныхъ частей изветшавшихъ зданій. На эти средства государственнаго казначейства въ строительные сезоны настоящаго и минувшаго годовъ произведены строительной комиссіей музея капитальныя улучшенія по всѣмъ частямъ: перемѣнены и исправлены всѣ желѣзныя кровли, сдѣланы новыя и частью отремонтированы прежнія окна, смѣнены во многихъ мѣстахъ потолки, настланы въ цѣлыхъ этажахъ новыя полы; произведены всѣ малярныя работы внутри и снаружи зданій, которыя теперь получили чистый и обновленный видъ. Въ связи съ ремонтомъ, произведены значительныя видоизмѣненія также и въ расположеніи коллекцій по всѣмъ отдѣленіямъ музея: въ картинной галлерей, въ библиотекѣ, въ отдѣленіяхъ этнографическомъ, доисторическихъ и христіанскихъ древностей, рукописей и старопечатныхъ книгъ. И потому прежніе посѣтители музея теперь найдутъ многое на новыхъ мѣстахъ, а нѣкоторыя старыя мѣста занятыми для другихъ цѣлей. Начинаемъ обзоръ съ центрального корпуса, и именно съ картинной галлерей. Главный вестибюль его получилъ новую, пунцовую окраску, какъ болѣе отвѣчающую характеру музея; монументальная лѣстница центральнаго зданія увѣшана по стѣнамъ и столбамъ изображеніями знаменитыхъ русскихъ дѣятелей, изъ коллекціи покойнаго директора музейевъ В. А. Дашкова. Это собраніе прежде находилось въ отдаленномъ и плохо освѣщаемомъ залѣ, съ минувшаго года по необходимости отошедшемъ въ разрядъ специально-библиотечныхъ помѣщеній, публикѣ недоступныхъ. Картинная галлерей подверглась коренному преобразованію. Въ вестибюль второго этажа снесены картины русской школы, не имѣющія высо-

каго художественнаго достоинства, чтобы эту мѣрой дать подобающее мѣсто въ залахъ бельэтажа лучшимъ произведеніямъ отечественной живописи. Картины размѣщены по мастерамъ въ хронологическомъ порядкѣ и притомъ такъ, что всѣ произведенія одного и того же художника сгруппированы вмѣстѣ, на примѣръ, весь Боровиковскій, весь Левицкій, весь Брюловъ, весь Тропининъ, весь Айвазовскій и т. д. Цѣлый большой залъ посвященъ при этомъ произведеніямъ А. А. Иванова — его «Явленію Спасителя народу» и многочисленнымъ этюдамъ къ этой картинѣ, его библейскимъ рисункамъ, ученическимъ работамъ и пр. Этимъ сосредоточеніемъ произведеній знаменитаго живописца, прежде разбѣянныхъ по разнымъ этажамъ и отдѣленіямъ музея, дано удовлетвореніе желанію, давно по Москвѣ высказывавшемуся, видѣть отдѣльный «Ивановскій» залъ въ музеѣ, — хотя, къ сожалѣнію, и на половину. Любители и почитатели «Явленія Спасителя народу» справедливо считаютъ необходимымъ для этой колоссальной картины устройство верхняго свѣта, чего Румянцовскій музей пока дать не въ состояніи. Хотѣлось бы вѣрить, что это осуществится вполнѣ устройствомъ новаго зала съ особою свѣтовою конструкціей. Да, быть можетъ, и вся картинная галлерея будетъ со временемъ выведена въ особое зданіе, построенное согласно установившимся требованіямъ музейской практики въ Западной Европѣ. «Ивановскому» залу, занимающему правое крыло бельэтажа музея, отвѣчаетъ въ лѣвомъ концѣ совершенно новый залъ «Львовскій», заключающій въ себѣ собраніе картинъ рода Львовыхъ, недавно принесенное въ даръ музею Марьей Михайловной Львовой въ память ея мужа Николая Александровича Львова. Здѣсь прежде всего обращаютъ на себя вниманіе большія полотна портретовъ Гавриила Романовича Державина, его жены Дарьи Алексѣевны, рожденной Дьяковой, адмирала графа Николая Семеновича Мордвинова, драгоцѣнные и по художественному исполненію, и какъ произведенія знаменитыхъ мастеровъ Тончи, Боровиковскаго и Ж. Доу. Вокругъ этихъ большихъ картинъ группируются семейные портреты рода Львовыхъ, принадлежащіе кисти Левицкаго, Брюлова и Тропинина. Остальную часть этого замѣчательнаго собранія составляютъ картины Щедрина, Воробьева, Орловскаго, Боголюбова и Айвазовскаго и нѣсколько картинъ школъ: итальянской, голландской, французской и нѣмецкой. Для расширенія площади стѣнъ и для уничтоженія перебора свѣта, во второмъ этажѣ закрыты нѣсколько оконъ, и мѣста ихъ въ настоящее время заняты картинами. При новомъ размѣщеніи галлереи всѣ картины иностранныхъ школъ получили себѣ мѣсто въ третьемъ этажѣ. Сюда перенесена и грандіозная по своимъ размѣрамъ старинная копія «Тайной вечери» Леонардо-да-Винчи. Здѣсь же въ вестибюлѣ по стѣнамъ развѣшаны картины разныхъ иностранныхъ школъ, по ихъ скромному художественному значенію или по ветхости не нашедшія себѣ мѣста въ слѣдующихъ затѣмъ залахъ. Произведенія иностранныхъ школъ распределены по народностямъ и по мастерамъ, по возможности, въ хронологическомъ порядкѣ. Такъ выдѣлены школы итальянская, голландская, фламандская, французская и нѣмецкая ¹⁾. Это распределеніе ясно пока-

¹⁾ Исключеніе здѣсь составляютъ картины собранія А. А. Корнилова, помѣщенные отдѣльно, согласно волѣ дарителя.

зываетъ, какъ матеріаль существующій, такъ и то, въ какомъ отношеніи музей долженъ расширять свое собраніе картинъ западно-европейскихъ школъ. И въ третьемъ этажѣ по вышеуказаннымъ причинамъ заложено нѣсколько оконъ, и мѣста ихъ завѣшаны картинами. Стѣны всей картинной галлерей окрашены въ свѣтло-сѣрый цвѣтъ. Для лучшаго сохраненія картинъ и для руководства копирующими въ музей, каковыми являются большею частью или мальчики-самоучки, или ученики художественныхъ школъ, по высочайше дарованному новому штату музейевъ, назначено особое лицо, специально художественнаго образованія—консерваторъ картинной галлерей, М. К. Юхневичъ. Для систематическаго исправленія старыхъ и испорченныхъ картинъ приглашенъ на службу извѣстный въ Москвѣ реставраторъ живописи Д. Н. Арцыбашевъ. Хранитель отдѣленія изящныхъ искусствъ получилъ себѣ помощника, на каковую должность опредѣленъ С. П. Щуровъ, фактически исполнявшій эти обязанности въ музей уже нѣсколько лѣтъ. Быстро растетъ музей во всѣхъ своихъ отдѣленіяхъ, обогащаясь картинами, гравюрами, монетами, рукописями, старопечатными славянскими книгами, предметами отечественной и иностранной этнографіи и памятниками доисторическихъ и христіанскихъ древностей. Но этотъ ростъ обыкновенно носитъ характеръ случайный, будучи исключительно продуктомъ щедрости просвѣщенныхъ дарителей музея. Несравненно послѣдовательнѣе и неизмѣримо шире идетъ обогащеніе библиотеки, которая, за 40 лѣтъ существованія Румянцовскаго музея въ Москвѣ, увеличилась въ 28 разъ, достигнувъ къ послѣдному времени приблизительной цифры 700.000 томовъ. Увеличиваются книжныя богатства музея и поступленіемъ въ даръ цѣлыхъ библиотекъ, которыхъ въ музей насчитывается теперь 29, и полученіемъ всего, выходящаго въ печати, изъ нашихъ цензурныхъ комитетовъ и, наконецъ, хотя въ наименьшей и весьма скудной степени, покупкою книгъ иностранныхъ. Это увеличеніе идетъ постоянно изо дня въ день, принося съ собою все новыя и новыя заботы для лицъ, поставленныхъ во главѣ управленія библиотекъ. Имъ приходится постоянно имѣть дѣло съ вопросомъ, гдѣ и какъ размѣщать новыя поступления, утилизируя для этого каждый свободный аршинъ, отданный въ ихъ распоряженіе, и нерѣдко направляя свои просьбы въ сосѣднія отдѣленія пустить туда книжныя полки хотя бы на короткое время. При только-что произведенномъ ремонтѣ музея, вмѣстѣ съ перемѣной потолковъ, оконъ и половъ, немало было направлено успій къ расширенію площади стѣнъ библиотекъ. Съ этой цѣлью библиотекѣ отдано цѣлое отдѣленіе куриуса, въ которомъ прежде размѣщены были манекены народностей Кавказа и Дашковское собраніе портретовъ знаменитыхъ русскихъ дѣятелей. Въ цѣломъ рядѣ залъ, выходящихъ окнами на Волхонку, уничтожены свѣсныя карнизы у потолковъ, чтобы такимъ образомъ увеличить ростъ хотя нѣсколько полокъ балконовъ для заполненія ихъ новыми книгами. Но, съ другой стороны, такъ называемый Румянцовскій залъ пришлось совсѣмъ освободить отъ книгъ, прежде размѣщавшихся по его срединѣ, въ силу того, что дальнѣйшее существованіе этой большой тяжести признано здѣсь невозможнымъ по конструктивнымъ соображеніямъ. Обширная масса книгъ съ ихъ шкафами и комодами была перенесена въ вышеуказанное помѣщеніе кавказскаго отдѣла этнографіи

п Дашковской портретной галлерей. Читальный залъ библиотеки, этотъ постоянно и учащенно бьющій пульсъ всего учрежденія, получилъ, ко всеобщему удовольствію, электрическое освѣщеніе взамѣнъ прежняго газоваго. По настоятельному вопросу о необходимости расширенія этого нынѣ очень тѣснаго помѣщенія сообразно все увеличивающимся нуждамъ, къ сожалѣнію, еще ждетъ своего рѣшенія. Въ настоящее время «Читальня» заключаетъ въ себѣ 150 мѣстъ, тогда какъ въ рабочіе мѣсяцы года едва ли было бы достаточно и двойное количество столовъ и стульевъ. Значительной перемѣнѣ подверглась и «каталожная» библиотека: все лишнее отсюда вынесено, ящики съ карточками подвижнаго каталога изъ прежнихъ неудобныхъ комодовъ всѣ выставлены на столы, къ большой выгодѣ пользованія каталогомъ. Заслуга упорядоченія этого важнаго учрежденія всецѣло принадлежитъ гг. библиотекарямъ Р. М. Павлову и С. И. Соколову. Служебный персоналъ библиотеки увеличенъ нѣсколькими новыми должностями, на каковыя опредѣлены: для завѣдыванія читальнымъ заломъ — А. М. Мионовъ, для регистраціи книгъ библиотеки — А. А. Борзовъ и для другихъ работъ по библиотекѣ нѣсколько новыхъ лицъ съ высшимъ образованіемъ, по вольному найму. По всей библиотекѣ теперь стало чище, свѣтлѣе и какъ будто просторнѣе. Но послѣднее такъ кажется, потому что много книгъ скрыто въ ящикахъ и ждетъ разгрузки и описанія. Много книгъ изъ разряда дублетовъ разнесено по холоднымъ чердачнымъ помѣщеніямъ, за неимѣніемъ мѣста для нихъ внизу, хотя бы въ коридорахъ, но отапливаемыхъ. И стоить поступить къ намъ новой библиотекѣ, чтобы нынѣ замѣчаемый нѣкоторый просторъ исчезъ совсѣмъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что неудержимый ростъ библиотеки въ самомъ близкомъ времени выдвинетъ на очередь неизбѣжный вопросъ о расширеніи музейскихъ зданій и, можетъ быть, о постройкѣ цѣлаго ряда корпусовъ по строго обдуманной системѣ. Но уже и въ настоящее время слышатся съ разныхъ сторонъ авторитетные голоса насчетъ замѣны нынѣшняго духоваго отопленія музея, и притомъ весьма старой и несовершенной конструкціи, системой водяного отопленія, устраняющаго опасность пожара, которой нашъ музей подвергался уже нѣсколько разъ. На удовлетвореніе этой насущной потребности управленію музея предстоитъ направить свои усилія, не откладывая этого дѣла, хотя бы въ виду того грознаго урока, какой данъ недавнимъ пожаромъ въ архивѣ главнаго военнаго штаба въ С.-Петербургѣ. Однородны съ библиотекой музея и потребности отдѣленія рукописей и славянскихъ старопечатныхъ книгъ. Помѣщеніе, отведенное ему много лѣтъ назадъ, уже давно сдѣлалось весьма недостаточнымъ. Но при невозможности расширяться насчетъ сосѣднихъ залъ, до верху заполненныхъ книгами библиотеки, администраціи этого отдѣленія пришлось просить о поднятіи потолковъ за счетъ чердачныхъ помѣщеній и объ устройствѣ въ залахъ для занятій хоромъ на желѣзныхъ балкахъ для постановки тамъ новыхъ шкафовъ и книжныхъ полокъ. Эта потребность нынѣ весьма счастливо удовлетворена, и вмѣстѣ съ тѣмъ заботы, куда ставить вновь поступающія старопечатныя книги, устраниются на нѣсколько лѣтъ. Особыхъ попеченій со стороны хранителей этого отдѣленія музея С. О. Долгова и Г. П. Георгіевскаго потребовалъ также вопросъ объ

устройствѣ каменнаго свода въ боковомъ павильонѣ, выходящемъ на Знаменку, взамятъ прежнихъ деревянныхъ потолковъ. Внѣшній видъ читальнаго зала этого отдѣленія въ настоящее время, послѣ устройства монументальныхъ хоровъ, по настлѣнкѣ новыхъ половъ и потолковъ, при новыхъ окнахъ и при общей окраскѣ, сталъ неузнаваемъ: такъ все ветхо и неприглядно было здѣсь прежде! А между тѣмъ, сюда для изученія рукописныхъ сокровищъ музея собираются ученые со всей Россіи, не говоря о жителяхъ Москвы. Большимъ видоизмѣненіямъ подверглись отдѣленія этнографіи и древностей христіанскихъ. Дашковскій этнографическій музей, съ прилегающимъ къ нему собраніемъ предметовъ иностранной этнографіи, недостаткомъ свѣта, громоздкостью его стеклянныхъ шкафовъ, крайней тѣнотой, холодомъ и сыростью ужь съ давнихъ поръ требовалъ коренныхъ улучшеній. Эта надобность сдѣлалась тѣмъ настоятельнѣе въ послѣднее время, когда бібліотека отняла у него для своихъ цѣлей залъ, вмѣщавшій въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ манекены народностей Кавказа и большую коллекцію мелкихъ предметовъ. Необходимо было сдѣлать оставшееся ему помѣщеніе свѣтлѣе, просторнѣе, удобнѣе для обозрѣванія посетителями, суше и теплѣе. Эта весьма сложная задача потребовала для своего выполнения и затраты значительныхъ матеріальныхъ средствъ и большихъ техническихъ приспособленій, какъ со стороны архитектора, такъ и хранителя отдѣленія Н. А. Янчука. Большое количество свѣта въ главный двухэтажный залъ добыто увеличеніемъ размѣровъ оконъ по всему верхнему ярусу, новою системою устройства стеклянныхъ шкафовъ и новымъ способомъ ихъ размѣщенія. Крѣпкія, толстыя стѣны стариннаго зданія дали возможность поднять высоту оконныхъ кокошъ верхняго свѣта на полъ-аршина, что при 25-ти окнахъ этого яруса отразилось совершенно инымъ свѣтовымъ эффектомъ для всей верхней галлерей. Весьма выгоднымъ для интересовъ отдѣленія нововведеніемъ нужно считать поперечную постановку стеклянныхъ шкафовъ въ этомъ обширномъ залѣ, въ замѣтъ прежней продольной, которая при сплошной своей системѣ загораживала окна. Въ настоящее же время оконныя кокоши выходятъ повсюду въ пролеты межъ шкафами. Сами шкафы имѣютъ теперь меньшіе размѣры въ вышину и длину. Новая расстановка гораздо цѣлесообразнѣе прежней и въ томъ отношеніи, что манекены съ ихъ характерными народными костюмами стали доступны для обозрѣнія со всѣхъ сторонъ, тогда какъ прежде задняя сторона ихъ по стѣнамъ была совсѣмъ закрыта. Незызя не привѣтствовать и болѣе систематическаго размѣщенія предметовъ быта каждаго этнографическаго типа надъ соответственнымъ манекеномъ, частью внутри шкафовъ, частью по верху ихъ, на этотъ разъ сдѣланному изъ дерева, вмѣсто безцѣльнаго здѣсь стекла прежнихъ шкафовъ. Это деревянное покрытие уже само по себѣ послужило къ увеличенію площади главнаго этнографическаго зала. Но гораздо большую услугу въ этомъ отношеніи оказала перестройка верхней галлерей, обрамлявшей этотъ залъ со всѣхъ сторонъ. Ее найдено было нужнымъ расширить болѣе чѣмъ въ два раза, вслѣдствіе чего получилось расширение площади на 150 кв. аршинъ по приблизительному исчисленію. Означенная конструктивная реформа этого центрального и самаго большого помѣщенія доставила возможность въ значительной мѣрѣ возмѣстить для этнографическаго от-

дѣленія потерю цѣлага зала, отошедшаго въ распоряженіе бібліотеки, какъ о томъ было сказано выше. Манекены кавказскихъ типовъ оттуда перенесены въ общій залъ, въ сосѣдство съ изображеніями остальныхъ инородцевъ Россіи. Они занимають теперь мѣсто внизу главнаго зала, по правой стѣнѣ, между отдѣломъ иностранной этнографіи и отдѣленіемъ христіанскихъ древностей, образуя собою цѣльную самостоятельную группу. Указываемъ на послѣднее обстоятельство потому, что появилось въ нѣкоторыхъ газетахъ неправильное извѣстіе «объ уничтоженіи кавказской этнографіи въ музеѣ» послѣ его ремонта и перемѣнъ, съ нимъ связанныхъ. Но это внесеніе многочисленныхъ кавказскихъ манекеновъ повлекло за собою перемѣщеніе снизу на верхнюю галерею всѣхъ представителей Вѣлороссіи, Малороссіи и Польши, гдѣ, впрочемъ, они нисколько по мѣсту своему не смѣшиваются со славянами Австро-Венгрии и Балканскаго полуострова и нимало не нарушаютъ стройности славянскихъ коллекцій. Въ заботахъ о возможно большихъ удобствахъ для обозрѣнія этнографическихъ коллекцій публикою облегчено сообщеніе нижняго яруса главнаго зала съ верхнею галлереей устройствомъ добавочной чугунной винтовой лѣстницы, а самая галлерей въ устраненіе опасности, которою она грозила своею ветхостью прежде, утверждена на чугунныхъ колоннахъ, при желѣзныхъ балкахъ и переводахъ, вмѣсто прежнихъ деревянныхъ. Этнографическое собраніе графа Н. П. Румянцова, послужившее ядромъ всего этого отдѣленія и прежде разсѣянное по разнымъ мѣстамъ музейскихъ зданій, теперь выносятся въ особый залъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими отдѣльными, но систематическими коллекціями, Шимкенича — по религіи инородцевъ крайняго сѣверо-востока Сибири, Гондатти — по быту народностей Анадырскаго края, Леонтовича — по быту тунгузовъ и ороchonъ. Для ученыхъ занятій этнографіей устроены въ обновленномъ помѣщеніи особый кабинетъ, отсутствіе котораго прежде возбуждало справедливыя жалобы, со специально подобранною здѣсь бібліотекою. Но при тѣхъ многихъ выгодахъ, которыя принесъ Дашковскому этнографическому музею двухгодичный ремонтъ, при этомъ обновленіи всего внѣшняго вида его всѣхъ помѣщеній, тѣмъ сильнѣе выступаетъ на видъ большое изветшаніе огромнаго большинства манекеновъ, съ такою любовью и такимъ стараніемъ хранителемъ здѣсь нынѣ выставленныхъ. Эти почернѣвшіе носы и вытѣзшіе волосы, эти поблекшія, вылинявшія лица, потухшія сотни глазъ, эти съѣденныя молью мѣховыя части одеждъ и давно потерявшія свѣжесть первоначальныхъ красокъ женскія платья и украшенія, выступаютъ теперь наружу съ особенною силой. Какъ мало эти когда-то нарядныя изображенія напоминають собою ту пеструю и яркую картину русской и славянской этнографической выставки, которою наше поколѣніе любовалось въ Москвѣ, въ 1867 году! Вмѣстѣ съ энтузіастами — организаторами этого смѣлаго и большого предпріятія, давно сошедшими въ могилу, ушелъ и яркій обликъ народностей, тамъ тогда собранныхъ. Тлѣніе и время наложили здѣсь свою безпощадную руку съ особенною мощью. Вслѣдъ за счастливо произведеннымъ ремонтомъ помѣщеній долженъ наступить здѣсь медленный, долгій и систематическій ремонтъ самой видной части этихъ этнографическихъ коллекцій. Здѣсь нужны будутъ услуги ваятелей, живописцевъ, мѣховщиковъ, портныхъ, ко-

стюмеровъ, парикмахеровъ и т. д. Нужны будутъ и значительныя матеріальныя средства и очень много любви и труда для всего этого. Видныя перемѣны найдеть посѣтитель музея и въ отдѣленіи доисторическихъ христіанскихъ древностей. Прежній большой залъ въ два свѣта превращенъ настилкою пола надъ его серединой, между прежними галереями, въ два самостоятельныя зала. Увеличеніе этою мѣрой площади помѣщенія въ полтора раза дало возможность, какъ пишетъ намъ хранитель сего отдѣленія профессоръ А. И. Киричниковъ, «не только удобнѣ размѣстить иконы и другіе предметы церковной старины, доселѣ слишкомъ скученныя, а иногда и лежавшіе другъ на другѣ, но и заняться устройствомъ новаго отдѣла, именно коллекціи печатаемыхъ иконъ на деревѣ, жести и пр., которыя, поступаая въ бібліотеку музея, сильно ее затрудняютъ и прямо не находятъ въ ней мѣста; между тѣмъ какъ въ отдѣленіи христіанскихъ древностей эти, хотя и новыя, но часто сохраняющія въ композиціи слѣды глубокой древности иконы вполне умѣстны и въослѣдствіи представляютъ интереснѣйшее и, можетъ быть, единственное научно-систематизированное и удобно для изученія обставленное собраніе». Пришедшія въ особенно сильную ветхость витрины, стоявшія иногда даже безъ стеколъ или заклеенныя бумагой, въ настоящее время получили подобающій прочный и приличный видъ. Извѣстный въ музейской средѣ своей убогой обстановкою и отсутствіемъ всякихъ удобствъ, въ томъ числѣ и форточекъ, ученый кабинетъ покойнаго антикварія-энтузіаста Г. Г. Филимонова, изъ боязни перемѣнъ въ окружавшихъ его въ такомъ изобиліи и въ такомъ поэтическомъ безпорядкѣ всевозможныхъ предметовъ, не допускавшаго никакого ремонта съ самаго основанія музея и до своей кончины, теперь вычищенъ и обновленъ до неузнаваемости. При кабинетѣ организуется спеціальная бібліотека отдѣленія изъ справочныхъ и другихъ необходимыхъ книгъ по доисторической, русской и обще-христіанской археологіи. Съ ремонтомъ музея получилъ новое мѣсто и такъ называемый Долгоруковскій залъ, заключающій въ себѣ драгоцѣнныя предметы, подаренныя музею московскимъ генераль-губернаторомъ, княземъ В. А. Долгоруковымъ. Находясь прежде вдали отъ остальныхъ выставочныхъ помѣщеній музея и отдѣленный залами и коридорами бібліотеки, онъ представлялъ много неудобствъ какъ для посѣтителей, такъ и особенно для администраціи бібліотеки, между полками и шкапами которой двигались массами посторонніе ей люди. Нынѣ этотъ залъ соединенъ съ нумизматическимъ кабинетомъ, при чемъ въ помѣщеніи послѣдняго построена галерея, на которой и размѣстились витрины монетъ и медалей. При такихъ улучшеніяхъ и перемѣнахъ, Московскій публичный и Румянцевскій музей выступаютъ нынѣ на свое обычное служеніе цѣлямъ «благого просвѣщенія».

Библіотека А. С. Пушкина. 1-го октября, какъ сообщаетъ «Россія», была доставлена въ Петербургъ изъ села Ивановскаго, Бронницкаго уѣзда, бібліотека А. С. Пушкина. Библіотека эта, которую нашли въ квартирѣ поэта, въ домѣ князя Волконскаго, на Мойкѣ, послѣ его смерти была цѣликомъ вывезена изъ Петербурга и помѣщена въ имѣніи вдовы Пушкина, вышедшей замужъ за Ланскаго, въ селѣ Ивановскомъ. Въослѣдствіи это имѣніе было продано; тогда внуки Пушкина перевезли бібліотеку въ другое свое подмосковное

имѣніе. Лѣтъ 12 назадъ, А. А. Пушкину, служившему въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку, по выходѣ его въ отставку, удалось пріобрѣсти вновь село Ивановское, и бібліотека его дѣда была возвращена на свое старое мѣсто. Скончавшійся полгода назадъ вице-президентъ академіи наукъ Л. Н. Майковъ, подготавливая матеріалы къ академическому изданію сочиненій Пушкина, остановилъ свое вниманіе на этой бібліотекѣ болѣе чѣмъ въ 2.000 томовъ, гдѣ на прочитанныхъ книгахъ могли быть замѣтки Пушкина, могутъ встрѣтиться и длинныя ремарки. Л. Н. Майковъ возбудилъ въ одномъ изъ засѣданій академіи вопросъ о необходимости познакомиться съ этою бібліотекою, пріобрѣсти ее въ собственность академіи или императорской публичной бібліотеки. Академія единогласно согласилась съ мнѣніемъ Л. Н. Майкова и поручила ему войти въ переговоры съ А. А. Пушкинымъ. Переговоры увѣнчались условнымъ успѣхомъ. Внукъ поэта, А. А. Пушкинъ, оказался не единоличнымъ собственникомъ бібліотеки своего знаменитаго дѣда; у него есть сестры, и семейное соглашеніе не состоялось въ пользу полной передачи бібліотеки. Внукъ и внучки поэта согласились передать ее во временное пользованіе академіи наукъ для всесторонняго ея изученія, подъ неперемѣннымъ условіемъ обратнаго возвращенія по ея просмотру. Академія выразила свое согласіе. Кончина Л. Н. Майкова, какъ извѣстно, не остановила академію въ начатомъ ею изданіи сочиненій Пушкина и въ возможно подробномъ его изученіи. Въ сентябрѣ академіей былъ командированъ В. Л. Модзалевскій въ Ивановское для пріема и перевозки въ Петербургъ Пушкинской бібліотеки. Книги были бережно уложены въ 35 ящиковъ; всѣхъ томовъ привезено въ Петербургъ 2.332; сохранились они прекрасно. 2-го октября ящики еще не были вскрыты. Бібліотека Пушкина въ Петербургѣ будетъ тщательно пересмотрѣна и разобрана; въ работахъ примутъ участіе академики какъ 2-го отдѣленія, такъ и новообразованнаго отдѣла изящной словесности, и приглашенныя стороннія лица изъ среды извѣстныхъ писателей и сотрудниковъ повременной печати. Бібліотека состоитъ изъ сочиненій, преимущественно написанныхъ на иностранныхъ языкахъ. Ея русскій отдѣлъ незначителенъ по количеству томовъ. Среди русскихъ книгъ — превосходно сохранившееся, въ роскошномъ переплетѣ, изданіе стихотвореній Дениса Давыдова, но безъ помѣтокъ Пушкина. Иностранные отдѣлы значительны; здѣсь — древніе авторы, преимущественно во французскихъ переводахъ, французскіе классики, историческіе мемуары; тутъ же находятся французскія поваренныя книги и французскіе модные журналы того времени. Полагаютъ, что бібліотека собиралась поэтомъ въ позднѣйшіе годы его жизни. По нѣкоторымъ книгамъ можно сдѣлать выводъ, что онѣ поступали въ редакцію «Современника» для отзыва.

Французское пожертвованіе въ Историческій музей. 3-го октября, въ Историческомъ музеѣ состоялась официальная передача музею картины «Великіе проповѣдники мира и третейскаго суда», пожертвованной французскимъ гражданиномъ А. Лаббэ. Картина была передана уполномоченными жертвователя, авторомъ ея, французскимъ художникомъ Н. Данже, и секретаремъ жертвователя г. Брессу, въ присутствіи чиновъ управленія музея во главѣ съ товарищемъ августѣйшаго предсѣдателя П. Е. Забѣлинымъ. На торжествѣ пере-

дачи, г. Брессу прочиталъ привѣтственное письмо музею отъ жертвователя, а князь Н. С. Щербатовъ протоколь передачи съ выраженіемъ благодарности г. Лаббэ, его секретарю и художнику Данже. Затѣмъ подано было шампанское, и провозглашены тосты за процвѣтаніе Франціи и Россіи, за августѣйшаго предсѣдателя музея, жертвователя, его уполномоченныхъ и процвѣтаніе музея. Теперь открытъ доступъ для обозрѣнія публикою пожертвованной картины, помѣщающейся во 2-мъ этажѣ музея. Входъ бесплатный. По заказу А. Лаббэ художникъ Данже готовитъ новую громадныхъ размѣровъ картину «Мирная конференція въ Гаагѣ».

Археологическое общество въ С.-Петербургѣ. Восточное отдѣленіе, первое въ нынѣшнемъ академическомъ году, открыло засѣданіемъ 28-го сентября осеннюю сессію дѣятельности общества. Предсѣдательствовалъ профессоръ Н. П. Веселовскій. Музей общества въ нынѣшнемъ году, по сообщенію секретаря отдѣленія, обогатился пожертвованными обществу многочисленными находками близъ Самарканда остатковъ различныхъ гончарныхъ издѣлій и затѣйливыми орнаментами. Интересный снимокъ съ ассирійской надписи на камнѣ, относящейся къ глубокой древности (VIII вѣкъ до Р. X.), былъ представленъ В. С. Голенищевымъ. Любопытная надпись прочтена лишь отчасти. Имѣетъ она всего 47 строкъ. Написана отъ имени царя Русса II. Говоритъ о предпринятыхъ деревянныхъ работахъ, о древесныхъ насажденіяхъ, о сооруженіи канала, упоминаетъ о нѣкоторыхъ божествахъ и о жертвенныхъ животныхъ. Въ заключеніе царь обращается къ тѣмъ, кто захотѣлъ бы уничтожить этотъ памятникъ, грозя за это наказаніемъ боговъ вѣтра, молніи, солнца и др. Въ виду археологическаго интереса, который представляетъ эта надпись, отдѣленіе постановило издать ее въ запискахъ общества. 16-го октября, подъ предсѣдательствомъ профессора И. В. Помяловскаго, состоялось засѣданіе отдѣленія археологіи древне-классической, византійской и западно-европейской. Наибольше интереснымъ былъ докладъ С. А. Жебелева «О послѣднихъ раскопкахъ на островѣ Критѣ». Обстоятельства политическаго характера много лѣтъ уже препятствовали тамъ производству археологическихъ изысканій. Въ настоящее время, благодаря энергіи и значительнымъ затратамъ матеріальныхъ средствъ, Эвансъ (англичанинъ) произвелъ обширныя раскопки одного холма. Результатомъ раскопокъ явилось открытіе рѣдкаго памятника глубокой древности— царскаго дворца, относящагося къ древнѣйшему періоду Микенской эпохи, ко времени 2-го тысячелѣтія до Р. X. Построенъ дворецъ изъ крупнаго камня; по остаткамъ его можно заключить, что онъ нѣкогда подвергся пожару. Открыты: большой залъ, арки, лѣстница. Въ большомъ залѣ стоятъ каменные стулья въ родѣ трона и каменные скамьи. Противъ трона водоемъ. Въ сосѣдней съ большимъ заломъ комнатѣ находилась, вѣроятно, купальня. Любопытны остатки стѣнной живописи. Каменные хранилища служили, должно быть, для сбереженія драгоценностей. Дворъ хорошо вымощенъ. С. А. Жебелевымъ прочтаны были, кромѣ того, докладъ о Пантिकाпейскихъ Ниубидахъ. М. И. Ростовцевъ демонстрировалъ снимки мѣстностей раскопокъ, производящихся на форумѣ въ Римѣ. 24-го октября состоялось подъ предсѣдательствомъ профессора С. Ф. Платонова засѣданіе русскаго отдѣленія. Обсуждался вопросъ объ

открытыхъ въ Кіевской губерніи г. Хвойко кирпичныхъ площадкахъ, относящихся къ каменному и бронзовому вѣкамъ жизни первобытнаго человѣка. Формы и орнаментация найденныхъ на поверхности и внутри площадокъ глиняныхъ сосудовъ заставляютъ отнести площадки къ глубокой древности, а именно: къ до-микенскому періоду (около 4.000 лѣтъ до Р. Х.). Прочитанный на за-засѣданіи А. А. Спицынымъ рефератъ объ упомянутыхъ площадкахъ представляетъ ихъ обстоятельное научное изслѣдованіе. А. А. Спицынъ сомнѣвается въ установившемся мнѣніи, что площадки эти есть остатки пола существовавшихъ здѣсь нѣкогда жилищъ. Онъ полагаетъ, что онѣ имѣли скорѣе какое нибудь религіозное значеніе. Доказываютъ послѣднее масса сосудовъ, врытыхъ въ площадки, таинственные погреба подъ ними, жертвенники (каменные столбы съ отшлифованною поверхностью), возлѣ которыхъ обнаружены кости вола и барана и обломки статуэтокъ. Графъ А. А. Бобринскій и профессоръ Н. И. Веселовскій сдѣлали вѣсколько весьма существенныхъ дополненій и разъясненій къ докладу А. А. Спицына. А. Л. Погодинымъ прочитанъ былъ докладъ «Эпиграфическіе слѣды славянства». Произведенными затѣмъ выборами избранъ въ секретари отдѣленія С. М. Середонинъ. Въ засѣданіи восточнаго отдѣленія, подъ предсѣдательствомъ профессора барона В. Р. Розена, членамъ общества представлена была для обозрѣнія любопытная коллекція кашгарскихъ древностей, полученная отъ секретаря русскаго консульства въ Кашгарѣ С. А. Колоколова. Сообщая о полученіи коллекціи, профессоръ Н. И. Веселовскій указалъ, что, несмотря на то, что коллекція невелика, она представляетъ большой интересъ, какъ хорошо, даже образцово составленная. Для постояннаго храненія коллекція будетъ помѣщена въ Азіатскій музей. Произведены были въ засѣданіи выборы члена совѣта отъ отдѣленія. Избранъ В. А. Жуковскій. П. К. Коковцевъ сообщил о книгѣ С. Clermont-Ganneau: «Археологическія изысканія въ Палестинѣ въ продолженіе 1873—1874 гг.». Разборъ еврейскихъ и финикійскихъ надписей занимаетъ видное мѣсто въ трудѣ Ганно,—такъ, напримѣръ, надписи въ загадочномъ зданіи, вырубленномъ въ скаль, вѣроятно, представлявшемъ сначала древнюю цистерну. Надписи именъ съ христіанскими символами найдены въ эпитафіяхъ «гробницы пророковъ», о которой уже много писали. Это большая усыпальница «поляндріумъ», типъ, весьма распространенный въ Палестинѣ. Раздѣляется она на нѣсколько камеръ, вѣроятно, также бывшихъ нѣкогда цистернами, которыми воспользовались пришельцы. Время надписей—IV и V вѣкъ нашей эры. Второй докладъ былъ прочитанъ Я. И. Смирновымъ: «Якутъ о греческой надписи, найденной въ большой мечети Дамаска». Переводъ этой надписи на арабскій сдѣланъ былъ, вѣроятно, плохо, и поэтому надпись въ арабскомъ пересказѣ представляется довольно загадочной. Профессоръ В. Р. Розенъ далъ съ своей стороны очень интересное разъясненіе смысла надписи. Б. А. Тураевъ прочелъ рефератъ: «Богатство царей, неизданный памятникъ эіопской письменности». Переданъ былъ докладчикомъ и переводъ этого любопытнаго документа съ изложеніемъ абиссинской легенды.

Археологическое общество въ Москвѣ. 27-го октября, въ засѣданіи археологическаго общества, состоявшемся подъ предсѣдательствомъ профес-

сора Д. Н. Анучина, были доложены два реферата. Л. Э. Мсеріанцъ прочиталъ статью, присланную заслуженнымъ профессоромъ В. И. Модестовымъ: «Археологическое значеніе современнаго Рима». Указавъ на изобильные памятники древности, заключающіеся въ стѣнахъ «вѣчнаго города» и его окрестностяхъ, на многочисленныя богатые музеи, старыя и новыя (возникшія съ 70-хъ годовъ), папскіе, правительственныя, муниципальныя, частныя, посвященныя не только классическимъ и христіанскимъ древностямъ и искусству, но также и добытымъ раскопками памятникамъ доисторической культуры Італіи, на богатѣйшія бібліотеки, на нѣмецкій археологическій институтъ и французскую археологическую школу, наконецъ, на ученую атмосферу Рима, гдѣ работаетъ много специалистовъ по древностямъ, исторіи, филологіи и т. д., г. Модестовъ повторилъ уже ранѣе высказанную имъ мысль о пользѣ и необходимости основанія въ Римѣ русскаго археологическаго института, хотя бы въ возможно скромныхъ размѣрахъ, и затѣмъ остановился на собственныхъ работахъ въ Римѣ за послѣдніе годы, посвященныхъ, главнымъ образомъ, вопросамъ древнѣйшей исторіи, тѣсно связаннымъ съ доисторическими судьбами Лаціума и вообще — Средней и Южной Італіи. Профессоръ И. В. Цвѣтаевъ, по поводу прочитаннаго реферата, указалъ на заслуги В. И. Модестова въ русской наукѣ и на неутомимую энергію, съ которой на седьмомъ десяткѣ лѣтъ безкорыстно и беззаветно отдается археологическимъ разысканіямъ этотъ ученый. — Д. Н. Анучинъ демонстрировалъ фотографическіе снимки предметовъ, найденныхъ недавно въ Кіевѣ, на Кирилловской улицѣ, на значительной глубинѣ, въ слоѣ съ остатками древнекаменной (палеолитической) культуры. Здѣсь и тамъ находили много костей и бивней ископаемаго слона (мамонта), но недавно нашли бивни, украшенные рѣзными изображеніями или узорами, и являющіеся древнѣйшими слѣдами искусства (рѣзбы) на русской почвѣ. — Онъ же доложилъ сообщеніе В. Н. Леонова о раскопкахъ, произведенныхъ въ Рязанской губерніи, на рѣкѣ Прѣ, по берегамъ озеръ Святого и Великаго, гдѣ были найдены въ нѣсколькихъ мѣстахъ, на песчаныхъ дюнахъ, слѣды доисторическихъ стоянокъ каменнаго (неолитическаго) вѣка, заключающіеся въ черномъ (культурномъ) слоѣ, остаткахъ въ немъ угля и золы, множества костей звѣриныхъ, птичьихъ и рыбьихъ, глиняныхъ черепкахъ съ узорами и различныхъ издѣлій изъ кремня и другихъ породъ камня и изъ звѣриныхъ и птичьихъ костей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ издѣлія эти встрѣчаются и на днѣ мелкаго озера, на большое разстояніе отъ берега, что указываетъ, повидимому, на существованіе здѣсь въ тѣ времена построекъ на сваяхъ. Въ числѣ издѣлій встрѣчаются многія, весьма искусно оббитыя изъ кремня или вырѣзанныя изъ кости, въ томъ числѣ одна рѣзная головка птички. Докладъ этотъ иллюстрировался картой, планами, разрѣзами раскопокъ, фотографіями и представленіемъ значительнаго числа картоновъ съ нашитыми на нихъ вещами.

Археографическая комиссія въ Москвѣ. Въ засѣданіи археографической комиссіи Московскаго археологическаго общества, Ю. В. Татищевъ сообщилъ докладъ о новыхъ данныхъ къ біографіи В. Н. Татищева. Профессоръ Н. А. Поповъ въ предисловіи къ своему извѣстному изслѣдованію «В. Н. Та-

тищевъ п его время», прослѣдивъ его жизнь и дѣятельность до назначенія суда надъ нимъ, говоритъ: «Къ сожалѣнію, дѣла слѣдственной надъ Татищевымъ комиссіи остаются пока покрытыми мракомъ неизвѣстности». Въ настоящее время этотъ важный пробѣлъ можетъ быть восполненъ сохранившимися, какъ оказывается, въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи дѣломъ 1-й слѣдственной комиссіи надъ В. Н. Татищевымъ. Дѣло это состоитъ изъ 12 томовъ размѣромъ отъ 300 до 1.500 листовъ каждый. Врученіе Татищеву, послѣ смерти командира Оренбургской комиссіи Кириллова, управленія всѣми горными заводами сильно не нравилось Бирону. Строгий охранитель казеннаго интереса, Татищевъ не позволялъ, несмотря на свое подчиненное положеніе, генераль-бергъ-директору Шомбергу, за спиной котораго обогащался самъ Биронъ, никакихъ злоупотребленій и въ началѣ 1738 года отправилъ въ кабинетъ представленіе о его худыхъ поступкахъ. Кипучая дѣятельность Татищева не пришлась по сердцу его сотрудникамъ. Кромѣ замиренія и возстановленія благосостоянія края, усмиренія возмущившихся башкиръ, Татищеву было поручено достроить Оренбургъ, заложенный Кирилловымъ, и стараться всѣми силами привести въ русское подданство киргизъ-кайсаковъ. Всѣ эти порученія были исполняемы Татищевымъ со свойственною его характеру энергіей. Въ самый разгаръ своей дѣятельности, В. Н. Татищевъ, получивъ утвердительный отвѣтъ на свою просьбу пріѣхать въ Петербургъ, выѣхалъ туда въ первыхъ числахъ января 1739 года, чтобы представить кабинету подробный отчетъ о своей дѣятельности и свои проекты, направленные къ улучшенію края. Вслѣдъ за нимъ поѣхалъ товарищъ его по экспедиціи мурза Тевкалевъ, темная личность изъ татаръ, ненавидѣвшій Татищева за его самостоятельную дѣятельность, съ доносомъ, полетѣли еще нѣсколько доносовъ изъ Башкирскаго края. Надъ Татищевымъ была учреждена судная комиссія, и 17 июня 1739 года на его мѣсто былъ назначенъ генераль-лейтенантъ князь Василій Урусовъ. Вотъ какъ въ 1744 году В. Н. Татищевъ въ письмѣ своемъ къ И. А. Черкасову рассказываетъ о своихъ злословіяхъ: «Биронъ, ища себѣ ненадлежащей власти и силы, вздумалъ, что я ему въ томъ, якоже и въ похищеніи великаго отъ сибирскихъ заводовъ дохода, препятствовать буду, разными образы искалъ меня погубить: перво ссоривалъ съ Черкаскимъ, Салтыковымъ, Головкинымъ, что всѣмъ было извѣстно: но видя, что недостаточно, принудилъ на меня плутовъ бить челомъ и беззаконно судить велѣли, два раза безъ всякой вины подъ карауломъ держали, но Богъ по невинности моей меня избавилъ». Вотъ причины преслѣдованія, которому подвергся Татищевъ, какъ онъ рассказываетъ ихъ самъ.

Казанское общество археологій, исторіи и этнографіи при университетѣ. Въ засѣданіи общества 27 октября былъ заслушанъ отчетъ дѣйствительнаго члена общества В. М. Борисова о совершенныхъ подъ его наблюдениемъ работахъ по реставраціи древней башни въ г. Арскѣ. Реставрація башни успѣшно закончена въ минувшемъ октябрѣ. Докладчикомъ представлены фотографическіе снимки съ башни до и послѣ ея реставраціи, изъ которыхъ нѣкоторые, по постановленію собранія, будутъ воспроизведены при печатаніи отчета въ «Извѣстіяхъ» общества. Большой интересъ возбудило сообщеніе про-

фессора А. А. Штукенберга о поѣздкѣ, совершенной имъ въ археологическихъ цѣляхъ въ такъ называемую Пустую Морквашку. Поводомъ къ этой поѣздкѣ послужило слѣдующее обстоятельство: демонстрированные въ предшествовавшемъ засѣданіи общества бронзовые предметы яко бы изъ деревни Атрысы, Лаишевскаго уѣзда, оказались, при ближайшемъ разслѣдованіи, найденными во время земляныхъ работъ близъ дачъ въ урочищѣ «Пустая Морквашка» (приблизительно, на половинѣ разстоянія между Свіязскомъ и Казанью, на правомъ берегу рѣки Волги). Вещи были вырыты на глубинѣ около аршина при снятіи слоя земли на пространствѣ около 25 квадратныхъ сажень. Въ этой же мѣстности при такихъ же работахъ обнаруженъ какъ бы помостъ изъ каменныхъ плитъ небольшихъ размѣровъ; находимы были и кости. Свѣдѣнія, доставленныя профессоромъ Штукенбергомъ, вызвали очень продолжительныя и оживленныя разсужденія о слѣдахъ бронзоваго или мѣднаго вѣка въ Казанской губерніи вообще. Въ концѣ преній постановлено произвести весной будущаго года правильныя и тщательныя изысканія въ указанномъ пунктѣ, которыя поручены профессору А. А. Штукенбергу, для чего предоставлено въ его распоряженіе 100 рублей. Профессоръ И. Н. Смирновъ сообщилъ о своей поѣздкѣ въ деревню Старый Урмагъ, находящуюся въ окрестностяхъ Старой Казани. Изъ словъ профессора Смирнова выяснилось, что свѣдѣнія о находкахъ около названнаго селенія, помѣщенныя весной нынѣшняго года въ одной изъ мѣстныхъ газетъ, сильно преувеличены. Профессоръ Смирновъ передалъ въ общество коллекцію предметовъ, приобретенныхъ имъ во время экскурсіи. Коллекція И. Н. Смирнова была пополнена во время засѣданія вещами, вывезенными изъ этой же деревни В. Л. Борисовымъ; среди послѣднихъ наибольшаго вниманія заслуживаетъ хорошо сохранившаяся сѣребряная монета, чеканенная въ Болгарѣ съ именемъ хана Менгу (XIII вѣка). Монета эта будетъ издана въ трудахъ общества. Послѣдній рефератъ принадлежалъ священнику Т. С. Семенову, давшему интересныя замѣчанія о черемисскихъ мольбищахъ деревни Куприанъ-Сола, Вятской губерніи. Общество опредѣлило чествовать столѣтіе со дня рожденія М. П. Погодина особымъ, посвященнымъ исключительно этому событію засѣданіемъ 11 ноября, на которомъ будетъ произнесена рѣчь профессоромъ Д. А. Корсаковымъ.

Общество любителей россійской словесности. I. 1-го октября, въ библиотечной залѣ Московскаго университета подъ предсѣдательствомъ профессора Н. И. Стороженко состоялось засѣданіе общества любителей россійской словесности, посвященное памяти бывшихъ членовъ общества: поэта графа А. К. Толстого, по случаю исполнившагося 25-тилѣтія со дня его смерти, и собирателя народныхъ пѣсенъ П. В. Шейна, по поводу его недавней кончины. Дѣйствительный членъ общества, князь Д. Н. Цертелевъ, прочиталъ докладъ: «Графъ А. К. Толстой въ его стихотвореніяхъ». Отмѣчая нѣкоторую двойственность во взглядахъ поэта, отъ которой не были свободны нѣкоторые изъ величайшихъ даже мыслителей и наши лучшіе поэты Пушкинъ и Лермонтовъ, докладчикъ объяснял ее разладомъ между внутреннимъ міромъ поэта и внѣшней дѣйствительностью, признавая, что Толстой всегда, однако, оставался цѣльнымъ въ своихъ произведеніяхъ, изъ которыхъ каждое можетъ имѣть біогра-

фическое значеніе, такъ какъ отражаетъ въ себѣ духовную жизнь поэта. Съ ранней юности въ жизни Толстого происходитъ разладъ между тѣмъ, къ чему онъ стремится, и чего желаютъ его родные. Почти всѣ молодые годы его проходятъ въ борьбѣ за право отдаться своему призванію. Строгіе судьи скажутъ, что Толстой могъ бы пренебречь семейными и общественными цѣлями и отдаться своему призванію, но не въ его характерѣ была непреклонная и суровая энергія. Мотивы его поэзіи разнообразны, но связаны общей глубокой идеей. Любовь въ его произведеніяхъ или имѣетъ характеръ мірового общечеловѣческаго чувства, или, если она касается личности, лишена всякой чувственности, отличается благородствомъ и свойствами глубокой привязанности. Толстой отличался широкимъ образованіемъ и былъ самобытнымъ поэтомъ, свободнымъ отъ какихъ либо подражаній, въ чемъ такъ ошибочно упрекала его иногда критика. Въ его произведеніяхъ не только нѣтъ какой либо тенденціозности, но онъ былъ принципиальнымъ врагомъ всякой тенденціозности. Поэзія являлась для него высшей непреодолимой силой, беззавѣтно увлекавшей его. Борьба противъ случайныхъ общественныхъ теченій была его потребностью. Онъ не былъ равнодушенъ къ современнымъ вопросамъ, и главныя теченія общественной мысли находили отголосокъ въ его произведеніяхъ; но его нельзя назвать сторонникомъ какой либо литературной партіи: онъ не былъ по своимъ взглядамъ ни западникомъ, ни славянофиломъ, ни консерваторомъ, ни либераломъ. Его произведенія, въ которыхъ онъ касается гражданскихъ мотивовъ, проникнуты глубокой любовью къ свободѣ. Этимъ объясняется его отвращеніе къ московскому періоду русской жизни, къ Ивану Грозному, симпатія къ кievскому періоду («Потокъ-Богатырь» и «Змѣй-Тугаринъ»), а также отвращеніе ко всему, что носитъ на себѣ печать рабства, и деспотизмъ общественнаго мнѣнія для него такъ же ненавистенъ, какъ и тиранія отдѣльнаго челоуѣка. Въ дѣйствительной жизни свобода и правда являются далеко еще не осуществимыми, только истинный художникъ можетъ возвыситься надъ случайностью явленій и указать вѣчные идеалы. Вотъ почему произведенія такого художника не умираютъ, и послѣ смерти, черезъ четверть вѣка, его начинаютъ лучше понимать и правильнѣе оцѣнивать. Свои взгляды докладчикъ иллюстрировалъ выдержками изъ произведеній А. К. Толстого.—Дѣйствительный членъ общества А. Е. Грузинскій прочелъ рефератъ «Памяти П. В. Шейна». Полтора мѣсяца тому назадъ скончался П. В. Шейнъ, извѣстный этнографъ, занимавшійся 40 лѣтъ изученіемъ народной жизни и собравшій массу матеріала—до 2½ тысячъ великорусскихъ пѣсень,—3½ тысячи бѣлорусскихъ и до 5-ти тысячъ народныхъ пословицъ, поговорокъ и пр. Къ сожалѣнію, покойный не успѣлъ издать всего, что имъ собрано. Изслѣдованія Шейна отличаются строгой добросовѣстностью, и ни одна записанная имъ пѣсня не вызываетъ сомнѣнія въ подлинности. Шейнъ не былъ безсознательнымъ собирателемъ матеріала; въ его работахъ вездѣ видна продуманность, знакомство съ этнографической наукой и широкое пониманіе ея задачъ. Постоянно путешествуя по Россіи, онъ вездѣ заводилъ знакомства, возбуждалъ интересъ къ своему дѣлу, искалъ работниковъ, составлялъ для нихъ программы изслѣдованія. Записавъ пѣсню съ пересказа, онъ провѣрялъ ее съ пѣніемъ и часто въ соотвѣтствующей

ея содержанію обстановкѣ. Не имѣя средствъ, Шейнъ испытывалъ непреодолимыя трудности для изданія своихъ работъ. Изданіе бѣлорусскихъ пѣсенъ явилось черезъ 15 лѣтъ послѣ того, какъ онѣ были собраны и готовы къ печати, а великорусскихъ пѣсенъ— окончилось черезъ 28 лѣтъ послѣ его перваго начала. Только въ послѣдніе годы академія наукъ взялась за изданіе его работъ, но его смерть на 74-мъ году помѣшала окончить это изданіе. П. В. Шейнъ похороненъ въ Ригѣ. II. На засѣданіи 27-го октября общество избрало въ почетные члены П. Д. Боборыкина и постановило послать поздравительныя телеграммы на предстоящія чествованія Генриха Сенкевича и Н. К. Михайловскаго. Рѣшено устроить засѣданіе въ память М. П. Погодина по случаю исполняющагося столѣтія со дня его рожденія; засѣданіе назначено на 12-е ноября, и въ немъ примутъ участіе: А. И. Кирпичниковъ, Н. А. Чаевъ и В. Е. Якушкинъ. Н. А. Чаевъ прочтетъ свои личныя воспоминанія о Погодинѣ. Въ виду того, что въ началѣ 1902 года исполнится пятидесятилѣтіе со дня кончины Гоголя и Жуковскаго, общество рѣшило теперь же образовать особую комиссію для разработки и подготовки предстоящаго чествованія знаменитыхъ писателей. Во вчерашнемъ засѣданіи комиссія эта была избрана, и въ нее вошли: предсѣдатель общества Н. И. Стороженко, временный предсѣдатель А. Н. Веселовскій, почетный членъ общества П. А. Ефремовъ и дѣйствительные члены: А. Е. Грузинскій, В. В. Каллашъ, А. Е. Носъ, В. И. Шенрокъ и В. Е. Якушкинъ.

Русское библиографическое общество. 4-го октября состоялось торжественное собраніе Русскаго библиографическаго общества при Московскомъ университетѣ по случаю исполняющейся десятилѣтней годовщины со времени основанія московскаго библиографическаго кружка, изъ котораго преобразовано общество. Собраніе было открыто, за болѣзнь предсѣдателя, Д. Д. Языковымъ, который обратился къ членамъ съ привѣтственнымъ словомъ, указавъ, что на истекшее десятилѣтіе библиографическаго кружка слѣдуетъ смотрѣть, какъ на первый опытъ, и выразивъ пожеланіе, чтобы во второе десятилѣтіе бодро развивалась дѣятельность библиографическаго общества при дружной работѣ членовъ и подѣ сънію Московскаго университета. Затѣмъ А. Д. Тороповъ прочиталъ краткій очеркъ дѣятельности библиографическаго кружка. Между прочимъ изъ этого очерка выяснилось, что кружку удалось за время своего существованія собрать специальную бібліотеку, насчитывающую болѣз 5.000 названій книгъ, между которыми имѣется много рѣдкихъ и цѣнныхъ изданій. По выслушаніи очерка, секретарь общества А. А. Шевелевъ прочиталъ присланное А. Шуваловымъ привѣтственное стихотвореніе обществу. А. Д. Тороповымъ было прочитано сообщеніе подѣ заглавіемъ «Недѣля о Гуттенбергѣ». Референтъ въ качествѣ делегата русскаго библиографическаго общества присутствовалъ на майнцкихъ торжествахъ въ честь Гуттенберга по случаю 500-лѣтія со дня его рожденія. Г. Тороповъ въ живомъ изложеніи ознакомилъ собраніе со всѣми празднествами, которыя оставили въ немъ неизгладимое впечатлѣніе. А. Д. Торопову удалось собрать до 300 предметовъ, относящихся къ чествованію Гуттенберга. Всѣ эти вещи были выставлены въ залѣ засѣданія для обозрѣнія публики и возбудили большой интересъ. Въ коллекцію собраны: журналы,

рисунки, разнообразныя вещицы съ изображеніемъ Гуттенберга, всевозможныя пригласительныя билеты, плакаты о торжествахъ, программы празднествъ, жетоны, бюсты и пр. Библиографическое общество недавно избрало въ свои почетныя члены директора Императорской Публичной бібліотеки Н. К. Шильдера.

Русское библиологическое общество. 14 октября въ помѣщеніи археологическаго института состоялось 10-е очередное общее собраніе Русскаго библиологическаго общества, на которомъ было прочитано три реферата. Первый докладъ былъ сдѣланъ А. С. Раевскимъ о происходившихъ лѣтомъ въ Парижѣ конгрессахъ бібліографовъ и бібліотекарей, на которые докладчикъ былъ командированъ въ качествѣ представителя общества. По словамъ г. Раевского, сколько нибудь важныхъ практическихъ результатовъ ни тотъ, ни другой конгрессъ не далъ. Библіографы раздѣлились на двѣ партіи — англійско-нѣмецкую, не признающую десятичной системы составленія каталоговъ, и бельгійско-французскую, только эту систему допускающую. Никакихъ постановленій поэтому не было сдѣлано, дабы не обострять отношеній. Польза конгрессовъ выразилась лишь въ ознакомленіи бібліографовъ другъ съ другомъ и въ обмѣнѣ всякаго рода сообщеніями. Серіознѣе всѣхъ отнеслись къ конгрессу американцы, представившіе въ фотографіяхъ свои бібліотеки, которыя, по словамъ г. Раевского, устроены у нихъ образцово. Русскихъ было на конгрессѣ только двое, и наша Императорская бібліотека совершенно не была представлена, о чемъ высказывалось сожалѣніе. Въ заключеніе г. Раевскій описалъ богатую частную бібліотеку принца Наполеона и бібліотеку въ Шантильи, которыя обозрѣвали члены конгрессовъ.

Затѣмъ Г. А. Ильинскій прочелъ рефератъ, въ которомъ доказывалъ, какое громадное значеніе имѣли бы для бібліографіи «авторефераты». По его мнѣнію, было бы чрезвычайно важно, еслибы авторы сами присылали обществу краткое изложеніе фактической стороны своихъ трудовъ, добросовѣстно отмѣчая, что въ нихъ новаго, своего. А. Браудо указалъ, что такого рода авторефераты давно уже приняты въ Германіи. Собраніе согласилось съ докладчикомъ, что для библиологическаго общества, предполагающаго издавать свой журналъ, авторефераты были бы весьма полезны.

Третій докладъ Б. М. Городецкаго былъ посвященъ характеристикѣ «бібліографовъ-провинціаловъ». Поставивъ во главѣ провинціальныхъ бібліографовъ владимирскаго врача А. В. Смирнова, г. Городецкій ознакомилъ собраніе съ его біографіей и подробно разобралъ его цѣнныя труды по бібліографіи, изъ которыхъ прочелъ нѣсколько отрывковъ. Затѣмъ докладчикъ говорилъ о полезной дѣятельности г. Бѣгичева, издающаго въ Тифлисѣ бібліографическій журналъ «Кавказскій Книжный Вѣстникъ». Въ вышедшихъ до сихъ поръ номерахъ этого журнала помѣщены довольно интересныя статьи и бібліографическіе указатели, имѣющіе несомнѣнное значеніе, такъ какъ существующія изданія по бібліографіи Кавказа (Міансарова, Дубровина и др.) уже устарѣли. Затѣмъ г. Городецкій охарактеризовалъ работы г. Дилакторскаго, Романова и др. п., закончивъ критическую часть реферата, высказалъ пожеланіе, чтобы библиологическое общество, не дожидаясь открытія въ провинціальныхъ городахъ филиальныхъ отдѣленій, дозволенныхъ уставомъ общества, завязало

теперь болѣе тѣсныя сношенія съ провинціальными труженниками и открыло бы особый провинціальнѣй отдѣлъ.

Въ концѣ засѣданія единогласно избраны: въ почетные члены общества Н. К. Шильдеръ и А. А. Шахматовъ; въ дѣйствительные: Н. Н. Дебольскій, Г. З. Кунцевичъ и Н. Г. Мартыновъ.

Русское общество дѣятелей печатнаго дѣла. 18-го октября въ императорскомъ русскомъ техническомъ обществѣ состоялось, подъ предсѣдательствомъ вице-президента академіи художествъ, графа И. И. Толстого, годовое общее собраніе членовъ общества. Открывая собраніе, графъ И. И. Толстой поблагодарилъ членовъ за честь избранія его предсѣдателемъ общества и между прочимъ высказалъ, что, уважая печатное слово, онъ всегда будетъ вѣрнымъ слугою и представителемъ печатнаго дѣла. Секретарь А. Н. Кремлевъ доложилъ общему собранію, что государь императоръ всемилостивѣйше соизволилъ на принятіе его императорскимъ высочествомъ великимъ княземъ Константиномъ Константиновичемъ русскаго общества дѣятелей печатнаго дѣла подъ свое августѣйшее покровительство. Академикъ М. Я. Вилліе прочиталъ докладъ о дѣятельности статистико-библіографической комиссіи при обществѣ. Благодаря дружной и энергичной работѣ членовъ ея и лицъ, сочувствующихъ этому новому въ Россіи дѣлу, въ скоромъ времени будетъ напечатанъ 1-й выпускъ трудовъ комиссіи: «Систематическая роспись книгамъ, вышедшимъ въ Россіи на русскомъ и иныхъ языкахъ за 1899 г.», съ алфавитными указателями авторовъ и предметовъ, составленный В. В. Сабанинымъ. Выпуски будутъ выходить по истеченіи 6 мѣсяцевъ. Особенную же услугу при собираніи бібліографическаго матеріала оказали академія наукъ, книжные магазины «Новаго Времени», Риккера, Тузова и Мартынова, пожертвовавшаго комиссіи 2.000 экземпляровъ разныхъ каталоговъ. Комиссіи открытъ кредитъ въ размѣръ 1.800 рублей. Согласно предположенію ревизіонной комиссіи, постановлено уплату членскихъ взносовъ производить не только одновременно, но и по третямъ года, т. е. по 5 рублей въ 4 мѣсяца. Инструкціи казначею и ревизіонной комиссіи были утверждены почти безъ возраженій, тогда какъ обсужденіе вопроса о нормальной инструкціи отдѣленіямъ общества очень затянулось. Въ концѣ концовъ рѣшено выработать эту инструкцію внослѣдствіи на основаніи опыта, принимая при этомъ во вниманіе главнымъ образомъ мѣстные условія. Общее собраніе поручило совѣту общества разработать вопросъ объ изданіи періодическихъ бюллетеней о дѣятельности совѣта и вообще всего, что касается общества, включая въ нихъ и нѣкоторыя свѣдѣнія изъ области печатнаго дѣла. Въ члены-сотрудники общества единогласно избранъ извѣстный собиратель древностей въ Средней Азій и на Кавказѣ баронъ де-Бай. Закрытой баллотировкой въ члены выбраны: А. С. Буладзи, А. Я. Канторовичъ, Н. С. Петлинь, В. Т. Севастьяновъ, С. Н. Цеховъ, С. А. Брильянтовъ, И. Д. Галактіоновъ.

Къ XII-му археологическому съѣзду. 10-го октября состоялось засѣданіе предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ. Оно было специально посвящено докладамъ лицъ, совершившихъ по порученію комитета раскопки и различнаго рода археологическія экскурсіи. Въ началѣ засѣданія проф. Д. И. Багалъій сказалъ рѣчь, посвященную памяти не-

давно скончавшагося проф. Харьковскаго университета, члена комитета Ю. И. Морозова. «Признательная память о немъ, по словамъ Д. И. Багалѣя, должна сохраниться въ томъ учрежденіи, которое подготавливаетъ археологическій съѣздъ въ Харьковѣ, потому что онъ немало потрудился на пользу археологій Харьковскаго края; можно сказать, что онъ былъ нашимъ предшественникомъ и долгое время единственнымъ представителемъ Харькова и Харьковскаго университета въ русской археологической наукѣ и на археологическихъ съѣздахъ». Ю. И. Морозовъ явился собирателемъ вещественныхъ памятниковъ южно-русской старины; долгіе годы онъ былъ единственнымъ человекомъ въ Харьковѣ, который интересовался ими съ научной точки зрѣнія; собиралъ ихъ и затѣмъ одну часть самъ передалъ въ географическій кабинетъ университета, а другая передается предварительному комитету его вдовой — Натальей Леонтьевой. Изъ научныхъ археологическихъ трудовъ покойнаго выдающійся — о городищахъ Харьковской губерніи («Харьк. Вѣд.», 1881, № 43, 45). Здѣсь онъ касается вопроса о происхожденіи городищъ и городковъ, какъ его трактовали въ русской исторической литературѣ, дѣлаетъ перечень харьковскихъ городищъ на основаніи труда преосвященнаго Филарета, при чемъ пополняетъ этотъ списокъ Сѣверскимъ городищемъ и даетъ болѣе подробное описаніе двухъ ближайшихъ къ Харькову — Хорошевскаго и Донецкаго, на основаніи личнаго осмотра и измѣренія. Проф. Д. И. Багалѣй познакомилъ съ результатами своихъ поѣздокъ въ Екатеринодаръ и Новочеркасскъ для организаціи въ нихъ мѣстныхъ отдѣленій предварительнаго комитета по устройству археологическаго съѣзда въ Харьковѣ. Проф. М. Г. Халанскій доложилъ о результатахъ своей научной поѣздки въ Курскую губ. М. Г. Халанскій посѣтилъ г. Путивль и тѣ села Путивльскаго уѣзда, въ которыхъ живутъ крестьяне, называемые гостями; затѣмъ нѣкоторые села Курскаго уѣзда, съ цѣлью изученія такъ называемыхъ саяповъ. Въ Щигровскомъ уѣздѣ посѣщено село Красная Поляна — съ цѣлью изученія преданій о битвѣ русскихъ съ татарами на красно-полянскои равнинѣ и памятниковъ этой битвы. Въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ прослѣжена бѣлгородская черта укрѣпленій и осмотрѣны древности села Болховца, прежде города Болховца. Въ г. Путивль вниманіе проф. Халанскаго привлекъ такъ называемый «городокъ», кремль стараго Путивля. Здѣсь осмотрѣнъ имъ надгробный камень съ именемъ князя Висилія и возвышеніе изъ мусора, прикрывающее собою основаніе стариннаго храма. Собраны свѣдѣнія отъ старожилковъ о находкахъ на городкѣ. Изъ храмовъ г. Путивля, осмотрѣнныхъ г. Халанскимъ, особенно много предметовъ хранитъ Молгенскій монастырь. Въ немъ имѣются пожертвованія русскихъ царей и царицъ. Любопытны также памятники эпохи самозванца: тронъ самозванца, икона Жировицкой Божьей Матери и др. Осмотрѣны также древности Преображенскаго собора XV—XVI вв. и церковей Николаевской и Воскресенской XVII в. Самой замѣчательной сокровищницей города Путивля является библіотека изъ старо-печатныхъ изданій, находящаяся при ремесленномъ училищѣ имени Маклакова. Здѣсь собраны первопечатныя изданія московскія и львовскія, затѣмъ многія книги, изданныя въ Краковѣ, Вильнѣ, Львовѣ, Кіевѣ, Новгородѣ-Сѣверскѣ и др. Изученіе преданій села Красной Поляны, связанныхъ съ такъ называемымъ «го-

лубцомъ», поставленнымъ недалеко отъ Муравской дорачи, привело профессора Халанскаго къ выводу, что здѣсь была дѣйствительно битва русскихъ съ татарами, но не въ древнее время, а въ XVII вѣкѣ. Объ этомъ сраженіи, окончившемся побѣдой курскаго воеводы и отнятіемъ полона, набраннаго татарами подъ Ливнами, Ельцомъ и другими городами, есть извѣстіе въ мѣстныхъ курскихъ лѣтописяхъ. Въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ профессоръ Халанскій имѣлъ въ виду выяснить направленіе старой бѣлгородской черты укрѣпленій. Ему удалось достать матеріалъ для полнаго отвѣта на вопросъ, поставленный г. Пловайскимъ; бѣлгородская, называемая здѣсь «татарской», граница направлялась въ одну сторону отъ Бѣлгорода—на Болховець, Кульбаки, Карповъ, Гутово, Ракитное и Суджу, а въ другую сторону на Старый Геродъ, Игуменку-Нежиголь или Нежигольскъ, Бекарюково, Сурково, Новый Осколь. Изъ старинныхъ поселеній на бѣлгородской чертѣ укрѣпленій профессоръ Халанскій посѣтилъ село, прежде городъ, Болховець и осмотрѣлъ церковныя и книжныя памятники древности, находящіеся въ церквахъ Болховца. Изслѣдованіе говоровъ Курской губерніи привело проф. Халанскаго къ установленію слѣдующихъ группъ: а) великорусскіе и в) малорусскіе. Великорусскіе говоры распадаются на двѣ большія группы: а) «егуны» и в) «евуны». Въ группѣ «евуновъ» наблюдаются еще два или три частныя подраздѣленія. «Егуны», т.-е. употребляющіе форму «его» или «яго» вмѣсто «ево», а вмѣстѣ съ тѣмъ и оканчивающіе имена прилагательныя на «аго» въ родительномъ падежѣ единственнаго числа, повидимому, въ старину принадлежали къ Литовско-русскому государству; «евуны» относились къ Московскому государству. Такимъ образомъ въ раздѣленіи старинныхъ русскихъ областей на московскія и литовско-русскія, повидимому, этнографическія и діалектическія различія играли извѣстную роль. Прочитавъ былъ отчетъ г-жи Е. П. Мельникъ, которая по порученію комитета производила раскопки въ Купянскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи въ теченіе іюля. Ею раскопано 11 кургановъ въ четырехъ могильникахъ, расположенныхъ у г. Купянска и деревни Воронцовки. Всѣ изслѣдованные курганы, по мнѣнію г-жи Мельникъ, относятся къ концу каменнаго вѣка, только одинъ заключалъ погребеніе варварскаго характера. Е. П. Трифилевъ, участвовавшій вмѣстѣ съ г-жей Мельникъ въ указанныхъ раскопкахъ, сообщилъ подробныя свѣдѣнія о процессѣ раскопокъ и о предметахъ, найденныхъ при этомъ. Н. А. Федоровскій представилъ въ своемъ докладѣ отчетъ о произведенномъ имъ изслѣдованіи въ археологическомъ отношеніи мѣстности около Райгородки, Изюмскаго уѣзда. Обслѣдованіе этой мѣстности показываетъ, что она въ смыслѣ существованія городищъ въ настоящее время не представляетъ интереса и въ этомъ отношеніи почти не даетъ археологическаго матеріала. Но подпочвенныя пески окрестностей Райгородки заключаютъ нѣкоторый археологическій матеріалъ, свидѣтельствующій намъ о жизни здѣсь доисторическаго человѣка каменнаго вѣка или, вѣрнѣе, переходной эпохи. Райгородка стоитъ, однако, въ этомъ отношеніи не единственной. Судя по нѣкоторымъ указаніямъ и литературнымъ даннымъ, и въ другихъ пунктахъ Изюмскаго, Старобѣльскаго и Купянскаго уѣздовъ по Донцу и его притокамъ находятъ признаки стоянки каменнаго вѣка въ видѣ оббитыхъ кремней и гли-

няныхъ черепковъ. А. М. Покровскій доложилъ о результатахъ раскопокъ своихъ въ селѣ Прелестномъ Изюмскаго уѣзда. Референтомъ раскопано было четыре кургана; первые три кургана дали вещи совершенно аналогичныя: грубую глиняную посуду, сдѣланную безъ круга, покрытую узорами, кремневые осколки и кремневые орудія. Въ третьемъ курганѣ было два слоя погребенія. Всѣ три кургана докладчикъ относитъ къ каменному періоду. Четвертый курганъ, по его мнѣнію, принадлежитъ къ другому типу погребеній, но онъ нарушенъ былъ кѣмъ-то уже: всѣ кости въ полномъ безпорядкѣ. Проф. Л. Ю. Шепелевичъ познакомилъ съ результатами своихъ раскопокъ въ окрестностяхъ г. Невеля, Витебской губ. Имъ раскопано 55 кургановъ, давшихъ довольно большое количество памятниковъ, весьма важныхъ для изученія культуры древнѣйшихъ поселенцевъ этого края. Результаты этихъ раскопокъ тѣмъ цѣннѣе, что Невельскій уѣздъ почти не подвергался археологическому изслѣдованію. Кромѣ кургановъ, проф. Шепелевичемъ изслѣдовано нѣсколько городищъ, и добыто нѣсколько цѣнныхъ вещей: кольцо бронзовое, серебряныя височныя украшенія, образокъ и др. Всѣми докладчиками демонстрированы были добытыя, наиболѣе интересныя вещи. По предложенію г. председателя, отъ лица комитета была выражена имъ глубокая благодарность за труды и дано порученіе будущимъ лѣтомъ продолжать свои раскопки и изслѣдованія въ тѣхъ же мѣстахъ, въ которыхъ производились настоящимъ лѣтомъ.

Географическое общество. I. 11-го октября въ общемъ собраніи секретаремъ г. Григорьевымъ былъ прочтенъ журналъ комиссіи по обревизованію отчета общества за 1899 годъ. Комиссія, констатировавъ обширную, плодотворную и весьма расширившуюся дѣятельность географическаго общества за послѣдній годъ, высказала нѣкоторыя пожеланія, какъ, на примѣръ, разрѣшенія вопросовъ организациі экспедицій совѣтомъ при участіи отдѣловъ и возможно большаго количества членовъ, скорѣйшаго изданія матеріаловъ по путешествію Громбчевскаго къ границѣ Индіи, составленія полной описи инвентаря инструментовъ, принадлежащихъ обществу, и друг. Совѣтъ, принявъ къ свѣдѣнію сдѣланныя указанія, выразилъ комиссіи благодарность. Затѣмъ сообщены были нѣкоторыя свѣдѣнія объ экспедиціяхъ Шмидта на Дальній Востокъ и Козлова въ Центральную Азію. Отъ Шмидта получена изъ Владивостока телеграмма, посланная 2-го сентября и пришедшая 30-го. Съ марта до мая экспедиція была занята изслѣдованіями въ заливѣ Петра Великаго, а затѣмъ направилась въ Корею. Отъ центрально-азиатской экспедиціи свѣдѣнія относятся къ половинѣ марта изъ Тэнтанъ-сы, откуда Козловъ предполагалъ идти на верховья Хуанъ-хэ, извилины Желтой рѣки. Относительно участи экспедиціи можно болѣе или менѣе быть спокойнымъ, ибо во время смутъ она находилась въ самыхъ глухихъ мѣстахъ Монголіи среди населенія, расположеніе котораго наши путешественники сумѣли приобрѣсти. Въ своемъ частномъ письмѣ секретарю общества Козловъ сообщаетъ о подаркѣ, сдѣланномъ имъ гегену кумирни Чейбсенъ, оказавшему въ 1893 г. на Юмдуси большія услуги экспедиціи Роборовскаго. Подарокъ, состоящій изъ 8-ми серебряныхъ эмальированныхъ предметовъ, произвелъ прекрасное впечатлѣніе и выставленъ на главномъ алтарѣ кумирни. Что касается экспедиціи Заруднаго въ Восточную

Персію, то она успѣла уже дать много важныхъ и интересныхъ результатовъ. Въ этомъ же засѣданіи П. В. Палибинъ сдѣлалъ сообщеніе о путешествіи своемъ лѣтомъ 1899 г. изъ Урги черезъ Далай-Нуръ въ Калганъ. П. В. Палибинъ совершилъ свое путешествіе совместно съ экспедиціей доктора Дамаскина, снаряженной въ цѣляхъ ознакомленія съ положеніемъ чумной эпидеміи. Путь, сдѣланный докладчикомъ съ весны по ноябрь мѣсяць, представляетъ изъ себя пространство въ три тысячи верстъ, при чемъ нанесена подробная карта, произведены метеорологическія наблюденія — атмосферическіе осадки, изслѣдованія направленія вѣтровъ, облачности, совершена инвентаризация пути, собраны богатая коллекція: ботаническая, зоологическая и геологическая, произведено до 600 фотографическихъ снимковъ. Экспедиція представляла собой большія трудности, ибо докладчикомъ избирались иногда дороги, совершенно не изслѣванные, какъ, напримѣръ, отъ Далай-Нура до Калгана. До Далай-Нура путь лежалъ по бассейну рѣки Керулюнь, мѣстности довольно однообразной, съ довольно высокими перевалами. Изъ нихъ болѣе или менѣе интересенъ переваль Бурулунъ-Даба, представляющій водораздѣлъ бассейновъ водъ, текущихъ на сѣверъ, и водъ, текущихъ къ Великому океану. По дорогѣ попадаются памятники-могилы, развалины древняго города Барсъ-Хато, построеннаго въ XIV вѣкѣ послѣднимъ государемъ монгольской династіи Тоговь-Тешуромъ, буддійскіе монастыри, иногда очень многолюдные, какъ около ставки Цэцэнъ-хана. Озеро Далай-Нуръ очень мало извѣстно. До половины 50-хъ годовъ думали, что оно даетъ начало р. Аргуни, слѣдовательно Амуру, но это неосновательно. Дно Далай-Нура постепенно отступаетъ, и въ настоящее время озеро лежитъ уже отъ стараго берега болѣе чѣмъ въ 30-ти верстахъ. На востокъ отъ Далай-Нура Ганчжуръ является мѣстомъ большой ярмарки, оборотъ которой считаютъ въ 1 миллионъ рублей. Торговля преимущественно мѣновая и находится почти исключительно въ рукахъ китайцевъ. За монгольско-китайской границей начинается болѣе оживленная и заселенная мѣстность. Повсюду разбросаны миссіонерскія католическія станціи, около одной изъ нихъ—бельгійской конгрегаціи—ютится нѣсколько тысячъ китайцевъ-католиковъ. 13-го октября состоялось засѣданіе по отдѣленію этнографіи. По докладѣ текущихъ дѣлъ предсѣдатель собранія проф. В. И. Ламанскій посвятилъ нѣсколько словъ скончавшемуся П. В. Шейну и предложилъ принять участіе съ Московскимъ обществомъ естествознанія въ сборѣ на его памятникъ. Предложеніе было принято. Затѣмъ было сдѣлано К. Ө. Жаковымъ сообщеніе о зырянахъ. Главную часть доклада заняло выясненіе вліянія природы на развитіе характера зырянъ, рѣзко различающихся въ своемъ обиходѣ и міровоззрѣніи, въ зависимости отъ рѣкъ и лѣсовъ. Рѣки выработали прямолинейность и узкость жизни; лѣса, наоборотъ, развивали поэзію, мужество, лѣсу зырянинъ обязанъ также своимъ мистицизмомъ. Постоянные недороды заставляли двигаться зырянъ въ лѣса, приучали къ кочевью; умъ и воображеніе ихъ питала только охота; земледѣліе не связано у нихъ ни съ религіей, ни съ поэзіей. Древняя культура зырянъ имѣетъ общее съ культурой западныхъ финновъ, что заставляеть предполагать, не были ли послѣдніе когда нибудь сосѣдями первыхъ. Жизнь крайне малочисленными поселками не дала возможности развиться у зырянъ

общественной жизни, зародиться самосознанію, что несомнѣнно способствовало быстрой, легкой побѣдѣ христіанства надъ язычествомъ. Вліяніе русскихъ на зырянъ, какъ сосѣдей, было огромно. Это вліяніе сказалось какъ въ матеріальной, такъ и духовно-религіозной сторонахъ жизни. Это вліяніе можно даже прослѣдить съ самыхъ древнихъ временъ еще въ языческихъ обрядахъ. Зырянинъ передъ русскимъ благоговѣтъ и во всемъ ему удивляется. Въ настоящее время характерность и поэзію зырянъ уничтожаетъ промышленность, ничего не давая на ихъ мѣсто. Этотъ маленькій народъ въ дикомъ своемъ состояніи былъ народомъ экспансивнымъ, впечатлительнымъ. Русская администрація соединила зырянъ въ сельскія общины, но не дала все-таки общности жизни. Ихъ широкое движеніе въ Сибирь является безрезультатнымъ; въ большинствѣ случаевъ, возвращаясь назадъ, они начинаютъ бѣдствовать.

Общество любителей естествознанія, антропологии и этнографіи.

1. 15-го октября въ 8 часовъ вечера, въ большой залѣ политехническаго музея состоялось годовое засѣданіе императорскаго общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи. Секретарь общества Г. А. Кожевниковъ прочиталъ отчетъ о дѣятельности общества за 37-й годъ его существованія. Изъ числа почетныхъ членовъ общество въ отчетномъ году потеряло извѣстнаго зоолога Альфонса Мильнъ-Эдвардса, вице-президента императорской академіи наукъ Л. Н. Майкова, извѣстнаго дѣятеля въ области географіи и геодезіи А. А. Тилло. Изъ числа непремѣнныхъ членовъ общество понесло тяжелую утрату въ лицѣ Н. Н. Харузина, П. В. Шейна и В. Г. фонъ-Бооля. Кромѣ того, скончались шесть дѣйствительныхъ членовъ общества и два члена-сотрудника. Въ отчетномъ году общество имѣло 10 засѣданій, въ которыхъ было прочитано 23 доклада. При обществѣ во 2-й половинѣ отчетнаго года основано новое, 9-е по счету, отдѣленіе по бактериологіи. Въ истекшемъ году поставленъ памятникъ на могилѣ покойнаго основателя общества А. П. Богданова въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Президентъ Д. Н. Анучинъ внесъ въ кассу общества 1.000 р. въ качествѣ неприкосновеннаго капитала на слѣдующихъ условіяхъ. Получаемыя процентныя деньги должны прикладываться къ капиталу до тѣхъ поръ, пока онъ не увеличится до 2¹/₂ тысячъ. Начиная съ этого времени общество получаетъ въ свое распоряженіе ежегодно 50 рублей, а остальные процентныя деньги прикладываются къ капиталу до тѣхъ поръ, пока онъ не увеличится до 5.000 рублей; тогда въ распоряженіе общества поступаетъ 100 рублей, а остальные процентныя деньги присоединяются къ капиталу, и въ послѣдствіи производится такъ же, то-есть съ увеличеніемъ капитала на 2¹/₂ тыс. количество поступающихъ въ распоряженіе общества денегъ увеличивается на 50 рублей. Г. Анучинъ оставляетъ за собой право посылить содѣйствовать скорѣйшему возрастанію означеннаго капитала до 2.500 рублей. Имѣющія поступить въ распоряженіе общества средства употребляются для содѣйствія научнымъ изслѣдованіямъ преимущественно молодыхъ ученыхъ, недавно окончившихъ курсъ въ Московскомъ университетѣ или даже состоящихъ еще студентами этого университета. Общество постановило въ знакъ благодарности за это пожертвованіе назвать капиталъ «капиталомъ имени Д. Н. Анучина». Антропологическій отдѣлъ въ отчетномъ году приступилъ къ изданію

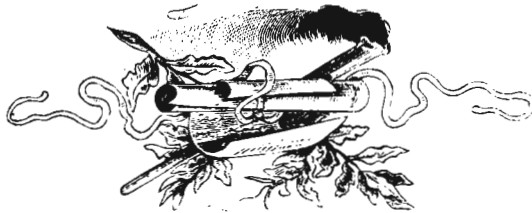
«Русскаго Антропологическаго Журнала», связавъ это изданіе съ именемъ предсѣдателя проф. Д. Н. Анучина. Средства на изданіе собраны по подпискѣ между членами отдѣла и общества, давшей около 2½ тыс. рублей, въ томъ числѣ отъ П. А. Павлова поступило 1.000 р. Въ числѣ изданій этнографическаго отдѣла продолжало выходить «Этнографическое Обзорѣніе», а также вышелъ XIV томъ «Трудовъ этнографическаго отдѣла», содержащій юбилейный сборникъ въ честь В. Ө. Миллера подъ редакціей Н. А. Янчука. Печатается отдѣльнымъ изданіемъ сборникъ «Бѣломорскія былины» и готовится къ печати «Сборникъ историческихъ народныхъ пѣсенъ». Зоологическое отдѣленіе общества, по предложенію туркестанскаго отдѣленія Императорскаго русскаго географическаго общества, приняло дѣятельное участіе въ организаціи совмѣстной экспедиціи для изслѣдованія Аральскаго моря, при чемъ всѣ собранныя коллекціи обѣщаны въ собственность Московскаго университета. Отдѣленіемъ получено отъ В. Д. Лешкина пожертвованіе въ 2½ тысячи рублей со специальной цѣлью организаціи зоологической экспедиціи. Отдѣленіемъ изданы въ отчетномъ году 1-й выпускъ III-го тома «Дневника зоологическаго отдѣленія», составленный проф. Н. М. Кулагинимъ («Отчетъ о русской зоологической литературѣ», вып. IV, и изслѣдованіе Кожевникова «Матеріалы по естественной исторіи пчелы», составившее 99-й томъ «Извѣстій» общества. Географическимъ отдѣленіемъ изданы: IV книжка «Землеводѣнія» за 1899 годъ и I книжка за 1900 годъ; II и III книжка за 1900 годъ оканчиваются печатаніемъ. Топографо-геодезическая коммисія издала XI и XII выпуски своихъ трудовъ. Въ отчетномъ году общество, его отдѣлы, отдѣленія и коммисіи имѣли всего 67 засѣданій, въ томъ числѣ 19 публичныхъ и 48 закрытыхъ, на которыхъ сдѣлано всего 200 сообщеній. Музей прикладныхъ знаній посѣтили въ теченіе года 148.250 человекъ. Кромѣ обычнаго объясненія коллекцій, музеемъ были устроены вечернія лекціи популярнаго характера. Всего было 130 лекцій съ 10.574 слушателями; кромѣ того, аудиторіи музея предоставлялись для различныхъ курсовъ и для засѣданій болѣе чѣмъ 20-ти ученымъ обществамъ и учрежденіямъ, имѣвшимъ 383 засѣданія съ числомъ посѣтителей въ 10.273 человекъ. Нѣкоторые члены общества совершали въ отчетномъ году поѣздки съ цѣлью научныхъ изслѣдованій. Л. С. Бергъ производилъ въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ всестороннее обследованіе Аральскаго моря. Наибольшая глубина этого моря оказалась 62,5 метра, что представляетъ ничтожную величину, принимая во вниманіе, что площадь моря приблизительно 70 тысячъ кв. километровъ. На этой глубинѣ была найдена чрезвычайно низкая температура, именно +1° С. Прозрачность воды оказалась замѣчательно высокой: такъ, при глубинѣ 23,5 метра она была въ одномъ мѣстѣ 20,5 метра, тогда какъ въ Женевскомъ озерѣ, славящемся своею прозрачностью, при глубинѣ въ 309 метровъ въ то же время года прозрачность опредѣлена всего въ 5,6 метра. Нивелировка произведена топографомъ К. А. Молчановымъ, которымъ также сдѣлана инструментальная съемка устьевъ Сыръ-Дарьи. Собраны обширныя зоологическія коллекціи, гербарій въ 250 видовъ, около 2.000 ископаемыхъ и 280 образцовъ горныхъ породъ, сняты фотографіи, производились ежедневныя метеорологическія наблюденія и, наконецъ, собраны данныя по дѣлу переселенцевъ-старообрядцевъ.

Работать Бергу приходилось при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ въ совершенно безлюдныхъ мѣстностяхъ и съ опасностью для жизни.—А. Д. Григорьевъ два мѣсяца провелъ на сѣверѣ, объѣхавъ побережья р. Пинегы отъ устья до верховьевъ ея. Имъ собрано 167 былинъ и историческихъ пѣсенъ, 24 духовныхъ стиха и пр. Б. М. Житковъ и С. А. Бутурлинъ совершили поѣздку на берега Бѣлаго моря, А. Г. Тепловъ—на островъ Цейлонъ, Ф. Д. Нефедовъ—въ Самарскую, Уфимскую и Вятскую губерніи, В. В. Богдановъ—въ Пермскую губернію, К. А. Сатунинъ—на Кавказъ, Г. И. Куликовскій—по Московской, А. Е. Крымскій и Б. В. Миллеръ—Черноморской губ. и А. С. Хахановъ—въ Римъ, Венецію и Парижъ, для занятія въ архивахъ. По прочтеніи отчета провозглашены были имена лицъ, получившихъ преміи и медали, а также избранныхъ въ почетные члены общества. Преміи имени его императорскаго высочества великаго князя Сергѣя Александровича въ память международныхъ конгрессовъ присуждена Р. Л. Вейнбергу (за работу «Мозгъ поляковъ»), премія имени В. П. Мошнина по физикѣ—Т. П. Кравцу и по химіи—Л. А. Чугаеву. Золотая медаль общества присуждена В. С. Зернову за его работы по химіи, представленныя на премію Мошнина. Большая серебряная медаль общества присуждена А. Д. Григорьеву за цѣнное собраніе этнографическихъ матеріаловъ въ Архангельской губерніи. Бронзовая медаль—крестьянкѣ Архангельской губерніи А. М. Крюковой во вниманіе къ ея заслугамъ въ дѣлѣ сохраненія народнаго русскаго эпоса. Въ почетные члены общества избраны: профессоръ Берлинскаго университета Вильгельмъ Вальдейеръ, профессоръ Мюнхенскаго университета I. Ранке, академикъ М. А. Рыкачевъ, профессоръ Новороссійскаго университета А. В. Клоссовскій, профессоръ Лейденскаго университета Лорентцъ, заслуженный профессоръ Казанскаго университета М. А. Зайцевъ, заслуженный профессоръ университета св. Владимира Н. А. Бунге, профессоръ Берлинскаго университета Эмиль Фишеръ, профессоръ московскаго сельскохозяйственнаго института Е. С. Ѳедоровъ и Г. Н. Вырубовъ. Послѣ этого былъ объявленъ перерывъ, при чемъ предсѣдательствующій, профессоръ Д. Н. Анучинъ, предложилъ собранію благодарить секретаря общества Г. А. Кожевникова за трудъ составленія и прочтенія столь обширнаго доклада, что вызвало громкіе знаки одобренія. Послѣ перерыва проф. Г. Ф. Огневъ сдѣлалъ сообщеніе «Современные неовиталисты». Затѣмъ были прочтаны въ засѣданіи рефераты профессорами Э. Е. Лейстомъ и Жуковскимъ. П. 7-го октября, въ публичномъ засѣданіи антропологическаго отдѣла общества любителей естествознанія были сдѣланы три сообщенія. Л. Д. Синицкій изложилъ сообщенія Риплея о будущности европейскихъ расъ и о возможности для нихъ распространенія и акклиматизаціи въ тропическихъ странахъ. П. А. Минаковъ сообщилъ о мозгѣ знаменитаго физика Г. Гельмгольца, составившемъ предметъ изученія профессора Ганземана и обратившемъ на себя вниманіе богатствомъ бороздъ на своей поверхности. В. Н. Розановъ описалъ одинъ случай гинекомастїи (развитіе груди у мужчины), наблюдавшійся въ Екатерининской больницѣ у одного молодого парня, которому была произведена, по его желанію, операція удаленія аномальныхъ образований. Референтъ сообщилъ о другихъ подобныхъ случаяхъ, описанныхъ въ медицинской лите-

ратурѣ, и представить результаты микроскопическаго изслѣдованія, изъ котораго можно было убѣдиться, что эти образованія, сходныя по формѣ съ женскими грудями, не заключаютъ въ себѣ млечныхъ желѣзъ и, слѣдовательно, не тождественны по строенію съ женскими органами. Впрочемъ, описано нѣсколько случаевъ, когда мужчины могли кормить грудью, но и относительно этихъ случаевъ не было изслѣдовано, выдѣлялось ли этими субъектами настоящее молоко или жидкость другого состава.

Антропологическое общество. Докторъ С. Я. Чистовичъ, бывший въ составѣ русскаго санитарнаго отряда въ Трансвааль, дѣлалъ 23-го октября сообщеніе о вынесенныхъ имъ впечатлѣніяхъ изъ поѣздки въ эту страну. Несмотря на то, что уже много писалось о Трансвааль и бурахъ, г. Чистовичъ составилъ свой докладъ интересно и привелъ много еще неизвѣстныхъ подробностей объ этой странѣ. Между прочимъ онъ коснулся отношеній буровъ къ туземцамъ. Отношенія эти, какъ извѣстно, носятъ довольно деспотичный, даже жестокой характеръ; но, по мнѣнію г. Чистовича, это вызывается необходимостью, такъ какъ бурамъ приходится жить среди болѣе многочисленнаго и враждебно настроеннаго населенія. Поэтому-то за убійство кафра полагается незначительное наказаніе, а убійство бѣлаго карается смертью и т. д. Тѣмъ не менѣе кафры къ бурамъ относятся гораздо лучше, чѣмъ ко всякимъ другимъ европейцамъ. Буры не любятъ заниматься ничѣмъ, кромѣ охоты и скотоводства; даже ихъ женщины не чувствуютъ склонности къ домашнему хозяйству, и всѣ работы выполняются чернокожими, которыхъ всегда имѣется нѣсколько даже у самаго бѣднаго бура. Впрочемъ понятіе о бѣдности у буровъ довольно необычное. Они считаютъ бѣдняками всѣхъ, кто имѣетъ менѣе 2.000 фунтовъ стерлинговъ, что уже въ сущности составляетъ довольно большой капиталъ. Ни торговли, ни промышленности, ни ремеслъ у буровъ не существуетъ, даже такія необходимыя вещи, какъ обувь и платье, выписываются изъ-за границы, преимущественно изъ Англій, готовыми. Зато въ любимомъ занятіи — охотѣ, буры достигаютъ высокой степени совершенства, и мѣткость ихъ выстрѣловъ поразительна. Мальчикъ, въ первый разъ взявши въ руки ружье, безъ промаха стрѣляетъ въ бутылку на 400 шаговъ. Во время войны трансваальскому правительству пришлось кормить на свой счетъ все населеніе; буры-воины не получаютъ жалованья, а потому продовольствіе не только ихъ, но и ихъ семействъ по необходимости должно было лечь на правительство. Стоило это, вѣроятно, очень большихъ денегъ, такъ какъ въ изобиліи раздавалось даже мясо и молоко. Вообще на счетъ денегъ буры не стѣснялись. Такъ, медицинскіе матеріалы также были у нихъ заготовлены въ большихъ размѣрахъ, хотя и не было главнаго — медиковъ. При малой распространенности образованія и полномъ отсутствіи высшихъ учебныхъ заведеній, докторами у нихъ является всякій сбродъ, пришлый изъ Европы, при чемъ удостовѣреніе въ медицинскихъ познаніяхъ производится довольно оригинально: лицо, желающее заняться медицинской практикой, должно дать честное слово, что имѣетъ дипломъ доктора, и представить двухъ свидѣтелей. Такимъ образомъ въ лучшемъ случаѣ идетъ за доктора фельдшеръ, въ худшемъ же — практикуютъ лица, не имѣющія никакого понятія о медицинѣ; такъ докторъ

Чистовичъ знаетъ двухъ фотографовъ, завѣдывавшихъ госпиталями. Поэтому прїѣздъ европейскихъ медицинскихъ отрядовъ очень обрадовалъ буровъ, и они охотно обращались за помощью къ двумъ швейцарскимъ, русскому и германскому отрядамъ, избѣгая въ то же время голландскихъ врачей, такъ какъ сильно не одобряютъ жителей своей метрополи. Во время войны въ Трансваалѣ продажа спиртныхъ напитковъ производилась только по рецептамъ врачей, бурь опасались, чтобы не было возстанія среди легко воспламеняющихся кафровъ, съ удовольствіемъ отуманивающихъ себя винными парами. Впрочемъ какъ среди буровъ, такъ и кафровъ большое распространеніе имѣетъ такъ называемый кафрскій табакъ, дѣйствующій какъ опиумъ. Въ заключеніе г. Чистовичъ высказалъ довольно неожиданное мнѣніе, что англичанамъ все-таки едва ли удастся покорить Трансвааль.

НЕКРОЛОГИ.

ВАГИНЬ, В. И. 25-го октября, въ Иркутскѣ, скончался извѣстный сибирскій публицистъ Всеволодъ Пвановичъ Вагинь. Покойный — сынъ чиновника, родился 10-го февраля 1823 г. въ Иркутскѣ, дѣтскію годы провелъ въ Омскѣ, гдѣ получилъ и образованіе, сперва дома, подъ руководствомъ ссыльнаго польскаго повстанца Вронскаго, затѣмъ въ батальонѣ кантонистовъ, въ войсковомъ казначействѣ училищъ (нынѣ омскій кадетскій корпусъ) и закончилъ уѣзднымъ училищемъ въ Троицкосавскѣ. Прослуживъ недолго приходскимъ учителемъ въ томъ же городѣ, Вагинь около семи лѣтъ служилъ въ главномъ управленіи Восточной Сибири, а затѣмъ совѣтникомъ забайкальскаго областного управленія. Ссора съ губернаторомъ вынудила Вагина подать въ отставку и перебраться въ Иркутскъ, а отсюда въ Томскъ, гдѣ ему пришлось голодать цѣлые мѣсяцы, пока онъ не получилъ мѣста въ канцеляріи общаго губернскаго управленія. Съ 1855 по 1861 г. онъ служилъ канскимъ окружнымъ начальникомъ, послѣ чего вышелъ въ отставку и могъ переѣхать въ Иркутскъ, гдѣ около пятнадцати лѣтъ занимался адвокатурой. В. И. Вагинь сотрудничалъ въ мѣстныхъ изданіяхъ и во многихъ столичныхъ газетахъ преимущественно прогрессивнаго направленія и нѣсколько лѣтъ былъ редакторомъ-издателемъ газеты «Сибирь». Учено-литературная дѣятельность В. И. отличалась большимъ разнообразіемъ. Списокъ трудовъ его по исторіи, географіи и этнографіи Сибири и статей по мѣстнымъ сибирскимъ интересамъ (вопросы образованія, городского и крестьянскаго дѣла, о ссылкѣ, судѣ, путяхъ сообщенія, земствѣ, золотопромышленности и др.) приложенъ къ статьѣ объ немъ, помѣщенной въ «Критико-біографическомъ словарѣ русскихъ писателей» Венгерова (т. IV, отд. II, стр. 4—12).

† **Вербловскій, Г. Л.** 24-го октября, скончался въ Москвѣ членъ московской судебной палаты, д. с. с. Григорій Леонтьевичъ Вербловскій. Пмя покой-

1/227*

наго пользуется извѣстностью въ судебномъ мірѣ, какъ автора дѣлаго ряда юридическихъ работъ. Изъ нихъ назовемъ «Движеніе русскаго гражданскаго процесса», «Законоположенія о пошлинахъ съ имущества, переходящихъ безмездными способами, съ объясненіями», «Положеніе о совѣтѣ по желѣзнодорожнымъ дѣламъ и общій уставъ російскихъ желѣзныхъ дорогъ съ объясненіями», «Законоположенія о преобразованіи мѣстныхъ крестьянскихъ и судебныхъ учреждений съ объясненіемъ» и др. По порученію редакціонной комиссіи, составлявшей проектъ гражданскаго уложенія, Г. Л. перевелъ на русскій языкъ «Общее гражданское уложеніе Австрійской имперіи 1811 г.». Покойный родился въ Вильнѣ, образованіе получилъ въ Петербургскомъ университетѣ и всю свою почти тридцатилѣтнюю дѣятельность посвятилъ судебному поприщу. Между прочимъ онъ былъ однимъ изъ первыхъ секретарей петербургскаго окружнаго суда.

† **Грюнбергъ, Ю. О.** Въ ночь на 5-е ноября, скончался управляющій конторой журнала «Нива» Юлій Осиповичъ Грюнбергъ, пользовавшійся широкой популярностью въ литературномъ и художественномъ мірѣ обѣихъ столицъ. 23-х-лѣтнимъ юношей покойный, въ 1874 г., пріѣхалъ въ Россію изъ Вѣны, гдѣ онъ окончилъ курсъ въ коммерческой академіи, и поступилъ въ контору «Нивы». Человѣкъ огромной инициативы, обладавшій тонкимъ художественнымъ чутьемъ, Ю. О. втеченіе короткаго времени снискалъ самое искреннее уваженіе и любовь всѣхъ знавшихъ его писателей и художниковъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые сами ничего не творили, но умѣли вдохновлять другихъ, то подавая блестящую мысль, то указывая на то или другое явленіе изъ общественной и политической жизни, которое заслуживаетъ быть воспроизведеннымъ въ той или другой области творческаго искусства. Не одинъ изъ нынѣшнихъ извѣстныхъ писателей приносилъ на судъ Ю. О. свои первые труды. И покойный тепло и радушно встрѣчалъ каждаго новичка, оказывая ему самую широкую помощь.

Будучи глубокимъ знатокомъ художественныхъ произведеній, покойный въ дѣйствительности былъ не только скромнымъ конторскимъ труженикомъ, но и ближайшимъ помощникомъ издателя и редакціи. Въ «Нивѣ» покойный прослужилъ 25 лѣтъ, и надняхъ сослуживцы собирались праздновать 25-ти-лѣтній юбилей его дѣятельности. Съ этой цѣлью былъ изготовленъ юбилейный сборникъ, въ который вошли произведенія лучшихъ писателей и художниковъ. Доходъ со сборника предназначался на стипендію имени Грюнберга.

† **Семенниковъ, П. П.** 25-го октября, скончался въ С.-Петербургѣ статскій совѣтникъ Петръ Петровичъ Семенниковъ. Покойный происходилъ изъ дворянъ и родился 26-го декабря 1838 г.; образованіе получилъ въ Петербургской Ларинской гимназіи, а затѣмъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ на физико-математическомъ факультетѣ, по окончаніи котораго посвятилъ себя преподавательской дѣятельности по предмету математики, которую оставилъ окончательно лишь въ 1895 году. Кромѣ доброй памяти о себѣ, какъ о хорошемъ педагогѣ и человѣкѣ, покойный Семенниковъ оставилъ по себѣ и пную незабвенную память. Онъ явился основателемъ и создателемъ одной изъ старѣйшихъ и обширѣйшихъ въ Петербургѣ частныхъ бібліотекъ, тридцати-

пятилѣтіе со дня основанія которой, по странному совпаденію, приходится именно 25-го октября. Хорошая, серьезно относящаяся къ своему дѣлу, къ своимъ задачамъ и обязанностямъ бібліотека — дѣло не шуточное; это — дѣло важное, общественное; это своего рода школа, или точнѣе необходимое дополненіе къ школѣ; это — общественный, вольный университетъ, служащій важнымъ и необходимымъ дополненіемъ къ университету официальному. Такъ именно и понималъ это дѣло покойный Семенниковъ, и только при такомъ именно пониманіи его и беззавѣтной, безкорыстной, чистой любви къ нему и можно было такъ отдать ему всю свою жизнь, всѣ свои силы, всѣ свои досуги, столь драгоценныя въ тяжелой и нервной дѣятельности педагога, какъ сдѣлалъ это покойный Семенниковъ. Учитель гимназіи, зарабатывая 2 тысячи рублей въ годъ, имѣлъ мужество и характеръ въ теченіе многихъ лѣтъ обрѣзывать свои личные и семейные расходы до крайности, отдавалъ ежегодно развитію бібліотеки по тысячѣ рублей — ровно половину своего заработка. Зато теперь онъ оставляетъ Петербургу прекрасное наслѣдство — одну изъ обширнѣйшихъ и наиболѣе серьезно и осмысленно собранныхъ частныхъ бібліотекъ съ двумя отдѣленіями, — на Забалканскомъ и Невскомъ проспектахъ, — отдѣленіями, разросшимися уже въ большія какъ бы самостоятельныя бібліотеки.

† **Хвостовъ, А. Н.** Въ октябрѣ, скончался отъ разрыва сердца одинъ изъ видныхъ общественныхъ дѣятелей Витебской губерніи, Александръ Николаевичъ Хвостовъ. Покойный, по окончаніи курса въ морскомъ корпусѣ, началъ свою служебную дѣятельность во флотѣ. Совершивъ нѣсколько заграничныхъ плаваній, онъ перешелъ изъ Гвардейскаго экипажа въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ, а затѣмъ поступилъ въ Военно-Юридическую академію. Последняя русско-турецкая война привлекла его на театръ военныхъ дѣйствій. А. Н. находился въ составѣ корпуса генерала Криднера и отличился при взятіи Гривницкаго редута. Объ осадѣ Плевны покойный написалъ статью «Плевненскій бой», напечатанную въ одномъ изъ періодическихъ изданій. Въ концѣ войны онъ былъ правителемъ дѣлъ канцеляріи временнаго генералъ-губернатора Адрианополя, Столыпина. Когда оккупация нашими войсками Турціи окончилась, А. Н. вышелъ въ отставку и, поселившись въ своемъ витебскомъ имѣніи, всецѣло посвятилъ свою дѣятельность мѣстнымъ нуждамъ и дѣламъ. Онъ былъ предсѣдателемъ мѣстнаго съѣзда сельскихъ хозяевъ, основалъ Витебское товарищество сельскихъ хозяевъ, былъ членомъ общества взаимнаго кредита мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Кромѣ того, покойный явился издателемъ «Витебскаго Листка». Какъ человекъ, А. Н. отличался замѣчательной правдивостью и энергіей и пользовался заслуженными симпатіями среди всѣхъ, кому пришлось имѣть съ нимъ дѣло.

† **Якубовъ, К. И.** Въ октябрѣ, скончался педагогъ-публицистъ, Константинъ Ивановичъ Якубовъ. Покойный родился въ Финляндіи, учился тамъ и всю свою дѣятельность посвятилъ этому краю, занимая довольно долго мѣсто учителя русскихъ гельсингфорскихъ гимназій. Окончивъ въ 1884 г. курсъ въ Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ, Якубовъ принялся за изученіе финляндской исторіи, желая изъ нея области взять тему для своей

диссертациі. Нѣсколько лѣтъ онъ посвятилъ собиранію матеріала, работая въ Стокгольмскомъ государственномъ архивѣ и въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Къ сожалѣнію, онъ успѣлъ издать только одинъ сборникъ этихъ матеріаловъ: «Россія и Швеція въ первой половинѣ XVII в.», напечатанный въ «Чтеніяхъ Имп. общества исторіи и древностей» за 1897 г.

Въ 1885 г. комиссія Вейсенберга приступила къ составленію «Проекта формы правленія для великаго княжества Финляндскаго». К. П. перевелъ всѣ труды комиссіи и составилъ къ нимъ обстоятельный комментарий («Замѣчанія», изданныя въ Гельсингфорсѣ въ 1889 г.), наглядно показавъ полную несостоятельность проекта и крайнюю односторонность сопровождавшихъ его объясненій. Въ это же время Якубовъ составилъ также «Сборникъ» основныхъ законовъ Финляндіи, который явился первымъ матеріаломъ для изученія административнаго строя края.

Изучая проекты комиссіи Вейсенберга, К. П. былъ изумленъ той тенденціозностью, которая сказалась въ нихъ. Комиссія намѣтила рядъ такихъ статей, которыми верховная власть оказалась бы совершенно ограниченной въ Финляндіи.

Якубовъ понявъ, что финляндцы въ своихъ домогательствахъ заходятъ слишкомъ далеко, и что эти домогательства, будучи осуществлены, неизбежно повредятъ государственнымъ интересамъ имперіи, стали разоблачать ихъ со всей силой своей недюжинной аргументаціи. Въ своихъ многочисленныхъ статьяхъ, появлявшихся въ печати по большей части подъ псевдонимами, онъ боролся за цѣльность Россіи не раздѣляя толкованій финляндцевъ объ ихъ «государствѣ», объ «уніи», «финляндскомъ подданствѣ» и т. п. вопросахъ. Въ борьбѣ съ финляндской печатью онъ оцѣнивалъ все съ русской государственной и русской политической точки зрѣнія и то, что ему съ этой точки зрѣнія казалось нежелательнымъ и вреднымъ, онъ отменялъ и разоблачалъ, не допуская при этомъ никакихъ компромисовъ. Финляндская печать причислила его за это къ числу «враговъ» и «недоброжелателей» края, утверждая, что онъ озлобленно «нападалъ» на все финляндское. Тутъ кроется печальное недоразумѣніе. «Финноненавистникомъ» Якубовъ никогда не былъ и быть не могъ. Онъ любилъ Финляндію, желалъ ей добра, но осуждалъ искусственное обособленіе края отъ Россіи. Финляндія была для него родиной, и по одному этому онъ не могъ не быть привязаннымъ къ ней всѣми своими помыслами; но въ то же время онъ глубоко проникся мыслью, что благо Финляндіи заключается въ тѣснѣйшемъ государственномъ единеніи съ Россіей, въ расположеніи и сочувствіи финновъ къ русскимъ.

Статьи Якубова (перечень ихъ приложенъ къ III т. «Финляндской окранны Россіи»; 1897 г.) печатались въ «Новомъ Времени», «Новостяхъ», «Порядкѣ», «Вѣстникѣ Европы» и др. изданіяхъ.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Къ вопросу о константинопольской библіотекѣ послѣднихъ византійскихъ императоровъ и московской библіотекѣ царской.

Въ замѣткѣ «Куда дѣлась библіотека послѣднихъ византійскихъ императоровъ» (Московскія Археологическія Извѣстія 1897 г., № 10) профессоръ А. И. Соболевскій сообщилъ слѣдующія свѣдѣнія: «Курбскій рассказываетъ, что императоръ Константинъ передъ паденіемъ Константинополя «царицу свою со всею казною, съ газофилакіею книжною вынулъ на бѣлоз море въ корабляхъ до Родиса и до Венадеи... Послѣди патріархъ отъ рукъ турокъ утече... до Венадеи и съ собою всю газофилакію (либрарію або книгохранительницу) церковную изнесе» (Сказанія Курбскаго, стр. 274. Предисловіе на Новый Маргаритъ). Рассказъ Курбскаго основанъ на рассказѣ Максима Грека, прошедшаго нѣсколько лѣтъ въ Венеціи и имѣвшаго случай бесѣдовать о книжномъ дѣлѣ съ Ласкарисомъ и Альдомъ Мануччи. Митрополитъ халкидонскій Гавріилъ въ письмѣ въ Москву 1654 г., дошедшемъ въ плохомъ русскомъ переводѣ, посылая псалтырь Алексѣя Комнина, сообщалъ, что онъ нашелъ эту книгу «въ царской палатѣ, идѣже суть сохранены вся книги отъ времени и хранятся особно», и купилъ ее за 350 золотыхъ (Николаевскій, изъ Исторіи сношеній Россіи съ Востокомъ, стр. 39. «Хр. Чт.», 1882 г.). Подъ царскою палатою, замѣтилъ профессоръ Соболевскій, можетъ быть, разумѣется, сераль султана.

Одинъ намятникъ «Сказаніе Ивана Пересвѣтова о царѣ турецкомъ Магметѣ, како хотѣ сожещи книги греческія»¹⁾, то же современника царя Ивана Васильевича Грознаго²⁾, выясняетъ, что Курбскій имѣлъ свѣдѣнія объ этой библіотекѣ изъ другого источника. По мнѣнію Добротворскаго, это «сказаніе» о сожженіи книгъ и чудесномъ ихъ спасеніи составлено П. Пересвѣтовымъ съ извѣтною цѣлью—разсѣять невѣрное мнѣніе современныхъ ему русскихъ людей, что греки потеряли свою вѣру, такъ какъ ихъ книги были сожжены завоевателемъ Константинополя Магометомъ II (стр. 29.). Если признать это мнѣніе Добротворскаго вѣрнымъ, то приходится принять, что Курбскій составилъ свое мнѣніе о судьбѣ этой библіотеки на болѣе вѣроятномъ источникѣ, но въ то же не вполне достовѣрномъ. Въ «Сказаніи» Пересвѣтова мы имѣемъ благочестивую назидательную легенду: «Царь Магметъ Салтанъ сяде на царскомъ престолѣ и повелѣ собрати всѣ книги закона греческаго; такоже и святымъ Божиимъ церквамъ бысть велико поруганіе отъ безбожныхъ турковъ. II повелѣ царь турецкій Магметъ Салтанъ книги греческія потурски перевести слово въ слово и списати; и нача мыслити со своими кинатами и съ моллами и съ обазами и съ мудрыми пашами о томъ, чтобы ему книги греческія всѣ сожещи, а па-

¹⁾ Издано Добротворскимъ въ «Памятникахъ русской и славянской письменности» (Учен. Зап. Казанск. унив. 1865 г., I, стр. 21—27).

²⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, VI, стр. 220, прим. 85.

патріарху Анастасію не отдати и вѣру христіанскую до конца истребити и въ Царыградѣ и во Іерусалимѣ и во всѣхъ градѣхъ страны той». Патріархъ Анастасій помолился Богу о защитѣ. Богъ погрозилъ султану въ снѣ, и потому этотъ пригласилъ къ себѣ патріарха Анастасія и возвратилъ ему всѣ книги на греческомъ языкѣ, оставивъ у себя турецкій переводъ ихъ. На основаніи турецкаго перевода христіанскихъ греческихъ книгъ турецкій султанъ думалъ было принять христіанство, но не получилъ его, «занеже кровопіецъ и лють зѣло бысть». Такъ заканчивается этотъ памятникъ.

Если видѣть въ этомъ памятникѣ и въ «Епистолю» Ивашки Семенова Пересвѣтова произведеніе опричника, написанное въ оправданіе поступковъ Іоанновыхъ противъ бояръ, какъ думаетъ С. М. Соловьевъ (И. Р., VI, 220, прим. 85), то неяснымъ остается, почему въ заключеніи помѣщенъ вышеприведенный отзывъ о султанѣ Магометѣ II, что за его лютость Богъ не сподобилъ его принять христіанство, хотя онъ въ своемъ турецкомъ государствѣ стремился водворить правду и законъ строгими мѣрами, не уступающими жестокостямъ Іоанна Грознаго.

Нельзя ли допустить, что часть библіотеки византійскихъ императоровъ перешла въ библіотеку константинопольскихъ патріарховъ? Это очень возможно. Могла также эта библіотека по частямъ перейти въ частныя руки и затѣмъ въ другія библіотеки. Во всякомъ случаѣ, греческія рукописи съ обозначеніемъ, что онѣ писаны для такого-то византійскаго императора, и нынѣ находящіяся въ другихъ книгохранилищахъ, должны считаться бывшими въ библіотекѣ византійскихъ императоровъ.

Приведенное выше свидѣтельство Пересвѣтова можетъ отчасти доказывать, что самъ царь Іоаннъ Грозный не могъ индифферентно относиться къ храненію книгъ, а равно, конечно, и къ собиранію ихъ, что, значить, была царская библіотека. Вопросу о библіотекѣ московскихъ государей XVI вѣка посвящена цѣлая книга Сергія Бѣлокурова (Москва, 1899 г.). Имѣются старыя свидѣтельства о богатствѣ этой библіотеки: Максима Грека, хроники Ніенштедта, загадочнаго списка книгъ, найденнаго юрьевскимъ профессоромъ Дабеловомъ, Найдіа Лигарида, русской лѣтописи, Степенной книги; но г. Бѣлокуровъ не придаетъ имъ никакого значенія на томъ де основаніи, что о ней совершенно забыли въ XVII вѣкѣ: забылъ Борисъ Годуновъ, любившій просвѣщеніе, забылъ Филаретъ, занимавшій видное мѣсто и при Іоаннѣ Грозномъ; забылъ патріархъ Никонъ, такъ нуждавшійся въ греческихъ книгахъ и пославшій Арсенія Суханова за ними на востокъ. На томъ другомъ основаніи, что «мы не имѣемъ ни одного современнаго русскаго свидѣтельства о существованіи въ XVI вѣкѣ царской библіотеки, состоявшей изъ громаднаго количества иноязычныхъ рукописей (греческихъ, латинскихъ и еврейскихъ)»; но, вѣдь, современникъ Іоанна Грознаго Пересвѣтовъ косвенно доказываетъ это своимъ «сказаніемъ»: греки лишились своихъ книгъ и потеряли вѣру, а русскіе, чтобы не потерять вѣры, должны собирать и хранить книги не только славянскія, но и греческія. Все это доказываетъ присутствіе въ библіотекѣ московскихъ царей книгъ— рукописей иноязычныхъ; можно считать проувеличеннымъ число 600 греческихъ, латинскихъ и еврейскихъ рукописей, но нельзя признать вѣрнымъ мнѣніе

г. Бѣлокурова, что «у царя Ивана IV была библіотека, состоявшая изъ русскихъ, литовскихъ, польскихъ книгъ и рукописей и одной нѣмецкой книги, въ которой могло быть (прямыхъ указаній на это нѣтъ) и нѣсколько греческихъ рукописей».

Если библіотека византийскихъ императоровъ перешла въ другія руки, то же могло случиться и съ библіотекой московскихъ царей въ смутныя времена исторіи государства Русскаго; часть книгъ изъ этой библіотеки легко могла перейти въ частныя или монастырскія книгохранилища; во время пожара 1571 г. часть могла сгорѣть, а часть могла очутиться въ другихъ книгохранилищахъ. И. Е. Забѣлинъ въ статьѣ «Подземныя хранилища Московскаго кремля» (1894 г.) призналъ, что библіотека московскихъ государей исчезла еще въ XVI вѣкѣ. Статья эта была отвѣтомъ на совѣтъ пріѣзжавшаго въ 1890—1891 гг. въ Москву профессора Страсбургскаго университета Трегмера разыскивать ее подъ землей въ Кремлѣ. В. К—ій.

ВОЗЗВАНІЕ.

Недавно Россія отпраздновала столѣтіе со дня рожденія А. С. Пушкина и достойно почтила великаго поэта земли Русской. Въ декабрѣ 1900 года исполняется сто лѣтъ со времени рожденія другого знаменитаго русскаго человѣка—Иннокентія, архіепископа херсонскаго и таврическаго. Пушкинъ пріобрѣлъ славу великаго поэта, а Иннокентій пользуется славой великаго оратора церковнаго. Но тотъ и другой былъ «тѣмъ народу полезенъ, что чувства добрыя пробуждалъ». Съятель слова Божія, провозвѣстникъ вѣчной истины, насадитель правды и добра въ грѣшной душѣ человѣческой, Иннокентій своимъ сильнымъ словомъ руководилъ людей по пути духовнаго совершенства и указывалъ имъ на то, что едино есть на потребу (Лук. 10, 41). Но это сильное слово великаго проповѣдника не потеряло своего значенія и въ настоящее время. Кто желаетъ найти назиданіе, просвѣщеніе и укрѣпленіе въ вѣрѣ, тотъ пусть смѣло обращается къ слову великаго святителя Иннокентія. Его «Первая седмица», «Страстная седмица», «Свѣтлая седмица», «Паденіе Адамово», «Грѣхъ и его послѣдствія», «Молитва св. Ефрема Сирина», «Великій постъ», его слова Кіеву, слова паствѣ Вологодской, Харьковской и Херсоно-Таврической составляютъ богатое духовное наслѣдіе, оставленное намъ и грядущимъ поколѣніямъ. Проповѣдническое слово великаго витія и теперь наполняетъ душу читателя или слушателя высокими христіанскими мыслями и добрыми чувствами и возбуждаетъ въ душѣ горячую ревность къ исканію прежде всего царствія Божія и правды Его (Матѣ. 6, 33).

Этотъ великій проповѣдникъ, какъ сынъ священника г. Ельца, по рожденію и воспитанію принадлежитъ Орловской епархіи. Родина Иннокентія должна такъ или иначе увѣковѣчить память своего знаменитаго сына. И вотъ въ Ельцѣ предположено устроить церковный домъ для бібліотеки-читальни имени преосвященнаго Иннокентія. Для осуществленія этого добраго дѣла необходимы средства. Его преосвященство, Пресвященнѣйшій Никаноръ, епископъ орловскій, озабоченъ изданіемъ сборника лучшихъ проповѣдей великаго витія. Сумму, вырученную отъ продажи сборника, предполагается употребить на основаніе и устройство бібліотеки. Но для полнаго успѣха добраго дѣла необходимы и пожертвованія отъ почитателей таланта нашего знаменитаго проповѣдника. И можно съ увѣренностью ожидать, что достойно и праведно многіе не откажутся принести свою посильную лепту и на увѣковѣченіе памяти великаго оратора церковнаго, которому доселѣ не было равнаго. Можно думать, что ельчане въ особенности постараются почтить своего знаменитаго уроженца.

Пожертвованія принимаются въ г. Ельцѣ — соборнымъ протоіереемъ Гавріиломъ Н. Селеховымъ и въ г. Орлѣ старостою каеандр. собора Александромъ М. Подгаецкимъ, у коихъ можно получать листки проповѣдей преосвященнаго Иннокентія, а равно можно подписаться и на сборникъ проповѣдей, съ біографіею и портретомъ его.

Предсѣдатель, протоіерей Г. Селеховъ.

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

1900 г. ¹⁾.

А.

- Абаза, К.** *Библ. замѣтка И. Н. З.* о книгѣ его: Казаки, довцы, терцы, кубанцы, уральцы. Очерки изъ исторіи и стародавняго казацкаго быта. Изд. 2-е. В. Березовскаго. Спб. 1899. т. LXXIX, 1183—1184.
- Абдурахманъ,** афганист. эмиръ. *Замѣтка о немъ:* Афганиставскій эмиръ Абдурахманъ и его автобіографія, т. LXXXII, 741—742.
- Аболенскій, В. В.,** докторъ медицины, писатель. *Некрологъ его:* т. LXXX, 754.
- Абрамовичъ, Д. П.,** т. LXXX, 747.
- Абрамовъ, Я. В.,** писатель, т. LXXIX, 1183.
- Августинъ,** архіепископъ, т. LXXX, 821, 823, 826, 830.
- Августъ:**
— II, саксонскій курфюрстъ и польскій король, т. LXXXII, 313, 1052.
— III, сакс. курфюрстъ и польскій король, т. LXXXI, 492, 828; т. LXXXII, 313, 1052.
- Авенариусъ, В. П.,** писатель. *Библ. замѣтка С. П—ва о книгѣ его:* Передъ разсвѣтомъ. Повѣсть для юношества изъ послѣднихъ лѣтъ крѣпостного права. Спб., 1900, т. LXXIX, 609—610.
- Аверкіевы:**
— А. Г., т. LXXIX, 934.
— Н. К., рожд. Нарышкина, т. LXXIX, 926.
- Авдѣевъ, Мих. Вас.,** писатель, т. LXXIX, 221.
- Авраамій:**
— старецъ, т. LXXIX, 796.
— (**Палицынъ**), келарь Тр.-Серг. мон., т. LXXIX, 319.
- Автушкевичъ, Ант.,** писатель, т. LXXXII, 557.
- Агаѣоновъ, Б. Н.** *Статья его:* Казанскіе поэты, т. LXXXI, 586—598.
- Агвинальдо, Эм.,** президентъ филипп. респ. *Замѣтка о немъ:* Агвинальдо и филиппинская революція, т. LXXX, 714—718. *Упомян.,* т. LXXX, 358.
- Агостини, Ант.,** итал. писатель, т. LXXXI, 1112.
- Ададуровъ, Вас. Евд.,** кураторъ Моск. унив., т. LXXXI, 848.
- Адамсъ,** американскіе госуд. люди, т. LXXX, 711—713.
- Аделанда, фр. принцесса,** т. LXXXII, 734—735.
- Adjarian, М. Н.** *Библ. замѣтка А. Хаг—ова о книгѣ его:* Etude sur la langue Iaze, Paris, 1899, т. LXXXI, 711.

¹⁾ Въ «Указатель» не включены личныя имена, упоминаемыя въ историческихъ романахъ, беллетристическихъ статьяхъ и приложенияхъ.

Адлербергъ, гр. Вл. Фед., министр имп. двора, т. LXXX, 62.

Адольфъ-Фридрихъ, шведскій король, т. LXXXI, 519.

Айвазовскій, И. К., маринистъ. *Некрологъ его*: т. LXXX, 1083—1084.

Айналовъ, Дм. Влас., д-ръ теории и истории искусствъ. *Замѣтка о диспутѣ его*: т. LXXXI, 351—352. *Упомянутъ*: т. LXXXI, 355.

Аксаковы:

— Ав. Ст., рожд. Кроткова, т. LXXIX, 932.

— Ав. Оед., рожд. Тютчева, супр. П. С., т. LXXXI, 54, 527.

— Арк. Тим., т. LXXIX, 931—932.

— Ив. Серг., писатель, т. LXXIX, 224, 306, 527, 807; т. LXXXI, 45.

— Конст. Серг., писатель, т. LXXIX, 71, 75—76, 214, 221; т. LXXX, 59.

— Н. П., писатель, т. LXXIX, 671, 676.

— Ольга Сем., рожд. Заплатина, супр. С. Т., т. LXXX, 59.

— Серг. Тим., писатель, т. LXXIX, 51, 68, 78, 510—511, 931, 939—940, 943; т. LXXX, 58—60, 405; т. LXXXI, 450.

Аландскій, П. И., прив.-доцентъ Киевск. унив. *Библ. замѣтка Н. А. о книгѣ его*: История Греціи. Изд. 2-е. К., 1899, т. LXXIX, 812—813.

Алафузовъ (Левни), Серг. Конст., актеръ, писатель. *Некрологъ его*: т. LXXXI, 756.

Александра Іосифовна, вел. княгиня, т. LXXIX, 247.

Александра Николаевна, вел. кн., супруга принца Гессепъ-Кассельскаго, т. LXXXII, 486.

Александра Павловна, вел. княгиня, т. LXXXII, 425—426, 848.

Александра Теодоровна, императрица, супр. Николая I, т. LXXIX, 69—71, 924, 926; т. LXXX, 329; т. LXXXI, 421.

Александровы:

— Анна А-др., рожд. кн. Щербатова, т. LXXIX, 51, 53.

— Н. *Статья его*: Ольговъ монастырь, т. LXXXI, 624—635.

— Пав. Конст., ген.-адъют. имп. Александра II, т. LXXIX, 526; т. LXXXI, 53.

Александръ I Павловичъ, императоръ. *Замѣтки о немъ*: Нѣмецкая книга объ императорѣ Александрѣ I, т. LXXIX, 835—836; Императоръ Александръ I во Франціи, т. LXXX, 343, 345. *Упомянутъ*: въ «Воспоминаніяхъ П. А. Палкова». т. LXXXII, 968—1010; т. LXXIX, 177, 184, 191, 193, 199, 335—336,

340, 408—409, 438, 804—805, 1048, 1050—1051, 1196—1197; т. LXXX, 100—102, 449—471, 529, 546, 547, 661—663, 817, 818, 822—832, 834, 842; т. LXXXI, 556—557, 561, 564—565, 585, 867—868, 870; т. LXXXII, 54, 354, 425, 847, 1094—1120.

Александръ II Николаевичъ, императоръ. *Статья о немъ* *Ө. Маркуса*: Последнія минуты имп. Александра II, т. LXXX, 133—134. *Упомянутъ*: т. LXXIX, 50, 77, 229—231, 235, 238—247, 250, 254—255, 259, 263—266, 346, 526, 623, 625, 924, 926; т. LXXX, 66, 71—72, 103, 157, 160—165, 286, 791—792, 794, 800, 810—811, 840; т. LXXXI, 57, 59, 417, 418, 884, 889—890, 893; *въ статьѣ Ф. Л.*: Изъ воспоминаній о московскомъ александровскомъ институтѣ. I. Посѣщеніе имп. Александромъ II института, т. LXXXI, 894—901; *въ библ. замѣткѣ Д. К. Е.* о книгѣ *А. Шумахера*: Историческій очеркъ жизни имп. Александра II. Спб., 1899, т. LXXX, 323—324. *Замѣтка* объ открытіи памятника ему въ Калишѣ, т. LXXXI, 1135.

Александръ III Александровичъ, императоръ. *Статья о немъ*: Изъ воспоминаній П. А. Милютина объ императорѣ Александрѣ III, т. LXXIX, 115—119. *Замѣтка* о памятникѣ ему въ Москвѣ, т. LXXXII, 366—367. *Замѣтка о немъ*: Памятникъ последнему отдыху Александра III, т. LXXXII, 367. *Упомянутъ*: т. LXXIX, 41, 67, 234, 235, 240, 252, 311, 710; т. LXXX, 134, 160, 286—287, 368—369; т. LXXXI, 429, 895, 898—901; т. LXXXII, 697.

Алексѣевъ, П. П., проф. Киевск. унив., т. LXXIX, 1219.

Алексѣевъ-Еунгурцевъ, Н. Н. *Поѣздъ его*: Въ бурю, т. LXXXII, 437—480, 897—934.

Алексѣй Михайловичъ, царь, т. LXXXII, 53, 59, 610, 512, 520, 522, 523, 524, 534, 936, 940, 941, 943, 944, 947—955, 957, 958, 960—962, 964, 967.

Алень, Грантъ, англ. писатель, т. LXXIX, 414—415.

Альбедисскій, ген.-адъют., варш. ген.-губернаторъ, т. LXXIX, 926.

Альберони, министр Испаніи, т. LXXX, 726—728.

Альбицкій, К. П. *Замѣтка его*: Для «Энцикл. словаря Брокгауза-Ефрона», т. LXXXII, 767—768.

Альтамира, Раф., сотр. «Апенеш», т. LXXXI, 308, 721.

Альфонскій, врачъ, т. LXXIX, 937.

Альфонсъ II, герц. феррарскій, т. LXXXII, 537.

- Алябьевъ**, сенаторъ, т. LXXX, 828.
Амвросій (Андр. Ив. Подобѣдовъ), спб. митрополитъ, т. LXXX, 818, 928—930, 934—935.
Амело, фр. министр инеостр. дѣлъ, т. LXXXI, 504, 515, 516, 826—827.
Амновъ, И. О., чиновникъ москов. главн. архива ин. д., переводчикъ, т. LXXIX, 500.
Анастасій, іеромонахъ, т. LXXXII, 153, 154.
Анастасьевъ, А-дръ Конст., членъ госуд. сов. *Некрологъ* его: т. LXXXI, 1144—1145.
Андерсъ, Эрн. Эм., д-ръ медицины. *Некрологъ* его: т. LXXXI, 756—757.
Андреевскій, Ив. Ефим., профессоръ Спб. унив., т. LXXIX, 310—311, 727.
Андреевы:
 — А. П. *Статья* его: Туркменскій судъ, т. LXXXI, 524—555. *Упомян.*: т. LXXIX, 1246.
 — Ник. Юст., д-ръ медиц. *Некрологъ* его: т. LXXXII, 370—371.
 — Петръ Гр., инж.-ген., писатель. *Некрологъ* его: т. LXXIX, 871.
Андріановъ, В. П., начальникъ штаба войска Дошского, т. LXXX, 167.
Апертъ, Э. Э., геологъ, т. LXXIX, 1233; т. LXXX, 748—749.
Анжу, вице-адмиралъ, т. LXXX, 842.
Аничковъ, М. В. *Статья* В. К. II—на о книгъ его: Война и трудъ, т. LXXIX, 1116—1121.
Анна Іоанновна, императрица, томъ LXXX, 441, 735, 737; т. LXXXI, 490, 492, 494, 497, 510—511, 846; т. LXXXII 123.
Анна Леопольдовна, правительница Россіи, т. LXXXI, 490—491, 493, 497, 498—499, 502—503, 512, 518; т. LXXXII, 130.
Анненковы:
 — Вѣра Ив., т. LXXXI, 40—44, 50.
 — Ник. Ник., госуд. контролеръ, т. LXXXI, 40.
 — Пав. Вас., писатель, т. LXXIX, 210, 211, 215; т. LXXXI, 457—458.
Анинскій, Александръ. *Библ. замѣтка* Ш. о книгъ его: Древніе армянскіе историки, какъ историческіе источники. Одесса, 1899, т. LXXX, 311—313.
Антоелли, Августинъ, т. LXXXII, 944.
Антоній, еписк. воронезскій, томъ LXXIX, 57.
Авучины:
 — Д. Г., ген.-отъ-инф., писатель. *Некрологъ* его: т. LXXIX, 1237—1238.
 — Дм. Ник., проф. Моск. ун., т. LXXIX, 1212, 1215, 1219, 1221; т. LXXX, 375; т. LXXXI, 354; т. LXXXII, 1177, 1188—1189.
Апраксинны:
 — морякъ, т. LXXXII, 878.
 — ген.-отъ-инф., т. LXXXI, 561.
 — Ст. Оед., фельдм., т. LXXXII, 125, 128—133.
Аракчеевъ, А-ѣй Андр., графъ. *Статья о немъ Н. К. Шильдера*: Императоръ Николай и графъ Аракчеевъ, т. LXXX, 449—417. *Упомян.*: т. LXXIX, 340, 1048, 1050, 1052; т. LXXX, 102, 821, 823, 829—831, 833; т. LXXXI, 872; т. LXXXII, 978—984, 989—993.
Аралова, Тат. Мих., т. LXXXI, 436, 456—457, 464.
Араловъ, И. *Библ. замѣтки* его: П. И. Аладскій. История Греціи. Изд. 2-е. Кіевъ, 1899, т. LXXIX, 812—813.—В. В. Латышевъ. Очеркъ греческихъ древностей. Ч. 2-я. Богослужбныя и сценическія древности. Изд. 2-е, испр. Спб., 1899, т. LXXIX, 1161—1162.—Римская имперія. Сборникъ статей въ переводѣ А. С. Милуковой. (Библиотека для самообразованія, III). М., 1900, т. LXXX, 690—691.
Арбузовъ, т. LXXXII, 84, 87.
Арепьевъ, Н. Ф., археологъ, т. LXXX, 371.
Аржансонъ, министр Людовика XV, т. LXXXI, 833, 841.
Аристовъ, Ник. Як., инспекторъ нѣжинск. ист.-филол. инст., т. LXXIX, 1103, 1107, 1111, 1112.
Аршельфдъ, т. LXXXII, 1107—1108, 1113, 1117.
д'Арленкуръ, фр. писатель, т. LXXIX, 61—62.
Арсеній, іеромонахъ Кіевск. Іонов. мон., т. LXXXI, 928.
Арсеній, епископъ. *Библ. замѣтка о книгъ* его: Лѣтопись церковныхъ событій и гражданскихъ, поясняющихъ церковныя, отъ Р. Х. до 1898 г. Изд. третье, исправленное и дополненное. Спб. 1900, т. LXXXII, 1123—1124.
Арсеньевы:
 — Конст. Конст., писатель, т. LXXX, 477.
 — Мих. Мих., губернаторъ Иркутска, т. LXXX, 123, 124.
Артамоновъ, Л. К., т. LXXIX, 1233.
Ассандри, пѣвица, т. LXXXI, 574.
Астровъ, Н. П., т. LXXXII, 950, 953, 958.
Афанасьевъ, А-дръ Ник., писатель, т. LXXIX, 502; т. LXXX, 54; т. LXXX, 436.

Ахелись, Г. *Библ. замѣтка Д. Б—ва о книгѣ его*: Современное народовѣдѣніе. Переводъ съ нѣмецкаго О. Капелюша. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1900, т. LXXX, 324.

В.

Вабстъ, Ив. Кондр., проф. Моск. ун., т. LXXXI, 454.

Вагалъй, Д. И., проф. Харьк. ун. *Библ. замѣтка В. Р—ва о книгѣ его*: Удаленіе проф. И. Е. Шада изъ Харьковскаго университета. (Материалы для біографическаго словаря профессоровъ Харьковскаго унив.). Харьковъ. 1899; т. LXXIX, 1163—1164. *Упомят.* т. LXXIX, 325, 326, 1227; т. LXXXII, 1183—1184.

Вагратионъ, кн., тверской губернаторъ, т. LXXIX, 254.

Вагратионъ-Мухранская, Елиз. Алдр., рожд. Ивинская, т. LXXIX, 528.

Ваденская, герцогиня Стефанія, приемная дочь Наполеона. *Замѣтка о ней*: Приемная дочь Наполеона, т. LXXXII, 1149—1151.

Важановъ, Вас. Бор., протопресвитеръ, т. LXXX, 134.

Вайронъ, англ. поэтъ. *Замѣтка о немъ*: Байронъ въ Венеціи, т. LXXXI, 1121—1123. *Упомят.*: т. LXXX, 324—325.

Вакуинны:

— Мих. Алекс., писатель-эмигрантъ, т. LXXIX, 206, 209, 211, 218, 220, 221, 225—227.

— М. М. *Статьи его*: Русскій генераль-фельдцейхмейстеръ Его Высочества Раджи Ломбокскаго, т. LXXIX, 1027—1046.—При дворѣ императора въ Суракартѣ (Соло), т. LXXXI, 639—666, 1026—1044.

— Мих. Мих., сенаторъ, т. LXXIX, 492, 493.

— П. А., писатель. *Некрологъ его*: т. LXXXI, 366—367.

Валашовъ, А-др. Дм., министръ полиціи, т. LXXXII, 993—995.

Валобанова, Е. *Библ. замѣтка Н. о переведенной ею вмѣстѣ съ О. Петерсонъ книгѣ*: Западно-европейскій эпосъ и средневѣковный романъ. Въ трехъ томахъ. Спб. 1900; т. LXXXI, 1102—1104.

Валсуновъ, І. М., археологъ, т. LXXIX, 423—424.

Вальзакъ, Оноре, франц. писатель. *Замѣтка о пятидесятилѣтней годовщинѣ смерти его*; т. LXXXII, 355—356.

Вальмонтъ, Конст. Дм., поэтъ, т. LXXXI, 722.

Ванкрофтъ, Фред., англ. писатель, т. LXXXII, 733.

Вантышъ-Каменскій, Ник. Ник., писатель, т. LXXIX, 804; т. LXXXII, 950.

Варановскіе:

— Е. И., губернаторъ, т. LXXXI, 821.

— П. И., кап.-лейт., т. LXXXII, 497—498.

Варановы:

— Ан. Панкр., т. LXXX, 519, 524.

— гр. Юл. Оед., рожд. Адлербергъ, т. LXXX, 62.

— лейтенантъ, т. LXXXII, 500—501. де-Варантъ, бар. Эм. Просп., франц. историкъ. *О немъ въ ст. В. Т.*: Иностранцы о Россіи. Бар. де-Варантъ и Николай I; т. LXXXI, 1004—1025.

Варатынскій, Евг. Абр., поэтъ, т. LXXIX, 383.

Варбернины:

— Николай, т. LXXXII, 942.

— Рафаэль, т. LXXXII, 513, 514, 942.

— Францискъ, т. LXXXII, 941.

Варнесъ, англ. археологъ, т. LXXX, 1049—1050.

Варсовъ, Петръ Ег., актеръ, т. LXXXI, 453.

Варсуковы:

— Алдр. Пл., историкъ, т. LXXXII, 750.

— Ник. Пл., писатель, т. LXXIX, 672; т. LXXXI, 475.

Вартельсъ, проф. Казанск. ун., т. LXXXI, 862.

Вартеновы:

— Арс. Ив., т. LXXXII, 815—816.

— Над. Арс., фрейлина, т. LXXXI, 41.

— Ние. Арс., т. LXXXI, 41.

— Петръ Ив., издатель «Русск. Арх.», т. LXXIX, 197, 1217; т. LXXX, 146—147; т. LXXXII, 815.

— Праск. Арс., фрейлина имп. Алекс. Оеод., т. LXXXI, 41; т. LXXXII, 816—817, 819.

— Оед. Ив., рожд. Бутурлина, супр. А. И. Б., т. LXXXII, 815—816.

Вартъ, Пауль, *Библ. замѣтка Н. Я. о книгѣ его*: Философія исторіи, какъ социологія. Перев. съ нѣм., ч. 1-я. Введение и критическій обзоръ. XIV и 424. Спб. 1900; т. LXXIX, 360—363.

Варятинскіе:

— кн. А-дръ Ив., т. LXXXI, 818—819.

— кн. Ан. Ив., т. LXXXII, 146, 155.

Варычка, Мартинъ, есендзъ, т. LXXXII, 324.

Ватуриискій, В. (псевдон.). *Статья его*: Герценъ и Тургеневъ, т. LXXIX,

203—228. *Поправка М. К. В. къ ст.*
его: т. LXXIX, 880.

Ватурины:

— т. LXXX, 510, 511.

— Фед. Герас., гв. офицеръ, т. LXXIX, 491.

Ватюшковъ, Конст. Ник., поэтъ, т. LXXX, 626; LXXXI, 474.

Вашлядовъ, А-дръ А-др., сенаторъ, т. LXXIX, 61.

Вашкировъ, А. И., археологъ, т. LXXIX, 423.

Вашкирцева, Марія, художница. *Замѣтки о ней:* Ненапечатанные отрывки изъ дневника Башкирцевой, т. LXXX, 352—355.—Конецъ дневника Башкирцевой, т. LXXXII, 738—740.

Вашмаковъ, А. А., т. LXXX, 1080—1081.

Вахтинъ, Мих. Петр., т. LXXIX, 419.

Везакъ, Ник. А-др., гев., т. LXXX, 52.

Везбородко, гр., т. LXXIX, 180, 182—183, 185: т. LXXX, 536.

Везмѣнова, К. Д., благотворительница. *Некрологъ ея:* т. LXXIX, 1238.

Возоборовъ, Вл. Павл., писатель, т. LXXIX; 308; т. LXXX, 477, 481, 483, 487, 488, 489.

Векетовы:

— цензоръ, т. LXXXI, 568.

— Никита Аван., астрах. губернаторъ, т. LXXX, 519; т. LXXXI, 850.

— Ник. Ник., академикъ, т. LXXIX, 1217.

Веклешовъ, А. А., моск. главнокомандующій, т. LXXXI, 557—558.

Векъ, А. Х., т. LXXX, 740.

Веллинсгаузенъ, О. О., командиръ Балт. флота, т. LXXXII, 490.

Вело, фр. писатель, т. LXXIX, 710, 711, 713.

Вельчиковскій, сотр. «Atheneum», т. LXXXI, 721.

Вельшъ, Магнусъ-Карлъ, премьер-майоръ, т. LXXX, 109.

Венардаки, Н., т. LXXXI, 432.

Венедиктовъ, Вл. Гр., поэтъ, т. LXXIX, 218; т. LXXX, 473—475.

Венигсенъ, гр. Леонт. Леонт., ген. отъ кав., т. LXXXII, 985—988, 995.

Венкендорфъ, гр. А-др. Христ., шефъ жандармовъ, т. LXXIX, 73; т. LXXX, 461—462, 465, 838—840; т. LXXXI, 565—570, 573—575, 577, 582—583.

Вергъ:

— Л. С., т. LXXXII, 1189.

— Ник. Вас., поэтъ, т. LXXXI, 461.

— Фед. Ник., писатель, т. LXXIX, 1000.

Верезинъ, Вл. Ил., инженеръ. *Некрологъ его:* т. LXXXII, 371.

Верингъ, А. А., моск. оберъ-полицеймейстеръ, т. LXXIX, 511—512.

Вернадотъ, т. LXXXII, 1108—1111, 1113.

Вернаръ, Сара, артистка, т. LXXX, 720.

Верне, Людв., нѣм. поэтъ, т. LXXIX, 365—366.

Верни, фр. министръ иностр. дѣлъ, т. LXXXII, 291—294.

Верри, Агнеса и Марія, т. LXXXII, 360—362.

Веррійская, герцогиня (Каролина Бурбонская). *Замѣтка о ней:* Судьбы герцогини Беррійской, т. LXXXI, 325—328.

Верхгольцъ, т. LXXXII, 267, 268, 270, 287—288.

Верхъ, т. LXXIX, 1055—1057; т. LXXX, 493, 494, 495.

Веръ, академикъ, т. LXXXI, 470.

Вестужевы-Рюмины:

— гр. А-ѣй Петр., госуд. канцлеръ, т. LXXXI, 488, 493, 503, 509—523, 825—826, 828—831, 833—846, 849—850, 853—858; т. LXXXII, 119—122, 125—129, 131—132, 135, 273, 276, 279—280, 284, 285, 289—293, 297.

— гр. Ан. Гавр., супр. Мих. Петр., т. LXXXI, 520, 521.

— гр. Мих. Петр., т. LXXXI, 509, 517—522, 825, 839—840, 856; т. LXXXII, 122, 290.

— гр. Петръ Мих., т. LXXXI, 510, 512.

— Конст. Ник., историкъ, т. LXXIX, 306, 315, 320; т. LXXX, 628; т. LXXXI, 475.

Вестъ:

— Гавр., т. LXXXI, 510.

— Яковъ, т. LXXXI, 510.

Вецкій, Ив. Ив., президентъ акад. худ., т. LXXXII, 266.

Вибиковъ, Д. Г., кievск., подольск. и волынск. ген.-губернаторъ. *Замѣтка о библиотекѣ его:* т. LXXXI, 1136—1137.

Виллингъ, капитанъ, т. LXXX, 114—115.

Вильбасовъ, Вас. Алекс., историкъ, т. LXXX, 297.

Вильдерлингъ, П. А., агрономъ. *Некрологъ его:* т. LXXXII, 761—762.

Виронъ, регентъ російскій, т. LXXXI, 490—491, 495, 497, 506, 510—512; т. LXXXII, 73—74, 1178.

Виряковъ, цензоръ, т. LXXXI, 560.

Вискупскій, начальникъ штаба, т. LXXIX, 560—561.

- Висмаркъ**, кн., горм. госуд. канцлеръ, т. LXXIX, 413—414, 847—848.
- Вистромъ**, т. LXXXII, 818, 825.
- Вю**, фр. полковникъ, т. LXXX, 654, 656—660.
- Влагово**, Дм. Дм. (въ монашествѣ архим. **Пяженъ**), т. LXXIX, 505—507, 923; т. LXXX, 61; т. LXXXI, 45; т. LXXXII, 50—52.
- Влаговъщенскій**, Н. А. *Библ. замѣтка Г. Галланина о книгѣ его*: Четвертное право. М. 1899; т. LXXIX, 792—795.
- Вланъ**, Луи, фр. историкъ, т. LXXIX, 365—366; т. LXXX, 1070.
- Влудовы**:
— гр. Ант. Дм., т. LXXXI, 45.
— гр. Дм. Ник., предсѣдатель госуд. сов., т. LXXIX, 514; т. LXXX, 285, 287, 807; т. LXXXI, 40—41, 45.
- Воборыкины**:
— Авд. Евг., рожд. Кашкина, т. LXXXII, 810—812.
— Ник. Луж., LXXXII, 811.
— Петръ Дм., писатель. *Библ. замѣтка Н. о книгѣ его*: Европейскій романъ въ XIX столѣтн. Романъ на западѣ за двѣ трети вѣка. Спб. 1900; т. LXXX, 1038—1039.
- Вобринскіе**:
— гр. А. А., археологъ, т. LXXIX, 924—925; т. LXXX, 369; т. LXXXII, 368, 1176.
— гр. А-ѣй Павл., т. LXXX, 794.
- Вобровскій**, П. О., т. LXXXII, 951.
- Вобровъ**, Евгений, проф. *Библ. замѣтка Арк. Л.—ки о книгѣ его*: Философія въ Россіи. Матеріалы, изслѣдованія и замѣтки. Вып. I, II и III. Казань. 1899—1900, т. LXXX, 671—673.
- Вогдановичъ**, Т. А., писатель, т. LXXIX, 326—327, 329, 331, 332.
- Вогдановскій**, В. Л., археологъ, т. LXXIX, 1229.
- Вогдановы**:
— Ан. Петр., проф. Моск. ун. *Замѣтка о памятникѣ ему*: т. LXXIX, 860—861.
— В. В., т. LXXX, 375.
— Д. П. *Библ. замѣтки его*: В. О. Михневичъ. Историческіе очерки и рассказы. 2 т. Спб. 1900, т. LXXIX, 1154—1156.—Г. Ахалис. Современное народоуѣднѣе. Перев. съ вѣм. О. Капелюша. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1900, т. LXXX, 324.—Г. Ф. Кнаппъ. Освобожденіе крестьянъ и происхожденіе сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ старыхъ провинціяхъ прусской монархіи. Перев. съ вѣм. Л. И. Зака. Изд. Половой. Спб. 1900, т. LXXX, 325—326.—Эд. Уексей. Аграрный переворотъ въ Англіи въ XVI вѣкѣ по свидѣтельству современниковъ. Перев. съ англ. В. Я. и И. Я. Геродъ, подъ редакціей П. А. Рубавина. Спб. 1899, т. LXXX, 326.
— О. А., географъ, т. LXXX, 748.
— протоіерей, т. LXXIX, 495, 496.
- Воголюбъ**, А-ѣй Петр., морякъ, проф. живописи, т. LXXXII, 489—490, 494.
- Вогучарскій**, В. Я. *Библ. замѣтка К. Н. о книгѣ его*: Маркизъ Лафайетъ. Историческій очеркъ. Москва. 1900. Изд. магазина «Книжное Дѣло», т. LXXXII, 345—346.
- Воде**:
— Л. М., бар., начальникъ Подольск. друж., т. LXXX, 403, 407—408.
— Л. К., президентъ моск. дворц. конт., т. LXXX, 408.
— (**Колычевъ**), М. А., бар., оберъ-гофмейстеръ, т. LXXX, 408.
- Воденштедтъ**, Фридр., нѣм. поэтъ, т. LXXIX, 707, 710; т. LXXX, 300.
- Водренъ**, археологъ, т. LXXIX, 424.
- Вожеряновы**:
— П. Н. *Библ. замѣтка Д. К. Е. о книгѣ его*: Жизнеописаніе императрицы Александры Оеодоровны, супруги императора Николая I. Вып. I. Спб. 1900. Т. LXXX, 329—330. *Замѣтка его*: Къ біографіи А. П. Кернъ, т. LXXIX, 438—439. *Поправка М. К. В. къ этой замѣткѣ*, т. LXXIX, 880.
- Волеславъ (Стыдливый)**, польскій король, т. LXXXII, 311, 319, 321, 322.
- Волотовы**:
— Андр. Тим., писатель, LXXX, 297; т. LXXXI, 486; т. LXXXII, 125, 133.
— В. В., проф. спб. дух. ак. *Некрологъ его*: т. LXXX, 754—756.
- Вонапарты**:
— Иосифъ, испанск. король, т. LXXX, 728—729.
— Людовикъ, голл. король, т. LXXX, 729—730.
— Люсьенъ. *Замѣтка о немъ*: Люсьенъ Вонапартъ и его поэма, т. LXXXI, 743—745. *Упомян.*: т. LXXX, 728.
- Вонфонъ**, Поль, фр. писатель, т. LXXXI, 1114.
- ф.-Вооль**, Вл. Георг., ген.-м., писатель. *Некрологъ его*: т. LXXIX, 871—872.

- Ворисовы:**
 — В. Л., археологъ, т. LXXXII, 1178—1179.
 — И. А., художникъ - путешественникъ, т. LXXX, 748.
 — Ник. А-др., писатель. *Некрологъ* его: т. LXXXII, 371—372.
- Ворисовъ-Корженевскій, К. А.**
Статьи его: Крутоловская тризна, т. LXXX, 843—862.—Максимъ-печальникъ, т. LXXXII, 91—117.
- Ворисъ Фодоровичъ Годуновъ, царь,** т. LXXIX, 318, 319, 320; т. LXXXII, 529.
- Воркъ, англ. посланникъ въ Константинополъ,** т. LXXXI, 831, 843.
- Вороздинъ, А-дръ Корн., проф. Спб. ун. *Статьи его:*** Студенч. научно-литер. общество при С.-Петербургскомъ университетѣ, т. LXXIX, 302—312.—Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ, т. LXXIX, 686—703.—Сто лѣтъ литературнаго развитія, т. LXXX, 242—275, 584—612, 953—978.—Великорусская народная пѣсня и ея изученіе, т. LXXXI, 206—218.—*Библ. замѣтки его:* Въ 1786 году новой. Новое изданіе Не всю и Не Ницево. Текстъ съ предисловіемъ Е. А. Лядваго. М. 1899, т. LXXIX, 1162.—Сиповскій, Пушкинъ, Байронъ и Шатобрианъ. Его же: Онѣгинъ, Ленскій и Татьяна. Спб. 1899. Т. LXXX, 824—825.—О Браунъ. Разысканія въ области гото-славянскихъ отношеній. I. Готы и ихъ сосѣди до V вѣка. Первый періодъ. Готы на Вислѣ. Спб. 1899; т. LXXXI, 280—282. В. В. Сиповскій. Н. М. Карамзинъ, авторъ «Писемъ русскаго путешественника». Спб. 1899; т. LXXXI, 1090—1093. *Упомянутъ:* т. LXXIX, 811, 1230.
- Воркъ:**
 — графъ А-др. Мих., директоръ имп. театровъ, т. LXXXI, 431.
 — граф. Ек. Ив., рожд. Мясникова, по 1-му мужу гр. Лаваль, т. LXXXI, 431.
- Воткинны:**
 — Вас. Петр., писатель, т. LXXIX, 214, 695, 807; т. LXXX, 476; т. LXXXI, 467.
 — Серг. Петр., лейбъ-медикъ, т. LXXX, 134, 150, 154; т. LXXXI, 907.
- Вотта, австр. посоль,** т. LXXXI, 513, 516, 518, 520, 521, 522, 839.
- Воляковскій, Вл. Теоф., писатель. *Библ. замѣтки его:*** А. Н. Островскій. Его жизнь и литературная дѣятельность. Биографическій очеркъ И. Иванова. Спб. 1900; т. LXXIX, 1182—1183.—Письма И. С. Тургенева къ Паулинѣ Виардо. М. 1900; т. LXXIX, 1183.—Н. Зияченко. Первое собраніе писемъ В. Г. Бѣлинскаго. Спб. 1901 (sic); т. LXXXIX, 1184.—Письма духовныхъ и свѣтскихъ лицъ къ митрополиту московскому Филарету, изданія А. Н. Львовымъ. Спб. 1900; т. LXXXI, 282. *Упомянутъ:* т. LXXX, 1075.
- Вочкарева, Ек. Мих.,** т. LXXXII, 420—422, 846, 849.
- Вочкаревъ, К. П. *Статья его:*** Городъ Лубны, т. LXXXI, 973—990.
- Врадке, д. т. сов.,** т. LXXIX, 349.
- Врадловскій, С. Н. *Статья его:*** Воспоминанія о Н. А. Лавровскомъ, т. LXXIX, 1102—1115.
- Врадейсъ, переводчикъ Пушкина,** т. LXXX, 300.
- Враницкіе:**
 — граф. А-дра Вас., рожд. Энгельгардтъ, оберъ-гофмейстерина. *Статья о ней Е. С. Шумиорскаго:* Изъ галлерей историческихъ силуэтовъ. I. Графиня А. В. Враницкая, т. LXXIX, 171—202.
 — графъ А-дръ Ксав., LXXIX, 176—177, 191.
 — графъ Владиславъ Ксав., т. LXXIX, 176—177, 179, 191, 192.
 — графъ Ксав. Петр., польскій гетманъ, т. LXXIX, 174—178, 185—188, 192, 202.
 — граф. Роза Стан., супр. Влад. Кс. Б., т. LXXIX, 192.
 — граф. Таг. В. В. Сиповскій. Н. М. Карамзинъ, авторъ «Писемъ русскаго путешественника». Спб. 1899; т. LXXXI, 1090—1093. *Упомянутъ:* т. LXXIX, 811, 1230.
- Враунъ:**
 — А., т. LXXIX, 309—310.
 — О. *Библ. замѣтка Б. А. о книгѣ его:* Разысканія въ области гото-славянскихъ отношеній. I. Готы и ихъ сосѣди до V вѣка. Первый періодъ. Готы на Вислѣ. Спб. 1899; т. LXXXI, 280—282.
- Вревертъ, т. LXXXI, 503, 518.**
- Время, В., сопр. «Deutsche Revue»,** т. LXXXII, 744—745.
- Вретель, бар., фр. полном. министр,** т. LXXXII, 124, 133, 135, 267, 286, 295—297.
- Врольи, фр. дипломатъ, т. LXXXII, 267, 279, 292, 295.**
- Вруно, Дж., итал. мыслитель. *Замѣтка объ его юбилей:*** т. LXXX, 348—350.
- Врюло, живописецъ, т. LXXIX, 46.**
- Врѣмеръ, об.-гофмаршалъ вел. кн. Петра Теоф., т. LXXXI, 619, 621, 827—829, 834, 835.**
- Вудбергъ, дипломатъ, т. LXXIX, 210.**
- Вудда, Сакія-Муни, основатель буддизма. *Замѣтка о немъ:*** Родина Будды, т. LXXXII, 719—722.

Вуканацъ, Дж., шотл. ученый. *Замѣтка о немъ*: Прародитель еврейскаго либерализма, т. LXXX, 336—338.

Вуковичъ, театр. антрепренеръ, т. LXXIX, 708.

Вулатовичъ, А. К., LXXIX, 1233.

Вулгаковы:

— А-ръ Яв., т. LXXIX, 519.

— Конст. А-др., моск. почт. директоръ, LXXIX, 519.

Вулгаринъ, Оад. Венед., писатель, т. LXXIX, 54—55; т. LXXX, 835; т. LXXXI, 574—577.

Вунге, Ник. Христ., председатель *Городскаго о книгъ его*: Дополнительное описание библиографическо-рѣдкихъ, художественно-замѣчательныхъ книгъ и драгоценныхъ рукописей, т. I—VI, Спб. 1899; т. LXXIX, 1171—1173.

Вуславъ, Фод. Ив., академикъ, т. LXXIX, 326, 345; т. LXXXI, 212.

Вутаковы:

— А-ѣй Ив., кап.-лейт., т. LXXVII, 489—490.

— А. М., начальникъ Тымов. окр., т. LXXIX, 294, 665, 669.

— Гр. Ив., т. LXXXII, 489.

Вутарикъ, т. LXXXII, 267, 291, 295.

Вутши, Э., франц. писатель, т. LXXIX, 379.

Вутовскіе:

— А-дръ Ив., сенаторъ, т. LXXX, 67—78.

— Юл. А-др., рожд. кн. Шаховская, т. LXXX, 68.

Вутурлины:

— фельдмаршалъ, т. LXXXII, 129, 133, 134.

— ярослав. губернаторъ, т. LXXXII, 878.

— Серг. Ив., т. LXXX, 492.

— Татьяна Андр., т. LXXX, 492.

Вухаринъ, Ник. Ив., т. LXXXI, 50; т. LXXXII, 501, 508.

Вычовы:

— Ав. Фод., академикъ, т. LXXIX, 863; т. LXXX, 741—743; т. LXXXI, 467, 470.

— О. А., земск. начальникъ Рыбинскаго уѣзда, т. LXXXII, 263.

Вѣгичевъ, Ив. Матв., ген., т. LXXX, 817.

Вѣдлинскій, Вис. Гр., писатель, *Библ. замѣтка Д. Корсакова*: о «Полномъ собраніи сочиненій» его, изд. подъ ред. С. А. Венгерова, т. I. Спб. 1900; т.

LXXXI, 684—689; т. LXXIX, 692, 694, 695, 696, 697, 698, 699, 807; т. LXXXI, 455.

Вѣловы:

— (—въ). *Библ. замѣтка его*: С. А. Рачинскій. Татевскій сборникъ. Спб. 1899; т. LXXIX, 383.

— А. М., т. LXXX, 1076.

— Е. А., т. LXXXI, 475.

Вѣлокуровъ, Серг. Алекс., прив.-доц. Моск. унив., т. LXXIX, 803—805; т. LXXXII, 752—753, 1198.

Вѣлдевъ, И. Т. *Статья его*: По Хевсуріи. (Отрывокъ изъ путешествія), т. LXXXII, 1057—1093.

Вѣльскій, Богдавъ, восвода, дуби-мець Ивана Грознаго, т. LXXIX, 322.

Вѣляшевскій, Н. Ф., археологъ, т. LXXIX, 1247.

Вѣнь, Нисб. Р., англ. писатель, т. LXXXI, 500—501, 503—504, 506—508, 511, 835, 836, 840, 842, 843, 845, 847, 848, 850, 852, 853, 854, 857—858; т. LXXXII, 119, 121—122, 126, 269, 273.

В.

Вагановъ, С. В., т. LXXXI, 1141.

Вагинъ, Вс. Ив., писатель. *Некрологъ его*: т. LXXXII, 1193.

Вадбольскій, кн., Н. М., коннозаводчикъ, писатель. *Некрологъ его*: т. LXXX, 1084.

Валуевъ, Петръ А-др., министръ внутреннихъ дѣлъ, т. LXXX, 890.

Вальде, Ал., перев. Пушкина, т. LXXX, 300.

фонъ-Вальденъ, М., переп. Пушкина, т. LXXX, 302.

Вальдерзъ, гр., германск. фельдмаршалъ. *Замѣтка о немъ*: Графъ Вальдерзъ въ войнѣ съ Франціей, т. LXXXII, 743—745.

Вальерусанъ, тайн. франц. агентъ, т. LXXXII, 274, 281—283.

Ваналь, франц. историкъ, т. LXXXI, 486, 502, 516; т. LXXXII, 267, 270, 276.

Ванъ-Мюйденъ, К. *Библ. замѣтка о книгъ его*: Исторія Швейцарскаго народа. Томъ второй. Переводъ съ франц. подъ ред. Э. Л. Радлова. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1900; т. LXXXI, 693—697.

Варбъ, Е. (псевдонимъ г. Браво). *Библ. замѣтка В. Городенкаго о книгъ его*: Одно изъ нашихъ центральныхъ просвѣтительныхъ учрежденій. (Очерки Румянцевскаго музея). М. 1899 г.; т. LXXIX, 801—803.

Варгунинъ, т. LXXIX, 244—245.

Варницкій, А. М., непр. членъ при-каза общества призрѣнія, т. LXXIX, 613.

Васильевскій, В. Г., проф. Спб. университета, т. LXXIX, 863; т. LXXX, 619; т. LXXXI, 475.

Васильевы:

— А. А. *Библ. замѣтка Ш. о книгѣ его*: Византія и арабы. Политическія отношенія Византіи и арабовъ за время аморійской династіи. Спб. 1900; томъ LXXXI, 287—290.

— А. В., генер.-контролеръ, писатель. т. LXXIX, 671.

— Вас. Павл., проф. Сиб. университета. *Статья о немъ В. Р.—ва*: т. LXXX, 979—982. *Упомин.*: т. LXXX, 1080.

— Вл. Ив., артистъ русской оперы. *Некрологъ его*: т. LXXXII, 372.

— М. И., графъ рожд. Кутайсона, т. LXXX, 62.

— М. И., проф. живописи. *Некрологъ его*: т. LXXXII, 762—763.

Васильцовскій, А.—дръ Дм., камергеръ, т. LXXIX, 48.

Васильчиковы:

— А. А., князь, т. LXXX, 372.

— Викт. Ил., князь, т. LXXX, 795.

— П. А., историкъ, т. LXXXI, 486, 500.

Вацлавъ, король чешскій и польскій, т. LXXXII, 311.

Вашингтонъ, генералъ. *Статья о немъ*: Заговоръ. Изъ воспоминаній Ферд. Мидльтона о генералѣ Вашингтонѣ. Рассказъ Клинтона Росса, т. LXXIX, 1135—1146. *Замѣтка о немъ*: Столѣтняя годовщина смерти Вашингтона, т. LXXIX, 401—403.

Введенскіе:

— А.—йя Андр., пр.-доц. военно-медич. академіи. *Некрологъ его*: т. LXXXI, 757.

— Арс. Ив., писат. *Библ. замѣтка Арк. Д.—ко о книгѣ его*: Общественное самосознаніе въ русской литературѣ. Критическіе очерки. Спб. 1900., т. LXXX, 676—677. *Упомин.*: т. LXXIX, 671.

— С. Н. *Статья его*: Тамбовскій списокъ Леонтія, т. LXXX, 937—952.

Вевель-фонъ-Кригеръ, Григ. Алекс., контр.—адмиралъ, ковенск. губернаторъ, т. LXXXII, 500, 889.

Вейнбергъ, Петръ Ис., писат. *Упом.*: т. LXXIX, 811. *Статья его*: Безобразный поступокъ „Вѣка“. (Изъ моихъ литературныхъ воспоминаній), т. LXXX, 472—489.

Вейсъ, Н. К., лейтенантъ, т. LXXXII, 500.

Великопольскій, Ив. Ерм., майоръ, писатель, т. LXXXI, 584.

Веллингтонъ, фельдм. *Замѣтки о немъ*: Новая біографія Веллингтона, т. LXXX, 345—347.—Развѣщиванье Веллингтона, т. LXXXI, 316.

Вельтманъ, А.—дръ Ѳом., писатель, т. LXXIX, 72.

Вельяминовъ, генералъ, т. LXXX, 817.

Венгеровъ, Семень Аван., кригикъ. *Библ. замѣтка Д. Корсакова* объ издан. подъ его редакціей «Полномъ собраніи сочиненій В. Г. Бѣлянскаго», въ 12-ти томахъ. Т. I. Спб. 1900; т. LXXXI, 684—689. *Упомин.*: т. LXXIX, 707, 710—714.

Веневитиновъ, М. А. *Статья его*: Коллекція нѣмецкихъ переводовъ Пушкина, т. LXXX, 299—302. *Упомин.*: т. LXXX, 748; т. LXXXII, 1167.

Веніаминовъ, химикъ, томъ LXXIX, 1216.

Вербловскій, Гр. Леон., д. ст. сов., писатель. *Некрологъ его*: томъ LXXXII, 1193—1194.

Вердеревскій, Евг. А.—др., писатель, т. LXXX, 355.

Веригинъ, LXXIX, 197.

Вернадскій, В. И., проф., т. LXXIX, 1220.

Верней, Эдм., франц. писатель, т. LXXIX, 410.

Верре, Андр. Ив., т. LXXIX, 501.

Верстовскій, А.—йя Ник., композиторъ, т. LXXIX, 68, 73.

Вертеловскій, А., преподав. харьк. дух. сем., т. LXXXI, 365.

Веселовскіе:

— Ив. Сем., профессоръ Московскаго университета, т. LXXXII, 422—423.

— Ник. Пв., профессоръ Спб. университета, т. LXXIX, 1228; т. LXXX, 369—370; т. LXXXII, 1175—1176.

— Ольга Андр., рожд. Бочкарева, супр. Ив. Сем., т. LXXXII, 419—422, 841—846, 849, 852, 853.

Вестъ, Альдж., англ. писатель, т. LXXIX, 852—853.

Вигель, Фил. Фил., т. с., писатель, т. LXXIX, 45—46, 48, 173, 186—189, 192, 193—196, 198, 944—945.

Виклиффъ, англ. реформаторъ XIV ст., т. LXXIX, 393—394.

Викторія, фр. принцесса, т. LXXXII, 734—735.

— англ. королева. *Замѣтка о ней*: Викторія императрица, т. LXXIX, 1207—1208. *Упомин.*: т. LXXIX, 853.

Викторовъ, т. LXXX, 64.

Вилліе, М. Я., академикъ, т. LXXXII, 1183.

— Як. Вас., бар., т. LXXX, 469.

- Вильбуа - Мариель**, фр. полковникъ, писатель. *Некрологъ* его: т. LXXX, 718—720.
- Вильгельмъ II**, императоръ германск., т. LXXIX, 332, 1202.
- Вильенисъ, В.**, англ. журналистъ, т. LXXX, 703, 704.
- Вильямсъ**, англ. посланникъ въ Спб., т. LXXXI, 487, 855—858; т. LXXXII, 119—122, 127, 273, 279—281, 284.
- Вимпфейъ**, фр. ген., т. LXXXII, 363—364.
- Виниусъ**, т. LXXXII, 523, 531, 534, 964.
- Виноградскій**, Ник. *Библ. замѣтка К. Х. о книгѣ* его: Церковный соборъ въ Москвѣ 1682 года. Опытъ историко-критическаго изслѣдованія. Смоленскъ, 1899, т. LXXIX, 796—797.
- Винтеръ**, вологодск. губернаторъ, т. LXXX, 818.
- Wierzbowski, Teodor.** *Библ. замѣтка Н. Любовича о книгѣ* его: *Materyaly do dziejów piśmiennictwa polskiego i biografii pisarzy polskich*. Т. I. 1398—1600. Warszawa. 1900. Т. LXXX, 1042—1043.
- Виссаріонъ** (Давіани), имеретинск. еписк. *Некрологъ* его: т. LXXXII, 763.
- Витгенштейнъ**, княгиня, т. LXXXI, 1137.
- Витковскій**, В. В., т. LXXIX, 1231; т. LXXX, 1079.
- Витманъ**, Гуго, т. LXXIX, 709.
- Виттъ**, графъ, т. LXXX, 456.
- Вицетелли**, Эрнстъ, англ. писатель, т. LXXXII, 269, 274, 276, 277—281, 283, 286, 288, 291.
- Вичъ**, англ. посланникъ, т. LXXXI, 487, 509, 514, 517, 518, 521, 825, 831, 850.
- Вишневецкій**, Михаилъ, король польскій, т. LXXXII, 522, 530.
- Вишняковъ**, Ник. Петр., т. LXXX, 492.
- Віардо - Гарсія**, пѣвица, т. LXXXI, 572—574.
- Віельгорскій - Матюшкинъ**, графъ, Мих. Мих., т. LXXXII, 136—141, 145—159.
- Владимірскій-Вудановъ**, М. Ф., проф. *Библ. замѣтка III-а о книгѣ* его: Обзоръ исторіи русскаго права. Изд. 3-е. Съ дополненіями. Изд. Оглоблина. 1900. Т. LXXXII, 715—716.
- Владиміръ Александровичъ**, вел. князь, т. LXXIX, 240, 253.
- Владиславлевъ**, Мих. Ив., профессоръ Спб. университета, т. LXXIX, 310.
- Владиславъ II** (Ягелло), польск. король, т. LXXX, 723; т. LXXXII, 311, 313, 314, 316, 326.
- Владиславъ IV**, польск. король, т. LXXXII, 311.
- Воеводскіе:**
— М. В., рожд. Штейнгель, т. LXXX, 103.
— Н. А., егермейстеръ, т. LXXX, 103.
- де-Волянъ**, Гр., писатель, т. LXXIX, 982, 989.
- Волковы:**
— А-дръ Гр., переводчикъ, т. LXXXI, 345.
— Леон. Петр., поэтъ. *Некрологъ* его: т. LXXXI, 1146.
— Н. В., т. LXXX, 372.
— Н. Е. *Библ. замѣтка Р—ва о книгѣ* его: Дворъ русскіхъ императоровъ въ его прошломъ и настоящемъ. Въ 4-хъ частяхъ. Спб. 1900; т. LXXX, 1036—1037.
— Я. Н., лейбъ-уланъ, т. LXXXI, 883.
— Оед. Гр., основатель русскаго театра. *Замѣтки о его юбилей:* т. LXXX, 361; т. LXXXI, 343—346. *Упомин. о немъ въ статьѣ А. А. Яриева:* Первые фабричныя театры въ Россіи (памяти О. Г. Волкова, 1750—1900), т. LXXX, 645—653.
— генераль-адъютантъ, т. LXXXII, 137, 140.
- Волконскіе:**
— князь, адъютантъ в. кн. Мих. Павл., т. LXXXI, 883.
— князь Мих. Ник., т. LXXX, 493, 494, 496, 504.
— князь Петръ Мих., министръ имп. двора, т. LXXIX, 68—73; т. LXXX, 828; т. LXXX, 572—581.
— князь С. М., директоръ имп. театровъ, т. LXXXI, 343.
— Сем. Оед., т. LXXX, 496.
- Воллестъ**, Д., сопр. «Nineteenth Century», т. LXXX, 336, 1055—1056.
- Воллинъ**, баронъ, гельсингфорскій гражд. губернаторъ, т. LXXIX, 235.
- Волончевскій**, тельшев. еписк., т. LXXXII, 893—894.
- Волькенштейнъ**, графъ, т. LXXXI, 456, 802, 811.
- Вольтеръ:**
— Э. А., бібліотекаръ имп. академіи наукъ, т. LXXXII, 763.
— Фр. М., франц. энциклопедистъ, *Библ. замѣтка С. II. о книгѣ* его: Кандидъ или оптимизмъ. Пер. съ францускаго П. И. Севаилова. Изд. товарищества «Книговъдъ», Спб. 1900; т. LXXXI, 717—718. *О немъ въ библ. замѣткѣ II. А—ча о книгѣ:* Шесть лекцій Дав. Фридр. Штрауса. Пер. съ нѣ-

мецкаго. Москва, 1900; т. LXXXI, 1093—1095. *Упомят.*: т. LXXXII, 286, 1099.

Вольфсонъ, Вил., переводчикъ Пушкина, т. LXXX, 300.

Вольфъ:

— профессоръ въ Марбургѣ, т. LXXIX, 1221.

— англійскій консулъ, т. LXXXI, 844—845.

— Мавр. Осип., петербургскій издатель, т. LXXIX, 1001—1002.

— Ос. Людв., писатель. *Некрологъ его*: т. LXXXI, 1145—1146.

Волынский, Арт. Петр., кабинетъ-министръ, т. LXXXI, 468.

Воиофатьевъ, д. с. с., т. LXXX, 448.

Воробьевъ, Г. А. *Статьи его*: Новый крестьянскій памятникъ въ царствѣ Польскомъ, т. LXXXI, 636—638. Пятидесятилѣтіе Краковскаго университета, т. LXXXII, 298—329. Ломжа, т. LXXXII, 600—617. Памятникъ русскаго монарха польскому королю въ Варшавѣ, т. LXXXII, 1051—1056. — *Замѣтка его*: Предшественникъ Колумба, т. LXXIX, 876—879. — *Библ. замѣтки его*: Памятная книжка Ломжинской губерніи на 1900 г., Ломжа, 1900; т. LXXX, 702. — Michał Kavitz-Witanowski. Monografia Leozycy. S rysunkami. Krakow. 1900; т. LXXXII, 336—338. Bonneau. Ostatni konsul generalny rzeczypospolitej francuzkiej za Stanislaw-Augusta (1759—1805). Przez Alexandra Kraushara. Lwow, 1900; т. LXXXII, 344—345. *Упомят.*: т. LXXIX, 431.

Ворошигъ, А. И., колл. асс., т. LXXX, 522, 523.

Воронцовы:

— графъ Андр. Ром., госуд. канцлеръ, т. LXXXI, 501.

— Ан. Карл., т. LXXXI, 852.

— В. Е., проф. имп. военно-медиц. академіи. *Некрологъ его*: т. LXXXI, 367.

— графиня Елис. Ксав., рожд. Бриидкая, т. LXXIX, 176, 190, 191, 192, 194—195, 196, 197.

— графъ Мих. Илар., госуд. канцлеръ, т. LXXXI, 494, 500—501, 509, 828, 830, 833, 836—838, 842, 854, 856; т. LXXXII, 120—121, 126, 128—129, 132, 135, 273, 277, 279, 281, 282—283, 285, 288—289, 291—293, 297.

— графъ Мих. Сем., новороссійскій ген.-губернаторъ, т. LXXIX, 192, 194, 195, 196, 198; т. LXXXII, 1023.

— графъ Сем. Ром., посолъ въ Англии, т. LXXIX, 180—181, 183, 185, 198.

Воронцовы-Дашковы:

— графиня Алекс. Кир., рожд. Нарышкина, т. LXXIX, 926.

— графъ Ив. Илл., т. LXXIX, 926—927.

— графъ Илл. Ив., министр имп. двора, т. LXXIX, 117.

Ворошиловъ, Кон. Вас., проф. Каз. унив. *Некрологъ его*: т. LXXIX, 872.

Воскресенскій, А. П. *Библ. замѣтка Е. о книжъ его*: Принцезы острова, ихъ прошлое и настоящее въ связи съ бытомъ древней Византіи. Въ двухъ частяхъ. Спб. 1900, т. LXXXII, 333—336.

Вревскій, ген., т. LXXXII, 152—153.

Вяземскіе:

— князь В. В., т. LXXIX, 437.

— княгини М. А., рожд. Столыпина, по 1-му браку Бекъ, супруга Павла Петр. В., т. LXXIX, 509.

— князь Пав. Петр., т. LXXIX, 509.

— князь Петръ Андр., членъ госуд. сов., писатель, т. LXXX, 733, 1075.

Вязмитиновъ, Серг. Коз., министръ полиціи, т. LXXX, 818.

Вѣтринскій, Ч. *Библ. замѣтка С. II. о книжъ его*: Въ сороковыхъ годахъ. Ист.-литер. очерки и характеристики. М. 1899; т. LXXIX, 806—807.

Г.

Гагарины:

— Андр. Павл., князь, шталмейстеръ, т. LXXXI, 52.

— Левъ Ник., князь, моск. губернс. предводитель двор., т. LXXX, 794.

— Пав. Пав., князь, предсѣдатель госуд. сов., т. LXXIX, 624; т. LXXXI, 52.

— С. С., князь, директоръ спб. имп. театровъ, т. LXXIX, 995.

— князь, д. ст. с., ворон. губ. предводитель двор., т. LXXIX, 624—629.

— Оед. Серг., князь, т. LXXXII, 85—86.

Гадэнь, Э., швед. дипломатъ, т. LXXX, 342—343.

Гаккель, Н. А., академикъ архитектуры. *Некрологъ его*: т. LXXX, 755.

Галатовъ, К. К., подполковникъ, т. LXXIX, 984—985.

Галафеевъ, Ап. Вас., севастон. комендантъ, т. LXXXII, 498.

Галаховы:

— А-др. А-др., офицеръ, т. LXXXI, 53—54.

— А-ѣй Дм., писатель, т. LXXIX, 674; т. LXXXI, 467.

Галкинъ-Враскій, М. Н., сенаторъ, т. LXXIX, 1084; т. LXXX, 287—289.

- Галланниъ, Г.** *Библ. замѣтки его: М. Дьяконовъ.* 1. Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ (въ XVI—XVII вѣкахъ). Изд. археографич. комиссіи. Спб. 1899.— 2. Акты, относящіеся къ исторіи тяглаго населенія въ Московскомъ государствѣ. Вып. I. Крестьянскія порядныя, т. LXXIX, 370—372.— Четвертное право. Изслѣдованіе Н. А. Благовѣщенскаго. М. 1899, т. LXXIX, 793—795. Felix de Rocca. Les assemblées politiques de la Russie ancienne. Les Zemskіe sobors. Etude historique (œuvre posthume). Paris. 1899, т. LXXIX, 1162—1154.— *Е. И. Якушкинъ.* Обычное право русскихъ инородцевъ. Матеріалы для бібліографіи обычнаго права. Москва. 1899; т. LXXX, 303—304.— *Н. Д. Чечулинъ.* Русскій социальный романъ XVIII в. Спб. 1900, т. LXXX, 1032—1035.
- Гальваннъ, т.** LXXX, 724—725.
- Гальардъ, фр. писатель,** т. LXXXII, 267—268, 286.
- Гальаръ, полковникъ,** т. LXXIX, 558.
- Гамалѣя, Пл. Як., т.** LXXX, 439.
- Гамбаровъ, Ю. С., проф. Моск. ун.** *Библ. замѣтка Д. объ изданной подъ его редакціей книгѣ:* Сборникъ по общественно-юридическимъ наукамъ. Вып. 1-й. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1899, т. LXXIX, 1180.
- Гамбургеръ, Андр. Ѳед., ст.-секретарь,** т. LXXX, 740—741.
- Гамилѣтъмъ, Баратъ, агентъ англ. прав., изслѣдователь Камчатки,** т. LXXX, 351—352.
- Ганъ, Елена,** т. LXXX, 300.
- Гардинеръ, С., проф., т.** LXXX, 1055.
- Гаррисонъ, А. И., педагогъ, писатель.** *Некрологъ его:* т. LXXIX, 1238—1239.
- Гастонъ, Буассье, Библ. замѣтка А. С—ва о книгѣ его:** Госпожа де-Севиные. Москва, 1900, т. LXXXI, 706—708.
- Гаугеръ, А. К., членъ спб. судебной палаты.** *Некрологъ его:* т. LXXIX, 1239.
- Гаусратъ.** *Библ. замѣтка А. И—ва о книгѣ его:* Средсвѣковыя реформаторы. Пер. съ нѣмецкаго подъ ред. Ю. Л. Радлова. Томъ I-й и II-й. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1900, т. LXXXI, 290—293.
- Гачковскій, Г. И., врачъ, писатель.** *Некрологъ его:* т. LXXX, 1085.
- Гвндонн, Берн., папскій инквизиторъ,** т. LXXX, 725.
- Ге, художникъ,** т. LXXX, 138—143, 155.
- Гедесковы:**
— А. М., директоръ имп. театровъ, т. LXXIX, 691; т. LXXXI, 573, 578, 580, 584.
- С. А., директоръ имп. армитажа, т. LXXIX, 701—702.
- Гезеліусъ, Ф., д-ръ, ред. «St.-Petersburger Herald».** *Некрологъ его:* т. LXXX, 755—756.
- Гейденъ:**
— А. Ѳ., графъ, т. LXXIX, 306—308.
— Ѳед. Лог., графъ, членъ-госуд. сов., т. LXXXII, 372—374.
- Гейзъ, англ. писательница,** т. LXXXI, 321—322.
- Гейкъ, профессоръ.** *Библ. замѣтка Р. Г. о книгѣ его:* Monographien zur Weltgeschichte. Liebhuber - Ausgaben. (In Verbindung mit anderen herausgegeben von Ed. Heyck. Verlag von Velhager und Klasing in Bielefeld und Leipzig), т. LXXIX, 374—375.
- Гейльбронъ, Эрн., сотр. «Aeneum»,** т. LXXXI, 722.
- Гейманъ, химикъ, проф. Моск. унив.,** т. LXXIX, 1217.
- Геймъ, Ив. Андр., лексикографъ,** т. LXXX, 821.
- Гейне, Генр., нѣм. поэтъ,** т. LXXIX, 365—366.
- Гейнциъ, Е. А., т.** LXXIX, 860.
- Гельвадъ, Фрид., нѣм. ученый.** *Библ. замѣтки о книгѣхъ его:* — *о ва о кн.:* Земля и ея народы. Томъ III. Живописная Европа. Томъ IV. Живописная Африка. Спб. Изд. П. П. Сойкина. 1899, т. LXXIX, 1165—1166.— *II. А—ча о кн.:* Исторія культуры. Въ трехъ томахъ. Пер. подъ ред. М. Филиппова. Спб. 1900, т. LXXXII, 338—342.
- Гельдъ, Адольфъ.** *Библ. замѣтка К. о переводѣ его книгъ:* Развитие крупной промышленности въ Англіи. Спб. 1899, т. LXXIX, 814.
- Гельцеръ, нѣм. ученый,** т. LXXXI, 1109, 1111.
- Генкель, проф. въ Фрейбергѣ,** т. LXXIX, 1221.
- Генрихъ IV, т.** LXXXII, 537, 1109.
- Генсбрехъ, гр., сотр. «Deutsche Revue»,** т. LXXX, 724; т. LXXXII, 350.
- Георгиевскій, В. Т., археологъ,** т. LXXIX, 384.
- Георгій Александровичъ, вел. князь, наслѣдникъ-цесаревичъ,** т. LXXIX, 357; т. LXXX, 148.
- Георгъ I, англ. король,** т. LXXX, 703—705.
- Георгъ IV, англ. король.** *Замѣтка о немъ:* Георгъ IV въ Ирландіи, т. LXXX, 713—714.
- Георгъ, ганнов. курфюрстъ,** т. LXXXI, 510.
- Геппенеръ, Р.** *Библ. замѣтка его:* Monographien zur Weltgeschichte. Lieb-

huber-Ausgaben. (In Verbindung mit anderen herausgegeben von Ed. Heuck. Verlag von Veihager und Klasing in Bielefeld und Leipzig), т. LXXIX, 374—375.

Герасимовъ, Н. И. *Библ. замѣтка А. Н.—го о переведенной имъ книгѣ Рису-Давида:* Восточная бібліотека. Т. П. Буддійскія сутты. Съ примѣчаніями и вступительной статьей. М. 1900; т. LXXX, 330—331.

Гердъ, В. Я. и И. Я. *Библ. замѣтка Д. Б.—а о переведенной ими книгѣ:* Эдуардъ Чекей. Аграрный переворотъ въ Англіи въ XVI вѣкѣ по свидѣтельству современниковъ. Подъ ред. Н. А. Рубакина. Спб. 1899; т. LXXX, 326.

Герддорфъ, бар., представитель курфюрства саксонск. и короля польск., т. LXXXI, 831.

Геренеръ, проф. *Библ. замѣтка Е. о переводѣ его книги:* Рабочій трудъ въ Зап. Европѣ. Изд. журн. «Образованіе». Спб. 1899; т. LXXIX, 1176—1177.

Гермогенъ, патриархъ, т. LXXIX, 319.

Геродотъ, греч. историкъ. *Замѣтка о немъ:* Геродотъ и Фукидидъ, т. LXXIX, 1185—1186.

Герценъ:

— А-дръ А-др., проф. дозан. ун., т. LXXIX, 223.

— А-дръ Ив., писатель. *Статья о немъ В. Батурицкаго:* Герценъ и Тургеневъ, т. LXXIX, 203—228. *Упомин.:* т. LXXIX, 880; т. LXXX, 486—487; т. LXXXI, 446; т. LXXXII, 359—360.

Герифельдъ, Марія. *Библ. замѣтка А. Д. о книгѣ ея:* Скандинавская литература и ея современная тенденція. Переводъ слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ подъ ред. И. А. Шляпкина. Спб. 1900, т. LXXX, 322—323.

Гѣрцъ, К. К. *Библ. замѣтка А. М.—а о книгѣ его:* Собраніе сочиненій, изданное Императорскою Академіею Наукъ на средства капитала имени проф. К. К. Гѣрца. Вып. 1-й: Археологическая топографія Таманскаго полуострова. Вып. 2-й: Историческій обзоръ археологическихъ изслѣдованій и открытій на Таманскомъ полуостровѣ. Вып. 3-й: Письма изъ Италіи и Сициліи. Вып. 4-й: О состояніи живописи въ Сѣв. Европѣ, отъ Карла Великаго до начала Романской эпохи. Вып. 5-й: Статьи по археологій восточной, классической и древне-христіанской. Спб. 1898—1900; т. LXXX, 691—693.

Гершензонъ, М. О., т. LXXX, 299, 302.

Гершманъ, Гансъ, перев. Пушкина, т. LXXX, 300.

Гете, Иог., нѣм. писатель, т. LXXIX, 416—417; т. LXXXI, 561.

Геффдингъ, Г. *Библ. замѣтка И. о книгѣ его:* Історія новѣйшей философіи. Изд. ред. журнала «Образованіе». Спб. 1900; т. LXXXII, 713—715.

Гиббинсъ, Г. Б., англ. писатель. *Библ. замѣтка Д. Е.—а о переводѣ соч. его:* Очеркъ исторіи англійской торговли и колоній. Спб. 1899; т. LXXIX, 385.

Гизо, Гильомъ, фр. писатель, т. LXXXI, 1114, 1116.

Гилъровъ-Платоновъ, Н. П. *Библ. замѣтка В. Никольскаго о книгѣ его:* Сборникъ сочиненій. Изд. К. П. Побѣдоносцева. Тт. I и II. Москва. 1899—1900; т. LXXXI, 268—272.

Гильомъ, Ж., сотр. «Revue bleue», т. LXXX, 1070—1071.

Гиндфордъ, англійскій посланникъ, т. LXXXI, 487, 842, 843, 844, 846, 853.

Гирсъ, Д. К., т. LXXIX, 982, 989.

Гладстонъ:

— англ. госуд. дѣятель, т. LXXIX, 852—853.

— супр. госуд. дѣятеля Англіи. *Некрологъ ея:* т. LXXXI, 322—323.

Глинка:

— Гр. Андр., цензоръ, т. LXXXI, 565.

— Мих. Ив., композиторъ, т. LXXIX, 438—439, 880.

— С. О., т. LXXIX, 307.

Глинскій, Бор. Бор., писатель. *Статья его:* Университетскіе уставы (1755—1884 гг.), т. LXXIX, 324—351, 718—742.—Фл. Фед. Павленковъ (*некрологъ*), т. LXXIX, 1129—1134. *Библ. замѣтки его:* В. П. Горленко. Украинскія были. Описанія и замѣтки. К. 1899; т. LXXIX, 805—806. Д. А. Линева (Далинъ). Третья книга «Не сказокъ». Спб. 1900; т. LXXIX, 1170—1171. *Упомин.:* т. LXXIX, 307; т. LXXXII, 950.

фовъ-Глюмеръ, Кл., перев. Пушкина, т. LXXX, 301.

Гвѣдиць, Ник. Ив., писатель, т. LXXIX, 45, 51, 52—53, 676.

Гобсонъ, Дж. *Библ. замѣтки о книгѣ его:* (Д). Общественные идеалы Рѣсвина. Изд. т-ва «Знаніе», подъ ред. Д. Протопопова. Спб. 1899, и К. Т. Солдатенкова. М. 1899, т. LXXIX, 1174.—(А. Никитинскаго). Авторъ «Эволюціи современнаго капитализма». Проблемы бѣдности и безработицы. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1900; т. LXXXI, 716—717.

Гоголь, Ник. Вас., писатель, т. LXXIX, 521, 692, 807, 929—930, 933—934; т. LXXXI, 442—443, 445—446, 459, 462, 465—466, 567; т. LXXXII, 1181.

Гогоцкій, С. С. *Статья его:* Повѣдка въ Полѣсье, т. LXXXII, 207—244.

Годженикъ, Е., т. LXXXII, 270, 277, 278.

Годженикъ, Томасъ, англ. писатель, т. LXXIX, 390—391.

Голенищевы-Бутузовы:

— Арс. Арк., поэтъ, т. LXXX, 368; т. LXXXI, 476.

— Ив. Лог., адмиралъ, директоръ морск. корп., т. LXXX, 126, 430—431.

Голенищевъ-Бутузовъ-Смоленскій, кн. Мих. Илар., ген.-фельдмаршалъ. *О немъ въ замѣткѣ*: Торжество въ Кутузовской избѣ, т. LXXXII, 365. *Упомят.*: т. LXXX, 816; т. LXXXII, 1115.

Голи, Ж., сотр. «*Revue de Paris*», т. LXXX, 358—360.

Голицыны:

— А. Л., князь, *Замѣтка* его: Историческая справка о Гурьевской кашѣ, т. LXXIX, 418—419.

— А-дръ Ник., князь, д. тайн. сов. министр нар. проsv. и дух. дѣлъ, т. LXXX, 61, 452—453, 829, 831, 832; т. LXXXI, 561, 563.

— А-дръ Фед., князь, ст. секретарь, т. LXXX, 62.

— Ан. Алекс., княгиня, рожд. бар. Строгонова, супр. кн. М. М. Г., томъ LXXX, 56.

— Ал. Матв., княгиня, рожд. Толстая, супр. Леон. Мих. Г., т. LXXX, 70.

— Варв. Вас., княгиня, рожд. Энгельгардтъ, т. LXXIX, 172, 174, 189; т. LXXX, 70.

— Варв. Серг., княгиня, рожд. Румянцова, т. LXXIX, 525.

— Вас. Вас., т. LXXXII, 964, 965.

— Вас. Петр., князь, т. LXXIX, 61.

— Вл. Дм., князь, т. LXXXI, 49.

— Вл. Серг., князь, т. с., т. LXXX, 70.

— Вѣра Дм., княгиня, т. LXXX, 54—55.

— Дм. Вл., князь, моск. ген.-губернаторъ, т. LXXIX, 51—52, 383; т. LXXXI, 49, 51, 561—564, 578; т. LXXXII, 816, 846—847.

— Д. Г., князь, т. LXXX, 170.

— Евд. Ив., княгиня, рожд. Измайлова, супр. С. М. Г., т. LXXX, 57.

— Ив. Мих., князь, т. LXXX, 62; т. LXXXI, 45, 431.

— Леон. Мих., князь, д. ст. с., т. LXXX, 70.

— Луиза Троф., княгиня, рожд. Баранова, супр. М. Ф. Г., т. LXXX, 62, 65.

— Мих. Мих., князь, ген.-поручикъ, т. LXXX, 56.

— Мих. Фед., князь, т. LXXX, 62.

— Н. В., князь, т. LXXIX, 804.

— Ник. Серг., князь, т. LXXX, 61.

— Петръ Ник., князь, т. LXXX, 61.

— Серг. Мих., князь, предсѣдатель моск. опекунск. сов., т. LXXX, 56—58, 807, 812.

Голокъ, Дж., англ. писатель, томъ LXXX, 347—348.

Головина, В. Н. *Библ. замѣтка Ш. о Запискахъ* ея, пер. съ франц. подъ ред. и съ примѣч. Е. С. Шумигорскаго, съ 3 портр. Спб. 1900; т. LXXXI, 1107.

Головкины:

— графъ, т. LXXXI, 492, 504.

— Ф. Г., гр. *Статья* его: Характеристика Суворова. (Отрывокъ изъ неизданныхъ записокъ); т. LXXX, 525—529.

Головинъ, А. В., министр нар. проsv., т. LXXIX, 351, 680, 725.

Головщиковъ, К. Д., писатель. *Некрологъ* его: т. LXXIX, 1239.

Голохвастовъ, Д. П., т. LXXX, 490.

Голубевъ, С. Г., проф. Моск. ун., т. LXXXII, 751.

Голышевъ, И. А. *Библ. замѣтка С. П. о «Собрании сочинений его»*. Подъ ред. А. Э. Мальмгрена, томъ первый, выпускъ второй. Спб. 1899. Т. LXXXI, 718.

Гондати, Н. И., т. LXXIX, 860.

Гончаровъ, Ив. Ал-др., писатель, т. LXXIX, 700—701; т. LXXX, 475, 618; т. LXXXI, 471, 475.

Гончевичъ, Спиридонъ, австрійско-сербскій публицистъ. *Библ. замѣтка Л. о книгѣ* его: Старая Сербія и Македонія. Историко-этнографическое изслѣдованіе. Перев. съ нѣм. М. Г. Петровичъ. Спб. 1899. Т. LXXIX, 380—383.

Горавскій, А. Г., академикъ живописи. *Некрологъ* его: т. LXXX, 756.

Горбуновъ-Посадовъ, И. И., писатель, т. LXXX, 137.

Горголій, ген., т. LXXIX, 1051.

Гордонъ.

— Г., переводчикъ, т. LXXIX, 411.

— Петръ Ив., т. LXXXII, 512, 513, 517, 520, 521, 951, 955, 966.

Горюхенко:

— М. Ф., инспекторъ морск. корп., т. LXXXII, 484.

— вице-адмиралъ, т. LXXIX, 237, 248, 252.

Горленко:

— т. LXXX, 628.

— В. П. *Библ. замѣтка Б. Глинскаго о книгѣ* его: Украинскія быдл. Описанія и замѣтки. К. 1899. Т. LXXIX, 805—806.

Горнфельдъ, А. Г. *Библ. замѣтка П. К.—аго объ переведенной* подъ его ред.

жизнь: Монтескье. О духъ законовъ. Со вступительной статьей М. М. Ковалевскаго. Изд. Л. Ф. Пантелѣва. Спб. 1900. Т. LXXXII, 704—706.

Городецкій, Бор. Митр. *Библ. замѣтки его*: Е. Варбъ. Одно изъ нашихъ центральныхъ просвѣтительныхъ учреждений (Очерки Румянцевскаго музея). М. 1899; т. LXXIX, 801—803. — А. Е. Бурцовъ. Дополнительное описание библиографическо-рѣдкихъ, художественно-замѣчательныхъ книгъ и драгоценныхъ рукописей. Т. I—VI. Спб. 1899; т. LXXIX, 1171—1173. — Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей, Д. Д. Языкова. Вып. восьмой. Русскіе писатели, умершіе въ 1888 году. Москва. 1900; т. LXXXI, 709—710. *Некрологи русскихъ писателей и общественныхъ дѣятелей, составл. имъ*: т. LXXIX, 871—876, 1237—1245; т. LXXX, 377—384, 754—760, 1083—1088; т. LXXXI, 366—375, 756—760, 1144—1152; т. LXXXII, 370—376, 761—767, 1193—1196. *Упомят.*: т. LXXXII, 1182—1183.

Городчаниновы:

— Гр. Ник., проф. Казанск. ун. *О немъ въ статьѣ Б. Н. Агафонова*: Казанскіе поэты, т. LXXXI, 592—594. *Упомят.*: т. LXXXI, 875—880; т. LXXXII, 767.

— Ник. Гр., писатель, т. LXXXI, 593.

Городцовъ, Г., т. LXXXI, 360.

Гоффе, В. И., т. LXXXI, 360.

Горчаковы:

— Ал-дръ Мих., князь, госуд. канцлеръ, т. LXXIX, 254—263.

— Андр. Ив., князь, т. LXXIX, 524.

— Вас. Ник., князь, военн. губернаторъ въ Ревелѣ, т. LXXX, 445—448.

— И. Р., т. LXXX, 519, 535.

— П. Д., князь, ген.-губернаторъ Зап. Сибири, т. LXXX, 840.

— князь, т. LXXXII, 198, 146, 151—153, 157.

Горшковъ, ген., т. LXXIX, 556, 559.

Грабе, Пав. Христ., наказн. атаманъ войска Донскаго, т. LXXX, 170—171.

Грабовскій, генералъ, т. LXXX, 500.

Градовскій, А-др. Дмитр., профессоръ Спб. унив., т. LXXIX, 304.

Грамагчиновъ, т. LXXIX, 671.

Грановскій, Тим. Ник., профессоръ Моск. ун. *Библ. замѣтка П. Е. о «Сочиненіяхъ» его*: (М. 1900). Т. LXXXII, 1132—1133. *Упомят.*: т. LXXIX, 807; т. LXXXI, 454, 462—463, 464.

Грантъ-Дуфъ, англ. полит. дѣятель, т. LXXX, 357.

Гребенка, Евгеній Павл., писатель.

Статья о немъ А. С.-скаго: Къ воспоминаніямъ объ Е. П. Гребенкѣ. Т. LXXXII, 1011—1020. *Поправка къ «Воспоминаніямъ»*, т. LXXXI, 1152.

Trevelyan, George Macaulay. *Библ. замѣтка В. К. о книгѣ его*: England in the age of Wycliffe. London. 1899. Т. LXXXI, 293—294.

Гревсъ, И. М., прив.-доцентъ Спб. ун. *Библ. замѣтка А. М-на о книгѣ его*: Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія (преимущественно во время имперіи). Томъ I. Спб. 1899. Т. LXXX, 1039—1042. *Замѣтка о диспутѣ его*: т. LXXXI, 349—351.

Грегоровіусъ, Ферд. *Библ. замѣтка о книгѣ его*: Исторія города Аонія въ средніе вѣка отъ эпохи Юстиніана до турецкаго завоеванія. Пер. съ нѣмецкаго. Спб. 1900. Т. LXXXI, 689—693.

Грейгъ, т. LXXIX, 260—261, 1054.

Гренфель, Берн., англ. археологъ, т. LXXX, 1050.

Grenzstein, А. *Библ. замѣтка Д. З. о книгѣ его*: Herrenkirche oder Volkskirche. Eine Stimme im baltischen Chor. Iurjew. 1899, и о книгѣ проф. М. Красножова: Эстонцы и нѣмцы въ Прибалтійскомъ краѣ. По поводу книги А. Grenzstein'a: «Herrenkirche oder Volkskirche?» Юрьевъ. 1900. Т. LXXXI, 710—711.

Грессеръ:

— Ал-др. Ал-др., адъют. в. вн. Мих. Пав., т. LXXXII, 429.

— Варв. Ник., рожд. Кашкина, сунр. А. А., т. LXXXII, 429, 809.

Гречъ, Ник. Ив., писатель, т. LXXIX, 691, 944; т. LXXX, 835; т. LXXXI, 195.

Грабовскій, т. LXXIX, 184—185.

Грибоѣдовъ, А-дръ Серг., писатель, т. LXXIX, 48; т. LXXX, 618; т. LXXXI, 193—194, 196, 198, 200, 462, 567.

Григорій IX, папа римскій, т. LXXX, 725.

Григорій XIII, папа римскій, т. LXXXII, 943.

Григорова, Мар. Мод., рожд. б. Корфъ, т. LXXXI, 55—56.

Григоровичи:

— А. П., д-ръ, т. LXXXI, 887, 889, 891.

— Вас. Ил., т. LXXIX, 687.

— Дм. Вас., писатель. *Статья о немъ А. Е. Бороздина*: Д. В. Григоровичъ, т. LXXIX, 686—703. *Упомят.*: т. LXXIX, 1230—1231; т. LXXXI, 475.

— Евг. Елис., статистикъ. *Некрологъ его*: т. LXXIX, 872.

- Григорьевы:**
— явутскій губернаторъ, т. LXXXI, 892.
— А. В., секретарь геогр. общ., т. LXXIX, 426, 1232.
— А. Д., т. LXXXII, 1190.
— Апп. Алекс., писатель, т. LXXIX, 674—675, 685; т. LXXX, 699—700; т. LXXXI; 991, 993, 995—996, 1000—1001.
Грильпарцеръ, Фр., австр. драматургъ. *Замѣтка о немъ:* Францъ Грильпарцеръ, т. LXXXII, 356—359.
- Гришки:**
— Бар. Фр. Мельх., посланникъ Екатерины II, т. LXXXII, 265, 266.
— Эрв. Дав., прив.-доцентъ Спб. ун. *Замѣтка о диспутѣ его,* т. LXXXI, 347—349.
Гринъ, англ. писательница, т. LXXIX, 828—830.
Гродековъ, Н. И., помощн. приамурск. ген.-губернатора, т. LXXX, 897—898, 900—902, 904, 906.
Громека, С. С., писатель, т. LXXIX, 992.
Гроссъ, русскій посланникъ въ Берлинъ. *Замѣтка о немъ:* Воспоминанія Гросса о Наполеонѣ и русскихъ въ 1813 г., т. LXXXII, 351—356. *Упомин.:* т. LXXXI, 856.
- Гротъ:**
— Ник. Як., проф. Моск. унив., т. LXXIX, 427—428.
— Яв. Карл., академикъ, т. LXXXII, 266.
- Грудзинскій, Ф. И.**, врачъ, писатель. *Некрологъ его:* т. LXXIX, 1240.
- Грузинскіе:**
— А. Е., т. LXXXII, 754, 1180.
— гр. Ник. Як., членъ кабинета его велич., т. LXXIX, 930.
— гр. Серг. Як., вице-презид. моск. дв. конт., т. LXXIX, 930.
— гр. Як. Яв., директоръ моск. лесни. фабр., т. LXXIX, 930.
- Грулевъ, М.** *Статья его:* Изъ поѣздки въ Манчжурію, т. LXXXI, 945—972.
- Грюнбергеръ, Ю. О.**, упр. контр. журн. «Нива». *Некрологъ его:* т. LXXXII, 1194.
- Гуанъ-суй,** китайскій императоръ. *Замѣтка о немъ:* Болѣзнь китайскаго императора, т. LXXXI, 1132—1133.
- Губеръ, Эд. Ив.**, поэтъ, т. LXXIX, 692.
- Гудовичъ, гр. Ал-дръ Ив.**, фельдмаршалъ, т. LXXIX, 931—932; т. LXXX, 425, 807; т. LXXXI, 46.
- Гумбертъ I,** итал. король. *Замѣтка о немъ:* Смерть итальянскаго короля Гумберга I, т. LXXXI, 739—741.
- Гунаропуло, С. А.** *Статья его:* Въ Турьменской степи. (Изъ записокъ черноморскаго офицера), т. LXXXII, 565—583, 1033—1050.
- Гундоровъ,** поэтъ, т. LXXXI, 594.
- Гунтъ, Арт.** англ. археологъ, т. LXXX, 1050.
- Гурьевъ, Дм. Ал-др., гр.**, министр финансовъ, т. LXXIX, 418—420; т. LXXX, 831.
- Гурскій, К. М.**, проф. Краков. унив., т. LXXXII, 315, 318.
- Гусевъ, П. А.**, археологъ, т. LXXIX, 424.
- Густавъ-Адольфъ,** шведскій король, т. LXXX, 342; т. LXXXII, 59, 324, 426, 1105—1109.
- Гутенъ-Чапскій, гр. Э.**, нумизматъ, т. LXXXII, 328.
- Гуттенбергеръ,** Іоаннъ, изобрѣтатель книгопечатанія. *Замѣтка о немъ:* Юбилей Гуттенберга, т. LXXXI, 303—307. *Упомин.:* т. LXXX, 1076.
- Гюго, Викторъ,** фр. писатель. *Замѣтка о немъ:* Что видѣлъ Викторъ Гюго, т. LXXIX, 844—847. *Упомин.:* т. LXXIX, 715.
- Гюйо, М.** *Библ. замѣтка Д. К. Е.—ва о книгѣ его:* Воспитаніе и наслѣдственность. Соціологическое изслѣдованіе. Изд. тов. «Знаніе». Спб., 1900, т. LXXX, 695—696.

Д.

Давыдовы:

- Вас. Дев., т. LXXIX, 528.
— Вас. Евд., т. LXXX, 810; т. LXXXI, 55.
— Дев. Вас., партизанъ, т. LXXX, 810.
— Евд. Вас., т. LXXX, 810.
— Ек. Ник., рожд. Ермолова, т. LXXXI, 55, 423—424.
— Нат. А-др., рожд. Ивинская, супр. В. Д., т. LXXIX, 528.
— Ник. Евд., т. LXXX, 810; т. LXXXI, 55.
- Даль, Вл. Ив.**, писатель, т. LXXIX, 697; т. LXXXII, 1012.
- Даллонъ,** секретарь фр. посольства, т. LXXXI, 516—519, 521, 522, 825, 827, 828, 832—838, 846, 852; т. LXXXII, 275.
- Дандевиль, М. В.** *Статья его:* Враждующій аулъ. (Изъ записокъ маленькаго администратора), т. LXXXI, 92—109.
- Данзасъ,** рожд. Закревскал, по 2-му браку—гр. Гудовичъ, т. LXXIX, 932.

- Данковъ**, казанск. протоіерей, т. LXXXI, 595—596.
- Даниловичъ**, т. LXXXIX, 116.
- Даниловъ**, П. *Статья его*: Забытая писательница, т. LXXXI, 193—205.
- Данте-Алигieri**, итал. поэтъ. *Замѣтка о немъ*: Данте, какъ человекъ, т. LXXXIX, 822—824. *Упомян.*: т. LXXXII, 349—350.
- Дауденъ**, англ. писатель, т. LXXXIX, 838—839.
- Дашковы**:
— В. А., директоръ Румянцевск. моск. музея, т. LXXXII, 1167.
— Дм. Вас., министръ юстиціи, т. LXXX, 285—286, 294.
— Ек. Ром., кн., рожд. Воронцова, писательница, т. LXXXIX, 425; т. LXXX, 820; т. LXXXI, 854; т. LXXXII, 273, 278.
- Дворянскій**, Е. Н., предсѣдатель св. Владим. братства во Влад.-Волын., т. LXXXII, 756.
- Девригъ**, А. Ф., т. LXXXIX, 800—801.
- Дедемъ-ванъ**, бар. Ант., фр. генералъ, т. LXXXI, 219—243.
- Деллауръ**, Альб., англ. писатель, т. LXXX, 726—727.
- Делафонъ**, нач. Смольн. инст., т. LXXX, 531, 532, 534, 535.
- Дельнигъ**, Ант. Ант., бар., поэтъ, т. LXXXIX, 439, 880.
- Делиновъ**, Ив. Дав., гр., министръ нар. просв., т. LXXXIX, 41, 325, 347, 680—681, 727.
- Демаре**, авторъ мемуаровъ, т. LXXX, 710—711.
- Дембовецкій**, А. С., т. LXXX, 752.
- Демертъ**, Ник. А-др., писатель. *О немъ съ ст. Б. Н. Алаонова*: Казанскіе поэты, т. LXXXI, 597—598.
- Демидовскій**, д. с. с., т. LXXXI, 60.
- Демидовы**:
— Н. И., директоръ пажеск. корп., т. LXXXIX, 802.
— Пав. Ник., т. LXXXI, 432.
— Пав. Пав., т. LXXXI, 432.
- Демидовъ-Савъ** - *Донатъ*, кн. П. П., т. LXXXIX, 818—821.
- Державинъ**, Гавр. Ром., министръ юстиціи, поэтъ, т. LXXXIX, 173; т. LXXXI, 591, 595.
- Деркачевъ**, Н., т. LXXXIX, 346.
- Держинскій**, В. О. *Библ. замѣтка К. П. А — ча о переведенной подь его ред. книгъ*: Платформа, ея возникновеніе и развитіе. (Исторія публичныхъ митинговъ въ Англіи). Сочиненіе Генри Джефсона. Спб., 1900, т. LXXXII, 706—708.
- Деруладъ**, Поль. *Замѣтка о немъ*: Военная служба и пѣльнъ Поля Дерулада, т. LXXXIX, 848—851.
- Джанашвили**, М. Г. *Библ. замѣтка А. Хат-ова о книгъ его*: Царица Тамара. (Съ обзоромъ грузинской исторіи и литературы до эпохи Тамары). Тифлисъ, 1900, т. LXXX, 682—683.
- Джаншievъ**, Гр. Авет., юристъ, писатель. *Некрологъ его*: т. LXXXI, 1146. *Упомян.*: т. LXXXII, 754.
- Джераръ**, Виртъ, англ. писатель, т. LXXX, 351—352.
- Джефсонъ**, Генри. *Библ. замѣтка К. П. А — ча о книгъ его*: Платформа, ея возникновеніе и развитіе. (Исторія публичныхъ митинговъ въ Англіи). Пер. съ англ. Н. Н. Мордвиновой, подъ ред. проф. В. О. Дерюжинскаго. Спб., 1900, т. LXXXII, 706—708.
- Дибичъ**, Ив. Ив., бар., ген.-фельд-маршалъ, т. LXXXIX, 1047, 1053; т. LXXX, 454—457, 462, 465.
- Диккенсъ**, Г., англ. посланникъ въ Петербургъ, т. LXXXI, 856—857.
- Диксонъ**. *Библ. замѣтки его*: Основныя начала государственнаго права. Соч. А. Эмена, проф. париж. юрид. фак. Перев. съ фр. подъ ред. и съ предисл. М. М. Ковалевскаго. Изд. К. Т. Солдатенкова. Т. I и II. М. 1899, т. LXXXIX, 377.—М. Леклеркъ. Воспитаніе и общество въ Англіи. Спб. 1898, т. LXXXIX, 388—380.—Вл. Стасовъ. Над. Вас. Стасова. Воспоминанія и очерки. Спб. 1899, т. LXXXIX, 807—809. Дж. Гобсонъ. Общественные идеалы Рѣскина. Изд. т-ва «Знаніе», подъ ред. Д. Протопопова. Спб. 1899. Изданіе К. Т. Солдатенкова. М. 1899, т. LXXXIX, 1174—1176.
- Дилакторскій**, Пр. *Библ. замѣтка А. Круглова о книгъ его*: Вологжане-писатели. (Матеріалы для словаря писателей, уроженцевъ Вологодской губ.). Вологда, 1900, т. LXXXI, 708—709.
- Диль**, Ш., проф. париж. ун. *Замѣтка о немъ*: Лекціи проф. Ш. Диль о византійской исторіи, т. LXXXII, 722—725. *Упомян.*: т. LXXXI, 1110, 1111.
- фонъ-Дистерло**, В. Р., мичманъ, т. LXXXII, 500.
- Дмитріевы**:
— Д. М., т. LXXXI, 426.
— Ив. Ив., министръ юстиціи, поэтъ, т. LXXX, 828.
— М. А., т. LXXXIX, 51.
— О. М., попечитель Спб. учебн. окр., т. LXXXIX, 307.
— Оед. Мих., проф. моск. техн. уч., т. LXXX, 652—653.

- Дмитріевъ - Мамоновъ**, Э. Д., т. LXXIX, 383.
- Дмитрій**, архіеп. тверск. и кашинск., т. LXXXII, 1165.
- Дмитрій** (Свѣсновъ), митрополитъ, т. LXXX, 297; т. LXXXII, 250.
- Добровольскій**, Н. Р., художникъ, *Некрологъ его*: т. LXXIX, 1240.
- Добролюбовъ**, Ник. Ал-др., писатель, т. LXXIX, 699; т. LXXX, 478—479, 486.
- Добровраховъ**, В. *Библ. замѣтка А. В. С. о книгѣ его*: Скопчество въ предѣлахъ Владимірской епархіи. Владиміръ. 1900; т. LXXX, 702.
- Догановичъ**, А. Н. *Библ. замѣтка ея*: А. И. Фаресовъ. Въ одиночномъ заключеніи. Спб. 1900; т. LXXXII, 711—712.
- Доде**, Эрн., франц. писатель, т. LXXIX, 409—410, 841—842.
- Докучаевъ**, Вас. Вас., профессоръ Спб. унив., т. LXXIX, 310.
- Долгорукіе**:
— князь, моск. генераль-губернаторъ, т. LXXIX, 249, 252.
— князь, военн. министръ, т. LXXXII, 150, 159.
— И. М., князь, поэтъ, т. LXXIX, 45.
— Н. М., пензенск. губернаторъ, писатель, т. LXXXI, 197.
— князь, отецъ княгиня Юрьевской, т. LXXIX, 61.
— князь, участн. Ахаль-Тек. пох., т. LXXX, 226, 228—229.
— А-дръ Серг., церемоніймейстеръ, т. LXXIX, 519.
— Вас. Лук., князь, т. LXXX, 441.
— Вас. Мих., князь, т. LXXX, 494.
— Дм. Ник., князь, т. LXXIX, 509.
— Ев. Алекс., рожд. граф. Васильева, т. LXXIX, 516.
— Ев. Дм., рожд. Голлицына, т. LXXXI, 51—53, 419—420.
— Мар. Ив., княгиня, рожд. Базилевская, супруга Н. А. Д., т. LXXIX, 520.
— Ник. А-др., д-ръ мед., т. LXXIX, 519—520.
— Ник. Вас., оберъ-шенкъ, т. LXXXI, 52—53, 432.
— Ольга А-др., княгиня, рожд. Горчакова, супруга А-дра Серг. Д., т. LXXIX, 519; т. LXXX, 62.
- Домбровскій**, актеръ, т. LXXXI, 463.
- Домоитовичъ**, т. LXXIX, 246.
- Донатъ**, архіепископъ. *Статья о немъ*: И. Княгинцаго: къ характеристикѣ арх. Доната, т. LXXXI, 936—944.
- Дондуковъ-Борсаковъ**, А-др. Мих., князь, т. LXXX, 167—174.
- Донъ-Барлосъ**, т. LXXIX, 549—551, 563.
- Дороховъ**, Ив. Сем., ген., т. LXXIX, 491.
- Достоевскій**, Фед. Мих., писатель, т. LXXIX, 304, 306, 690, 982; т. LXXXII, 56.
- Дризень**, бар., Н. В. *Статьи его*: М. Е. Салтыковъ въ Рязани. (1858—1860 гг.; 1868—1876 гг.). Т. LXXIX, 598—622.—Очеркъ театральнаго цензуры двухъ эпохъ. (1801—1856 гг.). Т. LXXXI, 556—585.
- Дриль**, *Библ. замѣтка Д. К. Е.—ва о книгѣ его*: Ссылка во Франціи и Россіи. (Изъ личныхъ наблюденій во время поѣздки въ Новую Каледонію, на островъ Сахалинъ и въ Приамурскій край и Сибирь). Спб. 1899. Т. LXXIX, 1177—1179.
- Дрозъ**, Нума, швейц. госуд. дѣятель. *Замѣтка о немъ*: Смерть Дроза. Т. LXXIX, 853—856.
- Другъ семьи**. *Библ. замѣтка —я— о книгѣ его*: Мать воспитательница. Спб. 1900. Т. LXXXI, 1101—1102.
- Дружинины**:
— директоръ деп. мин. фин., т. LXXX, 831.
— А-дръ Вас., писатель, т. LXXX, 475, 477, 481, 483, 487, 488.
— Вас. Гр., секретарь слб. археолог. общ., т. LXXIX, 307.
— Н. П. *Статья его*: Архивы старыхъ крестьянскихъ дѣлъ. Т. LXXXII, 260—264.
- Друцкіе-Соколинскіе**:
— Вл. Никит., кн., т. LXXIX, 512; т. LXXXII, 812—813.
— Пелаг. Лук., вл., рожд. Боборыкина, т. LXXXII, 811—813, 819.
- Дубасовъ**, И. П., писатель, т. LXXX, 952.
- Дубельтъ**:
— Л. В., ген.-лейт. *Некрологъ его*: т. LXXX, 756.
— Мих. Леонт., фл.-адъютантъ, т. LXXXI, 50.
— Нат. А-др., рожд. Пушкина, супр. М. Л. Д., т. LXXXI, 50—51, 53.
- Дубовенко**, Гр. Ег., журналистъ, т. LXXXI, 1147.
- Дубровинъ**, Ник. Фед., академикъ, т. LXXX, 739, 743; т. LXXXII, 750.
- Дугласъ**, фр. тайн. агентъ, т. LXXXII, 121, 266, 273—274, 276—292.
- Дудышкинъ**, С. С., редакторъ «Оточ. Зап.», т. LXXIX, 1001.
- Духовской**, М. В., проф., т. LXXIX, 865.
- Дюбарри**:
— Гильомъ, графъ. *Замѣтка о немъ*: Мужъ Дюбарри, т. LXXIX, 831—834.

- фаворитка Людовика XV, т. LXXIX, 832—833.
- Дюжо**, франц. писатель, т. LXXX, 654—655.
- Дюжро**, франц. генераль, т. LXXXII, 362—364.
- Дюжурэ**. *Библ. замѣтка П. Ж—го о книгѣ его*: Исторія цивилизаціи отъ древнѣйшаго до нашего времени. Томъ второй. Изд. ред. журнала «Дѣтскіе Чтеніе». Москва. 1899. Т. LXXX, 318—320.
- Дюжа**, франц. писатель, т. LXXIX, 411; т. LXXXII, 268.
- Дюпре-Лазаль**, франц. писатель. т. LXXXII, 725—726.
- Дюонъ**, Шарль Жюневьева, франц. дипломатъ. *Статья о немъ*: В. Тимирязева: Шарль Жюневьева Дюонъ, томъ LXXXII, 265—297, 658—691. *Упомянутъ*: т. LXXXII, 122.
- Дьяконовъ**, М. А., профессоръ Юрьевск. унив. *Библ. замѣтка Г. Галланина о книгѣхъ его*: 1. Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ (въ XVI—XVII вѣкахъ). Изд. археографической комиссіи. Спб. 1899 г. 2. Азты, относящіяся къ исторіи тяглаго населенія въ московскомъ государствѣ. Вып. I. Крестьянскіи порядки, томъ LXXIX, 370—373. *Замѣтка о диспутѣ его*, т. LXXIX, 1225—1226.
- Дьячковъ-Тарасовъ**, А. К. *Библ. замѣтка М. Л. объ изданной подѣ его, вмѣстѣ съ В. Сисоевымъ, ред. книгъ*: Извѣстія общества любителей изученія Кубанской области. Вып. II. Екатеринодаръ. 1900; т. LXXXII, 1126—1127. *Упомянутъ*: т. LXXXI, 1141.
- Е.**
- Евгеній** (Е. А. Болховитиновъ), митрополитъ кіевскій и галицкій, т. LXXX, 841.
- Евдокія Петровна**, царица, т. LXXX, 321—322.
- Евсѣевъ**, И., духовный писатель, т. LXXXI, 364.
- Евоншій**, адрианопольск. архимандритъ, т. LXXXI, 928.
- Егоровъ**, А. З., кол. сов., т. LXXIX, 499—500.
- Ежовъ**, Д. К. *Библ. замѣтки его*: Г. В. Гиббинсъ. Очеркъ исторіи англійской торговли и колоній. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1899, т. LXXIX, 385.—Исторія Римской республики по Момсену; перев. Н. Н. Шалюнина. Вып. I. М. 1899. т. LXXIX, 813—814. — Рабочій трудъ въ Зап. Европѣ, проф. Герянера. Пер. съ 2-го нѣмецкаго изданія. Изд. журн. «Образованіе», 1899; т. LXXIX, 1176—
- 1177.—Д. Дриль. Ссылка во Франціи и въ Россіи, (изъ личныхъ наблюденій во время поѣздки въ Новую Каледонію, на о. Сахалинъ, въ Примурскій край и Сибирь). Спб. 1899; т. LXXIX, 1177—1179.—Г. Майръ. Закономѣрность въ общественной жизни. Москва. 1899, г. LXXIX, 1179—1180.—Сборникъ по общественно-юридическимъ наукамъ. В. I. Подъ ред. проф. Ю. С. Гамбарова. Изд. О. Н. Поповой, Спб. 1899, т. LXXIX, 1180.—Проф. Л. Юлли. Народное образованіе въ разныхъ странахъ Европы. Пер. съ нѣмецкаго А. Савина. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1900; т. LXXX, 700—701.—Ал. Шумахеръ. Историческій очеркъ жизни императора Александра II. Изд. 2-е. Спб. 1899; т. LXXX, 323—324.—М. Гюйо. Воспитаніе и наследственность. Соціологическое изслѣдованіе. Изд. тов. «Знаніе» Спб. 1900, т. LXXX, 695—696.—И. Н. Божеряновъ. Жизнеописаніе императрицы Александры Оеодоровны, супруги императора Николая I. Вып. I, Спб. 1900, т. LXXX, 329—330.—Ф. Тома. Нравственность и воспитаніе. Пер. съ французскаго Е. Леонтьевой. Изд. ред. журнала «Образованіе». Спб. 1900; т. LXXX, 1046.—С. Н. Прокопониъ. Рабочее движеніе на западѣ. Опытъ критическаго изслѣдованія, т. I. Германія и Бельгія. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1899, LXXX, 1043—1044.—М. А. Энгельгардт. Прогрессъ, какъ эволюція жестокости. Популярнонаучная бібліотека. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1899; т. LXXXI, 296—297. I. Фолькельтъ. Современные вопросы эстетики. Пер. съ нѣмецкаго Н. Штрупа. Изд. ред. журнала «Образованіе». Спб. 1900; т. LXXXI, 714—715.
- Е. Е.** *Библ. замѣтка А. Хал—ова о книгѣхъ его*: Двѣнадцатилѣтняя религіозная борьба православной Грузіи съ исламомъ. Тифлисъ. 1899 т. LXXX, 683—684.
- Екатерина I Алексѣевна**, императрица, т. LXXX, 491, 528, 531, 532, 534, 535, 539, 540, 542, т. LXXXI, 489—490, 492, 493, 497, 508.
- Екатерина II Алексѣевна**, императрица, т. LXXIX, 50, 171—179, 181—191, 193, 199, 430, 1054, 1235; т. LXXX, 58, 105, 106, 109, 111, 292—297, 437, 737, 741—742, 820; т. LXXXI, 53, 204, 210, 497, 556, 834, 846, 847, 849, 850, 853; т. LXXXII, 54, 58, 85, 123, 126—134, 265—266, 278, 295, 313, 416, 426, 525. *Замѣтка объ открытіи ей памятника въ Одессѣ*: т. LXXXI, 331—333.
- Екатерина Михайловна**, вел. княгиня, т. LXXIX, 247.

Екатерина Павловна, вел. княгиня, во 2-мъ бракѣ за Вильгельмомъ Виртемб., т. LXXX, 448.

Елагинъ, т. LXXXI, 509, 848.

Елена Павловна, вел. княгиня, т. LXXXI, 425—427.

Еленевъ, Фед. Петр., членъ главн. упр. по дѣл. печати, т. LXXIX, 493—494.

Еленявъ, Е. *Библ. замѣтка его*: Пушкинъ. Документы Государственнаго и С.-Петербургскаго главнаго архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ, относящіяся къ службѣ его 1831—1837 гг. Спб. 1900; т. LXXX, 677—678.

Елецъ, т. LXXIX, 996, 1000.

Елисавета, англ. королева, т. LXXIX, 375.

Елисавета Алексѣевна, императрица, т. LXXIX, 177, 184; т. LXXX, 827, 835, 838.

Елисавета Петровна, императрица. *Статья о ней В. А. Тимирязева*: Дочь Петра Великаго. Т. LXXXI, 485—523, 825—858; т. LXXXII, 118—135. *Упомин.* т. LXXIX, 333; т. LXXX, 292—298, 441, 491, 646—647, 735, 739; т. LXXXII, 266—267, 273—275, 281, 284—295, 529.

Елисѣевъ, т. LXXX, 489.

Ергольская, Нат. Ник., т. LXXIX, 195.

Еремѣевъ, Дм. Павл., тайн. сов., т. LXXXX, 794.

Ермаковы:

— И. В., журналистъ. *Некрологъ его*: т. LXXXI, 367.

— Н. А., директоръ деп. торг. и мануф., т. LXXIX, 117—118.

Ермолина, М. К. *Поэты ея*: Гроза. Т. LXXXII, 857—871.

Ермоловы:

— ген.-губернаторъ, т. LXXX, 832.

— Агр. Петр., рожд. Демидова, т. LXXIX, 501.

— А-ѣй Петр., ген.-отъ-арт., т. LXXX, 70, 72.

— Гр. Петр., ген.-маіоръ, т. LXXX, 794.

— Ник. Петр., т. LXXIX, 501.

Ефименко, писательница, т. LXXIX, 373.

Ефремовъ, П. А., библиографъ. т. LXXXI, 475.

Ж.

Жаковъ, К. О., т. LXXXII, 1187.

Жандръ, Л., сотр. «Revue des Revues», т. LXXXII, 1146, 1147.

Жандръ:

— Андрей Андр., сенаторъ, писатель, т. LXXXI, 193—194, 197—199, 202—204.

— Праск. Петр., супр. предыдущаго, т. LXXXI, 193—194.

Ждановъ, И. Н., академикъ, т. LXXXII, 752.

Жебелевъ, С. А., т. LXXXII, 1175.

Животовъ, Ник. Ник., журналистъ. *Некрологъ его*: т. LXXXI, 757.

Жмакины:

— А-дръ Як., членъ совѣта мин. вн. д., т. LXXXI, 596.

— Вл. А-др., писатель. *О немъ въ ст. Б. Н. Агафонова*: Казанскіе поэты. Т. LXXXI, 596.

— В. И., протоіерей. *Статья его*: Бракъ по Высочайшему указу. Т. LXXX, 925—936.

Жозефина, фр. императрица, супр. Наполеона, т. LXXIX, 1192; т. LXXX, 343—344, 1067—1069; т. LXXXII, 736, 1140—1151, 1161—1162.

Жофренъ, г-жа, т. LXXX, 741.

Жуанвильскій, принцъ. *Некрологъ его*: т. LXXXI, 322—323.

Жуберъ, ген., главноком. арміи боровъ. *Некрологъ его*: т. LXXX, 718—720.

Жукова, А. Вас., рожд. Энгельгардтъ, т. LXXIX, 172.

Жуковичъ, П. Н., профессоръ Казанскаго университета, т. LXXXII, 751.

Жуковскіе:

— Вас. Андр., поэтъ, т. LXXIX, 45, 48, 53—56, 383, 934; т. LXXXI, 195, 560—561, 596; т. LXXXII, 1181.

— В. А., профессоръ С.-Петербургскаго университета, т. LXXIX, 422.

Журданъ, Луи, франц. писатель, т. LXXXII, 268.

З.

Заборовскій, т. LXXX, 504.

Забудскій, Г. А., проф. артилл. акад., т. LXXIX, 1219.

Забѣлинъ, Ив. Егор., историкъ, т. LXXIX, 72; т. LXXXII, 949—954, 956, 958, 1199.

Завадовскій, гр. Петръ Вас., госуд. дѣятель, т. LXXIX, 181; т. LXXX, 536; т. LXXXI, 557.

Загорскій, т. LXXIX, 936.

Загоска, А-дръ Акбул. (Шевкаль Загорь), т. LXXIX, 43.

Загоскины:

— А-ѣй Дм., стольникъ, LXXIX, 43.

— А-ѣй Ник., т. LXXXI, 42, 45, 50, 427—431, 927—928.

- А-дра Ин., рожд. Эмме, супр. Ал. Ник., т. LXXIX, 45; т. LXXXI, 42, 430.
- А-дра Павл., рожд. Савелова, супруга Ник. Мих. З., т. LXXIX, 508, 1248.
- Ав. Ал-др., рожд. Устинова, супруга Вас. Ник. З., т. LXXIX, 509.
- Ан. Дм. (Васильцовская), супруга Мих. Ник. З., т. LXXIX, 48—51, 55—59, 63—66, 75, 490, 492, 493, 494, 496, 505, 508, 927, 928, 929—931, 935, 936—946; т. LXXX, 51, 60.
- Ан. Сем., урожд. Юркевич, супруга Серг. Мих. З., т. LXXIX, 41.
- Ан. Фед., урожд. Дорохова, супруга Дм. Мих. З., т. LXXIX, 491; т. LXXX, 68—69.
- Вас. Ник., командиръ Азовск. полка, т. LXXIX, 45, 509.
- Дм. Ник., т. LXXIX, 50, 491, 938; т. LXXX, 68—69, 408.
- Дм. Фед., стольникъ и воевода, т. LXXIX, 43.
- Ек. Дм., рожд. Мертваго, супруга Ник. Ник. З., т. LXXIX, 45.
- Ек. Мих., рожд. Верховская, 2-л супр. Дм. М. З., т. LXXX, 69.
- Илл. Ник., полковникъ корп. пут. сообщ., т. LXXIX, 45, 925; т. LXXX, 55—56.
- Лавр. Ал., приближенный къ царю Маревъ Матв., т. LXXIX, 43.
- Люб. Серг., рожд. Олсуфьева, супруга Марк. Ник. З., т. LXXIX, 45, 938, 940—941.
- Марк. Ник., повзвек. предводитель дворянства, т. LXXIX, 45, 66, 931, 940—941.
- Мих. Лавр., LXXIX, 43.
- Мих. Ник., писатель, т. LXXIX, 41—42, 45—59, 62—78, 490—498, 505, 507, 508, 513—514, 921—924, 927—940, 942—945; т. LXXX, 403, 425, 837; т. LXXXI, 43—44, 51, 421, 426.
- Нат. Мих., урожд. Мартынова, супруга Ник. Мих. З., т. LXXIX, 44—45, 50, 61.
- Ник. Лавр., т. LXXIX, 43.
- Ник. Мих., т. LXXIX, 50, 491, 496—497, 508, 937—938, 1248; т. LXXX, 408.
- Ник. Ник., т. LXXIX, 45.
- Н. П., проф. Казанск. унив. *Статьи его*: Изъ прошлаго Казанскаго университета. I. Дѣло о происшествіи 12 окт. 1825 г. (къ биографіи Н. И. Лобачевскаго). II. Матросское горе. (Изъ литературно-биографическихъ курьезовъ). Т. LXXXI, 859—880. *Поправка къ этой ст. А. В. Смирнова*, т. LXXXII, 767.
- Пав. Ник., офицеръ л.-гв. Павл. полка, т. LXXIX, 45.
- Серг. Мих. *Воспоминанія его*: т. LXXIX, 41—78, 489—530, 920—946; т. LXXX, 51—72, 403—429, 790—815; т. LXXXI, 36—61, 416—434. *Замѣтки по поводу этихъ записокъ: Л. М. Савельева*, т. LXXIX, 1248.—*В. Пожежва*, т. LXXXI, 375.
- Эм. А-др., рожд. Изеншмидтъ, супруга Илл. Ник. З., т. LXXIX, 45.
- Загряжскій**, Мих. Фед., т. LXXIX, 491.
- Загуданевъ**, М. А., писатель. *Некрологъ его*: т. LXXX, 756—757.
- Заюнчковскій**, А. М. *Статья его*: Последній смотръ императоромъ Николаемъ Павловичемъ черноморскаго флота въ 1852 году, т. LXXIX, 1054—1059.
- Закревскіе**:
- финляндск. генер.-губернаторъ, т. LXXX, 839.
- графиня Агр. Фед., рожд. Толстая супруга Арс. Андр. З., т. LXXIX, 512—513, 516, 518; т. LXXX, 412; т. LXXXI, 46.
- графъ Арс. Андр., моск. ген.-губернаторъ; т. LXXIX, 507, 510—516, 925; т. LXXX, 410, 411, 413—414, 417, 806, 841; т. LXXXI, 46.
- Закъ**, Л. И. *Библ. замѣтка Д. П. Б. о переведенной имъ книгѣ: Г. Ф. Кнаппъ. Освобожденіе крестьянъ и происхождение сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ старыхъ провинціяхъ Прусской монархіи. Изд. Поповой. Спб. 1900; т. LXXX, 325—326.*
- Замысловскій**, Егор. Егоров., профессоръ Спб. унив., т. LXXIX, 310; т. LXXXI, 467, 475.
- Засѣцкій**, т. LXXIX, 43.
- Захаржевскій**, ген.-отъ-арт., т. LXXXI, 57.
- Захарьянъ (Якунинъ)**, Пв. Ник., писатель. *Статья его*: У Льва Николаевича Толстого. (Личныя впечатлѣнія), т. LXXX, 135—155. *Библ. замѣтки его*: Полное собраніе сочиненій А. О. Погосскаго, въ четырехъ томахъ, съ портр. и биогр. автора. Спб. 1899; т. LXXIX, 815—817.—Талмудъ. Мишна и тосефта. Критическій переводъ Н. Переферковича (кн. 1 и 2). Спб. 1899; т. LXXIX, 1181—1182.—Казани: донцы, терцы, кубанцы, уральцы. Очерки изъ исторіи и стародавняго казацкаго быта. Изд. 2-е. Сост. К. Абаза. Издавъ В. Березовскій. Спб. 1899; т. LXXIX, 1183—1184.—Воспоминанія офицера Кобулетскаго отряда въ кампанію 1877—1878 гг. Б. Колубакина. Изд. В. Березовскаго. Спб. 1899; т. LXXX, 333—334.—Талмудъ. Мишна и тосефта. Критическій пере-

вѣдь Н. Переферковича. Томъ второй (вѣдья 3 и 4). Спб. 1900; т. LXXX, 70.—
На границѣ. Повѣсти и рассказы. (О. Ф. Тютчева. Москва. 1900; т. LXXX, 1047.
Библ. замѣтка Б. о книгѣ его: Жизнь, служба и приключенія мирового судьи. Изъ записокъ и воспоминаній. Спб. 1900; т. LXXIX, 817—821.

Звездинцевъ, А. И., т. LXXX, 1079—1080.

Зедергольмъ, т. LXXXII, 56.

Зеландъ, полковникъ, т. LXXIX, 607—611, 613.

Зеленинъ, Д. *Библ. замѣтки его:* Сборникъ учено-литературнаго общества при императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ. Томъ III. Юрьевъ. 1900; т. LXXXII, 695—697.— А. Grenzstein. Herrenkirche oder Volkskirche? Eine estnische Stimme im baltischen Chor. Iurjew. 1899.— Проф. М. Красноженъ. Эстонцы и нѣмцы въ Прибалтійскомъ краѣ. По поводу книги А. Grenzstein'a «Herrenkirche oder Volkskirche?» Юрьевъ. 1900; т. LXXXII, 710—711.

Зеленой, А. А., министръ госуд. имущ., т. LXXXII, 489—490, 880—881, 889.

Зеленская, Павл., польск. актриса, т. LXXXI, 569.

Зенгеръ, Г. Э., профессоръ, т. LXXIX, 1104, 1113.

Зибель, Г.-Ф., нѣмецк. ученый, т. LXXIX, 329.

Зининъ, химикъ, т. LXXIX, 1218—1219.

Зинченко, Н. *Библ. замѣтка В. Б. о книгѣ его:* Первое собраніе писемъ Бѣлинскаго. Спб. 1901; т. LXXIX, 1184.

Зомбартъ, В., т. LXXX, 696—698.

Зоринъ, Ап. Алекс., т. LXXXII, 874.

Зотовы:

— Вл. Раф., писатель, т. LXXIX, 691; т. LXXXII, 266, 268.

— Раф. Мих., писатель, т. LXXXI, 577, 582.

Зоттоли, А., миссіонеръ. т. LXXXI, 1130—1131.

Зубинскій, т. LXXIX, 246.

Зубовы:

— гр. А-дръ Ник., т. LXXX, 542—543.

— гр. Вал. А-др., ген.-аншефъ, т. LXXX, 541—542.

— гр. Ник. А-др., оберъ-штабл.. т. LXXX, 529, 541—547; т. LXXXI, 38.

— гр. Нат. А-др., рожд. Суворова, супруга Н. А., т. LXXX, 492, 630—649; т. LXXXI, 38.

— гр. Плат. А-др., ген.-отъ-инф., членъ госуд. сов., т. LXXIX, 181, 184; т. LXXX, 539—542, 546, 547.

И.

Ибрагимовы:

— Левъ Ник., поэтъ. *О немъ въ ст. Б. Н. Алашова:* Казанскіе поэты, т. LXXXI, 595—596.

— Ник. Мис., учитель казанск. гимн., т. LXXXI, 596—596.

Ивановскіе:

— проф. *Библ. замѣтка А. В. С. объ изданной подъ его ред. книгѣ:* Исторія Императорской военно-медицинской (бывшей медико-хирургической) академіи за сто лѣтъ 1798—1898. Составлена комиссією по порученію конференціи академіи. Спб. 1898; т. LXXX, 669—671.

— А. А., археологъ, т. LXXIX, 864.

— В. Н., т. LXXIX, 428.

Ивановы:

— И. *Библ. замѣтка В. Б. о книгѣ его:* А. Н. Островскій. Его жизнь и литературная дѣятельность. Спб. 1900; т. LXXIX, 1182—1183.

— С. И., проф., т. LXXIX, 858.

— С. С., пом. попечителя Моск. уч. окр., т. LXXIX, 501.

— художникъ, т. LXXIX, 182; т. LXXXII, 1168.

Иверсентъ, Юл. Богд., вумизматъ. *Библ. замѣтка А. М. Ловягина о книгѣ его:* Denkmünzen auf Personen, die in den Ost-seeprovinzen geboren sind oder gewirkt haben. St.-Peterbs. u. Leipzig. 1899; т. LXXIX, 386—387. *Некрологъ его:* т. LXXX, 757. *Упомян.:* LXXXI, 355.

Ивинскіе:

— Агр. Ив., рожд. Новосильцена, супр. А. Д. II., т. LXXIX, 528.

— А-дръ Дм., отст. полковникъ, т. LXXIX, 528—530.

— Ив. А-др., церемоніймейстеръ высоч. двора, т. LXXIX, 528.

Ивковъ, майоръ, т. LXXXII, 874.

И., Г. А. *Статья его:* Ссылка въ Сибирь, т. LXXX, 276—291.

Игнатовъ, П. Г., т. LXXIX, 1232—1233.

Игнатьевы:

— П. А., капитанъ, т. LXXX, 439.

— гр. Ник. Павл., министръ вн. дѣлъ, т. LXXIX, 116—117; т. LXXXI, 357—358.

Измайловы:

— А-дра Бор., рожд. вв. Юсупова, супр. И. М. И., т. LXXX, 57.

— Ив. Мих., д. т. с., т. LXXX, 57.

— Мих. Мих., т. LXXX, 820.

— Наст. Мих., т. LXXXI, 852.

Изильметьевъ, Ф. Д., начальникъ

Морск. инж. учил. имп. Николая I, писатель. *Некрологъ его*: т. LXXX, 1086.

Иоанниковъ, Д. А., земскій дьятель. *Некрологъ его*: т. LXXXIX, 1240.

Иларіонъ, суздальск. митрополитъ, т. LXXX, 948—949.

Иларіонъ (вн. Масальскій), архимандритъ, т. LXXXI, 750.

Иловайскіе:

— Ал-ѣй Ив., т. LXXX, 505, 513, 514, 515.

— Д. И., историкъ, т. LXXX, 509.

Ильинскій, Г. А., т. LXXXII, 1182.

Имеретинскій, кн., т. LXXXIX, 537.

Игненьцкій, И. В., зоологъ. *Некрологъ его*: т. LXXXI, 367—368.

Инокентій, архіепископъ одесскій, т. LXXX, 795.

Инокентій XI, римскій папа, т. LXXXII, 944.

Иксаровъ. *Библ. замѣтка Е. Ш. о книгѣ его*. Современная Франція. Исторія третьей республики. Изд. т-ва «Знаіе». Спб. 1900; т. LXXXII, 1133—1134.

Ипатьевъ, В. Н., т. LXXXIX, 1219.

Ираклій, іеромонахъ, т. LXXXIX, 643, 644, 667.

Исленьевъ, ген.-майоръ, т. LXXX, 540.

Истомины:

— капит., т. LXXXIX, 1056—1059.

— Вл. Ив., т. LXXXII, 876.

И.

Иоакимъ, патриархъ, т. LXXX, 938, 944—947.

Иона, новгор. и великолуд. митрополитъ, т. LXXXII, 758.

Иоанникій, кіевскій и галицкій митрополитъ. *Некрологъ его*: т. LXXXI, 368—369.

Иоаннъ III Васильевичъ, царь всен Руси, т. LXXXIX, 43; т. LXXXI, 495; т. LXXXII, 59, 428, 512, 527, 528, 531.

Иоаннъ IV Васильевичъ (Грозный), царь всен Руси, т. LXXXIX, 59, 253—256, 314, 317, 319, 321, 511; т. LXXXI, 493, 587; т. LXXXII, 59, 253—256, 511—514, 527—529, 532, 753, 941, 961, 1198.

Ионинъ, А. С., русскій посланникъ въ Швейцарію, писатель. *Некрологъ его*: т. LXXXI, 369—370.

Иорданъ, Лавр. Спытекъ, краковск. каштелянъ, т. LXXXII, 323.

Иосифъ, герм. императоръ, т. LXXXIX, 174; т. LXXX, 534.

Иосифъ II, австр. императоръ, т. LXXXIX, 222; т. LXXXII, 536.

Юхельсонъ, В. Н., этнографъ, т. LXXXIX, 426, 1233.

К.

К., В. *Библ. замѣтка его*: England in the age of Wicliffe. By George Macaulay Trevelyan. London. 1899; т. LXXXI, 293—294.

К—ій, В. *Замѣтка его*: Къ вопросу о константинопольской библиотекѣ послѣднихъ византийскихъ императоровъ и московской библиотекѣ царской, т. LXXXII, 1197—1199.

Кабанесъ, фр. историкъ, т. LXXX, 1061—1065; т. LXXXI, 311—315, 725—728, 741, 1116—1118.

Каблицъ (Юзовъ), О. И., писатель, т. LXXXIX, 671.

Каблуковъ, И. А., проф. Моск. ун., т. LXXXIX, 1216.

Кабраль, Педро, португ. мореплаватель, т. LXXXI, 307.

Кавелинъ, Конст. Дм., профессоръ Спб. унв., т. LXXXIX, 206, 310, 347, 724—726; т. LXXX, 477, 478, 481, 486—488; т. LXXXI, 467. *Библ. замѣтка Д. Корсакова о собраніи его сочиненій*. Т. III и IV. Спб. 1899 и 1900; т. LXXXI, 1081—1084.

Кавось, Кам. Ив., журналистъ. *Некрологъ его*: т. LXXXII, 374—375.

Казимерчикъ, Стан., католич. монахъ, т. LXXXII, 324—325.

Казимиръ (Великій), король польскій, т. LXXX, 723; т. LXXXII, 303, 311, 314, 315, 316, 322—324.

Казимиръ (Ягеллончикъ), т. LXXXII, 311, 313.

Казнаковъ, А. П., т. LXXXIX, 426—427.

Казначеевъ, А-ѣй Гавр., т. LXXXIX, 514, 516.

Калачевъ, Ник. Вас., академикъ, т. LXXX, 742.

Каленовъ, П. А., педагогъ, поэтъ. *Некрологъ его*: т. LXXXI, 370.

Кальдеронъ, испанск. поэтъ. *Замѣтка объ его юбилеѣ*: т. LXXX, 348—350.

Каманнъ, И. М., архивистъ, т. LXXXII, 752.

Камеиновъ, Гавр. Петр., поэтъ. *О немъ въ ст. Б. Н. Давонова*: Казанскіе поэты, т. LXXXI, 591—592.

Кампредонъ, фр. посланникъ въ Спб., т. LXXXI, 491.

Кантемиръ, Дм. Конст., т. LXXX, 310.

Кантій, Янъ, католич. богословъ, т. LXXXII, 308, 314, 316.

Канторовскій, т. LXXX, 175.

Кантъ, Эмм., философъ. *Замѣтка о его перелискѣ*: т. LXXXII, 1160—1161.

Банг-Ю-Вей, дѣятель китайск. реформъ, т. LXXXI, 747—748.

Банелюшъ, О. *Библ. замѣтка Д. Л—ва о переведенной имъ книгѣ: Г. Ахемисъ*. Современное народовѣдѣніе. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1900; т. LXXX, 324.

Балнисть, В. И., т. LXXX, 426.

Балустины:

— Мих. Ник., попечитель Спб. уч. окр. *Некрологъ его*: т. LXXIX, 352—359.

— Ник. Алексѣев., т. LXXIX, 352.

— С. Я., писатель, т. LXXIX, 357—358.

Баравакъ, г-жа, т. LXXXII, 274—275, 283.

Каразинъ, В. Н., основатель харьк. ун. *Статьи о немъ Д. П. Миллера: Арестъ и ссылка В. Н. Каразина*, т. LXXIX, 1047—1053.—В. Н. Каразинъ и князь П. И. Трубецкой, т. LXXX, 887—889.

Баракозовъ, т. LXXIX, 229—230.

Баразины:

— Андр. Ник., т. LXXXI, 432.

— Авр. Карл., рожд. Шернвальдъ, по 1-му мужу Демидова, т. LXXXI, 432.

— Ник. Мих., историографъ, т. LXXX, 833; т. LXXXI, 1090—1093.

Барасевъ, А. А. *Статья его: Бунтъ на Дону въ 1862—1863 годахъ*, т. LXXX, 167—174.

Баратынины:

— Андр., актеръ, т. LXXIX, 995; т. LXXX, 582.

— Петръ Андр., актеръ, т. LXXXI, 567; т. LXXXII, 485.

Бароньеръ, инженеръ-ген., т. LXXX, 828, 832.

Барелинъ, А. А., художникъ, т. LXXIX, 424—425, 865; т. LXXX, 1075.

Барлейль, т. LXXIX, 365.

Барль-Александръ, вел. герцогъ, т. LXXIX, 332.

Барль I, англ. король, т. LXXXII, 511, 518.

Барль II, англ. король, т. LXXXII, 511, 518, 936.

Барль VII, т. LXXXI, 831.

Барль XII, шведск. король. *Замѣтки о немъ: Карль XII въ Альтранштедтъ*, т. LXXIX, 830—831.—*Письма ген. Спарре къ Карлу XII*, т. LXXX, 1071—1072.

Барнесекки, Пьетро, итал. реформаторъ. *Замѣтки о немъ: Одинъ изъ предшественниковъ реформаци въ Итали*, т. LXXXI, 1112—1114.

Барновичъ, Евг. Петр., писатель, т. LXXXII, 266, 268.

Барновы:

— В. П., т. LXXIX, 307.

— Г. О. *Замѣтка о немъ: Преміи имени Г. О. Карпова*, т. LXXX, 1074.

— П. А., т. LXXX, 873.

Бартеретъ, англ. министръ иностр. д., т. LXXXI, 522, 831.

Барцевы:

— Г. В. *Статья его: Изъ воспоминаній стараго лейбъ-егеря*, т. LXXXI, 881—893.

— Пав. Ст., командиръ Преобр. бат., т. LXXX, 885—887.

— Петръ Кондр., директоръ морск. корп., т. LXXX, 432.

Баръевъ, Ник. Ив., проф. Спб. унив. *Библ. замѣтки (Т. А. К.) о книгахъ его: Исторія Западной Европы въ новое время*. Т. V. Спб. 1899. Т. LXXIX, 363—367; (С. П.): *Выборъ факультета и прохожденіе университетскаго курса*. Изд. второе. Изд. Спб. акціонернаго общества печатнаго дѣла «Издатель». Спб. 1900. Т. LXXX, 693—694; (П. К.): *Учебная книга новой исторіи. Съ историческими картами*. Спб. 1900.—*Замѣтки о преподаваніи исторіи въ средней школѣ*. Спб. 1900. Т. LXXXI, 1096—1099; *Упомян.*: т. LXXIX, 309, 310.

Бастеланъ, фр. посланникъ въ Константинополь, т. LXXXI, 516.

Бастелли, гр., т. LXXX, 497.

Басаткинъ, А. М., т. LXXIX, 1219.

Батковъ, Мих. Никиф., писатель, т. LXXIX, 213, 216, 217, 220, 221, 306; т. LXXX, 472.

Бауницъ, австр. канцлеръ, т. LXXXI, 845; т. LXXXII, 118, 128, 131, 275, 283.

Бауперъ, Вил., англ. поэтъ. *Замѣтка объ юбилей его*: т. LXXX, 707—709.

Баутскій, К. *Библ. замѣтка Ем. о книгѣ его: Аграрный вопросъ*. Пер. съ нѣм., подъ ред. Д. Протопопова. Харьковъ. 1900. Т. LXXXII, 708—710.

Бауфманъ, П. М. *Предисловіе его къ «Запискамъ бар. В. И. Штейнелля»*. Т. LXXX, 100—103.

Бахановъ, Мих. Сем., ст.-секр., членъ госуд. сов. *Некрологъ его*: т. LXXIX, 872—873.

Бачановскій, В. *Библ. замѣтка его: Peninsule balkanique, esquisse historique, ethnographique, philologique et littéraire, cours libre professé à la faculté des lettres de l'université de Montpellier, par Leon Lamuche, capitaine de génie, diplômé de l'Ecole des langues orientales*. Paris. 1899. Т. LXXIX, 1181.

Бачановскій, проф., т. LXXXI, 563.

- Башкины:**
 — А-дра Евг., фрейлина имп. Мар. Оеод., т. LXXXII, 72, 415—416, 423—429, 810, 816, 817, 820, 821, 825, 827—828, 837, 845.
 — Анна Гавр., рожд. Вахметева, супр. Ник. Евг., т. LXXXII, 427—429, 809, 817—820, 835—840.
 — Дм. Евг., ген.-майоръ, т. LXXXII, 427—430.
 — Евг. Петр., ген.-анш., т. LXXX, 106; т. LXXXII, 416, 427, 429.
 — Ек. Ив., рожд. Миллеръ, супр. С. Н., т. LXXXII, 429.
 — Елиз. Ив., рожд. Воейкова, супр. Дм. Евг., т. LXXXII, 428, 430.
 — Ник. Евг., сенаторъ, т. LXXXII, 427—429, 819, 838.
 — Ник. Серг., тов. предс. Калужск. окр. суда, т. LXXXII, 429.
 — Серг. Ник., офиц. Павл. полка, т. LXXXII, 429, 809, 818—819, 826, 835—838, 843.
 — Соф. Дм., т. LXXXII, 55.
Башпиревъ, В. И., журналистъ, т. LXXXI, 468, 993.
Бедрицъ, И. И., агрономъ, писатель. *Некрологъ его:* т. LXXX, 757—758.
Бенигсмаркъ, гр., т. LXXX, 703—705.
Берштейнъ, проф. Моск. унив., т. LXXXI, 1216.
Беръ, А. П. *Замѣтка о ней Н. Божсранова:* Къ биографіи А. П. Беръ, т. LXXXI, 438—439; *Поправка М. К. В. къ этой замѣткѣ:* т. LXXXI, 880.
Бетчеръ, Ник. Христ., переводчикъ, т. LXXXI, 436, 450.
Бейзерлинъ, т. LXXXI, 835.
Бизеветтеръ, А. *Библ. замѣтка Еиз. о переведенной подъ его ред. книгѣ:* И. Энгельманъ. *Исторія крѣпостного права въ Россіи.* Пер. съ нѣм. В. Щерба. М. 1900. Т. LXXXII, 699—700.
Бизмеръ, ген., моск. комендантъ, т. LXXX, 806.
Бикинъ, ст.-секретарь, т. LXXX, 831.
Бикстонъ, герцогиня, авантюристка. *Замѣтка о ней:* т. LXXXI, 729—732.
Билгъ, библіотекаръ Британскаго музея, т. LXXX, 335—336.
Бина, фр. писатель. *Замѣтка о немъ:* Дружба Мишлэ и Бина, т. LXXX, 350—351.
Бинарсовъ, Вас. Оед., проф. Моск. дух. акад., т. LXXXI, 364.
Бирничниковъ, Ал-дръ Ив., профессоръ Моск. унив., т. LXXXI, 346; т. LXXX, 476; т. LXXXI, 354; LXXXII, 752, 1173.
Бирѣвскій, Ив. Вас., писатель, т. LXXXI, 383.
Бирѣвъ, А. А., гзн.-лейт., т. LXXXI, 359.
Биселовы:
 — Елис. Ник., урожд. Ушакова, супр. Серг. Дм. К., т. LXXXI, 923.
 — Ник. Серг., т. LXXXI, 923.
 — Пав. Дм., гр., министръ гос. имущ., т. LXXXI, 923, 931; т. LXXXII, 260, 262, 263.
 — Пав. Серг., церемоніймейстеръ выс. дв., т. LXXXI, 923.
 — Серг. Дм., т. LXXXI, 923.
Бислинскіе:
 — Ан. А-др., рожд., Ушакова, супр. Ник. Вас. К., т. LXXXI, 64.
 — Андр. Ник., предсѣд. тульск. земск. упр., т. LXXXI, 64, 492.
 — Ник. Вас., секретарь директора моск. театровъ, LXXXI, 64.
Бистлеръ, Н. М., т. LXXXI, 1218.
Благестъ, Ѳ. А., проф. перспект. живописи. *Некрологъ его:* т. LXXXI, 1240—1241.
Клеберъ, Жанъ-Батистъ, франц. полководецъ. *Замѣтка о немъ:* Клеберъ на службѣ у Австріи, т. LXXXI, 403—405.
Блевнескій, ген., т. LXXXI, 892.
Блейнмихель, гр. Петр. Андр., членъ-госуд. сов., т. LXXXI, 924—925; т. LXXX, 453, 465; т. LXXXI, 423—429.
Блименко, Е. Ф., проф. Новоросс. ун., т. LXXXI, 1219.
Блименковъ, Ст. Ив., врачъ, т. LXXXI, 923, 934, 936—937, 945; т. LXXX, 414.
Блимантъ X, папа римскій, т. LXXXII, 510, 532, 935, 936, 941, 943, 944.
Блиментъ XI, папа римскій, т. LXXXII, 940.
Блингенбергъ, М. К., рязанск. губернаторъ, т. LXXXI, 601, 608, 612, 614.
Блодтъ, бар. скульпторъ, т. LXXXII, 494.
Блушинъ, А. И., писатель, т. LXXXI, 803—804.
Блюзера, Гюст., членъ фр. палаты депутатовъ. *Замѣтка о немъ:* Одинъ изъ авантюристовъ XIX-го столѣтія, т. LXXXII, 1151—1153.
Блючевскій, Вас. Осип., профессоръ Моск. унив. *Библ. замѣтка А. Н. о книгѣ его:* Краткое пособіе по русской исторіи. М. 1900, т. LXXXI, 1099—1100. *Упомянутъ:* т. LXXXI, 326, 372; т. LXXXII, 522.
Бнапъ, Г. Ф. *Библ. замѣтка Д. И. Б. о книгѣ его:* Освобожденіе крестьянъ и происхожденіе сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ старыхъ провинціяхъ Прусской монархіи. Перев. съ нѣмецк. Л. И. Зака. Изд. Поповой. Спб. 1900, т. LXXX, 325—326.
Бнейгаузъ, т. LXXXII, 134.

- Вягницкій, Ил. Статьи его:** Поѣздка въ Кроштадтъ. (Впечатлѣнія провинціала), т. LXXX, 632—644.—Къ характеристикѣ архіепископа Доната, т. LXXXI, 936—944.
- Кобеко, Д. О.,** тайн. сов., писатель, т. LXXIX, 863; т. LXXXII, 753.
- Кобенцель, гр.-австр. посолъ,** т. LXXX, 528.
- Ковако, А. Н.,** изобрѣтатель-электротехникъ. *Некрологъ его:* т. LXXXI, 370—371.
- Ковалевскіе:**
— В. И., тов. мин. фин., т. LXXXI, 754.
— Макс. Макс., профессоръ. *Библ. замѣтки Д. о переводѣ подъ его редакціей: Основныя начала государственнаго права.* Соч. А. Эсмена. Перев. съ франц., тт. I и II. М. 1899, т. LXXIX, 377.—*О книгѣ П. (Ж—аго):* Монтескье. О духѣ законовъ. Пер. съ фр. подъ ред. А. Г. Горняфельда, со вступительной статьей М. М. Ковалевского. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1900, т. LXXXII, 704—706. Происхожденіе современной демократіи, т. I, ч. III и IV. М. 1899, т. LXXIX, 1166—1168. Упомин.: т. LXXXII, 704—706.
- Кодинецъ, С. Статья ея:** Неудавшаяся экспедиція, т. LXXX, 221—241.
- Кожанчиковъ,** книгопр., т. LXXIX, 64.
- Кожевниковы:**
— А. Я., проф. Моск. ун., т. LXXXI, 464.
— Г. А., т. LXXXII, 1188—1190.
— Н. Г., т. LXXXII, 753.
- Козакевичъ, П. В.,** т. LXXXII, 489.
- Козловъ, П. К.,** начальникъ экспедиціи въ центр. Азію, т. LXXIX, 426—427; т. LXXX, 1078.
- Козловъ-Угренницъ, Г. А.,** полковникъ, т. LXXX, 109, 111, 112, 113, 119, 120.
- Козляниновъ,** казанск. губернаторъ, т. LXXXII, 888.
- Козодавлевъ, Ос. Петр.,** министръ вн. дѣлъ, т. LXXX, 816, 823.
- Коккеръ, Дав.,** посланникъ датск. короля, т. LXXXII, 512.
- Коконцевъ, П. К.,** т. LXXX, 370; т. LXXXII, 1176.
- Кокоревъ,** т. LXXIX, 246—249, 251.
- Кокоскины:**
— С. А., т. LXXXI, 885—886.
— Ф. Ф., директоръ моск. театровъ, т. LXXIX, 51, 930; т. LXXXI, 461.
- Коллетъ, Д.,** англ. писатель, т. LXXX, 347—348.
- Колли, А. А.,** проф., т. LXXIX, 1220.
- Колонтай, Гуго,** польск. писатель, т. LXXXII, 319.
- Кологривовы:**
— Петр. Алекс., т. LXXXII, 86.
— Пр. Юр., по перв. браку Гагарина, т. LXXXII, 85—86.
— С. Н., археологъ, т. LXXIX, 864.
- Колоколовъ, С. А.,** секретарь русск. конс. въ Кашгарѣ, т. LXXXII, 1176.
- Колубакинъ, В. Библ. замѣтка его:** Жизнь Суворова въ художественныхъ изображеніяхъ. М. Б. Стремоуховъ и П. Н. Симанскій. Изд. книжнаго магазина Гросманъ и Кнебель. Москва. 1900; т. LXXX, 664—666. *Библ. замѣтка И. Н. Э. о книгѣ его:* Воспоминанія офицера Колубетскаго отряда въ кампанію 1877—1878 гг. Изд. В. Березовскаго. Спб. 1899; т. LXXX, 333—334.
- Кольцовъ, А-ѣй Вас.,** поэтъ, т. LXXIX, 807.
- Комаровскій, Е. Е.,** графъ. *Статья его:* Записки о крымскомъ порученіи въ 1855 году, т. LXXXII, 136—160.
- Комаровъ,** Висс. Висс., публицистъ, т. LXXXI, 357—359.
- Комарскій, Ф. С. Библ. замѣтка П. А. К. объ изд. его:** Семейный университетъ. Собраніе популярныхъ лекцій для самообразованія. Курсъ первый, вып. 1—3. Спб. 1899; т. LXXIX, 810—811.
- Кондаковъ, Н. П.,** академикъ, тогъ LXXIX, 384, т. LXXXI, 354; т. LXXXII, 310.
- Конде,** франц. фамилія. *Замѣтка:* Три послѣднихъ Конде, т. LXXIX, 1192—1194.
- Кони:**
— Анат. Оед., юристъ, т. LXXIX, 354.
— Оед. Анд., писатель, т. LXXIX, 691; т. LXXX, 734.
- Коноваловъ, М. И.,** проф. Спб. унив. LXXIX, 1220.
- Конскій, Петръ Алексѣевичъ. Библ. замѣтки его о книгахъ:** Н. Карвъ. Исторія Западной Европы въ новое время. Т. V. Спб. 1899; т. LXXIX, 363—367. Т. Роджерсъ. Истор. труда и зараб. платы въ Англіи съ XIII по XIX вѣкъ. Перев. съ англ. Спб. 1899; т. LXXIX, 376—377. Семейный универ. Ф. С. Комарскаго. Собраніе популярныхъ лекцій для самообразованія. Курсъ первый, вып. 1—3. Спб. 1899; т. LXXIX, 810—811.—Адол. Гельдъ. Развитіе крупной промышленности въ Англіи. Перев. съ нѣм. Спб. 1899; т. LXXIX, 814.—Фридрихъ ф. Гельвальдъ. Земля и ея народы. Т. III. Живописная Европа. Т. IV. Живописная Африка. Спб. 1899; т. LXXIX, 1165—1166.—Максимъ Ковалевскій. Происхо-

- ждение современной демократии. Т. I. Часть III и IV. Изд. 2-е. К. Т. Солдатенкова. М. 1899; т. LXXIX, 1166—1168.—Людвиг Штейнц. Социальный вопрос с философской точки зрѣнія. Лекціи объ общественной философіи и ея исторіи. Пер. съ нѣмецк. П. Николаева. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 1899; т. LXXIX, 1168—1170.—Дюкурдр. Исторія цивилизаціи отъ древнѣйшаго до нашего времени. Томъ второй. Изд. ред. журнала «Дѣтское Чтеніе». Москва. 1899; т. LXXX, 318—320.—Всеобщая исторія съ IV столѣтія до нашего времени. Составлена подъ руководствомъ Э. Лависса и А. Рамбо. Томъ шестой. Людовикъ XIV. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1900; т. LXXX, 684—686.—Ч. М. Эндрьюсъ. Историч. развитие современной Европы; отъ Вѣнскаго конгресса до нашего времени. Т. I и II. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва, 1900; т. LXXXI, 284—287. Ванъ Мюйденъ. Исторія швейцарскаго народа. Томъ второй. Перев. съ фран. подъ ред. Э. Л. Радлова. Изд. Л. Ф. Пантелѣва. Спб. 1900; т. LXXXI, 693—697.—Вольтеръ. Шесть лекцій Дав. Фран. Штрауса. Пер. съ нѣм. М. 1900; т. LXXXI, 1093—1099.—Н. Карѣвъ. Учебная книга новой исторіи. Съ историч. картами. Спб. 1900. Его же: Замѣтки о преподаваніи исторіи въ средней школѣ. Спб. 1900; т. LXXXI, 1096—1099.—М. Сперанскій. Трепетники. (Изъ исторіи отреченной литературы). Спб. 1900; т. LXXXI, 1104—1105.—Гелльвальдъ. Исторія культуры. Въ 3 т. Пер. подъ ред. М. Филиппова. Спб. 1900; т. LXXXII, 338—342.—Альфредъ Штервѣ. Ист. револ. въ Англіи. Пер. совторого нѣмецкаго изд. Г. О. Львовича. Спб. 1900. Изд. Л. Ф. Пантелѣва, т. LXXXII, 342—343.—Монтескье. О духѣ законовъ. Пер. съ франц. подъ ред. А. Г. Горифельда, со вступительной статьей М. М. Ковалевскаго. Изд. Л. Ф. Пантелѣва. Спб. 1900; томъ LXXXII, 704—706.—Платформа, ея возникновеніе и развитіе. (Исторія публичныхъ митинговъ въ Англіи). Соч. Генри Джефсона. Перев. съ англ. Н. Н. Морденковой, подъ ред. проф. В. Ф. Дерюжинскаго. Спб. 1900; т. LXXXII, 706—708.—М. Сперанскій. Гаданія по псалтири. (Изъ исторіи отреченныхъ книгъ). Спб. 1899; т. LXXXII, 712—713.—Сочиненія Т. Н. Грановскаго. Четв. изд. М. 1900; т. LXXXII, 1132—1133.
- Константинъ Константиновичъ**, велик. князь, президентъ акад. наукъ, т. LXXX, 731—732.
- Константинъ Николаевичъ**, великій князь, т. LXXXI, 468; т. LXXXII, 485, 487, 878, 890.
- Константинъ Павловичъ**, вел. князь. т. LXXIX, 177, 526, 1050; т. LXXX, 454, 463—466, 542, 834; т. LXXXI, 53, 59, 872; т. LXXXII, 847.
- Кюти**, принцъ, т. LXXXI, 516; т. LXXXII, 275—279, 281, 285, 288, 290—292.
- Кюль**, Огюсть, франц. мыслитель, т. LXXIX, 361, 365, 367.
- Кюперникъ**, т. LXXXII, 315, 316, 318.
- Коргуевъ**, Ник. Алексѣев., писатель. *Некрологъ его*: т. LXXXI, 1147.
- Корди-Джефферсонъ**, англ. историкъ, т. LXXXII, 273.
- Кордтъ**, Б., пер. Пушкина, т. LXXX, 302.
- В., бібліотекаръ Кіевск. унив., т. LXXX, 740.
- Корелинъ**, М. С., проф. Моск. унив., т. LXXIX, 1228.
- Коринѣвскій**, А. *Библ. замѣтка А. Никитинскаго о книгѣ его*: Поэзія К. К. Случевскаго. Изд. П. П. Соѣкина. Спб. 1900; т. LXXX, 328—329.
- Корнилий**, митрополитъ тобольскій, т. LXXIX, 796.
- Корниловъ**, Вл. Алекс., вице-адмиралъ, т. LXXIX, 1055—1056; т. LXXXII, 874.
- Корсаковы**:
— Д. А., проф. Казанск. ун. *Статья его*: Изъ воспоминаній о Л. Н. Майковѣ, т. LXXXI, 466—477. *Предисловіе и примчанія его къ «Воспоминаніямъ»* Е. А. Сабанѣвой, т. LXXXII, 49—90, 414—436, 809—856.—*Библ. замѣтки его*: Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго, въ 12 томахъ, подъ ред. и съ примѣчаніями С. А. Венгерова. Т. I. Спб., 1900, томъ LXXXI, 684—689.—Собраніе сочиненій К. Л. Кавелина. Т. VII и IV. Спб., 1899 и 1900, т. LXXXI, 1081—1084. *Упомян.*: т. LXXXII, 750, 1179.
— С. С., проф. Москов. ун., писатель. *Некрологъ его*: т. LXXX, 1085—1086.
- Корсунскій**, Ив. Ник., проф. Москов. дух. акад. *Некрологъ его*: т. LXXIX, 873. *Упомян.*: т. LXXXI, 364.
- Корфъ**:
— Андр. Ник., бар., пріамурск. ген.-губернаторъ, т. LXXXI, 416—417.
— Мод. Андр., бар., ст.-секретарь, директоръ Имп. публ. библ., т. LXXIX, 41; т. LXXXI, 40—44, 46—48, 55—60, 416—419, 422, 425, 427.
— Мод. Мод., бар., ст. с., пашковецъ, т. LXXXI, 56.
— Ольга Фед., бар., т. LXXXI, 55—56, 427—428.
— Соф. Алекс., рожд. Свистунова, т. LXXXI, 417.

- Оед. Ник., бар., об.-прокуроръ сената, т. LXXXI, 416—417, 427.
- Босинскій**, генералъ, т. LXXXI, 909, 914.
- Бостомаровъ**, Ник. Ив., историкъ, т. LXXXI, 207—209, 216, 486, 499, 1137.
- Бостромитиновъ**, Ник. Инн., актеръ. *Некрологъ его*: т. LXXIX, 873.
- Бостышко**, Оад., польск. полководецъ, т. LXXX, 540; т. LXXXII, 303—304, 313.
- Ботляръ**, Е. И., прив.-доц. военно-мед. акад. *Некрологъ его*: т. LXXXII, 763.
- Бохъ**, Максъ. *Библ. замѣтка А. Н. о книгѣ его*: Исторія нѣмецкой литературы. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб., 1900, т. LXXX, 686—688.
- Боцебу**, ген., т. LXXXII, 146, 150, 153.
- Бочетова**, Ек. Ник., фрейлина имп. Мар. Оеод., т. LXXX, 57.
- Бочубен**:
— графъ, т. LXXIX, 1047—1053.
— В. С., кн., LXXX, 740.
- Бочубинскій**, А-дръ А-др., профес. Новорос. ун., т. LXXXII, 752.
- Боселевъ**, ген.-майоръ, камчатск. комендантъ, т. LXXX, 816.
- Браббе**, Ник. Карл., морской министр, т. LXXIX, 245, 260, 261.
- Браевскій**, Андр. А-др., писатель, т. LXXX, 475, 479, 482, 484—486.
- Браеръ**, сотрудн. «Russl. in Asien», т. LXXXI, 1131—1132.
- Брапоткинъ**, Дм. Ник., кн., харьк. губернаторъ, т. LXXIX, 490, 492; т. LXXX, 157, 163, 810; т. LXXXI, 39—40, 47, 49—50, 431.
- Красновъ**, Ник. Ив., ген.-лейт., писатель. *Некрологъ его*: т. LXXXII, 375.
- Красноженъ**, М., проф. *Библ. замѣтка Д. З. о книгѣ его*: Эстонцы и нѣмцы въ Прибалтійскомъ краѣ. По поводу книги А. Grenzstein'a: «Herrenkirche oder Volkskirche?» Юрьевъ, 1900, т. LXXXII, 710—711.
- Kraushar**, Alex. *Библ. замѣтка Г. А. Воробьева о книгѣ его*: *Wonneap. Ostatni konsul generalny gzeszy rozpolitej francuzkiej za Stanislaw'a Augusta (1759—1805)*. Lwów, 1900, т. LXXXII, 344—345.
- Крафтъ**, П. П., археологъ, т. LXXIX, 323.
- Крафтъ**, К. К. *Библ. замѣтка В. Р-ова о книгѣ его*: Изъ киргизской старины. Оренбургъ, 1900, т. LXXXI, 715—716.
- Крашевскій**, Юс.-Игн., польск. писатель, т. LXXIX, 707.
- Крейтонъ**, А. В., т. LXXXII, 159.
- Кремлевъ**, А. Н., т. LXXXII, 1183.
- Крестовскіе**:
— Варв. Дм., жена Вс. Вл. К., т. LXXIX, 983, 996—998, 1002.
— Вл., т. LXXIX, 998—999.
— Вс. Вл., писатель. *Статья о немъ И. К. Маркузе*: Воспоминанія о В. В. Крестовскомъ, т. LXXIX, 979—1003.
— Мар. Вс., писательница, т. LXXIX, 983, 996.
- Кречетниковъ**, М. Н., астрах. губернк., т. LXXX, 520.
- Кржижевская**, М. А., т. LXXIX, 659—662, 667—668; т. LXXX, 552, 554.
- Криднеръ**, бар., ген., т. LXXIX, 549, 551, 554, 556, 557—559, 563, 564.
- Кромвель**, Олин., протекторъ респ. Англии, Шотландіи и Ирландіи. *Замѣтки о немъ*: Окончаніе юбилей Кромвеля и новая его біографія, т. LXXIX, 396—399.—Первые военные подвиги Кромвеля, т. LXXIX, 1187—1190.—Кромвеляна, т. LXXX, 1052—1056.—Окончаніе новой біографіи Кромвеля, т. LXXXII, 1139—1143. *Упомян.*: т. LXXIX, 829—830; т. LXXXI, 310—311; т. LXXXII, 518.
- Кротковы**:
— Ив. Вас., поэтъ. *О немъ въ статьѣ Б. Н. Агафонова*: Казанскіе поэты, т. LXXXI, 596—597.
— Н. И., т. LXXXI, 363.
- Кротовъ**, П. И., проф. Казанск. унив., т. LXXX, 375.
- Кроуфордъ**, т. LXXXII, 520, 521, 522.
- Кругловъ**, А. В. *Повѣсть его*: Домна-ректорша, т. LXXXII, 379—413, 771—808. *Библ. замѣтки его*: А. И. Фаресовъ. Мои мужики. Очерки и разсказы. Спб., 1900, т. LXXXI, 299—302.—Вологжане-писатели. (Матеріалъ для словаря писателей, уроженцевъ Вологодской губ.) Сост. Пр. Дилакторскій. Вологда, 1900, т. LXXXI, 708—709. *Библ. замѣтка Н. о книгѣ его*: Женскій Аоонъ. (Очерки историческаго углака). Изд. 2-е, Спиридонова. Москва, 1899, т. LXXX, 332—333.
- Крузенштернъ**:
— Ад. Ив., путешественникъ, т. LXXX, 442.
— Ив. Оед., т. LXXXII, 484.
- Крупинъ**, С. Э., д-ръ медик., писатель. *Некрологъ его*: т. LXXXII, 763—764.
- Крутицкій**, Павелъ, митрополитъ, т. LXXIX, 796.

Брюгеръ, Пав., президентъ южноафрик. республики. *Замѣтка о немъ*: О трансваальскомъ президентѣ, т. LXXIX, 411—413.

Брюденеръ, баронесса, т. LXXIX, 409.

Брюковы:

— проф., т. LXXXI, 453—454.

— Прох. Ал., калужск. помѣщикъ, т. LXXXII, 63—69, 74, 77.

Брыловы:

— В. А. *Статья его*: Эпизодъ на литературномъ конгрессѣ въ Вѣнѣ. (Отрывокъ изъ воспоминаній), т. LXXIX, 704—717.

— Ив. Андр., баснописецъ, т. LXXIX, 45, 51, 52—53, 676, 803; т. LXXX, 627.

Бузичевъ, Е. *Статья его*: Сутки на ординарцахъ у Скобелева, т. LXXXI, 478—484.

Бузнецовъ, Н. И., проф. Юрьевск. ун., т. LXXIX, 1232.

Букольникъ, Нест. Вас., писатель, т. LXXXI, 572, 584.

Булагинъ, Н. М., проф., т. LXXXII, 1189.

Булаковский, Юл. А., проф. Киевск. ун. *Библ. замѣтка В. Р.—ва о книгѣ его*: Карта Европейской Сарматіи по Птолею. Привѣтствіе XI археологическому съѣзду. Киевъ, 1899, т. LXXIX, 376.

Буприяновъ, ст. с., чиновникъ мин. вн. д., т. LXXIX, 600—603.

Буракины:

— кн., т. LXXXI, 509, 510, 518.

— кн. А-др. Бор., вице-канцлеръ, т. LXXX, 128.

Бурбатовъ, т. LXXXI, 830.

Бурочкинъ, Вас. Ст., поэтъ, т. LXXX, 486.

Буртинъ, Іеремія, секретарь америк. посольства, т. LXXIX, 240, 246, 253, 260.

Бурцевичъ, Іосифъ, т. LXXXI, 1084—1086.

Бусковъ, Пл., поэтъ, т. LXXX, 473.

Бутайсовы:

— гр. А-дръ Ив., ген.-майоръ, т. LXXXII, 827.

— гр. Ив. Павл., оберъ-штабмейстеръ, т. LXXXII, 827, 830.

— гр. Пав. Ив., членъ госуд. сов., т. LXXXII, 827.

— гр. Праск. Петр., рожд. Лопухина, т. LXXXII, 827.

Бутовъ, дѣятель фр. революціи, т. LXXXI, 726—728.

Бутузовы:

— кievск. военн. губ., т. LXXIX, 190.

— П. В., ген.-адъют., т. LXXX, 838.

Бушелевъ-Везбородко, гр. А-дръ Гр., госуд. контролеръ. *Замѣтка о немъ*: Столѣтію графа А. Г. Кушелева-Везбородко, т. LXXXII, 366.

Бувилье-Флери, академикъ. *Замѣтка о немъ*: Мемуары гр. Монталивъ и Кювилье-Флери, т. LXXXI, 317—319.

Бюньякъ, фр. капитанъ, т. LXXX, 1060—1061.

Бюстиянъ, графиня, т. LXXXII, 735—736.

Бэтъ, англ. посланникъ въ Вѣнѣ, т. LXXXII, 119, 127, 293.

Л.

Лавинскій, ген.-губернаторъ Вост. Сибири, т. LXXX, 839.

Лависсъ, Э. *Библ. замѣтка П. Б.—аго о составленной имъ вмѣстѣ съ А. Рамбо книгѣ*: Всеобщая исторія съ IV столѣтія до нашего времени. Томъ шестой. Людовикъ XIV. Изд. К. Т. Салдатенкова. Москва. 1900. Т. LXXX, 681—686.

Лавровскіе:

— Ник. Алекс., попечитель Рижск. уч. окр. *Статья о немъ С. Н. Браиловскаго*: Воспоминанія о Н. А. Лавровскомъ. Т. LXXIX, 1102—1115.

— П. А., т. LXXIX, 431.

Лавровъ, Петръ Лавр., писатель. *Некрологъ его*: т. LXXIX, 1241; *Упомин.*: т. LXXX, 473—474.

Лавуазье:

— химикъ, т. LXXX, 1070—1071.

— *Замѣтка о немъ*: Виновники смерти Лавуазье. Т. LXXXI, 741—743.

Ладыгинъ, т. LXXIX, 426—427.

Ладыжинскій, тобольск. губернаторъ, т. LXXX, 840.

Лазаревскій, Ал. М. *Замѣтка его*: По поводу «Археологической справки» г. Эварницкаго. Т. LXXIX, 1247.

Лазаревы:

— сенаторъ, т. LXXIX, 1124—1127.

— Мих. Петр., адмиралъ. *О немъ въ Воспоминаніяхъ В. П. Одинацова*. Т. LXXXII, 481—509, 872—896. *Упомян.*: т. LXXIX, 1054—1055.

Лакіеръ, Л. *Библ. замѣтка А. Пикитинскаго о переведенной имъ книгѣ*: Чудесный вѣкъ. Положительные и отрицательные итоги девятнадцатаго столѣтія. Проф. А. Р. Уоллеса. Изд. Р. Павленкова. Спб. 1900. Т. LXXX, 696—698.

Ламанскій, В. П., академикъ. т.

- LXXIX, 306, 431, 800 — 801, 863; т. LXXX, 1080; т. LXXXI, 475; т. LXXXII, 752, 1187.
- Ламбъ:**
— ген.-поручикъ, т. LXXIX, 1122—1123.
— Ив. Варо., вице-президентъ военн. коллегіи, т. LXXX, 108 — 109, 123, 128.
- Lamuche, Leon.** *Библ. замѣтка В. Качановскаго о книгѣ его:* Péninsule balkanique, esquisse historique, ethnographique, philologique et littéraire, cours libre professé à la Faculté des lettres de l'Université de Montpellier, par Leon Lamuche, capitaine de génie, diplômé de l'École des langues orientales. Paris. 1899: т. LXXIX, 1181.
- Ланскіе:**
— Петръ Петр., т. LXXX, 413—414.
— С. С., министръ вн. д., т. LXXIX, 601, 608, 612, 626.
- Лаперузъ,** т. LXXX, 112—113.
- Лаппараяъ,** проф., т. LXXIX, 1204.
- Лапшо, Н. И.,** т. LXXIX, 699, 613—618.
- Лаптевъ,** ген., т. LXXIX, 438.
- Ласси,** фельдмаршалъ, т. LXXX, 105; т. LXXXI, 492—493, 503, 515, 842.
- Латкинъ,** Вас. Ник., проф. Спб. ун., т. LXXIX, 307.
- Латышевъ, В. В.** *Библ. замѣтка Н. А. о книгѣ его:* Очеркъ греческихъ древностей. Ч. 2-я. Богослужбныя и сценическія древности. Изд. 2-е, испр. Спб. 1899. Т. LXXIX, 1161—1162.
- Лашкаревъ,** генералъ, т. LXXIX, 556, 563.
- Лебедевы:**
— К. Н., членъ сов. мин. госуд. имуц. т. LXXXII, 886—887.
— П. А., протоіерей. *Некрологъ его:* т. LXXXI, 371.
- Левальдъ,** ген., т. LXXXII, 125.
- Левашова,** Мар. Ив., т. LXXXII, 48±.
- Левашевъ,** ген.-адъют., т. LXXX, 836.
- Леве, Ферд.,** перев. Пушкина, т. LXXX, 300, 301.
- Левенвольде,** т. LXXXI, 504, 520.
- Левенгаль,** т. LXXIX, 713.
- Левенштернъ,** ген., авт. воспоминаній, т. LXXXI, 48, 55.
фонъ-Леветцовъ, Мьльрика, баронесса, т. LXXIX, 416—417.
- Левитанъ,** Ис. Ил., академикъ живописи. *Некрологъ его:* т. LXXXI, 1147—1148.
- Левинская, Ф. (Ф. Л.).** *Статья ея:* Изъ воспоминаній о московскомъ александровскомъ институтѣ, т. LXXXI, 894—906.
- Левицкий, П.,** археологъ, т. LXXIX, 424.
- Левшины:**
— Вѣра Як., рожд. кн. Грузинская. супр. Д. П., т. LXXIX, 930—931.
— Дм. Павл., камергеръ, т. LXXIX, 930—831.
- Левъ X,** папа римскій, т. LXXXII, 956.
- Левъ XIII,** папа римскій, т. LXXXII, 510.
- Лего, Фед. Ив.,** сенаторъ. *Некрологъ его:* т. LXXXII, 375—376.
- Лежа,** Луи, фр. историкъ, т. LXXIX, 428—430; т. LXXX, 1051—1052.
- Лейкинъ,** Ник. Ал-др., писатель, т. LXXIX, 699.
- Лействъ, Э. Е.,** проф., т. LXXXII, 1190.
- Леклеркъ, М.** франц. писатель. *Библ. замѣтка Д. о книгѣ его:* Воспитаніе и общество въ Англіи. Спб. 1899; т. LXXIX, 378—380.
- Лексницкій, Фр.,** польскій художникъ, т. LXXXII, 326.
- Лекторскій,** чиновн. особ. поруч. при рязанск. губ., т. LXXIX, 608—609, 611, 612.
- Лелякинъ, Н. Н.,** астрономъ, т. LXXIX, 1233.
- Леманъ, А. И.** *Статья его:* По барабану. (Изъ воспоминаній юнкера); т. LXXXI, 72—91.
- Ленотръ,** фр. историкъ, т. LXXIX, 831, 834—835.
- Ленскіе:**
— В. Д., актеръ, т. LXXXI, 437—438.
— Д. Г., актеръ, переводчикъ, т. LXXXI, 437.
- Лентовскій, Мих. Вал.,** актеръ, т. LXXXI, 451, 821—822.
- Леоновъ, В. Н.,** археологъ, т. LXXXII, 1177.
- Леонтій,** тамбовск. епископъ. *Статья о немъ С. Н. Введенскаго:* Тамбовскій епископъ Леонтій, т. LXXX, 937—952.
- Леонтьевы:**
— рядовой. *Замѣтка о немъ Н. В. Раюзина:* Подвигъ рядового Леонтьева, т. LXXIX, 1246.
— Е. *Библ. замѣтка Д. Е—ва о переведенной ею книгѣ Ф. Тома:* Нравственность и воспитаніе. Изд. ред. журнала «Образованіе». Спб. 1900; т. LXXX, 1046.
— Мар. Петр., рожд. кн. Оболенская, т. LXXXII, 418, 433—436.
— Серг. Бор., т. LXXXII, 418, 433—436.
— Мих. Ив., ген.-лейт., т. LXXX, 425.

- Леонарди**, итал. поэтъ, т. LXXX. 357.
- Леопольдъ I**, нѣмецкій императоръ, г. LXXXII, 941, 516, 535, 536, 941, 962.
- Лепарскій**, ген., LXXX, 839.
- Лермина**, Жюль, фр. журналистъ, т. LXXIX, 708, 713.
- Лермонтовъ**, Мих. Юр. поэтъ, LXXXI, 211, 567, 568; т. LXXXII, 512, 513.
- Лермонтъ**, Юрій, т. LXXXII, 512, 517.
- Лессенсъ**, т. LXXX, 112—113.
- Лестоукъ**, Арм., придв. врачъ, т. LXXXI, 494, 499, 500—501, 507—511, 513—515, 518—522, 828—829, 834, 836, 837, 838, 854; т. LXXXII, 124.
- Летурно**, Ш., фр. антропологъ. *Библ. замѣтка А. Н-ова о книгѣ его*: Эволюція воспитанія у различныхъ человеческихъ расъ. Спб. 1900; т. LXXXI, 294—295.
- Лефорть**, Фр. Як., адмиралъ, любимецъ Петра I, т. LXXXII, 947, 961.
- Леццапо**, Бор. Бор., губернаторъ Иркутска, т. LXXX, 130.
- Лещинскіе**:
— Станиславъ, король польскій, т. LXXXI, 492, 494; т. LXXXII, 1159—1160.
— Марія, жена Людовика XV. *Замѣтки о ней*: Бравъ Маріи Лещинской, т. LXXX, 338—340.—Новая книга о королевѣ Маріи Лещинской, т. LXXXII, 1159—1160.
- Лжедмитрій**, т. LXXIX, 318—322.
- Либецехтъ**, Вильг., основатель соц.-демокр. партіи въ Германіи. *Замѣтка о немъ*: Глава социаль-демократовъ въ Германіи, т. LXXXII, 1153—1155.
- Ливень**, графиня, т. LXXIX, 409—410.
- Лигицъ**, Вал. Ник., попечитель Варш. уч. овр., писатель. *Некрологъ его*: т. LXXIX, 873—874.
- Лидерсъ**, ген., т. LXXX, 797.
- Линарь**, саксонск. посланникъ, т. LXXXI, 497, 498.
- Линдеманъ**, Эд. Эмм., д-ръ медицины, писатель. *Некрологъ его*: т. LXXXI, 1148.
- Линева**, Е. Э., собирательница народн. пѣсень, т. LXXIX, 869.
- Линевъ (Далинъ)**, Д. А. *Библ. замѣтка Б. Г. о книгѣ его*: Третья книга «Не сказокъ». Спб. 1900, т. LXXIX, 1170—1171.
- Линкольнъ**:
— *Замѣтка о немъ*: Коля Линкольна, какъ изобрѣтательное орудіе, т. LXXXI, 320—321.
— Авраамъ президентъ С.-Амер. седо. штатовъ. *О немъ въ ст. Е. Н. Матрочова*: Чрезвычайное американское по-
- солство въ Россіи въ 1866 г., т. LXXIX, 229—266.
- Липовскій**, А. Л. *Библ. замѣтка его*: Македонскій вопросъ на почвѣ его исторіи, этнографіи и политики. Юванъ П. Рогановичъ. Каз. 1900, т. LXXX, 701, 701.— *Упомин.*: т. LXXIX, 1230—1231; т. LXXX, 1075.
- Липпертъ**, Р., переводчикъ Пушкина, т. LXXX, 300.
- Липранди**, ген., т. LXXX, 797; т. LXXXII, 152.
- Лисовскіе**:
— вице-адмиралъ, т. LXXIX, 237, 242, 244, 245, 247, 248, 252, 259.
— Ник. Мих., библиографъ, т. LXXIX, 425, 866; т. LXXX, 1076—1077.
- Литке**, Ф. П., т. LXXXII, 487.
- Лихачевы**:
— вице-адмиралъ, т. LXXIX, 236, 241.
— Н. П. *Библ. замѣтка П. Полевого о его книгѣ*: Палеографическое значеніе бумажныхъ водяныхъ знаковъ. Часть I. Изслѣдованіе и описаніе филиграней. Часть II. Предметный и хронологическій указатель. Часть III. Альбомъ снимковъ. Изданіе общества любителей древней письменности. Спб. 1899: т. LXXIX, 1147—1149; *Упомин.*: т. LXXXI, 880.
— Л. М. *Библ. замѣтки его*: Древности. Труды имп. москов. археологич. общества, издавш. подъ ред. В. К. Трутовскаго, т. XVII. Съ 1 табл. и 7 рис. въ текстъ. М. 1900, т. LXXXII, 1121—1123.—Извѣстія общества любителей изученія Кубанской области. Вып. II. Подъ ред. В. Сысоева и А. Дьячкова-Тарасова. Екатеринодаръ, 1900, т. LXXXII, 1126—1127.
- Лобановъ-Ростовскій**, кн., министръ юстиціи, т. LXXX, 829.
- Лобачевскій**, Ник. Нв., проф. Казанск. ун. *О немъ въ ст. Н. П. Заоскина*: Изъ прошлаго Казанскаго университета; т. LXXXI, 859—873.
- Лобза**, П. О., т. LXXX, 373.
- Ловагинъ**, Ал-дръ Мих., президентъ рус. библиол. общ. *Библ. замѣтки его*: Denkmünzen auf Personen, die in den Ostseeprovinzen geboren sind oder gewirkt haben. Herausgegeben von I. Iversen. St.-Petersb. u. Leipzig. 1899. Т. LXXIX, 386—387.—Матеріалы по исторіи русской картографіи. Вып. I. Карты всей Россіи и южныхъ областей до половины XVII в. Изд. Кіевской комиссіи для разбора древнихъ актовъ. Кіевъ. 1899. Т. LXXIX, 1159—1161. *Упомин.*: т. LXXXII, 754.

- Лодыжинскіе:**
 — Алексѣй Оѣд., т. LXXX. 492.
 — Мар. Дан., т. LXXX, 492.
- Лойола, Игнатій, основатель орд. іезуитовъ, т. LXXIX, 824—826.**
- Ломакинъ, ген., т. LXXX, 225—226, 239.**
- Ломери, т. LXXXII, 267.**
- Ломоносовъ, Мих. Вас., писатель. Замѣтка о немъ: Чествованіе памяти Ломоносова. Т. LXXIX, 1212—1222. Упомят.: т. LXXIX, 332; т. LXXXI, 849.**
- Лонгиновы:**
 — Алекс. Дм., рожд. Левшина, т. LXXIX, 930, 932.
 — Мих. Ник., писатель, т. LXXIX, 930.
- Лопатинскій, Теоф., т. LXXXI, 497.**
- Лопатинъ, Л. М., профессоръ, т. LXXIX, 427—428.**
- Лопухины:**
 — Ив., т. LXXXI, 508, 520.
 — Ив. Вл., т. LXXX, 821.
 — Нат. Оѣд., т. LXXXI, 520.
 — П. В., т. LXXIX, 189.
- Лордъ, Вальтеръ, англ. писатель, т. LXXIX, 828—829.**
- Лорисъ-Меликовъ, гр., Мих. Тар., министръ вн. дѣлъ, т. LXXIX, 305.**
- Лосскій, К. Библ. замѣтка его: Эмиль Эгеръ. Исторія книги отъ ея появленія до нашихъ временъ. Пер. съ французскаго. Спб. 1900: т. LXXX, 698—699.**
- Лоз, бар., т. LXXX, 724.**
- Лузинъ, Ив. Дм., об.-полицейм. въ Москвѣ, т. LXXX, 805.**
- Луи-Филиппъ, т. LXXIX, 844, 845.**
- Луиза, королева прусская. Замѣтка о ней: Фридрихъ-Вильгельмъ III и королева Луиза. Т. LXXIX, 836—837.**
- Лукины:**
 — Анна Петр., рожд. Скуратова, т. LXXXII, 813—815, 819.
 — Ник. Дм., т. LXXXII, 814, 815.
- Луковкинъ, А. Г., т. LXXX, 509, 511, 512, 513, 515.**
- Лукьяновъ, Г. Г., археологъ, томъ LXXX, 746.**
- Лукинъ, Ал-дръ Мих., предсѣдатель моск. опекун. сов., т. LXXX, 52.**
- Лупусъ, Алексѣй, перев. Пушкина, т. LXXX, 301.**
- Лучинскій, А. Библ. замѣтки его: М. Герцфельдъ. Скандиновская литература и ея современныя тенденціи. Перев. слушательницъ высш. женск. курсовъ подъ ред. И. А. Шляпкина. Спб. 1900, т. LXXX, 322—323.—Д. Михайловъ. Ап. Григорьевъ. Живанъ въ связи съ характеромъ литературной дѣятельности его, Спб.; т. LXXX. 699—700.**

- Лущевичъ, Влад., проф. краков. ун., т. LXXXII, 321.**
- Львовичъ, Г. О. Библ. замѣтка П. Каго о переведенной имъ книгѣ: Исторія революціи въ Англіи. Спб. 1900. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Т. LXXXII, 342—343.**

Львовы:

- сенаторъ, т. LXXX, 828.
 — Дм. А-др., князь, т. LXXIX, 526; LXXXI, 53.
 — Ек. Вл., кн., фрейлина в. вн. Елены Павл., т. LXXXI, 426—427.
 — О. И., т. LXXXII, 891.
- Лѣсковъ, Ник. Сем., писатель, т. LXXIX, 670, 677, 680—685, 979, 983, 988—990, 1000—1001.**
- Льбичъ-Романовичъ, В., т. LXXXII, 514.**
- Льбоничъ, Н. Библ. замѣтка его: Wierzbowski, Teodor. Materiały do dziejów piśmiennictwa polskiego i biografii pisarzy polskich. T. I. 1398—1600. Warszawa. 1900. Т. LXXX, 1042—1043.**
- Любомировъ, директоръ Казанск. ун., т. LXXXI, 865—866, 869—872.**
- Любомірская, Алоксандра, кн., Замѣтка о ней Любомірскаго: Къ статьѣ «Жертва террора». Т. LXXIX, 879—880.**
- Любомірскій, Замѣтка его: Къ статьѣ «Жертва террора». Т. LXXIX, 879—880.**
- Людвигъ II, баварск. король. Замѣтка о немъ: Былъ ли художникомъ сумасшедшій баварскій король? Т. LXXXI, 1125—1127.**
- Людвикъ XIII, фр. король, томъ LXXXII, 516.**
- Людвигъ XIV, фр. король. О немъ въ замѣткѣ: Маги и колдуны при Людовикѣ XIV. Т. LXXXII, 728—730. Упомят.: т. LXXX, 684—685, 726; т. LXXXII, 524, 532, 534, 536, 936, 946, 962.**
- Людвигъ XV, фр. король. Статя о немъ В. Т.: Пятьдесятъ фаворитокъ Людовика XV. Т. LXXIX, 748—791. Упомят.: т. LXXIX, 832—836; т. LXXX, 336—339; т. LXXXI, 494, 828, 832—833; т. LXXXII, 119—122, 133—134, 266, 272—286, 291—295, 734—735.**
- Людвигъ XVI, фр. король, т. LXXXII, 734—735.**
- Людвигъ XVIII, фр. король. Замѣтка о немъ: Придворная интрига во Франціи при Людовикѣ XVIII. Томъ LXXIX, 841—842; Упомят.: т. LXXXII, 1096, 1101, 1103, 1105, 1108. 1110, 1111, 1116.**
- Людвикъ-Филиппъ, т. LXXXI, 317—318.**
- Лютеръ, т. LXXXII, 1136—1138.**
- Лялина, М. А., т. LXXIX, 1233.**

Ляминъ, председатель моск. бирж. ком., т. LXXIX, 250.

Ляпуновъ, С. М., композиторъ, т. LXXIX, 1236.

Лясковскій, Н. Э., проф. моск. ун., т. LXXIX, 1217.

Ляцкій, Е. А., *Статья его*: Народные типы. Т. LXXIX, 1004—1026. *Библ. замѣтка А. Бина объ издан. съ его предисловіемъ книги*: Въ 1788 году новой. Новое изданіе Не всю и не ничево. М. 1899. Т. LXXIX, 1162.

Лященко, Арк. Іоак. *Библ. замѣтки его*: Проф. Евгеній Бэбровъ. Философія въ Россіи. Матеріалы, изслѣдованія и замѣтки. Вып. I, II и III. Казань. 1899—1900. Т. LXXX, 671—673;—Общественное самосознаніе въ русской литературѣ. Критическіе очерки Арс. И. Введенскаго. Спб. 1900. Т. LXXX, 676—677; *Упомин.*: т. LXX, 1076.

Лэддъ, Дж. Т. *Библ. замѣтка Пш. о книгѣ его*: Очеркъ элементарной психологіи. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1900. Т. LXXXII, 718.

М.

Магницкій, Мих. Леонт., попечитель казан. уч. окр., т. LXXIX, 340; т. LXXXI, 860—865, 869—880.

Мазараки, полковникъ, т. LXXX, 796, 799, 800—801.

Мазараки, С. А., археологъ, т. LXXXII, 368.

Мазирини, кардиналъ, т. LXXXI, 310—311.

Мазуринъ, О. О. т. LXXIX, 804.

Майковы:

— Апол. Ник., поэтъ, т. LXXXI, 467, 471, 475.

— В. В., т. LXXIX, 1229; т. LXXX, 747.

— Вал. Ник., писатель, т. LXXIX, 695; т. LXXX, 627, т. LXXXI, 471, 476.

— Вас. Нв., писатель, т. LXXX, 624.

— Вл. Ник., редакторъ педагог. журналовъ, т. LXXXI, 471.

— Евген. Петр., рожд. Гусятникова, супр. Н. А. М., писательница, т. LXXXI, 471.

— Леон. Ник., вице-президентъ акад. наукъ. *Статьи о немъ*: П. Н. Полевого: Памяти Л. Н. Майкова, т. LXXX, 613—616.—В. Е. Рудакова: Л. Н. Майковъ, т. LXXX, 617—631.—Д. А. Корсакова: Изъ воспоминаній о Л. Н. Майковѣ, т. LXXXI, 466—477. *Упомин.*: LXXXI, 1236; т. LXXX, 1076, 1080; т. LXXXI, 994; LXXXII, 54, 1188.

— Ник. Ан., академикъ живописи, т. LXXX, 617, 618; т. LXXXI, 471, 476.

«Истор. вѣстн.», декабрь, 1900 г., т. LXXXII.

Майръ, Г. *Библ. замѣтка Д. К. Е.—ва о книгѣ его*: Закономѣрность въ обществен. жианіи. Москва 1899; т. LXXXI, 1179—1180.

Магарій:

— архимандритъ, т. LXXXII, 252.

— митрополитъ, *Замѣтка о немъ*: Памятникъ на мѣстѣ мученической кончины митр. Макарія, т. LXXXI, 752—753. *Замѣтка о присужденіи премій его имени*, т. LXXXI, 364—365.

Мадональдъ, Ф., англ. писательн., т. LXXX, 705—707.

Максвель, Герб., англ. писатель, т. LXXX, 345—347; т. LXXXI, 316.

Максимиліанъ, императоръ мексиканскій, LXXIX, 1056.

Максимовы:

— А. Н., т. LXXIX, 1222.

— Н. В., журналистъ, *Некрологъ его*: т. LXXIX, 1242.

Магъ-Магонъ, франц. маршалъ, т. LXXXII, 363.

Малеинъ, А. І., магистръ римск. словесности. *Библ. замѣтки его*: П. Е. Тимошенко. Къ исторіи судебной пытки. I. Взгляды древнихъ на пытку. II. Пытка по римскому праву. Полтава, 1900; т. LXXIX, 378.—К. К. Герць. Собраніе сочиненій, издаиное Императорскою Академіею Наукъ на средства капитала имени проф. К. І. Герца. Вып. 1-й. Археологическал топографія Таманскаго полуострова.—Вып. 2-й. Историч. обзоръ археологич. изслѣдованій и открытій на Таманскомъ полуостровѣ.—Вып. 3-й. Письмо изъ Италіи и Сициліи. Вып. 4-й. О состояніи живописи въ Сѣв. Европѣ, отъ Карла Великаго до начала Романской эпохи.—Вып. 5-й. Статьи по археологич. восточной, классическ. и древнехристианской. Спб. 1898—1900; т. LXXX, 691—693. П. М. Гревсъ. Очерки изъ исторіи римскаго земледѣлія (преимущественно во время имперіи). Томъ I. Спб. 1899; т. LXXX, 1039—1042. *Библ. замѣтка В. Никольскаго о книгѣ его*: Марціалъ. Изслѣдов. въ области рукописн. преданія поэзіи и его интерпрет. Спб. 1900; т. LXXXI, 274—277. *Упомин.*: т. LXXXI, 424. *Замѣтка о диспутѣ его*: т. LXXX, 1073.

Малиновскій, А. О., управ. моск. гл. арх. мнн. инос. дѣль, LXXXI, 804.

Малацкій, Н. *Библ. замѣтка А. В. С. о книгѣ его*: Исторія Владимирской духовной семинаріи. Вып. 1-й. (1750—1814 гг.). М. 1900; т. LXXX, 326—328.

Малиевъ, Н. М., проф. томск. унив., т. LXXXI, 589.

- Малчевскій**, т. LXXX, 497.
- Мальгренъ**, А. Э. *Библ. замѣтка С. П. обѣзданной подь его ред. кннжъ*: Собрание сочиненій Н. А. Голышева. Томъ первый Вып. второи. Сиб. 1899; т. LXXXI, 718. *Упомин.*: LXXIX, 425.
- Мальмъ**, В. Г., лекторъ итальянскаго и испанскаго яз. моск. унив. *Некрологъ его*: т. LXXXI, 371.
- Мальцова**, Анаст. Ник., т. LXXXI, 61.
- Мальцовъ**, Ив. Серг., т. LXXIX, 503.
- Мансуровъ**, Бор. Павл., ст.-секретарь, т. LXXXI, 53.
- Мантейфель**, бар. LXXXII, 309.
- Мардефельдъ**, прусс. посланникъ, т. LXXXI, 519, 520, 522, 523, 825, 828, 834—837.
- фонъ-**Марс**, капитанъ, т. LXXIX, 555.
- Марія**, княгиня, жена Всеволода III, т. LXXXI, 1134.
- Марія**, въ мѣрѣ Марг. Мих. Тучкова, игуменья Спасоборода, мов. т. LXXXI, 38.
- Марія Александровна**, императрица, т. LXXIX, 61, 527; т. LXXX, 811; т. LXXXII, 136—137, 154, 159.
- Марія Александровна**, вел. княг., т. LXXXI, 898—900.
- Марія Антуанета**, франц. королева, т. LXXIX, 834; т. LXXXII, 734, 1104.
- Марія-Луиза**, франц. императрица, т. LXXIX, 193.
- Марія Николаевна**, вел. княгиня, т. LXXIX, 247; LXXXII, 1115.
- Марія (Ствартъ)**, шотланд. королева, т. LXXXII, 511, 517.
- Марія-Терезія**, австр. императрица, т. LXXIX, 403—405; т. LXXXI, 492—493, 839, 840, 845; т. LXXXII, 119, 133, 285.
- Марія Теодоровна**, императ. супр. импер. Павла I, т. LXXIX, 191—193, 513; т. LXXX, 52, 57, 452, 527, 546, 821; 654—656, т. LXXXII, 416, 425—426.
- Маркевичи**:
— А. И., проф. моск. унив., т. LXXXI, 353.
— Бол. Мих., писатель, т. LXXIX, 513—516; т. LXXXI, 50.
- Марковичъ**, поручикъ, т. LXXIX, 1052—1053.
- Марковниковъ**, В. В., проф. моск. ун., т. LXXIX, 1215—1219, 1221.
- Марковы**:
— А. К., археологъ, т. LXXIX, 422.
— Р. I. *Статья его*: Недавняя старина. (Изъ воспоминаній моего отца), т. LXXXI, 62—71.
- Маркъсъ**:
— Карлъ, нѣм. экономистъ, т. LXXXI, 365—366.
— Э., профессоръ, т. LXXIX, 375.
- Маркузе**, П. К. *Статья его*: Воспоминанія о В. В. Крестовскомъ, т. LXXIX, 979—1003.
- Маркусъ**, Э. Э. *Статья его*: Последнія минуты императора Александра II, т. LXXX, 133—134.
- Марлинскій** (Бестужевъ), Ал-дръ Ал-др., писатель, т. LXXIX, 411.
- Марръ**, П. Я., этнографъ, т. LXXIX, 1233.
- Мартемьяновъ**, Т. А. *Статья его*: Правда о «Камаринской» и «Барынь» (Исторія двухъ народныхъ пѣсень), т. LXXXII, 161—176.
- Мартирій**, еписк., т. LXXXII, 250.
- Мартыновы**:
— актеръ, т. LXXXI, 453, 584.
— Дм. Солом., т. LXXIX, 45.
— Елис. Мих., урожд. Тарновская, супр. Солом. Мих. М., т. LXXIX, 44—45.
— Мар. Степ., рожд. Поскочина, супруга Сав. Мих. М., т. LXXIX, 45; т. LXXXI, 420—422.
— Мих. Ильичъ, пензен. помѣщикъ, т. LXXIX, 44.
— Мих. Солом., т. LXXIX, 45.
— Ник. Сав., офицеръ, т. LXXIX, 45; т. LXXXI, 421—422.
— Ник. Солом., т. LXXIX, 45; т. LXXXI, 422.
— Савва Мих., т. LXXIX, 44—45; т. LXXXI, 420—422.
— Солом. Мих., т. LXXIX, 44—45, 61, 939.
- Марченко**, т. LXXX, 829.
- Мароа Матвѣвна**, парица, т. LXXIX, 43.
- Масальская**, С. В., вн., т. LXXX, 537, 539, 547.
- Масальскій**, вн., д. членъ геогр. общ., т. LXXIX, 869.
- Маслова**, М. Д. рожд. Мертваго, супр. ст.-секретаря, т. LXXXI, 426.
- Масловъ**, С. А., секретарь моск. общ. сельск. хоз., т. LXXXII, 880.
- Массонъ**, Фр., фр. историкъ, т. LXXXI, 719—720.
- Массонъ**, Фред., сотр. «Revue de Paris», т. LXXXI, 719—720; т. LXXXII, 1161—1162.
- Массэна**, *Замѣтка о немъ*: Массэна въ Швейцаріи, т. LXXX, 340—342.
- Матвѣва**, Евд. Григ., (рожд. Гамильтонъ), супр. А. С. М. т. LXXXII, 512, 953.
- Матвѣвъ**, Артем. Серг. LXXXII, т. 512, 515, 521—525, 532, 534, 946, 947, 949, 953—957, 959—962, 964, 967.
- Матейко**, Янъ, художникъ, т. LXXXII, 302, 304, 318, 325, 328.

- Матросовъ, Е. И.** *Статья его:* Чрезвычайное американское посольство въ Россіи въ 1866 году. т. LXXIX, 229—266.
- Медичи**, знаменитая флорентин. фамилія, т. LXXIX, 374—375.
- Медичи**, Лоренцо, т. LXXXII, 309.
- Межовъ, В. И.** библиографъ, т. LXXIX, 425, 866; т. LXXX, 299—302.
- Мезіеръ, А. В.** *Библ. замѣтка С. П. о книж. ея:* Русская словесность съ XI по XIX столѣтіе вкл. Библиографическій указатель произведеній русской словесности въ связи съ исторіей литературы и критикой. Книжки и журнальныя статьи. Ч. I. Русская словесность съ XI по XVIII в. Спб. 1899, т. LXXXI, 1107—1108. *Упомят.*: т. LXXX, 498, 501.
- Мей, А. А.**, поэтъ, т. LXXIX, 990—991.
- Мейендорфъ, бар., А.**, т. LXXXII, 141, 155.
- Мейеръ, Эд.** нѣм. профессоръ, т. LXXIX, 1185—1186.
- фонъ-Мейзенбургъ, Мальвида.** *Замѣтка о ней:* Мемуары идеалистки, т. LXXXII, 359—360.
- Мейснеръ, А. Я.** т. LXXX, 473.
- Меланхтонъ, Замѣтка о немъ:** Одинъ изъ героев реформаціи, т. LXXXII, 1136—1138.
- Мелетій**, епископъ рязанскій и зарайскій. *Некрологъ его:* т. LXXIX, 1242.
- Мелоранскій, П. М.**, пр.-доц. спб. ун., т. LXXX, 370.
- Мельниковы:**
— И. О., журналистъ. *Некрологъ его:* т. LXXIX, 1242.
— Пав. Петр., министръ пут. сообщ., т. LXXIX, 924.
- Мельникъ, Е. П.**, т. LXXXII, 1185.
- Менгденъ, Юлія**, фрейлина Анны Леоп., т. LXXXI, 497, 503.
- Менделѣевъ, Д. И.**, профессоръ спб. ун., т. LXXIX, 982, 1117.
- Менезій:**
— Гильбертъ, т. LXXXII, 518, 523.
— Павель. *Статья о немъ* Н. В. Чарыкова: Павель Менезій. Его дипломатическая и военная служба при московскомъ дворѣ и предполагаемое наставничество при Петрѣ Великомъ, т. LXXXII, 510—537, 935—968.
— Томасъ, т. LXXXII, 521, 522, 946, 966.
- Меншиковы:**
— кн. т. LXXIX, 1056—1058; т. LXXXI, 489—490, 494.
— А. С. кн., морск. министръ, т. LXXXII, 492, 494, 874, 878.
- писатель, т. LXXIX, 437—438.
- Мердеръ, Н. П.** *Романъ ея:* Въ году бѣдствій, т. LXXIX, 7—40, 441—488, 881—920; т. LXXX, 5—50, 385—402, 761—789; т. LXXXI, 5—35, 377—415, 761—797; т. LXXXII, 5—48.
- Меримъ:**
— Генрихъ, фр. писатель, т. LXXIX, 62.
— Просперъ, фр. писатель, т. LXXIX, 62.
де-ла-Мессельеръ, т. LXXXII, 121, 268, 277, 284.
- Метаксъ, В. П.**, археологъ, т. LXXX, 1075.
- Метлянь, т. LXXXII, 874.**
де-Метраль, учитель, т. LXXIX, 689—690.
- Меттернихъ, австр.** дипломатъ, т. LXXIX, 1050, 1196—1197.
- Мизниновъ, авт. кн. «Исторія и поэзія», т. LXXIX, 698—699, 701—703.**
- Миклашевичъ, Варв. Сем.** рожд. Смагина, писательница. *Статья о ней И. Данилова:* Забытая писательница, т. LXXXI, 193—205.
- Микржевъ, В. М.**, т. LXXXII, 873.
- Милетичъ, А.**, болгарскій писатель, т. LXXIX, 799.
- Миллеръ:**
— Вс. Оед., проф. моск. унив. *Замѣтка объ юбилей его:* т. LXXIX, 1222—1223. *Упомят.*: т. LXXXI, 216, 353.
— Герардъ - Фридрихъ, т. LXXIX, 804.
— Д. П. *Статьи его:* Арестъ и ссылка В. Н. Каразина, т. LXXIX, 1047—1053.
— В. Н. Каразинъ и князь П. И. Трубецкой, т. LXXX, 887—889.
— И. И., ген.-майоръ. *Некрологъ его:* т. LXXIX, 1243.
— Ор. Оед., проф. спб. унив., т. LXXIX, 306—307, 310—311, 369, 992.
— С. И., т. LXXXII, 618.
- Милль, Дж.-Ст.**, англ. политико-экономъ, т. LXXIX, 220, 367.
- Милоевичъ, сербскій писатель, т. LXXIX, 383.**
- Милорадовичъ, гр. Мих. Андр.**, петерб. губернаторъ. *Замѣтка о семидесятилѣтнѣи со дня смерти его.* т. LXXXII, 759—760. *Упомят.*: т. LXXIX, 1048, 1051; т. LXXX, 824, 836.
- Мильиъ-Эдваръ, Альф.**, зоологъ, т. LXXXII, 1188.
- Мильтонъ, Дж.**, англ. поэтъ. *Замѣтка о немъ:* Автобіографія Мильтона, т. LXXIX, 827—828.
— А. С. *Библ. замѣтка И. А. о переселенной его книжкѣ:* Римская имперія.

Сборникъ статей. («Библиотека для самообразования», III). Москва. 1900; т. LXXX, 690—691.

— А-др. Петр., писатель, т. LXXIX, 990—991.

— Пав. Ник., писатель, т. LXXIX, 799; т. LXXXII, 531.

Милютинъ:

— Ив. Андр. *Статья его*: Изъ воспоминаній объ императорѣ Александрѣ III, т. LXXIX, 115—119.

— Ник. Алекс., членъ госуд. совѣта, т. LXXXI, 426.

Минаевъ, Н. П., т. LXXXI, 475.

Мининъ, т. LXXXI, 490—492, 493, 495, 503, 504.

Мирбахъ, бар. Эрн. Ив., тайн. сов., т. LXXXI, 417—418, 427.

Мирковичъ, ген.-губернаторъ Зап. края, т. LXXXI, 569—571.

Миролюбовъ, П. П. (псевдонимъ). *Статья его*: Восемь лѣтъ на Сахалинѣ, т. LXXIX, 267—301, 631—669, 1060—1101; т. LXXX, 175—220, 550—583, 896—924; т. LXXXI, 136—169. *Упомянутъ*: LXXX, 279.

Мироновъ, А. М., т. LXXXI, 354.

Митровичъ, П. П., журналистъ. *Некрологъ его*: т. LXXXI, 371.

Митрофанъ, епископъ воронежскій, LXXX, 939.

Митюковъ, директоръ Яросл. юрид. лица, т. LXXIX, 354.

Михайль, епископъ, LXXX, 839.

Михайль Николаевичъ, вел. князь, LXXIX, 58; LXXXI, 468; т. LXXXII; 136, 485.

Михайль Павловичъ, вел. кн., т. LXXIX, 61, 519; т. LXXXI, 881—889.

Михайль Теодоровичъ, моск. царь; LXXX, 491; т. LXXXII, 59, 529, 575—756.

Михайловскіе:

— Данилевскій, А-дръ Ив., ген.-лейт., писатель, т. LXXIX, 1048; т. LXXXII, 418, 432.

— А-дра Петр., рожд. кн. Оболенская, супр. А. И., т. LXXXII, 418, 432.

Михайловы:

— А. С., вице-губернаторъ Иркутска, LXXX, 124, 125, 126.

— Д. *Библ. замѣтка А. Д. о книгѣ его*: Аполлонъ Григорьевъ, жизнь въ связи съ характеромъ литературной дѣятельности его. Спб. 1900; т. LXXX, 699—700.

— Мих. Лар., т. LXXX, 481—484, 486, 488.

— Стеф., священникъ, т. LXXX, 927—933.

Михалевъ, Н. П., т. LXXXI, 589.

Михельсонъ, т. LXXX, 500, 505.

Михневичъ, Вл. Осип., писатель. *Библ. замѣтка Д. П. Б. о книгѣ его*: Историческіе очерки и рассказы. 2 т. Спб. 1900; т. LXXIX, 1154—1156.

Мицкевичъ, Ад., польскій поэтъ. т. LXXIX, 1002; т. LXXXII, 303, 313, 316, 318.

Мицкуль, Мих. Сем., агрономъ, т. LXXIX, 1084, 1088.

Мишель, фр. коммерсантъ, т. LXXXII, 274, 281—282.

Мишлэ, фр. мыслитель. *Замѣтка о немъ*: Дружба Мишлэ и Киндэ, т. LXXX, 350—351. *Упомянутъ*: т. LXXIX, 707—712.

Мишо, т. LXXXII, 265.

М. Е. В. *Замѣтка его*: Двѣ поправки, т. LXXIX, 880.

Модестовъ, В. И., проф. спб. ун., т. LXXXII, 1177.

Молчановъ, К. А., топографъ, т. LXXXII, 1189.

Молькольмъ III, шотл. король, т. LXXXII, 513, 517.

Мольтке, гр., прусс. ген.-фельдмаршалъ. *Замѣтка о немъ*: Столѣтію со дня рожденія Мольтке, т. LXXXII, 742—743.

Момсенъ, нѣм. историкъ, т. LXXIX, 813—814; т. LXXXI, 348—349.

Монбельяръ, принцесса, т. LXXX, 654—656.

Мондамеръ, фр. агентъ въ Швеціи, т. LXXXI, 500.

Монигетти, содержатель пансіона въ Москвѣ, т. LXXIX, 61, 688—690.

Мансаро:

— гр., т. LXXXII, 1090, 1100, 1102.

— гр., Альбертина, т. LXXXII, 1098, 1101, 1102, 1103, 1104.

Монталивъ, гр., министръ Людовика-Филиппа. *Замѣтка о немъ*: Мемуары гр. Монталива и Кювилье-Флери. Т. LXXXI, 317—319.

Монтень, Миш., франц. мыслитель. *Замѣтка о немъ*: Первый французъ, осмѣлившійся самостоятельно мыслить. Т. LXXXI, 1114—1116.

Монтескье, Ш., франц. писатель. *Библ. замѣтка П. К.—аго о книгѣ его*: О духѣ законовъ. Пер. съ франц. подъ ред. А. Г. Горняфельда, со вступительной статьей М. М. Ковалевскаго. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1900. Т. LXXXII, 704—706. *Упомянутъ*: т. LXXXII, 292, 293.

Моравскій, проф. крак. ун., т. LXXXII, 318.

Моранберъ, состоящій при фр. посольствѣ, т. LXXXI, 500, 502.

Морганъ, Льюисъ Т., *Библ. замѣтка А. Н.—ва о книгѣ его*: Первобытное

общество. Изд. А. Ф. Пантелѣева. Спб. 1900. Т. LXXX, 313—315.

Мордвиновы:

— Н. Н. *Библ. замѣтка К. П. А.—ча о переведенной ею книгѣ:* Платформа, ся возникновение и развитие. (Исторія публичныхъ митинговъ въ Англии). Сочиненіе Генри Джефсона. Спб. 1900. Т. LXXXII, 706—708.

— т. LXXX, 442, 514, 840; т. LXXXI, 567.

Мордовинъ, К. П., т. LXXXIX, 1233.

Моренгеймъ, бар., П. П., посолъ въ Парижѣ, т. LXXXI, 423—424.

Морзъ-Эрль, Алиса, амер. писательница. т. LXXX, 1056—1057.

Морницъ, (L) Саксонскій, т. LXXXI, 494, 855.

Морлей, Дж., англ. писатель, т. LXXXIX, 397—398, 1187; т. LXXX, 1052—1053; т. LXXXII, 1139—1143.

Моро, франц. полководецъ. Замѣтка о немъ: Последніе годы генерала Моро. Т. LXXXI, 405—409.

Морозовъ, Ю. Е., проф. харьк. ун. *Некрологъ его:* т. LXXX, 1086. *Упомянутъ:* т. LXXXII, 1184.

Морошкинъ, священникъ Казан. соб. въ Спб., т. LXXXI, 48.

Морфиль, Р., проф. оксф. ун., т. LXXXII, 306.

Мочаловъ, Пав. Степ., актеръ, т. LXXXI, 435.

Мошковъ, полк. собир. народн. пѣсень, т. LXXXIX, 868—869.

Мсеріанцъ, Л. З., археологъ, т. LXXXI, 354; т. LXXXII, 1177.

Муаро, Ор., сотр. «Revue bleue», т. LXXXI, 747, 1132.

Мундтъ, Оед., *Библ. замѣтка А. Фаресова о книгѣ его:* Царь Павелъ I. Историч. романъ. Спб. 1900. Т. LXXXIX, 811—812.

Муравьевы:

— А. Н., т. LXXXI, 567.

— гр. Мих. Ник., министръ госуд. имущ., т. LXXX, 928; т. LXXXII, 880, 881, 887—888, 890—896.

— гр. Мих. Ник., министръ иностр. дѣлъ. *Некрологъ его:* т. LXXXI, 372—373.

— Н. В. мин. юстиціи. *Библ. замѣтка А. Н.—аго о книгѣ его:* Изъ прошлой дѣятельности. Два тома. Спб. 1900. Т. LXXXI, 277—278.

— гр. Ник. Ник., ковенск. губернаторъ, т. LXXXII, 892—895.

— Н. Н., рязанск. губернаторъ, т. LXXXIX, 614.

Муравьевъ-Апостолъ, С. И., т. LXXXIX, 197, 198.

Муравьевъ - Барскій, Ник. Мих., членъ госуд. сов., т. LXXXIX, 623.

Муратовъ, харьк. губернаторъ, т. LXXXIX, 1053.

Муржось, Г. А., т. LXXXIX, 804.

Муррэ, гр., шотл. регентъ, т. LXXXII, 511—513.

Мусиявъ-Пушкинъ, Мих. Ник., попечитель казан., потомъ спб. уч. окр., т. LXXXIX, 345, 347; т. LXXXI, 595, 861.

Мусоргскій, М. П., композиторъ, т. LXXXIX, 1236.

Мушкетовъ, И. В., проф. спб. ун., LXXXIX, 1231; т. LXXX, 748.

Мышлаевскій, А. З., проф. Никол. акад. ген. шт., т. LXXXII, 946.

Мюллеръ, Максъ, оксф. филологъ. *Некрологъ его:* т. LXXXII, 1156—1157.

Мятлевы:

— Ив. Петр., т. LXXXI, 54.

— Праск. Ив., ст.-дѣла, рожд. кн. Салтыкова, т. LXXXI, 53—54.

Н.

Нагель, губернаторъ Иркутска, т. LXXX, 124, 125, 126, 130, 500.

Надеждинъ, Н. И., издатель «Теле-скопа», т. LXXXII, 74.

Надсонъ, Сем. Як., поэтъ, т. LXXXI, 590.

Назарьевъ, В. Н. *Статья его:* На новую линію, т. LXXXIX, 136—170, 565—597; *Упомянутъ:* т. LXXX, 276, 279.

Назимовъ, вилен. ген.-губернаторъ, т. LXXXIX, 623.

Наполеонъ I, фр. императоръ. Замѣтки о немъ: Новыя бесѣды Наполеона на островѣ св. Елены, т. LXXXIX, 1198—1200. — Братья Наполеона, т. LXXX, 728—730. — Наполеониана, т. LXXXIX, 837—841. — Юбилей перехода Наполеона черезъ Сень-Бернаръ, т. LXXX, 1060—1061. — Столѣтній юбилей Маренго, т. LXXXI, 732—734. — Воспоминанія Гросса о Наполеонѣ и русскихъ въ 1813 г., т. LXXXII, 351—355. — Новое сочиненіе Фр. Массона о Наполеонѣ, т. LXXXII, 1161—1162. — Книга Л. Розбири о Наполеонѣ, т. LXXXII, 1162—1163. *Упомянутъ:* т. LXXXIX, 192, 193, 399—400, 406—408, 835—836, 1192—1198; т. LXXX, 112, 113, 343—345, 660—662, 709—711, 817, 818, 1066—1069; т. LXXXI, 315—316, 735, 743—745; т. LXXXII, 286, 287, 1101—1113, 1117, 1119, 1149—1151.

Наполеонъ II, фр. императоръ. Замѣтка о немъ: Наполеонъ II на сценѣ и въ исторіи, т. LXXX, 720—722.

Наполеонъ III, фр. императоръ, т. LXXXIX, 233; т. LXXXII, 362—364.

Наполеонъ (IV) Луи, принцъ. Замѣтка о немъ: т. LXXXI, 319—320.

Нарышкины:

- Алекс., т. LXXX, 529.
- А-ый Кир., т. LXXXI, 38.
- Ан. Дм., т. LXXIX, 61.
- Ан. Никит. урожд. Румянцева, т. LXXX, 509.
- Дм. Ив., т. LXXXI, 41, 45.
- Евд. Петр. (рожд. Гамильтонъ), супр. О. П. Н., т. LXXXII, 512, 953.
- Кир. Полуэкт., т. LXXXII, 522, 946.
- Мар. Арс., рожд. Бартенева, т. LXXXI, 41.
- Нат. Алекс., рожд. Талызина, т. LXXXI, 38.
- Серг., т. LXXXI, 851.
- Соф. Петр., рожд. Ушакова, т. LXXIX, 61.
- Фед. Полуэкт., т. LXXXII, 512.
- **Наталія Кирилловна**, царица, т. LXXXII, 60, 512.

Наумовы:

- А-дръ Петр., помѣщикъ, т. LXXXI, 594.
- Ан. А-др., поэтесса, т. LXXXI, 594.
- Ан. Петр., рожд. Голицына, супр. Н. П., т. LXXIX, 61.
- Мар. Петр., рожд. Зюзина, т. LXXXI, 594.
- Ник. Павл., т. LXXIX, 61.
- П. С., ст. сов., т. LXXIX, 498—500.

Нахимовъ, Пав. Степ., адмиралъ, т. LXXXII, 874, 876—877.

Нащокинъ, П. В., т. LXXIX, 941; т. LXXXI, 455.

Невельской, Ген. Ив., т. LXXXII, 489.

Невиль, т. LXXXII, 520, 949, 950, 957, 966.

Невѣдомскій, Вас. Ник., переводчикъ. *Некрологъ его*: т. LXXIX, 436—437.

Нейгардтъ:

- начальникъ гв. щт., т. LXXX, 834.
- оберъ-гофмейстеръ, т. LXXXI, 38.
- А. И., т. LXXX, 827.
- Мар. А-др., рожд. Талызина, т. LXXXI, 38.

Некрасовы:

- В. С., врачъ-писательница, т. LXXXI, 907.
- Ник. Алекс., поэтъ, т. LXXIX, 691, 692, 694, 698; т. LXXX, 475, 477, 481—483.

Непокойчичскій, ген., т. LXXX, 797, 798.

Нератовъ, Ал. Ив., т. LXXIX, 514.

Несвицкіе, князья, т. LXXXII, 78, 84, 87, 821, 827—830, 840, 844, 850.

Нессельроде:

- гр. Карлъ Вас., госуд. канцлеръ, т. LXXIX, 508.
- гр. Лид. Арс., рожд. Закревская т. LXXIX, 512.

Нечаевы:

- Дм. Степ., т. LXXIX, 502—503.
- Степ. Дм., сенаторъ, т. LXXIX, 502.
- Юр. Степ., т. LXXIX, 503.

Нечудъ-Семенцкій, Т., консерваторъ краков. народн. музея, т. LXXXII, 321.

Никитенко, Алдр. Вас., академикъ, т. LXXIX, 698, 807; т. LXXXI, 574.

Никитинскій, А. *Библ. замѣтки его*: Чудесный вѣвъ. Положительные и отрицательные итоги девятнадцатаго столѣтія. Проф. А. Р. Уоллеса. Пер. Л. Лакіера. Съ приложеніемъ статьи проф. В. Зомбарта: Соціализмъ и социальное движеніе въ девятнадцатомъ вѣвѣ. Пер. Х. Раппопорта. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1900, т. LXXX, 696—698. С. и Б. Узѣббъ. Исторія рабочаго движенія въ Англіи. Пер. съ англійскаго Г. А. Паерна. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1899; т. LXXX, 1045—1046.—Дж. Гобсонъ. Проблемы бѣдности и безработицы. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1900; LXXXI, 716—717.—Восточная бібліотека. М. П., Буддійскія сутту. Въ переводѣ проф. Ристъ-Дэвидса, съ примѣчаніями и вступительной статей. Русскій переводъ и предисловіе Н. И. Герасимова. М. 1900; т. LXXX, 330—331. Н. В. Муравьевъ. Муравьевъ. Изъ прошлой дѣятельности два тома. Спб. 1900; т. LXXXI, 277—278.

Никитины:

— Д. Я., протоіерей. *Некрологъ его*: т. LXXIX, 1243.

— Ив. Сав., поэтъ. *Замѣтка о немъ*: Памятникъ И. С. Никитину, т. LXXXI, 1135—1136.

Николаевскій, П. О., профессоръ спб. дух. акад. *Некрологъ его*. LXXIX, 434—435.

Николаевъ, П. *Библ. замѣтка П. К. о переводѣ нѣмъ книги Л. Штейна*: Соціальный вопросъ съ философской точки зрѣнія. Лекціи объ общественной философіи и ея исторіи. Изд. А. Т. Солдатенкова. М. 1899; т. LXXIX, 1168—1170.

Николаи, бар. А-дрей Льв., т. LXXX, 128—129, 132.

Николай I Павловичъ, императоръ. *Статьи о немъ*: Н. К. Шильдера: Императоръ Николай и графъ Арханчеевъ, т. LXXX, 449—471.—А. М. Зайончковскаго: Послѣдній смотръ имп. Николаемъ

Павловичемъ Черноморскаго флота въ 1852 году, т. LXXIX, 1054—1059.—*В. Т.*: Иностранцы о Россіи. Бард е-Барантъ и Николай I, т. LXXXI, 1004—1025.—*Упомин.*: т. LXXIX 41, 54, 62—63, 69—73, 197, 198, 332, 341, 345, 510, 526, 550, 924—925, 945; LXXX, 58, 71, 133, 139, 285, 547, 739, 834, 836—838, 842, 1052; т. LXXXI, 43—44, 47—48, 55, 59—60, 421, 422, 556, 561, 564—567, 572—577, 580, 582—585, 596, 890—993; т. LXXXII, 80, 263, 425, 485, 486, 504, 1022, 1032, 1054, 1062.

Николай II Александровичъ, императоръ, т. LXXIX, 115—116, 119, 357; т. LXXX, 288, 1052; т. LXXXI, 636—638.

Николай Александровичъ, в. кн., царевичъ, т. LXXXI, 894—895.

Николай Николаевичъ, вел. князь, т. LXXIX, 58, 240; LXXXI, 468, 909; т. LXXXII, 136, 485.

Николевъ, Н. П., поэтъ, т. LXXXII, 768.

Никольскіе:

— Бор. Вл., пр.-доц. спб. ун. *Статья его*: Новое изданіе стихотвореній Фета, т. LXXXI, 991—1003. *Библ. замѣтки его*: Н. П. Гиляровъ-Платоновъ. Сборникъ сочиненій. Изд. К. П. Побѣдоносцева. т. I и II. Москва 1899—1900: т. LXXXI, 268—272.—А. Малевъ. Марціалъ, Исследования въ области рукописнаго преданія поэта и его интерпретаціи. Спб. 1900, т. LXXXI, 274—277.

— Г. Бъ, проф. казан. ун., т. LXXXI, 870—880.

— М. В., археологъ, т. LXXIX, 864; т. LXXXI, 354.

— Н. К., проф. сб. дух. акад., т. LXXIX, 1235.

Никонъ, архим., редакторъ «Троицк. Листовъ», т. LXXXI, 364.

Никулина, актриса, т. LXXXI, 445.

Нитцше, Фр., нѣмец. мыслитель. *Замѣтка о немъ*: Смерть Нитцше, т. LXXXI, 1127—1130. *Упомин.* LXXIX, 1200.

Новяковы:

— попечитель спб. уч. окр., т. LXXIX, 676.

— А. *Библ. замѣтки его*: Политическая экономія въ ея новѣйшихъ направленіяхъ. Варшава. 1900; т. LXXIX, 1164—1165.—Льюсь Г. Морганъ. Первобытное общество. Изд. Л. Ф. Пантелѣва. Спб. 1900; т. LXXX, 313—315. Эмиль Фагъ. Политическіе мыслители и моралисты первой трети XIX в. Москва. 1900; т. LXXX, 315—317. Кохъ Максъ. Исторія нѣмецкой литературы. Изд. Л. Ф. Пантелѣва. Спб. 1900; т. LXXX,

686—688. А. В. Федоровичъ. Исторія политической экономіи съ древнѣйшихъ временъ до А. Смита. Одесса. 1900; т. LXXX, 688—690.—П. Д. Боборыкинъ. Европейскій романъ въ XIX столѣтіи. Романъ на западѣ за двѣ трети вѣка. Спб. 1900; т. LXXX, 1058—1059.—Адольфъ Гаусратъ. Средневѣковые реформаторы. Пер. съ нѣмецкаго подъ редакціей Э. Л. Радлова. Томъ I и II. Изд. А. Ф. Пантелѣва. Спб. 1900; т. LXXXI, 290—293.—Ш. Датурно. Эволюція воспитанія у различныхъ чело-вѣческихъ расъ. Спб. 1900; т. LXXX, 294—295.—Проф. В. Ключевскій. Краткое пособие по русской исторіи. Москва. 1900; т. LXXXI, 1099—1100.—Западно-европейскіе эпосъ и средневѣковый романъ въ пересказахъ и сокращенныхъ переводахъ съ подлинныхъ текстовъ О. Петерсонъ и Е. Валобановой въ трехъ томахъ. Спб., 1900; т. LXXXI, 1102—1104.—В. Я. Богучарскій. Маркизъ Лафайетъ. Историческій очеркъ. Москва. 1900. Изд. магазина «Книжное Дѣло», т. LXXXII, 345—346.

— Ник. Ив., издатель журналовъ Екатор. премеяъ, т. LXXX, 820—821; т. LXXXI, 210.

Новосильскій, адмиралъ, т. LXXIX, 237, 260.

Новосильцовы:

— Дм. А-др., т. LXXIX, 48—55, 57.

— Ев. Вл. (псевд.: Толычева). писательница, т. LXXX, 60.

— И. Г., т. LXXXI, 423.

— Ив. Петр., т. LXXIX, 67.

— Люб. Гр., т. LXXIX, 505; т. LXXX, 60.

— Мероп. А-др., рожд. Берингъ, супр. П. П. Н., т. LXXIX, 67.

— Н. Н., т. LXXX, 829—831.

— Петр. Петр., рязан. губернаторъ, т. LXXIX, 67.

Нолькенъ, швед. посланникъ въ Спб.. т. LXXXI, 496, 515.

де-**Нольяетъ**, П., сотр. «Revue de deux mondes», т. LXXX, 338, 340; т. LXXXII, 1159—1160.

Нордманъ, вице-адмиралъ, т. LXXIX, 235; т. LXXXII, 494.

Ньжастль, англ. министр., т. LXXXI, 855, 857.

О.

Обедзинскій, Том., проф. браков. ун., т. LXXXII, 317.

Обнинскій, Петръ Наркиз., писатель, т. LXXIX, 326, 346.

Оболенскій, Леон. Егор., писатель. *Упомин.*: т. LXXIX, 306. *Статья его*:

Типы недавняго прошлаго, т. LXXX, 73—99.

Оболенскіе:

— А. А., кн., рожд. Бочкарева, супр. С. П. О., т. LXXXII, 418.

— А. Т., кн., рожд. Ефремова, супр. Д. П. О., т. LXXXII, 418.

— Авд. Матв., кн., рожд. Чепчугова, супр. К. М. О., т. LXXXII, 418.

— А-ра Оад., кн., рожд. Тютчева, супр. П. Н. О., т. LXXXII, 418.

— А-дръ Петр., кн., попечитель моск. ун., т. LXXXI, 563; т. LXXXII, 418, 422.

— А-дръ Петр., кн., калуж. губерна-торъ, т. LXXXII, 72.

— Анна Евг., кн., рожд. Кашкина, т. LXXXII, 49, 416, 418.

— Дм. Петр., кн., т. LXXXII, 418.

— Евг. Петр., кн., декабристъ, т. LXXXII, 418, 429, 817, 818, 819, 825, 834—838, 847—848, 850.

— Ек. Ник., княжна, т. LXXXII, 432—433, 820, 846.

— Ив. Евг., кн., т. LXXXII, 818.

— Конст. Петр., кн., т. LXXXII, 418, 818, 819, 834—835, 837—838, 848, 850—851, 853.

— Мих. Андр., кн., управляющій моск. архиполь мш. ин. д., т. LXXXIX, 496—504, 922, 935, 943; т. LXXX, 54, 65, 66, 70, 71.

— Нат. Дм., кн., рожд. Волконская, т. LXXXII, 418, 829, 832—835, 841.

— Нат. Петр., кн., т. LXXXII, 414, 418, 422—423.

— Ник. Петр., кн., т. LXXXII, 418, 829, 832—835, 841.

— Петръ Ник., кн., т. LXXXII, 49—50, 72, 414—422, 429—432, 820, 826, 829, 832—833, 840, 845.

— Петръ Евг., кн., т. LXXXII, 818.

— Серг. Петр., кн., т. LXXXII, 418.

Обрезковъ, министр, т. LXXX, 105.

Овсянниковъ, Ал-дръ Ник., педагогъ, писатель. *Некрологъ его*: т. LXXXIX, 874.

Огаревъ, Ник. Плат., писатель, т. LXXXIX, 207, 208, 209, 219, 221, 224.

Огинскій, графъ, т. LXXX, 498, 499.

Оглобинъ, Н. Н. *Статья его*: На верхней Волгѣ. (Изъ путевыхъ замѣтокъ 1897 г.), т. LXXXI, 170—192.—*Предисловіе его къ ст.*: Въ военно-походномъ госпиталѣ. (Изъ писемъ съ театра войны 1877—1878 гг.), т. LXXXI, 907—908. *Библ. замѣтка его*: П. И. Щукина: а) Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина. Ч. VI. М., 1900; б) Алфавитный и хронологическій указатель къ шести частямъ

сборника старинныхъ бумагъ. М. 1900, т. LXXXIX, 1156—1159,

Огневъ, Г. Ф., профес., т. LXXXII, 1190.

Оголинъ, А. С., сенаторъ, т. LXXXIX, 630.

Огрызко, Иос., директоръ деп. неокл. сборовъ, т. LXXXII, 889.

Одинцовы:

— А-ѣй Алекс., нижегор. губерна-торъ, т. LXXXII, 872—873.

— Вл. Пл.: Воспоминанія его, т. LXXXII, 481—509, 872—896.

— Пл. Ив. *О немъ*: въ Воспомина-ніяхъ В. П. Одинцова, т. LXXXII, 481—509, 872—896.

Одоевскіе:

— А., кн., т. LXXXI, 194, 198, 200.

— Вл. Фед., кн., писатель, т. LXXXIX, 802, 807; т. LXXXI, 425.

— Ольга Степ., кн., рожд. Ланская, супр. Вл. Фед. О., т. LXXXI, 425.

Озеровы:

— Ек. Мих., рожд. Пашкова, т. LXXX, 65.

— Петръ Ив., министр-резидентъ въ Дармштадтѣ, т. LXXX, 65.

Олевинъ, А-ѣй Ник., директоръ публ. библ., т. LXXXIX, 51.

Олешева, Мар. Вас., сестра Суворова, т. LXXX, 536.

Олешевъ, т. LXXX, 535.

Олсуфьевы:

— В. Д., об.-гофмейстеръ, т. LXXXIX, 77; т. LXXXII, 137, 140.

— Серг. Адам., т. LXXXIX, 941.

Ольбрахтъ, Янъ, польск. госуд. дѣятель, т. LXXXII, 322.

Омеара, сотр. «Century magazine», т. LXXXIX, 1198—1200.

Л'Опиталь, канцлеръ и министръ Карла IX, т. LXXXII, 122—124, 127—129, 267, 268, 270, 274, 278, 289, 291, 292, 294—297. *Замѣтка о немъ*: т. LXXXII, 725—728.

Опочининъ, А. П., т. LXXXII, 881.

Ординъ-Нащокинъ, т. LXXXII, 522—525, 944, 958, 961.

Орленковъ, кол. асс., т. LXXX, 109—110, 119.

Орловскій, П. Г., командиръ астрах. порта, т. LXXXI, 874.

Орловы:

— А-ѣй Фед., кн., шефъ жандармовъ, т. LXXXI, 50.

— Гр. Гр., кн., ген.-адъют., т. LXXX, 63; т. LXXXII, 132.

— Ник. Алекс., кн., т. LXXXI, 50.

— Н. А., профессоръ. *Библ. замѣтки его*: Генералиссимусъ князь Суворовъ.

А. Петрушевскаго. Спб. 1900, т. LXXIX, 1149—1152.—Историческій очеркъ кавказскихъ войнъ отъ ихъ начала до присоединенія Грузіи, подъ ред. генерал-майора Потто. Тифлисъ. 1899, т. LXXX, 306—308.—Б. Л. Тагъевъ. Русскіе надъ Индией. Спб. 1900, т. LXXX, 678—679.
— Праск. Пя., актриса. *Некрологъ ея*: т. LXXXI, 754.

Орловы-Денисовы:

— Елиз. Алекс., гр., урожд. гр. Никитина. т. LXXX, 812.

— Нат. Алекс., гр., рожд. Шидловская. т. LXXIX, 518, 519, 925; т. LXXX, 804.

— графъ Ник. Вас., т. LXXIX, 518, 519, 926, 927.

— графъ Ѳ. В., ген.-адъют. т. LXXX, 171.

Орловы-Чесменскіе:

— графъ А-вй Гр., т. LXXXII, 261.

— Анна Алекс., гр., т. LXXXII, 248, 261.

Остенъ-Сакенъ:

— графъ Вл. Дм., т. LXXXII, 136, 139, 143, 145—146, 157—159.

— графъ Дм. Ерөө., т. LXXXII, 136, 142, 157.

Остерманъ, т. LXXXI, 490—493, 497—499, 503, 504, 505, 509—514, 518; т. LXXXII, 752.

Островскій, А-дръ Ник., писатель, т. LXXIX, 674, 685, 699, 1182—1183; т. LXXXI, 457—459, 463.

Остроградскій, П. И., гед.-майоръ, т. LXXXII, 137, 141, 148—149, 155.

П.

П-яъ, В. К. *Статья ея*: Война и трудъ, т. LXXIX, 1116—1121.

Павель, епископъ псков. и оло-нецкій. *Некрологъ ея*: т. LXXX, 1086—1087.

Павель Александровичъ, вел. кн., т. LXXXI, 898.

Павель I Петровичъ, императоръ. *О немъ въ статью В. Е. Рудакова*: Къ исторіи крестьянскаго движенія при Павлѣ I; т. LXXIX, 1122—1128. *Упомят.*: т. LXXIX, 189, 811—812; т. LXXX, 118, 128—131, 292—293, 298, 437—439, 445—446, 527, 542, 545, 546, 656, 820, 925, 927—929, 933; т. LXXXI, 197, 556, 565, 585; т. LXXXII, 83, 130, 134—135, 294, 536, 734, 827, 1093—1099, 1104.

Павленковъ, Фл. Ѳед., издатель. *Статья о немъ*: Б. Г., т. LXXIX, 1129—1134.

Павлищева, О. С., т. LXXIX, 196.

Павлова, К. К., т. LXXIX, 383.

Павловичъ, Б. А. *Библ. замѣтка И. С. о книгѣ ея*: Разсказы изъ русской исторіи. Пятое изд. съ 23 рисунками. Спб., 1900, т. LXXX. 673.

Павловы:

— А. С., проф. моск. ун., т. LXXXI, 364.

— Н. Ф., поэтъ, т. LXXIX, 511.

Пажесъ, Альфонсъ, секретарь литер. конгресса въ Вѣнѣ, т. LXXIX, 712, 713.

Пансъ, италіян. профессоръ, т. LXXIX, 389—390.

Паленъ:

— гр. Ав. Ѳед., т. LXXXII, 159.

— гр. Конст. Ив., т. LXXXII, 147, 151, 154, 155, 158—159.

— гр. Петръ Алексѣев., спб. воен. губернаторъ, т. LXXX, 925—927, 930—933.

Палибинъ, И. В., географъ, т. LXXXII, 1187.

Паллуци, Алтіери, т. LXXXII, 935, 936, 938, 940, 943, 945.

Панаевы:

— Вл. Ив., ст.-секретарь, писатель. *О немъ въ статью Б. Н. Агафонова*: Казанскіе поэты, т. LXXXI, 595. *Упомят.*: т. LXXIX, 68, 944; т. LXXXI, 576—577, 596.

— Ив. Ив., писатель, т. LXXIX, 47, 695, 698; т. LXXXI, 442.

— Ник. Ив., т. LXXXII, 495.

— Пр. А-др. рожд. Жмаина, супр. В. И. П., т. LXXXI, 595—596.

Панинъ, Петръ Ив., ген.-аншефъ, т. LXXX, 495, 496, 504, 505, 506, 510.

Пантюховъ, И. И. *Библ. замѣтка А. Хах—ова о книгѣ ея*: Расы Кавказа. Тифлисъ, 1900, т. LXXXI, 279—280.

Панфиловъ, протоіерей, т. LXXX, 524.

Панчулидзевъ. *Статья Е. С. Шумигорскаго*: Придворное войско въ Россіи, *о книгѣ ея* «Исторія кавалергардовъ», т. LXXX, 292—298.

Панчулидзевъ, А-дръ А-вев., пензен. гражд. губернаторъ, т. LXXIX, 45.

Панютинъ, Ѳ. С., ген.-адъют., т. LXXX, 426.

Панарыгинъ, Вис. Пант., авантюристъ. *Статья о немъ М. Бакунина*: Русскій ген.-фельдцейхмейстеръ ея высочества Раджи Ломбокскаго, т. LXXIX, 1027—1046.

Папертъ, Г. А. *Библ. замѣтка А. Никитинскаго о переведенной имъ книгѣ*: С. и Б. Узѣбъ. Исторія рабочаго дви-

*

- женія въ Англіи. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1899, т. LXXX, 1045—1046.
- Папковъ**, П. А. *Воспоминанія его*: т. LXXXII, 969—1010.
- Парасичъ**, А. Д. *Замѣтка его*: По поводу ископаемыхъ шаровъ, т. LXXIX, 439—440.
- Парротъ**, Георгъ-Фридр., профессоръ дерпт. унив., членъ акад. наукъ, т. LXXIX, 341.
- Паскевичъ**, Ив. Ѳед., кн. Варшавскій, гр. Эриванскій, намѣстникъ царства Польскаго, т. LXXIX, 520, 926; т. LXXXI, 567.
- Пашковы**:
— Ал. Ив., фрейлина имп. Маріи Ѳеод., т. LXXIX, 513, 516—518.
— М. Тр., рожд. Баранова, т. LXXX, 65.
— Над. Серг., рожд. кн. Долгорукова, супруга С. И. П., т. LXXIX, 516—517, 519; т. LXXX, 58, 61—63.
— Ник. Ив., композиторъ, т. LXXIX, 517—518.
— Серг. Ив., т. LXXIX, 516—517.
- Пезаровиусъ**, издатель «Русс. Инв.», т. LXXXI, 579.
- Пекарскій**, П. П., академикъ, т. LXXX, 624.
- Пелисье**:
— ген., т. LXXXII, 157.
— Л., проф. унив. въ Монпельѣ, т. LXXXII, 306.
- Пенго**, Леонсъ, фр. писатель, т. LXXIX, 405; т. LXXX, 654, 660.
- Первушинъ**, И. В., математикъ, священникъ. *Некрологъ его*: т. LXXXI, 373—374.
- Перелешины**:
— Ив. Гр., кап. командоръ, т. LXXXI, 875—880.
— Мих. Алекс., т. LXXXII, 876.
— Пав. Алекс., лейтенантъ, т. LXXXII, 500, 504, 507—508, 876.
- Пересвѣтовъ**, Иванъ, писатель XVI в., т. LXXX, 743—744.
- Перселенковъ**, С. *Библ. замѣтки его*: Историческій очеркъ двадцатипятилѣтней дѣятельности общества вспомошествованія студентамъ императорскаго с.-петербургскаго университета, основанаго 4 ноября 1873 года. Отчетъ за 1897 годъ. Спб., 1899, т. LXXIX, 368—369. Записки Дм. Ник. Свербева (1799—1826). Томы I и II. Москва, 1899, т. LXXX, 305—306. — П. Н. Полевой. *Исторія русской словесности съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней*. Изд. А. Ф. Маркса. Томъ I. Спб., 1900, т. LXXX, 674—675. — Отчетъ попечителя Кавказскаго учебнаго округа о состоянїи учебныхъ заведеній за 1898 годъ. Тифлисъ, 1899, т. LXXX, 680—681. — Н. Кормевъ. *Выборъ факультета и прохожденіе университетскаго курса*. Изд. втоооо. Изд. Спб. акціонернаго общества печатнаго дѣла «Издатель». Спб., 1900, т. LXXX, 693—694. — Сочиненіе Фр.—М. Вальтера. *Кандидъ или оптимизмъ*. Пер. съ французскаго П. Н. Скачилова. Изд. товарищества «Книговъздъ». Спб., 1900, т. LXXX, 717—718. Собраніе сочиненій И. А. Голышева. Подъ ред. А. Э. Мальмгрена. Томъ первый. Вып. второй. Спб., 1899, т. LXXX, 718:—Русская словесность съ XI по XIX столѣтіе включительно. Библиографическій указатель произведеній русской словесности въ связи съ исторіей литературы и критикой. Книги и журнальныя статьи. Составила А. В. Мезіеръ. Ч. I. Русская словесность съ XI по XVIII в. Спб., 1899, т. LXXXI, 1107—1108.
- Перетцъ**, В. Н., т. LXXIX, 1229; т. LXXXI, 209—210.
- Переферковичъ**, Н. *Библ. замѣтки И. Н. З. о книгахъ его*: Талмудъ. Мишна и тосефта. Спб., 1899, т. LXXIX, 1181—1182. Тоже. Томъ второй (книга 3 и 4). Спб., 1900, т. LXXX, 701.
- Перовскіе**:
— гр. Бор. Алекс., ген.-адъютантъ, т. LXXXI, 429.
— Вас. А-ѣв., декабристъ, т. LXXX, 139, 146—147.
— гр. Левъ Алекс., министръ вн. д. и удѣловъ, т. LXXXI, 568, 570—571.
— (Погорѣльскій), А-ѣй Алексѣевъ, писатель, т. LXXIX, 54.
- Перошель**, Генри, т. LXXX, 341—342.
- Перская**, Варв. Ник., т. LXXXII, 820.
- Пестель**, сибир. ген.-губернаторъ, т. LXXX, 448, 820—821; т. LXXXII, 875.
- Петерсоны**:
— гофмейстеръ, т. LXXX, 65.
— О. *Библ. замѣтка Н. о переведенной ею вѣсткѣ съ Е. Боллобановой книгѣ*: Западно-европейскій эпосъ и средневѣковый романъ. Въ трехъ томахъ. Спб., 1900, т. LXXXI, 1102—1104.
- Петрарка**, Франческо, итальян. поэтъ. *Замѣтка о немъ*: Былъ ли Петрарка вѣренъ Лаурѣ, т. LXXIX, 395.
- Петровичъ**, М. Г. *Библ. замѣтка З. о переводахъ его*: Спир. Гопчевичъ. Старая Сербія и Македонія. Историко-этнографическое изслѣдованіе. Перев. съ нѣм. Спб., 1899, т. LXXIX, 380—383.

- Петровы:**
 — Е. О., актеръ, т. LXXXI, 444.
 — М. журналистъ, т. LXXIX, 671.
- Петрушевскій, А. Библиографическая заметка проф. Н. Орлова о книгѣ его:** Генералиссимусъ князь Суворовъ. Спб. 1900, т. LXXIX, 1149—1152. Упомянутъ: т. LXXX, 520, 531, 538, 540.
- Петръ I Алексѣевичъ,** императоръ. О немъ: въ ст. В. Тимирязева: Дочь Петра Великаго, т. LXXXI, 485—523; въ замѣткѣ: Домикъ Петра Великаго въ Копьси, т. LXXX, 752—753; въ ст. Н. В. Чарыкова: Павелъ Менезій. Его дипломатическая и военная служба при московскомъ дворѣ и предполагаемое наставничество при Петрѣ Великомъ, т. LXXXII, 510—537, 935—968. Замѣтка о присужденіи преміи его имени, т. LXXXI, 365. Упомянутъ: т. LXXIX, 43, 243, 313, 480, 1217; т. LXXX, 351, 491, 785, 742—743; т. LXXXI, 842; т. LXXXII, 54, 59, 60, 123, 268, 272, 286—287.
- Петръ II Алексѣевичъ,** императоръ. т. LXXXI, 490, 494, 512, 518.
- Петръ III Теодоровичъ,** императоръ, т. LXXX, 293—298; т. LXXXI, 506, 519, 823, 835, 851; т. LXXXII, 121—122, 127—131, 288.
- Пецольдъ,** секретарь саксон. посольства, т. LXXXI, 486, 505, 507, 508, 511, 513, 516, 522.
- Пиль,** Ив. Алф., ген.-губернаторъ вост. Сибири; т. LXXX, 123, 125, 126, 128, 130.
- Пиннинскій,** гр., т. LXXXII, 318.
- Пирлингъ,** т. LXXXII, 534, 942, 960.
- Пироговъ,** Ник. Ив., ученый, т. LXXIX, 727; т. LXXXII, 138, 142.
- Писаревъ,** Дм. Ив., писатель, т. LXXIX, 1130.
- Писемскій,** А-ѣй Теоф., писатель. Замѣтка объ автографѣ его, т. LXXIX, 1138. Упомянутъ: т. LXXIX, 675; т. LXXXII, 754.
- Плотниковъ,** сенаторъ, т. LXXX, 829.
- Платоновъ,** Серг. Оед., профессоръ сиб. унив. *Статья П. Н. Полевого о книгѣ его:* «Очерки по исторіи смуты въ Моск. государствѣ, т. XVI—XVII в.», т. LXXIX, 313—323. Упомянутъ: т. LXXXI, 308, 1228; т. LXXX, 743; LXXXI, 355; т. LXXXII, 950, 1175.
- Платонъ,** моск. митрополитъ, т. LXXXII, 54.
- Плюшаръ,** Ад. А-др., издатель, т. LXXIX, 691.
- Побѣдоносцевъ,** К. П., об.-прокуроръ св. синода. *Библиографическая заметка Б. Никольскаго объ изд. его:* Сборникъ сочиненій Н. П. Гилярова-Платонова. Т. I и II. М. 1899—1900, т. LXXXI, 268—272.
- Повалишинъ,** А. Д., писатель, т. LXXIX, 606.
- Повель,** Е., англ. писатель, т. LXXIX, 393—394.
- Погодины:**
 — А. Л. прив.-доц. сиб. унив., т. LXXXII, 1176.
 — Мих. Петр., проф., историкъ, т. LXXIX, 221, 222, 494, 672, 673—674, 943; т. LXXXI, 450, 461, 468—459, 566, 572; т. LXXXII, 949, 954, 957, 1179, 1181.
- Погожевы:**
 — Н., врачъ, *Замѣтка его:* Къ «Воспоминаніямъ С. М. Загоскина», т. LXXXI, 375.
 — П. И., врачъ, писатель, *Некрологъ его:* т. LXXIX, 1243.
- Погосскій,** Ал-дръ Теоф., писатель, *Библиографическая заметка И. Э. о его Полномъ собраніи сочиненій.* Спб. 1899, т. LXXIX, 815—817.
- Подвысоцкій,** Н. В., т. LXXIX, 115.
- Позднякова,** актриса, т. LXXXI, 445.
- Позднѣвъ,** А. М., т. LXXIX, 1233.
- Позняковъ,** Н. И. *Библиографическая заметка его:* Другъ семьи. Мать-воспитательница. Спб. 1900, т. LXXXI, 1101—1102.
- Покровскіе:**
 — астрономъ-наблюдатель юрьев. ун.-т. LXXXI, 365.
 — А. М., т. LXXXII, 1186.
 — Н. В., директоръ сиб. археол. инст., т. LXXX, 1074.
- Полевые:**
 — Ник. Алекс., писатель, т. LXXXI, 572.
 — Петръ Ник., писатель. *Статьи его:* Новый трудъ по исторіи Смутаго времени, т. LXXIX, 313—323;—Памяти Л. Н. Майкова, LXXX, 613—616.—*Библиографическая заметка его:* Россія. Полное географическое описаніе нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русскихъ людей. Подъ ред. В. П. Семенова и подъ общимъ руководствомъ П. П. Семенова и В. И. Ламанскаго. Спб. 1900. LXXIX, 800—801. Н. П. Лихачевъ. Палеографическое значеніе бумажныхъ водяныхъ знаковъ. Часть I. Исслѣдованіе и описаніе филиграней. Часть II. Предменный и хронологическій указатели. Часть III. Альбомъ снимковъ. Изд. общества любителей древней письменности. Спб. 1899. т. LXXIX, 1147—1149. *Библиографическая заметка С. П. о книгѣ его:* Исторія русской словесности съ древнѣйшихъ

- временъ до нашихъ дней. Изд. А. Ф. Маркса. Томъ I. Спб. 1900, т. LXXX, 674—676.
- Политковский**, химикъ, проф. моск. ун., т. LXXIX, 1217.
- Поліевтовъ**, М. А., LXXIX, 425.
- Половцевъ**, А. А., *Библ. замѣтка С, III. объ изданной подь его наблюдениемъ книгѣ: Русскій биографическій словарь, томъ II. Алексинскій—Бестужевъ-Рюминъ.* Спб. 1900, т. LXXX, 673—674. *Упомин.*: т. LXXX, 736.
- Половскій**, Яв. Петр., поэтъ, т. LXXXII, 754.
- Полторацкіе:**
— Вл. Алекс., кавк. герой, т. LXXIX, 930.
— Соф. Дм., урожд. Левшина, т. LXXIX, 930.
- Полугарская**, Елена Ив., т. LXXIX, 59.
- Полуденскіе:**
— Ед. Алекс., рожд. Лунина, т. LXXX, 52.
— Мих. Петр., издатель «Библ. Записокъ» т. LXXIX, 502—503, 505—506, 923; т. LXXX, 51—53, 61, 65—67; т. LXXXI, 375.
— Ник. Петр., т. LXXX, 52—53.
— Петръ Сем., т. LXXX, 51—52, 56.
— Серг. Петр., т. LXXX, 52.
- Полуярославцевъ**, Н. П., т. LXXXI, 344.
- Помпадуръ**, маркиза, т. LXXXII, 119, 272, 275, 283, 290—291.
- Помяловскіе:**
— Ив. Вас., проф. спб. ун., т. LXXXI, 475; т. LXXXII, 1175.
— Ник. Гер., писатель, т. LXXIX, 979.
- Пономаревъ**, П. Ф. *Статья его: Островъ Аникіевъ*, т. LXXX, 890—895.
- Понятовскій**, гр. т. LXXX, 526; т. LXXXII, 127, 129, 313.
- Поповы:**
— астрах. губернаторъ, т. LXXX, 832.
— поэтъ, т. LXXXI, 210.
— В. С., секретарь Потемкина, т. LXXIX, 178—179, 182—184.
— Н. А., проф. моск. ун., т. LXXXII, 1177—1178.
— Х. И., археологъ, т. LXXX, 750.
- Попруженко**, М. Г., прив.-доц. Новорос. ун. *Замѣтка о диспутѣ его*: т. LXXIX, 1226.
- Поропинъ**, полковникъ, т. LXXX, 819.
- Поссевицъ**, Антоній, т. LXXXII, 514, 527—528, 943.
- Потанинъ**, Г. Н., т. LXXX, 374.
- Потапенко**, Игн. Ник., писатель. *По-
сть его: т. Незамѣнимый, т. LXXIX, 120—135.*
- Потаповъ**, А. А., археологъ, т. LXXIX, 863; т. LXXXI, 354.
- Потемкины:**
— (Таврическій), кн. Гр. А-др., ген.-фельдм., фаворитъ Екатерины II, т. LXXIX, 172—184, 186—191, 193, 199; т. LXXX, 510, 511, 514, 527, 528, 531, 532, 536; т. LXXXII, 85.
— Дар. Вас.: т. LXXIX, 172—174.
— П. С., т. LXXIX, 180.
- Потоцкіе:**
— гр. Артуръ, т. LXXIX, 192.
— гр. Андрей, т. LXXXII, 309—310.
— гр. Екат. Ксав., рожд. Враницкая, т. LXXIX, 176, 191.
— гр. Соф. Ксав., рожд. Враницкая, т. LXXIX, 176, 190, 191, 192.
— гр. Станиславъ, т. LXXIX, 192.
- Потто:**
— *Библ. замѣтки объ изданной подь его ред. книгѣ: Историческій очеркъ кавказскихъ войнъ отъ ихъ начала до присоединенія Грузіи. Изд. военно-историческаго отдѣла при штабѣ кавказскаго военнаго округа. Тифлисъ 1899: проф. Орлова*, т. LXXX, 306—308 и *А. Хааилова*, т. LXXXII, 1131—1132.
— В. А. *Статья его: Гибель отряда Рукина въ 1870 году*, т. LXXXI, 110—135.
- Потѣхинъ**, А. А., писатель, т. LXXX, 477.
— *Правдинъ*, Е. *Статья его: Очерки американской дѣятельности*, т. LXXXI, 244—267, 667—683, 1045—1080.
- Правовъ**, А. В., проф. спб. ун., т. LXXXII, 309.
- Преображенскій**, В. П., философъ, писатель. *Некрологъ его*: т. LXXX, 758.
- Пржевальскій**, В. М., адвокатъ, редакторъ «Юрид. Вѣстн.». *Некрологъ его*: т. LXXIX, 1243.
- Пржибытекъ**, С., проф. воен.-мед. акад., т. LXXXII, 309.
- Пржиборовскій**, Вал. *Библ. замѣтка X—вча о книгѣ его: Historja szczęsciu miesięcy. Ustęp dziejów. 1862 roku. Petersburg. 1901.* т. LXXXII, 701—703.
- Прилежаевъ**, И. М., писатель. *Некрологъ его*: т. LXXIX, 1244.
- Прозоровскій**, кн. Ив. Андр., т. LXXX, 492, 531, 536.
- Прокоповичъ**, С. Н., *Библ. замѣтка Д. К. Е—ва о книгѣ его: Рабочее движеніе на западѣ. Опытъ критическаго изслѣдованія. Т. I. Германія и Бельгія. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1899*, т. LXXX, 1043—1044.

Прокоповичъ-Антонскій, Авт. Ант., ректоръ моск. ун., т. LXXXI, 563, 564.

Прончищевы:

— А-ѣй Вл. *О немъ*: въ Воспоминаніяхъ Е. А. Сабанъевой, т. LXXXII, 49—90, 414—436, 809—856.

— Ал-ѣй Ion., секундъ-майоръ, т. LXXXII, 60—84, 87, 89—90, 821, 831—832.

— Ае. Ос., думн. двор., т. LXXXII, 59.

— Варв. Петр., рожд. кн. Оболенская. *О ней*: въ Воспоминаніяхъ Е. А. Сабанъевой, т. LXXXII, 49—90, 414—436, 809—856.

— Вл. Алекс., т. LXXXII, 78—79, 89, 418.

— Глаф. Мих., рожд. Бахметева, т. LXXXII, 74—78.

— Екат. Алекс., т. LXXXII, 72—73, 78—90, 822—823, 825—835, 840, 855.

— Ив. Ае., посоль, т. LXXXII, 59—60.

— Ив. Вас., т. LXXXII, 59.

— Иона Конов., т. LXXXII, 59—62, 64—71.

— Мих. Ив., стольникъ, т. LXXXII, 60.

— Ос. Як., посоль, т. LXXXII, 59.

— Петръ Ив., думн. двор., т. LXXXII, 60.

Протасовы:

— Андр. Вас., т. LXXXII, 418, 432.

— гр. Ан. Степ., т. LXXXI, 37.

— Ек. Петр., рожд. кн. Оболенская, супр. А. В., т. LXXXII, 418, 432.

— гр. Нат. Дм., супр. об.-прокурора св. Синода, гофмейстера имп. Маріи Алекс., т. LXXXI, 419—420.

Протасовъ-Вахметевъ, гр., ген., т. LXXXIX, 556.

Протопоповъ, Д. *Библ. замѣтки объ издаваемыхъ поимъ его редакціей книгахъ*: (Д): *Дж. Гобсонъ*. Общественные идеалы Рескина. Изд. т-ва «Знаніе». Сиб. 1899, и К. Т. Солдатенкова. М. 1899. т. LXXXIX, 1174—1176. (Ец.): *К. Каутскій*. Аграрный вопросъ. Харьковъ. 1900, т. LXXXII, 708—710.

Проходцевъ, Ив. *Библ. замѣтка В. Рудакова о составленной имъ книгѣ*: Высочайше утвержденная Рязанская ученая архивная комиссія. Обзорніе пятнадцатилѣтней дѣятельности комиссіи. Рязань. 1899. LXXX, 309—311.

Прудонъ, Фр., экономистъ. *Замѣтка о немъ*: Фушэ и Прудонъ, т. LXXX, 709—710.

Прутковъ, Кузьма (псевд.), т. LXXXIX, 217.

Прѣсняковъ, А., т. LXXXI, 510.

Птолемей, греко-македон. властитель Египта, покровитель наукамъ и искусствамъ, т. LXXXIX, 376.

Пуасонъ, фр. придв. д-ръ, т. LXXXII, 124, 294, 296.

де-Пуле, писатель, т. LXXXIX, 1122, 1127.

Путятны:

— Еф. Фед., адмиралъ, министръ нар. просв., т. LXXXIX, 349.

— П. А., кн., т. LXXX, 371; т. LXXXI, 355.

Пушкины:

— Ал-дръ Серг., поэтъ. *Статья о немъ М. А. Веневитинова*: Коллекція нѣмецкихъ переводовъ Пушкина, т. LXXX, 299—302.—Пушкинская библиотека (въ Орлѣ). т. LXXXII, 753. *Замѣтка о памятникѣ ему въ Царскомъ Селѣ*, т. LXXXII, 1164—1165. *Замѣтка о библиотекѣ его*, т. LXXXII, 1173—1174. *Упомин.*: т. LXXXIX, 53—54, 68, 196, 197, 304, 383, 438, 880, 923, 941, 1214, 1216, 1230, 1235, 1236; т. LXXX, 54, 479—484, 614, 615, 626—627, 677—678, 732—736, 748; т. LXXXI, 50, 53, 193—195, 211, 353, 455, 474, 565—567, 591—594, 597, 713—714, 998—999; т. LXXXII, 810, 820.

— Марія Ал-др., т. LXXXI, 53.

Пушнявъ, Ив. Ив., писатель, т. LXXX, 834.

Пыпинъ, Ал-дръ Ник., академикъ, т. LXXXIX, 727, 1235; т. LXXXI, 474; т. LXXXII, 310.

Пятковский, Ал-дръ Петр., писатель. *Замѣтка о немъ*: Сорокалѣтній юбилей литературной дѣятельности А. П. Пятковского, т. LXXXIX, 1223—1225.

Р

Рабутинъ, австр. посоль, т. LXXXI, 512.

Rawicz-Witanowski, Michel. *Библ. замѣтка Г. А. Воробьева о книгѣ его*: *Monografia Leczyzu. Zrzeszankami. Kraków*, 1900. Т. LXXXII, 336—338.

Рагозины:

— Зив. Ал., рожд. Вердеревская, писательница. *Замѣтка о ней*: Русская писательница въ Америкѣ. Т. LXXX, 355—356.

— Н. В. *Замѣтка его*: Подвигъ родового Леонтьева. Т. LXXXIX, 1246.

Радзивиллъ, кн., Анна, рожд. кн. Урусова, т. LXXXII, 809 — 810, 826, 829—832, 845.

Радищевъ, А. Н., т. LXXXIX, 1123.

- Радловы:**
 — П. В. т. LXXX, 370.
 — Э. Л., *Библ. замѣтки о переведенныхъ подь его ред. книгахъ: (Л. Н—ва)*: Адольфъ Гаусратъ. Средневѣковые реформаторы. Томъ I и II. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1900. Т. LXXXI, 290—293. (К.): Валь-Мюйденъ. Исторія швейцарскаго народа. Томъ второй. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1900. Т. LXXXI, 693—697.
- Радовицъ**, дипломатъ, т. LXXX, 65.
- Раевскіе:**
 — А. С., библиотекарь Русск. Библиот. общ., т. LXXIX, 425; т. LXXXII, 90, 1182.
 — Гр. Ил., т. LXXXII, 86 — 88, 823, 840.
 — Елена Ник., т. LXXIX, 195.
 — Ник. Нив., генералъ, т. LXXIX, 195.
- Разумовскіе:**
 — гр., А-ѣй Гр., ген.-фельдм., т. LXXXI, 494—496, 500 — 501, 509, 295; 847—852, 854, 856; т. LXXX, 295; т. LXXXII, 134.
 — гр. Кир. Гр., ген.-фельдм., т. LXXIX, 185; т. LXXXI, 848—849, 851.
- Рамазановъ**, Н. А., скульпторъ, т. LXXXI, 439, 463.
- Рамбо**, Альфр., *Библ. замѣтка П. К—аго о составленной имъ вмѣстѣ съ Э. Лависсомъ книгѣ: Всеобщая исторія съ IV столѣтія до нашего времени. Томъ шестой. Людовикъ XIV. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1900. Т. LXXX, 684—686. Упомят.: т. LXXXI, 500; т. LXXXII, 122, 270, 287, 281.*
- Рапопортъ**, X. *Библ. замѣтка А. Никитинскаго о переведенной имъ книгѣ: Соціализмъ и соціальное движеніе въ девятнадцатомъ вѣкѣ. В. Зомбарта. Изд. Л. Ф. Павленкова. Спб. 1900. Т. LXXX, 696—698.*
- Ратисонъ**, Луи, фр. писатель, т. LXXIX, 707, 710—716.
- Раундъ**, Д., англ. писатель, т. LXXIX, 391—393.
- Рачинскій**, Серг. Ал-др., профессоръ моск. унив. *Библ. замѣтка — ва о книгѣ его: Татевскій сборникъ. Спб. 1899. Т. LXXIX, 383.*
- Резановъ**, камергеръ, т. LXXX, 442—445, 817.
- Резевельтъ**, Теод., англ. писатель, т. LXXX 1055.
- де-Рейзе**, фр. ген., журналистъ, т. LXXX, 343—344.
- Рейнке**, Фр., командиръ Камчатки, т. LXXX, 109, 110.
- Рейссъ**, химикъ, проф. моск. унив. т. LXXIX, 1217.
- Ренавъ**, Эрн., франц. ученый. *Замѣтка о немъ: Невѣдомый историческій трудъ Ренава, т. LXXIX, 1186—1187.*
- Репнинъ**, князь, т. LXXXI, 835, 842, 845; т. LXXXII, 354—355.
- Рерихъ**, Н. К., археологъ, т. LXXIX, 421—422, 865; т. LXXX, 371, 744.
- Рескинъ**, Дж., англ. мыслитель. *Замѣтка о немъ: Смерть Рескина, т. LXXIX, 1205—1207. Упомят.: т. LXXIX, 1174—1175.*
- Реформатскій**, А. Н., проф., т. LXXIX, 1217—1220.
- Ржевскій**, П. К., орлов. предводитель дворянства, т. LXXIX, 419.
- Рикордъ**, адмиралъ, т. LXXX, 842.
- Римскіе-Корсаковы:**
 — Варв. Дм., рожд. Мергасова, супр. Н. С. Р.—К., т. LXXIX, 520.
 — Мар. Ив., рожд. Наумова, т. LXXIX, 520.
 — Н. А., композиторъ, т. LXXIX, 1236.
 — Ник. Серг., т. LXXIX, 520; т. LXXX, 61.
 — Серг. Ал-др., LXXIX, 520—521.
 — Соф. Алекс., рожд. Грибоѣдова, супруга С. А. Р.—К., т. LXXIX, 520—521.
- Рисъ-Дэвидсъ**, *Библ. замѣтка А. Н—аго о книгѣ его: Восточная библиотека. Т. II. Буддѣйскія сутты. Съ примѣчаніями и вступительной статьей. Русскій переводъ и предисловіе Н. И. Герасимова. М. 1900; т. LXXX, 330—331.*
- Ричардсонъ**, Сам., англ. писатель. *Замѣтка о немъ: Отецъ англійскаго романа, т. LXXXII, 730—731.*
- Ричардъ**, Д., нѣм. проф., т. LXXXII, 1136.
- де-Роберти**, Евг., т. LXXIX, 707, 710, 711, 712, 714.
- Ровинскій**, (Z) *Библ. замѣтка его: Спир. Голчевичъ. Старая Сербія и Македонія. Историко-Этнографич. изслѣдованіе. Перев. съ нѣм. М. Г. Петровичъ. Спб. 1899; т. LXXIX, 380—383.*
- Рогановичъ**, Іованъ П. *Библ. замѣтка А. Л—аго о книгѣ его: «Македонскій вопросъ» на почвѣ его исторіи, этнографіи и политики. Казань. 1900; т. LXXXII, 701.*
- Рогожинъ**, В. Н. *Библ. замѣтка А. В. С. о книгѣ его: Указатель къ «Опыту» россійской библиографіи В. С. Сопикова. (Къ книгамъ гражданск. печати). Москва. 1900; т. LXXX, 331—332.*
- Роджерсъ**, Дж. Торольдъ, англ. писатель. *Библ. замѣтка К. о книгѣ его: Исторія труда и заработной платы въ*

- Англии съ XIII по XIX. вѣкъ. Перев. съ англ. Спб. 1899; т. LXXIX, 376—377.
- Родиславскій, В. И.**, т. LXXXI, 461.
- Рождественскій, Н. Я.**, т. LXXIX, 803.
- Рожковъ, Н. А.**, прив.-доцентъ моск. унив. *Замѣтка о деспутъ его*: LXXXI, 346—347.
- Розановъ, В. Н.**, т. LXXIX, 671; т. LXXXI, 1190.
- Розери, англ. госуд. дѣят.**, т. LXXIX, 396; т. LXXXII, 1162.
- Розенбергъ, гр., австр. посланникъ**, т. LXXXI, 839.
- Розенгеймъ, Мих. Петр.**, поэтъ, т. LXXIX, 259.
- Розенъ:**
— бар. В. Р., академикъ, т. LXXXII, 753.
— бар. Петръ Карл. т. LXXXII, 486.
- de Росса, Felix.** *Библ. замѣтка Галланина о книгѣ его*: Les assemblées politiques dans la Russie ancienne. Les Zemskie sobors. Etude historique (oeuvre posthume). Paris. 1899. т. LXXIX, 1152—1154.
- Рокотовъ, В. Д.**, актеръ, писатель. *Некрологъ его*: т. LXXX, 758—759.
- Романовичъ, Ап. Павл.**, журналистъ, *Некрологъ его*: т. LXXIX, 874.
- Рондо, англ. посланникъ въ Спб.**, т. LXXXI, 490, 492, 497.
- Росель, Эд., англ. писатель**, т. LXXIX, 853.
- Россъ, Дальгузи, англ. писатель**, т. LXXXII, 287.
- Ростовцовы:**
— предсѣдатель ком. по освоб. вѣрствъ, т. LXXIX, 493.
— М. И., археологъ, т. LXXX, 370; т. LXXXII, 1175.
— Я. И., ген.-адъют., т. LXXXI, 387; т. LXXXII, 818.
- Ростопчины:**
— гр., Евд. Петр., писательница, т. LXXIX, 37—38, 527; т. LXXX, 63—65.
— гр. Андр. Оед., тайн. сов. т. LXXX, 64, 403—404, 406—407, 409—411, 413, 415—424, 427—429, 790—796, 799—803, 806—808, 814; т. LXXXI, 87.
— гр. т. LXXIX, 183, 518; т. LXXX, 101, 818—819.
- Рочевъ, А. Г.**, писатель, т. LXXIX, 996.
- Ротъ, Эд., швейц. писатель**, т. LXXX, 340, 342.
- Рубакинъ, Н. А.** *Библ. замѣтка Д. Б-ва обзид. подъ его ред. книгъ*: Эдуардъ Чекей. Аграрный переводоръ въ Англии въ XVI вѣкѣ по свидѣтельству современниковъ. Перев. съ англійскаго В. Я. и П. Я. Гердъ. Спб. 1899. т. LXXX, 326. *Упоми.*: т. LXXIX, 1132.
- Рубинштейнъ, Ник. Гр.**, композиторъ. т. LXXX, 67—68.
- Рудаковъ, В. Е.** *Статьи его*: Мих. Ник. Капустинъ. (Некрологъ). т. LXXIX, 352—359.—Къ исторіи крестьянскаго движенія при Павлѣ I. т. LXXIX, 1122—1128.—Л. Н. Майковъ. (Некрологъ). т. LXXX, 617—631.—В. П. Васильевъ. (Некрологъ). т. LXXX, 979—982.—*Библ. замѣтки его*: Юлианъ Кулаковскій. Карта Европейской Сармаціи по Итолемсею. Привѣтствіе XI Археологическому съѣзду. Кіевъ. 1899. т. LXXIX, 376.—Бумаги, относящіяся до отечественной войны 1812 года, собранныя и изданныя П. И. Щукинымъ. Ч. 4. М. 1899.—т. LXXIX, 385—386.—Сборникъ московскаго главнаго архива мин. иностр. дѣлъ. Вып. VI. М. 1899.—т. LXXIX, 803—805. Проф. Д. И. Багалъй. Удаленіе проф. И. Е. Шада изъ Харьковскаго университета. (Материалы для біографическаго словаря профессоровъ Харьковскаго унив.). Харьковъ. 1899. т. LXXIX, 1163—1164.—Регесты и подписи. Сводъ матеріаловъ для исторіи евреевъ въ Россіи (80 г.—1800 г.) Т. I. Спб. 1899. т. LXXIX, 1173—1174.—Высочайшая утвержденная ученая архивная комиссія. Обзорніе пятнадцатилетней дѣятельности комиссіи. Составилъ Ив. Проходцевъ. Рязань. 1899. т. LXXX, 309—311.—Былое и настоящее. Сибирскіе инородцы. Материалы для изученія медедкннх иноредцевъ, собранные А. А. Яриловымъ. Юрьевъ. 1899. т. LXXX, 334.—Н. Е. Волковъ. Дворъ русскнх императоровъ въ его прошломъ и настоящемъ. Въ 4-хъ частяхъ. Спб. 1900, т. LXXX, 1036—1037.—Труды Бесарабской губернской ученой архивной комиссіи. Т. I. Кишиневъ. 1900. т. LXXXI, 282—284.—А. В. Стороженко. Очерки перяславской старины. Исслѣдованія, документы и замѣтки. Кіевъ. 1900, т. LXXXI, 712—713.—Харьковскій университетскій сборникъ въ память А. С. Пушкина. (1799—1899). Харьковъ. 1900, т. LXXXI, 713—714; К. К. Крафтъ. Изъ киргизской старины. Оренбургъ. 1900. т. LXXXI, 715—716.—Рязанская ученая архивная комиссія. Писцовыя книги Рязанскаго края. Подъ ред. члена комиссіи В. Н. Сторожева. Томъ I. Вып. 2. Рязань. 1900. т. LXXXI, 1000—1101. *Упоми.*: т. LXXIX, 302; т. LXXXI, 474.
- Рудзевичъ, костром. губернаторъ**, т. LXXIX, 253.
- Рукавишниковъ, Н. В.**, т. LXXIX, 354.
- Рукинъ, Статья о немъ В. А. Пот-**

то: Гибель отряда Руклина въ 1870 году. т. LXXXI, 110—135.

Рулье, фр. министр ин. д., т. LXXXII, 279, 282, 284, 287, 288.

Румянцевы:

— гр. Ник. Петр., т. LXXIX, 801—802.

— гр. Серг. Петр., т. LXXIX, 525, 802.

Румянцевъ-Задунайскій, гр. Петръ Алекс., ген. фельдм., т. LXXX, 105—106, 501, 508, 509, 510, 511, 527; т. LXXXI, 491, 509, 517, 823; т. LXXXII, 133, 1112—1114.

Руничъ, Дм. Павл., попечитель спб. и вѣн. унив., т. LXXIX, 340.

Руссо, Жанъ-Жакъ. *Замѣтка о немъ*: Легенда о дѣтяхъ Руссо. т. LXXX, 705—707; *Упомят.*: т. LXXXI, 726.

Руссовы:

— оберъ-секретарь моск. сената, т. LXXX, 825.

— Ст. Вас., т. LXXXI, 376.

Рыбушкинъ, М. С., издатель ж. «Завожд. Муравей», т. LXXXI, 592.

Рыбачевы:

— лейтенантъ, т. LXXIX, 207.

— М. А., т. LXXX, 374.

Рыковъ, Як. А-др., т. LXXIX, 635.

Рылъевъ, Кондр. Оед., поэтъ. т. LXXX, 102, 103, 499. 833—839; т. LXXXI, 194, 200.

Рыдловскій, Оед. Мих., врачъ, поэтъ. *О немъ въ ст. В. Н. Давыдова*: Казанскіе поэты, т. LXXXI, 594—595.

Рѣдинъ, Е. К., т. LXXX, 747.

Рюмины:

— Ел. Оед., рожд. Кандалинцева, супр. Н. Г. Р., т. LXXIX, 523—524, 525.

— Левъ Ник., т. XXXIX, 524.

— Н. Г., тайн. сов., т. LXXIX, 523—524, 525.

— Оед. Ник., т. LXXIX, 524.

С.

С. А., *Библ. замѣтка его*: Собраніе В. И. и В. Н. Хапенко. Кіевъ. 1899—1900. т. XXXII, 1127—1128.

Сабанинъ, В. В., т. LXXXII, 1183.

Сабанъевы:

— Ек. Алекс., рожд. Прончищева. *Статьи ея*: Воспоминанія о быломъ (1770—1833 гг.). Изъ семейной хроники, т. LXXXII, 49—90, 414—436, 809—856.

— Ив. Оед., т. LXXXII, 51.

— Оед. Петр., нач. канц. кіев. ген.-губернатора, т. LXXXII, 49—51.

Сабуровъ, Андр. Ал-др., сенаторъ, министр нар. проsv., т. LXXIX, 305.

Савеловы:

— Л. М. *Замѣтка его*: Къ запискамъ С. М. Загоскина, т. LXXIX, 1248.

— Пав. Петр., камеръ-юнкеръ. т. LXXIX, 508, 1248.

Савельевы:

— А. М., преподаватель Новочерк. гимн., т. LXXX, 750.

— Р. Н., метеорологъ, т. LXXIX, 1233.

Савичъ, Г. Г. *Библ. замѣтка Е. Ш. о книгѣ его*: Сборникъ правилъ по обезпеченію народнаго продовольствія. Вып. первый. Изд. неофициальное. Спб. 1900. т. LXXXI, 1086—1088.

Садовскій, Пров. Мих., актеръ, т. LXXIX, 674; т. LXXXI, 457—459, 463.

Сайтовъ, В. И., писатель, т. LXXX, 626.

Салиасъ, гр. Е. А., писатель. *Разсказы его*: Машке радъ, т. LXXIX, 79—114. *Упомят.*, т. LXXIX, 383.

Соломонъ, А. П. *Статья Г. Л. И. о книгѣ его*: «Ссылка въ Сибирь», т. LXXX, 276—291.

Салтыковы:

— графъ Ив. Петр., фельдмаршалъ. т. LXXX, 105—106, 501, 510, 512, 513.

— графъ Ник. Ив., ген.-фельдмарш.; т. LXXIX, 185.

Салтыковъ (Щедринъ), Мих. Евгр. писатель. *Статья о немъ Н. В. Друзена*: М. Е. Салтыковъ въ Рязани (1848—1860 гг.: 1868—1876 гг.), т. LXXIX, 598—622.

Самари, вождь негровъ Зап. Африки. *Замѣтка о немъ*: Современный Гамерланъ, т. LXXXI, 736—737.

Самойловъ, гр. А. Н., т. LXXIX, 172, 180, 184, 190, 191.

Самоквасовъ, Дм. Як., проф. моск. унив. *О немъ въ ст. Е. С. Шумигорскаго*: Департаментъ бумагъ, т. LXXIX, 743—747. *Упомят.*, т. LXXX, 745—746.

Сандуновы:

— актеръ, т. LXXXI, 557.

— Ник. Ник., об.-секретарь сената, писатель, т. LXXXI, 557—558.

Санинъ, А. *Библ. замѣтка Д. К. Ежова о не переведенной имъ книгѣ*: Проф. І. Юлли. Народное образование въ разныхъ странахъ Европы. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1900. т. LXXX, 700—701.

Сапожниковъ, Д. И., писатель. *Некрологъ его*: т. LXXXII, 764—765.

Сасапарель, В. А., врачъ, т. LXXIX, 638, 640.

Сарычевъ, Г. А., вице-адмиралъ, т. LXXX, 117.

Сахаровы:

— А. Г., писательница. *Некрологъ ея*: т. LXXX, 759.

— Ив. Петр., этнографъ, т. LXXXI, 211, 217.

— **Ө. К. Библ. замѣтка А. В. С. о книгѣ ею:** Литература исторіи и отличія русскаго раскола. 3 вып. Тамбовъ — Спб. 1887—1900, т. LXXXII, 1130—1131.

Свербеевъ, Дм. Ник. О немъ въ библ. замѣткѣ С. П.: Записки Дм. Ник. Свербеева (1799—1826). Тома I и II. Москва. 1899, т. LXXX, 305—306. *Упомян.:* т. LXXIX, 326, 339.

Свиньинъ, Петр. Павл., т. LXXX, 63. Святопольскій-Мирскій кн. Н. Н., т. LXXXI, 923.

Свѣчка, Л. Н., помѣщикъ, т. LXXXII, 1012.

де-Сегюръ, Пьеръ, фр. писатель, т. LXXXIX, 1192.

Сейсъ, А., англ. профессоръ, т. LXXX, 336.

Селивановы:

— А. В., археологъ, т. LXXIX, 384.

— Н. Ө. *Библ. замѣтка Ѵ о книгѣ ею:* Монашеская республика. Письма съ Аюона. Спб. 1900, т. LXXXII, 330—333.

Семеновскій, Вас. Ив., писатель, т. LXXXII, 261.

Семеновиковъ, П. П., педагогъ. Непрологъ ею: т. LXXII, 1194—1195.

Семеновы:

— В. П. *Библ. замѣтка Н. Полевого о вышедшей подъ ею ред. книгѣ:* Россія. Полное географическое описаніе нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русскихъ людей. Спб. 1900, т. LXXIX, 800—801. *Упомян.:* т. LXXIX, 1232.

— П. П., вице-предсѣдатель имп. русс. геогр. общ., т. LXXIX, 800—801, 1232; т. LXXX, 749.

— Т. С., священникъ, археологъ, т. LXXXII, 1179.

Сенкевичъ, Генр., польск. писатель, т. LXXXII, 303, 309, 310.

Сенъковскій, Ос. Ив., (бар. Брамбеусъ), писатель, т. LXXIX, 944.

Сенюткины, т. LXXX, 508—516.

Сенявинъ, Серг. Серг., т. LXXXII, 876.

Серафимъ:

— митрополитъ, т. LXXXII, 248.

— подвижникъ Саровской пустыни, т. LXXIX, 44.

Сергіевъ, Іоан. Ил., протоіерей Кроншт. О немъ въ ст. И. Книжницкаго: Поѣздка въ Кронштадтъ, т. LXXX, 632—644.

Сергій (Тихомировъ), архимандритъ. Библ. замѣтка Ѵ. о книгѣ ею: Новгородскій узвѣдъ Вотской пѣтины по пис-

цовой книгѣ 1599 г. Историко-экономическій очеркъ. Москва. 1900, т. LXXX, 320—322.

Сергій Александровичъ, вел. кн., т. LXXXI, 898.

Сергѣевичъ, Вас. Ив., профессоръ Спб. унив., т. LXXIX, 310—311, 372; т. LXXX, 737.

Середонинъ, С. М., проф. спб. унив., т. LXXXII, 1176.

Серно-Соловьевичъ, писатель, т. LXXIX, 219.

Сесаревскій, оберъ-прокуроръ сената, т. LXXX, 820.

Сигизмундъ I, король польскій, т. LXXXII, 311, 313.

Сигизмундъ III, король польскій, т. LXXXII, 311, 322.

Сидоровъ, А. А. Библ. замѣтка Д. В.—чи о книгѣ ею: Русскіе и русская жизнь въ Варшавѣ (1815—1895). Историческій очеркъ, со снимками съ картинъ, портретовъ и медалей. Вып. I, II, и III. Варшава. 1899, т. LXXXI, 705—706.

Сикстъ IV, папа римскій, т. LXXXII, 512.

Сикстъ V, папа римскій, т. LXXX, 724.

Симанскій, П. Н. Библ. замѣтка Б. Колубакина о составленной имъ вмѣстѣ съ М. Б. Стрелюховымъ книгѣ: Жизнь Суворова въ художественныхъ изображеніяхъ. Изд. книжнаго магазина Гросманъ и Кнебель. Москва. 1900, т. LXXX, 664—666.

Симоненко, Г. Ө., профессоръ. Библ. замѣтка А. Н.—ва о книгѣ ею: Политическая экономія въ ея новѣйшихъ направленіяхъ. Варшава. 1900, т. LXXIX, 1164—1165.

Синельниковъ, Ник. Петр., сенаторъ. Статя о немъ П. П. Суворова: Два сенатора, (Изъ бумагъ Н. П. Синельникова), т. LXXIX, 623—630.

Синицкій, Л. Д., т. LXXXII, 1190.

Сиповскій, В. В. Библ. замѣтка А. Борродина о книгѣ ею: Н. М. Карамзинъ, авторъ «Писемъ русскаго путешественника». Спб. 1899. т. LXXXI, 1090—1093.

Сипягинъ, Серг. Ник., министръ вн. дѣлъ, т. LXXX, 797.

Скабичевскій, А-дръ Мих., писатель, т. LXXIX, 1129—1132.

Скавроянская, гр. Екат. Вас., т. LXXIX, 177—180, 184.

Скарга, Петр., т. LXXXII, 322.

Скарлатта:

— Алекс., т. LXXXII, 942.

— Помпей, т. LXXXII, 942, 956, 956.

«Истор. вѣстн.». декабрь, 1900 г.,

т. LXXXII.

Скарронъ, фр. поэтъ, т. LXXXI, 726—727.

Скачиловъ, П. Н. *Библ. замѣтка С. П. о переведенной имъ книгѣ*: Сочиненіе Фр.—М. Вольтера. Кандидъ или оптимизмъ. Изд. Товарищества «Книговъздъ». Спб. 1900, т. LXXXI, 717—718.

Склифасовскій, Ник. Вас., проф. Моск. ун., т. LXXXII, 310.

Скобелевы:

— Ив. Никит., ген.-отъ.-инф., писатель. *Статья о немъ С. Л. Ширяева*: Одинъ изъ «отцовъ-командировъ» былыхъ временъ, т. LXXXII, 1021—1032.

— Мих. Дм., ген.-адъют. *Статья о немъ Е. К.*: Сутки на ординарцахъ у Скобелева, т. LXXXI, 478—484. *Упомин.*: т. LXXX, 223, 241; т. LXXXII, 1021.

Скопинъ, Н. Г., протоіерей, т. LXXX, 520.

Скотъ, Вальтеръ, англ. писатель, т. LXXXIX, 942; т. LXXXI, 566; т. LXXXII, 511.

Слезкинскій, А. Г. *Статья его*: Освященіе Софійскаго собора, т. LXXXII, 245—259.

Случевскій, К. К., поэтъ. *О немъ въ библ. замѣткѣ А. Никитинскаго*: Поэзія К. К. Случевского. Этюдъ А. Коринфскаго. Изд. П. П. Сойкина. Спб. 1900. т. LXXX, 328—329; *Упомин.*: т. LXXXIX, 990—995, 1000.

Слюнинъ, Н., д-ръ. *Библ. замѣтка А. Фаресова о книгѣ его*: Охотско-Камчатскій край. Изд. министерства финансовъ. Спб. 1900, т. LXXXI, 297—299. *Упомин.*: т. LXXX, 1078—1079.

Слѣпцовъ, Моисей, стихотворецъ, т. LXXXII, 767—768.

Смирновы:

— А. *Замѣтка его* къ «Запискамъ бар. В. И. Штейнгеля», т. LXXXI, 376.

— А. В. *Замѣтка его*: Къ статьѣ проф. Н. П. Загоскина, т. LXXXII, 767. *Библ. замѣтки его*: Исторія Владимірской духовной семинаріи. Составилъ Н. Малицкій. Выпускъ 1-й (1750—1814 гг.). М. 1900, т. LXXX, 326—328.—Указатель къ «Опыту Россійской бібліографіи» В. С. Сопикова. (Къ книгамъ гражданской печати). Составилъ В. Н. Рогожинъ. Москва. 1900, т. LXXX, 331—332.—Исторія императорской военно-медицинской (бывшей медико-хирургической) академіи за сто лѣтъ 1798—1898. Составлена комиссіею по порученію конференціи академіи подъ ред. проф. Ивановскаго. Спб. 1898, т. LXXX, 669—671.—В. Добровровъ. Скопчество въ предѣлахъ Владимірской епархіи. Владиміръ. 1900, т. LXXX, 702.—О. К. Са-

харовъ. Литература исторіи и обличенія русскаго раскола. 3 вып. Тамбовъ. Спб. 1887—1900, т. LXXXII, 1130—1131. *Упомин.*: т. LXXXII, 1182.

— В. Я. *Библ. замѣтка Пещ. о книгѣ его*: Жизнь и поэзія Н. М. Языкова. Критико-біографическое изслѣдованіе. Пермь. 1900, т. LXXXI, 1105—1106.

— И. Н., проф. казан. ун., т. LXXXII, 755, 1179.

— Я. И., проф., т. LXXX, 1074; т. LXXXII, 1176.

Снятъ:

— Ад., англ. экономистъ, т. LXXX, 688—689.

— Эд., англ. писатель, т. LXXXII, 732.

Смоличъ, священникъ, т. LXXXI, 914, 929.

Свядецкій, Я., т. LXXXII, 327.

Соболевскіе:

— А-ѣй Ив., проф. спб. ун., т. LXXX, 371, 622—623; т. LXXXI, 213—215; т. LXXXII, 752, 1197.

— Серг. А-др., бібліографъ, т. LXXXIX, 527.

Созоновичъ, П. И., прив.-доц. варш. ун. т. LXXXII, 752.

Соймоновы:

— А-др. Ник., т. LXXXIX, 527.

— Варв. Ник., урожд. Камашева, мать поэта, т. LXXXI, 587.

— Мих. Ник., поэтъ. *О немъ въ ст. Б. Н. Алафова*: Казанскіе поэты, т. LXXXI, 586—590.

— Ник. Андр., отецъ поэтъ, т. LXXXI, 587.

Соколовскій, Мар., проф. краков. ун., т. LXXXII, 327—328.

Соколовы:

— В., проф. моск. дух. академіи, т. LXXXI, 364.

— И. П. (И. С—въ). *Статья его*: Замигательный арабскій литературно-историческій памятникъ о Россіи XVII вѣка, т. LXXXII, 637—657. *Библ. замѣтки его*: Извѣстія русскаго археологическаго института въ Константинополѣ. IV. В. І. Соф. 1899, т. LXXXIX, 798—800. Александръ Аппинскій. Древніе армянскіе историки, какъ историческіе источники. Одесса. 1899, т. LXXX, 311—313. Архимандритъ Сергій (Гихомировъ). Новгородскій увѣздъ Вотской пятины по писцовой книгѣ 1500 года. Историко-экономическій очеркъ. Москва. 1900, т. LXXX, 320—322. Б. Л. Павловичъ. Разказы изъ руссвой исторіи. Пятое изданіе. Съ 23 рисунками. Спб. 1900, т. LXXX, 673.—Извѣстія рус-

скаго археологическаго института въ Константинополь. Томъ IV. Вып. 2-й. Софія. 1899, т. LXXXI, 272—274. А. А. Васильевъ. Византія и арабы. Политическія отношенія Византіи и арабовъ за время аморійской династіи. Спб. 1900, т. LXXXI, 287—290.—Фердинандъ Грегоровіусъ. Исторія города Азиятъ въ средніе вѣка. Отъ эпохи Юстиніана до турецкаго завоеванія. Пер. съ нѣмецк. Спб. 1900, LXXXI, 689—693. Сочиненія В. Д. Спасовича. Томъ IX. Спб. 1900, т. LXXXI, 702—705.—Буассье Гастонъ. Госпожа, де-Севинье. Москва. 1900, т. LXXXI 706—708.—И. Ѳ. Седивановъ. Монашеская республика. Письма съ Аюна. Спб. 1900, т. LXXXII, 330—333. А. П. Воскресенскій. Принцезы острова, ихъ прошлое и настоящее въ связи съ бытомъ древней Византіи. Въ двухъ частяхъ. Спб. 1900, т. LXXXII, 333—336. Извѣстія русскаго археологическаго института въ Константинополь. V. Одесса. 1900, т. LXXXII, 692—695. Лѣтопись историко-филологическаго общества при императорскомъ новоросійскомъ университетѣ. VIII. Византійско-славянское отдѣленіе (бывшее византійское). V. Одесса. 1900 т. LXXXII, 716—718.—Лѣтопись церковныхъ событий и гражданскихъ, поясняющихъ церковныя, отъ Р. X. до 1898 г. Епископа Арсенія. Изд. третье, исправленное и дополненное. Спб. 1900, т. LXXXII, 1123—1124.
— Н., писатель, эмигрантъ, т. LXXIX, 220.
— Ѳ. Ѳ., проф. спб. ун., т. LXXXI, 349.
Солдатенковъ, К. Т., издатель, т. LXXIX, 717.
Соляцковъ, Ѳед. Гр., академикъ живописи, т. LXXX, 366.
Соловцовъ, Пав. Вас., т. LXXXII, 488.
Соловьевы:
— бар., командиръ лейбъ-егерск. пол., т. LXXXI, 884—885; 890—891.
— Вл. Серг., философъ. *Некрологъ его*. т. LXXXI, 1148—1150. *Упом.*: т. LXXXII, 754.
— М. П., *Статья его*: О дьяволизмѣ, т. LXXX, 983—998
— С. I., археологъ, т. LXXIX, 864.
Соловьевъ, Сергѣй Мих., историкъ, т. LXXIX, 326, 880; т. LXXX, 743; т. LXXXI, 486, 487, 494, 495, 499—501, 503, 506—507, 510, 512, 513, 514, 827, 836, 843, 853, 856; т. LXXXII, 266, 269, 274, 280—283, 1198.
Соловьевъ, художникъ, писатель, т. LXXXI, 471.

Солтанъ, Іос., митрополитъ кіев., т. LXXXI, 760.
Солтыкъ, Кастанъ, краков. еписк. т. LXXXII, 313.
Сомовъ, Ае. Ник., сенаторъ, *Статья о немъ П. П. Суворова*: Два сенатора, (Изъ бумагъ Н. П. т. LXXIX, 623—630.
Сопиковъ, Вас. Ст., библиографъ, т. т. LXXX, 331—332.
Соуръ, Март. Ив., т. LXXX, 117.
Софія, супр. Іоанна III, т. LXXXII, 428, 512, 527, 528.
Софія Алексѣевна, царевна-принцесса, т. LXXXII, 60, 936, 964, 965, 966.
Софія-Августа-Фредерика, Ангальтъ-Цербская, принцесса, т. LXXXI, 828—829, 832, 833, 836.
Софія-Доротея, жена англ. короля Георга I. *Замѣтка о ней*: Любовь некоронированной королевы, т. LXXX, 703—705.
Спарре, Акс., швед. генераль. *Замѣтка о немъ*: Письма ген. Спарре къ Карлу XII, т. LXXX, 1071—1072.
Спасовичъ, Вл. Дан., юристъ, писатель. *Библ. замѣтка А. С-ва о «Сочиненіяхъ его, т. IX, Спб. 1900; т. LXXXI, 702—705. Упомин.*: т. LXXIX, 344, 345, 346, 347, 349, 351.
Сперанскій, М. *Библ. замѣтки К. о книгахъ его*: Трепетники. (Изъ исторіи отреченной литературы). Спб. 1900; т. LXXXI, 1104—1105.—Гаданія по псалтири. (Изъ исторіи отреченныхъ книгъ). Спб. 1899; т. LXXXII, 712—713. *Упом.*: т. LXXIX, 1229.
Спицынъ, А. А., археологъ, т. LXXX, 743; т. LXXXI, 355, т. LXXXII, 1176.
Срезневскій, Изм. Ив., академикъ, т. LXXXI, 469.
Стадлеръ, т. LXXXII, 430—432, 846.
Станищевъ, К. Н., директоръ лицея цесар. Николая. *Некрологъ его*: т. LXXXI, 374.
Стасовы:
— Влад. Вас., писатель. *Библиограф. замѣтка Д. о книгъ его*: Над. Вас. Стасова. Воспоминанія и очерки. Спб. 1899; т. LXXIX, 807—809. *Упомин.*: т. LXXIX, 41; т. LXXX, 1074; т. LXXXI, 48—49, 355—356, 422.
— Над. Вас. т. LXXIX, 807—809.
Старковъ, А. П. т. LXXXI, 361.
Старшбергъ, гр., австр. посолъ въ Перажѣ, т. LXXXII, 118.
Старчевскій, Альб. Вик., писатель, т. LXXX, 474.
Стаховичъ, А. П., начальница сест. милос. Крестовниц. общ., т. LXXXII, 138, 143.

Стелловскій, петербург. издатель, т. LXXIX, 982, 998.

Стенгопъ, Эсэирь. *Замѣтка о ней*: Леди Эсэирь Стенгопъ, «царица Тадмора», т. LXXIX, 745—747.

Степановы:

— Н. А., художникъ-баррикутистъ, т. LXXX, 486.

— П. А., ген. отъ инф., т. LXXXI, 890, 893.

Стивенъ, Лесли, англ. критикъ, т. LXXXI, 1124.

Столыпинны:

— Арк. Дм., ген.-отъ-арт. *Некрологъ* его: т. LXXIX, 435—436.

— Ав. Алекс., т. LXXIX, 509.

— Мар. Ал-др., рожд. Устинова, т. LXXIX, 509.

Столяровъ, М. Н. *Статья* его: Въ Эстонской Швейцарии. (Наброски случайнаго туриста), т. LXXXI, 599—623.

Сторожавъ, В. Н. *Библиографическая записка* В. Р.—ва объ изданной подъ его ред. книгъ: Рязанская ученая архивная комиссія. Писцовыя книги рязанскаго края. Томъ I. Вып. 2. Рязань, 1900, т. LXXXI, 1100—1101.

Стороженко:

— А. В. *Библиографическая записка* В. Рудакова о книгъ его: Очерки поряславской старины. Исслѣдованія, документы и замѣтки. Кіевъ, 1900, т. LXXXI, 712—713.

— Н. И., проф. моск. ун., т. LXXXII, 754, 1179, 1180.

Стояновскій, Н. И., ст.-секретарь, писатель. *Некрологъ* его: т. LXXXI, 1150—1151.

Страховъ, Ник. Ник., философъ, т. LXXXI, 475, 996—997.

Стрекаловъ, А. Н., т. LXXIX, 354.

Стремоуховы:

— рязан. губернаторъ, т. LXXIX, 622.

— М. В. *Библиографическая записка* Б. Колубакина о составленной имъ вмѣстѣ съ П. Н. Симанскимъ книгъ: Жизнь Суворова въ художественныхъ изображеніяхъ. Изд. книжнаго магазина Гросманъ и Кнобель. Москва, 1900, т. LXXX, 664—666.

Строгоновы:

— гр. Пав. Алекс., т. LXXX, 827.

— гр. Серг. Гр., ген.-адъют., попечитель моск. ун., т. LXXX, 70, 409, 416, 791, 802—804.

Струве, астрономъ, т. LXXXI, 883.

Стрѣльбицкій, Ив. Алекс., ген.-отъ-инф., писатель. *Некрологъ* его: т. LXXXI, 758.

Стулья, т. LXXIX, 671.

Стюартъ, Вил., англ. госуд. дѣятель, т. LXXXII, 733.

Суворинъ, А.-ѣй Серг., писатель, т. LXXXI, 587—589.

Суворовы:

— Алекс. Ив., т. LXXX, 492.

— кн. А.-др. Арк., ген.-адъютантъ, т. LXXXI, 51.

— Анна Вас., т. LXXX, 492, 519.

— Арк. Алекс., т. LXXX, 532, 542, 545.

— Варв. Ив. рожд. кн. Прозоровскаго, супр. А. В. С., т. LXXX, 492, 518, 521, 524, 529, 531, 533, 544, 547.

— Вас. Ив., т. LXXX, 491.

— Мих. Алекс., т. LXXX, 492.

— П. П. *Статья* его: Два сенатора. (Изъ бумагъ Н. П. Синельникова), т. LXXIX, 623—630.

— Фед. Алекс., т. LXXX, 492.

Суворовъ-Рымникскій, Ал-дръ Вас., гр., князь Италійскій, генералиссимусъ.

Статьи о немъ: Автобіографія Суворова, записанная имъ въ 1786 году, т. LXXX, 490—507.—Спаситель жизни Суворова,—М. В. Щаговскаго, т. LXXX, 508—517.—Суворовъ въ Астрахани, П. Л. Юдина, т. LXXX, 518—524. Характеристика Суворова. (Отрывокъ изъ неизданныхъ записокъ гр. Ф. Г. Головкина), т. LXXX, 525—529. Изъ галереи историческихъ силуэтовъ Суворочка. Е. С. Шумиорскаго, т. LXXX, 530—549.

Въ библиографическомъ проф. Н. Орлова о книгъ Л. Пешуршевскаго: Генералиссимусъ князь Суворовъ. Спб., 1900, т. LXXIX, 1149—1152, *въ библиографическомъ Б. Колубакина о книгъ М. В. Стремоухова и П. Н. Симанскаго*: Жизнь Суворова въ художественныхъ изображеніяхъ. Изд. книжнаго магазина Гросманъ и Кнобель. Москва, 1900, т. LXXX, 664—666. *Замѣтки о немъ*: Къ юбилею Суворова, т. LXXIX, 421.—Суворовскій юбилей, т. LXXXI, 333—343.—Суворовскій музей, т. LXXXI, 1137. *Упомянуты*: т. LXXX, 490—548; т. LXXXI, 359; т. LXXXII, 1021—1023, 1099, 1100.

Сумароковъ, А.-дръ Петр., поэтъ, т. LXXX, 106; т. LXXXI, 848.

Сумбатовъ, кн. А. И., писатель, т. LXXXI, 344.

Сумцовъ, Ник. Фед., проф. харьк. ун., т. LXXXII, 752.

Суворцовъ, нач. типогр. казанс. ун., т. LXXXI, 873, 878—880.

Сурожевскій, А. П. *Статья* его: Къ воспоминаніямъ объ Е. П. Гребенкѣ, т. LXXXII, 1011—1020. *Замѣтка* его: Къ воспоминаніямъ объ Е. П. Гребенкѣ, т. LXXXI, 1152.

Сусанинъ, Иванъ. *Замѣтка о немъ:* Новый документъ о подвигѣ Ивана Сусанина, т. LXXXII, 756—756.

Сусловъ, В. В., академикъ живописи. т. LXXXII, 267.

Сутугинъ, В. В., д-ръ медицины, писатель. *Некрологъ его:* т. LXXXI, 374—375.

Сухозанетъ, Ник. Онуфр., ген.-адъют., т. LXXX, 797—798.

Сухомлиновъ, Мих. Ив., академикъ, т. LXXX, 732.

Сухово-Еобылинъ, А. В., писатель, т. LXXXI, 344, 346.

Сушковы:

— Дар. Ив., рожд. Пашкова, т. XXIX, 526—527; LXXX, 63.

— Ник. Вас., минск. губернаторъ, писатель, т. LXXIX, 526—527, 936; т. LXXX, 405.

— Петръ Вас., т. LXXX, 63.

— Серг. Петр., т. LXXX, 404, 406—408, 410, 421, 422, 424.

Сцепинскій, А-дръ Сем., учитель, т. LXXIX, 65—66, 489, 490, 493, 495, 496.

Сырку, Пол. Агап., прив.-доц. спб. ун., т. LXXIX, 859.

Сыромятниковъ, (Сигма), писатель, т. LXXIX, 302.

Сысоевъ, В. М. *Библ. замѣтка М. Л. объ изданной подъ его, вмѣстѣ съ А. Дьячковымъ-Тарасовымъ, ред. книгъ:* Извѣстія общества любителей изученія Кубанской области. Вып. II. Екатериноградъ, 1900, т. LXXXII, 1126—1127. *Упомят.*: т. LXXXI, 1140—1141.

Свердцевъ, путешественникъ, т. LXXX, 478.

Сѣровъ, А-дръ Ник., композиторъ, т. LXXIX, 990—991.

Т.

Таборовскій, А-дръ Ос., т. LXXXII, 147—148, 155, 156, 158—159.

Татѣевъ, Библ. замѣтка проф. Н. Орлова о книгѣ его: Русскіе надѣ Индіей. Спб. 1900; т. LXXX, 678—679.

Талейранъ, фр. дипломатъ, LXXIX, 1194—1197; т. LXXX, 341.

Талызины:

— А-дръ Степ., т. LXXXI, 38—39.

— Вѣра А-др., т. LXXXI, 39.

— Ол. Ник., рожд. гр. Зубова, т. LXXXI, 38—39.

Тансъ, Леони (псевд. Андреа Лео), фр. писательница. *Некрологъ ея:* т. LXXXII, 360.

Тарасовъ, М., т. LXXXII, 534, 940, 945, 955.

Тарновскіе:

— В. В., археологъ. *Замѣтка о немъ:* Музей В. В. Тарновскаго, т. LXXIX, 862. *Упомят.*: т. LXXIX, 1247.

— Ст., ректоръ лтелон. унив., т. LXXXII, 306—307, 310.

Тарнополь, Иоак. Ис., писатель. *Некрологъ его:* т. LXXIX, 874—875.

Тарѣевъ, М., преподав. рижск. дух. сем., т. LXXXI, 365.

Татищевы:

— В. Н., т. LXXXII, 1177—1178.

— С. С., писатель, т. LXXX, 368.

— Ю. В., т. LXXXII, 1177.

— воен. министръ, т. LXXX, 838.

Тейлоръ, англ. ученый, т. LXXIX, 389—390.

Тельферъ, т. LXXXII, 267, 279, 288.

Темиль, Рич., англ. писатель, т. LXXIX, 851—852.

Тенчинскій, Андрей, т. LXXXII, 322.

Теллова, Анаст. Як., рожд. Протасова, супр. П. А. Т., т. LXXIX, 525.

Телповъ, Ник. Алекс., т. LXXIX, 525.

Терновскій, профессоръ моск. унив., т. LXXIX, 491.

Терсье, т. LXXXII, 122, 267, 277—279, 285, 290—295.

Тилло, А-ѣй Андр., ген.-лейт., геодезистъ. *Некрологъ его:* т. LXXIX, 875—876. *Упомят.*: т. LXXIX, 1231, 1232; т. LXXX, 375.

Тимашевъ, министръ вн. дѣлъ, т. LXXXI, 423.

Тимирязевъ, В. А. *Статьи его:* Пятьдесятъ фаворитокъ Людовика XV, т. LXXIX, 748—791.—Иностранцы о Россіи, т. LXXX, 654—663; т. LXXXI, 219—243, 1004—1025; т. LXXXII, 1094—1120.—Неразгаданная историческая загадка, т. LXXX, 999—1031.—Дочь Петра Великаго, т. LXXXI, 485—523, 825—858; т. LXXXII, 118—135.—Шарль Женевиѣва Дзонъ. (Ист. - биографическій очеркъ), т. LXXXII, 265—297, 658—691. *Библ. замѣтка его:* Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Томъ сто второй и сто пятый. Спб. 1899; т. LXXX, 666—669.

Тимошенко, И. Е. *Библ. замѣтка А. М. на о книгѣ его:* Къ исторіи судебной пытки. I. Вѣгды древнихъ на пытку. II. Пытка по римскому праву. Полтава. 1900; т. LXXIX, 378.

Тироли, англ. посланникъ, т. LXXXI, 831, 832, 842.

Тихоновъ, В. А., писатель. *Упомят.*: т. LXXIX, 438, 880. *Статьи его:* Былое. (Изъ семейной хроники). II. Нянюшка Февронья Степановна, т. LXXIX,

581—547.—Гувернеры, т. LXXIX, 947—978.

Токвилль, фр. госуд. дѣятель, т. LXXIX, 365, 367.

Толмачева, т. LXXX, 479—488.

Толстые:

— гр., д. с. с., т. LXXX, 791—794, 796, 797, 798, 800—802, 804—805.

— гр. А-дра Андр., т. LXXX, 137—141, 143, 147, 152.

— гр. А-ѣй Конст., поэтъ, т. LXXIX, 710, 991; т. LXXX, 794—795; т. LXXXII, 754, 1179.

— гр. Дм. Андр., министръ вн. дѣлъ, т. LXXIX, 354, 529, 672, 729—730.

— гр. Ив. Ив., вице-президентъ акад. худож., т. LXXXI, 476; т. LXXXII, 1183.

— гр. Ив. Петр., д. ст. с., т. LXXX, 70.

— Левъ Ник., писатель. *Статья о немъ И. И. Захарьина-Якунина: У Льва Николаевича Толстого; (Личный впечатлѣніи).* т. LXXX, 135—155. *Упомянут.* т. LXXIX, 304, 680, 710.

— гр. М. Л., т. LXXX, 135—136.

— М. М., т. LXXXII, 160.

— гр. Петръ Алекс., т. LXXIX, 804—805; т. LXXX, 70.

— гр. Петръ Степ., т. LXXXI, 529.

— гр. Серг. Льв., т. LXXX, 141.

— гр. Соф. Андр., супруга Льва Ник., т. LXXX, 138, 141, 145.

— гр. Фед. Андр., библиографъ, т. LXXIX, 512.

— гр. Ф. П. т. LXXIX, 53.

Толь, бар. Э. В., т. LXXIX, 858; LXXX, 749.

Тома, Р. *Библ. замѣтка Д. Е-ва о книгѣ его: Нравственность и воспитаніе, Пер. съ французскаго Е. Леонтьевой. Изд. ред. журнала «Образованіе». Спб. 1900.* т. LXX, 1046.

Томиншео, А. О., проф. архитектуры, *Некрологъ его: т. LXXXII, 765—766.*

Thomsen, Vilh. *Библ. замѣтка А. Хил-ова о книгѣ его: Remarque sur la parenté de la lanque étrusque (Extrait du bulletin de l'academie royale des sciences et des lettres de Danemark. 1899, № 4). Copenhagen 1899.* т. LXXXI, 699, 701.

Тонъ, архитекторъ, т. LXXIX, 61.

Торна, Софія, д-ръ философіи Клаузенб. унив., т. LXXIX, 416.

Торшасовъ, А-др. Петр., гр. моск. ген.-губернат., т. LXXXI, 376; т. LXXX, 101—102, 818—831.

Тороповъ, А. Д. т. LXXII, 1181.

Трачевскій, А-дръ Сем., проф. новор. ун., т. LXXIX, 810—811; т. LXXXII, 950.

Тревилянъ, Дж., англ. писатель, т. LXXIX, 393—394.

Тредьяковский, Вас. Кир., писатель, т. LXXX, 624.

Трескинь, Н. А. т. LXXXI, 475.

Трефоловъ, Л. Н., поэтъ, т. LXXXI, 344.

Трейденъ, т. LXXX, 130, 503.

Трифилевъ, Е. П. т. LXXXII, 1185.

Трошинскій, Д. П., ген.-прокуроръ, т. LXXX, 929, 934—935.

Трубецкіе:

— кн. Ив. Петр. т. LXXIX, 61.

— кн. Нат. Серг., рожд. Мещерская, супр. Ив. Петр., т. LXXIX, 61.

— кн. Никита Юр., т. LXXXI, 507, 509, 512, 513, 520, 521, 828, 854; т. LXXXII, 129, 135.

— кн. Ник. Ив., президентъ моск. дворц. конторы, т. LXXIX, 61.

— кн. П. И. *Статья о немъ: Д. П. Миллера: В. Н. Карзинъ и князь П. И. Трубецкой, т. LXXX, 887—889.*

Трусманъ, Юр., т. LXXXII, 753.

Трутовскій, В. К. *Библ. замѣтка Л. М. объ изданной подъ его ред. книгѣ: Труды императорск. Моск. археолог. общ., т. XVII, Съ 1 табличей и 7 рисунками въ текстѣ. Москва. 1900.* т. LXXXII, 1121—1123. *Упомянут.* т. LXXXI, 352.

Тунцельманъ, В. А., кол. сов., т. LXXX, 107—108.

Тупиковъ, Н. М., т. LXXIX, 859.

Тураевъ, В. А., пр.-доп. Спб. ун., т. LXXX, 369, 370; т. LXXXII, 1176.

Тургеневы:

— А-дръ Ив., тайн. сов., т. LXXX, 1075.

— Ив. Серг., писатель. *Статья о немъ В. Батурицкаго: Герценъ и Тургеневъ, т. LXXIX, 203—228. Упомянут.* т. LXXIX, 525, 692, 695, 696, 701, 710, 880, 993, 1000, 1183; т. LXXXI, 443, 445—446.

Тутукинъ, П. В., академикъ перспект. живописи. *Некрологъ его: т. LXXIX, 1244.*

Тучковы:

— А-дръ Алекс., ген.-майоръ, т. LXXXI, 38.

— Пав. Алекс., моск. ген.-губернат., т. LXXX, 426.

Тучкова-Огарева, Н. А., т. LXXIX, 225.

Тюринъ, художникъ, т. LXXIX, 248.

Тюринъ, И., преподав. вологод. дух. сем., т. LXXXI, 365.

Тютчевы:

— Дарья Оед., фрейлина имп. Маріи Алекс., т. LXXIX, 527.

- Екат. Оед. т. LXXIX, 527.
 — Оед. Ив., поэтъ, т. LXXIX, 527; т. LXXXI, 45.
 — О. О., *Библ. замѣтка И. Н. З. о книгѣ его*: На границѣ. Повѣсти и рассказы. Москва. 1900, т. LXXX, 1047.
Тюшовъ, д-ръ, путешественникъ. т. LXXIX, 426.

У.

- Уваровы:**
 — А. С. графъ, т. LXXXI, 476.
 — П. С., графъ, археологъ, т. LXXIX, 863, 1226—1227; т. LXXX, 744; т. LXXXI, 354.
 — Серг. Сем., гр., государ. дѣятель, т. LXXIX, 344.
Ульбахъ, Луи, франц. писатель, т. LXXIX, 707, 713—714.
Ульманъ, нѣм. писатель, т. LXXIX, 835—836.
Ульфъ, Ф. О., полковникъ. т. LXXX, 746, 747.
Уляницкій, В. А., пр.-доц. харьк. ун. *Замѣтка о диспутѣ его*: т. LXXX, 362. *Упомин.*: т. LXXIX, 806.
Уманскій, А. М. LXXIX, 870.
Умовъ, П. А., проф., т. LXXIX, 1219.
Унтербергеръ, П. Ф., т. LXXXI, 361.
Уодлесъ, А. Р. *Библ. замѣтка А. Никитинскаго о книгѣ его*: Чудесный вѣкъ. Положительные и отрицательные итоги девятнадцатаго столѣтія. Пер. Л. Лаксера. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1900; т. LXXX, 696—698.
Уолли, Л., проф. *Библ. замѣтка Д. Ф. Ежова о книгѣ его*: Народное образованіе въ разныхъ странахъ Европы. Пер. съ нѣмец. А. Савина. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1900; т. LXXX, 700—70.
Урбанъ VIII, римскій папа, т. LXXXII, 513, 941, 942.

Урусовы:

- А-др. Ив., юристъ, *Некрологъ его*: т. LXXXI, 758—759. *Упомин.*: т. LXXXII, 754.
 — Ир. Никит., вн. рожд. Хитрово, т. LXXIX, 61.
 — Н. П., археологъ, т. LXXIX, 866—867; т. LXXXI, 751—752.
 — Серг. Ник., кн., главноуправляющій 2отд. собств. Е. И. В. канц., т. LXXIX, 46, 50, 61.

Успенскіе:

- Гл. Ив., писатель, т. LXXX, 144, 145.
 — Ник. Вас., писатель, т. LXXX, 144.
 — О. И., директоръ археол. инст. въ Константинополь, т. LXXIX, 798.

Устряловы: Ник. Гер., историкъ, т. LXXX, 474.

- Ф. Н., т. LXXX, 489.
Устинова, Анаст. Серг. рожд. Римская-Корсакова, супр. М. А. У. т. LXXIX, 520.

Устиновъ, М. А., т. LXXIX, 520.

Ухтомскіе:

- А. Н., кн., рыбин. уѣздн. предв. двор., т. LXXXII, 263.
 — М. А. т. LXXX, 624, 628.

Уцмѣвъ, Мехти-Кули-ханъ, кн., подполк., писатель. *Некрологъ его*: т. LXXXII, 766.

Ушakovъ, т. LXXXI, 509, 830.

Ушинскій, К. Д., педагогъ, т. LXXIX, 858.

Уэббъ, С. и Б. *Библ. замѣтки А. Никитинскаго о книгѣ ихъ*: Исторія рабочаго движенія въ Англіи. Пер. съ англійскаго Г. А. Паперна. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1899; т. LXXX, 1045—1046.

Ф.

Фабэ, Эмиль, *Библ. замѣтка А. Навикова о книгѣ его*: Политическіе мыслители и моралисты первой трети XIX в. Москва, 1900. т. LXXX, 315—317.

Фаддѣвъ, Ал-дръ Алекс., актеръ, *Некрологъ его*: т. LXXIX, 876.

Фаресовъ, А. И., писатель. *Статьи его*: Памяти Т. И. Филиппова, т. LXXIX, 670—685. Тяжелые дни, т. LXXX, 863—886. *Библ. замѣтки его*: Царь Павелъ I. Историч. ром. Ф. Мундта. Спб. 1900. т. LXXIX, 811—812.—Охотско-Камчатскій край. Д-ръ Н. Слюнинъ. Изд. министерства финансовъ. Спб. 1900, т. LXXXI, 297—299. *Библ. замѣтки о книгахъ его*: А. Круилова о кн.: Мои мужики. Очерки и рассказы. Спб. 1900. т. LXXXI, 299—302. А. Догаловичъ о вн.: Въ одиночномъ заключеніи. Спб. 1900. т. LXXXII, 711—712.

Фармаковскій, Б. В., археологъ, т. LXXIX, 799—800.

Федоровичъ, Л. В., *Библ. замѣтка М. о книгѣ его*: Исторія политической экономіи съ древнѣйшихъ временъ до А. Смита. Одесса. 1900. т. LXXX, 688—690.

Федоровскій, Н. А., т. LXXXII, 1185.
Фердинандъ, неаполит. король, т. LXXXII, 494.

Фердинандъ III, т. LXXXII, 522.
Фердинандъ Курляндскій, т. LXXXI, 494.

Ферморъ, гр. Вил. Вил., смолен. ген.-губерн., т. LXXX, 393; т. LXXXII, 133.

де-ла-Ферронне, гр., *О немъ въ статьѣ В. Т.: Иностранцы о Россіи*. Воспоминанія гр. де-ла-Ферронне, т. LXXXII, 1094—1120.

Феттерлейнъ, К. О., т. LXXIX, 41.
Фетъ (Шеншинъ), Ав. Ав., поэтъ,
О немъ въ ст. В. В. Николаево: Новое издание стихотворений Фета, т. LXXXI, 991—1003. Упомян. т. LXXIX, 383.

Филареты:

— патриархъ, т. LXXIX, 319, 322—323.

— митрополитъ москов., *О немъ библ. замѣтка В. В.*: Письма духовныхъ и свѣтскихъ лицъ къ митрополиту московскому Филарету, изданныя А. Н. Львовымъ. Спб. 1900. т. LXXXI, 282.

— (Амфитеатровъ), митрополитъ кiev., т. LXXX, 365—367.

Филимоновъ, Г. Г., т. LXXXII, 1173.

Филипповы:

— А. Н., проф. юрьев. ун., т. LXXX, 737.

— Е. В., казан. вице-губернаторъ, т. LXXXI, 594—595.

— М., *Библ. замѣтка П. А—ча объ изданной подъ его ред. книгѣ*: Гелльвальдъ. Исторія культуры. Въ трехъ томахъ. Спб. 1900. т. LXXXII, 338—342.

— Терт. Ив., госуд. контролеръ, *Некрологъ его*: т. LXXIX, 432—434. *Статья о немъ А. И. Фаресова*: Памяти Т. И. Филиппова, т. LXXIX, 670—686. *Замѣтка о немъ*: Вечеръ въ память Т. И. Филиппова, т. LXXIX, 1236. Упомян.: т. LXXXI, 360.

Филиппъ, св., *О немъ въ замѣткѣ*: Келлія св. Филиппа, т. LXXXII, 1165—1166.

Филиппъ II, испанскій король, т. LXXXII, 523.

Филипченко, Ал-дръ Ефим., агрономъ, *Некрологъ его*: т. LXXXI, 759—760.

Финкенштейнъ, т. LXXXI, 837—838, 845; т. LXXXII, 134.

Финчъ, англ. посланникъ, т. LXXXI, 486—487, 492, 493, 495, 497—499, 504—505, 507—509, 518, 827.

Фитингофъ - Шель, бар., В. А. *Сообщено имъ*: Воспоминанія П. А. Папкова. Т. LXXXII, 969—1010.

Флери:

— кардиналъ, т. LXXXI, 515, 516, 842.

— фр. писатель, т. LXXIX, 748—751; т. LXXX, 1057, 1050—1060; т. LXXXII, 360, 733—738.

фанъ-дербъ-Флитъ, О. Т., т. LXXXII, 494, 495.

Флорисскій, Т. Д., проф. кiev. ун., т. LXXIX, 799; т. LXXXII, 753.

Фоксъ, Густавъ Ваза, т. LXXIX, 232—235, 237—254, 257—264.

Фолькельтъ, *Библ. замѣтка Д. Е. Е—ва о книгѣ его*: Современные вопросы эстетики. Пер. съ нѣмецкаго Н. Штрупа. Изд. ред. журнала «Образованіе». Спб. 1900. т. LXXXI, 714—715.

Фонвизинъ, Ден. Ив., писатель, т. LXXIX, 335, 339.

Форбсъ, Арч., англ. корреспондентъ, *Некрологъ его*: т. LXXX, 718—720.

Фотій, архимандритъ, т. LXXIX, 340; т. LXXX, 453; т. LXXXII, 248.

Франсъ, Анат., фр. журналистъ, т. LXXXI, 1119.

Францискъ I, фр. король, т. LXXXI, 1116.

Франціева, Мар. Степ., т. LXXXI, 435.

Францъ-Госифъ, австр. императоръ, т. LXXXII, 308, 311, 327.

Фредериксъ, бар., Левъ А-др., ген.-лейт., т. LXXX, 810.

Фридрихъ II, прусск. король, т. LXXX, 293, 296—298; т. LXXXI, 510, 519, 522—528, 825, 828—829, 834, 835—841, 845; т. LXXXII, 118—119, 121, 124—126, 133—134, 275, 283.

Фридрихъ-Вильгельмъ III, прусск. король. *Замѣтка о немъ*: Фридрихъ-Вильгельмъ III и королева Луиза. Т. LXXIX, 836—837; т. LXXXI, 835—836.

Фридрихъ Великій, т. LXXXI, 492, 493, 845, 854, 855—857.

Фрикенъ, ф., А. А., агрономъ. т. LXXIX, 1052.

Фритче, химикъ, т. LXXIX, 1218.

Фуа, Максим., фр. генераль. *Замѣтка о немъ*: т. LXXXI, 734—736.

Фуксъ:

— Алекс. Андр., рожд. Апехтина, супр. К. О. Ф., поэтесса. *О ней въ ст. В. Н. Алафинова*: Казанскіе поэты. Т. LXXXI, 592.

— К. О., проф. казан. ун., т. LXXXI, 592, 873, 878.

Фухсъ, ректоръ берл. ун., т. LXXXII, 306.

Фушэ, фр. госуд. дѣятель. *Замѣтка о немъ*: Фушэ и Прудовъ. Т. LXXX, 709—710. Упомян. т. LXXX, 710—711.

Х.

Хабаровъ, прапорщикъ, т. LXXX, 113, 114.

Хайамъ, Омаръ, персид. философъ. *Замѣтка о немъ*: Омаръ Хайамъ и его культъ въ Англии и Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, т. LXXXI, 722—726.

Халанскій, М. Г., проф. Харьк. ун., LXXXII, 1184—1185.

Ханенко, Б. И. и **В. Н.** *Библ. замѣтка А. С. о книгѣ изг.*: Собрание Б. И. и В. Н. Ханенко. Киевъ; 1899—1900; т. LXXXII, 1127—1128. Упомян.: т. LXXXII, 368.

Ханьковъ, вице-адмиралъ, т. LXXX, 433.

Харламповичъ: К. В., *Библ. замѣтка Х. Р. А—вѣча о книгѣ его*: Иосифъ Кунцевичъ, архіепископъ суздальскій, бывшій владимирскій и брестскій (1621—1624). Почаевъ. 1900; т. LXXXI, 1084—1086.

Харузинъ, Н. Н., прив.-доц. Моск. ун., писатель. *Некрологъ его*: т. LXXX, 759.

Хахановъ, А. *Библ. замѣтки его*: Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изд. Кавказскаго учебнаго округа. Вып. XVI. Тифлисъ. 1899; т. LXXX, 681—682.—М. Г. Джанашивили. Царица Тамара. (Съ обзоромъ грузинской исторіи и литературы до эпохи Тамары). Тифлисъ. 1900; т. LXXX, 682—683;—Двѣнадцативѣковая религіозная борьба православной Грузіи съ исламомъ. Ф. К. Тифлисъ. 1899; т. LXXX, 683—684;—П. И. Пантоховъ. Расы Кавказа. Тифлисъ. 1900; т. LXXXI, 279—280.—Remarques sur la parenté de la langue etrusque. Par Yilh. Thomsen. (Extrait du bulletin de l'académie royale des Sciences et des lettres de Danemark, 1899, № 4). Copenhagen. 1899; т. LXXXI, 699—701. Actes du onzième congrès international des orientalistes. Paris. 1897. Ernest Leroux, éditeur. Paris. 1897—1899. Четыре тома, т. LXXXI, 702.—Etude sur la langue laze. Par. M. H. Adjarian. (Extrait des memoires de la Société de l'Induistique de Paris. t. X.). Paris. 1899; LXXXI, 771.—Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изд. Кавказскаго учебнаго округа. Вып. XXVII. Тифлисъ. 1900. LXXXII. 1127—1130. Историческія очеркъ кавказскихъ войнъ отъ ихъ начала до присоединенія Грузіи. Подъ ред. ген.-майора Потто. Изд. военно-историческаго отдѣла при штабѣ кавказскаго военнаго округа. Тифлисъ. 1899. т. LXXXII, 1131—1132.

Хвойко, В. В., археологъ, т. LXXXI, 1138; т. LXXXII, 1176.

Хвольсоны:

— Дан. Абр., проф. спб. ун., т. LXXX, 1079.

— Ор. Дан., проф. спб. унив., т. LXXIX, 982.

Хворовъ, Д. И., оберъ-прокуроръ сепата, т. LXXX, 925, 929.

Хвостовы:

— А. Н. *Статья его*: Подъ Плевной въ июль 1877 года. (Отрывокъ изъ воспоминаній).—т. LXXIX, 548—564.

— А. Н., обществ. дѣятель. *Некрологъ его*: т. LXXXII, 1195.

— Агр. Ив. (рожд. кн. Горчакова), т. LXXX, 536.

— Д. И., т. LXXX, 536, 537, 538, 542, 543, 545, 546.

Хвоцинская-Заюнчковская, Н. Д., писательница, т. LXXIX, 613, 622.

Hoesick, Ferdynand. *Библ. замѣтка К. Х. о книгѣ его*: Szkice i opowiadania historycznoliterackie. Warszawa-Krakow, 1900, LXXXI, 697—699.

Хитрово, Наст. Ник., рожд. Каковницкая, т. LXXIX, 61; LXXXII, 820.

Хованская, княжна, Мар. Алекс., т. LXXXII, 820.

Ходкевичъ, т. LXXXI, 749—750.

Холодякъ:

— И. И., проф. спб. ун., т. LXXXI, 349.

— М. К., археологъ, т. LXXIX, 865.

Хомутовъ, М. Г. наказ. атаманъ Донск. войска, т. LXXX, 167—173.

Хомяковъ, Ал-ѣй Ст., писатель, т. LXXIX, 383.

Хорошиловъ, М. И., т. LXXIX, 635.

Храчевичъ, Конст. Іероф. *Библ. замѣтки его*: Церковный соборъ въ Москвѣ 1682 года. Опытъ историко-критическаго изслѣдованія. Ник. Виноградскаго. Смоленскъ. т. LXXIX, 796—797.—Ferdynand Hoesick. Szkice i opowiadanie historycznoliterackie. Warszawa-Krakow, 1900, LXXXI, 697—699. К. В. Харламповичъ. Иосифъ Кунцевичъ, архіепископъ суздальскій, бывшій владимирскій и брестскій (1621—1624). Почаевъ, 1900, т. LXXXI, 1084—1086.—Walery Przyborowski, Historia szczęściu miesięcy, Ustęp dziejow 1862 roku. Petersburg. 1900; т. LXXXII, 701—703.

Храповицкій, т. LXXIX, 181; т. LXXX, 536.

Хрецагицкій, П. С., ген., т. LXXX, 168.

Христина, швед. королева, т. LXXXII, 522, 935, 936, 942, 945.

Христианъ VI, король Даніи, т. LXXIX, 237.

Хрущовъ, И. П. *Библ. замѣтка П. III—ва о книгѣ его*: Бесѣды о древней русской литературѣ. (Общество ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III). Спб. 1900; т. LXXXII, 697—699. Упомян.: LXXXI, 475.

Ц.

- Цѣтаевы:**
— Д. *Библ. замѣтка его:* А. А. Сидоровъ. Русскіе и русская жизнь въ Варшавѣ (1815 — 1892). Историческій очеркъ, со снимками съ картинъ, портретовъ и медалей. Вып. I, II и III. Варшава. 1899, т. LXXXI. 705—706.
— И. В., проф., т. LXXXII, 1177.
- Цеге-фонъ-Мантейфель,** Ал-дръ Петр., писатель. *Некрологъ его:* т. LXXIX, 437—438.
- Церетели,** Г. Е., археологъ. *Некрологъ его:* т. LXXIX, 1244.
- Цертелевы:**
— кн. Дм. Ник., писатель, т. LXXXII, 764, 1179.
— кн. Ник. Андр., писатель, т. LXXX, 485.
- Цзы-си,** китайская императрица. *Замѣтка о ней:* т. LXXXI, 328—330.
- Циглеръ,** Т., проф. Страсб. ун., т. LXXIX, 1206.
- Циммерманъ,** Р. Э., писатель. *Некрологъ его:* т. LXXX, 1087.
- Цицьяновъ,** вв., т. LXXX, 546, 821, 829.
- Цыскій,** моск. об.-полиціймейстеръ, т. LXXIX, 67.
- Цыцуричъ,** лейбъ-медикъ, т. LXXXI, 1137.

Ч.

- Чаадаевъ,** Петръ Як., писатель. т. LXXIX, 939.
- Чаевъ,** Ник. Ал-др., писатель, т. LXXXII, 1181.
- Чаплыгинъ,** С. А., пр.-доц. моск. ун., т. LXXIX, 860.
- Чарыковъ,** Н. В. *Статья его:* Павелъ Меназі. Его дипломатическая и военная служба при московскомъ дворѣ и предполагаемое наставничество при Петрѣ Великомъ, т. LXXX, 510 — 537, 935—968.
- Чебышева-Дмитріева,** Е. А. *Статья ея:* Международный женскій конгрессъ въ Парижѣ, т. LXXXII, 1138—636.
- Чебышевъ,** Н. Д., т. LXXXI, 891.
- Челлини,** Бенвенуто, флор. скульпторъ. *Замѣтка о четырехсотлѣтнемъ юбилей его,* т. LXXXII, 1138—1139.
- Чемолосовъ,** Фед. Фед., директоръ смолен. гямм., т. LXXIX, 489—490, 493.
- Череванскій,** В. П., тов. госуд. контролера, писатель, т. LXXIX, 671—672.

Черкасовы:

- Гавр. Ив., т. LXXIX, 930.
— И. А., т. LXXXII, 1178.

— Нат. Дм., рожд. Левшина, т. LXXIX, 930.

Черкасскій, кн. Ал-ѣй Мих., канцлеръ, т. LXXXI, 492, 503, 506, 507, 513, 518, 828.

Черневъ, Н. П., археологъ, т. LXXIX, 1235.

Черни, Ф. Ф., проф. спб. консерваторіи. *Некрологъ его:* т. LXXX, 760.

Черновъ, Ал-дръ, сост. «Собр. образцовъ рус. поэзій», т. LXXX, 301.

Черногубовъ, Н. Н., т. LXXXI, 992.

Чернышевскій, Ник. Гавр., писатель, т. LXXIX, 710—717.

Чернышевы:

— т. LXXX, 836; т. LXXXI, 835, 842, 843; т. LXXXII, 133.

— гр. Ал-дръ Ив., т. LXXX, 461—466. т. LXXXII, 1032.

— гр. Ив. Григ., ген.-фельдм., т. LXXIX, 521; т. LXXXI, 851, 855, 857.

— О. Н., академикъ, т. LXXIX, 859.

Чертковы:

— Ал-дръ Дм., тарус. помѣщикъ, т. LXXXII, 57.

— Ал-дръ Дм., моск. предв. двор., т. LXXXII, 57; т. LXXIX, 521—522.

— В. Г., т. LXXX, 136—137.

— Гр. Ал., моск. уѣздн. предв. двор., т. LXXIX, 522—523, 923; т. LXXX, 403, 405, 409, 411, 412, 415, 422, 426, 427, 791.

— Елис. Григ., урожд. гр. Чернышева, супр. А. Д. Ч., т. LXXIX, 521—522.

— Соф. Ник., рожд. Муравьева, супр. Гр. А. Ч., т. LXXIX, 523.

— Соф. Павл., рожд. кн. Мещерская, т. LXXIX, 57.

Честерфильдъ, англ. министръ, т. LXXXI, 843, 844.

Чечулинъ, Н. Д., писатель. *Библ. замѣтка Галланина о книгѣ его:* Русскій социальный романъ XVIII в. Спб. 1900, т. LXXX, 1032—1035. *Упомян.*: т. LXXIX, 309, 863; LXXX, 740.

Чистовичъ, С. Я., антропологъ, т. LXXXII, 1191.

Чичеринъ, Б. Н., проф. моск. ун., т. LXXIX, 727; т. LXXXII, 310.

Чулковъ, поэтъ, т. LXXX, 210.

III.

Шады, И. Е., проф. *О немъ въ библ. замѣткѣ В. Р.—ова о книгѣ проф. Д. И. Багалъя:* Удаленіе проф. И. Е. Шады изъ Харьковскаго университета. (Матеріалы для біографическаго словаря профессоровъ Харьковскаго унив.). Харьковъ. 1899. т. LXXIX, 1163—1164.

Шамонинъ, Н. Н. *Библ. замѣтка Д. К. Е. о переводѣ его:* Исторія Римской

республики по Момсену. Вып. I. М. 1899. т. LXXIX, 813—814.

Шашневъ, Ник. Ив., т. LXXIX, 928.

де-Шангранъ, Соф. Петр., рожд. Новосильцева. т. LXXIX, 67.

Шарбонель, Викт., фр. публицист. т. LXXIX, 824—827.

Шатобрианъ, фр. писатель. т. LXXX, 324—325.

Шаховскіе:

— кн. ген.-прокуроръ. т. LXXXII, 135.

— кн. ген.-лейт., командиръ II корпуса, т. LXXIX, 552, 552—554, 556—551.

— кн. ген.-отъ-инф. т. LXXX, 454—455.

— кн. командиръ астрах. карабинер. полка, т. LXXX, 105.

— кн. А. А., писатель, т. LXXIX, 48, 50, 53, 492.

— В. М. *Статья его:* Спаситель жизни Суворова. т. LXXX, 508—517.

— кн. М. Л., *Статья его:* Оригинальный случай, т. LXXX, 156—166.

— М. С., т. LXXX, 515.

Шварцъ, т. LXXIX, 1047; т. LXXX, 1079; т. LXXXI, 488, 500—501.

Швецовъ, С. П., т. LXXXI, 363.

Шебуевъ, Георг. Ник., инспекторъ Конст. межев. инст., *Некрологъ его:* т. LXXXI, 760.

Шевелье, иезуитъ, т. LXXXI, 1131.

Шевченко, Тар. Гр., поэтъ, т. LXXIX, 683; т. LXXX, 486.

Шевяковъ, В. Т., т. LXXIX, 860.

Шевыревъ, Ст. Петр., проф. моск. ун. т. LXXIX, 325, 326, 672; т. LXXXI, 558—461.

Шейнъ, Пав. Вас., собиратель памятниковъ народн. творч. *Некрологъ его:* т. LXXXI, 1151—1152; *Упоми.*: т. LXXXI, 213—218; т. LXXXII, 754, 1179—1181, 1187.

Шелгуновъ, Ник. Вас., писатель, т. LXXIX, 670; т. LXXX, 485.

Шелиховъ, Гр. Ив., основатель Росс.-Американ. комп., т. LXXX, 111, 118—119.

Шенгофъ, М., проф., т. LXXIX, 1002—1203.

Шенъ, т. LXXXI, 998—999.

Шелелевичъ, Л. Ю., проф. харьк. ун. т. LXXXII, 1186.

Шенингъ, капитанъ, т. LXXX, 435.

Шереметевы:

— моск. губ. предводитель дворянства. т. LXXIX, 509.

— гр. Дм. Ник., т. LXXX, 811.

— Нат. Аф., т. LXXIX, 509.

— гр. С. Д. т. LXXIX, 863. т. LXXX, 368, 747; т. LXXXI, 476; т. XXXII, 751,

Шерстобитовъ, А. С. *Статья его:* Какъ селились старообрядцы на Усть. т. LXXXII, 584—599.

Шестаковъ, Дм., т. LXXXII, 873.

Шетарди, франц. послан., т. LXXXI, 486, 491, 492, 495—496, 499—509, 513—519, 523, 825—836, 838, 852—853; т. LXXXII, 124.

Шефферъ, В. А., проф. моск. ун., *Некрологъ его:* т. LXXX, 1087—1088.

Шидловскій, тульск. губернаторъ, т. LXXIX, 615.

Шильдеръ, Ник. Карл., директоръ имп. публ. библ. *Статья его:* Императоръ Николай и графъ Аракчеевъ, т. LXXX, 449—471; *Упоми.*: т. LXXX, 739, 743.

Шильдеръ-Шульднеръ, ген.-лейт., т. LXXIX, 548, 552.

Шимановскій, Вацл., польск. писатель. т. LXXIX, 709, 711, 712, 715.

Шимкевичъ, В. М., проф. спб. ун. т. LXXIX, 860.

Шиниловъ, Пав. Алекс., директоръ 2 спб. гимна., т. LXXXII, 482.

Шиповъ, председатель комит. нижегород. ярмарки. т. LXXIX, 253.

Шириневитъ, полковникъ. т. LXXIX, 117.

Ширинскій, кн., т. LXXIX, 344.

Ширяевъ, С. Л. *Статья его:* Одинъ изъ отцовъ командировъ «былыхъ временъ». т. LXXXII, 1021—1032.

Шашковъ, А.-др. Сем., министръ нар. просв. т. LXXIX, 565, 880.

Шкуринъ, Пав. Серг., ген.-м., т. LXXX, 465, 466.

Шлиппенбахъ, К. А., ген.-лейт., т. LXXXI, 886—887.

Шлитеръ, флигель-адъют. т. LXXIX, 553—563.

Шлумбергеръ, Гюст., фр. ученый, т. LXXXI, 1109, 1111.

Шляпкинъ, *Библ. замѣтка А. Л. объ изданной подъ его ред. книгѣ:* Герцфельдъ. Марія. Скандинавская литература, и ея современныя тенденци. Переводъ слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ. Спб. 1900, т. LXXX, 322—323. *Упоми.*: т. LXXIX, 306—307, 423, 1129.

Шмалець, Вас., капитанъ, т. LXXX, 109—110, 111, 113.

Шмядтъ:

— географъ, т. LXXXII, 1186.

— Гевр., переводчикъ Пушкина, т. LXXX, 300.

Шмурло, проф. т. LXXXVII, 517, 951, 952, 955.

Шнитниковъ, начальникъ штаба, т. LXXIX, 550, 563.

Шокальскій, Ю. М., т. LXXIX, 1231.

Шпилевскій, С. М., директоръ деми-дов. лицел, т. LXXXI, 344.

Шредеръ, Ник. Ив., д. ст. сов., т. LXXXIX, 419.

Шрейберъ, В. А., проф. архитектуры. *Некрологъ его*: т. LXXXI, 1245.

Штакельбергъ, т. LXXXIX, 178.

Штаринбергъ, гр., австр. посолъ, т. LXXXII, 284, 285.

Штекель, рус. посолъ въ Вашингтонъ, т. LXXXIX, 261—263.

Штейнгель:

— Варв. Марк., т. LXXX, 107—108, 114, 115—117, 121—122, 124, 126, 129, 132; т. LXXX, 100, 104—132.

— Вл. Ив., бар., декабристъ. *Записки его*: т. LXXX, 100—132, 430—448, 816—842. *Замѣтка* по поводу записокъ А. Смирнова, т. LXXXI, 376.

— Вяч. Вл., бар., ген.-отъ-инф., т. LXXX, 102, 841.

— Ив., т. LXXX, 100, 104—133.

— Ив. Оед., т. LXXX, 433—434.

— Людм. Петр., рожд. Анжу, супр. Вяч. Вл. Ш., LXXX, 102.

— ф., министръ маркграфа Аншпакъ-Байрейтскаго, т. LXXX, 104—107.

Штейнгъ, Людвигъ. *Библ. замѣтки П. К. о переводѣ книги его*: Соціальный вопросъ съ философской точки зрѣнія. Лекціи объ общественной философіи и ея исторіи. Изд. А. П. Солдатенкова. М. 1899, т. LXXXIX, 1168—1175.

Штергъ, Альфредъ. *Библ. замѣтка П. К.—аго о книгѣ его*: Исторія революціи въ Англіи. Пер. со второго нѣмецкаго изд. Г. О. Львовича. Спб. 1900. Изд. Л. Ф. Павлетъева, т. LXXXII, 342—343.

Штирнеръ, Максъ, нѣм. мыслитель. *Замѣтка о немъ*: Предшественникъ Ницше, т. LXXXIX, 1200—1201.

Штраусъ, Дав. Фридр., т. LXXXI, 1093—1095.

Штруппъ, Н. *Библ. замѣтка Д. К. Е.—ва о переведенной имъ книгѣ*: I. Фольгельтъ. Современные вопросы эстетики. Изд. ред. журнала «Образованіе». Спб. 1900, т. LXXXI, 714—715.

Штукенбергъ, А. А., проф. казан. ун., т. LXXXII, 755, 1179.

Шгутцеръ, Ив. Ив., педагогъ, писатель. *Некрологъ его*: т. LXXXIX, 876.

Штюрмеръ, Б. В., гофмейстеръ, т. LXXXI, 343.

Штылько, т. LXXX, 519, 520, 521, 523, 424.

Шуазель, фр. мин. иностр. д., т. LXXXII, 132, 294—297.

Шубертъ, Алекс. Ив., актриса, т. LXXXI, 822—824.

Шубинскій, Серг. Ник., редакторъ «Ист. Вѣстн.» *О немъ въ замѣткѣ*: Двадцатилѣтіе «Историческаго Вѣстника», т. LXXXIX, 861. *Упомят.*: т. LXXXIX, 979; т. LXXX, 532; т. LXXXI, 468, 475.

Библ. замѣтки его: Жизнь, служба и приключенія мирового судьи. Изъ записокъ и воспоминаній И. Н. Захарьина (Якунина). Спб. 4900, т. LXXXIX, 817—821. А. В. Кругловъ. Женскій Аовъ. (Очерки историческаго уголка). Изд. 2-е, Спиридонова. Москва. 1899, т. LXXX, 332—333.—Русскіе портреты собранія П. И. Щукина въ Москвѣ. Выпускъ первый. Съ 32 фотографическими снимками. М. 1900, т. LXXX, 308—309.—Русскій біографическій словарь. Томъ II. Алексинскій-Бестужевъ-Рюминъ. Изданъ подъ наблюденіемъ предсѣдателя Императорскаго Русскаго Историческ. Общества А. А. Половцева. Спб. 1900, т. LXXX, 673—674.—Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина. Седьмая часть. М. 1900, т. LXXX, 1035—1036.—Бумаги, относящіяся до Отечественной войны 1812 года, собранныя и изданныя П. И. Щукинымъ. Часть пятая. Москва. 1900, т. LXXXII, 1124—1126.

Шубинъ, Ал-ѣй, фаворитъ имп. Елисаветы Петр., т. LXXXI, 494—495, 852.

Шуваловы:

— гр. Ал-дръ Ив., т. LXXXI, 494, 500, 849—851; т. LXXXII, 129—130.

— Ив. Ив., кураторъ моск. ун., т. LXXXIX, 332, 335; т. LXXX, 295, 536; т. LXXXI, 849—851; т. LXXXII, 129—130, 133—134, 282.

— Мавр. Ег., т. LXXXI, 852.

— гр. П. А., т. LXXX, 161—163, 166.

— гр. Петръ Ив., т. LXXXI, 494, 500, 849—851, 853; т. LXXXII, 121, 128—129, 133, 135, 282, 285.

Шуйскій, Вас. Ив., царь, т. LXXXI, 318, 319, 321—322.

Шульгины:

— ген., т. LXXX, 822, 823, 827, 828.

— Ив. Петр., проф. слб. ун., т. LXXXI, 468.

Шумахеръ, Ал. *Библ. замѣтка о книгѣ его*: Историческій очеркъ жизни императора Александра II. Изд. 2-е. Спб. 1899; т. LXXX, 323—324.

Шумигорскій, Евг. С. *Статьи его*: Изъ галлерей историческихъ слугатовъ, I. Графиня А. В. Браницкая. т. LXXXI, 171—202.—Департаментъ бумагъ, т.

LXXXIX, 742—747.—Придворное войско въ Россіи, т. LXXX, 292—298.—Изъ галлерей историческихъ силуэтовъ.—Суворочка, т. LXXX, 530—549. *Библ. замѣтка Щ. объ изданной подь его ред. книгъ*: Записки графини В. Н. Головиной (1766—1819). Перев. съ франц. Съ 3 портр. Спб. 1900; LXXXI, 1107. *Упомят.*: т. LXXX, 655.

Шушовъ, А. С., чиновникъ госуд. имущ., т. LXXXII, 890.

Шумскій, Серг. Вас., актеръ, т. LXXXI, 435, 445, 458, 463, 819—821.

Щ.

Щаповъ, Ав. Прок., историкъ, т. LXXXIX, 206.

Щеголевъ, П. Е. *Библ. замѣтки его*: Сборникъ правилъ по обезпеченію народнаго продовольствія. Вып. первый. Сост. Г. Г. Савичъ. Изд. неофициальное. Спб. 1900, т. LXXXI, 1086—1088.—Сборникъ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, Вып. 7-й. Изд. комиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ. Москва. 1900, т. LXXXI, 1088—1090.—Извѣстія калужской ученой архивной комиссіи. 1899 годъ. Вып. III. Калуга. 1900. т. LXXXI, 1105.—Записки графини В. Н. Головиной (1766—1819). Пер. съ франц. подь ред. и съ примѣч. Е. С. Шумигорскаго. Съ 3 портр. Спб. 1900, т. LXXXI, 1107.—В. Я. Смирновъ. Жизнь и поэзія Н. М. Изькова. Критическо-биографическое изслѣдованіе. Пермь. 1900, т. LXXXI, 1105—1106.—Хрущовъ, И. П. Вѣзда о древней русской литературѣ. (Общество ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III). М. 1900 т. LXXX, 699—700.—Б. Каутскій. Аграрный вопросъ. Пер. съ нѣм., подь ред. Д. Протопопова. Харьковъ. 1900, т. LXXXII, 707—710.—Г. Герфдингъ. Исторія новѣйшей философіи. Изд. ред. журнала «Образованіе». Спб. 1900, т. LXXXII, 713—715.—Проф. М. Ф. Владимірскаго-Будановъ. Обзоръ исторіи русскаго права. Изд. 3-е. Съ дополненіями. Изд. Оглоблина. 1900, т. LXXXII, 715—716.—Лоддъ, Дж. Т. Очеркъ элементарной психологіи. Изд. О. Н. Поповъ. Спб. 1900, т. LXXXII, 718.—Инсаровъ. Современная Франція. Исторія третьей республики. Изд. т-ва «Знаніе». Спб. 1900, т. LXXXII, 1163—1134.

Щепановскій, Стан., краков. еписк., т. LXXXII, 325.

Щепкины:

— А-дръ Мих., управляющій тульск.

казен. палат. *О немъ*: въ Воспоминаніяхъ М. А. Щепкина, т. LXXXI, 435—465.

— А-дра Вл., т. LXXXI, 447. 452.

— В. Н., археологъ, т. LXXXIX, 864; т. LXXX, 745.

— Вѣра Мих., т. LXXXI, 435, 455, 457, 464.

— Ел. Дм., т. LXXXI, 450, 453, 455, 456.

— М. А. *Статья его*: Воспоминанія о М. С. Щепкинѣ. т. LXXXI, 435—465, 798—824.

— М. П., т. LXXX, 299—302.

— Мих. Сем., артистъ. *Воспоминанія о немъ М. А. Щепкина*, т. LXXXI, 435—465, 798—824. *Упомят.*: т. LXXXIX, 63, 674; т. LXXXI, 567.

— Ник. Мих., т. LXXXI, 441 457. 464.

— П. Ст., проф. моск. ун., т. LXXXI, 450.

Щерба, В. *Библ. замѣтка Ещ. о переведенной имъ книгѣ*: И. Энгельманъ. Исторія крѣпостнаго права въ Россіи. Подь ред. А. Кизеветтера. М. 1900, т. LXXXII, 699—700.

Щербатовы:

— кн., моск. город. голова, т. LXXXIX, 248, 249, 252.

— кн. А-въ Гр., моск. ген.-губернаторъ, т. LXXXIX, 510.

— кн. Вл. Алекс., т. LXXXIX, 509.

— кн. Зен. Павл., рожд. Голицына, супр. Н. А. Щ., т. LXXXIX, 525.

— кн. Мар. Ав., рожд. Столыпина, супр. Вл. А. Щ., т. LXXXIX, 509.

— кн. Мих. Мих., писатель, т. LXXXIX, 863; т. LXXXI, 851.

— Ник. А-др., кн., моск. гражд. губернаторъ, т. LXXXIX, 52, 525, 526.

Щербачевъ, Г. Д., ген.-майоръ, писатель. *Некрологъ его*: т. LXXXIX, 124б.

Щукаревъ, А. Н., прив.-доц. спб. ун. *Некрологъ его*: т. LXXXII, 766—767.

Щукинъ, П. И. *Библ. замѣтки о книгѣхъ его*: (В. Р-ва): Бумаги, относящіяся до Отечественной войны 1812 года, ч. 4-ая. М. 1899.—т. LXXXIX, 385—386;—(Н. Н. О.): а) Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина. Ч. VI. М. 1900. б) Алфавитный и хронологическій указатель къ шести частямъ сборника старинныхъ бумагъ. М. 1900. т. LXXXIX, 1156—1159; (С. П.): Русскіе портреты собранія П. И. Щукина въ Москвѣ. Вып. первый. Съ 32 фототипическими снимками. М. 1900. т. LXXX, 308—309;—Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина. Седьмая часть. М. 1900. т. LXXX, 1035—1036;—Бумаги, относящіяся до Отечественной войны 1812 года.

Часть пятая. Москва. 1900, т. LXXXII, 1124—1126.

Э.

Эванс, Арт., англ. археологъ, т. LXXXII, 347—349.

Эварицкій, Д. И., писатель, т. LXXIX, 1247.

Эггеръ, Эмиль. *Библ. замѣтка К. Лоскаго о книгѣ его*: Исторія книги отъ ея появленія до нашихъ временъ. Пер. съ французскаго. Спб., 1900, т. LXXX, 698—699.

Эдвардъ, перев. Пушкина, т. LXXX, 301.

Эйленбургъ, Фридр., гр. *Замѣтка о немъ*: Изъ писемъ графа Фридриха Эйленбурга, т. LXXIX, 847—848.

Эйлеръ, Л. Л., т. LXXXII, 489.

Эйнгоръ, В. О., т. LXXXII, 751.

Экземплирскій, А. В., писатель. *Некрологъ его*: т. LXXXI, 760.

Энгельгардтъ:

— т. LXXIX, 180—181, 183.

— Еват. Вас., т. LXXIX, 174.

— М. А. *Библ. замѣтка Д. Е. о книгѣ его*: Прогрессъ, какъ эволюціи жестокости. Популярно-научная библіотека. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1899, т. LXXXI, 296—297.

— Мар. Алекс., т. LXXIX, 172.

— Соф. Вл., писательница, т. LXXX, 60.

Энгельманъ, И. *Библ. замѣтка Еш. о книгѣ его*: Исторія крѣпостнаго права въ Россіи. Пер. съ нѣм. В. Щерба подъ ред. А. Кизеветтера. М., 1900, т. LXXXII, 699—700.

Эндрюсъ, *Библ. замѣтка П. К.—го о книгѣ его*: Историческое развитіе современной Европы. отъ Вѣнскаго конгресса до нашего времени. Т. I и II. Изд. К. Т. Соддатенкова. Москва, 1900, т. LXXXI, 284—287.

Эсменъ, А., париж. профессоръ. *Библ. замѣтка Д. о книгѣ его*: Основныя начала государственнаго права. Переводъ съ франц. подъ ред. и съ предисл. М. М. Коваленскаго. Т. I и II. М. 1899, т. LXXIX, 377.

Эстергази, австр. посланникъ, т. LXXXII, 128, 129, 132—133, 284—285.

Ю.

Ювачевъ, И. П. *Статья его*: Борьба съ хунгузами на манчжурской границѣ, т. LXXXII, 177—206, 538—564.

Юдинъ, П. Л. *Статья его*: Суворовъ въ Астрахани, т. LXXX, 518—524.

Юзовъ, (псевд. Ос. Ив. Каблица), т. LXXIX, 306.

д'Юльмезъ, Рэнэ, сотр. «Revue des Revues», т. LXXX, 352—353.

Юрасовскій, Петръ Денис., т. LXXIX, 418.

Юркевичъ:

— С. А. ген.-адъют., т. LXXIX, 41.

— С. Г., т. LXXXI, 165.

Юстинианъ, т. LXXXI, 689—690.

Юсуповы:

— вн. Бор. Ник., т. LXXXI, 45.

— кн. Зен. Ив., рожд. Нарышкина, по второму мужу Шово, т. LXXXI, 45.

Я.

Ягичъ, И. В., академикъ, т. LXXIX, 1236.

Ягужинскій, Пав. Ив., т. LXXXI, 490.

Ядвига, польск. королева, т. LXXXII, 314, 316, 322, 326.

Ядринцевъ, Н. М., изслѣдователь Сибири, т. LXXX, 277—278.

Языковы:

— Д. Д. *Библ. замѣтка Б. Городецкаго о книгѣ его*: Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей. Вып. восьмой. Русскіе писатели умершіе въ 1888 году. Москва, 1900, т. LXXXI, 709—710. *Упомян.*: т. LXXXII, 1181.

— Ник. Мих., поэтъ. *О немъ въ библ. замѣтка Пеш.*: В. Л. Смирновъ. Жизнь и поэзія Н. М. Языкова. Критико-біографическое изслѣдованіе. Пермь, 1900, т. LXXXI, 1105—1106. *Упомян.*: т. LXXXI, 592.

Якоби:

— нѣм. проф., т. LXXXII, 1135—1136.

— Ив. Вар., астрах. губерн., т. LXXX, 520, 521, 522, 523, 524.

Якобій, ген.-губернаторъ Вост. Сибири, т. LXXX, 118, 123.

Яковкинъ, И. Ф., директоръ казан. гимн., т. LXXXI, 596.

Яеубовъ, К. И., педагогъ, писатель. *Некрологъ его*: т. LXXXII, 1195—1196.

Яеушенъ, Е. И. *Библ. замѣтка Галламина о книгѣ его*: Обычное право русскихъ инородцевъ. Матеріалы для бібліографіи обычнаго права. Москва, 1899, т. LXXX, 303—304.

Яекова, Елиз. Петр., рожд. Римская-Корсакова, т. LXXIX, 506.

Ягъ, Казимиръ, т. LXXXII, 520, 522, 528, 530.

- Ягъ III**, Собѣскій, т. LXXXII, 1051—1055.
- Яриловъ**, А. А. *Библ. замѣтка В. Р—ва о книгѣ его*: Былое и настоящее. Сибирскіе инородцы. Матеріалы для изученія мелецкихъ инородцевъ. Юрьевъ, 1899, т. LXXX, 334.
- Ярцевъ**, А. А. *Статья его*: Первые фабричныя театры въ Россіи. (Памяти Ѳ. Г. Волкова, 1750—1900), т. LXXX, 645—653.
- Ястребовъ**, Н. *Библ. замѣтка его*: Пауль Бартъ. Философія исторіи, какъ соціологія. Пер. съ иѣм. Ч. I. Введеніе и критическій обзоръ. Спб., 1900, т. LXXIX, 360—363.
- ⊖.
- Федоровы**:
— Иванъ, русскій первопечатникъ. *Замѣтка о памятникѣ ему*, т. LXXIX, 1166.
— Ник. Фед., офиц., т. LXXXI, 42.
— Соф. Алекс., рожд. Загокина. т. LXXXI, 42.
- Федотовъ**, А. Ф., т. LXXXI, 445.
- Феогностъ**, кiev. митроп., т. LXXXII, 259.
- Феодоръ Алексѣевичъ**, царь, т. LXXXI, 796; т. LXXXII, 936, 949, 957, 962, 964, 965.
- Феодоръ Иоанновичъ**, царь, т. LXXIX, 319, 372, 804.
- Феоткистовъ**, Е. М., т. LXXX, 619; т. LXXXI, 475.
- Фуквидъ**, *Замѣтка о немъ*: Геродотъ и Фуквидъ, т. LXXIX, 1185—1186.

УКАЗАТЕЛЬ

ГРАВИЮРЪ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

1900 г.

Портреты:

Вестужевъ-Рюминъ, графъ Алексѣй Петровичъ. Съ гравюры Бернигерота, сдѣланной съ портрета, писаннаго въ 1855 г. Преннеромъ, т. LXXXII, октябрь (на отдѣльномъ листѣ).

Влюфштейнъ, Софія, т. LXXX, 905.

Враницкая, гр. Александра Васильевна, т. LXXIX, январь (на отдѣльномъ листѣ).

Вутаковъ, А. М., начальникъ Тымовскаго округа, т. LXXIX, 293.

Васильевъ, Василій Павловичъ, т. LXXX, 981.

Гребенка, Евгений Павловичъ, т. LXXXII, декабрь (на отдѣльномъ листѣ).

Григоревичъ, Дмитрій Васильевичъ,—въ 1850 г., т. LXXIX, 689;—въ 1896 г. т. LXXIX, 693.

Гусевъ, каторжникъ, т. LXXX, 567.

Дюонъ, Шарль-Женевьевъ, т. LXXXII, ноябрь (на отдѣльномъ листѣ и 665).

Елизавета Петровна, императрица, т. LXXXI, сентябрь (на отдѣльномъ листѣ).

Загоскины:

— Михаилъ Николаевичъ, т. LXXIX, 49.

— Сергѣй Михайловичъ, т. LXXXI, июль (на отдѣльномъ листѣ).

Зубова, графиня Наталья Александровна:

— Съ миниатюры, принадлежащей княгинѣ С. В. Масальской, т. LXXX, 537.

— Съ портрета, принадлежащаго княгинѣ С. В. Масальской, т. LXXX, 539.

Зубовъ, графъ Николай Александровичъ, т. LXXX, 543.

Ираклій, іеромонахъ, т. LXXIX, 647.

Капустинъ, Михаилъ Николаевичъ, т. LXXIX, 353.

Карзинъ, Василій Назарьевичъ, т. LXXX, июнь (на отдѣльномъ листѣ).

- Елиментъ X**, портреть и подпись папы (изъ собраніи кн. Атиери въ Ориоло, близъ Рима, и изъ государственнаго архива въ Римѣ), т. LXXXII, 937.
- Бомлевъ**, палачъ, т. LXXIX, 656.
- Брестовскій**, Всеволодъ Владиміровичъ, т. LXXIX, мартъ (на отдѣльномъ листѣ).
- Бржижевская-Хантинская**, М. А., т. LXXIX, 661.
- Лавровскій**, Николай Алексѣевичъ, т. LXXIX, 1103.
- Майковъ**, Леонидъ Николаевичъ, т. LXXX, 625.
- Матвѣевъ**, Артемонъ Сергѣевичъ, начальникъ посольскаго приказа. Съ портрета масляными красками въ собраніи графа С. Д. Шереметева, томъ LXXXII, 515.
- Салтыковъ**, Михаилъ Евграфовичъ, т. LXXIX, февраль (на отдѣльномъ листѣ).
- Сасепарель**, В. А., докторъ, т. LXXIX, 637.
- Суворовы:**
- Александръ Васильевичъ. Съ гравюры Валькера, сдѣланной съ портрета Аткинсона, т. LXXX, май (на отдѣльномъ листѣ).
 - Варвара Ивановна, т. LXXX, 533.
- Толстой**, гр. Левъ Николаевичъ. Съ фотографіи 1896 года, т. LXXX, апрѣль (на отдѣльномъ листѣ).
- Филипповъ**, Тертіи Ивановичъ, т. LXXIX, 673.
- фонъ-Фривенъ**, Алексѣй Александровичъ, инспекторъ сельскаго хозяйства на о. Сахалинѣ, т. LXXIX, 1089.
- Хановъ**, т. LXXX, 561.
- Хуцѣевъ**, грузинъ, т. LXXX, 563.
- Щешкинъ**, Михаилъ Семеновичъ, т. LXXXI, августъ (на отдѣльномъ листѣ).

Виды городовъ, мѣстностей и зданій.

Варшава:

- Костель Преображенія Господня, т. LXXXII, 1053.
 - Памятникъ Собѣскому въ костелѣ Преображенія Господня, т. LXXXII, 1055.
- Венеція.** Дворецъ Да-Мосто, гдѣ жилъ Менезій. Съ фотографіи, снятой въ 1899 г. т. LXXXII, 533.
- Бобринъ.** Городъ, т. LXXXII, 209.

Ломжа:

- Общій видъ города, т. LXXXII, 603.
- Приходской костель, т. LXXXII, 607.
- Внутренній видъ приходскаго костела, т. LXXXII, 610.
- Памятникъ Иеронима и Анны Модлишевскихъ въ приходскомъ костелѣ, т. LXXXII, 613.

Лубны:

- Замковая гора, т. LXXXI, 933.
 - Долина рѣки Лубянки, т. LXXXI, 981.
 - Полтавская улица, т. LXXXI, 979.
 - Полтавскій спускъ, т. LXXXI, 977.
- Марьяновка**, дер. близъ города Ширятина. Могила Е. П. Гребенки, томъ LXXXII, 1015.
- Мехевскійаудъ**, Каркучъ и гора Казбекъ, т. LXXXII, 1059.

Мозырь:

- городъ, т. LXXXII, 221.
- по направленію отъ Припечи, т. LXXXII, 225.
- Рѣка Припечь и упраздненный католическій монастырь близъ г. Мозыря, т. LXXXII, 229.

Новгородъ:

- Соборная часть Кремля, т. LXXXII, 247.
- Соборъ св. Софіи, т. LXXXII, 249.
- «истор. вѣстн.», декабрь, 1900 г., т. LXXII.

Новгородъ:

- Внутренность Софійскаго собора, т. LXXXII, 251.
- Обнесеніе мощей съ сѣверной стороны Входа-Іерусалимскаго собора, т. LXXXII, 255.
- Раза съ мощами св. Никиты, т. LXXXII, 254.
- Корсунскія ворота, т. LXXXII, 252.
- Шведскія ворота, т. LXXXII, 253.

Ольговъ монастырь:

- со стороны Оки. Старый Успенскій соборъ, т. LXXXI, 627.
- Храмъ Святой Троицы въ Ольговомъ монастырѣ, т. LXXXI, 631.

Ольшово, Ломжин. губ. Крестьянскій памятникъ, т. LXXXI, 637.

Паризъ: Голова конной статуи Вашингтона, которая будетъ открыта, 19 апрѣля 1900 г. т. LXXIX, 1141.

Петриково, мѣстечко, т. LXXXII, 215.

Сахалинъ:

- Александровская тюрьма на о. Сахалинѣ. т. LXXIX, 277.
- Дворъ и столовая въ Александровской тюрьмѣ, т. LXXIX, 281.
- Богадѣльня на о. Сахалинѣ, т. LXXXI, 139.
- Горьбая тайга, т. LXXXI, 141.
- Домъ военнаго губернатора на о. Сахалинѣ, т. LXXXI, 145.
- Дорога черезъ хребеть Пилинга, т. LXXIX, 291.
- Жонкиерскій маякъ, т. LXXX, 201.
- Первый домъ начинающагося поселенія на о. Сахалинѣ, т. LXXIX, 1087.
- По берегу моря во время отлива, т. LXXX, 189.
- Тюремная ограда на Сахалинѣ, т. LXXIX, 285.
- Характеръ Сахалинской рѣки, т. LXXIX, 289.
- Общій видъ Александровскаго поста, т. LXXX, 197.
- По дорогѣ въ Александровскій постъ, т. LXXX, 181.
- Пристань Александровскаго поста на о. Сахалинѣ, т. LXXIX, 275.
- Церковь въ Александровскомъ посту, т. LXXX, 193.
- Владимірскій тюремный рудникъ, т. LXXXI, 153.
- Пристань у Владиміровскаго рудника; каторжные грузить уголь, т. LXXXI, 147.
- Штольни Владиміровскаго рудника, т. LXXXI, 157.
- Владиміровскій рудникъ на о. Сахалинѣ т. LXXIX, 1097.
- Селеніе Дербинское на Сахалинѣ, т. LXXX, 177.
- Постъ Дуа, т. LXXXI, 159.
- Берегъ между мысомъ Жонкиеръ и Дуа, т. LXXX, 205.
- Корсаковскій постъ на о. Сахалинѣ, т. LXXX, 209.
- Селеніе Малое Тымово, т. LXXX, 565.
- Казарма Тымовской военной команды, т. LXXX, 575.
- Лазаретъ Тымовскаго округа, т. LXXX, 557.
- Мостъ на рѣкѣ Тымѣ, т. LXXX, 571.
- Ново-Михайловское поселеніе на Сахалинѣ, т. LXXIX, 287.
- Селеніе Оноръ на Сахалинѣ, т. LXXX, 903.
- Водяная мельница въ Рыковскомъ селеніи, т. LXXX, 573.
- Тюрьма, лазаретъ и дома чиновниковъ въ ссл. Рыковскомъ, т. LXXIX, 1081.
- Малороссійская улица въ сел. Рыковскомъ, т. LXXIX, 633.
- Мужская палата сахалинскаго лазарета, т. LXXIX, 639.
- Рыковская школа, т. LXXIX, 1077.
- Церковь въ Рыковскомъ селеніи, т. LXXIX, 641.
- Иконостасъ Рыковской церкви, т. LXXIX, 645.

Ферраръ. Замокъ герцоговъ д'Эсто и Лукреціи Борджія, гдѣ жилъ Менеаій, т. LXXXII, 535.

Хевсурія:

- На берегу Пшавской Арагвы, т. LXXXII, 1085.
- Хевсурскій аулъ Амга на верхней Ассѣ, т. LXXXII, 1069.
- Церковь селенія Артаны, т. LXXXII, 1087.

Шотландія. Усадьба Менезіевъ Мэрикутеръ, предполагаемое мѣсто рожденія Павла Менезія. (Съ фотографіи, снятой въ 1899 г.), т. LXXXII, 519.

Разные рисунки:

- Аины на о. Сахалинѣ, т. LXXX, 211, 215.
 Гилякъ виціи Юскупъ, т. LXXIX, 1067.
 Гиляки надзиратели, т. LXXIX, 1073.
 Группа арестантовъ на пароходѣ Добровольнаго флота во время слѣдованія на о. Сахалинѣ, т. LXXIX, 273.
 Группа гилячекъ, т. LXXIX, 1069.
 Группа каторжныхъ на работѣ, т. LXXX, 899.
 Дорожные работы каторжныхъ, т. LXXIX, 1095.
 Женщины Рыковского селенія, полиція хлѣбъ, т. LXXX, 909.
 Закованъ каторжника въ кандалы, т. LXXIX, 279.
 Лагерь каторжныхъ въ тайгѣ, т. LXXIX, 1091.
 Лѣтняя юрта гиляковъ на о. Сахалинѣ, т. LXXX, 185.
 Наибольше тяжкіе преступники, закованные въ тачкамъ, т. LXXIX, 283.
 Наказаніе плетью на Сахалинѣ, т. LXXIX, 657.
 Образцы папиросъ на островѣ Анкиевѣ. (Копироваль съ натуры П. Пономарева), т. LXXX, 893.
 Ороченъ близъ залива Терпѣнія, т. LXXX, 217.
 Огравленіе зимней почты изъ Александровскаго поста, т. LXXIX, 663.
 Перевозка кирпича каторжными, т. LXXIX, 649.
 Похороны ссыльно-каторжнаго, т. LXXX, 919.
 Причтъ Ахельской церкви, т. LXXXII, 1079.
 Приемъ посланника у папы въ XVII в. (Съ гравюры Росси 1676), т. LXXXII, 939.
 Работы каторжныхъ при постройкѣ моста на р. Хорѣ, т. LXXX, 569.
 Росписка Менезія на англійскомъ языкѣ, 21-го іюля 1676 г. (Снимокъ уменьшенъ противъ подлинника), т. LXXXII, 963.
 Сакля въ Горбани, т. LXXXII, 1071.
 Сахалинскія травы изъ семейства зонтичныхъ. (*Ange lophyllum utsinum* Rup.), т. LXXIX, 1083.
 Ссыльно-каторжный, совершившій восемь убійствъ, т. LXXX, 913.
 Ссыльно-каторжный, совершившій много ловкихъ кражъ, т. LXXX, 915.
 Ссыльно-каторжные на постройкѣ Усуурійской дороги, т. LXXX, 553.
 Судъ матронъ надъ кавалеромъ Деономъ. (Карриатура того времени), т. LXXXII, 677.
 Сцена фехтованія въ Карльтонгаузѣ. (Съ рисунка того времени), т. LXXXII, 671.
 Тяга бревна каторжными, т. LXXIX, 653.
 Хевсуръ изъ Ахели, т. LXXXII, 1081.
 Хевсуръ изъ Горбани, въ боевыхъ доспѣхахъ, т. LXXXII, 1076.
 Хевсуры изъ Горбани, въ праздничномъ нарядѣ, т. LXXXII, 1073.
 Хевсуры изъ Джуты, т. LXXXII, 1065.
 Хевсуры по дорогѣ во Владивостокъ, т. LXXXII, 1061.
 Юрта гиляковъ около селенія Рыковского, т. LXXIX, 1063.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ МАГАЗИНОВЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, за пересылку въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ НОЯБРЬ 1900 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 11-й.

I. Богословіе.

Бриллиантовъ, М. Патріархъ Никонъ въ заточеніи на Вѣлозерѣ. Историческій очеркъ. Съ 3 портретами и 17 рисунками. Спб. 1899 г. Ц. 60 к., на велен. бумагъ 80 к.

Исторія христіанской церкви въ XIX вѣкѣ. Изданіе А. П. Допухина. Съ иллюстраціями. Томъ I. Спб. 1900 г. Ц. 2 р.

Начало и конецъ нашего земного міра. Опытъ раскрытія пророчествъ Апокалипсиса. Часть I. Спб. 1900 г. Ц. 50 к.

Новгородскій, П. Свыше наказанные нарушители десяти заповѣдей Закона Божія и добрые примѣры въ дѣлѣ вѣры и надежды на помощь Божію. Изд. 7-е, съ рисунками. М. 1901 г. Ц. 1 р. 10 к.

Обличеніе еретичества Арсенія Швецова, именуемаго епископа старообрядцевъ, составленное Механиковымъ, по благословенію

Іоанна Карпушина, именуемаго архіепископа старообрядцевъ. М. 1900 г. Ц. 25 к.

Объ Антихриствѣ. Ученіе свѣщеннаго писанія и отцовъ церкви. Изд. 5-е. Съ рисункомъ. М. 1900 г. Ц. 25 к.

Симфонія на Ветхій и Новый Заветъ. Спб. 1900 г. Ц. въ перекл. 8 рублей.

Сто проповѣдей катехизическаго, нравственно-учительнаго и мѣстно-служебнаго содержанія (1883—1900). Спб. 1900 г. Ц. 1 р.

Филевскій, І. І. «Старый и вѣчно новый типъ» православнаго епископа. М. 1900 г. Ц. 10 к.

Чешское торжество православія. Къ тридцатилѣтію воссоединенія съ православной церковью первой группы чеховъ. Спб. 1901 г. Ц. 15 к.

II. Философія, психологія, логика.

Ансановъ, А. Н. Анимизмъ и спиритизмъ. Критическое изслѣдованіе мѣдунмическихъ явленій и ихъ объясненія гипотезами «нервной силы», «галлюцинаціи» и «безсознательнаго». Въ отвѣтъ Э. ф. Гартману. Съ 30 фототипіями. Изд. 2-е, испр. и дополн. Спб. 1901 г. Ц. 3 р.

Бердяевъ, Ник. Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи. Критическій этюдъ о Н. К. Михайловскомъ. Съ

предисловіемъ П. Струве. Спб. 1901 г. Ц. 2 р. 25 к.

Введенскій, Аленскій, проф. Время и вѣчность. Актювая рѣчь. Свято-Троицко-Сергіева Лавра. 1900 г. Ц. 30 к.

— Призывъ къ самоуглубленію. Памяти Вл. Серг. Соловьева. М. 1900 г. Ц. 30 к.

Нюльпе, О. Введеніе въ философію. Перев. съ нѣмецк. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 25 к.

Ле-Дантень, Ф. Лямаркизмъ и дарвинизмъ.

Обзоръ некоторыхъ теорій образования видовъ. Спб. 1900 г. Ц. 75 к.

Ницше, Фр. Человѣческое слишкомъ человѣческое. Перев. съ нѣм. Л. И. Соколовой. М. 1900 г. Ц. 1 р. 25 к.

Русановъ, Ник., сваяц. Изъ загробнаго міра. Свидѣтельства умершихъ и откровенія о загробной участи людей, по Четьи-Минеямъ Св. Дмитрія Ростовскаго. Вольскъ. 1900 г. Ц. 40 к.

Соловьевъ, Владиміръ. Три разговора о войнѣ, прогрессѣ и концѣ всемірной исторіи, со включеніемъ краткой повѣсти объ

антихристѣ и съ приложеніями. Изд. 2-е, съ портретомъ автора. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

Спрудина, т. Русскія женщины нашего времени. Психологическій очеркъ. Одесса. 1900 г. Ц. 60 к.

Трошинъ, Ал. Психологическія основы процесса чтенія. (По новѣйшимъ экспериментально-психологическимъ изслѣдованіямъ). Спб. 1900 г. Ц. 35 к.

Шнольминъ, Х. м. Вѣрное средство познать себя и другихъ. Одесса. 1900 г. Ц. 50 к.

III. Ботаника, зоологія, минералогія и геологія.

Баумгартенъ, К. Э. Домовый грибокъ (*penicillium ascutumans*) и практическія совѣты для борьбы съ нимъ. Съ 24 рис. въ текстѣ. Спб. 1900 г. Ц. 80 к.

Брэмъ, А. э. Жизнь животныхъ. Иллюстрированное изданіе, со множествомъ полнотапжей, въ трехъ томахъ. Передѣлано для юношества съ 3-го нѣмецкаго, испр. и дополн. изданія. Подъ редакц. К. К. Сентъ-Илера. Спб. 1900 г. Ц. 9 р.

Вильсонъ, Эдмундъ. Роль кѣтки въ развитіи и наследственности. Перев. съ англ. Влад. Линдемана. М. 1900 г. Ц. 2 р. 50 к.

Горное дѣло и металлургія. Подъ редакц. проф. И. В. Мушкетова и В. И. Баумана. Вып. 4—5. Спб. 1900 г. Ц. кажд. вып. 50 к.

Корзукинъ, И. А. Мѣстороженія и развѣдка полезныхъ ископаемыхъ. Подъ ред. проф.

Ю. П. Эйхвальда. (Библи. промышл. знаній подъ ред. Д. Менделѣева. Томъ II, часть I). Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 30 к.

Лампертъ, К., проф. Жизнь прѣсныхъ водъ. Животныя и растенія прѣсныхъ водъ, ихъ жизнь, распространеніе и значеніе для человѣка. Перев. съ нѣмецк. Спб. 1900 г. Ц. 8 р., въ пер. 9 р. 50 к.

Сергѣевъ, М. Минеральныя богатства въ Сочинскомъ округѣ, Черноморской губерніи, по системѣ рѣки Мзымты. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

Холодновскій, Н. А., проф., и Силантьевъ, А. А. Птицы Европы. Практическая орнитологія съ атласомъ европейскихъ птицъ. 56 табл. въ краск. съ текст. Вып. 9-й. Спб. 1900 г. Ц. по подл. на все сочин. въ 10 вып. 14 рублей.

IV. Физика, химія, математика, астрономія и метеорологія.

Блохманъ, Р., проф. Воздухъ, вода, свѣтъ и тепло. 8 общедоступныхъ лекцій по химіи. Съ 103 рисунк. Перев. съ нѣмецкаго. Спб. 1901 г. Ц. 40 к.

Глаголевъ, А. н. Курсъ теоретической арифметики и сборникъ теоретическихъ упражненій. М. 1900 г. Ц. 1 р.

Козловскій, С. А. Полныя рѣшенія 2—7 способами и подробныя объясненія арифметическихъ задачъ изъ § 51 (общаго отдѣла) сборника А. Малинина и К. Буренина. (Особое приложеніе къ 1-й части рѣш. арифм. зад. Малинина и Буренина). Одесса. 1900 г. Ц. 50 к.

Колтамовскій, А. Д. Общедоступное землемѣріе. Популярное изложеніе элементарныхъ геодезическихъ задачъ, рѣшаемыхъ съ помощью только одной веревки или веревки и эвкера домашлаго приготовления. Съ 274 чертежами и планами въ текстѣ. Изд. 3-е. Спб. 1901 г. Ц. 75 к.

Лубенецъ, Т. Таблица русскихъ мѣръ. Посobie «къ Сборнику арифметическихъ задачъ Т. Лубенца. Изд. 3-е, испр. Спб. 1900 г. Ц. 25 к.

Риппась, Владиміръ. Приложеніе къ брошюрѣ: «Девять теоремъ». Спб. 1900 г. Ц. 25 к.

Савенковъ, Е. С. Теорема доказательнаго дѣленія угла на три равныя части. Спб. 1900 г. Ц. 25 к.

Соколовичъ, В. Винтъ. Математическій расчетъ числа партій при значительномъ числѣ игроковъ. Спб. 1900 г. Ц. 30 к.

Томпсонъ, Сильванусъ Ф. Элементарныя уроки по электричеству и магнетизму. Переводъ Н. Маракуева. Съ 296 фигурами въ текстѣ и съ 2-я магнитными картами. М. 1900 г. Ц. 3 р.

Фламмаріонъ, Камиль. Небесныя свѣтила. Вечернія бесѣды. Перев. съ посл. франц. изданія Ф. Д. Александрова. Со 107 рис. Спб. 1901 г. Ц. 1 р.

V. Словесность.

Александровскій, Г. Максимъ Горькій и его сочиненія. Публичныя лекціи. Критическій очеркъ. Кіевъ. 1900 г. Ц. 50 к.

Аполлоновъ, С. Стихотворенія. М. 1900 г. Ц. 75 к.

Берне, Людвигъ. Полное собраніе сочиненій, въ трехъ томахъ. Перев. подъ редакц. А. Трачевскаго и М. Филиппова. Съ портретомъ и біографіею. Спб. 1900 г. Ц. за 3 т. 5 р.

- Бильо, Поль.** Соло на флейтѣ. Спенка-мозоль. Перев. съ франц. Киевъ. 1900 г. Ц. 30 к.
- Боцяновскій, В. Ф.** Максимъ Горькій. Критико-биографическій этюдъ. Съ портретомъ и факсимиле М. Горькаго. Спб. 1901 г. Ц. 50 к.
- Бросовъ, Валерій.** Tertia vigilia. Книга новыхъ стиховъ. 1897—1900 г. М. 1900 г. Ц. 1 р.
- * **Будищевъ, Ал. н.** Разныя понятія, 20 рассказовъ: 1) Разныя понятія, 2) Агапка, 3) Молодой другъ, 4) Уродь, 5) Доброе дѣло, 6) Письмо, 7) Взагодатное небо, 9) Оптимистъ и пессимистъ, 9) Дуракъ, 10) Польшо, 11) Братья, 12) На пути, 13) Женихи, 14) Въ лѣсу, 15) Святая душа, 16) Лѣсная идиллія, 17) Было на разумѣ, 18) Смерть, 19) Болото и 20) Охота на слона. Спб. 1901 г. Ц. 1 р.
- Бурне, Поль.** Изъ-за любви. Перев. съ франц. М. 1900 г. Ц. 50 к.
- Бытовые очерки.** Въ мастерской. И. А. Давылова. — Преступники. П. В. Хотынского. М. 1901 г. Ц. 40 к.
- Вербицкая, А.** Сны жизни. Рассказы. Изд. 2-е. М. 1901 г. Ц. 1 р.
- Градоскій, А. д.** Собраніе сочиненій. Томъ VI. Спб. 1901 г. Ц. 3 р.; по подп. на все сочин. въ 8 том. 15 р.
- Данилинъ, и.** Очерки и рассказы. М. 1901 г. Ц. 1 р.
- Днеромъ к. Днеромъ.** Исторія моея любви. Перев. съ англійск. Спб. 1901 г. Ц. 20 к.
- * **Дюма, Александръ.** Анжъ Питу (Ange Pitou). Романъ въ двухъ томахъ. (Новая бібліотека А. С. Суворина №№ 55—56). Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Елачичъ, М. А.** «Не по шаблону». Пьеса въ 4 дѣйств. Къ представленію дозволено. М. 1900 г. Ц. 1 р.
- Жингановъ, н.** Вступленіе въ жизнь. Совершенно невѣроятная драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. М. 1901 г. Ц. 20 к.
- Золя, Эмиль.** Какъ люди женятся. Перев. съ франц. Спб. 1900 г. Ц. 20 к.
- Зудерманъ, Германъ.** Огни Ивановой ночи. Драма въ дѣйствіяхъ. Перев. В. Саблина. Къ представленію дозволено. М. 1900 г. Ц. 75 к.
- Измайловъ, А. А.** Черный воронъ. Первая княжка рассказовъ. Спб. 1901 г. Ц. 1 р.
- Иораблевъ, В. н.** Стихотворенія Вл. Серг. Соловьева (1853—1900 г.). Этюдъ. Спб. 1900 г. Ц. 20 к.
- Кропивницкія, м. л.** По ревизіи. Этюдъ въ одной дѣ. Изд. 6-е. Харьковъ. 1900 г. Ц. 5 к., на лучшей бумагѣ 15 к.
- Кэнь, Голь.** Христіанинъ. «The christian». Романъ. Перев. съ англ. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Лейнинъ, н. А.** Первые шаги. Романъ. Спб. Ц. 75 к.
- и **Вилибинъ, В. В.** На аристократическій манеръ. Шутка въ 1 дѣйствіи. Спб. 1901 г. Ц. 25 к.
- Мамьновскій, В. Б.** Для легкаго чтенія. Рассказы. Спб. 1901 г. Ц. 1 р.
- Меліе** рассказы для желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ, трамваевъ и пр. М. 1901 г. Ц. 30 к.
- Минцловъ, С. Р.** Бояринъ Кучко. Историческая драма въ 4 дѣйствіяхъ и 6 картинахъ. Спб. 1901 г. Ц. 75 к.
- Мірскій, Я. ц.** Лебединая пѣснь гр. Л. Н. Толстого. Критическій этюдъ по поводу романа «Воскресеніе». Спб. 1900. Ц. 1 р.
- Перецъ, в. н.** Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы. Томъ I. Изъ исторіи русской пѣсни. Часть 2. Приложенія. Описанія сборниковъ псалмъ, кантовъ и пѣсень. Вирши изъ старопечатныхъ изданій. Малорусскія пѣсни съ рукописей XVIII в. Указатели. Спб. 1900 г. Ц. 1 р.
- Полевой, п. н.** Исторія русской словесности съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Вып. 10-й съ 68 рис. и снимк. въ текстѣ и 3 цинкогр. прилож. Спб. 1900. Ц. по подп. 12 р.
- Преве, м.** Послѣднія письма женщинъ. (Dernières lettres des femmes). Перев. съ франц. М. 1900 г. Ц. 60 к.
- Рогиндичъ, к.** Одесса. Романъ въ двухъ частяхъ. Часть I. Одесса. 1900 г. Ц. 1 р.
- Савиновъ, Ф. П.** Стихотворенія. 2-е доп. изд. М. 1900 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Савновъ, п. н.** Добрыя дѣти. Драматич. картинка въ 1 дѣйствіи. Спб. 1901 г. Ц. 20 к.
- Сальниковъ, А. н.** Русскіе поэты за сто лѣтъ. (Съ Пушкинскоя эпохи до нашихъ дней). Въ портретахъ, біографіяхъ и образцахъ. (Сборникъ лучшихъ лирическихъ произведеній русской поэзіи. Съ 119 портретами. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 65 к.
- Сервантесъ, м.** Донъ-Кихотъ Ламанчскій. 2 тома. Съ портретомъ автора и 362 рис. Перев. съ испанскаго В. Карелина, испр. и дополи. В. Зотовымъ. Пятое иллюстрир. изданіе. Спб. 1901 г. Ц. 3 р.
- * **Сигма, С. н.** Петербургскіе негативы. Съ предисловіемъ И. И. Пляксы - Пискуничкова. Спб. 1901 г. Ц. 1 р.
- * **Смальновскій, н.** Тамъ и сямъ. Забѣтки и воспоминанія. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Талисманъ.** Необходимо для каждого. Къ началу XX вѣка. М. 1900 г. Ц. 60 к.
- Толстой, л. л.** Прелюдія Шопена и другіе рассказы: Первый ребенокъ. Помѣщичк. Сонъ. М. 1900 г. Ц. 75 к.
- Фарраръ, Ф.** На зарѣ христіанства или сцены изъ временъ Нерона. Историческій рассказъ. Перев. съ англійскаго А. П. Лопухива. Изд. 2-е. Спб. 1901 г. Ц. 3 р.
- Хвостовъ, н. Б.** (Н. Борисовичъ). Собраніе стихотвореній, въ двухъ книгахъ. Спб. 1901 г. Ц. кажд. 1 р.
- Шапиръ, Ольга.** Авдотьины дочки. Спб. 1901 г. Ц. 1 р.
- Шиллеръ, Ф.** Заговоръ Фіаско въ Генуѣ. Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Съ рисунками К. Штраудольфа. М. 1900 г. Ц. 60 к.
- Собраніе сочиненій, въ переводѣ русскихъ писателей. Подъ ред. С. А. Венгеровъ. Съ историко-литературными комментаріями, астампами и рис. въ текстѣ. 2 выи. Спб. 1901 г. Ц. кажд. 1 р. 50 к.
- Шнитцлеръ, Артуръ.** Зеленый попугай. Трилогія. (Нарвельдсъ. Подруга. Зеленый

попугай). Переводъ М. О. Н. М. 1900 г. Ц. 60 к.

Штоль, Г. В. Великіе греческіе писатели. Очеркъ классической литературы грековъ

въ біографіяхъ. Перев. съ нѣм. Изд. 2-е. Съ 13 рис. Спб. 1901 г. Ц. 2 р.

Ярошъ, К. Н. Сказки для взрослыхъ. Харьковъ. 1900. Ц. 1 р. 60 к.

VI. Исторія.

Архивъ Брюлловыхъ. Съ приложеніемъ портретовъ. Редакція и примѣчанія И. А. Кубасова. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 30 к.

Бецольдъ (Фонъ), Фридрихъ. Исторія реформации въ Германіи. Перев. съ нѣмца. Томъ II. Спб. 1900 г. Ц. 2 р. 60 к.

Бриллиантовъ, И. Патриархъ Никонъ въ заточеніи на Влоозерѣ. Историческій очеркъ. Съ 3 портретами и 17 рисунгъ. Спб. 1899 г. Ц. 80 к.

Вилперъ, Р., проф. Учебникъ древней исторіи. Съ рисунгъ и историческими картами. М. 1900 г. Ц. 1 р.

Волконская, Е. Г. Родъ князей Волконскихъ. Спб. 1900 г. Ц. 6 р.

Гейсманъ, П. А. «Конецъ Польши» и Суворовъ. Спб. 1900 г. Ц. 40 к.

Гиббинсъ и Сатуринъ. Исторія современной Англіи. Гиббенсъ, В. Англійскій народъ въ XIX вѣкѣ. Перев. съ англійскаго М. А. Шашмаровой и Сатуринъ, Д. Последние моменты исторіи англійскаго народа. Съ портретами англійскихъ политическихъ дѣятелей. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 20 к.

Гринъ. Краткая исторія англійскаго народа, въ трехъ выпускахъ. Вып. III. Перев. съ англ. М. 1900 г. Ц. 80 к.

*) Гюнтеръ, Р. Исторія культуры. Перев. съ нѣмецкаго. Спб. 1901 г. Ц. 1 р.

*) Карамзинъ, Н. М. Исторія государства Россійскаго. Томъ VIII и IX. Изд. 2-е. (Дешевая Библиотека А. С. Суворина. №№ 94 и 95). Спб. 1900 г. Ц. кажд. 20 к.

Кудрявскій, Д. Четыре стади въ жизни древняго индуса. Юрьевъ. 1900 г. Ц. 40 к.

Левшинъ, Д. М. Т. Н. Грановскій. Опытъ историческаго свѣтета. Съ портретоми. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лѣтопись историко-филологическаго общества при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ. VIII. Византійско-славянское отдѣленіе. V. Одесса. 1900 г. Ц. 3 рубл.

Мягковъ, Н. В. Милости Божія въ народу русскому и его правителямъ. Отъ крещенія Русидотатарскаго нашествія. 988—1237 гг. Спб. 1900 г. Ц. 25 к.

Описаніе торжественнаго въѣзда и пребыванія персидскаго посольства въ Римѣ въ апрѣлѣ 1601 г. Перев. съ франц. Изд. гр. С. Д. Шереметева. Спб. 1900 г. Ц. 60 к.

Письма графа Г. Г. Куселева къ сыну

Александрю. 1812—1826. Черниговъ. Ц. 1 рубль.

Платоновъ, С. Ф. Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв. Опытъ изученія общественнаго строя и сословныхъ отношеній въ Смутное время. Изд. 2-е. Спб. 1901 г. Ц. 3 р.

Покровский, Н. Очерки памятниковъ христіанской иконографіи и искусства. 2-е дополн. изд. съ 234 рисунгъ. Спб. 1900 г. Ц. 6 р.

Ренанъ, Эрнестъ. Историческіе и религіозные этюды. Подъ редакц. В. В. Чуйко. Изд. 4-е. Спб. 1901 г. Ц. 1 р.

Розень, Андрей. Въ ссылку. Записки декабриста (1825—1900 г.). Изд. 2-е, значительно дополн. М. 1900 г. Ц. 1 р.

Сборникъ XII вѣка московскаго Успенскаго собора. Вып. I. Изд. подъ надлуден. А. А. Шахматова и А. А. Лаврова. М. 1899 г. Ц. 60 коп.

Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Томъ сто сельмой. Матеріалы Екатеринбургской законодательной комисіи. Т. IX. Спб. 1900 г. Ц. 3 р.

— Томъ сто сельмой. Бумаги кабинета министровъ императрицы Анны Іоанновны. 1731—1740 гг. Собранны и изданы подъ редакціей А. И. Филиппова. Томъ III (1734 г.). Юрьевъ. 1900 г. Ц. 3 р.

Сиповскій, В. Исторія древней Греціи въ разсказахъ и картинахъ. 60 политипажей въ текстѣ и одинъ на отдѣльномъ листѣ. Спб. 1901 г. Ц. 1 р.

Срезневскій, В. И. Сборники писемъ Н. Т. Погодина къ митрополиту Стефану Яворскому. Спб. 1900 г. Ц. 30 в.

Тить Ливій. Римская исторія отъ основанія города. Перев. съ латинскаго, подъ редакц. П. Адрианова. Томъ II. Книги VI—X. Изд. 2-е. М. 1901 г. Ц. 1 р. 60 к.

Филипповъ, М. М. Сказаніе о Святослукѣ, князѣ Поморскомъ. Спб. 1900 г. Ц. 15 к.

Царское пребываніе въ Москвѣ въ апрѣлѣ 1900 года. Спб. 1900 г. Ц. 40 к.

Шелелинъ, И. И. Отечествовѣдѣніе. Посobie (справочная книжка) при повтореніи русской исторіи. Краткое (въ конспектномъ изложеніи) руководство для начального ознакомленія съ исторіей русскаго государства — отъ основанія его до нашихъ дней. Спб. 1900 г. Ц. 40 в.

VII. Географія.

Гильфердингъ, А. Ф. Онежскія былинны. Записаны лѣтомъ 1871 года. Изд. 2-е. Томъ III. Спб. 1900 г. Ц. 2 р. 60 к.

Маравевъ, В. А. Поѣздка на островъ Лаву. Впечатлительный натуралиста. Кіевъ. 1900 г. Ц. 2 р.

Овсяный, М. Волгарія и болгары. (Географическій обзоръ. Историческій очеркъ. Статистика и этнографія. Литература, наука и искусство. Вооруженныя силы. Заключение. Приложенія). Съ картою Валканскаго полуострова. Спб. 1900 г. Ц. 2 р.

Список населенных мест Киевской губернии. Киев. 1900 г. Ц. 3 р.

Суходровъ, В. М. Петербургъ и его достопримечательности. Историческое прошлое и настоящее Петербурга. Съ 45 рис. и видами Петербурга. Спб. 1901 г. Ц. 1 р.

Толстой, Л. Л. Современная Швеция въ письмахъ-очеркахъ и иллюстраціяхъ. М. 1901 г. Ц. 2 р. 50 к.

Тристрамъ, Г. В. Восточные обычаи въ библейскихъ сценахъ. Перев. съ англійск. В. П. Анничковой. Спб. 1900 г. Ц. 4 р.

Чернышевъ, В. И. Дополненія къ свѣдѣніямъ о говорѣ г. Мещовска. Спб. 1900 г. Ц. 50 в.

Шмурло, Е. Русскія поселенія за южнымъ Алтайскимъ хребтомъ на китайской границѣ. Омскъ. 1899 г. Ц. 50 в.

VIII. Сельское хозяйство.

Авдѣва, Е. А. Поваренная книга русской опытной хозяйки. Руководство къ уменьшенію расходовъ въ домашнемъ хозяйствѣ. Изд. 4-е, дополн. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 65 к.

Андріашевъ, А. Руководство къ разумному пчеловодству, съ приложеніемъ календаря и таблицы пчеловодства. Съ 217 рис. въ текстѣ. Изд. 5-е, дополн. и исправленн. Киевъ. 1900 г. Ц. 1 р. 20 к.

Бендинсенъ, Нильсъ. Микроорганизмы въ молочномъ хозяйствѣ. Перев. съ датскаго. Спб. 1900 г. Ц. 25 в.

Браунъ, Эдуардъ. Откармливаніе домашней птицы. Практическое руководство къ откармливанію, убюю, формовкѣ, уборкѣ и продажѣ цыплятъ, утокъ, гусей и индѣекъ. Перев. съ англійск. Со мног. рисунками. Спб. 1900 г. Ц. 80 к.

Васильевъ, М. Какія новыя растенія намъ нужно воздѣлывать. Одесса. 1899 г. Цѣна 65 коп.

Голубевъ, Л. В. Высшее сельско-хозяйственное образованіе въ Германіи. Спб. 1900 г. Ц. 90 к.

Полная энциклопедія русскаго сельскаго хозяйства и сопривасающихъ съ нимъ

наукъ. Томъ III, вып. 2-й. Земная кора.—Картографія почвъ. (Вып. 6-8). Спб. 1900 г. Ц. 3 р. 75 в.

Совѣтовъ, А. и Адамовъ, М. Матеріалы по изученію русскіхъ полевъ. Вып. 13-й. Спб. 1900 г. Ц. 1 р.

Турнинъ, Е. В. Ковка лошади. Руководство для сельскихъ хозяевъ, ветеринаровъ, ветеринарныхъ врачей и студентовъ. Съ 134 рис. въ текстѣ. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 25 в.

Шанцеръ, Леонъ. Винодѣліе и погребное хозяйство. Руководство для винодѣловъ, виноградарей и виноторговцевъ. Со 100 рис. въ текстѣ и 11 таблицами для расчетовъ. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 75 в.

Штуцеръ, Л. проф. Руководство къ ученію объ удобреніи для хозяевъ-практиковъ и для преподаванія въ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Перев. съ нѣмецк. Спб. 1900 г. Ц. 60 к.

Шульцъ, К. Совѣты по культурѣ винограда въ среднихъ губерніяхъ. Харьковъ. 1900 г. Ц. 15 в.

Яновицкій, С. Бѣсѣды о засухахъ. Издап. 2-е, испр. и дополн. Казань. 1900 г. Цѣна 20 коп.

IX. Технологія.

Барингеръ, В., д-ръ. Что нужно знать по электротехникѣ? Перев. съ послѣдн. нѣмек. изд. Ф. Ф. Александрова. Спб. 1900 г. Ц. 35 в.

Видеманъ, Э., и Эбертъ, Г. Руководство къ физическимъ измѣреніямъ. Перев. съ нѣм. Вып. II. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 25 в.; по подп. на все сочин. 5 р.

Доменная печь. Разборная модель, состоящая изъ 8 разборныхъ частей въ краскахъ. Пособіе для самообученія и преподаванія въ техническихъ училищахъ. Съ 26 изображеніями деталей устройства печи. Спб. 1901 г. Ц. 1 р.

Корейша, С. Д., инженер. Борьба со снѣгомъ на русскіхъ желѣзныхъ дорогахъ. Докладъ шестой сессіи международнаго желѣзнодорожнаго конгресса въ Парижѣ въ 1900 г. Киевъ. 1900 г. Ц. 3 р.

Лауенштейнъ, Р. Элеметарный курсъ сопровѣденія матеріаловъ для техническихъ школъ, самообученія и практическаго пользования. Перев. съ 4-го нѣм. изданія, подъ ред. П. К. Яковскаго. Съ 90 чертеж. въ текстѣ. Спб. 1900 г. Ц. 1 р.

Лидовъ, А. П., проф. Химическая технологія волокнистыхъ веществъ. Вѣзленіе, крашеніе и ситцепечатаніе. (Библ. промышлен. знаній, подъ ред. Менделѣева. Томъ XIX, часть 4). Спб. 1900 г. Ц. 2 р. 30 в.

Маевскій, З. К. Къ вопросу о механическомъ отопленіи. Юрьевъ. 1900 г. Ц. 20 к.

Менделѣевъ, Д. Ученіе о промышленно-сти. Вступленіе въ бібліотеку промышленныхъ знаній (Библ. промышл. знаній, подъ ред. Менделѣева. Томъ I, часть 1). Спб. 1900 г. Ц. 90 к.

Митинскій, А. Н. Рудничная доставка, вентиляция и водоотливъ. (Библ. промышл. знаній, подъ ред. Д. Менделѣева. Томъ II, Часть 4-я). Спб. 1900 г. Ц. 75 в.

Осмондъ, Превращенія желѣза и углерода въ желѣзахъ, сталяхъ и бѣлыхъ чугунахъ. Съ 27 табл. въ текстѣ и 8 чертежами. Пер. съ франц. Мусселлусъ. Спб. 1900 г. Ц. 2 р.

Паровая машина Компоундъ, вѣвѣшей конструкціи. Разборная модель съ 36-ю отдѣльными частями въ краскахъ, дающихъ 61 изображеніе внутренн. и наружн. устр. машины. Пособіе для самообуч. и препод.

въ технич. училищахъ. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

Побѣдимовъ, В. И. Какъ держать главнѣйшіе инструменты слесаря и столяра. Наглядное пособие для учебныхъ мастерскихъ. 8 настольныхъ таблицъ. Спб. 1900 г. Ц. 1 рубль.

Пѣтуховъ, С. П. Производство глиняныхъ издѣлій. (Общая часть). (Библиограф. промышл. знаній, подъ ред. Д. Менделѣева. Т. VIII, часть 3). Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 20 к.

Розень, Г. В., баронъ. Руководство для производства изысканій, составленія проектовъ и смѣтъ и для производства работъ по устройству мощеныхъ, шоссированныхъ и грунтовыхъ земскихъ дорогъ. Издано хозяйств. департаментомъ мин. внутр. дѣлъ. Спб. 1900 г. Ц. 50 к.

Рудничная подъѣмная машина. Разборная модель, состоящая изъ 31 части въ краскахъ, пособие для самообученія и преподав. въ технич. училищ. съ 72 изображ.

внутренн. и наружн. устройства машины. Спб. 1901 г. Ц. 1 р.

Садтлеръ, С. П., проф. Руководство въ технической органической химіи. Вып. II. Углеводы: Сахарное производство. Производство крахмала и продуктовъ его переработки. Спб. 1900 г. Ц. 1 р.; по подл. на все изданіе 6 р.

Сиволобовъ, А. В. Красильное искусство. Отбѣлка, крашеніе, плюсованіе, печатаніе и отбѣлка хлопчатобумажныхъ тканей. Руководство для среднихъ техническихъ училищъ. Съ 107 рис. въ текстѣ. Спб. 1901 г. Ц. 3 р.

Тормазъ Вестингауза. Разборная модель, состоящая изъ 28 отдѣльныхъ частей въ краскахъ. Пособіе для самообученія и преподаванія въ техническихъ училищахъ. Съ 2 рис. въ текстѣ. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

Федотьевъ, П. П. Азотная кислота и ея соли. Полученіе свойствъ, испытаніе, примененіе. (Библиограф. промышл. знаній подъ ред. Д. Менделѣева. Томъ IX, часть 6). Спб. 1900 г. Ц. 60 к.

Х. Правовѣдѣніе.

Абрамовъ, Я. В. Старый и новый свѣтъ. Одинъ изъ итоговъ XIX вѣка и одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ XX столѣтія. Спб. 1901 г. Ц. 50 к.

Бернштейнъ, Э. Историческія матеріалы. Переводъ Л. Канцель. Спб. 1901 г. Ц. 80 к.

Воробьевъ, В. П. Сборникъ распоряженій, циркуляровъ, правилъ и инструкцій по переводной операціи учрежденій почтово-телеграфнаго вѣдомства. Но 1-е марта 1899 г. Киевъ. 1899 г. Ц. 1 р.

Гальперинъ, С. И. Органическая теорія строенія и развитія общества. I. Изложене и критика ученія Спенсера. Екатеринославъ. 1900 г. Ц. 1 р.

Диефсонъ, Генри. Платформа, ея возникновеніе и развитіе. Исторія публичныхъ митинговъ въ Англіи. Перев. съ англ. Томъ I. Спб. 1901 г. Ц. въ пер. 3 р.

Дживелеговъ, А. И. Городская община въ средніе вѣка. Нѣкоторыя новыя теоріи о происхожденіи средневѣковыхъ городовъ. М. 1901 г. Ц. 50 к.

Дюрджъ, Генри. Великая общественная реформа. Налогъ съ цѣнности земель. Перев. съ англ. М. 1901 г. Ц. 25 к.

Дюрнгеймъ, Эмиль. О раздѣленіи общественной труда. Этюды объ организаціи высшихъ обществъ. Перев. съ франц. Одесса. 1900 г. Ц. 1 р. 25 к.

L'économie sociale à la section russe. Exposition Universelle internationale de 1900 г. Paris. 1900 г. Ц. 1 р.

Игнатовъ, М. И. Родовыя и благопріобрѣтенныя имущества. Сборникъ рѣшеній гражданскаго кассационнаго департамента правительств. сената. М. 1900 г. Ц. 3 р.

Иностранная компанія и страхованіе жизни въ Россіи. Спб. 1901 г. Ц. 30 к.

Іоаннисіани, Р. А. Дома трудолюбія. Тифлисъ. 1900 г. Ц. 60 к.

Нобеляцій, А. Повѣйшія узаконенія и распоряженія правительства по фабрично-заводской части. Дополненіе къ V изданію Справочной книги для чиновъ фабричной инспекціи, фабрикантовъ и заводчиковъ. Спб. 1900 г. Ц. 50 к.

Новалевскій, П. И. Прирѣвніе эпилептиковъ въ Европѣ и Америкѣ. Спб. 1901 г. Ц. 50 к.

Козловскій, И. Краткій очеркъ исторіи русской торговли. Вып. II (отъ Екатерины II до настоящаго времени). Киевъ. 1900 г. Ц. 60 к.

Липинъ, В. И. Сводъ сравнительныхъ данныхъ по эксплуатаціи русскихъ желѣзныхъ дорогъ за 1897 годъ. Вып. IV. Расходы по отд. IV отчетовъ. Варшава. 1900 г. Ц. 3 р.

Лянченковъ, М. С. Распоряженія и циркуляры, относящіеся до оборотовъ и повѣрки ихъ по эксплуатаціи и постройкѣ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ. Въ приложеніи: Отдѣлъ объявленій частныхъ лицъ (1898—1900 гг.). Спб. 1900 г. Ц. 3 р.

Майръ, Георгъ. Статистика и обществовѣдѣніе. Спб. 1901 г. Ц. 6 р.

Машшевъ, М. Новѣйшее упрощенное руководство для волостнаго суда, преобразованнаго высочайшими повелѣніями 12-го іюня 1889 г. и 2-го іюня 1898 г. М. 1900 г. Ц. 1 р. 10 к.

Нуссбаумъ, И. Черты изъ жизни преступниковъ. Наблюденія очевидца. Житомиръ. 1900 г. Ц. 30 к.

Общій уставъ російскихъ желѣзныхъ дорогъ, измѣненный и дополненный по продолженію 1893 г. и позднѣйшимъ узаконеніямъ. Изд. 2-е, испр. и дополн. Спб. 1901 г. Ц. 2 р. 50 к.

О народной трезвости попечительство. Сборникъ узаконеній и правительственныхъ распоряженій, съ приложеніемъ правилъ о взысканіяхъ за нарушенія положенія о казенной продажѣ питей. М. 1900 г. Ц. 1 р.

- Поршняновъ, С. М. О правахъ и обязанностяхъ сельскаго старосты и сельскаго схода по дѣламъ общественнымъ. Наставленіе старостѣ и сходу. Спб. 1900 г. Ц. 20 к.
- Риттихъ, А. А. Переселенческое и крестьянское дѣло въ Южно-Усурійскомъ краѣ. Спб. 1899 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Ротенбергъ, Л. М. Новый уставъ о гербовомъ сборѣ съ прилож. Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совета 10-го июня 1900 г. и съ подробнымъ алфавитнымъ указателемъ. Екатеринбургъ. 1900 г. Ц. въ папкѣ 40 к.
- Уставъ гражданскаго судопроизводства съ разъясненіемъ Сената на 1899 г. включительно. Екатеринбургъ. 1900 г. Ц. въ перепл. 2 р. 25 к.
- Рудомазинъ, Н. И. Руководство для волостныхъ старшинъ. М. 1900 г. Ц. 25 к.
- Руководство для сельскихъ старостъ. М. 1900 г. Ц. 25 к.
- Краткое практическое руководство для волостныхъ судей, дѣйствующихъ по закону 12-го июля 1889 года. М. 1900 г. Ц. 50 к.
- Руниновичъ, С. Г. Приходская благотворительность въ Петербургѣ. Историческіе очерки. Спб. 1900 г. Ц. 3 р.
- Русское эконоическое обозрѣніе—ежем. эконоическій журналъ, № 10. Октябрь. 1900 г. Ц. 1 р.
- Сноровъ, А. Сборникъ узаконеній и распоряженій правительства, относящихся къ крестьянскому общественному управленію—общее положеніе. Томъ I. Часть I. Изд. 5-е, дополн. М. 1901 г. Ц. 4 р.
- Солодовниковъ, А. Д. Законовѣдніе. Ч. 2-я. Вып. 1-й. Торговое право. М. 1901 г. Ц. 75 к.
- Статистика долгосрочнаго кредита въ Россіи. 1900 г. Вып. II. Подъ редакц. А. К. Голубева. Спб. 1900 г. Ц. 1 р.
- Стахановъ, С. Народная бібліотека-читальня и ея посетители. М. 1900 г. Ц. 25 к.
- «Страховое обозрѣніе»—ежен. журн. страховыхъ званій и вопросовъ. № 10, октябрь. 1900 г. Ц. 50 к.
- Толстой, Л. Л. Противъ общины. Три статьи: Миръ дуракъ. Неизбѣжный путь. Тормазь русской культуры. М. 1900 г. Ц. 50 к.
- «Трудовая помощь»—журналъ, № 9, ноябрь 1900 г. Ц. 50 к.
- Трудовая помощь въ Скандинавскихъ государствахъ (по книгѣ П. Ганзена). М. 1901. Ц. 20 к.
- Фальборнъ, Г., и Чарнолуccнй, В. Настольная книга по народному образованію въ 3-хъ томахъ. Томъ II. Спб. 1901 г. Ц. по подпискѣ за 3 тома 5 р.
- Филиповичъ, Г. А. Государственный квартирный налогъ. Спб. 1900 г. Ц. 65 к.
- Франкъ, С. Теорія цѣнности Маркса и ея значеніе. Критическій этюдъ. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Хитрово, Н. П. Русский военно-уголовный процессъ, его возможная реорганизация и возможная реорганизация военной юстиціи и военно-юридической академіи. М. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Шараловъ, Сергѣй. Старое и новое. Изъ послѣднихъ работъ. М. 1900 г. Ц. 30 к.
- Шульце-Гевреницъ (фонъ), Г. Очерки общественнаго хозяйства и эконоическаго политики Россіи. Перев. съ нѣмецк. Спб. 1901 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Яновскій, А. Новый уставъ о гербовомъ сборѣ, Высочайше утвержденный 10-го июня 1900 г. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

XI. Медицина.

- Ахшарумовъ, Д. Д. Чува послѣднихъ годовъ XIX столѣтія (1894—1900). Полтава. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Барановъ, А. И. Руководство для ротныхъ фельдшеровъ и фельдшерскихъ учениковъ. Съ 153 рисунк. въ текстѣ. Изд. 3-е. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Бонинъ, К. Э., проф. Гигіена въ общедоступномъ изложеніи, вновь переработанная проф. К. Циммерманомъ. Перев. съ послѣдн. нѣмецк. изданія, д-ра В. Б. Андреева. Спб. 1901 г. Ц. 60 к.
- Бурцовъ, И., д-ръ. Анатомія человека, съ указаніемъ на микроскопическое строеніе и физиологическія свойства тканей и органовъ. Руководство для фельдшерскихъ школъ. Изд. 9-е. Съ 225 рис. въ текстѣ. Спб. 1900—1901 гг. Ц. 1 р. 50 к.
- Гюфманнъ (фонъ), Эд., д-ръ. Учебникъ судебной медицины. Перев. съ 8-го нѣмецк., исправл. и дополн. изданія, подъ редакц. проф. Д. Н. Косоротова. Изд. 4-е, съ 140 рис. въ текстѣ. Спб. 1901 г. Ц. 4 р.
- Добрынинъ, П. И., д-ръ. Полное руководство къ изученію повивальнаго искусства съ изложеніемъ краткихъ правилъ ухода и пособій при женскихъ болѣзняхъ. Съ 436 рис. въ текстѣ. Изд. 3-е, пресм. и дополн. Спб. 1901 г. Ц. 5 р.
- Новалевскій, П. И., проф. Судебная психопатологія. Часть I: Психологическій очеркъ. Психологія преступника. Часть II: Общій судебная психопатологія. Изд. 2-е, дополн. Спб. Ц. 1 р. 50 к.
- Ламаннъ, Г., д-ръ. Предупредитель болѣзней или діетическое измененіе нормальнаго состава крови (дисазмія), какъ основная причина всѣхъ болѣзней. Къ ученію о предрасположенности къ заболѣваніямъ и о предупрежденіи ихъ. Перев. съ 9-го нѣмецкаго изд. Изд. 2-е. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 50 коп.
- Leypden (von), E., проф. Физиологія, общія патологія и терапия питанія. Перев. съ нѣмецк. Спб. 1901 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Lesser, Edmund, проф. Руководство къ венерическимъ болѣзнямъ для врачей и студентовъ. Пер. съ 7-го нѣмецк. изданія. Изд. 3-е. Съ 7 рис. въ текстѣ и 4 таблицами. Спб. 1901 г. Ц. 2 р.
- Лившицъ, Александръ. «На границѣ чело-вѣка». Очеркъ. Спб. 1900 г. Ц. 75 к.
- Медицинская химія. Составлено согласно программѣ полукурсовыхъ испытаній и

язамена на званіє дѣкаря врачомъ Г. М. М. 1900 г. Ц. 1 р.

Рахмановъ, В. В. О томъ, какъ надо жить, чтобы быть здоровымъ. Бесѣды о воздухѣ, жилищѣ, одеждѣ, пищѣ, питъѣ, работѣ и прочемъ. Съ рисунками. М. 1900 г. Ц. 35 к.

Сербскій, Вл. Судебная психопатія. Лекціи, читанныя въ Московскомъ университетѣ. Клиническая психіатрія. М. 1900 г. Ц. 2 р. 50 к.

Tigerstedt, Robert. Учебникъ физиологій человека. Томъ I. Съ 132 рис. въ текстѣ. Перев. съ нѣмецк. Спб. 1901 г. Ц. 3 р.

Федоровъ, А. И. Врачебные совѣты. Изд. 2-е, испр. и дополненн. М. 1900 г. Ц. 15 к.

Филатовъ, Н. Ф., проф. Клиническія лекціи. Записаны и сост. врачами: С. Васильевымъ, В. Григорьевымъ и Г. Сперанскимъ. Вып. 1. М. 1900 г. Ц. 1 р. 75 к.

Фридендеръ, Ю. Э., д-ръ мед. Нравственныя эпидеміи. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 50 коп.

Челли, Анджело. Эпидемиологія. Ученіе о заразныхъ болѣзняхъ и борьбѣ съ ними. Перев. съ итальянскаго. М. 1900 г. Ц. 70 к.

Щепердъ, Е. Молодымъ людямъ и отцамъ для сыновей. Бесѣды о половой жизни человека, начиная съ отрочества, въ связи съ укрѣпленіемъ и охраненіемъ тѣлесной и душевной силы и чистоты. Съ рисунками. Перев. съ англ. М. 1900 г. Ц. 55 к.

XII. Военное и морское дѣло.

Русскій, Д. П. Теорія гребныхъ винтовъ. Киевъ. 1900 г. Ц. 50 к.

Учрежденіе Преображенскаго полка. Спб. 1900 г. Ц. 50 к.

XIII. Искусство.

*) Антони ванъ-Дейнъ въ его избранныхъ произведеніяхъ. Пятьдесятъ фотогравюръ, воспроизводящихъ картины, находившіяся на Антверпенской выставкѣ 1899 года, съ приложеніемъ объяснительнаго текста и краткой біографіи художника, составленныхъ Максомъ Резесомъ. Перев. съ франц. подъ редакціей А. И. Сомова. Амстердамъ. 1901 г. Ц. въ перепл. 35 рублей, въ лучшемъ перепл. 40 р.

Bellaigue, Camille. Un opera russe «Suite-gourouitchka» de N. Rimsky-Korsakow. Переводъ съ франц. Издаде и редактировалъ А. И. Федоровъ. М. 1900 г. Ц. 50 к.

Мегаде, А. (по). Техническое черченіе. Краткое руководство, содержащее описаніе чертежныхъ матеріаловъ и инструментовъ, ихъ достоинствъ и недостатковъ и указанія для скорого и изящнаго выполненія техни-

ческихъ чертежей всякаго рода. Изд. 2-е, дополн. Спб. 1901 г. Ц. въ пер. 80 к.

Петровъ, И. И. Проекціонное черченіе. Курсъ дополн. класса реальн. учил. съ атласомъ чертежей. Изд. 4-е. Киевъ. 1900 г. Ц. 1 р. 25 к.

Сенигова-Курланова, Е. П. Начатки музыки (подготовительный курсъ по теоріи). Спб. 1900 г. Ц. 40 к.

Шмидель, М. Узоры плоской (геометрической) рѣзьбы по дереву. Переработанъ и дополненъ для русскихъ школъ И. П. Ульпе. Спб. 1900 г. Ц. 2 р.

Штольць, Ф., д-ръ. Искусство увеличенія на бумагахъ и пластинкахъ. Полное руководство для получения увеличеннаго портрета, группъ, воспроизведеній и проч. фотографическимъ способомъ. Съ 77 рис. въ текстѣ. Спб. 1901 г. Ц. 60 к.

XIV. Воспитаніе и обученіе. Дѣтскія книги.

Булгановскій, Д. Г. Новая русская хрестоматія съ подборомъ статей о вредномъ вліяній спиртныхъ напитковъ на здоровье, матеріальное благосостояніе и нравственность. Для школъ въ борьбѣ съ народнымъ пьянствомъ. Со многими рисунками. Спб. 1901 г. Ц. 30 к.

Бурановскій, С. «Мертвыя души». П. В. Гоголя. Разборъ поэмы для учащихся. Изд. 5-е. Спб. 1901 г. 40 к.

Габбертонъ, Д. Дѣти Елены. Перев. съ англ. для дѣтей. Л. Л. Толстого. М. 1900 г. Ц. въ перепл. 1 р. 25 к.

Гальтъ, М. Р. Исторія одного маленькаго человека. Перев. съ франц. Изд. 3-е. Спб. 1900 г. Ц. въ пер. 2 рубля 25 к.

Горькіе плоды пьянства. Альбомъ рисунковъ, изображающихъ вредъ пьянства. Спб. 1901 г. Ц. 40 к.

Догановичъ, Анна. Оумка-дуракъ. Разсказъ для дѣтей. Съ рисунками. М. 1899 г. Ц. 25 к.

— Ермакъ, воевода Сибіри. Для школьнаго и народнаго чтенія. Съ рисунками. М. 1900 г. Ц. 15 к.

Друммондъ, Генри. Безсмертная обезьяна. Разсказы для дѣтей, въ переводѣ Л. Л. Толстого. М. 1901 г. Ц. 75 к.

Еремѣевъ, М. Г. Пьесы для дѣтскаго театра. Изд. 2-е, испр. и дополн. Киевъ. 1901 г. Ц. 60 к.

— Маленькій трагикъ. Шутка въ 1 дѣйствіи. Киевъ. 1901 г. Ц. 15 к.

— Случайные гости. Дѣтняя картинка въ 1 дѣйствіи. Изд. 2-е, испр. и дополн. Киевъ. 1901 г. Ц. 15 к.

— «Поэтъ Ваня». Сцена-шутка въ 1 дѣйствіи. Киевъ. 1901 г. Ц. 15 к.

- «Елка». Рождественская картинка въ 1 дѣйстви. Киевъ. 1900 г. Ц. 15 к.
- «Вольшани», картинка въ 1 дѣйстви. «Козины гостиницы», сцена въ 1 дѣйстви. Изд. 2-е, испр. и дополн. Киевъ. 1901 г. Ц. 20 к.
- Везь старшихъ. Комедія въ 2-хъ дѣйствихъ для дѣтскаго театра. Киевъ. 1900 г. Ц. 20 к.
- Осторожѣе съ огнемъ. Комедія изъ дѣтской жизни въ 2-хъ дѣйствихъ. Киевъ. 1901 г. Ц. 20 к.
- Митина продѣлка, сцена-шутка въ 1 дѣйстви. Не рой другому яму—самъ въ нее попадешь. Изд. 2-е, испр. и дополн. Киевъ. 1901 г. Ц. 20 к.
- Иванъ, А. Въ городѣ и деревнѣ. Сборникъ разсказовъ для дѣтей. Съ рисунками. Изд. 3-е. М. 1900 г. Ц. 30 к.
- Друзья дѣтей. Сборникъ разсказовъ. Съ рисунками. Изд. 2-е. М. 1900 г. Ц. 40 к.
- Истоминъ, П. Цыганскій языкъ. Грамматика и руководство къ практическому изученію разговорной рѣчи современныхъ русскихъ цыганъ. М. 1900 г. Ц. 2 р.
- Калымовъ, В. Сборникъ разсказовъ и стихотвореній. Съ рисунками. Изд. 3-е. М. 1900 г. Ц. 30 к.
- Котовъ, А. Ф. Къ вопросу объ организаціи VIII-хъ дополнительныхъ классовъ женскихъ гимназій. Харьковъ. 1900 г. Ц. 30 к.
- Кругловъ, А. В. Вселенскіе учителя. III. Святый Іоаннъ Златоустъ. Очеркъ жизни и дѣятельности. М. 1900 г. Ц. 45 к.
- Гениальный поморъ. Очеркъ жизни М. В. Ломоносова. Съ портретомъ М. В. Ломоносова и 10 рис. Изд. 3-е. М. 1900 г. Ц. 30 к.
- Кунз, Лум. Дѣтское воспитаніе. Советъ родителямъ и воспитателямъ. Перев. съ нѣмецкаго. Петрозаводскъ. 1900 г. Ц. 30 к.
- Лаврентьева, С. И. Добрыя души. Сборникъ разсказовъ для дѣтей средняго возраста. Съ рисунками. М. 1901. Ц. 50 к.
- Левинъ, П. А. Въ родныхъ углахъ. Очеркъ и разсказы. Съ рисунками. М. 1900 г. Ц. 30 к.
- Лихачева, Е. Матеріалы для исторіи жезскаго образованія въ Россіи. 1856—1880. Спб. 1901 г. Ц. 4 р.
- Лори, А. Капитанъ Графальгаръ. Спб. 1900 г. Ц. за 9 томовъ въ пер. 4 р.
- Лунашевичъ, Младш. Иванъ. Повѣсть для дѣтей. Съ рисунками художника Т. Никитина. Изд. 2-е. Спб. 1900 г. Ц. 40 к.
- Луновичъ, В. Откуда взялись наши домашнія животныя и растенія? Съ 30 рис. въ текстѣ. Спб. 1901 г. Ц. 15 к.
- Четвероногіе и пернатые хищники. Съ 29 рис. въ текстѣ. Спб. 1900 г. Ц. 18 к.
- Четвероногіе слуги человѣка. Съ 32 рис. въ текстѣ. Спб. 1900 г. Ц. 23 к.
- Враги и друзья человѣка. Съ 56 рис. въ текстѣ. Спб. 1900 г. Ц. 28 к.
- Животныя—кровопійцы и дармоеды. Съ 24 рис. въ текстѣ. Спб. 1900 г. Ц. 15 к.
- Растенія—дармоеды и растенія—хищники. Съ 26 рис. въ текстѣ. Спб. 1901 г. Ц. 15 к.
- Маленькіе ремесленники въ Парижѣ. Съ 12 рисунками. М. 1901 г. Ц. 20 к.
- Марануевъ, И. И. Галилей, его жизнь и ученые труды. Изд. 3-е, испр. и дополн. М. 1900 г. Ц. 60 к.
- Мать-воспитательница. Этюдъ 1897—1899 гг. «Друга семьи». Посвящается русскимъ матерямъ. Изд. 2-е, испр. и дополн., съ рецензіями, отвѣтами автора и проч. Спб. 1901 г. Ц. 1 р.
- Мордтманъ, А. Сказочный островъ Цыпангу. Перев. съ нѣмецкаго Э. Гранстремъ. Съ картинками, автогипнѣями и рисунками Г. Браунно. Спб. 1900 г. Ц. 2 р. 60 к.
- Муратова, Е. П. Родныя картинки. Разсказы. М. 1900 г. Ц. 30 к.
- Пить до дна—не выдать добра. Сборникъ статей противъ пьянства. Спб. 1901 г. Ц. 30 к.
- Понровскій, И. Живой источникъ. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ для дѣтей школьнаго возраста. Съ рис. М. 1900 г. Ц. 30 к.
- У семейнаго очага. Сборникъ разсказовъ русскихъ и иностранныхъ писателей для дѣтей школьнаго возраста. Съ рис. М. 1900 г. Ц. 40 к.
- Походженіе маленькаго Пети. Съ 22 рис. М. 1901 г. Ц. 20 к.
- Приключенія Краснощеккаго Саша и его товарища Николаша. Съ 12 рис. М. 1901 г. Ц. 20 к.
- Ранитскій, М. С. Методъ обученія грамотѣ. Спб. 1901 г. Ц. 50 к.
- Ремезовъ, М. И. Разсказы изъ русской исторіи. Нашествіе монголовъ на Русь. Съ рисунками. М. 1901 г. Ц. 10 к.
- Сборникъ статей въ помощь самообразованію по математикѣ, физикѣ, химіи и астрономіи, составленныхъ кружкомъ преподавателей. Вып. III. (Съ 6-ю портретами и 63 чертежами). Изд. 2-е, вновь переработанное. М. 1900 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Сентъ-Илеръ, И. Сказка про сову. Съ 9 рис. Спб. 1900 г. Ц. 50 к.
- Станюновичъ, М. М. Отчаянный. Разсказъ изъ морской жизни. Харьковъ. 1900 г. Ц. 5 к.
- Танелля, П. Курсъ французскаго языка. Сост. по плану, одобренному Мин. Нар. Пр. 2-го Іюля 1890 года. Часть I (1-й годъ). Спб. 1901 г. Ц. 45 к.
- Тарновскій, А. Хрестоматія, составленная изъ сочиненій лучшихъ русскихъ писателей для высшихъ классовъ гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ семинарій, городскихъ и сельскихъ двухклассныхъ училищъ. Иллюстрирована 25 портретами русскихъ писателей и многими рисунками. Изд. 5-е. Спб. 1901 г. Ц. 60 к.
- Тулузовъ, И. Наглядный букваръ. Съ 137 рисунками. М. 1901 г. Ц. 15 к.
- Фальенгорстъ, И. Африканскій кожаный чулокъ, въ трехъ томахъ. Спб. 1900 г. Ц. за 3 т. 2 р.
- Фламмаріонъ, Камилль. Богъ въ природѣ. Перев. съ 26-го франц. изданія. Е. А. Предтеченскаго. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 25 к.

Черский, Л. Ф. Кавказскія сказки, преданія и легенды. Съ рисунками художника М. Михайлова. Спб. 1900 г. Ц. 50 к.
Шелгунова, Л. П. Русскіе историческіе

разсказы. Съ рисунк. художника В. В. Несслера. Спб. 1901 г. Ц. 50 к.
Шиольный атласъ по Священной Исторіи. Спб. 1900 г. Ц. 40 к.

ХV. Справочный отдѣлъ.

Алфавитный указатель кратчайшихъ направлений отъ С.-Петербурга до всѣхъ станцій и полустанцій сѣти Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Товарное и багажное сообщенія. Сост. по официалн. даннымъ 1900 г. Спб. 1900 г. Ц. 2 р.

Богольповъ, М. «Велосипедъ». Необходимая справочная книга для велосипедистовъ. М. 1900 г. Ц. 1 р.

Военный отрывной календарь П. М. Плахова, на 1901 годъ. Киевъ. 1900 г. Ц. 1 р.

Домашній иллюстрированный календарь на 1901 годъ. Спб. 1900 г. Ц. 15 к.

Лисовскій, Н. М. Библиографія. Обзоръ трудовъ библиографическаго содержанія. Спб. 1900 г. Ц. 75 к.

Лунскій, Н. С. Посobie для изученія торговой практики. Одесса. 1900 г. Ц. 2 р. 50 к.

Малый энциклопедическій словарь. Съ приложеніемъ краткихъ руководствъ по различнымъ отраслямъ знанія и словарей иностранныхъ языковъ. Вып. VIII. Капитолинскіе принскіе — Лявгеландъ. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

Остановичъ, М. Необходимыя свѣдѣнія и совѣты для всѣхъ, пользующихся телеграфомъ. Спб. 1901 г. Ц. 20 к.

Ручъ, С. Г. Самоучитель русскаго языка для русскихъ. Томъ I. Этимологія (выпуски 1--18). Спб. 1901 г. Ц. въ пер. 4 р.

Современный календарь на 1901 г. А. Д. Ступина. М. 1900 г. Ц. 15 к.

Справочная книга по винной монополіи. Руководство для служащихъ и лицъ, желающихъ поступить на службу по казенной продажѣ питея. М. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

Спутникъ военнаго фельдшера, савитара, брата и сестры милосердія. Редакція и издавіе д-ра Окса. Спб. 1901 г. Ц. въ пер. 60 к.

Телешовъ, Левъ. Адресно-справочная книга горнопромышленника Юга Россіи. Харьковъ. 1900 г. Ц. 1 р. 20 к.

Чудиновъ, А. Н. Справочный словарь, орфографическій, этимологическій и толковый русскаго литературнаго языка. Спб. 1901 г. Ц. 6 р.

Энциклопедическій словарь. Брокгауза и Ефрона. Полут. 60-й. Слоюзъ—Софія Палеологъ. Спб. 1900 г. Ц. въ пер. 3 р.

*) Изд. А. С. Суворина.

НОВАЯ БИБЛИОТЕКА А. С. СУВОРИНА.

60 коп.—каждый томъ—60 коп.

1. Дюма, Ал. Королева Марго. Ром. въ 6-ти част. Книга I-я, части 1-я, 2-я и 3-я.
2. — То же. Книга II-я. Части 4-я, 5-я и 6-я.
3. — Три мушкетера. Ром. Книга I-я.
4. — То же. Книга II-я.
6. Бальзанъ. Шагреевая кожа. Романъ.
6. Прево, аббатъ. Исторія Мажонъ Лесво и кавалера де-Гриэ. Ром.
7. Мрэнъ, А. Д. Эмилій. Повѣсть изъ эпохи гоненій на христіанъ при Деціи и Валеріи. Переводъ съ англійскаго.
8. Мингслей, Ч. Ипатія или новые враги подъ старою личиною. Романъ. Томъ I-й.
9. — То же. Томъ II.
10. Моржъ-Зандъ. Орасъ. Романъ.
11. Мерино, П. Жакерія. Сцены изъ феодаальныхъ временъ.
- 12 и 13. Динненсъ, Ч. Лавла древностей. Ром.

14. Гете, в. Страданія молодого Вертера. Ром.
15. Басанинь, Маркъ. Клубъ возницкаго дворянства. Романъ.
16. Фильдингъ. Исторія Тома Джонса Найденъша. Романъ. Томъ I-й.
17. — То же. Томъ II-й.
18. — То же. Томъ III-й.
19. Ясинскій, Іер. Старый другъ. Романъ.
20. Дюма, А. Двадцать лѣтъ спустя. Ром. Томъ I-й.
21. — То же. Томъ II-й.
22. Золя, Эмиль. Докторъ Паскаль. Ром.
23. Бульверъ, Эдвардъ. лордъ Литтомъ. Последніе дни Помпеи. Ром. Томъ I-й.
24. — То же. Томъ II-й.
25. Бичеръ-Стоу, Генр. Хижина дяди Тома. Съ приложеніемъ библиографіи этого произведенія Джоржа Вуллена. Томъ I-й.

26. — То же. Томъ II-й.
 27. Сю. Евгений. Вѣчный жидъ. Ром. Первый полный безъ пропусковъ переводъ съ французскаго. Томъ I-й.
 28. — То же. Томъ II-й.
 29. — То же. Томъ III-й.
 30. — То же. Томъ IV-й.
 31. — То же. Томъ V-й.
 32. Бальзамъ. Женщина тридцати лѣтъ. Ром.
 33 и 34. Флорбаръ, г. Госпожа Вовари. Провинціальныя нравы. Ром. Перев. съ франц.
 35. Царь изъ дома Давида. Съ англ. Е. М.
 36. Янушкинъ, п. Великъ Вогъ земли Русской! и другіе рассказы.
 37 и 38. Грамдъ, Сара. Небесныя близнецы. Перев. съ нѣм. А. Гердъ.
 39 и 40. Поз. Эдгаръ. Необыкновенныя рассказы. Переводъ съ англійскаго. Книга первая и вторая.
 41. Невинная жертва. Габріэля д'Аннунціо. Перев. М. М. Иванова.
 42. Черная рада. Хроника 1663 года. Сочиненіе П. А. Кулиша.
 43. Исчезнувшія тѣни. Романъ Антоніо Фогвиццаро.
 44. Индіана. Романъ Жоржъ Занда.
 45, 46, 47, 48. Парижскія тайны. Евгенія Сю. Перев. Е. Д. Ильиной. Ч. I, II, III и IV.
 49. Графъ Монтъ Кристо. Ром. Ал. Дюла. Томъ первый. Книга I и II.
 50. — То же. Томъ второй. Книга III и IV.
 51. — То же. Томъ третій. Книга V и VI.
 52. Горнозаводчикъ. Романъ Жоржа Онэ. Пер. съ франц. Е. Н. Черемежко Галичъ.
 53. Коринна или Италія. Романъ Де-Сталь. Томъ первый.
 54. — То же. Томъ второй.

ДРЕЗДЕНСКАЯ КАРТИННАЯ ГАЛЛЕРЕЯ.

Текстъ Г. Люке. Переводъ подъ ред. А. И. Сомова. Сто фотогравюръ на отдѣльныхъ листахъ и по нѣсколько эстамповъ въ текстѣ. Цѣна всего сочиненія—60 рублей. Допускается разсрочка.

КАРТИНЫ ЛОНДОНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГАЛЛЕРЕИ.

Съ объяснительнымъ текстомъ Чарльса Л. Истлэка. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей А. И. Сомова.

Цѣна за 12 выпусковъ по подпискѣ 75 рублей.

Допускается разсрочка: уплачивается при полученіи 1-го выпуска 15 рублей и затѣмъ по полученіи послѣдующихъ выпусковъ по 6 рублей; послѣдній выпускъ будетъ выданъ бесплатно.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библиографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческія матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель **А. С. Суворинъ**.

Редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

